Константин Ерусалимский

НА СЛУЖБЕ КОРОЛЯ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 94
ББК 63.3(2)44
Е 793

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-19-00113, не подлежит продаже

The research (chapters 1–5) was supported by the Alexander von Humboldt Foundation (2013)
Исследование (гл. 6) выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10091)

Карты:
Виктор Темушев, Дмитро Вортман

Помощь при подборе иллюстраций оказали:
Н.И. Клейман, А.А. Малыгина, М.И. Павлов, Анастасия и Нина Скепьян, Игорь Тесленко, Марек Ференц

Научные рецензенты:
Н. П. Старченко (доктор исторических наук)
А. А. Скепьян (кандидат исторических наук)

Ерусалимский К. Ю.
Е 793 На службе короля и Речи Посполитой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 936 с.
ISBN 978-5-4469-1386-2

Монография посвящена крупнейшим и наиболее известным представителям российской эмиграции в Европе за время правления Ивана Грозного, но большей части — выходцам из московской элиты и высшего дворянства. В центре внимания оказывается самосознание, социальный статус до и после эмиграции и представления эмигрантов об обществе и государстве. Широкий круг архивных и опубликованных источников позволил изучить их материальный статус и траектории государственной службы, историю их архивных собраний, мировоззрение, причины перехода на службу в Корону Польскую и Великое княжество Литовское и опыт интеграции в новом обществе. Особое внимание уделяется переписке и литературному творчеству эмигрантов, их переводным и авторским сочинениям, участию в интеллектуальной жизни в Московском государстве и в Европе. Книга предназначена для историков, филологов, антропологов, а также для широкого круга интересующихся историей Нового времени.

УДК 94
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-4469-1386-2

© К. Ю. Ерусалимский, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения: Иван Грозный и «Другой» 7
Между эмиграцией и троном: Семен Бельский, Иван Ляцкий, Иван Губка Шуйский 63
Картография новстанцев 63
Побег 66
Хозяйственный архив князя Семена Бельского 78
Потомок великих князей 83
Князь Семен в своих владениях 97
Слуги Ивана Рязанского и Семена Бельского 108
Выводы и еще несколько соображений 112
Предок польских сенаторов: Иван Васильевич Ляцкой 113
Конкуренты «Московского»: первые Шуйские в эмиграции 131
История забвения 138
Идентичность интеллектуала XVI века: от Ивана Пересветова до Ивана Федорова 144
История, рассказанная Ивану Грозному 144
Многоликий Иван 146
Иван Москвитин 151
Православная республика 159
Иван Семенович Федоров-Пересветов 176
Выводы 185
Последний день Владимира Заболоцкого 188
Источники 188
Обряд «шанкования» 189
Меланхолия 195
Здрайца 198
Дуэль 200
«Князь Владимир Московит» 203
Королевский фаворит 228
Смерть 239
После смерти 243
Слуги Владимира до и после 252
Ars moriendi 258
Однонолчане: Тетерины и Сарыхозины 266
Письмо во власть 266
Тимофей Тетерин 275
Умар Сарыхозин 284
Агиш 288
Алексей и Проконий Сарыхозины 300
Заключительные ремарки 303
Этос изменника: Давыд Бельский и Михаил Головин 306

Андрей Курбский в эмиграции ... 324
Побег ... 324
Социальный статус ... 367
Идеолог княжеской власти ... 424
Персональная и социальная память ... 460
Ренессансный историк ... 497
История одного развода ... 547
Потомки и лже-Курбские ... 594
Экстенсивное чтение ... 621
Заключение: Московская эмиграция на королевской службе ... 758

Приложения

I. Архив князя Семена Бельского ... 774
II. Первое послание князя Андрея Курбского царю Ивану Грозному. Свод Первой, Второй и Третьей редакций ... 787
III. Послание Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина Михаилу Яковлевичу Морозову ... 792
IV. Послание князя Андрея Курбского герцогу Альбрехту Гогенцоллерну ... 795
V. Письмо архимандрита Хиландарского монастыря Макария князю Андрею Михайловичу Курбскому (около декабря 1581 — ноября 1582 г.) ... 797
VI. Переписка М. Ю. Радзивилла, М. К. Радзивилла и Я. И. Ходкевича (два письма от начала 1573 г.) ... 799
VII. Актовая запись о краже у князя Андрея Курбского личных вещей и книг ... 802
VIII. Реестр Ковельских имений князя Андрея Курбского 1576 г. ... 804
IX. Следственное дело об убийстве Владимира Заболоцкого ... 849
X. Итинерарий Андрея Курбского ... 855

Список сокращений ... 931
At the service of the King and the Republic ... 936

CONTENTS

By way of an introduction: Ivan the Terrible and the "Other" 7
Between emigration and throne: Semyon Belsky, Ivan Lyatsky, Ivan Gubka Shuisky 63
Rebel cartography 63
The escape 66
Archive of Prince Semyon Belsky: a reconstruction 78
Descendant of the grand princes 83
Prince Semyon in his domain 97
Servants of Ivan of Ryazan and Semyon Belsky 108
Conclusions and further considerations 112
Ancestor of the Polish Senators 113
Competitors of the "Muscovite": First Princes Shuisky in exile 131
A history of oblivion 138
The identity of the 16th century intellectual: From Ivan Peresvetov to Ivan Fedorov 144
The story told to Ivan the Terrible 144
The Faces of Ivan 146
Ivan the "Muscovite" 151
The Orthodox Republic 159
Ivan Semyonovich Fedorov-Peresvetov 176
Conclusions 185
The last day of Vladimir Zabolotsky 188
The sources 188
The rite of "czapkowanie" 189
Melancholy 195
Betrayer 198
Duel 200
"Dux Wolodimir Moschovita" 203
King's favorite 228
Death 239
After death 243
Vladimir's servants before and after 252
Ars moriendi 258
Brothers in arms: the Teterins and the Saryhozins 266
A Letter to power 266
Timofey Teterin 275
Umar Saryhozin 284
Agish 288
Alexey and Prokopy Saryhozin 300
Final remarks 303
Ethos of a "traitor": Davyd Belsky and Mikhail Golovin 306

Andrey Kurbsky as an émigré 324
The Escape 324
Social status 367
An ideologue of princely power 424
Social and personal memory 460
The Renaissance historian 497
A story of a divorce 547
Descendants and the False-Kurbkys 594
Extensive reading 621
Conclusion: Muscovite émigrés in the *Rzeczpospolita* 758

Annexes

I. Archive of Prince Semyon Belsky 774
II. First Epistle of Prince Andrey Kurbsky to Tsar Ivan the Terrible 787
III. Letter from Timothy Teterin and Umar Saryhozin to Mikhail Morozov 792
IV. Letter from Prince Andrey Kurbsky to Herzog Albrecht Hohenzollern 795
V. Letter from Archimandrite Macarius to Prince Andrey Kurbsky 797
VI. Correspondence between M.Yu. Radziwill, M.K. Radziwill and Ya.I. Chodkiewicz 799
VII. Record on theft of personal belongings and books of Prince Andrey Kurbsky 802
VIII. Register of Kovel estates, 1576 804
IX. Investigation of the murder of Vladimir Zabolotsky 849
X. Andrey Kurbsky's itinerary 855

List of abbreviations 931
At the service of the King and the Republic 936

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: Иван Грозный и «Другой»

«Ты пришел со многими землями и с нашими изменниками, Курбским, Заболоцким, Тетериным и другими; наши воеводы и люди против тебя худо бились, город Полоцк изменою тебе отдали; а ты, идучи к Полоцку, грамоту писал ко всем нашим людям, чтоб они нам изменяли, а тебе с городами поддавались, нас за наших изменников карать хвалился; надеешься не на воинство — на измену!»[1].

Перевод С.М. Соловьева точно передал слова, брошенные Иваном Грозным в упрек польскому королю Стефану Баторию. Они объединили героев этой книги — «изменников» первого русского царя. Князь Андрей Курбский, Владимир Заболоцкий и Тимофей Тетерин заняли первые места в обвинительном списке Ивана Васильевича. Это не весь список высшей «господаревой измены» в правление Ивана Грозного. За кратким перечислением имен открывается перспектива поименного проскрипционного списка — «других». Другие (в древнерусском тексте — «ынные», т.е. «иные») временно скрыты за спинами «холопов» Ивана Грозного и за его собственным образом. Политический «Другой» во властных отношениях и науке — всегда в тени великого государя. Чтобы проторить пути к истории политической измены, придется сменить оптику, откорректировать вопросы к источникам, задуматься над утраченными возможностями и вспомнить демонизированных, вычеркнутых из памяти, насильственно забытых. В своем отечестве им выпало испытать взлет и падение. Память о них была искажена и наполнена их предательством. Их родственные и общественные связи, творчество и служба надолго оказались в тени несанкционированной эмиграции, иначе говоря — побега из Российского царства. Там, где им предстояло найти приют, не было единой концепции приема иноземных подданных на королевскую службу, программ их интеграции в новое общество, не существовало как таковой и московской диаспоры. Впрочем, сам побег часто означал, что любые трудности в новых условиях для царского холопа лучше, чем угрозы, исходящие из Москвы.

В европейской культуре «Новое время» ознаменовалось вторжением государства в публичную сферу. Государство становится частью культуры и предметом дискурсов как институт ограничения и подавления политических врагов, к числу которых, помимо традиционных претендентов на княжеские земли, иноверцев и еретиков, отныне прибавляются внутренние фрондеры, шпионы, разбойники, безработные, бедняки, безумцы и все «невоспитанные» и «ненормальные», подозрительные своим внешним видом, манерами и нескладными мыслями[2]. Идентичность («Я»), как факт самосознания, мыслима в «Новое время» именно как освоение и присвоение инакости («Другого»)[3]. Идентификация от-

[1] *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5–6 / под ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриева. М., 1989. С. 640. Ср. в оригинале: «А сам пришел еси со многими землями и с нашими израдцами, с Курбъским и з Заболоцким и с Тетериным и с ыными с нашими израдцами ратю. И нашу вотчину город Полоцко израдою взял еси. Наши воеводы и люди против тебя худо билися и город Полоцко тебе израдою отдали. А ты, идучи к Полоцку, грамоту свою писал еси ко всем нашим людем, чтобы нам наши люди израживали, а тебе з городы подавалися и с месты, а нас еси за наших изменников карати хвалился. А надеешся не на воинство, на израду!» (ПК-79-13. Л. 52 — 52 об.; ЛМ-591. Л. 518. Ср.: ПИГ. С. 218; БЛДР. Т. 11. С. 176–177).

[2] *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И.К. Стаф. СПб., 1997; *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне: Двенадцать лекций. 2-е изд., испр. / пер. с нем. М.М. Беляева и др. М., 2008. С. 249–278; *Хёльшер Л.* Публичность / гласность / публичная сфера / общественность (*Öffentlichkeit*) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. / пер. К. Левинсона. М., 2014. Т. 1. С. 297–388.

[3] Политическая «инакость», осмысленная как эффект бинарного противопоставления власти государ-

Князь Андрей Курбский преследует отступающих татар во время штурма Казани. (Курбский изображен на миниатюре четырежды — слева выходящим из Казани, по центру — с поднятой над головой саблей, справа ниже — в окружении татар, справа внизу — раненым). Миниатюра Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Запись за 2 октября 1552 г. Москва. Государственный исторический музей. См.: Факсимильное издание Лицевого Летописного свода. Кн. 10. Царственная книга. М., 2006. Л. 619.

ныне означает готовность понести в своем «Я» коллективную травму «обращения в Я», превратиться в объект и субъект предписания идентичности. «Другой» подвержен перевоспитанию, дистанцирован от полноправия или лишен прав, демонстративно осмеян или противопоставлен идентичности «своего Я», подвержен изгнанию и физическому уничтожению в качестве «чужого Другого». Противоречия встроены в саму игру идентификаций, и их «снятие» возможно лишь путем прямой встречи со «своим Другим», запроса на идентификацию. Развивая концепцию идентичности Шанталь Муфф и Копенгагенской школы, Ивер Нойманн пишет: «Что касается практики, то для того, чтобы добиться эффективности в политической сфере, нельзя просто стереть "Я" — нужно рассказать о нем историю, которую я называю "историей в сослагательном наклонении" ("'as if' story")»[4]. Рассказы о прошлом в Московском государстве переустраивали представления о «своем» и «чужом», создавая образ «Другого» и присваивая государству цивилизаторскую миссию, за пределами которой наступала гражданская и духовная смерть[5]. Московская власть, отражая свое политическое «Я» в государственной измене, не только не стремилась стереть свою идентичность, но с точностью до наоборот — рассказывала историю своей победоносной борьбы против предателей, внутренних врагов и инакомыслящих.

Этот «коллективный Курбский», оппонент и антагонист «коллективного Ивана Грозного», не заслуживал пощады. Возвращение на родину означало для него неминуемую смерть. Ритуальное унижение совершалось всякий раз при его упоминании. Посольские служащие получали наказ при появлении знатного предателя на своем пути брезгливо отказаться вести переговоры в его присутствии. Если же это был кто-то из служилой и беглой «мелкоты» («молодой человек»), то следовало ограничиться плевком в его сторону

ственной измене, заслуживает специальной теоретической рефлексии. Было бы важно не прочитывать диалогический образ в терминологии «Поэтики Достоевского» М. М. Бахтина, где намечен неокантианский синтетический язык в приложении к модерной культуре. Ближе к обозначенному здесь кругу проблем — концепция, объединяющая научное знание, художественную экзотизацию и насильственное доминирование, как она была представлена уже в «Ориентализме» Эдварда Саида. Колониальный «Другой» изучен в развернутой работе Цветана Тодорова, которой я многим обязан в представленном здесь подходе: *Todorov Tz.* La conquête de l'Amérique: La question de l'autre. Paris, 1982.

[4] *Нойманн И. Б.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Литвинова, И. Пильщикова. М., 2004. С. 276–277.

[5] Об экзотизации московской архитектуры в восприятии европейских путешественников см.: *Grudzinska Gross I.* Saint Basil's Cathedral as a Symbol of the Otherness of Russia // Comparative Literature Studies. 1991. Vol. 28. N 2. P. 178–188. О колониально-конфессиональном «Другом» в истории России см.: *Khodarkovsky M.* "Not by Word Alone": Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. 38. N 2. P. 267–293. Свой этно-колониальный «Другой» в становлении российской модерной цивилизации изучен, например, в монографиях, уже вызвавших немалые дискуссии: *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М., 2008; *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 3-е изд. / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2016.

и молча пройти мимо или сказать: «Ты — страдник, собака, изменник! С кем с тобою говорити? — ...да плюнув, поити проч»[6]. «Коллективный Изменник» знал, что он преступил против государя, своей земли, своих родителей и прародителей, против всего православия. «Другой» — это и Иуда, и антихрист, и сам сатана. Никаких древнерусских параллелей «изменнику» в сознании человека XVI–XVII вв. не возникало именно потому, что это был новый тип, воплощающий не только антипода и жертву государственной политики, но и саму эту политику, закладывающий основы главного антагонизма, которому суждено было вырасти в язык политических идентификаций. В первые годы правления великого князя Ивана IV этого языка в Московском государстве еще не существовало. Князь Семен Федорович Бельский, Иван Васильевич Ляцкой и князь Иван Дмитриевич Губка Шуйский, переходя на службу короля Сигизмунда I Старого вскоре после смерти Василия III, не нарушали норм Судебника 1497 г., не становились самим фактом эмиграции «изменниками» и своими именами не закладывали основ противостояния Власти и Измены. Им, или кому-то из них, предстояло стать символом предательства только тогда, когда язык антагонизма был в Москве достаточно освоен. Но как именно они сами видели свой политический статус в период эмиграции?

Головные «изменники» и все прочие «другие» составляют единое целое в сознании того коллективного разума, который выступает в письмах Ивана Грозного. Это и масштабная иерархия, подобная государству, и противостоящая ему сила, угрожающая из-за рубежа уже «ведомыми изменниками», а в своем отечестве «крамольниками» и всеми, кто готов поддаться королю, последовать дурному примеру и переметнуться на сторону врага[7]. Прошлое, настоящее и будущее слились в подозрениях царя. Вокруг Стефана Батория ряд уже известных предателей. Он одерживает победу за победой благодаря тем, кто сейчас становится предателями, — и ждет, что царя предадут все. Война ведется не оружием, а страхом, соблазнами и переманиванием. Царь не побежден в поле. Его упрек рассчитан, чтобы оскорбить монарха-воина: своими силами он никогда бы не справился с противником. Благодаря предательству и предателям он пытается добраться до самого царя, и свою собственную жизнь царь соизмеряет с жизнью перебежчиков и сжимающих в кольцо царский трон «тех» за рубежом и «других» там же и здесь, в своем отечестве, в государстве царя Ивана. Угроза, составляющая основной источник политического антагонизма, исходит от всех изменников и от самой возможности изменить своему государю.

С одной стороны, когда велась эпистолярная дуэль между царем Иваном и королем Стефаном, и в Российском царстве, и в Республике Обоих Народов (Короне Польской и Великом княжестве Литовском) идея государственной измены уже сложилась. Оба монарха хорошо понимали, что это такое и как необходимо поступать с изменниками. Это преступление влекло за собой смертную казнь. В Москве действовали статьи Судебника 1550 г., предусматривающие смерть «крамольникам» и «градским здавцам». В Великом княжестве Литовском — нормы Литовского статута, приравнивающие переход на службу врагу к покушению на жизнь господаря. Изменникам публично отрубали голову, сажали на кол, вешали и топили. В Москве следствие велось без законодательных ограничений, подобных обязательству польских королей «никого не заключать под стражу, если на то нет решения суда» (*neminem captivabimus nisi jure victum*)[8]. Не все подозреваемые доживали до приговора. Проводились и расследования, сходные со «словом и делом» более поздней эпохи, когда определяющим было подозрение самого монарха в заговоре против своей особы и семьи. Преступления военного времени рассматривались в чрезвычайном порядке, а расследование могло закончиться стремительным приговором и его немедленным исполнением. Диктуя свое послание королю Стефану, царь Иван понимал, что значение его слов не вызовет разночтений: в каждом по-своему, но изменников ловят и казнят в любом государстве.

У интеллектуального противоборства между двумя монархами есть еще одно измерение. Антагонизм нового типа захлестывал «коллективного Ивана Грозного» и выстраивал в оппозиции ему

[6] ПК-79-14. Л. 692 об. (1583 г.).

[7] Об антиперархиях и образе врага в российской культуре Средних веков и Нового времени см.: Образ врага / сост. Л. Гудков; под ред. Н. Копрадова. М., 2005; *Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М., 2011.

[8] Аналог данной нормы появляется в Российском царстве впервые лишь в крестоцеловальной записи царя Василия Шуйского от 19 мая 1606 г.: *Кобрин В. Б.* Смутное время — утраченные возможности // История отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX — начала XX века. М., 1991. С. 176–178; *Grala H.* Stosunki polsko-moskiewskie (XVI — polowa XVII w.): W świetle najnowszych publikacji // Barok. 1996. T. III/2 (6). S. 236, 243; *Козляков В. Н.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 100–102.

«коллективного Изменника», который в корреспонденции со Стефаном Баторием пожрал фигуру польского короля, не оставив от его планов, талантов и даже самой энциклопедической войны ничего, кроме образа заплечных кукловодов, за которыми безвольно следовал король. Воюя с польским королем и собранной им армией, состоящей как из подданных Короны и Литвы, так и иноземных наемников, Иван Грозный сводил всю войну к противостоянию с Изменником — Иваном Ляцким или князем Семеном Бельским, с князем Андреем Курбским, Владимиром Заболоцким, Тимофеем Тетериным, позднее — еще и с Давыдом Бельским. И — «иными». Им удалось рассорить государей, стравить государства. Осталось лишь воссоединиться внешним изменникам с внутренними заговорщиками в самой России, чтобы сам царь был схвачен. О поведении упомянутых в послании перебежчиков, живых и здравствующих на момент его написания, царь узнавал главным образом из сообщений своих послов, посланников и гонцов, которые пользовались сетью промосковских и двойных агентов. Нередко они обманывались и невольно обманывали царя Ивана, но крупицы достоверной информации до него всё же доносили. Об участии всех троих в Полоцком походе царь Иван мог знать именно от своих представителей и, по меньшей мере, о Курбском разведал наверняка. От Курбского из-под Полоцка и Сокола царь получил так называемое Третье послание Ивану Грозному, а может быть, и Второе, которым князь должен был объяснить свое молчание в ответ на давнишнее Первое послание царя.

Чем именно провинились перед венценосным писателем эти трое и неопределенное множество «других»? Первые трое эмигрировали задолго до Московских походов короля Стефана, еще в правление короля Сигизмунда II Августа. Князь Андрей Курбский — на заре войны с Великим княжеством Литовским за Ливонию. Владимир Заболоцкий — еще раньше, в мирные годы, когда сохранялось неустойчивое равновесие в отношениях Вильно и Москвы. Тимофей Тетерин — примерно тогда же, когда и Курбский. Никто из этих троих не сдавал городов и не бежал с поля боя. Никто не организовал в Москве заговора, который можно было бы назвать «крамолой». И никто из них не признавал за собой государственной измены. Посольские ведомства схлестнулись за тела и имена «изменников» из бывших царских слуг, чья вина конструировалась неотрывно от переосмысления самого состава преступления. Своеобразная философия подданства, развитая в Москве в правление Ивана Грозного и его преемников во власти, одновременно испытывалась и формулировалась, и политический «Другой» объединял два этих качества — объекта государственной репрессии и меры в дистанции между Государством и Изменой[9].

Изучение политического «Другого» затруднено жестом осознанного вычеркивания из памяти, удаления из государственной и родовой фиксации. Документальность в памяти о государевых изменниках проявляется еще и как выразительное отсутствие упоминаний. В целом источников немало. Многообразны российские — среди них летописи и хронографические сочинения, разрядные, родословные, посольские, писцовые и переписные книги, акты о земельных пожалованиях, номинальные тексты и артефакты, ряд источников XVII–XVIII вв. с ценной ретроспективной информацией. Отдельные, как правило весьма пунктирные, сведения содержат записки европейских путешественников в Россию. Сохранность архивов и сама структура информационной базы исследователя российской эмиграции в Речи Посполитой принципиально отличается от московского контекста. Здесь помимо хроник и гербовников, королевских «привилеев», посольских дел, публицистики и сеймовой документации нас ждет обилие судебных актовых книг и выписок из материалов центральных и местных судов, счета королевской казны, переписка и реляции коронных и литовских магнатов, а также нередко хорошо осведомленных европейских политиков и их агентов, мемуары и дневники, летучие листки-газеты, имущественные инвентари, реестры налоговых выплат. Специфика политической элиты Ивана Грозного в эмиграции еще в том, что от этих деятелей сохранилось немало их высказываний и сочинений, которые известны науке и даже еще отыс-

[9] Государством мы называем не абстрагированную от фигуры монарха политическую доктрину и не единую систему отношений между центром и регионами, властью и подданными, а условный бинарный коррелят Измены. На практике термин «господарство» часто применялся в XVI — начале XVII в. по отношению к личной власти господаря и использовался по отношению к его владениям и полномочиям как в единственном, так и во множественном числе. О трудностях в сопоставлении российских и европейских понятий о государстве см.: *Kivelson V.* Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom // The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. P. 465–489; *Ingerflom C.-S.-N.* Le Tsar c'est moi. L'imposture permanente d'Ivan le Terrible à Vladimir Poutine. Paris: Puf, 2015. P. 107–132. Дихотомия Государства и Измены в России XVI в. рассмотрена также применительно к широким массам эмиграции из России и в историко-понятийном и правовом аспекте в наших монографиях "Natione Moscus" и «Император Святой Руси».

киваются впервые. В отличие от основной массы эмигрантов "natione Moscus", эти не безголосы, они рефлексируют и анализируют свой опыт и новую для них реальность. Имея на руках многогранные сведения о жизни эмигрантов в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, а также сочинения самих перебежчиков, мы можем задаться вопросами, на которые источники российского происхождения и скупые в целом сообщения иностранных свидетелей о России не позволяют ответить так полно и многогранно.

Что знали эмигранты-«изменники» о своей политической идентичности? Насколько признавали ее неизбежность? Видели ли они в политике противоборство Службы и Измены? Высокопоставленных «изменников» объединяло не только обвинение, но и готовность его парировать. Как мы увидим, они не только болезненно относились к обвинению в свой адрес, но и предпринимали незаурядные шаги, чтобы его отвести или переложить. Владимир Заболоцкий на королевской аудиенции лично ответил московским послам на обвинения в государственной измене. Еще два видных перебежчика, Марк Сарыхозин и Тимофей Тетерин, выехав на службу к польскому королю Сигизмунду II Августу, направили московскому воеводе Михаилу Морозову в Юрьев-Ливонский письмо, в котором объясняли свой уход, комментируя и свою «измену».

Говорил на этом языке и признанный лидер московской эмиграции в правление Ивана Грозного. Уже к 1567 г. в ответ на требование выдать царю Курбского литовская рада заявила, что он не является изменником, поскольку не сдал врагу крепостей. Это была понятная Москве ссылка на норму 61-й статьи Судебника Ивана IV. В 1564–1567 гг. и позднее создавались различные сценарии предательства князя Андрея, на которые тот ответил «коллективному Ивану Грозному» в своих сочинениях. Князь отвергал все обвинения в адрес воевод и верных слуг царя и христианской республики в предательских замыслах, считал сами обвинения результатом влияния новых придворных выдвиженцев, сатанинских нашептываний легковерному царю «во уши», интриг и давней духовной порчи великих князей московских. Само понятие «измена» и сопутствующие ему «чары», «ложь», «злые мысли» он переносил с себя и всех гонимых в «тамошней» Русской земле на семью великого князя московского, опричников и приближенное к царю духовенство. Его ответ: если подозревать, что тебя окружают предатели, колдуны, интриганы и просто злобные люди, то задайся вопросом, а сам-то ты какой, чему тебя научили родители, излюбленные советники и льстецы, кто к тебе, царю Святорусской империи, приближен в твоей свите?

Ирония Курбского не безгранична. Он сторонник того политического идеала, разрушение которого считает предательством. Он мыслит при этом на языке Государства и Измены, но переворачивает схему: Государство — христианская республика, в сердце которой высший совет «Избранная рада», а от нее отходят живительные токи в царя-«главу» и органы-«уды» государственного управления; Изменники, предавшие Святую Русь, — царь Иван Васильевич, его потаковники-«ласкатели», бездушные дьяки-«писари» и опричники-«кромешники». За спиной князя Курбского — плеяда политиков, воинов, интеллектуалов, авантюристов и нередко несчастных людей, верных слуг своего отечества, которым в послании Ивана Грозного королю Стефану Баторию пришлось стать теми самыми «другими», хотя они могли придерживаться близких Курбскому убеждений, или это он незаметно для читателей выразил их взгляды. Они безголосы не потому, что в нашем распоряжении мало источников или их жизненные пути, высказывания и карьеры не поддаются изучению. Наоборот, о них мы зачастую знаем не меньше, а в ряде случаев больше, чем о московских придворных, средних дворянах и простых людях.

В разработке, а точнее, адаптации антагонистического языка политики принял участие эмигрант и репатриант Иван Семенович Пересветов. Может только удивлять, что до сих пор его сочинения не использовались специалистами по истории центрально- и восточноевропейских миграций, несмотря на то что и его челобитные, и весь его литературный сборник может служить образцом самосознания представителя русского дворянства XVI в. на службе у европейских монархов. С этой точки зрения мы постараемся по-новому увидеть биографию печатника-эмигранта Ивана Федорова. Его труды в области книгопечатания и военного дела заслоняют историю его перемещения по Европе, его появление и исчезновение в Российском государстве, образ мыслей. Само занятие книжным делом заставляет увидеть в нем мыслителя, воплощающего планы и надежды и, как мы покажем, продолжающего жизненный путь Ивана Пересветова. Перемещение по Европе Ивана Пересветова и Ивана Федорова поможет увидеть ключевое отличие между эпохами: первый Иван странствовал в поисках фортуны, менял суверенов, не боясь стать «изменником» и вернуться на родину; второй — был эмигрантом из Москвы,

где уже накануне побега обвинялся в ереси. Проект военной республики, предложенный Иваном Пересветовым юному царю Ивану, содержит рассуждения об «изменниках», и эти ответы могут принести пользу в ответе на вопрос: как и почему государственная измена стала неотъемлемой частью российской политики?

Когда в канун Псковского похода Иван Грозный — уже не впервые — уколол самолюбие Стефана Батория, в запасниках Государства был накоплен ресурс образцовой Измены, целая плеяда видных перебежчиков, чьи примеры достаточно было напомнить, чтобы вполотить ими угрозу и укрепить веру в православное воинство во главе с законным, отчинным царем, власть которого унаследована из самой Римской империи и неизмеримо выше любой другой власти как в его стране, так и в Речи Посполитой. Язвительность Ивана IV видна еще и в том, что все названные им главные изменники-союзники или сообщники Стефана Батория бежали из Российского царства не к нему, не к королю Стефану, а еще давно, за многие годы до его прихода к власти в Короне Польской и Великом княжестве Литовском. Добиться своей цели, укрепления власти и ниспровержения врага путем его демонизации и развенчания в глазах подданных — это был старый, опробованный «метод», сказали бы современные им европейские интеллектуалы. Он не сработал при короле Сигизмунде Августе, и даже преступление полоцких воевод в 1579 г. и последующие измены, принесшие королю серию удач на западных границах Российского царства, не вызывали сомнения в ничтожности измены в ее противостоянии с законной властью. Победа царя над Стефаном Баторием в канун Московского похода 1581 г. была призрачной — и не оправдавшейся в итоге — надеждой, но победа Государства над Изменой, одним из фронтов которой была война царя с королем-узурпатором, возглавившим толпы предателей, была несомненной.

Образ царя Ивана Грозного, в ряде интерпретаций — «коллективного Ивана Грозного», заслонил Измену. Царство Ивана IV в историографии почти безраздельно принадлежит самому царю, даже когда дискуссия строится вокруг его тирании, репрессий и политических просчетов. Концепции солидарной политики «коллективного Ивана Грозного» предопределяют те, как правило скромные, повествовательные возможности, которые отведены рассказам об «изменниках». До них не просто «руки не доходят» — они не выдерживают столкновения с политическим «Я» царя. Противостояние между Изменой и Государством не способно захватить воображение в концепциях «коллективного Ивана Грозного», поскольку историк в этих построениях проникается задачами и осмыслением политики с точки зрения «Я» и не в состоянии надолго покинуть его ради погружения в «Другого». Однако описание «своего Я» невозможно иначе как в терминах отличия от «Других», а следовательно, и «коллективный Иван Грозный» является изменчивым культурным конструктом, которому приписаны и навязаны не-идентификации. Государство и есть не-Измена, а противоборство между этими политическими началами нарушает логику солидарной политики и заставляет видеть в политике стремление Государства подавить Измену и сформировать благодаря этому подавлению язык легитимации. Это не значит, что историография не рефлексирует эту диаду, но, как мы увидим, ее «снятие» разворачивается в различных формах еще до того, как антагонист представлен и «в полный рост» противопоставлен протагонисту.

Истории «изменников» и Измены находят в историографии воплощение в концепциях нарушенного общественного договора, а девиация в политическом поведении подданных в таких работах рассматривается как результат аномалии в государственном строе или в личности главы государства. Концепции аномального самодержавия открыты для мысли о противодействии насилию, об эмиграции и протесте. Государство лишается в рамках данной точки зрения всякой легитимности в тот момент, когда перестает отвечать своим критериям. Когда «коллективный Иван Грозный» деградирует, он весь, во всей своей полноте заслуживает остракизма и презрения, а в научном плане — безжалостной критики от лица Истории или с точки зрения политического Идеала. Таким подходам мало оценочных констатаций, они выстраивают фактический материал как историю и предысторию деградации Государства и репрессивного подавления «Другого». Для них свойственна анахроническая схема, сводящаяся к этическому императиву. Власть, совершающая зло, не может вести к добру и не заслуживает оправдания даже в своих частных успехах. В российской историографии данный подход представлен критикой деспотизма, авторитарного государства и почвенного тоталитаризма.

Благодаря развитию доктрины общественного договора между властью и подданными, обществом, народом в культуре Просвещения открылась дискуссия о противостоянии истинного и деградировавшего монархизма — самодержавия и самовластия. Знаковой фигурой в этой

дискуссии стал князь Андрей Михайлович Курбский. Его биография расколота на сегменты, которые непросто слить воедино, хотя, казалось бы, он — один из нескольких российских аристократов XVI в., о ком наши сведения не ограничиваются скупыми данными служебной, хозяйственной и номинальной документации. Что о нем известно? Он — книжник, о котором в этом его качестве мы знаем не из владельческих и вкладных записей на книгах, а из его авторских сочинений, притом многочисленных и многообразных по тематике. Его авторские сочинения на протяжении двух с половиной столетий не публиковались в печатном виде и в период интенсификации книжного производства и чтения копировались и читались экстенсивно. Он — мыслитель-теоретик. Судя по брезгливому в целом отношению московских книжников к его трудам, — не самый выдающийся в своем окружении, и несомненно, лишь один из многих талантливых интеллектуалов в Великом княжестве Литовском, на Волыни, в Короне Польской. Он — эмигрант-«изменник», признанный Иваном Грозным лидером московских перебежчиков на службе королей польских и великих князей литовских, лучший знаток и выдающийся исследователь «московских дел», ученейший «среди своих» московит в глазах европейских интеллектуалов, православный мудрец в глазах афонских старцев. «Изменником» он себя не считал и не боролся ни с каким «государственным строем», но его взгляды не находили прямых параллелей и в доктринах общественного договора. Они были, в общем, далеки от конституционализма и аристократической концепции ограниченной монархии, которую можно было бы вывести из польско-литовской модели *Pacta Conventa* или «затейки» Верховного Тайного совета в канун и календы правления императрицы Анны Иоанновны.

При этом князь Курбский — один из самых драматичных мыслителей в русской культуре, долгое время остававшийся на периферии чтения. Путь сочинений Курбского пролегает не через закладки «главных героев». Проникновение его сочинений в науку происходило поэтапно, и круги чтения, которые мы рассмотрим в конце этой монографии, предопределили акценты в историографии[10]. Ученые-просветители, конечно, имели дело с Курбским — автором сборника «История» с приложениями. В историографии сохранялась настороженность по отношению к его сочинениям, «темным» для В.Н. Татищева, «жестоким» и «озлобленным» в глазах А.С. Пушкина и субъективным и тенденциозным для классической российской историографии[11]. При этом скепсис к противоборству Ивана Грозного с Андреем Курбским, прозвучавший в трудах В.О. Ключевского, а затем возрожденный, например, в концепциях С.М. Дубровского или Э.Л. Кинана, не снимает напряженности в транслируемом из работы в работу бинарном двуединстве Царства и Измены. Историческая мысль в период публикаций закрепляла противостояние двух образов властвования, унаследованное от Просвещения и дожившее до дискуссий наших дней[12].

Не считая ученых компиляций А.И. Лызлова и Ф.П. Орлова-Поликарпова на рубеже XVII–XVIII вв., впервые в российскую историю князь Андрей Курбский вошел благодаря просветителям, и почти в каждом случае как своего рода виньетка в масштабных замыслах: как победитель Казани и символ верности Отечеству[13], сви-

[10] См. здесь главу «Экстенсивное чтение».

[11] Как показывает С.О. Шмидт, «озлобленность» в словаре Пушкина характеризует, и с позитивными коннотациями, Евгения Онегина и А.С. Грибоедова (см. следующее примечание). И всё же это качество в высказываниях Пушкина о Курбском соседствует с «жестокостью» (как ни хотел бы поэт быть «жестоким» по отношению к Ивану Грозному своего времени — императору Александру I). О восприятии князя Андрея Курбского в Пушкинской культуре см.: *Шмидт С.О.* О «жестокой летописи кн. Курбского» // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. научных трудов к 70-летию акад. Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2000. С. 406–415. О чтении сочинений Курбского до первой публикации его сочинений см. также: *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 1. С. 96–199 (см. здесь же литературу вопроса).

[12] Подробнее о восприятии Курбского в российской науке и за ее пределами в XIX — начале XXI в. пишет в своих работах 2007 и 2008 гг. А.И. Филюшкин. Критика в его адрес прозвучала в статье С.О. Шмидта «Сочинения Курбского в культурном обиходе российской аристократии Пушкинской эпохи», подготовленной к печати в сборнике в честь Ю.Д. Рыкова и так и не увидевшей свет при жизни автора, хотя ссылка на эту работу приведена в монографии А.И. Филюшкина «Андрей Курбский» (2008. С. 295), где учтены критические замечания С.О. Шмидта. Этот факт бросает тень на мой поступок: я без согласия С.О. Шмидта отправил А.И. Филюшкину электронную версию данной статьи, будучи уверен, что она уже на грани публикации. Дискуссия так и не состоялась, потому что в печати появился только фактический «ответ» на критику. В настоящее время данная статья С.О. Шмидта подготовлена к печати в сборнике: Архив русской истории: Сб. РГАДА. Вып. 9. Сб. ст. в честь 70-летия Ю.Д. Рыкова (предварительно — с. 590–622). Благодарю А.В. Дедука (Москва) за доступ к верстке статьи С.О. Шмидта в названном сборнике.

[13] *Новиков Н.И.* Избр. соч. М.; Л., 1951. С. 317; *Херасков М.М.* Россияда. Героическая поэма. М., 1779; *Его же.*

детель закулисной жизни тирана[14], заговорщик и пособник удельного князя Владимира Старицкого[15], или как родич царя и воин, отличивший себя «многими успехами»[16]. Историография подхватила просветительские идеи, чтобы наполнить их исследовательскими выводами и новыми смыслами. Курбский — символ военной славы России и своеобразный Вергилий, новодырь по России эпохи террора для Н. М. Карамзина. Он — первый российский тираноборец для К. Ф. Рылеева, первый российский историк для Н. Г. Устрялова, образец для подражания в изучении современности для А. С. Пушкина, первый российский мемуарист для К. Н. Бестужева-Рюмина, оппозиционер самодержавия и идеолог княжеской власти для С. Ф. Платонова...

Чтобы понять, как произошло олицетворение «Другого» князем Курбским в российской культуре, достаточно вспомнить, что в начале XIX в. его сочинения, и прежде всего «История», вызывали интерес как особый источник, сходный с летописями, а сам он считался главным выразителем свободолюбивого взгляда на устройство российской политики. Его героизация затронула самые невероятные, в том числе до тех пор неведомые особенности его личности.

Его внешний «облик» и внутренний «душевный мир» — иллюзии, отразившиеся не только на художественных, но и на научных интерпретациях[17]. Ни одного портретного изображения или описания внешности князя Андрея Курбского не сохранилось. Иван Грозный в своем письме съязвил, что не желает больше видеть «эфионского лица» князя, конечно, сравнив не столько его внешний, сколько внутренний лик — с чертями. Забытый ныне историк XIX в. Василий Федорович Тимковский, входивший в историческую артель «архивных юношей» канцлера Николая Румянцева, столкнулся с этой загадкой и по-своему решил ее: «Судя по собственным словам Князя Курбского, он должен был иметь слабое сложение; или оно расстроено военными трудами и частыми ранами. Одно выражение Царя Ивана Васильевича показывает, по-видимому, что Князь Курбский имел непривлекательную наружность, по крайней мере, черный цвет лица»[18]. Верно, князь многократно бывал в гуще боя, его подвиги и раны рисуют в воображении скорее сильного воина, прекрасно владеющего боевым конем и всеми доступными видами оружия, с рубцами на теле, скорее всего — на лице, руках и ногах, которые были хуже прикрыты латами. Цвет его лица узнать невозможно: царь прочитал в письме сбежавшего Курбского, что больше не увидит лица своего воеводы, то есть не увидит его самого в России, и в своем ответе сравнил изменника с бесами «черности ради их»[19].

Другая характеристика, созданная В. Ф. Тимковским, относится уже не столько к внешности, сколько к внутреннему миру князя: «Он имел ум твердый, проницательный и светлый, дух высокий, предприимчивый и решительный. Его любовь и, можно сказать, жадность к наукам обнаружилась в нем поздно, успела однако ж принести плоды. Сердце его расположено было к глубоким чувствованиям любви к отечеству, братской нежности и искреннейшей благодарности; душа его открыта была для добра. Он был верный слуга самодержавия и враг мучительского самовластия. Презирал ласкателей и ненавидел лицемерие. Его просвещенная набожность и благочестие были, кажется, выше понятий того века, в котором он жил. Он верил чудесам и видениям, но не рассказал ни одного из них таким образом, чтобы мы могли судить о степени его чудесоверия. Признавал силу волшебств и чародеяний. Храбрость и вообще воинские доблести почитал он весьма высоко, и, чувствуя в себе дар сей, позволил себе

Россиада. Поэма эпическая. Изд. 2-е, испр., пересмотр. и дополн. М., 1786; *Его же*. Творения. М., 1796. Ч. 1; *Кунцевич Г.* «Россиада» Хераскова и «История о Казанском царстве» // ЖМНП. 1901. СПб., 1901. Ч. 333. № 1. Отд. 2; *Серман И.З.* Херасков и Курбский // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 353–356; *Weeda E.* Rulers, Russia and the Eighteenth-Century Epic // SEER. 2005. Vol. 83. N 2. P. 175–207.

[14] *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. 5. Ч. 2. С. 12. Примеч. 12; С. 87. Примеч. 64; С. 93. Примеч. 67; С. 96. Примеч. 70 и т. д.; *Каменский А.Б.* Князь Курбский и князь Щербатов: Из истории русской общественной мысли // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрина. Тезисы докладов и сообщений, Москва, 26–29 января 1992 года. М., 1992. С. 76–79.

[15] ОР РНБ. ОСРК. F. IV. № 135. Л. 135 об., вклейка между л. 135 об. и 136.

[16] Так оценивал Курбского митрополит Евгений (Болховитинов): НБУВ. Ф. 233 (Зібр. бібліотеки Києво-Софійського собору). № 327/561с. Арк. 111–111 зв.

[17] В литературе и искусстве образ Курбского и его вымышленного сына изучался неодинократно. Менее известен в истории фантастического образ брата Курбского, к чему мы обратимся в конце этой работы. См. здесь в главе «Потомки и Лже-Курбские». Вопрос подлинных и ложных потомков и идентичности других российских перебежчиков в Европе неоднократно обсуждается ниже в этой работе.

[18] ОР РНБ. ОСРК. F. IV. № 821. С. 257. Орфография и пунктуация источника не сохраняются.

[19] *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 257–262.

некоторую рыцарскую гордость, которая презирала души слабые и робкие. В самом деле, храбрость его была чрезвычайна, даже походила иногда на запальчивую опрометчивость и дерзость необузданную, и во всяком случае напоминает она мужество древних Русских Богатырей, или Витязей Гомеровых»[20]. Это панегирик, но в нем выражены в первую очередь те черты Курбского, которые вырисовываются, когда читаешь его сочинения. Таким он предстает в своих текстах и таким, как он считает, должен быть его читатель. Впрочем, многое в этой характеристике — дань литературному романтизму.

Что отличает романтический облик — немыслимость эмиграции, чуждость «Другого». Глубинный бунт навсегда сохраняет мыслителя для его Отечества. Побег из него вынужден и несправедлив. Для Василия Тимковского нет никакой разницы между Курбским «здесь и там» и не требует объяснения, что изменилось в эмигранте после пересечения границы. Образ князя Андрея Курбского-эмигранта в российской культуре так и не возник. Б. М. Федоров в романе «Князь Курбский» (1843, 2-е изд. — 1883) превращает ковельскую гробницу князя в символ его возвращения в свою страну: «...Россия отодвинула границы свои и приняла под материнскую сень свою прах изгнанника»[21]. Мотив посмертного примирения отвечает романтическому Возвышенному, в котором Курбский в самых лучших надеждах неизменно должен был вернуться на родину, и может быть, даже встретиться там с Иваном Грозным («и смерть пришла, наступило за гробом свиданье...»).

Все названные направления мысли преодолевают затруднения в диалоге Государства с «Другим». Авторитарный деспот или тоталитарный лидер производит на исследователей чарующее действие. «Другой» как будто не интересует исследователя, занятого образом деспотичной или тоталитарной власти. Пример — монументальная «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Носитель власти, по мнению историографа, должен стремиться к «величайшему благу», увлекая за собой «народ» и каждого «гражданина». Правитель, лишенный тяги к «благу», лишается покровительства Истории и становится трагическим бичом Провидения. Благо — это государственное процветание, а народ ощущает благо на себе и поддерживает своих правителей, выражая к Государству «священное уважение». Трон должен быть образцом добродетели, чтобы оправдать в глазах народа «власть Самодержавную»[22]. Еще в начале Истории Читатель предупрежден, что Славяне не склонны к мятежам, и приведен даже ложный анти-пример. Восстание Вадима Храброго против Рюрика могло бы свидетельствовать о борьбе народа против власти, но сам факт такого восстания не подтверждается ранними и надежными источниками. В междоусобицах X–XV вв. «священное уважение» ослабевало, путь к «государственному благу» затруднялся, но «своевольство граждан» сводилось в лучшем случае к невыразительным мятежам[23].

Примером, и, в отличие от Вадима, достоверным, служит Карамзину убийство князя Андрея Боголюбского, которое так и не стало освобождением Государства от тирана. Надежды на освобождение от деградировавшей власти были иллюзией. На самом деле, говорит устами Историка Провидение, заговор был результатом ошибки народа, «за хищность судей и чиновников» возненавидевшего «Царя, самого добродушного и милосердного»[24]. Андрей Боголюбский, подобно Рюрику, открывал новый, на сей раз северо-восточный, этап русской истории. И вновь ритуальное низовое насилие ни к чему хорошему, ни к какому благу не привело ни убийц, ни народ, ни государство. Аналогии смерти владимирского князя с дворцовым переворотом 12 марта 1801 г. показывали назидательную грань истории — в глазах Наполеона Бонапарта Александр Павлович был отцеубийцей. Н. М. Карамзин открыто намекал на предосудительность убийства князя, одновременно скрывая и раскрывая свободой обвинения прямые ассоциации между убийцами XIX и XII вв.

Выпады в адрес политических заговорщиков звучат и в других местах «Истории», однако достигают пика в последних томах, становясь лейтмотивом и трагической развязкой русской истории. Историограф признает за своими героями, гражданами государства Российского, право на побег от тирана. Впрочем, как и мятеж или заговор, такие казусы не приводят к благу прежде всего самих эмигрантов и заговорщиков. Нет ни одного примера, который бы свидетельство-

[20] ОР РНБ. ОСРК. F. IV. №821. С. 254–256. Орфография и пунктуация источника не сохраняются.

[21] *Филюшкин А. И.* Андрей Курбский. М., 2008. С. 17.

[22] *Карамзин Н. М.* История государства Российского: Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева / подг. Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт. М., 1989. Кн. 2. Т. 8. Стб 9.

[23] *Карамзин Н. М.* История государства Российского... М., 1988. Кн. 1. Т. 2. Стб 79.

[24] Там же. Кн. 1. Т. 3. Стб 20.

вал об обратном. Князь Семен Бельский и Иван Ляцкой недовольны правительством, а «сказали себе, что Россия не есть их отечество»[25]. От изменников отреклись даже их «люди», бежали от них обратно к «нашим Боярам» и рассказали о том, что Бельский и Ляцкий внушают королю Сигизмунду мысль о войне против России. Карамзин передает общий смысл рассказов предателей, почти не обращая внимания на источники. Они будто бы говорили королю «о слабостях Елены, о тиранстве Вельмож, о неудовольствии народа»[26]. Война не достигла целей, и король Сигизмунд обрушил свой гнев на перебежчиков. Причины и следствия, конечно, вымышлены самим историографом: Ляцкий был заключен под стражу, когда король понял, что «Россия и с Государем-младенцем сильнее Литвы», а Бельский бежал в Константинополь, «пылая ненавистью к России» и «с досады»[27]. Цель последующих интриг Бельского в Константинополе и Бахчисарае сформулирована Карамзиным на основе московских летописей и посольских книг и, прежде всего, своеобразной политической метафизики самого автора «Истории государства Российского»: «Бельский действительно искал гибели отечества...»[28]

Тирания — на совести деградировавшей власти, не только князей или царей, но и вельмож. Однако восстание и предательство — худшее, что может придумать ее жертва. В этике Н.М. Карамзина немыслимо возвращение гражданина, предавшего свое отечество, к нормальной жизни, а тем более во власть, к строительству Государства. Чтобы высказать эту мысль прямо, Н.М. Карамзин обращается — возможно, также не без намека на события, последовавшие за убийством Павла I, — к попыткам митрополита и родичей вернуть князя Семена Бельского на московскую службу: «Изменник, предатель, наводив врагов на отечество, явился бы снова при Дворе и в Думе с почестями определенными для верных, знаменитых слуг Государства! Но Симеон не воспользовался милосердием, противным уставу справедливости и блага гражданских обществ»[29]. История, согласно Н.М. Карамзину, не терпит вражды между гражданами и Государством. Гражданин, занятнавший себя счетами с отечеством, не может рассчитывать на милосердие, противоречащее идеалам «справедливости и блага гражданских обществ». Для российского придворного историка такое милосердие немыслимо, а митрополит Иоасаф и бояре-братья князя Семена хотели невозможного. Разве человек космополит? Историограф забывает «Письма русского путешественника», мечты молодости и революционного порыва. Гражданин Истории — часть своего отечества и в худшем случае должен приложить усилия, чтобы исправить власть, как это делали в Думе князья М.Л. Глинский и А.М. Курбский. Первый из них достоин восхищения и подражания: он смело поучал свою племянницу, великую княгиню Елену Глинскую, будто бы погрязшую в разврате, и погиб за свои усилия. Второй также потерпел поражение в борьбе с тираном. Князь Андрей Михайлович бежал — и имел на это право. Но он не имел права, подобно князю Семену Бельскому, поднимать руку на отечество[30].

Есть ли в дилемме Глинского и Курбского переходные варианты, менее кровавые и драматичные сценарии? Пожалуй, да. Один из них — прощение великим князем Иваном II Ивановичем безымянных убийц московского тысяцкого Алексея Петровича Хвоста. Впрочем, Н.М. Карамзину приходится оговариваться, что связь прощения с этим убийством лишь предполагаемая. Да и жертва — конечно, не князь, а лишь его чиновник[31]. Второй подобный случай обнаруживается в биографии кн. Д.И. Вишневецкого, который бежал от тирана и «не думал лить крови единоверных Россиян»[32].

В первые годы правления царя Федора Ивановича правительство пытается тайно выманить из Речи Посполитой «изгнанников и беглецов Иоаннова царствования, не столько из милосердия, сколько для государственной выгоды»[33]. Тем, кто хотел бы, но боится вернуться в России, отправлены от имени царя милостивые грамоты. Однако, во-первых, задача вызывает у самого ис-

[25] *Карамзин Н.М.* История государства Российского... М., 1989. Кн. 2. Т. 8. Стб 9. М.М. Кром отметил, что Н.М. Карамзин переоценил сообщения московских официальных летописей и принял слова о наущении перебежчиков врагом рода человеческого («наущением вражиим») за информацию о тайных переговорах между ними и королем Сигизмундом Старым накануне побега («тайно снеслися с королем Сигизмундом»). См.: *Кром М.М.* Судьба авантюриста: Князь Семен Федорович Бельский // ОФР. М., 2000. Вып. 4. С. 103–104.

[26] *Карамзин Н.М.* История государства Российского... Кн. 2. Т. 8. Стб 15.

[27] Там же. Стб 23.

[28] Там же. Стб 25, 37. Во втором случае говорится о замысле Бельского погубить отечество во время похода Сахиб-Гирея на Москву в 1541 г.

[29] Там же. Стб 37.

[30] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 171–189.

[31] *Карамзин Н.М.* История государства Российского... Кн. 1. Т. 4. Стб 176–177.

[32] Там же. Кн. 3. Т. 9. Стб 33.

[33] Там же. Кн. 3. Т. 10. Стб 29–30.

ториографа, верного своим философским принципам, сомнение, поскольку цель всё же не в том, чтобы простить и вернуть на службу изменников Ивана IV, а в том, чтобы разузнать о Литве и «способах ее Политики». Во-вторых, прощены не все «беглецы». Письма с приглашением в Москву направлены кн. Гаврилу Черкасскому, Тимофею Тетерину, Мурзе Кункееву, Девятому Кашкарову, Давыду Бельскому. Нет прощения «несчастному Курбскому» (Н. М. Карамзин прозорливо предполагает, что он к тому времени уже умер) и «новому изменнику» — Михаилу Головину. Наконец, историографу почти нечего сказать о самих прощенных. Кто они такие? Почему потребовалось обращаться именно к ним?

Половина из названных оказалась в ряду предателей одним мановением пера[34]. Череда изменников и интриганов, дорвавшихся до вершин власти на свадебном пиру у Ивана Грозного, явилась связующей нитью между началом 1580-х гг. и Смутным временем. Так появляется в галерее предателей XVI — начала XVII в. эмигрант Давыд Бельский, безликая жертва брезгливости великого историографа[35]. Еще меньше читатель узнает от Карамзина о Владимире Заболоцком. Достаточно того, что вместе с ним Курбский «под знаменами Баториевыми» проливал «кровь Россиян»[36]. Как и почему Заболоцкий оказался «под знаменами»? Почему его имя прозвучало рядом с именем Курбского? Впрочем, в «Истории государства Российского» есть и такие персонажи, как эмигрант-расстрига Тимофей Тетерин и ученый эмигрант Марк Сарыхозин («Сарыгозин»), которые выступают в одном ряду с Курбским или Курбским и Заболоцким. На протяжении VIII и IX томов «Истории» Карамзина их имена звучат только в примечаниях, и лишь в X томе один из них, Т. И. Тетерин, появляется в ряду прощеных изменников.

Власть на всем протяжении «Истории государства Российского» безраздельно доминирует над гражданами, изводит измену, прощает мелкие провинности, крайне редко отпускает мятежников и несогласных за границу. Народ то, как в финальной сцене «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, безмолвно и смиренно принимает перемены, то продолжает совершать безрассудные мятежи и заговоры. Подданные Ивана Грозного, по словам Николая Карамзина, «превзошли всех в терпении»[37]. И неправедные цари, и цареубийцы вызывали в Н. М. Карамзине просвещенное негодование. Однако на расправу Истории над мятежным народом, заговорщиками и предателями отечества уходило по несколько строк, тогда как на тиранов и погрязшие в распрях власти — долгие страницы фактов, цитат, аналогий и назиданий. Историограф не обращал внимания на то, что «говорили себе» мятежные граждане. В тех случаях, когда известные ему источники сохранили подобные высказывания, он от лица Истории отверг эти высказывания или не счел нужным упоминать. Показательный пример — цитируемое в примечании у Карамзина письмо Т. И. Тетерина и М. В. Сарыхозина М. И. Морозову содержит ответ этих двух граждан покинутого отечества на вопрос, почему перебежчики не признают себя изменниками. Историк старательно копирует эти фрагменты письма, но весь его комментарий ограничивается вот чем: «Видно, что Тетерин был неволею пострижен в Монахи»[38].

Самодержавие деградировало и толкнуло часть Государства на Измену, что тоже было признаком деградации. Объединения граждан с целью свержения власти Н. М. Карамзин не одобряет. Аномальная монархия испытывает свою собственную трагедию. Несмотря на то что эта

[34] О Мурзе Кункееве и Девятом Кашкарове в «Истории государства Российского» не сказано больше ни слова. О кн. Г. Черкасском, как и о его брате, Алексее, сказано лишь то, что они бежали вслед за кн. Д. И. Вишневецким. Кто и когда предъявил им обвинения в измене, Карамзина не интересовало. О князьях Черкасских, а также о Кашкаровых см.: *Grala H.* Czerkiesi i Nogajcy w służbie Rzeczypospolitej. Kilka uwag o najemnych i posilkowych formacjach tatarskich w drugiej polowie wieku XVI // Prace naukowe Wyższej Szkoly Pedagogicznej w Częstochowie. Seria: Zeszyty Historyczne. 1998. Z. 5. S. 15–35; *Курбский А. М.* История о делах великого князя московского / сост. К. Ю. Ерусалимский; отв. ред. Ю. Д. Рыков. М., 2015. С. 758–759 (авторы комментария — К. Ю. Ерусалимский, Ю. Д. Рыков). См. также нашу монографию "Natione Moscus"

[35] Этот пример подробнее рассмотрен нами в этой книге в главе «Этос изменника».

[36] *Карамзин Н. М.* История государства Российского... М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб 178. Из примечаний, основанных в данном случае на статейных списках московских посольских книг, можно узнать также, что Заболоцкий жил в своих имениях, а затем был убит. Еще один раз «Москвитянин, Дворянин Заболоцкий» промелькнул в XII томе в окружении призрачного царя Дмитрия, тени погибшего Лжедмитрия I. Н. М. Строев, составляя «Ключ» к «Истории государства Российского», почему-то отождествил этого Заболоцкого с Владимиром Заболоцким IX тома, не задумываясь над тем, что в IX томе Владимир гибнет, причем задолго до 1606 г. Ср.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского... Кн. 3. Т. 12. Стб 17; М., 1988. Кн. 4. Стб 95.

[37] *Смирнов А. Ф.* Николай Михайлович Карамзин. М., 2005. С. 350–357, здесь с. 354–355.

[38] *Карамзин Н. М.* История государства Российского... Кн. 3. Т. 9. Примечания к тому IX. Стб 26.

стратегия интерпретации отношений между Иваном Грозным и Другим является одной из самых распространенных, в ее рамках противостояние власти и граждан ограничено обсуждением причин репрессий, поведения граждан по отношению к Государству, оснований для эмиграции. Власть узурпировала голос своих подданных и взамен наделила карьерой, службой, отличиями, престижем. Как только отношения подданства или гражданства разрываются, она не оставляет своим подданным ничего и обрекает их на забвение. В концепции аномальной монархии отчетливо видно устройство государственной личности, однако институциональное вычеркивание «коллективного Курбского» принимается исследователями как его легитимное отсутствие в Истории.

Н.М. Карамзин, следуя предшественникам, надолго связал Курбского с Иваном Грозным и превратил его в символ российской оппозиции. Для Курбского и для остальных эмигрантов это означало, что их эмиграция была почти исключительно фактом их российского прошлого, а их дальнейшая судьба — в первую очередь и в лучшем случае борьбой за честное имя на чужбине. Впрочем, никаких выводов о существовании сплоченной враждебной трону силы, теневым лидером которой мог бы оказаться князь, он не делал. Все обвинения в адрес самого Курбского и других изменников в заговоре против царя и его семьи, отечества и православия Н.М. Карамзин истолковал в рамках своей даже не концепции, а системы ценностей, своей государственной этики. Побег каждого видного деятеля из России историограф считает трагедией, в которой гражданин утрачивает свое отечество, часто незаслуженно. Массовые миграции его при этом не интересуют. А всё внимание к жизни мигранта за границей сводится к участию в делах своего покинутого отечества, почти всегда к вопросу об участии в войнах против России. Для монархов в самом покинутом отечестве побег «граждан» был нередко знаком свыше, предвестием беды, военной катастрофы и даже смуты. Идеал тираноборческого патриотизма превращал борьбу с предательством в XVI — начале XVII в. в драму, в которой «изменникам» принадлежало место указующего перста Провидения.

Сквозной характер государственности позволяет историкам середины XIX в. наполнять княжескую и царскую власть одними и теми же смыслами и противопоставлять одним и тем же силам под разными масками. Приверженцы доктрины государственной модернизации видят в «коллективном Иване Грозном» декларативное, акцентированное утверждение политического «я», преодолевшего более ранние и менее совершенные формы социальной жизни. В «вотчинном порядке» К.Д. Кавелин находил «зачатки государственности», а в победе государственного строя над вотчинным при Иване Грозном видел переход к новой фазе в истории России. Царь Иван был «поэтом» государственного идеала, и даже «глубоко пал именно потому, что был велик»[39]. В его руках было завершение строительства Государства и слияния существующего уже с XV в. государственного содержания жизни с идеей государственности, но реализовать идеал оказалось царю не под силу[40]. Как отметил С.О. Шмидт, К.Д. Кавелин повторял слова В.Г. Белинского, который в свою очередь высоко оценил «Взгляд на юридический быт Древней России» (1846 г.). Впрочем, государство как продукт творческого гения Ивана Грозного быстро оказалось на грани исчезновения, по мысли Белинского, из-за отсутствия «драматического» начала у Бориса Годунова, обрекшего страну на Смуту[41]. Под драматизмом здесь можно понимать единство личной харизмы и традиционной легитимности.

Можно ли историю противостояния коллективных «Ивана Грозного» и «Курбского» считать также лишь одним из симптомов, который по-разному проявлялся на разных фазах развития русского общества? С.М. Соловьев ответил на этот вопрос, как если бы понятия коллективных субъектов не нуждались в кавычках. Иван Грозный воплотил в его сочинениях вступающее в свои права государственное начало, тогда как Курбскому отведена роль защитника отживших

[39] См.: *Шмидт С.О.* Сочинения Курбского... С. 595–596.

[40] *Кавелин К.Д.* Взгляд на юридический быт древней Руси // Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 1: Монографии по русской истории. СПб., 1897. С. 6–66; *Bolsover G.H.* Ivan the Terrible in Russian Historiography // Transactions of the Royal Historical Society. 1957. Vol. 7. P. 77–81; *Hamburg G.M.* Inventing the "State School" of Historians, 1840–1995 // Historiography of Imperial Russia: The Profession of History in a Multinational State / ed. by Th. Sanders. Armonk et al., 1999. P. 104–105; *Некрасова М.Б.* Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) // Историки России. Биографии / сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 188–189; *Ingerflom C.S.* Theoretical Premises and Cognitive Distortions from the Uncritical Use of the Concept of "State": The "Russian" Case // Serve the Power(s), Serve the State: America and Eurasia / ed. by J.-C. Garavaglia et al. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 226–233.

[41] *Emerson C.* Pretenders to History: Four Plays for Undoing Pushkin's Boris Godunov // SR. 1985. Vol. 44. N 2. P. 257–258.

сил и нрав, медленно уступающих Государству. Противостояние приобрело диалектические очертания прошлого и будущего, и победа в нем была предопределена, и наоборот, «коллективный Курбский» — это и есть боярин-вотчинник, все свои интеллектуальные силы обративший на борьбу за прошлое («вотчинный», или «родовой» строй) против будущего («государственного начала»).

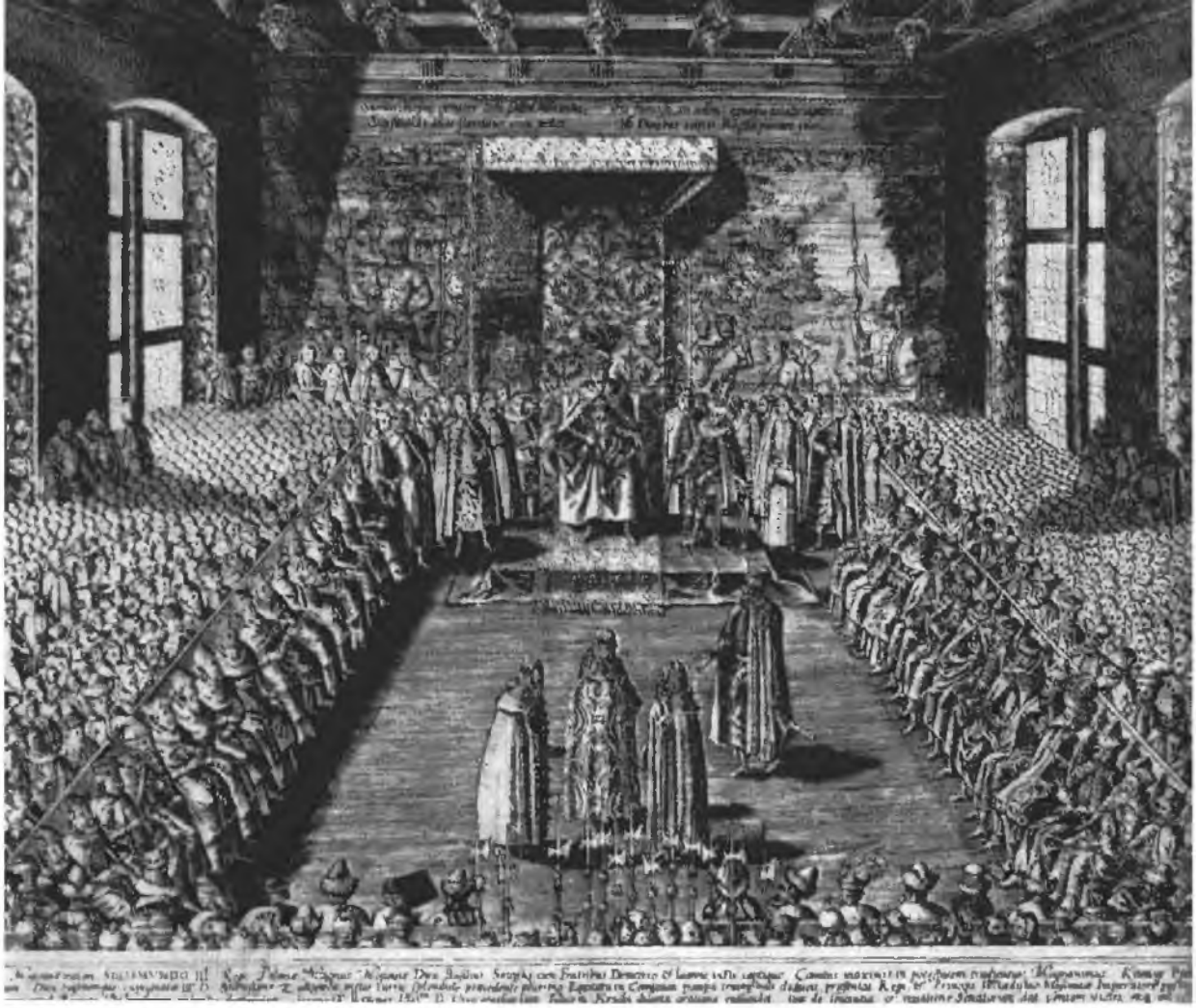
Подход, основанный на историческом приоритете и прогрессивности Государства по сравнению с родовым или вотчинным строем, нуждается в диалектической диаде. К.Д. Кавелин был убежден, что народ чаще всего представлял в истории России консервативную силу, которую преодолевали немногочисленные сторонники прогресса в «верхах». Лидерами сил прогресса суждено было стать «коллективному Ивану Грозному», чье дело было продолжено Петром Великим и его соратниками. Оппозиция и протест при этом отождествлены с силами реакции. Коллективный Другой, воплощенный для С.М. Соловьева в образе князя Андрея Курбского, оказывается голосом из прошлого. Не оправдывая репрессий и закрепощения, историк не ищет и никаких проявлений будущего в деятельности и творчестве «изменников». Например, у того же Курбского полностью игнорируются высказывания, которые свидетельствовали бы о самобытной доктрине государства-республики и необходимости объединения русских земель в составе единой Святорусской империи. Тенденциозный отбор цитат упрощался тем, что в распоряжении С.М. Соловьева было издание «Сказаний Князя Курбского» Н.Г. Устрялова[42]. В каноническом образе историка-публициста XVI в. закрепилось противостояние с Иваном Грозным, учение о первенстве боярского совета. Реакция Курбского на опричнину представлена субъективным протестом пристрастного титулованного боярина. Как тут было не воспользоваться случаем и не приписать князю Андрею качества реакционера, недовольного «торжеством государственного начала»?

В исторической науке господство государственных ориентиров и юридической риторики сказалось на восприятии Переписки Грозного с Курбским и историографических баталий второй половины XVI в. («Истории» Курбского, летописных, хроникальных, посольских дискурсов, записок иностранцев о России). Ни о каком «преодолении тенденциозности», впрочем, не может идти речи. Из «умного» и «язвительного» свидетеля тирании князь Андрей Курбский превратился во «врага государства». Его биография, побег и сочинения были удобным ресурсом для аргументации в пользу ранее неведомых, а позднее по большей части не подтвердившихся и отклоненных гипотез. На его пути возникли сторонники отжившего догосударственного (родового) строя, среди них — Андрей Курбский. Иван Грозный для российских историков-гегельянцев был первым царем, сторонником и теоретиком прогрессивного государственного строя. Осуществить замысел, воплотить мечту мешали агенты «удельных порядков». Позднее это далекое от языка источников XVI в. понятие срослось с такой же искусственной идеей «феодальной реакции». Курбскому, благодаря прижившемуся в науке и образовании построению Н.М. Карамзина и двум неудачам в публикации переводов ковельской книжной артели XVI в., в историографии было отведено место «знаменитого антагониста Ивана Грозного»[43].

Как отразилось учение о двух «исторических силах» на прочтении сочинений князя Андрея Михайловича и царя Ивана, можно представить себе по иронии В.О. Ключевского, который едко охарактеризовал диалог между царем и боярином-изменником как «диалог глухих». Но, если они спорили каждый о своем, не слыша друг друга, то и схема противостояния государства и реакции в лице Курбского и Ивана Грозного — не является ли данью научной риторике? Отдавая дань предшественникам и учителям, В.О. Ключевский видит в царе Иване идеолога государственного строя, который, впрочем, не понимает, что, сокрушая на своем пути врагов, он, как библейский Самсон, рушит столпы под крышей собственного храма. Конечно, прямыми результатами самодержавных идеалов и опричнины были не только расправы с их противниками, но и случайные или по крайней мере побочные жертвы — закабаление простых тружеников, усиление налогов на тяглое население, эксплуатация государственных окраин, усиление миграций.

[42] Подробнее о данном издании см.: *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 179–194; *Ерусалимский К.Ю.* «Издать Курбского так, как он заслуживает»: К вопросу об археографической деятельности Н.Г. Устрялова // АЕ за 2006 год. М., 2011. С. 251–263.

[43] Эта формулировка прозвучала в библиографическом очерке начала XX в.: *Gautier G.* Histoire de Russie. Publications des années 1914 et 1915 // Revue Historique. 1917. Vol. 124. Fasc. 2. P. 307.



«Присяга царей Шуйских». Сенатский зал Королевского замка в Варшаве, 29 октября 1611 г. Копия картины Томаша Долабеллы, утраченной в XVIII в. Гравюра Томаша Маковского, XIX в. См.: Chemperek D. Tryumf warszawski Stanisława Żółkiewskiego i hołd Szujskich w historiografii siedemnastowiecznej // Biblioteka epoki nowożytnej. 2014. № I: Hołd carów Szujskich / pod red. J. A. Chrościckiego, M. Nagielskiego. Warszawa, 2014. S. 94.

«Коллективному Курбскому» в концепциях государственной модернизации так и не нашлось голосов поддержки. С. М. Соловьев утверждал, что «Курбский был представителем целой стороны» и даже «многих». Позднее было принято говорить о «партии» его сторонников. Но кто были эти «многие»? Боярство? Противники самодержавия? Враги централизации? Если за царем Иваном скрывалась масштабная работа сотен подданных различного ранга, и даже «сочинения Ивана Грозного» можно представить как продукт коллективного творчества, то за спиной у Курбского для исследователей этого направления, если они хотели оставаться в рамках научной истории, ощущалось молчание. Его можно было истолковать как общее «наше безумное молчание», как говорили в эпоху Смуты, а можно было считать молчаливым согласием части населения России с Курбским. Оба пути чреваты логической ошибкой — аргументом *ex silentio*. Первый путь авторы этого направления обходят стороной, видя во взглядах и поступках Курбского метонимическое воплощение массовых настроений, а в политике и сочинениях Ивана Грозного — знак согласия, фигурной скобкой объединяющий соратников Курбского с «изменниками» царя Ивана. Оба автора понимали, что они говорят об одних и тех же лицах, но с диаметральных позиций. Именно этот тезис натолкнулся на критику В. О. Ключевского, а позднее — С. Б. Веселовского. Никакого понимания между Андреем Курбским и Иваном Грозным нет. Их Переписка — диалог глухих, а казни Ивана Грозного, как и «защита» князя Андрея Михайловича не направлены ни на какой конкретный социаль-

ный класс, ни на какую устойчивую общественную группу[44].

***

К середине XIX в. в поле зрения историков появилась коллекция документов о жизни польско-литовских московитов в XVI – начале XVII в. Несмотря на расширение знаний о жизни эмигрантов XVI в., эти «другие» сторонников концепции государственной модернизации не интересовали. Образ «Другого» строился в категориях «общественных сил», которые проявили себя не в программах, доктринах или высказываниях от лица этих «сил», а вычитывались в доступных источниках как подлинные мотивы конфликтов между властью и подданными. Впрочем, собрание актов о жизни эмигрантов в сборнике «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни» под редакцией Н.Д. Иванишева[45], издания сочинений Курбского Н.Г. Устрялова и Г.З. Кунцевича, обрывки архива кн. С.Ф. Бельского, опубликованные в «Актах Западной России»[46], и введенные в научный оборот сочинения Ивана Пересветова, Ивана Федорова, Григория Котошихина, записки Федора Евлашевского, сеймовые дневники, актовые книги судов Короны Польской и Великого княжества Литовского, Литовская Метрика, московские посольские книги, разрядные и родословные записи, летописи XVI–XVII вв. не привели к осмыслению «коллективного Курбского» в противостоянии с московской верховной властью или хотя бы отстоянии от нее.

Социологический язык закономерностей и факторов развития, черпающий свои теоретические основания в научных доктринах Огюста Конта или Герберта Спенсера, предписывал исследованию поиск носителей эволюционных тенденций. Открытые к началу XX в. источники о российских эмигрантах в Европе с трудом поддавались такому анализу. Кто стоял за спиной князя Семена Бельского в его борьбе против московской власти? Какая историческая сила? Какое право отъезда сохранялось при жизни князя Андрея Курбского, если специалисты по его биографии пришли к выводу, что он бежал от царя Ивана в надежде на щедрое вознаграждение в эмиграции? Может быть, высшие слои московского общества подверглись той же тяге к «перемене мест», а их эмиграция – часть масштабного процесса, в котором решающими были совсем другие «начала» и «силы», и в первую очередь подвижность населения, его стремление осваивать всё *бо*льшие территории? Понятие территориального освоения вызвало к жизни в российской науке концепцию колонизации, которая подменяла «Другого» историей освоения. Тезис об исконной текучести, подвижности русского населения развивался в направлении, которому были заданы мирные рамки. Империя была столь обширна, что ее население не нуждалось в эмиграции. Колонизуемая территория расширялась вместе с государственной, и за этим тезисом из истории выпадали как аномальные или неважные для ключевых исторических процессов выходы населения за пределы Государства. Понятие миграций благодаря «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева и его учеников систематически раскрывалось как колонизация с редкими и бессистемными выходами за границы «своей территории»[47]. В работах М.К. Любавского освоение российских территорий было разделено на насильственное и ненасильственное. Фактор эмиграции как особого военного и этнокультурного процесса в истории восточной Европы впервые сделался предметом научной рефлексии[48]. Косвенным эффектом этой доктрины стало невнимание к «этническим меньшинствам» в работах национально-ориентированной историографии. Роль эмигрантов-московитов в европейских странах казалась настолько мизерной, что не учитывалась в статистических обобщениях по истории XVI–XVII вв. В дискуссиях рубежа XIX–XX вв. звучал и вывод М.Ф. Владимирского-Буданова о заселенности Украины к XVI в. «русским племенем»[49], и тезис А.-В. Яблоновского и М.С. Грушевского о том, что московитов и поляков на украинских землях до 1569 г. почти не было[50].

---

[44] Данная точка зрения позднее развита в исследованиях С.Б. Веселовского и Б. Норретрандерса: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Norretranders B.* The Shaping of Czardom under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964.

[45] Подробнее см. здесь главу «Экстенсивное чтение».

[46] Подробнее см. здесь главу «Между эмиграцией и троном».

[47] *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М., 1987. Т. 1. С. 50; *Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 24.

[48] *Ерусалимский К.Ю.* Литовско-Русское государство, Московская Русь и миграции в исторической концепции М.К. Любавского // АЕ за 2011 год. М., 2014. С. 271–290.

[49] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.) // АЮЗР. Киев, 1890. Ч. 7. Т. 2. С. 210.

[50] *Jabłonowski A.* Etniczna postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną // KH. 1893. R. 7. Z. 3. S. 421.

Из названных авторов жизнь и труды эмигрантов из Московского государства специально интересовали только М.С. Грушевского. Украинский историк считал, что во второй половине XVI в. на будущих украинских землях существовало три интеллектуальных центра, причем все три напрямую связаны с деятельностью эмигрантов из Московского царства. Первый — Заблудово Григория Ходкевича, где трудился печатник Иван Федоров. Второй — Слуцк, где предположительно были типография и школа (к этому центру были причастны Артемий и Марк Сарыхозин). Наконец, третий — Ковель с его насельником князем Андреем Курбским, бежавшим «от лютости царя Ивана Грозного», основавшим центр переводческих работ и ведшим переписку «с виднейшими людьми на Украине и Беларуси, призывая их твердо держаться своей веры и не зариться на католическую культуру»[51]. В целом эта концепция мало отличается, например, от истории «Северо-Западного края» П.Н. Батюшкова (1890 г.), который пошел еще дальше, говоря, что жестокость Ивана IV и бегство от него в Литву «русских, особенно князя Андрея Курбского, разрушали в русской среде Литовского княжества всякие надежды на Восточную Россию»[52]. Она транслирует образ православия как совместного наследия Москвы и православной польско-литовской Руси (Украины и Беларуси). Пришельца из Москвы князя Андрея Курбского она изображает как диссидента или изменника, который спасался от тирана и нашел себе во владениях польского короля не только приют, но и занятие — бороться за православие. Как и против кого бороться? Если он был близок в своей борьбе к князю Константину Острожскому, то почему же между Курбским и Острожским уже в первые годы после эмиграции московита возникли расхождения в понимании того, как и против кого следует защищать веру? Михайло Грушевский полуиронично намечает ответы на подобные вопросы, когда пишет, что Курбский был «правоверный Москвитин», для которого, как для чужака на Волыни, «почти вся Волынь» была заражена «душевной гангреной», «скверными догматами подущаемой». Наносным исследователь считал и православный рационализм, близкий к унитаризму, принесенный в Великое княжество Литовское «московскими перебежчиками» Феодосием Косым и др.[53] Вместе с тем, как уже говорилось, влияние московского элемента на украинское казачество М.С. Грушевский считает всё же минимальным в демографии и вторичным (или вымышленным польской пропагандой) — в идейных и политических течениях[54].

Переосмысление частных наблюдений участников дискуссии об этническом составе восточной Европы XVI — начала XVII в. так и не превратило язык «колонизации» и «этнического присутствия» в приемлемый инструмент изучения русской политической эмиграции. Можно согласиться, что выезд за рубеж всех известных ныне придворных, дворян и детей боярских московских великих князей и царей колонизацией не являлся, ни к какой «колонизации», помимо самих этих выездов, не приводил и не свидетельствовал об уже произошедшей колонизации занятых земель предшественниками перебежчиков. Корифеи российской историографии, в их числе В.О. Ключевский, М.К. Любавский, Г.В. Вернадский, были убеждены, что общая схема расширения территорий России включает продвижение «главной массы русского народа» на внутренние и присоединяемые земли, в меньшей степени — участие «слабейшей части русского народа» и других этносов в колонизации. В дискуссии наших дней «московский фактор» в восточноевропейской культуре иногда наделяется своеобразной культуртрегерской или даже политической миссией, однако он вызывает дискуссии, из которых ясно, что отождествление российской эмиграции с «коллективным Иваном Грозным» возможно только в анахронической перспективе «воссоединения братских народов»[55].

---

[51] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. V: Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII віків. Київ, 1994. С. 539–618; *Його ж.* Історія України-Руси. Т. VI: Житє економічне, культурне, національне XIV–XVII віків. Київ, 1995. С. 420–538; *Його ж.* Ілюстрована історія України. З додатком Нового Періоду Історії України за роки від 1914 до 1919. New York, 1990. С. 221. См. о тенденции М.С. Грушевского видеть рождение модерной украинской нации во взаимном притяжении украинских, белорусских и русских культурных традиций и в ее противостоянии с польской культурой: *Plokhy S.* Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Toronto et al., 2005. P. 176–193, 207–211.

[52] Белоруссия и Литва: Исторические судьбы Северо-Западного края / изд. П.Н. Батюшковым. Минск, 2004. С. 176 (1-е изд. — 1890 г.)

[53] *Грушевський М.* Історія України-Руси. Т. 6. С. 421–426, 442–444.

[54] Об этом подробнее см. в нашей работе "Natione Moscus".

[55] «Московский фактор» на выборах короля в Речи Посполитой дискутируется в работах Б.Н. Флори и Х. Люлевича: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие восточной Европы во вто-

Между несходными интерпретациями единства Государства и «Другого» нет непроходимой стены. Эти подходы роднит ориентация на будущее, убеждение в том, что «коллективный Иван Грозный» задал вектор развития, открыл особую перспективу развития России на многие годы вперед. По мнению последователей Н.М. Карамзина — деспотический путь аномального монархизма и Смуты. Согласно С.М. Соловьеву — полновесную государственную политику, торжествующую над отжившим прошлым. Критические выпады в рамках обоих подходов звучат особенно часто, когда речь заходит о том, действительно ли террор Ивана Грозного был прогрессивным, а цели, какими бы они ни обозначались в будущем, оправдывают политические средства. Не случайно выход из научного языка государственной модернизации подтолкнул С.Б. Веселовского, А.А. Зимина, Р.Г. Скрынникова и В.Б. Кобрина к концепции аномального монархизма. «Коллективный Курбский» так и остался в их работах интеллектуалом-аристократом, видевшим альтернативу репрессиям и террору в коллегиальной монархии при поддержке церкви и «всенародных человек». В то же время Иван Грозный всё меньше напоминал государственного гения, опередившего «свой век».

Русская эмиграция XIX — начала XX в., располагая ограниченным кругом источников, не искала своих интеллектуальных истоков в эмиграции из Московского государства. Еще меньше оснований было для родословного подхода: преемственности между перебежчиками времен Ивана Грозного, царя Федора Ивановича и Смуты с эмигрантами из Имперской России не было почти никакой. В Вольной типографии А.И. Герцена один за другим издавались тайные и запретные источники по истории России. Среди них не было ни одного сочинения князя Андрея Михайловича. Интеллектуальной близости тоже не было. Бежав из страны Ивана Грозного, Андрей Курбский не создал ничего сопоставимого с «Колоколом», вызвал весьма ограниченное сочувствие у соотечественников и ничего не сделал для исцеления своей страны. Наоборот, принял участие в ее разорении. Его труды вряд ли кто-то из придворных царя Ивана мог встретить с ремарками на полях на столе у своего государя[56]. Недооценка была очевидна уже в XIX в. и проистекала из последовательного скептического взгляда на историю оппозиции в России. П.Н. Милюков показал, что противостоящие власти «критические элементы» русского общества, начиная с Нила Сорского и заканчивая Александром Радищевым и не исключая князя Андрея Курбского, отнюдь не были «передовыми мыслителями», как и реформаторы во власти, такие как Петр Великий, не нуждались в свободном обществе, а применяли передовые идеи и технологии для своих, часто корыстных и сиюминутных целей[57].

Тринадцать лет разделяло Первое и Второе послания Ивана Грозного своему изменнику, и в личном архиве царя многие годы и затем после его смерти хранился не только список (или один из оригиналов) Первого послания князя Андрея Курбского, но и следственное дело, и сборник с сочинениями других изменников и врагов Государства. Второе послание царя было известно в составе сборников Перериски уже в XVIII в. и было издано Н.Г. Устряловым[58]. Ф.М. Достоевский, не симпатизировавший ни Курбскому, ни Ивану Грозному, в дневнике рассуждал о Курбском как о «русском эмигранте 16-го столетия», писавшем к царю «свои оппозиционные и почти ругательные письма из-за границы, где он безопасно приютился»[59]. Слова о безопасности оттеняли в рассуждении писателя судьбу Василия Шибанова, которого Курбский будто бы отправил на верную смерть с «оппозиционным письмом» в Москву. Эту общепринятую в XIX в. версию событий поддержал даже осторожный и критичный Н.Г. Устрялов в своих комментариях к «Сказаниям Князя Курбского». Хотя достоверного в ней мало. Кроме того, она дополнялась по меньшей мере общепризнанными к тому времени фактами о его эмиграции и вооруженной борьбе из «безопасного приюта» против своего отечества.

Эмигрантская историография показывает, насколько далек был для Русского зарубежья образ князя Андрея Курбского и таких, как он. Ни

рой половине XVI — начале XVII в. М., 1978; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002.

[56] Е.В. Колесникова видит в сравнении образов «первого эмигранта» на примере Андрея Курбского и Александра Герцена историографическую шутку. Учитывая обилие ссылок на Курбского в этой роли в новейшей историографии, речь идет, как представляется, не столько о шутке, сколько о маловразумительном клише. См.: *Колесникова Е.В.* А.И. Герцен — эмигрант, журналист, издатель // Гуманитарный акцент. Ежеквартальный научный журнал. М., 2017. № 1. С. 46–51, здесь с. 46.

[57] *Nolde B.* L'oevre historique de P.N. Miljukov // RÉS. 1944. Vol. 21. N 1/4. P. 159.

[58] *Устрялов Н.Г.* Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 193–197; *Лурье Я.С.* Археографический обзор. Послания Грозного // ПИГАК. С. 348–351.

[59] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 117, 423. См. также: *Шмидт С.О.* Сочинения Курбского... С. 618–619.

сам князь, ни окружающие его десятки и сотни эмигрантов не вызвали почти никакого научного интереса у специалистов, спасшихся из Советской России и работавших над российской и восточноевропейской историей. В эмиграции наметилась тонкая нить радикальных реинтерпретаций, тянущаяся к нашему времени с самых 1920-х гг., когда П. Б. Струве, Н. В. Устрялов, А. А. Кизеветтер обращались к предыстории российского деспотического самодержавия и показывали, как тщетны были попытки ему противостоять и как прочны его традиции, несмотря на внешние перемены и революционные потрясения. Для П. Б. Струве российская государственность была продуктом просвещения и сохраняла свою связь с обществом благодаря способности к объединению, а не подавлению. Полицейскому пониманию государства исследователь противопоставлял революцию, облеченную «нравовым умыслом». Подлинными революционерами для него были не Стенан Разин и Емельян Пугачев, а Александр Герцен, Александр Бакунин и Лев Толстой. Политическую деспотию начала XX в. Струве считал ответственной за деградацию просветительского проекта и самой российской государственности[60]. Как мы увидим ниже, от П. Б. Струве через А. Мазона к Э.-Л. Кинану протягивается тонкая нить живительного для науки скептического подхода к «священным коровам» российской историографии. Одна из них — безусловно, Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.

Задолго до своей эмиграции о творчестве кн. Андрея Курбского рассуждал А. А. Кизеветтер. Его взгляд далек от демографической истории. Не вписывается он и в историю литературы. В книге «Иван Грозный и его оппоненты» Курбский представлен оппозиционером, отстаивающим идеалы удельного времени. Этот тезис и сам не блистал новизной, и новыми аргументами не усилился. За социологической моделью, скроенной в терминологии К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева, просматривается оптика в духе социальной критики рубежа веков. Исследователя интересует общественная мысль в ее противостоянии с государством и его идеологией. Не отживший строй, а именно общество в лице кн. А. М. Курбского выражает свое недовольство клятвой о государственной службе. Вместо привычного «литератора» в лице князя Андрея Михайловича Кизеветтер видит тираноборца, разрабатывающего публицистический проект переустройства Российского царства. Власть в идеальном государстве должна прислушиваться к мнению всенародства, остановить истребление удельных князей, своих верных слуг и вымышленных «изменников», прекратить подмену глубокой народной религиозности выхолощенной иосифлянской церковной догмой. Мысль — созвучна учению Л. Н. Толстого и опорным построениям П. Н. Милюкова. Это как бы квинтэссенция этого проекта, отнюдь не бесспорно звучащая как прочтение взглядов кн. А. М. Курбского, но важная для понимания диалога либеральной мысли имперской России с общественными идеологами середины XVI в.: «Итак, Курбский имеет в виду совещательное участие в делах управления всего общества в лице призванных к этому по своим внутренним способностям людей»[61]. Большинство «требований Курбского» были близки самому историку-публицисту рубежа XX в. и остались таковыми после его эмиграции, несмотря на коренную, как казалось, смену государственного строя в России.

Мессианство, свойственное российской культуре рубежа веков, прозвучало как объединяющая сверхидея в эмигрантских работах Г. П. Федотова. Его выводы об особом духовном восприятии византийского христианства в русских землях и вере в Святую Русь выстроили научную оптику, которая в исследовании православной ортодоксии, униатских традиций, ересей и толкований XVI – середины XVII в. применима с большими оговорками. Религиозный уклад ("Religious Mind") понимался Г. П. Федотовым как особое национальное чувство, а не догматическое учение, это то местное преломление христианства, которое созвучно местной исторической почве. Впрочем, для вывода о «национальной религиозности» и сама изучаемая эпоха слишком далека и чужда, и терминология привнесена во многом из трудов мыслителей, которые эту «историческую почву» покинули.

Образ князя Андрея Курбского, противника иосифлян в пользу заволжских старцев, по словам Г. П. Федотова, «человека, несомненно, православного», впитал в дискуссиях рубежа веков много от тех настроений, которые привели к канонизации Нила Сорского в 1903 г.[62] Впрочем,

[60] *Струве П. Б.* Подлинный и необходимый конец большевистского коммунизма // Русская мысль. 1923–1924. Кн. IX–XII. С. 313–318; Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 202–205 (Н. В. Устрялов — П. П. Сувчинскому. 1926 г.).

[61] *Кизеветтер А. А.* Иван Грозный и его оппоненты. М., 1898. С. 79.

[62] *Федотов Г. П.* Соч. Т. XI: Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XIII–XV вв. М., 2004. С. 343–344.

в отношении посланий и «Истории о князя великого московского делех» Курбского Г. П. Федотов придерживается очень осторожной концепции, неоднократно в книге «Святой Филипп» указывая на его ошибки и сомнительные неподтвержденные свидетельства. Причина — неучастие князя в событиях предопричной придворной жизни и опричнины, использование слухов в эмиграции, отсутствие надежных источников[63]. Вскоре после публикации «Русской религиозности» (1966 г.) возникли обоснованные сомнения, что понятия, которыми пользуется князь Андрей Курбский, отражают чьи-то еще взгляды, кроме построений самого этого уникального автора XVI в. До сих пор дискуссии ведутся о понятиях «Избранная рада» (И. И. Смирнов, Г. В. Вернадский, А. Н. Гробовский, Э. Л. Кинан, Д. К. Уо, А. И. Филюшкин, М. М. Кром)[64]. Д. Островский и А. И. Плигузов, развивая концепции Я. С. Лурье, Г. Н. Моисеевой, А. А. Зимина и И. В. Курукина, показали, что противостояние между «иосифлянами» и «нестяжателями» конструируется в историографии под значительным влиянием реформ времени Стоглава (1550–1551 гг.)[65]. Тезис о позднем происхождении противопоставления «нестяжателей» «иосифлянам» получил развитие в работах А. И. Алексеева, который подвел черту заслугам кн. А. М. Курбского перед публицистикой и историографией: «Клеветнические по сути заявления Курбского не соответствовали действительности, но охотно повторялись публицистами последующих эпох, пишущими на исторические темы»[66].

Современник Г. П. Федотова, и также эмигрантский историк А. В. Соловьев, который одним из первых получил доступ в официальную советскую печать, задавался вопросом и об истоках понятий «Великая Русь» и «Святая Русь». Историк склонился к выводу о том, что под Великой и Святой Русью в восприятии кн. А. М. Курбского следует понимать ареал, близкий к «Московской, подчиненной Грозному царю Руси»[67]. Это неверно, и мы покажем, как в сознании князя Андрея Михайловича сменяются исторические эпохи, к которым эти понятия приложимы и не приложимы. Здесь вслед за М. Чернявским зададимся рядом вопросов, без которых история эмиграции XVI в. лишается своего пограничного, культур-контактного измерения. Почему идеал Святой Руси («Святорусской империи») был впервые озвучен именно эмигрантом Андреем Курбским, а у его российских современников не вызывал никакой рефлексии и даже, видимо, не упоминался? Почему святость становится предметом дискуссии между двумя светскими лицами — Курбским и Иваном Грозным? Как случилось, что эмигрант обсуждает законность соборов «на еретики», переводит святых отцов и пишет агиографические сочинения о мучениках в Святорусском царстве? На эти вопросы необходим развернутый ответ, который лишь намечен в представленной монографии[68].

Профессиональная историография в эмиграции предложила свои ответы на вопрос о становлении деспотического самодержавия. Западным исследователям-славистам, как и их советским коллегам, было понятно, что Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским и «История» Курбского - весьма тенденциозные источники[69]. Один из самых влиятельных учеников В. О. Ключевского в мировой русистике, Г. В. Вернадский доверился Переписке и «Истории о Великом князе Московском» и изложил историю Избранной рады и опричнины в свете идейной борьбы князя Андрея Курбского с Иваном Грозным, видя в первом идеолога ограниченного самодержавия, а во втором — воплощенное всевластие. Неформальные институты оказываются невинными экспериментами на фоне бурного политического прожектерства. Г. В. Вернадский был одним из первых, кто опроверг попытки В. О. Ключевского и С. В. Бахрушина представить Избранную раду как полуформальную Ближнюю думу или ее подобие. Как и опричнина, это был эксперимент, причем менее удачный, потому что менее приемлемый для автократичного царя. Личные качества неограниченного монарха в таком монгольско-русском политическом образовании, как Московское царство, оказывали временами определяющее влияние на ход истории[70].

---

[63] См., напр.: *Федотов Г. П.* Святой Филипп, митрополит московский. М., 1991. С. 51–52, 60–61, 73–74, 78–81, 83–84 и др.

[64] Подробнее см. в главе «Персональная и социальная память».

[65] *Ostrowski D.* A "Fontological" Investigation of the Muscovite Church Council of 1503. The Pennsylvania State University, 1977; *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 37–46, 159–160, 330–386.

[66] *Алексеев А. И.* Иосиф Волоцкий. М., 2014. С. 294.

[67] *Соловьев А. В.* Великая, Малая и Белая Русь // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 491.

[68] См. нашу монографию «Император Святой Руси»

[69] Об этом см., напр.: *Bolsover G. H.* Ivan the Terrible... P. 71.

[70] *Вернадский Г. В.* Московское царство / пер. с англ. Е. П. Береиштейн и др. Тверь; М., 1997. Ч. 1. С. 28, 30, 38–39, 62, 67, 85, 87, 94–95, 101, 155–161 и др.

Исследователь в незамысловатых построениях общего курса приблизил эмигрантскую науку к тому рубежу, с которого в работах С. Б. Веселовского, Б. Нерретрандерса, А. Н. Грабовского, Э. Л. Кинана и И. Ауэрбах начался пересмотр мировоззрения, социального статуса и итинерария князя Андрея Курбского.

В целом в самосознании Русской эмиграции XX в. фигура московского князя-аристократа на службе польских королей была обречена на одиночество. Вызов, брошенный князем Андреем Михайловичем царю Ивану Васильевичу, занял уникальное место в русской культуре, не имея почти никаких аналогов. Пожалуй, и позднее аналогичный борцовский пафос будет встречаться крайне редко и звучать вонюще, свидетельствуя о нездоровой публицистической атмосфере в Российской империи. Так сложится противостояние П. Я. Чаадаева, И. Г. Головина, Н. И. Сазонова, А. С. Герцена с главой III Отделения А. Х. Бенкендорфом и императором Николаем Павловичем, драматичная «переписка» Ф. Ф. Раскольникова с И. В. Сталиным, а также властные диалоги Б. А. Березовского и М. Б. Ходорковского с В. В. Путиным[71].

Российская эмиграция в Европе XIX в. мало вообще обращалась к сочинениям Ивана Грозного и Андрея Курбского, а сравнение переписки перебежчика-предателя с бывшим господином-властью превращалось в рефлексию над несостоявшимся общественным консенсусом. Все примеры «рецепции» XX — начала XXI в. вообще являются не рецепцией, а пустыми аналогиями, поскольку никаких, даже аллегорических инкарнаций Переписки Андрея Курбского с Иваном Грозным в этих противостояниях не было — все аналогии привнесены самими исследователями, ищущими аналогий. На их фоне выразительное отличие — полемический запал кн. А. М. Курбского и неожиданное многословие царя Ивана. Даже профессионально подготовленные специалисты к середине XX в. не находили непротиворечивых ответов, когда спрашивали, в чем расхождения во взглядах, политической программе, мировоззрении Курбского и Ивана Грозного. Более того, у многих читателей складывается ощущение, что спорить им между собой особо не о чем. Политическая эмиграция, по словам С. О. Шмидта, развивала лишь общие тенденции в диалоге, начавшемся в XVI в.: «И. Г. Головин и Н. И. Сазонов, как и их великий современник А. И. Герцен, вслед за отказавшимся вернуться в Россию декабристом Н. И. Тургеневым, продолжали начатую "Историей" Курбского традицию, свойственную с тех пор русской общественно-политической мысли — противостояния в изображении современной (а затем и давней) истории России нищущими в самой России и за ее пределами»[72]. Эмигрантская наука XX в. увидела в Переписке борьбу между двумя суверенами, эмигрантом и резидентом, и между двумя формами суверенитета, которые не столь отчетливо просматриваются на «поверхности» их диалога. Открытие исторической наукой князя Андрея Курбского — богослова, переводчика, публициста и землевладельца осталось в стороне от дискуссий Русского зарубежья.

Книга российского историка-эмигранта, работавшего в сотрудничестве с Эрнстом Канторовичем, Михаила Чернявского «Царь и народ» бросала вызов устоявшимся историографическим конвенциям, лишая их устойчивости и исконности. Он характеризует «Святую Русь», «Русского Царя», «Русский Народ», «Русскую Душу», «Мать-Россию» как мифы, которые мы, вслед за Бенедиктом Андерсоном и Ларри Вульфом, могли бы назвать сегодня изобретенными конструктами Нового времени. Эти мифы возникали и разрабатывались интеллектуалами, которые нередко представляли не власть, а независимые и оппозиционные круги «русского общества» ("Russian society"). Впрочем, сами концепты Русского общества и России выступают в книге «Царь и Народ» как организующие повествование с «древнейших времен» до «современности» СССР и Эмиграции XX в.[73]

[71] *Кобрин В. Б.* Два портрета: Курбский и Раскольников // ЗС. 1990. №7. С. 51–55; *Шмидт С. О.* Сочинения Курбского... С. 619–622; *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 157–160. Популярные высказывания в дискурсах государственной измены строятся на идее преемственности или даже теории развивающегося заговора «изменников» против России. Не самые радикальные формы этих дискурсов представлены в книгах: *Julicher P.* Renegades, Rebels and Rogues under the Tsars. Jefferson, NC, 2003; *Щербаков А.* Русская политическая эмиграция: от Курбского до Березовского. М., 2012. С. 5 и сл. О традициях восприятия Апокалипсиса в российской культуре, а на этом фоне — о демонизации «самозванцев», «изменников», «Запада» и т. д. см.: *Bethea D.* The Shape of Apocalypse in Modern Russian Literature. Princeton, NJ, 1989; *Gillespie D.* Apocalypse Now: Village Prose and the Death of Russia // The Modern Language Review. 1992. Vol. 87. N 2. P. 407–417.

[72] *Шмидт С. О.* Сочинения Курбского... С. 620.

[73] *Cherniavsky M.* Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven; London, 1961. P. 9, 28–29, 32–33, 52–53, 128–129 etc. Критика концепции Михаила Чернявского С. А. Зеньковским, Н. В. Рязановским и Марком Раевым приведена нами в главе «Идеолог княжеской вла-

По мнению М. Чернявского, в XVI в. получили развитие и по-своему раскрылись мифы Русского Царя и Святой Руси. Первый из них был создан на стыке трех идеалов, из которых два были далеки от православия, а один имел весьма отдаленное отношение к христианству: византийского василевса, ренессансного государя и монгольского хана. С одной стороны, на его опыте разделения страны на доли – опричнину и земщину, Симеона Бекбулатовича и свою – сказалось бинарное единство василевса и хана в русском образе царской власти[74]. По меркам Михаила Чернявского, Иван Грозный воплощает своей политикой и взглядами идеал ренессансного князя, «ужасного и внушающего ужас», наследуя этот идеал от своего отца, Василия III. Именно с великого князя Василия Ивановича отмечается при московском дворе тяготение к внешней изысканности и утонченности, отход от идеала княжеской святости в пользу своеобразного «дендизма», красивых манер и светской образованности[75]. Развивая этот тезис, Чернявский высказывает два наиболее спорных предположения, из которых оба вызовут в грядущей за книгой дискуссии прямо противоположные: Иван Грозный был самым светски образованным среди своих подданных, а Андрей Курбский, иронично осадивший царя в своих ответных посланиях, поддерживал при этом «старый порядок и идею благочестивого и христоподобного правителя»[76]. Оба эти утверждения сегодня вызывают больше сомнений, чем согласия.

Второй миф основан на древнерусских учениях об избранности Русской земли для спасения и представлениях о «светлой» Руси. Однако впервые он сформулирован лишь в XVI в. и обнаруживается в сложившемся виде в сочинениях кн. А. М. Курбского. Позднее будет установлено, что понятие «Святая Россия» обнаруживается в греческом послании старца Максима Грека середины XVI в. и поздних, рубежа XVI–XVII вв., списках послания псковского старца Филофея великому князю Василию III[77]. Окончательное слияние Святой Руси и Русского Царя произошло лишь около 1812 г., а до того, как будто по аналогии с понятием «патриот» в четвертом издании знаменитого толкового словаря английского языка Сэмюэла Джонсона, «Святая Русь» не только существовала отдельно от монархических образцов, но и служила для создания учений о свержении незаконной власти[78]. Михаил Чернявский призывает избегать формул более поздних эпох, говоря о «мифах» или «образах», сконструированных из взаимно анахроничных реалий. Политическая легитимность великого князя и царя Российского государства не состоит еще ни из Русского Царя, ни из Святой Руси. Для высшей власти в XVI в., согласно М. Чернявскому, оба эти идеала не были знакомы и не составляли языка приверженности, чтобы на нем

сти». Названные рецензенты не останавливаются на поднятой в книге «Царь и Народ» проблеме ранних заимствований в учениях о святости Руси и святости власти. Обсуждение этого вопроса намечено в рецензии Ханса Лемберга, однако автор исходит из тезиса – он намечен и в книге М. Чернявского – о появлении заимствований у Курбского в поздних интерполяциях к спискам его сочинений. Этот тезис, конечно, для своего времени значимый, сегодня звучит уже не столько провокативно, сколько дезориентирующе. Ср.: *Lemberg H.* Rev.: *Cherniavsky M.* Tsar and People... // JGO. 1966. Bd. 14. Hf. 1. S. 111–114, здесь S. 113.

[74] *Чернявский М.* Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры: Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / пер. С.Л. Никольского; сост. А.Ф. Литвинова, Ф.Б. Успенский. М., 2002. С. 454–456. См. 1-ю публикацию: *Cherniavsky M.* Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory // JHI. 1959. Vol. 20. N 4. P. 459–476.

[75] *Cherniavsky M.* Ivan the Terrible as Renaissance Prince // SR. 1968. Vol. 27. N 2. P. 195–211.

[76] Ibid. P. 199.

[77] *Cherniavsky M.* "Holy Russia": A Study in the History of an Idea // AHR. 1958. Vol. 63. N 3. P. 617–637; *Idem.* Tsar and people. Studies... P. 101–127. См. также: *Kämpfer F.* La "Sainte Russie" vue par l'Europe occidentale: l'image de la chrétienté russe en Occident et le concept de "Sainte Russie" // 988–1988: Un millenaire. La christianisation de la Russie ancienne. Paris, 1988. P. 197–208; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 180; *Ерусалимский К.Ю.* Понятия «народ», «Росия», «Руская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV–XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время / под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 159–166; *Nowak A.* Imperiological Studies: A Polish Perspective. Krakow, 2011. P. 112; *Дмитриев М.В.* Парадоксы «Святой Руси»: «Святая Русь» и «русское» в культуре Московского государства 16–17 вв. и фольклоре 18–19 вв. // CMR. 2012. Vol. 53. N 2–3. С. 3–6.

[78] *Cherniavsky M.* Tsar and People. Studies... P. 128–158. См. также в рецензии на эту работу: *Dewey H.W.* Rev.: *Cherniavsky M.* Tsar and People... // SEEJ. 1964. Vol. 8. N 2. P. 224–226. Мифы «Русского Императора» и «Русской Триады» переосмыслены как результаты межкультурных контактов с «Другими». В обоих случаях мы имеем дело не с «Другими» в «Я», а с «другостью» самого «Я» в российской культуре. См.: *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004; *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge et al., 2006.

формулировать идеологию лояльности или патриотизма.

Язык политического «Я» был иной, и на нем элите трудно было говорить, поскольку функционально он был пригоден только для самого носителя суверенитета. Дискуссии о природе абсолютизма и придворного общества привели к осмыслению местной царско-великокняжеской и ренессансной монархической репрезентации как особой культурной атмосферы и специфической формы «социальных негоциаций», в которых фигура светского Монарха-Солнца заняла место, ранее занятое Церковью в геоцентричной Вселенной. Д.С. Лихачев и С .О. Шмидт, развивая концепцию средневековой и ренессансной народной культуры М.М. Бахтина, показали, что политика царя Ивана была воплощением его театральной натуры и результатом развивающегося в России популярного абсолютизма. С.О. Шмидт подчеркивал стремление царя Ивана к властному словесному гротеску и зрелищным церемониям. Бурные проявления царя в высказываниях и публичных выходках становились своеобразной нормой для подданных и укоренялись в языке придворной коммуникации, хотя в дипломатических выпадах царя было много от энистолярной войны — эмфатического и агрессивного языка, используемого не только Иваном Грозным, но и его адресатами[79]. Как показали исследования Лицевого летописного свода, пометы к тексту официальной летописи за середину XVI в. делались при непосредственном участии царя. Он не преминул воспользоваться своими воспоминаниями и архивными документами, чтобы в приписках к своду уличить своих «изменников» и раскрыть попытки лишить его самого и его ближайших предков наследственного великокняжеского и царского титула. История редактирования иллюстрированной летописи отражает одну из главных забот подозрительного царя и его окружения — искоренение крамолы[80]. С.О. Шмидт показал, что в приписках получили развитие мысли из посланий Ивана Грозного и, возможно, Переписка Грозного с Курбским[81].

Сама Переписка, согласно точке зрения исследователя, превратилась в долгий диалог между двумя вариантами социального и политического развития России — автократическим и умеренно-аристократическим. Царь Иван был в России основоположником доктрины и практики деспотической автократии с ее «порядком интеллектуального конформизма». В то же время Курбский был защитником идеи делегирования власти более широкому кругу советников и отстаивал свои взгляды в России и в эмиграции[82]. Переписка глубоко укоренилась в рукописную традицию и сохранилась в большом числе рукописных копий. Впрочем, в распоряжении исследователей сегодня несколько обособленных рукописных традиций «сочинений Курбского»[83]. В программной статье С.О. Шмидт возводит феномен российской эмиграции к жизненному опыту и творчеству Андрея Курбского. Кн. А.М. Курбский в трудах Шмидта так и остается символом русской эмиграции XVI в. и даже XVI–XVII вв., вплоть до Григория Котошихина: «Общественные воззрения российских политэмигрантов — при различии социокультурных предпочтений и в футурологических построениях, — как правило, были антиправительственными; и в сочинениях их — противостояние официозной российской доктрине в истолковании и оценке и настоящего и прошлого»[84].

Российская эмиграция обретает в трудах Михаила Чернявского и С.О. Шмидта историческую перспективу как культурное событие, сопутствующее абсолютной монархии, империи и коммунизму[85]. С.О. Шмидт в «самодержавстве» Ивана Грозного видел истоки абсолю-

[79] *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 302–312, 348–352, 365–382, 383–386. Подробнее об общем и особенном в «кусательном стиле» Ивана Грозного и его адресатов в дипломатической переписке см.: *Бачинский А.А., Ерусалимский К.Ю., Кочековская Н.А., Моисеев М.В.* Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // РИ. 2018. № 2. С. 111–129.

[80] *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 206–265; *Его же.* Летописный свод лицевой // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 30–32; *Его же.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. IX. Ср.: *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 429–440, 456–464.

[81] См. также полемические ремарки: *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 84–85.

[82] *Шмидт С.О.* Русская эмиграция и ее влияние на отечественную историческую мысль // Документальное наследие по истории русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции 29–30 октября 2003 г. М., 2005. С. 11–64, особенно с. 15.

[83] См. здесь главу «Экстенсивное чтение».

[84] *Шмидт С.О.* Русская эмиграция... С. 12.

[85] С.О. Шмидт тепло отзывался о Михаиле Чернявском в частных беседах, но вряд ли имел возможность внимательно ознакомиться с его работами, поскольку они были написаны и опубликованы по-английски. В то же время влияние М.М. Бахтина на С.О. Шмидта (прямое и опосредованное — через Д.С. Лихачева) совершенно очевидно. См.: *Шмидт С.О.* Д.С. Лихачев и культура Москвы // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 37–43.

тизма, что и предопределило переименование и дополнение монографии о социально-политической истории этого периода. Более ранних форм эмигрантского «Другого» для самодержавно-коммунистического «Я» не обнаруживается, поскольку нет исконной основы для дихотомии. Нет единых «рубежей», за которыми имело бы смысл искать «эмиграцию», и самой идеи единой политики и власти, воплощенной в «коллективном Иване Грозном». В отличие от концепций тоталитарной машины и государственной модернизации данная точка зрения не призвана противопоставлять «Курбского» и «Ивана Грозного» как диаметральный выбор или альтернативу и не конструирует развитие государственности в России или за ее пределами как прогрессивную тенденцию.

С одной стороны, Государству в исследованиях С.О. Шмидта противостоит «народ», который осуществляет не классовую борьбу, а в 1547 г. поднимает архаичный, почти языческий бунт против временщиков, князей Глинских, присоединившись к их противникам, а следовательно, таким же по сути феодалам, как и Глинские. Массы людей не несут по определению той угрозы для «коллективного Ивана Грозного», который находит поддержку в популярном монархизме. Протест со стороны придворного окружения царя Ивана и эмигрантов также не вносит во внутреннюю жизнь Российского государства существенных новаций — в упреках Курбского нет разрушительного потенциала для Государства. Кроме того, протест обнажает источник конфликта. Как показывают сочинения Курбского и послание Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина, феодальное Государство опирается на особый класс приближенных к трону чиновников — дьяков и подьячих, на верных слуг в диапазоне от высшей иерархии холопов до опричников и новое дворянство и на церковную иерархию. В «коллективном Курбском» власть видит угрозу именно потому, что идеалы феодальной аристократии вступают в противоречие с абсолютистскими амбициями, которые отнюдь не «прогрессивнее» и не являются единственным возможным путем к «централизации» страны.

С другой стороны, политическая эмиграция и в эпоху ренессансного абсолютизма, и после Октябрьской революции не противопоставляла официозу своего единого Русского Царя или свою Святую Русь. Однако на всем протяжении своего формирования российская эмиграция выражала «политические антипатии» к тем официозным идеологическим конструкциям, которые касались настоящего и прошлого России, и была внешней частью внутрироссийской политической эмиграции. Эту точку зрения отличает внимание к субъективности Другого. История Государства предстает в диалоге официоза с разобщенными и разноречивыми мнениями и доктринами. Среди них такие влиятельные не только за рубежом, но и на родине, как «Россия и русские» Н.И. Тургенева, «Очерки русской Смуты» А.И. Деникина, «Распад России» П.Н. Милюкова. Впрочем, участие внутренней и внешней эмиграции в становлении Государства не ограничивается противостоянием официоза и субъективности. Изгнанные и бежавшие по собственной воле из России, вытесненные на периферию политической конъюнктуры в самой России продолжали формировать образ ее актуального «Я», воздействовали на власть и элиты, были причастны к созданию влиятельных доктрин, в том числе — Русского Царя и Святой Руси.

Концепции ренессансной монархии не избегают анахронизма, подводя несходные исторические эпохи под «единый знаменатель». Впрочем, и политическое учение о «двух телах короля» Эрнста Канторовича и теория «раблезианского романа» М.М. Бахтина выстраивают преемственность между средневековыми и ренессансными традициями и политико-правовыми или литературно-интеллектуальными тенденциями эпохи Просвещения и романтизма[86]. Преемственность с более поздними эпохами и различными образами ренессансной современности лишает «коллективного Ивана Грозного» того культурно-символического багажа, который был передан ему из прошлого вместе с его воспитанием, основным кругом чтения, религиозностью. Феноменология культуры подчеркивает устойчивость средневековых поведенческих стратегий и их несводимость к диалектическим схемам «борьбы и единства» классов в любом их понимании. Культура представляется языком символов, прочитываемых и угадываемых культурными агентами, и среди них — царем и его подданными (холопами).

Власть московского царя моделировалась, как показали А.М. Панченко, Б.А. Успенский, Присцилла Хант, по аналогии с властью Царя Небесного, а в сознании современников Ивана Грозного была одной из эманаций божественной власти[87]. Ни бурлеску, ни юридическому телу

---

[86] *Канторович Э.-Х.* Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. А.Ю. Серегиной; под ред. М.А. Бойцова. М., 2005; *Бахтин М.М.* Собр. соч. М., 2008. Т. 4 (1); М., 2010. Т. 4 (2).

[87] *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Из ис-

нравовых абстракций в таком мировоззрении не было места. В этом направлении убедительно прозвучали как аргументы А. В. Каравашкина против «игровых» интерпретаций литературного творчества Ивана Грозного[88], так и аргументы А. Л. Юрганова об отсутствии доктрины «двух тел короля» в русской политико-нравовой культуре, о несходстве юродства с ренессансным «индивидуальным человеком», о символизме «правды» и «веры» в сочинениях Ивана Пересветова[89]. Подданство, превратившееся в институт «холопства», лишало человека XVI в. возможности свободно выражать свое несогласие с сувереном. Можно было погибнуть за «правду» (т. е. за Христа), и царь должен был казнить провинившегося перед ним в полной уверенности, что на Страшном суде ошибка несправедливого приговора будет исправлена. И можно было сразу лишиться христианского заступничества, посягнув на царя, его семью, церковь, православие, став изменником. В последнем случае царь выступал едва ли не судией из Апокалипсиса. Он казнил так, чтобы от грешника не осталось ни тела, ни памяти, ни «печальников»-заступников. Это была самая полная смерть, в какую можно было только низвергнуть христианина. Тревогу «коллективного Курбского» вызывало покушение на символический язык, который объединял Курбского и Ивана Грозного и был общедоступным для их современников. Господь, скажет князь Андрей, не велит «никого же прежде Суда осуждати»[90]. Иван Грозный в глазах князя Андрея, а вместе с ним и «коллективного Курбского», принял на себя миссию карающего судии. Реальность Страшного суда для государева холопа была одним из пределов смыслополагания и определяла конкретные жизненные формы, в которых человек мыслил свою судьбу и свои отношения с государем[91]. Опричнина воплощала, по мнению А. Л. Юрганова, репрессивное политическое богословие «одного тела». Символическое подобие государя Богу транслировалось «холопам», которые по воле своего богоподобного монарха практически беспрепятственно лишались жизни.

Царь считал себя и был как в символической, так и в опытной реальности «содержителем» православия, он, говоря на языке Первого послания Курбского, «явился во православии пресветлым», и никто, кроме Бога, не мог перечить его царской воле, не «приразившись» при этом Богу[92]. Переосмысливая концепцию А. Л. Юрганова в принятых нами категориях, можно отметить, что у «коллективного Курбского» и «коллективного Ивана Грозного» были несходные символические основания и структуры обусловленности. Курбский и Иван Грозный не только придерживались несходных стилей в Переписке и в других своих сочинениях, но проявляли себя в письме и в практике в целом на взаимоисключающих политических языках. Сближение между этими двумя стилями может как нарушать это построение, так и служить доказательством в пользу негласного признания Курбским «коллективного Ивана Грозного» как своей собственной феноменальной, а следовательно, безальтернативной модели поведения. Безвыходность подданства показана А. Л. Юргановым на примере поведения эмигранта Курбского и его слуги. Князь Андрей, будучи изгнанником, сам приписывал право наказывать своих подданных как захочет, в том числе тюрьмой или смертью[93]. Предельное основание в поведении самого Курбского и в этом приближает его к «коллективному Ивану Грозному». При этом и царь осознавал, что не только у приезжих иноземцев, но и у его подданных есть культурные ресурсы для описания его поведения как тирании. А. В. Каравашкин изучил образ царя-мучителя и, развивая концепции В. Е. Вальденберга и М. А. Дьяконова, показал, что представления о тиране и тирании были неотъемлемой частью христианской культуры русского средневековья[94]. Однако если монарх считался благочестивым и открыто не обвинялся в преступлении против христианства, то его справедливый суд, каким бы жестоким он ни был, не подлежал сомнению. Протест против Божьей воли является анахронизмом: «Итак, — подводит итог А. Л. Юрганов, — мир устроен благочестиво, если царь владеет своими “рабами”,

---

тории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 457–478; *Хант П.* Личная мифология Ивана IV о собственной царской харизме // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Сб. 9 (19). С. 245–289 (англ. изд. — 1993 г.).

[88] Этот тезис особенно тщательно разработан в кандидатской диссертации А. В. Каравашкина и его монографии: *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика. С. 204–213. См. также: *Его же.* Литературный обычай Древней Руси. М., 2011. С. 437–449.

[89] *Юрганов А. Л.* Убить беса: Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006; *Его же.* Категории русской средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб., 2009.

[90] *Юрганов А. Л.* Категории... С. 293.

[91] *Каравашкин А. В.* Гипотеза и воображаемое // Источниковедение культуры: Альманах. М., 2007. Вып. 1. С. 313.

[92] *Юрганов А. Л.* Категории... С. 52–53.

[93] Там же. С. 183–184.

[94] *Каравашкин А. В.* Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории XI–XVII вв. // Россия XXI. 2006. № 4. С. 62–109.

а они безоговорочно повинуются ему. Грозный обвинял Курбского и его единомышленников в том, что они "бесонодобно" попытались поколебать "благочестие", а державу, данную ему от Бога и прародителей, присвоить себе. Благочестие — идеальная основа мироустройства. Никому не дано менять иерархию, в которой государь — слуга Царя небесного»[95].

В истории Российского царства XVI в. в рамках данной точки зрения, на наш взгляд, не остается места для «коллективного Курбского». Если концепции ренессансной монархии уделяют внимание оппозиционным настроениям и протесту, но видят в народных движениях архаические и даже дохристианские настроения, а в Курбском — аристократа-феодала, противостоящего Государству, то сторонники феноменологической концепции культуры исходят из принципиальной невозможности «коллективного Курбского». Протеста нет, потому что ему нет места в символической и опытной реальности древнерусского христианского монархизма. Правление Ивана Грозного раскрывает и осуществляет ряд средневековых христианских идеалов, а среди них — Новый Иерусалим, Третий Рим, Новый Константинополь, Новый Сарай или непосредственно Небесный Иерусалим как Град Небесный. В идеальном Граде нет места борьбе и несогласию. Из него нельзя эмигрировать, не оказавшись при этом в чуждом и враждебном мире. Исследования, посвященные самосознанию и идеологии Ивана Грозного, показали, что в «изменников» для него превращались не только подданные, но и частично зависимые земли, и даже совершенно независимые земли со всем их населением — казанцы (с 1549 г.), ливонцы (с 1558 г.), литвины (с 1562 г.), новгородцы и псковичи (в 1569–1570 гг.)[96]. Ритуальное ниспровержение измены и ереси превращалось в «мифологию царства», опиравшуюся на особо истолкованное царем средневековое понимание своей миссии. Впрочем, не было ли это понимание традицией, встроенной в ренессансный стиль правления?

Если бы Курбский, или «Другой» в ином обличье (например юродивый или еретик), и попытался надломить принятый культурный код, он мог бы только прощупать его границы, испытать его на себе или под видом протеста воспроизвести его. Безвыходность символического мира и безысходность доминирования богообразного царя не терпит оговорок, даже когда мы встречаемся с вопросами к значениям источников. Скажем, действительно ли Курбский подразумевал, что Иван Грозный убежден в своем праве казнями и гонениями предвосхищать Страшный суд, или Курбский намекает на эту возможную мысль как на недопустимую ересь? Действительно ли контексты, в которых Иван Грозный пишет о своем праве казнить и миловать своих холопов и слуга Курбского говорит о праве его пана наказывать вплоть до казни своих подданных, сходны? Вызывало ли согласие у современников Ивана IV его настойчиво убеждение, что они рабы земного царя, как христиане — рабы Господа?

Неоплатонические аналогии позднесредневековой культуры улавливаются в каждодневной практике и эксцессах московской придворной жизни. Трудность для исследователей представляют источники, освещающие вовлеченность человека XVI в. в церемониальный мир, в котором всё должно подчиняться благочинию. Само долженствование, необходимость единства и чина являются продуктом эпохи и инструментом в диалоге политического «Я» и «Другого». Церемонии, символизирующие единство «всего православия», лишь отчасти продолжают общехристианские и средневековые православные традиции. Многие церемонии и культы были изобретены в XVI в. заново или значительно переосмыслены. Учения о translatio imperii, как показывает дискуссия, не были еще широко распространены к середине XVI в., хотя и пользовались признанием в придворном мире. Их основы были созданы, впрочем, не в средние века, а в памятниках начала XVI в. — «Сказании о князьях владимирских» и посланиях псковского старца Филофея[97]. Подданные московского царя не принимали идею о его всесилии или равенстве Богу[98], а сам Иван Грозный писал,

[95] *Юрганов А.Л.* Категории... С. 300.

[96] См.: *Bogatyrev S.* Battle for Divine Wisdom. The Rhetoric of Ivan IV's Campaign against Polotsk // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / eds. E. Lohr, M. Poe. Leiden et al.: Brill, 2002. P. 325–363; *Ivanov A.V.* Reformation and the Muscovite Czar: Anti-Protestant Polemic in the Writings of Ivan the Terrible // Sixteenth Century Journal. 2009. Vol. 40. N 4. P. 1109–1129; *Чумичева О.В.* Иконические перформансы Ивана Грозного: Трансформация идеи царской власти // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси / под ред. А.М. Лидова. М., 2011. С. 508–532; *Romaniello M.P.* The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison: University of Wisconsin Press, 2012.

[97] *Keenan E.L.* On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / ed. S.F. Starr. Armonk; New York, 1994. P. 26; *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations. P. 145–151.

[98] *Mureşan D.I.* De la Nouvelle Rome à la Troisième: la part des principautés roumaines dans la transmission de l'idée

конечно, с избыточным смирением, что называть его равным Богу подданные не имеют права[99]. Кроме того, платонические и византийские традиции права не были известны широким кругам российского населения, и сами усилия привить их вели к искажению и сложной опосредованной рецепции, а не к прямому освоению[100].

В поведении Ивана Грозного обнаруживается множество раннесредневековых черт, что и подтолкнуло к дискуссии о том, нет ли оснований сопоставить «коллективного Ивана Грозного» с более ранними эпохами в культурной истории Европы. По аналогии с определением М. Чернявского его можно представить как князя Каролингского ренессанса, или каролингского князя. Эта гипотеза получила поддержку в трудах С. М. Каштанова и Д. Роулэнда. Царь-король каролингского типа охвачен жаждой к территориальной экспансии и сам много времени проводит в походах и разъездах по стране. Свое правление он осуществляет в союзе с церковью и новой знатью, опираясь на простейшее делопроизводство и рудиментарные государственные институты[101]. Роль Другого в административной системе выполняют не столько «изменники», сколько «подписчики», фабриковавшие документы-подделки. Они покушаются на целостность властного аппарата, дублируя его и выдавая свои фабрикации за его механизмы. Стабилизация правовых процедур была тесно связана с борьбой против подделок. Впрочем, образцом для статьи о смертной казни для фальсификаторов в Судебнике Ивана Грозного послужила норма Литовского статута 1529 г., которую в Московской Руси «считали, видимо, мерой нетрадиционной и слишком суровой»[102]. Как мы увидим, и статья, предполагающая смертную казнь для изменников, в Судебнике 1550 г. восходит к литовской юридической практике. Открытая переписка между царем и его «изменниками» представляется в рамках концепции каролингского князя анахронизмом. К примеру, протокольные конструкции в Переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским вызывают подозрение, поскольку нарушают дипломатические нормы XVI в. Отражает ли Переписка образ «каролингской», раннесредневековой интеллектуальной культуры, или она является анахронизмом и, вероятно, поздней фабрикацией наряду с другими литературными апокрифами конца XVI–XVII в.?

Концепция каролингского князя строится от документального корпуса Московской Руси и наделяет государственный аппарат регуляторными и системообразующими функциями. Поскольку значительный пласт источников, созданных в процессе его работы, безвозвратно погиб в пожарах XVI–XIX вв., объем и характер сохранившейся документальной базы либо додумывают сами исследователи, либо никак не комментируют, отрицая *argumentum ex silentio*[103]. Как отмечают исследователи записок о России, иностранные путешественники и дипломаты XVI–XVII вв. рассуждают о культуре московитов, подбирая для перевода понятия из европейских языков[104]. Эти понятия, как правило, обнаружи-

impériale // L'eredità di Traiano. La tradizione istituzionale romano-imperiale nella storia dello spazio romeno. Atti del Convegno Internazionle di Studi. Bucarest, Istituto Italiano di Cultura — Accademia Romena, 6–7 giugno 2007. Bucarest, 2008. P. 123–166. См. также нашу монографию «Император Святой Руси».

[99] *Kollmann N. Sh.* Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / ed. by S.H. Baron, N. Sh. Kollmann. DeKalb, 1997. P. 34–51; *Poe M.* What Did Muscovites Mean When They Called Themselves 'Slaves of the Tsar'? // SR. 1998. Vol. 57. N 3. P. 585–608; *Wirtschafter E.K.* In Search of the People, In Search of Russia // RR. 2001. Vol. 60. N 4. P. 497–504; *Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю.* Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. 2001. М., 2001. С. 199–215.

[100] *Живов В.М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема // Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jury Lotman. Columbus, Ohio, 1988. С. 46–128; *Okenfuss M.* The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden, 1995.

[101] *Каштанов С.М.* О типе Русского государства XIV–XVI вв. // Чтения памяти В.Б. Кобрина: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 85–92; *Его же.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 363–377; *Rowland D.* Ivan the Terrible as a Carolingian Renaissance Prince // HUS. 1995. Vol. 19. P. 594–606. Ср.: *Berelowitch A.* La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe–XVIIe siècles). Paris, 2001. P. 19–24.

[102] *Каштанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий... С. 361.

[103] *Пашкова Т.И.* Местное управление в русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000; *Бовыкин В.В.* Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI в. СПб., 2014; *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

[104] *Poe M.T.* "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca; London, 2000; *Колобков В.А.* Форма правления Русского государства в иностранных описаниях от Сигизмунда Герберштейна до Джильса Флетчера // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999. Jubi-läumsvorträge herausgegeben von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002. С. 115–129; *Mund S.* Orbis

вались, даже когда происходили сбои в коммуникации, автору мешали предубеждения или современных аналогов в Европе для московской жизни не находилось[105]. Никому из них московская политика, бюрократия, образ жизни, традиции или менталитет местных жителей в XVI в. не напомнили древние или раннесредневековые страны. При этом посольские служащие, купцы, воины-наемники, путешественники, пленники и эмигранты из России в Европе узнавали новые для себя реалии, находили для них понятия в московском русском языке и описывали их в своих хожениях, статейных списках, письмах, дневниках и историях. Такие деятели, как Дмитрий Герасимов, Иван Ляцкой, Иван Пересветов, Иван Федоров, Артемий (игумен Троице-Сергиевой лавры), Феодосий (Косой), князь Андрей Курбский, князь Михаил Поготков Оболенский, Умар Сарыхозин, пользовались авторитетом как знатоки московских реалий, переводчики, богословы, профессионалы в ремеслах и книжном деле. Из уверенности в культурной общности или, по крайней мере, совместимости между русскими землями рождались проекты объединения Руси (Ruthenia) под властью одного монарха. Не прерывался и бесперебойно продолжался вплоть до запретительных мер эпохи Смуты обмен книгами, интеллектуалами и идеями между русскими землями Речи Посполитой и Швеции с одной стороны и Московской Руси — с другой.

Историко-фольклорные интерпретации погружают исследование в рудиментарные и архаические подосновы московской политической и экономической жизни. Стимулом для построений в этом направлении служат выводы В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, Н.М. Гальковского, Д.К. Зеленина, Б.А. Рыбакова о дохристианских мотивах в русской народной культуре[106]. Согласно данной точке зрения, христианство насаждалось в русских землях на языческий субстрат и еще в Московской Руси язычество здесь и там проступало сквозь тонкий слой христианской обрядности. А.А. Булычев пересмотрел причины террора Ивана Грозного с точки зрения противостояния и взаимного наслоения христианских и языческих традиций. Внимание исследователя сконцентрировано на «Синодиках опальных», в которые к концу царствования Ивана Грозного были занесены для церковного поминания многие жертвы террора, в том числе «изменники» и их близкие родственники. По мнению А.А. Булычева, создание таких поминальных списков связано не с покаянием царя за свершенные преступления, а с его желанием выкупить у Бога душу своего «неправильно» умершего сына за сотни неприкаянных мертвецов («заложных покойников»). Террор царя Ивана впервые в истории России отличает массовое уничтожение христиан без права на церковное поминание, без нормального захоронения тела. Это было не только результатом изощренной жестокости, но и продуманным видом казни, при котором приговоренный не мог рассчитывать на посмертное заступничество и обретение его тела на Страшном суде. Иван IV лишал таких подданных надежды на посмертное спасение. Казнь вела их в забвение, в полное отсутствие. Это не было католическое Чистилище. Местом посмертной жизни убитых и казненных «изменников», согласно А.А. Булычеву, был языческий ад, где мертвецы могли быть окружены демонами, их тела были растерзаны и похоронены в расчлененном виде в земле, в воде или болоте, пожраны дикими животными и птицами. Цель была достигнута: в борьбе с «изменой» было создано новое средство — посмертное извержение из общины «верных». Однако риск также был велик. В ноябре 1581 г. при невыясненных обстоятельствах в Александровой слободе умер после

Russiarum. Genèse et développement de la représentation du monde "russe" en Occident à la Renaissance. Genève, 2003; *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV — начала XVII в. / науч. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск, 2009; *Его же.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения / науч. ред. К.Б. Умбрашко. Новосибирск, 2010. Наши дискуссионные ремарки и ответы на полемику см. также: *Ерусалимский К.Ю.* Res Rossica et Moscovitica: заметки об исследованиях Д.В. Карнаухова // Исторический вестник. М., 2014. Т. 9 (156). С. 294–317.

[105] *Хорошкевич А.Л.* Быт и культура русского города по словарю Тонии Фенне 1607 г. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 200–217; *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVII в.). М., 1975; *Fałowski A., Witkowski W.* "Einn Russisch Buch" by Thomas Schroue. The 16th-Century Russian-German Dictionary and Phrase-Book. Part I. Introduction. Photocopies. Cracow, 1992; *Fałowski A.* Słownictwo rosyjskie w Waaren-Lexicon in zwölf Sprachen Ph. A. Nemnicha. Kraków, 2008 et al.

[106] В последнее время эта традиция, независимо от изучения культурных реалий XVI в., испытала критику, впрочем, набравшую обороты уже после смерти Б.А. Рыбакова. См.: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков: (IX–XII вв.): Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М., 1998. С. 185–226; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 235–323; *Левин И.* Двоеверие и народная религия в истории России / пер. с англ. А.Л. Топоркова, З.Н. Исидоровой. М., 2004; *Райан В.Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / пер. с англ. Л.И. Авиловой, О.В. Беловой и др. М., 2006.

ссоры с отцом царевич Иван Иванович. Царь Иван, чувствуя свою вину и понимая, что сын погиб неблагочинно, решает освободить из тьмы забвения сотни убитых соотечественников, чтобы «выкунить» душу царевича из посмертного языческого ада[107].

Существенным шагом в изучении государственной измены стало обнаружение церковных ресурсов подавления преступных помыслов. Расширение фискальной практики при участии церкви относится к концу XV — первой половине XVI в.[108] Всплеск террора в правление Ивана Грозного в этом смысле отвечает церковным тенденциям. Вместе с тем опричные казни отражают, по мнению А.А. Булычева, различные правовые традиции, которые были привлечены для ритуальной орнаментации кары. Расчленение тел восходит к монгольской практике. Бичевание и утопление в мешке с животными — к римской, а также византийской, польской и литовской, ориентированных также на римскую. Средневековые европейские и русские традиции отразились в казнях через лишение головы и четвертование, посажение на кол и утопление в реке. А. А. Булычев показал, что имущество казненных «изменников» считалось проклятым и также подлежало физическому уничтожению. Несмотря на обилие правовых ресурсов в распоряжении власти, их было недостаточно, чтобы уничтожать внутренних врагов. Необходима была мобилизация глубинных языческих поверий, и «Синодики опальных», по мнению исследователя, были первым отступлением от практики, требующим нарушения церковных канонов. «Синодики» не были общерусскими, для каждой обители включали несходные списки и в целом не вписывались в христианскую номинальную практику.

Впрочем, тезис о языческом аде и «заложных покойниках» не находит подтверждения ни в одном из обоснований террора. Основными источниками для А.А. Булычева при реконструкции его мотивов служат расхождения между христианской номинальной традицией и организацией поминания опальных в последние годы правления Ивана Грозного, а также этнографические реконструкции «славянского язычества». При всей скудости оснований для культурно-религиоведческих обобщений, наблюдения А.А. Булычева открывают значительный пласт ритуальных мероприятий, направленных на демонизацию и искоренение государственной измены в Московской Руси и заостряют вопрос о причинах поражавшей современников жестокости ритуальных убийств в правление Ивана IV. «Изменники», упомянутые в послании Ивана Грозного Стефану Баторию от 29 июня 1581 г., имели в Российском царстве родственников, пострадавших в разное время от террора. Курбских ни в одном из известных списков «Синодика» нет. Прощения им не было, или никто из них не был казнен по обвинениям, которые Иван Грозный мог считать ложными, несправедливыми, сфабрикованными. Однако в этих списках есть Заболоцкие, Тетерины и Сарыхозины. Образ «изменника» уже в эпоху казней и ритуальных убийств Ивана Грозного был оформлен через комплекс представлений о государственной измене, персонифицирован в лице «изменников» и ограничен прощениями, помилованиями и восстановленным молитвенным заступничеством. Вместе с тем неясно, как реагировали сами жертвы на разросшееся религиозно-политическое учение о государственной измене. Считалась ли присяга на верную службу Государству взаимной? Боялись ли люди преступать присягу? Почему семейное поминание жертв террора не прекращалось, несмотря на открыто объявленные обвинения в измене в адрес казненных? Всегда ли «изменники» соглашались признать сами обвинения в свой адрес, считали ли они преследование родственников законным? Каков был ответ на всесилие и разнузданность самих преследователей? Как был устроено сопротивление карательным механизмам и обвинительной риторике?

Отчасти ответом на данные вопросы служат изыскания в области «социального контракта» Московской Руси. В науке уделялось много внимания конфликтам и классовым противоречиям, но зачастую хуже были известны механизмы, поддерживающие мир между различными слоями русского общества. Мир возможен в системе,

---

[107] *Булычев А.А.* Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005; *Ерусалимский К.Ю.* Между канонизированными и демонизированными: казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации (рассуждения над книгой А.А. Булычева) // Одиссей: Человек в истории, 2009: Путешествие как историко-культурный феномен. М., 2010. С. 361–390. — Рец. на кн.: *Булычев А.А.* Между святыми и демонами... М., 2005; *Булычев А.А.* Ответ энергичному критику, или Опыт авторецензии (по поводу «размышлений» К.Ю. Ерусалимского) // Очерки феодальной России. 2012. Вып. 12. С. 324–369.

[108] *Флоря Б.Н.* Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 204–214; *Rustemeyer A.* Dissens und Ehre: Majestätsverbrechen in Russland (1600–1800). Wiesbaden, 2006. См. также нашу монографию «Император Святой Руси».

где сложилось представление о солидарности. Солидарность московского общества принято искать в средневековой религиозности или модерной политике. Однако, как мы видим, сомнение у исследователей, формулирующих проблемы в рамках концепций архаической культуры, вызывает глубина проникновения христианства в русскую жизнь и прямые аналогии московской политики со средневековыми и ренессансными моделями. «Отцы-основатели» Гарвардской школы еще в 1970-е гг. отстаивали тезис о традиционности «политической культуры московитов». Согласно концепции Эдварда-Льюиса Кинана, Московия не испытала модерных вызовов и не нуждалась в реформах и обновлениях. Ее исконное основание — механический тип солидарности по Эмилю Дюркгейму. Не рациональная бюрократия, но и не монархия византийского типа, а постоянная межклановая борьба на протяжении ряда столетий вплоть до XX в. определяла ее политическое своеобразие[109]. Этот тезис лег в основу концепции Нэнси-Шилдс Коллманн в книге «Родство и политика» и был развит ею в серии статей и монографии «Соединенные честью»[110]. Рутинная политика в Московской Руси была структурирована семейно-родственными отношениями между правящими и боярскими кланами. Великокняжеская и царская власть была заложницей отношений службы и родства. Служба также находилась в зависимости от клановой политики, и высшей власти приходилось осторожно вмешиваться и корректировать борьбу за первенство в боярско-дворянских верхах с помощью института чести, церемониальных иерархий и местничества. В категориях Дюркгейма, механическая солидарность в Московской Руси была настолько устойчивой, что царской власти, носительнице и символу органической солидарности, приходилось мириться с всесилием исконных институтов и уступать под их натиском. В других областях культуры исследователи также отмечали, что «мы никогда не были современными»[111].

Эмиграция в перечисленных концептуальных фреймах выступает тенью «коллективного Ивана Грозного». Однако на карте России и восточной Европы XVI в. нет Государства Ивана Грозного. В отличие от коллективного царя, персональный портрет снабжен множеством историко-медицинских дискуссий, в которых язык стремительно меняется под влиянием открытий в области психофизиологии, анатомии и антропологии. Ричард Хелли и поддержавшие его Инга Ауэрбах, Роберт Крамми, Изабелла де Мадарьяга видят в нем параноика на троне[112]. А.Л. Хорошкевич показывает, что царь, с детства травмированный придворными интригами и тайными убийствами и выросший самовлюбленным эгоистом, всю жизнь безоглядно боролся за признание своего титула и расширение титульных владений. Им управляла неудержимая, граничащая с безумием, жажда доминирования, господства, власти[113]. Исследователи давно обращают внимание на психопатологические проявления личности автора в посланиях Ивана Грозного и в сообщениях современников о его жестокости. Это был садист с болезненными маниями на сексуальной почве[114]. Единство

[109] Ссылки на работы Э.Л. Кинана см. здесь ниже в примеч. ???.

[110] *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, California, 1987; *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А.Б. Каменский; науч. ред. Б.Н. Флоря. М., 2001.

[111] Данная формулировка звучит в заглавии работы Бруно Латура "We Have Never Been Modern" (*Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д.Я. Калугина; под ред. О.В. Хархордина. СПб., 2006). См. в данном русле исследования: *Berelowitch A.* La hiérarchie... Paris, 2001; *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002; *Уо Д.* История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. СПб., 2003; *Панченко А.М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь: Россия: История и культура. СПб., 2008.

[112] *Hellie R.* What Happened? How Did He Get Away With It? Ivan Groznyi's Paranoia and the Problem of Institutional Restraints // RH. 1987. Vol. 14. N 1–4. P. 199–224; *Idem.* Late Medieval and Early Modern Russian Civilization and Modern Neuroscience // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / ed. A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff. M., 1997. C. 146–165; *Crummey R.* New Wine in Old Bottles? // RH. 1987. Vol. 14. N 1–4. P. 61–76; *Madariaga I., de.* Ivan the Terrible. First Tsar of Russia. New Haven; London, 2005. Психологический и главным образом – психоаналитический подход к реалиям XVI в. раскритикован в статье В.В. Иванова. Впрочем, отрицание возможностей научной психиатрии происходит в тех рамках, которые намечены авторами, искавшими «объективных» причин политики Ивана Грозного. Главный недостаток этих опровержений в том, что психология мыслится критиками как застывший комплекс методов, которому вменяется упрощение психики до набора патологических комплексов: *Иванов В.В.* Нейропсихологические модели и возможности их применения к истории русской средневековой культуры // Culture and Identity in Muscovy... M., 1997. P. 181–202.

[113] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 129, 149, 204, 258, 322, 349, 383, 412, 425, 449, 550.

[114] *Богатырев С.И.* Поведение Ивана Грозного и моральные нормы русского общества XVI в. // Studia Slavica Finlandensia. Helsinki, 1994. T. 11. C. 1–20; *Halperin Ch.J.*

садизма, подавленной бисексуальности, паранойи, мании величия и умственных заболеваний царя позволило Э. Л. Кинану выдвинуть гипотезу о психосоматической природе болезни царя и его политики. Террор исследователь считает результатом паранойи, которая с течением лет осложнилась на почве болезни Бехтерева и усиливающейся импотенции[115]. Одна из уже привычных точек зрения исключает из аналитического языка не «Другого», а само Государство. Это не значит, что место Государства заняла Измена или Народ. Исследователи данного направления, как правило (И. Ауэрбах — исключение, которое мы еще обсудим), ничего не пишут о психосоматических заболеваниях государевых изменников или любых других воплощений «Другого» и исходят из презумпции, что подданные, какими бы больными или здоровыми ни оказались, были включены в различные традиционные политические конфигурации, нарушить которые, уничтожая «врагов государства», было невозможно. В первую очередь фактическая власть принадлежала боярской клановой олигархии, бюрократии и крестьянскому «миру» (и эта система пережила революционный 1917 г.)[116]. Следовательно, «Другим» была не Измена, а именно физически и душевно больной и политически аномальный правитель. Государство, лишенное вменяемого Царя, лишается и «Другого». Временная коллизия снимается после смерти правителя, и система межклановых отношений и рудиментарного подданства по инерции возвращается в свою «нулевую» исходную точку. С позиций традиционных социальных форм Московского государства и его больной правитель, и жертвы заболевания у власти, — две части одной, неизбежно случайной исторической ошибки.

Во второй половине XX в. дрейф специалистов по истории Московской Руси от концепций государственной модернизации, как правило, не уводил к истории «без царя». Научные построения, исключающие из «нормальной» истории и Царя, и Измену, близки по своим предпосылкам к идее «аномального монархизма» Н. М. Карамзина[117]. Дискуссия о стадиальном подходе к московской политической культуре позволила вписать Ивана Грозного в «современность» самых несходных, культурно далеко отстоящих друг от друга эпох — языческой первобытности (А. А. Булычев), раннего (С. М. Каштанов, Дениэл Роулэнд) или позднего средневековья (Присцилла Хант, О. В. Чумичева) или Ренессанса (Михаил Чернявский, С. О. Шмидт). В политике Ивана Грозного и самодержавного лобби разве что романтические гегельянцы, сторонники революционной диктатуры, сталинисты и консерваторы-этатисты видят тягу к прогрессу и скачок в будущее. Причем с К. Д. Кавелина, В. Г. Белинского и С. М. Соловьева и вплоть до почитателей государственного гения Ивана Грозного в наши дни линия аргументации развивается в преемственности и всегда с опорой на Переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским как на доказательство существования партий прогресса и регресса. Усилия В. О. Ключевского, наиболее едко отвергшего всякий смысл в переписке двух повздоривших ненавистников, не привели к отказу от подобных интерпретаций[118]. Государство и «Другой» не выросли в единую парадигму, хотя неоднократно говорилось о незначительных отличиях в «политической программе» Ивана Грозного и Курбского. Недавно их единство вновь диагностировал А. И. Филюшкин, говоря о «концептуальной близости идеологии царя и беглого боярина-диссидента»[119]. В целом, как кажется, между построениями Гарвардской школы и тягой учеников С. В. Бахрушина к концепции «правительственного компромисса верхов», а также к этическому максимализму Н. М. Карамзина обнаружится много

Ivan IV's Insanity // RH. 2007. Vol. 34. N 1–4. Festschrift for Richard Hellie. Pt. 1. P. 207–218.

[115] *Keenan E. L.* The Privy Domain of Ivan Vasil'evich // Rude and Barbarous Kingdom Revisited. Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey. Bloomington, Indiana, 2008. P. 73–88.

[116] Речь идет прежде всего о влиятельной статье Э. Л. Кинана о московских «народных политических тенденциях», которая, по признанию самого профессора в частном разговоре в 2011 г., была написана как политическая экспертиза: *Кінан Е.* Російські історичні міфи / перекл. В. Шовкуна. Київ, 2001. С. 86–194. Эти тезисы Э. Л. Кинана вызвали долгую дискуссию. См., например: *Crummey R. O.* The Silence of Muscovy // RR. 1987. Vol. 46. N 2. P. 157–164; *Hellie R.* Edward Keenan's Scholarly Ways // RR. 1987. Vol. 1987. N 2. P. 177–190; *Keenan E. L.* Reply // RR. 1987. Vol. 46. N 2. P. 199–209; *Martin R. E.* Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan's "Slight" Against the Church // CSP. 2006. Vol. 48. N 3–4. P. 283–305.

[117] Впрочем, В. Б. Кобрин, отражая не только свое мнение, но и точку зрения С. Б. Веселовского, А. А. Зимина и опосредованно — С. О. Шмидта, противопоставлял концепции С. М. Соловьева и Н. М. Карамзина, отдавая предпочтение последнему. См. также ссылку А. А. Зимина на Е. Дороша в оценке «Исследований по истории опричнины» С. Б. Веселовского: Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 396.

[118] Эта традиция жива. См. о ней здесь в главе «Ренессансный историк».

[119] *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 476–477.

общего[120]. А следовательно, в научной историографии сохраняется согласие, что московское общество времени правления Ивана Грозного тяготело к монархизму и было ближе к «коллективному Ивану Грозному», чем к «коллективному Курбскому».

В любом случае оправданным из перспективы научных достижений наших дней было бы сохранить понятие «московской монархии» как готового — ко времени Ивана Пересветова и Андрея Курбского — культурного продукта. Даже если трон занимал дегенерат, верховная власть уже к началу правления великого князя Ивана IV Васильевича не принадлежала альтернативной силе, и уж наверняка не были в силах создать новый центр власти и даже единый институт государевы изменники. В послании от 29 июня 1581 г. царь и не обвиняет их в этом. Измена, но мысли Ивана IV, не выступила от своего имени, а присоединилась к занесшемуся в непомерных амбициях польскому королю. Две нелегитимные силы нашли друг друга, чтобы сокрушить законную власть в Москве. Это накладывает отпечаток авантюры не только на выступления «ведомых» государевых изменников середины — второй половины XVI в., но и на любую амбицию взять верховную власть, если она не принадлежит тебе по закону. Это единство законности и авантюризма раскроется в полной мере в борьбе за власть царя Дмитрия (всех ЛжеДмитриев) и других «законных наследников» против узурпаторов начала XVII в. Впрочем, если считать авантюризмом любую самостоятельную и не санкционированную верховной властью политическую деятельность, то возникает два вопроса, разрешение которых всё чаще зависит от историософских убеждений и политических идеалов самих историков. Первый заключается в том, как именно понимать пределы российской верховной власти XVI — начала XVII в., и прежде всего — ее право ограничивать политическую свободу своих подданных, формировать их статус и распоряжаться их властными полномочиями. Не менее важен и сложен в рамках нашей работы вопрос: как далеко заходили даже такие наиболее амбициозные подданные великого князя и царя, как государевы изменники, но не с точки зрения верховной власти, а в их собственном понимании?

Князь Андрей Курбский. Рис. Сергея Эйзенштейна к фильму «Иван Грозный», 1942 г. См.: Филюшкин А. И. Андрей Курбский. М., 2008. Вклейка между с. 128 и 129. С. XVI.

***

В работах А. А. Зимина, Д. Н. Альшица, Инги Ауэрбах и Иеронима Грали снятие оппозиции Государства и «Другого» происходит наиболее последовательно и на репрезентативном комплексе данных. К началу 1960-х гг. в истории российской государственной измены наука ничего не преодолевала и ни за что в прошлом не боролась, в эпоху сциентизма она двигалась в русле унаследованных дискуссий и применяла техники, с помощью которых знание рафинировалось и, в лучшем случае, достигало посильных пределов понятийной и источниковедческой достоверности. Из этого не следует, что исследования, посвященные «Другому», не считались наукой — им просто неоткуда было взяться в русле сложившейся научной проблематики. Поэтому «Другой» надолго оказался в зоне ложной очевидности.

Повторялась мантра о том, что князь Андрей Курбский — изменник Государства, а в более однозных и бессмысленных формулировках — изменник Родины. Что значило быть изменником в XVI в.? По каким законам — писанным и неписанным — определялась вина изменника? Как отличались ложные обвинения в измене от обоснованных? Можно ли было оправдаться

[120] О С. В. Бахрушине и его идее «компромисса» в московской политике XVI в. см.: *Дубровский А. М.* Историк и власть: Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-е — 1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 671–718, 755–778; *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011 (о С. В. Бахрушине и его участии в дискуссиях см. по указателю).

и «реабилитироваться»? Можно ли было избежать наказания? Внимание было сфокусировано, помимо князя Андрея Курбского, на лицах, о которых всё еще было практически ничего не известно. Почти не изучалась после В.Ф. Ржиги и В. Филиппа зарубежная биография Ивана Пересветова. Обстоятельства выезда с царской службы Тимофея Тетерина, Умара и Агиша Сарыхозиных не пересматривались, об их родственниках и семьях в России и за границей высказывались самые разные и, как правило, неполные и неточные сведения. Один из самых влиятельных эмигрантов эпохи Ивана Грозного, Владимир Заболоцкий не вызвал ни одного специального исследования, хотя о нем и по опубликованным источникам известно было к середине XX в. немало. Иван Федоров и Петр Мстиславец в период эмиграции считались в своем роде представителями российской интеллигенции на русских землях за пределами Московского царства. Ничем не доказана версия их легитимного выезда во владения короля Сигизмунда II Августа, однако именно эта версия была принята, несмотря на то что она идет вразрез со словами Ивана Федорова о причинах своей эмиграции. Образ «изменников» начала правления Ивана IV был, как казалось, исчерпан в масштабном исследовании И.И. Смирнова, хотя с историко-биографической точки зрения в его «Очерках» сведения о заговорах были собраны неполно, даже с учетом уже опубликованных к 1950-м гг. источников[121]. Лишь после работы американского исследователя О.П. Бакуса возродился интерес к биографии князя Семена Бельского, а во многом под его влиянием — и к биографии кн. Андрея Курбского. И лишь еще позднее — к Ляцким и князьям Шуйским в эмиграции.

Во многом таковы были ориентиры еще досоветской исторической науки, и в работах С.Б. Веселовского, С.В. Бахрушина, П.А. Садикова, М.Н. Тихомирова история государственной службы и становления государственной территории с трудом преодолевала накопленные ошибки и ложные интерпретации предшествующей науки.

А.А. Зимин был в числе тех первопроходцев, кто возродил интерес к российской эмиграции XVI в., хотя ни одной специальной работы по истории эмиграции им не написано. В своей докторской диссертации исследователь обобщил достижения дореволюционной, зарубежной, российской эмигрантской и советской науки в изучении общественной мысли в России середины XVI в. Концепт «централизации» отступает на задний план в его построении, охватывая не только борьбу за самодержавие, но и программу И.С. Пересветова, Избранной рады, «прогрессивного боярства» и в его числе кн. А.М. Курбского, иосифлян и нестяжателей. Из этого следует, что врагов централизации до опричнины не было или они не выдвигали никаких программных тезисов. Можно было бы задаться вопросом, как и почему вообще у Ивана IV появились враги и действительно ли они представляли опасность для целостности страны, ее порядков, религиозности и для самого царя. Дискуссия о творчестве И.С. Пересветова, помимо ее источниковедческих частностей, потребовала переосмысления проблемы европейских и османских заимствований в российской политической культуре XVI в., возможностей социологической интерпретации языка древнерусских источников, семантики категорий «правда», «вера», «измена» и т.д.

При этом А.А. Зимин придерживался автохтонистской концепции происхождения основных положений И.С. Пересветова, однако, во-первых, при построении оснований этих положений исследователь отдавал должное концепциям дореволюционных, зарубежных и эмигрантских авторов В.Ф. Ржиги, Д.Н. Егорова, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, В. Филиппа, что вносило двусмысленность в его концепцию, а во-вторых, автохтонизм служил А.А. Зимину для обоснования того, что «российская публицистика» вела свободную дискуссию о путях развития страны, оказывала воздействие на царя и его окружение и имела инфраструктуру, объединявшую разноликую оппозицию и радикальных идеологов-публицистов с государственным управлением[122].

---

[121] *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 165 и др. Книга И.И. Смирнова не может оцениваться вне разгоревшейся по ее ключевым тезисам дискуссии. Спор вызвали и хронология централизации Российского государства, и роль церковной иерархии в объединении государства, и оценки разрушительности для государства боярского правления. И.И. Смирнов убедительно показал, что и окружение Ивана Грозного, и позднее кн. Андрей Курбский были заинтересованы подчеркнуть контраст между «началом царства» (периодом «Избранной рады») и периодом боярских междоусобиц. В наши дни М.М. Кром показал, что годы так называемого боярского правления не были разрушительными для государственных институтов. См.: *Кобрин В.Б.* Рец. // ВИ. 1960. № 1. С. 151–158; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 48–51; *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 15–16 и др.

[122] Сочинения И. Пересветова / подг. А.А. Зимин; под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1956; *Зимин А.А.* И.С. Пе-

Эмиграция из России в годы «реформ» и «опричнины» Ивана Грозного изображена А. А. Зиминым на фоне централизаторских и военно-политических преобразований в самом Российском государстве. Наши сведения о причинах бегства придворных и знати в соседние страны крайне скупы и чаще всего устанавливаются на основе тенденциозных свидетельств делопроизводственной документации, происходящих из лояльного окружения царя Ивана, — записей Царского архива, посольских книг, посланий царя или его ближайших советников. Лишь немногие данные известны по «запискам иностранцев», сочинениям кн. А. М. Курбского, донесениям шпионов и показаниям самих перебежчиков. А. А. Зимин сталкивается с трудностями осмысления информационного массива, которые оказываются обоюдоострыми: наше понимание, с одной стороны, мотивов придворных конфликтов в окружении Ивана IV и, с другой, причин бегства московской аристократии и знати часто выстраивается как единая интерпретационная модель. Впрочем, мы далеко не всегда в состоянии оценить внешнюю конъюнктуру, понять, какими были pull-факторы эмиграции. Такая поисковая стратегия изучения источников, конечно, чревата сопоставлением хронологически отдаленных и разобщенных по смыслу фактов.

Догадки — не лучший способ прочтения текстов, однако их высказать, основываясь на всех доступных источниках, необходимо, чтобы открыть пути для дальнейших поисков. В этом, на наш взгляд, важнейшее достоинство многих спорных предположений А. А. Зимина по поводу причин внутренних конфликтов при дворе Ивана IV[123]. По мнению исследователя, рост взаимного недоверия между царем и широкими слоями знати в 1560–1564 гг. проявился в попытках сановников и детей боярских бежать за границу. Репрессивные меры царя не были направлены на подавление миграционной активности — речь шла о борьбе за власть против удельного князя Владимира Старицкого, Новгорода и церкви. Вместе с тем многие опалы и казни, как на практике показывает и допускает А. А. Зимин, были вызваны не далеко идущими планами, а именно побегами, а также предполагаемым желанием опальных перейти на сторону врагов и подозрительными для царя контактами с польско-литовскими, крымскими и шведскими политиками. Говоря о борьбе Ивана IV с удельной системой, А. А. Зимин смотрит на события глазами царя и его окружения. Этот взгляд небезупречен. Исследователь признаёт, что многие его обвинения в адрес кн. А. М. Курбского и скрытых адресатов послания Ивана IV от 5 июля 1564 г. были плодом его «разгоряченного воображения». Хотя с другой стороны, его страх и болезненная подозрительность не исключают того, что Владимир Старицкий и его сторонники боролись за власть или за свои права.

Вызовом историографической традиции (прежде всего «государственной школе» и построениям 1930-х — 1950-х гг.) являлись тезисы о том, что кн. А. М. Курбский был глашатаем «прогрессивных» слоев боярства, его побег в Литву был результатом не подкупа князя королем, а оговора в его адрес и опалы[124]. Почти как аналогия звучит статья исследователя о Василии Шибанове, на его примере А. А. Зимин показывает, как фабриковались сведения и формировался образ государева изменника в России[125]. А. А. Зимину и его ученику Ю. Д. Рыкову (а также во многом под их влиянием К. А. Уварову) принадлежит заслуга возрождения, впервые после работ Г. З. Кунцевича, интереса к биографии кн. А. М. Курбского и рукописной традиции его сочинений. Благодаря их работам вновь изучены тексты Первого послания Курбского Ивану Грозному и «Истории о князя великого московского делех»[126]. Риторика «противостояния» между Прогрессом и Регрессом, Будущим и Прошлым отступала под действием всё новых фактов относительно взглядов «выразителей» обоих векторов.

А. А. Зимин поддержал концепцию «компромисса», которую срастил с идеей общественного обсуждения политических программ

ресветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958; *Его же*. Реформы Ивана Грозного.

[123] *Зимин А. А.* Опричнина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 70–71, 74–75, 82–84, 144. См. также здесь ниже об исследованиях А. Л. Корзинина и влиянии на них «Опричнины» А. А. Зимина.

[124] Впрочем, до А. А. Зимина В. Ф. Ржига, Б. А. Рыбаков, Б. Д. Греков и Л. В. Черепнин говорили о «прогрессивных» слоях боярства и прогрессивности пестяжателей применительно к Василиану Патрикееву и Максиму Греку и ко всем сторонникам государственной централизации России первой половины XVI в. Подробнее см.: *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви... С. 35.

[125] *Зимин А. А.* Русская публицистика конца XV–XVI вв. Учеб. пособие по источниковедению СССР / отв. ред. А. Ц. Мерзон. М., 1959; *Его же*. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 142–147; *Его же*. Побег князя Андрея Курбского в Литву // РР. 2002. № 1 (2). С. 44–48.

[126] Подробную библиографию см.: ПИГАК. М., 1993; *Курбский А. М.* История... М., 2015.

в «публицистике» времен И. С. Пересветова и его «современников». Однако не вполне ясно, когда именно жил этот публицист и кого можно считать его современниками. Если он отправился в свои заграничные странствия еще до рождения Ивана Грозного, то можно ли считать, что программа преобразований этого служилого человека сложилась в ответ (хотя бы в чем-то) на вызовы «времени Василия III»? Если он дожил до опричнины или даже пережил ее, то как именно его проекты вполотились или вступили в противоречие с этим институтом? А. А. Зимин уходит от этих вопросов, ограничивая круг публицистов и их реконструируемые идеалы, в целом, «началом царства» Ивана IV. Это был смелый шаг к восьмому тому Н. М. Карамзина и концепциям «прекрасного начала», сменяющегося «аномальным монархизмом». Социологические схемы государственной модернизации лишались в этой схеме всякого программного смысла, будучи вытеснены на периферию дискуссий. Едва ли не все интеллектуалы — в чем-то даже официозные традиционалисты-«иосифляне» — выступали за преобразования, ведущие к централизации. Ее противники выявились позднее. И именно этот момент отличает концепцию советского исследователя от наследия придворного историографа, который никогда бы не увидел в церковной иерархии, Старицком уделе и Новгороде наследие отжившего прошлого, которое имело бы смысл уничтожать ради как угодно понятого прогресса. Но за этими «подлинными врагами» централизации незаметным остался «коллективный Курбский». Историк едва ли не впервые после В. О. Ключевского не увидел в противостоянии Царя и Измены исторического смысла. Однако, в отличие от Ключевского, Зимин подчеркивал передовой характер мыслей Курбского и его предполагаемых сторонников.

Шаг в сходном направлении сделал Д. Н. Альшиц, увидевший «Другого» в самом Государстве, а в публицистике — выражение противоборствующих политических доктрин. Вслед за С. О. Шмидтом, и одновременно с А. А. Зиминым исследователь задается вопросом, почему кн. А. М. Курбский в 1570-е гг. восхвалял «дворянских реформаторов» и сравнивал их достижения «с временами Малюты Скуратова, Басмановых, Грязновых, а затем и всех прочих опричных подручников царя Ивана»[127]. Все прочие подобные Малюте Скуратову, конечно, не укладывались в образ «коллективного Ивана Грозного», но переход от «золотого века» Избранной рады к опричной деградации не мог быть случайным. Опричнина и была искаженной, изуродованной реализацией проектов «начала царства». Причем путь от проектов до реализации оказался настолько близким, что возникла возможность задаться вопросом: нужен ли посредник в виде личности И. С. Пересветова или верны предположения о том, что это была лишь маска для одного или нескольких интеллектуалов? Если маска — то кто именно под ней скрывался?

Идеалы публициста не отличаются однозначностью. Он выступал за социальное равновесие и против «богатых» и «брюхатых» вельмож, но в то же время считал, что достичь справедливости можно только с опорой на царскую «грозу». Вывод об автохтонном происхождении мыслей Пересветова объединяет Д. Н. Альшица с А. А. Зиминым: идейным источником для знаменитой «челобитной Пересветова» послужили не только учения «философов и дохтуров латынских», а например, послание Вассиана Рыло Ивану III 1480 г.[128] За общностью забот благовещенского попа Сильвестра и Пересветова скрывается их единая идентичность. Под «маской Пересветова» скрываются и наставники Ивана Грозного, позднее проклинаемые им как «изменники», Сильвестр и А. Ф. Адашев, и сам царь Иван. Эпоха «начала царства» превратилась в концепции Д. Н. Альшица в творческий апофеоз зарождающегося абсолютизма. Именно в этот исторический момент заложены были основы будущего русского царизма, а дискуссия напоминает публицистическую игру подобие дискуссий Екатерины II с Н. И. Новиковым, причем авторство проектов середины XVI в. напоминает коллективные творения в духе «Арзамаса» или «Козьмы Пруткова». В этой логике Иван Грозный оказывался «антиподом самому себе», его главный оппонент, кн. Андрей Курбский, заложил ложное понимание политической жизни в России, противопоставив Избранную раду царю Ивану[129]. «Другой», скрывая свое тождество с «коллективным Иваном Грозным», самим сокрытием направил исследователя к ответу, кто именно скрывается за фигурой «коллективного Ивана Грозного».

Авторы, придерживающиеся данных концепций, в целом признали сведения кн. А. М. Курбского и записок иностранцев о том, что преследования в Московской Руси происходили по причине побегов из страны или были вызва-

[127] *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 47.

[128] Там же. С. 66–68.

[129] Там же. С. 102.

пы подозрениями царя о подготовке заговора против него за границей. Их выводы опираются на всю совокупность доступных для исследователей в середине — второй половине XX в. данных о политических процессах в России. Впрочем, в этих знаниях были и остаются заметные сегодня лакуны. Одна из проблем заключается в том, что причины эмиграции были разнообразнее, искать их только в репрессиях нет оснований. Так, опала В. С. и И. И. Заболоцких не могла быть связана с «их опасной близостью к старицкому дому и кругу Алексея Адашева», поскольку у нас достаточно сведений, чтобы относить побег В.С. Заболоцкого ко времени не позднее 1556 г., когда Избранной раде и князю Владимиру Андреевичу ничего не угрожало. В числе бежавших из России Сарыхозиных было не два, а по меньшей мере четыре брата, причем «Марка» звали Умаром, а под «Аписимом» надо, по нашему мнению, понимать Агиша. Ряд других неточностей и спорных утверждений об эмигрантах в работах А.А. Зимина показывает, что изученность причин эмиграции, биографии эмигрантов и их связи с российской культурой и обществом к 1980 г. оставляла желать лучшего. Переписать свои ранние работы по истории XVI в., отказавшись от концепции государственной «централизации», исследователь так и не успел, хотя в статьях конца 1960-х и 1970-х гг. его восприятие «измены» и «изменников» вышло за рамки концепции государственной модернизации, или централизации. С «противников централизации» было снято клеймо, эмигранты и заговорщики потребовали детального анализа причин и мотивов их поступков. В самой идее борьбы централизма с уделами, отстаиваемой А. А. Зиминым, «уделы» лишились очертаний «социальной силы», победа над которой ранее возводилась в ранг закономерностей исторического процесса. Это была борьба деспотического режима с мыслимой и немыслимой «изменой».

Исследователи вновь и вновь возвращаются к протестам и вымышленным подозрениям, в которых, по словам Инги Ауэрбах, мы чаще обнаруживаем особенности «психического склада царя, чем причины террора, или мы вынуждены констатировать, что ничтожные поводы имели катастрофические последствия»[130]. Соображений об ограничении «отъездов» за рубеж также недостаточно. Каждый протест, каждый мотив побега требует специального исследования. В тех случаях, когда Ивану Грозному противостояли не «шпионы и предатели», а литовская разведка и контрразведка, как можно увидеть из сравнения польско-литовских, немецких и московских источников по истории скандальных «дел» И. П. Козлова 1567 г. и Новгородской «измены» 1569–1570 гг., подозрения царя Ивана говорят о его дезориентации в игре разведок. Возможно и то, что царь преследовал свои цели в тайной войне, возлагая вину за неудачи на подданных, наиболее активно поддерживающих «западные контакты». Громкие обвинения царя в адрес новгородского архиепископа Пимена, Владимира Старицкого и других «изменников», будто бы хотевших в 1569 г. переметнуться к польскому королю или при его поддержке «извести» царскую семью, не находят вообще ни прямых, ни косвенных подтверждений в польско-литовских источниках[131]. Шпионаж И. П. Козлова, предполагаемый или подозреваемый ответ московской элиты в форме «заговора И. П. Федорова», донесения в 1568 г. литовских шпионов В. Глазко и В. Стапкова о событиях в Москве видимого влияния на военные действия между царем Иваном IV и королем Сигизмундом II не оказали[132]. Проблему этих мнимых или действительных «заговоров» И. Ауэрбах видит в том, что под прикрытием «громких» обвинений Иван Грозный методично уничтожал всех, кто мог симпатизировать «западным» правителям и особенно польскому королю и его подданным. Когда к власти в Речи Посполитой пришел Стефан Баторий, то «после 20 лет террора против тех, кто симпатизировал Западу, он не нашел в Московии никого, с кем можно было бы вести переговоры»[133]. Королю пришлось наводить справки о том, есть ли в Москве силы, которые могли бы поддержать его приход к власти или облегчить ему Московские походы. Одним из источников для него, по мнению И. Ауэрбах, были «мартирологи» в «Истории» кн. А. М. Курбского, который был лучше, чем кто бы то ни было, осведомлен в московской тайной политике и сам переосмыслил политико-правовые реалии Московского государства после эмиграции[134].

[130] *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter im Moskauer Russland und das Grossfürstentum Litauen // RH. 1987. Spring–Winter. S. 6.

[131] Ibid. S. 10–14.

[132] Ibid. S. 9.

[133] Ibid. S. 14.

[134] *Auerbach I.* Die politischen Vorstellungen des Fürsten Andrej Kurbskij // JGO. 1969. Bd. 17. Hf. 2. S. 170–186; *Eadem.* Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskii and National Consciousness in the Sixteenth Century // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. Moscow, 1997. P. 11–25; *Eadem.* Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts.

Концепция И. Ауэрбах позволяет достичь равновесия в понимании ряда источников, сохранивших следы российского «Другого» в Европе. Прежде всего, террор обретает в ее интерпретации очертания насильственной политики психически неуравновешенного царя, страдающего болезненными маниями, подавленной запретной сексуальностью, параноическим страхом и ненавистью к Западу. В то же время надежды на внутренние ресурсы сопротивления в России, существовавшие в политическом и военном руководстве Речи Посполитой, говорят о готовности короля Сигизмунда II Августа и его окружения обратить войну против царя в поддержку московской оппозиции. Поэтому большие надежды возлагались в Короне Польской и Литве на побег кн. А. М. Курбского, феодальной собственностью обильно награждались приближенные царя и просто знатные перебежчики, среди которых в статье И. Ауэрбах упоминаются Владимир Семенович Заболоцкий, Агиш и Алексей Васильевичи Сарыхозины, Тимофей Иванович Тетерин. Приглашения на королевскую службу получали и другие представители московского двора[135]. Страх Ивана Грозного, таким образом, был небезоснователен, по свидетельствовал о неспособности царя контролировать и обращать против врага его же тайную политику. Восприятие эмигрантов как шпионов — это точка зрения противостоящих государств, неотъемлемая часть войны. Эмигранты из Московской Руси в Корону и Литву отчетливо делились на две категории — на перебежчиков военного времени и тех, кого изменниками или шпионами только по факту выезда назвать было невозможно. Перед исследователями во многом благодаря работам И. Ауэрбах открыта масштабная проблема — причины и мотивы эмиграции из царской России, обустройство в новом отечестве, самосознание и идентичность мигранта. Однако подлинным Другим в данной концепции является даже не эмигрант-оппозиционер, а суверен враждебной Короны Польской и Литвы, западный монарх против московского царя: «Итак, мы возвращаемся к ключевой проблеме: Как интегрировались сбежавшие от Ивана Грозного в литовское общество? Мог ли вообще суверен против воли своего двора проводить политику систематической вербовки оппозиции против царя? Что касается знати Московии, ответ, конечно, "нет"; для незначительных дворян ответ — "да", но только при условии, что не происходит массовых побегов»[136].

Если выбор был возможен и был, в общем смысле, свободным, т. е. не вынужденным принудительным побегом, то для эмигранта, как «внутреннего», так и «внешнего», в русских землях XVI в. он состоял из нескольких опций. Можно было сменить суверена, оставаясь в ареале своей культуры. Именно так мог бы звучать ответ «да» для служилой «мелкоты» Московской Руси, перебирающейся на русские земли Речи Посполитой. Почему же «массовые побеги» царских подданных во владения Короны и Литвы были *non grata*? Современная наука далеко отошла от построений российской «национально-имперской» школы с ее убеждением в легитимности колонизации, измерением закономерности исторических процессов перемещениями «народных масс» и фактами «этнического присутствия». Как показал Иероним Граля (Hieronim Grala), идеология политического подданства уже в литовско-московских войнах рубежа XV–XVI вв. не оставляла места для общей памяти на русских землях. «Русским» Великого княжества Московского противостояли «русские» Великого княжества Литовского и Короны Польской. Для них их противники были «московитами». Для самих же «московитов» подданство врага вне зависимости от его «исторического» происхождения превращало его в «ляха» или «литвина»[137]. Московит попадал в эмиграции в новый для себя политико-культурный мир, где его не считали «своим», где он становился «Другим» для местных жителей. Таким образом, полного интеграционного освоения «Другого» не происходило, когда инакомыслящий бежал от своего московского монарха. «Изменник» царя и великого князя московского превращался в «московита» в государствах короля польского и великого князя литовского.

Выводы о византийской подоплеке московского монархизма сближают концепцию И. Грали с культурно-феноменологической интерпретацией «Другого». Подданные царя, согласно

München, 1985; *Eadem*. Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovič Kurbskij und sein Kreis // NM. Bd. 4. Lief. 15–17. S. 13–190.

[135] *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 16–29.

[136] Ibid. S. 29–30.

[137] *Grala H.* Kołpak Witołdowy czy czapka Monomacha? (Dylematy wyznawców prawosławia w monarchii ostatnich Jagiellonów) // Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.). Warszawa, 1997. S. 51–67; *Idem*. Rutheni vs. Moschi: elita ruska Wielkiego księstwa Litewskiego wobec wojen Moskiewskich w XVI w. // НР. Гродна; Беласток, 1999 (2000). Кн. 8. S. 34–51; *Idem*. Rzeczpospolita wobec pretensji Moskwy/Rosji do ziem ruskich // O ziemię naszą, nie waszą. Ideowe aspekty procesów narodotwórczych w Europie Środkowej i Wschodniej / pod red. Ł. Adamskiego. Warszawa, 2017. S. 19–58.

этой точке зрения, были лишены возможности противостоять тирании, политическому доминированию и в конечном счете любым проявлениям деспотизма в силу политического конформизма элит и согласия с учением о сакральной природе верховной власти. Если царь подобен Богу, то эмигрант должен, восставая против царя, чувствовать, что лишается не только царя, но и божественной поддержки. Вместе с тем польский исследователь полагает, что в русских землях не существовало «мандата на автократию», а подданные нередко выказывали недовольство и сопротивление «избранникам Божьим» и не придавали Рюриковичам никакого сакрального значения[138]. Монгольское правление при содействии церковных идеалов послушания сформировало представление о подданстве, которое допускало сопротивление только неправедным монархам и внешним захватчикам, а князьям приписывало самодержавные царские полномочия «в своей земле». Как вслед за Густавом Алефом и Хартмундом Рюссом отмечает И. Граля, вольный отъезд из владений князя в Московском государстве постепенно стал восприниматься как государственная измена. Впрочем, и сам институт свободного «выезда» служил, по сути, централизации и стягиванию региональных элит в Москву[139]. Одной из черт московской централизации был культурный изоляционизм: «...местная элита не ездила за границу, не пыталась делать карьеру где-либо, помимо государева двора, не вступала в заграничные браки»[140].

Конечно, это касается не всех представителей элиты, однако даже в качестве общей тенденции с рядом исключений изоляционизм выравнивает политический ландшафт. «Другого» нет, он тождественен культурной доминанте, из которой создано Государство, и даже отмечен «сервилизмом» или, как И. Н. Берсень Беклемишев или кн. А. М. Курбский, придерживается стремительно устаревающих ценностей. О князе Андрее Курбском, еще в качестве воеводы Ивана Грозного, в работе И. Грали звучит существенная оговорка: он был в ряду тех представителей московской власти — среди прочих и Шах-Али, Алексей Адашев, Павел Заболоцкий, которые «заверяли жителей Ливонии в милости царя и обещали сохранить их старинные права и привилегии и свободу вероисповедания»[141]. Впрочем, основная политическая линия Москвы в Ливонии была иная, да и сам Андрей Курбский, как ниже в той же работе указывает Граля, был бы неудачным примером московской веротерпимости на оккупированных землях.

С того момента, когда институт государственной измены получил освещение в источниках, он превратился из последствия изоляционизма в его стимул и условие. Символом и воплощением автократического государства стал институт чиновников-дьяков, который И. Граля, перечитывая сочинения кн. А. М. Курбского и послание Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина М. Я. Морозову, противопоставляет «вековечному социальному порядку»[142]. Институт дьяков-писарей, новых выдвиженцев абсолютной власти, сближал монархии Ягеллонов и Калитовичей[143]. Не вызывает сомнений, что чиновничество в XVI в. гораздо реже эмигрировало из России, чем высшая знать и дети боярские. Значит ли это, что эмиграция стала реакцией на усиление новой бюрократии? Или бюрократия чувствовала себя в более привилегированном положении, чем аристократия и служилые люди? Или же слова Курбского и Тетерина нужно понимать прямо — при московском дворе назревал и временами давал о себе знать конфликт между бюрократией и «традиционными» слугами великих князей, и он-то и выталкивал, главным образом в Корону и Литву, представителей старой и поместной знати?

Дистанция между властью и подданными в Москве «эпохи Ивана» стала непреодолимой. Ее закрепила воля Ивана IV считать каждого перебежчика изменником, унизительные этикетные формулы вроде «царский холоп» или «сирота» и декларативные заявления царя о своей

[138] *Grala H.* Człowiek wobec władzy na Rusi Moskiewskiej: (XIV–XVI w.) // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym / pod red. R. Michałowskiego. Warszawa, 1997. S. 406–409.

[139] Ibid. S. 414–415.

[140] Ibid. S. 419.

[141] *Grala H.* "Pax Moscovitica"? Wokół rosyjskiego władztwa w Inflantach w epoce Iwana IV Groźnego // Klio viae et invia. Opuscula Marco Cetwiński dedicate. Warszawa, 2010. S. 673–695, здесь s. 688, ср. s. 690. См. также: *Idem.* "In der Tyrannen Hand": русская колонизация Ливонии во второй половине XVI в.: планы и результаты // SSBP. 2014. № 2. С. 175–193.

[142] *Grala H.* Człowiek wobec władzy... S. 419–420.

[143] *Граля И.* Дьяки и писари: Аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI — начало XVIII века) // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 148–164. Биографии одного из творцов государственности нового типа посвящена монография и серия статей Иеронима Грали. См.: *Его же.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. / пер. с польск. Л. И. Леньшиной. М., 1994.

воле казнить и миловать своих холопов. Этому не было противодействия, если не считать сочинений кн. А.М. Курбского. В то же время польский исследователь отмечает склонность московских публицистов-современников Ивана Грозного Ивана Пересветова и Ермолая-Еразма к самодержавной «твердой руке»[144]. Опираясь на достижения польской, германской и российской историографии, работы Инги Ауэрбах, М.М. Крома, Ю.М. Эскина и свои собственные наблюдения, И. Граля воссоздает результаты «гравитации», притягивающей московских перебежчиков в земли Ягеллонов[145]. И. Граля не останавливается на причинах эмиграции, считая ее отчасти следствием борьбы групп влияния при московском дворе. Предметом его специальной работы стали геральдические знания и ориентиры московитов в Речи Посполитой. Сфрагистические источники открывают одну из сложнейших проблем культурной истории московской эмиграции в Европе. Индивидуальная и родовая геральдика неизвестна в Московской Руси, и появление гербов у московитов в эмиграции отражает либо перемены в идентичности перебежчиков, либо механизм приспособления московской идентичности к местным традициям в Европе и Литве. Отвечая на этот вопрос, исследователь склоняется к выводу о фабрикации, заимствовании, восприятии по следам местной культуры эмигрантами шляхетских символов уже на королевской службе. Однако важным уточнением, неоднократно звучащим в работе И. Грали, звучит оговорка, что выбор Ляцких, князей Курбских Ярославских и Трубецких, а также других шляхтичей московского происхождения в пользу тех или иных геральдических символов мог подчеркивать стремление интегрироваться в новое общество, сохранив элементы московского прошлого. В сходном направлении развивается, например, концепция украинского исследователя Олега Однороженко, доказывающего в ряде случаев автохтонное северо-восточное русское и московское происхождение геральдических символов знатных московитов в эмиграции[146].

Обобщим те пути отчуждения «коллективного Курбского», которые будут обсуждаться нами далее по следам, проложенным в научной историографии и теории истории. Понятие «отчуждение» мы заимствуем из марксистского языка, но считаем возможным говорить о культурно-политическом, а не только экономическом отчуждении, лишающем средств производства и доступа к произведенному продукту. Прежде всего политический эмигрант — это *volens nolens* государственный изменник. В этом статусе не было обреченности, он мог вызывать протест, но ярлык был настолько крепким, что требовал от эмигранта сопротивления и мог оказать сильное влияние на его самосознание и поведение за границей. Второе, что затрагивают в той или иной мере все исследователи, обращающиеся непосредственно к проблеме ранней российской эмиграции, — идентичность «московита». Это был клишированный цивилизационный стандарт, позволявший распознать чужака и отнести его — по языку, религии, памяти и т.д. — к определенному виду «Других» в самом принимающем обществе, а точнее, в различных стратах и регионах Европы, где приходилось бывать эмигрантам из Московской Руси. Сама идентификация посредством определения «московит» и его аналогов была подвижной и приобретала множество контекстных значений, ни одно из которых не превращалось в этнический канон или репрессивный механизм, но, как и в любой новоевропейской идентичности, в понятии «московит» неизбежно формировалась этничность и репрессивность. Третье — поведенческие коды и *habitus* эмигранта, включенность в сообщества иноземцев, межгрупповые социальные перемещения, и как следствие, исключение московитов-эмигрантов из стабильных местных страт, групп заселения, приобщение к «меньшинствам», возможность создать подобие землячества или диаспору. В-четвертых, эмигранта отличала обостренная рефлексия о возможности репатриации, выдачи в Москву, восшествии московского монарха на один из европейских престолов или возвращении на родину, если там поменяется местная власть или на ее месте окажется правитель Речи Посполитой, Швеции, турецкий или крым-

[144] *Grala H.* Człowiek wobec władzy... S. 429–430.

[145] *Grala H.* "*Ex Moschouia ortum habent*". Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii. Warszawa, 1999. T. 4 (15). S. 101–130. Немецкая версия данной работы: *Idem.* In der Fremde. Betrachtungen zu den Siegeln und Wappen von Flüchtlingen aus Moskovien in Polen–Litauen in 16. und 17. Jahrhundert // Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde. 1999. Bd. 45. S. 379–422.

[146] *Однороженко О.* Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII–XVI ст. Харків, 2009. Рец. см.: *Войтович Л.* Рец. // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2010. Вип. 3. С. 393–396. См. также: *Эскин Ю.М.* Печати членов Боярской думы в 1633 году. К истории русской «предгеральдики» // Russia Mediaevalis. München, 2001. T. X/1. C. 205–223; *Тесленко І.* Заяви про загублені печатки і сигнети з книг Володимирського ґродського та Заславського замкового судів // СЩ. Київ, 2011. Вип. 1. С. 359–366.

ский сувереп. Наконец, па эмиграптов в историографии возлагаются тягостные, ипогда певыносимые, обязаппости выражать те или ипые исторические тепдепции, политические взгляды. Впе зависимости от самоидентификации перебежчиков, их затягивало в политические интриги, авантюры и сложные межгосударственные отношения. Им приходилось высказываться по вопросам, которые, возможно, никогда не возникли бы в их жизни на родине. Они становились инструментом в руках политиков, но, становясь политиками, могли представлять в этом качестве особую историческую силу.

Бытующие до сих пор в литературе интерпретации, отчасти отвечающие намеченным выше научным логикам, отличаются в целом неточностью и слабой проработанностью деталей. Ощущается готовый запас априорных ответов, несмотря на то что источники до сих пор почти не подпимались. Прежде всего в дискуссиях о причинах гонений на служилых людей в правление Ивана Грозного связь между террором и эмиграцией из России, как правило, остается предметом лишь беглых упоминаний. Среди признанных в науке точек зрения концепция индивидуального и всесословного террора правителя-самодура, далекого от вызовов современности, воспитанника удельной эпохи Ивана Грозного[147], гипотеза о борьбе царя с уделами методами удельной политики[148] или гипотеза многоэтапного и разнонаправленного, по отчасти продуманного по стратам террора против княжеской, боярской, дворянской и любой оппозиции[149]. Циклический образ террора и заговоров неизбежно возникает перед глазами, если ограничивать проблему эмиграции ее push-факторами[150]. Бенедикт Зентара метко обрисовал причины эмиграции в формулировке: «Единственным проявлением оппозиции были множащиеся побеги в Литву. С течением времени сам слух о чьих-либо планах выехать за границу воспринимался как проявление измены. Царь ввел своего рода коллективную ответственность боярских родов, гарантирующих друг за друга отказ путешествовать за границу»[151]. В своей обобщающей монографии А. Н. Павлов и Морин Перри отмечают, говоря о периоде опричнины: «В это время оппозиционные настроения были широко распространены в служилом классе. Побеги служилых людей в Литву вели к расправам над их родственниками и знакомыми, а это в свою очередь вело к новым побегам»[152]. Так как и почему этот порочный круг был разорван? Не менее парадоксально звучат и слова К. А. Мазина о кн. А. М. Курбском, который, по мнению исследователя, стал «политическим эмигрантом» и «тиранеборцем» «только в эмиграции, так как не политика привела его к эмиграции, а, скорее, эмиграция вывела его на арену политической борьбы»[153]. Почему так, а не наоборот? Откуда известно, что именно Курбского «привело к эмиграции»?

В исследовании А. Л. Корзинина о государевом дворе в правление Ивана Грозного находим следующие оценки эмиграции представителей княжеской элиты: «Если сравнивать судьбы князей Ростовских, Ярославских и Стародубских во время казанской ссылки и после нее, то больше всего досталось князьям Ростовским и Ярославским. Это неудивительно, так как они скомпрометировали себя в глазах Грозного изменами, бегством в Литву. Вспоминаются дело князя С. В. Звяги Ростовского 1554 г. и замешанных в него князей Н. С. Лобанова, В. В. Волка Приимкова, возможно, А. И. Катырева, бегство в Литву в 1564 г. князей В. А. Шамахеи-Шеступова и Ф. И. Буйносова-Хохолкова, а в 1564 г. дерзкий побег князя А. М. Курбского...»[154]. На чем строится эта конструкция? Федор Буйносов записан в синодики опальных как казненный, а следов его жизни в Коропе или Литве не обнаруживается. Ссылка на «Опричнину» А. А. Зимина в рассуждении о кн. Ф. И. Буйносове показывает, что предположительная в этой монографии датировка побега кн. И. Б. Тюфякина перенесена и на

[147] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.

[148] *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001.

[149] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.

[150] См., напр.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 188.

[151] *Zientara B.* Dawna Rosja: Despotyzm i demokracja. Warszawa, 1995. S. 88.

[152] *Pavlov A., Perrie M.* Ivan the Terrible. London; New York et al., 2003. P. 105. Без какой-либо аргументации сходный тезис, но с явными аллюзиями на историографическую доктрину «централизации» прозвучал в ретроспекции Е. И. Пивовара: «С развитием польско-литовских отношений с Москвой наблюдался приток населения с территории Московии в восточный регион Речи Посполитой. Владетельные князья, несогласные с политикой централизации или из страха репрессий со стороны Ивана IV, приезжали сюда жить» (*Pivovar E.* L'étranger russe comme un phénomène culturel et social: son rôle et sa place en héritage historique et culturel / trad. K. Monovtsov et al. Saint-Pétersbourg, 2011. P. 71).

[153] *Мазин К. А.* Российская эмиграция и российское зарубежье. XVIII век: политический и культурный феномен. М., 2009. С. 9.

[154] *Корзинин А. Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.) / отв. ред. А. Н. Павлов. М.; СПб., 2016. С. 308–309.

кн. Ф. И. Буйносова, о котором исследователь пишет в следующем предложении. Однако для такой датировки недостаточно оснований, причем применительно к кн. И. Б. Тюфякину тоже. Имя «князя Ивана Оболенского» (предположительно Тюфякина) обнаруживается в счетах королевской казны за 1551 г. О дате выезда кн. В. А. Шамахеи-Шеступова можно с уверенностью говорить, что она неверна. Первые упоминания этого эмигранта во владениях короля Сигизмунда II Августа относятся уже в 1549 г., а выплаты ему из королевской казны производились неоднократно в 1549–1551 гг. Неясно также, какое отношение к казанской ссылке князей имеет «дело 1554 года», после которого кн. А. И. Катырев на много лет укрепил свое положение при дворе, дослужился до боярства и занимал высокие воеводские посты[155]. Видимо, мы оказываемся перед парадоксальной ситуацией, когда ближайшим по времени к ссылке князей на казанские поселения в 1565–1566 гг. оказывается в этой логике только побег кн. Андрея Курбского, и его-то и следует считать единственным поводом для репрессий. Но в чем же было «проявление измены» князей ростовских? И почему бы ближайшим к побегу Курбского и фатальным для ярославского рода событием не считать убийство князя Ивана Шаховского и какое-то следственное дело против самого Курбского? Как бы мы ни интерпретировали побег Курбского, следствие по его «делу» велось еще до его побега — и сам Иван Грозный не отвергал этого факта. Еще один комментарий А. Л. Корзинина об «изменах» и эмиграции тоже оставляет множество вопросов: «Тетерины (7 человек) подверглись наказанию за бегство своего родственника в Литву. В конце апреля 1564 г. из г. Юрьева в Литву "утек" боярин князь А. М. Курбский, а вслед за ним Тимофей Иванов сын Пухов-Тетерин. Был арестован (после казней) Андрей Федоров сын Кашкаров, близкий к Тетерину»[156]. Откуда известно, что Тетерины попали в опалу и были казнены «всеродне» после побега Тимофея Пухова, а не до этого события? Откуда известно, что Тимофей бежал «вслед за Курбским»? О казни Андрея и его брата Азария Кашкаровых пишет князь Андрей Курбский, однако как раз в данном случае прослеживается связь «дела Кашкаровых» не только с побегом Тимофея Тетерина, но и с побегом Девятого Федоровича Кашкарова около 1564 г. на службу Сигизмунда II Августа[157].

Как можно заметить, тень Ивана Грозного падает на историю эмиграции даже в тех случаях, когда они рассказаны «без царя». Несмотря на критику и внутренние расхождения в стане приверженцев концепции государственной модернизации, она сохраняет свое влияние на формирование исследовательской повестки. В советской историографии, развившей и дополнившей данную концепцию, князь Андрей Курбский заклеймен ярлыками «боярского идеолога», «предателя Родины» и «выразителя взглядов феодальной реакции». В. С. Заболоцкий, Т. И. Тетерин, Д. И. Бельский, братья Сарыхозины заслужили лишь комментариев в связи с причинами их эмиграции, судьбой родичей и имущественным статусом их родов в России. К биографиям кн. С. Ф. Бельского, И. В. Ляцкого и кн. И. Д. Губки Шуйского исследователи обращались в контексте дискуссий о правительственной политике молодого Ивана Грозного. Более резко определил авантюрную деятельность кн. С. Ф. Бельского И. И. Смирнов, в духе Карамзина считавший его врагом России, по сути — «предателем родины»[158]. Только О. П. Бакус, М. М. Кром и И. В. Зайцев впервые смоделировали иные интерпретации многочисленных сообщений источников, не укладывающихся в концепции государственной модернизации, которой противостоит реакционная государственная измена. Впрочем, как представляется, названные авторы отчасти разделяют данную концепцию, говоря о переходе к идеологии подданства, отказе от права на отъезд и феодально-княжеских идеалах кн. С. Ф. Бельского[159].

В дополнение к «выразителям реакционных взглядов», выявленным С. М. Соловьевым, тща-

[155] Об этом см.: *Кром М. М.* «Отъезды» московской знати в Литву во второй четверти XVI в. // Феодальная Россия: Новые исследования. СПб., 1993. С. 34; *Курбский А. М.* История... . С. 688–693. Примеч. 85-2–85-7. Подробнее см. в нашей монографии "Natione Moscus".

[156] *Корзинин А. Л.* Государев двор... С. 311.

[157] *Курбский А. М.* История... С. 758–759. Примеч. 100-4.

[158] Об «Очерках» И. И. Смирнова см. здесь выше, с. ???

[159] Работа О. П. Бакуса осталась И. В. Зайцеву неизвестной. При этом на момент завершения работы над статьей Зайцева еще не появилась в печати статья М. М. Крома, которая позволила бы уточнить ряд построений исследователя. Вместе с тем в статье М. М. Крома учтено исследование О. П. Бакуса, но не учтены важные наблюдения И. В. Зайцева за характером польско-крымско-турецких отношений. См.: *Backus O. P.* Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1970. Bd. 15. P. 119–144; *Кром М. М.* Судьба авантюриста... С. 98–115; *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом... С. 131–158.

тельно изучено творчество Ивана Пересветова, который, в противовес Курбскому, нередко трактовался как сторонник прогрессивного дворянского централизованного государства. Его взгляды и сочинения приписывались и «коллективному Ивану Грозному», и самому царю Ивану, и его ближайшему окружению. Таинственный Ивашка Пересветов востребован в качестве еще одной метонимии, носителя и выразителя «передовых» взглядов. Вопрос о родословном происхождении и изначальном подданстве И.С. Пересветова не решен, однако за концептуальными дискуссиями ушло из поля зрения, что он был эмигрантом и репатриантом. Его сочинения — одно из первых свидетельств путешественника, который в качестве московского подданного побывал на службе у ряда европейских монархов и вернулся в Москву. Что и как он увидел в Европе? Что он считал достойным заимствования у европейцев? Насколько его сведения о европейских службах, встречах и дискуссиях достоверны?

В силу своих многосторонних талантов Иван Федоров оказался в центре внимания советской историографии и вызвал к жизни череду интерпретаций, в которых предлагались различные ответы на вопрос, почему он выехал из Российского государства. Биографии и творчеству Ивана Федорова были посвящены работы Е.Л. Немировского, Э.И. Ружицкого, М.Т. Гембаровича, И.З. Мыцко, Я.Д. Исаевича, Н.Н. Ковальского. Первая публикация источников, целиком посвященная московиту-эмигранту в Речи Посполитой, — сборник «Первопечатник Иван Федоров и его последователи на Украине (XVI — первая половина XVII в.)»[160]. Открытие места жительства печатника, его знакомых, новых фактов в его творчестве и социальном положении происходило на фоне поисков данных о российско-польско-литовских культурных связях во второй половине XVI — первой половине XVII в.[161] Е.Л. Немировский начал дискуссию о московите, выступающем под именем Иван Федоров в реестрах студентов и выпускников Краковского университета, обратился к записи в реестрах Архива королевской казны (Archiwum Skarbu Koronnego) о награждении в 1566 г. шестерых московитов, перешедших на службу Сигизмунда II Августа.

В странах Восточного блока, Советском Союзе, в том числе в национальных историографиях СССР, исследователи, в традициях дореволюционной российской историографии и работ В.И. Пичеты, продолжали подчеркивать интеллектуальное влияние троицкого игумена Артемия и Феодосия Косого на польско-литовскую книжность и в целом на духовную культуру. На этом пути особенно важным было исследование творчества Артемия в контексте истории нестяжательства, выполненное Гюнтером Шульцом в Грайфсвальдском университете и позднее неоднократно продолженное российскими исследователями. Ценным направлением (как указала Инга Ауэрбах тогда же) было изучение рукописного сборника с посланиями Артемия из РГБ собр. В.М. Ундольского № 494, который отражает, по предположению исследователя, московские версии в их польско-литовских редакциях (возможно, в списке «Марка» Сарыхозина)[162]. Исследование творчества старца-эмигранта продолжилось и в российской науке[163].

Круг религиоведческих проблем также расширялся — возникли сомнения в том, насколько учения московских религиозных диссидентов были оригинальны. Есть ли надежные доказательства того, что «арианство» (антитринитаризм) конца 1550-х — начала 1560-х гг. Великого княжества Литовского и позднее социнианство Речи Посполитой испытало влияние «еретиков» из Московской Руси? По словам Валерия Земы, источники об учении Феодосия Косого не позволяют судить, имеем ли мы дело с самостоятельным учением или с религиозными

[160] Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI — перша половина XVII ст.): Зб. документів / упоряд. Я.Д. Ісаєвич, О.А. Купчинський, О.Я. Мацюк, Е.Й. Ружицький. Київ, 1975.

[161] *Ковальский Н.Н.* Источниковедение истории Украины (XVI — первая половина XVII века). Ч. 1. Анализ советских археографических публикаций документальных источников: Учебное пособие. Днепропетровск, 1977. С. 65–74.

[162] *Schulz G.* Die theologiegeschichtliche Stellung des Starzen Artemij innerhalb der Bewegung der Besitzlosen im Russland der 1. Hälfte des 16. Jahrhunderts / hrsg. von F. von Lilienfeld. Erlangen: Fotodruck, 1980. XXX, 323 S.; *Auerbach I.* Rec. // SR. 1983. Vol. 42. N 2. P. 278–279.

[163] *Дмитриев М.В.* Православие и Реформация: Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990; *Его же.* Рец. на кн.: *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia. The 16th and 17th Centuries. New York; Oxford, 1992 // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 188–193, особенно с. 191–192; *Его же.* Изменения в культурной и идейной жизни Речи Посполитой в эпоху Реформации и православное общество // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Ч. 1: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996. С. 42–60, особенно с. 45–50. См. также: *Калугин В.В.* Артемий // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 458–462.

диссидентами из Москвы, которым у них на родине и в Европе приписывались несходные взгляды, тогда как доктрины в этих учениях не прослеживается[164]. Влияние «московского фактора» на религиозную ситуацию Речи Посполитой, включая и канал, традиционно закрепленный за «Москвой», — православие, всё чаще рассматривается как сильно преувеличенный не без влияния пропаганды «московской угрозы» в Речи Посполитой, московской пропаганды более позднего времени, эпохи противостояния православия и униатства, и отчасти при содействии историографических конструкций вокруг религиозной ситуации и «конфессионализации» Короны и Литвы[165].

Носителем московской, а по логике данного научного направления — общерусской культуры оказался и ученый круг кн. А. М. Курбского в Речи Посполитой. По словам Е. Л. Немировского, его «блестящие памятники злободневной политической публицистики» — т.е. «История» и послания царю — оказали «немалое влияние на современников» и «были хорошо известны всей просвещенной Волыни и Галицкой Руси» (автор ссылается на их цитирование в Львовском Апостоле и, возможно, Азбуке 1574 г. Ивана Федорова)[166]. Почему же тогда ни «История», ни письма Андрея Курбского неизвестны ни в списках, ни в упоминаниях? Как именно проявлялась их известность? Можно ли факт взаимной или однонаправленной цитации в сочинениях двух московских интеллектуалов считать аргументом в пользу их влияния на других современников?

Какими бы ни были пути князя Андрея Курбского и других эмигрантов XVI — начала XVII в. в российской культуре, они протягивают тонкую нить к суждениям о русских землях, Русской земле, Святорусском царстве, мучениках и священномучениках у себя на родине и сынах русских в эмиграции. Князь-эмигрант оставил для своего времени выдающееся по объему и амбициям литературное наследие, авторская часть которого — не считая переводов — имела на всем протяжении его бытования почти исключительно внутрироссийский резонанс. Национальные литературы возрождающихся на имперских окраинах Польши, Украины, Литвы и Белоруссии видели в Андрее Курбском отнюдь не писателя-эмигранта, не историка и не теоретика-богослова, не публициста и не выразителя культурного симбиоза. Андрей Курбский не вписан ни в одну концепцию центральноевропейской общественной и политической мысли. Как если бы его самосознание, насквозь пронизанное полемикой с царем, с иноверцами и московской официальной церковью, было исключено из течений ренессансной мысли, контрреформационных учений, польско-литовского и, шире, европейского публицистического многоголосия.

В историческом дискурсе польского, украинского и белорусского национального возрождения, Второй и Третьей Речи Посполитой место эмигранта — скорее символическое. Он воплощает открытость Речи Посполитой для изгнанников и в то же время церковную близость всех православных. Рассуждая о кандидатах на престол после смерти Сигизмунда II Августа и в связи с этим о московской кандидатуре, Винценты Закшевский пишет: «Тут было множество добровольных изгнанников из Москвы, которые, как князь Курбский, должны были без устали предостерегать от Ивана и могли рассказать в деталях, чего можно было от него ожидать»[167]. Среди князей, окружавших князя Василя-Константина Острожского в Остроге, польский публицист и писатель А.-И. Ролле выделяет ученого московита: «Курбский, добровольный изгнанник из Москвы, был милостиво принят в замке. Он любил теологические диспуты, и ему не было

[164] *Zeta W.* Reformacja w Europie Środkowej i Wschodniej i herezja Feodosija Kosoja: sprostowanie mitu historiograficznego // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2005. Rok 3. S. 222–238.

[165] См. дискуссии, включая обширные списки литературы: *Ісаєвич Я.* Релігійне життя і культурно-освітній рух в Україні: друга половина XVI — перша половина XVIII ст. // Католицизм в России и Православие в Польше: (XI–XX вв.). Б. м., 1997. С. 108–123; *Марзалюк І.А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы: (X–XVII стст.). Магілёў, 2003. С. 33–101; *Яковенко Н.* Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 13–153; *Довбищенко М.* Волинська шляхта у релігійних рухах: (кінець XVI — перша половина XVII ст.). Київ, 2008. С. 309–482; *Hodana T.* Między królem a carem: Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów — obywateli Rzeczypospolitej. Kraków, 2008. S. 5–62; *Тимошенко Л.* Криза церковного життя Київської православної митрополії наприкінці XVI ст.: інтерпретації істориків і свідчення джерел // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич, 2008. Т. 11–12. С. 96–116; *Niendorf M.* Wielkie Księstwo Litewskie: Studia nad kształtowaniem się narodu u progu epoki nowożytnej (1569–1795) / przekład z niem. M. Grzywacz. Poznań, 2011. S. 157–236.

[166] *Немировский Е.Л.* Иван Федоров (около 1510 — 1583). М., 1985. С. 158.

[167] *Zakrzewski W.* Po ucieczce Henryka. Dzieje bezkrólewia 1574–1575. Kraków, 1878. S. 82.

скучно в компании старого, предавшегося молитвам единоверца»[168].

Уточнения к тезисам Национального возрождения в наши дни без труда вычеркивают московское «влияние на культуру» Короны Польской и Великого княжества Литовского. Преувеличения о первенстве книжной мастерской кн. А. М. Курбского в переводе святоотеческого наследия уходят в прошлое. В трудах белорусских историков нередко отмечается факт эмиграции московской знати на земли Великого княжества Литовского, но об участии московитов в развитии интеллектуальных центров говорится всё реже, а переводы и литературные опыты князя Андрея Курбского понимаются как его особые взгляды на происходящее — расширение светской ренессансной культуры, размывание церковно-славянского языка местными просторечиями, «ересь» Франциска Скорины и вредоносное книгопечатание[169]. Если Курбский и мог повлиять на местные культурные процессы, то разве что бросившись наперерез им, защищая чуждые новациям консервативные ценности.

«Приватный характер», частное происхождение эмигрантских сочинений требует их рассмотрения вне привычного ряда официальных свидетельств — это вызвало критическую ремарку Ярослава Пеленского, когда он обсуждал истории присоединения Казани к Москве[170]. Как и в белорусской науке, украинским историкам приходится вносить поправки и устранять последствия российских имперских и советских интерпретаций. Исследователи всё чаще обращаются к интеллектуальным кругам московской эмиграции, социальным репрезентациям, рецепции литературного творчества и социально-культурному диалогу между эмиграцией и местными жителями. Например, Наталия Яковенко доказывает, что славянский перевод творений Симеона Метафраста в кружке Андрея Курбского был не первым и не самым ранним в Великом княжестве Литовском и Короне Польской — книги византийского писателя хранились к началу переводческих работ ковельских книжников по меньшей мере в Супрасльском и Кутеинском монастырях[171]. Как сегодня ясно благодаря исследованиям И. Ауэрбах и В. В. Калугина, этот перевод Курбского не был завершен и не повлиял на русскую книжность Речи Посполитой. «Миляновический кружок» кн. Андрея Курбского, по словам Наталии Яковенко, не успел расцвести своими проектами, как «отошел в тень на фоне мощного научно-типографского центра, который в 1576 г. начал действовать в Остроге за счет князей Острожских»[172]. В данном случае спята опасность переоценки Ковельского кружка во второй половине 1570-х гг., хотя его основная продукция, согласно общепринятым датировкам, относилась ко времени начиная с середины 1570-х гг. Датировки переводов требуют, на наш взгляд, пересмотра, но сам вывод о низкой востребованности переводных проектов князя Андрея Курбского при его жизни может найти как свои «за», так и «против». Как мы увидим, рукописная традиция этих трудов еще не вполне известна в науке.

В современной польской историографии сделаны значительные шаги вперед в изучении миграций в Первой Речи Посполитой. Однако в известном смысле в роли московита на поверхности обобщений в истории ее земель всплывает почти исключительно князь Андрей Курбский. И почти никогда — как современник и представитель литературного Ренессанса или идеолог каких-либо кругов православной Контрреформации. Его имя всё чаще звучит в контексте политической борьбы внутри Московского государства и в элите Короны Польской и Великого княжества Литовского[173]. Впрочем, в российской истории миграций дела обстоят сходным образом[174].

---

[168] *Rolle A.-J.* Opowiadania historyczne. Lwów, 1887. Ser. 6. S. 61–62.

[169] *Нічэта У. І.* Гісторыя Беларусі. Мінск, 2005. С. 171–172; *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. Минск, 1989. С. 117–118; Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан і інш. Мінск, 2008. С. 606 (автор — А. Самусик).

[170] См., напр.: *Pelenski J.* Muscovite Imperial Claims to the Kazan Khanate // Slavic Review. 1967. Vol. 26. N 4. P. 572.

[171] *Яковенко Н.* У пошуках Нового неба: Життя і тексти Йоаникія Галятовського. Київ, 2017. С. 142–143.

[172] *Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Вид. 3-є, переробл. та розш. Київ, 2006. С. 210.

[173] См., напр.: *Liedke M.* Od prawosławia do katolicyzmu: Ruscy możni i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wyznań reformacyjnych. Białystok, 2004. S. 102, 118, 180, 248; *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną: Sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569–1648. Warszawa, 2006. S. 43, 161; *Ćwikła L.* Polityka władz państwowych wobec Kościoła prawosławnego i ludności prawosławnej w Królestwie Polskim, Wielkim Księstwie Litewskim oraz Rzeczypospolitej Obojga Narodów w latach 1344–1795. Lublin, 2006. S. 84; *Літвін Г.* З народу руського: Шляхта Київщини, Волині та Брацлавщини (1569–1648) / пер. з польськ. Л. Лисенко. Київ, 2016. С. 122.

[174] *Ионцев В. А.* Краткий исторический обзор иммиграции в Россию и эмиграции из России // Население и кризисы. Территориальное размещение населения и глобальные прогнозы. Особенности расселения и миграции отдельных этносов в России (русские, немцы, ев-

Данные интерпретации во многом являются реакцией на представления эпохи Национального возрождения, и в критике много справедливого. Нам еще предстоит увидеть, насколько далеки и от московских, и от польско-литовских тенденций были идеалы князя Андрея Курбского. Однако в целом скептическая волна представляется во многом избыточной, вне многочисленных исторических контекстов, о которых нам предстоит здесь много говорить, критика страдает перехлестами и недооценкой реальных данных. Отсутствие князя Андрея Курбского в публичных языках русской эмиграции, советской оттепели и перестройки, а также польского, белорусского, украинского и литовского национального возрождения компенсировалось исследованиями «западных» историков и филологов, до сих пор служащими прочной основой научных построений (Э.-Л. Кинан, Д.К. Уо, И. Ауэрбах, Ю. Бестерс-Дилгер). В условиях холодной войны сам образ «Запада» был нарочитым и утрированным. Он, конечно, лишь препятствует тому, чтобы увидеть глубинное единство науки и ее неразрывное солидарное движение в освоении сложных проблем, рождении дискуссионных полей и новаторских решений. Впрочем, образ российского князя-эмигранта-тираноборца эпохи Ивана Грозного не случайно послужил объектом пристального внимания исследователей из стран антисоветского блока, «капиталистических» стран, объединяемых в образе «Запада». Дискуссия значительно усложнилась после того, как, с одной стороны, были опровергнуты расхожие представления о влиянии Переписки Курбского с Иваном Грозным на российское общество второй половины XVI – XVII в., а с другой – стало понятно, что социальные и идейные траектории эмигрантов из Российского царства этого периода во многом далеки от всего того, что известно о князе Андрее Курбском[175].

По тому, сколько сказано в устных выступлениях, неразвитых тезисах и «скользящих касаниях» темы, можно было бы говорить о глубоком многостороннем и растущем интересе к европейцам из Российского государства, «московитам-европейцам» XVI в. Ключевые тезисы обобщающих исследований С.Б. Веселовского, А.А. Зимина, Р.Г. Скрынникова, С.О. Шмидта, А.Л. Хорошкевич сформулированы еще до того, как были опубликованы специальные исследования, посвященные биографии деятелей российской эмиграции XVI–XVII вв. Обобщения биографии Ивана Грозного подвержены тенденции – личность царя Ивана заслоняет горстку «государевых изменников», бросает на них тень и лишает их голоса. Авторы, как правило, ограничиваются указанием причин эмиграции. Однако и в этих деталях допускаются невольные ошибки, связанные с малым кругом источников, введенных в научный оборот. Как можно будет убедиться, ряд неточностей в формулировках о взглядах, обстоятельствах выезда за рубеж и оценках в их адрес со стороны Ивана Грозного позволяют устранить источники, известные по публикациям уже к середине XX в., но по большей части лишь в недавнее время введенные в научный оборот.

Научный раскол, наметившийся в российской эмиграции 1960-х гг. и проявивший себя в дискуссии вокруг книги «Царь и Народ» Михаила Чернявского, приобрел новые формы на рубеже 1970–1980-х гг. Высказывания Ивана Грозного и Андрея Курбского получили осмысление как две перспективы развития России в кругах эмиграции советской эпохи второй и третьей волны, и особенно отчетливо в научно-публицистических прокламациях Александра Янова о нарушении европейского пути России в результате самодержавной революции Ивана Грозного[176].

ред. и др.). Вып. 4 / под ред. Б.С. Хорева, И.А. Даниловой, Л.В. Иванковой. М., 1998. С. 54–77; *Шмидт С.О.* Русская эмиграция... С. 11–64; *Жданова Т.А.* Историографическая традиция изучения Русского зарубежья // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. №1. С. 82–93; *Мазин К.А.* Российская эмиграция... С. 39–40. Подробнее мы характеризуем историографию изучения миграций в монографии "Natione Moscus".

[175] Уже неоднократно отмечалась заслуга Омельяна Прицака, впервые выдвинувшего гипотезу о зависимости Первого послания Курбского Ивану Грозному от посланий Исайи Каменецкого. На скепсис в отношении Переписки повлияли также труды П.М. Строева, И.И. Смирнова, С.М. Дубровского и А.И. Гробовского. Любопытная параллель намечается и в том, как Андре Мазон, скептик в отношении «Слова о полку Игореве», поддержал концепцию о «Слове» А.А. Зимина. Мазон сослался на предположение П.Б. Струве, который считал возможным написание «Слова» «ко времени эмиграции князя Курбского» (*Mazon A.* Étapes d'un Mythe: Le 'Slovo d'Igor', Épopée Russe du XIIe Siècle // SEER. 1966. Vol. 44. N 102. P. 35).

[176] *Янов А.* Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 32 и др. Более ранние публикации этого тезиса вызвали взвешенные оценки у исследователей с интересом к тезису о самодержавной революции, но также и ряд упреков. М. Раев задается вопросом: как именно самодержавная революция «заморозила автократическую систему в бесконечной последовательности corsi e ricorsi»? См.: *Raeff M.* Rec. ad op.: *Yanov A.* The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian History. Transl. by S. Dunn. Berkley: University of

По словам историка, России, как и Европе, предстояло завершить свою Рекопкисту. Это накладывало отпечаток на «геополитические» или, скорее, — политико-культурные перспективы развития страны. Альтернатива была — либо стать демократичной конституционной Европой, либо деспотичной, подобной Османской империи Евразией. И методы могли быть выбраны только из этой альтернативы. Закончить Рекопкисту можно было двумя способами: «Цепой, как сказал однажды Герцен, удушения всего, что было в русской жизни свободного, или, напротив, опираясь на это свободное. Убивая своих Пушкиных и Мандельштамов, изгоняя своих Курбских и Герценов или, наоборот, употребляя это духовное богатство на пользу страны»[177]. История России после царствования Ивана Грозного представляется историку колебанием между двумя этими альтернативами. Концепция А. Янова приближается к построениям Д. Н. Альшица, хотя в отличие от советского коллеги Янов считает — сходно с Э. Л. Кинаном — преувеличением советологии теорию, согласно которой опричное самодержавие было типичной формой неограниченного доминирования на фоне бесправия и безжалостной эксплуатации закрепощенных сословий.

История России капуна и периода самодержавной революции в изображении А. Янова содержит две миграционные волны, два «вектора национальной миграции». Один из них — иммиграция в Великое княжество Ивана III и Василия III. Это период, когда собирание земель происходило благодаря тому, что великие князья московские уважали права личности и ратовали за соблюдение международных договоренностей (даже когда толковали их в свою пользу). Вторая волна была обратная. Это был прежде всего отток слуг Ивана Грозного в Великое княжество Литовское и Корону Польскую[178]. Эта двухчастная схема, конечно, упрощает историю миграций конца XV — первой половины XVI в., но за упрощением возникает в целом научная проблема причин эмиграции и иммиграции, которая решалась, но еще недостаточно. На этом пути исследователь ожидает увидеть комментарии А. Янова к концепциям О. П. Бакуса, И. Ауэрбах или И. Грали. Однако основные историографические источники его построений иные — это работы М. А. Дьяконова, В. О. Ключевского и советских историков-«шестидесятников»[179]. Сама формула «двух волн» почти буквально воспроизводит вывод Р. Г. Скрынникова[180]. И хотя автор дистанцируется от исторической концепции петербургского исследователя, его аргументация в критике «целей опричнины» почти не затрагивает тезис о «второй волне»[181].

Как мне представляется, и это представление послужит отправной точкой в этой нашей работе, в истории миграционных движений личность князя Андрея Михайловича не может служить доказательством или символом до тех пор, пока на доступном научном уровне не установлены причины эмиграции его современников, пока не найден, если это вообще возможно, ответ на вопрос, насколько репрезентативно личность Андрея Курбского отражала или воплощала эмигранта из царства Ивана Грозного. Кроме того, как сейчас уже ясно, Курбский не был противником самодержавия, а возможно, наоборот: его политический идеал основывался на особом ренессансном абсолютизме, теоретиком и реализатором которого был и сам князь, и привозносимая им Избранная рада. Не был в полной мере Курбский, конечно, и европейцем. В рамках Вупертальского проекта «Восточно-Западные зеркала» под руководством Льва Копелева образ Андрея Курбского представлен в амбивалентном свете «конкуренции за Балтику», в которой князь-эмигрант, как и во многих других «горячих вопросах» современности, отстаивал взгляды непреклонного московского политика и воина[182].

Консервативный поворот предчувствовал и отчасти диагностировал в своей литературной антиутопии «Москва 2042» Владимир Войнович. Возвращение истинного царя под именем Серафима Первого в Москву описано им как самодержавная революция, которая и так мало что изменит в стране будущего — Москорене и в ее периферийных кольцах-«каках». Ирония над

California Press, 1981, XVI, 339 pp. // RR. 1982. Vol. 41. N 4. P. 474–476, здесь p. 475. См. также рецензию на эту монографию: *Baron S. H.* Rec. // SR. 1983. Vol. 42. N 1. P. 104–106.

[177] *Янов А.* Россия. С. 48–49.

[178] Там же. С. 73–78.

[179] А. Янов ссылается в этой двухчастной схеме на работу: *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889. С. 187–193.

[180] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 188.

[181] Об этом подробнее см. в нашей монографии "Natione Moscus".

[182] *Rüss H.* Moskauer "Westler" und "Dissidenten" // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht: 11–17. Jahrhundert / hrsg. von D. Herrman unter Mitarbeit von J. Peters et al. München, 1988. S. 179–216. О проекте см.: *Dudek G., Schulz Ch.* Das Projekt "West-östliche Spiegelungen" von Lew Kopelew // ZG. 1993. Bd. 3. N 1. S. 169–176 (о князе Андрее Курбском см. на S. 173); *Кожевникова А. М.* «Вупертальский проект» Льва Копелева. Дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2012 (научный руководитель — А. И. Борозняк).

национально-монархической утопией, ведущей машину времени к стартовым позициям «1913» или даже «1917», беспощадна к самодержавной, патерналистской, моноэтнической и монологической власти. Диалог между Классиком и Симом Карнаваловым в романе лишь отдаленно напоминает Переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским, однако эта аллюзия подкрепляется большой полемикой в Русской эмиграции 1970-х — начала 1980-х гг., когда, условно говоря, либеральное крыло изгнанников почувствовало приближение «нового царя» и выступило за европейский путь для России. Прототипом и сатирической мишенью в «Москве 2042» в образе Серафима Первого был А.И. Солженицын, видевший в народном монархизме одну из подавленных, но не уничтоженных черт русского национального характера. «Возвращение царя» виделось автору «Архипелага ГУЛаг» такой же данностью, как ложная тяга к безграничной власти в духе культа Сталина или глубинное кулачество в духе Андрея Тюрина из «Одного дня Ивана Денисовича». Впрочем, как показывает Дороти Аткинсон, выстраивая преемственность между В.О. Ключевским и А.И. Солженицыным, рефлексия героев в художественном мире Солженицына — это всегда столкновение со своим одиночеством и со своей смертью, перед которыми только самому человеку во всей полноте и духовно-исторической обусловленности его жизненного опыта приходится решать, где грани между подлинным и фальшивым[183].

Побег Курбского и мучительное осмысление им своего нового качества за границей отразилось в этом поколении на дискуссии о том, насколько эмигрант несет личную ответственность за покинутую страну, не провоцирует ли он своим поступком репрессии против своих бывших сограждан, не лишает ли страну оппозиционного потенциала, не усиливает ли своими личными решениями веру в безграничную власть и беззаконие. Во всем обилии эти сомнения представлены в романе Н.С. Фуделя «Андрей Курбский»[184]. Впрочем в наши дни, например, в образном мире Владимира Сорокина героя, сопоставимого с Курбским, в опричной антиутопии будущего уже нет, как нет и альтернативы мрачному миру, описанному по мотивам сочинений князя Андрея Михайловича.

В отсылках новых западников к угрозе самодержавной революции (в том числе в приведенной выше логике вопрошания) проекты князя Андрея Курбского и конституционный проект Михаила Салтыкова зазвучали как голос «Другой России»[185]. Как мы покажем в этой книге, и репессивный абсолютизм Курбского, и опыт введения в Российском царстве шляхетской демократии не были пустыми мечтаниями, а возникли в ответ на угрозы неограниченного самодержавия.

В Советской России и СССР не было создано ни одной монографии о жизни князя Андрея Курбского, хотя был накоплен обширный материал, в том числе открыты ранее неизвестные источники и пересмотрены многие положения досоветской науки. В послевоенный период утвердился стереотип эмигранта-предателя, препятствовавший не только взвешенному изучению проблем, но и как таковой их научной постановке. Впрочем, советская историческая наука вынуждена была искать компромисс между классовой ненавистью к дворянству, аристократии, буржуазии и доктриной «дружбы народов», для которой не находилось более удачных примеров, чем эмигранты из рядов эксплуататоров. Реже эта роль отводилась купцам, мещанам, крестьянам, казакам. К последним отношение было значительно лучше, чем к детям боярским, поскольку в казачьей среде «голота» вызывала симпатии и брала на себя миссию борьбы против шляхетской «старшины». Тем не менее именно князю Андрею Курбскому суждено было стать воплощением «аристократической альтернативы», которой не допускалось никаких поблажек еще в исследованиях Р.Ю. Виппера, И.И. Смирнова, М.Н. Тихомирова, но более внимательно начали присматриваться историки-«шестидесятники», а особенно В.Б. Кобрин и Д.Н. Альшиц уже в эпоху перестройки. Этот взгляд разделяют А.А. Зимин, Ю.Д. Рыков, отчасти и Р.Г. Скрынников. Придерживался его

[183] *Atkinson D.G.* Solzhenitsyn's Heroes as Russian Historical Types // RR. 1971. Vol. 30. N 1. P. 1–16.

[184] *Фудель Н.* Андрей Курбский: Роман-эпоха. М., 2016. 1-е полное издание — 1992 г. Роман, поверхностно скользящий по фактической канве жизни кн. А.М. Курбского, в своей зависимости от российской имперской и актуальной советской науки обнажил ряд предрассудков, выходы из которых к концу 1980-х гг. были уже намечены в мировой науке.

[185] Дискуссия А.А. Зимина с Р.Г. Скрынниковым о побеге Курбского в полной мере вскрыла нерв расхождений между сторонниками личной ответственности и цивилизационного выбора (об этом подробнее см. здесь в главе «Побег»). См. также: *Кнабе Г.С.* Русская Античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: Программа-конспект лекционного курса. М., 2000. С. 66–68; *Яковенко И.Г.* Россия и Репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011. С. 105–106, 183–185.

в целом и С. О. Шмидт. Моя цель в этой книге не в том, чтобы опровергнуть очевидный факт. Да, князь Андрей Михайлович Курбский был аристократом, представителем ярославской ветви правящей династии князей Рюриковичей, царским воеводой и боярином, он бежал, покинув должность юрьевского наместника, и в эмиграции выступал против своей страны и ее верховной власти. Да, другие ведущие «изменники» именно в силу своего статуса и усилий, направленных на преобразования и свержение власти в Русском царстве, бежали с московской службы на службу короля и Речи Посполитой. Это очевидно само по себе, но при этом не так очевидно, как именно аристократизм или эмиграция влияет на самосознание и литературное творчество. И как в них проявляется.

Выдающимися и во всех отношениях прорывными являются исследования Инги Ауэрбах. Ее статьи и три монографии открыли доселе неведомые стороны деятельности князя Андрея Курбского, обобщили доступные сведения о нем и впервые представили широкий круг ранее мало и слабо изученных источников о его жизни и творчестве. Прежде всего биографическая канва его жизни день за днем восстановлена в ее монографии 1985 г. на основе широкого круга источников от российских летописей, разрядных и посольских книг до актовых книг местных судов Речи Посполитой и авторских сочинений князя Курбского. Листы использования актовых книг волынских судов, хранящихся ныне в Киевском историческом архиве, отразили старательную работу по обнаружению и копированию необходимых страниц. В архивных листах многих, практически всех актовых книг за период жизни Андрея Курбского в Коропе и Литве имя Инги Ауэрбах значится первым. Учтены и изучены для жизнеописания князя-эмигранта древлехранилища Москвы (Литовская Метрика), Риги (Исторический архив) и Вильнюса (в основном Библиотеки Академии наук Литовской ССР). Ничего не дали запросы, направленные в Варшавский архив древних актов, и предварительная работа в Парижском государственном архиве. Конечно, во всех названных случаях поиск, сбор и осмысление источников — трудоемкая задача, сопоставимая с поиском иголки в стоге сена. Сведения о европейском московите XVI в., даже таком знаменитом, как кн. Андрей Курбский, ничтожно малы и на конец 1970-х — начало 1980-х гг. не были индексированы указателями.

Существенным подспорьем для И. Ауэрбах послужили наработки американского историка Освальда П. Бакуса, которому удалось собрать и сохранить в архиве университета Канзаса (США) ценные выписки из актовых книг и актов архивов стран Варшавского блока. Над ними работал и сам Освальд Бакус, и его биографические очерки о жизни российских эмигрантов XVI в. хотя и были краткими и пунктирными по охвату проблематики, но оказались весьма существенными для интерпретации мотивов миграции и способов интеграции московских перебежчиков в польско-литовских русских землях. Особенно ценным для развития науки было то, что такой частый термин, как «мотивы эмиграции», исследователь превратил в проблему, сняв с него все те летописные, дипломатические и историографические презумпции, которые воспроизводились современниками и историками позднейшего времени как заклинание. Впрочем, само понятие «мотивов» в данном случае несколько надумано, и особенно применительно к историям «выезда» князей Семена Бельского и Андрея Курбского[186]. Еще один важнейший вопрос, открытый благодаря сплошному пересмотру источников об эмигрантов, — их идентичность, самосознание, культурная принадлежность. Принимают ли эмигранты новую языковую реальность? Считаются ли они с политико-правовыми нормами и социальными особенностями принимающих обществ? Испытывают ли дискомфорт? Эти вопросы на широком круге источников изучаются сегодня, часто в многолетних дискуссиях.

Биографический очерк во «второй» диссертации и статье о перебежчиках Инги Ауэрбах призван ответить на них решительным пересмотром всего доступного круга источников. В «Московский период» кн. А. М. Курбский выступает почти только как воин, воевода и светский политик. Его статус измеряется продвижением по лестнице военных чинов к высшим командным постам, боярскому титулу и наместничеству. Конечно, есть и такая немаловажная сфера жизни князя, как участие в программе реформ Избранной рады, однако о ней мы знаем почти исключительно из более поздних сочинений самого же князя Курбского или Ивана Грозного. В период эмиграции военная стезя проявлена не столь заметно и заслонена его другими «ипостасями». Прежде всего — судебной. Князь Андрей Курбский — постоянный герой многочисленных судебных расследований, договоров, королевских пожалований, противоборства с местной шляхтой, горожанами, иудеями и иногда даже с другими московитами. Во вторую очередь Курбский —

[186] См. здесь в главах «Между эмиграцией и троном» и «Побег».

придворный, спутник Сигизмунда II Августа и его двора, участник аудиенций и церемоний. Об этом известно, увы, не так много в силу плохой сохранности описаний придворных мероприятий и в силу, конечно, отнюдь не ведущей роли самого князя Андрея Михайловича в них. Еще одно, третье качество царского боярина-эмигранта в новом отечестве возникло благодаря особенностям политической культуры Короны Польской и Великого княжества Литовского. И. Ауэрбах подробно восстанавливает доступную в источниках канву публичных совещаний польской и литовской шляхты за годы жизни кн. А. М. Курбского в эмиграции. Это важная часть его жизни, однако в этой области источников сохранилось столь же мало, как и о его придворной жизни в Польше и Литве.

Показательно, что ни для кого из российских, советских и эмигрантских историков, включая «перестроечных», судебная и парламентарная деятельность Курбского не была интересна. А можно ли без них представить его слова о «свободах западных королей»? В то же время связи князя в придворном мире, и прежде всего с королем Сигизмундом II Августом, Миколаем Радзивиллом Рыжим и князем Константином Острожским выявляются главным образом в источниках частного происхождения и дипломатических материалах и свидетельствуют о том, что покровительство Курбскому преследовало временами подчеркнуто политические цели, отражая его взгляды на борьбу против тирании, за близкие ему формы управления и этнополитические идеалы.

В послевоенной мировой науке всё больше внимания занимала просопография и обновленная теория министериалитета. Слуги стремительно обретали историю и теснили своих господ, даже если при этом не превращались в революционеров и борцов против политического режима и общественно-экономической формации. В Польше прорывными оказались работы А. Мончака. Почти незамеченной оказалась чрезвычайно ценная с этой точки зрения книга И. Ауэрбах о кн. А. М. Курбском. Половина монографии посвящена хозяйству — его урядникам, феодальным слугам, подданным, горожанам. Княжеское хозяйство предстает в виде сложного механизма, который прекрасно функционирует и без своего главы. С одной стороны, эта особенность княжеского хозяйства позволяет сформулировать глубокие вопросы о личной канцелярии князя Андрея Курбского, его логистических способностях, ведении дел, грамотности и образованности — и эти наблюдения важны для изучения его литературного творчества. С другой, исследование чрезвычайно загромождается, его проверка и обсуждение затрудняется, требуя от читателя постоянной рефлексии над вопросом о том, насколько рассказанная история важна для понимания биографии князя Андрея Курбского. Его «указ», «пожелания» и даже просто «участие» в событиях его хозяйства далеко не всегда очевидны. Для нас последнее сомнение послужило основанием, чтобы попытаться отделить надежные данные о деятельности кн. А. М. Курбского от событий, в которых он принимал минимальное участие или не принимал никакого.

Было бы трудно, а во многом и невозможно судить о самосознании князя Андрея Курбского, если бы не его сочинения. И в исследованиях германского слависта по меньшей мере еще три особенности постоянно учитываются и неоднократно вторгаются в сухое и последовательное повествование о Курбском, его урядниках и канцелярии. Первая — перед нами самобытный писатель, не имеющий равных по стилю и культурному багажу ни в Московском царстве, ни в Европе. В дискуссии с Э. Л. Кинаном, рецензии на советские издания сочинений кн. А. М. Курбского и Ивана Грозного, статьях конца 1970-х — начала 1980-х гг., а в начале 1990-х г. — в книге «Русский интеллектуал и его окружение» И. Ауэрбах пересматривает контекст и причины возникновения «Истории» кн. А. М. Курбского и его Переписки с Иваном Грозным, подробно характеризует переводные сочинения, впервые проведя их полный на то время палеографический и текстологический анализ. Во вторую очередь — для понимания мировоззрения князя Андрея Курбского И. Ауэрбах пересматривает в статье 1969 г., а затем в монографии 1985 г. его политические воззрения, доказывая, что существенную роль в них играет представление о духовной чистоте и религиозном спасении, ожидание Второго пришествия Христа и Страшного суда, уверенность в справедливости войн за спасение единоверцев. Наконец, третья особенность заключается в особой симбиотической идентичности московита-эмигранта в Европе. В 1997 г. И. Ауэрбах опубликовала статью «Идентичность изгнанника», позднее расширенную и вошедшую в виде особой главы в ее монографию о центральноевропейских представительных учреждениях XVI–XVII вв. Ее выводы построены на детальном лингвокультурологическом анализе языка сочинений кн. А. М. Курбского и его деклараций о своей «национальной» причастности.

В последние годы в различных направлениях ведутся дискуссии о князе Андрее Курбском, которые питаются не всегда внимательным прочтением проблем, поднятых еще Ингой Ауэрбах, хотя ее работы нуждаются в уточнениях. Круг источников и проблем расширен за последние 20–30 лет, прошедшие после публикаций И. Ауэрбах, обнаружены новые списки ранее известных текстов, в чем-то детальнее изучены и частично опубликованы актовые книги судов Великого княжества Литовского и Короны Польской. Открытия последних лет не столь заметны на фоне воссозданной во второй половине XX в. биографической и творческой панорамы. Ряд источников был вовсе недоступен для западногерманского исследователя в связи со слабой изученностью или отсутствием доступа в связи с ограничениями эпохи холодной войны. Скажем, не прозвучали в книге «Андрей Михайлович Курбский» сведения финансовых реестров Речи Посполитой, фрагменты частной переписки магнатов и шляхты, в значительной части не опубликованные послания аббата Иоганна Цира, материалы Берлинского тайного архива Прусского культурного наследия, Вильнюсского и Таллинского архивов.

Круг проблем, с которыми мы будем неоднократно сталкиваться по ходу работы, определен в исследованиях И. Ауэрбах, при этом какие-то вопросы, казалось бы, вполне органичные для исторических наук, больше не звучат и представляются мне анахроничными. Один из ключевых вопросов нашей работы: как биографический путь и творчество князя Андрея Курбского могут быть осмыслены в свете московских и европейских источников в их развитии и преемственности? При этом нет цели увидеть в Курбском интеллектуала-«славянофила» или «западника». Грань между двумя периодами жизни и творчества князя является во многом результатом типологического несходства источников, дошедших от Московского государства и Республики Обоих Народов. Как справедливо отмечал В. В. Калугин, грань между двумя периодами в его биографии преувеличена: «Еще на Руси Курбский воспринял представления о высоком предназначении церковнославянской литературы, а под влиянием Максима Грека и просвещенных московских книжников его круга он усвоил взгляды на важность грамматики, риторики, диалектики, философии и лучшей части античного наследия. В Речи Посполитой князь Андрей оказался в одном из центров ренессансной культуры, и это неизмеримо расширило его умственный кругозор»[187]. Впрочем, существующие акценты часто клонятся именно в этих направлениях, столь привычных для российской публичной дискуссии. В отличие от ряда существующих исследований, мы постараемся раскрыть и переосмыслить несколько проблем биографии и творчества кн. Андрея Курбского, наиболее тесно связанных с проблемой российской эмиграции, московской нации и самосознания московита в Речи Посполитой. Почему именно кн. Курбскому суждено было стать «первым» эмигрантом, оппозиционером, диссидентом, тираноборцем — мы не сможем ответить. В исторической памяти и российском публичном сознании это понимание сложилось, даже если не все его разделяют. Однако его следует провести через горнило источниковедческой критики и отслоить наносные смыслы там, где это позволяют источники.

Нет недостатка в сложных проблемах «внешней критики», которые приходится решать одновременно с содержательными. Отделять первые от последних нет смысла. Однако данная работа сугубо источниковедческой не является. Находки и уже известные источники еще требуют многократного осмысления в различных исследовательских контекстах. Здесь особое внимание уделено интеллектуальной истории и по мере углубления в ее задачи — проблемам репрезентативности источников для оценки самосознания и социальной самоидентификации князя Андрея Курбского.

В наши дни введен в научный оборот богатейший запас актовых записей государственной канцелярии Великого княжества Литовского — Литовской Метрики, а также региональных судебных книг Волыни и Великого княжества Литовского. В них содержится много доныне выявляемых документов, касающихся различных сторон жизни московских эмигрантов в новом отечестве. К этому, наиболее масштабному комплексу источников добавляется «россыпь»: ливонское делопроизводство и хроники, содержащие сведения о периоде наместничества Курбского в Дерпте и первых моментах его жизни в эмиграции; переписка и литературные сочинения польских и литовских современников и живших позднее писателей, упоминающие Курбского; налоговые реестры королевской канцелярии, подробно описывающие состав земель и иногда даже имущества волынских землевладельцев, к числу которых относился князь Андрей

[187] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный.... С. 98.

Михайлович и многие его соседи и знакомые. Московские посольские книги, содержащие «статейные списки» с информацией посольских служащих о жизни князя, были отчасти известны еще В. Ф. Тимковскому и Н. М. Карамзину, но в наше время они «открыты заново».

Мы знаем о жизни князя «слишком много», и необходима детальная проверка содержащихся в источниках фактов. Их сравнение с ранее известными источниками, в первую очередь — с сочинениями самого князя, может быть проведено в рамках историко-биографического исследования лишь с многочисленными оговорками. Накопление биографических данных о Курбском и его окружении в эмиграции происходило с продолжительным перерывом в середине и второй половине XIX в. в российской историографии, а затем — с 1960-х гг. — в американской, западногерманской, и только с 1990-х гг. — в украинской и российской. Одновременно с конца 1960-х — начала 1970-х гг. в многолетней международной дискуссии специалисты сконцентрировали внимание на вопросах происхождения рукописей, содержащих списки сочинений Курбского. Источники создали для ученых своеобразный парадокс. Служебные реестры, генеалогические записи, летописные и хроникальные сообщения, королевские «привилеи» и «декреты», записи о судебных расследованиях, постановления и предписания различных судебных ведомств, хозяйственно-распорядительные документы, материалы финансовой отчетности, завещания и т. п. не позволяют увидеть того «Курбского», который был сформирован эпохой романтизма. Они открывают либо другую сторону его биографии, либо «подлинного Курбского» в противовес «воображаемому», либо наконец просто-таки единственно «достоверного Курбского» в противовес «литературной игре» и «мистификациям», к которым тот имел только опосредованное отношение или не имел никакого.

Андрей Курбский в социальной жизни, антагонист «литературного», был только однажды изучен с привлечением всех доступных источников — в монографии Инги Ауэрбах 1985 г., до сих пор в полной мере сохраняющей научную значимость. Тысячи биографических фактов позволили с большой точностью восстановить itinerarium, социальные и культурные контексты жизни князя в России и Речи Посполитой. Продолжением ряда статей и монографии стала еще одна монография И. Ауэрбах «Русский интеллектуал и его окружение», вышедшая в приложении к публикации переводов кружка Курбского, объединенных под названием «Новый Маргарит», а также статья, посвященная «идентичности» московита-изгнанника. Вплотную приблизившись благодаря этим исследованиям к различным сферам деятельности Курбского, в гуще биографических данных нам предстоит обратиться к спорным вопросам, только решив или по крайней мере стараясь решить которые, можно достичь целостного понимания его творчества, социального самосознания, судебной практики, частной жизни и наследия. Спецификой источников и их изученности можно было бы считать то, что в творчестве И. Ауэрбах биография кн. Андрея Курбского отделена от других эмигрантских историй и от «Другого» в широком понимании. Эмиграция из Российского царства или русская эмиграция «пулевой волны» не была до сих пор предметом рефлексии в ее единстве, хотя на всех «этажах» ее классовой структуры уже были проведены исследования и предварительные наблюдения. В целом кн. Андрей Курбский, конечно, относился к высшему слою эмиграции и был ее лидером в символическом смысле, но только системное изучение источников позволит ответить на вопрос, был ли он ее политическим и социальным главой. Ответы нам предстоит искать в этой книге.

***

Настоящее исследование строится на рассмотрении казусов, для интерпретации которых приходится привлекать разнообразные источники и отвечать на уже сформулированные выше, и ранее в научной литературе, вопросы. Их круг ограничен спецификой самих проблем, поставленных во главу угла.

Для нас ключевое значение будут иметь отдельные уникальные источники, которые, словно окна, открывают небольшие, но нередко богатые комнаты в биографиях российских эмигрантов в Европе. Однако подспорьем для анализа служат и акты Литовской Метрики из Российского государственного архива древних актов (Москва), записи Архива королевской казны из Главного архива древних актов (Варшава), шляхетские и магдебургские актовые судовые книги из региональных архивов Речи Посполитой (главным образом из Москвы, Киева, Львова, Минска и Вильнюса), московские посольские книги, польские и литовские авторские хроники и русские летописи. В редких случаях информацию о московских эмигрантах XVI в. доносят письма и тайные депеши европейских политиков, дипломатов и путешественников.

Биография В. С. Заболоцкого родилась по сути из моих давнишних увлеченных бесед

с Л. В. Соболевым, который, работая над диссертацией о кн. Константине-Василе Острожском, собрал немалый комплекс материалов о господарских и королевских московитах. На одной из конференций в Государственном историческом музее прозвучал основанный на исследовании московских источников и записок Федора Евлашевского доклад сотрудницы Национального музея истории и культуры Беларуси Ирины Зварыки о смерти «москвитянина» Владимира Заболоцкого. Оживление интереса к запискам Ф. Евлашевского, ценного источника по истории российской эмиграции, невозможно без работ варшавского историка Марека Яницкого. Им же обработан значительный пласт материалов о картографических представлениях И. В. Ляцкого. Дискуссии о князе Семене Бельском происходят прямо на наших глазах, и знания о его деятельности стремительно растут. Дискуссионные замечания об эмигрантах из Московской Руси 1530-х гг., вносящие живую струю в построения предшественников, прозвучали в диссертации и серии публикаций А. В. Казакова. Немыслимо было бы писать и говорить об Иване Федорове, если бы не новации в масштабном сообществе книговедов, историков, филологов, культурологов, которым я с опаской предлагаю свои ответы на старые вопросы. Споры об Иване Пересветове столь же бесконечны. Могу только поделиться впечатлением: С. О. Шмидт, много писавший о российской эмиграции, крайне мало сказал об этом публицисте, ссылаясь на высоко ценимые им работы А. А. Зимина. В то же время для поколения исследователей, «варившихся» в дискуссиях 1990-х гг., к которому отношусь и я, прорывные работы А. А. Зимина по русской публицистике середины XVI в. служили уже отправной точкой для сплошных несогласий. Я считаю, что в книге А. А. Зимина 1958 г. много ценного, но с чем-то тоже не соглашаюсь. Почти незаметной осталась небольшая тезисная статья ученика А. А. Зимина Ю. Д. Рыкова о послании Т. И. Тетерина и М. В. Сарыхозина. А эта статья до сих пор является единственным кратким отчетом о предварительном исследовании немалой рукописной традиции интереснейшего письма, незаслуженно затменного Первым посланием Курбского. В работах Владимира Собчука и Игоря Теслепко ссылки на московитов «второго плана» из XVI в. так же глубоки и интересны, как и на деятелей «третьего плана», к которым мы обращаемся в книге "Natione Moscus". Наконец, о Ляцких незаметно для всех специалистов в этой области вышла целая монография Дарюса Антанавичюса. Список таких тематических подступов и пересечений можно было бы продолжать еще долго.

Стимулом и ценным источником для изучения ранней эмиграции в правление Ивана Грозного является карта, в подготовке которой определенную роль сыграл перебежчик-окольничий Иван Ляцкой. Как мы постараемся показать, эта карта отражает на фоне достижений европейской ренессансной географии и картографии не только знания самого Ляцкого, но и кругозор его соратника кн. С. Ф. Бельского, и в целом благодаря ей мы способны мыслить территорию и иерархию русских земель к началу правления Ивана IV. Во второй главе мы представим, как именно Иван Пересветов стремился вернуть истинные книги на землю и почему его мечты воплотил Иван Федоров. Третья глава посвящена всего одному, последнему, дню жизни королевского фаворита-московита Владимира Заболоцкого. Его смерть была стечением ряда обстоятельств, прочтение которых благодаря культурным кодам затруднено из-за подвижности самих кодов и из-за их переосмыслений в высказываниях и практиках культурных агентов. Следующая, четвертая, глава посвящена воинам и интеллектуалам, которые выдвинулись благодаря формированию новой военной элиты в Московском царстве. Их военная служба требовала неординарных знаний и стала символом успехов московского оружия от восточных Орд до Ливонии, но братство по оружию не прервалось и после эмиграции. Тем из читателей этой книги, кому удастся добраться до главы об «этосе изменника» или начать с нее, предстоит распутывать интригу вокруг одного из самых драматичных сюжетов в восточноевропейской истории — дипломатической подготовки Псковского похода короля Стефана. Родич опричных фаворитов царя Ивана Давыд Бельский исполнил роли, в которых «измена» следует за «изменой», наслаиваясь и образуя своеобразный этос Изменника, раскрывающий перед нами особенности государевой службы и стремление использовать психологию московской службы, как она виделась самому Бельскому, московским и польским властям и Папам раде. На фоне Давыда Ивановича виднее особенности его современника и отчасти конкурента в эмиграции — Михаила Головина.

Половина этой работы посвящена личности и творчеству князя Андрея Курбского, эталонному Изменнику, прошедшему через горнило историографической канонизации в своих социально-культурных ролях. Вплоть до эпохи оттепели Курбскому было отведено место оппонента Ивана IV, и этим его роль, как правило,

ограничивалась (при этом биографии многих эмигрантов за его спиной тем более оставались и остаются невспаханным полем). История «невезения» насчитывает десятки и сотни как провальных, так и отчасти успешных научных событий, из них наиболее важны издания источников, поскольку именно они свидетельствуют о том, что считается в науке *источником* и что достойно публикации. Н.Г. Устрялов, опиравшийся на «сборники Курбского», ни в одном из трех изданий «Сказаний князя Курбского» не опубликовал его переводы (например, из известных ему поучений Иоанна Златоуста и «Истории» Евсевия Памфила, входивших в состав тех же сборников). Во втором издании «Сказаний» он слегка пополнил приложения новыми данными, почерпнутыми из Литовской Метрики и переводов кн. А.М. Курбского, но основной текст, передающий сами «сказания», сохранил без изменений. Г.З. Купцевич, по всей видимости, готовивший свою версию «сочинений» кн. А.М. Курбского под влиянием техники Н.Г. Устрялова, но на гораздо более репрезентативном круге источников, так и не смог завершить запланированное им обширное трехтомное издание, и два его последних тома канули в лету вместе со многими другими академическими проектами в революционной стране (из них в архиве Археографической комиссии позднее нашелся только второй том).

Одна из самых острых дискуссий касается решительного, но во многом неясного поступка Курбского — его побега из Юрьева и перехода на королевскую службу. Это был опасный и потому смелый поступок. Особенно странно, что воевода, достигший высокого положения при дворе, получивший боярский чин, прошедший испытание славой и известный в российских интеллектуальных кругах, принял решение, которое должно было повлечь за собой непредсказуемые изменения не только в его жизни, но и во многих других. Едва ли оправдано видеть в этом событии повод для тех катастрофических перемен, которые полгода спустя принесла опричнина. Перемены эти начались еще ранее, и Курбский был не только их свидетелем, но и участником. Однако, задумываясь над причинами и последствиями его побега, мы не должны забывать, что первый подробный комментарий его действиям был дан в обширном послании царя, ставшем своеобразным прологом и идеологическим обоснованием опричнины. Чтобы понять всего один шаг в жизни одного человека, пусть и такого высокопоставленного, как российский наместник в Ливонии времен Ливонской войны, нам потребуется узнать, что ему предшествовало и что о нем сказано и написано годы и десятилетия спустя. Важно при этом учесть и те источники, которые до последнего времени оставались вне поля зрения исследователей, — показания Курбского на допросе в ливонском замке Гельмет, данные о первых выплатах Курбскому на королевской службе, восприятие высокопоставленного перебежчика в первые дни и недели после его побега в элите Короны, Литвы и среди вездесущих корреспондентов бранденбургского герцога Альбрехта Гогенцоллерна.

Личность Курбского в эмиграции превратилась в своеобразный культурный «фронтир»-пограничье, контактную сферу, объединившую московское прошлое и польско-литовское, и шире — европейское настоящее, хотя российский опыт, пришедшийся на молодость князя, не был полностью лишен идейных течений, в какой-то мере характерных для других стран Европы того времени, а в эмиграции князь не отказывался от своей московской идентичности и в чем-то даже ее усугубил. Об этом говорится в главе «Социальный статус». Как и в главе, где изучены обстоятельства побега князя Андрея Курбского, объектив данного исследования постоянно переносится с московского периода его жизни на польский. Конечно, статус по-разному измерялся в Российском царстве и Речи Посполитой. Параметры измерения трудно сопоставимы, и резонное задаться вопросом об источниковой базе для такой сравнительной реконструкции. Поскольку возможностей для продвижения по службе у Курбского в эмиграции было меньше, чем в России, но имущественные и политические возможности были достаточно неординарными, мы должны отказаться от самого понятия «службы» или его более современного аналога — «государственной службы» как критерия сопоставления. Смягчив это понятие до «социальной мобильности» или менее определенной «карьеры» в каждом из этих случаев, мы сможем понять, что́ и какой ценой приобретал Курбский в обеих странах, меняя свой социальный статус и борясь за неформальный престиж. Существенную опору в этой главе составляют данные почти не изучавшиеся источники — данные о переписке и переговорах московита-эмигранта с канцлером Великого княжества Литовского М.Ю. Радзивиллом, материалы финансовой отчетности по имениям князя на Волыни, день за днем реконструированный итинерарий Курбского в России и в эмиграции.

Сходные задачи стоят перед нами, когда в главе «Персональная и социальная память» мы переходим к устойчивым на первый взгляд соци-

альным и ментальным структурам, в которых человек мог в большей мере надеяться на устройство тех обществ, где ему предстояло провести свою жизнь, на свое рождение, неотъемлемые права, неприступные общественные идеалы. Мы получаем доступ к этим структурам через княжеский титул и княжеское самосознание Курбского, его персональную и социальную (в структуре персональной) память и историческое (по большому счету — культурно-историческое) воображение. Имя «князь Андрей Курбский» состоит из имени собственного «Андрей», полученного при крещении, и титула «князь Курбский», который передавался в его роду по наследству и был обозначением владельческих прав всего рода на село Курбу. Этот титул сохранился за ним после перехода на королевскую службу, но позднее к нему добавились еще два — «Ярославский» (возможно, принятый еще до эмиграции) и «Ковельский» (в отличие от Сапгушко-Ковельских, в форме «княжа на Ковлю»), из которых за его потомками закрепился только первый, показывающий принадлежность Курбского к обширному роду потомков князя Федора Ростиславича Черного. На королевской службе одновременно с Курбским были представители литовско-русских, смоленских, рязанских, черниговских, суздальских князей. Что же значило для Курбского быть князем, какие права и обязанности он признавал за носителями этого титула, каким видел место князей в политической жизни Русской земли и что считал выходящим за рамки княжеских родов, общим делом — «республикой»?

Предложив свои решения в этих узловых вопросах, в главе «Ренессансный историк» мы вновь задаемся вопросом о культурных контактах, которые привели к возникновению обширного литературного наследия Курбского, не имеющего известных ныне аналогов в интеллектуальной жизни русских земель его времени. Это положение «выдающегося» мыслителя отнюдь не бесспорно. Об этом приходится неоднократно говорить в тех главах, где в центре нашего внимания «современность» Курбского. Его идеи, замыслы, полемические оценки близки к идеалам позднего средневековья и Ренессанса, в круг его чтения входили сочинения, переводы и компиляции мыслителей этих эпох, и при всей его зависимости от культурной жизни его родины он испытал их влияние не только посредством своих российских учителей и знакомых, но и посредством новой для себя культурной среды. Осмысление контекста расширяет задачу с поиска цитатной зависимости и прямых ссылок на доступные Курбскому книги и на круг его общения к изучению нового мировоззрения, переосмысленной картины мироустройства, воссозданного светским писателем богословского мышления, необычно для московских современников обдуманного идеального гражданского устройства и представлений о личном и коллективном душеспасении. Круг чтения и идеи князя получают наивысшее воплощение в образовательной программе, которую он разработал и пытался реализовать, возможно — совместно с кн. К. К. Острожским и с другими поборниками православного высшего образования, пытаясь вместе с тем втянуть в свои работы как можно больший круг своих волынских и литовских знакомых и бывших соотечественников.

«Самосознание», «память», «религиозность» человека, жившего в обществах, где для этих областей не были созданы соответствующие им средства выражения, рассматривать непросто и рисковано. Главная трудность заключается в дефиците источников и приемлемых способов их интерпретации. Даже те источники, которые помогают многогранно описать коллективную ментальность такого общества, часто не оставляют надежд на проникновение в индивидуальное восприятие его представителя. Человек теряется за сообществом, и дело не в том или не только в том, что он прячется за спинами авторитетов или общей массы, а в том, что для самой ментальности такого общества не существует проблемы отличия авторитета от общей массы и индивидуального от коллективного. Исследователи же, привыкшие и в каком-то смысле обязанные искать авторство и индивидуальность, вынуждены навязывать подобные различия сознанию людей, которые об этих различиях могли даже не задумываться. Надо признаться, что наши попытки обнаружить индивидуальное, присущее именно и только Курбскому в таких областях, как самосознание, память и религиозность, обречены на неполноту и упрощения, если проводить поиски теми же путями, которыми исследователи других культур пользуются, когда изучают мемуары и дневники, сны, стенографированные или записанные на диктофон воспоминания, записи антропологов о религиозных ритуалах и т. п.

Еще одна подобная область в нашей работе — частная жизнь. Она обсуждается в источниках так открыто, что возникает подозрение, а там ли, где мы ожидаем ее найти, она «частная». С Курбским связаны ставшие легендарными истории — его прощание с женой перед побегом из Юрьева, его «стрелецкая женка», два его брака на Волыни. Первой его супругой в эмиграции была княгиня Мария Гольшанская. Этому

браку не суждено было быть счастливым. Десятки постановлений судов практически всех инстанций в судопроизводстве Речи Посполитой от местных замковых, гродских и земских до королевского, сеймового и митрополичьего на протяжении пяти лет решали судьбу семейной четы Курбских. Как мы покажем в главе «История одного развода», этот бракоразводный процесс, раскрывая множество деталей в отношениях супругов, представлений о семье, частной и семейной собственности, социальных ролях женщины и мужчины в польском, литовском и в московском обществах, оставил множество трудноразрешимых вопросов для его интерпретаторов, несмотря на обилие документации. Как только мы приступаем к чтению документов, пытаемся отделить в них сугубо процессуальные формулы, судебные приемы и фабрикации от «сути конфликта», нам приходится неоднократно по ходу «дела» менять концепцию происходящего. Считать «сутью конфликта» следует, как представляется, в одних случаях одно, в других — другое или просто искать ее в стороне от всего того, что произносилось с обеих сторон перед судами. Микроаналитические методики позволят увидеть в самом «ходе дела» череду провокаций и фабрикаций, направленных на достижение заданных судебных эффектов. Ни выбранный путь, ни его результаты не отменяют исходного предположения о значимости подвижной грани между «приватным» и «публичным» для самосознания Курбского и московской эмиграции в Короне и Литве.

В третьем браке у князя родились дочь и сын, которым предстояло унаследовать от отца фамилию, имения, имущество, какую-то часть архива, собрание книг. Последние две главы исследования о князе Андрее Курбском призваны показать, как сложилась судьба потомков князя в Речи Посполитой, что сталось с его архивом, книгами, как читались его сочинения. В главе «Потомки и Лже-Курбские» наше внимание приковано к жизнеописанию подлинных потомков Курбского и эмиграции двух шляхтичей, назвавших себя князьями Курбскими, из Речи Посполитой в Россию в 1680-х гг. В науке уже не раз возникали сомнения относительно того, действительные это его потомки или самозванные. Обширный комплекс источников, в том числе разнообразные акты из канцелярии Великого княжества Литовского, польские геральдические сочинения, документы о жизни Курбских в России позволяют решить этот вопрос и параллельно проследить, что происходило с документами и книгами А. М. Курбского и с памятью о нем самом в обеих странах.

Последняя глава посвящена формированию литературной памяти. Князь Андрей Михайлович — один из самых читаемых во всем мире российских писателей XVI в. и, зная устройство мировой славистики и русистики, один из самых читаемых русских писателей вообще. Однако до сих пор неясно, как именно складывался комплекс его сочинений, когда были созданы — до эмиграции и позднее, в дороге, на Волыни и в Великом княжестве Литовском — сборники, включая его переписку и тома «Новый Маргарит», «Иоанн Дамаскин», «Симеон Метафраст», «Сборник Курбского». Более других, что было ясно и так, копировали Первое послание Ивану Грозному и «Сборник Курбского». Если Первое послание встречается в XVI–XIX вв. в самых разных рукописных контекстах (но их круг не безграничен), включая и «Сборник Курбского», то литературный сборник князя Андрея Михайловича завоевал широкого читателя в специфических российских кругах только с конца XVII в. Предметом нашего исследования станет рукописный корпус, сформированный в России при копировании посланий, переводов и «Сборника Курбского», а именно — все известные ныне рукописи, содержащие те или иные версии его текстов. За разнообразием этих версий мы постараемся понять, какого именно «Курбского» читали российские историки, литературоведы, писатели вплоть до первой публикации текстов Сборника в 1833 г. и как развитие рукописной традиции сказалось на публикациях, в которых читатели XIX и XX вв. находили его «Сказания» и «Сочинения». Окажется, что Курбскиана не представляет собой целостного наследия, она сегментирована на мало взаимосвязанные сферы, а некоторые сегменты этого наследия еще только вводятся в научный оборот (переписка с Альбрехтом Гогенцоллерном) или вызывают дискуссии по степени принадлежности к курбскиане (например, так называемый западнорусский «Апостол»).

Исследование завершает посильно полная реконструкция итинерария кн. А. М. Курбского. Эта задача решалась и раньше, просто не так систематично. И не со всем, что написано, можно согласиться. В ряде случаев удается заполнить лакуны в маршрутах и хронологии и наметить на основе предложенных датировок новый круг проблем в изучении социального статуса и самосознания лидера российской эмиграции XVI в.

Отмечу, что в книге упоминается множество реалий европейского, польского и литовского права и политики, экономики и повседневной жизни, географии и военного дела. По большей части, кроме специальных сюжетов, напря-

мую относящихся к предмету исследования, они оставлены без комментария, что придает книге узко-специальный характер. Обозначения населенных пунктов приведены в книге по единой, в целом полонизированной, схеме. Названия городов, к примеру, отличаются от современных и не всегда соответствуют региональным традициям топонимики изучаемой эпохи. Мы придерживаемся таких форм, как *Вильно* (а не *Вильна* или *Вильнюс*), *Гродно* (а не *Городно* или *Городня*), *Минск* (а не *Менск*), *Новогрудок* (а не *Новгородок*) и т.д. Сходным образом мы пишем *троцкий* (а не трокский), *новогрудский* (а не новгородский) и т.д. Антропонимические предпочтения также связаны с необходимостью унификации написаний в источниках. Мы предпочитаем не склонять в косвенных падежах имена и фамильные прозвища на *-о*: *Иванко, Ицко, Сангушко, Семашко* и т.д. Специальная терминология, особенно характеризующая московские, польские и литовские социальные реалии, специально не разъясняется: на сегодня имеется множество доступных справочных материалов, которые позволят при необходимости уточнить их значение. Поэтому оставляем без разъяснения ряд понятий, в которых важно различать оттенки значений XVI–XVII вв. в России и Речи Посполитой, таких, например, как: *бояре, бояре панцирные* и *дети боярские*; *суды гродские, земские, мейские, каптуровые, трибунальские*; *дворяне, дворяне королевские, шляхта*; *ротмистр, воевода, гетман*. Названия должностей в Москве, Вильно и Кракове или Варшаве приближены к их звучанию в источниках, хотя не везде это удается из-за необходимости стилистически сглаживать повторы. Единицы измерения площади *волоки, морги* и *пруты* пишутся в русско-рутенской транскрипции и сокращаются до «вл.», «мр.» и «пр.». Денежные единицы пишутся и сокращаются по схеме: *рубли* — «руб.», *копы грошей* «копы гр.», *гроши* «гр.», *пенези* — «пн.», *злотые*— «зл.». Все остальные денежные и весовые единицы пишутся полностью. Цитаты из источников приводятся в упрощенной транскрипции, кроме специально оговоренных случаев. Правила публикации источников в приложениях оговорены во введении к каждой из публикаций.

Книга состоит по большей части из посвящений, и мой долг их назвать. Работа об Иване Пересветове началась в рамках проекта по истории московской эмиграции при Украинском исследовательском институте Гарвардского университета. Пусть коллегам икнется. Поклон Эдварду Льюису Кинану, увы, запоздалый, наша встреча с ним состоялась не там, по совсем другому поводу, да и вообще текст об Иване Пересветове я с ним никогда не обсуждал. И всё же хотелось бы сохранить эту память. Фрагменты главы «Между эмиграцией и троном» уже появлялись в печати, и все благодарности в них приведены. Рассказ о смерти Владимира Заболоцкого звучал неоднократно в моих устных докладах, но впервые — на юбилее Наталии Яковенко, и я очень рад, что удалось много говорить об этом именно с Наталией Миколаевной и киевскими друзьями, хотя благодарностей за завершение этой работы в нынешнем виде значительно больше, и они тоже посильно приведены в самом тексте. Отрывок из главы «Однополчане» безуспешно предназначался для каких-то так и не увидевших свет сборников в честь Анны Леонидовны Хорошкевич. Я хотел бы вспомнить здесь Анну Леонидовну, сказать ей спасибо. Наконец, значительная часть главы о Давыде Бельском и Михаиле Головине вошла в сборник "Ex Cathedra", собранный в честь Галины Ивановны Зверевой. Может удивить (и сам удивляюсь), но практически все главы о князе Андрее Курбском тоже кому-то посвящены. Первая — вышла в сборнике в честь Михаила Владимировича Дмитриева «Между Москвой, Варшавой и Киевом». Глава о социальном статусе Курбского намечена, хотя и в своей самой ранней версии, в сборнике "Silva rerum" в честь Георгия Яковлевича Голенченко. Примыкающий к этой главе итинерарий я старался делать, ориентируясь на опыты польских и российских коллег, и в первую очередь — на работы Иеронима Грали и Юрия Моисеевича Эскина. Фрагменты из главы о социальной памяти неизбежно соотнесены с долгим и плодотворным, как мне кажется, моим участием в проектах Лорины Петровны Рениной. Раннюю версию этой главы миллион лет назад читал Игорь Николаевич Данилевский и отнесся к моим проблемам с пониманием. Значительная часть главы «Ренессансный историк» вышла в книге, целиком посвященной Сигурду Оттовичу Шмидту, моему учителю и наставнику, ренессансному историку масштаба не меньше Курбского. Глава «История одного развода» — одна из самых древних в книге. Она задумана на семинаре Юрия Львовича Бессмертного и в своей первоначальной печатной версии, ныне сильно переработанной, вышла с посвящением, которое неизменно храню здесь. «История экстенсивного чтения», далекая от завершения по своей идее, пусть не будет никому посвящена. Хотя хотелось бы назвать и имя Юрия Дмитриевича Рыкова, на работах которого я учился «рисовать кружки» и складывать их в стеммы и которому благодарен за ободрение

в нути но, казалось бы, многократно изученным темам. Наконец, глава о нотомках князя Андрея Курбского вышла в фестшрифте "Ad fontem" в честь Сергея Михайловича Каштанова, моего учителя, тернеливого и благожелательного слушателя моих докладов.

Слова неизмеримой благодарности нрочитавшим этот текст и его нредварительные версии моим научным рецензентам Наталии Старченко (Киев) и Анастасии Скеньян (Минск), а также моим московским коллегам и наставникам — главному онноненту этой работы на защите ее отдельных разделов в качестве диссертации Б.Н. Флоре, рецензенту на нредзащите М.В. Дмитриеву и главному критику на открытой дискуссии во время защиты — С.М. Каштанову. Самое благожелательное отношение к миграционной московитике я испытал, работая два года нод научной онекой Матиаса Ниндорфа в Грайфсвальдском университете нри ноддержке фонда Гумбольдта. Слова одобрения и критики не отменяют того факта, что за ноднятой в книге «темой» ряд дискуссионных нолей высокого напряжения. Уверен, далеко не всё удалось. Вонросов стало еще больше, чем было, когда работа начиналась. Она и не закончена, а всего лишь достигла той фазы, когда нужен читатель и желательна дискуссия. Мой университетский учитель и бессменный ментор в написании диссертаций и в архивных ноисках, С.О. Шмидт одобрил бы, я уверен, и остроту выводов, и не в равной мере убедительные ностановки нроблем. За сами выводы, конечно, ни С.О. Шмидт, ни другие мои учителя и наставники, ни нервые внимательные читатели, научные рецензенты этой работы, ответственности не несут.

МЕЖДУ ЭМИГРАЦИЕЙ И ТРОНОМ: Семен Бельский, Иван Ляцкий, Иван Губка Шуйский

Картография повстанцев

За месяц до смерти, в октябре 1535 г. польский историк, астроном и географ Бернард Вановский отправил имперскому дипломату Сигизмунду Герберштейну альманах с описанием движения звезд, составленный Николаем Коперником, с просьбой опубликовать его в Вене или распространить среди ученых. В письме была также кратко охарактеризована новоизобретенная гелиоцентрическая концепция, разработанная Коперником. Смерть Вановского остановила переписку, однако Герберштейн отчасти выполнил его просьбу, рассказывая своим знакомым о новых открытиях и гипотезах. Кроме того, он сам продолжил работать над «Записками о Московии», в подготовке которых загвоздкой стала карта. Работая над ней, Герберштейн особенно нуждался в помощи польского ученого. Интерес европейцев к неизведанным землям в 1530-е гг. возрос, и своей задачей прославленный дипломат, к 1537–1538 гг. подготовивший значительную часть своего описания Московского государства, видел наглядное изображение территории к востоку от владений Ягеллонов. Подготовка заняла многие годы, и лишь за три года до появления в печати текста «Записок», в 1546 г. в Вене была опубликована карта «Московия Сигизмунда, барона в Герберштейне, Нейнерге и Гутенхаге», составленная Августином Хиршфогелем. Работа над ней началась, вероятно, около 1525 г., еще до второго посольства барона в Москву, и длилась многие годы.

Северные пределы Европы Герберштейн поручил начертить своему знакомому дипломату-гуманисту Корнелису Доббеле Де Шеннеру (а тот — Лиевину Алгоэту Панагатусу), использовал автор и «Всеобщую космографию» Себастьяна Мюнстера 1544 г., и материалы Бернарда Вановского, отразившиеся в венецианской карте Олауса Магнуса 1539 г. Использовал имперский ученый и наработки краковского профессора Мацея Меховского, опубликованные впервые в его «Трактате о двух Сарматиях» в 1517 г. За несколько десятилетий до выхода в свет этого труда профессор осуществил революцию в географии и картографии: он опроверг существование Рифейских и Гиперборейских гор у истоков Волги и Дона, на территории Московского государства, и это открытие интересовало имперского посла гораздо больше, чем космологические построения Коперника и сенсационные публикации о существовании огромного континента на запад от Атлантического океана. После своего первого путешествия Сигизмунд Герберштейн подтвердил вывод Меховского, но уточнил его информацию о том, что Волга впадает в Черное море. С этим замечанием далеко не сразу согласились современники, в том числе не принял его и Мацей Меховский. Европейцам приходилось расспрашивать жителей той далекой и неизведанной страны, обращаться за помощью к дипломатам и мигрантам. Так возникли еще два опыта, оказавшие влияние на труд Герберштейна и Хиршфогеля. Первый — не опубликованная в XVI в. карта итальянского гуманиста Паоло Джовио, получившего ряд географических сведений в 1525 г. от московского посланника Дмитрия Герасимова. Второй — изданная в Антверпене в 1542 г. карта голландского художника Антония Вида, который воспользовался для своего издания материалами московита Ивана Ляцкого[1].

[1] Подробный анализ приведенных в данном абзаце сведений содержится в работах: *Harrauer Ch.* Die zeitgenossischen lateinischen Drücke der "Moscovia" Herbersteins und ihre Entstehungsgeschichte: (Ein Beitrag zur Editionstechnik im 16. Jahrhundert) // Humanistica Lovaniensia. Journal of Neo-Latin Studies. 1982. Vol. V, 31. P. 141–163; *Janicki M., Ososiński T.* Ioannes Dantiscus' Correspondence with Sigmund von Herberstein: Introduction // Corpus Epistularum Ioannis Dantisci. Part II: Amicorum sermones mutui. Vol. 1: Ioannes Dantiscus' Correspondence with

Карта Антония Вида — Ивана Ляцкого. 1542 г., 1-е изд. — 1555 г. Версия Ф. Хогенберга, 1570 г. См.: Багров Л. История русской картографии / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М., 2005. С. 100. Рис. 24.

Как следует из письма Ивана Васильевича Ляцкого С. Герберштейну, отправленного из Вильно 23 мая 1541 г., российский эмигрант откликнулся на просьбу изобразить или подписать к заготовленным контурам обозначения «всей Московской империи» ("totum imperium Moscoviae"), причем как краткие легенды, так и более развернутые «описания» ("signaturam sive descriptionem")[2]. Еще в 1880 г. Е. Е. Замысловский высказал предположение, что ошибочно переданное в одной из подписей к карте А. Вида имя "Jatzki" (в «Космографии» С. Мюнстера) относится именно к И. В. Ляцкому, бежавшему из Московского государства на сторону польского короля Сигизмунда I вместе с кн. Семеном Федоровичем Бельским в августе 1534 г.[3] Подпись к карте Вида гласила, что отмечены были «с большим усердием местоположение городов, замков, морей, озер и источников, расстояние между ними, течение рек, извилины и истоки, которые по большей части берут начало с равнин или вытекают из больших озер. И при этом труде оказал нам значительное содействие благородный господин Иоганнес Ятцкий, кото-

Sigmund von Herberstein / transcription from manuscript, commentary and annotations by M. A. Janicki, T. Ososiński. Warsaw; Cracow, 2008. P. 31–43 (данный фрагмент вводной статьи в издании написан М. Яницким).

[2] *Harrauer Ch.* Die zeitgenossichen lateinischen Drücke... S. 149; Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост., ввод. статьи, примечания О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 291. Примеч. 10; С. 307–316 (здесь на с. 316 в примеч. 15 письмо С. Герберштейна датировано 23 мая 1540 г.), 328–329, 339; *Janicki M., Ososiński T.* Ioannes Dantiscus' Correspondence... P. 39.

[3] *Замысловский Е. Е.* Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии — Себастиана Мюнстера // ЖМНП. 1880. Т. 211. С. 66–123, здесь с. 89–94.

рый еще несколько лет тому назад был одним из московских вельмож и бежал к королю польскому, когда, после смерти великого князя Василия, вспыхнуло восстание»[4]. Указание на участие в составлении карты видного «вельможи», да еще и участника «восстания» (или «немалого мятежа»), придавало ей большую аутентичность[5]. Впрочем, и объем знаний заметно увеличился: уже по переизданиям «Космографии» Мюнстера видно, что подписи и комментарии, основанные на трудах античных авторов, вступают в противоречие с более точными данными самих гравированных карт. .

Оригинал карты Вида был в 1550-е гг. раскрашен с использованием различных цветов: зеленым — Московия, желтым — Великое княжество Литовское, красным — Татария[6]. В 1570 г. Франциск Фогенберг выгравировал карту на меди[7]. Какие именно дополнения на картах Вида–Мюнстера и Герберштейна–Хиршфогеля принадлежали Ляцкому? Помимо подписей на кириллице и в транслитерации он мог внести дополнение в политическую географию. Карты сохраняют диспропорции в изображениях и подписях, которые могут скрывать представления составителей об иерархии территорий и населенных пунктов. Так, на карте Вида, увидевшей свет в 1570 г., когда Новгород Великий был утоплен в крови войском опричников, Новгород ("Wilki Nouigard") изображен значительно крупнее столицы-Москвы ("Moscouia metropolis")[8]. Впрочем, сам петит городовой номенклатуры последовательно мельче петита для татарских орд, Ливонии, Швеции и т.д., а те — мельче надписи «Татария» ("Tartaria"), обозначившей в своем роде отдельный сухопутный континент.

На карте Хиршфогеля 1546 г. градация подписей иная. Татария здесь не выделяется на фоне «Нагайских Татар» ("Nagayski Tartarae"), «Черкас» ("Circasi Populi"), «Сибири» ("Sibier Provincia"), «Черемис» ("Czeremissa Populi") и т.д. В одном ряду с ними оказываются также «Московия» ("Moscowia"), «Владимир» ("Volodimeria"), «Тверь» ("Otwer"), Ростов ("Rostow"), Рязань ("Rezan Principatus"), «Новгород Великий» ("Novogardia Mag."), «Псков» ("Plescovia"), «Севера» ("Severa Provin."), «Пермь» ("Permia Provincia"), «Двина» ("Dwina Provincia") и «Югра» ("Iuhra"). На западе — слева на карте — располагаются также сходным образом обозначенные европейские государства. Бывшие русские великокняжеские центры названы без централистской иерархии и подтекстов «собирания земель». Недавно присоединенные и до конца не встроенные в систему управления регионы названы «провинциями», а Рязань единственная — княжеством. Если это одно из дополнений Ляцкого, то сделано оно явно с оглядкой на соратника-эмигранта кн. Семена Бельского. Остальные условные обозначения также вырываются за пределы птолемеевской модели региона к востоку от владений Ягеллонов. Там нет могущественного Великого княжества Московского, государства «всея Руси».

Как раз в 1541 г., когда Ляцкий передавал свои материалы Герберштейну, Бельский совместно с крымским ханом организовал поход против Москвы. Одна из целей и обещанных наград Бельскому — Рязань, на которую он претендовал по своему происхождению от великой княгини Анны Рязанской[9]. Номенклатура карты Вида–Мюнстера раскрывает политическую подоплеку локализации населенных пунктов молодого Российского государства. Его состав не вызывал согласия, его единство было условным целым, его центры сохраняли живую память о своей независимости и равенстве с Москвой. Независимые народы выступают под определением «народ» — "populi" (черкесы, черемисы) или прямым определением во множественном числе (ногайские татары). Завоеванные территории в римской логике определены на карте «провинциями» (Севера, Пермь, Двина, Сибирь — из этой логики выбивается только Югра, но ее присоединение могло считаться еще не оконченным). Равенство статуса ряда

[4] В переиздании карты Вида, вышедшем в Амстердаме в 1612 г., имя великого князя заменено на «Иван Васильевич». При этом имя И. В. Ляцкого сохранялось от переиздания к переизданию и, очевидно, закладывало один из камней в родовой памяти об интеллектуале-прародителе польско-литовских Ляцких. Историю упоминаний И. В. Ляцкого в легендах к переизданиям карты А. Вида см.: *Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Т. 1. С. 4–6, здесь с. 4; *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 68–84; *Alexandrowicz S.* Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do polowy XVIII wieku. Poznań, 1989. S. 57–62.

[5] Россия в первой половине XVI в... С. 311, 315, 328, 339, 345. Примеч. 31.

[6] *Белянкин Ю.С., Матасова Т.А., Полехов С.В.* Русская надпись на карте Вида–Ляцкого // ДР. 2017. №2 (68). С. 58.

[7] *Кудрявцев О.Ф.* Карта Московской Руси Антона Вида и Ивана Ляцкого // ДР. 2017. №2 (68). С. 42.

[8] Там же. С. 48.

[9] *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1: Von 1488–1605. Wien; Leipzig, 1906. S. 274–275.

Карта из «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна (Вена, 1549). См.: Герберштейн и его «Записки о Московии» / отв. ред. Ю. Ругел. СПб., 2010. С. 194.

городов показано не только единством метита, но и сходными окончаниями (Московия, Владимирия, Новгородия, Псковия). Память о великокняжеском статусе Твери к середине XVI в. была еще прочна, и этот статус не случайно возродился в 1570-е гг. в титуле Симеона Бекбулатовича. Рязань представлена европейскому читателю как независимое княжество. Она была присоединена в 1521 г. к Великому княжеству Московскому, но князь Иван Иванович не смирился с потерей. Он бежал в Великое княжество Литовское, где получил от короля имения, позднее переданные внуку великого князя рязанского. Претензии на Великое княжество Рязанское сменившего князя Ивана в литовском имении Стоклишки князя Семена Бельского оживили один из самых острых вопросов в политической конъюнктуре после смерти Василия III. При этом сам князь Семен в своих проектах Рязанью не ограничивался.

Побег

Карта, на которую И. В. Ляцкий наносил очертания нового для европейцев государства, отражала завоевания Ивана III и Василия III, но отражала лишь временное согласие между великими князьями московскими и литовскими, а в самом Московском государстве оставляла отношение между землями под вопросом. Никакой унификации между княжествами, городами-государствами и провинциями – Москва не высится и не доминирует над Владимиром, Новгородом и Псковом, а Рязанское княжество сохраняет княжескую самостоятельность. Так ли далеко отстоят межкняжеские и межгосударственные отношения в русских землях на 1533 г. от «карты Ляцкого»? Вспомним, что Новгород Великий в 1478 г., а Псков в 1510 г. лишились независимой администрации и суда, церковных и вечевых институтов, но сохраняли даже в официальной московской документации статус самостоятельных государственных образований — право, пусть формальное, на дипломатические отношения с соседями, налоговую систему и остатки церковной обособленности. О северских землях, лишь в начале XVI в. присоединенных к Великому

княжеству Московскому, выразительно говорится в договоре Василия III с Сахиб-Гиреем.

Крымский хан обязался не тревожить владений великого князя московского — «украиных городов» Путивля, Рыльска, Новгород-Северского, Радогоща, Стародуба, Чернигова, Почена, Гомеля, «также и онрич того которые князи тобе служат и твоим детем, и на вас которые смотрят, и нам тех ваших князей земель также не воевати»[10]. В ногораничных землях сохранялись владения великого князя и три категории князей — не подчиняющиеся Москве только подразумеваются, «смотрят» на Москву независимые князья, а «служат» — князья, чьи владения гарантированы Москвой и зависят от нее лишь частично[11]. Открыла ли смерть Василия III перспективу возвращения независимости для ряда земель? Мечтал ли кто-то из высшей знати, как в эпоху Василия II, перенести столицу из Москвы в другой город? Ответ не был дан ни одним из сохранившихся до наших дней источников.

Герои этого рассказа — представители высшей знати. Их статус в московской придворной жизни неизмеримо выше, чем престижная позиция самого известного русского эмигранта второй половины XVI в., князя Андрея Курбского. Окольничий Иван Васильевич Ляцкий (Ляцкой) и его сын — потомки московского боярина Федора Кошки, их род благодаря браку Ивана IV с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой вступит в прямое свойство с царской семьей, а в 1613 г. достигнет царской власти. Князь Семен Бельский — Гедиминович, младший сын эмигранта князя Федора Ивановича Бельского и дочери великого князя рязанского, Анны Васильевны. Его род на всем протяжении малолетства Ивана IV вел борьбу за первые позиции в московской Боярской думе и одержал временную победу, правда, лишившись в борьбе старшего представителя рода, князя Ивана Федоровича. Наконец, князь Иван Губка Дмитриевич Шуйский — выходец из верхушки суздальской знати на московской службе, прекрасно помнившей о своей борьбе за первенство за Великое княжество Владимирское, о котором хорошо знали во всем регионе. Не случайно кн. А. М. Курбский в своей «Истории» будет приписывать предкам князей Шуйских давнишнее первенство во всех русских землях, длившееся, по его словам, 200 лет. О первенстве Шуйских вспомнят в короткое междуцарствие 1584 г., затем в 1598 и в 1606 гг., когда князь Василий Иванович займет московский трон.

Придворная жизнь в Москве после смерти Василия III лишилась устойчивости, обычным гарантом которой был великий князь. Бразды правления перешли к регентскому совету, легитимность которого вызывала у многих придворных сомнения. В конце июля или начале августа 1534 г. из-под Сернухова на королевскую службу перешли сразу несколько московских придворных во главе с князем Семеном Федоровичем Бельским и Иваном Васильевичем Ляцким. Первые сообщения герцогу Пруссии от секретаря короля Сигизмунда I Старого Миколая Ниншица о побеге знатных московитов относятся к 15–16 августа 1534 г.[12] Постниковский летописец датирует данное событие 3 августа 1534 г.[13] Исследователи ориентируются на дату Постниковского летописца, когда датируют побег кн. С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого началом августа 1534 г.[14] Владислав Поцеха считает, что побег состоялся около 8 августа[15]. М. Ниншиц описывает явление на службу короля московского воинства только в своих письмах 15–16 и 24 августа, причем он сообщает еще очень неточные сведения, не называя имен и говоря о представительстве перебежчиков у короля только в письме от 24 августа. Необходимо, как представляется, пред-

[10] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 8. Л. 29 — 29 об. (Грамота в делах за конец 1533 — начало 1534 г.).

[11] Данная схема отражает более ранний этап отношений между Москвой и Крымом, когда «служащими» великому князю и его детям князьями считались Василий Шемячич и Трубецкие, а князья, которые на Москву «смотрят», не уточнялись. Так, в частности, определялись отношения в договоре 1518 г. См.: *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. С. 192.

[12] AT. T. Sextus Decimus epistolarum, legationum, responsorum, actionum et rerum gestarum Serenissimi Principis Sigismundi Primi Regis Poloniae, Magni Ducis Lithuaniae per Stanislaum Górski canonicum Cracoviensem et Plocensem collectarum. A.D. MDXXXIV. Pars Secunda / ed. V. Pociecha. Wratislaviae et al., 1961. S. 65–67 (Миколай Ниншиц — Альбрехту Бранденбургскому. Вильно, 15 августа 1534 г.), 70–71 (Миколай Ниншиц — Альбрехту Бранденбургскому. Вильно, 16 августа 1534 г.). О М. Ниншице см.: *Szymaniak W.* Organizacja dyplomacji Prus Książęcych na dworze Zygmunta Starego 1525–1548. Bydgoszcz, 1992. S. 65–104.

[13] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 24.

[14] *Rüß H.* Die Friedensverhandlungen zwischen Moskau und Polen-Litauen im Jahre 1537: Eine Studie zur moskowitischen Diplomatiegeschichte // JGO. 1988. Bd. 36. Hf. 2. S. 192; *Кром М.М.* Судьба авантюриста: Князь Семен Федорович Бельский // ОФР. М., 2000. Вып. 4. С. 101; *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI в.): Очерки. М., 2004. С. 131.

[15] AT. T. 16/2. S. 67 (№409, примеч. 3).

положить, что о намерениях перебежчиков еще в середине августа 1534 г. при королевском дворе могли знать неточно, и сам факт первого приезда московитов только 24 августа говорит о многом. Они либо не спешили перейти на сторону Великого княжества Литовского, либо перешли все-таки не в начале августа, а ближе к середине месяца. Вполне вероятно, что побег состоялся в тот день, когда воеводы передали весть в Псков, или днем ранее, т.е. 9–10 августа 1534 г.[16]

Перебежчиков сопровождала многочисленная свита из сотен детей боярских и незнатных воинов. Миколай Нипшиц говорит о 400, затем даже о 500–600 конниках[17]. Цифра «400», конечно, более вероятна. Ее называет позднее и придворный лекарь королевы Боны в письме герцогу миланскому[18]. Тем не менее воинов было так много, что пришлось выделить для них один из приграничных замков. Оттуда они и направили к 24 августа свое «посольство» к Сигизмунду I Старому[19]. Кн. С. Ф. Бельский был окружен своими слугами. Их число — 15, возможно, называл князь Семен сам в Крыму на пиру у Сахиб-Гирея в 1537 г.[20] Имена этих слуг-московитов мы попытаемся восстановить по сохранившимся источникам чуть позже в этой работе. Вместе с И. В. Ляцким бежал его сын Иван, в свите был знатный слуга Денис Федорович.

Перебежчиков ждал восторженный прием в Короне и Литве. Король выражал радость, что сами «неприятели» переходят на его службу. Звал московитов к себе в Вильно. Показания Бельского и Ляцкого о неурядицах при московском дворе вдохновили Ю. Радзивилла начать поход против Москвы, которому суждено было перерасти в трехлетнюю Стародубскую войну[21]. Б. Вановский, а вслед за ним М. Стрыйковский в своей «Хронике» 1582 г., охарактеризовали кризис при московском дворе после смерти Василия III и отметили радушный прием перебежчиков при королевском дворе. М. Стрыйковский пишет: «И в этом разладе приехали в Литву на милость короля из Москвы князь Семен Бельский и Иван Ляцкий. Король Сигизмунд дал Бельскому Жижморы, Стоклишки и Кормялово, а Ивану Ляцкому и его сыну дал Высокий Двор и Жолудок в Троцком воеводстве»[22]. О князе Семене Бельском мы знаем из первоисточника, что названные три имения были пожалованы ему на временном праве — «до очищеня отчизны»[23]. Эта формула временного пожалования использовалась нередко применительно к королевским подданным, лишившимся своих законных владений из-за их завоевания сторонним государством. Очевидно, что Бельский собирался в ходе войны против Москвы вернуть себе свои владения. Впрочем, его цели этим не ограничивались.

Возможно, для всех высокопоставленных перебежчиков 1534–1535 гг. на первых порах дорога домой была предусмотрена королевскими пожалованиями. А значит, все они должны были отвоевывать свои имения в Великом княжестве Московском.

Бегство московской знати в Литву было к 1530-м гг. частой формой протеста против придворных порядков и не менее частым предлогом для расправ, учиняемых властью над «холопами господаря». В Литве уже осели и утвердились удельные московские князья — боровские и верейские. Побывали там — к середине XVI в. уже вымершие можайские и новгородсеверские. Вымершие к тому моменту мужские представители тверских и рязанских Рюриковичей, разделившиеся между Литвой и Москвой верховские

[16] ПИВЕ. Т. 6. С. 99 (Расспросные речи польского жолнера Войтеха. 1 августа 1534 г.), 107–108 (Сигизмунд I — Ю. М. Радзивиллу. Вильно, 16 августа 1534 г.), 108–112 (Сигизмунд I — Ю. М. Радзивиллу. Вильно, 27 августа 1534 г.).

[17] АТ. Т. 16/2. S. 111–115 (М. Ниншиц — Альбрехту Бранденбургскому. Вильно, 28 августа 1534 г.). Цит. в: *Кром М. М.* Судьба авантюриста. С. 105–106.

[18] АТ. Т. 16/2. S. 280 (Джованни-Андреа де Валентино — Федерико II Гонзага Миланскому. Вильно, 12 октября 1534 г.).

[19] АТ. Т. 16/2. S. 106–107 (М. Ниншиц — Альбрехту Бранденбургскому. Вильно, 24 августа 1534 г.).

[20] *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 142.

[21] АЗР. Т. 2. С. 333. Цит. в: *Кром М. М.* Судьба авантюриста. С. 104.

[22] Stryjkowski. T. 2. S. 398: "W którym rozruchu przyjechali do Litwy na laskę królewską z Moskwy kniaź Siemion Bielski i Iwan Lacki; dla tego król Sigmunt Bielskiemu Zizmory, Stokliski i Kormialowo, a Iwanowi Lackiemu z synem, dal Wysoki Dwór i Zoludek w Trockim wojewodztwie".

[23] Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. №8610:1. F. 1 (Акт плохо сохранился, складывался и порван слева по центру. Видимо, это выписка из акта пожалования. По нижнему полю справа: «Справа Горностаева»). Предварительная датировка «1534 г.», предложенная польскими исследователями, представляется маловероятной (ср.: Polonika w zbiorach Archiwum Narodowego Szwecji (Riksarkivet) Skoklostersamlingen. T. 1 / E. Teodorowicz-Hellman et al.; pod red. A. Nowickiej-Jeżowej; konsult. M. Janicki. Warszawa, 2006. S. 112). Конечно, не решает вопрос датировка бумажного знака данного акта, но всё же она может скорректировать представления об источнике. Знак по моей просьбе описала и сфотографировала Н. А. Кочековская (в описании коллеги данный акт — это л. 5 в папке-обертке №2 шифра 8610:1). Аналог данного знака в цифровой публикации водяных знаков: Пиккард. №54027. — 1553 г.

мстиславские, бельские, трубецкие Гедиминовичи, пронские, воротынские и одоевские Рюриковичи — все они не считались исключительно «московскими» и при дворе малолетнего Ивана IV были под подозрением и угрозой репрессий из-за литовского происхождения и родства. Эту угрозу будто бы пытался смягчить Василий III, наставляя бояр после своей смерти принять князя Дмитрия Федоровича Бельского «з братиею» и князя Михаила Львовича Глинского как родню великих князей и как равных московским боярам[24].

Могущественному князю Михаилу накануне этих событий пришлось провести многие годы в московской темнице, а сразу после смерти Василия III суждено было умереть в тюрьме, несмотря на его ближайшее родство с великокняжеской семьей и вымышленную или действительную предсмертную озабоченность великого князя. Официальная летопись сухо отразила причину заточения: «...поиман бысть... в том, что давал великому князю Василью зелие пити в его болезни, и великого князя в той болезни с того зелья и не стало»[25]. «Сестричичи» Василия III упомянуты в ряде летописей еще до имени кн. М.Л. Глинского. Это три брата — князья Дмитрий, Иван и Семен Федоровичи Бельские. Им предстояла долгая борьба за первенство при малолетнем великом князе Иване.

После смерти Василия III на повестке дня Короны и Литвы неотложно возник вопрос об объявлении войны Москве[26]. Возможно, переговоры уже велись, и первое время какие-то надежды возлагались на войну кн. Юрия Ивановича Дмитровского или кн. Андрея Ивановича Старицкого со сторонниками малолетнего великого князя. Князь Юрий в считанные дни оказался в московской темнице, где и окончил свои дни. Слухи о нем в Литве были противоречивыми. О князе Андрее Ивановиче в Краков еще в апреле 1534 г. приходили тревожные сообщения, свидетельствующие о его усилении и готовности к войне против Великого княжества Литовского: «Из Литвы пишут, что, если по решению общего совета его величества объявить и начать войну в Московии, то всеобщим советом и согласием на князя Московии изберут Андрея, младшего брата умершего московского князя, который, как говорят, уже собрал вокруг себя немало людей, объезжал пограничные замки и вникал во все дела. Наши же литвины не готовы к этому ни конями, ни оружием»[27].

Однако шагом к открытой войне стал переход Бельского и Ляцких, который уже в первые дни после их появления в Великом княжестве Литовском обсуждался как важный предлог для войны, а сами перебежчики убеждали короля начать войну как можно скорее и насколько можно «великую»[28]. 16 августа в письме Радзивиллу король комментировал в оптимистичных тонах радостную новость: «Што писал твоя милость до нас, оповедаючи, иж тыи панове князя великого, князь Семен Бельский а Иван Лядский, и з иншими бояры и дворяны Московского прибегли к нам до панства нашого, — мы, слышачи таковую ласку милостивого Бога, иж тыи неприятели наши сами в руки наши прибегают, тому есмо велико вдячни»[29].

Король просил направить к нему перебежчиков и послал им навстречу державцу жолудского кн. В.А. Полубенского и Льва Чижа с подорожными[30]. Радзивилл принял Бельского и Ляцкого в селе Дулебы Любошанской волости и допросил их[31]. Возможно, уже на этом допросе выяснились такие обстоятельства придворной жизни в Москве, которые внушили литвинам и королю надежды на успех.

Уже в начале сентября подробная информация о перебежчиках дошла до церковных властей в Вильно. Епископ перемышльский Ян Хоенский пишет епископу варминскому Маурицию Ферберу о том, что на сторону короля перешли князь Семен Бельский и Иван Ляцкой с сыном. Допросы были уже источником оживленных слухов. Оказалось, что у Бельского в Москве два брата. Один из них опекун самого великого князя (старший Иван), второй (средний Дмитрий) — командует всей армией. Иван

[24] Детальный анализ летописных сообщений и библиографию см.: *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 47–52.

[25] ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 79; М., 2001. Т. 8. С. 287.

[26] *Winczura Ł.* Hetman hetmanów Jan Amor Tarnowski (1488–1561). Kraków, 2005. S. 178–179.

[27] AT. Wratislaviae et. al., 1960. T. 16/1. S. 437–439 (Петр Томицкий — Мацею Джевицкому. Краков, 8 апреля 1534 г.): "Ex Lithwania scribitur dominos Lithwanos simul cum Maiestate regia publico consilio bellum in Moscoviam constituisse ac suscepisse, Andream vero, fratrem juniorem defuncti ducis Moscoviae, unanimi omnium voto et consensu in ducem Moscoviae electum esse, qui jam collecta non parva manu hominum arces finitimas abequitare et rationes tuendi se inire dicitur. Nostri autem domini Lithwani adhuc non instruunt se nec equis nec armis".

[28] *Grala H.* "*Ex Moschonia ortum habent*". S. 102.

[29] ПИВЕ. Т. 6. С. 107–108.

[30] Лев Чиж позднее задержал слугу кн. С.Ф. Бельского, которого тот обвинял в грабеже. См.: КС. № 28. Л. 1 об. (1535 г.).

[31] ПИВЕ. Т. 6. С. 109.

Васильевич Ляцкий — человек очень богатый и высокий на придворной лестнице ("homo apud suos opulentus et magni nominis"). Хотят не оставаться в Литве, а отобрать при помощи короля Сигизмунда Старого свои владения в Московском государстве[32].

Вскоре радужные слухи докатились и до Кракова. Епископ краковский Петр Томицкий писал капонику краковскому[33], а позднее каштеляну гданьскому о высокородных московитах у короля: «Вчера приехал к нам ближний дворянин его королевской милости с письмами, в которых сказано, что в Вильно к его королевской милости приехали из Московии два высокопоставленных господина со своей многочисленной свитой, заверили в своей готовности служить и принесли присягу в своей верной службе, советовали всеми способами его величеству, чтобы он изволил объявить войну своему врагу Московиту, такую великую, какую только можно будет, предрекая ему победу, и многое другое в его делах. Сказано также, что литовское войско вступило в Московскую землю и успешно действовало в столкновениях в различных местах, сжалило некоторые города и с многочисленными пленниками и добычей целые и невредимые вернулись назад»[34].

В начале октября вице-канцлер обратился к королю с письмом-панегириком, в котором предрекал большие успехи благодаря бегству московитов и особенно Бельского и Ляцкого. Наиболее радужной перспективой казалась победа в войне и возвращение всех захваченных Москвой земель под власть короля. В связи с чем краковский настоятель призывал совершить особое богослужение "Te Deum laudamus" во всех храмах в честь успехов короля Сигизмунда Старого[35]. Счастливая весть быстро разносилась по Европе[36]. Это был прежде всего успех самих перебежчиков. Связка между «выездом» Бельского и Ляцкого с решающей победой была им записана в неоплатный кредит. Надеждам не суждено было оправдаться, а военный оптимизм постепенно скатывался в раздражение. Тем не менее высокая планка была задана, и она означала, что война ведется не только при участии и «под знаком» побега князя Семена Бельского и Ляцких, но и при их решительном стремлении отвоевать свои владения и воссоединиться со своими московскими родственниками.

Поступок двух видных сановников и воевод действительно застал московский великокняжеский двор врасплох. К такому повороту событий при дворе не были готовы, но реакция была молниеносной, а характер мер — чрезвычайным и репрессивным. В сентябре 1534 г. другие перебежчики, псковичи Родион, Гриша и Тонкий, рассказывали в Литве, что побег кн. Семена Федоровича Бельского и окольничего Ивана Васильевича Ляцкого вызвал в Москве замешательство. Узнав о побеге, будто бы даже многие князья и «дети боярскии великии» захотели «ехати до короля»[37]. Впрочем, по предположению А.А. Зимина, поддержанному М.М. Кромом, побег сановников в Великое княжество Литовское и последовавшие за ним аресты в Москве означали «победу "партии" войны с Литвой»[38].

Тревожную весть передал кн. Федор Курбский из Белой в Великие Луки кн. А.Д. Ростовскому и В.Г. Морозову, а от них уже 10 августа она пришла в Псков. Когда она достигла Москвы, оттуда были разосланы по городам дети боярские для приведения к присяге городовых наместников «и детей боярских псковичей и земцов». В Москве по оговору, что хотели бежать вслед за изменниками, были взяты под стражу князья И.Ф. Бельский, М.Л. Глинский, И.М. Воротынский, Б.А. Трубецкой. Сына князя Ивана, В.И. Воротынского подозревали в злоумышлении и, «по торгу водячи, пугами били». Двое других сыновей Воротынского, как и Владимир и Богдан Трубецкой, появились затем на службе лишь в 1543 г. У кн. Д.Ф. Бельского, М.Ю. Захарьина и Г.Н. Меньшого Путятина отняли коней, их отдали на поруки и переписали имущество. Все арестанты были допрошены,

[32] AT. T. 16/2. S. 139–141 (Ян Хоенский — Маурицию Ферберу. Вильно, 7 сентября 1534 г.).

[33] AT. T. 16/2. S. 169 (Петр Томицкий — Себастьяну Опалинскому. Краков, 15 сентября 1534 г.).

[34] AT. T. 16/2. S. 207 (Петр Томицкий — Ахацию Чеме. Краков, 28 сентября 1534 г.): "Heri accurrit hic cubicularius regiae Maiestatis cum litteris, quibus scribitur duos insignes dominos ex Moschovia ad Majestatem suam cum sociis aliis multis Vilnam venisse, servitioque illius sese addixisse, et juramentum fidelitatis servandae illi praestitisse consulereque modis omnibus, ut Sua Maiestas hostem suum Moscum bello, quo majori potest, premere non desistat, pollicentes habituram eam victoriam et reliqua omnia pro suo voto. Scribitur etiam partem exercitus Lithuanici Moscoviam irrupisse et aliquot conflictibus in diversis locis feliciter peractis et oppidis aliquot exustis cum captivis et praeda ingenti salvam ac incolumem revertisse".

[35] AT. T. 16/2. S. 225–227 (Петр Томицкий — Сигизмунду I Старому. Краков, 2 октября 1534 г.).

[36] AT. T. 16/2. S. 277–280 (Джованни-Андреа де Валентино — Федерико II Гонзага Мантанскому. Вильно, 12 октября 1534 г.), 337–345 (Речь Сигизмунда I Старого на Петрковском сейме. Вильно, 8 ноября 1534 г.).

[37] ПИВЕ. Т. 6. С. 117 (12 сентября 1534 г.).

[38] *Кром М.М.* Стародубская война 1534–1537: Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 35–36.

и позднее в царском архиве отложились показания на М.Л. Глинского и В.И. Воротынского слуги князя, Михаила Некраса, и еще двоих доносителей — Ивана Домнина и Ивана Рязанцева. Дядя великой княгини М.Л. Глинский был брошен в тюрьму по обвинению в измене и там вскоре умер[39]. Как можно видеть, побег в Литву вызвал направленные репрессии против «литовских» князей, включая потомков еще недавних подданных Великого княжества Литовского, черниговских Рюриковичей — князей Воротынских. К числу предполагаемых заговорщиков были отнесены и симпатизирующий Короне и Литве М.Ю. Захарьин, какая-то часть дворян и дьяков.

Служба князя Семена Бельского и его братьев до августа 1534 г. была полна взлетов и падений[40]. Хотя Бельский и был Гедиминовичем, его отец бежал около 1481–1482 гг. на службу к великому князю московскому, и это не могло не отразиться на статусе князя Семена в Великом княжестве Литовском. Его побег не был возвращением домой, хотя в Литве у него были родичи[41]. Сыновья кн. Ф.И. Бельского по линии матери были потомками великих князей рязанских и московских одновременно, и их имена, несомненно, звучали в борьбе за Рязань, когда в начале 1520-х гг. при дворе Василия III обдумывали основания для ее окончательного подчинения Москве. Причем мать братьев Федоровичей, дочь великого князя рязанского княгиня Анна Васильевна умерла как раз незадолго до конфликта, толкнувшего князя Семена на побег[42]. Служебный путь сыновей к тому моменту мог внушать пожилой княгине спокойствие. Записи разрядных книг отмечают князей Ивана и Семена с мая 1522 г. Брат Дмитрий к 1528 г. достиг боярского чина, а Семен, самый младший из братьев, упоминается в свите Василия III в Кирилло-Белозерский монастырь вновь на вторых ролях — после Дмитрия. И.В. Зайцев полагает, что кн. С.Ф. Бельский к моменту побега был «относительно молод», бездетен и не женат[43]. Свойство его братьев было показателем высочайшего статуса князей Бельских-сыновей в московской придворной жизни. Князь Иван был женат на Евдокии, дочери кн. М.Д. Щенятева[44]. Князь Дмитрий — на представительнице первостепенного боярского рода, дочери конюшего и боярина Ивана Андреевича Челяднина Марфе[45]. Их сын князь Иван Дмитриевич женился на родственнице царя и представительнице еще одного ближайшего к трону рода — княжне Марфе Васильевне Шуйской. Ее мать, Анастасия, была дочерью татарского царевича Петра (Кудайкула) и Евдокии Ивановны, дочери великого князя Ивана III. Другая дочь Петра и Евдокии, тоже Анастасия, была замужем за кн. Ф.М. Мстиславским и матерью ближнего боярина Ивана Грозного князя Ивана Мстиславского[46].

Местнический статус братьев Ивана, Дмитрия и Семена был, как отмечает М.М. Кром, очень высоким — Иван и Семен с первых же разрядных записей за май 1522 г., март и осень 1529 г. выделяются своими службами на высших командных должностях[47]. Впрочем, исследователей настораживают значительные паузы в назначениях кн. С.Ф. Бельского между маем 1522 и мартом 1529 г. и затем между осенью 1529 и маем 1532 г. Возможно, за этими странностями скрываются коллизии московской придворной жизни — неудачи в командовании, местническая борьба и опала. Впрочем, к лету 1534 г. кн. С.Ф. Бельский был полноправным участником придворной жизни, занимая высокие командные посты в августе 1533 — июле 1534 г.[48] С другой

[39] ПИВЕ. Т. 6. С. 116.

[40] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 235–237.

[41] Тетка князя Семена, княжна Агнешка-Явнута (Агнесса-София или Анастасия) Ивановна Бельская (ум. после 1496 г.) была замужем за Иваном Федоровичем Ходкевичем. Ее сестра княжна Анна (ум. 1490 г.) — за представителем династии Пястов, князем Болеславом II Цешинским. Третья сестра, вероятно, Василиса — за князем Иваном Васильевичем Острожским, и еще одна, неизвестная по имени дочь князя Ивана Владимировича Бельского за князем Дмитрием Федоровичем Одинцевичем. Породниться в Москве удалось в числе прочих с крупным боярским родом Морозовых — благодаря браку княжны Евдокии Ивановны Бельской с Михаилом Яковлевичем Морозовым, сблизившись в родстве с еще одним видным эмигрантом, князем Андреем Курбским (по его матери — Марии Тучковой-Морозовой).

[42] *Кром М.М.* Судьба авантюриста... С. 99.

[43] *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом... С. 131, 147–148. Примеч. 5.

[44] *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 35, 124–127; *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics. P. 79 (Fig. 4).

[45] АРГ. С. 488–489 (Авторы коммент. — В.Д. Назаров и др.).

[46] *Martin R.E.* A Bride for the Tsar: Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia. DeKalb, Illinois, 2012. P. 150.

[47] *Кром М.М.* Судьба авантюриста. С. 99–100.

[48] М.М. Кром показал, что в разрядных книгах за 7032–7034 (1523–1526) гг. присутствуют лакуны, а разряд 7039 (1530–1531) г., в котором кн. С.Ф. Бельский выступает в Коломне в чине боярина, является дефектным. Причиной исчезновения Бельских из разрядов мог быть

стороны, как отмечает О. П. Бакус, поход к Мещере в 1533 г. не увенчался успехом, и недовольство Бельским при дворе могло совпасть с его несогласием с политикой Елены Глинской и со своим владельческим статусом[49].

Не меньше трудностей вызывает московская страница в биографии Ивана Ляцкого. Успешный полководец, приближенный к трону, он делает безоблачную карьеру. По мнению В. Д. Назарова, закат Ляцкого начался «за несколько лет» до побега[50]. Основанием для исследователя служит факт умолчания источников об участии Ивана Васильевича в свадьбе кн. Андрея Старицкого в феврале 1533 г. Это могло быть следствием падения его влияния при дворе. При этом еще на свадьбе великого князя Василия III в 1526 г. Ляцкий выполнял почетную миссию — вел следствие по родству отбираемых на смотрины девушек, «собирал и ведал» детей боярских[51]. Близость И. В. Ляцкого к Василию III в 1525–1526 гг. могла быть вызвана его содействием в деле развода великого князя с Соломонией Сабуровой и последующей женитьбы на Елене Глинской. В этой скандальной истории ближайшее окружение Василия III раскололось на сторонников и противников решительных перемен в семейной жизни господаря. Впрочем, нет оснований полагать, что побег Ляцкого после смерти Василия III связан с ухудшением его придворного статуса. Решение было принято в совершенно новой придворной атмосфере, когда на престоле был уже ребенок и его окружение, и понять причины бегства части придворных можно, обратившись к сложившемуся при дворе в это время раскладу сил.

Сохранялась связь Ляцкого с Новгородом и Псковом, вызвавшими особое беспокойство в Москве сразу после его побега. Его имения в Новгороде были взяты в казну, его людей разграбили, мать и дочь «до Москвы повели и осадили»[52]. В Шелонской пятине отцу Ивана, Василию Захарьичу Кошкину принадлежал Лядский погост, предположительно, подаривший Василию и его сыну прозвище, ставшее фамильным[53]. Позднее, уже на королевской службе, Ляцкие изобрели изысканную «польскую» версию происхождения своей фамилии. Захват новгородских имений Ляцких и поставление их на «поток» позволяли методично уничтожить остатки имущественной оноры «изменников». При этом более десятилетия земли бывшего владельца никем не занимались. Это можно понимать как наложение проклятия на собственность «изменника», но не менее вероятно, что территории оставались в государственном фонде на случай возвращения перебежчиков или вступления во владение их законных наследников в случае, если бы пришло сообщение о смерти бывшего владельца[54].

Ивану Васильевичу на Северо-Западе не раз приходилось бывать по службе еще в молодые годы. Осенью 1517 г. в осаде была Опочка, по попытка Я. Сверчовского и кн. К. И. Острожского взять ее приступом не удалась. На помощь осажденным подоспели полки кн. Ф. В. Оболенского и И. В. Ляцкого, которые шли впереди основных московских сил под командованием кн. А. В. Ростовского[55]. В 1528 г. Ляцкий был в Пскове вторым воеводой вместе с кн. В. Микулинским. По всей видимости, в Пскове у мятежников по-

провальный Казанский поход 1530 г., после которого Иван угодил в темницу, а Дмитрий отделался заключением под стражу. Менее ясным представляется придворное положение князя Семена накануне побега. Наблюдения М. М. Крома об «оттеснении "чужаков" от кормила власти» не выглядят столь убедительно. По крайней мере, на фоне придворного конфликта, повлекшего за собой заключение в тюрьму и гибель кн. М. Л. Глинского и удельного князя Юрия Дмитровского ничто прямо не указывает на падение авторитета Бельских. Кроме того, побег отца и сына Ляцких вместе с Бельским говорит о масштабности противостояния. Вскоре в Литве оказался и еще один юный московский аристократ, которого трудно считать «чужаком», — кн. И. Д. Губка Шуйский. См.: *Кром М. М.* Судьба авантюриста. С. 100–103.

[49] *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 125–126.

[50] *Назаров В. Д.* Свадебные дела XVI века // ВИ. 1976. № 10. С. 113, 115.

[51] ДРВ. Ч. 13. С. 15. См. также: *Martin R. E.* A Bride for the Tsar. P. 76–77.

[52] В Локотском погосте Деревской пятины еще Василию Захарьичу Ляцкому, отцу Ивана, принадлежала Ивановская волостка. На 1550–1551 гг. запустела. Этот факт находит подтверждение в новгородских писцовых книгах: Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. М., 2004. Т. 5. С. 128–129. См. также: *Кром М. М.* «Отъезды» московской знати в Литву во второй четверти XVI в. // Феодальная Россия: Новые исследования. СПб., 1993. С. 34–36; *Булычев А. А.* Между святыми и демонами. С. 157–158, 258. Примеч. 662 (ссылка А. А. Булычева на консультацию К. В. Баранова).

[53] *Бенцианов М. М.* Новгородские бояре — новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности // История по истории восточной Европы. Минск, 2015. Вып. 8. С. 136.

[54] На начало 1550-х гг. И. В. Ляцкой был еще жив. Об этом, несмотря на трудности коммуникации, могли знать в Москве. Дата смерти Ивана Васильевича: не ранее 1559 г. — до августа 1563 г. Об этом см. здесь ниже параграф «Предок польских сенаторов: Иван Васильевич Ляцкой».

[55] *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький: Історичний портрет у галереї предків та нащадків. Київ, 2012. С. 198.

явились сторонники, к числу которых принадлежали другие перебежчики 1534 г. Псковский «большой дьяк» Родион, Григорий и Тонкий. Их донесения после побега в Полоцке содержали данные об укреплениях Пскова, планах командования и настроении людей. Впрочем, не исключена провокация Москвы, учитывая, что их сведения были выразительно адресованы отряду князя Семена Бельского и Ивана Ляцкого: «... иж на Москве поиманы князь Иван Бельский, князь Михайло Глинский, князь Иван Воротынский, а сына его, князя Владимира, по торгу водячи, нугами били; а к тому князя Богдана Трубецкого поимали»[56]. Вскоре после побега Бельского и Ляцкого в Псков приехал Михаил Петрович Головин, чтобы привести к присяге наместников и детей боярских «псковичи и земцов»[57]. Речь, видимо, шла о крестоцеловании великому князю Ивану Васильевичу только служилых людей из Пскова и окраины. При этом проводилось следствие с целью выявить сторонников мятежа, и слова перебежчиков-псковичей показывают, что поводом для репрессий были вскрывшиеся разногласия между московским руководством и местным населением, тайный созыв вечевых собраний. Оптимистично для короля звучала новость о том, что, «если король его милость князя Семена Белского а Ивана Ляцкого добре пожалуеть, иж деи там на Москве, як то послышат, многии князи и дети боярскии великии хотят ехати до короля»[58].

Тревогу в Москве не могло не вызвать и то, что Ляцкий, как и род Захарьиных в целом, ориентировался в секретах московской дипломатии и был в курсе дел именно на ее польско-литовском фланге. Его отец явно получил свое прозвище за то, что продемонстрировал связь с польской культурой. Иван принимал участие в литовских походах. Вместе с кн. М.В. Горбатым Кислым (Кислицей) и сорокатысячным войском он появился в Великих Луках в июне–июле 1528 г., по слухам виленских агентов — готовя удар на Витебск[59]. Вот и в момент побега Ляцкий и его сын Иван оказались в удобной близости от границы с Литвой. Его полк состоял из отборных воинов, верных своему господину, и по числу перешедших вместе с ним на королевскую службу события лета 1534 г. напоминают разве что служебные метания кн. Д.И. Вишневецкого.

Окольничество Ляцкого, вероятно, вскоре было передано Дмитрию Даниловичу Иванову, который, впрочем, уже в 1536–1537 гг. исчез из источников[60]. Более сложными, долгосрочными результатами побега кн. С. Бельского и И. Ляцкого, как показал М.М. Кром, были временная потеря боярского титула кн. И.Ф. Бельским, ссылка на воеводские посты кн. Д.Ф. Бельского, ослабление «приятеля» литвинов М.Ю. Захарьина.

Усиление князей Шуйских и Оболенских было следствием, но могло быть и одной из причин бегства московской знати в Литву в июле–августе 1534 г. Тогда же или вскоре после этих событий, по ранее апреля 1536 г., в Литве оказался племянник князей Ивана и Василия Шуйских, кн. Иван Дмитриевич Губка Шуйский[61]. Князь Иван Губка был близок к московскому трону и входил в обширный придворный клан князей Шуйских, Бельских и Мстиславских, породнившихся с великокняжеской семьей[62]. Предлогом для побега Шуйского, по родовой легенде, послужил поиск царского сокола[63]. Подобное оправдание прозвучит в 1547 г. в извинение «отъезда» князей М.В. Глинского и И.И. Пронского.

По предположению Ю. Вольфа, князь Иван бежал еще во второй половине 1534 г. «одновременно с князем Семеном Бельским и Иваном Ляцким... или чуть позже»[64]. Есть основания отнести нижнюю границу перехода Шуйского на королевскую службу к 1534, самое позднее – 1535 г.[65] В записных книгах Королевских счетов Короны Польской №81 и 91 сохранились упоминания выплат «московитам» ("Moscovitis"), перешедшим на королевскую службу не позднее

[56] *Кром М.М.* «Вдовствующее царство». М., 2010. С. 106–107.

[57] *Аракчеев В.А.* Псковский край в XV–XVII веках: общество и государство. СПб., 2003. С. 111, 122–125.

[58] ПИВЕ. Т. 6. С. 117 (Расспросные «речи» Родиона и др., 12 сентября 1534 г.).

[59] ПИВЕ. Т. 6. С. 55–57 (Я.А. Скиндер — Ю.М. Радзивиллу, 8 июля 1528 г. Адресант и дата послания установлены М.М. Кромом).

[60] *Кром М.М.* «Вдовствующее царство». С. 163.

[61] Там же. С. 143–145.

[62] *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics. P. 84–87, 146–180, 204–205, 221, 235–236.

[63] *Раевский П.М.* Род царя, царевен и князей Шуйских. Париж, 1957. №93. Благодарю Ю.М. Эскина (Москва) за доступ к данному редкому изданию. См. также: Родословная книга... Ч. 1. С. 70; АЗР. Т. 2. С. 335. Ср. дату «до 1660 г.»: АЮЗР. Киев, 1867. Ч. 4. Т. 1. С. XXXIV.

[64] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 521.

[65] Ошибочно утверждение А. Казакова о том, что первые упоминания о кн. И.Д. Шуйском в Великом княжестве Литовском относятся к 1538 г. См.: *Казакоў А.У.* Тытулаваная знаць з Маскоўскай дзяржавы ў Вялікім княстве Літоўскім у канцы XV — 30-х гг. XVI стст. // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А: гуманит. науки. 2010. № 1. С. 28–29.

1535 г. Кто-то из них получил 48 зл. и 12 локтей лундыша[66]. Несколькими листами ниже в книге №81 и отдельной графой под 1535 г. в книге №91 имя Шуйского возглавляет раздел, посвященный московским перебежчикам. Немалая выплата причиталась выехавшему к королю «князю-московиту по прозвищу Шуйский» ("Duci Moscovito Szuyski dicto") — 100 зл. Ниже указано еще одно имя — Сидор ("Szidor"), или Сидор Михайлов ("Shydor Michaylow"). Следом за ними назван оставшийся бенефициант-московит, получивший из казны 14 зл., и затем указана выплата переводчику с татарского ("interpreti tartarorum") — 30 зл.[67] Еще раз кн. Шуйский отмечен чуть ниже как одаренный 30 зл.[68] За 1536 и 1537 гг. в казенных реестрах также приведены небольшие суммы, предназначенные для московитов — неких Андрея и Ивана из роты Миколая Синявского и не поименованного слуги кн. С. Ф. Бельского.

Весь раздел «Московитам» в реестрах Королевской казны 1535 г. производит впечатление сообщения о крупном событии, которое объединило по меньшей мере несколько человек. Высший доход получает Шуйский, а о третьем, безымянном перебежчике, чья сумма наименьшая, сказано, что он «выехал недавно» ("nuper hic venienti"). Это может говорить в пользу того, что первые двое выехали из Московского государства раньше третьего. Если это так, то нельзя исключать, что Шуйский оказался на службе Сигизмунда I еще в 1534 г. или на рубеже 1534–1535 гг., однако обнаружить более точные данные о его выезде нам не удалось. В первый год после эмиграции князь Семен Бельский и Иван Ляцкий выступают неоднократно в общих контекстах. Например, им обоим неоднократно высылаются письма из господарской канцелярии[69]. Вместе с тем нет ни одного источника, в котором бы кн. Иван Шуйский выступал в одном ряду с кн. Семеном Бельским и Иваном Ляцким, и следовало бы допустить, что мотивы и обстоятельства выезда первого и последних могли быть несходными[70]. Это заставляет осторожно отнестись к бытующему в справочной литературе мнению, как бы уточняющему слова Ю. Вольфа: что князь Иван Дмитриевич Шуйский выехал на королевскую службу «вместе с С. Ф. Бельским и И. В. Ляцким»[71]. Более того, по сообщению каштеляна сандомирского Миколая Вольского прусскому герцогу, какой-то князь Шуйский попал в плен вместе с князем Федором Овчиной Оболенским во время Стародубской кампании 1535 г. Каштелян сандомирский расхваливает московского придворного как мудрого мужа и блестящего знатока военного искусства[72]. В этом случае переход Шуйского на королевскую службу следовало бы считать не результатом погони за соколом, а следствием пленения Шуйского 29 августа 1535 г. в Стародубе.

Есть прямые упоминания, что еще до Стародубской экспедиции 1535 г. Иван Ляцкий получил первые владения в Великом княжестве Литовском, а в поход отправился из своего Свислоцкого имения вместе с отрядом, порядком набедокурившим по дороге[73]. О. П. Бакус, Г. Алеф и М. М. Кром предполагают, что и кн. Семен Бельский в июле–августе 1535 г. принимал участие в северских экспедициях на Гомель и Стародуб. Информация об этом содержится как в московских источниках, Воскресенской летописи и Постниковском летописце, так и в обращении к Бельскому из господарской канцелярии от февраля 1535 г. с призывом отправляться на войну «против Москвы»[74]. При войске князь мог быть, но вряд ли принимал участие в боевых

[66] ASK-1. №81. K. 32v.

[67] ASK-1. №81. K. 36v, то же: ASK-1. №91. K. 16.

[68] ASK-1. №81. K. 37, то же: ASK-1. №91. K. 16v.

[69] ЛМ-227. Л. 173, 253, 278–279 публ.: ЛМ. Кн. 227. С. 142 (Декабрь 1534 г.), 182 (1 февраля 1535 г.), 194 (20 ноября 1534 г.).

[70] Впрочем, это суждение ограничено политическими событиями. В повседневной жизни Великого княжества Литовского такие примеры обнаруживаются. Например, князь И. Д. Шуйский назван вторым после И. В. Ляцкого в списке свидетелей на сделке урядника княгини Зофьи Заславской с витебским боярином в декабре 1540 г. (ЛМ-225. Л. 196 об., публ.: ЛМ. Кн. 225. С. 179) и на сделке деревянского наместника с Богданом Дробыевичем Печонкой в июле 1541 г. (ЛМ-225. Л. 216, публ.: ЛМ. Кн. 225. С. 196). За октябрь 1542 г. имя Шуйского выступает даже первым, но вторым уже значится не Иван Васильевич, а его сын, Иван Иванович Ляцкий (ЛМ-225. Л. 272, 277, публ.: ЛМ. Кн. 225. С. 242, 246).

[71] *Краснoў М.* Шуйскія // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя... С. 762.

[72] EFE. T. XXXV: Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia. V Pars: HBA, B2, 1531–1537 / edidit C. Lanckorońska. Romae, 1975. P. 130–132 (М. Вольский — Альбрехту Бранденбургскому. Вильно, 1 марта 1536 г.): "...inter quos primus Dux Suysensis, vir admirabiili sagacitate et in rebus bellicis peragendis clarus, cuius industria et ingenio arx tam constanter et strenue tutabatur".

[73] ЛМ-225. Л. 165–167, публ.: ЛМ. Кн. 225. С. 152–153 (Вильно, 20 мая 1536 г.). См. также в разделе «Предок польских сенаторов».

[74] ПСРЛ. Т. 8. С. 290; Т. 34. С. 25; ЛМ-227. Л. 252 — 253 об., публ.: ЛМ. Кн. 227. С. 181–182 (1 февраля 1535 г.). См. также: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 127. N 35; *Alef G.* Bel'skies and Shuiskies... P. 232; *Кром М. М.* Судьба авантюриста... С. 106.

действиях. В июле 1535 г. в письме Ю. М. Радзивиллу король сожалел, что от Бельского сбежали в Москву его служебники, но всей видимости, московиты, предварительно его ограбив[75]. Радзивилл послал за ними в погоню отряд во главе с державцей речицким кн. А. М. Вишневецким, но «нижли их догонити не могли и, вже видевши Гомей, вернулися»[76]. Возможно, эти события вызвали подозрения в контактах князя Семена с Москвой. Вскоре он сам был взят под стражу, и до начала 1536 г. ему пришлось жить в неволе[77].

Тогда же, в июле 1535 г. гетман отправил письмо канцлеру О. М. Гаштольду, на которое тот ответил 19 июля. Радзивилл, как можно понять по ответу Гаштольда, переживал, что ему «з многа причин» не следовало Бельского и Ляцкого держать при себе, и оправдывался, подробно объясняя эти причины в письмах королю и канцлеру. Гетман с одобрения короля отправил ему Ляцкого, и король собирался забрать его с собой в Польшу, а Бельского оставили «при панох гетманох польских». Король наказал стеречь Бельского и приглядывать за ним, «абы он будучи в той росначи, не помысл чого злого»[78]. Милость воеводы краковского Я. Тарновского к кн. С. Бельскому упомянута бегло в бумагах Бельского за 1535 г. Это было почетное заключение князя Семена. Вместе с ним князь приехал тогда в Мельник, собирался ехать в Лосице к Сигизмунду I Старому, однако король посоветовал отправить Бельского с дворянином в Вильно[79]. Позднее Тарновский неоднократно поможет князю-московиту в его трудностях и странствиях. Не исключено, что и «Восточный проект» князя Семена Бельского родился при участии коронного гетмана.

Как мог князь воевать против соотечественников, если он сам жаловался королю, что гетманы Я. Тарновский и Ю. Радзивилл отняли у него людей, его самого отправили в Литву и велели держать под стражей («в везенье»), а его имения передали во временное держание урядинку Севастьяну?[80] В своих письмах прусскому герцогу Миколай Ниншиц упоминает о том, что после взятия Стародуба в 1535 г. король указал взять под стражу двух московских «князей». Один из них — князь Семен Бельский. К началу февраля 1536 г. он был отпущен[81]. Ясно, что именно

[75] Люди Бельского сообщили в Москве о подготовке похода королевского войска на смоленские «места», что было удостоено упоминания в официальной летописи (ПСРЛ. Т. 8. С. 289–290; Т. 13. С. 95). М. М. Кром не связывает побег людей Бельского с инициативами самого князя и поддерживает, таким образом, его версию о невиновности (*Кром М. М.* Судьба авантюриста... С. 106–107). Однако следует учитывать, что побег людей Бельского решал сразу несколько проблем короля. Вокруг московита оставалась после этого лишь небольшая свита, и это отчасти решало проблемы безопасности, вносило предсказуемость в поведение самого князя Семена. Во-вторых, не требовалось рассаживать московских феодалов на литовские земли. Вспомним, что и самому Бельскому именно было выделено лишь во временное держание, и надежды на его возвращение в Москву или Рязань в качестве ставленника короля лишали смысла вопрос о феодальном статусе этих «людей». Наконец, «люди» Бельского были введены в заблуждение ложными данными относительно планов литвинов, назвав Смоленск в качестве ориентира для военачальников великого князя Ивана. Это была дезинформация, которая могла быть частично или полностью продумана при участии короля и его гетманов. В свете этой возможности не только дальнейшее обсуждение «виновности» Бельского в литовской раде и его увольнение от обвинений в январе 1536 г., но и само его «заключение» в Литве могли быть формальностью или частями продуманной операции.

[76] ПИВЕ. Т. 6. С. 157 (Сигизмунд I — Ю. М. Радзивиллу. Вильно, 18 июля 1535 г. Отдельный лист-вкладыш к письму). См. также: *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 157.

[77] ПИВЕ. Т. 6. С. 160 (О. М. Гаштольд — Ю. М. Радзивиллу. Вильно, 19 июля 1535 г.). Неясно, к какому моменту относится «дело» Юрия Васильева, который собрал в литовском имении князя Семена, Кормялово, книги, среди них тетрадь с каким-то летописцем, и запер их в церкви. Ключ, по его словам, он отдал кн. Семену Бельскому. Этому не поверили или прямо спросили у Бельского. Юрия пытали и обвинили в намерении бежать в Москву. Книг у него так и не могли «домучитца», и только под угрозой неминуемой казни он признался духовнику Матвею, что оставил их у виленского мещанина, попросив в случае казни продать их и помянуть его. Юрий был казнен, а книги потом нашлись. Это яркая зарисовка преступлений, подозрений, реализованных стереотипов ранней этничности. Если этот Ю. Васильев идентичен Ю. В. Чудову, то вероятно, что названные события относятся всё же приблизительно к 1538 г. См.: КС. № 26. Л. 1 — 1 об. (Б. д.).

[78] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 160.

[79] AT. T. Septimus Decimus epistolarum, legationum, responsorum, actionum et rerum gestarum Serenissimi Principis Sigismundi Primi Regis Poloniae, Magni Ducis Lithuaniae per Stanislaum Górski canonicum Cracoviensem et Plocensem collectarum. A.D. MDXXXV / collegerunt V. Pociecha; supplevit et edidit V. Urban, A. Wyczański. Wratislaviae et al., 1966. S. 658 (Сигизмунд I Старый — Яну Тарновскому. Лосице, 17 октября 1535 г.).

[80] КС-28. Л. 1. Цит. в: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 126; *Кром М. М.* Судьба авантюриста. С. 106–107.

[81] AT. T. Octavus Decimus epistolarum, legationum, responsorum, actionum et rerum gestarum Serenissimi Principis Sigismundi Primi Regis Poloniae, Magni Ducis Lithuaniae per Stanislaum Górski canonicum Cracoviensem et Plocensem collectarum. A.D. MDXXXVI / coll. V. Urban, A. Wyczański; supplevit et edidit R. Marciniak. Kórnik, 1999. S. 34–35 (Миколай Ниншиц — Альбрехту Бранденбургскому. Вильно, 1 января 1536 г.), 102 (Миколай Ниш-

в этот момент началась подготовка к большой дипломатической миссии князя Семена Федоровича.

Приключения князя Семена в 1536–1544 гг. пересмотрены нами в другом месте[82]. Здесь лишь обобщим наши знания о результатах восстания и побега московских воевод на королевскую службу в 1534–1535 гг.

В польских и литовских источниках все три российских перебежчика выступают в роли бенефициантов короля. Внимание русских летописей к кн. С.Ф. Бельскому и И.В. Ляцкому, по всей видимости, является результатом тенденциозного вмешательства Шуйских в процесс формирования исторической памяти о первых годах правления Ивана IV. На практике для Сигизмунда I не только кн. С. Бельский и Ляцкие, но и кн. И. Губка Шуйский был почетным гостем, а сами выезды первых и последнего если и были разделены временным промежутком, то не таким значительным, чтобы не сложиться в единое событие. Поднись к карте А. Вида содержит след восприятия событий лета 1534 г. И.В. Ляцким. Он убежден, что в Московском государстве вспыхнуло восстание. Была ли это попытка государственного переворота или результат узкого придворного заговора, сказать невозможно. В 1534–1535 гг. из Москвы перешли к польскому королю представители трех крупнейших боярских родов — Захарьиных, князей Бельских и Шуйских. Именно этим родам предстояло вести упорную борьбу за влияние на великого князя Ивана IV. Беглый князь Семен был братом князей Ивана и Дмитрия. Ляцкие были такими же Захарьиными, как и правящие в Москве в боярстве и окольничестве Юрьевы и Яковлевы. Соратник Бельского Иван Васильевич не забывал о своем происхождении и в новом отечестве изредка подписывался своим родовым прозвищем (по деду): «Иван Захарьич Лядский»[83]. Возможно, к тому же роду принадлежала жена казанского царевича Федора Меликдаировича Евдокия Долголяцкая. Впрочем, предположение о происхождении Евдокии — не более чем догадка[84]. Переговоры с Польско-Литовским государством в том же году от лица великого князя возглавляли князь Дмитрий Бельский и Михаил Захарьин. Выезд их ближних родственников наделял действия Сигизмунда I особым смыслом — он поддержал часть московской элиты и мог опираться на авторитетную конкурентную верхушку при московском дворе.

Даже московская официальная летопись не сохранила упоминаний о понижении придворного статуса боярских родов из-за перехода их представителей на королевскую службу. Это может показаться удивительным из перспективы опричных преобразований, особенно если вспомнить Первое послание Ивана Грозного Курбскому. Царь после побега своего выдвиженца к Сигизмунду II Августу припоминал ему прошлые измены его родичей и вообще бояр, не обходя стороной и ненавистных ему князей Шуйских. Однако, говоря о Ляцком и Бельском, царь Иван ни словом не обмолвился об Иване Губке Шуйском, как если бы о нем не знал или не считал нужным упоминать. Такое «забвение» измены не было знаком особой милости к Шуйским в 1564 г. Как раз в том году кн. И.И. Шуйский пал в засаду под Чашниками на р. Уле и погиб вместе с большой частью воинства, а его родственники князья Горбатые Шуйские были казнены в самом начале опричнины. Вероятнее два других сценария. Либо кн. Иван Губка избежал злой памяти венценосца благодаря усилиям своих московских родичей. Либо же побег Шуйского не связывали в Москве с Бельским и Ляцким, и поэтому упоминать их в одном контексте было неуместно. На возвращение из Литвы перебежчиков в Москве рассчитывали, и ни одной из сторон в борьбе за власть малолетнего великого князя не могло прийти в голову уличать противников в том, что пятнало в равной мере их самих. Московский придворный мир до убийства кн. А. Шуйского в 1543 г. был, видимо, гораздо монолитнее, чем нас приучает думать летописание эпохи отрочества Ивана IV и Первое послание

шиц — Альбрехту Бранденбургскому. Вильно, 6 февраля 1536 г.). Впрочем, подразумевается ли здесь среди пленных князей князь Семен Бельский? Еще в сообщениях М. Пишица об успехах в начале войны против Москвы в августе 1534 г. (в письме герцогу прусскому от 28 августа 1534 г.) говорится о пленении двух московских воевод — они четко отличаются Пишицем от перебежчиков первой половины августа 1534 г. (т.е. от князя Семена Бельского и Ивана Ляцкого).

[82] См. ниже параграф «Потомок великих князей: Семен Бельский и его хозяйство».

[83] См. ниже параграф «Предок польских сенаторов: Иван Васильевич Ляцкой».

[84] НИОР РГБ. Ф. 304. II. №346. Л. 93 об.; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 112; Вкладная книга Иосифо-Волоцкого монастыря // Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахромееву. М., 1906. Вып. 5. С. 15, 40; Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. №3. С. 82; *Штайндорф Л.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // ДР. 2002. №2. С. 92; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 106–107, 159, 362, 364–365.

царя Курбскому. Это был мир, в котором крупнейшие боярские кланы были связаны не только родством, но и хрупким придворным балансом, а может быть, и круговой порукой одного тлеющего заговора, который был неизбежным противоядием на случай, если бы малолетний великий князь не дотянул до совершеннолетия. Приходилось лавировать, в первую очередь, между могущественными удельными князьями и двором Елены Глинской.

Смерть великой княгини повлекла за собой расправы над ее сторонниками, солидарно инициированные боярским руководством, а борьба 1538–1543 гг. перешла в новое качество, поскольку в образовавшемся вакууме вокруг великого князя боярству пришлось искать поддержку самого неоперившегося монарха, нарушая сложившееся равновесие. Показательно, что даже в эти годы, когда усилилась антироссийская активность кн. С. Ф. Бельского, о чем хорошо знали в Москве, московским державным родичам князя Семена их противники князья Шуйские не выставляли счет за пособничество государственной измене. Таких счетов между Бельскими и Шуйскими не было. Более того, летописная память сохранила усилия Бельских по замирению и приглашению князя Семена на московскую службу. Это совсем не обязательно должно свидетельствовать об усилении Бельских в московском придворном мире. Речь должна идти о сохранении в Москве status quo вокруг государственной измены. Табуированная тема сохраняла единство между конкурирующими кланами. Говоря о кн. Семене Бельском, Захарьины не могли не помнить об Иване Ляцком, а Шуйские — о кн. Иване Губке. Возможно, все стороны прикладывали усилия, чтобы, как и позднее случалось — после смерти Ивана IV в 1584 г. и с воцарением Михаила Романова в 1613 г., осуществить подобие государственной амнистии для московской элиты в эмиграции. Не случайно подобные усилия в отношении кн. С. Ф. Бельского отразились в официальной летописи. Улучшение отношений с Сигизмундом Старым скажется и на исходящих из Москвы инициативах по возвращению на службу дворян-московитов: М. Ю. Захарьин вплоть до своей смерти будет покровительствовать ученому воину-ренатрианту из Короны Ивану Пересветову.

Единство между «старшими» представителями родов, оставшимися в Москве, и младшими по родословному счету, ушедшими к Сигизмунду Старому, сохранялось. Мы знаем не только о переписке между обеими группами, и можем предполагать, что борьба короля за власть в Москве, прошедшая горячую фазу в период Стародубской войны, не закончилась в 1538 г., когда окончание войны ознаменовалось отравлением великой княгини Елены в Москве. Судя по прямым и косвенным данным, все три знатных перебежчика 1534–1535 гг. состояли какое-то время при короле. В 1537 г. московские послы должны были предварить переговоры с королем упреком, что в его окружении, «в избе» впервые в истории появились изменники московского государя «Белской и Лятцкой»[85].

Первые земельные пожалования И. В. Ляцкого в Великом княжестве Литовском относятся только приблизительно к 1535 г. Имения кн. С. Ф. Бельского были получены не позднее 1536 г., но были временными[86]. Ими управляли урядники Гаштольдов, королевы Боны и короля Сигизмунда Старого совместно со слугами князя, а сам князь, как мы увидим, распоряжается в своих пожалованиях с конца 1541 г. и всё же при участии тех же своих благодетелей. Судя по их немедленному возвращению в казну после смерти князя Семена и постепенному изгнанию и принудительному выселению его слуг, закрепиться на них для него и его российских спутников не было возможности. По крайней мере, у ряда его слуг «вольности данья и проданьа» своих имений не было[87]. Он, видимо, это понимал и горел политическими амбициями, которые позволили бы ему навсегда переселиться из Великого княжества Литовского на свою отчину. Борьба князя Семена за отчину великих князей рязанских и его высказывания о своем статусе служат дополнительным аргументом против концепции его «вечного» права на литовских пожалованиях. Таких полномочий ни его предшественник в Стоклишках князь Иван Рязанский, ни сам князь Семен Бельский от короля не получили.

Иван Ляцкий и князь Иван Шуйский вызвали сравнительно меньше внимания и в окружении короля, и в московских официальных текстах. Отчеты Королевской казны говорят о том,

[85] СИРИО. Т. 59. С. 122–123.

[86] О. П. Бакус отмечает, что королевские акты о пожаловании князю Семену его имений неизвестны, но допускает, что пожалование всё же состоялось «где-то в первый год его пребывания в Литве». Впрочем, о статусе пожалования тем не менее известно из «справ О. Горностая», но сохранившийся «выпис» из королевского пожалования не позволяет определенно судить, когда именно произошло пожалование. Нельзя исключать, что действительно — вскоре после побега Бельского. Ср.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 126. N 30.

[87] Об этом см. здесь параграф «Слуги Ивана Рязанского и Семена Бельского».

что еще в 1539 г. И.В. Ляцкий ("Iwan Laczki" — по всей видимости, именно Иван Васильевич, а не его сын, тоже Иван) состоял при Сигизмунде Старом и получал экстраординарное жалование непосредственно от короля[88]. В том же году значительная выплата записана на имя кн. С.Ф. Бельского ("Duci Bielskii") и в тесной связи с его именем двум шляхтичам, освободившимся из московского плена[89]. Промелькнуло в придворных реестрах за 1538 г. и имя кн. И.Д. Шуйского — 27 февраля этого года ему ("Duci Shuyski") было выплачено 50 зл.[90], а 19 марта — 30 зл.[91]

С первых же своих высказываний в эмиграции князь Семен Бельский и Иван Ляцкий поделили между собой власть и богатство. Как кажется, эта идея сохранится и позднее и будет частью одного проекта, родившегося, по всей видимости, еще в Москве. Князь Семен Бельский будет претендовать на первенство в отношениях с Москвой и будет по сути политическим главой московской эмиграции вплоть до своей смерти. Иван Ляцкий сделает ставку на свой придворный статус и значение посредника и влиятельнейшего представителя петитулованной московской знати. О князе Иване Губке Шуйском никто из авторов в августе и сентябре 1534 г. не сообщает. Возможно, он еще и не выехал на королевскую службу, а прибудет чуть позже. Выезд трех представителей элиты из Московского государства на службу к Сигизмунду I Старому вызвал комментарии, в которых интерес вызывает одна проговорка секретаря королевы Боны, уже не раз упомянутого выше Миколая Ниншица. Он пишет в одном из своих писем середины августа 1534 г. прусскому герцогу, что наиболее знатных из перебежчиков — трое или четверо, причем один из них привез с собой двух сыновей[92]. Это уникальное свидетельство, из которого трудно сделать какой-то определенный вывод. Маловероятно, что высших сановников было трое-четверо всего вместе с сыновьями. Может быть, в число сановников попал кто-то из слуг Ляцкого или Бельского? Или помимо них выехали еще 1-2 представительных аристократа? Не князь ли Иван Губка Шуйский? У кого еще, кроме И.В. Ляцкого, были с собой дети? А если в письме Ниншица подразумевается именно Иван Васильевич, то значат ли его слова, что вместе с Ляцким выехал не только его сын Иван, но и какой-то еще, позднее неизвестный, сын? Всё это — только вопросы. Нельзя исключать, что секретарь королевы на момент составления письма не располагал точными данными о количестве детей при знатных московских перебежчиках и передавал прусскому герцогу первые слухи.

Хозяйственный архив князя Семена Бельского

Когда заходит речь о княжеском хозяйстве, применительно к XVI в. обычно подразумеваются вотчинные владения, полученные по наследству и представляющие «отчину» и «дедину» княжеского рода, и условные пожалования от суверена, за которые князь несет службу наряду с прочими дворянами. Данная схема, конечно, и так весьма неполная, усложняется, когда речь заходит о князьях-эмигрантах, пользующихся покровительством королевской власти. Ни о каком вотчинном праве князя Семена Бельского в Стоклишках или других имениях в Великом княжестве Литовском не могло быть и речи. Но временный статус держаний отнюдь не исключал последующего наследования, если бы у Бельского были потомки. Кроме того, его борьба за московские вотчины допускала в будущем возвращение княжеских прав вотчинника, временно лишенного своих земель. Однако и этого недостаточно. Князь Семен, раздававший пожалования на своих временных держаниях, вел себя как полноправный вотчинник во владениях короля, не задумываясь над тем, что его слугам придется вернуть своих наделы и искать себе нового пана в случае его смерти. Для удобства и чтобы избежать упрощений при обсуждении княжеских прав, вернее говорить о княжеском хозяйстве, которое гораздо шире узко понимаемых «владений» и «пожалований». Выплаты Бельскому и его слугам в реестрах Королевской казны, актовые источники и остатки переписки эмигранта говорят о его бурной военной, финансовой и земельно-распорядительной деятельности. Всё это — часть его хозяйства, следы его политико-экономической активности.

Архив князя Семена Бельского, слившийся после его смерти с документацией Зофьи и Станислава Гаштольдов, реконструирован

[88] ASK-1. N 98. K. 20v, то же: ASK-1. №99. K. 28 и ASK-1. №100. K. 12v. Выплата произведена 21 августа 1539 г. и на 30 человек составила 30 зл.

[89] ASK-1. N 98. K. 29, то же: ASK-1. N 99. K. 37 и ASK-1. N 100. K. 22. В декабре 1539 г. князь Семен получает от короля 100 зл.

[90] ASK-1. N 92. K. 30, то же: ASK-1. N 94. K. 28v.

[91] ASK-1. N 92. K. 31v, то же: ASK-1. N 94. K. 29v.

[92] AT. T. 16/2. S. 70-71 (М. Ниншиц — Альбрехту Бранденбургскому. Вильно, 16 августа 1534 г.): "Dy drey oder 4 muskwittischen hernn sind inn V pferde starck. Der eine hot auch tzwene sone mit ime und sind nort die fodersten und obersten Rethe des vorstorbenen".

и предварительно датирован нами акт за актом на основе материалов из собрания замка Скуклостер, коллекции С. В. Соловьева и ряда разрозненных материалов. Попытаемся на основе этих источников восстановить историю хозяйствования московского эмигранта на королевской службе[93].

Прежде всего, кому принадлежали, у кого, когда и почему хранились бумаги из собрания Скуклостер в XVI в.? Установлено 37 фрагментов, напрямую относящихся в данном фонде к «бумагам» кн. С. Ф. Бельского, и 39 фрагментов из собрания Гаштольдов[94]. Датированная часть документации выстраивается в хронологический ряд, охватывающий период с 29 апреля 1532 по 1549 г. В этом ряду бросается в глаза, что датированные документы имений О. М. Гаштольда и З. В. Гаштольд относятся к 29 апреля 1532 — 20 марта 1540 г. и 20 января 1544 — 1549 г. Датированная часть тетрадей с россыпью из бумаг кн. С. Ф. Бельского относится к 22 мая 1540 г. — ноябрю 1543 г., а значит, как бы «вписывается» по хронологии между более ранними и более поздними документами виленского воеводы и его супруги. Знаменательно то, что почерк тетради №16 (II-16) с водяными знаками начала 1530-х гг., относящейся еще ко времени О. М. Гаштольда, т.е., вероятнее всего, еще к периоду «до Бельского», идентичен почерку тетрадей 1540-х гг. из Архива Бельского, а следовательно, документация Бельского просматривалась непосредственно урядниками Гаштольдов. Датированные источники позволяют отнести наибольшую активность князя Семена в его литовских имениях к 1540–1543 гг., хотя степень свободы от администрации виленского воеводы в этих имениях и на этот период нуждается в дополнительном изучении.

Недатированная тетрадь №45 (II-6) содержит записи по военным сборам кн. С. Ф. Бельского. Воевода виленский (впрочем, не названный по имени) упоминается здесь как живой — можно только предположить, что в ряду бумаг Гаштольдов и данный отрывок затрагивает хозяйственную деятельность виленского воеводы, литовского канцлера Ольбрахта (Альбрехта) Мартиновича Гаштольда, умершего в декабре

Эффигия Альбрехта (Олбрахта) Гаштольда. Литография Юзефа Озембловского, 1840 г. См.: Kraszewski J. Wilno od początków jego do roku 1750. Wilno, 1840. S. ???

[93] См. *Приложение I*. Там же приведены принятые нами номера фрагментов Скуклостер, которые ниже здесь упоминаются по нашим условным обозначениям.

[94] В этих подсчетах учтен №131 (I-15') и только пять фрагментов, помимо трех основных подшивок-обложек, — №84, 86, 133, 24*, 25*. Несомненно, в «архив Бельского» входил отрывок, который нам удалось изучить только на основе фотографии М. Страшевича — АГБ 86. Его содержание прямо отражает расчет подданных по задолженностям перед «князем его милостью», т.е. С. Ф. Бельским. Возможно, обращение «милостивый пане» в АГБ 25* также касается Бельского. Условно относим к собранию князя и отрывок АГБ 133, но этот вывод потребует дополнительной проверки.

1539 г.[95] Принадлежность данной тетради именно к архиву О. М. Гаштольда, а не какого-либо другого виленского воеводы, доказывается чуть более поздней польской пометой в конце тетради: "a Szaba de proventibus curis Cormyalow datus per eum D. olim Palatino Vilnensis"[96]. "Szaba", или Жаба, — это известный по ряду других актов кормяловский урядник Гаштольдов[97]. На момент присоединения тетради к архиву Гаштольдов «воевода виленский» уже умер ("olim")[98]. Однако в самом документе «пан воевода виленский» упоминается только как живой. Таким образом, слова «на войну посылал из Кормяловского двора» относятся не к Московскому походу Сахиб-Гирея, а к Стародубской войне[99].

Пометы XVI в. о том, что тетради относятся к бумагам князя Семена Бельского («князь Бельски») по нижнему полю в № 109 (I-4), видимо, являются признаком соединения первоначального комплекса бумаг князя с документацией О. М. Гаштольда и «пани ее милости» З. В. Гаштольд[100]. Пометы выполнены той же рукой, что и подпись самого кн. С. Ф. Бельского в одном акте из коллекции С. В. Соловьева, т. е., вероятнее всего, принадлежат руке самого князя Семена[101]. Сын виленского воеводы воевода новогрудский, наместник тыкотинский Станислав Ольбрахтович вскоре после смерти отца налаживал повинность кобыленских подданных и окрестных селений возить брусья «до замку его милости Белского»[102]. Обязанность местных подданных следовала из прав Гаштольдов на купленные ими ранее владения кн. С. Ф. Бельского. Уже к началу 1542 г., по всей видимости, относятся расспросные речи по делу о вывозе имущества, живности и «леса» Венцлавом из Жижмор жосленскому войту[103].

Можно предположить, что сохранившийся в собрании Скуклостер комплекс материалов умершего, как мы покажем ниже, в начале 1544 г. кн. С. Ф. Бельского был соединен с частью документов вдовы канцлера. Это было результатом возвращения имений Бельского в господарскую казну, а местных урядников — к Гаштольдам[104]. Таким образом, на сегодня сохранилось два значительных фрагмента архива Гаштольдов–Бельского, некогда составлявших единое целое. Еще один комплекс — рукописи из коллекции С. В. Соловьева, приобретенные им также в Швеции в 1837–1840 гг. и хранящиеся ныне в Архиве СПбИИ РАН[105]. Материалы из Скуклостер и Архива Института истории взаимно не дублируются по содержанию и являются, видимо, механически разделенными фрагментами единого целого. Оригиналы писем королевы Боны Сфорца с их поздними переводами на польский язык переплетены в рукописи из Библиотеки Чарторыйских в Кракове[106]. На более раннем этапе хранения данные письма, судя по их нумерации от номера 4 до 6 под адресом, составляли часть более обширного комплекса материалов и хранились в ином порядке: письмо 9 января 1541 г. следовало за письмом от 24 января 1543 г. По меньшей мере часть этого комплекса актов,

---

[95] Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy. T. 9: Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku / pod red. A. Gąsiorowskigo; oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, Kórnik, 1994. S. 52. N 214; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo Wileńskie XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby; oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. Romaniukl przy współpracy U. Jemialianczuka, A. Macuka. Warszawa, 2004. S. 193. N 1104.

[96] АГБ 45 (II-6). Л. 3 об.

[97] Об этом см. здесь ниже.

[98] Заметим, что письменное приветственное обращение О. М. Гаштольда к кн. С. Ф. Бельскому может быть датировано временем до декабря 1539 г. Датировка «до 1541 г.» является ошибочной: КС. № 58. Л. 1 (Б. д.); ср.: *Таирова-Яковлева Т. Г.* Материалы по истории Белоруссии в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // SSBP. 2009. № 1/2 (5/6). С. 214.

[99] АГБ 45 (II-6). Л. 2. Речь должна идти не о начале войны против Москвы, а, вероятно, уже о 1535–1536 гг., когда князь Семен присылал письма с вызовом новых слуг и другими распоряжениями («на росказане князя Белского и на листы писаня его милости»).

[100] Пометы обсуждаются нами ниже — в биографии кн. С. Ф. Бельского за 1543 г.

[101] КС. № 71. Л. 1 (Б. д.).

[102] КС. № 62. Л. 1 (С. О. Гаштольд — К. Сестре Витовскому. Вильно, 3 августа 1541 г.). Датировка «14 августа 1541 г.» ошибочна — на месте денной даты прочитан номер индикта «14», тогда как «августа 3 день» в акте отчетливо читается (ср.: *Таирова-Яковлева Т. Г.* Материалы... С. 215). См. также: КС. № 73. Л. 1 (Я. Петрович — кн. С. Ф. Бельскому. Б. д.). Возможно, данное послание относится, как и КС № 62, к лету 1541 г.

[103] КС. № 75. Л. 1 — 1 об. (Б. д.). Датировка условно — около начала 1542 г. Дело составлено на согнутом пополам листе в «двойку», как в материалах хозяйственного архива Гаштольтдов из собрания Скуклостер.

[104] *Kuźmińska M.* Olbracht Marcinowicz Gasztold // Ateneum Wileńskie. 1928. R. 5. S. 120–174. Выморочные имения Станислава Гаштольда позднее также перешли в господарскую казну. Вдова Олбрахта Гаштольда за гарантию возвращения владений сына в казну получила право пожизненного пользования «веновными» владениями. Земли умершего князя Семена Бельского в собственности Гаштольдов никогда не были. Благодарю за консультацию А. А. Скеньян.

[105] *Таирова-Яковлева Т. Г.* Материалы... С. 210–222 (№ 1–107).

[106] BCz. № 307. S. 125–126 (Вильно, 9 января 1541 г.), 129–130 (Вильно, 28 апреля 1542 г.), 133–134 (Краков, 24 января 1543 г.).

а возможно, и полный их набор подшит к той же рукописи. Номер 1 — это предписание («лист увяжчий») короля Александра боярам, слугам путным и всем подданным болницким и др. признать верховенство наместника новогрудского О. М. Гаштольда[107].

По поручению («с порученя») виленского воеводы в Жижморы был назначен урядник, который присматривал за временными владениями перебежчика на время его отсутствия[108]. После передачи имений в «хлебокормленье» Бельскому Гаштольды сохраняли влияние на их хозяйство. Во время Стародубской войны О. М. Гаштольд требовал с кормяловского урядника немедленно отчитаться по сбору средств на нужды кн. С. Ф. Бельского, угрожая в противном случае пожаловаться на урядника королю[109]. Вдова виленского воеводы с посыльным передавала деньги Бельскому в Орду[110]. Соединение документации Гаштольдов и Бельского свидетельствует, по всей видимости, о том, что сохранившиеся бумаги принадлежали урядникам виленского воеводы, которые сначала служили в имении литовского канцлера, затем перешли на службу к князю Семену и после его смерти вновь вернулись на службу Гаштольдов — на то время уже Зофьи Васильевны Гаштольд[111]. Есть основания назвать этих урядников поименно.

Судя по почеркам Архива Бельского, было несколько писарей, работавших над составлением реестров в период деятельности кн. С. Ф. Бельского в качестве подданного польского короля и великого князя литовского. И после смерти О. Гаштольда в имениях князя Семена заправляли его старосты: Андрей Остафьевич Яцинич — в Жижморах, Ян Петрович — в Стоклишках. Впрочем, тот же Я. Петрович ездил дважды в Кормялово расследовать отказ тамошних подданных возить «дерево» князю Семену[112]. Когда князь уехал из имений, они были описаны под общий реестр[113]. Его слуги в Жижморах оставались при имении и по возвращении дали показания о нарушениях, положенных в основу иска в королевский суд. Их имена не оставляют сомнений насчет их происхождения — Федор Друк, Мартин Шляхта, тиун и городский пристав, оба по имени Бартош, и конюх Степан. По меньшей мере первые четверо — местные литвины. Вероятно, Степан был московитом: в показаниях изложены обстоятельства покупки коней Бельским еще до выезда из Московской Руси.

Возможно, московитом был и упомянутый в Кормялово «княжий служебник» Федор Малый[114]. Кормяловский реестр открывается словами «На память мне и Лву»[115]. Возможно, местоимение «мне» относится к назначенному уряднику (предположительно — Явору Будановичу), тогда как Лев — его сотрудник. Можно предположить, что речь идет о том самом Льве Чиже, которого вместе с кн. В. Полубенским король посылал встречать перебежчиков Ляцкого и Бельского в 1534 г.[116] Явору и Льву помогал собирать сведения о местном дворе тиун Григор Микутинич. Медовую дань должен был собрать в отсутствие урядник «князя Слуцкого» (т. е. кн. Юрия Семеновича Олельковича Слуцкого) Миклаш Барташевич[117]. Как предполагает О. П. Бакус, на момент отсутствия Бельского в Литве в его Кормяловском имении распоряжался урядник Василий Ботохвалович и слуги Гаштольдов В. К. Жаба и подотчетный ему урядник Богуш Ивашкович[118]. Впрочем, как мы увидим, Жаба и Богуш не ограничивались Кормялово, а выполняли поручения еще и в Стоклишках.

---

[107] BCz. №307. S. 7–10 (Вильно, 27 марта 6 индикта). Судя по дате индикта, речь идет об акте 27 марта 1503 г. Еще два кирилических текста в этом наборе представляют заявления браславской шляхты.

[108] AGAD. ZMN. №65487. S. 2 (13 апреля 1542 г.); АГБ 52-2 (I-17). Л. 1; и др.

[109] КС. №33. Л. 1 — 1 об. (Трабы, 17 июня 1537 г.). Принятая датировка этого акта 1536 г. ошибочна. В конце годичной даты четко читается кирилическая цифра «7». О В. К. Жабе и его отчетах см. здесь ниже.

[110] АЗР. Т. 2. С. 372. №207 (Вильно, 21 октября 1540 г.).

[111] О. П. Бакус отмечает, что на какой-то период «воевода троцкий Гаштольд был блюстителем имений Бельского» (*Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 131–132). Если не считать указания должности О. М. Гаштольда на момент передачи имений Бельскому, это утверждение верно, как мы увидим, лишь отчасти. Не только Гаштольды выполняли роль «блюстителей» ("guardians").

[112] КС. №64. Л. 2 об. (Кыд-Керн. Сентябрь, б. г. — предположительно, 1540 г.); КС. №73. Л. 1 — 1 об. (Б. д.).

[113] АГБ 51 (II-12). Л. 1. Это лишь кормяловский фрагмент, но его заглавие свидетельствует о том, что в первоначальном собрании хранились, по всей видимости, также описания Жижмор и Стоклишек.

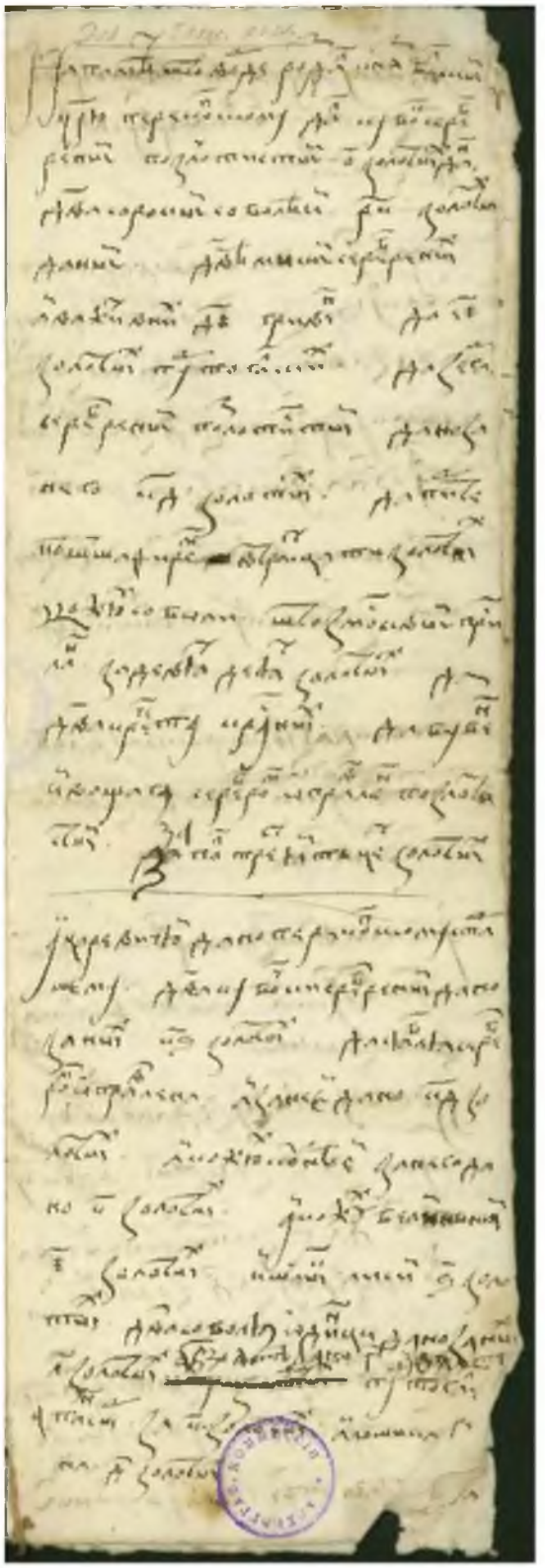
[114] АГБ 19 (II-17). Л. 2. Федор и его жена были избиты временным урядником Явором, о котором мы скажем ниже.

[115] АГБ 20* (III-15). Л. 1 об.

[116] См. выше.

[117] АГБ 20* (III-15). Л. 14. Вся помета о медовой дани вычеркнута. Имя данного слуги кн. Ю. С. Слуцкого — в реестре «Милаш». Однако речь идет, как подсказала мне А. А. Скеньян, именно о Миклаше Барташевиче. Как представляется, он мог собирать дань по поручению короля Сигизмунда I. См. также: *Скеньян А. А.* Князі Слуцкія. Мінск, 2013. С. 44–45.

[118] *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 132. Богуш и Василь вели между собой переписку, известную по: КС. №38. Л. 1 — 1 об. (Дочино, б. д.).



«На памет што в Орде роздал княз Белскый...». 1541–1542 гг. Санкт-Петербург. Архив СПбИИ РАН. РС. Колл. 124 (С. В. Соловьев). Оп. 1. № 65. Л. 1.

Жижморско-Кормяловский реестр отмечает еще одно лицо, причастное к управлению в имениях князя Семена Бельского, — Тимофея. При Тимофее «люди» разошлись из Жижмор, т.е. на него возлагалась ответственность за уход работников из каких-то имений — вероятно, речь идет о событиях 1536–1537 гг. Описание владений велось также после возвращения Бельского, около конца 1541 — первой половины 1542 г.[119] Тимофей — это Тимофей Никифоров, многократно выступающий в качестве распорядителя князя в бумагах из Скуклостер[120].

Стоклишский реестр составлен для урядника по имени Бартоломей (Болтромей) Лавринович, работавшего какое-то время на кн. С. Ф. Бельского[121]. Переломной для этого имения в каком-то смысле стала ревизия и налоговые сборы Явора Будановича в мае 1540 г. — в отчете упомянут урядник Бельского и слуги Гаштольдов Жаба и Богуш[122]. В последний год жизни Бельского, когда он больше времени уделял хозяйству в своих имениях, «соху» в Стоклишках собирал урядник Рафал[123] и дворянин князя Миколай Гринкевич[124]. Этот Рафал — урядник Гаштольдов хоружий жижморский Рафал Раецкий[125]. И Б. Лавринович, и Р. Раецкий, конечно, были местными шляхтичами. Трудно сказать, был ли «местным» М. Гринкевич — нет оснований исключать и его московское происхождение. Еще два внешних урядника — писарь короля и Гаштольдов Венцлав Миколаевич и урядник королевы Боны Явор Буданович. Их причастность к имениям Бельского нам предстоит выяснить в этой работе.

Положение урядников в Жижморах, Кормялово и Стоклишках было более независимым, чем в случае, если бы они зависели напрямую от Бельского или Гаштольда. Как ясно из угроз в их адрес и более поздних судебных протестов Бельского, воля королевы Боны или короля Сигизмунда Старого на пожалованных имениях князя Семена была и высшей инстанцией, и одной из постоянных сил.

Значительная часть реестров архива Бельского-Гаштольдов написана, как показано выше,

---

119 АГБ 24 (III-19). Л. 1 2 об.

120 О Никифоровых (Никифоровичах) подробнее см. ниже в разделе «Стоклишки Ивана Рязанского и Семена Бельского».

121 АГБ 19* (III-14). Л. 1.

122 АГБ 58 (I-8). Л. 1 — 1 об.

123 АГБ 19* (III-14). Л. 1.

124 О нем подробно говорится ниже, когда мы обращаемся к жизнеописанию кн. С. Ф. Бельского в 1543 г. См. здесь с. ???

125 АГБ 3* (I-14). Л. 1.

одним почерком, и он объединяет как материалы по имениям кн. С. Ф. Бельского, так и отчетность Гаштольдов. Не был ли один из урядников в конечном счете хранителем большей части или всей коллекции хозяйственных материалов? В Жижморских имениях в сходных реестрах в одном случае говорится, что королевскому секретарю оказывал помощь господарский дворянин Богдан Коробка, в другом — что урядник был назначен по поручению виленского воеводы, а еще один список содержит на обертке помету: «Реестрь што Богдан Коробка побрал з Вентиславусом»[126]. Таким образом, Б. Коробка и был, по-видимому, одним из тех урядников, который пользовался копиями Жижморских реестров[127]. Последними в коллекции перед самыми ранними материалами князя Семена Бельского являются фрагменты Гаштольда за 1540 г. Они написаны всё той же старательной деловой скорописью, причем среди них попадаются формулировки от первого лица: «На намять мне, Богдану, з росказаня панее ее милости отбирал есми серебщизну во врядников ее милости дворов...»[128] Этот Богдан концентрировал у себя отчетность от наместников в имениях Гаштольдов. Можно предположить, что это и был Б. Коробка[129]. В таком случае он обладал контрольными полномочиями и в имениях З. В. Гаштольд, и позднее, совместно с В. Миколаевичем, у кн. С. Ф. Бельского. Это позволяет предположить, что «архив Гаштольдов и Бельского» в коллекции Скуклостер как целое в том виде, как он до нас дошел, является собранием бумаг, составленных в единое целое Богданом Коробкой.

миграций московской и литовской знати[130]. Многие страницы жизни князя Семена уже раскрыты и хорошо осмыслены. Нами при поддержке коллег ранее был рассмотрен архив князя Семена Бельского и Олбрахта и Зофьи Гаштольдов[131]. Введенные в научные оборот ранее малоизвестные и неизвестные акты из ряда архивных собраний и древлехранилищ позволяют пересмотреть всю совокупность данных о кн. С. Ф. Бельском в эмиграции (после его побега из Великого княжества Владимирского и Московского)[132].

Ключевые вопросы в поле нашего зрения: Как были связаны княжеское хозяйство и политическая деятельность? Какова была финансовая основа политических демаршей? Откуда брались средства на их осуществление? Кто занравлял хозяйством в отсутствие князя Семена в Великом княжестве Литовском? Если в этом разделе речь пойдет о том, как кн. Семен Бельский выполнил заграничные миссии и во что это обошлось его литовским имениям и могущественным патронам в Великом княжестве Литовском, то в следующем мы постараемся увидеть князя в своих владениях после возвращения в Краков и Вильно.

С начала 1536 г. князь Семен долгое время находился вне дома. Произнеся речь в свою защиту по обвинениям с тайных контактах с Москвой и получив прощение рады и короля, Бельский организовал поездку в Венгрию, где должен был повидаться с королевским послом Иеронимом Ласким. Видимо, упомянутая в отчете В. Жабы (Жаба) поездка Бельского в Краков относится к началу 1536 г.[133], а поездка в Буду отразилась в заглавии реестра «Реестр... коли его

Потомок великих князей

Биографические сведения о кн. С. Ф. Бельском рассматриваются в различных контекстах. Наиболее часто — в связи с его политическими проектами в литовско-московско-крымском треугольнике, в связи с представлениями о государственной измене в восточной Европе и историей

[126] АГБ 52-2 (I-17). Л. 1; АГБ 4* (I-15). Л. 1; АГБ 47 (II-9). Л. 6 об.; АГБ 48 (II-10). Л. 1, 2 об.

[127] Материалы из коллекции С. В. Соловьева не позволили О. П. Бакусу идентифицировать этого шляхтича. Исследователь говорит о «некоем Коробке» вне связи с В. Миколевичем. См.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 132.

[128] АГБ 38 (III-26). Л. 1.

[129] Уже в январе 1541 г. урядник кн. С. Ф. Бельского Щастный Стасевич выступил с протестами против В. Миколаевича и Б. Коробки. Об этом мы вспомним еще раз ниже, говоря об управлении имениями Бельского в его отсутствие и после возвращения.

[130] *Backus O. P.* Treason as a Concept...; *Зимин А. А.* Формирование... (по указателю); *Кром М. М.* Судьба авантюриста; *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI в.). М., 2004. С. 131–158; *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV — 30-я гг. XVI ст.): дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2010.

[131] См. *Приложение I.*

[132] Далее для архивных собраний приняты сокращения: АГБ (Архив Бельского и Гаштольдов) — Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. № 8610:2 и др. (далее карандашный номер фрагмента (если нет — условный номер фрагмента со знаком (*)), римский номер папки и номер фрагмента внутри папки).

[133] АГБ 45 (II-6). Л. 3. Здесь уточняем свою ранее высказанную датировку «рубеж 1535–1536 гг.». Если исходить из приведенных выше сообщений П. Пишица герцогу Альбрехту Бранденбургскому, то вероятнее, что миссия началась ближе к февралю–марту 1536 г. Ср.: *Ерусалимский К. Ю.* Князь Семен Бельский — землевладелец и политик Великого княжества Литовского // Великае княства Літоўскае... Мінск, 2016. Т. 1. С. 131.

милость ехал князь до Немец»[134]. Накануне отъезда король Сигизмунд Старый выдал Бельскому рекомендательное письмо для короля Фердинанда и Яна Занольяи[135]. Князь выехал в путь вскоре после 10 марта 1536 г.

Из Империи он будто бы планировал направиться дальше в паломничество в Иерусалим, однако по пути он и слуга Иеронима Лаского незадолго до 15 мая попали в плен к гусарам Яна Банффи де Алсолинва. Пленные были приведены в близлежащий город Прешов, куда И. Лаский послал другого своего слугу с письмом, чтобы добиться освобождения пленных[136]. Родич Лаского Мацей Лобоцкий тогда же призывал Раду Прешова опомниться и освободить Бельского, подчеркивая его значение в войне с Москвой. Опасно было бы, говорил Лобоцкий, если Банффи позволит Москве выкупить его. Это приведет к большой опасности для Короны Польской ("certe res regis Poloniae possent esse in magno periculo"). Так начиналась многолетняя торговля за тело князя Семена Бельского. Продавать Москве его будут неоднократно. Опасения на этот счет возникли еще до его появления в Крыму. Похоже, заступникам удалось убедить захватчиков и все заинтересованные стороны в том, что миссия Бельского была направлена в Святую Землю[137]. В защиту Бельского перед Радой Прешова выступил и коронный гетман Ян Тарновский[138]. Из плена Бельский был выкуплен, но остался без имущества[139]. После недолгого пребывания у короля Фердинанда он поехал из Инсбрука не в Иерусалим, а в Венецию, Турцию и Крым.

По сообщению крымского медика Бадр ад-дина Мухаммада бен Мухаммада Кайсунизаде Нидаи-эфенди, Бельский бежал из Москвы в окружении пятнадцати слуг. Возможно, эта цифра относится к свите князя Семена на момент его прибытия в Крым[140].

Во время этого путешествия сложился проект унии Великого княжества Литовского, Крымского ханства, Ногайской орды и Османской империи, который вылился в поход крымского войска на Москву в 1541 г. В этом проекте, как мы увидим, свою роль кн. Семен Бельский видел не только в посредничестве с Москвой, но и в осуществлении мирного переворота в Москве или создании на границах с Московским государством буферных владений во главе с ним самим. Появление князя Семена в Порте после европейских странствий вывело на свет неординарного политика, убежденного в своих правах и способного их отстоять словом и делом. Талантом оратора Бельский, несомненно, обладал, о чем свидетельствуют воспоминания современников о его обращенной к королю часовой речи в свое оправдание в январе 1536 г. Согласие Сигизмунда Старого на долгую поездку было получено. Идея Бельского могла в перспективе обеспечить как большую коалицию против Москвы, так и создание лояльной Сигизмунду Старому структуры власти в Московском государстве или возрождение буферного пояса между Великими княжествами Литовским и Московским. При любом исходе радужной перспективой было замирение короля и его наследников с Османской империей, Крымом и Валахией. Впрочем, были и определенные риски, которые вскоре дали о себе знать. Проект в формулировках, дошедших до Ислам-Гирея — или им самим созданных, — зашел слишком далеко. Если бы кн. С. Ф. Бельский один или со всем своим московским кланом возглавил de facto всё Московское государство, влияние Порты неизбежно охватило бы не только Рязань и Белую, но и Москву. Усиление осман на востоке от Литвы грозило новыми осложнениями.

Уговорив короля, сумел князь внушить доверие и османскому султану. Бельский заручился его поддержкой в борьбе за воссоединение крымского хана с Короной и Литвой. Зимой 1536–1537 гг. Сулейман Великолепный должен был на себе испытать красноречие княжественного аристократа. Он принял за чистую монету историю о том, что князь Семен был «святых господарей сын» и должен был унаследовать от своего отца (т.е. князя Федора Ивановича) особое «панъство», «очизну и дедизну его», которая ему досталась «от отъца и от матъки его»[141]. Турец-

[134] АГБ 51 (II-12). Л. 1.

[135] AT. T. 18. S. 142 (Вильно, 10 марта 1536 г.).

[136] AT. T. 18. S. 204–205 (Иероним Лаский — Рада г. Прешов. Кежмарк, 15 мая 1536 г.).

[137] AT. T. 18. S. 209–211 (Мацей Лобоцкий — Рада г. Прешов. Липяны, 25 мая 1536 г.). Цитата в тексте на с. 210.

[138] AT. T. 18. S. 228–229 (Ссылка на письма Я. Тарновского Раде г. Прешов от 4 июня и 22 июня 1536 г.).

[139] Список имущества князя Семена Бельского под названием "Res et bona Domini Ducis Bielsczensis conscripta" хранится в фонде Магистрата города Прешов под № 2493. Об этом см.: AT. T. 18. S. 205. N 5.

[140] *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 142–143.

[141] КС. № 27. Л. 3–4, публ.: *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 135. Цит. в: *Backus O.P.* Treason as a Concept... P. 126–127; *Кром М.М.* Судьба авантюриста. С. 108–109. Письмо подписано в Адрианополе. И.В. Зайцев высказал предположение, что календарная дата «22 декабря 1535 г.», указанная в переводе письма, ошибочна. Исследователь датировал оригинал письма весной или началом лета 1536 г. К 1536 г. как дате при-

кий султан заинтересовался проектом Бельского, увидев возможность создать еще одно, и первое в русских землях, подручное княжество на южной границе Российского государства.

Весной 1536 г. между Крымом и Москвой завязались переговоры, в которых от лица Ислам-Гирея не раз выступал некто Булгак. Это был титулованный московит[142]. Как проведали в Москве, «Булгак-князь» получил грамоту от короля Сигизмунда I Старого. Этот князь считался — возможно, для дезинформации московских властей — заложником у царевича Алиши, и король обратился напрямую также и к царевичу: «...чтоб царевичь Булгака-князя отпустил на твою господареву украину»[143]. Московский агент оставлял принятие Булгака на усмотрение боярской комиссии («и Булгаку, господарь, как быть, да так быть, на твоей, господареве, украине»)[144]. В реестре крымских выплат из архива князя Семена также обнаруживается имя его слуги, «Булгака князя»[145]. Ответ из Москвы своему представителю в Крыму Федору Васильевичу Наумову в апреле 1537 г. показывает, что Булгака хорошо знали в Кремле, называя его «княж Семенов человек Белского Булгак, Цветново брат»[146]. В «опасной грамоте» Бельскому того же времени этот «человек» назван «Булгачко Иванов человек Золотилова, Цветново брат»[147]. Этот же «Булгак-князь», видимо, поехал по поручению Сахиб-Гирея 1 ноября 1537 г. в Литву, чтобы просить у короля дань («выход») в размере 60 тыс. зл. угорских. Вернулся гонец 27 января 1538 г. Вместо дани доставил от короля предложение «братства и дружбы» и «поминки»[148].

Неясно, когда именно началась эта служба, но если еще до приезда Бельского в крымские владения, то нельзя исключать, что незадолго до миссии самого князя Семена. Если принять датировки грамот султана Сулеймана Сигизмунду I Старому 22 декабря 1536 г. и хана Ислам-Гирея Ивану IV мартом 1537 г., то появление кн. С. Ф. Бельского в Крымском юрте можно датировать временем между концом декабря 1536 и началом марта 1537 г.[149] Впрочем, нельзя исключать, что переговоры с крымскими правителями князь Семен начал еще из Османской империи. Переезд из Адрианополя в Кафу представлен в московских источниках 1537 г. как свершившийся факт, однако точными данными о том, где в какой момент находился Бельский, в Москве не располагали.

В крымской политике проекты Бельского получили двунаправленное развитие. Их поддержали противники Москвы во главе с ханом. Благодаря Ислам-Гирею об амбициях Бельского вскоре узнали в Москве. В марте 1537 г. крымский правитель сообщил советникам великого князя Ивана Васильевича, видимо, с долей преувеличения, что помощь в осуществлении целей князя Семена ему должен был оказать Магмед-санчак, еще трое санчаков, 80 тыс. конников и 2 тыс. янычар[150].

езда Бельского из Адрианополя в Крым до И. В. Зайцева склонялся, правда, не приводя никаких аргументов, О. П. Бакус. Однако при такой датировке не учитывается, что кн. С. Ф. Бельский направился не сразу в Османскую империю, а провел какое-то время в Священной Римской империи и Венеции. Обратившись к дате от Р. Х. на л. 5 архивного источника, мы обнаружим в последней кириллической цифре года не «е», как прочитал И. В. Зайцев, а «s». Следовательно, не вызывает сомнений, что дата письма в переводе на христианскую эру «лет великого пророка Исуса 1536 декабъря 22 день». Таким образом, в источнике нет никакой ошибки (по крайней мере, для вывода об ошибке нет оснований). Письмо султана непосредственно предшествует переговорам Ислам-Гирея с Москвой и Бельского с Сигизмундом Старым весной 1537 г. Таким образом, на мой взгляд, дата в переводе письма султана указана точно — 22 декабря 1536 г. Ср.: КС. №27. Л. 5.

[142] Имя «князя Булака» мелькает в отчетах Королевской казны о приеме крымских посольств еще до этих событий. Однако он выступает как представитель крымской элиты. В 1535 г. из Крыма приезжал посол Магмет. В той же миссии от имени князя Булака выступал гонец Чортан ("Honyecz a duce Bulak Czorthan"), который был награжден из казны деньгами и тканями. Тогда же ему передавались дары для представителей крымской правящей семьи (ASK-1. №91. K. 57–57v). В отчетах королевской казны сохранились счета посольства от Сахиб-Гирея и Ослан-Салтана (Ислам-Гирея) от конца сентября — начала октября 1537 г. Среди расходов отмечается выплата на представителя от Булака по имени Саффа: "A duce Bulak, Saffa", которому выделено тканей на 6 зл. (ASK-1. №91. K. 61v; 311. K. 27, 31, 33). В 1538 г. имя Булака вновь выступает в сходных дипломатических контекстах (ASK-1. №92. K. 87v–88, 89; 94. K. 73v–74).

[143] ПК-123-8. Л. 280 об. Грамота с донесением о князе Булгаке прислана из Крыма от Василия Оберечинского и занесена в посольскую книгу под 12 июня 1536 г.

[144] Там же.

[145] АГБ 50 (I-1). Л. 2.

[146] ПК-123-8. Л. 328 об.

[147] Там же. Л. 330.

[148] Там же. Л. 407 об. — 409 об., 414 — 414 об.

[149] См. выше о датировке рекомендательного письма султана Сулеймана в Крым от 22 декабря 1536 г. Возможно, к этому же времени относится недатированный дружеский поклон О. М. Гаштольда кн. С. Ф. Бельскому, который, по словам виленского воеводы, обитает «в сторонах далеких». См.: КС. №58. Л. 1 (Б. д.).

[150] Не он ли вел переговоры с Бельским, о которых тот сообщал королю Сигизмунду Старому в недатированном письме, написанном не ранее 1537 г.? См.: Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Polska bref o. handlingar 1600 — talet E 8601. Acta ad historiam bellorum...

Бельский претендовал будто бы на московский престол под рукой Ислам-Гирея, чтобы Московская земля принадлежала крымскому правителю, а «имя» ее главы было бы у Бельского («а земля, деи, Московская не моя — твоя буди, а толко бы имя мое было»)[151]. Это невероятная конструкция, не находящая подтверждений в других заявлениях от лица князя Семена. Более того, стотысячные силы в словах Ислам-Гирея преувеличены по меньшей мере в 2,5 раза по сравнению с цифрами, которыми оперировал сам Бельский в переписке того же времени с королем Сигизмундом Старым. Можно только догадываться, что Крым пытался манипулировать страхом Москвы перед угрозой нашествия мощного войска во главе с Бельским. Такая манипуляция могла позволить также понять, насколько весомыми были обещания и гарантии самого Бельского. В Москве назвали речи великокняжеского холопа в таком пересказе «неподобными»[152].

О. П. Бакус предполагает, что «царевич» Ислам-Гирей и его сторонники выступили против вмешательства князя Семена и не согласились на совместные акции польских и литовских войск против великого князя московского[153]. Однако для такого вывода нет убедительных оснований: Ислам разыгрывал «карты» князя Булгака, а затем князя Семена в отношениях с Москвой, угрожая и владениям великого князя, и литовским землям. Князь Семен получил от султана право на поддержку со стороны крымского хана Сахиб-Гирея и турецкого наместника в Крыму — кафинского санджака Халиль-бея. Кроме того, Бельский не был «в руках» Ислам-Гирея, а лишь присылал к нему своего «человека» (видимо, князя Булгака). Бельский сразу занял вполне самостоятельное место в стенном многоугольнике. Окружению юного Ивана IV пришлось искать управу на неугомонного «изменника». Пока в Москве пытались через слуг Бельского выманить его на государеву службу, а Крым устрашал Москву и прощупывал почву под проектами князя, князь Семен огорошил короля Сигизмунда I сообщением о своих переговорах с султаном. Возможно, удивление короля в ответном письме Бельскому от 5 мая 1537 г. преувеличено. Он признал, что между Бельским и Сулейманом была достигнута договоренность о наследственном праве князя на Белую и Рязань. Уже 7 мая король направил Литовской раде сообщение о переписке с московитом. Сигизмунд Старый отнесся к идее Бельского сдержанно, готовясь к замирению с Москвой после кровопролитной Стародубской войны[154]. Бельскому было предложено вернуться на королевскую службу[155].

В апреле 1537 г. всё тот же «человек» Бельского по прозвищу Булгак запросил через московского посла в Крыму Ф. В. Наумова для своего пана «опасную грамоту», которая позволяла бы вернуться на службу к Ивану IV. Грамота должна была быть скреплена великокняжеской печатью. Инициатива исходила, по всей видимости, не из Москвы, а от самого Бельского, которому Наумов на свой страх и риск внушил («покрепил гораздо»), что князь ее получит. В Москве одобрили инициативу, превратив ее в двойную игру[156]. Допускалось, что о грамоте узнает Ислам-Гирей, и на этот случай Наумов получил инструкцию уговаривать хана в это дело не вмешиваться и не препятствовать возвращению князя Семена в Москву[157].

Спустя месяц, в мае, Ислам-Гирей, а еще позже Сахиб-Гирей получили из Москвы призыв выдать великому князю его «холопа Белского» или его «убити». К лету 1537 г. Бельский находился в Кафе, и Ислам сам передавал устно со своими гонцами предложение либо прислать его в Москву, либо убить[158].

В таком повороте событий удивляет смена, или одновременное использование, двух планов: приглашение домой и тайное убийство. Боярский совет доверился Ислам-Гирею. Почему? Можно предположить, что смена настроений в Москве произошла сразу после подавления восстания князя Андрея Старицкого в мае

NN (Князь Семен Бельский) королю Сигизмунду Старому, б. д.

[151] ПК-123-8. Л. 318 — 318 об. Грамота Ислам-Гирея датирована в посольской книге мартом 943 г. Хиджры. Месяц довольно точно соответствует принятой в посольских книгах хронологии от Сотворения Мира. Предыдущие даты переговоров и грамот в данной книге в правильном хронологическом порядке предшествуют и именно марту 1537 г., а последующие относятся к более поздним датам того же 1537 г. Ответ из Москвы на данное письмо Ислам-Гирея датирован апрелем 1537 г.

[152] ПК-123-8. Л. 322 об. — 323. Цит. в: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 137.

[153] *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 127–128.

[154] Ibid. P. 127.

[155] АЗР. Т. 2. С. 341. Цит. в: *Кром М. М.* Судьба авантюриста. С. 109. См. также: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 133, 137–138.

[156] Текст «опасной грамоты» скопирован в: ПК-123-8. Л. 330–331. Грамота датирована апрелем 1537 г. Особенности ее формуляра мы обсуждаем ниже.

[157] ПК-123-8. Л. 328 об. — 329 об. Грамота датирована апрелем 1537 г.

[158] Там же. Л. 332 об. (Грамота Ислам-Гирею от июня 1537 г.), 337 об. (устные переговоры в Москве с гонцом Когчей 18 июля 1537 г.), 364 — 364 об. (устные переговоры в Москве с гонцом Карой 23 августа 1537 г.).

1537 г. Конечно, было бы сомнительной экстраполяцией связывать «дело» Андрея Старицкого и тайную дипломатию вокруг Семена Бельского. Впрочем, как уже говорилось, в Великом княжестве Литовском еще в апреле 1534 г. ходили слухи, что в Москве готовится переворот в пользу дяди великого князя. На этом фоне смена стремления получить Бельского обманным путем на попытку заключить прямую сделку о его выдаче может говорить о влиянии каких-то политических перемен в самой Москве на переговоры с Крымом. Однако могли ли в Москве удостовериться, что Бельский в распоряжении крымского «царевича»? Если это был риск поддаться провокации, то вряд ли боярский совет пошел на него неосознанно. Было бы логичнее предположить, что имя Бельского во время тайных переговоров с ним прозвучало и вызвало нужный резонанс в самой Москве, после чего Елене Глинской и боярам было по каким-то причинам выгодно представить Бельского не как возвращающегося «блудного сына», а как преступника.

Как бы то ни было, в Крыму благодаря «тайным» переговорам выведали о планах Москвы расправиться с эмигрантом. Это позволило Ислам-Гирею открыть торг с Москвой, а в глазах короля Сигизмунда и самого Бельского выступить в роли спасителя и верного союзника.

Вскоре убит был, впрочем, сам Ислам. Из Ногайского улуса на Перекоп пришел сын Хасана Баки-бий и учинил разгром владений Ислама. Его самого велел убить, а его жен, слуг и имущество пленил. Бельский был также захвачен и уведен из Крыма[159]. По словам самого Бельского, когда его захватили «на бою», его «статок» в Кафе «амин и дездар кафинский» продали. Его раненые «слуги вольные» были уведены в Кафу. Из них троих кафинский амин продал в рабство, а четвертого по имени Шимко забрал карачауш султана Сулеймана. Бельский обратился к Сахиб-Гирею за помощью, но и до августа 1540 г. вернуть захваченное не удалось[160].

Посол Сахиба в Москве Баим на приеме в сентябре 1537 г. спровоцировал тираду от боярской комиссии, согласно которой, как много лет спустя напишет в Послании Курбскому Иван Грозный, Бельский сбежал в Литву, из Литвы — в Крым. «Всюду скачет», из Литвы его «выбили», и он, «пришед, туто волочится»[161]. Сахиб-Гирею был предложен выбор, ранее навязанный Ислам-Гирею: убить или прислать Бельского в Москву. Баим настаивал, что Бельский как раз считает себя «другом» и «братом» московского государя[162]. М. М. Кром считает это высказывание отзвуком политической авантюры самого Бельского, который претендовал на статус, равный московскому государю[163]. Эта версия, думается, точно отражает восприятие слов Бельского в Москве 1537 г. Впрочем, возможно и другое предположение. Дружбу можно понимать как готовность к миру, а братство — в свете слов самого князя в Крыму на пиру у хана о том, что он «сын брата московского царя»[164]. При этом крымские гонцы прощупывали почву в Москве на предмет дальнейшего торга за Бельского. Ходили слухи, что он был даже убит[165]. В этом ряду интерес вызывает письмо Бельского Сигизмунду Старому с просьбой выдать ему «кглейты» (разрешительные «листы») на проезд во владения короля. Этот демарш был резко отвергнут, с напоминанием, что Бельский — подданный короля и никакими посольскими миссиями свои приезды к королю называть не вправе.

Тезис о временном восстановлении феодального права на «отъезд», на мой взгляд, не объясняет этих ритуальных жестов новоиспеченного государя. Почему князь Семен поступал в переписке с Москвой, крымским ханом и Сигизмундом Старым как равный с равными? Не вернее ли предположить, что он считал себя теперь подлинным сувереном — великим князем рязанским на Рязани и Белой? Интерес вызывает в этой связи «опасная грамота», направленная Бельскому из Москвы. Ее формуляр необычен для переписки между московским сувереном и «холопами». Протокольные формулировки грамоты отвечают на заявления московита-эмигранта: «От великого князя Ивана Василевича всеа Русии князю Семену Федоровичю Белскому...»[166]

В начале 1538 г. в Москве стало известно содержание более поздних грамот султана. О них

[159] В польско-литовской корреспонденции с Сахиб-Гиреем также сохранился рассказ об убийстве Ислам-Гирея, переданный с Оникеем Горностаем. Хан сообщал в Краков и Москву идентичные сведения, подчеркивая свою роль в смерти противника и свое главенство в Орде после его смерти (BCz. № 2893. S. 19–20; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. / подг. Н. М. Рогожин. Махачкала, 1995. С. 210).

[160] ПК-89-1. Л. 359 — 359 об. (Кирикор (Кид-Керн), август 1540 г.). Благодарю М. В. Моисеева, указавшего мне данный источник.

[161] ПК-123-8. Л. 370–371. Об упоминаниях Бельского и Ляцкого в Первом послании Ивана Грозного Курбскому см. здесь ниже параграф «История забвения».

[162] ПК-123-8. Л. 371 об. — 372.

[163] *Кром М. М.* Судьба авантюриста. С. 111.

[164] *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 142.

[165] ПК-123-8. Л. 372 — 372 об.

[166] ПК-123-8. Л. 330.

сообщил Тимофей Бражников. Бояре узнали, что султан разгневан на Сахиб-Гирея и «кафинского сончака». Возможно, задача Бельского и заключалась в том, чтобы за счет фактической «утечки» поднять в глазах Москвы престиж свой собственный и своей турецкой миссии. Близко к тексту сообщалось, что Бельский назван в грамоте «великого князя сродыч» и что он просил у султана войско «доставати вотчины своей Рязани», а потом собирался служить султану «и карач давати»[167]. Князь Семен ехал в Крым будто бы с 30 драгоценными камнями по 300 р. каждый, а один из них едва ли не бесценный[168].

В борьбе за престол Ислам-Гирея Бельский был готовым правителем «в изгнании», одобренным в Порте и поддерживаемым Сигизмундом Старым. Для скрепления турецко-крымско-польского союза трудно было представить лучший пересмотр московской проблемы. В конце 1537 — середине 1538 г. в Астрахани велись переговоры о передаче Бельского, причем получить или выкупить его Елена Глинская и ее советники пытались «подобру», ссылаясь на челобитья его братьев (князь Иван на тот момент был еще в заточении). После смерти великой княгини-матери эти усилия не прекратились, но в Хаджи-Тархане не торопились расставаться со знатным московитом, возможно, зная о его высоких покровителях и торгуясь с Москвой, Стамбулом и Вильно[169]. По предположению И. В. Зайцева, сделка между Баки и Москвой не состоялась из-за смерти великой княгини в апреле 1538 г. и последующих невзгод московских князей Бельских[170]. Однако исследователь не комментирует названное выше сообщение о письме султана — вряд ли о нем не знали в Ногайской орде. Выдача Бельского Москве, если это письмо дошло до Стени, была бы невероятной. Но понимать это должны были и в Москве, и задача переговоров упрощалось — требовалось держать под контролем активность князя Семена и выведывать его планы на будущее.

Ряд аргументов подводят к предположению, что «плен и выдача» Бельского были инструментом манипуляций в двойной игре, длившейся не один месяц между Москвой и Ногайской ордой, по всей видимости, изначально с учетом неприкосновенности князя Семена, находившегося под протекцией Сигизмунда Старого и под покровительством султана Сулеймана. Когда же Бельский вернулся в Великое княжество Литовское? На этот вопрос прямой ответ обнаруживается в реестрах королевской казны из Варшавского архива. 27 ноября 1539 г. в Краков въехало ногайское посольство. Провизору Павлу Градовскому было поручено обеспечить высокопоставленных гостей, в числе которых был специально отмечен князь Семен: "cum Duce Bielski"[171]. За начало декабря 1539 г. реестры зафиксировали выплату князю Бельскому — единовременно он получил 100 зл. Как и во многих случаях, когда мы изучаем книги этого ведомства, трудно сказать, на что или за что выданы эти деньги. Можно только догадываться, что с этой отметкой как-то связаны указанные чуть выше или прямо перед записью "Duci Bielski" незначительные выплаты шляхтичам Ярошу Шаниковскому и Яну Родолтовскому за их выход из московского плена[172]. Однако наиболее вероятный сценарий таков: только что прибывший из Стени с ногайским посольством князь получает от короля подарок

[167] ПК-123-8. Л. 415. Неясно, о каких письмах идет речь. Это уже не первые грамоты, отправленные в Крым с Бельским на рубеже 1536–1537 гг. Упомянутое здесь исчезновение князя Семена относится к событиям, которые привели к гибели Ислам-Гирея и пребыванию кн. С. Ф. Бельского у Баки.

[168] ПК-123-8. Л. 415 — 415 об.

[169] *Кром М.М.* Судьба авантюриста. С. 112–113; *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 139–141. М. В. Моисеев отметил в обсуждении данного текста, что необязательно предположение о том, что, попав в плен к магытам, Бельский содержался именно в Хаджи-Тархане.

[170] *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 141–142; ср.: *Backus O.P.* Treason as a Concept... P. 128–130; ср.: *Трепавлов В.В.* История Ногайской орды. М., 2001. С. 227. О. П. Бакус датирует убийство Ислам-Гирея не ноябрем, как И. В. Зайцев, а концом июля — августом 1537 г. В. В. Трепавлов полагает, что данные события разворачивались летом, до 25 июля 1537 г., и инициатива исходила не от хана Сахиб-Гирея, а от самого Баки-бека. В ноябре того же года, по мнению Бакуса, в Москве узнали об этих событиях. А 12 декабря после совещаний с участием родичей князя Семена было решено направить к ногайскому мирзе Кошуму гонца с просьбой убедить Баки освободить пленника за выкуп. Переговоры продолжались до тех пор, пока — не ранее сентября 1538 г. — Бельского не выкупил Сахиб-Гирей. Предположение о готовности Баки к сделке с Москвой упирается также в позднейшие, относящиеся приблизительно к февралю–августу 1541 г., ссылки самого кн. С. Ф. Бельского в переписке с королем Сигизмундом на дружественное отношение Баки к Литве и его походы против Москвы.

[171] ASK-1. №95. K. 66v, то же: ASK-1. №96. K. 52v.

[172] ASK-1. №95. K. 28v, то же: ASK-1. №96. K. 29v; 98. K. 29; 99. K. 37; 100. K. 22. Перед записью о выплате кн. С. Ф. Бельскому в ряде записей указываются точные датировки. Последняя из них — вторник после Зачатия Богородицы, который в 1539 г. приходился на 9 декабря. Запись о Бельском не датирована, но в силу своего расположения в реестре может быть условно датирована около 9 декабря 1539 г.

за службу и, возможно, на выкуп, поскольку он с самого конца 1537 г. был дорогим трофеем, захваченным в войне Сахиб-Гирея и Баки с Ислам-Гиреем.

Дипломатическая подготовка Московского похода крымчаков при участии кн. С. Ф. Бельского началась задолго до самого нашествия 1541 г. Финансирование новых проектов князя отяготило его имения и легло на плечи подданных и урядников, на которых надавили королева Бона и Зофья Гаштольд. В бумагах из собрания Скуклостер сохранилась небольшая помета особым почерком в конце Кормяловского реестра. Описаны были повинности одного имения на момент, когда князь окунулся в свои странствия. Некто Явор «выбирал» налоги, и должен был получить 184 копы 25 гр.[173] Поименный реестр его злоупотреблений («вин» и «пересудов») «у Кормялове» также сохранился в бумагах Бельского. Его проступки занимают несколько страниц убористого текста. Явор обирал жителей имения, конфисковал урожай, пользовался местными лошадьми, присвоил себе рабочий скот, собранные суммы «брал... а князю Белскому не оддал»[174]. Этот Явор, по всей видимости, — ковенский урядник Боны Явор Буданович, на которого по возвращении в литовские имения Бельский пожаловался лично королеве-матери[175]. Кормялово как раз граничило с ковенскими владениями королевы. Впрочем, как мы увидим, этот Явор присматривал не только за Кормялово, но и за Стоклишками. Если данное отождествление Явора из реестра и урядника Боны Явора Будановича верно, то напрашивается вывод: королева Бона Сфорца не только присматривала за деятельностью Бельского и была посредницей в передаче ему средств, но и посылала своего урядника в его имения для сбора налогов. Конечно, не все собранные средства дошли до адресата. Из письма короля Бельскому ясно, что на момент их сбора виленского воеводы уже не было в живых. Следовательно, Кормяловский реестр из собрания Скуклостер составлен не ранее декабря 1539 и не позднее 21 октября 1540 г., а список убытков возник уже, видимо, около времени возвращения кн. С. Ф. Бельского — в конце 1541 — начале 1542 г.

Королева Бона передала какую-то сумму от воеводины виленской, т. е. от Зофьи Гаштольд, которая собрала эти деньги, видимо, с имений самого князя Семена. В своем недатированном письме из Крыма А. О. Яциничу он особенно рассчитывал на получение 500 кон гр. от королевы Боны, называя эти деньги своей собственностью («из моих ненязей»). Необходимая сумма должна была найти князя Семена Федоровича благодаря распоряжениям покойного виленского воеводы. Поскольку «небожчиком» мог быть назван только О. М. Гаштольд, вероятно, письмо Андрею Яциничу относится к сентябрю 1540 г. Князь ждал решений обоих королей и королевы о дальнейших делах и нуждался в новых средствах для подкупа крымской элиты[176].

Незадолго до того, в августе 1540 г., князь Семен обратился с письмом из «Киркора» к султану Сулейману, о чем мы знаем благодаря копии послания, полученной в Москве. В послании Бельский обещает султану привести ему в подданство земли вблизи тех владений, в которых («моей земле») сам князь собирался стать господарем. Не вызывает сомнений, что речь идет о подготовке Московского похода: «Я подножный слуга твой господарьски и много челом бью тобе, великому господарю, штобы ты, господарь велики, велико жаловане свое учинил, а такову, жебы грамоту мне, подножному служебнику своему, прислал какову наперед того мне дал, коли я был у ваших великих ворот, до краля ляского Жигимонта. А коли твое, господаря великого, жаловане будет, а такову же грамоту даш до краля ляского, какову и наперед дал, тогды Божим милосердием а твоим, господаря великого, счастьем и Сан-Киреем царем, а с кралем ляским мою землю возмем, а коли моя земля в моих руках будет, тогды я и с моею землею подножный слуга есми и которые блиско нас земли есть, и тые з Божею волею, Бог даст, твои, господаря великого, будут»[177].

Одновременно князь сформировал в Короне и Литве представление о том, что Крым готовит военную экспедицию на Литву, а он сам отговаривает хана. До каштеляна белзского Миколая Сенявского дошли сообщения об участии князя Семена Федоровича в опустошительных походах крымского хана во главе 10-тысячного войска на Московское государство. До зимы планировался новый поход «всей Орды», который должен был возглавить калга и к которому собирался вновь присоединиться кн. Семен

[173] АГБ 51 (II-12). Л. 8 об.

[174] АГБ 19 (II-17). Л. 1, 1 об.

[175] BCz. №307. S. 133. Данное письмо от 24 января 1543 г. и предмет спора между Бельским и Явором Будановичем обсуждаются нами ниже.

[176] КС. №64. Л. 1 — 2 об. (Кыд-Керн. Сентябрь, б. г.). В ответ на упомянутые в этом послании обращения Бельского к королям Сигизмунду Старому, Сигизмунду Августу и королеве Боне и было написано письмо Сигизмунда Старого от 9 октября 1540 г.

[177] ПК-89-1. Л. 358–359 (Киркор (Кыд-Керн), август 1540 г.).

Бельский ("filium suum idem Cesar Precopensis, cum tota Orda, cum eodem Duce Byelski... expedire debuit")[178]. Князь церемонно справлялся о здоровье короля и его семьи, войдя в роль не столько агента, сколько союзника польского монарха. В октябре 1540 г. Сигизмунд Старый направил Бельскому письмо с благодарностью за его радения. Особо отмечалось, что царевич планировал поход, а Бельский отговорил («отмовил») крымского царя и упросил его вернуть войско из похода. Король признавал и заслуги в дипломатии своего подданного, отчасти признавая его новую роль. С ним крымский хан «на том... положил и присягу вчинил, хотечи на весну со всим войском своим пойти на Москву»[179]. Кн. С. Ф. Бельский интересовался не только здоровьем королевской семьи, но и раздачей должностей в Великом княжестве Литовском. В этом направлении он прощупывал почву, видимо, в расчете на улучшение своего статуса. Вероятно, в ответ на свои усилия он получил письмо от подскарбия земского литовского Ивана Горностая, который уклончиво заметил, что новостей пока никаких, а «воеводсты и инших врядов, ино еще никому ничого не дано»[180]. Вместо должностей князь получил от короля подарок в размере 100 кон гр., которые Горностай обменял для него на золотые.

Письма из собрания актов Библиотеки Чарторыйских — еще одно свидетельство тайной переписки между королевой-матерью и московским эмигрантом. Беседовали они и «устне», о чем вспоминает королева в своем январском письме 1541 г. Князь-московит был завербован могущественной королевой Боной, или она по каким-то причинам так сама считала. Бона велела князю через Оникея Горностая «и инших» присылать ей «без умешканя» из Орды «листы», получаемые им «отсель з Литвы». Это была попытка контролировать тайную политику мужа, Сигизмунда Старого, в отношениях с Крымом, Хаджи-Тарханом, Ногайской ордой и Казанью. Возможно, королева знала и о его октябрьском благодарственном письме князю Семену. В какой-то момент просочилась информация, что одно из писем не было передано королеве. Ее письмо таит гневный упрек: «...твоя милость поведил перед нами, иж того листа при собе на тот час не маеш, але поведил еси, якобы твоя милость мел его панеред при инших речах отослать до имени своих и обещал еси был нам о том без умешканя тыми листы прислати, которыи до рук наших не пришли, ани нам оказаны были аж до сих мест, и што ся в том деет, нам дивно ест»[181]. Перед нами еще одно ценное свидетельство того, как в канун похода Сахиб-Гирея на Москву князь Семен вел тайные переговоры с польскими королевскими «дворами». Писарь русский («з русских справ») О. Горностай и еще кто-то из придворных служил посредником между королевой и ее агентом[182]. В число других посредников входили, по всей видимости, брат Оникея Иван Горностай и заверивший «лист» Боны ее личный писарь И. Шимкович[183]. О. Горностай как раз накануне, в октябре 1540 г., направился к Бельскому в Орду[184]. Однако из письма очевидно, что посредническая цепочка разорвалась. Князь Семен отговаривался тем, что отправил полученное из Литвы письмо (возможно, от Сигизмунда Старого) не Боне в Вильно, а к себе в одно из своих имений[185]. Этот решительный жест со стороны Бельского вряд ли был вызван его случайным замешательством. Как и в переписке с Сигизмундом Старым, князь Семен

[178] EFE. T. XXXVI: Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia. VI Pars: HBA, B2, 1538–1542 / edidit C. Lanckorońska. Romae, 1975. P. 90–93 (Николай Сенявский — Альбрехту Бранденбургскому. Галич, 30 октября 1540 г.). Цит. на с. 91.

[179] КС. №42. Л. 1, публ.: АЗР. Т. 2. С. 372. №206 (Вильно, 9 октября 1540 г.). Может быть, как раз в этом же году написано любезное письмо Бельскому от кн. Федора Андреевича Сангушко, датированное только местностью и денной датой — Ковно, 6 октября? См.: КС. №32. Л. 1 — 1 об. (Ковно, 6 октября б. г.).

[180] КС. №43. Л. 1 — 1 об., публ.: АЗР. Т. 2. С. 372–373. №207 (Вильно, 21 октября, б. г. Индикт 14). Таким образом, письмо датируется, по всей видимости, 21 октября 1540 г.

[181] BCz. №307. S. 125. Письмо — под печатью королевы Боны за подписью ее секретаря Ивана Шимковича. В правом верхнем углу одновременно с пагинацией чернилами указана дата письма: "D. 9 Januar- / 1541 A°". Слева сверху: "№12". На обороте (с. 126) под адресом «Князю Семену Федоровичу Бельскому» (такой же адрес и в двух следующих письмах подборки) чернилами: "№6°". На с. 127–128 латинская транслитерация письма с датой, указанием на печать, подпись и номера подлинника.

[182] Об О. Горностае см.: Urzędnicy... T. 9. S. 126. №929.

[183] Ibid. S. 91. №588.

[184] Возможно, среди материалов этих переговоров О. Горностая от лица королей Сигизмунда Старого и Сигизмунд Молодого (Августа) с ханом Сахиб-Гиреем посольский отчет Оникея, в котором «рок», т.е. срок для следующей встречи назначен на ноябрь неясно какого года. Исходя из общей направленности переговоров о союзе против великого князя московского, речь идет об осени 1540 г. См.: КС. №30. Л. 2 (Б. д.).

[185] Контакты между королем Сигизмундом I и кн. С. Ф. Бельским были нечастыми. Это прямо следует из письма князя Семена королю, написанному не ранее августа 1541 г. Бельский вспоминает предыдущую переписку с королем и за конец 1540 г. вспоминает только приезд к Сахиб-Гирею О. Горностая. См.: АЗР. Т. 2. С. 378. №213 (Не ранее августа 1541 г.).

демонстрировал, что ведет самостоятельную политику и готовится стать сувереном в завоеванных владениях[186].

Возможно, к началу 1541 г. относится недатированная поручная запись «сторожей», которые дали обязательство кн. С. Ф. Бельскому, что выплатят «подскарбею цареву» 11 тыс. «кафинских денег» за побег в их смену двух казаков. Бельский на тот момент сопровождал посла Абулу (Абугу) к королю Сигизмунду[187]. В современном этой записи черновике письма королю Сигизмунду князь Семен сообщает, что турецкий «цисарь» велел всё ему вернуть, и добавляет между строк и на полях слова о том, что посол Абуга уже направлен к королю. Из этого обращения к королю следует, что князь Семен пытался получить деньги из королевской казны. Обнадеживающие новости приходили из Ногайской орды. Против Москвы собиралось большое войско, в которое, по сведениям Баки-бека, влился ногайский тумен: «Бакый, приятел мой, поведаючи, иж выехал з Нагайской земли, а с ним немало людей» (слова «немало людей» вписаны между строк над исправленным «двенатцат тисечь людей»)[188].

На начало 1541 г. кн. С. Ф. Бельский вновь находился в Орде и был не только слугой короля Сигизмунда Старого, но и конфидентом королевы Боны Сфорца. Письмо Бельского королеве из Крыма известно по коллекции С. В. Соловьева. О. П. Бакус вслед за М. Г. Курдюмовым датирует его предположительно 5 июля 1540 г. Более вероятно, на мой взгляд, что данное письмо написано одновременно посланию Бельского королю в начале похода на Москву в войске Сахиб-Гирея. Князь благодарит Бону за распоряжение в своих имениях, уже получив от нее деньги, упомянутые в октябрьском письме 1540 г. Просит наказать урядникам в его имениях не собирать никаких податей без его письменного разрешения («абы... без листу моего жадных подачок не давали»). Следовательно, вероятнее, что письмо князя Семена Бельского королеве Боне от «5 июля» относится к 5 июля 1541 г.[189]

В июле 1541 г. князь Семен вместе с войском Сахиб-Гирея отправился на Москву. Его участие в этом походе единодушно отмечают московские, турецкие и европейские источники. Ценные «инсайдерские» сведения отражены в хронике турецкого писателя Кайсуни-заде Мехмед Нидаи (Реммаля Ходжи) «История хана Сахиб-Гирея» («Тарих-и Сагиб Герей хан»). Князь Семен, согласно рассказу этого источника, обещает хану показать удобную переправу на Оке, чтобы быстро и легко обойти основные московские силы. Однако проблема возникает на подходах к московским пределам: крымское войско Сахиб-Гирея и ногаи Баки-бека опасаются взаимной измены и не могут договориться, кому идти в реку первым. Пока длятся переговоры, московиты обнаруживают противника, подтягивают артиллерию и стрельцов и преграждают войску Сахиб-Гирея дорогу. Крымцам и ногаям приходится довольствоваться лишь незначительным ясырем, собранным при отступлении[190].

Бельскому необходимо было оправдать перед королем задержку запланированного на весну похода. Письмо Сигизмунду Старому пишется после долгого перерыва — с самой весны или даже раньше. Как раз весной, говорит князь, хан заболел («прихворал»). Потом татарские князья и уланы отговорили его, поскольку в Москве уже стояло «великое войско». И только к началу июля Бельский — в сопровождении Ахмат-Баши, Алия и Абраим-Баши (Ибрагима, Ибраим-Баши). Яркий и эксцентричный образ рисует князь Семен. Его слова полны самолюбования: 5 июля он выехал в поход против Москвы, взяв «царя и войско... на свою шыю, не лютуючи горла своего»[191]. Князь не послал своего слугу к королю,

[186] На пиру у Сахиб-Гирея в 1537 г. Бельский будто бы заявил, что во время нашествия крымского войска народ Московского государства «в ужасе разбежится от тиранства и новшеств», а «большая часть народа» простотаки ждет прихода Бельского, и он готов при согласии хана занять московский трон. Вопрос о воцарении князя Семена Бельского в Москве, впрочем, созвучен другим его заявлениям 1537–1541 гг. См. подробнее: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом. С. 142–143.

[187] КС. № 25. Л. 1 (Б. д.). Видимо, запись относится ко времени около начала 1541 г. О датировке см. следующее примеч.

[188] КС. № 74. Л. 1 — 1 об. (Кырьерн, 27 февраля, б. г.). Отрывок-черновик без начала. В первых сохранившихся словах упоминается сумма в 106 зл. Дата относится к событиям, прямо предшествующим большому крымско-ногайскому походу на Москву. Следовательно, данный отрывок датируется 27 февраля 1541 г.

[189] КС. № 40. Л. 1 — 1 об. (5 июля, б. г.). Ср.: *Курдюмов М. Г.* Описание актов, хранящихся в архиве Археографической Комиссии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год. Пг., 1923. Вып. 31. С. 6; *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 132; *Таирова-Яковлева Т. Г.* Материалы... С. 214. Местность в дате также указана, но с трудом читается — «на Арыша».

[190] *Останчук В.* Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам / пер. с англ. А. А. Арслановой // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой орды): от Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 398.

[191] КС. № 61. Л. 1 — 1 об., публ.: АЗР. Т. 2. С. 375. № 211 (5 июля, б. г.). См. также: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 129–130.

поскольку надеялся прислать его уже из-под Москвы. Кроме того, в письме промелькнуло, что посольство от великого князя московского, от «братьи» Бельского, митрополита и «всей рады» пыталось через него отговорить хана от вторжения. Князь отказался от предложений, но не преминул отметить королю, что московские власти, великий князь и «вся земля» отдавались «во всем на нашу волю... и в опеку нашу, поколе князь великий московский доростет лет своих»[192].

Было бы неверно, как мне представляется, видеть в местоимении «нашу» намек на боярское правление. Речь не идет и о регентстве. Как убедительно показал М. М. Кром, идея регентского совета в «детстве Ивана» не состоялась[193]. Десятилетнего великого князя окружали советники, ведущие спор за власть. Они не составляли никакого единого политического класса. За влияние у трона конкурировали придворные кланы. В декабре 1541 — январе 1542 г. придворный заговор привел к падению великокняжеского «первосоветника» и родного брата князя Семена — кн. И. Ф. Бельского и его «советников» кн. П. М. Щенятева и И. И. Хабарова. Митрополит Иоасаф, видимо, отказался поддержать противников Бельского. Он нес ответственность за усиление Бельских и их политику, а в момент заговора должен был предоставить им церковную защиту. В переговорах с кн. С. Ф. Бельским митрополит выступал с предложениями князю наряду с другими высшими советниками. Общее согласие формально было необходимо: слишком велики были угрозы. Полгода спустя ответственность за падение Бельского не взял на себя никто из влиятельных московских политиков, а на кн. И. В. Шуйского она была возложена в официальном летописании, как отметили Г. В. Абрамович и А. Л. Корзинин, лишь позднее, под непосредственным влиянием повзрослевшего Ивана Грозного[194].

Само усиление Бельских было крайне рискованным для князей литовского происхождения на государевой службе и могло быть не самоцелью их политики, а следствием череды провокаций, возвысивших князя Ивана Федоровича и сделавших его удобной мишенью в борьбе за власть. Ни обширный клан Бельских, ни даже лично брат князя Ивана Дмитрий в результате падения кн. И. Ф. Бельского и политиков его ближайшего круга не пострадали. При этом обвинение, прозвучавшее в московской официальной летописи в адрес Бельских, согласуется с головокружительными перспективами, открытыми московским посольством в Крыму перед князем Семеном. Обещания ему были подкреплены конкретными предложениями, ведущими к получению Бельскими «воли и опеки» над малолетним великим князем, и дарами. После похода на Москву князь Семен раздавал в Орде немалые суммы и дорогие вещи в качестве благодарности и компенсации. Среди указанных в его реестрах вещей — «кожюх соболи, што з Москвы прислан» (10 зл.)[195]. Его князь подарил Сахиб-Гирею. Из Москвы Бельскому были присланы дорогие вещи, которые князь счел допустимым пустить на задабривание самого крымского хана.

Уступки звучали со стороны Москвы и Сахиб-Гирею, и Сигизмунду Старому. Сама фигура князя Ивана Бельского была катализатором мирных переговоров[196]. Письмо князя Семена королю показывает, что «нашей» в дипломатической конъюнктуре 1541 г. была власть не всех бояр, а именно князей Бельских и их союзников. Она и выросла после июльских событий, возможно — лишь номинально, но настолько, чтобы позволить их противникам обвинить их в узурпации и уничтожить сначала политически, а затем и физически их лидера[197].

---

[192] АЗР. Т. 2. С. 375, 378.

[193] *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 603–615.

[194] *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 92–93; *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1541–1547) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 2. С. 11–12.

[195] КС. № 65. Л. 1, публ.: АЗР. Т. 2. С. 381. № 217 (1541–1542 гг.). Уточняем чтение по первоисточнику.

[196] Осенняя переписка между князем Семеном и его братом Иваном относится, возможно, к 1541 г. См.: Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Polska bref o. handlingar 1600–talet E 8600. Acta ad historiam bellorum inter Poloniam et Moschoviam saeculo XVII gestorum pertinentia. Письмо кн. И. Ф. Бельского кн. С. Ф. Бельскому (Москва, 10 ноября б. г.).

[197] Видимо, по ложному пути идут исследователи, когда вслед за Н. М. Карамзиным и принявшим его допущения О. П. Бакусом полагают, что в 1540–1541 гг. (Бакус ошибается, когда приписывает Карамзину дату «1540 г.»), до похода Сахиб-Гирея летом 1541 г., что-то существенно изменилось в дипломатической игре кн. С. Ф. Бельского и он действительно попытался вернуться в Москву. Эта концепция уводит в сторону от версии о разжигании кн. С. Ф. Бельским провокации, жертвами которой пали его брат, ряд поддерживавших его придворных и митрополит Иоасаф. Для Бельского эта провокация была беспроигрышной только в том случае, если бы его московским контрагентам удалось укрепиться и дипломатическими шагами добиться реализации его международного проекта. Предположение об инициативе князя Семена по возвращении в Москву в то же время снимает ответственность с рисковавших головой поручителей за Бельских в Кремле и исключает одну из вероятных интерпретаций событий 1–3 января 1542 г. Впрочем,

Али-хаджи (Алый-Гаджи, Оталый-Гаджи, Али-Хазий, Али-Хичей, Ари-Хази) отчитывался перед Бельским как перед «братом», но, видимо, в порядке доклада по военным действиям Ибраим-Баши и 20-тысячного войска. Цель была достигнута: от Рязани до Каширы русские земли были разорены. Пойман был «язык» из Москвы. Он рассказал небыль, но Бельский не знал, что его дезинформируют, и, возможно, должен был клюнуть на приманку. Великий князь московский будто бы умер, некий Петр Карпов[198] тоже умер, «а Кобенский Шуйского забел» и, по общему совету со всеми светскими и «з духовными», послал за братом «вашего князя Белского» в Белоозеро, чтобы вернуть его в Москву. Письмо написано вскоре после 2 января 1542 г., когда князь Иван Бельский был отправлен в ссылку, из которой ему уже не суждено было вернуться. Сообщение князю Семену должен был передать Магмет-Али, который направлялся к королю Сигизмунду[199]. Из Москвы распространяли слух, вселявший уверенность в смерти великого князя, кн. И. В. Шуйского и П. Карпова и главенстве в Москве Кубенских (видимо, князя Михаила Ивановича) и Бельских. Сходная уловка звучала и в письме Бельскому из Крыма от Садык-Челебея[200].

Я считаю, неверно видеть в усилиях кн. Семена Бельского лишь воплощение его авантюрного характера и эхо ушедшей удельной или феодальной эпохи. Князь отнюдь не был Дон-Кихотом средневековой раздробленности и не поддерживал своими инициативами никакой идеи децентрализации. Прежде всего он опирался на ощутимое сближение Ягеллонов, Османской империи, Крыма и степных Орд. Сам он был убежден, что могущественная лига охватит Москву и вынудит ее элиту пойти на сближение со странами победителей. Несмотря на только что закончившуюся перемирием Стародубскую войну, такая перспектива вполне устраивала Сигизмунда Старого. Переписка Бельского с королем показывает, что он видел себя борцом за его интересы и надеялся на поддержку. Однако в той же мере ответные письма от короля Сигизмунда и королевы Боны говорили о неформальном расположении и благосклонности Ягеллонов к заядлому дипломату-конспиратору, внушавшему властям Короны и Литвы, что все его усилия ведут к успехам и победам. После похода 1541 г. он пишет королю: «Коли есми ехал, з ласкавым допущенем Вашей Милости, до царя перекопского, хотечи от себе оказать неякую послугу Вашой Кролевской Милости...» Многие в окружении короля действия Бельского не поддержали, но за свои слова они «ся... стыдить могут»[201]. В польской версии (латиницей) этого послания, адресованной какому-то «князю», посвященному в его тайную дипломатию (возможно, юному Сигизмунду Августу), Бельский признаётся в своей верной службе королю и королеве[202].

сам же О. П. Бакус по ходу статьи неоднократно высказывает сомнение, что кн. С. Ф. Бельский собирался вернуться на службу к Ивану IV. Сценарий «возвращения» вписывается в концепцию неудачи в борьбе «удельного князя» за отжившие иллюзии самостоятельного правления в независимом от Москвы Рязанском (и Бельском) княжестве. Ср.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 8. Стб 37–38; *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 130. N 52; ср.: Ibid. P. 130–131.

[198] Предположительно речь идет о брате дипломата Федора Карпова, но почему он назван в одном ряду с великим князем и кн. И. В. Шуйским, понять трудно. Возможно, речь идет именно о смерти Федора Карпова, который принимал непосредственное участие в переговорах с Крымом о выдаче Бельского в 1537 г.

[199] КС. №87. Л. 1, публ.: АЗР. Т. 2. С. 382–383. №218/I (цитаты исправлены по первоисточнику). О. П. Бакус критикует датировку трех писем от слуг Сахиб-Гирея Бельскому 1541 г., предложенную в публикации, и настаивает на том, что она невозможна для первого из трех писем и почти невероятна для второго и третьего. По мнению исследователя, письма относятся ко времени после заговора 1–3 января 1542 г. Сходным образом рассуждает М. М. Кром. Если допустить, что дезинформация основана на максимальном объеме достоверной проверяемой информации, то создать ее могли в середине мая 1542 г. Именно в этот момент уже умер в монастыре кн. И. В. Шуйский и только что умер или был убит кн. И. Ф. Бельский, за которым послали из Москвы. Следовательно, речь может идти о составлении письма Бельскому от Али-Хаджи (Оталый-Гаджи), наиболее вероятно, поздней весной или летом 1542 г. Князь на тот момент находился уже в землях короля Сигизмунда Старого. Менее вероятно предположение А. Л. Корзинина о том, что в письме соединены «разновременные факты» — предыдущая ссылка Бельского в Белоозеро до 25 июля 1540 г. и заговор против него же зимой 1541–1542 гг. Как отмечает М. М. Кром, догадка о «первой ссылке» Бельского на Белоозеро высказана И. И. Смирновым именно на основе обсуждаемого письма и никакими другими источниками не подтверждается, а факт смерти Шуйского может иметь отношение только к событиям не ранее мая 1542 г. Ср.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 131. N 59; *Корзинин А. Л.* Политическая борьба... С. 13; *Кром М. М.* «Вдовствующее царство». С. 280–282.

[200] КС. №87. Л. 1 — 1 об., публ.: АЗР. Т. 2. С. 383. №218/II.

[201] КС. №63. Л. 1, публ.: АЗР. Т. 2. С. 377. №213 (Б. д.). Не ранее августа 1541 г. Чтения исправлены по первоисточнику. См. также: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 129. N 49.

[202] Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. №8601. F. 1 (письмо в отдельной обертке): "A na czom yesmo pryrekly iych krolowskoy myloscy

Даже если масштабные цели достигнуты не были, крымский поход на Волынь и Подолье был отложен. Сулейман Великолепный поддержал проект мира и союза между Крымом и Ягеллонами, благословил самого Бельского и крымского хана на поход на Москву. Малые силы Стени разделились между Москвой и Крымом. Ширинский князь Баба уговаривал хана передумать и идти войной на польского короля. Тут Бельский бросается в картинное самоуничижение и представляет решение Сахиб-Гирея как свое достижение: «Я, милостивый кролю, сколько розумел из своее худое головы, только есми царю его милости мовил, и его умовил»[203]. Письмо, полученное ханом через Бельского от Сулеймана, решило исход этой борьбы, и князь Семен уверен в своей роли, определившей решение Сахиб-Гирея. Еще один степной правитель — «князь Бакый», трижды по просьбе Бельского ходил в пределы Московского государства в 1541 г. и изуверски уродовал пленных («носы урезывал»), приговаривая, что мстил «за князя Бельского»[204]. Московское посольство тоже просило князя Семена не ходить на Русь, не разорять христианских церквей, и богато одарило его. Однако князь, приняв богатства, всё же направился в поход и, по его собственным, немало приукрашенным рассказам, дважды разбил войско противника, заставил бежать из Москвы великого князя и его раду и причинил Московскому государству огромные убытки.

Поход на Москву завершился, и уже в сентябре того же года Бельский появился в Киеве, а оттуда должен был ехать к королю в Вильно. В конце 1541 г. Бельский, как мы покажем ниже, должен был встречать крымское посольство в Вильно или Кракове и посещать Стоклишки.

Летом 1542 г. князь вновь побывал в Кракове и вновь вернулся в свои литовские имения[205], а в начале июля был приглашен королем на Виленский сейм, который должен был состояться «о Новом лете»[206]. Король стремился вытянуть князя Семена из его татарско-турецких интриг и потребовать от него отчета. Между тем Бельский продолжал переписку с крымскими мирзами и Сихиб-Гиреем[207]. Возможно, к 1541 г. относятся копии писем Али-Хаджи, Сахиб-Гирею и Ибраим-Баше из собрания Скуклостер. Первые два записаны на одной странице, третье — на отдельном листе. Все три датированы: Вильно, 26 октября. Хану князь Семен отчитывается в переговорах с обоими королями, Старым и Августом, и передает «легкий поминок». Царевичу Бельский обещает «приязнь», отправляет с письмом лисью шубу и сожалеет, что соболью достать пока не удалось. Ибрагиму посылает соболя (что послать — видимо, вызывало колебания, слово написано по более длинному затертому отрывку) и также гарантирует свою дружбу («приязнь»). Миссию выполнял служебник Бельского «Иван», т.е., по всей видимости, князь Иван Булгак[208].

В актовом наследии Бельского обнаруживаются росписи «Розданье даров у-в Орде, у поминках». Ее кириллическая версия «На памет што в Орде роздал княз Белскый» хранится в коллекции С. В. Соловьева[209], польская — в собрании Скуклостер[210]. Еще два фрагмента о выплатах татарам — в бумагах Бельского и Гаштольдов архива Скуклостер[211]. Расходные столбцы из собрания Соловьева составлены по данным за несколько лет. Все траты старательно подсчитаны — 2287 зл. самого Бельского, турецких коней на 320 «золотых черленых» (не считая 10 коней-«бахматов») и 400 зл. «в золоте» денег крымского хана[212]. В постатейной росписи несложно узнать

---

y krolyewoy ye ye myloscy y vaschoy myloscy moyemu laskawomu za laskoyu myloho Boha, thomu yesmy dosyc uczynyl". Копия (по словам издателей основного списка, «к какому-то литовскому сенатору») хранится в собрании С. В. Соловьева (АЗР. Т. 2. С. 378). Датировка польской версии письма может быть уточнена. В первых его словах говорится, что князь вернулся во владения короля Сигизмунда Старого ("Zathym thesz powedayu waschoy knyeschackoy myloscy, ysz za laskayu myloho Boha wo zdorowiy yesmy pryyechal do krolya yeho myloscy pana naschoho myloscywoho"). А это могло случиться уже к концу года — в декабре 1541 г., когда возник, по нашему предположению, и Краковский реестр АГБ 14* (III-9).

[203] АЗР. Т. 2. С. 377.

[204] АЗР. Т. 2. С. 378.

[205] АГБ 13* (III-8). Л. 1. Распоряжения отдавались в Кракове в июне (в акте — 15 июня из зачеркнутого «июля»), видимо, того же года. Впрочем, этот акт требует особого внимания, и о нем мы скажем, когда речь пойдет о событиях середины 1542 г.

[206] КС. № 79. Л. 1, публ.: АЗР. Т. 2. С. 391. № 224 (Краков, 5 июля 1542 г.).

[207] Принимаем датировку переписки кн. Семена Бельского со слугами Сахиб-Гирея, предложенную О. П. Бакусом. См. выше.

[208] АГБ 76. Л. 1; АГБ 77. Л. 1. Польские исследователи предварительно датируют послания Бельского Сахиб-Гирею и Ибрахим-Баше от 26 октября «после 1536 г.». См.: Polonika w zbiorach... S. 113.

[209] КС. № 65. Л. 1 — 4 об., публ.: АЗР. Т. 2. С. 381–382 (1541–1542 гг.).

[210] Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. E 8602. F. 1–3v. Акт в подборке без сплошной нумерации фрагментов и листов под заглавием: "Na pamyecz, czom roszdal w Ordzie, kxyacz Byelszki".

[211] АГБ 50 (1-1), 14* (III-9).

[212] КС. № 65. Л. 4 — 4 об., публ.: АЗР. Т. 2. С. 382. О. П. Бакус подсчитал, что одарено было в общей слож-

всех знакомых и покровителей Бельского, которых он подкупал и одаривал всё то время, пока длился проект Московского похода.

Иерархия приоритетов видна и в черновике из собрания Скуклостер, условно — АГБ 50 (I-1), однако черновик отразил либо более раннюю стадию списка «поминков», либо какой-то иной список. В черновой версии нет ценника, а названы только дары и одариваемые. «Поминки», согласно списку из Скуклостер, раздавались через татарских послов, а значит, это происходило не в самом Крыму. Под конец списка дважды упоминается «княжий посол» Булгак, или кн. И. Булгаков. О нем уже говорилось выше. Это агент князя Семена. Он-то и приехал вместе с ордынцами во владения Гаштольдов. Можно предположить, что черновая версия реестра даров отражает дипломатический обмен между Крымом и литовскими имениями кн. С. Ф. Бельского в 1541–1542 гг. Часть даров крымские послы получили по рекомендации князя Семена непосредственно от его наместников и администрации Гаштольдов[213].

Последовательность и названия предметов в обеих версиях различны. Есть расхождения и в адресатах. Черновик первым упоминает серебряный позолоченный кубок «царю» — видимо, тот же, что и в чистовой версии. Но на момент создания черновика больше ничего царю давать не предполагалось. Затем в черновике — злотый царевичу (Али-Хаджи), «старшему послу» Бий-Болушу — куньи или лисья шуба и седло, Дивей-мурзе — сукно и сафьян, царице — злотый на платок или полотно («хусту»), послу царевича — сукно и узду. Далее перечислены дары Садык-Челебею, Азыф-сеиту, Кулумилы-Дулвану (видимо, это Кунтуван-Дуван), ширинскому князю Ак-Мамаю, Ибреим-паше (баше) и его слуге. Затем назван — видимо, толмач — Шимко, а также его брат и мать. Последние двое не отражены в «Розданьи даров». Еще двое прямо не упомянуты в списке Соловьева: Елеман и «царев гонец» Ахмат. Не назван в черновике из Скуклостер Машик-Дуван, зато получили дары «Машиков брат», «Коккучюиков брат» и посол царевича Идер-Гирея. Ахмат-паша назван вслед за царевичем, тогда как в списке Соловьева его имя значится после «сына Ибреим-Баши». За Ахматом в обеих версиях следует Ари (Али)-Хази. Затем в списке Скуклостер имена слуг Ахмата и Ари, названных в отдельном списке слуг в рукописи из собрания Соловьева. Это — Аижим и Тахтар. И после них упомянут слуга Бельского князь Булгак. После этого счет сведен на 10 зл., 9 «колтышевых» сукон, 2 рославских лундыша. Отдельно приписано, видимо, вознаграждение Булгаку — серебряный грош и «алтынка» (или грош «за ялтынку»)[214].

Об этой миссии, по всей видимости, мы знаем из благодарных ответов татарских сановников. Старший царевич Али-Хаджи сообщил Бельскому новость об отправлении Ибреим-паши «землю Московского воевати» и ряд сведений о ходе войны и слухов из Москвы. Толмач Шимко выполнил свое поручение — Садык-Челебей благодарил Бельского, что он прислал один злотый с Шимко, другой с Джан-Булатом (Болотом). «Тяжким поклоном» и «легким упоминком» отплатил Бельскому и Ибреим-паша. Посольство в Литву от Бельского и крымского хана состоялось, видимо, как раз в начале 1542 г. Большая роспись «даров» должна была возникнуть уже после этого как результат всех предыдущих выплат и выдач, хотя ее основной акцент сделан на событиях лета 1541 г.

Точно датирован еще один реестр из собрания Скуклостер — №14* (III-9). Он содержит «белую» дату — 14 декабря 1541 г. К тому времени поход Бельского на Москву уже закончился, так что содержимое данного фрагмента подводит «итоги» военного года и отражает новые дипломатические расходы. Роспись датирована по обычному формуляру документации Гаштольдов-Бельского и названа: «На паметь мне, Ивану, што выдан ис скарбу его милости князя Белского». Трудно сказать, что это за Иван. Если князь Иван Булгак, то настораживает отсутствие княжеского титула. Если названный первой же строкой слуга Бельского Иван Шираев, то почему основной почерк росписи принадлежит литовскому русскому, а не московиту? Мог ли Шираев блестяще освоить деловую скоропись Великого княжества Литовского? Тот же Иван причастен к созданию Краковского реестра рубежа 1541–1542 гг., в котором его имя упомянуто дважды как отчет и расписка в получении денег: «На памет Ивану»[215].

ности 39 человек. См.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 131. N 57.

[213] Роспись из Скуклостер составлена еще до реестра Соловьева. Если последняя представляет собой «память, што в Орде роздал князь Бельскый», то первая — неоднократно пополняемые наброски о том, что еще только «надобе дать». См.: АГБ 50 (I-1). Л. 1.

[214] АГБ 50 (I-1). Л. 1–2. Приписка о вознаграждении Булгака выполнена особым почерком и другим пером. Возможно, в получении расписался сам Булгак. Палеографические особенности приписки говорят о том, что она выполнена московитом (об этом см. ниже).

[215] АГБ 40 (II-2). Л. 1, 2. Вряд ли этот Иван и есть обладатель основного московского почерка бумаг Скук-

Ряд встречающихся в реестре 14* (III-9) имен пожалованных тканями, «сукнями» и «жуницами» лиц — несомненно, московиты. И награжден стоклишский пон. Почему именно они, наряду с татарскими и турецкими представителями? Возможно, большинство из них — слуги князя Семена и пожалованы за участие в его боевых действиях против Москвы. Впрочем, это только предположение. Кроме «турчени» в числе пожалованных оказались «царов посол», «царов другой посол» и «царевичов посол», т.е. посланники Сахиб-Гирея и его сыновей[216]. Оба кратких реестра складываются в единый комплекс за последние дни 1541 г., когда в Стоклишках оказались представители крымского хана и турецкого султана и производились раздачи. Уже позднее сведены ведомости и составлен единый реестр, но только по турецко-татарским выплатам.

На первом плане в сводной росписи из собрания С.В. Соловьева — крымский хан, его старший и один из младших сыновей, а также «перекопский воевода». Противники проекта, ширинские князья Баба и Ак-Мамай получили ткани и шубы. Видимо, к ним примыкает Кутлуб-Сагат, также дождавшийся от князя Семена «кожухов», 3 зл. и «ложьку серебрену». Богато награждены ногайский князь Бакый и два его брата, воевавшие московские пределы в 1541 г.[217] Щедро одарены также Ибреим-баша с сыном, Ахмат-баша, Али-Хаджи с сыном, дворцовые слуги Сахиб-Гирея и их родичи. Прямое пересечение с известной перепиской отражает запись: «Садык-Челебиеву брату, который ездил до царя турецкого в моей речи» (две шубы и 30 золотых червленых)[218]. На празднование победы делались подарки приезжавшим в крымское войско в пределы Московского государства шурину хана и посыльному от сына хана. Отдельной статьей проходит, возвращая нас к более ранним событиям, татарин по имени Женак, которого Сахиб-Гирей направил в крымское войско, угрожавшее еще до Московского похода владениям польского короля. Получил небольшое вознаграждение даже пристав хана, который сопровождал Бельского на пути в Кафу. Завершают список слуги различных правящих особ, их ближайших родичей и сановников.

Судя по объему даров, не вызывает сомнений, что самые большие усилия князь Семен прикладывал в переговорах с крымским ханом и его окружением, а также с ногайскими князьями. С другой стороны, эти траты, превышающие расходы на ширинских конкурентов и на других лиц, показывают, что и угрозы проекту Московского похода могли быть не так значительны, чтобы вмешательство кн. С.Ф. Бельского играло существенную роль на той стадии, когда войско крымского царевича вернулось из похода на литовские земли. Раздача Бельским «поминков» в Крыму, тщательно зафиксированная в реестрах и подсчитанная до «гроша», была частью большой дипломатической игры, в которой Москве князь Семен противопоставил ставшее традицией задаривание ордынского союзника. В глазах крымских суверенов это был знак покорности и след традиционной «дани». В реалиях конца 1530-х — начала 1540-х гг. трата в 3 тыс. зл. могла сравниться с московскими «поминками». В 1537 г. Сахиб-Гирей настоятельно просил Ивана IV прислать ему собольи и рысьи шубы, шкурки черной лисицы, «зубы рыбьи черные» и кречетов с кречетниками. Москва затягивала с дарами, перенося их вручение на приезд «большого посла» из Крыма[219]. Бельский, защищенный грамотой султана и неясными поручениями из Короны, был платежеспособен, позволял выторговывать надбавок из Москвы и даже передаривал хану и его подданным полученные от бояр подарки. Можно лишь предположить, что реестры князя Семена, сохранившиеся в собраниях Соловьева и Скуклостер, отражают траты не только за 1541–1542 гг., но за всю его Крымскую эпопею. Сахиб-Гирей вспомнил о кн. С.Ф. Бельском в конце 1542 г. и призвал его уговорить короля еще раз выступить против Москвы[220]. Князь получил в подарок бухарский лук, но разжечь большую войну уже не мог.

лостер: во втором случае «на памет Ивану» сопровождается уточнением: «дал мне». Кому именно «мне», в акте не сказано. Им мог быть какой-то слуга по имени Шляхта, который и был основным получателем приводимых здесь выплат в Кракове. Однако мог ли московит носить такое прозвище? Кроме того, Мартин Шляхта неоднократно выступает во фрагментах из Скуклостер как урядник Бельского — о его московском происхождении при этом нигде не говорится. О датировке этого источника см. ниже в разделе «Князь Семен в своих владениях».

[216] АГБ 14* (III-9). Л. 1 — 1 об.

[217] В.В. Трепавлов пишет даже, со ссылкой на издание «АЗР», что «самые щедрые и богатые подношения предназначались “Бакыю князю” и двум его братьям» (*Трепавлов В.В.* История... С. 229. Примеч. 34). Однако это преувеличение.

[218] АЗР. Т. 2. С. 382.

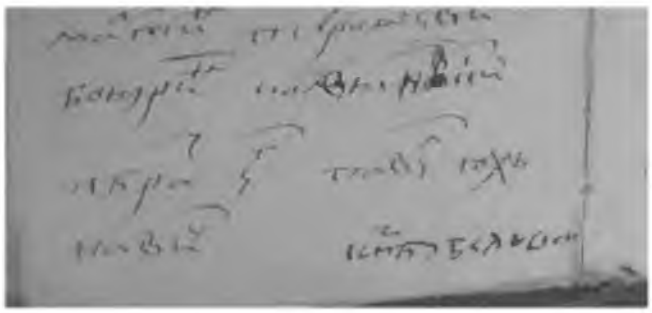
[219] ПК-123-8. Л. 378 об. — 379.

[220] КС. №85. Л. 1, публ.: АЗР. Т. 2. С. 392. №226 (Б. д.). Перевод послания Сахиб-Гирея писан рукой московита. Условно датируется временем до ноября 1542 г.

Князь Семен в своих владениях

Можно ли выяснить, когда князь Семен вернулся в свои владения? Переговоры с крымскими послами, след которых оставлен реестром 14 декабря 1541 г., велись при его участии. К комплексу записей рубежа 1541–1542 гг. примыкают уже упоминавшиеся выше краковские заметки московской скорописью в №40 (II-2). Они делались по свежим следам в Кракове или на основе тамошних отчетов. Но когда именно? Некто Иван, М. Шляхта и писарь-московит могли сопровождать Бельского и в конце 1541 г., и в середине 1542 г. Князь неоднократно приезжал и уезжал из коронной столицы. В Кракове князь Семен выдавал немалые суммы на одежду и пропитание своим слугам, вращался в высшем свете, бросал монеты музыкантам, покупал себе и знакомым вино и пиво, на глазах у слуг подавал милостыню: «Тех грошей дал в понеделок... за две шанки зеленыя дал в восмь грошей, игрецом дал хлопцу полуботки, дал семь грошей, две кварьте вина дал полчетверта гроша, сена за грошь купил, пива за два гроша ку[пи]л... В понедело[к], коли ехол провожать пана Таръновъского, дал двореном в корьчьме два гроша... В середу... убогому дал полгроша...»[221] Полгроша убогому — хорошая точка, чтобы отбыть из столицы. Можно полагать, что перед нами полная ведомость двукратного двух- или трехнедельного проживания князя Семена в Кракове. Конечно, учтены только «текущие» расходы[222].

В этой ведомости след «большой истории» ведет нас к известным событиям рубежа 1541–1542 гг. Коронный гетман Ян-Амор Тарновский собирался в свое итальянское путешествие, куда отправился, вероятно, в марте 1542 г.[223] Когда



Помета особым почерком «Княз Бельски» Архива Гаштольдов — Бельского. Стокгольм. Государственный архив в Мариеберге. См.: Riksarkivet Marieberg (Stockholm). Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. Brev. N:O 352. E 8610:2. Тетрадь № 109 (I-4).

Бельский «ехол провожать пана Таръновского», то должен был присутствовать на официальном приеме. Можно представить себе сцену встречи старика, страдающего от подагры, с юным и энергичным московитом, с которым ему приходилось не раз видеться во время Стародубской войны. Им было о чем вспомнить и за что выпить вместе. Гетман держал в год Стародубского взятия Бельского при себе почетным пленником, а в июне 1536 г. приложил немало усилий, чтобы убедить Раду Прешова отпустить его из очередного плена[224]. Королевские дворяне на отъезд Яна Тарновского получили от князя Семена Бельского в корчме 2 гр.[225]

Нужно представить себе еще и такую нетривиальную сцену: на торжественном выезде коронного гетмана шляхтичи пьют здравицу гетману и поминают добрым словом князя Семена, на тот момент героя уже двух больших войн, милостиво принятого королем и не раз восхищавшего сенаторов своим красноречием...

Когда к марту 1542 г. князь забросил свои политические проекты, в его литовских имениях разгорелись тлевшие много лет конфликты. Фрагмент, которым ныне начинается подшивка

---

[221] АГБ 40 (II-2). Л. 1 – 2 об.

[222] Условно к тому же времени, а возможно, и к Краковской поездке рубежа 1541–1542 гг. относится №75 (II-13). Здесь московским почерком на одной странице приведены сведения о выдаче кому-то нескольких кафтанов, далий и чох. Кому и когда, неясно.

[223] *Dworzaczek W.* Hetman Jan Tarnowski: Z dziejów możnowładztwa małopolskiego. Warszawa, 1985. S. 106–110; *Winczura Ł.* Hetman hetmanów Jan Amor Tarnowski (1488–1561). Kraków, 2005. S. 216–217, 290–291, 318. Выезд гетмана из его имения в Вевюрке в Италию состоялся вскоре после 10 и до 28 марта 1542 г. Впрочем, свой выезд гетман планировал долго, а вновь появился в Кракове 6 июля того же 1542 г., уже к 17 июля был в Сандомире, но после этого был в Кракове в 1542 г. еще неоднократно. Хотелось бы выразить благодарность Иерониму Грале (Варшава), в частной переписке указавшему мне на эти факты из биографии Я. Тарновского. Вывод о том, что Бельский, согласно реестру из Скуклостер, участвовал именно в выезде Тарновского в Италию, нуждается в дальнейшем обосновании. Например, пока в нашем распоряжении нет точных дат итинерария гетмана, неясно, какой из его выездов приходился на понедельник.

[224] См. об этом выше.

[225] Впрочем, речь скорее идет о дворянах самого Бельского. Они еще раз упоминаются в краковском реестре, датированном приблизительно июнем–июлем 1542 г., т.е. в АГБ 13* (III-8). В Кракове кн. С. Ф. Бельского, несомненно, окружал небольшой «оршак» из слуг. На проводах Я. Тарновского князь Семен мог одарить именно их небольшой суммой.

материалов Бельского из Скуклостер, написан русским почерком Великого княжества Литовского. Он открывается годичной датой («1542») и словами: «Коли князь приехал из Кракова»[226]. Разумеется, его бурная жизнь требовала тонкой бухгалтерии. Одними из первых под перо урядников попали подданные Кормялово. Им предстояло отчитаться по своим налогам («дяклу»). Исправления в реестре московской скорописью, сходной с той, которую мы найдем в краковской отчетности, говорят о том, что реестр был выполнен по заказу Бельского после его возвращения и правлен его ближайшим слугой. Пристальное внимание урядников к кормяловским делам объясняется конфликтом подданных с разветвленной администрацией, о чем мы скажем чуть ниже.

К тому времени вспыхнул и еще один очаг недовольства — один из жижморских урядников перешел на сторону местных подданных князя и дожидался Бельского, чтобы судиться с остальными управляющими[227]. События, предшествовавшие жалобе начала 1542 г., могут быть восстановлены на основе реестров замка Скуклостер, отдельных документов из собрания С. В. Соловьева и сохранившейся в собрании Варшавского национального музея повестки в суд[228]. Прежде всего одним из распорядителей имений Бельского и ответчиком в 1542 г. был королевский секретарь Венцлав Миколаевич, который «держал Жижморы» по приказу виленского воеводы «на князя Белского» и заезжал в Жижморы, когда направлялся с посольством в Москву[229]. Жалоба на В. Миколаевича и Б. Коробку была подана урядником Щастным Стасевичем еще в отсутствие Бельского 13 января 1541 и повторно — 10 марта 1542 г.[230] По всей видимости, в январе 1541 г. урядники от имени князя Семена подготовили сведения о нарушениях в его отсутствие, тогда как в марте–апреле 1542 г. разгорелся суд между жителями Жижмор и Бельским. Князь обратился к жителям Жижмор, пообещав им компенсировать потери в имуществе и в деньгах (150 коп гр.)[231].

Из «Реистра тых шкод, што побрал Венцславус», составленного начерно и послужившего основой для беловых копий, следует, что В. Миколаевич в отсутствие князя Семена «был урядником в дворе князя Бельского в Жижьморах»[232]. Редактору одного из списков жалобы не понравились слова о назначении Венцлава урядником с руки виленского воеводы — они были вычеркнуты, и вместо них приписано: «приехав до Жижмар»[233]. Надо полагать, это знак несогласия с полномочиями государственного урядника. Формулировка «а коли Вентиславус ходил к Москве...» встречается не в заголовках, а лишь в отдельных статьях реестров из замка Скуклостер, а значит, Венцлав проводил реквизиции в имениях Бельского неоднократно[234].

Венцлав Миколаевич, герба «Дубна», не разгаданный О. П. Бакусом в имени «Венцислав», был влиятельным дворянином, с 1534 г. — секретарем короля Сигизмунда I. Одновременно он был писарем Ольбрахта Гаштольда. Дважды, в 1536–1537 и 1555–1556 гг. побывал с посольством в Москве. Высказывалось предположение, что именно он под именем Михалон Литвин написал «Трактат о правах татар, литвинов и московитян»[235]. Недавно А. Шаланда предположил, что В. Миколаевич составил геральдические вставки в «Хронике Быховца»[236]. В договоре

[226] АГБ 41 (II-1). Л. 1. К этому реестру примыкают и № 1* (I-9), 19* (III-14), из которых «белая» дата второго относит его к столпишской отчетности 1542 г., а в первом приводятся сведения о службе землевладельцев из имений Бельского. В обоих присутствуют пометы московской скорописью.

[227] Выражение «к тому времени» обречено на условность, поскольку дата фрагмента № 41 (II-1) «лето... 1542» может относиться не к (предполагаемому) возвращению Бельского из Кракова в марте 1542 г., а к каким-то другим событиям этого года.

[228] AGAD. ZMN. № 65487. Акт датирован в записях музейных работников и архивистов «17 апреля 1542 г.». Однако это неверная датировка, возникшая в результате прочтения кириллической «г» (3) в дате как «7». Верная дата: Вильно, 13 апреля 1542 г. Вызов требует явки на суд, но на сей раз не к самому королю. Это напоминание, что за неявку ответчику грозит приезд «детского» от Сигизмунда Старого и принудительная выдача суду. Дата судебных «роков» не указана. Ее должен был назвать местный суд, вероятно, в Вильно.

[229] АГБ 47 (II-9). Л. 1.

[230] КС. № 60. Л. 1 (Вильно, 13 января 1541 г.); № 76 (Жижморы, 10 марта 1542 г.); № 77 (Жижморы, 10 марта 1542 г.). См. также: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 132 (в основном тексте однажды — ошибочно датировка КС № 60 «15 января 1541 г.». Ошибочная цифра появляется в дате письма как номер индикта: «Индикт 15»).

[231] Подробнее о суде и переписке князя Семена с королевой Боной см. здесь ниже.

[232] АГБ 23 (II-15). Л. 1; КС. № 75. Л. 1 — 1 об.

[233] АГБ 8* (III-2). Л. 1 — 1 об.

[234] АГБ 4* (I-15). Л. 1; АГБ 52-2 (I-17). Л. 2; АГБ 23 (II-15). Л. 1.

[235] *Баравы Р., Семянчук А.* Міхалон Літвін // Вялікае княства Літоўскае: Энцыкл.: У 3 т. Мінск, 2006. Т. 2. С. 318.

[236] *Шаланда А.* Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: Геральдычна-сфрагістычныя нарысы. 2-е выданне. Мінск, 2013. С. 92.

от января 1541 г. Венцлав фигурирует под именем «Венслав Ивашкович»[237].

Как представитель короля и Гаштольда, Венцлав мог осуществить ряд решительных мер в Жижморах, когда готовился ехать в Москву в 1536 г. Накануне в своем имении побывал и князь Семен Бельский. В реестре его убытков упоминаются доски, заготовленные отчасти «людьми жижморскими», а отчасти самим князем («што был сам князь Белский наготовал»)[238]. Негодование вернувшегося из странствий князя Семена вызвала нитейная подать («канщина») «за Вентиславусова держаня», несмотря на освобождение, полученное местными жителями от виленского воеводы после пожара в Жижморах. В. Миколаевич отнял у них «лист»-привилегию и собрал 32,5 кон гр. От имени князя добавлено: «...а не ведаю, если будет пану воеводу отдал, або не отдал»[239]. Таким образом, все упоминаемые события происходили примерно с 1535–1536 гг. и еще до смерти воеводы виленского О. М. Гаштольда, который упомянут как их действующее лицо, т. е. до декабря 1539 г.[240]

Инициатива по изъятию имущества Бельского принадлежала или была приписана королю. Один из списков Жижморского реестра озаглавлен: «Реисть што Вентиславус побрал статок князя Белского и его служебников на он час, коли он послан от кроля»[241]. Изъятие «статков» Бельского при участии королевского секретаря длилось не менее полутора — двух лет. Применялись как поборы с оставшихся слуг, так и уводы самих слуг вместе с их имуществом. О первых в реестрах говорится так: «А коли служебников князя Белского его милости потрачоно, тогды взяли з ними пенезеи князя его милости сто и шестдесят кон крошеи»[242]. Неясно, в какой именно момент случилось разбирательство со слугами. И слово «потрачоно» (ср. польск. *potrącić*) может значить как то, что со слуг Бельского взяли налог, так и то, что у них конфисковали или их оштрафовали на 160 кон гр.[243] С оставшихся слуг В. Миколаевич взыскал в Жижморах 36 «бахматов» (низкорослых татарских коней), в Московское посольство — одного белого турецкого коня и семь «бахматов», еще три коня достались Истоме Москвитину, слуге жены (возможно, вдовы) Юрлова — возможно, Ивана Большого Тимофеевича Юрлова Плещеева[244]. Отразились в реестре и наряды из «одомашковых» (дамасских) тканей — две «шаты» и четыре «кафтана», два постава «сукна лунского» (лундыша)[245], а также 9 сагайдаков, 12 армяков («ерчаков»), два больших кухонных котла и 5 белых средних котлов, 9 сковород, 6 больших цинковых «копвей» (кувшинов), пивной котел и два медных бубна[246].

Сообщение Бельского о том, что 38 жителей Жижмор покинули местечко на лето, а еще пятеро — на полтора года, чтобы уйти к В. Миколаевичу, вряд ли можно представить как результат насильственной депортации. Это мог быть «отход» на временный заработок или побег от конфликтующих урядников. Выведены были не все работники, а лишь «леншии люди». Жижморские подданные могли возвращаться к себе — согласно одной из наиболее полных версий реестра, они не всё время работали, а лишь «больши робили» во дворе королевского секретаря[247]. Из слов жалобы: подданные покинули имение Бельского «с клячами и з волы, и с косами». Шесть кляч и два вола подохли на «отходе» у восьмерых работников, а в самих Жижморах в те годы «сена не покошены и пашни не засеяли и не пожали»[248]. Сено

[237] Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. № 8610:1. F. 1 (Ненумерованный отдельный акт в подборке. Две накладные печати — Р. Раецкого и М. Гриникевича. Вильно, 13 января 1541 г.). Тем же днем датирован акт КС № 60. Польские исследователи предварительно отождествляют его с В. И. Агриппой. См.: Polonika w zbiorach... S. 113.

[238] АГБ 52-2 (I-17). Л. 3 об.

[239] АГБ 23 (II-15). Л. 2–3; АГБ 52-2 (I-17). Л. 3 об.; АГБ 47 (II-9). Л. 2. В 23 (II-15) написана, затем вычеркнута сумма налога, только здесь поименно расписаны выплаты.

[240] Ср.: АГБ 23 (II-15). Л. 2. Только в этом списке «шкод» В. Миколаевича О. М. Гаштольд назван «небощиком», т. е. умершим. Однако в архетипе всех сохранившихся списков данного реестра действующий виленский воевода — именно Ольбрахт Гаштольд.

[241] АГБ 8* (III-2). Л. 4 об.

[242] АГБ 4* (I-15). Л. 1, ср.: АГБ 52-2 (I-17). Л. 1–2.

[243] АГБ 48 (II-10). Л. 1 об.; АГБ 52-2 (I-17). Л. 2; АГБ 4* (I-15). Л. 2 об.; АГБ 8* (III-2). Л. 1 об. Во фрагментах 52-2 (I-17) и 8* (III-2) читается уточнение, что деньги у слуг Бельского хранились «в скрипце».

[244] Об И. Т. Юрлове Плещееве см.: *Тесленко І.* Родинний клан Сірчів // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2004. Вип. 4. С. 140–147; *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці... С. 52–53, 98–99, 101.

[245] Постав — мера длины тканей в Польше и Литве. 1 постав равнялся в различные моменты и в различных регионах 27–62 локтям.

[246] АГБ 48 (II-10). Л. 1 об. — 2; АГБ 52-2 (I-17). Л. 1–2; АГБ 4* (I-15). Л. 1 — 2 об.; АГБ 8* (III-2). Л. 1 об. — 2; см. также: АГБ 131 (I-15'). Л. 1–2.

[247] АГБ 23 (II-15). Л. 3 об. Здесь же далее список подданных кн. С. Ф. Бельского.

[248] AGAD. ZMN. № 65487. S. 3, ср.: АГБ 23 (II-15). Л. 3 об. — 4 об.; АГБ 47 (II-9). Л. 2 об.; АГБ 52-2 (I-17). Л. 4. В реестрах из бумаг Бельского названо 38 человек, уведенных из Жижмор на один год, и пятеро работавших полтора года.

за два года («двух роков») было роздано[249]. Пятеро из 43 проработали дольше остальных — полтора года. В новестке на суд не сказано об имуществе («статках») ушедших ничего из того, что известно из реестра. А в нем говорится, что при слугах князя было 200 зл., 30 позолоченных монет, 50 кон гр., 8 коней-«бахматов», 12 платьев из прошитого фалендыша («лундыша»), 8 сагайдаков, 8 армяков («ярчаков»), две лисьих шубы-накидки («завыиковые»), три беличьих шубы, четыре золотых перстня, сабля в серебряной оправе и 7 простых сабель[250].

В начале 1541 г. при свидетелях на Виленском воеводском суде («перед королем его милостью... и перед паны рады») Венцлав Миколаевич (Ивашкович) объявил, что рассчитался за свои реквизиции, и всё имущество из Жижморского двора «статок князя его милости Бельского и его служебников: кони, шаты и скриню з грошми и з золотыми и иншие всякие рухомые речи из гумна — жита и всякие збожя молоченые и немолоченые возил людми жижморскими до имеия своего до Мойшакголы, и кони, коли посолством ездил до Москвы, з собою брал и до Куки возил, до имеия своего, и люди жижморские у своем дворе на роботе держал»[251]. Венцлав признал убытки владениям Бельского и обязался не вызывать его, его слуг и подданных по этому делу в суд («выдати»). Этим решением он объявил себя в любом грозящем конфликте с жителями Жижмор свободным от дальнейших обязательств перед ними. Суд должен был освободить от ответственности перед жижморцами и других сборщиков — хоружего жижморского Рафала Раецкого, хоружича сомилишского Миколая Гринкевича и толмача господарского Таира Адышевича.

Разбирательство в королевском суде было отложено до завершения Московского похода, но недовольство тлело в Жижморах, где оставались слуги князя Федор Друк (Врук), Мартин Шляхта и три местных урядника — тиун и городской пристав, оба по имени Бартош (Бертош, Берташ), и конюх («пристав конюшский») Степан. Затаенный спор разгорелся вновь после возвращения князя Семена Бельского в свои имения. В нашем распоряжении нет судебной документации, но материалы Архива Бельского-Гаштольдов свидетельствуют о том, что жижморские подданные подали вновь в суд на Венцлава Миколаевича. В новестке на суд они перечислены в том же порядке, что и в «жалобнице» (иске), сохранившейся в бумагах Бельского[252]. В списке убытков особенно подчеркиваются немотивированные реквизиции: конфискованы доски, заготовленные слугами Бельского на строительство двора, в нарушение льготы О. М. Гаштольда с жижморских мещан собрано 32,5 кон гр. «канщины», 43 человека из Жижмор уведены в имение В. Миколаевича Мойшоголы, где всё лето на него работали. Ущерб был старательно описан в иске и новестке в суд:

Конь белый турецкий — 1
Кони-«бахматы» — 7
Жито — 3 скирды (280 кон)
Жито молоченое — 230 солянок
Пшеницы — 20 кон
Ячмень — 25 кон
Ячмень молотый — 22 бочки
Овес — 110 кон
Овес молотый — 117 солянок
Сено — 24 скирды
Коровы — 3
Клячи рабочие — 4
Вепри — 9
Куры — 80
Доски — 55 кон

Судя по отличиям в данном акте от реестров из бумаг Бельского, жалобе 1542 г. предшествовала компенсация части реквизиций. Скажем, о 36 забранных конях в новестке ничего не сказано, зато белый турецкий конь, купленный князем еще в Москве, семь коней-«бахматов», пшеница, ячмень свежий и молотый, овес свежий и молотый, сено, коровы, клячи, свиньи, куры, доски находят там соответствие[253].

[249] АГБ 52-2 (I-17). Л. 3; АГБ 47 (II-9). Л. 1 об.

[250] АГБ 48 (II-10). Л. 2 об. — 3; АГБ 4* (I-15). Л. 2 об.; АГБ 8* (III-2). Л. 2 — 2 об. В 8* (III-2) не названы армяки.

[251] Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. № 8610:1. F. 1 (Вильно, 13 января 1541 г.).

[252] АГБ 48 (II-10). Л. 1; АГБ 8* (III-2). Л. 1.

[253] Версия 4* (I-15) является сокращенной, убытки урожая здесь не перечисляются. В 52-2 (I-17) подробный рассказ о конях и заготовке досок. Наиболее полная информация о конях — в 23 (II-15): в Москве были куплены турецкий конь за 20 московских руб. и лисью «завыковую» шубу; серый нагайский «бахмат» — за 11 руб.; гнедой («гнед») — за 8 руб.; еще один гнедой («карь») — за 9 руб.; ногайский рыжий конь — за 9,5 руб. и еще один рыжий — за 7 руб. Еще один конфискованный гнедой конь был куплен Бельским в Вильно за 6 кон гр. Одного гнедого коня В. Миколаевич оставил в Крево (возможно, на пути из Москвы) у какого-то мещанина, а серого — «еще там едучи» (т.е. в Москву) в Радошковичах у местного плебана («клебана»). См.: АГБ 23 (II-15). Л. 1–2; АГБ 47 (II-9). Л. 1–2; АГБ 52-2 (I-17). Л. 1, 2, 3 — 3 об.; АГБ 4* (I-15). Л. 1 — 2 об.; АГБ 8* (III-2). Л. 1 об.

Забота о слугах выросла в особый раздел жалобы. Якуб Наркович лишился двух лошадей-«сверен» и трех рабочих «кляч доморослых», вола и 80 гр. У кузнеца по имени Криштоф отняли 2 коны гр. и «яловицу». У Яцко, брата Чижа, на торге в Жижморах забрали клячу, у Станюса Руклюса — две коны гр., у Ворона Сиргиня (Сиркиня) — корову, у Януша Мартиновича — 13,5 гр., у Мица Ромашковича — корову, у конюха Стенана — 2 коны гр. и двух волов во время пашни (на которых в имении Венцлава работали шесть недель). Мартина Яновича за один год трижды посылали в Краков, «на которои же, деи, дорозе кляча в него здохла» (и у него же еще Венцлав приказал взять за это 2,5 кон гр.). У мещанина Смилга Татарина взяли клячу и кону гр. У мещанина Митя — пол-коны гр. и веприя[254].

Мы не знаем, чем закончился суд. Повторно, по всей видимости, представленные на суд факты доказывали вину урядников Бельского. Но вряд ли стороне истца было просто. Урядники князя-московита должны были удерживать его хозяйство компромиссами с местными урядниками, с самой З. Гаштольд и В. Миколаевичем, при этом отстаивая интересы своего пана. Конфликт растянулся на многие годы, поскольку кн. С. Ф. Бельскому было, видимо, просто некогда заниматься домашними делами. После возвращения князя и судов вокруг его имений, на фоне общего обострения в Кормялово и Стоклишках в октябре 1542 г. вновь разгорелся суд жителей Жижмор против злоупотреблений в отсутсвие Бельского. Кузнецы, считавшие себя подданными Трок, жаловались в письме С. О. Гаштольду, что князь Семен принуждает их работать в Жижморах и использует как карателей в своей борьбе с местными жителями. Троцкий воевода обратился с письмом к Бельскому, заступаясь за ремесленников[255].

Иной оборот приняли дела в Кормялово и Стоклишках. Здесь князь Семен быстро оказался на стороне своих подданных в пограничном конфликте против урядника и подданных королевы Боны. Всю вину князь снисывал на действия ковенского наместника королевы, видя в его действиях прямую злонамеренность.

Кормяловское имение рано попало в орбиту активности князя Семена. Еще в 1535 г. здесь случилась коллизия — его слуга по имени Севастьян (Савастьян, Совестиан) назвался урядником без санкции князя и даже захватил 30 кон гр., драгоценные камни и какие-то еще ценные вещи, включая лошадей («што на них Савастьян ездил и ганял») и кафтан. Всего, по подсчетам князя, больше чем на 400 зл.[256] По предположению О. П. Бакуса, уже во время отсутствия Бельского его урядником в Кормялово и Сасях был Василий Ботохвалович. Тогда же Гаштольду отчитывались по этим имениям Жаба, подчиненный ему урядник Богуш Ивашкович и Явор[257]. Подключий троцкий, державца кормяловский Василий Константинович Жаба был урядником О. М. Гаштольда, с его согласия исполнявшим распоряжения князя Семена Бельского во время войны (вероятно, Стародубской)[258]. К июню 1541 г. роль Жабы заключалась в том, чтобы собрать деньги с имений Бельского и отчитаться по ним перед З. В. Гаштольд[259].

Как уже говорилось, вернувшись из Кракова, князь Семен собрал сведения о налогах на Кормялово. Местные жители не могли быть довольны постоянными поборами, возросшими еще при жизни О. М. Гаштольда, а особенно в годы Стародубской войны и при новоявленной администрации московита-перебежчика. В реестре из собрания Скуклостер встречаются уточнения, кто именно брал «подачки» в Кормялово. Акцент делался на представителях местного управления — целый разворот акта посвящен волостному приставу, учтены выплаты тиуна. О приставе урядник-московит придирчиво вписывал между строк: «А которые были земли покърадены 12 зе-

[254] AGAD. ZMN. №65487. S. 3, ср.: АГБ 23 (II-15). Л. 5 — 5 об.; АГБ 47 (II-9). Л. 3–4; АГБ 52-2 (I-17). Л. 4–5. В реестре 52-2 (I-17) Я. Нарковичу записан денежный ущерб на 70 (а не 80) гр. Ничего не сказано о конюхе Степане, Смилге Татарине и мещанине Мите. В реестре 47 (II-9) говорится обо всех тех же лицах, что и упоминаются в повестке на суд, но помимо того упоминается конфискация 50 гр. у Богдана Мазура и 2,5 кон гр. у жижморского мещанина Мися. Полный список убытков «жижморских людей» с поправками и стоимостью отнятой скотины содержится в 23 (II-15).

[255] КС. №67. Л. 1 — 1 об. (Вильно, 5 октября, б. г.). О. П. Бакус опроверг предположение архивиста, датировавшего письмо 1541 г. См.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 133–134. N 72.

[256] КС. №28. Л. 1 — 1 об. (1535 г.); КС. №29. Л. 1 (Б. д.). См.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 126.

[257] КС. №31. Л. 1 — 2 об. (Кормялово, 26 марта, б. г.). См.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 132. М. Г. Курдюмов и Т. Г. Таирова-Яковлева конспективно датируют акт 1535–1541 гг. Почему именно так — неясно (*Таирова-Яковлева Т. Г.* Материалы... С. 213).

[258] КС. №38. Л. 1; АГБ 45 (II-6). Л. 1 — 3 об. Возможно, акт из Скуклостер как-то связан с порицанием О. М. Гаштольда в адрес Жабы и угрозой сообщить королю о медлительности в подготовке отчета по имениям Бельского. Об этом см.: КС. №33. Л. 1 (17 июня 1536 г.). См. также здесь выше.

[259] КС. №48 (1 июня 1541 г.). См.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 132.

мель, за тые доходы всяк не плачены»[260]. Особо отмечалось и то, что собирал налоги другой урядник: «С тых же пустовщин ненезный доход Тимофей выбрал»[261]. Это — Тимофей Никифорович, как и князь Семен, выходец из восточнорусских земель. Он в отсутствие князя («коли был князь в Кракове») собрал налоги со всех приставств и с подданных, в том числе чинш и особый натуральный налог («чижные пенези и куници»)[262].

В Стоклишках и Кормялово распоряжались слуги Бельского[263]. Местные жители отчитывались, что выплачивали налог в какой-то момент до мая 1540 «москвитину, слузе Белского» и урядникам Гаштольдов В. Жабе и Б. Ивашковичу (занравлявшим также в Кормялово)[264]. Скорее всего, это происходило еще до кончины О. Гаштольда. В собрании Скуклостер сохранилось любезное письмо от него В. Жабе с просьбой собрать с Кормялово и Сасей деньги в пользу Бельского и подготовить отчеты по этим имениям[265]. В своем письме тому же В. Жабе от 1536–1539 гг. виленский воевода говорит, что имения князя Семена Бельского находились к тому времени у В. Жабы «в онеце»[266]. Из письма следует, что Бельский прислал своего слугу к королю и виленскому воеводе, чтобы пополнить свою походную казну.

В марте–апреле 1542 г. князь Семен обратился с письмом к королеве Боне, рассказав о хозяйственных неурядицах. Надо полагать, неизвестное ныне письмо князя было посвящено главным образом делам в Стоклишках. Об этом письме мы знаем из ответного письма королевы Боны. В конце апреля королева призналась князю, что узнала о спорах впервые из его письма. Ни ее ковенский наместник, ни подданные ей на тот момент еще ничего не доложили и не жаловались. Королева обещала всё разузнать и ответить более подробно позже[267].

В начале 1543 г. князь Семен вновь переписывается с королевой Боной. Ее наместник румшишский жаловался, что князь препятствует ему собирать строительный материал в «пущи... ковенской» на строительство костела и двора королевы в Ковенском замке. Лес был спорным — его «держал» Бельский, но королева считала принадлежащим ей. Князь накануне (видимо, в письме или уже на суде) ссылался, что разграничение «пущи» проводили дворяне королевы, а также Явор Буданович (Будаевич) и Иван Булгак, и постановление о границах было заверено их подписями и скреплено печатями. Видимо, Явор упомянут в одном из реестров Бельского: он «выбирал» налоги с Кормялова по реестру, составленному вскоре после отъезда князя за рубеж[268]. Подробное описание скота, урожая, налогов, работников, служб, корчемников содержится в Кормяловском реестре из собрания Скуклостер, который можно лишь условно отнести к 1539–1540 гг. и связать также с именем Явора. На самом деле ни его имени, ни даты инвентаризации сохранившийся фрагмент не содержит[269]. Имени первого из хранителей «памяти» мы не знаем, второго звали Львом. Бона вызвала к себе Явора, и он рассказал, что раздел территорий проходил между Кормялово и Румшишками с имениями супруги виленского воеводы Зофьи Гаштольд Жосли и воеводы новогрудского Григория Григорьевича Остиковича Гегужины (Кгекгужины). При этом часть пущи оказалась в результате раздела под Рум-

[260] АГБ 41 (II-1). Л. 2. Рукой предположительно московита лишь повторно прописана информация, занесенная основным почерком в виде приписки к основному тексту. Впрочем, последовательность работы над основным текстом и приписками могла быть более сложной. Ср.: Там же. Л. 6 об.

[261] АГБ 41 (II-1). Л. 2 об., 3 об.

[262] АГБ 41 (II-1). Л. 4.

[263] О них см. ниже раздел «Стоклишки Ивана Рязанского и Семена Бельского».

[264] АГБ 58 (I-8). Л. 1 — 1 об.

[265] Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. №8602. F. 1-1v. Акт в подборке без сплошной нумерации документов и листов. Датирован: Вильно, 18 апреля. Трудно сказать, какой именно год подразумевается, и датировка данного фрагмента остается условной. Но в рамках 1535–1539 гг. господарь мог потребовать от Гаштольда отчета по подвластным ему имениям, вероятнее всего, в период крымских странствий князя — т.е. более вероятно датировать акт 18 апреля 1537–1539 гг.

[266] КС. №48. Л. 1 — 1 об. (Геранены (Керенонны), 1 июня б. г.). Датировка этого письма «до 1541 г., 1 июня», предложенная М. Г. Курдюмовым, невозможна, поскольку его отправитель О. М. Гаштольд умер в декабре 1539 г. Вероятнее, письмо написано не позднее 1 июня 1539 г. Ср.: *Курдюмов М. Г.* Описание актов... С. 8.

[267] BCz. №307. S. 129. Сверху справа на письме чернилами: "D. 28 Apr. 1542 A°". Слева: "13". На обороте (с. 130) печать королевы Боны и подпись И. Шимковича. Под адресом: "№ 4°". На с. 131 латинская транслитерация письма с указанием печати и номерами.

[268] АГБ 51 (II-12). Л. 8 об. Как мы показали выше, предположительно речь в данном реестре идет о событиях 1539–1540 гг.

[269] АГБ 20* (III-15). Л. 1 об. — 14 об. Князь Семен Бельский нигде в реестре не упомянут. Зачеркнутая помета о том, что «капщина» (т.е. питейный налог) еще не взималась (приписано, что «от вина» 70 гр.), говорит, видимо, о том, что регистраторы стремились получить налоги за какой-то прошедший период (Там же. Л. 11 об.). Медовую дань собирал, как говорилось выше, наместник князя Слуцкого (Там же. Л. 14).

шишками. Королева оповестила Бельского, что ее урядник ничего не нарушал, и потребовала, чтобы князь обходился с ним уважительно и не пренятствовал собирать «дерево с той пущы»[270]. Князь Семен вынужден был стерпеть обиду, но в частном письме неизвестному не стеснялся в выражениях: «Поведаю теж Вашое Панское милости, иж в моей небытности, яком был в Кракове в моих именях наместник ковенски кролевое ее милости, ночи[ни]л ми шкод много, людей неколко и земль поотнимал, иных много шкод ночил, о чом Ваша Милость Пан а добродей мой ласкавый о тое из служебника моего будеш ведал о вселаких речах»[271].

Напряженность из-за поборов на кн. Семена Бельского в Стоклишках тоже дала о себе знать и отразилась в документации Гаштольдов. Никаких других источников об этих событиях у нас нет, и мы можем лишь строить догадки. Фрагмент из архива Скуклостер №58 (I-8) показывает, что в канун больших трат на внешнеполитические проекты Бельского, в конце мая 1540 г. в Стоклишках отчитывались перед Явором — урядником королевы Боны. В 1542 г. должность при князе Семене занимал здесь местный литовский шляхтич Бартоломей Лавринович, а при князе его урядник по имени Яцита[272]. Нет четких оснований датировать список поручительств по стоклишским мещанам. Можно предположить, что данная исключительная для Великого княжества Литовского мера потребовалась кн. С. Ф. Бельскому, когда он вернулся из Крыма на рубеже 1541–1542 гг.[273] В октябре 1542 г. проводилось расследование при участии Литовской рады по делу о злоупотреблении властью кн. С. Ф. Бельского в отношениях с жителями Стоклишек. Суть иска против Бельского была на сей раз в чрезмерном обложении свободных держателей, бояр путных, налогами. В следственную комиссию входили по меньшей мере епископ Павел Гольшанский и Ян Глебович[274]. Ключевым был вопрос об уплате налогов, но он вскрыл неизбежное столкновение прав местных «бояр путных» с претензиями временного держателя, каковым был князь Семен Бельский. Возмущенный князь Семен приблизительно в то же время обратился к Литовской раде, не согласившись с обвинениями в свой адрес, но разрешив проводить любые расследования в своих имениях[275]. Вооруженный захват людей в Стоклишках в октябре 1542 г. слугами Бельского — показатель того оборота, который приняло его дело с местным свободным населением[276].

В этом контексте отметим обыденный конфликт боярина путного князя Семена. От дела-«справы» сохранилась в Архиве Гаштольдов «память». Иск подал королевский дворянин Федор Кот против боярина Бельского по имени Товтвил Торвидович. Боярин взял взаймы 5,5 кон гр., признался в невыплате и получил судебное предписание компенсировать долг в течение 12 недель[277]. Приходилось вникать в такие частности, видимо, не всегда, а только когда постановления принимались господарским судом. Запись составлял литвин, — конечно, московские подданные князя Семена были далеки от судебных реалий Великого княжества Литовского.

Обрывки, из которых не складывается назад, позволяют увидеть ряд черт деятельности князя Семена в своих имениях — его характер и готовность решительно распоряжаться своими подданными, отстаивать свое доминирование в имениях.

Коллекция Скуклостер содержит один недатированный фрагмент, открывающийся словами: «На намят князю его милости севба у дворе Кормяловском и Жижморском яривная». Реестр сбора чинша с яровых составлен одной рукой сразу на два имения, сначала в Кормялово, за ним — в Жижморах. В нем учитываются и вернувшиеся на свои имения люди, которые «были за Тимофея розышлися»[278]. При уряднике Тимофее (видимо, Никифорове) местные подданные разошлись. Жижморские реестры и повестка в суд 1542 г. позволяют предположить, что здесь подразумевается уход 43 жителей Жижмор на работу к В. Миколаевичу. Но возможно, кто-то

[270] BCz. №307. S. 133. Сверху справа: "D. 24 Januarii 1543 A°". Слева та же дата и ниже: "№14". На обороте (с. 134) печать королевы Боны и подпись И. Шимковича. Под адресом: "№5°". На с. 135–136 латинская транслитерация с указанием подписи, печати, адреса и номеров.

[271] КС. №69. Л. 1 (Кормялово, б. д.). Принятая датировка «после 1541 г.» может быть с большой долей вероятности уточнена. Вероятно составление данного письма кн. С. Ф. Бельского неизвестному лицу в 1542 г. или на рубеже 1542–1543 гг.

[272] АГБ 20* (III-14). Л. 1; КС. №81. Л. 1 — 1 об. (Вильно, 1 октября 1542 г.).

[273] АГБ 34 (II-20). Л. 1–2. Мещане поручаются, среди прочих, по городскому тиуну, десятнику, конюхам и гуменникам. Это результат какого-то внутреннего расследования, причины которого нам неизвестны.

[274] См. ниже раздел «Стоклишки Ивана Рязанского и Семена Бельского».

[275] КС. №88. Л. 1 (Б. д.). По всей видимости, письмо относится к октябрю–ноябрю 1542 г.

[276] Об этом см. ниже в разделе «Слуги Ивана Рязанского и Семена Бельского».

[277] АГБ 56 (I-13). Л. 1.

[278] АГБ 24 (III-19). Л. 1 — 2 об. Цитаты с л. 1 и 2 об.

уходил и из Кормялово. Жижморско-Кормяловский реестр можно отнести к первому году, когда кн. С. Ф. Бельский пытался наладить хозяйство в своих литовских имениях, т.е., учитывая подготовку и начало посевных работ, к апрелю–маю 1542 г. Среди жижморских урядников князь подозревал «хитрость» и около того времени учинил расследование — почему дешево были проданы пять его коней[279].

Нрав у князя был крут — и гнев он сорвал на Тимофее. Его слуга был посажен в тюрьму. Сам Тимофей бежал и написал князю Семену Бельскому обиженное послание, объявив о своем отказе ему служить, требуя освободить своего слугу и обещая его при необходимости представить суду митрополита. Поразительно читать гневный упрек, сопоставимый с недовольством кн. А. М. Курбского своей службой у Ивана Грозного. Тимофей вспоминает, что служил верой и правдой, поставлен был на очень тяжелый участок: «...што ж там ни хлеба и ни соли, ани нива, никоторое живности нет, и к тому теж мя велики потребы взяли»[280]. Т. Никифоров не воспользовался даже причитающейся ему долей доходов. Не было границ негодованию верного слуги. Пришлось князю оправдываться, вероятно, перед самим С. О. Гаштольдом. И тут он тоже не удержался — потребовал не вмешиваться в свои внутренние дела: «А Ваша теж Милость маете свои имеия, а крол его милость вашей милости навуки не дает...»[281]

К середине 1542 г., видимо, относится одна страница из архива Скуклостер под заглавием «На намет Миколаю што князь его милость росказал мне дворен понисати». Дата этого акта условна — она включена в качестве распоряжения пана Немчиковского «у Кракове июня 15 дня». Какого года — непонятно. Вероятнее всё же, как представляется, 1542, поскольку летом как раз этого года Бельский должен был посетить Краков. Там и могли сопровождать князя Семена его дворяне. Они перечислены реестром с пояснениями о том, кто кем «приказан». Что это за «приказания»? Судя по географии распоряжений, речь может идти о поручительстве за временный отъезд от князя, о заступлении на место предшественника на его службе или о передаче слуг для выполнения определенных поручений[282]. География этих не вполне понятных перемещений отражает владения и пути следования князя Семена — Жижморы, Стоклишки, Краков. Логично отождествить Миколая из реестра «На намет» с хоружичем сомилишским Миколаем Гринкевичем, который назван первым дальше в реестре и причастен также к составлению стоклишских реестров февраля 1543 г.[283] Его «приказал» еще в Жижморах Андрей Яцинич — тамошний староста, которому князь Семен Бельский как-то — вероятно, в период своей крымской миссии сентября 1540 г. — отдал ряд распоряжений[284]. Тот самый Немчиковский «приказал» в Кракове некоего Петра. Не тот ли это князь Петр, который получил вознаграждение от Бельского в декабре 1541 г.?[285] Ахмата (Охмата) «приказал» королевский коморник Левко в Кракове. Этот Ахмат — не тот ли самый слуга князя Бельского, двор которого досматривал сам князь, обнаружив там золото, серебро, драгоценные камни, дорогие одежды и «пятдесят рублей московских денег»?[286] Наконец, Якуба Кроховского и Яна Милашевича — Ян Венцлавович «по Панне Мареи последней у понедилок у Стоклишках»[287].

В целом после бурных 1542 и начала 1543 г. в имениях Бельского заметно больше упорядоченной повседневной суеты. Распоряжения князя за 1543 и 1544 гг., оказавшиеся, надо полагать, последними в жизни московского эмигранта князя Семена Федоровича, отчасти известны из материалов собрания Скуклостер. След деятельности князя за 1543 г. фрагмент № 107 (III-5) из архива Гаштольдов и Бельского. Отрывок датирован лишь годом и индиктом. Поскольку

[279] КС. № 71. Л. 1 (Б. д.). В конце акта подпись самого кн. С. Ф. Бельского: «Кияз Бельский». Возможно, расследование велось также по возвращении из Кракова, уже около 1542 г.

[280] КС. № 71. Л. 1 (Троки, б. д.). Подпись: «Поволный во всем поровник Вашей Милости Тимофей Никифоров чомом биет» (слово «чолом» так). Возможно, написано рукой самого Т. Никифорова. Очевидно, письмо отправлено в дни расследования, когда кн. С. Ф. Бельский уже вел следствие — около начала 1542 г.

[281] КС. № 70. Л. 1 — 3 об. (Б. д.), цит. с л. 3. Имя адресата не указано. Вероятно, письмо отправлено вскоре после возвращения кн. С. Ф. Бельского в свои владения — в начале 1542 г. Письмо вызывает интерес приписками. Протокольные фразы созданы почерком, отличным от основного и сходным с московским курсивом в материалах князя Семена. Возможно, в ряде мест сам князь вносил дополнения в свое письмо. Его подпись в КС № 71 сходна с этими приписками.

[282] Последнее предположение принадлежит Наталии Старченко (Киев). Благодарю коллегу за подсказку.

[283] АГБ 42 (II-4), 63 (I-2), 5* (II-7).

[284] КС. № 64. Л. 1 — 2 об. (Кыд-Кери, сентябрь, б. г.).

[285] АГБ 14* (III-9).

[286] АГБ 78. Л. 1 об. (Недатированный поврежденный фрагмент. Возможно, Ахмат на момент досмотра его имущества погиб или считался пропавшим без вести).

[287] АГБ 13* (III-8). Л. 1. Какой именно Богородичный праздник подразумевается — невозможно сказать, поэтому и вычисления точной даты в данной ссылке лишены смысла.

индикт отражает, как правило, именно сентябрьский календарный год, первый индикт сужает время возникновения этого акта до 1 января – 31 августа 1543 г. Реестр сводит выплаты чинша в Кормялово. Составлен он Андреем Астафьевичем Яциничем, которого мы уже встречали в числе дворян Бельского в Краковском реестре, предположительно середины 1542 г.

Вот еще один недатированный отрывок. В конце января, видимо, 1543 г., перед Громницами, подводились итоги осенним налоговым сборам и рассчитывались должники — местный урядник вперемежку с московским записали несколько выплат от продажи «жита», «ячменя» и «скирт». Почерк русина-литвина сменился рукой московита, а закончил акт вновь тот же русин[288].

Единый комплекс составляют реестры, которые точно датируются по «белой» дате фрагментов № 63 (I-2) и 5* (II-7): февраль 1543 г. Сасский и Стоклишский налоговые реестры («серенщизны») определяют ставку в 12 гр. от сохи с волом, 6 гр. — от сохи без вола, от пустошей и «куниц», 3 гр. — от «огорода»[289]. К тому же времени я отнес по кодикологическим основаниям отрывок «Михно Радовонович от вола...». Это — ведомость выплаты чинша «от вола» и «от сохи»[290]. Возможно, составителем всех этих материалов был прямо отозвавшийся о себе дворянин, отчитавшийся за сборы в Стоклишках: «Гринкевич Миколай отдал князю его милости стколишской серебщизны...» (на 45 кон 43,5 гр.)[291]. В конце года налоги несколько снизились. На 8 сентября 1543 г. в Стоклишском дворе князя и в местечке было налажено сошное хозяйство, в котором взималось в год по 3 гр. «от сохи»[292]. Всего во дворе было описано 86,5 сох и 6 волов[293]. У мещан регистраторы отметили 43 сохи, вола и 7 «огородов» (садов); среди жителей было трое пришедших «ново»[294].

За 1543 г. сохранились обрывки отчетности Бельского по натуральному налогу от домашнего скота, птицы, полевых и огородных растений. На реестре рукой московита помета с датой за отчетный год: «Лета 1543 по тому реистру личьба уже была»[295]. Кормяловский реестр «дякла» от ноября 1543 г. составлялся при минимальном участии московского писца. Он вписал месяц оплаты и указал перед началом списка плательщиков: «Панерывей заплатил»[296]. Еще один Кормяловский реестр, условно датированный нами самым концом (после 6 декабря) 1543 г., открывается заметками рукой московита, содержит подробные данные о запасах соли, воска, меда, пива, круп, гороха, домашнего скота, конопли, сена, желудей. Приписка рукой московита сообщает о путях следования кн. С. Ф. Бельского: «За всякою личьбою осталося все сполна, что у том реисъстре писано по выезъде князя его милости до Жьжимор»[297]. Когда именно Бельский отправился из Кормялова в Жижморы? Это могло произойти в любой момент во время оседлой жизни князя в литовских имениях. Однако сам факт говорящий: князь Семен в отчетный период курсировал с ревизией по своим имениям. Только кодикологическая близость к реестрам конца 1543 г. позволяет отнести к тому же времени обширный реестр «серебщизны» с кормяловских пустошей[298].

Еще больше трудностей с поиском исторического контекста реестра № 109 (I-4). Он составлен на бумаге, которая сближает его с материалами Краковского периода — а это на год-два раньше, чем основной массив налоговых счетов по литовским имениям князя Семена. Основной почерк этого реестра принадлежит местному русскому. Однако пометы выполнены рукой московита, и они, как и во многих других случаях, носят характер важных решений. Среди них одна из первых привносит в документ заглавие: «Поручьники понисаны»[299]. По нижним полям на оборотной стороне первых четырех листов только в этом акте содержатся «выходные» заметки о принадлежности реестра кн. С. Ф. Бельскому[300]. Они выполнены также рукой московита. Ею же написан целый отрывок с именами должников и поручителей. Обязательства приносились непосредственно князю Семену и предполагали выплату ему компенсации в случае нанесения ущерба. Срок для выплат назначался не позднее 25 декабря («перед Божим Нароженьем»)[301]. Очевидно, во время осеннего расчета часть должников не смогли закрыть долги, и князь Семен прибегнул к поручительству. Мы не знаем, в каком году это случилось, но на основе совокупности сведений о пометах московита-слуги на документах

288 АГБ 21 (II-18). Л. 1–2.
289 АГБ 63 (I-1). Л. 1, то же: АГБ 5* (II-7). Л. 1.
290 АГБ 42 (II-4). Л. 1 — 2 об.
291 АГБ 63 (I-1). Л. 1.
292 АГБ 21* (III-16). Л. 1.
293 АГБ 21* (III-16). Л. 1 — 2 об.
294 АГБ 21* (III-16). Л. 4–5.
295 АГБ 43 (II-5). Л. 1–2, цит. с л. 2.
296 АГБ 64 (II-3). Л. 1.
297 АГБ 52-1 (I-11). Л. 5 об.
298 АГБ 44 (I-18). Л. 1–10.
299 АГБ 109 (I-4). Л. 3.
300 АГБ 109 (I-4). Л. 3 об., 4 об., 5 об., 6 об.
301 АГБ 109 (I-4). Л. 9 об.

из архива Скуклостер предположим, речь идет именно о последних месяцах – вероятно, исходя из обычного срока в несколько недель от момента судебного постановления по выплатам долгов, об октябре–ноябре 1543 г. Возможно, хотя это, как многое здесь, лишь предположение, краткий реестр сборов с людей «прохожих» и с посевов в Стоклишках (вероятно, не только: сохранился лишь обрывок) относится также к последнему году жизни кн. С.Ф. Бельского. Он написан только рукой московита[302]. К тому же, приблизительно, периоду, судя по кодикологическим данным, мог относиться и Кормяловский налоговый реестр «дякла», «мелевы» и других повинностей, в котором немалая часть составлена при участии московита, но основной объем — литвином...[303]

Предстоит еще немало усилий, чтобы обосновать хронологические привязки россыпи бумаг Гаштольдов и Семена Бельского из собрания Скуклостер. Приведенные выше соображения позволяют по-новому решить и еще один дискуссионный вопрос, нашедший множество спорных решений в научной литературе.

Когда именно скончался князь Семен? Предположение о том, что это случилось к началу 1542 г., распространено в историографии. Оно, несомненно, ошибочно[304]. Уже отмечались прижизненное упоминание князя Семена Федоровича в январе 1544 г. и первый случай, когда его имя исчезло в требованиях Москвы выдать изменников в 1549 г.[305] Эту датировку можно уточнить. В счетах королевской казны за 5–7 марта 1544 г. кн. Семен Бельский назван «покойным» ("olim D. Bielski"). Его слуги получают овес на 15 и на 20 коней[306]. То есть умер князь Семен между январем и началом марта 1544 г. Возможно, это случилось около 20 января 1544 г., когда «пани ее милость», т.е. Зофья Гаштольд, получает отложившийся в хозяйственном Архиве Гаштольдов Бельских отчет о сборе налогов с 48 сох своих имений. С этого отчета начинается вторая часть записей от имени урядников «пани ее милости» из собрания Скуклостер Стокгольмского архива[307]. Последнее ныне известное прижизненное упоминание кн. С.Ф. Бельского — повеление епископа луцкого и брестского Юрия Фальчевского и других ковенскому державце Яну Миколаевичу Вольменскому освободить 46 слуг князя Семена, захваченных на рынке в Ковно и брошенных там в тюрьму. В этом акте, датированном 14 января 1544 г., о князе сказано: «...тых часов мовил нам князь Семен его милость Федорович Белский о том, што ж, деи, Твоя Милость первей сего неоднокрот людей его милости кормяловских на торгу у Ковне казал грабити»[308]. Таким образом, еще 14 января 1544 г. кн. Семен Бельский упоминается как живой, а уже с 20 января 1544 г. в дошедшем до нас Архиве Гаштольдов и Бельского больше нет материалов с его распоряжениями. Следовательно, вероятной датой смерти князя Семена Федоровича следовало бы признать конец января 1544 г. Познакомившийся с Бельским в Инсбруке Сигизмунд Герберштейн привел причину смерти князя: «Он бесчеловечно обращался с бедняками и в конце концов был убит ими»[309]. Так это или нет, других свидетельств о причинах смерти князя Семена нет.

Распространенное на просторах полупрофессиональной генеалогии мнение, что Богдан Яковлевич Бельский — внук кн. Семена Федоровича Бельского, является сущим вымыслом, интересным разве что для пополнения коллекции генеалогических «чудес» в истории XVI – начала XVII в. Вымыслов такого рода о потомках московских эмигрантов немало. Мы еще упомянем легендарного «сына Владимира Заболоцкого»[310]. Уже не раз говорилось о вымышленном «сыне князя Андрея Курбского», и ниже мы покажем, что часть поздних Курбских были Лже-Курбскими[311]. Похожие проблемы встречают нас в родословиях князей Шуйских[312], а также менее знатных Пересветовых[313]. Тем не менее, о некняжеском роде Бельских мы говорим в другом месте этой работы[314]. Разницу между титулованными и нетитулованными Бельскими хорошо понимали современники, и в эмиграции

[302] АГБ 10* (III-4). Л. 1 — 1 об.

[303] АГБ 52-3 (I-19). Л. 1–16.

[304] См., напр.: АТ. Т. 18. S. 142 (№105, примеч. 1); *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом... С. 145–146.

[305] *Кром М.М.* Судьба авантюриста. С. 114–115.

[306] ASK-1. №115. K. 59v, 60v–61, публ.: Lietuvos Didžiojo Kunigaikščio Žygimanto Augusto dvaro sąskaitos (1543–1548): 1543 VI 21 — 1544 XI 15 / parengė D. Antanavičius; vertė S. Narbutas. Vilnius, 2012. P. 156, 158.

[307] АГБ 16* (III-10). Л. 1.

[308] КС. №89. Л. 1 (14 января 1544 г.).

[309] *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / под ред. А.Л. Хорошкевич; пер. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 2008. Т. 1. С. 235. Примеч. ч. См. также: *Казакоў А.У.* Эміграцыя знаці... С. 98.

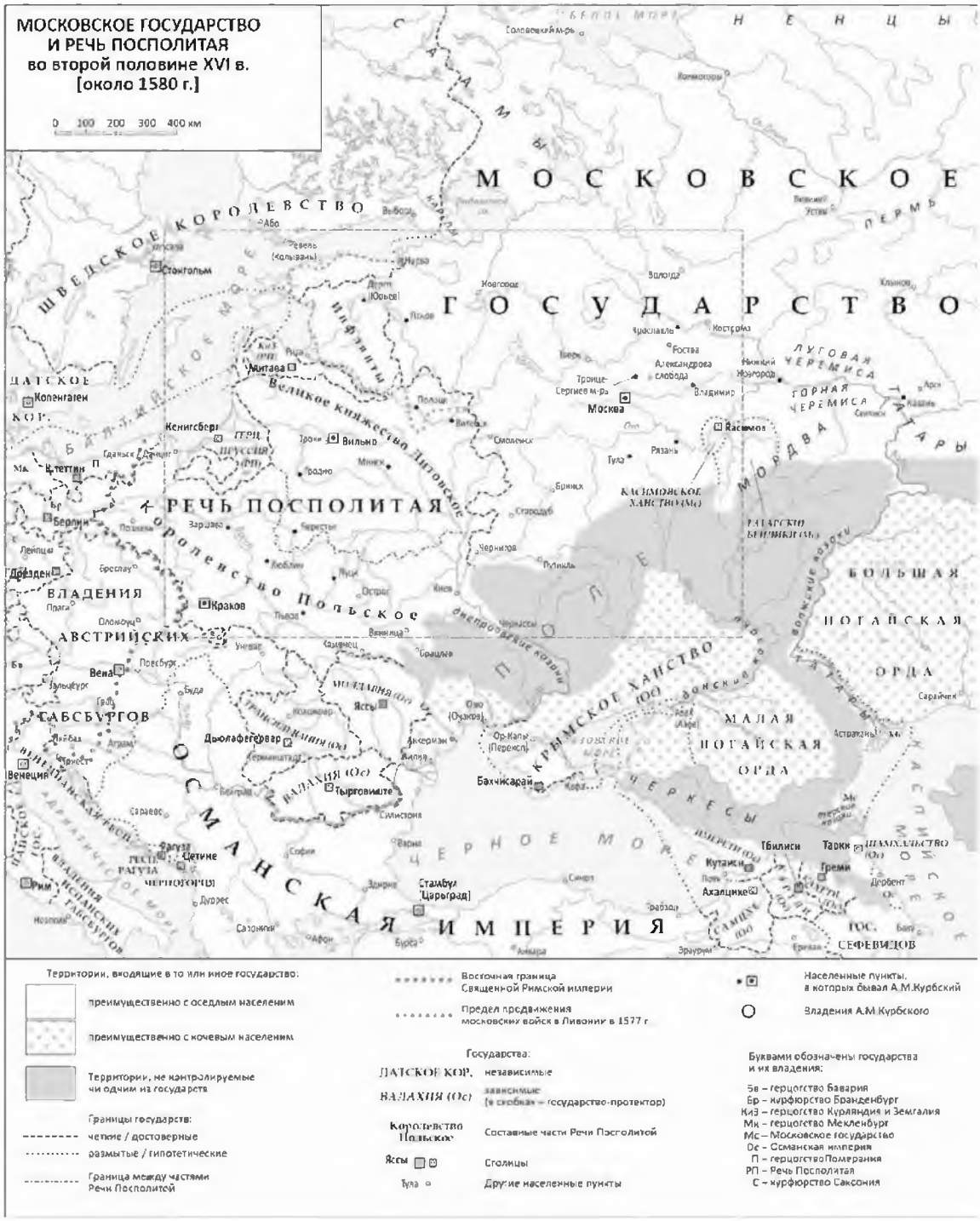
[310] См. главу «Последний день Владимира Заболоцкого».

[311] См. раздел «Потомки и Лже-Курбские».

[312] См. раздел «Конкуренты "Московского"».

[313] См. главу «Идентичность интеллектуала XVI века».

[314] См. главу «Этос изменника».



Московское государство и Речь Посполитая XVI в. Карта, около 1580 г. (сост. Дмитро Вортман)

особенно – князь Андрей Курбский[315]. Разве что хан Девлет-Гирей мог нутать князей Ивана Дмитриевича и Семена Федоровича Бельских[316].

[315] Об этом см. в разделах «Побег» и «Идеолог княжеской власти».

[316] *Ерусалимский К.Ю.* Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. №4. С. 887, 904, 911.

Слуги Ивана Рязанского и Семена Бельского

Колеблемый статус князя Семена Бельского в Великом княжестве Литовском прослеживается на примере Стоклишек. До князя-перебежчика это имение уже побывало в руках восточнорусского князя — князя Ивана Ивановича Рязанского. Он сохранял нейтралитет в отношениях Москвы с татарским миром и обвинялся даже в сговоре с Крымом против Василия III. Пойманный обманом, он провел около года в заточении, откуда в приход Мухаммед-Гирея под Москву в августе 1521 г. бежал в Литву. Как раз незадолго до выезда Семена Бельского Иван Рязанский умер[317]. Князь Иван придерживался политического альянса с Крымом и вел переговоры с Сигизмундом Старым и Мухаммед-Гиреем о восстановлении Великого княжества Рязанского под протекторатом Крымского ханства, но так и не выехал к хану. В 1522 г. было заключено перемирье между Москвой и Вильно, и момент для осуществления проекта буферного государства был упущен[318]. Полномочия князя в Стоклишках были ограничены: он не имел права самостоятельно раздавать имения своим слугам, о чем позднее вспомнили, когда встал вопрос о наследовании («иж князь Иван Резаньскии кром воли и ведомости его милости господарьское не мог никому людеи и земль тамошних роздавати»)[319]. Среди слуг князя Ивана источники упоминают Стенана (Стефана) Остафьевича (Останевича) Крукова, Ивана Гафоновича, Федора Ехидовича (Ефидовича) Толкачева[320]. После смерти князя они продолжали владеть своими землями и людьми, получив по одной службе и 5 пустошей[321]. До приезда кн. С. Ф. Бельского Стоклишками управляли господарские урядники.

Когда Стоклишки перешли к новому владельцу, на первых порах всё в жизни бывших слуг князя Ивана Рязанского осталось без изменений. Но вот закончились крымские приключения князя Семена Бельского. Как уже говорилось, в конце 1542 г. князь вел тяжбу со свободными людьми из Стоклишек. Из акта С. В. Соловьева мы узнаём, как в октябре этого года проявили себя слуги князя. Урядник Бельского по имени Яцыта (Яцита) и другие слуги князя захватили несколько человек — одних ночью по домам, других днем на рыночной площади. Их имущество было арестовано[322]. В том же 1542 г., до середины октября, боярич господарский Стенан Круков утратил свой дом, став жертвой агрессии своего пана[323]. Круков попытался договориться с новым хозяином. В мае он выпросил себе право насаждать сады и собирать с них урожай, оставляя себе половину. Договориться не получилось. В октябре того же года епископ виленский Павел Гольшанский и Панове рада обратились к Бельскому с письмом в защиту сначала жителей Стоклишек[324], затем Крукова, указав, что он купил свой дом у Яна Станкевича за 150 кон гр. «вечностью», еще когда Стоклишки держал писарь господарский Михайло Васильевич (Сасилевич)[325].

Покупка ни в чем не нарушала прав, а вот изгнание Крукова с его собственности было открытым вызовом местным традициям, на что было прямо указано Бельскому[326]. Тот оправдывался по делу о заточенных и обобранных местных жителях, что наказывает их, как их пан, за неуплату налогов («дякла») и не принуждает их к работе, а пользуется правом, полученным от короля[327]. Видимо, коллекция С. В. Соловьева донесла до нас косвенные свидетельства расследования в Вильно, на которое Бельский был вызван собственной персоной. Переписка князя Семена с Панами радой из Кормялово отразила его готовность дать разъяснения по своим действиям. Князь понимал, что полной власти у него в сво-

[317] *Зимин А. А.* Формирование... С. 114–116.

[318] *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці... С. 69–70.

[319] ЛМ-38. Л. 255 об., 257, 258; ЛМ-41. Л. 320.

[320] С. О. Круков — выходец из Рязанского княжества, «резанец». Его сын не принимает фамилию отца и становится Ольшевским, стремясь освободиться от памяти о восточном происхождении. Остальные слуги князя Ивана в актах 1560 г. уже фигурируют с литуанизированными именами, но патронимы «Гафонович» и «Ехинович» в их именах выступают в качестве фамильных прозвищ. См.: *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці... С. 29, 33, 96, 145, 151.

[321] Lietuvos Metrika. Knyga N 227 (1533–1535). 8-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) / Spaudai parengė I. Valikonytė, S. Lazutka, N. Šlimienė ir kt. Vilnius, 1999. С. 105–106; *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці... С. 108.

[322] КС. №81. Л. 1 — 1 об.

[323] КС. №78. Л. 1 (Жижморы, 7 мая 1542 г.). О. П. Бакус комментирует акты из коллекции С. В. Соловьева, но не обсуждает возможную связь между конфликтом Бельского с жителями Стоклишек в октябре 1542 г. и заступничеством Литовской рады за С. О. Крукова в середине октября. См.: *Backus O. P.* Treason as a Concept... P. 132–133; *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці... С. 98.

[324] КС. №82. Л. 1 — 1 об. (Вильно, 11 октября 1542 г.). Об этом см. в разделе «Князь Семен в своих владениях».

[325] Он упоминается как предыдущий державца Стоклишек «пан Михаил» в одном из фрагментов из собрания Скуклостер. См.: АГБ 58 (1-8). Л. 1.

[326] КС. №78. Л. 1; №84. Л. 1 — 1 об. (Вильно, 14 октября 1542 г.).

[327] КС. №83. Л. 1–2 (Б. д. После 11 октября 1542 г.); №86. Л. 1 — 1 об. (Кормялово, 8 ноября 1542 г.).

их имениях нет. Окончание дела нам неизвестно, но из позднейших актов прямо следует, что слуги князя Ивана пережили Бельского на своих имениях в Стоклишках. Однако во время волочной «номеры» всплыли правовые лакуны. Оказалось, что ни воли князя Ивана, ни привилеев покойного короля недостаточно ни на сами имения, ни тем более на их расширение. Сын С.О. Крукова боярин господарский Андрей Ольшевский бил челом королю и получил свое имение (1 службу и 5 пустошей) лишь «до ласки господарское»[328].

Иван Гафонович столкнулся с той же проблемой и, как и Ольшевский и Ехидович, получил «до воли и ласки» короля одну службу вместо бывших у него «людей» и пять пустошей в волости Стоклишской[329]. Такой же надел, как и другие слуги князя Ивана (одну службу и пять пустошей), и в тот же день, что и они, получил Федор Ехидович. В «листе» Сигизмунда I державце медницкому и стоклишскому Михаилу Васильевичу от 11 февраля 1534 г. прямо указано, что король велел после смерти князя Ивана Рязанского забрать и вновь присоединить к Стоклишскому двору владения Ивана. На челобитье его слуге Федору была дана одна служба и пять пустошей «на хлебокормленье» (три — на дворец и на пашню и две — на поселение людей). Федор был присоединен к боярам стоклишским и должен был вместе с ними «службу служить» (в акте 1560 г. он прямо назван господарским боярином стоклишским). В апреле 1560 г. право Федора было подтверждено Сигизмундом II Августом[330].

Видимо, Федор построил на пустоши упоминаемый в 1596 г. дворец, названный Федоришским. Умер Федор ранее 6 мая 1579 г. Неясно, был ли он в родстве с господарским земянином Давидом Толкачевичем (Толкацевичем), чье имя выступает в книгах Виленского уряда в 1546 г.[331]

На оставшиеся от Федора Ехидовича четыре пустоши претендовали ковенские земяне Андрей Миколаевич Сенянский и его жена Катерина Федоровна. В 1591–1592 гг. они судились с хоружим троцким Криштофом Дзержеком в Ковенском земском суде и на время задержали имение. Староста поюрский и державца ужвенский Матей Война заявил, что два акта москвитина Федора получил от К. Дзержека, когда тот уезжал в 1591 г. в посольство в Турцию, но они у него затерялись[332]. Возможно, Сенянские пользовались имением как «заставой» или арендой. Но когда они объявили себя наследниками, против них выступил королевский инстигатор. Представитель Сенянских на господарском суде Матуш Концкий просил отложить дело, заявив, что пустоши — «властные добра их дедичные, на которые иж для некоторых прычын на сес час права никакого собе належного показати не ест готов»[333]. Позднее сторона ответчика представила три акта — «лист» Сигизмунда I от 11 февраля 1534 г., «лист» Сигизмунда II Августа от 6 апреля 1560 г. и привилей Стефана Батория под датой «Гродно, 6 мая 1579 г.», «которым его королевска милость тые добра водле тых первшых привильев до воли и ласки им потвердити рачил»[334]. Инстигатор нарировал привилеем Сигизмунда III под

[328] ЛМ-38. Л. 255 об. — 256 об. (Вильно, 6 апреля 1560 г.). Зависимого человека звали Мартин Данюшевич (Бенюшевич), упоминаются — без указания имен — также его сыновья. Пустоши: Уриголевщина (Римкилевщина), Яновщина (Жвирблевщина?), Довъятовщина (Довъятовчина), Юдевщина (Недишка?), Корейковщина (Корейвища). См. также: ЛМ-41. Л. 319 об. — 320 (Б. д., «але конца тои справе нет», сказано в заставке к акту конца XVI в. Запись расположена между актами, внесенными в Вильно 30 сентября 1562 и 1 декабря 1565 г.). К началу 1560-х гг. службу и пять пустошей получил господарский дворянин, поборца ковенский Аврам Иванович Куницевич.

[329] ЛМ-38. Л. 256 об. — 257 об. (Вильно, 6 апреля 1560 г.), ниже цит. с л. 257 об. Имя зависимого человека боярина — Шимко Суслович. Пустоши: Семеновщина, Ганцовщина, Едковщина, Дановщина (названы только четыре).

[330] Копия акта 1534 г. представлена на суде в Варшаве в 1596 г.: ЛМ-284. Л. 187 — 187 об., то же: ЛМ-287. Л. 78 — 78 об. (Варшава, 4 апреля 1596 г. Акт Сигизмунда I под датой Вильно, 11 февраля 1534 г.); ЛМ-38. Л. 258 — 258 об. (Вильно, 6 апреля 1560 г., то же в судном деле 1596 г.: ЛМ-284. Л. 187 об. — 188, то же: ЛМ-287. Л. 78 об. — 79). Оба акта, видимо, упоминаются как «листы» короля Сигизмунда на пустоши двора Стоклишского и короля Сигизмунда Августа державце стоклишскому Августину Мелецкому (Ротундусу). В акте 1534 г. названо имя зависимого человека Федора — Ромашко, и перечислены пустоши: Семеновщина, Чижевщина, Рымлевневщина, Бивонская, Воленская (Волесовская).

[331] ЛМ-233. Л. 170 об. (Вильно, 28 февраля 1546 г.), 171 — 171 об. (Вильно, 7 апреля 1546 г.). Давид судится с господарским дворянином Иваном Кмитичем с Третовича, который обвинил ответчика в нарушении раздела бортных деревьев в неназванном имении.

[332] ЛМ-285. Л. 36 (Краков, 8 апреля 1595 г.). Можно предположить, что актов, упоминаемых М. Войной, у него на руках не было, или это были фальсификаты. Во-первых, в привилее короля Сигизмунда I, по его словам, якобы москвитину предоставлялись четыре пустоши, а это неверно — в акте 11 февраля 1534 г. пустошей пять и лишь к 1591 г. их число сократилось до четырех. Во-вторых, подлинники этих актов позднее были представлены суду Сенянскими.

[333] ЛМ-284. Л. 153 об. (Краков, 23 января 1596 г.). Господарский суд приговаривает представителя Сенянских к присяге и откладывает рассмотрение дела на 8 недель, согласно арт. 24, разд. IV Литовского Статута.

[334] ЛМ-284. Л. 188 — 188 об.

датой «Краков, 31 мая 1592 г.», которым Федоришские владения были переданы Стоклишскому костелу. Господарский суд принял аргументы инстигатора, однако по милости короля оставил имение за владельцами пожизненно[335]. В апреле 1596 г. суд продолжился: в ответ на вызов инстигатора Сенянские представили для записи в канцелярские книги три акта — от 11 февраля 1534 от 6 апреля 1560 и от 6 мая 1579 г. Инстигатор предъявил запись Стоклишскому костелу от 31 мая 1592 г., декрет Ковенского земского суда по делу Сенянских и К. Дзержека и другие акты. Решение суда не изменилось: костел сохранил за собой свое право, но Сенянские были пожизненно оставлены на пустошах Федора Ехидовича[336].

Во всех делах о стоклишских боярах король направляет «лист» писарю державцы медницкого и стоклишского Михаилу Васильевичу, чтобы тот «увезал» бояр в их владения. Говорится при этом, что после смерти кн. Ивана Рязанского бояре держали свои владения до «номеры волочной». Ревизор Аврам Кунцевич, описывая Стоклишки, лишил их владений. Согласно жалобе Гафоновича, он «того человека и пять земль взнего взял и в волоки нашы номерает». Король восстановил всех в праве «до воли и ласки», «не хотечы абы он жебреть и от хлеба кормленья отъдален быти мел». В случае, если оставить бояр на их владениях ревизор не сможет из соображений, связанных с «номерой» земель, они должны были получить полную компенсацию за свои потери и переместиться на другое имение. Таким образом, во время «волочной номеры» ревизоры считали, что пожалования Сигизмунда I Старого просрочены и могут быть возвращены в казну. Это еще раз доказывает неустойчивость права на недвижимость: не получив «вечности» и «доживотя» на пожалования, слуги Ивана Рязанского были обязаны после смерти короля просить «воли и ласки» у его преемника. Кто-то из них потерял часть своих былых владений или новые приобретения, не имея на них подтверждений, оформленных после смерти Сигизмунда I. Потери коснулись, например, Ивана Гафоновича. Выискались «дедичные» права, подозрительные для господарской канцелярии Сигизмунда III, и у претендентов на имения Федора Ехидовича.

Слуги кн. Ивана Рязанского вынуждены были потесниться, когда явился новый пан, окруженный своими слугами. Как уже говорилось, один из современников называл их число — 15 человек. Возможно, среди них были не только московиты, но и татары.

Прежде всего вся совокупность известных источников показывает, что никакого массового заселения имений Бельского московитами не происходило. Налоговые реестры отражают «литовско-русскую» финансовую базу на всем протяжении управления князя Семена. Слуги-московиты появляются в иных контекстах. Какой-то знатный московит, князь Иван Булгак (Булгаков) постоянно сопровождает князя Семена в его странствиях и выполняет важнейшие дипломатические миссии. Среди лиц, выступивших на войну в 1541 г., были весьма вероятные московиты по происхождению Иван Ширяев, князь Петр и Лугвица. Впрочем, еще ряд лиц в том же реестре назван только по именам, без прозвищ и вторых-третьих имен, по которым можно было бы судить об их происхождении[337].

В самом начале королевской службы Бельского от него бежал Себастьян, — видимо, всё же московит Севастьян, чье имя князь Семен в жалобе королю от 1535 г. передавал на латинский лад[338].

Выше мы высказывали предположение, что московитами по происхождению были конюх князя Стенан и его слуга по имени Федор Малый. Служил князю также Ахмат — возможно, богатый татарин, чей двор (где оставалась его семья — упомянута его дочь) попал по неясным причинам и в неясный момент времени под досмотр и инвентаризацию.

Еще один московит в окружении Бельского — жижморский и кормяловский урядник, господарский дворянин Тимофей Никифоров (Никифорович). Его полномочия распространялись, судя по всему, на все литовские имения князя Семена, включая Стоклишки. Он выехал на королевскую службу вместе с братом Василием, однако брат в 1541 г. бежал к великому князю московскому[339]. Тимофею пришлось несладко: его не любили и боялись подданные литовских имений Бельского, и приходилось оправдываться и завоевывать доверие. Во время краковских

[335] ЛМ-284. Л. 188 об. — 189.

[336] ЛМ-287. Л. 78–80.

[337] АГБ 14* (III-9). Л. 1–2. Впрочем, перед нами выплаты не только слугам князя Семена, но и представителям Москвы и Османской империи, и все наши построения о службах князя Петра и Лугвицы носят гипотетический характер.

[338] Об этом см. выше, с. ???

[339] Возможно, именно Василий Никифоров, слуга князя Семена, упомянут под именем «Василь» в недатированном письме Б. Ивашковича В. Жабе. Впрочем, о московском происхождении этого слуги в письме ничего не сказано. См.: КС. № 38. Л. 1.

приключений князя Семена конца 1541 — начала 1542 г. Тимофей старательно собирал налоги с его литовских подданных. Уже при стоклишском державце Августине Ротундусе рассматривались права вдовы Тимофея Никифоровича[340]. Тимофей в какой-то неопределенный момент — видимо, в 1542 г. — подал Бельскому жалобу, поскольку не получал от своей работы хлеба, соли и пива и не мог защитить своего слугу[341]. Видимо, Тимофей не был готов обратиться напрямую к Литовской раде и господарю, но угрожал, что следующим шагом сделает это. Судебный опыт у него был, как показывает его процесс с гродненским войтом[342]. Однако Тимофей, как говорилось выше, был под подозрением, что именно из-за его халатности разбежались кормяловские подданные[343]. Семья Тимофея выполняла посредническую миссию между князем Семеном и местной администрацией. Готовность урядника-московита жаловаться господарю показывает, что он чувствовал себя независимым от своего пана. Дело должно было уладиться, поскольку и в позднейших документах, о которых речь пойдет ниже, он упоминается как кормяловский урядник.

После смерти Тимофея Никифорова его вдова Марина (Мария) Светошина и сыновья Григорий и Дмитр претендовали на двор Конюшки. Имение должно было отойти в казну после того, как из него бежал к великому князю московскому брат ее мужа Василий Никифорович[344]. Марина втайне от короля заложила имение служащему господарской канцелярии шляхтичу Михаилу Коледе (который в 1558 г. выкупил имение брянца В.С. Уколова), однако на это вызванный в суд ее сын Григорий предъявил акт Сигизмунда I Василию Никифоровичу, в котором дозволялось и его брату Тимофею «держати и вживати» полученное имение. Впрочем, пожалование не предполагало «вольности данья и проданьа». Между собственниками был заключен договор, по которому Никифорович продал за 130 кон гр. свой дворец Лелянский Тимофею, его жене и детям «на вечность». Король дал на это согласие, однако ни о какой «вечности» речи в королевском подтверждении не было. Суд Сигизмунда II, рассматривая результаты «волочной номеры», пришел к выводу, что Марина и ее сыновья держат свои имения «за таковым неневным нравом и не на вечность, без дозволенья нашого господарьского». Дворец должен был перейти в казну, но король смилостивился и оставил за ними дворец Лелянский без права продажи и закладa[345]. Незадолго до того выморочное имение возможного родича стоклишских Никифоровичей Андрея Никифоровича в волости двора Квасовского, пожалованное королевой Боной, перешло в казну, но было оставлено пожизненно за его престарелой вдовой Ганной[346].

Нам остается еще раз задаться вопросом, чей же «московский» почерк сохранился в тетрадях из собрания Скуклостер №23 (II-15), 40 (II-2), на листе 75 (II-13), в значительных отрывках и приписках к тетрадям №21 (II-18), 41 (II-1), 43 (II-5), 50 (I-1), 51 (II-12), 52-1 (I-11), 52-3 (I-19), 64 (I-3), 107 (III-5), 109 (I-4), 1* (I-9), 6* (II-8), 10* (III-4), 14* (III-9). Если это Тимофей Никифорович, то неясно, как обладатель этого почерка мог сопровождать князя Семена в Кракове и одновременно описывать кормяловских подданных? Или описание проводилось не в тот же приезд князя Семена в Краков, когда был составлен реестр №40 (II-2)? Фигурирующий в реестрах с московским почерком «Иван» был явно причастен к дальним поездкам, военным делам и дипломатии Бельского. Он выступает в контекстах, в которых его можно отождествить с князем Иваном Булгаком или Иваном Шираевым, но нет надежных подтверждений того, что этот Иван и был писцом-обладателем московской скорописи. Увы, вопрос приходится оставить открытым.

Впрочем, уже сейчас можно сказать, что, во-первых, это был один человек. Во-вторых, он почти всегда сотрудничал с местными писарями. В-третьих, большинство вторжений руки московита в делопроизводство кн. С.Ф. Бельского маркировало наиболее значимые и проблемные стороны налоговой отчетности, закрепляло результаты сборов точными датами и резолюциями. Этот слуга составил значительную часть Кормяловского реестра в период выезда Бельского «до Немец», и предъявил его уряднику королевы Боны Явору Будановичу. В одном случае, в Кракове, вероятно — в марте 1542 г., тот же московит исполняет роль основного поверенного,

[340] См. также: *Казакоў А.У.* Эміграцыя знаці... С. 98.

[341] КС. №72 (Б. д.). См. также: *Backus O.P.* Treason as a Concept... P. 133–134.

[342] ЛМ-27. Л. 52 об. — 53 (Декрет по делу Тимофея Никифоровича с войтом гродненским Богданом Азаровичем о долге сына войта Тимофею в 6 кон 20 гр. и других взаимных претензиях. Вильно, 3 июня 1541 г.).

[343] См. выше раздел «Потомок великих князей: Семен Бельский и его хозяйство».

[344] Василий Никифорович в конце 1541 г. судился с соседом Хомой Микитичем за долг в 7 кон гр. См.: ЛМ-27. Л. 151 об. — 152 (Вильно, 18 ноября 1541 г.).

[345] ЛМ-38. Л. 316 об. — 317 об. (Вильно, 10 ноября 1561 г.).

[346] ЛМ-37. Л. 356 об. — 357, публ. ЛМ. Кн. 37. С. 292–293 (Мордасов, 9 июля 1559 г.).

бухгалтера и делопроизводителя Бельского. Можно полагать, что участие слуг из московского окружения кн. С.Ф. Бельского в хозяйстве в Стоклишках и других его имениях закончилось не позднее кончины князя Семена. Бумаги поступали к его «московскому» урядпику от местных управителей, маркировались и хранились у него самого или у того же неизвестного ныне московита. После смерти все эти документы были сданы этим слугой урядникам Гаштольдов и затем вместе с другими документами по их троцким имениям влились в документальный архив вдовы виленского воеводы Зофьи Гаштольд.

Возвращение кн. С.Ф. Бельского в Литву вызвало, как мы видели и как отмечал еще О.П. Бакус, волну переписной активности и судебных расследований, в которых проявились специфические правовые отношения. Московит попал в чуждое окружение, где пересекались местные традиции, воля короля и судебные полномочия Литовской рады. Выход Стоклишек из юрисдикции кн. Ивана Рязанского, а затем и кн. Семена Бельского не лишал местных жителей их традиционных прав, но выбивал почву из-под ног у самих перебежчиков и их потомков. Именно им нечем было доказать свой «старожитный» статус на полученных землях. Право господаря и королевы Боны было ограничено порядком владения и наследования земель «боярами путными» и «мещанами». Князь Семен Бельский пытался воспользоваться приоритетом господарского доминирования над правовой традицией, лишая слуг Ивана Рязанского, Стенана Крукова и Тимофея Никифорова их домов и садов. Будучи и сам лишь временным держателем, князь своими распоряжениями против держателей в своих имениях стремился подчеркнуть неустойчивость и временность их прав. Его неудачи на этом пути и, возможно, сама гибель — ценное свидетельство в истории его княжеского хозяйствования.

Выводы и еще несколько соображений

Конфликты князя Семена в его хозяйственной деятельности на своих землях были вполне предсказуемы. Его статус в пожалованных имениях, как показывает история управления Стоклишками, Кормялово и Жижморами, был условным, его урядников постоянно контролировали другие представители местной власти — Гаштольды, королева Бона и господарские писари. Вырваться из-под власти, представленной сильнейшими политиками в Великом княжестве Литовской, князю Бельскому было не под силу, тогда как его ссылки на авторитет господарского пожалования упирались в ограниченность воли господаря на подвластной территории. Подданные литовских владений князя Семена населяли свои земли до него. При нем им пришлось туго, и многие не выдержали налоговой нагрузки. Разбежались жители Жижмор от московита-урядника Тимофея Никифоровича; не раз разгорались трения между урядниками различных ветвей управления; бунтовали троцкие кузнецы, напрямую обратившиеся к королеве Боне за протекцией; вернувшемуся из военных походов кн. С.Ф. Бельскому приходилось проводить ревизии имений, компенсировать затраты слуг, вести суды по текущим судебным искам.

Князю Семену было бы не под силу вести хозяйство и развивать внешнеполитические проекты. Его усилия были направлены скорее на сглаживание расходящихся по швам трещин конфликтов в его имениях. Владения виленского воеводы и позднее его вдовы полностью поглотили архив московита, хотя автаркия его имений в хозяйстве виленского воеводы всё же никогда полностью не исчезала. После смерти кн. С.Ф. Бельского его хозяйственный архив вместе с какой-то частью иной деловой документации влился в собрание Гаштольдов. В XIX в. этот единый комплекс распался, причем в собрание С.В. Соловьева не вошло ни одного фрагмента судебной и окладной работы в его имениях. Вероятно, они и не заинтересовали путешественника и коллекционера. Однако это обстоятельство не делало подборку материалов кн. С.Ф. Бельского в коллекции Соловьева целостной. По сути, речь должна идти и в случае петербургского комплекса не об отдельном архиве князя Семена Бельского, а о бумагах Бельского в составе архива Гаштольдов[347].

Религиозная жизнь в имениях князя Семена — за пределами наших исследовательских возможностей. Нет ли и здесь ответа на вопрос о неустойчивости прав и чуждости князя в его литовских имениях? Среди налогоплательщиков-мещан в 1543 г. в Стоклишках указан католический епископ («бискуп»). Кормяловский поп Артемий признал свою прямую причастность к кн. С.Ф. Бельскому в долговой записи на 4 коны и корову, взятых им у В.К. Жабы[348]. Бенефициантом князя Семена, согласно отрывку рубежа 1541–1542 гг., стал только православный поп. Сохранился в отдельной россыпи из Скуклостер

[347] КС. №34, 36, 39, 41, 44, 45, 46, 47, 48 и др.
[348] КС. №35. Л. 1 (Индикт 9 — 1536 г.).

еще один ценный источник — частное письмо, видимо, жижморского иерея Феодора священноиерею Стефану, ному Никольского храма в Пунях. Стефан приезжал специально в Жижморы, чтобы уладить конфликт вокруг завещания какого-то «небожчика дияка». Этот дьяк завещал половину долгов жижморских мещан Феодору, «а они... не хотели отдати». Завещания на руках у жижморского служителя не было, и один из должников и «поручник» остальных, отказал платить его поверенному Мордухаю. Отказал, видимо, в грубой форме: «Хто нам духовницу вкажеть, и я тому ненези отдам, а Мордухая ни очима не видал»[349]. Ясно, что православный храм в Жижморах отнюдь не испытывал религиозных гонений, а наоборот, в какой-то неясный момент получил займовые расписки на своих жителей и вступил с ними в конфликт, чтобы заставить их погасить долги. А вот о финансовом положении части жителей Жижмор в период, близкий к деятельности князя Семена, можно сказать, что оно было весьма шатким[350].

Слишком активная борьба за свои имения не входила в планы князя Семена и отчасти даже противоречила его проектам, на которые потребовались огромные финансовые средства. Задача была всё же в том, чтобы обрести родовые владения в Рязани и Белой и установить в Москве протекторат князей Бельских. Сбор налогов с подвластных литовских территорий во время крымской и московской эпопеи князя Семена поставил на грань выживания население его имений. Сохранившиеся имущественные материалы свидетельствуют о двух противоречивых тенденциях. С одной стороны, урядники Бельского изображали управление имениями в его отсутствие как череду грабительских набегов посторонних урядников, вызвавшую отток местного населения и истощившую местное хозяйство. Сам князь, вернувшись из Крыма в конце 1541 или начале 1542 г., наградил боевых слуг, подданным из своих имений обещал компенсировать их потери и, по всей видимости, первое время создавал видимость восстановления законности. К октябрю 1542 г. наметились неразрешимые противоречия между Бельским и местным боярством, на стороне которого были и жители «дворов». Суд при участии комиссии Панов рады в Вильно осадил князя-московита и напомнил ему, что он пользуется милостью господаря, а не властвует на пожалованных имениях. В последний год жизни князя Семена противоречия сглаживались при участии Панов рады, но неожиданная смерть князя, насильственная или нет, прервала его усилия на той стадии, когда мир в его владениях достигнут не был. Посмертная участь слуг Семена Бельского и Ивана Рязанского показывает, что нрава перебежчиков из свиты обоих русских князей так и остались «неневными».

Предок польских сенаторов: Иван Васильевич Ляцкой

Успешная карьера при королевском дворе ждала отпрыска крупного боярского рода Ивана Васильевича Ляцкого (лат. Ioannes Basilii Lacki, Iwan Ladzki, Ioann Laczki, Liaczki etc.)[351]. Архив Ляцких сохранился не так полно, как, например, собрания кн. А.М. Курбского, кн. С.Ф. Бельского или В.С. Заболоцкого. Хотя, как мы говорим в других местах нашей работы, архив князей

[349] Riksarkivet Marieberg. Skoklostersamlingen. Ryska och Polska. E 8610:1. P. 1 (Ненумерованный отдельный фрагмент в подборке). Судя по почерку, акт может быть датирован первой половиной XVI в. Однако возможна и более точная датировка. В коллекции С.В. Соловьева хранится письмо Панов рады епископа виленского Павла Гольшанского, виленского воеводы О. Гаштольда, гетмана Ю. Радзивилла и новогрудского воеводы С. Гаштольда от 18 августа 1536 г. воеводе подляшскому И. Сапеге, в котором они просят заложить С. Кравцу слуг умершего дорогичцкого писаря Матыса. Возможно, этот писарь и есть «небожчик дьяк» из жижморской переписки. В таком случае письмо Феодора Стефану можно датировать также примерно августом 1536 г. (*Таирова-Яковлева Т.Г.* Материалы... С. 213). Неточно атрибутировано письмо с упоминанием «духовницы» кн. С.Ф. Бельскому в кн.: Polonika w zbiorach... S. 112.

[350] Ряд криминальных происшествий на почве материального неблагополучия потрясли Жижморы под управлением кн. С.Ф. Бельского. Одно из них в документе под печатью: АГБ 60. Л. 1. Акт упоминает жижморского подданного по имени Ромашко и его сыновей. Сохранился крайне плохо — значительная часть акта по центру (по вертикали) повреждена от влаги. Датирован 2 индикта — т.е. относится, по всей видимости, к сентябрю 1543 — августу 1544 г. Еще один акт из собрания С.В. Соловьева сообщает о кражах и утайке денег с продажи части урожая в Жижморах. Сборщик по имени Юрий Васильев ограбил Жижморы и Кормлялово, забрал даже дорогие книги, а позднее уехал в Вильно, где его и ловили, чтобы допросить. Тот заявил, что вещи и книги оставил в церкви, а ключ отдал в Вильно лично князю (Семену Бельскому). Т.Г. Таирова-Яковлева датирует данный акт вслед за М.Г. Курдюмовым 1534–1542 гг. Вероятнее его возникновение уже после Московского похода 1541 г., в конце 1541 — начале 1544 г. См.: КС. № 26. Л. 1 — 1 об.; *Таирова-Яковлева Т.Г.* Материалы... С. 212.

[351] Краткие энциклопедические характеристики Ляцких обобщены: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas (1610 m.) ir jo autorius. Vilnius, 2006. P. 28–29. См. также: *Белы А.* Ляцкія // Вялікае княства Літоўскае. Энцыкляпедыя: Ў двух тамах. 2-е выд. Мінск, 2007. Т. 2. С. 239–240.

Пленный московский воевода (возможно, кн. Ф. В. Телепнев Оболенский) перед польским гетманом Яном Тарновским под стенами Стародуба, 1535 г. Фрагмент гравюры из кн.: Bielski M. Kronika Polska. Kraków, 1597. S. ???

Курбских Ярославских распался и не сконцентрирован ни в каком едином собрании, бумаги кн. Семена Бельского сохранены как целое благодаря хозяйственному архиву Гаштольдов и в россыпи, а от Владимира Заболоцкого дошли только упоминания собрания, перешедшего в архив Санег. Часть архива Ляцких сохранилась, хотя и в обрывочном виде, в Млыновском фонде Ходкевичей. От первых двух поколений Ляцких в Великом княжестве Литовском в этом фонде в принципе сохранилось только три документа — запись Ивана Ляцкого на совместное владение имениями его супруге княжне Богдане Полубенской и два договора Ивана Васильевича и Ивана Ивановича Ляцкого с Яном Шимковичем[352]. Почти весь комплекс документации первых Ляцких в эмиграции утрачен. Приходится реконструировать его на основе косвенных источников, входящих главным образом в государственные собрания Великого княжества Литовского. Все последующие дела Ляцких в ныне известном фонде из Вавельского архива относятся уже к XVII в. Их общая датировка охватывает примерно 1596–1684 гг., однако нижняя граница — это ранние акты собрания Йоанны Талвош.

[352] APK-OW. Zesp. 630 (Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów). №913. Во внутренней архивной описи датировка данного номера в составе собрания содержит: «1544, 1558, 1569 гг.».

Отправной точкой документального массива Ляцких является уже только начало XVII в. Материалы здесь весьма разнообразные: «выписы» из судебных актовых книг, королевские «привилеи», инвентари имений, реестры документов, финансовые отчеты, долговые расписки, завещания, письма, копии старых актов[353]. Поскольку документация общего предка Ляцких, Федора-Теодора Ивановича, в архиве не отложилась, создателями собрания в настоящем его виде были, вероятно, Ян-Альфонс Ляцкий и его жена Йоанна Талвош. Им же принадлежало и несколько оригиналов из собрания их предков, Ивана Васильевича и Ивана Ивановича Ляцких.

Как и кн. Семен Бельский, после побега из Московского государства Иван Васильевич Ляцкий около года прожил при Ю. М. Радзивилле. В июле 1535 г. от князя Семена Бельского в Москву вернулись некоторые его слуги. Возможно, после этого король Сигизмунд Старый принял решение изменить режим перебежчиков и забрать Ляцкого ко двору. Какое-то время семейство московитов, видимо, провело при короле. После этого пути Ивана Ляцкого и князя Семена расходятся. Радзивилл отправил Ляцкого к королю[354]. Уже с 1536 г. имя Ивана Ляцкого, а с начала 1540-х гг. — и его сына Ивана Ивановича встречаются при заверении актов господарского суда[355]. Никакой должности к его имени не приписывают. Он выше кн. Ивана Шуйского, но его сын Иван пишется на втором месте после князя.

Уже в 1535 г. Ляцкий получает от короля Высокий Двор, Жолудок (Жолуток) «з месты и с фольварьками и Берестовицу фольварок, до Жолудька належачыи, над рекою Реплею с коръч-

[353] АМСh. №914–920, см. также №151, 154, 949 (указано А. В. Казаковым).

[354] ПИВЕ. Т. 6. С. 160 (О. М. Гаштольд — Ю. М. Радзивиллу. Вильно, 19 июля 1535 г.).

[355] Иван Васильевич Ляцкий: ЛМ-225. Л. 159–161, 196 — 196 об., 215 об. — 216, 228 об. — 229, публ.: ЛМ. Кн. 225. С. 146–148 (Вильно, май, вторник 4-й недели после Пасхи 1536 г.), 178–179 (Вильно, 23 декабря 1540 г.), 196 ([Вильно,] 27 июля 1541 г.), 207 ([Вильно,] 15 июня 1542 г.). Иван Иванович Ляцкий: ЛМ-225. Л. 271 об. — 272, 275–277, публ.: ЛМ. Кн. 225. С. 242 (Шовкяны, 28 октября 1542 г.), 244–246 (Шовкяны, 23 октября 1542 г.). Запись за 28 октября 1542 г. содержит только имя «Иван Лядский», и составители справочного аппарата в издании 1995 г. приняли его за И. В. Ляцкого, что и отразилось в именном указателе тома. Однако это маловероятное решение. Данный Иван Ляцкий выступает вторым свидетелем после кн. И. Д. Шуйского, а И. В. Ляцкий в остальных случаях всегда опережает своего соотечественника, тогда как именно его сын Иван однажды выступает уже после князя Ивана Губки. Вероятнее, что речь и в данном случае речь должна идти об Иване Ивановиче, а не о его отце.

мами, с канъщизною, з слугами нутъными и зо всими людьми волостъными, з дяклы житными и овъсяными, з данью грошовою и медовою и с челедью невольною и теж з гумъны», а также села Очижу (Очижо) и Болочу (Волочу, Болочо) в волости Свислоцкой «такъже з данью грошовою и медовою, бобровою и куничъною» и т. д.[356] Жолудок располагался в Троцком повете и значился шестым после Волкиник и Ленун, Ейшишек, Радуни, Каневы и Дубыч и Василишек в списке городов повета, согласно «Порядку писаня листов до панов рад, врядников и всего рыцерства шляхты Великого князства Литовского и до мест» 1550–1551 гг. (Высокий Двор значится «под другой стороне» Троцкого повета)[357]. К маю 1536 г. Иван Васильевич уже владел и распоряжался на этих землях. Один его подданный жаловался на жолудского боярина, обвиняя его в спалении дома. Рассказывая о том, как гасили постройку, он ссылался на другого «чоловека пана Лядского ж... а другого братанича своего Онанаса, которого пан Лядский собе от него прывернул»[358]. Села в Свислоцкой волости были получены еще до Стародубской военной кампании 1535 г., и еще до своего отбытия на войну Ляцкий поссорился с подляшской воеводиной Мариной Костевич из-за угодий и людей. Его воины обвинялись в нападении на с. Турыно, побои, захват имущества и насилие[359].

Не позднее 1539 г. И. В. Ляцкий рассаживал в Высоком Дворе своих слуг. В этом году девять служб там получил слуга Ляцких Денис Федорович[360]. Впрочем, о времени пожалования Дениса мы знаем из акта, в котором он ссылался на утрату документов о пожаловании и сам привел эту дату. Возможно, она вымышлена. Вероятно, к 31 января 1543 г. в Высоком Дворе владетельные права были закреплены и за сыном Ивана Васильевича Иваном[361].

В 1545 г. Иван Васильевич получил на «вечном» праве земли в Мельницком и Каменецком поветах. Каменецкое имение Чемеры перешло на короля после смерти кн. Семена Чарторыйского, а мельницкое Носово – «по жене Юхна Васкевича». Мельницкое имение Носово входило в «вено», или «онраву», дочери Ивана III, королевы Елены Ивановны, а после ее смерти в 1514 г. перешло князю Ивану Ивановичу Пузыне Глушонку[362]. Между 1542 и 1545 гг. оно находилось в распоряжении господарского урядника и его вдовы.

Возможно, в Мельницком повете Ляцкий закрепился уже вскоре после своего прибытия из Московского государства. В мельницкой тюрьме томился вместе с московскими пленными слуга Ивана Ляцкого («Ивана Лядского человек», неясно – Ивана Васильевича или его сына Ивана) по имени Иван. На 20 октября 1538 г. этот слуга уже умер. Возможно, это один из посыльных Ляцкого в Москву, и им пришлось пожертвовать, чтобы доказать свою преданность королю[363].

Получив в держание или пожизненное владение Чемеры и Носово, Ляцкий не имел права ими распоряжаться. Закрепить положение ему помог сын Иван, который выехал из России вместе с отцом. В привилее Сигизмунда II об этом говорится следующим образом: «Ино иж он сына своего Ивана, которыи восполок з ним на имя нашо господаръское ку служъбе нашои приехал, хотел бы оженить и годънеишим слугою ку послугам нашим его учинить, нижъли иж на тые имена Носово а Чемеры никоторое невъности от нас не мел. И затым, вземъши за сына своего жону, вена на тых именах онравити еи не могли»[364]. Ляцкий-отец просил короля закрепить владения в собственности своей, сына, невестки и будущих внуков. Трудности с «онравой» для невестки были не случайны. Ею

[356] Цит. из подтверждения короля И. И. Ляцкому: ЛМ-73. Л. 446 об., то же: ЛМ-74. Л. 327 (12 июля 1588 г.). См. также: Литовская Метрика: (1528–1547). 6-я книга судных дел / подг. И. Валконите и др. Вильнюс, 1995. С. 152–153; *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa, 1909. S. 317; *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 29.

[357] ЛМ-28. Л. 124 об. – 125.

[358] ЛМ-225. Л. 151–152, публ.: ЛМ. Кн. 225. С. 139–140 (Вильно, 14 мая 1536 г.). AMCh-151. S. 25–26 (Вильно, 7 июля 9 индикта).

[359] ЛМ-225. Л. 165–167, публ.: ЛМ. Кн. 225. С. 152–153 (Вильно, 20 мая 1536 г.).

[360] ЛМ-41. Л. 362 об. (Вильно, 20 октября 1563 г.).

[361] ЛМ-41. Л. 357 об. (Вильно, 25 сентября 1563 г.), ниже цит. с л. 358 об. То, что пожалование произошло незадолго до января 1543 г., подтверждается ссылкой И. И. Ляцкого в сентябре 1563 г. на то, что высокодворские слуги путные служат его отцу и ему самому «о двадцати лет».

[362] *Michaluk D.* Wymiana rodów na pograniczu koronno-litewskim w XVI–XVII wieku na przykładzie południowego Podlasia // Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej. Toruń, 2002. S. 251.

[363] *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI в. // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 173. Реестр пленных составлен И. М. Песляковичем и представлен королю подскарбием земским Иваном Горностаем 20 октября 1538 г.

[364] Копия акта, занесенная в канцелярские книги Великого княжества Литовского 12 июля 1588 г. по просьбе слуги кардинала А. Радзивилла по имени Каспор Биля: ЛМ-73. Л. 445 – 445 об., здесь л. 445, то же: ЛМ-74. Л. 325 – 326 об., здесь л. 325 об.

оказалась княжна Полубенская, представительница могущественного и разветвленного владетельного рода. Вопрос был решен с согласия Панов рады в пользу московита со ссылкой на то, что он «немалую отъчизну свою на Москве оставил». По привилею от 27 марта 1545 г. оба имения были им получены вместе с боярами путными, селами и приселками, тяглыми людьми, «и со всими служъбами, платы, доходы, з дяклы житъными и овсяными и с челядю невольною, з гумъны, пашнями дворъными и со всими землями, лесы, дубровами, так болоты, ставы, ставищи, з млыны и их вымелъки» и т. д. Они были закреплены «вечъне и навеки непорушно» за Ляцкими и их потомками, причем как мужского, так и женского «плоду»[365]. Еще до подписания привилея, 19 января 1545 г. «Пан Ляцкий Московит» выплатил с имения Носово налог в 500 корбов овса за прошедший 1544 г.[366] Неясно, отец или сын Иван Ляцкий ("Pan Lazky") сопровождал во главе десятки казаков короля Сигизмунда II Августа в Ливонию 16 июля 1551 г.[367]

В марте 1546 г. Иван Васильевич получает должность наместника медницкого в Виленском воеводстве, которая была им потеряна между 30 октября 1551 и 9 января 1552 г.[368] Верхняя дата в данном случае вызывает сомнения, о которых мы еще скажем ниже в связи с вопросом о времени кончины И. В. Ляцкого.

Совсем мало, в отличие от его бурного соратника, кн. Семена Бельского, известно о личном хозяйстве и участии Ляцкого в жизни Великого княжества Литовского. Возможно, витавшие при дворе подозрения, что московские перебежчики 1534 г. стремятся вернуться на родину, заставили его уйти в тень. Ляцкий не участвует в авантюрах Бельского и отдаляется от него. Уже в 1540–1541 гг. Ляцкий переписывается с Сигизмундом Герберштейном и делится своими мыслями о России с ним, а затем с прибывшим на королевскую службу голландцем Антонием Видом[369]. Сотрудничество с С. Герберштейном и А. Видом в эти же годы привели к созданию ценного памятника московско-европейских контактов — карты А. Вида и И. Ляцкого. Имперский дипломат неоднократно беседовал с московитом, расспрашивая его о Российском государстве. Мы уже говорили, что карта отразила представления жителя Московии о своей стране, при этом и знания и политические амбиции Бельского и Ляцкого срослись воедино на карте. А. Вид отметил на своей карте, что Ляцкий живо интересовался географией и политикой Московии и «никогда не упускал случая исследовать всё, что, казалось, имеет отношение к познанию страны»[370].

Судебная жизнь тоже не угасала и не ограничивалась оформлением имений и выплат. В июле 1542 г. он под именем «пан Иван Захарьич Лядский» подписался под протоколом иска вдовы хоружего мойшагольского Мартина Яновича, Полонии, на своего пасынка Яна Мартиновича[371]. В октябре 1542 г. вновь его подпись «пан Иван Васильевич Лядъский» значится на судебном деле — на сей раз на протоколе заседания Виленского суда по иску кн. Василия Юрьевича Толочинского и кн. Андрея Семеновича Одинцевича от имени их жен против кн. Януша Романовича Любецкого[372]. Статус официального свидетеля показывал, что Ляцкий втянулся в обычную жизнь литовской шляхты. Однако никаких громких должностей при имени московского сановника на королевской службе не указывалось. Только «пан» и в одном случае, возможно, статусное родовое имя, обманчиво звучащее как патроним — «Захарьич».

Отразилась активность знатного беглеца и в счетах королевской казны. В августе 1539 г. ему выдано 30 зл.[373] В январе 1544 г. он через

[365] ЛМ-73. Л. 445 — 445 об., то же: ЛМ-74. Л. 325 об. — 326 (в составе акта от: Краков, 7 декабря 1588 г.); ASK. LVI. M 2. K. 119 (Regestr popisu zamku mielnickiego JKM (1545 г.)), цит. в: *Michaluk D.* Wymiana rodów... S. 251; *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 29.

[366] ASK-1. N 120. K. 179, публ.: LDK-ŽADS (1543–1548). P. 316: "A Domino Liaczki Moscovite ex Bonis Nosowo Anno Domini 1545. Die 19 Ianuarii Anno eodem do[minus] Liaczki Moscouita Percepta avena tributarie anni preterite ex Bonis Nosowo solancas 125 per cor. 2 quarum singula capiebat cor. diarios 4 facit cor. 500".

[367] BOss. № 1638/II. K. 1v–2.

[368] AGAD. TML. N 212. S. 384 (22 марта 1546 г.); AGAD. AR. Dz. X. N 59. S. 1 (М. Ю. Радзивилл Рыжий — Яну Шимковичу. Вильно, 30 октября 1551 г.), 3–4 (Жолудок, 9 января 1552 г.); AMCh-154. S. 59–62 (Жолудок, 18 мая 1546 г.), 63–70 (Жолудок, 9 августа 1550 г.). *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. S. 317. См. также: Urzędnicy... T. 1. S. 71. N 114.

[369] А. Вид получает жалование из королевской казны, согласно счетам 1544–1546 гг. (за май, видимо, 1544 г.). См.: ASK-1. N 124a. K. 39v; 124b. K. 39v–40.

[370] *Кудрявцев О. Ф.* Карта Московской Руси... С. 44–45.

[371] ЛМ-230. Л. 20 об., публ.: ЛМ. Кн. 230. С. 17 (Вильно, 29 июля 1542 г.). Другие свидетели — старостич жмудский Петр Петрович Станиславович, Станислав Стецкович и хоружий мойшагольский Щасный Жоравский.

[372] ЛМ-230. Л. 74 об., публ.: ЛМ. Кн. 230. С. 52 (Вильно, 7 октября 1542 г.). Другие свидетели — кн. Владимир Дубровицкий, городничий троцкий Олехно Федорович Кравец, Григорий Шолуха и Станислав Стецкович.

[373] ASK-1. N 95. K. 17, то же: ASK-1. N 96. K. 20 (21 августа 1539 г.).

Иеронима Корыцкого получает 8 корбов овса[374]. Еще раз его имя вновь мелькает в выплатах казны чуть ниже в том же реестре. Ему полагалось 12 корбов[375]. Возможно, он был во всеоружии: в те же дни казна расплачивалась за овес для коней придворных. В октябре 1544 г. на Брестском вальном сейме слушалось дело И. В. Ляцкого с писарем королевы Боны Яном Шимковичем. Их соседство сопровождалось уже к тому времени многолетними «боями, грабежами» и «невчинепем справедливости» сначала с отцом Яна (и его братьев), державцей ушпольским, ненянским и радуньским Шимко Мацкевичем, уже к тому времени умершим. Иван Ляцкий и Ян Шимкович пришли на сейме к полюбовному соглашению, которое и было скреплено сохранившимся доныне пергаменным актом[376]. В октябре 1547 г. дело тем не менее продолжилось обсуждением размена спорными землями, но так и не привело к окончательному согласию[377].

В последние годы жизни Ляцкий-отец был лесничим беловежским и каменецким. После его смерти сын не унаследовал этой должности. Она перешла к Филинну Махвичу. В целом не может не удивлять, что должностные назначения и владельческие акты приходят к Ляцкому-сыну лишь несколько лет спустя предполагаемой смерти отца, если она случилась около 1552 г. По предположению Д. Антанавичюса, в 1552 г. И. В. Ляцкий умер и был похоронен в виленском храме Святой Троицы[378]. Дата смерти И. В. Ляцкого вызывает определенные сомнения. В акте от 9 января 1552 г. он упомянут без обычного указания на его уход из жизни, т.е. его имя не сопровождается словом «небожчик». Слуги путные И. И. Ляцкого ссылаются на его отца как на «небожчика» в конце августа 1563 г.[379] Сузить период позволяет акт от 10 июня 1554 г. — здесь Ляцкий, вне всяких сомнений, назван умершим («небожчику пану Ивану Василевичу Лядскому»)[380]. Ряд распоряжений Ляцкого-сына в 1554 г. также подсказывают, что смерть И. В. Ляцкого могла наступить незадолго до 10 июня 1554 г. Датировка и обстоятельства вступления в брак И. И. Ляцкого и датировка первых сведений о вступлении Ивана Ивановича во владение родительскими имениями позволяют перенести момент смерти И. В. Ляцкого на период 9 января 1552 — 10 июня 1554 г., вероятнее — ближе к концу данного периода[381].

К августу 1534 г., когда кн. С. Ф. Бельский и И. В. Ляцкий перешли на сторону королей Сигизмунда Старого и Сигизмунда Августа, сын Ивана Васильевича Ляцкого был уже, видимо, подростком. Ничего определенного сказать о его возрасте невозможно, однако уже в начале 1540-х гг. Иван Иванович наряду со своим отцом и с кн. И. Д. Шуйским выступает в качестве свидетеля на господарском суде[382]. А уже на рубеже 1540-х — 1550-х гг. у Ивана в браке с подданной Великого княжества Литовского родились дети[383]. Возможно, к тому времени Иван Ляцкий-младший был уже 30–40-летним мужчиной. Выше мы уже упоминали случаи, когда возможна путаница — в источниках не всегда ясно, говорится ли об Иване Ляцком-отце или сыне.

Все первые известные приобретения и назначения И. И. Ляцкого относятся ко времени не ранее 1554 г. Именно тогда Иван Иванович становится лесничим подляшским и позднее в этом качестве выступает в актах 1559 и 1569 гг.[384]

Незадолго до 10 июня 1554 г. разгорелся его спор с троцкой господарской боярыней («бояркой») Агнешкой (Ягнешкой) Войшковной Руминой[385] и ее сыном Стасем Яскевичем из-за сеножатей, проданных еще Ляцкому-отцу[386].

---

[374] ASK-1. N 115. K. 111, публ.: LDK-ŽADS (1543–1544). P. 246: "Domino Laczki per maiestatem regiam ad instigacionem domini equisonis dati cor. 8" (12–24 января 1544 г.).

[375] ASK-1. N 115. K. 111v, публ.: LDK-ŽADS (1543–1544). P. 248: "Die ut supra Domino Liaczki iussu maiestatis regiae dedit cor. 12" (19 января 1544 г.).

[376] AMCh-913. S. 11–12 (Брест, 12 октября 1544 г. Индикт 3). Акт поврежден. В ряде мест не читается.

[377] AMCh-914. S. 31–37 (Вильно, 17 октября 1547 г. Индикт 6). Акт сохранился в польской копии XVII в. Здесь же ссылка на договоренности Брестского сейма 1544 г. См.: AMCh-949. S. 171–177 (13 июля 1548 г.); AMCh-151. S. 27–34 (Можейков, 15 июля 1548 г.), а также ряд актов на с. 35–58 от октября 1544 — июля 1548 г.

[378] *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 29.

[379] ЛМ-41. Л. 356 об. — 357.

[380] AGAD. AR. Dz. X. N 59. S. 7 (Вильно, 10 июня 1554 г.).

[381] См. об этом здесь ниже.

[382] Об этом в здесь ниже разделе «Конкуренты "Московского"».

[383] Об этом см. ниже.

[384] Оригинал привилея хранится: LMAVB. RS. F 264. B. 276. L. 1–2v (Вильно, 1554 г.), ссылка в: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 29. Подтверждение: ЛМ-53. Л. 18 — 18 об. (Кишинев, 26 октября 1569 г.). Ср.: *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. S. 317 (здесь датировка назначения — 1556 г.); Urzędnicy podlascy XIV–XVIII wieku. Spisy / oprac. E. Dubas-Urwanowicz et al. Kórnik, 1994. S. 19.

[385] Возможно, речь идет о представительнице рода Рудомина.

[386] AGAD. AR. Dz. X. N 59. S. 7. Сеножати Куцовщина и Юхновщина за Тулиндой на р. Ищолие на 15 служб (Троцкий повет).

Конфликт случился уже не впервые и был подогрет напряженностью в отношениях Миколая Радзивилла Рыжего и Яна Шимковича. Ян взял в аренду поля, а когда они были проданы владельцем, отказался их уступать. После смерти И. В. Ляцкого они de jure перешли к его сыну. И когда на его требования реакция была точно такая же, Румина и ее сын подали в суд и получили поплечье со стороны М. Ю. Радзивилла. Композиция этой небольшой драмы подсказывает, что описанные в акте из Архива Радзивиллов события стремительно развивались на этапе передачи дела от покойного И. В. Ляцкого к его сыну.

У нас имеется еще одно распоряжение И. И. Ляцкого за тот же год. Будучи урядником, в декабре 1554 г. Ляцкий-младший купил за 175 кон гр. у жмудского (тверского) тиуна Миколая Яновича Стецкевича и его жены Ганны Станиславовны двор с каменным домом и другими строениями в Вильно между Татарскими и Вилейскими воротами напротив двора старосты бобруйского С. А. Довойно. Двор Стецкевича был так называемой «юридикой», т. е. подчинялся не городу, а замку («под правом замъковым, а не местъским»), был куплен отцом Миколая у кн. С. Глинского и принадлежал брату Миколая Криштофу до его смерти[387].

Хозяйство и расположение двора описано с многочисленными подробностями: «А то ест будованья у ворот светлочка с примном мурованая, старии мур вжо обвалилъся, а под тым муром пивница одна завалилася, а другая пивница ешче не завалилася, а подле того муру стаенька деревеная на шест конеи, а подле стаини дом деревеныи низкии светлица, а напротив комора, а в тылу стаини издебъка з примном старая, а другии дом деревеныи низкии и светлица с примном, а в тылу светлицы гридня, а на доле подле других ворот ку вежи татарскои домок деревеныи низкии же светлица, а напротив комора, а в сенех прогреб, котории двор мои лежить сумеж онлот двором пана Павла Кгедроитя тивуна виленьского подле муру наркану, котории мур идеть от вежи великое до вежи татарское противку двора его милости пана Станислава Анъдреевича Довоина, старосты бобруиского, на улицы, которая улица идеть от ринъку до вежи Велеиское мимо костел Светого Духа и двор пана Кезкгаилов а пана Степана Велькевича»[388].

Из актовой книги Виленского гродского суда известно, что в октябре 1562 г. на дворе Ляцкого останавливался Петр Желех, служебник хоружего сандомирского Миколая Тарло[389].

Согласно К. Несецкому, Ляцкий получил от Сигизмунда I имения Жолудок и Высокий Двор ("Zołudek i Wysoki Dwór")[390]. Видимо, геральдист подразумевает И. В. Ляцкого, от которого позднее его сын унаследовал эти имения. Высокий Двор, Жолудок и оба села в волости Свислоцкой со всеми сборами и данями перешли к нему от отца с выразительной формулой «до очищеня отчизны его», относящейся к владениям Ляцких в России.

Король, ссылаясь на рекомендацию Панов рады и канцлера Великого княжества Литовского Миколая Яновича Радзивилла, привилеем от 9 августа 1558 г. закрепил за И. И. Ляцким унаследованные им от отца владения «на вечность» с правом наследования по мужской линии или с особым правом наследования дочерьми в случае их вступления в брак[391], а привилеем от 10 октября 1558 г. подтвердил его право на владение «вечъне и навеки непорушъне» Жолудком[392].

Даже значительно позднее в пожалованиях на Жолудок И. И. Ляцкий отмечен как эмигрант, оставивший «немалую отъчизну свою на Москве»[393]. В целом это не отступает от истины, поскольку Иван Иванович не родился в пределах Великого княжества Литовского, а выехал, хоть и совсем юным, вместе со своим отцом. Однако упоминание «немалой отчизны» в Московском государстве может относиться, конечно, только к владениям отца.

В Жолудке были предоставлены наделы другим московитам — детям боярским Федору Киселеву (получившему от короля здесь три пустоши и двух слуг) и Ивану Козунову (получившему две пустоши и одного слугу). Державца жолудоцкий кн. Василий Андреевич Полубенский наделил этих московитов землей еще в июле 1534 г., буквально за считанные дни до выезда князя Семе-

[387] ЛМ-34. Л. 292 об. — 294 об. (Вильно, 16 января 1555 г.). Свидетелями сделки выступили тиун жмудский (вешвенский) Каспер Петрович Белевич, Станислав Петрашкевич и кн. Петр Богушевич Масальский. Копия договора, под датой Вильно, 21 декабря 1554 г., вписана в актовую книгу на л. 293 — 294 об.

[388] ЛМ-34. Л. 293 об.

[389] ЛМ-262. Л. 23 об. (Вторая фолиация, Вильно, 17 октября 1562 г. Дело о пропаже двух коней со двора «пана Лядъского»).

[390] *Nesiecki K.* Herbarz Polski. Lipsk, 1841. T. 6. S. 2.

[391] ЛМ-37. Л. 276 об. — 277 об., публ.: ЛМ. Кн. 37. С. 232–233 (Брест, 9 августа 1558 г.).

[392] Копия акта, занесенная в канцелярские книги Великого княжества Литовского 12 июля 1588 г. по просьбе слуги кардинала А. Радзивилла по имени Каспор Биля: ЛМ-73. Л. 446–447, то же: ЛМ-74. Л. 326 об. — 328.

[393] ЛМ-73. Л. 446 об., то же: ЛМ-74. Л. 327 об.

на Бельского и Ляцких на королевскую службу[394]. Позднее И. И. Ляцкий с разрешения короля выкупил эти владения у своих соотечественников[395]. Помимо Жолудка и его фольварков в собственности Ляцкого оказались местечко, двор и волость Высокий Двор с фольварками в Троцком повете, имение, двор и волость Носово с мельницами в Мельницком повете, такой же набор в имениях Чемери с мельницами в Брестском повете, Берестовица — в Волковысском, имение и волость Очижеболоче Уголец и Вусош — в Минском[396].

Сохранились следы рассмотрения конфликтов Ляцких с соседями на королевском суде. В 1556 г. лесничий подляшский И. И. Ляцкий приезжал в Варшаву на королевский суд с маршалком, королевским писарем, старостой тыкотинским Яном Шимковичем. Дело было изложено «на колку выписех с книг господарьских». Суд должен был состояться в день св. Мартина, но короля задержали дела в Короне, и слушание было отложено на Громницы 1557 г.[397] Это было, видимо, продолжение судебного процесса, который начался еще при И. В. Ляцком. В мае 1558 г. стороны, наконец, вновь договорились, обменялись спорными имениями и провели между своими землями разграничение. Договор был скреплен пергаменными актами. Из них сохранилась в крайне плачевном состоянии копия Ивана Ляцкого[398]. Не в пользу И. И. Ляцкого в 1559 г. завершился его процесс с мещанами шерешовскими, которым король подтвердил право, данное еще королевой Боной, рубить лес на строительство и дрова в границах Шерешова и его округи[399]. Возможно, с этим расследованием как-то связана выдача Ляцкому 20 кон гр. из господарской казны на выезд вместе со старостой мстибоговским Григорием «для потреб нущ господарьских»[400]. Тогда же Иван Ляцкий промелькнул в свидетелях на сделке Александра Семако с Богданой Андреевич[401].

В ноябре 1560 г. слуга И. И. Ляцкого Левон Ярофеевич вел от лица своего пана дело в Слонимском гродском суде против господарского боярина василишского Якова Митковича, обвинившего Левона и других слуг Ляцкого в том, что 27 сентября 1560 г. они напали на его дом. Левон доказывал, что в то время еще не был в Жолудке, поскольку уехал с двумя спутниками по поручению («за росказанем») снохи Ляцкого, тяжело больной княжны Марии Ивановны Полубенской, в ее владение Бережки, чтобы помочь ей в составлении тестамента. Однако сразу уладить дело не удалось, поскольку не подоспели свидетели с печатями, и пришлось остаться еще на день. Служебник Левона Юрий Янович подтвердил показания своего пана[402]. Завещание приведено в той же актовой книге, что и жалоба Левона, и служит ценным источником для изучения клана Ляцких-Полубенских, к чему мы еще неоднократно вернемся ниже[403].

Сам Ляцкий появился на Слонимском уряде несколько дней спустя после Левона как представитель старосты слонимского, маршалка господарского Григория Воловича. Ляцкий суетился из-за завещания только что умершей княжны Марии и просил вижа ехать вместе с ним к ее брату кн. Ивану Ивановичу Полубенскому, еще одному наследнику имущества княжны. Дело в том, что опекуном больной княжны Марии был воевода новогрудский Иван Горностай, а все свои «скарбы» она держала у И. И. Ляцкого и его жены, княжны Богданы[404]. Когда Мария умерла, вещи, хранившиеся у Ляцкого и завещанные Полубенскому, были переданы наследнику. Привез их слуга И. И. Ляцкого Миско Юрьевич[405].

---

[394] См. реестр московских эмигрантов, *Ф. Киселев* и *И. Козунов* в нашей монографии "Natione Moscus".

[395] ЛМ-38. Л. 156 — 156 об. (Вильно, 17 мая 1558 г.).

[396] ЛМ-279. Л. 605 606 (Брест, 20 ноября 1588 г.).

[397] ЛМ-39. Л. 131 об. — 132 (Варшава, 30 октября 1556 г.), цит. с л. 132; ЛМ-43. Л. 35 — 35 об. (Варшава, 10 ноября 1556 г.).

[398] AMCh-913. S. 9 10 Perg. N 122. K. 1–1v, то же: AMCh-151. S. 61–63 (Вильно, 22 мая 1558 г.); AMCh-151. S. 103–112 (Вильно, 26 мая 1558 г.); Perg. N 123. K. 1–1v (Вильно, 27 мая 1558 г.). Ср.: AMCh-151. S. 65–78.

[399] ЛМ-37. Л. 177 об. — 178 об., публ.: ЛМ. Кн. 37. С. 156–157 (Краков, 1 марта 1559 г.).

[400] ЛМ-37. Л. 340, публ.: ЛМ. Кн. 37. С. 280 (Б. м., 9 июля 1559 г.).

[401] ЛМ-37. Л. 342 об., публ.: ЛМ. Кн. 37. С. 282 (Сделка: Луков, 15 апреля 1559 г. Акт внесен в Литовскую Метрику б. д., между записями от 24 июня и 2 июля 1559 г.).

[402] НИАБ. Ф. 1737 (Слонимский гродский суд). Оп. 1. Спр. 1. Арк. 144–144 адв. (6 ноября 1560 г.). Яков пожаловался уже в день нападения на его дом в уряд Василишский. Но дело было переведено в Слоним, видимо, сразу — по постановлению о проведении суда через 5 недель после внесения «скарги».

[403] Оба документа на сегодня в составе Первой книги Слонимского гродского суда. Сама книга составлена из остатков книг за 1560, 1561, 1562, 1563, 1569, 1570, 1572, 1573, 1574 гг. Первоначально книги были разделены по годам и урядникам, но завещание Полубенской было внесено в актовую книгу в том же 1560 г.

[404] КГСл-1. Арк. 183 адв. (18 декабря 1561 г.).

[405] КГСл-1. Арк. 145–146 (11 ноября 1560 г.). После смерти княжны Марии И. И. Ляцкий послал к князю Ивану для переговоров о наследстве своего жолудского боярина Матфея Матушкиня и служебника Миска Юрьевича. Затем потребовался судебный поверенный — вижем был назначен служебник наместника слонимского Лаврина Федоровича Здитовского, Кмита Федорович. Он свидетельствовал для записи в книги о том, что 10 ноября ездил вместе с И. И. Ляцким к кн. И. И. Полубенскому.

Прошел год, и выявилось недовольство в семье Полубенских. Сестра покойницы, княжна Марина Ивановна Полубенская-Протасевич, жена войского гродненского, ключника и подключего троцкого Бенедикта Васильевича Протасевича, копила недовольство князем Иваном, что он всё имущество княжны Марии «один сам на себе побрал». Оно вылилось в новый судебный процесс. В декабре 1561 г. на Слонимском уряде появился сам муж княжны Марины Бенедикт Протасевич с «листом упоминалным» короля. Он просил на уряде вижа и при нем собирался передать этот «лист» кн. И. И. Полубенскому. Тот умело отклонил претензии, заявив, что опекал княжну Марию покойный Иван Горностай, а хранились ценности у И. И. Ляцкого[406].

Из еще одного разбирательства, на сей раз между лесничим подляшским и «слугами путными» Высокого Двора, Ляцкий вышел победителем. Из жалобы его «бояр» ясно, что в момент мобилизации И. И. Ляцкий призвал к оружию слуг, не обязанных нести военную службу, а в ответ на их отказ отобрал у них земли. В конфликт вмешались король и Панове рада Великого княжества Литовского. В конце концов, суд воеводы троцкого М. Ю. Радзивилла признал, что претензии слуг на статус «бояр шляхты» Троцкого повета безосновательны и они обязаны, как прежде, Ляцкому «служити и вси повинъности и пошлины полнити, дякла и подачки давати»[407]. На суде Ляцкий представлял пожалования Сигизмунда I своему отцу, тогда как его слугам, как выяснилось, предъявить было нечего. Несмотря на победу московита, этот процесс показывал, что многие его слуги из местного населения не были довольны своим положением и упрекали отца и сына Ляцких, что они им творят «великие кривъды и утиски». Впрочем, выступление «слуг путных» не было стихийным протестом, а имело давнюю предысторию: вскоре после получения Высокого Двора И. В. Ляцким, в январе 1543 г. на Виленском вальном сейме они или их ближние подавали в суд и уже тогда безуспешно пытались отсудить себе боярский шляхетский статус[408].

Поздней осенью 1564 г. Иван Ляцкий — один из немногих, кто на призыв М. Ю. Радзивилла явился на съезд в Минске, удостоившись в январе 1565 г. похвалы короля в его письме литовскому канцлеру М. Я. Радзивиллу[409].

Долго длился и закончился уже после смерти Ивана Ивановича (или всё еще его отца Ивана Васильевича) его поземельный спор с Василием Конотем за Верховское (Верховицкое) имение у р. Синоры при Беловежской пуще (32 вл.). Ляцкий собирал соседние земли, ссылаясь на их принадлежность королю. Воевода смоленский Г. Волович и подскарбий дворный Л. Война ездили 17 июля 1567 г. от имени короля на расследование по жалобам Ляцкого и господарских подданных из беловежских «воль» — из с. Высокогорского и Коставлян — о нападении на их земли подданных В. Конотя. Доказать свое право на эти земли Ляцкому так и не удалось, и после его смерти король Генрих Валуа закрепил их в держании Конотя, тогда как рассаживание Ляцким своих подданных на беловежских «волях» было признано незаконным[410].

И. И. Ляцкий прославился тем, что вместе со старостой оршанским Филоном Кмитой во время Радошковицкого стояния короля Сигизмунда II Августа в 1567 г. во главе своей сотни (70 всадников и 30 пехотинцев)[411] совершил набег на московские владения и, по словам К. Несецкого, «мужественно громил московитов и опустошал их землю вглубь на 24 мили и вширь на четыре»[412].

Там, согласно реестру тестамента, князю Ивану были переданы вещи, завещанные ему сестрой. Тот подтвердил «квитом» их получение.

[406] КГСл-1. Арк. 183–183 адв. (18 декабря 1561 г.). Вижем выступил Щастный. Для его фамилии или отчества в записи оставлен пробел, который так и не был заполнен.

[407] ЛМ-41. Л. 355–361 (Вильно, 25 сентября 1563 г.), цит. на л. 358. На л. 355 об. — 360 об. в дело занесен «выпис» из судебных книг воеводы троцкого под датой: Вильно, 1 сентября 1563 г.

[408] ЛМ-41. Л. 356 об. Челобитчиков было несколько десятков: Богдан Жеребило с братьями, Жид Бартоломеевич с братьями, Степан Петрович с братьями, Юрий Михнович, Боркот Матеевич с братьями, Ян Довгнитович, Товчис Янович с братьями, Станис Милович, Ян Пацевич, Юрий Бартоломеевич из Трубкович с братьями, Ян Романович с братьями, Юз Стасевич, Томко Окушкович, Юрий Пашкутович, Матей Миколаевич с братьями, Григ Мокович с братьями, Гейстовт с братьями, Матей Дорохович, Томко Стецович, Мись Проицутович, Якуб Довгулевич, Юрий Станевич с братьями, Матей Талятович, Вецыс Бутовтович, Юрий Стасевич с братьями, Матцас Милевич с братьями, Матей Сенькович с братьями, Станислав Бартошевич с братьями, Ян Куцевич, Стас Миколаевич, Петрашко Мацкевич, Якуб Ондрушкович, Стец Андреевич, Ромейко Монтовтович, Мик Бутрумович, Римко Сурвилович и Опанас.

[409] Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów / oprac., wstęp, komentarze I. Kaniewska. Kraków, 1999. S. 492 (Сигизмунд II Август — М. Я. Радзивиллу. Петрков, 17 января 1567 г.).

[410] ЛМ-57. Л. 89 об. — 93 (Краков, 16 мая 1574 г.).

[411] РИБ. Пг., 1915. Т. 33. Стб 239, 496.

[412] *Stryjkowski M.* Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska... Królewiec, 1582. S. 762 (под 1568 г.); *Nesiecki K.* Herbarz Polski. T. 6. S. 2. Мужество И. И. Ляцкого отмечено также у Б. Папроцкого и Ш. Окольского. См.: *Piwarski K.* Niedoszła... S. 115–

На Гродненском вальном сейме в июле 1568 г. подляшская шляхта потребовала вернуть в «присуд Мельницкого враду» имения, которые, по мнению шляхты, принадлежали Мельнику. Среди них — Семятичи кн. Ю. Ю. Слуцкого, Боковичи князей Полубенских, села пана Клевецкого и пана Круницкого, «к тому Носово пана Лядского» и села пана Букрабы. Из жалобы ясно, что село И. И. Ляцкого, как и многие другие подляшские частные владения, на тот момент вышло из-под поветовой юрисдикции, а их собственники пользовались покровительством короля. В ответ на просьбу шляхты Сигизмунд II Август объявил, что всё останется по-старому, «по-давному, яко и перед тым бывало»[413]. Это не было обособленным событием, а отвечало чаяниям шляхты, настроенной в духе «экзекуции владений». Как мы увидим, в канун Люблинского объединительного сейма шляхта Великого княжества Литовского повсеместно требовала ограничить королевские привилегии, и жертвами экзекуционизма суждено было стать крупным бенефициантам Сигизмунда II Августа — кн. А. М. Курбскому и В. С. Заболоцкому[414].

Ивану Ляцкому посчастливилось миновать этой угрозы. Носово сохранилось в его семейной собственности. Впрочем, завещание Ляцкого составлялось в разгар сейма, и неизвестно, какие тревоги и ожидания окружали его в момент смертельной, как ему казалось, болезни.

Женат Иван Иванович был на княжне Богдане Ивановне Полубенской. Д. Антанавичюс предполагает, что брак был заключен после 1545 г. Эта самый ранний момент для датировки брака, поскольку в 1545 г. сама взрослость И. И. Ляцкого еще под вопросом. Его права собственности и должности приходят после 1554 г. Вряд ли к тому моменту он уже много лет был правоспособным шляхтичем. К тому же году или к году ранее Иван Иванович в своем завещании относит рождение своего сына Федора[415]. Важным для датировки возникновения этой брачной пары является факт замужества их старшей дочери, Катерины, не позднее 4 ноября 1565 г. На момент замужества ей не могло быть меньше 15 лет, но вероятнее — было больше. Это соображение, в свою очередь, привело исследователя к дате ее рождения «1547–1550 гг.» и к названной выше датировке самого брака И. И. Ляцкого и Б. И. Полубенской[416].

В марте 1569 г. Ляцкий пояснит в «записи» своих имений жене, что брачная сделка с компенсацией вена на имении отца состоялась еще при его жизни. Иван Васильевич пошел на нее «по доброй воли своей а з уприймое милости и хути своее»[417]. Эти слова позволяют заключить, что брак Ляцкого-младшего и княжны Богданы Полубенской был заключен до 1554 г., а terminus post quem non кончины Ляцкого-старшего, наиболее вероятно, относится также к первым месяцам 1554 г.

Можно отметить, что Иван Ляцкий был в свойстве со своими соотечественниками Кириллом Ивановичем Зубцовским и кн. Андреем Михайловичем Курбским. Первый был женат на княжне Марине Андреевне Полубенской. Второй — на княжне Марии Юрьевне Гольшанской. На ее сестре Зофье был женат прославленный ротмистр, герой Изборской диверсии, староста вольмарский кн. Александр Иванович Полубенский.

Видимо, во время тяжелой болезни, 15 марта 1569 г. Ляцкий записал своей супруге право на владения в Носово и Чемерах после своей смерти. В нашем распоряжении есть оригинал этого документа с личной подписью Ивана Ивановича[418]. Из акта следует, что, разрешая сыну вступить в брак, в качестве компенсации вена и привенка в размере 2 тыс. кон гр. Ляцкий-отец передал своей невестке право на доходы со своего имения. Она отдарила свое право мужу, а он, награждая в 1569 г. ее добродетели жены и матери, в случае своей смерти передал все свои имения в ее пользование, отстранив на время ее жизни от владения своих сыновей, дочерей и зятьев.

Иван втянулся в семью жены. Младшая сестра Богданы, княжна Мария Полубенская завещала

116; *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 31.

[413] ЛМ-527. Л. 165 («Ухвала» Гродненского сейма, 12 июля 1568 г. Просьба воеводства Подляшского. Арт. 2).

[414] О них см. здесь, с. ???

[415] *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 47. См. также: AMCh-151. S. 79–95 (Жолудок, апрель 1558 г.).

[416] *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 29–30. Со ссылкой на оригинал вено-вой записи Ф. Скумина К. Ляцкой от 4 ноября 1565 г., хранящийся в: LMAVB. RS. F. 31. B. 1243.

[417] AMCh-913. S. 1 (Вильно, 15 марта 1569 г.).

[418] AMCh-913. S. 1–2. См. также: *Grala H.* "*Ex Moschonia ortum habent*". S. 107. На акте четыре прикладных печати — подкоморня упитского и маршалка воеводы виленского Яна Волменского, королевского дворянина Юрия Быковского, писаря воеводы виленского Михайло Григорьевича Коляды и самого И. И. Ляцкого. Кириллическая подпись на обороте оригинала (s. 2) не оставляет сомнений, что перед нами письмо московской выучки, заметно отличающееся от деловой кириллицы Короны и Литвы: «Иван Ляцкий руку подписал».

зятю и сестре похоронить ее тело в Усненской церкви Новогрудка и на номинальные цели передала Ляцкому семейную реликвию — цепь весом в 130 золотых. Им же и своему младшему брату князю Ивану княжна Мария завещала свое материнское имение дворец Деречинский Бережки (52 вл.). И значительную часть движимого имущества получили князь Иван и дети Ляцких[419]. Дата завещания Марии Полубенской — 29 сентября 1560 г. — служит terminus ante quem вступления в брак Ляцких. Поскольку на то время в их семье уже родились по меньшей мере две дочери и сын, вероятнее всего, они венчались не позднее 1557 г.

Когда речь заходит о дате смерти И. И. Ляцкого, проблему составляет ряд записей в реестрах королевской казны, в которых фамилия «Ляцкий» может относиться как к потомкам окольничего И. В. Ляцкого, так и к совсем другому шляхетскому роду. Под 1571 г. в отчетах королевской казны он — представитель короля в переговорах с Силезией и Бранденбургом (на переговоры ему выделено 130 зл.)[420]. Год смерти короля Сигизмунда II — Ян Ляцкий ("Joanni Laczki") в числе 23 придворных, получивших из королевской казны по 12 зл. 15 гр.[421] Он же — в числе королевских «коморников» за 1572 г.[422] В том же году он представитель Сената у прусского курфюрста, на что из Казны выделено 50 зл.[423] В 1573 г. в связи с избранием на трон и коронацией Генриха Валуа Иван Ляцкий получает 79 зл. (70 талеров) в качестве представителя Сената в княжестве Силезском, маркграфстве Бранденбургском и курфюршестве Саксонском[424]. В 1572 — феврале 1574 г. он записан в составе придворных, выполнявших особые поручения ("Cubiculariis missibus"), в траурных церемониях после смерти короля Сигизмунда II Августа ("Ioanni Laczky")[425]. Видимо, в мае 1574 г. он вновь в числе пожалованных королем — ему ("Ioanni Laczki") причиталось 41 зл. 12 гр. на провизию для роты и всё те же 50 зл.[426] В том же году придворному под тем же именем выделено 32 зл. на миссию в Пруссию и Куявию[427]. Вскоре после коронации Генриха в Кракове Ляцкому поручена миссия в Пруссию и Куявы к воеводам, каштелянам и урядникам Бреста, Кульма, Померании, Мальборка, на что из казны выделено 32 зл.[428] Под 11 июня 1574 г. в реестрах содержится предписание выплатить за ту же миссию Ляцкому 50 зл.[429] И в том же году Иван был отмечен в реестре королевских дворян с жалованием в 41 зл. 12 гр.[430]

Действительно ли речь идет во всех этих случаях об Иване Ивановиче Ляцком? Ровно тот же вопрос относится и к службе его сына или сыновей. После Псковского похода короля Стефана в 1582 г. «пану Ляцкому» ("p. Laczky") выдано из Казны 180 зл.[431] О ком именно из братьев Ляцких здесь говорится? И о них ли вообще? В реестрах финансовой отчетности важно не перепутать никого из них с Марцином, Миколаем, Самуэлем, Габриэлем или Франциском Лонцким. Их фамилия пишется почти так же, а иногда неотличима от фамилии Ляцких[432].

---

[419] КГСл-1. Арк. 136 адв. — 139 адв. (30 сентября 1560 г.). Завещание датировано: Бережки, 29 сентября 1560 г. Публ.: Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад. А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер. Мінск, 2012. С. 299–304.

[420] ASK-1. N 225. K. 112–113.

[421] ASK-1. N 224. K. 4v, 7.

[422] ASK-1. N 325. K. 117v.

[423] ASK-1. N 224. K. 43. В другом реестре эта миссия расписана на 26 зл. См.: ASK-1. N 324. K. 221v.

[424] ASK-1. N 241. K. 89–89v (первой фолиации), то же: ASK-1. N 379. K. 195–195v.

[425] BOss. N 9789/II. K. 31v; Pawl. N 194. K. 27v, 62.

[426] ASK-1. N 342. K. 297v.

[427] ASK-1. N 351. K. 193.

[428] ASK-1. N 248. K. 171v–172.

[429] ASK-1. N 242. K. 41v.

[430] ASK-1. N 249. K. 60v.

[431] ASK-1. N 269. K. 120. Затем находим выплату Ляцкому в Кракове за конец 1582 г. — 40 зл. и за 16 недель службы — 48 зл. 10 гр. (Ibid. K. 152). Из 1000 зл., выплаченных в том же году Криштофу Варшавицкому, Ляцкому достается ("per Laczky") 186 зл. 20 гр. (Ibid. K. 154v–155). В Кракове Ляцкий получил в начале 1583 г. 186 зл. 20 гр. и за службу с января 1583 г. — 173 зл. 10 гр. (Ibid. K. 155v). Видимо, повторяемая сумма «186 зл. 20 гр.» относится к одной выплате.

[432] Имя Марцина Ляцкого ("Marcin Laczki") встречается в реестрах середины XVI в. (ASK-1. N 315. K. 254). В январе 1583 г. Бернарду Шидловскому были выделены средства на королевскую конюшню, из которых Ляцкому ("a Łączky") было выплачено 50 зл. (ASK-1. N 269. K. 228). Ряд выплат за 1583 г. показывают, что Ляцкий постоянно в строю, при короле: 24 января — 140 зл. 10 гр. (Ibid. K. 230), 7 июня — 400 зл. (Ibid. K. 230v). Он же распределял деньги из Краковской казны. Под его имя выдавалось по 100 зл. 18 мая, 5 и 13 июня 1583 г. (Ibid. K. 311v), 200 зл. 13 апреля 1584 г. (Ibid. 270. K. 11). Путаница неизбежна, если мы будем принимать любое сообщение о придворном по фамилии "Łączki" или "Laczki" за факт биографии кого-то из Ляцких (ср.: ASK-1. N 273. K. 16, 24; 278. Cz. 1. K. 64, 67, 74v; 281. K. 26, 41v; 369. K. 215–215v, 223, 225, 225v, 321, 347). Миколай Ляцкий (Mikołaj Łącki) — хоружий познанский, королевский секретарь и дворянин. Около 1589 г. Миколай направлен королем Сигизмундом III к электору Бранденбургской марки Георгу-Фридерику, чтобы вести переговоры о проходе судов по р. Варте. См. ВК. № 245. K. 220–220v (см.: Katalog

Однако в акте от 16 мая 1574 г., возможно, И. И. Ляцкий упомянут как ушедший из жизни («небощик»)[433]. Поэтому либо точная дата «11 июня 1574 г.» относится не ко дню появления собственной персоной в казне И. И. Ляцкого, а к более поздним событиям, либо вся эта запись и ей подобные относятся к другому Ляцкому. Если верно последнее, то реестры королевской казны требуют пересмотра, а созвучная фамилия «Ляцкий» должна быть признана омонимичной фамильному прозвищу королевских московитов. Впрочем, пока этот вопрос не находит определенного решения, было бы преждевременным вслед за Д. Антанавичюсом датировать смерть И. И. Ляцкого 1569 г.

Можно сказать определенно только то, что к марту–апрелю 1569 г. относится ряд имущественных распоряжений Ивана Ивановича на случай смерти. В середине марта он закрепил свое имение в руках жены. Не прошло и месяца после «записи» на Носово княжне Богдане, как было составлено завещание Ляцкого[434].

Из источников известны два сына и три дочери Ивана и Богданы Ляцких: Григорий (Grzegorz), Федор (Teodor), Катерина, Богдана (Bohdana) и Полония-Полагея-Магдалина (Макгдалена). О сыновьях мы скажем ниже. А дочери родились, видимо, по старшинству в следующем порядке: Катерина, Полония-Магдалена и Богдана-Федора. В пользу этого предположения свидетельствуют как прямое указание Ивана Ляцкого, что Катерина его «старшая» дочь[435], так и то, что в завещании княжны Марии Полубенской в 1560 г. в числе наследников ее имущества и челяди названы Катерина и Полония Ляцкие, на то время — панны. Вряд ли тетка никак не наградила одну из своих племянниц. Вероятнее, что Богдана к тому времени еще не родилась[436]. Все три дочери нашли себе прекрасную партию. Катерина вышла замуж за подскарбьего земского, писаря Великого княжества Литовского, старосту браславского и олитского, затем — воеводу новогрудского Федора-Теодора Скумина[437]. Полония-Магдалена — за слугу М. Радзивилла Рыжего и его сына К. Перуна, Демьяна Володкевича (Волотковича)[438]. Богдана-Федора — за лесничего юрборского, позднее писаря Великого княжества Литовского Гельяша Пелгримовского (Eliasz Pielgrzymowski)[439].

По всей видимости, из двух сыновей И. И. Ляцкого старшим был Федор. В сентябре 1560 г. его тетка, княжна М. И. Полубенская, завещала семье Ляцких часть своего имущества и назвала в числе одаренных племянников двух девочек, о которых сказано выше, и одного мальчика — Федора[440]. Как уже говорилось, он родился около 1553–1554 гг. Григорий, видимо, к сентябрю 1560 г. еще не родился, а следовательно, был младше не только Федора, но и Катерины и Полонии. В записи Ивана Ляцкого жене Богдане на Чемеры и Носово 1569 г.[441] Григорий

рękopisów staropolskich Biblioteki Kórnickiej XVI–XVII w. T. II / oprac. R. Marciniak, M. Muszyński, J. Wiesiolowski. Wroclaw et al., 1985. S. 326. N 212).

[433] Впрочем, можно предположить, что в этом случае речь идет об И. В. Ляцком. Имена отца и сына иногда не раскрывали полностью в польско-литовских источниках, из-за чего возникала неясность, о каком из Иванов Ляцких идет речь.

[434] VUB. F. 5. B. A 27-4749a (4 апреля 1569 г.), цит. в: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 29.

[435] VUB. F. 5. B. A 27-4749a. L. 2, цит. в: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 30.

[436] КГСл-1. Арк. 138–139, публ.: Тастаменты... С. 301–303.

[437] За 1597 г. Катерина ("Katerzyna Lacka") через своего слугу Мойзеша Чудовского заплатила со своих сел в Олитском лесничестве 50 коп гр. литовских (или 125 зл. польских), на что получила квитанцию (ЛМ-286. Л. 159 об. (Варшава, 24 января 1598 г.)). Умерла 24 июля 1618 г. (*Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 30).

[438] ЛМ-279. Л. 605–606; ЛМ-284. Л. 46. Во втором случае женой Д. Володкевича названа Магдалена. Идет ли речь о двойном имени одной представительницы Ляцких? В завещании княжны М. И. Полубенской Полония выступает также под именем Полагея. Полония-Магдалена была жива в 1591 г. См. также: *Ragauskienė R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (apie 1515–1584). Vilnius, 2002. P. 365; *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 30.

[439] Д. Антанавичюс обнаружил прямое указание на дату заключения брака между Г. Пельгжимовским и Б. Ляцкой — 8 февраля 1585 г. (КЗЖм за 1592 г. L. 6–7v (Дотнуве, 25 октября 1591 г.), цит. в: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 31). Их право на 24 вл. оселых в с. Дюгяны (Дзюганы) в Упитском повете подтвердил Сигизмунд III: ЛМ-76. Л. 183 (23 августа 1591 г.). Богдана переживет своего мужа и после его смерти попадет под опеку к своему брату Федору-Теодору и к Теодору Скумину (LVIA. F. 21. Ap. 1. B. 6. L. 28–28v (18 июля 1605 г.)). Еще на сейме 1607 г. она будет добиваться признания заслуг мужа (*Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. Warszawa, 2002. S. 157; *Krzywy R.* Wstęp // Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego / wyd. i oprac. R. Krzywy; red. naukowa D. Chemperek, J. S. Gruchala. Warszawa, 2010. S. 12. Przyp. 14).

[440] КГСл-1. Арк. 138–139, публ.: Тастаменты... С. 301–303.

[441] Одновременно это последняя дата, когда жена Ивана Ивановича княжна Богдана упомянута как живая. Д. Антанавичюс датирует время ее кончины «по-

упоминается вторым после Федора[442]. Таким образом, он родился между 29 сентября 1560 г. и 15 марта 1569 г. По предположению Д. Антанавичюса, умер Григорий не ранее 28 мая 1577 г., когда он наряду с Федором упомянут в книге Брестского гродского суда, и не позднее весны 1582 г., когда его старший брат Федор уже безраздельно владел Жолудком[443].

Конечно, на 1582 г. имущественные решения Федора связаны были с его женитьбой на Изабелле де Ривере. Но если Григорий был жив, его имя должно было прозвучать в актах. В любом случае к 20 ноября 1588 г., когда доли Г. И. Ляцкого в совместном имуществе в Жолудке, Чемерях, Берестовице были поделены между Федором и сестрами, самого Григория Ляцкого уже не было в живых. Видимо, он скончался незадолго до того, и передел его собственности вызвал пересуды и, возможно, даже конфликт между сестрами и оставшимся братом. В июне 1590 г. он прямо упомянут как «небожчык». К тому времени еще тянулось дело об аренде Жолудка у Григория и Теодора Ляцких лидским шляхтичем, и следовательно, Григорий выступил к концу жизни как полноправный собственник родового имения[444].

Все дети Ивана и Богданы Ляцких, видимо, были крещены в православие[445]. Если причиной смены имен их детей был переход в другую веру (скорее всего — обращение в католичество), то можно предположить, что в православии остались Катерина и Григорий Ивановичи, тогда как остальные дети в разное время, по-видимому, сменили веру. Полония превратилась в Магдалену между 20 ноября 1588 и 25 июля 1591 г. — это и должно считаться моментом ее перехода из православия в католичество. К. Несецкий именует третью дочь И. И. Ляцкого и Б. Полубенской Федорой, или Теодорой (Teodora). Конечно, это латинское написание греческого имени, русская калька которого «Богдана», но, как и в случае с ее старшим братом, такое преобразование могло означать, что в какой-то момент она приняла новую веру. В какой-то мере этот же вывод может быть приложен и к Федору-Теодору Ляцкому[446].

Осенью 1588 г. сестры Ляцкие и их мужья выступили за свои права на родовые имения в Лидском, Троцком, Мельницком, Брестском, Волковысском и Минском поветах против Ф. И. Ляцкого. 21 марта 1588 г. Стефан Белявский попросил занисать в канцелярские книги акт 1583 г. о покупке волковысского имения у Ф. И. Ляцкого[447].

Помимо самих имений Иван Иванович оставил детям немалые деньги, драгоценности в золоте, серебре, жемчуге, одежде, «цинмеде», амуниции, конях, рогатом и нерогатом скоте и т. д. Возможно, впрочем, что Иван Иванович действительно умер около 1574 г., но оставил старшего сына Федора опекуном младших детей, и много лет спустя после смерти Ивана Ивановича его дочери и зятья потребовали от Федора выполнить волю отца.

В своем завещании Ляцкий признается, что «з молодости» служил и обязан успехами в первую очередь М. Ю. Радзивиллу. У него же он ищет защиты для своей семьи[448]. К 1569 г. М. Ю. Радзивилл Рыжий стал виленским воеводой и литовским канцлером, и продвижение по службе, несомненно, зависело от его расположения. Будучи с самого 1534 г. в окружении Радзивиллов и неоднократно получая рекомендации и поддержку от Миколая Рыжего, Ляцкие сохранили лояльность их роду и не в последнюю очередь благодаря своей службе заняли видное место в литовском обществе.

При этом имеются сведения и о служебниках самих Ляцких. Впрочем, таких сообщений не так много, как в случае кн. С. Ф. Бельского.

Высокого статуса служебником И. В. Ляцкого был Истома Тимиров — по всей видимости, из числа московитов в свите Ляцких. Он исполнял должность урядника-наместника в Желудке и Медниках. А в 1551–1552 гг. занимался весьма деликатным делом, подпадающим под «старостинскую» компетенцию. Слуга Яна Шимковича Павел Янович, согласно обвинению стороны Ляцких, изнасиловал дочь слуги Ляцкого, Марину Панковну. Неоднократные вызовы на суд не встречали должной реакции, и в дело вмешал-

сле 1569 — до 1577 г.». Точнее было бы — после 4 апреля 1569 г., когда был составлен «тестамент» И. И. Ляцкого. См.: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 29.

[442] AMCh-913. S. 1. См. также: AMCh-154. S. 95–98 (Дикушки, 27 июня 1571 г.).

[443] *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 30, 33.

[444] КЗБр-4. С. 4 (18 июня 1590 г.). Об этом «деле» см. здесь ниже.

[445] *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 31.

[446] Впрочем, как указала мне Наталия Старченко, нельзя исключать, что смена имен «Федор» и «Теодор» может быть связана лишь со сменой писарей и языка. Достоверных свидетельств о вероисповедании Федора-Теодора Ляцкого на этот момент у нас нет.

[447] Об этом см. ниже.

[448] VUB. F. 5. B. A 27-4749a. L. 5v, цит. в: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 32.

ся могущественный М.Ю. Радзивилл Рыжий. Конечно, это еще одно доказательство того, как тогдашний воевода троцкий, будущий литовский канцлер, онекал Ляцких, вонлотив для них высшую государственную защиту и магнатское нокровительство одновременно[449].

В Высоком Дворе роль, нодобную наместническим нолномочиям Истомы, иснолнял, видимо, слуга Денис Федорович, о котором уже говорилось здесь выше.

Слуга Ивана Ивановича но имени Юрий Абрамович с двумя конниками служил в хоругви василишской, согласно «нонису войска литовского» 1565 г.[450] Надо также отметить, что Иван Иванович был грамотным человеком, как ноказывает его старательная кириллическая ноднись на акте от 15 марта 1569 г.[451]

Образованность ночиталась, видимо, еще в нервых ноколениях рода Ляцких, и уже в третьем дала богатые всходы. Биографии Федора Ляцкого носвящена монография Д. Антанавичюса, на которую мы уже неоднократно ссылались, повествуя о деде и отце Федора. Ниже нам нредстоит лишь наметить вслед за детальным исследованием литовского историка и в дополнение к его изысканиям общие очертания европейской карьеры воина и нисателя, родившегося уже в Великом княжестве Литовском, но, несомненно, знавшего о московском нроисхождении отца и деда.

Федор (Теодор) был колоритной личностью и производил внечатление на современников своим жизнелюбием и силой. В юности он нутешествовал но Италии, Франции, Германии и Мальте. Похоже, в семье Ивана Ивановича дети отличались небывалой физической креностью. К. Несецкий отмечает выдающуюся силу сестры Федора Федоры ("niezwyczajnej siły białogłowa"), а о самом Федоре рассказывает, что он веревки рвал, как нити, останавливал разогнавшиеся возы, занряженные в четверки и шестерки лошадей, легко разжимал руки нескольких обнявшихся между собой человек. Отлично унравлялся с луком и на нриеме татарского носла в нравление Стефана Батория за свое искусство нолучил нрекрасного скакуна. А однажды в Венеции новалил на землю дикого быка и свернул ему шею. Во всех этих историях есть что-то легендарное, как и в сказании о том, как Теодор в Риме в 1589 г. нонробовал силы в алхимии, нытаясь нревратить медь в серебро. Биографы называют его даже алхимиком[452]. Впрочем, в жалобе нримученного лидского шляхтича на Брестском уряде в июне 1590 г. о том, как ему и его жене угрожал Лядский страшными муками и жуткой смертью, есть наверняка доля нравды[453]. В меру, конечно. Есть доля нравды и в рассказах о набожности Ляцкого. Он возил с собой образ Богоматери, ходил в паломничества в Ченстохову «вместе со всеми, нешо и без помны»[454].

Внук и сын московитов-неребежчиков был хорошо обеснечен, и до нас дошло много следов его расноряжений недвижимостью. Ему нринадлежало унаследованное от отца Жолудское имение. В актах его имя встречаетя начиная с 1571 г., когда И. И. Ляцкого уже не было в живых, а имения были в держании братьев Федора и Григория. В этом нервом упоминании хозяйственной деятельности юных шляхтичей встречается имя их слуги — Андрея Саврасовича (Савраса). Он был не единственным нредставителем этого рода на службе у Ляцких.

Затем с 1582 г. Федор — единоличный собственник мужской части наследства. 19 февраля 1583 г. в Гродно он продал справце дворов староства Гродненского, старосте коконгавскому, державце больницкому Стефану Белявскому свое Берестовицкое имение на р. Ренле в Волковысском повете[455]. От Сигизмунда III господарский дворянин Ф. И. Ляцкий получил «до живота» слободку Телейскую в Минском повете носле смерти ее держателя Полонского[456]. В 1591 г. он продал за 500 кон гр. троцкий фольварк Бейжаны своей сестре Магдалене Ляцкой-Володкевич[457].

---

[449] См. реестр эмигрантов, *Тимиров Истома* в нашей монографии "Natione Moscus".

[450] РИБ. Пг., 1915. Т. 33. Стб 326.

[451] Об этом см. выше.

[452] *Herbst St.* Lacki Teodor // PSB. Wroclaw et al., 1971. T. XVI/1. S. 407; *Белы А.* Ляцкія. С. 240.

[453] Подробнее см. ниже о событиях мая–июня 1590 г. в жизни Теодора Ляцкого.

[454] Niesiecki. T. 6. S. 4.

[455] ЛМ-279. Л. 567–571 (Краков, 21 марта 1588 г.).

[456] ЛМ-76. Л. 145 об., то же: ЛМ-78. Л. 84 — 84 об. (Варшава, 14 мая 1590 г.). Имя Полонского не указано в обеих копиях, для него оставлено в акте место.

[457] ЛМ-284. Л. 45 об. — 47 (Краков, 25 июля 1591 г. — на л. 47 в datum слово «перъвог» исправлено: буквы «ъвог» из «ого»). Ляцкий навечно продал свой фольварк, «бачечы собе быти неспоручныи и непрылеглыи». Фактически сестра получала «заставу», за которую троцкий земянин Станислав Монтан заплатил Федору 550 зл. польских. Заключая сделку с сестрой, Ляцкий обязался, под санкцией возврата двойной суммы (1000 кон гр.), в 1592 г. выкупить за свои деньги Бейжаны и передать их ей «в моц, держанье и в вечное уживане». Сделка оформлена в троцком имении Ляцкого Высокий Двор 23 апреля 1591 г. Дворе Свидетели — троцкие земяне Станислав Миклашевич, Августин (Авкгуштын) Круповес и Бар-

Другую часть Высокодворского имения в Троцком повете, Мостовичи, Ляцкий отдал в аренду ковенскому шляхтичу Себастьяну Кричевскому за 3 тыс. кон гр., однако в октябре 1592 г. до окончания аренды решил забрать его, чтобы отдать за большую сумму, и отправил туда своего служебника Матея Береженского[458]. Таким же образом Ляцкий поступил с арендами Очижа и Болоча в Минском повете, в тот же день аннулировав аренду и вызвав в суд арендатора, князя Федора Друцкого Горского[459]. Сигизмунд III разрешил Федору и его жене купить «до двух животов» земельный участок в Вильно «за броною виленскою замъковою» рядом с двором воеводы новогрудского Федора Скумина, по дороге к каменному мосту и двору виленского воеводы[460]. В июле 1593 г. королевский дворянин Т. И. Ляцкий поменял две пивы своего имения, лежащие у р. Студенчи, — Бенковскую (1 шнур) и Грышковскую (0,5 шнура) на «сеножат с кустовьем и з лесами» под Вошкелями земянину Лидского повета Войтеху Юрьевичу Абрамовичу[461]. Очевидно, это был военный слуга отца Ф. И. Ляцкого, о котором говорилось выше.

Свою рыцерскую биографию Федор начал на Мальте, а вернувшись в Речь Посполитую, двадцать лет служил на войнах, отличившись со своими несколькими десятками гусар в Ливонской войне начала XVII в. против шведов[462]. Неясно, служил ли он до своего путешествия. Вероятнее, что для него придворная и военная карьера начались уже после учебы и путешествий за границей[463].

На учебу юный шляхтич отправился вместе с кн. Семеном Юрьевичем Слуцким в Италию, где побывал в Болонье, Лукке, Милане и Риме. В 1582 г. Федор женился на дочери графа Петра Бонарелли из Роверы и графини Иннолиты Балионы ди Монтевеккио, Изабелле Бонарелле де Ровере (Izabella Bonarella de Rovere; Изабелла конта Петровна Бонарелли з Роверы)[464]. Ляцкому достался посаг на 32 тыс. зл. польских, который он обеспечил на своих имениях Жолудок в Лидском повете и Чемеры в Брестском воеводстве. По договору 1585 г. жена получила в пожизненную собственность подляшское Носово (Носов) в повете Мельницком Короны Польской, а также свои литовские имения Высокий Двор в Троцком воеводстве и Очижу и Болочу в Минском воеводстве. Акты о сделке были внесены в господарские канцелярские книги в июле 1589 г.[465] Примерно к этому же времени относится упоминание слуги Т. Ляцкого — Станислав Развинский арендовал у своего пана брестское имение Кругель и вступил в судебную переписку с другими арендаторами, видимо, его предшественниками, Яном и Сильвестром Губаровичами[466].

От 20 мая 1590 г. актовые книги Брестского гродского суда отразили суровую боевую повседневность — Теодор Ляцкий обвиняется в вооруженном нападении лично и во главе «многих слуг» на имение его феодального рыцаря («слуги рукодайного»), лидского шляхтича Валентина (Валентого) Ковнацкого. Как следует из материалов следствия, Ковнацкий держал «час немалый» его имения Жолудком и Берестовицу за 15 тыс. 500 зл. Впрочем, так и не заплатил за свое имение полную сумму, остался должен 5 тысяч, что и послужило поводом для вооруженного противостояния. Имущественный спор был безусловно выигран Ляцким — он должен был получить недостающие деньги от должника и еще и имение Савинское в счет 200 кон гр. долга.

Мы не знаем, было ли открытое насилие со стороны Ляцкого таким, как его описал слуга-должник, выступивший в суде как потерпевший. Отряд Ляцкого будто бы вел себя, как на войне, даже в начале июня на пути в суд в Троки, куда был вызван повторно иском лидского шляхтича[467]. Из показаний истца следует,

---

томей (Балтромей) Рондоманский. Подпись Ляцкого: "Teodor Liacki ręką wlasną oczewisto proszony".

[458] ЛМ-282. Л. 240 — 240 об. (Варшава, 8 октября 1592 г.).

[459] ЛМ-282. Л. 240 об., 241 (оба акта: Варшава, 8 октября 1592 г.).

[460] ЛМ-78. Л. 264 об. — 265 (Гданьск, 1593 г. Месяц и день не указаны. Запись помещена между двумя актами от 30 августа 1593 г.).

[461] КГВл-13. Л. 207 об. — 212 (9 июля 1593 г.). Договор в двух экземплярах от обеих сторон составлен в Жолудке 12 мая 1593 г. Свидетелями выступили земяне Лидского повета Тимофей Васильевич Губар, Каспор Янович Скобейко и Сильвестр Титович Губаревич.

[462] Niesiecki. T. 6. S. 2–4.

[463] *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 32–33.

[464] Ibid. P. 34–44.

[465] ЛМ-284. Л. 20 об. — 22 об., 22 об. — 25 (Два акта: Вильно, 22 июля 1589 г.). Сделка о передаче имений в пожизненную собственность заключена в Новеляре 10 марта 1585 г. Свидетелями выступили Ян Данилович, Ян Смолик и Ян Племенский. Подпись Федора: "Theodor Lacki ręką wlasną, oczewiscie proszony". Второй акт был подписан в Новеляре 3 октября 1582 г. Свидетели — воеводич смоленский Миколай Волович, Адам Талвош и кн. А. И. Полубенский. Подпись Федора: "Theodor Lacki ręką wlasną, oczewisto proszony".

[466] КГБр-1. Арк. 56 адв. — 59 адв. (31 января 1589 г.).

[467] КЗБр-4. С. 1–5 (18 июня 1590 г.). В рукописи только пагинация. Благодарю Германа Брэгера (Минск)

что ранен был он сам и один его снутник, а носле нанадения, уже в Жолудке, Ляцкий принуждал Ковнацкого к нолюбовной сделке. Душераздирающую сцену — новторное нанадение Ляцкого на Валентина истец онисывает на суде в Троках так. Ляцкий захватил его и его людей и в нлену требовал, чтобы они давали ноказания в его нользу: «...жебы яко в дорозе, так и в место въеждчаючы, не толко ни с ким не розмавяли, але смутного нозреня, нлачу и вздыханя не чинили под забитем зараз... а хотя серце нлакало, твар весолую хотечы здорове свое цело унести ноказовати, деи, мусели»[468]. Ляцкий так и нривез всю семью заложников в Троки, где остановился у караима Абрама, и там нродолжал шантаж, угрожая расправиться с женой, если только никнет на уряде: «З горла вас выдру, и такие, деи, муки над вами вымышъляти буду, о которых есте ани слыхали, и ганебною смертью вас номордовати кажу», — нередает неренуганный шляхтич угрозы своего мучителя. Добавил Ляцкий Валентому и в Троках, отведя его носле импровизированного судебного заседания в сторонку от еле живой жены и угрожая сналить всё его имение, невзирая на постановления Трибунала, а хоть бы и самого короля. Слишком много веры этому красочному рассказу нридавать не следовало бы. Обычная тактика на шляхетском суде — нредставить бытовое столкновение как можно кровавей и чудовищней[469].

К началу 1591 г. Теодор отнравлен с королевским норучением в Италию. Когда Валентин Ковнацкий жаловался, что Ляцкий вызвал его на Трибунал «о злый неревод нрава», а сам не явился, Сигизмунд III велел шляхтичу не жаловаться на несоблюдение сроков до возвращения Ляцкого из «нослуги», о том же был нанравлен «лист» судьям в Трибунал[470].

Еще одним новодом было то, что Ляцкий и его люди стреляли при нанадении, задели самого Ковнацкого, ранили нана Трояна. Поверенный Трояна добивался от Федора компенсации, и тот готов был даже занлатить 20 нольских гривен, о чем стороны и договорились на нолюбовном суде в Жолудке. Однако сделка не состоялась. Ковнацкий жаловался в Лидский гродский суд, а в 1591 г. нолучил декрет Трибунала. Когда Ляцкий уже был отнравлен по норучению в Италию, истец обратился в королевскую канцелярию, уже имея на руках баницию («выволанье») нротив Ляцкого. В канцелярии назначили Ляцкому явку не позднее 1 мая 1592 г. Если бы он не явился к назначенному сроку, то Ковнацкому была обещана баниция на ответчика[471]. Теодору Ляцкому нришлось всё же расплатиться за нанесенный Валентину Ковнацкому ущерб. В октябре 1592 г. в Варшаве слуга Ляцкого Станислав Саврас, родич Андрея Савраса, но норучению своего нана нри свидетелях нриготовился отдать долг Ковнацкому, но тот демонстративно уехал из Варшавы накануне, и настал черед жаловаться Ляцкому в канцелярию[472].

О служебниках Ляцкого мы уже говорили неоднократно. Ясно, что в нодчинении у Ляцких была значительная клиентела, которая но меньшей мере частично была унаследована Федором от нредков. Из них к началу 1590-х гг. известны Абрамовичи, Саврасы (Саврасовичи), Развинские и, возможно, Губаровичи. В 1592–1593 гг. Ляцкий должен был выставить воинов, но ностановлению сейма 1591 г., однако этого не сделал и нонал в число должников наряду с другими медлительными ротмистрами (один из них — нрославленный московит Агиш Сарыхозин)[473].

На 1595 г. Ляцкий был избран «судею головным трибуналным з воеводства Троцкого»[474]. На эту должность нозднее будут неоднократно избраны нотомки Теодора, однако о судействе его самого известно крайне мало[475]. Впрочем,

за помощь в работе с данной рукописью. См. также: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 41–42.

[468] КЗБр-4. С. 3.

[469] См. здесь наши заключительные ремарки в главе «Последний день Владимира Заболоцкого».

[470] ЛМ-283. Л. 91 об. — 92 (Краков, 17 апреля 1591 г.). См. также: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 42–43.

[471] ЛМ-283. Л. 103 об. — 104 (Яновец, 7 декабря 1591 г.).

[472] ЛМ-283. Л. 134 — 134 об. (Варшава, 10 октября 1592 г.).

[473] ЛМ-282. Л. 352 об. — 353 (Варшава, 23 июня 1593 г.).

[474] LVIA. F. 21. Ap. 1. B. 5. L. 70–70v («Выпис» из актовой книги Виленского гродского суда. Б. д.).

[475] В справочниках под редакцией А. Рахубы и Х. Люлевича в числе представителей от Трок на Трибунале названы: Lacki Samuel Jan (1651 г.) (Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego: (1582–1696): Spis / pod red. A. Rachuby; oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba. Warszawa, 2007. S. 268); Lacki Dominik Alfons (1702 г.) (Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego: (1697–1794) / pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2004. S. 47); Lacki Onufry (Судья в 1759 г.; Директор сеймика в 1760 г.) (Ibid. S. 259, 264); Lacki Dominik (1773/1774 г.) (Ibid. S. 317) и Lacki (Łącki) Jan (1782/1783 г.) (Ibid. S. 354). Участие Теодора Ляцкого в процессах Трибунала за более поздний период известно только в роли тяжущегося: в 1609 (11 декабря 1609 г., Минск) и в 1610 г. (4 августа 1610 г., Вильно) (Lietuvos Vyriausiojo Tribunolo Sprendimai 1583–1655 / parengė V. Raudeliūnas. Vilnius,

как раз на 1595 г. в науке остается лакуна. Генеральный судья от Трок справочной литературе известен только один из двух — Лаврин Савич Рызгорский[476]. Вторым судьей был, как ясно из актовой выписки виленской актовой книги, Теодор Ляцкий.

На Троцком сеймике в январе 1598 г. Ляцкий — «носол», т.е. выборный представитель от местной шляхты наряду с тиуном и городничим троцким Балцером Стравинским[477].

Ученый придворный прославлен латиноязычной книгой «Благородного Литвина о Десятилетней Ливонской войне», в которой Теодор Ляцкий год за годом рассказал о боевых действиях Речи Посполитой против Швеции в 1600–1609 гг.[478] Уже в первые годы войны Ляцкий отличился под Эрлаа и Кокенгаузеном. Под Кокенгаузеном, где войско Януша Радзивилла 23 июня 1601 г. разгромило шведов, под его командованием было 18 воинов[479]. Возможно, битва под Вольмаром на его счету — это осада крепости 18 октября — 19 декабря 1601 г.[480] Кроме того, упоминаются битвы под Орлом, Дерптом, Ревелем, Динамундом. Войско под командованием Я.-К. Ходкевича осаждало Дерпт с декабря 1602 по 13 апреля 1603 г., однако у нас нет данных об участии в осаде Ляцкого[481].

Теодор прославился также в сражении под Белым Камнем и в стремительном штурме города. Крепость осаждало войско Сигизмунда III с 26 мая по 30 сентября 1602 г., пока она не капитулировала. Однако достоверно известно об участии Федора в другом сражении под Белым Камнем, случившемся между 7 и 8 ч. утра 25 сентября 1604 г. Ляцкий выдвинулся на первые позиции в войске Я.-К. Ходкевича и возглавлял 100 конников, а в декабре того же года не примкнул к конфедератам Щ. Невяровского, Я.-П. Сапеги, М. Коссаковского и А.-Ю. Лисовского и вместе с гусарской хоругвью Д. Боруховского и казаческой Мустафы продолжил службу в Ливонии[482]. По словам К. Несецкого, в ходе битвы под Ф. Ляцким пало два коня, и в крепость он въехал лишь на третьем[483].

В битве Я.-К. Ходкевича против шведского короля Карла IX под Кирхольмом 27 сентября 1605 г. Ф. И. Ляцкий возглавил две хоругви уже в 200 всадников. Согласно планам сражения начала XVII в., к началу битвы они были расположены в центре второй линии построения польского войска[484]. Инженер и картограф Ю. Наронович-Наронский изобразил боевой порядок литвинов иначе. Сотни Ляцкого, по его схеме, располагались в центре за двумя линиями, возглавляемыми Яном-Петром Сапегой, по левую руку от гетмана и по правую — от конницы Т. Домбровы[485]. К. Несецкий передает предание о том, как гетман Ян-Кароль Ходкевич в 1605 г. оставил Ляцкого во главе своего войска, а потом на просьбу сохранить за ним пост командующего в битве против шведов, испугавшись растущей популярности Федора Ивановича, отказал ему, но в битве был спасен ударом запасной роты Ляцкого. Воин был ранен двумя пулями в бедро ("w udo")[486]. Сейм позднее признал выдающуюся роль Я.-П. Сапеги и Ф. И. Ляцкого в исходе Кирхольмской битвы. Именно гусары Сапеги столкнулись с рейтарами Г. Брандта на левом фланге войска Карла IX, а когда король ввел в битву запасной полк, Ходкевич ответил на это, отдав приказ Ляцкому поддержать своими силами Сапегу[487]. После разгрома шведов и бегства раненого Карла IX Ходкевич отправил с реляцией Домброву, Сапегу и Ляцкого к Сигизмунду III в Краков, где 16 октября 1605 г. в Вавельском кафедральном соборе П. Скарга прочитал пись-

1988. P. 215–217, 228–231). За консультации благодарю Андрея Радамана (Минск, Ин-т истории НАН Беларуси).

[476] Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego: (1582–1696)... S. 94–95.

[477] *Zakrzewski A. B.* Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Warszawa, 2000. S. 215.

[478] Equitis Lituani de Bello Livonico per Decennium gesto. Vilnae: Apud Ioannem Karcanum, 1610. Данная книга изучена и издана фототипически и в литовском переводе: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... C. 63–264.

[479] ОР РНБ. Ф. 971 (Автографы П. П. Дубровского). Оп. 2. Авт. 321/1. № 12; *Herbst S.* Wojna inflancka 1600–1602. Zabrze, 2006. S. 87–103; *Wisner H.* Kircholm 1605. Warszawa, 2011. S. 72. Теодор сражается в полку гетмана великого литовского К. Радзивилла Перуна по главе 12 гусаров и 6 казаков.

[480] *Herbst S.* Wojna inflancka 1600–1602. S. 150–158; *Wisner H.* Kircholm 1605. S. 84–85.

[481] *Wisner H.* Kircholm 1605. S. 95–96.

[482] *Wisner H.* Kircholm 1605. S. 87–89, 100–103.

[483] Niesiecki. T. 6. S. 3.

[484] *Balcerek M.* Liczebność, skład i szyk wojska hetmana litewskiego Jana Karola Chodkiewicza w bitwie pod Kircholmem na Ordre de bataille Erika Dahlberga // ZH. 2009. T. 74. Zesz. 3. S. 77–92 (с вкладкой), здесь с. 83, 86.

[485] *Hnilko J.* Plan bitwy pod Kircholmem Józefa Naronowicza-Narońskiego z roku 1659 // PHW. 1934. T. 7. Z. 1. S. 126–133; *Wisner H.* Kircholm 1605. S. 117–127 (схема на S. 125). Х. Висцер доказывает, что Ю. Наронович-Наронский ошибочно изобразил расположение войска Ходкевича вдоль р. Двины. По мнению исследователя, войско выстроилось перпендикулярно Двине, а сражение происходило вдоль берега реки.

[486] Niesiecki. T. 6. S. 3.

[487] *Wisner H.* Kircholm 1605. S. 130–132.

мо Ходкевича и произнес торжественную речь в честь победы, представив ее как победу католиков над протестантами[488].

Неизвестно, долго ли оставались сотни Ляцкого при гетмане, но уже к 6 августа 1606 г. в военном лагере Ходкевича находились только собственная рота Ходкевича и рота Г. Виттинга. Мы не можем сказать, присоединились ли воины к конфедератам в Бресте-Литовском, где участники Кирхольмской битвы добивались от короля жалования. Только весной 1607 г. на часть коронных и литовских воеводств был наложен сбор в 3 зл. с волоки на выплаты конфедератам. По предположению Х. Виснера, часть денег на жалование была получена королем от енисконов[489].

Удается уточнить датировку получения «писарства польного» Теодором. Ю. Вольф указывает первое упоминание за 1607 г.[490] Есть и более ранние. Станислав Хербст отметил, что король Сигизмунд III Ваза выдвигал Теодора на этот пост еще в 1600 г., но Криштоф I Радзивилл вмешался и продвинул тогда своего человека[491]. В справочном издании «Урядники Речи Посполитой XII–XVIII вв.» приведена дата раннего упоминания со ссылкой на акт из Диацезиального архива во Влоцлавке 6 февраля 1604 г.[492]

Писарем Великого княжества Литовского титулуется Ляцкий и в жалобе, которую он совместно с Теодором Скуминым подает на Виленский гродский уряд, защищая интересы своей сестры Богданы Пелгримовской в тяжбе с виленским шляхтичем Григорием Станиславовичем Новокунским в июле–августе 1605 г.[493] Отношения со Скуминым вскоре пришли к разладу. Причиной, как ясно из череды судебных процессов 1580-х – начала 1600-х гг., были «заставы», которые Ляцкий раздавал под нужные ему суммы на своих имениях, розданных им своим зятьям, слугам и арендаторам[494]. В октябре 1606 г. писарь польный и подкоморий лидский Теодор Ляцкий приговорен Новогрудской сессией Трибунала к выплате 2 тыс. 500 кон гр. старосте вилкейскому и к 6 неделям тюремного заключения. В ноябре того же года кн. Александр Александрович Полубенский через Слонимский гродский суд жаловался на эту, по его мнению, несправедливость и инициировал процесс против воеводы новогрудского Теодора Скумина и Новогрудского земского уряда. В декабре Полубенский судится лично со Скуминым из-за суммы 4 тыс. кон гр. Вместе со всеми штрафами общий долг Ляцкого составил 9 тыс. кон 40 гр. Впрочем, в те судебные «роки» и ответчики, и Ляцкий на суд не явились[495].

По королевской асекурации 11 октября 1606 г. писарь польный Великого княжества Литовского Теодор Ляцкий получает жалование на 100 конников[496]. Долг короны перед ротмистром не был покрыт, и Варшавский сейм в мае–июне 1607 г. предписал выплатить ему и Яну-Петру Сапеге по 10 тыс. зл., что при катастрофическом состоянии королевской казны, на фоне ее стотысячных долгов, было не только расплатой по долгам, но и крупным вознаграждением за службу[497].

Видимо, располагая приличной суммой, Теодор Иванович получил возможность ссудить своему родичу подкоморию лидскому кн. Александру Александровичу Полубенскому 4 тыс. кон гр., которые были год спустя своевременно возвращены[498].

Теодор Ляцкий известен как посол на сеймах и трибуналах. При Сигизмунде III приходилось исполнять и ответственные поручения короля государственной важности. Он оставался регалистом во время рокоша Зебжидовского и, как доверенное лицо и представитель короля, принял даже участие в улаживании отношений с повстанцами-«рокошанами» в 1607 г. Во время разграничения между воеводствами Подляшским

[488] *Wisner H.* Kircholm 1605. S. 134–136.

[489] Korespondencja Jana Karola Chodkiewicza / oprac. W. Chomętowski. Warszawa, 1875. S. 37 (Я.-К. Ходкевич – жене. 6 августа 1606 г.); *Wisner H.* Kircholm 1605. S. 150–151.

[490] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795. Kraków, 1885. S. 284.

[491] *Herbst St.* Lacki Teodor. S. 407; *Idem.* Wojna inflancka 1600–1602. Warszawa, 1938. S. 25.

[492] Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy / oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba. Kórnik, 1994. S. 109. N 756.

[493] LVIA. F. 21. Ap. 1. B. 6. L. 28–28v (18 июля 1605 г. «Рок» для суда – 2 августа 1605 г.).

[494] *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 50–61.

[495] КГСл-9. Арк. 469 адв. – 470 (10 ноября 1606 г.), 512–514 (10 декабря 1606 г.).

[496] ЛМ-289. Л. 278 – 278 об. (11 октября 1606 г.).

[497] В конституции сейма говорится, что средства выплачены "za nagrodę służb woiennych znacznie odprawowanych": Volumina legum. Przedruk zbioru praw... Petersburg, 1859. T. 2. S. 459; *Filipczak-Kocur A.* Skarbowość Rzeczypospolitej. 1587–1648. Projekty – Ustawy – Realizacja. Warszawa, 2006. S. 109.

[498] AGAD. AR. Dz. X. N 47. S. 27–29 (Вильно, 24 июня 1608 г.). Подпись Т. Ляцкого: "Teodor Laczky ręką własną" (и печать). Акт скреплен также печатями и подписан старостой дюнабурским Адамом Талвошем, ловчим литовским Яном Нарушевичем, Криштофом Нарушевичем. Ссуда была подтверждена Главным трибуналом 22 мая 1607 г.

и Брестским имение Носово, оторванное от староства Мельницкого, было возвращено Ляцкому за его заслуги перед отечеством. 20 июля 1608 г. королевский суд в Кракове рассудил спор королевского слуги Кондрата Бремера с Ляцким о финансовых документах Бремера, предписав передать дело для дальнейшего рассмотрения в казну Великого княжества Литовского или на сейм[499]. В 1609 г. Теодор и его сын Ян-Альфонс продали родовое имение Носово Станиславу Варшицкому, и еще в конце XVII в. это имение было в собственности воеводича варшавского Францишка Варшицкого[500].

Военные подвиги Ляцкого описаны в конституциях сеймов 1611 и 1613 гг. Как установил Д. Антанавичюс, умер могучий воин в Вильно в своем доме на ул. св. Яна (ныне — Вильнюс, ул. Доминиконо д. 15 / ул. Гаоно д. 1), ослабленный ранами, между 4 августа и 29 ноября 1610 г. и был похоронен в своем имении в Высоком Дворе[501].

В браке с Изабеллой Бонареллой де Ровере у Федора-Теодора родились Катерина, вышедшая замуж за воеводу новогрудского Федора-Теодора Тышкевича (их сын — воевода виленский Януш Тышкевич), и Ян-Альфонс, будущий староста жмудский. С 1611 г. Ян-Альфонс — «покоевый» дворянин короля[502]. К июлю 1612 г. «покоевый» дворянин короля Ян-Альфонс получил от своей тетки, Богданы Ляцкой, к тому времени вдовы, село Дзюганы (Дзюкганы) (24 вл.) в Упитском повете[503]. В Лидском повете еще Теодор Ляцкий купил село Бражелцы в волости Ешиской (10 вл.). После смерти отца староста динамборский, королевский секретарь и дворянин Ян-Альфонс продал с согласия Панов рады и урядников лидское село Яну Чанлинскому[504].

Ян-Альфонс, как и отец, блестяще образован, выпускник Иезуитского коллегиума и Падуанского университета. Участник нескольких войн Речи Посполитой. Его карьера проходит ряд ступеней от старосты дюнабургского (1614 г.), подкоморий виленского (1618 г.), каштеляна минского (1630 г.) и жмудского (1634 г.) и заканчивается должностью старосты генерального жмудского (1643 г.)[505]. Высшая должность в его послужном списке сопоставима с постом Яна Иеронимовича Ходкевича во второй половине XVI в. Бумаги из личного архива его и его жены сохранились в составе Вавельского архива — это личные и имущественные бумаги, в числе прочего на имения Мостоловичи, Ужугость и староство Радуньское, а также материалы его жены, Йоанны Талвош, на имения Узловичи и дома Талвошей в Вильно на ул. Троцкой (т.е. на дороге в Троки)[506]. От жены Ляцкий получил ее часть имения Племборк. Ян-Альфонс, как и его отец, был набожным католиком: достроил костел в Солечниках и возвел костел в Лопени, вложил немалые суммы в строительство, основал монастырь доминикан в Высоком Дворе, где и был погребен в 1645 г.[507]

Одна из его дочерей, Марианна-Евфросиния стала бенедиктинской монахиней в Ковенском монастыре. Другая дочь, Изабелла Ляцкая — жена воеводы брестского Теофила Тризны, а затем — старосты мозырского Иеронима Ходкевича. После смерти мужа ("zastawszy samą Jej M-ść Panią Starościną Mozyrską") Изабелла упоминается как держательница имения Блудно[508]. В 1650 г. умер ее второй муж, а она сама прожила долгую жизнь и была жива еще в 1694 г.

Сыновьями Яна-Альфонса были Теодор-Александр, Самуэль-Ян и Петр-Казимир Ляцкие. Теодор-Александр Ляцкий занимал должности тиуна бержнянского, с 5 января 1653 г. подстолия Великого княжества Литовского, 11 апреля 1654 г. был назначен маршалком на-

[499] ЛМ-289. Л. 365 – 365 об. (20 июля 1608 г.).

[500] *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. S. 318; *Michaluk D.* Wymiana rodów... S. 251.

[501] *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 48–49. Ср.: Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego... S. 109. N 756.

[502] *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. S. 318.

[503] ЛМ-86. Л. 881 (31 июля 1612 г.). Об именях и наследстве Теодора Ляцкого см.: *Antanavičius D.* Lietuvo bajoro Dešimtmetis Livonijos karas... P. 50–62.

[504] ЛМ-86. Л. 945 (21 марта 1614 г.). В 1560 г. село было получено в ленное держание от Сигизмунда II Августа Яном Волчком. Его сыновья и наследники Габриэль и Самуэль Волчки продали село Ф.И. Ляцкому. А. Бонецкий староство дюнабургское приписывает Я.-А. Ляцкому лишь с 1617 г. «Консенс» на приобретение имений в старостве получен Яном-Альфонсом в 1620 г. См.: *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. S. 318.

[505] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze... S. 111, 144; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1: Województwo Wileńskie XIV–XVIII wiek... S. 149. N 721. Ранние упоминания в делах по местечку Солечницкому: LVIA. F. 21. Ap. 1. B. 34. L. 117 (Акт Виленского гродского суда, около 13 апреля 1613 г.); LVIA. F. 21. Ap. 1. B. 3. L. 44–45 (Акт Виленского гродского суда. 21 апреля 1616 г. Акт сильно поврежден).

[506] AMCh-914. 78 s. (1611–1647 гг.); AMCh-915. 120 s. (1596–1652 гг.).

[507] *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. S. 318–319.

[508] КГБр-7. Арк. 145 адв. — 146 (27 марта 1646 г.). В марте 1646 г. она получает от возного заявление по тяжбе подкоморія брестского Казимира Тышкевича с писарем гродским брестским Зигмунтом Онехомовским. Декрет Брестского гродского суда по этому делу от 6 февраля 1646 г. не сохранился.

дворным и дожил до 1683 г.[509] От Т.-А. Ляцкого в Вавельском архиве сохранилась обширная подборка, свидетельствующая о том, что после смерти отца семейный архив перешел к Теодору-Александру. Среди материалов архива — его переписка, включая письмо от короля Яна-Казимира 1655 г. и королевы Людвики-Марии за 1664 г.[510], материалы о публичной деятельности и участии в Шведской войне[511]. Имущественный архив Теодора-Александра Ляцкого раскрывает управление в его имениях — Перикон, Ужугость, Лоне, Друтовишки, Высокий Двор, в старостве Радуньском и тиунстве Биржинянском с местечком Векшне. Включает привилеи Владислава IV на тиунство (1647 г.) и Яна-Казимира на Перикон в земле Жмудской (1650 г.)[512]. Самуэль-Ян и Петр-Казимир были ближайшими современниками Теодора-Александра. Первый из них был старостой жосленьским и владел имениями Монтромишки, Высокий Двор, Ужугость, староством Желеньским, получил от короля две «державы» во временное владение[513]. Радуньское староство и Биржинянское тиунство были унаследованы Ляцкими от Яна-Альфонса[514]. Петр-Казимир был в середине XVII в. старостой радуньским[515].

Семья Ляцких оказалась, наверное, самой успешной линией эмигрантов из Московского государства за всю историю эмиграции XVI в. Продвижение первых двух поколений к высшему управлению Великого княжества Литовского не столь заметно. Но усиление Ляцких началось всё же именно при Иване Васильевиче и Иване Ивановиче Ляцких, которые пользовались поддержкой со стороны Радзивиллов и Сигизмунда II Августа. Карьера Теодора Ляцкого была ошеломительной, прежде всего благодаря его боевым талантам и военной фортуне начала XVII в. Последние десять лет жизни вывели его из положения высокопоставленного представителя местной шляхты на вершину политического Олимпа, которая была обеспечена и его потомкам. Память о первых представителях рода хранилась в родовой традиции, и хотя к XVIII в. Ляцкие придерживались «топонимической» легенды о своем исконном польском происхожде-

Печать князя Ивана Губки Шуйского, 26 апреля 1549 г. Реконструкция Олега Одороженко. См.: Grala H. "Ex Moschouia ortum habent". Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii. Warszawa, 1999. T. 4 (15). S. 110. № 4.

нии[516], бытование имен Ян и Теодор у потомков Яна-Альфонса Ляцкого говорит о том, что Федор-Теодор, Иван Васильевич и Иван Иванович Ляцкие оставались объектами родового почитания. Память не исчезла и к началу XIX в., когда Доминик Ляцкий вместе с сыновьями доказывал на Виленской родословной депутации, что происходит от Ивана Ивановича Ляцкого. Дочь Яна-Доминика Ляцкого была в конце XVII — начале XVIII в. замужем за скарбником новгородсеверским Станиславом Шуйским. Так напрямую породнились между собой два царственных эмигрантских рода.

Конкуренты «Московского»: первые Шуйские в эмиграции

Еще один род, чей представитель побывал на московском престоле, — Шуйские, также имел заграничную ветвь, давшую немалое потомство. Их служебные успехи были не столь заметны по сравнению с Ляцкими и не столь молниеносны, как взлет князя Семена Бельского. Прежде всего что мы знаем о князьях Шуйских в эмиграции? От них не сохранилось и следа фондов, подобных коллекции Сапег с документацией В.С. Заболоцкого, разбросанному по ряду европейских древлехранилищ архиву кн. С.Ф. Бельского и цельному, но сильно прореженному временем собранию И.В. Ляцкого и его потомков. Но всё же есть следы, ведущие к карьере,

[509] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze... S. 181, 302; Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego... S. 78. N 450; S. 166. N 1305.

[510] AMCh-918. 22 s. (1650–1677 гг.).

[511] AMCh-919. 14 s. (1653–1656 гг.).

[512] AMCh-920. 92 s. (1631–1666 гг.).

[513] AMCh-916. 140 s. (1648–1684 гг.).

[514] *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. S. 318.

[515] AMCh-917. 36 s. (1650–1655 гг.).

[516] *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. 1. S. 317.

Печать Ивана Васильевича Ляцкого, 13 июля 1548 г. Государственный архив в Кракове. Отделение на Вавеле. См.: APK-OW. AMCh-949. S. 176. Фото А. В. Казакова.

родовым имениям и самосознанию первых князей Шуйских в эмиграции.

Как уже говорилось, князь И. Д. Губка Шуйский перешел на королевскую службу не позднее конца 1534–1535 г.[517] По предположению Ю. Вольфа, поддержанному М. М. Кромом, в апреле 1536 г. кн. Иван Губка получает привилей на имения Теребунь, Мокраны и Корощина в Брестском повете[518]. А. В. Казаков считает, что имения были получены кн. Иваном Губкой после июня 1542 г.[519] Следует, на мой взгляд, согласиться с белорусским историком. Пожалование «князю Шуйскому» в начале июня 1542 г. 80 кон гр. ежегодно «до воли господарской» является типичной формой временного «хлебокормленья» для московитов-эмигрантов, которое обычно предшествовало наделению земельным феодом[520]. Помимо Шуйского в акте назван «царевич пуг-ский» — владетельный потомок Нур-Девлета, вероятно, юный Ислам Ямбекович. Много лет спустя с тех же пугских земель шел доход в пользу другого королевского московита — Давыда Бельского[521]. Князь Иван Губка получает вознаграждение всё же меньшее, чем родич крымских ханов, но лишь ненамного, всего на 20 кон гр.

Привилей Сигизмунда Старого подтвержден Сигизмундом II Августом 28 декабря 1551 г.[522] В подтверждении (выданном по просьбе литовского канцлера, старосты брестского, державцы борисовского и шавленского Миколая Радзивилла) говорится, что Теребунь и ее бояре и тяглые люди получены князем Иваном после смерти старосты черкасского и каневского Остафия Дашковича в правление Сигизмунда Старого. В волости Радуньской кн. И. Д. Шуйский получил 20 служб и 5 земель пустовских, и был введен в имение наместником старосты радуньского (позднее — староста могилевский) Станислава Миколаевича Гезгайло (Кгезкганло), Иваном Андреевичем. В деле перечислены все полученные тогда от Гезгайло служебники.

Шуйский принял участие и в придворной суете в жизни Великого княжества Литовского. Выше уже говорилось, что ему поступали выплаты из королевской казны уже с рубежа 1534–1535 гг. Судя по суммам, ему был назначен крупный денежный пансион. Возможно, он возглавлял небольшой отряд всадников. Позднее его имя вновь и вновь возникает в отчетах казны. За 27 февраля 1538 г. встречается запись о выдаче ему 50 зл.[523] На что или за что — как нередко случается в источниках этого типа, не сказано. Можно только отметить, что данный реестр включает оплаты работ переводчиков с татарского, небольшие субсидии евреям, итальянцам, валахам, черкасам. Непосредственно перед именем Шуйского значится мизерная сумма на каких-то московитов[524].

На этом наши знания о кн. Иване Губке не заканчиваются. Еще Ю. Вольф и М. М. Кром обратили внимание на ряд следов его деятельности в Литовской Метрике. Он выступает как свидетель на документах в апреле 1536[525], 1543[526], 15 апреля 1546 г.[527], в судебных документах за 1539–

[517] См. выше раздел «Побег».

[518] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 521; *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»... С. 258.

[519] *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці... С. 47–50, 95, 102–105.

[520] ЛМ-28. Л. 27, публ.: АЗР. Т. 2. С. 390–391. №223; Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кн. 28: (1522–1552). Кніга запісаў 28: (Копія канца XVI ст.) / тэксты, навуковы апарат В. Мяжынскі, У. Свяжынскі. Менск, 2000. С. 79 (Брест, 2 июня 1542 г.). В акте назван «князь Шуйский». При первом упоминании для имени оставлено место.

[521] См. здесь главу «Давыд Бельскій и этос изменника».

[522] КЗБр-1. Л. 213 — 214 об. (Радунь, 4 июня 1580 г.).

[523] ASK-1. №94. K. 28v.

[524] На кого именно — мы рассматриваем в другом месте нашей работы.

[525] ЛМ-19. Л. 143, 145 об., публ.: ЛМ. Кн. 19.

[526] ЛМ-29. Л. 136.

[527] ЛМ-30. Л. 78 об., публ.: ЛМ. Кн. 30. С. 122.

1542 гг.[528] Как представляется, такая частота появления кн. Ивана Губки на господарском суде свидетельствует о том, что многие месяцы князь проводил в эти годы при дворе. Никакой должности при этом за ним нет. Он выступает в подписях только под своим именем и с княжеским титулом.

Вместе с женой князь Иван был в 1555 г. вызван в суд из-за 200 кон гр., взятых под залог Теребуни. Это всё, что удается установить о жизни князя-московита в новом отечестве. Умер он, по предположению Ю. Вольфа, около 1560 г.[529]

Его женой была Марина Богдановна Львовна (Боговитиновна). После смерти мужа она передала Корощино Михаилу Соколу, торчинскому войту епископа луцкого и брестского Януша Андрошевича. Войт вызвал ее в суд, обвиняя в отнятии у него имения Корощино и причинении убытков[530]. Вскоре Марина вновь вышла замуж за державцу высоцкого и гродненского Петра Гноинского. Из-за ее Темяковского имения, с. Новоселки в Брестском повете, разгорается конфликт между ее новым мужем и брестским шляхтичем Серафимом (Серафином) Нестеровичем[531].

Дети княжеской четы — Мануил и Ян. А.В. Казаков следует за Ю. Вольфом в тезисе о том, что у кн. И.Д. Шуйского был только один сын, Мануил, и была дочь Софья (Зофья). Впрочем, как отмечает Ю. Вольф, родословие Шуйских не позволяет с полной ясностью ответить на вопрос, была ли Зофья дочерью или сестрой Мануила[532]. М. Краснов пропускает поколение, считая Яна внуком князя Ивана Дмитриевича[533]. Если так, то чьим сыном был Ян? На этот вопрос никакого ответа в справочном издании не предложено. Потомки князя Ивана Губки и современные исследователи последовали за построением Ю. Вольфа[534]. Однако это решение спорное. Между ранними и поздними детьми могла быть немалая разница, достигающая и 20 лет. Эта разница существенна для генеалогических построений, но может быть интерпретирована иначе, чем это сделано в издании Ю. Вольфа.

Старшим сыном князя Ивана Губки был Мануил (Манаил, Szuyski Emanuel Ywanowicz). Неясно, когда именно сын князя Ивана получил такое необычное имя. В нем можно видеть как религиозное посвящение князя Ивана и его жены (Мануил от «Иммануил», т.е. Спаситель), так и властные амбиции, намек на родство Шуйских с византийскими императорами. Не был ли этим сыном князя Ивана Губки Шуйского известный польско-литовским источникам князь Михаил Шуйский? Позднее он мог перейти в католицизм под именем «Мануил» или носить в различных контекстах оба имени, что польско-литовские Шуйские практиковали в XVII в.

Имя князя Михаила не учтено в генеалогических работах, но оно хорошо известно финансовой документации Короны Польской. В реестрах королевской казны под 1549 г. встречается королевский дворянин князь Михаил Шуйский (в дат. "Duci Michaeli Schuczki") с выплатой в 30 зл.[535] и под 1550 г. (в дат. "Michaeli Szuyski cubiculario") — 4 зл.[536] В том же году 1 июля ему предстояла далекая миссия в Черкассы, Брацлав, Винницу, Житомир и др., на что было выделено 12 зл.[537] Видимо, еще позже он получает на дорогу в Киев к тамошнему воеводе кн. Ф. Г. Пронско-

---

[528] ЛМ-23. Л. 52; ЛМ-228. Л. 159 об.; ЛМ-225. Л. 94 об. — 96, 178 об. — 179 об., 186 об., 196 — 196 об., 206 об. — 207 об., 208 об. — 209, 212 — 213 об., 215 об. — 216, 217 об. — 218, 218 об. — 219, 225 об. — 227 об., 251 об., 251 об. — 252 об., 252 об. — 253 об., 256–257, 259 об. — 260, 261 об. — 262, 262 — 262 об., 263–264, 271 об. — 272, 275 — 277, 277–278, 278 — 280 об., 283–288, 295 об. — 296, 296 об. — 297 об., соответственно опубл.: ЛМ. Кн. 225. С. 96–97 (Вильно, 12 мая 1542 г. — здесь под ошибочным фамильным прозвищем: «князь Иван Дмитреевич Шумъскій», акт явно не на своем месте, вписан между актами за 1529 г.), 164 (Лысково, 27 сентября 1540 г.), 171 (Вильно, 1540 г.), 178–179 (Вильно, 23 декабря 1540 г.), 188 — 189 (Вильно, 7 мая 1541 г.), 190 (Вильно, 9 июня 1541 г.), 193–194 (10 июля 1541 г.), 196 (Вильно, 27 июля 1541 г.), 198 (Вильно, 10 июля 1541 г.), 198–199 (Вильно, 18 августа 1541 г.), 199 — 200 ([Вильно, 1541 г.]), 204 — 206 (Вильно, 2 сентября 1542 г.), 225 (Волковыск, 16 июля 1542 г.), 225 — 226 ([Волковыск,] 26 июля 1542 г.), 226 (Датиов, 4 августа 1542 г.), 228–229 ([Шовкяны, август 1542 г.]), 232 (Шовкяны, 23 августа 1542 г.), 233–234 (Шовкяны, 24 августа 1542 г.), 234 ([Шовкяны, 24 августа 1542 г.]), 235–236 (Шовкяны, 27 августа 1542 г.), 242 (Шовкяны, 28 октября 1542 г.), 244–246 (Шовкяны, 23 октября 1542 г.), 246–247 (Шовкяны, 6 ноября 1542 г.), 247–248 (Шовкяны, 11 ноября 1542 г.), 251–255 (Шовкяны, 27 ноября 1542 г.), 261–262 (Шовкяны, 18 декабря 1542 г.), 262–263 (Шовкяны, 18 декабря 1542 г.). См. также: *Wolff J.* Kniaziowie... S. 521; *Кром М.М.* «Вдовствующее царство». С. 258. Примеч. 149; *Grala H.* "*Ex Moschouia ortum habent*". S. 110–111.

[529] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 521.

[530] ЛМ-255. Л. 477 об. — 478 (Вильно, 29 марта 1563 г.). На «рок» 27 марта 1563 г. княгиня не явилась.

[531] ЛМ-269. Л. 43 — 48 об. (Кнышин, 3 августа 1568 г.).

[532] *Казакоў А.У.* Тытулаваная знаць з Маскоўскай дзяржавы ў Вялікім княстве Літоўскім у канцы XV — 30-х гг. XVI стст. // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А: гуманит. науки. 2010. № 1. С. 28–29.

[533] *Красноў М.* Шуйскія. С. 762.

[534] *Lenczewski T.* Genealogie rodów utytulowanych w Polsce. Warszawa, 1996–1997. T. 1. S. 79–84.

[535] ASK-1. N 152. K. 124.

[536] ASK-1. N 156. K. 80.

[537] ASK-1. N 157. K. 69v.

му 9 зл.[538] Вскоре после этого Шуйский должен был выполнить поручение короля, заехав к маршалку волынскому Петру Кишке (который умер в том же году). На это было выделено 10 зл.[539] В 1551 г., видимо, до начала мая, князь вновь «на посылках» с подорожными в 5 зл. На сей раз представлять короля при передаче владений Миколая Смоликовского новому собственнику[540]. В том же году 15 мая Шуйскому выписали 12 зл. за подготовку столицы Великого княжества Литовского к приезду короля и поездку в пограничные Витебск и Полоцк[541]. И в том же году его имя в ряду королевских дворян, награжденных лундышем[542].

Женат был князь на шляхтянке Ганне Яновне Ижикович (Ижиковичовне) и по жене состоял в близком родстве также с Талвошами (каштеляном жмудским Миколаем Талвошем) и Станкевичами (сестра Ганны Катерина Миколаевна Вольская замужем за Станиславом Станкевичем). Ижиковичи были связаны с Мельником, где располагались владения у Ляцких. Ян Ижикович был во второй половине XVI в. старостой мельницким[543]. Умер кн. Мануил Иванович Шуйский между 1 ноября 1579 и 4 июня 1580 г.[544]

Младший сын князя-эмигранта Ивана Губки по имени Ян (Януш, Ianusz, Ioannes) — господарский дворянин, подкоморий брестский. Владел совместно с братом Теребунью. Ю. Вольф приводит данные о Яне-Януше только с 1583 г., однако документация королевской казны была исследователям, скрывавшимся под именем Юзефа Вольфа, неизвестна[545]. Первые годы службы провел в свите короля Сигизмунда II Августа. В числе «малых дворян» — пажей ("cubiculariorum minorum") выступает в реестрах за сентябрь 1567 — 1572 г.[546] Указан под именем "Jan Kniasz Schuiski" и под датой в Кнышине 12 сентября 1567 г.[547] В списке выплат королевским слугам, составленном в Кнышине после смерти Сигизмунда II Августа 24 августа 1572 г., в числе «малых дворян» ("cubiculariis minoribus") назван "Ioanni Kniasz Schuiski" с годичным жалованьем на ткани и одежду на 105 зл. 22 гр. 6 пн.[548] Около 1574 г. Шуйскому выписаны на какие-то — видимо, военные — нужды 21 зл. 24 гр. 9 пн.[549]

На коронации Стефана Батория в мае 1576 г. Ян упомянут в числе дворян, которые приехали в окружении более пяти конников. У Шуйского — шесть: "Ioannes Kniasz Szujsky"[550].

С первых же военных экспедиций короля Стефана сын князя Ивана Губки — в строю. К 30 июля 1576 г. он служит реестровым конником[551]. За службу с 1 июля 1576 до 12 февраля 1577 г. Шуйский ("Kniasz Szuisky") получает 184 зл.[552] Его вассалы ("Clientibus Knias Suiski") — 21 зл. 24 гр. 6 пн.[553] С 12 февраля до 12 августа того же года за два квартала князю выплачено 150 зл.[554] В октябре 1577 г. князь в Мальборке, откуда выезжает 20 октября. За наклады и смерть коней в 1577 или 1578 г. князь получает 100 зл.[555] В апреле 1578 г. — на пяти конях[556]. Реестры казны подробно очерчивают его итинерарий с конца 1577 г.: 26 января 1578 г. князь в Варшаве, затем 9 июня во Львове, а 12 февраля 1579 г. в Гродно. За 5 кварталов с 12 ноября 1577 до 12 февраля 1579 г. должен был получить 325 зл., выплачено было 250 зл., и на 75 зл. был записан долг ему казны[557]. Судя по этим выплатам, князь Ян принял участие в Гданьской кампании, после чего успешно продолжил военную службу.

Реестр выплат на строительство королевского замка в Лобзове (Lobzów) в составе сборника королевских счетов № 383/384 упоминает князя Шуйского как казенного поверенного[558]. К сожалению, акт не датирован. В. Кешковский относит планы переработки дворцовых сооружений в летней резиденции польских королей к нача-

538 ASK-1. N 156. K. 102.

539 ASK-1. N 156. K. 113v. О Петре Петровиче Кишке см.: Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy. T. 3: Ziemie ruskie. Zesz. 5: Urzędnicy wołyńscy XIV–XVIII wieku / pod red. A. Gąsiorowskiego; oprac. M. Wolski. Kórnik, 2007. S. 52. N 214. S. 137 (N 664).

540 ASK-1. N 158. K. 66v, то же: ASK-1. N 159. K. 59.

541 ASK-1. N 158. K. 72v, то же: ASK-1. N 159. K. 62v.

542 ASK-1. N 158. K. 111v.

543 КЗБр-4. С. 305–313 (25 июня 1590 г.).

544 КЗБр-1. Арк. 145–149 (4 июня 1580 г.).

545 *Wolff J.* Kniaziowie... S. 522.

546 ASK-1. N 110. K. 787v; N 234. K. 78. См.: *Ferenc M.* Dwór Zygmunta Augusta: Organizacja i ludzie. Kraków, 1998. S. 69, 212.

547 ASK-1. N 110. K. 794v.

548 ASK-1. N 239. Cz. 1. K. 28v, то же: ASK-1. N 325. K. 108.

549 ASK-1. N 342. K. 316.

550 ASK-III. N 3. K. 35.

551 ASK-1. N 253. K. 63.

552 ASK-1. N 246. K. 185v, то же: ASK-1. N 250. Cz. 1. K. 72v.

553 ASK-1. N 250. Cz. 1. K. 93v.

554 ASK-1. N 331. K. 119.

555 ASK-1. N 254. K. 269, то же: ASK-1. N 367/368. K. 144v.

556 ASK-III. N 3. K. 113v.

557 ASK-1. N 256. K. 105–105v, то же: ASK-1. N 257. K. 186, то же: ASK-1. N 331. K. 4v–5.

558 ASK-1. N 383/384. K. 157–158v.

лу 1585 г.[559] Однако, возможно, речь идет о более ранних событиях. В названном сборнике ряд более ранних записей относится к эпохе Сигизмунда II Августа, а один из актов датирован 1565 г., тогда как ближайший датированный реестр далее в сборнике относится к 1574 г.[560]

Свое имение в Подрадуне он сдает в аренду Богушу Якубовичу Былке. Вряд ли случайно аренда длится ровно до того дня, когда в брестских земских книгах появляется завещание князя Мануила Шуйского, т.е. он официально признаётся «небожчиком». После 4 июня 1580 г. из Подрадуня сбегают многие подданные. Чтобы вернуть их, Богуш запрашивает у Яна документы на имения, и князь записывает в земские книги тексты пожалований короля Сигизмунда Августа на брестские имения Теребунь и Подрадунь. Вскоре после этого Шуйский закладывает оба имения лесничему бельскому Станиславу Трояновскому. К октябрю 1584 г. сроки расплаты прошли, и Трояновский жалуется в суд[561]. К июню 1586 г. относится иск брестских шляхтичей Гаврило Богдановича Чижевского и его жены Ганны Будиловны против Криштофа Миколаевича Радзивилла (Перуна) и князя Яна Ивановича Шуйского. Чижевские обвиняют не только князя и его могущественного патрона, что они захватили их беглых подданных. В то же время звучат их обвинения в адрес старосты новодворского Ивана Карпа и стольника Великого княжества Литовского князя Александра Пронского[562].

В неясном по характеру документе из Домбровицкого архива графов Брель-Платеров для книги Ю. Вольфа делалась выписка, в которой Ян выступает как свидетель сделки[563]. Осенью 1587 г. он жалуется, что из полученного им от К. Радзивилла имения Долшоброды разбегаются подданные[564]. В те же дни князь готовится представлять брестскую шляхту на коронационном сейме Сигизмунда III Вазы[565].

18 июля 1589 г. Ян получает право на дом с участком и пристройками в Берестье за Виленскими воротами, купленный им у Трохима Певли и Жданы Грегорьевны Пеньонжковны[566]. В 1589–1592 гг. Шуйский – ревизор казны Великого княжества Литовского в старостве Брестском[567]. В 1592–1594 гг. – ревизор и сурагатор в том же старостве, с 15 июня 1596 г. после смерти Миколая Паца – подкоморий брестский[568]. В апреле 1598 г. он – приятель в судебных делах Полонии Воловичовны Войны и ее сына Лукаша Васильевича Конотя[569].

Брестские актовые книги сохранили немалый комплекс актов о деятельности Яна Шуйского. После смерти М. Паца он был избран на должность подкомория брестского[570]. В самом начале 1597 г. – принес присягу, вступая в должность[571]. От октября 1597 г. дошли записи о субаренде («нерезаставе») имения Козерадской Яна Боговитина Шумбарского Яну Греку[572]. Тому же Яну князь заложил имение Докудов[573]. Князь Ян был уважаемым в своем повете человеком, выступал опекуном Станислава Туровского, который в эти же дни достиг совершеннолетия[574]. Вероятно, не только его. На князя Яна и на Дмитра Халецкого пожаловался Иероним Ижикович, обвиняя шляхтичей в захвате своих имений Ненельского и Мордоравского[575]. Впрочем, с Ижиковичами у Шуйского общие дела – еще в начале 1597 г. от Альбрехта Ижиковича князь Ян и Ярош Ижикович как опекуны пани Яровской и ее сыновей получают «листы» в имении

---

[559] *Kieszkowski W.* Zamek królewski w Łobzowie // Biuletyn historji sztuki i kultury. Kwartalnik, wydawany przez Zaklad architektury polskiej i historji sztuki Politechniki Warszawskiej. 1935. R. IV. N 1. S. 10.

[560] ASK-1. N 383/384. K. 105v, 199.

[561] КЗБр-2. Арк. 255 адв. – 256 (6 октября 1584 г.).

[562] КЗБр-3. Арк. 171 адв. – 173, 173 – 173 адв., 174 – 174 адв. (Акты от 9 июня 1586 г.).

[563] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 522.

[564] AGAD. AR. Dz. V. № 17959/III. S. 121 (О. Б. Волович – К. Радзивиллу. Брест, 5 октября 1587 г.).

[565] BCz. № 2243. S. 111–119; ОР РНБ. Ф. 971 (Автографы П. П. Дубровского). Оп. 2. № 127. Л. 1–2 (Инструкции Брестского сеймика от 10–11 сентября 1587 г. и представителям повета на коронацию, 2 октября 1587 г.). Пользуюсь ссылками на источники, полученными от А. Радамана.

[566] ЛМ-80. Л. 19 – 19 об. (Брест, 19 июня 1589 г.). Дом обошелся в 50 коп гр. Князь Януш предъявил выпись из брестских войтовских книг о сделке со свидетельской подписью Шимона Островского и его жены Катарины Высоцкой.

[567] Ряд ссылок за 1589–1592 гг. см.: *Wolff J.* Kniaziowie... S. 522. См. также: ЛМ-283. Л. 105 об. – 106 (Яновец, 12 декабря 1591 г.).

[568] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 522.

[569] ЛМ-284. Л. 257 – 258 об. (Варшава, 11 апреля 1598 г.).

[570] ЛМ-83. Л. 109 – 109 об.; ЛМ-84. Л. 70 об. – 71. А. Радаман указывает рубежные даты «вписов» Шуйского в брестские земские книги – между 25 августа 1597 и 12 августа 1609 г. См.: КЗБр-55. Арк. 1, 191 адв.

[571] КГБр-63. Арк. 271 (30 января 1597 г.).

[572] КГБр-63. Арк. 925–926 (13 октября 1597 г.).

[573] КГБр-63. Арк. 926–927 (Запись от 13 октября 1597 г. Акт от 11 октября 1597 г.), 927 – 927 адв. (Запись от 13 октября 1597 г. Акт от 10 октября 1597 г.).

[574] КГБр-63. Арк. 127 адв. (Запись от 9 октября 1597 г. «Квитацийный лист» от 8 октября 1597 г.).

[575] КГБр-63. Арк. 933 (14 октября 1597 г.).

Мокранах[576]. Ириковичи, как говорилось выше, были кровными родичами князя Яна, на представительнице их рода был женат его старший брат, князь Михаил-Мануил Шуйский.

По решению Брестского сеймика от 29 декабря 1599 г. кн. Я. Шуйский представлял свой повет на Варшавском вальном сейме 9 февраля – 21 марта 1600 г., где выполнял весьма почетную должность маршалка нижней палаты – Посольской избы[577].

О вероисповедании князя Яна свидетельствует то, что он основал церковь в своем Корошинском имении[578]. Впрочем, упомянут он при этом под именем Петр в 1572 г., что не может не послужить прямой параллелью с именем погибшего на реке Уле в 1564 г. московского воеводы – князя Петра Ивановича Шуйского. Женат был на Марине Юражанке (Юраге), которая пережила мужа[579]. Умер князь Ян Шуйский 3 февраля 1610 г., лишь немного не дожив до появления в Речи Посполитой царственных родичей из Москвы[580].

В биографиях Яна и Михаила-Мануила настораживает большая хронологическая дистанция между их первыми упоминаниями на королевской службе. Если исходить из ныне известных нам источников, она составляет примерно 18 лет. Ю. Вольф не уточняет степени родства между Яном и Мануилом Шуйскими, однако то, что они были родными братьями, ясно из завещания кн. М. И. Шуйского, копия которого записана в брестские земские книги под 4 июня 1580 г. Видимо, этим фактом решается и вопрос о происхождении Зофии (Зофьи) от Яна, а не от Мануила[581]. Таким образом, хронологический разброс в «послужных списках» двух братьев заслуживает дальнейшего изучения. Он мог быть вызван разницей возрастов княжичей или какими-то обстоятельствами их биографии. Дочь князя Яна Зофия вышла замуж за Криштофа Гноинского. Родовые связи между Шуйскими и Гноинскими, как показывает второй брак вдовы князя Ивана Дмитриевича и брак Зофии Яновны, были весьма тесными.

Как отмечает Ю. Вольф, предлагая непростую задачу для историко-генеалогических разработок, у князя Яна Шуйского было шесть сыновей и дочь. Из них вслед за К. Несецким в примечании названы трое – Александр, Константин и Криштоф. Перед ними в росписи основного текста указаны Анна и Юрий. За ними – Александр и Андрей. И наконец Ян, Криштоф и Константин. По мысли Ю. Вольфа и его сотрудников, дети Яна Ивановича – Анна, Юрий, Александр, Андрей, Ян, Криштоф и Константин[582]. Но так ли это? Попробуем еще раз разобраться.

Анна была замужем за Яном-Михалом Нарбутом и умерла в 1631 г. Была ли она дочерью Яна Шуйского? Для такого утверждения нет надежных оснований. А вот Юрий вполне мог быть сыном Яна: он выступает в источниках 1620–1632 гг., в том числе в одном ряду с «Андреем» и «Александром» Шуйскими, и они, следовательно, друг для друга братья.

Сын князя Яна, князь Юрий (Jerzy) в октябре 1631 г. был женат на Катерине Райской[583]. Согласно Ю. Вольфу, Юрий упоминается в 1620–1632 гг., однако о его смерти ничего неизвестно.

К этому же поколению (к числу сыновей Яна Ивановича), несомненно, относится и Ян Шуйский, который в 1631 г. был брестским ревизором,

[576] КГБр-63. Арк. 127 – 127 адв. (20 января 1597 г.).

[577] BOZ. Rkps 1203. K. 276–278v; AGAD. AR. Dz. V. N 4560/I; N 11643. См.: *Seredyka J.* Marszalkowie izby poselskiej za Zygmunta III Wazy (1587–1632) // Wladza i spoleczeństwo w XVI i XVII wiekach. Prace ofiarowane Antoniemu Mączakowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 1989. S. 168, 170, 177; *Kriegseisen W.* Sejm Rzeczypospolitej szlacheckiej (do 1763 roku). Geneza wladzy ustawodawczej. Warszawa, 1995. S. 195; Rejestr senatorów i posłów na sejmie walnym warszawskim 9 lutego – 21 marca 1600 г. / A. Radaman, M. Ferenc // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 2004. T. MCCLXVII. Zesz. 131. S. 104. Польские и белорусские коллеги, готовящие справочный список урядников брестских, отвели наблюдение Б. Янишевской-Минцер и В. Конопчинского, которые ошибочно называют подкоморьим брестским и маршалком сейма в 1600 г. князя Петра Свирского. Благодарю за данную информацию Андрея Радамана (Минск).

[578] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 522.

[579] КГБр-142. Арк. 95 адв. (Запись от 1612 г.). Указано А. Радаманом.

[580] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 522.

[581] ЛМ-41. Л. 394 об.; ЛМ-76. Л. 25 – 25 об., 487 об., 502 об., 610 об.; ЛМ-83. Л. 265 об.; ЛМ-84. Л. 70 об. – 71; ЛМ-288. Л. 189–190, 297 об. – 302 об.; ЛМ-289. Л. 58 – 58 об.; КЗЖм-7. Р. 671–674; КЗБр-1. Л. 145 – 149; КЗБр-4. С. 7–8; КГБр-2. Л. 354 об. – 356; КГБр-3. Л. 751 – 751 об.; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 521–522.

[582] Выкладки Томаша Ленчевского и краткая заметка М. Краснова о потомках Яна Шуйского основаны на построении Ю. Вольфа. Видимо, хронология упоминаний в книге Ю. Вольфа заставила М. Краснова переиначить последовательность имен в списке предполагаемых шести сыновей Яна Шуйского: Ежи, Криштоф, Константин, Андрей, Ян, Александр. От них будто бы пошли «6 ветвей» рода Шуйских в Великом княжестве Литовском (*Lenczewski T.* Genealogie rodów utytulowanych w Polsce. Warszawa, 1996–1997. T. 1. S. 79–84; *Красной М.* Шуйскія. С. 762).

[583] КГБр-7. Арк. 1213 адв. – 1214 адв. (14 октября 1631 г.).

носле добровольного ухода с носта В. Букрабы стал в июне 1631 г. хоружим брестским, участвовал в этом качестве в новседневной жизни Брестского суда, нринимал участие в 1632 г. в местном сеймике, был избран делегатом на Трибунал. Женат он был на Зофье Рышковской. За год до смерти уномянута его жена — Эльжбета Чарноцкая. Их дети на 1642 г. — Константин-Василий (Базиль), Клементий (Клеменс), Франциск (Франчишек), Станислав и Казимир[584]. Умер Ян, как установлено в книге Ю. Вольфа, в 1643 г., когда его должность хоружего занял брат — Александр[585]. Показательно, что исчезновение из источников Юрия совнадает с ноявлением в них Яна. Не одно ли лицо эти Юрий и Ян II? Это, конечно, лишь догадка.

Александр начинает свою карьеру на посту войского. Хоружим он назначен 7 декабря 1643 г. носле смерти Яна II Шуйского, но нашему нредположению — Юрия-Яна. Имя Александра Шуйского, хоружего и нодстаростьего брестского, регулярно выступает в нынешней книге № 7 Брестского гродского суда с начала 1646 г.[586] и чуть нозже в том же году, в 1648 и 1650 гг. в других современных источниках[587]. Видимо, в октябре 1631 г. он выступает нод именем Андрей (без указания его дожностей, т.е. еще не имея должности)[588]. Вдова Яна II, Эльжбета Чарноцкая Шуйская в 1646 г. жаловалась на мечного Брестского воеводства Василя-Константина Шуйского, который не вернул ей денежный долг. Этому Василю-Константину и нринадлежало родовое имение Теребунь, нолностью или частично. Иногда уноминается только его имя Василий (Bazyl)[589]. Еще в конце 1631 г. он уноминается нод именем Константин, как нисарь земский брестский[590]. В той же должности он еще при жизни в апреле 1665 г. К тому времени Василю-Константину нринадлежит лишь часть Теребуни. Значительная часть имения нерешла к Александру Палневскому и его жене Александре Дембинской[591]. Ю. Вольф считает Александра и Андрея двумя разными лицами, однако его нострое ния онровергаются уноминаниями Андрея-Александра в источниках в качестве одного лица. В то же время историку-генеалогу для нодтверждения своей концепции приходится развести нотомства Андрея и Александра, и в случае Андрея он оговаривается, что Станислав и Ян Шуйские были «сыновьями или внуками» Андрея[592]. Всё данное нострое ние — но всей видимости, результат ошибки. Не было никакой «ветви Андрея», отдельной от «ветви Александра». Родословие следующего поколения потомков князя Ивана Губки требует специального исследования.

Странности в поколении детей Яна Ивановича, соноставимые с именами Юрия и Яна, Андрея и Александра, коснулись и Криштофа с Константином. Они очень близки друг к другу но поколению и, как и две других пары, уноминаются едва ли не в шахматном норядке. Оба, несомненно, младше остальных братьев, судя но хронологии занимаемых ими брестских урядов[593]. Константин назначен нисарем земским брестским в 1631 г., а Криштоф — на более высокий уряд нодстолия брестского 9 января 1632 г. На этом о Криштофе сведения заканчиваются, или, как нишет Ю. Вольф, «он умер вскоре носле этого»[594]. Константин тоже умер «вскоре носле». Уже 12 сентября 1634 г. на должность нисаря земского вскоре носле его смерти назначен Петр Потей. Известно, что женой Криштофа была Изабелла Млечковна (Млечко), которая

[584] Об этом поколении см.: *Wolff J.* Kniaziowie... S. 523–524.

[585] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 523. Прочие упомянутые в основном тексте данные приведены в справочном издании «Урядников брестских» (А. Рахуба, Х. Люлевич, П. Романюк, А. Харатым, А. Мацук).

[586] КГБр-7. Арк. 371 адв. — 318 (25 мая 1646 г.). Имя Александра Шуйского, в качестве брестского урядника, разумеется, постоянно выступает в протокольных словах гродских актовых книг.

[587] КГБр-4. Арк. 82 (21 августа 1646 г.); AMCh-978 (3 февраля 1648 г.); ЛМ-581. Л. 925–927 (15 июня 1648 г.); AGAD. Zbiór Anny z Potockich Branickiej. № AB-51 (6 февраля 1650 г.). Все названные источники указаны в справочнике по брестским урядникам А. Рахубы и других авторов.

[588] КГБр-7. Арк. 1230 — 1230 адв., 1231 — 1231 адв.

[589] КГБр-7. Арк. 267 — 267 адв., 269 (Об записи от 30 апреля 1646 г. Вторая запись обрывается в конце листа на словах о сумме долга: "za zapisem summy cztyrech..."). О В.-К. Шуйском см. также: КГБр-7. Арк. 274 274 адв. (5 мая 1646 г.), 327 адв. — 328 (29 мая 1646 г.), 328–329 (29 мая 1646 г.) и др.

[590] КГБр-7. Арк. 1230 — 1230 адв., 1231 — 1231 адв.

[591] КГБр-4. Арк. 208 208 адв. (Запись от 9 мая 1665 г. Отчет возного генерала Яна Сильвестра от 29 апреля 1665 г.). Видимо, сделка по переводу имения была оформлена незадолго до того. Это следует из слов генерала в отчете: "...iako tey maiętnosci Terebunia już po przewodzie prawnym nabytey pozew ziemski brzeski we wroca tego dworu Terebunia wesknolem y kogom mogl na ten czas widziec, opowiedzialem..." (Там же. Арк. 208 адв.). Вопрос о собственности решался на Трибунале в Вильно.

[592] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 531.

[593] В указанной нами ниже актовой записи Брестского гродского уряда от 24 октября 1631 г. Константин называет Андрея "rodzonem moim". Впрочем, братом прямо не называет. См. примеч. ???.

[594] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 523.

к 1639 г. была вновь замужем за Лаврентием Васевским. То есть смерть Криштофа нужно датировать 1632–1639 гг. А вот о жене Константина ничего не известно, зато у него были сыновья Миколай, Стефан и Юрий-Константин[595]. У нас достаточно параллелей, чтобы считать Криштофа и Константина одним шляхтичем по имени Константин-Криштоф Шуйский.

Княжеский титул сыновья Яна Ивановича утратили не сразу. Это произошло окончательно не позднее июля–октября 1631 г. В июле Андрей Шуйский получает от шляхтичей Здитовецких дом у Бронского моста в Берестье и жалуется на побег челядника. Княжеский титул Шуйского в актовых записях не указан[596]. В октябре Константин Шуйский вел тяжбу против Ярошa и Александра Здитовецких. А. Здитовецкий, в свою очередь, судился с Андреем Шуйским, и Константин как местный писарь земский отказывался выдать представителям суда, брестским гродским генералам, бланк для вызова в суд ("memram na pozew") Андрея Шуйского от лица Александра Здитовецкого и вынул из актовых записей постановление суда ("dekret"). В этом деле оба Шуйских выступают без княжеского титула[597]. В эти же дни Юрий Шуйский пишется то с титулом ("Kniaz Jerzy Szuysky"), то без него ("Pan Szuysky")[598].

Потомки князя Яна Ивановича Шуйского пережили падение Речи Посполитой в XVIII в. и восстановление Республики[599]. Княжеский титул они себе больше уже не вернули. Их разветвившийся род продолжается в наши дни. Среди них – знаменитый польский историк Юзеф Шуйский (1835–1883 гг.), сенатор Второй Речи Посполитой Вацлав (1881–1951), дипломат Роман (1907–1953) и политик эпохи Народной Польши Вацлав Шуйские (1908–1979).

История забвения

Память о высокопоставленных московских эмигрантах нашла свои ниши в Стени и Речи Посполитой. Архив кн. Семена Бельского, по нашему предположению, перешел в собрание вдовы виленского воеводы Зофьи Гаштольд. В политической жизни Короны и Литвы его личность оставила стремительный и неизгладимый след, подобно князю Дмитрию Вишневецкому или Ольбрахту Ласкому. О спутниках Бельского во время его побега – Ляцких, до нас дошли обширные данные. Их социальная стратегия была связана в большей мере с интеграцией в литовскую аристократию и продвижением по лестницам образования и чиновного роста к политическим вершинам придворной и военной службы. Менее успешным, но похожим на деятельность Ляцких был жизненный путь князей Шуйских в Речи Посполитой.

Шуйские воссоздали за рубежом свой герб – Русскую погоню, или Торжество святого Георгия над змеем. Оттиск (на бумаге) печати с изображением «Ездеца» и литерами IS сохранился на документе, выданном от имени кн. И.Д. Шуйского кн. Дмитрию Федоровичу Сангушко и датированном 26 апреля 1549 г. во Влодаве[600]. Печать с символом общерусских властных амбиций была знаком активной политической воли по отношению к великим князьям московским, использовавшим сходное изображение на своих печатях[601]. Впрочем, нет ни одного примера, который бы доказывал, что у московской элиты или шляхты в эмиграции сохранялись эмблематические традиции московского периода их жизни. Представляется более вероятным, что претензии князя Ивана Шуйского на родовой герб великих князей возникли уже за рубежом, а сам этот герб мыслился им как родовой символ суздальских великих князей, захваченный московским великокняжеским домом. Готовность принять суверенитет на русских землях выражалась у Шуйских и в Москве, и в Речи Посполитой в родословных легендах, которые превращали их предка, князя Андрея Суздальского, в старшего брата Александра Невского. Рунор московской эмиграции, кн. А.М. Курбский, рассказывая в своей «Истории» о героической смерти князей Горбатых на плахе, представлял суздальских князей как хранителей общерусской власти со времен легендарного домонгольского князя Андрея, чьи владения простирались до Каспийского моря. После смерти царя Федора Ивановича престарелый коронный канцлер Я. Замойский рассматривал возможность избрания на Московское царство кого-то из Шуйских[602]. Много позд-

[595] О них см.: *Wolff J.* Kniaziowie... S. 524–526.

[596] КГБр-4. Арк. 22 адв. (8 июля 1631 г.), 23 – 23 адв. (8 июля 1631 г.).

[597] КГБр-7. Арк. 1230 – 1230 адв., 1231 – 1231 адв. (Обе записи от 22 октября 1631 г.), 1245 – 1245 адв. (24 октября 1631 г.).

[598] КГБр-7. Арк. 1213 адв. – 1214 адв.

[599] *Раевский Н.М.* Род царя... № 130 и сл.

[600] Изображение см.: *Grala H.* "*Ex Moschouia ortum habent*". S. 110.

[601] Библиографию геральдической проблемы «Ездеца» в московской, литовской, тверской и татарской традициях см.: *Grala H.* "*Ex Moschouia ortum habent*". S. 110–112.

[602] Об этом подробнее в монографии «Император Святой Руси».

нее, уже после событий Смутного времени, когда в Речь Посполитую была доставлена царская семья Шуйских, польско-литовская ветвь получила статусный джокер, которым воспользовался могущественный наследник кн. Ивана Губки — великий писарь литовский и староста загальский Константин-Ян Шуйский, сумевший получить в господарской канцелярии диплом о своем родстве с царем Василием Шуйским[603].

За пределами Короны и Литвы следы московских эмигрантов начала 1530-х гг. почти незаметны. Исключение составляют такие в целом случайные упоминания, как ошибочное именование московского боярина кн. Ивана Бельского, погибшего во время московского пожара 1571 г., именем его дяди князя Семена в послании крымского хана Девлет-Гирея королю Сигизмунду II Августу[604].

Как случилось, что от имен московских придворных, вызвавших столько шума в восточной Европе в четвертом и пятом десятилетиях XVI в., ко времени Н.М. Карамзина на их родине не осталось почти ничего, кроме мимолетных обвинений в государственной документации? Почему сложилась диспропорция в забвении И.В. Ляцкий и кн. С.Ф. Бельский оказались «изменниками», а кн. И.Д. Губке Шуйскому посчастливилось быть всего лишь забытым и вычеркнутым из истории его современности? Мы должны вернуться к началу наших рассуждений — все трое происходили из высочайших придворных родов, выдержавших испытание «Ивановым детством».

М.М. Кром обратил внимание на ряд парадоксов в закулисной истории российской памяти о первых государственных изменниках[605]. Уже весной 1537 г. московские послы должны были выразить недовольство, если бы король Сигизмунд Старый допустил на аудиенцию «изменников» великого князя Ивана («а ныне у короля в избе изменники государя нашего, Белской и Лятцкой»)[606]. В то же приблизительно время в переписке Москвы с Ислам-Гиреем и Сахиб-Гиреем образ «холона»-изменника был обставлен рядом формулировок, которые позднее неизменно сопровождали посольские тирады против государевых предателей: «Что наш холон Белской, позабыв Бога и наше жалование, и свою душу, неподобные речи говорит...»[607] Князь Семен мог не согласиться: «холоном» считался только такой слуга великого князя, который утратил связь со своими суверенными землями. По словам Ислам-Гирея, князь Семен говорил ему, что претендует быть своим «именем» на великом княжении московском. Упомянув эту выходку, Ислам рассуждает о своей верности договоренностям и комментирует претензии князя Семена. Эти комментарии могли быть восприняты с доверием в Москве, поскольку в них были изложены приемлемые для Москвы причины отказа крымского хана от авантюры кн. Семена Бельского: «И ты ведай, что те отманци лихие люди не княж Семенова для пригодъства, ни пак пригоже ли ему княжене, не пригоже ли. Камень на камень ударит, толко бы ему что к собе приволочи. А он и нашей земле упокоя не дасть. С таким устремленьем живет. Не молвит того, кто ему земли доставает. Пригоже ли, не пригоже ли ко господарству, ни пак кто от холона или от робы родился, так и ему дает, толко бы ему земли привел»[608].

Не посылает ли хан сигнал московским боярам, что князь Семен готов любой ценой сесть на княжество? Он разрушает иерархию, обращаясь за помощью к рожденным «от холона или от робы». Как видно из призывов к Семену Бельскому из Москвы «вспомнить» государеву милость, называть его холоном великого князя боярский совет не решался. В послании Ислам-Гирея забвение своего «холонства» со стороны Бельского дополняется еще одним упреком: он намерен присоединять к своим владениям новые земли. Ни в чем не знает меры. Не разбирается, кто перед ним — царь или раб, лишь бы взойти на государство, к которому так стремится. Ненасытен и жаден. С ним Крыму покоя не будет. Крымский хан сравнивает две перспективы — союз с Бельским и союз с Москвой. И выбирает Москву, потому что с Иваном IV спокойнее, чем с кн. Семеном Бельским, который «упокоя не дасть». Много лет спустя Иван Грозный явится в Вольмар, откуда ему угрожал другой «изменник», и обратится к нему со словами: «И где еси хотел упокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой Бог нас принес, и где, чаял, ушел — а мы тут, з Божиею волею сугнали, и ты тогда дальнейшее поехал!»[609] Не вспоминал ли царь Иван переписку своего детства с крымским ханом?

Из Москвы Ислам-Гирею сразу дали понять, что Бельский — холон великого князя

[603] *Grala H. "Ex Moschouia ortum habent"*. S. 111–112.
[604] BCz. N 2893. S. 35.
[605] *Кром М.М.* Судьба авантюриста. С. 103–105.
[606] СИРИО. Т. 59. С. 122–123.
[607] ПК-123-8. Л. 322 об. — 323, 332 об. и др.
[608] Там же. Л. 319 — 319 об.
[609] ПИГАК. С. 105, 407. Примеч. 17 (автор — В.Б. Кобрин).

московского. Сравнения государя с холопом невозможны. Это категории разного порядка. Речи «изменников», нарушающих властную вертикаль, определялись в московских источниках как «ненодобные» или «невежливые». Пример Бельского закладывал один из камней в масштабной конструкции. Вежливость — следование вертикальной иерархии государственных отношений. Холоп не ровня государю. Появившийся в Крыму в 1536–1537 гг. кн. Семен Бельский холопом Ивана IV себя не считал и рассуждал как суверен, претендовавший на независимое княжение или верховную власть в Москве. Вероятнее первое. Крымский хан опасался, что энергичный московит будет любой ценой присоединять к своим владениям степные земли. Удобнее для кочевников было бы иметь дело с Москвой, чем с буферным государем, который ни холопом Москвы себя не считает, ни холопом Крыма себя не назовет. Он нарушает не только московское, но и крымское понимание иерархии, подкуная всех и каждого, кто обещает ему помочь в борьбе за вотчинные земли. «Холопство» в сознании московских и крымских авторов 1530-х гг. мыслится как безусловное подданство, вторичность и зависимость. Называть холопами независимых князей, сообща борющихся за освобождение русских земель против ордынских юртов, было не нормой времени, а особым стилем политических отношений. В одном из примечаний к переводам из святых отцов кн. Андрей Курбский называл этот стиль наследием ордынской «неволи» и считал его неприемлемым[610].

Наследственное право князя Семена Бельского на суверенитет сквозит в его предложениях султану Сулейману Великолепному, крымским ханам Ислам-Гирею и Сахиб-Гирею, в формуляре обращений к королю Сигизмунду Старому, в номенклатуре на карте Ивана Ляцкого. Права князя Семена не признавались в Москве, но и там его «холопство» было обойдено стороной в «опасной грамоте» 1537 г., а затем, в канун крымского похода на Москву 1541 г. — в частичном согласии на временное правление, а по сути — на регентство под ответственность митрополита Иоасафа и князей Дмитрия и Ивана Бельского, которым дорого обошелся этот политический маневр. Лишь за спиной у кн. Бельского, как казалось московским боярам, можно было возмущенно обсуждать, как он самого крымского «царя» называет себе «другом» и «братом». Это была невыносимая дерзость. Ученый московский дипломат Федор Иванович Карпов сдобрил претензии Бельского убийственной ремаркой: «И которые люди бывали на Москве и его знали, что он господарю великому князю холоп, и они ему лают и в очи плюют. А которые люди молодые, а не ведают того, и они к нему приставают, и на то с ним хотят. Ино ведь Орда, а в ней люди розные. Что говорить!»[611] Москва старательно очерняла образ князя Семена в глазах великого хана. Одновременно цементировался один из ключевых вопросов московской политической культуры — нежелание быть холопом великого князя, как и хана, могло означать только мятеж, фронду, политическую авантюру, грозящую образованием нового государя и нового государства.

Для исторической памяти значимы были также ритуальные проклятия в адрес «изменников». Они забыли Бога, великокняжеское жалование и свою душу. Их забывчивость лишает их права на жизнь и обрекает на забвение. Присутствие, телесное участие перебежчиков в переговорах между законными государями служило посольским знаком. Готовность к мирным переговорам должна была сопровождаться ритуальным изгнанием виновников конфликта. «Изменник» превращался в козла отпущения, на которого символически возлагалась вина за ссору между государями. Таким негодяям все, кто их знает, «лают и в очи плюют». Московские бояре, только что расправившиеся с «молодыми» слугами кн. Андрея Старицкого, намекали крымским представителям на аналогичную опасность со стороны кн. Семена Бельского. Символические подтексты ритуального уничижения определяли и саму функцию посольской диффамации. «Изменниками» Бельский и Ляцкий были назначены в Москве не потому, что совершили «крамолу». Они не сдавали крепостей, не бежали к противнику во время военных действий. Было бы унизительно для великого князя признавать, что из-за одного бывшего «холопа» на московские земли нападают литовские и татарские войска. Преступления беглых «холопов» могли быть покрыты заступничеством церкви или прощением. Было бы лучше тайно вывезти их в Москву или похитить и убить прямо в Орде.

В том же 1537 г., когда обсуждался военно-политический проект Бельского, было составлено «приглашение» князю Семену вернуться на службу Ивана IV. Ошибки «измены» списывались на «молодость», а право выехать и вернуться к государю признавалось за слугами. М. М. Кром видит в «праве отъезда» архаичную

[610] *Курбский А. М.* История... С. 144, 703. Прим. 86-2 (автор — К. Ю. Ерусалимский).

[611] ПК-123-8. Л. 372.

традицию и считает обещания Москвы «тактическим приемом»[612]. Однако и существование «права отъезда» у русской знати, и его отмена являются условностями. Фактическое осуществление такого «права» не подтверждается источниками[613]. Для отождествления ушедших от государя слуг с военными предателями в Москве 1537 г. было недостаточно символических ресурсов. Кн. Семен Бельский и московские власти это хорошо понимали и должны были расценивать и само обещание, и его обдумывание не как уловку, а как серьезное предложение, которое сразу и навсегда устранило бы «ошибки молодости» и вернуло бы его к активной придворной жизни в Москве. В следующей главе нашей работы мы увидим, в каких обстоятельствах были сформированы символические ресурсы проклятия и вечного забвения для изменников в конце 1540-х — начале 1550-х гг.[614]

В целом, моя точка зрения занимает промежуточное положение между выводами О. П. Бакуса, отрицавшего развитость понятия о государственной измене в России XVI в., и концепцией М. М. Крома, считающего, что на становление этого института повлияло «дело» Ляцкого и Бельского.

С одной стороны, первыми шагами московских властей после побега Бельского и Ляцкого стали суровые расследования, конфискации и, возможно, новый виток местнического противостояния при дворе. Впрочем, никакой единый принцип в преследовании причастных лиц не вырисовывается. Дума при четырехлетнем великом князе оказалась в непредсказуемых условиях, когда полновесное следствие и наказание по родству или служебной близости могло не только подорвать стабильность высшей власти, но и уничтожить весь порядок высшего управления. Конфискации имений Ляцкого при этом заметно не сказались на служебном или имущественном положении его родичей Захарьиных. Бельские и Шуйские от эмиграции своих «паршивых овец» тоже понесли скорее символические, чем фактические потери. С другой стороны, только готовность вести с перебежчиками переговоры и осознание права снять с себя обвинения в высшем государственном преступлении могла подтолкнуть кн. С. Ф. Бельского и его братьев в 1541 г. вести сложную игру. Сам шаг к примирению и возвращению рассматривался при московском дворе и в каком-то смысле самим князем Семеном как возможность забыть «измену», снять обвинения, не искуная их кровью.

Мы не знаем, в какой именно исторический момент возникли высказывания об измене Бельского и Ляцкого в Воскресенской летописи и Постниковском летописце. Историческая фиксация занустила необратимый процесс вычеркивания первых государевых изменников из общегосударственной исторической памяти. Вероятно, это случилось уже после Московского похода 1541 г., а еще более вероятно — к концу 1540-х гг., когда Воскресенская летопись редактировалась под влиянием новой идеологии царства. Летописец начала царства 1550-х гг. уже в полной мере воспроизвел эту идеологическую программу, лишив Бельского и Ляцкого надежды на прощение[615]. Когда Иван Грозный в начале июля 1564 г. заканчивал свое Послание кн. Андрею Курбскому, ставшему эталоном государственной измены, в сознании величественного монарха вся служба князей Курбских московским государям могла быть с легкостью обращена в предысторию его злодеяний. От истории Курбских осталась только череда их предательских покушений на высшую власть, попыток «извести» законных государей, сообщничества с удельными князьями и просто оскорбительных выходок по отношению к своим благодетелям. Только одного приписать им царь не мог, соблюдая этикет и придерживаясь старательно отобранных фактов: никто из Курбских до князя Андрея никогда не выезжал на службу к враждебным государям, равным по статусу великому князю московскому. Для сравнения нашлись И. В. Ляцкий и кн. С. Ф. Бельский, которые бежали за границу и «скакали там и сям», пытаясь причинить вред великому князю Ивану и его государству. Но так ни в чем и не преуспели.

Это была «крамола». Вменить Ляцкому и Бельскому предумышленную «измену» было невозможно, потому что на момент совершённого ими преступления вольный выбор в пользу короля Сигизмунда Старого мог считаться политическим решением, значимым для всей московской элиты. Почему же они оказались изменниками? Они подговаривали государей-соседей против Москвы. Было ли об этом известно в Москве? В каком-то смысле это было самоочевидно — они

[612] *Кром М. М.* Судьба авантюриста. С. 110.

[613] *Norretranders B.* The Shaping of Czardom under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964.

[614] См. главу «Идентичность интеллектуала XVI века».

[615] И. В. Зайцев проводит прямую параллель между сообщением летописца и ремаркой о «мятеже» в легенде к карте Вида–Мюнстера. Это отождествление представляется необязательным. Названные источники задают две исходных перспективы на события 1534 г. Ср.: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом... С. 131.

бежали, сразу затем началась война. В Москве уже тогда, задолго до переписки Ивана Грозного со Стефаном Баторием, видели прямую связь между изменой и войной. Однако нигде не было сказано прямо, что Бельский и Ляцкий — изменники. Имя Шуйского Иваном Грозным не названо, о чем уже говорилось выше. Шуйский не был причислен к политическому классу «государевых изменников», не вошел в плеяду выдающихся предателей, тех самых «других», которых Иван Грозный вспоминал в своем письме от 29 июня 1581 г., когда король Стефан вместе с Курбским и «другими» направлялся походом на Московскую Русь. Таким образом, именно официальные и близкие к ним летописи, посольские книги и послания Ивана IV закрепили образ государственной измены. Объединяющей фигурой для этих памятников стал «коллективный царь Иван», выразивший свою политическую философию и в посольской документации, и в летописании — особенно в приписках к Лицевому своду, и в посланиях, составленных самими Иваном Грозным или от его имени. Впрочем, не только Иван Грозный осуждал вельможных перебежчиков времен его детства. В Третьем послании Курбского царю Ивану есть брезгливые слова о каких-то предшественниках князя Андрея Михайловича, которые вступили в военный союз с крымским ханом: «Аз ж, повелевающему и королеви, отрекохся: не восхотех и помыслити сего безумия, жебы шел под бусурманскими хорунгами на землю християнскую с чюждым царем, безверником. Потом и сам король тому удивился и похвалил мя, иж-есм не унодобился безумным, прежде мене на сие дерзнувшим»[616]. Под «безумными» Курбский мог подразумевать как одного кн. Семена Бельского (с его слугами), так и Ляцких. Пример кн. Семена Бельского и Ивана Ляцкого напрашивался, поскольку именно его приводил сам Иван Грозный в своем Первом послании мятежному боярину. Отношение к князьям Бельским на московской службе в «Истории о князя великого московского делех» самое почтительное, а смерть князя Ивана Федоровича Бельского рассматривается автором «Истории» как одно из преступлений первых лет правления Ивана IV. А вот к Ляцким, как к родичам ненавистных для него Юрьевых, Курбский мог питать и весьма негативные чувства, однако нигде прямо он не обнаруживает своего отношения ни к их московским службам, ни к их судьбе в эмиграции. Приведенная выше цитата интересна еще и тем, что, со слов Курбского, отражает холодное отношение короля Сигизмунда II к Бельскому и его спутникам. Хотя к тому времени, когда происходил разговор между королем с прославленным московским воеводой, Бельского уже более 20 лет не было в живых.

Заканчивая этот рассказ, вспомним еще раз, что забвение «паршивых овец» происходило на фоне восшествия московских родичей по лестницам к высшей власти. Бельские, как мы старались показать в данной работе, достигли вершин своего влияния в правление Ивана Грозного с оглядкой на международные проекты князя Семена Бельского, а позднее — благодаря особой милости царя Ивана, обратившего свой гнев против Шуйских к вящему торжеству их многолетних противников. Хотя с середины 1550-х гг. клановое противостояние значительно ослабло, что и было закреплено межклановым матримониальным союзом. А в 1571 г. род Бельских вымер. Ляцкие больше не стремились конкурировать с Захарьиными, которые достигли высшей власти после брака Ивана Грозного с Анастасией Захарьиной-Кошкиной. Ее смерть в августе 1560 г. не ослабила позиций рода при дворе, а Смута привела его к высшей власти в 1613 г. Нет ни одного свидетельства о том, что польско-литовских Ляцких как-либо беспокоил или вдохновлял карьерный рост их дальних родственников в Москве. Когда в польском плену после неудачного посольства в Смоленск оказался патриарх из стана Лжедмитрия II Филарет Никитич Романов, ни его местный родич, внук и сын эмигрантов, уже больной Теодор Ляцкий, ни его сын Ян-Альфонс не проявили заметного по источникам интереса к Филарету, а источники, происходящие из Речи Посполитой, молчат об их родстве.

Князьям Шуйским из России и Речи Посполитой судьба представила шанс встретиться. 29 октября 1611 г. в Королевском замке Варшавы состоялась церемония «присяги на верность царей Шуйских» ("hołd carów Szujskich"). В этот день на сейм в Варшаву торжественно въехал гетман-триумфатор Станислав Жолкевский, везя за своей каретой повозку с московским царем Василием Шуйским и его братьями Дмитрием и Иваном. В отдельной карете сидела жена князя Дмитрия — княгиня Екатерина Григорьевна (Скуратова). Следом — остальные высокопоставленные пленные[617]. Лишенный трона после поражения под Клушино царь Василий IV был вместе с братьями и их домочадцами выдан коро-

[616] СК. Л. 144, ср.: ПИГАК. С. 109.

[617] *Majewski A.-A.* Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2011. S. 42–43.

лю Сигизмунду III и после падения Смоленска символически уступил власть в Москве польскому королю. Семейство Шуйских жило в Мокотовском дворце, а после пожара — в Гостынине под Варшавой. Умерли при загадочных обстоятельствах один за другим в сентябре 1612 г. трое: Василий — 22 сентября, Екатерина Григорьевна — 25 сентября, Дмитрий — 27 сентября. Выжил только князь Иван[618].

Однако встреча московских и польско-литовских родственников, судя по всему, так и не состоялась. Незадолго до того в Речи Посполитой умер князь Ян Шуйский. Его потомки никакого отношения к торжеству в Варшаве не имели и никак не отметили свою причастность ни к самому роду, утратившему свое величие, ни к его польскому наследию. Немного позже, уже после смерти последнего царственного пленника, в 1620 г. король велел поставить за пределами тогдашней Варшавы Московскую часовню — гробницу Шуйских. В наши дни от нее ничего не осталось[619].

[618] *Andrusiewicz A.* Dzieje wielkiej smuty. Katowice, 1999. S. 344–345; *Chemperek D.* Tryumf warszawski Stanisława Żółkiewskiego i hołd Szujskich w historiografii siedemnastowiecznej // Biblioteka epoki nowożytnej. 2014. N 1. S. 93–97.

[619] *Chrościcki J.A.* Mauzoleum Carów Szujskich (Kaplica Moskiewska) w przestrzeni ceremonialnej Warszawy // Ibid. S. 144–149; *Jamski P.J.* Legenda Kaplicy Carów Moskiewskich w Warszawie (1620–1914) // Ibid. S. 151–168; *Chrościcki J.A.* "Hołd carów Szujskich" Jana Kantego Szwedkowskiego z 1837 roku // Ibid. S. 169–176.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА XVI ВЕКА: от Ивана Пересветова до Ивана Федорова

История, рассказанная Ивану Грозному

Согласно повести Нестора-Искандера, пленение Константинополя турками-османами Мухаммеда II было предсказано. О нем пророчествовали император Лев Премудрый и блаженный Мефодий Патарский. В середине XVI в. читатель повести Нестора или ее переложения, ученый воин Иван Семенович Пересветов по-своему пересказал новообретенному наследнику Византии правоучительную историю возникновения и падения греческого царства.

Когда император Константин Флавий планировал строить на семи горах Бизанций и уже повелел расчертить место между Красным и Белым морями между трех углов во все стороны по семь верст в каждую, из норы выполз змей и пополз по равнине. Вдруг на виду у всех на него обрушился орел, схватил и понес в небо. Змей оплел орла и после долгой схватки одолел. Пришли люди, убили змея и поймали птицу. Тогда император созвал книжников и мудрецов, и те истолковали знамение как знак грядущего падения христианского города под ударами мусульман, но в конечном счете христиане всё же победят мусульман, вернут себе Семь Холмов и на них воцарятся: «И понеже змий одоле орла, являет, яко бесеменъство одолеет христьянство; а понеже християня змию убили, а орла поимали, являет, яко напоследок паки християня одолеют бесерменство, Седмихолмаго приимут и в нем воцарятся»[1].

И вот, пророческое видение начало исполняться. Константинополь пал, в нем воцарился безбожный, безверный и окаянный Магмет Амуратов сын. Империя христиан рухнула. Еще до этого ее покинул Христос. Последний император, благоверный Константин Иванович (его прообраз — Константин XI Палеолог) походил на своего могущественного тезку, строителя идеального земного города. Он был мужественным и добродетельным правителем, сражался до конца и готов был погибнуть за православную веру. Но сам он «сшед с праведного суда», весь мир вокруг прельстился на «нечистое собрание», люди и святые иконы потонули в слезах и крови от неправедных судей[2].

Христианство потонуло в грехах. Ученых людей не слушали, вельможи разъелись и забыли свою обязанность защищать страну, сильные притесняли слабых, простые воины обеднели и попали в рабство к вельможам. Церковь смотрела сквозь пальцы на грехи власти, и ни ей самой, ни всей стране не помогла христианская вера. Рассорились и союзники Константина, все кроме одного храброго героя, зеновиянского князя Зустунеи, а венецианцы — так те даже запретили своим помогать Византии в надежде на ее поражение, чтобы потом отнять Константинополь у турок.

Мусульманское войско было для царства последней карой. Незадолго до падения крепости Святой Дух на глазах у горожан покинул святыню — устремившись из окон Святой Софии в небо. На византийцев напал страх и трепет. Все усилия патриарха Анастасия спасти императора оказались тщетными. Константин остался, чтобы пострадать за православную веру и за свое отечество, погибнуть на стенах города. Многомесячная осада окончилась падением крепости и крушением царства. Греки, уже лишенные подлинной веры, потеряли

[1] Сочинения И. Пересветова / подг. текста А. А. Зимина. М.; Л., 1956 (далее — СП). С. 123–124. Здесь и далее цитируем текст Музейного и Олонецкого списков Большой и Малой челобитных по изданиям 1956 и 2000 гг., при цитировании за основу принимаем чтения Музейного списка, в квадратных скобках указываем наиболее существенные для нас разночтения Олонецкого списка. Не оговорены при передаче цитат регулярные исправления публикаций: «бог» — на «Бог», «государь» — на «господарь» (и однокоренные).

[2] СП. С. 150.

власть. Османы захватили империю и обустроили ее мудро, утвердив свое господство правдой, но придерживаясь ложной веры — ислама.

Неожиданный финал этой истории открывается сценой, в которой Магмет приезжает к «великой церкви» (Святой Софии)[3]. Он сходит с коня, падает ниц и благодарит Бога, что «создал» ему такое великое царство. Заходит в храм. Патриарх и народ в ужасе. Мерзость и запустение в святилище. Султан берет слово и обещает патриарху, всей его «дружине» и всему народу, что никто из греков несправедливо не пострадает, не будет бит, пленен и никак иначе унижен. Султан понимал, что от завоеванного царства он наследует великую мудрость, и повелел переписать «книги християнския по-турски». Оригиналы он отдал патриарху Анастасию только после того, как тот обратил молитву к Богу. Как же ты терпишь, Господи, «таковое поругание от агарян, от безбожных турков, от иноплемянник... и книги у меня поотнимали, у раба твоего»?[4] Христос ниспослал Анастасию ответ. Христиане нарушили божественные заповеди. Их постигла казнь, как некогда Содом и Гоморру. Но Господь любит грешников, и кара Его «не навеки». Патриарху было обещано заступничество. И вот султану явилось во сне грозное видение, после которого он проснулся «тренетен», «во ужасе велице» и признал: «Господа Бога есми разгневил»[5]. Турецкий владыка осознал, что узурпировал власть в царстве, где обитал истинный Бог, а его, султана, вера не истинная.

Патриарх получил назад свои книги, но все попытки восстановить христианскую веру ни к чему не привели. Христос успокоил его, что забрал «свою святыню» временно на небеса, а пока решил выдать греков неверным иноплеменникам — «на поучение правды Моея»[6]. Христос напомнил Анастасию ужасное знамение — исхождение Святого Духа из храма Святой Софии во время осады. Тогда-то Бог взял к себе на небо «свою святыню» от храмов и образов, от чудотворцев, мучеников, угодников и страстотерпцев. Можно быть спокойным — Святой Дух на небесах. Там же — Иерусалим и Царьград. На земле остались только верные и книги. Видимо, о книгах устами Христа дважды сказано: «А Яз у вас оставил житие земное и путь Царства небесного»[7]. Патриарху предстояло убедить христиан, что кара Господня сменится милостью. Нужно набраться терпения и ждать.

[3] СП. С. 146.
[4] СП. С. 148.
[5] СП. С. 148.
[6] СП. С. 149.
[7] СП. С. 148, 150.

Султан после грозного видения смягчился. Он ввел в своем царстве праведный суд и хотел даже принять христианство, но его отговорили сеиды: «Естьли бы ту веру любил Господь, и Он бы тебе ея не выдал»[8]. У греков не было подлинной веры, поскольку они «не творили» воли Христа, у османов была правда, но они не были правоверными, и Богу пришлось забрать к себе христианские святыни Царьграда и Иерусалима. С тех пор идеальное единство веры, правды и царства пребывало у Христа на небесах. Предыстория христианства — часть истории Российского царства, унаследовавшего от падшей Византии и величие, и пороки.

Когда челобитчик предстал перед юным московским царем на праздник Рождества Богородицы со своими исписанными тетрадями, истинное царство было уже давно в руках мусульман-турок, Христос всё еще не вернулся на землю, а куда делись христианские книги — никто не знал. Обычный христианский воин, эмигрант и репатриант, составил для первого царя новой православной империи историю падения предыдущей империи из-за отступления от божественных книг и построения царства справедливости неверными, которых кому-то в будущем предстояло сокрушить. Пророчество книжников и мудрецов Константина Флавия гласило, что христиане вернутся на Семь холмов, победят ислам и воцарятся в Константинополе. И вот, столетие спустя после падения Царьграда, московскому царю был предложен обширный проект возвращения первоначальной гармонии с неба на землю. Этот проект, как и рассказ о событиях тысячелетней истории христианства и ислама, принадлежит всё тому же «выежжему из Литвы» воину-книгочею Ивану Пересветову. Новейшая история начиналась с возвращения книг побежденным христианам и с попытки султана воплотить на земле идеал правды, не обращаясь в христианство, а только лишь обратившись к чудом сохранившимся христианским книгам: «А все то Магмет-салтан, турский царь, снял образец жития света сего со християнъских книг»[9]. Эти слова в Сборнике Пересветова служат предисловием к «Сказанию о Магмет-Салтане», где описано лучшее из всех современных царств, возникшее на развалинах христианской империи и обреченное на гибель[10].

[8] СП. С. 151, 160.
[9] СП. С. 151.
[10] Иные точки зрения на образ Византии в Сборнике И. С. Пересветова см.: *Unbegaun B.* Les relations vieux-russes de la prise de Constantinople // RÉS. 1929. Vol. 9. N 1/2. P. 27–29; *Лихачев Д. С.* Иван Пересветов и его

Многоликий Иван

Кто крылся за «челобитным» автопортретом? Как случилось, что столь колоритная личность не оставила по себе ни одного безусловного следа помимо сборника сочинений? Личность и взгляды Пересветова вызвали замешательство уже у первых исследователей его творчества[11]. Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, И.М. Добротворский считали, что скрывающийся под этим именем «затейник» потакал репрессивной политике Ивана Грозного и оправдывал террор эпохи опричнины «уже гораздо позже сего царствия» или, по словам Добротворского, «несколько после»[12]. Вплоть до конца XIX в. подобным точкам зрения нередко сопутствовало предположение о том, что имя «Иван Семенович Пересветов» полностью или частично вымышленное. Впервые его высказал еще Н.М. Карамзин. Согласно полушутливому замечанию А.Н. Попова, именем Пересветова «прикрывались русские сатирики, решившиеся обнаружить дурное состояние Московского государства»[13]. Архимандрит Леонид (Кавелин) в своем описании рукописей А.С. Уварова предположил, что Пересветов составил свои сочинения между 1538 и 1560 гг., но после его смерти, возможно, кто-то использовал его имя[14].

О том, что имя «Иван Пересветов» было не псевдонимом, а подлинным именем автора, заговорили исследователи, когда обнаружилось, что в XVI–XVII вв. существовала такая дворянская фамилия. Кроме того, имя – предположительно – всё того же автора мелькнуло на записи в рукописном сборнике и упоминалось в описи царского архива[15].

Д.И. Иловайский считал, что Иван Пересветов был шляхтичем западнорусского происхождения, который испытал бедствия на московской службе и выступил с проектами реформ, подтолкнув Ивана IV к репрессивной политике[16]. Аргументов в пользу литовско-русского происхождения Пересветова приведено не было. Идентичность писателя и позднее вызывала сомнения. Неуловимая близость его проектов к реформам Ивана Грозного приводила к тому, что подлинных авторов сочинений Пересветова искали и в самом царе, и в его ближайшем окружении, и среди его служилых людей[17].

Окольные пути должны были привести к ответу на тот же вопрос. В челобитной и приложениях к ней в Сборнике Пересветова очерчен маршрут ученого европейского наемника, прошедшего по нескольким европейским странам. Неужели и в Европе не осталось следов его деятельности? В литературном образе публициста-челобитчика всё больше проступал ученый космополит с военной закалкой. Проблематика западных и восточных влияний на сочинения Пересветова была развита на рубеже XIX–XX вв., когда

литературная современность // Сочинения И. Пересветова. С. 42–44; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 251–266; *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика. С. 31–37; *Mureşan D.I.* Penser Byzance à l'aube de la Russie impériale. D'Ivan Peresvetov à Ivan IV Vasil'evič // Istina. 2007. Vol. 52. P. 466–478.

[11] В изложении точек зрения исследователей XIX – середины XX в. мы ориентируемся на детальное историографическое исследование: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 217–242.

[12] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. Примечания к IX тому. Примеч. 849. Стб 176–178, здесь стб 176; *Соловьев С.М.* Соч.: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5 и 6. История России с древнейших времен. С. 709. Примеч. 85; Сказание о Петре Волосском воеводе, како писал похвалу благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русии / изд. И. Добротворским // Ученые записки Казанского университета. 1865. Т. 1. С. 28–46, здесь с. 28–31.

[13] *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 85.

[14] *Леонид, архимандрит.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А.С. Уварова: В 4 ч. М., 1894. С. 18, 21. Датировку вскоре после работы Леонида уточнил А.С. Николаев, предположив, что проекты анонимного, по его мнению, писателя были составлены к 1549 г. См.: Новое время. 1907. 13 (26) февраля. № 14108. С. 4; ПДПИ. СПб., 1908. Т. CLXX. С. 15–16.

[15] *Белокуров С.А.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 319; *Яворский Ю.А.* К вопросу об Ивашке Пересветове, публицисте XVI в. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1908. Кн. 20. Вып. 3. С. 59–86, то же: *Яворский Ю.А.* К вопросу... Киев, 1908. 28 с.; [Доклад С.Л. Авалиани 8 августа 1909 г.] // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1909 г. М., 1911. Т. 3. Отд. III, протоколы. С. 111; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 336–338. М.И. Соколов и Ю.А. Яворский говорят о «ящике № 142». Речь идет о ящике № 143.

[16] *Иловайский Д.И.* История России. М., 1890. Т. 3. С. 687. Примеч. 85.

[17] Эта мысль на рубеже XIX–XX вв. звучит в трудах В.О. Ключевского, С.Л. Авалиани, М.И. Соколова, А.С. Николаева. См. также: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3; *Вилинский С.* Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересветова // ЖМНП. 1908. Т. 17. № 9. С. 190; Труды XIV съезда Археологического общества в Чернигове 1909 года. М., 1911. Т. 3. Отд. 3, протоколы. С. 111; *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 208–218; *Полосин И.И.* О челобитных Пересветова // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина, кафедра истории СССР. М., 1946. Т. 35. Вып. 2. С. 25–55; *Cherniavsky M.* Ivan the Terrible as Renaissance Prince // SR. 1968. Vol. 27. N 2. P. 195–211; *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 73–85.

А. Н. Пыпин усмотрел в подделках, по его мнению, сочинениях И. С. Пересветова «южно-славянские, румынские или греческие отголоски»[18], а Д. Н. Егоров отметил, что идеализация Турции была свойственна некоторым европейским авторам, современным Пересветову[19]. Поборником концепции европейского и особенно польского влияния был и первый публикатор комплекса сочинений Пересветова В. Ф. Ржига, писавший: «В самом деле, многие мысли нашего публициста не находят себе объяснения ни в предшествующей русской литературе, ни в современном ему русском обществе»[20]. Мысль Ржиги шла по тому пути интерпретации, который был проторен «государственной школой» российской историографии и вел к констатации противоборства в Европе сил монархической власти с феодализмом и почти повсеместного торжества «монархического принципа государственности». Альтернативный путь развития преобладал в Венгрии, Чехии и Польше. И он был для всех этих стран чреват анархией и утратой государственной независимости. Опираясь на факт службы Пересветова польскому королю, В. Ф. Ржига рассматривает гипотезу о влиянии реформ 1511–1527 гг. в Польше на российского публициста: «Как на Западе создание крупных государств влекло за собою необходимость внешней обороны, а для этого устройство постоянной армии, преобразование финансов и другие внутренние реформы, так те же самые вопросы возникают и в Польше с самого начала царствования Сигизмунда I (Zygmunt I, 1506–1548). И замечательно, что попытки реформ от 1511 г. – до 1527 г. в высшей степени напоминают те политические проекты Пересветова, с которыми спустя несколько лет он обратился к Ивану Грозному»[21]. И следующим, вполне предсказуемым шагом был вывод исследователя о том, что Пересветов оказал влияние на Ивана Грозного и реформы Избранной рады[22].

Тезисы В. Ф. Ржиги были отчасти поддержаны в советское время. И. И. Полосин констатировал сходство сочинений Пересветова с посланиями князя А. М. Курбского, трудами Н. Макиавелли и других авторов, которые могли быть известны Ивану Грозному[23]. Мысль В. Ф. Ржиги о знакомстве И. С. Пересветова с европейскими реформами вызвала согласие у Л. Н. Пушкарева: «Проекты реформ, выдвигавшиеся в то время в Польше, возможно, оказали некоторое влияние на политические проекты Пересветова»[24]. Вместе с тем нельзя не согласиться с противником концепции заимствований А. А. Зиминым, когда он, положительно в целом оценив направление поисков, отмечает, что никаких явных польских, итальянских, греческих или турецких источников сочинений И. С. Пересветова так и не было обнаружено[25]. Текстологических совпадений и прямых заимствований из европейских авторов в сочинениях И. С. Пересветова не прослеживается, но думается, было бы неверно ограничить вопрос о влияниях на его творчество явными текстовыми связями. За десятки лет, прошедших со времени публикации монографии А. А. Зимина, в идеях И. С. Пересветова прослежены возможные западноевропейские, османские, византийские и молдавские источники[26]. Их число можно увеличить – по крайней мере со времен Д. Н. Егорова и В. Ф. Ржиги это

[18] *Пыпин А. Н.* История русской литературы. СПб., 1902. Т. 2². С. 485–487.

[19] *Егоров Д. Н.* Идея «турецкой реформации» в XVI в. // Русская мысль. 1907. Кн. 7. Раздел XIII. 14 с., здесь с. 11–12.

[20] *Ржига В. Ф.* И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда // Известия ОРЯС АН. СПб., 1911. Т. 16. Кн. 3. С. 169–181, то же: *Его же.* И. С. Пересветов и западная культурно-историческая среда. СПб., 1912. Цит. со с. 1.

[21] *Ржига В. Ф.* И. С. Пересветов... СПб., 1912. С. 3.

[22] *Ржига В. Ф.* Пересветов, публицист XVI в. // ЧИОИДР. 1908. Кн. 1. С. 53.

[23] *Полосин И. И.* О челобитных Пересветова... С. 50–51.

[24] *Пушкарев Л. Н.* И. Пересветов и его связи с русской литературной традицией // СП. С. 70.

[25] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 225–229, 272–288. В издании сочинений Пересветова А. А. Зимин оценивает концепции Д. Н. Егорова и В. Ф. Ржиги о западных влияниях на Пересветова более резко, чем в более поздней монографии. Говорится, в частности, о том, что это «неверное утверждение», и что его необходимо «изжить». Думаю, сделав скидку на идеологическую цензуру, эти оценки в главном не противоречат концепции Зимина. См.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его сочинения // СП. С. 6, 9.

[26] *Danti A.* Ivan Peresvetov – Osservazioni e proposte // Ricerche Slavistiche. 1964. Vol. 12. P. 3–64; *Розалиева Н. Ю.* Османские реалии и российские проблемы в «Сказании о Магмете-салтане» и других сочинениях И. С. Пересветова // Османская империя: Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 212–221; *Юсим М. А.* «Мудрость царева» у Ивана Пересветова и ренессансная доблесть государя. Идеальный государь и чужая вера // Россия и Италия. Вып. 4: Встреча культур. М., 2000. С. 53–69; *Mureşan D. I.* De la Nouvelle Rome à la Troisième: la part des principautés roumains dans la transmission de l'idée impériale // L'eredità di Traiano: La tradizione istituzionale romano-imperiale nella storia dello spazio romeno: Atti del Convegno Internazionale di Studi. Bucarest, 6–7 giugno 2007 / a cura di A. Castaldini. Bucarest, 2008. P. 104–146, здесь p. 128–129. Примеч. 91; *Idem.* Penser Byzance... P. 470–478.

направление в изучении творческого наследия И.С. Пересветова остается перспективным и не исчерпанным[27].

А.А. Зимин показал, что списки сочинений Пересветова, известные с XVII в., восходят к общему протографу и отражают состояние сборника, который был составлен современником Ивана Грозного около 1547–1549 гг. и, по мнению историка, воплощал идеи самостоятельного мыслителя, поддержавшего преобразования правительства А.Ф. Адашева[28]. При этом когда исследователь обращается к истокам общественных воззрений Пересветова, он и сам прибегает к догадкам о заимствовании им европейского опыта: «На формировании его общественно-политических взглядов сказались и его пребывание в Польше, и знакомство с турецкими порядками во время войны за венгерскую корону»; «Таким образом, находясь в наемных королевских войсках, Пересветов уже задолго до выезда на Русь мог убедиться в их большом значении для укрепления королевской власти. Хозяйничанье при дворной камарильи способствовало росту у Пересветова ненависти к "вельможам"»[29].

Стремление обнаружить источник проекта Ивана Семеновича ближе к московскому двору переросло в одну из самых сокрушительных концепций идентичности автора челобитной и остальных сочинений, известных как труды Ивана Пересветова. По мысли Д.Н. Аля (Альшица), Петр Губастый, упомянутый наряду с Пересветовым в описи царского архива, завуалирован в «Малой челобитной» в образе Петра IV Рареша. Этому Петру Губастому-Рарешу Д.Н. Альшиц приписывает создание «Малой челобитной». Текст «Большой челобитной», близкий к реформаторской программе Избранной рады, атрибутирован исследователем Ивану Грозному и его сподвижнику, благовещенскому попу Сильвестру. А вот «Сказание о Магмет-Салтане» могло возникнуть, согласно Д.Н. Альшицу, под пером А.Ф. Адашева, который в юности посетил (точнее – мог посетить) Османскую империю и мог отразить свои знания в пространной повести под вымышленным именем. Таким образом, различные части Сборника Пересветова созданы высокопоставленными авторами при дворе юного Ивана Грозного и при его личном участии[30]. Аллегорическое прочтение Сборника вызывает всё же целый ряд нареканий, из которых складывается общее сомнение в правомерности «автохтонной» концепции как таковой. Прежде всего есть ли хоть одно основание считать Алексея Адашева, Сильвестра или царя Ивана авторами? От всех названных деятелей российской политики середины XVI в. дошли сочинения, прямые и косвенные свидетельства авторства. Никаких прямых или косвенных упоминаний причастности хоть одного из них к созданию Сборника Пересветова нет.

Об этом неоднократно уже говорилось в откликах на работы Д.Н. Альшица. Вопросов они вызвали уж слишком много. Что мы знаем о литературной деятельности Петра Губастого? Его причастность к роду Губастых не находит доказательств, впрочем – как и причастность Ивана Пересветова к Пересветовым[31]. Из описи царского архива известно лишь (и то предположительно), что Петр и Иван проходили по одному «делу». Вообще, в тезисе Д.Н. Альшица ничто ни с чем не связано: в пользу авторства Петра Губастого и какой-то его причастности к сочинениям Пересветова нет ни одного аргумента. А почему Петр Рареш – это аллегория? Еще Вернер Филипп отметал все сомнения насчет того, что Петр Валашский воевода – это исторический господарь в Сучаве Петр IV Рареш, хотя в его лице автор и находит себе «политическую самозащиту»[32]. Статистический анализ Сборника показал низкую корреляцию его стилистических особенностей со стилем посланий Ивана Грозного, хотя сочинения Пересветова отразили влияние мо-

[27] На мой взгляд, в оценке концепций заимствования А.А. Зимин вынужден был сохранять двусмысленность под прессом официальных установок советской историографии. Подробнее см.: *Ерусалимский К.Ю.* Публицист и централизованное государство: И.С. Пересветов в творчестве А.А. Зимина // Диалог со временем. 2012. №38. С. 100–128.

[28] *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 217–450 и далее.

[29] Там же. С. 288, 316–317 соответственно. На этом фоне критика в адрес концепции влияния Пересветова на Ивана Грозного, высказанной В.Ф. Ржигой, теряет в убедительности. Ср.: Там же. С. 226.

[30] Концепция воспроизводилась многократно. В последнее время, например: *Аль Д.* Писатель Иван Пересветов и царь Иван Грозный. У истоков извечной дискуссии – как обустроить Россию. СПб., 2002; *Альшиц Д.Н.* От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб., 2009.

[31] См. о прозвище «Губастый»: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 336–338.

[32] По словам В. Филиппа: "Daß Peresvetov hierfür die Gestalt des Peter Rareš einführt, ist sicher ein politischer Selbstschutz, doch ist anzunehmen, daß Peresvetov tatsächlich in der mit der Türkei in ständiger Beziehung stehenden Moldau besonders viele Nachrichten über die Verhältnisse im türkischen Staat erhalten hat" (*Philipp W.* Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches // Osteuropäische Forschungen. Neue Folge. Berlin, 1935. Bd. 20. S. 15).

сковского делопроизводственного языка и могли быть сконированы в царской канцелярии[33]. Причастность А.Ф. Адашева к сочинениям И.С. Пересветова оспорить в этом смысле не составляет труда, поскольку от могущественного временщика и лидера Избранной рады не осталось ни одного строго атрибутированного ему литературного произведения[34].

Реакцией на невольную политическую и литературную канонизацию Ивана Пересветова стала критика, прозвучавшая из цеха историков-скептиков. Еще в 1970-х гг. появились работы, в которых высказывалось предположение, что Иван Семенович Пересветов — маска, под которой скрывался автор (или авторы) начала XVII в. Иван под видом автора начала царствования Ивана IV предсказывал преобразования в духе Османского султаната, которые к его действительному времени жизни уже были осуществлены. Были решены и те задачи, которые Пересветов якобы предлагал решить — прежде всего большая война против казанских татар. Отношения Москвы со Стамбулом всё это время, с 1569 вплоть до 1637 г., были теплыми, а казус «Астраханского» похода 1569 г. доказывал ту же мысль — Турция дружественный, но потенциально опасный соперник. Эти мысли в диссертации Дениэла-Честера Матушевского сходятся с текстологическими построениями в выводе: Пересветов — автор начала XVII в.[35]

Ряд критических ремарок в адрес концепции Д.Н. Альшица выдвинули Франк Кемпфер и Людвиг Штайндорф. По мнению Ф. Кемпфера, Пересветов далек от православия — он нигде даже прямо и не говорит о православной вере. Кроме того, его «Первое предсказание философов и докторов» отражает ученую атмосферу более поздней эпохи и не могло возникнуть ранее XVII в. Поиск плодородной «подрайской землицы» ближе к событиям начала Ливонской войны, когда и могли возникнуть предпосылки к созданию «Предсказания»: «Если допустить, что Иван Пересветов — мыслитель времен Ивана IV, то победу над Казанью и опыт Ливонской войны 1558–1561 гг. следовало бы считать предпосылками для создания так называемых "Предсказаний" этого автора — Пересветова»[36]. По мнению германского исследователя, призыв взять Казань отражает уже результат, а не программу. Идея переноса царской столицы в Нижний Новгород также указывает, согласно данной точке зрения, на планы не середины XVI в., а Смутного времени: «Единственный момент, к которому можно отнести возникновение этой идеи, наступил после Смуты, после осквернения Москвы, Третьего Рима, криптокатоликом ЛжеДмитрием I и после разорения ее польскими солдатами в 1612/13 г.»[37]. И поскольку это сочинение неотрывно от Сборника Пересветова, то и весь корпус текстов Ивана Пересветова далек от реформ Избранной рады, а ее предполагаемые деятели не имеют отношения к его возникновению.

Я не согласен с таким толкованием анахронизмов в Сборнике Пересветова. Все названные в работе Ф. Кемпфера примеры ненадежны для датировки Сборника второй половиной XVI — началом XVII в. Сам же исследователь приводит ряд фактов, свидетельствующих о планах переноса столицы еще в правление Ивана Грозного. За пределы середины XVI в. не выбивается ни один факт из его сочинений. Впрочем, рукописная традиция Сборника действительно поздняя. Самые ранние списки Сборника Пересветова датируются 1630-ми гг. На этом основании предпринимались интересные попытки связать его происхождение с апокрифической турецкой переписки XVII в. Как представляется, надежных анахроничных фактов в Сборнике Пересветова

[33] От Нестора до Фонвизина: Новые методы определения авторства / Л.В. Милов, Л.И. Бородкин, Т.В. Иванова и др.; под ред. Л.В. Милова. М., 1994. С. 271–281, здесь с. 276.

[34] *Филюшкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 298–300.

[35] *Matuszewski D. Ch.* Peresvetov: The Ottoman Example and the Muscovite State. Unpubl. Ph.D. Dissertation. Univ. of Washington. Seatle, 1972. Благодарю Искру Шварц (Iskra Schwarcz) (Венский университет) за помощь в получении копии данной работы.

[36] Статья Ф. Кемпфера опубликована только в онлайн-версии. См.: *Kämpfer F.* Who is hiding behind the pseudonym Ivan Peresvetov — and when? S. 3 (URL: http://www.frank-kaempfer.de/Neuer%20PDF%20Ordner/IVAN%20Peresvetov-%20FIKTIV.pdf — последнее посещение 26.07.2017): "Angenommen, Ivan Peresvetov ist ein räsonierender Zeitgenosse Ivans IV. gewesen, dann müßte man wohl den Sieg über Kazan und die Erfahrung des Livländischen Krieges von 1558–1561 als Voraussetzungen für die sogenannten "Prognosen" des Autors Peresvetov postulieren". Благодарю Людвига Штайндорфа (Ludwig Steindorff) (Германия, Киль) за указание на данную публикацию. Концепция Ф. Кемпфера противопоставлена построению Д.Н. Альшица в рецензии: *Steindorff L.* Daniil Al' *Pisatel' Ivan Peresvetov i car' Ivan Groznyj. U istokov izvečnoj diskussii — kak obustroit' Rossiju* [Ivan Peresvetov und Zar Ivan Groznyj. An den Quellen einer ewigen Diskussion — wie Russland umgestalten?]. Russko-Baltijskij centr „BLIC" Sankt-Peterburg 2002. 206 S. // JGO. 2005. Bd. 53. S. 639–640 (по приведенной здесь ссылке статья Ф. Кемпфера уже не обнаруживается).

[37] *Kämpfer F.* Who is hiding... S. 4.

исследователи так и не привели[38]. Иван Пересветов последовательно и на большом числе частично проверяемых фактов вписывает свою жизнь в контексты первой половины XVI в.

Поиск источников Сборника в русле традиций «высокой литературы» продолжился, и на рубеже XX и XXI столетий А.Л. Юрганов, И.Н. Данилевский и А.В. Каравашкин предложили свои ответы на вопрос о «влияниях». Впрочем, идеолог опричного дворянства и борец против боярской «вольницы» в их концепциях уступил место богослову-интеллектуалу. Прежде всего исследователи зафиксировали неясность для современного сознания тех категорий, которые встречаются у Пересветова. Обратившись к диалогу православных и католиков о «вере» и «правде» «Сказания о Магмет-салтане», И.Н. Данилевский и А.Л. Юрганов пишут: «Понять спор трудно, речь явно не идет о соединении культур ислама и христианства, поскольку Пересветов фиксирует не чужой разговор, а создает собственный текст, который в основе отражает умопостроение православного человека». Авторы принимают во внимание употребление слов «вера» и «правда» в славянской библейской книжности и выдвигают гипотезу о том, что первое из них ассоциировалось с Новым Заветом, а второе — с Ветхим[39]. Противопоставление между ними должно было бы решаться для православного человека в пользу веры. Как раз этот вопрос и становится, по мнению исследователей, центральным в творчестве Пересветова, выступавшего за воссоединение ветхозаветных и новозаветных идеалов общества. Для решения этой многосложной проблемы А.Л. Юрганов привлекает широкий круг «литературных» памятников XI–XVI вв. и выявляет в них понятия «вера», «правда», а также понятие «истина», призванное, как кажется, дополнить и направить интерпретацию понятий Пересветова в русло богословия, православного культа, эсхатологических представлений. Категории «вера» и «правда» раскрыты А.Л. Юргановым в системе средневекового православного мировоззрения, для которого «всяка правда» была условием спасения на Страшном суде, а православная вера — свидетельством верности Богу. «Закон дел» противопоставлен был «закону веры» (Рим. 3: 27–28) еще в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона и в такой же дихотомии у Пересветова, «который противопоставляет, соответственно, "веру" и "правду"»[40]. Идеал Ивашки Пересветова был своеобразной православной утопией — недостижимой, поскольку челобитчик в доступных московскому обществу категориях предлагал установить в царстве Ивана IV «гармонию силы со справедливостью»[41].

В данной концепции совершен отход от политико-правового прочтения «веры» и «правды». Как представляется, это ценное уточнение, хотя оно не отменяет выводов об идее свода законов в трудах Пересветова. Выявлены и расхождения рассказа о падении Константинополя с Повестью Нестора-Искандера и другими сказаниями о падении Византии. Впрочем, среди неточностей есть и сказание о книгах, которое не заслужило внимания исследователей. А в автобиографии православного писателя есть большой рассказ о путешествии по землям, где православие граничило с католицизмом, не только с исламом. Как отразилось это путешествие на самосознании православного воина?

Компромиссную точку зрения отстаивает Б.Н. Флоря. Вопрос о знакомстве Ивана Грозного с трудами Пересветова исследователь оставляет открытым, хотя обнаруживает близость в их взглядах на причины падения Византии. Кроме того, исследователь убежден, что литовский шляхтич Иван Пересветов на службе Ивана IV выразил «настроения» российского дворянства, заинтересованного в расширении пахотных угодий за счет Казанского ханства. Как ясно из событий рубежа 1540–1550-х гг., с этим был согласен и царь Иван. Между тем, разница в образовании между царем и публицистом была колоссальная: «Иван IV в отличие от Пересветова был образованным человеком, хорошо знавшим славянские переводы византийских хроник, в ко-

[38] Я сужу о состоянии проблемы по работам: *Matuszewski D.C.* Peresvetov... Seatle, 1972. P. 110 ff; *McKinnon A.A.* A Study of the Writings Attributed to Ivan Semenovich Peresvetov. Unpubl. B.A. Honors Thesis. Harvard University, 1978 (эта работа была для меня недоступна); *Waugh D.C.* The Great Turks Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants / with a foreword by D.S. Likhachev. Columbus, Ohio, 1978. P. 10, 190, 278–279. N 8.

[39] *Юрганов А.Л., Данилевский И.Н.* «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей. Человек в истории. Культурная история социального. 1997. М., 1998. С. 144–170; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 35–36.

[40] *Юрганов А.Л.* Категории... С. 33–116, цит. со с. 104.

[41] *Юрганов А.Л.* Идеи И.С. Пересветова в контексте мировой истории и культуры // ВИ. 1996. №2. С. 15–28; *Его же.* Идеал Ивашки Пересветова // ЗС. 1996. №6. С. 80–92; *Его же.* Категории... С. 225–228, цит. со с. 227. Концепция А.Л. Юрганова поддержана с исходных точек зрения А.В. Каравашкиным, А.В. Антоновым, В. Бочеком, Й.П. Мурешаном.

торых подробно излагалась многовековая история "Греческого царства". Он вряд ли мог удовольствоваться объяснением публициста, так как ему, несомненно, было известно, что император Константин XI вступил на престол взрослым человеком, а отец Мехмеда II ("Магмет-салтана") Мурад II был не морским разбойником, а могущественным правителем»[42]. И хотя царь мог читать сочинения своего тезки, элементарные ошибки автора «большой челобитной» в изложении византийской истории свидетельствуют, по мнению Б.Н. Флори, о его слабой образованности. Неясно, впрочем, являются ли фактические ошибки, допущенные «воинником» при переработке повести XV в., именно ошибками или это следы его авторской аллегорической интерпретации прошлого. И почему никак не прокомментированы ссылки И.С. Пересветова на споры европейских докторов? Неужели неграмотный воин только для красного словца вспомнил, что наслышан об этих спорах?

В отличие от многих исследователей, ищущих связь между деятельностью царя Ивана и проектами реформ, британский историк Изабель де Мадарьяга убеждена, что И.С. Пересветов не оказал влияния на политику конца 1540-х — 1550-х гг. и не играл приписываемой ему в историографии роли в консолидации русского дворянства. Этот тезис прозвучал не менее спорно, поскольку в его основе несколько недоказанных посылок. Среди них — тезисы о том, что Иван Пересветов родился и вырос в Великом княжестве Литовском (заявленный и в книге Б.Н. Флори как данность), приехал в Российское государство впервые в регентство Елены Глинской и не имел связей с местными боярскими кланами и дворянством. Не доказано и утверждение И. де Мадарьяги о том, что свою челобитную Иван Семенович подал на «соборе примирения» (1549 г.)[43].

Многолетнее исследование взглядов И.С. Пересветова так и не привело к согласию. Ивану Пересветову суждено было растаять в тумане догадок, откуда он выплывал время от времени то в царском облачении, то в костюме простого воина-недоучки. В нем видят и верного царского холопа, и критика российского государственного устройства, и сторонника дворянской монархии. Он — и предвестник, даже идеолог в равной мере реформ Избранной рады и Опричнины. Он — и еретик, и христианин-исламофил, и православный богослов. Он — и публицист, испытавший европейское, а в частности южнославянское, румынское, польское, турецкое, греческое влияние, и — местный самородок, московский мыслитель, вполотивший религиозные и политико-правовые представления сугубо московских интеллектуальных кругов. Конечно, ничто не мешает соединять эти тезисы между собой, и в ряде случае именно так и создавались обобщающие интерпретации. В наши дни главные усилия на пути к установлению личности автора Сборника Пересветова предпринимаются исследователями, стремящимися понять, как реформаторские идеи Пересветова связаны с событиями и кругозором того времени, к которому относятся его сочинения, и что общего между его идеями и идеями его ближайших современников. На этом пути главная трудность — у нас нет мотивационных портретов, развернутых идеологических концепций современников Ивана Семеновича. Его так же трудно приписать какому-то «направлению», как и выцедить из его трудов учение и приписать к нему кого-то из его современников. Скрывался ли кто-то за его именем или, наоборот, его учение выражало чьи-то «интересы» и «взгляды», зависит от того, как мы трактуем его взгляды и как понимаем воззрения его современников на общество и историю во всей динамике и противоречивости этих воззрений.

Мы попытаемся ответить на вопрос об идентичности Ивана Семеновича Пересветова в два приема, изучая обособленно его европейскую и московскую биографии. Затем мы попытаемся соединить обнаруженные следы. Их соединение между собой потребует отдельного усилия. В целом степень точности ответов для каждого из этих трех направлений работы может оказаться различной.

Иван Москвитин

Когда заходит речь о контексте возникновения Сборника Пересветова, обращают внимание обычно на его биографию и проект государственных преобразований. В целом не вызывает разногласий тезис о том, что разорившийся дворянин (сын боярский) подал свои челобитья на заре царствования Ивана Грозного. Как отмечал А.А. Зимин, проекты И.С. Пересветова были вызваны насущными потребностями Российского государства в реформах и написаны самим этим неординарным служилым человеком в обстановке, когда правительство А.Ф. Адашева уже начало их проведение во внутренней и внешней

[42] *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009. С. 125.

[43] *Madariaga I. de.* Ivan the Terrible. First Tsar of Russia. New Haven; London, 2005. P. 31–32, 44–45, 87–90.

нолитике[44]. Большая и Малая челобитные составлены в конце 1549 г., а остальные сочинения Пересветова — не ранее конца 1547 г. и, вероятно, также около конца 1549 г.[45]

Однако в автобиографии из Сборника в дошедшем до нас виде сохранилась предыстория ученого воина, его заграничная служба, в которой тема роста и надения имнерий снлетена с интересом к книжности, учености, образованию. Это не могло не отразиться и на самом нроекте, и на проекте реформ. Как и в какой мере?

Иван говорит о своем нроисхождении от Пересвета и наноминает царю в Большой челобитной о службах Пересвета и Осляби — «своих нращур и нрадед, как служили верно государем руским великим князем»[46]. Как отмечает М. А. Юсим, ссылка на происхождение от Пересвета заставляет отнестись к фамильному прозвищу «Пересветов» но меньшей мере настороженно: оно могло быть нсевдонимом[47]. Или — фактом родовой намяти, не обязательно отражающей действительность официальных номинаций. Вонрос о нроисхождении Пересветовых нересмотрен А. В. Кузьминым. Никакого Семена в двух-трех нокoлениях второй ноловины XV — начала XVI в. в известной дворянской семье Пересветовых не было, как не было и Иванов среди Пересветовых — современников Ивана Семеновича[48]. Это очень странно, даже если, как и в других фамилиях, у них в роду было принято называть детей двумя именами. Однако значит ли этот факт, что перед нами нольско-литовская ветвь рода?

Говоря о литовском нроисхождении Пересветова, обычно имеют в виду его слова о том, что он «нриезжий» и что он «выехал»: «А яз на то же выехал, холон твой, на твое имя царево во всем тебе, господарю, верно служити, сколко Бог номожет»[49]. Эти высказывания не содержат никаких данных о том, где Пересветов родился и начинал службу. «Выехал... на твое имя» — как в Великом княжестве Литовском, так и в Москве означало, что на момент выезда шляхтич служил другому господарю. В силе остается точка зрения Ю. А. Яворского, выраженная в сомнениях и вонросах: «Не то он московско-русский дворянин, нредки которого "служили верно государем руским великим князем", ушедший в юности на военный нромысел в чужие края и возвратившийся затем снова на родину, не то уроженец Западной Руси — "выезжей из Литвы", русский но национальности, но "дворянин нольского короля". Или, может быть, это нротиворечие объясняется таким образом, что уже его родители эмигрировали в Литву?»[50] Литературный талант нисателя, его безупречное владение московским русским языком, несмотря на отдельные рутенские заимствования, оставляют весьма вероятной именно нервую версию из предложенных Ю. А. Яворским. По крайней мере, ничем не нодтверждено нредноложение А. А. Зимина: «Судя но тому, что сочинения его написаны на прекрасном русском языке лишь с некоторыми следами нольской лексики, Пересветов нроисходил из русских земель, захваченных литовскими феодалами»[51]. Почему? Вывод и аргумент связаны между собой только благодаря словам о выезде на службу Ивана IV. Как уже сказано, эта связь эфемерна. Регионы, в которых в XV–XVII вв. бытовала фамилия «Пересветов», разбросаны но широкой территории. Среди них Брянск, Алексин, Дмитров, Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Москва, Новгород, Вильно, Минск, Браслав. И нигде так и не обнаружились ни сам Иван, ни его отец. Предноложение о «занаднорусских корнях» не нашло обоснования[52].

Согласно Малой челобитной, Пересветов нриехал с королевской службы в Москву и 11 лет не мог добиться новышения: «Коли есми выехал на твое имя государево и вывезл есми образец тое службы к тобе, к государю; и тот образец службы моея нред тобою, государем, клали»[53]. Тогда нутешественник нредложил великому князю и его советникам вооружить воинов высоким щитом для ведения боя конно и нешо, в лагере и на нодступах к водной преграде[54]. За Пересветова нечаловался Ивану IV М. Ю. Захарьин, нроект гу-

[44] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 339–405.

[45] Там же. С. 268–272.

[46] СП. С. 171; БЛДР. Т. 9. С. 434. А. А. Зимин критикует рассказ Пересветова и считает, что автор не называет Пересвета своим предком, а считает его и Ослябю своими предшественниками. Это возможно, но это не исключает версию о московском происхождении Пересветова. См.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 301–302.

[47] *Юсим М. А.* «Мудрость царева»... С. 54–55.

[48] *Кузьмин А. В.* Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. ст.: В 2 т. Т. 2. История, этнография, искусствоведение. Тула, 2002. С. 5–29.

[49] СП. С. 171; БЛДР. Т. 9. С. 434.

[50] *Яворский Ю. А.* К вопросу... Киев, 1908. С. 16.

[51] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 301, 312–313.

[52] Ср.: Там же. С. 301–308.

[53] СП. С. 163; БЛДР. Т. 9. С. 428.

[54] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 325–328.

сарского щита был принят, однако, когда около 16 октября 1539 г. Захарьин умер, интерес к Пересветову пропал: «И та, господарь, служба моя задлялася. Как тобе, господарю, надобеть ли службишко мое?»[55] Добившись к 1548–1549 гг. вновь внимания к себе, Иван Семенович предлагает создать отряд в 300 гусаров по венгерскому и польскому образцу[56]. Ренатриант вспоминает свой заграничный опыт и не скрывает восхищения: «Служил есми, господарь, у угорского короля Въянуша, на Гусыни [Гусины] граде службу дворянскую на шесть коней, а имал есми, господарь, на всякий конь по 7 [семи] золотых на 12 [двенатцать] недель. А был есми, господарь, там 3 [три] годы в полку с Федриком с Сонежничим [Сонежничиком]: было, господарь, нас 300 [триста] дворян королевских, короля полскаго, а ездили есмя служити [*нет*] с королевскаго ведома [ведомо] к угорскому королю. И [А] яз, господарь, те щиты видел там гусарския с образца с макидонскаго»[57]. Это первое известное нам автобиографическое описание службы королевского дворянина московского происхождения во владениях Ягеллонов и в целом в Европе. Тем важнее сравнить его со всем, что нам известно о других московитах, служивших в то время польскому королю.

Прежде всего как раз в 1520-е гг. происходят серьезные перемены в организации польского войска. К их числу относится появление особой прослойки воинов — королевских дворян-наемников («дворан на ненязех»). Сигизмунд I нанимал их для защиты замков и других особых поручений. Оплачивалась их служба из королевской казны с таких налогов, как «серебщизна» и «погловне». Еще в 1520 г. Панове рада Великого княжества Литовского предлагали господарю изымать деньги на наемников в форме налога с тех шляхтичей, которые сами отказываются от несения службы[58].

Московит по происхождению в многоликой массе профессиональных военных ничем не отличался от местного шляхтича. «Шесть коней» Пересветова — нередкая, но сравнительно высокая цифра, которую можно встретить в подразделении («почте») польского шляхтича («товарища»). Срок службы — 12 недель, за которые наемник получает 7 зл. на каждого коня. Эти данные позволяют лучше представить условия пограничной службы, о которых известно по реестрам Архива войсковой казны Короны Польской и служебно-смотровым спискам дворян («описам»)[59]. Поскольку Иван называет себя дворянином Сигизмунда I, мы должны поставить вопрос о том, кем из лиц, получавших жалование за королевскую службу, мог быть этот воин.

Хронологические подробности службы Пересветова за пределами России не подтверждены европейскими источниками, но выглядят правдоподобно[60]. Он проводит с конца 1528 или начала 1529 г. три года «у угорского короля» Яна Занольяи «на Гусине граде», или в «Бузыне» — в Буде. Затем Пересветов служит в роте Фредерика-Федора Ивановича Санеги — в числе 300 дворян Сигизмунда I. Еще потом — три года «с ведомо полского короля» на 7 конях и с тем же жалованием Фердинанду I Габсбургу в числе 500 королевских дворян во главе с Андреем Тенчинским. Прямые упоминания московитов на службе Ф. И. Санеги науке неизвестны[61].

В реестре выплат за русскую и подольскую службу во Львове 27 сентября 1537 г. каштелян поланецкий Андрей Тенчинский выступает во главе 200 конников с самым большим суммарным жалованьем в 626 зл. 20 гр. (равным

[55] СП. С. 163; БЛДР. Т. 9. С. 428. Дату смерти М. Ю. Захарьина приводим по: *Назаров В.Д.* Захарьины-Кошкины // БРЭ. М., 2008. Т. 10. С. 302.

[56] Гусары представляли в польском войске «тяжелую» конницу. Идея мобильной конницы, высказанная Пересветовым, на наш взгляд, не связана напрямую с македонскими щитами. Об этом см. ниже. Ср. комментарий Я. С. Лурье к этому месту: СП. С. 299. Примеч. в–в; БЛДР. Т. 9. С. 556. Примеч. к стр. 428.

[57] СП. С. 164; БЛДР. Т. 9. С. 430.

[58] *Lesmaitis G.* Wojsko zaciężne w Wielkim Księstwie Litewskim w końcu XV — drugiej połowie XVI wieku / tłum. pol. B. Piasecka. Warszawa, 2013. S. 47, 51, 138–140.

[59] Ibid. S. 110, 116–117.

[60] *Philipp W.* Ivan Peresvetov... S. 5–7. В. Филипп относит начало службы Пересветова у Занольяи к осени 1529 г. Предположение В. Филиппа о молдавской службе Пересветова между венгерской и имперской подвергнуто критике Я. С. Лурье и А. А. Зиминым. Это сдвинуло периодизацию его биографии до приезда в Россию. Ср.: *Зимин А.А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 317–324.

[61] А. А. Зимин высказал предположение, что Иваном Пересветовым мог быть судившийся с Ф. И. Санегой Иван Есманович (Eismanowicz), который отнял у Санеги в 1533 г. 100 дворов (*Зимин А.А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 319. Примеч. 160). М. А. Юсим отмечает, что «разночтение в именах, а также неплохое имущественное положение Пересветова в этот момент» позволяют «усомниться в тождестве этих двух лиц» (*Юсим М.А.* Макиавелли: Мораль, политика, фортуна: Этика Макиавелли. Макиавелли в России. М., 2011. С. 240). Впрочем, в другой своей работе М. А. Юсим отмечает, что имя Пересветова — скорее псевдоним, а об имущественном положении Пересветова можно судить из его работы только на момент выезда в Россию. Сведения об имущественном положении, числе коней и жаловании воина на королевской службе неполны.

жалованию рот Альберта Стажеховского и старосты белзского Миколая Сенявского). Тяжелые конники (16 чел.) получили по 5 зл., легкие — по 3 зл.[62] Это было меньше тех выплат, о которых пишет И.С. Пересветов, но тот характеризует свои доходы как весьма значительные и считает возможным похвалиться ими даже в Москве. В том же Львовском реестре числится рота Матея Влодека на 150 конников (12 тяжелых и 138 легких) и рота Андрея Трояновского на 100 конников (8 тяжелых и 92 легких)[63]. Как мы сейчас убедимся, один из воинов в ротах Трояновского в конце 1520-х гг. и Влодека в 1530-е гг. — Иван Москвитин.

Мы ничего не знаем о московитах, которые служили в ротах Санеги и Тенчинского. Однако королевские дворяне московского происхождения регулярно отправлялись на службу в Подолии Короны Польской для охраны границ от татар. В реестрах Архива войсковой казны Варшавского главного архива древних актов встречается московит по имени Иван. По всей видимости, во всех упоминаниях — это одно лицо, иначе казначеям пришлось бы различать выплаты. Он выступал на службу в Русском воеводстве и Подолии в период с 1527 по 1538 г. и последний раз упомянут как получивший 20 золотых за службу с 2 конниками в реестре 1538 г.[64]

Эти цифры сходны с тем, что пишет о себе Пересветов: 7 золотых за каждого коня. Как показывает еще один пример московита на польской королевской службе в Трансильвании, Владимира Семеновича Заболоцкого, выезд из Трансильвании в Польшу или Литву не вызывал затруднений. В 1563 г. Сигизмунд II в специальном письме попросил Заболоцкого покинуть венгерскую службу и отправиться на войну с Москвой[65]. Так что и переход Ивана с 12-недельной службы Запольяи на подольскую службу под командование польских ротмистров не представлял бы трудностей. И показательны хронологические рубежи. Иван исчезает из польских источников как раз в том году, когда, предположительно, он появляется в Москве (около 1538 — начала 1539 г.)[66].

В Малой челобитной Пересветов упоминает службы только трем монархам — Сигизмунду I, Яну Запольяи и Фердинанду I. Однако этим его служба не исчерпывалась. Как уже давно замечено, Большая челобитная неоднократно обращается к «волоскому воеводе» Петру IV Рареш, у которого Пересветов провел 5 месяцев в Сучаве[67]. Воевода никак не упомянут в Малой челобитной, видимо, потому что в Малой челобитной Иван противопоставлял свои московские беды европейской службе, и к Петру IV он не считал возможным применить выражение «службы богатыя».

Согласно записи писца в сборнике 1753 г. из собрания Ю.А. Яворского, И.С. Пересветов побывал также в Греции и привез оттуда «Александрию», а возможно, и другие «книжки»[68]. В любом случае, в Малой челобитной перечислены лишь некоторые из приключений Пересветова, и можно предположить, что его будничные подольские службы не заслужили его упоминания наряду с какими-то еще.

---

[62] ASK-1. N 80b. K. 10.

[63] ASK-1. N 80b. K. 11–11v, 29v, 38, 41v, 52v, 53v.

[64] Служит в Подолии в роте Андрея Трояновского на 5 конях в 1527 г. (ASW 85. 15. K. 4v). На 4 конях в том же году и, вероятно, в 1531 г. (ASW 85. 15. K. 96). На 5 конях в 1528 г. (ASW 85. 17. K. 119). В 1528 г. в роте Николая Хороншича на 1 коне (ASW 85. 16. K. 8v; 17. K. 38v). В роте Матея Влодека в 1531 г. на 6 конях принял участие в битве под Обертином (ASW 85. 19. K. 34–34v). В 1532 г. в той же роте на 2 конях, затем на 6 (ASW 85. 20. Cz. VII. K. 7v; 21. K. 27–27v; 22. K. 96v). В 1533–1534 гг. — на 5 (ASW 85. 24. K. 47; 25. K. 23v). В 1535 г. — на 2, затем на 5 (ASW 85. 26. K. 16, 72). В 1536 г. — на 7 (ASW 85. 27. K. 44–44v). В 1537–1538 гг. — на 4 (ASW 85. 28. K. 29–29v; 31. K. 37). В 1538 г. получает 20 зл. на 2 коня (ASW 85. 34. K. 14).

[65] Об этом подробнее см. в главе «Последний день Владимира Заболоцкого».

[66] Точка зрения Я.С. Лурье о приезде Пересветова в Москву в 1534–1535 гг. опровергнута А.А. Зиминым: Сочинения И.С. Пересветова. С. 313, 316; ср.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 268. Примеч. 129; С. 314. Ремарки Лурье в ответ Зимину построены на обсуждении того, от какого события «минуло 11 лет» до подачи Пересветовым челобитий царю — от приезда в Россию или от первой встречи с великим князем, на которой ему были поданы какие-то предшествующие сочинения, «речи и дела»: *Лурье Я.С.* Рец. на кн.: *А.А. Зимин.* И.С. Пересветов и его современники... // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1959. Т. 18. Вып. 5. С. 452–453.

[67] Согласно В. Филиппу, Пересветов направился к Рареш в 1532 г. в посольстве венгерского короля или в помощь для подавления восстания Гритти в Трансильвании (*Philipp W.* Ivan Peresvetov... S. 5–6). Я.С. Лурье считал более вероятным, что Пересветов поехал к Рареш «из Угр» не после службы Запольяи, а после имперской службы, и после пятимесячного пребывания у воеводы направился в Москву (СП. С. 315–316). С этими предположениями не согласился А.А. Зимин (*Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 313–314). А.И. Рогов относил молдавский период Пересветова к концу 1534 — началу 1535 г. и считал Ивана русским послом при Сучавском дворе (*Рогов А.И.* Основные проблемы изучения культурных взаимосвязей России с Дунайскими княжествами в XV–XVII вв. // Балканские исследования. М., 1984. Вып. 9. С. 296).

[68] *Яворский Ю.А.* К вопросу... Киев, 1908. С. 17, 23–24, см. также Приложение.

Как воин-наемник, Пересветов совершил свободный выбор и покинул «королевския службы богатыя», на которых заработал денег и набрал трофеев: «И оставя яз тамо дворянскую службу, выехал есми на твое имя царево, слышавше от многих мудрецов, что быти тебе, государю, великому царю по небесному знамению. И ты был, государь, своим царским жалованием, поместьем, пожаловал меня, холопа своего, гораздо. А с собою собинки вывезл есми гораздо же»[69]. Почему Пересветов решился поменять господаря? Возможно, он был приглашен в Москву, от лица Захарьина или другого придворного и счел выгодными условия своего перехода на великокняжескую службу. Сомнительно, чтобы после Стародубской войны королевский дворянин решился отправиться в Москву, не подготовив для этого почву[70].

Однако возможна и другая интерпретация событий. Вспомним Ивана Москвитина на службе Н. Хоронщича и М. Влодека. Этот Иван — шляхтич, он служит в числе других шляхтичей ("nobilium militum") и упоминается в польско-литовских источниках в последний раз в реестре 17 рот, составленном на Петрковском сейме в начале 1538 г. перед походом против Петра IV Рареша (в реестре занисано 17 ротмистров, 800 воинов во главе с 58 товарищами). В битве на р. Серет 1 февраля 1538 г. польское войско потерпело поражение[71]. Столкновению предшествовали взаимные упреки и недружественные жесты. По словам Петра Рареша, король Сигизмунд II унизил его посольство в Вильно, а на Волыни урядники князей Федора Михайловича и Дмитрия Ивановича Вишневецких напали на послов, убили их и отобрали воз с соболиными и беличьими шкурами и двумя белозорами, привезенными из Москвы на выплату дани турецкому султану. Тогда воевода задержал у себя королевского посла и потребовал от Сигизмунда I компенсации московских даров и покупок, а также суда над убийцами своих представителей[72].

Единственным ротмистром, попавшим в плен, был Матей Влодек, в роте которого служил товарищем тот самый шляхтич Иван Москвитин[73]. В реестрах королевской казны за 1537–1538 гг. после уже упомянутого нами Львовского реестра воинов сохранился список убытков королевских ротмистров в битве в Чернокозинице ("in conflictu Czarnokozinycey"). В роте М. Влодека среди пострадавших "Iwan Moskwiczin" ("Iwan Moskwicz"), его потери — 2 панциря, 2 шлема. Две строки выплат компенсаций отведено в особом реестре под его именем. Иван и его слуга получили по 7 зл.[74]

И в самом конфликте короля с Петром Рареш, и в последующих спорах о размене пленными активно участвовал турецкий султан. По словам Сулеймана Великолепного, для раздела границ между владениями Османской империи и короля у Очакова должны были отправиться навстречу друг другу силистрийский санджак-бей («сенджяк») и «один капитан» от короля. Этим капитаном был староста каменецкий М. Влодек. Видимо, это его ждали у Очакова, и его рота подверглась нападению валахов[75]. Со старостой каменецким Рареш имел свои счеты. Постоянно происходили пограничные стычки между людьми воеводы и старосты, и староста

[69] СП. С. 164. Нельзя согласиться с А.А. Зиминым, когда он пишет, что служба Пересветова Сигизмунду I «не принесла ему ни славы, ни довольства». См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 323. Говоря о «королевских службах», челобитчик подразумевал свою службу Сигизмунду I. Все его миссии в Европе не отстраняли его от службы польскому королю.

[70] А.А. Зимин видит в этом отъезде одно из «проявлений той тяги к Москве, которую испытывали русские люди, находившиеся под игом польско-литовских панов». См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 325. Это истолкование неприемлемо, оно и звучит не как следствие из аргументов, а как идеологически предписанная интерпретация. Фактически же нет оснований считать, что «тяга» в Россию была массовым явлением в Польше и Литве. Преувеличением является и тезис о польско-литовском «иге» в русских землях, подвластных господарям литовским и королям польским.

[71] *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne. Lwów, 1936. S. 256.

[72] BCz. TN. Rkps 57. S. 897–902 (N 214). То же: BJ. Akcesja. N 4/52. K. 65v–66v (здесь же на л. 67 — 67 об. выписка из кременецких замковых книг о расследовании столкновений между литвинами и валахами). То же: BCz. TN. Rkps 63. S. 497–501 (№ 116. 1546 г. Петр Валашский — Сигизмунду I Старому), 569–574 (№ 133, 134. Послание Петра IV Рареша Сигизмунду I Старому и выписка из кременецких замковых книг).

[73] BCz. TN. Rkps 56. S. 14 (№ 3. 1 февраля 1538 г.).

[74] ASK-1. № 80b. K. 41v–42, 53v.

[75] BCz. TN. Rkps 56. S. 1066–1067 (№ 240. Месяц Илкаде 949 г. мусульманской эры. 1539 г. от Р.Х. Сулейман Великолепный — Сигизмунду I Старому. Копия 22 октября 1785 г. польского перевода на бумаге 1642 г. из Королевского архива). Продолжение дела о разграничении владений между Великим княжеством Литовским и Османской империей: BCz. TN. Rkps 59. S. 319–324 (№ 83. Константинополь, май 1542 г. Сулейман Великолепный — санджаку силистрийскому Осману и др.), 375–376 (№ 88. Июнь–июль 1542 г. Legatio ad Caesarem Turcarum a Sigismundo Regi Poloniae Jacobo Wilamowski data), 377–382 (№ 89. 20 июля 1542 г. Сигизмунд I Старый — санджаку силистрийскому Осману), 391–392 (№ 92. 21 июля 1542 г. Сигизмунд I Старый — санджаку силистрийскому Осману) и др.

всё время отказывался от совместных судов и наказания виновников. Подозревал его Рареш и в тайных контактах с турецким султаном против Валахии и даже против короля Сигизмунда. Дошло даже до взаимных обвинений в ньянстве[76].

В мае 1538 г. в Стамбул направилось посольство Сигизмунда I Старого во главе с каштеляном брестским Эразмом Кретковским[77]. Отдельным пунктом в инструкции посольству был призыв содействовать освобождению из валашского плена Влодека и его подчиненных-товарищей. Король просил султана Сулеймана забрать пленных в Стамбул[78]. Однако основной упор делался на объявление войны Петру Рарешу одновременно Османской империей и Короной Польской. В сентябре турецкая армия во главе с самим султаном вторглась в Молдавию. На востоке и севере на Петра Рареша надвигались татары и польские войска[79]. В своем ответном послании Сулейман не упоминает вопрос о плен-

[76] BCz. TN. Rkps 59. S. 366–367 (№ 87. Июнь–июль 1542 г. Legatio a Petro Voevoda Valachiae ad Sigismundum I Regem Poloniae). Позднее, уже после освобождения из плена, Влодек вновь становится мишенью для выпадов волошской дипломатии и остается ею и при сыне Петра Рареша Илье. Живущие в Каменце подданные господаря не могли дождаться от него судебных решений. А пока он ездил по своим дворам, всем заправлял его подстаростий, которого в Валахии считали «злодеем» и «лотром». См.: BCz. TN. Rkps 63. S. 554 (№ 129. 1546 г. Legatio ab Elia Palatino Valachiae ad Sigismundum 1-mum Regem Poloniae Hac obivit Abraham Banilowski 1546).

[77] *Wojciechowski Z.* Zygmunt Stary (1506–1548). 2-e wyd. / opracował i wstępem poprzedził A. F. Grabski. Warszawa, 1979. S. 378–379; *Dziubiński A.* Stosunki dyplomatyczne polsko-tureckie w latach 1500–1572 w kontekście międzynarodowym. Wrocław, 2005. S. 118.

[78] BCz. TN. Rkps 56. S. 148–149, 155 (№ 18. 7 мая 1538 г.): "Praeterrea cum proxime impetum fecisset Valachus in terram S. M-t-tis Regiae, forte tum excubias agebat subditus eius M-t-tis Włodek Eqvestri loco natus, cum aliis nonullis hominibus S. M-t-tis Regiae incidit in eam Exercitus partem, quae fuit ex Thurcis collecta, capti sunt nonulli, et ipse Włodek comprehensus. Rogat Sacra M-t-tas Regia Caes- Celsitudinem V-ram, ut Valacho mandet, quo Włodek ad se mittat, una cum aliis eius Comitib- captis, eisq- cum minimo iusto bello capti sunt postliminio ad suos revertendi potestatem faciat. Ita et foederibus quae icta sunt cum Sacra Regia M-t-te- et Cels- Caesar- V-ra- satisfaciet, et Regiae M-t-ti Domino meo plurimum isto justissimo facto gratificabitur... De Włodek etiam diligenter rogabis Ill-t- Do- Aiasbassam, ut cum comitibus suis a Valacho per Caes- Cel- liberetur, et nobis mittat. Nam a Turcis captus est, quos illic permisit. Hali Voievodae militasse contra nos dices et captum Turcum a nobis in testimonium eius rei illi dono dabis".

[79] Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества: (последняя треть XIV — начало XIX в.) / отв. ред. Д. М. Драгнев. Кишинев, 1987. С. 125–126 (автор — Г. В. Гонца).

ных и объявляет королю о начале похода против Валахии[80]. За 22 июня – 15 сентября 1538 г. Архив королевской казны донес до нас поименный список денежных вознаграждений конных и пеших воинов, выступивших против молдавского господаря, а также выплат на укрепление Львова и Хотина[81]. В сентябре–ноябре 1538 г. в Кракове шли переговоры с московским и валашским посольствами[82]. К середине сентября исход битвы за Валахию был решен. Визири прислали королю сообщение, что Петр Валашский сбежал, и призвали короля Сигизмунда, если Петр окажется в его землях, прислать его живым или мертвым к султану[83].

О местонахождении воеводы Петра после вступления турецкого войска в Валахию ходили различные слухи, пока не стало известно, что он принят королем Яном II Заполяи в Венгерском королевстве[84]. Еще до решающего столкновения валашского правителя с объединенными силами Турции, Крыма и Короны Польской «валахи из воеводства Валахии» неоднократно упоминаются в числе пожалованных из королевской казны: "Petrilo Valacho captivo 3 fl.", "Captivis Valachis 2 fl.", "Valacho palatinidi Valachie 2 fl.", "Valachis tribus 3 fl."[85]. Возможно, знатные валашские воины, спасаясь от турецких войск, оказались на какое-то время почетными изгнанниками или пленными при дворе короля Сигизмунда I Старого.

Пленение королевского старосты, следовательно, не могло продлиться долго. Вскоре королевский дворянин староста каменецкий М. Влодек вновь появляется на службе Сигизмунда I. В выплатах королевской казны за 1538 г. об-

[80] BCz. TN. Rkps 56. S. 181–184 (№ 23. Адрианополь, июнь 945 г. мусульманской эры. 1538 г. от Р.Х. Копия 12 декабря 1785 г. польского перевода грамоты из Коронной Метрики).

[81] ASK-1. N 93. K. 2–58.

[82] ASK-1. N 92. K. 68–80.

[83] BCz. TN. Rkps 56. S. 241–242 (№ 35. Сучава, 18 сентября 1538 г. Копия 24 сентября 1785 г. с польского перевода с валашского перевода на бумаге из Королевского архива).

[84] BCz. TN. Rkps 56. S. 257 (№ 37. Октябрь 1538 г. Станислав Гурский — секретарю королевы Боны Яницию Клементу): "Is [Woiewoda Valachus — *К.Е.*] Turcos esse ratus, relictis thesauris et omni supellectili praetiosa quam secum ferebat, cum uxore tantum et quinque comitibus ex dominio suo fugit, quem plerique antequam res cognita fuisset, aiebant in Moscoviam fugisse, alii in Tartariam".

[85] ASK-1. N 92. K. 19, 20, 22, 31 et al., то же: ASK-1. N 94. K. 16, 17. Выплата Петриле датирована 7 ноября ("feria quarta ante festum sancti Martini"). При этом указано, что он отправлен в Валахию ("remisso in Valachiam"). См. также: ASK-1. N 311/311. K. 31v, 35v, 124v, 125, 126.

наруживаются в одном ряду небольшие суммы за пленных валахов. На М. Влодека по этому реестру 16 ноября выделялось в общей сложности 140 зл.[86] Возможно, эта документация отражает траты на выкуп и размен пленниками. Как бы то ни было, к середине ноября 1538 г. М. Влодек уже был, по всей видимости, вновь в Короне Польской. Примерно тогда же, во второй половине года на основе показаний самих воинов были составлены отчеты о потерях в битве 1 февраля и выплачены из казны компенсации.

Таким образом, в начале 1538 г. Иван, вероятно, оказался в плену у Петра Рареша. В плену шляхтич-московит из роты Влодека мог вести переговоры не только о своем выкупе, но и обо всех тех литературно-политических материях, которые были выражены в московской челобитной Ивашки Пересветова. Волошский воевода прилагал немалые усилия в 1536–1538 гг., чтобы поддерживать дружеские отношения с Москвой. Его посол Афендей-толмач, как передавали московскому боярскому совету, уговаривал Сахиб-Гирея направить удар против Литвы: «И шли бы на великого князя недруга, на короля, — и на моего»[87]. Плен королевского московита мог обернуться почетным приемом. Ирония судьбы: дипломатия и военная политика Петра Рареша, круто изменившая судьбу Ивана Москвитина, были направлены против усилий другого бывшего подданного великого князя московского — кн. Семена Бельского, который блокировал в Крыму попытки Сучавы и Москвы[88].

Польский король прилагал усилия, чтобы вызволить пленников. Если они оказались в том же году в руках турецких визирей, изгнавших Рареша из Сучавы, то, отвечая на просьбу союзного султану польского короля, им могли дать свободу. При этом позднее польская сторона не предъявляла претензий по своим пленным у Рареша. Наоборот, предметом споров стало задержание в королевских владениях слуг воеводы[89].

---

[86] ASK-1. №92. K. 19v, то же: ASK-1. №94. K. 16v. Выплата датирована 16 ноября ("feria quinta post festum s. Martini"). 100 зл. выплачивалось деньгами, еще на 40 зл. следовал подарок в виде ткани.

[87] РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Д. 8. Л. 280 об. — 281.

[88] Об этом см. главу «Между эмиграцией и троном».

[89] BCz. TN. Rkps 57. S. 29–30 (№11. Январь 1542 г. Копия 1780-х гг. под указанной датой по ошибке попала в том с документами за 1540 г. между актами за 18 января и 1 февраля 1540 г.); Rkps 59. S. 61–62 (№15. 20 января 1542 г.), 79–81 (№19. 1 февраля 1542 г. Legatio ad Voievodam Valachiae data Mathiae Włodek Capitaneo Camenecensi). Воевода бельский Миколай Сеявский на переговорах с представителем воеводы валашского Абрамом упоминает также дело шляхтича Сенко, которого воевода валашский считал виновным, а король считал своим подданным ("dziedzic a poddani Jego Krolewskiey M-ci"). Король отказывался его выдать в Валахию и объявлял о проведении суда над ним при участии короля и советников-рад, как это сделал бы и воевода валашский, если бы к нему сбежали выходцы из владений Сигизмунда I или иных соседей ("tak iako tez J. Mc Pan Wojewoda karze takie, ktorzy uciekaią do ziemi Jego od nas abo od inszych sąsiad w ziemi swey, a nie wydawa ich nikomu nazad"). М. Влодек должен был обсуждать жалобы пограничных с Валахией подданных короля на урядников и подданных валашского воеводы. А воевода продолжал жаловаться на несправедливость со стороны короля, который не выдавал захватчиков его казны Йордана и коморника Сенко (или Зенко). Впрочем, Влодек тут же пожаловался воеводе, что он не выдает подданных короля из своей земли ("Albowiem jako ty nie wydaiesz winowaycy z ziemie swey, takze Pan moy poddanych swych..."). Петр настаивает только на двух казусах, но называет помимо также пленных валахов, томящихся в Ольштине после битвы под Обертином 22 августа 1531 г. Впрочем, уже в том же году Петр Рареш призывает короля выдать перебежчиков из Валахии, которые содержатся у Б. Претвича, у старосты владимирского кн. Ф. М. Вишневецкого и в других местах ("y indziey po ziemi Waszey Jasnosci"). Король обещает, что перебежчики будут розысканы и выданы, а впредь король запретит у себя прятать подданных валашского воеводы. В спор вмешался султан Сулейман, потребовавший от короля отдать всех подданных Петра Рареша. Сенко был пойман во Львове, осужден в Польско-Литовском государстве и отправлен на несколько лет в тюрьму, а валашской казны при нем обнаружено не было, и поиск ее был продолжен. Все вещи, найденные при нем, т. е. мешочек аспр, саблю и т. п., король велел передать валашскому воеводе. Других подданных Петра Рареша в тюрьмах не было — этим ограничивался ответ на запросы воеводы. Сенко держали в тюрьме дольше, чем было положено по коронным законам, но он был отпущен. Это еще в 1545 г. вызывало протесты валашской стороны и требования о его выдаче в том же году. Однако на поверку оказалось, что всё вывезенное этим Сенко забрал староста каменецкий Искшицкий, а его потомки — в том числе Йордан — заплатили за его имущество послам воеводы валашского. См.: BCz. TN. Rkps 59. S. 367–368 (№87), 415–417 (№98. Около июля — августа 1542 г. Ответ на посольство волошского воеводы), 425–426 (№99. Константинополь, около июля — августа 1542 г. Сулейман Великолепный — Сигизмунду I Старому), 487–488 (№111. Около августа — сентября 1542 г. Петр Валашский — Сигизмунду I Старому), 772–773 (№186. 1542 г. Responsum datu- Nuntio Petri Voievodae Valachorum); Rkps 62. S. 145–146 (№37. 14 августа 1545 г. Instructio commissariis data ad conventum Valachien- pro die S. Ioannis institutum 1545), 412–414 (№99. 1545 г. Instructio data commissariis ad conventum Valachicum ad diem Sancti Joanis Baptistae institutum); Rkps 63. S. 474 (№111. Instructio a Sigismundo Primo Rege Poloniae, data Commissariis missis, ad Dictam cum Commissariis Voievodae Valachiae agendam in causa injuriarum finitimorum populorum), 506–507 (№117. 1546 г. Ответ послам волошского воеводы от Сигизмунда I на сейме в Кракове), 549 (№128. 1546 г. Instructio a

А поскольку в нашем распоряжении сохранились прямые свидетельства нахождения валашского воеводы при дворе Сигизмунда I Старого в 1538 г., и само задержание валахов при польском короле могло быть частью соглашения между королем и сдавшимся на его милость Петром Рарешом. Таким образом, более вероятным представляется сценарий, согласно которому шляхтич-московит Иван, как и его ротмистр М. Влодек, вернулся в Корону Польскую уже летом или в начале осени того же 1538 г. Это не противоречит свидетельству Ивана Пересветова, который в конце своей европейской службы провел в Сучаве 5 месяцев. Допуская идентичность шляхтича Ивана Москвитина, попавшего в плен к Петру Рарешу в битве на р. Серет, с Иваном Пересветовым, мы могли бы допустить и время возвращения пленников, возможно, вместе с самим воеводой Петром IV к польскому королю Сигизмунду. Это июнь — начало июля 1538 г.

К январю 1542 г. посольскую миссию из Великого княжества Литовского ожидал в Валахии вновь ставший воеводой Петр Рареш[90]. Однако староста каменецкий получил инструкцию о проведении переговоров только 1 февраля 1542 г., а отчет о переговорах составил в Светлую пятницу. К основному отчету присоединен небольшой отрывок из бесед с воеводой. Как и с И. Пересветовым, с Влодеком Рареш был очень разговорчив. Он комментировал свое в*и*дение событий трехлетней давности, призывал христианских правителей объединиться против Порты и тревожился, что, если они не заселят и не застроят Будзын (Буду) сами, то лучше его полностью разобрать и утопить в Дунае, иначе султан отстроит город заново и будет угрожать оттуда всему христианскому миру. Пересказал слух о самом после, будто бы Влодек собирается отдать Каменец султану Сулейману, упрекнул короля, что он платит «юргельт» татарам. А в заключение сказал с показным самоуничижением: «Называют меня козопасом и хлопом, а я тварь Божья, и Бог меня не покинет, а я могу пригодиться и христианским правителям, и его милости королю»[91].

Еще более яркая картина грозящей христианству катастрофы нарисована была воеводой Петром в инструкции посольству к королю Сигизмунду весной–летом 1542 г. Речь воеводы испещрена апокалиптическими метафорами. Султан разорил Молдавию, разрушили ворота, сломали и растоптали ключ к христианским землям. Бог покарал воеводу за его грехи, и он сравнивает себя с овцой, удавленной волком. А теперь султан правит в Буде, намерен захватить Каменец, Брацлав, Семиградье, прорваться к Чехии и Польше, захватить всю Венгрию и напасть на отдаленные христианские государства, чтобы уничтожить христианство. Король держит свои замки, как яблоко, но пусть подумает, трудно ли будет врагу взять это яблоко — и пойти дальше[92].

Порта поддерживала поиск и возвращение на родину пленных подданных Сигизмунда I. В 1540 г. Аяс-Баша сообщил послу короля Томашу Собоцкому, что всех пленных, захваченных белгородскими татарами, султан распорядился отпустить на свободу[93]. Действительно, в более поздней посольской документации Сигизмунда I и господарей Валахии никаких заявлений по поводу своих возможных подданных в плену у господарей польский король не делал.

Rege Sigismundo primo data commissariis missis ad dictam cum Commissariis Voievodae Valachorum agendam in causa injuriarum finitimorum populorum 1546), 560 (№132. Instructio a Rege Sigismundo Primo data commissariis Woiewodae Volochorum agendam in causa injuriarum finitimorum populorum. 1546); Rkps 65. S. 185–186 (№51. 15 сентября 1547 г. Responsum a Rege Sigismundo Primo Rege Poloniae datum Nuntiis Eliae Palatini Valachiae Petro Kirkowicz Capitaneo in Niemerz et Burlo Capitan in Szeptice 1547), 319 (№91. 1547 г. Responsum a Sigismundo Primo Rege Poloniae datum Nunciis Voievodae Valachiae Eliae Petro Kirtewicz Cap-no in Niemierz et Burlo Capitaneo in Septicze). Номеру 37 в BCz-62 соответствует: BJ. Akcesja. №4/52. K. 30. Разделение владений в 1546 г. в польской копии см.: BJ. Akcesja. №4/52. K. 68v–70v.

[90] Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества... С. 132–134 (автор — Г. В. Гонца).

[91] BCz. TN. Rkps 59. S. 263 271 (№69. Бучиева, Апрель, Пасхальная пятница 1542 г. Mathias Włodek Capitaneus Camenecensis Sigismundo I Regi Poloniae), 273 (№70. Baclovia, Remis Palmarum, Апрель 1542 г. Петр Валашский — Сигизмунду I Старому). Цит. на с. 271: "Zowią mie kozopasem a Chłopem, a wszakoz ja iestem stworzeniem Bozym owoz tez Bog mnie nie opusci nad inne, ze mogę bydz godnym Panem Chrzescianskim y Krolowi Jegomosci".

[92] BCz. TN. Rkps 59. S. 358–361 (№87).

[93] Король должен был при этом компенсировать потери, понесенные белгородскими татарами во время нападения на них роты Бернарда Претвича по дороге в Каффу. См.: BCz. TN. Rkps 57. S. 847 (№202. 1540 г. Responsum quod Sobocki Sigismundo primo regi Poloniae a Turca attulit. 1540), 857–858 (№206. Сулейман Великолепный — Сигизмунду I Старому. 954 г. мусульманской эры. 1540 г. от Р. Х. Копия 1780-х гг. с польского перевода из Коронного архива), 862–872 (Страницы 862, 871 и 872. Сбой в пагинации. №207. Сулейман Великолепный — Сигизмунду I Старому. Месяц зильхаде 949 г. мусульманской эры. 1540 г. от Р. Х. Польский перевод с турецкого оригинала на бумаге из Коронного архива, 26 ноября 1785 г.), 881–882 (№209. Сулейман Великолепный — Сигизмунду I Старому. Адрианополь, 1540 г.), 921 (№219. 1540 г. Responsum hoc a Turco Sobocki attulit. То же, что и №202).

Если Иван Пересветов вернулся из Сучавы в Краков, у него было время, чтобы устроить свои дела, продать имущество, забрать свою «собинку» и получить разрешение на возвращение в Москву. Перемирие между Сигизмундом I и Иваном IV облегчало эту задачу. Нельзя исключать возможность того, что Иван отправился в Москву, воспользовавшись побегом Рареша. С другой стороны, Иван и другие пленники могли быть захвачены турецким войском и, как и просил султана посол польского короля Э. Кретковский, направлены в Османскую империю. Это был подходящий момент, чтобы в его распоряжении оказались христианские книги, в том числе «Александрия». Много версий, здесь мы бессильны найти лучшую.

Православная республика

Воин стремился к спокойной жизни и выбрал Москву. Оказавшись там, Иван Пересветов, как «приезжий человек», почувствовал на себе косые взгляды и вскоре был окружен «недругами». После того как умер его благодетель, поместье «от великих людей от обиды нарядили пусто», и «собинку» дворянин всю «изтерял, которую с собою вывезл из королевств, в моих, господарь, обидах и в волокидах вся пропала», а спокойная жизнь обернулась конфликтами, судами и волокитой: «Служъбы твои господаревы всякия служу яз [*нет*], в поместие, а из поместия на службу [*вместо отрывка* в поместие... службу *читается* с Москвы на службу, а с службы] к Москве, а в поместии, господарь, в твоем жаловании, не дадут ни часу пожити [жити] недруги: нас, господарь, приеждих [приезжих] людей, не любят. И ныне, господарь, от обид и от волокит наг и бос и неш. Служил есми, господарь, трем королем, а такия обиды ни в котором королевстве не видал»[94]. Жалоба Пересветова напоминает слова кн. Андрея Курбского о его «негостелюбных» соседях на Волыни[95]. С той существенной разницей, что Курбский увенчал перевод «Нового Маргарита» искусным предисловием и вернулся к повседневной «войне всех против всех». Свои права на имения в коронной Волыни и литовской Унитe он отстоял. А вот о земельных пожалованиях Пересветова в Московском государстве после написания им челобитных ничего не известно. Сравнение московских «обид» с европейским благополучием — смелое обвинение, раскрывающее космополитические ориентиры дворянина-шляхтича. Популярность челобитных в поздней рукописной традиции не отменяет факта: о дальнейшей службе их автора ничего не известно.

Иван Семенович судился и предлагал проекты, которые могли не только облегчить жизнь таким же, как он, но и привели бы к реформам в Российском государстве. Нас здесь будет интересовать только один аспект его проектов — их связь с польско-литовскими политико-правовыми реалиями. Учитывая сказанное выше о европейском опыте Ивана Пересветова, было бы логично продолжить поиски в этом направлении. А. А. Зимин подвел неутешительный и действительный до сих пор итог: «В его сочинениях никаких прямых следов влияния польской публицистики мы не находим»[96]. Впрочем, принимая во внимание иносказательность Пересветова, поиск в его сочинениях «прямых следов влияния», видимо, был бы не лучшим решением проблемы их культурных контекстов.

Факт обращения писателя с посланием к московским властям, помимо личных мотивов автора, открывал неожиданную для Москвы перспективу, в которой царь должен был почувствовать себя меценатом на манер Михаила Кезгайло, Яна Гаштольда, Яна Лаского. Интеллектуальные турниры были неотъемлемой частью повседневной жизни магнатских «дворов», их проведение считалось признаком процветания, тем более что дискутанты не только забавляли своих покровителей спорами, но и содержались в их домах как воспитатели и советники. Чем-то подобным стала для Ивана IV, по мысли князя Андрея Курбского, Избранная рада, хотя никто из ее предполагаемого состава не имел университетского образования[97].

В духе римской риторической традиции Иван Пересветов выбирает для своих посланий исторических героев, которым вкладывает в уста фиктивные речи, прикрывая свои идеи их авторитетом. Герой Пересветова, турецкий султан по имени Магмет-салтан возникает, видимо, в подтверждение тревожной для русских земель того времени максимы о том, что победитель всегда прав. Служба московита в королевских ротах пришлась на годы ошеломительных успехов

[94] СП. С. 164; БЛДР. Т. 9. С. 430.

[95] NM. Bd. 1. F. 1–6.

[96] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 323–324.

[97] Понятие «двор» мы здесь понимаем в широком значении, в отличие от понятия, характеризующего двор литовского господаря. См.: *Dubonis A.* Dwór // Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego. Analizy i obrazy. 2-e wyd. / przekład z lit. P. Bukowiec et al. Kraków, 2011. S. 183–200. См. также о ренессансных влияниях здесь в главах «Ренессансный историк» и «Экстенсивное чтение».

Сулеймана Великолепного в восточной Европе: им были взяты Белград, Родос, Буда. В битве под Мохачем султан разгромил объединенное христианское войско во главе с королем чешским и венгерским Людвигом (Лайошем) Ягеллоном. Погиб в битве и сам король. А еще через три года османы осадили Вену. Могущественный враг христианского мира вселял страх и не мог не вызвать восхищения и уважения своими успехами. Всех европейских правителей, в чьем распоряжении оказывался Иван Пересветов, объединяли турецкая угроза и исчезновение Венгрии как самостоятельного государства после битвы под Мохачем. Вместе с тем, как уже отмечалось исследователями, добродетельный османский мудрец служит для публициста ориентиром вслед за ранним польско-литовским, и шире — европейским ориентализмом, с тревожной поспешностью осваивающим турецкие политико-правовые, военные, социальные и бытовые устои. В ряду таких памятников Д.Н. Егоров отмечал «меморию», поданную императору Священной Римской империи далматинцем Партением Андроником в 1518 г. Партений восхваляет султана за то, что он высоко ценит государственные подвиги, борется с сословными и иными наследственными привилегиями, награждает высокими должностями всех, кто оказывает стране значительные услуги, в том числе «пришельцев из других стран»[98]. В.Ф. Ржига находит аналогии у Ивана Пересветова с трудами Спандугино, Джовио и Сансовино[99]. А.Л. Саккетти заметил, что Пересветов мог знать о происхождении Магомета II от матери-христианки родом из Сербии, но знал ли — это лишь догадка[100]. Впечатления от османских властей в Сборнике Пересветова всё же не заходят так далеко, чтобы превозносить их над христианским миром.

Это заставляет нас обратиться прежде всего к идее просвещенной деспотии, которую вычитывают в сочинениях И.С. Пересветова. Точку зрения о склонности Пересветова оправдывать правление «с грозой» отстаивают как исследования, находящие параллели его взглядов с опричниной, так и сходства с реформами Избранной рады. Так, уже А.А. Кизеветтер отмечал, что эти сочинения возникли в период правления Избранной рады в интересах «гражданской свободы и независимости и для социальной справедливости»[101]. Н.Ю. Розалиева видит в призыве царствовать «с грозой» стимулирование царя Ивана IV «к применению тех деспотических методов правления, которые были характерны для Мехмета II» и согласие публициста с теми силами в обществе, «которые позднее поддержали опричнину»[102]. Р.Г. Скрынников также признал сходство проектов Пересветова с опричниной[103]. Эти две концепции задают две несходные перспективы интерпретации. Противоречие между ними существенно сглаживается, если находить преемственность между опричниной и предшествующими ей реформами. Вместе с тем никто из исследователей не ограничивается историей «реализации» проектов, поскольку в них есть множество предложений, которые реализованы не были. Попытки обнаружить в проекте Ивана Пересветова следы турецкого общественного устройства XV — начала XVI в. упираются в вопрос о том, прямым было восприятие турецких реалий публицистом или опосредованным — и в первую очередь тем, как эти реалии воспринимались и осваивались в Европе. Исследователи сходятся на том, что образ Магмет-салтана, как и образы византийской истории XV в. в сочинениях Пересветова – аллегорические, идеализирующие, утопические. Вывод Н.Ю. Розалиевой гласит, что в сочинениях Пересветова звучит призыв «к установлению власти типа восточной деспотии». Однако этому выводу, на мой взгляд, противоречат идеи об освобождении «воинников» от холопства и о справедливом суде, а также далекий от оправдания деспотизма комплекс представлений о «вере» и «правде»[104]. Само понятие «восточной деспотии» не соответствует представлениям европейских писателей о причинах успеха Османской империи в административном и военном деле.

---

[98] *Егоров Д.Н.* Идея... С. 10.

[99] *Ржига В.Ф.* И.С. Пересветов и западная культурно-историческая среда. СПб., 1912. С. 9–12. См. также: *Philipp W.* Ivan Peresvetov... S. 87–88.

[100] *Саккети А.Л.* О взглядах И. Пересветова // ВИ. 1957. № 1. С. 119.

[101] *Кизеветтер А.А.* Иван Пересветов // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатилетия его научно-публицистической деятельности. 30 января, 1890 1925. Прага, 1925. С. 279–288.

[102] *Розалиева Н.Ю.* Османские реалии... С. 215–216.

[103] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 100, 116, 126, 199, 224.

[104] *Егоров Д.Н.* Идея «турецкой реформации» в XVI в. // Русская мысль. 1907. Кн. 7; *Кримський А.Є.* Історія Туреччини. Київ, 1924. С. 217–218; *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. М.; Л., 1958. Т. 5. С. 20–21; *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 338–340; *Розалиева Н.Ю.* Османские реалии... С. 212–221 (здесь же обсуждение недоступной для нас работы турецкого исследователя А. Айкута), цит. со с. 217.

Образ Магмет-салтана аллегоричен и не говорит прямо о туркофилии автора. Прежде всего образ мудрого мусульманского правителя позволяет ему избежать явных внутрихристианских параллелей, а тем самым — подозрений в подражании. Тем не менее эти параллели должны были бросаться в глаза. Иван Пересветов выступил за равенство воинских людей между собой, против рабства в их рядах, за их право на открытый суд. В Короне и Литве это были ключевые достижения шляхты со времен Кошицкого статута 1374 г. и Кревской унии 1385 г. В отношении «веры» литовский образец терял свою привлекательность: ограничения Городельской унии в занятии высших государственных должностей в Великом княжестве Литовском для православных сохранялись в силе[105]. И всё же московит-наемник, заставший европейский мир в конце 1520-х гг. и в следующем десятилетии, мог увидеть царство, в котором уже принимались акты веротерпимости между православными и католиками, а «вера» была защищена «правдой».

Тенденции к сближению прав православных с правами католиков на польско-литовских землях усилились после смерти великого князя Витовта Кейстутовича. В 1432 г. король Владислав Ягелло подписал привилей, по которому волынские православные шляхтичи были освобождены от всех повинностей и сравнялись в правах с шляхтичами-католиками. После подписания Флорентийской унии 5 июля 1439 г. объединение с римской церковью было принято в Вильно и Киеве, но не было принято ни в Москве, ни в княжествах, признавших власть московской церкви. Ограничения для православных на занятие должностей («дигнитарств и урядов») в государственном управлении Великого княжества Литовского соблюдались всё менее строго. Никаких вероисповедальных ограничений и не возникло для православных князей и их слуг, которые сохраняли независимость от короля и господаря в вопросах веры[106]. Впрочем, княжеская власть на рубеже XV–XVI вв. уступала под влиянием польской административной системы на землях Великого княжества Литовского, что требовало пересмотра Городельской унии. Должность воеводы виленского впервые оспаривали между собой католик О. М. Гаштольд, добившийся ее в 1522 г., и православный кн. К. И. Острожский, возглавивший в том же году воеводство Троцкое[107], но в качестве исключения признанный господарем в качестве первого светского сановника Панов рады[108]. Сигизмунду I Старому и Сигизмунду II Августу приходилось специальными универсалами подтверждать действие Городельской унии. Шагом к первым в Европе актам веротерпимости был Литовский Статут 1529 г. Равными субъектами права в нем объявлены христиане, в частности католики и православные, а защищаемыми законом, по неполноправными — «жидове» ("iudei") и «татарове» ("tarthari")[109].

Показательно, что и позднее вероисповедальные реформы в Великом княжестве Литовском постоянно сопутствовали объединительным процессам с Короной Польской в государственной системе и праве: утверждению нового Статута, подписанию Люблинской унии и выбору нового короля после смерти Сигизмунда II Августа предшествовали акты, расширяющие религиозные свободы, — привилей Виленского сейма от 6 июня 1563 г., Гродненский привилей 1 июня 1568 г. и постановление Варшавской конфедерации 28 января 1573 г. Акт, подписанный в Варшаве, расширял свободы и открывал полное гражданство в республике для всех христианских конфессий, включая не только православных и католиков, но и протестантов.

Основные удары религиозной нетерпимости в Польше и Литве в годы жизни Ивана Пересветова в Европе пришлись не на православие, а на реформационные учения, против которых в 1550 г. был издан королевский эдикт. Парадоксальным образом этот эдикт был актом веротерпимости: распространяя ограничения на кальвинизм и лютеранство, он молчаливо признавал легитимность православия. Не прошло и двух лет после этого двусмысленного эдикта, как старостам было запрещено приводить в исполнение приговоры церковных судов по делам, касающимся религиозных убеждений шляхтичей. Для православного Пересветова, служившего королю-католику, цитирующего астрологические альманахи и приводящего в качестве образца для подражания главу мусульманского мира, «вера» была лишь конфессиональным целым.

[105] *Liedke M.* Od prawosławia do katolicyzmu. S. 31–58.

[106] *Backus O.P.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377–1514. Lawrence, 1957.

[107] Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1. Województwo Wileńskie. XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2004. № 369, 1104.

[108] *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский как лидер «русского народа» Речи Посполитой. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 18–19.

[109] Первый Литовский Статут. Т. 2. Ч. 1. Тексты на старобелорусском, латинском и старопольском языках. Вильнюс, 1991. С. 62–63, 218–219, 222–223, 270–272.

Она выражалась в категориях *православие*, *католицизм*, *ислам* и т. д. Восточное, греческое христианство для него – истинная вера, которую раньше защищали греки, а ныне – московский царь. Вместе с тем он понимает, что сами греки после падения Константинополя вынуждены защищать ислам. Многим из них приходится поступиться своей верой. За этим фактом Пересветов не видит вероотступничества, такая категория в его проекте распространяется лишь на тех, кто покидает свою веру, клятвенно обязавшись ее защищать. Более того, в сочинениях Ивана Пересветова мы не найдем выпадов в адрес ислама как конфессии и в адрес реформационных версий христианства. Он не видит опасности для Османской империи в ее конфессиональном разнообразии. И наоборот, одна, причем истинная, вера была официальной религией Византии. И эта вера не спасла империю от крушения. Этот взгляд соседствует в Сборнике с уверенностью в исполнении пророчества о воцарении христианского монарха на Семи Холмах.

Если верны даты огласки проекта Ивана Семеновича, то недавним фоном для него послужило падение еще одной христианской империи. Пришедший к власти в Молдавии после смерти своего отца Ильяш Рареш попал в полную зависимость от Османскй империи, принял ислам под именем Мехмеда и стал турецким наместником[110].

В пограничном с Россией Великом княжестве Литовском понятие веры-конфессии для религиозно-политических реформ последних Ягеллонов было предметом сближения с Короной Польской на почве растущей религиозной толерантности, в середине – второй половине XVI в. увенчанной серией освободительных деклараций и унией. Говоря образным языком Пересветова, если бы «Бог любил веру», уния никогда бы не осуществилась. Для Москвы первых лет правления Ивана Грозного слова о соотношении веры и правды звучат необычно, что и позволило В. Ф. Ржиге, А. А. Зимину и А. И. Клибанову говорить о «еретических утверждениях» публициста. Для того европейского контекста, в котором сочинения Пересветова находят множество параллелей, ничего нет удивительного и парадоксального в словах: «Бог не веру любит – правду»[111]; «Коли правды нет, то [ино] и всего нет [нету]»[112].

Понятие «правда», как отмечали многие исследователи, встречается в сочинениях Пересветова в одном ряду с понятием «праведный суд». А. Л. Юргапов обнаруживает в древнерусских памятниках понятие «правда» в значении *законность*, *справедливость*, *справедливый суд*, однако больше внимания уделяет тем значениям, которые сближаются с кругом значений понятия «вера». Семантику «правды» в сочинениях Пересветова исследователь проясняет на фоне памятников церковного круга[113]. Комментируя слова Христа «суд был их лукав и слезен» в «Сказании о книгах» и связь с этим разделом «Сказания о Магмет-салтане», А. В. Каравашкин отмечает: «Несовершенное общественное устройство должно быть уничтожено: промыслительная воля дарует миру образец справедливого царствования»[114]. Как и А. Л. Юргапов, А. В. Каравашкин видит близость ведущих богословских и эстетических категорий Пересветова к идее Божественного света Христовой правды. Вместе с тем в работах В. Ф. Переверзева, Н. М. Золотухиной, А. Л. Юргапова, А. В. Каравашкина показано, что диспропорция между «правдой» и «верой» не входит в идеал Пересветова, как полагали Я. С. Лурье, А. А. Зимин и А. И. Клибанов, а является для публициста XVI в. нарушением первоначальной гармонии[115].

В «Сказании о книгах» Христос обличает греков и объясняет, что выдал их «на поучение правды», раскрывая суть содеянного грешниками в преступлении его «заповеди», несоблюдении его «воли», и особенно «грузко сердцу» Христа, что «пастырь веры християнъския и учитель царю и всему миру» патриарх Анастасий не наставлял на путь Христов императора и его советников: «...царь сшед с праведнаго суда, и весь мир прельстился на нечистое собрание, суд был их лукав и слезен, слезы и кровь мира сего, рода християнского, неповинно осуждал и брызгали на образы моя святыя чюдотворныя от лука-

[110] Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества... С. 135–136 (автор – Г. В. Гонца).

[111] СП. С. 181; БЛДР. Т. 9. С. 446.

[112] СП. С. 176–177; БЛДР. Т. 9. С. 440.

[113] *Юрганов А. Л.* Категории... С. 42–47, 77–81.

[114] *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика. С. 34 и сл., 43–53.

[115] Критический обзор точек зрения на «правду» И. С. Пересветова в советской и российской историографии второй половины XX в. предпослал своим наблюдениям С. В. Шутков, отдавший предпочтение интерпретациям Г. Б. Гальперина и Н. М. Золотухиной. Исследователь провел правоведческий анализ проектов И. С. Пересветова и привел им ряд параллелей в Судебнике 1550 г. См.: *Шутков С. В.* Военные реформы в России во второй половине XVI – первой половине XVII века и воплощение в них военно-правовых идей И. С. Пересветова: (Историко-правовое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 135–137.

вых судей и от неправедпаго суда их»[116]. Магмет в «Сказании о Магмете-салтане» также начинает преобразования в своем царстве с введения праведного суда и приказывает судьям: «Не дружитеся с неправдою, да не гневити Бога да держитеся правды, что Бог любит»[117]. И далее похожая мысль высказана о крестном целовании в правление Константина XI Палеолога: вечная мука ждет неправедных судей (с ними «греки в ересь впали»), которые не помнили «в сердцах своих правды» и обоим истцам присуждали крестное целование[118].

Петр Рареш, согласно «Большой челобитной», говорит: «Бог помогает не ленивым, но кто труды принимает и бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведен суд судит: правда богу сердечная радость, а царю великая мудрость»[119]. Мудрецы хвалят московского монарха: «И так начинают мудрыя философи, что не будет таковыя правды по [под] всею подсолнечною, яко в твоем царстве господареве, от твоей мудрости великие грозы царские лукавыя судии яко от сна проспутся [возбудятся], да и посрамятся дел [от дел] своих лукавых, да будут и [*нет*] сами о собе дивитися, что лукаво судили, а нечисто собирали, Богу много согрешали безчислено [*вместо отрывка* лукаво... безчислено *читается* собирали безчисленно]. Ино так пишут о тебе, о [*нет*] благоверном царе: ты — господарь грозный и мудрый, на покаяние приведешь грешных, и правду во царстве своем уставишь [введешь], и [*нет*] Богу сердечную радость воздашь»[120]. Магмет-салтан «великую мудрость и правду во царстве своем [*вместо слов* царстве своем *читается* царьство свое ввел], по всему царству своему розослал верныя своя судии и поброчивши их из казны своим жалованием, чем им можно прожить з году на год. А суд дал полатный во все [всем] царство свое судити без противня, а присуд велел имать на собя в казну, ижебы [чтоб] не искушалися и во грех не впадали и [*нет*] Бога не разгневили»[121]. Согласно тем же мудрецам, в царстве Ивана IV будет «таковая великая мудрость и правда неправедным судиям от его мудрости великия, от Бога прирожеппыя»[122]. Как можно видеть из этих примеров, единство «правды» и «суда» в ряде случаев не ограничивается их появлением в общих контекстах, и это наводит на мысль об их близком родстве. В то же семантическое поле попадают праведное деяние, благодеяние, праведный поступок.

Вне судебной темы звучат слова, которые Иван Пересветов приписывает московиту на службе у Рареша Василию Мерцалову: «Вера, господарь, християнская добра, всем сполна и красота церковная велика, а правды нет [нету]»[123]. Образ Христа, возникающий в следующих затем словах волосского воеводы, служит, впрочем, чтобы показать, что Высший Судия защищает те царства, где есть «правда». Это заставляет отказаться от идеи о том, что высшая правда воплощена в Христе. Он лишь ее защитник и защитник тех, кто ее придерживается. В ином случае парадоксально звучали бы слова: «Помилуй, Господи, веры християнския от неправды их [*вместо* от неправды их *читается* тоя от неправды]»[124]. Трудно себе представить, что автор признаёт в Христе высшую правду и при этом обнаруживает «неправду» в «вере християнской». Слова о соотношении веры и правды служат аллюзией на Иак. 2: 26.

Однако разведение божественной справедливости и земной «правды» было редкостью не только в церковно-правовом дискурсе времени Ивана Грозного, но и в целом в российских текстах XVI–XVII вв. Иосиф Волоцкий, к примеру, парировал выпады архиепископа новгородского о «мирских» и «небесных» судах фразой «всякая правда бывает по свидетельству божественных правил»[125]. Современник Пересветова Зиновий Отенский упоминал Османскую империю в связи с соотношением «веры» и «правды» и был убежден, что Христос «воста-нет» и «суд и правду сотворит»[126]. А. А. Зимин обращает внимание на сходство в словах Пересветова и Зиновия о «вере» и «правде» и — вслед за В. Ф. Ржигой — возводит их идеи к «Повести об основании и падении Царьграда» Нестора Искандера[127]. Однако Зиновий видит в Христе не защитника, а источник «правды». В этом смысле Закон уподобляется Закону Божьему, а построение справедливого царства равносильно приближению царства земного к Царству Небесному. Мысль Пересветова движется в ином направлении.

---

[116] СП. С. 150.

[117] Там же. С. 153, см. также с. 154–155, 160, 166.

[118] Там же. С. 153.

[119] СП. С. 170; БЛДР. Т. 9. С. 432.

[120] СП. С. 172; БЛДР. Т. 9. С. 434.

[121] СП. С. 174; БЛДР. Т. 9. С. 436–438.

[122] СП. С. 174; БЛДР. Т. 9. С. 438.

[123] СП. С. 176; БЛДР. Т. 9. С. 440.

[124] СП. С. 177; БЛДР. Т. 9. С. 442.

[125] *Юрганов А. Л.* Категории... С. 76.

[126] *Калугин Ф.* Зиновий, инок Отенский и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894. Приложения. С. 20.

[127] *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 277.

Речь не идет о построении небесного Царства, Града или Империи, а лишь о «перенесе империи», который означает для Ивана Пересветова прежде всего «перенос справедливости»[128]. В близком для него литовском контексте идея о правде как щите веры возникла незадолго до появления его сочинений. В «Похвале Сигизмунду I Старому», составленной по случаю выхода Литовского Статута 1529 г. воеводой виленским О.М. Гаштольдом или, как недавно установлено, писарем господарской канцелярии Богданом Михайловичем Семашко[129], создание кодекса законов сравнивается с принятием христианства, так как Ягайло и Витовт «с поганства навернули к вере христианской, але водле Писма Светого хрестиянского, вера без вчинков мертва есть». Крестители, по мнению панегириста, допустили оплошность, когда обращали Литву в христианство. Они не научили, как его защищать, «прав нам не дали, чим быхмо ся мели справовати, яко ся хрестиане справують». Это упущение устранил король Сигизмунд I, утвердив Литовский Статут[130]. Выше мы уже отметили, что в Великом княжестве Литовском Статут нарушал моноконфессиональную модель прав, сглаживая различия между «верами» и объединяя их всё под единой «правдой» самого закона, охраняемого суверенитетом. Семашко, как и Пересветов, объясняет правовые нововведения в Литве необходимостью воссоединить «веру» с живительными для нее «правами». «Права» должны защитить христианскую «веру» в молодом христианском государстве, и позднее у московского писателя идея распространить «правду» на всё «царство», видимо, была призывом реформировать российский суд с помощью нового свода законов. В словах «Похвалы», как и позднее у Ивана Пересветова, истинной конфессией выступает христианство — как таковое, без его разделения на западное и восточное. Первым крестителем Литвы следовало признать Ягайло Ольгердовича, иначе говоря, короля-католика Владислава-Ягелло, основателя династии Ягеллонов. Однако появление в паре с ним в словах воеводы виленского великого князя литовского Витовта Кейстутовича было равнозначно приглашению православных к объединению с католиками под покровом общего для всех христиан закона (в данном случае не столь важно вероисповедание самого Витовта, он был, конечно же, католиком). И не менее значимо, что Семашко цитирует в законодательном контексте слова Иак. 2: 26 «вера без вчинков мертва есть» и признаёт единственно допустимым деяние, соответствующее «правам» и таким образом видит защиту для веры только в деяниях, соответствующих закону.

Иван Пересветов в своей пророческой утопии воспроизводит ход мысли литовских законотворцев и приводит в его защиту те же библейские контексты. В момент его обращения к царю с челобитными и, видимо, сопровождавшими их прочими текстами Сборника в Москве велись работы по созданию нового Судебника. Это заставляет нас обратиться к отзвукам проекта Пересветова в реформах Ивана IV и до сих пор не привлекавшим внимания параллелям между Судебником Ивана IV и Литовским Статутом.

Источником «правды», согласно Пересветову, является единый, но никак точнее не определенный Бог, а ее воцарение на земле — дело рук людей разных конфессий. В этом тезисе сформулирован идеал веротерпимости. Обнаруживается здесь и идея «светской» законности, юридическая концепция «правды». Подобные тенденции к кодификации светского законодательства и утопическому юридизму наметились в Европе на рубеже XV–XVI вв. Схемы, которые использовали профессора юриспруденции в европейских университетах, приучали мыслить в римских категориях и подводили к идее кодификации, образцом для которой мог служить "Corpus Iuris Civilis" императора Юстиниана. Воплощение она получила, например, в польском «Статуте» архиепископа Яна Лаского (1506), в чешском проекте

[128] *Mureşan D.I.* Penser Byzance... P. 472.

[129] *Błaszczyk G.* Litwa na przelomie średniowiecza i nowożytności 1492–1569. Poznań, 2002. S. 85.

[130] *Działyński T.* Zbiór praw litewskich. Poznań, 1841. S. 92–95, здесь с. 93–94 (лат.: "et presentim quod nos ex tenebris paganismi in lucem fidei sanctae Catholicae deduxerunt, quia tamen ipsi cum nobis dederint fidem, Jura per quae nobis norma recte et catholice vivendi praescriberetur, non reliquerunt, et cum fides sine operibus mortua est" etc.). См. также: *Русина О.В.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. Панегирик «Похвала короля Жикгимонта», прославляющий короля Сигизмунда I Старого, входит в конвой русских списков Замойских и Дзялыньского, латинских Лаврентьевского и Пулавского, а также польскоязычного Ольшевского списка Первого Статута. При этом русский Фирлейский, польский Слуцкий и список с него — Академический (БАН), а также утраченный польский Остробрамский список Статута не содержат конвоя с похвалой. Роль Гаштольда в составлении Статута подчеркивается в латинском панегирике Деодата Септения в Лаврентьевском и Ольшевском списках. Как показали С. Лазутка и Э. Гудавичус, первичная редакция Статута отразилась в списках Замойских, Фирлейском и Дзялыньского, т.е. можно допустить, что Похвала была включена уже в архетип сборника с Первым Статутом, возникшего в 1522–1529 гг. (Первый Литовский Статут. Т. 1. Палеографический и текстологический анализ списков. Вильнюс, 1983. С. 30, 50, 72, 98, 110, 123, 125, 128, 227, 244–245, 289–297).

«Девять книг о правах, судьях и земских книгах земли чешской» Викторина Корнела из Вышеграда (1508), в проекте кодекса венгерского обычного права "Opus Tripartitum" Стефана Вербочи (1514), в германском кодексе уголовного права "Constitutio Criminalis Carolina" (1532) и т.д.[131]

Идеал *lex* был предметом многочисленных философских построений раннего нового времени. Его содержание было по сути мерой самого «светского», а потому построение концепции *lex* в рамках переосмысленного римского права следовало бы рассматривать не как разрушение или нарушение религиозности, а как встроенное в *lex divina* и вырастающее из него понимание светского как особой сферы общественной жизни. Среди прочих тенденций к секуляризации в Великом княжестве Литовском обнаружились рост правосознания элиты, регламентация в отношениях между сувереном и подданными, перенесение на суд сакральных функций и его превращение в «явный суд христианский»[132].

Польская правовая система в первой половине XVI в. заметно расходилась с литовской. С 1504 г. канцлер и подканцлер должны были цензурировать акты королевской канцелярии на предмет их соответствия коронному праву. Современники Литовского Статута, польские публицисты Станислав Ожеховский и Анджей Фрыч-Моджевский были убеждены, что закон выше воли суверена. Эта идея препятствовала унификации польского права и выражалась в том, что король считался не источником закона, а лишь важнейшим из его блюстителей, тогда как решения о государственном управлении формулировались в сеймовых конституциях. Похожей идеи придерживались и составители Первого Литовского Статута, и московский книжник, живо впитавший веяния своего времени Иван Пересветов, хотя и первые, и второй видели в монархе гарант и блюстителя кодифицированного права.

Для российского политико-правового контекста литовский пример был более приемлем. Поиск границ между светским и церковным не был повшеством для правоведческого дискурса XVI в., в том числе в России. Мирское «градское дело», согласно современнику Пересветова Федору Карпову, нуждается в «правде», без которой невозможно никакое «гражанство». Под «правдой» Карпов понимает справедливое воздаяние мирского суда[133]. В сходном значении высшие церковные иерархи использовали понятие «градского закона» или «градского дела», передавая судебные дела на рассмотрение светской власти со словами «в том ведает Бог да государь». Концепция В. Филиппа о «чисто светском» характере «правды» в сочинениях Ивана Пересветова была принята А.А. Зиминым и подвергнута критике А.Л. Саккетти[134]. Как представляется, осмысление «правды» как светского юридического начала происходило не за счет снятия богословских подтекстов права, а за счет расширения его нецерковной юрисдикции[135]. В трудах Ивашки Пересветова «правда» не допускала светского порабощения, а следовательно, господарь по умолчанию не обладал безграничным суверенитетом.

Сходство текстов Ивана Пересветова с сочинениями польских и литовских авторов в концепции, образованности и литературных приемах может быть дополнено и другими аргументами. Он владеет московским языком и вместе с тем в его сочинениях выявлены совсем немногочисленные полонизмы или, возможно, русизмы, которые, как отмечает А.А. Зимин, «не вторичны в сочинениях И.С. Пересветова, а восходят к его протографу»[136]. Перед нами писатель, в какой-то

[131] *Bardach J.* Statuty litewskie a prawo rzymskie. Warszawa, 1999. S. 10–12.

[132] Об этом см.: *Груша А.* «Просите и дано будет вам (Мф. 7: 7)». Еще раз к вопросу о «заочных» листах канцелярии Великого княжества Литовского // Соціум. Альманах соціальної історії. 2008. Вип. 8. С. 255–279.

[133] А.Л. Юрганов настаивает на дихотомическом отношении божественной «правды» и приземленной «справды» в послании Карпова митрополиту Даниилу. Я этого различия не вижу и вслед за Е.Н. Кименевой, А.А. Зиминым, А.И. Клибановым и Д.М. Базиле считаю его близким к пониманию Ивана Пересветова своим светским, политико-правоведческим звучанием. Ср.: *Юрганов А.Л.* Категории... С. 65–67. Библиография противоположной точки зрения: Там же. С. 112–113. Прим. 83.

[134] *Philipp W.* Ivan Peresvetov... S. 76–77, 81; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 396–397; *Клибанов А.И.* Рец. на кн.: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А.А. Зимин... // ИСССР. 1957. №3. С. 207–208. Ср.: *Саккетти А.Л.* Из истории... С. 204.

[135] Архиепископ новгородский Серапион в 1507 г. выступил против передачи Волоколамского монастыря Иосифом Волоцким под патронат Василия III: «Волен государь в холопе, хотя и не по правде казнит, а суда с ним нет». Тогда Серапион написал Иосифу, «де, еси отступил от небесного, а пришел к земному», и Иосиф иронизировал, что архиепископ «учинил Волок небом, а Москву землею, а князя Федора Волоцкого небесным, а великого Московьскаго земным». Думаю, это была именно ирония, тогда как смысл обвинения заключался в том, что Иосиф променял церковный суд на мирской (цит. по: *Юрганов А.Л.* Категории... С. 74–76). Так случилось и после смерти царевича Дмитрия Ивановича в 1591 г., когда патриарх Иов объявил убийства во время углического восстания «делом грацким» (цит. по: *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 58).

[136] *Зимин А.А.* И.С. Пересветов... С. 254–256, цит. со с. 256, прим. 67.

мере освоивший польскую и русскую (польско-литовско-русскую) книжность. В целом, наиболее ранними в московской рукописной традиции Сборника следует считать те чтения, которые содержат следы русизмов (рутенских полонизмов) или свидетельства их наличия в архетипе сохранившихся чтений. Из опубликованных А.А. Зиминым и Я.С. Лурье (*Муз.*, *Олон.*, *Ник.*) версий текста Сборника ближе к архетипу именно «русские» чтения, передающие те написания, которые лучше отражают языковые реалии Великого княжества Литовского и Короны Польской:

Русские формы	Московские формы
Сонежничим (Муз.)	Сонежничиком (Олон.)
ижебы не искушалися (Муз.)	чтоб не искушалися (Олон.)
архидукс (Ник.)	и архидуиси (Муз.), архидуй (Олон.)
ажебы (ижебы) Бог разгневался (Ув., IIIV, Мз, Од.)	ащебы (чтобы) Бог разгневался (М, Ег., Олон., TI)

Во всех случаях «русские» варианты состоятельны, а в ряде случаев (особенно в воспроизведении имени Сапеги) — более состоятельны, чем их московские мены. Возможно, в более ранних версиях русизмов было больше, и они оказались утрачены к началу XVII в., когда текст Сборника был уже неоднократно скопирован московскими книжниками. Конечно, русизмы не решают текстологическую проблему соотношения редакций: во многих случаях Олонецкий список лучше передает архетип, чем Музейный. Кроме того, в обеих версиях сохранились семантические русизмы. Примером такого скрытого русизма может считаться используемое в Сборнике понятие «речи». Оно обозначает как привычное для московского русского языка «речи» в значении *пространные высказывания*, так и русизм, близкий к пол. "rzeczy", в значении здесь *труды, сочинения*[137]. Приведем примеры вероятного использования русизма: «Вывезл есми к тебе, господарю, речи изо многих королевств господарьския и от Петра, волоскаго воеводы, и дела твои царская»[138], «А яз, господарь, с теми речми выехал из Литвы»[139], «И будет тобе, господарю, великому царю, не полюбится службишко мое и речи, что яз [яз тебе] вывезл из ыных земель и королевств, слышав от многих мудрых людей и дохтуров и философ про твое царское мудрое прирожение»[140]. В пассаже «Вывезл...» слово «речи» занимает — даже функционально в структуре фразы — позицию, в которой ближайшим синонимом должно быть *дела*. В то же время в Сборнике нет контекстов, в которых бы слово «речи» недвусмысленно отсылало к дискуссии, говорению, высказыванию (énoncé). Во фрагменте «И будет...» традиционная интерпретация возможна, поскольку в ближайшем контексте оно связано со слушанием («слышав»), по прямой связи между «речами» и контекстом их восприятия в приведенном отрывке нет. Можно предположить, что слово «речи» описывает цитаты из устных тирад молдавского воеводы Петра Рареша, которыми полна «Большая челобитная». Однако автор, приводя цитаты из Рареша, сопровождает их только глаголами «говорит» или «рече» и никогда не называет их *речами*.

Частые ссылки на «греческих философов» и «латинских докторов» вряд ли можно вслед за А.А. Зиминым относить только на счет «гуманистического характера образа мыслей И.С. Пересветова» и его стремления «прикрыть собственные суждения чьим-либо авторитетом»[141]. В случае аудиенции у царя или духовных лиц автор должен был доказать свои конкретные знания греческой и латинской философии. Маловероятно, что на подобные риторические фигуры мог бы решиться приближенный к царю московит, не будучи уверен в своей способности отстоять свои знания в очной беседе с начитанными людьми. Можно согласиться с М.А. Юсимом, идеалы мудреца и мудрости на троне, ссылки на мнения философов и докторов свидетельствуют о связи Пересветова с европейскими гуманистическими кругами. Челобитчик унаследовал из Европы, видимо, и свою идею о мудрых предсказаниях, основанных на «знамениях» и их астрологических толкованиях[142]. Тесное общение с интеллектуалами было доступно для литературно образованного московита-дворянина в университете или при дворе. Однако о том, где именно он слышал о спорах, писатель сообщает в своих сочинениях крайне мало, и это заставляет полагать, что подобное упоминание было бы в Москве крайне нежелательно. Это было бы понятно, если бы речь шла именно об университете, поскольку в сознании

[137] Ср.: СП. С. 313–314.

[138] СП. С. 171; БЛДР. Т. 9. С. 432.

[139] СП. С. 171; БЛДР. Т. 9. С. 434.

[140] СП. С. 173; БЛДР. Т. 9. С. 436.

[141] *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 278.

[142] *Юсим М.А.* «Мудрость царева»... С. 58–61 и далее. Впрочем, астрология в политике была предметом известного в Москве трактата «Аристотелевы врата», а влияние астрологических календарей и гаданий на политику специально обсуждалось современниками И.С. Пересветова и отразилось, например, в переписке Максима Грека с Ф.И. Карповым и старца Филофея с московскими властями в 1520-е гг.

московских жителей это был прежде всего центр католического просвещения.

Судя по ссылкам на дискуссии латинских докторов и философов, Иван Пересветов получил университетское образование и привлекал знакомых ему авторитетных авторов не только в доказательство своей правоты, но и в знак своей европейской учености[143]. Иная точка зрения опирается обычно на ошибки Ивана в изложении истории. Б. Н. Флоря отметил сходство и расхождение в интерпретации падения Константинополя в сочинениях И. С. Пересветова и Ивана Грозного. Однако, как отмечалось исследователями, ошибка Пересветова в определении возраста Константина XI на 1453 г. может быть осознанной: она не столько отражает уровень начитанности Пересветова, сколько намечает параллель между событиями 1453 г. и началом правления Ивана IV[144]. Ниже будет предложена гипотеза об истоках учености Ивана Семеновича. Здесь важно лишь подчеркнуть, что происхождение своего проекта сам автор связывает с дискуссиями в европейской университетской науке XVI в., прямо не ссылаясь при этом ни на турецкие сочинения, ни на мусульманское законодательство.

Исследователи уже давно заметили, что предложение Пересветова создать «судебные книги» может иметь что-то общее с нормами Судебника 1550 г. и с самим фактом его появления. В качестве опровержения этой параллели Я. С. Лурье отмечает расхождение между проектом Пересветова и Судебником в отношении к рабству. Если воинник был противником кабалы и холопства, то Судебник (ст. 81) ограничивал «только прием в "холопы" "детей боярских служилых и их детей", да и то "опричь тех, которых государь от службы отставит"»[145]. Большее соответствие идеям Пересветова Я. С. Лурье находит в идеалах повести о Дракуле, приписываемой Федору Курицыну, и протесте Матвея Башкина, который «изодрал» свои «полные» кабалы и отпустил холопов на свободу. Вывод о несоответствии предложений Пересветова нормам Судебника и основанный на нем тезис о неприемлемости идей Пересветова «с точки зрения официальной идеологии» не вызывает согласия[146]. Если сопротивление рабовладению и существовало в России середины XVI в., то по крайней мере, и в сочинениях Пересветова, и в Судебнике Ивана IV, как и в законодательстве Великого княжества Литовского, акцент делался на свободе воинских людей, несущих службу государю[147]. Эта свобода — для защитников отечества, а не для всего общества, она не избавляет от подданства царю, и ее декларация в Судебнике сопоставима с декларациями того же времени об отмене местничества и кормлений[148]. С точки зрения верховной власти, достаточно было сослаться на то, что *везде несвободно* и *холоп без вины господарю не живет*, и самые освободительные идеи выхолащивались, не имея опоры в социальной практике.

В Короне и Литве велись разработки в области военного искусства. Теоретик военного дела и туркофил Ян Тарновский создал концепцию автономно действующего военного подразделения, опирающегося на собственный штаб, полевую артиллерию, полевой госпиталь, саперскую и обозную службы, скованного жесткой дисциплиной, контролируемой гетманом. Такое подразделение

[143] *Danti A.* Ivan Peresvetov — Osservazioni e proposte // Ricerche Slavistiche. 1964. Vol. 12. P. 47.

[144] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 113–115.

[145] *Лурье Я. С.* Пересветов Иван Семенович // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 180, далее в тексте цит. со с. 181.

[146] Этот вывод впервые прозвучал, видимо, в работе А. А. Кизеветтера: *Кизеветтер А. А.* Иван Пересветов. С. 282–283, 286–289.

[147] Права и обязанности «несвободных» социальных категорий в Первом Статуте изучены Войцехом Хейнощем, показавшим, что обе категории — «хлоп» (польск. *chłop*) и «челядь невольная» (польск. *czeladź niewolna*) отличались от шляхетского статуса и между собой тем, что «хлоп» имел землю и свое хозяйство, тогда как «челядин» своего хозяйства не имел и выполнял различные работы на частновладельческих дворах (*Hejnosz W.* Kilka uwag o "niewoli" w I Statucie Litewskim // Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego. Wilno, 1935. S. 329–362, здесь s. 359–360). Это правовое разграничение не было постоянным и общим для всех русских земель Польско-Литовского государства. На Волыни после Люблинской унии 1569 г., по словам Наталии Яковенко, вступила в действие конституция коронного сейма 1505 г., что привело к подчинению домениальному суду панов одной части крестьян и оказачиванию другой (*Яковенко Н.* Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. С. 252–257).

[148] *Саккетти А. Л.* Политическая программа И. С. Пересветова // Вестник Московского университета. Сер. общественных наук. 1951. Вып. 1. С. 107–117, здесь с. 111–112. Присоединяемся в этом тезисе к критике А. Л. Саккетти в адрес А. А. Зимина и его коллег по изданию «Сочинений Пересветова» (*Саккетти А. Л.* О взглядах И. Пересветова // ВИ. 1957. № 1. С. 118; *Его же.* Из истории русского права. А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. Изд-во АН СССР, М., 1958, 498 стр. // Вестник Московского университета. Сер. экономики, философии, права. 1959. № 3. С. 206). Впрочем, А. Л. Саккетти, не ссылаясь, актуализировал в своей критике уже сложившийся подход, нашедший воплощение в словах П. Н. Милюкова о Пересветове: «Он не на стороне крестьян против их владельцев, а на стороне "воинства" против "вельмож"» (*Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 70).

было способно выдержать долгую военную кампанию в отрыве от ресурсной базы, и в том числе — на вражеской территории и в окружении. А для его защиты была взята на вооружение гуситская техника «табора», предполагавшая превращение обоза в оборонительное укрепление, способное выдержать натиск превосходящих сил противника. Свое печатное воплощение концепция Тарновского получила в трактате "Consilium rationis bellicae", опубликованном в 1558 г., но в ряде положений отразившем его рукописные «Гетманскую инструкцию» и «Гетманские артикулы» конца 1520-х гг. и более позднего времени[149]. Проекты Я. Тарновского были призваны прежде всего устранить внешнюю опасность на юго-востоке Короны и Литвы, хотя могли быть использованы и на других направлениях. Главным и наиболее опасным противником для христианского войска автор "Consilium" считал Турцию, и свою концепцию малого «табора» строил с расчетом на подавление турецкой боевой тактики[150]. В одном ряду с рассуждениями Ивана Московита доктрина коронного теоретика, согласно которой все слои общества должны поддерживать финансами войско, а государственные и военные должности должны раздаваться не "per favores" и не по личным пристрастиям, а по способности к исполнению приказов. Высшие — более опытным старшим воинам, командные в подразделениях — решительным и молодым воинам[151]. Неспособность организовать управление грозит привести королевство к той же участи, которая постигла Константинополь и Буду. Впрочем, в отличие от Ивана Пересветова, Ян Тарновский убежден, что турецкое войско состоит из пленных и зависимых, среди которых много представителей порабощенных народов. Их, по мнению гетмана, следовало заставить сложить оружие. В 1544–1546 гг. коронный гетман поддержал планы нападения на Османскую империю и ее оттеснения от своих границ, которые в Литве в то время пестовали православные магнаты князья Федор Андреевич Сангушко, Константин-Василь Константинович Острожский, Федор и Дмитрий Ивановичи Вишневецкие[152].

Мысль Ивана Пересветова является отголоском проектов реформы Яна Тарновского, их переосмыслением применительно к российским условиям. Малое подразделение лежит в основе его учения. Триста воинов должны получить «ветляные» «македонские щиты», обтянутые кожей, покрашенные «и с рожны железными», из-за которых в поле можно было бы вести огонь. Гусарская конница должна сформировать надежную оборону на «поле», т.е. против татар, по аналогии с венгерскими и польскими гусарами, послужившими образцом для формирования пограничной казаческой службы в Короне и Литве. Впрочем, для решения более серьезных задач, в том числе для победы над «недругом, казанским царем», такого войска было явно недостаточно. Победа над Казанью требовала превращения всего государства в военный «табор». По результатам переустройства можно было бы судить в будущем, способен ли русский царь достичь большего и исполнить древнее пророчество об орле и змее.

Идеи регулярной армии опирались не только на опыт «военных артикулов», но и на переустройство государственного финансирования, на глубокие военные реформы, менявшие на корню основы военной службы, с акцентом на формирование профессионального войска и переустройство налогообложения с учетом этой цели. Появление Ивана Пересветова на королевской службе совпало с началом податной реформы, вызвавшей дискуссии между поляками и литвинами и охватившей подразделения, выступавшие на оборону восточных пределов Короны от татар. Этот вопрос вызвал оживленное обсуждение на сеймах. После горячих сеймовых дискуссий 1511–1514 гг. о возвращении к практике всеобщей воинской повинности шляхтичей Краковский сейм 1515 г. установил обязанность каждого шляхтича выступать на военную службу и выставлять вооруженных воинов в зависимости от размеров своего земельного надела. Для защиты от татарской опасности этой меры было недостаточно. И в 1520 г. было принято решение о налоге на оборону Руси — было собрано 61 338 злотых, которых хватило на наем 2 тыс. солдат (1500 конников, 300 тяжеловооруженных конников и 200 пехотинцев)[153]. В 1526 г. был установлен налог, позволявший выплачивать жалование за несение пограничной службы. В 1529 г. проект постоянного войска был утвержден сей-

[149] *Winczura L.* Hetman hetmanów Jan Amor Tarnowski (1488–1561). Kraków, 2005. S. 186–262.

[150] Ibid. S. 251–255.

[151] *Dworzaczek W.* Hetman Jan Tarnowski: Z dziejów możnowładztwa małopolskiego. Warszawa, 1985. S. 291–300.

[152] *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 35–36, 40–41, 43–44.

[153] *Wyczański A.* Z dziejów reform skarbowo-wojskowych za Zygmunta I. Próby relucji pospolitego ruszenia // PH. 1952. T. 43. N 2. S. 287–304; *Dworzaczek W.* Hetman Jan Tarnowski... S. 282–283; *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989. S. 181.

мом[154]. С 1532 г. собиралось 12 грошей с лана — их хватало на содержание 3474 конных рыцарей, которые получали по 2 злотых в месяц[155].

От того же времени появляются реестры выплат наемникам в Архиве королевской казны. Несколько человек из реестровых конников записаны как прибывшие из Московского государства — между Россией и Великим княжеством Литовским с 1522 г. длилось перемирие, делавшее пограничную королевскую службу для московитов легальным заработком[156]. В этом контексте понятно предложение Пересветова ввести в России казенные сборы, из которых выделялись бы средства на содержание войска: «Таковому силному государю годится со всего царства своего доходы собе в казну имати, а [и] ис казны своея воинником сердца веселити; ино казне его конца не будет»[157]. Проведение подобных преобразований он планировал связать воедино с системой вознаграждения воинников за службу по принципу свободной конкуренции в боевых заслугах — в противовес системе, опирающейся на престиж и родовитость. По результатам реформы сформировалось бы двадцатитысячное войско «юных храбрых со огненою стрелбою». По самой идее это было бы новое дворянство, рекрутируемое из всех слоев общества и связанное постоянной военной обязанностью. Иными словами, это была бы шляхта, обязанная к «службе поточной» и созываемая монархом в военной ситуации на «посполитое рушение». В Литве перепись 1528 г. была шагом в направлении уравнения всех слоев шляхты в воинской повинности, и войсковая реформа была частью политического обособления Великого княжества Литовского в момент занятия господарского стола Сигизмундом II Августом в 1529 г.

С.В. Шутков предлагает иную интерпретацию проекта, видя в нем решение военных проблем Русского государства. Если это так, то «воинники» не образуют в сочинениях И.С. Пересветова никакой новой общественной группы, а всего лишь из «милиционной армии» превращаются в «постоянную». Как представляется, общественные импликации «военной реформы», намеченной Пересветовым, позволяют говорить не только о перевооружении армии, новой войсковой администрации и т.д., но и об общественном переустройстве, что возвращает нас к нашим вопросам об источниках проекта. В ряде тезисов С.В. Шуткова чувствуется стремление ограничиться военной стороной дела в ущерб прочим. Так, в диссертации высказано предположение, что И.С. Пересветов предлагает «создать в России территориальные войсковые объединения, включавшие в себя различные рода войск, фактически военные округа». В пользу этого мнения обнаруживаются слова о том, что «20 тысяч юнаков храбрых» должны воевать «на поле при крепостех», а также параллели проектируемой армии с турецкими «пашами» и «вельможами». Этих данных недостаточно для вывода о том, что Иван Пересветов предлагал создать округа «как в приграничных районах с центрами в приграничных крепостях», «так и внутри Московского государства, с центром в городе Москве». В источнике говорится лишь о временных приграничных формированиях против Крыма и личной гвардии по аналогии с турецкими янычарами («янычанами»). Таким образом, построение С.В. Шуткова существенно помогает понять то, как воспринимались предложения И.С. Пересветова в России, но, на мой взгляд, не решает вопроса о сути самих этих предложений[158].

Если пользоваться социологической метафорой «государственной школы» российской историографии, принятой на вооружение в советской исторической науке, «беспощадная борьба с боярством» в представлениях Пересветова означала не переход пальмы первенства в руки «исторически прогрессивного дворянства», а создание в России дворянства ab ovo, без деления на боярство и дворянство — единого сословия воинов-землевладельцев, с четко очерченными правами и обязанностью несения военной службы.

Потенциальными противниками царя, с точки зрения Ивана Пересветова, были не армии, которые уже существовали у западного соседа и для противостояния которым кожаные щиты едва ли

[154] В.Ф. Ржига обращает внимание на формирование в Польше идеи казенного войска, которое должно было заменить или дополнить дворянское ополчение ("pospolite ruszenie"). Один из таких проектов — книга С. Заборовского "Tractatus de natura iurium et bonorum regis et de reformatione regni ac eius reipublicae regimine" (1507). Результатом проектов, как отмечает исследователь, было возникновение в 1529 г. постоянного войска в 3200 конницы и 300 человек пехоты. Следы ее проект В.Ф. Ржига обнаруживает в совете Пересветова царю собирать в казну «со всего царства своего доходы» и «ис казны своея воинником сердца веселити» (*Ржига В.Ф.* И.С. Пересветов... С. 5–6).

[155] *Plewczyński M.* W służbie polskiego króla. Z zagadnień struktury narodowościowej Armii Koronnej w latach 1500–1574. Siedlce, 1995.

[156] Об этих воинах помимо названной выше работы Марека Плевчинского см. нашу монографию "Natione Moscus".

[157] СП. С. 175; БЛДР. Т. 9. С. 438.

[158] Ср.: *Шутков С.В.* Военные реформы... С. 89–90, 109 и сл. цит. со с. 90, 109.

пригодились бы, а кочевники, т.е. общие враги России, Короны и Литвы. В этом же направлении Пересветов развил и предпринимательскую деятельность в Москве под опекой М. Ю. Захарьина. Ее упадок совпадает не только со смертью покровителя Пересветова, но и с новым обострением российско-литовских отношений на фоне борьбы Ивана IV за признание своего царского титула, вероятно, сопровождавшимся ростом литво- и полонофобии. Разорение и горести во враждебном окружении тем не менее не изменили взглядов Пересветова. Его проект реформ, подкрепленный ссылками на европейских авторов и полуаллегорического султана, был вызван осознаваемой и лично пережитой им самим потребностью России заимствовать и совершенствовать достижения соседей, укреплять войско и государев двор по современным образцам. Вместе с тем реализация его идеала была возможна лишь на пути приближения общественного устройства и военного дела России к модели Великого княжества Литовского, которому должно было сопутствовать объединение усилий России и монарха Короны и Литвы в борьбе с кочевниками. Так и случилось — уже год спустя после подачи челобитья был ограничен переход «детей боярьских служилых и их детей, которые не служивали», в холопы (Судебник 1550 г., ст. 81)[159]. «Тысячная» реформа и создание стрелецкого войска отвечали многим предложениям И. С. Пересветова: стрелецкое войско выросло до 12 тыс. чел., из них 5 тыс. несли службу в Москве, 5 тыс. — на юге России, 2 тыс. составили личную гвардию царя[160].

Как уже было сказано, условием для установления царства «правды», согласно проекту И. С. Пересветова, было создание нового свода законов. Свод — это прежде всего книга, один текст, служащий образцом устройства общества. Яркий пример силы книжного свода был найден в византийской истории. С одной стороны, окружавшие последнего императора «ленивые богатины» заставили его читать «неправильные книги», отучили его от войны против внешнего врага, в результате чего он «укротел» и царство погибло[161]. С другой — Магмет-салтан, который прочитал мудрые книги, создал царство по истинному образцу и добился процветания. Говоря о «судебных книгах» Магмета-салтана, Пересветов мог подразумевать свод права «Канун-намэ», составленный около 1470 г. Но, как отмечал Я. С. Лурье, в проекте московита нет признаков знакомства с турецким законодательством. А вместе с тем нельзя в полной мере согласиться с Лурье, когда он пишет, что в своих словах о правовом кодексе Пересветов «обращается не столько к турецкому прошлому, сколько к русскому будущему»[162]. Думается, помимо «русского будущего» публицист задумывался о «прошлом» и «настоящем», но просто предметом его сравнений была другая Русь. Частные положения судебной реформы, предлагаемой Пересветовым, подводят к мысли о литовском источнике его проектов. Показательно, что и Судебник 1550 г. в ряде позиций сближается с правом Великого княжества Литовского и отвечает идеалу введения «правды» для защиты «веры».

Я. С. Лурье и А. А. Зимин отмечали, что новшества, предложенные Пересветовым в судебной сфере, нашли частичное воплощение в Судебнике 1550 г. Прежде всего челобитчик требовал повысить культуру суда и строго наказывать судей за невнимание к истцам. Суровая ответственность судей за игнорирование «жалоб» в проекте Пересветова получает развитие в ст. 7 Судебника Ивана IV, расширяющей соответствующие нормы ст. 2 Судебника Ивана III. По-видимому, новшество является отголоском положений Статута 1529 г. о праве истца на апелляцию. Присяга и родственная средневековым ордалиям практика «Божьего суда» вызвали критику со стороны европейских современников Пересветова. Так, Сигизмунд Герберштейн опускает в своем пересказе Судебника Ивана III статьи, касающиеся «поля и поединка», и упоминает их обобщенно, после изложения остальных разделов (не считая ст. 4, где он опускает слова «а досудятся до поля» и упоминает только “locus duelli”, “platz

[159] Там же. С. 124–126.

[160] Там же. С. 118–120. Здесь интересна дискуссия против тезиса Д. Н. Альшица о том, что «гораздые стрельцы» и «избранная тысяча» служили моделью будущего «охранного корпуса», которая «во многом похожа на опричнину». Существенные аргументы: во-первых, Пересветов не предлагает наделять своих воинов «особым правовым статусом»; во-вторых, в его проекте не говорится о земельном окладе для воинов, а оплата службы уподобляется турецкой «алафе» (денежному и натуральному довольствию). Проблема в том, что мы плохо знаем об условиях проведения земельной реформы 1549–1550 гг., как и о том, каким образом вознаграждались стрельцы за свою службу в 1550-е гг. И нет полной ясности, какой смысл вкладывал И. С. Пересветов в понятие «алафа». Мой основной аргумент против концепции Д. Н. Альшица касается не столько особенностей восприятия проекта И. С. Пересветова, сколько смысла его предложений. Что же касается самих «реформ Избранной рады», то их интерпретация Д. Н. Альшицем в данном случае остается, на мой взгляд, допустимой.

[161] СП. С. 174.

[162] Там же. С. 285.

des Khampfs")[163]. Пересветов «предсказал» новую по сравнению с Судебником 1497 г. ст. 25 Судебника 1550 г. об обязательстве крестного целования по каждому пункту при двойном обвинении. Это была норма, известная европейскому праву, в том числе отразившаяся в Статуте. В то же время призыв Ивана Семеновича отказаться от крестоцелования двух сторон был выпадом в адрес практики «поля» российского права. Литовский Статут допускал присягу только одной из сторон по постановлению суда или жребию[164]. В Судебнике оговаривалась подобная норма в отношении иноземцев на царской службе.

В сочинениях И.С. Пересветова получила развитие и идея о государственной измене, которая служит связующим звеном между правом и религиозностью. Согласно Большой челобитной, Петр IV Рареш считал, что врагами «веры греческой» были неверные, еретики, чародеи, изменники и наместники-кормленщики. Само по себе единство этих категорий является показательным для первых лет царствования Ивана IV объединением религиозных и светских категорий. Однако в представлении об измене появляется акцент, который нехарактерен для более ранних московских контекстов употребления этого понятия: «Да того не хвалит, что в [*нет*] крест целуют, да изменяют — то есть великая [велия] ересь, что за веру христианскую не стоят, а государю верно не служат»[165]. В комментариях Я.С. Лурье к этому отрывку обнаруживаем слова о том, что Пересветов выступает против «права "перехода" или "отъезда" от одного государя к другому»[166]. С этим нельзя согласиться. Выражения «за веру христианскую не стоят» и «государю верно не служат» говорят разными словами об одном и том же, их объединяет ритуальное крестоцелование. Изменником здесь по сути назван дезертир, который обречен, совершив военный проступок, стать изменником православия. Измена равнозначна ереси, и государственным еретиком должен считаться как перебежчик, нарушитель крестоцелования, так и каждый, кто совершил преступление в помыслах, умыслил нарушить свое обязательство защищать православие. При этом крестоцелование распространяется на всех служилых людей, включая высшие социальные категории. Вельможи приравниваются к простым воинам и, если они богатеют «от слез и от крови рода христианского», становятся в один ряд с неверными, еретиками и изменниками царя: «сами богатеют и ленивеют, а царство оскужают [оскужают его]», «а крепко за веру христианскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем Богу лгут и государю»[167]. Примером в истории служат византийские вельможи, которые «крестное целование ни во что же ставили, изменяли [и изменяли]», судили неправедно, богатели «от слез и от крови христианския», облепились, околдовали императора и тем самым отдали царство, веру и церковь на поругание неверным[168]. Образцом для челобитчика служит, надо полагать, шляхта, равная в обязанности несения службы королю и республике или господарю литовскому и республике[169].

Слова Ивана Пересветова об изменниках и вельможах вряд ли апеллируют к нормам московского права. Автор призывает царя к «правде», подразумевая, что слова его челобитной не стали еще реальностью. Судебник Ивана III сохранял свою силу, когда, предположительно, возникли челобитные Пересветова. Требует дальнейшего исследования вопрос, как именно получил сведения о составе ст. 9 Судебника С. Герберштейн. Он пересказывает содержание девятой статьи следующим образом: «Убийцы своих господ, предавшие крепость, святотатцы [похищающие людей с целью продать их в рабство], равно как и те, кто тайно относит имущество в чужой дом и говорит, что оно у них украдено, так называемые podmetzchek, кроме того, поджигатели и явные злодеи подлежат смертной казни»[170]. Исследователи уже обратили внимание на то, что на месте слова «коромольник» имперский дипломат предлагает «предавшие крепость» (в немецком тексте — «крепость или

[163] *Хорошкевич А.Л.* Судебник 1497 г. в переводе и редакции Сигизмунда Герберштейна // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 123.

[164] Согласно арт. 30 разд. 6 Статута в Слуцком списке и польской редакции (однако этого нет в первоначальной русской и латинской редакциях), если ни у одной стороны нет правовых доводов или ни одна из сторон не пускала к присяге другую сторону, «тогды мають жеребей метати: чий жеребей ся выйметь, тот маеть присягати» (Первый Литовский Статут. С. 186. Примеч. 753; С. 187. Примеч. 411–411).

[165] СП. С. 173; БЛДР. Т. 9. С. 436.

[166] БЛДР. Т. 9. С. 558.

[167] СП. С. 174–175; БЛДР. Т. 9. С. 438.

[168] СП. С. 176, 178–179; БЛДР. Т. 9. С. 440, 442–444.

[169] В Первом Литовском Статуте поголовная обязанность всех землевладельцев-земян «войну служити» закреплена во втором разделе: Первый Литовский Статут. С. 90–107.

[170] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 254–255, 256–257. Отрывок, заключенный в квадратные скобки, не вошел в авторизированный немецкий перевод «Записок» Герберштейна 1557 г.

город», "Schlosser oder Stett")[171]. Л. В. Черепнин, комментируя текст Судебника Ивана III, не согласился с Герберштейном в отношении термина «коромольник»: «Однако вряд ли следует так уточнять значение термина. Вернее понимать его в более общем смысле: изменник, заговорщик»[172]. Иной точки зрения придерживается А. Л. Хорошкевич: «У Герберштейна — точное соответствие слова "коромольник" — предатель, изменник (proditor), но к этому еще добавлен объект его предательства — крепость, что, несомненно, восходит к переводчику Судебника»[173]. А. Л. Хорошкевич показала, что в переводе Герберштейна было принято допустимое с точки зрения его московских собеседников истолкование термина «коромольник».

Впервые точный аналог версии Герберштейна появляется в ст. 61 Судебника Ивана IV, т.е. год спустя после публикации первого издания «Записок о Московии». Однако существенной особенностью текста этой статьи является раздвоение термина и возникновение на месте одного «коромольника» Судебника Ивана III двух: «коромольник» и «градский здавца»[174]. Говоря о раздвоении, мы считаем первоначальным термин Судебника 1497 г. в том его значении, которое указано в «Записках» Герберштейна. Л. В. Черепнин отождествил «градского здавцу» с «зажигальником» в ст. 9 Судебника 1497 г.[175] Как отметили О. И. Чистяков и С. И. Штамм, это отождествление неверно. Словом «зажигальник» определен человек, совершивший поджог, а само это преступление со времен Русской Правды относилось к разряду тягчайших[176]. Этот аргумент усиливается обращением Панов рады литовских к норме, нашедшей отражение в ст. 61 Судебника 1550 г. В ответ на обвинение кн. А. М. Курбского в измене Ф. И. Умного Колычев со товарищи на королевской аудиенции 2 августа 1567 г. услышали, что, если возникает угроза жизни, и побег связан именно с этим, то «та измена легка»[177]. Выражение «изменник то, которые городы сдают» соответствует понятию «градский здавца» и, как можно видеть, весьма близко тому, как Герберштейн определял понятие «коромольник». Независимо от советских правоведов, выступивших с критикой в адрес Л. В. Черепнина, к сходному выводу пришел американский историк О. П. Бакус, отрицавший его предположение о том, что уже в ряде терминов Судебника Ивана III отразилось понятие государственной измены. Согласно О. П. Бакусу, ближе всего к первоначальному значению слова «коромольник» тот перевод ст. 9 Судебника 1497 г., который предложен в «Записках о Московии» С. Герберштейна. И лишь в Судебнике 1550 г. концепт измены «немного расширен за счет прибавления тех, кто сдал города врагу»[178].

Можно полагать, что новшество Судебника Ивана IV заключалось в семантическом расслаивании категории *измена*. Имперский дипломат истолковал понятие «коромольник», еще не зная о той его семантике, которая отличала его от понимания государственной измены «в более общем смысле». Нет оснований вслед за А. Л. Хорошкевич видеть в терминах «коромольник» Судебника Ивана III и «здавшие город» «Записок о Московии» более общий термин в первом случае и его частный случай во втором. Челобитье Пересветова раскрывает новацию, пришедшую не только в язык, но и в политическое мышление эпохи. Для преступления, первоначально означавшего дезертирство, в его проекте был предложен семантический сдвиг, ведущий к юридическому обособлению государственной измены. «Коромола» в сочинениях Пересветова уступала место военной «измене» благодаря тезису об обязанности всех слоев дворянства служить царю. Если Судебник Ивана III знал только измену на поле боя и подразумевал под ней любое действие, наносящее ущерб государевой вотчине, то в проек-

[171] Судебники XV–XVI веков / под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 20, 58–60, 160.

[172] Там же. С. 58.

[173] *Хорошкевич А. Л.* Судебник... С. 127–129, здесь с. 127.

[174] Сам факт расхождений между ст. 9 Судебника 1497 г. и ст. 61 Судебника 1550 г. отмечался в историко-юридических исследованиях, однако не комментировался в связи с «Записками о Московии» Сигизмунда Герберштейна и челобитными Ивана Пересветова. См., напр.: *Шахматов М. В.* Государство правды. М., 2008. С. 150.

[175] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2. С. 329–330.

[176] *Чистяков О. И.* Рец. на кн.: *Штамм С. И.* Судебник 1497 года... // Советское государство и право. 1956. №9. С. 146; Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 70–72, 150.

[177] СИРИО. Т. 71. С. 540. Возможно, слова Панов рады апеллируют непосредственно к Судебнику 1550 г. Его нормы мог подсказать защищавшийся от навета А. М. Курбский, который на приеме московских послов заседал четвертым справа от епископа виленского Валерьяна Протасевича. См.: Там же. С. 536.

[178] *Backus O. P.* Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1970. Bd. 15. P. 137–140, особенно p. 138–139, прим. 83, цит. с p. 139. Проекты И. С. Пересветова в статье О. П. Бакуса не обсуждаются.

те Пересветова и Судебнике Ивана IV «коромола» распространялась на отказывающихся нести военную службу, на окружение царя в мирное время. Отныне в семантике «коромолы» отчетливо обособлен пласт, касающийся дезертирства в мирное время, а также раскола внутри государства, направленного на организацию антигосударственного заговора, покушение на полноту власти или на здоровье царя и его семьи. Это как раз и вызывает интерес: общее обозначение высших государственных преступлений «коромола» потребовалось в середине XVI в. обособить от военного преступления, которое на современном языке наиболее точно было бы обозначить словом «дезертирство». В каком-то смысле этот смысловой сдвиг вел к сближению московского права с современным ему европейским, в котором различались преступления против государя (crimen majestatis imminutae) и дезертирство (perduellio)[179]. Однако та взаимозаменяемость двух высших уголовных преступлений, которая видна еще в терроре Ивана Грозного, является показателем неразличения между ними в московском праве второй половины XVI — начала XVII в.

Говоря о «правде» и «изменниках», Пересветов защищал нормы, еще не принятые в Москве, но уже нашедшие воплощение — в Литовском Статуте 1529 г. Артикул 2 раздела 1 Статута 1529 г.: «Хто бы кольвек с подданых наших с панства нашого втек до земли неприятелей наших, таковый кождый честь свою тратить, а именье его отчизное и выслужоное, и купленое ни детем, ани близким, только на господара»[180]. В других частях Статута к перебежчикам приравниваются их соумышленники и пособники, дезертиры и лица, уклоняющиеся от военной обязанности[181]. Примечательно, что Статут ограничивает побегом от господаря спектр преступлений *laesae crimine majestatis*, как если бы побег за пределы Великого княжества Литовского был единственной или образцовой формой оскорбления величества господаря. Этот диссонанс с земскими привилеями XV — начала XVI в. может быть истолкован как знак сохранения обособленности между господарским и земским правом, однако нельзя исключать и то, что господарь отказывался от привилегии карать за оскорбление величества, в котором не наблюдалось уголовного преступления, подпадающего под земское право. Если верно такое истолкование данной нормы, по доказать измену против господаря можно было отныне, только доказав измену против государства (хотя «здрадой» преступления против господаря не ограничивались). При этом вплоть до королевского привилея 1 июля 1566 г., утвердившего II Литовский Статут, наказание за государственную измену распространялось не только на виновного, но и на его ближайших родственников. Это, по мнению историков литовского права, был уже новый шаг в развитии правовой мысли. Коллективная ответственность за преступления уже в Первом Статуте была существенно ограничена, и в этом обнаруживается воздействие римско-канонической правовой традиции, возможно — опосредованное германским и польским средневековым правом[182]. Ответственность за *crimen lesae majestatis* Статут при этом сохраняет в силе, приравнивая к оскорблению величества дезертирство и побег из страны[183].

В России только царь Василий Иванович Шуйский в крестоцеловальной грамоте от мая 1606 г. отменил семейную ответственность за государственную измену, а позднее требование

[179] *Koranyi K.* O niektórych postanowieniach karnych Statutu litewskiego z r. 1529: (Studjum prawnoporównawcze) // Księga pamiątkowa... S. 140–141. Понятие «дезертирство» не вполне точно отражает значение восходящего к римскому праву понятия "perduellio", означающего преступление против государства. Впрочем, двуединство крамолы и сдачи города приближается, по составам преступления, к бинарной конструкции покушения на государственную личность или землю.

[180] Первый Литовский Статут. С. 66.

[181] См. I Статут арт. 3–4, разд. 1, а также разд. 2, особенно арт. 3, где санкция для уклоняющихся от военной службы «оселых» шляхтичей-землевладельцев — потеря имения, а для наемников — «таковый кождый честь свою тратить, якобы з битвы втек» (старопольск. "iakobi z bitwi uciekl", лат. "perinde ac si de prelio aufuisset") (Там же. С. 94–97). См. также: *Яковенко Н.* Українська шляхта з кінця XIV — до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна. Вид. 2-е, перер. і випр. Київ, 2008. С. 46–48.

[182] Кароль Кораныи показывает, что круговая порука в литовской обычном праве охватывала больший круг лиц, чем в аналогичных нормах Вислицкого Статута 1347 г., о чем свидетельствует включение Литовским Статутом в круг лиц, не несущих ответственность за преступление, жены и слуг преступника. Исходным основанием для ограничения круга ответственности за преступление в средневековом каноническом праве, как и в позднеримском, служили Второзак. 24: 16, Иерем. 31: 30 и Иезек. 18: 4, 20, в которых упомянуты только отец и сын. Нормы Вислицкого Статута нашли воплощение уже в земском привилее короля Казимира Ягеллончика 1457 г. Исключение жены из списка ответственных за преступление содержится уже в этом привилее и привилеях отдельным землям Великого княжества Литовского, в частности в Киевском привилее 8 декабря 1507 г.: *Koranyi K.* O niektórych... S. 123–157, здесь s. 128–137, 140.

[183] *Бардах Ю.* Литовские Статуты — памятники права периода Возрождения // Культурные связи... С. 76; *Bardach J.* Statuty litewskie... S. 25–26.

не карать родственников изменника, «которые того учинку не помогали и не ведали», было внесено в статьи посольства патриарха Филарета к Сигизмунду III в январе 1610 г.[184] До эпохи Смуты, и в том числе во время реформ и опричнины Ивана Грозного сохранял силу общий для Судебников Ивана III и Ивана IV и I Литовского Статута принцип семейной поруки[185]. Иван Пересветов воплощает ту же идею семейной ответственности за измену в словах Магмет-салтана: «Кто не хощет умрети доброю смертию, играючи с недругом смертною игрою, ино он умрет же от моея опалы царския смертною казнию, да нечестно ему будет и детем его»[186]. Впрочем, напрямую о казни детей виновного Пересветов не говорит, ограничиваясь наказанием в виде *бесчестья*, т.е. понижения их местнического статуса или потери ими «честного» положения.

Помня о миссии патриарха Анастасия в возрождении симфонии «веры» и «правды» в Византии, было бы логично обратиться к тому, как и кем был утвержден светский суд в царстве Магмет-салтана и в России после Ивана Пересветова. Магмет, как мы помним, ввел «правду», опираясь на греческие книги, и хотел было даже принять христианство. А в России Судебник Ивана Грозного был утвержден на «Стоглавом» церковном соборе (И.Н. Жданов называл его «церковно-земским»)[187]. Никаких литовских аллюзий в церемониале утверждения московского свода законов не было и не могло быть. Они были закамуфлированы и у Ивана Пересветова. Византийско-османские параллели его проекта были более приемлемыми для московской элиты, верившей в материализацию Третьего Рима и только что, 1 апреля 1549 г., получившей от реального султана Сулеймана грамоту, в которой великий князь московский титуловался королем — это слово было переведено посольскими служащими русским «царь», что означало признание Османской империей Ивана IV равным султану и европейскому императору[188].

Положительный образ Османской империи в челобитье Ивана Пересветова не был вызывающим для московских современников. Неверные, разрушившие восточнохристианскую империю, осуществили гнев Божий над вероотступниками и укрепили православие, в этом смысле выступив не разрушителями, а наоборот, спасителями христиан. По словам псковского Филофея, а возможно, и его соавторов, «еще убо агарины внуци греческое царства приаша, но веры не повредиша, ниже насилствуют греком от веры отступати»[189]. Мудрость «Магмет-салтана» проявилась в утверждении праведной веры, что привело к возвращению греков в лоно православия, но на сей раз лишенного симфонии со светской властью. Для России это означало, что единственное православное царство находится в Москве, а подлинная вера господствует в двух царствах из трех, в бывшем втором и в реальном третьем Риме[190]. Османский образец для имперского строительства был метафорой, в которой, как в губке, было собрано всё самое передовое в светской сфере. Власть султана была для московитов светским идеалом, она внушала мысль, что возможно светское преобразование, светская справедливость, светская война и т.д., и это разделение конфессиональной «веры» и светской «правды» не нанесет ущерба ни духовной, ни мирской жизни.

В этом направлении и следовало бы развить концепцию заимствований В.Ф. Ржиги и ответить на призыв А.А. Зимина искать «прямое

---

[184] СГГД. М., 1813. Т. 2. С. 299; ААЭ. Т. 2. С. 102; ПСРЛ. М., 2000. Т. 14. С. 69; *Дмитриевский А.А.* Архиепископ елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезуитского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 137. См. также: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 5-е изд. / отв. ред. Я.Н. Щапов. М., 1994. С. 302; *Черепнин Л.В.* Земские соборы... С. 154–156; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 120–121.

[185] Восприятие этой нормы жителями России и приезжающими в страну иноземцами изучено нами в другом месте. См. нашу монографию «Император Святой Руси».

[186] СП. С. 159.

[187] *Юрганов А.Л.* Категории... С. 47–52.

[188] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 83.

[189] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. Приложения. С. 43; *Пашуто В.Т.* Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян // Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 61 (ссылка на мнение А.Л. Гольдберга).

[190] Иного взгляда придерживались в России при учреждении патриаршества. Во время церемониальных взаимных просьб о благословении патриархов Иова и Иеремии 27 января 1589 г. Иеремия будто бы сказал, что вселенскому патриарху подобает быть в Москве, «а в старом Цареграде, за наше согрешение, вера христианская изгоняется от неверных турок» (*Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. Репринтное воспроизведение. Париж: YMCA–PRESS, 1959. М., 1991. С. 33). Впрочем, в уложенной грамоте об учреждении патриаршества в России от лица патриарха Иеремии сказано лишь о том, что второй Рим — Константинополь — находится под властью безбожных турок, о вере при этом речи не идет (Там же. С. 36).

влияние» публицистики Великого княжества Литовского и Короны Польской на московского европейца середины XVI в. Проект И. Пересветова вписывается в идею О.М. Гаштольда (Б.М. Семашко) и содержит выразительные литовские коннотации. Широко понятая Пересветовым христианская религиозность, которая не выражена четкими конфессиональными рамками, сопряжена с астрологией и о которой может рассуждать правоверный мусульманин Магмет-салтан, защищена «правдой», под которой, как мы видели, в челобитных и других текстах сборника понимается праведный и равный для всех суд, светский закон, служащий гарантией того, что праведная вера приведет к праведным поступкам.

Польские и литовские современники реформ Избранной рады высоко оценивали их результаты. Литовский автор, подавший в 1551 г. под именем Михалон Литвин «Трактат о нравах татар, литовцев и москвитян» Сигизмунду II Августу и позднее переработавший свой текст, видел в Московии середины XVI в. опасного соперника, идущего ровно по тем путям преобразований, по которым, как он считал, необходимо следовать и Великому княжеству Литовскому. Более того, ученый русин намекает современникам, что Московское государство выросло, правильно соединив юридические нормы Великого княжества Литовского и татарскую воинственность: «А москвитяне (Moscovitae) хвалятся тем, что от нас переняли законы Витовта (leges Vitowdinas), которыми мы уже пренебрегаем, а от татар — оружие, одежду и способ ведения войны без обозов, редкостных яств и напитков»[191]. Под «законами Витовта» в другом месте своей работы Михалон подразумевает мобилизованность и трезвость московитов под властью великого князя, военную дисциплину во всем обществе, что могло восприниматься в шляхетском обществе середины — второй половины XVI в. как воплощение идеалов литовского суверенитета рубежа XIV–XV вв.

Общие задачи своего отечества Михалон Литвин видит так же, как и Иван Пересветов. По его мнению, республика должна усилить свои позиции на границах с татарами[192]. Не соглашусь с А.Л. Хорошкевич, когда она обнаруживает отличие Пересветова от Литвина в охвате проектов: «Пересветов же ограничивается прагматическими предложениями по организации обороны»[193]. Переустройство армии неотрывно в проекте Пересветова от переустройства общества, политики и правовой сферы. Не подтверждается и тезис А.Л. Хорошкевич о том, что Пересветов призывает расширить территорию Российского царства «не только за счет южных и восточных соседей, но и за счет западного — Литовского княжества, в состав которого входили земли, в домонгольское время объединенные названием Русь и властью первых Рюриковичей»[194].

Проект Ивана Пересветова был востребован в реформах Избранной рады. Трудно сказать, имел ли он форму проекта-петиции, как допускали исследователи[195]. Рассуждения о поддержке «воинников», готовых в любой момент встать на защиту царя и отечества, позволяют сравнить его понятие воина с шляхтичем[196]. Идея правительственного легковооруженного войска И.С. Пересветова сходна с целями реформы по наделению землей в Подмосковье «избранной тысячи». Сошная реформа, сравнимая с «волочной померой» Сигизмунда II Августа во владениях королевской семьи и Короне Польской, восходит в своем проекте к постановлению Краковского сейма 1515 г. Наместничье управление было отмечено Пересветовым как проигрышная отличительная черта московской системы управления, и — в середине 1550-х гг. правительство Ивана IV пошло на ограничение числа наместничьих назначений. Стрелецкое войско, созданное Иваном IV в 1550 г., хотя и не насчитывало 20 тыс. воинов, состояло на казенном жаловании, как предлагалось в Большой челобитной. Оборонительные укрепления типа гуляй-поле, предложенные в челобитных Ивана Пересветова, оправдали себя уже в столкновениях с татарами в 1552, 1555, 1591 гг., а затем неоднократно в Смутное время. Главная мишень Большой челобитной, конечно, не была подсказкой царю — против поволжских татар и Казани открытая война уже велась, и на фоне неудачных походов царского войска челобитная Пересветова открывала путь устроения и очищения государства перед лицом большой войны[197].

---

[191] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В.И. Матузовой; отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М., 1994. С. 85.

[192] *Хорошкевич А.Л.* Михалон Литвин... С. 207–211.

[193] Там же. С. 207, см. также с. 209–210.

[194] Там же. С. 208–209.

[195] Об этом см. здесь ниже в разделе «Иван Семенович Федоров-Пересветов».

[196] Само понятие «воинник», конечно, существовало в древнерусской культуре: СДЯ. Т. 1. С. 462.

[197] Описания московских подвижных крепостей свидетельствуют о том, что «гуляй-поле» представляло собой соединенные в один состав повозки, на них — прочные щиты с бойницами, из-за которых стрельцы вели об-

Общероссийский свод законов, «Судебник», был создан в 1550 г. и утвержден на Стоглавом соборе 1551 г. А.М. Курбский основной результат реформ Избранной рады видел в том, что предлагалось в проекте И.С. Пересветова: создан равный для всех справедливый суд и усовершенствовано военное дело, что позволяет вести войну против внешних врагов христианства[198]. Позитивное мнение о результатах московских реформ «начала царства» сохранялось в Речи Посполитой и много лет спустя после смерти реформаторов и царя Ивана IV. Об А.Ф. Адашеве уважительно вспоминал архиепископ гнезненский Станислав Карнковский в 1585 г., превозносся его политические таланты и сравнивая с ним Б.Ф. Годунова[199]. Не исключено, что об этих реформах хранили добрую память сами московиты в эмиграции. Европейские современники понимали язык, разработанный Иваном Пересветовым в его сочинениях. Спор о «правде» не прекращался в посольском деле, где московская сторона ссылалась на христианскую справедливость как на «правду», а нарушения христианского мира представляла как «неправду». Вопрос о том, кто из государей блюдет «правду», был постоянным предметом разногласий в правление Ивана Грозного. Староста черобыльский и оршанский Филон Семенович Кмита вступил даже в спор с наместником смоленским кн. Иваном Андреевичем Шуйским, упрекнувшим католические страны в несоблюдении «правды». В ответ наместник царя прочитал следующее: «И пишеш, что в латынских господарьствах через договор многие неправды обявилис: господарьских послов и посланников задерживают. И господаря твоего величеству верити тому нечему, ино князь Иван Андреевич Шуйской, как еси тое неправды не всоромился писати. И яз тебе не по своему, по твоему пишу право по крестному: лжеш, что в латынских господарьствах правды не было. В латынских господарьствах правды и доброты изначала добре много. А то есми тебе поистинне сказал»[200].

Знакомство кн. А.М. Курбского с Иваном Федоровым могло быть и заочным, но Львовский Апостол 1574 г. содержит цитатное совпадение с сочинениями Курбского, а работы Федорова над Острожской Библией велись позднее при каком-то участии князя Андрея Михайловича[201]. В сочинениях Курбского и Пересветова обнаружены между тем совпадения, которые не сводятся к прославлению реформ Избранной рады. Оба автора, вероятно вслед за Максимом Греком, транслируют в своих сочинениях идею о том, что Мехмед II намеревался принять христианство. И оба говорят о том, что «патриарх Анастасий» (сходно ошибаясь в имени — это был Геннадий II) препятствовал султану в уничтожении греческих книг[202].

Иван Семенович Федоров-Пересветов

В этой тройной связке сомнение вызывает необходимость знакомства князя Андрея Курбского с двумя различными интеллектуалами, сведения о которых не противоречат друг другу и не позволяют с определенностью говорить о существовании двух различных Иванов как таковых. Имя Ивана Федорова, казалось бы, составлено из личного имени «Иван» и отчества «Федоров сын» или «Федорович». Никаких других сведений о фамильном происхождении Ивана у нас нет. Исследователи, и надо признать, весьма авторитетные специалисты по его биографии и творчеству, в последнее время склоняются к выводу, что сохранившиеся части его имени — это именно личное имя и отчество. Конечно, не выдерживает никакой критики предположение о том, что прозвище «Москвитин», которое

стрел противника. См.: *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке. Л., 1970; Scritti politici di Ivan Semënovic Peresvetov / a cura di G. Maniscalco Basile. Milano, 1976. P. 26.

[198] СК. Л. 7 об. — 8 об.

[199] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб 933–934. С.О. Шмидт принимает этот комплимент гнезненского архиепископа как аргумент в пользу высокого придворного статуса А.Ф. Адашева (*Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 83). А.И. Филюшкин оспаривает точку зрения С.О. Шмидта ссылкой на ответ посла Л. Новосильцева о том, что «Олексей был разумен», а Б.Ф. Годунов — «то не Олексеева верста, то великий человек» (*Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 242–243, ниже цит. со с. 243). На наш взгляд, местническая оговорка Л. Новосильцева подчеркивает не то, что А.Ф. Адашев «не являлся временщиком», как пишет А.И. Филюшкин, а лишь то, что Б.Ф. Годунов — еще значительнее и весомее Адашева. На фоне только что подавленного опричного мятежа Б.Я. Бельского сравнение Бориса Годунова с Алексеем Адашевым всё же звучало в поддержку того устройства московского двора, которое воспринималось в Короне Польской как соправление Ивана IV с А.Ф. Адашевым. И это сравнение могло понравиться царю Федору Ивановичу и было занесено в отчет его послом.

[200] ПК-79-7. Л. 1196 об. — 1197. Публикацию ср.: СИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 604 (Ф.С. Кмита — И.А. Шуйскому. [Смолянны, май] 1569 г.).

[201] Об этом см. подробнее здесь в подразделе «Андрей Курбский в эмиграции».

[202] *Юсим М.А.* «Мудрость царева»... С. 63–64.

применялось к Ивану только в эмиграции, является его фамильным прозвищем. Этот взгляд без какой-либо аргументации выдвигает А. С. Мыльников и отстаивает Е. Л. Немировский[203]. Тезис о фамильном значении прозвища «Москвитин» в XVI — начале XVII в. ничем не обоснован[204]. Все построения о втором имени московского первопечатника Ивана «Федоров» — не более чем догадки.

Имена печатника Федорова встречаются многократно в предисловиях и послесловиях его книг, а также в документации Короны и Литвы. Нигде он не упоминается с большим числом имен, чем первое «Иван», второе «Федоров» и прозвище «Москвитин» (или их эквиваленты): «Иоанн Федоровичь друкарь Москвитин», «Иоанн Феодоров сын з Москвы», «Иван Феодоров сын Москвитин», "Ἰωαννος τοῦ Θεοδωρου", «Иван Федорович друкар русский», «Иван Москвич друкарь русских книг», «Иван Москвич печатник русских книг», "Ioannes Fedorowicz Moschus, typograghus Græcus et Sclavonicus". В фонетических традициях Польши и Великого княжества Литовского его имя звучит также «Хведорович», «Ходорович». На его надгробном камне в 1875 г. всё еще виднелось: «Федоровичь». Родился ли он от Федора или от Федорова, на основе приведенных данных сказать невозможно. В одной из версий своей биографии Ивана Федорова Е. Л. Немировский отклоняет идею, что «Москвитин» или "Moscus" — это его фамильные прозвища, но пришел к выводу, что его отца звали Федором[205]. И. Мыцко поддержал этот вывод[206]. Но вот вопрос — а почему? Для такого вывода нет оснований, кроме патронимического звучания суффиксов *-ов*, *-вич* и формального патронима *-ов сын*. Это слабый ориентир. Греческие и кириллические формы в имени Федорова, маркирующие его «сыновий» статус, появляются только в источниках за пределами России, в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, где формانты *-ов* и *-ов сын* во втором имени маркировали московское происхождение личности, а *-вич* — имел широкое значение, несходное с его

Иван Грозный. Оттиск на переплете печатного «Апостола» Ивана Федорова и Петра Мстиславца, 1564 г. Из собраний Государственного исторического музея. Мультиспектральная съемка — А. В. Андреев, М. Н. Жижин, Е. В. Уханова, 2017 г.

московским аналогом (маркирующим высокий придворный статус), и часто образовывал имено по третье имя (фамильное прозвище)[207]. Более убедительным, таким образом, остается предположение М. Ковальского, что «Федоров» — это фамильное прозвище печатника[208].

Е. Л. Немировский не комментирует и еще один факт, недостаточно надежный, однако им самим признаваемый. Московита-студента Краковской академии конца 1520-х — начала 1530-х гг. Ивана Федорова он отождествляет с печатником Иваном Федоровым. Это единственный случай, когда имя Ивана сопровождается указанием местности, из которой он происходит: "de Phyetkowycze"[209]. Описательный элемент его имени сконструирован по правилам местного польского и русского языка, хотя сформулирован на латинском. Он определяет не столько земельное владение, сколько имя предка. Этот принцип соблюдается и в других имматрикуляционных

[203] *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 348–349; *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха: Энциклопедия. М., 2010. С. 39–40.

[204] См. нашу монографию "Natione Moscus".

[205] *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. С. 15–17, цит. на с. 17. См. также: *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 39.

[206] *Мицько І.* Іван Федоров: життя в еміграції. Острог, 2008. С. 8, 16–19.

[207] См. подробнее: *Казакоў А. У.* Эміграцыя знаці... С. 29, 31–35, 96, 145, 151; *Ерусалимский К. Ю.* Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 339–340, 369–370, 415–418. См. также дискуссию в монографии "Natione Moscus".

[208] *Ковальский Н. П.* Связи западноукраинских земель с Русским государством (вторая половина XVI — XVII в.). Дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1956. С. 460–461.

[209] *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. С. 17–19; *Ісаєвич Я. Д.* Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. Львів, 1975. С. 39.

Надгробная плита Ивана Федорова. Реконструкция А. С. Уварова, 1873 г. См.: Немировский Е. Л. Иван Федоров и его эпоха: Энциклопедия. М., 2010. С. 529–530.

записях Краковской академии. Это заставляет не согласиться с концепцией Е. Л. Немировского и Я. Д. Исаевича, когда они пытаются прочитать "Phyetkowycze" как латинскую адаптацию для "Pi(e)tkowic(z)e" или "Piątkowic(z)e". Не Петковичи и не Пьопткович — а именно «Федковичи». В топониме отражен патроним, а следовательно, вероятно, что второе имя студента Ивана происходит от имени его предка, по имени которого названо имение. Вряд ли это отец, вероятнее — дед или более древний предок.

Сын печатника Ивана Федорова появляется в источниках под именами "Iwan Drukarzowicz", «Иван Друкаревич», «Иван Переплетчик»[210]. Нет источников, подтверждающих предположение, что Иван Федоров-младший использовал для самоидентификации свое имя и патроним «Иван Иванович». В судебных книгах Львовского магистрата его патроним не упоминается[211]. Так, 4 сентября 1582 г., еще при жизни отца, Иван Иванович на Львовском магистрате подписывает долговой договор с местным русином Иваном Минцевичем на 95 зл., обязуясь вернуть полную сумму в три приема в 1584 г. ко дню св. Агнессы. В акте он выступает только как Iwan Drukarzowicz[212]. Таким образом, он называет себя, избегая указывать в качестве второго имени свое отчество, выбирая вместо этого иные способы идентификации своего происхождения: род своей деятельности (*Переплетчик*) или род деятельности своего отца (*сын Друкаря*, *Друкаревич*, т.е. сын печатника). В целом не было бы ничего исключительного, если бы Иван Федоров-старший, как и его сын, решил не использовать при обозначении своего происхождения имени отца. В социальных контактах было достаточно указания на фамильное имя и род деятельности (*Drukar*, *Друкар*), к которым добавлялись в его случае и маркеры эмигрантского статуса (*з Москвы*, *Москвитин*, *Москвич*).

Итак, нет надежных аргументов в пользу предположения о том, что нам известно отчество Ивана Федорова. Более вероятным, учитывая приведенные выше наблюдения, представляется, что «Федоров» – это фамильное прозвище первопечатника. Однако что нас заставляет предположить, что его отца звали Семен, а своим далеким предком в конце XIV в. он считал героя Куликовской битвы Пересвета?

Прежде всего этой гипотезе отвечает комплекс данных о службе Ивана Москвитина, о котором мы знаем из материалов Варшавского архива войсковой казны, и учебе Ивана Федорова Москвитина. Если первого мы отождествляем с Иваном Москвитином, попавшим в плен к Петру Рареш в битве на реке Серет, и с Иваном Пересветовым, то второго уже неоднократно исследователи отождествляли с будущим печатником Иваном Федоровым. Что же нас подталкивает полагать, что все эти Ивана — одно лицо?

---

[210] *Ptaszycki S.* Iwan Fedorowicz, drukarz ruski we Lwowie z końca XVI wieku. Ustęp z dziejów drukarstwa w Polsce. Dodatki // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1886. T. 11. S. 21–43.

[211] Ср.: *Немировский Е.Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 39, 45, 377.

[212] КМЛ-18. С. 896–897 (Дата: За четыре дня до праздника Рождества Богородицы 1582 г.).

Как мы уже отмечали, Иван Пересветов в своих сочинениях заимствует из Османской империи идеал образованного гражданина. Как и Константин Михайлович из Островицы в своих «Записках янычара» (1490–1501), Иван переносит на христианское государство опыт мусульманской империи, в которой воины свободны от уз рабства, правитель не потакает вельможам и, как Александр Македонский, проявляет великодушие к внешним врагам. Идеал выражен в похвале турецкого царя, который поощряет образованных воинов («у турского царя по триста тысящ ходит против недругов ученых людей храбрых»)[213]. Христианские правители, и в их числе юный Иван IV, должны копировать эту социальную организацию. Иван Пересветов — один из граждан этого воображаемого воинства. Он собеседник мудрецов, докторов и философов[214]. Вряд ли у него, простого наемного воина, было много времени, чтобы встречаться с ними часто и беседовать, как он беседовал по воле судьбы с Петром Раренем. Проще допустить, что Иван был студентом, он учился в университете, где и застал в конце 1520-х гг. дискуссии об усилении Османской империи. Если обратиться к автобиографии Ивана, единственный университет, в котором он мог учиться беспрепятственно, одновременно состоя на службе польского короля Сигизмунда Старого, была в это время Краковская академия. В первой половине XVI в. Академия была центром католической учености, одновременно — высшим учебным заведением для русинов со всего Великого княжества Литовского. Как отмечает Х. Барыч, в XVI в. в Академии религиозная строгость ослабла. Начало XVI в. было временем, когда еще не сказывалась взаимная агрессия Реформации и Контрреформации, а отношение к схизматикам было подчеркнуто открытым. Появилась мода на придворную одежду, даже на военный костюм, что свидетельствовало о включении университета в шляхетскую культуру[215]. Согласно подсчетам Г.Я. Голенченко, за этот период только 1% студентов Академии составляли литвины и русины[216]. Число московских выпускников практически равно нулю, причем имена студентов известны, записи донесли их с указаниями их происхождения, год за годом, выпускники уезжали с дипломами, получая назначения на церковные кафедры.

Только один студент-московит известен в инматрикуляционном инвентаре за период, когда Иван Пересветов мог находиться на территории Короны и Литвы. Его имя фигурирует в инвентаре 1529 г.: "Joahannes Theodori de Phyetkowycze" или "Joannes Theodorus Moscus". Со степенью бакалавра он закончил учебу в 1532 г. Это — Иван Федоров из Федковичей. По предположению Е.Л. Немировского, он же упоминается и после выпуска вплоть до 1534 г. под именем «Федор». Затем его следы теряются. При всей иронии, которая только возможна в отношении гипотезы тождества Ивана Федорова из краковских реестров с печатником Иваном Федоровым (ну да, ну да, единственный Иван Федоров на всё Московское государство... и т.д.), данное отождествление требует строгого опровержения, поскольку имена других эмигрантов из Московской Руси на землях Ягеллонов нам за этот период известны во множестве[217]. И не выдерживал критики аргумент о том, что выпускник Краковской академии Иван Москвитин стал каноником краснoставским. Как убедительно показал И. Мыцко, запись о данном назначении относится к другому выпускнику (Адаму из Кузелов). Она выступает в реестре отдельно от имени Ивана Федорова[218].

Кто еще? Какой еще Иван из Московской Руси учился в Европе в 1520-е — 1530-е гг.? Московитов в университете были единицы — пленные Стародубской войны Лыковы вызывали восторг

[213] СП. С. 158.

[214] *Philipp W.* Ivan Peresvetov... S. 88–94.

[215] *Barycz H.* Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego w epoce humanizmu. Kraków, 1935. S. 645. См. дискуссию о роли католицизма в образовании в Краковской академии в XV–XVII вв.: *Machaj D.* Zawsze wierny? Sytuacja wyznaniowa w Uniwersytecie Krakowskim w XVI i XVII w. // ORP. Warszawa, 2015. T. 59. S. 95–135, особенно s. 103–105.

[216] *Голенченко Г.Я.* Студенты Великого княжества Литовского в Краковском университете XV–XVI вв. // Культурные связи народов восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976. С. 228–240.

[217] Отвергает отождествление Ивана Федорова из реестров Краковской академии с печатником Иваном Федоровым Н.П. Бондар: «На наш взгляд, реалии пребывания Ивана Федорова в Москве, а позднее в Заблудове, Львове и Остроге не подтверждают, а скорее противоречат этой версии. В частности, не прослеживаются какие-либо давние культурные польские связи печатника, которые не могли бы не сложиться во время его обучения. Однако, безусловно, печатник был хорошо знаком с европейской книжностью, культурой и традициями латинского книгоиздания и выступал их убежденным приверженцем» (*Бондар Н.* Издательская программа Ивана Федорова и Петра Мстиславца // CASS. 2017. №51. С. 213–214). Мне представляется, что в этом контраргументе украинской коллеги больше слов поддержки тезиса о европейской образованности печатника Ивана Федорова, чем доводов против идентичности двух Иванов Федоровых.

[218] *Мицько І.* Іван Федоров. С. 15–16.

просвещенного беглеца, князя Андрея Курбского как выдающиеся исключения в московской элите[219]. Еще одно такое исключение, много лет спустя, — блистательный книжник-переводчик и сотрудник того же князя Андрея Курбского эмигрант князь Михаил Ноготков Оболенский[220]. Кто может быть назван кроме них — вплоть до конца 1570-х гг., когда иезуиты начали свой восточноевропейский проект? Иван Грозный писал Стефану Баторию в 1581 г.: «...а здеся тово обычая не ведется в нашем русском, что по науком господарским детем ездити»[221]. У нас не принято отправлять детей государя на учебу в университеты. Ученый собеседник докторов и философов, начитавшийся и наслушавшийся о падении империй, Иван Пересветов был, несомненно, для своего времени белой вороной. Студент Краковской академии Иван Федоров тоже был белой вороной. Они могли учиться в Академии примерно в одно время. Но никаких следов учебы двух Иванов в Кракове нет. Есть только один студент Иван Москвитин — Иван Федоров. И в этом случае аргумент ex silentio приобретает немалую силу, поскольку Иван Пересветов не мог ходить незаметно на лекции, не оставив по себе никакого следа в записях Академии. Логично было бы предположить, что Иван Пересветов и был тем московитом, который под именем Ивана Федорова учился в Кракове около 1529–1532 гг.

Увы, о жизни Ивана Федорова между 1532 (1534) и 1564 гг. нет прямых свидетельств. На момент эмиграции в Великое княжество Литовское он трудился на Московском печатном дворе, и позднее — в Речи Посполитой, где на всю жизнь остался в сознании современников «московитом». Это было типично для эмигрантов в первом поколении. Избавиться от идентификации по своей родине до жизни в Короне и Литве, до королевской службы было практически невозможно. Если относиться к формуле "de Phyetkowycze" буквально — то его отец был сыном боярским и владел имением Федковичи (или Федорово). При этом, конечно, исключено, что он был выходцем из литовской шляхты. Его московское прозвище выдавало местонахождение родового имения[222]. Известно, что не менее нескольких лет к весне 1563 г. он служил дьяконом в храме Николая Гоступского и готовил вместе с эмигрантом Петром Мстиславцем кремлевские печатные издания. Больше — ничего, вплоть до выезда Ивана Федорова из Москвы и последнего по хронологии упоминания Ивана Пересветова — в описи царского архива.

В ящике № 143 (нумерация условная) Царского архива наряду со «списками доводными...», т.е. доносами «на Якова Щелкалова» и «иными списками» хранился «черной список Ивашка Пересветова да Петра Губастого»[223]. Содержимое ящика до наших дней не дошло. Опись — всё, что мы имеем. Она отражает состояние личного (или компактного) архива Ивана Грозного на 1570-е гг., но сохранилась только в копиях XVII в. Как и в случае с «Иваном Федоровым» в Краковской академии (идентичен ли он московскому и польско-литовскому печатнику), нет гарантий, что «Ивашка» из этой описи имеет хоть какое-то отношение к автору челобитной и других сочинений Сборника Пересветова. Однако согласие в науке установилось, и мы будем исходить из того, что это всё же именно он. Как справедливо отмечали А.А. Зимин и Я.С. Лурье, «черный список» мог содержать «материалы следственного процесса»[224]. Впрочем, позднее А.А. Зимин от этого вывода отказался и принял ранее оспоренную им точку зрения — что в ящике № 143 хранились именно челобитные 1549 г. Свою предыдущую точку зрения ученый отвел словами: «В настоящее время это объяснение мне уже не кажется единственно возможным и даже, на мой взгляд, оно менее вероятно, чем традиционное»[225]. Дело в том, что «единственно возможными» не являются оба предположения. Они оба построены на череде догадок. Причем обе опираются на соседнее имя Петра Губастого. В более ранней интерпретации А.А. Зимина речь шла об историческом Губастом, служившем «по Боровску, как и еретик Матвей Башкин», тогда как в сочинениях Ивана Пересветова А.А. Зимин обнаруживал сходство с высказываниями Башкина. Всё это очень тонкая, почти неуловимая связь: один из Губастых, но не Петр... отзвук идей, близких, но не идентичных... На всем этом невозможно построить концепцию. В новой

[219] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 408–409.

[220] О нем см. здесь в главе «Давыд Бельский: этос изменника».

[221] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. Стб 207 (Старица, 14 сентября 1581 г.).

[222] *Немировский Е.Л.* Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете // Советское славяноведение. 1969. С. 46–67; *Ісаєвич Я.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002. С. 106.

[223] Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / подг. текста, коммент. А.А. Зимина; под ред., предисл. Л.В. Черепнина. М., 1978. Ч. 1. С. 68 (л. 296 — 296 об.).

[224] ГАР. Ч. 2. С. 336; БЛДР. Т. 9. С. 556.

[225] ГАР. Ч. 2. С. 336.

версии исследователь предлагает рассматривать актовое окружение записи о «черном списке» в контексте событий 1549–1550 гг., а имя Петра Губастого отождествляет не с каким-то деятелем под такой фамилией, а с Петром IV Рареш. Его имя «Рареш» производится от *простак, губошлеп*, отсюда — *губастый*[226].

Эта последняя концепция не убеждает, хоть она, возможно, и более «традиционная». Во многих ящиках архива были сложены «дела» за разные годы, но материалы Якова Семеновича Щелкалова должны были, согласно этой версии, совпадать по времени с материалами Ивана и Петра. Почему? Тем более что само предположение о «совпадении» держится на догадке о том, что исчезновение Якова из источников около 1549–1550 гг. было результатом доноса именно около этого времени, а этот донос отложился в царском архиве. Это цепочка предположений. Как представляется, ближе к истине всё же именно первая концепция А. А. Зимина. Не может так быть, чтобы в одном ряду упоминался простой сын боярский (вообще неизвестно кто по социальному статусу) Иван и родич Ивана Грозного волошский господарь Петр Рареш, да еще и с уничижительным прозвищем. Это немыслимо. Кроме того, в архиве вряд ли лежали литературные произведения или проекты преобразований. Остальные ящики исключают такую возможность. Да и лежащие рядом с «черным списком» материалы говорят об ином. Документы, касающиеся Ивана и Петра, были, по всей видимости, следственным делом, материалами суда, свидетельскими показаниями, доносом. Причем неясно, в каком именно качестве выступают в этих материалах Иван и Петр. Возможно, в качестве обвиняемых или подозреваемых, но может быть — и в качестве доносчиков.

Если обратиться к наиболее резонансным политическим процессам эпохи опричнины, то целый ряд из них обнаруживается в архивной описи. «Дела» Алексея Адашева, Тимофея Тетерина, Андрея Кашкарова, кн. Андрея Курбского, казненного в опричнину дьяка Ивана Юмина, обширное «дело» архиепископа Пимена и новгородской «измены» хранились в ящиках № 191 и 223[227]. Расследование «измены» князя Семена Ростовского и, возможно, еще больше подшивка следствия по «делу» Владимира Старицкого в ящике № 174[228]. В описи документации Посольского приказа 1614 г. есть даже специальные пометы о ящике с речами опальных и списками их имущества. Содержимое этого ящика нам неизвестно. Но секретное царское хранилище было приспособлено в наименьшей мере для литературных аллегорий и рассказов о Турции и Молдавии. Кроме того, определение «черный список» мало подходит к подносной рукописи, которая была вручена царю на одной из самых торжественных церемоний праздничного календаря. Послание кн. Андрея Курбского, «Хроника всего света» Марцина Бельского, литовская летопись и летопись «лет новых» из бумаг Алексея Адашева относятся к той же категории документов, которую представлял «список» Ивана и Петра. Это были бумаги государственной важности, их авторы подозревались в государственной измене или были, как Бельский, авторами опасных, с точки зрения московской власти, сочинений[229].

Итак, всё, что мы можем наверняка сказать об Иване и Петре, упомянутых в описи царского архива, сводится к ряду догадок, восходящих к одному исходному факту. В связи с каким-то делом государственной важности, скорее всего судебным процессом, царь запросил себе и держал в своих кремлевских палатах около 1570-х гг. документы об Иване и Петре. Отождествить этих двоих было бы проще, учитывая, что сочетание таких двух имен — и только их — в рамках одного достаточно «громкого» процесса в России Ивана Грозного отвечает всего одному уникальному стечению обстоятельств, которые не отразились больше ни в одном другом ящике, согласно описи царского архива. Конечно, это наблюдение тоже содержит зерно условности, поскольку дошедшая до наших дней опись не является исчерпывающей по сравнению со своим первоначальным объемом и, кроме того, она слишком обобщенно, часто совсем без конкретизации, характеризует состав документов в ящиках[230].

В годы опричнины случилось заметное событие, которое не могло не привлечь внимания царя Ивана. Из России по неясным до сих пор причинам выехали печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец. Они покинули страну наверняка между 29 октября 1565 г., когда закончилась работа над «Часовником», и 8 июля 1568 г., когда началась работа Ивана и Петра над

[226] Там же. С. 336–337.

[227] Там же. Ч. 1. С. 82–83 (л. 326–328), 94–95 (л. 348 об. – 351); Ч. 2. С. 429–438; Там же. Ч. 3. С. 513–516 и др.

[228] Там же. Ч. 1. С. 76 (л. 314 об.); Ч. 2. С. 386–387.

[229] *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного / отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1984. С. 52–53, 60–61.

[230] *Шмидт С. О.* Памятники письменности в культуре позднего России. Т. 1: Допетровская Русь. Кн. 1. М., 2007. С. 28, 70.

«Учительным Евангелием» в Заблудове, на территории Великого княжества Литовского[231]. По наблюдению Н. П. Бондар, учитывая дату начала типографских работ в Заблудове, переезд печатников из Москвы должен был состояться к началу 1568 г.[232] Выезд не мог произойти так же спешно, как побег кн. Андрея Курбского или Тимофея Тетерина. Судя по идентичности шрифтов в московских и литовских изданиях Ивана и Петра, они должны были вывезти с собой около 35 стальных пластин и печатных матриц, а возможно, и несколько экземпляров своих московских изданий. И. П. Крипьякевич предположил, что «выезд» печатников из России был разрешен официально на переговорах Ивана Грозного с Юрием Ходкевичем в 1565 г. и состоялся после того, как было подписано перемирие между Москвой и Вильно в июле 1566 г.[233] М. Н. Тихомиров считал, что Иван IV дал свое согласие на выезд Ивана Федорова и Петра Мстиславца в Великое княжество Литовское по какой-то причине личного характера, например, из-за смерти жены Федорова, которая лишала вдовца права служить в храме. Впрочем, для такой догадки нет ни малейших оснований[234].

Слова Ивана Федорова в послесловии Львовского Апостола 1574 г. о причинах побега из России препятствуют всем названным интерпретациям. Иван Федоров, по его собственным словам, вынужден был скрыться от преследований по подозрению во «многих ересях» и от «зависти» вышестоящих[235]. В этом месте «Апостола» звучит цитата, дословно совпадающая с Посланием кн. Андрея Курбского старцу Вассиану, а затем использованная самим же Курбским при переработке своего Первого послания Ивану Грозному[236]. Иван не только признался, что его считали в Москве еретиком, но еще и сформулировал это словами уже прославленного «изменника» князя Андрея Курбского. Конечно, возможна оговорка, и не одна. На волне религиозной толерантности, когда на Варшавском сейме 1573 г. шляхта согласилась с необходимостью соблюдать религиозный мир, «вера» перестала препятствовать «правде», и Федоров показал в готовящемся «Апостоле», что у московитов веротерпимости нет. Возможно и что Курбский и Федоров оба цитируют неизвестный общий источник, и это не факт биографии, а всего лишь литературное клише. Но что это за источник? И зачем были печатнику автобиографические вымыслы, да еще и в такой невымышленной книге, как «Апостол»?

Можно представить себе и сценарий, в котором царь вступает в противостояние с церковью в лице высшего духовенства и спасает Ивана и Петра от церковных гонений, разрешив им выезд за рубеж. Возможно, так. Но стал бы в таком случае Иван намекать на свою связь с князем Андреем Курбским? В целом никаких прямых отсылок Иван и не делал, а к царю Ивану Грозному сохранял подчеркнуто почтительную дистанцию. Но слова Федорова о гонениях следует толковать еще и буквально. Иван и Петр бежали из Москвы, были вынуждены свернуть печатное дело и уехать во владения польского короля и великого князя литовского. Опись царского архива не отреагировала ни на что подобное, но сохранила упоминание Ивана Пересветова и Петра Губастого.

А. А. Зимин и Д. Н. Альшиц собрали обширный материал о прозвище «Губастый» в России XVI в., но так и не пришли к согласию, могли кто-то из носителей подобного фамильного прозвища быть упомянут в описи[237]. Более того, и поиск родичей Петра среди опричников, и попытки связать Петра с окружением Матвея Башкина не принесли ощутимых результатов. А. А. Зимин от своей догадки, как уже сказано, отказался, а концепция Д. Н. Альшица не опирается на ясные доводы даже в пользу того, что «Губастый» в описи царского архива — это фамильное прозвище. Как же так, вполне фамильное по форме прозвище «Пересветов» в описи, по мнению Д. Н. Альшица, является фиктивным, а названное в одном ряду с ним нейоративное по форме и не соотнесенное ни с одним конкретным человеком «Губастый» почему-то фиктивным не является? В обоих парах, с которыми мы

[231] *Немировский Е.Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 41.

[232] *Бондар Н.П.* Іван Федорович та Андрій Курбський: гіпотетичні контакти книжників на основі архівного документа 1575 р. // Острозький краєзнавчий збірник. Острог, 2017. Вип. 9.

[233] *Крип'якевич І.П.* Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст. Київ, 1953. С. 38–39.

[234] *Тихомиров М.Н.* Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 317–318, 327–328, 345. См. критические ремарки в адрес концепции М. Н. Тихомирова: *Немировский Е.Л.* Иван Федоров. С. 113–114; *Ковальский Н.П.* Связи... С. 436–437, см. также с. 454–457, 475–476; *Ковальський М.П.* Джерела про початковий етап друкарства на Україні: (Діяльність першодрукаря Івана Федорова в 70-х — на поч. 80-х рр. XVI ст.): Посібник для студентів. Дніпропетровськ, 1972. С. 13–14.

[235] *Коляда Г.И.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 246.

[236] См. здесь главу «Экстенсивное чтение».

[237] *Зимин А.А.* И. С. Пересветов и его современники. С. 336–338.

имеем дело, не возникает препятствий соединить прозвища в составные имена: *Иван Семенович Пересветов-Федоров Москвитин* и *Петр Губастый Мстиславец*. Если в существовании Ивана у Пересветовых в поколениях первой половины XVI в. усомнились генеалоги, то остается задаться вопросом о статусе прозвища «Губастый». Еще раз повторим, нет никаких свидетельств в пользу того, что в данном случае речь идет именно о фамильном прозвище. И нет однозначных подтверждений «пейоративной» концепции А. А. Зимина. «Мстиславец» — топонимическое прозвище, и именно так прочитывается всеми без исключения исследователями. Это, разумеется, не фамильное прозвище. Но это не значит, что в Москве у Петра не могло появиться еще какого-то прозвища. Оспаривая точку зрения А. А. Зимина, отметим, что смысл этого прозвища может быть далек от определений *простак* и *губошлеп*. «Губастый» — это еще и *говорливый, многоречивый, красноречивый*[238]. А все эти эпитеты вполне применимы к книжнику и ученому человеку, каковым был Петр Мстиславец[239].

В нашем распоряжении всего два факта, которые как минимум не противоречат построению. Под «как минимум» я подразумеваю, что оба эти факта наилучшим образом объясняются, если связать их между собой в единую концепцию. Первый — учеба Ивана Федорова в Краковской академии, упоминаемая в образе бесед с европейскими докторами и философами в сочинениях Ивана Пересветова. Второй — «черный список» Ивана Пересветова и Петра Губастого, объединяющий в какое-то единство Ивана Федорова и Петра Мстиславца. При этом от Ивана Федорова дошло крайне мало сведений за его московский период деятельности и ни одного самостоятельного сочинения, не считая печатных предисловий и послесловий. От Ивана Пересветова не дошло ни одного опыта в жанре «высокой» книжности. Несводимость двух Иванов, которые на поверку могут оказаться одним человеком, это, по терминологии Б. А. Успенского, — специфика российской *диглоссии* или даже функционального многоязычия. Челобитья и приложения к ним написаны на официальном языке, и их популярность в XVII в. только еще раз доказывает, что этот язык требовал образцов, подпитывался фикциями, часто шуточными и игровыми мистификациями. Зачем еще был нужен читателю XVII в. Иван Пересветов — трудно сказать. Церковная книжность не терпела вольностей, избыточны были в этом жанре автобиографии, апокрифические и неканонические сюжеты, ошибки и переработки традиционных версий, всё то, что для официального обращения несло дух *Eigensinn*, если воспользоваться метафорой Альфа Людтке. В целом, ничего удивительного — если сходств в наследии «двух Иванов» совсем немного. Из этого не будет следовать, что Иванов действительно было два.

На поверхности ряд косвенных совпадений между биографическими следами, кругом знакомств, замыслами и осуществлением. Прежде всего, как уже говорилось, их обоих объединяет дворянин Иван Москвитин из реестров Архива войсковой казны. Почти исключено, чтобы дворянин из Москвы находился много лет на королевской военной службе в Короне Польской в первой трети XVI в. и при этом никак не отразился в источниках. Это замечание в равной мере касается всех трех Иванов. При этом все трое были на королевской службе около одного времени и исчезли, предположительно, тоже примерно одновременно. По крайне мере Иван Семенович через Валахию перебрался в Москву около 1538 г., Иван без отчества попал в Валахии в плен около того же 1538 г., а Иван Федоров около 1532–1534 гг. закончил обучение в Краковской академии и исчез бесследно с горизонтов высшей школы. У Ивана Федорова также были связи и знакомые в Сучаве — однако это направление его контактов остается, как и многое, таинственной страницей в его биографии[240].

Конечно, до сих пор неясно, есть ли доказательства того, что Иван Федоров продолжал считать себя в Короне и Литве шляхтичем. Но эти споры могут продолжаться до бесконечности, — наше построение, конечно, не решает проблемы идентичности Ивана Федорова в эмиграции.

---

[238] Слишком краткие статьи без близких вариантов: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: (Г–Д). М., 1977. С. 151. Борис Гринченко приводит вариант из украинского источника XIX в.: «роспустити губи» в значении *много говорить, врать, сплетничать*: Словарь української мови / упорядкував з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Т. 1: А–Ж. Київ, 1996. С. 335. В российских диалектах встречается сходное идиоматическое выражение в значении *во всю губу кричать, лгать* и т. п.: Словарь русских народных говоров. Вып. 7: Гона–Деметь. Л., 1972. С. 192.

[239] О Петре Мстиславце см.: *Зернова А. С.* Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец // Книга: Исследования и материалы. М., 1964. Вып. 9. С. 77–111; *Бондар Н.* Издательская программа... С. 199–228.

[240] *Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 377–378, ср.: Там же. С. 43. Книги, напечатанные Иваном, бытовали в Валахии уже в конце XVI в. См. обзор изданий с местными выходными записями: *Eşanu A.* Univers cultural in Moldova (sec. XV–XIX): studii. Chişinău, 2013. P. 20–37.

Но оно и не особо пострадает, если окажется, что Иван Федоров шляхтичем себя не считал. Бурная боевая молодость закончилась — уже давно Иван служил диаконом и работал печатником. Впрочем откуда у него такие глубокие познания в военной технике?[241]

Любой из Иванов мог привезти в Москву идею книгопечатания. Косвенное свидетельство завоза печатного стана в Россию из Польши содержится в трактате «О русском государстве» Джайлса Флетчера[242]. Это вполне логичное свидетельство, а еще и отрицание того, что печать пришла в Москву из Священной Римской империи, Венеции или Англии[243]. Есть еще одна особенность в истории печатного дела, которая сближает между собой «двух Иванов». Это — уверенность Ивана Федорова в необходимости распространять христианскую книжную печать в покоренной Казани. Захвачена была «землица подрайская», ее нужно было обустраивать, доказывая превосходство христианской мудрости над мусульманской. В этом было воинственное значение слов Ивана Пересветова, и прочтение слов Ивана Федорова не оставляет сомнений, что оба Ивана были убеждены в победоносной миссии царя Ивана IV в войне между исламом и христианством. В последнее время А.С. Усачев высказал критические замечания о «казанском факторе» в становлении московской книжной печати и склонился к предположению Г.И. Коляды о влиянии Московского пожара 1547 г. на пересмотр книжного производства. На мой взгляд, в соображениях Е.Л. Немировского, который отклонял «казанский фактор», а также в построениях Г.И. Коляды и А.С. Усачева много чистой умозрительности[244]. Почему же пожары стали фактором, «ускорившим» введение книгопечатания? Кто и где ссылался на пожары в связи с печатной деятельностью? Есть ли хоть одно доказательство, что именно после пожаров в Москве, а не после появления проектов полного завоевания Казанского ханства начался выпуск книг? Вспомним, что проекты большой войны против Казани относятся к тому же 1547 г. Кроме того, в пользу «казанской» версии говорит не только прямое упоминание задач в послесловии к первому московскому «Апостолу», но и очевидная неудача в распространении печатной продукции. Можно понять, что неудача в Казани связана с вооруженным сопротивлением, сделавшим московское присутствие в регионе не оазисом интеллектуализма, а военным лагерем[245]. Если бы целевая аудитория первой книжной продукции была в Москве, то каковы же причины почти полного ее исчезновения? Ответ прост: как до пожаров 1547 г., так и после них в Москве книги переписывались от руки, в том числе для пополнения сгоревших монастырских собраний. Следовательно, концепция влияния пожаров на печатное дело остается в ранге догадок, за которыми следует искать по меньшей мере косвенные свидетельства, которые бы позволили отвести прямые упоминания источников. Важным является одно наблюдение А.С. Усачева, которое, как представляется, характеризует расхождения в планах Ивана Федорова с идеями более ранних московских типографов. Как показывает исследователь, анонимные типографские издания московской печати 1550-х гг., судя по записям на сохранившихся экземплярах, в Казани не бытовали[246]. Планы печатника Ивана были частью его политико-религиозной программы, в нашем понимании они были далекой от реализации утопией. Как именно представлял Иван дальнейшие цели после покорения Казани — ни в его московский период, ни в эмиграции он не написал. Но об этом подробно рассказывал в своем проекте Иван Пересветов, а Иван Федоров — попытался и отчасти воплотил проект Пересветова в своей печатной продукции.

[241] *Hubicki W.* Pierwszy drukarz Moskwy i Lwowa konstruktorem armat. Nieznany list Fedorowicza // Kwartalnik historii nauki i techniki. 1968. T. 1. S. 4–11.

[242] Rude and Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers / ed. by L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison, Milwaukee; London, 1968. P. 214. Р.Г. Скрынников и Е.Л. Немировский старательно, но совершенно неубедительно затушевывают это свидетельство. Нет никаких аргументов в пользу того, что Дж. Флетчер стремился кого-то обмануть или дезориентировать своими словами. И непонятно, зачем было кому-то в Москве так обманывать его самого. Ср.: *Скрынников Р.Г.* Первые типографии в России // Harvard Ukrainian Studies. Камень краеугольный. Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. 1995. Vol. 19. P. 638; *Немировский Е.Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 775.

[243] О раннем кириллическом книгопечатании и его возможном проникновении в Новгород и Московское государство см.: *Бондар Н.* Издательская программа... С. 205–209.

[244] Подробный обзор литературы и развитие проблемы см.: *Усачев А.С.* О возможных причинах начала книгопечатания в России // CASS. 2017. Vol. 51. С. 229–247. А.С. Усачев, как и Е.Л. Немировский и Р.Г. Скрынников, не рассматривает слова Дж. Флетчера об использовании в Москве польских образцов, техники и рабочих материалов для создания печатных книг. См. выше.

[245] *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 139–175.

[246] *Усачев А.С.* О возможных причинах... С. 244–245.

Выводы

В заключение хотелось бы попытаться примирить, на мой взгляд, два плодотворных пути в изучении сочинений Ивана Пересветова. Первый из них проложен фундаментальным трудом А.А. Зимина, чьи выводы во многом сохраняют силу. В рамках поднятой в нашей работе проблемы хотелось бы «воскресить» концепцию Зимина, признав тем не менее, что, во-первых, взгляды Пересветова не совпадают с теми реформами, которые осуществлялись Избранной радой (с этим, впрочем, А.А. Зимин был согласен, ограничивая лишь аргументы в пользу опричных подтекстов проекта Пересветова); во-вторых, они могли звучать в Москве конца 1540-х гг. как еретические, но, в целом, не были таковыми для православия за пределами Московского государства: и в-третьих, они содержали проект светских преобразований или таких реформ, которые влекли за собой формирование той сферы в жизни, которая была бы дистанцирована от религиозности, сохраняя с ней связь за счет господства толерантной «правды» над всеми возможными в государстве «верами».

Для всех этих положений находятся дополнения, если принять версию о польско-литовских источниках взглядов Ивана Пересветова. Реформы, которые планировал Пересветов, прежде всего должны были привести к созданию в России дворянства наподобие шляхты, к новой судебной системе и военной организации по образцу той, которая создана в коронном войске Яном Тарновским. Во-вторых, в Москве ересью мог считаться взгляд, допускавший единство христианской «веры», тогда как для литовско-русского православия он не только не был ересью, но и соответствовал тенденциям к церковной унии и судебно-политической веротерпимости. В-третьих, конечно, трудно сказать, насколько современник Франсуа Рабле был способен помыслить светское как не-религиозное, секулярное или даже обезбоженное, но даже при том, что мера религиозного в «светском» могла быть сколь угодно высока, и способ аргументации, и доказательства из «жизни», и опыт службы Ивана Пересветова говорят о тенденции к дистанцированию от исповедальных проблем к «социальным», и возможно, в этом отчасти и заключался вызывающий аспект его челобитья.

Второе направление, представленное работами А.Л. Юрганова, А.В. Каравашкина и И.Н. Данилевского, настраивает на поиск когерентной интерпретации сочинений Пересветова посредством прочтения сборника как единого текста и принятия за исследовательскую основу концепта мифа и библейской герменевтики. Согласимся, в сочинениях Ивана Пересветова скрыто неявное «сообщение», показывающее культурные различия между православием и чуждыми ему религиозно-политическими реалиями. Впрочем, когерентная интерпретация этого сообщения не нуждается в концепции когерентности самого сообщения. Отношения между «верой» и «правдой», как и между католичеством и православием, расположены в области культурного фронтира, и это пограничие текста призывает нас, как кажется, интерпретировать слова Пересветова, постоянно балансируя между «данностью» текста, делопроизводственной реальностью реформ Избранной рады и проектом, который осуществлен в дискурсе, почерпнут из чужой, и возможно, чуждой для его читателей реальности, и предназначен для осуществления в реальности, которой чуж и, возможно, чужд.

Приводимые в научной литературе опричные параллели к проектам Пересветова не убеждают. Как правило, их задача ограничивается тем, чтобы доказать, что опричнина родилась «не на пустом месте». Фактических сходств между его идеей реформ и трагическими преобразованиями в московском обществе 1560-х гг. обнаружено недостаточно для выводов о «проекте опричнины». Существенные ретроспективные параллели, которые, возможно, помогут увидеть отличие взглядов королевского московита от их возможной рецепции в Москве. В годы королевской службы Пересветова идеи, сходные с его проектом, были в центре внимания государственных урядников, магнатов и шляхты. Прежде всего — идеал всеобщего равенства правоспособных граждан, несущих военную службу. Второе — единый свод законов. Как ни странно это звучит после эпохи просветительских кодексов, это была неожиданная идея в московском обществе, хотя, казалось бы, один большой кодекс был создан Иваном III. И это тоже было чертой времени — исправление предыдущего свода на новых и более актуальных основаниях. Третье логично связано со вторым — необходимость книжной реформы, возвращение христианской мудрости, захваченной турками-османами вместе с Константинополем. В идеале это было бы тиражирование Судебника при помощи печатного стана. Четвертое — равно- и полноправие всех свободных граждан. Несправедливость, постигшая шляхтича на царской службе, будет устранена и более невозможна. Аналогом служило для Ивана не турецкое, а польско-литовское общество, где шляхта была уравнена в правах, а Статут 1529 г. превратил идеал в предписание. Пятое, в духе времени, — карательный подход к идее государственного контроля, утопия безжалостного тропа, который нужен, чтобы уничтожить государственную

измену и обратить все силы на защиту границ, завоевание врагов и поддержание внутреннего мира.

Иван Пересветов предстал перед своими московскими современниками ученым с европейским образованием и заграничными рецептами. Его сборник погружает реальность в утопию, соединяющую то, что даже его современникам могло казаться несочетаемым. Гармония между «правдой» и «верой» в его понимании должна была не только укрепить или реформировать Российское царство. Его проект был рассчитан на государство, в котором митрополит может продолжить деяния патриарха Анастасия (Афанасия), а молодой царь — вернуть при помощи митрополита святыни Христа с небес на землю и тем самым сгладить ошибки Константина Палеолога. Идеал крестового похода уступил новым амбициозным чаяниям. Иерусалим и Царьград более не требовалось отвоевывать у Османской империи, арабов, ислама, безбожных агарян и т.д. Их нужно было вернуть на землю после того, как Христос забрал их в 1453 г.[247] В. Филипп отмечал, что Пересветов не придерживается теории translatio imperii, поскольку в его сочинениях не обнаруживается идея последовательного перехода власти из Первого Рима в Третий[248]. Д. Манискалько Базиле, на мой взгляд, справедливо парирует, что в рассуждениях И.С. Пересветова отсутствует лишь ясная теоретическая постановка, но это не устраняет того факта, что Пересветов признаёт Москву наследницей византийской власти[249]. Родство Третьего Иерусалима Пересветова с Третьим Римом Филофея и самодержавным проектом, получившим развитие в правление Избранной рады, а особенно после нее, может быть прослежено, помимо общих тенденций современной Пересветову и Филофею мысли, в их близости к европейской утопии.

Иван Пересветов жил в то время, когда построение счастливого общества Томасу Мору казалось доступным, если отправиться на остров и сосредоточить на нем все добродетели человечества, и вскоре Америка стала архипелагом таких островов. Многие утопические проекты были направлены на создание экуменического христианства. Жан Кальвин, будучи проездом в Женеве, основал общество, которому суждено было открыть череду коммун в Западной Европе, а вскоре стать одним из самых влиятельных образцов для литовской реформации. В отличие от радикальных кальвинистов и анабаптистов, Эразм Роттердамский и Мартин Лютер не считали необходимым упразднение старых конфессий. В католицизме эпохи Тридентского собора наметились тенденции к сглаживанию противоречий с православием. Выразилось это не только в унийных проектах, приглашении российского духовенства на собор и т.д., но и в признании православных таинств и православного богослужения допустимыми для спасения души, и в отказе от безоговорочного главенства римского папы над всеми христианами. Не менее радикально звучали накануне собора предложения священника, богослова и правоведа Станислава Ожеховского и правоведа-политолога Анджея Фрыч Моджевского последовать обычаям восточной церкви и упразднить целибат. Идея привития православного обычая католической церкви была близка к реализации. Одним из пунктов Аугсбургского религиозного перемирия между германскими землями, заключенного накануне Тридентского собора, было согласие католиков узаконить браки тайно женившихся католических священников[250].

Польская и литовская шляхта на сеймах повторяла вслед за Цицероном, Аристотелем и Платоном, что «право — это немое управление, а управление — говорящее право», считала свою республику продолжением Римской и, в противовес королевскому абсолютизму, выступала за «суверенитет права». Иван Пересветов, соединивший в своем проекте турецкую «правду» (в ее литовском юридическом преломлении) и толерантность к христианским «верам» (к любым конфессиям, даже не самым похожим на греческое православие), был гетеротопическим мыслителем генерации Первого Литовского Статута. Он был далек и от тех практических задач построения российской империи, которые ставила перед собой московская власть, и от того хаоса, в котором военные слуги престола лишались своих имений. Он мог быть даже близок на первых порах к официальной московской церкви, которая не видела в греческом православии подлинно православную «веру».

---

[247] В этом смысле находит, на наш взгляд, объяснение образ ангелов, которые бы беседовали с османским султаном или русским царем, если бы в их царствах была восстановлена гармония «правды» и «веры». Такая гармония была бы возвращением Иерусалима на землю, а вместе с ним — и ангелов.

[248] *Philipp W.* Ivan Peresvetov... S. 84.

[249] Scritti politici... P. 47. N 136.

[250] *Дмитриев М.В.* Центробежные и центростремительные тенденции в развитии европейского христианства в XVI–XVII вв. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины события. М., 1996. С. 19–21; *Его же.* Характер первых контактов православного и католического общества в эпоху Контрреформации // Там же. С. 61–65.

Проект Ивана, как и многие у- и гетеротопические проекты его времени, не требовал для своего осуществления революций. Никто из его современников не создавал на земле Царства Небесного — справедливое правление и законность лишь приближали возвращение Града на землю. История Византии показала, что одной истинной веры для этого было недостаточно. По сути ничего для воина-книжника «начала царства» с середины XV в. не изменилось. Град для него — богоспасаемая империя. Его версия соединения истории, исполнения пророчеств и политико-правовых реформ была тревожной, но оптимистичной для московской власти. Оптимистичной в том, что касалось обрядовой стороны, так как для построения империи отныне не требовалось ни признания, ни «покрова» ни от одной духовных власти мира, но лишь от Христа и Богородицы. Тревогу же внушала божественная милость к Османской империи и ее сателлитам, достаточно было представить, что в очередной раз справедливый турецкий султан въезжает в царствующий град в окружении янычар, а митрополит московский в молитвенном трепете выслушивает слова Христа о том, как покараны московиты за свои грехи.

Падение Константинополя в описании Пересветова исполнено намеками на Ивана IV и его личную роль в возможном спасении «орла» христианской империи от османского «змея». Изображенный им «Константин Иванович» в отличие от императора Константина XI Палеолога женат, его соратник — патриарх Анастасий. Имя вымышленного патриарха одновременно служит напоминанием о жене Ивана IV Анастасии, о роли митрополита Макария при московском дворе и семантикой имени — о грядущем спасении царства. Чтение Магмет-салтаном переведенных на турецкий язык греческих книг приносит султану те «мудрость и праведный суд», которых Пересветов ожидает от адресата своих сочинений. Вывод о губительности власти вельмож, к которому приходит Магмет, прочитав греческие книги, также взят не из области византийских или османских проблем середины XV в., а из назревающих в России реформ войска, местнической иерархии и кормовой администрации.

Могли Иван Пересветов догадываться, что одновременно с новыми уставными книгами в России появится печатный стан? Какой смысл был копировать «Судебник» и «Стоглав» в десятках, а может быть, и сотнях списков, если бы удалось ввести печатное дело? Эти вопросы из области контрафактической историографии. Мы не знаем о Московском царстве середины XVI в. слишком многого. Настолько, что оставляем за собой право задаваться вопросами, которые могут сами по себе не иметь никаких оснований в источниках, но должны быть заданы именно как вопросы, когда направление интерпретации доступных данных намечено. Всё построение, предложенное в этой работе, подводит нас к этим вопросам и заставляет надстроить над ними еще один ряд вопросов-догадок. Печатный двор, возникший в Москве еще до известных трудов Ивана Федорова и Петра Мстиславца, отсчитывает свое начало в тот момент, когда Иван Пересветов предлагал исполнить пророчества. Если бы и не удалось создать Антитурецкую лигу, убить змею и поймать орла, то остальные проекты были исполнимы уже сейчас. Начать — с уничтожения Казанского ханства. Одновременно — вернуть на землю истинные христианские книги, распространить как можно шире, а благодаря им расширить недоступную для мусульман христианскую мудрость.

Первые опыты московской печати не донесли до наших дней ни правовых кодексов, ни европейских книг. Неизвестны и печатные сочинения Ивана Пересветова. Первые светские печатные труды — предисловия и послесловия самих же Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Позднее так и не дошел до печатного стана со своими трудами князь Андрей Курбский, хотя ему было что набрать шрифтами для тиражирования, и его труды посмертно, почти сразу после его кончины, нашли издателей. Работа печатника требовала огромных финансовых вложений и была, как показал европейский опыт Ивана Федорова, убыточной. В Москве Иван должен был опереться на церковное и государственное финансирование, и его планы должны были пройти не одну цензуру, а сама работа — растянуться на много лет. Обвинения в ереси преследовали мастера, и он сам в послесловии ко Львовскому Апостолу ответил на вопрос, почему пришлось покинуть Россию. Конечно, его выбор был в пользу того, что он считал делом своей жизни. Соединение двух биографий позволило бы ответить на вопрос, почему «Судебник» и «Стоглав» получили только рукописное распространение. Иван Пересветов превратился в печатника Ивана Федорова. Его попытки учредить в Москве светскую печать и пести христианскую мудрость в соответствии со своим проектом реформ натолкнулись на сопротивление. Пришлось изменить репертуар, а потом чтобы не загубить многолетнюю работу — покинуть страну еще раз. Будучи уже старцем 50–60 лет, Федоров успел в последние годы жизни поддержать своей работой несколько книжных центров Короны и Литвы, не забывая и о стране, в которой осуществление его идеалов казалось таким близким.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВЛАДИМИРА ЗАБОЛОЦКОГО

Источники

Второе место после Андрея Курбского в обличениях, звучавших в посланиях Ивана Грозного в адрес заграничной «измены», было отведено менее заметному в Московском государстве, но весьма влиятельному в окружении Сигизмунда II Августа, а затем и Стефана Батория перебежчику, чья смерть была не менее «шумным» событием, чем его приключения в восточной Европе. Мы и остановимся здесь на последних двух днях его жизни, которые не были предопределены, а может быть, наоборот, были чередой роковых случайностей, но многое сказанное в источниках по поводу случайностей невозможно понять, если не увидеть в словах о нем стечения различных взглядов на личность, репутаций, провокационных оценок и глубоких эмоций. О словесном конфликте, а затем и вооруженном столкновении, разыгравшихся 23–24 апреля 1580 г. в Вильно между королевским ротмистром-московитом Владимиром Заболоцким и слугами гетмана польного каштеляна троцкого Великого княжества Литовского Криштофа Радзивилла Перуна, сообщают пять независимых друг от друга групп источников, расходящихся в оценках, но многогранно представляющих и само событие, и его резонанс.

Посланник Ивана Грозного Григорий Афанасьевич Злобин Нащекин позднее разузнал всё, что было в его силах. Его дипломатические задачи решены не были. Король Стефан Баторий не собирался ждать великое посольство от царя в своих землях. А вот рассказ о гибели царева изменника и разгоревшемся в результате скандале между королем и Панами радой внушал толику оптимизма. Мы не знаем, из каких источников получил эти сведения посланник, но очевидно, что накануне Великолуцкого похода король Стефан, Панове рада и урядники Великого княжества Литовского следили за потоками информации, достигающей ушей московского посланника. Получение в Москве подробного рассказа о смерти Владимира Заболоцкого, в котором был бы назван виновник убийства и подспудно проведена мысль о разладе между Короной и Литвой, не противоречило интересам короля и Панов рады[1].

Священный Престол о событиях в Вильно тоже вскоре узнал. Апостольский нунций Джованни-Андреа Калигари с тревогой и надеждой сообщал своим адресатам в Риме, что убийство знатного человека и любимца короля вызвало обострение в отношениях католиков с кальвинистами, находившимися у власти в Великом княжестве Литовском. За апрельскими событиями 1580 г. чуткий нунций видит и прозревает борьбу за власть и результат противостояния коронной и литовской канцелярий. Важно для него и то, что верховные сановники Великого княжества Литовского, впавшие в немилость после инцидента, — оба «еретики»[2].

Свидетелем тех дней оказался сын православного священника, слуга Радзивиллов, успевший послужить до того и Заболоцкому, писатель-кальвинист Федор Михайлович Евлашевский. Когда — двадцать с лишним лет спустя после описываемых событий — он заканчивал свои мемуары, его отношение к Радзивиллам было близким к ненависти, и никаких колебаний в выводах

[1] Данное свидетельство сохранилось в статейном списке Григория Нащокина в составе Посольской книги по сношениям России с Польшей № 11. Это — чистовая копия первоначальных записей посланника, которые до наших дней не сохранились.

[2] Цитируем переписку по книгам 17 и 18 из фонда "Polonia" Ватиканского секретного архива. Почти все материалы переписки опубликованы в 4-м томе серии "Monumenta Poloniae Vaticana" Людовиком Боратынским в 1915 г. Впрочем, в ряде случаев первоисточники содержат ценные сведения, не вошедшие в издание. Все упомянутые послания, направленные Дж.-А. Калигари, достигли Папской канцелярии.

Федор не проявил. Впрочем, на момент Виленской бойни он выполнял поручения Миколая Рыжего и Криштофа Перуна Радзивиллов, а с Владимиром Семеновичем его связывали годы службы в качестве судебного поверенного в Новогрудском повете. По его мнению, после словесной перепалки на королевской охоте литовский канцлер и его сын готовили покушение, но стремились сделать его как можно более эффектным. Рассказ о смерти Владимира Заболоцкого основан, по всей видимости, не только на воспоминаниях, но и на каких-то более ранних записях[3]. Федор, обычно лаконичный, посвящает виленской бойне и ее последствиям пять или шесть листов своих мемуаров. Это было яркое событие в его жизни, судя по тому, что многие годы отмечены у него лишь краткими заметками. Однако ни в следственном деле, ни в упоминаниях других источников Федор как участник конфликта не фигурирует. По всей видимости, он узнал о случившемся из первых рук позднее или следил за событиями в стане Радзивиллов.

Король Стефан проявил себя гневным письмом в адрес Криштофа Перуна, прямо обвинив его в убийстве, несмотря на попытки Радзивиллов, самого Криштофа Перуна и его отца, Миколая Рыжего, замять дело. Была ли в письме короля Стефана угроза или это был минутный гнев? Как планировал действовать дальше король, обвинив высших — после персоны короля — лиц Великого княжества Литовского в организации заговора?

Наконец, в рукописи Библиотеки князей Чарторыйских до нас дошло уникальное следственное дело об «убийстве мещанина Владимира». Ни библиотечный архивариус, ни исследователи рубежа XIX–XX вв. не разгадали в этом «мещанине» королевского дворянина Владимира Семеновича Заболоцкого. Дело представляет собой необычный источник — это не «выпись» из судебных актовых книг и не часть какой-либо книги, а протокол показаний, причем никем не заверенный и не подписанный[4]. «Дело» представляет версии обеих сторон и содержит высказывания простых свидетелей виленской бойни. Свидетельских показаний из него могло хватить и на примирение сторон, а прямые улики против Криштофа Радзивилла в показаниях обеих сторон не звучат, причем полностью отказывается от показаний участник битвы, слуга погибшего Владимира Умар Сарыхозин.

Обряд «шапкования»

Проведя более месяца в Гродно, 6 апреля 1580 г. король Стефан Баторий направился к восточным пределам Речи Посполитой, готовясь к новому Московскому походу. 16 или 17 апреля королевский двор достиг Вильно[5]. В субботу утром 23 апреля 1580 г. король вместе с придворными отправился на охоту. В это время и произошла размолвка ротмистра Владимира Заболоцкого с каштеляном троцким Криштофом Радзивиллом. Московские послы записали со слов своего информатора: «Король ездил на поле, а с ним ездил воеводы виленского сын пан Христоп да твой, господарь, изменник Володимер Заболотцкой. И на поле ездя, перед королем побранились с Хриштопом...»[6] Криштоф назвал Владимира «изменником» и услышал такое же оскорбление в свой адрес.

Присутствие короля и придворных, а кроме того, примирительные инициативы в отношениях Короны и Литвы в канун Великолуцкого похода на Москву не позволяли выяснять отношения дальше. Однако Владимир, судя по всему, остыл и попытался уладить дело миром, но не успел до вечера пробиться к литовским сенаторам. Попытка замять скандал не удалась и едва прослеживается по источникам. Неясно, как и к кому из Панов рады направился Владимир и почему сразу не достиг примирения. Возможно, утренний инцидент вечером уже не казался таким опасным, по крайней мере, кто-то из панов радных внушил такой вывод Заболоцкому, и он отправился спать...

Согласно Федору Евлашевскому, утром 23 апреля началось всё с того, что Заболоцкий не снял перед могущественным придворным шляпы: «...якобы Влодымир не хтял му чапки знят. Пришли потом до слов злых з обудву строн здрады и отмитке. Кеды е мовил пан троцкии на Влодымира, теды Влодымир мовил: “Сам-есь такий!” Зачим, образившисе, пан троцкии ехал до пана воеводы виленского, отца своего, кторыи, выслухавши скарги о тен припадек, так му рекл:

[3] Цитируем записки Ф. М. Евлашевского по оригиналу и приводим ссылку на публикацию В. М. Свежинского: AGAD. Archiwum Potockich z Radzynia. № 143a (далее — APR-143a), публ.: *Свяжынскі У. М.* Гістарычныя запіскі Ф. Еўлашоўскага. Мінск, 1990. См. также перевод на литовский язык: *Jevlašauskis T.* Atsiminimai / parengė D. Vilimas. Vilnius, 1998. Выражаю благодарность Мареку Яницкому (Варшава) за доступ к цифровой копии оригинала.

[4] См. *Приложение IX*.

[5] *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego: 1576–1586. Warszawa, 2010. S. 102–103.

[6] ПК-79-11. Л. 347.

“Не помстиш ли му се текго, теды и я о тобе так розумет буду, яко то оп пазвал”»[7]. Из этих сообщений следует, что скандал разыгрался на глазах короля или недалеко от него, когда придворные выехали «на поле», т.е., вероятно, на охоту.

И Владимир Заболоцкий, и Криштоф Радзивилл в момент размолвки были, судя по всему, на конях. Об этом говорят и обстоятельства — конная прогулка короля, и последующее рассуждение в записках Евлашевского о том, что его пан нередко так же, как и в день размолвки с паном троцким, «*ядапц*, сам з собою мовил».

Нежелание приветствовать высокое государственное лицо снятием шляпы (*“czapkowaniem”*) было для придворного мира Речи Посполитой грубым нарушением этикета. Снять шляпу в знак уважительного приветствия или примирения — норма европейского придворного общества. Н. Макиавелли советовал «государям» не перед всеми придворными «снимать шляпу», что идиоматически звучало как призыв бороться против придворных, несогласных с волей государя[8]. Рыцарственные обычаи короля Стефана должны были вдохновлять его советников. Проезжая на свою коронацию через Тарнов 18 апреля 1576 г., он в ответ на приветствие и извинения за отсутствие хозяина замка поблагодарил секретаря кн. К.К. Острожского, Я. Мошенского и «шапку поднял»[9]. На польских шляхетских сеймах было положено приветствовать магнатов снятием шляпы. В начале XVII в. шляпу снимали при упоминании римского папы, но не всегда во время молитвы. Зато на дипломатических переговорах с Москвой послы получали наказ шляп перед царем не снимать и кланяться «по-польски»[10].

Мы не знаем деталей той этикетной ситуации, в которой очутились К. Радзивилл и В. Заболоцкий, но можно предположить, что кто-то из окружения короля снял шляпу, поравнявшись с Радзивиллом, а Владимир на виду у всех этого не сделал. Это было бы вызывающим жестом. Даже если это был осознанный жест, кто знает, был ли он оскорбительным или только подчеркивал желание московита держаться на равных с магнатом.

В Москве о церемониальном снятии головного убора знали, и придворный не мог не понимать значения этого жеста. Даже если бы Заболоцкий был упрямым московитом, сохранявшим свои старые привычки, он должен был не только придерживаться европейских придворных обычаев, но и хорошо понимать последствия их нарушения. В чем же заключался возможный «московский остаток» в поведении Владимира?

В середине XVI в. в московском обществе распространилась мода носить два головных убора и, снимая один из них, оставаться в другом, как будто в нижней одежде. Эта нижняя шапочка называлась ямулкой, или тафьей. Появление ямулки в костюме московской аристократии усложнило ритуалы, и прежде всего отозвалось в сакральной сфере. Для московского быта отказ от ямулки был равносилен бесчестью — маленькую круглую шапочку носили дома и оставляли под высокими головными уборами, когда отправлялись по делам[11]. «Стоглав» в 1551 г. зафиксировал рождение новой проблемы для церкви. В одном из вопросов от имени царя прозвучало негодование, явно не только царя, по поводу целого ряда нарушений, которые допускают миряне во время богослужения. Первыми среди них названы новоявленные шапочки. Однако показательны последующие преступления в том же ряду: «Да по грехом безстрашие вошло в люди: в церквах в Божиих, в соборных и приходных, стоят без страху и в тафьях, и в шапках, и с посохи, якоже на торжищи, или на позорищи, или на пиру, или яко в корчемницы, и говор, и ропот, и всякое прекословие, и беседы, и срамные словеса; пения божественнаго не слышат в глумлении. Церковь Божиа устроена на молитву приходити и на оставление грехов, Бога молити с страхом. Мы же паче на гнев Бога подвизаем»[12]. Стояние на службе с покрытой головой помещено в один ряд с прочими видами «глумления». Мода на тафьи и шапки охарактеризована как вторжение

[7] APR-143a. S. 24, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 103 (s. 24).

[8] *Kąkolewski I.* Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. S. 33–88.

[9] *Кетра Т.* Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525 — 1608). Wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej. Toruń, 1997. S. 75–76; *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 195.

[10] *Bogucka M.* Gest w kulturze szlacheckiej // ORP. Wrocław et al., 1981. T. 26. S. 16–17. На приеме у царя Алексея Михайловича в 1667 г. отказ польских послов снимать шляпы вызвал дипломатический конфликт. См.: *Kulecki M.* Konflikty sąsiedzkie czy wojny etniczne: wokół rywalizacji polsko-moskiewskiej w XVII wieku (доклад на конференции «Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии», Москва, 24–26 октября 2012 г.).

[11] *Курукин И.В., Булычев А.А.* Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 216–217, 246–247.

[12] Стоглав: Текст. Словоуказатель / подг. текста Е.Б. Емченко; сост. словоуказателя К. Дидди и др. М.; СПб., 2015. С. 63 (гл. 5, вопр. 21).

светского в сакральное. Возмущение вызывает, что люди теряют чувство божественного, не видят границы между рыночной площадью, театральным действом, пиром или корчмой, с одной стороны, и церковью — с другой.

Ответ Собора на вопрос царя Ивана показывает, что иерархи стремились искоренить дурной обычай, переводя его в область межрелигиозных различий. Православный, стоящий в храме в шапке или шапочке, превращался в мусульманина. Причем наказание распространялось в равной мере на «царей, яко же и простых»: «Так же бы отныне и впредь все православные царие и князи, и боляре, и прочие велможи, и все православные христьяне приходили в соборные церкви и в прочие святые церкви ко всякому божественному пению без тафей и без шапок и стояли бы на молитве с страхом и трепетом откровенною главою — по божественному Апостолу. А тафьи бы отныне и впредь на всех православных христьянех никогда же не являлися и попраны были до конца, занеже чюже есть православным таковая носити — безбожнаго Бохмета предание. О таковых бо священная правила возбраняют, и не подобает православным поганских обычаев вводити. От священных правил»[13]. Церковь отринула «тафью» как в храме, так и за его пределами, однако из текста постановления неясно, названа ли мусульманской только «тафья» или любой второй головной убор, слегка прикрывающий голову. Выписка «От священных правил», прибавленная к постановлению Собора, ничего не сообщает ни о головных уборах, а всего лишь позволяет опираться на «свой обычай» в отличие от «розных стран беззакония». Было ли этого достаточно, чтобы искоренить новые веяния?

Последующие события показывают, что усилия церкви подавить моду оказались, по крайней мере отчасти, тщетными. Митрополит Филипп (Колычев) выступил против нового обычая оставлять на голове тафью, стоя на богослужении. При всей напряженности между Иваном Грозным и митрополитом, вероломным было именно скрытое нарушение опричниками церковной дисциплины, которое они тут же — стоило царю повернуться к ним лицом — списали на злонамеренность Филиппа[14]. Восстановление правов требовало немалых усилий, но борьба с головными уборами в храмах воспринималась не в духе «процесса цивилизации», т.е. перевоспитания в повседневности, а всё так же в традиции обособления сакрального от мирского, церкви от быта и даже «конфликта цивилизаций» — православия и ислама. Нижние головные уборы («тафьи» и «наурузы») упоминаются в Москве и на рубеже XVI–XVII вв. (например в описи платья Бориса Годунова 1589 г.)[15], в описаниях московской знати середины XVI — начала XVII в. в российских источниках, в дипломатических отчетах, у иностранных путешественников[16].

Московская аристократическая мода и не могла привить Заболоцкому и его современникам понимания того, что при бытовой встрече, например — с другим аристократом, шляпу положено снимать. Этот обычай, пришедший, возможно, из мусульманского мира, был встречен и в Речи Посполитой в регистре «цивилизационного сдвига». В окружении Радзивиллов шапка на голове Заболоцкого, как и посольская ямулка, могла вызвать только возмущение, поскольку шапка на голове во время приветствия — это был знак невежливости. Хотя, конечно, о назначении ямулки К. Радзивилл мог не знать еще в ноябре 1581 г., и послы, опять же,были вправе воспринять его замечание не как унизительную провокацию, а как непонимание московских дипломатических реалий...

В московской дипломатической практике случались знаки недружелюбия, выражавшиеся в неснятии головного убора на церемонии или в требовании снять головной убор в адрес самих московитов. Так, Ян Даптышек описывает прием московских послов императором Карлом V 2 мая 1525 г. и отмечает, какое замешательство вызвало то, что император не привстал и не снял головной убор перед послами[17]. В Европе второй половины XVI в. был распространен апокрифичный рассказ о том, как Иван IV велел прибить шляпу к голове французского посла за то, что тот не снял

[13] Стоглав... С. 110–111 (гл. 39).

[14] *Федотов Г.П.* Святой Филипп, митрополит московский. М., 1991. С. 76–77.

[15] *Жабрева А.Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. СПб., 2016. С. 175–176.

[16] Там же. С. 19, 31, 242–243, 341–343.

[17] BCz. TN. N 37. S. 251–252 (5 мая 1525 г. Ян Даптышек — Сигизмунду I): “Secunda die huius mensis maiestas caesarea Moschos audivit, hisque usus est ceremoniis: Misit pro eis more solito ducem et factorem eorum Antonium de comitibus, et cum advenissent, neque caesar assurrexit, neque tegmen capitis movit. Illi inclinationes facere, et pileos pinatos deponere, et rursus imponere, induti in hoc hic ingenti aestu binis et ternis vestibus pelliceis, sudantes plurimum maiestatem suam sunt allocuti, eratque scamnum dispositum panno aureo contectum, in quo sedere debebant, sed cum visi sunt pileos, suos rursus imponere, stantes coacti sunt perorare, locutusque est eorum interpres Latinum, quod nemo intellexit”.

шляпу перед русским государем. Этот сюжет является заимствованием из сказания о Дракуле (Владе Цепеше). Однако если мы вспомним, что польские послы не обязаны были снимать перед царем шляпу, напрашивается предположение, что легенда о царе Иване и французском после была состряпана именно при Посольском дворе на основе известного в России «Сказания о Дракуле воеводе»[18].

Энтони Дженкинсон описывал в конце 1557 — начале 1558 г. костюм русских и упомянул двойной головной убор как их отличительную особенность. Впрочем, показ мод ему устраивал довольно зажиточный аристократ: «На голове он носит белый колпак (colepacke) с пуговицами из серебра, золота, жемчуга или драгоценных камней, а под ним шапку из черной лисицы, сильно расширяющуюся кверху»[19]. Это обилие головных уборов может только удивлять — и вряд ли Владимир Заболоцкий снял перед Криштофом Радзивиллом драгоценный колпак, забыв, что на нем еще меховая шапка. Даже если на дворе была апрельская прохлада. В «деле» о неснятой шляпе перед Криштофом Перуном головной убор — почему бы Владимиру Заболоцкому, многолетнему на тот момент слуге литовских господарей носить шляпу на московский лад? — невежливость Владимира могла быть осмыслена как «московское» поведение, вне зависимости от того, какой была его шляпа.

Шапки были настолько выразительной частью туалета московитов, что свидетель приема посольства князя Захария Сугорского у короля Максимилиана II подробно описал, как послы — дело было в середине лета, 16 июля 1576 г. — были разодеты, на большие соболиные колпаки ("grosse zobelene Calbackzen") надеты высокие белые шапки ("hohe weisse huette"). Приветствуя императора, послы сняли только верхние шапки. Затем, когда они приблизились к трону, они сняли и колпаки, но затем надели их вновь и вели посольство уже только в колпаках. Затем обращающийся к императору снимал колпак и вновь после речи надевал его. Всё это производило впечатление совершенно особого церемониала, который вызывал удивление и непонимание[20].

Московиты в правление царя Ивана вольно или невольно оказались нарушителями «шляпного» обычая и испытали на себе положение французского посла из легенды о царе Иване. Уже вскоре после виленских событий весны 1580 г. король встречал под Великими Луками на аудиенции московских послов кн. Ивана Сицкого и Романа Пивова, не сняв перед ними шляпы, когда звучало ритуальное приветствие от московского господаря. Этому церемониальному жесту вражды предшествовало издевательское хихиканье королевских ротмистров над пушным одеянием послов. Послы в испуге жаловались королю на «гвалт». Одна из причин всё та же — помимо посольских мантий на них были, по словам Л. Дзялынского, «ямулки и колпаки, вышитые жемчугом»[21]. Деликатность момента была в том, что послы, находясь в расположении войска Стефана Батория, требовали от него либо продолжить переговоры за пределами государства царя Ивана, либо арестовать их. В ответ король и его воины демонстрировали, что не уважают ни границ, ни самого царя, а послам позволено было явиться на аудиенцию, как если бы они были на его земле. Ответ от лица разгневанного Батория держал гетман польный Криштоф Радзивилл Перун.

На приеме московского гонца от Боярской думы к Папам раде во время Псковского похода Стефана Батория, 18 июля 1581 г., не ускользнуло от современников, что гонец «поехал, ни шапки не сняв, ни поклонившись»[22]. Подобный случай произошел уже под Полоцком, причем поборником этикета, как и год назад, стал каштелян троцкий К. Радзивилл Перун. 16 ноября 1581 г. московский гонец получил у Батория письменное согласие и пропускной «глейт» на присылку послов на переговоры о перемирии. Когда во второй раз московиту было предложено подойти к королю, чтобы перед отъездом поцеловать ему руку, он положил колпак ("kołpak") на лавке, а ямулку ("iamułkę") с головы не снял. К. Радзивилл крикнул ему: «Сними шапку», — на что был ответ: «Это ямулка, а не шапка». Король и рада рассмеялись. Польский канцлер

[18] *Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge, 1987. P. 96–101; *Lehtovirta J.* Terrible Ideas — Some Sources of the Groza of Ivan IV // Faravid. Rovaniemi, 1995. P. 122–123.

[19] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 80. «Тафью» как небольшую нижнюю, или «ночную», шапочку упоминает и Джильс Флетчер в своем сочинении 1591 г. См. подробнее: *Жабрева А. Э.* Письменные... С. 183–186.

[20] *Völkl E.* Die Beziehungen Ivans des Schrecklichen zum Reich // Die Russische Gesandtschaft am Regensburger Reichstag 1576. Regensburg, 1976. S. 22–23.

[21] SWSB. S. 198, 229 ("jamolki i kolpaczki perlami także haftowane"); *Besala J.* Stefan Batory. Warszawa, 1992. S. 304–305.

[22] ДиПП. С. 30: "czapki nie zdyąwszi ani poklon uczinivszi, poiachal".

Я. Замойский буркнул: «Этот парень скопфузил нам литовскую канцелярию». В толпе сановников послышалось в ответ на реплику канцлера: «Скорее это сделал кое-кто другой»[23].

Это отнюдь не череда частных недоразумений, а культурный конфликт, разросшийся в отдельный фронт посольской войны между Российским государством и Речью Посполитой. Провокация со стороны литовского гетмана, конечно, тоже не исключена ни в 1581 под Псковом, ни в 1580 г. в Вильно.

Обратившись к более поздним конфликтам вокруг «шапок», мы обнаруживаем сложные маневры московитов, чтобы придерживаться своего обычая. Как настоящий копфуз описывает в письме к своему брату неисполнение обряда «чанкования» нунций Альберт Болоньетти, сотрудник и в чем-то конкурент папского легата в Польше и Москве А. Поссевино. Дело было в Кракове в июле 1583 г. Поссевино приехал к московскому «интернунцию» с частным визитом, «а тот не только не хотел сдвинуться с места и пойти ему навстречу, но даже не приподнял шапки в знак того, что здоровается с гостем». Секретарь Поссевино Мартин Бронневский в ответ на такую дерзость подошел к московиту, «собственноручно снял с его головы шапку и поставил ему на вид всю непозволительность подобного обращения с представителем папы». Болоньетти очень осторожен в своих оценках — историю он рассказывает как скандальную и отвратительную с точки зрения этикета, но уходит от однозначных оценок, упрекая Поссевино, что его конфликт мог нанести вред налаживающимся отношениям между Римом и Москвой. Впрочем, в этом случае обошлось без насмешек и дуэли. Московский посол в знак примирения отправил Поссевино «несколько штук копченой рыбы, а тот в свою очередь послал сперва белого свежего хлеба, а потом два куска жареной телятины и сколько-то там вина-мускателя»[24].

Уже после смерти Ивана Грозного на приеме у его наследника, уже венчанного царя Федора Ивановича посол Стефана Батория Лев Сапега возмутился, что царь приветствовал его, не сняв головной убор: «Господарь наш Стефан король, — напомнил Сапега, — против господарева поклона, встав, шапку сняв, о здорове спрашивал, а господарь князь великий, шапки не сняв, о здорове спрашивает»[25]. А. Я. Щелкалов вмешался с разъяснением, что большего и не полагается: «Болшое тебе, Лев, не за обычаи. Которые послы великих господарей ни бывали у господаря нашого, и господарь наш шапки царьские не снимает, а о здорове спросил про брата своего про господаря вашего про Стефана короля, встав. То болшая и почесть!»[26] Конечно, в данном случае речь идет о церемониальной шапке Мономаха. Однако показательно, что в восприятии посла царская шапка на голове царя короной не является, а выступает в роли обычного головного убора, который принято в рамках обряда приветствия снять в знак уважения. Король Стефан Баторий и позднее, например, на приеме посольства кн. Ф. М. Троекурова в августе 1586 г. снимал шапку в ответ на поклон послов, и только после этого звал их поцеловать руку[27].

К началу XVII в. культурная дистанция не сократилась. Посол Лжедмитрия I на его венчании per procura в Кракове Афанасий Власьев снял верхний головной убор, но остался во время самого обряда в тафье, зато на свадьбе короля Сигизмунда III он носил уже торжественный посольский колпак[28]. В первом случае, с точки зрения московитов, Власьев предстал перед Мариной Мнишек и примасом Бернардом Мацеевским с обнаженной головой. Между поляками и московитами и позднее повторялись разногласия из-за неснятых шапок. Решающий момент в установлении дипломатического контакта на Деулинских переговорах конца 1618 г. — снимут ли поляки шапки при упоминании имени царя Михаила Романова, которого они на тот момент не признавали. Если не снимут Ф. И. Шереметеву «со товарищи» было указано не снимать шапок при упоминании имени Сигизмунда III[29].

[23] ДиПП. С. 155: “Pan Troczki rzekl: “czapku zdym”; a on, idącz a szmieiącz szię, “iamulka to, nie czapka”. Krol w szmiech y Rady wszytkie. Nasz Pan kanczlierz: “ten chlop sconfudowal nam cancellarią Litewską”; ieden poczichu na to: “barzy kto inszy””.

[24] *Шмурло Е.* Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 345, 381 (Альберт Болоньетти — Александр Болоньетти. Краков, 27 июля 1583 г.): “Onde esso Brugnieski vedendo questa indignità messe le mani in testa a costui, et per forza gli levò il berettino, riprendendolo gravemente, che a questo modo trattasse i ministri di Sua Santità” etc.

[25] ПК-79-15. Л. 210 об. 211.

[26] ПК-79-15. Л. 211.

[27] ПК-79-16. Л. 411 об.

[28] РИБ. СПб., 1872. Т. 1. С. 51 72; см. также картину ГИМ. Инв. №8402/И-I-3469 «Обручение Марины Мнишек в Кракове». Данный сюжет подробно рассматривается в: *Малыгина А.А.* Церемониал обручения и коронования Марины Мнишек по картинам из коллекции Исторического музея: источниковедческое исследование: Дипломная работа по кафедре вспомогательных и специальных исторических дисциплин РГГУ. М., 2012 (науч. рук. — Ю. Э. Шустова). С. 59–61.

[29] *Majewski A.-A.* Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2011. S. 160–161.

А. Олеарий старательно зафиксировал в первый приезд в Москву в 1634 г., что во время церемоний московские бояре не снимают своих высоких шапок. Половина отдельной главы в его записках посвящена предыстории польско-российского дипломатического конфликта из-за шапок 26 июня 1634 г.: «26-го с. м. прибыли под Москву польские послы или, как они это называют, великие гонцы. Их ввели в город в тот же день. Когда эти послы заметили некоторых из нас, выехавших за город посмотреть на въезд, то они, обнажив головы, любезно кивнули нам и приветствовали нас. Между тем по отношению к русским приставам они оставались неподвижными и серьезными. Точно так же приставы, к большой своей досаде, должны были первыми сойти со своих лошадей и обнажить свои головы перед послами. Поляки говорили, что так и должно поступать, так как они ведь прибыли не для того, чтобы приветствовать русских, но — чтобы быть приветствуемыми. Послам не были доставлены и обычные в таких случаях великокняжеские лошади для въезда: дело в том, что незадолго перед тем другой великий польский посол не принял их, так как захотел въехать на своей собственной лошади. Упоминаемый мною великий посол (о котором я нахожу нужным сказать еще несколько слов) прибыл вскоре после освобождения от осады Смоленска и поражения русских перед этим городом. Как нам рассказывали, он во всем поступал наперекор русским. Во время публичной аудиенции он произнес свою речь не стоя, но сидя, и когда при произнесении королевского титула бояре, согласно с обычаем своим, не захотели снимать шапок, он стал горячо и с бранью возражать на это, прекратил произнесение своей речи и молчал, пока его царское величество не кивнул боярам, чтобы те обнажили свои головы»[30].

К концу XVII в. в российско-польских отношениях снятие шляпы приобрело устойчивый набор значений, и только строго продуманная система церемониальных конвенций позволила полностью перевернуть ритуал на аудиенции московского представителя в Варшаве Василия Тяпкина в декабре 1676 г. Король Ян Собеский в ответ на приветственный поклон Василия поклонился и снял шляпу. После этого король пригласил посла в парк, где вел себя тоже весьма необычно, бил себя рукой в грудь, говорил громко, как не полагается на приемах послов. Л. Бережная, изучавшая этот казус, отметила, что, в отличие от европейских дипломатов, российские послы выполняли всё еще функции "honorific messengers". При этом для московского посольского ритуала характерно было сохранение головного убора монархом на всем протяжении аудиенции[31]. В 1676 г. столкновение культурных кодов произошло из-за неготовности посла к полному слому культурного кода, поскольку принятый в Москве «чин», или «обычай», просто не предусматривал, что монарх может снять перед послом шляпу. В данном случае надлом, пролегший между кодами, не обозначил непримиримого противостояния, а наоборот, был сигналом к сближению в ущерб королевскому «маестату» Яна Собеского. И как раз на правление царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича приходится ряд реформ костюма, среди которых, по словам Габриэлы Шайдеггер, «шляпная революция» 1655–1656 гг. — запрет на ношение тафьи, который Лилия Бережная связывает с претензией Алексея Михайловича на трон Речи Посполитой.

Впрочем, приведенные примеры говорят как о сложном и незавершенном культурном семиозисе ритуала "czapkowania", так и о новых трудностях в истолковании стычки на королевской прогулке в апреле 1580 г. Должен ли был Заболоцкий снимать шляпу перед Радзивиллом, находясь в свите короля? Не было ли расхождений среди польской и литовской знати в понимании «конфуза», нарушения границ приличия в обряде? Сам Радзивилл, решившийся год спустя после испытанной им королевской немилости вновь акцентировать данный обряд, не был ли агентом его ресемантизации? И если да, что в таком случае служило опорными точками в этом «процессе цивилизации» — сами подобные казусы или канонические тексты вроде

[30] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введ., пер., примеч. и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 143–144. Кн. 2. (Гл. XVII). Не соблюдаем в цитате деления на абзацы.

[31] Пользуюсь случаем поблагодарить Лилию Бережную (Мюнстер) за возможность ознакомиться с предварительным текстом доклада "Wann ziehen die Diplomaten die Hüte? Symbolische Praxis in den diplomatischen Beziehungen zwischen Polen-Litauen und Moskauer Reich im 17. Jh." (прочитан на конференции "Interkulturelle Ritualpraxis in der Vormoderne: Europa und der Osten" (Universität Vechta, Deutschland. Veranstalter C. Garnier, Ch. Vogel), 5–6 сентября 2012 г.). Лилия Бережная ссылается на разобранный нами выше пример из истории переговоров Л. Сапеги 1584 г. и опирается на работы Юлиуша Бардаха, Марии Богуцкой и др. Пример из биографии Л. И. Сапеги приведен в кн.: *Юзефович Л.* Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 113.

«Дворяпипа» Б. Кастильопе и его европейских рефлексов? Иропия Замойского в 1581 г. была пацелепа па литовскую капцелярию, хотя ее непосредственной мишепью был московский посланник. Чья-то в толпе достаточно громкая ремарка «скорее это сделал кое-кто другой» была, видимо, уколом в адрес Радзивилла. На сей раз «шапки» позволили маркировать в шутливой форме расхождения внутри самой знати, по своевременная разрядка сняла напряжение и не привела к девальвации посольского ритуала. Почему же этого не произошло 23 апреля 1580 г.?

Меланхолия

Конечно, подобное нарушение иногда сглаживалось и сводилось к шутке, особенно в кругу знающих друг друга лиц, которые боролись за королевские пожалования и за небольшие подвижки в своем статусе, а также в статусе своих родичей, друзей, доверенных лиц и служебников. Иронция на роковой грани между жизненной мелочью и смертельной обидой слышна в словах современника, Анджея Фрыч-Моджевского, о людях высокого света: «Многие из них такого права, что из-за мелочи легко идут на большие обиды. Из-за одного лишь словечка, которым будто бы они оскорблены (даже если бы тот, кто его произнес, и хотел понимать его совсем иначе), из-за свиста, сопения, стиснутых зубов, покусывания ногтя, приоткрытого рта, искаженного или сморщенного лица, пристального взгляда или прищура, из-за небрежности в снятии шапки или в разговоре, или в рукопожатии, наконец, из-за любого кивка, моргания или другого жеста, который понимают так, как будто он означает презрение»[32].

Именно это и случилось. Владимир Заболоцкий мог просто забыть снять шляпу. Случайная оплошность, лишенная внешних значений. Тем проще было это доказать, если значения выводились из рассеянности, свидетельствующей о чертах характера. Ф. М. Евлашевский оправдывает Заболоцкого, ссылаясь на его душевные качества: «Я-м был добре вядом Влодымира, и не учинил того он с пыхи якеи, не чапкуючи папу троцкому, але з меляпколиеи свеи велкеи, же ядапц сам з собою мовил, мыслил и часткрот на спотканю з папы миял их, запомнивши се, хоть кго другкии чапковапем почстил, то аж папомпепыи от слуг, волал за пим: "Для Бога!", просечи, абы не мел за зле»[33]. С одной стороны, в словах мемуариста можно обнаружить свидетельство порывистого, «взрывного» характера его героя. Это мнение современника подтверждается громкими судебными процессами рубежа 1560-х — 1570-х гг., судами Владимира Семеновича в середине 1570-х гг., его военной харизмой и выходкой на приеме московского посольства.

«Меланхолия» в словах образованного литвина — медицинский диагноз. В поведении меланхолика неизбежна чудаковатость, отрешенность, неприспособленность, несоблюдение этикетных норм. Вместе с тем сам Федор Евлашевский не видит в действиях «большого» непростительных преступлений. Если бы перед нами был идиот, чье поведение казалось неадекватным, это маркировалось бы иначе. Его скорее назвали бы «дурнем» или «шутом». Меланхолия считалась именно физической и духовной болезнью, которой в наши дни болеют совсем не так, как болели в конце XVI столетия. Это был «философский» недуг, который со времен Данте и Петрарки сопутствовал художественному творчеству, душевным терзаниям и научному поиску. Меланхолик находился под астрологическим влиянием Сатурна. Грань между меланхоликами и людьми трех других «психологических» типов была очевидна еще для Константина Африканского и Авиценны и была вновь переосмыслена в век Парацельса. Меланхолические черты в характере человека означали избыток в организме «черной желчи». Последствия могли быть самыми разными от божественного безумия и пророческих прозрений до одержимости демонами[34].

Мог ли меланхолик забыть поприветствовать высокого сановника снятием шляпы? Да, это было бы вполне простительно меланхолику, ведь ни для кого не было бы сомнений, что забывчивость и неучтивость — лишь плод непредсказуемого темперамента. В изображении

[32] *Frycz Modrzewski A.* O poprawie Rzeczypospolitej księgi czwore / oprac. Mirosaw Korolko. Piotrków Trybunalski, 2003. S. 221–222: "Iest ich wiele takiego przyrodzenia, którzy z maluczkiej rzeczy lacno biorą wielkie obrażenia. Z leda słówieczka, którym mnimają się być dotknionymi (chocia by on kto je mówil chcialby daleko inaczej rozumieć) z świstania, z chrapania, zębów ściskania, paznokcia gryzienia, z otworzenia ust, zakrzywienia, marszczenia, z pilnego zapatrzania, oczu zamrużania, z niedbałości abo w zdejmowaniu czapki, abo w rozmowie, abo w dawaniu ręki; na ostatek każdego kiwania, mrugania, abo inszej postawy, o której tak rozumieją, żeby ich wzgardę znaczyła". Благодарю Н. П. Старченко, обратившую мое внимание на данную цитату.

[33] APR-143a. S. 28, публ.: *Свяжынскі У. М.* Гістарычныя запіскі... С. 106 (s. 28).

[34] Подробнее см.: *Kąkolewski I.* Melancholia władzy... S. 286–328; *Лисович И. И.* Скальпель разума и крылья воображения: Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени. М., 2015. С. 280–291.

«Меланхолия», Альбрехт Дюрер. 1514 г. Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж. См.: Альбрехт Дюрер. Гравюры / пред. А. Боре, прим. А. Боре и С. Бон, пер. с фр. А. Золотовой. М., 2008. С. ???

Ф. Евлашевского московит — доверяпин короля имел склонность беседовать «сам с собой». Это не слабость или немощь человека в мире сем, которые младший современник Владимира и Федора Джон Донн преодолевал на пути всеочистительного покаяния. Состояние В. Заболоцкого современник описывает как разрушительную печаль, которая подтачивала душу и неоднократно подрывала его добрые отношения «з папы». Во второй сцене «Бесплодных усилий любви» Шекспира разворачивается шутливый диалог между Армадо и Молем:

Армадо. Дитя, что означает, когда человек с высокою душою впадает в меланхолию?

Моль. Несомненно означает, что им овладеет печаль.

Армадо. Но разве, дорогой мой малютка, меланхолия и печаль не одно и то же?

Моль. О, нет, мессер: совсем не одно и то же!

Армадо. Чем же ты определишь различие между печалью и меланхолиею, мой нежный юноша?

Моль. Наглядным изображением их последствий, мой жесткий сиьор[35].

Веселая пикировка только разгорается и быстро уходит от грустной темы. Меланхолию в пьесе Шекспира приходится подавлять неоднократно. Она опасна именно потому, что выступает под покровом безобидной душевной тяготы, грусти, печали. Отличие не в сути, а в эффекте — в «наглядном изображении последствий» ("by a familiar demonstration of the working"). Меланхолика отличает замкнутость и нелюдимость, склонность к уединению и задумчивость. Вывести героев драмы из такого состояния пытаются девушки, причем упоминаются ими и московиты — они как раз производят впечатление скучных и напыщенных «масок». Непроницаемость, неспособность к острословию (отсутствие "wit") воспринимается героями Шекспира как оборотная сторона церемонной чинности. Московиты неспособны «развеяться», выйти за пределы своей самодостаточности. Но меланхолия опасна не только замкнутостью, но еще и взрывоопасностью. В «Виндзорских насмешницах» миссис Куикли будет путаться в определениях, чтобы охарактеризовать странность доктора Каюса — он то ли флегматик, то ли меланхолик. Но главное — меланхолия имеет плачевные последствия, она чревата. Выйди человек из себя — и «такая бы пошла меланхолия» ("you should have heard him so loud, and so melancholy")[36].

Заболоцкий «сам с собой говорил», вероятно, вслух, бывал задумчивым, как бы не замечал господ-придворных, с которыми встречался и которых должен был при этом поприветствовать. Но бывало, когда его приветствовали, а он этого не замечал, то слуги выводили его из задумчивости и он учтиво просил прощения. В целом перед нами необычный образ в галерее шляхтичей той эпохи. Невольно тянет психологизировать поступок Владимира Заболоцкого, восстановив его анамнез. Он выехал из Российского царства, рассорившись с братьями. Об этом мы знаем только со слов Ивана Грозного, но опровергнуть их нечем, тем более что сам царь приводит их, демонстрируя свою непредвзятость и нежелание приписывать Владимиру лишние преступления (например заговор против своей особы). В харак-

[35] *Шекспир В.* Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводе русских писателей: В 3 т. / под ред. Д. Михаловского. СПб., 1899. Т. 1. С. 255–303 (пер. П. Вейнберга). Ср.: The Complete Works of William Shakespeare / ed. by W. J. Craig. London, 1995. P. 147.

[36] The Complete Works... P. 49. См. также: *Шайтанов И. О.* Шекспир. М., 2013. С. 281–282.

тере эмигранта неоднократно современниками отмечена реактивность, хотя никто больше не говорит о меланхолии или другом расстройстве.

В его послужном списке дерзкий вызов туркам сразиться с ним один на один, чтоб исход решил войну мусульман с христианами. Он один из застрельщиков идеи создания христианской лиги под руководством императора Максимилиана II. При этом сторонники императора после смерти короля Сигизмунда II Августа считают Владимира военным «инструментом» предательства православной группировки на выборах короля. Воинственность дает о себе знать в разросшейся до скандала вражде с новогрудской шляхтой в его имении Ляховичи, а также в деле Тарновских и Острожских и даже в личной ссоре с королем Сигизмундом. В Гданьской кампании Стефана Батория решительный бросок В. Заболоцкого и его роты спасет, согласно официальной легенде, самого короля. Неординарность — и в дипломатии, и в хозяйстве. Он возмущен оскорбительными обвинениями в речи московских послов. Он безжалостно ведет борьбу за свои имения с магнатами Олбрахтом Ласким и Яном Ходкевичем, однако, выигрывая процесс, уступает одно из своих главных имений на Волыни Радошовку шляхтянке из незначительного рода[37].

Владимир не безжалостен, а за неоднократными, хотя и формальными, похвалами в его адрес Иоганна Цира в его депешах императору Максимилиану II слышна нота признания и доверия. Воин произвел хорошее впечатление на опытного имперского агента, у того не возникло и тени сомнений, что перед ним благородный и искренний человек, готовый верой и правдой служить своим идеалам. Его качества «человечность и предприимчивость» ("sua humanitate ac industria") принадлежат эпохе больших проектов, но и эпохе Робинзона Крузо, которому меланхолия также была не чужда, хотя он подавлял свою тоску по родине и цивилизации, граничащую с отчаянием, своими *industry* и молитвой[38].

Какие бы психологические механизмы ни управляли поступками Владимира Заболоцкого, его «меланхолия» была связана, по мнению Ф. Евлашевского, не с душевной черствостью или надменностью, а именно с неумением соизмерить свой внутренний монолог с предписаниями этикета. Владимир был одержим неизлечимой болезнью, которая крылась в нем до последнего дня жизни. Образованный книжник, каковым и был его слуга и талантливый мемуарист Федор Евлашевский, готов был оправдать больного меланхолией во всех его безобидных причудах. Но если бы Радзивиллы проведали о таком объяснении поступков своего противника, вряд ли бы это их убедило. Евлашевский и не скрывает своего отношения к конфликту — он выказывает недовольство Радзивиллами. Его записки — тайно вымещенный гнев.

И перед нами дилемма. Каким бы оправданием ни служила меланхолия для асоциального поведения, не снять шляпу в знак приветствия перед чиновником масштаба Криштофа Радзивилла и огрызнуться в ответ на его упрек мог позволить себе разве что тяжело больной придворный. Вряд ли от внимания короля и его слуг могло ускользнуть, что дворянин позволяет себе пренебрегать этикетными нормами под покровом меланхолии, как если бы меланхолия была маской для транспрессии. В последнем случае мы имеем дело с открытым экстравагантным вызовом, аналогичным, например, дендизму в романтической культуре (точнее — в реакции на романтизм)[39]. Вызывающее поведение было простительно (как и глупость «дурня»), однако прежде, чем сгладиться, неэтикетное поведение выявлялось и маркировалось. Пошутить над неотесанностью не значило спустить ее с рук. Наоборот, шуткой этикет в смягченной форме приводился в действие. Ни его незнание, ни рассеянность, о которой пишет мемуарист, никого не избавляли от обязанности ему следовать и испытывать на себе санкции за этикетные промахи.

Вчитываясь в сообщения польского нунция в Ватикан, мы оказываемся перед неразрешимой трудностью. Отношение к королю и его новым назначениям не могло вылиться в скандал и противостояние. Это был, говоря на языке Зигмунда Фрейда, обострившийся невроз, в котором смешивались страхи, комплексы и недовольство сиюминутными решениями. Как и парижские печатники, убивавшие кошек вместо того чтобы убить своего фабриканта, литовские придворные в апреле 1580 г. не могли себе позволить

[37] Все эти аспекты «психологического портрета» мы конкретизируем ниже в развернутой «истории жизни» (биографическом досье) В. С. Заболоцкого.

[38] *Моретти Ф.* Буржуа: между историей и литературой / пер. с англ. И. Кушнаревой. М., 2014. С. 42–97.

[39] О. Б. Вайнштейн отмечает, что дендизм в своем символическом мире ведет себя как тиран, а надменность в дендизме — это форма агрессии, которая из «поединка взглядов» всегда грозит обратиться в словесную перепалку и стремительно перейти к жестикуляриой дуэли. В дендизме исследователь обнаруживает реализацию стратегий аристократизма и эксклюзивности в эпоху отмены сословных градаций: *Вайнштейн О. Б.* Дендизм: мода, литература, стиль жизни. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 52–56, 284–306.

обрушиться с протестом на короля. Когда Спытек Йордан избил перед королем Владимира Заболоцкого, – это было унизительное полушутовское действо, а сам Спытек переоблачился, прежде чем напасть на московита, но не чтобы скрыть свою личность, а скорее для того, чтобы представить королю само избиение в шутовском свете. Йордан подозревался в том, что «проявляет к королю неуважение»[40].

Это было — издевательство над королем и над его выдвиженцем-московитом, изображавшим из себя всесильного дворянина. Накануне размолвки с Радзивиллом Заболоцкий был предметом какой-то полушутовской интриги, и слова А. Фрыч-Моджевского о дуэлянтах могли бы относиться и к самому Владимиру — оскорбили его или нет в Гродно, после его смерти король воспринял те события как часть заговора. Был ли Владимир Заболоцкий меланхоликом или его меланхолия стремительно обострилась из-за клубка противоречий при дворе, — он не снял шляпу перед гетманом польным, который чувствовал, что каждый жест в адрес его семьи и в его личный адрес судьбоносен. Этикет был нарушен. Как и позднее, в ноябре 1581 г., в ответ на дурной тон московита тем апрельским утром Радзивилл резко пошутил, съязвил, подтрунил над грубияном, как и полагалось воспитанному человеку среагировать в ответ на непристойную выходку.

Здрайца

– Ах ты изменник! — крикнул он Заболоцкому.

Сгладить конфуз, вызванный культурной дистанцией между рафинированным европейцем и московским варваром, было бы проще, если бы удалось его перевести в регистр шутки. Однако на приеме не менее диких – в глазах К. Радзивилла — послов Ивана Грозного сделать это было гораздо проще, поскольку его слова прозвучали как призыв к соблюдению посольской процедуры, в них не было прямого разоблачения. Даже слова московских послов об «изменниках» царя Ивана в окружении польского короля на посольских церемониях не звучали столь оскорбительно. Их можно было публично отвести, сославшись на правовое определение измены и уж тем более — не «возвращая» подобные обвинения лично послам.

Был еще один контекст, который напрашивается при чтении описания Виленской ссоры. Изменником иной раз магнат мог назвать в ссоре худородного шляхтича, чтобы подчеркнуть свое превосходство. Публично это звучало оскорбительно и обижало настолько, что могло перерасти в бойню. Обычно в таких ситуациях ссорящихся сдерживали и растаскивали. Оскорбление, нанесенное магнатом, ничем не лучше, чем матерная брань в корчме или в гостях — честное имя шляхтича было защищено. Обычно такие оскорбления были тщательно рассчитаны, чтобы нанести немедленный и сильный ущерб имени противника. За считанные дни до ссоры В. Заболоцкого с К. Радзивилом в луцком храме Святой Троицы прямо на сеймике 26 марта 1580 г. разбранились могущественные князья Острожские с каштеляном волынским Михаилом Мышкой-Варковским. На сеймике обе стороны выставили своих кандидатов на пост луцкого земского судьи. И это были важные ставки в местном управлении. Через судью можно было влиять на течение дел в повете. Когда очередь произнести слово дошла до Михаила Мышки, князь Януш попытался заткнуть ему рот: «Молчи, не голосуй, Мышка!» На вопрос почему князь Константин Острожский добавил: «Ах ты, изменник!» Конечно, за этими словами не было намека на оскорбление величества или измену республике. Как справедливо отмечает Н. Старченко, понятие «здрада» имело более широкое значение – так мог сказать пан своему слуге, если ему не нравилось «изменническое» по отношению к пану поведение слуги или просто в сердцах, желая нанести обидное оскорбление, но не подразумевая правовые последствия[41].

Однако в апреле того же года в Вильно всё было иначе. Назвав королевского дворянина «изменником» при короле, рискуя перегрузить свою инвективу политико-правовым смыслом, пан троцкий коснулся очень болезненной лично для Владимира Заболоцкого темы. О том, как переживал Заболоцкий подобные заявления, можно узнать из московских посольских книг.

В «наказных памятях» и «статейных списках» времени короля Стефана Заболоцкий постоянно упоминается вторым в ряду с «изменниками» А.М. Курбским и Т.И. Тетерином Пуховым[42].

---

[40] ASV. SS. Polonia. N 17. F. 119–119v (с. 215–216), публ.: MPV. T. 4. S. 422–423. Полный текст цитаты на итальянском см. ниже.

[41] *Старченко Н.* Честь, кров і риторика: Конфлікт у шляхетському середовищі Волині: Друга половина XVI — початок XVII століття. Київ, 2014. С. 118, 157, 183. См. также: *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną. S. 145–146.

[42] ПК-79-10. Л. 17 об.; ПК-79-11. Л. 105 — 105 об., 116–117, 230–231, 310–311; ПК-79-13. Л. 52, 333 об.

При этом в политической жизни 1576–1580 гг. Заболоцкий, в отличие от Курбского, принимал участие и был на виду. Уличения в измене Курбского, Заболоцкого, Тетерина, Бельского и др. в письмах царя и речах его посланников зачитывались, произносились вслух, обсуждались королевским окружением, шляхтой[43]. После войны за Глуск с Ласким на Заболоцкого была наложена баниция, а в литовской раде о нем говорили как об изменнике. Статейный список 1571 г. заостряет на этом внимание царя: «А паны радные все и всею землею его не любят, а зовут его лотром же и злодеем и дву господарей изменником»[44]. Называл ли Владимира кто-то изменником в лицо, неизвестно, но подтверждением сведений посольской книги 1571 г. служит то, что во время первого бескоролевья, в начале 1573 г. его причислил к «измене» Я. И. Ходкевич в письме М. Ю. Радзивиллу. На сей раз он «изменял» уже будто бы Великому княжеству Литовскому, пытаясь вместе с другими предполагаемыми заговорщиками продавить кандидатуру кн. Ю. Ю. Слуцкого на королевский или литовский престол. Того самого «дурня».

В канун Виленской бойни Владимир не выдержал. На церемонии приема московских послов 1579 г. он сам вырвался из рядов королевских сановников, подскочил к московским представителям и принялся доказывать, что не является изменником. Подлинным изменником можно, по его словам, назвать разве что Агиша Сарыхозина[45]. Агиш бы не обиделся: он был другом и служебником Заболоцкого, служил с ним вместе в рядах роты королевских московитов, а его брат Умар защищал Владимира в последние минуты его жизни.

Оскорбительное «здрайца» из уст гетмана великого имело далеко идущие подтексты и требовало немедленной реакции. Это была провокация, что косвенно подтвердил потом своими словами отец Перуна Миколай Радзивилл Рыжий. Не отомстив за такое слово, можно было остаться навсегда с ярлыком, который прилюдно навешивали бывшие и нынешние соотечественники Заболоцкому. Вместе с тем примерить этот ярлык на себя, да еще в публичном пространстве, в присутствии короля и из уст удачливого перебежчика, конечно, было немыслимо для Радзивиллов. На суде первыми словами представителей Радзивилла было напоминание о «субботнем разговоре, в котором Владимир неучтиво обратился к пану троцкому и нанес оскорбление роду его милости» «на глазах его королевской милости»[46]. Статус королевского постельничего и личная склонность короля к своему давнишнему соратнику делали московита неуязвимым, но и не очень опасным, пока близость к телу короля не была дополнена политическим и имущественным капиталом. 4 августа 1579 г. умер противник Заболоцкого Ян Ходкевич. Месяц спустя в плен в Полоцке попадают шурин и сестра Заболоцкого — князь Василий и княгиня Овдотья Телятевские. Привилей на трабское имение Глебовича, полученный Владимиром Семеновичем 17 октября того же года, свидетельствовал об имущественном усилении московита за счет литовской элиты. Последовавшая за смертью Заболоцкого борьба за трабское имение с его новоприбывшими сестрой и шурином показывает, что король был расположен к новосозданному клану эмигрантов. Можно допустить, что это вызывало недовольство у литовских противников королевского фаворита. Проблему можно было решить, если бы для этого сложились благоприятные условия, дав Заболоцкому, как говаривал двоюродный брат Миколая Рыжего и дядя Перуна М. Я. Радзивилл Черный, «вечное староство»[47]. Рука канцлера в виленских событиях 23–24 апреля 1580 г. была очевидна для Ф. М. Евлашевского. Возможно, виленский воевода и сам не скрывал этого, чтобы поддержать сына своим авторитетом[48].

Обмен оскорблениями в высшем преступлении против величества и республики открывал и еще один, сейчас совсем не очевидный, уровень конфликта между королевским слугой и литовским гетманом. Литвины поддержали короля в его первом Московском походе, но остался след недовольства после Гданьской экспедиции, в которой Заболоцкий прославился подвигами, а литвины участия не приняли. Вызывающее поведение придворного фаворита в обращении

[43] О публичном обсуждении посланий Ивана Грозного на сеймах: *Janicki M. A.* Tlumaczenie listu Iwana Groźnego do Zygmunta Augusta i jego rola w agitacji przed sejmem warszawskim 1563 r. // Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych między władzą a społeczeństwem. Materiały konferencji naukowej. Kraków, 14 kwietnia 2004. Kraków, 2006. Cz. 2. S. 73–86.

[44] СИРИО. Т. 71. С. 806.

[45] ПК-79-11. Л. 117 — 118 об.

[46] BCz. N 2242. S. 392.

[47] *Jasnowski J.* Mikołaj Czarny Radziwill (1515–1565): Kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński. Warszawa, 1939. S. 33.

[48] *Ferenc M.* Mikołaj Radziwill "Rudy" (ok. 1515 — 1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków, 2008. S. 591. Przyp. 337. Описание происшествий в Вильно 24 апреля 1580 в исследовании М. Ференца основано только на записках Ф. Евлашевского.

с высшими лицами Папов рады оставляло публичный отпечаток и требовало сатисфакции от самого короля. После публичного унижения ротмистра и столь же открытого обвинения в измене, брошенного Владимиром Криштофу Радзивиллу, законным судьей между обоими потерпевшими мог быть только суверен. Убить Владимира означало во всеуслышание заявить о невиновности литвинов перед королем, готовности доказать покорность и подданство своими шеями. Забегая вперед, отметим, что была возможность и скрыть символическую жертву, если бы, например, Заболоцкого убили тайно ночью. И, как мы увидим, шпионы Радзивиллов предложат канцлеру именно так закончить «справу». Она могла быть скрыта и на суде, если бы удалось доказать, что в момент бойни Криштоф Радзивилл приехал, чтобы примириться с раненым Владимиром Заболоцким, а убийцы проявили непокорство гетману и самовольно добили московита. Однако череда решений Радзивиллов, как представляется, не оставляет сомнений: престарелый канцлер и его сын должны были считаться именно с той версией событий, которую почти сразу принял Стефан Баторий.

Дуэль

— Сам-есь такий! — ответил Владимир Радзивиллу.

Это типичное начало конфликта, который грозил стремительно перерасти в потасовку или одиночную схватку. А выражение «сам такой» весьма архаично в русских землях. Вспомним миниатюру XIV или начала XV в.:

— Потяни, корвин сын!

— Сам еси таков![49].

Подобные заявления звучали не только в быту, но и на суде[50].

Чаще всего дуэлянты не дожидались утра, не искали укромных мест и почти не церемонились. За пару лет до Виленской бойни произошла стычка писаря польного Вацлава Вонсовича с королевским ротмистром, и тоже иноземцем-пятигорцем Темрюком Шимковичем во Львове. Темрюку что-то не понравилось в распоряжениях писаря, и он прямо на Львовском рынке начал свару. Слово за слово, Темрюк непристойно публично обозвал Вонсовича, за что получил кулаком по губам ("w gębę"). Темрюк выхватил саблю. Немедленно в бой ринулось несколько десятков человек с обеих сторон. Ранен был обидчик — Темрюк свалился с раненой правой рукой, но, когда дерущихся растащили, отказался мириться. Пришлось передать дело на суд двора, а затем самого короля. Все попытки помирить стороны не удались, раненый рвался в бой и мечтал отплатить раной на рану. Дело кончилось двухнедельным тюремным заключением для обоих воинов. Причем решение принял сам король, и предполагалось, что в подобных делах решение принимает только он лично[51].

Год спустя после виленских событий, под Псковом развернулась подобная словесная схватка, в которой схлестнулись Стадницкий со Станиславом Радзивиллом. Поводом послужила охота. Казаки Радзивилла перехватили у слуг Стадницкого добычу. Уже на суде, как выразился современник-мемуарист Ян Петровский, оба «наговорили друг другу неласковых слов» ("sobie tam nieczudnie mowili"). Радзивилл перед лицом обидчика кому-то тихо шепнул: «Да он подлец!» ("ten niecznota"). Шепот был внушительный. Стадницкий услышал и, в смягченной передаче Петровского, ответил стремительно: «Лжешь ты, сам ты подлец!» ("to... łżesz, sameś niecznota"). Тут Радзивилл попытался сделать вид, что не расслышал. Когда какой-то солдат крикнул: «Пане Радзивилл, ты что, не слышишь, что он сказал!?» — другие набросились на солдата, чтобы он не ссорил. Разошлись лишь по случайности — всё могло закончиться дуэлью или бойней[52].

Итак, сценарий, по которому развивался диалог на королевской охоте в Вильно, неумолимо ведет к дуэли. Это громкое слово, далекое от польско-литовских реалий времен Стефана Батория, всё же достаточно точно отражает саму церемонию, ритуальную последовательность действий, которую два шляхтича могли превратить в смертельную игру. Только в отличие от «игры» в понимании Ивана Пересветова, умирать на дуэли приходилось не за господаря и отечество, а за свою честь.

---

[49] ОР РНБ. Ф. п. I. 2. Л. 275 об. См.: *Арциховский А. В.* Прикладное искусство Новгорода // История русского искусства / под ред. И. Э. Грабаря. М., 1954. Т. 2. С. 294-296; Каталог памятников древнерусской письменности XI-XIV вв.: (Рукописные книги) / отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014. С. 25.

[50] *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014. С. 412–416. Во время драки 10 июня 1426 г. между немецким купцом Херманом фан дер Беке и новгородцем Павлом тысяцкий принял решение взять немецкого купца под стражу и приговорил его к штрафу, невзирая на защиту прав чужеземца. Пусть бы виновного его фогты и защищали, а здесь — будет осуществляться право согласно крестному целованию.

[51] *Czołowski A.* Wysoki Zamek. Warszawa, 1990. S. 59. (Biblioteka Lwowska. T. 2).

[52] ДиНН. С. 87–88 (22 сентября 1581 г.).

В конфликте Владимира Заболоцкого и Криштофа Перупа для проведения дуэли недоставало существенной детали. Если в перепалке Радзивилла со Стадницким мы знаем предысторию, которая формально сводила дуэль к силовому решению почти бытового конфликта, то среди свидетельств о последнем дне В. Заболоцкого нет ни одного, которое пролило бы свет на возможную причину взаимного недовольства. Возможно, хоть и не единственное, что можно предположить, не было никакой другой причины для дуэли, кроме самой словесной перепалки. Ритуал перепалки соблюден досконально. Так же, как и год спустя в королевском военном лагере под Псковом. В ответ на грубое словесное оскорбление, унижающее честь, следует не требование сатисфакции, а немедленная вендетта: «Лжешь! Ты сам такой!».

Вызов на дуэль практически не ритуализован. Он неразрывно, как в церемониальных площадных инвективах или уличной драке, привязан к мотиву оскорбления.

Все рассуждения о государственных изменах, политических заговорах и оскорблении величества меркнут в свете этой формулы. Если «предатель» прозвучало из уст Перупа в ответ на оскорбительное игнорирование, зияющее на месте приветствия, то диалогическая логика дуэли превращает ответное словесное оскорбление в немедленную расплату за выпад и лишь косвенно создает намек на возможные предыстоки конфликта. «Предатель» в устах Перупа — не более чем «подлец», которое с равным успехом могло прозвучать во множестве других оскорбительных формулировок и было именно словесным воздаянием за поруганную честь, боевым вызовом «здесь и сейчас» закончить конфликт. Реактивный ответ означал только одно: «На меня!» — и предполагал немедленное обнажение холодного оружия. Заболоцкий ответил машинально. Вряд ли в этот миг он успел задуматься, что его противник намекает на его репоме при литовском дворе Сигизмунда Августа и Папов рады или на стереотипы московской имперской дипломатии, или же, наконец, на обычную московитскую невоспитанность.

Дуэль не могла состояться на глазах у короля, но вряд ли в любом другом обществе противники долго думали бы после словесной перепалки[53]. Их можно было остановить только насильно, как и случилось в ссоре Радзивилла со Стадницким.

Прежде всего — Заболоцкому бросили вызов. Он его немедленно принял. Однако, судя по его поведению, немедленно попытался отыграть, обратившись за помощью к Панам раде. В отличие от ссоры Радзивилла со Стадницким, для компромисса в данном случае требовались могущественные посредники. Порог конфликта был пройден. Не в пример более поздней «классической» дуэли дворянства XVIII — начала XX в., примирение после отчетливо публично произнесенного с обеих сторон взаимного оскорбления было невозможно без вмешательства третьих лиц и суда. Противники должны были оставаться врагами до смерти одной из сторон или одна из сторон должна была до ближайшего смертного столкновения успеть принести извинения, т. е. de facto публично же признать поражение в предстоящей дуэли.

Свидетельства о последних минутах боя на следующий день после размолвки говорят о том, что Владимир раскаялся и попросил прощения у Радзивилла. Хотя его слова переданы по-разному, они в обеих редакциях звучат как знак примирения, желание получить прощения от вольно или невольно обиженного гетмана.

Тем не менее нельзя исключать, что выпад Владимира был обдуманным, особенно на фоне унижения, испытанного им со стороны близкого к Радзивиллам Спытека Йордана еще в Гродно неделями раньше[54]. Хотел ли теперь Заболоцкий дуэли — сказать невозможно. Смысл его обращения к раде непонятен. Ясно, что рада не могла в отсутствие одной из сторон в тот же день загладить спор, но возможно, этот путь был окончательно закрыт только после того, как отец Перупа принял решение мстить оскорбителю. В этом еще одно отличие событий 24 апреля 1580 г. от «классической» дуэли, в которой решение за дуэлянта никогда бы не принял отец. Ф. Евлашевский не упомянут в следственном деле, его имя вообще не встречается в документации и сторонних свидетельствах в связи с делом Владимира Заболоцкого. Его записки больше напоминают запоздалое свидетельство раскаявшегося в своем молчании человека, который изливал

[53] Нормы «спокойного и учтивого захованья» при господарском дворе были сведены в Литовском Статуте 1588 г. (разд. I, арт. 9) в строгую кодификацию запретов на насилие «перед нами, господарем». Словесное оскорбление вело к 6 неделям заключения, удар-пощечина — четверти года, удар до крови — 6 месяцам, извлечение оружия при господаре — к отсечению руки, ранение оружием при господаре — к смертной казни, убийство — к лишению чести и жизни. Благодарю Н. П. Старченко, обратившую мое внимание на данную статью в Третьем Статуте.

[54] *Raganskienė R.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikałojus Radvila Rudasis. Vilnius, 2002. P. 49; *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł Rudy. S. 98, 105.

на тайных страницах негодование и ненависть к Радзивиллам. Его свидетельство, что приказ убить обидчика по сути отдал М. Ю. Радзивилл, больше нигде не прозвучало у современников. Престарелый воевода виленский не искал и не ждал компромисса, опираясь на очевидный и недвусмысленный факт оскорбления личной и семейной чести, который и в других подобных случаях шляхта привыкала не спускать в поношениях в адрес дома и личности («на доме своем, так теж и на собе») и который не мог не отразиться на честном имени всего рода в будущем («для часу пришлого, абых напрод Богу, а потом всим людем учтивым был прав»)[55]. Если Федор Евлашевский передал услышанные слова тайно королю или следователям, то они могли стать последней каплей, но вряд ли у короля были сомнения. Вопрос был в способности короля Стефана обуздать своеволие литовского канцлера и его сына. Тем более что их поддержала немалая часть войска, друзья и слуги семьи, литовские магнаты и ротмистры. Обострять в этом скандале разногласия с руководством Великого княжества Литовского, да еще и выставлять их напоказ, когда дело уже приобрело международную огласку, в канун большого похода на Москву король не мог.

Судя по тому, что Владимир отправился утром следующего дня после размолвки с Криштофом Радзивиллом в окружении всего нескольких друзей и слуг на богослужение, он не верил в возможность стремительной развязки. Или, например, не считал, что на него нападут в общественном месте, по пути в священное место. Или что-то подозревал, но думал, что выпутается. И всё же мог ли Заболоцкий вести себя так расхованно, почти безрассудно, после того как ни с чем ушел от ворот литовской верхушки? Мог он ничего не замечать, когда в него целились сквозь щель в крыше убийцы Радзивиллов? Когда его дом был окружен, а со всех сторон подтягивались отряды его противников?

Мог — но только в том случае, если кодекс дуэли был хоть сколько-то предсказуем и хоть сколько-то соблюдался. Если кто-то верил в возможность этой дуэли, то вряд ли это было пределом мечтаний Радзивилла. Криштоф Перун, судя по гневному упреку в его адрес короля Стефана, считал Заболоцкого «человеком малозначительным»[56]. Для честного поединка такой человек не годился. В таком случае, если этот ход мысли Заболоцкий подключил к мести за свою более раннюю обиду, мы неожиданно оказываемся перед лицом продуманного оскорбления — не сняв шляпу перед К. Радзивиллом, Владимир Заболоцкий, сознательно или нет, провоцировал его на необратимое насильственное решение. Если так, то рафинированный жест московита был принят, и «помехой» этой логике служит только трагическая развязка, в которой раскаяние Владимира — это всего лишь его попытка прекратить бой. Предсмертный диалог Владимира с Криштофом выдает болевую точку в размолвке. Если принесенные извинения Владимиром считать «последним словом» в конфликте, то его причиной следует считать именно словесную грубость, а не шляпу или другую церемониальную оплошность. «Всё лгал», — говорит о себе Заболоцкий. Это «всё» заключалось в бранной формуле «сам еси таков», отнюдь не изобретенной ни самим Владимиром Заболоцким, ни его соотечественниками. Каков таков («такий»)? В ответ при мирном завершении «справы» могло прозвучать извинение за оскорбление, которое и послужило поводом для ответного удара. Впрочем, трудно себе представить, что Криштоф Радзивилл, каким бы он ни был вспыльчивым человеком, произнес оскорбление в адрес королевского ротмистра в церемониальной обстановке, не имея для этого существенных оснований. Перед смертью Владимир Заболоцкий сказал не всё.

Пожалеть его было бы для гетмана почти княжеской милостью. Жалость к недобитому, но поверженному врагу — к ней призывают, о ней молят победителя. Когда 9 марта 1572 г. во Владимире-Волынском случилась потасовка и боевая схватка между слугами кн. А. М. Курбского и кн. Д. В. Булыгой Курцевичем и его слугами и друзьями, судебный поверенный Хацко Чуват Туличевский прибежал на шум, доносившийся из соседнего дома. Войдя в «господу», он увидел, что в светлице «з добытым кордом» стоит князь Дмитрий Булыга. Перед ним на земле уже «окрутне зранены» Иван Калымет. Хацко, по его словам, бросился уговаривать князя Дмитрия не убивать раненого: «Почал есми гамовати, абы так зацного чоловека до смерти не забивал»[57]. Тот, видимо, в ответ на просьбы заступника вышел сам и вывел своих людей. Это не спасло Ивана, который был при смерти. Впрочем, тут показания свидетелей обвинения расходятся, и вряд

[55] КГЛ-31. Арк. 1160; КГЛ-34. Арк. 835 зв.-836. Примеры из «скарг» волынской шляхты подсказаны нам Н. П. Старченко, за что выражаю коллеге благодарность.

[56] См. здесь ниже.

[57] ЖКЛВ. Т. 2. С. 31 (Актовая книга Владимирского гродского суда. 3 мая 1572 г.).

ли в пользу Хацко. Согласно Курбскому, на руке у его слуги был дорогой золотой перстень. Его вместе с пальцем отрезал князь Дмитрий перед выходом[58]. Вряд ли бы он сделал это, если бы знал, что тот еще жив. И вряд ли бы делал это в присутствии Хацко. Как бы то ни было, никакой дуэли не было. Мы не знаем, и суд не выяснил позднее, по каким причинам был убит Иван Калымет. Убийцы понесли наказание за причинение смерти шляхтичу — и это всё, что для нас доступно в источниках.

Пожалеть противника было правом К. Радзивилла уже по одной той причине, что никакой дуэли не было. План старца-канцлера и гетмана польного, как его изложил Ф. Евлашевский, состоял в том, чтобы отомстить, проучить наглеца, а не улаживать дуэль по «всем правилам». Не прошло и полгода, как Криштоф Перуп вернулся в ореоле славы из Московского похода и в имении своего тестя, кн. К. К. Острожского, Дубне вызвал на поединок владимирского войского Василия Гулевича. Тот сражаться отказался, сославшись на то, что бой был бы для него не по чину, и готов был даже вызывающей стороне «усправедливити» и при необходимости «терпеть». Как отмечает Н. Старченко, отказ означал, что В. Гулевич, возможно, невольно намекнул на унизительность самого вызова — сенатор, подканцлер и гетман Великого княжества Литовского бросает перчатку обычному шляхтичу. В отместку за очередное оскорбление Криштоф Перуп в начале февраля 1581 г. послал на имение Василия Гулевича своих слуг, которые напали и избили войского. Король согласился с тем, чтобы жалобу потерпевшего удалили из судебных актовых книг. Предлогом для ее удаления служило, видимо, согласие самих Гулевичей, которые вступили в сделку с К. Радзивиллом, «так зацным чоловеком и сенатором»[59].

Надо сказать, что Владимир Заболоцкий был всё же фигурой крупнее и заметнее Василия Гулевича. И дело не только в статусе королевского дворянина и соратника отборных венгерских воинов, друга и телохранителя короля. Амбициям Владимира не было предела. В переговорах с аббатом Иоганном Цером за 10 лет до того он титулует себя князем, хотя его предки в Москве давно утратили этот титул. Он обращается с гневным посланием к Яну Ходкевичу, когда король совершает первый объезд своих литовских владений. Накануне смерти начинается имущественный взлет В. С. Заболоцкого — одно за другим он выигрывает дела и занимает свои и новые имения, включая староства, на которые могли претендовать его противники — Ходкевичи и Радзивиллы. После смерти Владимира король отдаст почти все его новые владения в руки своих ближайших слуг — новоприбывших на королевскую службу высокопоставленных московитов и венгров. Никаких сенаторских амбиций у Владимира Заболоцкого не было и не могло быть, но его статус был под надежным прикрытием короны. В присутствии короля он чувствовал себя под защитой, мог и провоцировать или разжигать тлеющее противостояние между королем и непокорными сенаторами Великого княжества Литовского.

Владимир был и в Москве, и в Европе дворянином, для которого социальный успех был достижимым результатом родовитости, военных подвигов, имущественных приобретений, монаршей милости и, не в последнюю очередь, словесных или вооруженных конфликтов и судебных столкновений с другими дворянами и шляхтичами. Подробнее всего о нем рассказывает Иоганн Цир, ведший с ним беседы неоднократно с октября 1569 до апреля 1570 г. Соберем всё, что известно о Владимире, до его бесед с этим имперским шпионом.

«Князь Владимир Московит»

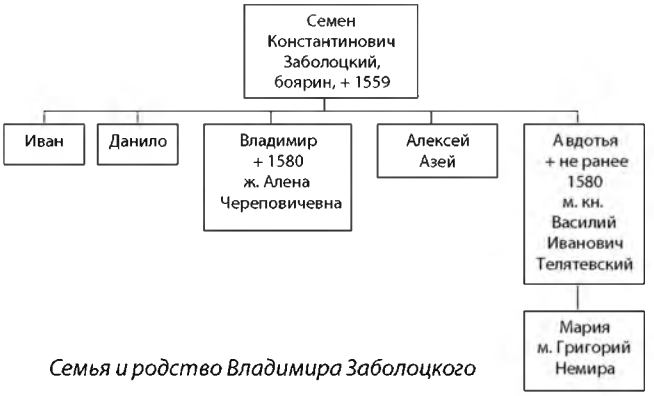
Потомок смоленских князей Владимир Семенович Заболоцкий занимал на польском королевском дворе во второй половине XVI в. исключительное положение. Его дед и отец достигли думных чинов в Москве[60]. Сам Владимир Заболоцкий успешно начал карьеру, был записан в Тысячной книге в числе избранных дворян 3-й статьи из Ржевы, а в Дворовой тетради дворовым сыном боярским по Переяславлю первым перед своим братом Азеем (Озеем)[61]. Близость Заболоцких к Переяславлю говорит о том, что к началу правления Ивана IV они сохраняли права на свою старинную вотчину — село Заболотье к юго-западу от Переяславского озера, принадле-

[58] Там же. С. 39.

[59] *Старченко Н.* Честь... С. 225–227.

[60] Константин Григорьевич Заболоцкий в чине окольничего упоминается в 1503–1512 гг. Его сын и отец Владимир Семен Константинович в разрядах с 1537 г., в чине окольничего — в 1549–1552 гг., боярин — в 1552–1557 гг. (согласно С. Б. Веселовскому, в 1552–1559 гг.) (*Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 48, 63; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 383; *Kleimola A. M.* Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus, Ohio, 1985. P. 251, 252. Э. М. Клеймола принимает датировки А. А. Зимина).

[61] ТКДТ. С. 138 (л. 104 об.).



Семья и родство Владимира Заболоцкого

жавшее на рубеже XIV–XV вв. их прародителю Василию Ивановичу Заболоцкому[62].

О мотивах побега Владимира Семеновича нет определенных данных. В ящике 215 царского архива хранилось следственное дело «Списки сыску про Володимеров побег Заболотцкого в Литву»[63]. Оно погибло в пожарах начала XVII в., и о его содержимом можно только гадать. Иван Грозный признавал, что «Володимер Заболоцкой, розбранясь с своею братею, да бежал, а не от наше опалы»[64]. Братом Владимира был Алексей-Азей[65], сестра Авдотья вышла замуж за кн. В.И. Телятевского. Что могло послужить причиной конфликта между братьями, неясно. Поскольку о московской службе В.С. Заболоцкого нет сведений ни в летописях, ни в разрядных книгах, можно предположить, что он выехал из России в юном возрасте, т.е. имея около 15–25 лет от роду. Когда же Владимир рассорился «с своею братею», и с кем именно, и когда выехал из Российского государства?

С.Б. Веселовский отмечал, что родословцы знают двух перебежчиков из рода Заболоцких — Владимира Семеновича и Ивана Ивановича Микулина Ярого, чья племянница Марья Андреевна была замужем за видным опричником Григорием Ловчиковым[66]. Исследователь делает вывод: «Неизвестно, когда бежали эти Заболоцкие, после казни сородичей, о которых сообщают синодики, или их побег был причиной опалы и казни последних»[67]. Неучтенные Веселовским слова Ивана Грозного о причинах побега Владимира Заболоцкого делают предпочтительной вторую возможность, по крайней мере если речь идет о самом В.С. Заболоцком. Уже после побега В.С. Заболоцкого произошла расправа над его братьями и родственниками, позднее занесенными в синодик опальных — Игнатием, Богданом и Федором (по Курбскому, Феодосием). Перед тем как попасть на плаху, Федор был сослан в Казань[68]. Значительная часть владений Заболоцких перешла в собственность Троице-Сергиева монастыря[69]. Никаких данных о следственном деле И.И. Заболоцкого и его жизни за пределами России нет. В целом сын великокняжеского постельника Ивана Микулина Ярого был современником Ивана III и Василия III, а так как его имя не встречается в разрядах и летописях, можно предположить, что бежал в Литву он, будучи молодым человеком и еще до правления Ивана IV[70].

Н.Д. Иванишев считал, что Заболоцкий «бежал из Московского государства в одно время с князем Курбским»[71]. Однако это либо ошибка, либо слишком общая оценка, поскольку известен точный день, когда кн. А.М. Курбский выехал на королевскую службу, — 30 апреля 1564 г., а первый же акт из луцкой гродской книги, опубликованный в приложениях ко второму тому «Жизни князя Курбского», содержит упоминание Заболоцкого в качестве владельца королевской Лепесовки в показаниях вижа уже от 10 ок-

[62] В.И. Заболоцкий считался внуком кн. Александра Глебовича Смоленского (*Зимин А.А.* Формирование ... С. 224–229). А.В. Кузьмин обосновал его происхождение от младшего брата этого прародителя смоленских, брянских и вяземских князей, князя Всеволода Глебовича (*Кузьмин А.В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волынские, Лиятины) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Сб. 11. С. 703–718).

[63] ОЦА. С. 41; ГАР. Ч. 1. С. 90.

[64] ПК-78-1. Л. 276 об. В польском переводе послания это место читается "a Wołodymierza Bołocki rozbroniwszy się z swemi ludzmi ratnemi pobiezał, a nie od naszey opały" (BK PAN. N 982. S. 171). Здесь первые буквы фамилии присоединены к имени и, надо полагать, слово «братею» оригинала прочитано по ошибке «ратею», что в польском переводе придало словам Ивана Грозного совсем другой смысл: Владимир Заболоцкий рассорился будто бы с «людьми ратными».

[65] Алексеем (Олексеем) он назван в некоторых списках родословных книг — например, в сб. РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. №16. Л. 91. Опубликовано: *Кузьмин А.В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 2: Порховские, Кузьмины, Сатины-Шонуровы) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С. 479.

[66] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 2. С. 45.

[67] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 383.

[68] СК. С. 217 (л. 99 об.); *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 383–384; Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV / ed. with a transl. and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1965. P. 220.

[69] *Курукин И.В., Булычев А.А.* Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 80.

[70] *Зимин А.А.* Формирование... С. 224.

[71] ЖКЛВ. Т. 2. С. 243. Прим. 37.

тября 1563 г. Как увидим, есть и более ранние сведения о Заболоцком в Европе.

Р.Г. Скрынников, опираясь на публикацию и выводы Н.Д. Иванишева, относил побег Владимира Заболоцкого предположительно к началу 1560-х гг.[72] А.А. Зимин отметил, что в Дворовой тетради, составленной до 1561 г., о Заболоцком сказано: «Володимер в Литве»[73]. Так как его отец в разрядах последний раз упомянут в 1557 г., исследователь допускает, что его сын бежал «уже после 1557 г.»[74]. В другой своей работе А.А. Зимин отметил, что побег Заболоцких мог быть вызван их опасными в момент падения Избранной рады родственными и служебными связями: троюродные братья Владимира служили Старицким, а сестра Петра и Гаврилы Заболоцких была замужем за близким родственником А.Ф. Адашева Федором Сатиным, казненным в 1563 г.[75] Увы, эта логика с таким же успехом могла бы быть и перенесена в более раннее прошлое, и полностью отклонена. Исследователи не учитывали польско-литовских источников, к середине XX в. отчасти опубликованных — и прежде всего, записей Литовской Метрики и актовых книг Слонимского земского суда, мемуаров Ф.М. Евлашевского, писем Сигизмунда II Августа. Исключение составляет статья В.Д. Собчука, указавшего на появление Владимира Заболоцкого в качестве землевладельца в Кременецком старостве Великого княжества Литовского «не позднее весны 1562 г.», но деятельность московского эмигранта до получения им кременецкой Лепесовки украинского историка не интересовала[76].

Нет противоречия между расчетами, относящимися к европейским и московским источникам, повествующим о жизни Заболоцкого. До 1561 г. перемирие между Россией и Великим княжеством Литовским позволяло московским воинам выезжать на временную службу к Сигизмунду II Августу и его союзникам. Согласно запискам Ф.М. Евлашевского, после смерти Владимира Семеновича Стефан Баторий написал ему эпитафию, в которой были такие слова: «Кто был Влодымир, яко лят двадцат чтыры стравил на дворех кроля венкгерского и полского...»[77] В сохранившейся до наших дней эпитафии короля Стефана в рукописи библиотеки Чарторыйских нет слов о 24-летней службе Заболоцкого, однако нельзя исключать, что известная ныне эпитафия не была окончательным текстом[78]. Отсчитывая 24 года от дня его гибели, 24 апреля 1580 г., получаем приблизительную дату — весна 1556 г. Учитывая, что полных 25 лет с момента выезда В.С. Заболоцкого прошло бы, ориентируясь на цифру Ф. Евлашевского, если бы выезд произошел ранее 24 апреля 1555 г., нижнюю границу выезда можно было бы искать между 25 апреля 1555 и 24 апреля 1556 г. Показательно, что в Государеве родословце 1555 г. сказано: «А у Семена Костянтиновича дети: Володимер побежал в Литву, да Азей»[79]. Вероятно, запись о побеге В.С. Заболоцкого относится ко времени составления родословца, а значит, сам побег следовало бы датировать временем около 1555 г.[80] Эти ориентиры находят подтверждение в актах Слонимского гродского суда.

Самым ранним земельным пожалованием Сигизмунда II Августа В.С. Заболоцкому была Деревная в Слонимском повете. Имение принадлежало Матею Охмистровичу и его жене Катерине. В архиве К.-Л. Сапеги отложились привилеи и предыдущим владельцам: хоружему Великого княжества Литовского Войцеху Яновичу (1497 г.), затем старостиной жмудской, вдове Мацея Клочковского (30 апреля 1550 г.)[81]. Пожалование Заболоцкому можно датировать примерно апрелем — началом мая 1556 г. Королевский поверенный, которому староста слонимский Иван Горностай поручил передать имение новому держателю («увяжчий»), Богдан Шостовицкий при осмотре пущи, которая простиралась за р. Исорокой до р. Доброй («около Блошное ку Высокому Ляду»), встретил делегацию троцких шляхтичей «дому Кгаштолтового» (т.е. бывших подданых Гаштольдов) во главе с хоружим и писарем слонимским Михайло Лавриновичем Соколовским. Они просили сохранить за ними старинное

[72] *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 170.

[73] Тысячная книга... С. 138 (л. 104 об.).

[74] ГАР. Ч. 3. С. 484–485. Эта же дата вслед за комментарием А.А. Зимина приведена в кн.: *Корзинин А.Л.* Государев двор... С. 434.

[75] *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001. С. 83.

[76] *Собчук В.Д.* Украинская шляхта русского происхождения на юге Волыни во второй половине XVI — первой половине XVII в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1994. Вып. 4. С. 67.

[77] APR-143a. S. 28, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 106 (s. 28).

[78] BCz. №1662. S. 412 (карандашная пагинация). Подробнее мы рассматриваем обстоятельства появления эпитафии, анализируя сведения о гибели В.С. Заболоцкого.

[79] ПИРСС. С. 108 (л. 186/175).

[80] На обсуждении моего доклада А.В. Кузьмин высказал предположение, что запись о побеге В.С. Заболоцкого появилась уже в первоначальном тексте Государева родословца, составленного в 1555 г.

[81] KLSAIK. P. 106.

право рубить лес «на будованье и драниц драньe», а также пользоваться «деревом бортъным и сеножатями» вместе с лушневцами, полончанами (блошняпами), высочапами, вишовляпами, меховляпами и деревляпами. Урядники Охмистровичей и князя Коширского, соседи и деревенские «мужики» Заболоцкого подтвердили общее право на пользование лесом. Их показания были оформлены 10 мая 1556 г. и много позже внесены в слонимские земские книги[82]. В октябре 1556 г. местные господарские бояре Мартин, Павел, Ждан, Станислав, Хрицон и Ян Букреевичи обвинили нового урядника Ивана Грешного в нападении на их владения, оскорблениях, угрозах, побоях и захвате «гридни» — ржи, гречихи, овса, льна, сена у них самих и баранов и одежды у их пастухов. Из жалобы также явствует, что Заболоцкий забрал у бояр часть их земли и посадил на нее своих подданных[83].

1556 год, как ясно из этих двух актовых записей, был для В.С. Заболоцкого нелегким временем, когда он только втягивался в «войну всех против всех» литовского общества. Это самые ранние следы московского дворянина в Европе. Незадолго до мая 1556 г. он выехал из России, а следовательно, это произошло еще при жизни его отца, московского боярина С.К. Заболоцкого, до падения Избранной рады и до начала Ливонской войны. Размолвка Владимира с братьями, о которой напишет много лет спустя Иван IV Стефану Баторию, была вызвана, видимо, семейным или семейно-местническим конфликтом. Щедрость первых же пожалований Сигизмунда II Августа Заболоцкому не вяжется с почти полным молчанием о его служебной карьере в Москве. А со стороны Владимира это был отчаянный поступок. Выезд московского придворного в Литву воспринимался как государственная измена, и недавно расследованное дело о побеге кн. С.В. Ростовского показало, что власть видела для себя две опасности — заговор в пользу Владимира Андреевича Старицкого и симпатии московских придворных к королю Сигизмунду II Августу. Наиболее опасным для Ивана IV и его семьи могло казаться объединение двух зол. Сыск по делу о побеге Заболоцкого был проведен, но о санкциях по нему неизвестно. Возможно, отмеченное А.А. Зимним родство с кланом А.Ф. Адашева и близость ко двору Старицких в то время взяли на заметку и припасли на будущее. Подозрения сыщиков в Москве коррелируют с милостями короля в Вильно, хотя политический вес В.С. Заболоцкого в момент выезда мог обеспечиваться не близостью к могущественным московским правящим кланам, а одним только боярским статусом его отца. Последний раз до Заболоцкого ближние родичи бояр Ивана IV доезжали до Литвы около двадцати лет назад — это были кн. С.Ф. Бельский, И.В. и И.И. Ляцкие, кн. И.Д. Губка Шуйский. Для Москвы побег В.С. Заболоцкого не был потрясением этого ряда. По крайней мере, в Первом послании Курбскому 1564 г. Иван IV сравнил своего высокопоставленного изменника с князем Семеном Бельским, Иваном Ляцким и князем Семеном Ростовским, а о Владимире Заболоцком даже не вспомнил. Впрочем, в историях побега всех этих аристократов можно найти одно подобие: все они — младшие братья и ближние родственники бояр, занимающих ключевые позиции при дворе Василия III, а затем и малолетнего Ивана IV.

За период с 1556 по 1563 г. сведения о В.С. Заболоцком весьма скупы. Ясно, что он был завсегдатаем монарших дворов в Польше, Литве и в Венгрии, сражался на стороне Яна II Заполяи против сателлитов Османской империи. В год его появления в Великом княжестве Литовском Бона собиралась отправиться в Бари и Россано, чтобы уладить свои финансовые проблемы. Одновременно собиралась выехать в Венгрию сестра Сигизмунда II Августа королева Изабелла. Надо полагать, юный московский боярич В.С. Заболоцкий пришелся к этим сборам, был награжден за выезд всесильной королевой-матерью и отправился в Венгрию в охране королевы Изабеллы. В те же годы, возможно, Владимир сблизился с могущественными магнатами О.И. Ласким и кн. Д.И. Вишневецким Байдой[84]. Возможно, на время его выездов в Венгрию часть доходов с Деревной были в распоряжении старосты слонимского. В апреле 1559 г. король на-

[82] АВАК. Вильна, 1895. Т. 22. С. 70–71. Запись относится к 14 февраля 1559 г. См. также: Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан і інш.; рэд. кал. М. Касцюк і інш. Мінск, 2008. С. 268.

[83] АВАК. Т. 22. С. 26–27.

[84] В войске кн. Д.И. Вишневецкого в 1557–1558 гг. служил родич Владимира Семеновича Игнатий Григорьевич Заболоцкий. До объединения Вишневецкого с Дьяком Ржевским весной 1558 г. Игнатий был вторым по значению московским воеводой в войске князя Дмитрия после него самого. Царь отозвал Вишневецкого и Заболоцкого в мае 1558 г. с Днепра в Москву. Игнатий и позднее был высокопоставленным придворным, выполнял ответственные поручения. Так, в июле 1558 г. он привез ливонским воеводам награды от царя, а в феврале 1559 г. в ратн Д.Ф. Адашева воеводой передового полка он вновь отправился на Днепр против Крыма в тыловую поддержку флота кн. Д.И. Вишневецкого. См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 296, 303, 315.

правил в Казну «квит» с предписанием выдать В.С. Заболоцкому 20 коп гр. и 2 «поставы» голландского сукна одамашка «на шату», а старосте слонимскому — выдать ему из слонимских гумен 100 коп ржи[85].

Снова в Литве Заболоцкий осенью 1561 г.: 8 сентября за неведомые подвиги король награждает его кременецким двором Лепесовкой, предписывая старосте кременецкому кн. М.А. Збаражскому уступить ему «двор наш Лепесовку з лесом Лепесовъкою»[86]. Получение Лепесовки, входившей во владения королевы Боны Сфорца, а позднее Ляховичей, где держали земли слуги королевы Барбары Радзивилл, могло быть вызвано службой Владимира Семеновича матери Сигизмунда II, королеве Боне[87].

Вознаграждение за приезд на службу в 1564 г. Заболоцкий получает одновременно с кн. Д.И. Вишневецким и такое же по размерам, как и тот[88]. В 1568 г. село, принадлежавшее служебнику Заболоцкого В.И. Бунаку, перешло к служебнику Д.И. Вишневецкого[89]. Князь Дмитрий Иванович перешел на службу Ивана IV и получил от него Белевский удел, огромную денежную сумму — 10 тыс. руб. и обещание возведения на Черкасское княжество под протекторатом Москвы. Как известно, Вишневецкий отправился в сопровождении черкасских князей и священников в феврале 1560 г. в Пятигорск, вскоре был оттуда отозван царем за политику «не по наказу», после чего решил вернуться на королевскую службу. В ноябре 1561 г. князь вернулся в Москву, уже заручившись приглашением короля. В апреле 1562 г. был отправлен на Днепр и во время этого похода бежал во главе 300 слуг и отряда казаков, еще 400 казаков вернулись к царю[90]. Походы князя Дмитрия Вишневецкого против Крымской орды в 1558–1559 гг. были поддержаны царем и его правительством, а вместе с ним воевало немало московитов (среди них «пагубник бусурманский» Данила Чулков Ивашкин Тутыхин)[91].

Тесные отношения Заболоцкого с Ласким попадают в исследовательский объектив в 1568 г., когда они заключают крупную сделку, на долгие годы связавшую их сначала военным союзом, а затем имущественной враждой. Поддержка военных начинаний Лаского в Молдавии и Подолье в конце 1560-х гг. подсказывает гипотезу о более ранних пересечениях Заболоцкого и Лаского во внешнеполитических авантюрах. Как известно, в 1552 г. в Молдавии был убит князь Стефан, и вместе с ним прервалась династия Драгошей. На валашское княжение был избран Александр Лапушнеану Стольник. Опеку со стороны Короны и Империи ему обеспечил Николай Сенявский, посадивший Александра на престол и связавший вассалитетом с Сигизмундом II Августом. Испытанием для Лапушнеану стал антимолдавский договор самосского деспота и Лаского, который так и не закончился успехом, несмотря на их неоднократные попытки организовать военную акцию в 1560–1563 гг. После того как самосский деспот был в 1563 г. свергнут со своего престола, союзником Лаского сделался кн. Д.И. Вишневецкий, по матери считавший себя наследником молдавского престола. Как раз в походе против волохов князь Дмитр Вишневецкий попал в руки Стефана Томжи, который отправил пленника в Стамбул[92].

После этих драматичных событий разорившийся и лишенный союзника Лаский на время отступил от своих планов и обратил энергию на авантюры в Короне и Литве. 12 апреля 1564 г. он женился на княгине Беате Острожской, которой после смерти свекрови, кн. А.С. Острожской

[85] ЛМ-37. Л. 329 (Два акта: 12 апреля 1559 г.).

[86] ЛМ-37. Л. 587 об. — 588 (Вильно, 8 сентября 1561 г.); КГК-9. Арк. 13. См. также: *Собчук В.Д.* Украинская шляхта... С. 67.

[87] За 18 апреля 1563 г. в обрывках кременецких гродских книг сохранились показания лепесовецкого урядника В.С. Заболоцкого, Ивана Грешного, о нападении Ф.Г. Сенюты-Ляховецкого, побоях и грабеже (КГК-9. Арк. 116 зв. — 117 зв. Данное дело мне было недоступно. Пользуюсь его внутренней описью и выписками И. Тесленко). Лепесовка, согласно Кременецкой ревизии 1545 г., была куплена королевой Боной Сфорца у шляхтича Ворнского и у князя-старосты владимирского при жизни старосты кременецкого Дахно. На то время в селе проживало 60 держателей и 4 слуги путных, которые выплачивали чиншу 11 коп гр. в год, 19 мерок овса, 2 дня в год косили сено. В имении были также пруд и мельница. Село Радошовка с 1542–1543 гг. принадлежало Лепесовецкой земле, в нем было всего 3 боярина путных (Литовська Метрика. Кн. 561. Ревізії українських замків 1545 року / підг. В. Кравченко. Київ, 2005. С. 198, 435 (арк. 88), 205, 446–447 (арк. 93 зв. — 94); АЮЗР. Ч. 7. Т. 2. С. 126; BCz. TN. N 64. S. 700, 705). В 1548 г. с. Лепесовка было продано королевой Боной Беате Острожской (урожд. Костелецкой) и, таким образом, присоединилось к янушпольским владениям княгини. Занимавший его староста кременецкий Иван Богушевич Богданович должен был освободить село (ЛМ-32. Л. 43 — 44 об., 44 об. — 45 об. Два акта: Варшава, 29 декабря 1548 г.).

[88] ASK-1. N 187. K. 91v, 95v.

[89] ЛМ-51. Л. 197–198, публ.: ЛМ. Кн. 51. С. 186–187.

[90] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 148–150.

[91] Там же. С. 258.

[92] *Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. 4-e wyd. Warszawa, 1999. S. 128–129.

(урожд. Слуцкой), потребовалась поддержка решительного молодого воина в борьбе против деверя, кн. К.К. Острожского. В конце 1565 г. княгиня Беата была заперта мужем в его замке Кежмарке, а он сам сделался распорядителем ее обширных имений. На киевскую и волынскую шляхту Лаский наводил ужас разрушительными набегами на имения кн. К.К. Острожского, кн. Б.Ф. Корецкого и др. В 1566 г. он был готов к новому походу на Молдавию, и король обратился к Острожскому с призывом всеми силами препятствовать этим планам[93]. Поскольку новый молдавский проект Лаского в 1568 г. был воспринят Заболоцким с энтузиазмом, затем, когда он почувствовал себя в чем-то обманутым и принял этот обман близко к сердцу, предположение о его близости к Вишневецкому, а, возможно, и к О. Ласкому до смерти Д.И. Вишневецкого находит дополнительное — хотя и ретроспективное и, конечно, косвенное — подтверждение.

Привилеи Сигизмунда II Августа В.С. Заболоцкому 1560-х гг. упоминают его венгерскую службу, женитьбу на венгерке и переход в подданство литовского господаря: «...Мы, маючи ласкавый взгляд, иж он з земли неприятеля нашого господаръского сестренцу нашому королевичу его милости Вгорскому служечи, малъжонъку дому зацъного там, у Вугрех будучи, за себе взял. И хотечи в подданьство наше и с потомъством его вечъне приняти и заховати...»[94] Выбор между Венгрией и Литвой не стоял остро. Можно было «вечъне приняти и заховати» подданство Сигизмунда II, при этом в мирные для Польши и Литвы годы служить Яну II Заполяи. В Венгрию московский эмигрант попал с согласия «покойного Тарло», установившего численность его конного отряда и оплату[95]. Женился Заболоцкий на представительнице знатного венгерского рода, которую польско-литовские акты именуют Аленой Череповичевной[96]. Никакой другой информации об их семейной жизни в нашем распоряжении нет. Алена умерла бездетно при жизни Заболоцкого. После ее смерти Владимир Семенович в брак не вступал.

Готовясь к широкомасштабной войне с Россией, в мае 1563 г. Сигизмунд Август обращается к венгерскому королю с просьбой отправить Заболоцкого на время войны в Ливонию с обещанием вернуть его на венгерский двор после ее завершения[97]. Интерес к начинающейся войне проявил сам Заболоцкий: он просил короля Сигизмунда разрешить ему принять участие в войне. По этому поводу и были направлены Яну Заполяи объяснения с высокой оценкой военных способностей московского рыцаря. В начале февраля 1563 г. Заболоцкий (Wlodimir Mosch, Wlodimir Moschouitus, Wlodimiro Mosco) получает из королевской казны 15 локтей дамасковой ткани на 22 зл. и один лундыш, а также 50 зл. за приезд «к Его Величеству»[98]. Слова "ad Majestatem Regiam veniens", по всей видимости, относятся к возвращению Заболоцкого из Трансильвании, где он находился еще в мае 1563 г. Согласно сеймовым счетам 1564 г., он уже получает — или отмечен в числе получивших — подарки

[93] *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 107–110, 112.

[94] Привилей Сигизмунда II Августа В.С. Заболоцкому от 10 августа 1565 г. в поздних копиях см.: ЛМ-73. Л. 343 — 343 об., цит. с л. 343, то же: ЛМ-74. Л. 224 — 224 об., цит. на л. 224.

[95] BCz. TN. N 72. S. 289 (8 мая 1563 г.); см. также: N 2463. S. 240. Может быть, речь идет о старосте хелмском, хенчинском, любичевском и ковельском Габриэле Тарло. Но он умер в 1565 г., тогда как в письме Сигизмунда II Августа Тарло назван "olim", т.е. «покойным» (*Fijałek J.* Tarłowie — znamienitego rodu początki i swietność. Cz. 2: Tarłowie Zygmuntowscy // PH. 1910. T. 10. S. 34–65, 168–205, 310–350; *Auerbach I.* Andrej Michajłovic Kurbskij. S. 107). Связь Тарло с венгерским двором видна из рекомендации, которую давала сестра Сигизмунда II Августа королева Изабелла Венгерская, Хорватская и Далматинская Станиславу Тарло в письме воеводе виленскому М.Ю. Радзивиллу от 1 сентября 1570 г. (AR. Dz. III. N 1. S. 13). Воевода люблинский, староста пилзненский Ян Тарло в 1576 г. входил в польскую делегацию, направленную в Семиградье, чтобы пригласить Стефана Батория на трон и затем был доверенным лицом короля (Niesiecki. T. 9. S. 18).

[96] Возможно, Алена происходила из венгерского дворянского рода, которому принадлежал замок Череп. О существовании данного владения нам любезно сообщил М.К. Юрасов. Недалеко от резиденции Стефана Батория в Гродно располагался дом Тимофея Черепковича и его жены Греты. После бездетной смерти этой четы Сигизмунд III передал их дом своему одверному Каспору Войнашковичу. Возможно, Тимофей был родственником жены Заболоцкого. См.: ЛМ-76. Л. 604 — 604 об. (18 мая 1596 г.).

[97] BCz. TN. N 72. S. 319 (25 мая 1563 г.); см. также: N 2463. S. 242.

[98] ASK-1. N 187. K. 30, 34, 91v. Датировка первых двух записей согласуется с соседними записями в деле, относящимися к 1563 г. (см.: Ibid. K. 3–4, 6, 9, 11, 14, 16, 19, 24, 34v и сл.). Первая запись относится к 9 февраля, и В.С. Заболоцкий фигурирует в ней в связи с награждением Петра Эразма Струся за посольство в Валахию. В обоих случаях он упомянут дважды, и между записями с его именем содержится упоминание сходных по ценности наград для князя Вишневецкого. Речь идет о боевых действиях против России, в которых прославился князь, в частности отбивший у противника польско-литовских пленных (Ibid. K. 91v, 95v). В Надворных счетах сохранилось упоминание этого награждения в реестре 6–15 февраля 1563 г. под 6 февраля (ASK. Dz. III. N 3. K. 47).

вместе с московитами, которые перешли на королевскую службу в начале 1564 г. или незадолго до того.

Как уже говорилось, в первой половине 1556 г. Владимиру Семеновичу переходит слонимское господарское имение Деревная. Видимо, оно на время вернулось в казну после его отъезда в Венгрию или осталось за ним и управлялось его урядниками, но под контролем старосты слонимского. Как бы то ни было, в 1565 г. король пожаловал «двор свои замъку Слонимъского, названыи Деревъную» Заболоцкому «вечъне», и это имение оставалось за ним неизменно вплоть до самой смерти[99].

Выше уже сказано также, что в сентябре 1561 г. В.С. Заболоцкий получил подтверждение на кременецкое имение Ленесовку неподалеку от кн. Г.Ф. Подгорского, Льва Зверя, З.В. Вепрева, О.О. Ушака. В привилее от 10 августа 1565 г. Заболоцкий назван лишь дворянином короля и держателем Ленесовки. На день св. Михаила Римского 1566 г. в Ляховичах открылась осенняя судебная сессия Новогрудского повета, и к тому времени, согласно запискам Ф.М. Евлашевского, старостой ляховицким уже был Заболоцкий («зацного дому чловек з Москвы»)[100]. Замок Ляховичи в Троцком повете много лет назад был передан Сигизмундом II Августом в вено королеве Барбаре Юрьевне Радзивилл[101]. Уже во время войны с Россией Сигизмунд II предоставил замок в держание Ивану Александровичу Солтану за долг в 3 тыс. коп гр.[102] Назначая старостой В.С. Заболоцкого, король компенсировал долг И.А. Солтану, переведя его в местечко Острину с правом извлечь с имения доход на те же 3 тыс. коп гр. или потребовать от короля сумму долга[103]. Обмен держаниями состоялся незадолго до 1 июля 1566 г. Передача замка Заболоцкому сопровождалась ссорой между королевским повереным и державцей острипским, переросшей в судебный конфликт. Благодаря этой ссоре у нас есть возможность частично компенсировать утрату комплекса новогрудских и значительной части слонимских актовых книг актами Литовской Метрики.

Королевский представитель Сила Михайлович Скробот с вижем и слугой Заболоцкого Иваном Грешным появился в Ляховичах 27 августа 1566 г. Иван Солтан вступил в перепалку с Силой и отказался подчиняться приказу короля. В конце концов поверенные прошли на осмотр замка, но одну клеть им не открыли, и служебник Солтана оправдался, что там хранятся вещи ляховицкого урядника Ивана Борсука. От Борсука же стало известно, что его выгнали из замка и к его вещам не подпускают. Доступ к вещам усложнился, и потребовалось судебное вмешательство. Лишь в начале следующего года Скробот получил право разобраться в кладовых Ляховичей и отделить собственность частных лиц от собственности короля, а Солтан — судиться со Скроботом, если обнаружит убытки[104].

В.С. Заболоцкий и его жена Алена Черепович вступили во владение замком как держатели до «живота» с правом на 6 тыс. коп гр. Размер Ляховицкого владения описан в реестре налоговых сборов, хранящемся ныне в составе обширного конволюта налоговых реестров Речи Посполитой за 1563–1596 (или 1592) гг. в ф. 1 Киевского исторического архива. Ляховичи описаны в волоках, моргах и прутах по принципу «хорошая земля — средняя — плохая». Общая площадь этих владений впечатляет — 363 вл., 1 мр., 18 пр.[105]

---

[99] ЛМ-73. Л. 343 — 343 об., то же: ЛМ-74. Л. 224 — 224 об. (10 августа 1565 г.). В архиве К.-Л. Сапеги привилей хранился в ящике 16, фасцикул 1, под номером 3: KLSAIK. P. 106.

[100] APR-143a. S. 5–6, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 93 (s. 5–6).

[101] ЛМ-54. Л. 59 59 об. (Два акта: Варшава, 15 сентября 1571 г.).

[102] И.А. Солтан и его жена — держатели Ляховичей согласно жалобе Яна и Николая Фронцковичей в Виленский земковый суд от 25 марта 1561 г. Здесь описано столкновение с супругой Солтана (для ее имени оставлен пробел) и ее слугами 23 марта 1561 г. См.: ЛМ-256. Л. 612 об. — 613.

[103] ЛМ-37. Л. 548 — 549 об. (Вильно, 8 мая 1561 г.); ЛМ-264. Л. 171 об. — 172 об. (Вильно, 12 февраля 1566 г.); ЛМ-267. Л. 228 — 229 об. (Кышин, 1 июля 1566 г.). Первоначально староство было передано И.А. Солтану от Вознесения 1561 до Вознесения 1562 г., но в договоре указывалось, что держатель и его семья будут владеть именем до тех пор, пока им не будет компенсирована полная сумма долга.

[104] ЛМ-266. Л. 89 об. — 91 (Кышин, 29 января 1567 г.). Суд проводился, видимо, на Новогрудском уряде, но сторона Заболоцкого записывала жалобы в Слонимском уряде. 9 января 1567 г. дело рассматривали на господарском суде Я.И. Ходкевич и О.Б. Волович. Постановление в конце 1567 г. записано за Я.И. Ходкевичем.

[105] ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 334 — 359 зв., здесь л. 345 об.: "Przyiethych włok: Przednich — 105/1/13 ½, Srzednich — 169/14/5, Podłych — 32/2/13, Summa przyiethych włok 306/18/1 ½; Nieprzyiethych włok: Przednich — 16/5/18 ½, Srzednich — 17/4/23, Podłych — 23/3/5, Summa nieprzyiethych włok 56/13/16 ½; Summa wszythkich włok Liachowiczkich 363/1/18". Раздел «Имения стола его королевской милости, переданные в держание в Великом княжестве Литовском» ("Dobra stołowi croła Je-o mczi należącze w WXL zawiedzione"), содержащий данные о размере имений Виленско-

Таким образом, на середину 1560-х гг. Заболоцкий — держатель Лепесовки в Кременецкой земле, Деревной в старостве Слонимском, староста Ляховичей в границах Новогрудского повета.

Осень 1563 г. Владимир провел в Лепесовке. Здесь он втянулся в вооруженный конфликт с семьей нареченного епископа владимирского и брестского Ивана Яцковича Борзобогатого Красенского. К тому времени Борзобогатые не первый год вели борьбу с кн. К.-В. К. Острожским и его слугами. Еще в 1561 г. королевский суд предписал Ивану Яцковичу и Ивану Олехновичу Борзобогатым Красенским выплатить Острожскому 1 тыс. коп гр. волынских сборов. Когда те отказались, суд позволил князю вступить в их имение Красное. Епископ отказался и на этот раз и вступил в затяжную войну со светскими властями. Санкцией за неуплату налогов Борзобогатыми в начале 1563 г. стало разрешение Острожскому занять их села Красное, Радомышль и сухую Волю[106].

С этим епископ и его родичи смириться не могли, и в одном из конфликтов произошло столкновение с московитами. Сторона епископа обвиняла в нападении московитов и настаивала, что между противниками ранее не было «никгды никоторого заишътья и причины»[107]. Показания Заболоцкого были занесены в книги киевского уряда и, возможно, в кременецкие и не сохранились. Конфликт назрел еще в сентябре: согласно жалобам Ганны Олехновны Борзобогатой, жены Михаила Боговитиновича Шумбарского, 22 сентября Владимир во главе отряда своих слуг совершил нападение на шумбарское имение Радошовку, учинил там погром и угнал всех подданных с имуществом и скотом в Лепесовку. В пятницу 1 октября он совершил набег под Шумбарск и угнал людей, скот, коней и «свиреп», ограбил шумбарского попа Федора. В то время у Ганны дома был янушпольский урядник сирадзской воеводины Беаты Лаской, который отправился на переговоры с Заболоцким и спас для Борзобогатой баранов и овец. Отряд Владимира производил впечатление полноценного военного подразделения, а возможно, это и была его рота, расширенная за счет местных подданных и слуг кн. К. К. Острожского. На следующий день, 2 октября, он вновь приезжает во главе свыше 300 конных слуг и помощников «в зброях, з древы, с тарчи, з ручницами и многорозною бронею» на ее имение Загаецкое. Были насмерть убиты трое подданных с. Загайцы, жестоко избиты и увезены в Лепесовку еще несколько человек из того же села. Видимо, эти диверсии были направлены на вытеснение Боговитинов-Борзобогатых из Радошовки[108].

Из обвинений в адрес Владимира Заболоцкого можно понять, что сам он обвинял епископа и его слуг в том, что они в нетрезвом виде совершили нападение на московитов. В понедельник 11 октября на лесной дороге из Янушполя (Янполя) в Шунбар (Шумбар) состоялась настоящая битва[109]. Отряд епископа ехал от княгини Беаты Острожской и столкнулся с московитами, которых, согласно показаниям епископа, было около 100 конников, и около 50 пеших. С обеих сторон были раненые и убитые. Участник битвы со стороны епископа, его зять ключник луцкий Александр Маркович Жоравницкий жаловался вскоре после битвы в кременецкий уряд и пять дней спустя — в луцкий о том, что нападение было совершено между Лепесовкой и Дедеркалами, в столкновении один служебник владыки был убит, еще один ранен и увезен в Лепесовку, сын епископа Василий и племянник Степан были захвачены в заложники, Степан был ранен. Список прочих телесных повреждений и вещественных потерь был представлен через 6 дней луцкому суду. После столкновения, опять же согласно показаниям епископа, Заболоцкий преследовал разбежавшихся слуг епископа, «по дуб-

го и Троцкого поветов и Жмудн, не датирован. Здесь в Троцком повете описаны Ляховичи. Перед ним список именнй, данных на обмен и на «вечность» в воеводстве Виленском 1566 г. В самом реестре упомянут Иван Зарецкий (Iwan Zarzeczki), который проводил подсчеты в воеводстве Виленском. Однако его подсчеты записаны особым почерком и занимают первоначально пустую страницу на л. 353 об. Показательно, что Упита включена в Жмудь. Далее на л. 364 в суммарной таблице указано, что еврен уплатили от дома за 1584 г. Однако таблицы писаны особым почерком. Какой-то счет Заболоцкого за Ляховичи хранился в ящике 18, фасцикул 18, архива К.-Л. Сапеги под названием "Liczba Włodymirza za króla Augusta z prowentów łachowickich" (KLSAIK. P. 115).

[106] *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький. С. 656–657.

[107] ЖКЛВ. Т. 2. С. 253.

[108] ЛМ-264. Л. 163 — 163 об.; ЛМ-266. Л. 239.

[109] Имение перешло княгине Беате Острожской от епископа познанского Яна. Документов на имение у княгини не было. Она обвиняла в краже кн. К. К. Острожского и кн. Д. Ф. Сангушко, по ее словам, захвативших замок в 1555 г. Часть документов, хранившихся в Остроге, были найдены только 6 сентября 1564 г. слугами ее мужа О. И. Лаского в Остроге «на вежи мурованои под дахом». В 1563 г. кн. К. К. Острожский мог рассчитывать на борьбу за имения, легитимность которых была под вопросом. См.: ЛМ-38. Л. 525 об. — 532 об. (Три акта о выдаче «видимусов»: Петриков, 15 февраля 1565 г.).

рове шарпаючи через час немалыи, подле копеи водил»[110].

События развивались стремительно. 13 октября господарский дворянин Михаил Булгак во главе группы шляхтичей внес жалобу в Луцкий уряд о том, что, выполняя поручение епископа, они направлялись 11 октября «якобы перед обеды» из Янушполя в Шумбар: «И кгды есмо вже за Лепесовку в дуброву впол мили уехали, споткали есмо Володимера Москвитина само пятого к Лепесовце едучего сам и слуги в панцырох, который, скоро нас обачивши, з дороги у сторону звернул, одно слугу к нам прислал, пытаючи, хтобы мы были а отколбыхмо ехали»[111]. Посыльные поговорили со слугой Заболоцкого и поехали дальше. Проехав еще четверть мили, они натолкнулись на «почот людей ездных все збройных, одны з древыцы, другии з ощепы, а межи ними пеших немало, всих чоловеков о полтораста»[112]. На двух возах, запряженных одной лошадью, эти люди везли ручницы и гаковницы и несколько раненых и убитых. Одного раненого москвитин держал за плечи. Булгак узнал человека, который отделился от отряда и подъехал для разговора. Это был служебник Заболоцкого Грешный. Пока шел допрос, поверенные услышали, что к ним обращается захваченный московитами сын владыки Василий Борзобогатый. Он попытался вырваться, но его к Булгаку и его товарищам не пустили. Грешный, видя эту сцену, рассказал, «иж, деи, пан владыка з Володимером споткавши, кгъды, деи, ся Володимер тут по дуброве с почтом своим проежчал, звадил о реч пана Сенютину и одного, деи, служебника его насмерть забили, а так, деи, Володимер за то двох Борзобогатых при нем поимал, Степана и Василя»[113]. Поверенные владыки просили, чтобы заложники были отпущены, на что Грешный обещал, что постарается что-нибудь сделать, чтобы освободить Василия, но за Степана не будет и просить. Вскоре Василий, как был без шапки и оружия, догнал Булгака и рассказал обстоятельства битвы.

Степана московиты не отдали. Жоравницкий в своей жалобе демонизировал Заболоцкого, рассказывая в уряде, что он в течение трех дней «по обычаю и мысли своей з москвою слугами своими знову кром всеи литости хрестянское мордовавши, дивные ему погрузки чинечи, у гридни низкой мужицкой сыровыми дровы затопивши окна и двери, позатыкавши его, мучил и мужиков колко приведши до тое ж избы, где его поколко крот дымом мучил»[114]. Именно так, по словам истца, Заболоцкий добился от Степана показаний «перед вижом» о том, что слуги епископа были пьяны, они погнались за московитами на лепесовецких владениях и принудили их защищаться. Слуга Заболоцкого был убит. По словам Жоравницкого, московит велел своим «мужиком» его «додавить», а Степана предупредил, что лучше ему сказать только то, что будет велено: «Бо естли, деи, того не учиниш, ты або, деи, я умерети мусимо, але, деи, ленеи, иж оба живи будемо, для того, деи, вызнай, а я, деи, тебе до Шумбара тое годины отослати кажу»[115]. Степан будто бы не выдержал и всё подтвердил перед судебным поверенным, после чего коварный московит велел отнести его на телегу, подложить под него мех овса и отвезти к воеводе киевскому кн. К.К. Острожскому в Крупую. Там в присутствии «почтивых людеи» Степан заявил, что отказывается от своих показаний, и описал злодеяния московитов, «некрестянскии и кром всеи лютости выполненыи»[116].

Новое нападение на имение Г.О. Шумбарской в воскресенье 17 октября. По сведениям Борзобогатой, В.С. Заболоцкий возглавлял отряд в 200 конных и 100 пеших воинов. На сей раз мишенью был сам Шумбарский двор, где московит захватил 17 женщин, 5 девушек и 6 паробков «вольное челяди» и 13 человек «невольное челяди» — 5 паробков, 4 женщины и 4 девушки, а также скот. После этого воины напали на с. Горбовцы, с. Радоселку и на волицу Пожаровку. И повсюду — насилие, грабежи, угнанный скот. От лица Ганны ходил в суд жаловаться ее брат Иван Олехнович Борзобогатый, однако на время войны все судебные дела были надолго отложены[117].

Страшный образ нарисован стороной епископа. И сами по себе показательны границы стереотипа. Московиты совершают нападение на мирных людей, убивают, избивают, добивают своего раненого, грабят имущество епископа и его слуг, захватывают заложника, вымучивают из него показания древесным угаром — в целом ведут себя люто и не по-христиански.

Заболоцкий принят при дворе кн. К.К. Острожского. Он посылает к нему в Крупую Степана Борзобогатого, рассчитывая на протекцию киевского воеводы. Вскоре он поехал к воеводе

[110] ЖКЛВ. Т. 2. С. 247–248, 250, 252–254. Цит. со с. 253.
[111] Там же. С. 245.
[112] Там же.
[113] Там же. С. 246.
[114] Там же. С. 248.
[115] Там же. С. 248–249.
[116] Там же. С. 249.
[117] ЛМ-264. Л. 163 об. — 164 об.

собственноручно. Вечером 15 сентября 1563 г. Жоравницкий встретил князя на дороге в Гуляйники в сопровождении Заболоцкого, «который, деи, ачъся мне не оказовал, але предся ж был при княжати его милости на тот час в Гуляйниках»[118]. Он встречался у Острожского со Степаном, получил от него опровержение его показаний, дважды говорил с князем, просил его, «абы то княжа его милость до книг своих записати и выпис с книг дать росказати рачил». На это Острожский ответил, что не может дать «выпис на выпис», поскольку в его книги уже записал показания на владыку и на его слуг Заболоцкий. Князь сразу не отказал и предложил отправить к нему на почлег слугу, чтобы разобраться во всем еще раз и затем принять решение. Слуга Жоравницкого был направлен к князю, но на утро вернулся из Гуляйников ни с чем. Исход дела неизвестен. Можно предположить, что протекция Острожского была для Заболоцкого и его слуг достаточной защитой. Вялый конфликт московита с Борзобогатыми продолжался пограничными стычками. Л. В. Соболев высказал вероятное предположение, что кн. К. К. Острожский был организатором и соучастником нападения В. С. Заболоцкого на И. Я. Борзобогатого[119]. Участие московского ротмистра в противостоянии князя Константина Острожского с княгиней Беатой Острожской на стороне князя видно и из жалоб поверенного Владимира Заболоцкого П. В. Остафьева-Вороновецкого на слуг Острожской и Лаского в 1567 г.

Пока княгиня воюет с деверем, Заболоцкий оставляет свои имения на урядников и уезжает в Венгрию. Вернувшись к Сигизмунду Августу от Яна Заноляи, Заболоцкий втягивается в военные сборы на Московском фронте. В апреле 1564 г. он указан в числе московитов, которые получили награду из королевской казны. Его вознаграждение в несколько раз больше, чем даже у самых знатных из прочих пожалованных московитов[120]. Даже в своих имениях он во главе роты, в латах, а ссора с соседями в любой момент грозит вырасти в локальную войну. Его противники на Волыни тоже не дремлют: Борзобогатые выставляют ему огромный счет по старым спорам. На рубеже 1565–1566 гг. он вновь уезжает в Венгрию. А в это время на Виленском сейме ноября 1565 — марта 1566 г. его имя поносится с негодованием женой Михаила Боговитина Шумбарского Ганной Олехновной Борзобогатой. На суде королевских маршалков в Вильно в декабре 1565 и феврале 1566 г. она через своего брата Ивана Борзобогатого обвинила Заболоцкого в том, что в сентябре 1563 г. он учинил ей «кгвалты, бои и грабежи» в ее Шумбарском имении. Интересы Владимира попытался было отстаивать королевский дворянин Бартоломей Левонович, который напомнил суду, что Заболоцкий приезжал в назначенный срок, 9 октября 1565 г., в Вильно к королю, но тогда на суд не явилась Шумбарская. Впрочем, сразу выяснилось, что Бартоломей не был уполномоченным Заболоцкого и лишь проинформировал суд о ходе дела. Иван отвел оправдания ответчика, суд признал незаконной неявку Заболоцкого, выслушал жалобу истицы во всех подробностях и принял от нее реестр причиненных ей убытков. Ее общий ущерб был оценен в 5768 кон 24 гр., и всю сумму следовало выплатить за один квартал с 12 февраля 1566 г. Эта астрономическая для королевского ротмистра сумма была присуждена Ганне, невзирая на судебную неприкосновенность Заболоцкого на период военной службы[121]. Шумбарская получила королевского поверенного — господарского дворянина Войтеха Новицкого «для увязанья в том презыску в имения пана Володимеровы», но воспользоваться своими возможностями не решилась[122].

Вернувшись, Заболоцкий пожаловался в Люблине королю на несправедливость постановления Виленского суда, и оно было отменено по королевскому «листу». Сигизмунд II потребовал провести новый суд на территории Великого княжества Литовского 14 декабря 1566 г. В назначенный день Г. Шумбарская на суд не явилась[123].

---

[118] ЖКЛВ. Т. 2. С. 250.

[119] *Соболев Л. В.* Князь К.-В. Острожский... С. 115–116.

[120] Наиболее престижные выплаты московитам: Богдан Колычев получил итальянской ткани на 7 зл., наличными 20 зл., на дорожные расходы 4 зл.; князь Григорий Подгорский, соответственно, 7, 15 и 4 зл. При этом «Моск Влодимир», т.е. В. С. Заболоцкий, получил ткань на 57 зл. и наличными 50 зл. (ASK. Dz. II. №22. K. 68v–70v). Видимо, выдача Заболоцкому в числе прочего 15 локтей дамасковой ткани и 50 зл. в апреле 1564 г. является частью награды за 1563 г. (ср.: ASK. Dz. II. №22. K. 70v). Более подробное исследование реестра пожалований 1564 г. не входит здесь в наши задачи.

[121] ЛМ-264. Л. 162 об. — 168 об. (Вильно, 12 февраля 1566 г.).

[122] ЛМ-266. Л. 76.

[123] ЛМ-47. Л. 104–105 (Люблин, 8 сентября 1566 г.); ЛМ-265. Л. 68 об. — 69 об. (Гродно, 15 декабря 1566 г.). Суд должен был состояться при участии короля, однако в копии акта, занесенной в ЛМ-47, говорится лишь, что это должно было произойти после пересечения им границы Короны и Литвы через сколько-то недель, но на месте, где должно было быть указано число недель, в тексте пропуск. Эта цифра указана в акте ЛМ-265.

Вместо нее на королевский суд приехал ее брат Ильяш Борзобогатый и попросил отложить дело до «середопостья» будущего Великого поста[124]. Отношения между Заболоцким и Шумбарской так и не наладились. Год спустя она вновь обвинила державцу ляховицкого в том, что он учинил «кгвалты, бои врадников, слуг и подданых именья ее Шумъбарского», захватил ее имущество, скот и подданных ее села Радошовки и скот на ее дворе, а также совершил «иные многие кгвалты, крывды, грабежы», «розметанье халуп подданых ее имений и прыселъков Шумъбарских», получила право вызвать ответчика на срок через четыре недели после Пасхи. Общая сумма убытка называлась та же, что и два-три года назад, а следовательно, новых серьезных внесудебных столкновений между ними не произошло. Суд подканцлера О. Воловича и маршалка Я. Шимковича приговорил тяжущихся заключить мировую сделку. Ганна освободила Заболоцкого от всех компенсаций и обязалась не возобновлять дело под зарукой в 500 коп гр.[125]

Имение Заболоцкого Деревная — давно без хозяина, однако всем заправляют в это время его урядники и подданные. От февраля 1566 г. слонимские земские книги сохранили акт о том, как его тамошний урядник Федор (Хведор) Уболец Серко (Серков) прислал в суд своего «товарыша» Петра Тимофеевича, чтобы записать жалобу, что 6 февраля в корчме местные бояре Павел Минцович и Щастный Тупикович избили и ограбили подданных Заболоцкого Федора (Федерца) и Карпа (Карпеца)[126]. В мае того же года «для огледанья копей» к Ф. Серко ездили в Деревную слонимские шляхтичи Ян Абрамович и Лев Остафьевич Яцинич. Об этой поездке мы знаем благодаря тому, что на обратной дороге шляхтичи выпили пива дома у Яцинича, сыграли в карты и — дело дошло до ранения Яна «обушком сокерки» и ранения «у твар» Льва[127]. В июне неутомимый деревенский урядник посадил в тюрьму Гринца Прихожего, наймита подданного долгинецкого войтовства Ждана Прохимовича, и слонимского подданного Игната Ивашковича (Мишковича), рыскавших в его «стодоле» в поисках пропавшего коня Ждана Прохимовича. На уряде Федор объявил, что Гринец — деревенский подданный, и что поиск коня проводился без соблюдения юридических формальностей, что и было основанием для того, чтобы посадить Игната в тюрьму[128]. А в июле из-за украденной клячи произошла сходка между деревенскими и полонскими подданными кн. Р. Ф. Сангушко, начавшаяся судом и закончившаяся дракой[129].

Конец лета и осень 1567 г. В. С. Заболоцкий во главе 200 конных солдат провел на Московском фронте в локальных приграничных боях[130]. О трудностях военных сборов свидетельствуют жалобы новогрудских шляхтичей и суды, предшествовавшие военным сборам. Староста попытался урезонить шляхту и получил даже на это одобрение короля. Но местные земяне не очень-то считались с распоряжениями, которые нарушали их права и свободы. Они видели преимущества судебной реформы и отказывались и «судитися» у старосты, и «на воину при нем ездити»[131].

Отношения В. С. Заболоцкого с новогрудско-ляховицкой шляхтой накалились. В июле 1567 г. от литовского подканцлера О. Б. Воловича в Ляховичи ездил королевский дворянин Иван Звезда, чтобы провести расследование по жалобе новогрудского шляхтича Яна Матеевича Мазурко. Ян получил право вступить во владение Сидоровским имением своего покойного брата Лаврина, чему препятствовал Заболоцкий, поставив туда своего урядника М. Зверева. Когда курьер приехал с «листом увяжчим» для Я. М. Мазурко, ротмистр уже выехал из имения, «вже едучи ему на воину до Молодечна, в дорозе погонил и тот

[124] ЛМ-266. Л. 75 об. — 76 (Гродно, 1 января 1567 г.).

[125] ЛМ-268. Л. 238 — 240 об. (Кнышин, 12 августа 1568 г.).

[126] АВАК. Т. 22. С. 198 (11 февраля 1566 г.).

[127] Жалоба Я. Абрамовича: АВАК. Т. 22. С. 240 (запись от 23 мая, осмотр ран возным 24 мая 1566 г.). Жалоба Л. О. Яцинича: Там же. С. 242 (запись от 24 мая 1566 г.).

[128] Показания Ждана Прохимовича: АВАК. Т. 22. С. 259 (запись от 14 июня, пропажа Гринца и коня — в ночь с 12 на 13 июня 1566 г.). Показания Ф. Серко об освобождении из тюрьмы Гринца: Там же. С. 271 (запись от 30 июня 1566 г.).

[129] АВАК. Т. 22. С. 282–283 (жалоба Ф. Серко на полонского урядника Юрия Чешинского от 14 июля 1566 г., «копа» и драка произошли 12 июля). Во время драки пострадали сам Ф. Серко, а также бояре Хрицон и Ждан Букревичи, Петр Тишкевич и Януш Серковичи. Полонский урядник задержал деревенских людей Радюка Моисеевича, Санца Андреевича (его сына Федца он посадил к отцу без обвинения и иска о «головщине»), и 26 июля сам Ф. Серко в присутствии возного направился к нему, чтобы вытребовать своих людей из темницы. Ни Радюк, ни Санец вины не признали. Ю. Чешинский освободил только Федора, а остальных заключенных обещал выдать суду в течение недели после возвращения каштеляна новогрудского из Бреста. Жалоба деревенского подданного Василья (Васько) Коревича от лица Ф. Серко: Там же. С. 292–293 (запись от 27 июля 1566 г.).

[130] *Lesmaitis G.* Wojsko zaciężne w Wielkim Księstwie Litewskim w końcu XV — drugiej połowie XVI wieku / tłum. poł. B. Piasecka. Warszawa, 2013. S. 171.

[131] ЛМ-266. Л. 94 (Кнышин, 5 февраля 1567 г.).

лист господарьский увяжъчии ему вказывал». Владимир внимательно прочитал указ и сказал, что не отнимал имения, а занял его по договору с другим братом Лаврина — Станиславом. Он согласился передать его после возвращения со сборов[132].

Три недели спустя после отъезда Владимира Семеновича в Молодечно в господарские судные книги был записан отчет И. Звезды о поездке в Ляховичи, а в книги дарин и привилеев — постановления о шляхтичах, которые отказались служить державце ляховицкому. Королевский дворянин Станислав Гзовский (Кгзовский) держал ляховицкий дворец Матеевский «з людми, з кгрунты и со всими пожитки». Он был награжден «вечным» правом на свое имение[133]. Невзирая на это В.С. Заболоцкий попытался вернуть Матеевское «под присуд» Ляховичей и заставить С. Гзовского служить вместе с ляховицкими подданными. Сам Гзовский считал себя «обывателем» Новогрудского повета, подсудным тамошним гродскому и земскому судам, и служил в новогрудской хоругви. Король подтвердил все его права и гарантировал их неприкосновенность на будущее[134]. «Грунты» королевского дворянина Яна Сипювского (Сенявского) в Брыковщине, пожалованный королевой Барбарой Радзивилл, и в Керножичах, купленный им самим, — тоже испытали натиск со стороны В.С. Заболоцкого. Сенявский к тому времени уже умер, но король еще раньше пожаловал ему «вечное» право на его имения. Его жена Олена Скорутянка (Олехна Скорупская) приехала с двумя дочерьми к королю жаловаться на то, что Заболоцкий заставляет их вернуть имения «под присуд» Ляховичей и выставить «почот з оных имений, повинъных при собе на службу военную». Король и им подтвердил право выставлять воинов только в новогрудскую хоругвь и подчиняться новогрудским судам[135]. Такое же подтверждение на свои права держать «вечностью» имение Грушовку («на Грушовце») получили протеже королевы Барбары Миколай Залеский, на дворец Гавтаровский — Валентин Чарковский (Качорвский), на имение Напячи — будущий сосед московита-перебежчика Д.И. Бельского, державца пуньский Александр Брындза и на 20 служб оселых и 5 «земль пустовъских» на Грушовце — вдова Павла Шмугера (Шмукгера) Дорота Грабовна (Кграбовна)[136]. Станислав Гославский (Кгославский), держатель имения Скубятовщина («на Скубятовщине») с пожалования королевы Барбары пошел по стопам других королевских дворян-новогрудцев и заручился поддержкой короля на случай давления со стороны старосты[137]. Летом 1568 г. ляховицкие бояре Глеб Ивашкович, Матей (Матыяс) Матеевич, Семен Смолич и их братья Иван Матеевич и Григорий (Гришко) Ивашкович судились на королевском суде с шляхтичем Новогрудского повета Остафием Зубковичем, которому их отдала в «заставу» королева Барбара. Жаловались, что он их избивает, грабит, сажает в тюрьму, захватил у Глеба и не отпускает его сына Василия (Васка), причиняет им прочие «кривды и обтяжливости»[138].

Ссылки на королеву Барбару имели необходимое документальное подтверждение. Еще будучи воеводиной троцкой, вдовой С.О. Гаштольда, Барбара Юрьевна и ее брат Миколай

[132] ЛМ-265. Л. 94 об. — 95 (Гродно, 12 августа 1567 г.). И. Звезда нагнал Заболоцкого в пути 22 июля, а следовательно, жалоба Я.М. Мазурко на В.С. Заболоцкого была рассмотрена на королевском суде, вероятнее всего, в июне — середине июля 1567 г. Одновременно суд поставил Заболоцкому на вид его угрозы в адрес шляхтича, которые были запрещены под штрафом в 500 кон гр. На это был вынесен особый «лист», который Заболоцкий прочитал и Звезде не вернул.

[133] ЛМ-39. Л. 175 — 177 об. (Брест, 10 августа 1558 г.); ЛМ-38. Л. 310 об. — 312 (Вильно, 17 июля 1561 г.). Подтверждения «вечностью» на ляховицкие имения С. Гзовского, полученные им во время «волочной померы» в обмен за его имение Ведмы у Волоки. Необходимость в подтверждении возникла после того, как ревизор Андрей Илговский отказался приложить печати на «квит» о размене. В ЛМ-38 на л. 311 — 311 об. вписан акт об увеличении Гзовскому «отмены» за его имение под датой: Ляховичи, 5 сентября 1560 г.

[134] ЛМ-48. Л. 133 об. — 134 об., то же: ЛМ-50. Л. 126 об. — 127 (Датирован акт в ЛМ-48: Гродно, 16 августа 1567 г. В ЛМ-50: Гродно, 15 августа 1567 г.).

[135] ЛМ-48. Л. 132 — 133 об., то же: ЛМ-50. Л. 127 об. — 127а об. (Гродно, 16 августа 1567 г.). В том же имении Керножичах чуть позже получили независимость от В.С. Заболоцкого Ленарт, Андрей и Станислав Яновичи Микитичи: ЛМ-48. Л. 186 об. — 188 (Кейданов, 8 января 1568 г.).

[136] ЛМ-48. Л. 129 — 130 об. (В. Чарковскому: Гродно, 13 августа 1567 г.), 130 об. — 132 (Д. Шмугер: Гродно, 15 августа 1567 г.), 134 об. — 136 (А. Брындзе: Гродно, 16 августа 1567 г.), 136 — 137 об. (М. Залескому: Гродно, 16 августа 1567 г.), то же: ЛМ-50. Л. 127а об. — 128 об. (Четыре акта б/д, но пометы «вольность такая ж, як Кгзовъскому и Синювскон» и трижды «вольность такая ж, яко и тым» означают, что акты следует датировать: Гродно, 13–16 августа 1567 г.).

[137] ЛМ-48. Л. 137 об. — 138 об., то же: ЛМ-50. Л. 167 — 167 об. (Гродно, 16 августа 1567 г.). Право на 3 вл. оселых и застенок в Скубяте (Скубятах) было закреплено ему «вечностью» задолго до прихода В.С. Заболоцкого на пост старосты: ЛМ-39. Л. 279 об. — 281 (Вильно, 8 октября 1561 г.).

[138] ЛМ-263. Л. 93 об. — 95 об. (Кнышин, 30 июля 1568 г.), цит. с л. 94.

Радзивилл, на то время подчаший литовский, брали взаймы у новогрудских бояр путных, закладывая им за долг ляховицкие имения. Сами эти бояре перешли «под послушенство» Барбары по веновой записи Станислава Гаштольда. Среди них — Бартошевичи, Смоличи, Зубковичи (Зубовичи), Кравцевичи, Жагаличи, Вороховичи, Жуковичи и Палчиковичи. Отметим на полях, что после перехода Ляховичей от Заболоцкого к Я. И. Ходкевичу борьба новогрудских бояр за свою независимость от ляховицких старост не закончилась. Юрий Янович Ковальский в 1598 г. на суде с подчашим литовским Яном Каролем Ходкевичем отстоял свое право на села Смоличи, Палчики и Бартоши в волости Ляховицкого замка Новогрудского повета, которые получил их от отца, в свою очередь владевшего ими по пожалованию Барбары Радзивилл с правом компенсации за недвижимость в размере 200 коп гр. Эта сумма была получена Радзивиллами от Ивана Андреевича Зубковича по актам 18 февраля 1547 и 22 апреля 1548 г. После смерти королевы Сигизмунд II Август передал имение Ивана Зубковича Яну Ковальскому[139]. Суд Я.-К. Ходкевича против Павла Шмугера (Могильницкого) и его потомков за имение Грушовку также был проигран подчашим литовским. В резолюции суда было сказано, что в 1572 г. Я. И. Ходкевич получил привилей на Ляховичи, «иж в нем бояр шляхту замку Ляховицкого, которие через листы его королевское милости под волность шляхетскую в повет Новгородский сут вылучоны, выимует и волных от владзы присуду ляховицкого чинит»[140].

В те же дни перед господарским судом предстал Марко Матвеевич. На его примере можно увидеть, как распределились роли на процессах Заболоцкого против бояр. В заголовке акта Марко определен «ляховицким боярином», однако в самом тексте говорится, что Заболоцкий подал иск «на земенина повету новгородского, яко в мандате описан». Владимир обвинил боярина, что он неправомерно претендует на независимость от Ляховицкого староства, захватил земли староства и причиняет убытки казне. На это Марко ответил, что его имение Тишковщина принадлежит земянам Новогрудского повета Семену, Алексею и Степану Тишковичам. На замечание Владимира Семеновича, что от Тишковичей «крывды никоторое его королевъскои милости нет, только от его самого и от жены его» он парировал, что сам не может быть ответчиком, так как всеми правами на их имение пользуется его жена, а она больна, о чем суду была представлено удостоверение из Новогрудского уряда[141]. Защита господарских интересов вызывала поддержку канцелярии, однако на ограничение прав и свобод боярства в этих случаях суд не пошел.

Новогрудская шляхта тянулась к «своим» и отказывалась вступать в отряд ротмистра-московита. Ляховицкие земяне чувствовали поддержку в пожалованиях О. М. Гаштольда и королевы Барбары Радзивилл, и король еще в 1550-е гг. кому-то из местных шляхтичей подтверждал былые пожалования[142]. Поддержка короля потребовалась после того, как В. С. Заболоцкий посягнул на права местной шляхты, установив свои порядки. Впрочем, кто-то из ляховицких бояр еще раньше попал в Новогрудском повете под новое ярмо. Так, Иван Иванович Бородич всё же служил в роте Заболоцкого, но когда дело дошло до оплаты полуторамесячной службы Бородича на четырех копях, ротмистр вместо того чтобы выплатить деньги, дважды сажал шляхтича в тюрьму[143].

11 июля 1567 г. гетман наивысший Великого княжества Литовского Г. А. Ходкевич обращался к гетману дворному литовскому кн. Р. Ф. Сапгушко с призывом идти на помощь кн. К. И. Вишневецкому к Чашникам, где ожидалось нашествие московитов. Ходкевич отправляет на помощь Сапгушко несколько рот и рассылает письма Аникею Корсаку «а до пана воеводича виленского и пана Володимера, жебы ся сами з ротами своими также без всякого омешкання до Вашей Милости поткнули и поспешили»[144]. Переброска войск прошла незаметно для неприятеля, и 28 июля князь Роман извещал короля о победе у урочища Суша над войском, возглавляемым кн. П. С. Серебряным. В плен взяли многих московитов, в том числе «детей боярских

[139] ЛМ-287. Л. 328–330 (Варшава, 31 марта 1598 г.).

[140] ЛМ-287. Л. 330 — 333 об. (Варшава, 31 марта 1598 г.), цит. с л. 333 об.

[141] ЛМ-268. Л. 224–225 (Кнышин, 21 июля 1568 г. Жена Марко и ее дети от первого брака были вызваны в суд от 23 июля через 4 недели, т. е. на 20 августа).

[142] ЛМ-38. Л. 246–247, то же: ЛМ-41. Л. 151 об. — 152 об. (Подтверждение земянину ляховицкому Шимко Якубовичу Гимбуту на Юхновское имение под Ляховичами и на дом в Ляховичах, освобождение от выплат «на вечность», Рудники, 9 декабря 1559 г.).

[143] ЛМ-265. Л. 189 — 189 об. ([Люблин], 18 января 1569 г.). Возможно, перед нами жалоба, направленная на освобождение боярина от службы московиту. Но в таком случае возможно и предположение, что И. И. Бородич побывал в тюрьме за сопротивление старосте.

[144] AS. T. 7. S. 156–157; *Янушкевіч А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 189.

зацных»[145]. Согласно реляции гетмана дворного, во время Радошковицкой «выправы» осенью 1567 г. «Влодимир москвитин» захватил в районе Суши московского воеводу. Этим «Влодимиром» был В.С. Заболоцкий[146]. В акте от августа 1576 г. упоминается, что еще до его отъезда за границу Владимир Семенович «вязни з воиска неприятельского брал и до гетманов воиск его королевское милости их приводил и давал, што ачъкольвек ласкою его королевское милости значне ему ся платило»[147]. О других подобных успехах В.С. Заболоцкого мы не знаем и можем отнести этот рассказ к лету–осени 1567 г. Своих пленников он отдал Р.Ф. Сангушко, а тот не скрыл перед королем успех своего ротмистра. Сангушко привел в Лебедево к королю воевод Иосифа Щербатого и Юрия Борятинского и десятки других пленников, а с ними привез небольшие колокола и красивый московский доспех. Возможно, один из этих воевод, а также колокола и панцирь были трофеями Заболоцкого. Попутно отметим, что до своего отъезда из Речи Посполитой Владимир подарил или продал двоюродному брату гетмана дворного князю Л.А. Сангушко позолоченную саблю («шабля моя оправленая, позлотистая, которую маю от Володимера Заболоцкого»), которую тот завещал опекуну своей семьи, тому же гетману князю Роману[148].

На начало ноября В.С. Заболоцкий — при короле в Лебедеве. Королевские судные книги содержат его ответ на обвинения в захвате собственности Я.М. Мазурко. Владимир обязуется на ближайший день св. Мартина, 11 ноября, отдать имение со всем, что в нем было на момент смерти Л.М. Мазурко, в том числе вызвавший уже какие-то споры рогатый скот («быдло»)[149]. В декабре Заболоцкий был внесен в реестр ротмистров, которые должны были получить жалование на следующий год. Ему причиталось по 800 кон гр. из земских налогов Новогрудского и Ошмянского поветов[150].

Пока пан завоевывал себе фронтовую славу, его лепесовецкий урядник и подданные, видимо, тоже с немалым мужеством и самоотверженностью боролись с соседями. Московит П.В. Остафьев-Вороновецкий жаловался в Кременецкий гродский суд, что в ярмарочный день, 1 октября 1567 г., слуга Ласких, янушпольский староста Ян Подоский с янушпольскими слугами и мещанами напали на лепесовецкие земли, захватили слугу Заболоцкого Микиту и посадили его в янушпольскую тюрьму[151]. Три недели спустя лепесовецкий урядник вновь жалуется на захват сена и избиение лепесовецкого подданного янушпольским войтом[152]. В Лепесовке, как и в Деревной, людям Заболоцкого приходится конкурировать с подданными и слугами могущественных магнатов. Если в Слонимском повете это Радзивиллы, Воловичи, Сангушко, то в Кременецком ему противостоят Збаражские и Лаский.

За спиной Борзобогатых и Шумбарских — княгиня Беата, а затем и ее новый муж. Брак О.И. Лаского и княгини Беаты, вдовы князя Ильи Острожского, серьезно нарушал планы воеводы киевского. Воевода серадзский получил за женой огромное имущество, включавшее замки Острог, Копысь, дворы Гольшаны и Барань, в общей сложности на 33 тыс. 82 зл. Беата записала всё мужу, ссылаясь на те трудности и траты, с которыми столкнулся Лаский, борясь за имущество ее дочери Гальшки Острожской, в официальном замужестве — Гурки, а по организованному Беатой тайному браку — княгини Слуцкой. Получив от жены дарственную запись, Лаский заключил ее под стражу в свой замок Кежмарк[153].

---

[145] AS. T. 7. S. 166 167, 169–170, 172–176.

[146] *Bodniak S.* Z wyprawy radoszkowickiej na Moskwę w roku 1567/68 // AW. 1930. R. 7. Z. 3–4. S. 805–806; *Хорошкевич А.Л.* Россия... С. 485. С. Бодняк видит во «Владимире» князя Владимира Андреевича Старицкого. Это предположение, высказанное, впрочем, в очень осторожной форме, невероятно. А.Л. Хорошкевич вслед за С. Бодняком упоминает «Владимира», никак его не идентифицируя. На мой взгляд, московит-ротмистр с таким именем в польско-литовском войске 1560-х гг. не может быть кем-то иным, кроме В.С. Заболоцкого. О нем и идет речь в письме кн. Р.Ф. Сангушко 11 июля 1567 г. Косвенным доказательством в пользу этой версии может служить то, что в первых же пожалованиях Стефана Баторня, еще до начала боевых действий против Москвы, В.С. Заболоцкому зачитывается приведение пленных. А в числе подарков Баторня верному слуге был красивый московский панцирь из королевской казны — возможно, один из тех, что были привезены кн. Р.Ф. Сангушко в Лебедево.

[147] ЛМ-58. Л. 58 об.

[148] AS. T. 7. S. 386 (завещание от 23 января 1571 г.).

[149] ЛМ-265. Л. 107 об. 108 об. (Лебедево, 5 ноября 1567 г.).

[150] ЛМ-531. Л. 41 об., 44 об., публ.: ЛМ. Кн. 531. С. 43 (между 19 ноября и 1 декабря 1567 г.), 45 (1 декабря 1567 г.); *Янушкевіч А.* Вялікае Княства Літоўскае... С. 262–265.

[151] КГК-11. Арк. 120 — 120 зв. (8 октября 1567 г.). Данное дело мне было недоступно. Пользуюсь внутренней описью и конспектами И. Тесленко.

[152] Там само. Арк. 134 зв. — 135 зв. (27 октября 1567 г.).

[153] Подборка документов по посагу Беаты Острожской была записана во владимирскую гродскую книгу 5 мая 1595 г. по просьбе киевского воеводы: КГВ-28. Арк. 197 — 205 зв., 206 зв. — 272 зв., 519 зв. — 524. См. по-

Часть ее имений он заложил уже в 1565 г., и с того же времени стремительно начали портиться его отношения с соседями[154]. Янушпольские владения, доставшиеся воеводе серадзскому от жены, формально составляли часть Лепесовки[155]. Для В.С. Заболоцкого поддержка кн. К.К. Острожского и участие в его конфликте с вдовой брата и ее новым мужем были вопросом собственного благополучия. Даже когда стихли первые бои между кн. К.К. Острожским и О.И. Ласким[156], а сам староста лепесовецкий отвлекся от имущественных споров, борьба между Лепесовкой и Янушполем не прекращалась.

Примирение Заболоцкого с Ласким было связано с новой молдавской авантюрой воеводы серадзского. Средств на организацию военного вторжения не было. В ход пошли имения жены, многие из которых были заложены еще в 1565 г.

Обстоятельства обмена владениями и последовавшего затем разрыва в отношениях между Ласким и Заболоцким не вполне ясны[157]. Согласно «листу» Стефана Батория от 17 мая 1576 г., воевода серадзский «упросил у его королевское милости имение, в земли Волынской лежачее, названое Лепесовку, перво вжо тому дворянину нашому Володимеру Заболоцкому за службы его з ласки его милости господарское данное, на што и данину привилеи короля его милости маеть»[158]. Трудно сказать, действительно ли это решение было принято без предварительного договора Лаского с Заболоцким: в правление Стефана Батория Владимир был заинтересован представить захват его волынского имения как результат сделки, подготовленной без его согласия. Однако в пользу достоверности этой поздней версии говорит то, что В.С. Заболоцкий оспорил правомочность своего договора с Ласким уже в тот же момент, когда условия договора начали исполняться.

Версии о 1576 г. противоречит тот факт, что Заболоцкий занял Глуск (Глуско, Глушско, Глуцк)[159]. Видимо, в конце 1567 или в первые дни 1568 г. В.С. Заболоцкий вступил в соглашение с О. Ласким и передал ему свои права на Лепесовку в обмен на имение Б. Острожской в Глуске. Сигизмунд II Август отозвался на просьбу Лаского и своим привилеем подтвердил власть нового держателя[160]. Согласно статейному списку послов Ивана IV 1571 г., о котором пойдет речь далее, Владимир Заболоцкий разочаровался в обмене не сразу, а только когда понял, что за его спиной арендатор Лепесовки получает доходы — и с его имения, и из великокняжеской казны, а сам Владимир еще и служит ему со своим отрядом. Однако сведения послов в данном случае не вполне точны.

дробнее: *Тесленко І.* Боротьба за Остріг: князь Острозький проти Острозького старости // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2003. Вип. 3. С. 99–120.

[154] В Литовской Метрике, кременецких земских и гродских, луцких гродских книгах того времени неоднократно встречаются жалобы местных шляхтичей на нападения со стороны слуг О. Лаского и его жены Б. Костелецкой. См.: ЛМ-265. Л. 48 об. — 49 об. (Кышин, 23 марта 1566 г. — дело по жалобе Ф.Г. Сенюты-Ляховицкого); КЗК-1. Арк. 19 зв. — 20 (5 сентября 1568 г. — дело по жалобе кн. Б.Ф. Корецкого); КЗК-3. Арк. 63 — 63 зв. (между 7 и 9 октября 1570 г. — жалоба Ф.Г. Сенюты-Ляховецкого), 68 зв. — 69 зв. (9 октября 1570 г. — жалоба кн. Ю.Б. Пузыны), 75 (10 октября 1570 г. — жалоба кн. Ю.Б. Пузыны и А. Чолганского); КГК-13. Арк. 15 зв. (30 мая 1568 г. — осмотр возным убытков Андрея Чолганского), 43 — 43 зв., 44 — 44 зв. (5 июля 1568 г. — показания возного по жалобе А. Чолганского); КГЛ-12. Арк. 98 — 98 зв. (20 февраля 1570 г. — жалоба О. Лаского на кн. К.К. Острожского), 99 — 99 зв. (2 жалобы кн. К.К. Острожского), 100 — 100 зв. (20 февраля 1570 г. — жалоба О. Лаского на кн. К.К. Острожского), 100 зв. — 101 (20 февраля 1570 г. — жалоба О. Лаского на кн. Б.Ф. Корецкого) и т.д. О том, что у слуг кн. К.К. Острожского О. Лаский захватывает имения, говорилось открыто на королевском суде в Вильно в 1566 г.: ЛМ-264. Л. 139.

[155] Привилей на строительство замка в Янушполе был получен в 1535 г. виленским епископом Янушем, единоутробным братом Беаты Костелецкой. В 1548 г. она передала его своему зятю кн. Семену Слуцкому. Затем его получил Лаский. См.: *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький. С. 371–372.

[156] *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 121.

[157] См. также: *Krauschar A.* Olbracht Łaski, wojewoda sieradzki. Wizerunek historyczny na tle dziejów Polski XVI wieku. Warszawa; Kraków, 1882. T. 1–2.

[158] ЖКЛВ. Т. 2. С. 256.

[159] Речь идет о Глуске Погорелом (ныне Городок Могилевской обл.), который следует отличать от Глуска Дубровицкого, резиденции князей Полубенских. Оба населенных пункта находились в Новогрудском повете. Глуск Дубровицкий перешел в собственность державцы виленского и посорского, затем ставшего каштеляном новогрудским, кн. А.И. Полубенского и его жены княжны З.Ю. Гольшанской (AR. Dz. XI. N 27. S. 17–20, 27; ЛМ-284. Л. 119 об. — 121 (Краков, 5 ноября 1594 г.). В 1574 г. О. Лаский передал Глуск в «заставу» кн. Полубенскому за 8 тыс. зл. и освободил его уже в 1575 г. (*Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький. С. 484). Замок Глуск, за который велась борьба между Заболоцким и Ласким, в 1595 г. перешел к детям кн. К.К. Острожского и был позднее передан им и его сыновьям Янушом и Константином Янушу Радзивиллу (ЛМ-284. Л. 124 об. — 127, то же: ЛМ-285. Л. 2 об. — 4 (Краков, 17 февраля 1595 г. Акт сделки здесь же: Люблин, 24 августа 1594 г.); ЛМ-284. Л. 135–136, то же: ЛМ-285. Л. 24 — 25 об. (Краков, 21 марта 1595 г.); ЛМ-287. Л. 82 — 84 об. (Варшава, 6 апреля 1596 г.)).

[160] ЛМ-50. Л. 175 об. — 176, то же: ЛМ-266. Л. 246 об. — 247 (Камень, 20 января 1568 г.).

В обрывках кремепецкой гродской книги №13 запись от 3 мая 1568 г. содержит заявление янушпольского урядника Лаского Петра Горецкого о том, что он «водле [л]исту а данины» короля взял «в моц», т.е. вступил во владение Лепесовкой. В конце апреля его встретил в имении Заболоцкого его урядник Федор — очевидно, Ф. Гладкий, которому Горецкий дал три дня на сборы[161]. Судя по всему, никакого сопротивления Ласкому Заболоцкий тогда не оказывал. На это были правовые резоны: в руках в Лаского был привилей короля. Но не успел урядник передать Лепесовку представителям Лаского, как Заболоцкий отправился на королевский двор с жалобой. Приехав в Кнышин, он был уже настроен против серадзского воеводы и убедил короля, что Лепесовка передана Ласкому не по праву. Сигизмунд II Август отменил свой недавний привилей и обратился к Ласкому и его наместникам с требованием вернуть Лепесовку «в держанье и в моц» В.С. Заболоцкого[162]. Это парадоксальное решение короля говорит о том, что основания для него показались ему достаточно вескими, чтобы занести в Метрику решение, прямо противоположное предыдущему.

В 1568 г. тянулось судебное дело между В.С. Заболоцким и кн. Л.А. Сапгушко-Кошерским, в котором Владимир обвинял своего противника «о зельженье и шкоды», а князь его — «о поранене слуг своих и о заступленье ему дороги». Спор должен был разрешится еще на Пасху, но король тогда не поспел к дате. Два дня, 2 и 3 мая, московит прождал князя на суде Я.И. Ходкевича и О.Б. Воловича, но пришел только его служебник, чтобы объявить о неготовности своего пана явиться в суд[163]. Стороны попытались 14 июля урегулировать отношения «обычаем едынаднным», но не пришли к соглашению и договорились о королевском суде через 10 недель или через 2 недели от приезда короля из Короны в Литву.

В те же дни король отвечал на выступление новогрудской шляхты против Заболоцкого на Гродненском вальном сейме. Единственная просьба ляховицкой шляхты на сейме была направлена против В. Заболоцкого: «Што просите и бьете чолом господру его милости, абы з вас з моцы Володимеры от присуду замъку Ляховицкого вызволивши, в повет Новгородский так ку службе земъской военъной под хоругов тамошнюю новгородскую, яко теж и в присуд оного ж повету Новгородского привернуть и прилучить рачил, менечи собе от Володимера великие кривды, втиски и безправя...»[164] Король отклонил требования шляхты, ссылаясь на то, что Ляховичи — его собственное наследственное владение.

Видимо, без самого Владимира Семеновича его люди участвовали в августе 1568 г. в расследовании тяжбы кн. Р.Ф. Сапгушко и Матиса Пруского с Яном Халевским. Князь Роман заявил, что его беглые челядники скрываются у Халевского и требовал их выдать. Те же отговаривались на суде, что они не слуги Прускому. Свидетелями они избрали себе в числе прочих слуг Заболоцкого, «двух чоловиков пана Володимеровых Калюту прихожого, Матфея Собеневича з Деревное»[165]. Вскоре после этого на Заболоцкого жаловался в суд радушский арендатор Ян Хибицкий «о невчинене справедливости». Владимир сам явился на Слонимский земский уряд, чтобы заявить, что ничего не должен истцу и готов с ним сначала, согласно букве закона, «вчинить справедливость» у себя дома: «Я не повинен пану Хибицкому ани вмоцованому его за тыми позвы отказывати, для того иж оселости не маю, одно в держаню тое, што маю од его королевское милости до часу. Але з доброе воли своей складаю ему рок вчиненъю справедливости в дому своем гдеколвек буду у Лехович або у Деревной от сего дня четверга месяца септября тридцатого первого дня за чотыры недели»[166]. Уполномоченный истца принял свой «рок».

К 25 декабря 1568 г. Владимир был «на службе господаръской и земъской военъной» при гетмане Г.А. Ходкевиче и отправил своего служебника Федора Михайловича (Евлашевского)

[161] КГК-13. Арк. 1 — 1 зв. Обрывок акта. Ниже говорится, что Горецкий брал для этой цели с уряда возного Панаса, возможно, 28 апреля того же года (сохранилось лишь слово «двадцат» и начало следующего слова — кажется, буква «омега»). Если наше прочтение верно, 28 апреля 1568 г. может и быть датой, когда урядник Лаского попытался вступить в «держание» Лепесовки. В коморах Заболоцкого не было тяжелой амуниции, хранилась только одна ручница и карета «с телятем и з озирком». Ниже упомянуты также кухарка имения и, в совсем неясном контексте, — Федор Григорьевич Сенюта Ляховицкий (возможно, свидетель передачи имения).

[162] ЛМ-266. Л. 291 — 291 об. (Кнышин, 25 апреля 1568 г.).

[163] ЛМ-268. Л. 187 об. (Гродно, 3 мая 1568 г.).

[164] ЛМ-527. Л. 166 об. («Ухвала» Гродненского сейма, 12 июля 1568 г. Просьба замян ляховицких. Арт. 1).

[165] КЗСл-2. Арк. 112 адв. — 113 адв. (31 августа 1568 г.).

[166] КЗСл-2. Арк. 119 — 119 адв. (31 сентября 1568 г. Так в источнике на л. 118 об. Заставка в изучаемой записи: «Того ж дня». Возможно, речь идет о 1 октября 1568 г., поскольку первая октябрьская запись на л. 123 — от 2 октября 1568 г.).

к королю с просьбой отлучиться со службы, чтобы судиться с князем Львом. Король был занят подготовкой Люблинского сейма, и рассмотрение дела было вновь отложено, на сей раз на срок в четыре недели от приезда короля в Литву[167].

Сейм был переломной вехой для всей республики, для короля, магнатов, шляхты, и конечно, для московитов тоже. В ходе Люблинского сейма, 20 февраля 1569 г. были рассмотрены жалобы шляхты, потребовавшей лишить московитов их обширных владений. Курбский был обвинен в том, что нарушал «право и Статут», владея Ковельским и Кревским замками, Заболоцкий — в якобы чинимых им «великих кривдах и стиснениях» и в том, что бесправно владел державой Ляховицкой. Король не признал обвинений и постановил, что отнять у Курбского его имения нет «слушных причин», а имение Заболоцкого является не королевским, а выморочным по Гаштольдам, а потому король имел право отдать его кому считал нужным (*"komu chotiaczi dati"*)[168]. И тем не менее королю пришлось пойти на уступки, причем, судя по завершению дела, эти уступки, ценой в том числе и имущества московитов, компенсировали литовским магнатам их утраты, понесенные из-за сопротивления королю и инкорпорации русских земель. Король лишился права раздавать "bona regalia" на «вечность».

После завершения сейма Курбскому пришлось расстаться со староством Кревским и ограничиться урядом державцы ковельского, а Заболоцкий сохраняет «вечное» право на Деревную[169], но попадает в число должников за Ляховичи, оставаясь в этом списке до самой утраты староства в пользу Яна Ходкевича[170]. О выплатах Заболоцкого с новогрудских королевских имений за 1567 г. Ходкевича осведомили в королевской канцелярии 7 октября 1571 г.[171] Выплаты с Ляхович продолжались до декабря 1569 г.[172] Вскоре, однако же, король поддержал требования шляхты и стоящих за ней магнатов, лишил Заболоцкого замка и передал его старосте жмудскому, маршалку земскому Великого княжества Литовского, администратору и гетману лифляндскому, старосте ковенскому, державце плотельскому и телшовскому Я. И. Ходкевичу в обмен на Свислоцкое имение (Свислочь, Грипки, Яново, Волковщина) и пущу Обчовскую в Волковысском повете, которое de jure Сигизмунд II взял «к рукам своим»[173].

Трудно сказать, возлагал ли В. С. Заболоцкий какие-либо надежды на К. К. Острожского, который остро конфликтовал с Я. И. Ходкевичем и поссорился с ним даже на королевской аудиенции 18 января 1569 г. во время Люблинского сейма[174]. Противостояние с Ходкевичем

---

[167] ЛМ-265. Л. 182–183 (Воинь, 10 декабря 1568 г.).

[168] *Jaroszewicz J.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji. Wilna, 1844. T. 2. S. 186–189; *Auerbach I.* Andrej Michajłovic Kurbskij. S. 132. Anm. 127.

[169] В привилее, выданном Стефаном Баторием Франциску Веселинскому на имение покойного к тому времени В. С. Заболоцкого, утрата «вечного» права упомянута как норма, которая не коснулась права господаря распорядиться своей землей, если она была пожалована до принятия люблинского постановления: «А иж на сонме валном в Люблине при скопьченью унии отъдаленье вечъностью добр от столу нашего ест задержано, вед же иж тое именье Деревъную Володимеру Заболоцъкому еще перед уннею отъдано, и от столу Великого князства Литовъского отъдалено, про то теж по смерти его тое право до волного шафунъку в руки наши господаръские пришло» (ЛМ-73. Л. 341 об. — 343 (sic, здесь ошибка в пагинации), то же: ЛМ-74. Л. 224). Сыновья Франциска Стефан и Павел в начале XVII в. владеют частью Деревной. Еще часть принадлежит королевскому стольнику Слонимского повета Станиславу Соколовскому. В декабре 1610 г. слонимское местечко Деревное — в руках конюшего Великого княжества Литовского Павла Сапеги (КГСл-13. Арк. 165 адв. — 166 адв. (4 июля 1607 г.); КГСл-10. Арк. 152 (31 марта 1609 г.), 232 адв. — 234 адв. (4 июня 1609 г.), 234а адв. — 235 (4 июня 1609 г.), 267–268 (15 июня 1609 г.), 287 — 287 адв. (26 июня 1609 г.); КГСл-14. Арк. 466–467 (4 сентября 1610 г.), 469 — 469 адв. (4 сентября 1610 г.), 485 адв. — 487 (8 сентября 1610 г.), 718 адв. — 719 (23 декабря 1610 г.); КГСл-16. Арк. 159 адв. — 161 (10 мая 1612 г.)).

[170] ЛМ-48. Л. 356 об. — 358 (Кнышин, 5 ноября 1569 г.); ASK-1. N 64. K. 127. Здесь в реестре должников по сеймовым налогам ("Regestr spisania tych ktorzy podatku ziemskiego na seymie Lubełskim w roku 69 uchwałionego do poborcow powiatowych nie wydałi") говорится: "Z miasta Liachowicz ot domow szosowego ot ogrodow i włosci ku zamku przysłuchających nic nie dano". Однако позднее на королевском суде Генриха Валуа было признано, что к декабрю 1569 г. В. С. Заболоцкий выплатил все долги по Ляховицкому имению. Комиссия ляховицких шляхтичей Федора и Ивана Михайловичей Евлашевских (Ивлашковских) направляется с жалобой к справце Слонимского лесництва: ЛМ-52. Л. 127–128 (Варшава, 12 июня 1570 г.).

[171] BCz. TN. N 79. S. 549–552; N 2463. T. II. S. 247.

[172] ЛМ-532. Л. 88 об. — 89 об., публ.: ЛМ. Кн. 532. С. 82–83 (18 сентября 1569 г.); AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. N 8745. S. 1 (3 апреля 1574 г.).

[173] ЛМ-54. Л. 63 — 73 об. (Два акта Варшавского сейма с подписями польских и литовских сенаторов: Варшава, 10 апреля 1572 г.); ЛМ-57. Л. 15 об. — 18 об. (3 апреля 1574 г.); ЛМ-63. Л. 142 — 143 об. (Торунь, 20 декабря 1576 г.). См. также: *Лаппо И. И.* Великое Княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя. СПб., 1901. Т. 1. С. 272.

[174] ДЛС. С. 8; *Соболев Л. В.* Князь К.-В. Острожский... С. 127.

и Ласким должно было сблизить киевского воеводу и старосту ляховицкого[175]. Однако никакой особенной поддержки со стороны могущественного князя ни в 1569 г., ни позднее вплоть до 1570 г. не последовало. Выпадает из логики союзнических отношений между ними и то, что в сентябре 1569 г. Заболоцкий во главе отряда своих слуг напал на села двоюродного брата Острожского, кн. Ю.Ю. Слуцкого Вотчино, Ямеско, Стрыжевичи, Пасеки, Зломлю, Городятичи, Прусы и Кривоносово. Ущерб был весьма значительным: были убитые и раненые среди бояр Слуцкого, московиты обвинялись в грабежах и бесчинствах. Князь выступил с иском против Заболоцкого в Слонимском гродском суде. Каштелян новогрудский, староста слонимский Григорий Волович получил от короля распоряжение провести расследование. Можно предположить, что агрессия В.С. Заболоцкого против соседа в Слонимском старостве была вызвана борьбой за господарское имение Деревную. Туда Заболоцкому были направлены повестки в суд («позвы»). Однако это была ошибка Слуцкого. По королевскому «листу» московит получил освобождение от повесток господарскому державце из нижестоящего суда: «...с которого, деи, имеия Деревенского, яко з властности нашое господаръское, он за тыми позвы перед врадом слонимским становити не повинен»[176].

В это же время готовились осенние военные сборы, на которые Заболоцкий должен был выставить 200 всадников[177]. Господарь освободил его на время сборов от всех судов по иску Слуцкого[178].

В 1568–1569 гг. В.С. Заболоцкий пытался вытеснить из своего ляховицкого имения королевского боярина Григория Лыптупского. Это продолжение судебной борьбы между старостой ляховицким и его боярами, следы которой видны уже в документации за 1567 г. По словам самого Г. Лыптупского, Заболоцкий «о оселость его припытываеться и поведаеть, якобы он оселости никоторое не мел под королем его милостью, где их милость будучы оселости его зведоми» (речь идет о его имении в Ошмянском повете)[179]. Ссора началась после того, как в своем доме в имении Лукашевском сгорели Петр Липницкий и его жена Марина – зять и сестра Григория. Московит приказал своему уряднику Михаилу Звереву, другим своим слугам и ляховицким мещанам захватить трех сыновей и две дочери, деньги и имущество умершего П. Липницкого и вывезти в Ляховицкий замок. Само имение погибшего Владимир передал в держание господарскому земянину Матею Кавечинскому за 400 коп гр. Сначала Лыптупский подал в суд во Владимирский уряд на Волыни, требуя, чтобы его назначили опекуном племянников. Когда ему было отказано, он подал жалобу королю[180]. На суде в августе 1568 г. Заболоцкий объяснял свой поступок тем, что «не для которого пожытку, одно литуючы сиротства тых девок и братьи их», клялся, что содержал подопечных «почтиве» и «рад хочеть» отказаться от своей опеки[181]. Вернуть семью и ее имущество он обязался в конце сентября, но по каким-то причинам не сделал этого. На господарском суде королевский маршалок кн. Ян Болеславович Свирский, войский новогрудский и державца пунский А. Брындза и королевский дворянин Петр Цыприский подтвердили права на владения Г. Лыптупскому и заявили, что В.С. Заболоцкий должен отдать под его опеку детей недавно умершего Петра Липницкого, его семью и всё их имущество. Королевский дворянин Герасим (Гарасим) Левкович подал в суд на Заболоцкого и выиграл дело. Суд обязал его вернуть заложников и всё прочее, но державца не торопился выполнять постановление. В ответ на постановление он обещал показать акт «под трема печатьми», в котором Левкович дает ему обязательства («иначеи зознаваеть»). В положенный срок документ был представлен в суде,

[175] На Люблинском сейме О. Лаский и Я. Ходкевич заняли несходные позиции в отношении плана короля присоединить южные литовские воеводства к Короне Польской. Ходкевич выехал из Люблина вместе с большей частью литовской делегации в ночь на 1 марта 1569 г. и затем встал во главе литовской оппозиции в Вильно. В то же время Лаский в числе первых принес присягу на верность Короне с волынских имений Б. Лаской-Острожской. См.: Дневник... С. 257; *Halecki O.* Dzieje unii jagiellońskiej. T. 2: W XVI wieku. Kraków, 1920. S. 275; *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 127–128, 131. Примеч. 265.

[176] ЛМ-532. Л. 88 об. – 89 об., цит. с л. 89, публ.: ЛМ. Кн. 532. С. 82–83, цит. со с. 82. Возможно, именно данное постановление короля упоминается в 16 ящике, фасцикул 41 архива К.-Л. Сапеги под номером 25: "Mandat króla Zygmunta Augusta po Zabołockiego w sprawie derewieńskiej" (KLSAIK. P. 112).

[177] ЛМ-532. Л. 93 об., публ.: ЛМ. Кн. 532. С. 85 (25 сентября 1569 г.); *Янушкевіч А.* Вялікае Княства Літоўскае... С. 189; *Lesmaitis G.* Wojsko zaciężne... S. 173.

[178] ЛМ-532. Л. 88 об. – 89, публ.: ЛМ. Кн. 532. С. 83 (18 сентября 1569 г.).

[179] ЛМ-266. Л. 331 – 332 об. (Кнышин, 15 августа 1568 г.); ЛМ-263. Л. 135 об. – 136 (Кнышин, 9 сентября 1569 г.), цит. с л. 136.

[180] ЛМ-268. Л. 226 – 226 об., то же: л. 236 об. – 237 (Кнышин, 25 июля 1568 г.).

[181] ЛМ-266. Л. 331 об.

но вызвал бурный спор между сторонами, так что дело было вновь отложено[182].

Прибывший в Москву 5 февраля 1570 г. посланник Вислой Булгаков отчитался, что слышал, будто кн. А.М. Курбский, В.С. Заболоцкий и Т.И. Тетерин были к моменту его приезда в Варшаве при короле[183]. К этому времени относятся сообщения о Заболоцком, переданные агентом императора Максимилиана II аббатом И. Циром в Вену или другому агенту — Траутсону. По сообщениям аббата Цира, который искал в Речи Посполитой сторонников Империи, в октябре 1569 и январе 1570 г. он общался с «Владимиром князем Московским» ("Wladimirus dux Moscovita"). Как отметил еще Я.С. Лурье, Владимир Заболоцкий предлагал императору поддержку против османского ставленника Яна Сигизмунда Заполяи в Трансильвании. Уже тогда Заболоцкий — верный слуга Стефана Батория и сподвижник Бекешей[184].

О том, что Заболоцкий и его жена тесно связаны с Трансильванией, аббат Иоганн Цир передает в начале 1570 г., одаривая его пышным титулом "Princeps Moscovitus" и сообщая, что он приехал из владений жены[185]. Затем на какое-то время Владимир уехал со своей ротой из Кнышина к московским границам[186]. Проект посредничества князя-московита Владимира в делах Трансильвании оставался в силе и весной, и аббат Цир с нетерпением ожидал его приезда в Варшаву[187]. В ноябре 1570 г. Цир пишет, что «князь Владимир Московит» в конце ноября в Варшаве всё так же готов верно служить императору и собирается ехать в Венгрию к жене[188]. Видимо, именно в Венгрии и Трансильвании планировалось выступление против Османской империи. Меньше чем через месяц Цир сослался на Заболоцкого, рассказывая о Трансильвании[189]. Цир неизменно титулует Заболоцкого князем ("dux", "princeps"). Конечно, о других попытках Владимира вернуть своей фамилии давно утраченное княжеское звучание ничего не известно. Однако фон для выступления в этот раз был самый подходящий. Заболоцкий мог знать о том, что параллельно имперский агент ведет переговоры с Курбским. Боярич и придворный старинного княжеского происхождения на фоне своего соотечественника не должен был ударить лицом в грязь. Княжеский титул Владимира Заболоцкого — один из интереснейших примеров того, как подключалась родовая память московита в условиях статусного сопоставления или про-

[182] ЛМ-263. Л. 137 об. — 138 (Кнышин, 17 сентября 1569 г.). Там было сказано, что Левкович и Лынтупский приезжали к Заболоцкому 26 сентября 1568 г. и договорились с его уполномоченным Федором Михайловичем Поповичем, что заплатят ему 400 коп гр., а Лынтупский поступится в его пользу какими-то правами на часть своих имений. Лынтупский доказывал, что не должен был показывать привилеев на свои имения, а Федор настаивал, чтобы он любым способом подтвердил свое право на эти имения, после чего обещал вернуть детей. На что в ответ Лынтупский разгневался и «з замъку Ляховицъкого проч пошол». Обсуждение привело к ссоре на суде. Лынтупский настаивал, что никаких обязательств на себя не брал, а Заболоцкий доказывал подлинность своей грамоты с печатями, которую называл готовым договором. Лынтупскому было дано две недели на то, чтобы принести на королевский суд «лист свой».

[183] АЗР. СПб., 1848. Т. 3. С. 151.

[184] Ссылка на письма Цира от 15 октября 1569 и 7 января 1570 г. в «Полоцке» Венского государственного архива: *Лурье Я.С.* Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 году: (По материалам Венского архива) // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 456–457. Оригинал см.: HHStA-W. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Polen I. K. 14. Fasc. 9f. F. 17v–18 (Кнышин, 15 октября 1569 г.): "Wladimirus dux Moscovita (de quo D. Proskowsky plura V-ra Caes. Ma-ti referet) ait certo sibi compertum esse, Transylvanum licet sit corpore aeger nihilo minus tum misisse Constantinopolum Ducam Mihalum: petitum ab Imperatore Turcico ut ipsius permissu possit militem turcicum quem sui perfecti ducant, conscribere. Cuius quasilii author Dula Filasti, qui nuper a V-ra Caes. Ma-te defecerit, fuisse dicatur. Ei arcem Cech. et oppidum Desoli nuper dono datum esse... Battori Michlossum accepisse a Transylvano pecuniam ad conducendos 500 equites. Et tum ad Ve-am Caes. Ma-tem perfidum esse Posonum. Haec sicuti mihi d. Wladimirus retulit, ita V-ra C. Ma-ti scribere votui. Eiusdem relinquus arbitrio quitum ius velit credere. Pomittit d. Wladimirus V-ra Caes. Ma-ti strennuam ac fidelem operam, modo V-rae C. M-s ea uto velit. Adducam m-qt, si vult Imperator, Viennam ip-m etiam Beckes et si quem velit alium forsan ipsummet Transylvanum significans. Petit se a Ma-te V. C. recipi in subditum, facultate sibi concessa, emendi aliqua bona vel in Sylesia vel Bohemia. Sed de tus plura D. Proskowsky".

[185] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9g. F. 5v–6 (Варшава, 7 января 1570 г.).

[186] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9g. F. 55v (Варшава, 31 января 1570 г.): "Sed credo V-ram Sa. Caes. Ma-t-m haec alium de iamdudum cognovisse. Si quid eiusdem cognitione dignum ex Wladimiro reverso intellexero non negligam, ut et alia o-ia V-rae Sa. Caes. Ma-ti p. o-em occo-em perscribere".

[187] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9g. F. 71v (Варшава, 9 мая 1570 г.).

[188] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9g. F. 133–133v (Варшава, 28 ноября 1570 г.): "Dux Wlodimirus Moscovita, qui ad custodiendos fines Rigni contra Moscos a S. Rege destinatus toto hoc anno hinc abfuit, superioribus diebus hunc reversus est. Offert se non minus qua antea Knissini ad omnia qua ipsi sunt possibilia servitia. Iturus propediem in Hungariam ad uxorem educendam promisit se diligenter observaturum qua ad V-ram Caes. Ma-t-m quomodocunque pertinent".

[189] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9g. F. 144 (Варшава, 15 декабря 1570 г.).

тивоноставления. Владимир нетернимо относился ко всем ноныткам принизить его социальную значимость. Его высокомерие было воснитано годами службы сразу двум европейским монархам и уверенностью в своем княжеском нроисхождении и равнонравии с магнатами Венгрии и Речи Поснолитой.

Иван IV ненрестанно следил за своими изменниками, и не случайно много данных о его жизни и смерти содержится в носольских книгах его времени. Московские послы отчитывались в статейном сниске 1571 г. о Заболоцком, в нодробностях освещая два события — войну за Глуск с Ласким и выезд изменника из Речи Поснолитой в Трансильванию. Причиной его войны с воеводой серадзским послы называют взаимные имущественные претензии. Король будто бы даровал Заболоцкому в Подолье имение в 600 дымов. Здесь послы имеют в виду кременецкое имение Ленесовку. Его размер «600 дымов», видимо, назван со слов их литовского информатора и близок к действительности. Заболоцкий выменял за свое имение у Лаского Глуск с местечком в 18 милях от Минска. При этом «на всякие службы» он должен был выступать с Ласким во главе 50 конников. Видимо, речь идет о договоре об обмене Глуска на Ленесовку между О. Ласким и В. Заболоцким, заключенном незадолго до 20 января 1568 г. и нрерванном королевским ностановлением от 25 апреля того же года. Как уже сказано выше, Заболоцкий уговорил короля аннулировать договор с Ласким как раз в тот момент, когда он вступал в силу и Ф. Гладкий нередавал староство в руки П. Горецкого. Цифра «50» конников очень вероятна, если исходить из того, что известно о роте нольско-литовских московитов в 1560-е гг.

Далее нредоставим слово источнику: «И Лаской ночал быти в Подоле, не сьежжая с службы, для крымских и из Волох турских и волоских людей нриходу, а у короля Лаской учал за то ненези брати, и Володимеру то показалось трудно, что Лаской вселды на службе в Подоле, а имене за Ласким в Подоле ж. И берет Лаской за службу у короля гроши, а ему нет ничего и всегды в нроести и в убытке и у Лаского в нодданых, и он с Ласким не учал служити, чтоб ему имене свое в Подоле у Лаского назад выменити. И Лаской, сослався з глутцкими мещаны на Володимерова урядника, велел им ночестливости чинити, на *колацеи* звати на носаде. А Лаского урядник в то время, но ссылке приехав в Глутцко, город замкнул и людей но городу изставил; и Володимер, приехав, к Глутцку приступил и город зжег. И король положил на него опалу и хотел его за то казнити, да для того его не казнил, что он приезжей человек иноземец. И Лаской город засел, не просив управы у короля»[190].

События, изложенные московскими послами, охватывают период от военных сборов короля в конце 1567 и до конца 1570 г. В октябре 1569 г. Заболоцкий предлагал имперскому посланнику посредничество в вовлечении Яна Заноляи в антиосманскую лигу, вероятно, уже имея намерение отправиться на службу в Трансильванию. Однако его удерживали счеты с О. Ласким. Конфликт за Глуск король попытался остановить силой в ноябре–декабре 1570 г.

Если искать параллели дальнейшему рассказу статейного списка, «прозрение» Заболоцкого можно связать с Люблинским сеймом. Московит высказал недовольство своими делами, финансовой политикой Лаского и самого короля. Вряд ли это произошло до того момента, когда для Заболоцкого появилась опасность потерять Ляховичи. Слова «а ему нет ничего и всегды в проести и в убытке» характеризуют ухудшение его благосостояния. Противостояние с королем было отчаянным решением для чужеземца, и решиться на такое мог только человек, готовый жертвовать всем. Постановление суда Генриха Валуа по Ляховичам от 3 апреля 1574 г. содержит слова В. С. Заболоцкого о том, что король отнял у него староство «з нарушеньем права его и малъжонки его доживотъного». В ответ на протесты Заболоцкого Лаский, не покидая арендованного имения, попытался выдавить противника из Глуска. Как можно судить по рассказу послов, под предлогом торжественного пира на посаде сторонники воеводы серадзского выманили из города урядника, поставленного Заболоцким, а в это время город был тайно занят урядником Лаского, который запер ворота и расставил своих людей на боевые позиции. В ответ Заболоцкий осадил и сжег город. Об этих событиях в своем иске серадзский воевода писал, «якобы он, воли своее наполънившыся, взрушаючы покои посполитыи з ротою своею и з ыными многими помочниками под замок Глуский подтягнувшы обычаем непрыятельским, его под служебником его милости Черкасом добывал и немалое кровопролите в помордованью насмерть людеи и в побитью и пораненью других, так теж и многие шкоды слугам и подданым его милости почынил»[191].

---

[190] ПК-79-9. Л. 431 — 431 об., публ.: СИРИО. Т. 71. С. 806. Выделено намн. Текст передан по первоисточнику — в публикации Сборника РИО допущены неточности. Разделение на слова наше.

[191] ЛМ-268. Л. 334 об. Черкас — возможно, Сергий Черкас, в 1577 г. принявший сторону ровенского уряд-

Возможно, открытое противостояние с Ласким, растянувшееся на многие годы, было вызвано не только ущемлением имущественных прав В.С. Заболоцкого на Люблинском сейме. Как раз в то же время Лаский втянулся в рознь К.К. Острожского с Тарновскими за «Тарновское наследство», и В.С. Заболоцкому после перипетий конца 1569 г. представилась возможность вновь найти себе союзника в лице могущественного киевского воеводы, после заключения Люблинской унии пользовавшегося поддержкой короля[192].

Состоялся ли очный суд между В. Заболоцким и О. Ласким? Осенью 1570 г. Лаский еще был в Речи Посполитой и перед отъездом в Молдавию записал королю в дар земли, полученные им в «посаг» от княгини Беаты Острожской[193]. Можно предположить, что слова о королевской «онале» говорят о том, что господарский суд приговорил Заболоцкого к «банисии». Это означало бы, что он под страхом смерти должен был покинуть территорию Великого княжества Литовского. У нас есть лишь немногое, чтобы проверить эту версию. Прежде всего, оценки московских послов. Они сообщают, что Лаский занял Глуск, не дожидаясь «управы» короля. Согласно расследованию, которое проводил позднее Стефан Баторий, это было незаконное вторжение. Сигизмунд II вызвал Лаского в суд, но тот не явился без уважительных для отсрочки причин. В поврежденной копии постановления Стефана, занесенной в августе 1576 г. в кременецкие гродские книги, плохо читался отрывок о том, что представители Лаского на суде не изменили позиции Сигизмунда Августа, который «лист данину, которую еси был на Ленесовку собе одержал, скасовавши, выроком своим господарским Володимеру за первою даниною тое именье правне присудити и на увязанье посылати рачил»[194]. Лаский отказался подчиниться постановлению королевского суда. Это дополняет слова статейного списка 1571 г. о том, что он не просил «управы у короля».

Литовская Метрика усложняет картину событий вокруг Глуска в 1569–1570 гг. В 1565–1566 гг. О. Лаский отдал новогрудский замок Глуск, Гольшаны (Ольшаны) и Паслушки (Паслишки, Пашкишки) в «заставу» за 3800 кон гр. (9500 зл.). Четыре года подряд, с 1565 по 1568, в казну с этих имений не поступали налоги[195]. Имя держателя не названо. Возможно, им был парнавский староста В. Иберфельт (Убелферт), который позднее говорил, что получил замок в аренду еще до В.С. Заболоцкого[196]. Из суммы налога Лаский собирался заплатить долг ротмистру кн. Ярошу Жижемскому (3 тыс. кон гр. — цена Глуска) и литовскому подканцлеру О.Б. Воловичу (800 кон гр. — цена Гольшан и Пашкишек). Тогда во время подготовки вторжения королевского войска в Россию в Радошковицах Лаский передал эти имения «в заставу» кн. Я. Жижемскому за сумму в 2 тыс. кон гр. Занять Гольшаны и Паслушки Жижемский не мог, так как их оштрафовал Волович в счет долга Лаского. Князь пожаловался королю и получил от него право на взыскание с Лаского еще 1 тыс. кон гр. Так и возник общий долг воеводы серадзского размером в 3800 кон гр., расплачиваться за который пришлось, передав все три имения Жижемскому в 1570 г. на три года с обязательством по истечении этого срока выплатить ему всю сумму долга в обмен на заложенные имения[197].

ника Лаского. В жалобах местных шляхтичей на Черкаса говорится, что Лаский прислал его «недавно в сих часех минулых у жынива житные с кролевства Честского с Праги». Боевой отряд Черкаса, согласно их показаниям, достигал нескольких сот человек. См.: КГЛ-17. Арк. 510 (1 августа 1577 г.), 605 зв. — 608 зв., 608 зв. — 609 зв. (8 сентября 1577 г.), цит. на л. 608 об., 718 зв. (24 октября 1577 г.); КГЛ-19. Арк. 277 — 277 зв. (25 апреля 1579 г.), 480 — 480 зв. (6 июня 1579 г.), 593 зв. — 594 зв. (18 июня 1579 г.).

[192] *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 119–122, 138.

[193] Запись Б. Костелецкой имений и движимого имущества своего первого мужа О. Ласкому: ЛМ-261. Л. 127 — 128 об. (Петрков, 20 апреля 1565 г.), 128 об. — 130, 130 об. — 132, 132–134 (Петрков, 20 апреля 1565 г.). Запись Лаского в Варшаве в коронной канцелярии 26–27 сентября 1570 г.: ЛМ-191. Л. 115–122; КГВ-28. Арк. 217 зв. — 219 зв., 227 зв. — 230 зв. (копии, записанные в гродские книги по просьбе воеводы киевского кн. К.К. Острожского под 5 мая 1595 г.). См. также: *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 147–150.

[194] ЖКЛВ. Т. 2. С. 256–257.

[195] ЛМ-49. Л. 73 об. — 76 (Варшава, 22 июля 1570 г., внутри текста копия договора О. Лаского с кн. Я. Жижемским под датой: Варшава, 20 июля 1570 г.). Гольшаны и Глуск после раздела имений Острожских в 1540-е гг. входили в часть княгини Беаты (урожд. Костелецкой) (*Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 24–38, здесь с. 34, 37).

[196] Л.В. Соболев привел данные, подтверждающие, что парнавский староста получил замок от Лаского за 3200 зл., и после 27 сентября 1570 г. пришло подтверждение от короля на сделку. См. также: *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 149. Примеч. 22).

[197] Такие же страсти разгорались вокруг еще одного имения Беаты Костелецкой — замка Копысь. О. Лаский был должен Я. Жижемскому 3 тыс. коп гр., которые взял на уплату серебщизны, поголовщизны и др. налогов за замок и имение. Ротмистр должен был собрать положенную сумму с доходов Копыси. Лаский взял в долг еще 2 тыс. коп гр. у Я.И. Ходкевича, и ему тоже разрешил вернуть всю сумму с Копыси и двора Барань. Этого

Лаский не допустил его только на те села при Пашкишках, которые были отданы им в держание своему служебнику Якубу Кресимскому и в аренду служебнику М. Ю. Радзивилла Себастьяну Горецкому (Себестьяну Кгорецкому).

Этому-то Себастьяну Горецкому Яхимовичу предстояло сыграть решающую роль в покушении на В. С. Заболоцкого в 1580 г. Возможно, до роковой беседы утром 24 апреля 1580 г. им приходилось сталкиваться еще во времена магнатской войны за Глуск. Уже тогда они были по разные стороны в большой магнатской войне.

Получив от воеводы серадзского запись на его волынские и литовские владения, Жижемский так и не смог занять их, поскольку они были заняты совсем другими людьми — Владимиром Заболоцким и Станиславом Тарновским. Между тем Сигизмунд II Август, проведя расследование, сначала, как уже говорилось, отменил право Лаского на Ленесовку, а год спустя передал Глуск королевскому секретарю, старосте пернавскому Валентину Иберфельту. Это не привело к выезду из замка В. С. Заболоцкого, хотя он передал Иберфельту хозяйство и подробное описание имения. Согласно его договору с новым держателем, королевский секретарь должен был защищать его интересы в судебных конфликтах с О. Ласким[198]. А уже через два месяца после заключения этого договора вступило в горячую фазу противостояние Острожского с Ласким. 26 декабря князь окружил и сжег часть замка Лаского Стенань, несмотря даже на то что замок временно был под управлением королевского дворянина С. Граевского[199]. Борьба Заболоцкого за Глуск велась не просто параллельно «Тарновскому делу», а в его рамках, и не случайно он получал распоряжения от короля, которые касались и его, и С. С. Тарновского. Внешне подчинившись королю, Владимир Семенович продолжал контролировать замок своего противника. Надежды Заболоцкого на разрешение спора за Глуск в его пользу не были беспочвенны.

О. Лаский, А. Зборовский и С. Тарновский были обвинены в оскорблении монарха своим нападением на Тарнов, совершённым 18 апреля 1570 г., и были немалые основания полагать, что всех обвиняемых ждет баниция, тем более что Сенат Речи Посполитой поддержал кн. К. К. Острожского, а на суде в Варшаве по этому делу в мае–июне 1570 г. звучал призыв казнить преступников. В июле, когда бои возобновились, король пошел на уступки: снял все обвинения с Лаского и Зборовского, а с Тарновского — обвинение в оскорблении величества, оставив в силе только обвинение в нарушении общественного мира и проведении частной войны. Тарновский должен был вернуть Тарнов Острожскому, компенсировать убытки, причиненные апрельским нападением[200]. В декабре 1570 г. к Заболоцкому и Тарновскому были отправлены посланники, королевский секретарь Матвей Протасович Островский и королевский дворянин Якуб Милошевский, с предписанием передать Глуск, Гольшаны и Паслушки В. Иберфельту. Жителям этих городов было велено ни в чем не перечить посланникам и подчиняться королевскому суду, а не суду В. Заболоцкого и С. Тарновского[201].

Суд должен был состояться еще 7 ноября 1570 г. Заболоцкий приехал сам, а Лаский на суд не явился. Королевский инстигатор поддержал судебное дело О. Лаского против Заболоцкого «о подеханье з ротою под замок Глуский и о помордоване на смерть людей», но Владимир выпросил у короля отсрочку[202]. Слушания были отложены на день Петра и Павла следующего года, но к тому времени Владимир Семенович «в нилъных потребах своих до земли угорское отежъдчал». В марте 1571 г. дело было вновь перенесено, на сей раз на день св. Михаила, на конец сентября[203]. В апреле до того же св. Михаила был отложен и суд королевского инстигатора с В. С. Заболоцким за Деревную[204]. Видимо, вскоре после

мало — Лаский передал замок королю. Сигизмунд II дал согласие на то, чтобы Ходкевич вернул Жижемскому 3 тыс. коп гр., а причитающуюся ему сумму собрал с теперь уже королевского имения. См.: ЛМ-267. Л. 339 об. — 342 (Варшава, 30 мая 1571 г.).

[198] ЛМ-266. Л. 379 об. — 381 (Кышин, 7 ноября 1569 г.). Договор Заболоцкого с Иберфельтом датирован в Кышине 30 октября 1569 г. Заглавия акта нет, но в реестре конца XVI в. он значится под номером 319 как «Сознанье Валентына Иберфельта секретара Его Королевской Милости листу запису его пану Володимеру Заболоцкому даного з стороны заступованья о именье Глуско». Акт начинается с красочного инициала — орнаментально украшенной буквы «омега».

[199] *Соболев Л. В.* Князь К.-В. Острожский... С. 138.

[200] Там же. С. 138–145.

[201] ЛМ-55. Л. 24 об. — 25 об. (Варшава, 8 декабря 1570 г.).

[202] ЛМ-268. Л. 334 об. — 335 (Варшава, 10 ноября 1570 г.).

[203] ЛМ-265. Л. 306 об.–307 об. (Варшава, 30 марта 1571 г.).

[204] ЛМ-266. Л. 421–421 об. (Варшава, 16 апреля 1571 г.), ниже цит. с л. 421 об. От лица короля выступали маршалок господарский, державца немонойтский Ян Палуский, слонимский земский судья Михаил Соколовский и королевский дворянин Федор Скумин. Комиссары утвердили границы Деревной, но королевский инстигатор Ян Вилкожент опротестовал их реше-

этого, в первой половине 1571 г., Лаский выбил московитов из своего имения[205].

Пять лет спустя дело было в руках Заболоцкого, пользовавшегося поддержкой Стефана Батория и настроенного подчинить своим решениям литовских магнатов. Сейчас невозможно отличить вымысел того времени от обстоятельств 1569–1571 гг. Заболоцкий был вытеснен из Глуска, осужден на смерть и помилован как королевский дворянин и «приезжей человек иноземец». Решение московита уехать «в Угры», не добиваясь компенсации за Ленесовку, свидетельствует о том, что в результате конфликта с Ласким не только в Литве, но и на территории Короны его позиции были ослаблены. Король его помиловал, но никакой иной поддержки ему не оказал. Для Заболоцкого это означало, что он был de facto лишен своих имений, хотя и оставался подданным Сигизмунда II. Впрочем, и с его подданством вскоре возникли проблемы.

Не ранее января 1570 и не позднее начала 1571 г. Владимир Семенович выезжает из страны «до панов хрестиянских» «для цвиченья и обычаев рыцерских»[206]. Вероятно, это произошло в декабре 1570 г. В своей инструкции в Глуск, составленной в начале декабря этого года, Сигизмунд II Август допускал, что Заболоцкий может сам получить королевский «лист», но предусматривал и вручение «листа» его урядникам и подданным. В это время он, возможно, жил с женой при дворе Яна Заполяи. Можно уточнить дату выезда Владимира в Венгрию. Аббат Цир пишет в реляции от 15 декабря, что князь ("Dux") Владимир Заболоцкий приходил к нему в Варшаве, уже получив к тому времени разрешение на выезд и собираясь выехать назавтра ("significans se obtenta tandem a Sereniss. hoc Rege discendendi in Hungariam licentia, iter ingressurus die crastino")[207]. Если удалось выполнить этот план, то выезд Владимира Заболоцкого из Варшавы в Венгрию следует отнести к 16 декабря 1570 г.

Когда Заболоцкий получил от Сигизмунда II приглашение вернуться, то отреагировал на него не сразу и заставил короля обратиться к нему с «заветными листами». В Короне он объявил, что приехал по первому зову, так что, по официальной версии, предупредительные письма не застали его на месте именно потому, что он уже был на пути к королю. Из дальнейших слов может следовать, что Сигизмунд Август отказался менять расстановку сил в конфликте Заболоцкого с Ласким: «А ныне Володимер в Угрех, а толко ему вперед быти в Литовской земле, и ему от Лаского быти убитому. А паны радные все и всею землею его не любят, а зовут его лотром же и злодеем и дву господарей изменником»[208]. Эти оценки в отчете московских послов Ивану Грозному звучат, конечно, тенденциозно. Все крупнейшие изменники царя охарактеризованы в этом же статейном списке в мрачных тонах. Вместе с тем позиция Лаского описана как независимая от решения короля помиловать преступника и всё же как законная. О. Лаский, не дожидаясь королевской «управы», занял Глуск и пользовался поддержкой Панов рады и «всей земли» Великого княжества Литовского в праве убить Заболоцкого, если тот появится «в Литовской земле». Это юридическое состояние точно соответствует понятию «баниция». Еще одним аргументом в пользу такого предположения может служить то, что отношения В.С. Заболоцкого с литовскими сенаторами были навсегда испорчены. Следует задуматься: возможно, роковое оскорбление «здрайца», брошенное Заболоцкому каштеляном троцким в Вильно в апреле 1580 г., было вызвано как раз тем, что Радзивиллы считали оскорбительным, что в свите короля на территорию Великого княжества Литовского прибыл изменник «дву господарей» — московского и литовского.

Причина такой резкой перемены в отношении короля к своему слуге лежит, вероятно, в решениях Люблинского сейма, которые прямо коснулись материальных интересов В.С. Заболоцкого. Я.И. Ходкевич после сейма должен отдать королю свои волковысские имения за староство Ляховичи, а также жмудские имения Кретингу, Ботоки и 50 вл. в волости Поланговской на Жмуди. Как ясно из дальнейших событий, Ходкевич занял Ляховичи, но не спешил освобождать Свислочь. Эти действия короля напоминали вытеснение Заболоцкого из Ленесовки, а затем из Глуска. Под видом обменов были совершены конфискации, и в обоих случаях король умыл руки. Московиту было впору задуматься о своем месте в придворной жизни. Для амбициозного и уже немолодого человека

нне. В. Заболоцкий был вызван на день апостолов Петра и Павла, но не явился в суд, так как к тому времени уже уехал «до земли Угорское».

[205] Оно оставалось в руках Лаского еще в начале 1577 г., когда кн. К.К. Острожский уже настойчиво требовал вернуть Глуск своей племяннице Гальшке Острожской, то есть фактически себе самому как ее опекуну. См.: КГЛ-17. Арк. 131–131 зв. (17 февраля 1577 г.).

[206] ЛМ-58. Л. 58 об.

[207] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9f. F. 144v (Варшава, 15 декабря 1570 г.).

[208] ПК-79-9. Л. 432, публ.: СИРИО. Т. 71. С. 807.

ac trucidatis multis hominibus abduxerit. Cuius rei causa his diebus Praepositus Zuccouiensis in Damam missus est. Instructionem ipsi datam mihi legendam exhibuit. Res videtur ad magnam discordiam spectare.

Wladimirus dux Moscouita (de quo D. Proskowsky plura Vrae Caes: Mati referet,) ait certo sibi compertum esse, Transyluanum, licet sit corpore aeger, nihilominus tamen misisse Constantinopolim Dulam Mihalum: petitum ab Imperatore Turcico, ut ipsius permissu possit militem turcicum, quem sui praefecti ducant, conscribere. Cuius consilii author Dula Filasti, qui nuper a Vra Caes: Mate defecerit, fuisse dicatur. Ei arcem Cech. et oppidum Desoh nuper dono datum esse.

Item Boczkay Firensum nuper missum esse in habitu rustici ad Dubo Ischtuanium, exploratum quae fiant Posonij.

Seclorum nobilitatem in ordinem redactam, et deincops militaturam Transyluano stipendio per exigno. Mitti nunc singulis sesquialterum florenum menstruum.

Battori Michlossum accepisse a Transyluano pecuniam ad conducendos 500 equites. Et tamen ad Vram Caes: Matem profectum esse Posonium. Haec sicuti mihi d. Wladimirus retulit, ita Vrae C. Mati scribere volui. Eiusdem relinquens arbitrio quantum his velit credere.

Донесение аббата Иоганна Цира, 15 октября 1569 г. Вена. Домашний, дворовой и государственный архив. См.: HHStA Wien. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Polen I. K. 14. Fasc. 9f. F. 17v.

не компенсированные королем конфискации были сигналом немилости. Его выезд из страны и затем неохотное возвращение говорят прежде всего о том, что немилость короля переживалась им не как опала, а как нанесенная ему королем обида. Как мы увидим, недовольство В. С. Заболоцкого было связано и с материальными убытками. Я. И. Ходкевич вступил во владение Ляховичами, не возместив ему причитающуюся сумму с доходов староства. Борьба за Ленесовку продолжилась после прихода к власти Стефана Батория. Королевское постановление от 17 мая 1576 г. показывает, что фактическим хозяином имения был Лаский, а благодаря ему его знакомые и служебники.

Московские послы заканчивают свой рассказ об изменнике загадочной фразой: «А послышел про Лаского, что король посылает его в Угры на оберегание, и он посылал в Турки, чтоб хто с ним бился о вере, боитца от Лаского, и изъязался против его битца турчанин за веру к семой суботе после Велика дни»[209]. Слухи о том, что Заболоцкий отправлен королем в Венгрию, чтобы «оберегать» христиан от Турции, и сам готовит битву «о вере» к Троице 1571 г., возможно, приоткрывают завесу молчания над планами подготовки крестового похода против Османской империи, в которых Заболоцкий замешан уже во время своих переговоров с аббатом И. Цером. Однако возможно и иное понимание слов статейного списка. Выражение «бился о вере» говорит о задачах миссии, направленной В. Заболоцким в Турцию. Слово «вера» здесь не обязательно понимать как конфессию, даже при том, что напрашивается образ христианина, бьющегося с мусульманином. Контекст позволяет предположить, что слово «вера» означает в данном случае высшую справедливость, а в узком значении — «суд Божий», поединок. Готовность В. Заболоцкого искупить свою вину кровью была поддержана королем, который был заинтересован в примирении противников. Как и где должен был состояться поединок Владимира с турком, который должен был мстить за О. Лаского, не известно. Ясно только, что если поединок и состоялся, он не был роковым для московита.

[209] СИРИО. Т. 71. С. 807.

Впрочем, возможно, до московских послов всё же дошли отголоски бурных антитурецких проектов «князя Владимира». Его влияние или давление на аббата Цира было настолько сильным, что тот с декабря 1570 по октябрь 1571 г. посвящает ряд сообщений и даже отдельные депеши Владимиру Заболоцкому, в какой-то момент уехавшему, а затем вернувшемуся в Корону ("revertente in Poloniam exhibitore praesentium magnifico et strenuo Wolodimiro Zaboloczki"), и его планам служить императору и христианской республике[210]. Владимир к марту 1571 г. возвращается из Венгрии ко двору Сигизмунда II Августа[211]. Его постоянные донесения императору через аббата Иоганна продолжались и касались «не только дел в Трансильвании, но даже заключения союза с Московитом против турок» ("non modo ad res Transylvanicas, sed etiam ad coniungendam cum Mosco societatem contra Turcas")[212]. Цир делает ставку на Заболоцкого в убеждении, что Владимир, известный своими «сердечностью и предприимчивостью» ("sua humanitate ac industria"), будет полезен, если прямо представит свои проекты императору[213]. В конце октября Цир вел долгую беседу с Заболоцким о Трансильвании, Короне и Москве и рекомендовал его императору как верного слугу Империи, готового явиться к Максимилиану II лично[214].

В последние годы жизни Сигизмунда II Августа, перед лицом его бездетной смерти и заката династии Ягеллонов, в Короне и Литве образовалась особая группировка, в которую входили Курбский, Острожский и Заболоцкий. Именно их сообщения Цир постоянно передает в Вену. И это были сознательные дружеские депеши, показывающие, что в Польше действуют сторонники Максимилиана. Сообщение московских послов находят подтверждение в тайных записках Иоганна Цира. Сблизившись с императором, Владимир Заболоцкий искал не только поддержки международным проектам, но и держал Вену в курсе дел Олбрахта Лаского, описывая его как ставленника и борца за интересы Османской империи.

[210] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9f. F. 81 (Шарошпатак, 15 декабря 1570 г.).

[211] HHStA-W. Polen I. K. 16. Fasc. 10c. F. 52v (Варшава, 21 марта 1571 г.).

[212] HHStA-W. Polen I. K. 16. Fasc. 10c. F. 58 (Варшава, 3 апреля 1571 г.), 155–155v (Варшава, 10 октября 1571 г.). Цит. в основном тексте из послания от 10 октября 1571 г.

[213] HHStA-W. Polen I. K. 16. Fasc. 10c. F. 81 (Шарошпатак, 15 сентября 1571 г.).

[214] HHStA-W. Polen I. K. 16. Fasc. 10c. F. 89–91v (Варшава, 27 октября 1571 г.).

Королевский фаворит

После смерти Сигизмунда II Августа (7 июля 1572 г.) Заболоцкий еще какое-то время провел за пределами Речи Посполитой. Сведений о нем в этот период совсем немного. В корреспонденции Яна Ходкевича из Архива Радзивиллов нами изучено письмо, датированное 11 февраля 1573 г. Ходкевич подозревает Владимира в сговоре с Острожскими и Слуцкими и призывает Миколая Радзивилла Рыжего отказать в доверии их представителю Курбскому. Князь Константин (видимо, всё же Острожский) к тому времени, по сообщению друзей старосты жмудского Яна Ходкевича, уже «послал за Владимиром, которого они хотят использовать как один из инструментов своей измены» (*"po Włodimira posłał, y tego mają mieć za jeden instrument swej zdrady"*)[215].

Был ли заговор кн. Ю. Ю. Слуцкого вымыслом его противников? После Люблинского сейма он вел борьбу за место в Сенате и право его наследования, но своей цели так и не достиг. Его противниками были М. Ю. Радзивилл и Я. И. Ходкевич[216]. Противостояние магнатов быстро переросло во фракционный конфликт, в котором сторону Слуцкого приняли его ближайший родственник и патрон кн. К. К. Острожский, а также часть православной шляхты русских земель. В их рядах должны были оказаться московиты, которые пользовались милостью Слуцкого[217]. На его землях жил писатель Артемий. Служебником Слуцкого был У. В. Сарыхозин[218]. Кн. А. М. Курбский поддерживал контакт с этим кругом, о чем говорит его письмо «Марку» Сарыхозину, а также то, что Курбский называет Артемия своим учителем в одном ряду с Максимом Греком и пользуется его информацией для своей «Истории о великого князя московского делех»[219]. С кн. К. К. Острожским Заболоцкий поддерживал, добрососедские и, возможно, служебные отношения. Осенью 1563 г. Острожский поддержал его в противостоянии с Борзобогатыми, а августе 1576 г. бояре киевского воеводы помогли уряднику Владимира Семеновича установить контроль над Радошковкой[220]. В 1569 г. служебники Заболоцкого напали на земли князя Слуцкого, из чего могло бы следовать, что «Владимир» не принимал участия в конфликте на стороне своего противника, однако расклад сил изменился после смерти последнего Ягеллона[221]. Кроме того, и Слуцкий, и Заболоцкий имели имущественные претензии к Я. И. Ходкевичу, который держал «в заставе» спорные королевские имения[222].

В то время Ян Ходкевич пытался склонить Миколая Радзивилла Рыжего к совместному отпору своим противникам, одновременно стремясь отстранить выбившихся из общего ряда московитов на обочину политической жизни. Религиозный фактор в этом противостоянии невозможно переоценить: на Варшавском сейме, проходившем с 12 марта по 28 мая 1572 г., было публично объявлено о переходе в католицизм Я. И. Ходкевича и М. К. Радзивилла Сиротки. Согласно гипотезе Хенрыка Люлевича, в мае 1572 г. при посредничестве папского легата кардинала Джованни Коммендоне Ходкевич подписал тайный договор с обоими Радзивиллами о сотрудничестве в пользу кандидатуры сына императора Максимилиана II эрцгерцога Эрнеста[223]. В этой атмосфере появилось письмо Яна Ходкевича Миколаю Радзивиллу с сообщением об «измене» Курбского и его сообщников. По словам Х. Люлевича, в конце 1572 г. «по Литве кружились слухи, будто бы князь Слуцкий, а вместе с ним Глебович собирают войско с целью осуществить какие-то свои планы. Подозревали даже, что речь шла об убийстве Радзивилла и Ходкевича»[224]. В день элекции, 4 мая 1573 г. со страхом ждали, что на сейме появится князь Слуцкий «с великим войском для занятия места в Сенате», тогда как тот оказался среди гроховских сецессионистов, возглавляемых Яном Фирлеем противников кандидатуры Генриха Валуа, и согласился признать французского кандидата на трон только на условии, если он при-

[215] AR. Dz. V. N 2044. S. 65–67.

[216] *Lulewicz H.* Gniewów... S. 126 и сл.; *Kempa T.* Zabiegi kniaziów Olelkowiczów słuckich o uzyskanie miejsca w senacie po 1569 roku // ORP. Warszawa, 2003. T. 47. S. 74–76.

[217] *Скен'ян А. А.* Князі Слуцкія. Мінск, 2013. С. 70.

[218] *Liedke M.* Od prawosławia do katolicyzmu. S. 65–66.

[219] РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб 335–338, 415–420, 441–442.

[220] ЖКЛВ. Т. 2. С. 247–251, 259.

[221] ЛМ-532. Л. 88 об. – 89 об., публ.: ЛМ. Кн. 532. С. 82–83.

[222] *Лапо И. И.* Великое Княжество Литовское... Т. 1. С. 101.

[223] *Kempa T.* Rywalizacja Radziwiłłów i Chodkiewiczów o pierwsze miejsce w elicie politycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 60. i 70. XVI wieku // History, Culture and Language of Lithuania. Proceedings of the International Lithuanian Conference. Poznań, 17–19 September 1998 / ed. by G. Błaszczyk, M. Hasiuk. Poznań, 2000. S. 204–208, 217–218; *Lulewicz H.* Gniewów... S. 77–79.

[224] *Lulewicz H.* Gniewów... S. 106.

несет присягу на постановлении Варшавской конфедерации[225].

Сведения о заговоре православной элиты, полученные от Михаила Чарторыйского, опасения Яна Ходкевича, а также слухи об измене православной элиты и попытки старосты гродненского Александра Ходкевича вступить в контакт с русскими магнатами позволяют выдвинуть гипотезу, что часть элиты Волыни, Киевщины и Великого княжества Литовского, пытаясь дискредитировать габсбургскую и московскую кандидатуры и одновременно сторонников Ходкевичей и Радзивиллов, выдвигала князя Слуцкого в первые ряды в борьбе за власть и за исход выборов. Из московитов, как можно думать, опираясь на письмо Ходкевича, по крайней мере Курбский и Заболоцкий поддержали Слуцких и Острожских.

Первое interregnum В.С. Заболоцкий провел за границей Речи Посполитой[226]. Его имущественный статус de jure не менялся после Люблинского сейма. Видимо, к 1572 г. относится запись на бумажной полоске под титулом "Imiona spadkowe ktore Iego KM rozdacz racził", сохранившаяся в конволюте из собрания Замойских: здесь Заболоцкий под именем "Włodzimierz" назван лишь держателем королевских имений Деревни и Ленесовка[227]. М. Стрыйковский выводит Заболоцкого на сцену в своей поэме на въезд и коронацию Генриха в Краков 18 и 21 февраля 1574 г., причем из поэтических или каких-то еще соображений он назван перед Курбским и только по имени, как иногда делали в русском посольском ведомстве и в актах Великого княжества Литовского[228]. Надо полагать, Заболоцкий действительно был на коронационных церемониях, по крайней мере вскоре после них на коронационном сейме он подал жалобу о том, что ему и его жене Алене Череновичовне не были компенсированы 6 тыс. кон гр. за «вси фольварки и волость Ляховицкую»[229].

Согласно Ф. Евлашевскому, хорошо осведомленному в делах Ляховицкого замка, окончательное решение было принято королем на его последнем сейме менее чем за месяц до смерти — 12 июня 1572 г.[230] Два королевских привилея от 10 апреля 1572 г., внесенных в 54-ю книгу Литовской Метрики, в целом подтверждают эту датировку. Экс-староста покинул Ляховичи «спокойне», однако за внешней покорностью таился протест. Принцип передачи королевских замков под управление старост предполагал, что королевский администратор получал право собрать доход со своего «корма» на определенную сумму. Получив от короля Ляховичи в обмен на 6 тыс. кон гр., В.С. Заболоцкий собрал за весь срок владения королевским имением 2418 кон 23 гроша и 5½ пенезей и имел право еще на 3581 кон 36 грошей и 4½ пенезей[231].

Элекции принесли Заболоцкому шанс на возвращение староства или части денег. Делу был дан ход, как только к власти в Речи Посполитой пришел Генрих Валуа. Декрет его суда от 3 апреля 1574 г. сохранился до наших дней на пергамене, заверенном подписью и вислой печатью короля, и в 57-й книге Литовской Метрики. Обе стороны явились на суд в Краков. Заболоцкий представил привилей короля Сигизмунда II и доказал, что все выплаты «з доходов и цыншов голых» внесены в казну за весь срок его староства. Ходкевич заявил, что король взял у него Свислоцкое имение и обещал в качестве компенсации передать ему Ляховичи с его фольварками и волостью, а также на Жмуди дворы Ботоки и Кретингу (Кретынкгу) с волостями и 50 вл. оселых в Поланговской (Поланкговской) волости. Однако староста жмудский сам признал, что не отдал королю Свислочь, оправдывая свой поступок тем, что Владислав Збаражский не отдал ему Ботоки, «маючи право свое и некоторую суму пенезей на имеию Ботоцком, от его королевское милости записаную». Постановление короля и Панов рады было благоприятно для московита. Владимир был освобожден от каких-либо долгов и претензий по Ляховичам. А на сенатора было наложено обязательство выплатить бывшему старосте недособранную им огромную сумму. Впрочем, эта цифра открывала для Ходкевича возможность апелляции, поскольку в одном случае в ней (3581 кон 23 гр. и 5½ пн.) контаминировалось число недособранных кон с числом уже собранных грошей и пенезей, а в другом сумма была названа верно (3581 кон 36 гр. и 4½ пн.). С другой стороны, король Генрих дал Ходкевичу согласие на владение Свислоцким имением до тех пор, пока ему не будут переданы Ботоки[232].

---

[225] *Кетра Т.* Zabiegi... S. 76.

[226] ЛМ-58. Л. 58 об., то же: ЛМ-63. Л. 142 — 143 об.

[227] AGAD. Archiwum Zamoyskich. N 3041. S. 31.

[228] *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. 2. S. 451; ПК-79-10. Л. 17 об., публ.: ПИВЕ. Т. 7. С. 27.

[229] *Лапо И.И.* Великое Княжество Литовское... Т. 1. С. 272.

[230] APR-143a. S. 11, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 96 (s. 11).

[231] Оригиналы документов по размену короля с Я.И. Ходкевичем хранились позднее в архиве К.-Л. Сапеги, ящик 18: KLSAIK. P. 113–115.

[232] AGAD. Zespół 1 (Zbiór dokumentów pergaminowych). N 8745. K. 1–1v; ЛМ-57. Л. 15 об. — 18

Как ясно из продолжения дела на Торуньском сейме 1576 г., Генрих за долг В.С. Заболоцкому изменил сумму дохода Я.И. Ходкевича с Ляховицкого староства, а Ботоки были оставлены за кн. В. Збаражским, которому было передано еще в правление Сигизмунда II Августа на получение дохода в размере 2 тыс. кон гр.[233]

В то же время 7 апреля 1574 г. был заключен полюбовный договор между кн. К.-В. Острожским и О. Ласким. В.С. Заболоцкий оказался заложником соглашения магнатов: положение Янушполя не было определено в договоре, так как Острожский не обладал на него никакими правами, и Лаский со ссылкой на запись, полученную им на это имение от Б. Костелецкой, выпросил у короля Янушполь, который вместе с Чернеховым и Шульжинцами уже 22 апреля передал «в застав» воеводе русскому Ю. Язловецкому, а 29 апреля перезаложил ему же Янушполь вместе с Ленесовкой за 22 тыс. зл. Уже в мае Язловецкий отдал Ласкому за эти имения 5 тыс. зл., а краковский купец Я. Цыглер получил право на взимание долга с этих имений в размере 3790 зл.[234] В.С. Заболоцкий поддерживал решения Острожского и его переговоры с имперским двором и Г. Рюбером[235]. Участие в таких миссиях требовало доверительных отношений между Заболоцким и Острожским, и это еще один факт в пользу того, что за опасениями литовских магнатов в январе 1573 г. стояли достоверные сведения об участии Заболоцкого, как и Курбского, в планах кн. Ю.Ю. Слуцкого и его могущественного покровителя.

Приход Стефана Батория на троны Короны и Литвы открывал его слуге, сподвижнику и соратнику яркие перспективы. Владимир Семенович начал решительно отвоевывать свои права и мстить своим обидчикам, отыгрываясь и на словах, и на имуществе. В корреспонденции Ходкевичей Библиотеки Польской академии наук до нас дошел автограф письма Заболоцкого к Я.И. Ходкевичу, написанного, вероятно, 5 мая 1576 г.[236] В этот день король впервые принимал

об. (Краков, 3 апреля 1574 г.). Благодарю Александра Казакова (Минск), обратившего мое внимание на оригинал из Главного архива древних актов в Варшаве. Пергамен 544×482 мм по верхнему и правому краю, отрезан неровно. Сложен был в три поля по вертикали и в пять полей по горизонтали. Сгибы повреждены. На верхнем горизонтальном сгибе текст попорчен и частично утрачен. Небольшие повреждения пергамена и утраты текста также на правом вертикальном сгибе. Вислая печать короля Генриха Валуа на красном воске диаметром около 4,7 см в восковой матрице диаметром около 10 см на желто-голубом шнуре, продетом через два отверстия в сложенных вместе двух нижних горизонтальных полях, в среднем вертикальном. Акт подписан королем Генрихом и скарбником дворным, писарем Лаврином Войной. На обороте чернильные пометы, возможно, конца XVI – XVII в. На нижнем сгибе под шнуром печати: "... decret z Włodimirem" (начало плохо читается). Выше: "Decret Krolia Henryka o Liachowicze z Włodzimirzem w roku 1574. No 35". Во втором сверху среднем поле перевернуто к основному тексту: "Dekret Krola Henryka Miedzy Panem Chodkiewiczem Starostą Żmódzkim a Panem Włodzimierzem Zabołockim o Lachowicze ktorym nakazuie oddac summę Włodzimierzowi na Lachowicze od Krola Zygmunta pozyczoną i za wysługę poniesioną też summę gdy Pan starosta Żmódzki Włodzimierzowi oddał Krol Henryk dekretem na Swisłocz wniosł pod datą roku 1574... 13" (затерто 1–2 слова).

[233] ЛМ-63. Л. 142 об.

[234] Matricularum Regni Poloniae Summaria. P. VI. Henrici Valesii regis tempora complectens 1573–1574 / cont. M. Woźniakowa. Varsoviae, 1999. P. 34 (N 327), 35 (N 331); ЛМ-194. Л. 37 об. — 54, 55 об. — 62. Подробнее см.: *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 170, 175.

[235] Миссия касалась не только взаимопомощи между императором Максимилианом II и кн. К.-В. Острожским в случае возобновления борьбы за трон в Речи Посполитой, но и хлопот князя по вызволению невестки, Б. Костелецкой-Лаской, из Кежмарского замка и передаче ее «в верные руки» австрийского наместника Верхней Венгрии Г. Рюбера: *Przezdziecki A.* Jagiellonki... T. 5. S. CL. См.: *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 177.

[236] B-PAU/PAN. N 355. S. 69. Письмо написано в Вильно 5 мая, год не указан. Единственными надежными датирующими признаками в самом письме служат имя и должность Я.И. Ходкевича. Каштеляном виленским он стал в 1574 г., а умер 4 августа 1579 г. Король не назван по имени, но упоминание о подготовке войны с Москвой исключает короля Генриха Валуа и указывает на Стефана Баторня, так что вернее было бы ограничить датировку 5 мая 1576 – 5 мая 1579 г. Можно было уточнить и ее, но уже при помощи предположения. Король, согласно письму, готов отправиться к границам московским, даже если бы "nykt dobrze nie chciał s kroliem yego mosczią yechacz". Король в 1577 г. и позже не мог так планировать поездку к московским границам и не нуждался в таких объяснениях с литовским магнатом и сторонником имперской кандидатуры на элекции. Пограничные проблемы беспокоили короля в первые месяцы по восшествии на престол. В письме гетману дворному К.М. Радзивиллу, написанном в Варшаве 6 июля 1576 г., король говорит, что рассчитывает вернуться в Варшаву 31 июля, чтобы обсудить с Панами радой «потребы там того панства пограничные» (AR. Dz. III. N 3. S. 19–22, цит. со s. 22). В письмах тому же гетману дворному и кн. Ярославовичу Микитиничу от 30 июля из Брянска Стефан разъясняет свой план держать «некоторыи певныи почот людеи служебных» на границе с Россией (ЛМ-60. Л. 3 об. — 4 об., 4 об. — 5, цит. с л. 4). А в письме канцлеру Великого княжества Литовского М.Ю. Радзивиллу, написанном в Торуни 29 августа, вновь пишет о "potrzebach granicznych spraw" (BJ. N 1000. K. 11–11v). Существенно для датировки еще и то, что в рукописи Польской академии наук оно занимает место между письмами 18 апреля и 13 мая 1576 г. (B-PAU/PAN. N 355. S. 66, 74. См. также: *Grala H.* "*Ex Moschouia ortum habent*". S. 106. Przyp. 28. Pa-

в Вавельском замке литовское представительство[237]. Возможно, этим событием и воспользовался Владимир Заболоцкий, чтоб передать свое неосторожное послание. В нем каштелян виленский оповещается о решении короля провести ревизию московских границ. Обвинение в измене звучит неопределенно от самого Заболоцкого или от лица короля в адрес кого-то из окружения Я. И. Ходкевича или его самого. Можно предположить, что адресатом была всё же вся Литовская рада, а жесткая риторика подавала знак, что король недоволен позицией литвинов и готов пойти на репрессии. И это был выразительный жест короля: письмо Яну Ходкевичу с объявлением королевской воли было отправлено от имени московита, имевшего личные счеты с каштеляном, а также с другими литовскими сенаторами и магнатами[238].

Угрозы со стороны короля были вызваны, видимо, стремлением Панов рады отмежеваться от похода Батория против Гданьска. Позднее на Торуньском сейме именно Я. И. Ходкевич был противником участия литвинов в этом походе, аргументируя свою позицию угрозой литовским границам со стороны Москвы. Его оппонентами были Радзивиллы и О. Б. Волович, поддержавшие короля. Позиция Ходкевича была в конечном счете принята королем, однако в 1578 г., после Ливонского похода Ивана IV, администратор и гетман Ливонии, не сумевший организовать сопротивление московитам, лишился своего «дигнитарства», а 4 августа 1579 г. умер[239].

Эти события укрепляли придворные позиции В. С. Заболоцкого. В середине мая 1576 г. король подписывает в Кракове постановление по Ленесовке. Ласкому было предъявлено обвинение в несоблюдении предписаний Сигизмунда II Августа. De facto это означало, что аннулировался договор В. Заболоцкого с О. Ласким и привилей Сигизмунда II Августа Олбрахту Ласкому на Ленесовку от 20 января 1568 г. переставал действовать. Ссылаясь на защиту «справ и выроков» предшественника и на Статут, Стефан Баторий в своем «листе» 17 мая 1576 г. призывал серадзского воеводу освободить имение. Для выполнения постановления король направил туда своего коморника Збигнева Линевского (Леневского) с полномочиями «моцно», т.е. при необходимости — силой, отобрать имение у недобросовестного держателя под страхом взыскания с него штрафа в размере 3 тыс. кон гр. В кременецких гродских книгах отложилась жалоба держателей Ленесовки на то, как исполнялось королевское постановление. Коморник приехал «моцно кгвалтом» 16 июля и, «не показуючи, деи, никоторых листов его кролевское милости», захватил всё имение и выгнал жену держателя. Из обрывков актовой записи можно сделать вывод, что Тарло получили Ленесовку и Янушполе «в невной суме ненезей» в аренду от жены воеводы русского Гальшки с Щекаревич Язловецкой. Язловецкие строили планы на Ленесовку, как мы видели, еще в апреле–мае 1574 г., и В. С. Заболоцкий этим планам не препятствовал, видимо, смирившись с договором кн. К.-В. Острожского и О. Лаского. Но с приходом к власти Стефана Батория ситуация поменялась. В июле 1576 г. «Пани Тарловая» обратилась в гродский уряд, и ей прислали возного Григория Гулялницкого, которому оставалось только дать показания о том, что захватчик отказывается покидать имение. Когда земля и имущество были переданы уряднику Заболоцкого Ф. Гладкому[240], ее наместник Иван Терлецкий вновь приехал упрашивать и получил твердый отказ: «Я, деи, за росказанем ее кролевское милости узявши и за сопротивленем панее вашее милости того до горла не поступлю и боронить буду». Пять недель было отведено бывшим держателям, по истечении которых они должны были освободить имение[241].

19 августа кремнецкий возный Степан Иванович Дедеркало отправился в Янушполе, замок при Ленесовке, и там встретился со слугами

боту с текстом письма облегчил Л. В. Соболев (Москва), за что выражаю коллеге благодарность).

[237] *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego. S. 79. Przyp. 16.

[238] Заболоцкий был участником Гданьского похода и, по-видимому, в конце мая находился с королем в Мальборке. Оттуда 23 мая 1576 г. Стефан Баторий известил Ходкевича о готовящихся войнах против Гданьска и татар, жаловался на медлительность в пересылке королевских писем и сообщал о принятом в Короне Польской поборе на войну в соответствии с постановлением Люблинского сейма 1569 г., призывает не мешкать с созывом сеймиков в Великом княжестве Литовском и говорит о необходимости скорейших решений в отношении Москвы. См.: АСД. Т. 4. С. 23–24.

[239] *Lulewicz H.* Gniewów... S. 320–321; *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł "Rudy". S. 562–563.

[240] О каком-то Федоре Гладком говорится в заставной записи Казимира Ледницкого, получившего 135 кон гр. от мещанина луцкого Парфена Васильевича Щетиничча и передающего ему 7 человек «оселых» своего имения Божов и еще одного «огородника» на определенный срок — до Преображения 6 августа 1571 г., когда наступал срок расплату по долгу: КГЛ-459. Арк. 95 зв. — 97. 7 мая 1574 г. Закладная запись — 4 августа 1571 г.

[241] КГК-19. Арк. 55 зв. — 56, 66 — 66 зв. Заявления И. Терлецкого записаны в книги гродские 18 июля 1576 г. Под той же датой отдельно записан отчет Г. И. Гулялницкого о поездках в Ленесовку и Радошовку.

Язловецких Мартином Людицким и Андреем Сулковским. Из частично сохранившегося дальнейшего содержания акта следует, что амбар с вещами Лаского занечатывался нечатями хоружего неремышльского Миколая Тарло, королевского коморника Збигнева Мневского, а также Людицкого и Сулковского и др.[242] В тот же день или уже 20 августа слуги Язловецких передали Янушпольский замок Жилинскому для нового урядника ленесовецкого[243]. Не обошлось и без криминала. Из обрывка записи с отчетом о расследовании и показаниями Гладкого следует, что 20 августа после переговоров вечером по дороге из «Янноля» в свое имение был убит один из свидетелей сделки — служебник воеводы брацлавского кн. А. И. Вишневецкого Павел Брезинский. Брат убитого Габриэль пожаловался в суд[244]. В назначенный срок 25 августа 1576 г. урядник ленесовецкий Федор Гладкий принес королевское постановление в Кременецкий уряд для записи в гродские книги, и это означало, что права Заболоцкого на имение были признаны окончательно[245]. Его слуги в его отсутствие распоряжаются в имении от его имени, обращаясь в Кременецкие уряды и ведя в самом дворе Ленесовецком актовые книги, о которых сохранилось упоминание[246].

Тогда же, когда велась борьба за Ленесовку, Владимир Заболоцкий вернул себе Радошовку. Тамошний держатель С. Крушинский был служебником воеводы серадзского, и для Заболоцкого — чужаком, поставленным на его владении

[242] КГК-19. Арк. 88 88 зв. (24 августа 1576 г. Средняя часть акта повреждена. Заключительная фраза акта гласит: «В того лямуса ест в котором, ден, немало речей его милости пана воеводы серадзского у хованю ест»). Следующая запись также сообщает о том, как при Иеремии (Еримняше) Жилинском, слуге подкоморего львовского и старосты вышгородского Войтеха Стареховского, и при тех же слугах Язловецких возному было передано имение Янушпольское вместе по инвентарной описи бывшего арендатора Себастьяна Туровского. Забрали только скот и запечатали «лямус глиною облепеный, в него дверн двое, которое две двери запечатаны печатми» тех же и, вероятно, еще Жилинского (КГК-19. Арк. 88 зв. 89. 24 августа 1576 г. Средняя часть акта повреждена. Тем же днем записана жалоба Язловецкой и ее детей о том, что наместник янушпольский пан Жилинский задержал у себя 1 янушпольскую пушку и 8 гаковниц и недоплатил налогов с подданных за 1576 г.: КГК-19. Арк. 89).

[243] КГК-19. Арк. 89 — 89 зв. 24 августа 1576 г. Замок был отделен от Ленесовки и перешел в собственность Войтеха Стареховского. С его наместником Жилинским вел какое-то дело в суде королевский ротмистр Темрюк Шимкович в сентябре 1576 г. Темрюк стоял «с товарышми своими у Янушполю» с согласия покойного гетмана коронного Язловецкого с Бучачи и, видимо, получил от нового наместника право на дальнейший постой. См. сохранившееся начало записи: Там само. Арк. 104 зв. 24 сентября 1576 г. Жалоба того же времени на расквартированных солдат от урядника шумского: Там само. Арк. 115. Против Язловецких и после смены урядника в Янушполе оставались незакрытые судебные иски. Так, 30 июля 1576 г. местный урядник Язловецких Иван Терлецкий и войт янушпольский Ян Тишецкий во главе своих мещан совершили набег на имение служебника кн. К. К. Острожского Андрея Голганского Илковское и Новоставецкое. 9 сентября открылся суд, но ответчики отвели вызов, сославшись на «тривогу великие и небезпечност от неприятеля» и на то, что в то время проходил «сейм великий валный корунный». Неясно, каким сеймом отговаривалась сторона «позванная»: Краковский коронационный закончился 29 мая, а Торуньский был открыт 19 октября. См.: Там само. Арк. 148 — 148 зв.

[244] КГК-19. Арк. 90 зв. Начало записи не сохранилось. Следующая запись на той же странице — от 22 августа 1576 г. С убитым вместе был только его «пахолик» Андрей Завадский, который прятался от убийц в лесу, а 22 августа появился в суде и дал показания, что его пан был убит на дороге из Вишневцы в Брезницы за селом князя Кирика Ружинского. Нападение организовал сам князь во главе своих подданных, он же своей рукой убил Брезинского (КГК-19. Арк. 90 зв. — 91. Возможно, окончание дела было на л. 91 об., однако верх листа с текстом не сохранился).

[245] ЖКЛВ. Т. 2. С. 255 258. Между земскими книгами за 15 января — 10 октября 1571 г. (ныне № 4) и за 1577 г. (№ 5, в основном за октябрь) невосполнимая лакуна. См.: Кременецький земський суд. Опис актових книг XVI–XVII ст. Вип. 1. Кн. 1 11 (1568 1598 рр.) / сост. Л. А. Попова та ін.; ред. І. Л. Бутич. Київ, 1959. С. 6–8, 10, 35–48.

[246] КГК-19. Арк. 109 зв. 110. Обрывки записи. Служебник Мартина Харманского Войтех Ленартовский пришел к Гладкому, прося у него вижа для какого-то дела, связанного с покражей коней, и затем с выписки из ленесовецких книг явился на Кременецкий гродский уряд. Гладкий завизировал выписку своею подписью «Федор Гладкий ренку сву». Следующая запись на л. 110 — 111 об. от 23 сентября 1576 г. Это продолжение дела — свидетельство Мартина Харманского и показание возного С. И. Дедеркало о его поездке в Ленесовку 20 сентября. Ответчик — подсудок кременецкий Савин Яловицкий своей вины не признаёт и отрицает факт кражи. Еще одна запись этого дела от 27 сентября 1576 г. содержит жалобу Мартина Харманского на Савина Яловицкого и его слуг о том, что они 24 сентября напали на него на «добровольной дороге» в его имении Осиницком и захватили двух его подданных вместе с их имуществом и посадили их в тюрьму в имении Лановцах. В тот же день, по словам Мартина, было совершено нападение на его лес, откуда Яловицкий вывез строительные деревья (КГК-19. Арк. 111 зв.). 5 декабря, когда В. С. Заболоцкий был в Королевской Пруссии, произошло нападение на Ленесовку Андрея Пруского — урядника олшаницкого Федора Сенюты Ляховецкого. От имени Заболоцкого Сенюта был вызван в кременецкий гродский суд (КГК-19. Арк. 151. Дата записи не сохранилась. Следующая на той странице — 11 декабря 1576 г. Возный по данному делу — Д. И. Дедеркало).

враждебным магнатом. Перед смертью Крушинский высказал обеспокоенность как тянущимся судом с Заболоцким, так и денежным долгом Лаского, который на время отсутствовал в Короне: «...особливе их млсти прошу, естли пан Бог всемогучии его млст пна моего воеводу серадзского до Полски привернути будет рачил, абы их млост, яко онекунове о то ся его млсти старали, абы тую суму, которую ми его млост рачил быти винен, рачил росказати отдати жоне моеи»[247].

Об издержках ревиндикации июля–августа 1576 г. говорят жалобы Крушинских в кременецкий уряд. Того же 18 июля, когда звучали жалобы держателей ленесовецких, в гродские книги была занесена «скарга» Станислава Крушинского на то, что 17 июля при помощи королевского коморника Заболоцкий захватил Радошовку, где была в то время жена Крушинского Ганна. Вскоре подоспел муж и пытался уговорить коморника: «...просячи, абы ми такого безправя не чинил, даючи ему тую справу, иж я тое имене за слушным правом от панов Сычковских, отчичов того имеия купленю держу». В ответ Линевский вновь сослался на волю короля передать имение «до рук дворянину его королевское милости пану Володимеру». Через пять недель держателям было велено покинуть Радошовку. Крушинский заявил в суде, что имения не отдает, но и воле короля не перечит[248]. Коморник короля остался на весь срок до исполнения приговора, и 21 августа, когда прошло пять недель, «а пан Станислав Крушинский до Радошовки не приехал», — передал Гладкому двор бывшего хозяина и выдворил оттуда Ганну Крушинскую, которая пыталась уговорить Линевского и Гладкого позволить ей там жить до приезда мужа, но согласия не получила[249]. Крушинская заявила, что урядник Заболоцкого во главе отряда в 50 вооруженных конников напал на нее в ее имении Радошовка, записанном ей Станиславом Крушинским в «вено», выгнал ее из имения и забрал всю ее «маетность»[250].

Однако в те же августовские дни В. Заболоцкий пересмотрел свои отношения с конкурентами, вступил в сделку со С. Крушинским и записал имение А. Крушинской, оставаясь формально его владельцем[251]. Приехав на Волынь, Крушинский предъявил Гладкому «лист постановеня через их милости панов рад» Крушинскому и Заболоцкому и «лист пана Володимеров пана его до него писаный». Ф. Гладкий на кременецком уряде заявил, что не сопротивляется предписанию, но отказался передать Радошовку немедленно и потребовал вызывать его трижды, не назвав даже даты передачи имения[252]. Крушинская неоднократно жаловалась в суд на «кгвалтовное наехане» Заболоцкого и Гладкого на Радошовку, но, возможно, уже в октябре 1576 г. решила мирно уладить передачу имения[253]. Вероятно, после этого дело пошло споро: 13 октября Гладкий сам в сопровождении возного сходил к Крушинской, чтобы договориться о скоте и овцах[254], а 23 октября в книгах гродских появился отчет возного о том, как Ганна забрала из имения три коробки («дви скрынки а третюю малую») и две корзины с вещами («а и лукони два полные»)[255].

---

[247] КЗК-5. Арк. 34 зв. О датировке завещания и смерти С. Крушинского см. ниже. Согласно С. Каменецкому, Крушинский уже в предсмертном бреду говорил о каком-то долге Лаского и о том, что жена не сможет его вернуть: КЗК-7. Арк. 114 зв. См. ниже.

[248] КГК-19. Арк. 56–57, 66 — 66 зв. Возным вновь был Г. И. Гулялницкий.

[249] КГК-19. Арк. 86. Запись в гродские книги от 25 августа 1576 г. Начало дела отсутствует. Оно предшествует записи от 20 августа 1576 г.

[250] ЖКЛВ. Т. 2. С. 259–262.

[251] Договор между В.С. Заболоцким и С. Крушинским об имении Радошовка см.: ЛМ-194. Л. 88 — 91 об. (29 августа 1576 г.), см. также: Руська (Волинська) Метрика. Регести документів Коронної канцелярії для українських земель (Волинське, Київське, Брацлавське, Чернігівське воєводства) 1569–1673 / передмова П. Кенеді Грімстед. Київ, 2002. С. 269.

[252] КГК-19. Арк. 116. Дата не сохранилась. Далее, через одну запись, на обороте того же листа запись от 4 октября 1576 г.

[253] КГК-19. Арк. 136 — 136 зв. 17 октября 1576 г. Окончания записи нет, причем текст обрывается в том месте, где еще неясно, с каких позиций Крушинская хочет вернуться к своим жалобам на Заболоцкого и Гладкого. Можно только предположить, что слово «оповедала» допускает не такое агрессивное содержание всего дальнейшего, как глаголы «присылать жалуючи», «жаловать» и «сознавать».

[254] КГК-19. Арк. 143 — 143 зв. 20 октября 1576 г. Возный — В.М. Рылы. Окончание дела не сохранилось. Скот был, вероятно, единственной статьей, требовавшей судебного расследования. Недатированный отрывок гродской книги содержит фрагмент судебного состязания между Гладким и Крушинской. Из него следует, что урядник ленесовецкий во главе отряда совершил набег «збройно з розным оружем» на Радошовку. Выгнав Крушинскую и ее мужа, он захватил «в том дворе ее Радошовце и на поли коней, свереп, быдла и живности домовое», а также зерно и людей. Гладкий пришел на суд от лица Заболоцкого и отговорился сеймом, освобождающим, согласно Статуту, ответчика от явки в суд. Крушинская бросила в ответ, что «съем выволано», но ничем не доказала, и дело было отложено. См. Там само. Арк. 150. Дата следующей записи в книге на обороте листа — 13 декабря 1576 г.

[255] КГК-19. Арк. 142 зв. — 143. Урядник предъявил возному реестр имущества. Возный — С.И. Дедеркало.

Заметим также, что отношение к уряднику ленесовецкому было в повете самым почтительным. Он был направлен 29 октября свидетелем и третейским судьей для расследования нападения слуг воеводы волынского кн. Андрея Вишневецкого на имения Сошенских Семеново, Даниловку и Туровку[256].

Московит, долгое время проживший в окружении Батория в Трансильвании, в это время неотступно следовал за королем и был осыпан его милостями. По замечанию московских послов, Заболоцкий получил «именье в Ляхех»[257]. Вероятно, так посольские служащие поняли название «Ляховичи». Но если это так, их информация была анахроничной. Это имение уже в последний год правления Сигизмунда II Августа было закреплено за Я. И. Ходкевичем, и король Стефан на пороге войны с Москвой пошел навстречу могущественному старосте жмудскому и ливонскому администратору — в декабре 1576 г. он велел всем, кто воспользовался старой ревизией Ляховицкого замка (ревизоры — Дмитр Санега и Вацлав Сущинский), вернуть незаконно приобретенные ими ляховицкие земли[258]. В первые же дни польского правления его покровителя за свои подвиги в Семиградье и на войнах против Москвы он получает «деръжаву Биръштаньскую зо всими належъностями к ней прислухаючыми», принимая ее из рук престарелого маршалка дворского господарского Александра Федоровича Владыки (Владычки)[259]. А на следующий день из рук короля в знак его особой признательности — московскую кольчугу (*"pancerz moskiewski więsszy plaskie kolca"*). Среди награжденных бехтерями, ручницами, саблями, пороховницами, малыми кольчугами и т. д. награда Заболоцкого уникальна своим московским колоритом[260]. Пан Владимир ("Wlodymir") был отмечен как выдающийся москаль, своеобразный эталон воина-москаля на королевской службе. Высоким почетом было для Владимира Семеновича в свое время обменяться подарками с князем Львом Александровичем Сангушко. В своем завещании в 1571 г. тот назначил роскошную саблю, подаренную Заболоцким («шабля мо оправленая позолотистая, которую маю от Володимера Заболоцкого»), своему брату воеводе браславскому князю Роману Сангушко[261].

Поток милостей Стефана Батория этим не исчерпывался. 18 августа 1576 г. также за значительные успехи в войнах и за приводимых им пленников Владимир Заболоцкий получает привилей на пожизненное владение войтовствами Малецким и Жобаковским (Кобаковским) в Блуденской волости Кобринского замка[262], потеснив О. Б. Воловича, которому король был вынужден гарантировать неделимость его староства Кобринского и компенсировать земельные потери[263]. Волович медлил с выполнением указаний, и 13 декабря 1576 г. король просил его поторопиться и напомнил о своем обещании предоставить ему «слушную нагороду» в ином месте[264].

На Торуньском сейме вновь обсуждался вопрос о правах на Ляховичи. В. С. Заболоцкий,

---

[256] КГК-19. Арк. 136 зв. — 137 зв., 137 зв. — 137а зв., 138 139. Первые две записи от 24 октября 1576 г. Дата третьей записи не сохранилась. Следующая запись на л. 139 — от 9 октября 1576 г.

[257] ПК-79-11. Л. 116.

[258] ЛМ-60. Л. 32 об.–34 (Торунь, 20 декабря 1576 г.).

[259] ЛМ-58. Л. 14 14 об. (Тыкотин, 18 июля 1576 г.).

[260] ASK. Dz. III. №3. K. 30–31v, здесь k. 31v. Раздачи из «Харинишкамеры» производились «в Тыкотине». Следом за реестром помещен список «Вещи, которые положены на возы Его Королевской Милости в Тикотин. В последний день августа». Видимо, и в предыдущий реестр включены вещи, подготовленные для вывоза в Тыкотин. Король запросил необходимые вещи и был составлен реестр, подшитый позднее в дворовые счета. В числе доставленных паном Филиповским предметов были польская, ливонская, трансильванская и турецкая хроники и карта «Венгерской земли». Награждены были пан Войницкий, пан Грудзинский, пан Чацкий, пан Бетлем, пан Филиповский, пан Фернезн, пан Владимир (т. е. Заболоцкий), пан Нат Петер, пан Ференс с Веселина ("P. Ferens Veselin"), пан Ежичек, Петер Баторий и пан Писарский.

[261] ВГ. С. 164 (Камень, 23 января 1571 г.).

[262] ЛМ-58. Л. 58 — 59 об. (Варшава, 18 августа 1576 г.). К В. С. Заболоцкому перешли села Павловичи, Малеч, Подгородцы, Залуже, Подкрайцы, Рыцевичи, Постолово, Вощаница, Стриневичи, Зоновичи, Дубов Хлев, Кобаки, Капершцы площадью в 200 вл. оселых, не считая «застеньков и надъдавков», владений постоловских мельников и лесных 46 вл. 14 мр.

[263] ЛМ-58. Л. 111 об. — 113 об. (Три акта: Торунь, 29 ноября 1576 г.).

[264] ЛМ-58. Л. 139 139 об., то же: ЛМ-63. Л. 116 116 об. (Торунь, 13 декабря 1576 г.). Согласно актам от 29 ноября 1576 г. (см. выше) и данному акту, В. С. Заболоцкий должен был получить 216 вл. «людьми оселых на пашию годъных», а также 73 вл. 6 мр. застенков и моргов «и зо всими иньшыми волоками и кгрунтами лесными пустыми ку тои волости Блуденьскои належачыми». Вознагражденем О. Б. Воловичу стали села в старостве Гродненском (Поводворское лесничество) и стрельцы на реке Свислочь в Криинском лесничестве, а оставшийся долг короля в 200 коп гр. был записан на волях Пошервентских, конфискованных у купившего их у Воловича же королевского служебника Яна Болемана (ЛМ-58. Л. 158 об. — 161. Торунь, 18 декабря 1576 г.). Перестановки пришлось провести и в Криинском лесничестве, потеснив лесничего криинского, одельского и кузницкого Юрия Лисовского (ЛМ-58. Л. 253 — 253 об. Быдгощ, 10 марта 1577 г.).

чувствуя себя гораздо увереннее под рукой Стефана Батория, вновь поднял вопрос о денежной компенсации за староство. Я.И. Ходкевич мог считаться к тому времени потерпевшим не меньше Заболоцкого. Воевода виленский не получил жмудские Ботоки, которые так и оставались во владении князя Владислава Збаражского. Король, не имея денег в казне, чтобы выкупить Ботоки у Збаражского для Ходкевича, разрешил самому пану виленскому выкупить это имение за 2 тыс. кон гр. у князя и записать себе эту сумму, чтобы компенсировать ее из доходов имения. Эти две тысячи и весь долг Заболоцкому разрешено было выплатить со Свислоцкого имения, которое так и не перешло в казну и тем проще было возвращено Я.И. Ходкевичу в качестве компенсации его убытков[265]. Этим решением распутался узел противречий между королем и магнатами и закладывался еще один камень вражды в отношения Заболоцкого с Ходкевичами и Радзивиллами. Перед Полоцким походом Я.И. Ходкевич завещал «замок и место Ляховичи з волостью и з фольварками у воеводстве Новъгородском лежачое» своей жене Кристине Зборовской[266]. Спустя шесть лет после смерти Я.И. Ходкевича староство Ляховицкое перешло к маршалку земскому Великого княжества Литовского, державце шавленскому Миколаю Криштофу Радзивиллу[267]. Позднее имение принадлежало Яну-Каролю Ходкевичу[268].

Урядник ленесовецкий мог ошибаться, когда в первой половине декабря заявил в суде, что требует отложить вызов против его пана, поскольку Заболоцкий «есть при его кролевское милости на сейме валном»[269]. Торуньский сейм закончился 29 ноября[270], но сразу после сеймовых «причин» у Заболоцкого появилось новое законное основание для судебной неприкосновенности: вместе с королем он отправился в Гданьскую экспедицию. В августе и сентябре 1576 г. Заболоцкий возглавляет отряд в 25 человек в числе королевских венгров, на который получает на королевском дворе по 6 венгерских зл. на человека за месяц, и в сумме — 383 венгерских зл. 10 гр.[271] Видимо, это было ядро его роты в Гданьском походе.

Пруссия открыла для В.С. Заболоцкого новые перспективы[272]. В привилее от 27 февраля 1577 г. подробно описывался и служебный подвиг Владимира. Когда под Тчевом немцы подступили к королевскому лагерю, В.С. Заболоцкий со своим отрядом бросился в атаку. В привилее рассказ ведется от имения короля Стефана: «Кгды есмо в земли Пруской будучы недалеко Кгданска, люди немецъкие через своволных а упорных [*ЛМ-63:* упорных людеи] подъданых нашых мещан кгданьских приведеные з окону, которые ся часу бытности нашое ку месту Тщеву близко пришанъцовали, вырушыти росказали, ино в той потребе будучы, тот дворенин наш пан Володимер Заболоцъкии не одно, иж мужне собе почынал, але теж и шкодливе зраненый нам верънность и службы своеи там же в той потребе оказал [*ЛМ-63:* оказовал]»[273]. Его подвиг получил отклик в «Польской хронике» И. Бельского. Король из Мальборка направился к Тчеву. Оконавшиеся неподалеку гданьчане постоянно тревожили королевское войско. Во время одной из их вылазок король приказал преследовать врагов, но в это время гданьчане неожиданно напали с другой, болотистой стороны. В погоню за ними через болота было направлено еще несколько рот пехоты и конницы. Им удалось опрокинуть гданьчан, захватить их огнестрельное оружие, преследовать до самого Гданьска и сжечь Солаву. Среди атакующих были раненые — Эрнест Вейер, Владимир Москвитин, Марек Собеский и четверо венгров[274]. Подвиг Заболоцкого вошел в историю

[265] ЛМ-63. Л. 142 — 143 об.

[266] ЛМ-64. Л. 22 об. — 26 (Вильно, 5 апреля 1579 г.).

[267] ЛМ-275. Л. 417 об. — 420 (Варшава, 4 февраля 1585 г.).

[268] КГСл-12. Арк. 625 — 625 адв. (20 марта 1611 г. Фолнацня устаревшая, с №496).

[269] КГК-19. Арк. 150. О датировке данной записи см. выше.

[270] *Konopczyński W.* Chronologia sejmów polskich 1493–1793. Kraków, 1948. S. 16.

[271] ASK-1. №251. K. 201, публ.: RCSBRP. P. 21: "Wlodimirio Moscho die 10. Octobris anni 1576 Derszaviae in equos 25...". Может быть, слово "Derszaviae" указывает на статус Заболоцкого как державцы бирштанского.

[272] Отметим попутно, что в финансовых реестрах Гданьского похода сохранилось упоминание дворянина по имени "Zabloczky", выполнявшего почтовую миссию — он передавал письмо королю от вице-канцлера из Русского воеводства и получил от короля 7 зл. Неясно, идет ли речь о В.С. Заболоцком или о представителе рода местных шляхтичей Заблоцких. См.: ASK-1. N 367/368. K. 158v.

[273] ЛМ-58. Л. 231 232, то же: ЛМ-63. Л. 151 152 (27 февраля 1577 г.), цит. по ЛМ-58, л. 231 и ЛМ-63, л. 151 — 151 об. В ЛМ-63 не названы день и месяц акта, указан лишь 1577 г., предыдущий и следующий акт в книге — от 20 декабря 1576 г.

[274] Bielski. S. 1399–1400. Героями Тчева и Гданьска были также ротмистр кн. Темрюк Шимкович Пятигорский (ЛМ-83. Л. 328 — 328 об. (13 апреля 1598 г.)) и О. Бахтияр Измайлов (ЛМ-64. Л. 277 об. — 278 (2 ноября 1579 г.)). О них см. в нашей монографии "Natione Moscus".

как один из первых в победоносных военных экспедициях Стефана Батория. Позднее король отдавал должное московиту, признав в нем характер «не человека, а быка или льва»[275].

За свои подвиги под Гданьском он был награжден имением в 289 вл. и 6 мр., после чего сосредоточил в своих руках всю волость Блуденскую, раскинувшуюся на 535 вл. 20 мр.[276] В феврале 1577 г. В. С. Заболоцкий стал крупнейшим московитом-землевладельцем в Речи Посполитой, видимо, за всю ее историю[277]. Это был шаг к богатству и славе и одновременно его очередной вызов Панам раде, и прежде всего на сей раз владельцу Кобринского замка пану троцкому, литовскому подканцлеру, старосте брестскому и кобринскому О. Б. Воловичу. Тот открыто выступил против участия литвинов в Гданьской экспедиции, призывал короля усилить гарнизоны ливонских крепостей и границы с Россией[278]. Король, конечно, незамедлительно компенсировал подканцлеру ущерб в 200 кон гр. селами Маково, Яковля, Мощиха, Беревиха в лесничестве Новодворском Гродненского староства (100 вл. хорошей земли), селом Озераны Стрельцы на р. Свислочи в Кринском лесничестве (16 вл. средней земли) и Волей Поширвенской (Поширвинтской), причем в Воле доход подканцлера должен был составить 3 тыс. 22 кон 34 гр., а затем ограничиться суммой в 200 кон гр. в год[279].

Владимир Заболоцкий был на высоте. Он представил к награде героев из своего «почта». В Литовскую Метрику занесен акт о награждении его служебника Мартина Петровского, согласно которому король велел подскарбию Л. Войне подыскать для шляхтича 10 вл. «людми оселых» в Великом княжестве Литовском[280].

Весной 1577 г. Заболоцкий принимает решение продать часть своего волынского имения. 6 апреля в Дубно в присутствии каштеляна виленского Я. И. Ходкевича и воеводы киевского кн. К. К. Острожского была заключена сделка между ним и Язловецкими о продаже Ленесовки за 800 кон гр. Себе, жене и потомкам Владимир Семенович оставлял лишь Радошовку и наконленные в амбарах Ленесовки хлебные запасы[281].

Обрывок записи в книге кременецкого гродского суда об отказе Крушинской от своих претензий к ленесовецкому уряднику Ф. Гладкому и В. С. Заболоцкому содержит частично сохранившийся инвентарь Радошовки. Гладкий изгнал хозяйку, и она «по два крот» вызывала Заболоцкого «до суду кгродского». Оба вызова были отложены, второй — по королевскому «листу». Вероятно, второй раз, когда об окончании Торуньского сейма было уже известно, освобождение от суда было получено в связи с началом боевых действий против Гданька[282]. 27 марта 1577 г. Крушинская признала недействительными свои вызовы в суд Гладкого и Заболоцкого под обязательство заплатить 500 кон гр. в случае возобновления жалобы: «...и тот позов уморяю на вечные

[275] BCz. N 1662. S. 412 (с. 406 первоначальной пагинации).

[276] К прежнему именню прибавился «остаток» Блуденской волости — фольварк Блюдня (Блуден) и войтовство, в котором было 14 сел под 13 названиями: Блуден Великий (возможно, пропущен Блуден Малый), Поросля, Тихновичи, Горен, Голица, Бармуты, Парфеновичи, Лукомер, Сосновка, Олехновичи, Пещанка, Подолшанец, Уколка (ЛМ-58. Л. 231–232, то же: ЛМ-63. Л. 151–152). Фольварк Блуден в 1583 г. был такого же размера и состоял из сел Павловичи, Малец, Подгородцы, Заслуже, Подкрайцы, Рыцевичи, Постолово, Вощаница, Стриневич, Сожжоновичи, Дубов Хлеб, Карпещи и Кобани. Села располагались на 200 вл. «зуполъна людми оселых». Застенки, мельницы и леса, принадлежавшие этим же селам, составляли еще 46 вл. 14 мр. И остаток земли размером в 289 вл. 6 мр. был усеен другими селами с «застенками» и «наддатками» — Блуден Малый, Блуден Великий, Поросмо, Тихновичи, Горен, Галица, Барноты, Парфеновичи, Лукомир, Сосновки, Олехновичи, Пещанка, Подолшанец и Уколка (ЛМ-73. Л. 339 об. — 340, то же: ЛМ-74. Л. 222 — 222 об.).

[277] Ковельские и упитские владения кн. А. М. Курбского были в сумме почти в два раза меньше одного блуденского имения В. С. Заболоцкого. Легенда о сказочном земельном наделе в 700 вл., полученном Д. И. Бельским в 1581 г., была, по всей видимости, дипломатической уловкой, которой воспользовался Стефан Баторий и его окружение, чтобы оказать давление на московское посольство. Данный вопрос рассматривается нами в другой работе.

[278] AR. Dz. V. N 17959. S. 171–174 (О. Б. Волович — М. Ю. Радзивиллу, Мальборк, 7 октября 1577 г.), особенно s. 172.

[279] ЛМ-63. Л. 162 — 162 об. (Торунь, 10 декабря 1576 г.); ЛМ-58. Л. 158 об. — 163 об., то же: ЛМ-63. Л. 162 об. — 167 (Два акта: Торунь, 18 декабря 1576 г.).

[280] ЛМ-61. Л. 74 (Мальборк, 25 сентября 1577 г.).

[281] ЖКЛВ. Т. 2. С. 262–267 (акт занесен в гродские книги 23 апреля 1577 г.). Продажа Ленесовки Язловецким в «листе вызнанном» и в подтверждении акта продажи: ЛМ-216. Л. 102 — 102 об., 102 об. — 104 об. (оба акта от 24 мая 1577 г.); Руська (Волинська) Метрика. С. 286. В январе 1583 г. Ленесовка вновь стала предметом спора. На сей раз владелец — его имя из остатков акта неясно — отграничивается от войта острожского, у которого имение было получено в аренду: КГК-21. Арк. 6. Дата не сохранилась. Следующая запись на той же странице от 30 января 1583 г. См. также: *Соболев Л. В.* Князь К.-В. Острожский... С. 205.

[282] КГК-19. Арк. 18. Обрывок вклеен в книгу за 1576 г. Судя по всему, это ошибка реставраторов. На обороте листа сохранилась часть даты, в которой последнее слово года «семого».

часы»[283]. Из этого решения с долей вероятности следует, что уже в марте 1577 г., т.е. до его поездки в Дубно, Заболоцкий пришел к соглашению с Крушинской по Радошовке, которое было оформлено уже после продажи Ленесовки.

В обрывках книги Кременецкого земского суда № 5 сохранилась дарственная запись Заболоцкого Ганне Крушинской на Радошовку[284]. В обрывке акта упоминаются продажа Ленесовки — сделка 6 апреля 1577 г., и приведен «лист дарованыи» Заболоцкого на Радошовку — акт сделки 23 апреля 1577 г.: «А ижем тую Ленесовку их милостям паном [Язловец]ким продал, тогды тое Радошовки не продал и вцеле ее собе [зоста]вил, которое то Радошовки за держанъя моего, нижли до пана воево]ды с]ирадского рук пришло уживанъе было по Горб, не доеждчаючи [..]всков Ленесовецких»[285]. Заболоцкий отдает безвозмездно оставшуюся часть имения и обязуется заплатить 20 тыс. («двесте сот») кон гр. Крушинской в случае несоблюдения условий дарственной. Остатки эсхатокола акта, занесенного в кременецкую книгу, говорят о том, что он составлен «у Дубне лета Божего Нароже... семого месеца апреля двадцат [т]...»[286].

В конце той же кременецкой актовой книги № 5, т.е. после записей за октябрь 1577 г., реставраторы второй половины XX в. поместили запись с завещанием С. Крушинского. Сразу вслед за ним помещен отрывок с копией дарственной Заболоцкого жене умершего Ганне[287]. Обрывок с записью тестамента Крушинского содержит только слова «Лета Божего Нароженя тисеча... цатого дня» и в протоколе «на початку роков судовых земъски[х]... статутового назавтрие свя[та]... [ны]нешнемъ семъдесят семомъ», а в конце тестамента «Лета Божего Нароженя тисяча пятсот семъдесят сем[ого]»[288]. Поскольку следующая запись, внесенная в книгу сразу после акта с копией завещания, относится ко времени после праздника Михаила Римского, можно предположить, что завещание было внесено Крушинской в земские книги 30 сентября 1577 г., вскоре после смерти ее мужа[289]. Братья умершего вскоре заявят, что Станислав перед смертью не был в состоянии сам написать завещание, но это заявление будет уже новым витком борьбы за Радошовку. В своем завещании он обращает особое внимание будущих опекунов своей жены на судебный процесс с Заболоцким, чтобы они «так теж и в том праве, которое з Володымером ведет, еи помочны были»[290]. Как уже говорилось выше, беспокоило Крушинского и то, что его пан, О. Лаский, на тот момент был за пределами Короны и не помогал служебнику в его судебной борьбе. В тот же день, 30 сентября, Крушинская просит сконировать в земские книги выписку из гродских книг акт от 23 апреля 1577 г.[291] В книге Русской Метрики № 5 (за 1576–1586, 1588 гг.) дарственная на Радошовку «на вечность» записана как вынесенная во Львове 11 июля 1578 г.[292] Это было окончательное по-

[283] КГК-19. Арк. 18 зв.

[284] КЗК-5. Арк. 4; Кременецький земський суд. Опис актових книг XVI–XVII ст. Вип. 1. С. 47. В описании 1959 г. фамилия второго контрагента прочитана иначе: «п. Ганні Стрипській». Вернее было бы: Ганна Стрынская Станиславовая Крушинская. Нельзя согласиться с описанием акта, которые предложено публикаторами описей: «Заставний запис...» Отрывок акта на лицевой стороне л. 4 не имеет начала. Оригинал оборван вверху и в правом верхнем углу и восполнен реставрационной бумагой с водяным знаком Pro Patria, вероятно, конца XVIII — начала XIX в.

[285] КЗК-5. Арк. 35 об.

[286] У буквы, восстановленной нами как «т», видна только левая черточка, которая вряд ли может читаться иначе, хотя на нее и похожи иные графемы: буква «ч» похожа на данный символ, но пишется с более низким козырьком от средней части мачты; возможно также его сходство с буквой «г», но с нее не начинается ни одного числительного. Вероятно, перед нами копия акта 23 апреля 1577 г., опубликованная Н.Д. Иваншевым. Акт был занесен в книги гродские какое-то время спустя после 23 апреля 1577 г. И сначала он был вписан по просьбе служебника В.С. Заболоцкого Михаила Зенковича. Об этом можно судить по словам «и тот лист через него передо мною покладаный с... кгродские записати казал» (КЗК-5. Арк. 4: «который же тот выпис кгродский кременецкий оповедане и вызнане пани Станиславовое Крушинское панее Ганны Стрынское ей самой належачий слово в слово с початку аж до конца обычаем перенесеня в книги земъские кремянецкие записати казали, на што и выпис с книг под печатми нашими панен Стан[с]лавовой Крушинской дали». Выписка из книги гродского суда была представлена Г. Крушинской земскому суду, о чем ей и там была выдана выписка).

[287] КЗК-5. Арк. 34 — 35 зв.; Кременецький земський суд. Опис актових книг XVI–XVII ст. Вип. 1. С. 46. В описании оба акта датированы октябрем 1577 г.

[288] КЗК-5. Арк. 34, 34 зв.

[289] КЗК-5. Арк. 35. Слова «Михаила свята Римъского» читаются здесь отчетливо.

[290] КЗК-5. Арк. 34 зв.

[291] Записи завещания С. Крушинского и сделок Заболоцкого с Г. Крушинской позволяют по-новому решить проблему датировки и порядка расположения листов кременецкой земской книги № 5. Правильный порядок акта, записанного как единое целое в книги кременецкого земского суда под 30 сентября 1577 г. (об этом см. ниже) следующий: КЗК-5. Арк. 34, 34 зв., 35, 35 зв., 4.

[292] ЛМ-216. Л. 161 об. — 162 (11 июля 1578 г.); Руська (Волинська) Метрика. С. 294. См. также: ЛМ-58. Л. 58 — 59 об.; см. также: *Собчук В.Д.* Украинская шляхта... С. 67–70. В заглавии акта сначала было написано

становление, утвержденное сеймом. Имение перешло к новым владельцам. В октябре 1579 г. мировой сделкой закончилась борьба за Радошовку между Петром Крушинским и новым мужем Ганны Крушинской Петром Леским[293].

Лаский сохранял свои позиции на Волыни, несмотря на одержанную Заболоцким победу в борьбе за Ленесовку и Радошовку[294]. Своей победой Владимиру не пришлось воспользоваться, и он без промедления конвертировал ее плоды в деньги. Главный результат для серадзского воеводы заключался в том, что его могущественный противник ретировался. Устранив напряженность в своих давнишних имениях, Заболоцкий более деятельно вмешался в дела Великого княжества Литовского, где еще более могущественные, чем Лаский, Радзивиллы не терпели чужаков, тем более — пользующихся поддержкой короля, избранного «братьями поляками».

В 1578–1579 гг. имя Заболоцкого, почти всегда только его первое имя — Владимир, выступает в реестрах выплат Королевской казны. 25 июня 1578 г. во Львове он ("Wlodimierio") получает на 40 человек по 1 зл. 4 гр. — 45 зл. 10 гр.[295] В числе королевских венгров Владимир Московит ("Wlodimae Moschovita") получает 12 февраля 1579 г. жалованье на 25 конников по 6 зл. на человека из королевской казны[296]. Кроме него, помимо венгров, получают вознаграждение за службу еще двое московитов — "Agis Moschovita" (6 коней) и "Brectiar Moschus" (3 коня), в которых нетрудно узнать Агиша Сарыхозина и Остафия Бахтияра[297]. Книга Литовской Метрики №64, в которой собраны привилеи кануна Полоцкого похода и лета–осени 1579 г., содержит акты о награждении новыми земельными наделами этих трех королевских московитов — В.С. Заболоцкого, Аг. В. Сарыхозина и О. Бахтияра Измайлова.

Иван IV в своем послании Стефану Баторию в конце июня 1581 г. называет Заболоцкого вторым после кн. А.М. Курбского изменником, пришедшим с королем в июле–августе 1579 г. под Полоцк[298]. Письмо Стефана Батория Ивану IV от 2 августа 1581 г. подтверждает, что "Włodzimirz" воевал под Полоцком, но, по сравнению с царским посланием, сглаживает его роль в завоеваниях короля[299]. За военные успехи 17 октября 1579 г. Заболоцкий получил королевским пожалованием Трабское имение Глебовичей «со въсим на все», тогда как жене Я.Я. Глебовича и ее сыну Адаму Гайко король обязался полностью выплатить из казны занисанную им на имении сумму[300]. Тогда же Кристина Зборовская, жена Я.И. Ходкевича, получила предписание передать другому фавориту короля, Г. Бекешу, Бирштаны и Бирштанское лесничество[301].

«лист на продажу», а затем слово «продажу» было исправлено на «даровизну».

[293] КЗК-7. Арк. 107 зв. — 108 зв. (3 октября 1579 г.). Братья Ян, Павел, Петр, Криштоф Крушинские и Войтех Квилинский от лица Валентина Крушинского вызвали на суд Петра Лесского и Ганну Стрынскую тремя «позвами»: о именин Радошовка со всей движимостью в нем, о 300 зл. и о продаже С. Крушинским части «имения отчизного» и внесении им 700 зл. в Радошовку. Лесские и Крушинские переводят дело на приятельский суд. Подробности составления завещания С. Крушинским могут быть вымышлены в ходе этого спора. В июле 1579 г. бургграбя кременецкий С. Каменецкий заявил, что сам был у смертного ложа С. Крушинского и будто бы тот уже был не в силах составить завещание, а на вопрос, кому он передает имущество, проговорил, уткнувшись в постель: «Жоне своен отинсую все». При этом не сказал, «што ни именя, ани жадное речи», сказал якобы только «а стадо жоне» и уже в бреду вспомнил о долге Лаского: «...нно ден ты того, жоно, не справиш». Из мемуаров Каменецкого должно было следовать, что завещание Крушинского недействительно. См.: Там же. Спр. 7. Арк. 114 зв. (5 октября 1579 г.). Видимо, борьба между Крушинским и Лесским за спорное имение получила освещение в кременецких гродских книгах, которые за этот период не сохранились.

[294] Ленесовка после смерти Крушинской перешла к воеводе троцкому кн. С. Збаражскому, который передал ее в аренду войту острожскому Павлу Малышевичу Новоселецкому (КГК-22. Арк. 189 зв. — 190. 3 октября 1583 г. Акт поврежден). Янушполе перешло в распоряжение воеводы троцкого С. Забаржского, который отдал его в аренду восходящей звезде на политическом небе Короны Польской, Андрею Фирлею с Домбровицы. В волости Янушпольской Ласкому принадлежало имение Панковцы (КГК-21. Арк. 84 зв. — 89 зв. 19 марта 1583 г.). Впрочем, уже в 1574 г. Лаский проиграл суд Себастьяну Туровскому и должен был заплатить ему 5 тыс. зл. Восемь лет спустя сын Себастьяна Криштоф потребовал деньги. Новый суд состоялся 26 ноября 1582 г. в Варшаве, но Лаский на него не явился. Король и рада поддержали Туровского, и на плечи Лаского лег более чем удвоившийся долг — 10 тыс. зл. вместе с «совитостью» и еще 1200 зл. «за шкоды а наклады». Приходилось распрощаться с Панковцами. Урядник каштеляна люблинского уступать имение не торопился, ссылаясь на неверное обращение нового держателя в сентябре 1583 г. в кременецкий земский суд вместо гродского (КГК-22. Арк. 175–176 (здесь же дополнительный л. 175а и его об.), 178 — 178 зв. Оба акта от 4 октября 1583 г. повреждены).

[295] ASK-1. N 331. K. 250.

[296] RCSBRP. P. 81.

[297] Ibid. P. 81–82.

[298] Современный польский перевод: BCz. TN. N 88. S. 164; ДиПП. С. 259 (Москва, 29 июня 1581 г.).

[299] ДиПП. С. 320.

[300] ЛМ-64. Л. 258 (Вильно, 17 октября 1579 г.).

[301] ЛМ-64. Л. 258 (Вильно, 17 октября 1579 г.), 290 — 291 об. (Варшава, 15 декабря 1579 г.); ЛМ-78. Л. 87–88 (Краков, 31 июля 1591 г.) и др.

Эти распоряжения относились к одному комплексу мер — насаждению ставленников короля на старостинские должности в Великом княжестве Литовском, что в свою очередь вело к ограничению прав литовских магнатов[302]. После смерти Владимира эти владения король удержал, не допустив на них литвинов, и передал близким Заболоцкому полоцким воеводам, плененным во время военной кампании 1579 г.

Менее чем за месяц до своей гибели державца трабский В.С. Заболоцкий приобрел право «ножиток леншии учинити, местечко на воли осадити и там торги постановити» в своем имении Деревная, «в помененом именью Деревном, местечко осадивши, торги и ярмарки в нем водле баченя своего постановити»[303]. Став основателем городка в своем земском имении, Заболоцкий достиг последнего в своей жизни имущественного пика. Именно на этом остановился Федор Евлашевский, и его мнение о причинах убийства Владимира призвано опровергнуть логику, простукающую в дошедшем до нас следственном деле, — будто Владимир был убит по имущественной причине. Требовалось небольшое судебное усилие, чтобы доказать, что получив должность старосты трабского, он покусился на имение Горецкого, который подвел Радзивиллов и во время столкновения в Вильно свел с Заболоцким свои личные счеты.

На этом наши сведения о годах жизни москвитина заканчиваются, и появляется ряд уникальных источников о последних двух днях его жизни...

Миколай Юрьевич Радзивилл Рыжий. Портрет, копия XVII в. См.: Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł "Rudy" (ok. 1515 — 1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków, 2008. Обложка книги.

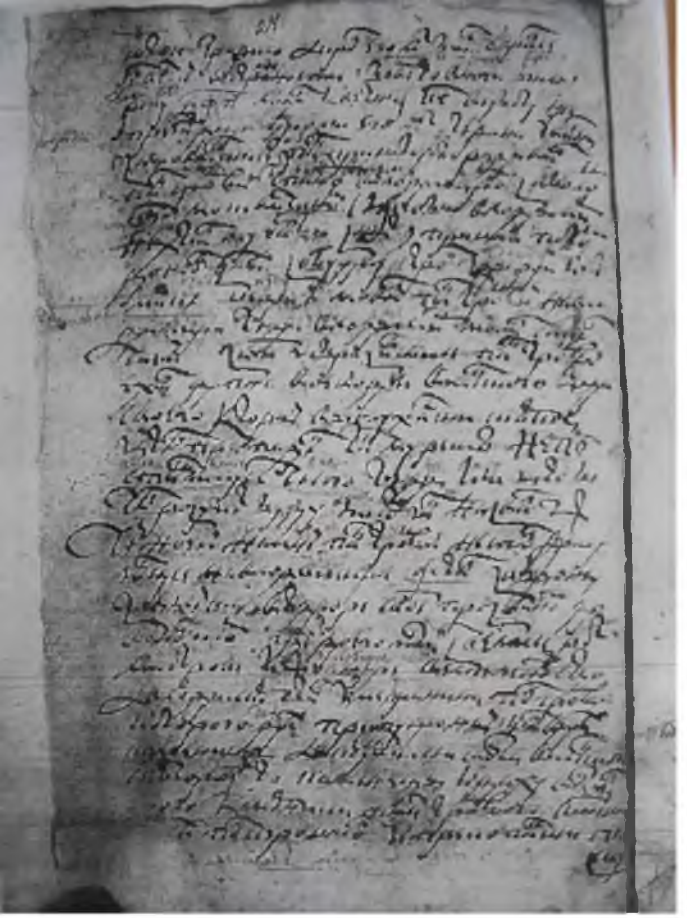
Смерть

Один из главных свидетелей, мемуарист Федор Евлашевский был в ночь с 23 на 24 апреля в стане Радзивиллов и описал в своих записках переживания литвинов. Старый канцлер и его сын понимали, что им было нанесено публичное оскорбление. Не спали в гневе всю ночь («фрасуюнц се на Влодымира»). Криштоф Радзивилл остановился за Завилейскими воротами («за броną Завелейскą») на дворе воеводы полоцкого Станислава Станиславовича Довойно, и к нему сразу потянулись поддержавшие его ротмистры и множество солдат («жолнере велке множство»)[304].

[302] Перестановки в Трабском старостве коснулись и местных шляхтичей Григория и Павла Брындз. Их имение Кримишки издавна относилось к державе Трабской, и они несли господарскую службу вместе с трабской шляхтой. На следующий день после передачи трабского староства в руки В.С. Заболоцкого король позволил Брындзам отказаться от подчинения державцам трабским и перейти в ряды ошмянской шляхты. См.: ЛМ-64. Л. 262 — 262 об. (Вильно, 18 октября 1579 г.).

[303] ЛМ-63. Л. 253 — 253 об. (Гродно, 27 марта 1580 г.).

[304] APR-143a. S. 24, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 103 (s. 24). Виленские дворы С. Довойно и С. Шемета в 1560-е гг. располагались поблизости друг от друга «на Гнезной». См.: ЛМ-38. Л. 474 — 474 об. (Договор Я. И. и И.И. Ходкевичей, 15 июня 1564 г.). Позднее, уже после описываемых событий, в источниках обнаруживаются сведения о виленском «стульбином» доме и «огороде его милости пана Миколая Радивила кнежати на Ольце и Несвижу, каштеляна троцкого» на улице Задарынской. Рядом располагался дом Габриэля, Ева, Дороты и Малгореты Еповичей Прантфусов, который они 28 октября 1586 г. продали мечному Великого княжества Литовского, старосте яловскому и берзницкому Дмитру (Деметру) Халецкому с Халча. См.: ЛМ-279. Л. 484 об. — 488 (Гродно, 16 ноября 1586 г.). Видимо, в апреле



Дневник Федора Евлашевского. Запись за 23 и 24 апреля 1580 г. Варшава. Главный архив древних актов. См.: AGAD. Archiwum Potockich z Radzynia. № 143а. S. 24.

Вероятно, гетман провел тайное совещание, на котором голоса разделились между сторонниками мирного урегулирования и вооруженной акции. Магнат, похоже, не искал Соломонова решения, а выжидал, выбирая время для мести.

Тем временем его слуги проводили полномасштабную шпионскую акцию. Заболоцкого определили в дом виленского мещанина судьи Яна Полгрошека, который в день ссоры Заболоцкого с Радзивиллом просил слугу маршалка, пана Витонского, чтобы гостя перевели в другое место. Однако тот попросил подождать с переселением до утра, пока не разрешится конфликт[305]. Крыша его дома была соединена с крышей дома виленского войта — королевского секретаря и доктора «обоих прав» Августина Ротундуса Мелеского[306].

Прокравшись из дома Ротундуса к Полгрошеку, «коморники» и «инша челядь» Радзивилла проделали лаз под крышей и через щель в песке («преконавши няску на избе») следили за Заболоцким. По их отчетам Евлашевский передает подробности, которые мог узнать той же ночью каштелян троцкий. Владимир ездил к сенаторам и просил их посредничества в примирении с Радзивиллом. Было уже поздно, и дело было отложено до утра. Вернувшись в «господу», он пошел мыться. Шпионы видели его как на ладони. Сам собой родился план покончить с Заболоцким, пристрелив его из пищали сквозь дыру в потолке, но Радзивилл «не казал». Тайная месть оскорбленного каштеляна троцкого и его отца не устраивала.

Ранним воскресным утром 24 апреля 1580 г., как донесли шпионы, Заболоцкий собирался на службу в Пречистенскую церковь. Войцех Славинский, приехавший накануне вечером из Траб, явился в дом Полгрошека на рассвете, разбудил Заболоцкого, отдал ему письма от трабского подстаросты и ждал, пока он оденется и соберется на богослужение. Зная о планах московитов, Криштоф Радзивилл отправился по улице от Завелейских ворот к церкви Святого Духа. По дороге к нему присоединились королевские дворяне Андрей Потылицкий и Миколай Нарушевич[307]. Там уже ждали его пешие слуги. Конники стояли наготове на улице перед монастырем. Всего — несколько сот вооруженных людей. Московские послы узнали вполне достоверные сведения о том, что на следующий день после размолвки перед королем на Заболоцкого напал К. Радзивилл вместе со своими слугами («Хришстон, наехав с своими служебники...»)[308].

Время действия: между пятью и семью часов утра. По словам Полгрошека, от выхода Заболоцкого со двора до конца бойни прошло четверть часа[309].

1580 г. воевода виленский и каштелян троцкий расположились в престижном районе за стенами города, неподалеку от храма и от короля.

[305] Имя хозяина дома, в котором остановился В.С. Заболоцкий, получено нами соединением личного имени из судного дела и прозвища из записок Евлашевского. См.: BCz. N 2242. S. 387; APR-143a. S. 24, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 103–104 (s. 24). Должность этого судьи Яна, отмеченная в следственном деле, вызывает предположение, что речь идет о виленском судье земском Яне Войцеховиче Млечко. См.: Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1. Województwo Wileńskie. XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2004. S. 172. N 917.

[306] Urzędnicy... S. 204. N 1180.

[307] APR-143a. S. 25, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 104 (s. 25); BCz. N 2242. S. 392–394.

[308] ПК-79-11. Л. 347.

[309] BCz. N 2242. S. 387–388, 393. Свидетель Якуб Яблко говорит, что стрельба и крики на улице начались «вскоре после пяти часов» ("skoro po piątey godzinie"). Со-

Свидетель Войцех Славинский, сопровождавший в то утро Владимира, рассказывал в суде, что выйдя на улицу, Заболоцкий позвал Умара Сарыхозина ("Umera Moskwiczyna")[310]. Это подтвердил московит Василь Жохов, отметивший, что Умара долго не было, и им пришлось даже вернуться в ожидании во двор.

Когда все вместе вышли, то заметили, как со двора виленского войта мимо них на кладбище к храму Святого Духа пробежал слуга воеводы виленского[311]. Его узнали, но не придали значения его появлению.

На углу улицы у ворот к ним присоединился Михал Славинский. Он вышел на службу в церковь и решил заглянуть на соседнюю улицу, где был постоялый двор Заболоцкого. Их объединяли дружеские отношения. Владимир помогал Михалу улаживать дела с соседями. Увидев Владимира на дороге, Михал остановился и подождал его[312].

Согласно Евлашевскому, когда ротмистр-московит вышел на улицу, заговорщики направились к нему сразу с трех сторон — от городских ворот («з велких врот»), по улице от церкви («с теи улички») и из-за спины из калитки («з фортки»)[313].

Первым их настиг Себастьян Горецкий Яхимович[314]. Видимо, это его имя значится в реестре войска литовского 1565 г. под именем «Себестьян Кгорецки» во главе пяти конников на месте хоружего медницкого[315]. Его же имя встречается в договоре О. Лаского с кн. Я. Жижемским по поводу Глуска. Как уже говорилось, там С. Горецкий прямо назван «служебником пана воеводы виленского» (М. Ю. Радзивилла). Среди Горецких были слуги всех завзятых соперников Заболоцкого — О. Лаского[316], Я. И. Ходкевича[317] и М. Ю. Радзивилла Рыжего[318]. Юрий Горецкий выступает в современных источниках как брацлавский шляхтич, подстаростий брацлавский, позднее принимает участие в Псковском походе короля Стефана[319].

У Себастьяна Горецкого «свой гнев на Влодымира»[320].

Впрочем, мы во власти той объяснительной модели, в которой убеждали современников Радзивиллы. Слова о «своем гневе» Горецкого отражают версию, созданную с целью отвести от капителяна троцкого подозрения в организации убийства.

Когда они с Горецким встретились на улице, Заболоцкий не думал о былых противоречиях и «гневе» соседа-сослуживца. Согласно Жохову и Сарыхозину, они обменялись дежурными приветствиями. Заболоцкий спросил Себастьяна, где он остановился на ночлег, и получил ответ: «Тут недалеко». Разговорились, начали шутить[321].

Неожиданно Заболоцкого окликнул его слуга Криштоф: «Ради Бога, милостивый пане,

---

гласно показаниям Ядвиги Дольдиной, стрельба на улице и панна в церкви начались в семь часов ("bilo na dzyen godzina syodma"). Согласно Станиславу Шемету, стрельба началась около пяти утра ("o godzinye piątey rano").

[310] BCz. N 2242. S. 389.

[311] Ibid. S. 390.

[312] Ibid. S. 388.

[313] APR-143a. S. 25, публ.: *Свяжынскі У. М.* Гістарычныя запіскі... С. 104 (s. 25).

[314] BCz. N 2242. S. 388. Высказанное нами ранее мнение о том, что в убийстве принимал участие князь Ю. Б. Корецкий, ошибочно. Ср.: *Ерусалимский К. Ю.* Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // ОИ. 2006. №3. С. 71–89.

[315] РИБ-33. Стб 276.

[316] Петр Горецкий — наместник янушпольский О. Лаского. См. выше.

[317] От имени Я. И. Ходкевича распоряжается жмудскими именями тиун волости Корклянской и Поконденской Матей Горецкий в 1573 и 1573 гг.: ЛМ-76. Л. 257–261 (описание актов о королевском подтверждении на владения жмудским шляхтичам 12 июня 1592 г.). По всей видимости, это — М. В. Горецкий, в будущем слуга Радзивиллов (см. след. примеч.). Матей упоминается также в числе слуг Сигизмунда II Августа в реестре за 1545–1572 гг. Второе упоминание в данном реестре относится к 10 августа 1548 г.: ASK-1. N 110. K. 132v, 247 ("Mathias Goreczky").

[318] Виленский шляхтич Матей Войтехович Горецкий и его жена Ядвига Станиславовна Девялтовская получают по протекции М. Ю. Радзивилла 18 января 1584 г. виленское имение Трощаны после бездетной смерти Криштофа Сворожинского (ЛМ-72. Л. 63 об. — 64 об.). Незадолго до того, 7 июня 1583 г. Матей предоставил для записи в гродненские земские книги выписи из гродненских гродских книг с актом дарения Зофьи Алексеевны Покриницкой своему мужу, писарю польному Великого княжества Литовского Войтеху Стабровскому на имения Кенчиник и Пилвишки в Виленском повете, отречение ее сыновей Николая, Павла и Яна Станиславовичей Девялтовских от имений Ворняны, Ошмена, Ошменок, Дукшты, Тейкини и части движимости в пользу матери и запись Стабровского своей жене на имения Неменчину в Виленском повете и Скирляны в Ошмянском повете (КЗГр-9. С. 1–17 (в деле только пагинация), см. также с. 174–185 (жалоба Горецких на братьев Девялтовских, 7 июня 1583 г.)). Благодарю Игоря Тесленко (Киев), который подсказал мне, что Горецкие служили Радзивиллам.

[319] ДБВ. №73. С. 247–251 (Варшава, 5 января 1580 г.); №112. С. 301 (Лагерь под Псковом, 1 ноября 1581 г.).

[320] APR-143a. S. 25, публ.: *Свяжынскі У. М.* Гістарычныя запіскі... С. 104 (s. 25).

[321] BCz. N 2242. S. 390–391. См. *Приложение IX*.

берегись, идут тебя бить!»[322] Московиты оберпулись и увидели полпую улицу пеших и коппых с палками и мушкетами. В этот миг С. Горецкий бросил во Владимира кампем, выхватил палаш и крикпул: «Бий забий!»[323]

Заболоцкий тоже выхватил саблю (левой рукой: был левшой) и вместе с частью слуг отступил па другую сторопу улицы, где можпо было укрыться в камеппом доме Шеметов.

Началась стрельба.

Вскоре четверых оборопяющихся окружила толпа вооруженных слуг Радзивилла. В пылу сражения с Горецким, Голубком, Политапским, Ловейко, Жабкой Владимир обращался к кому-то из своих противпиков: «И ты, негодяй, со мпой рубишься! Чем я перед тобой виповат?»[324]

Силы были неравпыми, тем более что от Заболоцкого в первые же минуты битвы «Москва его слуги поутекали окром Путилом звапого москвитипа»[325]. Остались при нем, как пишет Евлашевский, еще два литвипа, судя по следственпому делу — это Михал и Войцех Славипские.

Владимир был прижат к степе дома. Михал, прикрывая папа, отбивался от Горецкого. Пока рапепые слуги сдерживали патиск, Заболоцкому удалось пробиться к дверям. Однако это его не спасло. Когда он пытался вбежать в дом, кто-то изнутри сильным ударом двери разбил ему голову.

Владимиру пришлось отступить к степе. Хозяип дома королевский кухмистр Станислав Шемет па следующий день давал показапия в суде как свидетель Радзивилла и ни словом не обмолвился о бое в дверях его дома[326].

Силы покинули Заболоцкого.

Слуг рядом уже не было. Войцех к тому времени получил четыре рапы и перестал сопротивляться. Он видел, как к Владимиру подъехал некий «добрый человек» ("dobry człowiek") па воропом коне и выстрелил в него из мушкета. Вероятно, выстрел был рассчитап так, чтобы только ранить.

Следом за «добрым человеком» па сцепе появился Криштоф Радзивилл. Оп приблизился к Заболоцкому и проговорил:

— Ну вот видишь, изменник, теперь мы квиты.

— Милостивый пане троцкий, что я говорил, то всё лгал, не вели меня убивать, ради Бога! — сказал в ответ Владимир[327].

Или так:

— Видпо, Владимир, из-за меня тебя Бог карает.

— Милостивый пане троцкий, что я говорил, то всё лгал, как пес[328].

Перед тем как удалиться, Радзивилл приказал слугам не добивать рапепого, по подоспевший откуда-то Горецкий то ли не знал приказа, то ли получил другой[329]. Как пишет Евлашевский, Себастьян вонзил Владимиру палаш справа в грудь («под правą персь»)[330].

В это время бойня рассредоточилась вблизи храма. Московиты Сарыхозин, Жохов и Бунак, по их показаниям, были оттеснены па кладбище. Согласно Евлашевскому — бежали. Это, возможно, спасло им жизнь. Их сопротивление десяткам коппых и пеших воинов вдали от Заболоцкого ни для кого не имело смысла. Когда всё было кончено, их просто схватили и избили[331].

Молящиеся в церкви Святого Духа услышали стрельбу, многие ужаснулись и бросились на улицу[332]. Прохожие останавливались и расспрашивали других зевак. Многим были известны и действующие лица, и причины случившегося[333]. Один из свидетелей даже слышал

---

[322] *Приложение IX*. S. 389–391. Слова Криштофа свидетели передают по-разному, однако их показания сходятся на слове «берегись». Остальное в нашем переводе — контаминация вариантов.

[323] *Приложение IX*. S. 391. О крике "by zaby" см. показания У. Сарыхозина.

[324] *Приложение IX*. S. 391: "y ty nyecnotlywy na mye rubayesz com czy wynyen".

[325] APR-143a. S. 25–26, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 104 (s. 25–26).

[326] BCz. N 2242. S. 393–394.

[327] *Приложение IX*. S. 389: "pan trocky przyachal widzisz zdrayca zem czy to oddal, Wlodymierz rzekl Milosczywy panie trocky com mowyl tedym lgal nyekaz mnye zabyyacz dla boga".

[328] *Приложение IX*. S. 393: "rzekl do nyego Podobnoczie dla mnye bog karze Wlodimierzu. Rzekl Wlodymyerz Myloscziwy panie trocky com mowyl na wincz tom lgal yako pies".

[329] *Приложение IX*. S. 389–390, 393. Под показаниями Войцеха Славинского полностью подписался Войцех Миклашевич. Приказ приехавшего Радзивилла не убивать Заболоцкого подтвердил Жохов, но он, видимо, узнал о нем из вторых рук. С показаниями Жохова совпадают воспоминания Бунака. Радзивилл добавил экспрессии в эту сцену, сообщив, что сам защитил Владимира, отогнал от него толпу и только после этого поехал в храм. В свидетели себе капителян троцкий взял С. Шемета — того самого, в доме которого Заболоцкого встретили дверью «в лоб».

[330] *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 104 (s. 26).

[331] BCz. N 2242. S. 391. Показания Василя Жохова.

[332] *Приложение IX*. S. 387. Показания жены слесаря Ядвигн Дольдины.

[333] *Приложение IX*. S. 387. Показания Амброжия Борсоковича.

о готовящемся заговоре и хотел предупредить Заболоцкого, но пришел уже когда его тело лежало в уличной канаве[334]. На глазах у людей, обступивших место битвы, унесли тяжелораненого Заболоцкого.

Через два часа он умер.

После смерти

В тот же день началось расследование. Следственное дело датировано 25 апреля 1580 г., однако обычная судебная процедура требовала предварительного заявления в суде, выезда поверенного на место преступления, подготовки вызовов в уряд. На это недостаточно было одного дня. Конечно, специфика момента в том, что свидетели были допрошены королевскими представителями, и сама процедура могла быть сколь угодно упрощенной. Но, зная об огласке дела и реакции короля на убийство Заболоцкого, о чем речь пойдет ниже, невозможно допустить, что допросам 25 апреля не предшествовало многостороннее расследование и предварительный опрос свидетелей сразу после боевого столкновения.

Были опрошены сначала посторонние свидетели, затем сторона потерпевшего и, наконец, свидетели Радзивилла. Королевскому дворянину Умару Сарыхозину было предложено выступить инстигатором, но он, видимо, понимая, с кем ему предстоит иметь дело, отказался. Отговорился: «Я об этом ничего не знаю, меня там не было»[335]. Состав преступления, оернувшегося смертью шляхтича, был налицо в показаниях многих свидетелей. А вот роль ответчика должен был занять, конечно, каштелян троцкий М.-К. Радзивилл. Однако в показаниях свидетелей со стороны Заболоцкого заметна тенденция прямо не обвинять магната и списать трагический исход бойни на его служебника. Это не могло устраивать короля, что сразу стало понятно по его реакции. Зато Радзивиллов это вполне устраивало, и возможно, свидетелям со стороны убитого были поставлены условия еще во время бойни или в первые часы после нее. Его сторона, если следовать сохранившейся выписке судебных показаний от 25 апреля 1580 г., представила особую версию событий. Как видно, в суде Радзивилл готовился занять «оборону». Вместе с тем его рассказ позволил бы закрыть дело с минимальными для него потерями. Согласно этой истории, его слуги утром 24 апреля спокойно шли со своих постоялых дворов на богослужение. Когда они проходили мимо «господы» Заболоцкого, то увидели, как он вышел со двора, но, заметив их, вернулся и затем выбежал оттуда со своими слугами и стрельцами, крича: «Бейте, секите, стреляйте!» ("Bijcie, sieczcie i strzelajcie!"). Были ранены Ловейко и многие другие.

Радзивилл будто бы ни о чем не подозревал и ехал в окружении двух спутников на богослужение. Только когда началась потасовка, ему дали знать об этом слуги — он разнял дерущихся и спас от неминуемой смерти раненого Заболоцкого[336]. Свидетель С. Шемет дополнил общую канву красочным образом Радзивилла, подъезжающего на воронном коне с булавой в руке со словами: «Перестаньте! перестаньте! остановитесь!» ("Dajcie pokój! dajcie pokój! pokój!")[337]. От Шемета не отставал С. Потылицкий. Он сделал упор на булаве — ею Радзивилл, защищая Заболоцкого, разгонял толпу с криком: «Не бейте, злые люди, не убивайте!» ("Nie bijcie, źli ludzie, nie zabijajcie!")[338].

Затем, когда Криштоф приблизился к Владимиру, между ними произошел диалог, слова которого переданы свидетелями по-разному. Обе версии не сильно расходятся. Однако предпочтительнее версия защитников Заболоцкого. В ней звучат слова «ради Бога» ("dla Boga"), которые и Федор Евлашевский приписывает своему бывшему пану. Хотя, конечно, это всего лишь формула вежливости, а не индивидуальная особенность речи. Тем не менее просьба Заболоцкого о помиловании бросает на Радзивилла тень преступления. В передаче Радзивилла слова обоих очищены под версию о спасительном явлении гетмана в момент, когда слуги собирались добить раненого. Нет здесь уместного для продолжения — и завершения — словесной дуэли оскорбления «изменник» ("zdrajca"), это сам Заболоцкий называет себя «псом» ("łgał jako pies"). А слова сановника о Божьей каре ("Bóg karze") устраняют все следы мести ("żem Ci to oddał") и дополняют версию Радзивилла еще одним поворотом: Заболоцкий и его слуги набросились на слуг Криштофа и в кровопролитном бою были разбиты.

Признание «лгал, как пес», будто бы сказанное Владимиром Заболоцким, было формулой извинения за устное оскорбление, и на этих словах дуэль, заменявшая судебное разбирательство, должна была закончиться. Подобная формула встречается в современных этим событиях

[334] *Приложение IX*. S. 390. Показания Семена Грушн.
[335] *Приложение IX*. S. 391.
[336] *Приложение IX*. S. 392–393.
[337] *Приложение IX*. S. 393–394.
[338] *Приложение IX*. S. 394.

судебных делах[339]. К примеру, чтобы извиниться за сказанное в перепалке оскорбление «нечистого ложа» (равнозначное обвинению в незаконнорожденности), шляхтич должен был произнести на суде фразу: «Што есьми менил на тебе, жебысь ты был неучстивое матки и нечистого ложа сын, то-м на тебе брехал, яко пес»[340]. Годы спустя после Виленской бойни на Волыни обсуждалось громкое нападение Ивана Ласко-Черничицкого на своего отца, который жаловался на сына: «Отповедаючи и злоречачи мне, родичу своему, называючи мене псом бородатым, причитаючи теж мне, же, деи, ты не естес мой отец, але естес, деи, ты зрадца и нецнота великий»[341]. Словарный запас ссорящихся шляхтичей практически не меняется, и возникает даже подозрение, что слова в записях событий отражают чиновные трафареты, а не социальную реальность.

Впрочем, в 1580 г. сторона К. Радзивилла ничем не опровергла сам факт того, что убитый дворянин попросил прощения, а следовательно, причины гибели Владимира требовали дополнительных объяснений. Впрочем, принесить «покуту за деспект и зелъживость», т.е. извинения за оскорбление чести, или даже выражать «великую покору до нуг падаючи» следовало на уряде[342]. На дуэли, каким бы неконвенциональным ни был ее ход, просьба о прощении была всего лишь попыткой сохранить себе жизнь.

Показания других свидетелей, которые С. Гладкий обещал представить суду в защиту каштеляна троцкого, ныне неизвестны. Ошмянский шляхтич С. Горецкий Яхимович, начавший стычку и нанесший Владимиру роковой удар кордом в грудь, понес, видимо, весьма умеренное наказание. Его имя позднее встречается в гродских актовых книгах Виленского повета. В апреле 1594 г. Горецкий и его жена Зофия Войтеховна купили за 180 коп гр. у Миколая Жилинского (Зелинского) и его жены виленский дом в том самом месте «за брамою Велейскою», где разыгрались драматичные события 24 апреля 1580 г.[343] А 4 июля того же года Иван и Михал Васильевичи Тарнавские продали за 1200 коп гр. ему и его жене имение Харенинское на Реше Сеневской Кгульбины[344].

Король отреагировал на события немедленно и бурно, видимо, ознакомившись с результатами расследования. Его реакция была недипломатичной и прямолинейной. В совершении убийства Стефан Баторий заочно обвинил лично гетмана Криштофа Радзивилла. Сомнений в его причастности и не было. Московские послы записали: «Хришстоп... Володимера убил до смерти, и Хришстоп от короля хоронитца, и король, деи, на воеводу на виленского кручинитца: про что, деи, сын твой убил Володимера»[345].

Дошедшее до нас судебное дело построено как пренния сторон Заболоцкого и Радзивилла, и сугубо оправдательный тон представителей каштеляна троцкого писаря земского минского Стефана Гладкого и королевского секретаря Ильяша Пельгжимовского выдавал главную угрозу, нависшую над их патроном. По их словам, Заболоцкий при короле нанес оскорбление всему роду Радзивиллов. Обстоятельства виленской бойни, какими бы ни были запутанными следы, говорили об одном: Криштоф Радзивилл имел мотив — отомстить за поруганную честь, был на месте столкновения, а его слуги и соратники участвовали в акте мести, в результате которого Владимир Заболоцкий погиб. Криштофу Перуну пришлось на какое-то время скрыться с глаз короля[346].

Этим дело не ограничилось. Стефан Баторий отправил Криштофу Радзивиллу послание, в котором помимо обвинения Радзивилла в убийстве «покоевого дворянина» содержится панегирик-эпитафия Заболоцкому:

Слова короля Стефана к князю Радзивиллу, каштеляну троцкому, по приказу которого убит в Вильно тайный королевский шамбелан, подлинный рыцарь, московит по рождению Владимир Заболоцкий. Убит Владимир, муж сильный и более долгой жизни достойный, чьи мужественные деяния мы видели своими очами, убит не как человек, а как убивают скотину или львов. Убит Владимир, мое сердце ранено. Ты говоришь, что

[339] В Московском государстве см.: *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 302–312.

[340] *Старченко Н.* Ув'язнення шляхтича в контексті ставлення до правопорушення: (Волинь останньої третини XVI — початку XVII ст.) // Patrimonium: Студії з ранньомодерної історії Центрально-Східної Европи. Т. 1: Ранньомодерна людина: Простір — влада — право XVI–XVIII століть / за ред. В. Михайловського, Я. Століцького. Київ; Краків, 2015. С. 81.

[341] Цит. по: *Старченко Н.* Честь... С. 183.

[342] *Старченко Н.* Ув'язнення... С. 87.

[343] РГАДА. Ф. 356. Оп. 2. Д. 13. Л. 634 об. — 637 об. (договор о купле-продаже от 20 апреля 1594 г., запись в виленские гродские книги от 23 апреля 1594 г.).

[344] Там же. Л. 804 — 804 об. (7 июля 1594 г.). Имущество имения кратко оценено со ссылкой на реестр каштеляна подляшского Матея Савицкого.

[345] ПК-79-11. Л. 347.

[346] ПК-79-11. Л. 347, 393; MPV. T. 4. S. 422–423, 432–433; *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 285.

он малозначительный человек? Просто как мертвый лев, у которого вырвали гриву в честном сражении, таким стал этот муж.

Да, немалую ты и добычу, и славу стяжал —
Ты и крылатый твой сын; велико могущество твое[347].

Двустишие является измененной цитатой из «Энеиды» (IV.93–94)[348]. Такими словами начинается обращение Юноны к Венере (под «мальчиком» понимается Амур). Упоминаемый здесь же Карфаген мог вызвать в XVI в. параллели не только с Московским государством, но и с другими противниками, с которыми Заболоцкому приходилось сражаться на стороне Стефана Батория. Король Стефан заменяет глагол "refertis" на "tulisti", меняя множественное число на единственное («бог» один — Заболоцкий) и настоящее время на прошедшее (дань памяти). Впрочем, возможно и другое понимание подправленного двустишья из «Энеиды». «Ты» и «твой мальчик» — это риторическое обращение не к погибшему Заболоцкому, а к отцу и сыну Миколаю («ты») и Криштофу («твой мальчик») Радзивиллам, прямой намек на участие в убийстве королевского слуги самого литовского канцлера и его сына[349].

Король своей эпитафией подчеркивает, что Владимир Заболоцкий — знатный шляхтич, ближайший соратник, погибший несвоевременно и незаслуженно[350]. Обоснование того, что убит московит «по рождению», но не «маленький человек»[351], а шляхтич по правам и заслугам, придало делу ту остроту, которую подчеркнул Стефан Баторий, лишая Радзивилла и его служебников одного из возможных судебных оправданий. Возможно, слова «ты говоришь» — лишь риторический оборот, за которым обычное для современников убеждение, что «великие люди» не должны «выяснять отношений с малыми людьми» ("a też to wielkich ludzi jest powaga z małymi ludźmi nie wdawać się w sprawy")[352]. Впрочем, можно предположить и то, что Криштоф раньше или уже после смерти Владимира говорил прилюдно о его малозначительности. Король не спорит с тем, что погиб невысокого статуса воин. Он и был — изгнанником и перебежчиком, московским сыном боярским, каких в Великом княжестве Литовском и Короне Польской были десятки. Для суда это не было оправданием, как и раньше в «деле» Самуила Зборовского, которому пришлось поплатиться отечеством, а позднее и жизнью за убийство простого шляхтича[353].

Именно так воспринимали обострение в отношениях короля с Радзивиллами дипломатические агенты в Короне и Литве. Их сообщения небогаты деталями самой бойни — хотя достаточно подробны для свидетельства об обычной боевой стычке между шляхтичами, — но весьма обстоятельны и единодушны в характеристике ее последствий. Дж.-А. Калигари так пишет в Рим из Варшавы, посвятив Владимиру Заболоцкому целое письмо и затем по нескольку строк в следующих посланиях: «Владимир, знатный московит, который крепостью тела и силой духа заслужил репутацию ценного солдата, во время правления Сигизмунда Августа бежал из Московии в Польшу, где был принят с большой милостью и щедро награжден. Со временем он переехал в Трансильванию и служил на войне королю Стефану, на то время князю, и приехал потом вместе с ним в это государство. В бою он всегда отличался усердием и получал от его величества многие и самые значительные милости, как за нынешнюю войну против великого князя

[347] BCz. N 1662. S. 412 (карандашная пагинация): "Stephani Regis verba ad Radivilum Ducem Castellanum Troceniae cujus mandatis occisus est Vilnae cubicularis Regis intimus, miles strenuus natione Moschus, Vlodimirus Zabłoczki. Occisus est Vlodimirus, vir fortis et longiore et longiore vitâ dignus, cujus fortia facta hisce oculis nostris vidimus, occisus vero ne hominum, sed pecudum vel leonum more. Occisus est Vlodimirus, mihi cor vulneratus. Levem hominem esse dicis. Facile est mortuo leoni velut cave barbam in aequo Marte pugnatus esset sensisse certe qualis ille vir facti: Egregiam vero laudem et spolia ampla tulisti / Tuque puerque tuus magnum et memorabile numen" (слова из Вергилия — отдельными строками). Благодарю В. В. Рыбакова (Москва) за помощь в расшифровке, переводе и интерпретации данного письма и эпитафии.

[348] В основном тексте исправляем по письму Стефана Батория перевод «Энеиды», выполненный С. Ошеровым под редакцией Ф. Петровского. В переводе: «Да, немалую вы и добычу, и славу стяжали — / Ты и крылатый твой сын; велико могущество ваше...» См.: *Вергилий.* Собр. соч. / вступ. ст. В. С. Дурова. СПб., 1994. С. 181.

[349] Как отметил мне в частном письме В. В. Рыбаков, перевод С. Ошерова в данном случае неверен, поскольку словом "numen" обозначен именно Амур, а не «могущество».

[350] Возможно, этой эпитафией (не считая слов обращения короля к К. Радзивиллу) должно было быть украшено надгробие В. С. Заболоцкого. Оно не сохранилось или неизвестно.

[351] Выражение "levis homo", как отметил В. В. Рыбаков, может значить и «легкий», «неустойчивый» человек, «двурушник». За этими словами вновь кроется болезненное для В. С. Заболоцкого соединение его низкого происхождения (в сравнении с Радзивиллами) и его вопрос о его подданстве, его «здрада».

[352] Цит. по: *Кетра Т.* Konstanty Wasyl Ostrogski. S. 185. Указано Наталией Старченко.

[353] М. Яницкий обратил мое внимание на шляхетский статус Заболоцкого в письме короля.

московского, так и за верные советы, как и подобает хорошему ротмистру. Когда 24 апреля утром он отправился ко двору, чтобы сопровождать его величество на охоту в окрестностях Вильны, его окружило пятнадцать-двадцать слуг, вооруженных аркебузами. В центре города на него напали более чем пятьдесят вооруженных людей и убили, как говорят, по заказу старшего сына виленского воеводы Радзивилла, который в прошлом октябре из подчашего литовского сделался каштеляном троцким и вицеканцлером литовским. И отец, и сын еретики. Как они утверждают, причиной смерти были будто бы оскорбительные слова, которыми обменялись Владимир и названный сын виленского воеводы»[354]. В приписке к письму, датированной тем же днем, отмечено на широком политическом фоне, что убийство Заболоцкого не случайность, а результат напряженности в отношениях литвинов с королем, грозящей дальнейшим обострением: «Радзивиллы, из-за плохого совета Его Величеству без всякого сопротивления и соперничества ставшие хозяевами Литвы, обращаются с ним так, как Вы видите, Ваша Милость. Великий маршалок литовский, чтобы не видеть ни короля, ни великого канцлера, уехал в Италию под предлогом посещения купален в Падуе. Сейчас канцлер остался один, всеми ненавидимый за то, что является фаворитом, и за то, что он новый человек, не обладающий силой: со смертью своей жены он потерял больше, чем получил от дома Радзивиллов. Подольский воевода не любит его. Он пребывает в страхе, так как его дела в плохом состоянии. Я опасаюсь, как бы короля не выпудили заключить постыдный мир с Москвой, и поскольку много раз он отказывался от посредничества Его Святейшества, я послал грамоту Его Святейшества в Москву, то любое зло, которое произойдет, произойдет из-за дурного совета канцлера, который считает, что еще может быть гетманом и больше всего сосредоточен в мыслях на разводе. Спытек Йордан, который силой удерживает раздетыми монахинь в Сандомире, проявил столь мало уважения к королю, что в Гродно переодетым ночью избил Владимира в присутствии Его Величества, и это был именно он. Теперь этот случай расследуется в Вильно. Так что Ваша Милость сами видите, в каком опасном состоянии мы находимся»[355].

Несколькими днями позже Калигари вернулся в постскриптуме к этой теме, отмечая, со ссылкой на Дж. Фабио, что король сильно разгневан смертью Владимира[356]. Гнев короля Стефана

[354] ASV. Segreteria di Stato. Polonia. N 17. F. 118–118v (по старой нагинации — с. 213–214), уп.: *Шмурло Е.* Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1908. Т. 2. Вып. 1. С. 125, публ.: MPV. T. 4. S. 422. N 225 (Варшава, 2 мая 1580 г.): "Voldimirio, nobile Moscovita, huomo per robustezza di corpo et per vigore d'animo reputato valoroso soldato, rifugi al tempo del Re Sigismondo Augusto di Moscovia in Polonia, dove fu raccolto con molte carezze et donato largamente; con processo di tempo passò in Transilvania, et servi il Re Stefano, all'hora Principe, nella guerra, et venne dipoi con lui in questo Regno, et per essersi portato sempre bene, ha havuto con S. M-tà molta gratia, et massime, nella occasione di questa guerra contra il Gran Duca di Moscovia, nella quale ha consegliato fidelmente, et fatto opre di buon capitano. Costui alli 24 di aprile, una mattina per tempo andando a corte, per accompagnar Sua M-tà alla caccia poco fuori di Vilna, con tutto che havesse da quindeci o venti servitori armati di archibusci, fu assaltato da più di cinquanta armati in mezzo la città et occiso si dice per commissione del figlio magiore del Palatino di Vilna Radzivil, quello che l'ottobre passato di coppiero di Lituania fu fatto Castellano Trocense et Vicecancelliero di Lituania. Sono padre et figlio heretici. La causa della morte, vogliono che siano state parole ingiuriose passate fra Voldomirio et il sodetto figlio del palatino di Vilna" (здесь и далее за помощь в переводе цитат с итальянского благодарю И. Шварц, Маргерниу Де Микель (Margherita De Michiel) (Университет Триеста) и И. А. Звереву (Москва, РГГУ)). Ни Е. Ф. Шмурло, ни Л. Боратынский «Владимира» не отождествили: в переписке агентов Ватикана он фигурирует только как «Владимир, знатный московит» ("Voldimirio, nobile Moscovita"). Однако именно Л. Боратынский указал в примечании к данному письму на следственное дело по делу «Владимира» в рукописи Библиотеки Чарторыйских. Впрочем, и там упоминание ограничивается одним именем московита. Фамилия не вызывает сомнений при сравнении названных источников с записками Ф. Евлашевского, приведенным выше письмом Стефана Батория и статейным списком московского посольства.

[355] ASV. SS. Polonia. N 17. F. 119–119v (с. 215–216), публ.: MPV. T. 4. S. 422–423: "Li Radzivili, per haver S. M-tà con mal consiglio fatti padroni di Lithuania senza emuli et contrapeso niuno, lo trattano, come V. S. Ill-ma vede. Il Gran. Maresciallo di Lithuania, per non vedere nè il Re nè il Gran. cancelliero, se ne venne in Italia, sotto pretesto di andare a li bagni di Padova. Hora il cancelliero resta solo et in odio di tutti, per esser tanto favorite, et come huomo nuovo, senza forze: con la morte della moglie ha perduto il maggior, che havesse della casa Radzivilla; il Palatino di Podolia gli vuol male; esso è timido, sì che le cose stanno in mali termini. Dubito che il Re non sia sforzato far qualche pace ignominiosa col Mosco, et poichè tante volte ha ricusato che N. S-re s'interponga, et io mandi il breve di S. S-tà al Mosco, ogni male che gli venga, sarà per il mal consiglio del cancelliero, il quale, si crede che voglia ancora esser generale dell'essercito, et sta più che mai fisso nel pensiero del divortio. Giordano Spitek, che tiene per forza spogliate le monache di Sandez, hebbe tanto poco rispetto al Re, che in Frodna travestito, di note bastonò un Voldimirio in presenza di S. M-tà, et non fu altro. Altretanto sarà hora del caso seguito in Vilna. Onde V. S. Ill-ma vede come stiamo in stato molto pericoloso".

[356] ASV. SS. Polonia. N 17. F. 130 (с. 227), публ.: MPV. T. 4. S. 425 (N 226) (Варшава, 6 мая 1580 г.): "Don Giorgio

остается главной темой в посланиях из Вильны и вновь обсуждается в послании папского нунция еще через неделю в прямой связи с событиями 24 апреля: «...господин канцлер вернулся из Руссии, как я понимаю, совершенно недовольный, поскольку не только не смог вернуть воеводу подольского, который хочет вернуться на войну в качестве гетмана, но также не смог и привлечь на свою сторону воеводу подольского, когда тот сбежал с сейма. Вскоре после этого его боль удвоилась из-за случая с Владимиром, так как еретики Радзивиллы, по его [т.е. канцлера Яна Замойского. — *К.Е.*] предложению королю, были облагодетельствованы королем, а это шло вразрез с государственными интересами, и это был беспрецедентный случай. А сейчас по отношению к Его Величеству они проявляют неуважение... Радзивиллы не благодарны Его Величеству, и многие подозревали, что они хотели его убить, когда сопровождали его из Гродно в Вильно по окольным дорогам. Уже тогда они были готовы убить Владимира и опозорить Его Величество»[357]. Вероятно, уже к середине мая Радзивиллы попытались уладить дело, попросив прощения у короля, и внешне мир был достигнут, сообщения о чем достигли Варшавы во второй половине месяца[358].

Характерно, что всякий раз Радзивиллы при этом выступают не только в качестве родичей главного виновника, но и как «еретики» ("heretici") и «патроны всей Литвы» ("li Radzivili sono padroni di tutta Lituania")[359]. Рим решал свои задачи, и реакция короля на убийство вызвала не только тревогу, но и надежды на подавление реформационных учений. Не вызывало сомнений и участие литвинов в политике Империи, и для папского двора подавление «ересей» в Литве было шагом к ослаблению имперских сторонников в Речи Посполитой. Однако и задачи католической миссии были решены в русских землях во время Великолуцкого похода с немалым успехом: в Полоцке была открыта на тот момент самая восточная в Европе иезуитская коллегия.

Натянутые до предела отношения короля с литовской радой сулили серьезные перемены в Великом княжестве. Характерно, что в Москве тайно надеялись, что убийство «изменника» внесет раскол в окружение короля и затруднит его военные планы. В наказе послам после получения сведений о смерти В. С. Заболоцкого звучит: «И как угорские люди с литовскими людми в любви ли живут или в розни? И как Володимера Заболотцкого убил Хриштоп, виленского воеводы сын, и как ротмистра угорского убили, и литовские люди, которои у угряп был голова в Менску, и в тои пыне угряпом с литовскими людми нет ли розни? И будет есть, и которым обычаем? И король за угряп стоит ли? И нет ли в том с Литовскою землею королю розни? И будет есть, и что меж их в том розпь? И что земское про короля Папов рад вперед умышленье?»[360]. Подозрения и надежды, выраженные в Посольском приказе, не могли быть случайны и совсем беспочвенны. Смерть двух ротмистров короля — венгра в Минске и московита в Вильно — были вопиющими по дерзости преступлениями, оскорблявшими лично короля Стефана[361].

Федор Евлашевский отражает настроения Криштофа Радзивилла после случившегося. Он бросился на прием к королю, но не был принят. Отец, Миколай Рыжий уговаривал короля простить воина. Три недели спустя, т.е. уже в середине мая 1580 г., король Стефан принял Криштофа, но не пустил его в свои покои, выйдя к нему

Fabio, Maggior Cappellano del Re, mi scrive di Vilna che S. M-tà sta in grandissimo dispiacere per il caso di Voldimiro occiso".

[357] ASV. SS. Polonia. N 17. F. 146 (c. 239), 148–148v (c. 243–244), публ.: MPV. T. 4. S. 427, 430 (N 228) (Варшава, 13 мая 1580 г.): "Il G. Cancelliero tornò di Russia, come intendo, molto di mala voglia, perchè non solo non ha potuto indurre il palatino di Podolia, che voglia ritornare alla guerra con carico di Generale, ma non si è potuto manco abboccare seco, fuggendo il Palatino il congresso; poco dapoi se gli è dupplicato il dolore per il caso di Voldimirio, per che li Radzivili heretici sono stati essaltati fuori di modo per suo consiglio dal Re, contra la ragione di stato, senza emulo alcuno, et hora fanno poca stima di S. M-tà". И в приписке: "Li Radzivil sono ingrati a S. M-tà, et molti suspicano che volsero ammazzarlo, quando lo condussero in prova da Grodna a Vilna per così infame strada: almanco già erano determinati di ammazzare Voldimiro et schernir S. M-tà".

[358] ASV. SS. Polonia. N 17. F. 151 (c. 247), публ.: MPV. T. 4. S. 433 (N 231) (Варшава, 23 мая 1580 г.): «Сын воеводы виленского, который убил Владимира Москвича, просил короля о помиловании, и к примиренню больше всего стремился. Его Величество может только скрывать свои истинные чувства и проявлять ко всем терпение» ("Il figliolo del Palatino di Vilna, che fece ammazzare il Voldomirio Moscovita, ha dimandato perdonanza al Re, et si è riconciliato il meglio che ha potuto. S. M-tà non può fare altro, se non dissimulare et haver pacientia con tutti").

[359] Так в послании от 13 мая 1580 г. Сходная характеристика в приписке к письму от 2 мая: ASV. SS. Polonia. N 17. F. 119, 239, публ.: MPV. T. 4. S. 423, 427.

[360] ПК-79-11. Л. 393 — 393 об.

[361] О смерти королевского венгра в Минске нам ничего не известно. Во время Великолуцкого похода Стефан Баторий был в Минске очень недолго — 28 июня 1580 г. между Соломерцом (26 июня) и Городищами (29 июня). По всей видимости, в Москве знали о каких-то событиях этих дней. См.: *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego. S. 104.

в «переднюю комнату». В ответ на извинения за случившееся король ничего не сказал, и Радзивиллу в окружении слуг пришлось удалиться. А затем на сейм король вызвал сестру Заболоцкого, жену плененного в Полоцке князя Василия Телятевского, и в ее присутствии перед королем и Сенатом Миколай Радзивилл вновь просил за сына и получил прощение. Сестре Владимира, по словам Евлашевского, был заплачен штраф. Как мы увидим, этим компенсация не ограничилась — она и ее муж получили часть литовских имений Заболоцкого.

По польскому и литовскому законодательству, одной «опалой» убийство Заболоцкого для Радзивилла не должно было закончиться, особенно если подозрения материализовались в открытое обвинение. Ссора между московитом и каштеляном троцким была публичной, и «заказчики» убийства открыто назывались и обсуждались, в том числе королем. Обстоятельства были неблагоприятными для Радзивиллов. Накануне великолуцкого похода Стефан Баторий потерял верного и опытного ротмистра. Наоборот, странно как раз то, что открытое убийство королевского ротмистра не привело ни заказчиков, ни исполнителей к казни. С.-Ю. Горецкий-Яхимович оставался и в 1590-е гг. виленским шляхтичем, владельцем дома в предместье Вильны и служебником Радзивиллов. Нет данных о том, как — и был ли вообще — наказан К. Радзивилл Перун, если не считать временной немилости короля. В привилее на Новое местечко (Новый двор), подписанном после Великолуцкого похода, перечислены все недавние боевые «участивые заслуги» Радзивилла, начиная с диверсионных походов «з малым людом» вглубь России и взятия Керенети. Во время Псковского похода гетман отличился, отбивая наступление московитов на Днепре, а затем во главе диверсионного отряда совершив глубокий рейд в Россию. После этих подвигов гнев короля уже явно в прошлом.

Можно предположить, что с убийством Заболоцкого связан громкий процесс по делу об измене родственника Радзивилла, Григория Юрьевича Остика. О его казни Евлашевский сообщает сразу после рассказа об убийстве Заболоцкого, хотя и не говорит о том, насколько эти два события взаимосвязаны[362]. Прямую связь между смертью московита и «делом» Остика намечает всё тот же нунций Калигари: «Я уже писал 6 мая о том, что последовало за смертью Владимира и что могло бы пойти на пользу Его Королевской Милости, чтобы охранить его жизнь. Божественной волей ему в руки предан Остик. Превыше всего следует надеяться на Бога, защищать католическую религию и составить бреве, которое поручила мне его королевская милость, чтобы вести переговоры о мире с Московитом. Об этом я в другое время сообщил Вашей милости, о чем написал в копии; о том, как следует поступить на пользу всему королевству, уже написали епископы»[363]. Ссылка на письмо от 6 мая обращает внимание кардинала на слова о недовольстве короля Стефана убийством Заболоцкого.

Остики были дальними, в каком-то смысле — ископными родственниками Радзивиллов, поскольку именно Остик (ум. 1442 г.) был отцом основателя рода Радзивиллов[364]. В устных беседах с царским посланником Л. Новосильцевым, записанных им и отправленных в Москву 21 февраля 1576 г., Григорий Остик предлагал Ивану Грозному помощь его сторонников в Литве, к числу которых относились также его брат воевода мстиславский Юрий Остик, воевода новогрудский Миколай Сапега и шляхта четырех поветов. Суть идеи сводилась к тому, чтобы царь тайно приехал в Литву, а его сторонники его встретили и под своей охраной проводили в Вильно, где царь занял бы литовский трон. В обмен за помощь Остик просил для себя Бельск и Ковель кн. А. М. Курбского, а также должность гетмана дворного, на то время занятую сыном воеводы виленского К. Радзивиллом Перуном[365]. При том что уже в марте 1576 г.

[362] APR-143a. S. 28–29, публ.: *Свяжынскі У. М.* Гістарычныя запіскі... С. 106 (s. 28–29).

[363] ASV. SS. Polonia. N 17. F. 247 (Дж.-А. Калигари — Дж.-Б. Канобнусу. Варшава, 2 июля 1580 г.): "Scrissi alli 6 di Maggio al Re, quando successe. la morte di Voldomiro, et l'avvesti delli pochi, che erano favorevoli à S. M-tà supplicandelo à guardarsi la vita, quasi che divinassi del tradimento del Osczik, et sopratutto l'essortai à ricorsere all'aiuto di Dio, tener. forte la difesa della Relig-ne cat-ca et à ricordarsi del Breve, che io haveva per trattar pace col Moscovita S. M-tà mi ha risposto, ma non tocca se non un capo solo della mia l-ra, della quale mando coppia con la l-ra istessa del Re; delle supplicationi da farsi per tutto il Regno, già ho scritto alli vescovi". Полной публикации данного письма не существует. Л. Боратынский в своем издании опускает ряд мест в начале и середине письма и всю приписку, в том числе в самых первых строках основного текста отрывок, касающийся Заболоцкого. См.: MPV. T. 4. S. 451–454.

[364] *Пятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: склад — структура — улада. 2-е выд. / пер. з літ. мовы А. Мікус. Смаленск, 2014. С. 83–84, 94–95; *Antoniewicz M.* Protoplaści książąt Radziwiłłów: Dzieje mitu i meandry historiografii. Warszawa, 2011. S. 72–124.

[365] ПК-79-10. Л. 139 — 139 об., публ.: ПИВЕ. Т. 7. С. 104. См. также: *Grala H.* Kołpak Witołdowy czy czapka Monomacha (dylematy wyznawców prawosławia w

Г. Ю. Остик и М. Ю. Радзивилл совместно обратились к царю, предложив ему условия вступления на литовский трон, предыдущий сепаратный проект Остиков был нацелен против литовского канцлера и его сына. Раскрыться эти планы могли уже в феврале–марте 1576 г., что и привело к замирению между Остиками и Радзивиллами[366].

В тайных переговорах с московскими представителями, в общем, не было ничего экстраординарного. Литвинам неоднократно в 1570-е гг. приходилось объясняться с «братьями поляками» по поводу сепаратных переговоров с Москвой и, несмотря на недовольство коронных сенаторов, никакими процессами по обвинению в государственной измене эти переговоры не обернулись. Кроме того, в тайные переговоры с царем совместно с Остиками были замешаны сами Миколай и Криштоф Радзивиллы. Четыре года спустя подобная «измена» одного лишь Остика неожиданно получила широкую огласку. На него посыпался компромат. В июне 1580 г. его слуга уличил своего пана в тайных переговорах с посланником царя Григорием Нащокиным[367]. Кто как не М. Ю. Радзивилл, принявший на себя в 1580 г. роль главного разоблачителя и следователя, мог и на этот раз быть посвящен в ход переговоров?

Слугу допрашивал маршалок надворный Великого княжества Литовского Альбрехт Радзивилл, а подготовкой разоблачительных материалов и поимкой Остика занялся сам воевода виленский Миколай Радзивилл Рыжий. Вскоре подозреваемого схватили, пытали. Он не признавал своей вины. Тогда же в его имении Коварске под Вильной были обнаружены фальшивомонетная мастерская, поддельные подписи и печати. Его письма царю так и не нашли, но вслед за допросами распространился слух, что оно заключает план заговора и убийства короля. Спешно организованный королевский суд вынес 15 или 16 июня 1580 г. постановление казнить Остика, и три дня спустя в Вильно приговор был приведен в исполнение[368]. М. Ференц показал, что М. Ю. Радзивилл, руководя расследованием, стремился подтвердить свою лояльность королю и устранить основания для слухов о каких-то замыслах в его окружении[369]. В чем же была причина гнева короля? Скандальное расследование и скорый суд, бросающие тень на всю литовскую раду и отзвавшиеся эхом даже в посланиях Ивана IV, были ли на руку королю, когда шла мобилизация и готовился новый поход против Москвы? Не кроется ли за судебными решениями гнев короля на литвинов, последней каплей для которого, по мнению таких разных свидетелей, как Евлашевский, Калигари и Нащекин, было убийство Владимира Заболоцкого?

Раздачи конфискованных имений казненного королем свидетельствовали о том, что Баторий был удовлетворен ходом и результатами дела. Сенаторы посоветовали королю сменить гнев на милость и не применять жестоких предписаний Литовского Статута о конфискации всего имущества «изменника». Сын казненного изменника Ян до смерти отца жил отдельно от него вместе с матерью, а затем при магнатских дворах, где «учтиве и пристойне заховал». Война помогла юноше восстановить доброе имя. Вместе со своим «почтом» он отличился при короле в Великолуцком походе, при кн. Я. Збаражском под Торопцом, а затем вновь при короле под Невелем. После этого король смягчился и вернул Остику право на имения отца Вижуны, Чадосы, Янусишки, Ополе и «до всих имений материстых отца его», а также на все имения, которые его мать получила от его отца «в оправе або в сумах»: Свирапы, Остиковичи, Вепрату, Пуйнатчичи, Ососовец. Яну разрешено, не нарушая прав матери, «окупити» эти имения. За ним сохраняются также имения Коварск, Понемонье с местечками[370]. В августе Ян занял уряд судьи земского виленского, на котором и оставался вплоть до своей смерти незадолго до 12 сентября 1611 г.[371]

Часть имений Григория Остика получили сподвижник короля Габриэль Бекеш и слуга Радзивилла Ян Абрамович. Вилкомирское имение

monarchii ostatnich Jagiellonów) // Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI–XX w.). B. m., 1997. S. 57–58.

[366] *Floria B.* Magnateria litewska a Rosja w czasie drugiego bezkrólewia // ORP. Wrocław et al., 1977. T. 22. S. 154–157.

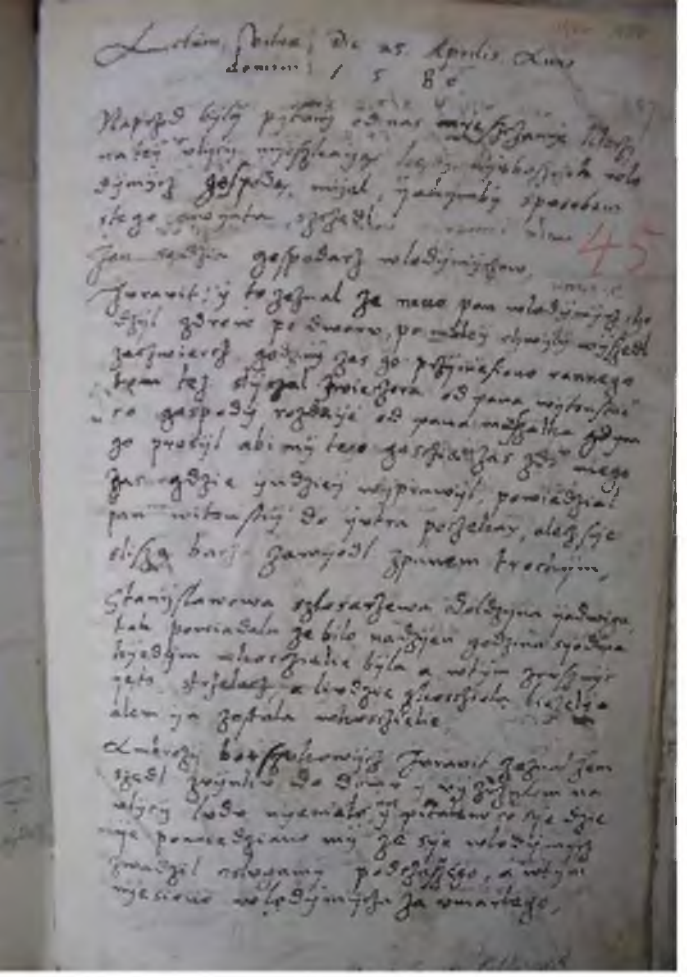
[367] Неоднократно и без сколько-нибудь ясного документального обоснования звучал в исследованиях тезис о том, что Г. Ю. Остик намеревался совершить покушение на короля Стефана Баторня. Ср.: *Łowmiańska M.* Hrehory Ościk i jego zdrada w roku 1580 // Księga pamiątkowa Koła Historyków Słuchaczy Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie. Wilno, 1933. S. 32–51; *Antoniewicz M.* Protoplaści... S. 117–118.

[368] Уже после вынесения приговора Г. Остик, считавший себя всё так же невиновным, попытался ходатайствовать о помиловании через Каспара Бекеша. Об этом на Варшавском сейме 1585 г. говорил Петр Хоенский на судебном процессе по делу о государственной измене Криштофа и Самуэля Зборовских. См.: BJ-107. S. 478.

[369] *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł "Rudy". S. 593–594.

[370] ЛМ-65. Л. 112 — 113 об. (Вильно, 8 февраля 1582 г.), цит. с л. 112 об.

[371] *Antoniewicz M.* Protoplaści książąt Radziwiłłów: Dzieje mitu i meandry historiografii. Warszawa, 2011. S. 118. Благодарю также за консультацию А. А. Скепьян.



Расследование по делу о смерти Владимира Заболоцкого, 25 апреля 1580 г. Краков. Библиотека князей Чарторыйских. См.: Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie. Rkps 2242. S. 387.

Остика Южипты также вернулось «до столу и шафунку» господаря. Его получил «правом доживотным» воевода троцкий, державца сомилишский, жослепский и дорсупишский кн. Стефан Корибутович Збаражский. После его смерти король передал имение «вечъными часы», т.е. в наследственное держание, своему дворянину Андриящу Хорвату (Карвату)[372]. Виленское село Друскипики после казни Остика «за выступок его» было передано Андрею Воропаю и закреплено за ним и его потомками «на вечность» Сигизмундом III[373]. Видимо, уже после смерти Остика закончился и судебный спор за его брестское имение Опопы, полученное им после смерти Федора Копотя, на которое претендовали Марина Ивановна Контевна и ее муж Каспор Дембинский[374]. На этом фоне выразительна милость к организатору убийства Заболоцкого: Криштоф Радзивилл Перун унаследовал от Остика его имение Новое Местечко[375].

Смерть Заболоцкого повлекла за собой раздел его имений. Показательно, что король дал понять литвинам, что их участие в разделе обширных владений Заболоцкого в Великом княжестве неприемлемо. Как мы знаем, незадолго до виленской бойни на королевскую службу перешел полоцкий пленник кн. В. И. Телятевский, женатый на сестре Заболоцкого Авдотье Семеновне (Сопцовне). За недолгую жизнь в Речи Посполитой князь успел прибавить к своему имени пышный титул «Ярославского», посягнув на титул Курбского, полученный и им тоже лишь в новом отечестве. Имущественный статус князя Василия рос стремительно при жизни шурина и сразу превысил достижения многих московитов, в том числе служивших со времен Сигизмунда II Августа. В ноябре 1579 г. он получил привилей на 18 вл. в местечке Юратишки (Юрачишки) и 30 вл. в селе Семенки волости Трабской, 12 января 1580 г. — привилей на 28 вл. в Саличах Радоского войтовства волости Каменецкой. Вскоре после смерти Заболоцкого, 10 мая 1580 г. король подписывает Телятевскому привилей на часть имений убитого — 30 вл. в Лемепках и 6 вл. в Нефедках Гортовского войтовства волости Трабской. Взлет был недолгим. Незадолго до 8 декабря того же 1580 г. Телятевский умер, а его земли были поделены между московитами[376]. Лишь первое, трабское, имение перешло к вдове, которая 31 июля 1586 г. передала половину из него зятю Г. Ходкевичу Немире, мужу княжны Марии Телятевской, оставив за собой другую половину пожизненно с посмертной ее передачей тому же Немире. Это была имущественная операция, требовавшая специального согласия короля и Сената. За Немиру вступился подканцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега, записавший в актив Ходкевича его боевые успехи на войне с Московским государством, которую

[372] ЛМ-73. Л. 168–169, то же: ЛМ-74. Л. 90–91 (18 апреля 1586 г.).

[373] ЛМ-83. Л. 10 — 10 об., то же: ЛМ-84. Л. 9 — 9 об. (4 февраля 1596 г.). На момент подписания привилея Сигизмунда III село было заложено, и Воропай получил от короля право отсудить село у держателя.

[374] КЗБр-1. Арк. 69 адв. — 70 (4 июня 1580 г.).

[375] ЛМ-65. Л. 53 (даты нет, неполная копия, обрывается в конце первой страницы на словах «але все право»), то же: ЛМ-66. Л. 139 (декабрь 1580 г.).

[376] ВК-982. S. 97; ЛМ-66. Л. 16, 66; ЛМ-74. Л. 123 об. — 124; Евлашевский. С. 106; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 535–536; *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 30. Anm. 133.

он проводил в Любече при каштеляне киевском Павле Сапеге и в Московских походах Стефана Батория[377].

Другая часть имений Заболоцкого 10 мая 1580 г. была передана дьячьему сыну ("filius Scribae") Л.Т. Ракову. Его имущественный curriculum в Речи Посполитой во многом похож на карьеру Телятевского. Он получает каменецкое имение по привилею в тот же день, что и князь Василий, 12 января 1580 г. А после смерти Заболоцкого — его села Коркеняны и Войтеховичи. Незадолго до 13 ноября 1582 г. он умер, оставив дочери село Кузнепаты, а бывшие владения Заболоцкого были отданы вновь московитам — братьям У.Г. Сутурме и З.Г. Ступе Телеспиным, перешедшим на сторону короля во время Псковского похода[378]. Еще одна часть имения Владимира перешла 10 мая 1580 г. П.И. Волынскому, который в королевских документах иногда фигурирует под московским титулом «боярин». До того он уже 16 января 1580 г. был награжден ловецкой и стрелецкой землей в ловах Дорсунишской волости. После смерти Заболоцкого из имения соотечественника ему досталось 5 сел[379].

Село Кобани Блуденского имения получил М.И. Ржевский. Он умер незадолго до 11 ноября 1582 г., и вдова по нему А. Заволоцкая Ржевская приложила немалые усилия, чтобы за село Ниюхи в старостве Пинском получить от старосты пинского Я. Збаражского вдовью компенсацию[380]. Кобани не сразу, но до ноября 1582 г. отошли новому держателю кобринских земель Заболоцкого. Огромными фольварками Блудно в Кобринской державе и Деревная в Слонимском повете завладел урядник королевской Коморы, староста лапцкоронский, позднее державца симненский и метелский Франциск Веселинский («з Веселина», "pan Weselin"), который, как и Заболоцкий, служил Стефану Баторию еще в Трансильвании. Показательно, что сторонние наблюдатели свидетельствовали о его особом приближении к королю, называя его «ближайший шамбелан Его Величества» ("principale cameriere di S. M-tà")[381]. Король Стефан закрепил пожалование за самим Франциском и его женой Ганной Саркандой, а также за каждым из них в отдельности в случае, если один из супругов умрет[382].

Державу Бирштанскую с дворами Бирштаны и Препы, местечками и селами, а также лесничество Бирштанское король передал в держание

[377] ЛМ-73. Л. 212–213, то же: ЛМ-74. Л. 123 об. — 124.

[378] ВК-982. S. 97; ЛМ-66. Л. 17, 66; ЛМ-67. Л. 206 об. — 207; то же: ЛМ-69. Л. 121 об.; ЛМ-70. Л. 170 об. В конце ноября 1584 г. Трабское имение Телеснных было сосредоточено в руках одного Устима Телесинна, а его брат получил сначала королевский юргельт, а затем особое имение у Упитском повете. См.: ЛМ-70. Л. 170 об. — 171; КГУ за 1594–1595 гг. № 67.

[379] Села Дорокн (18 вл. 2 мр. 24 прута), Забелавье (5 вл.), Жиковичи (3 вл.), Токарынки (3 вл.), Мотыки (2 вл.). См.: ВК-982. S. 97; ЛМ-66. Л. 18 — 18 об., 19 — 20 об., 66 — 66 об.

[380] ВК-982. S. 97; ЛМ-67. Л. 204 об. — 205, то же: ЛМ-69. Л. 119 об. — 120; ЛМ-73. Л. 339 об., то же: ЛМ-74. Л. 222.

[381] ASV. SS. Polonia. N 18. F. 114, публ.: MPV. T. 4. P. 632 (Дж.-А. Калигари — Комо. Варшава, 4 мая 1581 г.).

[382] Стефан Баторий отмечает службы и заслуги Франциска, «которыми он з молодости лет, а праве з детинства своего, уставичъне будучи при боку нашом, ласку нашу заслуговал и на тот час заслугует». Подтверждение Сигизмунда III на Блудно от 26 февраля 1588 г. содержит текст привилея Стефана Баторня от 27 июня 1583 г. (ЛМ-73. Л. 338 об. — 340 об., цит. с л. 339, то же: ЛМ-74. Л. 221–223, цит. на л. 221 об.). Привилей короля на Деревную датирован 2 декабря 1580 г. Оригинал хранился в архиве К.-Л. Сапеги в ящике 16, фасцикул 1, под номером 4 (KLSAIK. P. 106). Подтверждение на Деревную, датированное 26 февраля 1588 г., содержит привилей Стефана Баторня Франциску от 20 декабря 1580 г. Видимо, именно этот документ упомянут в том же ящике архива Сапеги под номером 5 как "Przywilej drugi tegoż króla Stefana daniny potwierdzenia Derewnej temuż Weselinowi, daty tegoż roku 1580" (KLSAIK. P. 106). В состав привилея 1588 г. входит также привилей Сигизмунда II Августа Заболоцкому и его жене на Деревную и Лепесовку от 10 августа 1565 г. (ЛМ-73. Л. 341–344 (сбой в нумерации, по ошибке фолиатора пропущен номер 342), цит. на л. 341 об., то же: ЛМ-74. Л. 223–225, цит. на л. 223 об. уп. под номером 6 в той же папке архива К.-Л. Сапеги: KLSAIK. P. 106). Тогда же Франциск з Веселина получает подтверждение Сигизмунда III на пожалование от Стефана Баторня 2500 коп гр. дохода с державы Симненской и на двор Кально и село Грабовку в старостве Гродненском, а 6 июня 1599 г. на симненские «торги урочистые» получает королевский привилей его вдова Ганна «з Арканды» (соотв.: ЛМ-73. Л. 344 об. — 345 об., 345 об. — 346 об., то же: ЛМ-74. Л. 225 226, 226–227; ЛМ-84. Л. 315 — 315 об.). Умер Франциск незадолго до 3 апреля 1603 г. (ЛМ-86. Л. 375–376). Деревная к началу 1584 г. принадлежит хорунжичу и судьичу земскому слонимскому Станиславу Михайловичу Соколовскому (ЛМ-279. Л. 235 об. — 243 об. Гродно, 24 марта 1586 г.). Видимо, речь идет о трех частях имения, которыми владели Сновские. 15 апреля 1584 г. Малхер Сновский и его супруга уступили свои доли Ф. Веселину и его потомкам (Оригиналы — номера 8 и 9 в архиве Сапеги: KLSAIK. P. 106). Сигизмунд III выдал 29 октября 1614 г. привилей «вечностью» потомкам Веселина Павлу и Стефану и подтвердил, что имения принадлежали королю ("a to, że dobra ziemskie królowi darowane") (Оригинал — номер 7 в архиве Сапеги: KLSAIK. P. 106). От них имение перешло конюшему Великого княжества Литовского Павлу Сапеге, который продал его канцлеру литовскому Льву Сапеге (KLSAIK. P. 106–112).

своим венгерским ротмистрам братьям Каспору и Габриэлю Бекешам «с Корпяту»[383].

Таким образом, король целенаправленно распределял землю Заболоцкого между его соотечественниками и своими венгерскими слугами. Литвины к этой земле ни сразу после смерти московита, ни позднее, вплоть до решений вдовы кн. В. И. Телятевского, не допускались. Вторым значимым фактором в этом переделе было то, что все московиты — кн. В. И. Телятевский, П. И. Волынский, Л. Т. Раков и М. И. Ржевский — были взяты в плен в один день, 30 августа 1579 г. В. С. Заболоцкий, как и кн. А. М. Курбский, принимал участие в Полоцком походе, и вероятно, распоряжение трабскими имениями после его смерти было данью памяти его последним боевым заслугам. Как можно видеть, в истории мобилизации накануне Великолуцкого похода короля Стефана Батория и утверждения королевской воли в Великом княжестве Литовском смерть Заболоцкого была одним из важнейших, если не определяющим моментом.

Слуги Владимира до и после

В. С. Заболоцкий обзавелся в новом отечестве служебниками, урядниками, повереными, боярами, подданными и челядью. В его свите было немало перебежчиков из России. Едва ли не первым его служебником в источниках выступает урядник слонимского имения, а затем лепесовецкий Иван по прозвищу Грешный — возможно, московит[384]. В 1563–1564 гг. Заболоцкий возглавлял роту преимущественно московитов, которая путешествовала вместе с ним между Трансильванией и Великим княжеством Литовским. По всей видимости, его отряд, достигавший 200 человек, состоял в значительной части из московитов, награжденных за выезд и службу на сейме в марте и апреле 1564 г. В 1567 г. интересы Заболоцкого против янушпольского урядника в Кременецком гродском суде защищает московит П. В. Остафьев-Вороновецкий, один из награжденных на Варшавском сейме 1564 г., а в будущем — слуга и судебный поверенный кн. А. М. Курбского. Утрата служебных связей Остафьева с Заболоцким произошла, видимо, после того как Владимир Семенович потерял свои кременецкие владения. По сообщению статейного списка 1571 г., во время осады Заболоцким Глуска из ручницы был ранен в руку его служебник Е. В. Бутурлин[385]. Позднее Бутурлин вернулся в Россию.

Урядником ляховицким В. С. Заболоцкого был Михаил Зверев, о московском происхождении которого знал Ф. М. Евлашевский. Мемуарист молитвенно вспоминает какое-то предсмертное преступление Михаила, совершённое вскоре после смерти его пана. Он был повешен осенью 1580 г. во время похода отряда Ф. Кмиты на Смоленск. Еще в 1575 г. Зверев выступал в качестве свидетеля в конфликте кн. А. М. Курбского с кн. А. И. Вишневецким за волынское имение Остров Жичин. Знаменательна близость московита к Заболоцкому и Курбскому. Об их взаимных отношениях мы еще вспомним ниже.

В момент нападения отряда Радзивилла Владимира сопровождали слуги и друзья. Первым в ряду слуг в судебном деле назван "Wasyl Zochow". Это — московит Василий Зеновьевич Жохов. Он отличился на королевской службе

[383] После смерти Габриэля держава Бирштанская перешла во владение его брата Каспора и племянника — королевского дворянина, ротмистра Владислава, на 1591 г. державцы и лесничего бирштанского, позднее старосты ганзельского и бирштанского. Село Бирштаны на 4 вл. осочников с сельцом Пошешуне в лесничестве Бирштанском Владислав продал покоевому слуге короля Яну Вишневскому и его жене Галене Боньковской, а так как сельцо позднее было возвращено в состав лесничества, Владислав передал Вишневским в феврале 1609 г. село Вембры (11 вл.) и озеро Будьезеры, но с сохранением свободного доступа подданных лесничества к озеру, и застенок при озере. Село Пославенцы он продал в марте 1597 г. капитану венгерской роты короля Каспару Хорвату. В акте от 17 марта 1599 г. Владислав передает право на пожизненное владение державой жене Катерине Ужолянке (Ужеланке), которая после смерти мужа, в 1601 г. добивается также права на его бирштанское село Бограны, выходит замуж за К. Хорвата, в сентябре 1603 г. получает право на строительство фольварка в бирштанских имениях, а в январе 1606 г. передает в аренду мужу на 12 лет. См.: ЛМ-76. Л. 186 об. — 187 (27 сентября 1591 г.), 188 об. (10 ноября 1591 г.), 657 — 657 об. (8 марта 1597 г.); ЛМ-84. Л. 301 об. — 303, то же: ЛМ-86. Л. 20 — 21 об. (17 марта 1599 г.); ЛМ-86. Л. 185 — 185 об. (10 января 1601 г.), 387 об. (16 сентября 1603 г.), 573 об. — 574 (18 января 1606 г.), 742 об. — 743 (20 февраля 1609 г.); ЛМ-288. Л. 370 об. (11 марта 1602 г.), 663 об. — 665 (9 июня 1607 г.) и др.

[384] АВАК. Т. 22. С. 26–27 (22 октября 1556 г.); ЖКЛВ. Т. 2. С. 245–246 (13 октября 1563 г.).

[385] СИРИО. Т. 71. С. 807. Интересно, что в боярско-дворянском мартирологе «Истории» Курбский говорит о гибели Бутурлиных в террор Ивана IV сразу после сообщения о гонениях на Заболоцких (СК. Л 99 об.). В списке опальных Ивана Грозного погибшими по делу Владимира Старицкого числятся подряд Богдан Заболоцкий и Стефан Бутурлин (*Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 535). Связи с Бутурлиными поддерживал также брат известного эмигранта кн. М. А. Ноготокова Оболенского кн. Федор Ноготоков. Его дочь Евдокия вышла замуж за Ивана Ивановича Бутурлина, тогда как другая дочь, Ирина, — за сибирского царевича Андрея Кучумовича (Абу-л-Хаир бен Кучум) (*Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 110).

и получил жмудское имение Пеляпы размером в 12 волок. В.З. Жохов в судебном деле назвал слугой Заболоцкого, в то время как Умар Сарыхозин — слугой короля. Получая подтверждение на жмудское имение для себя и своей жены в июле 1585 г., Жохов уже был господарским дворянином и был отмечен похвалой: «...который от немалого часу в служъбах военных увезде нам, господару, и речи посполитой пильные и працовитые службы показуючы, ласку нашу господаръскую прыстойне заслуговал»[386]. Незадолго до 4 ноября 1589 г. Жохов умер, оставив вдову и несовершеннолетнего сына Юрия, за которыми Сигизмунд III сохранил лишь 2 вл. «пустых» с. Пеляпы, тогда как еще 10 вл. получил предприимчивый брат Умара, Агиш Сарыхозин, вскоре обменявший их на значительно большего размера имения своего племянника Ивана Умаровича[387].

Второй слуга Заболоцкого на виленском суде в апреле 1580 г. — Василий Бунак ("Wasiliey Bunak"). В этом имени нетрудно узнать Василия Ивановича Бунака. Как и его братья, Иван и Богдан, Василий выехал на королевскую службу в 1560-х гг. Траектория его служебного пути совпадает в нескольких точках с биографией В.С. Заболоцкого. Сначала он получает совместное имение с братьями и А. Чухновым в с. Оспики Кременецкой волости. Там же часть имения принадлежит соратнику Заболоцкого О. Бахтияру Измайлову. Около 1568 1572 гг. все три брата Бунаковы получают в общее владение по 6 гаков в Ливонии. Вскоре ливонское имение было потеряно ими «для небеспечности от неприятеля», и вместо него Василию Бунаку было выделено 10 вл. в тиунстве Дервянах Меньших Великого княжества Литовского. Из них 5 вл. было пустых, и их статус решился лишь в правление Стефана Батория. Король, приняв во Львове челобитье Бунака, вероятно, на сейме 1578 г., велел «приверъцути» ему его пустые волоки и добавить к ним еще 2. После смерти Заболоцкого он принял участие в Псковском походе. За ущерб, нанесенный Бунаком во время похода, он был в 1582 г. награжден еще 2 оселыми вл. в Ужвядрах. Вскоре, в 1584 г., последовало новое пожалование, формально — с целью компенсировать первоначальный размер его владений в Ливонии и довести литовское имение до 18 вл., он получил 3,5 вл. в Вопячах и полволоки в Штокмянах. Похвала также немаловажна: «А он по вси часы военъные бываючы на послугах земъских за кождым вытягненьем нашым у воиску и послуги з себе оказуючы з нелитованьем горла своего немало маетности своее утратил...»[388] Вместо того, чтобы последовать королевскому распоряжению, дервянский тиун Малхер Шемет выделил московиту еще 10 пустых вл. в Штокмянах и выдал ему «лист свои того уступенья своего». Такой вариант устроил Бунака, и король признал сделку, а позднее ее подтвердил король Сигизмунд Ваза[389]. За аренду пустых волок Бунак должен был ежегодно получать от Шемета денежные выплаты. В 10-ю актовую книгу Упитского земского суда внесен текст расписки господарского дворянина и земянина жмудского В.И. Бунака от 25 сентября 1593 г. Василий был жив еще в январе 1598 г., надолго пережив Заболоцкого.

О слуге Заболоцкого, московите по имени Путило, который остался наряду с литвинами Славинскими защищать своего пана от смертельной угрозы, мы знаем только из записок Ф. Евлашевского. Возможно, впрочем, этот Путило идентичен москвитину Копону Путило, который в правление короля Сигизмунда III держал в слонимском селе Лоденицы 15 вл. и застенок и умер в начале XVII в., не оставив потомства[390].

Кто-то из соратников Владимира сохранил свои владения под Слонимом. В бывшем имении Заболоцкого Деревная после его смерти владел

[386] BCz. N 2242. S. 390; ЛМ-72. Л. 5 — 5 об. (12 июля 1585 г.), то же: ЛМ-70. Л. 208 208 об. (13 июля 1585 г.). Неясно, в какой степени родства В.З. Жохов был со своим родичем сыном боярским Михаилом Ивановичем, который в 1563 г. был направлен Панами радой «на лежу» в Шерешов, а весной 1564 г. получил вознагражденне на Варшавском сейме. См.: ЛМ-564. Л. 29, 30 об., публ.: ЛМ. Кн. 564. С. 37, 37–38; ASK-II. N 22. K. 37v. Еще один почти однофамилец Жохова жмудский земянин Ян Жоховский служил в Бресте еще королю Стефану, а в правление Сигизмунда III получил «огород» и «волное пасенье коней и быдла» в Бресте. См.: ЛМ-76. Л. 487 об. (28 февраля 1595 г.).

[387] ЛМ-76. Л. 94 — 94 об. (4 ноября 1589 г.), 270 об. — 271 (10 июля 1592 г.).

[388] ЛМ-70. Л. 78 об. — 80. Дата обрывается на словах: «Писан у Городне лета Божого Нароженья 1584 месца...» Таким же образом обрываются даты двух других гродненских актов, предшествующих листу Стефана Батория Малхеру Шемету о пожаловании Бунака. Ближайший более ранний акт с полной датой в книге № 70 относится к 20 февраля 1584 г. (Там же. Л. 76 об.). Следующий акт в книге — от 8 марта того же года (Там же. Л. 80 об.). Лист о пожаловании Бунака относится к 20 февраля — 8 марта 1584 г. Необходимо также принять во внимание, что в реестре к данному тому Метрики лист Шемету записан под февралем, что, возможно, сужает датировку до последних дней февраля 1584 г. (Там же. Л. 5).

[389] ЛМ-73. Л. 172 об. — 173, то же: ЛМ-74. Л. 94 — 94 об. (2 мая 1586 г.). Подтверждение Сигизмунда III см.: ЛМ-76. Л. 77–78 (5 августа 1589 г.).

[390] ЛМ-85. Л. 116 — 116 об. (18 июля 1601 г.).

землей боярин москвитин Игнатий, на которого в мае 1581 г. жаловался в местный земский суд слонимский шляхтич Венцлав Гурский[391].

Слугами Владимира Семеновича были не только выходцы из России, но и местные шляхтичи. Многие годы верно отстаивал его интересы Федор Гладкий, урядник Лепесовки[392]. Накануне Полоцкого похода Стефана Батория Федор получил от короля привилей на жмудское сельцо Пейляпы (Пейлапы) (12 вл.) на праве пожизненного держания[393]. Через несколько дней после смерти Заболоцкого Федор «Глядский» передавал трабские имения в собственность другого московита, зятя Заболоцкого, князя Василия Телятевского[394]. Возможно, урядник московита был родичем литовских Гладких[395].

За героя Гданьской войны Мартина Петровского ратовал перед королем сам Владимир и добился для него, как уже говорилось, имения на 10 вл. в Литве. О службе Петровского в акте сказано, что он был «в почте его [В.С. Заболоцкого. — *К.Е.*] вжо се немалого часу нам [Стефану Баторию. — *К.Е.*] и Речы Посполитои земскои верне, учтиве и цпотливе служыл»[396].

Михаил Зенкович выступал от его имени в Кременецком земском суде весной 1577 г.[397] Видимо, это был близкий родственник дипломата Федора Воронея Зенковича, который успешно выполнил официальное поручение Папов рады в России в августе–сентябре 1572 г.: убедил Ивана IV выставить кандидатуру на троны Великого княжества Литовского и Короны Польской и отказаться от агрессии против обезглавленной Речи Посполитой.

На следственном деле 1580 г. М. Славинский, В. Славинский и У. Сарыхозин вспоминают, что первым о готовящемся нападении слуг Радзивилла Заболоцкого предупредил хлопец Криштоф[398]. На суде он не появился, и нам ничего не известно о его дальнейшей судьбе.

Служебниками московита были оба Славинских — Михал и Войцех. Первый говорит, что Владимир помогал ему в судебных тяжбах с соседями. Второй в своих показаниях прямо называет Заболоцкого своим паном и сообщает, что накануне виленской бойни вечером приехал из Траб — т.е. из трабского имения В.С. Заболоцкого с письмом ему от подстаросты, но решил сразу его не тревожить, а пришел к нему на рассвете в воскресенье. Славинские занимали высокие посты в господарском делопроизводстве и бюрократическом аппарате Литвы, а в Войцехе можно узнать литовского скарбного писаря и державцу ракоптишского[399].

---

[391] КЗСл-6. Арк. 198 адв. (30 мая 1581 г.).

[392] ЖКЛВ. Т. 2. С. 255, 260, 261.

[393] ЛМ-64. Л. 7 об. — 8 (Гродно, 24 февраля 1579 г.).

[394] ЛМ-66. Л. 66; *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 30. Anm. 133.

[395] Стефан Гладкий, как уже говорилось, давал показания в суде об убийстве В.С. Заболоцкого. Видимо, он идентичен Стефану Федоровичу Гладкому, и есть вероятность, что это — сын урядника. Он минский шляхтич, держит имение Новоселки. От Сигизмунда II Августа получает право держать корчму в своем имении (ЛМ-266. Л. 162 об. — 163. Петрков, 28 марта 1567 г.). В конце 1580-х и начале 1590-х гг. С.Ф. Гладкий упоминается в должности писаря земского минского (ЛМ-284. Л. 1 об. — 3 об. Декрет по суду Стефана Гладкого и Яна Гарабурды за с. Количо (Колич). Вильно, 12 июля 1589 г.; РГАДА. Ф. 356. Оп. 2. Д. 13. Л. 427 об. — 431. 4 января 1594 г.). Гладкие — к середине XVI в. разветвленный шляхетский род. В волости Пинской королевский дворянин Дашко Романович Гладкий в 1548 г. получил от королевы Боны 2,5 дворища «до ласки» (ЛМ-32. Л. 32 об. — 33 об. Варшава, вероятно, между 24 ноября и 8 декабря 1548 г.). Еще один носитель этого фамильного прозвища, Лукаш Гладкий был служебником гродненского шляхтича Антины Якимовича (КЗГр-5. Арк. 43 — 43 адв. 20 мая 1567 г.).

[396] ЛМ-61. Л. 74.

[397] КЗК-5. Арк. 4, 35.

[398] BCz. N 2242. S. 388–391.

[399] *Приложение IX*. S. 389. Войцех Славинский (Войтех Славенский) начал службу при Сигизмунде II Августе. Какое-то время состоял на службе у архидиакона варшавского, кустоша и каноника виленского, писаря скарбного господарского Яна Маковецкого (ЛМ-263. Л. 79 об. — 80. Кнышин, 26 марта 1568 г.). Писарство скарбное получил в июле 1571 г. (ЛМ-54. Л. 47 об. — 48. Варшава, 8 июля 1571 г.). В 1576 г. получил привилей на дворы Раконтишки Каштолтовские и Раконтишки Воеводские в воеводстве Виленском за 200 коп гр., которые он ссудил на оборону в Ливонии (ЛМ-58. Л. 48 об. — 49 об. Варшава, 12 августа 1576 г.). Упоминается в записи книг гродских виленских от 10 июля 1576 г. (копия в ковенских земских книгах: КЗКв за 1581–1583 гг. L. 16v–17v. N 12. Запись от 29 мая 1581 г.). В 1591 г. Войцех получает привилей на с. Бакшталивку в волости Шовдовской (ЛМ-77. Л. 260 об. — 261 об. Варшава, 28 января 1591 г.). Женат на Ядвиге Свирской с Романова. Привилей ему и его жене на пустовщизны в волости Пенянской получает 27 марта 1586 г. (ЛМ-281. Л. 224 об. — 225). Судится на королевском суде 1601 г. с тиуном шовдовским (жмудским) Войцехом Белевичем. Уже 9 февраля 1596 г. в Кракове было принято судебное постановление (декрет) по поводу шовдовского села Бакшталовкис, или Бакштоловкис (51 вл. оселая), по которому сыну В. Белевича Яну было предписано показать документы на имение. Славинские «по вынштю лимитацыи» вызвали Белевичей на королевский суд, по причине их неявки получили право отсудить у них имение. Предъявили привилей Белевичу на имение от 28 января 1591 г. и привилей Славинским от 13 октября 1592 г. (ЛМ-288. Л. 277–278. 1 сентября 1601 г.). В 1597 г. судился с каштеляном жмудским Миколаем Нарушевичем за застенок в державе Пенянской (ЛМ-287. Л. 205 — 205 об. Варшава, 28 февраля 1597 г.). Третий брат в семье — ротмистр

Еще один служебник В. С. Заболоцкого — талантливый писатель и смелый мыслитель новогрудский шляхтич Федор Михайлович Евлашевский (7 февраля 1546 — после 1616 г.). Он родился в Ляховичах, где жили его родители и находилась родовая усыпальница Евлашевских. Отец Федора Михаил Левонович был священником в местном православном храме Св. Георгия (Юрия). В сентябре 1564 г. он получил право на дороге («гостинъцы великом») из Ляхович в Пинск в своем Евлашевском имении «корчму вольную збудовати и в ней пивом, медом и горолькою добровольно, кром давання капъщизны пашых, шынковати». Попадья Федора Околовна Никифорович, возможно, происходила из рода слуг князя Ивана Ивановича Рязанского Никифоровичей, держателей столинского двора Копюшки[400]. Устройство корчмы помогло Михаилу и Левону обеспечить семью. Помимо Федора Михайловича в источниках упоминается также его брат Иван[401]. Михаил Евлашевский принял монашеский постриг под именем Макарий и 15 января 1573 г. получил купленную ему сыном Федором, на то время уже кальвинистом, Турово-Пинскую епархию. Кн. К. К. Острожский препятствовал этой сделке, и Ф. М. Евлашевский расценил это как давление с целью бесплатно использовать его, Федора, адвокатские услуги в конфликте Острожского с Ласким. Пойдя на уступки магнату, он добился утверждения отца на епархии, и вплоть до своей смерти 9 марта 1575 г. Макарий был владыкой пинским[402]. По предположению В. Ульяновского, кафедра для отца была куплена самим же Ф. Евлашевским, а кн. В.-К. Острожский препятствовал возведению Макария на кафедру, но смирился с волей короля, когда сделка была утверждена[403].

Федор Михайлович Попович представлял В. С. Заболоцкого во время переговоров в Ляховичах в сентябре 1568 г. и, вероятно, тот же его служебник «Федор Михайлович» ездил в декабре, чтобы упросить короля рассмотреть дело Заболоцкого с кн. Л. А. Сангушко[404]. Федор пошел по светской стезе, неоднократно выступал судебным поверенным[405], добился должности мостовничего пинского[406] и новогрудского[407].

Опытный в светском представительстве, Федор владел литературным русским, знал латынь и иврит. Записки Ф. Евлашевского свидетельствуют о широте его знаний, опыте и вдумчивости в придворных делах, а кроме того — о религиозной толерантности. Он взялся за обработку воспоминаний в 1603 г. С сожалением писал о разрушенном единстве христиан и ушедшем в прошлое взаимном уважении между конфессиями Речи Посполитой. Судя по запискам, на его жизненном пути в 1560-е–1570-е гг. случилась не одна встреча с московитами. В январе 1564 г. на Ивановом поле «над рекою Улою» семнадцатилетний шляхтич прошел боевое крещение. В своем дневнике он записал, что тогда «битва была нашим щаслива над москвою»[408]. Победа, по мнению мемуариста, не стала решающим успехом и обернулась чередой изнурительных войн. В список значимых для него событий попали приезд посольства Ф. И. Колычева Умного летом 1567 г., посольство Я. Кротоского 1570 г., приезд московского гонца в мае 1580 г., гибель служебника Заболоцкого — московита М. Зверева в сентябре 1580 г.

и староста шванемборский Станислав. Возможно, родственником этих Славинских был слуга и финансовый агент кн. А. М. Курбского и К. И. Зубцовского Юзеф Словинский (КГЛ-17. Арк. 709 — 709 зв. (18 октября 1577 г.); КГЛ-19. Арк. 446 зв. — 447 зв. (4 июня 1579 г.), 464–465 (5 июня 1579 г.)).

[400] В деле о шляхетстве Федора со стороны отца его происхождение подтверждали Федор Богушевич и Иероним Зверь Клинины. Со стороны матери — Иван Бородич и Кинта Никифорович. О Никифоровичах см.: ЛМ-38. Л. 316 об. — 317 об. (Вильно, 10 ноября 1561 г.).

[401] Наряду с братом Иваном ляховицкий шляхтич Федор Михайлович выступает в жалобе королю в июне 1570 г. См.: ЛМ-52. Л. 127 (Варшава, 12 июня 1570 г.).

[402] *Соболев Л. В.* Князь К.-В. Острожский... С. 213–214.

[403] *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький. С. 886.

[404] ЛМ-263. Л. 138; ЛМ-265. Л. 182 об. В переговорах В. С. Заболоцкого с королевским секретарем Валентином Иберфельтом по Глуску выступал, несомненно, именно Ф. М. Евлашевский, его имя упомянуто полностью: «служебника пана Володимерова Федора Михаиловича Евлашовъского». См.: ЛМ-266. Л. 379 об. — 381 (7 ноября 1569 г.).

[405] От лица П. С. Тетерского Ф. М. Евлашевский ведет дело против Г. И. Горностая в апреле 1572 г. См.: ЛМ-268. Л. 474 об. — 475 об. (Варшава, 2 апреля 1572 г.).

[406] В этой должности он выступает в деле об оскорблении его шляхетского имени против мостовничего киевского Степана Пацкевича. Оскорбление было нанесено ему в присутствии Я. И. Ходкевича в Ляховичах 19 августа 1576 г. См.: ЛМ-272. Л. 250 об. — 252 об. (Варшава, 21 декабря 1579 г.).

[407] 1 мая 1586 г. Станислав Станиславович Гославский продает за 800 коп гр. мостовничьему новогрудскому и пинскому Ф. М. Евлашевскому свое Скубятовское имение на р. Сидоровке в Новогрудском повете См.: ЛМ-279. Л. 296 об. — 299 об. (6 мая 1586 г.).

[408] APR-143a. S. 2, публ.: *Свяжынскі У. М.* Гістарычныя запіскі... С. 90 (s. 2).

Федор пишет, что хорошо знал В.С. Заболоцкого («я-м был добре вядом Влодымира»)[409]. Около 1565–1566 гг. Ляховичи достались перебежчику в держание, и там волей-неволей местный шляхтич должен был находить общий язык с новым старостой. Если о поручениях самого В.С. Заболоцкого он отзывается с симпатией, то о его урядпике М. Зверене говорит с нескрываемой враждебностью. Дневник Евлашевского сохранил отдельные остановки в его послужном итинерарии за осень 1566 г. — Вильно, Дорогово, Ляховичи. Вернувшись домой после удивительных приключений и чудесных видений на пути, Евлашевский застал судебные «роки земские», начавшиеся на день св. Михаила Римского. В связи с эпидемией они были перенесены из Новогрудка в королевский замок, где, как отметил мемуарист, на тот момент старостой уже был «пан Володымир Семенович Заболоцкии, зацного дому чловек з Москвы»[410]. В какой-то момент его знакомство с Заболоцким переросло в службу. Актовые записи слонимских земских книг показывают, что Федор защищал интересы Заболоцкого перед местным судом.

Впрочем, на рубеже 1560-х и 1570-х гг. Федор выполнял королевские поручения и считал себя слугой короля. На 1570 г. Евлашевский — ляховицкий боярин, один из тех, кто не пытался перейти в Новогрудский повет. Не позднее августа и почти до самого Нового года был в Варшаве, хотя ему «та послукга мерзила»[411]. Похоже, как и другие бояре, он хотел предъявить королю доказательство, что его владение было пожаловано Барбарой Радзивилл его отцу. Однако его «хлопец» Павел Войткович бежал от него, будто бы прихватив сумку с документами («торбу з листы его потребными»). В сумке и хранился акт о пожаловании королевой Серковщины «и иншых полей», а также «иншых розных листов немало»[412]. Настроение Федора было испорчено тем, что документов о получении земли отцом у него не было, и покинуть службу В.С. Заболоцкого и его ненавистного урядника М. Зверева так и не удалось. Не вполне оправившись от тяжелой болезни, в следующем, 1572 г., после Пасхи и осенью Евлашевский живет при дворе в Варшаве. Там он попадает под власть маршалка дворного Миколая-Криштофа Радзивилла Сиротки. С начала 1572 и вплоть до 1603 г., когда записки были им оформлены в единый текст, Федор служил Радзивиллу верой и правдой — «хоть потым не завше притомне, однакже правдиве и пилне»[413]. Ф. Евлашевский назван также в числе слуг маршалка надворного Великого княжества Литовского Миколая-Криштофа Радзивилла на подписании полюбовного соглашения со стольником Великого княжества Литовского Миколаем Дорогостайским в октябре–ноябре 1575 г.[414] Впрочем, круг деятельности Федора был шире — он выступал и в качестве судебного поверенного в немаловажных делах[415]. А после смерти Каспора Федоровича Керсновского, в 1592 г., Евлашевский занял должность подсудка земского Новогрудского воеводства[416].

Мемуарист, рассказавший в подробностях о гибели Заболоцкого, к апрелю 1580 г. уже почти десятилетие был слугой Радзивиллов. Парадоксально, что их вина в смерти Заболоцкого при этом в записках Евлашевского как раз заострена, а портрет московита нарисован там самыми позитивными красками. Однако дневник ляховицкого шляхтича полон таких парадоксов, и они складываются в довольно цельный образ автора. На страницах дневника он изливал душу, откровенно рассказывал об окружавших его людях, не стеснялся говорить о своей неприязни к поручениям короля, злодеяниях Радзивиллов, военных неудачах соотечественников, религиозной нетерпимости и т.д. Запись о виленских событиях 23–24 апреля 1580 г. составлена им, видимо, по горячим следам, по независимо от следственного дела, открывшегося в Вильно 25 апреля 1580 г. О Заболоцком

[409] APR-143a. S. 28, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 106 (s. 28).

[410] APR-143a. S. 5–6, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 93 (s. 5–6).

[411] APR-143a. S. 7, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 94 (s. 7).

[412] ЛМ-268. Л. 312 (Варшава, 11 августа 1570 г.). В Варшаве Евлашевский ратовал не только за себя. В сентябре он занес в канцелярские книги завещание жены своего «приятеля» С.М. Чановицкого Марины Львовны: ЛМ-268. Л. 325 об. — 327 (Варшава, 4 сентября 1570 г.).

[413] APR-143a. S. 8–9, публ.: *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі... С. 94–95 (s. 8–9), цит. со с. 95 (s. 9). В ноябре 1597 г. подсудок новогрудский Ф. Евлашевский передал в господарскую канцелярию дело по долгу Богдана Михайловича Козинского и его жены Анны Петровны Дорогостайской неижскому еврею воеводы троцкого М.К. Радзивилла. Козинской на королевском суде была вынесена баниция. См.: ЛМ-285. Л. 262 об. — 263 (Варшава, 8 ноября 1597 г.).

[414] КГЛ-15. Арк. 451 зв. — 455 (4 ноября 1575 г.).

[415] В мае 1599 г. он «умоцованый» виленских незунтов в их конфликте с литовским подканцлером Габриэлем Войной. См.: ЛМ-285. Л. 597 — 597 об. (Варшава, 13 мая 1599 г. Названа только фамилия «Евлашевский», для имени оставлено в строке место).

[416] ЛМ-77. Л. 317 об. (Варшава, 10 сентября 1592 г.); *Jevlašauskis T.* Atsiminimai. P. 58–59; *Vilimas D.* Lietuvos Didžiosios Kunigakštystės žemės teismo sistemos formavimasis (1564–1588). Vilnius, 2006. P. 99–100, 147.

Евлашевский пишет с нескрываемой симпатией, создавая образ отважного и вспыльчивого воина, рассеянного мечтателя, верного слуги короля. Мемуарист не поскупился на слова, чтобы передать гамму чувств, охвативших Стефана Батория при вести о гибели слуги и друга.

Помимо служебников феодал был окружен в своих имениях боярами, огородниками, мещанами, евреями и т. д. О некоторых из них у нас есть сведения. После смерти Заболоцкого король обратился к казначею Л. Войне, чтобы тот записал 7 вл. стрельцам из Деревной Василю, Кобызю, Молофею Тимофеевичу, Никите Кузмину, Стефану Михайлову, Хролу Климентьеву, Михаилу Юдину[417].

О друзьях В.С. Заболоцкого судить труднее, чем о слугах. Видимо, к их числу можно отнести Сарыхозиных. С Агишем его объединяла совместная военная служба при короле Стефане Батории. Иронический ответ Заболоцкого московским послам о том, что не он, а Агиш был изменником царя, вряд ли мог быть произнесен, если между Заболоцким и Сарыхозиным не было прочных отношений, для которых это высказывание не звучало бы как «бесчестье». Агиш и Умар Сарыхозины, а также Т.И. Тетерин прославились в Изборской авантюре 1569 г. и, вероятно, какое-то время составляли один круг московитов, близкий к Курбскому и Заболоцкому. Позднее Агиш скупил имения близких к Заболоцкому московитов Василия Жохова и Остафия Бахтияра. В последние мгновения жизни Заболоцкого другой Сарыхозин, Умар, у него на высоком счету. Владимир посылает за ним слугу, чтобы вместе идти на богослужение и ждет его. Во время последовавшей затем бойни Сарыхозин сражается вдали от Заболоцкого, а на следующий день дает свидетельские показания в суде, но отказывается выступать истцом против К. Радзивилла[418].

Волынские имения и совместная служба в армии Стефана Батория могла сблизить Владимира Заболоцкого с Остафием Бахтияром Измайловым. Его карьера была довольно успешной: он обзавелся имением в Кременецком повете, принес присягу вместе с винницкой и брацлавской шляхтой на верность Короне. Его имя значится в реестрах выплат воинам Батория. После смерти Заболоцкого Бахтияр служит в Подолье, и так долго отсутствует в своем ошмянском имении, что чуть было не теряет его как пропавший без вести, а вернувшись, отсуживает его при поддержке Сарыхозиных и продает А.В. Сарыхозину в феврале 1585 г.

Какими были отношения Заболоцкого с Курбским? Вряд ли служебными. Неравенство между ними — также преодолимое для двух отпрысков боярских фамилий — было оставлено в московском прошлом. Можно предположить, что между ними — дружба и конкуренция за влияние при дворе. Они оба были старостами, т.е. занимали высшие из доступных московитам государственные должности в Короне и Литве, и потеряли по старостве одновременно на Люблинском сейме. Оба — королевские дворяне, выражавшие свою преданность короне, помимо прочего, использованием польского и латыни на письме. При этом Заболоцкий, как и Курбский в подписи "Andrej Kurpski", выразительно полонизирует свою фамилию: "Włodymierz Zabłoczky". Оба с энтузиазмом восприняли идею лиги христианских государств против Турции и почти одновременно, хотя, вероятно, порознь, вели переговоры об этом с аббатом Цироном. Оба нашли опекуна и друга в лице киевского воеводы кн. К.К. Острожского. Противники Заболоцкого кн. Ю.Ю. Слуцкий и Я.И. Ходкевич были в хороших отношениях с Курбским, но, с одной стороны, дружба Курбского с Ходкевичами после смерти каштеляна троцкого Григория Александровича отнюдь не была безоблачной, с другой стороны, нет оснований полагать, что нападение Заболоцкого на имения Слуцкого было результатом долгосрочной вражды. Заболоцкий на пике придворной карьеры и имущественных успехов Курбского на рубеже 1560-х и 1570-х гг. не выдерживает противостояния с О. Ласким за свое подольское имение и надолго покидает двор, вызвав этим неудовольствие короля. Когда Я.И. Ходкевич и М.Ю. Радзивилл обсуждают заговор православной элиты в 1573 г., из их переписки следует только то, что Курбский и Заболоцкий были сторонниками одной политической силы. Вновь они появляются вместе в одной поэтической строке панегирика М. Стрыйковского на коронацию Генриха Валуа. Затем их пути на время расходятся. Курбский теряет интерес к придворной жизни и службе, погружается в литературно-просветительскую и судебную деятельность на Волыни, тогда как Заболоцкий проводит последние годы жизни в неустанной военной службе и стремительно покоряет придворные высоты, заметно улучшив свой имущественный статус и сплотив вокруг себя слуг, а затем и родственный клан[419].

[417] ЛМ-66. Л. 86 об.

[418] BCz. N 2242. S. 391.

[419] Почти ничего не известно о книжном образовании Владимира Заболоцкого. А.В. Кузьмин высказал пред-

В Полоцком походе Стефана Батория они могли вновь встретиться. Впрочем, Курбский в Третьем послании Грозному упоминает пленных московских воевод, но обходит без комментариев родство одного из них с Заболоцким. Последние доступные в источниках следы дружбы двух могущественных московитов также показательны. Слуга Курбского Макар в августе 1576 г. помог уряднику Заболоцкого восстановить контроль над лепесовецким имением Радошковкой, а сам князь оставил запись о гонениях в Москве на Заболоцких в поминальном разделе своей «Истории»[420].

Многообразные свидетельства позволяют по крупицам восстановить европейский жизненный путь знатного московита, увидеть в его карьерном досье продвижение к той социальной вершине, которая была достижима для перебежчика из Российского царства. В деятельности В.С. Заболоцкого сочетаются решительность и авантюризм, планомерное накопление королевских староств и умение воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств. Размер его владений в правление Стефана Батория достигает и даже превышает крупнейшие имения московитов на королевской службе. Несмотря на боевую харизму кн. А.М. Курбского, В.С. Заболоцкого можно считать наиболее успешным ротмистром из российских эмигрантов своего времени, что по достоинству оценили все три короля, в правление которых он бывал в Речи Посполитой. И вместе с тем в его образе, сложившемся в восприятии местной знати, соединены те представления о «московите» времен Ливонской войны, которые сказались на его интеграции в польско-литовское общество и прямо или косвенно привели его жизнь к трагической развязке.

В своем отечестве Владимир Заболоцкий был почти полностью забыт. Сложилась, правда, легенда о возвращении из Литвы его сына по имени Савва. Его внуки Савва и Кузьма Андреевичи Смольяниновы в 1638 г. были записаны в числе детей боярских по Старорязанскому стану, а в XIX в. Смольяниновы были внесены в родословные книги Екатеринославской, Костромской и Рязанской губерний. Согласно легенде, их фамилия была образована от имения Смольяны, которое В.С. Заболоцкий получил от короля. Это вымысел: нет никаких документов, подтверждающих, что имение с таким названием было владением Владимира Заболоцкого. И в европейских источниках нет никаких данных о существовании его сына[421]. Даже если бы он был несовершеннолетним в момент смерти отца, его имя должно было прозвучать, когда распределялись обширные имения В.С. Заболоцкого[422].

Ars moriendi

Культура насилия — двусмысленный термин, прижившийся в науке, но оставляющий за собой шлейф неопределенности. Казалось бы, как в ритуале боя, где последней мерой является смерть человека, возможна стратегия чтения? И какие наши «последние пределы» достигаются в ходе интерпретации как неизбежно диалогического усилия? Именно в этой перспективе мы открываем для себя культуру войны, в которой смерть — неотъемлемая часть любого мира, мир-покой. И здесь же кроется загадка переводимости категорий рутенско-русской культуры Речи Посполитой на русский язык наших дней, вскормленный в северо-восточной русской, московской и российской политической традиции.

Насилие — неудачный термин, описывающий ментальный переворот европейской правовой культуры из чудовищной перспективы «оголе-

положение, что В.С. Заболоцкому принадлежал сборник «Слов» Григория Богослова второй половины XV в. с несколькими записями на польском: "Moy moscu panie Zabolocky..." (РГБ. Ф. 178. №4229). Впрочем, написание имени во владельческой записи не дает ясности, идет ли речь о Владимире Заболоцком или о каком-то представителе местной шляхты из рода Заблоцких. См.: *Кузьмин А.В.* Рукописная книга Слова Григория Богослова и ее владельцы в XVI веке // Румянцевские чтения. 2014. Ч. 1: Материалы международной научной конф. (15–16 апреля 2014). М., 2014. С. 374–381.

[420] ЖКЛВ. Т. 2. С. 259; СК. Л. 99 об.

[421] В источниках встречаются шляхтичи Заболоцкие, однако почти во всех подобных случаях речь идет об особом шляхетском роде Заблоцких. Так, 28 января 1579 г. шляхтич Антон Заболоцкий выступил свидетелем на вручении вызова в суд Яцко Брульковича возным Луцкого гродского суда Яцко Федоровича Гуляницкого (КГЛ-19. Арк. 138. 4 марта 1579 г.). Какая-то «сестра» волынских московитов Князских Полония Заболоцкая упомянута в июле 1579 г. (КГЛ-20. Арк. 172 зв. — 173. 28 июля 1579 г.).

[422] Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 60 (30а): Слюз — София Палеолог. СПб., 1900. С. 577 (в статье курсивом выделено имя «Владимир Семенович Заболоцкий», однако в соответствующих томах данной энциклопедии ни на «Владимир», ни на «Заболоцкий» статьи о В.С. Заболоцком нет). Ср. также: *Поздрин О.Я.* Служба русских людей европейским монархам XVI–XVII столетий // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): Материалы международной научной конференции / отв. ред. А.И. Филюшкин. СПб., 2010. С. 220–227.

пия» человека в XX в.[423] Даже если поиск корней модерного насилия с его рациональными аппаратами смерти и дотошной бухгалтерией «окончательного решения» занимает наши умы, мы не в силах прочертить генеалогию модерной политики, поскольку источники этому сопротивляются. Насилие при восхождении к его «истокам» теряет не интенсивность, оно теряет убедительность научного факта. Отсутствие монополии на легитимное насилие приводит к тому, что общество погружается в «глубокую игру», в ходе которой, как в петушиных боях на Бали, баланс сил недостижим[424], а «крутые парни» и «бесхвостые петухи» в конфликте копят символический капитал, манипулируя коллективными предпочтениями и добиваясь временной универсализации своих интересов[425].

В этом направлении мысль украинского историка Наталии Старченко заставляет нас раз и во всей полноте принять логику научных открытий, забывая об архетипах вытесненной жестокости, культуры контроля и биополитического доминирования, описанной в работах Мишеля Фуко. Насилие Речи Посполитой, Великого княжества Литовского, Волыни, шляхетской культуры – это совершенно иная реальность, даже если она — подобная ей — чем-то пригодилась, когда формировался модерный проект. Массы источников, подробных высказываний и описаний, не оставляют для «чистого» категориального тождества насилия с инструментальной смертью никакого места. Письмо движется по поверхности дискурсов, открытых для интерпретации, и не задерживается, видя в них правовую культуру в единстве норм и их повседневной реализации.

Читая Наталию Старченко, мы должны принять для себя почти немыслимый факт. Принять как данность, как структурное основание анализа, к которому всё построение постоянно возвращается и из которого исходит. Это описание общества, огромной коллективной традиции, в которой нет запрета на мысль о смерти, нет монополии на смерть и нет способов отвернуться, ускользнуть, отказаться от участия в распределении смертельной опасности. Общество вооруженных людей, которые не могут просто так убить, потому что убить может каждый. Польского современника, политического мыслителя и теоретика федеративной республики-империи Анджея Фрыч-Моджевского возмущало ношение шляхтичами оружия, ведущее к стычкам, ранениям и смерти. Хотя вооруженные люди, дворяне-шляхтичи, должны были придерживаться кодекса чести и в конфликте часто подчеркивали, что являются людьми мирными и спокойными, в основе их культурного портрета, их социальной идентичности не столько кодекс ограничений, сколько ношение оружия[426].

Привыкнуть приходится еще к одному постулату. Это общество военных людей, привыкших убивать и умирать. Война для них — повседневность. Они либо вернулись с нее, либо готовятся на нее идти, по чаще всего и то, и другое. Повседневный быт в такой перспективе — это суррогат военных сборов. Как «северные народы», отличающие десятки оттенков белого, шляхтич-мужчина был погружен в многослойную и размеченную шкалой интенсивности готовность убивать. Его хозяйство (фольварк) приспособлено, чтобы обеспечить взрослого здорового мужчину в военном походе. Было бы неверно видеть в фольварке модерного шляхтича институт контроля и принуждения, классового доминирования над подданными. Все эти следствия не являются чистым и незамутненным проявлением своей причины. Хозяйство богобоязненного христианина нацелено не на принуждение и подавление подданного, а на обязательство военной службы. Налоговые реестры и инвентари шляхетских имений показывают, что подданные-плательщики страдают от постоя воинов, платят налоги землевладельцу и сами не должны забывать о сабле и ручнице. Случается всякое, причем случиться может в любой момент.

Шляхтича, как это ни странно из перспективы права, перемолотого «чистосердечным признанием», нельзя заставить признаться или вступить с ним в судебную сделку. Если улик достаточно, то можно пригласить виновного понести наказание. Если улик недостаточно, схватить могут за нелегитимные угрозы расправой («похвалки» или «отповеди»). Если улик нет даже таких, то ответчик помнит, что его всегда ищет вооруженный мститель. Угроза расправой после Варшавского сейма 1588 г. допускалась только между равными по статусу, с записью в судебную

[423] В данном случае мы заимствуем термин из концепции Джорджо Агамбена, хотя его критика в адрес Ханны Арендт навязчиво держится за идею «голой жизни», метафорично описывающую ровно те же реалии, которые Аренд изучала, не пользуясь неведомым ей языком биополитики. См., например: *Агамбен Дж.* Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. С. 152–172.

[424] *Гирц К.* Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсуковой и др. М., 2004. С. 478–522.

[425] *Бурдье П.* Практический смысл / пер. с фр. А. Бибикова и др. М.; СПб., 2001. С. 215–217.

[426] *Старченко Н.* Честь... С. 137–138.

актовую книгу, если затем перед актом мести выдерживалась пауза в шесть недель, и суд при этом всё равно продолжал преследовать обвиняемого своими средствами. Если эта клаузула сеймовой конституции и была направлена на канализацию насилия, то скорее — как призыв к досудебному мирному соглашению. Многие ссоры между вооруженными людьми начинались со словесных оскорблений, угроз и приятельских потасовок. Эти вызывающие и оскорбительные словесные выпады («пофалки на здоровье, на маетность, на горло»), рукоприкладство и нанесение телесных повреждений оружием (например «плазом и тылцем» сабли) трудно отличить от объявления войны. Вызов звучит в публичном месте, минимум при свидетелях-домочадцах и гостях. Этого недостаточно, чтобы суд зафиксировал состояние войны между двумя шляхтичами. Война вспыхивала и затухала и без объявления, однако виновного тем проще было найти, что насилие, будучи частью идентичности шляхтича, не крылось за институциональным и дисциплинарным принуждением.

Преступное деяние, даже тщательно обоснованное, не позволяло изолировать преступника. Шляхтича вызывают в суд, устанавливая ему «роки» для явки. Если сам он в суд не является, его можно привести туда силком только по специальному предписанию суда. Никого нельзя задержать дольше, чем на три дня (шляхтичей) или три недели (простых людей). Даже поймав «с поличным», нельзя посадить в тюрьму иначе как по постановлению суда. И нарушитель этого правила становится разрушителем «общего» (а по сути — общественного) порядка и сам подлежит суду.

Мы бы сказали, сотни и тысячи потенциальных и уже состоявшихся убийц разгуливают на свободе. Не безбоязненно. Их могут убить в любой момент такие же, как они, они могут погибнуть в драке и потасовке или на дуэли. Их могут подстеречь старые враги. Поэтому суд выполняет функции несвойственные для эпохи «голого», вырванного из права на насилие человека. Суд фиксирует «похвалки», обещания убить и настигнуть, запугивания местью. Такой суд мало напоминает «суд» наших дней в принципе. Это скорее центр распределения насилия, контрольная инспекция, наделенная — Статутами, «ухвалами» сеймов, судебными постановлениями и стоящими за ними прецедентами — правом решать, в каких ситуациях насилие является злоупотреблением. Не отнимая самого права, а наоборот, каждым своим решением конституируя его.

Иски шляхтичей на своих обидчиков полны историй, отдающих готическим ужасом, неприкрытой иронией над жизнью как таковой. Это не жалобы, хотя в судопроизводстве они и называются «скаргами». Точнее было бы говорить о пограничном состоянии спорщиков, их готовности в любой момент, даже на суде обнажить саблю или аркебуз. Отстаивать учтивость, честь, право на смерть с оружием в руках. Убивать для шляхтича — это схватка, даже когда противник безоружный или когда происходит битва врукопашную. Граница прочерчена настолько отчетливо, что звучит как угроза всё время в виде метафор, а метафоры обходят прямое наименование и, в конечном счете, создают сакральное поле, где смерть уже не отличить от жизни.

Дубровицкие подданные попадают в жернова ссоры между кн. Андреем Курбским и местным шляхтичем, их обирают как липку, угрожают им смертью — всё это буднично и помножено на -дцать судебной жалобой, но со слов истца звучит цитата, слова сказаны на речной переправе в имении Углы: «Еще не один слуга князя Курбского тут в реке воду будет пить!»[427] А вот ссорятся между собой два непреклонных и весьма воинственных князя — Андрей Вишневецкий и всё тот же Андрей Курбский. Первый отказывается идти на уступки по спорному имению и угрожает противнику: «Пусть ждет от меня, как от тучи грому!» Два волынских чиновника бранятся, кн. Александр Ропский и Василь Гулевич. Князь угрожает Гулевичу, толкает его в грудь, а его слуги затаскивают шляхтича в замок, где впихивают в комнату со стоячим трупом. Подбрасывать труп на заключенного или к нему в яму было общей практикой. В этом было и memento mori, и пребывание виновного вместе со смертью — как напоминание о совершённом преступлении, о котором предстояло думать днями и ночами. Но есть и еще один подтекст у трупа в камере (яме) заключения — угроза. Василь Гулевич передает слова, сказанные ему кем-то из слуг. Намекая или даже кивая на труп: «Хочешь, злой человек, чтобы и у тебя кости не попадали — не сходи с этого места!»[428] Еще один пример. Матей Стемпковский обвиняется в том, что избил шляхтича Яна Бавора-Пилитовского и бросил его в тюрьму со словами: «Не вылетишь отсюда, птичка, пока не получу за тебя 16 тысяч злотых»[429]. Наконец, чуть более позднее дело. Начало XVII в. Бояре слуцкой шляхтянки Ма-

[427] КГЛ-14. Арк. 23 (10 марта 1573 г.).
[428] *Старченко Н.* Ув'язнення... С. 77–78.
[429] Там само. С. 77.

рины Слизневны шли своей дорогой мимо владений Яна Андреевича Зубцевича-Узловского, тот прилюдно учинил им такую «нофалку»: «Я... тепер вам руки поотрубаю и насмерть забъю, и огнем з домами поналю, у не буде перед очыма моими ходит по свету»[430].

Метафоры водоноя, грозовой тучи, стоячего трупа, пойманной птички, запрет ходить по белу свету — это взгляд в лицо самой смерти, прикрытой риторикой и овеянной флером учтивости. Учтивость шляхетской культуры конца XVI — начала XVII в. роднит с кодексом «хороших манер» придворного общества эпохи Просвещения прежде всего то, что знак еще не разорван на означающее и означаемое. Означаемое всегда рядом, оно кроется, как сама смерть, в церемониальном жесте и заглядывает в лицо человеку в момент схватки. Манеры в этом обществе — это завуалированная угроза. Исполнение ритуальных учтивостей равносильно прохождению инициации. Убийца перед убийцей кланяются и с помощью ритуальной последовательности признаются друг другу, что еще не время. И конечно, с рафинированными, почти поэтическими эвфемизмами соседствуют бесцеремонные солдатские угрозы. Часто в «отповедях» и «нофалках» звучит обещание своего противника «на штуки порубать» или просто «забить».

Полюбовная сделка достигается с большим трудом, обычно после того, как использованы все ресурсы для повышения ставок. Когда крыть больше нечем, Василь Гулевич идет на компромисс и признает, что обидел суд в лице князя Александра. Сошедшиеся на границе спорного имения отряды Курбского и Вишневецкого в какой-то момент сталкиваются в полном подобии битвы. Синяки, ушибы, сбитые шапки, гибнет даже одна лошадь. Это ритуал, в котором стороны прекрасно знают, что перейти грань ничего не стоит, но сдерживают себя всем комплексом опутавшего их правового прейскуранта, в котором каждый выпад имеет свою цену и смерть — легка.

Ее легкость не ведет к вседозволенности. Наоборот, это саморегулирующаяся система, в которой властные механизмы, в конечном счете — право убивать, распределены между участниками ритуала и допускаются лишь минимальные отступления от правил поведения, причем сценарии конфликта и его разрешения предсказуемы. Шляхтич знает, что за его смерть положена пеня, посильная для убийцы. Это 120 кон гр. «головщизны» (т.е. за «голову» убитого) и лишение свободы сроком на один год, с отягчающими обстоятельствами — на три года.

Читая список убытков слуг Курбского, столкнувшихся во Владимире-Волынском в марте 1572 г. с князем Дмитрием Булыгой Курцевичем и его спутниками, невозможно отделаться от мысли, что этот список не имеет отношения ни к какой реальности, кроме самой судебной церемонии. За своего убитого слугу, шляхтича и урядника, а по сути главного распорядителя и заместителя Курбского в его имении, князь Андрей Михайлович требует фантастическую сумму, превышающую 1650 кон грошей Великого княжества Литовского. Вполне вероятно, что это компенсация гнева из-за ничтожности «официальной цены» убийства. Но всё же показательно, что дальше появляются свидетельства того, как князь Дмитрий расплачивается за свои деяния. Вернемся к «делу» Стемпковского с Баворо-Пилитовским: получить за плененного 16 тыс. польских золотых можно было надеяться только в сказочном мире и в судебном блефе. При этом выкуп и пеня всегда значительно превышают стоимость смерти. Смерть должна быть не худшим решением для человека с саблей, его дома и герба-клана.

Помимо пени за убийство полагалось тюремное заключение, однако если сам шляхтич уклонялся от постановления суда и отказывался явиться, чтобы отсидеть положенный срок на дне замка, суд объявлял его «банитом» (от лат. *banitio*), на русском языке Великого княжества Литовского и Короны Польской — «выволанцем» (ср. польск. *wywołać*). Это значило, что ни один суд Речи Посполитой больше не защищал его в случае любого конфликта до тех пор, пока он не отбыл наказание, а убить такого изгнанника мог безнаказанно кто угодно, включая, конечно, и его жертву-истца или представителей погибшего в результате преступления. Суд не только формально разрешал убийство, но объявлял право на него. И, разумеется, в этой системе для шляхтичей всегда сохранялась проблема явки на суд. Можно было даже не заметить, как торг в этой политэкономии смерти приводит тебя к последней черте.

Тюрьма была лишь одним из возможных выходов, и со своими немалыми издержками. Угрожали прежде всего болезни, жестокое обращение и всё так же непредвиденные — самим шляхтичем не контролируемые — траты. Н. Старченко приводит пример обычной судейской коррупции, когда урядник уговаривает жену заключенного выплатить 20 кон гр. и подарить ему и двум его сотрудникам по коню, за что разрешает бросить

[430] КГСл-10. Арк. 116 — 116 адв. (27 февраля 1609 г.).

ее мужу матрац. Торг заканчивается на 20 копах деньгами. Предложение подписать соглашение, чтобы освободиться из тюрьмы, поступает от местного старосты уже не жене, а самому заключенному, и он отказывается, предпочтя тюрьму непомерным тратам и невыгодному завершению имущественных споров[431].

Шляхтичу должно было захотеться в тюрьму, и поскольку выбор между свободной смертью, непомерной расплатой и заключением становился всё более обременительным, тюрьма набирала популярность. От Первого к Третьему Литовскому Статуту, за короткий исторический промежуток между 1529 и 1588 гг., число упоминаний тюрьмы в литовском кодексе увеличилось более чем в 10 раз. Под конец столетия можно было угодить в нее за словесное (обычно — повторное) оскорбление чести шляхтича, необоснованное сомнение в его шляхетстве или законнорожденности, избиение с применением бытовых предметов. Заключение с 1588 г. широко практикуется и в тех случаях, когда еще Второй Статут рекомендует штраф (скажем, за избиение шляхтича палкой или вырывание ему бороды). Наконец, именно в Третьем Статуте закрепляется принцип талиона, открывший новую эпоху в освоении ветхозаветного права. Отныне осознанное нанесение телесных повреждений карается аналогичным истязанием преступника.

Вместе с ростом значения тюрьмы Н. Старченко отмечает в Третьем Статуте ряд пенитенциарных предписаний по содержанию заключенных — устанавливался обязательный финансовый минимум для их содержания. Закон грозил лишением чести и смертью всякому, кто попытается освободить пленника или убьет палача. Запрещалось улучшать условия содержания заключенного под страхом пени в пользу пострадавших от его преступления. Нельзя было при этом обогревать помещение камином и переводить его из ямы или со дна замка наверх. Впрочем, как правило, это было и невозможно. В Луцке тюремные помещения находились над воротами верхнего замка. В Кременецком замке заключенные помещались в башню под названием «куря ножка»[432].

Смертная казнь за убийство становится высшей мерой наказания, призванной не только, а наверное и не столько, ограничить насилие, сколько предоставить его во власть судов, превратив не суверена и не рациональную инстанцию вроде Панонтикума, а местный суд в верховного палача. Никакой иронии нет в том, как определялось тюремное заключение на Волыни рубежа XVI XVII вв., — «седене рыцерское»[433]. Любой шляхтич мог оказаться в ловушке судебной системы, стягивающей в единый узел всё больше полномочий. Урядники, будучи сами шляхтичами, должны были понимать, что их третейский статус прикрывает их личное участие в местных делах. Принимая приговор и следя за его исполнением, они обязаны были относиться к наказанному шляхтичу как к равному. В этой системе каждодневно кто-то терял очки, а кто-то приобретал, и невозможно себе представить преступника-рецидивиста, тюремного маньяка, серийного убийцу — эти чудовища позднейшей эпохи стали возможны потому, что общество лишилось права на оружие, права отбиваться и убивать нападающего. Смертная казнь за убийство в ходе вооруженного нападения, введенная Статутом 1588 г., не была еще запретом на сопротивление. Шляхта оставалась классом вооруженных людей, отвечающих своей жизнью за точность социальных жестов.

Смерть не уходит из судебных дискурсов, но на ее месте к 1620-м гг. образуется сложное сплетение из открытой шкалы наказаний и ограничений, с одной стороны, и молчания о применении наказаний — с другой. Сидеть в тюрьме отныне «бесчестно». Это больше не добровольный выбор, не одна из вершин в свободном обращении насилия, а позор для шляхтича, смыть который приходится выплатами, примирением с истцом, тайными договорами и подкупами, внесудебными полюбовными сделками. Н. Старченко делает вывод: «В шляхетском сообществе, где регулятором отношений выступали честь и добрая слава, которые в случае их ущемления следовало восстанавливать, судебное постановление и тюремное заключение воспринимались как оскорбление для "почтивости" шляхтича. Кроме того, кара тоже не останавливала враждебности, а возможно, только вела к ее эскалации, множа акты мести в расплату за нанесенное оскорбление»[434].

Выход из круговорота убийств и телесных повреждений — в просьбе о прощении («покуте»), которая в христианском обществе мыслится как долг перед Богом, а в судовой практике применяется для примирения сторон. Обычно это последняя точка в процессе, после него приговор вступает в полную и необратимую силу. Постановления Варшавского коронационного сейма

[431] *Старченко Н.* Ув'язнення... С. 79–80.
[432] Там само. С. 89.
[433] Там само. С. 90.
[434] Там само. С. 85.

1587–1588 гг. запрещали ограничивать уголовные процессы полюбовными соглашениями. Убийца должен был отбыть тюремное заключение[435]. Хотя само дело примирения не заканчивается расплатой — преступник должен был, выйдя из тюрьмы или заплатив деньгами, попросить еще раз прощения у жертвы, восстановив «стародавную приязнь»[436]. Иногда было недостаточно личных извинений, и шляхтич брал на себя обязательство попросить прощения перед всеми рыцарями, которые окажутся на уряде. Это был, конечно, суррогат публичных извинений, действенное средство для сдерживания насилия, поскольку его очаги держались за счет той или иной меры церемониальной, а чаще всего словесной эскалации.

Уйти или даже улизнуть от расплаты можно было тем же путем — явившись на уряд и принеся присягу в своей невиновности, т.е. публично заявив о ней и занеся соответствующее заявление в актовую книгу суда. Если у жертвы нет свидетелей и расследование не «довело» прямо на обвиняемого, то этот путь часто оказывался надежной лазейкой. Главное в таких случаях не исчезать и не уклоняться от преднисания. Труднее, если конфликтующие стороны принадлежали к разным конфессиям. Разница внутри христианства не играла роли, а вот евреям и мусульманам приходилось в таких случаях клясться своими священными текстами. Сам обряд присяги предполагал произнесение согласованного с судом текста, положа руку на Евангелие. Шляхтичи-христиане на рубеже XVII в. нередко отказывались от присяги и несли убытки, храня при этом верность заповеди не клясться[437].

Читая актовые книги, судебные иски, расследования, постановления, можно быстро привыкнуть к мысли, что воюют все против всех. Общество переполнено ненавистью, выжить может только наиболее сильный, защищенный техникой боя, боеспособными слугами, клановой поддержкой и деньгами. Люди встречаются, чтобы поссориться, учинить «бурды, вархол и звады» и довести до «гвалта». Это впечатление ложное. Риторика судебного противостояния вскрывает неожиданное качество шляхтича — глубокое исконное миролюбие. Иски обычно подчеркивают, что нападавший набрался злобы и непристойности («взявши злый а непристойный умысл», «пановнившися фурии и непотребного своволенства и унору» и т.д.), воспользовался беззащитностью жертвы, нарушил узы дружбы, вероломно злоупотребил доверием, использовал приглашение в гости. А главное, напал «без причины» на «людей спокойных». Конечно, Н. Старченко находит необходимые параллели подобным заявлениям — в Литовском Статуте и показывает, что ссылки на немотивированное поведение гостя апеллируют к кодексу, ограждающему гостя от насилия хозяев и наоборот (12 недель тюрьмы). Этот почти архетипический сценарий покушения в приватном пространстве находит развитие и многочисленные уточнения, когда речь заходит о публичной жизни шляхтича.

Право строго ограничивает теми же средствами нападения вне дома между соседями агрессию на плотинах и мостах, на проезжих дорогах. В храме кровопролитие было недопустимо в принципе и каралось не только казнью, но и церковным отлучением. На деле в церкви случались стычки с применением оружия, и судебные поверенные старательно записывали, каким оружием поноречено церковное имущество, в том числе у алтаря («у самого олтаря церкви Божее закону хрестиянского»). Впрочем, нередко из уст разгоряченного словесной перепалкой шляхтича звучит угроза убить или ранить противника, если только спор не случился в храме («гдебы не было в церкви»). Два других закрытых, очерченных нравом пространства — королевский замок, судебный уряд, сеймик. Их следовало уважать, не сметь переводить любой спор в вооруженную борьбу. Более открытым местом для конфликта, для сигнала «на гвалт» и публичных казней был рынок. Более нечистым и чреватым схваткой корчма[438].

Поединок начинается с вызова «на поединок», или «на руку». Слова или жесты одновременно выражают и сдерживают готовность биться. Сабля обнажена, в голосе нескрываемая угроза, в словах матерная брань: «Выходи, такой-сякой, бейся со мной!». Если вызванная сторона не является, то шляхтич-истец должен явиться на уряд для записи своей «скарги» или вызова в его адрес в актовые книги местного суда. Лишившись части инвектив, речь превращается в «отповедь», и поединок через шесть недель может снова быть передан на суд Божий. Впрочем, дворянский поединок не был прямым аналогом средневековых ордалий. Системообразующим началом для шляхтича была родовая честь, а ее защита — прямой обязанностью. Дуэль не вела к эскалации насилия, а наоборот, сдерживала и канализировала агрессию, обставляла защиту

[435] *Старченко Н.* Честь... С. 394–395.
[436] *Старченко Н.* Ув'язнення... С. 91.
[437] *Старченко Н.* Честь... С. 353–359.
[438] Там само. С. 137–161.

чести сложным ритуалом, несоблюдение которого было равносильно злоупотреблению правами. Шестинедельный срок, с одной стороны, был обычным сроком для переноса судебного заседания, и значит, устанавливал не только нижнюю границу вызова, но и дату, когда дуэлянты могли найти друг друга в честном бою. С другой стороны, противникам оставлялось немало времени, чтобы остудить пыл и примириться.

Дуэлянты пользовались институциональной поддержкой, но могли и обходить ее стороной. В таком случае с точки зрения суда поединок было не отличить от вооруженного разбойного нападения. Церковь и верховная светская власть в Европе стремительно отреагировали на новые формы насилия, ускользающие от запретов и вторгающиеся в их прерогативы. В 1564 г. дуэли были запрещены Тридентским собором, вплоть до лишения чести, имений и права на христианское захоронение. Французские монархи в этот же период запрещали поединки чести неоднократно, начиная с указа Карла X 1566 г. и заканчивая постановлением Парижского парламента 1599 г. Запреты на этом не прекратились, впрочем, как и дуэли. В Великом княжестве Владимирском и Московском, а затем Российском царстве, Судебники 1497 и 1550 гг. узаконили судебное «поле», лишив дворянство права на тайное кровопролитие. В литовских и коронных землях с начала XVI в. известны санкционированные королевской властью ордалии-дуэли, на которых конникам разрешались деревянные копья, а пешим — мечи и корды, но запрещались короткие колющие виды оружия типа ножей.

Интеллектуалы Речи Посполитой потратили немало чернил и красноречия, чтобы ограничить или даже запретить дуэли. Критика звучала и открыто, и под видом борьбы с вызовами (право на вооруженное сопротивление насилию признавали все политические мыслители). Сейм 1588 г. принял даже специальную конституцию о дуэлях, наложив штраф на бретеров в полгода тюрьмы и 60 гривен и усугубляя наказание специальными предписаниями в зависимости от последствий поединка. Смерть противника вела убийцу на эшафот. Впрочем, в подтексте постановления была очередная попытка узурпировать право на дуэль в руках короля и сенаторов. В феврале 1574 г. республику потрясло «дело» Самуила Зборовского, который во время поединка с Яном Тенчинским смертельно ранил перемышльского каштеляна Андрея Вановского и вынужден был скрываться, лишившись имущества и права на пребывание в землях Короны и Литвы. Десять лет спустя он вернулся, но был казнен под влиянием, как многие считали, лично коронного канцлера Яна Замойского. Многие шляхтичи и сенаторы поддержали Зборовских против канцлера и короля, и ореол мученика за честь и борца против тиранов окружил дуэлянта. Тайной приверженности к дуэли как залогу свободы от королевской тирании только способствовали церковные и сеймовые запреты. Официальное разрешение сражаться на дуэли допускалась отныне только «за великими и знаменитыми причинами». И как замечает Н. Старченко, простым шляхтичам нечего было и мечтать о схватке, если у истоков конфликта — украденные свиньи или гуси[439].

Был ли в поединке королевского ротмистра и многолетнего соратника с виленским воеводичем тот структурный вес, который позволил бы говорить о Виленской бойне в терминологии Эммануэля Ле Руа Лядюри как о «матричном событии» (*événement matrice*)? Незадолго до рокового столкновения на улицах столичного Вильно началось восстание в городе Роман (Дофине) во Франции. Оно вспыхнуло из карнавала и обернулось вспышкой насилия, в которой все местные социальные слои приняли участие, обнажая пределы в полномочиях королевских властей в сборе налогов и ценообразовании, доминировании знати над низами и духовенства над местной религиозностью[440]. Грани между дозволенным и табуированным снимаются в карнавале, семантическая неопределенность ведет к скрещиванию культурных кодов, а те в свою очередь вносят непредсказуемость и развитие по взаимно асимметричным и неконгруэнтным сценариям.

Владимир Семенович Заболоцкий не был пригоден, чтобы сенатор уровня каштеляна троцкого позволил себе убить его на дуэли. До постановлений нового Литовского Статута в апреле 1580 г. было еще далеко. Убить шляхтича в случайной стычке, где даже непонятно кто зачинщик, а кто умиротворитель, ничего не стоило. Это был обычный ход событий: убивали всех, не здесь, так в походе. Это не значит, конечно, что смерть Владимира не могла быть всего лишь неленой случайностью. И само это предположение не значит, что в такой же редакции оно не могло прозвучать в доме литовского канцлера в ночь перед бойней, чтобы послужить основанием для Радзивиллов эту случайность инсценировать. Публичное уни-

[439] Там само. С. 215.

[440] *Le Roy Ladurie E.* Le Carnaval de Romans: De la Chandeleur au mercredi des Cendres (1579–1580). Gallimard, 1986.

жение воеводы виленского и каштеляна троцкого было для многих очевидным, и была угроза, что Владимиру его выходка сойдет с рук. Как потом отмыться от случившегося? В окружении придворных, при короле нагрубить всей Литовской раде в лице Криштофа Радзивилла, а потом еще и побежать вымаливать посредничество у остальных сенаторов, — мало того, что покушение на честь, это еще и раздувание, разглашение скандала под видом посредничества!

Даже если за убийство пришлось бы расплатиться «гривной» и услышать отповедь от короля — всё лучше, чем бесчестье. Сцена покушения была продумана и драматически разыграна. Что было задумано, а что получилось случайно, нужно было еще разобраться, а на следствие едва ли было время перед началом Московского похода. Последствия оказались более стремительными и болезненными, чем могли надеяться Радзивиллы. Однако ход мыслей, который может быть сконструирован из исследований шляхетского *Ars moriendi*, не оставляет никаких сомнений, что причиной нападения на Владимира Заболоцкого было спланированное покушение, позволявшее не только расправиться с зарвавшимся ротмистром и крупным растущим землевладельцем. Передача земель Владимира другим королевским фаворитам, переход командования отрядом московитов к Агишу Сарыхозину, вполне умеренный гнев Стефана Батория и, вероятно, что-то еще (предположим, даже казнь Григория Остика) не были так страшны, как перспектива лишиться достоинства и унизиться перед малохольным и задиристым выскочкой-полумосковитом, полувенгром. Вряд ли жертва этой спасительной акции осталась в неведении о смертельной угрозе, даже если посредничество Сената входило в сценарий Владимира. Перейдя ли черту, случайно ли оказавшись за ее пределами, Владимир обрекал себя на противостояние с механизмом, в котором ни король, ни публичная защита не могли спасти его от расплаты. Избежать смерти Владимиру Заболоцкому было гораздо труднее, чем умереть.

ОДНОПОЛЧАНЕ: Тетерины и Сарыхозины

Письмо во власть

Судьба дворян и детей боярских, переехавших на королевскую службу в первые годы Ливонской войны, часто почти неизвестна. Крупнейшими эмигрантами «в тени» кн. А.М. Курбского и В.С. Заболоцкого были, судя по вниманию к ним Посольского приказа, Тимофей Иванович Тетерин Пухов и братья Сарыхозины. Их портреты вырисовываются не так полно и многосторонне, как образы боярских аристократов, однако в ряде случаев источники позволяют представить их биографии, социальные связи и самосознание в новом отечестве. В этой работе мы остановимся на истории Тетериных и Сарыхозиных.

В московском прошлом этих двух фамилий много неясного и обрывочного.

Сын боярский, стрелецкий голова Т.И. Тетерин был представителем разветвленного рода нижегородско-суздальских нетитулованных землевладельцев, который был полностью «изведен» и прекратился в правление Ивана Грозного. В синодиках опальных Ивана Грозного названо в общей сложности 22 казненных представителя этой фамилии. Сама цифра свидетельствует о целенаправленном массовом убийстве, постигшем род, и о том, что после смерти царевича Ивана царь Иван Васильевич видел в этом убийстве бессмысленный акт жестокости.

Тетерины были заметны на дьяческих и военных ролях уже в правление Василия III. Дед Тимофея Василий Борисович Тетерин упоминается с 1508 г., а в 1515 описывает Шелонскую пятину Новгородской земли[1]. В 1516 г. ездил с имперским послом Б. Панталеоне в Священную Римскую империю[2]. Тимофей родился в семье Ивана Васильевича Пуха, служившего дьяком в 1536–1549 гг. Имя Ивана Пуха было внесено в Дворовую тетрадь, а затем на полях напротив отмечено «стар». Брат Ивана Васильевича Селиван погиб в Казанском походе 1552 г. Тимофей Иванович наряду с другим своим дядей, Иовом, был записан в Тысячную книгу по Суздалю и в Дворовую тетрадь по Можайску. Участник походов на Казань в 1549 г. «у коня государева» и в 1555 г. головой сольвычегодских татар, он достигает поста стрелецкого головы и в этом качестве принимает участие в походах на Астрахань в 1556 и в Ливонию в 1558–1559 гг. После этого на несколько лет его имя исчезает из источников[3].

Около 1563 г. Тетерин был насильственно пострижен в монахи под именем Тихон и какое-то время провел в ссылке на реке Сие, в Троицком Антониево-Сийском монастыре: «А твое, господине, честное юрьевское наместничество, — позднее напишет он М.Я. Морозову, — не лутчше моего Тимохина чернечества»[4]. Действительно, Морозов получил назначение на пост воеводы в дальний окраинный Юрьев, прослывший тем, что там в конце 1560 г. при загадочных обстоятельствах умер царский фаворит А.Ф. Адашев, а весной 1564 г. оттуда же, покинув пост воеводы, бежал кн. А.М. Курбский[5].

Материалы следственного дела о побеге Тетерина хранились в царском архиве и погибли вместе с ним к началу XVII в. Скупые описания

[1] *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования / вступ. ст. К.В. Петрова. М.; СПб., 2007. С. 179–180. Примеч. 2.

[2] ПДС. Т. 1. С. 174, 196, 206, 232; СИРИО. Т. 53. С. 5, 6, 12; BCz. TN. Rkps 32. S. 431–432 (N 131) (Ответ короля Сигизмунда I Балтазаре Панталеони, 1516 г.).

[3] Данные о предках и ближайших родственниках Т.И. Тетерина обобщались неоднократно: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 453–455; ГАР. Ч. 3. С. 514–516; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 187–188.

[4] РИБ. Т. 31. Стб 490.

[5] Подробнее см. здесь в главе «Побег».

документации, составленные, видимо, в 1570-е гг., донесли до нас совсем немного о содержании дела Т.И. Тетерина[6]. В монастырь его провожал будущий опричник Григорий Дмитриевич Ловчиков. В.Б. Кобрин отметил, что Ловчиков принимал участие в Полоцком походе, и предположил, что конвоирование Тимофея Тетерина состоялось уже после похода, т.е. не ранее середины февраля 1563 г.[7] Р.Г. Скрынников за ante quem non опалы принимал отправление Василия Гундорова Тетерина с посольством в Швецию, закончившееся присылкой «Грамоты от свейского короля ко государю под Полотеск с Ваською Тетериным». Под Полоцком Василий местничался с дворянином В.П. Мухиным-Карновым. Из всего комплекса данных сделан вывод: «Можно не сомневаться, что власти ни в коем случае не отпустили бы Ваську за рубеж, если бы его брат Тимоха подвергся опале уже к тому времени»[8]. А.А. Зимин обнаруживает огрех в рассуждениях Р.Г. Скрынникова: Василий Гундоров принадлежал к другой ветви Тетериных и не являлся ближайшим родственником Тимофея Ивановича[9].

Причиной пострижения и заключения, а затем побега Тетерина могло послужить обвинение в крупном государственном преступлении. Иван Грозный уже в начале 1580-х гг. писал: «А Курбской и Тетерин не для нашего окрутенства побежали, для своего злодейства, что были они на наш живот помыслили. И мы хотели их за измену казнити, и они от тово побежали. А Тимоху были есмя и пожаловали, а велели есмя его постричь по своему закону. И он, сметав плате черецкое, да в Литву збежал, да нынеча кров крестьянскую проливает»[10]. Слова царя о заговоре не вносят ясности, однако они не являются только риторикой. К примеру, перебежчиков В.С. За-

Князья Петр Шуйский и Андрей Курбский сообщают Ивану Грозному о взятии Новгородка (Нейгаузена). Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Запись от 6 июля 1558 г. См.: Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века в 10 книгах. Кн. 9. Синодальный том. М., 2006. С. ??? (л. 361 об.).

---

[6] Следственное дело Т.И. Тетерина и приложения к нему хранились в ящике 223 царского архива: «посылка на Двину в Сейский монастырь Тимохи Тетерина з Григорьем Ловчиковым; дело Ондрея Кашкарова да Тимохина человека Тетерина Поздячка, что они Тимохиным побегом промышляли» (ОЦА. М., 1960. С. 43; цит. по: ГАР. Ч. 1. С. 94–95; Ч. 3. С. 514–516).

[7] *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. М., 2008. С. 48–49.

[8] *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 215; *Его же.* Царство террора. С. 187–188. Из цитаты удалена ссылка. В издании 1992 г. исследователь никак не отреагировал на критические замечания А.А. Зимина и сохранил свою точку зрения без изменений.

[9] ГАР. Ч. 3. С. 515.

[10] ПК-78-1. Л. 276 – 276 об.; ВК-982. S. 171. Публ. по 1-й книге сношений с Ватиканом см.: ПДС. Т. 10. Стб 226.

болоцкого и Д. И. Бельского царь в заговоре не обвинял. Сходство в обвинениях в адрес Курбского и Тетерина, а также характер расправы над Тетериным свидетельствуют в пользу того, что Тимофей подозревался в государственной измене или, что было вариантом того же обвинения, вступил в конфликт лично с царем. Судя по тому, что Курбский и Тетерин упомянуты царем в одной связи, они оба проходили по одному обвинению. Нельзя исключать и выдвигавшуюся исследователями версию о связи следственного дела Т. И. Тетерина с судебными процессами того же времени против Избранной рады, князя Владимира Андреевича Старицкого и литовской княжеской элиты, выступавших против войны с Великим княжеством Литовским.

Тетерин не смирился со своим заключением. Его любили сослуживцы, чьей помощью он и воспользовался. Соратники поддержали Тетерина, освободили его и вместе с ним перешли на сторону короля. При содействии своего слуги («человека») Поздячка и стрелецкого головы А. Ф. Кашкарова он бежал в Литву[11]. В отчете московских послов в Речи Посполитой за 1571 г. в одном ряду с Тетериным и Кашкаровым упомянут также Х. А. Валуев[12], а по предположению А. Л. Хорошкевич, в монастыре на р. Сие Тетерин мог познакомиться с бывшим троицким игуменом Артемием, также бежавшим в Великое княжество Литовское[13]. С Кашкаровым Тетерина связывали давнишние совместные службы. Войну в Ливонии Тетерин начал в стрелецких головах в первом же, Январском походе 1558 г. вместе с Григорием Кафтыревым[14]. В том же году Тетерин и Кашкаров вместе командовали пятью сотнями стрельцов, которых направили в Ивангород с ратью боярина А. Д. Басманова и Д. Ф. Адашева, собранной из детей боярских новгородской Вотской пятины. Рать завоевала Нарву (Ругодив) и Нейгаузен (Новгородок). В феврале и июне 1558 г. Тимофей дважды удостоился особо высокой чести: привозил царю Ивану повость от кн. М. В. Глинского (ездил вместе с кн. В. И. Барбашиным) и от Андрея Шеина — о взятии Дерпта, того самого Юрьева, куда позднее он совместно с Умаром Сарыхозиным направил свое послание Михаилу Морозову. Царь припомнил это эмигранту, не скрывая прошлых успехов врага на московской службе: «Какову еси страдническую [службу] и делаешь, и какой еси грамоты к нам привозил от Андрея от Шеина, коли первое с маистром наши люди виделися в нашей отчине Лифляпской земле!»[15]. Как верно служил — и до чего докатился?.. Позднее Тетерин, возможно, вместе с Кашкаровым, под командованием воеводы Бориса Колычева служил в яртоуле, направленном на пленение магистра Вильгельма Фюрстенберга. Его полк оказался на острие сражения с отступающими немцами. Неясно, тогда же или уже в декабре 1559 г. Тетерин и князь Глеб Оболенский вновь преследовали магистра и взяли в плен 23 немца. При этом А. Кашкаров по приказу из Юрьева возглавил сотню стрельцов на выручку Лаису (Лаюсу), который осаждал отряд магистра[16].

Фронтовая дружба оказалась долговечной.

О вопиющей несправедливости пострижения Тетерина напоминали составители письма М. Я. Морозову Тимоха Тетерин и Умарко Сарыхозин. К ним, возможно, присоединился кн. А. М. Курбский. Р. Г. Скрынников приводит текстологические аргументы в пользу того, что «Сарыхозин и Тетерин читали письма Курбского царю и Вассиану Муромцеву либо боярин обсуждал с ними их послание Морозову»[17]. Послание Морозову получило поистине широкую известность среди московских книжников. Оно входило в «Печерские сборники», и видимо, там и начало свой путь в московскую книжность. В середине XVII — начале XVIII в. Первое послание Курбского, Послание Тетерина и Сарыхозина и вторая пространная редакция Первого послания Ивана Грозного бытовали в составе «Хронографа». Этот комплекс текстов вошел в дополнения к «Степенной книге» и в «Хронограф на 400 глав». В сознании читателей грамотка Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина срослась с Перепиской Ивана Грозного с Андреем Курбским. Конечно, только с ее частью: Второе послание царя известно читателям не было. Письмо, как и прочие материалы из «Печерского» конвоя, было написано в Вольмаре, возможно при участии кн. А. И. Полубенского. Составлял его, по всей видимости, Тимофей Иванович

[11] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 187–188.

[12] СИРИО. Т. 71. С. 807; *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 84. О Валуеве см. также: ЛМ-49. Л. 79 об. (Варшава, 21 августа 1570 г.); ЛМ-49. Л. 79 (Варшава, 21 августа 1570 г.); ЛМ-266. Л. 341, то же: ЛМ-267. Л. 223 (Варшава, 4 октября 1568 г.).

[13] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 2. Статьи и комментарии. М., 2009. С. 221–222.

[14] *Пенской В. В.* Очерки истории Ливонской войны: От Нарвы до Феллина. 1558–1560 гг. М., 2017. С. 45, 48–51.

[15] ПИГ. С. 212, 655. Примеч. 3 (автор — Я. С. Лурье).

[16] ПСРЛ. Т. 13. С. 293–295, 303–304, 322.

[17] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 48.

Тетерин. Именно он говорит в первом лице о своем «чернечестве». Однако Умар Сарыхозин был рядом и должен был восприниматься как соратник Тимофея, как его собрат по общей беде, соучастник побега. «Умарко» или «Марк», как его часто писали в рукописной традиции Послания, Умар Васильевич Сарыхозин был образованным, книжным человеком.

Послание известно только в московской рукописной традиции XVII–XVIII вв.[18] На первых порах его бытование тесно связано с «Печерским сборником», в котором точнее было бы видеть подборку следственных материалов о побеге «изменников» весной 1564 г.[19] В «Печерском» конвое Послание известно в рукописях с 1620-х гг. Всего — 8 списков. В конвое хронографов известно 6 списков этого послания середины XVII в. — 1720-х гг. В составе «сборников Курбского» Послание появляется, начиная со Сборника Синодального вида конца 1670-х — начала 1680-х гг. Это — еще 23 списка. Всего, таким образом, известно 37 списков этого сочинения, две трети из которых — в составе «сборников Курбского». Важным текстологическим подспорьем для составления генеалогического древа списков Послания служит ответ на это письмо самого Ивана Грозного, написанный 12 сентября 1577 г. и содержащий прямые ссылки на Послание Тетерина-Сарыхозина. Все они сводятся к двум оборотам: во-первых, о М. Я. Морозове, «что он, сидя в стрелнице», и, во-вторых, «а его наместничество юрьевское таково, что мы, ему не верячи, держим жену и дети в закладе»[20]. Наличие таких или близких чтений в не дошедшем до нас экземпляре, которым пользовался Иван Грозный, говорит о безусловной первичности известных по поздним спискам вариантов «а жену и детей у тебя взял в закладе» и «в стрелне сидя». Списки «Хронографа» второй половины XVII в. (РНБ F.IV.598 и СПбДА А-1/91) в данных случаях вторичны. Отрывка «и детей» в них вообще нет, а чтение «в стрелне» искажено до «в стрелно». Впрочем, у царя Ивана мы видим переиначенный вариант «в стрелнице» (который неизвестен в списках Послания Тетерина-Сарыхозина), и это усложняет задачу при установлении первичных чтений[21].

С творчеством кн. А. М. Курбского это письмо объединяют отдельные библейские словосочетания. Однако куда важнее общий для Первого послания князя и для письма его нетитулованных соотечественников дух протеста против несправедливых обвинений в измене. Всех этих «изменников» объединяет возмущение в ответ на то, что их так называют. Основной упрек Т. И. Тетерина М. Я. Морозову — вы ничем не лучше нас, мы беглецы, я даже расстрига, — говорит о себе Тимофей, — но вы-то холопы у государевых «верников»-дьяков, вы слушаете их приказов (в том числе, конечно, подразумевалось расследование по «изменным делам»). Апостолы и Христос велели спасаться от гонений. И перебежчики бежали только тогда, когда несправедливое преследование стало для них неизбежным, а сам Тимофей был против желания пострижен в монашество. Конечно, он это пострижение просто не признал и с себя «сбросил». Сходство с известными текстами кн. А. М. Курбского в этом письме весьма знаменательное. Уже в Первом послании царю князь также возмущается, что невиновных слуг называют «изменниками», а позднее это станет предметом особого пассажа в предисловии к «Новому Маргариту» и неоднократно будет обсуждаться в «Истории». Незаконное пострижение Курбский также не признавал, опираясь на пример князя-монаха Вассиана Патрикеева. А к дьякам кн. А. М. Курбский относился точно так же негативно, считая их выскочками и глупцами, которые заправляют государственными делами без знания дела. Впрочем, наиболее таинственная часть письма — последние слова. Здесь отправители бранят воеводу, что он, как и другие знатные слуги царя, готов пожертвовать своей жизнью и погубить свою жену и детей. Слова о том, что отцов «побили без правды» точно повторяются в Первом послании Курбского и, вероятно, намекают на одну из самых болезненных тем переписки между Вольмаром и Юрьевом. Можно предположить, что перебежчики, а может быть — и кн. А. М. Курбский вместе с ними пытались вызволить из России свои семьи и вели переговоры об этом с новым юрьевским наместником.

В Москве о переписке должны были узнать молниеносно. Семьи всех перебежчиков были

[18] *Рыков Ю. Д.* Письмо Тимофея Тетерина и Марка Сарыхозина к боярину М. Я. Морозову: К вопросу о ранней истории текста // Чтения памяти В. Б. Кобрина. «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма»: Сб. тез., докл. и сообщ. Москва, 28–29 янв. 1992 г. / отв. ред. В. А. Муравьев. М., 1992. С. 159–160; *Морозов Б. И.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке странствующего монаха Ионы Соловецкого (к вопросу о распространении переписки в конце XVI–XVII в.) // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. Moscow, 1997. С. 486–487. Благодарю за консультацию В. Н. Козлякова.

[19] Об этом см. в главах «Побег» и «Экстенсивное чтение».

[20] ПИГ. С. 212.

[21] См. здесь *Приложение III*.

обречены. И нам точно известно о заточении княгини Курбской — супруги князя Андрея Михайловича и их еще маленького сына (мать князя тоже окончила свои дни в монастыре и, возможно, была пострижена насильственно). Убийство в России родичей «изменников» станет одной из самых болезненных тем в «Истории» кн. А. М. Курбского. Впрочем, у него самого в Речи Посполитой еще образуется новая семейная жизнь и два брака, из которых второй принесет наследников и продолжателей рода князей Курбских Ярославских. А вот Тимофей Тетерин и Умар Сарыхозин, возможно, были еще молодыми и трудно сказать, состояли ли вообще в браке в России. Агиш Сарыхозин будет пытаться еще много лет спустя создать семью в Речи Посполитой, а у его брата Алексея в местном браке родится двое детей. Тимофей Тетерин тоже женится в Великом княжестве Литовском, не обращая внимания на свое былое монашество.

Царь считал, что пострижение Тимофея было законным, а его отказ от «платья чернецкого» воспринимал как религиозное предательство. Уже в Первом послании Курбскому Иван IV, ссылаясь на Иоанна Лествичника, с возмущением пишет: «Или мниши праведно быти, еже от единомысленников твоих учинено, еже иноческое одеяние свергше и на крестьян воевати?.. Много же и не в Тимохину версту обрящеши, тако же постриженных, и не поправших иноческого образа, глаголю бо и до царей»[22]. За ссылкой царя на Иоанна Лествичника скрывалось подспудное несогласие современников с действиями великих князей. Так, лично испытавший насильственное пострижение в монахи Вассиан Патрикеев в своей редакции Кормчей книги внес существенные дополнения, запрещающие обращать в монашество без согласия постригаемого[23]. Пострижение в качестве замены смертной казни не было редкостью в годы террора. Во многих случаях царь не останавливался на достигнутом и продолжал тщательно следить за заключенными, которых расправа могла настигнуть и в монастыре. Княгиня Евфросинья Старицкая была по указу царя убита уже в монашестве. Кн. П. М. Щенятев был сначала пострижен и лишь затем казнен. В «Истории» А. М. Курбского приведены чудовищные подробности убийства монаха И. Б. Колычева, «отправленного на небеса» взрывом пороховой бочки. Не остановило царя и заключение в монастыре бывшего митрополита Филиппа. Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. также говорит о том, что в братии монастыря были такие, которые видели в И. В. Шереметеве Большом и подобных ему монахах политических заключенных, и именно к таким «заблуждающимся» царь обратился со своим правоучением.

Был ли Тетерин главой вымышленного заговора или подлинным преступником? Курбский в боярско-дворянском мартирологе своей «Истории» не связывает гонения, с одной стороны, на Тетериных и Кашкаровых, а с другой — на Сабуровых Долгих и Сарыхозиных, но и причины гонений не обсуждает. Впрочем, интерес вызывает «кольцевая композиция», в которой Курбский повествует о казнях Сабуровых, затем Кашкаровых и Тетериных, затем повествует о «погублении» рязанских «обронителей краин християнских» Д. Чулкова и Ф. Булгакова, о расправах опричников на Дону и на Северской земле, а после этого снова возвращается к Сабуровым. В этом повествовательном «кольце» содержатся рассказы об опричных карательных миссиях против воевод и служилых людей. Первая — на Дон во главе с Ф. А. Басмановым: были казнены на месте В. Курлятев и Г. С. Сидоров, а после осады города татарами «кромешники» приехали, чтобы убить князей Андрея и Никиту Мещерских и Г. И. Степанова, которые погибли во время осады. Вторая — на Северщину: родич Курбского кн. А. Ф. Аленкин погиб до прибытия опричников, но его семья была подвержена опале, конфискации имущества и переселению[24]. Повшество в опричной политике на военных постах, прежде всего в молниеносных и по существу бессудных расправах. Можно предположить, что приезду опричников предшествовал в каждом случае «извет» царю, иначе невозможно объяснить адресный порядок казней. Окраинные служебные посты, как видно, были местами конфликтов, в которые всё чаще вмешивались царские каратели, выполнявшие функции чрезвычайной военной полиции и имевшие право казнить приговоренных.

Собственно, царь Иван IV позднее обсуждал только причины побега Т. И. Тетерина. Сарыхозиным, как и Владимиру Заболоцкому, он никакого «злодейства» до их побега не приписывал[25].

[22] ПИГАК. С. 17.

[23] Об этом см. наблюдения Л. В. Мошковой в кн.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в. РГАДА. Вып. 1: Апостол–Кормчая. / сост. О. В. Беляков и др.; под ред. Л. В. Мошковой. М., 2006. С. 468.

[24] СК. Л. 99 об. — 102 об.

[25] ПК-78-1. Л. 276 — 276 об.; ВК-982. S. 171. Публ. по 1-й книге сношений с Ватиканом см.: ПДС. Т. 10. Стб

А.М. Курбский в боярско-дворянском мартирологе своей «Истории» не связывает гонения, с одной стороны, на Тетериных и Кашкаровых, а с другой — на Сабуровых Долгих и Сарыхозиных, но и обвинений в их адрес не обсуждает[26]. После бегства Т.И. Тетерина и братьев Сарыхозиных их семьи в России были подвергнуты репрессиям. По сообщению Курбского, вместе с Андреем и Азарием Кашкаровыми были казнены Василий и Григорий Тетерины, а Сарыхозины «всеродне», т.е. весь род, и вместе с Сабуровыми Долгими (Долгово) — «вкуне осмьдесят душ со женами и з детками»[27]. Курбский увековечил в мартирологах «Истории» память об уничтоженных и понавших в опалу родственниках своих соотечественников. С Сарыхозиными, в том числе Умаром и Агишем, как мы увидим, он поддерживал дружеские и деловые отношения в эмиграции.

Согласно источникам московского происхождения, в 1563 г. были сосланы в Казань брат перебежчика Осин Иванович Пухов, двоюродный брат Тимофея Василий Иевлев, а также Семейка, Григорий, Ширяй и Михаил Тетерины. Их ссылку С.Б. Веселовский связывает с тем, что «в 1563 г. Тимоха Иванович Пухов, сосланный в Сийский монастырь, бежал оттуда в Литву»[28]. Р.Г. Скрынников пишет об одиннадцати представителях рода, сосланных в Казань после побега Тимохи[29]. Однако связь между опалой Тетериных и следствием над Т.И. Тетериным, если она и существовала, могла быть обратной: ссылка Тетериных в Казань могла быть результатом тех же событий, которые привели к заключению Тимохи в монастырь и его бегству за рубеж.

Сходная проблема ожидает нас в оценке «дела» Сарыхозиных. С.Б. Веселовский считает, что их казнь «всеродне» связана с побегом Марка Сарыхозина[30]. Но как именно связана — как причина или как следствие — остается в области догадок. На обстоятельства побега Сарыхозиных косвенно намекают слова В.С. Заболоцкого, сказанные им в порыве гнева на приеме московского посольства в 1579 г. Владимир был оскорблен тем, что в посольском наказе он был назван изменником, и бросился доказывать послам, что не является изменником царя Ивана. Изменники — это такие, как Агиш Сарыхозин[31]. Это грубое оскорбление в адрес соотечественника не повлекло за собой прямого столкновения. По крайней мере, никто из героев этой драматичной сцены не лишился жизни, как это произойдет чуть позже — в апреле 1580 г., когда за обмен подобными неучтивыми словами с каштеляном троцким К. Радзивиллом Перуном Заболоцкий поплатится головой[32]. Если перед нами не просто пылкий протест, то можно задуматься, почему в отличие от себя Заболоцкий мог считать Агиша «изменником». Изменой переход Заболоцкого на королевскую службу был бы, если бы он дезертировал в военное время. Однако его появление при дворе Сигизмунда II Августа относится примерно к 1555–1556 гг., когда между царем и королем соблюдалось перемирье. А вот Сарыхозин бежал уже в период войны. Если своей выходкой Заболоцкий хотел сказать только это — что не противоречило и тому, как господарская дипломатия защищала честное имя кн. А.М. Курбского[33], — то он подчеркивал лишь различие между эмиграцией в мирное и военное время и указывал на то, что и так было всем известно: Агиш и его братья выехали на королевскую службу уже после 1561 г. Но связи между побегами Тетерина и Сарыхозиных этот сценарий не исключает.

Сарыхозины, Кашкаров, Валуев, Щенятин и другие царевы служилые люди перешли границу примерно в одно время с Тетериным. С Сарыхозиными могло выехать какое-то количество их слуг и челяди. Много лет спустя на королевском суде в Варшаве «умоцованый» (поверенный) юного Матфея Сарыхозина, о котором речь еще впереди, обвинил местного шляхтича Войцеха Сосницкого в нападении на имения его отца и дяди и заметил, что захваченная этим шляхтичем челядь «через дядка его небощика Акгиша Сарихозина з Москвы приведена»[34]. Впрочем, нельзя исключать, что речь здесь идет о захвате в плен и превращении в челядь московитов Агишем уже во время его походов на Российское государство в польских и литовских войсках. Вполне оправдывается другая формула, которую можно встретить в документации Речи Посполитой в отношении Сарыхозиных. Так, Агиш бе-

226.

[26] СК. Т. 2. Л. 99 об. — 102 об.

[27] СК. Л. 100, 102 об.; ПИГ. С. 588; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 440.

[28] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 153.

[29] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 187–188.

[30] Там же. С. 442.

[31] ПК-79-11. Л. 117 — 118 об.

[32] См. здесь главу «Последний день Владимира Заболоцкого».

[33] Ср. ответ литовских дипломатов московским в оправдание побега Курбского: «...изменник то, которые городы сдают, да отъезжают, а Курбской от горла побежал, и та измена легка» (СИРИО. Т. 71. С. 540; *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 21).

[34] ЛМ-285. Л. 296 об. (Варшава, 15 ноября 1597 г.).

жал из России, «бросив семью и всё имущество» ("familią y wszystko swe")[35]. Однако упоминание «семьи» Агиша в Москве не значит, что перед побегом он был женат. В документации эта формула использовалась для определения не только брака, но и родичей одного «дома», геральдического «рода» и «нации»[36]. Какая именно «семья» подразумевается в данном случае, трудно сказать.

Тимоха Тетерин своим побегом, можно сказать, прославился на международном уровне. Московские представители в Речи Посполитой постоянно получали от царя и Посольского приказа инструкции обращаться с Тетериным как с изменником и расстригой[37]. Последним в ряду с А.М. Курбским и В.С. Заболоцким или вторым после смерти Заболоцкого он упоминается в тех же наказах и в переписке Ивана Грозного со Стефаном Баторием 1577–1581 гг.[38] В наказах посланникам Богдану Борисовичу Воейкову и Семену Григорьевичу Ододурову в конце апреля — начале мая и в июле 1583 г. Тимоха Тетерин значится уже первым изменником, опережая Давыда Бельского[39]. А позднее он первым получит прощение, когда ни Курбского, ни Заболоцкого уже не будет в живых. Если боярину Курбскому и сыну боярина Заболоцкому роль скандальных авантюристов была по «чину», то злая слава стрелецкого головы, хотя и происходившего из старинного и видного рода, была всё же признаком своего рода демократизма, характерного еще для времени Избранной рады и своеобразно отразившегося на опричной политике.

Внешность Тимофея Ивановича в момент побега красноречиво изображает Г. Штаден: «страшась немилости великого князя, он постригся в монахи и в камилавке явился к королю»[40]. Из этого следует, что перебежчики притворились странствующими монахами. Легенда о бегстве Григория Отрепьева как будто возникла на основе биографии Тимофея Тетерина. В этой связи вызывает интерес гипотеза А.Л. Хорошкевич, которая полагает, что в Сийском монастыре Тихон Тетерин «встретил Артемия»[41]. Нет данных об отбывании бывшим игуменом Троице-Сергиева монастыря старцем Артемием ссылки в Антониево-Сийском монастыре. С другой стороны, общепринято, что Артемий бежал в Литву вскоре после того, как был отлучен от церкви (конец января 1554 г.) и отправлен в заточение в Соловецкий монастырь (около 1554–1555 гг.)[42]. Однако в царском архиве следственные материалы церковных «соборных дел» середины 1550-х гг. и «грамоты о побеге, как Ортем побежал с Соловков» хранились в ящике № 222, рядом с ящиком, где были собраны местнические дела и расследование побега Т.И. Тетерина[43]. А.А. Зимин видит в этом результат борьбы царя против ересей после взятия Полоцка 1563 г., однако это лишь догадка[44]. В ящике 222 хранились, помимо «грамот» о побеге Артемия, еще и его книги. Ящики, стоявшие рядом с 222-м, содержали различные документы времени взятия Полоцка и Ливонской войны (№ 217–225). Можно предположить, что «соборные дела» были пересмотрены в расследовании побега Артемия, состоявшегося уже в первые годы Ливонской войны.

Фамилия Сарыхозиных имела в России и Европе различные варианты написания: Сарыгозин, Сарыхозин, Сарихозин, Сарисозин, Серехозин, Сарихожин, Сырозин, Sarychozin, Scariguzin и др. Как уже отмечалось в научной литературе, эта фамилия имеет тюркское происхождение. Известен даже ордынский посол к Дмитрию Донскому по имени Сары-Хожа[45]. Но фамильное прозвище московских детей боярских могло происходить от рода деятельности какого-то татарского купца или книжника, чье потомство поступило на государеву службу[46]. С.Б. Веселовский отмечает, что их вероятная вотчина находилась под Юрьевом-Польским, где было село Сарыхозино (Сорогужино)[47]. Уже в 1530-х гг. упоминаются представители этого рода, к тому времени, надо полагать, весьма обширного. Псковские перебежчики давали показания в Полоцке в сентя-

[35] ЛМ-77. Л. 405 об. — 406 (Варшава, 6 ноября 1592 г. Копия акта в составе записи под датой Варшава, 8 ноября 1592 г.).

[36] Slownik polszczyzny XVI wieku. T. VII: F–Gończy. Wroclaw et al., 1973. S. 23–25.

[37] АЗР. Т. 3. С. 151; ПК-79-10. Л. 457 об.; ПК-79-11. Л. 105 — 105 об., 116, 230, 310 об., 377 — 377 об.

[38] ПК-79-13. Л. 52; ПК-79-14. Л. 53.

[39] ПК-79-14. Л. 610, 692 об.

[40] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. Публикация. М., 2008. С. 130–131: "...der furchte sich des Grosfürschtenn vngenade vnndt ließ sich kloster Scheren vnndt kam midt der kappen vor denn Kunig".

[41] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 2. С. 221–222.

[42] *Вилинский С.Г.* Послания старца Артемия. Одесса, 1906. С. 105, 107; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 161–162; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 200.

[43] ГАР. Ч. 1. С. 94.

[44] ГАР. Ч. 3. С. 510–512.

[45] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 72.

[46] *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 570–571. Благодарю также за консультацию М.В. Моисеева (Москва).

[47] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 442.

бре 1534 г. о том, что в Пскове на то время были в числе 12 городничих сразу два Сарыхозина Вешняк и «дьяк подорожный» Кубас[48]. Возможные потомки Гордия Семенова и Александра Микулина Сарыхозиных, помещиков времен Ивана III из Деревской пятины, Лучанин Русинов и Тулубек Шаранов стали тысячниками в 1550 г. А в Бежецкой пятине когда-то до 1582 г. поместья принадлежали Сергею Шарапову и Дмитрию Сарыхозину. Кого-то из деревских тысячников А. А. Зимин считает возможным отцом эмигрантов, т.е. Василием Сарыхозиным[49]. Вписать различных представителей разветвленного рода в одно родословное древо не удается.

Сарыхозины не стали символом «измены», в дипломатической документации они упоминались нечасто. В начале 1569 г. стало известно об участии Сарыхозиных в Изборской авантюре кн. А. И. Полубенского. Как уже говорилось, В. С. Заболоцкий упомянул Агиша, отведя обвинения в свой адрес и то ли обиженно, то ли в шутку назвав его «изменником». Московские послы старательно записали это происшествие, и оно попало в посольскую книгу. Умар был назван московской стороной в 1582 г. — не в ряду образцовых изменников, а как виновник военных преступлений против мирного населения.

Только Умар выступает в последние годы правления Сигизмунда II Августа и в 1570-е гг. на королевской службе рядом с Агишем и, возможно, как его старший брат. На первых порах Умар состоял на службе «при старосте вольмерском князю Алекъсанъдру Полубеньском»[50]. Будучи его служебником, он вместе с Т. И. Тетериным и, вероятно, братом Агишем принял участие в диверсии на Изборск в январе 1569 г. Возможно, состав отряда московитов был шире, но нельзя исключать, что при старосте вольмарском было несколько перебежчиков, и диверсия была срежиссирована с учетом их возможного приглашения в отряд князя Александра Полубенского. В таком случае службу при нем не следовало бы рассматривать как долгосрочное назначение. Впрочем, показательно, что первые земельные пожалования московитам этой «волны» эмиграции король жаловал в Ливонии или у ливонской границы, т.е. подчинение старосте вольмарскому могло быть всё же не случайным и временным, непосредственно административным и судебным.

Из послания князя Андрея Курбского известно, что духовным отцом Умара-Марка был бежавший в Великое княжество Литовское из соловецкой ссылки старец Артемий. Умар («Марк») Сарыхозин был хорошо образован и служил князю Ю. Ю. Слуцкому. Курбский пытался переманить соотечественника к себе на службу: намекал на богословские знания Сарыхозина, отправил ему аннотированный реестр части своей библиотеки, свое предисловие к «Новому Маргариту», своего перевода орацию Григория Богослова и слово Василия Великого и предлагал заняться переводами толкований Иоанна Златоуста на послания апостола Павла[51]. Похоже, это приглашение Сарыхозин оставил без внимания и продолжал подвизаться на военном поприще[52]. Умара-Марка Курбский считал последователем старца Артемия. Стал ли Умар «учеником» Артемия в Литве или еще в России? Близость между эмигрантами при дворе кн. Ю. Ю. Слуцкого дополняет картину подробностью, которая открывает возможность совместного побега Артемия, Сарыхозиных, Тетерина и других стрельцов, духовных лиц и детей боярских под видом странствующих монахов. Показательно, что Тетерин вскоре после побега обзавелся ливонским имением, а Сарыхозины, Кашкаров и Валуев получили унитские имения «от вифлянские границы» поблизости друг от друга и вблизи от унитских имений перебежчика того же времени А. М. Курбского. Кашкарову вскоре пришлось провести полтора года в тюрьме за убийство шляхтича, а Валуеву было «всех хуже» из-за скудости полученного имения и давления со стороны А. М. Курбского[53].

В битве на реке Уле 26 января 1564 г. принимало участие подразделение из пяти десятков московитов[54], а весной того же года королевские московиты, на сей раз во главе с Заболоцким, получали на сейме вознаграждение за выезд и службу[55]. Возможно, сын боярский Тимофей Иванов, упомянутый в жалобе В. Б. Шашковича в луцком гродском суде 15 февраля 1564 г., — это Тетерин. Согласно Шашковичу, 5 февраля на дороге в Винницу московиты натолкнулась на за-

[48] ПИВЕ. Т. 6. С. 115. Написание фамилии разнится: «Вешняк Сорохозин», «Кубас Сорехозин».

[49] *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 83.

[50] ЛМ-266. Л. 134.

[51] БЛДР. Т. 11. С. 518, 520, 522.

[52] Возможно и другое объяснение — часть библиотеки Курбского была украдена в июле 1575 г. Среди утраченных им книг были Апостол и латинский перевод слов Василия Великого. См.: КГВ-9. Арк. 157 — 157 зв. (14 июля 1575 г.).

[53] СИРИО. Т. 71. С. 807.

[54] Об этом см. подробнее в нашей работе “Natione Moschus”.

[55] ASK-II. № 22. K. 68v–70v.

саду в имении Г. А. Ходкевича Снасово. Многие из них были ранены и лишены своего имущества. Тимофей Иванов потерял в этой стычке татарский лук и черкасскую саблю. Возможно, Тимофей вместе с другими пострадавшими под Снасовом московитами возвращались с Ульской битвы и были приняты за противника[56].

Тетерин и Сарыхозины хорошо зарекомендовали себя как воины не только «пера», но и «сабли». В память современников вошло их дерзкое нападение на Изборск. 11 января 1569 г. небольшой литовско-польский отряд «без королева ведома» подошел к стенам крепости. Командовали 800 диверсантами братья князья Александр и Иван Ивановичи Полубенские[57]. В числе воинов были Тимофей Тетерин, Умар и Агиш Сарыхозины. Считается, что наряду с Умаром Изборск захватывал его брат Анисим[58]. Однако как участие в изборской диверсии «Анисима Сарыхозина», так и само его существование, вероятно, является следствием ошибочного написания имени. В «Записках о Московии» Г. Штадена говорится о трех «русских боярах», принявших участие в диверсии: "Umar Scarigusin vnndt sein bruder Anis der 3 hiß Timophe Teterin"[59]. Надо полагать, имя "Anis" — это не «Анисим», а неудачно переданное в источнике "Agis". Именно так имя Агиша пишется латиницей в польско-литовской и венгерской документации (см. ниже). При этом Анисима Сарыхозина не знают никакие другие источники. Краткое известие о нападении на Изборск Сарыхозиных — без уточнения их имен и без имени Тетерина — содержится в отчете московского посланника Вислого Булгакова от 5 февраля 1570 г.[60]

Хитроумный план захвата был создан, по всей видимости, при их участии. Глазам изборского гарнизона предстало опричное войско, а Александр Полубенский скомандовал воротному сторожу: «Открывай, я из опричнины!». С этими словами, по московским свидетельствам «вопрошаясь опричниной», отряд вошел в Изборск, и на две недели крепость была захвачена. В плен попали многие защитники Изборска. Среди них были наместник Афанасий Нащекин, его жена и сын, Рудак Пертенов, Афанасий Иванов, которым предстояло более трех лет провести в плену и вернуться на родину не ранее августа 1573 г., после избрания на польский и литовский троны Генриха Валуа[61]. А. И. Полубенский отправил пленников в сопровождении своего брата на Люблинский сейм, где было принято решение обменять кого-то из них на томившихся в российских тюрьмах пленников[62]. Одного пленника по имени Иван князь подарил своему другу, а позднее — свояку, А. М. Курбскому, который присутствовал на сейме[63]. В планы Полубенских входило такое же неожиданное нападение на Псков, но местные жители были предупреждены о вторжении литвинов, и от осады мощной крепости им пришлось отказаться. Вскоре подоспели царские войска к Изборску. Небольшой отряд захватчиков попал в плен к настоящим опричникам. Считалось, что все они были казнены в Москве[64]. Однако вскоре выяснилось, что это не так. Более 50 пленников было отпущено. После символического размена пленными в 1573 г. часть пленников-московитов из Изборска продолжали томиться в тюрьмах Речи Посполитой. Но и многие защитники Изборска из литовского гарнизона тоже оставались в плену у царя Ивана[65]. Около 50 человек оказались в плену, где были казнены в июле 1570 г.[66]

Знатные московиты не задерживались в Изборске и избежали страшной участи своих соотечественников, прошедших через следственный молох по «изборскому делу»[67]. По неизвестному «делу», внесенному в синодик между жертвами «дела» Старицких и Новгородского «дела», проходил и был казнен «человек» Афанасия Нащекина Максим и два его «человека» Бык и Алексей. Все они были замучены, а вместе с ними — Афанасий дворник, Четвертый и Дмитрий Ягины и Семен Лосминский[68]. Синодик опальных не раз возвращается к именам лиц, свя-

[56] КГЛ-6. Арк. 18 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 270.

[57] *Plewczyński M.* Ludzie... S. 14. Накануне князь Иван выступил на военные сборы во главе 150 всадников, а вскоре затем получил из королевской казны деньги за службу такого же числа воинов. Следовательно, московиты входили в роту численностью примерно в полторы сотни.

[58] *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 130–131; *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 2. С. 221.

[59] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 130–131.

[60] АЗР. Т. 3. С. 152.

[61] BCz. TN. Rkps 82. S. 391. N 106. Wypis z knich poselskich leta 7081.

[62] Об этом см. подробнее в нашей работе "Natione Moschus".

[63] КГВ-28. Арк. 157 — 157 зв.; см.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 131. Anm. 125.

[64] *Piwarski K.* Niedoszla wyprawa t. z. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567/8) // Ateneum Wileńskie. 1928. R. 5. N 14. S. 116. Ссылки на рукопись: BCz-1607. S. 1600.

[65] BCz. TN. Rkps 82. S. 391.

[66] *Аракчеев В. А.* Псковский край... С. 146–147.

[67] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 536; ПИРСС. С. 218 (ч. 30).

[68] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 533; ПИРСС. С. 217 (ч. 20).

занных с Изборском: казни коснулись «подъячих изборских», служебной ячейки изборского наместника, а также «Изборска городового прикащика Рудаков брат Пятой Перфирьев»[69].

Царь надолго запомнил события января 1569 г. Отправляя в Великое княжество Литовское письмо с призывом поскорее вернуть на родину его посланника, Л. З. Новосильцева, Иван Грозный напоминал Панам раде: «А первей сего господаря вашего люди Полубенский с товариши, в перемирные лета пришедши в нашу землю, город были Збореск взяли»[70]. Много лет спустя, 12 сентября 1577 г., во время Ливонского похода Иван IV снабдил пленного А. И. Полубенского своим письмом Тетерину, напоминая ему о переписке с Морозовым и о подвигах против бывшего отечества[71]. В июле–августе 1579 г. Тетерин, вероятно, был в королевском войске под Полоцком. Об этом и пишет Стефану Баторию в конце июня 1581 г. Иван IV, называя Тетерина третьим изменником после кн. А. М. Курбского и В. С. Заболоцкого[72]. Король признает участие Тетерина ("Ciecierzina") в походе, но высмеивает страх царя перед бывшими слугами[73].

Тимофей Тетерин

Королевский дворянин Тимофей Иванович Тетерин выделяется из общей массы московских перебежчиков своими земельными богатствами в Речи Посполитой. Его служебное рвение не вызывало у короля сомнений. Вскоре после Бельского сейма Сигизмунд II Август подписывает «лист» о награждении Тимофея имением в Волмерской или Румборской волости в Ливонии. Князю А. И. Полубенскому, другим ливонским державцам и подскарбию земскому О. Б. Воловичу было велено озаботиться поиском земельного надела. В акте записано со слов Тетерина, что он просит себе землю «не так, деи, для его властного ножитъку, яко большей для того, абы на послугах наших будучы, а при границы неприятельской мешкаючы, тым латъвей нам господару з себе послуги показовати мог»[74]. Это нетипичное для подобных актов обоснование говорит о готовности

Князь Андрей Кафтырев пишет из Юрьева Ливонского Ивану Грозному о том, что посылал отряд кн. Глеба Оболенского и Тимофея Тетерина в погоню за магистром Ливонского ордена. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Запись за октябрь 1559 г. См.: Лицевой летописный свод. Кн. 9. С. ??? (л. ???).

дворянина посвятить себя борьбе против бывших соотечественников. Оно заслужило доверие короля, который закрепил за новым подданным его будущее «именейцо» неопределенным правом держания за «служъбу земскую конъно, збройно»[75]. Привилеем Сигизмунда II Августа 1568 г.

[69] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 535. Примеч. 14; ПИРСС. С. 217–218 (ч. 23).

[70] BCz-2893. S. 47 («Речи» Ивана IV к Панам раде из посольского наказа. Январь 1576 г.).

[71] РИБ. Т. 31. Стб 493–494.

[72] Современный польский перевод: BCz. TN. Rkps 88. S. 164; ДнПП. С. 259 (Москва, 29 июня 1581 г.).

[73] ДнПП. С. 320.

[74] ЛМ-38. Л. 502 об. — 503 об., 503 об. — 504 (Два акта: Парчов, 17 июля 1564 г.), цит. на л. 503, 503 об. — 504.

[75] Там же. Л. 503 об.

он получает на ленном праве имение размером в 60 вл. оселых в державе Унитской и «двадцат служоб людей волости Мозырское», а также 13 вл. пустошей при унитских имениях — всего 73 вл. в волости Унитской: села Малюны (26 вл.), Болы (21 вл.), Боркланы (10 вл.), Станьковичи (2 вл.), Окмяны (1 вл.), при Малюнах и Окмянах пустых 13 вл., «а у волости Мозырской в селе Лучинах, в селе Хвойне и в селе Ванюжичах служоб людми оселыми двадцат»[76].

В сентябре 1578 г. по ходатайству литовского канцлера М. Ю. Радзивилла «и за верьные заслуги» Тетерин получил от Стефана Батория пожалование в 7 вл. (6 вл. пустых и 1 вл. с застенком и сеножатями) в с. Борклянах Унитского повета на условиях пожизненного феодального держания[77]. Привилеем от 22 июня 1584 г. король передал Тимофею сравнительно (особенно по сравнению с другими сынами боярскими-перебежчиками из Московского государства) немалое имение на 54 вл. и две трети оселых и 45 вл. и одну треть пустых:

— села Рымкуны и Войжигирданы в Рымкунском, или Рымкушском (Маньковском, или Манюковском) войтовстве,

— села Белушки (Бейляны, Бемушки, Бимушки, Бумушки), Монтвиловичи (Монвиловичи, Мантвиловичи), Вилмунты (Вилмянтовичи, Вилмантовичи, Вильмонтовичи, Вимунтовичи, Вилмонтовицы), Воймене в Гижанском (Кгижанском, Кгикганском, Кгиканском) войтовстве,

— села Довкгеляны, Пасровни (Пасъровни), Думбляны, Рагунис, Пошилье в Балыньском (Болынском) войтовстве,

— на застенке с. Боркланского (Баркланского) в 1 вл. «оселую»,

— войтовство Вешеканьское (Вешекьянское) с селами[78].

Как ясно из долговой расписки потомка Тимофея, датируемой началом XVII в., только с двух сел размером в 24 вл. ему выплачивался чинш и поставлялось дякло на 20 кон гр., 9 бочек ржи и 9 бочек овса биржанской меры, 9 гусей, 18 кур, 200 яиц, 1 тыс. мерами льняного полотна[79]. В Минском повете Тетерин купил имение Ушу у Станислава Выдры и его жены Барбары[80]. Соседями Тетерина в Унитском повете были другие московиты — Курбские, Сарыхозины, Дурасовы, Борисовы. Из его Малюнского имения шла дорога в имение Курбских Личуны[81].

Об участии Тетерина в жизни новой отчизны говорят лишь немногие известные факты. Осенью 1578 г. на него как на своего служебника и «боярина здетельского» (из Здители, сегодня — Дятлово) ссылаются князья К. К. и Я. К. Острожские[82]. Как долго Тетерин был служебником Острожских, неясно. Можно предположить, что его клиентарные связи были долгими, зная, что московские эмигранты вступали в службу православных магнатов, получая на их землях земельные наделы.

В последние годы правления Ивана Грозного казненные по указу царя Тетерины были занесены в синодики опальных и прощены. Тимофей был также прощен правительством Федора Ивановича и получил право вернуться на родину[83]. Во время бескоролевья 1587 г. Т. И. Тетерин и А. В. Сарыхозин вели переговоры с московскими властями о возможности своего возвращения в Россию. Тимофей и Агиш обратились к царю Федору, советуя ему вмешаться в ход элекции, выдвинув войско в Смоленск или хотя бы в Можайск[84].

Сыновья Тимофея Федор и Тимофей были несовершеннолетними до смерти Стефана Бато-

---

[76] ЛМ-51. Л. 146 об. — 147 об., публ.: ЛМ. Кн. 51. С. 140–141 (20 мая 1568 г.): «...в которы вже есть увязан и в держанью своем мает». См. упоминание привилея в поздних записях: ЛМ-85. Л. 258 — 258 об.; ЛМ-88. Л. 284 об.; АВАК. Вильна, 1887. Т. 14. С. 451–452. См. также: *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 23–24. Anm. 101.

[77] ЛМ-59. Л. 160 об. — 161 (2 сентября 1578 г.). Пожизненный статус унитских имений Тетерина оговорен также в последующих актах, касающихся имений Т. И. Тетерина. См. также: *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 24. Anm. 101.

[78] Видимо, это подтверждение от 22 июня 1584 упоминается в привилее Ф. Т. Тетерину от 14 сентября 1589 г. в словах «и от славъное памети продъка нашого короля его милости Стефана на тые вонтовъства потвержене был одержал» (см. след. прим.). Пергаменный привилей подтверждения Баторня хранился в архиве Ф. Т. Тетерина еще в 1600 г.: ЛМ-288. Л. 120 об. — 121 (10 апреля 1600 г.).

[79] КЗУ-16. F. 67v.

[80] Ссылка на акт об этой сделке нами утрачена.

[81] КГУ за 1594–1595 гг. № 114 (24 мая 1594 г.).

[82] AR. Dz V. N 11078. S. 24–25 (К. К. Острожский — К. М. Радзивиллу Перуну, 6 сентября 1578 г.), 55 (К. К. Острожский — К. М. Радзивиллу Перуну, 14 ноября 1578 г.); N 11077. S. 5 (Я. К. Острожский — К. М. Радзивиллу Перуну, 19 сентября 1578 г.). За указание данных дел благодарю Л. В. Соболева, которому также принадлежит отождествление Тетерина, упоминаемого в переписке как "pan Czeczerzyn", "boiarzyn Zdietelski", "p. Teterin", "Teterin", с Т. И. Тетерным.

[83] Об этом см. подробнее в нашей работе "Natione Moschus". См. также ниже об Агише.

[84] ПК-79-17. Л. 566 об.; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения... С. 62.

рия[85]. Право передачи земель по наследству было получено Т. И. Тетериным 14 сентября 1589 г. при поддержке канцлера литовского К. Радзивилла Перуна. Федору в пожизненное пользование достались имения отца в старостве Унитском в размере 73 вл. с заметно увеличившимися обжитыми землями:

– Маниковское, или Рымкушское войтовство,

– села Болынское, Вешекьянское в волости Помуской,

– село Акмены с застенком в Бартелишском, или Бартелийском войтовстве,

– села Вилмунты-Вилмянтовичи, Монтвиловичи, Белушки в Гижанском войтовстве,

– с. Можуляны в Курыгурском (Курыкгурском) войтовстве,

– с. Поплоняны и 3,5 вл. в с. Покершнянском (Покгершнянском, Покерснянском, Покернянском) в Поплонянском войтовстве[86].

Престарелый воин-московит был еще раз осыпан похвалами за многолетнюю военную службу, на которой он как учтивый рыцарь был верен королям и республике, не жалел ни здоровья, ни имущества, выступая на войну со своими «почтами», и на которой остается верным дворянином Сигизмунда III.

В 1592 г. Тимофей Иванович освобождает от службы своего служебника, шляхтича Троцкого повета Андрея Мицевича Явида[87]. Позднее Явид вернется на службу к его сыну Федору. К концу 1592 – началу 1593 г. относится судебный процесс, в котором Тетерин (от его лица выступал Филипп Урбанович) добивался, чтобы господарский земянин Унитского повета Федор Федорович Соломей выплатил ему долг в размере 6 кон гр. и 6 бочек ячменя виленской меры. Тимофей передал этот долг Андрею Мицку: «за заслуженое у того Федора взяти перевел». Поскольку на судебную сессию после дня Трех Королей Соломей не явился без уважительной причины, дело было решено в пользу Тетерина в отсутствие ответчика[88]. В конце января 1593 г. Соломей не явился по делу о краже коня у другого московита, И. Ф. Дурасова, – и тоже проиграл процесс[89].

Незадолго до 17 июня 1593 г., когда был составлен инвентарь его имения Малюны, Т. И. Тетерин умер[90]. В жалобах княгини А. П. Курбской Ярославской от июля 1593 – января 1594 г. о нем говорится как о «небощике»[91]. Жена Тимофея и мать его детей названа «небощчицей» в акте от 8 октября 1594 г., и видимо, умерла еще до мужа. Опекуном их несовершеннолетних сыновей король назначил Яна Федоровича Девочку, которому королевский дворянин Петр Оскерко должен был передать реестр имений покойного[92]. В распоряжении Я. Ф. Девочки было некоторое число слуг, и с их помощью, согласно завещанию Тетерина, следовало отстаивать интересы младших Тетериных на землях, которые находились на границе с владениями Курбских. Во главе небольшого отряда – а согласно иску потерпевших, «особою своею з многими помочниками» – 17 июля 1593 г. Девочка совершил набег на микелевские владения криничинского боярина, служебника княгини Сигизмунда Янусовича. Опекун Тетериных опустошил спорный застенок и заставил его подданных Петра Ганшевича, Шима и Яна платить себе «повинность всякую»[93]. Закрепившись на Микелевском, 24 января 1594 г. Ян Девочка отправил туда служебника Тетериных А. Мицка, подданных села

[85] ЛМ-88. Л. 284–285; ЛМ-89. Л. 9 10 об.

[86] Пергаменный оригинал в 1600 г. хранился в личном архиве Ф. Т. Тетерина. Уп.: ЛМ-288. Л. 121 об. См.: ЛМ-77. Л. 55 об. – 56 об., то же: ЛМ-78. Л. 56 об. – 58 (Ревель, 14 сентября 1589 г.). Ссылки на акт 14 сентября 1589 г. см.: ЛМ-85. Л. 258; ЛМ-88. Л. 284. Согласно второму акту имения в соответствующем порядке: войтовства Рымкунское, Болинское, Вешеканское, а также села Акмены с застенком в Бертелском войтовстве, Вильмянтовичи, Монвиловичи, Бимушки в Кгиканском войтовстве, Можуляны в Курикгуском войтовстве, Поплоняны и в селе Покершнянском 3,5 вл. в Поплонянском войтовстве.

[87] Опись документов Виленского центрального архива древних актовых книг. Вильна, 1908. Вып. 6. Стб 242–243. 1606 г. №106 (30 июля 1592 г.).

[88] КЗУ-6. F. 338v–339.

[89] КЗУ-6. F. 456v–457v.

[90] АВАК. Т. 14. С. 451 и сл.; *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 131. Anm. 123.

[91] КГУ за 1594 1595 гг. F. 13v; Опись документов... Вып. 8. Стб 166. 1594 г. №114 (24 мая); ср.: Стб 243. 1595 г. №626 (11 июня). Книга записей унитского гродского суда за 1594 1595 гг. (библиотечный шифр: 3/15192) на лето 2009 г. в плохом состоянии. Переплета нет, в верхней подшивке фолиация с номера 381, первые листы почти не читаются, по краям оборваны до л. 430, карандашом обозначены номера дел. Во второй подшивке фолиация с номера 2, синими чернилами номера дел с номера 2.

[92] ЛМ-77. Л. 521 об. – 522 (Краков, 8 октября 1594 г.); ЛМ-78. Л. 273 об. – 274 (Краков, 10 октября 1594 г.). В первом акте имя дворянина, посланного королем для составления реестра имений Тетериных, еще не названо, но для него оставлено место в строке.

[93] Застенок Микелевский занимал 4 вл. и граничил с двух сторон с другими владениями Курбской, селом Личуны и землями Окснявольскими, еще с одной – с владением Тетериных селом Гирсуд, и с четвертой – с позвольскими землями, принадлежавшими Виленской капитуле. См.: КГУ за 1594–1595 гг. F. 13v. О событиях июля 1593 г. в пересказе 1611 г. см.: КЗУ-16. F. 265, 266–266v, 273v.

Гирсуд, лесничего Тетериных по имени Августин «и инъшых помочъников своих» и приказал им срубить там лес, что и было исполнено. Согласно иску Курбской, ее убытки в микелевском лесу составляли 49 кон гр. за качественные ольховые и березовые деревья, пригодные для строительных работ, и прочих деревьев еще на 300 кон гр.[94] Через месяц последовал новый иск Курбской: Андрей Мицко и малюнский войт Тетериных Янико Дашкевич, не считая их «помочников», совершили вооруженное нападение на ее застенок у с. Пурянцы. Грабители вновь направили основные усилия на вырубку леса и преуспели, забрав строительной ольхи и березы на 400 кон гр.[95]

Противостояние между опекунами, родичами и представителями юных отпрысков московитов на этом не закончилось. В том же году в Криничинском имении Курбских сначала появились чужие, а чуть позже исчезли свои кони. Оба казуса не вызвали имущественного противоборства и не слишком даже похожи на результат злоумышлений. Еще в начале 1594 г. княгиня вернула пану Хмелевскому 10 коней, которые были украдены в ее лесу «з санми, з хомутами, з секирами»[96]. А утром 22 мая 37 коней самой княгини оказались в руках урядника малюнского служебника Я. Девочки, Станислава Осмолского Коваля. В тот же день из унитского уряда в имение Тетериных был направлен возный, который описал пригнанных туда коней и подтвердил акт их добровольной передачи вскоре подоспевшим слугам Курбской[97]. Осенью наметились новые разногласия. 3 сентября Тимофей во главе «слуг, подданых и помочников» совершил нападение «моцно кгвалтом» на застенок боярина княгини, забрал покошенное сено, покосил и забрал траву, забрал посевной ячмень, овес и гречиху и увез в село Гирсуданское; в тот же день Тетерин приехал в застенок у села Сонтовтов, там он собрал посевы подданных княгини и отвез в свой Борклонский двор, а Курбскую из застенка «безправне выбил»[98]. Еще одна жалоба заключалась в том, что 10 октября служебники Тетерина совершили нападение на пятерых подданных Курбской, везших дрова из господарского леса, где рубка была разрешена Курбской господарским привилеем. Ясно, что люди Курбской арендовали у Тетериных 12 (по второй жалобе — 16) коней, однако по какой-то причине люди Тетериных нарушили договоренность и отняли коней прямо на «добровольной дороге» из леса в имение княгини[99].

[94] КГУ за 1594–1595 гг. F. 13–14v; см. также: КЗУ-16. F. 265–265v, 266v, 273v. Жалоба Курбской передана в уряд с ее служебником, Марком Козловским, 26 января 1594 г. Возным был назначен Николай Матеевич Довгялло. В сопровождении двух шляхтичей он отправился на осмотр места происшествия 28 января, а 31 января сдал в уряд отчет о расследовании. Размер убытков в микелевском лесу был оценен возным в 9 кон гр. с пней ольхи «што се зъгодило на беръвенъя», 40 кон гр. с пней ольхи «што се зъгодило на жерди ожеродовои» и еще в неопределенную сумму за обычное дерево «возов на сто».

[95] КГУ за 1594–1595 гг. F. 21–21v, 28. Жалоба подана 23 февраля 1594 г. Поверенным Курбской выступил вновь М. Козловский. Тот же М. М. Довгялло, что и месяц назад, был направлен на место событий 25 февраля.

[96] КГУ за 1594–1595 гг. F. 33. Запись от 5 марта 1594 г. Коней княгиня привезла, согласно записи, прямо на уряд 8 февраля, а запись о выдаче «квита» возным Миколаем Матеевичем датирована 28 февраля. В записи явный сбой относится к моменту ее внесения, в словах «передо м [sic] Матеевичом» пропущены, по-видимому, часть местоимения и первая часть имени возного «ною Миколаем». Нет ли ошибки в дате «8 февраля»? Возможно, в дате прихода княгини на уряд пропущены десятки и число следует читать «28».

[97] КГУ за 1594–1595 гг. №113, 114. См. также: Опись документов... Вып. 8. Стб 166. Обе записи от 24 мая 1594 г. и следуют в актовой книге одна за другой. Возный Станислав Андреевич со служебником Курбской М. Козловским ездил 22 мая в имение Тетериных на возвращение коней. По словам Осмолского, кони были «прыблудные», «тые, деи, кони и клячы прыгнали подданые пана моего села Сочун, знашодшы их ходечы по шкурех волок своих ярыны засееных, кром пастухов». По этой версии, сочунцы случайно натолкнулись на табун, работая «по шнурех», на границе с Курбскими. Согласно показаниям возного, слуги Курбской признались, что «кони и клячы розбеглисе», когда пастухи пасли их в имении княгини.

[98] КГУ за 1594–1595 гг. №303, 304. Обе жалобы представлены на уряде М. Ф. Козловичем (Козловским) 17 октября 1594 г. На застенке Которос (4 вл.) пострадал боярин Жикгимонт Янусович. Согласно истцам, диверсантами было забрано сена на 20 возом, а сырой травы — на 100, ячменя — на 1 бочку, овса — на 5, гречихи — на 2. Возный Николай Матеевич ездил на осмотр места происшествия 23 октября. Второй спорный застенок (21 вл.) был населен боярами Курбской Ю. Лабелисом, Щ. Плавшкой, П. Прибуйшисом. Все трое лишились своих посевов — первый 2 бочек ячменя, овса — 5, гречихи — 2; второй — бочки ячменя, овса — 2, гречихи — 1; третий — бочки ячменя, овса — 3, пшеницы — полбочки.

[99] КГУ за 1594–1595 гг. №305, 322. Жалобы подал Козловский 17 и 26 октября, а 27 октября возный Николай Матеевич дал показания для записи в гродские книги. Извозчиками названы Ян Матеевич Плиба, Кондрат Сорейкович, Норейка Норейкович, Банис Янтовтович, Юрий Лабайлис и «лавник» Януш Вевля. Лес находился в войтовстве Болушском, а дорога пролегала между господарским селом Болушками и селом Курбской Сонтовтович. Нападавшие со стороны Тетерины были опознаны как Войтех Крунцкий и Ян, чье полное имя было истцам неизвестно. За каждую лошадь, согласно жалобе, подданные Курбской заплатили 12 грошей. Вызов в суд был подан Тетерину 22 октября, однако до 26 октября «лист упоминалный» не был им возвращен, и «нет ве-

Действия онекуна и нодданных Тетериных много лет спустя князь Дмитрий-Миколай Курбский изображал как необоснованную агрессию нротив его матери, так и не нолучившей, несмотря на частые обращения в суды, «росудъку правного» вплоть до ее смерти, а Я. Ф. Девочка, но словам Курбского, «тую маетност имене Малюнское тому нану Теодору Тетерыну з онеки зо всим тым, не розправившы се здал»[100].

Вскоре носле Т. И. Тетерина умер его сын Тимофей. В 1594 г. его имя звучит в судебных заявлениях Курбской, а с 1600 г. в актах встречаются уноминания только одного из младших Тетериных — Федора. За ним сохранились в ножизненном владении земли отца. Они и были нодтверждены королевским декретом 1600 г.[101]

В том же году был нанесен удар но обязательствам королевских старост вынлатить Тетериным сумму заклада за их имение в случае его возвращения в казну. Т. И. Тетерин нолучил от двух старост гарантии комненсации. Согласно его договору со старостой унитским, скарбным госнодарским Великого княжества Литовского Иваном Зарецким, в случае конфискации Вешекьянского (Вешеканьского) староства староста должен был комненсировать держателю 2200 кон гр.[102] По нривилеям Сигизмунда II Августа от 25 мая и 4 июля 1571 г. Зарецкий был урядником госнодаря на огромных нросторах Унитской державы — в разных войтовствах ему принадлежало около 4 тыс. вл. После смерти Зарецкого староство Унитское нерешло нод унравление каштеляна минского, нодскарбего земского, нисаря Великого княжества Литовского Я. Я. Глебовича, которому было нозволено староство «у нотомков Ивана Зарецького окунить» и держать «в тои суме ненезеи, которое Иван Зарецъкии не добрал», т.е. собирая но 400 зл., или 160 кон гр. (ранее доход старосты составлял 10% с доходов староства — впрочем, это был лишь «интерес» Зарецкого с королевских долгов)[103]. В начале 1585 г. в канцелярские книги было занисано заявление Я. Я. Глебовича, что он дал во владение Т. И. Тетерина войтовства и села в старостве Унитском на сумме 3 тыс. кон гр. Каштелян минский оговаривал, что не забираст владений у Тетерина, видя, что они ножалованы королем в «дожывотье», «а не хотечы се з ним яко с чоловеком добрым и слугою речы носнолитое заслужоным заводити». Глебович взял с Тетерина 800 коп гр. и нризнал его нраво на комненсацию 3 тыс. кон гр.[104]

Глебович вскоре ношел на новышение, нолучив в 1586 г. воеводство Троцкое. Староство Унитское нерешло каштеляну нолоцкому Яну Волменскому 20 июля 1586 г.[105] В нервый год нравления Сигизмунда III Вазы староство Унитское было нередано в ножизненное держание воеводичу троцкому Я. Я. Глебовичу[106]. Вдова и нотомки воеводы троцкого Яна Яновича Глебовича были нризваны Виленской комиссией (Скарбовым Трибуналом) 1591 г. к ответу за его траты, нричем речь шла о значительной сумме, которая, по мнению шляхты, была нотрачена не но назначению (т.е. не на войну нротив Москвы и не на оборону русских земель) — 56 726 зл. 21 гр. и 13 динаров. Наследники отказались нризнавать решение денутации и нотребовали рассмотрения дела на сейме. Сейм 1593 г. нризнал нравомочность трат Глебовича, и ностановление было принято в пользу его наследников[107].

На Краковском сейме в феврале 1596 г. сыновья воеводы троцкого державца унитский и радошковский Ян и державца оникштенский Миколай Глебовичи отвечали на суде перед инстигатором Великого княжества Литовского Малхером Каменским о своих нравах на имения Зарецкого. Инстигатор заявил, что нолучение Зарецким нрава на сбор долгов с имений староства (да еще «з докладом» ростовщических 10% годовых) противоречило постановлениям

дома, в якн способ у себе загамувал н задержал». Слуга Тетернна Янко пытался отдать «лнст» возному 25 октября, но срок держання документа был нарушен, н возный «лнст» не взял.

[100] КЗУ-16. F. 265v. Княгиня А. II. Курбская умерла между 7 нюня н 13 августа 1605 г. Об этом см. здесь в главе «Потомкн н Лже-Курбскне».

[101] Пожнзненный статус унитскнх именнй Ф. Т. Тетернна оговорен н в его долговой распнске К. Цнмерману. См.: КЗУ-16. F. 67v (здесь говорнтся о двух селах).

[102] Уп.: ЛМ-77. Л. 55 об. — 56 об., то же: ЛМ-78. Л. 56 об. — 58; ЛМ-288. Л. 121 (10 апреля 1600 г.). Договор Тетернна с Зарецкнм был скреплен «двумя лнстамн».

[103] См. прнвнлей от 2 сентября 1584 г.: ЛМ-70. Л. 130 об. — 132.

[104] ЛМ-275. Л. 436–438 (12 февраля 1585 г.), цитата с л. 437. Подпнсалн договор, помимо Я. Я. Глебовича, каштелян полоцкнй Ян Волменскнй, Ян Абрамович н хоружнй мозырскнй Ян Ловейко. Уп.: ЛМ-77. Л. 55 об. — 56 об., то же: ЛМ-78. Л. 56 об. — 58; ЛМ-288. Л. 121 — 121 об.

[105] ЛМ-73. Л. 204 об. — 205. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. II: Województwo trockie. XIV–XVIII wiek / oprac. H. Lulewicz et al.; pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2009.

[106] Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Księstwa Litewskiego. Spisy. T. II: Województwo trockie. XIV–XVIII wiek / oprac. H. Lulewicz et al.; pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2009. N 1427 (Ян Глебовнч), N 3935 (И. Зарецкнй).

[107] *Filipczak-Kocur A.* Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648. Projekty — Ustawy — Realizacja. Warszawa, 2006. S. 264–266.

Люблинского сейма 1569 г. Каждый год начиная с ноября 1570 — ноября 1571 г. Зарецкий получал только на процентах немалые барыши, составлявшие за один только первый год 1020 кон гр., за второй — 800 кон гр. с процентов и 2 тыс. кон гр. за долг и т. д. На 4 ноября 1575 г. долг казны был перед ним таким образом погашен, но он продолжал собирать доходы со староства вплоть до своей смерти в 1584 г. и собрал на 30 035 кон 3 гр. 3 пн. сверх долга. Глебовичи вслед за Зарецким утаили условия привилеев короля Сигизмунда II. Все последующие распоряжения доходами с Унитского староства были признаны на суде в 1596 г. правонарушением, а имения и «решта» доходов начиная с 1584 г. должны быть возвращены в казну. Король освобождал потомков Зарецкого и Глебовича от штрафа, в том числе на 8555 кон 2 гр. 9,5 пн., которые Глебовичи должны были выплатить Зарецким, но оставлял вопрос о выплатах на дальнейшее расследование[108]. Староство оставалось пожизненно в пользовании Я. Я. Глебовича, после чего по привилею от 2 мая 1606 г. перешло к подскарбьему земскому Великого княжества Литовского Ярошу Воловичу[109].

Каким же образом борьба за «унитский долг» отразилась на жизни Тетерина? Господарский инстигатор Малхер Каменский вызвал в суд Федора и Тимофея Тетериных и их опекунов, объявив, что Т. И. Тетерин забрал войтовства «Вешенанское и Манковское» и владел ими «нет ведома, за яким правом, до жывота своего», а после его смерти его сыновья «аж и до сего часу, не маючи на то жадного права, держать и уживають» в ущерб казне[110]. Каменский привел довод, превращавший договоры Тетерина с унитскими старостами в правовую ошибку. Никакая страховая сумма «на тые добра взношона быти не могла», так как сумма выплат по договору Сигизмунда II Августа с И. Зарецким «вся выбрана и над то перебранною се быть показала» и кассирована на королевском суде в Кракове 9 февраля 1596 г.[111] Представитель Тетериных А. М. Явид заметил в ответ, что Глебович получил от Тетерина контрактные деньги в превышение исходной суммы договора по спорным войтовствам. Королевский суд вынес постановление сохранить за Ф. Т. Тетериным «голое дожывотъное право» без права наследования, но также и право судиться с потомками бывшего старосты унитского Я. Я. Глебовича за остаток заклада — 800 кон гр.[112]

Вместе с феодальными имениями отца Федору достались и его финансовые проблемы. В 1601 г. Федор взял в долг у слуги К. Радзивилла К. Цимермана 400 кон гр. под залог двух своих малюнских сел — Думблюн (Можулян) (23 вл.) и Сычун (1 вл. «оселая»), которые держал на праве «доживотном». Тетерин брал обязательство отдавать доходы с этих двух сел заимодавцу в течение трех лет, а если по их истечении долг был бы еще не выплачен, то Цимерман получал право сбора доходов с тех же сел на следующие три года и т. д., кроме того он мог на полученных землях осваивать пустоши, строить и принимать другие хозяйственные решения с правом последующего сохранения всех нововведений в своей собственности. Договор сохранял силу и в том случае, если бы Тетерин женился и у него родились дети. К договору приложили руку земяне Унитского повета Григорий Кушелевский, бывший слуга отца Тетерина А. М. Явид и Федор Соломин, в котором узнаётся должник Т. И. Тетерина Ф. Ф. Соломей[113].

Младшие Курбский и Тетерин пришли к совершеннолетию в первые годы XVII столетия. В актах 4 июня 1601 и 5 ноября 1602 г. Тетерин выступал как холостой шляхтич. В начале 1604 г. он дал веновую запись на свою недвижимость жене — представительнице крупного жмудского рода Гальшке Войтеховне Радзиминской[114]. Еще в канун этой счастливой развязки отношения с Радзиминскими у Тетерина были самые доверительные. В 1602 г. Теодор взял у будущего тестя, подкоморня жмудского Войтеха Радзиминского в долг 15 тыс. зл. под залог ленных имений. Зачем юному шляхтичу потребовалась такая крупная сумма в конце 1601 — начале 1602 г., мы не знаем. Тетерин отмечает только, что это были срочные и разнообразные траты ("dlia roznych przypadkow a gwałtownych potrzeb")[115]. Возмож-

[108] ЛМ-287. Л. 60 об. — 67 (Краков, 9 февраля 1596 г.).

[109] ЛМ-86. Л. 626 — 626 об.

[110] ЛМ-288. Л. 120 об.

[111] ЛМ-288. Л. 122. См. выше.

[112] Там же.

[113] КЗУ-16. F. 67–68. Заложенные имения — судя по их размерам, вероятно, Малюны и Окмяны. Текст договора 1601 г. составлен на польском языке и подписан Тетериным также по-польски ("Fiodor Teteryn reką swą pieczentacz proszony a nie pareczuyk"). Дата записи о долге и закладе — 4 июня 1601 г. — указана по «новому календарю».

[114] ЛМ-85. Л. 204 об., то же: ЛМ-88. Л. 16 — 16 об. (5 ноября 1602 г.); ЛМ-85. Л. 258–259, то же: ЛМ-88. Л. 107 об. — 108 об. (7 февраля 1604 г.).

[115] КЗЖм-35. L. 39–52v (здесь сбой в фолиации — после номера 39 следует не «40», а «50») (4 июня 1602 г. Договор на польском — в Лидовянах, 21 января 1602 г.). Долговое обязательство вступило в силу с 21 января

но, как и другие шляхтичи, Тетерин планировал выступление на войну против короля Карла Шведского.

Брак ввел Федора в большую шляхетскую семью. Его теща — Ядвига Станиславовна Девялтовская, а золовки — Кристина, Барбара и Галена Радзиминские. Незадолго до 13 июня или даже в этот самый день тесть Федора скончался, и его завещание было внесено в жмудские земские книги. К тому времени из всех сестер Радзиминских была замужем только Гальшка — и ее имя выступает первым после матери в ряду домочадцев завещателя. У Войтеха был брат, королевский стольник жмудский Александр Мартинович Радзиминский, и сестры, которые также были уже при потомстве и связях. Жена завещателя получила пожизненно его Лидовянское имение. Предметом особой заботы стало отдаление от прав на наследование имения Шинуловки дочерей жены от ее предыдущего брака с Миколаем Ежевским, т.е. Зофьи, жены Миколая Стаховского, и Ядвиги, жены Яна Понлинского. Жена уже распорядилась в пользу четырех дочерей от Радзиминского в своем договоре от 14 января и записи в земских книгах от 18 января 1595 г. В первом браке с Матеем Горецким у Ядвиги Девялтовской к 1605 г. детей не было. От первого мужа она получила имение Кевлейки, доходы с которого также должны были после смерти мужа пойти на дочерей, в том числе — на Гальшку Тетерину. Все последние покупки подкомория жмудского, в том числе имения, купленные у державцы ботоцкого Яна Малхеровича Шемета, у местного земянина господарского Михала Францишкевича, у земянина господарского Лаврина Лавриновича Реновича, у Григория Войнята, Петра Габриеловича и др., должны были остаться при Лидовянах и дочках Радзиминовского. К моменту составления завещания Я. Девялтовская была больна «хоробою обложъною» и за домом и хозяйством ухаживал зять: «... ино я ужылом в том зятя моего мне верне милого пана Теодора Тымоффевича Тетерына и малжонку его а дочку мою милую паню Галшъку Радиминскую, абы они з хути и з милости своеи пры помененои малжонце моеи а матъце своеи и пры дочъках моих в ыменю моем лидовянском до поистя замуж дочок моих мешкали и пилное старане о здорове малжонки моеи и пристоиное а учътивое выховане дочок моих мели в том имению моем Лидовянском и в дворцах звышномененых мешкали и всякого порадку догледали и пилновали»[116].

Тетерину было поручено отстаивать интересы тещи, воспитывать золовок и в подходящий момент выдать их замуж, справив свадьбу в Лидовянском имении и выдав каждой дочери «посагу» по 2600 кон гр. и «выправы» по 400 кон гр., после чего Тетерин должен был стать самостоятельным владельцем на имении тестя. В случае, если доходов с имения на обозначенную сумму не хватит, имение предписано было разделить между всеми дочерьми и зятьями на равные доли. Итак, Тетерину предстояло помимо своих имений присматривать за обширными «добрами» тестя, за его дочерьми и за тяжело больной тещей.

С потомками другого могущественного эмигранта, князьями Курбскими Ярославскими, Тетериных ждали многолетние суды, стычки на границах и, в целом, одни неприятности. В 1604 г. князь Дмитрий Курбский достиг совершеннолетия[117]. После смерти матери в 1605 г. он трижды вызывал обоих супругов в земский суд по старому делу о захвате пограничного застенка опекуном и слугами Тетериных. Ответчики оттягивали дело, ссылаясь на то, что назначенный

1602 г. и должно было действовать 3 года, но автоматически должно было продлиться, если бы доход с имений за этот период не окупил долга. Заложенные имения в акте сделки перечислены: в Минском повете Уша на р. Уша (Usza nad rzeką Uszą) с селами Заречье (Zarzecze) и Болундово (Bolundowo); в Упитском повете — с. Киркляны на р. Пивесе (Kirkliany nad rzeką Piwesą) и двор Малюны (Dwor Maliuny) и дворец Боркляны (Borkliany) со всеми селами, т.е. Малюны (Maliuny), Боты (Boty), Боркляны (Borkliany), Станковичи (Stankowiczy), Окмяны (Okmiany); в Мозырском повете — села Лучицы (Łuczycze), Хойна (Choina), Zaniużycze; в Упитском же повете «доживотя» — Мониковское (Manikowskie) и Рымкунское (Rymkunskie) войтовства с селами Маниково (Manikowo), Прочуны (Proczuny), Боровичe (Borowicze), Войзгирданы (Woizgirdany), Зодейляны (Zodeiliany), Большское (Bołyńskie) войтовство с селами Дованы (Dowany), Посромче (Posromcze), Арупис (Arupis), Пошиле (Poszylie), Полеруды (Polierudy), Рудминовичe (Rudminowiczy), Жичуны (Życzuny), Кирбиляны (Kirbiliany), в Бартелийском (Barteliskim) войтовстве село Акмены (Akmeny), в Гизанском (Gizanskim) войтовстве села Вилмонтевичe (Wilmontewiczy), Монялоцы (Monialowczy), Болы (Boły), в Кунигунском (Kunygunskim) войтовстве села Мозуляны (Mozuliany), Милиекяны (Milniekiany), Издеги (Izdegi), Серейкишки (Sereikyszki), Жидоне (Żydonie).

[116] КЗЖм-37. L. 201–206v (13 июня 1605 г. Тестамент датирован: Лидовяны, 23 апреля 1605 г.). Здесь л. 204. Опекунами при семье были назначены хоружий земский Великого княжества Литовского, тиун дервянский, староста плотелский, державца телшовский Андрей Волович, стольник жмудский Александр Радзиминский, стольник новогрудский Павел Девялтовский и зять Радзиминского Ф. Т. Тетерин.

[117] Об этом: КЗУ-16. F. 269v.

урядом по этому делу возный Сигизмунд Огинец не имеет права свидетельствовать. Постановление в пользу Курбских вызвало апелляцию Тетериных в Трибунал. Суд приговорил передать дело на «приятельский» суд, «на угоду до дому», но Тетерин, видимо, своей военной службой законно оттягивал мировую сделку и к соглашению с Курбским так и не пришел[118].

В какой-то момент Теодор задолжал своим родичам по жене. Стольник Новогрудского воеводства Павел Девялтовский в августе 1605 г. тщетно пытался на «роки приналые» на Виленском уряде стребовать с Теодора и его жены немалую сумму — 400 кон гр. долгу. Должники сами не явились и не прислали никого вместо себя[119].

Вскоре после смерти тестя Тетерин принимет решение сосредоточиться на завещанных ему обязанностях. Свое собственное наследство он решительно переноручает доверенному лицу. До марта 1606 г. часть имений была заложена. Подтвержденные за Федором «правом дожывотным» при Сигизмунде III Вазе — видимо, привилеем от 14 сентября 1589 г. — войтовство Весейканы (т.е. Вошекляны) в волости Помуской и село Покершняны в Понланянах (т.е. село Покершнянское в Понлонянах) «и иншые села, которые не маючы в привилею своим добра нашые властные» он отдал за долги унитскому шляхтичу А.М. Явиду. Формулировка «данины», внесенной в Литовскую Метрику, позволяет думать, что Тетерин перед Унитским гродским и Унитским земским судами передал земли Явиду сроком до своей смерти, нарушая тем самым свое право пожизненного держания на заложенные имения[120]. Санкцией за противозаконные распоряжения Тетерина было лишение его огромных земельных «закладов». «Даниной» от 6 марта 1606 г. король объявил об их изъятии в казну и согласии Панов рады на передачу их в пожизненное владение писарю земскому унитскому Яну Млечко: в войтовстве Весейканах села Весейканы (11 вл.), Лучники (11 вл.), Скорули (12 вл.), Ровняны (25 вл.), Трумняны (15 вл.), Будикелюны (7 вл.), Петроны (7 вл.); в войтовстве Понланянском села Понлоняны (18 вл.), Покершаны (3,5 вл.). Кроме того, король отдал Яну Млечко и те унитские села Тетерина, которые не были им заложены: Жедеканы (32 вл.) в войтовстве Рымкуском, Левонишки (11 вл.) в войтовстве Болынском[121].

Иначе как имущественной катастрофой Тетериных эту данину короля не назовешь. В сравнение напрашивается, пожалуй, только потеря волынских имений и ковельского староства Курбскими. Причина немилости короля для нас неясна. Обычно подобные правовые коллизии решались без существенного ущерба для шляхтича и его семьи. Кадуком переход огромных земель в господарскую казну объясняться не может: у Тетерина был наследник, да и умершим он в акте не назван. Если перед нами скрытая конфискация, то почему Тетерин не назван изменником, банитом и т.д.? Интерес вызывает известная по другим подобным конфискациям стратегия собирания господарских пожалований московитам в казну Великого княжества Литовского. Так, жмудское имение М.И. Головина после смерти московита было передано литовскому подканцлеру Г. Войне, и только после челобитья вдовы Головина Федоры Ждановны весной 1599 г. был запущен механизм, который привел к новому браку Федоры со стольником унитским Яном Млечко и возвращению ей, уже в новом качестве, имений первого мужа. В 1590-е гг. скупкой имений с их неизбежным последующим возвращением в казну занимались Агиш Сарыхозин и Андрей Млечко, которые даже конкурировали между собой на этом поприще, как будет показано далее в нашей работе. Трудно сказать, было ли совпадением, что вскоре после данины 6 марта 1606 г. Тетерин исчезает из документов и на его месте появляется вдова с двумя детьми на руках, однако нельзя исключать, что к моменту подписания данины на имя Яна Млечко Тетерина уже не было в стране или он считался пропавшим без вести.

Федор-Теодор Тетерин «смертю зышол» до 14 мая 1607 г., завещав жене и детям Войтеху и Ганне недвижимость, золото, серебро, оловянную и медную посуду («цынмер»), доспехи и оружие («рывштунок военный») и весь домашний скарб («увес снрят домовый»), а также «долгов немало», которые вдове после него нечем было оплатить[122]. После смерти мужа Г.В. Радзимин-

[118] КЗУ-16. F. 265v, 266v–267. От лица Курбского еще до его освобождения из-под опеки вызов объявил в унитском земском суде в 1605 г. его слуга Федор Соломин. Дело рассматривалось в сессии Трибунала в Вильно.

[119] LVIA. F. 21. Ap. 1. B. 6. L. 78–78v (8 августа 1605 г.).

[120] ЛМ-86. Л. 577 об.: «...в певной суме пенезей завел, заставил, запродал и до жывота своего вырек, на враде кгродском унитском прызнал, и перенос выреченья через Андрея Мицевича Явида до книг земских унитских учыненого, зачым иж право свое нарушыл, а от дожывотя своего отступил, и водле права посполитого таковые добра вжо шафунъкови нашому подлегают».

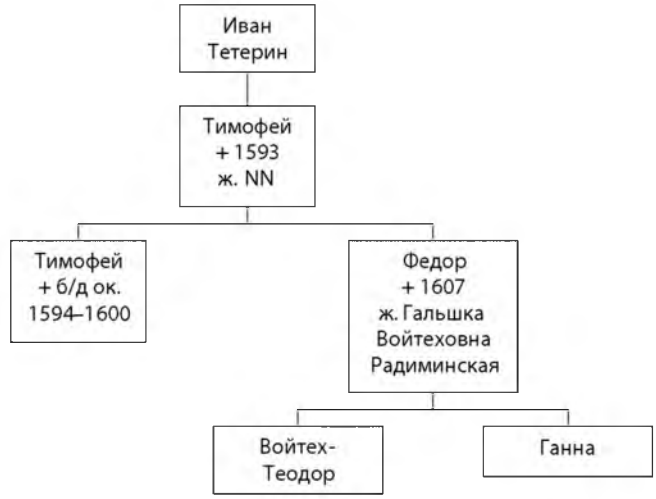
[121] ЛМ-86. Л. 577 об. — 578.

[122] Завещание Федора Тетерина нам неизвестно. Его содержание обсуждается на процессе Цимермана и Жижемских. См.: VUB. F. 7 UŽT-16. F. 67. См. здесь ниже.

ская осталась «с потомками его лет недорослыми» и через своих поверенных просила на сейме короля сохранить за ней земли пожизненно, чтобы с них служить «албо часть их которую кому инъшому нравом своим пустити», на что получила «консенс»[123].

Затем она еще дважды выходила замуж: около 1610 г. за войского, а затем подкоморня мозырского князя Яроша Ярошевича Жижемского и в 1627 г. за Сигизмунда Нарушевича, которым передавала сильно поредевшие владения Ф. Т. Тетерина, состоявшие на 1627 г. из сел Повершме (4 вл.) и Боркланы (7 вл.)[124].

О размере долгов Федора Тетерина пришлось узнать второму мужу Гальшки Радзиминской. Кн. Я. Я. Жижемский взял их на себя, выкуная имения своего предшественника и расплачиваясь по его чекам[125]. В 1611 г. Цимерман судился с семьей Жижемских и с ними же как опекунами малолетних детей Тетерина за свой долг. Цимерману было объявлено, что долг был указан в завещании Ф. Т. Тетерина, но он за ним не пришел. Тогда истец напомнил, что, согласно договору 1601 г., ему причиталась компенсация с имений умершего, и подкреплял свое право ссылкой на Литовский Статут. Ответчики пытались бросить тень на юридическую силу долговой записи: она не была зафиксирована в урядовых книгах. Но на это Цимерман отговорился тем, что он не местный и не знал, что есть такое предписание, и присягнул. Представитель князя бросил на это эмоциональный аргумент, будто «вся маетъност небощыка пана Тетерына так лежачая, яко и рухомая того не стоит, што, деи, вжо его милост княз Жижемъскии его мти долгов по небощыку поплатил». В подтверждение суду были представлены выписи А. М. Явида из виленских гродских книг об уплате князем 1 тыс. 500 кон гр. за долги Ф. Т. Тетерина, «квиты» о выплате 740 кон гр. его же долга М. Гродицкому, квитанции о выплате виленскому купцу В. Корнелиушу 200 кон гр., пани Богатковой 120 кон гр. М. Визгирду 200 кон гр., шваграм умершего кн. А. Пузыне 50 кон гр., С. Лагиновскому 50 кон гр., П. Ехимовичу (Ягимовичу) 50 кон гр., Ю. Рольвскому 900 кон гр. Это отчаянный шаг Жижемским не помог. Суд согласился принять присягу Цимермана и приговорил князя к выплате ему всей суммы, в соответствии с нормами литовского права, через 4 недели после постановления. Князь расплатился и на этот раз, причем досрочно[126].



Тимофей Тетерин и его потомки в Речи Посполитой

Круг кредиторов Тетерина широк и разнообразен. В нем и виленские горожане, и шляхтичи, и родственники жены, и князь А. Пузына, и муж дочери кн. А. М. Курбского Марины М. Я. Визгирд и пани Богаткова, чье имя так и не было вписано в пробел на странице. Марина Курбская перед своей смертью в том же 1611 г. вспоминает в завещании, что получила от мужа на вено 1 тыс. кон гр., отдала ему всю сумму, а он ею расплатился с кн. Я. Я. Жижемским и его женой, выкупив у него села[127]. Отношения между Тетериным, Жижемскими и Визгирдами (а также их близкими родичами Пузынами) образуют треугольник, в котором должником выступает по отношению к Визгирду Тетерин, тогда как кн. Я. Я. Жижемский и бывшая жена Тетерина принимают от Визгирдов 1 тыс. кон гр. за какие-то имения. Какие именно – становится понятным из судебного процесса в унитском земском уряде осенью того же года.

Вскоре после вступления Радзиминской в новый брак князь Дмитрий-Миколай Курбский поднял старое дело «на роки Михаловские» 1610 г. в суде земском унитском, затем в суде

[123] ЛМ-88. Л. 284–285, то же: ЛМ-89. Л. 9 – 10 об. (14 мая 1607 г.). В акте упомянуты предыдущие поземельные акты за 1589–1604 гг.

[124] ЛМ-455. Л. 835 – 835 об. (4 декабря 1627 г.).

[125] Кн. Ярош Жижемский был держателем мозырских имений. См., напр.: ЛМ-76. Л. 342 – 344 об. (6 октября 1592 г.).

[126] VUB. F. 7 UŽT-16. F. 67–70v (запись от 12 января 1611 г.), 132–133 (запись от 15 января 1611 г. с показанием Цимермана о том, что Жижемский его в имение Тетерина не пустил и выплатил всю причитавшуюся сумму).

[127] VUB. F. 7 UŽT-16. F. 170 (тестамент составлен 18 января 1611 г.): "a je-o msc pan małzonek moi na pewne wsi jego msci kniaziu Jaroszowi Zizemskiemu woyskiemu mozyrskiemu i małzonce je-o msi dał i listy na imie swoie za pozwoleniem moim otrzymał".

«головном» в Вильно. Трибунал вынес постановление от 20 июня 1611 г. о неправомочности занятия должности возного «простым человеком» С. Огинцем на суде шестилетней давности и кассировал постановление унитского земского уряда по этому делу. Процесс в земском уряде возобновил князь Дмитрий-Миколай. В октябре 1611 г. он вызвал на суд войского мозырского кн. Я. Я. Жижемского, его жену Г. В. Радзиминскую и В. Ф. Тетерина. Жалоба оживляла прошлые обиды между Тетериными и Курбскими, начиная с вторжения урядника Тетериных в спорный лес в июле 1593 г. Пограничный Микелевский застенок, послуживший яблоком раздора, прилегал к бывшим имениям Тетерина, а ныне — Жижемских[128]. Суд учел сложность дела, в котором с обеих сторон представлены королевские привилеи на спорную землю, и назначил комиссаров для расследования. Приговор был вынесен в пользу Курбского, но Жижемский тут же апеллировал, и в земские книги было занесено, что дело перенесено в Вильно на Трибунал на первые две недели 1612 г.[129]

Умар Сарыхозин

На королевской службе оказались одновременно сразу четыре брата — Умар, Агиш, Алексей и Проконий. Умар Васильевич Сарыхозин, который, вероятно, был в России насильственно пострижен в монахи, как и Тетерин, также рассматривался московской дипломатией как опаснейший изменник. Посольский приказ приписывал ему зверства, будто бы учиненные им в Ржевском уезде во главе отряда литовских казаков после подпи-

[128] VUB. F. 7 UŽT-16. F. 264v–274v (7 октября 1611 г.). Курбский передал полномочия выступать от его имени своему представителю Яну Григорьевичу Товянскому. Детали спора показывают, что стороны использовали в свою пользу всевозможные ресурсы. Иск был подан на уряд сразу в письменной форме на польском языке (ответ адвоката Курбского на речь Жижемского записан по-русски). Жижемский в своем — также польскоязычном — ответе попытался отклонить иск, сославшись на то, что истец не определен: это должен быть, согласно Статуту, либо пострадавший от нападения урядника Тетериных Сигизмунд Янусович, либо сам Курбский, причем присягу о нападении должен приносить только шляхтич, имеющий отчинное или материнское право на свое имение, а не пожалованное (обоих потенциальных потерпевших Жижемский не считал по этой причине способными принести присягу). Адвокат Курбского заметил по этому поводу, что Статут не разграничивает дела о нападениях на имение шляхтича по видам собственности на имение. Ссылки Курбского на привилей, выданный Сигизмундом II Августом его отцу 27 июля 1568 г. на унитское имение, Жижемский считал недействительными, поскольку названное там село Якгелишки ("Jakwiliszki"), которым истец доказывает свое право на застенок, не прилегает к Микелевскому застенку и даже далеко от него отстоит. И наоборот, привилей короля Августа говорит о том, что при Мечунах ("przy sielie Miczuniekim") Курбскому не был дан никакой застенок. В подтверждение своих прав на застенок Курбский предоставил своему адвокату также «лист» под печатью и с подписью А. М. Курбского 1581 г., по которому Сигизмунд Янусович, названный там «учтивым шляхтичем», получил от князя Микелевское имение «вечностью». По версии Д.-М. Курбского и его адвоката, село Якгелишки было переименовано в Лючоны (Личуны), и на четырех волоках рядом с ним Курбский «осадил» подданного по имени Микел, «учинивши тые чотыры волоки застенком от того села Личуи», по его имени назвали застенок Микелинцами, но позднее Микел «зинщал» и Курбский отдал его Сигизмунду Янусовичу за военную службу. Жижемский парировал, что Андрей Курбский не имел права отдавать такое распоряжение, так как сам получил свое имение от короля на «ленном», а не на «вечном» праве, и не мог передать его в обход своего потомка. Судя по всему, «лист» Курбского не имел юридической силы по формальным причинам: он был составлен без необходимых подписей «людей зацных» и не был «признан» ни королем, ни судом земским, как того требовали в равной мере Второй и Третий Статуты. Был отведен как ничтожный и еще один документ Курбского — выпись из книг гродских унитских от 15 июля 1583 г. со словами возного о том, что княгиня Курбская получила имение покойного мужа «за посаг» на сумме 30 тыс. зл. Представить право Тетерина на этот застенок Жижемский также обещал суду, но упор делал всё же на отсутствии прав не только у Д.-М. Курбского, но и у его отца. Последний аргумент Жижемского заключался в том, что Курбский достиг совершеннолетия, но больше трех лет, в 1605–1610 гг., не вызывал стороны Тетериных в суд, а следовательно, признал положение дел, и процесс должен быть прекращен за давностью. Эти аргументы вызвали несогласие стороны Курбского. Товянский говорил, что Курбская «правне» вызывала Тетерина, но умерла, а потом, когда дело выиграл Курбский, это Тетерин должен был пойти «на угоду», но он не выполнил предписания и вскоре умер. Таким образом, возобновление дела Курбским, на сей раз против Жижемских, не нарушает сроков. Вместе с тем ответчик прикрывался тем аргументом, что и в 1593–1594 гг. покойный первый муж его нынешней супруги был еще несовершеннолетним и не отвечал за поступки своего опекуна, а следовательно, заявления Курбской о чинимых опекуном Тетерина насилиях и грабежах били мимо цели. На это Товянский ответил, что наследники Тетерина до сих пор незаконно владеют захваченным застенком, «а хто имене посегивает, тот повинен и бременя носит». Наконец, Жижемский предоставил суду привилей Тетерину и Радзиминской 7 февраля 1604 г. на пожизненное владение именем Тетерина, в том числе Микелевским застенком. Более ранних привилеев под рукой у князя, по его словам, временно не было. Однако подписи и печати одного нынешнего короля было достаточно, чтобы считать вопрос решенным. Товянский не согласился, указав, что вопрос оставался нерешенным с 1593 г., и поэтому «тот привилей, так и тое увезане — неслушное».

[129] VUB. F. 7 UŽT-16. F. 274–274v.

сания Ям-Занольского неремирья. Так оно было, или перед нами динломатический нерехлест, сказать трудно, но нольско-литовские источники нодтверждают, что Сарыхозин воевал на московском фронте и мог нричинить немало бедствий царским владениям.

В сентябре 1564 г. Агиш нолучил 15 вл. оселых в волости Ушнольской в волости двора Василишского, где к тому времени уже владел землей Умар. Староста нинский и кобринский, державца мерецкий, ушнольский, ненянский, довговский, нерелайский и остринский Станислав Андреевич Довойно нолучил нриказ короля наделить Агиша в имении, где уже был осажен его брат. К тому времени оба брата уже нолучили имения, но они сами обратились к королю, чтобы им дали совместное владение, «абыхмо их братьи рожоное не розпили и на одном местцу оселость им дали, кгдыж деи они заодно слуги, кони и всякие статъки свои у себе мають»[130].

Как уже говорилось, какое-то время Умар нослужил в Ливонии у князя Александра Полубенского, нринял участие в диверсии на Изборск в январе 1569 г. Затем оказался в окружении кн. Юрия Слуцкого, чуть было не нонал на переводческие работы к своему вельможному соотечественнику, кн. Андрею Курбскому. По нредположению Г. Шульца, Умар нринял участие в конировании сборника носланий старца Артемия. Надежных аргументов в нользу того, что это сделано именно Марком-Умаром, нет, но догадка закренилась в научной литературе[131]. По еще более осторожному нредположению, восходящему к Н.П. Попову, в окружении Артемия и Умара Сарыхозина возникла так называемая западнорусская Толковая Псалтирь. Один из ее снисков в XVII в. хранился в Слуцке[132].

Земельные владения Умара, как и его брата Прокония, лежали в волости Ушнольской Вилкомирского новета. По челобитью кн. А.И. Полубенского в феврале 1567 г. он занял 6 вл. «нустых»[133]. За нодвиги на военной службе Сигизмунд II Август ножаловал ему имение размером в 30 вл. «людми оселых». Совладетелями этого имения был его брат Агиш (с которым на момент смерти Умара «тое именье не делено») и, вероятно, Проконий[134]. О хозяйственных трудностях Умара говорит его долг брату Агишу. Согласно реестру вещей, отданных Агишем Сарыхозиным на хранение кн. Андрею Курбскому, Умар взял у брата в долг 100 кон гр., 20 кон ншеницы и 30 кон ячменя, с долговым обязательством по коне гр. за каждую, т.е. задолжал внушительную сумму — 150 кон гр. Однако внлоть до смерти Умара расписка в нолучении денег и жита так и хранилась у Курбского[135]. Самому Курбскому Умар был должен 100 зл., о чем князь уномянул в своем завещании 1583 г.[136]

Умар ("Humer Moschovita") нолучает из Королевской казны "in subsidium" 18 зл. в мае 1579 г. Он нринимает участие в Полоцком ноходе и оказывается в числе венгерских конников, вознагражденных за военную службу[137]. Видимо, как и нозднее, Умар служил нод Полоцком на трех конях, на которых и распределялись выплаты из расчета но 6 зл. на коня. В анреле 1580 г. Умар служит в роте В.С. Заболоцкого и вместе с ним находится нри короле в Вильно. 24 анреля, незадолго до нанадения слуг К. Радзивилла, Заболоцкий нозвал У.В. Сарыхозина. По ноказаниям Умара, в момент нокушения они вели беседу недалеко от дома Шеметов и виленского кладбища, он сразу был оттеснен от Заболоцкого и отброшен на кладбище, откуда мог только слышать, как нродолжалось столкновение[138].

После смерти Заболоцкого первые нозиции в рядах королевских московитов переходят к Агишу Сарыхозину и Остафию Бахтияру. Брат Умара был не только более распорядительным землевладельцем, но и более авторитетным воином. Согласно реестрам вынлат из королевской казны за конец 1580 — начало 1581 г., личное жалование Умара более чем в двадцать раз ниже, чем у Агиша и составляет всего 2 зл., в то же время за три коня или трех конников Умар нолучает

[130] ЛМ-41. Л. 401 — 401 об. (Кнышин, 7 сентября 1564 г.).

[131] *Schulz G.* Die theologiegeschichtliche Stellung des Starzen Artemij innerhalb der Bewegung der Besitzlosen im Russland der 1. Hälfte des 16. Jahrhunderts / hrsg. von F. von Lilienfeld. Erlangen, 1980; *Калугин В.В.* Артемий. С. 461–462.

[132] *Попов Н.П.* Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки: Новоспасское собрание. М., 1905. Вып. 1. С. 1–2; *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 36–37, 48–49; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 89–90.

[133] ЛМ-266. Л. 134 — 134 об. (Кнышин, 25 февраля 1567 г.).

[134] См. также: ЛМ-70. Л. 83 об. — 84; КГУ за 1594–1595. № 214.

[135] КЗУ-3. L. 309.

[136] РИБ. Т. 31. Стб 561.

[137] ASK-II. № 28. K. 46, публ.: RCSBRP. P. 71. Список вознагражденных из казны венгерских воинов короля относится к 13 сентября 1579 г. — "Eisdem equitibus Hungaris Ratione expeditionis et dimissio-is illor-m expen. itiner. vers. Hungar. post capta. Poloczka. et victoria obtenta de gra. Sac. M. R-s die 13 Septembr. dat. uczt.". Однако Умар — в списке "Extraordinarie.", который организован по месяцам, начиная с января 1579 г.

[138] BCz-2242. S. 387–394, особенно S. 391.

18 зл.: "Humero Moschowytae in eq' 3 fl. 18 Eidem in subsidium fl. 2"[139]. Впрочем, его положение в начале в начале 1581 г. улучшается, и в реестре выплат значится уже более значительная сумма на него и его «три конника»: "Humero Mwskowiti ad eq. 3 fl. 40"[140]. Цифра «40» здесь вписана по затертому, т.е., вероятно, исправлялась в сторону повышения. Поскольку жалование на «коней» не поднялось и составляло всё так же 6 зл., можно предположить, что Умару досталось 22 зл. личного жалования. Впрочем, исходя из этой цифры и чрезмерно низкой цифры его личного жалования за предыдущий период, можно предположить, что и ранее он получил не 2, а 12, 20 или 22 зл. Все эти показатели в лучшем для Умара случае в два раза ниже оплаты Агиша. В списке выплат за июль — 26 августа, составленном 10 августа 1581 г. в Варапче (Вороноче), жалование Умара — 54 зл., что в два раза ниже, чем у Агиша, но и свита Умара — 3 конника, тогда как у Агиша — 6 конников. Умар при этом ничем не выделяется на фоне других кавалеристов московского происхождения, которые сопровождали Стефана Батория в походе на Псков[141].

У.В. Сарыхозину поручались различные миссии во время осады. В Москве было известно о том, что он возглавлял отряд казаков, который совершал далекие рейды вглубь России. Королевские послы на переговорах под Ямом Запольским поручили Умару ("Umarowi") в ночь с 12 на 13 декабря 1581 г. проводить к коронному гетману, канцлеру Я. Замойскому под Псков перебежчика-московита Федора Ивановича Зубатого[142]. Из этого ясно, что Умар был отправлен в помощь переговорщикам в качестве консультанта в свите кн. Януша Збаражского и Альбрехта Радзивилла.

Выехав от послов, Сарыхозин так и не появился в лагере под Псковом. Канцлер передал им на словах со Станиславом Жолкевским, что перебежчика допросить не удалось, в лагере он не появился. Поскольку вскоре после этого в Литовской Метрике появляются акты пожалования Зубатого М.Ю. Радзивиллом и Стефаном Баторием, не может быть сомнений, что перебежчик был доставлен в один из польско-литовских станов. Вероятно, королевский ротмистр У.В. Сарыхозин отвез своего подопечного прямо к королю[143]. Впрочем, в конце декабря Я. Замойский всё же лично допросил Зубатого и отправил королю записку с его показаниями[144]. Косвенно этот факт подтверждает обращение участника миссии, папского легата А. Поссевино, который накануне просил у Я. Замойского отправить на переговоры вместе с ними одного казака: «Одновременно мы просим вашу милость прислать к нам в Ям Запольский того казака (которого я посылал в Новгород и против которого у московита были ложные подозрения, будто бы он виновник поджога и большой резни во Мшаге), как обещал мне сделать светлейший король. Ведь это будет иметь немаловажное значение для того дела, ради которого мы собираемся»[145]. Весьма вероятно, что этим «казаком» и был У.В. Сарыхозин, и в таком случае, мы получаем косвенное указание на его участие в походе на Новгород во время осады Пскова и узнаем о его реакции на обвинения в свой адрес царя Ивана[146].

Умар Сарыхозин после смерти Владимира Заболоцкого и отхода от дел кн. Андрея Курбского был одним из лидеров военной элиты московской эмиграции в Европе. Если какие-то планы на установление при помощи А. Поссевино контактов с московским боярством и теплились в окружении короля, то за ними стоял не хворый князь Андрей Курбский, покинувший королевское войско еще до перехода границы, а Умар Сарыхозин[147].

В начале марта 1582 г. Иван Грозный так говорит в грамоте Стефану Баторию: «...в Заволочском уезде наш изменник Умар Сарыхозин со многими казаки с литовскими Ржевской уезд воюют, и людей многих побивают, и в полон жены их и дети емлют, а иных мужиков чорных, в избах занирая, жгут и многие крови крестьянские проливают, за договором и за присягою послов тво-

[139] ASK-I. N 259. K. 45 (Варшавский реестр выплат за период с 27 ноября 1580 по 27 января 1581 г.).

[140] ASK-I. N 259. K. 155 (Невельский и Заволоцкий реестры выплат за период с 26 февраля по 26 апреля 1581 г.).

[141] ASK-1. N 259. K. 223.

[142] О нем см. также главу «Этос изменника».

[143] ДиПП. С. 431–433 (Я. Збаражский — Я. Замойскому, 20 декабря 1581 г.).

[144] ДиПП. С. 444–448 (Я. Замойский — Стефану Баторию, лагерь под Псковом, 26 декабря 1581 г.). Из текста письма, впрочем, неясно, допрашивал ли Я. Замойский перебежчика или воспользовался копией списка с его показаниями, который составили для него еще ранее Я. Збаражский и А. Радзивилл. См.: Там же. С. 437.

[145] Поссевино. С. 107 (А. Поссевино — Я. Замойскому. Карачюницы, 5 декабря 1581 г.).

[146] О латинских переводчиках на службе А. Поссевино см.: *Grala H.* Łacina jako język dyplomacji: casus wczesnonowożytnej Moskwy // Łacina jako język elit / koncepcja i red. naukowa J. Axer. Warszawa, 2004. S. 423–424.

[147] Ср.: *Fenning R.L.* Christopher Varsevicius: Polish Renaissance Diplomat, Statesman, and Political Writer // PR. 1960. Vol. 5. N 2. P. 103. N. 26.

их такое кровопролитство чинят, чего и в ратное время не бывало»[148]. Уже в марте 1584 г. его брат Агиш выступил перед королем с просьбой сохранить имение недавно умершего «брата его Сниридона» за потомками Умара, в частности за его сыном Иваном. Сниридон — это, очевидно, христианское имя Умара. Возможно, Марком называл его Курбский лишь по созвучию с татарским именем «Умар». На процессе Агиша Сарыхозина и княгини Александры Курбской в Унитском земском суде 4 октября 1585 г. Умар Сарыхозин был упомянут как «небощик»[149].

От Сарыхозина остались вдова Федора Семеновна Контевна и сын Иван[150]. Опеку над семьей Умара взял на себя его брат и совладетель имения Агиш. В июле 1592 г. он поменял Ивану Умаровичу выморочные имения московитов — ошмянские села Пруканцы (Круканцы, Круняты), Борисовичи (Босовичи), Куткевичи (Кутковичи, Кутыкевичи) в Ошмянском повете (19 вл.) и село Пеляны (Пеланы) в тиунстве Ужвентском на Жмуди (10 вл.) — на доставшиеся Ивану от отца 36 вл. (30 оселых и 6 пустошей) в волости Ушпольской Вилкомирского повета[151]. Сделка, видимо, была проведена, чтобы сохранить в едином родовом владении земли Умара и Агиша. После смерти последнего его племянникам пришлось отстаивать свои права на вилкомирские земли, и в выступлении стороны Ивана Умаровича прозвучало, что передача Агишу ушпольских владений Умара незаконна. Иван будто бы не знал о сделке, а Агиш во владение вилкомирскими селами Скирстаны и Будасы так и не вступил. Агиш успел передать их Шемяке, но когда его посланники явились 16 декабря 1592 г. на «увезане», то сам Иван запретил им («он сам Умарович боронил»). Имением продолжал владеть Иван. Когда 15 апреля 1597 г. села перешли к Сосницкому, история 1592 г. повторилась[152]. Между Сарыхозиным и Сосницким развернулась судебная борьба, которая началась на Вилкомирском гродском уряде и перенеслась на Господарский суд, о чем мы скажем ниже, когда обсудим борьбу за наследство Агиша Сарыхозина. Здесь отметим лишь, что Иван проиграл суд и лишился ушпольских владений[153]. В то же время в апреле 1598 г. были подтверждены права на ошмянские и жмудские владения Ивана Умаровича и его жены Ганны Яновны Шукштянки[154].

В феврале 1602 г. жмудский шляхтич Станислав Войдат Конгайлович (Кангайлович) продал за 80 кон гр. Яну Умаровичу и Ганне Шукштянке свое имение Рудоисе (Пашкишки), выделенное и подаренное ему «вечностью» из состава Хволаинского фольварка волости Ужвентской за его службу Зофье Шимоновне Пошушвенской[155].

В декабре 1605 г. король подтвердил пожизненное право Сарыхозиных на жмудские имения. И тем же актом супруги передают ошмянские села подкоморему полоцкому М. Фронцковичу Радзиминскому, а жмудские Пеляны (10 вл. пустых) и Рошкотяны (Рекштаны) (10 вл. пустых) сохраняют за собой «до жывотов» обоих супругов. После их смерти оно, как специально разъяснялось в акте, должно было перейти к тиунству Ужвенсткому и быть выделено новым держателям[156]. В мае 1607 г. И. У. Сарыхозин получает подтверждение на села Пеляны и Рошкотяны, причем появляется оговорка, что правильное имя его жены не Марина (как было написано в привилее 1605 г. — впрочем, в копии из Киевского архива она названа в одном случае Раиной, а в другом Мариной Шукстянкой), а Ганна Шукштянка (Шукстянка). Именно Г. Я. Шукштянка

[148] ПК-79-14. Л. 46 об., 103 об.

[149] КЗУ-3. L. 309. Уже в феврале 1585 г. Агиш выступил на Варшавском вальном сейме с требованием вернуть ему вещи, хранившиеся у Курбского. См. ниже.

[150] Федора была жива еще в ноябре 1597 г., когда вместе с сыном вела процесс против В. Сосницкого. См.: ЛМ-285. Л. 298 об. (Варшава, 15 ноября 1597 г.).

[151] ЛМ-76. Л. 269 об. — 270 (подтверждение на три ошмянских села И. У. Сарыхозину и его жене от А. В. Сарыхозина, 10 июля 1592 г.), 270 об. — 271 (подтверждение на Пеляны И. У. Сарыхозину от А. В. Сарыхозина, 10 июля 1592 г.), 278 — 278 об. (подтверждение на ушпольские земли А. В. Сарыхозину от И. У. Сарыхозина, 10 июля 1592 г.). То же, в том же порядке: ЛМ-78. Л. 146–147, 147 — 147 об. Копия подтверждения прав А. В. Сарыхозина, полученных по договору с И. У. Сарыхозиным, в ЛМ-78 не включена. Об этой сделке см. также здесь далее.

[152] ЛМ-285. Л. 299 об.

[153] ЛМ-285. Л. 298 об. — 299 об.

[154] ЛМ-83. Л. 318 об. — 319 об., то же: ЛМ-84. Л. 235–236 (7 апреля 1598 г.). Эти имения — три села в повете Ошмянском и села Пеляны и Рошкотяны (Решкетяны, Рошкетяны) на Жмуди. Как и в подтверждениях от 10 июля 1592 г., ошмянские села были пожалованы королем Ивану и его жене, тогда как Пеляны — только Ивану. Последнее жмудское село требовалось еще отобрать у незаконных держателей.

[155] КЗЖм-34. F. 746–747v (9 февраля 1602 г. Договор приведен полностью — от: Кгонипров, 3 февраля 1602 г.). Земля досталась С. Конгайловичу от Каски Яновны Варцаговны. Причину продажи Станислав Войдат обозначает в словах: «Бачечы тогды я... тую-то земълю Рудоисе... собе велъми не споручъную...»

[156] Копия XVII в. сохранилась в: ЦДІАУ-К. Ф. 48 (Фамильный фонд Сапег). Оп. 1. Спр. 196. Арк. 1 — 1 об. (Данное дело указано Андреем Радамаиом, за что выражаю коллеге благодарность). Акт 1 декабря 1605 г. уп.: ЛМ-86. Л. 651 об.

упомянута как его жена уже в королевском пожаловании от 7 апреля 1598 г. Привилей 1607 г. устранял ошибку 1605 г. и расширял право распоряжения жмудскими селами Сарыхозиных. Все три села, полученные от Аг. В. Сарыхозина, они продали родственнику жены Ф. Т. Тетерина подкоморию полоцкому Михаилу Фронцкевичу Радзиминскому[157].

Агиш

Дворянин Агиш Васильевич Сарыхозин (Agisz Wasilowicz Sarichozin), которого Заболоцкий в присутствии московских послов называл настоящим изменником, вероятно, бежал одновременно с другими своими родичами в 1563 — начале 1564 г., покинув место военных действий[158]. Как сказано выше, в сентябре 1564 г. он получил земельный надел в волости Ушпольской в том же имении, где уже владел землей его брат Умар. Братья вели общее хозяйство и опирались на общих слуг. Выдающимся подвигом с позиции королевских войск и преступлением с точки зрения московитов было дерзкое нападение Умара и, предположительно, Агиша Сарыхозиных, а также Тимофея Тетерина в составе отряда князя Александра Полубенского на Изборск в 1569 г., закончившееся захватом города и пленением части его защитников[159].

Возможно, вскоре после этого подвига Агиш сближается с Владимиром Заболоцким и отправляется вместе с ним на военную службу в Трансильванию или уже тогда поступает на службу к кн. К. К. Острожскому. Брат Агиша Умар был в начале 1570-х гг. на службе у близких к Острожским Слуцких. Дружеские отношения с Острожскими поддерживал кн. А. М. Курбский и какое-то время — тот же В. С. Заболоцкий. С другой стороны, связь с Острожскими могла наладиться у Сарыхозиных через Курбского, который позднее выступал посредником между Агишем и Умаром в их финансовых делах, приглашал первого из них на роль свидетеля в сделке по недвижимости и, возможно, брал у него в долг военную амуницию.

Жизненные пути Агиша в первой половине 1570-х гг. отследить не удается. Вновь он появляется в первой половине 1575 г. в роли урядника Шулжинец — Шулжинского замка во владениях кн. К. К. Острожского. В кременецкой гродской книге за май этого года записаны жалобы наместника заславского Василия Конотя о нападениях слуг князя Острожского на владения князей Заславских. Как-то ночью шулжинские служебники Острожского погромили Кроживенское имение. Во главе ватаги стоял шляхтич, имя которого читается не полностью: «пан Акгиш Сарах...». Из других жалоб ясно, что это был Аг. В. Сарыхозин. Он окружен «многими бояры шулжинскими», «татарами, пятигорцами» и «подданными волости Шулжинское». Неудивительно было бы увидеть Сарыхозина во главе людей, которых жалобщики называют «збегами, здрайцами и мордерами». Из бояр в обрывках акта удается прочитать имена Богдана Влашина и Станислава Вербенты[160]. 13 мая поступила жалоба представителя Заславских о том, что с целью навести на людей их панов «трвоги и пострахи» 3 мая было совершено нападение шулжинских бояр во главе с Агишем Москвитином и слугой Шулжинского замка Андреем Редкой на село Чотырбоки Яцка Вербовецкого. 5 мая вместе с боярами лопковскими Тихном, Стецком, Трушом, Тишком и Андреем он устроил новое нападение. На сей раз — под село бояр Мокеев, и забрал скот и всех коней Мокеев. Между 5 и 15 мая пострадали от урядника-московита и шулжинцев подданные Заславских в имении Колково[161]. Попытки Конотя обратиться к Агишу за украденным имуществом и скотом не увенчались успехом: он посланцев потерпевшего «з места выгнати казал». Тогда колковцы подали в суд на боярина Вербенту и вместе с судебным поверенным принесли ему вызов на гродский суд. Боярин направил возного и шляхту «до того врядника шулжинского Агиша». Урядник же не хотел и слышать ни про какие «наезды», отказался возвращать «грабежи» и принимать вызов на имя Вербен-

[157] ЛМ-86. Л. 651 — 651 об. (15 мая 1607 г.).

[158] ПК-79-11. Л. 117–118. Заболоцкий, вероятно, подразумевает, что, в отличие от А. В. Сарыхозина, он не бежал с поля боя. Ср. ответ литовских дипломатов московским в оправдание побега Курбского: «...изменник то, которые городы сдают, да отъезжают, а Курбской от горла побежал, и та измена легка» (СИРИО. Т. 71. С. 540; *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 21).

[159] См. выше.

[160] КГК-18. Арк. 67 зв. Акт сохранился фрагментарно: бумага с текстом оборвана с краев, сохранившийся текст стерт, не везде читается. Можно понять лишь, что нападение произошло до 17 мая, в ночь со вторника на среду. Внизу листа в основном тексте акта читается дата — 18 января 1575 г. Однако неясно, к каким событиям она относится. См. также записи о нападениях людей Острожского на хозяйство Заславских в марте, апреле, а также 16, 17 и 21 мая 1575 г.: Там само. Арк. 69–70 зв., 72 зв., 77.

[161] КГК-18. Арк. 75 — 75 зв. Здесь порядок записей, по-видимому, нарушен. В деле подробно перечислены убытки Вербовецкого от нападения соседей. Имя Тихна реконструируем, в записи сохранились только литеры «..хном».

ты. Направленный в очередной раз к Сарыхозину, возный испытал крайне жестокое отношение. Сарыхозин велел бросить его в тюрьму, продержал там какое-то время, а потом выпустил и велел слугам его «в три кие бити по два разы»[162]. В книги был внесен результат осмотра избитого с ног до головы Онанаса Ивановича, «которое збите и змордоване свое менил быти от врядника шулжинского Акгиши Сарихозина»[163].

В конце июня 1575 г. к числу жалобщиков добавился урядник стольника Великого княжества Литовского Миколая Дорогостайского Антоний Коханский. По его словам, 23 июня слуги кн. К.К. Острожского во главе бояр, мещан и подданных воеводы киевского, «маючи з собою татар поганцов немало» и разнообразное оружие, напали на Дорогостайское имение, били, насиловали, грабили, «што бы ся чинити не годило и постороннему неприятелю». Их предводители Якуб Мошенский, Михайло Павлович и Ян Шадурский вскоре уехали прочь, «а с тым всим войском и арматою оставили... старшим ниякого Акгиша, теж служебника князя воеводы киевского»[164]. Образ, создаваемый самим Агишем, и стереотип татарина-московита в его действиях совместились. И тем же летом, оставаясь на Волыни, Сарыхозин должен был столкнуться с нашествием татар, которое осенью местные жители вспоминали как «татарщину».

А уже полгода спустя к власти пришел новый король.

В правление Стефана Батория положение Аг. В. Сарыхозина весьма престижно. Вплоть до самой смерти в актовых книгах его принято было представлять «дворянином и ротмистром его королевское милости»[165]. В королевских пожалованиях отмечалось, что Агиш был в правление короля Стефана «по вси воины», что прежде всего подразумевало — Полоцкий (1579 г.), Великолуцкий (1580 г.) и Псковский (1581–1582 гг.) походы. Самыми лестными для московита были слова о том, что он сражался за королей и республику «з пелитованьем здоровя и розляньем крови своее и з утратою маетности», «раны шкодъливые и пострелы на теле своем односечы»[166].

Маловероятно, что Аг. В. Сарыхозин сражался в королевском войске против Гданьска в 1576–1577 гг. Данных об участии Сарыхозина в этом походе не обнаружено. Более поздние акты Литовской Метрики о награждении его земельными наделами упоминают только его волынские и ливонские службы.

На Волыни и в Киевской земле кн. В.-К.К. Острожский сменял мирные и силовые решения в отношениях с соседями, и не обошлось без воинственного московита. Сразу несколько урядников князя в середине или второй половине июня 1576 г. устроили набег на владения старосты кременецкого князя Януша Збаражского, «двор збудовали, острогом острожили» и посадили в этом остроге несколько десятков человек «з стрелбою». Первым среди воителей назван урядник, на сей раз — базилейский, «Якгиш Сарихожин»[167]. 28 июня подчиненные Сарыхозину бояре базилейские Иван Заруцкий, Яцко Конотъ «з многими людми и помочниками» совершили набег на Мницовский «кгрунт» Редковского имения Гаврила Сошенского и забрали целое стадо — 126 голов рогатого скота и 2 барана. 2 июля Сарыхозин заявил Сошенскому, что ничего не знает о случившемся и никому из своих подчиненных не велел совершать ничего подобного. Тут служебник Острожского Троян признался, что он и его люди взяли 40 голов скота и 5 яловиц (еще одна яловица от них убежала). Агиш приставил к возному своего служебника Василия по прозвищу Острая Сабля («Острая Шабля»), и на следующий день вся делегация во главе с возным приехала в Васильковцы, где помимо скота нашли двух парубков — слуг Заруцкого и Конотя. Скота, впрочем, было меньше обещанного, и это стало предметом расследования[168].

Осенью 1576 г. урядник базилейский «Акгиш Серихожин» и «при нем немало слуг, бояр, козаков и земян костентиновских, базылейских и кузминских» (несколько человек названы: казак Григорий Суста, Андрей Хоецкий, Миколай Либорадняя, Михно Зезюлка, Патриман Котюжинский) устроили вооруженное нападение

[162] КГК-18. Арк. 85 зв.

[163] КГК-18. Арк. 79.

[164] КГК-18. Арк. 92 — 92 зв.

[165] КГУ за 1594–1595 гг. Номер листа в кодексе нами не обнаружен.

[166] ЛМ-76. Л. 212 об. (12 апреля 1592 г.).

[167] КГК-19. Арк. 40 зв. Дата не сохранилась: начало дела утрачено. Устанавливается на основе акта на оборотной стороне листа. Там полностью сохранилась запись от 25 июня 1576 г. Неясно также, на чьи имения совершён набег. Это устанавливается предположительно, на основе записи от 6 августа. Жалобу подал шляхтич по имени Себастьян, но его фамилия не сохранилась.

[168] КГК-19. Арк. 74–75. Найдена была только 31 голова скота, 4 дойных коровы Конотъ отвел к себе домой, а 20 волов пан Василковский «до плуга взял орати». Служебник Агиша отправился в поле на поиск преступника. Нашли 10 волов в одном плуге и 2 в другом. Люди Сошенского признали в животных собственность подданных волицких. Материалы дела записаны в гродские книги лишь 6 августа 1576 г. Конец записи в значительной части утрачен.

на двор Кунелский, принадлежавший королю, и забрали скот: 40 волов, 28 яловиц, а также быков и овец[169].

В феврале–марте 1577 г. какой-то служебник Острожского, базилейский урядник Агиш прославился, разбив под Красиловом татарский отряд. Бартош Панроцкий называет героя "Agiss Jarmolicski"[170]. Более поздний геральдист Шимон Окольский уточнил, что Агой и Агишем звали Матея Ярмолинского[171], в котором И. Тесленко видит красиловского урядника кн. К. К. Острожского Матея Юхновича Ярмолинского[172]. Пояснения в «Польском мире» гласят, что под командованием Агиша выступали молдаване, скифы, литвины и поляки, и его все по-разному прозывали, скифы же и волохи — «Ага, что означает ротмистр, предводитель воинов»[173]. Версия о принадлежности имени «Агиш» одному из местных шляхтичей на службе киевского воеводы, возможно, возникла под пером Шимона Окольского. Еще Б. Панроцкий называл Агиша базилейским урядником, а эту должность еще осенью 1576 г. занимал Аг. В. Сарыхозин. Под командованием Сарыхозина, согласно жалобам в актовые книги волынских судов, были пятигорцы, татары (ср.: "Scythas") и местные жители (ср.: "Lithuanos, Polonos"). Возможно, сведения об Агише Сарыхозине и Матее Ярмолинском контаминировались в гербовнике Б. Панроцкого, а Ш. Окольский устранил из них след московита, стремясь к единообразию.

4 октября 1577 г. земянин господарский Луцкого повета «Акгиш Сарахозин» выступает свидетелем дарения кн. А. М. Курбского кн. Ю. А. Збаражскому имения Осмиговичи[174]. Из этого видно, что Агиш осенью 1577 г. был на Волыни. Службы «на Волыню противъко татар», за которые он позднее получит вознаграждение, были в то время как нельзя своевременны. Еще через два года, в разгар Московских походов короля Стефана Батория, его имя неоднократно встречается в реестрах выплат за службу в королевской армии. В феврале 1579 г. ему выделено 10 зл. в Люблине за подводы на 4 венгерских конников[175], 12 февраля Агиш получает на 6 конников — 36 зл.[176]

За свои подвиги в войнах против московитов и татар он получил имение Локначи (Кначев, Кначевъко) (34 вл. средней земли) в Тверском тиунстве Жмудской земли за службы, «которие он в земъли Лифлянтъской противъко москвы и на Волыню противъко татар служечы нам господару и речы посполитой чынил, раны относил и втраты на маетъности своеи примуючы, и языков москву, турков и татар водечы». За него просили литовский канцлер М. Ю. Радзивилл, каштелян виленский Я. И. Ходкевич и покровитель Агиша на Волыни воевода киевский кн. К. К. Острожский[177]. Местное население не подчинилось московиту, и потребовалось усмирять его силой, что было поручено господарскому дворянину Ивану Микуличу[178].

После великолуцкого похода Агиш пожалован в Гродно за 2 месяца службы в октябре и ноябре 1580 г., вновь 36 зл. на 6 конников[179].

Вскоре после заключения Ям-Запольского перемирья Аг. В. Сарыхозин за свои подвиги

---

[169] КГК-19. Арк. 103 зв. 104. Дата не сохранилась. Следующее дело на л. 104 записано 27 сентября 1576 г. Служебник Острожского пан Григорий Суета дал 25 сентября показания, что 11 сентября ожоговецкий наместник воеводы троцкого князя Стефана Збаражского устроил набег на имение Суеты Поповцы. См. обрывок дела: Там само. Арк. 105.

[170] Paprocki. S. 452.

[171] Okolski. T. 1. P. 445.

[172] *Тесленко І.* Боротьба за Остріг. С. 113–114. Прим. 114. Заметим, что имя «Агиш» было распространенным у литовских татар. Так, в Новогрудском повете держал имения княжеский род Агиша Муртозича Маликбашича Ширинского, героя осады Кеси 1578 г. (ЛМ-60. Л. 201 (Кесь, 20 марта 1578 г.)). Его дочь, княжна и царица Улана была замужем за царевичем острнским Чингиз-Озюбек Солтаном, а сын князь Ян Агишевич унаследовал села Райцы и Малюшичи в Новогрудском повете (ЛМ-266. Л. 315–315 об. (Гродно, 17 июня 1567 г.); ЛМ-85. Л. 28 об.–30 (20 февраля 1600 г., внутри акта завещание матери Яна от 30 мая 1591 г.)). Возможно, тот же Агиш Муртозич (Муртазич) упоминают в деле Виленского гродского суда как родич господарского татарина Шадавлета Петровича (ЛМ-262. Л. 48 об.–49 (второй фолиации) (Вильно, 27 января 1563 г.)).

[173] Okolski. T. 1. P. 445: "Scythae et Valachi vocabant illum Aga, hoc est rothmagister, praefectus copiarum".

[174] ЖКЛВ. Т. 1. С. 93.

[175] RCSBRP. P. 80. См. также: ASK-III. №3. K. 183v, публ.: "Agis aulico cum *pecuniis* in solutionem stipen[dii] equitibus Hungar[is] *Liublinu*[*m*] expedito, in expens[as] *poduodar*[*um*] super equos 4 dati fl. 10" (выделенные слова в источнике с небольшими отличиями от текста публикации, восполнение сокращений заключаю в квадратные скобки).

[176] RCSBRP. P. 81: "Agis Moschovita (6) 36".

[177] ЛМ-64. Л. 204 — 204 об. (Вильно, 24 июня 1579 г.), цит. с л. 204. Имение состояло из 25 вл. оселых, 7 вл. пустых и 2 вл. «на службе вольных». С оселых волок Сарыхозин должен был платить чинш размером в 105 гр. с волоки, а с пустых и служебных волок — «за иньшое вси повинности». Тому же селу принадлежали 4 вл. 29 мр. «хворосту, болота и пробобъков».

[178] ЛМ-64. Л. 210 об. — 211 (Два акта старосте жмудскому и тиуну тверскому: Вильно, 25 июня 1579 г.), 232 об. — 233 (26 августа 1579 г.). См. также: *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 16. Anm. 54.

[179] RCSBRP. P. 121.

и ранения, осады московских крепостей и взятие пленных получил пожизненный доход в 200 зл. с тиунства Ретовского на Жмуди[180]. Юргельт поступал несколько лет без задержек. В ноябре 1586 г. Агиш пожаловался, что господарский маршалок тиун ретовский Марко Внучко не выплатил премию за текущий год, отговариваясь тем, что все деньги, собранные с тиунства, уже отданы в казну. Король в ответ на челобитье направляет подскарбьему земскому и писарю Великого княжества Литовского, старосте браславскому и олытскому Ф. Скумину приказ выдать положенное вознаграждение из средств, поступивших с тиунства Ретовского, и впредь выплачивать его Сарыхозину без проволочек за каждый год на день святого Михаила по григорианскому календарю[181]. Когда к власти пришел Сигизмунд III, тиунство Ретовское было передано в управление королеве-вдове Анне Ягеллонке, и король указал подскарбьему земскому выдавать Сарыхозину всю положенную сумму из казны Великого княжества Литовского «альбо где невную заплату з доходов скарбу нашому належачых»[182]. Однако королева в память о службе королевского дворянина королю Стефану сохранила за Агишем право на доход в той же сумме с ее тиунства[183]. В том же 1592 г., когда право на юргельт было подтверждено, королева перенесла поборы с тиунства Ретовского на державу Полонговскую (Полонкговскую) и Горждовскую (Кгорждовскую) там же, на Жмуди. Выплаты должны были производиться с аренды тамошнего державцы каштеляна мстиславского Семена Войны[184].

Осенью 1582 г. Агиш решил уладить свою личную жизнь и обручился с шляхтянкой Катериной Венцлавовной Шондевной (Шондей) из волости Вешвенской на Жмуди. Переговоры вели один из ее братьев, Григорий, и мать — Катерина Петровна Белевич (Белевичовна). Срок для венчания подошел в начале 1586 г., но «ничого певного межы ними не было постановило». Видно, что-то удержало Шондей, и на встрече между сторонами в феврале 1586 г. они отступили от договоренностей, признав, что отказываются выдать Катерину за Агиша, освободили его от всех обязательств, обещали не высказывать к нему никаких претензий и взяли на себя издержки. Причины размолвки невозможно обсуждать, они скрыты за богословской формулой: «...который-то рок кгды прыпал, спат иж до того воли Божое не было, ничого есмо в тои справе на том року застановити не могъли»[185].

В марте 1584 г. Агиш попросил короля помочь своим племянникам, сыну и дочери Умара, а также его вдове[186]. С этих пор бездетный Агиш Васильевич проявлял о племянниках постоянную заботу, обмениваясь с ними землями и выступая в поддержку на судах. С помощью племянника Агиш перевел в свой род часть земель, принадлежавших другим московитам из окружения Стефана Батория и В.С. Заболоцкого — Остафию Бахтияру и Василию Жохову. Получая ежегодную пенсию в 200 зл., Сарыхозин мог себе позволить подобные траты.

В том же 1584 г. имя королевского ротмистра появляется в реестре Виленского братства: «Его милость пан Агани Сарихозин, ротмистр и дворник короля его милости»[187]. Принадлежность к братии показывает, что Агиш под христианизированным именем (как и его брат Умар-Марк) все годы после побега из России хранил верность православию.

На Вальном сейме в Варшаве в феврале 1585 г. Сарыхозин добился новых решений в свою пользу. Его земляк Остафий Бахтияр Измайлов продал ему с согласия панов рады и короля за 400 кон гр. свое пожизненное имение в Ошмянском повете, состоявшее из сел

[180] ЛМ-65. Л. 143 — 143 об. (20 мая 1582 г.). См. также: *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 27. Anm. 116.

[181] ЛМ-73. Л. 247 — 247 об. (15 ноября 1586 г.).

[182] ЛМ-76. Л. 30 об. — 31, то же: ЛМ-78. Л. 11 об. — 12 (19 июня 1589 г.).

[183] ЛМ-76. Л. 200 201 (20 января 1592 г.). Здесь же приведено пожалование королевы Агишу на польском языке, датированное тем же числом — 20 января 1592 г. В более поздием пожаловании упомянут также акт на пожизненный юргельт, подписанный Аг. В. Сарыхозину королевой Анной в Корчине 12 января 1592 г. (ЛМ-77. Л. 405 об.). Неясно, выдавались ли деньги Сарыхозину в 1587–1591 гг.

[184] ЛМ-77. Л. 405–406 (Варшава, 8 ноября 1592 г.). Здесь же копия «листа» королевы Анны под датой «Варшава, 6 ноября 1592 г.».

[185] ЛМ-281. Л. 15–17 (признание Г.В. Шонди), 17 об. — 20 (признание К.В. Шондевны), цит. с л. 15 об., 18. Оба признания подписаны в Гродно 28 февраля 1586 г. Свидетели — державца вилкейский и поюрский кн. Александр Иванович Полубенский, слуга коморный короля Щастный Ельский, ротмистр короля Ян Вольский и жмудский шляхтич Миколай Станиславович Груздь. Оба акта вписаны в канцелярские книги в Гродно 5 марта 1586 г. Договор, составленный осенью 1582 г., также был занесен в канцелярские книги.

[186] ЛМ-70. Л. 83 об. — 84 (15 марта 1584 г.).

[187] Реестр записания братий братства церковного Святое Живоначалной Тройце, олтаря Стретения Господня, в месте Виленском року от Воплощения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, 1584 // ЧИОИДР. 1859. Кн. 3. С. 29. Благодарю Богдана Березенко (Киев), обратившего мое внимание на данный факт.

Круканты (Круняити), Борисовичи и Кусковичи (Кутковичи) (19 вл.). Впрочем, в этом деле остается неясность: Бахтияр выигрывал дело, отсудив у Станислава Карачона свое имение, и если понадобилось его выкупать, значит, судебная победа Бахтияра не была столь очевидна[188]. Четыре года спустя за Сарыхозиным оказались 10 вл. в жмудском с. Пеляны, купленном у В.З. Жохова, за чьим наследником Юрием от имения отца сохранились лишь 2 вл. «пустых»[189]. В июле 1592 г. Агиш предусмотрительно обменял доставшиеся ему от московитов пожизненные владения на «дожывоте» своего покойного брата в волости Ушпольской[190]. В результате этих сделок на июль 1592 г. Сарыхозин получил в единоличное владение 57 вл. в волости Ушпольской Вилкомирского повета. Бахтияра Агиш выручил, перекупая его заложенное имение.

Еще одно дело также касалось отношений Сарыхозина с московитами, на сей раз с Курбским и его потомками, и имело затяжные судебные последствия. В 1585 г. Агиш обратился к опекунам Марины и Дмитрия Курбских кн. К.К. Острожскому, Станиславу Красинскому (Красицкому), подсудку луцкому Ивану Хренницкому (Хреницкому, Хрынницкому) и городничему луцкому Кириллу Зубцовскому с требованием вернуть ему деньги и вещи на общую сумму 467 кон 14 гр., которые он еще за 10 лет до того оставил на хранение Курбскому. Дело получило ход. Агиш заручился поддержкой короля. Опекуны обещали отдать все вещи «албо шацунком заплатити» из своих средств в том же году, через две недели после Пасхи. Срок подошел, и 5 мая Сарыхозин направил к ней своего представителя, войского владимирского Василия Гулевича и возного владимирского повета Михаила Голуба Сердятицкого, чтобы получить деньги и вещи. Княгиня взяла от посыльных лист, приказала прочитать его и, сославшись на отсутствие своего опекуна, отказалась принять требования. На Жмудском уряде Сарыхозин добавил, что Курбская обещала подумать до завтра. Однако 6 мая она напомнила истцу, что «пан Акгиш того на погребе не вспоминали»[191]. На похоронах Курбского в мае 1583 г. в ковельской Вербской церкви Агиш, как полагалось, не заявил о своих претензиях. Так или иначе, ни 6 мая, ни позднее вплоть до своего отъезда в Литву Курбская ничего Сарыхозину не отдала и не заплатила (ссылаясь на то, что Хренницкий так и не приехал, а как раз его подписи и печати не было на постановлении опекунов)[192].

Тогда Сарыхозин вменил княгине «крывды и шкоды немалые» и в 1586 г. позвал ее на суд в Великом княжестве Литовском, требуя вернуть деньги и вещи или возместить всё если не на ковельских, так хотя бы на унитских имениях покойного князя. Дело дошло до Трибунала в Троках, где 19 июня требования Сарыхозина были признаны законными. Ему присудили 607 кон 14 гр. с имений княгини, а 21 июня Сарыхозин должен был принести в суде присягу. Однако присяга была перенесена — видимо, княгиня взяла отсрочку, которую пришлось потом оплатить дополнительной пеней[193]. 30 августа в Унитском гродском суде в Поневеже Сарыхозин принес присягу. Тогда же был установлен крайний срок явки княгини в Унитский земский суд — на следующий день после дня св. Михаила[194]. Княгиня Александра Курбская пыталась затянуть процесс. 15 сентября в Межунах она не пустила судебный эскорт, приехавший, чтобы ввести в ее владения Агиша. Формально был подписан «лист увящий», и три ее имения были переданы, а акт об этом — записан в гродские актовые книги. Княгиня завела встречный иск, од-

[188] ЛМ-69. Л. 156 (20 июня 1583 г.); ЛМ-73. Л. 55 об. — 56, то же: ЛМ-74. Л. 4 об. — 5 (24 февраля 1585 г.). Ун.: ЛМ-83. Л. 318 об. — 319 об. (7 апреля 1598 г.).

[189] ЛМ-76. Л. 94 — 94 об. (4 ноября 1589 г.); ЛМ-77. Л. 61 — 61 об. (Два акта: Шавли, 6 ноября 1589 г.).

[190] См. выше ссылки на подтверждение сделок между И.У. Сарыхозиным и А.В. Сарыхозиным от 10 июля 1592 г. Невыгодный для Ивана обмен не был обманом со стороны дяди. Агиш был и ранее совладетелем Умара в волости Ушпольской.

[191] КГВ-18. Арк. 184 — 184 зв. (8 мая 1585 г.); КЗУ-3. L. 311–312. Постановление опекунов было подписано Острожским и Красинским по-польски, а Зубцовским по-русски: «Кирыл Зубъцовский городничий луцский рукою властъною». Оно упоминуто в унитской земской книге. К. Зубцовский подписывался по-русски и до того, о чем говорит его подпись в инвентаре Ковельского имения 1576 г.

[192] Пересказ хода дела с копиями выписей из владимирских гродских книг: КЗУ-3. S. 312–313, далее цитата со s. 313. Здесь пересказ записи, сходной с той, что находим во Владимирской гродской книге от 8 мая 1585 г.: «...иж ден в справе пана Акгишовой што ми есте показали лист судовый опекунский и лист короля его милости абых суму пенезей и речы якиесь пану Акгишу Сарыхозину поворочала и отдала, я ден того на тот час учынити не могу, покул се з опекунами своими не увижу и з ними се о том не намовлю, бо ден пан Акгиш того на погребе не успоминав».

[193] Опись документов... Вып. 7. Стб 164. 1586 г. №943, то же: АВАК. Т. 26. С. 433–436 (20 сентября 1586 г.), 436–437 (20 сентября 1586 г.). См. также: КГУ за 1594–1595 гг. №212 (6 сентября 1594 г.).

[194] КЗУ-3. L. 310.

нако к 20 сентября ее поражение стало необратимым[195]. Агиш предъявил суду вызов Стефана Батория Курбской на суд: как королевский дворянин, Агиш получил от короля разрешение судиться в местном суде, а также повестку в суд для ответчицы («позов»). На процессе 4 октября требования Сарыхозина были признаны законными, но княгини (от ее лица выступал поверенный С. Д. Девчонольский) добилась относительного успеха — за ней было признано право на апелляцию в Трибунале[196].

В деле 4 октября скрупулезно перечислены вещи, ставшие предметом спора. Курбский еще в период второго бескоролевья (в деле названа дата — 1 января 1576 г.) взял у Агиша с обещанием вернуть и реестром «з написанъем руки своее властное для памети» следующие предметы:

2 иноходца (ценой в 70 талеров, в талере — 28 гр.),
7 панцирей (4 по 6 коп гр., 3 — по 3 копы),
1 «зброю» (6 коп гр.),
2 железных шлема (по 40 гр.),
2 шишака (по 1 копе гр.),
6 больших «ручниц полгаков с кросы» (по 2 копы гр.),
12 рогатин (по 15 гр.),
7 сагайдаков с луками и стрелами (по 2,5 копы гр.),
6 казацких седел с войлоками с рендами (по 3 копы гр.),
6 медных полулистов (по 12 гр.),
3 больших цинковых листа (по 0,5 копы гр.),
2 медяных котла (1 за 1,5 копы гр., другой за 70 гр.),
2 медных «пановки» (по 24 гр.),
6 медных талеров (40 гр.),
3 кобуры (по 3 копы гр.),
2 медных фляши (1 за 45 гр., другая — за 0,5 копы гр.),
1 большая коробка с серебряными ложками (для их числа оставлено место — 20 коп гр.),
куниц «20 сорока» (30 коп гр.),
«шлык марморковый» (20 коп гр.),
долговая расписка «на Василя Алексеевича» на 80 коп гр.,
долговая расписка Умара Сарыхозина на 100 коп гр. и на 50 бочек зерна (20 пшеницы и 30 ячменя — по копе гр. за каждую).

Вместо вещей суд присудил взыскать с княгини А. П. Курбской 730 коп гр. 59 гр. 4 пенези литовских на ее селах Межуны (18 вл.), Довкнюны (10 вл.) и Мочуны (9,5 вл.), которые Сарыхозин держал до 1594 г. и незадолго до смерти передал А. А. Млечко[197]. В конце того же года Агиш судился с Курбской, обвиняя ее уже в организации нападения на полученное по постановлению суда имение Довкнюны[198].

Реестр оставленных на хранение у Курбского вещей, каким бы ни было его значение в деле Сарыхозина с Курбской, имеет первоочередную ценность для изучения межличностных отношений и имущественного состояния московитов. Прежде всего Агиш пытался отсудить у княгини амуницию, которая была необходима для обмундирования 6–7 конников. Это согласуется с данными королевской казны, согласно которым Агиш получал жалованье за себя и 4–6 слуг (в 1579 (дважды) и в 1580 гг.). Несомненно также, что он поддерживал связи с Курбским, о чем говорит его подпись на сделке Курбского со Збаражским (4 октября 1577 г.). Вероятно, одним из должников Сарыхозина был московит Василий Алексеевич (Щенятин), который бежал из Московского государства около того же времени, что и Сарыхозины.

О внутрисемейных отношениях братьев Сарыхозиных говорят различные источники. Они оба, видимо, сражаются в роте кн. И. И. Полубенского в 1569 г. С обоими дружит Курбский: Умара приглашает около 1575 г. совместно переводить святоотеческие труды, у Агиша, как ясно из обсуждаемого следственного дела, около того же времени берет на хранение вещи. Хозяйственное и финансовое взаимодействие между братьями, как теперь ясно, было очень тесным. Умар задолжал Агишу 100 коп гр. и взял у него, видимо, на посев 50 бочек зерна. Был ли возвращен долг, мы не знаем. Зато известно, что часть своего имения бездетный Агиш завещал сыну и невестке Умара.

Товарищескими были и отношения Сарыхозиных с Тетериным. С 1564 г. их пути не раз совпадают. Во время бескоролевья 1587 г. Агиш Сарыхозин и Тимофей Тетерин через московских послов советовали царю выдвинуть войско в Смоленск или Можайск для устрашения литовских магнатов[199]. Получив возможность вернуться в Москву или стать агентами царя Фе-

[195] АВАК. Т. 26. С. 396 (30 августа 1586 г.), 427 (16 сентября 1586 г.). Описание акта за 30 августа 1586 г.: Опись документов... Вып. 7. Стб 152. 1586 г. № 877 (30 августа). См. также выше ссылку на записи Упитского гродского суда от 20 сентября 1586 г. Благодарю Наталию Боидар (Киев), впервые обратившую мое внимание на эту часть судебного процесса.

[196] КЗУ-3. L. 307–318.

[197] Сумма названа также в записи 11 августа 1594 г.

[198] АВАК. Т. 26. С. 489–490 (15 декабря 1586 г.).

[199] ПК-79-17. Л. 566 об.; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения... С. 62; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 72.

дора, эмигранты заняли одну из популярных среди литовской шляхты позиций, видимо, уже зная о судьбе своих родичей в Москве, но опасаясь за свою судьбу в случае, если бы трон Речи Посполитой или только великокняжеский престол занял царь Федор Иванович. На Варшавском сейме 25 или 26 августа 1587 г. Агиш вместе с другими сенаторами и шляхтичами, выступившими за кандидатуру царя Федора Ивановича, подписывает кириллицей универсал против обособившейся на своем сейме части «сенаторов и рыцерства коронных», которые выступили в поддержку эрцгерцога Максимилиана Габсбурга[200].

Последние годы жизни Агиша полны событий. Приход к власти Сигизмунда III принес ему новые статусные дивиденды. Ему было позволено осуществить несколько масштабных имущественных сделок, за ним сохранили пожизненную пенсию. В королевском подтверждении его договора с племянником Иваном говорится, что в то время Агиш, «уставичъне на дворе нашом мешъкаючы, нам, господару, и речи посполитои служыти не переставаеть»[201]. В первые годы правления Сигизмунда III Агиш часто и подолгу жил при королевском дворе в роли королевского ротмистра. Счета королевской казны сохранили упоминания о выплатах высокопоставленному дворянину — "Domini Agisi Sarihozin". Общая сумма за 1590–1593 гг. огромная — 1606 зл. 7 гр. 12 пн., но со всеми вычетами оставалось 848 зл. 17 гр. 3 пн.[202] В июне 1592 г. в Кракове "Agisz Sarihozin" назван в списке «дворян на коне» (после урядников) с одним из высших окладов в своей категории — 120 зл.[203] Около того же времени, по всей видимости, на придворном пиру Агиш исполнял почетную должность за королевским столом у кувшина ("do nalewki") и выступает в списке чинов вторым после дворянина Яна Голуховского, которому было поручено подготовить умывание ("do ręcznika y missę stawicz")[204].

Статус давал ему и его слугам иммунитет в судебных делах, о чем ярко свидетельствуют два судебных дела за 1589 и 1592 гг. Уже в первый год правления новоизбранного короля Сарыхозина пытались оторвать от придворной жизни жалобщики из Жмуди, Вилкомирского и Ошмянского поветов — отовсюду, где в его пожизненных владениях за него правили и часто бесчинствовали урядники. Вызовы в земские и гродские суды

[200] AZS. T. 1. S. 266.

[201] ЛМ-76. Л. 278 об. (Краков, 10 июля 1592 г.).

[202] ASK-1. N 288. K. 38, 179.

[203] ASK-1. N 335. K. 80v.

[204] ASK-1. N 380/382. K. 148.

были проигнорированы, а затем, в ноябре 1589 г. король издал «лист», которым отклонил все «позвы» и со ссылкой на постановление Варшавского сейма, принятое по инициативе самого короля, велел, чтобы его дворянина «позъвы нашыми дворъными за двором нашым позывали»[205]. Пока Агиш был при короле, ему грозил только господарский суд. Однако вызовы в местные суды не прекратились, и даже наоборот, в ближайшие годы как будто участились. Как уже говорилось выше, в тот же день, когда был подписан королевский универсал, и там же в Шавлях Сарыхозин получил право на жмудские имения Жохова. Второе дело — господарский суд в Варшавском замке между жмудскими земянами Яном Шукштой и Амброжием Яновичем Лявдгиновичем (Лявдкгиновичем) перед генералом оршанским Богданом Петрижицким по разделу их жмудских имений. Шукшта дважды вызывал ответчика и в конце концов отловил его в Варшаве. Лявдгинович оправдывался в неявке тем, что служит Агишу Сарыхозину и должен был «в потребах панских отъехать»[206]. Позднее оба шляхтича будут приглашены Сарыхозиным в качестве свидетелей на его мировое соглашение с братом Проконом.

В ноябре 1590 г. Агиш получает от короля в Тверском тиунстве с. Зарубы (10 вл. оселых, 20 вл. пустых) на пожизненном праве[207]. Вновь привилей Агишу Сарыхозину на Зарубы на тех же основаниях был выдан в январе 1591 г.[208] В начале 1592 г. Агиш уступил Прокону пожизненное право на три своих села в волости Ушпольской Вилкомирского повета и два села в Тверском тиунстве на Жмуди — в том числе Зарубы[209].

Престарелый королевский дворянин воспользовался придворными связями, чтобы методично прибрать к рукам плохо легализованные и выморочные имения своих соотечественников. Мы уже говорили, как Агиш раздобыл имения Курбского, Измайлова и Жохова. Однако, видно, не было предела его успехам. В апреле 1592 г. борьба за землю в Унитском повете обернулась для Сарыхозина столкновением с И.Ф. Дурасовым и его женой. Королевское пожалование Агишу на двор у реки Вишанты (Вешенты) Унит-

[205] ЛМ-283. Л. 10 — 10 об. (Шавли, 4 ноября 1589 г.).

[206] ЛМ-284. Л. 61 — 61 об. (Варшава, 9 октября 1592 г.). Суд состоялся 4 октября 1592 г.

[207] ЛМ-77. Л. 174 об. — 175 (Варшава, 30 ноября 1590 г.).

[208] ЛМ-77. Л. 264 — 264 об. (Варшава, 30 января 1591 г.).

[209] ЛМ-70. Л. 83 об. — 84; ЛМ-77. Л. 300 — 300 об. (Краков, 20 апреля 1592 г.); КГУ за 1594–1595 гг. № 214.

ской волости содержало вынад в адрес Дурасова, который владел теми имениями, «не маючы на то жадъного слушъного нрава». Пышные заслуги Сарыхозина были перечислены в противовес противозаконному поступку Дурасова[210]. Конфликт между московитами не закончился с выходом королевского привилея и вскоре затянул вторую жену Дурасова, которая пыталась отсудить имения у могущественного Сарыхозина, одновременно сдерживая судебный напор первой жены Дурасова. Буквально через день после привилея на Вишанты Агиш награжден пожизненно имением еще одного московита, сына боярского Вышаты Дмитреевича Ширагова, на сей раз — умершего. Возможно, основанием для получения земли послужило матримониальное родство Сарыхозиных с Шираговыми. Вышата был женат на Контевне — другая представительница этого рода была замужем за покойным к тому времени братом Агиша Умаром[211]. Ширагов оказался на стороне короля, видимо, во время Псковского похода Стефана Батория. Размер имения, перешедшего в держание Аг. В. Сарыхозина, в акте не назван, но известно, что в мае 1584 г. король Стефан предписывал Яну Яновичу Глебовичу наделить Вышату имением в 4 вл. оселых и 2 вл. пустых в старостве Унитском. Так и получил московит село Екмяны над р. Лавеней. Вдова Ширагова Контевна либо полностью лишилась имения после смерти мужа, либо получила из него вдовий выдел, но уже после смерти Агиша Сарыхозина вновь стала обладательницей Екмян вплоть до своей смерти в конце 1598 г., когда село вернулось в господарскую казну[212].

Конец 1580-х и начало 1590-х гг. для Агиша Сарыхозина выдались хлопотными — пока он суетился при королевском дворе, вокруг его имений, разбросанных по нескольким поветам, затягивались судебные узлы. В мае 1588 г. он делал заявление в унитском гродском суде[213]. В июле 1589 г. до него дошли сведения о нападении овантского шляхтича Валентина Матысовича Хрщоновича на его вилкомирское село Кловшаны-Войнино[214]. В Жмудском земском суде Агиш судился с княгиней Масальской — Ганной Радзиминской (Радзиминсковной) «на роках троецких» 1589 г.[215] В начале 1590-х гг. в королевской канцелярии велось расследование причин неявки на сейм «почтов» воеводича минского Павла Сапеги, воеводича брестского Иеронима Горностая, Станислава Локницкого, Теодора Ляцкого и Агиша Сарыхозина. Ротмистры должны были привести свои отряды на войну против Османской империи («противко потребе турецкои»)[216]. В августе 1592 г. Агиш жаловался в господарскую канцелярию о том, что от него сбежал слуга Юрий Ганцевич, который был направлен «в справах и потребах» и «для господы» Сарыхозина из Кракова в Варшаву. Показательно, что слуга был прекрасно экипирован и при немалой сумме денег[217].

На Жмуди в это время имение Сарыхозина вызывает новый виток скандалов. По постановлению Трибунала от 11 июня 1592 г., 8 сентября 1592 г. Сарыхозин вызван в земский суд по делу местного судьи земского Казимир Яновича Орвида с Аг. Сарыхозиным. Агиш не явился, и 21 сентября вышло постановление. Имение Ловкначи было предписано поделить и часть из 8 вл. и 21 мр. «людми оселых», размером в волоку без 5 мр.

[210] ЛМ-76. Л. 212 об. (12 апреля 1592 г.). См. выше.

[211] ЛМ-76. Л. 213 (14 апреля 1592 г.).

[212] ЛМ-70. Л. 52 (31 мая 1584 г.); ЛМ-84. Л. 291 (13 декабря 1598 г.).

[213] Опись документов... Вып. 8. Стб 38. 1588 г. № 277 (31 мая). Дело не сохранилось.

[214] ЛМ-282. Л. 43 (Вильно, 20 июля 1589 г.). Нападение произошло 17 июля 1589 г. У его подданного Павла Яскуна были захвачены 3 клячи и 6 волов, у Андрея — 8 волов и 4 клячи. Сарыхозин был в тот день «при службе обецнои на дворе его королевъское милости се зде у Вильни».

[215] КЗЖм-5(b). L. 55–55v (7 октября 1591 г.). А. В. Сарыхозин обратился в земский суд два года спустя, чтобы получить выписку из актовых книг — копию декрета по делу. Поиск декрета провел 7 октября 1591 г. возный-писарь волости Видуклевской жмудского земского уряда Лаврин Миколаевич. Обстоятельства дела 1589 г. в акте не указаны.

[216] ЛМ-284. Л. 68 — 68 об. (Варшава, 20 октября 1592 г. — отчет Бучинского в составе акта относится к более поздней дате — 24 октября 1592 г.); ЛМ-282. Л. 352 об. — 353 (Варшава, 23 июня 1593 г.); ЛМ-284. Л. 98 об. (Варшава, 26 июня 1593 г. — здесь по-польски отчет Бучинского о попытке вручить Сарыхозину «квиты» 25 июня 1593 г.). Постановление о численности «почтов» принимал сейм 1591 г. Расследование вел писарь польный Великого княжества Литовского, державца плотельский Войтех Стабровский. 20 октября 1592 г. он записал в канцелярские книги королевские мандаты, которыми все эти ротмистры вызывались на королевский суд. Уже 24 октября возный генерал литовский Якуб Бучинский отчитался в канцелярии, что вручил Агишу в Варшаве вызов на суд. Бучинский передавал А. В. Сарыхозину 2 квита от его «товарищей» Миколая Есимонта на 3 коня и Якуба Глинского (Кглинского) на 4 коня о том, что они взяли у Агиша деньги, а «почтов» не выставили. Агиш не взял «квиты», о чем Бучинский отчитался Стабровскому и дал запись в канцелярские книги. См. также: ЛМ-282. Л. 357 — 357 об. (Варшава, 26 июня 1593 г.).

[217] ЛМ-284. Л. 52 об. — 53 (Пясечна, 14 августа 1592 г.). Убытки А. Сарыхозин перечислял сам, так что возможны и преувеличения: 30 зл. польских, конь с седлом на 15 зл., короткая ручница в 3 талера и полоса («барва») фалундышевого сукна.

предназначить в «отправу» для выплаты долга в 174 коны 12 гр.[218] В октябре был собран чинш с «заставного» имения, что попытался выполнить Михаил Петрович Плуксна и Якуб Петрович, но из-за сборов разгорелся конфликт, чуть не переросший в побоище — 12 октября слуги Сарыхозина напали на сборщиков. Среди них выделялись зачинщики — Шимко Ванайготич (Ванакгойть, Ванакгоитич), Томаш Стырбайтис (Стирбайтис), Григорий Янушайтис, Павел Керслитис (Керслойтис), Войтех Виштынис (Винътинис) и Митутис Седлар. Суд был назначен на Троицу 1593 г. Но еще в начале 1593 г. в Жмудском земском суде рассматривалась жалоба местного шляхтича Станислава Тарнавского на Аг. В. Сарыхозина и М. П. Плуксну «о збите и зранене» его служебника Яна Станиславовича Зарембы, на которого напал местный подданный Сарыхозина по имени Щенутя Янушотя. Ответчик на суд не явился, обрекая себя на поражение[219]. Чуть позже, на Троицкие «роки» Сарыхозин был вызван-таки на уряд К. Я. Орвидом по тому же делу, и вновь — неявка. Оценена недвижимость была в 17 кон 25 гр., но со всеми издержками суд приговорил взыскать с московита 54 коны гр. 44 пн.[220]

Не в пользу Сарыхозина шло дело об оскорблении, ранении и заключении в тюрьму его слугой слуги Андрея Яновича Млечко, сына виленского судьи. Унитский гродский суд и Трибунал присудили компенсировать ущерб с имений Сарыхозина. Дело закончилось передачей сел Курбской, принятых Агишем «в презыску», судьичу 30 августа 1593 г. Для жителей же криничинских сел она обернулась бедствием. Не прошло и года, как они были «над новинъност звыклую» обобраны до нитки мимолетным держателем[221].

В конце 1593 — начале 1594 г. королевский дворянин Агиш Сарыхозин ездил в составе посольства к князю семиградскому и был на прочих «справах и потребах его королевское милости»[222]. Король собирался отправиться в Швецию, надеясь получить там полагающийся ему по старшинству престол, и миссия заслуженного воина короля Стефана, видимо, была направлена на создание благоприятной атмосферы на южных границах Речи Посполитой во время осуществления проекта Сигизмунда III. Королевский лист, освобождающий Агиша от судебной ответственности на всей территории Великого княжества Литовского на срок посольства, был подписан 30 августа 1593 г. в Гданьске[223]. Возможно, дата листа была согласована с решением Унитского гродского суда, записанным под тем же днем. Если посольская неприкосновенность Сарыхозина вступала в силу в день судебного постановления, то само постановление теряло юридическую силу. В листе даже прямо упоминалось, что Агиш подал жалобу в Унитский гродский суд на сам суд «о злый вказ» и на А. Я. Млечко «о злый перевод права»[224]. Из того же листа следует, что Сарыхозин вел судебную борьбу и на Жмуди. Он подал жалобу на Эразма Гельвановского (Размуса Кгелъвановского) и на тиуна тверского Гелияша Илговского (Гелияша Илкговъского) «теж о злый перевод права у суду головного, до розных врадов и до Трыбуналу занозвал»[225]. Незадолго до отъезда в посольство Сарыхозин подал жалобу в Унитский гродский суд на Каспора Станиславовича Груздя, причем разбираться по поводу двора Борклойского в поле Боркланском ездил возный Гродненского повета М. С. Корчицкий[226].

Несмотря на эти превентивные меры, пока Сарыхозин выполнял ответственные королевские поручения, против него бурно велись судебные процессы по всему фронту. Млечко не ограничился унитскими имениями, поскольку штраф Агиша не покрывался его унитскими землями, «в здешнем повете Унитском болш маетности пана Акгишовом не стало, пан судъя остаток тое сумы пенезеи на том же листе своем увяжъчом описавшы, меновите суму зосталую на инъшых добрах пана Акгишовых кгде и в котором повете его милост пан Андреи Млечъко о нее ведомост мети

[218] КЗЖм-12(b). L. 361v (22 июня 1593 г.). Туда были направлены подданные Орвида М. Плуксна и Якуб Петрович, но подданный Агиша Валутис «выбил» их из своего имения, на что Орвид жаловался в суде 2 октября, 13 октября и 26 октября 1592 г.

[219] КЗЖм-12(b). L. 36 (13 января 1593 г.).

[220] КЗЖм-12(b). L. 359–362.

[221] Список выплат приведен в иске Курбской, записанном в унитские гродские книги 12 сентября 1594 г.: КГУ за 1594–1595 гг. №217.

[222] КГУ за 1594–1595 гг. №5; Опись документов... Вып. 8. Стб 149. 1594 г. №5.

[223] РГАДА. Ф. 356. Оп. 2. Д. 13. Л. 359 — 359 об. Копия королевского листа внесена в виленские гродские книги 11 октября 1593 г. по просьбе служебника Сарыхозина Семена Селивестровича.

[224] Там же. Л. 359.

[225] Там же.

[226] КГУ за 1594–1595 гг. №411. Акт поврежден. Дело относится к 22 декабря 1593 г. Отчет возного о поездке и передаче вызова Груздю, состоявшегося 1 декабря, когда в имении Сарыхозина Борклойиях была оставлена и копия вызова Груздю с сообщением о выполненной миссии возного. В тот же день, 22 декабря, Корчицкий дал на запись в унитские гродские книги отчет о том, что 21 декабря он доставил вызов в суд И. Ф. Дурасову и его второй жене А. П. Милюковой от его первой жены Г. И. Ростевны. См.: Там же. №412.

будет»[227]. Млечко добился, что на него «неревела право» вдова московита И. Ф. Дурасова Авдотья Павловна Милюкова, спорившая с Сарыхозиным за двор Повешменский и получившая в свою пользу декрет унитского суда 10 марта 1594 г.[228] В начале января 1594 г. делегация из 8 шляхтичей во главе с судьей гродским унитским и двумя возными отправилась в имение Сарыхозина Повешменское над рекой Вешентой, чтобы передать его Млечко. Тамошний тиун благоразумно впустил нежданных гостей, которые описали жителей имения и оценили его из расчета 20 кон гр. за «службу оселую» и 10 — за «волоку пустую», опросили тиуна насчет посевов (оказалось — 5 бочек жита посеяно на 2 волоках), после чего ввели Млечко в село «в моц в держане и ужываие»[229].

Протест прозвучал немедленно. На следующий день после приезда делегации в Повешмены, 8 января, в гродский уряд пришли слуга Сарыхозина Андрей Иванович и повешменский урядник Ян Мацкович и объявили вчерашнее вторжение незаконным. Дело в том, что Сарыхозин на время своей дипломатической миссии был освобожден от судебного преследования. Впечатления от въезда Млечко в имение у них были прямо противоположные безмятежной картине, нарисованной судебными служащими для гродских книг. Млечко и его помощники приехали «з розными бронями воине належачими». Разрешения вступать в имение у них не было. Урядник подал им «причины того бороненя на писме цедулу» и выписку из книг гродских вилкомирских с текстом королевского послания «до всих станов» об освобождении Агиша «от всих справ правных и кожъдого суду и враду аж до зверъненя с тое послуги господарское». Те взяли послание и выписку, потом беспрепятственно вошли во владения Сарыхозина и захватили всё, что можно было найти ценного на 8 вл. московита[230].

Летом 1594 г. возобновилось дело о долге Курбского Сарыхозину. 31 июля в доме войта села Межуны Станислава Матеевича при возном и двух шляхтичах поверенный княгини Миколай Явойш должен был выплатить весь долг Млечко, «абы он, тую сумму в доме воита звышписаного принявшы, тые села еи милости поступил». Однако Явойш повел диалог напористо и сразу высказал недовольство доверенностью Матиса Эйгирда, представителя Млечко. Это вызвало замешательство. Явойш, ссылаясь на арт. 81, разд. 4 Литовского Статута, потребовал от Эйгирда показать доверенность на получение денег и передачу сел. Тот отказался, но парировал положениями арт. 56 и 61 разд. 4 Статута. Стороны обменялись доверенностями. Тут выяснилось, что в них не сходятся названия сел Курбской. Вновь упреки высказал Явойш. Тогда Эйгирд понравил прямо в доверенности, и на это получил новую порцию замечаний: «...место Довкнюн Довтюны и Лучуны описаные, которую и первеи показовал, однако ж по старому не на тую реч, о што лист от кнегини Курнъской врядови вынесон ест». Представитель княгини отказался завершать сделку и потребовал показать ему «лист» с исправным написанием: «На то пан Еикгирд поведил, иж, деи, и з поднис руки пана Млечкового тут на то моцы показует се, иж на тую реч дано мо (sic), кгды ж поднисана с тое Межуны, Довкнюны, а не Довкняны, а не Довтяны. Так же Мочуны, а не Лучуны, а если в середине троху се отменило, то ничого не вади, бо се на поднисе властне (?) яко потреба показуе моц писана». Из этих слов ясно, что неясность в написании двух топонимов содержалась только в основном тексте доверенности Эйгирда. Однако осторожного Явойша это не убедило, и он мрачно съязвил: «Тым горш, иж, деи, на поднисе инша реч, а в середине инша показует. А што ведати, если же моц не змышлена, абовем пан Млечка на тую реч, о што тепер гра иде, дам моц, абы на иншую реч выскробавшы, написал». В конце концов деньги за имения Курбской были отданы на уряде[231]. Последним беспокойством для Курбской стало нападение служебников Млечко 14 августа на села, но уже вскоре они были оттуда выбиты слугами княгини. Между 9 и 14 сентября 1594 г. Курбская получила заклад в свое распоряжение[232].

---

[227] КГУ за 1594–1595 гг. №4. Делегация приехала в минское имение 7 января 1594 г. Запись в книгах под 3 января.

[228] КГУ за 1594–1595 гг. №4.

[229] КГУ за 1594–1595 гг. №4.

[230] КГУ за 1594–1595 гг. №5. Здесь же приведен реестр потерь с перечислением вещей Агиша, урядника и челяди. Запись под 8 января 1594 г. Однако возный на осмотр ущерба в хозяйство Сарыхозина выезжает 9 января, а показание дает на запись в гродские книги 11 января.

[231] КГУ за 1594–1595 гг. №197; Опись документов... Вып. 8. Стб 179. 1594 г. №197 (11 августа). См. здесь главу «Потомки и Лже-Курбские». Возным был в тот день Станислав Андреевич. В записи 11 августа говорится, что о сделке в доме войта «шырен» «ест описано и доложоно» в книгах гродских унитских.

[232] КГУ за 1594–1595 гг. №214, 217, 218. В деле 217 приведен список выплат, «выбранных» с подданных Курбской администрацией Млечко. Иск был подан, вероятно, уже после того, как его администрация покинула Межуны и 2 других села.

Незадолго до того случилось событие, показывающее тесные и многолетние связи между братьями Агишем, Прокопом и Алексеем Сарыхозиными. В начале сентября перед Унитским городским судом предстал Прокоп Васильевич Шемяка Сарыхозин и выступил от своего лица и от лица своего племянника Ивана Алексеевича Сарыхозина. Из его слов ясно, что в Вилкомирский земский уряд в августе пришла повестка на имя Агиша, в которой сообщалось, что 31 июля 1594 г. Курбская договорилась с Млечко о возвращении ей сел за ту сумму, которую Трибунал обязал ее выплатить Агишу Сарыхозину. П. В. Сарыхозин предъявил права на вилкомирские имения, доказывая, что они принадлежат ему по давнишнему королевскому пожалованию[233]. Это было ограждение от финансовых претензий, которые могли коснуться не только Агиша, но и его брата и племянника.

Около того же времени обострились отношения Прокопа и Агиша с жмудскими шляхтичами Андреем Бернатовичем и Станиславом Амброжиевичем. В апреле–мае 1595 г. конфликт был исчерпан. Незадолго до того Прокоп Сарыхозин вступил в соглашение со слугами тиуна тверского Гелияша Илговского. 11 апреля истцы и Г. Илговский представили на запись в жмудские земские книги копии с постановлений Трибунала и Жмудского земского суда по поводу имения Ловкначи (Ловкпаты) и Зарубы волости Тверской на Жмуди, принадлежавших Прокопу, и компенсации «за збите и зранене», нанесенные Агишем Сарыхозиным 3 августа 1590 г. Получив всё сполна с Прокопа, 20 апреля истцы сняли обвинения с Агиша и закрыли дело[234].

Рачительным помощником был Агиш для своего племянника Ивана Умаровича. Как только что говорилось, в 1595 г. они совместно поддержали П. В. Шемяку Сарыхозина в его имущественном конфликте с жмудскими шляхтичами. В подтверждении И. У. Сарыхозину на часть имений дяди говорится, что жмудское село Пеляны (10 вл.) в тиунстве Ужвентском было получено Агишем уже в правление Сигизмунда III[235].

О тяжелом ранении воина при довольно загадочных обстоятельствах известно из акта Литовской Метрики. Дипломатическая миссия Агиша в Трансильванию требовала владения военным искусством, в котором он был знатоком. Не тратя время даром, он принял участие в защите от осман замка Раб (лат. Iaverinum *vulgo* Rab, венг. Győr, нем. Raab, словацк. Ráb)[236]. Будучи «на баште в шанцах», он отстреливался от неприятеля из ручницы. Некий Захарьяш Розношинский, подданный Короны Польской и слуга старосты пинского кн. Юрия Корыбутовича Збаражского, ранил Агиша в голову сзади на виду у других ротмистров. Мотив этого преступления не был ясен — по крайней мере, так говорил Агиш, жалуясь Сигизмунду III. За спиной Розношинского явно были покровители или помощники. Когда его схватили и присудили ему тюремное заключение, другой слуга кн. Ю. Збаражского Иван Мелешко помог ему бежать из-под стражи. Император, а в июле 1595 г. и польский король постановили схватить и судить обоих преступников, которые были объявлены в розыск[237]. Мы так и не знаем, чем закончилось это дело, однако ясно, что заговорщики стремились расправиться с А. В. Сарыхозиным и нанесли ему тяжелую рану. Между 13 июля 1595 и 20 сентября 1596 г. Агиш умер.

В последние годы жизни Агиша или уже после его смерти произошел конфликт в жмудском селе Рошкотянах (Решкетянах, Решкотянах) (10 вл.) в тиунстве Тверском. Его незаконно заняли Иван Борикин «з иньшими боярами» и продолжали его держать к апрелю 1598 г., так что наследник этого села Иван Сарыхозин получил от короля право своего имения «у тых бояр правом доходити»[238]. 20 сентября 1596 г. принадлежавшие Агишу села Кловшаны с двором, Скиртяны и Будасы в волости Ушпольской Вилкомирского повета, а также села Ломни (Ломняты, Ломъпаты) и Зарубы в Тверском тиунстве Жмудской земли перешли на пожизненном праве к королевскому дворянину и трукцасу Войцеху Сосницкому, а другие — И. У. Сарыхозину и его жене[239].

Сразу после смерти Агиша его выморочные имения вызвали бурный ажиотаж. Унитские Екмяны, как уже говорилось, вернулись вдове Ширагова. Сосницкий развернул борьбу против рода

[233] КГУ за 1594–1595 гг. № 214.

[234] КЗЖм-18. L. 202–203v (27 мая 1595 г.). Свидетели мирового соглашения — жмудские шляхтичи Яи Шукшта, Бартоломей Кгинбут и Амброжий Яиович Лявдгинович (Лявдкгинович). Как уже говорилось, А. Я. Лявдгинович — слуга А. В. Сарыхозина в 1592 г. И в том же 1592 г. Амброжий судился на королевском суде с Я. Шукштой.

[235] ЛМ-83. Л. 319.

[236] Замок идентифицирован Андреем Радаманом, за что приношу коллеге благодарность.

[237] ЛМ-283. Л. 259 — 259 об. (Краков, 13 июля 1595 г.). Благодарю Андрея Радамана, указавшего мне данную запись Литовской Метрики.

[238] ЛМ-83. Л. 319 об.

[239] ЛМ-83. Л. 131 об. — 132 об., то же: ЛМ-84. Л. 79 — 79 об. См. также выше подтверждение от 7 апреля 1598 и привилей от 15 мая 1607 г.

Сарыхозиных, брата и племянников Агиша, — Прокопа и Матфея Прокоповича Шемяки, Яна Алексеевича и Ивана Умаровича, которые унаследовали вилкомирские и жмудские села. Три вилкомирских и два жмудских села занял Прокоп, а от него они перешли к его сыну Матфею. Еще при жизни Прокопа Сосницкий отсудил имения, воспользовавшись его неявкой на суд, и должен был получить четыре села своего противника в течение четырех недель[240]. Однако проигравшая сторона не торопилась подчиниться. Прокоп в четыре недели после публикации декрета умер, и Войцех захватил Кловшаны силой. Там им были конфискованы имущество и челядь, избиты слуги Прокопа шляхтичи Ян Пухалский, Адам Усевич Снарский, Андрей Юрьевич, а также конюх Валентин (Валенты) Лавринович[241].

В ноябре 1597 г. Сосницкий заявил, что недавно умерший Прокоп незаконно собрал с них «цынши и дякла и вси иншые новинъности» за 1596 г. Против В. Сосницкого от лица Матфея и его матери выступил Я. А. Сарыхозин, с порога оспорив вызов суда, направленный, по словам Яна, в законное Кловшанское имение Прокопа и его сына Матфея[242]. Одновременно Сарыхозин подал встречный иск. Когда «лимитация» закончилась, перед судом короля предстали от Сосницкого Каспор Брезинский, а от Матфея Сарыхозина Лукаш Шурна. Последний представил «выпис» из книг гродских вилкомирских с описанием нападения на Кловшаны. Предыстория Кловшан была, казалось бы, не в пользу притязаний Сосницкого. Двор в этом селе был создан уже самим Агишем, заселен его московской челядью и передан им Шемяке 20 апреля 1592 г. Кроме того, в руках Шурны был привилей на эти имения Сигизмунда II Августа Агишу Сарыхозину[243]. У Сосницкого, тем не менее, были документы, подтверждающие сделку с Агишем, и оспорить права по ним было трудно. Сосницкий представил суду два привилея Агишу от 8 ноября 1592 г. на право передать имение кому ему заблагорассудится и опротестовал законность привилея Агиша Шемяке: именно Кловшаны с другими владениями были переданы Сосницкому, причем сын Прокония Шемяки не имеет никаких прав на имение отца и ничем не может их защитить[244]. Суд принял сторону Сосницкого[245]. В ответ тот отказался от претензий на имущество, вывезенное Сарыхозиными из Кловшан, Скирстан, Будяс, Ломанчей и Заруб[246].

Против Ивана Сарыхозина было выдвинуто сходное обвинение — он вместе с Прокопом захватил Кловшаны и сам — с. Скирстаны в волости Ушпольской Вилкомирского повета. На Ивана пришелся основной удар за ограбление Кловшан и Скирстан, где всех пострадавших Сосницкий считал своими подданными. Представитель Сосницкого предъявил привилей ему на пожизненное право на Скирстаны и Будасы в Вилкомирском повете и на Ломнаты и Зарубы на Жмуди от 20 сентября 1596 г. и «выписы» из вилкомирских гродских книг от 26 апреля и 4 июля 1597 г. На что Сарыхозин предъявил привилей Стефана Батория Ивану Умаровичу на 30 вл. оселых и 6 вл. пустых в селах Скирстаны и Будасы от 15 марта 1584 г. на пожизненном праве, «лист» королевского дворянина князя Юрия Масальского на передачу названных сел при возном Матысе Хрщоновиче от 26 марта 1584 г. и «выписы» из вилкомирских гродских книг 15 мая 1584 г. На это сторона истца предъявила «видимус» канцелярских книг о передаче владений Иваном Агишу от 10 июля 1592 г., и этот жест предопределил исход дела. Сарыхозины проиграли: пожизненное имение Ивана Умаровича было подарено Аг. В. Сарыхозину, после смерти Агиша переходило в казну и было вновь даровано Сосницкому. Документально подтверждены ссылки на то, что в 1592 г. Агиш заставил племянника поступиться этим владением и что в 1597 г. Иван не пускал Сосницкого в его имение, на суд не подействовали[247].

[240] Суд с Прокопом Шемякой состоялся лишь в марте 1597 г. Король в мае и июле 1596 г. отложил рассмотрение дел до 1 сентября и 4 ноября. Затем вышла лимитация до 3 января 1597 г. Среди отложенных осенью 1596 г. значится дело Сосницкого с Шемякой (ЛМ-286. Л. 19 об. (Варшава, 28 мая 1596 г.), 28 об. (Варшава, 29 июля 1596 г.), 38 — 38 об. (Варшава, 29 сентября 1596 г.)). Начиная с января 1597 г. Сосницкий трижды вызывал Прокопа на суд, но тот так и не явился. Возможно, был уже тяжело болен. Тогда суд принял решение в пользу Сосницкого (ЛМ-287. Л. 300 об. — 301. Варшава, 29 марта 1597 г.).

[241] Ун.: ЛМ-285. Л. 296. См. ниже. Этот рассказ передает содержание жалобы Матфея Прокоповича Сарыхозина на Снарского в вилкомирские гродские книги и господарскую канцелярию.

[242] ЛМ-285. Л. 294 об. — 295 об. (Варшава, 15 ноября 1597 г.).

[243] ЛМ-285. Л. 296 об.

[244] ЛМ-285. Л. 296 об. — 297 об.

[245] ЛМ-285. Л. 298.

[246] ЛМ-285. Л. 318 — 318 об. (Варшава, 26 ноября 1597 г.). Сделка подписана Сосницким и свидетелями Александром Корвином Госевским (Гтосевским) и Станиславом Ноневичем в Варшаве 20 ноября 1597 г.

[247] ЛМ-285. Л. 298 об. — 299 об. Представитель Сосницкого — Каспор Брезинский, от Ивана Сарыхозина — Ян Алексеевич Сарыхозин. Дело перенесено на королевский суд из Вилкомирского гродского суда. «Выписы»

В 1598 г. Ивану Сарыхозину и его жене достались бывшие села Агиша в Ошмянском повете — Пруканцы, Борисовичи и Куткевичи. Причем в подтверждении на них сказано, что дарственная была оформлена «за очевистым перед нами сознанем з волею, ведомостю и позволеньем нашым (короля Сигизмунда III. — *К.Е.*) а доброволным уступенем с права дожывотного от дворенина нашого небощыка Акгиша Василевича Сарыхожына»[248].

Алексей и Прокопий Сарыхозины

В заключение нужно сказать несколько слов о двух менее заметных братьях Агиша и Умара — Алексее и Прокопии. Первый свой земельный надел в 30 вл. на двоих эти два брата получили в совместное держание в волости Василишской Великого княжества Литовского (в Троцком воеводстве, с 1565–1566 г. — в Лидском повете Виленского воеводства). Привилеем от 22 февраля 1566 г. он был переведен в более крупное господарское имение, обособленное от брата — остринский двор в Лидском повете, тогда как его доля в державе Василишской перешла господарскому дворянину Ивану Баке[249]. Он был женат на Ягнешке Якубовне Голодовне, которая упоминается как живая еще в акте 20 января 1591 г., но к 12 февраля 1596 г., видимо, умерла. Умер Алексей незадолго до 26 октября 1571 г., оставив жену с малолетними детьми Иваном и Лаврином на имении в державе Остринской (села Малятичи 13 вл. и Пугачи 7 вл.)[250]. Села Алексея перешли в казну. Если бы не Прокон Сарыхозин, его племянники остались бы без наследства. Челобитье в поддержку племянников подал Прокон Шемяка Сарыхозин, и король оставил остринское имение на эфемерном праве «до воли и ласки» за самим Проконом. Уже позднее, в 1591 г. Прокон еще раз бил челом королю и перевел свое право на племянников. Каждому из юношей досталось по 10 вл., за что юноши должны были «выхованье дати» своей матери[251]. В феврале 1596 г. за Лаврином и Иваном было закреплено по 10 вл. земли[252]. Два года спустя братья закрепили договор дополнительными актами о разделе[253]. Судя по тому, что вскоре после этого женился Лаврин, договор был призван окончательно установить имущественные позиции братьев. Лаврин Алексеевич, уже женатый на Александре Адамовне Снарской, получил в 1599 г. себе и жене подтверждение на пожизненное держание своей доли[254]. В 1596–1597 гг. Сарыхозины судились с В. Сосницким. Согласно подтверждению 1612 г., Иван-Ян Алексеевич Сарыхозин Шемяка, женатый на Ганне Волович, сохранял пожизненное право на Малятичи (6 вл.) и Пугачи (4 вл.)[255]. Еще в договоре своего дяди П. В. Сарыхозина со слугами тверского тиуна 18 апреля 1595 г. он выступает под именем «Иван Алексеевич Сарихозин» и подписывается кириллицей: «Печетар и очевисто прошоный при печати своеи руку свою подписал Иван Сарихозин»[256].

Просителем за вдову Алексея и ее малолетних детей в 1571 г. выступил еще один брат в этом большом семействе — господарский дворянин Проконий (Прокон) Васильевич Шемяка (Семяка) Сарыхозин[257], имя которого через 20 лет по-

---

из вилкомирских книг — это были соответственно показания двух возных о передаче Мареком Патриковским двора Кловшан с селами Сосницкому и возного Павла Куицевича о том, что королевский дворянин Павел Волк передал «до держания» Сосницкому с. Скирстаны. «Выпис» Сарыхозина — это была копия акта «сознанья» возного Матыса Хрщоновича о передаче имения Ивану Умаровичу королевским дворянином Масальским, занесенного в актовые книги 26 марта 1584 г.

[248] ЛМ-86. Л. 651 — 651 об. (15 мая 1607 г.).

[249] ЛМ-44. Л. 98 — 98 об., публ.: Метрыка... Кн. 44. С. 108. В записи 22 февраля 1566 г. книги №44 не названы другие Сарыхозины, которые получили имение в волости Василишской вместе с Алексеем Сарыхозиным. Поскольку на месте, где должны были быть имена (имя) его совладетелей, в акте пробел примерно в 12 знаков и перед пробелом союз «а», речь должна идти об одном Сарыхозине. Вероятно, пропущено имя брата Алексея — Прокопия Шемяки. Прокопий, как и Алексей, был держателем в Лидском повете. См. ниже.

[250] ЛМ-51. Л. 291, публ.: ЛМ. Кн. 51. С. 284–285 (26 октября 1571 г.).

[251] ЛМ-77. Л. 252–253 (Варшава, 20 января 1591 г.).

[252] Лаврин получил в с. Малятичах 7 вл., а в с. Пугачах 3 вл. Остальная земля досталась Ивану. См.: ЛМ-83. Л. 14 — 14 об., то же: ЛМ-84. Л. 14 об. — 15 (Лаврину Сарыхозину на 10 вл., 12 февраля 1596 г.); ЛМ-83. Л. 14 об. — 15, то же: ЛМ-84. Л. 14 — 14 об. (Ивану Сарыхозину на 10 вл., 12 февраля 1596 г.). См. также: *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 28. Anm. 121 (дата акта ошибочна).

[253] ЛМ-76. Л. 788 (Лаврину на 7 вл. в Малятичах и 3 вл. в Пугачах, 11 апреля 1598 г.), 788 об. (Ивану на 6 вл. в Малятичах и 4 вл. в Пугачах, 11 апреля 1598 г.).

[254] ЛМ-84. Л. 294 — 294 об., то же: ЛМ-86. Л. 2 — 2 об. (7 января 1599 г.).

[255] ЛМ-86. Л. 901 (4 августа 1612 г.). Ссылка на привилей Сигизмунда II Августа, возможно, подразумевает привилей от 22 февраля 1566 г. Ян вступил в брак с Воловичовной незадолго до 4 августа 1612 г., о чем говорит формула «и поиявши за себе в стан светыи малъженскии за малжонку урожоную Ганну Воловичовну» и т.д. Обобщенно в акте перечисляется содержимое имения: «...зо всими до них приналежностями и широкостями, тако ж з людми, кгрунты, боры, гаи, лесы, дубровами, з сеножатми, з деревом бортным».

[256] КЗЖм-18. L. 188–188v. См. ниже.

[257] ЛМ-51. Л. 291, публ.: ЛМ. Кн. 51. С. 285.

явится в актах рядом с именами его племянников. Видимо, он сделался опекуном семьи своего умершего брата. Судя по формулировкам королевских привилеев, Шемяка успешно нес военную службу в правление Сигизмунда II Августа, Стефана Батория и Сигизмунда III Вазы. Ему принадлежало 15 вл. в волости Василишской Лидского повета, которыми он владел до 22 февраля 1566 г. как половиной совместного держания с братом Алексеем. После перехода того в двор Остринский, Шемяка остался самостоятельным держателем на 15 вл. — в с. Замостье (7 вл.) и в с. Кулеши (8 вл.). Еще 8 вл. и застенков в Кулешах было выделено ему на сбор 15 возов сена. В начале 1567 г. Шемяка ездил в Петрков просить короля выделить ему 4 вл. на пашню. Однако пустых волок в волости не было, и король указал державце василишскому ввести Сарыхозина в его волоки и застенок[258]. Пожизненное право на имение Заболотье-Кулеши («в Заболтью Кулешох») Лидского повета было подтверждено П. Сарыхозину и его супруге каким-то привилеем Стефана Батория и затем при Сигизмунде III в Варшаве 20 января 1591 г.[259] Позднее право на совладение имением Прокона перешло к И. Баке[260]. В начале 1592 г. Агиш уступил Прокону пожизненное право на свои села Кловшаны с двором, Скирстяны и Будасы в волости Ушпольской Вилкомирского повета, а также села Ломнаты и Зарубы в Тверском тиунстве на Жмуди. Королевские «консенсы» на эти сделки и на юргельт в 200 зл. были получены Агишем в один день[261]. За ушпольские и тверские имения, как уже говорилось, развернулась судебная борьба между Сарыхозиными и В. Сосницким после смерти Агиша.

Близость Прокона к Агишу неоднократно давала себя знать и позднее, и, как и брат, Прокон постоянно вращался в кругу московских эмигрантов и литовских татар. В 1580-е гг. Шемяка вел в Великом княжестве Литовском процесс против обокравшего его мурзы Щенанка. Не обошлось без Сарыхозиных деликатное дело о возвращении пропавшему без вести и нежданно «воскресшему» московиту О. Бахтияру Измайлову его имения Круканты: Шемяка Васильевич был направлен королем «на увезанье и поданье» имения. На то время Шемяка был в Гродно. Вместе с королевским возным Станиславом Юрьевичем Тидиком и многими шляхтичами он предъявил новому владельцу Крукант, гродненскому шляхтичу С. Карачону, постановление суда и встретил с его стороны любезное согласие немедленно покинуть владение Бахтияра[262]. А в феврале 1585 г. Круканты, как уже говорилось, были проданы Агишу Сарыхозину[263]. В мае 1589 г. канцлер Лев Сапега и его жена Дорота Фирлей выделили в пожизненное владение человеку «учтивому» Шемяке на землях своих конюхов («машталяров») в волости Остринской и Василишской 23 вл. «оселых и пустых» — с. Громки (6 вл.), с. Пугачи (6 вл.), с. Римковцы (4 вл.), «а при местечку Остринъском волок две з людми оселыми и зо всими пожитками до тых волок належачими, а к тому, деи, державца наш василиский урожоный Лукаш Волской в державе своей Василиской в селе Бакъштах поступил ему волок пять и сеножатей болотных на двух местцах над рекою Котрою, которые перед тым кошывано на двор Василиский»[264]. Как мы уже отмечали, 20 апреля 1592 г. Агиш подарил Прокопу вилкомирские Кловшаны, в будщем принесшие ему много хлопот. Однако, как тоже уже было сказано, Прокопу даже в 1592 г. не удалось вступить во владение, так как его туда просто не пустил его племянник Иван Умарович, считавший сделку дядьев незаконной.

В 1591 г., как уже говорилось, Прокопий хлопотал за своих подопечных — сыновей Алексея Сарыхозина, и выпросил у короля для них привилей на остринские имения их покойного отца. И в тот же день в господарские книги был занесен акт, подтверждающий его и его жены пожизненное право на с. Кулеши и застенок Халепишки в волости Василишской Заболоцкого войтовства. Владения Прокона расширены застенками и сеножатями[265]. Из подобных контекстов мы узнаем

[258] ЛМ-266. Л. 161 — 161 об. (Петрков, 18 марта 1567 г.). Распоряжение направлено державце василишскому, маршалку и конюшему виленскому (?) Юрьевичу Волчковичу. Для имени в акте оставлено место.

[259] Подтверждения упомянуты в судебных делах вдовы и сына П. В. Сарыхозина с В. Сосницким и А. Вербинским в 1597 г. Впрочем, обстоятельства подтверждения при Стефане Батории в актах не оговорены: ЛМ-285. Л. 295, 333 об.

[260] См. выше.

[261] ЛМ-70. Л. 83 об. — 84; ЛМ-77. Л. 300 — 300 об. (Краков, 20 апреля 1592 г.). «Консенсы» на продажу сел, соответственно, в Ушпольской волости и Тверском тиунстве см.: ЛМ-77. Л. 406 об. — 407 (Варшава, 8 ноября 1592 г.), 407 (Варшава, 8 ноября 1592 г.). См. также: КГУ за 1594–1595 гг. № 214.

[262] ЛМ-275. Л. 294–295 (16 ноября 1584 г.), 337 об. — 338 (28 ноября 1584 г.).

[263] См. выше.

[264] ЛМ-76. Л. 17 об. — 18 (7 мая 1589 г.).

[265] ЛМ-77. Л. 254 — 255 об. (Варшава, 20 января 1591 г.). Им было получено 12 вл. оселых и 8 вл. пустых. В с. Замостье 2,5 вл. оселых и 2,5 вл. пустых, в застенке при том же селе на р. Бебрупь 40 мр., в с. Доменковцы 1,5 вл. оселых и 1,5 вл. пустых, в с. Пруданы 6 вл. оселых и 2 вл. пустых, в с. Скорбы 2,5 вл. оселых и 1,5 вл. пустых,

о военной службе Прокона. Он «з давных часов» служил королю и его предшественникам «на воинах прошлых» и «служыти не нереставаеть», был ранен, захватывал пленных[266]. На каких и когда — остается выяснить, но вероятно участие Прокона в войнах против Ивана Грозного еще в правление Сигизмунда II Августа и Стефана Батория.

На приятельском соглашении в Вильно 17 мая 1593 г. земянин Лидского повета Прокоп выступил как свидетель договора земянина Оршанского повета Павла Ярославского и его жены Агнешки Севастьяновны (Ягнеши Сабастьяновны) с московитом С. А. Крижениным и Миколаем Босеевским, подписался по-русски и приложил свою печать[267]. В августе–сентябре 1594 г. представительствовал от имени своего племянника Ивана и брата Агиша на судах в Вилкомире, Вильно и Поневежах. 27 мая 1595 г. слуги тверского королевского тиуна Гелияша Илговского (Илкговского) Войтех Лавринович и Матей Рымкевич (Римкович) представили для записи в жмудские земские книги «лист» П. В. Шемяке Сарыхозину и его подданным. Договор составлен от лица самих слуг Илговского и подданных Тверской волости Яна Довмонтовича и осочника пущи Тверской Михайло Равданиса. Сарыхозин обвинялся в том, что его подданные из жмудских имений Ловкнатского (с. Ловкнати) и Врубского 17 марта 1594 г. напали на тверской лес, избили и ранили жалобщиков, захватили 80 саженей сетей и охотились на волков. Жалоба была подана и на Жмудский гродский уряд с вызовом ответчиков на троицкую судебную сессию 1595 г. До суда Сарыхозин пошел на мировую сделку и компенсировал ущерб слугам тверского тиуна. Договор был подписан в Тверах 18 апреля 1595 г. при свидетелях — шляхтичах Бартоломее Гинбуте (Кгинбуте), Павле Юрьевиче и племяннике Прокона Шемяки, И. А. Сарыхозине[268]. Для урегулирования оставшихся разногласий Прокопу и Агишу Сарыхозину был передан от Илговского вызов на 27 мая. Сделка должна была обсуждаться на Жмудском земском уряде, но в этот день в земские книги было внесено свидетельство о том, что ответа на проект примирительного акта Андрея Бернатовича и Станислава Амброжеевича с братьями Сарыхозиными и на вызов в уряд от Г. Илговского со стороны братьев не последовало[269].

В феврале 1596 г. после смерти Льва Конотя и его жены Прокон получил озеро Мотору в Лидском повете. Родич жены Умара Сарыхозина Лев Федорович Коноть и его жена Галена Рогоза (Рогозянка) получили «озеръцо от державы Конявъское и Дубицъкое названое Мотора», в которое впадает речка Дротилишка, на пожизненном праве в феврале 1592 г.[270] Претендентов на Мотору оказалось немало. Еще 20 января 1592 г. староста рогачевский, конявский и дубицкий Роман Григорьевич Волович и его жена княжна Настасья Юрьевна Збаражская записали договор с Конотями на озеро и на реки, впадающие в озеро и вытекающие из него. Этим договором были улажены все «заистя и розницы» по поводу спорного водоема между Конотями и Воловичами. Договор был записан в книги земские гродненские. Уже после этого Коноти получили на озеро данину-привилей Сигизмунда III. Но подстаростий конявский и дубицкий Матей Грохольский (Кгрохолский), видимо, не зная о привилее, не пустил Конотя на озеро. Тогда Коноть вызвал Воловичей в суд в Лидский гродский суд. По договору, подписанному в Вильно 14 июня 1594 г., Конотям было разрешено ловить рыбу и использовать озеро по своему усмотрению, но нельзя его «рек и речок до того озера и с того озера входячых и выходячых езами загорожати» и портить другие озера[271]. Между июнем 1594 и февралем 1596 г. Л. Ф. Коноть умер, и вся его доля была пожалована П. В. Сарыхозину[272]. Умер Прокон неза-

при с. Пруданы застенок Гогичи (Кгокгичы) 2 вл. оселых и 30 мр., на которых стояли дома подданных с. Пруданы, при с. Скорбы 5 вл. пустых земли низкого качества, при с. Замостье 2 вл. под названием Чуриловские. Добавлены к прежним имениям по милости короля были 17 мр. сенокатных в господарской пуще: на урочищах у Шниделева става 1 мр., у королевской гати 2 мр., в Кобылинах 4 мр., на Купишках 1 мр., в Зарубишках 1 мр., в Чертеже 8 мр.

[266] ЛМ-77. Л. 252 об. — 253, 254 об. — 255.

[267] РГАДА. Ф. 356. Оп. 2. Д. 13. Л. 345 об. — 347. Оршанские шляхтичи обвиняли московита и его сообщника в том, что они нанесли смертельные раны первому мужу Ягиеши Себастьяновны Якубу Ярмутовскому в апреле 1592 г. Благодарю Х. Люлевича, указавшего мне данную запись.

[268] КЗЖм-18. L. 188–189v (27 мая 1595 г.). Подданные Сарыхозина перечислены поименно: войт Миколай Якушайть, лавник Павел Керслайть, Павел Шемайть, Григорий Станиславовайть, лавник с. Зарубы Юрий Добрик.

[269] КЗЖм-19. L. 110v–111 (27 мая 1595 г.). Вызывались также со стороны Илговского жмудские земяне Андрей Бернатович, Станислав Амброжеевич, Войтех Лавринович и Матей Рымкевич. Их привел на суд уполномоченный Илговского Б. Гинбут.

[270] ЛМ-76. Л. 206 — 206 об., то же: ЛМ-78. Л. 112 (Краков, 20 февраля 1592 г.). См. также: ЛМ-287. Л. 25–26 (Краков, 25 января 1596 г.).

[271] РГАДА. Ф. 356. Оп. 2. Д. 13. Л. 771 — 772 об., 773 об. — 775 (обе записи от 17 июня 1594 г.).

[272] ЛМ-68. Л. 105; ЛМ-83. Л. 15 — 15 об., то же: ЛМ-84. Л. 15 об. (12 февраля 1596 г.).

долго до 30 мая 1597 г., когда его вдова Марина Собакиновна получила «выпис» из книг гродских лидских на Кулешовское имение мужа[273]. Его доставшиеся от Агиша вилкомирские имения Кловшаны, Скирстяны и Будясы перешли к сыну, Матфею Прокоповичу Шемяке Сарыхозину. Против него с иском выступил В. Сосницкий, отсудивший у Сарыхозиных на господарском суде все спорные владения, о чем выше уже говорилось[274]. В это время Шемяка жил вместе с матерью в лидском Заболотском имении[275]. Вскоре они вступили в соглашение со своим противником В. Сосницким и были освобождены от ответственности за вывоз имущества их вилкомирских и жмудских сел Лг. В. Сарыхозина. Однако в суд на них тогда же, после смерти Прокопа, подал лидский шляхтич Андрей Вербинский, получивший из казны Кулеши, Замосте и Домейковичи Василишской волости Лидского повета как «сналые до волного шафунку» господаря. Матфей выступил на этом суде лишь как представитель своей матери, но его аргументы убедили суд, и победа была присуждена ему и Марине Собакиновне[276]. После этого, предупреждая апелляцию Вербинского и готовясь предъявить ему оригиналы документов, Собакиновна вызывала его на суд 12, 13 и 15 июня 1598 г. Тот не явился, и вдова была освобождена от его обвинений. За ней были сохранены лидские села села Кулеши, Замосте, Домейковичи, Прудяны, Скорбы[277].

Род Сарыхозиных в Речи Посполитой

Заключительные ремарки

Тетерины и Сарыхозины — представители новой прослойки детей боярских, испытавшей взлет при дворе царя Ивана IV благодаря своим военным талантам и реформе в армии. Это военная элита новой генерации, стрелецкие головы, от чьих действий зависели нередко битвы и осады. Не случайно московское летописание пристально следит за стрелецкими головами и отмечает их успехи. Тимофей Тетерин успел войти в официальную российскую историю. Его объединяло с князем Андреем Курбским стремительное восхождение благодаря военной карьере. Тимофей Иванович был воином «без страха и упрека». И новая элита успела сформировать крепкие узы взаимной поддержки. Когда на заре опричной политики доносители и завистники сумели убедить царя провести расследование и ротацию в кругах стрелецкой знати, процесс принял неожиданный ход. Будто бы вскрылся заговор на «слово и дело», в числе пострадавших был Тимофей Тетерин, которого спас от смерти только монашеский клобук.

Побег из России был показательной акцией с двух точек зрения. Во-первых, он сопровождался своеобразным новым заговором, который вызвал в Москве новое расследование. Это редкий

[273] Ун.: ЛМ-285. Л. 295 – 295 об.

[274] ЛМ-285. Л. 294 об. — 295 об.

[275] ЛМ-285. Л. 318.

[276] ЛМ-285. Л. 333–335 (Варшава, 9 декабря 1597 г.). Вербинский попыталася войти в имения, но Матфей именем Марины Собакиновны его не впустил. Он пожаловался в Лидский гродский суд и через своего уполномоченного Миколая Витовского судился с Мариной, от лица которой выступал ее сын Матфей. На господарском (сеймовом) суде Матфей представил привилей отцу и матери под датой: Варшава, 20 января 1591 г. Вербинский потребовал, чтобы ответчики предъявили привилеи Стефана Баторня и Сигизмунда II Августа. На это Матфей ответил, что этим не обязан, так как вызван в суд не по прошлым правам, а по нынешнему, а в нынешнем его мать «спокоине» держит имение, полученное на пожизненном праве. На это представитель Вербинского заявил, что подтверждение не дает прав, а лишь подтверждает предыдущие, а следовательно, само по себе не обладает силой. Матфей стоял на своем. Панове рада и урядники приняли сторону Матфея и пресекли спор, потребовав, чтобы дело шло дальше. Тогда заговорил сам Вербинский и заявил, что в привилее нет имени Марины, а по арт. 17 разд. VII Статута должно быть в документе. На что Матфей заметил, что в этой статье речь идет о «вечностях и маетностях вечистых», а не о «праве доживотном», и представил даже суду заготовленные другие подобные привилеи. А кроме того, у его отца была только одна жена — Марина Собакиновна. Суд признал победу Сарыхозина и позволил Вербинскому подать апелляцию.

[277] ЛМ-287. Л. 501 об.–502 (Мальборк, 15 июня 1598 г.).

пример сопротивления несправедливому приговору. Поддержан Тетерин был «своими». Стрелецкая знать была расколота, и часть ее не приняла судебных решений, последовавших после первых поражений в Московско-Литовской войне. Выход из страны стрельцов не принял более широкого масштаба, но несколько уже получивших известность воинов и осужденных ушли на королевскую службу. Конечно, к окончательному решению их подтолкнула уверенность в своей правоте и в незаконности приговоров. И без поддержки остававшихся на свободе товарищей побег был бы невозможен. И во-вторых, побег случился, по всей видимости, даже чуть раньше, чем выезд на королевскую службу князя Андрея Курбского, а послания Курбского и Тетерина-Сарыхозина были написаны практически одновременно и составили в Москве часть одного следственного «дела». Тревожность для царя и его нового окружения в этих событиях соединилась с raison d'état — из перебежчиков московская пропаганда стремительно сколотила «врагов государства». На их плечах Иван Грозный и формировал свое единодержавное самосознание. «Другой» был воплощен князем Андреем Курбским, Владимиром Заболоцким и Тимофеем Тетериным. Эти трое были не так заметны, как князь Семен Бельский, Иван Ляцкой и князь Иван Губка Шуйский, но типологически они заняли место своих почти забытых предшественников.

Близость между «изменниками» за границей сохранялась, и, вероятнее всего, они все хорошо знали о своей злой славе в Москве. Они знали о смерти родственников, о письмах Ивана Грозного, о формировании их демонического образа на родине. Дорога домой им всем была заказана еще до того, как они прославились своим участием в войнах против Москвы. Когда после смерти Ивана Грозного эта дорога была открыта и прозвучало приглашение на службу к Федору Ивановичу, интуиция подсказала всем еще живым к тому времени воинам Ивана Грозного в эмиграции, что от добра добра не ищут. Никто из них, кроме разве что одного или двух боевых слуг Владимира Заболоцкого, даже не пытался вернуться домой. В Москве их всех ждала смерть, как и их родичей. Когда «Синодик опальных» напомнил о вине царя в смерти Тетериных и Сарыхозиных, значило ли это, что отношение царя к Тимофею Тетерину и Агишу Сарыхозину изменилось? Вряд ли. Вряд ли вообще Тетерины и Сарыхозины узнали в эмиграции о существовании этого таинственного «Синодика».

Размеры пожалований Тимофею Тетерину и старшим представителям Сарыхозиных в Ливонии и Великом княжестве Литовском не оставляют сомнений, что они занимали более высокое положение, чем обычные дети боярские на королевской службе. Если для среднего шляхтича московского происхождения надел в 10–15 вл. на условном праве («до воли и ласки» и крайне редко «вечностью») был пределом мечтаний, то уже первые пожалования Сигизмунда II Августа приносят Тимофею Тетерину 60 вл. Трудно сказать, сколько земли было в руках у Сарыхозиных. Можно предположить — столько же, сколько у одного Тимофея Тетерина. Известно, что 15 вл. получил Умар, еще 30 вл. было в совместном владении Алексея и Прокония. Об Агише можно лишь догадываться, что он владел наделом еще в 15 вл., и это было бы ровным нарезом между братьями и составило бы в сумме 60 вл. Это не был уровень Владимира Заболоцкого или князя Андрея Курбского. Отличие Тетериных и Сарыхозиных от Курбских и Заболоцких в размере наделов показывает, насколько внимательно политическая элита Речи Посполитой следила за социальными градациями в Московском государстве. И шляхетские владения у представителей московской придворной знати были больше, чем у эмигрантов из стрелецкой элиты. И только высшая знать могла рассчитывать на старостинство и командование королевскими ротами. Впрочем, в одном случае это отличие почти стерлось. Этот уникальный пример — Агиш Сарыхозин.

Блестящий воин, послуживший королям и магнатам, ротмистр особого подразделения в армии Стефана Батория, Агиш заслуженно занимает устойчивое положение при королевском дворе, возможно, в последние годы правления короля Стефана и наверняка при Сигизмунде III. Решительность Агиша граничит с жестокостью и бесчеловечностью. Он владеет и техникой шляхетского вооруженного конфликта, и обычными судебными уловками, и редкими способами борьбы за недвижимость. Он втягивается в конфликты в коронных владениях К. К. Острожского, а позднее в Великом княжестве Литовском и пользуется широкими полномочиями и льготами как королевский дворянин и ротмистр. Особенно аномально его отношение к соотечественникам. Никто из его современников, королевских московитов, так много и так успешно не конфликтовал со своими соотечественниками. Его не останавливает ни память о совместной службе, ни магнатское величие князей Курбских Ярославских. Его финансовое положение прочно и гарантировано значительной для своего времени пенсией, которая стала наградой за военные успехи и компенсацией затрат на походы Стефана Батория. Еще одна миссия Агиша — опека над братьями и племянниками. Он не только

поддерживает их, но и пользуется ими и их литовской матримониальной родней для закрепления всё новой недвижимости за родом Сарыхозиных, к 1590-м гг. прибрав к рукам значительные выморочные и спорные земельные владения московитов. Удержать это наследство попытается следующее поколение Сарыхозиных — племянники Агиша, потомки Умара, Алексей и Проконий.

Насколько инициативы Агиша Сарыхозина поддерживались его покровителями? Стефан Баторий, Сигизмунд III Ваза и Анна Ягеллонка оказывают ему нетривиальные милости. Возможно, взлет его начинается еще при Сигизмунде II Августе, Генрихе Валуа и в первые два interregna. Слава Умара затмевала его успехи, однако Умар шел по жизни своими путями — был близок к князьям Слуцким и Курбским, тратил время на книжность, владел языками, служил В. С. Заболоцкому, при этом мало заботился о своем имуществе и был никудышным землевладельцем. Самостоятельность Агиша также пришла не сразу, и его близость к князьям Острожским и Курбским показывает, что в каких-то своих решениях братья были едины. Пожалуй, Умара и Агиша могли разделить служебные отношения Умара с Заболоцким. Это была знаменательная оплошность — когда Заболоцкий был убит, видимо, именно Агиш выдвинулся на его роль во главе московитов на службе королю и республике.

Придворный статус Аг. В. Сарыхозина был недостижимой планкой, к которой в правление Стефана Батория кн. Андрей Курбский даже не стремился и до которой могущественные московиты Тимофей Тетерин, Давыд Бельский и Михаил Головин не дотягивались. Цену приходилось платить немалую — Агиша ненавидели и боялись. На Волыни он и его слуги-татары наводили ужас на противников кн. К. К. Острожского. Сватовство престарелого воина Агиша, впрочем, по непонятным причинам, с треском провалилось. Покушение Розношенского показывает, что защита двух европейских монархов ничего не значила, когда дело доходило до тщательно спланированного заговора при участии видных сановников. Именно так был убит Заболоцкий, и такой же участи боялся Курбский, обвиняя своих соседей в «негостелюбии». С конца 1570-х гг. за спиной Сарыхозина не стоял ни шляхетский клан, ни сюзерен из местных магнатов, ни объединение вассалов, т. е. «слуг рукодайных». Как и другие первостатейные московиты, Агиш Сарыхозин опирался на королевскую власть, которая гарантировала благосостояние, но не позволяла чувствовать себя уверенно в затяжном конфликте и не гарантировала от служебной катастрофы в случае смерти короля, а особенно — прихода к власти московского кандидата.

Из всего рода Сарыхозиных в исторической памяти Речи Посполитой к 1640-м гг. остался именно Агиш, причем как предводитель отчаянных воинов, вполне отвечающий местным представлениям о московитах. Следы его братьев и их потомства в новом отечестве еще предстоит обнаружить и интерпретировать.

Тетерины и Сарыхозины в Речи Посполитой достигли высоких социальных позиций и, будучи символами государственной измены для Ивана IV, своим примером показали, как обреченные на преследования в Москве «изменники» обретают права и свободы «западных королей». Это верхушка московских детей боярских на королевской службе, королевские дворяне, ротмистры и признанные герои многих сражений, в том числе взятия Изборска, Полоцка, осады Пскова. И в то же время — воины, ведущие вооруженную борьбу против царя и готовые выступить в любой момент на военную службу на стороне нового суверена. Они близки к русским магнатам Великого княжества Литовского и Короны Польской, и в том числе к своим могущественным соотечественникам. Круг рыцарской службы Тетериных и Сарыхозиных составляют прежде всего кн. К. К. Острожский, кн. Ю. Ю. Слуцкий, В. С. Заболоцкий, кн. А. М. Курбский. Близость Сарыхозиных с московскими религиозными диссидентами, особенно с Артемием Троицким, показывает, что они могли сохранять какую-то религиозную обособленность в новом отечестве даже от местных православных. А присланное У. В. Сарыхозину от кн. А. М. Курбского приглашение участвовать в его просветительских проектах показывает, что королевские дворяне не довольствовались военными ролями и были на виду в культурных проектах. Биография Аг. В. Сарыхозина открывает еще одну сторону в деятельности высшего московского дворянства на королевской службе. На закате жизни он выступает в почетной роли посла Речи Посполитой в Семиградье и осуществляет амбициозный имущественный проект, скупая земли своих соотечественников. Агиш Васильевич выдвинулся на высокие придворные позиции в правление Стефана Батория за счет успешной военной службы и был видным деятелем первых лет правления короля Сигизмунда III. В числе его успехов — многочисленные выигранные суды (в числе прочих против вдовы кн. А. М. Курбского), выдвижение в рядах унитской шляхты, накопление больших финансовых ресурсов и скупка имений, многолетняя служба при короле и уже упомянутое посольское назначение.

ЭТОС ИЗМЕННИКА: Давыд Бельский и Михаил Головин

Среди перебежчиков из Российского государства в Речь Посполитую в правление Ивана Грозного немало забытых имен и немало вошедших в историографический «канон» героем одного-двух событий, и прежде всего им суждено выступать в исторических нарративах в нелестном обличье государственного изменника, или изменника господаря. Галерея этих образов была создана на заре отечественной историографии, они мыслимы как часть создавшего их исторического воображения, а их «личные дела» открывают две истории – государственного служащего и самого государства, рассказанные из перспективы государственного служащего и историка государства. Одно из таких «дел» открывается в российской исторической памяти словами Н. М. Карамзина:

«В то время, когда Герой Баторий в излишней надменности обещал Вельможным Панам всю Россию, Царь ея праздновал свадьбы: женил второго сына своего, Феодора, на сестре знаменитаго Бориса Годунова, Ирине, и сам женился, в шестый или в седьмый раз, без всякаго церковнаго разрешения, на девице Марии, дочери сановника Федора Федоровича Нагаго: два брака ужасные своими неожиданными следствиями для России, вина и начало злу долговременному! [...] На сих двух роковых свадьбах, празднуемых Иоанном только с людьми ближними, в Слободе Александровской, во дни горестные для отечества, под личиною усердных слуг и льстецов скрывались два будущие Царя и третий гнусный предатель России: Годунов был Дружкою Марии, Князь Василий Иванович Шуйский Иоанновым, Михайло Михайлович Кривой Салтыков чиновником поезда! С ними же пировал и другой, менее важный, хотя и равно презрительный изменник, свойственник Малюты Скуратова, Давид Бельский, который через несколько месяцев бежал к Стефану»[1].

В этой зарисовке Карамзин создал одно из наиболее драматичных и наименее востребованных в исторической науке изображений надвигающейся Смуты. Две свадьбы в Александровой Слободе на военном пожарище, перед лицом вторжения Стефана Батория в Россию — пир во время чумы, причем пир ее разносчиков, и вместе с тем матримониальное вплетение в высшую власть действующих лиц Смутного времени. Насколько важен был институт брака для формирования придворных кланов в Москве, ясно хотя бы из того, что и Годуновы, и Романовы были связаны с царственными потомками Ивана Калиты через царских жен — Ирину Годунову и Анастасию Захарьину-Кошкину. На пиру в Слободе решалась не только судьба царского ложа, принесшего стране несчастного царевича Дмитрия. И не только семейное счастье младшего сына Ивана IV, ставшего после трагической смерти царевича Ивана Ивановича наследником престола, а затем и царем. На этом пиру в широкой исторической перспективе, которая дана разве что Провидению, оказалось сразу четыре российских царя из трех династий — хозяин дома царь Иван Васильевич, его сын Федор Иванович, Борис Федорович Годунов и Василий Иванович Шуйский. Мастерским пером историографа к ним были приобщены и мало кому известные «маленькие люди», прославленные предательством, и среди них самый «маленький» антигерой, издевательски замкнувший череду венценосцев. Это был ближний родич убитого в 1573 г. временщика, любимца и телохранителя царя Ивана, кровавого Малюты. Хлесткая характеристика Карамзина охватывает как этих «маленьких» антигероев придворной России, так и всех пирующих, включая правящего царя: «равно презрительный изменник». Карамзин IX тома «Истории Государства Российского» уникален в российской историографии. Он воссоздал этос государственной измены и показал, что высшая власть «Рос-

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 3. Т. 9. Стб 187.

сии IX тома» ему соответствует, а ее нитомцы, ногрузившие страну в многолетние неурядицы, нришли к кормилу не игрой случая, а благодаря Ивану Грозному, изменившему своей стране в годы казней, онричнины и нослеонричного правления.

Остановимся здесь лишь на том «маленьком человеке», чье имя создает как бы второй нолюс в диапазоне предательств. Давыд Бельский окрещен Карамзиным «менее важным изменником» на нирах, предшествовавших грозным нотрясениям. Он и не так «важен» для Карамзина, как будущие цари, и не так выразителен в его новествовании, как Курбский[2]. Однако можно нонять основную трудность историографа — сведений о Бельском в его распоряжении было несравнимо меньше, чем о Курбском. Не считая свадебных разрядов, онубликованных еще Н.И. Новиковым, это только носольские книги, ставшие предметом и в чем-то инструментом исследования после «Истории» М.М. Щербатова. Сведения о Бельском этим набором источников, конечно, не исчерпываются, но большинство из них в эноху Карамзина не были известны или были мало изучены. Среди них — разрядные книги, Литовская Метрика, записи актовых книг шляхетских судов Речи Посполитой, нослания нанских нунциев и их корреспондентов, нереписка нольских и литовских сановников, труды нольских хронистов. Попытаемся на их основе переосмыслить образ Бельского «Истории Государства Российского».

Братья Григорий и Давыд были племянниками Григория-Малюты Лукьяновича Скуратова-Бельского и его двоюродного брата оружничего и думного дворянина Богдана Яковлевича Бельского. Их отец, что не было редкостью в роду Бельских, носил двойное имя — Иван-Нездан[3]. Младшие Бельские нолучали различные назначения младших оружничих при царе. Старший брат Давыда Григорий Нежданов начинает службу «нодданней ко второму саадаку» летом 1571 г., в снисок государева двора 20 марта 1573 г. занесен с окладом в 40 рублей, а в разряде царского нохода в Сернухов 10 анреля 1574 г. он значится «с рогатиною»[4]. Во время выезда царя в Калугу нротив Девлет-Гирея, согласно разряду 28 анреля 1576 г., Григорий снал «в стану у государя» и был «у ночных сторож в головах», а дневал рындой у второго саадака. Давыд тут же упомянут внервые, он был «с рогатиною»[5]. Во время Ливонского нохода царя летом 1577 г. Давыд служил «рындой у самоналов», а нодданнями у него были И. Б. и Ф. Б. Воейковы[6]. В конце августа 1577 г. царь носылает Б.Я. Бельского и других воевод к Скровному нротив эрцгерцога и короля Магнуса, и вместе с ними стольников Веригу Третьякова и Давыда Ивановича Бельских с детьми боярскими, стрельцами и «нарядом», а снустя еще три дня — к Владимерцу, нричем «из государева нолку» нервыми тремя значатся Верига, Булгак и Давыд Бельские[7]. Вновь царевым рындой «с самоналы» Давыд выступает в роснисях 1 июня и 1 сентября 1579 г.[8] Григорий в росниси 1 июня назван стрелецким «головой»[9].

В 1575 и 1581 гг. Давыд Бельский вместе со своими родичами принимает участие в придворных торжествах[10]. На свадьбе Ивана IV и М.Ф. Нагой он, без отчества, указан четвертым с царицыным караваем носле кн. А.Д. Хилкова, А.Н. Годунова и М.М. Кривого Салтыкова, а затем с государем «в мыльне»[11]. Салтыков не ножелал быть «в меньших товарищех» и бил челом сразу на обоих нервых носителей государева и царицына караваев — Я.М. Годунова и кн. А.Д. Хилкова: «И государь велел ему суд дать, и суд им был, да не вершен»[12]. Бельский нринисан четвертым, или вторым младшим товарищем. Родовой чести ничего не грозило. Его могущественные двоюродные братья Панкратий и Богдан Яковлевичи Бельские ноделили между собой ност второго царского дружки, а Панкратий даже считался местами с нервым дружкой

[2] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 171–189.

[3] В посольских книгах Давыд Бельский указан с отчеством «Иванович». В московских разрядных книгах редакции 1605 г. выступают Давыд Иванович и Давыд Нежданов. Это одно лицо, что доказывается тем фактом, что Григория московские послы в Речи Посполитой именуют братом перебежчика, а Григорий в разрядных книгах за конец 1570-х гг. выступает только один и он назван братом Давыда Нежданова. Григорий Жданов и Григорий Нежданов — это также, по всей видимости, одно лицо.

[4] *Альшиц Д.Н.* Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // ИА. М.; Л., 1949. Т. 4. С. 21; РК 1605. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 438; *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. М., 2008. С. 26.

[5] РК 1598. С. 260; РК 1605. Т. 2. Ч. 2. С. 402–403.

[6] РК 1605. Т. 2. Ч. 2. С. 438.

[7] РК 1605. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 543–544, 549–550.

[8] РК 1605. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 53–54, 92.

[9] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 57.

[10] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 203–204; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 20, 250. Примеч. 68.

[11] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 171–172.

[12] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 175; ДРВ. М., 1790. Ч. 13. С. 116 (здесь нет слов «да не вершен»).

царицы Борисом Годуновым — впрочем, проиграл[13]. Григорий также последний раз в служебных росписях появляется на царской свадьбе в числе стряпчих «у государя с платьем государевым»[14].

Польско-литовские сообщения о бегстве Бельского кратки и, вероятно, восходят к общему источнику. Секретарь канцлера Я. Замойского Р. Гейденштейн отметил в своих «Записках»: «В то же время перешел на сторону короля Богдан Бельский (Bogdanus Bilscius), двоюродный брат которого, снискав любовь московского царя, пользовался величайшим его доверием»[15]. Польский однофамилец московита И. Бельский отметил в своей хронике: «В то время Богдан Бельский (чей стрыечный брат был в великой милости у царя) сбежал к королю»[16].

Обоими авторами имя Бельского передано неверно, а информация Гейденштейна и Иоахима Бельского практически идентична. И имя «Богдан», и ссылка на «стрыечного» брата наталкивают на мысль, что, по замыслу Давыда, у литвинов при его виде должен был возникнуть перед глазами образ не Малюты Скуратова, а Б. Я. Бельского[17].

Почти все подробности побега известны по статейному списку О. М. Пушкина и Ф. А. Писемского, занесенному в посольскую книгу по сношениям России с Польшей 1581 г. Племянник Малюты Давыд Иванович Бельский бежал из России в мае 1581 г. в окружении 70 слуг. Из переписки польских сановников следует, что переход границы был совершен в районе Смоленска[18]. Из них от преследования спаслись только шесть человек. Бельский бежал вместе с людьми, которых называли разбойниками и обвиняли в грабежах, как и его брата Григория Ивановича. Послы сообщают о планах королевского войска и самого короля идти на Великие Луки, а затем на Псков и Новгород. Подсказывая царю или предчувствуя его вердикт, Пушкин «со товарищи» списывают вину на измену. Бельский в частых беседах с королем убеждал отказаться от Новгорода и Пскова, а направить войско на Смоленск[19].

Выезд Бельского можно датировать первой половиной мая 1581 г.[20] Это следует из слов грамоты послов царю о том, что он прибыл в Вильну «до нашего приезду»[21]. Сообщение о преступлении Бельского московские послы получат 17 мая. Въезд в Вильно состоится 24 мая. Первый прием у короля — 26 мая. Первое сообщение римского нунция о Бельском появляется в письме от 20 мая и содержит весьма оптимистичную характеристику и самого перебежчика, и его значения для предстоящей дипломатической дуэли: «Среди прочего важно следующее: значительный московит по имени Бельский, великий сановник при Князе, после того как он отправил трех послов, которые теперь пришли к королю, бежал в Литву и ожидает здесь вместе с немногими известий от Его Величества, который уверен, что Московит хочет полного мира, однако этот мир не может быть заключен без оружия в руках»[22]. Возможно, побег состоялся еще в первых числах мая. Газеты Фуггеров под 8 мая 1581 г. уже отразили сведения о каких-то высокопоставленных московских пленных и перебежчиках: «Король Польши взял недавно в плен одного важного шпиона, который под пытками рассказал: Московит в действительности уверен, что польский король еще раз пойдет в поход против него, чтобы добиться выполнения своих требований, как это подтвердили и позже некоторые знатные люди из московитов, которые перешли к польскому королю»[23]. Конечно, шпионом Бельского назвать

[13] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 174–175; ДРВ. Ч. 13. С. 113.

[14] РК 1605. Т. 3. Ч. 1. С. 172.

[15] *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). *Шлихтинг А.* Новое известие о России Ивана Грозного. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005 (далее — *Гейденштейн Р.* Записки...). С. 204.

[16] Bielski. S. 1483.

[17] О Малюте Скуратове и ранних службах Б. Я. Бельского см.: *Курукин И. В., Булычев А. А.* Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 75, 121–125.

[18] См. ниже в сообщении Я. Боруковского.

[19] ПК-79-13. Л. 19 об. — 20, 149 — 150 об., 153 — 153 об.

[20] Датировка «июнь 1581 г.» основана, вероятно, на том, что известие о побеге Бельского послы включили в свое июньское послание 1581 г. (*Гейденштейн Р.* Записки... С. 204. Примеч. 3). Н. М. Карамзин датировал грамоту, но не говорил при этом о времени описанных в ней событий (*Карамзин Н. М.* История государства Российского... Т. 9. Примечания к IX тому. Стб 124. Примеч. 556). Б. Н. Флоря уточняет дату — май 1581 г. (*Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 361).

[21] ПК-79-13. Л. 19 об. — 20.

[22] ASV. SS. Polonia. N 18. F. 136v, публ.: MPV. T. 4. P. 644–645 (Дж.-А. Калигари — Комо. Вильно, 20 мая 1581 г.): "Tra l'altre ci è questa di consideratione: che un principale Moscovita chiamato Biezchi, grande officiale appresso il Principe, dopo haver fatta lui l'espeditione delli tre oratori che hora vengono al Re, si è fuggito in Lituania, et fra pochi dì si aspetta qui da S. M-tà, la quale crede bene che'l Moscovita vorrà la pace in ogni modo con lei, ma però non si può concludere senza l'armi in mano".

[23] *Шварц И.* Газеты Фуггеров об окончании Ливонской войны // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI: К 150-летию

не могли, он в этом качестве ни разу не упомянут (хотя имени газета и не приводит). А вот одним из «некоторых знатных московитов» Бельского назвать вполне можно было.

Московские послы узнают о побеге Бельского еще в разговоре с приставами Л. Гуриным и Я. Ризгольским 17 мая под Борисовом. Ризгольский, по впечатлению послов, хотел поразить их новостью, неожиданно «вынял у себя книшку, да посмотря в книшку», объявил, что Бельский на то время был в Борисове и готовился рассказать королю «думу... государя вашего всю»[24]. Незримое для послов присутствие Бельского в Борисове было обставлено с театральными эффектами. Послам, дабы подготовить их к очной ставке, было объявлено, что перебежчик «всё ведает, с чем послы идут». В его честь на глазах у московитов был дан салют в Борисове, а 18 мая они были нарядно проведены «мимо город Борисов посадом», «а Давыд Белской в те поры, сказали приставы, што смотрит на послов тайно из светлицы»[25]. Картинно опередив послов, Бельский бывал «у короля часто» и будто бы раскрыл ему свои и царские тайны[26].

Послам, как уже сказано, удалось выяснить, что во время подготовки Псковского похода именно Бельский советовал королю сосредоточиться на Смоленске[27]. Что в этой информации достоверно, а что — плод чьих-то спекуляций или вымысла, статейный список не раскрывает. Как ясно из сообщений свидетелей событий, с первых же дней после эмиграции Д. И. Бельского власти Речи Посполитой видели его задачу в переговорах в создании информационной завесы и провокации против московских посольств.

24 мая послы Ивана Грозного прибыли в Вильно. Переговоры шли полным ходом. Царь готов был поступиться всей Ливонией, но за Дерпт и Нарву требовал вернуть Великие Луки, Заволочье, Невель и Велиж. Король не соглашался. В любой момент он мог сослаться на волю царя, которая ему была лучше известна, чем послам. Подканцлер коронный Ян Боруковский пишет о ходе переговоров и о Бельском: «Король, однако, не требует ничего, помимо того, что причитается королевству, и что, как он повторяет, справедливо и предписано клятвенным соглашением; те же не прибавили ничего к тому, что предлагали раньше. Впрочем, есть надежда на уступку Дерпта, и ее усиливает Бельский, который перебежал на сторону короля из Смоленска незадолго до приезда послов. Он приближенный Московита, был его комнатным дворянином. Два его двоюродных брата пользуются такой великой милостью у великого князя, что без совета одного или другого из них там ничего не делается. Говорили также, что этот перебежчик сообщил много того, что знал и видели его братья»[28]. Таким образом, Бельский подыгрывал планам короля Стефана, объявив при послах или позволив сослаться на свою осведомленность о том, что в последних предписаниях царя Ивана послам надлежало Дерпт также отдать Речи Посполитой.

Из сообщений папского нунция при польском дворе Дж.-А. Калигари выясняются результаты допросов Бельского: «24-го этого месяца трое из послов Московита вошли в город и были встречены по обычному порядку Короля многочисленной кавалерией. Но еще перед ними пришел Давид Бельский, благородный перебежчик-московит, у которого удивительно много сведений, особенно касательно многочисленных шпионов, которые обо всем предупреждают Великого Князя. Главная их цель всегда была одна: попытаться затянуть войну, на ведение которой Король не получит денег от Королевства; и этот совет был губителен для Москвы, поскольку не оправдалось ожидание, что Король не может продолжать войну, и уже предусмотрены деньги на следующие два года, не считая первых двух. А также — что послы принесли

образования Австро-Венгерской империи. Ставрополь, 2018. С. 142 ("Unnd habe der Khönig vonn Pollu kürtzlich ain ansechlichen khuntschaffter gefangen, wellicher inn der tortur bekhant, der Moscowiter seye aigentlich entschloßen, da der Khönig vonn Pollu noch ainmall auf ine ziechen wurde, allem seinem begeren nachzuekhommen, wie dann auch ettliche fürnemne leüth vom Moscowiter abgefallen unnd sich ann Khönig vonn Pollu ergeben haben, welliche eben daz auch saagen").

[24] ПК-79-13. Л. 149.

[25] ПК-79-13. Л. 150 — 150 об.

[26] ПК-79-13. Л. 19 — 19 об.

[27] ПК-79-13. Л. 149; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения... С. 128–129; *Эскин Ю. М., Граля И.* «Новины Московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 458.

[28] ASV. SS. Germania. N 93. F. 125 sq, публ.: MPV. T. 4. P. 665. And. 3 (Я. Боруковский — Анне Ягеллонке. Вильно, 28 мая 1581 г.): "Rex tamen nihil aliud postulat quam id, quod et Regno debetur, et quod ipse iuste, ut repetat, sacramento iurisiurandi astringitur; ipsi vero praeter ea, quae antea offerebant, nihil adiunxerunt. Verum spes est illos sequenti concessu concessuros Derptum, quam spem etiam auxit Bielscius, qui paulo antequam legati venissent, Smoliensco ad Regem nostrum transfugit: est is alumnus Moschi, fuit eiusdem cubicularius, fratres eius duo patrueles magna gratia pollent apud suum principem adeo, ut absque alterius illorum consilio nihil isthic geratur. Ferunt eundem transfugam illa omnia explorata habere, quae fratribus suis cognita et perspecta fuerant".

распоряжение поступиться всей Ливонией, кроме Нарвы и трех других крепостей [Нейгауз-Новгородок, Нейшлосс-Серенск, Неймюлен-Адеш. — *К.Е.*], но если король направится туда во всеоружии, то, несомненно, возьмет всю»[29]. Второй подробный рассказ: «Давид Бельский, нашедший приют у короля, когда его допросили и нашли его показания заслуживающими доверия, во всем добросовестными и разумными, был признан весьма полезным Его Королевской Милости. Страшная смерть постигла его брата, бывшего фаворитом Московита, который и убил его, после побега этого человека, жестоко отрезав его ноги и руки. На вопрос, заданный Давиду, по какой причине он бежал, он ответил, что сделал это лишь для того, чтобы избежать смерти от Князя, который после 4 или 5 лет имел обыкновение убивать бывших фаворитов. А также в надежде на хорошее отношение со стороны Короля, о милости которого известно в Московии. Поэтому он вмешается, для чего ему уже были даны одежды, лошади и деньги, а также готовятся и некоторые имения»[30].

Если задуматься о значении этих провокационных фактов, то мы оказываемся перед непростой загадкой, в которой не так много «очевидного». С московской стороны мы знаем о массовом побеге. Обвинение пало сразу на двух братьев. Далее — погоня и приграничная схватка, в которой — хочется добавить: будто бы — погибло более 60 слуг Бельского, но сам он ушел. На него навешен ярлык разбойника и вора. С польской и римской стороны звучат заявления о причастности перебежчика к высшей политике и царским секретам. Бельский вновь — будто бы — знает фортификационные тайны приграничных московских крепостей, тогда как московские послы узнают о том, что он эти тайны разглашает. Всё это сложный, почти герметичный набор фактов, если пытаться понять, что заставило царского холопа с блестящими перспективами придворного роста в Москве решиться на отчаянный шаг и как ему удалось добиться настолько выразительных и стремительных успехов в новом отечестве. Кроме того, не слишком ли много тайн разглашено и курсирует между королем и московскими послами под прикрытием имени Бельского и его двоюродных братьев?

Наметим лишь некоторые возможности и приведем аргументы, которые могут им претятствовать. Первая напрашивается в противовес красочному образу, созданному Н. М. Карамзиным. Москва, зная о непримиримости Батория, прилагала немалые усилия, чтобы расстроить его планы. Двусторонние посольские механизмы всё чаще давали сбой, и Иван IV решился обратиться за посредничеством к императору Рудольфу II и римскому папе Григорию XIII. В середине мая 1581 г. кн. Ю. Друцкий Горский писал воеводе виленскому К. Радзивиллу, что в Орше задержан цесарский посол Генрих Херогль, ехавший из Москвы, за которым из Смоленска тайно пробирался лесными стежками в Оршу посольский пристав Матюшко[31]. Через две недели, 26 мая, князь Друцкий Горский отправил Радзи-

[29] ASV. SS. Polonia. N 18. F. 140v–141, публ.: MPV. T. 4. P. 654 (Дж.-А. Калигари — Комо. Вильно, 27 мая 1581 г.). "Alli 24 di questo li tre oratori del Moscovita fecero la loro entrata in questa città, incontrati al solito per ordine del Re da molta cavalleria. Ma avanti loro era venuto David Bielzcki nobile transfuga Moscovita, che ha revelato molte cose, specialmente, che qui sono molte spie che avvisano precisamente d'ogni cosa il Gran Duca, et il ponto principale loro è stato sempre questo: che cerchi di tirare la guerra in lungo, per che il Re non haverà subsidio dal Regno per sostentarla; et questo consiglio è stato pernitioso al Mosco, per che è riuscito falso che il Re non possi continuare la guerra, et la contributione è già decretata ne' comitii per dui altri anni, oltre li primi dui. Che questi oratori portano commissioni di cedere tutta la Livonia, eccetto Narva et tre altre fortezze, ma che se'l Re camina inanti armato, senza dubio la renderà tutta".

[30] ASV. SS. Polonia. N 18. F. 153–153v, публ.: MPV. T. 4. P. 664 (Дж.-А. Калигари — Комо. Вильно, 6 июня 1581 г.): "David Bielzki che rifugì a questo Re, per essersi trovato verdadero in ogni cosa et prudente nel ragionare, è stato di gran giovamento alle cose di S. M-tà, ma causa di aspra morte a un suo fratello che era favoritissimo del Mosco, il quale lo ha fatto morire, dopo la fuga di costui, crudelmente con farli prima tagliare li piedi et le mani. Et dimandato David per che causa sia fuggito non allega altro, se non [приписано над строкой. — *К.Е.*] per evitare la morte dal suo Principe, che dopo 4 o 5 anni suole fare morire li suoi più favoriti, et per sperare buoni trattamenti dal Re, della clemenza del quale havea inteso fino in Moscovia; et cosi l'interverrà, per che già li sono stati dati vestimenti, cavalli et dinari et se li preparano anco alcune ville". Финальные слова данного отрывка говорят, по всей видимости, о подготовке вознаграждения для Д. И. Бельского. Благодарю коллег, оказавших помощь в интерпретации данного фрагмента (И. А. Звереву, О. В. Чумичеву, И. Шварц, И. Ф. Бабицкого, М. Б. Велижева, С. Ю. Шокарева, В. В. Шишкина).

[31] АСД. Вильна, 1870. Т. 7. С. 53–54 (15 мая 1581 г.): "ten lotrzyk Matysko, który był przystawem u nich asz w Moskwie sameij". Шпионы князя выслеживали его от Смоленска и донесли, что он ушел в лес у Дубровны, где на него была охота. Видимо, пристав у границы преобразился в секретного агента и попытался присоединиться в Орше к имперскому представителю. В конце апреля в районе Орши и Дубровны ожидалось нашествие войска московитов. Об этом в письме наместника виленского Я.-С. Абрамовича каштеляну троцкому М.-К. Радзивиллу Перуну: AR. Dz. V (Listy domów obcych). N 16. List 3. S. 10–11 (22 апреля 1581 г.). См. также в приписке короля к его письму великому маршалку А. Опалинскому: ДиПП. С. 205 (16 апреля 1581 г.).

виллу посла и его шкатулку, интригуя виленского воеводу ее содержимым — там должны были обрестись «письма от некоторых панов коронных сенаторов, например, от Андрея Зборовского»[32]. От Ивана IV литвины ожидали шпионской активности и секретных переговоров не только с имперскими агентами, но и с Короной Польской. В то же время Стефан Баторий мало прислушивался к рассказам и советам выезжих московитов, о чем в конце июня 1581 г. писал М.-К. Радзивиллу Перуну после допроса двух детей боярских[33].

В Давыде хронисты И. Бельский и Р. Гейденштейн видят Богдана Бельского, т.е. оружничего и могущественного приближенного Ивана IV, будущего конкурента Бориса Годунова. С этим же маскарадом связано то, что Бельского приняли за думного человека, что было далеко от правды, если бы личность перебежчика была установлена. Чтобы вспомнить, как выглядит Б.Я. Бельский, требовалось некоторое время, а время играло на руку московитам. Обвинения в адрес Григория и Давыда не сказались на стремительной карьере подлинного Богдана Бельского. В то же время на карьерной истории Давыда уже было несмываемое пятно — его брат обвинялся в разбоях. Связывая эти два факта, можно предположить, что московские послы Пушкин со товарищи компрометировали Давыда всеми доступными способами. Но может быть, этот ложный мотив был для служилого человека XVI в. как раз одним из побуждений в его странном поступке? Со стороны Давыда было бы подвигом, искуплением братней вины, в условиях подготовки нового королевского похода, грозившего стать фатальным, выдать себя за ближнего думца Ивана Грозного, втереться в доверие к королю и подговорить его направить основной удар не на Псков и Новгород, а на Смоленск.

В пользу этого предположения говорит осведомленность московских послов насчет того, что Бельский вхож к королю и внушает ему план «Смоленск». Откуда они об этом знают? По их донесению, от виленского купца: «И туто же на стану [у Борисова. — *К.Е.*] говорил с послы в розговоре вилневець торговои человек Савастьян Иванов, виделся, деи, он в Борисове з Давыдом з Белским и говорил, деи, Давыд: "Толко бы, деи, ведал государь, што яз отехал х королю, и он бы, деи, послом своим Остафю Михаиловичю Пушкину с товарыщи в Литву ходити не велел. И был бы у него послом инои наказ, потому что он все ведает, с чем послы идут"»[34]. Это единственный раз, когда Бельский вышел на связь с соотечественниками. Признаться, в словах Бельского в передаче Иванова сквозь туманные намеки можно уловить сообщение послам, а через них царю. В словах «толко бы ведал государь...» заметна эмфаза, неуместная, если бы речь действительно шла только о побеге. Буквально поняв слова Бельского, о чем послы, конечно, не должны были задуматься, но что мог уловить царь, посольству следовало понять, что подлинный план короля — Новгород и Псков и что следует продолжать переговоры без надежды на заключение договора, а лишь с целью оттянуть время до нового посольства или до похода короля.

Это тем более возможно, что требования короля походили на ультиматум, и послы почувствовали на себе жесткость предвоенной, а по сути уже военной дипломатии. К началу июля послам царя Ивана было недвусмысленно заявлено, что ни на какие уступки король не идет. Он ждет признания за ним всей Ливонии, из числа крепостей, занятых в предыдущих Московских походах, под его властью должны остаться Невель, Велиж и Озерище, а Себеж должен быть снесен до основания. Эти, в числе прочих, совершенно ультимативные положения К. Дзержек повез царю в Москву[35]. По сути, они были выработаны и сформулированы раньше, а дипломатическая игра при участии Бельского должна была всего лишь показать, что король не принимает легитимности самого московского посольства и считает его главной задачей затягивать время. Беседа Бельского с Ивановым не оставляла сомнений: миссия Пушкина разгадана, царю предъявлен ультиматум, нужно готовиться к войне, направление главного удара зависит от реакции короля на советы московита-перебежчика. Выбор мишени в пределах Российского государства был предметом последующих размышлений короля Стефана, а окончательное решение было принято лишь на рубеже июня–июля 1581 г.

Препятствием идейного порядка для предложенной здесь концепции могло бы служить то, что в XVI в. «смерть за царя» еще не обрела того буквального звучания, которое сложилось в эпоху Карамзина и Глинки. Нам легче представить себе в окружении Ивана Грозного — а тем более в роду и окружении Малюты Скуратова — трусливых холопов, самовлюбленных авантюристов и отъявленных мерзавцев. Впрочем, биографии

[32] АСД. Т. 7. С. 54–55.

[33] BJ-1000. K. 83–84 (24 июня 1581 г.).

[34] ПК-79-13. Л. 150.

[35] ASV. SS. Polonia. N 18. F. 193 (Дж.-А. Калигари — Комо. Краков, 9 июля 1581 г.).

тех же родичей Давыда рисуют более сложную картину. Достаточно вспомнить Малюту, гибнущего в битве под Пайдой на карьерном взлете[36], или подлинного «Богдана» — Богдана Яковлевича Бельского, который после смерти Ивана Грозного поднимает восстание в Москве и пытается, по мнению свидетелей, восстановить опричнину[37].

Джованни-Паоло Камнана, автор отнюдь не националистической эры, а иезуит, отправившийся в Москву вместе с легатом Антонио Поссевино несколько недель спустя после эмиграции Бельского и, несомненно, знавший об этих событиях, пишет о московитах: «Кроме того, покорность их такова, что, ежели кто из знатнейших его придворных — я уже не говорю о юношах, — а даже из пожилых, женатых, согрешит в чем-либо словом или делом, и великий князь повелит бить его плетьми, тот немедля с готовностью падает ничком на землю и уйдет оттуда не раньше, чем другой [придворный] кончит его сечь. И не подумай, что он будет из-за этого роптать или жаловаться, напротив, при подходящем случае он станет восхвалять милосердие великого князя по отношению к народу. А если [великий князь] повелевает служилому или знатному человеку отправиться в лагерь к неприятелю, либо с определенной целью, либо чтобы передать что-нибудь, тот пойдет безо всякого страха и не подумает вернуться, прежде чем исполнит то, что ему перед тем повелели, — [независимо от того], подвергнется ли он опасности погибнуть, или же нет. Я бы мог привести соответствующие примеры этого, о которых мне рассказывали, но это было бы слишком длинно, [поэтому] не стоит их перечислять совсем»[38].

Даже если сообщение Дж.-П. Камнана — преувеличение, а элемент преувеличения в нем, несомненно, есть, подобная точка зрения принадлежит современнику, и была на поверхности. Московиты демонстрировали поведение и выражали убеждения, позволяющие видеть в их действиях беспрекословную верность и безграничную зависимость. И в нашем распоряжении есть след, ведущий к подобной интерпретации поступков Бельского. Н. М. Карамзин подсказывает сценарий, близкий к сюжетам «подвиг разведчика» и «смерть за царя»[39]. Имя Давыда Бельского прозвучало в его рассказе о том, как после смерти Ивана Грозного в переговоры послов кн. Ф. М. Троекурова и М. А. Безнина в феврале 1585 г. со Стефаном Баторием о ратификации Ям-Запольского перемирья вмешался перебежчик из Москвы М. И. Головин. Послам было сказано, что Головин лгал королю, будто бы послов отправили к нему, чтобы заключить договор «на всей королеве воле», и советовал вновь вторгнуться в Россию[40]. Послы были застигнуты врасплох, заметим на полях, незамысловатым и многократно опробованным дипломатическим приемом. Чтобы вернуть диалог на status quo ante, они решаются на мистификацию. Они поручают одному из послов напоить пристава, подружиться с ним и, доведя его до нужной кондиции, признаться ему, взяв с него обещание о неразглашении, что Головина царь отпустил «лазучеством». Послы хорошо помнили, что брат Михаила Петр был до ссылки в Казань казначеем, и это помогло им додумать уловку. С Михаилом была, согласно их вымыслу, царская казна. Целью резидента было подкупить «всяких людей», выведывать «вестей» и с тем вернуться на родину. Похожий пример также уже был в арсенале послов — некто Второй Страхов уже занимался подобным «лазучеством», и поляки должны были его помнить. Уловка, как были уверены послы, сработала[41]. Тогда же в продуманном контрударе московитов прозвучал и еще один пример. Король и сейм уже однажды обманулись, когда Бельский советовал вести войска на Псков[42]. Напомним, что в 1581 г. московским послам говорилось — возможно, не без умысла — нечто со-

[36] *Кобрин В.Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 23–25.

[37] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. С. 104–117.

[38] *Камнана Дж.-П.* Донесение о Путешествии в Московию / Подг. текста И. В. Дубровского, В. В. Рыбакова; пер. В. В. Рыбакова // Русский сборник. 2018. Вып. 24. С. 330–331. Благодарю В. В. Рыбакова за возможность ознакомиться с электронной версией данного текста.

[39] Литература о разведке и контрразведке Великого княжества Литовского приведена нами в главе «Андрей Курбский в эмиграции» («Побег»).

[40] ПК-79-15. Л. 629; *Карамзин Н.М.* История государства Российского... Т. 10. Стб 22–23; Примечания к X тому. С. 17. Примеч. 65.

[41] ПК-79-15. Л. 631–636; *Карамзин Н.М.* История государства Российского... Т. 10. Стб 23–24; Примечания к X тому. С. 17. Примеч. 67. Как показано в работе Ю. М. Эскина и И. Грали, слова М. И. Головина о «замятне» и «великой незгоде» в Москве были козырем Стефана Батория в сеймовых дебатах о возможности нового Московского похода. Помимо короля и папских нунциев, сторонниками похода были некоторые сенаторы. Однако афера московских послов не повлияла на расстановку сил на сейме, которая была не в пользу «партии войны». См.: *Эскин Ю.М., Граля И.* «Новины Московские». С. 457–458.

[42] ПК-79-15. Л. 637 об.; *Эскин Ю.М., Граля И.* «Новины Московские». С. 458.

всем иное: Бельский как раз отговаривал короля от Пскова в пользу Смоленска.

Нас в компромате послов интересует его фантастическая часть, подкрепленная примером Второго Страхова и Давыда Бельского. Послам представился удобный случай разрешить чреватую войной против России коллизию между Посольской избой и Сенатом, скомпрометировать Головина и «сдать» полякам Бельского, который в посольской легенде начала 1585 г. предстал на фоне Головина глупым советником, а на фоне Страхова — самоотверженным резидентом. История послов не звучала экстраординарно. Стефан Баторий охотно принимал на королевскую службу перебежчиков из Москвы, и кто-то из них мог быть заслан в Речь Посполитую в роли шпиона. В то же время Бельский должен был присутствовать на сейме. 26 февраля 1585 г. король подписал ему подтверждение на привилей 1581 г. и признал законными размены и переселения в его литовских имениях. Очевидно, если бы даже военная доктрина короля создавалась при участии царских изменников, обвинения в их адрес в московских посольских наказах, посланиях царя и памятниках пропаганды вроде «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» не могли ее изменить и лишь укрепляли образ гостеприимного польского короля и литовского господаря. Тем более что послы в 1585 г. неверно «вспомнили», что́ именно советовал Бельский королю. Ошибались или, скорее, намеренно переигрывали.

Представить себе, что московиты своими «играми» обводили поляков и литвинов вокруг пальца и контрразведка коронного канцлера Я. Замойского и виленского воеводы М. Ю. Радзивилла Рыжего «прошлянила» реляции о переговорах Бельского с королем, конечно, можно, но довольно трудно[43]. Странность видна уже в словах Р. Гейденштейна и И. Бельского о перебежчике: они оба знают, что он не сам приближенный царя, а лишь его «стрыечный брат». Неужели в окружении канцлера не могли, хотя бы при помощи пленных и сбежавших московитов, проверить сведения о давнишнем любимце царя Богдане Бельском и его братьях? Усомнившись, мы легко устраним трудность, если признаем, что Ивану IV осторожно подыграли, как это случалось после смерти Сигизмунда II Августа уже много раз. В таком случае, замыкая круг догадок, мы бы подключили к интерпретации прочие примеры дипломатического маскарада с участием Бельского и ответили на вопрос, почему «боярин Богдан» в награду за свои авантюрные псевдонимы, пышные титулы и самоуверенные советы не получил, как говорили в те времена, «вечное староство». Эта версия событий также нуждается в предположении о «миссии Бельского». Стефан Баторий обвинял московитов в затягивании переговоров с целью нарушить план короля до холодов закончить военную кампанию в России. Тут-то появление Бельского было как нельзя своевременным. Он и правда был «дан Богом».

Игра слов, заложенная в его имени, сулит проблемы для нашего первого построения. Дело в том, что уже под занавес Псковского похода, когда Речью Посполитой и Россией готовились при посредничестве А. Поссевино переговоры о завершении войны, в стане короля появился московит. Р. Гейденштейн и И. Бельский опираются на общий источник и называют его Богданом. Однако Дневник Псковского похода раскрывает его идентичность — это был Федор Иванович Зубатый[44]. Воевода брацлавский Я. Збаражский отправил его канцлеру Я. Замойскому. Московиты якобы собирались разведать во время переговоров, стоят ли еще королевские войска у стен Пскова. Если нет, им предписывалось прервать переговоры, если же осада продолжается — они будто бы должны были вести переговоры «без обмана» и уступить всю Ливонию, выторговав взамен все захваченные у царя земли кроме Велижа и «всего княжества Полоцкого».

Действительно ли перебежчик знал о наказе послов? Видеть в действиях Зубатого некую миссию наподобие воссозданного нами выше сценария «подвиг разведчика» не приходится. Его близости к царю никто бы в стане противника не поверил, его осведомленность о планах посольства кн. Д. И. Елецкого со товарищи не могла идти так далеко, как он показал на допросе у канцлера[45]. В данном случае трудно удержать-

[43] Достаточно вспомнить, что в 1579 г. из королевского стана распространялись слухи, что планируется удар по Ливонии в направлении Пскова, тогда как основной удар на Полоцк был тщательно скрыт. См.: *Kupisz D.* Polock 1579. Warszawa, 2003. S. 97–98.

[44] «Богданом» могли называть Федора, точно переводя имя «Федор» с греческого языка. Однако в московских и польско-литовских источниках эти имена различались. Показательный пример — сын московита Федор Богданович Бунаков. Его имя и отчество содержат обе кальки одновременно. См.: ЛМ-83. Л. 91 об. — 92.

[45] ДиПП. С. 396, 431, 437; *Гейденштейн Р.* Записки... С. 256–257; Bielski. S. 1498. Федор Зубатый, как и Бельский, не был забыт после окончания войны — получил небольшое упитское имение, которое по его челобитью было почти удвоено при Сигизмунде III. Умер незадолго до 28 апреля 1598 г. См.: ЛМ-69. Л. 232; ЛМ-73. Л. 442 об. — 443, то же: ЛМ-74. Л. 323; ЛМ-83. Л. 348 — 348 об.; ЛМ-86. Л. 141.

ся от версии «номер два»: Замойскому поставили человека, которому предстояло выполнить роль чертика из табакерки. В случае затягивания переговоров московитам объявляется, что вот он — сын боярский, который знает содержание посольского наказа[46].

Когда в конце 1584 г. выехал из России Михаил Иванович Головин, его имя, как предполагают И. Граля и Ю. М. Эскин, сначала было засекречено[47]. Это предположение может быть распространено на выезды Зубатого и Бельского, а случай Головина в их свете приобретает очертания отработанного контрразведывательного приема. Имя «Богдан», отнесенное не к московскому родичу Давыда Бельского, а к дипломатической виртуозности — и, возможно, религиозности — коронного канцлера, меняет версию событий до неузнаваемости. Самоидентификация Бельского в подобном случае создана не в России, а наоборот, в Речи Посполитой. Самовозвеличение, показные беседы с королем, игра в стратегию с не менее показной «утечкой информации», оплеуха посольству Ивана Грозного в Борисове могли быть на фоне дипломатической дуэли продуманной контрразведывательной акцией. Ее цель легко угадывается. Король рассчитывал обезоружить московитов, заставить их открыть карты и отказаться от медленной дипломатической игры, во время которой те шли на уступки с многочисленными проволочками. Царские дипломаты невольно поддерживают подобное истолкование. Они настаивают, что Бельский «у государя нашего человек не ближней думы, ему государьские ведати нелзе»[48]. А если бы он что и знал, верить его словам тоже нельзя, поскольку изменник, изменивший однажды, предопределен изменять всем, кому он служит. Послы стремятся полностью дезавуировать Бельского и устранить его как фактор дипломатии. Впрочем, возможно, их действия не противоречат версии побега как миссии в пользу царя: подключив перебежчика к планированию вторжения на стадии, когда поход короля Стефана был необратим, Посольский приказ под различными предлогами выигрывал время для подготовки к войне.

Границы польско-литовской дипломатической игры лишь в одном случае заметно выходят за рамки двусмысленности, требующей от исследователя построения версий и взвешивания догадок. В разговоре с царскими послами Остафием Михайловичем Пушкиным со товарищи 17 мая 1581 г. литовский пристав Лев Гурин сообщает, что Бельский получил 700 волок земли и будет при короле «человек великои»[49]. Цифра, приведенная в статейном списке, невероятна[50]. Она и не подтверждается актами о земельных пожалованиях перебежчику. В Литовской Метрике за 1581 г. был записан, но не сохранился привилей «Давиду Белскому боярину московскому на тридъцать волок в державе Пунской в розных селах до живота его»[51]. О его содержании можно также узнать из позднейших привилеев, выданных Бельскому и его жене.

Согласно привилею Стефана Батория 26 февраля 1585 г.[52], Бельскому было пожаловано на пожизненном праве 39 волок оселых «осочницких» в лесничестве Пунском Ковенского повета, при границе с Пруссией: в с. Давкши — 11 вл. 52 мр. пахотных и сеножатных, в с. Речово (Речен) — 8 вл. оселых, в с. Михновичи (Михново) — 8 вл., в с. Мисвеце (Мисвете, Мневичи) — 12 вл., а также при с. Довкшов сеножати Давины — 2 вл., а также вольный въезд «по дрова до пущы нашое, где бы ему от державъцы тамошнего назначоно было — ему и подданым его

[46] Король в это время отправился в Великое княжество Литовское, чтобы собрать войско и деньги для продолжения осады. Если принять предположение о том, что под Ямом Запольским планировалась дипломатическая игра при участии подставного московита, то цель игры также может быть установлена по тому, что «узнал Замойский» от «Богдана», согласно Гейденштейну. Успех акции в обозначенном нами виде сильно облегчил бы задачу Я. Замойскому, поскольку ему в таком случае предстояло лишить московитов иллюзий и миновать несколько этапов уступок с их стороны, выигрывая время и приближая войну к долгожданной развязке. См.: *Гейденштейн Р.* Записки... С. 256–257.

[47] *Эскин Ю.М., Граля И.* «Новины Московские». С. 472. Примеч. 21.

[48] ПК-79-13. Л. 149 — 149 об.

[49] ПК-79-13. Л. 149 об.

[50] Для сравнения заметим, что земельные наделы крупнейших московитов на королевской службе того времени В.С. Заболоцкого и кн. А.М. Курбского были меньше этой цифры. При этом Заболоцкий был долгие годы трансильванским соратником короля и выслужил свои владения участием в многочисленных военных кампаниях, а Курбский считался в Речи Посполитой близким родственником царя, одним из лидеров православной оппозиции, покровителем московской эмиграции, с ним не раз связывались перспективы перехода московской элиты на королевскую службу.

[51] ЛМ-67. Л. 160 по реестру, но текста нет; кириллическая нумерация нарушена и после л. 159 в книге следует л. 161; повреждение произошло еще до XIX в., поскольку сверху на л. 159 комментарий по-польски, относящийся приблизительно к тому времени: “kart dwie czyli trzy wydarte”.

[52] Списки кн. 73 и 74 Литовской Метрики содержат незначительные текстуальные расхождения. Цитируем по ЛМ-73 с указанием соответствующих мест в ЛМ-74: ЛМ-73. Л. 70 — 71 об., то же: ЛМ-74. Л. 15 об. — 16 об.

мети позволили и то ему до живота его листомъ нашим утвердили были»[53]. Ясно, что размер с. Давкши выбивается из цифры «39», тогда как размер всех остальных сел вписывается в цифру «30», которая согласуется с записью в реестре 1581 г. Видимо, с. Давкши — это и есть Довкшов (или Давкшаны). Более поздние актовые записи показывают, что собирательным обозначением фольварка было «Давкшаны», а селами, «до того фолварку належачыми», — Давкшаны, Речен, Михновичи и Мневичи. Сеножати, видимо, занимали около 8–9 вл. И именно на них будет сделана ставка, когда новому хозяину потребуется переселение земледельцев из других сел имения. С другой стороны, Бельскому предстояло выплачивать с полей церковную десятину. По привилею-фундушу, выданному в 1533 г. Сигизмундом I Старым пунскому костелу св. Якуба, десятую часть урожая со всех пунских земель было положено отдавать костелу[54].

Московит выразил неудовольствие. Согласно привилею, его не устроило, «иж то ему порозъну заведено было, зачым фольварку собе мети не мог»[55]. Претензия заключалась в том, что из-за разбросанности имений на полученной земле невозможно было посадить людей для создания фольварочного хозяйства. В общем, нельзя исключать, что актовая формулировка является всего лишь эвфемизмом, а суть проблемы заключалась, как бывало и у других московитов, в том, что местное население разбежалось и отказывалось работать на чужеземца.

Король прислушался к челобитью и направил письмо секретарю, войскому новогрудскому, державце пунскому Александру Брындзе Пацкому, чтобы тот «ему, Давыду Бельскому, з одного в обрубе волок и подданых поступил и завел». Державце предписывалось найти в своих владениях расчищенную землю, уже осажденную землепользователями. Брындза провел переселения, которые старательно перечислены в привилее. С 6 вл. села Речово и с 6 вл. села Михновичи «осочники» были переведены в село Довкшов. Тем временем Бельский своих подданных села Довкшов перевел на земли Речова и Михновичей. Это переселение чем-то напоминает хорошо прижившийся в России метод освоения и покорения земель при помощи депортаций. Акт содержит строки, которые говорят о том, что в ответ на подобные методы местное население оказывало сопротивление: «Вшакъже которыи кольвек с подданых пашых осочъников не хотел переноситися, тые вси на своих волоках и селищах зостали»[56].

Державца выполнил предписания, и уже в начале 1585 г. на «вальном» сейме Бельский обратился к королю с просьбой закрепить за ним и его женой имение пожизненно («до жывотов их»). За ним и женой, реальной или пока проектируемой, были закреплены Мисвеце, Михновичи и Речово. Как видно, наши предположения о депортациях, по-видимому, не соответствуют существу дела или объясняют происшедшее лишь отчасти. Бельский перевел своих людей из Довкшова, а «осочники», которые не хотели попасть под власть московита, перешли на его бывшее имение. Давыд был лишен села Довкшов. Позднее оно за ним и его женой больше не числилось. Королевское постановление о закреплении трех названных сел за Бельскими содержит обычную похвалу московиту за верную службу и призыв к еще более старательной: «А хотечы оного тым охотънейшым до служб пашых способити...»[57]

После смерти Стефана Батория большой интерес в Москве вызвал проект поставления царя Федора Ивановича на троны Короны Польской и Великого княжества Литовского. В этих обстоятельствах возник посольский текст, который в условиях межкоролевья должен был вызвать, по меньшей мере, осторожность у его адресатов. 20 января 1587 г. думный дворянин Елизарий Леонтьевич Ржевский отправился в Литву с наказом, в котором, в частности, говорилось: «Увидится с ним Тимоха Тетерин, Давид Бельский, Мурза Кункеев и другие отъезжие люди в Литву и станут спрашивать, есть ли к ним государев приказ, то отвечать, чтоб они государева жалованья к себе поискали, государю послужили и доброхотали»[58]. В обмен на покаяние и службу изменникам было обещано прощение. Царь предлагал им агитировать в свою пользу и отговаривать Панов раду от кандидатуры царевича Дмитрия Ивановича, нашедшей поддержку у части шляхты. В случае победы на выборах московиты обещали, что царь Федор «эту вину отдаст им» и «во всем их пожалует по отечеству». Те, кто захочет вернуться в Русское государство, получат вотчины и поместья «по их достоинству»[59].

[53] ЛМ-73. Л. 70 — 70 об., то же: ЛМ-74. Л. 15 об. («по дрова до пущи панное где бы ему от державцы тамошнего назначоно было, ему и подданым его мети позволили и то ему до живота его листом нашим утвердили были»).

[54] ЛМ-288. Л. 482 об. — 483, 603 об. — 604 об.

[55] ЛМ-73. Л. 70 об., то же: ЛМ-74. Л. 15 об. — 16.

[56] ЛМ-73. Л. 70 об., то же: ЛМ-74. Л. 16.

[57] ЛМ-73. Л. 71, то же: ЛМ-74. Л. 16.

[58] *Соловьев С.М.* Соч. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. С. 208.

[59] Там же. С. 208–209.

Экстраординарные обстоятельства должны были толкнуть царское правительство на прощение изменников за пределами России. Однако и по сравнению с предыдущим interregnum 1574–1576 гг. был сделан шаг к «оттепели». Тогда литовские советники предлагали царю подкрепить московскую кандидатуру на трон Великого княжества Литовского милостивым обращением к московитам на королевской службе. Реакции царя на эти предложения не последовало. Видимо, Иван Грозный не был согласен на амнистию. Десятилетие спустя подобное предложение самой Москвы — и, что было важно, возглавляемой не Иваном IV, а слабоумным Федором, — как предполагалось, должно было вызвать оживление в рядах шляхты московского происхождения. Т. И. Тетерин и А. В. Сарыхозин expressis verbis поддержали в 1587–1588 гг. сецессионистов, оспоривших выбор королем польским и великим князем литовским Максимилиана "z domu Rakuskiego" и принявших сторону великого князя московского. Впрочем, вызывает сомнение, что успешные московиты, расширяющие свои владения и подвизающиеся на военной и придворной службе в новом отечестве, сделали ставку на московскую кандидатуру.

Их присутствие в рядах литвинов можно объяснить по меньшей мере еще двумя способами. Во-первых, они могли выступить не столько за Федора Ивановича, сколько против «польской» кандидатуры Сигизмунда Вазы, и в этом смысле их появление в рядах оппозиции на элекции не показательно, если мы ищем их реакцию на приглашение сотрудничать с царем и вернуться в Россию. Во-вторых, контакты с ними московских посланников должны были происходить под чутким надзором литовской контрразведки, а их демонстративные промосковские симпатии могли помочь литвинам держать Москву под присмотром. Разумеется, никто из сецессионистов-московитов не пострадал и не ослабил своего статуса ни во время выборов, ни после них. О позиции Д. И. Бельского на выборах ничего не известно.

Прощение «изменникам» в 1586–1587 гг. подчеркивало, что есть такие предатели, которым прощения не было. Царь Федор Иванович не успел взойти на престол, как его власть получила своего «Другого». Первым изменником царя Федора был представитель крупного придворного рода, брат московского казначея Михаил Иванович Головин. Накануне побега он был, согласно Новому летописцу, «в отчине своей в Медынском уезде в селе Московце»[60]. По другим, более достоверным данным, был послан в поход против черемисов[61]. Бежал в Речь Посполитую с 7 слугами после ссылки Петра Ивановича в Казань и рассылки других их родичей, за несколько дней до 18 декабря 1584 г., когда Головин был уже в Усвяте[62]. В Речи Посполитой Головин упоминается как королевский дворянин. На сейме января–февраля 1585 г. обсуждались, но не были приняты предложения Головина начать новый поход на Россию[63]. За свой выезд М. И. Головин получил в «опатренье» войтовство Пурве (Пурва, Пурвы, Пурвинское, Пурвеньское), или Повентское (Повеньское, т.е. на р. Венте), в господарской волости Меньших Дирвянах на Жмуди, размером в 70 вл., с дворцом, сеножатями, застенками и т.д. Ввод во владение произошел при королевских «увяжъчих» незадолго до 20 мая 1585 г. В этот день Головин явился на Жмудский гродский уряд с жалобой на жмудского тиуна Малхера Войтеховича Шемета, чей дирвянский урядник Ян Змала, по словам истца, изгнал его из имения, убил его слуг В. С. Насунова и Г. И. Павловича, ранил С. Д. Рудока Пушкина и Г. С. Володкова, повредил и пограбил его имущество[64]. Шемет предложил вместо королевского суда приятельское соглашение и передал Головину имение «со всим на все». 2 декабря стороны обменялись «вызнаными листами», в которых Шемет обязался под зарукой в 6 тыс. кон гр. в течение ближайших десяти дней передать Головину имение, собранные урядником чинш и дань за 1585 г., всех подданных, вышедших после введения Головина во владение, «зо всею маетностью их» (кроме подданного по фамилии Марковский из с. Пурве, который имел право поменять пана и за которого Шемет обязуется посадить на его место в Пурве своего подданного). Проверка по выплатам с подданных должна была завершиться не позднее Пасхи 1586 г. Шемет просил записать в книги господарской канцелярии текст своего «листа». Головин получил «выпис», записал в канцелярские книги

[60] ПСРЛ. Т. 14. С. 36.

[61] ПК-79-15. Л. 632; AR II Suppl. №289 (шифр на 2000 год). Л. 1 — 1 об., публ.: *Эскин Ю.М., Граля И.* «Новины Московские». С. 460.

[62] *Эскин Ю.М., Граля И.* «Новины Московские». С. 455.

[63] MPV. T. 7. S. 597; DS. S. 10, 25–26, 30; ПК-79-15. Л. 535, 629–630. О военных планах Стефана Батория и Яна Замойского в отношении Москвы см.: *Zalęski S.* Wojenne plany Stefana Batorego w latach 1583–1586 // PP. Kraków, 1884. T. III–IV. S. 354–355; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 120–140.

[64] См. нашу монографию "Natione Moscus" реестр эмигрантов на имена *В.С. Насунов, Г.И. Павлович, С.Д. Рудок Пушкин, Г.С. Володков.*

свое согласие вступить в приятельское соглашение с Шеметом и обязался его соблюдать под зарукой в 6 тыс. кон гр.[65] Привилей М. И. Головину на Пурве датирован 10 декабря 1585 г.[66] Маршалок Малхер Шемет передал Головину также два обруба леса в тиунстве Дирвянском — на 18 вл. и 10 мр. пустых и на 7 вл. 27 мр. 15 пр. Получение дополнительного владения позднее было представлено как проступок, за который ему велено было отдать слуге канцелярии Павлу Якимовичу сельцо Мойши более чем на 10 вл.[67] Особым королевским распоряжением от 8 сентября 1586 г. Головин освобожден от вызовов в жмудские суды гродские и земские, подчинен как держатель господарских имений напрямую королевскому суду[68]. После смерти Батория правительство царя Федора, пытаясь продвинуть кандидатуру царя на троны Речи Посполитой, простило крупных эмигрантов, но Головин прощения тогда не получил. Он связался с Москвой после заключения Тявзинского мира с просьбой о прощении и получил обещание прощения в случае возвращения в 1594 г., о чем должен был сказать ему гонец П. Пивов[69].

Смерть Головина была скандальным событием и имела долгую предысторию. В августе 1590 — октябре 1592 г. против Головина вели дело братья Василий и Богдан Ивановичи Бунаковы вместе со вдовой и детьми Ивана Ивановича Бунакова, обвиняя Головина, его слугу Мойзеша Стефановича, Янко Янушкайтиса и Григаля Микутайтя в убийстве их брата, мужа и отца — Ивана Ивановича Бунакова-Старшего в ночь с 5 на 6 августа 1590 г.[70] До того на Жмудском гродском уряде Михаил Иванович предлагал присягнуть в своей невиновности и готов был защищать на суде только своих слуг, однако Бунаковы это опротестовали. Головин апеллировал к Трибуналу, однако истцы тогда на суд не явились. Тогда Головин обратился на Жмудский гродский уряд «о злый сказ», обвинив Бунаковых в оскорблении шляхетской чести, но не явился на суд сам. Жмудский уряд приговорил М. И. Головина к штрафу в 200 кон гр., однако тот на Королевском суде подал апелляцию, отказываясь признать свою вину и ссылаясь на то, что гродский суд должен был сначала вынести постановление о его виновности[71]. 29 октября 1592 г. Головин предстал перед судьями господарской канцелярии и заявил, что на мартовские «рочки» Бунаки вызвали его на гродский суд, и он решил присягнуть за своих слуг на основе артикулов 37–38 раздела XI Литовского Статута, но суд позволил присягнуть истцам. Трибунал отклонил апелляцию Головина, так и не выдав декрета. Тогда Головин на основе артикула 37 раздела IV Статута пожаловался старосте жмудскому на жмудских урядников, а когда тот отказался рассмотреть жалобу, Головин подал на них сам в суд в Трибунал. Пока его не было, без него велось следствие, и гродский уряд приговорил Головина и его слуг «на горъло и на выволанье» и на штраф в 200 кон гр. Тогда Головин вновь апеллировал к господарскому суду, обвиняя судий гродских жмудских, что они злоупотребили в его отношении статьей о «баниции» (артикул 95 раздела IV Статута 1588 г.). Свою и своих слуг вину в убийстве Ивана Бунака Михаил Головин не признал даже под нависшей над ним угрозой оказаться вне закона. В королевской канцелярии показания были старательно записаны, и Головин получил «вынис» из канцелярских книг[72].

Чем закончился суд, неясно. Имя Михаила Головина звучит еще неоднократно в источниках Речи Посполитой. 1 июля 1593 г. Михаил дает 40 кон гр. в долг королевскому маршалку Станиславу Мартиновичу Чуховичу, который обязывается в договоре, записанном в виленские гродские книги, отдать деньги 6 декабря того же года во дворе Лукаша Ивановича Ждана или еще через год, но «совито» (т.е. вдвойне). Визировали договор Л. И. Ждан и Ян Шимонович Бялский[73]. 10 декабря 1595 г. кн. Ю. Друцкий-Соколинский известил К. Радзивилла о приезде в Усвят Ф. М. Седилова, который назвал себя «новинным Михаила Головина»[74].

Дату смерти М. И. Головина и имя его жены можно уточнить на основе королевских

[65] От лица М. Шемета: ЛМ-279. Л. 60 об. — 63. От лица М. Головина: ЛМ-279. Л. 63 — 64 об. Оба акта: Гродно, 2 декабря 1585 г.

[66] ЛМ-70. Л. 210 — 210 об., публ.: ЛМ. Кн. 70. С. 256–257; ЛМ-72. Л. 13 — 13 об.; *Эскин Ю. М., Граля И.* «Новины Московские». С. 473.

[67] ЛМ-77. Л. 506 об. — 507 об. (Гданьск, 22 августа 1594 г.).

[68] ЛМ-73. Л. 226 об., то же: ЛМ-74. Л. 135 — 135 об.

[69] ПК-79-23. Л. 112.

[70] См. нашу монографию "Natione Moscus" реестр эмигрантов на имена *Б. И. Бунаков, В. И. Бунаков, И. И. Бунаков.*

[71] ЛМ-282. Л. 226 — 226 об. (Краков, 23 июля 1592 г.).

[72] ЛМ-283. Л. 148 об. — 149 об. (Варшава, 29 октября 1592 г.). Какая-то часть процессса, ныне неизвестная, велась на Ковенском гродском уряде.

[73] КГВл-13. Л. 192–193.

[74] AR V. Teka 367. № 14770. K. 2–2v, публ.: *Эскин Ю. М., Граля И.* «Новины Московские». С. 474. Примеч. 30. См. также в реестре эмигрантов нашей монографии "Natione Moscus" — *Ф. М. Седилов.*

постановлений 1597–1599 гг.[75] Головин погиб незадолго до июля 1597 г. Он был убит в результате заговора – предположительно, мстителем Ивана Ивановича Бунакова, Иваном Ивановичем Бунаком-Младшим, а также Якубом Войновским, Якубом-Мысливцем (охотником) и Аближеем-Возницей (кучером) «на доброволной дорозе»[76].

На момент его смерти дети, Стефан и Константин (Костантын) Головины, были несовершеннолетними[77]. За наказание убийц и сохранность имения мужа повела борьбу вдова, «Михайловая Головиновая» Федора Лукашовна Ждановна. Она обратилась в Жмудский гродский суд и выиграла дело по неявке – все ответчики были приговорены к «баниции»[78]. В июле–ноябре 1597 г. Федора Ждановна судилась в Жмудском гродском суде и на королевском суде с подканцлером Великого княжества Литовского Габриэлем Войной, обвиняя его в захвате ее Пурвенского войтовства со всем имуществом и ранении ее слуг. Война вернул всё захваченное и заключил с Ждановной полюбовную сделку[79]. Впрочем, одновременно Война подал на нее в суд, потребовав, чтобы она представила права на войтовство Пурвенское. Дело было перенесено с королевского суда на сеймовый[80]. В королевском подтверждении небольшого надела («доживотя») вдове Головина от 8 марта 1599 г. говорится, что король передал имение покойного Головина подканцлеру Великого княжества Литовского, старосте мерецкому и красносельскому, тиуну биржанскому и дирвянскому Габриэлю Войне. Вдова отказалась исполнять волю короля и была вызвана Войной на королевский суд. На суде она предъявила привилей Стефана Батория, по которому, как она считала, она имела право на пожизненное владение и пользование имением мужа. Подканцлер поддержал просьбу вдовы[81]. Возможно, уже к моменту королевского суда сложился проект нового брака Федоры. В акте 12 мая говорится о согласии Войны передать имение Головина его вдове Федоре Ждановне. На то время она уже была во втором браке за стольником унитским, позднее судьей земским жмудским Яном Млечко. Привилей подписан королем в ответ на просьбу подканцлера[82]. Федора и Ян Млечко добились соглашения с Войной, и 12 мая 1599 г. она и Млечко стали держателями войтовства. Вскоре Повентское войтовство оказывается в пожизненном держании старосты усвятского Яна Петра Санеги, который 18 июня 1607 г. получает право на его продажу[83].

Жизнеописание Михаила Головина еще не написано. Его участие в Измене стало маргинальным вскоре после прихода к власти Сигизмунда III Вазы, и его примирение с Москвой формально было сигналом, что путь на родину открыт. Однако Головин, как и все остальные крупнейшие «государевы изменники» при польском короле, этой любезностью не воспользовался. Королевский дворянин и крупный собственник в эмиграции был занят хозяйственными делами и растил сыновей, пока не был убит – по ошибке или в отместку за свое преступление.

Похожим образом, но не столь трагично складывалась жизнь Давыда Бельского. Источники о его жизни носят случайный характер и в целом бедны на информацию об образе жизни эмигранта. Бельский вошел в высший круг московской эмиграции благодаря браку с княжной Полонией Михайловной Оболенской (Облонской), дочерью ученого московского эмигранта кн. Михаила Андреевича Ноготкова Оболенского[84]. Полонию и ее сестру Ганну после смерти князя Михаила воспитывала мать, московитка Федора Федоровна Мироновна, на август 1577 г. состоявшая в новом браке с князем Станиславом Юрагой Гедройцем[85]. Брак между московитом и дочерью московитов в эмиграции был во второй половине XVI в. необычным, если не уникальным, явлением. Еще один пример, свидетельствующий о семейной тенденции, представляет брак второй дочери Оболенских Ганны с перебежчиком-московитом Семеном Андреевичем Крижениным, выехавшим на королевскую службу чуть позже Бельского, в августе 1581 г.[86]

---

[75] Ср.: *Эскин Ю.М., Граля И.* «Новины Московские». С. 455–461.

[76] См. об этом в нашей монографии "Natione Moscus".

[77] Упоминается в баниции И.И. Бунаку и др. от 9 марта 1599 г.: ЛМ-255. Л. 453.

[78] ЛМ-285. Л. 453 – 453 об. (Варшава, 9 марта 1599 г.).

[79] ЛМ-285. Л. 290 – 290 об. (Варшава, 13 ноября 1597 г. Тем же местом и временем датирована приведенная в акте полюбовная).

[80] ЛМ-285. Л. 291 (Варшава, 13 ноября 1597 г.).

[81] ЛМ-86. Л. 13 – 13 об.

[82] ЛМ-84. Л. 310 об. – 311 об., то же: ЛМ-86. Л. 45 об. – 46.

[83] ЛМ-89. Л. 45.

[84] См. здесь в разделе «"Иоанн Дамаскин" и "Симеон Метафраст"» в главе «Экстенсивное чтение».

[85] АЗР. Т. 3. С. 216–218. Она жива еще в 1598 г.: ЛМ-76. Л. 815.

[86] ЛМ-69. Л. 198 (20 января 1584 г.); ЛМ-73. Л. 253 об., то же: ЛМ-74. Л. 157 – 157 об. (26 ноября 1586 г.); ЛМ-86. Л. 750 об. (21 февраля 1609 г.).

Откуда возникли такие матримониальные предпочтения в самой семье Оболенских? Отвечая на этот вопрос, можно предположить, что на выборе княгини-вдовы сказалась память о покинутой отчизне. М. А. Оболенский выехал на королевскую службу вместе с женой около 1564 г.[87], и в начале следующего года был награжден королем на 60 зл.[88] Возможно, он бежал из России одновременно с Тетеринымн и Сарыхозиными, и был одарен имением по соседству с Умаром и Агишем Сарыхозиными. Князь Михаил принял деятельное участие в походах и битвах против Москвы, за что получил отдельную похвалу в привилее Сигизмунда II Августа. Этот королевский «лист» кн. М. А. Оболенский получил на Гродненском вальном сейме 12 мая 1568 г. Ему и его жене Ф. Ф. Мироновне, «которая з Москвы с ним, малжонком своим, выехала», король даровал ленные имения с правом наследования по мужской линии в волости Обельской Вилкомирского повета — на 64 вл. 61 мр. 84 пр. оселых и пустых. В состав их имения вошли с. Бояро (17 вл. оселых и в застенках 2 вл. оселых и 1 вл. пустая), с. Бутейковское (19 вл. оселых, 3 вл. пустых), «там же неподалеку» с. Бонюское (5 вл. оселых, 3 вл. пустых, 5 вл. «при обрубе волостном» в лесном застенке), с. Нарутево (9 вл. оселых, а в застенке — 7 мр. 15 пр. средней земли и 53 мр. 24 пр. плохой земли)[89]. Хозяйство Оболенских изобиловало пашнями и лесами, зверями, рыбой и птицей, им было разрешено заводить новые промыслы, создавать пруды, запруды, мельницы и т. д. Обособленность хозяйства позволяла им жить в своем мире, и сейм даже обратил внимание на их невнимание к налоговым предписаниям. В 1569 г. князь числился в должниках по сеймовому побору за свое вилкомирское имение под Ракишками[90].

В мае 1570 г. в книги королевского суда на него была занесена жалоба от лица королевского инстигатора о том, что он захватил королевское Обельское имение (речь идет о местном лесе), бывшее в распоряжении державцы обельского, бержницкого и перштуньского Григория Масальского, и причинил «кривды и шкоды» тамошним подданным, захватил их застенки, а их самих «невинне бьеть и грабить». 25 января 1570 г. в лес и застенки «для выведанья» ездил урядник державцы Якуб Масальский. Дорогу ему преградил Оболенский со своими слугами и помощниками. Завязалась вооруженная потасовка, в которой были ранены представители державцы. На уряде Оболенский доказывал, что лес принадлежит ему, и показывал копию королевского привилея — выписку из канцелярских книг. Оригинала на руках у князя не было: он хранился у кн. А. М. Курбского, который уже тогда, видимо, опекал князя Михаила. В привилее действительно речь шла о переходе к нему 5 вл. в лесном застенке «на потребу двора Оболеньского». Да и на сам лес нашелся «лист увяжъчий», выданный ему наместником упнольским и обельским Яном Светицким. Раненые не были представлены суду, а у Станислава не нашлось больше никаких аргументов, и он вышел из судебной избы, «не ждучи коньца в той справе». Видимо, именно после этого Г. Масальский принял решение обратиться непосредственно к королю. На 19 апреля был назначен суд, на который не явился ни сам Оболенский, ни его представитель[91]. Несмотря на неявку ответчика, сторона обвинения получила поддержку в лице инстигатора, литовского подскарбия М. Нарушевича. В мае–июле шло рассмотрение, и в конце концов король принял решение оставить лес при волостном обрубе с. Будейского за Оболенским[92].

Возможно, позднее, вернувшись из-за границы, князь Михаил добился новых успехов, и в их числе права передать свое имение не только «детям и потомком мужского рожаю», но и своим дочерям[93]. За его судьбой пристально следили в Посольском приказе, однако в начале 1570-х гг., когда князь выехал из Речи Посполитой на учебу, его след был потерян[94]. Князь Михаил Оболенский получил европейское образование и вплоть до своей смерти в 1577 г. был сотрудником Курбского, участвовал, например, в переводе трактата «Источник знания» Иоанна Дамаскина[95]. Князь Михаил Поготков Оболенский умер вряд ли позже, чем за полго-

[87] Пять лесных волок в селе Бутейковском Обельской волости Оболенский получает в сентябре 1564 г. См.: ЛМ-41. Л. 402 об. — 403 (Кнышин 11 сентября 1564 г.).

[88] ASK-II. N 23. K. 65-2v, вторая фолиация после л. 119 первой.

[89] Уп.: ЛМ-59. Л. 25 (Август 1577 г.), здесь же на л. 25 — 26 об. копия привилея Сигизмунда II Августа от 12 мая 1568 г.; ЛМ-86. Л. 952 (30 июля 1614 г.).

[90] ASK-I. N 64. K. 130v. Следующим в списке должников в той же местности значится другой москвитин по прозвищу Девятый — возможно, сосед М. А. Оболенского.

[91] ЛМ-265. Л. 258 об. — 259 ([Варшава], 10 мая 1570 г.).

[92] ЛМ-269. Л. 64 об. — 65 об. (30 июля 1570 г.).

[93] ЛМ-86. Л. 952.

[94] *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 23. Anm. 109.

[95] Датировку тома «Иоанн Дамаскин» из книгописной мастерской князя Андрея Курбского мы обсуждаем в главе «Экстенсивное чтение».

да до августа 1577 г., когда его земли перешли княгине-вдове, на август 1577 г. состоявшей уже во втором браке с князем Станиславом Юрагой Гедройцем[96]. Тесть Давыда Бельского и Семена Криженина не оставил мужского потомства, и для его вдовы все годы, пока дочери не достигли брачного возраста, были временем неясных перспектив, без клановой поддержки и мужа — гаранта феодального владения.

Повторный брак позволял вдове сохранить не только вдовий надел, но и все королевские пожалования покойному мужу, записав их мужу в совместное держание. Но уже дочерям Оболенского его имений было не видать. Они получили лишь «посаг» при вступлении в брак и жили в имениях своих мужей. В конце XVI в. чета Бельских получила королевское подтверждение на пуские владения. Лесничество вместе со всей Пунской державой стоимостью в 30 тыс. зл., по постановлению Варшавского сейма 1581 г. и королевскому привилею того же времени, входило во владения королевы, а позднее — королевы-вдовы Анны Ягеллонки. После ее смерти оно с согласия короля Сигизмунда III сохранилось в держании Бельских[97].

Что нам известно о Пунях? Кто были соседи Бельских? Немало земель вернулось здесь к господарю после смерти татарского «царевича пуньского» Ислама Ямбековича (Селима Джанибековича)[98] на рубеже 1591–1592 гг.[99] После смерти державцы Брындзы Нацкого лесничество перешло «до столу и волного шафунку» короля и было им передано в пожизненное владение Анне Кетлер («с Курлянту»), жене маршалка Великого княжества Литовского А. Радзивилла[100]. Три села Пунской державы были в марте 1598 г. переданы королевой Анной Ягеллонкой в пожизненное владение жене каштеляна гданьского Зофье Заславской Жалинской, а затем ее сыну королевскому ложничему, старосте мстибоговскому Яну Жалинскому и его жене Альжбете Ходкевич[101]. Еще два села в том же году были переданы по королевскому привилею в пожизненное владение Мартину Полуяну и его жене Зофье Тулковской[102]. Вскоре после этого Бельскому и его жене, а также второй дочери Оболенского Ганне и ее мужу Семену Криженину было подтверждено право на держание их имений. Раздача земель в лесничестве

[96] АЗР. Т. 3. С. 216–218.

[97] Латинские и польские акты, выданные от имени королевы Анны на пуские имения, приводятся в составе актов Метрики, подтверждающих от имени короля ее распоряжения и сделки по ее имениям: ЛМ-76. Л. 218–219 (пани Сапоцкой, 26 апреля 1592 г., 3 мая 1592 г.), 445 — 446 об. (А. Брындзе Нацкому, 16 июля 1593 г., 21 июля 1593 г.), 625 — 625 об. (А. Брындзе Нацкому, 16 июля 1593, 10 июня 1596 г.), 640–641 (А. Брындзе Нацкому, 20 мая 1587 г., 14 января 1597 г.). Часть земель в державе Пуиской жаловал сам король: ЛМ-76. Л. 379 — 379 об. (Симону Даргишу, 24 мая 1593 г.), 424 об. — 425 (Щасному Ельскому, 23 июня 1593 г.), 661 об. — 662 об. (Яну Волку, 18 марта 1597 г.); ЛМ-86. Л. 47 об. (Пуиское имение Щ. Ельского передано Малхеру Каменскому, 13 мая 1599 г.), 76 — 76 об. (Катерина с Дроева Гербурт передает свои села Яну Сципиону Кампо, 22 августа 1599 г.), 120 — 120 об. (Подтверждение пуиских владений Я. Сципиону Кампо, 17 марта 1600 г.). См. также: ЛМ-85. Л. 22 — 22 об. (Привилей на два пуиских села Станиславу Михалчевскому и его жене, 29 декабря 1599 г.), 32 об. — 33 об. (Привилей на 40 вл. в державе Пуиской Яну Швайковскому и его жене, 7 марта 1600 г.), 110 об. (Анне с Курляиту Радзивилл на два села Павла Якимовича, получившего их после смерти А. А. Брындзы, 14 июля 1601 г.).

[98] Потомок Нур-Девлета, брата крымского хана Менгли-Гирея. Нур-Девлет получил от короля Казимира IV владения в Великом княжестве Литовском, среди которых были замок Пуиский и имения в Троцком и Новогрудском поветах. Старший представитель из его потомков считался «царевичем пуиским» и выступал на войны во главе своей роты. См.: *Tyszkiewicz J.* Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa, 1989. S. 162, 197–198, 223, 259. См. также: *Думин С.В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 107–113.

[99] ЛМ-77. Л. 296 — 296 об. (Краков, 16 февраля 1592 г.).

[100] ЛМ-83. Л. 262 об. — 263 об., то же: ЛМ-84. Л. 177 — 177 об. (25 августа 1597 г.). См. также: ЛМ-287. Л. 321 об. — 324 об. (Варшава, 27 марта 1598 г.); ЛМ-84. Л. 319–319 об., то же: ЛМ-86. Л. 70 (20 июля 1599 г.). Александр Брындза Нацкий был слугой М.Я. Радзивилла Черного (ок. 1552 г.), комнатный дворянин польской королевы Екатерины Габсбург (1553–1559 г.), войский новогрудский (с 1566 г.), державца пуиский. См.: *Marchwińska A.* Królewskie dwory żon Zygmunta Augusta: Organizacje i sklady osobowe. Toruń, 2008. S. 217.

[101] ЛМ-83. Л. 290 об. — 291 об. (7 марта 1598 г.). Села Ланкилишки, Малиниче и Хором. Королева выделила из наследства мужа 4000 зл. и внесла их за пуиские имения, обеспечив право держателей на получение всей данной суммы в случае перехода имения в казну. Латинский текст пожалования королевы Жалинским от 7 августа 1595 г. включен в акт 1598 г.

[102] ЛМ-83. Л. 317 об. — 318, то же: ЛМ-84. Л. 233 — 233 об. (5 апреля 1598 г.). Сёла Пеиькиники и Бредейки, как и у Бельского — «на пограничу Пруском». Через три дня король подписал согласие на передачу их пожизненного владения Станиславу Михалчевскому и его жене Катерине Суслижанке. См.: ЛМ-84. Л. 236 — 236 об. (8 апреля 1598 г.).

Пунском продолжалась еще в том же году. Зимой и летом 1598 г. городок Новая Воля (miasto Nowowolskie albo Wierzbołowskie) получил там 26 вл., 4 мр. и 20 пр. леса[103]. В следующем году сын героя Ульской битвы 1564 г. Каспара Швейковского (Швайковского) Ян около Новой Воли получил подтверждение на 40 вл. в с. Можутайтях (20 вл.) и в с. Романа Сады (20 вл.) державы Пунской, которыми со времен Стефана Батория владел Шимон Якубович Даргис[104].

Имя жены Давыда Ивановича отсутствовало в пожалованиях Стефана Батория Бельскому. Надо полагать, семья Давыда и Полонии Бельских возникла уже после подписания королевского привилея 26 февраля 1585 г., а более вероятно — незадолго до 15 апреля 1598 г.[105]

В июле 1600 г. Бельские вступают в сделку со слугой короля Яном Вишневским и его женой Галеной Бонковской. В обмен на село Мисвеце они получают в качестве пожизненного держания с правом распоряжения села Тридони и Толайки общей площадью в 30 вл. в лесництве Немонойтском при границе с Пруссией[106]. Село Речово осталось за Бельскими. В 1605 г. плебан пунский кн. Войтех Домашевский отправлял возного генерала Криштофа Чижевского к Бельскому, чтобы вызвать его на ковенский гродский суд по обвинению в невыдаче десятины на костел св. Якуба с села Речово. Когда тот не явился после четвертого вызова, плебан обратился в асессорский суд и выиграл дело в Кракове 2 декабря 1605 г.[107] Узнав о результатах дела, Бельский подал апелляцию и потребовал пересмотреть постановление суда как несправедливое. Его представитель заявил, что у Бельского до 1606 г. была лимитация, ограждавшая его от судебных вызовов, а потому — постановление суда незаконно. На замечание представителя плебана о том, что десятина касается всех пунских имений, был дан ответ: владений Бельского это не касается, поскольку, когда был выдан фундуш короля Александра Казимировича и подтверждение Сигизмунда I Старого, «еще того фолварку и сел, которые тепер Белскии держыть, не было». Асессорский суд не вынес никакого решения по делу и передал его на рассмотрение королевских комиссаров, которые должны были отправиться на имения Бельских и подтвердить, что фольварк Бельского возник уже после фундаций королей Александра и Сигизмунда. Если это было верно (а это должно было подтвердиться, по меньшей мере в отношении фольварка), комиссарам было велено освободить Давида Ивановича от десятины[108].

Теща Бельского и Криженина умерла незадолго до 30 июля 1614 г., когда ее вдовец Гедройц продал вилкомирское имение Оболенских Кревны с двором и селами Боярокомнин, Бутейковским, Бунисковым и Нарутевом Андрею Томашевичу на ленном праве. В правление Стефана Батория она добилась перевода имения умершего первого мужа на себя, а 9 июня 1593 г. получила разрешение ввести во владение своего второго мужа. В королевском «консенсе» 1614 г. на право продажи обширного имения Оболенских ни их дочери, ни зятья не фигурируют[109].

Вероятно, Давыд принял участие в Ливонской войне короля Сигизмунда III Вазы против Швеции. В летней кампании коронного канцлера Яна Замойского в числе казаков упомянуты в числе ротмистров Темрюк и Давид (Dawid). Первый — это Темрюк Шимкович Пятигорский, кабардинский диаст на королевской службе.

---

[103] ЛМ-83. Л. 382–384 (17 июля 1598 г.). Латинский акт, в нем приведен на польском языке отчет о границах новых владений Новой Воли писаря земского ковенского М. Суморока от 18 февраля 1598 г.

[104] ЛМ-84. Л. 331 — 331 об. (7 марта 1600 г.). О Каспаре здесь говорится, что он, «будучы в потребе з людми князя московского на Уле и не литуючы здоровю маетности и крови своее мужие собе там яко рыцерскому чоловеку належыть, почынал и гетмана старшого оного войска московского на име Шуиского забил и с тое битвы значные раны на собе поиес».

[105] ЛМ-83. Л. 334 — 334 об., то же: ЛМ-84. Л. 251, публ.: АЗР. Т. 4. С. 185 (15 апреля 1598 г.). Владения Крижениина и Гаины Оболенской с. Друскевичи (Дойново) в волости Перелайской (17 вл.), полученные в правление Стефана Батория, подтверждены также по той причине, что в привилеях короля Стефана не было указано имя жены: ЛМ-83. Л. 332 — 332 об., то же: ЛМ-84. Л. 251 об. (15 апреля 1598 г.). См. также: *Wolff J.* Kniaziowie... S. 279. Еще одно пожалование Крижиным в пожизненное владение — на с. Яиолдово в тиуистве Коршовском от сына боярского Бориса Есманова: ЛМ-83. Л. 374 — 374 об., то же: ЛМ-84. Л. 280 — 280 об. (23 июня 1598 г.).

[106] ЛМ-86. Л. 153 — 153 об., 154 — 154 об. (оба королевских подтверждения от 11 июля 1600 г.). До Вишневского села Тридони и Толайки принадлежали Августину Белявскому.

[107] ЛМ-288. Л. 482 об. — 483. В тот же день плебан получил право взыскать десятину с имения Станислава Каменского Деикгишки (Дникгишки) державы Пунской. См.: ЛМ-288. Л. 483 об. — 484 об.

[108] ЛМ-288. Л. 603 об. — 604 об., цит. с л. 604 (Варшава, 24 апреля 1606 г.). Бельский выставил на суд шляхтича Валентина Родовича. Плебан — шляхтича Матея Важинского. В тот же день было принято точно такое же решение суда в деле о десятине на пунский костел с фольварка Омолвинского Яна Волка и с фольварка Деикгишки Станислава Каменского. См.: ЛМ-288. Л. 604 об. — 605 об., 606–607. Представителем Волка и Каменского на суде был тот же Валентин Родович.

[109] ЛМ-86. Л. 952 — 952 об.

Имя второго предположительно можно установить – это Давыд Бельский. Он во главе 50 казаков участвует в осенней кампании 1601 г. коронного канцлера в Ливонии[110].

О бытовой жизни Давыда в своих имениях известно и того меньше. Вот пример, почерпнутый из ковенских земских книг. К началу 1590 г. Давыд Иванович был втянут в деликатный семейный конфликт его подданной и ковенского шляхтича из соседнего имения. Судя по упоминаемым в актовой книге Ковенского земского суда обстоятельствам, семейной ссоре предшествовало давнишнее обвинение в покраже двух гусей, выдвинутое Бельским против шляхтича. От имени московита 15 января 1590 г. его слуга Ян Пясецкий свидетельствовал для записи в актовые книги о том, что Флориан (Флориян) Юрьевич Шлавенский выгнал из дома подданную Бельского Магдалену Андреевну Шимкович. Они поженились незадолго до того, 10 декабря 1589 г. В деле приведен подробный реестр «носага» Магдалены и отмечено, что Флориан не только взял в свой дом все эти вещи, но получил в долг от ее матери «особливе» «на роги до ораня» 20 гр. Свадьба была сыграна уже во время беременности невесты, и вскоре после нее у молодоженов родился сын. Однако в семье случился разлад. Магдалена вернулась в отчий дом. Д. И. Бельский вступился за подданную и пригласил земского возного, который 6 января 1590 г. отправился в дом Шлавенских, чтобы узнать о причине изгнания жены. На вопрос возного и людей Бельского Флориан ответил лишь: «Иж штом я, деи, узял з нею Макгдаленою речей рухомых, то усе ей верну»[111]. Этот ответ был передан Давыду Бельскому и Магдалене и, видимо, послужил основанием для второй жалобы, которая представляла Шлавенского как бесчестного воришку. Тот же Пясецкий просил урядников записать в актовые книги, что еще на 23 февраля 1589 г. вызывал в суд Матея Ушкеля, подданного Шлавенских, обвиняя его в покраже гусей у отца невесты, войта села Михново Андрея Шимковича. В тот день Бельский с ковенскими шляхтичами Валентином Войтеховичем и Станиславом Яновичем приехали во двор Шлавенский. Нашли только слугу Шлавенских Шимона, который не был уполномочен вести дело о покраже, тогда как его пан отправился на похороны сестры. Из записи следует, что приятельский суд так и не состоялся[112]. Исход ссоры Шлавенских с Бельским неизвестен.

О московских родичах Давыда, и прежде всего — о Богдане Яковлевиче, интересовались в Короне и Литве, так как видели в нем, и не без оснований, приближенного Ивана IV и могущественного претендента на лидерство у престола после его смерти. Будущий литовский канцлер Лев Иванович Сапега, отправленный с посольством к царю Ивану, застал в Москве борьбу у трона над его гробом, и важнейшим претендентом на влияние при дворе Федора Ивановича в апреле 1584 г. был Богдан Бельский. Сапеге удалось тайно отправить из Москвы письмо от 26 апреля 1584 г. (по григорианскому календарю) литовскому подканцлеру и гетману польному Криштофу Радзивиллу. Это уникальный источник, сообщающий об организации Б. Я. Бельским заговора, который во время приема литовского посла должен был, согласно слухам, привести к убийству бояр, восстановлению «двора и опричнины» Ивана IV. Переворот не удался, Бельский был схвачен и приговорен к ссылке в Казань. По дороге его противники планировали его «ножами заколоть или порезать»[113]. После смерти царя Федора брат канцлера Л. И. Сапеги староста оршанский Андрей Сапега пишет в письме от 4 февраля 1598 г. по новому стилю виленскому воеводе, великому гетману К. Радзивиллу о Б. Я. Бельском как о четвертом кандидате на московский престол после Б. Ф. Годунова, кн. Ф. И. Мстиславского и Ф. Н. Романова, причем о Бельском сообщается, будто бы он «хотел быть великим князем» в обход потомков царя Федора, и из-за этого попал в опалу, а после смерти царя приехал в Москву в окружении «большого народа»[114].

Богдану предстояло испытать новые падения и медленное восстановление статуса, однако показательно, что о его харизме, об ореоле близости к трону Ивана Грозного и поддержке в борьбе за власть хорошо знали в Великом княжестве Литовском, где сложился клан, объединивший традиционную княжескую власть в лице Оболенских с новым дворянством, воплощенным Давыдом Бельским и Семеном Крижининым. В Литве и Короне на рубеже XVI–XVII вв. подступы к московскому трону обсуждались очень живо и зарождался интерес к потенциальным претендентам на московскую корону. Разумеет-

[110] *Herbst S.* Wojna inflancka 1600–1602. Zabrze, 2006. S. 117, 141.

[111] КЗКв за 1588–1590. L. 568v–569v.

[112] Ibid. L. 569v–570.

[113] SRP. T. 8. S. 174–176.

[114] ADS. T. 1. S. 176. Ср.: *Пташицкий С. Л.* Переписка литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги // ЖМНП. 1893. Ч. 285. № 1. Критика и библиография. С. 208–209.

ся, и Бельские, и Головины, и князья Оболенские не ассоциировались с троном, но об их близости к царям и великим князьям, а также о знакомстве с московской элитой было известно.

Впрочем, память о Д.И. Бельском не была долговечной ни в Речи Посполитой, ни в России. Польско-литовская ветвь московских Бельских не закренилась, и не вызвала интереса ни у кого из геральдистов (Б. Папроцкий, Ш. Окольский, В.-А. Виюк-Коялович, К. Несецкий, А. Бонецкий и др.)[115]. Впервые о ней — а точнее, о Бельском и княжне Оболенской, без ссылок на их потомство — вспомнил эрудит-генеалог рубежа XIX–XX вв. Ю. Вольф. На родине изменника его посольский образ не получил развития, возможно, благодаря неформальному влиянию на царя и карьерным успехам Богдана Яковлевича. Лишь в середине 1580-х гг. возникла легенда об осуществлении королем замыслов перебежчика во время Псковского похода 1581–1582 гг. Ей была уготована недолгая будущность. «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» не называет Бельского в числе заговорщиков-изменников, ведущих короля против отечества. Главный злодей «Повести», конечно, князь Курбский, кстати, на деле так и не принявший участия в Псковской осаде[116]. Посольские книги последних лет правления Ивана Грозного помещают Д.И. Бельского в один ряд с государевыми изменниками, упоминая его в посольских наказах следом за Тимофеем Тетериным[117]. Однако вскоре от Бельского в московском посольском деле не остается и следа, а затем — в делопроизводственной и исторической памяти. Впервые в российской историографии Давыд Иванович был востребован Н.М. Карамзиным, чтобы слиться с общей массой негодяев, разрушавших Россию на заре Смуты. Это была не безликая масса, у нее были свои параметры поведения, а обличение в «Истории» всего клана Бельских напоминает «всеродные» опалы самого царя.

Помимо Давыда IX том «Истории» Карамзина знает душегуба Малюту Скуратова, первостепенного «опричника после опричнины» Богдана Бельского, а кроме того — Афанасия Бельского, который в том же 1581 г. попал в плен к «вождю Шведскому, Французу» Я.-П. Делагарди и, «будучи достойным родственником Малюты Скуратова и беглеца Давида, предложил свои ревностные услуги Шведам»[118]. Это случилось уже во время победоносного похода юного шведского полководца по московской Ингерманландии во время осады войском Стефана Батория Пскова[119]. Совпадение даты побега Давыда и Афанасия сугубо номинальное. Эти два события объединяет цифра 1581 г. Видеть в двух «изменах» нуты единого заговора, да еще и объединять их с преступлениями Малюты Скуратова? Ну, разве что в порыве праведного гнева. Обличить весь род в предательстве? Мертвые, как говорится в поэме Чеслава Милоша, не встанут свидетельствовать из гроба.

[115] Возможно, потомками Бельских были волынские Бельские, герба "Jelita", начала XIX в. В июле 1802 г. скарбник серадский Станислав Бельский, шляхтич Владимирского повета, отстоял шляхетство свое и своего брата Теодора. Они были сыновями Войцеха и Агнешки (из Зезинских) Бельских, внуками Антония и Зофии (из Семяских) Бельских и правнуками Стефана Бельского. Их фамилия была внесена в Книгу шляхты Волынской губернии (*Chorowiec O.* Herbarz szlachty Wołyńskiej. Radom, 2012. T. 1. S. 36).

[116] Об этом см. *Итинерарий Курбского* за июль–декабрь 1581 г.

[117] Об этом см. здесь главу «Одинополчане».

[118] *Карамзин Н.М.* История государства Российского... Кн. 3. Т. 9. Стб 201, см. также стб 244.

[119] *Селарт А.* Смута в России... С. 4.

АНДРЕЙ КУРБСКИЙ В ЭМИГРАЦИИ

Побег

В ночь с 29 на 30 апреля 1564 г. наместник Юрьева Ливонского, отпрыск ярославской ветви потомков Владимира Мономаха и прославленный московский воевода, сделавший к 35 годам жизни яркую военную и придворную карьеру, книжник и интеллектуал князь Андрей Михайлович Курбский совершил поступок, так и не получивший точного названия. Возникшие позднее определения его деяния связаны с интерпретацией самого события, биографии князя, а также тех социальных дискурсов, в рамках которых сформировалась ценностная шкала для его оценки. Но и событие становится самим собой, обретает свое значение только после того, как у него появляется имя, и это имя способно наложить отпечаток на биографию, направить в определенную сторону мысль того, кто с ней знакомится, «прославить или ославить». Сразу перечислим несколько таких «имен» в надежде на то, что они сами подскажут нам, где искать их истоки и можно ли считать одно из них или какое-то их сочетание «золотой серединой».

Версия первая гласит: Андрей Курбский покинул административный пост, совершив измену отечеству и государю (С. Горский).

Вторая, звуча неоднозначно, противоречит или же не противоречит первой: князь бежал, будучи в опале, с целью спасти жизнь «от царского гнева» (А. К. Толстой).

Наиболее разоблачительна третья версия: боярин изменил царю из корыстного расчета, тщательно взвесив плюсы и минусы своего деяния, «когда плату за измену нашел для себя выгодною» (Н. Д. Иванишев).

Четвертая: перешел на сторону польского короля как тираноборец, «спасаясь от мучителя» (Н. М. Карамзин).

Пятая, обсуждаемая с недавних пор версия близка к четвертой, но в меньшей степени сосредоточена на личном конфликте: Курбский совершил побег как противник и жертва московской деспотии, как «сознательный патриот», который «любил родину, но видел ее недостатки» (А. Н. Ясинский).

Шестая, рожденная в дискуссии о становлении государственности в России, приписывает князю Андрею Курбскому самосознание феодала, который воспользовался умирающим правом отъезда рыцаря от своего сюзерена.

Седьмая — побег произошел без долгосрочного и стратегического замысла, князь совершил его под влиянием обиды на царя Ивана Васильевича за «утрату фавора» (И. Ауэрбах) или «личного кризиса» (А. И. Филюшкин).

Наконец, восьмая — князь Андрей Курбский обвинялся в ереси и вынужден был бежать от церковно-государственной опалы (Б. Н. Флоря).

Предшественникам Курбского, покидавшим Россию, Великое княжество Московское, средневековую Русь или русские земли, не удалось вызвать такое обилие и разнообразие трактовок. Именно ему суждено было в российском историческом и общественном сознании более поздних эпох стать противоречивым символом — первым изменником и первым диссидентом, первым политическим авантюристом и первым тираноборцем. Чтобы выяснить, какие из версий (возможно, и более одной) наиболее точно характеризуют поступок князя Андрея, необходимо заново пересмотреть аргументы в научном «именослове». Привычными для досоветского политического языка являются первая («измена») и вторая («царский гнев»). Впрочем, для польской книжности, особенно для хрониста Марцина Бельского, геральдиста Бартоша Паврецкого, политического теоретика Анджея Волана, поэта Яна Радвана и более поздних ученых Речи Посполитой, поступок Курбского был решительным шагом от тирании к свободе. И князь

Андрей Курбский в своих сочинениях будет ссылаться на «свободы западных королей», став одним из первых российских мыслителей, говорящих обобщенно о «Западе». Впрочем, Курбский, как мы увидим, не будет прямо связывать различия между европейскими свободами и московскими несвободами со своим поступком.

Версия «измена» стала сразу общепринятой в Москве. Можно было бы сослаться на то, что ее ограничивал интерес к сочинениям Курбского, однако, как мы покажем в другом месте этой работы, на первых порах чтение Первого послания Курбского, его «Печерской» переписки богословских трудов происходило в условиях своеобразной информационной блокады и негласных (а отчасти даже объявленных) запретов на сочинения изменника. Эта версия просматривалась в учебных текстах и высказываниях высочайших особ о личности князя Андрея Курбского, но свой изначальный категоричный вид она обрела в период возрожденной при власти И. В. Сталина идеологии национального централизма[1]. Советская учебная литература начиная с середины 1930-х гг. культивировала героический образ Ивана Грозного, созданный, впрочем, задолго до революции, но не вызвавший согласия еще у ряда исследователей конца XIX — начала XX в.[2] Неудивительно, что за Курбским закрепилась роль личности, впитавшей и воплотившей едва ли не все самые страшные недостатки своего времени. Он — предатель своего отечества, совершивший «акт государственной измены», он «изменил родине, бежав в Литву». Этим утверждениям могло бы противоречить то, что Курбский воспользовался «старинным», «феодальным» правом отъезда, но подобные утверждения лишь расширяли пропасть между прогрессивным царем-централизатором, революционером на троне, и его изменным боярином, аристократом, «апологетом боярства», «бывшим удельным князем», представителем «консервативно настроенной феодальной знати», чей век остался в прошлом и чье бегство — это бегство из страны недобитых сил контрреволюции и регресса[3].

«Отпуск» воевод князя Андрея Курбского и Данилы Адашева в Ливонию. Запись за февраль 1560 г. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. См.: Лицевой летописный свод. Кн. 9. С. 954 (л. 477 об.).

Заниматься изучением источников о жизни и творчестве кн. А. М. Курбского непредвзято было невозможно. На фоне устойчивого «общественного мнения» о Д. С. Лихачеве говорили:

---

[1] Об этом см.: *Дубровский А. М.* Историк и власть. С. 171–569; *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство. С. 487–520.

[2] Обзор см.: *Eismann W.* O silogizme vytolkovano: Eine Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij aus den Erotemata Trivii Johann Spangenbergs. Wiesbaden, 1972. S. 3–4.

[3] *Покровский В. С.* История политической мысли. М., 1951. Вып. 1. С. 84–85; *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1953. С. 323; *Водовозов Н. В.* История древней русской литературы. М., 1972. С. 262; *Кузьмин А. Г.* Публицистика и общественная мысль // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 2. Ч. 129. Полезный обзор данного сюжета, особенно в части, посвященной литературе второй половины XX — начала XXI в., см.: *Лялин В. М.* Взгляды А. М. Курбского на государство и право (XVI в.): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 33–44, 94–95.

«Не случайно Дмитрий Сергеевич сочувствует изменнику Родины — князю Андрею Курбскому...»[4] Подобные оценки испытал на себе и наш современник, ученик А. А. Зимина, Юрий Дмитриевич Рыков, со студенческих лет много исследовательских усилий посвящавший творчеству Андрея Курбского... Пересматривать биографию Курбского, несмотря на усиленный интерес к его Переписке с Иваном Грозным, было немыслимо, хотя множество малоизученных источников хранилось на территории СССР. Даже выразить какую-либо социальную программу — в духе концепции С. Ф. Платонова — князю Андрею Курбскому «не разрешалось»: он был просто-таки окружен риторикой остракизма, продиктованной оценками Иосифа Сталина в адрес фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный» («Курбский — великолепен») и разгромными оценками в адрес всех форм сопротивления «централизованному государству», осмысляемого как политика, обращенная в прошлое, т. е. как «измена Родине»[5].

Поддержка версии «измена» сохраняется, несмотря на тянущийся за ней шлейф идеологических клише. В дискуссии ключевым является понимание военной службы в России и в Европе XVI в. — и в стране Ивана Грозного, и в новом отечестве князя Андрея Курбского его поступок мог восприниматься как государственная измена и подлежать суровой казни как покушение на суверенитет и «оскорбление величества» ("crimen laesae majestatis"). Широкое применение смертной казни за «измену» было предметом рефлексии московского мыслителя, современника и, возможно, знакомого Курбского — Ивана Пересветова. Его взгляды князь Андрей Михайлович во многом разделял[6]. Если переход на сторону противника и участие в боевых операциях против своего отечества воспринимались как предательство, то поступок Курбского является изменой, даже если он сам с этим и не соглашался. Биограф Курбского А. И. Филюшкин по этому поводу замечает: «Нарушение клятвы верности господину, приносимой на кресте (крестоцелования), с момента принятия Русью христианства автоматически означало отречение от православия и погубление души <...> Переход под знамена враждебной державы и служба во вражеской армии также являлись для россиян XVI в. несомненным предательством. И никакой эмиграцией с целью спасения собственной жизни его нельзя было оправдать — в конце концов, далеко не все московские перебежчики в Литву обращали свое оружие против бывшей родины. Курбский и сам это понимал. Поэтому он в своих сочинениях никогда не акцентировал внимания на личной доблести в составе королевской армии. Он если и говорил об этом, то вскользь, восхваляя оружие Речи Посполитой, но не вынячивая собственное геройство»[7]. Это мнение решает дилемму Карамзина с позиций историзма, однако с самим решением трудно согласиться. Крестоцелование было особым торжественным обрядом и нет оснований считать его массовым, тем более что этот обряд накладывал обязательства на обе стороны и после его свершения слуга получал право в каких-то случаях считать клятву со стороны своего господина нарушенной. Об этом Курбский рассуждает в ответ на упреки царя Ивана, не упоминая никаких клятв, данных со своей стороны, и даже считая их недопустимыми[8].

Взгляд на Курбского как на выразителя исторического регресса возник в ответ на просветительскую доктрину, получившую распространение в науке благодаря трудам Н. М. Карамзина. В IX томе историограф драматично характеризует предпосылки нравственных перемен в царе Иоанне и среди них — побег кн. Андрея Курбского: «Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного *спасаться от мучителя*; но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству! Юный, бодрый Воевода, в нежном цвете лет ознаменованный славными ранами, муж битвы и совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых <...>, некогда любимец, друг Царя, возложил на себя печать стыда и долг на Историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников»[9]. Это равновесие мученичества и измены, обязанное своим возникновением таланту и гражданскому чувству великого историка, всегда было зыбким по причинам, имеющим пено-

[4] *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 367; *Рыков Ю. Д.* От редактора // Курбский А. М. История... М., 2015. С. 8–9; *Шмидт С. О.* Сочинения Курбского... С. 591.

[5] *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство. С. 313, 509.

[6] См. здесь главу «Идентичность интеллектуала XVI века».

[7] *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 61.

[8] Вопрос о существовании регулярной служебной присяги в Московском государстве середины XVI в. вызывает дискуссии. О крестоцеловальной присяге на верность, коллективной и индивидуальной служебной верности в Московском государстве в правление Ивана Грозного см. также в нашей монографии «Император Святой Руси».

[9] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1843. Кн. 3. Т. 9. Стб 33–34 и до стб 39.

средственное отношение к профессиональному историческому знанию и к самой профессии историка.

«Бегство не всегда измена...» Николай Карамзин разрушал стереотип, сформированный в России благодаря кропотливой работе государственных служащих эпохи Ивана Грозного, что и стало одним из центральных пунктов критики, прозвучавшей в адрес Карамзина со стороны С.М. Соловьева. В рамках принятой им концепции перехода родового строя в государственный выезд Курбского из России, переход на службу к иному государю был осуществлением древнего, отживающего свой век феодального права на отъезд к новому сюзерену и в обновленной благодаря политике московских великих князей России стал государственной изменой[10]. Неизбежен вопрос, с какого времени выезд государственного служащего на службу в другое государство начал восприниматься в России как измена. Историк не уполномочен судить своих героев на основании собственных нравственных критериев, хотя избежать этого невозможно. Историк, часто бессознательно, обнаруживает их самим своим выбором исторических сюжетов, той этической позицией, которую он поддерживает, своим мнением относительно тех или иных событий. Карамзин, рассуждая о гражданском и естественном законах, исходил из теорий естественного права, сформированных в европейской культуре в XVII в. и получивших воплощение в известных ему сочинениях Д. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Л. Монтескьё... Недостаток этого подхода стал заметен в век историзма, когда требования к историкам заметно усложнились по сравнению с эпохой Просвещения. На смену общим оценкам пришли принципы специального исторического исследования, а категории, которыми пользовался историк, отныне следовало соотносить с «духом времени», с категориями той эпохи, о которой он рассуждал. Что думали о гражданских и естественных законах не современники Карамзина, а современники Курбского, и действительно ли для них гражданские законы не были сильнее естественных?

Как соотносятся первая и вторая версии? «Измена родине» низводит или возводит Курбского в ранг государственного преступника, и за ней может быть обнаружен сколь угодно глубокий политический смысл: перед нами диссидент, конформист, правозащитник, противник режима или системы или того и другого одновременно. Разумеется, если человек пользуется естественным правом и «уносит ноги» или корыстными побуждениями и «продает родину», политический смысл этого поступка отступает на задний план, хотя совершенно исключен быть не может, даже если этическая сторона вопроса не позволит придать ему особого значения. Продав родину и унося ноги, можно быть — и до и после — борцом против тирана и тирании. Николай Карамзин не допускал такого прочтения текстов и поступков князя Андрея Михайловича. Его младший современник, сотрудник исторического кружка канцлера Н.П. Румянцева Василий Федорович Тимковский, посвятивший несколько лет исследованию биографии Курбского, открыл для исторической науки иной взгляд на своего героя. Друг Пушкина и декабристов, брат профессора Московского университета и основателя Харьковского университета, он пользовался поддержкой крупнейших историков и чиновников от исторической науки, а его знания о жизни и литературных сочинениях князя Курбского были шире, чем у Карамзина. Подробное изучение московской посольской документации, летописных, родословных, делопроизводственных источников и суждений европейских писателей XVI XVII вв. о Курбском увенчалось в 1816 г. монографией «Опыт изследования о жизни, подвигах и ученых трудах князя Курбскаго. Часть первая. Жизнь князя Курбскаго», которой не суждено было быть изданной. В оценках автора, мыслителя-романтика, заметно стремление к вживанию в образ своего героя, готовность следовать ходу его мысли и соотносить самосознание героя с внешней канвой его биографии. Комментируя слова Курбского о Вассиане Топоркове, давшем совет царю устранить из своего окружения слишком умных советников, Тимковский подводит черту: «Прекрасное, благочестивое негодование, и, так сказать, священное омерзение <...> показывают в нем [Курбском. *К.Е.*] благородный образ мыслей и просвещенную любовь к отечеству, которая гнушалась беззаконным властолюбием и презирала подлое рабство»[11]. Эти слова относятся к сочинению, написанному

[10] *Соловьев С.М.* Соч. Кн. III: История России с древнейших времен. Т. 5–6. С. 526–532. Точка зрения поддержана: *Оноков З.З.* Князь А.М. Курбский. Киев, 1872; *Ясинский А.Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. Обзор точек зрения см.: *Ковылов С.В.* Отъезд князя Андрея Курбского как проявление борьбы двух общественно-политических тенденций в XVI в. // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков. Памяти профессора В.Б. Кобрина. Ярославль, 1992. С. 66–75.

[11] ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). F. IV. №821. Пагинация основного текста. С. 96–98.

князем уже в эмиграции, но характеризуют его любовь к отечеству и тираноборческие взгляды, которых он придерживался как до, так и после бегства из России. Оправдание самой «измены» Курбского почти не отличается от соображений Н.М. Карамзина: «Самосохранение, внушаемое Природою всем, на земле живущим, должно извинить его бегство из России: но всё библейское бытописание не может оправдать его нападения на отечество»[12].

Работа В.Ф. Тимковского, хотя и забытая, в вопросе об эмиграции Курбского — непревзойденное воплощение «тираноборческой» концепции. Открытие новых источников, обязанных своим происхождением высшим кругам власти, магнатам и интеллектуалам Речи Посполитой, придало ей новое звучание. Ее могли бы дополнить, в развитие идей Н.М. Карамзина, но без существенных новых данных, работы Н.И. Костомарова. Когда благодаря работам С.М. Соловьева и историков второй половины XIX в. сильнее зазвучал тезис об особой реформаторской программе Избранной рады, появилась новая возможность приблизить версию побега от опалы к концепции тираноборчества и оппозиции: Курбский «опасался опалы, как бывший член ненавистной теперь Грозному Рады»[13]. Как выяснилось в середине и второй половине XX в. благодаря находкам и давно известным источникам, князь Андрей был прославлен и воспет поэтами, политическими теоретиками и геральдистами в качестве величайшего из московитов, свергнувшего иго тирании и перешедшего на сторону справедливых законов и свободы, а также примера для его соотечественников[14]. Тем не менее остается неясным, в какой мере пропаганда поступка Курбского отвечала его самооценке и соответствовала польско-литовским представлениям о верности и измене во взаимоотношениях между господарем и подданным.

Вступив в противоборство с концепцией Н.М. Карамзина, С.М. Соловьев не скрывал своей зависимости от его «Истории государства Российского». Выход каждого нового тома «Истории России с древнейших времен» вплоть до разделов, посвященных той эпохе, которой обрывалась «История» Карамзина, сопровождался публикацией рассуждений Сергея Соловьева о Карамзине и его труде. Описывая торжество государственного начала над родовым строем в России, Соловьев по сути противоположным образом ответил на вопрос о соотношении законов гражданского и естественного в России Ивана Грозного. При этом вслед за Карамзиным и благодаря популярной публикации сочинений Ивана Грозного и Андрея Курбского, подготовленной Н.Г. Устряловым, С.М. Соловьев продолжал воспринимать Курбского как выдающегося писателя, чье мнение отражало расстановку политических сил в России XVI в. Свою собственную концепцию перехода от одного общественного начала к другому Соловьев во многом построил на сочинениях Грозного и Курбского. Вся проблема, однако же, в том — и на это указывали уже в XIX в. — что Курбский не признавал за собой ни измену, ни «право отъезда», а Иван Грозный, обвиняя Курбского, не ссылался ни на какие «законы»[15]. Если же считать, что протест Курбского был частью системной оппозиции боярства самодержавию, важно сравнить сочинения князя, созданные в период его опалы и эмиграции, с сочинениями его российских и европейских современников, и только после этого воссоздавать идеологический смысл Переписки. Этот этап был форсирован, и — на фоне нерешенных вопросов просветительский эволюционизм в понимании законов истории, борьбы исторических сил, диалектики старого и нового — неэффективен. Отстаивая тезис о системной российской оппозиции в лице Курбского, важно понять, как устроено знание об этой оппозиции и о причастности к ней Курбского. И что думали о праве на жизнь и обязанностях подданного, каким был служебный этикет, кто и в какой форме и в какой именно ситуации поддерживал протестные настроения, какими смыслами наделяли понятие *измена* в России и Речи Посполитой второй половины XVI в.?

---

[12] Там же. С. 253.

[13] *Коваленский П.М.* Московская политическая литература XVI в. СПб., 1913. С. 30.

[14] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 340–346; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 402; *Каппелер А.* Латинские поэмы о победах литовцев над московскими войсками в 1562 и 1564 гг. и о побеге Курбского // Ad fontem / У источника. Сборник статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 323–324. См. также здесь в главе «Ренессансный историк».

[15] Противники «государственной школы» нередко признавали особый социальный смысл в побеге Курбского, однако среди них есть и такие, кто, как Б. Норретрандерс, отрицает принадлежность Курбского к какой-либо «социальной силе» (*Norretranders B.* The Shaping of Czardom under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964. P. 67–68). Промежуточную позицию занимает А.И. Филюшкин, допускающий «феодальную» мотивацию побега: «Но для самого князя реализация права отъезда явно была не первостепенной» (*Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 59).

Создателем версии о несправедливой опале был, что, разумеется, неудивительно, сам Андрей Михайлович Курбский. В своих сочинениях, особенно в Переписке с царем Иваном, «Истории» и предисловии к «Новому Маргариту», он неоднократно возвращался к своему побегу. Эту или сходную версию поддержали польско-литовские современники и авторы, чьи сведения восходили к самому князю или его современникам. Кн. М. М. Щербатов в «Истории Российской от древнейших времен» пишет, что побегу Курбского предшествуют сведения о гневе на него царя. Видя повсюду «кровные токи» и зная, что «оказуемый гнев сего государя всегда смертию навлекшаго оный на себя последуем был», князь вынужден был «искать себе спасения бегством в Польшу, куда он и ушел»[16]. В глазах оппозиционного историка XVIII в. его предшественник был опасен «развратному» окружению Ивана Грозного одними только своими «достоинствами», а в этих условиях опала была для князя предзнаменованием неминуемой смерти. Н. М. Карамзин развил эту идею, когда характеризовал опричные и послеопричные годы правления Ивана IV, однако ни в «Истории» Щербатова, ни в «Истории» Карамзина не была нарушена грань между «бегством от опалы» и «борьбой против тирана». Преодолеть эту грань было невозможно, потому что бегство князя представало в глазах историка слишком спонтанным жестом разрыва, чтобы быть частью долгосрочного противостояния или системной оппозиции. В то же время войны, которые вел Курбский против России на стороне польского короля, вносили в его борьбу с царем нечто далекое от тираноборчества, согласно представлениям историков рубежа XVIII–XIX вв. Впрочем, для либерально мыслящих историков второй половины XIX — начала XX в. переход от второй версии в интерпретации побега Курбского к четвертой и пятой казался вполне допустимым решением. Н. И. Костомаров, поддерживая Карамзина, объяснил поступок князя необходимостью «спасать свою жизнь, которой угрожала безумная прихоть тирана», и настаивал, что «мучительства производили бегства, а не бегства и измены возбуждали Ивана к мучительству»[17]. Это был очень решительный тезис, особенно если учесть, что на глазах у Н. И. Костомарова точка зрения «предатель» набирала вес за счет третьей версии: Курбский — корыстный предатель.

В поисках причины этой опалы сломано немало копий: Переписка заводит исследователя в лабиринт противоречий. Если слушать Курбского, то приходится согласиться, что гонения, которым подвергся князь, были совершенно беспричинными, и в таком случае возникает подозрение, не была ли опала на Курбского случайным результатом царского гнева. Тогда что послужило для нее предлогом? Поражение полка Курбского в битве против литовского войска под Невелем? Переговоры Курбского, уже в качестве юрьевского наместника, с Ригой о сдаче города царю или его же переговоры со шведским наместником графом фон Арцем о сдаче русским Гельмета? «Невежливые» слова, сказанные царю родственником Курбского князем Шаховским? Сохранившиеся в источниках сведения не дают убедительного ответа. По этому поводу С. Б. Веселовский осторожно заметил: «В чем была его последняя вина и насколько действительной была грозившая ему опасность, об этом Курбскому было лучше знать и судить, чем нам спустя 400 лет после событий, относительно которых до нас дошло так мало источников»[18]. Не добавляют ясности и упреки Ивана Грозного. Они настолько многочисленны и разнообразны, что возникает сомнение, как государственный служащий мог успеть совершить столько преступлений и при этом оставаться на службе и даже — как вообще мог он на нее поступить. Согласно царю Ивану, изменниками были предки и ближайшие родственники Курбского, он сам поддерживал временщиков протопопа Сильвестра и Алексея Адашева и их соумышленников, был виновен в смерти царицы, виновен в подготовке, поддержке или даже соучастии в заговоре в пользу Владимира Старицкого, виновен в разжигании войны между христианскими государями, в поражениях государевых полков, в невежливом обращении с государем, виновен... виновен... Что это — судебная амальгама или перечисление действительных «вин» князя? И вновь перед нами трудноразрешимая задача. Ее можно попытаться решить, проследив, с одной стороны, в каких обстоятельствах, в письменных источниках, а также в каких контекстах высказывались оправдательные оценки, с другой — как на фоне общего представления об измене в России формировался образ изменника, в чем-то ставший «эталонным».

Открытием для середины XIX в. стали документы волынских судов и Литовской Метрики,

[16] *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 5. С. 454.

[17] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. М., 1990. С. 20–21.

[18] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 73.

исследованные и частично опубликованные Н.Г. Устряловым и Киевской археографической комиссией под руководством Н.Д. Иванишева. Крупный комплекс источников, неизвестных Карамзину, был введен в научный оборот и позволил по-новому ответить на множество вопросов, касающихся биографии Курбского. Казалось, вопрос был решен в пользу фактора личной корысти. Курбский договорился о весьма выгодных условиях своего перехода на новую службу, тщательно их подготовив и обдумав («когда плату за измену нашел для себя выгодною»)[19]. С выводом Николая Иванишева, противореча своей более ранней и до конца не изменившейся концепции, согласился Николай Устрялов[20]. В книге С.Д. Горского «социологическая» концепция Соловьева была объединена с выводами Иванишева, и в оценке побега Курбского было достигнуто своеобразное равновесие между версиями первой и третьей: Курбский покидает Россию, «заезжаемый, оттесняемый от престола новыми людьми» и действует из «корыстных расчетов, а не из опасения за свою жизнь»[21]. Только в начале 1870-х гг. наметилась тенденция к пересмотру. З.З. Оноков задался целью в своем обширном полемическом отклике на книгу Горского снять несправедливые обвинения: «Историки тридцатых и сороковых годов бегство Курбского приписывали царскому гневу за проигранное сражение. Со времен Соловьева его последователи этим не удовлетворились. Гнев царский стали считать только благовидным предлогом, которым будто бы Курбский хотел оправдать свою измену; причины же бегства и вообще склонность к измене стали находить в самом характере Курбского и в его воспитании». «Мнение, высказанное в тридцатых и сороковых годах, только не полно, но оно ближе к истине», — делал вывод Оноков[22]. Ему вторит М.П. Петровский, выпустивший почти одновременно с книгой Онокова подробную рецензию на третье издание «Сказаний Князя Курбского»: «Вообще говоря, вопрос о бегстве до сих пор остается темным: прежде, до издания литовских актов, касающихся Курбского, все думали, что Курбский бежал от *царского гнева* — мысль, по нашему мнению, единственно верная; но из литовских актов сделалось известным, что Курбский предварительно получил от короля польского и от литовского гетмана приглашение перейти в Литву, и тогда уже решился оставить отечество»[23].

Версию продуманной измены и подкупа вновь поддержали Э.Л. Кинан и Р.Г. Скрынников, опираясь, помимо прочих источников, на запись Литовской Метрики о материальных потерях Курбского при переходе через границу, опубликованную в начале XX в. Г.З. Кунцевичем[24]. Скрынников подвел черту в дискуссии: «Наместник Ливонии был подкуплен литовцами, и его гнал из отечества страх разоблачения»[25]. Разоблачение на этом не закончилось. Будто повторяя слова Ф.М. Достоевского о «безопасном приюте» князя-оппозиционера в эмиграции, Скрынников на основе анализа посольских наказов с требованиями выдать в Москву Курбского и записи Царского архива о вине князя в Новгородском погроме приходит к разоблачению чудовищных последствий его эмиграции для российской политической жизни: «Грозный при всем его видимом могуществе ничего не мог поделать с эмигрантом Курбским, тогда как беглый боярин, используя подозрительность царя, не раз подталкивал его к действиям, которые несли гибель тысячам его подданных и подрывали военную мощь России»[26]. С этим трудно дискутировать. В каком-то смысле Курбский, конечно, «подталкивал» царя к террору, и может быть, даже «не раз», однако в словах историка заложена своеобразная философия политического участия, которая предполагает, что террор неизбежен и лучше не мешать планам царя, чтобы

[19] *Иванишев Н.Д.* Предисловие // ЖКЛВ. Т. 1. С. III.

[20] *Устрялов Н.Г.* Сказания ... 3-е изд. СПб., 1868. С. XIV, ср.: с. XV.

[21] *Горский С.Д.* Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского. Казань, 1858. С. 123–125, 127, 133, 150.

[22] Обе цитаты см.: *Оноков З.З.* Князь А.М. Курбский. С. 2.

[23] *Петровский М.П.* Князь А.М. Курбский: Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний». Казань, 1873. С. 7.

[24] *Кунцевич Г.З.* Акт Литовской Метрики о бегстве князя А.М. Курбского // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19. Кн. 2. С. 281–285. Ср.: *Keenan E.L.* The Kurbskii – Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV / with an appendix by D.C. Waugh. Cambridge, Mass., 1971. P. 36; *Сахаров А.М.* Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 103–104. О работах Р.Г. Скрынникова см. след. примечание.

[25] *Скрынников Р.Г.* Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 60, см. также с. 59–61; *Его же.* Бегство Курбского // Прометей. М., 1977. Т. 11. С. 293–301; *Его же.* Царство террора. С. 180–188. Построения статьи 1977 г. были неоднократно воспроизведены Скрынниковым в научно-популярных биографиях Ивана Грозного в печати и в электронной форме.

[26] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 368.

свести террор до минимума. Участие князя в разжигании новгородского «мятежа» использовано московской стороной, чтобы снять ответственность за бессмысленное кровопролитие с царя и опричнины и переложить вину на «измену». Сведения о жизни Курбского в период опричного похода на Новгород не подтверждают вывод Скрынникова. Участие князя в переговорах с московской аристократией относятся и к более раннему (весна–лето 1567 г.), и к более позднему времени (осень–зима 1570/1571 гг.), эти планы, которые король обсуждал с М.Ю. Радзивиллом, провалились, и неизвестно, отозвались ли они хоть как-то на событиях в России. Неясно даже, узнал ли об этих планах сам кн. Андрей Курбский[27]. Тезисы Скрынникова о том, что в Курбском как раз в этот период «стали видеть политика» и что князю удалось убедить польские и имперские власти в наличии у него связей при московском дворе, также не находят убедительных подтверждений[28].

Данная версия пользуется поддержкой части исследователей по ряду причин: во-первых, она согласуется с фактом переговоров литовских магнатов, и прежде всего Миколая Юрьевича Радзивилла Рыжего и Остафия Богдановича Воловича с Курбским до его побега, и с тем, что у Курбского в момент его бегства была «иностранная валюта»; во-вторых, она не противоречит версиям «сознательной измены» и «царского гнева» и снижает или полностью уничтожает значение «тираноборчества» и «бегства из деспотии». С одной стороны, для измены и опалы найдено скрытое основание, которое звучит более прагматично и в то же время более мелочно, снижая значение Переписки и перенося ее за рамки социологических обобщений на уровень моральной драмы. Подкуп одного князя Андрея Курбского лишает смысла идею «феодальной реакции», «боярского заговора», «аристократической фронды», будто бы оправдывавших террор Ивана Грозного. С другой — голос протеста против «мучителя»-тирана или деспотического самодержавия («самовластья») отделился от поступков обличителя. Удобство, впрочем, мнимое. Это стало понятно после того, как в сейфе расформированного в 2001 г. научного Центра истории России в средние века и раннее новое время Института российской истории РАН при разборе бумаг была обнаружена неопубликованная статья крупного советского историка А.А. Зимина «Побег князя Андрея Курбского в Литву», законченная автором незадолго до смерти[29].

В своей статье А.А. Зимин вступает в полемику с Р.Г. Скрынниковым и дает оценку концепции побега из корыстных соображений: «Вопрос о том, откуда у Курбского появились талеры и дукаты, однозначно решить трудно. Князь Андрей мог "прихватить" их из городской казны или добыть во время военных экспедиций или каким-либо иным путем. Но гадания решению задачи не помогут»[30]. О переговорах Курбского с руководством враждебного государства известно из разноречивых источников. Больше всего на вердикт исследователей повлияли два — обнаруженное Иванишевым еще в середине XIX в. сведение о хранившихся в литовском архиве князя открытом и закрытом письмах от короля и литовских магнатов, содержащих приглашение на королевскую службу, а также письмо Сигизмунда II Августа от 13 января 1563 г. М.Ю. Радзивиллу, на которое впервые обратил внимание исследователь российско-польских отношений Б.Н. Флоря. Первый источник, завещание князя, содержит лишь глухое упоминание, которое не позволяет сделать определенный вывод, обсуждал ли Курбский что-либо с литовской разведкой или просто получил обычное, направляемое и многим другим первостепенным лицам в окружении царя приглашение перейти за вознаграждение на службу к противнику. Второй источник не менее туманен. В письме короля говорится о каких-то «начинаниях» Радзивилла в отношении Курбского и Мстиславского, которые в контексте ведущихся накануне Полоцкого похода царя переговоров бояр с литовской Радой могли касаться официальных или полуофициальных событий: «Если же быть точным, то из письма Сигизмунда от 13 января 1563 г. вообще не следует, что Н. Радзивилл направил письмо Мстиславскому и Курбскому. Витебский воевода получил дозволение направить им послание. Но воспользовался ли он им или нет, остается неизвестным»[31]. Всё так: концепция Скрынникова

[27] См. *Итинерарий Курбского, 1 декабря 1570 г.*

[28] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 130–143.

[29] В августе 1976 г. А.А. Зимин так комментировал причины невыхода в свет своей статьи: «Ну, как, например, было напечатать о бегстве Курбского и той лжи, которую написал по этому поводу Скрынников? Ага, защищаешь ренегата! — раздался бы вой» (Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 368).

[30] *Зимин А.А.* Побег князя Андрея Курбского в Литву. С. 47. Примеч. 44.

[31] Там же. С. 47. А.А. Зимин вслед за Р.Г. Скрынниковым по ошибке называет «витебским воеводой» М.Ю. Радзивилла. Эту ошибку повторит в своей монографии о Курбском А.И. Филюшкин. На деле витебским

строилась на многоуровневой системе догадок. Однако и точка зрения Зимина не была лишена гипотетичности, да и сомнительно звучал сам порыв — опровергнуть «корыстный» аргумент в истории эмиграции князя Андрея Курбского невозможно с помощью одного пересмотра сведений о «иностранной валюте» в момент побега. Условия перехода на королевскую службу могли оставаться недоговоренными. И тем не менее сомнений быть не может: московский боярин и крупный землевладелец уровня князя Андрея Курбского должен был рассчитывать на материальную поддержку короля, оставляя свои владения в Московском государстве. И мы увидим, что в первые же недели после своего побега он получил гарантии имущественного благосостояния и денежную субсидию из казны.

И всё же... Был ли переход на сторону врага «несомненным предательством» и признавалось ли право на «спасение собственной жизни» — это в большей мере нерешенные вопросы. Также остается неясно, будут ли ответы одинаковыми для всего XVI в. Российские перебежчики на сторону короля не составляли единой массы, среди них были люди «потребные» и «непотребные» королевской службе. К первой категории относились дети боярские, представители государева двора и лица, которым удавалось доказать идентичность их московского статуса шляхетству. Все они, в том числе и Курбский, получали королевское жалованье на условиях военной службы, и противником должны были считать любого, кто представлял угрозу для республики и короля. Кому именно удавалось выбирать врага и «обращать свое оружие» против него, а не «против бывшей родины»? Наконец, что именно «понимал» в своем поступке Курбский? Можно допустить другие объяснения тому факту, что он в своих сочинениях не акцентировал внимания на своей службе в королевских войсках. Дело, возможно, не в том, что он стеснялся показаться читателю изменником. В истории «дел великого князя Московского» Курбский старательно избегает упоминаний о битвах между московскими и литовскими войсками независимо от того, на чьей стороне он сам в них участвовал. В последних письмах к царю победы королевских войск обозначены и участие в них Курбского тоже, но перед нами не историческое сочинение, контекст не требует рассказа о личных подвигах князя, так как перед нами — письма с ответами на письма царя.

Поддержавший версию «феодального отъезда» исследователь пишет, ссылаясь на переписку юрьевского наместника Курбского со старцем Псково-Печерского монастыря Вассианом Муромцевым: «Во втором послании к Муромцеву он, пожалуй, впервые высказывает негативное отношение к действиям государя. Курбский пишет о “перадении же державы и кривине суда и о несытьстве граблении” чужих имений. Если учесть, что в другом месте князь говорит об уложении 15 января как грабеже вотчин, то причина недовольства становится понятной. Нарисовав широкую картину жизни всех сословий страны, Курбский между прочим замечает: “Таковых ради неистерпимых мук овым без вести бегуном от отечества быти...” Таким образом, второе послание к Муромцеву приобретает важнейшее значение в процессе принятия Курбским решения о бегстве. Испытав незаслуженную опалу, князь впервые выступает с резкими протестами по отношению к сюзерену. Он начинает бороться, и главное средство в этой борьбе — феодальный отъезд. Сюзерен превысил свою власть, сюзерен вынуждает верного вассала разорвать отношения — вот смысл послания»[32]. Упомянув о «феодальном» значении критики Курбского в адрес царской социальной политики, исследователь переводит взгляд на поражение московских войск на реке Уле 26 января 1564 г. и последовавшие за ним в Москве казни соратников Курбского по Полоцкому походу[33]. Второе послание Курбского Вассиану Р.Г. Скрынников отнес к февралю–апрелю 1564 г., т.е. к самому кануну побега Курбского. Из этого могло бы следовать, что критика московских порядков совпала с казнями, постигшими воевод Ренина и Кашина, не принявших участия в литовском походе. В таком случае «феодальное право» лишь прикрывает осуждение «дела воевод». Нужно ли было Курбскому в переписке с псковским старцем пользоваться эзоповым языком и выражать свою тревогу за судьбу воевод и за свою вместе с ними так уклончиво? Если послание Вассиану всего лишь скрывает и рационализирует подлинную причину побега, то почему в письме Ивану Грозному Курбский ни словом не упоминает «перадения державы», «кривины суда» и «несытства граблений» и говорит только о несправедливых гонениях на «сильных во Израили», т.е. на российских воевод?

воеводой был в то время кн. С.А. Збаражский, тогда как Радзивилл занимал посты воеводы троцкого, гетмана наивысшего Великого княжества Литовского, старосты мозырского, державцы лидского, белицкого и сумилишского. Именно Збаражский, согласно письму короля, вел переговоры с Курбским.

[32] *Ковылов С.В.* Отъезд... С. 68.

[33] Там же. С. 68–69.

Один из наиболее распространенных в научной и околонаучной литературе тезисов гласит, что отъезд Курбского носил феодальный характер. Курбского, согласно этому взгляду, перестал устраивать сюзерен, попытавшийся усмирить или наказать своего слугу. И он сменил сюзерена, пользуясь старинным «нравом отъезда». Из чего следует, что государственная служба в России времен Ивана Грозного являлась ареной борьбы противоположных тенденций, архаичных и современных. Царь Иван как будто подтверждает эту схему своими ограничениями княжеских вотчинных прав, поместной политикой, реформой налога «с сохи» и т. д. Точка зрения, давно вызвавшая суровые нарекания у С. Б. Веселовского и Бьерна Норретрандерса, обрела новую жизнь благодаря выдающемуся знатоку жизни князей Семена Бельского и Андрея Курбского — американскому историку Освальду Бакусу[34]. По его мнению, князь Семен мыслил себя как «удельный князь» ("an appanage prince"), мечтая о возрождении независимого Рязанского княжества[35]. Это мнение нам приходилось уже опровергать, хотя не вызывает сомнений сам факт — вернуть себе Рязань князь, как представляется, действительно стремился[36]. Так вот, в отличие от удельного новстанца Бельского, его младший современник Курбский ведет себя и как удельный князь, и как средневековый рыцарь. «Удельной психологии» в его побеге и сочинениях обнаружить не удается, зато в Ковельском имении он властвует примерно так, как мы ожидаем от удельного князя[37]. Это было бы архаичным фактом, если бы за самой доктриной лояльности и измены проявилось «прогрессивное» государственное начало. Однако как раз этого мы в источниках не видим. Иван IV в своей Переписке с Курбским «старался внести концепт измены в концепт лояльности, основанный на акте крестоцелования. Само разнообразие во фразеологии и осторожные ссылки Курбского могут быть восприняты как свидетельство отсутствия ясного концепта измены»[38].

Если задуматься, что мы знаем о феодальном самосознании Курбского? Его не устраивает изъятие вотчин? Сомнительно, что он подразумевает какую-то реформу, речь идет о незаконном изъятии земельных владений с карательными целями. В его «Истории», написанной уже в новом отечестве, московской власти неоднократно бросается упрек в неправедном изъятии княжеских и боярских вотчин и гонениях на слуг за их имения «движимые и недвижимые». А это значит, что Курбского не устраивает чрезвычайщина. Нигде в своих сочинениях — а в них много говорится о службе и отношениях слуги и господина — Курбский не формулирует никакого феодального «права на отъезд». Побег от «нестерпимых мук» мало подходит на роль такого права.

У князя Андрея Курбского не было права на бегство ни с точки зрения власти, ни с его персональной точки зрения[39]. Это придает его поступку почти экзистенциальные очертания. Не случайно именно это событие стало поводом для поэтической рефлексии, начиная с «Дум» К. Ф. Рылеева и «Василия Шибанова» А. К. Толстого. Додумать мотивы побега пытались и профессиональные историки. Скажем, И. Ауэрбах в статье «Идентичность изгнанника» отмечает, что причиной было разлучение с Иваном Грозным, который видел в Курбском, дальнем родиче царицы Анастасии, подобие своей жены и, будучи бисексуалом, приблизил его к себе, чтобы вступить в гомосексуальную связь. Перемена в чувствах и отдаление от царя Ивана вызвало с князе Андрее подавленность, ему было «трудно смириться с утратой фавора»[40]. Версия — с упором на послания Курбского Ивану Грозному, в который князь «просит о сочувствии». Причем у Ауэрбах не вызывает сомнений, что перед побегом жизнь кн. А. М. Курбского была «в опасности»[41]. Следовательно, причины опалы и побега, видимо, согласно этой логике, не одни и те же.

А. И. Филюшкин пишет, что Курбский «как раз осуждал эмиграцию как способ решения проблем». Впрочем, на наш взгляд, недостаточным является утверждение, что выход из кризиса князь видел «в обращении к Богу». Если следовать интерпретации того же исследователя, причины бегства князя следует искать в его личных амбициях, весьма далеких от религии: «Личный кризис, разочарование в военной карьере, утрата благоговения перед своим государем, отсутствие

[34] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 121–122. Впрочем, среди исследователей позднее бытовало устаревшее по звучанию убеждение, что Андрей Курбский осуществил «традиционное право русских бояр служить любому князю по своему выбору»: *Dembkowski H. E.* The Union of Lublin: Polish Federalism in the Golden Age. New York, 1982. P. 118.

[35] *Backus O. P.* Treason... P. 135.

[36] См. главу «Между эмиграцией и троном».

[37] *Backus O. P.* Treason... P. 136, 143.

[38] Ibid. P. 142.

[39] *Петровский М. П.* Князь А. М. Курбский... С. 24–25.

[40] *Auerbach I.* Identity in Exile. P. 11.

[41] Ibid. P. 11.

личных успехов и побед князь экстраполировал в плоскость кризиса всей страны, Богохранимого Русского царства». Влияние «личного кризиса» на решение Курбского об эмиграции нельзя исключать, но нет оснований считать его «базисом» или «скрытым неврозом» Второго послания Вассиану и Первого послания царю. Ниже в своей работе Филюшкин углубляет интерпретацию и обнаруживает, что образцом невольного эмигранта служил для Курбского житийный образ его предка, смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича. Поиск поведенческого архетипа вызывает сомнение, когда исследователь безоговорочно утверждает, что холодный прием князя Федора в Ярославле после его возвращения из Орды трансформировался в восприятии Курбского в идею «несправедливого изгнания», а ее усвоение «делало для князя Андрея возможным и допустимым эмиграцию». Это всё же натяжка[42].

Версия церковного преследования не находит прямого подтверждения в споре между Москвой и Вильно, Курбским и Иваном Грозным о причинах побега, хотя формально «измена» означала для Москвы и преступление против православия. Как мы увидим, у этой версии есть опора в источниках, особенно в посланиях Курбского Вассиану Муромцеву[43]. Другое направление поисков задано Иваном Грозным — князь как ученик Максима Грека был под подозрением в причастности к ереси «чистых». Его характеристики пона Сильвестра и лидера Избранной рады Алексея Адашева в «Истории» позволяют связать воедино факт причастности князя Андрея Курбского к Избранной раде[44] и обвинение в этой новоявленной ереси, которая восходила напрямую к флорентийскому проекту Джироламо Савонаролы[45].

***

Как же тогда, с каких точек зрения расценивался московской властью и самим Курбским поступок, совершённый им 30 апреля 1564 г. и в последующие годы, когда князь то ли «умышлял измены многие», то ли скорбел о «любимом отечестве»?

Прежде всего, по какой же шкале могла оцениваться *измена* Курбского? Разнообразные источники российского происхождения, отразившие официальное отношение к побегу князя, единодушны в оценке этого деяния. Официальная летопись под 1564 г. характеризует *изменные дела* Курбского только со слов его слуги: «А человека его Васку Шибанова воеводы поимали, прислали ко государю. Тот же человек его Васка Шибанов государю царю и великому князю сказал про государя своего князя Ондрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела»[46]. Дипломатические высказывания царя и посольских служащих противоречивы, но последовательны в использовании самого понятия *измена*. Именно так с самого начала и вплоть до смерти князя расценивался сам его побег из России. На это польско-литовская дипломатия «побежание» Курбского ответила отказом в экстрадиции, не признавая в его поступке измену и настаивая на выдаче королю князей Лингвеневичей, Глинских, Бельских, Трубецких, Одоевских, Масальских и других с их семьями и владениями, а также с Новгородом, Псковом, Великими Луками, Торопцом, Смоленском, Северской землей «и иные городы»[47].

Царь неоднократно отрицал, что был намерен казнить Курбского и был с ним жесток, и вместе с тем неоднократно признавался, что считает его изменником и подозревает в злодеяниях, смертная казнь за которые в России была неизбежна. В наказе В.М. Желпинскому, составленном к ноябрю 1565 г., говорится: «А нечто Володимера вспросят про князя Ондрея Курбского, чего для он от господаря вашего от царя и великого князя побежал? И Володимеру говорити: господарь был его пожаловал великим жалованьем не по его отечеству свыше отца его: отец его и дед в таком приближенье и в жалованье господарском не бывали. И учал господарю Курбской делати изменные дела, и господарь был его хотел попаказати, и он, узнав свои изменные дела, и господарю нашему изменил. Ино то не диво, что тот изменник господарской, забыв господарьское великое жалованье, изменил господарю нашему: езживали из господарства господаря наше-

[42] Цитаты см.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 42, 47, см. также с. 47–49.

[43] Об этом см. в этой главе ниже.

[44] Об этом см. в главе «Персональная и социальная память».

[45] Об этом см. в главе «Экстенсивное чтение».

[46] ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 383; М., 1965. Т. 29. С. 334.

[47] *Wijuk-Kojałowicz A.* Historiae Lituanae pars altera, seu de rebus Lituanorum, A coniunctione Magni Ducatûs cum Regno Poloniae ad Unionem eorum Dominiorum. Libri octo. Antverpiae, 1669. P. 474; ПИВЕ: Источники XV–XVII вв. Т. 2: «Выписка из Посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / ред. колл.: И. Граля и др.; ред. тома С.О. Шмидт; сост. Б.Н. Морозов. М.; Варшава, 1997. С. 254.

го и не в Курбского версту, ино и те изменники господарству Московскому не учинили ничего, а Божьим милосердием и господаря нашего царя и великого князя здоровьем Московское господарство не без людей; а Курбской господарю нашему изменил, собакою потек, собатцки и пропадет. А нечто князь Курбской похочет Володимера о которых речех вспросити, или о чем учнет говорити, и Володимеру с Курбским, ни с иными ни с которыми изменники никоторых речей не говорити, а молвити: с изменники которого ся доброво дела договорити? изменником господарским опричь лиха иное что говорити, и того нечево слушати»[48]. Согласно посольскому наказу, Курбский совершил измену дважды. Первый раз еще в России — когда был уличен в покушении на жизнь государя или крамоле («учал делати изменные дела»). Второй раз — когда бежал к королю («собакою потек»).

Накануне побега Курбский был осведомлен о готовящемся против него обвинении и был уверен в своей невиновности. Сказанное царем в адрес князя *мало слово гневное* означало, что на воеводу была наложена опала, хотя, согласно царю, это была опала *с милостию*, т.е. частичная или временная[49]. Во время опалы велось следствие или фабриковалось обвинение. Сами следственные материалы не сохранились, поэтому судить об этом деле можно только по косвенным источникам. Так или иначе, по словам Ивана IV, его «гневного слова» и «милостивой опалы» недостаточно было, чтобы боярин и воевода «изменил от неволи». Побег на его совести — бежал он «своею волею», имея свободу выбора и выбрав измену[50].

Что знал Курбский о характере готовящегося процесса, мы попытаемся определить ниже. Прежде всего, зададимся вопросом, насколько точно отражено обвинение в Первом послании Грозного и посольских книгах. Преступление, якобы совершённое князем еще в России, состоит в подготовке государственного переворота с целью отделить Ярославское княжество от Российского царства, а также в покушении на царскую семью[51]. Согласно статье 61 Судебника, Курбский, совершив что-то подобное, должен был лишиться жизни как одновременно *господарьский убойца* и *кромольник*. Впрочем, состав преступления в его случае неясен. Царь Иван адресовал свой ответ *изменнику* «князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотевшему своим обычаем быти Ярославскому владыце»[52]. Здесь обыгран формуляр межгосударственных посланий и дан ответ на *невежливые* invocatio и inscriptio послания Курбского: «Царю от Бога препрославленному... ныне же... сопротивным обретеся»[53]. Вместе с тем претензия кн. А.М. Курбского на ярославский титул имела основания, и обвинение царя, звучавшее между июлем 1564 и февралем 1567 г., относилось к каким-то не вполне сегодня ясным конфликтам между ярославскими князьями и царем в начале 1560-х гг.[54]

В наказе посольству Ф.И. Умного Колычева от февраля 1567 г. также говорится: «Да Курбской же был учал ся звати вотчичем ярославским, да изменным обычаем с своими советники хотел на Ярославле господарити, да многие изменные дела учал был над господарем умышляти и над его господарскими детми и господарской земле учал всякое лихо умышляти»[55]. Однако в посольском тексте на первое место в ряду *измен* князя Андрея Курбского и его *советников* выступает «то, что он хотел над господарем нашим и над его царицею и великою княгинею Настасьею и над их детми умышляти всякое лихое

[48] СИРИО. Т. 71. С. 321–322. Титул «господаря» раскрываем в цитатах здесь и далее по нормам XVI в.

[49] *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 62. Словосочетание *мало слово* в сочинениях Ивана Грозного подразумевает случайное и неважное высказывание, но еще один контекст его употребления — предыстория изгнания лидеров Избранной рады Сильвестра и Алексея Адашева. Царь вынужден был идти из Можайска в Москву с немощной царицей Анастасией «единаго ради мала слова непотребна» (ПИГАК. С. 33).

[50] *Флоря Б.Н.* Новое о Грозном и Курбском // ИСССР. 1974. №3. С. 145; *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика. С. 174–182.

[51] Только в наказе 1565 г. имеется сходное с Первым посланием царя Курбскому утверждение о возвышении князя «свыше отца его». Этим обвинением акцентировано злоупотребление неформальным статусом. За ним, возможно, скрыты следы неформального же местничества в борьбе за первенство при государе. Однако возвышение изменника — намек на грозящую изменнику божественную кару за гордыню и на холопскую зависимость князя от царя. Сходные высказывания царя о *приближеньи* советников встречаются, например, в посланиях Курбскому и В.Г. Грязному-Ильину (БЛДР. Т. 11. С. 160).

[52] ПИГАК. С. 13. См. также: *Солодкин Я.Г.* Первое послание Ивана Грозного А.М. Курбскому и русская дипломатическая документация второй половины XVI–XVII в. // ОФР. М., 2004. Вып. 8. С. 116–117. См. также здесь в разделе «Ярославский владыка».

[53] ПИГАК. С. 7, 9. См. анализ инскрипции Первого послания Курбского: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 198–202. О Первом послании князя Андрея Курбского Ивану IV см. здесь также главу «Экстенсивное чтение».

[54] См. здесь в разделе «Ярославский владыка».

[55] СИРИО. Т. 71. С. 467–468.

дело»[56]. Первое послание царя Курбскому раскрывает суть этих подозрений. Во время болезни царя в 1553 г. заговорщики якобы намеревались погубить царевича Дмитрия и возвести на престол Владимира Андреевича Старицкого: «Пону же Селивестру и Алексею Адашову оттоле не престающе злая советовати, и утеснение горчяйшее сотворяти, на доброхотных же нам гонение разными виды умышляюще, князю же Володимеру во всем его хотение утвержающе, та же и на нашу царицу Анастасию ненависть зельну воздвигше и унодобляюще ко всем нечестивым царицам; чад же наших ниже помянути могоша»[57]. Следующие семь лет, по словам царя, ненависть заговорщиков к царице не ослабевала. Одновременно усиливалось расположение преступников к удельному князю Владимиру. Курбский же не только осведомлен об этих *изменах*, он их соучастник, один из лидеров и даже символ. Обвинения в адрес старицких князей не могли звучать на международном уровне до 1569 г. Этим объясняется и первоначальная версия царя и та легкость, с какой она была трансформирована в новую после отравления князя Владимира Андреевича. Слова о намерении Курбского стать ярославским владыкой служат намеком не только Курбскому, но также князю Владимиру Старицкому и его сторонникам, что государь ведет борьбу против обособления уделов. Позднее необходимость в сфабрикованном ярославском сепаратизме отпала, поскольку Курбскому можно было открыто приписать участие в гораздо более воняющем заговоре. Этим можно объяснить inscriptio Второго послания царя, не содержащее упоминаний Ярославля: «бывшему нашему боярину и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбъскому»[58].

Требования царя выдать Курбского и других «изменников» на переговорах с посольством Федора Умного эхом разнеслись и достигли герцога Альбрехта Бранденбургского. Кроме того, в сентябре 1567 г. стало известно, что среди убитых в столкновении за Полоцк найдет «брат Курбского»[59]. Возможно, речь шла о ком-то из ярославских князей. Понятия «брат» и «сестра» в своей «Истории» Курбский использовал в расширительном смысле, называя так не только своих родных братьев и сестер, но и других представителей рода. Еще позже, уже в конце 1568 г., царь Иван тайно расспрашивал литовского гонца Улана Букрябу о Курбском[60].

Наиболее эффектное воплощение версия о покушении князя на царицу получила во время миссии литовского посланника Федора Зенковича Вороная после смерти короля Сигизмунда II Августа. Король умер 7 июля 1572 г. Самое позднее во второй половине августа сенаторы отправили к царю своего посланника с извещением о смерти короля и предложением продлить перемирие. Ф. Воронай был принят царем в конце августа или в первых декадах сентября 1572 г.[61] Царь выдвинул свою кандидатуру на королевский трон, а затем во время аудиенции предложил задержать перебежчиков из России, чтобы помешать им бежать в Крымскую Орду или Турцию. О Курбском было сказано особо: «Курбский в вашу землю приехал. Посмотри же. Вот он (сказал великий князь, указав на своего старшего сына), у этого-то ребенка мать, а у меня жену отнял Курбский, а я свидетельствую перед Богом, что не думал его покарать, только то думал, чтобы отобрать у него немного чинов и забрать должности, потом же я собирался его пожаловать, а он, опасаясь этого, из-за этого в Литовскую землю уехал. Пусть у него ваши литовские паны заберут должности, сами тогда увидят, как он оттуда уйдет, а может, и в мою землю, и будет потом у меня служить»[62]. В присутствии царевича Ивана Ивановича Курбский был обвинен в покушении на жизнь царицы Анастасии, при этом царь,

[56] СИРИО. Т. 71. С. 467, 540, 778. См. также: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. / пер. с польск. Л. И. Леньшиной. М., 1994. С. 302.

[57] ПИГАК. С. 32.

[58] ПИГАК. С. 103.

[59] HBA. D. N 3534/1. S. 1–7 (Саломон Хеннинг — Готарду Кетлеру. Вильно, 6 сентября 1567 г.). См.: Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1565–1570). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv / bearb. von S. Hartmann. Köln et al., 2008. S. 123–124.

[60] ГАР. Ч. 1. С. 83 (л. 328) (Ящик 191).

[61] ПИВЕ. Т. 2. С. 272–274; *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570–1582): Историко-критическое исследование. СПб., 1904. С. 10–11, Приложения. С. 12–14 (№ 2); *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002. S. 82–83, 109–110.

[62] АИР. Т. 1. С. 228; Henri de Valois et la Pologne en 1572 / par E. H. de Noailles. Paris, 1867. T. 3. S. 182–185. Цит. по: BCz-1585. K. 177–182; BCz. TN. N 80. S. 744: "Krupski... do waszej ziemi przyjechał. Obacz proszę. Ten (na syna swego starszego tam ukazując powiedział) o to pry tego matkę dziecięcia a żonę moją mi wziął, a ja o tym Bogiem świadczę iżem nie myślał abym go skarać miał, jednom to w prawdzie myślił, ująć mu nieco dygnitarstw i urzędy pobrać, alem się go potym użałować miał, a on się tego obawiając, do ziemi litewskiej zatym zjechał, któremu niechby panowie wasi urzędy wzieli, i to opatrzyli, żeby on ztamtąd gdziekolwiek wyszedłszy, albo też do ziemi mojej, na przekazie mi potym nie był". См. также неточный перевод: *Петровский М. П.* Князь А. М. Курбский... С. 20.

как и в других своих устных и письменных выступлениях, не отрицал, что собирался отобрать у князя его чины и должности, с целью его смирить, не лишая тем не менее жизни. В латинской версии о Курбском читаем: "sicut etiam Krupski nullam adversum me inventurus est iustam causam cur a me defecerit. Etiam quod indignabundus illi extiti ipsemet mihi maximam occasionem praebuerat. Huic conscius sui nefandi criminis fuga eum propriae vitae consulere oportuit"[63]. Согласно немецкой версии отчета о литовской дипломатической миссии того же времени, царь заявил, что намеревался отнять у Курбского принадлежавшее ему ("das seine") и бил его татарской плетью[64].

В годы первых двух польских бескоролевий имя *изменника* упоминалось при обсуждении проектов избрания Ивана IV или его сына на польский и литовский трон. Причем нет оснований полагать, что царь изменил свои планы покарать перебежчика. Неизвестна также реакция царя на требование литовской Рады в случае его вступления на престол сохранить права и свободы тех московитов, которые «збежали» к королю Сигизмунду II, «чтоб ся они не торонили»[65]. Во Втором послании, написанном летом 1577 г., царь начинает свои упреки в адрес Курбского и его *советников* с отравления Анастасии, настаивая, что это главное преступление князя до эмиграции: «А и з женою вы меня про что разлучили? Толко бы вы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было»[66]. Заговор, направленный на раскол государства, изображен как часть покушения на царя и его семью. В письме царя Стефану Баторию от сентября 1581 г. целью покушения Курбского и Тетерина названо убийство царя: «Курбской и Тетерин не для нашего окрутенства побежали, для своего злодейства, что были они на наш живот помыслили. И мы хотели их за измену казнити, и они от тово побежали»[67]. Как видно из приведенного ряда обвинений, первоначально подозрение предполагало заговор против царицы. В последних письмах Ивана Грозного мишенью Курбского объявлены вся царская семья или один царь.

Убийство царицы, или царя и царицы, или царя и его детей, если следовать посольским наказам и посланиям Ивана IV, не было самоцелью князя. Убийство должно было привести его на ярославский престол. В поздних инвективах царя и Посольского приказа акцент смещается и состав преступления формулируется иначе: Курбский готовит заговор не с целью захватить Ярославль, а с целью утвердить на престоле удельного князя[68]. Обвинение Курбского в организации государственного переворота с целью захвата Ярославля сфабриковано с целью вытребовать его из эмиграции как *кромольника*[69].

---

[63] EFE. Romae, 1964. T. 11. P. 183 (Б. д.). Иная редакция в копии из коллекции А. Поссевино: ARSI. Polonia. Opera nostrorum. №322. F. 68: "Quemadmodum ut ut Krupsky nullum adversum me est inventurus iustam causam cur a me defecerit. Ut quod indignabundus illi extiti ipsemet maximam occasionem praebuerat. Huic conscius sui nefandi criminis, fuga eum consueduae propria vita oportuit".

[64] *Hansen G. von.* Joan IV. im Gespräch mit einem polnisch-litauischen Abgeordneten // Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands. Reval, 1894. Bd. 4. S. 141: "Kurbskij ist entlaufen, weil ich ihn mit einer tatarischen peitsche habe streichen und ihm das seine nehmen lassen wollte". На этот источник из Ревельского архива, опубликованный Готтардом фон Хаизеном, обратила наше внимание А. Л. Хорошкевич. См. также: *Staden H., von.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / hrsg. von F. Epstein. Hamburg, 1930. S. 23. Anm. 4. Г. фон Хаизен отмечает в публикации, что в его источнике послание «не поименован». Предположительно установить его имя позволяют упоминаемые в отчете реалии. Царь говорит о перспективах своего избрания на трон Великого княжества Литовского (после смерти Сигизмунда II), на приеме у царя упомянут "Maliuta Skuratow" — Григорий-Малюта Лукьянович Скуратов-Бельский (погиб в декабре 1572 — январе 1573 г.). В данных хронологических рамках, между 7 июля и декабрем 1572 г., были осуществлены дипломатические миссии Ф. Воропая, С. Матвеева и М. Гарабурды (*Lulewicz H.* Gniewów... S. 103). Отличия немецкого текста от реляции Воропая всё же достаточно велики, из чего можно сделать предварительный вывод, что фон Хаизеном опубликована одна из версий отчета Матвеева, встречавшегося с Иваном Грозным в Новгороде 20 октября 1572 г.

[65] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 338–339.

[66] ПИГАК. С. 104, 406. Примеч. 11. Комментатор послания Я. С. Лурье отмечает, что в Первом послании царя прямо об убийстве Анастасии не говорится. При этом он не учитывает указанных выше посольских источников. В «Истории» Курбский пишет, что обвинение в колдовском воздействии на царицу пало на Сильвестра и А. Ф. Адашева, не называя себя в числе обвиняемых. Однако автор «Истории» вообще не говорит о причинах своей эмиграции и не обсуждает свою причастность к Избранной раде. В Первом послании царю князь, согласно предположению Р. Г. Скрынникова, своим замечанием о ложных обвинениях в чародействе намекает на то же судебное дело. И все-таки причастность Курбского к подозреваемым в чародействе и в этом случае остается неясной (*Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 134–135).

[67] ПК-78-1. Л. 276. Изд.: ПДС. Т. 10. Стб 226. Современная польская копия послания с данным текстом: BK-982. S. 171.

[68] *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 451.

[69] Курбский называл опричников *кромешниками*, обыгрывая не только этимологию слова *опричник*, но, вероятно, также и слово *кромольник*. Разрушители государ-

Титул князя *Ярославского* Курбский принимает в Речи Посполитой без очевидной связи с обвинениями Ивана Грозного и через несколько лет после этих обвинений. Ни о какой реакции на них со стороны князя неизвестно[70]. Показательно, что из более поздних заявлений царя в его адрес ярославская тема полностью исчезает. Этот факт объясняется появлением новых и более значительных обвинений. Курбский был признан сторонником Владимира Старицкого и тайным зарубежным организатором новгородского мятежа. Во Втором послании царя после традиционных слов о покушении на жизнь Анастасии нет упоминания *Ярославского владыки* и вторым пунктом появляется: «А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми известь?»[71] Посольские наказы отразили тонкую грань между подозрениями в адрес князей Старицких и князя Курбского[72]. Наказ посольству М.Д. Карнова 1578 г. помещает слова о заговоре князя Владимира и княгини Ефросиньи непосредственно перед разведывательной инструкцией в отношении Курбского и других изменников царя в королевском стане[73]. Принципиальным новшеством не стало подозрение, изложенное в наказах О.М. Пушкину в 1581 г. и Д.П. Елецкому в августе 1582 г.: «А Курбъской ещо израдил господарю нашему будучи господаря нашего подыскивал под господарем нашим господарства, хотел видети на господарстве князя Владимера Ондреевича. А за князем Володимером Ондреевичем была его сестра двоюродная»[74]. Подробное обоснование измены Курбского было предложено в ответе на предполагаемые слова Курбского *яз поехал от неволи, что государь меня хотел убити*: «Государь ещо твоеи измены сыскивал, а не казнить было тебя как: ты со князем Володимером Ондреевичем под государем государства подыскивал и хотел еси на государстве видети князя Володимера Ондреевича мимо его государя и государьских детеи; и ты изменил не от неволи, своею волею, еще на Москве не хотел еси государю добра да и отехал еси к его недругу, да и землю православную воевал еси, да и на государя саблю подымал еси и изменивши грамоту ко государю невежливо писал еси»[75]. Смена одного обвинения другим показывает, что в преступлении Курбского интегрировались высшие проявления *измены*, причем вменялось ему в вину не каждое из этих проявлений, а только самое страшное злодеяние. А.И. Филюшкин убедительно опроверг достоверность посольских сообщений о причастности Курбского к заговору Владимира Старицкого[76].

Историки вменяли в вину Курбскому вслед за московскими официальными текстами середины — второй половины 1560-х гг. разжигание войны, разглашение государственных тайн, участие в польско-литовских боевых операциях на российских землях. А.А. Зимин показал безосновательность предположения Р.Г. Скрынникова о получении противником от Курбского сведений о передвижении российских войск накануне битвы на реке Уле 26 января 1564 г.[77] Преувеличено и основано, скорее всего, на выводах Скрынникова утверждение польского историка-биографа Станислава Цинарского о том, что «родственник Владимира Старицкого князь Андрей Курбский, договорившись с Радзивиллами», бежал на сторону короля и «выдал всех сторонников Москвы в Ливонии, а также московских агентов, действующих в Литве»[78].

Первое послание царя Ивана Курбскому, написанное по следам поражения московского войска на реке Уле, делает Курбского и его сообщников ответственными за разжигание войны

ства заслуживали не только адских мук, но и наказаний, предусмотренных реформами начала царства для государственных преступников.

[70] Обстоятельства изменения титула Курбским в конце 1570 — начале 1571 г. подробно рассмотрены: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 25, 378. Anm. 8. См. также здесь главу «Персональная и социальная память».

[71] ПИГАК. С. 104.

[72] Никаких пояснений на этот счет нет в наказах гонцам. Их ответы *изменникам*, носящие формульный характер, рассмотрены нами ниже. Однако наказные памяти предписывают гонцам избегать любых обсуждений *измены* и вины *изменников*. Их можно использовать только в сопоставлении с наказами посольствам.

[73] ПК-79-10. Л. 457 — 457 об.

[74] ПК-79-12. Л. 278 об.

[75] ПК-79-12. Л. 289 — 289 об.; *Флоря Б. Н.* Новое о Грозном и Курбском. С. 145. А.И. Филюшкин пишет о «новых нотах», прозвучавших в посольских обвинениях в адрес Курбского в 1582 г. К числу этих новшеств автор относит обвинение в соучастии в заговоре старицкого князя. Однако в этом случае Филюшкин не учитывает Второго послания Ивана Грозного, упоминания в одном ряду Старицких и Курбского как преступников в наказе 1578 г. и более раннем, по сравнению с наказом Елецкому, посольской памяти Пушкину (ср.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 60).

[76] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 59.

[77] *Зимин А.А.* Побег князя Андрея Курбского в Литву. С. 47; *Попов В.Е., Филюшкин А.И.* Бегство князя А.М. Курбского: документ из Рижского архива // SSBP. 2010. №2 (8). С. 119. Ср.: *Скрынников Р.Г.* Переписка... С. 59; *Ковылов С.В.* Отъезд... С. 70–71.

[78] *Cynarski S.* Zygmunt August. 2-e wyd., przejrzane. Wrocław, 1997. S. 184.

с Литвой: «К сему убо и Литовская брань учинилася вашею изменою и недоброхотством и нерадением безсовестным»[79]; «И аще не бы ваша злобесная нретыкания была, и з божиею номощию уже бы вся Германия была за нравославием. Та же оттоле литаонский язык и готфейский и ина множайшая воздвигосте на нравославие»[80]. Война с Литвой началась будто бы из-за того, что воеводы, и Курбский в их числе, не завоевали сразу всю Ливонию. Этот унрек в нослании царя отличается от инвектив в адрес князя в международных нереговорах. Курбскому инкриминировано, что до «нобежания» он мог нредотвратить войну, не дожидаясь вступления в нее Швеции и Литвы, а в эмиграции нренятствует нрекращению боевых действий между Литвой и Россией. Официальная летопись под маем 1564 г. сообщает о стремлении перебежчика сорвать переговоры о мире: «Богоотступник же изменник государьской князь Ондрей, приехав к королю, на многое кровонролитие крестианское короля и всю его раду ноостряше всячески, чтобы ему со царем и великим князем не миритися, но множае бысть крестьянская кровь нроливати»[81]. В августе крымский хан нолучил от Сигизмунда II Августа «двойную казну» на войну с Москвой. Согласно отчету А. Ф. Нагого о крымском носольстве, вину за разжигание войны нротив царя нри дворе хана возлагали на Курбского: «...а с ним, деи, отъехали многие люди; и короля, деи, на тебя, государя, он нодиял, и царя и царевичей велел он нодняти»[82]. Крымские вести, видимо, нослужили основой для летописной заметки и были исходной точкой в формировании стереотина злоумышленника, поднявшего католиков и мусульман на нравославие. Под 1 октября 1564 г. в летописи говорится: «Но тогда убо бяше у литовского короля враг божии и изменник царя и великого князя князь Ондреи Курбъскои, нрестунив крестное целование и оставя синьклитство и имениа многая, бежа от царя и великого князя х королю в Литву и нодымаше короля и ноостряше на церквы Божиа, на нравославие, на царевы и великого князя украйны и желая того, чтобы которая крестианьская кровь нролити»[83]. В наказной «памяти» Ф. И. Умного Колычеву 1567 г. Курбский уномянут во главе изменников, которые «межи государей ссоры делают и на болшее кровонролитье христьянское нодымают»[84].

Князья Петр Шуйский и Андрей Курбский отправляются в поход «промышляти над ыными городы немецкими». Запись за июнь 1558 г. Лицевой свод Ивана Грозного. См.: Лицевой летописный свод. Кн. 9. С. 711 (л. 357).

Война Ивана Грозного со Стефаном Баторием возродила былые унреки. В наказах

[79] ПИГАК. С. 14.
[80] ПИГАК. С. 38.
[81] ПСРЛ. Т. 13. С. 383; Т. 29. С. 334.
[82] ПК-123-11. Л. 138–140. Цит. в: *Петровский М. П.* Князь А. М. Курбский... С. 19. Примеч. 29; *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 414.
[83] ПСРЛ. Т. 13. С. 388; Т. 29. С. 338.
[84] СИРИО. Т. 71. С. 467.

гонцам А.Т. Михайлову, Е.И. Благому (Благого), Г.А. Нащокину, Ф.Я. Шишмареву, посольствам кн. Д.П. Елецкого и О.М. Пушкина в Речь Посполитую названы преступления Курбского, и среди них: «Вы своею изменою на церковь стали, веры христьянские забыли»[85]; «Ты... стал еси на православную землю... еще на Москве не хотел государю добра да и землю государеву воевал еси»[86]. Иван Грозный в посланиях Стефану Баторию обвинял Курбского и других *изменников* в подготовке выступления против России[87].

***

Российская дипломатия, ведя борьбу против заграничной измены, не была обособлена от террора внутри страны. Семья князя — его мать, жена и сын — была арестована и брошена в тюрьму, где они были замучены[88]. Курбский был лишен прошлого: придворная документация перерабатывалась с учетом трансформировавшегося отношения к изменнику. Родословные книги закрывают историю рода Курбского в России и бросают тень преступления на его предков: «...бежал в Литву из Юрьева Ливонского в 72 году»[89]. С.Н. Богатырев обращает внимание на устранение имени Курбского в одной из редакций «Повести о походе на Полоцк»[90]. По наблюдениям Ю.Д. Рыкова и А.В. Кузьмина, в синодиках, составленных после эмиграции князя Андрея, род А.М. Курбского не зафиксирован, тогда как другие ветви ярославского княжеского рода удостоились поминания[91]. Согласно челобитьям князя Куракина 1640 г., родичи Курбского были подвергнуты понижению в придворном статусе[92]. Сведения Куракина, недостоверные в деталях, в целом достаточно точно отражают отношение к Курбскому как образцовому изменнику[93].

Вообще поиск придворного заговора начался сразу после побега Курбского, о чем говорит казнь В.В. Морозова в 7077 (1568/69) г. Он похоронил утопленного в реке слугу князя Андрея. Альберт Шлихтинг пишет о причинах казни Морозова: «Тиран думал, что Владимир устроил какой-то заговор с Курбским, и ложно обвинил его наконец в том, будто он неоднократно переписывался с Курбским»[94]. Если «слугой Курбского» был В. Шибанов, следственное дело по «заговору» должно было начаться уже в 1564 г., но к этому времени у Морозова не могло быть долгой переписки с Курбским. В Третьем послании князя царю говорится, что он давно ответил на «ши-

[85] ПК-79-10. Л. 531 об. Наказ Михайлову (отпущен в Великое княжество Литовское 18 января 1578 г.) отличается в аналогичных обращениях к изменникам от наказов Благому (8 января 1580 г.), Нащокину (23 апреля 1580 г.) и Шишмареву (июль 1580 г.), которым предписывалось отделаться от разговора фразой: «Ты забыл Бога и православное христьянство и государя и свою душу и свое прирожение и свою землю, преступив крестное целованье, изменил, и с тобою з злодеем чего добра договоритися» (ПК-79-11. Л. 230–231, 310–311, 377 — 377 об.). Наблюдение А.И. Филюшкина о различиях в формуле наказа Благого и Нащокину ошибочно (ср.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 60).

[86] *Флоря Б.Н.* Новое о Грозном и Курбском. С. 144–145; *Зимин А.А.* Побег князя Андрея Курбского в Литву. С. 45–46; *Ерусалимский К.Ю.* Ливонская война... С. 74, 86. Примеч. 32; *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 60–61.

[87] *Уо Д.К.* Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Степану, королю польскому» // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 360; ПК-79-13. Л. 52 — 52 об.

[88] NM. Giessen, 1976. Bd. 1. F. 3v; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 99–100. «Прощание» Курбского с женой перед побегом — романтичная легенда. Ее источником следовало бы считать, как кажется, самого Курбского, который в конце 1560-х гг., видимо, уже зная о судьбе своей семьи, стремился сформировать выгодное для себя отношение польско-литовского общества к идее вступления в новый брак. Три года спустя после побега он просил разрешения на вступление в брак у константинопольского патриарха. Параллельно, еще до венчания с княгиней М.Ю. Гольшанской, он добивался наследственного права на Ковель.

[89] Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 48; *Петровский М.Н.* Князь А.М. Курбский... С. 19. Примеч. 29. По наблюдению М.Е. Бычковой, в списках родословных книг, сходных с Румянцевским II (НИОР РГБ. Ф. 256. № 349) и восходящих к протографу времени Ивана Грозного, упоминание побега содержится, тогда как в родословно-разрядном сборнике типа Архивского VI (РГАДА, РОБ МГАМИД, № 362), содержащим в некоторых случаях более ранние чтения по сравнению с Румянцевским II, о побеге Курбского еще не говорится (*Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 45, 83, 163).

[90] Сообщение о том, что Курбский занимался осадными работами 5 февраля, содержится в Пространной редакции Разрядной книги и Музейном разряде, но не читается в летописной «Повести о Полоцком взятии». Согласно предположению исследователя, умолчание официальной летописи о Курбском, «по-видимому, было результатом его побега во владения Сигизмунда II в 1564 г.» (*Bogatyrev S.* Battle for Divine Wisdom. P. 343–346, цит. с р. 344; ср.: *Анхимюк Ю.В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 155–170).

[91] Благодарю А.В. Кузьмина (Москва) за консультацию.

[92] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 5.

[93] См. главу «Персональная и социальная память».

[94] Шлихтинг. С. 38; Гваньини. С. 124, 125; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 386. Примеч. 59.

роковещательный лист» царя: «...да не возмогох нослати»[95]. Никаких своих слуг носле получения Первого нослания царя Курбский в Россию не носылал. Следовательно, имя Курбского было демонизировано и использовалось в обвинении Морозова незадолго перед его казнью[96]. Письма *изменника* были предметом особой тревоги московской власти. Рука Курбского видна в послании Т. И. Тетерина и М. В. Сарыхозина боярину М. Я. Морозову[97]. Князя подозревали в Москве в приглашении знати на королевскую службу летом 1567 г.[98] Он действительно был упомянут в письме Г. А. Ходкевича М. И. Воротынскому как образец для подражания[99]. Обвинение в переписке с *изменником* звучало и в открытом вскоре после казни Морозова Новгородском «деле». Направленные в Литву в декабре 1570 г. послы И. М. Канбаров и Г. Ф. Мещерский должны были объявить Курбского виновником новгородских событий, а также инспиратором заговора казненных 25 июля на Поганой луже И. М. Висковатого и Н. А. Фуникова-Курцева: «А ныне его многая измена, тайно лазучьством со государьскими изменники ссылаетца на господарьское лихо и на крестьянское кровопролитие»[100]. Показательно и то, что следственное дело 1573 г. лишило жизни трех выдающихся придворных, из которых М. Я. Морозов и М. И. Воротынский состояли в переписке с Курбским, а Н. Р. Одоевский был двоюродным братом Курбского и шурином старицкого князя Владимира Андреевича[101]. Все трое заслужили особой похвалы Курбского, включенной в его «Историю» уже после завершения ранней версии этого сочинения[102]. Проект переговоров короля Сигизмунда II Августа с московской знатью при посредничестве Курбского, обсуждавшийся в переписке короля с М. Ю. Радзивиллом в начале 1571 г., подтверждает, что князь содействовал литовской разведке и посольскому делу в отношениях с Россией[103].

Образ Курбского неоднократно использовался Иваном Грозным для расправы над подлинными или мнимыми друзьями и сторонниками князя, а также над теми, кто поднадал под обвинение в масштабном межгосударственном заговоре. Допрос духовного отца князя старца Феодорита был нацелен на получение исповедных тайн о «презлых делах в человецех обыкновенных»[104]. Причастность Феодорита к следствию стала возможна именно потому, что он был духовным отцом князя и должен был исповедывать его. Тайна исповеди вряд ли была соблюдена в этом случае. Однако «речи» духовника вряд ли бы пошли в ход, если бы у следствия были ясные доказательства заговора[105]. Курбский записал слух, согласно которому Феодорит был казнен, когда «воспомянул нечто» царю о своем духовном сыне[106].

Литературно-публицистические памятники отражают влияние Ивана Грозного и развивают официальный тонос «изменника Курбского». В «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» говорится о курляндских немцах, *изменивших* царю и обратившихся за помощью к Стефану Баторию, но не непосредственно к нему, а через государевых *изменников*: «Молебники же о себе к нему предносылают богомерские христоненависцы и поругатели его христовы веры и силы креста христова, в вере не сохранителие, но преступницы целованья на вере креста христова, росийскаго нашего государя изминников, князя Ондрея Курпскаго с товарыщи. Сии же христоненависцы, сие моление от них слышавше, яко желательни елени, но писанью, на крестьянскаго царя помыслы воонолчаютца

[95] ПИГАК. С. 110. В.-А. Виюк-Коялович в своем «Гербовнике» (о нем подробнее см. в главе «Потомки») пишет, что убийство слуги предшествовало побегу: «Первым приехал в Литву князь Курбский: из-за того, что московский князь Иоанн Васильевич поймал его слугу и жесточайшим образом убил» (BCz. N 1352. S. 107; N 1741a. S. 186; N 1758. S. 224). Вероятно, геральдист передает не информацию особого источника, а только лишь переосмысление текста Гваньини.

[96] А. И. Филюшкин оспаривает мнение А. А. Зимина о смерти В. В. Морозова в конце 1560-х гг. как основанное «на публицистических данных» (*Филюшкин А. И.* История одной мистификации... С. 192. Примеч. б). Действительно, об опале и гибели боярина сообщают А. Шлихтинг и А. М. Курбский. Однако двадцатипятирублевый вклад в Симонов монастырь на помин души Морозова был сделан Щелкаловыми по приказу царя в 7077 г. Опала боярина до бегства Курбского в Литву исключается уже потому, что 31 июля 1564 г. он был «на суде у царя и великого князя» (АРГ. № 75. С. 189, 473).

[97] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 47–48.

[98] ПИГ. С. 653.

[99] ПИГ. С. 266.

[100] СИРИО. Т. 71. С. 778; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 368; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 368. Выводы Р. Г. Скрынникова об этих словах мы рассматриваем здесь выше. См. с. ???

[101] ПИГАК. С. 109; ПК-79-12. Л. 278 об.

[102] *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 305–308; *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 19–95. См. также здесь в главе «Ренессансный историк».

[103] LKZAR. S. 591, 595.

[104] СК. Л. 127.

[105] ОЦА. С. 38.

[106] СК. Л. 113, 127 об.

и иудейским советом на владыку своего воздвигнути ков обещеваютца; дщательне же и изрядне х королю литовскому приходять, сего же на російскаго царя воинством подъемлют»[107]. Список «Моления» Даниила Заточника начала XVII в. содержал характерную оговорку «лутче бы ми смерть, нежели Курбъскаго княжения» — имя Курбского появилось на месте Курского княжества[108]. Сочинения Курбского на долгие годы вошли в репертуар закрытого, оппозиционного чтения. В списках Первого послания, получивших распространение в российской рукописной традиции с конца XVI — начала XVII в.[109], заглавия иногда содержат комментарии: «как он изменил государю», «изменя, в Литву отъехав, так пишет», «изменив, в Литву отъехав», «а писал сие писание из Вольмеры, польского города, отъехав к польскому королю»[110]. Соответственно, в названиях ответного письма Ивана Грозного заглавия, в которых встречаются слова «на крестопреступников», «о их измене», согласно гипотезе В.П. Адриановой-Перетц и Я.С. Лурье, восходят к протографу, созданному еще в правление Ивана Грозного[111].

Обвинение Курбского и других «изменников» в заговоре против государственной целостности России и против царицы, царя или всей царской семьи, в шпионской деятельности и разжигании войны — дипломатический и судебный прием, решавший сразу несколько задач. Прежде всего, пункт о выдаче Курбского и других «изменников» включался в требования московской стороны на переговорах о мире. Заключить мир, как утверждала российская сторона, можно было только после выдачи ее противников, которые как союзники Курбского в деле разрушения Российского государства, должны были стать символом российской и польско-литовской «измены» и международными, общехристианскими преступниками: «И государь бы ваш тех изменников велел государю нашему отдати, чтобы их ссорами кровь християнская не лилася. А не отдаст государь ваш тех изменников государю нашему, и государь наш з братом своим того для постановления никоторого делати не велел»[112]. В структуре этой аргументации война против короля получает дополнительный смысл как война против изменников, так же как внутри страны борьба против изменников сливалась воедино с войной «на вся видимыя и невидимыя враги и супостаты»[113].

Таким образом, посольская документация и послания Ивана Грозного отражают ряд сфабрикованных обвинений, выдвинутых против Курбского уже после его побега из России. Целью фабрикации было предъявить требование о его экстрадиции. Обвинения в его адрес не оставляли сомнений, что судебное постановление, обрекающее князя на высшую меру наказания в России, появилось вскоре после его побега и было судебной формальностью. Даже если фактической причиной для начала следствия послужили разногласия в отношениях между царем и Курбским или какое-то преступление князя, которое царь и Посольский приказ стремились скрыть от польско-литовских властей, причину этих разногласий и состав преступления исследователю пришлось бы искать в противоречивых заявлениях, с течением времени приписывающих Курбскому всё бо́льшие злодеяния. Ответ Курбского на обвинения, доходившие до него из России, покажет, как он относился к версиям своей вины и как сам объяснял причины побега. Эксплицитные суждения князя, рассчитанные на эмоциональную реакцию царя и современников, не всегда полезны для такого исследования. Скрытые эмфазы, тревога, раздражение, избыточная краткость и неопределенность суждений позволят провести опосредованный анализ его высказываний в тех случаях, когда возникнут сомнения в их откровенности.

Вполне согласуются с текстом Первого послания царю слова, сказанные Курбским на допросе перед отправлением в Вольмар в начале мая 1564 г. Этими словами начинается конспект

[107] ППСБ. С. 40–41.

[108] *Малышев В.И.* Новый список Слова Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 194, 196; *Шмидт С.О.* Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII — первая треть XIX века. М., 2002. С. 36.

[109] *Морозов Б.Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке... С. 475–494; *Его же.* Послание Курбского в чемодане тушинского думного дьяка Дениса Софонова // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 423–437.

[110] ПИГАК. С. 352. Примеч. а–а к л. 5.

[111] Там же. С. 12, 356. Примеч. в–г, е, к. Л. 298; *Лихачев Д.С., Лурье Я.С.* Археографический обзор посланий Ивана Грозного // ПИГ. С. 557. Точки зрения об эволюции заглавий послания царя Ивана см.: *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 367–369, 377–382; *Лурье Я.С.* Археографический обзор. Послания Ивана Грозного Курбскому. С. 323–346; *Keenan E.L.* Authorial Ghosts, Dogged Editors, and Somnolent Scribes: The Case of the Spurious "First Letter of Ivan IV to Andrej Kurbskij" // FOG. Berlin, 1990. Bd. 44. P. 27–60.

[112] СИРИО. Т. 71. С. 467.

[113] НЛ. С. 344. Эту цитату интересно сравнить с текстом молитвы за князя в Иерусалимском монастырском уставе: *Клосс Б.М.* Избр. труды. Т. I: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 48.

его показаний: «Первым делом он высоко превозносил свою верность и службу своему господину, великому князю московскому, в частности, что он не пренебрегал своими обязанностями и не упускал ничего, что могло бы принести его господину славу, честь, процветание и прибыток, и теперь, поскольку он примкнул к королевскому величеству, он хотел бы так же служить и ему. Поэтому он решил предупредить королевское величество о вещах, не терпящих промедления, но напротив, исключительно срочные, и настоятельно хотел бы явиться к нему для встречи»[114]. Как мы увидим ниже, Курбский и позднее придерживался версии своего несправедливого изгнания. Хотя в накаленной обстановке побега его слова могли звучать как блеф или самооправдание.

Согласно наиболее ранним заявлениям российской власти, злой умысел Курбского заключался в том, что он хотел стать «ярославским владыкой». Князь нигде в своих сочинениях это обвинение прямо не отводит. Однако Второе послание Курбского подробных ответов не содержит, а уже к началу его работы над Третьим посланием, как показано выше, тема ярославского удела перестала интересовать Москву. Не упоминая Ярославля, в Третьем послании князь отказывается отвечать на наветы: «...аки бы тобе не покоряхся и землею твоею хотех владети»[115]. С 1570–1571 гг. в польско-литовской документации его полное имя включает ярославский титул, в своих переводных сборниках князь иногда именует себя только «Андреем Ярославским», но в переписке с Иваном Грозным указывает российское родовое прозвище «Курбский» и польское владетельное прозвище «княжа Ковельский», «княжа на Ковлю»[116]. Курбский остерегается использовать в Переписке ярославский титул — он выступает только в заграничной переписке и актовых источниках. Если под этим умолчанием скрыт протест, необходимо установить подлинное отношение князя к политике «собирания» земель в России. Представления князя о процессе объединения русских земель звучат для московских реалий эпохи Ивана Грозного нетривиально. Рассуждая о политических идеалах и проводя сравнения, князь не называет Россию владением господаря, а подданных — его холопами, не признает угроз со стороны уделов и угроз удельного дробления царства, ссылается на «свободы христианских королей», приветствует имперский тип единства западнохристианских царств, обозначает Россию по аналогии со Священной Римской империей Святорусским царством, Святорусской империей, в глоссе к переводному тому «Симеон Метафраст» выдвигает идею Русской земли как конфедерации великих княжеств в противовес московской деспотии монгольского типа[117]. Насколько эти представления отвечают самосознанию Курбского до его эмиграции из России? Князь не скрывал своего отношения к внешней политике, придворной и личной жизни царя, был сторонником открытого обличения власти. Придать его словам нужный следствию смысл не составляло труда. При этом подобного крамольника в России 1560-х гг. отделял один шаг от процесса *слова и дела*.

Смерть царицы Анастасии была использована царем для придворных перестановок, повлекших за собой репрессии — «Кроновы жертвы». Курбский не признал ни своей вины, сославшись в Третьем послании на свое родство с царицей, ни вины советников Избранной рады: «...бо вещи вопиют, трубы явленнейше глас испущающе, о святыне их и добродетели»[118]. В «Истории» описана фабрикация процесса. Князь был хорошо осведомлен о ходе следствия, однако о его борьбе за оправдание Адашева и его сторонников ничего не известно. Князя соединяли с временщиком дружеские отношения. Но если побег Курбского был вызван гонениями по «делу» Избранной рады, неясно, почему он сам не сослался на эту причину, позволявшую на его собственном примере подтвердить мысль о преследовании невиновных в России. Впрочем, на месте Курбского нетрудно было догадаться, что юрьевское наместничество было политической ссылкой, которую пережил Адашев, и именно так князь в письме, написанном совместно с Тетериным и Сарыхозиным, охарактеризует назначение в Юрьев М.Я. Морозова. В этом смысле целостная картина вырисовывается, если учесть личную дружбу Курбского с Адашевым, их предполагаемое совпадение во взглядах на внешнюю политику, подробное описание в «Истории» преобразований «начала царства», суда над советником 1560 г. и его домашней жизни, а также заявления царя о Курбском как сторонике Сильвестра и Адашева. Такой целостной картины не получается, если обратиться к инвективе, будто эмигрант «подыскивал под государем» государства

[114] LVVA. F. 673 (Rîgas Rîtes Ârçjais Arhîvs). Ap. 3. K. 8. №35. K. 1, публ.: *Попов В.Е., Филюшкин А.И.* Бегство... С. 120.

[115] ПИГАК. С. 110.

[116] ПИГАК. С. 101, 106, 111, 116, 118.

[117] Об этом подробнее см. главу «Княжеский идеолог».

[118] ПИГАК. С. 109.

в пользу удельного князя. Она прозвучала после расправы над Владимиром Андреевичем и касалась событий 1563 г., когда у старицкого князя был конфискован его двор. Курбский отреагировал на этот вынад краткой фразой в Третьем послании: о поддержке удельного не мыслил, «понеже и не достоин был того»[119]. Оценка в равной мере может относиться к автору послания и старицкому князю, которого Курбский считает частью «кровопивственного рода» московских великих князей и недостойной партией для своей двоюродной сестры[120].

В ответ на обвинение в разжигании войны звучит протест в форме притчи. Идею похода совместно с крымскими войсками на царские земли князь отверг. А его поход с Богушем Корецким на Великие Луки (сентябрь–октябрь 1564 г.) не был, по словам князя, наступлением на православие, поскольку оба гетмана не позволяли неверным в своих войсках разорять святыни. Раскаяние переходит в обличение: «Но исповедую грех мой, иже принужден бых за твоим повелением Витенское великое место и в нем двадесять четыре церкви християнских сожещи»[121]. Критика военной политики царя развивает спор, начатый еще в России, следы которого обнаруживаются в Первом послании царя и «Истории» Курбского. Ливонская война в хроникальном разделе «Истории» представлена только в той ее части, которая связана с противостоянием российского православия и ливонского протестантизма[122]. Войну между православными России и Великого княжества Литовского князь оценивает негативно, а за перадение в защите христиан от неверных в равной мере служилым людям и шляхте Андрей Курбский адресует отповедь, которая прозвучала в его российской переписке с Вассианом Муромцевым, а затем вызвала серьезные опасения при королевском дворе Сигизмунда II Августа[123].

Особое место в Третьем послании князь отводит слову *изменник*. Курбский не принимает его на свой счет. Крестоцелование им рассматривается как грубое нарушение свободной службы: «...аще кто по неволе присягает или клепется, не тому бывает грех, кто крест целует, но паче тому, кто принуждает, аще бы и гонения не было». Примером для подражания служит Христос, призывающий апостолов бежать от гонителя и Сам «бегающе не токмо от смерти, но и от зависти богоборных жидов»[124]. Польско-литовские послы доказывали, что измена Курбского «легка», поскольку он не сдавал противнику городов[125]. Этим же аргументом прикрывается В. С. Заболоцкий в беседе с московскими послами, отрицая свою измену и приводя в пример *изменника* Агиша Сарыхозина[126]. Российские эмигранты в Речи Посполитой неоднократно били тревогу, когда слышали обвинения в измене своему господарю со стороны своих новых соотечественников. Однако в повседневной жизни польской и литовской шляхты русск. *здрадца* и польск. *zdrajca* воспринимались как грубая инвектива и считались достаточным, чтобы словесный конфликт перевести в бойню[127].

Курбского также называли «за глаза» изменником. В ливонской хронике, в сообщении о походе Б. Ф. Корецкого и других литовских ротмистров на Великие Луки о Курбском говорится как об «изменившем и бежавшем к королю» ("durch Ahnfurung des abtrinnigen und zum König entwichenen Kurpski")[128]. По сведениям московских послов в Речи Посполитой в 1571 г., Курбского не любят «ляхи» и зовут его все «израдцою и лотром»[129]. Во время выборов короля после бегства из страны Генриха Валуа он представлен соучастником заговора в пользу князя Ю. Ю. Слуцкого и его действия противник Слуцкого Я. И. Ходкевич назвал изменой[130]. В дру-

---

[119] ПИГАК. С. 109..

[120] Факт родства со Старицкими необязательно связывать с процессом против Курбского, который велся накануне его побега. Этот факт используется царем в дипломатической документации как аргумент в пользу вины князя. В окружении литовских магнатов и польского короля подобный аргумент мог вызвать только иронию. Именно как ирония может расцениваться фраза Третьего послания о том, что князь предчувствовал свою опалу, когда царь выдал его сестру за князя Владимира.

[121] ПИГАК. С. 108.

[122] В «Истории» упоминают вскользь эпизод русско-литовской войны — приход войск Иеронима Ходкевича под Кесь: СК. Л. 66–66v.

[123] *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 461, 463; AR. Dz. V. N 13980. S. 214 (письмо М. Савицкого М. Ю. Радзивиллу, без даты).

[124] ПИГАК. С. 108.

[125] СИРИО. Т. 71. С. 540. См. выше.

[126] ПК-79-11. Л. 117 — 118 об.

[127] *Tazbir J.* Zdrada po staropolsku // Res publica nova. 1995. N 2 (77). S. 14–20. Инвектива *изменник* в адрес Михаила Мышки-Варковского на выборах судьи земского луцкого в 1580 г. и роковая перебранка между В. С. Заболоцким и М. К. Радзивиллом Перуном обсуждаются нами в другом месте (см. в главе «Последний день Владимира Заболоцкого»).

[128] LVVA. F. 673. Ap. 3. K. 8. N 43. K. 11. Цит. по: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 112. Anm. 33; см. также: *Скрынников Р. Г.* Бегство Курбского. С. 301–302.

[129] СИРИО. Т. 71. С. 806–807.

[130] AR. Dz. V. N 2044. S. 65–67 (письмо Я. И. Ходкевича М. Ю. Радзивиллу, 11 февраля 1573 г.).

гом случае, в тот же период, так подыгрывает Г. Ю. Остик Ивану Грозному, резервируя за собой Ковель в случае победы царя на выборах[131]. Впрочем, Остики были в свойстве с Сангушками, которые как раз на заре Речи Посполитой вели борьбу с Курбскими за Ковельские земли. Князь Лев Александрович Сангушко был женат на Ганне Миколаевне Остиковне[132], и урядники Курбского вели с ней переговоры по взаимным претензиям между князьями-соседями[133].

Ни о каких провинностях Курбского перед царем, которые расценивались бы как нарушение феодальной этики, в польско-литовском обществе не было известно. Только Ф. Иненштедт записал в своей хронике, что Курбский был под подозрением в сговоре с польским королем против великого князя и послал великому князю оправдательное письмо, но это уникальное свидетельство, оно получено от служебника Курбского и, вероятно, отражает личную точку зрения князя Андрея[134].

***

Поскольку сведений об опале Курбского до Полоцкого похода в источниках нет, и нет оснований экстраполировать обвинения в злом умысле против царской семьи на тот период, когда Курбский достиг пика своей российской карьеры и стал воеводой большого полка в походе в Ливонию, скрытые за фабрикацией предполагаемые преступления князя необходимо искать не ранее конца 1562 — начала 1563 г. Более ранняя датировка опалы связана с «делом» Адашева и поражением Курбского под Невелем (19 августа 1562 г.)[135]. С поражением войск Курбского связывают его побег польские и литовские хроники и поэтические опусы. В основе польских и литовских оценок хода и последствий битвы лежит реляция Ф. Зебжидовского, отправленная на имя М. Ю. Радзивилла два дня спустя после битвы[136]. Ее преувеличения нашли благодатную почву в военной пропаганде Речи Посполитой. Позднее к победе 10 рот над «45-тысячным» войском противника добавился образ самоуверенного московского воеводы, вынужденного после рокового поражения спасаться бегством от царского гнева[137]. Согласно «Польской хронике» Марцина Бельского, во время Невельской битвы Курбский угрожал гетману Станиславу Лесневольскому, что загонит всё его войско нагайками в Москву. Проиграв сражение, раненый, он предложил своему второму воеводе попробовать продолжить битву, а сам, испугавшись царского гнева, бежал к королю[138]. Лукаш Гурницкий в своих записках «Происшествия в Короне Польской» пишет, что причиной бегства Курбского к королю послужило поражение князя в битве под Невелем от войска Лесневольского. Однако события в записи Гурницкого отражены в ошибочной хронологической последовательности. Битву под Невелем он упоминает под 1564 г., тогда как она имела место в 1562 г. Сказав о побеге Курбского, он обращается к битве на реке Уле, возвращаясь таким образом от 30 апреля к 26 января 1564 г. Отрывок «Происшествий», повествующий о событиях 1564 г., заимствован из «Польской хроники» Бельского. Сведения польских свидетелей событий заслуживают внимательного рассмотрения: «Вскоре после того, — пишет Гурницкий, закончив рассказ о Невельской битве, — видимо, не доверяя Московскому [великому князю. — *К.Е.*], Курбский бежал в Вильно и был Миколаем Радзивиллом, князем на Дубинках, в то время воеводой троцким, гетманом Великого княжества Литовского, благодарно принят, о чем король (который тогда был на сейме в Варшаве, где были и литвины) был оповещен. Московский, насмехаясь над королевскими войсками и упрекая Курбского в измене, что он мог разбить наших под Невелем, но выпустил из своих рук победу, собрал великие войска и приказал воевать литовские государства»[139]. Основная схема событий заимствована Гурницким у Бельского,

[131] ПИВЕ. Т. VII. Посольская книга по связям с Польшей (1575–1576 гг.) / сост. Л. В. Соболев. М.; Варшава, 2004. С. 104. В 1580 г. Г. Остик был казнен по обвинению в шпионаже в пользу Ивана Грозного. Об этом см. в главе «Последний день Владимира Заболоцкого».

[132] *Яковенко Н.М.* Українська шляхта... 2-е вид. С. 330. Схема II (3).

[133] КГВ-4. Арк. 52 зв. — 53 (17 марта 1569 г.), 64 — 64 зв. (9 апреля 1569 г.), 211 зв. — 212 (29 августа 1569 г.).

[134] См. ниже.

[135] *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 251, 288.

[136] *Янушкевіч А.М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфляцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 56.

[137] Эти цифры преувеличены. Иван Грозный говорит в Первом послании Курбскому, что князь во главе 15-тысячного войска не мог справиться с 4 тыс. противника. А. И. Филюшкин считает сведения Ивана IV о русском войске преувеличением, однако сведения царя вряд ли были существенным искажением, учитывая, что он обращался к участнику событий. Реляцию Ф. Зебжидовского исследователь не учитывает, а ведь именно она могла послужить основой для рождения мифологизированного представления о битве под Невелем. Ср.: *Филюшкин А.И.* Мифология и реалии битвы под Невелем 1562 г. // SSBP. 2012. №1(11). С. 197–198.

[138] Bielski. S. 1151–1152.

[139] *Górnicki L.* Dzieje w Koronie Polskiej. 2-e wyd. / oprac. H. Barycz. Wroclaw, 1950. S. 130.

однако в важных частностях эти авторы расходятся. Бельский сообщает о ранении Курбского и его немедленном решении бежать к королю после битвы. Автор «Происшествий» называет, в отличие от Бельского, имя второго воеводы в Невельской битве ("Serebrny"), утверждает, что решение бежать Курбский принял «вскоре после» битвы, и сообщает детали приема князя в Вильно М. Ю. Радзивиллом. Связь между военным «поражением» и побегом Курбского, положенная в основу сообщения «Польской хроники», говорит о том, что осмысление события наступило в польской историографии уже после эмиграции Курбского[140]. Связь между неудачным наступлением (поражением это, конечно, вовсе не было) московского войска под Невелем и побегом Курбского к королю вымышлена в польских хрониках, возможно, под влиянием военной пропаганды и при участии (или по заказу) Миколая Черного и Миколая Рыжего Радзивиллов.

Источником сообщений о Невельской битве для хронистов послужили сведения Марцина Бельского, составившие позднее основу «Польской хроники» его сына Иоахима. Реляции о ходе и результатах битвы полны преувеличений, имевших психологическую и пропагандистскую цель после неожиданного для литовских магнатов и короля разгрома витебских посадов в мае того же года полком Курбского[141]. Внушающий страх московский воевода предстал после Невельской стычки посильным противником. Князь был ранен. В глазах польской и литовской шляхты Невельское сражение обрело ореол крупной победы[142]. В псковских летописях эта битва отмечена совершенно иначе: «с обеих сторон потернулися и языков наши взяли у них»[143]. Также и царь придавал значение не столько потерям, сколько тому, что князь не воспользовался своим преимуществом и упустил победу[144]. Упрек князю, брошенный Иваном Грозным в его послании, был использован в польско-литовском обществе для развития мифа «Невельской победы»[145]. Но на этот раз ореолом благородного рыцаря, устрашившегося царского гнева и перешедшего на сторону великодушного противника, был окружен сам Курбский. Можно согласиться с теми исследователями, которые не принимали эту версию как причину побега князя Андрея Курбского[146].

Участие шурина короля Сигизмунда, воеводы троцкого гетмана Миколая Юрьевича Радзивилла Рыжего в организации побега Курбского из Российского государства было общепризнано[147]. Вскоре после смерти Курбского в его личном архиве были обнаружены письма: «завартые листы», один от кн. М. Ю. Радзивилла и О. Б. Воловича, другой от Сигизмунда II Августа; «отвартый лист» от М. Ю. Радзивилла и «лист» Сигизмунда II, «где се ему ласкаве обецует ставить»[148]. Слова князя о выезде к королю «за уневненем и кглейтом его кролевское милости, такъже за присягою их милости Панов рад» подразумевают те же письма или какие-то из них, так как в одном ряду с ними названо королевское пожалование Курбскому на Ковель от 4 июля 1564 г.[149] Закрытые, видимо, были переданы в виде тайных «цедул» в приложение к официальным посланиям, тогда как открытые — если князь получил их более одного до своего побега — были адресованы непосредственно Курбскому. Королевские письма указаны дважды после писем Радзивилла. Заслугу переманивания воина, которому «в Московии нет равных», шурину короля приписывал его протеже кальвинист Андрей Волан. Причем, по его словам, сам Курбский на большом собрании людей (видимо, на сейме) признал, что один воевода был повержен в битве (Шуйский на Уле), а другой — говорил он, подразумевая себя самого, — красноречием Радзивилла[150].

---

[140] *Скрынников Р.Г.* Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 103–105.

[141] *Янушкевіч А.М.* Вялікае Княства Літоўскае... С. 55–56, далее цит. со с. 56. Белорусский исследователь принимает схему польских хроник и пишет: «Поражение московского войска стало одной из главных причин ухудшения отношений между Иваном Грозным и Андреем Курбским».

[142] LKZAR. S. 381–382, 395, 398. Письма Ф. Зебжидовского М. Ю. Радзивиллу о ходе Невельской битвы мы рассматриваем в главе «Социальный статус».

[143] ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 243.

[144] *Петровский М.П.* Князь А. М. Курбский... С. 21.

[145] Письма Ивана Грозного обсуждались не только в королевских кругах, но и шляхтой: *Janicki M.A.* Tłumaczenie listu Iwana Groźnego do Zygmunta Augusta i jego rola w agitacji przed sejmem warszawskim 1563 r. // Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych między władzą a społeczeństwem. Materiały konferencji naukowej. Kraków, 14 kwietnia 2004. Kraków, 2006. Cz. 2. S. 73–86.

[146] *Филюшкин А.И.* Мифология и реалии... С. 201.

[147] Высказывалась и точка зрения об исхождении инициативы от М. Я. Радзивилла Черного: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 258.

[148] ЛМ-199. Л. 135; ЖКЛВ. Т. 2. С. 190, 193–198.

[149] ЖКЛВ. Т. 1. С. 232; Т. 2. С. 190, 193–198.

[150] *Volanus A.* De libertate Politica sive civili libellus lectu non indignus. Cracoviae In Officina Matthiae Wirzbietae Thypographi S. R. M. 1572. Ark. AIVv–BIv. Нам были доступны экземпляры Библиотеки Чарторыйских (Краков) и Российской государственной библиотеки (Москва). См. также: *Wolan A.* De libertate politica

С Воланом согласны поэт Я. Радван[151] и хронист Л. Гурницкий[152]. Участие литовской разведки в переманивании высокопоставленных московитов служит аргументом в пользу первых двух рассматриваемых нами версий. Но в государственной пропаганде успех обращения Панов рады к московиту с приглашением сменить подданство преподносился как удача, которой сопутствовало решительное желание самого князя освободиться из-под власти «жестокого тирана»[153].

Показательным в этом смысле является письмо короля Радзивиллу и другим литовским магнатам от 16 января 1563 г. из Петркова. Король приветствует инициативу мирных переговоров, призывает, «абы они по обычаю звыклому гонца своего на Москву до митрополита и до бояр тамошних послали, стараючися около покою межи нами и князем московским». Особенно подробно король останавливается на каких-то действиях, которые предпринял в этом направлении витебский воевода кн. С. А. Збаражский: «А князю воеводе витебскому за найденем его в том через гетмана московского князя Курнъского, яко около того до нас шырей в листе своем пишете, вжо дозволили есте о том до того Курнъского и до Мстиславского переслати. А так што ся дотычеть сланя с тым князя воеводина, ино иж ся то деяти будеть, и Боже дай, жебы ся што доброго почати могло через одну особу, ач перед тым з украинных воевод таковые речы не походили. Тогды то однак против нас не ест, зъвлаща в такои мере початку князя Курнъского»[154]. *Благие начинания*, исходящие от *одной особы*, не вызывают у короля уверенности и он просит Панов раду незамедлительно отправить свои мирные предложения митрополиту и боярам. Переговоры Збаражского с Курбским велись неофициально, российские посольские документы о них не упоминают. Согласно королевскому посланию, переговоры сулили мир. С. В. Ковылов их инициатором считает М. Ю. Радзивилла, но, по ошибке, вслед за Р. Г. Скрынниковым и А. А. Зиминым, называет его «воеводой Витебским»[155]. А. Л. Хорошкевич полагает, что сам Курбский инициировал переговоры после бессудной расправы царя над князем Иваном Шаховским под Невелем[156]. Однако, если принять эту гипотезу, неясна роль князя И. Ф. Мстиславского в переговорах и непонятны надежды короля на общие перспективы — *жебы ся што доброго почати могло*. Вероятно, Збаражский вступил в них после разорения войсками Курбского подвластного ему Витебска 28 мая 1562 г.[157] Подобных инициатив от *украинных воевод* король не припомнит. Эти слова означают, что король испытывал недоверие к возможности всё уладить при помощи Курбского и Мстиславского, но выбирать не приходилось.

Нельзя исключать, что переговоры с литовскими магнатами Курбский вел с согласия царя, стремившегося извлечь из военного конфликта максимальные дипломатические выгоды и добиться уступок в Ливонии. Впрочем, в этих полуофициальных переговорах с обеих сторон выступали не первые лица, учитывая, что канцлером Великого княжества Литовского был на конец 1562 г. М. Я. Радзивилл, а главой Боярской думы — кн. И. Д. Бельский. Очевидно, добиться примирения сторонам так и не удалось. Полемизируя с концепцией Р. Г. Скрынникова, А. А. Зимин отмечал, что из упоминания в письме короля от 16 января 1563 г. неясно, было ли что-то в названной инициативе, что могло подтолкнуть Курбского к преступлению, тогда как Скрынников видел в словах о «начинаниях»

sive civili. O wolności Rzeczypospolitej albo ślacheckiej (tłumaczenie Stanisława Dubingowicza) / wyd. i oprac. M. Eder, R. Mazurkiewicz; red. naukowa tomu W. Uruszczak. Warszawa, 2010. S. 70–71.

[151] Radivilias, sive de vita, et rebus praeclarissime gestis, immortales memoriae, illustrissimi principis Nicolai Radivili Georgii Filii, Ducis in Dubinki... libri quatuor Ioannis Radvani. Vilnae, 1588. S. M II, публ.: *Radvanas J.* Raštai / iš lotynų kalbos vertė S. Narbutas. Vilnius, 2009. P. 157, 307; *Каппелер А.* Латинские поэмы... С. 323.

[152] *Górnicki L.* Dzieje... S. 130.

[153] Концепция побега и дезинформации как разведовательной операции подробно рассмотрена нами в главе «Этос изменника». См. также: *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 5–35; *Ferenc M.* Przyczynek do działalności wywiadu litewskiego podczas konfliktu z Rosją w drugiej połowie XVI wieku // Inter maiestatem ac libertatem. Studia z dziejów nowożytnych, dedykowane Profesorowi Kazimierzowi Przybosiowi / pod red. J. Stolickiego, M. Ferenca, J. Dąbrowskiego. Kraków, 2010. S. 7–30 (здесь же литература вопроса — впрочем, названная выше статья И. Ауэрбах не учтена).

[154] LKZAR. S. 430. Текст нами уточнен по оригиналу. См.: BK-1536. S. 134–135.

[155] *Ковылов С. В.* Отъезд... С. 70, далее цитаты здесь же. Справедливо, на наш взгляд, автор отмечает, что «поляки порядком сомневались в определенности намерений князя». Однако трудно согласиться с исследователем, когда он пишет: «До 1563 г. Курбский не поддерживал связей с поляками и литовцами, несмотря на все их усилия». В письме короля не говорится ни о каких предыдущих усилиях в этом направлении.

[156] *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 326.

[157] См. *Итинерарий Курбского, 20–28 мая 1562 г., Конец мая — начало августа 1562 г.*

один из аргументов в пользу своей версии о тщательно спланированном предательстве князя Андрея[158].

Р.Г. Скрынников и А.А. Зимин ошиблись в интерпретации событий, считая, что переговоры вел напрямую М.Ю. Радзивилл. В Боярской думе выбраны были для переговоров, безусловно, влиятельные политики, обладавшие весом в окружении царя. Но это были не первые люди с обеих сторон. В Великом княжестве Литовском наибольшим влиянием обладали Миколай Черный и Миколай Рыжий Радзивиллы. В Москве — князь Иван Бельский. После этих переговоров Мстиславский и Курбский не пострадали от царя, хотя приглашение перейти на королевскую службу мог получить не только Курбский, но и Мстиславский. Между этими контактами и побегом Курбского не может быть прямой связи. В ходе переговоров, в 1562 г. или уже будучи наместником в Юрьеве, князь получил тайные послания («завартые листы») и предварительно мог обсудить условия перехода на королевскую службу. Какие именно условия?

Версия о том, что главной причиной побега Андрея Курбского был корыстный интерес, получила развитие после выхода в середине XIX в. двухтомного сборника документов о его жизни в Литве и на Волыни. Обнаруженные при подготовке этого издания упоминания о письмах Курбскому от М.Ю. Радзивилла, О.Б. Воловича и короля Сигизмунда II Августа были истолкованы как свидетельство того, что князь проводил тайные переговоры с Панами радой накануне побега, а следовательно, бежал, не спасаясь от преследования, а заранее обсудив условия эмиграции. Однако предположение Н.Д. Иванишева о том, что Курбским был отправлен «не совсем отрицательный» ответ на первые два письма, после чего он получил еще два, ничем не доказано[159]. Ни о каких ответах Курбского на приглашения сведений нет, а сходные письма получили и другие московские придворные[160]. В этом случае злоумышление князя могло заключаться в том, что он не оповестил царя о случившемся. Но действительно ли не оповестил — мы тоже не знаем. В письме короля приглашение описано только в самой общей форме: «абы з Москвы приехал до Литвы». Мотивы в подобных письмах звучали формульно и известны уже по приглашению, направленному М.Ю. Радзивиллом воеводам Тарваста в августе 1561 г.: поменять «окрутного и несправедливого господаря» и «неволю» на «славного, справедливого» и «волю»[161]. Тезис исследователя XIX в. о материальной подготовке побега опирается на характеристику открытого письма Радзивилла в решении Владимирского городского суда от 5 мая 1590 г. В списке актов из архива покойного кн. А.М. Курбского указан «лист тогожь пана Радивила до Курпъского отвартый обецуючи ему онатренъе»[162]. Перевод звучит в издании следующим образом: «в этом листе обещается Курбскому приличное содержание»[163]. Последнее слово оригинала *опатренье* (ср. польск. *opatrzenie*) переведено с рутенского-русского языка тенденциозно: ни о каком «приличном содержании» в источнике прямо не говорится, речь может идти о защите или опеке князя[164]. Курбский имел основания рассчитывать на вознаграждение за свои «властные именья отчизные», которые он оставил «на Москве», но вопрос о «содержании» эмигранта обычно обсуждался после выезда, когда определялось, каким имущественным и социальным статусом он располагал в прежнем отечестве и к каким «послугам» он годен. Королевское письмо, упомянутое сразу за посланием Радзивилла, в котором король «се ему ласкаве обецует ставить» (т.е. обещает ему свою милость), было, вероятно, приглашением Курбского к королю в Вильно, направленным эмигранту уже когда он находился во владениях Сигизмунда II Августа. О пожалованиях в описаниях обоих королевских писем прямо не говорится, но конечно, они подразумевались самим фактом приглашения, даже если — что наиболее вероятно, учитывая известные образцы таких пригласительных писем, — прямо о размерах «онатренья» в письме не было сказано.

Ни один известный ныне источник не позволяет утверждать, что Курбскому перед побегом были даны какие-то имущественные гарантии со стороны короля. Впрочем, у нас достаточно

[158] *Скрынников Р.Г.* Бегство Курбского; *Зимин А.А.* Побег князя Андрея Курбского в Литву. С. 47; *Ковылов С.В.* Отъезд князя Андрея Курбского... С. 70–71.

[159] Ср.: *Иванишев Н.Д.* Предисловие // ЖКЛВ. Т. 1. С. II–III.

[160] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 326. Примеч. 13.

[161] Там же. С. 252–253.

[162] ЛМ-199. Л. 135, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 193. Стб 1 (Варшава, 5 мая 1590 г.).

[163] Ср.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 193. Стб 2.

[164] Перевод Н.Д. Иванишева был принят исследователями и неоднократно воспроизводился без ссылки на источник: *Оноков З.З.* Князь А.М. Курбский. С. 24–28 (впрочем, на с. 24 автор справедливо оговаривается: «Хотя эти обещания были подтверждены клятвою двух сенаторов, которые были посредниками между тем и другим... но обещания-то эти были выражены слишком неопределенно, а потому могли давать повод к разным толкованиям, изменениям и ограничениям»); *Петровский М.П.* Князь А.М. Курбский. С. 16.

сведений о том, что ностунок князя Андрея Михайловича был щедро вознагражден из казны. И было бы удивительно, если бы такой информации не обнаружилось — вынлаты нолучали все московские шляхтичи за выезд на королевскую службу.

Корреспондент герцога Альбрехта Бранденбургского Себастьян Чеханиский, дополняя свое послание от 16 мая 1564 г. приписной, сообщал в ней о переходе Курбского на сторону короля и пожаловании его на сейме в Бельске: «Высший воевода по имени князь Курбский, который был старостой и наместником в Ливонии вместе со своими 12 слугами бежал от Московита из Ливонии к Его Королевской Милости и приехал в Бельск. За что Его Величество приказал отсчитать ему из Литовской казны 1000 угорских золотых»[165].

К концу работы Бельского сейма князю были пожалованы Кревское и Ковельское староства. По всей видимости, именно на них король намеревался обеспечить князя Андрея обещанной суммой, которой могло хватить на подготовку роты к походу в Ливонию или на Москву. Щедрость короля вызвала ропот шляхты в обстановке растущего экзекуционизма. Во время объединительного Люблинского сейма Курбский лишился Кревского староства. Ковельские имения он на всем протяжении эмиграции пытался превратить в наследственное владение, и мы еще увидим, что результаты его усилий были весьма незначительны[166]. Конечно, размер вознаграждения князю за выезд ни с чем не сопоставим. Это была огромная сумма, на порядок более высокая, чем любая известная выплата, одобренная сеймом в канун побега князя Андрея Курбского[167]. Возможно, на ней отразились беды перебежчика, о которых он говорил на допросе в Вольмаре. В Гельмете (Гермете), куда Курбский прибыл со своими двенадцатью спутниками из Юрьева, «его жизнь была в большой опасности, у него отобрали все его речи и всё, что он еще при себе имел, а комендант Гермета хотел послать его в Ригу, а не в Вольмар, но он через одного немца добился того, что об этом доложили Полубенскому, после чего он безбоязненно мог отправиться в Вольмар»[168]. Захвачены были личные вещи, в том числе явно какое-то имущество князя и, возможно, его спутников тоже. Это не были мешки с ценностями, а лишь то, что было у перебежчика «при себе». Среди прочего — перехваченные письма герцога курляндского Г. Кетлера рижанам, которые Курбский рассчитывал использовать, чтобы убедить короля в своей осведомленности и шантажировать ими Ригу.

Название крепости, откуда Курбский стремился попасть в Вольмар, передано в отчете о допросе нечетко. Оно звучит то "Hermet", то "Helmet". Вольно или невольно в отчете смешаны две разных крепости. Опасения Курбского попасть в Ригу из рук коменданта той или иной из них относятся к обоим. Однако его собственный рассказ о тех событиях говорит, что сначала он побывал в Гельмете, а лишь потом в «Армусе», т.е. Эрмесе. И видимо, именно здесь у него были отняты бумаги и взяты первые показания. Три года спустя, и вряд ли случайно именно тогда, князь вспомнил о том, что был ограблен при переходе границы. Видимо, к февралю 1567 г., когда вся сумма, обещанная на Бельском сейме, была князю выплачена с его староств, возник вопрос об их переоформлении, и князю пришлось бить челом о своем бедственном материальном положении. В целом открытие Г. З. Кунцевичем судебного иска против гельметских немцев доказало ошибочность вывода о подготовленном для Курбского приеме во владениях короля. Этот запоздалый иск не может сказать ничего о подкупе юрьевского наместника и вообще имеет сомнительную ценность для оценки материального положения князя в канун побега из Юрьева. Тезис о корыстных намерениях изменника получил развитие в работах Э.Л. Кинана и Р.Г. Скрынникова, опирающихся на сведения того же акта Литовской Метрики. Имея при себе «мешок золота» — 30 дукатов, 300 золотых и 500 немецких серебряных талеров, Курбский не мог быть плохо подготовлен к эмиграции[169]. И откуда «в его

[165] HBA. B2. Kasten 395. N 1920. F. 2, 4 (С. Чеханиский — Альбрехту Бранденбургскому. Кыышин, 16–18 мая 1564 г. Фолиация наша, условная): "Supremus exercitus campiductor nomine Kniass Kurpski is qui erat capitaneus et vicegerens in Livonia sua sponte ipsemet duodecimus ex Livonia a Mosco ad S.R.M. fugam dedit et ad Bielsco venturus est. Cui iam sua R. Mtas mandavit ex thesauro suo lithuanico mille ungaricos fl numerare".

[166] См. главу «Социальный статус».

[167] См., напр., о выплатах Варшавского сейма московитам в 1563 г. в нашей работе "Natione Moscus ".

[168] LVVA. F. 673. Ap. 3. K. 8. N 35. K. 6, публ.: *Попов В.Е., Филюшкин А.И.* Бегство... С. 125–126. Немецкий текст: "...in grossen leibn gefar, genommen ihm annhalthen grunde und wass er sonsten bey sich gehabt genohmenem weer und dass der hauptman uff Hermet ihm nicht nach Wolmar, sondern nach Riga hatt whitz wollen. Er aber dannach einen teutschen bei ihm ersandt, dass über ihm Polubinski ist verwoldt worden".

[169] *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 42–43, 58–59; *Скрынников Р.Г.* Подложна ли Переписка Грозного и Курбского? // ВИ. 1973. №6. С. 66. Далее в тексте цитаты из статьи Р.Г. Скрынникова.

кошельке» была «громадная сумма в иностранной валюте»?

Можно было бы строить догадки, если бы тезис о существовании «мешка золота» был доказан. Однако дело обстоит иначе. Староста Гельмета, согласно жалобе князя, отобрал у него 44 московских рубля. Это очень умеренные средства для московского боярина и ливонского наместника второй половины XVI в. Больше никакой наличности в акте не названо. Талеры, дукаты и золотые флорины упомянуты не сами по себе, а при обозначении стоимости конфискованного — в той «валюте», на которую перечисленные предметы когда-то покупались или которую содержали в качестве украшения: «...и взяли, деи, у него золотых черленых трыста, лапъцух золотый, в котором, деи, было золотых такеж трыста, обручык золотый — важыл золотых трыдцать, — дукатов трыдъцать, перстень золотый, — в нем золотых десеть, с каменем шафером, на котором был вырыт герб его, — таляров пятьсот, бахмат серыи, за которого дано двадцат пять рублев, секерку булатную чагайдайское роботы — дано за нее рублев дванадцать, — а з двух, деи, седел злотоглав ободрали, и тые, деи, речы вси от него побравшы, его до другого замку его королевъское милости Ифлянтского ж, Армусу, отъвели»[170]. Там староста отнял у князя оставшиеся деньги. Г.З. Кунцевич предусмотрительно отделил в публикации вещи от цен знаком тире: золотая цепь из трехсот золотых ценой 300 золотых; браслет весом 30 золотых — 30 дукатов; золотой перстень весом 10 золотых с сапфиром — ценой в 500 талеров; татарский конь — 25 рублей; булатная секира — 12 рублей. Возможно, первая цифра — 300 золотых является наличностью, хотя нельзя исключать, что она относится к цене той цени, в которой «золотых такеж трыста». Было ли добыто 300 флоринов в Ливонии или где-то еще — сказать из акта невозможно. Тезис Р.Г. Скрынникова о получении «валюты» от противника и контраргумент А.А. Зимина о том, что Курбский мог собрать европейские деньги на территории наместничества, в равной мере гипотетичны[171]. В целом сумма, указанная Курбским в иске 1567 г., близка к той, которая была выделена ему на Бельском сейме 1564 г., и представляется вероятным, что иск об ограблении был связан с борьбой Курбского за недвижимость в Великом княжестве Литовском. Не случайно в считанные дни после иска Ковельское имение было закреплено за ним сначала с правом передать его «по мечу», а затем на «вечном» праве[172].

«Валюта» Курбского — историографический фантом[173]. Согласно летописной статье о побеге Курбского, основанной на донесении из Юрьева второго воеводы Федора Бутурлина и дьяков Семена Шемета Александровича Щеленина и Василия Дядина, князь «жены своее и живота не взял»[174]. Обнаруженный Кунцевичем акт об имущественных потерях князя и двенадцати его спутников по прибытии на королевскую сторону заставляет задуматься над словами московской официальной летописи *живота не взял*.

Косвенным подтверждением летописного сообщения и нашего понимания акта о компенсации служат записка Курбского и письмо кн. А.И. Полубенского в Юрьев. Прибыв в Вольмар, Курбский обратился к местному старосте с просьбой обменять пленных на свои личные вещи из Юрьева, в надежде на то, что сделка упростит его жизнь после конфискации имущества в Гельмете и позволит вернуть хотя бы часть личной библиотеки. Среди вещей эмигранта особое внимание Полубенский и Курбский уделяют книге, в состав которой входило наряду с прочими текстами житие Августина. Полубенский даже настаивает, что в случае, если книга потеряна, житие необходимо сконировать в Псково-Печерском монастыре у старца Вассиана Муромцева[175]. Как предположил В.В. Калугин, Чудовский список жития Августина конца XVII в. передает текст, восходящий через западнорусский протограф к упомянутому в записке Полубенского[176]. Однако помимо этого письма в российских литературных подборках встреча-

[170] ЛМ-266. Л. 128–129 (Кишинев, 23 февраля 1567 г.), здесь л. 128 — 128 об.; *Кунцевич Г.З.* Акт Литовской Метрики... С. 284. Исправляем в ряде мест по первоисточнику.

[171] Своеобразный компромисс между мнениями Р.Г. Скрынникова и А.А. Зимина — точка зрения А.И. Филюшкина: «Однако ничто не мешает и другому предположению — это были трофейные деньги, награбленные князем в ливонских городах во время юрьевского воеводства» (*Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 60).

[172] См. здесь, с. ???

[173] Здесь мы уточняем наши выводы, изложенные в статье 2008 г. Связь между иском Курбского на ливонские власти и королевскими привилеями на Ковель в старой версии этой работы не была артикулирована.

[174] ПСРЛ. Т. 13. С. 383; Т. 29. С. 334. О Семене Шемете см.: ГАР. Ч. 2. С. 380.

[175] РИБ. Т. 31. Стб 359–360, 495; *Скрынников Р.Г.* Курбский и его письма... С. 100, 114.

[176] *Калугин В.В.* «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001. М., 2002. С. 155.

ется записка, обращенная к неизвестным адресатам от лица Курбского.

Записка «Вымите Бога ради...» в рукописной традиции сопровождает Третье послание Вассиану, Первое послание царю, письмо Тетерина и Сарыхозина, письмо Полубенского в одной группе сборников (Усовский №69, Уваровский №168) или первые два послания Переписки и Третье послание Вассиану в другой группе (Музейный №2524, Погодинский №1573, Военно-ученого архива №3 ч. 1)[177]. Стабильный «конвой» в данном случае — Первое послание царю и Третье Вассиану. Сочетание этих трех текстов согласуется с тем фактом, что первые два послания Курбского Вассиану Муромцеву встречаются в «печерских сборниках» и не сопровождают его же Третье письмо в Печеры. Относительно поздняя традиция записки «Вымите» (вторая четверть XVII в. и позднее) препятствует реконструкции состава сборника, в который она входила первоначально. И всё же содержание записки и ее устойчивый конвой позволяют сделать на этот счет предположения. Курбский просит достать в его малой воеводской избе под печью письмо «писано в Печеры» и «дело государское», «одно в столбцех, а другое в тетратях», и передать «любо ко государю, любо ко Пречистой в Печеры»[178]. Что именно было спрятано в избе под печью? Один это текст в двух версиях или два — один в столбцах, а другой в тетрадях? Какой из них был адресован в последнем случае царю, а какой монастырю? Просьба Курбского (*любо... любо...*) допускает один вариант из двух или оба? Ответить на эти вопросы можно, только восстановив ход переписки Курбского в 1564 г.

Заглавие «Курбскаго в Печерскои монастырь», приведенное в издании Г.З. Кунцевича, отражает представления составителя «Печерского» сборника о смысле или адресате записки. Искать ее действительного адресата, следуя этому заглавию, как представляется, неверно. Любой сценарий, при котором бумаги из-под печи в юрьевской избе Курбского доставали бы лица, непричастные к администрации и следствию, невероятен, а человек, который решился бы на такой поступок после побега князя, — самоубийца. И Курбский должен был это понимать. Следовательно, либо князь оставил записку «Вымите» перед побегом где-то за пределами своей малой избушки на видном месте, где власти должны были, хватившись его, в первую очередь провести обыск; либо он передал ее уже после побега вместе с письмом Полубенского. Последний вариант менее вероятен. Во-первых, обыск произошел бы в избах Курбского сразу после его побега, и должные предостережения относительно своих бумаг он бы не успел отдать, вступая в контакт с юрьевской администрацией из-за границы. Во-вторых, не было смысла разделять обращение на две записки, зная, что оба в первую очередь окажутся в ее руках. И наконец, в послании Полубенского речь идет о той же книге, которую — ненеренлетенные тетрадки — в записке предписано зачем-то сохранить.

Обратимся теперь к вопросу, какие бумаги хранились в избе под печью. Р.Г. Скрынников счел, что подразумевается один текст, и высказал предположение, что под «делом государским» надо понимать «второе послание Курбского в Псково-Печерский монастырь, так и не отправленное адресату до бегства в Литву»[179]. По этому поводу исследователь пишет: «Заполучив в свои руки печерское послание Курбского, а затем его послание из Вольмара, Грозный уже в начале июля написал ему обширную ответную “энистолию”»[180]. Однако аргументация в пользу того, что текст второго послания Вассиану был известен царю, Р.Г. Скрынниковым не приведена и основана только на серии предположений о том, что «дело государское» это Второе послание Вассиану и что это «дело» действительно доставили царю[181].

Как полагал Н.Е. Андреев, переписку с Псково-Печерским монастырем, включая все три послания, князь закончил заблаговременно, но незадолго до побега[182]. Пересмотр концепции Н.Е. Андреева предпринят Р.Г. Скрынниковым и, несмотря на ряд замечаний, принят вслед за ним В.В. Калугиным. Аргументы в пользу возникновения Третьего послания Вассиану после 30 апреля 1564 г. строятся на шатких основани-

[177] См. описания рукописей, выполненные Д.К. Уо, и текстологические стеммы в кн.: *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 103–142, 152–153, 154; *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. Послания Курбского // ПИГАК. С. 259–260, 263, 265–266.

[178] РИБ. Т. 31. Стб 359–360.

[179] *Скрынников Р.Г.* Курбский и его письма... С. 114–115.

[180] Там же. С. 115.

[181] *Скрынников Р.Г.* Переписка... С. 93; *Его же.* Царство террора. С. 186. О «Вольмарском конвое» и «печерских сборниках» см.: *Rossing N., Rønne B.* Apocryphal — Not Apocryphal?: A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence Between Tsar Ivan IV Groznyj and Prince Andrej Kurbskij. Copenhagen, 1980. P. 67–76.

[182] *Andreyev N.* The Pskov-Pechery Monastary in the 16th Century // SEER. 1954. Vol. 32. N 79. P. 331; *Idem.* The Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev // SEER. 1955. Vol. 33. N 81. P. 414–436.

ях. Неоправдан вывод, основанный на заглавии Третьего послания в списке ГИМ, Музейского собр. №1551: «Лета 7072-го список с грамоты князя Ондрея Курбсково из Литвы в Печеры к старцу Васяну Муромцову» (л. 31). Как и заглавие Первого послания Курбского Ивану Грозному в этом же сборнике («Грамота князя Андрея Курбсково к царю и великому князю Ивану Василевичю всеа Русии» — л. 6), эти слова отражают рубрикацию, внесенную составителем Печерского сборника на каком-то этапе его формирования[183]. Один из аргументов в датировке Третьего послания Вассиану после 30 апреля 1564 г. — слова Курбского о том, что он «аки 7 лет безпрестани» участвовал в войне за Ливонию («на Ермане»)[184]. Поскольку частица «аки» используется в сочинениях Курбского в значении «почти», она не позволяет прийти к точной дате путем прибавления 7 лет к годичной дате «7066» (1557/1558). Прибавить можно только 6 лет — и полученная дата «7072 год» допускает датировку письма временем до выезда Курбского на королевскую службу. Слова «счет летом», принятые Скрынниковым за упоминание финансового счета и времени года, являются, как показал В.В. Калугин, обозначением хронологических, календарных расчетов. Это лишает оснований датировку Второго письма: «лето 1563 года». Примерно семилетний срок отделяет начало похода от «тишины и мира» в данном регионе, причем «аки» здесь означает приблизительность в сторону убывания[185].

И вовсе бесполезны для поиска даты в пределах одного года слова Второго послания Курбского Вассиану о том, что «Библия» Франциска Скорины опубликована 50 лет назад («аки лет 50 или мало к сим») — это, очевидно, округленная дата, причем, судя по формулировке «аки... или мало к сим», — также в сторону преувеличения. Аргумент в датировке Скрынникова строится от фразы «и счет летом привезли же ко мне», которую исследователь интерпретирует как упоминание финансового счета, привезенного Курбскому летом какого-то года. Однако это толкование неверно: «счет летом», как доказал В.В. Калугин, употреблен в значении *хронологические расчеты*, так что к дате «лето 1563 г.» это словосочетание отношения не имеет[186]. Совсем ненадежным для датировки переписки является упоминание Библии в переводе Ф. Скорины. Согласно Н.Е. Андрееву, Курбский не имел в своих руках изданий Скорины и свои расчеты времени, отделяющие их выход от современности, проводил приблизительно, получив «круглую» цифру — 50 лет. Никак не отклонен и другой аргумент в пользу возникновения всех трех писем до побега: в своих распоряжениях Якову Шабликину и Игнатию Огибалову Полубенский от лица Курбского требует под угрозой расправы с заложниками доставить в Вольмар книги и доспехи эмигранта. Если бы не удалось найти его книги в Юрьеве, Курбский направляет детей боярских в Печеры — очевидно, уже не имея иной возможности отправить туда курьера[187].

Обращение Курбского «в Печоры за новым займом» в Третьем послании Вассиану Р.Г. Скрынников связывает с ограблением Курбского в Гельмете и Армусе (Эрмесе). Следуя той же логике, исследователь обнаруживает одержимость князя своим финансовым крахом в письме царю: «Послание царю, написанное на другой день после гельметского грабежа, точно воспроизводит душевное состояние беглеца»[188]. В каких именно отрывках послания «точно» отражено переживание Курбского по поводу украденного, неясно. Более того, ни о каких новых займах в последнем послании Вассиану князь не пишет. Он обращался к старцам «о потребных животу», т.е. по делам жизненной важности, видимо, касающимся его опалы. В последнем письме в монастырь князь выражает недоумение, чем вызвано прохладное отношение к его просьбе со стороны старцев, и припоминает о своих отношениях с монастырем на протяжении приблизительно 7 последних лет. Среди прочих возможных «вин» финансовую он исключает, поскольку и в первый раз вернул деньги, и теперь ничего не должен. Упреки также адресованы не самим печерским старцам, а духовным особам, от которых Курбский не получил помощи: «...но вместо заступления некоторые от них потаковники кровем нашим наострители явишася»[189]. Поверх голов печерских старцев князь обращается к своим московским духовным «прокурорам», уличая их в потакании царю и лживых наветах[190].

---

[183] РИБ. Т. 31. Стб 405–406. Примеч. а.

[184] РИБ. Т. 31. Стб 405.

[185] Об использовании частицы *аки* Курбским в значении «без малого» см.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 280.

[186] *Скрынников Р.Г.* Курбский и его письма... С.101–102; ср.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 26–28.

[187] *Andreyev N.* The Kurbsky's Letters... P. 418.

[188] *Скрынников Р.Г.* Подложна ли Переписка... С. 66.

[189] РИБ. Т. 31. Стб 406. Принимаем чтение Погодинского списка №1567 (С).

[190] Как в этих двух письмах, так и в «Истории» Курбского клеветники и потаковники делятся на светских (в первую очередь это Романовы-Юрьевы и Басмановы-

В рукописной традиции Третье письмо Вассиану и Первое письмо царю тесно связаны. Этот аргумент делается более весомым за счет заглавий, возводящих послание царю к первым дням эмиграции. В сборнике ГИМ Музейского собр. №1551 годом 7072, охватывающим, согласно сентябрьскому стилю, период с 1 сентября 1563 по 31 августа 1564 г., отмечены сразу три текста, следующие за Первым посланием Курбского: Первое послание царя Ивана, Третье послание Вассиану и письмо Тетерина и Сарыхозина. В письме князя Ивану IV указано: «писано в Волмере». Возникновение письма Вассиану также локализовано: «из Литвы в Печеры»[191]. Однако эта локализация отражает стандартную формулировку, которая повторяет заглавие Первого послания царю первой редакции: «изменя, в Литву отъехав, так пишет...», «ушол х королю польскому и оттуду писал...», «к царю из Литвы», «а из Литвы писал» и т.д.[192] Кроме того, Третье послание Вассиану, если оно было написано накануне побега, должно было попасть в руки монахов после побега князя «в Литву», а возможно, одновременно с новостью о побеге. Письмо Вассиану Муромцеву текстуально в ряде отрывков сходно с Первым посланием царю[193]. Их цель — оправдать Курбского и разоблачить его недоброжелателей: послание царю — светских советников, а письмо Вассиану — духовных. Причем ясно, что Первое послание Ивану Грозному первоначально не включало post scriptum, и можно предположить, что перед побегом князь Андрей Михайлович приготовил и спрятал оба письма, а уже из Вольмара отправил снова письмо царю, но уже с иной датой и с припиской. Показательно, что уже в эмиграции Курбский переработает послание царю, позаимствовав вслед за И. Федоровым из своего Третьего письма Вассиану отрывок о печаловании перед духовенством[194]. Не только для самого Курбского цель, язык и даже литературные клише посланий в Москву и в Печеры совпадали. Рукописные традиции этих двух писем сходятся на самом раннем этапе в «Печерских сборниках».

Это подводит нас к заключению, что адресатом письма «в Печоры» и «дела государского» были царь и его окружение, а сами столбец и тетрадь, спрятанные в Юрьеве — это Первое послание Курбского Ивану Грозному и его же Третье послание печерскому старцу Вассиану. Противоречие этому предположению — упоминание в Первом послании «отъезда» как уже состоявшегося факта[195]. Но это противоречие мнимое, поскольку Курбский должен был раскрыть местоположение письма только в случае успешного побега, и поэтому в самом письме мог прямо написать о приеме на королевскую службу как о состоявшемся факте. В пользу данной гипотезы говорит также то, что в эсхатоколе своего послания князь только выражает надежду на короля: «...от негоже надеюся много пожалован быти и утешен ото всех скорбей моих»[196]. С другой стороны, заготовленное князем перед побегом письмо царю не обязательно считать идентичным тому, которое перешло в рукописную традицию. И. Ауэрбах считает, что письмо Курбского царю преследовало цель «внушить в Литве ту мысль, что переход на сторону короля был серьезно обдуманным поступком»[197]. Эта концепция не противоречит тому, что литературный протест князя был тщательно подготовлен. По словам С. О. Шмидта, «и содержание, и форма послания были предусмотрены и обдуманы заранее» (до побега Курбского из Юрьева)[198].

Письмо князя царю могло быть получено как из тайника, так и от курьера. Не позднее 1620–1630-х гг. в рукописной традиции Первого послания Курбского возник заголовок со словами: «... ушол х королю польскому и оттуду писал к государю к Москве с человеком своим с Васкою Шибановым»[199]. Латухинская Степенная книга, составленная в 1678 г., сохранила уникальное и вызвавшее полемику среди исследователей сообщение о том, что слуга Курбского Василий Шибанов подал на «красном крыльце» письмо своего господина царю. Царь якобы вонзил жезл в ногу Шибанова, «наляже на посох свой» и вы-

Плещеевы) и духовенство (Вассиан Топорков, Мисаил Сукин). Участие духовных лиц в свержении Избранной рады подчеркивается им особо. Как и в случае с Курбским, эти люди во время «соборища» на Адашева и его сторонников блокировали попытки печалования со стороны высшей церковной власти: СК. Л. 70–70v.

[191] ОР ГИМ. Музейское собр. №1551. Л. 10, 31, 34; *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 113 (описание рукописи выполнено Д.К. Уо); *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 24.

[192] *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 257–267.

[193] *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 29–30.

[194] См. ниже.

[195] *Зимин А.А.* Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 145.

[196] ПИГАК. С. 8, 11.

[197] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 102.

[198] *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 365.

[199] *Зимин А.А.* Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов. С. 145–146; ПИГАК. С. 352. Примеч. а-а к л. 5.

слушал содержимое послания, «в нем бе же написано со всяким досадителством»[200]. Детали этого сообщения носят «фольклорный» характер. Опровергнуть или подтвердить их нечем[201]. Я.С. Лурье отвел их как фантастические[202]. Однако из официальной летописи и Первого послания царя Ивана известно, что Шибанов был пойман царскими воеводами, сказал царю «изменные дела» своего государя и «не отвержеся» перед царем и народом от Курбского[203].

А.А. Зимин отмечает, что содержание слов Шибанова летописями не раскрыто: «...и скорее всего потому, что на самом деле слуга Курбского держался стойко, а своего господина не предавал. Туманное сообщение летописи имело своей целью изобразить слугу Курбского этаким кающимся грешником — и только»[204]. Трудно согласиться с такой оценкой. Слова об *изменных делах*, разумеется, отражают не риторику Шибанова, а ее оценку московской властью. Нет оснований видеть в них чистую фабрикацию, учитывая, что обращение слуги Курбского к царю произошло публично, при многочисленных свидетелях. *Изменными делами* мог быть назван побег в чужое государство, но об этом было известно и без Шибанова. Что еще знал слуга *изменника*, что могло бы позднее отразиться на обвинениях царя и Посольского приказа в адрес Курбского? Все обвинения, как было показано выше, фабриковались государственными служащими, и верный слуга князя не мог быть причастен к этим фабрикациям. Возможно, *изменные дела* были изложены в грамоте, которую Василий Шибанов публично передал царю и которая побудила царя на пространный и также публичный ответ. Позднее, в конце 1570-х гг., грамота была объявлена в переговорах с Речью Посполитой одним из главных доказательств *измены*, таким образом, ее содержимое могло подразумеваться в летописной заметке.

Это предположение заставляет снова задуматься: зачем князь отправил Шибанова в Россию? Если бы миссия заключалась в том, чтобы открыто передать грамоту, князя можно было бы считать убийцей своего слуги. Об этом утвердительно и весьма красочно написал Н.Г. Устрялов. По его словам, Курбский «прислал в Москву на пытку, на муку верного Шибанова, — и для чего же? чтобы сказать Иоанну укор бесполезный!»[205] Однако для такой интерпретации источников нет надежных оснований. Видимо, справедлива догадка Р.Г. Скрынникова: слуга князя был причастен к обмену письмами между Вольмаром и Юрьевом и мог указать тайник, в котором хранилось *дело государское*. Однако нельзя принять следующую за этой догадкой цепь рассуждений о тайной миссии, которую Шибанов должен был выполнить в России после бегства своего господина[206]. Во-первых, Курбский должен был знать, что после его побега ведутся поиски всех лиц, причастных к его преступлению. Проникая в земли царя и вступая в переговоры с печерскими монахами, курьер князя обрекал в случае неудачи себя, монахов, своих знакомых на розыск и неминуемую казнь. Крайне рискованным и непрактичным шагом было бы отправлять своего слугу в Печеры за деньгами, оттуда в Юрьев с целью «повидать там надежных людей» и добыть письмо в те же Печеры. Нетрудно представить, что ожидало курьера и всех «надежных людей», если бы миссия, проходящая «под носом» воеводской администрации, уже ведущей розыск, провалилась. Во-вторых, Курбский вел переговоры на границе. Об этом же говорит миссия Григория Плещеева, направленного в пограничную крепость Озерище за письмом Курбского к царю[207]. Наше построение подводит к иной гипотезе пленения Шибанова. Шантаж с исполь-

[200] Латухинская Степенная книга. 1676 год / подг. Н.Н. Покровский, А.В. Сиренов; отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2012. С. 542 (л. 832 — 832 об.); ОР ГИМ Синодальное собр. №293. Л. 365–366 об.; *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 340. Синодальный список Латухинской Степенной создан в 1715 г. или не на много позже, его протограф, как установил А.В. Сиренов, — список Нижегородской областной библиотеки Ц-2658/2 (*Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 322, 326, 370 (стемма)).

[201] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 472. Близкий Пискаревскому летописцу Сокращенный временник XVII в. содержит уникальный рассказ о смерти царевича Ивана Ивановича, «ему же отец Иван Васильевич, жезлом произе погу». В этом сообщении переплетены два трагических сюжета: смерть царевича Ивана и диалог царя с В. Шибановым, отразившийся в Латухинской Степенной книге (Материалы по истории СССР. М., 1955. С. 148, 174. Примеч. 236; *Хазанова С.И.* Опричнина в Пискаревском летописце и летописание XVII в. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 57).

[202] *Лихачев Д.С., Лурье Я.С.* Археографический обзор... С. 585.

[203] См. также: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 173.

[204] *Зимин А.А.* Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов. С. 144.

[205] Сказания Князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1. С. LXIV–LXV.

[206] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 46–49, 186–187.

[207] ОЦА. С. 37–38 (л. 327 об.); ГАР. Ч. 1. С. 83 (л. 327 об.); Ч. 2. С. 429–434.

зованием заложников был опасной игрой Курбского и Полубенского, которая грозила неожиданными ловушками. Выполняя задание князя, в ходе пограничных переговоров Шибанов был пойман юрьевскими людьми.

Все сохранившиеся источники исключают третью версию побега Курбского. В Литве Курбский заявил с долей иронии, что совершил *опасное бегство*[208]. Все награды за выезд из России несопоставимы с тем риском, на который должен был решиться князь. Он спасался бегством, рассчитывая на «опеку» со стороны литовских магнатов, оставив свои «имения» и «живот». Позднее, взяв заложников или получив пленников-московитов у Полубенского, князь предпринял попытку обменять заложников на свои вещи. Миссию Плещеева в Озерищах, его выезд за письмом Курбского можно, в качестве догадки, связать с пограничной авантюрой Полубенского и Курбского, а также с поимкой Шибанова. Верхний рубеж для этих событий — 5 июля 1564 г., день окончания работ над царским ответом князю Андрею. Начало переговоров «людей» Курбского с российской стороной следовало бы отнести уже к маю, а возвращение Плещеева к царю с письмом — вряд ли позднее середины июня, но, скорее всего, не ранее начала того же месяца. Учитывая объем и творческий потенциал царского ответа изменнику, маловероятно, что к июню царь еще не знал содержания Первого послания Курбского. Но он имел возможность ознакомиться с ним до миссии Плещеева, как представляется, только в том случае, если оно было подготовлено еще до побега князя, а передано вскоре после этого события. Князь Курбский подготовил перед побегом свое оправдание и обвинение в адрес противников. Этот вывод уводит далеко в сторону от третьей версии побега. Не придерживался ее и царь. Как мы видели, когда рассматривали первую версию, обвинений эмигранта в личной корысти московская дипломатия также не озвучила.

***

Наибольшее распространение в отзывах европейских современников Курбского получила четвертая версия: Курбский был «изгнан» из своего отечества или вынужден бежать из-за «жестокости своего князя», а совершив побег, «сверг иго» московского тирана[209]. Привилей на Ковель от 29 февраля 1567 г. показывает, что в польско-литовской пропаганде побег юрьевского воеводы был представлен как ответ на «уближенье вольностей шляхетских» в России, «яко княз Анъдрей Михайлович Курнъский, будучи во оной земли з дому своего старожитного, а слышачи и достаточную ведомость маючы о щодробливости ласки нашое господаръское, которую есмо ко всим подданым паньств наших ховати звыкли, оставивъши вси именья и маетъность свою, которую в земли великого князя московъского мел, и онустивъши служъбы его, до которых везван был, з волею и ведомостью нашою господаръскою и за кглейты нашими ку служъбам в подданьство нашо господаръское приехал и нам ся господару поддал»[210].

В своих сочинениях князь Андрей поддерживал версию насильственного изгнания. Накануне побега князь обратился к Вассиану Муромцеву и другим псково-печерским монахам с просьбой о молитвенном заступничестве перед «Вавилоном»[211]. В момент эмиграции царю брошены слова: «...по гонения ради прегорчяйшаго от державы твоея и от многие горести сердца потщуся мало изрещи ти, о царю»[212]. Уже в эмиграции сохраняется та же оценка: «мне... без правды изгнанному»[213], «изъгнанъну ми бывшу без правды от земли божии, и в странъстве пребывающу»[214], «во странстве пребывающе и во убожестве от твоего гонения»[215], «во странстве будучи и долгим разстоянием отлучен и туне отогнан ото оные земли любимаго отечества моего»[216]. Изгнание покрывает жертву позором, но только в том случае, если изгнанник получает при этом по заслугам и в соответствии с высшей справедливостью — «правдой». Примером, когда она торжествует, служит для него отлучение от церковных должностей митрополита Даниила и Вассиана Тоноркова, которых «не токмо по совету всех синглитов, но и всенародне изгнано от престолов их явственные ради злости»[217]. Несправедливо «изгнан» был благовещенский протопоп

[208] См. ниже.

[209] *Лурье Я.С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 460–461, 463; Paprocki. S. 871; Okolski. T. 1. P. 505; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 402 (письмо Альбрехта Прусского Остафию Воловичу от 23 мая 1564 г.).

[210] ЛМ-48. Л. 110, публ.: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 398–399 (Кнышин, 29 февраля 1567 г.). См. здесь ниже разделы «На службе Радзивиллов» и «Староста кревский и ковельский».

[211] *Скрынников Р.Г.* Курбский и его письма... С. 103.

[212] ПИГАК. С. 7; БЛДР. Т. 11. С. 14.

[213] ПИГАК. С. 101.

[214] NM. Bd. 1. F. 1.

[215] ПИГАК. С. 106.

[216] СК. Л. 128.

[217] СК. Л. 35.

Сильвестр[218]. Показательно, что *изгнание* в большинстве случаев не имеет у Курбского территориальных подтекстов. Князь помещает себя в один ряд с несправедливо гонимыми, но остающимися в своем отечестве. Различия между ними и собой он не делает. В этом проявляется его отказ от понятий, характеризующих его поступок как переход на другую территорию, родственными которому были бы в равной мере окрашенное концепций подданства *измена* и демографически-нейтральное *эмиграция*. С помощью переводов из «Нового Маргарита» и «Парадоксов», вошедших в Сборник Курбского, он подводит свои действия под понятие *остракизм*.

В «Истории» Курбский, проводя параллель к суду над Избранной радой, ссылается по «Новому Маргариту» на письмо Иоанна Златоуста к римскому папе Иннокентию I, «парекающе на Феофила и на царицу и на все соборище его о неправедном изгнанию своем»[219]. В Третьем послании Курбский нарочито неточно ссылается на слова Ивана Грозного: «...изменником и изгнанцом нарицающе мене»[220]. Иван IV в своих письмах *изгнанником* Курбского не называл. Слова Курбского при этом предшествуют его переводам из Цицерона. В отрывке «Против Клавдия» Курбский переводит слова Цицерона о Публии Клодии Пульхре "Et me tuo nomine apellas, cum omnes meo discessu exulasse Rempublicam putent" словами: «И мене изменником [*глосса:* изгнанцом], твоим имянем, нарицаешь, егда все моим отшествием изгнанну вещ общую [*глосса:* резнудлику] ненщевали»[221]. Затем все латинские понятия, характеризующие изгнание как лишение гражданских прав, т.е. *exul – is, exilium –ii, exulo*, переводятся и тем и другим словом. Цицерон в своей речи переносит данное понятие на Клодия. В контексте Переписки Курбского с Грозным при помощи перевода проводилась биографическая параллель Курбскому-изгнаннику и одновременно обвинения царя обращались против самого царя.

Современники Курбского не были равнодушны к теме «измены» и «изгнания». В Европе и России у него были заступники. Согласно эпической «Радзивиллиаде» Яна Радвана, московский тиран возлагал надежды на своего воеводу, но М. Ю. Радзивилл сумел убедить Курбского перейти на сторону короля и избежать преследований на родине[222]. Сходная версия была поддержана даже каким-то российским книжником, возможно, современником Курбского. Один из читателей Первого послания Курбского Вассиану, возможно, сам Вассиан, увековечил себя пометкой после текста: «Зри в концы писания сего, что глаголют, слыша бо о себе благочестивый муж наветы и умышления великого князя, еже хотяще убити, и сего ради сице пишет, и помышляше, како бы избегнути неправеднаго убиения»[223]. Пленник царя, поступивший на опричную службу, а затем бежавший из России, Генрих фон Штаден в своем описании «Страна и правление московитов» утверждает, что князь понял «суть опричных дел» и решил бежать к королю. В немецком тексте об этом говорится: "Andre Kurpsky Jubernator vnndt Stathalter vorstundt denn Aprisnischenn Handell..."[224] Если проследить, в каких еще контекстах в его сочинениях встречается слово "Handell", причина побега в восприятии немецкого наемника обозначится еще более отчетливо: «опричные дела» заводили и правившие до Ивана Грозного великие князья[225]; митрополит Филипп отказался выносить регулярные убийства бояр и выступил против этих «дел» царя[226]; разгромив Новгород, царь отправился продолжать свои «дела» в Псков[227]. Из этих и других контекстов ясно, что «делами» и «опричными делами» Штаден называет ненормальное поведение, преступления и откровенные злодеяния[228]. Таким образом, согласно его запис-

[218] СК. Л. 71 об.

[219] СК. Л. 72, 79, 79 об; ср.: NM. Bd. 3. Lfg. 14. F. 426v, 428; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 38.

[220] ПИГАК. С. 110.

[221] ПИГАК. С. 112, 375. Л. 150 об. Примеч. г., з.

[222] *Каппелер А.* Латинские поэмы... С. 323.

[223] РИБ. Т. 31. Стб 382. Н.Е. Андреев считает, что автором является Вассиан, однако убедительных оснований для такого вывода нет (ср.: *Andreyev N.* The Kurbsky's Letters... P. 417). О датировке приписки см.: *Скрынников Р.Г.* Курбский и его письма... С. 100.

[224] Здесь и далее ссылки на немецкий текст даны по изданию Ф.Т. Эпштейна, перевод принадлежит С.Н. Фердинанд. Анализ контекстов проводился по электронной версии издания, подготовленного под редакцией А.Л. Хорошкевич (*Staden H., von.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / hrsg. von F. Epstein. 2, erw. Auflage. Hamburg, 1964. F. 11). Интересно сравнить с переводом И.И. Полосина: «...как только понял этот штуку с опричниной» (*Штаден Г.* Записки немца-опричника / сост. и коммент. С.Ю. Шокарева. М., 2002. С. 44–45; см. также: *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 98–99).

[225] *Staden H., von.* Aufzeichnungen... F. 9v; *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 92.

[226] *Staden H., von.* Aufzeichnungen... F. 14; *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 110.

[227] *Staden H., von.* Aufzeichnungen... F. 15v; *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 116.

[228] При описании осады войском шведского короля Юхана III ливонской крепости Везенберг и в рассказе о неожиданно вспыхнувшей в стане осаждающих резне между шотландскими и немецкими наемника-

кам, Курбский бежал из России, поняв, насколько преступна опричнина. Не следует впадать в буквализм и критиковать эту оценку как анахронизм лишь на том основании, что Курбский бежал из страны до официального введения опричнины. Штаден убежден, что опричные меры были характерны и для предков московского тирана. В этом же, кстати, был убежден и Курбский, что ясно видно из его расплавчатой датировки введения опричнины и из его слов об «издавна кровопийственном» московском великокняжеском роде, ставящих террор царя Ивана в один ряд с предшествующими его правлению казнями и конфискациями[229].

Угроза для Курбского накануне его побега, согласно слухам, исходила непосредственно от царя. Как-то в личном разговоре с литовским посланником царь заявил: «Курбский убежал потому, что я огрел его татарской плеткой и хотел у него всё отнять»[230]. Если эти слова действительно были произнесены, они могли быть злой шуткой, обыгрывавшей европейскую пропаганду. С другой стороны, они находят эффектную параллель в сведениях Курбского о смерти князя Шаховского. Насколько вероятны подобные рассказы? Они, несомненно, подозрительны, поскольку воспроизводят модели поведения литературных тиранов, и некоторые из этих рассказов восходят не к социальной, а сугубо к литературной реальности. Например, шокирующий сюжет о том, как московский тиран велел прибить гвоздем шляпу к голове французского посла, — это не более чем заимствование из сказаний о Дракуле. В исследовании, посвященном ренессансному мифу «московской тирании», американский историк Маршалл По пришел к выводу, согласно которому взгляды иностранных путешественников, резидентов, дипломатов, картографов и энциклопедистов на деспотизм Ивана Грозного, несмотря на частные ошибки и неточности, в целом верно отражали сложившийся в России политический режим[231]. Тоносом европейской этнографии с начала XVI в. было представление о всевластии великого князя в отношениях с его подданными. Согласно посланию «О Московии» Альберта Камненского папе Клименту VII и «Запискам о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, великий князь неограниченно повелевает своими подданными, их жизнью и имуществом[232]. Иван Грозный в европейской пропаганде первых лет Ливонской войны изображался беспощадным тираном в обращении с завоеванными землями, пленными и собственными подданными[233]. В ряду прочих проявлений деспотизма находятся и конфискации имущества. О незаконных конфискациях в России упоминает и Курбский в своей «Истории». Среди княжат, пострадавших за их «отчины великие» от мучителя-царя, были ближайшие родственники Курбского: Федор Львов, Федор Аленкин, Иван Шаховской, Василий, Александр и Михаил Прозоровские[234]. Согласно «Истории», И. Шаховской погиб от удара булавой, который ему нанес разгневанный на что-то царь в Невеле по дороге на Полоцк в конце 1562 г. На фоне других рассказов о смерти приближенных Ивана Грозного от нанесенных им лично ран рассказ об избиении плеткой не кажется невероятным. Конфликт между царем и Курбским мог произойти во время Полоцкого похода, и именно тогда, вероятно, князь узнал о заведенном на него деле, в результате которого он мог лишиться «всего»[235]. Это предположение подтверждает он сам в письме Курбскому о произнесенном им в адрес князя *слове малом гневном*, а также о том, что на воеводу после взятия Полоцка была наложена *с милостию опала*. В ту же схему укладываются унизительное убийство родственника

ми использовано то же слово. Видя эти «дела», русские говорили: «Собака собаку съела» (*Staden H., von.* Aufzeichnungen... F. 42–42v; *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 224, 226). Похожие и прочие случаи использования понятия "Handell" см.: *Staden H., von.* Aufzeichnungen... F. 42v, 68v, 78v, 81v, 82, 86, 87v, 89v, 91v; *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 226, 334, 374, 386, 388, 404, 410, 418, 426.

[229] *Хорошкевич А.Л.* «Град» и «место» в «Истории о великом князе московском» А.М. Курбского // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Доклады Второй научной конференции. Москва, 7–8 декабря 1999 г. М., 2001. С. 288–296.

[230] *Hansen G. von.* Joan IV. im Gespräch... S. 141.

[231] *Poe M.T.* "A People Born to Slavery". P. 117–226.

[232] Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 84, 106 (пер. с лат. О.Ф. Кудрявцев, С.Г. Яковенко; послание составлено в 1524 г., впервые опубликовано в Венеции в 1543 г.); *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 238–239 (впервые опубликовано в 1549 г.).

[233] *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt/M., 1972; *Mund S.* Orbis Russiarum (по указателю).

[234] СК. Л. 85v–86v.

[235] Предположение о конфликте Курбского с царем в первые годы Ливонской войны и во время Полоцкого похода получило развитие в работах А.Л. Хорошкевич: *Хорошкевич А.Л.* Захват Полоцка и бегство кн. А.М. Курбского в Литву // Świat pogranicza. Warszawa, 2003. С. 117–120; *Ее же.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 326, 401–402.

и какая-то ссора, повлекшая гневные упреки, угрозы и ссылку в пограничный Дерпт, овеянный мрачной славой после смерти А. Ф. Адашева. Обращения Курбского к монахам Псково-Печерского монастыря, видимо, были просьбой о печаловании и церковном заступничестве: «... понеже наки напасти и беды от Вавилона на нас кинети многи начинают»[236].

Связь между смертью Шаховского от руки царя в Невеле, рядом с которым незадолго до того полк Курбского потерпел поражение, переговорами Курбского со Збаражским, царским гневом на Курбского после Полоцкого похода и сообщением литовского посланника в 1572 г. о «татарской плетке» — гипотетична. Царь и московская посольская служба обвинением князя в заговоре против царской семьи скрыли смысл следствия. В Речи Посполитой получила распространение версия о бегстве Курбского после и в результате тиранического преследования со стороны царя. Усилия Посольского приказа, как показано выше, были направлены на то, чтобы дезавуировать эту версию, причем эта цель неуклонно преследовалась до самой смерти Курбского. Обвинительная же сторона российских дипломатических обращений содержит разнородные и противоречивые заявления, ни одно из которых не подтверждается независимыми данными.

«Ливонская хроника», составленная современником Курбского Ф. Ниенштедтом, позволяет дополнить интерпретацию и вносит в нее недостающие звенья. Побег князя описан в ней на фоне «дела графа фон Арца» о сдаче московитам Гельмета, которое закончилось казнью Арца и ничем для Курбского. Р. Г. Скрынников считает, что Курбский намеренно провалил сделку. А. Л. Хорошкевич, дискутируя со Скрынниковым, пишет, что действия князя доказывают «усердие Курбского в завоевании Ливонии»[237]. По словам Курбского, он вел переговоры с ливонскими рыцарями, рижанами и графом Арцем, уговаривая их перейти на сторону царя. Наместник герцога финляндского Юхана и его жены Катерины Ягеллонки граф Иоганн фон Арц должен был, согласно тому же плану, уговорить сдаться замки великого герцога финляндского. Ниенштедт в своей хронике доказывает, что Арц пошел на переговоры с русскими после того, как польский король отказал ему в помощи против шведского короля Эрика XIV. Однако цель графа заключалась как раз в том, чтобы сохранить финские владения в неприкосновенности, отдав царю один замок Гельмет. Хронист Б. Рюссов уточняет, что осенью 1563 г. Арц собирался отдать все замки герцога московитам, и только Гельмет должен был перейти в наследственное владение графа. Видимо, это преувеличение. Трагедия произошла после того, как начались приготовления к сдаче замка. О переговорах стало известно, Арц был арестован, отвезен в Ригу и там казнен. А Курбский, подойдя к стенам Гельмета с небольшим отрядом, попал под обстрел, прокричал угрозы от лица царя и отступил[238]. Объясняя свою причастность к этому делу, Курбский заметил, что «о подобных делах он знал много, но во время своего опасного бегства забыл»[239]. Забывчивость князя вряд ли пришлась по душе польско-литовской администрации в Ливонии. От Курбского ждали разоблачительных показаний. Вместо этого князь рассказал о закрытом «деле» и ссылкой на *опасное бегство* дал понять, что сознательно отказывается от сотрудничества со «следствием».

Версия преднамеренного провала «дела графа фон Арца» несостоятельна, а следовательно, лишается силы причинно-следственная связь между этим событием и побегом князя. Из текста хроники неясно и то, как сам автор видит связь между переговорами и опалой, побудившей юрьевского наместника к побегу. Однако известный русский перевод отрывка, где эта связь намечена, не вполне соответствует немецкому оригиналу[240]:

Немецкий текст	Русский перевод
Der Knäse Andrey Kurpsche ward auch bey dem Grossfürsten dieses Handels halber verdächtig, als ob er mit dem Könige von Polen gegen ihn practisiret, dass er bey sich beschlossen hatte, ihn auch einen schmähligen Tod zu würgen...[241]	Князь Андрей Курбский также впал в подозрение у великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышляет с королем польским против великого князя. Великий князь решился умертвить Курбского постыдною казнию...[242]

В тексте Ниенштедта слово “Handels” относится к замыслам Курбского и польского короля и употреблено в том же приблизитель-

[236] РИБ. Т. 31. Стб 381.

[237] *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 326. Примеч. 13.

[238] *Ясинский А. Н.* Сочинения... С. 71; *Ковылов С. В.* Отъезд... С. 71–72; *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Бегство... С. 125. Примеч. 22.

[239] *Скрынников Р. Г.* Далекий век. Л., 1989. С. 96.

[240] Благодарю за помощь в переводе немецкого оригинала А. Л. Хорошкевич (Москва) и П. С. Стефановича (Москва).

[241] *Nyenstädt I.* Livländische Chronik nebst dessen Handbuch // Monumenta Livoniae antiquae. Riga; Leipzig, 1839. Bd. 2. S. 67.

[242] Ливонская летопись Франца Ниенштедта, бывшего рижского бургомистра и королевского бурграфа // Прибалтийский сборник: Сб. мат. и ст. по истории Прибалтийского края. Рига, 1882. Т. 4. Отд. 1. С. 36.

но смысле, что и рассмотренное выше понятие у Штадена. Точнее было бы весь отрывок не связывать, по крайней мере напрямую, с заговором Курбского и Арца, в котором юрьевский наместник проявил себя тонким политиком и верным сторонником московской власти. Князь Курбский попал под подозрение, что он вместе с польским королем «умышлял» ("practisieret") на царя, из-за чего царь решил «погубить его позорной смертью» ("einen schmähligen Tod zu würgen")[243]. Если прочитать сообщение ливонского хрониста именно так, мы можем узнать, каким было обвинение в адрес Курбского, а также почему он написал о своей «невиновности» в послании царю после побега из Юрьева ("der Knäse schrieb darauff dem Grossfürsten seine Unschuld über"). В той интерпретации, которую предложил переводчик XIX в., неясно, в чем именно был Курбский невиновен. Если бы речь шла о «деле Арца», эта информация вступала бы в противоречие с текстом Первого послания Курбского Ивану Грозному, в котором нет ни слова о юрьевской службе, но как раз говорится о несправедливых гонениях власти на воевод и ложных подозрениях на верных слуг[244]. Информантом Ниенштедта стал слуга Курбского Александр Кёниг (Кеникг), возможно, бежавший вместе со своим господином из Юрьева на сторону короля, награжденный Курбским селом Поедуне в 1577 г., а после его смерти — староста рижский[245].

Согласившись с такой интерпретацией ливонского источника, мы получаем еще одну возможность понять Первое послание Курбского как попытку самозащиты от обвинений в сговоре с королем против царя. «Дело Арца» было неудачей, которая стимулировала уже существующие подозрения: представления воеводы о международной политике; расценивавшиеся как стратегическая неудача боевые действия в Ливонии; неудача под Невелем и «дело Шаховского»; и, возможно, переговоры Курбского и Мстиславского с литовскими магнатами. К своей защите князь добавил обличения царя и его приспешников, связывая свои действия с террором царя против *сильных во Израили* после битвы на Уле.

Грамота, написанная князем, как считали в Москве, «невежливо», воспринималась как еще одно в ряду преступлений против чести государя. За дерзкие слова в адрес государя боярам урезáли язык, дипломатов лишали неприкосновенности и обыскивали; более поздние документы показывают, что за lèse-majesté виновнику грозил процесс *слово и дело*[246]. Свое письмо, одно или два, князь назвал в краткой записке *делом государским*, подразумевая причастность этих *столбцов* и *тетрадей* к такому процессу. Оно было положено под печку в его юрьевской избе, по признанию князя, «страха ради смертнаго»[247]. Курбский опасался за свою судьбу и написал обращение, которое должны были найти после его побега, смерти или поимки. Это был предусмотрительный шаг: в своих последних посланиях «российского периода» князь не только снимал с себя все вины, которые ему приписывались, но и наносил удар по своим обвинителям. Но в подтексте вряд ли был расчет на царскую милость. Обвинение царя в отступлении от православия, несправедливых казнях и гонениях, а также выпад в адрес духовенства накладывают на письмо тираноборческий отпечаток. Сходство же послания Курбского с «Жалобой» Исайи Каменецкого вызывает к жизни гипотезу о личном или литературном знакомстве Курбского с монахом, присоединившимся к греческой миссии и попавшим в России под подозрение в шпионаже в пользу польского короля. Процесс над Исайей осенью 1561 г. затронул и высшую московскую бюрократию — среди пострадавших оказался глава Посольского приказа И. М. Висковатый[248]. Текстологические совпадения Первого

[243] А. Каппелер ставит отрывок из «Ливонской хроники» в один ряд с упоминаниями о готовящейся Курбскому в Москве смерти. Впрочем, высказывание Я. Радвана о том, что московский тиран «долго вскармливал» своего воеводу «для известных “алтарей”», не содержит намеков на конкретное следствие, а противопоставляет «славного москвича» Курбского завистливому тирану, ненавидящему слишком успешных слуг. Отличие Радвана от Ниенштедта как раз в том, что Радван, перелагая послание Радзивилла Курбскому, утверждал, что смерть, грозящая князю, является не следствием его неудач, а наоборот, его успехов: «...слишком счастливых короли боятся» (*Каппелер А.* Латинские поэмы... С. 323–324).

[244] ПИГАК. С. 7–11.

[245] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 100–101; *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. С. 68–70.

[246] ПСРЛ. Т. 13. С. 147; БЛДР. Т. 11. С. 104; *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 2004. Т. 1. С. 324, 421, 545–546, 561.

[247] РИБ. Т. 31. Стб 359.

[248] Версия о миссии Исайи как диверсии, спланированной при участии О. Б. Воловича, поддержана Л. А. Юзефовичем, Р. Г. Скрынниковым и И. Гралей. Эта версия не исключает просветительских целей камеичанина, которые вслед за М. Гембаровичем, Э. Киианом, Р. Г. Скрынниковым и Н. В. Синицыной подчеркивает А. Л. Хорошкевич. См. состояние вопроса в: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 251–260; *Choroszkiewicz A. L.* O misji Izajasza do Moskwy — raz jeszcze // Aetas media. Aetas moderna. Studia ofiarowane profesorowi Henrykowi Samsonowiczowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin. Warszawa, 2000. S. 403–424. Опалу Висковатого И. Граля связывает с миссией

Василий Шибанов рассказывает Ивану Грозному «про господаря своего князя Ондрея изменные дела». Лицевой летописный вид Ивана Грозного. Запись за май 1564 г. См.: Лицевой Летописный свод. Кн. 9. С. 1082 (л. 541 об.).

нослания Курбского с более поздней «Жалобой» Исайи объясняются знакомством Исайи с сочинениями Курбского[249]. В каких обстоятельствах состоялось это знакомство? Можно только предположить, что письмо князя было доставлено монаху в Вологду в ходе переписки последнего с его литовскими друзьями[250]. Решение использовать послание князя, чтобы выразить свое недовольство заключением, было рискованным шагом, но Исайя пошел на него, провоцируя московскую власть на ответные решительные меры.

Помимо исходного текста послания Курбского, прямо или опосредованно почти целиком процитированного в ответном письме Ивана Грозного[251], до нас дошла версия Сборника Курбского — собрания сочинений князя Андрея Михайловича, содержащего в Тихоправовском виде «Историю о великом князе Московском» и три послания Ивану IV, а в Уваровском виде «Историю» и те же три письма и в дополнительных разделах переписку Курбского с волынскими и литовскими знакомыми, а также посвященную Ферраро-Флорентийскому собору «Историю о осьмом соборе», переводы из Иоанна Златоустого и Евсевия Памфила[252]. Показательно, что редакция Первого послания из Сборника Курбского содержит следы авторской переработки на основе 1-й редакции того же Послания, с использованием «Истории» Курбского и текстуально связанных между собой Третьего послания Курбского старцу Василиану Муромцеву и Львовского Апостола Ивана Федорова 1574 г.[253] Сход-

Исайи. Наказ А.Ф. Нагому в Крым в 1563 г. противоречит этой интересной гипотезе, но не исключает ее. Все перечисленные в наказе «люди ближние», которые «царя и великого князя с царем ссорили» (И.В. Шереметев, А.Ф. Адашев, И.М. Висковатый), — противники Крыма при царском дворе. И все под тем или иным предлогом попали в опалу в начале 1560-х гг. (*Бахрушин С.В.* «Избранная рада» Ивана Грозного // ИЗ. 1945. Т. 15. С. 37–38).

[249] Это доказывается упомянутой в письме Исайи «кровью», которую якобы проливал монах. Критики концепций Э.Л. Кинана и Р.Г. Скрынникова резонно замечают, что в случае первичности послания Исайи это признание несообразно. Логичнее предположить, что Исайя заимствовал данный образ из послания Курбского.

[250] Переписываться с родственниками было разрешено литвинам, попавшим в плен в ходе Полоцкого похода (*Straszewicz M.* Testament Anny z Korsaków Rahoziny z 1563 roku. Przyczynek do dziejów jeńców polockich // PH. 2005. T. 96. Z. 3. S. 449–458). Это позволяло им передавать на родину секретную информацию, о чем не сразу стало известно царской разведке.

[251] *Ерусалимский К.Ю.* Первое послание князя А.М. Курбского Ивану Грозному: Архетип и его ранняя рецепция // ДР. 2016. № 4. См. также: *Сергеев В.М.* Структура текста и анализ аргументации первого послания Курбского // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 118–130.

[252] О составе ранних «сборников Курбского» подробнее см. нашу подготовленную к печати монографию «Сборник Курбского: Исследование книжной культуры».

[253] *Зимин А.А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 178–179.

ные с посланием Вассиану, Сборником Курбского и Апостолом рассуждения содержатся в предисловии Курбского к переводному «Новому Маргариту». Эти связанные между собой тексты выглядят следующим образом:

Первое посл. 1-я ред.	Третье послание Вассиану	«Новый Маргарит»	Первое посл. Сб. Курб.
Но вкупе вся реку конешне: всего лишен бых и от земли божия тобою туне отогнан бых[254].	Мы же, окаянные, аще и множайше томихомся, и во тмах смертей быхом от различных пращ и от огненых стреляний, и не токмо честь или именне довольно, или воздания некая получихом, но сопротиво: грех ради наших нам сбышася, паче же мне, грешному и бедному. Каких напастей и бед, и наруганий, и гонений не претерпех! *Многажды в бедах своих ко архиереом и ко святителем, и к вашего чина преподобным со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах и, валяяся, пред ногами их, землю слезами омаках, — и ни малыя помощи, ни утешения бедам своим от них получих.* Но, вместо заступления, некои от них потаковники и кровем нашим наострители явишася[255].	И мне же нещастливому что въздал? Матерь ми и жену и отрочатка единаго сына моего в заточению затворенных троскою поморил. Братию мою единоколенных княжат ярославских различными смертьми поморил, служащих ему верне, имения мои и их разграбил, и над то все горчайшего: от любимаго оттечества *изгнал*, от другов прелюбезных разлучил... Аз же вся сия ведех и слышах, и был обят жалостию и стисняем отовсюду унинением, и снедающе те нестерпимые предреченыи *беды*, яко моль, сердце мое помянух же и обращахся в скорбех ко Господу моему, со воздыхании тяжкими и *со слезами*, просяще *помощи* и заступления, да отвратит гнев свой и их да не презрит унением потребитися[256].	Но вкупе все реку конечне: всего лишен бых и от земли божии туне *отогнан бых, аки тобою понужден. Не испросих умиленными глаголы, ни умолих тя многослезным рыданием, ни изходатайствовах от тебя никоея же милости архиерейскими чинми*[257].

Предисловие к «Новому Маргариту» составлено вскоре после 9 марта 1572 г.[258] В нем встречаются совпадения с Посланием Вассиану, но фразой *от любимого отечества изгнал* оно сходно только со Сборником Курбского. В «Новом Маргарите» описаны не причины побега, а его последствия, и содержатся не просьбы к духовным особам в России, а молитвенное обращение к Богу после эмиграции. Дополнение Сборника Курбского в отрывке, посвященном причинам побега, сходно по конструкции, а отчасти и буквально совпадает с отрывком из Третьего послания Вассиану, по словами об изгнании из России ближе к «Новому Маргариту». Курбский настаивает, что он был «отогнан», «отогнан, аки... понужден» из своего отечества царем. Слова «всего лишен» были повторены царем в его приватном разговоре с посланником польского короля. Прошение о печаловании встречается только в письме Вассиану и во 2-й редакции письма царю. В 1574 г. этими же словами, почти буквально повторяя Первое послание царю из Сборника Курбского, напишет о себе печатник Иван Федоров, также вынужденный бежать из России. Всё же первичным по отношению к Апостолу 1574 г. и Первому посланию царю из Сборника Курбского необходимо считать текст послания Вассиану, поскольку в нем общий для них всех отрывок имеет начало и завершение в форме риторической конструкции, которая содержит более полную фактическую информацию о бедах, обрушившихся на автора[259]. Из этого послания можно узнать, что Курбский, признанный герой многих сражений, не только не получил «воздаяния» за свои подвиги, но попал в опалу и испытал от власти «напасти, и беды, и наругания, и гонения». Отрывок «многажды... получих» означает, что Курбский постарался исправить положение, но ничего не добился, а узнал, что в окружении

[254] ПИГАК. С. 8.

[255] БЛДР. Т. 11. С. 516. Ср.: РИБ. Т. 31. Стб 405–406.

[256] NM. Bd. 1. F. 3v.

[257] ПИГАК. С. 9–10.

[258] См. несходные точки зрения на датировку Предисловия: *Зимин А.А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 306; *Backus O.P.* A. M. Kurbsky in the Polish-Lithuanian State // Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1969. Vol. 6. S. 40–41, 48; *Скрынников Р.Г.* Переписка... С. 99; *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 42; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 33–34.

[259] Впрочем, Курбский мог внести правку в текст своего послания царю, зная о том, что послуживший основой для дополнения отрывок был использован Иваном Федоровым. Этот вывод, с которым согласились Э.Л. Кинан и Р.Г. Скрынников, с текстологической точки зрения более вероятен, чем предположение И. Огиенко о первичности Первого послания Курбского по отношению к Львовскому Апостолу. Предположение об общем источнике у этих двух текстов было высказано Ю.Д. Рыковым. На наш взгляд, его гипотеза не противоречит концепции Э.Л. Кинана и ведет к предположению о первичности Третьего послания Курбского Вассиану по сравнению с похожими отрывками Апостола и Сборника Курбского. См.: *Огієнко І.* Історія українського друкарства. Львів, 1925. Т. 1. С. 42; *Keenan E.L.* The Kurbskii – Grozuyi Apocrypha. P. 81; *Скрынников Р.Г.* Переписка... С. 10–11; *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 255–257.

царя появились *потаковники*, подговаривающие Грозного с ним расправиться. В конце Первого послания царю упомянут «погубитель» или «губитель» рода христианского, подобно дьяволу шепчущий царю «во уши ложная», проливающий «кровь кристьянскую» и ответственный за гибель *сильных во Израили*. Это тот же самый человек или те же люди, которые подговаривают царя убить Курбского: «Не пригоже у тебя быти таковым потаковником, о царю!»[260] Со времен Н. Г. Устрялова в этом тайном противнике Курбского принято видеть Федора Алексеевича Басманова[261]. Предполагается также, что *потаковник* царя — отец Федора, А. Д. Басманов[262]. Курбский поместил весь отрывок «Слышах от священных писаний...» о неизвестном приспешнике царя в приписку, расположенную после эсхатокола, подчеркнув таким способом тот протест, с которого начиналось послание. Злой советник «выгубил уже сильных во Израили»[263].

Б. Н. Флоря убедительно показал, что решающий стимул к побегу дали Курбскому тайные убийства в кругу российской военной элиты. Две жертвы из *сильных* названы в его «Истории», на них же, только еще прозрачнее и в сходных с «Историей» выражениях князь намекает в дополнениях к Первому посланию — это князья Михаил Петрович Реннин и Юрий Иванович Кашин, убитые в ночь с 30 на 31 января 1564 г.[264] Одновременно с ними погиб и их близкий родственник, князь Дмитрий Федорович Овчинин, упрекнувший Федора Басманова в «нечистивом деянии, которое тот обычно творил с тираном»[265]. Курбский сообщает о смерти Д. Ф. Овчинина в княжеском мартирологе своей «Истории»[266]. В обличительных высказываниях Овчинина и Реннина раскрывалась причина поражения русского войска на реке Уле. В написанном через несколько месяцев после убийства Овчинина Первом послании Курбского говорится о том, что к московскому трону приближен *потаковник*. Между свидетельством Шлихтинга и посланием Курбского есть немалое сходство. Так же как и тот, князь признает, что выбор царем для себя «узкого пути» личного спасения мог определить судьбу всего общества, и считает, что первыми убедили его встать на этот путь лидеры Избранной рады[267]. Гибель «сильных и благородных» означала для него, что царь сошел с этого пути. Своим посланием князь, вслед за погибшими тираноборцами, подчеркивает еще раз, что убитые по навету злого советника *сильные во Израили* имели право на открытое обличение царя. Поражение на Уле в январе 1564 г., а затем сожжение Москвы крымскими войсками в мае 1571 г. воспринимались как наказание за грехи. В вопросе о том, за чьи грехи расплачивалась Россия военными поражениями, сторонники Избранной рады занимали позицию общей ответственности и не останавливались перед указанием на греховный образ жизни царя и его окружения.

До своего побега князь долгое время, «многажды» обращался к царю, стремясь убедить его в ложности обвинений и снять с себя опалу. Расширение Первого послания царю во второй авторской редакции было рассчитано на повторное прочтение царем грамоты. Царь, как показано выше, в последние годы Ливонской войны доказывал в официальных переговорах с королевской стороной, что не собирался казнить Курбского и что князь бежал не из-за «окрутенства» царя, а из-за своего «злодейства». Вставка в грамоту, сделанная Курбским, обличала эту версию как лживую и показывала, что князя ждала казнь и все усилия, которые он прикладывал, чтобы ее избежать, оказались тщетными.

***

Когда именно сложилась угроза, заставившая князя решительно изменить свою жизнь? Б. Н. Флоря со ссылкой на слова «Коего зла и гонения от тебе не претернех...» Первого послания отмечает, что «гонения» можно понимать по-разному: «На протяжении 1561–1563 годов князь Андрей регулярно получал воеводские назначения (он, в частности, участвовал в походе на Полоцк 1563 года), а затем занял важный пост наместника Юрьева Ливонского, то есть главы всей русской администрации на территории Ливонии. Если даже считать это назначение известным ак-

[260] ПИГАК. С. 9, 11.

[261] *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 340. Примеч. 218; The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia. 1564–1579 / ed. with a transl. and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955. P. 10.

[262] Комментарий В. Б. Кобрина см.: ПИГАК. С. 379–380. Примеч. 16. Обзор точек зрения и аргументы, доказывающие предпочтительность точки зрения Кобрина, см.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 287–288.

[263] ПИГАК. С. 9, 11. В редакции Сборника Курбского сделана амплификация, добавлен выделенный фрагмент: «...выгубил уже сильных *и благородных* во Израиле».

[264] СК. Л. 82; ПИГАК. С. 7, 9, 377. Примеч. 3.

[265] Шлихтинг. С. 16–17; Гваньини. С. 96, 97; *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 79.

[266] СК. Л. 81.

[267] *Елисеев С. А.* О некоторых особенностях философско-исторических взглядов Курбского // Вестник МГУ. Сер. 8. 1983. №3. С. 68–77.

том немилости, так как Курбский тем самым лишался возможности общения со своим государем, то эта немилость совсем не была такого рода, чтобы заставить князя бежать в Литву»[268]. Основываясь на посланиях старцу Вассиану, и особенно на Третьем послании, исследователь приходит к выводу, что угроза для князя исходила от духовных лиц, не стыдящихся «православных очюждати» и «еретики прозывати», а ее причина кроется в богословском противостоянии официального духовенства и обвиненного в ереси старца Артемия, чью сторону занял Курбский[269].

Однако, как показывает изучение обвинений в адрес Курбского со стороны царя и самоидентификации князя в его сочинениях литовского периода, гонение на него не было напрямую связано с литературно-богословскими спорами. В своей «Истории» он посвящает отдельную повесть суду над «избранными» советниками, признавая его, а также расправу над родственниками и друзьями А.Ф. Адашева незаконными, не скрывает своих дружеских отношений с осужденным и уличает светские и церковные власти в фабрикации обвинений. Участие церковных иерархов в суде связано, по всей видимости, с необходимостью царя и его новых приближенных заручиться поддержкой церкви, чтобы избежать обвинений в нарушении обязательства очного суда. Своими личными противниками Курбский считает Басмановых. Поскольку письма и дипломатические наказы царя обвиняют князя в покушении на жизнь царской семьи, и свидетельствуют о том, что расследование на момент побега Курбского было близко к завершению, нет оснований отрицать, что Андрей Курбский действительно подпал под судебное преследование около конца 1563 — начала 1564 г. Обвинения в ереси были, по словам князя, основаны на открывшейся для следствия его тайной переписке с печерскими старцами о «пятом» отреченном Никодимовом Евангелии. Они могли быть использованы наряду с обвинениями в чародействе в ходе того же процесса, но вряд ли были самоцелью в придворной борьбе в канун и первые дни после битвы на реке Уле[270].

Продолжительность расследования вызвала ряд уточняющих замечаний А.Н. Гробовского, считавшего маловероятным долгое преследование родственников и друзей Адашева по одному следственному делу[271]. Однако, если обратиться к сути предъявленных Курбскому обвинений, можно заметить, что следствие об отравлении царицы Анастасии скрывало подлинные мотивы действий царя и его новых приближенных, стремящихся оттеснить с ведущих позиций в государевом дворе окружение Адашева, и упреки в покушении на царицу через четыре года после ее смерти свидетельствуют о том, что царь Иван не только долго помнил обиды, но и продолжал находить мнимых преступников. Помимо покушения на жизнь царской семьи в вину Курбскому вменялась сначала попытка совершить государственный переворот и стать «ярославским владыкой», затем соучастие в перевороте в пользу Владимира Старицкого и создание заговорщической сети при дворе, в Новгороде и Пскове. Обо всех этих обвинениях Курбский знал и все их отрицал. До побега, как можно судить из более поздних обвинений царя, ответов самого князя и слов Ф. Пиенштедта, он обвинялся в покушении на жизнь царя и царской семьи. Сопутствующими, видимо, были подозрения в ереси и колдовстве. Этого всего Курбский также не признавал. Причина гонений, с его точки зрения, крылась в ином. Князь был сторонником внешнеполитической концепции Избранной рады и, по мнению царя, наряду с прочими «полонофилами» нес ответственность за неудачи России в русско-литовской войне. Эти неудачи вызвали усиление противников войны с единоверцами и одновременно углубили подозрения царя в том, что его *холопы* предательски саботируют военную службу[272].

Немилость и опала грозили тем, кто осмеливался открыто упрекать царя за его непримиримость и разжигание войны с христианским государством. На этом фоне вряд ли был случайностью конфликт между царем и князем Ренниным, разгоревшийся, согласно Курбскому, во время пира. Только что в Москве были получены сведения о поражении войска князя П.И. Шуйского на реке Уле. В этой обстановке царь устроил карнавал и предложил старому воеводе станцевать в маске[273]. После запрета скоморошества на Стоглавом соборе маска воспринималась как символ греха, измены православию[274].

---

[268] *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 154–155.

[269] Там же. С. 156–158.

[270] О резонансе битвы на р. Уле в конце января 1564 г. см. в нашей книге "Natione Moscus".

[271] *Grobovsky A.N.* The "Chosen Council" of Ivan IV. A Reinterpretation. Brooklyn; New York, 1969.

[272] *Курукин И.В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 29–48; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 193–238; *Хорошкевич А.Л.* О Висковатом, его времени и безвременьи // RM. München, 2001. T. X, 1. С. 284–287.

[273] СК. Л. 81–82.

[274] *Емченко Е.Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 107; *Петрухин В.Я.* «Праздник» в средневековой

Реннин был вынужден ответить на нредложение царя как на обвинение в измене. Снровоцированные этим или нодобным ему конфликтом тайные убийства санкционировались царем, носили онричный характер и воснринимались как расправа без суда, следствия и права на церковное нечалование. Курбский, убежденный в нраве советников снорить с царем, не скрывал от него своей антивоенной позиции в отношении Великого княжества Литовского. Возможно, как и в «литовский» период своей жизни, он считал, что необходимо объединить военные силы России, Короны Польской и Великого княжества Литовского, чтобы осуществить крестовый ноход нротив Крымской орды и Турции. В нерспективе можно было надеяться на участие в этой войне Священной Римской имнерии и других христианских стран. В случае нобеды был бы освобожден центр нравославия. Нобеда над Османской имнерией имела бы еще и тот ноложительный, с его точки зрения, эффект, что изменила бы раболенное отношение московской церкви к царской власти и восстановила гармоничные отношения царя со своими свободными слугами[275].

«Внешнеполитическая» концепция противостояния между царем и знатью до сих нор не встретила убедительных онровержений и оставляет мало места для юридических и социологических интернретаций как самого нротивостояния, так и выросшей из него Переписки. И царь, и Курбский одинаково признают, что среди московских воевод зрело недовольство начавшейся войной с единоверцами. 1561 и 1562 гг. были в этом отношении рубежными. Князья из династии Гедиминовичей и недавние выходцы из Литвы, занимавшие высшие носты в Боярской думе и военном командовании, нонали нод нодозрение в государственной измене. Выяснить хронологию событий, нерсональный состав оппозиции и степень ее организованности сегодня уже невозможно. Скуные данные не складываются в целостную картину, но нозволяют нредставить масштаб тех нроблем, с которыми пришлось столкнуться Ивану IV, когда он принял решение нрервать геополитическую и матримониальную динломатию и открыть боевые действия против Литвы. Последствия свидетельствуют о том, что «заочный суд» над Избранной радой был растянувшимся во времени «неребором людишек», и в нервую очередь самой Избранной рады, «литовской» верхушки государева двора, а также родственников, сторонников и слуг тех и других. Тогда нытались бежать в Литву кн. В. М. Глинский (1561), кн. Д. И. Курлятев (1562), кн. И. Д. Бельский (1562). Удалось бежать в Литву кн. Д. И. Вишневецкому (1562), Д. Д. Водоньяну (1562), Б. Н. Хлызневу Колычеву (1562), князьям А. В., Г. К. и К. К. Черкасским (1563), А. В. Игнатьеву (1563) и др.[276]

В нротивовес московской «литве» в Великом княжестве Литовском и Короне Польской складывалась своя «москва». К середине 1560-х гг. она была нредставлена многими фамилиями из числа московской элиты, и в их числе отпрысками почти всех крупных княжеских родов, состоявших на царской службе, — суздальскими, смоленскими, оболенскими, ярославскими, если не считать князей татарских и литовских но нроисхождению. В Москве были нреднриняты отчаянные нонытки изменить ситуацию с номощью ренрессий, шантажа и круговой норуки. По нодозрениям в сотрудничестве с заговорщиками были конфискованы земли у Бельского и братьев Александра и Михаила Воротынских (1562). Крестоцеловальными грамотами царь принуждал знать не нереходить на службу в другие страны, не «ссылатися ни человеком, ни грамотами» с Польшей и Литвой, а также с московскими удельными князьями[277]. При этом только что сам освобожденный но норуке И. Д. Бельский, а также И. Ф. Мстиславский должны были вступиться норучительством за А. И. Воротынского[278]. Литовским княжеским родам — Воротынским, Одоевским и Трубецким (наряду с князьями Ростовскими и Мосальскими) было занрещено нродавать свои родовые вотчины

Русн: К проблеме нсторнческой спецнфнкн // Однссей. 2005. М., 2005. С. 81–88.

[275] Этн вопросы для Курбского тесно связаны. Во Втором н Третьем посланнях Васснану он возмущенно пншет, что церковь не облнчает светскую власть н не заступается перед ней за гонимых (РИБ. Т. 31. Стб 395–398, 406–407).

[276] Об этом см. подробнее нашу монографню "Natione Moscus".

[277] Описанне событий с точкн зрення «теорни заговора», опутывающего в 1561–1563 гг. удельные княжества н следом за нимн государев двор, см.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 142–169. В ответ на концепцню Р. Г. Скрыннкова А. Л. Хорошкевнч показывает прагматнзм н последовательность боярской внешней полнтнкн начала 1560-х гг. (*Хорошкевич А.Л.* Россня в снстеме международных отношенний середнны XVI века. С. 252–254, 341. Прнмеч. 88). Полемнческая реакцня А. И. Фнлюшкнна на концепцню Хорошкевнч не подрывает построення оппонента, хотя н уточняет тезнс о том, что в начале 1560-х гг. царю протнвостояла органнзованная оппознцня, утвержденнем, что Владнмнр Старнцкнй оппознцнонером не был (*Филюшкин А.И.* Андрей Михайловнч Курбскнй. С. 430–435).

[278] *Антонов А.В.* Поручные запнсн 1527–1571 годов // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 22–30.

за рамки своего рода (1562). Мобилизационные меры создавали, по словам Р.Г. Скрынникова, «новую законность, смешивая нормы поместного и вотчинного права»[279]. В 1563 г. волна репрессий накрыла родню Адашева — И.Ф. Шишкина Ольгова, Д. Ф. и Т.Д. Адашевых, П.И. Турова, Сатиных, а затем и удельного князя Владимира Андреевича. На этом фоне важными для нас оказываются, во-первых, близость Курбского к «литовской знати»[280], во-вторых, ничем не подтверждаемые, но и ничем не опровергнутые сведения Курбского о давлении на литовскую знать и подозрениях в отношении ее связей с Литвой и Польшей. У него мы узнаём, что А.Ф. Адашев держал у себя на попечении какую-то польку Марию Магдалину, перешедшую в православие и вскоре после его смерти убитую как колдунью «со чады ея» и со «многими другими»[281].

Подозрительность царя переросла в манию, чем и можно объяснить ряд сообщений о немотивированных вспышках его ярости или ожидании его подданными таких вспышек: в январе 1562 г. кн. М.И. Воротынский, согласно посольской версии опалы Воротынских, «государю погрубил», тогда же новгородский Пимен в Москве «чаял собе великой опалы», во время похода в Литву летом 1562 г. по указу царя заточен в тюрьму рында И.Ф. Гвоздев Ростовский, в январе 1563 г. в Невеле ударом булавы царь зарубил князя Шаховского, около того же времени происходит разговор царя с Курбским, во время которого Иван IV угрожает боярину конфискацией имений и, возможно, хлещет его татарской плеткой. Общую атмосферу той эпохи отражает рассказ Курбского о разговоре с тестем Д.Ф. Адашева Туровым, произошедшем вскоре после взятия Полоцка и незадолго до «дела» об измене стародубских воевод, в котором тот признался в своем «видении дивном божественном», предрекающем «смерть мученическую»[282]. Тем же летом 1563 г., когда Курбский «годовал» в Юрьеве, в Александровской слободе велось «дело» против Старицких и их литовской родни — Щенятева, Куракиных, Голицыных. В ходе расследования царь запросил дело о побеге в Литву князя Семена Ростовского 1554 г. Почти одновременное расследование «заговоров» клана Адашевых-Шишкиных-Сатиных, клана Старицких-Хованских, привлечение к «делу» Старицких их литовской родни, пострижение в монастырь удельной княгини-матери Евфросиньи Старицкой свидетельствуют о том, что царь, с одной стороны, опасался появления у литовской княжеской элиты при московском дворе политического лидера или связывал ту же элиту сфабрикованным «лидерством» Старицких, а с другой стороны — он уничтожал людей, которые одним своим присутствием в Думе и на воеводских постах напоминали о политических традициях Избранной рады. Опасения Курбского не были напрасны. Он был свояком Старицких, другом и заступником Адашевых, однополчанином Щенятева и Воротынских. Все те судебные фабрикации, которыми царь окружал их, должны были рано или поздно сойтись вокруг него самого, и по всей видимости, в 1563 г. у него были основания считать, что это уже происходит[283].

Переход Курбского на сторону Речи Посполитой не удается представить частью военного заговора. Стратегических последствий для хода Ливонской войны его побег не имел: проекты решающего удара по московитам, возможно, и поддержанные Курбским лично, не устраивали носителей гетманской власти Великого княжества Литовского и не могли осуществиться из-за финансовых трудностей литовских магнатов и короля; проводившиеся же при участии Курбского тайные переговоры с московской знатью имели целью прощупать почву на случай возникновения заговора в самой России или смерти царя. Гораздо больше ценных сведений о настроениях князя Андрея Михайловича в канун побега содержат материалы его допросов (по всей видимости, уже в Вольмаре). Хронология первых дней пребывания Курбского во владениях польского короля несколько сбивчива. Его обобрали и, видимо, посадили под стражу в Гельмете. Там

[279] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 146.

[280] Об этом см. главу «Социальный статус».

[281] СК. Л. 80–80v.

[282] СК. Л. 81.

[283] Отметим здесь как возможность для догадок, что о преследованиях в Москве к концу 1562 г. было известно в Великом княжестве Литовском, и приглашение на службу Сигизмунда II Августа могло прозвучать с учетом этих слухов в адрес Андрея Курбского и, нельзя исключать, кого-то еще из окружения Ивана IV. На эту вероятность нам указала Наталия Старченко. Говоря в терминологии К. Расмуссена, об «уровне информированности» литвинов о состоянии дел в окружении московского царя можно судить по ряду косвенных данных. Судя по переписке полоцких пленников из Москвы со своими родственниками, какие-то московские тайны могли с февраля–марта 1563 г. доходить в Вильно из первых рук (*Straszewicz M.* Testament Anny z Korsaków Rahoziny z 1563 roku. Przyczynek do dziejów jeńców polockich // PH. 2005. T. 96. Z. 3. S. 449–458). Ценная информация могла поступать и от московских перебежчиков, и в обменах секретной информацией и дезинформацией, как в «деле» Яна Викторина (см. об этом в нашей монографии "Natione Moscus").

несколько дней, не меньше, он ждал результатов миссии в Вольмаре своего сослуживца-немца (Александра Кенига), стремясь поскорее встретиться с вольмарским старостой, а затем и представителями высшей власти Великого княжества Литовского. Еще из Гельмета слухи о поступке Курбского дошли до Готарда Кетлера, который поспешил 8 мая рассказать о случившемся герцогу Альбрехту и выразить надежду, что таким путем московский тиран будет низвергнут. Герцог принимает известие сдержанно, подозревая, что Курбский может изменить и королю. Позднее, 24 мая Кетлер дополнил в письме тому же герцогу Альбрехту свои первые сведения показаниями Курбского. К тому времени князь уже был при короле на сейме[284]. Вероятно, в Вольмар Курбский перебрался не ранее 5–6 мая, откуда уже свободно рассылал письма царю Ивану и своим бывшим юрьевским сослуживцам.

Стремление князя Андрея Михайловича поскорее добраться до короля было вызвано срочным делом, в котором опасно было потерять драгоценные дни. И как ни странно, сам Курбский повернул свои показания против слуг Г. Кетлера и рижан, обвиняя их в изменнических планах в пользу московского царя. Не случайно администрация Риги бросилась с разъяснениями за поддержкой герцога Альбрехта. Рижан поддержал Г. Кетлер, в своем письме от 4 июня назвав выпады Курбского в адрес него самого и ливонских немцев ложью. В своих показаниях князь не скрывал, что на поприще тайной политики его успехи гораздо внушительнее, чем у его предшественника И. П. Федорова Челяднина. При чтении показаний перебежчика возникает даже ощущение, что Федоров является его придворным соперником. Однако это ощущение не выдерживает проверки «Историей»: в этом сочинении Федорову посвящен отдельный мартирий, размещенный на одном из самых почетных мест — отдельным сказанием перед вторым мартирологом, как бы между князьями и титулованной высшей знатью. Конечно, с высоты столетий поступок кн. А. М. Курбского может быть воспринят как ход козырной картой, а сама эта карта — донос на контрагентов, которые вели тайные переговоры с Москвой за спиной польского короля и герцога-губернатора Ливонии. Однако приведенные выше данные о готовящемся или уже развернутом следствии против Курбского в Москве говорят о том, что его козырь был малой услугой королю, задуманной в свидетельство своей верности.

Версия придворной интриги, в которой Курбский потерпел поражение, не должна покидать горизонтов анализа. Смерть последнего представителя ярославской династии великих князей накануне побега кн. Андрея Курбского поднимала вопрос о передаче почетного титула, который князь Андрей Михайлович, по словам Ивана Грозного, себе присвоил самовольно. Это было не так. Курбский имел полное право продолжить династию de jure, поскольку родовые титулы великих княжений в России продолжали формально существовать и были весьма почетны. Вымирание ветви рода не было заурядным событием, и борьба должна была развернуться даже заочно. В ней Курбский был обречен — ему противостоял мощный, возможно, сильнейший по влиянию на царя в то время клан Сицких (ставших Сицкими-Ярославскими), Басмановых-Плещеевых и Романовых-Юрьевых[285]. Это построение основано на прямом обвинении от лица Ивана Грозного, но оно не противоречит тем упрекам, которые слышались в адрес царя и его окружения со стороны кн. Андрея Курбского.

Не последнюю роль в литовских сочинениях князя играло обличение тирании, как прямое, так и опосредованное. Яркими образцами прямых выступлений против московской тирании служит перечисление бед общественных «чинов» во Втором послании Вассиану, гонений и лжи в Первом послании царю, повестях о Максиме Греке и Вассиане Тоноркове, о суде над избранными советниками, в мартирологах и заключительном разделе «Истории». Идеалы свободной христианской империи-республики Курбский отстаивает в повести о Шалле фон Белле, переводах из Цицерона, предисловиях и глоссах к своим богословским переводам. Причастность

[284] HBA. D. N 3290. F. 1–1v (Готард Кетлер — Альбрехту Бранденбургскому. Митава, 8 мая 1564 г.); № 3294. F. 1–2 (Альбрехт Бранденбургский — Г. Кетлеру. Б. м., 24 мая 1564 г.); N 3297. F. 1–3v (Г. Кетлер — Альбрехту Бранденбургскому. Бауске, 4 июня 1564 г.); N 3302. F. 1–3v (Альбрехт Бранденбургский — Г. Кетлеру. Б. м., 18 июня 1564 г.); N 3304 (Бургомистр и ратсгерры Риги — Альбрехту Бранденбургскому. Рига, 30 июня 1564 г.). Излож.: Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1560–1564). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / bearb. von S. Hartmann. Köln et al., 2008. S. 499 (N 3290), 501–502 (N 3294), 503 (N 3297), 506 (N 3302). О датировке побега см.: *Arbusow L.* Mitteilungen über das genaue Datum der Flucht des Fürsten A. M. Kurbskij // Sitzungsberichte der Rigischen Gesellschaft für Altertumskunde. Riga, 1897. S. 72. Благодарю И. Шварц за доступ к резюме доклада Л. Арбузова.

[285] Этому предположению мы дадим подробное обоснование в разделе «Социальная и персональная память».

Курбского к Избранной раде, постоянно вызывающая дискуссии в историографии, определяется не его положением в административных учреждениях и мерой влияния на царя. Тексты Курбского и дипломатическая документация не противоречат друг другу. Обвинение в покушении на жизнь Ивана Грозного или царицы Анастасии шифровало менее ясную вину, за которую Судебник не предполагал наказания и которую в ходе следствия невозможно было связать с наказуемыми преступлениями. Курбский в своей «Истории» описывает механизм такого кодирования: неугодному советнику, вызвавшему неподтвержденное подозрение, приписывалось участие в заговоре Адашева и Сильвестра. Это преступление не имело «срока давности» и не требовало «следственной экспертизы». Курбскому пройти по этому делу было тем проще, что он не скрывал своих дружеских отношений с опальными советниками, а возможно, испытал на себе царский гнев за обличение и призыв отказаться от завоевательных планов относительно Литвы. Идея войны с Крымом вызывала энтузиазм А. Ф. Адашева и его окружения, на которых царь переложил вину за ссоры с Турцией, когда начались боевые действия в Ливонии. Курбский же, придерживаясь взглядов Избранной рады, не проявил рвения в войне против литвинов, хотя и был в гуще событий как великолукский, а затем юрьевский наместник. Но всё же военного предательства на российской службе вменить ему в вину не было оснований, о чем говорит то, что подобные обвинения не прозвучали в дипломатических переговорах, а упреки в адрес «бранной храбрости» воевод в Первом послании Грозного встретили ответ Курбского об их «мужестве храбрости», растянувшийся почти на половину его «Истории».

Сфабрикованного обвинения в заговоре было достаточно, чтобы шантажировать князя, угрожая ему смертной казнью. Курбскому вскоре стало ясно, что церковь бессильна снять с него вину. «Измена господарю» выходила из церковной компетенции на глазах у Курбского, и он стал бы одной из первых жертв этого процесса, если бы остался в России, о чем ему и написал Иван Грозный в своем Первом послании. Бежав из страны, Курбский стал для нее символом произошедшей перемены. В России из него сделали образец государственной измены. Обвинения, которые были ему предъявлены, стали универсальным средством демонизации: Курбский якобы еще в России задумал извести царя и царицу, стать ярославским владыкой, затем предал государя, отечество и православие, написал государю оскорбительное письмо, ссорил государей, клеветал на бывшего государя, поднял руку на православных, злоумышлял из-за границы, плел заговоры и множил измену в окружении государя, организовал переворот в пользу Владимира Старицкого, пытался оторвать Новгород от России. Круг его изменнических деяний с течением времени расширялся, понятие «измена» наполнялось новыми смыслами. Его эмиграция совпала с переменами в карательной политике Ивана Грозного, повлекшими за собой глубокие преобразования в российской политической культуре.

Социальный статус

Несостоявшийся гетман

Сравнительное описание социального самосознания российской и европейской аристократии раннего Нового времени открывает заманчивую исследовательскую перспективу, намеченную еще Марком Блоком в его рассуждениях о компаративном методе в истории. То, что для сравнительного исследования нами выбраны социальные системы России и Речи Посполитой, далеко не случайно. Помимо глубоких культурных связей между этими государствами и парадоксов в борьбе за «Киевское наследие»[286], в XVI в. в этих обществах сформировались социальные построения, сравнить которые во взаимном отражении решались тогда лишь немногие, и прежде всего потому, что эти социальные модели складывались, постоянно отталкиваясь друг от друга, тогда как для сравнения требовались в той или иной мере перевод и освоение[287]. Кто как не эми-

[286] О культурных контактах см.: *Голенченко Г.Я.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. Минск, 1989. О социально-политических отношениях между Россией и Речью Посполитой в XVI в. см.: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения...; *Wisner H.* Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1995; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002. Киевское наследие вызывает особенный интерес на фоне дискуссий об исторической преемственности на постсоветском пространстве: *Толочко О.* «Русь» очима «України»: в пошуках самоідентифікації та континуїтету // Сучасність. 1994. Ч. 1. С. 111–117; *Яковенко Н.* Паралельний світ. С. 296–330, 333–365; *Pelenski J.* The Contest for the Legacy of Kievan Rus'. New York, 1998; *Константинов С., Ушаков А.* Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999. С. 83–89.

[287] *Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю.* Открытие социального (парадокс XVI века). С. 199–215; *Граля И.* Дья-

Князь Андрей Курбский. Взятие Казани. 2 октября 1552 г. См.: Лицевой летописный свод. Кн. 10. Л. 619.

грант, обладающий опытом социального участия в жизни двух сравниваемых регионов и размышляющий над своим опытом, мог бы быть предметом нашего внимания? Кн. А. М. Курбский, бежавший из Российского государства в Великое княжество Литовское, добился определенных карьерных успехов в обоих государствах и в своих сочинениях выразил отношение к социальному устройству и России, и Речи Посполитой. В науке проблема социального статуса Курбского вызвала неоднозначные суждения. Вплоть до второй половины XIX в. считалось, что «муж битвы и совета» был ближайшим сподвижником Ивана Грозного, а в эмиграции обрел славу борца против своего отечества и московской тирании[288]. Этот «традиционный взгляд», если можно так определить условную схему, составленную из множества построений, никогда не был общепринятым, но до недавнего времени оспаривался с меньшим профессионализмом, чем отстаивался[289]. Документы волынских судов для решения этого вопроса могут играть лишь подчиненную роль, поскольку отражают в первую очередь местную расстановку сил и социально-правовые проблемы. Сочинения самого Курбского сохранили мало сведений о его участии в жизни общества Речи Посполитой.

Среди работ о статусе Курбского в России последовательностью в использовании однообразных серийных источников отличается исследование А. И. Маркевича, который, опираясь на документацию местнических процессов, заключил, что А. М. Курбский в Москве «был человек не важного места»[290]. Сходная мысль звучит в издании записок Генриха Штадена у Ф. Энштейна: «После перехода на сторону польского короля Курбский не играл больше заметной политической роли...»[291]. С ним согласна И. Ауэрбах: московский период жизни Курбского, был главным образом занят военной службой, степень его участия в деятельности Боярской думы неизвестна, влияние на царя по той же причине не могло быть значительным. В эмиграции его высокий престиж и крупные имения были фасадом, за которым разрастался конфликт князя с местной шляхтой, а с начала 1570-х гг. начинает ослабевать его политическое влияние при дворе[292]. К этому мнению

ки и писари: Аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI — начало XVIII века) // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 148–164.

[288] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842–1843. Кн. 2–3. Т. 8–9; *Ясинский А.Н.* Сочинения...

[289] *Горский С.* Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского; *Белов Е.А.* Предварительные замечания к истории царя Иоанна Васильевича Грозного // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1891. Ч. 273. №2. С. 343–378.

[290] *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888. С. 298.

[291] *Staden H. von.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / hrsg. von F. Epstein. Hamburg, 1930. S. 23. Anm. 4.

[292] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 77 etc.; *Eadem.* Identity in Exile: Andrei Mikhailovich Kurbskii and National Consciousness in the Sixteenth Century // Culture

присоединился А.И. Филюшкин, отметивший, что социальная самооценка князя Андрея Михайловича была завышена: в московский период он был храбрым воином и «ничем другим не выделялся среди других бояр и воевод», а в изгнании преувеличивал свои заслуги, считая себя выдающимся полководцем[293]. Сравнение двух периодов в становлении социального статуса Курбского нуждается в формальных критериях: сходства в этих процессах могут оказаться обманчивым эффектом его компаративной саморефлексии, его участия в жизни двух несходных обществ, оценок российских современников его заграничной жизни или польско-литовских — утраченного им социального положения в России; несходство социально-культурной среды России и Речи Посполитой также провоцирует на компаративный микроанализ, причем в ходе сопоставления понятие *карьера* потребует в каждом случае особого терминологического и фактологического «плотного описания». Отвечая на вопрос, *что значит сравнивать*, М. Блок пишет: «Безусловно, вот что: отобрать в одной или в нескольких социальных средах два или несколько явлений, между которыми на первый взгляд есть определенные аналогии; описать кривые их изменений, установить сходства и различия между ними и по мере возможности дать объяснение и тем и другим. Таким образом, в историческом разрезе для сравнения необходимы два условия: известное подобие наблюдаемых фактов (это само собой разумеется) и известное несходство среды, в которой они возникли»[294].

Если ориентироваться на концепцию социальной стратификации Макса Вебера, сравнению подлежат параметры статуса, класса и власти. Сложность этой операции связана с многогранностью социальных характеристик и несимметричностью языковых реалий в каждом из сравниваемых обществ. Действительно, при оценке статуса учитываются и взаимно соотносятся факторы различных порядков: субстанциональные независимые (пол, возраст, социально-культурное происхождение), субстанциональные усвоенные (образование, профессия, владение языком и т.п.), реляционные (социальное и ситуативное неравенство)[295]. Социальная идентичность, как известно, зависит от соотношения факторов статуса, условий социальной мобильности, а также от самосознания личности или группы. Перемещение представителей одного общества в другое, опыты перевода статусных характеристик и «взгляд со стороны» на устройство общества существенно облегчают путь к компаративным построениям. Статус московского придворного XVI в. складывался из особых разновидностей тех же параметров. К субстанциональным независимым кроме пола, возраста, линьяжа относилось местническое положение родителей и ближайших родственников. Из усвоенных наиболее существенными были персональная военная и придворная служба, земельный надел, денежный оклад, матримониальное и клановое родство[296]. Грань между субстанциональными факторами была преодолима, поскольку на статусе аристократа сказывалась социальная мобильность его родителей или ближайших родственников. Реляционного социального положения придворные и другие «государевы холопы» добивались за счет сочетания субстанциональных факторов и случайных обстоятельств. Великие князья Московские в середине XVI в. изредка допускали «видеть государевы очи» своих малознатных подданных в обход складывающихся иерархий государева двора, однако эти случаи воспринимались в обществе как нарушение придворного этикета и вызывали напряженность в отношениях самих великих князей со своими «рабами».

Ренлики Ивана Грозного по поводу приближения ко двору Алексея Адашева и его сторонников в годы Избранной рады, а потом Василия Грязного и ему подобных в годы Опричнины показывают, что царю приходилось преодолевать традицию и бросать вызов придворным, заменяя в своем окружении «изменных холопов» на «батожников» и «страдников». Возвышение А.Ф. Адашева в своем Первом послании Курбскому царь приписывает стороннему воздействию: «До того же времени бывшу сему собаке Алексею Адашову, вашему начальнику, нашего царствия во дворе, и в юности нашей, не вем, каким обычаем из батожников водворившася, нам же такия измены от вельмож своих видевше, и тако взяв сего от гноища и учинив с вельможами, а чающе от него прямыя службы»[297]. В послании к В.Г. Грязному Ильину Иван IV подчерки-

and Identity in Muscovy, 1359–1584. Moscow, 1997. P. 11–25.

[293] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский // ВИ. 1999. № 1. С. 85.

[294] *Блок М.* К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. 2001. С. 66.

[295] Обзор литературы по вопросу см.: *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 2002.

[296] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 19–20; *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. С. 60–112; *Berelowitch A.* La hiérarchie... P. 143–267.

[297] ПИГАК. С. 30.

вает, что возвышение новых слуг в его воле: «А что сказываешься великой человек - ино что но грехом моим учинилось и нам как утаити, что отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, нриближали, хотячи от вас службы и правды»[298].

Происхождение А.М. Курбского не отличало его от множества других деятелей московской аристократии. Он гордился тем, что был «русским князем», потомком Рюрика и Владимира Всеволодовича Мономаха, которого он в родословных характеристиках своих героев не всегда достаточно четко отличал от Владимира Святославича. Своими ближайшими предками Курбский по праву считал «пленицу» ярославских князей, потомков смоленского и ярославского князя Федора Ростиславича. Курбская ветвь ярославских князей к середине XVI в. могла гордиться героической военной службой: князья Михаил Федорович Карамыш, Роман Федорович, а также Владимир Черный Карамышев были убиты в войнах с татарами[299]. Последние мужчины рода, Андрей и Иван Михайловичи учились на их примере. Иван был смертельно ранен во время штурма Казани, и его смерти посвящены пронзительные слова в повести о взятии Казани в «Истории о князя великого Московского делех» А.М. Курбского[300]. Не отставал от брата и множество раз раненый в боях князь Андрей Михайлович, в бою за Казань спасенный, по его словам, благодаря «праотеческой» кольчуге и небесному заступничеству[301]. Эта кольчуга — символ родового самосознания, памяти о боевых заслугах предков, которые, по убеждению князя, всегда неотступно и верно служили московским великим князьям и «христианской республике», удостоились похвалы в «летописцах руских»[302]. Безупречность репутации и благородство происхождения неразрывно между собой связаны для Курбского, когда он рассуждает в Третьем послании царю о своем рождении «от благородных родителей»[303].

Его отец начал службу в августе 1529 г. вторым воеводой после кн. Д.Д. Пронского в Калуге. По полковой росписи июля 1534 г. в войске, возглавленном Дмитрием и Иваном Федоровичами Бельскими, он — третий воевода передового полка после кн. М.В. Горбатого Шуйского и кн. И.В. Шемяки Пронского. В декабре 1534 г., во время похода на Литву, он возглавил передовой полк, возвысившись над кн. Д.Ф. Палецким, в войске Б.И. Горбатого и В.А. Шереметева в Новгороде. По росписи береговой службы июля 1535 г. был третьим воеводой полка левой руки после Федора и Романа Ивановичей Одоевских. Позднее дочь Р.И. Одоевского, вышедшую замуж за удельного князя Владимира Старицкого, А.М. Курбский назовет своей «сестрой». Тогда же «по стародубским вестем» в брянском списке имя М.М. Курбского значится во главе полка левой руки, выше кн. Н.Ф. Палецкого. В начале следующего, 1536 г. под Муромом он — второй воевода после кн. Ф.М. Мстиславского, старше кн. И.М. Троекурова, И.П. Федорова и Г.Ю. Захарьина. Когда из Нижнего Новгорода пришли тревожные вести о приближении казанского войска, Курбский выступил вторым воеводой большого полка под командованием того же Ф.М. Мстиславского из Мурома. В береговой росписи июля 1537 г. Курбский — второй воевода полка левой руки под могущественным кн. И.Ф. Овчиной Теленневым Оболенским. Третьим воеводой в их полку был сородич Курбского кн. Иван Михайлович Чулок Засекин. В том же году князь вновь в Муроме вторым воеводой в полку Федора Одоевского, к которому должен был присоединиться мещерский полк Романа Одоевского.

Смерть Елены Глинской и новые конфликты при дворе привели к перестановкам в воеводских назначениях, отражающим подвижки в придворной иерархии. Драматичными оказались назначения коломенского разряда июня 1539 г. Рать возглавил кн. В.А. Микулинский, вторым и третьим воеводами большого полка стали кн. П.И. Ренин и В.П. Борисов. Курбский должен был служить вторым воеводой передового полка под командованием кн. М.И. Кубенского. Федору Мстиславскому был поручен полк правой руки, в котором вторым был кн. К.И. Курлятев. В полк левой руки были записаны кн. Ф.А. Булгаков и кн. Василий Чулок Ушатый. В сторожевой — кн. Ф.И. Одоевский и кн. Д.И. Курлятев. Сразу три воеводы отказались «взять списки». Одоевский заявил, что в войске Микулинского ему на таком низком посту быть «немочно». Сходным образом аргументировал свой отказ Мстиславский: «непригоже». Курбский также был недоволен, таким образом поддержав выступление литовских князей: «А князь Михайло Курбской писал, что ему в передовом полку в других быть нелзе того для, что князь Петр Реннин в большом полку другой; а коли был под Казанью брат великого князя, князь Дмитрий Иванович, и тогда отец его, князь Михайло Коромыш, был в передовом полку болшой, а княж Петров отец, князь

[298] БЛДР. Т. 11. С. 160.
[299] *Зимин А.А.* Формирование... С. 91–92.
[300] СК. Л. 24 об., 29 об. – 30 об.
[301] СК. Л. 29.
[302] ПИГАК. С. 109.
[303] Там же.

Иван Рення, был в левой руке большой же»[304]. Курбский, как видно, хорошо знал и точно изложил разряд нохода на Казань, составленный 29 октября 1505 г.[305] Местничество в данном случае ноказывает не только глубину служебной намяти, но и близость Курбского к своим давним сослуживцам Одоевским и Мстиславским. При этом роль Кубенского в карьере Курбского неясна, но будет особенно акцентирована в Перериске Ивана Грозного с сыном Михаила Карамышева, князем Андреем Курбским. Царь назвал М. М. Курбского «бояриным» князя Михаила Кубенского[306]. От своего носта М. М. Курбскому отказаться не удалось, но «нро его дело» но окончании службы было обещано нровести расследование. Летом и в декабре 1541 г. он нолучил нрестижное назначение в рати «но казанским вестем в Нижний Новгород» на ност второго воеводы большого нолка нод командованием кн. И. В. Шуйского, а в ноябре 1542 г. — на тот же ност в рати кн. Д. Ф. Бельского. В июне 1543 г. он в очередной раз «годовал» на казанском нанравлении, в Муроме. И последний раз М. М. Курбский внесен в разряд за июль 1544 г. в боярском чине третьим воеводой большого нолка после кн. Д. Ф. Бельского и кн. М. И. Кубенского[307].

Как мы увидим, служебные назначения князя Михаила Михайловича отразятся на карьере его сына. Первые годы московской службы Андрея Курбского свидетельствуют об обычных нутях и темнах его карьерного роста. Принадлежность к роду ярославских князей сказывалась и нозднее — в 1562 г., после вымирания старшей ветви ярославских князей — Аленкиных, Курбский стал фактически старшим нредставителем рода и, как увидим, воснользовался своим нервенством, расширив свой княжеский титул. Во время реформ Избранной рады князь сохранял лояльность московскому царствующему дому и никакими источниками не замечен во фрондерских настроениях.

Имения Курбских к 1550 г. раснолагались в Ростовском уезде, к которому и относилось их родовое село Курба. На основании нрозвища одного из слуг Курбского в эмиграции (Ивана Гавриловича Постника Туровицкого-Ростовского) И. Ауэрбах нреднолагает, что Курбский мог раснолагать владениями нод Ростовом[308]. Это так, но это могла быть и всё та же Курба, к тому времени — ростовское село. К середине 1550-х гг. Курба, согласно межевой книге Троице-Сергиева монастыря 7064–7065 (1555/56–1556/57) гг., уже принадлежала кн. И. Д. Бельскому[309]. Впрочем, согласно Ю. Д. Рыкову, межевые книги позволяют «несомненно утверждать лишь о нереходе в номестное владение боярина князя И. Д. Бельского ряда деревень "Курбского села", граничивших в межах с ростовскими землями Троице-Сергиева монастыря к 1554–1557 гг., но не о нереходе в то же владение самого родового села Курбы, находившегося в собственности Курбских с XV в.»[310]. Мне нредставляется, что нереход в собственность главы Боярской думы, кн. Ивана Бельского, даже части владений Курбского, говорит в нользу того, что князь принял новые раздачи и мог после смерти отца поступиться родовыми владениями для реализации задач нового нравительства и обмена субстанциональных (родовых и нотестарных) преимуществ на реляционные (нрестижные) бонусы[311]. Сходным образом князь будет вести себя в эмиграции. Он утратит Кревское староство и будет отстаивать нолноту прав на Ковельское имение, которое было королевским наследственным владением, т. е. но самому владельческому статусу не могло быть надежно закреплено за Курбским и его потомками. Имя отца появится в одном из самых ранних сочинений князя Андрея Михайловича периода эмиграции — его послании герцогу Альбрехту Бранденбургскому, как знак достойного происхождения от знатного и ученого родителя. Нигде при этом в своих сочинениях Курбский-сын не сошлется на насильственную утрату каких-то прав, лишение недвижимости, какой-то движимой собственности до и во время реформ Избранной рады. Этот аргумент «от умолчания» набирает еще большую

[304] РК 1598. С. 96.

[305] РК 1598. С. 36.

[306] Об этом см. ниже.

[307] Служебная биография кн. Михаила Курбского Карамышева составлена на основе данных разрядных книг.

[308] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 27.

[309] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 20. Л. 303 об., 304, 304 об., 305 об. Благодарю С. В. Стрельникова (Санкт-Петербург), обратившего мое внимание на сведения данного источника.

[310] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 2. С. 89. Примеч. 3–10 (автор — К. Ю. Ерусалимский. Здесь в комментарии дополнение А. Л. Хорошкевич по консультации Ю. Д. Рыкова).

[311] Связь кн. Андрея Курбского с Рязанью, как служебная, так и поместная, могла предшествовать полученню им подмосковного поместья в 200 четей по Тысячной реформе. Воеводские назначения в Рязани и Пронске 1550–1551 гг. и упоминания поместья Курбского в 150–170 четей в даточных книгах 1558–1560 гг., возможно, отражают поместный статус князя еще до Тысячной реформы. См. здесь *Итинерарий Курбского 13–16 августа 1550 г., 26 октября 1551 г., Апрель 1558 г., 7 сентября 1560 г.*

силу, если обратиться к упрекам кн. А. М. Курбского в адрес московского правящего рода.

Хотя князь Андрей Михайлович относился к ярославской княжеской «корпорации» (входил в число ярославских князей Тысячной книги) и поддерживал связи с Ярославлем, среди факторов карьерного роста его владельческий статус играл, по-видимому, подчиненную роль. В качестве причины гонения на князей ярославских в княжеском мартирологе «Истории» Курбского названы их «отчины великие»[312]. Однако, с одной стороны, это замечание может относиться не ко всем погибшим в террор Ивана Грозного ярославским князьям, а только к упомянутым непосредственно перед тем кн. Ивану Шаховскому, князьям Василию, Александру и Михаилу Прозоровским и князьям Ушатым. С другой стороны, Курбский убежден, что князья — братья московских правителей издревле верно служат христианской республике, а «обычай» московских властителей «здавна желати братей своих крови и губити их убогих ради и окаянных отчизн несытства ради своего»[313]. Размер княжеских вотчин в связи с этим может быть, согласно Курбскому, результатом преувеличения со стороны алчных московских князей, тогда как для самих князей их вотчины являются не оплотом сепаратизма, а экономической основой для «служб и доброхотствований» московским князьям. С точки зрения Курбского, насколько удается ее реконструировать, «стяжания недвижимые» были одним из главных мотивов борьбы московской власти против титулованной знати, тогда как нетитулованная знать только в редких случаях — они в «Истории» Курбского обозначены как исключительные — располагает значительными земельными владениями. Обвинения Курбского в намерении стать «ярославским владыкой» и титул «князя Ярославского», которым он пользовался с начала 1570-х гг. в Речи Посполитой, не имеют прямого отношения ни к владельческому статусу А. М. Курбского до эмиграции, ни к его статусным ожиданиям[314].

Матримониальный параметр социального статуса Курбского в России был предметом обсуждения уже при жизни князя. В Речи Посполитой не раз подчеркивали, что на службу к польскому королю перешел близкий родственник московского царя — подразумевалось родство по царице Анастасии, которую в Третьем послании Ивану Грозному Курбский называет своей «ближней сродницей», отводя обвинения в покушении на ее жизнь[315]. Насколько значимо было это родство в российских условиях? Четвероюродному брату первой российской царицы вряд ли один факт такого родства был бы достаточен для карьерного роста. В Сборнике Курбского родственники царицы оцениваются как влиятельные придворные, однако себя князь не относит к клану Захарьиных, когда упоминает шуринов царя Юрьевых и «брата стрыечного жены его», С. В. Яковлева, зато подчеркивает свое родство с царем по своей двоюродной сестре, выданной за двоюродного брата Грозного князя Владимира Андреевича Старицкого, и брак своего более знатного родственника, князя Ф. А. Аленкина с двоюродной сестрой царя[316]. В сравнении с Курбским князя Федора Андреевича отличает не только родственная близость к московскому суверену, но и происхождение от великого князя Ярославского Александра Федоровича Брюхатого. Обратное воздействие на статус князя Андрея Михайловича могла оказать близость к удельному роду. На матримониальное родство Курбского с князем Владимиром Андреевичем ссылалась и московская посольская служба, когда создавала образ *изменника Курбского*. Поскольку на этот факт сам Курбский указывал как на предпосылку гонений («грядущее мнение твое на мя»), а Посольским приказом он был использован для его дискредитации («а за князем Володимером Ондреевичем была его сестра двоюродная»), закономерен вопрос, не была ли женитьба удельного князя на кузине Курбского одним из факторов карьерной катастрофы и эмиграции князя из России[317].

Лучшим показателем социального статуса московского аристократа XVI в. служит мобильность его военной карьеры и в связи с этим его разрядно-местнический статус. Разрядные назначения в середине XVI в. подчинялись строгим правилам, установленным в результате военно-иерархических реформ конца 1540-х — середины

[312] СК. Л. 86 об.

[313] СК. Л. 114 об.

[314] См. об этом главы «Побег», «Идеолог княжеской власти», «Социальная и персональная память».

[315] Paprocki. S. 871; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 342 (р. 504); ПИГАК. С. 109, 373–374.

[316] СК. Л. 31v, 68, 86, 94v; ПИГАК. С. 109; ПК-79-12. Л. 278 об.

[317] Родственные связи Курбских с московскими удельными домами существовали и ранее. Князь Андрей Дмитриевич был женат на дочери кн. Андрея Васильевича Углицкого. Согласно Ивану Грозному, двоюродный брат Андрея Дмитриевича и дед А. М. Курбского Михаил Карамыш «со князем Андреем Углецким на деда нашего, великого государя Иванна, умышляя изменныи обычаи» (ПИГАК. С. 25; *Зимин А. А.* Формирование... С. 90).

1550-х гг. Поскольку иерархия полков была строго установлена в порядке старшинства *большой полк — правая рука — передовой полк / сторожевой полк — левая рука*, статус воеводы определялся старшинством его полка в войске и его положением в качестве *первого, второго* и т. д. воеводы в составе самого полка[318]. Военная карьера Курбского, если представить ее как череду занимаемых им воеводских постов, отличается постепенным ростом с несколькими взлетами и одним, но роковым падением. В «Истории» он вспоминает, что ему вместе с его «товарищем» во время осады Казани было поручено организовать полк правой руки — и хотя ему было около 24 лет, «но всяко за благодатию Христа моего приидох к тому достоинству не туне, но по степенем военным взыдох»[319]. Это был, по его ощущению, заслуженный успех. Он добивался его заслугами, о которых можно лишь догадываться, зная о его идеале самопожертвования и более поздних подвигах, к которым приковано внимание официальных разрядных и летописных текстов. Выражение «за благодатию Христа» свидетельствует о убежденности князя в своей харизме: его продвижение по степеням — результат божественной милости, и для нас это одновременно высокая самооценка и показатель успеха двадцатичетырехлетнего воина на военном поприще[320].

Казанская война 1552 г. послужила отправным пунктом в формировании религиозной харизмы Курбского. Он и сам без ложной скромности признает в себе божественный дар храбрости: «Молюся, да не возмнит мя хто безумна сам себя хваляща! Правду воистинну глаголю и дарования духа храбрости от Бога данна ми не таю, к тому и коня зело быстра и добра имех»[321]. Курбский добивается новых успехов «не туне», а личной храбростью, которой, как он думает, не хватает слушателям его «Истории» — литовско-русским шляхтичам, мало радеющим об освобождении христианства от татар и турков. Его поучение звучит не так, как хотелось бы профессиональному военному: цель воина не в том, чтобы победить, а в том, чтобы отдать душу за братьев и за всё православное христианство. Эта идеология нашла выражение в номинальной практике времен Казанской войны. В рамках той же идейной программы изображены воины на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя», под животворящим Крестом направляющиеся во главе с архангелом Михаилом, православными князьями и воеводами от пылающего города к Небесному Иерусалиму. Летописные и посольские тексты, составленные по следам Казанской войны, изображают взятие Казани как торжество православия над мусульманством и язычеством. Эти параллели показывают, что феномен Курбского возник в идейной атмосфере религиозной войны.

Обратимся к карьере Курбского-воеводы, соотнося его заслуги с социальной мобильностью. Побывав уже есаулом и городовым воеводой, с мая 1551 г. Курбский служит вторым воеводой полка правой руки под началом кн. П. М. Щенятева. Это был достаточно престижный пост, учитывая, что отец Щенятева Михаил Данилович достиг наряду с боярским чином высшего военного назначения — первого воеводы большого полка, которого никто из Курбских не выслужил. Высшим назначением в карьерах Семена Федоровича и Андрея Дмитриевича Курбских был пост первого воеводы передового полка и полка правой руки. Более удачной, в каком-то смысле, была военная карьера отца князя Андрея, Михаила Михайловича Карамышева, но и он занимал положение первого воеводы только в полку левой руки и передовом полку. Затем в зареве Казанской войны впервые проявились таланты юного княжича. Его активность на вторых ролях, в полках князя Петра Щенятева или князя Михаила Воротынского, заметна ряду источников. Курбский сковывает нагайские силы в конце 1551 г. и обороняет подступы Москвы от крымских татар в начале 1552 г. Ту же заградительную роль играет его полк, продвигаясь к Казани, и князя Андрея лично помнят мордовские легенды. Защита основных сил на фланге обернулась двумя заметными операциями — ударом по крымским силам под Тулой и штурмом татар у Елбугиных ворот Казани. Самопожертвование обернулось ярким, запомнившимся падением князя в гуще отступающих татар. Выздоровление Курбского было воспринято

[318] С этого же времени «безместными» между собой становятся отдельные служебные посты — вторые и третьи воеводы в полках, часто передовой и сторожевой полки. А. И. Маркевич показывает на примере местнических дел князей Голицыных с князьями Шуйскими 1571 г. и родных братьев Курлятевых 1573 г., что передовой полк был «кабы почестнее» Сторожевого. Однако очевидно, что корректная оценка служебного статуса воеводы зависит не только от того, какое место он занимает в полковой иерархии, но и от всей совокупности статусных характеристик остальных воевод его войска (см.: *Маркевич А. И.* О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1. С. 518–519; *Его же.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888. С. 360).

[319] СК. Л. 15.

[320] См. также: *Фотинский О. А.* Обыкновенные люди старой Волыни: Из семейной хроники двух поколений фамилии дворян Загоровских, во второй половине XVI в. // Волынский историко-археологический сборник. Почаев; Житомир, 1900. Вып. 2. С. 117–195.

[321] СК. Л. 28 об. — 29.

в Москве как Божья милость, как знак свыше, чудесное спасение. Ранение под Тулой и падение с коня «замертво» у стен Казани прославили Курбского. Результатом подвигов было его появление в царской свите и повышение в военных чинах. В мае–июне 1553 г. Курбский участвовал в «езде» царя в Кирилло-Белозерский монастырь и входил в группу доверенных лиц Ивана Грозного. В «Истории» Курбский повествует, что он был одним из четырех ближайших советников царя, когда вел беседы с Максимом Греком. Первыми тремя советниками в этом списке являются благовещенский протопоп и царский исповедник Андрей, князь И. Ф. Мстиславский и А. Ф. Адашев, что не оставляет сомнений в том, что Курбский равнял себя с первыми лицами в царском окружении[322].

На военном поприще его также ждало повышение. Вскоре после Казанского похода князь занял степень первого воеводы. Его пост первого воеводы полка левой руки по местническому счету 1550 г. — ниже поста первого воеводы полков большого (кн. И. Ф. Мстиславский) и правой руки (кн. И. И. Пронский). Командование сторожевым полком в походе на «Арские места» поднимает Курбского вровень с первыми воеводами полков правой руки и передового, хотя воеводы сторожевого полка записывались в конце списка «мест» и это, видимо, незначительно снижало их авторитет перед двумя равными им воеводами. De facto назначения тогда ограничились тремя полками, и в передовом первым был И. В. Шереметев Большой. В очередных походах на Казань и луговую черемису князь выполняет знакомую ему роль посредника и карателя. Делает он это с блеском, свидетельством чему — золотой угорский (наградной венгерский дукат) и усиление сторонников «окончательного удара» по Стени при московском дворе. Восточное направление военных действий вызывало в Курбском религиозный энтузиазм, сопоставимый с настроением западноевропейского крестоносца. В «Истории» он упрекает Ивана Грозного в нерешительности, считая необходимым личное присутствие царя в Казанской земле, «дондеже до конца искоренит от земли оные бусурманских властелей»[323].

К июню 1556 г. Курбский получает боярский чин. Боярство — показатель карьерного взлета. Этот высший думный чин мог быть присужден по семейному праву, получен путем выслуги или благодаря особой милости суверена. Как Курбские, так и Тучковы уже достигали боярского чина: дед князя Андрея Михайловича по матери М. В. Тучков более 20 лет был окольничим Василия III и незадолго до его смерти получил боярство, а отец князь Михаил Михайлович служил с 1521 г. и в 1544 г. получил боярство, минуя окольничество[324]. В своем обширном Первом послании Курбскому Иван Грозный резко отклоняет упрек о «ненависти» к Курбскому, одновременно отмечая высокое положение его отца и то множество слуг, которые были в подчинении Курбских: «Злую же и непримирительную ненависть кою воздах тебе? Видящи тя от всюду от юности твоей и во дворении нашем, и в синклитстве, и до нынечния твоей измены всячески дышуще на пагубу нашу и достойных мук по твоему злоумию не воздахом. Се ли убо зло и непримирительная ненависть, еже видяще тя о главе нашей злая советующа и в какове приближении и чести и многоимстве держахом, выше отца твоего. Еже вси ведят, в какове чести и богатстве родители твои жили и како убо отец твой, князь Михайло, в какове жалованье и в богатстве и чести был. Се вси ведят, како же пред ним ты и сколько у отца твоего начальников поселяном, колико же у тебя. Отец твой был князя Михайла Кубенского боярин, *понеже он ему даде*, ты же наш — мы тебя сие чести сподобихом. Се ли убо не довольно чести и имения и воздаяния? Всем еси был лутчи отца своего нашим жалованием, а храброванием его хуждьши еси, изменою прешел еси. И аще таков еси, почему недоволен еси? Се ли убо твое благое возлюбление, еже повсегда сети и претыкания нам полящал еси конечне, еже подобно Июде, на пагубу нашу поучался еси?»[325]. Отец

[322] СК. Л. 34 об.

[323] СК. Л. 39 — 39 об.

[324] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 51, 58; *Его же.* Формирование боярской аристократии... С. 91, 240; *Рыков Ю. Д.* Князь А. М. Курбский и его концепция государственной власти // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 193; *Kleimola A. M.* Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // Essays in Honor of A. A. Zimin. Columbus, Ohio, 1985. P. 251, 252; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 20–21.

[325] ПИГАК. С. 41 42; ср.: с. 151, 340, 400. Примеч. 107. В выделенном отрывке принимаем чтение списков СПбИИ РАН собр. Археографической комиссии № 41, РНБ ОСРК F.IV.165, РНБ собр. СПбДА А 1/91. Чтение ряда других списков «понеже он ему дядя», принятое Я. С. Лурье, не является устойчивым в ранних списках и противоречит контексту сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, в антитезе *твой отец — ты* отрывок *ты же наш* предполагает невероятную степень родства между царем и Курбским. Во-вторых, принимая второе чтение, необходимо допустить, что в одном случае получение боярского титула царь объясняет *степенью родства* между Курбским и Кубенским, в другом — своей *волей*. Но степень родства между слугами великих кня-

Курбского стал боярином, когда в «силе» были князья Кубенские, и великий князь не влиял на думные назначения, тогда как князь Андрей Михайлович удостоился чести от самого царя. Болезненным ударом по самолюбию было сравнение с отцом: по словам Ивана Грозного, Курбский уступал ему личной храбростью. Однако эта колкость не отменяет очевидного, того, о чем царь скажет в ответ на слова о болезнях и ранах князя: «Сия же твоя худейшая браненосия нам ни во что же поставленна есть, еже ведомыя измены твоя и еже претыкания о нашей главе тебе презренна быша, и яко един от вернейших слуг наших был еси славою и честию и богатством? И аще бы не тако, то каких казней за свою злобу достоин был еси?»[326] Стремительность карьеры Андрея Курбского по сравнению с его предками беспрецедентна, особенно если и до его побега у царя были претензии к Курбским и Тучковым[327]. Князь Андрей Михайлович не достиг тридцатилетия и занимал военные должности всего около 10 лет, когда стал боярином[328]. Вместе с тем боярский чин мало отразился на полковых назначениях князя в ближайшие 2–3 года и не вызвал никаких особенных замечаний в его более поздних литературных произведениях[329].

Ливонская война принесла Курбскому новое испытание славой. Только за начало 1558 г. от первого воеводы сторожевого полка он стремительно продвинулся до главы передового, в котором возвышался над братом царева временщика, Д.Ф. Адашевым. И уже в том же году Курбский — один из «трех великих воевод» в войске кн. П.И. Шуйского. Возвращение в конце года в Москву было триумфальным.

Впрочем, Курбский не забывает и о южных врагах, татарах, и уже в начале следующего года под командованием кн. И.Ф. Мстиславского отправляется на оборону южных границ от хана Девлет-Гирея. В Москве после присоединения Астрахани, и особенно в 1558–1559 гг., обсуждался проект масштабного похода против Крымской орды, который планировалось осуществить своими силами или в коалиции с западным соседом[330]. Силовое решение проблемы, за которое выступал в числе прочих А.М. Курбский, не было поддержано царем[331]. Пока «искусные воеводы и стратилаты» вели боевые действия против крымского хана, положение дел в Ливонии ухудшилось. Этим Курбский объясняет особую милость к себе со стороны царя, обернувшуюся самым ярким в его военной карьере назначением к февралю 1560 г. Курбский взошел на пост первого воеводы большого полка — первый и единственный раз в своей жизни.

Это был, без преувеличения, выдающийся успех молодого воеводы. Всего за восемь лет из первого воеводы младших полков в местнической иерархии и второго воеводы флангового («опричного») полка правой руки он превратился в главнокомандующего, представляющего персону самого царя в походе против иноверцев. Мнение о том, что это случайное, временное и преувеличенное самим Андреем Курбским в глазах современников назначение, не может быть поддержано. Царь, согласно его «Истории», ввел князя в свои покои («в ложницу свою») и объявил ему, что должен либо сам идти в поход, либо отправить его, своего «любимого». Это событие не имеет отношения к личной дружбе царя с Курбским, как считал еще Н.М. Карамзин, а представляет собой ритуал делегирования высшей военной власти в Москве. Позднее, уже в эмиграции и, возможно, с пропагандистскими целями, этому ритуалу князь придал дополнительный смысл. Поэт и автор эпической «Радзивиллиады» Ян Радван прославляет доблесть знатного и храбрейшего Курбского, который «пробуждал среди московитов надежды, и вся благосклонность народа воспылала к нему, даже надежда тирана», что с его помощью будут побеждены литовцы — только Миколаю Радзивиллу Рыжему удалось «привязать храброго воина

зей не могла определять «боярство» одного из них по отношению к другому. При изначальности первого чтения двусмысленности не возникает еще и потому, что в антитезе образуется две сходные аористные конструкции *он даде — мы сподобихом*.

[326] ПИГАК. С. 43; ср.: с. 8.

[327] ПИГАК. С. 25, 27; СК. Л. 2 об.

[328] Такая карьера, впрочем, не являлась исключительной в период Избранной рады. А.М. Клеймола показала, что назначения в думные чины между 1547 и 1564 гг., в отличие от предшествующего периода, в большей мере зависели от военной, чем от административной и дипломатической службы; сроки выслуги боярского чина резко сократились по сравнению с эпохой Ивана III — с 25 до 10 лет, одновременно уменьшился и средний возраст новоназначенных советников (*Kleimola A.M. Kto kogo*: Patterns of Duma Recruitment, 1547–1564 // FOG. Wiesbaden, 1986. Bd. 38. P. 205–220).

[329] Думный чин жертв террора Ивана Грозного в «Истории» указывается как показатель особого приближения к царю. Об этом см. главу «Социальная и персональная память».

[330] *Флоря Б.Н.* Проект антитурецкой коалиции середины XVI века // Россия, Польша и Причерноморье XV–XVIII вв. М., 1979. С. 71–83; *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 172–173.

[331] СК. Л. 53 об. — 55 об. В Третьем послании царю Курбский называет перекопского царя «неприятелем главным» Ивана Грозного (ПИГАК. С. 109).

к Литве и таким образом отнять у московитов будущего военачальника»[332]. Курбский не был и не мог быть ни последней, ни даже главной надеждой в готовящейся войне против Великого княжества Литовского. Эпическое преувеличение не отменяет, однако, его значительно возросшего престижа, вызванного этим назначением, и уважения противника к его военным заслугам.

Дальнейшее участие Курбского в Ливонской войне вполне отражает обширность его неформального влияния. Мы вновь и вновь тщетно искали бы в его статусе признаки субстанционального роста. У московской элиты кануна Опричнины были свои непреодолимые рамки. Даже если бы амбиции князя зашкаливали, в официальной отчетности он не мог продвинуть свое имя выше первых имен государства. В разрядах его имя никогда не было и не могло быть выше представителей высшей московской, суздальской, татарской и литовской знати на государевой службе. В «Истории» автор и не скрывает, что его место — в ряду ярославских князей, которые всё же по своему значению ниже «старшей» власти в русских землях, но не уступает ведущим боярским нетитулованным родам. Отношение к временщикам у него избирательное — он явно поддерживает Адашевых, хотя никогда не уступает им в официальной документации, но признает недопустимым усиление Захарьиных и Басмановых, видя в тех и других угрозу Российскому государству. В надвинувшейся на Избранную раду буре Курбский занял твердую позицию, когда писал послания Ивану Грозному, «Историю» и переводные сочинения, но князь не скрывал своего негодования по поводу преследований и в 1560–1564 гг., о чем свидетельствуют и его послания Вассиану Муромцеву, и гневные упреки царя Ивана IV в его Первом послании Курбскому.

Энтузиазм князя в покорении Ливонии не угасал. За его стремительными походами и даже перемещениями с полком по русским и уже занятым ливонским городам неустанно следили летописи, разряды и европейские хроники. В немецких стихах о нашествии московитов на Ливонию Курбский выступает как первый среди прочих высокопоставленных воевод царя ("Krupski und vil andere mehr, / haben all beim könige grosse ehr")[333]. За два месяца до похода на Феллин Курбский приезжает в Дерпт (Юрьев) с целью поднять моральный дух воинов. Сразу после этого князь движется с передовым полком на Феллин, совершает обходной маневр, чтобы отсечь магистра Вильгельма Фюрстенберга от крепости Гансель, бросается за магистром по «Рижской стороне», сталкивается с ротой кн. А. И. Полубенского под Кесью, участвует в битве еще за три ливонских крепости. Отряд под командованием кн. В. И. Барбашина под Эрмесом нанес поражение небольшому отряду ландмаршалла Ф. Шалля фон Белла и взял в плен его самого[334]. Курбский в беседах с Шаллем фон Беллом признал его искусным ритором, предлагал Ивану Грозному использовать «ландмаршалка» для подчинения Ливонии, а в «Истории» подробно пересказал его речь «о Лифлянской земли»[335]. В конце 1560 г. произошла битва под Вейсенштейном, неудача, в которой Иван Грозный обвинял Курбского[336]. Это, как и упрек за Невельскую битву полтора года спустя, — показатель возросшего престижа[337]. Надежды на воеводу, причем одного из десятков и далеко не самого высокопоставленного по придворному статусу, были возложены несоразмерные. Официальное летописание пестрит упоминаниями «отписок» и присылок в Москву от «князя Андрея с товарыщи»[338]. Курбский ведет переписку с Иваном Грозным из Юрьева, оповещая Москву о малейших достижениях и провалах. Он — доверенное лицо, и в этом качестве будет вести переписку с Москвой вплоть до своего побега. В этом смысле Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным была не продолжением, а именно прекращением диалога. В Первом послании Курбский признается, что больше не собирается видеться с царем вплоть до Страшного суда, а во Втором и Третьем призывает его больше не тревожить своего бывшего слугу, а ныне — чужого.

Поход на Полоцк был последней крупной военной акцией, в которой князь принял участие на стороне московского царя. После взятия крепости князя определили «годовать» в Юрьеве Ливонском. Мнения об этом назначении разошлись уже у самих протагонистов. Курбский считал, что служба в Юрьеве — форма преследо-

[332] *Каппелер А.* Латинские поэмы... С. 323. Перевод наш уточнен.

[333] *Stück I.* Moscowiter Land und Regierung, beschriben durch Henrichen v. Staden // Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über Moskauer Staat / hrsg. von F. Epstein. Hamburg, 1964. S. 23. Anm. 4.

[334] ПСРЛ. Т. 13. С. 330; ПСРЛ. Т. 5/2. С. 239; *Russow B.* Chronica der Provintz Lyfflandt. Bart, 1584. S. 60; *Henning S.* Lifflendische Churlendische Chronica. Leipzig, 1594. S. 39; СК. Л. 62v–63.

[335] СК. Л. 63–66.

[336] ПИГАК. С. 38.

[337] Вопрос о Невельской битве в карьере князя Андрея Курбского мы обсуждаем ниже.

[338] ПСРЛ. Т. 13. С. 322–323, 325–326.

вания, следствие опалы и немилости, тогда как Иван Грозный утверждал, что наложил на советника «с милостию опалу»[339]. Вина, вероятно, была формально с Курбского снята, однако Юрьев был полускрытой опалой: недавний герой был лишен права *видеть государевы очи*. Причем двумя годами ранее опальный А. Ф. Адашев был отправлен на ливонское наместничество, в то время как в Москве против него было сфабриковано обвинение и проведен суд, на который самого Адашева не допустили и в ходе которого он скончался при невыясненных обстоятельствах. Курбский был хорошо осведомлен о методах подковерной борьбы против его друга и знал, что в «Вавилоне» сходными методами ведется следствие и против него самого[340]. Чтобы сковать его деятельность, младшие воеводы в Юрьеве, как и при Адашеве, выполняли функции соглядатаев и доносителей. Причиной опалы вряд ли было поражение под Невелем: князь в той битве получил ранения, которыми были искуплены его просчеты. Курбский занимал ответственное положение во время Полоцкого похода, и вероятнее всего, подозрения в его адрес возникли незадолго до назначения в Дерпт. Прояснить картину, хотя и лишь отчасти, позволяет корреспонденция польского короля Сигизмунда Августа с М. Ю. Радзивиллом[341]. Король 16 января 1563 г. приказал воеводе витебскому кн. С. А. Збаражскому поддерживать переписку с А. М. Курбским и И. Ф. Мстиславским. Неясно, какие именно переговоры проходили между сановниками Великого княжества Литовского и московскими воеводами, однако очевидно, что они носили неофициальный характер, проходили в атмосфере приготовлений российского войска к походу на Полоцк и какие-то инициативы при этом исходили от Курбского: «Тогды то однак против нас не ест, зъвлаща в такой мере початку князя Курнъского»[342]. Вероятно, именно тогда князь заручился двумя письмами с приглашением перейти на службу к польскому королю[343]. В качестве юрьевского наместника Курбский в конце 1563 г. провел неудачные переговоры со шведским наместником графом Арцем о передаче г. Гельмета русским, безуспешно добивался введения привилегий для ливонского дворянства и купечества, в феврале 1564 г. рассматривал уголовное дело ревельских бюргеров против сына боярского Асапа Гурьева[344]. Ночью 30 апреля 1564 г. Курбский во главе небольшого отряда слуг бежал из Юрьева в расположение войск Сигизмунда II Августа в Гельмет, а затем в Вольмар[345].

Таким образом, карьера А. М. Курбского в России развивалась в нескольких направлениях. Среди факторов его карьерного роста заметное место занимают близость к царскому двору, личная храбрость и глубокая религиозность. Самой перепиской с эмигрантом, впрочем, спровоцированной Первым посланием Курбского, Иван IV проявил свое исключительное отношение к его личности[346]. Упреки царя в его адрес менее всего касались военной службы и пролитой за царя крови. Записи о ранениях Курбского в летописях и разрядных книгах играли в делопроизводстве роль знаков отличия. В своих сочинениях князь неоднократно упоминает пролитую за «христианскую республику» кровь воинов, и считает это достаточным, чтобы подчеркнуть их добродетели и авторитет[347]. Свой собственный престиж Курбский также измерял ранениями, полученными за Христа и христианское отечество[348]. Российские официальные ис-

[339] ПИГАК. С. 8, 38.

[340] РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб 381.

[341] Об этом подробнее см. главу «Побег».

[342] LKZAR. S. 430.

[343] ЛМ-199. Л. 135; ЖКЛВ. Т. 2. С. 193.

[344] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 94–99.

[345] Подробности побега см.: *Скрынников Р. Г.* Бегство Курбского; *Зимин А. А.* Побег князя Андрея Курбского в Литву; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 99–101; *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 401–402.

[346] ПК-79-12. Л. 288 об. – 290 об. Опубликовано в: *Флоря Б. Н.* Новое о Грозном и Курбском. Сходный текст обнаруживается в наказе посольству князя Д. П. Елецкого, И. М. Пушкина и дьяка Ф. П. Петелина (август 1582 г.): ПК-79-14. Л. 340–341. См. также: *Nyenstädt I.* Livländische Chronik nebst dessen Handbuch // Monumenta Livoniae antiquae. Riga; Leipzig, 1839. Bd. 2. S. 67; ОЦА. С. 37–38 (л. 327 об.); ГАР. Ч. 1. С. 83 (л. 327 об.); Ч. 2. С. 429–434.

[347] Брат Курбского, умерший вскоре после взятия Казани, во время штурма прославился своей стойкостью: в его ногах было по пять стрел «кроме иных ран», от тех «лютых ран» он вскоре умер (СК. Л. 30–30 об.). Во время битвы на Судьбищах И. В. Шереметев был «зелне ранен», затем в мартирологе подчеркивается, что царь велел отвести в темницу «мужа храбраго и на телеси от варварьских рук немало ран имуща» (СК. Л. 43, 94). Крик Тыртов знаменит и славен, особенно тем, что «многие раны на телеси имел на многих битвах от различных варваров» (СК. Л. 98 об.).

[348] После битвы под Тулой в 1552 г.: «И сам аз тяшкие раны на телеси отнесох, яко на главе, так и на других составех» (СК. Л. 10 об.). Тогда же во время штурма Казани раненые воины бросаются на отступающих татар: «Мы же за ними ко двору цареву, аще и утружденыи в зброях, а многие храбрые мужие на телесах раны уже имуще, и зело нас мало остало бьющихся с ними» (СК. Л. 24 об.). Затем во время преследования противника за городом трижды конь Курбского врывается в ряды отступающих, на четвертый раз падает вместе с князем:

точники показывают, что на этой шкале он был одним из признанных лидеров.

Продвижением по социальной лестнице князь в большей мере был обязан своему религиозному посвящению, чем планомерной выслуге. В самом начале этой главы оговорено различие между теми факторами, из которых складывается социальный статус: субстанциональными и реляционными. Если прибегнуть к схематизации, то карьера Курбского может быть уподоблена карьерам лидеров Избранной рады. Субстанциональные «независимые» факторы в их случае подчинены «усвоенным»: религиозно-политическим идеалам эпохи «начала царства», богословским и философским образцам[349]. Возвышение Курбского вызвано во многом комплексом субстанциональных усвоенных и реляционных факторов. Примерно в возрасте 28 лет он получает боярский чин, в 32 года — назначение первым воеводой Большого полка, в 35 — пост наместника Юрьева Ливонского. Несмотря на высшие чины и разряды, он и после 1556 г. чаще занимает подчиненные позиции в полках кн. П. М. Щенятева, кн. М. И. Воротынского, кн. И. Ф. Мстиславского, кн. П. И. Шуйского. Статусных затруднений это ему не причиняло: Курбский признавал, что в иерархии государева двора князья Ярославские должны находиться ниже Суздальских, Черниговских, Гедиминовичей. Неформальный престиж не переводился на язык придворных иерархий. Символический капитал, которым располагал Курбский в России, рос не за счет местнических *случаев* и *находок*. Никаких существенных данных для изучения статуса князя Андрея Михайловича его участие в местнических процессах не дает. Этим средством Курбский не пользовался, и в соответствующих конфликтах занимал оборонительные позиции, чем только способствовал амбициям своих конкурентов, в частности Басмановых-Плещеевых, видимо, сыгравших не последнюю роль в крахе его московской карьеры[350].

Местническая борьба была важным, хотя и не решающим, способом изменить придворный статус. В правление Избранной рады особым признанием пользуется участие в жизни царя и страны со стороны его «друзей», наделенных дарами Святого Духа[351]. Курбский, как показано нами в другом месте, открыто обличал царя накануне Полоцкого похода и лоббировал антикрымскую программу, выполнение которой требовало изменения не только военной, но и социальной политики России[352]. Судя по тому, что Курбский разделял взгляды Максима Грека относительно необходимости слушать мнение мудрых советников и считал преступлением против Святого Духа слова Вассиана Топоркова об опасности советников, которые умнее самого царя, есть основания полагать, что князь открыто дискутировал с царем и предлагал ему свое понимание того, как должна быть устроена жизнь страны. Между тем вмешательство в дела управления своих советников царь старательно ограничивал, создавая атмосферу подозрительности и нездоровой конкуренции в своем ближайшем окружении. До нас не дошли сведения о масштабе вмешательства Курбского в *дела государевы*, но первые же заявления Посольского приказа с требованием вернуть беглеца в Россию содержат высокую оценку его заслуг и подтверждение его престижа: «Государь был его пожаловал великим жалованьем не по его отечеству свыше отца его: отец его и дед в таком приближенье и в жалованье государском не бывали»[353]. С этим не вполне соглашался Курбский, считая, что своим престижем обязан не только пожалованию, но также боевым заслугам и «дару совета» своего рода, признанным во всем христианском мире благодаря «Запискам о Московии» Сигизмунда Герберштейна[354].

Формальное же положение Курбского в иерархии государева двора вызвало существенные разногласия между сановниками России

«И в четвертый раз зело ранен повалился в средние их со мною, и уже от великих ран не помятаю вящей» (СК. Л. 29). В Первом послании раны-заслуги предъявлены царю с укором: «...паче же учящен бых ранами от варварских рук на различных битвах и сокрушенно уже ранами [*во 2-й редакции:* язвами] все тело имею» (ПИГАК. С. 8, 10).

[349] Примерами их воплощения являются ныне утраченные росписи Золотой палаты Московского Кремля 1547–1554 гг., царские изгнания, трон и «царские места», культовые архитектурные сооружения, памятники светской и церковной идеологии — Судебник, Тысячная книга, Дворовая тетрадь, Книга сошного письма, Государев Разряд, Государев Родословец, Стоглав, Домострой, а также монументальные исторические обобщения — Летописец начала царства и Степенная книга.

[350] *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 49 (№ 101), 52 (№ 129). Показательно, что Басмановы в начале 1560-х гг. использовали местнические процессы для повышения своего статуса во многом за счет придворных, которым сами по себе эти выпады не могли сорвать карьеру. Помимо Курбского жертвой был его друг и, видимо, один из лидеров Избранной рады И. В. Шереметев Большой.

[351] См. главу «Социальная и персональная память».

[352] См. главу «Побег».

[353] СИРИО. Т. 71. С. 321–322.

[354] СК. Л. 2 об.

и Речи Посполитой. Администратор Ливонии Г. А. Ходкевич, приглашая кн. М. И. Воротынского на королевскую службу, ссылался на пример Курбского, который после десятого места среди московской знати был пожалован от короля «великим жалованьем и приближеньем и первшим местцом под Киевским воеводством»[355]. В своем ответе от 20 июля 1567 г. кн. М. И. Воротынский — или Иван Грозный от его имени — доказывал, что род «великих князей Новосильских» занимает первое место «надо всеми роды московскими», а Курбский «уже был в московских родех не десятый, а мало не двадцатый, также и в местцы»[356]. Мнение Воротынского можно сопоставить с заявлением кн. Ф. С. Куракина на местническом процессе против кн. А. Н. Трубецкого в 1640 г. о том, что после измены Курбского было принято «уложение» царя и боярский «приговор» о понижении сородичей изменников на 12 мест — «хоти хто меншой отедет»[357]. Однако показания Куракина были отклонены судом и не подтверждаются ни разрядами, ни местнической практикой второй половины XVI в.[358] В записках Г. Штадена Курбский назван пятым в числе некогда крупнейших владетельных князей Московского государства после В. А. Старицкого, И. Д. Бельского, М. И. Воротынского и Н. Р. Одоевского, однако его список служит для иллюстрации московской тирании и того, что Курбский был ее жертвой[359].

Проверить подобные оценки крайне нелегко. Для этого необходимы подробные описания придворной иерархии, которыми исследователи российского XVI в. не располагают. Только документация служебных назначений позволяет отчасти компенсировать этот недостаток. Зная о высших достижениях Курбского на царской службе, сравним темпы его карьеры и темпы восхождения по служебной лестнице других московских аристократов его времени, ставших боярами и первыми воеводами Большого полка (см. табл.).

Как можно видеть, из 35 первых воевод Большого полка в тот период, на который приходится служба Курбского в России, в 12 случаях воеводы впервые возглавляли рать, еще не получив свой думный чин[360]. В этой группе лидирующие позиции принадлежат «литовским» князьям (по владениям предков или по происхождению от Гедимина), в число которых входили Дмитрий и Иван Бельские, Владимир и Михаил Воротынские. Их единственный конкурент из числа суздальской княжеской знати — Ф. И. Шуйский. Из числа тверской — С. И. Пунков Микулинский. Лишь один представитель старомосковского нетитулованного боярства попадает в то же число — ближний родственник царицы Анастасии И. П. Яковля. И еще три случая включают знать второго плана, но, видимо, ее ярких представителей — князья А. И. Погтев, М. П. Репнин и так и не выслуживший боярство Д. С. Шестунов. Четверо воевод получили думный чин в тот же год, когда впервые возглавили Большой полк. Среди них только брат временщика Д. Ф. Адашев получил окольничество, остальные — боярство. И так же, как и в первой группе, лидируют здесь «литовские» князья — Булгаковы, Воротынские, Глинские. Уникален послужной список полководца-Гедиминовича П. М. Щенятева. Он получил боярство в первый же год службы по разрядам, и уже второе упоминание его имени сопровождается указанием на его думный чин. Но возглавить войско он смог лишь через 7 лет после этих событий.

Еще в 7 случаях командующими ратью становились придворные, не достигшие думного чина ни до того, ни после. Курбскому посчастливилось подняться выше этой группы и войти в ту, в которой воеводы — их 11 человек — сначала становились боярами и только после этого возглавляли рать. Из них у двух князей Булгаковых срок, прошедший между этими событиями, составляет 1–2 года, и их следовало бы отнести к той группе из четырех воевод, в которую входит еще один их сородич. К последней относится и кн. М. В. Глинский. Нельзя сравнивать Курбского и с князьями И. Ф. Мстиславским и П. И. Шуйским, которые превосходили его не только своей родовитостью, но и разрядными назначениями. У них обоих в полках, как мы уже видели, Курбский беспрекословно служил вторым воеводой. Остальные воеводы той же категории, что и Курбский, также

[355] ПИГ. С. 266.

[356] ПИГ. С. 266.

[357] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 5.

[358] Куракин ссылался сначала на «государевы розряды», однако эта апелляция была отклонена. Тогда он признался, что слышал о приговоре от своего деда кн. А. П. Куракина. Суд вновь, и на сей раз окончательно, отклонил аргументацию челобитчика вместе с самим челобитьем. Подробнее о ходе дела см.: *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 58, 472–484; *Его же.* История местничества... С. 285, 439–441, 502–503; ср. здесь в гл. «Персональная и социальная память».

[359] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 35.

[360] Здесь и далее мы не учитываем, что Яковля и Шереметев, прежде чем стать боярами, прошли через окольничество: срок, отделявший их восхождение на высший думный чин от окольничества, не превышал года.

Первые воеводы Большого полка (1547–1564 гг.)*

1-е воеводы БП	1-е уп. (1)	Бояр./ок. (2)	1-е уп. БП (3)	Лет 1–2–3, 1–3, 1/3/2
Адашев Д. Ф.	7064	7067 ок.	7067	3–0
Бельский Д. Ф. кн.	7029	7038 б.	7030	1/8
Бельский И. Д. кн.	7063	7071 б.	7064	1/7
Булгаков П. А. кн.	7046	7067 б.	7069	21–2
Булгаков Ю. М. кн.	7030	7048 б.	7048	18–0
Булгаков Ф. А. кн.	7044	7056 б.	7057	12–1
Воротынский А. И. кн.	7051	7068 б.	7068	17–0
Воротынский В. И. кн.	7051	7059 б.	7056	5/3
Воротынский М. И. кн.	7051	7074 б.	7061	10/13
Глинский В. М. кн.	7064	7070 б.	7070	6–0
Глинский М. В. кн.	7050	7055 б.	7066	5–11
Горбатый А. Б. кн.	7046	7052 б.	7055	6–3
Кашин И. И. кн.	7057		7063	6
Курбский А. М. кн.	7058	7064 б.	7068	6–4
Микулинский Пунков С. И. кн.	7041	7058 б.	7048	7/10
Мстиславский И. –. кн.	7055	7058 б.	7060	3–2
Ногтев А.И. кн.	7056	7068 б.	7063	7/5
Прозоровский М. Ф. кн.	7062	–	7070	8
Пронский Шемякин Ю. И. кн.	7058	–	7062	4
Репнин М. П. кн.	7058	7067 б.	7066	8/1
Репнин Ю. П. кн.	7066	–	7071	5
Ростовский А. Д. кн.	7023	7044 б.	7054	11 10
Серебряный В. С. кн.	7046	7058 б.	7060	12–2
Темкин Ю. И. кн.	7040	7057 б.	7060	17–3
Троекуров И. М. кн.	7028	7063 б.*	7061	33/2
Троекуров Ф. И. кн.	7055	–	7063	8
Трубецкой Б. А. кн.	7039	–	7056	17
Трубецкой М. А. кн.	7044	–	7062	18
Шереметев И. В. Большой	7048	7058 б.	7063	10–5
Шестунов Д. С. кн.	7055	7066 ок. 7068 б. (?)**	7063	8/3
Шуйский И. М. кн.	7039	7047 б.*	7046	7/1
Шуйский П. И. кн.	7047	7058 б.	7066	11–8
Шуйский Ф. И. кн.	7042	7052 б.	7048	6/4
Щенятев П. М. кн.	7057	7057 б.	7064	0–7
Яковля И. П.	7055	7066 б.	7063	8/3

* Составлено на основе: РК 1598. Годы приведены по летосчислению от Сотворения Мира. В расчетах не учитываем месяцы назначений. В разрядах, возглавляемых удельными князьями и восточными царями, за «первого воеводу» Большого полка принимаем воеводу, чье имя указано следующим после имени удельного князя или восточного царя. Данные со специальными пометами получены из исследовательской литературы: (*) — *Зимин А.А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 41–87; (**) — *Скрынников Р.Г.* Царство террора.

не уступают ему происхождением, родственными связями, положением при дворе: кн. А. Б. Горбатый, кн. А. Д. Ростовский, кн. В. С. Серебряный, кн. Ю. И. Темкин, И. В. Шереметев Большой. Ближе всего схемой своей «выслуги» Курбский подходит к князю Горбатому, но тот занимал более высокое положение при дворе, что признавал в своей «Истории» и сам Курбский. Остальных представителей своей группы он обошел, по крайней мере общей продолжительностью службы перед получением высшего командного назначения. Из этого следует, что, получив пост первого воеводы Большого полка, Курбский вошел в число 25 высших воевод страны и одним уже этим фактом приблизил свое придворное положение к кругу литовской и суздальской знати. Показательно, что его служебные назначения ставили его в прямое зависимое положение только от выходцев из этих двух групп.

Слова Воротынского и Штадена достаточно точно, на наш взгляд, характеризуют придворное положение Курбского накануне его

конфликта с царем. Штаден отразил его неформальный статус, возможно, основанный на его родстве с Владимиром Старицким и следующими за ним в списке «литовскими» князьями. Тогда как Воротынский, имея несомненное первенство над Курбским до его побега, называет его почти двадцатым, ставя ниже Гедиминовичей, но возвышая над многими приближенными царя Рюриковичами и нетитулованными придворными. Из его ближайших конкурентов, как и он, добившихся думного чина и высшего военного назначения, на 1563 г. не все были живы и не все сохранили свое место. Еще до получения Курбским боярского титула умерли князья А.Д. Ростовский (1550), Д.Ф. Бельский (1551), Б.А. Трубецкой (1553), В.И. Воротынский (1553), кн. Ю.И. Шемякин Пронский (1554). Затем сошли со сцены кн. М.А. Трубецкой (1556), кн. Ф.И. Шуйский (1557), кн. М.В. Глинский (1559), кн. И.М. Шуйский (1559), кн. Д.С. Шестунов (ок. 1560), кн. Ю.М. Булгаков (1561), кн. С.И. Пунков Микулинский (1562), Д.Ф. Адашев (1563). Формально «выморочные» позиции приближали Курбского к вершине государева двора, так что, назвав себя десятым приближенным царя, он показал, что его самооценка близка к тому, что можно узнать о нестабильной иерархии государева двора начала 1560-х гг. из официальных источников. Но, конечно, расправа над Адашевыми и ослабление «литовских» князей не могли благотворно сказаться на статусе Курбского. Волна террора захлестнула как этих князей, так и ту группу высших воевод, к которой принадлежал Курбский, продолжившись и после его побега.

Выбранный нами критерий «выслуги» может быть дополнен и уточнен. В Короне Польской и Великом княжестве Литовском князь воспринимался как один из первых советников и родственник царя. В тайной переписке Г.А. Ходкевича с московскими боярами его имя служило приманкой для еще более знатных московитов, в то время как царь и Посольский приказ превратили его в символ измены — его имя возглавляло список государевых изменников в посольских наказах, он обвинялся в организации государственного переворота, за помощь его слуге был брошен в тюрьму В.В. Морозов, и при одном только упоминании имени Курбского можно было стать жертвой царского гнева[361]. Очевидно, «статус» главного врага обладает той обратимостью, которой Курбский мог с успехом пользоваться в эмиграции. Московские власти приписывали ему создание *заговора* с целью захвата Ярославля, *инициативу* в «деле» князей Старицких, покушение на жизнь царя или его семьи, «ссылку» с боярами и мятежным Новгородом и т.д. Не менее «престижным» в этом смысле можно считать сравнение Курбского с высокопоставленными изменниками кн. С.Ф. Бельским и И.В. Ляцким из Первого послания Ивана Грозного[362]. Демонизация «изменника №1» скрашивала прежний авторитет, создавала противовес польско-литовской пропаганде, но тем самым косвенно содействовала карьерным успехам эмигранта. Его карьера в Короне Польской и Великом княжестве Литовском была связана с поддержкой не только короля, но из его окружения, в первую очередь — Миколая Яновича Черного и Миколая Юрьевича Рыжего Радзивиллов.

Категория престижа позволяет ответить и на вопрос о том, как и по каким причинам завершился рост военной карьеры Курбского. Ее переломный момент приходится на Невельскую битву. Как уже говорилось, связь между «Невельским поражением» и побегом Курбского является пропагандистским конструктом, однако в самих действиях князя есть та особенность, которая заставляет задуматься о его возможном саботаже военных действий[363]. Иван Грозный был в гневе, и видимо, в Москве было открыто следствие. Накануне Курбский совершил поход на Витебск. Ф. Зебжидовский в письмах М.Ю. Радзивиллу неоднократно упоминает свою готовность отомстить московитам за разорение предместий Витебска. Впрочем, он еще ничего не знал об участии Курбского в майской акции московитов[364]. В том же ключе он комментирует поход своих «драбов» из Озерищ на Невель и также ни словом не упоминает Курбского. В письме от 21 августа, написанном по следам Невельской битвы, гетман рассказывает со слов очевидцев, как в войске противника был замечен воевода. Прицельным выстрелом его убил или ранил драб. Имя воеводы

[361] NM. Bd. 1. F. 3v; ПСРЛ. Т. 13. С. 383, 388; *Лихачев Н.П.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 83; Гваньини. С. 124 (информация А. Шлихтинга); СК. Л. 127 об.

[362] ПИГАК. С. 27; *Кром М.М.* Судьба авантюриста: Князь Семен Федорович Бельский // ОФР. М., 2000. Вып. 4. С. 115.

[363] См. главу «Побег».

[364] AR. Dz. V. N 18669. S. 20, 38, 40. Публикация: Materiały do działalności wojskowej Floriana Zebrzydowskigo / wyd. J. Jasnowski // PHW. 1937. T. IX. S. 284–285, 289–290, 290–291 (Ф. Зебжидовский — М.Ю. Радзивиллу, 23 июля, 8 августа и 12 августа 1562 г.).

не названо, да и не было тогда еще известно. Однако речь идет, видимо, о Курбском. Около двухсот человек (в письме: "200 człowieka" – возможно, это фактическая ошибка, но грамматически такая формулировка в польском языке XVI в. допустима) бросились к нему на помощь («целовали ему руки и ноги»). Увидев, что воевода повержен, татары ослабили натиск на польскую пехоту[365]. В «Истории» Курбского похожим образом описано падение князя с коня во время преследования им отступающих татар – князь очнулся и увидел, что над ним, «аки над мертвецом» рыдали двое его слуг и еще двое царских[366]. Картина рыцарского боя Андрея Курбского со Станиславом Лесьневольским, ярко представленная в польских хрониках и в «Радзивиллиаде», весьма далека от того образа, который обнаруживается в реляции польского гетмана. Судя по всему, Курбский был уже в начале сражения выведен из строя и ни в каких поединках не участвовал. К концу года он вновь в походе – на сей раз на Полоцк, но занимает уже вторые, подчиненные роли, не выделяясь на общем фоне. Поход на Гельмет в ноябре 1563 г. также не отличался воинственностью – князь Андрей Михайлович отступил от крепости противника, как только понял, что договориться не удается.

Для изучения самооценки и мировоззренческих перемен Курбского важны два факта, давно подмеченных исследователями. Первый «от противного», факт ex silentio – в его «Истории» полностью замалчиваются походы против Великого княжества Литовского. Это вполне объяснимо: завершая свой труд во владениях короля, автор мог исключить компрометирующие страницы из своего сочинения. Однако более показательно свидетельство самого Курбского в Третьем послании Ивану Грозному. Князь сетует, что по приказу царя напал на Витебск (речь идет о событиях мая 1562 г.), где его воины сожгли 24 православных церкви. Несмотря на царскую волю, нападение на Витебск Курбский считает своим грехом («грех мой»). И на стороне короля Сигизмунда Августа ему не хотелось вести карательную войну против единоверцев. Вновь звучит раскаяние: князя принуждал король вести войну в районе Великих Лук. В его войске было 15 тыс. человек, и невозможно было уследить за поведением воинов, среди которых многие были еретиками и мусульманами. Они-то и сожгли без ведома князя одну православную церковь и один монастырь, хотя монахов отпустил из плена сам же Курбский. Потом через год сам Девлет-Гирей просил короля потревожить пределы общего противника, московского царя. Король обратился к Курбскому, но получил его решительный отказ: «Аз ж, повелевающему и королеви, отрекохся: не восхотех и помыслити сего безумия, жебы шел под бусурманскими хорунгами на землю християнскую с чюждым царем, безверником. Потом и сам король тому удивился и похвалил мя, иж-есм не унодобился безумным, прежде мене на сие дерзнувшим»[367]. Намек, скорее всего, в данном случае – на князя Семена Бельского и Ивана Ляцкого[368].

Креатура Радзивиллов

9 июня 1574 г., согласно записи в актовой книге Владимирского гродского суда, кн. А. М. Курбский Ярославский направил во Владимирскую гродскую канцелярию Ивана Бурого, слугу маршалка дворного литовского Миколая Криштофа Радзивилла Сиротки. Ни из самого акта, ни из других современных дел неясно, по какому делу Курбский мог отрядить во Владимир слугу литовского сановника[369]. Комментируя это глухое упоминание, И. Ауэрбах в своей биографии князя Андрея отметила, что это один из редких следов, оставшихся от связей между Курбским и семьей Радзивиллов. Впрочем, в том же году чуть позже вновь имя кого-то из Радзивиллов возникает в рассказе о жизни Курбского – от него бежит пленный книжник-монах Дионисий, подаренный ему канцлером Миколаем Рыжим или еще Миколаем Черным Радзивиллом[370]. Исследовательница подводит предварительную черту под нашими знаниями. Известно, что один из Радзивиллов призывал Курбского перейти на сторону Сигизмунда II Августа. Позднее при дворе короля князю Андрею доводилось встречать представителей семьи Радзивиллов, которые

[365] AR. Dz. V. N 18669. S. 43. Публикация: Materiały do działalności... (Ф. Зебжидовский – М. Ю. Радзивиллу. Лагерь под Озерищами, 21 августа 1562 г.).

[366] СК. Л. 29.

[367] СК. Л. 144, публ.: ПИГАК. С. 109. Текст архетипа уточнен по сравнению с изданием Ю. Д. Рыкова.

[368] См. главу «Между эмиграцией и троном».

[369] КГВ-8. Арк. 127 – 127 зв. (12 июня 1574 г.). И. Бурый ездил в дом владимирского мещанина Волоса Семеновича, где и случилась его перепалка с Иваном Гулевичем Смолиговским. Чуть подробнее об этом событии говорится в главе «Последний день Владимира Заболоцкого».

[370] См. *Дионисий* в списке московских эмигрантов в монографии "Natione Moscus".

вместе с королем строили на счет Курбского какие-то внешнеполитические планы. Наконец, под их командованием князь выступал на поле боя. Многое так и осталось неясным. На 1985 г. работа в польских архивах для западногерманской славистки была затруднена, и она направила лишь предварительный запрос в Варшавский архив древних актов, чтобы узнать, есть ли в документах Радзивиллов или других фондах сведения, касающиеся Курбского. Ответ был отрицательный[371].

Между тем, этот ответ архивных работников был поспешным. Упоминания Курбского содержатся и в документах королевской казны, лишь отчасти опубликованных, и в фонде «внешней корреспонденции» Радзивиллов, в котором ряд ценных источников по истории XVI в. до сих пор не введены в научный оборот. Среди них интерес для нашей темы представляет письмо старосты жмудского Я. И. Ходкевича М. Ю. Радзивиллу о тайных замыслах православной шляхты, от лица которой Курбский вел переговоры с литовским канцлером в начале 1573 г. Другие источники из архивов Речи Посполитой показывают, что Курбского связывают с Радзивиллами политические проекты, направленные на объединение Великого княжества Литовского с соседним Московским государством.

-О письмах, которые в Российском государстве во время восстания С. Т. Разина называли «прелестными грамотами», до побега Курбского хорошо известно как об «опасных грамотах» (по аналогии с дипломатическими документами на проезд миссии о иностранного суверена). Во время Полоцкого похода такие послания, написанные от имени царя Ивана, получили полоцкий воевода С. С. Довойно, епископ Арсений Шишко, шляхта, ротмистры и «ляхы» («чтобы похотели к себе государского жалования и государю служити, а государь их пожалует на всей воле их, какова жалования похотят»)[372]. Литвины практиковали переманивание противника с самого начала войны. В январе 1562 г. оправдываться пришлось самому главе Боярской думы кн. И. Д. Бельскому, который признался на суде: «...с Жигимонтом Августом королем есми ссылался и грамоту есми от него себе опасную взял, что мне к нему ехати, и хотел есми бежати»[373]. В феврале–марте 1563 г.

Портрет неизвестного из собрания Радзивиллов. Кон. XVI — нач. XVII в. Национальный художественный музей в г. Минске. См.: Курбский А. М. История о делах великого князя московского / отв. ред. Ю. Д. Рыков; составление, статьи, примечания К. Ю. Ерусалимского; перевод с древнерусского А. А. Алексеева. М., 2015. Фронтиспис.

развернулось «дело» стародубских воевод, которых казнили по подозрению в попытке сдать Стародуб по «ссылке» с литвинами. Показательно, что вскоре после побега Курбского два других эмигранта — Т. И. Тетерин и У. В. Сарыхозин, обратились с письмом к новому юрьевскому наместнику боярину М. Я. Морозову, которое тот переслал царю Ивану. Р. Г. Скрынников резонно полагал, что в составлении

[371] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 171, 173.

[372] ПСРЛ. Т. 13. С. 350.

[373] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 149.

письма Тетерина-Сарыхозина принимал участие Курбский[374]. Смерть И. Ф. Шишкина, а также его жены и детей князь Андрей считает несправедливой, а следовательно, обвинения в попытке стародубских воевод переметнуться на сторону литвинов не признаёт (вряд ли князь Андрей мог не знать об этом громком расследовании)[375]. Что же касается Морозова, то он погиб уже в 1573 г. и о его смерти Курбский вспомнил в своей «Истории» в приписке к основному номинальному разделу, намекая читателю, что Морозов — один из важнейших политиков Москвы, советник Избранной рады, шурин главы Боярской думы кн. И. Д. Бельского[376].

Как именно выглядело приглашение Курбского? В двух актовых записях содержится лишь глухое упоминание, которое не позволяет сделать определенный вывод, обсуждал ли Курбский что-либо с литовской разведкой или просто получил обычное, направляемое и многим другим первостепенным в окружении царя лицам приглашение перейти за вознаграждение на службу к противнику. И. Ауэрбах в одном месте своей работы ссылается на «Николая Радзивилла» и в указателе прямо относит эту ссылку к М. Ю. Радзивиллу. Однако, говоря об упоминании приглашения Курбскому в королевском декрете от 5 мая 1590 г., исследовательница осторожнее указывает, что приглашение было направлено «одним из Радзивиллов»[377]. И. Граля предполагал, что определяющую роль при этом мог сыграть двоюродный брат Миколая Рыжего М. Я. Радзивилл Черный[378]. Однако для такого вывода недостаточно данных. Не вызывает сомнений, что в написании пригласительных писем принимали участие М. Ю. Радзивилл и О. Б. Волович. В копии королевского декрета из Литовской Метрики и записи актовой книги Владимирского гродского уряда от 20 мая 1590 г., в которой скопировано королевское постановление от 5 мая 1590 г., письма Курбскому упомянуты в связи с защитой наследниками князя Андрея своих прав на Ковель: «...два листы завартые: перший пана Радивила, гетмана литовского, а пана Остафия Воловича; а другий короля его милости Жикгимонъта Августа, вуя нашого, до небожчика князя Курпского писаные, абы з Москвы присхал до Литвы; зас знову лист тогожь пана Радивила до Курпского отвартый, обецуючы ему опатренъе, и потом другий листь тогожь короля его милости, где се ему ласкаве обецует ставит»[379]. Пост гетмана великого литовского М. Ю. Радзивилл в первый раз занимал с 1553 по 1566 г., а следовательно, первый закрытый лист Курбский накануне своего побега мог получить именно от него и от О. Б. Воловича. Затем «тот же» Радзивилл, т. е. вновь Миколай Рыжий, выдал Курбскому уже в Литве открытый лист, гарантирующий «опатренъе», каковой получали практически все знатные московиты, перешедшие на королевскую службу.

В окружении М. Ю. Радзивилла также хорошо знали, что Курбский — на его счету. 5 февраля 1570 г. приехавший в Смоленск слуга кн. П. И. Шуйского Вислой Булгаков доносил о князе-перебежчике, что у него король забрал Крево, но своей милости не лишил: «...а бережет, деи, Курбского воевода виленской пан Миколай Юрьевич Радивил»[380]. В год смерти Сигизмунда II Августа ученый слуга М. Ю. Радзивилла А. Волан в своем трактате «О свободе республики» упоминает князя Ярославского, подразумевая кн. А. М. Курбского, приписывая заслугу его переманивания («приведения») на королевскую службу именно Миколаю Рыжему[381]. В эпической поэме «Радзивиллиада, или О жизни и подвигах... князя Николая Радзивилла» Яна Радвана (1592 г.) пригласительное письмо в литературной обработке простотаки включено в поэтический текст. Курбский здесь в книге 3 представлен как достойный соперник М. Ю. Радзивилла, «величайший среди московитов», «оплот их державы», «опытный в деле военном, прославленный в подвигах ратных». Его любят «простые люди», а сильные мира сего награждают «почетными званиями скифов». Чтобы предотвратить тяжелые потрясения для «державы литвинов», Радзивилл обращается к Курбскому с посланием, стремясь расположить к себе воеводу московитов. Письмо посылает князю «через людей своих верных». Дальше приведен сам этот «лист»:

[374] Там же. С. 47–48, 188.

[375] СК. Л. 89 об. — 91.

[376] СК. Л. 103 об.

[377] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 95–96.

[378] *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 258.

[379] ЛМ-199. Л. 135; КГВ-23. Арк. 226 зв. — 233 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 193. Цитируем по публикации Н. Д. Иванишева.

[380] АЗР. Т. 3. С. 151.

[381] *Wolan A.* De libertate politica sive civili / O wolności Rzeczypospolitej albo šlacheckiej / tłum. S. Dubingowicza; wyd. i oprac. M. Eder, R. Mazurkiewicz; red. naukowa tomu W. Uruszczak. Warszawa, 2010. S. 71.

«Радзивиллиада»	Перевод на белорусский яз.
Inclyte Moschigenum, quia nam non definis illis	Слаўны герой! Я дзіўлюся, як мужна дагэтуль
Non profecturas spes, conatusque fovere?	Ты спадзяванні нязбыўныя дорыш сваім і імкнешся
Ecquid ubi strages cernisue, audisue tuorum	Іх падтрымаць. Ды няўжо, калі чуеш і бачыш забойствы,
Ulterius speras? juvenum tot millia coesa,	Ты насамрэч спадзяешся? Забітыя тысячы тысяч —
Vidisti, & viridis pingvescere sanguine campos.	Бачыш? — Чырвоная кроў абцякае зялёную ніву.
Turpe solum proceres mento tetigere superbi.	Падаюць тварам на глебу — ганебна і прыкра — вяльможы...
Quae regio vestro non sanguine decolor? aut quae	Што ў вашым краі крывёй шчэ не спэцкана? Дзе той куточак
Expers cladis erat pars Moschovitidos orae?	Княства Маскоўскага, дзе б не прайшлася ліхая навала?
Quid struis? aut qua spe te hostem victoribus addis?	Што ж ты плануеш? На што спадзяешся ад нас, пераможцаў?
Teque iterum unda fretis incerta in bella resorbet.	Цёмная хваля зацягне й цябе ў безнадзейную бітву,
In medio nuper versantem turbine lethi.	Сам ты надоечы быў аж у цэнтры смяротнага віра...
Nempe triumphalis bene gesto Marte corona,	Можа, пасля да народа ты выйдзеш з вянком трыумфальным,
Te populo ostendet: vel, rem corruperis, atrae	Можа, прайграеш вайну, сам пазбегнуўшы чорнае смерці...
Etipiere neci? mores hucusque tyranni	Так або гэтак ты ведаеш добра тыранавы звычкі:
Nescis? te populus venerabitur, oderit ille.	Гэтак жа шчыра, як людзі любіць цябе будуць, так ён — ненавідзець!
Viceris, ast illi magnum, te vincere, probrum.	Тое, што ты пераможаш, — яму гэта будзе агідна.
Et fortunati nimium (scis ipse) timendi	Тых, каму лёс так спрыяе, баяцца ўладарныя людзі
Regibus esse solent, quicquid super eminet, horrent.	(Ведаеш сам): іх палохае ўсё, што вышэй, што выдатней.
Nec fidei servare vero sanctissima jura,	Ясна, што годна быць верным, бо вернасць — закон найвышэйшы,
Sed te poplivori nolim Ducis esse ministrum,	Я не хацеў бы, аднак, каб ты верна служыў людажэру,
Infandi capitis: vim nostram expertus es olim,	Гэтай пачвары... Калісьці праверыў ты нашую сілу.
Nunc in amicitiae ius accipiere vocatus,	Вось прапанова табе: далучыся да нас па-сяброўску.
Ipse velis, nec te rabidi sperata tyranni	Сам вырашай, але толькі сябе не падманвай надзеяй
Munera detineant: certis hunc destinat aris,	Нейкі прыбытак здабыць ад тырана: таго на ахвяру
Saeuus opimauit multo quem tempore Princeps[383].	Твой валадар прызначае, каго доўгі час адзначае[384].

В нем многое напоминает как Первое послание Курбского Ивану IV, так и письмо Тетерина и Сарыхозина Морозову. К примеру, Радзивилл призывает уйти от тирана, убивающего своих советников. В его письме возникает образ вельмож, падающих лицом на землю, «позорно и грустно». Что бы ни ждало Курбского — победа или поражение, любовь народа или унижение в битве, тиран всё равно будет его ненавидеть. Причем чем ярче будет победа, тем больше ненависть подозрительного правителя. Верность, конечно, лучше предательства, — но нельзя же «верно служить людоеду». А он выбирает себе в жертву как раз тех, кого долгое время держит в почете[384].

В Первом послании Курбский тоже пишет о гибели воевод, верных царю и даже душу за него «полагающих», добывших ему «прегордыя царства». Тема воздаяния за подвиги от царя и от Бога становится центральной в послании, и особенно возмущает его автора, что за добро царь воздает злом. Как и Радзивилл у Радвана, князь Андрей в письме Ивану Грозному убежден, что «бесогласные боляре» приносят в жертву царю своих детей, будто жрецы Крона[385]. Этот образ перекликается со словами Радзивилла о людоедстве московского тирана. В «Истории» Курбский разовьет линию людоедства при московском дворе, причем в сильной позиции, в заключительных строках произведения, где автор обращается к опричникам, злым советникам и прихлебателям царя: «О, окаянные и вселукавые пагубники отечества и телесоядцы, и кровопийцы сродных своих и единоязычных! Поколь маете бестудствовати и оправдати такова человека разтерзателя?»[386] Вряд ли это случайные совпадения. Можно предположить, что «опасная грамота» М.Ю. Радзивилла Курбскому на свободный проезд на королевскую службу была оформлена с использованием уже вошедших в обращение формул, встречающихся в королевских пожалованиях на имя перебежчиков из Московского государства и в местных актовых книгах. Им гарантировалась милость «до воли и ласки» короля, а их поступок описывался как выезд на службу, чтобы наслаждаться «нравами и свободами»[387]. Сходные формулы встречаются в привилеях Курбскому[388] и в его собственных сочинениях. Скажем, почти формульное сравнение в «Истории о князя великого московского делех» Московской Руси с Короной и Литвой: «Но что дивитеся, зде живущие издавна под сво-

[382] *Radvanas J.* Raštai / iš lotynų kalbos vertė S. Narbutas. Vilnius, 2009. P. 158–159, 307–308.

[383] Белорусский подстрочник Ж.В. Некрашевич-Короткой опубликован в журнале «Маладосць» (2011. №1 — 2012. №8).

[384] См. также: *Каппелер А.* Латинские поэмы... С. 318–325; *Некрашевич-Короткая Ж.В.* События и лица российской истории второй половины XVI — первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского // SSBP. 2012. №2 (12). С. 26.

[385] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 228–229, 235–236, 247–249, 259–261, 263–282.

[386] СК. Л. 131 об.

[387] *Казакоў А.У.* Эміграцыя знаці... С. 21–74; *Ерусалімскі К.* Маскоўцы ў польска-літоўскі асяроддзі ў XVI — першай палове XVII стст. Транзітыўная ідэнтычнасць, гендэр і дыскрымінацыя // Arche. 2012. №3. С. 68–95.

[388] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 121–122.

бодами християнских кролей, аки вере не подобны беды наши?..»[389]

После 30 апреля 1564 г. практика тайных приглашений используется неоднократно и до перемирья 1570 г., и во время Московских походов Стефана Батория. Участие Курбского в выманивании московской элиты на королевскую службу отразилось в ряде источников, которые имеют разную доказательную силу и, конечно, в целом не свидетельствуют, что сама практика пожалований за выезд была успешным инструментом войны со стороны королевской власти. Однако и Радзивиллы, и Курбский с энтузиазмом ее поддерживали, а переписка Сигизмунда II Августа с М. Ю. Радзивиллом свидетельствует о том, что и король видел перспективы противостояния с Москвой на этом пути. Свидетельством участия князя-эмигранта в проекте по переманиванию московской элиты на королевскую службу являются, на мой взгляд, привилеи на Ковельское имение, за один 1567 г. без видимой причины и явных заслуг превратившие его права из ограниченного условного держания в наследственные «вечные», с возможностью наследования по мужской и женской линии[390]. В привилее от 29 февраля 1567 г. появляется аномальное для делопроизводственной риторики Великого княжества Литовского обоснование причин милости господаря: «...што многие станы разных народов, а паболш народ хрестиянский с подданьства князя московскаго утисненный и уближенья вольностей шляхетских, которых под панованием его пана своего для вставичных долеглостей вытерпети не могут, под зверхность и панованье нашо горнучи до служб наших господарских утекают». Сигизмунд II Август впервые предстал милостивым королем для всего московского шляхетского народа[391]. Донести эту истину удалось и до Боярской думы.

Летом 1567 г. состоялась переписка между Боярской думой и Панами радой, в которой «неформально» принял участие царь Иван. Комплекс посланий составил особую посольскую книгу, сохранившуюся ныне в фонде 79 Московского архива. Из восьми писем, отправленных в ответ на неизвестные ныне грамоты-«листы», в ответе кн. М. И. Воротынского Г. А. Ходкевичу от 20 июля 1567 г. прямо обсуждается князь Андрей Курбский, который в послании Ходкевича служил примером для Воротынского, чтобы убедить его, каким высоким может быть положение князя Михаила, если он перейдет к королю. Он много выше по значению, чем Курбский. На это царь Иван, слабо прикрытый маской князя Михаила Воротынского, разражается тирадой: «А штож писал еси о такой же собаке, як же еси сам, о Ондрее о Курбском, что его ваш господарь пожаловал и во чтивости учинил, и коли б господарь ваш младенческим разумом не объят был, и он бы вас, Панов рад своих, на безделье не слушал и лотровским обычаем таково израдца не жаловал на кровопролитье християнству. А о том дивитися не о чем, як же зрадивши господаря нашего его царьской главе и от шибеницы утекши, и к вашему малоумному господарю пришел! Его же ты не зная, нецнотный человек, похваляешь»[392]. Фоном для этой корреспонденции является казнь «листоноши» И. П. Козлова, которого царь велел посадить на кол как изменника, несмотря на то что он был подданным Сигизмунда II Августа[393]. По всей видимости, послания 1567 г. раскрывают большое «дело» по подозрению в государственной измене, в котором никто из московских бояр не пострадал, а казнен был только литвин-посредник[394].

Имя Андрея Курбского показывает, что его пример должен был поразить воображение московитов, и частично цель была достигнута. При московском дворе шпиономания на рубеже 1560 1570-х гг. оставила заметные следы. Возможно, подлинная корреспонденция с Великим княжеством Литовским или расследование по делу об изменнических планах бояр отразились в глухом упоминании казни В. В. Морозова около 1568–1569 гг., у которого, согласно сообщению А. Шлихтинга, царь выпытывал, переписывается ли он с Курбским[395]. Князь Ан-

[389] СК. Л. 112 об.

[390] Об этом см. в разделе «Староста кревский и ковельский».

[391] ЛМ-48. Л. 109 об. — 110, публ.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 398–399 (Кышшин, 29 февраля 1567 г.).

[392] ПИГ. С. 272 (М. И. Воротынский — Г. А. Ходкевичу. Москва, 20 июля 1567 г.).

[393] LKZAR. S. 591 (Сигизмунд II Август — М. Ю. Радзивиллу. Варшава, 28 февраля 1571 г.). О Козлове см. также: ЛМ-266. Л. 89 89 об. (Гродно, 28 января 1567 г.); ЛМ-266. Л. 91 (Кышшин, 30 января 1567 г.); ЛМ-266. Л. 218 (Марков, 7 октября 1567 г.); ЛМ-50. Л. 237 — 237 об. (Кышшин, 25 июля 1568 г.); Bielski. S. 1165; Paprocki. S. 844.

[394] Впрочем, через год после названных событий рукой самого царя Ивана IV был убит боярин И. П. Федоров, однако о связи между его смертью и перепиской с литовскими сенаторами ничего не известно.

[395] Шлихтинг. С. 38; *Schlichting A.* Berichte eines deutschen Augenzeugen über Ivan Groznyi und seine Taten: (Schlichting in Moskau: 1564 — Frühjahr 1570). Im Rahmen des Hauptseminars "Reiseberichte über Russland aus dem 16.–18. Jahrhundert" / Leitung: Professor Dr. G. von Racuh. Universität Kiel. Wintersemester 1961/62; vorgelegt durch

дрей знал о смерти своего близкого родича, однако в «Истории» никак не прокомментировал ее причины[396]. В какой-то неопределенный момент, предположительно, согласно данным не сохранившейся могильной плиты, — 17 августа 1571 г. скончался духовный отец Курбского[397]. О его смерти в «Истории» говорится: «Что же таковый превосходный муж получил во отечестве своем неблагодарном от того прелютого и безчеловечного царя? То: нецыи глаголют, аки бы воспомянул нечто о мне ему. Он же, глаголют, восклехтал, яко дивий вепрь, и воскрежетал неистове зубами своими. И абие повелел таковаго святаго мужа в реце утонити»[398]. Сказать «нечто о Курбском» было достаточно, чтобы быть отправленным в реку. Описи Царского архива, отразившие состояние секретных бумаг Ивана IV и среди них следственных дел, показывают, что на Курбского пало подозрение в попытке отколоть Новгород от Российского государства в 1569–1570 гг. Нет сведений, насколько эти подозрения связаны с «делом» Владимира Старицкого, но поход на Новгород сопровождался информационными демаршами, в которых Новгород одновременно обвинялся в попытке посадить на московский престол удельного князя и тайных контактах с государевым изменником и королем. Все эти формулировки могут отражать уже только обвинительную амальгаму во время Новгородского расследования. Однако в своей «Истории» Курбский подчеркивает свое близкое родство со второй женой казненного Владимира Старицкого княжной Е. Р. Одоевской, которую называет своей «сестрой». В наказе кн. Г. Ф. Мещерскому, главе посольства в Речь Посполитую, составленном летом 1570 г., казни в Новгороде и Пскове следовало прямо отнести на счет «лихого дела», в котором Сигизмунд Август при помощи Курбского «з государьскими изменники лазучьством ссылались». Это же вменяется в вину лично князю Андрею, который «тайно лазучьством со государьскими изменники ссылаетца на государьское лихо и на крестьянское кровопролитие»[399]. Р. Г. Скрынников привел эти упоминания и сделал двуединый вывод, в обеих составляющих преувеличенный, об опричниках и Курбском: «Официальные разъяснения в Литве показывают всю степень оселения опричного руководства, ставшего жертвой мистификации королевской секретной службы... Взрыв террора в России невозможно понять без учета деятельности зарубежной эмиграции. Не случайно новгородский погром совпал с моментом, когда влияние Курбского достигло пика. В боярине стали видеть политика, способного решающим образом воздействовать на развитие событий в России»[400].

Царь Иван всё же не отражает в своих выпадах в адрес короля известные факты, а проводит политику разоблачения, в которой Курбский выбран жертвой условно, поскольку в Москве не могли не понимать, что за его спиной стоит не только король, но и господарская рада, которая и инициировала переписку с боярами в 1567 г. Из известных нам документов становится понятно, что инициатива «тайных ссылок» князя Андрея с Москвой была поддержана Сигизмундом Августом и Миколаем Радзивиллом Рыжим. Влияние Курбского в Речи Посполитой нет оснований преувеличивать. Р. Г. Скрынников ссылается на проходящие в конце 1569 — начале 1570 г. тайные переговоры агента Священной Римской империи И. Цира с Курбским о возможности вступления Российского царства в антитурецкую лигу. Однако не следует забывать, что в отчетах имперского дипломата, хранящихся ныне в Польских делах Венского архива, выступает не только Курбский, но и другой, также заметный московский эмигрант В. С. Заболоцкий. Никакого лидерства обоим сам факт переговоров не давал, хотя был важным признаком того, что Империя готова использовать знатных московитов-перебежчиков в переговорах с Москвой. Еще одним источником служит Скрынникову переписка между Сигизмундом Августом и М. Ю. Радзивиллом, в которой король высказывал соображения об услугах Курбского в переговорах с московскими боярами.

Одних упоминаний в Переписке между монархом и его шурином недостаточно для выводов о значении при дворе и неформальном статусе. Было бы важно в целом понимать отношение к сановному эмигранту в окружении короля

K. Bürger wohhaft in Lohne-Riessel (Oldb). Kiel, 1962. S. 47. Благодарю Л. Штайндорфа за доступ к данной работе.

[396] СК. Л. 99 — 99 об.

[397] Соловецкий патерик. СПб., 1873. С. 43; *Гладкий А. И.* К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (житие Феодорита) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 241; *Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А.* Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам (указатель имен) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 123; Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. М.; СПб., 2013. С. 45, 66. Благодарю А. А. Романову (Санкт-Петербург) за консультацию.

[398] СК. Л. 127 об. — 128.

[399] СИРИО. Т. 71. С. 777–778.

[400] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 357.

на рубеже 1560–1570-х гг. Прежде всего Андрей Курбский занимал высокое положение в военных кампаниях 1564–1569 гг. Весной и осенью 1564 г. канцлер Великого княжества Литовского М.Я. Радзивилл Черный безуспешно агитировал короля в пользу общих сборов для нанесения решающего удара в войне против Москвы[401]. На этом фоне появление на стороне короля видного московского полководца могло показаться подарком судьбы. М.Я. Радзивилл в переговорах с рижским послом Яном Тастиусом в марте 1565 г. заявил, что Ливония будет частью готовящейся унии между Великим княжеством Литовским и Короной Польской, а пока на помощь ливонским подданным короля должно прийти войско во главе с кн. А.М. Курбским[402].

Планам не суждено было осуществиться, но на их фоне переход Курбского на сторону короля вызвал оживленное внимание. Ян Старыконь Семушовский воспел героизм Курбского в Невельской битве — и тем более славную победу над ним Флориана Зебжидовского: московский воевода был ранен стрелой в ногу, вытащил стрелу из раны и спасся бегством, однако затем «перешел под знамена победителей и предпочитал поляков судьбе на родине»[403]. В поэтическом переложении письма М.Ю. Радзивилла Курбскому в «Радзивиллиаде» Миколай Рыжий отмечает его особые военные таланты: "Dux Andreas Curpski inter Moschos peritus rei militaris Lituanis se coniungit anno 1565"[404]. Слухи об успехах разрастались в миф о непобедимом воине: "cui Moschouia non habet parem" (А. Волан)[405], "copiarum Moschoviae dux supremus" (Ш. Окольский)[406].

Впрочем, стать «наилучшим» и «непревзойденным» воином в польско-литовском обществе московиту не удалось. В сентябре–октябре 1564 г. князь под Полоцком и Великими Луками во главе 200 конников. На съезде в Трабах в конце 1565 г. обязуется выставить на военную службу 400 конников. На первом месте, непосредственно над Курбским, по численности наемников был Я.И. Ходкевич — 1200 коней. С марта 1565 г. в течение полугода во главе собственного отряда в 200 конников князь Андрей Михайлович участвует в боевых действиях под Великими Луками. В августе 1566 г. он в Люблине и Гродно отчитывается за службу и получает от короля акт на вознаграждение. Позже, в 1567 г., число воинов в роте кн. А.М. Курбского падает до сотни конников. После посещения своего Кревского староства, Виленского и Гродненского сеймов вслед за королевским двором Курбский приезжает в Радошковичи и Лебедево. Затем был еще поход в Ливонию. Это были последние следы военной активности кн. А.М. Курбского вплоть до середины 1570-х гг. Вскоре после этих событий Курбский, по его словам, «упразднился» от «служб военных»[407].

Проекты поставить Курбского во главе похода на Москву или решающего удара в Ливонии, видимо, на первых порах превалировали над дипломатическими и конспиративными схемами. К концу 1568 г. роль князя Андрея Михайловича в восточной политике Великого княжества Литовского существенно изменилась. Накануне Люблинского сейма Сигизмунд II Август обращается к М.Ю. Радзивиллу с предложением укрепить границы с Москвой, отправив на помощь кн. Р.Ф. Сангушко Ю.В. Тышкевича и кн. А.М. Курбского. О князе Андрее король говорит, что он хорошо осведомлен о московском войске, на сейме его присутствие ни к чему, а к чему-то присспособить его всё лучше, чем если он без дела лежит дома[408]. В том же письме король напоминает, что староста оршанский Филон Кмита отправил в Москву своих шпионов и ждет их возвращения. Несколькими днями ранее королевский секретарь и писарь господарский Мацей (Матис) Савицкий обратился к М.Ю. Радзивиллу с сообщением о Курбском как о ротмистре, направляемом к кн. Р.Ф. Сангушко. В этом решении короля было нечто таинственное, что нельзя было обсуждать в корреспонденции. Тревога была поднята гетманом Г.А. Ходкевичем и старостой оршанским Ф.С. Кмитой из-за полученных от шпионов слухов о готовящемся ударе царского войска на Витебск. Воевода брестский Ю. Тышкевич и кн. Р.Ф. Сангушко ждали Курбского в Логойске, что явно отвечало интересам М. Радзивилла Рыжего, встревоженного доне-

[401] *Янушкевіч А.М.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфляцыцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 90–94.

[402] *Jasnowski J.* Mikołaj Czarny Radziwiłł (1515–1565): Kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński. Warszawa, 1939. S. 319.

[403] Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis. Auctore Ioanne Stariconio Semusovio, Philomuso Academico Occulto. Boloniae, 1568. S. F 4v; цит. с незначительными изменениями по: *Каннелер А.* Латинские поэмы... С. 323.

[404] *Radvanas J.* Raštai. P. 157, 307; см. также: *Каннелер А.* Латинские поэмы... С. 323.

[405] *Wolan A.* De libertate politica... S. 70–71.

[406] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 342.

[407] NM. Bd. 1. F. 6v.

[408] LKZAR. S. 558 (Сигизмунд II Август — М.Ю. Радзивиллу. Минск, 6 декабря 1568 г.): "który jako wiadomy będzie potrzebniejszy tam, niżby miał na sejmie być, abo doma leżeć próżno".

сениями из Москвы[409]. Появление Курбского могло рассматриваться как военное подкрепление и как экспертная поддержка, но о наступательной войне в ответственный момент, когда король планировал реализовать давно задуманную унию между Короной и Литвой, речи идти не могло.

Обсуждение разведки и шпионов ни в этих письмах короля и его секретаря, ни в других частях обширной корреспонденции между королем и воеводой виленским также не затрагивает Курбского, в котором видят опытного воеводу и эксперта в военном деле, но не представляют его в качестве заметного дипломата, разведчика или тайного агента. В сентябре–октябре 1569 г. Курбскому пришлось неоднократно приезжать в свои литовские имения по делу покойного к тому времени судьи гродского виленского Станислава Гамшея, чьи интересы представлял слуга воеводы виленского М. Ю. Радзивилла Войтех Претоцкий[410]. В июле 1570 г. при дворе в Варшаве князь-эмигрант выступает во всё более привычной для него в новом отечестве роли сутяжника перед судебной комиссией в лице М. Ю. Радзивилла, О. Б. Воловича и Я. И. Ходкевича, доказывая вину Я. М. Рудомины в нападении на его подданных. В конце процесса Курбский проявил великодушие и готовность к компромиссу[411]. Вскоре после этого, на рубеже 1570–1571 гг., Курбскому пришлось вновь предстать перед радными судьями в споре своей только что обретенной жены, княжны М. Ю. Гольшанской, с семьей ее сестры, Мыльскими, — на сей раз судили князя О. Б. Волович, Я. И. Ходкевич и М. К. Радзивилл Сиротка[412].

В ноябре 1570 г. Я. Я. Глебович передал М. Ю. Радзивиллу, а тот Сигизмунду Августу слух о смерти Ивана IV. Судя по посланию короля Радзивиллу от 1 декабря 1570 г., высшие сановники и монарх были заинтересованы воспользоваться переменой в Москве и замешательством перед избранием одного из сыновей умершего, «молодых панят» (Ивана или Федора), чтобы отвоевать потерянные земли в войне за Ливонию[413]. По мнению короля, со всеми планами нужно было успеть до того момента, пока новый царь не покончил с опричниной и любовью не воссоединил вокруг себя исстрадавшихся при отце людей. Именно с этой целью нужно было найти кого-нибудь, кто мог бы тайно пробраться в Москву, чтобы там «уговаривать наиболее значительных людей к вольности и свободе из неволи и власти тиранов, их господ, которые хотят нравить над ними только так, как привыкли другие — на время став добрыми, пока не усилились»[414]. Особые надежды как королем, так и Миколаем Рыжим возлагались на возвращение Полоцка. Показательно, что подобную идею превращения царя Ивана из «издавна кровопийственного» рода во «временного доброго» излагает в своей «Истории» Курбский[415].

Вплоть до февраля–апреля 1571 г. король и Радзивилл обсуждали перспективу тайных переговоров с московскими боярами, которые ими рассматривались в качестве единственной законной власти в соседнем государстве. План привлечь Курбского не вызывал уверенности, поскольку грозил обернуться заговором "Kozłowa" — т.е. И. П. Козлова, казненного в 1567 г. Король даже не намерен посвящать Курбского в свои планы до тех пор, пока Радзивилл не создаст прочную основу для осуществления миссии[416]. Показательно, что в новом замысле источником ложных слухов, достигших королевского двора, служит, как и в «деле Козлова» 1567 г., Я. Я. Глебович. Если бы его инфор-

[409] AR. Dz. V (Listy domów obcych). N 13980. S. 20 (М. Савицкий — М. Ю. Радзивиллу. Варшава, 2 декабря 1568 г.): "Pan heythman pisał do królya i Filon pewną rzecz od sspiegów maiąnc że moskyewsky do Withebska pewnie ze wssythką siłą gothuie syę, prossąnc aby ziemie russycz. A yss by pan woyewoda brzesski, ponieważ tham yesth w Łohoisku, przy nim z xyendzem Romanem zosthał i x. Kurbsky aby do niego yachał. JKM o niczemney sprawye a prawie czarowaney heythmanskyey wiele sye ffrasuiancz pozwolył y j m Czysskowiczu przynim zosthacz i x. Romanowi choczya syę pylniuczno prosył dlia postrzeżenia domu swego starozytnego na seymie tham że zosthacz żądaiąncz go aby sobye ssczesczya nieprzerywał, ale pry tylko bendzye p. heytman wssythkich koło syebye bawił ani gdzye nieposslye a gdy x. Romanowi mało żiczy pogotowiu Czysskowiczowi nie będzye s Kurbskym życzył". За помощь в прочтении данного письма благодарю Марека Ференца (Краков, Ягеллонский университет).

[410] КЗУ-1. L. 141–143v (13 октября 1569 г.).

[411] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 138–139.

[412] Ibid. S. 220–221.

[413] LKZAR.S. 587 (Сигизмунд II Август — М. Ю. Радзивиллу. Минск, 1 декабря 1570 г.): "A co nieprzyjaciel szczypkiem, to Pan Bóg mocen garścią ogółem, zaraz podać nam w opanowanie nasze, abyśmy wiedząc czuli o tym a nie gardzili łaską Bożą póki by z młodych paniąt, które nie obrano etc.". См. также: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения... С. 45; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 143.

[414] LKZAR. S. 588: "namawiać główne ludzie do wolności i swobody z niewoli i opanowania tyranów panów ich, którzy nie chcą inak nad nimi panować, jedno zwykli byli drudzy na czas się dobrym stawszy póki nie zmocni się".

[415] Об этом см. главу «Ренессансный историк».

[416] LKZAR. S. 591–592 (Сигизмунд II Август — М. Ю. Радзивиллу. Варшава, 28 февраля 1571 г.).

мация о смерти Ивана IV и царевича Ивана была принята без колебаний, Курбскому или другому агенту, который оказался бы на его месте, грозила смертельная опасность.

В то время, когда войско Девлет-Гирея уже шло на Москву в апреле 1571 г., ни Сигизмунд II Август, ни Панове рада еще не имели достоверных сведений о том, жив ли царь Иван. В апреле король накануне приезда посольства кн. Г. Мещерского согласился с предложением литовского канцлера любой ценой разузнать о жизни и здоровье московского монарха и для этой цели "wymknąć kogo takowego z strony tego nieprzyjaciela"[417]. Король давал своему верному слуге и шурину карт-бланш на организацию похищения «языка» через границу, объявляя готовность разослать письма за своей подписью всем приграничным урядникам, чтобы они оказали всемерное содействие Радзивиллу. В этом контексте появляется имя Курбского, о котором Миколай Рыжий писал королю в своем недошедшем послании. Из ответного письма Сигизмунда Августа неясно, о чем именно просил воевода виленский, но, по всей видимости, была связь между вопросами Радзивилла об отправлении агентов в Российское царство и Курбским. На 11 апреля 1571 г. князь Андрей уже уехал из Варшавы, видимо, чтобы не участвовать в приеме Мещерского ("wszakoż ku odprawie posłańca")[418]. Если в нем возникла бы необходимость, король готов был вызвать его из волынских имений в литовские – т.е. под Униту, где у Курбского были владения. Ясно, что князь Андрей был «на подхвате» в тайных проектах Радзивилла, но в данном случае неизвестно, был ли он действительно востребован и вызван в Литву. Скорее всего, нет: король склонялся к перемирию с Москвой, и этикетное требование московских послов не допускать Курбского к переговорам принял, о чем те отчитались перед Иваном Грозным[419].

Как показала И. Ауэрбах, накануне отъезда из Варшавы Курбский столкнулся с маршалком дворным литовским М.К. Радзивиллом в суде из-за нападения подданных княжны М.Ю. Гольшанской, только что ставшей супругой Курбского, на торговых людей из Олиты. Дело тянется с 3 декабря 1570 г. Курбский признает свою вину уже 23 февраля и к 8 апреля 1571 г. обязуется компенсировать убытки истца, т.е. как раз за несколько дней до составления ответного письма короля воеводе виленскому, когда князя Андрея в Варшаве уже не было. А уже 26 апреля в Варшаву въехал кн. Г.Ф. Мещерский, чтобы ратифицировать Московское перемирие. В последние месяцы жизни короля Сигизмунда II Августа Курбский в основном улаживал на Волыни свои семейные и имущественные дела, ненадолго посетив Вильну и свои литовские владения осенью 1571 г.[420] В этот период князь Андрей старался сконцентрироваться на переводческой работе своего кружка в Миляновичах и около 1572 г. обсуждал с кн. К.К. Острожским свои первые успехи на ниве создания свода поучений Иоанна Златоуста, который назвал «Новым Маргаритом»[421].

Смерть Сигизмунда II Августа 7 июля 1572 г. открыла перед Речью Посполитой перспективу королевских выборов, участие православной элиты в которых до сих пор вызывает ряд вопросов. До последнего времени наши знания о «православном кандидате» ограничивались дискуссией о кандидатуре Ивана IV или его сына Федора на польско-литовский или только на литовский трон. Однако степень поддержки этих кандидатов в рядах православных вызывает сомнения. Кн. Андрей Курбский на рубеже 1572–1573 гг. направил литовскому канцлеру письмо, по всей видимости, с предвыборными предложениями (вероятнее, что это письмо относилось к середине января 1573 г.). Канцлер счел необходимым направить своему племяннику, маршалку надворному литовскому Миколаю Криштофу Радзивиллу Сиротке точную копию с письма Курбского ("kopią listu jego słowo od słowa przepisawszy") и настаивал на срочном обсуждении дел в Вильно, куда собирался вскоре приехать[422]. Мы не знаем, что именно было в письме Курбского и о чем договаривались литовские сановники: копия письма Курбского была приложена к письму канцлера от 23 января 1573 г., но сохранился только основной текст письма без «цедулы»[423]. Радзивиллы лавировали в предвыборной борьбе, придерживаясь имперской кандидатуры на польский и литовский троны, но стремясь аннулировать или смягчить условия Люблинской унии, отторгнувшей от Великого княжества Литовского обширные земли в пользу Короны Польской.

[417] LKZAR. S. 595 (Сигизмунд II Август – М.Ю. Радзивиллу. Варшава, 11 апреля 1571 г.).

[418] LKZAR. S. 595.

[419] СИРИО. Т. 71. С. 795.

[420] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 144–148.

[421] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Bd. 3. S. 42; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 71.

[422] *Гегенс М.* Mikołaj Radziwiłł "Rudy". S. 431–434; *Кетра Т.* Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka: (1549–1616), wojewoda wileński. Warszawa, 2000. S. 76–79.

[423] См. *Приложение VI-1.*

Между тем в корреспонденции Радзивиллов из Варшавского главного архива древних актов и в бумагах П.П. Дубровского Российской национальной библиотеки хранятся два письма, проливающие свет на сложные переговоры 1572–1573 гг. между сторонниками имперской кандидатуры и православной элитой Короны Польской и Великого княжества Литовского[424]. В отделе V Архива Радзивиллов в корреспонденции Я.И. Ходкевича между письмами от 13 сентября 1573 и 19 июня 1574 г. расположено его письмо М.Ю. Радзивиллу. Его датировка не вполне соответствует данному порядку писем: "Dan z Lachovicz we szrode stampną 1573", т.е. письмо относится к среде после «вступительного» воскресенья Великого Поста. Поскольку Пасха в 1573 г. приходится на 22 марта, первое воскресенье поста относится к 8 февраля, а среда после этого и является искомой календарной датой — 11 февраля 1573 г.

Староста жмудский убеждает соратника, воеводу виленского, не поддаваться на уговоры Курбского. Зять Ходкевича кн. М.А. Чарторыйский сугубо конфиденциально ("tego papierowi trudno wierzyć") назвал заговорщиков и предупредил о готовящейся в рядах православных «измене»[425]. В этом ряду князь Андрей назван как посредник между сторонниками кн. Ю.Ю. Слуцкого Олельковича и кн. К.К. Острожского, с одной стороны, и Миколаем Радзивиллом Рыжим и Яном Ходкевичем, отстаивающими кандидатуру Габсбурга на трон Речи Посполитой. Ему ни в коем случае нельзя верить. В письме Ходкевича использовано резко негативное определение всего, что рассказывает Курбский, — «болтовня... всё сплошь измена» ("bremby... bałamutny... wszystko na zdradzie")[426]. Можно предположить, что оба патрона Курбского также названы в письме. О Слуцком говорят, что он может «прийти на государство» или «прийти в государство» ("jakoby Słucki do państwa przyszedł")[427]. Вероятно именно первое прочтение, поскольку Ходкевич обсуждает, как не допустить прихода всей мятежной группировки к власти. Лидер противников собирает вокруг себя сторонников. У страха глаза велики — он может напасть на имения Радзивилла или прямо на Вильно[428]. Чуть ниже староста жмудский призывает канцлера к осторожности дома и к скорейшему выезду в Вильно. Слуга Ходкевича видел еще и князя Вишневецкого, видимо — Константина Ивановича, в пятницу, т.е. 6 февраля 1573 г., в Слуцке. Не вызывает сомнений, что недавно сменивший кн. Р.Ф. Сангушко на уряде старосты житомирского кн. К.И. Вишневецкий входил в круг сторонников кн. К.К. Острожского, которого он замещал на Киевском воеводстве во время выборов короля под Варшавой (5 апреля — 20 мая 1573 г.)[429].

Кроме того, назван еще и князь Константин. Это не может быть Вишневецкий, поскольку о том сказано, что он уже был в Слуцке, тогда как князь Константин «есть или, вероятно, будет в Слуцке» ("jest albo pewnie w Słucku będzie")[430]. Речь в последнем случае идет, по всей видимости, о князе Константине-Василе Константиновиче Острожском, которого современники нередко называли «князем Константином». Его появление в Слуцке ожидалось с тревогой[431]. И причина беспокойства указана здесь же — сородич и соратник Слуцкого должен привести с собой роту «Владимира». Под этим именем выступает в польско-литовских источниках к началу 1573 г. лишь один исторический деятель — московит-эмигрант Владимир Семенович Заболоцкий, на тот момент противник Ходкевича в деле об обмене имениями на Люблинском сейме, когда и определилась потеря Владимиром Заболоцким Ляховичей в пользу Яна Ходкевича. Показательно, что свое письмо Радзивиллу староста генеральный жмудский отправляет из своего Ляховицкого имения, и упоминание имени «Владимира» звучит как скрытый личный мотив в споре, вызвавшем негодование Заболоцкого и, возможно, даже его отъезд в Венгрию от короля Сигизмунда Августа[432].

Между двумя группами имен Курбский оказался посредником, и его инициатива говорит о том, что в момент Варшавского сейма 1573 г. отношения между «литвинами» и «волынянами»

---

[424] См. *Итинерарий Курбского, Ранее 23 января — ранее 11 февраля 1573 г.*, а также *Приложение VI-1 и 2*.

[425] См. *Приложение VI-2* (с. 65). Князь М.А. Чарторыйский был женат на Софии Юрьевне Ходкевич, приходившейся двоюродной сестрой автору письма, Я.И. Ходкевичу (*Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV — до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 2008. С. 324. Схема II (2)).

[426] См. *Приложение VI-2* (с. 65).

[427] Там же.

[428] См. *Приложение VI-2* (с. 65–66).

[429] О кн. К.И. Вишневецком см.: *Czamańska I.* Wiśniowieccy. Monografia rodu. Poznań, 2007. S. 101, 103.

[430] См. *Приложение VI-2* (с. 66).

[431] Как указал нам в частном письме И. Тесленко, еще 9 февраля 1573 г. Острожский находился в Кракове. Быть в Слуцке на тот момент и на время составления письма Ходкевича кн. К.К. Острожский никак не мог. См.: PSB. T. 24: Olszamowski Bolesław — Padlewski Zygmunt. Wrocław, 1979. S. 490.

[432] См. главу «Последний день Владимира Заболоцкого».

достигли такого накала, что потребовались консультации, чтобы исключить вспышку насилия. При этом неудивительно, что агентом Ходкевича в рядах волынян оказался кн. М. А. Чарторыйский. Между собой они были близкими родичами, а с близким к клану Острожских-Слуцких Курбским поддерживали преодолимую дистанцию, а возможно, были приятелями и сотрудниками. И. Ауэрбах предполагает даже, что между Курбским и Чарторыйским установилась дружба. Без взаимной агрессии между ними длился спор за замок Смедынь, принадлежавший отцу кн. Михаила, кн. А. Ф. Чарторыйскому и перешедший Курбскому по привилею от 23 ноября 1567 г. Князь Андрей полностью расплатился по долгу в 1 тыс. кон гр. за это имение с сыном князя Александра лишь 20 июня 1577 г.[433] О конфликтах между кн. Андреем Курбским и Яном Ходкевичем на рубеже 1560-х и 1570-х гг. неизвестно. Как уже отмечалось выше, еще в 1565 г. они оба занимали первые позиции по числу коней в реестре наемного войска. Слухи о взаимном противостоянии между Курбским и Яном Ходкевичем получили распространение лишь в 1578 г., когда разгорелся скандал из-за развода четы Курбских. Причем о разногласиях между магнатами мы знаем только из сообщения московских послов М. Д. Карнова «со товарищи», которые, конечно, в своих статейных списках стремились преувеличить трудности государевых изменников вдали от отечества. По их словам, Ходкевич до того был единственным, кто из литвинов хорошо относился к Курбскому, но из-за свояка московита-эмигранта, О. Б. Воловича, выступившего на стороне княгини М. Ю. Гольшанской Курбской, Ходкевич тоже рассорился с «государевым изменником»[434]. До того Я. И. Ходкевич участвовал в переписке Литовской рады с царем Иваном в июне 1575 г. и мог быть в курсе предложений Г. Ю. Остика Ивану Грозному отнять у Курбского Ковель в случае прихода к власти в Речи Посполитой, однако об отношении старосты жмудского к этим инициативам ничего не известно[435].

Эпицентром борьбы в данном «заговоре» стало противостояние между двумя магнатскими группировками: Радзивиллом и Ходкевичем с одной стороны и Слуцким и Острожским — с другой. Оно назревало уже давно и в периодически обостряющейся форме продолжалось с самого Люблинского сейма 1569 г., когда князю Юрию было обещано королем место коронного сенатора в объединенном Сенате Речи Посполитой, однако он столкнулся с препятствием со стороны Радзивилла, который усмотрел в усилиях Слуцкого попытку возвыситься над ним, виленским воеводой. На Варшавском сейме 1572 г. интересы князя Юрия отстаивал кн. К. Острожский. После смерти Сигизмунда Августа на старые разногласия накладывались амбиции Слуцкого в выдвижении собственной кандидатуры на престол Речи Посполитой, отношение к которым Ходкевича и Радзивилла как сторонников Габсбургов было резко негативным. После съезда в Рудниках в сентябре 1572 г. кн. Ю. Слуцкий и Я. Глебович уведомили польских сенаторов, что в Великом княжестве Литовском готовится заговор в пользу московского кандидата. На Варшавский конвокационный сейм 1573 г. Слуцкий, по инициативе его противников, так и не был приглашен. Менее чем за две недели до письма Ходкевича Радзивиллу князь Юрий предпринимает отчаянный шаг — обращается к Коронному сенату с просьбой принять его с его Слуцким имением в коронное подданство. Сенаторы перенесли обсуждение этого вопроса на элекционный сейм, где вновь разгорелся конфликт Ходкевича со Слуцким[436]. Публикуемое ниже конфиденциальное послание М. Ю. Радзивиллу — эпизод напряженного противоборства, в котором обе стороны готовы на радикальные шаги. Как заклинание, староста генеральный жмудский повторяет в своем письме: “zdrada” (4 раза), “zdrajcy” (1 раз), “zdradza” (1 раз, исправлено на более мягкое “omyla”). Круг лиц, состоящий из кн. Ю. Ю. Олельковича Слуцкого, кн. К. К. Острожского, кн. К. И. Вишневецкого, В. С. Заболоцкого и кн. А. М. Курбского, образует в сознании их оппонентов «фундамент» готовящегося заговора «неприятелей», грозящего сторонникам самого Я. И. Ходкевича и М. Ю. Радзивилла вооруженным столкновением. Таким образом, послание Я. И. Ходкевича от 11 февраля 1573 г. отражает тот этап борьбы между политическими группировками в Великом княжестве Литовском и в Короне Польской, когда сторонники имперской кандидатуры пытались предотвратить усиление Слуцкого и не допустить реализации его мнимых или действительных планов.

[433] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 122, 141, 183. См. также по указателю.

[434] Об этом см. здесь в главе «История одного развода».

[435] ПИВЕ. Т. 7. С. 28 (л. 19-19 об.).

[436] *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa: Neriton, 2002. S. 96–106, 110–111, 126 i dalej; *Кетра Т.* Zabiegi... S. 74–76; *Скепьян А. А.* Князі Слуцкія. Мінск, 2013. С. 68–73.

Показательно, что для своих целей Ходкевич выстраивает развернутую картину заговора, в которой «измену» поддерживает ряд видных магнатов Короны Польской. На то время и кн. А.М. Курбский, и В.С. Заболоцкий являлись не только литовскими, но и королевскими подданными и владельцами замков и староств в Короне Польской. Оба они стали жертвами обменов короля с литовской элитой и конфискаций в ходе Люблинского сейма. В то же время группа волынских магнатов в составе К.К. Острожского, К.И. Вишневецкого, отца упоминаемого в письме князя Михаила — А.Ф. Чарторыйского и др. вступила в соглашение с Сигизмундом II Августом на том же объединительном сейме и, получив согласие короля сохранить княжеские привилегии, принесла присягу о подданстве Короне Польской[437]. Ни М.Ю. Радзивилл, ни Я.И. Ходкевич не смирились с тягостными для литвинов условиями унии. Линия разлома между политической верхушкой Великого княжества Литовского и православными князьями-соглашателями сохранилась к моменту смерти короля Сигизмунда и продолжала сказываться в политическом вакууме первого бескоролевья. Впрочем, нет никаких сведений о том, что именно Курбский обсуждал с Радзивиллом и как видели стороны на тот момент статус какой-либо части Речи Посполитой. Курбский в нарастающем противостоянии занимал посредническую позицию. Существовал ли «заговор» в том виде, как его рисует Я.И. Ходкевич, ссылаясь на слова кн. М.А. Чарторыйского, сказать невозможно из-за скудости дошедших источников. Однако сам факт переговоров при участии такого посредника свидетельствует о том, что между канцлером литовским и ковельским старостой к тому времени установились доверительные отношения, которые Ходкевич стремился разрушить[438].

Вряд ли отношения Курбского с Радзивиллами и в целом с Панами радой позднее выстраивались безоблачно. Однако князь изредка лично посещал свои литовские владения и, погрузившись в литературную работу на Волыни, поддерживал интригу вокруг пограничных Ковельских имений. В июне 1574 г. что-то свело князя со слугой М.К. Радзивилла недалеко от Ковеля, во Владимирском гродском суде. Впрочем, это могли быть столь же обыденные отношения, которые в повседневности сталкивали его, например, со слугами О.Б. Воловича (Андрей Романовский, Станислав Бонецкий и др.). Хотя иерархия в коммуникации с Воловичем и Радзивиллами могла играть немалую роль. Подканцлера и каштеляна троцкого (и лишь позднее — пана виленского и канцлера Великого княжества Литовского) Воловича, своего свояка, князь Андрей позволил себе журить в письме за отступление от православия[439]. О подобных письмах Курбского к Радзивиллам ничего не известно.

В 1575 г. на Ковель претендовал родич литовского канцлера Григорий Юрьевич Остик, вероятно, с ведома М.Ю. Радзивилла Рыжего тайно переписывавшийся с Посольским приказом. Надежды Ивана IV на русскую кандидатуру в предстоящих выборах короля после побега из Кракова Генриха Валуа в июне 1574 г. гарантировали перемирие на литовско-московских границах. Никакого прощения своим «изменникам» царь Иван в случае своего избрания на трон не гарантировал. В торге за содействие Литовской рады Ивану или его сыну в борьбе за престол Остик выпрашивал у московского правителя Ковель. Судьба самого Курбского и других подданных царя на королевской службе вызвала переговоры, на которых Рада выступила перед царем Иваном за амнистию, и не получив ее, проводила переговоры так, как если бы от царя ждали условий на случай очередных репрессий против московитов-эмигрантов и, в частности, Курбского[440]. Судьба еще неоднократно сводила Курбского с Миколаем Радзивиллом Рыжим в правление Стефана Батория. Они могли по меньшей мере поприветствовать друг друга в Полоцком и Великолуцком походах. Под Псков Курбскому уже было не дано добраться, он уехал со сборов в свои литовские имения и позднее в публичной жизни почти не участвовал[441]. Память о Курбском в се-

[437] *Halecki O.* Dzieje... S. 308–309.

[438] В собрании писем Я.И. Ходкевича из Пятого отдела Варшавского архива Радзивиллов наше внимание привлекло также недатированное письмо, оказавшееся в самом конце папки. Оно, как и письмо 11 февраля 1573 г., написано рукой Ходкевича и на бумаге с таким же вариантом водяного знака Кабан. Судя по тому, что особую озабоченность старосты жмудского вызывает Я.Я. Глебович, речь может идти о событиях, хронологически близких к изучаемому письму от 11 февраля 1573 г. (AR. Dz. V. Sygn. 2044. S. 102–105).

[439] СК. Л. 180 об. — 181 об.

[440] ПИВЕ. Т. 7. С. 104.

[441] В более ранней работе я утверждал, что Курбский уехал в свои Ковельские имения. Однако необходимо уточнить этот вывод. Как следует из наших наблюдений здесь, в «Итинерарии Курбского», князь перед возвращением в Ковель надолго задержался в Вильно и в своем Кринничнском имении в Великом княжестве Литовском. Возможно, до конца года. См. *Итинерарий Курбского* за конец 1581 г. Ср.: *Ерусалимский К.Ю.* Князь Андрей Курбский и Радзивиллы. К истории проекта восточноевропейской унии во второй половине XVI в. // Мікалай

мье Радзивиллов прочно закрепилась благодаря портрету «Курбского Старого» ("Kniaz Kurpski Stary", тот же "Kurpski Stary"), который был написан, по всей видимости, в первые годы после эмиграции князя Андрея Михайловича. Он был вывезен из Великого княжества Литовского Янушем II и Богуславом Радзивиллами в 1655 г. вместе с другими ценностями из их имений в Кёнигсберг и описан в реестрах картинной галереи 1657 и 1672 гг.[442] Моя попытка отождествления не сохранившегося портрета Курбского с «портретом князя Михаила Борисовича Тверского» носит предварительный характер[443]. Следует признать, что портрет Курбского из собраний Радзивиллов на сегодня не установлен, но он, безусловно, существовал еще в начале 1670-х гг.

Сохранившиеся, хотя и весьма скупые данные позволяют выделить пять этапов в контактах кн. А.М. Курбского с Радзивиллами и наметить преемственность от этапа к этапу, что служит для нас немаловажным источником для суждения о социальном статусе и политической роли лидера российской эмиграции в Речи Посполитой и восточной Европе в целом. Ранний этап ограничен верхней датой 30 апреля 1564 г., когда Курбский бежал из Юрьева на службу Сигизмунда II Августа. «Закрытый» лист на переход к королю был получен от слуг М.Ю. Радзивилла и О.Б. Воловича и гарантирован именем короля Сигизмунда II Августа. Его содержание, если судить о нем по переложению в «Радзивиллиаде» Я. Радвана и более поздним высказываниям Курбского, содержало риторические оценки московской тирании, обещания милости в случае побега и намеки на крупную военную экспедицию. Под Невелем, по всей видимости, литвины еще не представляли себе роли лично кн. А.М. Курбского в сражении, а следовательно, вероятно, речь в «закрытом» листе М.Ю. Радзивилла шла о Полоцком походе 1562–1563 гг., во время которого при участии кн. С.А. Збаражского и были переданы кому-то из московских бояр приглашения от лица Панов рады. На втором этапе, сразу после побега, Курбский при гетмане великом литовском М.Ю. Радзивилле, а затем и при Г.А. Ходкевиче пытался осуществить созданный при его участии и с согласия канцлера М.Я. Радзивилла план «решающего удара» в Московской войне. От этого плана на третьем этапе, к лету 1567 г. и затем до смерти Сигизмунда II Августа, высшая власть в лице короля и канцлера Великого княжества Литовского перешла к обсуждению совещательного или диверсионного сценария исхода Московской войны, и участие Курбского в этом процессе было в большей мере консультативным. После провала миссии И.П. Козлова интерес к внутренним делам Российского государства проявлялся в Короне и Литве главным образом в форме тайной переписки и разработки планов союза или унии с Москвой в ноябре 1570 – апреле 1571 г., когда распространились слухи о смерти царя Ивана IV и членов его семьи. В Москве этот период отразился в расследованиях по делам о переписке духовенства и придворных, а также новгородской и псковской администрации с Сигизмундом II Августом, Панами радой и Курбским. На практике роль князя-эмигранта в этих проектах была скорее экспертной и символической – он должен был служить образцом облагодетельствованного королем эмигранта для Боярской думы и содействовать в открытых переговорах с Москвой и организации обороны на восточной границе. Показательно, что к обвинениям в свой адрес со стороны Москвы сам Курбский относился как к вымыслу, видя в них способ безосновательной расправы с личными врагами Ивана Грозного.

Лишь на четвертом этапе в этой позиции Курбского возник заметный религиозно-политический оттенок. На фоне Варшавского конвокационного сейма (6–28 января 1573 г.) уже велись переговоры между элитами Великого княжества Литовского и Короны Польской, и для сторон сохранялась интрига в судьбе межгосударственной унии. М.Ю. Радзивилл вел переговоры с православным блоком кн. Ю.Ю. Слуцкого и кн. К.К. Острожского через кн. А.М. Курбского, стремясь к компромиссу с бывшими подданными литовского господаря и знатными московитами, которые не видели перспективы в избрании

Радзівіл Чорны (1515–1565 гг.): палітык, дыпламат, мецэнат: зборнік навук. прац / уклад. З.Л. Яцкевіч. Нясвіж, 2016. С. 179.

[442] *Sulerzyska T.* Galerie obrazów i "gabinety sztuki" Radziwiłłów w XVII wieku // Biuletyn historii sztuki. 1961. R. 23. N 2. S. 87–99. Портрет Курбского упоминают под №223 в инвентаре. Исследование Анастасии Скеньян (Минск) «Портреты кн. Радзивиллов в документах XVI–XVII вв.» подготовлено к печати. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить коллегу за ценные консультации.

[443] *Ярошевич А.А.* Портрет рубежа XVI–XVII вв. из Радзивилловских собраний, отождествляемый с тверским князем Михаилом Борисовичем (1453–1505 гг.) // Беларуская даўніна: Studia et fontes. Мінск, 2016. Вып. 3. С. 69–76. Ср.: *Ерусалимский К.* Православная академия на Волыни XVI в.: нереализованный проект князя Андрея Курбского // Острозька давнина. Острiг, 2014. Вип. 3. С. 116. Благодарю также за консультацию О.Д. Бажанову (Минск, БГУ), которая отметила, что сохранившийся портрет «князя Михаила Борисовича Тверского» может относиться к первой половине XVII в.

московского кандидата, но испытывали беспокойство в связи с возможным приходом к власти ставленника верхушки Литовской рады. Кроме того, у сторонников клана Слуцких–Острожских были как сенаторские, так и элекционные амбиции. Я. И. Ходкевич со ссылкой на сведения своего близкого родственника кн. М. А. Чарторыйского разоблачал предполагаемые тайные намерения Курбского и его покровителей, построенные будто бы на «измене», и отговаривал фактического главу Великого княжества Литовского от переговоров. Обрывочные сведения об открытых посольских миссиях между Москвой и Вильно на этом этапе свидетельствуют о том, что в обращениях Литовской рады к царю тщетно звучал призыв амнистировать «изменников» Ивана IV в случае его избрания на трон. Поддержка короля Генриха Валуа была для Курбского, как и для его друга кн. К. К. Острожского, фактически вынужденной, но после отъезда короля Генриха из Кракова в Париж Курбский, вероятно, продолжал участвовать в переговорах между волынскими князьями и Вильно, где провел по меньшей мере некоторое время в начале 1575 г. Между тем усилия царя Ивана по организации поддержки своей кандидатуре в Великом княжестве Литовском требовали вновь решения вопроса об эмигрантах, который царь не счел нужным подробно обсуждать, чем спровоцировал переговоры Литовской рады с Москвой о возможной передаче Ковеля Остикам. После этого, на пятом этапе, наши сведения о контактах между Курбским и Радзивиллами позволяют судить лишь о том, что с момента избрания Стефана Батория перспективам построения дипломатического, переговорно-консультативного моста между русскими элитами Речи Посполитой и Московского государства пришел конец, и возникла перспектива новой войны, в которой тайные миссии шпионов, курьеров и московитов-эмигрантов и усилия последнего Ягеллона и Радзивиллов по созданию атмосферы для бескровной унии с Москвой утратили прежнюю актуальность.

***

Статусные измерения московской государственной иерархии, проводившиеся в Короне Польской и Великом княжестве Литовском, помогали королю и высшим сановникам по их усмотрению «оборочати» российских эмигрантов и на службу им «живность давати»[444]. В годы войны прием перебежчиков на королевскую службу стал частью повседневной жизни высшего государственного управления и местных урядов. В этом ряду прославление Курбского в качестве высокопоставленного московита как продуманный идеологический прием было направлено на дискредитацию режима Ивана IV в глазах российского служилого люда и шляхты. Никаких формальных градаций внутри шляхты не существовало, а статус складывался из множества факторов, среди которых важнейшими были линьяж и матримониальные связи, сенаторские права, занимаемые должности, посольские миссии на сеймах, вероисповедание, землевладение, число конников и служебников, персональная военная служба. Эмигрант из России должен был засвидетельствовать свое шляхетное происхождение и верность господарю: «от него же надеяся много пожалован быти и утешен от всех скорбей моих, милостию его господарскою, паче же Богу ми помогающу», — пишет Курбский царю в Первом послании[445]. Несмотря на равенство шляхты в правах и свободах, в первом поколении шляхтичи московского происхождения вынуждены были служить в качестве *детей боярских* с прозвищем *Москвитин*, *Moscus* и т. д. Их отличие от *доброй шляхты* подчеркивалось самими понятиями, обозначаемыми на русском как *«чужоземец»*. Право на занятие высших государственных должностей коронные и литовские православные, а вместе с ними и российские эмигранты получили в 1563 г., однако de facto доступ иноземцам к сенаторским и региональным должностям преграждал Литовский Статут, не допускавший получение высших «дигнитарств» и «урядов» иноземцами («неоселыми») любого исповедания. Королевские милости к иноземцам в условиях, когда шляхта вела борьбу за «экзекуцию» земельных владений короля только обостряли борьбу местного благородного сословия против высшей власти и ксенофобские настроения в отношении эмигрантов — особенно из государства, которое было военным врагом Великого княжества Литовского и Короны Польской[446].

Статус князя Андрея Михайловича в последние несколько лет его жизни менялся незаметно или совсем не менялся. Курбский активно участвовал в общественной жизни: встречался с польскими и литовскими магнатами, вел переговоры с К. К. Острожским и М. Ю. Радзивиллом, посещал сеймики, его имя было на слуху во время коронационных церемоний Генриха Валуа, а затем

[444] Так, напр., в: ЛМ-47. Л. 58 об. Цит. в: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 106. Anm. 8.

[445] ПИГАК. С. 8, 11, 46–47, 105.

[446] Об этом см. нашу монографию “Natione Moscus”.

при отражении татарских нашествий на Волынь и в Московских войнах, его интеллектуальные проекты или проекты, одним из инициаторов которых он был, во второй половине 1570-х гг. разрастаются до идеи православной академии[447]. Переломными для его карьеры были события 1576–1577 гг.: болезнь жены, а затем его собственная. Домашняя война на фоне разорительных татарских набегов на Волынь и готовящейся военной кампании против Москвы, видимо, обернулась хозяйственными трудностями, о которых можно судить из налоговых реестров ковельских имений (см. табл.).

Староста кревский и ковельский

Выехав на королевскую службу в апреле–мае 1564 г., кн. А. М. Курбский приложил немалые усилия, чтобы поднять свой статус в новом отечестве, используя как формальные, так и неформальные социальные институты. Прежде всего он воспользовался своими навыками военачальника, крупного землевладельца и государственного советника. Землевладение — один из показателей имущественного благополучия и богатства. Обратимся к владениям кн. А. М. Курбского, стараясь увидеть за цифрами динамику его статуса. Князь располагал крупными имениями, которые после Люблинского сейма административно относились к двум разным субъектам Речи Посполитой. Ковельский замок с округой — к королевским владениям в Великом княжестве Литовском, а с 1569 г. — в Короне Польской, Кревское староство, фольварк в Криничине Унитского повета и дворы Кены и Борклабы Виленского повета — к Великому княжеству Литовскому[448].

Упоминание в одной рукописи (около 1540-х — 1550-х гг.) в числе малопольских старост ("Capitanei Minoris Poloniae") городельского старосты Андрея Крупского ("Andreas Krupsky") относится к представителю шляхетского рода Крупских и к периоду еще до эмиграции князя Андрея Курбского на королевскую службу[449].

Уже 4 июля 1564 г. на сейме в Бельске Курбский был назначен старостой Ковеля, однако в должность он вступает фактически в 1565 г. Статус пожалованного Курбскому Ковельского имения соответствовал bona regalia и был указан в списке королевских владений, «которые его королевская милость соблаговолил раздать»[450].

Вскоре после побега князь Андрей Михайлович получил должность старосты в Крево[451], которую сохранял за собой до Люблинского сейма 1569 г. и окончательно уступил только в 1571 г.[452] В статейном списке московского посольства кн. Г. Ф. Мещерского о князе говорится: «Изменник государев Курбский у короля в раде николи не живет и места ему с паны радными нет, опричь того, как были государевы послы у короля в Гродне, боярин и наместник суздальской Федор Иванович Умного Колычев с товарищи, и Курбскому король тогды для послов велел сидети в раде у себя с правую сторону в шестых, а дал ему король город Ковель у летцкие границы, а в то место взял у него два городка Кричев да Свислоч, потому что ему Ковель король обещал на приезде, а не дал ему его на приезде, что Ковель в закладе был у Лаского. А Свислоч король дал в держанье писарю Михайлу Гарабурде. А ныне Курбский завалчился с ляхи в межах, и ляхи его все не любят, а зовут его все израдцою и лотром и чают на него от короля опалы не вдолге, что полская рада вся его не любят»[453].

Итак, Ковель был получен князем после того, как истек срок залога, в обмен на владения в Великом княжестве Литовском. Зная, что Крево (Кричев — ошибка в реляции послов) и Свислочь окончательно потеряны им только по решению Люблинского сейма, к сообщению послов необходимо отнестись с осторожностью. По словам самого кн. А. М. Курбского, он в августе 1571 г. ездил в Вильно, чтобы отчитаться перед королем за свои бывшие владения — Крево и Свислочь[454].

---

[447] *Мицько І. З.* Острозька Слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). Київ, 1990.

[448] Города, местечки и замки Великого княжества Литовского: Энциклопедия. 2-е изд. / ред. Т. В. Белова и др. Минск, 2013. С. 174, 181–183.

[449] BOss. N 668. K. 98 (пользуемся арабской фолиацией). Рукопись содержит материалы главным образом за 1552–1553 гг. с более поздними приписками. Имена старост приписаны отдельным почерком, но относятся к этому же времени.

[450] См. *Итинерарий Курбского, 4 июля 1564 г.*

[451] К августу 1566 г. князь Андрей Курбский уже управлял старостством сам и при помощи наместников, и разрастался конфликт с местными подданными, которые на господарском суде обвинили старосту в том, что он не разрешил им пользоваться пахотными землями. См.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 396–397 (20 августа 1566 г.). См. *Итинерарий Курбского 3 ноября 1566 г., 7 января 1567 г.*

[452] Крево передано кн. Лукашу Болеславовичу Свирскому: ЛМ-267. Л. 268–269 (Люблин, 12 июля 1569 г.); АЗР. Т. 3. С. 151 (С. С. Довойно, видимо, говорит о князе Лукаше, называя его «Болк-князем»); *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 115–117.

[453] СИРИО. Т. 71. С. 806–807.

[454] КГЛ-458. Арк. 475 (9 октября 1571 г.).

Ковельские имения (1569–1589 гг.)

№	Год / имение	Вид налога / кол-во/гр. за 1	1569/70	1576	1577/8	1578/9	1579	1581	1582	1583	1589
1	Место Ковель	Рыночные дома	14/6	19/4	31/4	11/16	11/16	11/16	11/16	11/16	44,4
		Уличные дома	382/4	302/2	215/2	86/8	86/8	86/8	86/8	86/8	
		Пригородные дома (убогие халупы*)	7/4*	39/1	35/1*	115/4*	115/4	115/4	115/4	115/4	
		Ремесленники	139/4	59/4	42/4	35/15	35/15	35/15	35/15	35/15	37,27
		Золотари	–	–	–	2/30	2/30	2/30	2/30	2/30	
		Коморники	29/4	10/4	19/4	12/6	12/6	12/6	12/6	12/6	
		Убогие коморники	–	7/3	7/2	–	–	–	–	–	
		Гультаи	–	14/12	9/12	7/15	–	–	–	–	
		Слуги еврейские	–	–	–	–	7/15	7/15	7/15	7/15	
		Перекупни	111/7	–	24/7	25/15	25/15	25/15	25/15	25/15	
		Волоки городские	77,5/20	37/20	–	31,5/30	31,5/30	31,5/30	31,5/30	31,5/30	31,15
		Огороды	349/1	29/1	36/1	–	–	–	–	–	–
2	С. Мощеная	Волоки	III Волоки 294/20 Дымы 120/12 Огородники 14/4 Огородники 86/2 Ремесленники 94/2 Бояре путные 13/20 Мельничные колеса 4/24 Сельские мельничные колеса 8/12	28,5/20	Городские и сельские волоки 269/20 Огородники 41/2 Огородники 55/4 Бояре путные 15/20 Сельские ремесленники 44/2 Дымы дворищные 22/20 Дымы полудворищные 110/12	18/30	17/30	Волоки 39,5/30 Огородники 15/4 Ремесленники 4/4 Бояри путный 1/30	№№ 2–7 Волоки 39,5/30 Огородники 15/4 Ремесленники 4/4 Бояре путные 2/30	17/15 [30?]	–
		Бояре путные		2/20		–	2/30			2/30	
		Ремесленники		4/2		–	1/4			1/4	
3	С. Дубовая	Волоки		14/20		6,5/30	6,5/30			6,5/30	
		Ремесленники		3/2		1/4	1/4			1/4	
4	С. Бахов	Волоки		8,5/20		5,5/30	5,5/30			5,5/30	
		Ремесленники		–		–	–			1/4	
		Огородники		2/2		–	–			–	
5	С. Вербка	Огородники		11/2		–	12/4			12/4	
		Ремесленники		2/2		–	–			–	
6	С. Черкасы	Огородники		1/20		–	3/4			3/4	
7	С. Облапы	Волоки		24/20		10,5/30	10,5/30			10,5/30	
		Бояри		–		–	1/30			1/30	
		Ремесленники		9/2		2/4	2/4			2/4	
		Огородники		4/4		–	–			–	
8	С. Сохорче	Огородники		4/4		–	–			–	
		Ремесленники		2/2		–	–			–	
9	Поп Благовещенский	Волоки		1,5/20		–	–			–	
10	С. Гойшин	Волоки		3,5/20		–	–			–	
		Огородники		2/4, 1/2		–	–			–	
		Ремесленники		5/2		–	–			–	

Продолжение табл.

№	Год / имение	Вид налога / кол-во/гр. за 1	1569/70	1576	1577/8	1578/9	1579	1581	1582	1583	1589
11	С. Клевецк	Волокн	III	18,5/20		–	4,5/30			4,5/30	
		Огороднкн		–		–	2/4			2/4	
		Ремесленнкн		5/2		–	–			–	
12	С. Долгоносы	Волокн		6/20		–	–			–	
		Огороднкн		–		–	7/4			7/4	
		Ремесленнкн		2/2		–	–			–	
13	С. Люблнне	Бояре		4/20		–	–			–	
14	С. Осовец	Дворнща		1,5/20		–	–			–	
		Огороднкн		3/4		–	–			–	
		Ремесленнкн		1/2		–	–			–	
15	с. Калнновец	Волокн		1/20		–	–			–	
		Огороднкн		1/4		–	–			–	
16	Местечко Мнляновнчн	Рыночные дома	II Рыночные дома 6/4 Улнчные дома 132/2 Огороды 104/1 Волокн 56/20 Ремесленнкн 17/4 Перекупнн 8/4	5/4		4/6	4/6	4/6	4/6	4/6	6,10
		Улнчные дома		57/2		37/4	37/4	37/4	37/4	37/4	
		Убогне халупы		4/1		9/2	9/2	9/2	9/2	9/2	
		Огороды		7/1		–	–	–	–	–	–
		Коморнкн		5/12, 8/4		2/6	–	2/6	2/6	2/6	1,27
		Ремесленнкн		8/4		3/15	3/15	3/15	3/4 [15?]	3/15	
		Городскне волокн		29/20		18/30	18/30	18/30	18/30	18/30	18
17	С. Годевнчн	Волокн	III	14,5/20		10,5/30	10,5/30	Волокн 97,5/30 Огороднкн 12/4 Ремесленнкн 18/4 Бояре путные 2/30	Волокн 99/30 Огороднкн 15/4 Ремесленнкн 18/4 Бояре путные 2/30	10,5/30	–
		Огороднкн		–		3/4	3/4			3/4	
		Ремесленнкн		4/2		–	–			–	
18	С. Клечковнчн	Огороднкн		9/2		–	–			–	
19	С. Ольшанница	Волокн		6/20		–	–			–	
20	С. Туровнчн	Волокн		14/20		9,5/30	9,5/30			9,5/30	
		Бояре (вл., ог.)		2/20, 1/4		2/30	2/30			2/30	
		Ремесленнкн		7/2		–	–			–	
21	С. Зелово	Волокн		7/20		6,5/30	5,5/30			5,5/30	
		Огороднкн		–		7/4	–			–	
		Ремесленнкн		3/2		–	–			–	
22	С. Добрынск	Волокн		6/20		–	–			–	
		Огороднкн		2/4		–	–			7/4	
		Ремесленнкн		2/2		–	–			–	
23	С. Порыдубы, Селнца* С. Трублн**	Волокн		24,5/20, 16/20*		19/30	19/30			19/30	
		Бояре путные**		1,5/20**		2/30	2/30			2/30	
		Ремесленнкн		8/2, 4/2*		–	–			–	

24	С. Белин	Волокн		18,5/20		15,5/30	15/30			15/30	
		Ремесленнкн		9/2		8/4	8/4			8/4	
		Огороднкн		3/4, 2/2		–	–			–	
25	С. Скулин, Стеблн*	Волокн		27,5/20, 10,5/20*		24,5/30	24,5/30			4,5/30	
		Ремесленнкн		11/2, 9/2*		7/4	7/4			7/4	
		Огороднкн		2/4		–	–			–	
26	С. Будница	Волокн		2/20		2/30	2/30			2/30	
		Ремесленнкн		2/2		–	–			–	
27	С. Колодежно	Волокн		7,5/20		5/30	5/30			5/30	
		Ремесленнкн		10/2		3/4	3/4			3/4	
		Огороднкн		2/4, 4/2		–	–			–	
28	С. Колоднца	Дымы		–		–	2/15			2/15	
		Огороднкн	III	3/4		–	1/4			1/4	
29	С. Дубно, Дубенская Воля*, Любинская Воля**	Волокн		10,5/20 2/20*		–	–	–	–	–	
		Дымы		–		–	–	12/15	12/15	12/15	
		Бояре путные		–		–	–	2/30	2/30	2/30	
		Ручная мельница		–		–	–	1/12	1/12	1/12	
		Огороднкн		5/2		–	–	5/4	6/4, 2/6**	6/4, 3/4**	
		Ремесленнкн		10/2		–	–	–	–	–	
		Коморникн		–		–	–	–	2/2**	2/2*	
		Поп		–		–	–	1/60	1/60	1/60	
30	С. Волохн	Волокн		4,5/20		–	–	–	–	–	
		Огороднкн		4/4, 2/2		–	–	–	–	–	
		Ремесленнкн		5/2		–	–	–	–	–	
31	Местечко Вижва	Рыночные дома		12/4		7/6	7/6	7/6	7/6	7/6	7,2
		Уличные дома		50/2		39/4	39/4	39/4	39/4	39/4	
		Убогие халупы		7/1		7/2	7/2	7/2	7/2	7/2	
		Ремесленникн		8/4		3/15	3/15	3/15	3/4 [15?]	3/15	4
		Перекупни	II	–		3/15	3/15	3/15	3/15	3/15	
		Коморникн н гультан*		5/4, 7/12*		5/6	5/6	5/6	5/6	5/6	
		Волокн		23/20		19,5/30	19,5/30	19,5/30	19,5/30	19,5/30	19,15
		Огороды		13/1		–	–	–	–	–	–

Продолжение табл.

№	Год / имение	Вид налога / кол-во/гр. за 1	1569/70	1576	1577/8	1578/9	1579	1581	1582	1583	1589
32	С. Воля Вижовская	Волокн		16,5/20		–	–			–	
33	С. Старая Вижва	Волокн		25,5/20		21/30	21,5/30			21,5/30	
		Ремесленники		9/2		3/4	3/4			3/4	
		Огородники		2/4		–	5/4			5/4	
		Волокн подданные		1,5/10		–	–			–	
34	С. Шанно	Волокн		43/20		27,5/30	25,5/30			25,5/30	
		Ремесленники		–		1/4	–			–	
		Бояре		–		–	2/30			2/30	
		Огородники		4/4		–	–			–	
35	С. Красная Воля	Волокн		7,5/20		5,5/30	5,5/30			5,5/30	
		Огородники		–		12/4	7/4			7/4	
36	С. Грядковичи	Огородники		5/2		–	–			–	
37	С. Тулчов	Волокн		24/20		17/30	17/30			17/30	
		Бояре		4/20		3/30	3/30			3/30	
		Ремесленники		–		2/4	2/4			2/4	
		Огородники		3/2		–	–			–	
38	С. Городище	Дымы, дворища*		4,5/20*		10/15	10/15	Волокн 69,5/30 Дымы 141/15 Ремесленники 14/4 Бояре путные 5/30 Огородники 20/4	Волокн 99,5/30 Дымы 148/15 Ремесленники 17/4 Бояре путные 5/30 Огородники 23/4	10/15	
		Ремесленники	III	3/4, 2/2		1/4	1/4			1/4	
		Огородники		3/4, 2/2, 2/4		7/4	2/4			2/4	
39	С. Секунь, Шушки*	Дымы, дворища**		4,5/10**; 2,5/10*(**)		14/15	14/15			14/15	
		Ремесленники		–		1/4	1/4			1/4	
		Огородники		5/4		–	–			–	
40	С. Хотешов	Дымы, дворища*		19/20*		24/15	24/15			24/15	
		Ремесленники		–		–	2/4			2/4	
		Огородники		10/4, 9/2		–	–			–	
41	С. Мостища, Боркн*	Дымы, дворища**		2,5/20*(**) 4/20**		10/15	10/15			10/15	
		Ремесленники		–		3/4	1/4			1/4	
		Огородники		3/4, 3/2		–	–			–	
42	С. Нюйно	Дымы, дворища*		14/20*		26/15	26/15			26/15	
		Ремесленники		–		1/4	1/4			1/4	
43	С. Смедынь, Юшинская Воля*	Дымы		–		57/15	7/15*			57/15, 7/15*	
		Ремесленники		–		3/4	3/4*			3/4, 3/4*	
		Огородники		–		6/4	3/4*			6/4, 3/4*	

44	Попы Ковеля		–	–	15/60	13/60	6/60	13/60	14/60	6/60	
45	Попы волости Ковельской		–	–			8/60			8/60	
46	Мельничные колеса Ковеля		6/24	16/24	19/24	9/24	4/24	15/24	15/24	15/24	
47	Мельничные колеса волости Ковельской		3/24				11/24				
48	Фолюшевые колеса		2/12	–		1/15	2/15	2/12	2/12	2/15	
49	Ветряные мельницы			2/10	3/10	–	–	–	–	–	
50	Ручные мельничные колеса			10/12	9/12	9/12	12/12	12/12	12/12	12/12	
51	Рудниковые мельничные колеса		–	–	–	–	2/60	–	2/60	2/60	
52	Рудниковый товарищ		–	–	–	–	1/12	–	1/12	1/12	
53	С. Осмиговичи, Ловица*, Сенявка**	Дворища оседлые	–	14,5/20	–	–	–	–	–	–	–
		Огородники	–	8/2	–	–	–	–	–	–	
		Огородники*	–	8/4	–	–	–	–	–	–	
		Бояре	–	2/20	–	–	–	–	–	–	
		Дворища**	–	2/20	–	–	–	–	–	–	
		Огородники**	–	4/4, 2/2, 3/4	–	–	–	–	–	–	
54	С. Добратин, Брухово*	Дворища	–	–	–	–	–	–	27/30	23/30, 4/30	–
		Огородники	–	–	–	–	–	–	18/6	10/6*	
		Коморники	–	–	–	–	–	–	2/6	2/6	
		Ремесленники	–	–	–	–	–	–	6/4	6/4	
		Мельничные колеса	–	–	–	–	–	–	6/24	6/24	
		Поп	–	–	–	–	–	–	1/60	1/60	
Всего зл., гр. (суммарии реестров)			497,20	479,8	343,9	499,23	492,4	521,6	560,29	571,20	171,7
Всего зл., гр. (постатейный подсчет)			500,28	476,29	346,23	498,18	493,28	511,15	603,28	545,21	170,10
Чоп зл.			–	100	150	150	–	–	–	–	160
Ковельские евреи зл.			–	40	45	45	–	–		–	–

Пояснения. Названия населенных пунктов в реестрах разных лет содержат расхождения, в таблице они унифицированы. Звездочками (*, **) обозначены статьи выплат, относящиеся только к одному населенному пункту из указанных в строке, или суммы выплат, относящиеся только к одной статье из указанных в строке. Имения, относящиеся к округе Ковеля и «местечек», отделены от своих окружных центров и между собой пунктирной чертой. Суммы налоговых статей приведены везде в грошах, суммы в польских злотых переведены в суммы в грошах из расчета 1 злотый = 30 грошей, общие суммы сборов с волынских имений Курбского приведены в злотых, после запятой указано число грошей. Размеры земельных наделов указаны в волоках-ланах. Учитывая расхождения реестров в подсчете целых волок и половин, «пуланки» складываются и приплюсовываются к целым ланам. За 1589 г. сохранился лишь суммарий налоговых выплат, в таблице приведены его данные в злотых, после запятой указано число грошей. Пояснения к статьям выплат см. в *Словаре*.

Еще в 1568–1569 гг. князь Андрей Курбский в волынских и унитских актовых книгах иногда выступает в должности державцы и старосты кревского[455]. В этом статусе отношение собственности старосты к объекту своего управления не выражено, поскольку должность находилась целиком в королевской юрисдикции. В обеспечение 1 тыс. зл., подаренной королем на Бельском сейме 1564 г. или по другим причинам Курбский был номинальным хозяином и отстаивал порученные ему земли не как свое, а именно как королевское имущество в конфликтах с соседями. С другой стороны, за ковельскими привилеями Сигизмунда II Августа видна правовая авантюра — за год объем полномочий Курбского на это староство расширялся трижды, став к концу года почти неограниченным. Нет никаких следов налоговых выплат Курбского за период до Люблинского сейма. Судебное дело слуг князя и налоговых сборщиков 1568 г. оставляет по себе двойственное впечатление. Либо Курбского отпугивали, чтобы не вмешивался в отлаженную налоговую жизнь граждан Великого княжества Литовского, либо и правда шантажировали угрозой двойных выплат, видя в нем стремительно и полузаконно разбогатевшего переодетого московита.

Литовские владения кн. А. М. Курбского еще ждут своего исследования. Неясно, когда именно и по каким причинам они были пожалованы. Они были сосредоточены вокруг Криничина и накануне Люблинского сейма состояли из сел:

— Пошушевское войтовство:

с. Повешляны (23 вл.),

с. Ягейлишки (Якгеилишки) (18 и 4 вл. в застенке),

с. Поверсмы (18 вл.),

с. Поберли (25 и 26 вл. «лесу»),

с. Сонтовтово (20 и 2 вл. в застенке);

— Гольминское (Кгольминское) войтовство:

с. Довчишки (30 вл.),

с. Елкоданы (20 вл.),

с. Миняны (12 вл.);

— Илговское (Илкговское) войтовство:

с. Поедуии (11 вл.),

с. Кретишки (23 вл.).

Владения были расширены в июле 1568 г. за счет с. Пураны (21 вл.) в войтовстве Пурневском, с. Поверсманы (16 вл.) — в Повешвенском. Кроме того, король подтвердил «вечное» право князя на эти земли с правом наследования по мужской линии[456]. Надел Курбского в Великом княжестве Литовском находился рядом с Унитой и граничил с владениями других российских эмигрантов — Тетериных и Сарыхозиных. С 10 сентября 1567 по 16 сентября 1571 г. Курбский держал Биржанское войтовство в волости Унитской, оно было потеряно Курбскими только после его смерти из-за неуплаты налогов[457]. Два двора — Кены и Борклабы — принадлежали Курбскому также в Виленском повете[458].

Постановления Бельского сейма 1564 г. наделяли кн. А. М. Курбского правом держания Ковельского и Кревского старостств лишь «до воли и ласки» короля. По сути, этот статус не давал князю не только возможности распоряжаться имениями, «осаживать» на землю своих слуг и т. д., но не позволял ему и самостоятельно управлять и вести хозяйство. До февраля 1567 г. Курбский получал доходы от королевских и своих урядников в компенсацию денежного вознаграждения, вложенного в ряд военных кампаний[459]. Когда сумма была полностью закрыта с доходов Крево и Ковеля, Сигизмунд II Август должен был пересмотреть имущественное положение своего нового слуги-московита, и после челобитья и иска о потерях всего имущества Курбским в момент перехода на королевскую службу король смилостивился. Впрочем, гарантии прав на Ковель были получены лично от короля и не обеспечены согласием сейма. Никаких подобных постановлений в отношении Крево не известно, а следовательно, нельзя исключать, что свое держание в Крево Курбский потерял уже к началу 1567 г.

Когда Курбский боролся или только готовился бороться за свои владения на сейме, его слуга М. Богушевский отстаивал на Владимирском гродском уряде право представлять своего пана и законность его управления Ковелем. В руках Богушевского была копия привилея 26 января 1567 г., и его содержание он пересказал близко к тексту, заявив, что это королевское письмо с личной подписью и печатью короля (печать была, скорее всего, государственная Ве-

[455] КГВ-3. Арк. 3 зв. (14 января 1568 г.), 137 зв. (3 октября 1568 г.); КГВ-4. Арк. 288 зв. — 289 (29 ноября 1569 г.); КЗУ-1. L. 141–143v (13 октября 1569 г.). См. также *Итинерарий Курбского, 6 апреля 1569 г.*

[456] ЛМ-50. Л. 240 об. — 241 (Кышин, 27 июля 1568 г.). Об этих селах после смерти кн. А. М. Курбского см. главу «Потомки и Лже-Курбские».

[457] Размер войтовства на 1589 г. — 202 вл. 31 пр. 15 пр. Именне было получено Курбским «до жывота своего» См.: ЛМ-77. Л. 28 об. (Вильно, 20 июля 1589 г.). См. также главу «Потомки и Лже-Курбские».

[458] См. *Итинерарий Курбского 24–25 сентября 1571 г., 14 и 19 сентября 1582 г.*

[459] См. *Итинерарий Курбского Около 16–18 мая 1564 г., 11 ноября 1565 г.*

ликого княжества Литовского). Почерком Лаврина Войны было написано, что «его королевская милость имене Ковелское власностю своею господарскою, а княз Курнский толко на выховане з ласки его милости государское от его королевское милости держит, але вечностю то ест властност его милости господарская». И если ковельские подданные чинят несправедливость, то только король должен рассудить обиженного с Курбским, «никому иному, одно его милости господару розознавати належит, и для того абы князя Курнского самого, врадника, слуг, бояр и подданых его милости ковелских листы позовными земскими и сиродскими нигде до судуне новолокали, кривд, шкод, боев и грабежов никоторых не чинили и кгрунтов ковелских безправне не забирали»[460].

Впервые Курбский появился в Ковеле незадолго до 3 мая 1566 г. Как узнало посольство кн. Г. Мещерского, Ковель был «обещан» Курбскому вскоре после выезда на королевскую службу, но был «в закладе» у О. Лаского. К маю 1566 г. князь-эмигрант был допущен в замок, но споры о принадлежности пограничных владений не закончились. Конфликтов вокруг ковельских владений было так много[461], что Курбский добивается королевского постановления о том, чтобы все претензии к нему как держателю этих земель решались «судом господарским», которое вышло 26 января 1567 г. В акте специально отмечено, что Ковель «Курнский» получил от короля «на выхованье», «але не вечностью, бо то ест властъность наша господаръская»[462]. С одной стороны, этот пункт указывал на то, что у держателя нет права распоряжения имением. С другой — обосновывал его право на защиту в королевском суде. Как бы то ни было, трудно согласиться с И. Ауэрбах, когда она пишет со ссылкой на догадку Н. Д. Иванишева, что право на «вечное» владение Ковелем было у кн. А. М. Курбского уже с 1564 г., и комментирует данное право как вотчинное ("d. h. als Votčina (Erbgut)")[463]. Конечно, судебные приемы королевского инстигатора в мае 1590 г. были подчинены одной цели — лишить потомков князя всех прав на Ковель, и незыблемость «вечного» права не имела значения перед королевской волей. Однако сомнения в правомочности решений Сигизмунда II Августа по Ковелю возникли задолго до этих событий.

Милости сыпались на ковельского старосту в 1567 г., как из рога изобилия. За один год его права расширялись трижды. Королевским «привилеем» от 25 февраля было подтверждено право Курбского, его жены и детей «мужчизного рожаю» на замок Ковель с округой[464]. Дополнительным от 29 февраля — Ковель был закреплен за Курбским «вечъне»[465]. Затем 8 сентября его права были расширены: наследовать замок было разрешено жене и детям «женское плоти»[466]. Усилия московита, на первый взгляд, увенчались всемерным успехом. Однако, во-первых, как отмечала еще И. Ауэрбах, позднее сам кн. А. М. Курбский ссылался только на привилей от 25 февраля 1567 г., как будто не замечая более широких прав последующих пожалований[467]. Во-вторых, и, возможно, это объясняет сдержанное отношение князя к своим правам, как позднее стало ясно, расширение прав на Ковель было «Пирровой победой»: его право передавать королевское имение не только «по мечу», но и «по кудели» не было обеспечено наследниками, а их место в случае вступления князя в брак могли занять не только его общие с женой дети, но и — в случае женитьбы на вдове и особенно если общих с ней детей не было — ее дети от предшествующих браков, причем также как мужского, так и женского пола[468].

Имущественные награды посыпались на кн. А. М. Курбского в тот момент, когда готовились приглашения московским боярам на королевскую службу. Король и литовская рада надеялись на заговорщиков в Москве или пытались организовать этот заговор. Но миссия И. П. Козлова была раскрыта, сам Козлов казнен, а присланные в Москву письма попали в руки царя, и он сам, по всей видимости, продиктовал ответы Г. А. Ходкевичу и М. Ю. Радзивиллу от имени своих бояр. Одним из аргументов в пользу королевской службы было высокое, будто бы следующим после кн. К. К. Острожского, положение Курбского в литовской Раде[469]. Чтобы это утверждение не было голословным, Курбский

[460] КГВ-4. Арк. 18 зв. — 20 (20 января 1567 г.).

[461] См. *Итинерарий Курбского 3 мая 1566 г.*

[462] ЛМ-266. Л. 86 — 86 об., ниже в примечании цит. с л. 86 об.; публ. копии: ЖКЛВ. Т. 1. С. 6–9.

[463] Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 121.

[464] ЛМ-50. Л. 107 об. — 108; ЛМ-266. Л. 134 об. — 135 (Кнышин, 25 февраля 1567 г.); ЖКЛВ. Т. 1. С. 10–12.

[465] ЛМ-48. Л. 109 об. — 111, публ.: *Устрялов Н.* Сказания... СПб., 1868. С. 441–442.

[466] ЛМ-50. Л. 143 об. — 144, то же: Литовская Метрика. Кн. 51: (1566–1574): Užrašymų knyga 51. Vilnius, 2000. С. 86–87 (Кнышин, 8 сентября 1567 г.).

[467] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 121–122.

[468] Об этом подробно см. в главе «История одного развода».

[469] Об этом см. выше в разделе «Креатура Радзивиллов».

был окружен королевскими милостями, которые, как выяснилось год спустя на Люблинском сейме, не были законными и вызвали недовольство шляхты.

Подчиненная Ковельскому замку территория под управлением князя Андрея Курбского заметно выросла. 23 ноября 1567 г. к Ковельскому имению была присоединена спорная Смедынская волость с обязательством выплаты за нее 1 тыс. кон гр. кн. А. Ф. Чарторыйскому[470]. Договор о снятии взаимных претензий по этой сделке был заключен между Курбским и кн. М. А. Чарторыйским 1 июля 1577 г.[471] Как видно, до конца 1567 г. князь добился правовой стабильности своих имущественных позиций в королевских и литовских владениях. Однако это был фасад сложной расстановки сил. Сомнения относительно фактической законности прав кн. А. М. Курбского на свое феодальное имение возникают уже только в силу самой обширности привилегий. Право наследования королевского замка по женской линии от московского эмигранта в первом поколении было выдающимся примером в правовой практике эпохи. Более того, такой «фаворитизм» вызвал противодействие: уже на Люблинском сейме при обсуждении вопроса держания личных владений король столкнулся с сопротивлением шляхты.

Князю был предоставлен в управление один из самых «горячих» регионов Великого княжества Литовского. В июне 1568 г. на Гродненском сейме королю Сигизмунду II Августу поступил ряд петиций от коронных подданных с жалобами на волынян: «Над то обывателей Коруны Полское оселых, которие на границу у земли его волынского имеия свои и границы мають, менечи вы собе великие кривды, кгвалты, наезды, забраня кгрунтов и людеи отчизных и нечинене от них жадное справедливости бъете чолом королю его милости, абы его кролевская милость з звирхности своее господарское от такового утисненя боронити вас рачил»[472]. Королю пришлось перенести эти споры на объединенный сейм Короны и Литвы, который открылся через полгода в Люблине. Но до 1569 г. Курбский много раз бывал в напряженных отношениях с соседями — с поляками, литвинами, евреями. Непосредственно в канун Люблинского сейма обостряются конфликты, в частности с кн. Л. А. Сангушко и кн. А. Ф. Чарторыйским, и пока князь перед шляхтой и королем отстаивает свои права, его урядники доказывают Владимирскому гродскому суду, что их пан – под защитой короля и не может быть осужден заочно.

В сентябре 1568 г. слуги Курбского Гришко Клечковский и Шиман Межинский жаловались во Владимирском уряде, что еще на Гродненском сейме дважды относили сборщикам Владимирского повета деньги подымного налога с имений князя. Их усилия были тщетными. У других плательщиков брали, у них — нет. Один раз слуги хотели отдать сборщику князю Д. Козеке деньги в присутствие возного Х. Чувата Туличевского в его имениях Замличах. Князь Дмитрий не взял и отговорился тем, что «вже роки отданю того податку проминули, просто, деи, без совитости брати не буду, але, деи, нехаи князь ваш пришлет з совитостью, тогды, деи, я озьму». Неужели Козека так жестоко пошутил? Вряд ли Курбский начинал свою старостинскую деятельность со злостного укрывательства налогов. Впрочем, поздней осенью жалоба переросла в скандал: Курбский заплатил в два раза меньше суммы, установленной Гродненским сеймом, а не уплатив полной суммы, должен был, согласно нормам Литовского Статута, заплатить «совито» (вдвойне)[473]. К маю 1569 г. уплачен налог не был. Князь еще находился на военной службе, когда к сборщикам налогов («поборцам») кн. Д. А. Козеке и И. Гулевичу приехали его слуги Яцко Осовецкий и Григорий Станиславович и привезли реестры, составление которых было утверждено на Гродненском сейме, и копию письма Г. А. Ходкевича, но те ни о чем и слушать не хотели и отчет не приняли[474].

На Люблинском сейме 1569 г. пожалования Сигизмундом II Августом князя Андрея Курбского служили шляхте примером юридического своеволия короля и вызвали противостояние, закончившееся полной утратой Курбским Крево, но сохранением феодальных прав на Ковель, впрочем, не столь широких, какими они сделались за год до того. Неприятным для князя Андрея Курбского фоном для постановлений по Ковелю на Люблинском сейме служил его конфликт с ковельскими евреями, к которому мы обратимся чуть позже. Прежде всего шляхта отстояла достигнутое на Гродненском сейме 1568 г. предписание Курбскому представлять подробный финансовый отчет со своего имения и своевременно выплачивать налоги. Сумма по долгам с Ковеля, указанная на суде коро-

[470] ЖКЛВ. Т. 1. С. 13–15.
[471] КЗВ-5. Арк. 39 — 40 зв.
[472] ЛМ-527. Л. 162 (арт. 5).
[473] КГВ-3. Арк. 132 зв. (23 сентября 1568 г.), 151–153 (22 ноября 1568 г.).
[474] КГВ-4. Арк. 84 — 84 зв. (3 мая 1569 г.).

левского инстигатора с нотомками князя Андрея Курбского и их опекунами в 1590 г., была астрономической, составив будто бы 100 тыс. зл. Это была цена всего староства, а ее произнесение означало только лишь неминуемую конфискацию староства в королевскую казну, а не объем реального долга[475].

По всей видимости, так и возникли реестры финансовой отчетности с Ковеля, собранные в единый свод в составе Налоговых книг фонда Архива королевской казны Главного архива древних актов в Варшаве. Рукопись вызвала научный интерес еще в конце XIX в., когда А. Яблоновский провел исследование реестров налоговых сборов Волыни второй половины XVI в. Из рукописного источника было выбрано три примера 1570, 1577/78 и 1583 гг., причем тексты всех трех реестров были полностью опубликованы автором. На их основе А. Яблоновский представил статистический образ Волыни того времени, ее территории, населенных пунктов, населения, землевладения, хозяйства, социального расслоения[476]. В последующих специальных работах, посвященных Курбскому и его окружению на Волыни, ни рукописный источник, ни публикации А. Яблоновского не использовались. Это заставляет нас еще раз поднять вопрос об освещении ковельских владений в налоговых отчетах. Всего известно 8 реестров ковельских имений Курбского и один реестр, составленный после его смерти. Каждый из них составлен шляхтичем, получившим на то полномочия постановлением «вального» сейма.

Еще один комплекс материалов, хронологически предшествующих и следующих за материалами Варшавской рукописи, находится в рукописи «Ковельские инвентари» киевского Центрального государственного исторического архива Украины[477]. Эти материалы относятся ко времени, когда Ковелем управляли другие старосты, но он содержит ценные сравнительные данные для изучения имущественного положения староства на период управления им кн. А. М. Курбским. Среди них – инвентарь 1556 г., три инвентаря и реестра за 1590 г. и один – за 1609 г. В общей сложности в нашем распоряжении сегодня 14 инвентарей, реестров и налоговых отчетов за Ковельские имения середины XVI – начала XVII в.:

1. За 1556 г. – инвентарь Ковельского имения[478];

2. За 1570 г. – Александром Журавницким по постановлению Люблинского сейма 1569 г.[479],

---

[475] См. в главе «Потомки и Лже-Курбские».

[476] *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. VIII. Ziemie ruskie. Wołyń i Podole. Warszawa, 1889.

[477] ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Ковельские инвентари 1556, 1590, 1606 и более поздние документы, относящиеся к Ковлю и ковельским имениям за XVI XVIII вв. Последний – судебная выпись с суда в Варшаве 2 июня 1788 г. Переплет поздний, конца XVIII – начала XIX в., картонный, корешок – коричневая кожа. На II1 + 235 + IV2 л., не считая непронумерованных листов. Поздняя карандашная фолиация. В овальной вклейке сверху на верхней крышке: "Inwentarz Opisanie starostwa Kowelskiego 1556–1700-e". В левом верхем углу бумажная бирка, на ней черными чернилами: «5935/1». В левом нижнем бумажная бирка Киевского архива с современным шифром. Корешок сверху оборван. В середине бумажная бирка, по ней желтая наклейка, в ней в круге из точек коричневыми чернилами: «К/КО.». Внизу бумажная бирка, оборвана и стерта. Рукопись – конволют, архивирующий финансовую отчетность по Ковелю кроме той, которая приходится на период деятельности кн. А. М. Курбского в качестве старосты ковельского. После интересующих нас реестров в сборнике приведены люстрации за 1767–1768 гг. Первоначально они имели свои фолиации и свои номера дел. Первая – люстрация с. Долгонос за 1767 г. – на л. 216–219с. Синим карандашом особая фолиация и сверху номер коричневыми чернилами: «41». На л. 219 об. справа у корешка красная восковая печать. Вторая – люстрация с. Борки за 1768 г. на л. 220–225с. Синим карандашом особая фолиация с номерами 1–8. И сверху номер коричневыми чернилами: «38». В конце конволюта приложены листы крупного формата с записями за 1770–1788 гг. Первая – за 1770 г. – на л. 226–227. С надписью черными чернилами "z Xięg Lit G" и номером: «61». Вторая – за 1783 г. – на л. 228. С надписью: "z Xięgi Lit O" и номером: «59». Третья за 1771 г. – на л. 229 230b "z Xięgi Lit G" и номером: «38». На л. 230 об. сверху справа красная восковая печать. Четвертая – за 1788 г. – на л. 231–233. Пятая – за 1788 г. – на л. 234–235 из той же подборки, что и предыдущий раздел, с такой же печатью. На л. 235 внизу справа красная восковая печать.

[478] "Popisanie poddanych y wszytkich dochodow starostwa Kowelskiego roku Pańskiego MDLVI" (ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 1 50b). Первоначальная фолиация коричневыми чернилами с номера 751–801. На л. 1 в левом верхнем коричневыми чернилами надписи: "Rok 1556", далее синяя печатная «К.8», далее теми же коричневыми чернилами: "z Xięg №654/4", номер выделен скобкой. Под печатной надписью наклейка с чернильной надписью: «60». На л. 1 об. по внешнему краю зачеркнуты пробы пера. Бумага особая. На л. 50а об. приложено 2 печати красного воска, одна с бумажными покрытием, вторая – без и наполовину утрачена.

[479] "Regestr sumarie zebrani poborow ziemie Wolinskiei s powiatow Luckiego, Wlodzimirskiego i Krzemienieczkiego przez Alexandra Zerawniczkiego klucznika i grodniczego lyczkiego, poborze theize ziemie Wolinskii, wibranich wedlie ufali Seimu Lubelskiego w roku panskim 1569 bendaczego ktore poczeto brać w roku panskim 1570 dnia febr. 3" (ASK-I. N 31. K. 202 и сл., 246–246v; *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 3 и сл., 24)).

налоги с сел учтены в данном реестре: I) с Ковеля, II) обобщенно с Миляновичей и Вижвы и III) обобщенно со всей волости Ковеля и обоих «местечек»;

3. За 1576 г. — князем Дмитром Козекой по постановлению Люблинского сейма 1569 г. (чоновый сбор в 100 зл. и налог с ковельских евреев — 100 зл.)[480];

4. За 1577/1578 г. — Федором Рудецким, видимо, по постановлению сейма конца 1576 г.[481]; налоги учтены с Ковеля и обобщенно со всех остальных прилегающих имений (чоновый сбор в 150 злотых и налог с ковельских евреев — 45 злотых);

5. За 1578/9 г. — Василием Красенским по постановлению Варшавского сейма 1578 г.[482];

6. За 1579 г. — Федором Загоровским по постановлению Варшавского сейма 1579 г.[483];

7. За 1581 г. — Михаилом Линевским по постановлению Варшавского сейма начала 1581 г., налоги учтены с Ковеля, Миляновичей и Вижвы и обобщенно с каждой из его волостей[484];

8. За 1582 г. — Михаилом Линевским, видимо, по постановлению Варшавского сейма конца 1582 г.[485], налоги учтены с Ковеля, Миляновичей и Вижвы и обобщенно с каждой из его волостей;

9. За 1583 г. — Иваном Хренницким, видимо, так же как и предыдущий реестр, по постановлению сейма конца 1582 г.[486]; в таблице не учтен чоновый сбор в 160 злотых;

10. Реестр за 1589 г. использован нами по публикации А. Яблоновского. Показатели этого реестра в разделе, касающемся ковельских имений, идентичны данным 1583 г.;

11. Инвентарь Ковельского староства Щастного Дремлика от 16 июня 1590 г. (на русско-рутенском языке)[487];

12. Инвентарь от 16 июня 1590 г. (польская копия того же текста, что и № 11)[488];

13. Инвентарь доходов Ковельского староства Марцина Страдомского и Каспара Щепановского от 26 октября 1590 г.[489];

14. Инвентарь 1609 г. (по-польски)[490].

---

[480] «Реестр бранья побору короля его милости водле уставы в Люблине на сойме прошлом постановленое в року Божом 1569, который и теперь постановен выбирать на корунацыи его кролевское милости в Кракове року Божего 1500 семъдесят шостого выбиране того побору з ыменей его милости князя Анъдрея Михайловича Курпского Ярославского з места Ковля и волости Ковелской року Божего 1500 семдесят шостого, который отдан до поборцы его кролевское милости князю Дмитру Козице в повете Володимерском водле реестру того» (ASK-I. N 31. K. 429 и сл.). Этот реестр подробно описан и опубликован здесь в *Приложении VIII*.

[481] "Sumariusz z regestrow recognicey vibranego poboru ktori sye poczał bracz w roku 1577 a dobrał sye w roku 1578 w woyevodstwye Volinskym przess urodzonego Chvyedora Rudzeczkiego yesth vibrani y do skarbu coronnego oddani" (ASK-I. N 31. K. 326 и сл., 349–349v, 365v; *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 37, 64). Сохранилась также латинская версия реестра Ф. Рудецкого (ASK-I. N 64. K. 90 и сл., 97v).

[482] "Regestr poboru na seimie walnem Warszawskiem ufalonego z woiewodstwa Wolynskiego przesz mię Waszila Krasienskiego s k im poborcze woiewodstwa Wolynskiego za rok 1578 wybranego" (ASK-I. N 31. K. 366 и сл., 401v–403).

[483] «Реестр выбирання побору его королевское милостн на сойме прошлом у Варшаве в року теперешнем тисеча пятсот семьдесят девятом уфаленого через его милость пана Федора Загоровского поборцу и ротмистра его королевское милости воеводъства Волынъского» (ASK-I. N 31. K. 57v и сл., 86–88v).

[484] "Regestr wybrania poboru iego k m na seymie walnym Warszawskim niedawno przeszłym uchwalionego przez mię Michała Liniewskiego poborcę woiewodstwa Wołynskiego w roku 81 w powiecie Włodzimirskim wybranego" (ASK- I. N 31. K. 553 и сл., 555–555v, 558).

[485] "Regestr wybrania poboru Jego Kr Mczi przez mię Michała Liniewskiego poborcę woyewodstwa Wołynskiego s powiatu Włodzimirzskiego w roku teraz ydacym 1580 wtorym" (ASK-I. N 31. K. 499 и сл., 503–503v, 525, 536)

[486] "Regestr wybrania poboru iego krol mczy przesz mię Iwana Chrenniczkiego podsedka ziemskiego Luczkiego z woiewodstwa Wolynskiego w roku 1583" (ASK-I. N 31. K. 566 и сл., 583v–584, 636–638; *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 79 и сл., 120, 154).

[487] "Инвентар замку короля его милости Ковельского дня 16 июня року 1590 учиненый" (ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 52–73. Первоначальная фолиация чернымн чернилами с номера 335–356. На л. 52 слева вверху: "Ex. Lit. 652 ex A-o 1551/1700". Титульная страница на л. 52 по-польски. Далее на рутенском. Бумага в ряде мест реставрирована. На л. 73 сверху на бумажном отгибе 3 современных рукописи печати).

[488] "Inwentarz zamku K. Je-o M-ci Kowelskiego dnia szesnastego miesiąca czyrwca roku tysiąc pięć set dziewiędzięsiąt uczyniony" (ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 74–93b. Первоначальная фолиация продолжается с предыдущего раздела с номера 357).

[489] "Inwentarz dochodow y pozitkow wssistkich starostwa Kowelszkiego przess rewizory od K. J. M-czi na to zeslane Pana Marczina Stradomszkiego Sekretarza J. K. M-czi y pana Caspra Sczepanowszkiego pissarza skarbowego spissany y wcziniony die 26 octobris A-o Dm 1590" (ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 94–195. Далее 3 непронумерованных листа. Первоначальная фолиация с номера 309 — и до 412 (не охватывает последний лист раздела). На л. 94 в левом верхнем углу: "z Xięg № 654/3" и ниже наклейка с номером «50». Л. 95 — вкладка 1724 г.).

[490] "Inwentarz Kowelskie-o star-a Anni 1609 odbierania od potomkow niegdy wwielmożne-o pana Andrzeja Fierleia z Dambrowice, castellana radomskiego, a oddawania wielmożnemu je-o m-ci panu Sczesnemu Kriskiemu, podkanclerzemu koron- zakroczymskiemu y staroscie przes urodzonych Hieronima Knurskie-o y Jana Bialobrzeskie-o sługi Skarbu Koronnnego" (ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4.

Уже А. Яблоновский обратил внимание на хорошо упорядоченную последовательность реестров. Их данные поддаются формализации и статистической обработке, хотя требуют источниковедческого анализа, сопоставления с событиями жизни Курбского. Нас они здесь будут интересовать именно как показатели, отражающие его имущественный статус. Все сведения об имениях кн. А. М. Курбского из доступных нам реестров были помещены в таблицу. Прежде чем мы проанализируем эти данные, чтобы представить общую картину развития имущественного статуса и материального благополучия князя Андрея в Речи Посполитой, отметим, что в сохранившихся до наших дней актовых книгах волынских местных судов реестры имений кн. Андрея Курбского неоднократно упоминаются, и эти упоминания показывают, что князь не всегда соглашался с налоговыми предписаниями и протестовал в судебном порядке по конкретным цифрам, как было в Луцке в октябре 1577 г. Кроме того, организация налоговых сборов на Волыни со всеми ее недостатками и возможными уловками налогоплательщиков хорошо видна по жалобе князя в декабре 1578 г. Его слуга Яцко (Яков) Осовецкий тогда представил для записи во Владимирском уряде заявление, что он разыскивает по всему городу и не может найти ни «поборцу» королевского секретаря В. Красенского, ни его заместителя Максима Лудовича. При этом Яков показал заместителю подстаростия владимирского Василия Павловича на уряде, Якиму Стрывяжскому, «реестр выбраня побору з ыменеи его милости князя Курского ковелских и пенези при том реестре»[491]. Это был, по-видимому, тот самый текст, который лег в основу реестра Красенского в Архиве королевской казны.

Суммарные налоговые выплаты Курбского с волынских имений меняются незначительно. В 1570 г. они составляют 497 зл. 20 гр., в 1576 — 479 зл. 28 гр. (не считая 100 зл. чоновых и 100 зл. с евреев), в 1577 — 347 зл. 20 гр. (не считая 80 зл. чоновых и 45 зл. с евреев)[492], в 1578 — 498 зл. 27 гр. (не считая 45 зл. с евреев), в 1579 — 499 зл. 23 гр., 1581 — 521 зл. 5 гр., 1582 — 571 зл. 26 гр., 1583 — 532 зл. 22 гр. (в последних трех случаях учтены обособившиеся имения Кирилла Зубцовского). Самая значительная цифра может быть встречена в осеннем инвентаре 1590 г., уже под управлением А. Фирлея: 1471 кона 48 гр. 1,5 пн. (или 3679 зл. 15 гр. 3 пн.). Вряд ли перед нами два принципиально разных способа подсчета доходности при кн. А. М. Курбском, с одной стороны, и при Анджее Фирлее — с другой. Хозяйство росло уже при князе Андрее Михайловиче. Рост продолжился и после смерти князя, при его наследниках, и при новом старосте, но росло и налоговое бремя. Кроме того, необходимо учитывать помету на инвентаре 1590 г. о том, что итоговая сумма не достигнута из-за плохого урожая, опустошения от военного постоя, бедности подданных и засухи (отметки о недоплатах из-за «недостатка и убожества» встречаются и в других местах инвентаря)[493]. Насколько имеющаяся цифра условна — прямо так нигде и не сказано. Но, возможно, она близка к тому, как выглядел общий доход от Ковельских имений при кн. А. М. Курбском, и в таком случае можно предположить, что отчисления в королевскую казну с имения приближались к 30%[494].

Нуждается в истолковании еще одна особенность показателей — сокращение размеров облагаемого налогом имущества к концу управления кн. А. М. Курбского. Например, число рыночных домов в Ковеле в 1556 г. отдельно не подсчитывалось[495], а в последующие годы оно выросло с 14 в 1570 г. до 19 в 1576 г., достигло 31 в 1578 г. и упало до 11 в 1579–1583 гг.; уличных домов там же было 330 в 1556 г., 382 в 1570 г., 302 в 1576 г., 215 в 1578 г. и 86 в 1579–1583 гг. Сходные тенденции наблюдаются в миляновических и вижевских имениях Курбского. Рост налогов в военные годы, возможно, вызван экстраординарными сборами. Не случайно в реестре 1576 г. отмечено, что он составлен по постановлению Люблинского сейма 1569 г. Решение вернуться к постановлениям того времени, собрать дополнительный налог и объявить всеобщую мобилизацию («посполитое рушенье») продиктованы подготовкой к защите Великого княжества Литовского от московских войск[496].

Снижение размеров имущества скорее связано с повышением налоговой ставки, чем

Арк. 195а–215b. Первоначально с номера 377–396. На л. 215 об. вверху после текста на вырезке 4 печатн).

[491] КГВ-11. Арк. 277 зв. (5 декабря 1578 г.).

[492] Эти цифры расходятся с той суммой, которую ждал в Луцке от Курбского Ф. Рудецкий в октябре 1577 г. По словам поборцы, князь должен был заплатить со своих имений 420 зл. Однако Курбский с этой оценкой не соглашался, что мы обсудим здесь ниже. См.: КГЛ-17. Арк. 709 — 709 зв. (18 октября 1577 г.).

[493] ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 163.

[494] Там само. Арк. 195.

[495] В их число могут входить первые 95 выплат в инвентаре, до раздела "Ulica Pothrecka". Начало инвентаря никаким подразделом не маркировано, но, по всей видимости, речь идет о центре города, включая рынок. См.: ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 3 — 5 зв.

[496] BJ-1000. K. 19v–20 (Стефан Баторий — К. Радзивиллу Перуну. Варшава, 6 июля 1576 г.).

с динамикой хозяйства. Общие выплаты с имений увеличиваются незначительно. Изменение всех показателей показывает обратную корреляцию с повышением налогов. Сеймы конца 1576 и начала 1578 г. повысили налоги в связи с подготовкой военной кампании против Москвы. Курбский получил увольнение от налогового бремени, но должен был выступить на войну. В реестре 1576 г. боярские села Клевецк и Долгоносы отнесены к Мощенскому войтовству, т. е. к землям ковельской, а не миляновической округи. В реестре за 1581 г. указаны не все села, и сводные суммы оказываются ниже, чем в 1582 г., когда был составлен сходный реестр. В 1581 г. в реестр не внесены выплаты с сел Колодница, Хотешов, Мостища, Борки, Нюйно, Смедынь и Юшенская Воля.

Встречаются в реестрах случайные ошибки или описки, а также, видимо, сглаженные массивом цифр заведомо ложные данные. Проверить точность позволяют суммарные подсчеты, которые приводятся после раздела ведомости или напротив него на поле. В последний год жизни Курбского с сел Скулина и Стеблей был взыскан налог лишь с 4,5 ланов земли. Об этом свидетельствует то, что именное это число соответствует окончательной сумме налога с этих имений. Причина резкого снижения площади по сравнению с предыдущими годами, скорее всего, лишь в том, что при подготовке реестра сел была пропущена «2» в цифре «24,5», что не было замечено при составлении окончательной ведомости. Нечто похожее можно заподозрить в сумме налога с вижевских ремесленников в 1582 г. На них почему-то только в том году распространилось налоговое послабление, сравнявшее их выплаты с выплатами сельских ремесленников. Видимо, это «послабление» стало результатом не ошибки, а манипуляции цифрами.

Какие факторы сказались на размерах выплат Ковельских имений? Как отмечал А. Яблоновский, столкнувшись с похожими тенденциями в реестрах имений К.К. Острожского 1569 и 1589 гг., снижение показателей было не только результатом хозяйственных проблем, татарских набегов и т.п., но и манипуляции в подсчетах[497]. Необходимо задаться сходным вопросом применительно к Ковельским имениям: чем объясняется падение показателей в числе налогооблагаемых объектов?

Прежде всего обратимся к административным центрам. Замок Ковель после обмена землями между королевой и Сангушками, произведенного 4 и 10 марта 1543 г., перешел в управление матери Сигизмунда II Августа королевы Боны. Разграничение между Речицей князей Сангушко Кошерских и Хотешовом Ковельских, а также Мезово первых и Секунью, Гридковичами, Шушками, Городищами, Шаино вторых утверждено королевскими привилеями 29 декабря 1539 и 26 октября 1553 г.[498] Границы между владениями князей Сангушко и Курбского не были окончательно урегулированы. За несколько дней до смерти Курбский взялся за разграничение между своими селами Нюйно и Мостища, владениями кн. Г.Л. Сангушко Кошерского Олбель и Камень и владениями А. Романовского Олбель и Раков Лес[499]. Решить этот вопрос старосте из Российского царства так и не удалось.

Королева получила замок в свою собственность, назначила своего старосту и раздала земли своим феодальным держателям. Старостой ковельским тогда стал Богдан Михайлович Семашко (в будущем — дядя третьей жены Курбского)[500]. После отъезда Боны в Италию в 1556 г. Ковель вернулся в королевскую казну, именно это событие привело к составлению первого известного инвентаря из Киевского архива[501]. Ко-

[497] *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... S. 18.

[498] КГВ-4. Арк. 25 об. — 27 об. Против Курбского выступал Михайло Ласко, отказываясь от службы ковельскому старосте. Суду он показывал пергаменный привилей, подтверждающий передачу Ковеля кн. В.М. Сангушко королеве Боне и договор Сангушко с отцом Михайло — Невко Ласковичем с дарственной на имение в Секуни и Сушках на 200 коп гр. Затем Бона аннулировала этот договор и дала Ласковичам их имение «на вечные часы» с правом службы под волынской хоруговью Владимирского повета (а не за Ковель). Ковельский староста не имел права вмешиваться в дела Секуни и Сушек. В 1538 г. свое имение Ласкович кн. В.М. Сангушко продал за 500 коп гр. Королевский инстигатор, поддерживая Курбского, указывал, что в грамоте Боны операция представлена как «мена», но при этом «замена» ковельским имениям не была названа, причем королева даже на «мену» не имела права в королевском имении. См.: ЛМ-266. Л. 136 об. — 140 (Кнышин, 26 февраля 1567 г.).

[499] ЛМ-267. Л. 271 — 272 об. (Люблин, 14 августа 1569 г.); *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 208.

[500] *Kamieński A.* Kariera rodu Siemaszków w XV–XVII wieku // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica. Poznań, 1989. T. 3. S. 189.

[501] Еще до Курбского юридический статус владений ковельского боярства был под вопросом. Королева Бона раздавала здесь держания до своей «воли и ласки». Уже после смерти королевы боярин Миско Романович держал 3 лана в с. Озернице, 1,5 лана в с. Облапы и медовый сбор (3 липичны), «а плату и службы никоторое з них не было». Боярин представил привилей королевы, но Сигизмунд II не утвердил его, ссылаясь на то, что его мать не имела права выдывать таких документов. Король меняет формулировку в подтверждении на пожалование, заменяя ее своей «волей и лаской» и предписывая боя-

роль отдавал замок и прилегающие к нему владения в управление то одним, то другим старостам. В сентябре 1560 г. Сигизмунд II просил каштеляна радомского, охмистра королевы Габриэля Тарло настоять, чтобы Франц Фальчевский и его жена освободили как ковельские имения, так и сам замок, где оставалась жена Фальчевского[502]. Документы на передачу владений в держание Тарло были уже готовы, и король настаивал, чтобы прежние держатели не мешкали[503]. Незадолго до вступления Курбского во владение Ковель был уже в закладе у Ольбрахта Лаского. Фактическим управляющим Ковеля и относящихся к нему местечек и сел князь Андрей стал по королевскому «листу» к Василю Загоровскому от 1565 г.[504]

Налог с ковельских жилых строений («шос») составил в 1570 г. 49 зл. 10 гр. и в два раза сократился в реестре 1576 г. — до 23 зл. 25 гр. С 1578 г. «шос» не менялся и составлял 44 зл. 4 гр., что приблизило его к показателю 1570 г. Ремесленники, золотари, коморники, евреи и мелкие торговцы платили в 1570 г. 48 зл. 9 гр., в 1576 — 15 зл. 15 гр., а в 1578–1589 гг. стабильную сумму — 37 зл. 27 гр.[505] Ведомость за 1579 г. является исключением: в ней в 2 раза сокращено число ремесленников и с 1 зл. до 8 гр. снижен налог с золотарей. В инвентаре доходов октября 1590 г. все виды доходов с Ковеля сведены воедино и составляют 300 кон 40 гр. 8 с половиной пн.[506] Впрочем, мы так и не знаем, отражает ли инвентарь осени 1590 г. выплаты или это лишь предварительная ведомость.

Динамика в развитии хозяйства местечка Миляновичи может быть прослежена лишь с 1576 г. В реестре 1570 г. приведены сводные данные по Миляновичам и Вижве, и они почти не расходятся с суммарными данными двух «местечек» следующего реестра: «шос» 1570 г. — 9 зл. 18 гр., 1576 г. — 9 зл. 23 гр.; земельный налог 1570 г. — 37 зл. 10 гр., 1576 г. — 34 зл. 20 гр.; с ремесла и комор в 1570 г. 3 зл. 10 гр., в 1576 г. — 8 зл. 20 гр. Значительных разночтений в сумме выплат с Миляновичей за 1578–1589 гг. не обнаруживается. Из года в год, не считая проблемного 1579 г., «шосы» составляют здесь 6 зл. 10 гр., земельный налог 18 зл., налог с ремесла и комор 1 зл. 27 гр.[507] В Миляновичах был создан «литературный кружок» Курбского, занимавшийся переводами и истолкованием святоотеческих текстов. В инвентаре 1590 г., уже после княгини-вдовы Александры Курбской, здесь описан «зверинец» с оленями, пчелами, свиньями и павами. Город динамично менялся при прямом участии Курбского и его урядников. Сохранившаяся актовая книга Миляновичей начиная с 1586 г. (при старосте Миколае Хранлинском и войте Яне (Иване) Мошнинском) фиксирует множество сделок, корнями уходящих в период жизни, как говорили на суде, «пана нашого отчизного Курского». Он сам перекупал и продавал «пляцы» и «волоки». Так, вдова Саца-грабара в марте 1586 г. отстаивала свое право на полволоки, ссылаясь на пожалование князя Андрея Курбского «от колконадцати лят» (т.е. более 10 лет назад), которого называет «паном нашим отчизным»[508]. В тот же день на уряде еще и Грицко Мацкович доказывал свое право на дворище, купленное 14 лет назад (т.е. около 1572 г.) у Курбского («князя пана нашого») за 1 копу гр.[509] Ряд сделок, заключенных при личном участии князя, упоминается в книге в подтверждение права на имения[510].

рину служить Ковельскому замку по приказу старосты. См.: ЛМ-38. Л. 171 об. — 172 (Красный Став, 25 августа 1558 г.).

[502] Фальчевские держали эти земли благодаря поддержке королевы Боны, однако и королева зависела от епископа луцкого. Часть ковельских имений, согласно последующим жалобам Викторина Вербицкого, была получена королевой Боной в аренду у епископа Юрия Фальчевского. См. *Итинерарий Курбского 21 февраля 1578 г.* См. также следующее примечание.

[503] HBA. B1. Kasten 315. №795. F. 1–2v (Сигизмунд II Август — Габриэлю Тарло. Ораны, 14 сентября 1560 г. Оригинал наша, условная). Это письмо передал герцогу Альбрехту Бранденбургскому, видимо, сам Габриэль Тарло, корреспондент и друг герцога, в доказательство полученного им права на управление Ковелем.

[504] Именно на этот, ныне неизвестный акт, ссылаются на судах представители Курбского вплоть до последних дней его жизни. См.: КГВ-16. Арк. 45 — 45 зв. (14 марта 1583 г.).

[505] *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 154.

[506] ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 143 зв.

[507] *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 154.

[508] КММл-1. Арк. 17 зв. (17 марта 1586 г.). Сац упоминается в Реестре 1576 г. вторым на ул. «Ку Греблн». См. *Приложение VIII, л. 450, 453.*

[509] КММл-1. Арк. 17 зв. 18 (17 марта 1586 г.). Грицко Мацкович в 1576 г. проживал в Миляновичах на «Другой стороне». См. *Приложение VIII, л. 450 об., 453 об.*

[510] КММл-1. Арк. 21 — 21 зв. (Игнат Болобан и Омельян Гуд Мартинович о полученни «пляца з будованем» от кн. А.М. Курбского (до 28 марта 1569 г.). Акт от 18 марта 1586 г.), 22 — 22 зв. (Михно Горошкович отстаивает право на волоку. От 24 марта 1586 г.), 26 — 26 зв. (Михно Горошкович и др. о «трех пляцах» на Миляновицком рынке, 17 ноября 1586 г.) и др. См. также *Итинерарий Курбского 15 сентября 1579 г.* Омельян Мартинович проживал в 1576 г. в Миляновичах на ул. Окольной. Михно — возможно, родич Лазко Хорошковича (Хорошчича) с той же ул. Окольной. См. *Приложение VIII, л. 450 об. — 451, 453 об.*

Третье по порядку реестров «местечко» Курбского Вижва. С нее в 1578 -1589 гг. в казну поступало 7 зл. 2 гр. «шосов», 19 зл. 15 гр. земельного налога и 4 зл. с «коморников» и торговцев[511]. Вижва, Порыдубы и Годевичи граничили с Видютами кн. А. И. Вишневецкого. 13 июня 1544 г. маршалок волынский и староста владимирский Федор Вишневецкий и староста ковельский управляющий Боны в Вижве и Видютах договорились о границе между имениями по р. Вижве. Предметом борьбы позднее стал пограничный Остров Жичин.

Еще одно спорное имение Сомин, к западу от Миляновичей за Островом Жичиным, принадлежало Мацеевским. 1 июля 1517 г. Богдан Ильвович Боговитинович продал это имение за 450 кон гр. кн. Василию Михайловичу Сангушковичу Ковельскому. Богдан получил его от своего отца, который выменял его у пана Русина. Описание имения позволяет представить богатый край — сеножати, леса, строения, озера, реки, пруды, мельницы, бобровые гоны, охотничьи угодья[512]. Уже в первые годы жизни Курбского в Ковеле разгорался его конфликт за Сомин. За ущерб, нанесенный порыдубским подданным Курбского, согласно его договору с Каспаром Мацеевским, заключенному в Варшаве 20 июня 1570 г., Мацеевские обязывались заплатить 1500 золотых и вернуть все украденные вещи. В случае неуплаты князь получил право вступить в любое их именье и получить с него доход в размере штрафа. Отказ от уплаты штрафа повлек расследование в апреле 1571 г. и ультиматум со стороны Курбского под угрозой вступления в Сомин[513]. Станислав Мацеевский заложил имение Курбскому 21 мая 1571 г.[514] Противником усиления Курбского на границах с Мацеевскими был кн. А. И. Вишневецкий, который претендовал на контроль за Островом Жичиным и перекупил себе имение Сомин, заставив Мацеевских расплатиться предварительно с Курбским по закладам в этом имении[515]. Противостояние накалилось в период бескоролевий. В 1573–1575 гг. между подданными стросты ковельского и каштеляна волынского состоялось несколько боевых стычек. Спор за Сомин продолжался осенью 1573 г. на Холмском гродском уряде и рассматривался на королевском суде Стефана Батория в 1576 г.[516] В 1578 г. с Сомина платит налоги кн. А. И. Вишневецкий[517].

Католический епископ луцкий и брестский Викторин Вербицкий выступил в 1578 г. против Курбского, обвинив его в несоблюдении прав католической церкви, у которой в лице ее епископа Юрия Фальчевского королева Бона приобрела Скулин, Белин, Стебли, Колодежно, Красную Волю, Колодницу, Млынскую Волю[518]. Села Смедынь и Юшинская Воля еще в 1570 г. находились в держании воеводы волынского кн. А. Ф. Чарторыйского. Смедынь была передана в феодальное владение Курбскому королевским пожалованием от 23 ноября 1567 г., однако с обязательством выкупа за 1 тыс. кон гр. Фактическим владельцем данного имения оставался Чарторыйский. В реестре 1570 г. указано, что выплату осуществил именно он: «Князь воевода волынский с имения своего Смедыни с дымов 169, огородников 31 по гр. 2, ремесленников 2 по гр. 2, мельничных колес 4»[519].

Эти показатели заметно отличаются от тех налогов, которые Курбский вносил в казну с 1578 по 1583 г., однако трехкратное сокращение в числе «дымов» и «огородников» отвечает тенденции резкого сокращения прочих показателей в реестрах 1577 и 1578 гг. Еще одна корреляция между показателями и событиями в имениях Курбского заставляет также усомниться в цифрах финансовой отчетности. Слуги ковельского старосты неоднократно задерживали выплаты в королевскую казну и даже присваивали себе часть средств, предназначенных для расчета с «поборцами». Что можно узнать из Реестра 1576 г. и финансовой активности слуг князя Андрея Курбского?

Староста ковельский явился в свои имения не один, а в окружении слуг, которые сопровождали его еще на пути из Юрьева в Вольмар и Вильно в апреле–мае 1564 г. Клиентела князя — его свита, боевые слуги, шляхетные слуги «рукодай-

[511] *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 154.

[512] BCz. TN. N 37. S. 339–340 (N 66). Транслитерация-перевод на польский с рутенского оригинала, составленный 15 августа 1782 г. На оригинале было 6 печатей на шелковых зеленых и пунцовых шнурках, из которых только 2 оставались на оригинале, остальные отвалились. Акт датирован 1 июля 7025 г., 8 индикта. Переписчик ошибочно перевел дату от Сотворения Мира: 1 июля 1525 г. (сначала было написано: «1425»), и копия была помещена в том за 1525 г. Оригинал хранился в Королевском архиве ("Ex Orig. Arch. Reg.").

[513] КЗЛ-6. Арк. 132 зв. — 134 зв.

[514] КЗЛ-6. Арк. 159 — 159 зв.

[515] КГВ-8. Арк. 252 зв. — 253 (19 декабря 1574 г.).

[516] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 145, 290–291, 311–312, 323.

[517] *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 70.

[518] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 186.

[519] *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 34: "Kniaź wojewoda wołyński z imienia swojego Smyedzina z dymów 169, ogrodn. 31 po gr. 2, rzemieśln. 2 po gr. 2, młyn. kół 4".

ные», урядники, подданные, невольники, секретари, судебные поверенные и, наконец, его протеже. Одна из самых сильных сторон монографии И. Ауэрбах о кн. А.М. Курбском состоит в тщательной проработке вопроса о зависимых людях. Нам остается лишь дополнить и уточнить эти выводы, а также экстраполировать на них данные Ковельского реестра 1576 г., который послужит здесь основным источником для характеристики «зрелого» наместнического хозяйства королевского старосты. Они составляли массу его исполнителей и представителей, выступали со своими правами перед князем и против него, несли тяготы рутинной жизни — военную службу и хозяйство. Выстраивали взаимоотношения с соседями в его имениях, сопровождали своего господина и пана в его походах и других временных выездах.

О подданных Андрея Курбского до эмиграции почти ничего не известно. Рутинная документация хозяйства князя в Московском государстве и военной службы не сохранилась. Его участие в переписной работе, воеводства, наместничества, книжная работа не оставили следов его взаимоотношений с зависимыми людьми. Можно лишь догадываться, что на его службе были представители покоренных народов — татары, черемисы, ливонские немцы. Впрочем, этот вывод прямо не следует из свидетельств о военных подразделениях князя. Будучи воеводой, он вступал лишь в формальные отношения со своими воинами. Между тем господство требовало той или иной формы персонального прикрепления. Непросто установить даже круг его сообщников, бежавших вместе с ним 30 апреля 1564 г. из Юрьева на сторону короля Сигизмунда II Августа. В этой области приходится сплошь и рядом отличать догадки от достоверных проверяемых сведений. И дело в том, что имена слуг за период эмиграции князя не всегда удается возвести к его московскому периоду жизни.

Всего, согласно московским летописям, вместе с князем Андреем Курбским 30 апреля 1564 г. бежало 12 человек. Кто именно — сказать трудно, причем московские и европейские источники в данном вопросе расходятся диаметрально. В московских нет ни одного имени, кроме Василия Шибанова, причем как раз о Василии нет ясных сведений, бежал ли он из Юрьева вместе со своим господином. В европейских — кандидатов на сопровождение князя значительно больше двенадцати, но лишь о немногих прямо сказано, что они выехали на королевскую службу вместе с Курбским.

В числе сомнительных кандидатов — Езоф Филиппович (Филипович) Словинский. О нем лишь в декабре 1577 г. говорится, что он служил князю. И. Ауэрбах полагает, что он «мог принадлежать к спутникам в момент побега Курбского в Литву»[520]. Аргументом служит здесь только его «неоселость» в Короне. На Волыни он имел только «оселость» в Ковельском имении, но значит ли это, что он не имел таковой в Великом княжестве Литовском? Нет, кроме того, никаких свидетельств его московского происхождения. И. Ауэрбах и А.И. Филюшкин в числе эмигрантов и соратников Курбского называют Ивана Мошнинского, получившего от своего пана в феодальное держание имение Дворец за 2 недели до его смерти. В указателе к книге И. Ауэрбах он назван «московитом, дворянином, эмигрантом в Литву, войтом Миляновичей»[521]. Из всего перечисленного не вызывает сомнений лишь последнее. Пожалование на Дворец в акте, приведенном во владимирской гродской книге уже после смерти Курбского, говорится лишь о том, что Мошнинский служил своему пану «з молодости своей... а не толко мне, але и его королевской милости... ласку заслуговал»[522]. Ни о каких службах И. Мошнинского до эмиграции его вельможного пана ни в этом акте, ни в других известных источниках не говорится.

Еще один подобный пример — Андрей Барановский. Неоднократно в своей книге И. Ауэрбах называет его московитом, выходцем из Вязьмы[523]. Однако неясно, из чего это следует, и был ли Барановский среди тех слуг, которые сопровождали Курбского при его побеге[524]. А.И. Филюшкин называет среди них Петра Вороновецкого, Петра Сербулата, Захарию Москвитина, Василия Калиновского[525]. Все они были иммигрантами в королевских владениях, однако следует проверить, с какого времени все они оказались в Короне и Литве. Например, П.В. Остафьев Вороновецкий получает первые выплаты из коро-

---

[520] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 249.

[521] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 464; *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. С. 125.

[522] УПРД. Вып. 1. С. 391 (26 октября 1584 г.). См. *Итинерарий Курбского 6 мая 1583 г.*

[523] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 437; *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. С. 125.

[524] Существовало несколько польских шляхетских родов с фамилией Барановские (Baranowscy). Среди них, к примеру, современник Курбского — Андрей Николаевич Барановский герба Равич (h. Rawicz): *Boniecki A.* Herbarz Polski. Cz. I. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa, 1899. T. 1. S. 99–109, здесь s. 107–108. Представители рода Ежиковичей-Барановских герба Остоя (h. Ostoja) состояли также на службе у близких к Курбскому князей Слуцких. Консультация А.А. Скепьян.

[525] *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. С. 125.

левской казны, несомненно, как резидент владений Сигизмунда II Августа в апреле 1563 — марте 1564 г., т.е. еще до побега Курбского[526]. Он не мог сопровождать своего будущего пана на пути из Юрьева в Гельмет и Вольмар в конце апреля 1564 г. О П. Сербулате, Москвитине и В. Калиновском также нигде не сказано, что они бежали из России вместе с Курбским. Еще три имени в списке, приведенном в книге А.И. Филюшкина, являются одним и тем же человеком: «И. Постник Вижевский, П. Ростовский, И. Постник Меньший Туровицкий»[527]. Кроме того, в список возможных спутников беглеца не попал ливонский слуга Курбского Александр Кениг, а ведь именно на свидетельства о жизни Курбского в Юрьеве опирается «Ливонская хроника» Франца Пиенштедта, а следовательно, А. Кениг должен быть в предполагаемом составе свиты Курбского 30 апреля 1564 г.[528]

Образовавшийся список был бы не вполне точен, если его не дополнить данными о статусе или степени близости к господину и пану, а также о родстве между слугами. Оба Калыметы — высшие ковельские урядники, и несомненно, ближайшие к князю его слуги. Друг другу они приходились братьями в отдаленной степени родства (скорее всего второй, т.е. двоюродными). В своем завещании Михаил называет Ивана своим братом («брат мой»)[529]. Но это обычно и для неродных братьев. Из того же завещания прямо известно, что Калыметы сопровождали Курбского в трудную минуту, когда он менял подданство: «...яко есмо при его милости князю Курпском, пане нашом, выехали з Московского панства, опустивши родичов своих и маетность свою»[530]. Иван был женат на Ганне Семеновне Подгороденской, погиб (был убит кн. Д. Булыгой Курцевичем) бездетным. Михаил был женат на дочери литовского слуги Курбского, Катерине Матушевне Трашковской, с которой прижил дочь Ганну. А еще один зять ковельского войта, тоже, по всей видимости, Матуша — ковельский же мещанин по имени Хилко, который феврале 1568 г. был заметной фигурой в Ковеле[531]. Мать Катерины — тоже Катерина из видного волынского рода Летинских, которые были в свойстве с Белостоцкими, Бокиями, Гулевичами, Дрозденскими, Козинскими, Колпытовскими[532]. И.Г. Постника Туровицкого-Ростовского Михаил называет своим «сестренцем»[533]. Отец Ивана был, таким образом, женат на сестре Калыметов. Из этого следует, что служебные связи Курбского с кланом Калыметов-Постников были, по всей видимости, старинными. К клану примыкал В. Купников, которого М. Калымет выделял среди слуг Курбского как своего друга. А женат он был также на девушке из заметного шляхетского рода — Янине Новоселецкой.

Авторитетом с этим кланом мог померяться разве что К.И. Зубцовский. Его статус вполне оценили местные шляхтичи. В жены он получил княжну Марию Полубенскую, а их дочь Анастасия вышла замуж за Лаврентия Васильевича Древинского[534]. Это не спасло укрепившийся род от разорения, когда на смену Курбским в Ковельский замок пришло семейство Фирлеев. Вытеснение московитов из Ковеля в 1590 г. происходило не только из имений, но и из местной памяти. Уряд войта был пожалован П. Жебру так, как если бы между ним и М. Трашковским эту должность в Ковеле вообще никто не занимал[535].

У Кирилла и Якима Меньших Невзоровых И. Ауэрбах подозревает еще одного брата в эмиграции — Дмитра[536]. Он был слугой Курбского, но кем он приходился Меньшим, сказать невозможно. Пост наместника в Ковеле занимал также Г.А. Кайсаров, а М. Неклюдов был бессменным приближенным Курбского в Миляновичах. Высокое положение занимал и И. Пятый Тороканов (Тараканов). Он был женат на Федоре Богушевне Олеской[537]. С.М. Вешняков мало заметен на общем фоне, так что возникает даже вопрос, был ли он в составе исходной свиты Курбского. Наконец, А. Кениг — весьма вероятный один из «двенадцати» бежавших от Ивана Грозного. Об этом Курбский прямо говорит в одном из своих пожалований.

---

[526] ASK-1. N 192. K. 6, 6v, 20.

[527] *Филюшкин А.И.* Андрей Курбский. С. 125. Об этом ростовском слуге Курбского см. выше.

[528] О нем см.: *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 68–70.

[529] УПРД. Вып. 1. С. 435 (Секунь, 28 февраля 1588 г.).

[530] УПРД. Вып. 1. С. 435–436; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 247. Anm. 8.

[531] КГВ-3. Арк. 14 (9 февраля 1568 г.). В инвентаре 1576 г. названо трое ковельских подданных под таким именем — Хилко Юскович, Хилко Дацевич и Хилко Олексич. Вероятнее, зятем ковельского войта был Хилко Юскович, живший в 1576 г. на ул. Глинянки Ковельского замка. См. *Приложение VIII, л. 433 об.*

[532] *Ворончук І.* Родоводи волинської шляхти XVI — першої половини XVII ст. Київ, 2009. С. 207 (табл. І.11е), 245 (табл. І.28).

[533] УПРД. Вып. 1. С. 436; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 247. Anm. 7.

[534] *Ворончук І.* Родоводи... С. 220 (табл. І.15а).

[535] Об этом см. в главе «Потомки и Лже-Курбские».

[536] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 465.

[537] Ibid. S. 468.

Таким образом, список свиты князя Андрея Курбского скорее мог выглядеть следующим образом: Иван Иванович Калымет, Михаил Яковлевич Калымет, Иван Гаврилович Постник Туровицкий-Ростовский, Василий Кушников, Кирилл Иванович Зубцовский, Кирилл Меньшой Невзоров, Яким Меньшой Невзоров, Дмитр Невзоров, Гаврило Андреевич Кайсаров, Меркурий Неклюдов, Иосиф (Есиф) Пятый Тороканов (Тараканов), Александр Кениг. Это число было бы неполным без Василия Шибанова. Однако нигде в источниках не говорится о том, что он бежал вместе с Курбским. Высказывались различные предположения насчет особого задания своего господина, которое выполнял Шибанов. Должен ли он был присоединиться к Курбскому? Выполнял ли он вообще какое-то задание или просто был схвачен и доставлен разгневанному царю на допрос и пытку? Ответы на эти вопросы гадательны. Имя Шибанова обросло легендами благодаря Ивану Грозному, который привел Курбскому в пример его верного слугу, не убоявшегося умереть за своего господина[538].

Верховным ковельским урядником (наместником), замещающим Курбского на «всех имениях его милости» в волынских имениях, вплоть до своей смерти в марте 1572 г. был Иван Калымет. В 1566 г. в отсутствие князя он вел бурную оборонительную войну против соседей, переходя иногда в наступление. В июне этого года на Владимирском уряде обсуждалось даже, направлять ли иск против него или против ковельского старосты — настолько положение Калымета на месте Курбского укрепилось. Право подавать иск на уряд от имени подвластных урядников, как и обязанность урядников в Миляновичах и Вижве делать это через наместника Ковеля, свидетельствует о порядке старшинства и подчиненности между ними. Замковые книги при этом были в Ковеле и Миляновичах свои, и внутренние дела наместники решали с оглядкой только на старосту. Видимо, как и Кирилл Зубцовский в 1576 г., Иван Калымет был и верховным бухгалтером имения. А его право направлять «вязней» в тюрьму Владимира-Волынского или бросать должников в долговую яму в Ковеле не вызвало сомнений — оспаривалась только справедливость самих приговоров. После женитьбы Курбского на Марии Козинской власть Ковеля распространилась на Осмиговичи, как и в 1579 г. — на Добратин. Однако когда под конец жизни князь начал раздавать своим слугам феодальные пожалования, власть замка в этих владениях заметно ослабла, чем и было вызвано неподчинение Кирилла Зубцовского Андрею Фирлею в 1590-х гг.

С именем Ивана Калымета связана историографическая интрига, вызвавшая множество резких оценок своеволия, феодальной спеси и даже деспотизма кн. Андрея Курбского, который сблизился в своей административной практике с бичуемым им в теории Иваном Грозным. И. Ауэрбах собрала высказывания Ивана Калымета и Матуша Трашковского о неограниченном праве Курбского судить и карать своих подданных («волен карати, як хочет»)[539]. Все эти заявления звучат в одном конфликте слуг Курбского — с ковельскими евреями. И ковельские власти, и местная еврейская община были в прямом подчинении у короля, и шляхетские суды вмешивались в подсудную им область. Ответы и Калымета, и Трашковского об их нежелании исполнять волю короля по искам еврейской общины звучали именно в адрес шляхетских урядов. Этот факт заставляет не согласиться как с культурно-этнической или религиозной интерпретацией, так и с принятой в ряде исследований политической оптикой. Ответы урядников означали только то, что шляхетскому ведомству они подсудны и никаких предписаний в этих делах от них принимать не обязаны. Право господина карать своего слугу, озвученное в Первом послании Ивана Грозного, звучало и задолго до него и не являлось новшеством, которое внес в государственную службу Иван IV. Оно само по себе не означало, что слуга Курбского имеет право сажать должника в яму с пиявками и закрывать синагогу. Эти решения означали, что слуги князя Андрея Михайловича пошли на крайность, чтобы сделать всю еврейскую общину ответственной за долги ее представителей. Метод был варварский, но формально до указа Курбского Калымет и Трашковский и не должны были прекращать конфликт. Он и не прекратился в начале октября 1569 г., но не привел к серьезным ссорам между общиной и администрацией старосты. Евреи продолжали платить налоги и свободно участвовать в местной жизни, конкурируя в доступных им по праву сферах с христианским населением. На рубеже 1591–1592 гг. один из участников противостояния лета -осени 1569 г., Ицко Натанович и его сын выступили в Луцком гродском уряде против уже ослабленного борьбой с новым старостой бывшего ковельского наместника,

[538] См. здесь также главу «Побег».

[539] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 262–264. См. также: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.; СПб., 2009. С. 183–184.

К. Зубцовского, обвинив его в незаконной продаже своего ковельского дома[540]. Был ли поступок Зубцовского актом беззакония в отсутствие собственника или расхождением в правовых понятиях, результатом неразличения между арендой и наследственным держанием? И мог ли бывший урядник распорядиться чужим имуществом при новом старосте? Эти вопросы приходится оставить открытыми.

Суд с евреями тем не менее выявил столкновение прав после обильных королевских пожалований по Ковелю 1567 г. Получение ленного права на замок и его округу автоматически ограничивало в правах других феодальных держателей и еврейскую общину староства. Урядники Курбского не справились с управлением и втянулись в противостояние, в котором верховной инстанцией считали своего пана, а не короля. Это было немыслимо, поскольку евреи никакому феодальному праву не подчинялись, и их права следовало уважать. На это в мае 1590 г. указывал королевский инстигатор — по роковому стечению обстоятельств, первый внутренний конфликт, вызванный объемом полномочий князя-московита в своих пожалованиях, был использован на королевском суде, чтобы стать одним из главных оснований для конфискации Ковеля у его потомков. Декрет короля в Люблине в 1569 г. гласил, что Курбский «хотел собе тую маетность за вечную привлащити, але король его милость то его право декретом своим указал быть инакшое и сказал, абы жиды ковелские, яко подданые короля его милости властные, при правах и привилеях их заховал и заруки невные против ему заложил»[541]. Инстигатор в 1590 г. внушительно доказывал, что это был знак недопущения ленного права королем в Ковельском имении.

Этот казус, как и «московский» остаток позднее, во время развода князя со своей супругой, княгиней Марией Курбской, выявил как особенности в поведении самого князя, так и правовой утопизм его статуса. Московский эмигрант мог и не злоупотреблять своими привилегиями, но, получив их, он должен был соизмерить их с привилегиями своего окружения. Наделение всей полнотой полномочий в ковельских владениях и тенденции ограничения жены в распоряжении своей недвижимостью, в обоих случаях под внешне благовидными предлогами, свидетельствовали о пользовании правами, которые находили то или иное юридическое обоснование, но не были гарантированы и глубоко затрагивали чужие права. В обществе, где суды различных инстанций были открыты для апелляций, право было гарантировано только в случае его успешного испытания в судебной практике. При этом если спор доходил до суда, любое нарушение нормы, прописанное в Статуте, могло быть оспорено в законном порядке, а дело — выиграно[542].

Как уже говорилось, московиты из свиты Курбского переженились на местных шляхтянках, тем самым обеспечив приближение к местной власти в Ковеле не только себе, но и своим своякам. Ковельский реестр 1576 г. демонстрирует своеобразный паритет в распределении полномочий между людьми князя и местными жителями. После смерти Ивана Калымета место наместника занимает Кирилл Зубцовский, а в его отсутствие — Михаил Кудрявец (1573 г.), Михаил Рагоза (1547 г.), Петр Остафьев (1579 и 1580 гг.), Василий Кишка (1580 г.) и Гаврило Кайсаров (1581 г.)[543]. Здесь и московиты, и, вероятно, литвины М. Рагоза и В. Кишка. Впрочем, даже и — возможно — местные выходцы далеко не из первых рядов волынской шляхты. Причем и первый ряд родичей слуг-московитов на наместнические роли не назначается. Как и в клиентеле кн. С. Ф. Бельского, у которого хозяйственную документацию местных урядников контролировал кто-то из его ближних людей, в Ковеле заправляют всем сам князь Андрей Михайлович и его ближайшие и наиболее доверенные слуги. При этом первые места на рынке Замка в 1576 г. отведены М. Трашковскому, Шимко Трояш и Перехрыстам. Положение Трашковского не вызывает сомнений и объясняется его родственными связями со слугами Курбского и первыми ролями в судебных и хозяйственных делах староства. Ш. Трояш — вряд ли идентичен уряднику Миляновичей, известному только по имени Шимко, который выступает 11–18 июня 1566 г. и как свидетель по одному делу в сентябре 1580 г.[544] Этот Шимко — согласно реестру 1576 г., так и живет на рынке в Миляновичах. Перехрысты — зажиточные ковельские мещане, весьма близкие к князю Андрею Курбскому, и не случайно представитель этого рода Максим оказывается в свите князя в начале июля 1575 г., когда Иван Москвитин бежал и украл у князя ценные вещи, в их числе книги[545]. Первые жильцы Миляновичей — ведущие слуги Курбского Мико-

[540] См. нашу монографию "Natione Moscus", в реестре перебежчиков *К. И. Зубцовский*.

[541] ЛМ-199. Л. 136 (Варшава, 5 мая 1590 г.).

[542] Подробнее см. в главе «История одного развода».

[543] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 309.

[544] Ibid. S. 276–277.

[545] См. в главе «Экстенсивное чтение».

лай Богушевский, Дмитр Пожар, Иван Татарин, Кирилл Зубцовский, Шимко. Среди них М. Богушевский — заслуженный юрист князя, К. Зубцовский — наместник ковельский, о Шимко сказано выше. Еще двое — Дмитр и Иван, неясно, кто это. Возможно, Дмитр — слуга К. Зубцовского Дмитрий Семенович, а Иван — урядник дубенский того же Зубцовского.

В ковельских селах владения московитов-слуг князя Андрея Курбского гораздо заметнее. В Волохах «млынок» у К. Зубцовского, в Секуни — у М. Калымета (Секунского). Неясно, кто такой Марко в Городище — он носит тонимическое прозвище Городницкий («Городнецкий»), но он явно в одном ряду с Зубцовским и Калыметом в 1576 г. Может быть, это Марк (Умар) Васильевич Сарыхозин, который всё же откликнулся на призыв Курбского покинуть на время имение князя Юрия Слуцкого и поселиться в Ковельском имении, чтобы помочь соотечественнику в его переводческой деятельности.

Особая группа феодальных держателей в имении кн. А. М. Курбского — его бояре «панцерные». Это слуги, получившие свои имения независимо от старост, непосредственно от высшей власти, во многих случаях — от королевы Боны Сфорца и Сигизмунда II Августа. Переутверждение их владений после прихода к власти Стефана Батория заняло не один год, и Курбский воспользовался правовой лакуной, чтобы попытаться навязать боярам свое право.

Боярские села в ковельских владениях подробно охарактеризованы в реестре 1576 г. Плату «з службы» вносили бояре в обычных селах — Мощеной (3), Облапах (1). Боярскими селами были Черкасы Федька Онанчича и Сохорче Кузьмы Онанчича[546]. Прежде чем перейти к Невзору Меньшому, список села Долгоносы возглавляли Михно и Пашко Гриневичи, а в селе Люблине боярами записаны все четыре налогоплательщика — Гурко, Антон, Севрук и Панас[547]. Осовец (бывшее с. Волька Осовецкая) принадлежал Я. К. Жабе Осовецкому[548]. Он служил Курбскому в судебных поручениях — в октябре 1570 г. служебник князя Яцко Жаба возил вызовы его противникам на королевский суд и просил от имени своего пана записать жалобы в луцкие гродские книги[549]. Во время судебной борьбы с Курбским в марте 1582 г., со ссылкой на привилеи королевы Боны 24 июня 1551 г. и короля Сигизмунда II Августа 7 марта 1558 г., он доказывал, что является королевским боярином и служил Курбскому «з ласки и з юркгельту яко волный шляхтич»[550]. За незаконную конфискацию имения в начале 1583 г. Курбский заплатил боярину штраф, между сторонами была заключена мировая сделка[551].

Село Калиновец принадлежало слугам — владимирскому судебному агенту («возному») Д. Ф. Мокренскому и московиту Иосифу (Есифу) Пятому Тараканову (Тороканову) Калиновскому, из которых в реестре под именем «Данило» выступает, видимо, только первый из трех держателей. Есифу и его жене, местной шляхтянке Федоре Богушевне Олеской князь Андрей поручил на хранение движимое имущество убитого П. В. Остафьева Вороновецкого до наступления совершеннолетия его потомков. Эта форма опеки была одновременно устрашающей санкцией против вдовы Остафьева, обвинявшей Курбского в убийстве. Таракановы поддержали Вороновецких. Езоф (Есиф) обвинил Курбского и его слуг в том, что они убили его «брата» Петра Остафьева. В начале декабря 1582 г. на Калиновец напал отряд во главе с миляновичским урядником Меркуром Пеклюдовым. Позднее весь рассказ о нападении и ограблении Таракановы объявили поддельным, как и ставшее им известным письмо Курбского своему слуге Ивану Поснику Гаврилову о необходимости тайно убить («горло приправити») Езофа. Оно было составлено на бланке с подписью Курбского. В начале января 1583 г. Есиф Пятый бежал вместе с имуществом Вороновецкого, бросив свой дом и жену. Курбского он обвинял в нанесенной ему «кривде». Однако и Федора Олеская, и ее брат Василий Олеский от претензий

[546] ASK-I. N 31. K. 445, 446v.

[547] Ibid. K. 448.

[548] Ibid. K. 448v.

[549] КГЛ-12. Арк. 502–503 (2 акта от 5 октября 1570 г.).

[550] ЖКЛВ. Т. 2. С. 111; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 364–366. Привилей Боны сын городнического попа Яцко Кузьмич Жаба получил по ходатайству Богдана Михайловича Семашко и ковельского старосты (позднее — подкоморня бельского) Александра Лаща. Староста подчинился приказу королевы — отграничил владения Жабы и выдал ему «лист свой». Позднее писарь скарбный короля кн. Ян Маковецкий и новый староста ковельский Францишек Фалчевский подарили ему к его владению пустое дворище в Дубне волости Ковельского замка, некогда принадлежавшее боярину Саве, и также выдали ему на это свой «лист». Король подтвердил все эти дары привилеем от 1 марта 1558 г. «до волн и ласки». См.: ЛМ-43. Л. 40 — 41 об. (Вильно, 1 марта 1558 г.); ЛМ-39. Л. 140–142 (Вильно, 7 марта 1558 г.).

[551] КГВ-16. Арк. 21 зв. — 22 (3 марта 1583 г. Полюбовная от лица Я. Осовецкого: Мильновичи, 28 февраля 1583 г.), 22 зв. — 23 (3 марта 1583 г. Полюбовная от лица кн. А. Курбского: Мильновичи, 28 февраля 1583 г.).

к могущественному князю отказались, что уже в марте, когда Есиф вернулся и предстал перед судом, было использовано против него. Курбский считал, что Калиновским Есифа Пятого Москвитина называть неправильно, протестовал во Владимирском суде и добился от короля записи на преследование беглеца. Продуманный удар князя был направлен на право эмигранта как его слуги «рукодайного» воспользоваться судебной защитой. Есиф Пятый сам явился во Владимирский уряд и заявил, что от Курбского не уходил, а сам пострадал от нашествия его слуг на Калиновец, и просил защитить его, «оселого» шляхтича, от возможного повторного преследования («и просил, абы не сужон и князю Курпскому не был выдан, менуючыся быт оселым»). Слугой Курбского Тараканов себя не считал. Возможно, смелость московита была вызвана поступком жены — Федора стояла рядом с мужем и тут же на суде заявила, что готова записать ему свою долю в родовом имении Олеских («я, деи, и тепер там в том именю Кривичах готова малжонку своему оправу свою записат»). Впрочем, судья, не решаясь вступить в противоречие с королевским постановлением, предписал Курбскому присягнуть, что Есиф — его слуга и «збег», после чего тот должен был вернуться к своему пану[552]. Присяга состоялась, но видимо, виновники были прощены. Вскоре они явились на уряд и объявили, что «противко пану своему выступили». От всех своих обвинений Тараканова отказались, в том числе по делу П. В. Остафьева. Все его вещи по реестру были возвращены Курбскому[553].

Из Годевичей происходил слуга Курбского Миколай Богушевский. Его соседом по имению, происходившим из Добрынска, был Григорий Андреевич Клечковский, по предположению И. Ауэрбах, до Курбского служивший кн. А. И. Вишневецкому[554]. В 1576 г. Добрынск принадлежал Клечковскому[555]. При этом село Клечковичи в реестре 1576 г. боярским селом не названо и состоит из «огородов»[556]. Интересно, что Туровичи также не являются боярскими, но там владеют 2 волоками и садом подданные боярина Посни (Стенана) Туровицкого[557].

Пограничные с Вишневецким и Мацеевскими Порыдубы также были селом «бояр путных» - оттуда происходило семейство К. Ю. Порыдубского[558]. Реестр 1576 г., впрочем, ни это село, ни следующие за ним Селища боярскими не признает. Боярским было прилегающее к Порыдубам и Селищам село Трубли Петра Васильевича Вороновецкого. Король пожаловал ему село Вороновцы Кременецкого повета. Во владениях Курбского ему, как выяснила И. Ауэрбах, принадлежало небольшое имение («дворец»), расположенное «межи Поридубами и Селищами»[559]. Дворец после смерти Вороновецкого был передан Ивану Мошнинскому. Не дает ли это оснований идентифицировать ни разу не упомянутый в налоговых реестрах Курбского «дворец» с Трублями, которые в тех же реестрах выступают в связке с Порыдубами

[552] КГВ-16. Арк. 15 зв. 16 зв. (26 февраля 1583 г. Осмотр возного Исака Долмацкого в Мнляновичах от 24 февраля 1583 г.), 20 — 20 зв. (3 марта 1583 г. Королевский «лист» от: Краков, 18 февраля 1583 г.), 25 зв. 26 (4 марта 1583 г. Возный Ж. Чирский в Мнляновичах записывает жалобу Курбского на нападение Есифа Тараканова на дом подданого князя Андрея, Федка Засипта 4 марта 1583 г. Осмотр раненого), 26 27 зв. (4 марта 1583 г. Показания возных Ж. Чирского и С. Фоемского (Хоенского?) о Тараканове), 43 зв. — 47 (14 марта 1583 г. Показания представителя Курбского, войта владимирского Михаила Дубницкого). Цитаты с л. 45 и 46 об. Показания Федоры Таракановой были записаны Жданом Чирским 7 января 1583 г. и внесены в гродскую книгу, однако запись за начало января во владимирской гродской книге № 16 не сохранились. Есиф оправдывался тем, что привилей на Калиновец у его слуги отнял пан Хоенский в Холме, о чем москвитин жаловался в Холмский суд. Войт Курбского в ответ доказывал, что Калиновец принадлежит князю Андрею, а Есиф Пятый получил там дом по милости своего пана. В обоснование был представлен «лист» Сигизмунда II Августа В. Загоровскому на передачу Ковеля Курбскому. Уклиня ответчиков привели только к обязательству Курбского присягнуть, что и было назначено на 18 марта в Мнляновичах.

[553] КГВ-16. Арк. 72-74 (27 марта 1583 г. Договор Таракановых с Курбским подписан: Мнляновичи, 26 марта 1583 г.).

[554] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 358–359.

[555] ASK-I. N 31. K. 456.

[556] ASK-I. N 31. K. 454v.

[557] ASK-I. N 31. K. 455v.

[558] Незадолго до получения Ковеля кн. А. М. Курбским ковельский боярин Кузьма Юхнович Порыдубский отстоял право на 2 вл. земли в Порыдубах. Этим именем владел еще его отец при кн. Сангушко Ковельском и королеве Боне. Во время «волочной померы» каштелян радомский и охмистр королевы Г. Тарло отнял имение у боярина и присоединил его к Ковельскому замку. Кузьма жаловался, но в течение примерно трех лет ничего не мог добиться. В 1563 г. король потребовал, чтобы Тарло вернул надел или компенсировал его равнозначным участком земли. В 1570 г. Порыдубы вновь оказались в центре боевых действий. Злоключения ковельского боярина и его семьи в 1575–1583 гг. были, по всей видимости, результатом его стремления любой ценой удержать имение. См.: ЛМ-38. Л. 431–432 (Варшава, 24 октября 1563 г.).

[559] ЛМ-216. Л. 315; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 367. Anm. 1.

и Селищами? Видимо, село К.Ю. Порыдубского Трубли оказалось в руках Вороновецкого после побега Порыдубского к князю Вишневецкому и заключения всей его семьи в тюрьму Курбского. Имения не были возвращены боярину после его освобождения. В их числе Трубли, которые в 1579 г. Вороновецкий завещал жене и сыну. 9 августа 1582 г. боярин и профессиональный юрист П. Вороновецкий был убит Иваном Постником Туровицким. Опекуном вдовы и сына убитого был назначен его брат Иосиф Пятый Тараканов (Тороканов), который вскоре после этого вступил в судебную борьбу за родовое имение, как и вдова Вороновецкого, обвиненная в том, что ее сын — незаконнорожденный, и лишенная права передать ему по наследству имение отца[560].

Долгоносы 15 июня 1576 г. Курбский подарил за верную службу Кириллу Невзору Меньшому, чей брат Яким держал это село еще в 1569–1570 гг.[561]

Белин 6 февраля 1581 г. перешел в держание Кириллу Зубцовского[562]. Однако вплоть до своей смерти налоги с этого имения платит Курбский. Кирилл был вознагражден как луцкий урядник на держании своего пана, что случалось нередко на Волыни и в Великом княжестве Литовском. После смерти Андрея Курбского Белин послужил оплотом сопротивления слуг после прихода новой администрации в Ковель, но пал одним из первых в противостоянии с Анджеем Фирлеем в июне 1590 г.[563]

Село Волица Дубенская, согласно реестру 1576 г., было боярским, налог с него платили бояре Трохим и Петр Козелы[564], а с 1578 г. оно принадлежало К. Зубцовскому, хотя формально входило в общий налоговый реестр ковельских имений. Попытка пересмотреть границы Дубна и Дубенской Воли с имением Радошин Романа Гулевича привела к вооруженным столкновениям между Зубцовским и его новыми соседями[565]. Волохи в реестре 1576 г. фигурирует как боярское[566]. Уже в 1581 г. Зубцовский платил налоги по отдельной статье: "*z ymion swych Dubna y Wołochow*" (1581), "*z ymienia swego Dubna y Wolicy Dubenskiey*" (1582)[567]. За 1582 г. отдельным списком в реестре указаны две его выплаты, возможно, в качестве доплаты — с «огородников» и «коморников». Все эти годы сохранялась высокая степень независимости владений Зубцовского, породнившегося с местной шляхтой (по жене — с князьями Полубенскими, по зятю — с Древинскими). Когда позднее села Кирилла Москвитина попытался описать регистратор А. Фирлея, он туда просто не был допущен.

Часть ковельских сел были заселены боярами. В Шаино в 1576 г. значится 1 боярин, а в реестрах 1579 и 1583 гг. — 2. В Туличове их число сокращается с четырех в 1576 г. до трех в последующие годы. Села Секунь и Шушки Михаила Калымета в реестре 1576 г. указаны как боярские, хотя определение «боярское» может относиться только к Секуни[568]. В других реестрах выплаты с бояр этих сел не приведены. По всей видимости, еще при И. И. Калымете оба владения сохраняли в значительной степени независимость от старосты ковельского, и позднее этот обособленный статус отчасти сохранился уже при новом владельце — Яне Держке[569]. Нет подобных указаний и в реестрах по Городищам. Тем большую ценность это придает данным 1576 г.: Городища были боярским селом Марка Жабы — возможно, сородича Я.К. Жабы Осовецкого — и Василия Пугача[570].

Имения Осмиговичи и Добратин перешли к кн. А.М. Курбскому по брачным контрактам. Права владения и распоряжения Курбского в имении княжны Марии Гольшанской были весьма ограничены, и попытки их расширить были восприняты как узурпация. После вступления в брак с княжной М.Ю. Гольшанской, уже в начале января 1571 г., Курбские отстаивали имение Осмиговичи в суде, однако владельцем имения оставалась княгиня Мария. Контрактное держание там князь сохранял, предположительно, с 22 августа 1571 до 4 октября 1579 г., когда передал Осмиговичи кн. Юрию Збаражскому и его жене Варваре Козинской (дочери княгини Марии Курбской), самое позднее — до 4 ноября, когда соглашение было занесено в судовые книги Владимирского гродского суда. Позднее, после смерти Збаражского, имение княгини Марии перейдет, по всей видимости, как «материзна» к самой Козинской, а затем и к ее новому супругу,

[560] Подробнее см.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 118–120.

[561] ЛМ-193. Л. 40–42.

[562] ЛМ-216. Л. 272–274.

[563] ЖКЛВ. Т. 2. С. 216–217. В осеннем реестре 1590 г. Белин уже описан как именне А. Фирлея. См.: ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 152 зв. — 154.

[564] ASK-I. N 31. K. 461–461v.

[565] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 128, 187, 202, 280–284, 304–305.

[566] ASK-I. N 31. K. 463.

[567] ASK-I. N 31. K. 536, 558, 638.

[568] ASK-I. N 31. K. 472v–473.

[569] ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 151.

[570] ASK-I. N 31. K. 473v. О В. Пугаче см. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 369.

воеводичу краковскому Андрею Фирлею[571]. Цифры по выплатам Андрея Романовского с Осмиговичей в 1570 г. незначительно отличаются от показателей реестра 1576 г.[572]

Имения Добрятин (Добратин) и Брухов (Брухово) перешли в управление Андрея Курбского от А. П. Семашко, вступившей с ним в брак 26 апреля 1579 г. В качестве вена она получила от мужа половину собственного имения и зачислена на 4 тыс. злотых польских[573]. Впрочем, договоренность Курбского с Василием, Петром и Александрой Семашко о получении им Добратина в «заклад» была достигнута еще до брака и скреплена соглашением от 3 января 1579 г. Братья Ярош, Василий и Петр Петровичи Семашко еще ранее отдали половину имения в заклад свому зятю (мужу их сестры Анастасии) подстаростему владимирскому Василию Павловичу за 400 кон гр. Он передал свой залог Курбскому за 1 тыс. 500 кон гр. Общие размеры этой половины Добратина известны из акта о вступлении Курбского в залог: 32 подданных (30 селян и 2 боярина), пруды, мельницы, корчма. Князь получил «на заставу» половину Добратина и 14 подданных[574]. Часть Добратина с хозяйственными строениями и примерно полусотней подданных Курбский также получил в залог за 1610 кон гр. незадолго до женитьбы на панне Александре[575]. Какая-то часть «двора Добратинского» сохранялась в держании братьев Семашко, и они в том же году должны были заплатить с нее 14 гривен королевского налога. Вместе с тем Курбский приложил усилия, чтобы отстранить братьев от дальнейшего пользования и распоряжения имением, и уже в мае–июне 1579 г. не позволил их заимодавцу получить долг за счет Добратина[576]. Возможно, за 10 лет до этого Добратин был крупнее и людное. Реестр имений Петра Семашко и его жены за 1570 г. содержит такие цифры: «Пани Петрова с имений своих Добратина и Брохова с дымов 40, бояр 5, огородников 21 по гр. 4, с огородников 22 по гр. 2, с ремесленников 9 по гр. 2, с рыболова 1 гр. 8, с карчмы 1, винокуренный котел 1, с мельничных колес 6 по гр. 24, с колеса 1 гр. 12»[577]. Заключив на сей раз предварительный договор о залоге, князь обеспечил себе прочный владетельный тыл на случай разрыва помолвки или развода.

Снижение показателей в налоговых статьях по имениям, полученным Курбским в (частичное) управление от своих жен, возможно, как и в других случаях, связано не только с изменением

[571] Б. Козинская рассказывает о своих правах на Осмиговичи, о втором браке матери с Курбским и смерти своего первого мужа, кн. Юрия Збаражского, в мае 1581 г. Княгиня признавала, что именне было получено ею и мужем «от князя Курского», и жаловалась на недавние беспинства своего урядника Михаила Витонижского (КГВ-14. Арк. 126 зв. (20 мая 1581 г.), 152 (1 июня 1581 г.), 262 зв. — 263 (31 июля 1581 г.), 264 (2 августа 1581 г.), 265[1] — 265[1] зв. (3 августа 1581 г.), 291 зв. — 294 (22 августа 1581 г.) и др.). Витонижский был изгнан из ее имения, но не прекращал беспокоить владения Козинской и позднее, когда она была замужем за Фирлеем. Об этом говорит, например, жалоба Фирлея и Козинской о том, что он 1 июля 1586 г. организовал нападение на осмиговицкие земли. Возный Матыс Славокурский отправляется на осмотр и допрос 6 июля (КГЛ-35. Арк. 645 — 645 зв. (3 июля 1586 г.), 676–679 (15 июля 1586 г.)). Борьба за «увязане» Б. Козинской, княгини Збаражской, в Осмиговичи после смерти мужа закончилась в октябре 1582 — мае 1583 г. ее победой (КГВ-16. Арк. 130 зв. — 132 зв. (21 мая 1583 г.), 135–136 (23 мая 1583 г.)). Б. Козинская умерла незадолго до 25 марта 1591 г., когда часть ее волынских именій перешла по завещанию к ее дочери от первого брака Галшке Юрьевне, княжне Збаражской, и ее мужу Людвику Мякицкому (ЛНБ-С. Ф. Радзиминьских. Спр. 112/V, 2. Арк. 11 — 12 зв. (Орля, 4 октября 1595 г.)).

[572] См. главу «История одного развода».

[573] *Kamieński A.* Kariera rodu Siemaszków... S. 187.

[574] КГЛ-19. Арк. 109–110 (13 февраля 1579 г.), 169 зв. — 170 (15 марта 1579 г.).

[575] КГЛ-19. Арк. 249 — 249 зв. (11 апреля 1579 г.).

[576] КГЛ-19. Арк. 393 (21 мая 1579 г.). И после вступления Александры в брак с кн. А. М. Курбским братья Семашко вели дела совместно с ней, однако уже к июню 1579 г. Курбский перевел все дела по Добратину на себя. Так, против всех братьев и сестры, княгини Курбской, подает иск Ильяш Чернецкий (Гелняш Чарнацкий), обвиняя их в неуплате долга. Вскоре открывается огромная сумма долга: вместе с судебными издержками и штрафом она составляла 2700 зл. Вызов на суд братьям привозят 30 мая 1579 г. в Добратин. Курбский вмешивается в дело и 3 июня обращается в письме из Мициновичей к старосте луцкому Александру Жоравинцкому с просьбой забрать вызов и записать его в книги гродские. Вызов, по его мнению, был подан неправильно, так как возный оставил его в имении Курбского, не имевшего отношения к этому делу. Платить долг за счет Добратина он не позволил. Вскоре по другим делам, касающимся Добратина, Курбский выступает единоличным владельцем. В июне к ответу был призван урядник Курбского Семен, который должен был отвечать за происшествие «на добровольном дорозе в селе Добрятине», а сам князь вызвал на суд княгиню Марью Васильевну Корецкую-Чаплянку, обвинив ее в переустройстве «гребли» на р. Икве и затоплении добратинских земель. См.: КГЛ-19. Арк. 424 — 424 зв. (1 июня 1579 г.), 446 зв. — 447 зв. (4 июня 1579 г.), 561 — 562 (15 июня 1579 г.), 588 зв. — 589 зв. (18 июня 1579 г.), 608–609, 609–610 (два акта: 20 июня 1579 г.), 627 — 627 зв. (26 июня 1579 г.).

[577] *Jabłonowski A.* Polska XVI wieku... Cz. 2. S. 12: “Pani Piotrowa z im. swych Dobrathina i z Brotowa z dym. 40, bojar 5, ogrodn. 21 po gr. 4, ogr. 22 po gr. 2, rzem. 9 po gr. 2, ryboł. 1 po gr. 8, karcz. 1, kotł. gorzałcz. 1, kół młyn. 6 po gr. 24, koła 1 po gr. 12”.

структуры хозяйства, но и с пересмотром принципов обложения.

О том, как возникли стабильные показатели сборов с Ковельских имений после 1577 г., говорит акт из Луцкой гродской книги №17 от 18 октября 1577 г. Он раскрывает механику составления реестров, способы борьбы против манипуляций цифрами и те подозрения, которые возникали у налоговых агентов короля. Как мы помним, наши подсчеты налогов с Ковельских имений за 1577 г. показали, что выплаты должны были составить 347 зл. 20 гр., 80 зл. чонов и 45 зл. с евреев. Если исключить из общей суммы налоги за евреев, то она составит 427 зл. 20 гр. Поборца Ф. Рудецкий получил 15 октября 1577 г. в Луцке, в доме местного еврея Батка Мисановича, у агента князя, Юзефа Словинского, реестр Ковельского имения и какую-то сумму из предписанной к выплате. И налоговый агент короля, и слуга Курбского позднее соглашались, что общая сумма должна была составить 420 зл. Однако Ю. Словинский заявил, что выплатил ее всю, но по непонятной для него причине так и не получил от Рудецкого квитанцию («квит») и не дождался даже предъявления ему «универсалу поборового», а Рудецкий отвечал, что получил только 350 зл. и 26 кон гр., из которых литовские коны были не налогом с Ковеля, а деньгами «поселскими». Сторона Курбского отказывалась признавать существование этой последней статьи. Возный Луцкого повета отправился вместе со Словинским на освидетельствование, во время которого агенту Курбского Рудецкий резко бросил: «...иже, деи, я от тебе з ыменей князя пана твоего пенези поборовые взял тогды не сполна», назвал всю полученную сумму и добавил: «...а так, деи, коли мене все пенези поборовые сполъна доидут, тогды я квитовати буду, и нехай, деи, князь Курнъский до мене до Володимера з остатком тых пенезей поборовых шлет, а тепер, деи, я квиту не дам». Словинскому оставалось нарировать, что он отдал вместе с реестром, удостоверенным печатью Курбского, все причитающиеся деньги, а «поселщизных пенезей» Курбский платить не должен был[578].

Для нас эта запись, вне зависимости от того, чем разрешилось судебное противостояние (мы об этом не знаем), содержит скрытые следы конфликта за налоги с Ковельских имений. Во-первых, реестр был принят сборщиком налогов («поборцей») в Луцке, а следовательно, вероятно, никакой инспекции Ковельских имений в том году он не проводил и ориентировался только на указания самого реестра. Провести доплату также было предписано не в самом Ковеле, а во Владимире. Во-вторых, для представителя короля и сейма Курбский был недобросовестным плательщиком. Его не гарантировал от подозрений даже старательно составленный реестр, в котором не хватало необходимых статей. «Посельщизный» налог был предписан самим поборцей, но агент Курбского сопротивляется этому предписанию, ориентируясь не на налоговый универсал (впрочем, по его словам, Рудецкий ему его не показывает), а на реестр Ковельских имений. Показательна и сумма дополнительного налога — на 420 зл. (что в целом является округленной в пользу Курбского суммой известного нам реестра) экстраординарно взымается налог в размере примерно равном 70 зл., т.е. одной шестой суммы реестра. Таким образом, общие выплаты должны были составить 490 зл. И мы видим, что с 1578 г. общая сумма налога с Ковельских имений стабильно превышает эту сумму. Таким образом, Курбский подчинился предписаниям, но добился, возможно, благодаря конфликту с налоговым инспектором Стефана Батория, стабильности выплат со своего имения. Его больше не тревожат подозрениями, и следовательно, показатели Ковельских реестров 1578–1583 гг. с большей вероятностью содержат цифры, возникновение которых относится к 1577–1578 гг.

Имущественные данные представляют ценный «серийный источник», позволяющий анализировать как особенности хозяйства в его динамике, так и благосостояние Курбского в сравнении с другими волынскими магнатами (не забывая, конечно, что волынскими имениями их благосостояние часто не исчерпывалось). Хозяйственные проблемы, как показывают приведенные цифры, не были для князя неразрешимыми. Его хозяйство росло вплоть до правления Стефана Батория и нашествия татар на Волынь. Однако преждевременно было бы утверждать, что после 1577 г. его постигла рецессия или стагнация. Пока неясно, проводился ли пересчет налогооблагаемых объектов после 1578 г. или, что следует из механических ошибок в цифрах, составители реестров заимствовали основные данные из готовых ведомостей, изменяя их по обстоятельствам, и по этим данным оформляли новую отчетность. Общая сумма налогов в последние пять лет его жизни только возросла. Но общие доходы с имения составляли, видимо, около 6–7 тыс. кон гр. в год в правление

[578] КГЛ-17. Арк. 709 — 709 зв. (Запись от 18 октября 1577 г. Ю. Славенский отдал реестр и деньги Ф. Рудецкому 15 октября 1577 г. Расследование возного проведено в тот же день, когда в книгу внесена запись).

Сигизмунда II Августа и около 16–17 зл. в 1580-е гг., и налог в 3–4% вряд ли вызывал у Курбского серьезные трудности. Территориальная целостность ковельских имений в 1560-е – 1580-е гг. не была поколеблена. Курбский потерял в ходе вооруженного конфликта Сомин, но держал его лишь в качестве залога. Потери Осмиговичей и части Дубровицы после бракоразводного процесса компенсировались «посагом» новой жены, А.П. Семашко. Встревоженность князя в начале 1580-х гг. была вызвана другими причинами, и в первую очередь перспективой потери всех ковельских имений после расторжения брака, которое отказался признать митрополит. В этом ряду событий раздача ковельских и унитских имений слугам может рассматриваться как часть завещательной политики, направленной на удержание имений в кругу семьи и ближайших соратников.

Шаткость владельческих прав на Ковель сохранялась вплоть до 1589–1591 гг., когда после избрания на трон Сигизмунда III Ваза вспыхнула борьба между вдовой князя Андрея Михайловича, княгиней Александрой Петровной, мужем падчерицы Курбского, Барбары Козинской, каштеляном малогосским (1589–1590 гг.) и радомским (1591–1609 гг.) Андреем Фирлеем из Домбровицы. Переход Ковельского имения в их собственность отразился в инвентарях 1590 и 1609 гг.

Первый инвентарь из Киевского сборника от 16 июня 1590 г. содержит слова: «...который замок Ковельский через мене Щасного Дремлика, дворенина короля его милости от кнегини Курнъское ест отобраный а до рук его милости пана Андрея Фирлея з Домбровицы, кашталяна малокгостцкого старосты ковельского поданый»[579]. Он представляет собой подробное описание построек, креплений, содержимого «комор» (в том числе мебели), состояния «млынов», «лазней», запасов еды в «пивницах», «быдла фольваркового» и т.д. Затем по населенным пунктам и улицам указано общее количество храмов, домов и «плацов», размеры угодий и боярских владений и величину «канщины» ковельских мещан (1 кона гр. с пивоимедоваренья), налог-«чинш», наделы и количество подданных. Очевидно, что уже на момент составления инвентаря наметились очаги сопротивления новым хозяевам. Престарелый слуга Курбского К.И. Зубцовский не пустил регистраторов в свои имения Дубно, Дубенская воля, Пинчово и Волохи – и они оставляли специальные пометы, готовя судебный иск («светчило се напротивко ему», «светчило се на него» и т.д.)[580].

Более поздний инвентарь, от 26 октября 1590 г., составлен, в отличие от предыдущего, уже только на польском языке и призван очертить налогоспособность хозяйства А. Фирлея. Впрочем, в основу этого отчета входят, видимо, какие-то более ранние сведения. В списке домов Ковеля здесь назван и дом Михаила Секунского, тогда как в июньском инвентаре 1590 г. Секунский, т.е. тот же М.Я. Калымет, указан уже как умерший[581]. Это описание подробнее предыдущего в части поименных списков жителей и их повинностей, однако в нем сохранена структура описания по имениям, начиная с Ковеля и далее по местечкам, селам, церквям, корчмам. Перед суммарным сведением счетов назидательно отмечено, что главный замок имения нуждается в ремонте ("Zamek Kowelsky wyelkiey poprawy potrzebuye")[582]. И наконец, последний инвентарь из состава Киевского конволюта относится к 1609 г., когда скончался А. Фирлей и Ковель вместе со всей его округой был передан коронному подканцлеру Щасному Крыйскому.

Таким образом, порядок управления Ковельским староством после смерти кн. А.М. Курбского, по всей видимости, существенно не изменился. Закрепленное за потомками князя и их опекунами временное правление в Ковеле по действовавшей системе распределения королевских урядов в Речи Посполитой не могло быть наследственным. Полномочия князя-эмигранта в Крево и Ковеле были временными. На Люблинском сейме его права в Крево были подвергнуты критике и вскоре полностью утрачены. Хозяйственная отчетность за Ковель, в целом, как мы старались показать, не является надежным источником для оценки налоговой базы в волынских имениях кн. А.М. Курбского, но показывает, что после Люблинского сейма он ежегодно, за исключением двух межкоролевий, вычлачивал налоги как староста и феодальный держатель Ковельского замка. Однако его потомкам предстояло переселиться в Великое княжество Литовское, а вытеснившим их А. Фирлею и его супруге, кн. Б. Збаражской (Козинской), – отстоять полномочия королевских наместников в очередном раунде борьбы с феодальными пожалованиями на Ковельских землях.

[579] ЦДІАУ-К. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 4. Арк. 53. Инвентарь был передан вместе с самим Ковельским имением. На церемонии присутствовали генерал воеводства Волынского Василь Гуляльницкий, возный Владимирского повета Исакий Долмацкий и два шляхтича.

[580] Там само. Арк. 66 – 66 зв.

[581] Там само. Арк. 125 зв.

[582] Там само. Арк. 194 зв.

Владения князей Курбских в Речи Посполитой (сост. Виктор Темушев, Дмитро Вортман)

***

Подводя итоги, отметим, что в России и Речи Посполитой Курбский опирался на несходные институты социальной мобильности. В России его карьера была построена на восхождении «по степеням» военной службы. Крупными успехами можно при этом считать участие среди ведущих московских сановников в поездке царя в Кирилло-Белозерский монастырь в 1553 г., получение боярского чина в 1556 г. и назначение первым воеводой Большого полка в 1560 г. Своим неформальным престижем он был обязан не столько Ивану Грозному, сколько системе «воздаяний», созданной Избранной радой. Подвиги Курбского, его кровь «яко вода пролитая» получили отклик в официальном московском дискурсе. В стране, где постоянные войны привели к тому, что многие «жены и дети осиротели и матери обещадели», авторитет воина, своей кровью заслужившего высший государственный и военный чины, вырос независимо от государя и мог быть разрушен только очень серьезными обвинениями, как и авторитет лидеров Избранной рады.

Возникшая в середине XIX в. язвительная оценка кн. Андрея Курбского как бездумного гусара — весьма далека от реалий воеводской полковой службы середины XVI в. Как мы постарались показать выше, князь Андрей Михайлович, судя по его полковым назначениям, занимал место одного из первых трех-четырех десятков высших военных чинов в России и всегда уступал — помимо лиц, носивших царский титул, — только недосягаемым удельным князьям, высшим князьям Гедиминовичам, а также князьям Шуйским. И это прекрасно соответствует его самосознанию в эмиграции — в иерархиях «Истории», как мы покажем ниже, он строго соблюдает свое подчиненное отношение ко всем, кто был на порядок выше его на московской службе. Однажды оказавшись в маршальском чине (став первым воеводой большого полка), Курбский на пике военной карьеры вплотную подошел к первой десятке московских полководцев.

Лояльность Андрея Курбского двору и лично Ивану Грозному проявлялась и, предположительно, в его принятии Тысячной реформы и готовности поступиться родовым имением Курбских, ростовским, а некогда ярославским, селом Курбой. Местнические суды с Плещеевыми, возможно, не только не подрывали его позиции, но и, наоборот, служили трамплином для военной и придворной карьеры представителей значительного нетитулованного боярского рода. И это — тоже показатель высокого статуса Андрея Курбского. Его юрьевское наместничество, конечно, в этом ряду было опасным заданием, связанным со множеством статусных рисков, а прежде всего — с отлучением от двора, где он только недавно был вхож в палаты к самому царю Ивану Васильевичу, принят им как «любимый» и отправлен в войско как вдохновитель побед. Возвышение натолкнулось еще на одну опасность — после вымирания князей Пенковых, прямых наследников великих князей ярославских, старшим в их роду был Андрей Курбский. Его претензии на общеродовой титул должны были прозвучать уже около 1563 г., и их след остался в целом ряде источников, которые нам еще предстоит рассмотреть[583].

Падения с придворных высот не случилось, но князь был чем-то встревожен, и сочинения Ивана Грозного, а также посольские упоминания Курбского говорят о том, что тревоги были не беспочвенны. Кроме того, князь неоднократно брал на себя опасную для светского лица, даже с не вполне ясной ученической предысторией у Максима Грека и близостью к книжным центрам Московской Руси, миссию духовного цензора, полемиста-богослова и читателя запрещенных книг. Если бы нужно было отлучить кн. Андрея Курбского от церкви, к его деятельности можно было придраться неоднократно — и нельзя исключать, что сохранение фрагментов переписки князя с Псково-Печерским монастырем в составе следственных материалов по его побегу связано с подготовкой церковного обвинения. Впрочем, следов проклятия, сопоставимого с позднейшими анти-культами Ивана Мазепы и Наполеона Бонапарта, в истории алиенации князя Андрея Курбского не обнаруживается.

Иначе формировался статус Курбского в Речи Посполитой. Военная служба довольно быстро теряет для него карьерный смысл: его военные проекты, подвиги и ранения не интересуют новых соотечественников. Он погружается в амбициозные планы захвата Москвы, создания Антитурецкой лиги, составления свода четьих православных текстов, возведения православного кандидата на трон Речи Посполитой и т.д. Возвращение Курбского на войну происходило на фоне выпадов Ивана Грозного в его адрес — внимание царя к его персоне приводило к росту шансов на повышение авторитета. Однако преувеличение его военных достоинств российской стороной вызывало иронию в окружении Стефана Батория, а в условиях яв-

583 См. главу «Идеолог княжеской власти».

ного перевеса польско-литовских сил символ освобожденного московита был менее актуален, чем в годы правления Сигизмунда II Августа. В то же время общественное мнение было настроено против князя: прежде всего он — выскочка-московит, изменивший своему государю и благополучно устроившийся *здесь*, он обращается с женой и подданными как варвар, да и сами его подданные — варвары. Важнейшие имущественные достижения А. М. Курбского пришлись на канун Люблинского сейма, по именно в ответ на эту бурную деятельность князя шляхта выступила на сейме с протестами против его имущественного положения. Именно с постановлением Люблинского сейма в 1569 г. связана утрата Курбским одного из староств и составление полномасштабного поименного реестра его волынских имений, который приведен в налоговых отчетах 1576 г.

Бракоразводный процесс Курбского сопровождался ударами по его репутации, разрушающими образ цивилизованного московита. Посольство М. Д. Карпова уже после полюбовного развода Курбских выясняло, не подвергся ли государев изменник опале, но всё же поводов так полагать было недостаточно: «А на Курбсково деи от короля опала не бывала, а была деи на него от короля и от панов от болших кручина...»[584] Надежды Москвы на то, что Курбский попадет в немилость к Стефану Баторию, не оправдались, но усилия по дискредитации государева изменника были возобновлены и предпринимались вплоть до его смерти. К таким усилиям относятся: послание Ивана Грозного Курбскому из Вольмара; посольские наказы с предписанием не вступать в диалог с Курбским, называть его главным изменником в тайных переговорах с Яном Глебовичем, упрекать в составлении «невежливой» грамоты к царю и в заговоре в пользу разрушения России; обвинения в его адрес, а также В. С. Заболоцкого, Т. И. Тетерина, Д. И. Бельского в стравливании христианских государей, которые содержатся в переписке Ивана Грозного со Стефаном Баторием.

Борьба волынской шляхты против Курбского не имела ничего общего с московской пропагандой, но была временами не менее ожесточенной. Князь слышал угрозы расправой, пережил несколько покушений и сам обвинялся в заказных убийствах. Войны с Вишневецким, бракоразводный процесс и конфликты с боярством не только ослабляли его имение, но и подрывали доверие к нему у местной шляхты, лишали его служебников, среди которых были судебный служащий Григорий Копоть, боярин Кузьма Порыдубский, управляющий Михаил Рагоза, москвитин Семен Маркович Вешняков, секретарь Ждан Миронович, игумен вербского монастыря Исайя. Несообразности в статусе его второй семьи, отказы ковельских землевладельцев от военной службы и легшее на Ковель в правление Стефана Батория налоговое бремя отличали социальное положение князя первых лет его эмиграции от 1576–1583 гг. Угрожало ли Курбскому социальное «понижение»? Частые болезни, литературно-религиозное творчество, семейные и феодальные конфликты отрывали его от активной придворной жизни, которая в правление Сигизмунда Августа компенсировала его скромные успехи по реализации амбициозных политических проектов. Князь, как и раньше, беспокоился за свою жизнь, и королевский суд в какой-то мере защищал его от покушений, хотя и был бессилен в конфликтах вроде того, который в апреле 1580 г. закончился убийством могущественного московита В. С. Заболоцкого[585].

Как московит и одновременно представитель королевской власти на Волыни, Курбский, проводивший основное время в своих волынских имениях, испытывал проблемы с легитимностью. Результаты их решения их не были стабильными, и в конфликтных ситуациях князь со своими служебниками попадал в изоляцию как *чужеземец*. Как представитель польского короля он пользуется особым правом судиться в присутствии королевских дворян, подписывается польской и латинской подписью в волынских судах. Видимо, польское подданство легче сходило ему с рук, чем московское. В конфликтах с местной «доброй» шляхтой московиты часто оказывались жертвами обычного права и испытывали на себе действие этнополитических стереотипов[586]. Они считались приезжими, права которых на участие в социальной жизни и наследование имений подпадали под ограничения[587]. Имена эмигрантов дополнялись характеристикой «Москвитин», в их поведении подчеркивались московские черты.

Московиты попали, по словам Курбского, в «негостелюбное» окружение. В своих поздних сочинениях он проявляет раздражение в адрес шляхты, которую в своей критике не считает нужным делить по ее национальной и региональной принадлежности и обвиняет: «...тако

[584] ПК-79-11. Л. 116–117.

[585] См. главу «Побег».

[586] *Яковенко Н.* Паралельний світ. С. 106–153.

[587] Литовский Статут 1566 г. Разд. III. Арт. 9.

же и властели земли тое драгоценные колацыи со бесчисленными проторы гортань и чрево с марцыпаны натыкающе, и якобы в утлые делвы дражайшие различные вина безмерне льюще, и с неченеги вкуне высоко скачюще, и воздуг бьюще, и так прехвалне и прегорде друг друга пьяни восхваляюще, иже не токмо Москву або Константиноноль, но аще бы и на небе был турок, совлещи его со другими неприятелми своими обещевающе. Егда же возлягут на одрех своих между толстыми перинами, тогда едва по полудню проснавшись со связаными головами с похмеля, едва живы очютясь, востанут, на прочие дни наки гнусны и ленивы многолетного ради обыкновения». Вместе с тем из своеобразного «локального патриотизма», поддерживая своих слушателей и читателей, в чем-то подыгрывая их «полонофобии», князь высказывает похвалы в адрес доблестных волынцев, давших отпор татарам[588].

Среди знакомых князя в Речи Посполитой многие входили в сенат Короны Польской или раду Великого княжества Литовского, но для Курбского подобное положение было недостижимым. Его вымышленное в переписке Панов рады с Боярской думой «второе место» после киевского воеводы в иерархии Великого княжества Литовского и участие на посольском приеме «в шестых» по правую руку от короля, любая степень социально-политического лидерства на Волыни после получения Ковеля — это примеры «статусной игры», которую несложно отличить от «воображаемого статуса», «статусной самоидентификации» и от «реальных» социальных структур. В поздних сочинениях он заостряет свой авторитет, мысленно возвращается в годы своей славы, поучает своих волынских друзей-шляхтичей, создает особую образовательную программу для православных. Так, на сей раз уже в сочинениях самого А. М. Курбского рождается образ первостепенного политика, борца с тиранией, непобедимого воина. Этот образ было бы упрощением, на наш взгляд, считать исключительно ретроспективным — например, компенсаторным или ностальгическим. Отказ от военной службы показывает, что князь в новом отечестве относился к общественной жизни примерно так же, как и на родине. Он стремился сформировать вокруг себя ауру, которая обособила бы его от устоявшихся структур социальной иерархии. Единственным социальным механизмом, которому князь продолжал придавать значение, связывая с ним надежды на последующее «вхождение» в состав местной элиты, было родство и наследование.

[588] СК. Л. 58–59.

Идеолог княжеской власти

Экзальтация княжеской власти в сочинениях Андрея Курбского не оставляет сомнений, что его Переписка с Иваном Грозным велась с позиций представителя власти. Причем власти, близкой к сакральной не меньше, чем царская[589]. Лишение княжеской власти сакральности было для князя недопустимо, даже если он сам не отличался святостью и признал свой отказ пострадать и отдать жизнь, не поддавшись тирану. Когда Иван Грозный высмеивает «ангельское» в поведении Курбского, сведя его идеал к ереси Навациана, он не только разоблачает «ересь чистых»[590]. Мишенью становится княжеский титул как таковой в том единстве родословного происхождения и религиозного призвания, которое было неизбывно для его носителя. В «Истории о князя великого московского делех» миссия богоставленного на престол царя изображена в духе общерусской княжеской памяти. Царь должен бороться против внешнего дракона христоборных захватчиков и избегать превращения во внутреннего дракона — мучителя-тирана. Дракон-змей — узнаваемый символ, обретший геральдическое значение у московских великих князей (потомков Ивана Калиты) и суздальских князей в эмиграции (князя Ивана Губки Шуйского и его потомков). Княжеская власть нашла в облике св. Георгия Победоносца воплощение собственной миссии в Русской земле — сокрушение врагов. Андрей Курбский осуществил в своем волынском скриптории новый перевод Жития Георгия Победоносца и включил его в том «Симеон Метафраст». Святой Георгий в «Истории» Курбского служит образцом для описания пыток и гибели московских воевод за православие[591]. Аналогично тому, как змееборец, почитался и русский святой князь Петр, муж Февронии. Идеал воплотился в жизненных ориентирах — Курбский учит своего читателя, «светлого юношу», русского шляхтича, на примерах новых мучеников и воинов бороться за веру против двух драконов, опутавших богоспасаемую Святорусскую империю-республику.

Семейная атмосфера, в которой воспитывался княжич Андрей Михайлович, благопри-

[589] В другом месте мы обсуждаем причины, по которым Андрей Курбский считал венчание на царство 1547 г. недостаточным, чтобы носитель царского титула стал законным царем. См. также: *Курбский А. М.* История... С. 822–826. Примеч. 124 об. — 9 (автор — В. М. Лурье).

[590] Об этом см. здесь в главе «Экстенсивное чтение».

[591] Об этом см. здесь в главе «Ренессансный историк».

ятствовала усвоению религиозно-мистических идеалов властвования. Дядя Курбского по матери, Василий Михайлович Тучков редактировал повести о жизни Михаила Клонского и в 1537 г. создал на их основе житие. Михаил был канонизирован в общерусском пантеоне святых на глазах у юного Андрея Курбского на соборе 1547 г. Михаил Клонский — отпрыск княжеского происхождения, родственник или даже незаконный сын великого князя Дмитрия Ивановича Донского, отрекшийся от власти и богатства ради Христа. Его княжеский титул сохраняет вес в делах высшей политики, Михаил наставляет правителей, а Ивану Васильевичу Немиру угрожает даже, что, если новгородцы не ударят челом великому князю московскому и останутся за литовским князем Михаилом (Олельковичем), то Новгород ждет война и разорение. Подобным образом наставляет в «Истории» Курбского Максим Грек царя Ивана Васильевича, угрожая гибелью наследника. Это житийный фрагмент, который приобщается к «Сказанию о Максиме Греке» и кратким заметкам о старце Максиме в переводных томах из ковельского скриптория, к созданию которых князь был в той или иной мере причастен. Да и сам Курбский, не будучи монахом, но пророчествуя, угрожает царю Ивану, предрекает вымирание его потомства. Возможно, каким-то пророческим даром обладал и двоюродный дед Курбского князь Семен Федорович, чей авторитет был признан, как знал князь Андрей, даже автором «Записок о Московии» Сигизмундом Герберштейном.

Болезненную реакцию в Курбском вызвало непочтительное упоминание царем Иваном князя — предка ярославской линии Рюриковичей, Федора Ростиславича Черного. Курбский сделал вставку в свое же Первое послание царю, подчеркнув нетленность мощей его предка, князя Федора. Житие князя Федора возникло ко времени его канонизации в 1463 г. и вызывало разногласия в первой половине XVI в., которые и отразил своей язвительностью Иван Грозный. Как отмечает А. И. Филюшкин, князь Федор, как позднее и его потомок Курбский, был вынужден бежать на чужбину, где не утратил веру, а позднее вернулся и был восстановлен Богом на своем престоле[592]. С. В. Городилин показал, что князья Федор, Давыд и Константин после их канонизации оставались родовыми патронами ярославских князей, и особенную актуальность их культ обрел в Москве на фоне развернувшейся борьбы за Казань, когда объединение татарской и русской власти в семейной жизни святого Федора послужило образцом для новых властных отношений, а сами святые на соборе 1547 г. были канонизированы для общерусского почитания[593]. Этим влияние агиографии на Курбского не ограничилось. Рефлекс Жития Александра Невского мы обнаружим в переданной Курбским легенде о Рюрике и его «шести мужах» — князьях решских. В Короне и Литве князь принял участие в формировании культа Острожских, приведя в «Истории» уникальную легенду о заступничестве святого Дмитрия Прилуцкого за князя Константина Ивановича, отца Константина-Василя Острожского, во время его московского плена и заточения[594]. Московские Гедиминовичи также обрели своего нового мученика в лице насильственно постриженного в монашество соратника Максима Грека, князя-старца Вассиана Патрикеева.

Род и семья князя Андрея Михайловича были причастны к формированию нескольких общерусских культов, открывших почитание святых-князей нового типа. Это уже не Борис и Глеб, уподобившиеся Христу своей жертвенностью за княжеский род и за всю Русскую землю. Святость заключена в самой миссии, посвящении княжеского титула, накладывающего обязательство погибнуть за своих братьев, сохранить единство и свободу Святорусской земли. Культы земли и титула связаны между собой, причем княжеское владение может быть сколь угодно малым, а ветвь княжеского рода — сколь угодно второстепенной. С. А. Зеньковский, критикуя М. Чернявского за его преувеличенное внимание к образу святого князя в древнерусской культуре: «Действительно, немало князей было канонизировано Русской церковью, но лишь немногие из них — за исключением, например, Владимира, Крестителя России, или Александра Невского, защитника северной России против католических интервентов, были суверенами значительных территорий, таких как княжества

[592] *Филюшкин А. И.* Андрей Курбский. С. 47–49. Более сложное сравнение брачной истории князя Федора Черного (его женитьба на татарской царице) и Андрея Курбского (его женитьба на Марии Голшанской) А. И. Филюшкин подводит к словам о «поистине мистическом совпадении» двух биографий. Однако, как представляется, это сравнение ближе к тому, что сам же коллега называет «игрой ума». См. также здесь главу «История одного развода».

[593] *Городилин С. В.* Культ св. Федора Ярославского: социальный и политический контексты возникновения и развития // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 125–180.

[594] *Курбский А. М.* История... С. 827–828. Примеч. 125 об. — 4 (автор — К. Ю. Ерусалимский).

Киева и Московии. Бо́льшая часть канонизированных князей – это были правители таких незначительных городов, как, например, Псков, Кашин, Чернигов или Муром»[595]. Не принял концепцию Чернявского и Марк Раев, считавший недопустимым прямо связывать миф святости с эсхатологическими учениями, как это делает Чернявский[596]. Наконец, Н. В. Рязановский сформулировал в своей рецензии то наблюдение, которое применимо и к историографическим тенденциям наших дней, во многом черпающим свои основания из консервативного образа Власти, созданного в политической антропологии и социологии в 1930–1950-е годы. Восприятие монарха как «бога во плоти» в обществе посленетровской России — это аберрация, при которой содержание мифа подменяется его формой, а идея преемственности между московской властью и имперским статусом посленетровской эпохи ретроспективно накладывает на монархов XV–XVII вв. невозможные культурные коннотации: «Например, очень трудно согласиться с тем, что Николай I был в значительной мере московским царем, даже если Герцен думал иначе»[597]. Московские цари, как и массы окружавших их сородичей, были князьями и великими князьями, а их сородичи были государями и в своих владениях по статусу, и в поместьях по манере властвования, и в исторической памяти, и в правах на наследование высшей власти.

***

Что отличало взгляды Андрея Курбского на княжескую власть от современных ему представлений, а что сближало с ними? Какой объем власти ему принадлежал как носителю титула в Российском государстве и Речи Посполитой? Княжеский титул был в России XVI в. знаком происхождения личности и «сравнительно недавним или пока еще актуальным статусом владетельного суверена»[598]. Князь обладал потенциальной возможностью занять существующий престол или основать новый. Князья продолжали владеть селами, часто в землях своих предков, были представителями местного управления и пользовались правом занимать высшие государственные должности[599]. Вместе с тем княжеский титул накладывал на его носителя военные, юридические, моральные обязательства перед своей землей[600]. Лишение титульных земель превращало княжеские фамилии из владетельных в корпоративно-родственные, что не могло не оказать воздействия на ментальность князей и не отразиться на их отношениях с высшей властью.

Политика московских великих князей в процессе «собирания» Русского государства под своей властью была направлена на укрепление статуса великокняжеского титула и одновременное ограничение объема властных полномочий княжеского. Закрепление династического превосходства потомков Василия I сопровождалось как переходом княжеских фамилий в государев двор, их линьяжно-местнической организацией и матримониальным сближением с троном, так и войнами внутри правящего рода за первенство и господство. Иван Грозный унаследовал от своего отца клубок противоречий, для безболезненного разрешения которых в России не существовало отлаженных механизмов. Государев двор ко времени его вокняжения представлял собой иерархический институт, где конкурировали отпрыски русских и литовских княжеских родов, татарские царевичи и князья, представители нетитулованных русских и иностранных родов. Конфликт между князьями Шуйскими и Бельскими в обстановке фактического междуцарствия на рубеже 1530–1540 гг. был показателем неустойчивости иерархии московских Рюриковичей и Гедиминовичей[601]. В посланиях Курб-

[595] *Zenkovsky S.A.* Rev.: *Cherniavsky M.* Tsar and People... // RR. 1963. Vol. 22. N 1. P. 92–93, здесь p. 92. Сохраняем терминологические особенности английского текста. О концепции М. Чернявского см. также здесь «Иван Грозный и «Другой»».

[596] *Raeff M.* Rev.: *Cherniavsky M.* Tsar and People... // SR. 1962. Vol. 21. N 2. P. 344–346, Здесь p. 344–345.

[597] *Riasanovsky N.V.* Rev.: *Cherniavsky M.* Tsar and People... // PSQ. 1963. Vol. 78. N 2. P. 304–305, здесь p. 305.

[598] *Назаров В.Д.* О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1485 г.) // ДГВЕ. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 189–206; *Его же.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 175–196.

[599] *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 49–68.

[600] *Яковенко И.И.* Персональный состав княжеской прослойки Волыни и центральной Украины конца XIV — середины XVII в. Князья в свете закона и традиций // ИГ. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 32.

[601] Суздальский княжеский род воспринимался при московском дворе как носитель древнего права на северо-восточные русские земли. В рассуждениях Курбского остается неразгаданной ошибочная с точки зрения сегодняшних знаний о княжеском родстве мысль, что тверские князья происходят от суздальского великого князя Андрея. Идея общего предка Шуйских и Тверских, вероятно, коррелирует с авторитетом святого князя Михаила Ярославича и великой княгини Марии Борисовны, дочери великого князя Тверского Бориса Александровича и первой жены великого князя Московского Ивана III.

скому 1564 г. и Г. А. Ходкевичу 1567 г. царь Иван выражал недовольство тем, что Шуйские в его детские годы «высились», а на Бельских он указывал как на более предпочтительных кандидатов на престол Великого княжества Литовского, чем польский король. В переписке со шведским королем царь утверждал, что княжеский титул не идет в сравнение не только с его царским, но даже с королевским, и недостаточен, чтобы «на господарстве сидеть», однако тогда он выяснял отношения с Юханом III и затронул весьма болезненную для себя тему венчания на царство: юридические предпосылки этой церемонии нуждались в фабрикации не только в Стокгольме, но и в Москве[602].

Другому своему сопернику, польскому королю и великому князю литовскому Стефану Баторию Иван Грозный вменял низкое социальное происхождение, не позволявшее ему, по мнению царя, равняться с ним в «братстве»: «А что он пишет, будо мы то перво пишемся Иоанном, а перед тем звалися есмя Иваном Василевичем, ино то простое имя, ино он то пишет, нас укоряя. А мы не шляхотново не рыцерского роду, что нам писатись просто, а так тем именем еще писался дед наш блаженные памяти великий господарь царь и великий князь Иван Василевич всеа Русии. А простых Иванов Василевичев и Божим милосердием и ныне у нас не токмо что в добрых людех, и в середних людех много»[603]. Впрочем, Иван IV не принял избрание Стефана Батория на трон Речи Посполитой и фактически объявил ему ультиматум еще в 1576 г., а в 1577 г. вторгся во главе войска в Ливонию. Отношение к польскому королю диктовалось политической борьбой. И всё же — королю запретили называть царя Иваном: «Я тебе не Иван».

Равных царю, по его представлениям, не было не только среди князей — но и среди королей. С этой точки зрения труднообъяснимы опричные и послеопричные события — убийство близкого родственника князей, но собственно не носившего княжеский титул Ивана Петровича Федорова 11 сентября 1568 г. по обвинению в посягательстве на трон, а также избрание в качестве кандидата на великокняжеский трон «всея Руси» в октябре 1575 г. касимовского царя Саин-Булата б. Бекбулата (в крещении — Симеона Бекбулатовича). В обоих случаях был разыгран «политический маскарад» с неясной подоплекой. Нельзя исключать, что в первом случае допускалось воцарение без княжеского титула. Абсурдность обвинения нетитулованного лица в претензиях на престол не отменяет факта обвинений именно в его адрес, а не, скажем, в адрес Владимира Старицкого[604]. Во втором случае был избран царь-Чингизид по титулу в качестве подмены подлинного царя. В источниках Симеон выступает в титуле татарского царя и великого князя всея Руси, затем — великого князя тверского[605]. В обоих случаях требуют специального изучения исторические и литературные образцы «инсценировок».

Титулованным землевладельцам на царской службе от имени Ивана Грозного выставлялись претензия за претензией. Во Втором послании Курбскому говорится: «А у батюшка, да Божиим милосердием и Пречистые Богородицы милостию, и великих чудотворцов молитвою, и Сергиевою милостию, и батюшковым благословением, и у меня Прозоровских было не одно сто»[606]. Равняться с собой в родовитости царь не позволял не только «торговым мужикам» и шляхтичам «рыцерского роду», но и князьям. Претендуя на подчинение «всей вселенной», царь опасался титулованных «холопов» на своей части[607]. Даже признавая владетельные права князей, он укреплял свое господство над их правами и свой престиж в качестве царя над царями и князьями в переговорах с европейскими конкурентами. Самосознание одного из таких «Прозоровских» на царской службе, Андрея Курбского, его представления о значении своего и других княжеских родов самобытны и одновременно отражают какие-то особенности распределения власти в Российском государстве и Речи

Неясно, какого происхождения сама ошибка, однако ее коннотации затрагивают ключевые проблемы московской политической борьбы эпохи Ивана Грозного. Королевский статус князей Бельских подчеркнут Курбским, вероятно, независимо от царя Ивана.

[602] БЛДР. Т. 11. С. 124. Королевский род Ваза утвердился на шведском престоле лишь в 1523 г., а сам Юхан пришел к власти в результате государственного переворота. Но в родословии Ивана Грозного все венчания на царство до 1547 г. были сфабрикованы, а сам обряд, совершённый над ним, был нелегитимным с точки зрения западных имперских традиций, восходящих к венчанию Карла Великого в 800 г., и византийской практики венчания на престол Ромейской империи. Признания Рима и Константинополя Иван IV начал добиваться, уже являясь царем.

[603] ПК-78-1. Л. 279 — 279 об., 280 об.

[604] *Курбский А.М.* История... С. 738–740. Прим. меч. 93-5 (автор — К. Ю. Ерусалимский).

[605] *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. С. 60–67, 110–111 и др. по указателю.

[606] ПИГАК. С. 104 (л. 256).

[607] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 203–204.

Посполитой[608]. В первую очередь историков интересует литературный конфликт между эмигрантом и царем, в котором исследователи видят не только эмоциональный спор по частным вопросам. Конечно, ни тот, ни другой не были теоретиками в том схоластическом понимании, которое было выработано европейскими средневековыми университетами, но всё же имели богословские склонности, которые сказались и на их социальных представлениях. Взгляды Курбского служат подспорьем для ряда концепций социального положения русских князей ко времени и во время опричнины, его сочинения многократно цитировались в спорах историков о социальной политике Ивана Грозного.

Со времен С. М. Соловьева ведущие позиции в науке заняла идея о том, что в Переписке отразилось противостояние княжеской и царской власти. Первой приписывались удельно-вотчинные и феодальные идеалы, второй — неограниченное самодержавие и опора на условное землевладение. И. Н. Жданов, развивая тезисы П. И. Мельникова и К. Н. Бестужева-Рюмина, высказал соображение о землевладении как главном предмете споров между царем и эмигрантом: «Вотчины, - вот стало быть тот пункт, который в борьбе самодержавия с боярством представлялся Курбскому важнейшим и выдающимся: царь преследовал бояр, завидуя их богатству, их отчинам»[609]. В сжатой формулировке здесь выражено положение о социально-экономических причинах московской придворной борьбы времени Ивана Грозного. Однако царь Иван и Андрей Курбский не ограничиваются в своем споре отношениями царя и бояр, а о вотчинах пишут в очень узких контекстах, смысл которых не позволяет судить, действительно ли они считали вотчины «важнейшим и выдающимся пунктом» борьбы самодержавия с «боярством». Еще одну версию — о воплощенном в сочинениях царя и князя противоборстве удельной и государственной систем — афористично выразил В. О. Ключевский: «Читая рассказ кн. Курбского об Иване IV и Переписку между ними, видишь, что головы обоих корреспондентов, отдаленных потомков удельных князей, еще полны свежими удельными воспоминаниями, от которых они не умеют отрешиться даже тогда, когда замечают, что установившаяся действительность дает мало опоры этому запоздалому археологическому грузу памяти»[610]. Историк обратил внимание на высокую роль исторической памяти, традиций, связанных с «удельным» прошлым Руси. Концепция Ключевского сглаживает остроту противоречий между участниками Переписки, но обходит стороной тот факт, что «прошлое» используется в сочинениях обоих «потомков удельных князей» для обоснования их представлений о «современности». С. Ф. Платонов подкреплял ссылками на сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского свой тезис о борьбе дворянской монархии (выраженной в опричнине) с «княжеской классовой оппозицией» (воплощенной в Избранной раде)[611]. Курбский представлен рупором оппозиции, сочетая княжеское происхождение и приверженность идеалам Избранной рады. Парадокс в том, что руководящая роль княжеского класса в доопричных реформах Ивана Грозного наилучшим образом доказывается происхождением Курбского, который, тем не менее, не считал главами Избранной рады князей и смотрел на ее политику, никак не связывая ее с материальными нуждами своего «класса». Линии «боярской» и «княжеской» концепций сошлись в ряде обобщающих работ. Н. П. Павлов-Сильванский допускал, что тезис Курбского о захвате московскими князьями «убогих и окаянных вотчин» «можно отнести не только к борьбе с княжатами, но и к борьбе с боярами»[612]. Также П. А. Садиков, скрыто цитируя Курбского, писал о нейтрализации княжеско-боярской аристократии в годы опричнины[613]. Смягчающая формулировка «нейтрализация» не снимает двусмысленности. Если Курбский представлял борьбу царя с боярами, или княжатами, или княжеско-боярской аристократией, или «крупной феодальной знатью» как борьбу с целостной социальной группой, то, очевидно, он ошибался. Надо было только доказать, что А. М. Курбский думал именно так.

С. В. Бахрушин отметил, что Курбский выступал апологетом не всего, а только «передово-

[608] Об этом см.: *Бычкова М. Е.* Генеалогия в «Истории о Великом князе Московском» А. М. Курбского // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 221–224.

[609] *Жданов И. Н.* Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 59.

[610] *Ключевский В. О.* Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. Репринт с изд. 1902, 1892 гг. М., 1994. С. 236.

[611] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 91, 100, 120; *Его же.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 203–204; *Пономарев В. И.* Проблема опричнины в русской историографии. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1946. С. 86–87; *Платонов С. Ф.* Иван Грозный (1530–1584). *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный / сост. и вступ. ст. Д. М. Володихина. М., 1998. С. 42–47, 71, 81–82, 86.

[612] *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1988. С. 476.

[613] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 63.

го боярства»[614]. Началось разрушение старого социологического языка, и А.А. Зимин показал его слабые стороны: «Курбский, в целом, рисуется идеологом тех групп боярства, которые понимали необходимость реформ и склонны были пойти на некоторые уступки дворянам с тем, чтобы укрепить позиции господствующего класса феодалов в целом»[615]. Осторожные формулировки Зимина — «группы боярства», «некоторые уступки дворянам» — дань общепринятым концепциям и в то же время их подспудное отрицание. Решительной критике концепцию С.Ф. Платонова подверг С.Б. Веселовский. По его мнению, опричнина была направлена не против порядков, а против личностей. Она не внесла ничего принципиально нового в политику царя, что подтверждают сочинения А.М. Курбского: «существенным и важным» для Курбского были «бессудность и потому несправедливость его [царя. — *К.Е.*] опал и крайняя жестокость наказаний, неблагодарность к заслугам лиц, подвергавшихся опалам, неуважение к преклонному возрасту жертв, истребление людей "всеродне", т.е. с женами, малолетними детьми и ни в чем не повинными родичами»[616]. Выходит, «все притязания Курбского сводятся к тому, чтобы не быть битым без вины и без суда, а в оправдание своего отъезда он ссылается не на право отъезда, хотя бы устаревшее и вышедшее из употребления, а на Евангелие, которое не только разрешает, но и рекомендует бежать от верной смерти, чтобы не совершить "великого греха" самоубийства»[617]. Никаких иных требований («притязаний») беглый боярин, по мысли С.Б. Веселовского, не выдвигал и не думал ни о какой систематической борьбе Ивана Грозного против феодальной знати. Например, Курбский, не зная истинных причин, снискал гибель князей М.И. Воротынского и Н.Р. Одоевского на «корыстные побуждения» царя, а характеризуя их крупные владения, «имел в виду только этих двух князей и вовсе не думал распространять эту характеристику на всех русских княжат»[618]. Последнее замечание можно принять с той оговоркой, что в конце княжеского мартиролога «Истории о князя великого Московского делех» речь идет об этих двух князьях, но в отмеченном месте нет указаний, «думал» ли Курбский распространять характеристику их владений только на них или на кого-либо еще. Гораздо менее ясно обстоит дело с его «притязаниями»: перечисленных С.Б. Веселовским требований (а их список можно расширить) было бы достаточно, чтобы сочинения А.М. Курбского бросили вызов московскому служебному устройству и оказались в одном ряду с «Мельницкой ухвалой» и «Генриховскими артикулами», ограничивавшими королевскую власть в Речи Посполитой.

Опричнина, как показали исследования С.Б. Веселовского, Г.Н. Бибикова, А.А. Зимина, Ю.Г. Алексеева, В.Б. Кобрина, С.М. Каштанова, нанесла удар не только по вотчинам князей, но и по поместному землевладению, лишив хозяйственной базы и средств к существованию многие небоярские и нетитулованные дворянские роды[619]. Р.Г. Скрынников разработал точку зрения, во многом сглаживающую противоречия между исследовательскими направлениями, берущими начало в работах С.Ф. Платонова и С.Б. Веселовского, и пришел к выводу, что опричнина в первую очередь нанесла удар крупному княжескому землевладению[620]. А.П. Павлов подтвердил и развил тезис об уходе ряда княжеских родов с политической сцены в правление Ивана Грозного и вскоре после его смерти. Захудалые роды уступали место у трона нередко худородным представителям нетитулованного дворянства, а среди князей выдвиженцами всё чаще становились далеко не самые родовитые Рюриковичи (например Вяземские)[621]. По мнению Б.Н. Флори, опасность для московской власти со стороны княжеских родов действительно существовала. Со ссылкой на родовую память, отразившуюся в сочинениях

[614] *Бахрушин С.В.* Иван Грозный. М., 1945. С. 88, 94–95.

[615] *Зимин А.А.* Русская публицистика конца XV–XVI вв. М., 1959. С. 39–40.

[616] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 14.

[617] Там же. С. 119–120.

[618] Там же. С. 33.

[619] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 156–184; *Его же.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // ВИ. 1946. №1. С. 86–104; *Бибиков Г.Н.* К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды ГИМ. Вып. 14: Сборник статей по истории СССР XVI–XVII вв. М., 1941. С. 5–28; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 16–91; *Его же.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 136–160; *Каштанов С.М.* К изучению опричнины Ивана Грозного // ИСССР. 1963. №2. С. 96–117; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. М.: Л., 1966. С. 221; *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001. С. 192–220.

[620] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 238–265; *Корецкий В.И.* Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов-на-Дону, 1980. С. 37–54;.

[621] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 17–18, 149–217.

Курбского, исследователь доказывает, что Рюриковичи не считали власть московских великих князей безграничной и стремились к расширению дворянских сословных прав[622].

Как ясно из этого обзора, Андрея Курбского называли представителем удельного, княжеского, княжеско-боярского, дворянского или в целом феодального, аристократического мировоззрения. В известном смысле реакцией на социологические обобщения стал тезис об отсутствии у князя отчетливого социального самосознания. Противоречия исследовательских ожиданий и содержания источников выразил Я.С. Лурье, во многом опираясь на концепцию С.Б. Веселовского: «Именно в Польско-Литовском государстве, пребывающем, по его выражению, «издавна под свободами христианских королей», Курбский пришел к важной для него мысли о существовании «свободного естества человеческого» и «естественного закона», по которому должны жить люди. С позиций этого «закона» он осуждал такие явления русской жизни XVI в., как насильственное крестоцелование, препятствующее свободному «отъезду», и казни «без суда» по наветам «ласкателей». Постановка таких вопросов, конечно, имела существенное значение. Но какая же политическая система вытекала, по мнению Курбского, из этого «естественного закона»? Какие права она должна давать подданным и какие обязанности налагать на власть? Ответа на этот вопрос мы у Курбского не находим»[623]. В сомнениях многое прояснилось бы, если бы удалось заменить понятие «политическая система» и раскрыть категорию «власть» в текстах А.М. Курбского и его современников. Упрощенный ответ не нуждается в поиске: Курбский — аристократ и его воззрения аристократические[624]. Но значит ли это, что «потомок независимых смоленских и ярославских властителей... не претендует на большее, чем роль слуги московских государей»[625]? Д.С. Лихачев подвел итог этой точке зрения, заметив, что Курбский «не противопоставил Грозному своей собственной теории государства»[626].

В противовес этой тенденции социальные представления Курбского будут изучены здесь как неотъемлемая составляющая тех культурных тенденций, из которых складывается этос европейского «придворного общества»[627]. Его общественные идеалы мы обнаруживаем в понятиях и понятийных различиях, индивидуальных и групповых характеристиках, чиновных рядах, иерархиях, в его глоссах, комментариях и сравнениях[628]. Понятия не сводимы к статичным определениям и требуют рассмотрения в ограниченных контекстах «средней» и «малой» длительности — в их воздействии на социальные институты и индивидуальное восприятие. Понятие тем более осмысленно, чем более его подтекстов удается установить в структуре источника или, соответственно, некотором множестве источников. Подобного исследования политической лексики в сочинениях А.М. Курбского до сих пор не проводилось, хотя интерес к проблемам интеллектуальной истории средневековых русских земель заметно возрос. Примеры исследования русских политических категорий на источниках до начала XVI в. и на некоторых официальных источниках XVI в. представляют работы Г. Штёкля[629], А.Л. Станиславского[630], В.Д. Назарова[631], А. Поппе[632], В. Водова[633],

---

[622] *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 198–201, 210–211.

[623] *Лурье Я.С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // ПИГАК. М., 1993. С. 234–235.

[624] Там же. С. 235–236.

[625] *Елисеев С.А.* «История о великом князе Московском» А.М. Курбского как памятник русской исторической мысли XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 116.

[626] *Лихачев Д.С.* Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С. 208.

[627] *Элиас Н.* Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002; *Mączak A.* Jedyna i nieporównalna? Kwestia odrębności Rzeczypospolitej w Europie XVI–XVII wieku // KH. 1993. Cz. 4. S. 121–136.

[628] Ориентиром для нас служат история понятий в духе Кембриджской школы и так называемая новая интеллектуальная история. См., напр.: *Skinner Q.* The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 1: The Renaissance. Cambridge et al., 1978; Modern European Intellectual History. Reappraisals and New Perspectives / eds. D. LaCapra, S. Kaplan. Ithaca; London, 1982; *Berkhofer R.F.* Beyond the Great Story: History as Text and Discourse. Cambridge; London, 1995; Passés recomposés. Champs et chantiers de l'Histoire / dir. par J. Boutier, D. Julia. Paris, 1995; *Topolski J.* Jak się pisze i rozumie historię. Tajemnice narracji historycznej. 2-e wyd. Warszawa, 1998.

[629] *Stökl G.* Die Begriffe Reich, Herrschaft und Staat bei den orthodoxen Slawen // Saeculum. 1954. N 5. S. 104–118.

[630] *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 119–140.

[631] *Назаров В.Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 104–123.

[632] *Poppe A.* O tytule wielkoksiążęcym na Rusi // PH. 1984. T. 75. S. 423–439.

[633] *Vodoff W.* La titulature princière en Russie du XIe au début du XVIe siécle // JGO. Wiesbaden, 1987. Bd. 35. P. 1–35.

С. М. Каштанова[634], А. А. Горского[635]. Вслед за названными авторами в этой главе изучен не столько корпус сведений но истории княжеских родов и их взаимоотношений, сколько скрытые в этом корпусе понятийные различия и общественные идеалы[636].

Представления А. М. Курбского о княжеской власти требуют изучения в пяти направлениях, учитывая, что писатель высказывал их не систематично, а, во-первых, употребляя понятия «царь», «великий князь», «князь» и т. д.; во-вторых, с помощью кратких родословных легенд; в-третьих, похвалой индивидуальному предку или краткими сюжетными рассказами из прошлого по частным поводам; в-четвертых, скрытыми иерархическими построениями, расположением отрывков текста; в-пятых, рассуждениями о себе и своих родственниках. При этом понятия, выражающие различные социальные категории, были предметом специальных терминологических раздумий князя; родословные легенды в некоторых случаях становились поводом для распространения текста за счет похвалы или краткого рассказа-притчи; иерархические воззрения князя реконструируются с помощью структурного анализа его текстов; наконец, его семейно-биографические и мемуарные оценки помогут уточнить статус Курбских в России и личный статус Андрея Курбского в эмиграции[637].

***

Во введении к «Истории» истоки трагедии, постигшей покинутое отечество, определены Курбским в глубокой диахронии: «...аще бы изначала и по ряду рекл, много бы о том писати, яко в предобрых руских княжат род всеял диявол злые нравы... яко и во израильтеских царех»[638]. Княжеский род восходит к князю Рюрику (хотя в целом не ограничивается Рюриковичами) и представляет правящее начало в Русской земле благодаря тому подвигу, который он совершает, защищая православие[639]. Из предков московского государя князь Андрей Михайлович призывает царя ориентироваться на «княжат руских святых»[640]. Князьям принадлежит заслуга достижения суверенитета и объединения земли. Распад княжеской общности произошел, согласно Курбскому, не вследствие княжеского сепаратизма. Царь опалился на «своих единоплемянных и единоязычных, не противящихся ему»[641]. Некоторые из них еще сидят «на своих уделех» и верно служат христианской республике и царю[642]. Единый род «предобрых руских княжат» стал жертвой дьявольских козней, и это тем болезненнее для одного из его отпрысков, что разрушение

---

634 *Каштанов С. М.* О типуле московских государей в XV–XVIII вв. // Россия в X–XVIII в. Проблемы истории и источниковедения: Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 26–28 января 1995 г. М., 1995. Ч. 1. С. 228–236.

635 *Горский А. А.* О типуле «царь» в Средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 205–212.

636 См. также: *Auerbach I.* Die politischen Vorstellungen... S. 170–186; *Рыков Ю. Д.* Князь А. М. Курбский и его концепция государственной власти. С. 193–198; *Елисеев С. А.* О некоторых особенностях философско-исторических взглядов Курбского // Вестник МГУ. Сер. 8. 1983. №3. С. 68–77; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 182–190; и др.

637 Этот вопрос был поднят нами в главе «Социальный статус».

638 Поскольку в данном разделе нашей работы в некоторых случаях потребуется точная локализация ряда чтений, мы пользуемся как нашим изданием, основанным на списке ОР ГИМ собр. А. С. Уварова №301 (2°), так и изданием Г. З. Кунцевича — «извлечением» из РИБ. Т. 31. Чтобы обнаружить чтения этого «извлечения» в издании «Сочинений князя Курбского», необходимо учитывать, что стб 1 «извлечения» соответствует стб 161 «Сочинений». При этом за основное мы всегда принимаем то чтение, которое реконструировано в издании «Истории о делах великого князя московского». См.: СК. Л. 1 об., 129 об.; *Курбский А. М.* История...; *Его же.* История о великом князе московском. (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»). СПб., 1913 (далее: Ист-*номер столбца / строки*). Стб 1/23–2/4, 188/29–189/3.

639 *Auerbach I.* Die politischen Vorstellungen... S. 180, 183–184.

640 СК. Л. 129 об., ср.: Ист-188/33. Среди «предков» встречаются также представители немосковских династий. Маршал Филипп фон Белл в «Истории» говорит, что Бог укрывал Ливонию как «от руских княжат... так и от литовских» (СК. Л. 64 об., ср.: Ист-95/7–9). Однако в том широком понимании Курбским родства русских князей, о котором пойдет речь в нашей работе, черниговские, суздальские, ярославские, тверские, литовские и другие князья попадают в число предшественников Грозного. Символическими родственниками Ивана Грозного, его «отцами» и «братьями» признаются также все его слуги, и он злом за добро «воздает своим светлыми делы украшенным, верне служащим ему мужем» (СК. Л. 96 об., ср.: Ист-139/21–26). Святые правители других стран, не заявленные в «Истории» в качестве родственников московских князей, также приводятся в пример царю, скажем, король польский Сигизмунд I Старый — «воистинну яко сущий святый христианский» (СК. Л. 96, ср.: Ист-138/36–139/1).

641 СК. Л. 88 об., ср.: Ист-127/31–33.

642 СК. Л. 89, ср.: Ист-128/10–12, 128/21–24. В этом месте «Истории» о республике не говорится, но, как мы покажем ниже, служба царю его Избранной рады, согласно Андрею Курбскому, была службой и республике. Князь Михаил Воротынский под пыткой говорит лишь о своей службе царю.

рода происходило на его глазах и роковым образом отразилось на его жизни.

Прежде всего попытаемся различить в текстах Андрея Курбского царскую и княжескую власть, не случайно уравненные уподоблением русских княжат израильским царям. Сходство между представителями обеих социальных групп уже в том, что и те и другие, как и другие люди, смертны, подвержены «человеческим бедам» и равны перед Богом[643]. Князья и цари одинаково могут быть определены как «властели» и «начальники»[644]. Русские князья в начале «Истории» сравниваются с израильскими царями, что предполагает сходство полномочий. Параллель русских князей и царей израильских служила одной из опор в композиции не сохранившейся росписи Сеней и Золотой палаты московского Кремля 1547–1553 гг.[645] Во Втором послании Вассиану Муромцеву Курбский определяет «царей и князей» как «державных», имеющих сходные обязанности радеть за державу, кротко и милостиво править суд, заступаться за землю «ото врагов чювственных»[646]. Русские князья при великих князьях, согласно предисловию к «Новому Маргариту», воюют «в чину стратилацкове» и разбирают «дела овогда судебные, овогда советнические»[647]. Курбского возмущает заполненная развлечениями жизнь польского дворянства, не желающего, по его мнению, бороться против турецких завоевателей. Но самый вопиющий факт — малодушны и трусливы перед лицом неприятеля «не токмо зацные их некоторыи», но «и княжата»[648]. В деле защиты христианства князья должны показывать пример, а первый среди них возводится на царство как воплощение справедливости и воинской добродетели, «ибо ничего ради другаго, но точию того ради и помазаны бывают, еже прямо судити и царства, врученные им от Бога, обороняти от нахождения варваров»[649]. В России и Речи Посполитой князь стремился соответствовать своему идеалу: он получает ранения в битвах с неверными, пытается убедить царя в необходимости освобождения православного христианства от турок-осман, ведет переговоры о создании антитурецкой коалиции, воюет вместе с волынянами против крымских татар[650].

Однако помимо сходств кн. Андрей Курбский называет и множество различий между царями и князьями. Его лингвистические склонности, интерес к разнонаправленному переводу языковых реалий, в том числе политических, открывает один из возможных путей изучения понятийных различий. С помощью транслитерации Курбский привел в глоссах к своей «Истории»

[643] NM. Giessen, 1982. Bd. 1. F. 139v/13-16, 143v/7. Anm. d.

[644] DJD. S. 114 (F. 29a/3. Anm. 3°, 230-58a. Anm. 25°°).

[645] В парусах Сеней были изображены Давид, Соломон, Ровоам, Авия, Асс, Иосафат. Паруса Золотой палаты были записаны образами русских князей Владимира, Бориса, Глеба, Андрея Боголюбского, Александра Невского, Михаила Ярославича Тверского, Ивана III и Василия III. Цари Израиля вступают в отношения символического подобия с царственными предками Ивана Грозного. См.: *Флайер М.* К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 181, 184; *Роуленд Д.* Две культуры — один Тронный зал // Там же. С. 194–195.

[646] РИБ. Т. 31. Стб 394/4-12, 395/5-18; ПИГАК. С. 115 (л. 155 об.). Ср.: NM. Giessen, 1982. Bd. 2. F. 199v/19-22, 200/21-22; DJD. S. LVI. Anm. 20°°; ОР ГИМ. Синод. № 219. Л. 58 об., 114 об.

[647] NM. Giessen, 1976. Bd. 1. F. 6v/9–14.

[648] СК. Л. 57 об., ср.: Ист-83/20–24; *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 462, 465; *Auerbach I.* Kurbskij-Studien. S. 208.

[649] СК. Л. 54 об., ср.: Ист-79/11–15. Здесь скрыто цитируются слова апостола Павла, встречающиеся также в ответе Стефана Батория от августа 1581 г. на письмо Ивана IV: «Бо для того королеве суть постановлены, яко святый Павел мовит, на злые меч носят, а которые с королев подданых своих, могучи, не боронит и допустит их мордовати, тогды яко бы их сам своею рукою мордовал» (ПК-79-13. Л. 326, 336–337). Это замечание вызвало несогласие Ивана Грозного, который понимал апостола иначе: «А что он припоминает святого апостола Павла, что князь не туне меч носит, и то он пишет гордостию: Павел то писал повинным, а не брату к брату» (ПК-78-1. Л. 272). Царь, видимо, подразумевает, что апостол обращает свои слова ко всем покорным власти, и приводя эту цитату, король по отношению к своему адресату занимает оскорбительную для царя властную позицию (ср.: Рим. 13: 4).

[650] В России вокруг личности Курбского возник ореол образцового воина, отдающего кровь за православное христианство. Судя по выпадам князя в адрес царя в повести «о казанском взятье», победа воспринималась им очень интимно, и он считал, что имеет право участвовать в выработке российской политики в данном регионе и решении татарского вопроса в целом. Официальная разрядная документация отразила исключительное внимание к ранениям Курбского (об этом см. главу «Социальный статус»). Оно заслуживает специального сравнения с идеологическими моделями, отразившимися на таких памятниках, как официальная повесть о взятии Казани, икона «Благословенно воинство Небесного Царя», синодик «убиенных во брани» московского Успенского собора. В «Истории» Курбский адресует специальную похвалу волынянам, совместно с которыми он отражал татарские нашествия на южные земли Речи Посполитой в середине — второй половине 1570-х гг. О подготовке антитурецкой коалиции свидетельствует внимание к этой теме в «Истории», переговоры Курбского с аббатом Цином и другими сторонниками идеи крестового похода (см.: AR. Dz. V. N 13980. S. 214).

самоназвания высшей татарской знати и их русские и европейские соответствия. Опыт переноса мусульманского политического языка на христианский интересен для нас тем, что позволяет соотнести ряд понятий в социальном тезаурусе Курбского[651].

Обратимся к понятиям высшей власти у Курбского. С царским титулом он упоминает «великого царя ордынского»[652], правителей крупнейших мусульманских орд (Казанской, Астраханской и Крымской)[653], турецкого султана Сулеймана[654], израильских библейских царей[655], западных королей[656], венчанных на царство римскими папами «западных царей»[657] и венчанных на царство патриархами восточнохристианских монархов Византии, Сирии, Болгарии, Сербии, Русской земли (в том числе великих князей Владимира Мономаха, внука Ивана III Дмитрия, Ивана IV, великую княгиню «царицу» Анастасию)[658], а также «Царя Небесного» (Триединого Бога, Бога-Отца с Богом-Сыном или одного Христа)[659]. «Цесарями», согласно Курбскому, были римские императоры[660]. Христианских императоров государств, наследующих Риму (Священная Римская Империя, Византия), он также титулует «цесарями», а их жен «царицами»[661], признавая в качестве основания для перехода в этот сан также «помазание царское»[662]. Эта констелляция понятий находит прямые аналогии в московском делопроизводстве при жизни Андрея Курбского и отвечает не только сложившейся московской дипломатической традиции, но и чаяниям царя Ивана Васильевича и его окружения в период Избранной рады и реформ митрополита Макария[663].

И всё же Курбский занимает непреклонную позицию в вопросе царского венчания, придерживаясь, по всей видимости, суровых взглядов Макария и Избранной рады. Об обрядах поставления на царство у восточных правителей А. М. Курбский не пишет и не использует понятие *хан*, но его замечания о татарских царях и восточных царствах заслуживают особого внимания. В повести «о казанском взятии», входящей в «Историю», содержатся следующие комментарии: «юрт [*глосса:* юрт измаильтеским языком абыкло нарицатися кралевство або царство само в собе стоящее]... и место главное, идеже престол царев был»[664]; «и отдаша нам царя своего со единым корачом што наиболшим их [*глосса:* со первосоветником]... Царю их было имя бусурманское Идигер, а князю оному

[651] *Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague; Paris, 1974. P. 53–56.

[652] СК. Л. 38, 86, ср.: Ист-55/27, 124/9–17.

[653] СК. Л. 5 — 5 об., 8 об., 9 об., 14 об., 15 об., 16 об., 18, 23 об., 25, 26 об. — 28, 41–45, 53, 60 — 60 об., 87 об., 90, 99, 101, 114 об., ср.: Ист-8/13, 8/23–24, 13/16–17, 15/1–2, 22/29, 23/30, 24/34, 26/34, 34/17, 36/25–26, 38/26–27, 38/32–33, 39/2, 39/14–21, 40/13, 40/17–32, 60/23–24–65/37, 77/26–27, 87/24–25, 126/29, 129/33, 143/14–15, 146/1, 166/30; ПИГАК. С. 109 (л. 144); DJD. S. LVI. Anm. 20°°.

[654] СК. Л. 64. Примеч. *, ср.: Ист-94/4–5. Примеч. 15.

[655] СК. Л. 2 об., 129 об., ср.: Ист-3/23, 188/30–31.

[656] СК. Л. 64. Примеч. *, то же: Ист-94/4–5. Примеч. 15; ср.: СК. Л. 63 об., то же: Ист-93/15–16.

[657] NM. Bd. 1. Lfg. 1. F. 4v/17. Anm. c. Здесь могут подразумеваться как короли, так и императоры. Курбский западных королей также называет царями. Один титул накладывается на другой в рассказе о Лыковых: «король» Сигизмунд I Старый распоряжается плененную семью Матвея Лыкова содержать «во своих царских полатах» (СК. Л. 96, ср.: Ист-138/36–139/4).

[658] NM. Bd. 1. Lfg. 1. F. 4v/17. Anm. c; DJD. S. LVI. Anm. 20°°; *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 118 (л. 66 об.); ПИГАК. С. 109 (л. 144 — 144 об.); СК. Л. 124, 129, ср.: Ист-180/5–9, 187/29–30; ср.: РИБ. Т. 31. Стб 391–392.

[659] СК. Л. 92 об. — 93, 131, ср.: Ист-133/26–134/23, 191/15; NM. Bd. 1. F. 128/24, 133/4, 135/6, 143v/11, 146/1, 148/1–2, 148v/15–18, 150v/13–18, 151/15 и сл.; Giessen, 1982. Bd. 2. F. 160/17–19, 167/19–26 (= Ист-111/10–25), 171/2–3, 181v/2–5; Bd. 2. F. 191v/23–24, 197v/14–15, 199v/1, 199v/16, 200v/5 и сл., 211v/18–20, 219/2, 219/18–19, 221/14–15, 222/5–6; Giessen, 1985. Bd. 2. F. 232/12, 233v/14–15, 237/24, 239v/10, 243v/11 и сл., 249/27, 250/21–22, 250v/11, 251/13–14. Anm. c.

[660] NM. Bd. 1. F. 154. Anm. c.; ПИГАК. С. 114 (л. 154).

[661] Жены цесарей определяются «царицами» и в московском Посольском приказе (ПК-78-1. Л. 222 об.).

[662] NM. Bd. 1. F. 4v/24–5/9; СК. Л. 2 об. Примеч. *, 54 об., 63 об., 68 об., 69, 124, 129, ср.: Ист-4/4. Примеч. 12, 79/11–15, 79/29–31, 93/17, 101/3–4, 101/26, 180/5–9, 187/29–30. В скриптории Андрея Курбского *Imperator* переводится как «цесарь», *Imperatrix* — «царица», проявление экзотического буквализма в *Romani Imperii causa* — «ради римского скипетра», *cælestis Rex* — «царь небесный», *regna terræ* — «царствия земные», *reges* — «царие», *principes* — «князие» (*Калугин В. В.* «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М., 2003. С. 118 (л. 419/3), 130 (л. 422/24), 132 (л. 422 об./1), 134 (л. 423/11–12, 423/23), 138 (л. 424/4–8); «Житие Сильвестра папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского / сост., предисл., коммент. В. В. Калугина. М., 2003. С. 38 (л. 568/9), 62 (л. 572 об./7, 572 об./26), 64 (л. 573/19), 66 (л. 573 об./1, 573 об./28) и сл., 80 (л. 577/27, 577/31), 82 (л. 577 об./19), 118 (л. 586 об./28), 122 (л. 587 об./16–17), 148 (л. 594/23)).

[663] *Raba J.* The Authority of the Muscovite Ruler at the Dawn of the Modern Era // JGO. 1976. Bd. 24. Hf. 3. P. 321–344; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 140–143.

[664] СК. Л. 27 об., ср.: Ист-40/18-20.

Зениеш»[665]. Юрт, королевство и царство, согласно Курбскому, синонимичны по объему власти - они самостоятельны, т.е. суверенны, и в данном конкретном случае имеют престольный (столичный) город. В этом смысле представления Курбского сходны как с тюрко-татарской исторической традицией, так и с ее преломлением в московском делопроизводстве, где слово «юрт» «употреблялось в качестве синонима независимого государства (ханства)»[666]. «Королями» или «кролями» обычно князь называет западных и также суверенных правителей — католических монархов Польши, Испании, Португалии, Франции[667].

Объем власти русских великих князей, согласно Курбскому, должен быть сходен с объемом королевской власти в западнохристианских государствах, и равным образом князьям в Русской земле должны принадлежать герцогские права. В глоссе к переводу «Слова о рождестве Иоанна Предтечи» волынского кружка Курбского был предложен своеобразный политический идеал устройства русского царства: земли великих княжат должны находиться в подчинении царей с такими же широкими свободами, как земли «царей от Бога помазанных венценосных» в подчинении у подлинных христианских цесарей[668]. Примеры, близкие к идеалу, встречаются, по мнению писателя, как в христианских, так и в мусульманских государствах. Все ордынские цари занимают подчиненное положение по отношению к «великому царю ордынскому»; западные короли (цари) получают согласие на свои действия от цесаря Священной Римской империи и папы Римского; восточнохристианские цари подчинены греческому императору и патриарху Константинопольскому. Если цесари иногда упоминаются А. М. Курбским как «цари», то русские правители, удостоившиеся царского титула, ни разу не названы им «цесарями», несмотря на используемые им понятия «великий царь» и «Святорусская империя»[669]. Вместе с тем нет в сочинениях Курбского и его волынских сотрудников претензий на то, чтобы аналогию княжат с царями развить до идеи равенства полномочий княжат и московских царей. Венчание, помазание от Бога на православное царство превращает князя в главу над остальными князьями, но эта дистанция не является, с его точки зрения, непреодолимой, поскольку царь избирается внутри всего рода по своим достоинствам[670].

Как понимает Курбский клан или род, претендующий на царский титул в русских землях? В письме Грозному от 3 сентября 1579 г. Курбский упрекает царя: «...погубил еси славу блаженные памяти великих княжат руских, прародителей твоих и наших, в великой Руси царствующих блаженне и преславне»[671]. Поскольку здесь говорится о многих княжатах, допустимы различные интерпретации отрывка. Имеет ли князь в виду, что поражения царя запятнали славу «наших» князей ярославских и «твоих» московских? Или славу именно их общих прародителей? Или, наконец, славу всех русских князей? Контекст фразы позволяет сузить круг ее значений. Прежде всего, нигде в своих сочинениях Курбский не утверждает, что в период монгольского ига кто-либо из русских князей был царем; и наоборот: «...еще в неволе были княжата руские у ордынского царя и от его руки власти приимовали»[672]. Ближайшие предки Ивана Грозного также не удостоились от Курбского царского титула.

---

[665] СК. Л. 27 об. — 28, ср.: Ист-40/26–30.

[666] *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 49.

[667] СК. Л. 63 об., 64, 96, ср.: Ист-93/15, 93/24–25, 138/36–139/1; ПИГАК. С. 108 (л. 143 об.), 109 (л. 144, 145); ср.: РИБ. Т. 31. Стб 392–393; *Васильев А.Д.* Лексика посланий А. М. Курбского Ивану Грозному: Традиционность и своеобразие: (К вопросу о формировании стилистических норм русского литературного языка). Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1981. С. 113, 175–176; *Цеханович А.А.* Сочинения князя Курбского и полемические антикатолические традиции древнерусской письменности. К проблеме изучения источников // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Т. 27. С. 19–31.

[668] ОР ГИМ. Синодальное собр. №219. Л. 137 об.

[669] СК. Л. 68. В Уваровском №301 и традициях II–V изводов «Истории» встречается чтение «нечестивые губители всего тамошнего цесарства», где «цесарство» относится к Русскому государству. Но в списках 1-го извода читается «царства». В других случаях, включая ту же повесть о суде над Сильвестром и Алексеем Адашевым, на всех этапах развития текста «Истории» сохраняется написание «царство» (см. также: NM. Bd. 1. F. 3v. Anm. a; ПИГАК. С. 373 (л. 142 об.). Примеч. к). А. Гваньини пишет, что наименование «император Руссии» использовалось русскими и московитами как заимствование от иноземцев, заменяющее аналогичное, с точки зрения европейца», выраженне «царь всей Руссии» (Гваньини. С. 90–91).

[670] Ироничное заявление А.М. Курбского в его письме Ивану Грозному о том, что Владимир Андреевич Старицкий был «недостоин» избрания на царство, следует понимать не только как объявление о своей непричастности к разжигаемым при московском дворе слухам, но и как вызывающее для царя признание наследственной монархии в том ее виде, который вырисовывался по деятельности последних трех московских государей (ПИГАК. С. 109 (л. 144 об.)).

[671] ПИГАК. С. 113 (л. 152).

[672] СК. Л. 86, ср.: Ист-124/12–15.

Следовательно, «блаженне и нреславне» князья царствовали до татаро-монгольского нашествия.

В «Истории» *Великая Русь* равнозначна актуальному для автора *Святорусскому царству*[673]. О «святости» Руси в Переписке и «Истории» уже неоднократно говорилось. Подсчеты приведены в работах М. Чернявского: единожды энитет «святорусский» использован в Третьем ноcлании Ивану Грозному, пять раз в «Истории» в форме «Святорусская земля», единожды «Святорусское царство» и дважды «Святорусская имнерия»[674]. Внрочем, нараллели, нредложенные исследователем здесь же, ненолны. В отличие от московской нрактики обозначения «Римского царства немецкого чину», Курбский нрименяет идею святости к стране, нричем к Русской земле — чего до него не делал никто, кроме его же учителя Максима Грека[675]. В письменных памятниках Короны Польской и Великого княжества Литовского данный энитет часто применялся и к Речи Поснолитой, но для Курбского нротиворечия здесь не было: Русская земля и была для него православной реснубликой-имнерией. Кроме того, Русская земля для него была, в отличие от московской практики обозначения европейской имнерии, царством, а не цесарством, т.е. никаких колебаний в высшем статусе Русской земли в иерархии нолитических форм для Курбского не было.

Меньше внимания удеялось энитету *великий* у Курбского. Во Втором ноcлании царю князь нишет: «Уже не токмо единонлемянных княжат, влекомых от роду великого Владимера, различными смертми номорил еси...»[676] Но «великим» (без княжеского титула) в текстах Андрея Михайловича выступает князь Владимир, который был общим нредком князей Ряноловских, Оболенских и Суздальских, т.е. киевский князь Владимир Святославич. В мартирологе князей Ярославских указан их предок, также «великий», Владимир Мономах[677]. Только к носледнему относятся слова «славный и блаженный» в «Истории», что позволяет отождествить упомянутых в Третьем ноcлании «нрародителей» с Владимиром I Великим и Владимиром II Мономахом[678]. Этих совнадений достаточно, чтобы относить *Великую Русь* в Переписке к домонгольскому нериоду[679]. Таким образом, *великой* Русь, но мнению Курбского, была с нерерывом, и это позволяет пересмотреть устоявшееся в историографии нонимание *Святорусского царства* или *Святорусской империи* как вневрeменного идеала[680].

---

[673] СК. Л. 38 об., ср.: Ист-57/4–11.

[674] *Cherniavsky M.* "Holy Russia": A Study in the History of an Idea // AHR. 1958. Vol. 63. N 3. P. 620.

[675] *Бушкович П.* Максим Грек — поэт-«гнипборец» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 215–240 (автор стихотворного перевода — Д.М. Буланин); *Ševčenko I.* On the Greek Poetic Output of Maksim Grek // Palaeoslavica. 1997. Vol. 5. P. 181–276; см. также: *Буланин Д.М.* Максим Грек: греческий писатель или московский книжник? // SSBP. 2017. №2 (22). С. 85–98 (здесь же библиография работ, посвященных греческому творчеству старца Максима).

[676] ПИГАК. С. 101 (л. 138 об.).

[677] *Курбский А.М.* История... С. 132, 140, 144, ср.: Ист-112/22–25 (Ряполовские), 121/3–4 (Оболенские), 121/26–30 (Суздальские), 123/35–37 и 124/25–27 (Ярославские). См. также: *Schakhovskoy D.* Idéologie et société en Russie XIe–XVIIe siècle // RÉS. 1991. Vol. 63. N 1. P. 217–227.

[678] Эпитет «Великий» постоянно выступал предикатом к имени императора Флавия Валерия Константина, в том числе в сочинениях А.М. Курбского (ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 29, 148; ПИГАК. С. 114 (л. 153 об.), 115 (л. 155 об.)). В русской интеллектуальной традиции Владимир I Великий уподоблялся крестителю Константину I Великому, а в панегирическом «Слове на латыню» (1461–1462 гг.) и в Повести о восьмом Флорентийском соборе Симеона Суздальца (середина XV в.) Василий II уподоблялся одновременно обоим «царям» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 317; Т. 9. С. 69; *Водов В.* Титул «царь» в Северо-Восточной Руси в 1440–1460 гг. и древнерусская литературная традиция // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 546, 550–552; *Korpela J.* Prince, Saint and Apostle. Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001). Владимир Святославич упоминается как «царь» в русских актовых и повествовательных текстах со второй половины XIII в. (*Водов В.* Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. С. 512–513, 521–523, 525, 529–531, 535, 539; *Синицына И.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 67). Царский титул Владимира Мономаха встречается уже в начале XII в. в послании митрополита Никифора (*Водов В.* Замечания о значении титула «царь»... С. 531, 536) и подчеркивается в московской литературно-политической традиции, восходящей через «Сказание о князьях Владимирских» к «Посланию о Мономаховом венце» (1511–1523 гг.) митрополита киевского Спиридона-Саввы: «...наречен Мономах и царь Великия Росия» (ПК-52-1. Л. 98 об. — 99, 101 об.; *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 490–491; *Синицына И.В.* Третий Рим. С. 128; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 276–291). Собственно, оба Владимира Великих, креститель и царь, рассматриваются современниками Ивана IV как гаранты его самодержавия (ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 195, 226, 492, 521).

[679] Ср.: *Соловьев А.В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 491.

[680] Ч.Д. Гальперин говорит о «теории молчания», согласно которой в русской историографии XVI в. мон-

Русь для Андрея Курбского — некогда единая земля, Великая Русь, всегда готовая объединиться для общего дела, как это случилось в 1550-х гг., когда для сопротивления татарам осуществлялись совместные походы московских и литовских воевод против Крымского ханства. В повести о «Кирилловом езде» встречается «Великая Русь», но в отношении того времени, когда благодаря советам Вассиана Тоноркова были «посечены» «благородные и славные мужи»[681], что при всей хронологической неопределенности «Истории» не может относиться к периоду более раннему, чем падение Избранной рады (около 1560 г.). «Русская земля» упоминается еще раз в похвале царю и «избранным» советникам, завершающей рассказ о кануне и первых годах Ливонской войны[682].

Понятия «Руский язык» и «земля Святоруская» в Повести о суде над «избранными» охватывают московскую общность неопределенного периода, предшествующего событиям рассказа[683]. В «Новом Маргарите» толкование «язык» к слову «народ», показывает, что подразумевается этнолингвистическая общность[684]. «Руская земля» встречается четырежды в мартирологах, где охватывает одновременно всё историческое время Руси, включая события, последовавшие за появлением опричнины[685].

После уничтожения Избранной рады Русь перестает быть Великой и распадается на «тамошнюю» и «здешнюю», эту и ту. И начинается распад в тот момент, когда вместо «нарочитых синклитов» царь собирает «со всея тамошние Руские земли человеков скверных и всякими злостьми исполненных»[686]. В Предисловии А.М. Курбского к «Богословию» Иоанна Дамаскина: «...яко сам аз от них слышах, еще будуще во оной Руской земле, яже под державою московского царя есть»[687]. В Повести о падении Избранной рады говорится о губителях «всего Святоруского царства»[688], в рассказе походе Девлет-Гирея в 1571 г. на Москву — об опустошении «Руские земли»[689], в боярском и дворянском мартирологе — о «Святоруской земле»[690], «империи Святоруской»[691].

Таким образом, Русская земля не тождественна в представлениях А.М. Курбского Русскому царству (империи). Иван IV постоянно именуется в трудах Курбского «великим князем» как правитель единой Русской земли, а «царем» и «христианским царем» в разных смыслах — в сравнение с библейскими царями, как поддержанный христианским «избранным советом» монарх, как царь мусульманских орд и лишь в последнюю очередь, вследствие патриаршего благословения и венчания по византийскому чину, как глава *Святорусского царства*. Русское царство, или империя, свято именно как христианская империя по аналогии со Священной Римской империей, а правитель Святой Руси — православный император по воле Божьей и в силу заступничества Ивана Васильевича за всё христианство, милостивого и целомудренного правления и и готовности умереть за православие.

После победы русского войска над Казанью Курбский говорит уже не о попытках казанских татар воссоздать царство, а только о мятеже, который совершили «оставшия князи казанские», «отаманы» «воинства бусурманского»[692]. Черемиса луговая попробовала создать царство и взяла себе «царя» из Ногайской орды, но потом его обвинили в бездействии и отрубили ему голову, «да царствует на высоком коле»[693]. Царем Казанским с 1552 г. князь считает только Ивана IV. Видимо, Иван IV и стал «царем», по мнению князя Андрея, благодаря взятию Казани.

Курбский не пишет о венчании на царство 1547 г., а заслугой священника Сильвестра и А.Ф. Адашева считает то, что они «утверждают царя» — этот намек относится не к событиям января 1547 г. (сами «избранные» появляются только в ходе московских пожаров июня 1547 г.), а к приведенному тут же в «Истории» высказыванию Соломона: «...царь, рече, добрыми советники яко град претвердыми столпы утвержен», т.е. избранные советники утверждают правителя своей мудростью, а «царем» Иван назван по библейской аналогии[694]. В Повести о Казанском взятии

гольский период опускался в предыстории России, а преемственность намечалась сразу с Киевским государством (*Halperin C.J.* Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. P. 45, 61–74, 127).

681 СК. Л. 38 об., ср.: Ист-57/4–11.

682 СК. Л. 59 об., ср.: Ист-86/14.

683 СК. Л. 72 об. — 73, ср.: Ист-107/3–14.

684 NM. Bd. 2. Lfg. 7. F. 211/16–17. Anm. f.

685 СК. Л. 79, 91, 122 об., ср.: Ист-116/9–15, 131/18, 177/34.

686 СК. Л. 111 об., ср.: Ист-161/28–30.

687 DJD. S. LIII-4b/21–24.

688 СК. Л. 69 об., ср.: Ист-102/18–19. См. также: ПИГАК. С. 110 (л. 146).

689 СК. Л. 87 об. — 88, ср.: Ист-126/27–36.

690 СК. Л. 100 об., 101 об., ср.: Ист-145/18, 146/15; ПИГАК. С. 110 (л. 145).

691 СК. Л. 101, 102 об., ср.: Ист-145/34, 147/37.

692 СК. Л. 39 об. — 40 об., ср.: Ист-58/16–17, 59/22, 60/13–16.

693 СК. Л. 45 — 45 об., ср.: Ист-66/22–39.

694 СК. Л. 7 — 7 об., ср.: Ист-10/28–34, 12/3–7.

Иван Васильевич фигурирует как царь или великий князь, но даже если воспринимать здесь повествовательный маркер «царь» буквально (как титул), он христианский царь без царства: о Руси говорится только как о русской «земле» и «краех руских»[695]. О том, в каких царствах Иван Московский царствует «добре» после взятия Казани, упомянуто в заметке о покорении Астрахани: Господь «даровал ему х Казанскому другое царство Астараханское»[696]. Контекст употребления прилагательного «другое» исключает в данном случае иные построения, помимо «еще одно, второе», следовательно, до того московский правитель владел только царством Казанским.

В легитимно венчанного царя Иван, согласно Курбскому, превратился благодаря патриаршему благословению на венчание и принесенной в 1561 г. в Россию греческими послами «книге царского венчания»[697]. К тому времени Избранная рада была уже «отогнана», и «боговенчанный» царь вызвал у князя Андрея негодование как не соответствующий в своей политике статусу царя. Боговенчанным царем назван в «Истории» внук Ивана III Дмитрий, который в официальных источниках царем не титуловался. Вассиан Тонорков подговаривает царя не держать при себе мудрых советников. Всевластие еще не привязано к царскому венчанию. О нем будут говорить в «Истории» именно «ласкатели», сокрушившие Избранную раду, называя царя «помазанцем Божьим». Они говорят об Алексее Адашеве и поне Сильвестре: «...тебя, господаря так великого и славнаго, и мудраго, боговенчаннаго царя держали пред тем аки в оковах»[698]. Царь Иван, с точки зрения Андрея Курбского, был царем по Божьей воле до того, как его венчание было узаконено, и перестал быть царем по своей миссии к тому времени, когда «книга царского венчания» была получена в Москве[699].

В поучениях Иоанна Златоуста, переведенных в волынском скриптории кн. А. М. Курбского для тома «Новый Маргарит», атрибуты царской власти и обряд венчания отступают на задний план по сравнению с обязанностью нести крест: «...ибо крест Господень всего венца царского яснейший есть и светлейше: что глаголю царский венец, и о всем самые солнечные лучи светлостию далеко превышает»[700].

В. О. Ключевский считал, что «Курбский в истории Ивана Грозного... неохотно зовет его царем»[701]. Но великокняжеский титул Ивана Грозного в «Истории» не свидетельствует сам по себе о стремлении Курбского унизить своего бывшего государя. Для подобных выводов недостает контекстов, в которых обличение царя было бы связано с развенчанием его титула[702]. Как отметил К. А. Уваров, в «Истории» московский правитель фигурирует с царским титулом в 90, а с великокняжеским только в 14 случаях[703]. Наши подсчеты, проведенные на основе списка ОР ГИМ собр. А. С. Уварова № 301, подтвердили общий вывод К. А. Уварова о великокняжеском и царском титуле в «Истории» Курбского, но выкладки исследователя о встречаемости царского титула требуют уточнения. Титул «царь» в именительном и косвенных падежах применительно к Ивану IV встречается в «Истории» 145 раз[704].

---

695 СК. Л. 8 об., 31, ср.: Ист-13/26, 13/30, 45/31.

696 СК. Л. 53, ср.: Ист-77/21–23.

697 СК. Л. 124 — 124 об., ср.: Ист-180/5 6, 180/22–25.

698 СК. Л. 68 об., ср.: Ист-101/3–5.

699 В оригинале уложенной грамоты константинопольского патриарха Иоасафа II конца 1560 г. говорится о том, что венчаться на царство могут только те правители, которые получили разрешение константинопольского или римского патриарха. В 1561 г. это послание было получено в Москве и при переводе, как доказано исследователями, были внесены «уточнения» как в текст перевода, так и в греческий оригинал. В результате исправлений критический пафос уложенной грамоты был смягчен, а венчание на царство Ивана IV предстало как законное. Курбский об этом, видимо, ничего не знал. См.: *Фонкич Б. Л.* Грамота константинопольского патриарха Иоасафа II и собора восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1. С. 382–383; *Курбский А. М.* История... С. 816–826. Примеч. 124 об.-1 124 об.-9 (авторы — А. А. Романова, В. М. Лурье, К. Ю. Ерусалимский).

700 NM. Bd. 2. F. 199v/19–22, 200/21–22.

701 *Ключевский В. О.* Боярская Дума... С. 274.

702 Непризнание царского титула Ивана IV было одной из основ польско-литовской дипломатии в отношениях с Московским государством в 1547–1634 гг. Заглавие «Истории» отражает принятый в Речи Посполитой титул восточного соседа — «князь великий московский». Но вызывающим для московского читателя заглавием не ограничивается взгляд А. М. Курбского на политический статус его бывшего государя.

703 *Уваров К. А.* Князь А. М. Курбский — писатель: («История о великом князе Московском»). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. С. 88–92.

704 СК. Л. 1, 4, 5 об. (2 раза), 6 об., 7 (3 раза), 7 об., 8 об., 9 об., 10 об., 11 об., 12 (2 раза), 13, 15 об., 17 об., 18, 19 об. (3 раза), 20, 20 об., 22, 26 (2 раза), 27 об., 28 об., 30 об., 31 об., 34 (2 раза), 34 об., 35, 35 об. (2 раза), 36, 36 об., 37, 38, 38 об. (3 раза), 40, 41 (3 раза), 41 об., 42, 43 об. (2 раза), 44, 44 об. (2 раза), 45 об., 47, 47 об., 51 об. (2 раза), 52 об. (2 раза), 53, 54 об., 55, 55 об., 59 об. (2 раза), 60, 60 об. (2 раза), 62, 66 (4 раза), 67, 67 об., 68 (2 раза), 68 об. (3 раза), 69 об. (3 раза), 70, 70 об. (3 раза), 71 (2 раза), 71 об., 72, 72 об., 73 (2 раза), 73 об. (2 раза), 74, 74 об. (2 раза), 75, 77, 80, 80 об., 81 об., 82, 86, 89 (2 раза), 94, 96 об., 97 об., 104, 104 об., 108 об. (3 раза), 109 (2 раза), 112 (2 раза), 112 об., 120

К ним можно прибавить 17 случаев, когда титул выступает в форме относительного прилагательного, указывающего на царя Ивана в таких конструкциях, как «царев приход», «царские шатры», «царский венец», «здравие царево», «повеление царево», «полк царский великий», «воины царские», «дворянин царев», «умышление царево», «глагол царев», «исповедник царский», «брат царев», «суд царский», «лицо царево»[705]. И еще в 27 случаях царский титул великого князя Московского следует из контекста (речь идет о его сане, царстве или о том, что он царствует, о царице, о предшественниках-царях и т.н.)[706]. Итак, в «Истории» имеется не менее 189 фактов прямого признания Курбским царского титула Ивана IV. Причем, бросая многочисленные обвинения в адрес московского правителя, автор ни разу не совершает выпадов против его царского достоинства. Царский титул Ивана IV упоминается в тех пассажах, где речь идет о его утверждении на царство, о его бывшей славе как «доброго и нарочитого царя», о выполнении им царских обязанностей защиты границ от врагов, о верной службе автора и других советников и воевод своему царю, а также в тех фрагментах текста, где Иван сравнивается с *другими* «христианскими» и «западными» царями и с его отцом и дедом, которые упоминаются только как великие князья. Косвенным подтверждением признания за царем его титула может служить то, что Курбский неоднократно обращается к поучениям о царствах вообще и, в частности, о тех исторических царствах, с которых московский царь, по его мнению, должен брать пример.

А.И. Филюшкин уточняет наши выводы о соотношении царского и великокняжеского титулов Ивана Грозного в сочинениях Курбского: «Безусловно, Курбский не отрицал царского титула Грозного. Но отдельные выпады в адрес титулатуры, тем более созвучные идеологическим установкам Речи Посполитой, он, несомненно, допускал»[707]. Эта ремарка относится к словам, содержащимся в Третьем послании: «...титул твой величайший и должайший оставя». Какие еще «выпады» подразумеваются исследователем, неясно. Нет ни одного примера, когда бы Курбский принижал «роль» своих персонажей с помощью титульной характеристики. В разбираемом случае выпад в адрес объектной части титула открывает послание князя, однако необходимо учитывать, что в относящейся к нему рубрике, которая читалась в протографе Сборника Курбского, слова «отвещание цареви великому московскому» и слова в тексте «зане ото убогих тобе великому царю» указывают на приватный статус Переписки. Они не вписываются в посольский ритуал, иначе в противном случае могли бы рассматриваться стороной короля как дипломатическое преступление. В приватной переписке князь мог позволить себе краткое титулование московского монарха *великим князем московским* или *князем великим московским*. Признавая Ивана *царем великим московским* и опустив лишь объектные дополнения к титулу, князь отдает должное московской делопроизводственной риторике и вводит в послание формулу самоуничижения, сокращая предикат царского титула под предлогом своего «убожества» и, возможно, намекая также на то, что в объектную часть титула могут внести коррективы походы короля на владения московитов[708].

Мнение В.О. Ключевского и исследователей, высказавшихся в поддержку его предположения, нельзя признать убедительным. Критика в адрес Ивана Грозного в «Истории» подчеркнуто удалена от «государева имени» и концентрируется вокруг взаимосвязанных проблем этического выбора правителя, духовного облика его слуг, готовности выполнять царскую миссию. С.А. Морозов обнаружил расхождение в двух рассказах «Истории» о рождении Ивана Грозного и изменение его образа от человека, неправедного царя в «кронице» до сына сатаны, апокалипсического зверя в мартирологах[709]. В.В. Калугин, полемизируя с Морозовым, отверг концепцию «идейного или композиционного противоречия между частями “Истории”», ссылаясь на сюжетное совпадение «Истории» и главы «Об антихристе» четвертой книги «Бо-

(2 раза), 121 (2 раза), 122, 122 об., 123 (3 раза), 124, 125 (2 раза), 125 об., 127 об., 128 об. (2 раза), 129 об., 130 об., 131, 132 (2 раза).

[705] СК. Л. 11 об., 12, 16, 22, 23 об. (2 раза), 26, 29, 30, 33 об., 36 об., 47, 87 об., 88, 120 об., 124 об., 125 об.

[706] СК. Л. 7, 31 об., 32, 33, 35 об. (2 раза), 37, 44 об., 45, 52 об., 54 об., 59, 59 об., 69 (4 раза), 69 об., 74 (2 раза), 124 об. (2 раза), 125, 129 об. (3 раза), 132.

[707] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 330. Примеч. 11.

[708] Конечно, оговоримся, что полного единообразия в соотношении царской и княжеской терминологии в сочинениях А.М. Курбского искать не приходится. Царь правит в равной мере в «царстве» и «земле». Крымский хан Девлет-Гирей собирается, например, «самого того князя великого выгнати из царства его» (СК. Л. 88, ср.: Ист-126/35–36).

[709] *Морозов С.А.* О структуре «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского Средневековья. М., 1982. С. 39–40.

гословия» Иоанна Дамаскина[710]. Если отвлечься от «идей» и «композиции» (прямых заимствований из этой главы «Иоанна Дамаскин» в «Истории» нет), замечание о расхождении образов царя Ивана может быть подкреплено наблюдениями за контекстами, в которых в «Истории» появляется царский титул Ивана Московского. Во введении к «Истории» заявлено, что правитель раньше был благочестивым православным монархом, а ныне с ним что-то «приключилось». Царь в прошлом – добрый, славный своими подвигами, готовый погибнуть за отечество. Применительно только к этому периоду, верхней границей которого является падение Избранной рады, Андрей Курбский пишет о царе, называя его «нашим», «своим» и «моим», причем если в военных повестях «наш» царь может быть в оппозиции к татарским царям, то за пределами военных повестей на первый план выступает иная семантика, имеющая прямое отношение к идеалам Курбского[711]. Уже в повести о падении Избранной рады ласкатели «опровергают» христианского царя, а верная служба Алексея Адашева «царю своему» представлена в контрасте с образом царя, отошедшего от своих бывших советников. Граница использования царского титула Ивана IV в «Истории» прочерчена рукой автора о суде над Сильвестром и Адашевым: «Сей соборный царя нашего христианского таков суд!»[712] Во второй части царь назван «нашим» только в Повести о Феодорите, когда там рассказывается о событиях, относящихся к периоду Избранной рады, а также «царем государем своим» его считает М. И. Воротынский, напрасно ссылаясь на свою верную службу[713]. Во всех остальных случаях царь изображен как нечестивый царь «их» (ласкателей, опричников, губителей царства), «губитель наш», «мучитель варварский царь», «оный царь не по Бозе ходящий», «прелютый и прегордый и бесчеловечный царь», «лютый и неразсудный царь», «от чаров зачатый царь», по замечанию С. А. Елисеева, утративший имя, «божий образ и подобие»[714]. Наиболее остро в «Истории» поставлен вопрос о православии царя, который в начальных разделах часто не только «наш», но и «христианский» (М. П. Реннин, согласно «Истории», безрезультатно обращается к царю «о, царю христианский!»), а в заключительной части «Истории» «свой» для «опричников» и «православный» только потому, что на нем кровь его православных братьев[715]. «Нашим царем», в контраст Ивану IV, во второй части «Истории» постоянно выступает Христос, которому предстоит судить равным образом «так царей, яко и простых»[716]. Это сближает сочинение А. М. Курбского с посланиями Стефана Батория Ивану Грозному, где действия царя открыто признаны противоречащими христианству. «Нашим» у князя Иван IV остается до начала Повести о суде над избранными советниками, а в Повести о Феодорите – лишь пока речь идет о событиях до суда над Сильвестром и Адашевым. Затем он превращается из «нашего» царя в «их» царя и «нашего» губителя: *мучителя, варварского царя, оного царя, лютого неразсудного царя.* Начало гонений в Москве в этом смысле равнозначно потере царя или прекращению действия благодати помазания на царство. Статус царя, таким образом, всё же остается под вопросом. Добившись его, получив из Царьграда книгу с византийским чином венчания и разрешение венчаться на царство, с началом репрессий Иван Грозный лишился царственности в глазах своих слуг.

Из сказанного следует, что *Русская земля* в представлениях Курбского не тождественна *Русскому царству* или *империи.* «Земля» не зависит от политического устройства и даже не связана, по крайней мере напрямую, с суверенитетом находящихся на ней царств и княжеств. «Тамошняя» Московская и «здешняя» польско-литовская «Русская земля», с точки зрения московита-эмигранта, сохраняют между собой единство как внеисторическое целое. «Царством» Русская земля была в период своего первоначального единства после принятия христианства, в правление «великих» Владимира Святославича и Владимира Мономаха, а затем после обретения суверенитета и частичного освобождения от татарской зависимости в годы Избранной рады. Эта концепция отчасти отвечала московской имперской доктрине середины XVI в.[717] Иван IV титулуется в трудах Курбского «великим князем» как правитель одной части *Русской земли,* а «царем»

[710] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 177–180.

[711] СК. Л. 10 об., 11 об., 13, 17 об., 18 об., 19 об., 20, 20 об., 26, 30 об., 40, 41, 41 об., 42, 43 об., 44, 44 об., 45 об., 47 об., 51 об., 52 об., 54 об., 55, 60 об., 66, 67 об., 70, 71.

[712] СК. Л. 72 об. – 73, ср.: Ист-107/3–14.

[713] СК. Л. 89, 121, 122, 132.

[714] СК Л. 86, 96 об., 97 об., 104, 104 об., 108 об., 112 об., 127 об., 128 об.; *Елисеев С. А.* «История о великом князе Московском» А. М. Курбского... С. 84–85.

[715] СК. Л. 19 об., 35 об., 37, 53, 66, 69 об., 81 об., 131, 132.

[716] СК. Л. 76, 84 об., 90 об., 92 об., 108 об., 112, 116, 129, 131, 132 об. – 133.

[717] Об этом см. в нашей монографии «Император Святой Руси».

и «христианским царем» в разных смыслах — как правитель восстановленной Великой Руси, поддержанный христианским «избранным советом» монарх, как победитель мусульманских орд и лишь в последнюю очередь вследствие патриаршего благословения и венчания по византийскому чину, как глава *Святорусского царства*. Царский титул сохраняется за ним и после того, как на смену Избранной раде пришла Опричнина, однако Курбский считает, что после суда над своими «доброхотными» он перестал быть христианским царем и превратился в царя нечестивых. Предысторию этой картины современности мы рассмотрим, когда обратимся к образам истории и глубокой древности в творчестве князя Андрея Курбского[718].

***

Титул *князь* в широком смысле использовался в Ветхом завете как обозначение властных полномочий. В Хронографе 1512 г. Сихем назван «сын Емморов, Харрании князь земля»; Иосиф, которого фараон «всем проповеда... князя и владыкоу», обращается к братьям со словами: «Сътворил мя есть Бог яко отца Фараону и князя всей земли Египетстей»[719]. Эти значения могли служить образцами в осмыслении различий между царской и княжеской властью в России XVI в., однако для сочинений Андрея Курбского употребление титула применительно к лицу, не происходящему из княжеского рода, нехарактерно. В этом смысле показательны рассмотренные нами ниже примеры близких к княжеским родам Федоровых, Морозовых, Головиных. Титулом *князь* Курбский обозначает представителей русских владетельных княжеских родов, ногайских правителей[720], а также «князя тме» (дьявола)[721]. После взятия Казани в бывшем ханстве остаются лишь князья. «Корача» Курбский унодобляет первосоветнику, которого в частном случае называет «князем»[722]. В «Истории» к выражениею «нагаиские улубии» читается глосса «великии князь татарскии»[723]. Титул *улугбия* не употреблялся в московском делопроизводстве и не получал при переводе того значения, которое придает ему в своем сравнении автор[724]. Московские государи избегали унизительных подтекстов и оберегали свой великокняжеский титул от восточных и, как будет показано ниже, западных аналогий. Как отмечает В.В. Трепавлов, слово «бий» в русской посольской практике XVI в. переводилось словом «князь»[725]. Толкование *улугбиев* в «Истории» осуществляется только посредством русских реалий. «Великими князьями» до Ивана IV выступают князья тверские[726], рязанские[727], смоленский и ярославский Федор Черный[728], литовский Ольгерд[729], московские Иван III[730], Василий III[731].

---

[718] См. в главах «Персональная и социальная память» и «Ренессансный историк».

[719] ПСРЛ. М., 2005. Т. 22. С. 49, 55–57.

[720] СК. Л. 8 об., 11, ср.: Ист-13/17–18, 17/26–27.

[721] РИБ. Т. 31. Стб 449/18–19.

[722] СК. Л. 27 об. — 28, ср.: Ист-40/26–30. Соответствие функций русских бояр и монгольских карачибеев отмечено Дональдом Островским: *Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология / сост. Д. Маджеска; пер. с англ. З.Н. Исидоровой. Самара, 2001. С. 148–149, 159. Однако трудно согласиться с исследователем. Симметрии не оказывается в численности высших советников. Карачи-бей представляли четыре главных рода в Кипчакском ханстве, тогда как количество московских боярских родов уже к 1389 г. и до 1530-х гг. колебалось около отметки в 10–11 (*Коллман Н.Ш.* Боярские роды и отношения при дворе: Образование политической системы Московского государства // Американская русистика... С. 178; *Kleimola A.M.* Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // Essays in Honor of A.A. Zimin. Columbus, 1985. P. 232–258; *Горский А.А.* Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 229–230. Примеч. 11).

[723] СК. Л. 15 об., ср.: Ист-23/36–37.

[724] Пользуюсь случаем выразить благодарность М.В. Моисееву за консультации по социальной и этнической терминологии постзолотоордынских государств.

[725] Посольская книга по связям России с Ногайской ордой (1576 г.) / подг. текста, введ., коммент. В.В. Трепавлова. М., 2003. С. 63. Коммент. 4; с. 70. Коммент. 55; ПК-79-13. Л. 441 об.; ПК-79-14. Л. 133 об. и др. На вопрос литовского гонца о походе царского войска на «луговых людей» в начале 1583 г. предписывалось говорить, что войско должно было усмирить «воров», «а то все государевы казанского государьства князи, и мурзы, и служилые казаки, и черемиса, и чюваши, и многая рать служат государю по старому» (ПК-79-14. Л. 557 об.).

[726] СК. Л. 83 об. — 84, 93, ср.: Ист-121/34, 134/31–32; ПИГАК. С. 109 (л. 144 об.). В Москве род тверских князей к 1581 г. также продолжал считаться великокняжеским (ПК-79-13. Л. 444).

[727] СК. Л. 86 об., ср.: Ист-125/10.

[728] ПИГАК. С. 109 (л. 144 об.). В «Истории» ни Федор Черный, ни кто-либо из его потомков «великими князьями» не названы, выделены только как «славные» (св. Федор) или «преславные» (кн. Федор Романович). — См.: History. *По указателю.*

[729] СК. Л. 87, ср.: Ист-125/32–33.

[730] СК. Л. 38, 64 об. — 65, ср.: Ист-55/23–24, 95/18–19.

[731] СК. Л. 1 об., 35, 114, ср.: Ист-2/15–16, 51/15–16, 166/3–4 (изначальное чтение «от князя великого *московского*, отца того» см.: Увар. №301, л. 114; Тихонр. №639, л. 540 об.), 166/9.

О князьях А.М. Курбский пишет, употребляя как московскую (*князь / князя / князи / князей*)[732], так и западнорусскую лексические парадигмы (*княжа / княжати / княжата / княжат*)[733]. Обе парадигмы используются в его сочинениях «Литовского периода»[734]. Что именно московский эмигрант мог заимствовать из политического тезауруса Московского государства, а что — из реалий Короны и Литвы? Процесс ограничения владельческих прав титулованной элиты происходил в обоих государствах, но методы различались.

Мероприятия по лишению князей их вотчин проводились в правление Ивана Грозного при исполнении «избранной тысячи» по реформе 1550 г. и вплоть до исполнения стародубских князей с одновременным выводом их из вотчин в 1580 г. Эти мероприятия сопровождались ограничением княжеских прав на распоряжение вотчинными землями. Сами по себе подобные реформы не вызвали осуждения у князя Андрея Курбского. Нет никаких данных о том, что он вообще сохранил до своей эмиграции из Российского государства права на родовую Курбу. Как раз вероятнее обратное — в результате Тысячной реформы или вскоре после ее проведения он поменял свою вотчину в ростовском селе Курбе или какие-то права на нее на поместья под Москвой. Другое дело, что политика московских великих князей диктовалась, по его мнению, «несытством» в разграблении чужих владений. Княжеский мартиролог иллюстрирует эту мысль — великий князь московский уничтожает ведущих представителей титулованной знати, чтобы завладеть и распоряжаться их имениями. Об унижении при помощи прозвищ и умаления титула Курбский не пишет, но насмешливых прозвищ никогда в своем сочинении не приводит.

На землях Короны Польской и Великого княжества Литовского XVI в. принципиального статусного различия между титулами *князь* и *княжа* не обнаруживается. В ревизии волынских замков 1545 г. князья делятся на «княжат головных» и «княжат-поветников»[735]. Титулы применяются как синонимы, хотя князья, возводящие себя к древним русским владетельным фамилиям из Рюриковичей или Гедиминовичей, предпочитают определять себя «князьями»[736]. Князья, не без борьбы и отсрочек, на протяжении XVI в. всё же теряют привилегии: в 1529 г. — в пожаловании земель, в пожизненной службе своих вассалов и штрафном страховании своей жизни, в 1566 г. — в иммунитете от поветового судопроизводства, в 1569 г. — в праве на участие в военных действиях с собственными «почтами» и праве на наследование мест в Сенате Речи Посполитой[737]. Юзеф Вольф связывает возвышение полонизма «княже» над русским княжеским титулом с возвышением магнатских фамилий над княжескими родами, начавшимся, по мнению

[732] В западнорусском языке бытовали обе парадигмы, поэтому наше название «московская форма» является условным (*Dameran N.* Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Berlin, 1963. S. 72; History. P. 5–6. N 3).

[733] РИБ. Т. 31. Стб 394/4–12, 411/11, 417/4–5, 418/8–9, 418/27, 419/1–3, 419/11–12, 435/7–8, 449/18–19, 457/11–14, 457/11–14, 468/25–29, 474/8–12; ПИГАК. С. 101 (л. 138 об.), 106 (л. 140), 111 (л. 147), 116 (л. 156 об.), 118 (л. 159 об.). Н. Борецкий пишет о «польской звуковой форме» слова «княжата» (*Boretzky N.* Der Tempusgebrauch in Kurbskijs "Istorija Velikago Knjazja Moskovskago". Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn, 1964. S. 27). Благодарю Марцина Ласкоша (Прошовице) за помощь в доступе к исследованию Н. Борецкого.

[734] О проблеме «полонизмов» Курбского в связи со степенью воздействия польского языка на западнорусский язык XVI в. см.: *Тамань В.М.* О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII века. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. С. 142–143; *Ее же.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 197–204; *Żurawski A.* Uwagi o pożyczkach polskich w języku piśmiennictwa białoruskiego XVI i XVII wieku // Slavia Orientalis. Warszawa, 1961. Rocz. X. N 1. S. 37–54; *Kochman S.* Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo. Opole, 1975; *Leeming H.* Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696. Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. Wrocław, 1976. S. 5–118. Критику концепции прямого польского влияния на западнорусский, а также ограничения числа полонизмов в сочинениях А.М. Курбского см.: *Кедайтене Е.И.* Язык памятников полемической литературы Южной и Западной Руси (XVI–XVII вв.). Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970; *Лянон М.В.* Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений А.М. Курбского). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971; *Васильев А.Д.* Лексика посланий А.М. Курбского Ивану Грозному... С. 138–152; *Милейковская Г.* Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVIII веков. Warszawa, 1984. С. 87–93; *Grimsted P.K.* The "Lithuanian Metrica" in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania / by P.K. Grimsted with the collaboration of I. Sułkowska-Kurasiowa. Cambridge, 1984. P. 7–8.

[735] *Яковенко Н.Н.* Персональный состав... С. 37–39.

[736] Там же. С. 38, 40.

[737] *Radziminski Z.* O tożsamości tytułów "kniaź" i "książę" w dawnej Rzeczypospolitej // MH. 1908. Rocz. 1. S. 52; *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 23; *Яковенко Н.Н.* Персональный состав... С. 40–44; *Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002. S. 193–195, 337–338; *Kempa T.* Zabiegi... S. 65–88.

исследователя, с получения Радзивиллами статуса «książąt świętego państwa Rzymskiego, "z Bożej łaski"»[738]. Как полагает И. И. Ланно, «иногда князья в отличие от великих князей Литовских называются "княжата", как и говорилось, также "панята", чтобы отличить панов хоругвных от пана-господаря»[739].

Интерес московских государей к западному соседу отразился на определении князей, причем в Москве проводились также реформы, направленные на ограничение прерогатив княжеской власти и выразившиеся в особенностях княжеского титула. Самым ранним случаем использования западнорусского варианта в московском летописании применительно к местной титулованной знати остается пересказ приговора о местничестве июля 1550 г. списка Оболенского Никоновской летописи: «...в полкех быти княжатам и детем боярскым с воеводами без мест»[740]. В. Н. Татищев обратил внимание на необычное для летописного свода употребление княжеского титула: «Выше [Иван IV. — *К.Е.*] именовал братьею, а здесь Княжатами, не хотя более их и Князьями почитать, ибо уделы почти все взяты»[741]. Согласно этой версии, изъятие уделов и социальное унижение титулованной знати при Иване IV сопровождалось заменой уважительного понятия «князья» на уменьшительное «княжата». М. М. Щербатов выступил с опровержением, что в царском указе 1550 г. «наименование княжата ничего презрительного в себе не имеет» и означает там «юношество княжеских родов»[742]. При таком истолковании летописного понятия упор делается на соседство в тексте *княжат* с *детьми* боярскими. Но «детство» детей боярских, а значит и предполагаемое «малолетство» княжат, имело весьма условное возрастное значение[743]; кроме того, в XVI в. параллельно с «княжата и дети боярские» существовала делопроизводственная формула «князи и дети боярские»[744].

Вывод В. Н. Татищева требует рассмотрения целого комплекса проблем: а) пример постановления о местничестве недостаточно репрезентативен для столь широких обобщений; б) причастность царя к данной формулировке ничем не доказана; в) понятие «князи» не перестает использоваться в летописи в традиционном значении; г) в уменьшительном значении в официальной летописи и в посольском делопроизводстве говорится не о «княжатах», а о «князьках»[745]; д) историк XVIII в. не учитывал западнорусского происхождения понятия «княжа» и не изучал его бытования в московской книжности[746]. Результатов поиска соответствующей терминологии в русской книжной традиции недостаточно, чтобы представить отчетливую схему различий в се-

---

[738] *Wolff J.* Kniaziowie... S. XXI.

[739] *Ланно И. И.* Великое Княжество Литовское... Т. 1. С. 259.

[740] ПСРЛ. Т. 13. С. 267. Происхождение текста на л. 1167 1209 об. списка Оболенского Н. П. Лихачев связывал с деятельностью А. Ф. Адашева (*Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1. С. CLXV; *Зимин А. А.* «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956. Вып. 10. С. 80; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. С. 196–199). Бумага этой части рукописи польского происхождения и «резко отличная по качеству бумаги от двух других частей» (*Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. С. VII). Если справедливо предположение о связи летописных «списков черных» Алексея Адашева, изъятых после его смерти, с записями 1556–1558 гг. официальной летописи, то в расчет необходимо принять постоянное участие временщика в переговорах с польскими и литовскими послами и покровительство вдове-польке, которая жила у Адашева дома (Ист-117/29–30; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. / пер. с польск. Л. И. Леньшиной. М., 1994. Гл. III, с. 193–238).

[741] *Татищев В. Н.* Собр. соч. Т. V и VI. История Российская. Ч. 3 и 4. М., 1996. Ч. 4. С. 253.

[742] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 5. Ч. 1. С. 247–250; *Маркевич А. И.* История местничества... С. 271, 282.

[743] «Молодость» служила социальным маркером еще в Древней Руси, примерами чего были статусы «уных» в дружине и «молодших братьев» в межкняжеских отношениях. Подобные социальные категории устойчивы в феодальной Европе и оказывают влияние в раннее новое время как на социальные, так и на демографические представления (*Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабищева. Екатеринбург, 1999. С. 37).

[744] ПК-79-14. Л. 557, 626 об. В посольском делопроизводстве употребляется также симметричный чину *сын боярский / дети боярские* титул *княжой сын / дети княжие*. Татарские княжьи дети — мирзы, дети ногайских правителей биев-князей или их более отдаленные потомки. — См.: Посольская книга по связям России с Ногайской ордой (1576 г.). С. 21 (л. 347 об.), 24 (л. 352) (мирза Тинбай, мирза Урмагмет), 27 (л. 357) (мирза Каракул); ПК-79-14. Л. 81, 123, 133, 697; ПК-78-1. Л. 74 об.

[745] ПСРЛ. Т. 13. С. 294–295, 299; ПК-79-13. Л. 90 об. – 92; ПК-78-1. Л. 191 об., 197, 264 об. В XVII в. в местнических делах встречаются инвективы «князек», «князишко», и в контексте местнического дела Плещеевых с Ю. А. Чертенком Долгоруким 1659 г. они выступают как словесные оскорбления (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. Ст. 1092. Стп. 2. Л. 3–52; *Маркевич А. И.* О местничестве. Ч. I. С. 511–513, 728; *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. С. 197. № 1583).

[746] См. также: *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 51–53 и далее до с. 98, 142–145, 192–193, 216; *Его же.* История местничества... С. 271–272.

мантических нолях *князь* и *княжа*, но некоторые наблюдения возможны.

В древнерусском языке форма «княжа» и ее дериваты не фиксируются[747]. Но в XV в. митрополит Иона в переписке с Казимиром IV (1451) употребляет дат. п. *княжату* от слова *княжа* применительно к польскому королю как князю русскому[748], а в письме верейскому и белозерскому князю Михаилу Андреевичу (ок. 1451) им. п. мн. ч. *княжата* применительно к западнорусским князьям[749]. Ошибка в склонении (*княжату* вместо *княжати*) может свидетельствовать «о необычности этой формы в великорусском»[750]. В переводе речи имперского посланника Николая Поннеля 1488 г. на приеме у Ивана III говорится о германских герцогах равным образом «княжата немецкая» и «князей немецких»[751]. Речь «слуги Николая» изобилует полонизмами, поэтому слово «княжата» органично вписывается в полонизированный лексический контекст[752]. На отпускной церемонии Николай называет представителей светской власти в Европе «крали и княжата и рицери»[753]. Под 10 сентября 1514 г. слово «княжата» встречается в списках Никоновской летописи применительно к титулованной западнорусской и польской знати[754]. В русском ответном списке имперским послам 18 декабря 1518 г. от имени великого князя Василия Ивановича говорится: «А которые панове и княжата и все люди литовские, которые еще до его [короля Сигизмунда Старого. *К.Е.*] государства у нас в руках были, и мы тем паном и княжатом и всем людем свободу учинили, а у него тогды наших людей никого не было»[755]. Понятие «княжата» здесь относится к княжеской знати Великого княжества Литовского. В списках ГИМ Синод. №791 и БАН 34.2.31 Послания Снеридона-Саввы встречается западный вариант титула: «...некоего княжати [*в списке Син-791:* княжат] Ростислава Мьстиславичя Смоленского»[756]. Характерно, что полонизм употреблен в отрывке «И иже о вчинении родов Литовскаго княжества», больше нигде в послании не повторяется и заменяется титулом «смоленьских князей Ростислава Мьстиславича» в сходном отрывке «Родословия литовских князей» «Сказания о князьях владимерских»[757]. Неясное употребление княжеского титула в речи Василия III из Новгородского летописного свода 1539 г.: «А вы бы, бояре и боярские дети и княжа стояли вонче с моим сыном и с моею братиею против недругов»[758].

В московской посольской практике заимствование «княжа» было хорошо известно, прежде всего из польско-литовских текстов. Оно встречается в переводах с латыни, в текстах из Великого княжества Литовского — по отношению к христианским правителям, не считая цесаря (княжеский титул царей и московских придворных записывается по московской норме)[759]. Я. И. Ходкевич в июне 1575 г. передавал царю через московского гонца Ф. Е. Ельчанинова предложение составить две грамоты «с жаловальным словом»: первую к М. Ю. Радзивиллу Рыжему, Я. И. Ходкевичу, О. Б. Воловичу, М. К. Радзивиллу Сиротке, вторую «х княжатом, и к панятом, и ко всему рыцерству Великого княжества Литовского»[760]. Посланник Л. З. Новосильцев отвез царские грамоты, среди которых одна была направлена «х панятом, и княжатом, и шляхтичем, и ко всему рыцерству Великого княжества Литовского»[761]. Новосильцев в своем отчете допускает конструкцию «до князей, и до панов, и до рыцерства»[762]. Развернутое определение адресата в наказе посланнику передается также сжато: «...и ко всему рыцерству посполито Великого княжества Литовского», что находит соответствие в обращениях представителей Панов рады к представителям царя в категориях *всё рыцарство* и *шляхта вся*[763]. Этот контекст не допускает истолкования

[747] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4 (пзжнватн–моление). М., 1991. С. 359–365.

[748] РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб 566. №68/1.

[749] РИБ. Т. 6. Стб 574. №70; Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. №9. С. 25.

[750] *Золтан А.* Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. С. 768, 776, 784.

[751] ПДС. Т. 1. Стб 2, 5.

[752] См. примеры «от *жадного* человека», «я его *милости радил*», «*але бых* я... *говорил*», «*иж бы* я за *пенязи нетбал*», «и потом посольство *доконал*», «и *невна* то имели», «*мусил есми* явити», «*зрадне* а любо лихо уделал» (ПДС. Т. 1. Стб 2–8; *выделено мною. — К.Е.*).

[753] ПДС. Т. 1. Стб 11.

[754] ПСРЛ. Т. 13. С. 22; ср.: ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб 403–404; ПСРЛ. М., 2001. Т. 8. С. 257–258.

[755] ПДС. Т. 1. Стб 446–447.

[756] Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Предварительное издание / подг. рус. текста Н. В. Синицына, Я. И. Щапова; отв. ред. П. Каталано, В. Т. Пашуто. М., 1989. С. 18 (л. 113 об.).

[757] Там же. С. 28 (л. 410), 38–39 (л. 198), 45 (л. 733).

[758] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 558 (л. 421).

[759] РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 5. Л. 1 (грамота Стефана Баторня Ивану Грозному от 3 сентября 1580 г.) («княжа Курлянтское», «арцыкняжа Магнус»).

[760] ПИВЕ. Т. 7. С. 28 (л. 19 — 19 об.).

[761] ПИВЕ. Т. 7. С. 58–59 (л. 68 об. — 70), 62 (л. 75).

[762] ПИВЕ. Т. 7. С. 79–80 (л. 103).

[763] ПИВЕ. Т. 7. С. 20 (л. 6), 23–24 (л. 11–12), 26–27 (л. 16 об. — 17 об.); 63–64 (л. 76 об. — 77), 77 (л. 98 — 98

власти *княжат* как суверенной, но московскому Посольскому приказу было известно западнорусское понятие *княжата* не только в таком, но и в принципиально ином значении.

Тот же Л.З. Новосильцев 28 марта 1576 г. услышал от своего пристава Я.Я. Вишенского, что Стефана Батория отговаривали вступать на польский престол «панеж римский, да княжата виницыския и иншия княжата крестьянския»[764]. В посланной из-под Пскова грамоте Стефана Батория Ивану Грозному от 22 октября 1581 г. «княжатами христьянскими» названы христианские суверенные правители[765]. Аналогичное употребление в переводе грамоты римского папы Григория XIII, обращенной к царю Ивану речи и памяти посла-иезуита А. Поссевино[766] «все крестьянские княжата», и в ответах ему «меж княжаты хрестьянскими», «и всем хрестьянским княжатам», «до княжат крестьянских»[767]. В грамотах и тетрадях римского посла встречается «с княжаты хрестьянскими», «тые княжата хрестьянские» (9 октября 1581 г.), дат. п. «княжаты» (16 ноября 1581 г.), твор. п. «княжаты хрестьянскими», дат. п. «княжатом хрестьянским» (18 февраля 1582 г.)[768], род. п. «нихто с княжат христьянских» (24 февраля 1582 г.)[769]. В обращении королевских представителей под Ямом Запольским к русским послам княжата занимают третье место в ряду с господарем и Панами радой: «А на чем приговорим и закреним, и то господарю нашему и паном радам и всем княжатом держать твердо и неподвижно вечне»[770]. Вновь упомянуты христианские княжата, «как и иные все цесари и короли, которые правдивое Христа Господа нашего и святых апостол Петра и Павла науки слушали», в переводе грамоты короля Стефана Антонию Поссевино от 30 ноября 1581 г. на ям-запольские переговоры — из нее очевидно, что под княжатами в королевской канцелярии понимались князья-католики в противоположность московским князьям, которые от греков «в блуд попали»[771]. Немецкие княжата в грамоте папы Григория XIII упоминаются после цесаря, их титул отличается от королевского и синонимичен герцогскому[772]. В царской грамоте к цесарю и в Рим, посланной 15 марта 1582 г. с посланником Я.С. Молвяниновым (при А. Поссевино), цесарю предложено обоснаться с римским папой, французским и испанским королями «и с иными со всеми хрестьянскими государи», причем ниже приведено определение «со всеми хрестьянскими княжаты» вместо категорий христианских королей и всех иных государей, а в наказе Якову Молвянинову сходное определение «и со всеми княжаты» стоит после цесаря, папы римского и королей Испании и Франции[773]. Под княжатами здесь и на переговорах в речах польско-литовских послов и А. Поссевино подразумеваются законные правители, которые по статусу ниже цесаря[774]. Полгода спустя в обращении посольства Я.М. Збаражского к московским боярам сходным образом вместо княжат и королей говорится о государях: «...а ведомо то и цысарю христьянскому и всем государем крестьянским»[775]. В готовящихся в августе 1580 г. переговорах с императором Рудольфом и римским папой Григорием XIII московское посольское ведомство использовало конструкцию «и по тем бы ему [Леонтию Истоме Шевригину. — *К.Е.*] землям, по которым ему в Рим ехати х королем и ко князем дал цесар свои проезжие грамоты»[776]. В целом последний пример показывает, что титул *князи* московского делопроизводства применительно к международным отношениям употреблялся синонимично титулу *княжата* польско-литовских дипломатических текстов[777].

об., 99 об.), 79 (л. 101–102), 117–118 (л. 162 162 об.), 126 (л. 175 об.), 128–129 (л. 178 об. — 180 об.) и др.

[764] ПИВЕ. Т. 7. С. 131 (л. 183 об.).

[765] ПК-79-13. Л. 517 (в посольской книге год ошибочно «1586»).

[766] Переводы могли быть выполнены каким-то русином из сотрудников А. Поссевино. В любом случае, этот человек находился под влиянием русской-рутенской речи, в чем можно убедиться на основании исходящих от римского посла памяти (1 сентября 1581 г.), списка «о што государа великого спрашивать» (10 сентября 1581 г.), «тетрадей» с речами (18 февраля 1582 г.). Здесь встречаются слова и выражения «абых мел», «маю отписати», «звлаща», «на тых которых я тут зоставлю», «або иная на мене какая прыгода прышла», «безпечне и волно», «штоб его рачыл ослобонити», «навышшиї папа жедает», «обецовали», «в становленю миру», «перестати не хотел», «справовать», «слушные причины», «конх бы людей о вытечки погамовал и заказал», «штоб се мог старат пилно» и др. (ПК-78-1. Л. 216 об. — 218 об., 243 — 245 об., 339 — 343 об.).

[767] ПК-78-1. Л. 115 об., 120 об., 121, 122, 122 об., 123, 125, 129, 133 об., 134, 188, 218 об., 347 об., 423 об.

[768] ПК-78-1. Л. 309 — 309 об., 339 об., 343 об., 395; ПК-79-13. Л. 530 об.

[769] ПК-78-1. Л. 389 об., 390.

[770] ПК-79-13. Л. 557 об.

[771] ПК-79-13. Л. 578 об. — 579, 582 (в посольской книге ошибочно дата «31 ноября 1588 г.»).

[772] ПК-78-1. Л. 122 — 122 об.

[773] ПДС. Стб 845, 859.

[774] ПК-79-13. Л. 589 об.; ПК-79-14. Л. 70.

[775] ПК-79-14. Л. 210 — 210 об., 211 об.

[776] ПК-78-1. Л. 9 об., см. также л. 28 об.

[777] См. также: ПК-78-1. Л. 26 об., 27 об., 28, 29, 155 об. («от ферацкого князя», «венецейской княз»), 27 («недерлянские земли князя Мотняса»), 29 («арцыкнязя Фердинанда цесарева дядя», «князя берниского», «князя софинского», «князя кливерского», «князя флоренского»,

В носольских делах с 1560-х гг. княжеский титул пишется по русско-рутенским языковым нормам по отношению к некоторым князьям. Такие князья, как Рюриковичи, так и Гедиминовичи, пишутся в носольских делах с титулом *князь*[778]. Известен был московскому делопроизводству и титул «княже» (польск. *książę*)[779]. В русских землях Великого княжества Литовского он встречается как синоним слова «княжа»[780]. Титул «княже» в московских носольских материалах постоянно применяется к Радзивиллам[781] и составляет последний, седмиградский, титул Стефана Батория, причем встречается род. и дат. п. от «княже» — «княжати» (дат. п. иногда «княжате»), а в некоторых случаях в русских носольских материалах «княже» не меняет форму при склонении в род., дат. и творит. падежах[782]. Оба случая любопытны тем, что титул Радзивиллов «княже на Олыце и Несвижу», «княже на Дубинках и Биржах» был основан на пожалованиях императора Священной Римской империи, а не господаря Великого княжества Литовского, и маркировал недавно пожалованную принадлежность к княжескому роду[783], тогда как седмиградский титул короля Стефана был воеводским под властью Турции[784]. Сходным образом употребляется термин *княже* как показатель административной зависимости в сравнении у царя статусов Ливонии в составе Московского государства и Пруссии в составе Речи Посполитой: «А Стефан корол пишетца Пруским, а в Прусех свое княже, и у него присяга с ним есть»[785]. В некоторых случаях титулы *княже* и *князь* применяются к одним и тем же лицам. Герцог Бранденбургский в царской речи к А. Поссевино сначала определен «княже Брандоборский Вилгерм арцыбискун Рижский», а затем он в род. п. назван «князя арцыбискуна»[786]. О прусском князе говорит Иван Грозный в 1581 г.: «Сестренец его [короля Яна Олбрехта. — *К. Е.*] княжатем есть постановен в Прусской земле и ему голдовник есть»[787]. Ограниченный суверенитет Пруссии выражен как в титуле, так и в категории зависимости «голдовник» (польск. *hołdować*).

Интересны также титулы *княжата*, *княжате*, *княжаты*, указывающие на субъект в ед. ч. и его атрибуты в ед. или во мн. ч. С титулом *княжата* в носольских книгах встречается «Миколай Янович Радивил, княжата Олыцкий и Несвижский» или «на Олыце и Несвижу» и «Миколай Юрьевич Радивил, княжата на Дубинках и Биржах», а также Гольшанские (тоже принявшие титульную территорию как пожалование), что сближает этот титул с *княже*[788]. Ливонский магистр Кетлер

«князя мантовского», «князя пармнского», «князя робинского»), 32 об. («сасского князя»), 33 («бернского князя»), 93 об., 96 об., 97 об. («хрестьянские князи») и др. Итальянские «богатые и силные княжата» в подчинении папы римского упомянуты на л. 122 об.

[778] С. А. Збаражский (СИРИО. Т. 71. С. 206), Я. М. Збаражский (ПК-79-13. Л. 550 об. — 551, 553, 556 об. и сл., 598, 599 об.; ПК-79-14. Л. 1 об., 17 об., 20 об., 33 об., 42 об., 105 об., 114 об. и сл.), Василий Чарторыйский (ПК-79-14. Л. 43 об.), Богдан Шишков (Там же. Л. 43 об.), Богдан Огинский (Там же. Л. 46 — 46 об., 59), Юрий Павлович Друцкий Соколинский (Там же. Л. 667 667 об., 673, 688 об. и др.), Богдан и Александр Лукомские, Ковельские-Сангушки (Там же. Л. 718), Слуцкие (Там же. Л. 720 об.), Острожские (Там же. Л. 721 об.) и др.

[779] Его возникновение могло быть связано с распространенной в русской книжности с рубежа XIV XV вв. литературной формой звательного падежа существительного муж. р. ед. ч. в функции им. п., но для обоснования этой гипотезы необходимы примеры, которые бы свидетельствовали об устойчивом бытовании этой лексемы в языке Северо-Восточной Руси (*Успенский Б. А.* История русского литературного языка XI–XVII вв. München, 1987. С. 211 212; *Гальченко М. Г.* О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: Сб. ст. М., 2000. С. 133).

[780] В Литовской Метрике, например, титул Ю. К. Збаражского писался как «княжа», так и «княже» (ЛМ-86. Л. 409 (6 апреля 1604 г.), 458 об. (30 ноября 1604 г.)).

[781] ПИВЕ. Т. 7. С. 98 (л. 131), 99 (132 об. — 133); ПДС. Т. 1. Стб 579–580, 625–626; ПК-79-13. Л. 551, 553; ПК-79-14. Л. 1 об., 20 об., 33 об.; ПК-79-15. Л. 67. Исключение составляет титул «князю Юрью Радивилу бискупу Виленскому» (ПИВЕ. Т. 7. С. 75 (л. 95 об.); ПДС. Т. 1. Стб 579).

[782] ПК-79-13. Л. 518 об., 528 об., 551 об. — 552, 556 об.; ПК-79-14. Л. 1 об., 19 об., 42 об., 75, 92 об., 146, 153, 474; ПК-78-1. Л. 297.

[783] Обстоятельства получения Радзивиллами княжеского титула и формирования историографических мифов об их княжеском происхождении изучены: *Скеп'ян Н. А.* Інстытут канцлерства ў дзяржаўна-палітычным жыцці Вялікага княства Літоўскага ў канцы XV — першай палове XVI ст. Дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2007. С. 77–89 (научный руководитель — Ю. М. Бохан); *Antoniewicz M.* Protopłaści książąt Radziwiłłów: Dzieje mitu i meandry historiografii. Warszawa, 2011. S. 19–31, 63–72, 333–348.

[784] ПИВЕ. Т. 7. *По указателю.* Особенно с. 110 (л. 149 149 об.), 114 (л. 156 — 156 об.), 116–117 (л. 160 161), 130–131 (л. 182–184); ПДС. Т. 1. Стб 642–643 и след., 659, 790, 806–808; ПК-78-1. Л. 3 об., 21, 70, 72, 198 — 198 об., 237 об. — 238 об., 259, 297; ПК-79-12. Л. 212 об., 232 об., 240 об., 298–299, 316 об., 318, 319–320; ПК-79-14. Л. 758.

[785] ПДС. Т. 1. Стб 500; ПК-78-1. Л. 194 об., 196.

[786] ПК-78-1. Л. 188 об. — 189.

[787] ПК-78-1. Л. 264 — 264 об.

[788] СИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 157, 199, 201, 204, 205.

в переводе грамоты Сигизмунда II Августа, определен «княжате мистр Кетлер»[789]. Этот титул и здесь ниже, чем княжеский, что доказывается еще одним упоминанием магистра: «А князец Гедер Кетлер, бывши местером...»[790] В данном случае вначале приведено заимствование, а затем своеобразный русский перевод титула.

Австрийский эрцгерцог Карл в 1581–1582 гг. выступает в посольской книге как «арцыкняз Аустрейский княжаты Бургунский» и в переводе подписи к его грамоте как «арцыкняз Аустрейский княз Бургундейский»[791], а эрцгерцог Эрнест как «архикняз Аустрейский, княз Бургундинский, Стырский, Карынтинский, Карниолинский и Витемборкенск, грабе Тиролский и иных»[792]. Оба эрцгерцога вместе названы в тетрадях Поссевино в феврале 1582 г. в род. п. «от напресветлейших арцыкняжат»[793]. В другом случае царь напоминает Поссевино о воцарении короля Генриха Валуа на польском престоле и перечисляет всех, кому это «ведомо»: «...дражайшему брату нашему цесарю, и всем королем, и архидуком, и дуком, и князем местным, и властодержцом, и всему посполству всей италейской земле»[794]. Здесь соблюдена строго иерархическая последовательность *император король эрцгерцог - герцог — князь местный — властодержец — поспольство (люди)*. Объединение христианских государей мыслится также в строгой иерархии: «И папа бы сослався с цесарем и с королем ишпанским и со францовъским и с ыными короли и княжаты хрестьянскими и со князем венецейским...»[795] В похожей конструкции Поссевино говорит о «княжатах италианских»[796]. В марте 1582 г. с русской стороны было высказано предложение римскому папе сослаться «с цесарем и с ышпанским королем и со фъранцовским королем и с ангилейскою королевою и з дацким королем и с свейским и со всеми крестьянскими княжаты»[797]. Учитывая диалог между царем и римским послом, семантические различия между титулами *князи* и *княжата* определить довольно трудно. Княжеский титул как в «восточном», так и в «западном» написании применительно к католическим суверенам передает эрцгерцогский[798] или герцогский титул[799], а с определением «местный», возможно, статус, близкий к графскому[800]. Понятие *княжа* со всеми рассмотренными вариациями в переводах московского посольского ведомства наиболее близко к титулам «князец», «князь местный»; в нем заложен подтекст административного подчинения «голдовника» суверенным (эрц-)князьям, королям, цесарю.

Московско-русские князья также иногда упоминаются с титулом *княжа*. В июле 1563 г. гонец А. Ф. Клобуков и в конце ноября 1565 г. посланник В. М. Желнинский должны были объявлять в Великом княжестве Литовском, что «княжата и дети боярские со всем служебным нарядом по своим именьем наготове»[801], московский государь «всегды наготове на коне сидит, а княжата и дети боярские живут по домом наготове»[802]. Проезжая грамота А. Поссевино в сентябре 1581 г. адресована «бояром нашим и воеводам, князем и княжатам

[789] ПК-78-1. Л. 190 об.

[790] ПК-78-1. Л. 197, 264 об.

[791] ПК-78-1. Л. 101 об., 102 об., 438 об.

[792] ПК-78-1. Л. 99 об.

[793] ПК-78-1. Л. 341 об., 349 об.; ПДС. Т. 1. Стб 523–532 (здесь в речи имперских послов эрцгерцогский титул Эрнеста передается в полонизированном виде), 534–535 (полонизм сохраняется, но без префикса: «княжату Эрнеста», «княжата Эрнест»), 537, 541, 544, 550–555 и далее (в ответных речах московитов «архикнязь», «Эрнеста князя», «архикнязь Эрнест», но также полонизмы в им. п. «арцыкняжата Эрнест», «княжата Эрнест» или «арцыкняже Эрнест», род. п. «арцыкняжаты Эрнеста» или «княжаты Эрнеста», дат. п. «арцыкняжѣ Эрнесту» или «княжатѣ Эрнесту», вин. п. «арцыкняжату Эрнесту», твор. п. «с его княжатем с Эрнестом»), 830 («а два брата цесаревы Эрнест да Максимилиян живут в Веднe арцыкняжатами Раковскими»).

[794] ПК-78-1. Л. 157 — 157 об.

[795] ПК-78-1. Л. 355, 440 — 440 об.

[796] ПК-78-1. Л. 389 об.

[797] ПК-78-1. Л. 420 об.

[798] Данный титул (Archidux, Ertzhertzog) в посольских книгах со времен Ивана III встречается в полной и частичной транслитерации и в виде калькн: «архидука» или «архидукс», «архиарцух», «архикнязь», «навышший князь» (ПДС. Т. 1. Стб 66, 68, 70, 107, 108, 116, 117, 118, 129, 1503, 1507).

[799] Власть герцога признается частично суверенной: «...а те арцоги на своих государствах, а голдуют цесарю» (ПДС. Т. 1. Стб 758). Герцогский титул передается в посольских книгах также с помощью княжеского титула или с добавлением транслитерации: «Мекольборский князь», «князь арцег Август», «до курферста арцега князя Августа» (Статейный список Константина Скобельцына (1573–1574 гг.) / подг. Я. С. Лурье; коммент. Н. А. Казаковой // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 311 (л. 147 об.)). Иногда к герцогам применяется определение «болшие князи» (ПДС. Т. 1. Стб 868).

[800] Графский (а также ландграфский и маркграфский) титул передается в московских посольских материалах с помощью транслитерации и княжеского титула. В развернутом титуле цесаря Священной Римской империи указывается «грабѣ Аушпорскому», в переводах имперских грамот «княжной граф Аушпорский», «княжата и граф Ансборский», «княжатой граф Ансбурский», «княже и граф Аушпорский», «княженной граф в Хабшпурску», «князь... Аншпурский» (ПДС. Т. 1. Стб 649, 652, 661, 714, 724, 726, 743, 766, 771, 835, 840 и др.).

[801] СИРИО. Т. 71. С. 155.

[802] СИРИО. Т. 71. С. 323.

и детем боярским дворовым и городовым московские земли всех городов и ноугородцкие земли князем и детем боярским номесщиком и нсковским и торонецким да и Лифлянские земли всех городов князем и детем боярским номесщиком да и головам стрелецким и их приборов сотником стрелецким и стрелцом и всем воинским людем и нашие отчины князем и уланом казанским и князем астараханским и князем черкасским нятигорским и князем нагайским и мирзам и казаком да и князем и мирзам крымским и черемисе казанской и чуваше и башкирдом да и городецким сеитю да уланом и князем и мирзам и казаком да и кадомским и темниковским князем и казаком и мордве и бортником и всем мещерским людем и немцом и фрязом и желнырем и черкасом каневским и вятчаном и нермичем и всем воинским людем руси и татаром и литве и фрязом и немцом и черкасом»[803]. Категория княжат в данном случае нриложима только к Московской земле (без Новгорода, Пскова, Торонца, Ливонии, южных, юго-восточных и восточных земель Русского государства). Можно предположить, что она симметрична статусу детей боярских городовых, т.е. представляет местную власть в Московской земле.

В избе для богословского диснута с А. Поссевино Иван Грозный оставил «у себя бояр и дворян сверстных и служилых князей, которые по лавкам сидят, а столников и дворян, которые на околничем и под околничем сидели, выслать велел»[804]. На крестоцеловальной церемонии утверждения Ям-Занольского договора 15 июля 1582 г. в Москве царь указал присутствовать на церемонии «княжатом и дворяном всем», «а нротонону велел выйти вон»[805]. Именно эти две категории служилых людей (*княжата* и *дворяне*) были связаны с нридворной службой, но, надо нолагать, под *княжатами* в данном случае подразумеваются находящиеся при дворе *служилые князья* великого князя, а под дворянами нетитулованное окружение царя (кроме представителей духовенства), включая «бояр»-участников июньских и июльских нереговоров 1582 г.[806]

Проведенное терминологическое исследование показывает, что до нравления Ивана Грозного «западная» нарадигма княжеского титула в Московском государстве ночти не унотреблялась. В российских источниках «западная» нарадигма применяется в отношении литовско-русских князей. Заимствование титула *княжа* в 1550–1580-е гг. нроизошло через Посольский приказ, причем с семантическим смещением. В текстах Великого княжества Литовского под *княжатами* подразумеваются христианские владетельные суверены и носители соответствующего титула. Ограниченный суверенитет обозначается при этом конструкциями *княжа на / княже (на) / княжате (-а, -ы)*, служащими предикатом не столько лица, сколько его определенного владения. В московской дипломатической практике титул *княжата* по отношению к его носителям в католических державах часто сохранял указанный смысл и обозначался с помощью транслитерации. Его переводами были *князцы*, *служилые князи*, *местные князи*. Применительно к русским князьям, а также иногда к суверенам Короны и Литвы и других католических стран он обозначал зависимых князей, «голдовников» суверенной княжеской, королевской и царской власти, а также придворных служилых князей московского государя. Однако обратный перевод титула русских князей, зависимых от власти царя и великого князя, в герцогский титул в посольских материалах не встречается. Титул эрцгерцога, которому в российском делопроизводстве соответствует *наивысший князь*, никогда не применяется к московским *великим князьям*, надо полагать, по той причине, что в Москве он считался слишком низким для государя, равными которому могли быть только султан и цесарь. Московские политические реалии времен Ивана IV были таковы, что титул великого князя считался более высоким, нежели эрцгерцогский, а титул любого его подданного князя более низким, чем герцогский, тогда как удельные князья в посольской документации никаким специальным титулом не выделяются[807].

---

[803] ПК-78-1. Л. 286–287, 287 об. — 288 (здесь за «башкирдами» следует «царев двор»). Сходная грамота, но с царями, царевичами, помещиками луцкими и ржевскими, мызниками и латышами, чухной Ливонской земли, выдана 9 января 1564 г. литовским послам во главе с Ю.А. Ходкевичем (СИРИО. Т. 71. С. 313; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 381–383).

[804] ПК-78-1. Л. 365 об.

[805] ПК-79-14. Л. 243 об.

[806] В договоре об обмене пленными и выкупе высокопоставленных московских пленных от 13 июля и в грамоте о ливонских шведских городах от 15 июля упомянуты бояре Н.Р. Юрьев-Захарьин (боярин, наместник Новгородский), Б.Я. Бельский (оружничий, наместник Ржевский), А.Ф. Нагой (думный дворянин, наместник Можайский), Р.В. Алферьев (думный дворянин, наместник Козельский), дьяки А.Я. Щелкалов, А.И. Демьянов, И.Ф. Стрешнев, подьячие С. Фролов, З. Свиязев (ПК-79-14. Л. 226 об. — 227, 233 об. — 234, 249 об. — 250, 253 об. — 254).

[807] Сходство эрцгерцогов с московскими удельными князьями можно предположить по отчету Я.С. Молвиниова о его поездке в Империю и Рим в 1582 г. Он,

Московский делопроизводственный язык в XVI в. понизил иерархическое положение князей по отношению к другим служебным категориям двора[808]. В проездной грамоте Василия III «к воеводам и ко князем» великий князь обращается к «князем и воеводам нашим, и нашим детем боярским и наших князей и воевод и детей боярских слугам, и всем нашим ратным людем, которые наши люди в нашего недруга в Литовской земле»[809]. В разрядных документах и упоминаниях служебных назначений *княжата* (*князья*) стоят после царя, бояр, воевод, высших дворцовых чинов, но всегда перед детьми боярскими[810]. Не исключено, что в летописании схема *княжата* — (*дворяне*) — *дети боярские* возникла во второй половине 1550-х гг., так как в более ранних летописных записях в сходных контекстах титулованная знать не выделяется как особая группа[811], а в иных случаях в официальной летописи используется московская собирательная лексема «князи»[812].

В московском делопроизводстве, видимо, категории *дворян* и *детей боярских* развились из соответствующих категорий *детей боярских дворовых* и *детей боярских городовых*[813]. Категория *детей боярских* сложилась к середине XV в. из слуг вольных, составлявших основу территориальных княжеских ополчений Русского государства[814]. Дети боярские в источниках XVI в. часто фигурируют как городовые служилые люди и как служилые люди государя, государевых служилых людей, митрополита и владык[815]. Их служебное положение обязательно ниже любого думного чина или того статуса, по отношению к которому они определяются соответствующим геонимом[816]. Необычное употребление «думные дети боярские» применительно к «ближней думе» царя в грамоте Станислава Миколаевича Паца к боярскому совету во главе с Никитой Романовичем Юрьевым от 6 ноября 1583 г. было откровенным оскорблением и вызвало протест в Москве. Как сказано в приговоре царя с боярами и в грамоте польскому королю от декабря 1583 г., С. М. Пац «бояр писал укоряючи, называл детми боярскими», «бояр наших писал укоряючи и называючи их простым именем детми боярскими», «бояр государя нашего пишет детми боярскими думными»[817].

Менее четким предстает в источниках времен Ивана Грозного различие между дворянами и детьми боярскими, упоминание которых в сочинительных конструкциях не создает прочных оснований для статусного разграничения. В торжественной церемонии принятия посла римского папы Григория XIII и затем на застолье при царе и царевиче Иване были *бояре* и *дворяне*[818]. В первые дни правления Федора Ивановича на приеме посольства Льва Сапеги *дворяне* участвуют в церемонии вместе с детьми боярскими и с дьяками, а *дворяне большие* при царе и боярах[819]. Иногда категории *дети боярские* и *дворяне* взаимозаменяемы при том, что «лутчими людьми» царя называются *добрые дворяне*[820]. К Антонио Пассевино «для береженя» были направлены с приставом *голова из дворян*, «а с ним детей боярских до ста человек»[821]. Чтобы иерархически отличить дворян от детей боярских, среди дворян выделяют «больших», «добрых», «голов»; эти ха-

---

в частности, отмечает, что цесарь Рудольф II не отпускает от себя своих родных братьев Эрнеста, Матяша, Максимилиана и Венцлава: «...а все не на уделех: живут с братом своим с Руделфом цесарем»; и далее: «...а сильнее цесаря казною его уделной саской князь Август... а коли живет болшое собранье, и тогды ему на пособь дают дяди его, уделные князи его областн, саской князь да боравские князи» (ПДС. Т. 1. Стб 889–890).

[808] О сходных процессах в Великом княжестве Литовском см.: *Wolff J.* Kniaziowie... S. XX.

[809] ПДС. Т. 1. Стб 409–410.

[810] ПСРЛ. Т. 13. С. 270.

[811] При этом в московском разрядном делопроизводстве уже в конце XV в. принято выражение «князи и дети боярские» (*Назаров В.Д.* Петитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 571, 573).

[812] ПСРЛ. Т. 13. С. 142, 147–149, 159, 160, 162, 180, 192–194.

[813] Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подг. А.А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 103 (л. 167 об. — 168); ПК-78-1. Л. 286–287, 287 об. — 288.

[814] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 17–18.

[815] ПДС. Т. 1. Стб 194; Посольская книга по связям России с Ногайской ордой (1576 г.). С. 16 (л. 339 об.); ПК-79-14. Л. 320 об. — 321, 490, 568 об., 584.

[816] В отчете Леонтия Истомы Шевригина о поездке в Рим в 1580–1581 гг. в том же смысле употребляется понятие «папин сын» применительно к римскому наместнику Якубу (ПК-78-1. Л. 16 об., 17). Представители рыцарства на имперской службе определены в статейном списке К. Скобельцына «детьми боярскими» (Статейный список... С. 314 (л. 153)).

[817] ПК-79-14. Л. 763 об., 764, 773, 776, 789. Король признал действия витебского воеводы несанкционированными (ПК-79-15. Л. 16, 17 — 17 об.).

[818] ПК-78-1. Л. 81, 92.

[819] ПК-79-15. Л. 33 об. — 34.

[820] ПК-79-14. Л. 572–573, 587 — 587 об., 613 — 613 об., 658, 681 об.

[821] ПК-78-1. Л. 41, 54, 56 об. — 57.

рактеристики применимы к детям боярским[822], но сходных случаев, когда бы преимущество над дворянами с помощью подобных определений приписывалось детям боярским, нами не обнаружено (встречаются последовательности *дворяне (-ин) и дети боярские, сын боярский и дети боярские*; отсутствие последовательности *дети боярские (сын боярский) и дворяне* значимо как признак наметившейся иерархии)[823]. В отношениях с Речью Посполитой королевские дворяне отличались от шляхты с более очевидным статусным подтекстом, нежели *дворяне* от *детей боярских* (в грамотах о размене пленными от 1582–1583 гг. русские «дети боярские всех городов» занимают такую же позицию в иерархии пленников, как и «польские и литовские шляхтичи»)[824].

С точки зрения отношения центра и регионов в московском делопроизводстве середины XVI в. утверждалось представление об административном подчинении как князей, так и детей боярских светской службы непосредственно великому князю[825]. Но если в источниках встречаются упоминания «своих детей боярских» царя, то князей «своими» в русском делопроизводственном этикете от имени царя было называть не принято[826]. В середине 1570-х гг. в Шумиловском томе Лицевого летописного свода в летописный текст под маем 1532 г. была интерполирована запись о крымской вести и о посылке Василием III на Коломну воевод, «а с ними княжат и дворян своего двора и детей боярских изо многих городов бесчислено много»[827]. Очевидно, к «своему двору» великого князя здесь относятся только дворяне, которые отличаются от детей боярских местом службы в оппозиции *центр – регионы*.

Приниженный статус, обозначаемый словом «княжата», заметен и в отрывке Архивной Ростовской летописи XVII в., который А. И. Маркевич изучил в связи с местническим делом декабря 1575 г. Ж. И. Квашнина с Ф. А. Бутурлиным. Здесь княжата, якобы выехавшие в Москву на службе у Родиона Несторовича, упомянуты после его сына Ивана и перед детьми боярскими и двором[828]. Наполненная многими фактическими несообразностями, эта запись тем не менее точно передает представления второй половины XVI в. о служебном статусе «княжат».

Таким образом, уже ко второй половине XVI в. в России произошла рецепция западнорусского слова *княжа (княже)*, но во внутреннем делопроизводстве Московской Руси оно встречается редко, главным образом в собирательной форме множественного числа и по отношению к титулованным лицам, занимающим в боевых подразделениях подчиненное или вторичное положение после великого князя, бояр, воевод, но более высокое — по сравнению с дворянами и детьми боярскими. Эта форма не предполагает персонификации, носители титула *княжата*

---

[822] ПДС. Т. 1. Стб 174–175, 179–182, 187–188, 503, 505–506; ПК-78-1. Л. 41 — 41 об., 42 об., 53 об., 54 об., 68.

[823] См., напр.: *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.Приложение к главе V. С. 178 (л. 18). О тенденции в складывании статусного отличия дворян от детей боярских свидетельствует чин *думного дворянина* и церемониальной чин *дворянина и наместника*. Как отметил А.И. Маркевич, «постоянство в упоминании сперва дворян, а потом детей боярских наводит на мысль, что первый чин в XVI–XVII в. был несколько выше» (*Маркевич А.И.* История местничества... С. 167).

[824] ПК-79-14. Л. 359 об., 364 об. — 365, 634 об., 643 об., 705 об., 716 об.

[825] В 1581–1582 гг. царь отделял «князей» от «людей», но называл первых в ряду своих управленцев: «... наши князи и намесники и волостели украинные» (ПК-79-13. Л. 470 об.; ПК-79-14. Л. 274, 287).

[826] Пример определения князя «сыном боярским» в Башмаковской разрядной книге под 7015 г.: князь Юрий Пронский послан в полк князя Булгакова, «а того не написано воеводою или в детях боярских» (*Маркевич А.И.* История местничества... С. 271. Примеч. 2). Во второй цесарской посольской книге под 25 октября 1517 г., в записи дьяку В.С. Племянникову, а также в прусской посольской книге в 1518 г. «великого князя детьми боярскими» названы князь Ф.В. Телепнев Оболенский и И.В. Ляцкой (ПДС. Т. 1. Стб 256, 258, 337; СИРИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 64–65). «Свой сын боярский» великого князя князь Иван Иванович Кубенский Ярославский принимал участие в приеме имперского посольства в 1518 г. (ПДС. Т. 1. Стб 357). В Тысячной книге князья причислены к детям боярским (Тысячная книга... С. 55 (л. 115), 57 (л. 118), 61 (л. 122 об.), 82 (л. 149 — 149 об.)). Князь Иван Лыков назван в посольской переписке июля 1583 г. с польским королем в ряду «наших детей боярских»: «...а которые наши дети боярские в полон в Литву побраны на Севере княз Иван Лыков с товарыщи под часом перемирным» (ПК-79-14. Л. 645 об. – 646, 659 об. – 660 об.). Впрочем, эта конструкция позволяет не включать *воеводу* в число детей боярских, поскольку в «папской» книге нападение кричевского державцы пана Белицкого на Брянск 1 февраля 1582 г. описано иначе: «...государев город Брянеск сожгли и воеводу государева князя Ивана Лыкова з женою и з детми в полон взяли, а иных воевод и детей боярских и многих людей побили и в полон поимали» (ПК-78-1. Л. 335 — 335 об.).

[827] ПСРЛ. Т. 13. С. 64. См. также: Там же. С. 141 (примеч. 1), 238 (примеч. 1).

[828] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. I, II, III, IV. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. М., 1988. Примечания к IV тому. Стб 123–124. Прим. 324; *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 174–181; *Его же.* История местничества... С. 235–236, 431; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. С. 61 (№ 220).

применительно к подданным московского государя никогда поименно не раскрываются.

***

Есть ли в сочинениях А. М. Курбского социальные подтексты, сопоставимые с теми, которые обнаружены нами в современном ему российском делопроизводстве? В архетипе «Истории» насчитывается 144 употребления различных форм слова *князь*. Вычтем из этого числа общую для восточного и западного языков форму женского рода (3), прилагательное (1), обозначение государственной территории (1). Из оставшихся 139 случаев 67 — это вариации московской и 72 — западной формы. Можно определить одно заметное предпочтение: в единственном числе Курбский чаще использует московскую форму (26 против 12 в им. п. и 36 против 16 в косвенных), а во множественном в подавляющем большинстве случаев предпочитает западную (12 против 2 в им. п., 32 против 3 в косвенных). Эти цифры выявляют две тенденции: одна слабо выраженная — называть одного князя *князем*, и вторая, более отчетливая — титуловать князей *княжатами*[829]. Слово *князи* в «Истории» встречается только 2 раза в им. п. («князи» и «князие») применительно к казанским правителям после подчинения Казанского ханства Москве[830] и 3 раза в косвенных падежах, причем 1 раз по отношению к тем же казанским предводителям «воинства бусурманского» и 2 раза применительно к великим князьям (Рязанским и Тверским). При этом на 25 употреблений московской формы в титуле *великий князь* (как в ед., так и во мн. ч.) приходится только 4 упоминания *великих княжат* (3 во мн. ч. о всех русских великих князьях, из них 2 о Тверских, и 1 в ед. ч. о Витовте). Московских великих князей Андрей Курбский никогда не называет княжатами[831]. Возможно, это тот пример, когда этнополитическая граница воспринималась им как непреодолимая.

К другим русским княжеским родам приложимы обе парадигмы. Семантическое единство форм *князь / княжа* доказывается их взаимозаменяемостью: в «Истории» среди «княжат» Оболенских он упоминает «князя» В. К. Курлятева[832]; в глоссе о св. Дмитрии Прилуцком К. И. Острожский сначала «князь» (в дат. п.), затем «княже»[833]; в Суздальском разделе первого мартиролога фигурируют «великие княжата Тверские», а ниже о кн. И. И. Дорогобужском говорится, что он «с роду великих князей Тверских»[834]; в том же отрывке о князьях Суздальских А. Б. Горбатый, как и в Казанской повести, титулуется «княжа», но в пояснительной глоссе он назван «князем»[835]; «княжата Ярославские» персонифицированы *по-московски* «князь Феодор Львов», «князь Феодор [Аленкин. — *К. Е.*]», «князя Феодора Романовича», в то же время Прозоровские и Ушатые — «княжата»[836]. О сходстве значений существительных *князь / княжа* свидетельствуют также такие конструкции, как *княжа X от роду князей / князя Y, князь X от роду княжат Y* и *княжата XX от роду княжати Y*[837]. Таким образом, никакого семантического, и в том числе политико-иерархического, различия в вариации *князь / княжа* в сочинениях Курбского не прослеживается.

Княжеские фамилии приведены в сочинениях А. М. Курбского тремя способами: личным или семейным прозвищем, владельческим определением и описательным титулом. Фамилии, образованные от прозвищ, часто вводятся с помощью связок «глаголемый», «нареченный» и могут выступать лишь как часть фамильной характери-

[829] Эта тенденция, как мы увидим ниже, не касается великих князей Московских. Кроме того, в своих посланиях Курбский подписывался «княжа на Ковлю». Это смягчает разницу в числе употребления формы ед. ч., но в посланиях более, чем в «Истории», выражен контекст гражданской самоидентификации, подданства автора.

[830] В Казанской повести Курбский говорит о дворах казанских «княжат», т. е. допускает в отношении восточной титулованной знати западнорусское определение. Ничего подобного в употреблении полонизированного княжеского титула в московских официальных источниках мне не известно (ср.: СК. Л. 20 об. — 21, ср.: Ист-30/21–28).

[831] Также исключительно слово «князь» закреплено за титулом великих князей московских в Посольском приказе и в дипломатической службе Великого княжества Литовского.

[832] СК. Л. 83, ср.: Ист-120/28–31.

[833] Употреблено в функции именительного падежа: «княже выехал во свое отечество». Так в списках наиболее близких к архетипу (СК. Л. 125 об., ср.: Ист-182/7. Примеч. 12). В списках второго типа «княже» заменено на «князь» (Синод. № 136. Л. 111; Архив. № 60. Л. 112; БЛДР. Т. 11. С. 468. Примеч. 2). Чтение «княже» восходит к архетипу «Истории». Польское влияние допустимо, но более вероятно, что эта форма маркирует кн. К. И. Острожского как князя Великого княжества Литовского в отличие от князей на московской службе.

[834] СК. Л. 83 об. — 84, 93, ср.: Ист-121/34, 134/31–32.

[835] СК. Л. 83, ср.: Ист-121/14. Примеч. 3. См. также: СК. Л. 83 — 83 об., 18 об., 20, ср.: Ист-121/14–15, 27/30–31, 29/22–23.

[836] СК. Л. 85 об. — 86 об., то же: Ист-123/34, 124/20–21, 125/6. Ср.: СК. Л. 85 об. — 86 об., то же: Ист-124/1, 124/9–11, 124/27–28, 125/1–4.

[837] СК. Л. 83, 86 об., 90 об., то же: Ист-120/15–16, 120/22, 125/9–10, 130/21–23. Ср.: СК. Л. 85 об., то же: Ист-123/33–36.

стики[838]. Владельческие определения появляются после титула или непосредственно после имени. В ряде случаев семейное прозвище отсутствует или отождествляется с владельческим или родовым: «княжа Пронский Юрей» и он же стратиг Юрий «именем с роду княжат Пронских»[839]; «княжа Ряноловское Дмитрей» и брат его прадеда Семен «глаголимый Ряноловский»[840]; видимо, Мстиславль А. М. Курбский считал родовым владением кн. И. Ф. Мстиславского, упоминая «Ивана княжа Мстиславское»[841].

Такие титульные характеристики, как «от роду великого Владимера»[842], «с роду княжат Литовских»[843], «с роду княжат Суздальских»[844], «с роду княжат Смоленских и Ярославских»[845], «с племени княжат Решских»[846], «с роду великих княжат Тверских»[847], «с роду княжат Торуских и Оболенских»[848], «с роду княжат Стародубских»[849], «с роду княжат Белозерских»[850]

---

[838] *Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: История и перспективы. М., 2004. С. 55–56.

[839] СК. Л. 14, 53, ср.: Ист-21/23, 77/27–31. М. Е. Бычкова видит тенденциозность в «подборе сведений о ярославских князьях» у А. М. Курбского и ссылается при этом на соседство в «Истории» князя Юрия Пронского с Федором Львовым, возведенным к княжатам Ярославским. По мнению исследовательницы, Курбский не указывает, «что Пронские, игравшие в середине XVI в. более значительную роль, чем Львовы, происходят от великих князей рязанских, хотя прекрасно это знает» (*Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России. С. 242–243. Примеч. 194). Отмеченного факта недостаточно для вывода о тенденциозности Курбского. Родовая (владельческая) идентификация Львова в Казанской повести добавлена к генетическому (фамильному) прозвищу как раз потому, что титул Пронского сочетает владельческую и фамильную идентификации. Считать князей Пронских более низкими по сравнению с рязанскими нет оснований. Владимир Дмитриевич Пронский записан в Успенском списке «великим князем» (ДРВ. М., 1788. Т. 6. С. 447). Пронский князь Иван Владимирович в договоре с литовским великим князем Витовтом титуловал себя *великим князем* (*Vodoff W.* La titulature... P. 14). Кроме того, нет ни одного примера, когда бы «роль» своих персонажей А. М. Курбский принижал с помощью титульной характеристики. В данном случае князь Юрий Пронский упомянут панегирически как герой Казанской войны — странно было бы подозревать автора в намерении принизить его роль. В «Истории» имеются другие примеры, когда без явных иерархических подтекстов упоминается род только одного действующего лица (см. ниже о взятии в феврале 1560 г. Марненбурга армией под командованием И. Ф. Мстиславского и П. И. Шуйского).

[840] СК. Л. 76 об., 84 об., ср.: Ист-112/22–25, 122/36. М. Е. Бычкова пишет: «Из всех названных в Истории князей не указано лишь родство Михаила Репнина и фактически Семена Ряполовского» (*Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России. С. 53). Это не вполне верно. В княжеском мартирологе из князей Оболенских родовая характеристика заявлена только применительно к П. С. Серебряному, а названы также Д. Ф. Овчинин, М. П. Репнин, Ю. И. и И. И. Кашины, Д. А. Шевырев, Д. И. Курлятев. О происхождении князей Торусских и Оболенских Курбский писал в начале «Истории» — автор не повторяется и фиксирует общее происхождение компактным расположением названных князей в составе мартиролога. Фамилия же Ряполовских, очевидно, содержит для Курбского актуальный вотчинный подтекст, поэтому он возводит их непосредственно к Владимиру Великому.

[841] СК. Л. 34 об., 52 об., ср.: Ист-50/19, 76/29–30. Совпадение семейного, владельческого и родового статуса особенно отчетливо во втором случае, где говорится о взятии Марненбурга «немалыми гетманами» князьями И. Ф. Мстиславским и П. И. Шуйским. Развернутая родовая часть фамилии здесь имеется только у Шуйского, значит, фамилия Мстиславского ее подразумевает.

[842] Происхождение от основателей всего русского княжеского рода надстраивается в «Истории» как четвертый уровень фамильной идентификации. Возведение С. И. Ряполовского непосредственно к великому Владимиру объясняется тем, что Курбский считал Ряполовских единым владетельным родом. При этом Тулуповы возведены в «Истории» к Стародубским. На осмыслении происхождения двух ветвей Стародубских князей могло сказаться родовое первенство Ряполовских.

[843] СК. Л. 4 об., ср.: Ист-7/2 (И. Ф. Бельский); СК. Л. 5, ср.: Ист-7/32 (М. Б. Трубецкой); СК. Л. 87, ср.: Ист-125/32–33 (Е. А. Хованская); СК. Л. 103 об., ср.: Ист-149/20 22 (Е. Д. Бельская). О В. И. Патрикееве Курбский говорит не только в «Истории», но и в томе «Иоанн Дамаскин»: «...ниже был от поколения великих княжат литовских». Здесь же он особенно подчеркивает его двойное родство с московскими и литовскими князьями (СК. Л. 2, ср.: Ист-3/12–15; *Попов А.Н.* Описание... С. 114 (л. 30 об.)).

[844] СК. Л. 4 об., ср.: Ист-7/12–13 (А. М. Шуйский); СК. Л. 52 об., ср.: Ист-76/29-30 (П. И. Шуйский).

[845] СК. Л. 2 об., ср.: Ист-3/27–4/2 (С. Ф. Курбский); СК. Л. 4 об., ср.: Ист-7/19-20 (И. И. Кубенский); СК. Л. 14, ср.: Ист-21/24 25 (Ф. И. Львов). О Смоленских и Ярославских в связи с самосознанием Андрея Курбского см. ниже.

[846] СК. Л. 4 об., ср.: Ист-7/22–25 (Воронцовы); СК. Л. 96 об., ср.: 139/30–34 (Колычевы, Шереметевы).

[847] СК. Л. 5, ср.: Ист-7/35–36 (И. И. Дорогобужский); СК. Л. 20, ср.: Ист-29/34–36 (С. И. Микулинский).

[848] СК. Л. 5, ср.: Ист-7/37–8/1 (Ф. И. Овчинин). В богословском томе, говоря о кн. М. А. Оболенском, Курбский ссылается на его происхождение «з роду княжат черниговъских» (*Попов А.Н.* Описание... С. 100 (л. 3 об.); DJD. S. 11). В мартирологах «Истории» различные ответвления Оболенских возводятся непосредственно к св. кн. Михаилу Всеволодовичу Черниговскому (СК. Л. 83, ср.: Ист-121/2–5).

[849] СК. Л. 110, ср.: Ист-159/31–32 (А. В. Тулупов).

[850] СК. Л. 110, ср.: Ист-159/35–36 (Неудача Цыплятев).

являются продолжениями семейных и владельческих прозвищ и типологически сходны с «описательным титулом»[851]. Конструкция «с роду» выступает в сочинениях Курбского в том же качестве, что и европейские фамильные предлоги *de, von, van* и т.д., но в ней не выражен вотчинный подтекст. Родовые определения у А.М. Курбского лишь очерчивают ту территорию, которая была ранее подвластна роду. Единственное здесь исключение — происхождение от одного из Владимиров Великих, символизирующее как единство княжеского дома, так и равные права его представителей на власть в Русской земле.

Иначе представлены в «Истории» нетитулованные фамилии. Некняжеские фамилии А.М. Курбский снабжает либо общими панегирическими характеристиками («стародавные в родех руских»[852], «слузи... светлых родов и благородных шляхецких»[853], «муж благородный»[854], «светлого рода муж»[855], «муж велика роду»[856], «от резанские шляхты благородных мужей зацных в родех»[857]), либо ремарками о предках без указания владельческого статуса (И. И. Хабаров «роду старожитного, яже нарицались Добрынские»[858], В.В. Разладин потомок «Иоанна Родионовича нареченного Квашни»[859], Г.С. Сидоров «с роду великих синглитов резанских»[860]).

В то же время за каждым княжеским родом обнаруживается свой предок, часто святой. Княжата Литовские восходят к Ольгерду, по интересуют автора «Истории» еще и тем, что являются сородичами польского короля Ягайло. Суздальские и, по Курбскому, Тверские происходят от Андрея Суздальского[861]. Смоленские и Ярославские — от Федора Ростиславича Черного. Торусские и Оболенские — от Михаила Всеволодовича Черниговского. «Решские» — неопределенно «из Немец». Родовые предки князей Стародубских, Рязанских, Ростовских, Белозерских, Московских Курбским не обозначены. Они возводятся, наравне с другими русскими князьями, к Владимиру Святому и Владимиру Мономаху.

Многое в социальных представлениях А.М. Курбского проясняет порядок оформления мартирологов в «Истории». Пострадавшие от террора разделены на четыре группы — вступительную, княжескую, боярско-дворянскую и церковную[862]. При этом в третьей и четвертой упомянуты отдельные представители второй. Первая посвящена хронологически самым ранним гонениям на родственников А.Ф. Адашева. Устранение Избранной рады было, согласно Курбскому, началом «ножара лютости», поэтому подробный вступительный мартиролог имеет значение свидетельства о первостепенном преступлении. Память и прославление обращены в первую очередь к личности, занимавшей вместе со своим родом последнюю главу «Государева Родословца», по первое место по влиянию на царя.

Нас прежде всего здесь интересует княжеский раздел. Он состоит из мартириев, организованных по семейно-родственному принципу. При этом соблюдается следующий порядок перечисления князей: Оболенские — Суздальские — Стародубские — Ростовские — Патрикеевы — Ярославские — Рязанские — Владимир Андреевич Старицкий М.И. Воротынский и Н.Р. Одоевский. Первое и последнее места занимают потомки святого Михаила Черниговского, «иже убиен от безбожного Батыя за то, иже боги его насмевал и Христа Бога пред мучителем так сильным и грозным со дерзновением проповедал»[863]. Князь Михаил Всеволодович был для Курбского идеалом христианского рыцарства. Его житие («мучение князя Михаила Черниговского да болярина его Феодора») находилось в библиотеке князя Андрея Михайловича в Юрьеве и, видимо, входило в походную библиотеку князя, так как было подшито к житию Августина и другим словесам, переведенным «из латынского языка», незадолго до бегства боярина-наместника[864]. То, что родство новых мучеников Оболенских, Во-

[851] *Каштанов С.М.* Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. // ВИД. Л., 1976. Вып. 8. С. 80.

[852] СК. Л. 17, ср.: Ист-25/27–28 (муромская шляхта).

[853] СК. Л. 87 об., 110, ср.: Ист-126/11–15, 160/4–6.

[854] СК. Л. 6 об., ср.: Ист-10/3–4 (А.Ф. Адашев); СК. Л. 80 об. — 81, ср.: 118/11–15 (родственники Алексея Адашева); СК. Л. 83 об., ср.: Ист-121/20 22 (П.П. Ховрин); СК. Л. 94 об., ср.: Ист-137/15 (С.В. Яковлев); СК. Л. 99 об., ср.: Ист-143/30–33 (Заболоцкие); СК. Л. 103, ср.: Ист-149/2–3 (все нетитулованные пострадавшие от террора верные слуги царя).

[855] СК. Л. 95, ср.: Ист-138/7–8 (М.М. Лыков); СК. Л. 99 об., ср.: 143/36–144/2 (Бутурлины).

[856] СК. Л. 100, ср.: Ист-144/10–17 (Т.И. Замятня Сабуров).

[857] СК. Л. 100, ср.: Ист-144/34–36.

[858] СК. Л. 95, ср.: Ист-137/34-35.

[859] СК. Л. 98, ср.: Ист-141/35–142/1.

[860] СК. Л. 101, ср.: Ист-145/27–30.

[861] Об этом см. в главе «Персональная и социальная память».

[862] *Рыков Ю.Д.* «История о великом князе Московском» А.М. Курбского и опричнина Ивана Грозного // Исторические записки. М., 1974. Т. 93. С. 328–350.

[863] СК. Л. 83, ср.: Ист-121/3–9.

[864] РИБ. Т. 31. Стб 495; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный С. 77–81.

ротынского и Одоевского с Михаилом Черниговским было актуальным для автора «Истории», подтверждается прямыми генеалогическими справками в тексте и упоминанием Михаила Воротынского своему «тезоименитому» предку (а Ивана Грозного — Батыю)[865].

Суздальским в прошлом принадлежала «старшая власть» между русскими князьями. Далее следуют краткие записи о Д. И. Ряполовском; С. В. Лобанове Ростовском, А. И. Катыреве Ростовском, В. И. Темкине Ростовском; П. М. Щенятеве, П. А. и И. А. Куракиных. Ряполовский особенно выделялся, видимо, в связи с интересом Курбского к делу князя Семена и с участием самого кн. Дмитрия Ивановича в конспиративном заговоре И. П. Федорова, удостоившегося эксклюзивной вступительной статьи ко второму мартирологу. Ростовские князья только упомянуты без каких бы то ни было характеристик — возможно, потому что Курбский располагал о них скудными сведениями. Подробнее сообщается о Петре Щенятеве, которого кн. Андрей Курбский знал лично и у которого многократно служил в полку вторым воеводой (1550, 1552, 1556, 1557, 1562/63)[866]. Затем говорится снова, очень бегло, о Куракиных. Можно предположить, что замысел княжеского мартиролога первоначально заключался в том, чтобы начать его с потомков черниговского святого и закончить потомками ярославского. Однако дело Старицких, по которому мог проходить и И. И. Турунтай Пронский, смешало планы, а еще позднее, к середине 1570-х гг., были получены сведения о казнях 1573 г. и возник «плач» по Воротынскому и Одоевскому.

Порядок перечисления жертв террора у Курбского не совпадает в точности с известными примерами ранжирования двора в середине XVI в. (например в родословцах, Тысячной книге, Дворовой тетради), хотя содержит элементы отдельных иерархических представлений той эпохи и своеобразную «воображаемую» иерархию, частью которой считал себя Курбский. Положение князей суздальских, ростовских и ярославских может быть соотнесено с порядком явочной записи князей для тверского похода 1375 г.: тесть московского великого князя Дмитрий Константинович Суздальский с братьями Борисом Городецким и Дмитрием Ногтем Суздальским и сыном Семеном упомянуты в первую очередь; после Владимира Андреевича записаны Андрей Федорович Ростовский и два его двоюродных брата Василий и Александр Константиновичи; после Ивана Васильевича Смоленского следуют братья Василий и Роман Васильевичи Ярославские; и уже затем князья Белозерский, Кашинский, Моложский, Стародубский, Брянский, Новосильский, Оболенский, Торусский «и инии князи»[867]. Последовательность перечисления в летописях князей суздальских, ростовских и ярославских устойчива независимо от других звеньев, которые не имели значения для повествования Курбского или подчинялись иным его представлениям и задачам. Особенно существенным оказалось переосмысление князем-историком «Государева родословца». В нем род князей черниговских также образует кольцевую композицию, следуя в гл. 5 после князей полоцких и литовских и затем в гл. 12 следом за ярославскими. Впрочем, при этом ни один из литовских родов не занимает таких позиций, как в Родословце 1555 г.

Эти сходства могут быть случайным следствием того, как представлял себе А. М. Курбский хронологию репрессий в Русском государстве. И вместе с тем, по его мнению, преступления царя направлены не против отдельных лиц, а против родов «всеродне», их статуса и их прошлого. Выскажем предположение, что последовательность княжеских родов в мартирологе складывается в иерархию, которая подчеркивала в «Истории» идею о князьях-святых, прародителях своих «пленниц» и символах русской княжеской власти как таковой. И вновь мы обнаруживаем совпадения взглядов Курбского с московской идеологией эпохи Избранной рады. Святые предки воспринимались тогда как спутники и заступники в священной войне с неверными. В этом смысле «История» Курбского может быть сопоставлена с изобразительной программой иконы «Благословенно воинство Небесного Царя» начала

[865] СК. Л. 83, 90 об., ср.: History. P. 182 184, 200; DJD. S. LI/2b/15–17; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 185; *Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России. С. 53.

[866] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 132 (л. 129 об.), 135 (л. 134 об.); Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 402 (л. 262); М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 412–413 (л. 267 об.), 414–415 (л. 268 об.), 418 (л. 270 об.), 422 (л. 272 об.), 428 (л. 275 об.), 438 (л. 279); М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 7 (л. 324); *Баранов К.В.* Записная книга полоцкого похода 1562/63 года // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 121 (л. 6 об.); *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 69, 78, 93–94; *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский // ВИ. 1999. № 1. С. 82–84.

[867] ПСРЛ. М., 2000. Т. 11. С. 22–23; ср.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 301 (л. 203 — 203 об.); ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб 110–111 (л. 315 — 315 об.); ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб 446 (л. 381 об. — 382); ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. Стб 99; ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 130–131 (л. 184 — 184 об.); ПСРЛ. Т. 8. С. 22.

1550-х гг.[868] На иконе, как и в «Истории», новые святые мученики за православие направляются в Небесный Иерусалим одновременно со своими святыми предками. Среди них многие — князья, и они не отделены от общей массы воинов. Курбский убежден, что ни подвиги в борьбе с «внешним драконом», ни мученичество обличителей «внутреннего дракона», т.е. неправедной власти, не будут забыты перед Богом. Иерархия «чинов» в страдании за республику после деградации царя (главы — головы республики), судя по конструкции повествования в «Истории», не отражает кастового общества. В составе Избранной рады, которая гибнет первой, есть и князья, и бояре, и духовенство, и лишь в сознании автора княжеский титул — знак особого статуса, осмысленного в связи с происхождением родов от святых предков и сохраняющимся за носителями титула правом на власть в Русской земле, т.е. — на занятие московского трона. В государственных системах Короны Польской и Великого княжества Литовского нет прямых параллелей данной системе координат, но в целом она отражает скорее республиканскую идею управления, нежели монархо-аристократический идеал. Власть в Русской земле, по мысли князя Андрея Курбского, принадлежит всем защитникам республики, но княжеский титул позволяет занять место ее главы, боярский или дворянский статус — полководцев и органов государственного управления («удов»), а духовенство ближе всего к сердцу государства[869]. Поиск параллелей вместе с тем не должен ограничиваться российскими источниками, поскольку композиция мартирологов приближает княжеский раздел к иерархиям Великого княжества Литовского, где ко времени создания «Истории» были живы представления о титульных правах князей на свои владения и на всю Русскую землю, а шляхта мыслилась как единое сословие, в котором, говоря на языке Андрея Курбского, «великие панове» и остальные «дворяне» не были разделены непроходимыми границами[870].

Высокий статус князей в воображении Курбского отражал как раз обратную тенденцию понижение аналогичного статуса в Речи Посполитой, воплотившееся при его жизни в борьбе князя Юрия Слуцкого и его сторонников за место в Сенате[871]. Сведения о священномучениках относительно немногочисленны в «Истории» и приложены в качестве иллюстрации противостояния царя с церковью. Соответствия в «чинах» Высшего совета (Избранной рады) с Сенатом Речи Посполитой, княжеского статуса с воображаемым правом князей в русских землях на защиту всей Русской земли и боярско-дворянского «чина» с шляхтой формируют читательскую аудиторию «Истории». Внутренние иерархии в каждой страте отражают либо условный порядок, либо соображения самого князя-московита о заслугах и первенстве рода в России. Княжеские родословные легенды «Истории», как правило, отличаются лапидарностью и по форме изменяются в зависимости от темы повествования. Модель для такой легенды в готовом виде встречается в «Истории вкратце» (предисловии к «Новому Маргариту»), где Курбский сожалеет о смерти И. И. Келемета, своего «слуги и брата превозлюбленнаго и вернаго» — «мужа не точию в военных вещах кренкаго и искуснаго, но и в разуме светлаго»[872], и в Послании Курбского герцогу Альбрехту Гогенцоллерну, где князь Андрей характеризует своего отца как «рожденного в знаменитом доме и, кроме того, во всем мудрого, знающего и опытного господина»[873]. Сведем признаки, с использованием которых создаются характеристики героев в «Истории», в 6 категорий:

А) родственники и происхождение («от роду», «единонлеменный» и др.);

Б) родство с великим князем московским;

В) личные качества («тихий», «кроткий» и др.);

Г) статус («синклит», «стратилат»)[874];

[868] *Bogatyrev S.* The Heavenly Host and the Sword of Truth: Apocalyptic Imagery in Ivan IV's Muscovy // The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland / ed. by V. Kivelson et al. Bloomington, Indiana, 2009. P. 77–90. В нашем понимании образный ряд данной иконы сохраняет параллели с церемониальными событиями конца 1540-х — начала 1550-х гг. См. в нашей книге «Император Святой Руси».

[869] Дискуссию о значении понятия «Избранная рада» и нашу точку зрения см. в главе «Персональная и социальная память».

[870] *Яковенко Н.* Українська шляхта з кінця XIV — до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна. Київ, 2008. С. 75–293; *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną. S. 82–106, 387–392.

[871] *Скен'ян А. А.* Князі Слуцкія. С. 67–75.

[872] NM. Bd. 1. Lfg. 1. F. 6v.

[873] См. *Приложение IV*.

[874] Понятия «синклит» и «стратилат» в сочинениях Курбского не всегда тождественны боярскому чину и должности воеводы московских делопроизводственных документов (актов, разрядных росписей, летописей). Первое из них применяется Андреем Михайловичем не для всех упоминаемых им бояр, а только для особо приближенных к царю его советников. Второе имеет подтекст «признанный воин», «профессиональный военный», «выдающийся командующий». Все упомянутые Курбским придворные лица, разумеется, имели определенный статус внутри государева двора. Но в данном

Д) богатство;

Е) возраст.

Например, в Послании герцогу Альбрехту князь Андрей перечисляет качества своего отца по категориям А–В–Г. При этом будем учитывать, что некоторые категории присутствуют в характеристиках не прямо, а в виде описательных конструкций или определяются по контексту. Нас будут интересовать только те случаи, когда какие-либо из шести категорий применяются к поименованным личностям, хотя описательные модели могут быть выявлены и в тех случаях, когда князь Андрей Михайлович не уточняет имена своих героев:

а) Избранная рада пополняется за счет «советников мужей разумных и совершенных, во старости маститей сущих, благочестием и страхом божиим украшенных» (т.е. здесь перечисляются категории Г–В–Е–В)[875];

б) в походе И. В. Шереметева, кн. С. И. Микулинского-Пункова и кн. А. М. Курбского на подавление казанского восстания принимало участие «немало стратилатов, светлых, и храбрых, и великородных мужей» (Г В А)[876].

Из 122 поименно упомянутых русских князей и дворян (не считая Андрея Курбского, великих князей московских и великих княгинь Марии Борисовны, Софьи Фоминичны, Соломонии Юрьевны, Елены Васильевны и Анастасии Романовны) первых всего 64 (52,5%). О 15 названных по имени князьях в «Истории» ничего не сообщается, кроме имени. Оставшихся князей — 49, т.е. 45,8% от общего числа оставшихся же героев повести, но это меняет общую картину несущественно.

Категория А выражена дополнительным (помимо фамилии и отчества) замечанием в 57 случаях, из них 31 (54,4%) касается князей. Категория Б встречается 11 раз, из них только 2 раза в отношении нетитулованных лиц (Сабуровы, С. В. Яковлев)[877]. Категория В — 60 раз, к князьям — 30 (50%). Категория Г указана 47 раз, из них по отношению к князьям — 24 (51,1%). Категория Д встречается 11 раз, «богатых» князей в «Истории» — 6 (54,5%). Возраст привлекает внимание автора 16 раз и указывается применительно к поименованным русским князьям 9 раз (56,3%).

Таким образом, добродетели у титулованных и нетитулованных героев «Истории» внешне распределяются почти поровну. Если не считать отношения между характеристиками Б и А, устойчивой корреляции между категориями нет: автор подбирает для каждого героя индивидуальную характеристику. Однако при более детальном рассмотрении заметны предпочтения Курбского при выборе оценочных суждений. Для князей родовитость наиболее часто сопутствует похвале, затем по мере убывания значимости следуют личные качества, статус и три неординарных по встречаемости качества — возраст, богатство и родство с великим князем. Наиболее выразительным является число упоминаний категории Б. Князь Курбский фиксирует родство жертв с московскими князьями, чтобы подтвердить свою идею о братоубийственной политике Ивана Грозного, его отца и деда. Матримониальным связям придворных с московским великокняжеским домом в «Истории» уделено особое внимание:

1. Вассиан Патрикеев назван сродником Василия III «по матери своей»: видимо, в этом ошибочном замечании подразумевается не мать В. И. Патрикеева (дочь В. Г. Ховрина), а мать его отца, дочь московского великого князя Василия I Анна[878]. Происхождение от князя Патрикия подчеркивается в мартирологе П. М. Щенятева, П. И. и И. А. Куракиных, но об их родстве с великокняжеской семьей прямо уже не говорится[879]. Василий III, стремясь захватить «окаянные отчизны», погубил «брата своего во крови ближняго княжа северского Василия нареченного Шамячича»[880].

2. Иван IV велел убить «ближняго сродника своего, рожденного с сестры отца его, князя Иоанна Кубенского»: отец И. И. Кубенского Иван Семенович был женат на дочери Андрея Старшего Васильевича, брата Ивана III, т.е. казненный князь Иван Иванович приходился великому князю троюродным братом[881].

3. В «Истории» специально оговорено, что убитый в июньском восстании 1547 г.

случае для нас важно появление в характеристиках формулировок, с помощью которых должностной или чиновный статус акцентируется.

875 СК. Л. 7 об., ср.: Ист-11/28-33; см. далее о советниках молодых, но также «предобрых» и «искусных» (СК. Л. 7 об., ср.: Ист-11/33–12/3).

876 СК. Л. 40, ср.: Ист-59/9–19; см. также: СК. Л. 42 об., ср.: Ист-63/6–8.

877 Картина по данной категории несколько изменилась бы, если принять в расчет шуринов Ивана Грозного Даниила и Никиту Романовичей, упомянутых в «Истории» без раскрытия их имен (History. P. 74. N 1).

878 СК. Л. 2, ср.: Ист-3/13–14; ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 232 (л. 334); РК 1598. С. 17, 239; ДРВ. Т. 6. С. 452; *Маркевич А.И.* История местничества... С. 239; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 36 (схема 1), 37.

879 СК. Л. 85, ср.: Ист-123/19–32.

880 СК. Л. 114 об., ср.: Ист-166/11–20.

881 СК. Л. 4 об., ср.: Ист-7/15–17; *Зимин А.А.* Формирование... С. 94.

Княжна Мария Владимировна Старицкая. Неизвестный художник. Портрет из собрания замка Розенборг, из коллекции Теркеля Клевенфельда. Фото Кита Вайса. См.: Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / отв. ред. Дж. Линд, А.Л. Хорошкевич. М., 2002. Вклейка между с. 584 и 585. С. VI.

Ю.В. Глинский и бежавший М.В. Глинский — «вуи», т.е. дяди царя по матери[882]. А.М. Курбский сообщает, что его родич Ф.А. Аленкин был женат на двоюродной сестре царя Ивана («сестра его, за двух рожденная»), дочери «Михаила Глинского»[883]. Этого Михаила Глинского, по словам Курбского, «погубила неповинне мати его [царя Ивана. — *К.Е.*], сущаго стрыя своего»[884]. Джон Феннелл сделал вывод, что жена «Федора Ярославского была, таким образом, двоюродной сестрой Елены Васильевны [Глинской], матери Ивана IV»[885]. Но Курбский говорит, что княжна Глинская была двоюродной сестрой именно «его», т.е. царя, что при любой интерпретации свидетельствует об ошибке в «Истории» и не исключает возможность происхождения этой княжны не от дяди, а от родного старшего брата великой княгини Михаила Васильевича[886].

4. Курбский хорошо разбирается в родственных связях первой жены царя Ивана. Братом по дяде («стрыечным») царицы Анастасии в «Истории» назван «Семен Яковлевич» — боярин дворецкий Нижнего Новгорода Семен Васильевич Яковлев, казненный в июле 1570 г.[887] В Третьем Послании Ивану IV Курбский развеивает подозрения о том, что мог участвовать в убийстве царицы, своей троюродной сестры по матери: «А тая твоя царица мне, убогому, ближняя сродница, яко узришь сродство оно на стране того листа написано»[888]. В Речи Посполитой неоднократно значение Курбского подчеркивалось его родством с царем[889].

5. Мартиролог семьи Владимира Андреевича Старицкого содержит прямую отсылку на то, что старицкий князь приходится царю «стречным» (*стрыечным*), двоюродным братом по дяде, и все четыре других представителя семьи убитого также косвенно отнесены к ближайшим родственникам царя[890]. Посольский приказ фабриковал обвинение против Андрея Курбского на основании еще одной родственной связи изменника с царской семьей: «А за князем Володимером Ондреевичем была его сестра двоюродная»[891]. В Третьем послании Ивану IV Курбский также сослался на это родство, но с открытым пренебрежением, как если бы «сестра» была принуждена к браку с удельным князем: «А тогды же есмь угодал грядущее мнение твое на мя, когда еще сестру мою насилием от мене взял еси за того то брата твоего, наипаче же, могу по истине рещи со дерзновением, в тот ваш издавна кровопивственный род»[892]. Вла-

[882] СК. Л. 5 об., ср.: Ист-8/37–9/5.

[883] СК. Л. 86, ср.: Ист-124/27–30.

[884] СК. Л. 86, ср.: Ист-124/30–32.

[885] History. P. 190. N 2.

[886] На одной его дочери, Марии, был женат И.Д. Хомяк Пенков Ярославский. Росписи показывают еще одну дочь М.В. Глинского Анастасию (*Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 104–125; *Ее же.* Родословие князей Глинских // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1994. Вып. 3. С. 25–27; *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 327 (схема VI (1))).

[887] Упомянутое А.М. Курбским родство Семена Яковлевича с царицей исключает колебания в идентификации этого придворного (ср.: History. P. 210. n. 2). Он приходился троюродным братом Анастасии Романовне, являясь внуком Якова Захарьича, родной брат которого Юрий был дедом Анастасии Романовны (*Зимин А.А.* Формирование... С. 183–187).

[888] ПИГАК. С. 109 (л. 144 об.), 373–374.

[889] Paprocki. S. 871; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 342 (р. 504).

[890] СК. Л. 87, ср.: Ист-125/29–126/8.

[891] ПК-79-12. Л. 278 об.

[892] ПИГАК. С. 109 (л. 144 об. — 145).

димир Андреевич был женат дважды — на Авдотье Александровне Нагой (май 1550 г.) и княжне Авдотье Романовне Одоевской (апрель 1555 г.)[893]. Курбский был представлен в посольских делах как сообщник удельного князя, что, если следовать обвинениям в адрес Курбского в посланиях к нему Ивана Грозного, скорее относилось к событиям 1563 г.[894] Сам Курбский отзывается в похвалой о второй супруге Владимира Андреевича, но ничего не говорит о своем родстве с ней[895].

6. Царь, по мнению А.М. Курбского, уже (к моменту написания соответствующих разделов «Истории») погубил «ближних в роде братию»[896]. На очереди были сыновья царя, в чем вероятен намек на конфликт, закончившийся гибелью царевича Ивана Ивановича[897].

Как же представляет себе А. М. Курбский значение русских князей в московской придворной жизни? Большинство эмоционально и религиозно окрашенных персональных характеристик в «Истории» не поддается проверке другими источниками. Но, как мы видели, это не аргумент в пользу того, что добродетели ее героев придуманы, трафаретны или соответствуют только замыслу автора. Добродетели «новых мучеников» не являются «социальным портретом» или «житийными клише». В конфликтных ситуациях герои Курбского ведут себя непредсказуемо. Причины их опалы и гибели поддаются классификации, без которой также трудно представить себе источниковедческую ценность «Истории». Все новые мученики, о которых он пишет, были убиты или репрессированы, по его мнению, «туне», «неповинно», «без правды», «неправедно», беззаконно, по дьявольскому наущению[898]. Часто причинами гонений оказывались, по информации Курбского, родственные связи с опальными лицами[899]. Однако в ряде случаев писатель специально указывает на то, *что* послужило предлогом для опалы. Именно эти случаи поддаются сравнительному анализу[900]. Среди таких объяснений фигурируют:

a) навет;

b) выступление против правителя, обличение;

c) подозрение в чародействе или заговоре против царя;

d) крупные земельные владения мучеников;

e) их движимое богатство;

f) родственные и дружеские связи с опальными.

Опальные распределяются по категориям так:

(a) в эту группу попадают либо все жертвы периода так называемого боярского правления, либо по меньшей мере один кн. И.Ф. Бельский, а также протопоп Сильвестр и А.Ф. Адашев, кн. М.И. Воротынский[901];

(b) кн. В.И. Патрикеев, кн. С.Ф. Курбский, кн. М.Л. Глинский, Сильвестр и А.Ф. Адашев, кн. М.П. Репнин, М.С. Митков, митрополит Филипп[902];

(c) Сильвестр и А.Ф. Адашев, некая полька («ляховица») по имени Мария-Магдалина (жила в доме Алексея Адашева), кн. М.И. Воротынский, митрополит Филипп[903];

(d) кн. В.И. Шемячич, князья Ярославские, кн. М.И. Воротынский, И.П. Федоров, И.И. Хабаров[904];

(e) И.В. Большой Шереметев, Х.Ю. Тютин, И.И. Хабаров, новгородцы — жертвы погрома

---

[893] *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 104–139, особенно с. 117 (табл. 4), 119–121 (табл. 5), 129–130.

[894] Ср.: ПИГАК. С. 32 (л. 317 — 317 об.), 104–105 (л. 256 об. — 257 об.).

[895] СК. Л. 87, ср.: Ист-125/37–126/3.

[896] СК. Л. 76, ср.: Ист-111/30–31.

[897] См. здесь раздел «Сборник Курбского» в главе «Экстенсивное чтение»

[898] ПИГАК. С. 7 (л. 5 об.), 8 (л. 6 об., 7 об., 8), 101 (л. 138 — 138 об.), 107 (л. 141), 108 (л. 143 об.), 111 (л. 147), 113 (л. 152 — 152 об.); NM. Bd. 1. Lfg. 1. F. 1/12–13, 1v/10, 1v/25, 2/4–5, 2v/10–11; СК. Л. 5, 67 об., 79 об., 89 об., 95 об., 98, 131 об., ср.: Ист-8/2, 99/20–24, 117/1–12, 129/11, 138/18–19, 142/4–5, 192/1.

[899] Родовой принцип организации мартирологов сам по себе показывает, что репрессии, с точки зрения кн. А.М. Курбского, затрагивали целые роды («всеродне»): не только оклеветанного царские приспешники «без суда осуждают и казни предают, но и до трех поколеней от отца и от матери по роду влекомых осужают и казнят, и всеродно погубляют, не токмо единоколенных [*глосса а:* южиков], но аще знаем был, и сусед, и мало ко дружбе причастен» (NM. Bd. 1. Lfg. 1. F. 1v/21–2/2; ср.: Ист-116/16–117/1). О понятии «измена» в Московской Руси см. также в нашей монографии «Император Святой Руси».

[900] Не учитываем ложные причины (добродетели новых мучеников), приводимые автором «Истории» с иронническими обличительными целями. Например, царь воздает своим слугам гонениями за верную службу (ПИГАК. С. 7 (л. 6); СК. Л. 85, 88 об., ср.: Ист-123/7–10, 127/34).

[901] СК. Л. 4 об. и сл., 67 об. и сл., 87 об. и сл., ср.: Ист-6/34 и сл., 99/16 и сл., 126/16 и сл.

[902] СК. Л. 2-2 об., 68, 81 об. и сл., 86, 96 об., 130 об., ср.: Ист-3/9 — 4/10, 100/4-10, 119/10 и сл., 124/30-32, 140/1-2, 190/14-17.

[903] СК. Л. 68 и сл., 80-80 об., 89 и сл., 98, 107 и сл., ср.: Ист-100/11 и сл., 117/28-32, 128/14 и сл., 141/25-26, 155/5 и сл.

[904] СК. Л. 86 об., 93 об., 95, 102, 114 об., ср.: Ист-125/7-8, 135/12-13, 138/4-6, 147/16-17, 166/16-17.

1570 г. (среди них названы кн. А. В. Тулунов и кн. Неудача Цынлятев)[905];

(f) уже упомянутая нолька Мария, Колычевы (родство с митрополитом Филиппом), архимандрит Феодорит (по одной из версий, казнен за напоминание царю об Андрее Курбском)[906].

Причины a, b, c, f распространяются на лиц из всех социальных групп, обособленных Курбским в трех мартирологах. Иначе обстоит дело с категориями d и e, вокруг которых не смолкает историографическая полемика. Движимость («скарбы великие», «великие проклятые кровавые богатства») выступает в качестве объекта борьбы между царем и нетитулованной знатью, а вот в княжеском мартирологе в качестве причины репрессий не фигурирует. Причастность князей к «кровавым богатствам» в третьем мартирологе лишь косвенная: там говорится о богатствах Новгорода и, в связи с этим, о больших вкладах Неудачи Цынлятева в Софийский собор[907]. Правда, во Втором послании Курбский обвиняет царя в том, что он «поморил» своих «единоплемянных княжат» и разграбил вслед за своими дедом и отцом их «движимые стяжания и недвижимые»[908]. В то же время борьба за недвижимость («отчины великие», «свои уделы», «зело много отчины», «убогие и окаянные отчизны») касается главным образом князей. Исключением является И. П. Федоров, но тема его вотчин согласуется с «княжеским» положением в мартирологе рассказа о его смерти — он обособлен от остальных героев боярско-дворянского мартиролога специальной заставкой. И. И. Хабаров с сыном пострадали из-за «скарбов великих», и лишь через три года царь повелел его убить «из отчизны, понеже великии отчины имел во многих поветех»[909]. Княжеские роды в сочинениях А. М. Курбского выступают крупными землевладельцами, а московских князей, начиная с Ивана III, отличают страсть к наживе и стремление захватить княжеские имения. Впрочем, Курбский не ограничивает репрессивную деятельность московского царя борьбой против княжеского землевладения, уделов или боярских вотчин. Ограбление лишь сопровождает физические расправы, обрушивающиеся на знатные роды и целые кланы царских слуг, а лидерами в этой политике оказываются утверждающиеся за счет расправ выдвиженцы и приспешники царя — его шурины «и другие с ними нечестивые губители всего тамошнего царства», плетущие заговоры и интриги, «да не возбранно будет им всеми нами владети и, суд превращающе, посулы грабити и другие злости плодити, скверные ножитки свои умножающе»[910]. Это тот редкий случай, когда Курбский в тексте «литовского периода» совершает переход от стороннего взгляда на «тамошнее царство» к отождествлению себя с московскими «всеми нами», под которыми в контексте данного повествования о преследовании Сильвестра и Алексея Адашева не могут подразумеваться только князья.

Приведенные выше подсчеты, возможно, не позволяют разрешить те споры между исследователями, о которых говорилось в начале этой главы. Если это и возможно, наша задача была в ином. В центре внимания здесь был не историк, достоверно или ошибочно излагавший события вокруг царских, великокняжеских и княжеских родов, отдельных носителей княжеского титула и т. п., а идеолог, не скрывавший своего отношения к происходящему. И прежде чем обращаться к социальным языкам и реалиям, скрытым за его информацией, необходимо было понять, как именно Курбский высказывал свое отношение, и прежде чем мы приступаем к отобранным им фактам — понять, насколько его взгляды идейно тенденциозны. С этой целью и были проведены подсчеты, позволяющие теперь уточнить существующие интерпретации его взглядов и определить исследовательские пути, по которым предстоит идти в дальнейшем.

Прежде всего Курбский был последователен в употреблении понятий, касающихся власти вообще и княжеской власти в частности. Он нигде не высказывает несогласия с объединением русских земель, расширением границ и завоеванием татарских государств. Ошибочно было бы полагать, что протест Курбского против московских великих князей подразумевал эти стороны их политики. Его идея превращения Русской земли в Святорусское царство предполагает, что восстанавливается Великая Русь конца X — XIII в., создается Святая Русь, равноправная с западной христианской империей, царский статус земли и великого князя выстрадан долгосрочной борьбой за независимость

[905] СК. Л. 94-95, 110-110 об., ср.: Ист-136/7 и сл., 137/20-22, 137/31-33, 160/7-14.

[906] СК. Л. 80 об., 96 об., 127 об., ср.: Ист-117/29-30, 139/34 — 140/3, 185/27-33.

[907] Цыплятевы были захудалой ветвью смоленских князей: *Граля И.* Дьяки и писарь: Аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI — начало XVIII века) // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 152, 155.

[908] ПИГАК. С. 101 (л. 138 об.).

[909] СК. Л. 95, ср.: Ист-137/31–33, 138/4–6.

[910] СК. Л. 68, ср.: Ист-100/1–10.

и духовным очищением царя и получен по благословению константинопольского патриарха. При таком понимании современности расширение полномочий бывших великих князей до королевских и князей — до герцогских являлось бы шагом не к феодальной раздробленности, а к империи. Титульные характеристики, рассуждения о носителях высшей власти, языковые глоссы и комментарии в основном тексте Сборника Курбского подтверждают этот вывод и показывают, что святых князей, их потомков и всех князей Курбский считает опорой империи. Впрочем, не единственной. Могущество Руси создано не только князьями, но и боярами, дворянами, а в некоторых случаях помогали даже советы «всенародства».

Для православного человека непреложно, что всякая власть дана от Бога. Вместе с тем титулованный мыслитель XVI в. мог бы сделать оговорку, что неправедным правителем Бог наказывает грешников и что князь тьмы, как было предсказано, в последние времена явится в обличии земного правителя[911]. С другой стороны, земля принадлежит не только тем, кто ею управляет, но и тем, кто призван ее защищать. Курбский не требует свержения неправедного царя, и все мученики, о которых он пишет, терпеливо сносили гонения неправедных князей мира и церкви. Обвинения в заговоре против царя на стороне Владимира Старицкого опровергнуты в Третьем послании Курбского. Отрицательным примером служит великий князь Московский Василий III, который, по мнению Курбского, погубил легитимно венчанного царя — внука Ивана III Дмитрия Ивановича. Обвинение в государственном перевороте обращено в Сборнике Курбского против предков царя и его самого: он со своими опричниками разрушает единое государство. Трудно обнаружить в текстах Курбского подтверждение тезиса о его выступлении против государственного единства или против царской власти. Напротив, «Святорусская империя» осмыслена в них как «вещь общая» (в глоссах к сборникам из книгописной мастерской князя использованы латинская транслитерация «резпублика» и рутенская калька «посполитая речь»)[912]. Торжества «вещи общей християнской» можно было достичь в правление Избранной рады, завоевав «мало не всю вселенную»[913]. Таким образом, кн. А. М. Курбский был сторонником единой православной империи, во главе которой видел легитимно венчанного царя и великих князей, мера власти между которыми не была бы предметом раздоров и взаимной ненависти. Царская власть при этом выполняла бы репрезентативные функции и была высшей наградой за «целомудрие», тогда как управление землей предполагалось гармонично распределить между носителями герцогских полномочий по аналогии со Священной Римской империей и даже с русскими великими княжествами в эпоху ордынской зависимости.

Забота о соблюдении интересов православного отечества в мире ложится на плечи князей-воинов, наследующих от своих святых предков готовность сопротивляться разрушителям единства Русской земли, как внешним врагам, так и внутренним тиранам. Сам княжеский титул оставляет следы миссии по защите земли — и малого титульного княжества с памятью о причастности ветви рода к территории, и всей Русской земли как общей отчины князей, происходящих от Рюрика. В переписке с князем афонские старцы обратят к нему формульные слова с просьбой принять у себя монастырское посольство, которые для Курбского не были пустым звуком: «Благородному и христолюбивому и всякими делы православия украшеному благочестивому и христолюбивому и в Христа Бога благоверному ревнителю же по Бозе и по божественных церквах поборнику, и тех красителю премудрейшему, паче ж и в божественних веселиах яснейшему трьжьствьнику, и православней вере премудрейшему красителю, ими ж Богь твой разум от внешнаго человеколюбиа премудре обогати, от ниго же въсака даания блага и дари съвръшени по неизчьтено дарней того ми ти нисносилаеми и души божественаа ревность, благовериемь исполняна, от пребивающее вь тебе благодети, единому праславному господару и милостивому кнезу Андреи Курумскому... и ныня молимосе и с сльзами принадем кь святим твоим стонам, милостиви господарь, простри руко помощи... якож и прежди святи царие, и кнези, и патриарси... Ти же их приими, святи и милостиви кнеже...»[914] Князь Андрей Михайлович участвовал в формировании родовых номинальных культов нескольких крупных

[911] *Вальденберг В.Е.* Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 214–236; *Каравашкин А.В.* Власть мучителя. С. 62–109.

[912] Об этом см. в главе «Персональная и социальная память».

[913] Имперская модель «Истории» сходна с идеями Ивана Грозного о наследовании православными царями власти императора Августа над «всей вселенной». Курбский убежден, что этот идеал мог осуществиться, если бы царь слушал мудрых советников и доводил до завершения их начинания.

[914] См. *Приложение V.*

княжеских родов, чья власть в их родовых гнездах и права на высшую власть в русских землях еще недавно были сопоставимы с полномочиями московского правящего рода и опирались на идею единства Рюриковичей и их святых покровителей перед угрозой «двух драконов».

Персональная и социальная память

Как изучать память князя Андрея Курбского?

На самосознание Андрея Курбского наложили отпечаток его двукультурие, лингвистические и историографические дарования, позволяющие ему на примерах из прошлого русских земель и своего собственного сформулировать — хотя не всегда достаточно отчетливо — свои, мы бы сегодня сказали, религиозно-политические и социальные идеалы[915]. Культурные идентичности Андрея Курбского, как и его подданство, насыщены переходными формами и двойственностями, и о его взглядах многое можно сказать, обратившись к тому, как он рассказывает истории о своем или о далеком прошлом. Среди творческих опытов князя нет мемуаров в современном понимании этого слова, но вместе с тем его послания, «История» и отрывки в собраниях переводов из святых отцов содержат многочисленные обращения к прошлому, недавнему и незапамятному. Как мы уже видели, князь в широкой исторической и географической перспективе говорил о миссии царской и княжеской власти, Русской земле и империи, Великой и Святой Руси. Прямая преемственность, как мы видели, возводит в сознании автора «Истории» Рюриковичей к эпохе императора Августа, а князей «решских» — к княжественным воеводам Рюрика. Власть передавалась не по династическому принципу, а внутри всего княжащего рода, и все крупнейшие защитники Русской земли опирались на святых княжественных патронов, одним из которых и был противопоставленный царю Ивану и его тирании предок Курбского князь Федор Черный. Здесь нам предстоит увидеть своеобразие образов прошлого князя Андрея Михайловича, увидеть за краткими рассказами о прошлом единство, понять, как и по каким причинам, по его мнению, происходят изменения в истории и можно ли на нее влиять.

История понятий в этой главе не будет нашим путеводным методом, поскольку понятия о прошлом менее точны, в большей мере зависят от памяти, опирается она или нет на письменные источники и другие свидетельства. Память, если следовать в русле исследований Мориса Хальбвакса, является коллективным феноменом, складывается из образов и практик, поддерживающих общее — семейно-родовое, религиозно-общинное, профессионально-классовое — прошлое в тех «рамках», которые делают возможным припоминание и хранение этого прошлого как части актуальной жизни, отграничивают социальный опыт от травматических переживаний, умерщвляют их для актуальности, вытесняют их в забвение, откуда они извлекаются лишь специалистами. Французский социолог оговаривался, что «некоторым умирающим удается продлить агонию, и бывают общества, которые дольше других хранят воспоминания о своих мертвых»[916]. За последние десятилетия проблема социальной памяти обрела новые измерения. Картины прошлого наряду с вещественными memoria и мнемотехниками обретают всё новые «места» в ментальностях обществ и отдельных мыслителей по мере того, как исследователи обращаются от большого коллективного времени к малым «местам памяти» в микросообществах, в узких хронологических пределах, в индивидуальном творчестве[917].

Одно из его излюбленных слов «памятамись», которое встречается в текстах Андрея Курбского в значении *помнится, припоминается мне, как помню*. Одного из его образцовых героев отличает «остр разум и добра память». Это ливонский ландмаршал Филипп фон Белл. Его полная противоположность, трагедия Русской земли — брат царя князь Юрий Васильевич: «без ума и без памяти и бесловесен». Противники Курбского наделены слабой памятью, и он призывает их «аще

[915] См. здесь главы «Социальный статус» и «Идеолог княжеской власти».

[916] *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 208.

[917] Назовем лишь некоторые дискуссионные работы в этой области: *Йейтс Ф.* Искусство памяти / пер. с англ. Е. Малышкина. М., 1997 (английское издание — 1966 г.); *Йерушалми Й.-Х.* Захор: Еврейская история и еврейская память / пер. с англ. Р. Нудельман, Г. Зеленина. М., 2004; *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., де, Винок М.* Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. СПб., 1999 (7 томов «Мест памяти» под ред. П. Нора вышли в 1984–1992 гг.); *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. Сокольской. М., 2004 (немецкое издание — 1992 г.); *Эксле О.-Г.* Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья / пер. с нем. Ю. Арнаутовой. М., 2007; *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М., 2017 (немецкое издание — 2013 г.); *Степанова М.М.* Память памяти: Романс. 2-е изд., испр. М., 2018 (первое издание — 2017 г.).

бы намятал», где память относится не столько к прошлому, сколько к *идеалам*, *обязанностям*, *добродетелям*, от которых этим его героям свойственно отступать. Мы можем обособить в «Истории» разделы, в большей или в меньшей мере окрашенные его персональной памятью. Античная риторическая традиция, предписывающая адресовать исторические сочинения молодым людям и потомкам, формируя их память, сохраняя в ней наиболее ценное и достопамятное, была воспринята Курбским и отражена в его высказываниях: «грядущим родом на сромоту вечные памяти», «а к тому да и лепшей памяти тамо живущим оставляю»[918]. И главное его высказывание о задачах истории, как будто заимствованное из современных ему пособий по методу написания истории: «Сие краткое сего ради произволихом написати, да не отнюдь в забвение приидут, ибо того ради славные и нарочитые исправление великих мужей от мудрых человеков историями описашесь, да ревнуют им грядущие роды, а прелых и лукавых нагубные и скверные дела того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались от них человецы, яко от смертоносных ядов или поветрея не токмо телесного но и душевнаго»[919].

Курбский довольно редко обращается к далекому прошлому Русской земли. И в этих случаях он выбирает яркие сюжеты, хорошо иллюстрирующие его взгляды на современность. Так же поступил в своем Первом послании Курбскому и Иван Грозный, изобличая зло и измену на примерах из прошлого московской власти[920]. О далеком прошлом и об относительно недавних событиях, в которых князь лично не участвовал, можно было узнать из устных рассказов, текстов, иконописных изображений и архитектурных сооружений. Знания по русской истории у Ивана IV и Андрея Курбского содержат много общего и прежде всего общий багаж летописных известий, которые были им обоим доступны и знакомы. Ссылки на письменные источники по древнерусской истории у Курбского крайне скуны. Трижды встречаются ссылки на русскую летописную книгу в «Истории о князя великого московского делех», есть ссылка в «Истории о Осьмом соборе» на какую-то русскую летописную книгу, а переписываясь с царем Иваном, Курбский говорит о русских летописях во множественном числе. Интересующие нас более других ссылки в «Истории» относятся к взятию Казани, князьям Суздальским и митрополиту Петру[921].

Далее мы попытаемся установить источники, которыми мог пользоваться Курбский, но эта проблема затрудняется тем, что, во-первых, он не цитирует, а только неясно ссылается на летописные известия, во-вторых, в Переписке с Иваном IV Курбский упоминает о том, что черпал сведения из «летописцев русских» и, следовательно, в других случаях также может подразумевать какое-то число летописей, а не части одного определенного текста[922]. Так, ссылка на летопись содержится в «Истории» в Повести о взятии Казани. Речь здесь идет о веже, построенной русским войском в течение двух недель для обстрела Казани. Курбский сообщает детали, которых нет ни в одном из известных нам официальных текстов о взятии Казани. Само сообщение об осадных работах под присмотром царя и строительстве «великой башни» «на рве у града Казани» встречается в летописях, сходных с «Летописцем начала царства» 1550-х гг., и в «Казанском летописце» (по списку тина РГБ собр. В.М. Ундольского №774)[923]. Неустановленный летописный или житийный источник XV в. (возможно, житие Сергия Радонежского) отразился на «Истории о Осьмом соборе»[924].

Мы проследуем по всей «сетке» прошлого в памяти князя Андрея Михайловича Курбского и проследим, как устроена грань между данными доступных источников и кругозором, или мировоззрением, Курбского. В истории, которую он рассказывает, много неизвестных ныне фактов. Это аберрации, оговорки или осмысленные тенденциозные интерпретации? Если об осадной веже автор мог вспомнить свой собственный опыт и выдать его полностью или отчасти за сообщение летописи — тем более если подразумевается действительно неизвестная ныне летопись осады Казани — то о малоизвестных событиях вековой давности он мог разве что слышать из устной традиции, и чем дальше в глубь веков, тем ниже вероятность устного влияния на повествователя. Следовало бы сразу отметить, что Курбский не отклоняется от ряда принятых

[918] См. главу «Ренессансный историк».

[919] Здесь и далее «История» цитируется по нашему изданию Сборника Курбского 2009 г. (за основу приняты чтения, реконструированные в издании 2015 г.) и «извлечению» из издания Г.З. Кунцевича (1913 г.).

[920] ПИГАК. С. 26 (л. 312) и далее.

[921] СК. Л. 23, 84, 105 об., ср.: Ист-33/18–19, 121/35–36, 153/9–11; *Freydank D.* A.M. Kurbskij und die Theorie der antiken Historiographie // Orbis mediaevalis. Festgabe für Anton Blaschka zum 75 Geburtstag am 7. Oktober 1967. Weimar, 1970. S. 62.

[922] ПИГАК. С. 109 (л. 144 — 144 об.).

[923] ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 97–99 (л. 274–280); М., 2000. Т. 13. С. 206–208; СПб., 1914. Т. 20. Ч. 2. С. 518–521 (л. 734 об. — 739); СПб., 1903. Т. 19. Стб 424–425 (л. 130–131).

[924] См. раздел «Сборник Курбского» в главе «Экстенсивное чтение».

в его время официальных истолкований, которые в контексте его творчества свидетельствуют только о достаточной индоктринации. Князь знал и не знал историю не только как ее истолкователь, но и как носитель общепринятых конвенций московской историографии своего времени.

От Рюрика до Ивана

Имя Рюрика встречается в сочинениях кн. А. М. Курбского единожды — в мартирии Морозовых, включенном в «Историю о князя великого московского делех». Говоря о смерти Андрея Ивановича Шеина, он вспоминает о происхождении Морозовых из рода, основатель которого был сподвижником Рюрика: «...яже еще вышли от Немец вкупе со Гериком [*глосса:* с Рюриком] прародителем руских княжат седмь мужеи храбрых и благородных, тои то был Мисса Морозов един от них»[925]. Упоминание «прародителя русских княжат» и пояснительная глосса подтверждают, что речь идет именно о летописном Рюрике, с которым новгородцы договорились о княжении около 862 г.[926] И всё же этот факт не решает множества других вопросов, которые мы здесь обсудим подробнее.

Прежде всего, в архетипе всех ранних списков «Истории», очевидно, читалось германизированное «со Гериком» и к нему была на поле пояснительная глосса «с Рюриком». Следовательно, таким, вероятнее всего, был этот текст в не дошедшем до нас протографе Сборника Курбского конца 1570-х или начала 1580-х гг. Курбский часто в своих литературных сборниках пользуется пояснительными глоссами. Среди них односложные — это почти всегда транслитерации на рутенско-русском или московско-русском, латыни, греческом, татарском. В данном случае в основном тексте приведено имя «Герик», и обращает на себя внимание то, что в Уваровском списке №301 встречаются следы различения графемы *г*, которая передавала фрикативный , и диграфа *кг*, который обозначал взрывной *г*. Конечно, в московской рукописной традиции это различие очень быстро изгладилось, и из более поздних рукописей диграф исчез. Однако в интересующем нас случае возможна постановка вопроса об использовании Курбским какой-то ранее неизвестной в русских текстах европейской транслитерации имени Рюрика, сходной с *Херик* (ср.: *Hroerekr*, *Hrodric* и т. д.).

В других случаях Курбский говорит, что Рюрика сопровождали «княжата Решские», что транслитерирует польск. *rzesza* с герм. *Reich* и означает, что указание на выезд Рюрика «из Немец» — знак его происхождения из земель Священной Римской империи. Убеждение в немецком происхождении Рюрика было для XVI в. общепринятым и в Москве, и в польской хронистике. Европейские читатели познакомились с этой версией из трех основных источников — благодаря Яну Длугошу, Сигизмунду Герберштейну и московской дипломатии. Длугош и Герберштейн пересказали доступный им текст «Повести временных лет» без особых комментариев. Длугош считает Рюрика пришлым незаконным правителем, чей сын Игорь сверг законную киевскую власть в лице Аскольда и Дира, по его мнению — лехитов и польских князей, потомков Кия[927]. Герберштейн не сомневается в княжеском достоинстве Рюрика, но не называет Рюрика императором и говорит только о его княжении в Новгородском княжестве ("Rurick principatum Novugardiae obtinet" / "Rurick namb das Fürstenthumb Großnegarten"). Однако оценка Рюрика московитами кажется ему преувеличенной: «Русские похваляются, что эти три брата вели свой род от римлян, как и, по его собственным словам, нынешний московский государь»[928]. Матей Стрыйковский не принял концепцию Длугоша и на ее месте создал свою. По его мнению, славяноязычные варяги-вандалиты (по происхождению римляне) основали Вагрию недалеко от Любека, и оттуда-то «руссаки выбрали себе князей из этих вагров или варягов и вандалитов, из народа своего славянского». Этой яркой идее была суждена долгая, до сих пор длящаяся жизнь в историографии. Любекско-славянская гипотеза Стрыйковского опровергала идею чужеродности Рюрика на славянских землях, но примиряла изобретенное славянство Рюрика с его немецким происхождением, принятым и в так называемом

[925] СК. Л. 99.

[926] Зарождение версий шведского и славянского происхождения Рюрика в европейской науке XVI–XVII вв. и дальнейшее развитие этих образов обсуждается в кн.: *Пчелов Е. В.* Рюрик. 2-е изд. М., 2012. С. 68–133.

[927] *Карнаухов Д. В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения / науч. ред. К. Б. Умбрашко. Новосибирск, 2010. С. 87–89.

[928] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 44–45, 92–93. Вплоть до А. Гваньини все польско-литовские хронисты, испытавшие влияние Герберштейна, подчеркивали, что Рюрик не был царем, а был князем или, как у Гваньини, великим князем. Это служит одним из аргументов в пользу того, что царский титул московские великие князья приписывают себе незаконно. См.: *Гваньїні О.* Хроніка Європейської Сарматії. 2-ге вид., доопр. / упор. та перекл. з польськ. о. Юрія Мицика. Київ, 2009. С. 402, 588, 626.

«западнорусском летописании» (Никифоровская, Слуцкая, Супрасльская летописи), в котором с конца XV в. «три брата» во главе с Рюриком выводились «из Немец»[929].

Великокняжеская дипломатия Москвы опиралась на те же летописные тексты, дополненные «Сказанием о князьях владимирских». В период между «Летописцем вкратце» Михаила Медоварцева конца 1520-х гг. и до «Государева Родословца», составленного около 1553–1555 гг., было сфабриковано сказание об имперском римском происхождении Рюрика. Его родство с императором Прусом, легендарным братом императора Октавиана Августа, было определено сначала в 14-й степени, а затем в ряде памятников (и в том числе в «Государевом Родословце») в 4-м колене, т.е. Рюрик был объявлен его правнуком. Полного слияния имперской версии с варяжской в московском летописании так и не произошло, но это могло быть вызвано и неопределенностью местонахождения «варягов» для московских книжников. При этом имперский титул Рюрика прямо не заявлялся, а колена, отделяющие его от Пруса или Августа, никем не уточнялись. К началу Ливонской войны данная фабрикация имела крайне сырой вид, но это позволяло при необходимости наполнять ее всё новыми подробностями. В московских переговорах июля–августа 1561 г. с представителями шведского короля Эрика XIV русское государство московского царя московские дипломаты числят «от великого царя русского Рюрика и Владимера, крестившаго Русскую землю»[930]. Употребленный в единственном числе царский титул в этой формулировке был признан московской дипломатией за князем Владимиром не позднее 1554 г., но в отношении Рюрика этот же титул звучал впервые, а в указанном виде представлял собой авантюру, направленную на создание дипломатического прецедента. Вряд ли Курбский как юрьевский наместник мог не знать предписаний этикета в отношениях с Швецией. Однако данная авантюра не получила развития в летописных памятниках 1560–1580-х гг., а Курбский точно в соответствии с московской нормой передает имперский статус Владимира I и Владимира Мономаха с помощью эпитета «Великий» (используемого и в целом для домонгольской Русской земли), однако Рюрика царем не считает.

Мацей Стрыйковский. 1581 г. См.: Stryjkowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / oprac. J. Radziszewska. Warszawa, 1978. S. 32.

Статус «прародителя» был хорошо известен и русскому летописанию, и ренессансной хорографии. Особую популярность в конце XV – XVI в. приобретают эпонимы, которые остро обсуждаются даже в дипломатической переписке. Великопольская хроника XIV в. открыла дискуссию о происхождении и старшинстве братьев Чеха, Леха и Руса. Обсуждались и такие эпонимы, как основоположник сарматских народов Асармот или пруссов Прус. В этом ряду Рюрик оказывается не столько народным, или этническим, «прародителем», сколько княжеским, а сам княжеский род приобретает статус особого народа. С точки зрения хронистов, опирающихся на «Польскую хронику» Яна Длугоша и ее переработки, Рюрик был исключительно «прародителем» русских и московских князей, причем его приход из германских земель, т.е. с неславянских территорий, создавал проблему, поскольку ока-

[929] *Мыльников А.С.* Картина славянского мира... С. 52–54.

[930] СИРИО. Т. 129. С. 90. См. также в предыстории «нашего стана» Ивана IV: «...почен от великого Рюрика, который в Великом Новегороде государил, и от великого Владимера, которой всю Русскую землю просветил святым крещением, болши пяти сот лет по ся места всей вселенней ведомо, каково наше государство есть» и т. д. См.: ПДС. Т. 10. Стб 206–207 (Старица, 14 сентября 1581 г.).

зывалось, например, что Рюрик не был потомком прародителей Чеха, Леха и Руса и не был вообще сарматского происхождения. Кроме того, его основные спутники, как правило — Синеус и Трувор, не имели потомства, а другие слуги и дружинники Рюрика были безымянны (если не считать Олега, к которому никто себя не возводил), а это создавало проблему происхождения знати вокруг Рюриковичей. Но всё же никто из хронистов, начиная с Длугоша и заканчивая Гваньини, прямо не высказал вывод, который мог бы напрашиваться у читателей: сами по себе Рюриковичи не имеют исторических прав ни на один народ Европейской Сарматии. Этот вывод был бы легко оспорен из этноцентричной перспективы, если бы Рюрик опирался на элиту, давшую основание «народу», как это было, например, у венгров, поляков, литвинов или древних пруссов. Вспомним программный в этом смысле стих Матея Стрыйковского, современный «Истории» Курбского, в котором восхваляются народы, возникшие из перебежчиков и изгнанников:

Była też to jawna kaźń w Rzymie wywolanie,
Za występki do cudzych krain odsyłanie,
Gdzie według winy s prawa, tak długo mieszkali,
Aż pokutę spełnili, albo przejednali.
Dobre też wywołano czasem i bez winy,
Jak Scipio, Camillus, niedawszy przyczyny
Cierpeili, Brutus mężny, Cicero uczony,
I on Naso był w Pontskie wywołany strony.
A drudzy też już nazad, i do Włoch nie chcieli,
Gdy się na wywołaniu lepiej niż tam mieli;
Jak i dziś od nas z Litwy nie każdy się spieszy,
Lepiej ich hojna Ceres niż tam figa cieszy,
Z tych wygnańców w Daciej Włoszy są spłodzeni,
I w Taurice, gdzie Kapha, s tych też rozmnożeni,
Z tych w Sio (kędym sam był) w Greciej osiedli,
Nie dziw tedy do Litwy, iż też swoj ród wwiedli.
Genuenses w Taurice Kaphę fundowali,
Krim, Azow i Kilią, gdy Pont zhołdowali,
Dziś Tatarowie s Turki w tych polach mieszkają:
Tak się państwa z narody za czasem mieszają.
W dzikich też polach i dziś mury stoją stare,
Gdzie przed tym Grecy żyli, rzecz sama zna wiarę.
A dziś Tatarzyn strzela tam dzikie kobyły,
Gdzie pierwej mocne zamki, wieże, z miasty były.
I on Eneas z Trojej tak długo żeglował,
Tak u Scyle i Sirtim w strachu pielgrzymował,
Afryckie pierwej brzegi, potym Włoskie strony
Osiadł, naród rozmnożył trojański strapiony[931].

В Риме была открытая казнь — изгнание
За преступления — высылка в чужие края,
Где они по закону, в меру вины, жили так долго,
Пока не покаются или их не вернут.
Добрых тоже изгоняли, иногда и без вины, —
Например, Сципиона, Камилла — без причины
Страдали они, мужественный Брут, ученый Цицерон
И Назон был изгнан в Понтийские края,
А иные уже и назад, в Италию не стремились,
Так как в изгнании им было лучше, чем там.
Как и сейчас от нас из Литвы не каждый торопится,
Щедрая Церера радует их больше, чем тамошние фиги,
От этих изгнанников в Дакии произошли итальянцы,
И в Тавриде, где Кафа, от тех же размножились,
От них в Сио (где я сам был) в Греции осели.
Неудивительно, что и в Литву свой род они привели,
Генуэзцы в Тавриде возводили Кафу,
Крым, Азов и Килию, когда Понт подчинили,
Сегодня татары и турки в этих полях живут:
Так государства и народы со временем смешиваются.
В диких полях и сегодня стоят старые стены,
Где раньше жили греки, что и так понятно,
А сегодня татарин там стреляет диких лошадей,
А прежде были сильные замки, башни и предместья.
Так и Эней из Трои долго плыл,
Так мимо Сциллы и Харибды в страхе он путешествовал,
Сначала на африканских берегах, потом в Италии
Осел он и размножил несчастный троянский народ.

При всем многообразии исторических примеров, вплоть до современных татар и литвы, русинам и московитам в этой похвале эмиграции нет места. Их происхождение остается проблемой, в которой этнический прародитель и князь-основатель выезжают из разных земель. В этом же русле написана и первая печатная публикация по генеалогии московских князей — изданная в Кёльне 22 мая 1576 г. анонимная «Краткая генеалогия великих князей Московских, извлеченная из их собственных рукописных летописей». Здесь возведение Рюриковичей к Прусу умножалось античным греческим и римским родословиям[932]. Для Речи Посполитой 1570-х — начала 1580-х гг. восхождение к общим предкам-сарматам или к библейскому Иафету было знаком этнического родства. Однако как раз в 1570-е гг. здесь были подвержены критике и осмеянию этнические права Пястов на королевский титул и обстоятельно обсуждался вопрос об этнических истоках тирании. Еще Бартоло де Сассоферрато в середине XIV в. классифицировал тиранов на *tyrannus ex defectu tituli* (тиран-узурпатор) и *tyrannus ex parte exercitii* (тиран по способу правления). Правитель первого типа считался тираном в силу своего незаконного, не местного, чужеземного происхождения. Однако вопрос о предопределенности народов к деспотии и тирании начал обсуждаться под влиянием аристотелианства, открытия «двух Сарматий» Мацеем Меховским и московской «Руссии» Сигизмундом Герберштейном[933]. Во французской историографии впервые во второй половине XVI в. этот вопрос получил решение в пользу прямой связи между этничностью и политическим типом. Выражением таких взглядов были «Речь против Макиавелли» Инносан Жантийс и «Чудесная речь о жизни, деяниях и поведении Екатерины Медичи, Королевы-матери», в которых тирания королевы выводилась из ее итальянских привычек, причем ее иностран-

[931] Stryjkowski. T. 1. S. 63–64. Пер. с польск. наш. — *К.Е.*

[932] *Мыльников А.С.* Картина славянского мира. С. 115.

[933] *Poe M.T.* "A People Born to Slavery".

ное происхождение, управление по-итальянски, или по-флорентийски, было представлено как главное доказательство ее тирании[934].

Сочинения Курбского отражают тот поворот к этноцентричной интерпретации политики, который обозначился в то же время во французской историографии, но был чужд Матею Стрыйковскому. Место «Екатерины Медичи» в тексте князя Андрея Михайловича занимает московский тиран, родившийся благодаря чародеям от немощного старика и чужеземки. Князь не сомневается в происхождении русских князей от Рюрика, но он выражает сомнение, что Иван IV унаследовал свои качества правителя от Василия III и Ивана III. Показательно, что этот аргумент напрямую соотносится с той поддержкой, которую Курбский в годы первого и второго бескоролевий в Речи Посполитой оказывал клану православных магнатов, могущих претендовать на престол Речи Посполитой, — кн. К.К. Острожскому и кн. Ю.Ю. Слуцкому. Константин Острожский возводил свое происхождение от галицко-волынских Рюриковичей, и особенно — от католического короля галицкого князя Даниила Романовича[935]. Православной альтернативой ему был Иван Грозный, и перед титулованными православными магнатами Речи Посполитой стояла непростая задача — доказать, что кандидатура Острожского или Слуцкого более приемлема, чем московская. Не обсуждая этот вопрос прямо, Курбский в своей «Истории» показывал, что подлинным предводителем «сынов русских» был Рюрикович и сын защитника православия, его покровитель, а не московский тиран. Заявленное в «Истории» имперское происхождение Рюрика решало вопрос о выборе между имперской и православной кандидатурами в пользу того же Острожского, тогда как происхождение Рюриковичей от Пруса в тот же период разоблачалось польско-литовской дипломатией, хронистами и поэтами. На сочинениях Курбского легенда о Прусе никак не отразилась.

Во вводных словах к «Истории» истоки трагедии, постигшей покинутое отечество, определены Курбским в глубокой исторической перспективе: «...аще бы изначала и по ряду рекл, много бы о том писати, яко в предобрых руских княжат род всеял диявол злые нравы... яко и во израильтеских царех»[936]. Русских князей Курбский сравнивает с израильскими царями, придерживаясь параллелизма между русским великокняжеским титулом и царским титулом Иудеи и Израиля. Царский титул в сочинениях Курбского последовательно отличается от княжеского, следовательно, сравнение русских княжат (причем даже не великих) с царями является литературным приемом. Однако в этом сравнении подспудно утверждается идея полноты суверенитета князя на его земле, от которой отходили и в Москве, и в Речи Посполитой.

Из предков московского государя князь Андрей Михайлович призывает царя ориентироваться на «княжат руских святых». Князьям принадлежит заслуга достижения суверенитета и объединения земли. Также и распад княжеской общности произошел, согласно Курбскому, не вследствие ответвления от генеалогического ствола «племиц» и «колен», сепаратизма или политической борьбы. Автор подчеркивает, что царь опалился на «своих единоплемянных и единоязычных, не противящихся ему». Некоторые из них еще сидят «на своих уделех» и верно служат своему государю. Единый род «предобрых руских княжат» стал жертвой дьявольских козней, и это тем болезненнее для его отпрыска, что разрушение рода происходило на его глазах и роковым образом отразилось на его жизни. Противостояние между царем и его подданными в «тамошней» Русской земле показано в «Истории» как борьба всего княжеского рода и знати, возглавляемой нетитулованными потомками «княжат Решских», против разрушителей земли, избираемых царем из незнатных поповичей и дьяков, а также из простонародья. Унижение знати и забвение ценностей княжеского рода впервые описано московитом в категориях, близких к аристотелианству: царь поработил равных себе и унодобился татарским ханам. Превращение князей в холопов именно у Андрея Курбского вызывает резко негативное отношение, вероятно, впервые в русской культуре.

Курбский не упоминает ни Синеуса, ни Трувора. Зато среди его героев оказываются князья Решские, т.е. другие князья, выехавшие из Священной Римской империи, «с племени княжат Решских». Это предки крупнейших московских нетитулованных боярских фамилий — Воронцовых, Колычевых, Шереметевых. С их помощью заполняется тот пробел, о котором говорилось выше: русская знать получает генеалогическое право на владение землей, становится политическим народом наподобие литвинов или поляков. Курбский хорошо знал историческую модель, сложившуюся в польской хронистике к середине XVI в. Его ссылка на «Хронику всего света»

[934] *Kąkolewski I.* Melancholia władzy. Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. S. 18–19, 224–225.

[935] *Соболев Л.В.* Генеалогическая легенда рода князей Острожских // Славяноведение. 2001. №2. С. 31–44.

[936] СК. Л. 1 об.

Марцина Бельского в «Истории» показывает, что сходства исторических представлений между двумя этими авторами являются результатом внимательного освоения Курбским сочинения предшественника. В частности, тезис Бельского о поволжском происхождении славян был творчески переосмыслен в «Истории» Курбского, и в его географическом кругозоре Русская земля состоит из московских, польских, литовских и волынских русских. Причем заметное у Курбского обособление волынцев от литвинов и поляков является идеей Бельского, принятой Марцином Кромером, Матеем Стрыйковским и Алессандро Гваньини. Волынские «сыны русские» во главе со своими могущественными князьями — последний оплот княжеской власти в русских землях. С этим связаны и все те надежды, которые Курбский возлагает на кн. К.К. Острожского. Отчасти это мировоззрение подтверждало значимость и самого Курбского для объединения Руси.

По отцу Курбский был потомком князя Федора Ростиславича и всех трех упоминаемых им великих домонгольских русских князей: Рюрика, Владимира Святославича и Владимира Мономаха. Принимая во внимание новгородско-киевские основания царской власти в русских землях, Курбский был таким же полноправным претендентом на русские престолы, как и московские великие князья. По матери, Тучковой Морозовой, род князя Андрея Михайловича восходил к легендарному сподвижнику Рюрика князю Решскому. В личности Курбского соединялись две княжеские ветви, служащие оплотом русской знати. При этом на момент написания «Истории» князь оказался единственным таким родословным претендентом. Близкие по значению кланы Челядниных Федоровых и князей Бельских были уничтожены. Мисса Морозов, как уже отмечалось исследователями, это родословный предок Морозовых Миша. Его имя во всех ранних списках «Истории» пишется через сдвоенное *сс*. Такое сочетание заставляет предположить, что какая-то часть мартириев «Истории» была до создания кириллического текста написана латиницей. В польской графике звук «ш» в XVI в. передавался как через *sz*, так и сдвоенную *ss*, что и могло заставить переписчика передать имя Миши в форме «Мисса».

Ни о каких семи «мужах», вышедших вместе с Рюриком на Русь, современные Курбскому источники не говорят. Можно предположить, что на создание легенды о «семи мужах», пришедших с Рюриком на Русь, оказало влияние житие Александра Невского, в котором перечислены шесть «мужей храбрых и силных», поддержавших князя Александра в Невской битве: Гаврило Алексич, новгородец Збыслав Якунович, полочанин Яков, новгородец Миша, дружинник Сава и княжеский слуга Ратмир[937]. Новгородца Мишу Морозовы считали своим предком. Но отразился ли на сообщении Курбского именно переосмысленный житийный сюжет, сказать трудно, тем более что многократно упомянутые Курбским Ратшичи, потомки Гаврилы Алексича, никакой генеалогической легенды от автора не удостаиваются.

Предок Воронцовых, Колычевых и Шереметевых нигде у Курбского не назван тем же именем, что и предок Морозовых. Однако ясно, что их предки появились из Империи-«Реши» в одно и то же время. Курбский впервые и ошибочно, с точки зрения московских родословных традиций, относит их выезд к эпохе Рюрика, делая это, видимо, чтобы удревнить московскую нетитулованную знать, приравнять ее предков к предкам московских великих князей и подчеркнуть, что московские тираны нарушили равноправие в едином народе Святорусского царства. На этом фоне необходимо еще раз подчеркнуть, что и само понятие Святорусской империи (или царства), неологизм Курбского и гапакс для московской книжности, точно калькирует название родины князей Решских — «Священная Римская империя». Это понятие входило в моду и в Речи Посполитой, где как раз при жизни Курбского под центральноевропейскими влияниями всё чаще встречается определение Речи Посполитой как «святой и фалебной». При этом в московской посольской документации в правление Ивана Грозного называть Священную Римскую империю «святой» было не принято.

В сочинениях Курбского воплощено представление об идеальном княжеском роде Святорусского царства. Родовое единство внутри знати обеспечивается генеалогической преемственностью в трех княжеских ветвях Рюриковичах, Гедиминовичах и князьях Решских. Первая и третья группы сложились в Киевской «Великой Руси». Властные полномочия («стар-

[937] *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 4–5, 21, 75, 129–130; Князь Александр Невский и его эпоха: Исследование и материалы / под ред. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 192; ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 293 (л. 164 — 164 об.); М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 224–225 (л. 143 — 143 об.); М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб 308–309 (л. 267 об. — 268 об.); М., 2004. Т. 23. С. 78–79 (л. 126 об. — 127); М., 2000. Т. 24. С. 95 (л. 135 об. — 136); М., 2000. Т. 10. С. 122; М., 2000. Т. 15. Летописный сборник, именуемый тверскою летописью. Стб 378–379; М., 2004. Т. 43. С. 93 (л. 172 об. — 173); М., 2001. Т. 7. С. 148; СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 283–284 (л. 474 — 474 об.) и др.

шая власть») принадлежали в тот период только киевским Рюриковичам. В период татарского ига верховная власть принадлежала хану, а русские великие князья были равны между собой. Легитимные наследники Владимира Святославича и Владимира Мономаха в Русской земле — князья Суздальские, после них в равной мере великие князья Рязанские, Тверские, Ярославские, Литовские, Московские и др. Трудно сказать что-то определенное о «решских князьях» и семи мужах, сопровождавших Герика-Рюрика «из Немец» в Русскую землю. Одним из семи был Михаил Морозов, которого можно отождествить с Михаилом Прушанином ранних родословных книг, но с существенной оговоркой: приход Михаила датируется у Курбского эпохой князя Рюрика. Еще шесть мужей, надо полагать, также признавались в XVI в. основателями боярских родов, но в официальных источниках следов этой легенды не обнаруживается.

Примером сжатого рассказа, раскрывающего представления кн. Андрея Курбского о передаче власти на Руси, может служить мартирий княжат Суздальских в «Истории». Они возведены к Владимиру I («от роду великого Владимера»[938]). Более 200 лет «была на них власть старшая [*глосса:* большая] руская между всеми княжаты»[939]. Начало этого периода следует отсчитывать, однако же, не от времени Владимира Святославича, а от правления Владимира Мономаха, когда «Суздальские» получили обособленность от Киева: Ростовское княжество Юрия Долгорукого создано еще при жизни его отца[940]. Отсчитывая 200 лет с этого времени, получаем приблизительно начало XIV в., эпоху Михаила Ярославича Тверского и Юрия Даниловича Московского. Курбский признавал, что Суздальские занимают первое место среди Рюриковичей[941]. Однако в «Истории» он ни прямо, ни косвенно не отстаивает первенство князей Суздальских применительно к современности. Их добродетели, богатырские подвиги князя Ивана Крепкого Лука и стародавняя власть не возвышают их над другими князьями. В мартирологах посвященный им раздел помещен после раздела не менее могущественных князей Оболенских, а их святым предком Курбский не может назвать никого. Не поэтому ли он «приноминает» неясное происхождение княжат Тверских от «Андрея Суздальского», создавая преемственность между домонгольской общерусской властью и святой властью периода монгольского господства?

По его словам, кн. Андрей Суздальский владел Волгой рекой «аж до моря Каспиского»[942]. Это гипербола, аналог которой встречается в летописном сообщении о славе Александра Невского «от моря Варяжскаго и до моря Понтеского, и до моря Хуножьскаго»[943]. Но в «Истории» А. М. Курбского перед нами не просто трон, а неотъемлемый элемент политических идеалов автора. Один из результатов правления Избранной рады — возвращение поволжских земель России: «...пределы расширяша царства христианского аж до Каспийского моря и окрест, и грады тамо христианские поставиша, и святые олтари воздвигоша и многих неверных к вере приведоша»[944]. А. Л. Хорошкевич заметила, что «трудно сказать», о каких городах здесь идет речь[945]. В Среднем Поволжье, видимо, помимо Свияжска подразумеваются Чебоксары, Алатырь, Лаишев, Тетюши и др.[946] Некоторую ясность в этот вопрос можно внести, если учесть, что Курбский в рассказе о походе И. М. Вешнякова и кн. Ю. И. Пронского Шемякина локализует Астраханское ханство «близу Каспийского моря»[947]. Близость к «Хвалимскому морю» завоеванной Астрахани подчеркивалась в официальных московских рассказах о владениях царя Ивана IV[948]. Согласно официальной летописи, между октябрем 1553 и началом марта 1554 г. перед отправлением Дервиш-Али с ратью на Ямгурчи он произнес речь, в которой отождествил Астрахань с русской Тмутараканью, которой до монгольского нашествия владели русские князья: «...и многие государи христианские от Владимира преженочившии сродники царя и великого князя Ивана Василиевича всея Русии теми месты обладали, да Богу попущающу, грех ради христианьских и не за исправление закона

[938] СК. Л. 83 об., ср.: Ист-121/27–28.

[939] СК. Л. 83 об., ср.: Ист-121/28–30.

[940] *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 72–73.

[941] *Маркевич А.И.* О местничестве. Ч. I. С. 218; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 240–241; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 193.

[942] СК. Л. 83 об., ср.: Ист-121/32–33.

[943] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 65 (л. 105).

[944] СК. Л. 132, ср.: Ист-192/24–29.

[945] *Хорошкевич А.Л.* «Град» и «место» в «Истории о Великом князе Московском» А. М. Курбского // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.). Доклады Второй научной конференции (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 291.

[946] *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI — начало XIX в. М., 1990. С. 182–183.

[947] СК. Л. 53 об., ср.: Ист-78/1–2.

[948] ПК-78-1. Л. 51 об. — 52, 73 об. — 74; ПК-79-13. Л. 258 — 258 об.; ПК-79-14. Л. 557 об. — 558, 626 об. — 627.

Христова и многих межьусобных браней русских государей, обладана бывши нечестивыми цари Ординьскыми, иже именовалася Большая Орда»[949]. Эта теория, из летописи проникшая в «Сказание о взятии Астрахани», дожила в российской историографии до конца XIX в.[950] Неясно, разделял ли ее Курбский, но права русских князей на Волгу вплоть до Каспийского моря он считает довольно древними.

Идентификация кн. Андрея Суздальского упирается еще в одно трудноразрешимое противоречие. Со ссылкой на «летописную книгу рускую» в «Истории» предложена загадочная версия, будто от него происходят «великие княжата Тверские»[951]. Эта ошибка может быть объяснена недостатками памяти автора, его данными или генеалогическими тенденциями его времени. Первое предположение может быть принято только после тщательной проверки второго и третьего. В летописях, отразивших летописный свод начала XIV в., названо 6 выживших после монгольского нашествия сыновей Ярослава Всеволодовича: «Олександр, Андреи, Костянтин, Офонасии, Данило, Михаило»[952]. Современники Курбского испытывали трудности, когда пытались определить среди них предка великих князей Тверских. Под 6746 г. Никоновская летопись упоминает 8 сыновей: «Александра Невскаго, Андрея Суздалскаго, Констянтина, Афонасиа, Данила, Михаила, Ярослава Тверскаго, Василиа»[953]. Появление здесь имен Ярослава и Василия — плод осмысленной редакторской правки («осмь сынов его»[954]), которая объясняется неосведомленностью летописца о христианском имени первого (Афанасий) и дате рождения второго (6749 г.)[955]. Это раздвоение личности князя Афанасия-Ярослава перешло в Родословец, в котором, впрочем, указывалось, что от Ярослава «ношли тверские князи»[956]. Ссылка Курбского на летопись позволяет предположить, что он или его источник столкнулись с аналогичной трудностью. Ошибка в генеалогии тверских князей также может быть объяснена тем, что Курбский спутал родных братьев (Андрея и Афанасия-Ярослава).

Литовско-русские исторические памятники также проявили интерес к суздальским князьям. По предположению Д. Домбровского, именно Андрея Ярославича Суздальского под именем "Andrey Jarosławicz" включает в число князей Витебских неизвестный автор текста "A se jest radosłowle, kniazey Wytebskich", изданного Теодором Нарбутом в приложении к публикации хроники Быховца. Однако подлинность родословца не может не вызвать подозрений: даты в нем указаны от Р. Х., князья названы без титула, нет побочных ветвей «рода», не менее четверти данных этого источника ничем не подтверждается. Отвлекаясь от вопроса о происхождении «Родословия», необходимо отметить, что его автор придерживается принципа династической последовательности и выводит происхождение Андрея Ярославича не от Ярослава Всеволодовича, а от Ярослава Изяславича, о котором другие источники ничего не говорят. Зато гипотеза Д. Домбровского опирается на дату смерти князя из «Родословия» (1265 г.), которая приблизительно соответствует принятой всеми дате смерти Андрея Ярославича Суздальского, зафиксированной в московском летописании XV в., и на упоминание в публикации Теодора Нарбута жены Андрея Настасьи Даниловны, возможно, дочери Даниила Романовича Галицкого. К этому следует добавить, что следующий в родословце за Настасьей Василий Андреевич также не встречается в раннем летописании, зато не ранее XVI в. известен как раз в родословных росписях князей Суздальских. Вероятно, составитель родословного опуса пытался возвести князей Витебских по одной из линий родства к Владимиру Святославичу Киевскому именно через суздальских князей[957].

Не было ли и в распоряжении Курбского особой родословной росписи суздальских князей? В Комиссионном списке Новгородской

[949] ПСРЛ. Т. 13. С. 235–236.

[950] *Зайцев И. В.* Астрахаиское ханство. М., 2004. С. 9, 149–152, 160.

[951] СК. Л. 83 об. — 84, 93, ср.: Ист-121/33–36, 134/31–32.

[952] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб 469 (л. 164), 521 (л. 244 об.); Пг., 1922. Т. 15. Стб 373; Т. 18. С. 60; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 129 (л. 160 об.); М., 2001. Т. 7. С. 143; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 158 (л. 217 об.); СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 263 (л. 443 об.) и др.

[953] ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 113.

[954] Там же.

[955] Там же. С. 118. Во вступительной статье «Князи Русстии» к Симеоновской летописи названо 9 детей Ярослава — Федор, Александр Невский, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил, Михаил, Ярослав, Василий (ПСРЛ. Т. 18. С. 24 (л. 7 об.)). Однако появление здесь Ярослава также является следствием ошибки.

[956] Цит. по: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 240. Л. 35 об.

[957] *Dąbrowski D. Radosłowle kniazey Wytebskich* — analiza porównawcza treści // Genealogia. Studia i Materialy Historyczne. 2002. T. 14. S. 31–69, особенно s. 46–52, 61–69; *Idem*. Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich. Poznań; Wrocław, 2002. S. 147–149.

Первой летописи 1440-х гг. и летописи Авраамки середины 1490-х гг. суздальские князья ведутся от Андрея Александровича Городецкого[958]. Но в Медоварцевской редакции «Сказания о князьях владимирских» 1526/27 г. и во вступительных статьях к Воскресенской летописи сын Ярослава Всеволодовича записан после Александра Невского как «Андрей Суздальский», тогда как сын Александра Невского записан только как «Андрей»[959]. В родословных росписях XVI в. Горбатые-Шуйские возводились к сыну Ярослава Всеволодовича Андрею, князю Суздальскому, а не к Андрею Александровичу, князю Городецкому[960]. В Степенной книге, официальном памятнике второй половины 1550-х — начала 1560-х гг., личность Андрея Ярославича была переосмыслена. Отправляясь в Орду, Александр Невский «град Владимирь и всю Суждальскую землю блюсти поручи брату своему князю Андрею», который был благороден и храбр, «но обаче правление дръжавы яко поделие вменяя, и на ловитвы животных упражняяся, и съветником младоумным внимая, от них же бысть зело многое нестроение, и оскудение в людех, и тщета имению»[961]. Предок Шуйских, временно заступивший место предка московских великих князей, принижен по сравнению со своим старшим братом, изображен правителем, относящимся к правлению как ко второстепенному делу, увлекающимся охотой и слушающим юных советников. Курбский мог знать об этом насквильном сравнении.

Какого из возможных предков известных ему князей Шуйских имеет в виду Курбский, сказать трудно, однако важно уже то, что в родословных легендах своего времени он мог обнаружить две расходящиеся версии[962]. Джон Феннел предположил, что так мог быть назван кн. Андрей Боголюбский[963]. Ясных оснований для этой версии в текстах Курбского нет, и неизвестно ни одного подтверждающего ее родословия суздальских князей. Впрочем, в «Записках о Московской войне» современника и на момент написания «Истории» соотечественника Курбского Рейнгольда Гейденштейна Андрей Суздальский, в этом случае Боголюбский, «происходивший из того же поколения Владимира, заключив договор с 11-ю другими родственными князьями, свергнул Мстислава, который владел Киевским престолом, принадлежа тоже к потомкам Мономаха, и посадил на него сына своего Мстислава. Он первый перенес столицу во Владимир и дал первенство Суздальскому роду; тот, кто владел этим городом, хотя бы и не имел власти над остальными родственными князьями, тем не менее пользовался титулом великого князя, а достоинством и почестями возвышался над прочими, которые чтили его величие, между тем как прежде эта честь доставалась кому-либо одному, либо по наследству, либо по желанию всех остальных, либо, как это нередко бывало, достигалась силою или оружием»[964]. Впоследствии князьям Суздальским принадлежало старшинство в русских землях, из них также, согласно Гейденштейну, избирали великих князей и татары[965]. Убеждение в древнем старшинстве суздальских князей среди «князей русских» объединяет Курбского и Гейденштейна. И тем не менее загадка происхождения тверских князей от Андрея Суздальского сохраняется.

Есть и еще один текст, в котором упомянут князь Андрей, в XIII — начале XIV в. связанный с Тверью. Это сфабрикованная в первой половине XVI в. генеалогия литовских князей, ведущая их род от полоцкого князя Ростислава Рогволодовича и его сыновей Давила и Мовколда. Старшим сыном Давила, старшего из Ростиславичей, назван в этой легенде Вид I, или Волк. Его племянник, сын Ерденя, в крещении принял имя

[958] ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 468 (л. 12); ПСРЛ. Т. 16. Стб 311.

[959] Идея Рима в Москве XV–XVI века. М., 1989. С. 27 (л. 392 об.); ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 236.

[960] Напр.: РГАДА. Ф. 196 (Ф. Ф. Мазурин). Оп. 1. № 240. Л. 35 об.; *Бычкова М. Е., Смирнов М. И.* Генеалогия в России. С. 52–53.

[961] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. М., 2007. Т. 1. С. 527 (л. 334 об.); *Мансикка В.* Житие Александра Невского. С. 154–155; Там же. Тексты. С. 90–91; *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII веков // Князь Александр Невский и его эпоха: Исследование и материалы. СПб., 1995. С. 164, 169; *Сиренов А. В.* Степенная книга редакции Ионы Думина // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 262–266, 270–275, 279–283; ср.: *Mäki-Petäys M.* Warrior and Saint. The Changing Image of Alexander Nevsky as an Aspect of Russian Imperial Identity // Imperial and National Identities in Pre-Revolutionary, Soviet, and Post-Soviet Russia. Helsinki, 2002. P. 62–63.

[962] А. В. Кузьмин в устной дискуссии отметил, что версия Комиссионного списка и летописи Авраамки имеет локальное происхождение и не могла иметь распространение в середине — второй половине XVI в.

[963] History. P. 185. N 7; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 293. Примеч. 6.

[964] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне. СПб., 1889. С. 21.

[965] Там же. С. 22.

Андрея и стал епископом Тверским. Младший сын Давида Вид II был отцом Пройдена и прадедом Гедимина. Данная генеалогия вошла в приложение к Воскресенской летописи и в Государев родословец[966]. Характерно, что с начала 1560-х гг. она неоднократно служила Посольскому приказу опорой для обоснования прав Ивана Грозного на литовский престол и должна была стать известной выдвинувшемуся тогда же на первые позиции в Москве Курбскому. Если Курбский принял князя и тверского епископа Андрея за суздальского Андрея, то возникала бы возможность рассматривать, в рамках данной генеалогии, суздальских и литовских князей как представителей одного рода, причем суздальские получали старшинство не только над всеми князьями русскими, но и над князьями литовскими и могли бы считаться претендентами на московский и литовский престолы одновременно[967].

На «Истории» Курбского могли отразиться и другие московские памятники 1550-х — начала 1560-х гг. Один из его упреков, брошенных царю, касается преследования священнослужителей. Покушение на сан и жизнь митрополита Филиппа — неслыханное беззаконие, и Курбский не упускает возможности напомнить Ивану Грозному «повесть свежую или не зело давную, устнами твоими часто произносимую, о святом Петре сущую, руском митрополите, на преключшуюся ему лжеклевету от тверского епископа прегордаго. Тогда, услышав сие, все велицы княжата руские не дерзнули разсмотряти между епископов или судити священником; бо абие послали ко патриарху Константинополскому о ексарха, да разсмотрит или разсудит о сем, яко пространнеишее пишет в летописной книзе рускои о сем»[968]. Около 1310 г. собор в Переяславле-Залесском рассматривал обвинения в симонии, выдвинутые вел. кн. Михаилом Ярославичем Тверским и тверским епископом Андреем против митрополита Петра[969]. По имеющимся обрывочным данным трудно судить, о единодушии каких «великих княжат» могла идти речь[970]. Ссылка Курбского на летопись только затрудняет вопрос, так как в официальном летописании времени Ивана Грозного отрывок о соборе появляется под влиянием жития митрополита Петра и во всех случаях бегло сообщается о разногласиях между князьями[971]. Излюбленный сюжет московских князей, который символизировал их превосходство над политическими противниками, Курбский обращает против царя, ссылаясь на пространный рассказ в летописи, текст которой ближе к «Книге Степенной царского родословия»[972].

Особое внимание Курбский уделяет своим ближайшим родственникам — князьям Ярославским. В предисловии к Новому Маргариту он упоминает о гибели своей семьи (матери, жены и сына) и братии «единоколенных княжат Ярославских»[973], в «Истории» князей С. Ф. Курбского и И. И. Кубенского выводит «с роду княжат Смоленских и Ярославских»[974]. Под «княжатами» в последнем случае мог подразумеваться только кн. Федор Ростиславич, который в Первом послании Курбского Грозному выступает как заступник эмигранта[975]. Грозный в своем от-

[966] ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 253; *Kraszewski J.I.* Wilno od początków jego do roku 1750. T. I na nowo poprawiony i przerobiony. Wilno, 1840. S. 451–453; *Флоря Б.Н.* Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в. // восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 320–328; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 283–284; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 319, 365–366.

[967] Представленная здесь версия обсуждалась на российско-литовской конференции «Проблемы исторической памяти в российско-литовских отношениях» (Москва, ноябрь 2007 г.) в нашей дискуссии с А. В. Кузьминым, которому выражаю глубокую благодарность за комментарии и критику.

[968] СК. Л. 105 — 105 об., ср.: Ист-152/22–153/11.

[969] *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 96–97; *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 98–99; *Кучкин В.А.* Источники «написания» инока Акиндина // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 60–68.

[970] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 190. Нет оснований считать, что в отрывке о митрополите Петре А. М. Курбский проявил «простую забывчивость» или, как полагает В. В. Калугин, умышленно изменил факты. Во-первых, Курбский указывает на инициативу епископа Андрея Тверского. Во-вторых, в пространной редакции жития митрополита Петра подчеркивается участие князей в деле митрополита. В-третьих, князь Андрей Михайлович ссылается на устные высказывания царя Ивана, т.е. перед нами факт не цитирования жития, а его рецепции.

[971] В пространной редакции жития говорится, что «велику мятежу бывшу о лжывом и льстивом оклеветании на святаго», а в Степенной книге с собором связывается «мног мятеж» «во князех руських». См.: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. С. 316 (л. 523 об. — 524), 326–327; ПСРЛ. М., 2000. Т. 10. С. 192; *Клосс Б.М.* Избр. труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 29 (л. 455 об. — 456), 41 (л. 228 — 229 об.).

[972] Ср.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 183.

[973] NM. Giessen, 1976. Bd. 1. Lfg. 1. F. 3v/10.

[974] СК. Л. 2 об., 4 об., ср.: Ист-3/26–4/2, 7/13–22.

[975] ПИГАК. С. 8 (л. 7 об.); *Lenhoff G.* Early Russian Hagiography: The Lives of Prince Fedor the Black.

вете допустил открытую насмешку над святым: «И князь Федор Ростиславичь прародитель ваш, в Смоленце на пасху колики крови пролиял есть! И во святых причитаются!»[976] Курбский не стал сдерживать свое негодование. Во второй редакции его Первого послания, подготовленной для повторного отправления в Москву[977], появилось описание чудесной и целительной силы мощей князя Федора Ростиславича[978]. А в Третьем послании Грозному появился экскурс в историю русских межкняжеских отношений. Курбский утверждает, что не мог покушаться на жизнь своей родственницы царицы Анастасии, поскольку рожден от благородных родителей «от пленицы же великого князя Смоленского Феодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добре веси от летописцов руских, иже тое пленицы княжата не обыкли тела своего ясти и крове братии своей пити, яко есть некоторым издавна обычай, яко первие дерзнул Юрей Московский в Орде на святого великого князя Михаила Тверского, а потом и протчие сущие во свежей еще памяти и предо очима. Что Углецким учинено и Ерославичом и прочим единые крови?»[979] Упомянутые Курбским события — это убийство великого князя Михаила Ярославича в 1318 г. в Орде при содействии князя московского Юрия Даниловича, заточение князя углицкого Андрея Большого Васильевича в сентябре 1491 г., заточение князя боровского и серпуховского Василия Ярославича 10 июля 1456 г. в Угличе (умер «в железех» зимой 1482/1483 г.)[980].

В княжеском мартирологе «Истории» «братия» Курбского князья Ярославские определяются как «от роду княжати Смоленского, святаго Феодора Ростиславича, правнука великого Владимера Мономаха»[981]. Здесь появляется еще один рассказ из русского прошлого. Среди невинно «побитых» назван князь Федор, внук «славнаго князя Феодора Романовича, яже прадеду того царя, губителя нашего, в орде будучи, — даже еще в неволи были княжата руские у ординского царя и от его руки власти приимовали, — помог: за его попечением на государство свое возведен быти»[982]. Среди внуков князя Федора Романовича речь в данном случае может идти только о кн. Ф. А. Аленкине[983]. Рассказ о «попечении» относится к каким-то событиям времен Василия Темного, параллельных упоминаний о которых не найдено. Вряд ли перед нами фантазия или обман. Курбский заинтересован в наглядном и известном примере, ведь он вспоминает этот случай, чтобы показать, что князья Ярославские никогда от предков Грозного «не бывали отступни в бедах и в напастях их»[984].

Почти одними словами говорится об обычае московских князей «тела своего ясти и крови братии своей пити» в Третьем послании Грозному и в «Истории», где в рассказе о житии Феодорита повествуется о поимке северского князя Василия Ивановича Шемячича в апреле 1523 г.: «... яко обычай есть московским князем здавна желати братей своих крови и губити их убогих ради и окаянных отчизн несытства ради своего»[985]. Отца, мать и деда царя, как и его самого, Курбский называет в «Истории» «кровопийцами»[986]. Во время устной беседы с царем он слышал, как тот хвалился: «Аз, рече, избиенных от отца и деда моего одеваю гробы их драгоценными оксамиты и украшаю раки неповинне избиенных праведных»[987]. Вспоминая эти слова, князь утверждается в убеждении, что московские князья издавна бесчеловечно уничтожали своих братьев и сестер. В расправе с верными слугами московским князьям помогают их жены-чужестранки, которых Курбский обвиняет в разрушении русского правящего дома[988].

Wiesbaden, 1997. P. 164–168.

[976] ПИГАК. С. 19 (л. 304 об.).

[977] См. раздел «Архетип Первого послания Курбского» в главе «Экстенсивное чтение».

[978] ПИГАК. С. 10 (л. 135 об. — 136).

[979] Там же. С. 109 (л. 144 — 144 об.).

[980] В «Истории» Курбский комментирует эти политические процессы подробнее, так же как и судное дело князей М. А. Белозерского, Верейского и С. И. Ряполовского и тюремное заключение великого князя Дмитрия Ивановича (СК. Л. 76–77, ср.: Hist. P. 168–171).

[981] СК, Л. 85 об., ср.: Ист-123/33–37.

[982] СК. Л. 85 об. — 86, ср.: Ист-124/9–17. См. также: СК. Л. 102, ср.: Ист-146/37–147/5.

[983] РИИР. Вып. 2. С. 29 (л. 597), 102 (л. 37 об.); *Зимин А. А.* Формирование... М., 1988. С. 83–84; *Коврин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 22–23, 38, 73, 80. Недоразумение у М. Е. Бычковой: Курбский не говорит о связях Львовых с Федором Романовичем. В «Истории» дважды, сначала в княжеском, а затем в боярском мартирологе, упомянуты Аленкины — отец Федор и сын Андрей (ср.: *Бычкова М. Е.* Генеалогия в «Истории о Великом князе Московском» А. М. Курбского. С. 221; *Бычкова М. Е., Смирнов М. И.* Генеалогия в России. С. 52).

[984] СК. Л. 86, ср.: Ист-124/20–27.

[985] СК. Л. 114 об., ср.: Ист-166/13–17. См. также: ПИГАК. С. 109 (л. 145).

[986] СК. Л. 76, 99, 102, ср.: Ист-111/31, 143/2–3, 147/14–15.

[987] СК. Л. 77, ср.: Ист-113/18–22.

[988] Под влиянием Софьи Палеолог был отравлен Иван Иванович Молодой, а «царь» Дмитрий Иванович посажен в темницу «с материю его святою Еленою» (History. P. 168–169). «Законопреступная жена» Василия III Елена Глинская с помощью чародеев родила одного

В число слуг русского царства у Курбского объединены три группы князей Рюриковичи, Гедиминовичи и «княжата Решские». Княжеский титул в «Истории» свидетельствует о том, что князьями Курбский считает только представителей первых двух групп[989]. Среди прочих представителей знати он выделяет несколько родов. Промежуточное положение между князьями и «великими панами» занимают прежде всего Петр Петрович и Михаил Петрович Ховрины Головины. Об их гибели говорится в княжеском мартирологе, в записи о кн. А. Б. Горбатом и его сыне[990]. Это, конечно, можно было бы объяснить тем фактом, что Ховрины казнены 4 февраля 1565 г., видимо, почти в одно и то же время с Горбатыми (у Курбского «того же дня»)[991]. Но нельзя не учитывать известное Курбскому их греческое «зело благородное» происхождение и брак сестры казненного Настасьи Петровны с А. Б. Горбатым («шурин его Петр Ховрин»)[992].

Особое место в составе мартирологов занял также рассказ об И. П. Федорове-Челяднине. В первоначальном тексте он находился между завершением княжеского мартиролога и началом боярского и дворянского, причем одновременно предшествовал новому разделу и начинал его[993]. Московские переписчики «сборников Курбского» устранили противоречие, не обратив внимания на то, что боярин Иван Петрович входил в княжеский родственный круг А. М. Курбского[994]. На фоне разгрома имений Ивана Петровича опричниками в «Истории» рассказывается также о гибели представителя «князей Решских» И. Б. Колычева и травле его «стрыя» (дяди по отцу) — митрополита Филиппа[995]. Федоров Челяднин принадлежал к обширному придворному клану, матримониальные связи внутри которого были хорошо известны А. М. Курбскому: его двоюродный дед С. Ф. Курбский, которому в начале «Истории» посвящено хвалебное отступление, содержащее ссылку на общее мнение, был женат на сестре жены И. П. Федорова, и обе они были дочерьми В. А. Челяднина (на его племяннице был женат кн. Д. Ф. Бельский) и сестрами И. Ф. Теленнева Оболенского. В то же время мать Ивана Петровича была дочерью кн. Семена Романовича Ярославского, т. е. приходилась троюродной сестрой деду А. М. Курбского[996].

сына «прелютого кровопийцу» и «погубителя отечества», «а другий был без ума и без памяти и безсловесен, тако же аки див якой родился» (History. P. 4–8, 200–202). Она же вместе со злыми советниками выполнила наказ мужа убить кн. Юрия Дмитровского и погубила своего дядю М. Л. Глинского, «обличающе ее за беззаконие» (History. P. 200, 190). О гендерных представлениях А. М. Курбского см. главу «История одного развода».

989 Об этом см. главу «Идеолог княжеской власти».

990 СК. Л. 83 об., ср.: Ист-121/19–24.

991 *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 240, 257, 264. Примеч. 121; *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 320. Примеч. 24. Критика А. А. Зиминым «сообщения Курбского» о том, что «А. Б. Горбатый был казнен “тогда же”, когда и В. Курлятев», скорее всего, несправедлива: «тогда же» относится не к упоминанию кн. В. К. Курлятева, а ко всему разделу Оболенских, который начинают казни Д. Ф. Овчинина, М. П. Репнина и Ю. И. Кашина, т. е. разница между казнями оказывается не в несколько лет, а в один месяц. Данная интерпретация опирается как на «клановое» построение княжеского мартиролога, так и на одну особенность раздела Оболенских, не привлекшую внимания А. А. Зимина: после заметки об убийстве Кашина хронология событий сбивается, и «тогда же», в целом, может относиться не к предыдущему «потом», а к еще более ранней записи о синхронных событиях февраля 1565 г. (ср.: *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 320. Примеч. 30).

992 СК. Л. 83 об., ср.: Ист-121/20. Р. Г. Скрынников и А. А. Зимин называют П. П. Головина «тестем» А. Б. Горбатого (*Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 257; *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 91, абзац 1; ср.: с. 91, абзац 2).

993 СК. Л. 93 — 93 об. Перед рассказом об И. П. Челяднине Курбский подводит итог княжескому списку фразой «Сих, еликих памятью могл обяти, написах о княжецких родех». Затем в архетипе «Истории» следует рисованная киноварью заставка «О убиении Иоанна Петровича Челяднина», после которой идет вступление «О великих же паиов родех, а по их о боярских, аще ми елико Господь памяти подаст, покушусь написати» (СК. Л. 93, ср.: Ист-134/14–23). Закончив рассказ о расправе над Федоровыми, автор «Истории» вторично оговаривает предмет нового повествования, но на этот раз в форме специальной заставки «О великих паиов или о боярских и о шляхетских родех» (СК. Л. 93 об., ср.: Ист-135/18–20). Об этом см. в главе «Ренессансный историк».

994 Составитель сборника Барсовского вида I извода, близкий к высшим церковным кругам Москвы конца XVII в., устранил из «Истории» вторую заставку и расширил первую, соединив заставки своего источника со вступлением, после чего личность И. П. Челяднина оказалась центральным сюжетом всего второго мартиролога (Копеит. №327. Л. 61 об. — 62; ГАЯО №10. Л. 116–117). Составитель «Истории» IV извода заменил вторую заставку на «О Иоанне Шереметеве», на месте первой заставки написал «О побиении боярских и дворянских родов», а первоначальный текст первой заставки преобразовал в глоссу (Ист-134/14–135/20; Синод. №136. Л. 81 — 81 об.; Архив. №60. Л. 84 об. — 85 об.; БЛДР. Т. 11. С. 428).

995 СК. Л. 96 об. — 98 об., ср.: Ист-139/27–141/26.

996 АСЭИ. Т. 2. С. 191, 555. №284; *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 250; *Его же.* История местничества... С. 298; *Лихачев Н. П.* Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. С. 76–77; *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 66–69; *Kollmann N. S.* Kinship and Politics. P. 95–96; *Зимин А. А.* Формирование... С. 169, 174; *Лизунова О. Г.* Дело Воронцовых и И. И. Кубенского: Из исто-

Не воспринимал ли автор «Истории» боярина-конюшего Ивана Петровича как своего ближайшего родственника? То, что это так, доказывается подробным рассказом о его жене Марии, «стрыечной сестре» кн. Федора Овчинина, по первому браку княгине Дорогобужской, занимающем около половины всего раздела об И. П. Федорове Челяднине[997]. Нетитулованный боярин окружен родственниками-князьями. Причастность к данному клану Д. И. Пушкина («единонлемянен же бе Челядниным»[998]) и Бутурлиных («сродницы ж бяше оному предреченному Иоанну Петровичю»[999]) отмечается без иерархических расчетов, а скорее как указание на причины гонений против них.

Своеобразным связующим звеном между княжескими домами были нетитулованные Морозовы[1000]. Родословие Морозовых в «Истории» по сравнению с версией родословных книг заметно удревнено: их предок Мисса (Миша) якобы вышел «из немец, вкупе с Гериком [*глосса:* Рюриком], прародителем руских княжат» в числе семи храбрых и благородных мужей[1001]. Нет достаточных оснований полагать, что А. М. Курбский считал Морозовых, Шеиных и Салтыковых потомками «княжат решских» (от польск. *Rzesza* — Империя[1002]), поскольку о княжеском происхождении ни одного из семи спутников Герика-Рюрика в «Истории» не говорится, а родство с общим предком этих князей, Михаилом можно допустить только из-за совпадения его имени с именем основателя рода Морозовых *Миссы*[1003]. Из решских князей Курбский выводит Воронцовых, Колычевых и Шереметевых[1004]. Тем не менее Морозовых соединяла с князьями не только древняя служба Рюрику, но и родство, сделавшее их к первой половине XVI века ближайшими родственниками великокняжеского дома. Двоюродная сестра деда А. М. Курбского, И. И. Тучкова Морозова была замужем за дедом царицы Анастасии Ю. З. Кошкиным[1005]. Общим предком Василия и Иоанна Тучков Курбский считает не Бориса Михайловича[1006], а Бориса Ивановича, возводя его, таким образом, прямо к Ивану Морозу. С другой стороны, М. Я. Морозов женат на Е. Д. Бельской, которая «дщи князя Дмитрея Бельского, ближнего сродника Егаила короля»[1007]. Круг генеалогических знаний А. М. Курбского не ограничивается легендами

рии политической борьбы 40-х годов XVI века // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. I. С. 154–155; АРГ. М., 1998. С. 481.

997 СК. Л. 93 — 93 об., ср.: Ист-134/26–135/8.

998 СК. Л. 98 об. ср.: Ист-142/18 19; History. P. 219. N 2.

999 СК. Л. 99 об., ср.: Ист-144/2–4.

1000 О нем подробнее см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 201.

1001 СК. Л. 99; Ист-143/8–13; ср.: РИИР. Вып. 2. С. 59 (л. 616 об.), 120 (л. 71); *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 196; *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 204–212; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 136–138.

1002 Джон Фенелл отмечает, что слово *Решский* произошло непосредственно от нем. *Reich*, но его фонетическая основа слова *Решский* западнославянского происхождения. О племени «Рашькаго господьства» говорится в «Летописи царем сербским» (цит. по: *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 206; ср.: Hist. P. 13. N 2). Литовские послы в июне 1566 г. упоминают «всю Решу Неметцкую» (СИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 385; ср. неудачные конъектуры в издании: ПДС. Т. 1. Стб 531).

1003 С. Б. Веселовский и М. Е. Бычкова отождествляют в представлениях Курбского некоего князя Михаила, предка Колычевых и Шереметевых, с Миссой Морозовым. Но князь Михаил и Мисса Морозов упоминуты в несходных контекстах; нет оснований полагать, что Курбский возводил имперских выходцев к одному прародителю; нет также оснований считать, что потомков князя Михаила и Миссы Морозова Курбский считал родственниками; недействителен аргумент, согласно которому общим предком Шереметевых и Колычевых был землевладелец XIV в. Андрей Кобыла — Курбский мог считать некоего князя Михаила, как и Миссу Морозова, одним из семи спутников Рюрика (ср.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 140; *Бычкова М. Е.* Генеалогия в «Истории о Великом князе Московском» А. М. Курбского. С. 222).

1004 СК. Л. 4 об. — 5, 96 об., 99, ср.: Ист-7/22–25, 139/30–34, 143/9; *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 399. Примеч. *; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 211.

1005 ПИГАК. С. 109, 373 (л. 144 об. Примеч. е); *Назаров В. Д.* Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // ИГ. 1993. Вып. 1. Екатеринбург, 1993. С. 24, 27, 31. Дети Юрия Захарьича в результате опечатки оказались в таблице возведены к Василию Ляцкому (Там же. С. 31; ср.: с. 24, 27–28).

1006 Ср.: *Зимин А. А.* Формирование... С. 236–237, 239; *Кобрин В. Б.* Третье послание Курбского Ивану Грозному. Комментарий // ПИГАК. С. 409–410. Примеч. 20.

1007 Т-639, л. 534 об.; Ист-149/21–22. М. Е. Бычкова отмечает преувеличения генеалогических характеристик «Истории» как в отношении Миши Прушанина, так и в случае с «королевским» происхождением Бельских, но не занимается изучением их причин. Нельзя согласиться с тем, что для Курбского родство с польскими королями одних жертв террора указывает на их выдающееся положение по сравнению с другими такими же жертвами и что это указывает на «тенденциозность его Истории» (ср.: *Бычкова М. Е.* Генеалогия в «Истории

родословцев 1540-х гг. и летописных родословных вставок первой половины XVI в. Общей тенденцией сочинений Курбского, по нашему мнению, является стремление выделять своих родственников. Они, согласно «Истории», не более знамениты, чем другие верные слуги Русского царства, но автору необходимо подчеркнуть добродетели именно представителей своего рода, поскольку их праведность, благородство и благочестие — ответ на упреки Грозного («но понеже убо извыкосте от прародителей своих измену учинити»)[1008]. Дед князя Андрея Михайловича М. В. Тучков упомянут в его Третьем послании Грозному в генеалогической справке о родстве Курбских и Морозовых с царицей Анастасией[1009]. Морозовым, как и князьям Ярославским, уделено исключительное внимание в «Истории» — их мартиролог автор дополнял и после завершения основной работы[1010]. Курбский, повествуя о своих родственниках по материнской линии[1011], ориентировался не на письменные родословцы, а скорее всего, на личные представления о значении рода и на родовую память[1012].

Протасьевичи и Морозовы согласно московским родословным легендам XVI в. были выходцами «из Немец», причем приезд предка Воронцовых Семена Африкановича относился к периоду правления Ярослава Мудрого[1013]. Фактов возведения Кобылиных к немецкому предку родословцами XVI в. не обнаружено[1014]. Причисление Воронцовых, Колычевых, Шереметевых к «княжатам Решским» «от Немецкие земли» и ссылка на приход Герика «от Немец» говорят о приверженности А. М. Курбского к представлению об имперском происхождении русского княжеского рода и верхушки старомосковской знати[1015].

По А. М. Курбскому, подражание добродетелям святых предков является залогом справедливого княжения. Прошлое, изложенное в рассказах «Истории», свидетельствует о том, что утверждение власти московских князей в русских землях произошло благодаря добровольной службе князей, которые происходят от общих предков с московскими или от других имперских, королевских и княжеских родов. Московские же князья одновременно и пользуются услугами своих братьев, и нарушают их права. В «Истории» содержится ряд уникальных фактов и оценок, почерпнутых А. М. Курбским из неизвестных источников. Он знает об услуге, оказанной князем Федором Романовичем Ярославским Василию Темному в Орде. Ему известны подробности московской придворной борьбы на рубеже XV–XVI вв., причем он с похвалой отзывается об отравленном при Иване III великом князе Иване Ивановиче и его сыне, задушенном в темнице «боговенчанном царе» Дмитрии Ивановиче. Курбский придерживается высокого мнения о брате Василия III Юрии. Когда речь заходит о противостоянии московских великих и удельных князей, автор «Истории» явно отдает предпочтение последним. При этом во взглядах Курбского не обнаруживается ни идеи, ни тем более программы «возвращения» в прошлое, разрушения Русского государства, воссоздания «удельной» Руси.

«Ярославский владыка»

Иное понимание воззрений А. М. Курбского, сложившееся у историков «государственной школы», вызвало полемику, длящуюся до сих

о Великом князе Московском» А. М. Курбского. С. 222; *Бычкова М. Е., Смирнов М. И.* Генеалогия в России. С. 53).

[1008] ПИГАК. С. 25 (л. 310 об.).

[1009] *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 358. Примеч. 18*. Предположение С. О. Шмидта о том, что данная приписка представляет собой «самостоятельное творчество позднейших переписчиков, склонных к подчеркиванию родства Курбских и Романовых», не подкрепляется изучением рукописной традиции «сборников Курбского»: никаких других примет позднего редактирования списков не обнаруживается, а обсуждаемое добавление встречается в генеалогически самых ранних копиях Сборника Курбского.

[1010] *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 30–53.

[1011] Это заставляет оспорить категоричность точки зрения, согласно которой «публицист постарался умолчать о своих родственниках по материнской линии и в «Истории», и в посланиях к Ивану Грозному» (*Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 362). Тучковы не пострадали от террора Ивана Грозного, и в «Истории» нет сюжетов, в которых их упоминание было бы необходимым (см. также: *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 223; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 519. Примеч. 22).

[1012] *Маркевич А. И.* История местничества... С. 452; *Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А. Б. Каменского. М., 2001. С. 237, 242–243.

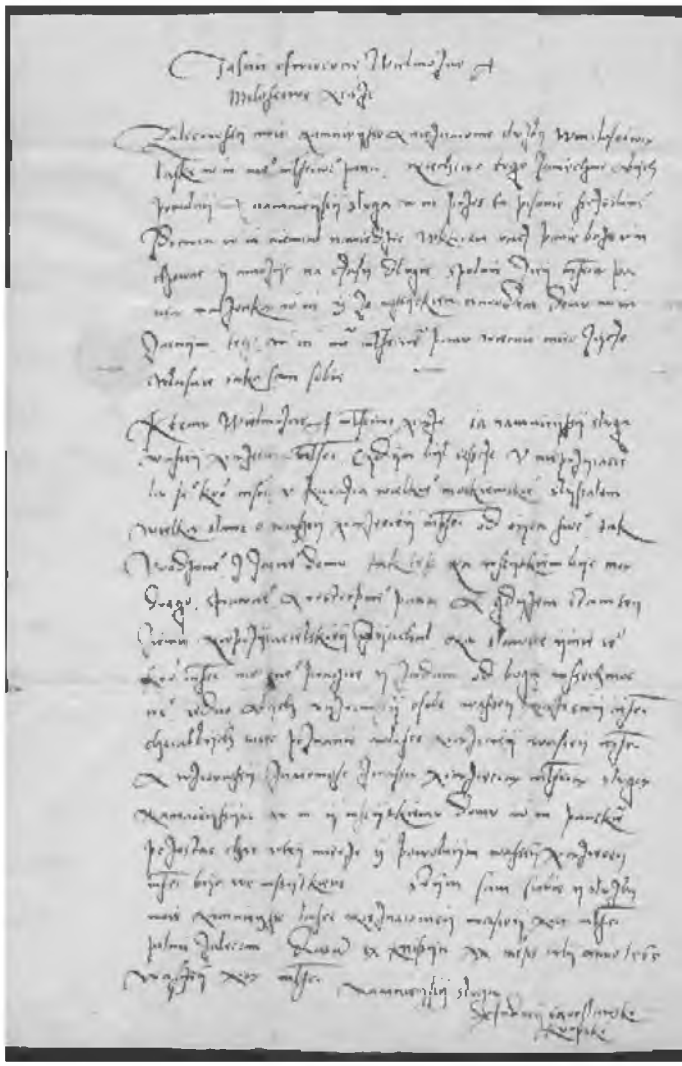
[1013] РИИР. Вып. 2. С. 59 (л. 616 об.), 65 (л. 620 об.), 120 (л. 71), 135 (л. 100); см. также: *Кузьмин А. В.* Жития XIII–XIV вв. как источник по генеалогии у аристократии Северо-Восточной Руси // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3–5 октября 2001 г.). М., 2002. С. 98–100.

[1014] Ср.: РИИР. Вып. 2. С. 45 (л. 607), 150 (л. 125).

[1015] В Польше был распространен — хотя он и вызывал у историков критику — миф о римском происхождении Крака: «Которого некоторые из наших, обманутые сходством имени, ошибочно называют Грахусом и плетут никчемные басни, будто он, будучи римским изгнанником, за четыреста или, как другие полагают, за пятьсот лет до Рождества Христова Поляками правил» (Kromer. S. 59).

нор[1016]. Можно ли вслед за В.О. Ключевским считать политические идеалы Курбского «археологическим нережитком», «удельным воспоминанием»? Был ли князь противником объединенного государства и централизации? Какой объем власти русских княжат казался Курбскому справедливым? Московская пропаганда была направлена на то, чтобы имя Курбского воспринималось как нарицательное обозначение изменника. В Первом послании Грозный вменил адресату в вину, что он захотел «своим изменным обычаем» быть ярославским владыкой, в московских посольских наказах ему инкриминируют, что он «учал ся звати вотчичем ярославским, да изменным обычаем с своими советники хотел на Ярославли государити», позднее — что поддерживал кандидатуру Владимира Андреевича Старицкого на московский престол. Хотя подозрения в попытке захвата Курбским Ярославля исчезают после смерти князей Старицких, нет уверенности, что это «дело» было закрыто[1017].

Конечно, несмотря на утрату родовых владений в Курбе[1018], связи Курбского с Ярославлем и Ярославским уездом до 1564 г. были довольно прочными: с осени 1547 г. он упоминается в придворной документации как представитель корпорации ярославских князей[1019], входит в число тысячников по Ярославлю[1020], там же жил его духовный отец игумен Спасского монастыря Феодорит[1021] и там же похоронен его умерший от ран брат Иван[1022]. Брат Иван вложил свою вотчинную деревню Гридино и другие деревни в Ярославском уезде в Ярославский Спасский монастырь[1023]. Вклады и поминания семьи последних Курбских в России также были связаны с ярославскими Спасо-Преображенским и Толгским монастырями — включая отца князя Андрея, Михаила-Мисаила, и его первую жену Евфросинию и его сына[1024].



Письмо князя Андрея Курбского герцогу Альбрехту Бранденбургскому, 20 июля 1565 г. Берлин, Далем. Государственный тайный архив Прусского культурного наследия. См.: GStA PKB. HA. XX. HBA. B2. Kasten 396. 1565. F. 1.

[1016] См. историографическое введение в главе «Княжеский идеолог».

[1017] См. главу «30 апреля 1564 г.».

[1018] См. главу «Социальный статус», а также *Итинерарий Курбского, Начало 1550 г.*

[1019] *Назаров В.Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М., 1975. С. 53 (л. 8).

[1020] Тысячная книга... С. 55; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 254. № 12. Л. 1 8; *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 62; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 105. Примеч. 32; *Кобрин В.Б.* Материалы... С. 52.

[1021] СК. Л. 124, ср.: History. P. 274–275; ГАР. Ч. 1. С. 83; Ч. 2. С. 434; *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 26.

[1022] О кн. Иване Курбском см.: *Курбский А.М.* История... С. 549–551. Примеч. 24 об.-3 (автор — Ю.Д. Рыков).

[1023] Книга кормовая из Ярославля Поволгского Спасова монастыря. 1896. С. 18; *Корзинин А.Л.* Государев двор... С. 512.

[1024] Книга кормовая... С. 32; *Кузьмин А.В.* Древнейший список синодика Ярославского Толгского монастыря с позднейшими дополнениями: (предварительные наблюдения) // Книжная культура Ярославского края: материалы науч. конф. (Ярославль, 12–13 октября 2010 г.) / под ред. Д.Ф. Полозиева. Ярославль, 2011. С. 56; *Курбский А.М.* История... С. 550–551. Примеч. 24 об.-3 (автор — Ю.Д. Рыков); *Корзинин А.Л.* Государев двор... С. 512.

Подобные связи сохранились к 1560-м гг. у многих других представителей рода Ярославских князей[1025]. С другой стороны, принадлежность лица к тому или иному княжескому роду в Московском государстве не гарантировала получения этим лицом соответствующего общеродового титула, даже если он использовался как знак причастности к княжеской корпорации, указатель родства или почетное прозвище[1026]. Государева служба влияла на старшинство внутри княжеских корпораций[1027]. Княжеский титул не давал равенства с высоким служебно-административным положением. В июле 1566 г. Иван Грозный отказался менять пленного полоцкого воеводу С.С. Довойну на князя Василия Ивановича Темкина, поскольку Довойна «у государя своего имянной человек», «а Темкин не тое версты: служил в уделе, то селские князи»[1028]. В правление Ивана Грозного примером влияния служебного положения князя на его внутриродовой статус является дело об обмене князя Семена Тюфякина на литовского князя Юрия Горского (1582–1583 гг.)[1029]. После подписания Ям-Запольского перемирия посольство кн. Д.П. Елецкого заключило об этом специальный устный договор с Михаилом Гарабурдой, вызвавший в Москве недовольство. Его причиной в значительной степени являлось стремление посольского ведомства завысить цену на сравнительно редкого в русском плену представителя титулованной литовской знати. Характерна оценка княжеского статуса Тюфякина, данная московскими экспертами: «А называетца княз Семен Оболенским, а он Тюфякин человек рядовой, а служил в ряду из города, и отец его, и дед, и в чинех ни в которых они у нас не бывали, а хоти он и роду Оболенских, толко отдалили они от Оболенъских. Мы с Оболенскими и с худыми их роду Тюфякиных ровно не держим, а то он ворует, что называетца Оболенскими. А про князя Юрья нам сказывали, что княз Юрьи Горской доброго роду вотчинные князи, а племянник папу Веленскому Остафю Воловичю, и потому князя Юрья Горского княз Семен Тюфякин и не стоит»[1030]. Князь Тюфякин не имел права говорить о том, что он Оболенский, поскольку его род, начиная с деда, захудал на государевой службе.

Род ярославских князей был также подвержен влиянию служебной идеологии. Старшими среди князей ярославских были Пенковы, потомки великого князя ярославского Александра Федоровича[1031]. В Успенском синодике вечная память записана жене его сына «княгине иноке Марфе княжь Данилове Александровича Ярославского» и «Пенковым Ярославским»[1032]. В синодике «Ярославскими» названы погибшие в битвах за Казань князья Александр Данилович Пенков и Петр Васильевич Засекин[1033]. Василий Данилович в посольских делах определялся как «Пенков Ярославский»[1034]. Брат Василия Даниловича Иван Хомяк был женат первым браком на сестре великой княгини Елены Глинской Марии Васильевне[1035]. Последний правнук Александра Федоровича Иван Васильевич Пенков умер в 1562 г., и старшинство в роду перешло от потомков кн. Федора Васильевича Ярославского

[1025] *Анхимюк Ю.В.* Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания — новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 124–127.

[1026] В Тысячной книге и Дворовой тетради фиксировалась принадлежность к региональной княжеской корпорации, которая в этих списках отличалась от родового титула конкретных лиц. Пространная редакция разрядных книг сохранила родовые прозвища князей времен Ивана Грозного, однако это поздний источник, отражающий уровень генеалогических знаний в России начала XVII в., а не практику именования в правление Грозного. Почетные прозвища, в том числе князя «Ярославского», назначались для дипломатических церемоний. Переход родового прозвища к представителю захудалой ветви рода был явлением исключительным.

[1027] *Бенцианов М.М.* Государев двор и территориальные корпорации служилых людей Русского государства в конце XV — середине XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 21–22.

[1028] СИРИО. Т. 71. С. 414.

[1029] ПК-79-14. Л. 525–526, 603 — 603 об., 707 об., 729 — 729 об.

[1030] ПК-79-14. Л. 682 об.; цит. с сокращением в кн.: *Маркевич А.И.* История местничества... С. 442. Примеч. 1. Польско-литовская сторона, получившая королевский наказ ориентироваться в обмене пленными «на годность и на стан людей военных рыцерских», признала, что коморник Юрий Горский — единственный представитель литовской аристократии в русском плену, но он не состоит в родстве с паном Виленским, а его мизерные владения разорены московскими войсками (ПК-79-14. Л. 742 — 742 об., 745 об. — 746).

[1031] ГАР. Ч. 2. С. 225; РИИР. Вып. 2. С. 28 29 (л. 596 об.), 30–31 (л. 598), 102 (л. 36 об.), 104 (л. 40 об.); *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 135–136.

[1032] ДРВ. Ч. 6. С. 445, 447.

[1033] Там же. С. 497.

[1034] ПК-78-1. Л. 410.

[1035] *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 298; *Бычкова М.Е.* Родословие князей Глинских. С. 27; *Кистерев С.Н.* Князья Ярославские и Псков в первой половине XVI в. // У источника. Вып. 1. Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской Академии наук Сергея Михайловича Каштанова: В 2 ч. М., 1997. Ч. 2. С. 349–350.

к потомкам его старшего брата кн. Ивана Васильевича (ум. в 1426 г.)[1036]. Из них только младшие — Курбские — удерживали боярский статус, но никто из них официально не писался «Ярославским»[1037]. Во время встречи имперских послов в 1518 г. «великим человеком» московского великого князя наряду с Иваном Юрьевичем Шигоной Поджогиным обозначен Иван Иванович Кубенский «Ярославский»[1038]. Вероятно, это только церемониальный титул, но И. И. Кубенский был племянником великого князя, его брат М. И. Кубенский опережал Курбских в разрядах, и еще Иван Грозный уничижительно наноминал Андрею Курбскому, что его отец Михаил Михайлович Курбский служил своему «дяде» Кубенскому[1039]. Уже живя в Речи Посполитой, А. М. Курбский узнал о гибели кн. А. Ф. Аленкина, рассказ о котором почему-то попал не в княжеский, а в дворянско-боярский мартиролог его «Истории»[1040]. Аленкины также были старше Курбских по родословной[1041]. В переговорах о выдаче А. М. Курбского принимал участие родственник Ивана Грозного кн. И. В. Сицкий, который носил титул князя Ярославского. Князь Иван Сицкий был сыном В. А. Сицкого и Анны Романовны Захарьиной, родной сестры царицы Анастасии. Родная сестра Ивана Васильевича Варвара была женой опричного кравчего Ф. А. Басманова Плещеева[1042]. Андрей Курбский вполне мог считать, что имеет перед Иваном Сицким право первенства. В местническом деле бояр кн. Ю. А. Сицкого с М. М. Салтыковым 1644–1646 гг. Салтыков ссылался на случаи первенства своих родичей перед Курбскими. При этом в челобитье отмечается, что в 7033 г. С. Ф. Сицкий был ниже Ф. М. Карамышева Курбского. Однако затем изобретается уловка: якобы старший брат Федора Михайловича Андрей Михайлович Курбский (на самом деле племянник) в Казанском походе 1552 г. оказался меньше Л. А. Салтыкова, поскольку по росписи получил золотой позднее него. И этот генеалогический прием вполне мог сработать в связи с плохими знаниями о прекратившемся в России роде Курбских, однако превосходство Федора Курбского над Семеном Сицким не является ошибкой[1043]. Клан Сицких-Плещеевых оказался в более близком родстве с царской семьей, чем князь А. М. Курбский, который в эмиграции доказывал свое четвероюродное родство с царицей Анастасией. Противостоя Плещеевым в местнических делах и Сицким в наследовании ярославского титула, князь в канун своего побега должен был натолкнуться на серьезное придворное противодействие и интриги, которые упомянуты в приписке к Первому посланию Ивану Грозному и в «Истории». Может быть, перед нами еще одна причина побега Курбского на королевскую службу? Говоря о попытке князя стать «ярославским владыкой», Иван Грозный не вымещает гнев и не наговаривает на своего боярина, а намекает на придворный конфликт, в котором князь Андрей Михайлович как-то объявил свою позицию, но проиграл в противостоянии с князьями Сицкими, Плещеевыми и Юрьевыми.

В историографии существует мнение о низком положении А. М. Курбского в иерархии московского двора. А. И. Маркевич указывал, что Курбский в Москве «был человек не важного места», поскольку «с ним местничался Д. М. Плещеев»[1044]. Это мнение не может быть признано справедливым. Оба случая относятся к 1552 (или 1553) и к 1556 гг., когда А. М. Курбский был юношей и (во втором случае) только стал боярином[1045], тогда как Дмитрий Иванович Плещеев, чей родственник Алексей Данилович Басманов делал карьерные успехи, сопоставимые с успехами Курбского, сам был (во втором случае) только окольничим и, очевидно, стремился создать выгодный местнический случай. Результаты дел неизвестны, но нет оснований считать, что они как-то отрицательно сказались на стремитель-

[1036] *Шульгин В. С.* Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI вв. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1958. № 4. С. 6–8.

[1037] *Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках. С. 58, 67; *Его же.* Формирование... С. 90; *Kleimola A. M.* Patterns of Duma Recruitment... P. 232–258; *Кобрин В. Б.* Материалы... С. 50–52.

[1038] ПДС. Стб 358–359.

[1039] *Кистерев С. Н.* Князья Ярославские... С. 352–354.

[1040] Об этом см.: *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 32–33.

[1041] Боярство А. Ф. Жери Аленкина в 1550-е гг. упомянуто в местническом деле Квашнина с Бутурлиным, но это ошибка (*Зимин А. А.* Состав Боярской думы в XV–XVI веках; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 247; *Кобрин В. Б.* Материалы... С. 50; ср.: *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 904).

[1042] *Кобрин В. Б.* Материалы... С. 48, 159; *Назаров В. Д.* Генеалогия Кошкиных-Захарьиных-Романовых... С. 24, 31.

[1043] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857. Т. 1. Стб 155 (№ 48); *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 764–768.

[1044] *Маркевич А. И.* История местничества... С. 298. Правильно: Д. И. Плещеев.

[1045] *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 19; *Калугин В. В.* Когда родился князь Андрей Курбский // Архив Русской Истории. М., 1995. Вып. 6. С. 241–242.

ной карьере Курбского[1046]. Кроме того, представление о худородности Плещеевых неверно, что признаёт в других местах своего исследования и сам Маркевич[1047].

После бегства Курбского его род, согласно поздней местнической легенде, был понижен в московской придворной иерархии на 12 мест за измену. В местническом деле с кн. А. Н. Трубецким кн. Ф. С. Куракин 3 июня 1640 г. подал царю Михаилу челобитную, в которой пытался «утянуть» своего противника изменой и бегством в Литву его старшего брата Ю. Н. Трубецкого. Преимущество близкого родства ответчика с князем Юрием заключалось в том, что дядя челобитчика кн. И. С. Куракин служил в подчинении Ю. Н. Трубецкого. Но факт измены менял дело: «А как, государь, князь Ондреи Курбьской отехал в Литву при деде твоем государе нашем блаженные намети при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, и после, государь, князь Ондреева отезду дед твои, государь, нашь царь и великии князь Иван Василевич всеа Русии приговорил: которого роду хоти хто меншои отедет, и того роду и у больших онят двенатцат месть; кому они были вь версту и тех указал государь быт двунатцатю месты менши, и тот, государь, приговор в твоих государевых розрядех занисан»[1048]. В челобитье от 16 июня 1640 г. Куракин повторяет обвинение в измене и настаивает на применении санкции царя Ивана: «...пожалуи меня холопа своего безьномошнаго и безсемеинаго, вели, государь, сыскат своими государевы розряды и не вели нарушит уложения деда своего блаженые намети государя нашего царя и великого князя Ивана Василевича всеа Русии и боярьского приговору и нами холопи твоими почат, чтоб государь вперед измеником неповадно вам государемь изменят и не вели, государь, меня холопа своего выдат своимь государевым измеником князю Олексею Трубетцкому, вели, государь, мне на князя Олексе Трубетьцкова в нашом отечестве суд дат»[1049].

Достоверность сообщения Федора Куракина вызывает сомнение по ряду причин. Во-первых, обнаружить «уложение» Ивана IV с боярским «приговором», занисанное в «государевых разрядах», ни А. И. Маркевичу, ни исследователям после него не удалось. «Да едва ли он и сохранился», — резюмирует Маркевич[1050]. Во-вторых, семья единственного представителя рода Курбских была уничтожена вскоре после 30 апреля 1564 г.[1051], а оставшиеся представители рода ярославских князей, по известным данным, не испытали на себе местнического понижения и продолжали конкурировать с первостепенными лицами — Годуновыми, Сабуровыми, Бутурлиными, Головиными, Салтыковыми, князьями Курлятевыми, Палецкими и др.[1052] В-третьих, обвинения в политической измене в России после бегства Курбского не прекратились, по других обращений к «уложению» Ивана Грозного обнаружено не было. После избрания Михаила Федоровича на царство служилым людям были прощены их «прежние вины», в том числе измена — об этом в царском указе было заявлено Куракину[1053]. Уже по этой причине обращение к «уложению» Ивана IV в выступлении Куракина следует рассматривать как эмоциональный призыв установить такой порядок, чтобы совершать измену было «неповадно».

В-четвертых, А. И. Маркевич исходил в своих построениях из того, что ссылка Куракина не была опровергнута правительством, из чего он сделал вывод, что она была молчаливо принята и признана верной[1054]. Однако царским указом 11 июня 1640 г. было опровергнуто или, вернее, отвергнуто всё челобитье Ф. С. Куракина[1055], а 21 июня в царской грамоте, присланной к нему в тюрьму, был дан подробный ответ на его претензии и, в частности, говорилось: «А что пишеш к нам в своеи отписке про измену князя Ондрея Курбского и про приговор, которые изменяют, что те изменою своею многие месты теряют, и тебе было о том к нам велико-

[1046] *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. С. 49 (№ 101), 52 (№ 129).

[1047] *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 552–553. Примеч. * со с. 552, с. 642; *Его же.* История местничества... С. 311–312.

[1048] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 5. См. также: *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 471–472 (здесь неточная цитата).

[1049] РГАДА. Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 12.

[1050] *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 58.

[1051] NM. Bd. 1. F. 3v; ср.: *Маркевич А.И.* История местничества... С. 440. Примеч. 1.

[1052] *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. С. 58 (№ 188, 189, 193), 59 (№ 199, 203, 204), 60 (№ 207), 61 (№ 225), 63 (№ 237, 240, 241), 64 (№ 245, 246), 65 (№ 255, 256, 258, 260, 262, 264), 66 (№ 267), 67 (№ 284), 70 (№ 304, 305), 74 (№ 346), 76 (№ 360, 362), 77 (№ 376), 78 (№ 379, 380), 79 (№ 387, 388, 389).

[1053] РГАДА. Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 22, 23.

[1054] *Маркевич А.И.* О местничестве. С. 58, 477; *Его же.* История местничества... С. 285, 439.

[1055] РГАДА. Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 7 — 10 об., 17–18.

му государю писати ненригоже. Прежних великих государеи указы и приговоры нам ведомы [больше твоих вычетов] и знаем [мы, кого с кем рознят и кому с кем быть]»[1056]. Никаких указаний на то, что «приговор» царя Ивана известен, здесь нет.

Наконец, особого внимания заслуживает ответ на эту грамоту самого Куракина от 23 июня: «Да ко мне же холопу твоему писано про князь Андрея Курнъского, что было, государь, мне холопу твоему про ваши государевы указы и приговоры писат к тебе, государю, ненригоже. И мы холопи твои бьем челом и милости просим у тебя государя во отеческих делах и сылаемся на ваши государевы указы и приговоры. А мне было холопу твоему про ваши указы и приговоры ведать было от ково, тебе государю извесно. Дед мой князь Андреи Петрович каков был в летех стар и жил все при вашеи государьскои милости и про ваши государевы указы и приговоры все ведал»[1057]. Что именно «ведал» кн. А. П. Куракин про указы и приговоры Ивана Грозного, сказать трудно. Важно, что его внук уловил в словах царской грамоты то, что прямо там не сказано, а именно, сомнение относительно действительности существования «приговора»[1058]. А. И. Маркевич считает, что приговор о понижении 12 местами в 1564 г. соответствует политике Ивана Грозного, и приводит в обоснование этого высказывания местников о том, что даже отъезды в уделы представителей рода приводили к потере родом «многих мест»[1059]. Вывод, к которому приходит А. И. Маркевич после рассмотрения значительного числа примеров выезда московской знати за границу, не оставляет фактической основы для гипотезы о «приговоре»: «Но я не думаю, чтобы в действительности понижали род на 12 мест; это слишком много»[1060].

Достоверна в челобитной Федора Куракина оценка «хоти хто меншои отедет», точно передающая высокий статус Андрея Курбского. В переписке Г. А. Ходкевича с московскими думными людьми литовский гетман призывал их последовать примеру Андрея Курбского, занявшего после 10-го места в Москве 2-е место после уряда кн. К.-В. К. Острожского в Великом княжестве Литовском. В ответ на это кн. М. И. Воротынский указал, что изменник был в московских родах едва ли не двадцатый[1061]. Г. Штаден в своих записках 1577–1578 гг. называет А. М. Курбского в ряду некогда самых могущественных владетельных князей Русской земли[1062]. Статус и самоидентификация Курбского в новом отечестве изменялись медленно. Он держался как крупный магнат, опираясь как на земельные владения, брак с представительницей магнатской фамилии, так и на авторитет эксперта по московским делам, первоклассного воеводы, высокообразованного интеллектуала[1063]. Одним из важнейших доказательств своих прав на обширные земельные владения в Великом княжестве Литовском А. М. Курбский выставлял то, что он потерял обширные земли в Русском государстве. В актах, исходивших из королевской канцелярии, обычно указывалось, что эмигрант лишился в «земле московской» имений и имущества[1064]. Сын Андрея Михайловича Дмитрий-Николай Курбский Ярославский указывал, что пожалования были получены его отцом перед Унией от Сигизмунда II Августа «за ярославское отечество»[1065].

Обвинения царя в адрес Андрея Курбского предполагают его мнимое участие в заговоре, в случае успеха которого Курбский якобы должен был получить Ярославль. Своим обвинением Посольский приказ показал, что эмигрант мог претендовать не только на независимое от Москвы Курбское государство, но и на родовое владение князей Ярославских[1066]. И своим новым титулом Андрей Михайлович как бы подтвердил эти опасения. С какого же времени Курбский пополнил свой титул владельческим прозвищем «Ярославский», которое сохранилось за его потомками в Великом княжестве Литовском? А. И. Маркевич вслед за С. М. Соловьевым отмечает, что «Кн. Курбскому было поставлено в измену, что он стал называться Ярославским, будто

[1056] Там же. Л. 24 (в скобках указаны зачеркнутые отрывки); см. также: *Маркевич А.И* . О местничестве. С. 472–474.

[1057] РГАДА. Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 31, 32; см. также: *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 474–475.

[1058] Впоследствии в ходе дела Куракин называл Трубецкого изменником, но на «уложение» Ивана IV больше не ссылался (РГАДА. Ф. 210. СМС. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 52).

[1059] *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 477–484; *Его же.* История местничества... С. 502–503.

[1060] *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 483; *Его же.* История местничества... С. 439–441.

[1061] ПИГ. С. 266; *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 130–131; *Его же.* История местничества... С. 298.

[1062] *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 35.

[1063] См. главу «Социальный статус».

[1064] ЛМ-88. Л. 282 об., другая копия: ЛМ-89. Л. 8 (14 мая 1607 г.).

[1065] ЛМ-115. Л. 231 об. ("in oppido meo feudali Kryniczyn mihi a sermo olim rege Sigismundo Augusto primo adhuc ante Unionem certis et iustis ex causis videliter pro Jaroslaviensi patria collato").

[1066] Подробнее об этих обвинениях см. здесь главу «Побег».

он хотел быть Государем в Ярославле»[1067]. Проблема в том, что обвинение, вышедшее из-под пера царя Ивана, несет все признаки фабрикации и, кроме того, не позволяет утверждать, что Курбский «стал называться Ярославским». Нельзя согласиться с точкой зрения И. Ауэрбах, что титул «Ярославского» А. М. Курбскому приписывался уже в России[1068]. Этот вывод опирается на уникальное чтение в повести о Казанском походе Пространной разрядной книги 1605 г.[1069] Ю. В. Анхимюк доказывает частное и вторичное по сравнению с Государевым разрядом происхождение Разрядной книги 1605 г. и пишет: «Разряд третьего казанского похода является компиляцией текста, восходящего к "Государеву разряду" и Повести о взятии Казани, находящейся в одном сборнике с Воскресенским списком Софийской II летописи»[1070].

Пересмотр посланий князя Андрея Курбского 1564–1565 гг. вносит серьезную поправку в наш первоначальный тезис[1071]. Наше построение и полемика с коллегами строились от предположения, что Курбский с ярославским титулом не выступает нигде в источниках до 1570 г. Это мнение не выдержало проверки малоизвестными источниками. Выступает! В подписи к полуофициальному письму князя Андрея Михайловича герцогу Альбрехту Гогенцоллерну от 20 июля 1565 г. читается: "Waszey Xiążęcej Miłości namniejszy sługa Andrej Jarosławski Kurpski"[1072]. Может быть, пышный титул был всего лишь данью церемониальной риторике любезного послания могущественному адресату?

После побега князя Андрея Курбского титул «ярославских» в Москве закрепился за кн. И. В. Сицким в обход более родовитой ветви потомков князя Федора Черного. В апреле 1586 г. посольству М. Б. Гарабурды в Москве, в ответ на требование передать королю Смоленск, было заявлено: «И князь Федор Ростиславич Смоленской с Смоленска приехал ко господарю нашему. И господарь наш его для сродства пожаловал Ярославлем. И на Ярославльском господарстве его не стало. А нынешние князи ярославские, что их ни есть, те все повелись родом от того князя Федора Ростиславича Смоленсково и Ярославского. Во сей боярин князь Иван Василевич Ситцкой того же роду»[1073]. Следы борьбы за титул ярославских князей отразились в Первом послании Ивана Грозного, где царь упрекнул своего беглого боярина, что он хотел стать «ярославским владыкой». Возможно, за этим упреком кроется одно из противостояний внутри рода. На титул позднее претендовал еще и кн. Василий Иванович Телятевский Микулинский-Ярославский, даже умерший с ним в плену при другом его живом носителе — кн. Андрее Курбском Ярославском и его семье. Впрочем, родовых прав на Ярославль у тверских Рюриковичей Телятевских не было — перед нами ошибка или необычная претензия[1074].

До эмиграции князь однажды мог быть уличен в неаккуратном обращении с ярославским титулом. В своей грамоте таллинским (колыванским) бурмистрам от 18 февраля 1564 г., т. е. за два месяца до побега на сторону короля Сигизмунда II Августа, Курбский допускает сразу две оплошности в перечислении титульных определений Ивана Грозного: «Божиею милостью великого господаря царя и великого князя Ивана Василевича всеа Русии владимерскаго, московского, поугородцкого царя казанского и царя астараханского, господаря псковского, великого князя смоленскаго, тверскаго, югорского, пермьскаго, вятцкого, болгорского и иных, господаря и великого князя Новагорода Низовские земли, черниговского, рязанского, волотцкаго, ржевскаго, полотцкаго, белского, ростовского, яростовского, белозерского, ярославского, переславского, удорского, обдорского, кондинского и иных и всея Сибирские земли и Северные страны повелителя и господаря Ливонские земли и иных многих орд и господарьств господаря. От его царьского величества боярина и воеводы и намесника Ливонские земли от князя Ондрея Михайловича Курбского в Колыван бергомейстером и ратманом...»[1075]

[1067] *Маркевич А. И.* О местничестве. С. 735; *Его же.* История местничества... С. 607. Примеч. 1.

[1068] *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 25.

[1069] РК 1606. Т. 1. Ч. 3. С. 428 (л. 275 об.); ср.: РК 1598. С. 137–143 (л. 136 об. 147 об.); *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. М., 1962. С. 131 и сл.; *Зимин А. А.* Текстология Пространной редакции Разрядных книг (за 1475–1537 гг.) // АРИ. М., 1992. Вып. 2. С. 149 170.

[1070] *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII века. М., 2005.

[1071] Здесь мы пересматриваем наши ранее высказанные выводы о титуле «Ярославский». Ср.: *Ерусалимский К. Ю.* Историческая память и социальное самосознание Андрея Курбского // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2005. Вип. 5. С. 225–248.

[1072] См. раздел «Послание герцогу Альбрехту Гогенцоллерну». См. также *Приложение IV.*

[1073] ПК-79-16. Л. 57 — 57 об.

[1074] См. главу «Последний день Владимира Заболоцкого».

[1075] См. *Итинерарий Курбского 18 февраля 1564 г.* Публикация грамоты в «Русских актах Ревельского городского архива» А. П. Барсукова (РИБ, т. 15) не отра-

Как можно заметить, Курбский пишет ярославское определение после белозерского. Это было нарушение иерархии княжеств в титуле царя. Кроме того, на том месте, где должен быть ярославский титул, приведено бессмысленное слово, как бы удваивающее ростовский титутл: «яростовского». Всё это вряд ли случайность, учитывая, что тогда же вокруг ярославского титула вспыхнули подозрения царя Ивана и разгорелась придворная борьба.

И все-таки лишь через год после эмиграции князь Андрей Курбский воспользовался общеродовым титулом. Таким образом, в письме герцогу Альбрехту мы имеем дело с первым известным ныне случаем титульного определения кн. А. М. Курбским себя ярославским князем.

Этого было недостаточно, чтобы титул был официально признан. В эмиграции на первых порах имя Курбского в актовых источниках не содержит родовой идентификации «Ярославский». И. Ауэрбах указала наиболее ранний случай подписи Курбского «Ярославский и Курпский» в актовой записи от 12 октября 1571 г., причем князю пришлось оправдываться перед судом за изменения в фамилии[1076]. Видимо, самый ранний акт, в котором упоминается двойной княжеский титул «Курбский Ярославский», — жалоба О. Кирдея Мыльского о нападении урядника Курбских на Дубровицу, записанный в канцелярские книги в Варшаве 11 декабря 1570 г.[1077] В публицистике эта перемена не прошла незамеченной. Курбский выступает как "Corupscus" в поэме Яна Старыкона Семушовского "Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis" (1568 г.). В эпосе "Radivilias" Яна Радвана Курбский в битве при р. Уле 1564 г. — "Dux Andreas Curpski"[1078]. А уже юрист Андрей Волан в предисловии к своему трактату (5 января 1572 г.) упоминает «князя Андрея Ярославского»[1079].

Основные причины официального присвоения Курбскому дополнительного титула в начале 1570-х гг. кроются, как представляется, в событиях его жизни в эмиграции. Параллелью двойной фамилии *Курбский Ярославский* оказывается титул второй жены князя — княгини Марии Юрьевны *Дубровицкой Гольшанской*, которая пользовалась родовой фамилией, хотя Гольшаны уже давно не входили в состав владений рода[1080]. Титул князя Ярославского мало что менял в имущественном статусе Курбского и, с юридической точки зрения, был не более оправдан, чем титул княгини Гольшанской, которым пользовалась Мария Дубровицкая, однако он повышал престиж князя, маркировал его московское происхождение и, как он надеялся, мог бы сохранить память об этом у его потомков.

Современники Курбского М. Стрыйковский и А. Гваньини пишут, что некогда ярославская область «принадлежала ближайшему из родичей великих князей Московии, каковых московский монарх Иоанн Васильевич изгнал из их княжества и низвел до рабства, из рода которых остаются еще называющиеся Knesi (то есть князьями) Jaroslawsci, но они держат в области лишь малую часть доходов»[1081]. В тексте Гваньини имена Ивана IV (Joannes Basiliades) и Ивана III (Joannes Basilii) не смешиваются, и в данном случае речь идет именно об Иване Грозном[1082]. Упоминание о князьях, называющих себя Ярославскими, особенно выделяется, поскольку о других княжеских родах Московского государства подобных замечаний автор не делает. Курбский в «Описании Европейской Сарматии» также встречается и фигурирует как перешедший на службу к польскому королю Dux Curpski, невольный виновник гибели В. В. Морозова[1083]. Специфический интерес

жает названной особенности — «удвоение» ростовского титула, но перенос ярославского титула за белозерский в ней передан верно.

[1076] *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 378. Anm. 8. См.: КГВ-6. Арк. 292 (12 октября 1571 г.); КГВ-7. Арк. 42 (3 мая 1572 г.); ЖКЛВ. Т. 1. С. 29 (22 августа 1571 г.), 36 (30 марта 1572 г.), 39 (10 июня 1572 г.). Благодарю Наталию Старченко за данные о княжеском титуле Курбского во владимирских гродских книгах.

[1077] См. *Итинерарий Курбского 11 декабря 1570 г.*, ср. там же: *30 ноября 1570 г.*

[1078] *Каппелер А.* Латинские поэмы... С. 323.

[1079] *Volanus A.* De libertate politica... Ark. AIVr — BIr, публ.: *Wolan A.* De libertate politica... S. 70–71.

[1080] См. главу «История одного развода».

[1081] *Гваньини А.* Описание Московии / Пер. с лат., вводная ст., коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 42 (*перевод мой. — К.Е.*) ("Haec olim secundo genitis magnorum Ducum Moscoviae attributa erat, quos Joannes Basiliades Moscoviae monarcha, principatu expulsos in servitutem redegit, ex quorum progenie adhuc supersunt, qui Knesi (id est, Duces) Jaroslawsci dicuntur, sed parvam in regione redditiuum partem retinent").

[1082] Ibid. P. 14, 22, 26, 32, 34, 36, 42, 90, 92, 94. Единственный случай, который можно было бы считать исключением, относится к рассказу о строительстве Ивангорода: "Ivanow Gorod ars, quam Joannes Basiliades Moscoviae Dux... extruxit". Впрочем, в том же разделе Иван III поименован "Joannes Basilii", а Иван IV — что хорошо подчеркивает различие — "Joannes Basiliades modernus Princeps Moscoviae" (Ibid. P. 34, 36).

[1083] Ibid. P. 124. Сведения о В. В. Морозове, как и другие тексты раздела «О тирании Ивана Васильевича», А. Гваньини украл у М. Стрыйковского, обрабо-

к ярославским князьям и к их родовому титулу в «Описании» может объясняться воздействием А. М. Курбского на интеллектуальные круги Речи Посполитой. Титул ярославского князя закрепляется за Курбским. На Волыни уже в начале 1570-х гг. он подписывается «по латыне» и «писмом полским» "Andreas Jaroslavskij manu propria", "Andrzeias Jaroslawskij Kurpskij", "Andrej Jaroslavskij renką vlastną", "Andrej Jaroslavskij Kurpskij renką vlastną"[1084]. В своих поздних сочинениях, например в предисловиях к богословским переводам и посланиях своим литовским корреспондентам, Курбский подписывается иногда «Андреем Ярославским»[1085] или «Андреем Курбским и Ярославским»[1086]. Именно в последнем варианте фамилия московского эмигранта закрепилась за его потомками в Великом княжестве Литовском[1087].

Курбский титуловался также князем Ковельским, хотя тот же титул сохранялся за одной ветвью князей Сангушков[1088]. В посланиях Ивану Грозному Курбский подписывается «Андрей Курбский, княжа па Ковлю», избегая ярославского определения и указывая лишь фамильное и жалованное[1089]. Но в литовской документации встречается также и его полный титул[1090]. Посольство О. М. Пушкина, ориентируясь, скорее всего, на слова литовских приставов, отчитывалось в статейном списке, что 24 мая 1581 г. па дороге в Вильно «приехал встречю княз Ондрей Ковелской а с ним человек з дватцат конных и с послы не говорили ничего»[1091]. В данном случае не совсем ясно, идет ли речь об А. М. Курбском, который затем участвовал в приеме послов, или в данном случае подразумевается кн. Андрей Григорьевич Сангушкович Ковельский. Более вероятно последнее, но показательно, что посольские служащие специально навели справки о его происхождении.

Для князя были актуальны все три титула, но закрепились они за ним не одновременно. Эти прозвания отражают особенности владетельного статуса и самосознания А. М. Курбского в эмиграции и, если речь идет о титуле «Курбский Ярославский», не могут быть прямо использованы для реконструкции его придворного положения и амбиций в Московском государстве. Иван Грозный подозревал беглеца в стремлении занять Ярославский престол, — но это был типичный для его правления способ конструирования образа изменника. Андрей Курбский объявил в Речи Посполитой, что потерял в Русском государстве ярославские владения, — но из этого не следует ни то, что он осознавал себя «ярославским владыкой», ни то, что он стремился в перспективе им стать. Сочинения А. М. Курбского представляют его бывшее отечество, Святорусское царство как единую православную землю, о распаде которой не идет речи. Более того, заслугой царя Ивана и Избранной рады Курбский считает восстановление доордынского единства Руси, возвращение земель, захваченных Батыем, и восстановление городов на этих «диких полях»[1092].

Курбский в Избранной раде

Отношение Курбского к пределам княжеской власти, нравам царских и княжеских приближенных, к бюрократии и простонародью давно интересует историков в связи с образом *Избранной рады*. Это дискуссионное понятие — одно из признанных историографией изобретений Курбского. Институциональным звучанием оно было наделено не сразу, и Курбский не несет за это ответственность. Такого государственного института в Московском государстве XVI в. не было. Слово «рада» в этом словосочетании в архетипе «Истории» сопровождается глоссой «дума»[1093]. Поскольку «История» была рассчи-

---

тавшего донесение А. Шлихтинга о Московии 1570 г. (*Старостина И. П.* Шлихтинг, Стрыйковский, Гваньини об опричнине: К истории создания памфлета Гваньини «О тирании великого князя Московии Иоанна Васильевича» // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования. Материалы XVI научной конференции. Москва, 30–31 января 2004 г. М., 2004. С. 352–355; *Граля И.* Супершпион и ренегаты // Родина. 2004. № 12. С. 60–62).

[1084] *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 378–379. Anm. 8–9.

[1085] NM. Giessen, 1989. Bd. 3. F. 422v–423; БЛДР. Т. 11. С. 530, 540, 544, 554.

[1086] БЛДР. Т. 11. С. 552.

[1087] См. главу «Потомки и Лже-Курбские».

[1088] *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 296 (Схема II (4)).

[1089] ПИГАК. С. 111 (л. 147), 116 (л. 156 об.), 118 (л. 159 об.).

[1090] ЛМ-68. Л. 157; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 376–377.

[1091] ПК-79-13. Л. 154.

[1092] СК. Л. 59 об.

[1093] СК. Л. 8. Так в списках Уваровском № 301, Вяземских № 6040. В Тихоправовском № 639 глоссы нет, но в основном тексте читается несуразное «дума ради», а в Музейском № 3090 глоссы нет, а основном тексте «дума». В Тихоправовском случаи неудачного внесения глоссы в основной текст нередки. А для Музейского как раз характерно упрощение языка, устранение полонизмов, особенно в начальных разделах списка. Так что нет

тана на рутенского читателя, вариант основного текста следует считать переводным, а глоссу — московским его соответствием. Впрочем, терминологической точности *Избранной думе* это не прибавляет. В Третьем послании Курбского ровно в том же контексте, что и во вводной части «Истории», упомянут «избранный совет нарочитых синглитов», и к слову «синглитов» глосса «сенатов»[1094]. Так что это еще и *Избранный совет*, и заседают в нем *синклиты* или *сенаторы*, что дает основания для допуска таких искусственных форм, как *Избранный синклит* и *Избранный сенат*. Проводя аналогию с российскими государственными учреждениями, его сопоставляли со столь же сложно уловимыми в источниках *Боярской думой* или *Земским собором*.

И всё же, в отличие от думы и собора, в исторической науке *Избранной раде* институционализироваться удавалось с большим трудом. М.М. Херасков впервые упомянул «Избранную думу» в «Россияде» — и объяснил в примечании этот термин как «вышнее правительство, что ныне Сенат»[1095]. Это была ничем не доказанная декларация, хотя аналогия с Правительственным Сенатом могла быть спровоцирована приведенной нами выше глоссой Третьего послания Курбского[1096]. Современники Хераскова М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин никакого «Сената» в России эпохи Ивана Грозного не обнаружили и понятием «Избранная рада» не пользовались. Его многосмысленность отмечал и исследователь биографии Курбского В.Ф. Тимковский: «Мы имеем причины думать, что Князь Курбский принадлежал к обществу Священника Сильвестра и Алексея Адашева», был «членом Патриотического Общества, сословия, Круга, или — sit venia verbo — Клуба Сильвестро-Адашевского»[1097].

Избранная рада ожила в дискуссиях следующего поколения историков и вызвала особенно пристальное, подчас весьма скептическое, внимание в XX в. Компетенция и состав Избранной рады толкуются широко[1098]. Среди советских историков наиболее последовательно отстаивал идею о литературно-публицистическом происхождении этого понятия и его непричастности к российской политической жизни И.И. Смирнов[1099]. Идея деструкции историографической модели Избранной рады была пунктирно обозначена в монографии Смирнова «Иван Грозный» и в его частном письме Б.А. Романову летом 1953 г. Тогда это звучало как открытие. Ответ опального исследователя выглядел весьма оптимистично: «Как мне нравится сокрушение Избранной Рады? Я люблю новое, смотреть, как оно делается в науке»[1100]. И всё же концепция Смирнова не нашла поддержки. В историографии эпохи «Оттепели» получил развитие разработанный С.В. Бахрушиным тезис о возникновении после московских пожаров 1547 г. «правительства компромисса», которое отождествлялось с «Избранной радой» Курбского или «Ближней думой» посольских источников[1101]. Смирнов от-

сомнений, что в протографе всех этих списков читается вариант Уваровского и Вяземских.

[1094] СК. Л. 142 об. А.И. Филюшкин настаивает на противоположной точке зрения: «В ТПК "рада" как таковая не упоминается. В данном тексте она для Курбского персонифицируется в Сильвестре, преподобном советнике Ивана Грозного. Именно он фигурирует в данном пассаже под наименованием "исповедник" Ивана IV» (*Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 345). С этим выводом можно согласиться, если речь идет о круге лиц, но конечно, множественное число слова «синглитов» предполагает, что в совет входил не только Сильвестр (ср.: Там же. С. 370–386).

[1095] *Херасков М.М.* Творения. М., 1796. Ч. 1. С. 21. См. также главу «Экстенсивное чтение».

[1096] В историографии предпринимались попытки сравнения Боярской думы с Сенатом: *Платонов С.Ф.* Боярская дума — предшественница Сената // Платонов С.Ф. Соч. 2-е изд. СПб., 1912. С. 461–465.

[1097] ОР РНБ. ОСРК. F. IV. №821. Пагинация основного текста. С. 22, 23–24. Примеч. 1.

[1098] Обзоры см.: *Приклонский А.Н.* «Иван Грозный»: Монография. Машинопись с правкой. 1928 г. [Предисл. акад. С.Ф. Платонова] // Архив РАН. Ф. 636 (М.М. Богословский). Оп. 5. №5. Л. 154–155. Примеч. 29; *Богатырев С.Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть первая (1550-е годы) // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 119–126; *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 3–13, 25–34.

[1099] *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. С. 139–165.

[1100] *Панеях В.М.* Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // У источника. Вып. 1. Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова. М., 1997. Ч. 2. С. 538–539.

[1101] *Бахрушин С.В.* «Избранная рада»... С. 29–56. Согласно С.В. Бахрушину, более ценными по сравнению с сочинениями Курбского источниками для реконструкции «правительственного кружка» конца 1540-х — 1560 г. являются разрядные книги, боярские списки и официальные «летописцы». Парадокс заключается в том, что перечислены источники, которые не призваны фиксировать «состав» какого-либо учреждения, и только один из них — приписки Лицевого свода Ивана Грозного, возникшие по следам дипломатической практики не ранее 1570-х гг., содержат определение «бояре ближние», ставшее центральным в концепции Бахрушина. Однако этот же парадокс касается посольских книг. Их Ближняя дума — не «учреждение с постоянным составом», а по-

части поддержал эту точку зрения, чем смягчил свое «сокрушение». По его мнению, в «Истории» содержатся упоминания Боярской думы, Ближней думы, круга Сильвестра и Адашева и «других политических единомышленников и друзей Курбского»[1102].

Какова бы ни была судьба понятия, до недавнего времени не было последовательных опровержений того, что А. Ф. Адашев и благовещенский протопоп Сильвестр пользовались неформальным влиянием на российскую политику вплоть до конца 1550-х гг. Эту задачу впервые решил А. Н. Гробовский, посвятивший две взаимосвязанных монографии проблеме «Избранной рады». В кратких похвалах Курбский прославлял, по мнению исследователя, в целом всех «сильных» и «избранных» — своих друзей, православных воевод, святых и неповинных, победивших «прегордые царства» и «грады ерманские» и замученных в своем отечестве[1103]. Похвала, прославление в данном истолковании — риторический прием, призванный не столько обозначить индивидуальные качества «избранных», сколько приобщить их имена к поминанию. Такая интерпретация основана, во-первых, на концепции тождества обобщенных характеристик Первого послания Курбского с персонализированными панегириками «Истории»: и во-вторых, на выводе, согласно которому задача Курбского заключалась в том, чтобы обобщенно всех «добрых» и «праведных», объединенных эсхатологической «избранностью», противопоставить всем «злым», обреченным на «кромешную» тьму и «геенну огненную»[1104].

Библейские модели открывают герменевтическую перспективу, которую историки Избранной рады до Гробовского обходили стороной, стараясь форсировать ключевые для политической антропологии вопросы. Зададимся ими вновь. В чем религиозный язык отражает реальность, а в чем — идеал? Этот идеал, если в тексте отразился именно он, воплощен автором или культурными агентами? В последнем случае, если автор не воспроизводил литературный топос, а изображал религиозность самой жизни, как разграничить в социальной практике религиозное и повседневное?[1105] Поиску ответов должно предшествовать тщательное соотнесение понятий и их семантических полей в изучаемых текстах.

Прежде всего, тезис о единстве *сильных* Первого послания Курбского и царя Ивана и *избранных* «Истории» не находит подтверждения. Мнение о том, что под «сильными во Израили» следует понимать Сильвестра и Адашева, высказывалось Р. Г. Скрынниковым и Я. Г. Солодкиным, но аргументировано лишь отождествлением *сильных с избранными*, т.е. оно мало отличается от концепции А. Н. Гробовского, а в убедительности, как показал А. И. Филюшкин, ей уступает[1106]. Определенность в данный вопрос внесли советские исследователи. Согласно В. Б. Кобрину, «Курбский называет сильными во Израиле правящую верхушку России XVI в.: бояр, воевод и их однородцев»[1107]. По мнению Я. С. Лурье, «сильные» — это «князья и бояре»[1108]. В комментарии к Первому посланию Курбского Кобрин указал сходства с «Историей» Курбского, позволяющие отождествить «сильных» Первого послания с князьями М. П. Репниным и Ю. И. Кашиным[1109]. Скрынников изменил свою точку зрения. В монографии 1992 г. он признаёт, что под «сильными» имеются в виду бояре и первым из них был М. П. Реннин[1110]. Последний и очень значимый в дискуссии штрих сделан Филюшкиным, который со ссылкой на устную консультацию В. В. Василика отнес оборот «сильные во Израили» «к ветхозаветному образу трех “сильных Давидовых” мужей, военачальников и вождей

сольская фикция, демонстративный статус, сопоставимый с ритуальными титулами, которыми почетно наделялись послы и приближенные царя на время посольств и посольских приемов.

[1102] *Смирнов И. И.* Очерки Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. С. 156.

[1103] *Grobovsky A. N.* The “Chosen Council”... P. 103, 107–109, 123, 135–138.

[1104] *Гробовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа). Лондон, 1987. С. 117 128, 133–136, 155–157, 175; *Филюшкин А. И.* История одной мистификации... С. 218–221, 226–232, 238–244. Продолжение дискуссии см. в рецензиях и отзывах Я. Г. Солодкина, М. М. Крома, Д. М. Володихина, С. Н. Богатырева, Ч. Гальперина, А. Л. Хорошкевич, А. П. Павлова на статьи и книгу А. И. Филюшкина. См.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 167. Примеч. 6; *Krom M. M.* Les réformes russes du XVIe siècle: un mythe historiographique? // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 64e Année. 2009. N 3. P. 561–578.

[1105] *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s–1570s. Saarijarvi, 2000.

[1106] *Солодкин Я. Г.* «Избранная рада» Ивана Грозного: Легенда или реальность // Новое в исторической науке: В помощь преподавателю истории: Сб. науч.-метод. тр. Нижневартовск, 1997. Вып. 1. С. 48; ср.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 169–170.

[1107] ПИГАК. С. 377. Примеч. 2.

[1108] ПИГАК. С. 402. Примеч. 116.

[1109] ПИГАК. С. 377. Примеч. 3.

[1110] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 196–197.

(2 Цар. 23: 8–11)»[1111]. Впрочем, к этому совпадению исследователь в своем комментарии больше не возвращается[1112].

Словосочетание «сильные во Израили» — это прямая аллюзия на полководцев библейского царя Давида, и дальнейший текст послания Курбского углубляет именно такое понимание, т.е. из числа казненных и убитых должны быть исключены лица, не занимавшие воеводских постов. В «Хронографе 1512 года» есть рубрика «О силных Иизраилевых»: «Си имена силных Израилевых: Иевосфей Хананейскый, князь третие части бе, и Адиноас новый, сей обнажаше копие свое на 8 сот воин, и с ним Елиазар, сын отца брата его, сей бе с Давидом в шатре в изгнании ото иноплеменник и той въста и би их, дондеже изнеможе, и прильне рука его к мечю, и Авеса, брат Иоавль, сей бе князь над третиею частью, сей въздвизаше оружие свое на 300 мужей и уязъвляше, и Ванеа, сын Иодав, той поби два сына Ариила Иоавля и поби лва посреди рва в день снежный и поби мужа красна египтенина, в руку его бе копие, Ванея же сниде к нему с палицею и исторже из руку египтенина копие и уби его»[1113]. Это отрывок, кратко излагающий содержание XXIII гл. 2-й книги Царств[1114]. Речь в этом отрывке идет о воеводах царя Давида. Иван Грозный уловил смысл «ветхословия» Курбского: «Или мнишися быти Авенир сын Ниров, еже храбрейший во Израили, еже такия писания злобесным обычаем и гордостию дмяся писати?»[1115]

В «Истории» о смерти только двух лиц говорится с аллюзиями на Первое послание, а в самом Первом послании редакции Сборника Курбского в этом месте появляется уточнение, находящее текстологическую параллель в том же месте «Истории». Текстологическое сопоставление Первого послания Курбского и «Истории» позволяет уточнить, кого из своих московских знакомых подразумевает князь, когда говорит о *сильных в Израиле*. Их «кровь святая» пролита, согласно Посланию, «во церквах божиих»[1116]. Вот более значительный отрывок с небольшим, вероятно, авторским дополнением к первоначальному тексту: «...и победоносную святую кровь их во церквах Божиих [*в редакции Сборника Курбского далее*: во владычных торжествах] пролиял еси и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси»[1117]. Это «победоносную святую кровь» тех же самых «сильных во Израили» пролил царь, по словам Курбского. После того как царь в своем пространном ответе отказался признавать пролитие им мученической крови в храмах, князь раскрыл в «Истории», о ком именно шла речь. Подразумевались князья М.П. Реннин и Ю.И. Кашин. Слова «и наполниша помост церковныи весь кровию святою», по нашему предположению, первоначально в «Истории» относились к гибели кн. М.П. Реннина и лишь в окружении кн. В.В. Голицына на рубеже 1670–1680-х годов были отнесены к кн. Ю.И. Кашину, убитому «на самом празе церковном». В протографе «Истории» этот отрывок был вынесен на поле и визуально обособлен, указывая также на связь этого места «Истории» и Первого послания Курбского[1118]. Слова о кровопролитии «во церквах Божиих» этого послания намекают на событие 30 января 1564 г. Следовательно, и «христианские предстатели», воевавшие за православие, не образуют еще широкого круга жертв террора, изображенных в «Истории», а подразумевают только воевод, тайно убитых в начале 1564 г.

А.И. Филюшкин оспаривает это отождествление: «Однако, по нашему мнению, контексты сочинений Курбского не дают основания для столь узкой конкретизации “сильных во Израили”»[1119]. Затем исследователь приводит список репрессированных представителей государева двора начиная с 1560 г. В качестве ответной критики заметим, что в Первом послании речь идет о «побитых» и расторгнутых «различными смертьми», а не вообще о репрессированных. Искать «сильных» следует среди казненных и убитых. Наблюдения за библейской параллелью Первого послания и за его сходством с «Историей» также не опровергнуты и не переосмыслены, поэтому,

---

[1111] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 216.

[1112] Там же. С. 220–225 и далее.

[1113] ПСРЛ. М., 2005. Т. 22. Ч. 1. С. 122. Благодарю А.Л. Юрганова (Москва, РГГУ), в частной беседе обратившего мое внимание на данный контекст словосочетания «сильные во Израили».

[1114] Ср.: 2-я Цар. 23.

[1115] ПИГАК. С. 17 (л. 303).

[1116] ПИГАК. С. 7 (л. 5 об.), 9 (л. 133 об.), 25–26 (л. 311 – 311 об.).

[1117] ПИГАК. С. 7, 9. Дополнение встречается во всех списках I–II изводов Сборника Курбского. О классификации списков см. главу «Экстенсивное чтение» и *Приложение* (Первое послание Курбского). Более полный комментарий к данному отрывку см.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 221–225.

[1118] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 364. Реконструкция архетипа: СК. Л. 82; *Курбский А.М.* История... С. 138.

[1119] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 222 и сл.

на наш взгляд, сохраняют силу в качестве аргументов в пользу «узкой конкретизации».

Второе наблюдение Гробовского не подтверждается нашим анализом личных качеств и жизненных «вызовов» описанных в «Истории» жертв террора[1120]. Избранные советники имеют принципиальные отличия от прочих героев повествования Курбского. Они возглавлены нетитулованными лицами, «дружат» с царем, свободно наставляют его на путь душевного спасения и приносят ему пользу. Их главные конкуренты также некняжеского происхождения — это царские «шурья», дьяки и опричные лидеры. Причем как добрые, так и злые советники бывают приближены к трону в первую очередь благодаря дружбе царя, и о появлении тех и других в «Истории» говорится в совершенно одинаковых выражениях. Сильвестр к царю просто «прииде», Адашев с Сильвестром «соединяется в общение», и вместе с митрополитом они добрых советников царю «в приязнь и в дружбу усвояют»[1121]. Злых советников во время интриг против Избранной рады царь также приближает к себе по дружбе: «...похваляет совет, и любит, и усвояет их в дружбу, и присягами [*глосса:* и клятвами] себя и их обвязует»[1122]. Братство и дружба в политическом языке Русского государства означали горизонтальные отношения, о чем свидетельствует формула «братство и приязнь» в посольском церемониале[1123].

Как уже отмечали Р. Г. Скрынников и И. Ауэрбах, рассказы о жертвах террора в «Истории» оформлены в виде номинальных списков[1124]. Этот факт напрямую соотносится с неоднократно упоминаемыми Курбским «книгами животными», в которых восполнено забытое в «Истории» и записаны имена пострадавших «пред Богом»[1125]. «Книгами животными» назывались синодики, что не только подтверждает сравнение мартирологов Курбского с синодиками Ивана Грозного, но и помогает отделить княжеские и боярско-дворянские списки от житий священномучеников. Существенное пояснение о «человеках нарочитых» обнаруживается в предисловии к «Новому Маргариту»: «...а избранных своих Бог (до конца претерневших) зде искушающе, аки злато в горниле»[1126]. Имея в виду, что царь Иван уподобляется апокалиптическому зверю, очевидно, что избранны все пострадавшие (не только погибшие), прошедшие через горнило мук и принявшие второе крещение. С этой точки зрения странно обнаружить в списке Л. А. Салтыкова, кн. В. И. Темкина Ростовского, князя П. Р. Одоевского, И. Ф. Воронцова, Колычевых, Бутурлиных, Д. Пушкина, служивших в опричнине. Впрочем, «кромешники», «сатанинское воинство» отличаются от действительных «особых дворян» Ивана IV, во-первых, тем, что они лишены имен, как и их предводитель царь (затем «он же»), во-вторых, тем, что они служат не царю, а самому дьяволу, и, в-третьих, они не способны страдать и призваны только мучить («каты избранные [*глосса:* полачи нарочитые]», «тмы тмами горших, нежели палачей»)[1127]. Одновременно лжеапостолы-опричники обожествляют своего царя, казненные опричники и отцеубийца И. Ф. Воронцов оставлены в списке Курбского. Об опричной карьере кого-то из них автор мог и не знать. Не прощены лишь Алексей и Федор Басмановы, Никита Прозоровский (последние двое как отце- и братоубийцы) и «прегнусодейные и богомерзкие» Бельские. Лидерам Избранной рады противопоставлены «вселукавые мнихи и мирские» Вассиан Топорков и «шурья» царя Даниил и Никита Юрьевы, которые возглавляют противников христианской республики. Их высшее представительство — духовно-светское «соборище», а их самих Курбский определяет: «ласкатели и человекоугодницы», «прелютейшие звери», «паразиты», «тунеядцы», «скомрахи», «прелые», «злые и всякия прелости и лукавства исполненныя своего отечества губители, паче же рещи всего Святоруского царства», «клеветницы», «лукавые, прелые, ехитрины, отроды», «прелые губители», «маньяки», «летущие и прелые советники сотанинские», «прелютые кромешники», «вои демонские», «кромешники кровоядные», «окаянные и безумные», «скверные и всякими злостьми исполненные», «окаянные и вселукавые нагубники отечества, и телесоядцы, и кровопийцы»[1128]. Злому совету

[1120] См. здесь главу «Идеолог княжеской власти».

[1121] СК. Л. 7 об., ср.: Ист-12/1–2.

[1122] СК. Л. 69 об. — 70, ср.: Ист-102/24–34.

[1123] ПК-79-14. Л. 482 об.

[1124] См. подробнее: *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 22–23. Anm. 13; S. 204–205.

[1125] СК. Л. 33 — 33 об., 61 об. — 62, 78 — 78 об., 87 — 87 об., 103 — 103 об., 132–133; NM. Bd. 3. F. 435. Ср.: Лук. X.20; Фил. IV.3; Отк. III.5, V.1–10, VI, XVII.8, XX.12–15, XXI.27.

[1126] NM. Bd. 1. F. 3v–4, 40–40v; Отк. III.18.

[1127] СК. Л. 85, 123; ПИГАК. С. 116.

[1128] *Курбский А.М.* История... С. 518. Примеч. 8–7; 647. Примеч. 72 об.-6; С. 648. Примеч. 74 об.-3; С. 650. Примеч. 75-4; С. 778. Примеч. 104 об.-5; С. 782–783. Примеч. 106-3; С. 786. Примеч. 108-1; С. 788. Примеч. 109-1, 109-2 (авторы — В. М. Лурье, Д. И. Антонов, А. С. Усачев, К. Ю. Ерусалимский).

сопутствует тайна, покров секретности, его оборотная сторона — ложь и клевета.

Им противопоставлены поименованные в «Истории» мученики, которых Курбский считает своими братьями по гонению. Как уже говорилось, «избранными» названы в сочинениях Курбского не все пострадавшие от террора, при этом «сильные во Израили» не идентичны «Избранной раде». Вскоре после московских пожаров 1547 г. был создан новый совет: «...и нарицались тогда оные советницы у него Избранная рада»[1129]. Из числа «оных советников» можно исключить «стратилатов», присоединившихся к раде уже после того, как начались реформы. Ее лидерами были только те, кого Вассиан Тонорков назвал в беседе с царем его «мудрейшей радой»[1130]. Синклиты обладают неформальной моральной властью над царем и правом «утверждать» его в добрых делах своей мудростью. Обоснованием этого права могли бы служить слова «Нового Маргарита»: «Первие нихто же может сам собе царем сотворить, но люд поставляет собе царя, его же изберет», хотя, утвердившись, царь получает «власть в человецех»[1131]. Себя Курбский не считает причастным к числу таких советников. Царь же, по его мнению, входил в раду: «...егда со избранными мужи избранен бывал еси»[1132].

Гипотеза С.В. Бахрушина об идентичности Избранной рады Ближней думе неоднократно подвергалась критике, однако она основана не только на контаминации официальных данных о правящих кругах России с терминологией Курбского. Понятие «синклит» принято отождествлять с Боярской думой, а «сиглитский сан» — с боярским чином. А.Н. Гробовский проанализировал 8 контекстов, в которых встречается слово «синклит» в послании Ивана Грозного, и пришел к выводу, что дважды оно использовано в значении «совет» (в контексте византийской истории), один раз в значении «советник» как парафраза из Курбского (о «шентуне во уши» и «выблядке»), один раз как «освященный собор», три раза в значении «боярин» (о князьях С.В. Ростовском и А.М. Курбском) и один раз в значении «ближний боярин» (о кн. Д.И. Курлятеве)[1133]. Сомнения вызывают наблюдения Гробовского о Ростовском и Курбском. Р.Г. Скрынников доказал, что послание Сильвестра «некоему опальному вельможе» адресовано С.В. Ростовскому. В послании говорится о его «отлучении царских очей и всякого ближнего совета». О Курбском Иван пишет как о бывшем «боярине, советнике и воеводе». В этой формулировке статус советника отличается от боярского чина особой приближенностью к государю. В другом случае царь пишет о том, что держал князя в «приближении и чести и многоимстве»[1134]. Статус советника в сочинениях Ивана Грозного чаще, чем полагает Гробовский, означает особое приближение к трону или к определенному лицу, как в случае с Сильвестром и его «злыми советники», Адашевым «со всеми его советники» и другими изменниками: «...безсогласных же бояр у нас несть, разве другов и советников ваших»[1135]. В последних примерах царь отказывается от своих ближних советников, создает второй полюс государева двора со своим тайным советом вокруг «начальников» — Сильвестра и Адашева. Царь предпочитает говорить о своих «боярах» (кн. И.Ф. Бельский, Ф.С. Воронцов, И. Г. и В.Г. Морозовы) и «злолукавых советниках» (к их числу относятся лидеры Избранной рады). О князе Иване Бельском он пишет, что его «и иных бояр и дворян переимали советники его [Сильвестра. *К.Е.*] Кубенские и иные»[1136]. В сочинениях Ивана Грозного, как и Курбского, действует евангельская модель приближения «друзей» и «искренних» и отдаления «ближних». В предисловии к «Новому Маргариту» Курбский отделяет боярский чин от советнической функции: «...и лета изнурях... в чину стратилацкове: потом в синглицком, исправлях дела овогда судебные, овогда советнические»[1137]. Разницу между боярами и советниками можно объяснить исходя из концепции С.О. Шмидта. Ближние думцы пользуются особым личным расположением царя, помимо формальной обязанности заседать в расширенной думе со «всеми» боярами[1138].

Исследования правительственных кругов 1547–1564 гг. А.И. Филюшкиным и Ближней думы 1553–1572 гг. С.Н. Богатыревым показывают слабое развитие, неустойчивость состава, недостаточное освещение в источниках Ближней думы до конца 1550-х гг. и усиление личного участия царя в назначении «ближних»[1139].

[1129] СК. Л. 8, ср.: Ист-12/13-14.

[1130] ПИГАК. С. 115.

[1131] NM. Bd. 1. F. 21v.

[1132] ПИГАК. С. 116.

[1133] *Grobovsky A.N.* The "Chosen Council"... P. 79–80, 107.

[1134] ПИГАК. С. 41–42.

[1135] ПИГАК. С. 46, 403. Примеч. 118.

[1136] ПИГАК. С. 28.

[1137] NM. Bd. 1. F. 6v.

[1138] *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. С. 396–399.

[1139] Более оптимистичные выводы С.Н. Богатырева об устойчивости состава Ближней думы в 1550-е гг.

1560 и 1564 гг. — переломные для аппарата из-за сокращений и прекращения пополнения высших государственных структур в связи с креном в сторону мобилизационно-репрессивной политики. Оба автора отрицают возможность привлечения «Истории» Курбского к исследованию правительственных структур России. На наш взгляд, Избранная рада — нечто большее, чем литературная конструкция и воплощение политического идеала Курбского.

В начале текста говорится о том, что разводиться Василию III возбраняли не только монахи, но и «сигклиты его», из которых назван С. Ф. Курбский. Его статус «мирского сигклита» означает, что в том же качестве могли выступать и монахи. Один из них — князь Вассиан Патрикеев. Как неоднократно отмечалось исследователями, статус синклита в «Истории» идентичен чину боярина[1140]. После смерти отца Ивана Грозного растили «велицые гордые паны, по их языку боярове». Затем автор ссылается на «великих гордых панов» как на «оных предреченных сигклитов», «прегордых сигклитов»[1141]. Девять из одиннадцати советников, перечисленных Курбским в начальном разделе «Истории», всё же занимали особое положение при дворе во времена Василия III и детства Ивана IV: кн. В. И. Патрикеев, кн. С. Ф. Курбский, кн. И. Ф. Бельский, кн. А. М. Шуйский, кн. И. И. Кубенский, Ф. С. и В. М. Воронцовы, кн. И. И. Дорогобужский, кн. Ф. И. Овчинин Оболенский[1142]. После московских пожаров 1547 г. была создана Избранная рада. Ее персональный состав сформировался в три этапа: первым стал новгородский священник Сильвестр, к нему присоединился А. Ф. Адашев, затем они заручились поддержкой митрополита Макария. Никто из них не входил в думу. Два первых лидера рады — духовник и постельничий царя имели доступ к наиболее интимным сторонам его жизни. Этот совет состоял не из «бояр», а из «советников», пользующихся неформальным влиянием при дворе. Советники Избранной рады в числе «всего синклита» участвуют в войне против Казани, охраняя царя и «воинство его храброе»[1143]. В их число не входят воеводы: «...и к тому советницы оные мудрые и мужественные близу царя со искусными и мужественными стратилаты и храброе воинство цело и весело было»[1144]. В самой повести «о Казанском взятью», впрочем, о двух советниках не говорится, зато встречаем «совет мудрых воевод», впрочем, в данном случае в значении устной рекомендации[1145]. Приведенные факты не противоречат предположению, что Избранная рада не прекращает существование и во время военных походов царя, находясь в каком-то количестве при нем постоянно.

Установив круг лиц, к которым в «Истории» относится понятие «синклит», можно прояснить его семантику и отношение к социальной жизни. Эти данные мы свели в таблицу, учитывая как прямое упоминание в составе Избранной рады, так и именование «синклитом» в «Истории». Параллельно приводим данные о придворных чинах и участии в заседаниях «ближних думцев» (см. табл.).

Все одиннадцать лиц, названных в «Истории» синклитами, вошли в Боярскую думу в годы Избранной рады. Исключение — кн. Турунтай Пронский, получивший боярство уже в декабре 1547 г. благодаря близости к Глинским. Но даже попытка бегства за рубеж вместе с М. В. Глинским после московского восстания не помешала его приближению к трону. Шестеро из этих бояр входят в Ближнюю думу Ивана Грозного. В. В. Морозов среди «ближних» не упоминается, но в 1550-е гг. он имеет еще довольно низкий статус окольничего, пик его карьеры приходится на следующее десятилетие. Не следует принимать во внимание отсутствия среди «ближних» Хабарова. В последний раз перед пострижением в монастырь он упоминается в 1554 г., т. е. уже через год после того, как в нашем распоряжении появляются данные о составе Ближней думы. Князья Реппин и Кашин, получившие высший думный чин в середине — второй половине 1550-х гг., достигли высот карьеры, видимо, благодаря военной службе и родственным связям. К одиннадцати думцам необходимо добавить еще упомянутых Курбским «некоторых» Колычевых, которые «синглитским саном почтенны»[1146].

не вызывают согласия, поскольку распространяются только на И. М. Висковатого (1553–1557 гг.), А. Ф. Адашева (1553–1556, 1557 гг.) и М. Я. Морозова (1553–1556 гг.). Лакуны в источниках исследователь не склонен связывать с особенностями самого учреждения. Нам представляется, что отрывочность данных в этом случае отражает спорадический характер созыва Ближней думы в первое десятилетие реформ Избранной рады.

[1140] *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916. С. 317; History. P. 180–181. n. 2; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 116, 118.

[1141] СК. Л. 4–5.

[1142] СК. Л. 2–5.

[1143] СК. Л. 18, 39 — 39 об.

[1144] СК. Л. 59 — 59 об.

[1145] СК. Л. 31 об.

[1146] СК. Л. 98.

Данные о придворных чинах и участии в заседаниях «ближних думцев»

Синклиты[1147]	Думный статус[1148]	Участие в Ближней думе[1149]
Кн. М. П. Репнин	Б. 1559	–
Кн. Ю. И. Кашин	Б. 1555	–
Кн. Д. И. Курлятев	Б. 1549	...1553–1555... 1562
Кн. П. С. Серебряный	Б. 1551	1564–1570
Кн. И. И. Пронский	Б. 1547	1555... 1561–1569
И. В. Шереметев Большой	О. 1548/49, б. 1549	...1553–1555... 1561... 1564, 1565–1571
Н. В. Шереметев	О. 1557, б. 1559	–
И. И. Хабаров	Б. 1547	–
В. В. Морозов	О. 1549, б. 1561/62	–
Л. А. Салтыков	О. 1553, б. 1561	1564, 1567 1571
М. Я. Морозов	О. 1548/49, б. 1549	...1553–1556... 1561, 1566–1571

Условные обозначения: кн. князь, б. — боярин, о. окольничий, многоточие — за данный период нет сведений.

Могут подразумеваться Ф. И. и В. И. Колычевы, получившие боярство в 1557 и 1573 гг. Титул «синклита» встречается нерегулярно в отношении бояр. Без него в «Истории» упомянуты князья А. Б. Горбатый, Д. И. Ряполовский, А. И. и С. В. Ростовские, П. М. Щенятев, И. А. Куракин и др. Это не противоречит выводу ряда исследователей о том, что под «синклитским саном» в сочинениях Курбского понимается боярский чин. Вместе с тем восприятие чина как почетной награды и социального статуса соседствует в его сочинениях с представлением об особой миссии царского советника, наравне с миссией «стратилата». Сам Курбский и его герои исполняют либо роль стратилата, либо советника, что, видимо, исчерпывает его представления о функциях государственного служащего[1147].

Описывая синклитский чин «новых мучеников», только в двух случаях Курбский упоминает об их причастности к Избранной раде — когда говорит о кн. Д. И. Курлятеве и М. Я. Морозове. Эти два случая выглядят необычно в структуре «Истории». К Курлятеву автор неожиданно возвращается этими словами, закончив отрывок о нем и о гибели всего его рода. Упоминание о гибели М. Я. Морозова содержится в приписке после окончания боярско-дворянского мартиролога. Князь Дмитрий охарактеризован: «муж совершенный и нарочитый в разуме синглит избранные рады». Это перекликается с «избранным советом нарочитых синглитов» Третьего послания. Поскольку сведения о гибели Михаила Морозова достигли Курбского после завершения мартиролога и не вошли в запись о В. В. Морозове, вероятно, они и приписка о Курлятеве примерно современны Третьему посланию. Означает ли факт таких приписок, что и другие синклиты «Истории», получившие доступ в Боярскую думу после московских пожаров 1547 г., относятся к Избранной раде? Или из всех упомянутых в «Истории» только эти двое, помимо Сильвестра и Адашева, были ее членами? Факт позднего появления этого понятия в текстах Курбского, как представляется, позволяет отдать предпочтение первой версии.

Из этого следует, что гипотеза С. В. Бахрушина о приближении к царю в один и тот же период большинства «ближних» официальных источников и большинства «избранных» Курбского подтверждается[1148]. Но появления всех *синклитов* «Истории» в Боярской думе и большинства из них в Ближней думе в годы реформ Избранной рады недостаточно, чтобы отождествить «избранных» Курбского с «ближними» официальных источников. В. И. Сергеевич причислял к Избранной раде митрополита Макария и «всех предобрых и пренодобных мужей, презвитерством почтенных»[1149]. С такой интерпретацией «самым решительным образом» не согласился Бахрушин, предположивший, что Избранная рада являлась «светским кружком», тогда как духовные лица вошли в особый «кружок», «может быть, Освященный собор»[1150]. Критика Бахрушина справедлива лишь отчасти. Курбский

[1147] О себе: «...лета изнурях за повелением царевым, в чину стратилацкове, потом в синглицком, исправлях дела овогда судебные, овогда советнические, многожды же и частократ с воинством ополчахся против врагов Креста Христова» (NM. Bd. 1. F. 6v). О князе Серебряном: «...синглитцким саном украшен и муж нарочит в воинстве и богат» (СК. Л. 83). О князе Пронском: «...многожды гетманом великим бывша и синглитским саном почтеннаго» (СК. Л. 86v). О Колычевых: «...некоторые ж от них и синглитским саном почтены а иецыи стратилаты быша» (СК. Л. 98).

[1148] *Бахрушин С. В.* «Избранная рада»... С. 38.

[1149] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. 2. С. 369–370.

[1150] *Бахрушин С. В.* «Избранная рада»... С. 34.

не отделяет Сильвестра, Макария и «нренодобных мужей» от Адашева и «разумных и совершенных мужей»[1151]. В его Избранной раде нет фракций и кружков, она является религиозно-нолитическим объединением, возглавившим христианскую республику и своим главой «утвердившим» царя. Духовных лиц невозможно отделить от Избранной рады Курбского. Ее история начинается с наставлений Сильвестра. А нследний раз она уномянута в «Истории» в рассказе об убийстве архиепископа Казанского и, согласно Курбскому, митронолита Германа Полева. Получив от него суровые наставления о грядущем Страшном суде, «отоиде царь от него во свои нолаты и абие совет той духовный любимым своим ласкателем изьявил (уже бо слетешася к нему отовсюды вместо оные добрые избранные рады не токмо наветники [*глосса:* нотворцы] нрезлые и наразиты нрелукавые и блазны [*глосса:* шуты], но и татие воистинну и разбоиницы и всяких скверн нечистых исполненные человецы)»[1152]. Герман не входит в царский совет, но наставляет Ивана в духе Избранной рады. Советники, которым царь «изъявил» слова митронолита, испугались, что Герман будет влиять на царя, и он окажется «в неволе у того епископа еще горшеи, нежели у Алексея и у Селивестра»[1153]. Адашев и Сильвестр в словах «ласкателей» занимают то же место, которое в словах Курбского отведено «доброй Избранной раде»; наставления Германа опасны для «презлых» советников именно тем, что создают отношения между царем и нервосвященником, которые уже когда-то отразились на компетенции и, возможно, на составе царского совета. Показательно также, что высшее «нредставительство» зла при царском дворе — духовно-светское «соборище», а злые советы царю дают не только светские «ласкатели», но также монахи (Вассиан Бесный, Мисаил Сукин и другие иосифляне)[1154].

Власть Сильвестра и Адашева над царем выражается в первую очередь в наставлении на духовное спасение. А. Л. Юрганов возводит понятие Избранная рада к библейскому нредставлению об особой миссии «чистых» и «нравоверных». По мнению исследователя, описания опричнины в сочинениях немцев-опричников и российского эмигранта принципиально сходны в эсхатологической идее, которую Шлихтинг, Штаден, Таубе и Крузе обнаруживают в действиях Ивана Грозного, а Курбский развенчивает и наделяет своими смыслами[1155].

Иван Грозный говорит, что призвал Сильвестра «совета ради духовнаго»[1156]. С этим Курбский не спорит, называя создателями Избранной рады «оных дву добрых мужей исповедника царскаго и другаго ложничего, которые достоины нарещись друзи его и советницы духовные, яко Сам Господь рече: идеже два или три собраны о имени моем, ту есми аз посреди их»[1157]. Избранная рада возглавлена советниками-апостолами, которые служат противовесом опричникам-«кромешникам». Происхождение и социальный статус этих советников-богомольцев соответствуют образцу, который был хорошо известен по словам апостола Павла. Процитируем их с комментарием Иоанна Златоуста в переводе Курбского и его сотрудников: «Апостол до Коринфов: "Зрите звание ваше, братия, ижь немногие мудрые по плоти, немногие силные, немногие благородные, но буи их избрал Бог, ижбы посрамил силных, и худородные и укоряемые избрал Бог, и не сущие да сущих потребит". Но егда Христос к ним пришел и вовел в церков, измовенны крещением, сталися с нечистых зверей людми святыми. Вырозумевши бо слова разуму и мудрость божию, учинилися людми разумными и мудрыми. И обрелося неразумие за простоту и глунство смирением. Понеже простота без разума слова человека неразумие суть и смирение не будуще Бога ради, буйство есть. А к тому приявши благодать, и познавши рожество свое небесное, сталися с немощных и с неблагочестивых крепкими и благочестивыми. И коя веделася немощью, неповинностью обрелася в них, а неблагочестие кротостию. Понеже невинность кроме Бога немощ нарицается, и кротость не Бога ради неблагочестием осуждается»[1158]. Цель Избранной рады Курбский видит не в переустройстве и не в обновлении государственного аппарата. Синклиты добиваются покаяния царя, его наставления на «узкий путь» спасения, справедливых воздаяний за христианские подвиги и как следствие — новой военной политики, ведущей «ко общему человеческому полезному», к распространению Креста Христова и покорению народов «под ярем Христов»[1159]. Образцом для его модели слу-

[1151] *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 242–243.

[1152] СК. Л. 108 об. — 109.

[1153] СК. Л. 109.

[1154] СК. Л. 70; NM. Bd. 1. F. 1v–3v, 28v, 30v, 31v, 33v, 42; Bd. 3. F. 417, 423v, 446(2)–446(2)v; ср.: Откр. 2: 9, 3: 9; Галат. 5: 16–23.

[1155] *Юрганов А. Л.* Опричнина и Страшный суд // ОИ. 1997. № 3. С. 66–67.

[1156] ПИГАК. С. 30.

[1157] СК. Л. 59. Ср.: Мф. 18: 20; Исайя. 11: 2.

[1158] NM. Bd. 1. F. 21. См.: 1 Коринф. 1: 26–29.

[1159] СК. Л. 9 — 9 об.; NM. Bd. 1. F. 2v; Bd. 3. F. 404v, 405v.

жит теократическая республика, возглавляемая эсхатологическим царем.

Понятие *избранного совета* в сочинениях Курбского, как и ненавистная для Ивана Грозного модель совета эпохи Сильвестра и Адашева, наделено теми богословскими коннотациями, которых мы не находим в учетно-фиксирующей документации, законодательстве и летописании. Закрытой тайной думе Курбский противопоставляет идеальный совет, проводящий военную христианизацию и политику милосердия, основанный на управлении «смотрению божию... ко общему человеческому полезному», собранный из «друзей» республики и царя, распределяющих ответственность по мере своих способностей, по индивидуальным дарам Святого Духа. Состав этого совета и его компетенции не ограничены «государственным управлением» и могут быть очерчены в виде расходящихся от царя концентрических кругов. Ближайшими к царю являются «двое или трое о имени Господа». Это его наставники, целители его души, пророки наподобие библейского Нафана[1160]. В «избранный» синклит вокруг них входят ближние думцы, принимающие деятельное участие в делах страны, друзья-апостолы. Их число приближено к числу ближайших учеников Христа, хотя такого сравнения у самого Курбского мы не обнаружим, как не обнаружим идею заведомого христоподобия царя. В третий круг, соответствующий наиболее широкому пониманию «избранной рады», входят все вообще, кто причастен к царскому совету. Это «апостолы от семидесяти», верные делу, ученые и готовые пострадать за христианство. Было бы преувеличением включать в их число весь государев двор, но Курбский убежден, что гонения против Избранной рады обернулись для страны масштабным террором против «человеков нарочитых и властелей християнских, в высоких догматех и в жителстве священноленном»[1161]. Доступ для третьего круга в первые два не закрыт, между ними нет или не должно быть строгого социального или административного различия.

Опытное участие в истории

Представления Курбского о правах и обязанностях царской и княжеской власти, советников и подданных, о предыстории земель и княжеств в составе Святорусской империи не оформлены в строгую концепцию. Нет смысла искать среди его сочинений то, чего не могло быть в XVI в.: программных манифестов, партийных уставов или политологических трактатов. Московиту, а затем русскому подданному польского короля Андрею Курбскому были известны иные способы выражения своей общественной позиции. Он высказывал ее по случаю, урывками, бессистемно, но из этого не следует, что ее не было.

Похвала А.М. Курбского *свободам* сопоставима с разработкой концепта политической свободы его современниками, чьи сочинения могли быть ему доступны, — Эразма Роттердамского, Анджея Фрыч-Моджевского, Станислава Ожеховского, Августина Ротундуса, Анджея Волана. Возможны и более далекие аналогии[1162]. Курбский настаивает на соблюдении в республике естественных и евангельских прав. Первое из них предполагает защиту человеческой жизни, и о нем известно даже в нехристианских землях[1163], но право на защиту от власти особенно строго должно соблюдаться там, где уже распространены евангельские законы и где любое несправедливое гонение должно встретить отпор, ведь Христос наставлял гонимых бежать «не токмо от смерти, но и от зависти богоборных жидов»[1164]. Проявив же нерешительность, они сами могут превратиться в гонителей, «забывши и отрекшись» от своей веры, принеся недопустимые для христианина клятвы[1165]. Аудитория, к которой обращена «История» Курбского, пользуется свободами, которые попраны в «тамошней» Русской земле: «Но что дивитеся, зде живущие издавна под свободами християнских королей, аки вере не подобны беды наши, оные предреченные, мняще?»[1166] Курбский обращается к подданным короля, для многих из которых царская Русь — воплощение тиранической формы правления, а тирания предполагает неограниченную свободу великого князя распоряжаться жизнями своего населения[1167]. Но царь, по его мнению, не был ти-

[1160] *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 344.

[1161] NM. Bd. 1. F. 4.

[1162] См. здесь в главе «Ренессансный историк».

[1163] СК. Л. 72 об., ср.: Ист-106/23–107/3.

[1164] ПИГАК. С. 108 (л. 143 об.); СК. Л. 112, ср.: Ист-163/6–12; NM. Bd. 1. Lfg. 1. F. 2/4–22; ср.: Матф. 10: 23.

[1165] СК. Л. 112 об., ср.: Ист-163/20–32; NM. Bd. 1. F. 2/22–2v/2; ср.: Матф. 5: 34–37; Иак. 5: 12.

[1166] СК. Л. 113, ср.: Ист-164/1–4.

[1167] Эта идея была одной из самых обсуждаемых среди политических мыслителей Речи Посполитой. Сошлемся в качестве примеров только на некоторые труды, в которых московская форма власти определяется как тирания: *Orzechowski S.* Quincunx, tho iest Wzór Korony Polskiey na Cynku wystawiony. S. l., 1564 (экземпляр МК РГБ под шифром: Krakow s. t. 1564 — 4° Orzechowski). Ark. P–Pv; *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906. S. 354; Гваньини. P. 92, 94. См. также: *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen

раном изначально, он стал им, только когда присвоил себе полную свободу над царством, «зряще уже свободно на все свое царство яко помазанец Божий»[1168]. Получив полную свободу действий, в том числе для «свободного хождения» по греховному «пространному и широкому пути», царь отнимает свободу у своей земли, попирает «свободное естество» подданных и забывает о своей обязанности освобождать христиан из вражеского плена[1169]. Инвективы Курбского в адрес Московской земли требуют к себе осторожного отношения, особенно когда он прославляет память жертв террора «во оной, глаголю, варварской земли, в том нашем неблагодарном отечестве»[1170]. Они не являются только лишь «общими местами» европейской этнографии, не содержат они и политико-правовых обобщений. Варвары у Курбского — это либо иноверные и язычники, либо «мучитель варварский царь», «грубый и прелютый варвар», вместе со своими опричниками-кромешниками попирающий истинную веру.

Москва для Курбского — политический центр, но кроме нее в Русской земле есть и другие «великие места и грады», точно так же и на верховную власть имеют право как удельные московские князья, так и представители других княжеских родов. В целом, если для московских князей принцип суверенитета отождествляется с принципом династической преемственности престола, то с точки зрения Курбского единство страны зависит от способности правящего рода установить такие отношения с владетельными княжескими родами, которые позволили бы мобилизовать все силы на борьбу с остатками ордынского ига. За рубежами Русского царства наиболее опасным остатком Орды после завоевания Казани и Астрахани он считает Крымское ханство. В пределах страны еще более страшен «внутренний дракон» — царь Иван, обращающийся со своими подданными так же, как раньше ханы обращались с русскими князьями. Он расправляется со своими братьями и рвется к неограниченному самодержавию, основанному на личной преданности в противовес знатности, старшинству, мудрости, совещательности. Несомненный признак тирании великого князя — гонения на церковь — был хорошо знаком польско-литовской контрреформационной мысли и обсуждался с привлечением многочисленных примеров из Библии, начиная с убийства *тираном* Каином *священника* Авеля «только за то, что он судил злобного Каина»[1171].

Возвышение московского правящего рода, с точки зрения Курбского, стало возможным благодаря русской знати и особенно святым князьям, примеру которых московские князья должны следовать в своей политике. Князья-святые служили образцами не только для Андрея Курбского, но и для Ивана Грозного. В январе 1557 г. суздальский архимандрит Феодорит отправляется в Константинополь с посланием и синодиком. Поминальный список открывается святыми князьями, среди которых больше всего ярославских — кн. Федор Смоленский и Ярославский и «его чада» Давид и Константин — и ни одного московского, если не считать Александра Невского (инока Алексея), признанного в Москве в 1547 г. покровителем города и общерусским святым[1172]. Местночтимые святые на церковных соборах 1547 и 1549 гг. были введены в общерусский пантеон. Святые князья прошлого между 1547 и 1557 гг. стали заступниками Московского царства, а их потомки должны были присоединиться своей службой и своими помыслами к святым предкам[1173]. Царь в Первом послании Курбскому, говоря о себе и царице Анастасии, упоминает библейских «детей Авраама». Бог способен сотворить из камня свои «чада»[1174]. Курбский не должен обольщаться своим происхождением, да и князь Федор Ростиславич не придет ему на помощь: «...сего аз на суд желательне приемлю, аще и сродник вам есть, поне-

Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt/M., 1972; *Флоря Б.Н.* Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI в. // Культурные связи народов восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976. С. 251–261; *Grala H.* Człowiek wobec władzy... S. 431; *Poe M.T.* "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca; London, 2000.

[1168] СК. Л. 69, ср.: Ист-101/21–28.

[1169] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 137–138.

[1170] СК. Л. 90, 96.

[1171] *Orzechowski S.* Dyalog albo Rozmowa okolo Exequucyey Polskiey Korony. S. l., 1564 (экземпляр МК РГБ под шифром: Krakow s. t. 1564 — 4° Orzechowski). Ark. G IV — G IVv.

[1172] ПК-52-1. Л. 97 об. — 98; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 188; *Каштанов С.М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 401 (№ 4), 401–402 (№ 5, 6–6).

[1173] *Korpela J.* The Christian Saints and the Integration of Muscovy // Russia Takes Shape. Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present. Saarijärvi, 2005. P. 17–58.

[1174] History. P. 148–150; ПИГАК. С. 45 (л. 330 — 330 об.), 402. Примеч. 116.

же бо святии видят наче но смерти праведне сотворити, и видят меж нами и вами яже от начала и доднесь, и то убо праведно разсудят»[1175]. Святой Федор, согласно посланию царя, исцелил царицу «сунротиво» стремлениям Курбского и его единомышленников[1176].

Внушая своему холопу, что его предки ему больше не помощники, царь позволил себе выпад в адрес святого, что заставило князя дополнить свое послание свидетельством о чудесах от его мощей. В Переписке князь болезненно отреагировал на обвинение в измене, высказанное в адрес его предков, указав на их святость и на общие корни его рода и рода московских князей. В «Истории» эта мысль получила многообразное подтверждение: если бы не содействие Федора Романовича Ярославского, Василий II не получил бы ярлык на великое княжение — таковы «службы и доброхотствования прародителей наших», «княжата наши Ярославские никогда же от его [Ивана IV. — *К.Е.*] прародителей не бывали отступни». Царь же за это заплатил их потомкам казнями[1177]. Род Морозовых равен по могуществу Рюриковичам, поскольку его прародитель Миша Морозов якобы вышел «от Немец вкупе со Гериком [*глосса:* с Рюриком] прародителем руских княжат»[1178]. Кн. М.И. Воротынский говорит под пыткой, что научился у своих прародителей не чародейству, а только вере в Троицу и верной службе — и этим оправдывает себя перед царем[1179]. Пример подобного почитания подает даже ливонский ландмаршал Филипп Шалль фон Белл. Он произносит перед русскими воеводами речь о причинах гибели своего отечества, в котором забыты предки, ходившие по «узкому пути» религиозного спасения и насаждавшие в своих землях сады, виноградники и города[1180]. В Третьем послании Курбского доказывается, что царь опозорил своих прародителей невиданными на Руси казнями и военными неудачами[1181]. Курбский почитал святого прародителя, прославлял других святых князей и допускал, что — в каких-то случаях — достоинства предков передаются потомкам.

А.В. Каравашкин говорит в связи с этим о «своеобразном династическом детерминизме» А.М. Курбского, считавшего, согласно этой точке зрения, «что родословная до некоторой степени предопределяет качества характера и поступки человека»[1182]. На наш взгляд, прямо о династиях Курбский не говорит, а из «кровопийственной» политики московских великих князей не выводит каких-либо генетических закономерностей. Его обращение за молитвенной помощью к князю Федору Ростиславичу — свидетельство семейного почитания этого святого Курбскими и личной веры князя Андрея Михайловича в его заступничество. Имя князя Федора вызвало гневную отповедь Грозного, однако в письме Курбского оно возникает последним после Троицы, Богородицы и «всех святых»[1183]. Осторожнее было бы идею *qualis pater talis filius* не распространять на взгляды Курбского[1184]. К примеру, он считал преступлением перекладывать «вины» царских слуг на их предков, родственников и приближенных и отстаивал принцип личной ответственности: «...да не понесет сын грехов отца своего, ани отец грехов сына своего; каждый во своем грехе умрет и по своей вине понесет казнь»[1185]. При этом определенный детерминизм во взглядах Андрея Курбского прослеживается. Он убежден, и это видно по многим его суждениям, что даже величественные царства разрушаются, если их власти и граждане перестают блюсти веру и отступают от идеала целомудренного управления. Примером служит не только павшая, возрожденная а затем вновь уничтоженная Великая Русь, но и многие православные царства. Иван Грозный и Иван Пересветов в духе времени приводили в пример Византию. Князь Андрей видел много других опасных прототипов Московской Руси. Второе послание Вассиану Муромцеву содержит тираду о наших империях прошлого: «Возведем мысленное око на Восток и посмотрим разумным видением: где Индия и Ефиония? где Египет и Ливия и Александрия, страны великия и пре-

[1175] ПИГАК. С. 45 (л. 330).

[1176] В росписи кремлевского Архангельского собора изображение Федора Ростиславича встречается дважды (внутри храма и в лоджии). Е.С. Сизов связывает факты особого внимания к ярославскому святому и его детям в московской иконописи и в Переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским (*Сизов Е.С.* Храм Архангела Михаила на Соборной площади Кремля // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 94–95).

[1177] СК. Л. 86, ср.: Ист-124/17-27.

[1178] СК. Л. 96 об., 99, ср.: Ист-139/30-34, 143/8-11.

[1179] СК. Л. 89, ср.: Ист-128/17-24. Ср. с цитированным выше замечанием А.М. Курбского о своих предках в Третьем Послании царю.

[1180] СК. Л. 63, ср.: Ист-96/3-12; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 401–402, 408. Прим. 81.

[1181] ПИГАК. С. 113 (л. 152), 115 (л. 155).

[1182] *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 168–169.

[1183] ПИГАК. С. 8, 10.

[1184] См. след. примечание; ср.: *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика. М., 2000. С. 309.

[1185] NM. Bd. 1. F. 1v/15–2/4.

славныя, многою верою ко Христу древле усвоенныя?», — дойдя до примеров Сербии и Болгарии, Курбский подводит итог: «Не все ли преславныя и преименитыя царства в прежних летах единодушно правую веру держаще, и ныне грех деля многих безбожными властели обладаны...»[1186] В форме этической сентенции учение о деградации империй звучит в глоссе к Предисловию «Иоанна Дамаскина» из волынского скриптория Курбского. Как ясно по лексике и ходу мысли, воплощенному также в «Истории о князя великого московского делех», глосса принадлежит самому князю. Цари и князья, которые перестают слушать мудрых советников и любить обличение в свой адрес, «не токмо сами всеродне ищезают, но и царства погубляют, яко зрим Грецкое и Сирское, Болгорское и Сербьское и яко наше домашнее, паче всех лютейшее Батыево пленение и яко ныне внезапное преславного християнскаго града Москвы сожжение и бещисленное кровей пролитие от самого царя их и от окрестных врагов...»[1187] С этих же позиций Ф. Шалль фон Белл рассказывает в «Истории» Курбского о крушении Ливонского Ордена.

В заключительном обращении к царю в «Истории» князь возвращается к сравнению русских правителей с израильскими царями и создает сентенцию, в которой объединены идеалы святой власти и Избранной рады: «О безумный окоянный, забыл ли еси прежде тобя царей царьствовавших и в Новом и в Ветхом завете, паче же прародителей твоих княжат руских святых ходящих по Христову ускому пути, сиречь мерне [*глосса:* целомудренне] и воздержне живущих, по обаче царствующих блаженне, яко и ты сам в покою был немало лет и добре царствовал?»[1188] В качестве образцов для подражания он указывает на представителей опальных княжеских родов. Наоборот, с точки зрения Ивана Грозного, в подвластной ему стране нет новых мучеников за веру, а святые князья покровительствуют законной власти. Происхождение князей Московских от святого Александра Храброго, канонизированного на соборе 1547 г.[1189], подчеркивается в Степенной книге[1190], но Иван Грозный в протокольной части своего Первого послания Курбскому упоминает его только как «храбраго великого государя Александра Невского»[1191], а во Втором послании ссылается только на великих чудотворцев и милость Сергия Радонежского[1192]. Святые редки, заступники своих потомков, оказываются в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского покровителями несходных политических идеалов.

Вызывая из памяти заступников Великой Руси и святых князей эпохи ордынского ига, князь Андрей подтверждал на примерах прошлого идеал свободной православной республики во главе с целомудренным братолюбивым правителем и наделенными дарами Святого Духа советниками-апостолами в ее сердце. Политические представления Курбского отразились на его рассуждении в «агиографическом своде» (том «Симеон Метафраст») о различиях княжеской власти в мусульманских ордах и христианском мире. Сравнение позволяет писателю подвести итог разрозненным соображениям. Князь обращается к царям текущего «последнего века», проявляющим высокомерие и жестокость «ко своим подручным»[1193], и призывает их учиться у древних царей и Христа благочинию и любви к «чиноначальникам военным» и «советникам великим» как к друзьям и братьям: «...а не так, яко наши прелютые и прегордые руские цари, советников своих холопми нарицают на свою им срамоту. О беда! Хто слыхал от века цареи християньских над холопми царюющих, кроме безбожных измаильтян, бусурманских псов (подобно у них будучи в холопех наши руские княжата навыкли тои презлости)! А християнские царие нарицаются, которые под собою имеют в послушенстве великих княжат и других чиновников светлых и свободных, а не холопеи, сиречь невольников...»[1194] Христианское царство, по его мнению, несовместимо с холопством, поскольку человеческое существо свободно и осветле-

[1186] РИБ. Т. 31. Стб 391.

[1187] DJD. S. LVI. Anm. 20∞.

[1188] СК. Л. 129 об., ср.: Ист-188/29–189/3.

[1189] *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 170–176.

[1190] *Lenhoff G.* Unofficial Veneration of the Daniilovichi in Muscovite Rus' // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. Moscow, 1997. P. 397.

[1191] ПИГАК. С. 12 (л. 298).

[1192] Там же. С. 104 (л. 256). В «Истории» в связи с рассказом о происхождении Феодорита «от места Ростова славного», говорится, что оттуда же «святый Сергий провозрасте» (СК. Л. 113, ср.: Ист-164/20–22).

[1193] См. также: NM. Bd. 1. F. 137. Anm. a.

[1194] ОР ГИМ. Синодальное собр. №219. Л. 137 об. (здесь же совпадающее с текстом «Истории» рассуждение А. М. Курбского о том, что цари должны почитать себя главою, а советников «яко удов своих»); *Владимиров П. В.* Новые данные для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского // Труды девятого Археологического съезда в Вильне 1893 г. М., 1897. Т. 2. С. 311; *Auerbach I.* Die politischen Vorstellungen... S. 181–183; *Eadem.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 140; *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским... С. 235.

но Богом. Рабом человек является только перед Богом[1195], и только Бога может бояться[1196]. Курбскому известна идея о трех способах спасения — рабством, наймом, сыновней любовью: «... ибо раб страха ради ран доброе дело творит; наемник мзды ради доброе и угодное Богу творит; сын же любви ради, еже ко Богу и отцу заповеди его делает»[1197]. В отношениях царя с подданными, и в первую очередь с князьями, он считал допустимыми только доверительные отношения, близкие ко второму (наем) и третьему (сыновняя любовь) способам спасения. В «Истории» патримониальные отношения между царем и подданными почти не встречаются. А.М. Курбскому не было свойственно представление о государевых слугах как о «детях», «сиротах», ищущих отцовской любви у государя[1198].

В глоссе к сборнику Синод. собр. № 219 он связывает московское холопство с влиянием ордынского ига, во время которого все русские князья и их люди считались рабами ханов. Привыкнув рабски подчиняться ханам, русские князья начали воспринимать и своих подданных как холопов, причем под *русскими князьями* автор может подразумевать не только московских правителей[1199]. А.А. Горский полемизирует с распространенной в исторической науке концепцией, согласно которой понятие «холоп» в Московской Руси приобрело унизительный смысл под ордынским влиянием. Автор исходит из того, что «в сфере международных отношений термин холоп использовался для обозначения зависимого правителя, "вассала"»[1200]. Однако приводимые им примеры раннего употребления понятия «холоп» в Галицком летописце (середина XIII в.), Новгородской Первой летописи старшего извода (конец XIII в.) и Московском летописном своде (1470-х гг.) содержат ордынскую тематику и мотив иерархического подчинения: монголы уничижительно называют половцев холопами и конюхами; князь Даниил Романович всего лишь *холоп* перед лицом хана Бату; боярин И.Д. Всеволожский признает себя *холопом* Василия Темного, обращаясь к Улуг-Мухаммеду[1201].

Можно ли считать случайностью, что для обозначения вассальной зависимости было выбрано понятие, содержащее подтекст наибольшего социального унижения? В противовес органической интерпретации холопства отметим, что в публичных высказываниях и документации Московской Руси XVI в. звучала открытая критика холопской службы московским государям. Иван Пересветов считал недопустимым соединение военной службы государю и холопства. За свободы и правовое равенство высказывались и Федор Карпов, и Феодосий Косой. Глосса А.М. Курбского показывает, как представлял себе происхождение этого подтекста московский придворный во второй половине XVI в.

До создания опричнины царь был окружен, с его точки зрения, советниками-«друзьями» и советниками-«ласкателями». После падения Избранной рады место «друзей» заняли «ласкатели». Разрушительно повлиял на государство, согласно «Истории», не новый принцип назначения советников, а стремление царя воспользоваться им, чтобы самому и по своей воле «усвоять в дружбу». Друзьями царя становились те, кого он вслед за монгольскими ханами и своими предками называл холопами и ценил не за их мудрость, а за готовность подчиняться. Сходное понимание холопства Иван IV выразил в своем Первом послании Курбскому. В Послании царя в Кирилло-Белозерский монастырь мысль о праве распоряжаться своими холопами заявлена в противопоставлении социального статуса (любой из которых означает холопство перед государем) религиозному посвящению (только монах не принадлежит царю): «Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин бояръства не състрижет, а холоп холопъства не избудет?»[1202] Иван Грозный заявлял о холопстве как о неограниченной зависимости жизни его «людей» от воли государя: «Волен государь в своих людех, добрых государь жалует, а лихих казнит, а делитца государю с кем? А и во всех государьствах тому быти пригож, добрых государю жаловати, а лихих казнити»[1203]. Христианский идеал, как его изображает Курбский, совсем иной. Под властью царей должны быть, по его мнению, великие князья, в царском совете — друзья, отношения подчинения — определяться службой царю и христианской республике. Нет оснований видеть в этой

[1195] NM. Bd. 1. F. 141/4–8.

[1196] СК. Л. 92 об. – 93, ср.: Ист-133/17–134/1.

[1197] NM. Bd. 2. F. 183/24. Anm. g.

[1198] Ср., напр.: ПК-78-1. Л. 277; ПК-79-14. Л. 586 — 586 об., 604. В последнем случае категория «сирот» охватывает «боярских людей», «стрельцов», «черных людей», «жонок и робят», но она применена, чтобы отличить знатных от всех остальных в обмене пленными. В челобитных на имя царя «сиротами» называют себя и представители знати.

[1199] ОР ГИМ. Синодальное собр. № 219. Л. 137 об.

[1200] *Горский А.А.* Русь. С. 327, 330.

[1201] Там же. С. 323–331.

[1202] ПИГ. С. 179.

[1203] ПК-79-10. Л. 454 об.

позиции борьбу за феодально-удельные порядки. Русское государство сложилось, согласно А. М. Курбскому, вокруг равноправных «великих мест и городов»[1204]. Центральный персонаж здесь московский царь, но его авторитет растет не за счет подавления власти великих князей и ограничения политической свободы подданных, а наоборот, при помощи усиления той и другой. Уже в новом отечестве Курбский ироничен, когда отвечает на сфабрикованные против него в Москве обвинения в подготовке заговора в пользу удельного князя. Впрочем, это не мешает ему в Третьем послании сравнить себя с царем Давидом, временно перешедшим на сторону «поганского царя» филистимлян, чтобы выступить против Саула[1205].

Претендовал ли Курбский на ограничение царской власти и был ли он выразителем социальных представлений какой-либо общественной группы? Отвечая на первый вопрос, невозможно игнорировать открытые высказывания князя о «дарах духа», обязанности правителей созывать советы и прислушиваться к наставлениям даровитых советников[1206]. Что касается ответа на второй вопрос, то ряд косвенных фактов позволяет понять, как сам А. М. Курбский идентифицировал себя как политический деятель. Он вовсе не был непритязательным слугой московского, а затем польского суверена. Князь видел в своем титуле залог владетельной самостоятельности, а службу своего рода московским князьям рассматривал как добровольное служение на благо христианству. Истребляемых в России князей Курбский изображал как крупных вассалов, чьи земельные владения неотъемлемы в издавна установленном распределении власти. Нарушение же прав собственности княжеского рода означало для него распад этого рода, отречение от идеала христианской республики, переход к тиранническому правлению и варварству. Подобная социальная позиция многими исследователями воспринимается с той же точки зрения, с которой Ж.-Ф. Мармонтель характеризовал местные власти во Франции эпохи Людовика XI: «Начиная с Людовика XI все эти отдельные государства были объединены в единое целое. Но крупные вассалы сохраняли еще в своих доменах власть, которую имели в эпоху своих первых сюзеренов, а губернаторы, занявшие место этих сюзеренов, присвоили себе власть. Эти две группы создавали препятствия для королевской власти, которые необходимо было преодолеть»[1207]. Курбский тоже видел в полномочиях княжеской власти препятствие для безграничной монархии, но не считал обязательной фронду, которую ему в духе «Энциклопедии» приписывали некоторые исследователи. В его сочинениях заговорщиками являются не слуги царя, злоумышляющие против своего господина, а сам царь против своих слуг. Политический мир, в рамки которого Андрей Курбский мысленно помещает свой идеал княжения, насыщен родством и дружбой, а обязанности царя и подданных, выраженные в «клятвах», взаимны. А. М. Курбский не предполагает, что при управлении страной необходимо разделение личного, родового и государственного начал. Просто царь выбирает высших чиновников среди своих друзей, и в какой-то определенный момент такими друзьями становятся дурные люди. Дьяков же он назначает на место знати из мстительного личного желания уменьшить значение вельмож, которые верно служат своему царю, православному отечеству, собственным родам и всем христианам, нередко при этом погибая. Из этого не следует, что А. М. Курбского не устраивают в московском обществе «частности», и как раз по той причине, что он не воспринимает как частность личные, родовые и государственные качества ни одного из действующих лиц.

Согласно А. М. Курбскому, в период реформ Избранной рады сложились основы для создания империи-республики в Русской земле. После боярского правления были прекращены распри в окружении великого князя. При дворе появились мудрецы, избравшие компетентный в государственных делах совет и подчинившие «степень» или «сан» интересам службы. Совет упорядочил государственное устройство, установил благочестие и, подавив «внутреннего дракона», создал благоприятные условия ведения войны против «внешнего дракона». Объединительная для знати роль Москвы, деперсонификация чинопроизводства, традиционные узы родовых межкняжеских отношений и дружба царя с одаренными советниками не входят в противоречие друг с другом в этом мировоззрении. Курб-

[1204] СК. Л. 94 об. — 95.

[1205] ПИГАК. С. 108 (л. 143 об.); см. комментарий к данному отрывку в: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 405–408.

[1206] К теме даров духа неоднократно обращается в своих сочинениях Максим Грек: Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской Духовной академии. Казань, 1859. Ч. 1. С. 271–273, 377 и сл., 388; см. также: *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика. С. 321–324).

[1207] Цит. по: *Элиас Н.* Придворное общество. С. 58. Примеч. 5.

ский был сторонником всего комплекса мер, предпринятых избранными советниками, но эти меры были направлены на ограничение царской власти в том ее самодержавном понимании, которое воплотилось в опричнине. Преобразования Избранной рады, согласно его «Истории», вели к осуществлению политического идеала «речи посполитой» и к расширению участия нетитулованного дворянства и «всенародства» в делах Святорусской империи.

Ренессансный историк

Утраченный Ренессанс

Применительно к книжной культуре русских княжеств конца XIV — XV в. иногда употребляются понятия «Предвозрождение» и «Возрождение»[1208]. Согласно противоположной точке зрения, воздействие ренессансных представлений на русскую книжность имело локальный характер, а русские интеллектуалы в XV–XVI вв. слабо участвовали в европейских переменах и в основной своей массе придерживались неизменных традиционных ценностей[1209]. Однако в этой точке зрения есть свои *points faibles*, уже неоднократно обращавшие на себя внимание исследователей[1210]. Во-первых, русские культуры XV–XVI вв. не были настолько унифицированы, чтобы говорить о русской «культуре вообще». Мнение о типологическом отличии русской культуры от западной представляет собой не вывод или гипотезу, а следствие ее рассмотрения под тем углом зрения, который в качестве предпосылки допускает, что Россия и Запад являются замкнутыми культурными системами[1211].

Собор Василия Блаженного, 1839 г. Гравюра 1843 г. Художник Андре Дюран. См.: Durand A. Cathédrale de Vassili Blagennoi. Façade principale. Paris, 1849. P. 262.

Другое общее замечание касается понятия «традиция» или — привычного для русского языка XV–XVI вв. — «обычай». Острая необходимость обращения к «старине» и «обычаю» возникла в Московской Руси в обстоятельствах борьбы за «собирание» русских земель, раскола православной церкви на восточную и западную митрополии, споров об эсхатологическом значении летосчисления, о юридическом положении церковных и светских земельных владений, о малоизвестных или неизвестных доселе толкованиях церковных канонов[1212]. Поиск «антидота» против «шатаний» и «нечестия» привел к рас-

---

[1208] *Лихачев Д.С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962. С. 161–170; *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 11–13.

[1209] Концепции замедленного развития и стадиального отставания русской интеллектуальной культуры XV–XVII вв. от западной см.: *Каштанов С.М.* О типе русского государства в XIV–XVI вв. С. 85–92; *Kollmann N.S.* Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia. P. 34–51; *Кинан Э.Л.* Проблема Московии. Некоторые наблюдения над проблемами сравнительного изучения стиля и жанра в исторических трудах / пер. с англ. В.А. Кадика, А.И. Плигузова // АРИ. М., 1993. Вып. 3. С. 187–208; *Keenan E.L.* Response to Halperin, "Edward Keenan and the Kurbskii — Groznyi Correspondence in Hindsight" // JGO. 1998. Bd. 46. P. 404–415.

[1210] Критические ремарки в адрес концепций Э.Л. Кинана и С.М. Каштанова см.: *Berelowitch A.* La hiérarchie... P. 19–24; *Роуленд Д.* Две культуры — один тронный зал // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 188–201.

[1211] Материалы дискуссии на тему «Русская культура в сравнительно-историческом освещении» (май, 2000 г.) см.: Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 5–64.

[1212] *Плигузов А.И.* Полемика в русской церкви...; *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002.

цвету особой полемической культуры, яркими образцами которой были не только «Просветитель» Иосифа Волоцкого и «Истины показание» Зиновия Отенского, но и послания и переводы Дмитрия Герасимова, Федора Карпова, Вассиана Патрикеева, Максима Грека, старца Филофея. В церковных кругах всё сильнее ощущается необходимость подготовки сводной Библии и свода «четьих» текстов. В свою очередь государство с конца XV в. проводит масштабные работы по созданию переписей, записей текущего делопроизводства, судебных кодексов. «Обычая» в распоряжении его поборников во многих случаях не было, и приходилось создавать его заново. Московская культура XV–XVI вв. представляет как раз тот случай, когда обращение к традиции оказывается такой же новацией, как и приобщение к «новым учениям»[1213].

Историография Ренессанса объединяет во многом несхожие произведения, среди которых можно только условно поместить через занятую «Жизнь Генриха V» Тито Ливио Флуровизи, «Компендиум происхождения и деяний французов» Робера Гагена, «Историю Флоренции» Никколо Макиавелли, «Историю Италии» Франческо Гвиччардини. Историописание с трудом поддается сравнению, поскольку существует риск, что оно охватит слишком немногие из задач, которые приходится решать историкам в своей работе. Однако поэтику истории как повествовательной структуры, формульно-стереотипные и ментальные категории историков лучше рассматривать в перекрестном сравнении историографических культур. В этой работе мы постараемся показать, что «История» Курбского должна быть помещена в один ряд с историческими и этико-политическими сочинениями Ренессанса, соревнующимися с образцами античной историографии.

Казалось бы, исследователи разного профиля — историки, филологи, лингвисты — достаточно давно обнаруживают ренессансные контексты в творчестве А. М. Курбского. Символическим признанием этого был тот факт, что в середине XX в. издания Переписки и «Истории» Курбского, подготовленные Джоном Феннеллом, вошли в раздел «История» в списке «Ренессансных книг»[1214]. Однако это — библиографическая иллюзия. В списках Тейлора отражались издательские новинки по всей «эпохе», и рядом с Переписки и «Историей» были не только «Государь» Никколо Макиавели или «Шесть книг о республике» Жана Бодена, но и переиздание «Культуры Ренессанса в Италии» Якоба Буркхардта и «История Европы» Анри Пиренна. Если в советской науке прочно закрепился тезис о стадиальном соответствии российской истории мировым процессам, и «свой» Ренессанс, как и Реформацию, приходилось с оговорками находить то здесь, то там (конечно, «Предвозрождение» — уступка исходному тезису о Русском Ренессансе), то в мировой науке прозвучали сомнения в применимости европейской периодизации к русской культуре[1215]. Может быть, можно воспользоваться операционным понятием Гюнтера Штёкля и говорить о русских «титанах Возрождения» как об «эхе Ренессанса»?

Обратимся к частной проблеме исторической памяти и восприятия истории в русских обществах. Она имеет прямое отношение к их социальной культуре и идентичностям. Живой интерес европейских историков позднего средневековья и раннего Нового времени к способам исторической репрезентации событий и методам написания истории — одна из отличительных черт Возрождения. В наши задачи не входит выявление инварианта ренессансного исторического письма, хотя такие попытки, скорее спорные, чем убедительные, неоднократно предпринимались[1216]. Параллели между сочинениями историков и политических мыслителей этой эпохи не означают, что существо-

[1213] *Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2004. С. 558–579.

[1214] *Taylor R.E.* Renaissance Books // Renaissance News. 1956. Vol. 9. N 2. P. 123; *Idem.* Renaissance Books // Renaissance News. 1966. Vol. 19. N 2. P. 181.

[1215] *Rhode G.* Die Reformation in Osteuropa. Ihre Stellung in der Weltgeschichte und ihre Darstellung in den "Weltgeschichten" // Gestalten und Wege der Kirche im Osten. Festgabe für Arthur Rhode. Ulm, 1958. S. 133–162; *Stökl G.* Das Echo von Renaissance und Reformation im Moskauer Rußland // JGO. 1959. Bd. 7. Hf. 4. S. 413–430.

[1216] Дональд Келли говорит о «методе» как ренессансной новации в историографии. Однако операционная составляющая в «методе», конечно, отличается и от средневековых образцов («образов» и «подлинников»), и от символизма в духе Пор-Рояля. Но как именно? Возможно, в «методе» гораздо больше от средневекового мышления, чем можно думать, опираясь на декларации XVI–XVII вв. (ср.: *Kelley D.R.* Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder. Yale: Yale University Press, 1998). Более широкая перспектива, сближающая сочинения Андрея Курбского и Абдула Кадира Бадауни в переспективе знаний «историографии XVI в.» о мире, к сожалению, лишена ясной аргументации, а сказанное о Курбском несправедливо ограничено только его «Историей» (ср.: *Subrahmanyam S.* On World Historians in the Sixteenth Century // Representations. 2005. Vol. 91. N 1. P. 26–57, здесь p. 48–49). Предписания о правилах изучения истории в русской летописании мы обсуждаем также в нашей работе «Император Святой Руси».

вал некий единый присущий ей образ мысли. Открытая же Якобом Буркхардом монолитность Возрождения дискуссионна и требует по меньшей мере оговорок относительно ее преемственности от средневековья[1217]. Мы в этой книге пытаемся приложить проблему отношения исторического и хроникального описания к ряду текстов, которые для изучения данной вполне определенной проблемы удобно рассматривать в качестве памятников ренессансной историографии, этики и политической мысли. Кн. Андрей Курбский как писатель и социальный мыслитель был представителем нескольких культурных ареалов, однако нас не будет интересовать, что́ Курбский заимствовал в московской культуре, а что — за ее пределами. «Своими пределами» для нас будут ренессансные тенденции в творчестве А.М. Курбского, которые мы понимаем буквально — как прямые и опосредованные заимствования в его творчестве из европейской интеллектуальной традиции эпохи Ренессанса.

Таких заимствований обнаружено немало. Дитрих Фрайданк доказывал, что Курбский почерпнул знания об историографии и эпистолографии из европейского «аттикизма»[1218]. Инга Ауэрбах изучала труды Курбского на фоне контрреформационной мысли и обнаружила сходство в методах борьбы православия и католицизма Речи Посполитой против реформационных учений[1219]. Л.А. Цеханович рассмотрел сочинения Курбского в контексте европейской полемической литературы XVI в.[1220] С.А. Елисеев сравнивает построения Курбского с ренессансным неоплатонизмом[1221]. В.В. Калугин связывает зарождение интереса ковельского магната к «свободным искусствам» и европейскому энциклопедизму с московской книжной культурой XVI в.[1222] М.В. Дмитриев развивает идею о Курбском как деятеле православного славянского Возрождения[1223]. И. Граля обращает внимание на опыты Курбского в компаративном рассмотрении административных устройств Московского государства и Речи Посполитой[1224]. Исследования последних лет показывают, что в частной библиотеке Курбского были европейские богословские компендиумы, словари и лексиконы, латиноязычные сочинения Цицерона, Эразма Роттердамского, Сигизмунда Герберштейна, Иоганна Спангенберга, к которым Курбский обращался при создании собственных трудов. Наиболее значительным по объему авторским сочинением князя Андрея Михайловича является его «История», открывающая сборник с его посланиями царю Ивану IV. Она же стоит в начале всех его списков другой группы, куда кроме нее и тех же посланий включены литовская корреспонденция, переводы и «История о Осьмом соборе» А.М. Курбского[1225].

Дитрих Фрайданк в статье 1970 г. заметил, что «История» Курбского часто изучалась как исторический источник, но почти не интересовала исследователей как исторический трактат[1226]. В этом отношении ситуация мало изменилась и по сей день. За фактической информацией, историко-философской концепцией и литературной техникой Курбского остается незатронутым историографическими исследованиями комплекс нарративных, логических, языковых явлений в «Истории». Исследователи выявили в этом сочинении осколки таких жанров, как житие, хроника, воинская повесть, поучение, дра-

---

[1217] *Ferguson W.K.* The Renaissance in Historical Thought: Five Centuries of Interpretations. Boston, 1948; *Kristeller P.O.* Studies in Renaissance Thought and Letters. Rome, 1956; *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990; *Skinner Q.* The Foundations...; *Брагина Л.М.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.

[1218] *Freydank D.* A.M. Kurbskij und die Epistolographie seiner Zeit // Zeitschrift fur Slawistik. Berlin, 1976. Bd. 21. Hf. 3. S. 319–333; *Idem.* A.M. Kurbskij und die Theorie... S. 57–77; *Idem.* Zwischen griechischer und lateinischer Tradition: A.M. Kurbskijs Rezeption der humanistischen Bildung // ZS. 1988. Bd. 33. Hf. 6. S. 806–815.

[1219] *Auerbach I.* Die politischen Vorstellungen... S. 170–186; *Eadem.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 13–190.

[1220] *Цеханович А.А.* А.М. Курбский в западнорусском литературном процессе второй половины XVI в. // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 14–24; *Его же.* Сочинения князя Курбского и полемические антикатолические традиции древнерусской письменности. С. 19–31.

[1221] *Елисеев С.А.* О некоторых особенностях философско-исторических взглядов Курбского // Вестник МГУ. Сер. 8. 1983. №3. С. 68–77.

[1222] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 92–146.

[1223] *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003. С. 51–57.

[1224] *Граля И.* Дьяки и писари: Аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI — начало XVIII века) // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 148–164.

[1225] Подробнее о «сборниках Курбского» в рукописной традиции см. главу «Экстенсивное чтение».

[1226] *Freydank D.* A.M. Kurbskij und die Theorie... S. 57.

ма, энистолография, плач, мартиролог[1227]. Что же отличает «Историю» А. М. Курбского как *историю*? Какие задачи и как решает этот историк, когда пишет свою историю? Каковы культурные контексты «Истории»? Ориентируясь на метаисторическое исследование Хейдена Уайта, в наш объектив должны попасть концентуальные высказывания историка, идеалы, поэтические решения, которые часто принимаются на уровне письма в «лингвистическом протоколе», «построении сюжета», «идеологическом подтексте», «формальной аргументации»[1228]. Кажется, теория Хейдена Уайта, имеющая дело с масштабными историческими полотнами, не очень удобна в применении для нашего конкретного случая, хотя именно она служит отправным пунктом в наших поисках.

Сюжет «Истории» Курбского с некоторых пор превратился в особую область исследования, в которой высказано немало ценных замечаний, но до сих пор не уделялось внимания тому, что Роже Шартье называет перформацией и апроприацией текста[1229]. Рукописи Сборника Курбского не публиковались вплоть до 1833 г., и к тому времени постепенная победа «белого над черным» сформировала удобное для читателей XVIII–XIX вв. деление текста на разделы и главы, в той или иной мере отразившееся на всех научных публикациях «Истории»[1230]. Но есть ли признаки деления текста в ближайших к протографу рукописях? Меняется ли их оформление при переходе от раздела к разделу?

Андрэ Берелович своей статьей о формах рациональности в московской судебной системе и торговле XVII в. подсказал нам подход к логическому аппарату «Истории» Курбского. Французский ученый анализирует демонстрационную логику в структурах большой длительности и показывает, как проявляют себя различные формы рациональности в категориях судебно-следственного процесса, в причинно-следственных связях употребляемой в его ходе аргументации, в способах получать свидетельские показания и определять виновного, а также в чем заключалось сходство и различие этой рациональности по сравнению с европейским нравом того времени. Подход А. Береловича опирается на историческую теорию аналитической аргументации Д. А. Шумпетера[1231]. В нашем случае, как и в теории экономики, права, политических учений, modus demonstrandi может помочь раскрыть устройство логических связей интересующего нас памятника историографии.

Идеологические подтексты сочинений Курбского достаточно хорошо изучены, но и в нашей теме имеется ряд проблем, до сих пор почти не привлекавших внимание исследователей. В первую очередь это проблема политических идеалов А. М. Курбского. В этом направлении в основном проводятся исследования московской политической идеологии середины XVI – начала XVII в. или же диахронные сравнения сочинений, ее излагавших. Мы попытаемся расширить поле дискуссии – сопоставим построения Курбского с политическими доктринами итальянских, французских мыслителей, а также католических историков и политических теоретиков Речи Посполитой, наметив некоторые дальнейшие перспективы, которые ждут исследователей, предпочитающих «прежде эмпирически смотреть на язык, нежели немедленно обращаться к теории и философии»[1232].

Применительно к теме «языковой политики» Курбского особенно важно рассмотреть его труды в связи с той системой языковых соответствий XVI в., которую попытался очертить Мишель Фуко своей книгой «Слова и вещи». Князь Андрей Курбский был носителем особой стилистики, манеры выражать свои мысли, которая была тесно связана с его видением истории и реальности, но как именно – остается вопросом, несмотря на то что существует немало специальных литературоведческих, философских, историографических интерпретаций и лингвистических исследований, посвященных его творчеству, в том числе «Истории». Наша зада-

[1227] *Лихачев Д. С.* Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // ПИГАК. С. 202–212; *Уваров К. А.* Князь А. М. Курбский – писатель; *Freydank D.* A. M. Kurbskij und die Epistolographie... S. 320–321 и сл.; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 165–204; *Шмидт С. О.* О «жестокой летописи кн. Курбского». С. 406–415.

[1228] *Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. Екатеринбург, 2002.

[1229] *Chartier R.* L'ordre des livres. Lecteurs, auteurs, bibliothèques en Europe entre XIVe et XVIIIe siècle. Aix-en-Provence, 1992. P. 8–9, 15–16, 21–22; *Шартье Р.* История и литература // Одиссей. Человек в истории. 2001. С. 162–175. См. также: *Его же.* Письменная культура и общество / пер. с фр. И. К. Стаф. М., 2006.

[1230] См. здесь главу «Экстенсивное чтение».

[1231] *Berelowitch A.* De modis demonstrandi in septidecimi sæculi Moschovia // FOG. Wiesbaden, 2000. Bd. 56. P. 8–46.

[1232] *Pocock J. G. A.* Languages and Their Implications: The Transformation of the Study of Political Thought // Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays on Political Thought and History. New York, 1971. P. 28.

ча здесь в том, чтобы увидеть «Историю о князя великого московского делех» как исторический трактат во всей доступной полноте его замысла и воплощения. Для исторической рефлексии прежде всего необходимо установить аутентичный контекст — понять, чатью какого замысла является эта рефлексия. В кругу каких сочинений на каком этапе (скорее — каких этапах[1233]) творчества возникает текст и как вписывается в круг идей автора. Вторая задача — присмотреться к логико-риторическим особенностям текста, осмыслить прагматическую функцию формальных приемов, которые организуют текст и отвечают (или не отвечают) декларативным целям его возникновения. И наконец, необходимо понять, в каком литературно-публицистическом контексте «История» находит наиболее актуальное звучание.

История в программе Волынской академии

Волынь в 1560-х гг. превратилась в центр православного просвещения. Кн. Андрею Курбскому принадлежит заслуга организации крупного скриптория и подготовки переводов, из которых значительная часть сохранилась в рукописных сборниках. Обращение Курбского и его сподвижников к святоотеческому преданию выявило значительное число пробелов, ошибок и фальсификаций в запечатлевших его текстах. Переводчики волынского скриптория стремились систематизировать имеющиеся переводы, очистить традицию от сочинений сомнительного авторства, восполнить пробелы в православной книжности и ввести в круг четьей литературы недостающие сочинения Иоанна Златоуста, Евсевия Памфила, Иоанна Дамаскина, Симеона Метафраста и других отцов церкви. Западная печатная книжность воспринималась Курбским как достаточно надежная опора для такой реконструкции. Книжная мастерская, организованная им, постепенно перерастала в школу. Князь заботливо выпашивал идею о своей просветительской миссии. Слухи о талантах и учености князя из «Московии» полнят Речь Посполитую и за пределами Волыни, Львова, Вильно и ближайшего окружения Курбского.

Поэты воспевают литовского канцлера М. Ю. Радзивилла за то, что он переманил на королевскую службу блестящего полководца, который происходил из «древнего рода праотцов русичей», был любим «простыми московцами» и «впушал им надежду»[1234]. Не случайно портрет «Князя Курбского Старого», ныне неизвестный, висел в одном из имений Радзивиллов[1235]. Сигизмунд II Август возлагал на Курбского надежды в переманивании московской элиты на королевскую службу, и возможно, эти планы какое-то время осуществлялись, вызвав волну новых преследований в Москве. В Москве подозревают или знают, что одним письмом царю бежавший князь не ограничился. За заботу о теле казненного слуги Курбского схвачен В. В. Морозов — в процессе пыток ему предложено сознаться, что он переписывался с князем Андреем Михайловичем[1236]. По «делу» И. П. Козлова о тайной переписке литовской рады с боярской думой Курбский был главным подозреваемым как организатор провокации[1237]. Когда речь заходит о создании лиги против Османской империи, посланник венского двора аббат И. Цир обращается за поддержкой к московитам кн. А. М. Курбскому и В. С. Заболоцкому, надеясь через них склонить к союзу царя Ивана[1238]. Позднее имя Курбского как первостепенного «государева изменника» неоднократно звучит в переговорах царя Ивана с литовской радой о московской кандидатуре на престол Великого княжества Литовского или Речи Посполитой в 1572 и 1575 гг., в переписке царя со Стефаном Баторием и секретных наказах царя своим послам в 1578–1581 гг. Геральдист Б. Папроцкий пишет о только что умершем князе как о человеке «мудром» или «остроумном» ("mąż był dowcipny")[1239]. А много десятилетий

[1233] См. здесь раздел «Сборник Курбского».

[1234] *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern; Frankfurt / M., 1972; *Каппелер А.* Латинские поэмы... С. 318–325; *Некрашевич-Короткая Ж. В.* События и лица российской истории второй половины XVI — первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского // SSBP. 2012. №2 (12). С. 26 (в основном тексте — перевод Ж. В. Некрашевич-Короткой из эпической поэмы «Радзивиллиада» Я. Радвана 1592 г.).

[1235] Впрочем, как указала нам А. А. Скеньян, портрет Курбского до того, как он попал в Несвижское собрание, мог храниться у Слуцких или Острожских и перейти к Радзивиллам по наследству. См. здесь также раздел «Креатура Радзивиллов» в главе «Социальный статус».

[1236] СК. Л. 99 — 99 об.

[1237] *Соловьев С. М.* Соч. Кн. XVI: Работы разных лет. М., 1995. С. 166, см. также с. 171.

[1238] *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 451–466. См. также здесь *Итинерарий Курбского* за конец 1572 — начало 1573 г.

[1239] Paprocki. S. 871. См. также: *Wolski M.* Inwentarz biblioteki Bartosza Paprockiego z 1585 roku. Przyczynek do biografii oraz poznania warsztatu naukowego pisarza // Narodziny Rzeczypospolitej. Studia z dziejów Średniowiecza

спустя доминиканский монах Ш. Окольский назовет князя «величайшим исследователем московских дел» ("rerum Moschouiticarum maximus indagator"), как будто зная об «Истории о князя великого московского делех»[1240].

Известно также о неоднократно возобновлявшейся богословской полемике кн. Андрея Курбского с виленскими иезуитами в 1574 г.[1241] С кем именно спорил князь Андрей Михайлович и как это связано было с его просветительскими идеалами, мы попытаемся ответить в этой части нашей работы.

Около 1576–1577 гг. в Остроге начал осуществляться проект православной академии князя Константина-Василя Константиновича Острожского, с которой могли взаимодействовать Курбский и его сотрудники. Впрочем, ни одного факта такого взаимодействия нет, это лишь догадка. Я.Д. Исаевич высказывал предположение, что кн. А.М. Курбский сотрудничал с Острожской академией в деле перевода святоотеческих и учебных текстов[1242]. Как именно и каких конкретно текстов — нет данных. Неоднократно звучали догадки, что в Остроге в «Маргарите» 1595 г. были напечатаны переводы «Слов» Иоанна Златоуста, выполненные в кружке Курбского, однако догадки не подтвердились[1243]. Источником исторического трактата Клирика Острожского о Флорентийской унии Курбский пользовался для составления своей «Истории о Осьмом соборе». Точнее, на наш взгляд, допустимо предположение о том, что у этих двух сочинений общий источник, а следовательно — неведомый Клирик и Курбский могли никак не пересечься в исторической реальности, и о связи Курбского с Острогом этот пример ничего не говорит[1244].

И всё же... Может быть, ковельские гуманисты осуществляли проект, похожий на Острожскую академию и на попытки школы, до Острожского предпринимавшиеся православными магнатами Великого княжества Литовского неоднократно? Или пытались создать подобие академии независимо от могущественного киевского воеводы?

Кн. Андрей Курбский драматично описывал духовный голод своего времени и связывал его с тем, что «мы неискусны и учитися ленивы, и вопрошати о неведомых горди и презориви, и аще мало нечто навыкнем, мнимся уже все умети»[1245]. Сам князь «во старости» учится «языку аттическому» (латыни), и это становится предметом восхищения польско-литовских книжников[1246]. В его кружке работают выпускники Краковского университета. Авторитет Курбского как знатока в области образования не может быть случайным и характеризует его религиозные и социальные идеалы[1247]. В ряде своих сочинений он высказывается в пользу заграничного обучения юношей[1248]. В свою «Историю» Курбский включает панегирик Михаилу Лыкову как мученику и ученому человеку, получившему университетское образование в Германии[1249]. Образованные юноши вернулись из плена и были осмеяны в своем отечестве, а потом и погибли. Причем, как и полагается добродетельным шляхтичам, — один от «внутреннего дракона», второй — от «внешнего».

В своих идеалах князь не был одинок на русских землях Речи Посполитой. Будучи коронным подданным и верным слугой короля, на Волыни Курбский встретил самобытную среду, в которой в условиях Люблинской унии административные расхождения с Великим княжеством Литовским и сближение с Короной Польской сочетались с яркой риторической культурой, позволившей местной шляхте обособиться от Великого княжества Литовского и в составе Короны Польской отстаивать свою самобытность[1250]. Лидер волынской шляхетской депутации на Люблинском сейме 1569 г. Г.В. Бокий поразил польских

i czasów wczesnonowożytnych. Kraków, 2012. T. 2. S. 1225–1235.

[1240] Okolski. T. 1. P. 505; *Тимковский В. Ф.* Опыт изследования о жизни, подвигах и ученых трудах князя Курбскаго. Ч. 1: Жизнь князя Курбскаго. 1816 // ОР РНБ. ОСРК. F. IV. №821. С. 261; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 345; см. также: *Dacka I.M.* "Korona Polska" Kaspra Niesieckiego: Pomnik staropolskiego piśmiennictwa heraldycznego. Warszawa, 2004. S. 16–32. Не убеждает одна из последних статей Э.Л. Кинана об образе Курбского у Ш. Окольского. Исследователь считает, что в труде доминиканца интеллектуальные качества кн. Андрея Курбского преувеличены. Однако из всех свидетельств об учености Курбского исследователь выбрал почему-то только наиболее позднее, оставив без комментария упоминания Яна Радвана, Анджея Волана, аббата Иоганна Цира, Бартоша Папроцкого. Ср.: *Keenan E.L.* Was Andrei Kurbskii a Renaissance Intellectual? Some Marginal Notes on a Central Issue // HUS. 2004–2005. Vol. XXVII. N 1–4. P. 25–31.

[1241] Об этом см. в главе «Экстенсивное чтение».

[1242] *Ісаєвич Я.* Українське книговидання. С. 111–112, 119–120.

[1243] См. раздел «Новый Маргарит».

[1244] См. «Приложения Сборника Курбского».

[1245] DJD. S. LI.

[1246] ПИГАК. С. 102; Paprocki. S. 871.

[1247] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 101.

[1248] Там же. С. 100–101.

[1249] СК. Л. 95–96.

[1250] *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną.

магнатов и короля Сигизмунда II историческим познаниями, которыми он отстаивал идею перехода Волыни в состав Короны Польской. Из завещания Бокия видно, что он был книгочеем. При дворе кн. Ю. Ю. Слуцкого еще на рубеже 1560-х–1570-х гг. жили ученые мужи, с которыми Курбский поддерживал переписку, а одного из них — Марка-Умара Сарыхозина перманивал к себе заниматься переводом и хвалился перед ним своими успехами на этом поприще. Не ранее 1576–1577 гг. в Остроге возникла школа, а около 1585 г. — православная академия кн. К. К. Острожского, ориентированная на иезуитские образцы и коллегии кардинала Франсиско Хименеса, но предназначенная для русинов. Специалисты не раз высказывали предположение, что князь Андрей Курбский поддерживал инициативы своего соратника и вельможного патрона князя Василя-Константина Острожского или даже стал инициатором его планов[1251]. Концепция «инициативы Курбского» наталкивается на факт существенных разногласий между ним и Василем-Константином Острожским и особенно — недопущения Курбским «еретиков» к богословским диспутам, в отличие от Острожского, который видел необходимость в антитринитариях в задуманной им школе и академии[1252].

Вне зависимости от степени близости к острожской среде проект Курбского может быть изучен как самостоятельное явление в ренессансной культуре Короны Польской и Великого княжества Литовского. Как уже сказано, со стороны князя Андрея Михайловича неоднократно звучала критика в адрес князя Василя-Константина Острожского. Одна из самых острых дискуссий возникла, когда киевский воевода поручил своему слуге-антитринитарию И. Г. Мотовило написать ответ на памфлет иезуита Петра Скарги «О единстве церкви Божией под одним пастырем» и отправил князю «на Ковле» в 1577 г. оба трактата — Скарги и Мотовило[1253]. Киевский воевода благоволил христианам-реформаторам, а «Миляновический Савонарола» пенял другу, что еретик «далеко горчайши и ядовидши, нежели Арий безбожный»[1254]. Возможно, наставления возымели плоды — «ариани» Мотовило так и не опубликовал у Острожского свои сочинения, а составить ответ на памфлет П. Скарги Острожский поручил не ему, а православному критскому греку Евстахию Натаниелу[1255]. Даже если толкователи Священного Писания были не учителями, а лишь дискутантами, приставленными для обучения православной шляхты и горожан, терпимость к ним была необычным явлением в православном воспитании, а Курбский видел опасность в отступлении русских шляхтичей от веры предков и своими двумя ответными письмами к Острожскому разоблачал разрушительные ереси, причем еще незадолго до того в письме княгине Анне Чарторыйской князь Андрей отмечал допустимость обучения православного шляхтича в Иезуитской академии.

Возьмем на заметку, как в сравнении с высшим духовным преступлением, ересью, на мгновение меркнут недостатки католицизма и ислама. Магометанство осмыслено в сочинениях князя как другая вера, чуждая и враждебная православию. Однако никакой догматической полемики с исламом Курбский не допускает, сводя отношения между ним и христианством к священной войне. Католицизм вызывает симпатию автора, когда он описывает в «Истории» речь борца за свободу Ливонии католика Филиппа фон Белла. В союзе с католиками православные восстанавливают общехристианское книжное предание и борются с новыми ересями. Видимо, критика Курбского в адрес киевского воеводы была признаком глубоких разногласий между магнатами и отражала разное понимание ими перспектив внутрицерковного союза в организации православной школы. Как и острожско-слуцкий ученый монах-московит Артемий Троицкий, князь Андрей противостоял в первую очередь «хулам пышных ересей» — лютеранства и арианства, наряду с прочими реформационными учениями, но не отрицал мысли о договореннности с католиками[1256]. Поддержка Курбским Слуцкого и Острожского накануне создания Острож-

[1251] *Огієнко І.* Історія українського друкарства / упоряд., авт. іст.-біогр. нарису та примітки М. С. Тимошик. Либідь, 1994. С. 188–189; *Немировский Е.Л.* Иван Федоров. М., 1985. С. 159; *Мицько І.З.* Острозька Слов'яно-греко-латинська академія. С. 25; *Шевченко І.* Україна між Сходом і Заходом: Нариси з історії культури до початку XVIII століття / авторизований пер. з англ. М. Габлевич під ред. А. Ясіновського. Львів, 2001. С. 148–149; *Ketra T.* Akademia i drukarnia ostrogska. Biały dunajec; Ostróg, 2006. S. 12–13, 16–19, 40–41.

[1252] Обзор литературы и ряд наблюдений см.: *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький. С. 783–866.

[1253] *Тесленко І.* Мотовило Іван (Ян, Яцько) (* до 1540 — † між 1590 та 1597) // Острозька академія XVI-XVII ст.: Енциклопедія. Острог, 2010. С. 240–241.

[1254] СК. Л. х-182 — х-182 об.

[1255] *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький. С. 784–787. Т. Кемпа допускает, что ответ Мотовило также был издан в Острожской типографии: *Ketra T.* Akademia i drukarnia... S. 44–45.

[1256] *Калугин В.В.* Московские книжники в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI века //

ской академии видна и в том, как князь Андрей вел в начале 1573 г. переговоры о выборах короля с лидером литвинов — могущественным канцлером М. Ю. Радзивиллом, и в самом факте сотрудничества Курбского с православными учеными из Слуцка в 1574–1575 гг.[1257] Дружеские визиты князя Андрея к князю Константину в середине 1570-х гг. и в правление Стефана Батория, а затем и опекунство Острожского над вдовой и детьми Курбского показывают, что их взаимная приязнь с Курбским со временем лишь окрепла[1258].

Писатель-иезуит Петр Скарга, обращаясь к кн. К.К. Острожскому, доказывал, что у православных нет и не будет ни коллегии, ни академии, а язык русинов непригоден для богословия. На глазах у православных Речи Посполитой разворачивались новые методы борьбы за верующих. Государство последнего Ягеллона и первых королей-«электов» было образцом толерантности. Уже в 1552 г. королевским постановлением было запрещено старостинским светским судам выносить декреты по духовным делам, и это положило конец судебным расправам над еретиками. Десятилетие спустя, на сейме 1562–1563 гг., все христианские конфессии получили равные права на территории Великого княжества Литовского, а в январе 1573 г. на Варшавском сейме была подписана «конфедерация», декларирующая равенство прав шляхтичей любого вероисповедания и обязанность короля, кто бы ни был избран на трон Речи Посполитой, соблюдать и охранять религиозный мир. Первая республика веротерпимости возникла всего несколько месяцев спустя после Варфоломеевской ночи во Франции. Впрочем, мир продержался недолго, свертывание реформ началось уже в первые годы правления Сигизмунда III Вазы, с конца 1580-х гг. Король оказывал поддержку иезуитам. Религиозные диссиденты искали поддержку в Короне в окружении канцлера Я. Замойского, а в русских коронных и литовских землях — у кн. К.К. Острожского, в православных братствах мещан и в среде казачества. Коренные перемены произошли, когда был осуществлен проект унии между католиками и православными в Риме и Бресте в 1595 и 1596 гг., внесший раскол в религию «греков» Речи Посполитой.

При жизни Курбского перспективы католической контрреформации пересекались на русских землях с православными инициативами, и борьба за преимущество велась сходными методами под покровительством высокообразованных книжников. Выпады П. Скарги в адрес православных стали вызовом, который был принят православными магнатами и мещанами. Вполне возможно личное знакомство между Курбским и Скаргой. Когда в 1574 г. князь появился в Виленской иезуитской школе-коллегиуме, Скарга уже год как был там вице-ректором и мог лично принять участие в догматической дискуссии с московитом. В 1577 г. Курбский и Острожский серьезно отнеслись к критике иезуитов и должны были приложить еще бо́льшие усилия по созданию школы для православных. В 1579 г. Скарга и Курбский должны были не раз встречаться в свите короля Стефана под Полоцком. Позднее, накануне Псковского похода, летом 1581 г. престарелый Курбский приезжал в Вильну и не мог не интересоваться успехами католического проповедника. Рост влияния Скарги был несомненным — он добился привилея на создание академии в Вильно, стал ее ректором, была открыта школа иезуитов в Полоцке, куда Скарга позднее неоднократно приезжал и на которую возлагал особые надежды в распространении католичества на восток. Курбский и Скарга в те же годы пользовались сходными методами в борьбе за веру: поддерживали религиозные братства мещан и создавали своды популярных житий святых. В распоряжении князя Андрея при этом был сильный аргумент, которого в арсенале Скарге нет: православие — вера отцов, с глубокой древности объединявшая русские земли, истинная и исконная вера воителей Христа.

Проект русской православной академии нигде не был сформулирован, и о том, как могли труды Курбского складываться в программу обучения, можно лишь догадываться. Однако мы располагаем множеством данных, которые могут быть сведены в единый комплекс, в котором переводные и авторские сочинения князя Андрея занимают определенное место. Такие сведения рассеяны по переводным сочинениям Курбского. Свод сочинений Иоанна Златоуста «Новый Маргарит» служит образцом риторического искусства. Красноречие опирается прежде всего на знание грамматики и пунктуации. Составитель начинает свой сборник с далеких от святоотеческой традиции предисловия «История кратка» и учебного сочинения «Сказ о знаках книжных», внушая читателям необходимость языковых упражнений и знания знаков препинания. Перед началом переводческой работы, поясняет князь,

Русское воскресение. URL: http://www.voskres.ru/oikumena/kalugin.htm (дата обращения 07.05.2014).

[1257] См. здесь в главах «Социальный статус» («Креатура Радзивиллов») и «Экстенсивное чтение» («"Литовские" письма Андрея Курбского» и «Апостол»).

[1258] *Соболев Л. В.* Князь К.-В. Острожский...

он склонял «спадки и роды, и образцы, и часы, и иные грамотические чины неотменне и истинне; так и разума нигде ж разтлех, бо престерегах того со великим трудом и прилежанием, также и знаки книжным обычаем поставлях»[1259]. Только после получения «словесных» навыков и проявления себя «в делех добрых» человек может считаться совершенным, «а про то иных учити просвещати может»[1260]. Глаголы «учить» и «просвещать» значат в данном случае — переводить, переписывать и писать книги. Однако их семантика значительно шире. Пунктуация и синтаксис отнесены в грамматический раздел тривиума, и вторая глава «Нового Маргарита» выполняет как роль списка условных обозначений, так и пособия на пути к идеалу образованности. Эти разделы не заинтересовали современников - подготовителей сводного рукописного «Маргарита», однако для самого князя Андрея Михайловича первые две главы книги могли определять ее положение в большом ученом проекте. Сборник с «Историей» Курбского обращается к «Новому Маргариту» чаще, чем к любой другой книге из его книгописной мастерской.

Конечно, «Слова» Иоанна Златоуста содержат и наставления к христианскому рыцарю. Воин-полемист должен уметь защищать себя крестом, ибо Царь Небесный «не щит дал, не шолом, не стрелу, не панцырь, не сапоги», но нечто более крепкое — крест как «знамение преодоления»[1261]. Христианский учитель призывает своих слушателей: «Во твоем сражению вкупе Господь сходит, Господь сражается, Господь воюет, а преодоление тобе бывает восписано. Воевание твое - Божие воевание есть. Брань твоя — Христова брань есть. Чему трепещеш, чему ужасаешся, якобы твоею силою одолел. Прийми зброю, гряди на брань, храбре сражайся, ижебы при сражающим был. Он, иже не знает иеединаго преодоления, не может тот достати стратижства. Который бы супостата не могл победити, не може цареви приятный быти, кто бы супостаты женоугодным обретался, ани врага могл бы одолети, развие кто бы мужественне произволил братися. Одоление рыцеря — убиение супостата, а убиение супостата — почесть есть стратига»[1262]. Знание для Курбского — это поле битвы между истиной и ложью, светом и тьмой. Просвещение имеет для московских современников кн. А. М. Курбского богословско-полемический смысл. Каждый шаг в обучении приближает человека к свету христианской истины и опровержению еретиков и хулителей Господа. Грамматика и риторика, владение языками богословия греческим, латынью и славянским служат первым таким шагом. Начинать обучение, по Курбскому, необходимо с чтения Священного Писания, которым при участии князя до 1581 г. занимался его знакомый, видимо еще с московских времен, — Иван Федоров.

Последующее образование позволит лучше усвоить прочитанное и при необходимости опровергнуть ложное толкование, а для тех, кто проходит полный курс обучения, открывает возможность самостоятельно учительствовать. В «премудрой» «Диалектике» Иоанна Дамаскина, переведенной в кружке Курбского после «Нового Маргарита», князь находит «яко бы зерцало церкви, и щит, альбо бронь крепкую ото всех еретиков»[1263], а богослова он видит «стояща яко истинаго поборника церкви божии, всего вооруженна зброею светлою и крепкою паче солнца сияющею, сиречь догматы пресветлеишими апостольскаго правоверия, и меч обнажен обоюдуостр в руце держаще, сиречь глагол божии, и сице еретические роды посецающе, сам же в догматех благочестия непреодолим бывающе, а правоверным многое утешение и неизреченную радость и веселие и надежду изливающе»[1264]. Такой же «арсенал» сравнений возникает в предисловии к тому «Иоанн Дамаскин» при вторичном обращении к теме обучения книжным искусствам. Учителя, пишет Курбский, «яко бы град твердыи на превысочаишеи горе, догматы благочестия нам оставили со бесчисленными различными обронении, сиречь, непреодолимыми свидетелствы, яко с пращами огнистыми направили, и яко луки крепкие и стрелы в тулех готовые положили и уготовали, писания свои, по потреба с тех таковых кому действовати и стреляти?»[1265] Оружие для борьбы давно готово, но современники не знают, как его использовать. В глоссах

[1259] NM. Bd. 1. F. 7. Опущена одна сноска.

[1260] NM. Bd. 1. F. 7v.

[1261] NM. Bd. 2. F. 196.

[1262] NM. Bd. 3. F. 334v–335. В цитате опущено четыре глоссы, впрочем, весьма важных для языка Курбского. В глоссах князь приводит толкования к словам «восписанно» — *возложенно*, «зброю» — *панцыр*, «стратижства» — *гетманства* и «рыцеря» — *воина храброго*. В агиографическом своде слово «рыцерь» используется для перевода лат. *athleta*, а в глоссе Курбский или его сотрудник поясняет: «внтезя, або храбраго воина повеления» (*Калугин В. В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 29). Ниже мы вернемся к этим понятиям.

[1263] DJD. S. LI, LV–LVI. См.: Пс. 83: 12; Прит. 2: 7.

[1264] DJD. S. LIII.

[1265] DJD. S. LV–LVI. В «Истории» о советниках, входивших в Избранную раду, со ссылкой на Соломона говорится, что царь ими был, как «град претвердыми столпы утвержен» (л. 7 об.; ср.: Прит. 11: 10–11; 25: 28).

к «Богословию» читатель найдет комментарии переводчиков о ересях Оригена, Нестория, Ария, Юлиана, Гая, Мани и др. Истинное православие окружено лжеучениями и возможно только в борьбе с ними с помощью всего философско-диалектического арсенала, который был доступен книжнику XVI в. В этих целях в конце 1570-х гг. в кружке Курбского была переведена «Логика» ("Erotemata trivii") Иоганна Спангенберга («От другие диалектики Иоанна Спанинбергера о силогизме вытолковано»), которую Курбский рассматривал как пособие по диалектике. В «Сказе Андрея чего ради сии написаны» читателю предложено научиться использовать силлогизмы, отличать правду от лжи, верить правде и истине, защищать правду перед ее противниками и «уста им заградити праведными оными силогизмами», а также научиться оспаривать суждения еретиков вслед за святыми мудрецами, которые «все оные ереси обличили, и посрамили, и довели на оных право глаголющими силогизмами, иже оные еретицы словесною силою ложне и неправедне действуют»[1266]. В книгописной мастерской Курбского «Логика» была приложена к догматическому тому, а затем напечатана в виленской типографии братьев Мамоничей[1267].

Как следует из предисловий Курбского к «Новому Маргариту» и тому «Симеон Метафраст», князь считал, что «век звериный» уже наступил, и воевать против дьявола может лишь тот, кто достаточно хорошо вооружен, чтобы отбивать его стрелы, искоренять плевелы и пресекать «хитролесные злокозньства»[1268]. Запрет читать и недоверие к книжности в Русской земле, призывы к «смирению лицемерному» и к индульгенциям воспринимаются им как торжество лживых пророков, как происки дьявола[1269]. Образованные и искусные мыслители должны взять на себя миссию духовенства[1270] — обличать и исправлять, устранять «ласкателей» и «совратителей». Если в царстве нет противодействия тирании, правители «не токмо сами всеродне ищезают, но и царства погубляют»[1271]. Князь Андрей любит цитировать библейские стихи о пользе обличения[1272]. Ни Джону Фешелу, ни В. Б. Кобрину и Я. С. Лурье не удалось обнаружить источник цитаты в Третьем послании Курбского Грозному, якобы заимствованной из пророка Исаии: «Лутчи, рече, лоза или жезл приятеля, нежели ласкательные целования вражии»[1273]. То, что текст Курбского не является, видимо, прямой цитатой, не исключает очевидной связи отрывка с текстом Исаии. В цитировании присутствуют элементы истолкования. Лоза и жезл — символы власти, которые карающий Господь может передать в руки врага[1274]. Таким образом, и смысл отрывка может быть несколько иным, чем в том случае, если автор действительно вновь обращался к словам Притчей: исповедник царя Сильвестр, имея власть над духовным сыном («казняще и наказующе»), лучше для царя, чем льстецы («человекоугодники»).

Как полемист-просветитель, Курбский создает комплекс переводов, оснащенный авторскими «сказами» предисловиями и послесловиями, в которых обсуждается назначение переведенных текстов. Общая задача — оснастить христианского воина оружием истины — решается благодаря поэтапному обучению. Общим делом для Миляновичей и Острожской академии была подготовка сводной Библии, которой в 1581 г. суждено было стать первой полной Библией, опубликованной типографским способом на русском-рутенском языке. «Новый Маргарит» закладывает риторическую и грамматическую основу начального тривиума, а также наставляет читателя с помощью образцов святоотеческого красноречия[1275]. Философско-догматическое об-

---

[1266] *Eismann W.* O silogizme vytolkovano. S. 72, 74, 76.

[1267] *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: свод. каталог: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 715–716, рис. 102.1–102.7; *Харламнович К. В.* Новая библиографическая находка. Переводная статья князя А. М. Курбского «От другие диалектики Иона Спанъингъбергера о силогизме вытолковано». Киев, 1900; *Зернова А. С.* Типография Мамоничей в Вильно (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. М., 1959. Сб. 1. С. 184–187; *Гаврюшин Н. К.* Премудрая святая диалектика. «Философские главы» преподобного Иоанна Дамаскина на Руси. Нижний Новгород, 2003. С. 57–59. См. также здесь в главе «Экстенсивное чтение».

[1268] БЛДР. Т. 11. С. 584.

[1269] DJD. S. LIV–LV.

[1270] Духовенство и монахи в трудах Курбского неоднократно подвергаются упрекам в необразованности, забвении своего долга обличения и заступничества, в ложном учительстве, стяжательстве и угодничестве (NM. F. 412v. Anm. a; DJD. S. LVI; ср.: Иер. 5: 30–31).

[1271] DJD. S. LVI.

[1272] ПИГАК. С. 108 (л. 142 — 142 об.), 115 (л. 156); DJD. S. LVI; см.: Прит. 9: 8–9; 12: 1–3; 19: 20, 25; 27: 5–6; 28: 23.

[1273] ПИГАК. С. 115 (л. 156).

[1274] Исайя 3: 1; 9: 4, 14; 10: 5–6, 15, 24–26; 11: 4; 14: 5–6; 36: 6; 42: 3–4.

[1275] Тривиум в середине XVI в. не столь актуален, как часть единой системы artes liberales. Его основа доходит до Миляновического кружка и Острожской академии в сильно модифицированном виде и никогда не образует части определенной программы. В этом смысле предположение Т. Кемпы о программе Острожской академии по схеме тривиума и квадривиума является лишь догад-

разование читатель получает, освоив том «Иоанн Дамаскин». Древнее благочестие и жития святых книги «Симеон Метафраст» и второй части Сборника Курбского с «Историей о осьмом соборе» развивают в христианском воине этические представления, служат образцом для подражания, наставляют на целомудренный и праведный образ жизни.

Не был ли Сборник Курбского с «Историей» и посланиями князя московскому царю частью программы воспитания православного воина-полемиста? Не заложена ли в авторских сочинениях Курбского неявная, имплицитная программа, которая могла бы стать частью более обширного учебно-научного замысла? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к Сборнику Курбского и понять, как соотносится полемика князя Андрея Михайловича с Иваном IV с теми целями, которые сформулированы им в переводах отцов церкви, и в чем назначение «Истории». Прежде всего, в чем отличие «Истории» князя Андрея Курбского от более ранних форм московского историописания?

Предположения о том, что автор рассчитывал на прочтение своего труда московским царем, окружением польского короля, другими московскими или польско-литовскими государственными деятелями, пока не имеют надежного подтверждения. Судя по замечаниям Курбского, к его потенциальной аудитории одновременно принадлежали и изощренный в грамматике и риторике выпускник европейского университета, способный воспринять лингвистические и богословско-философские экскурсы, и изнеженный малоопытный воин, плохо подготовленный к духовному и военному рыцарству. «История о князя великого Московского делех» как целое представляет собой занимательный и поучительный рассказ, призванный ответить на настойчивые вопросы этого двуликого слушателя, говорящего по-русски и скорее юного.

С позиции мемуариста и обозревателя Курбский ссылается в «Истории» на Московскую Русь как на «тамошнее царство» и «тамошнюю Рускую землю»[1276]. О своем двоюродном деде Семене Курбском он пишет, что о нем «и о святом жителстве его не токмо тамо Руская земля ведома, но и Герберштеп, нарочитый муж цесарский и великий посол на Москве был уведал, и в кройнице своей свидетелствует, юже латинским языком, в Медиоляне в славном граде будучи, написал»[1277]. Для Курбского Русская земля с Москвой расположена *там*, тогда как Сигизмунд Герберштейн, работающий в Милане над своей хроникой, в каком-то смысле — в пространственной оппозиции к *там* — оказывается *здесь*. Дистанцирование от покинутого отечества особенно отчетливо видно из лексических примечаний Курбского: «...предний полк, а тамо обыкли его звати яртаул»[1278], «стратилатове, а по их воеводы полков»[1279], «правый рог (а по их — правая рука)»[1280]. Все эти «тамо» и «по их» обозначают для читателя московские реалии как чужие. Изгнанник вынужден довольствоваться неточными сведениями о покинутом отечестве, а остальное оставить «да лепшей памяти тамо живущим»[1281]. В плаче о М. И. Воротынском противопоставление тамошнего и здешнего выражено наиболее полно: «Велия и преславная суть память твоя блаженная, аще негли недостаточна во оной, глаголю, варварской земле, в том нашем неблагодарном отечестве, по зде и везде, мню, в чюждых странах паче, нежели тамо преславнейша»[1282]. Курбский считает Русскую землю «нашим отечеством» и даже отождествляет всех страдающих от московской тирании со «всеми нами»[1283]. Однако его адресат находится не «тамо», а «зде» — в Речи Посполитой или даже только в ближайшем окружении автора. Этот адресат локализован таким же образом, как и в поздних сборниках из волынской книгописной мастерской Курбского. Согласно предисловию к «Диалектике», «во оной Руской земле, яже под державою московского царя» юношей отучают от чтения книг[1284]. В заключительных словах «Краткой повести о Симеоне Метафрасте» говорится о ложном благочестии: «И якоже и в здешних землях негде удержаться, паче на подкорю соборы их волочатся, такоже и во оных руских пределах, ихже зде обыкли нарицати Московскою землею, таковые непохвальные на прелесть человеком обретаются»[1285]. Инга Ауэрбах настаивает, что Курбский «подчеркивал свою московскую идентичность и продолжал рассматривать себя как Великоросс из Московского государства»[1286]. Если судить

кой, которая распространяется на вопрос о школе Курбского с тем же элементом сугубо логического допущения. См.: *Kempa T.* Akademia i drukarnia... S. 22.

[1276] СК. Л. 68, 111 об.

[1277] СК. Л. 2 об.

[1278] СК. Л. 14.

[1279] СК. Л. 14 об.

[1280] СК. Л. 15.

[1281] СК. Л. 78 об.

[1282] СК. Л. 90.

[1283] СК. Л. 68.

[1284] DJD. S. LIII.

[1285] БЛДР. Т. 11. С. 586.

[1286] *Auerbach I.* Identity in Exile. P. 13.

по литературным сочинениям Курбского, его идентичность не может быть освобождена от дихотомии: *тамошнее отечество – здешняя чуждая земля*. Среди читателей и слушателей Курбского, скорее всего, есть его соотечественники, для которых здешняя земля чужда, а тамошняя — отечество, то есть и «зде живущие издавна под свободами християнских кролей»[1287].

Читателями Курбского могли быть его ближайшие друзья и сподвижники по переводческой деятельности, у которых была возможность спрашивать у эмигранта о московских делах «с великим стужанием», «многожды»[1288]. Во вступлении к сочинению сказано, что это «светлые мужи», и далее в «Истории» это определение отнесено и к замученным в «тамошней» Русской земле «благородным светлым» «мужам и юношам». Подразумеваются в первую очередь «светлые в родех», и Курбскому приходится специально оговориться, что они «светлые» не только по происхождению, но и «во обычаех»[1289]. Вполне согласуется с этим и отвечает общим задачам истории по Курбскому тот факт, что «пресветлыми» и «светлыми» в других контекстах «Истории» названы знатные роды, победы христианских войск и их воеводы, а также Сатана до своего низвержения. Круг читателей и слушателей трактата, таким образом, может быть ограничен знатными сотрудниками Курбского. Среди них возможно присутствие «научненнейшего юноши» переводчика бакалавра Амброджия Шадковия, который совместно с Курбским провел значительную работу по переводу наиболее цитируемого в «Истории» четьего свода поучений Иоанна Златоуста «Новый Маргарит» («на великие праздники владычни»)[1290]. Другой наиболее вероятный адресат — сотрудник кружка в переводе сочинений Иоанна Дамаскина кн. М. А. Ноготков Оболенский, роду которого в «Истории» посвящено два значительных раздела княжеского мартиролога[1291]. Курбский поддерживал творческие отношения с некоторыми другими выходцами из Московской Руси. От старца Артемия и его учеников он узнал часть повести, вошедшей в житие Феодорита; совместно с Тимофеем Тетерипым и Марком Сарыхозиным Курбский составил в 1564 г. послание воеводе М. Я. Морозову[1292], причем Тетерины были его соседями по упитским имениям Великого княжества Литовского[1293], а ученика старца Артемия, Умара Сарыхозина Курбский называл, почти как адресата «Истории», *юношей светлых обычаев навыкшим* и переманивал к себе на переводческие работы от кн. Ю. Ю. Слуцкого[1294].

Представления князя Андрея Михайловича о задачах истории почти полностью совпадают со взглядом на эти задачи Семпрония Аселлия: история должна показать цели и причины событий таким образом, чтобы склонить читателей защищать отечество и остерегаться совершать зло[1295]. Наиболее страшное для республики сочетание злодеяний и военной угрозы обнаруживается в тирании. Курбский напрямую связывает внутреннюю тиранию и нарастание угрозы внешней тирании. Тема борьбы против тиранов была открыта для публичного обсуждения итальянской политической мыслью в эпоху Дученто. Альберто Муссато во введении к своему труду "Ecerinis" выступает с призывом бороться против тирании, за самоуправление и воспевает в драме борьбу против «дикой тирании» Эццелино Падуанского, отмеченной «тюрьмами, муками, пытками, смертями и изгнанием»[1296]. Острота политических деклараций усилилась в сочинениях позднего Тричento и раннего Кватрочento, когда особенная угроза для республиканского строя исходила от войск наемников, нередко обращавших свое оружие против тех, кого они сначала защищали. Военная доблесть и повинность каждого гражданина встать на защиту республики особенно много обсуждались флорентийской политической мыслью XIV–XVI вв.: Колуччо Салютати, Леонардо Бруни, а следом за ними Джироламо Савонарола, Доменико Чекки, Марио Саламонио, Никколо Макиавелли, Франческо Гвиччардини[1297].

Защиту отечества Курбский тоже считает обязанностью каждого благородного человека. Как цель венчания на царство, по его мнению, в том, чтобы возвысить милостивого судью и образцового защитника республики, так цель каждого подданного царя — освобождать из плена православных христиан и отдать жизнь за своих единоверцев. Подробности о ранениях и смер-

[1287] СК. Л, 113.

[1288] СК. Л. 1.

[1289] СК. Л. 1, 3 об., 78 об. — 79.

[1290] NM. Bd. 1. F. 7.

[1291] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 17–20; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 34–36.

[1292] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 48.

[1293] Опись документов... Вып. 8. Стб 166. 1594 г. № 114.

[1294] БЛДР. Т. 11. С. 518–522.

[1295] СК. Л. 78 об. — 79; ср.: *Kelley D. R.* Faces of History. P. 52.

[1296] Цит. по: *Skinner Q.* The Foundations... Vol. 1. P. 38–39, 77, 109.

[1297] *Skinner Q.* The Foundations... Vol. 1. P. 76, 78, 129–131, 147 ff, 200.

ти Ивана Курбского, бросившегося в гущу врагов спасать брата, заканчиваются восклицанием: «Паче мне зело был превозлюблен. И воистинну волел бы за него душу свою положити и животом своим здравие его откупити...»[1298] Обратные примеры столь же правоучительны: один из них — малоопытный воин-читатель «Истории», другой — царь Иван, который, поддавшись на увещевания злых советников, деградирует и превращается в труса: «...бегун пред врагом и хропяка»[1299]. Наивысшими добродетелями воина Курбский признаёт храбрость и мужество. Им противопоставлена не только трусость, но и лесть, пример которой — обычай западных полководцев проводить ночи «над карты седяще и над прочими бесовскими бредпями»[1300].

С другой стороны, ученый человек только тогда подтверждает свой талант, когда мудро управляет или советует мудро управлять республикой и противостоит неограниченной власти. Показательно, что в панегирике Лыковым Курбский заявляет, что самый достойный поступок для образованного человека — погибнуть от мучителя, перед которым он отстаивает правду. Как и в «Сказе» к переводу «Логики», в «Истории» Курбский убеждает в том, что обязанность образованных людей — опровергать еретиков и отстаивать правду перед ее противниками. В этой идее соединяются политический и образовательный идеалы историка. Тирания в представлениях Курбского страшна как со стороны внешнего, так и внутреннего врага. Подтверждением этой идеи служат действия *двух драконов*, угрожающих свободе Русской земли, – крымского хана и царя Ивана Васильевича. Адресат «Истории», по мнению ее автора, ошибочно полагает, что внешний дракон страшнее внутреннего. Курбский старается показать читателю, насколько опасен для республики тиран-правитель, проводя параллель между ним и внешними врагами христианства и еретиками. Борьба за республику как оружием, так и мудростью, согласно «Истории», преследуют общую цель предотвращения и низвержения любой тирании. В этом качестве история выполняет роль свободной гражданской науки, призванной сформировать идеального человека, в том же смысле, в котором Пьетро Паоло Верджерио говорил об истории в ряду *artes liberales*, а Кристофоро Ландино приписывал ей способность разжечь в народе «вражду к злоумышленникам и, наоборот, усмирить его гнев против добрых граждан»[1301].

Заставка Сборника Курбского начинается словом «История». Для московской книжности второй половины XVI в. такое заглавие труда, посвященного актуальной жизни или событиям недавнего прошлого России, было бы исключением из правил. Обычными видами повествования о прошлом там были «хронографы», «летописцы», «временники». Новшеством во второй половине 1550-х — 1563 г. была «Степенная книга», получившая распространение лишь в конце XVI в. Ее открывает «История сиречь повестник о епископиях», представляющая собой краткий список епархий русской церкви. Так называемая «Казанская история» вплоть до середины — второй половины XVII в. бытует под названиями «Сказание вкратце», «Казанский летописец» и т. п. Новатором исторических жанров в первой половине выступил Максим Грек. Он ссылается на «истории» Ветхого Завета и христианские «истории» IV–V вв., но упоминает лишь о «летописчих книгах», когда обращается к прошлому Русской земли. На словарно-лексическом уровне понятия «история», «хронограф» и «летописец» были разграничены между собой в толковых Азбуковниках, возникших в окружении Максима Грека в первой половине XVI в. и получивших широкое распространение уже к концу XVI в. Курбский, различавший поэтику хроники и истории в соответствии с античными риторическими рекомендациями, известными ему как из русских Азбуковников, так и из европейских энциклопедических словарей XVI в., старательно соблюдал жанровые различия, добиваясь соответствующей историческим жанрам темпоральной организации, используя в каждом случае свои приемы построения сюжета и героику. Полностью избегая точных датировок в значительной по объему «Истории» и нарочито приблизительно указывая известные факты, Курбский следует предписанию отличать историю от хроники и летописи[1302].

Для его «Истории» характерна особая синтаксическая организация, находящая соответствия в «Сказе о знаках книжных» «Нового Маргарита». Помимо экскурсов в семантику, использования прямой и косвенной речи, а также просодических периодов, в тексте предусмотрено

[1298] СК. Л. 30 об.
[1299] СК. Л. 74 об.
[1300] СК. Л. 9.

[1301] Цит. по: *Брагина Л.М.* Итальянские гуманисты XV в. о культурно-исторических традициях средневековья // Культура Возрождения и средние века. М., 1993. С. 46.
[1302] Об этом см. в нашей монографии «Император Святой Руси».

использование скобок для отступлений, пояснений и сентенций. В перформативной организации «Истории» можно проследить несколько взаимосвязанных уровней. В архетипе текста содержится 5 заставок, 942 инициала, 181 глосса[1303].

Попытаемся понять сюжетные принципы Курбского, опираясь на структуру его текста. В наиболее близких к протографу списках «Истории» в первой части совершенно отсутствует рубрикация текста помимо инициалов. Есть только два обозначения разделов, но лишь в глоссах и скорее как указательные пометы: «Конец казанскому взятью»[1304] и «Зри о Селиверсте и о Алексее Адашеве»[1305]. Существенным для изучения структуры «Истории» может оказаться то, что первая помета сокращенно передает завершающие слова повести («сие конец краткого писания о казанского великого града бусурманского взятью»), а вторая начинается с глагола «зри», и, таким образом, обе глоссы, вероятнее всего, не могут рассматриваться в качестве рубрик к авторскому тексту. Во второй части таким же образом завершается княжеский мартиролог («сих великих памятью могл обьяти написах о княжецких родех»), к которому также нет рубрики, но оставшаяся часть «Истории» разделена заставками на четыре раздела[1306]. Второй и третий мартирологи (включая разделы, посвященные И. П. Федорову, боярам и дворянам, митрополиту Филиппу и Феодориту) составляют особые, написанные позднее части «Истории», причем в них попали представители княжеских родов и значительное по объему житие духовного отца Курбского Феодорита Кольского. Это произошло вследствие переосмысления автором своих творческих планов[1307]. Поздние разделы второй части «Истории» были подвергнуты особой рубрикации, в то время как у хроники она отсутствует. Сочинение Курбского по своей структуре подобно современным ему политико-этнографическим эссе о Московии Альберта Шлихтинга, Мацея Стрыйковского и Александра Гваньини, но ее основной текст по своему строению не слишком отличается от «порционной» композиции повествования, которая была популярна в современной Курбскому европейской историографии. Вероятно, Курбский снабдил рубриками последние разделы своей «Истории» уже после того, как в 1578 г. был опубликован трактат Гваньини «Описание Европейской Сарматии» ("Sarmatiae Europeae Descriptio"), где в разделе "De magni Moscoviae ducis Joannis Basiliadis tyrannide" повествование о жертвах Ивана Грозного разделено на краткие рубрики. В этом отношении воздействие ренессансных историографических моделей на Курбского было постепенным и опосредованным. Разделение истории как целого на короткие эпизоды было известно ему и раньше, но по каким-то причинам использовано только в конце работы над книгой.

«История» — памятник, рассчитанный на публичную декламацию. С ювелирной точностью соотносит Курбский объем обеих половин текста, каждая из которых написана в особом жанре и завершена поучением. Оба поучения отвечают на послания Ивана Грозного и построены как судебные речи, подготовленные к встрече с царем на Страшном суде. Двухчастная структура текста проявляется также в зеркальном определении царской власти: в первой части «нашей» в противопоставлении с «их» — мусульманскими, неверными — царями; а во второй части «их» — опричников, царских приспешников, иосифлян — властью в противопоставлении с «нашим царем» Иисусом Христом. Для лучшего изображения врагов православия Курбский использует в качестве метафоры двух драконов, первый из которых «внешний», второй, еще более страшный, — «внутренний». В первой части представлена борьба православных воинов с внешним драконом в образе мусульманских орд, во второй показана тирания внутреннего дракона — царя Ивана. Первая часть, в которой соблюдается приблизительный хронологический порядок, призвана осветить верную службу невинно казнимых приближенных царя. Она написана в летописной традиции, но с сильным влиянием историографического и мемуарного жанров. Во-первых, действующим лицом там часто является автор или те, с кем он ассоциируется, что достигается с помощью местоимения «мы». Во-вторых, изложение не содержит летописной годовой сетки. В-третьих, отдельные разделы первой части автор называет «историйками». Вторая часть — это одновременно и история, и расширенный помянник, дополненный пространными похвалами и плачами. Она завершается полномасштабным житием страстотерпца, дающим ответ на заявления царя о том, что в Московской Руси отсутствуют гонения на правоверных и новые мученики за веру.

[1303] Эти цифры могут быть незначительно уточнены после систематической реконструкции архетипа первого и второго изводов «Истории».

[1304] СК. Л. 30 об.

[1305] СК. Л. 67 об.

[1306] СК. Л. 93, 93 об., 103 об., 113.

[1307] Подробнее см. здесь ниже в разделе «Сборник Курбского» и в нашей монографии «Сборник Курбского: исследование книжной культуры».

Цитат из писем и документальных текстов в «Истории» нет, хотя в распоряжении историка были по меньшей мере письма царя Ивана IV. Это отличает «Историю» Курбского от известной и частично переведенной им «Церковной истории» Евсевия Памфила. Зато в «Историю» Курбского вставлены многочисленные речи и краткие обращения героев. Словесное искусство А. М. Курбский считает признаком мудрости, и в то же время сами речи важны для него как участие в истории. Образцом риторического искусства для Курбского являются речи Максима Грека, который «не токмо в риторском искусстве мног, но и философов искусен»[1308]. Самой большой в «Истории» является застольная речь ливонского лансмаршалка Филиппа фон Белла, который в плену у противника излагает историю Ливонского ордена и показывает причины его упадка. Католик подает пример православным своей стойкостью в вопросах веры и полным неприятием реформационных учений. Разбирая ключевой для «Истории» вопрос относительно того, насколько царь соблюдает православие, Курбский приводит его слова как убедительное доказательство подлинных религиозных представлений Ивана IV. Риторические обращения Курбского к своим читателям, царю, Вассиану Топоркову и другим героям призваны обозначить присутствие Курбского как заступника, обличителя и вообще действующего лица его «Истории». Ориентирами для него служат историографические образцы, испытавшие на себе влияние цицеронианства. По меньшей мере дважды в Сборнике Курбского встречаются непосредственные и весьма почтительные ссылки на Цицерона: первый раз в глоссе о том, что царь Иван превратился, как Катилина, во врага "amicorum suorum"[1309], второй раз в приложенных к Третьему посланию Грозному переводах II и IV частей "Paradoxa" с нехарактерными для переводчика-буквалиста модификациями в терминологии, относящейся к «государственной измене»[1310]. Оба раза читателю предлагается сравнение царя Ивана с Катилиной. Это сравнение подталкивает читателя к тому, чтобы он встроил тиранический заговор царя и его приспешников в республиканский контекст. Цицерон — знаковая фигура для политической мысли Ренессанса начиная с Дученто. Брунетто Латини, Ремиджо де Джиролами, Бартоломео Луккский, Марсилио Падуанский провозгласили его борьбу против Катилины подвигом, совершённым против тирании и во имя гражданских свобод[1311].

На уровне структуры (архитектоники) архетип «Истории» испытал влияние печатной книжности и выразил представление книжника второй половины XVI в. о сегментированном, «порционном» чтении. Автор разбирается не только в «знаках книжных», но и в правилах организации страницы в тексте для удобного чтения. Он дробит текст на разделы, обособляет смысловые периоды инициалами, оставляя читателю возможность произносить отрывки вслух, обращаясь к нему лично, поучая его и призываясь ему в своих недоработках и забывчивости. Текст «Истории» написан в уникальном для московского контекста (включая «воинские» повести) жанре речи — сеймовой, походной или застольной. Это и «речь»-завещание, свидетельство христианского воина перед Господом о своих деяниях и «делах великого князя московского». Поучение слушателя имеет воспитательную цель, которая названа и в сборниках переводов Курбского — наставить шляхтича на путь христианского спасения, привить ему понимание того, что в общественной жизни он должен следовать своему душеспасительному идеалу, защищая веру и христианское отечество от врагов, и прежде всего от «двух драконов».

Логика истории

История, согласно одной из норм античного красноречия, должна изучать причины событий. Рубеж между средневековьем и Новым временем составляет в этом смысле не появление или возвращение понятия причины: древнерусская культура располагала категориями *вина*, *начало*, союзами *зане*, *поне*, *яко*, *бо*, *ибо*, *елма*, *ано*, а также другими средствами для обозначения причинно-следственных связей. В летописании каузальность скрыта в самой последовательности рассказа, летописец объясняет события, скрывая интерпретацию за имплицитной повествовательной логикой — в порядке предикативных единиц нарации внутри сообщения, указаниях на цель, виновников, последствия событий. Летописцы искали причины событий и делали предположения относительно их последствий, обобщали

[1308] СК. Л. 32 об.

[1309] *Курбский А.М.* История... С. 122 (л. 70. Примеч. 2*).

[1310] *Балухатый С.Д.* Переводы кн. Курбского и Цицерон // Гермес. Пг., 1916. №5–6. С. 109–122; *Freydank D.* Zwischen griechischer und lateinischer Tradition. S. 809–815; *Горфункель А.Х.* Книжная культура в письмах кн. Андрея Курбского // Palaeoslavica. Cambridge, 1998. Vol. 6. С. 90–91.

[1311] *Skinner Q.* The Foundations... Vol. 1. P. 54–55, 84 и сл.

от безбожнаго Батыя за то иже Христа Бога истиннаго нашего и Христа Бога про-
мучителства сильныя и грозныя со дерзновением проповеда, но и тѣ
сродницы святаго прави(те)лѣ вышнѣишему предложени суть потреба-
шая неповинныя пострадавшим за Христа и предстали им мучени-
ками. Тогда же убие оного княжа со всем домом Александра
глаголемыи Горбатои со единочаданным его сыном Петром семнадцатилѣтне
во рота аки всеми на десяти лѣт и того дня убие и шу-
рина своего Петра Ховрина мужа грецкаго роду зело благороднаго и богата
сына подскарбия земскаго апотала и брата с ним Михаила Петровича.
Оного Александра Горбатого помяну пишучи последи оба за-
пишу исправою. Бо от тех княжата Суздальския влекомы от роду
великаго Владимира и бяше на нем власть старшаго роднаго
меж всеми княжаты боле двухсот лѣт. И сладце они к единой
Андрѣй княжа Суздалский с воиною рода Адамаря на нем
святаго Онего ж пастами и всими княжата частые звы
дашания олучше от сознание в(ѣ)б(о)топичной и нзверхной
ноитои ново убиенныи Александр муж глубокаго разума
и дивныи зело вдосныи вещах и Христом доиз доводател-
щающи свящ(ен)ных писаний ино приамо смерти и работник
знаменали быша неповинни оного последни ино ... Христа
живаго. И глава его прото бывшие неко зрящих
сѣта уже приведены и ... последни то за ... наго

О князю Александре Горбатом

Ковшак

[illegible] ... князь ... [illegible]

«История» князя Андрея Курбского. Москва. Российская государственная библиотека. Список НИОР РГБ, собр. Н. С. Тихонравова № 639. Л. 464.

некоторые типы происшествий, обычно вытекающих из происшествий определенного толка или им предшествующих. Их европейские современники находили в исторической парракции «естественный порядок событий» (*ordo naturalis*) и логико-философский «порядок истолкования» (*ordo artificialis*), объединяя оба «порядка» в «знании посредством возведения к причинам» (*scientia per causas*)[1312]. Что изменилось или какой семантический сдвиг произошел в этих «порядках» с приходом в историческую культуру Ренессанса?

Различия между общими задачами исторического повествования у А. М. Курбского и московских официальных летописцев его времени незначительны. Никоновский летописный свод конца 1520-х гг. и Воскресенская летопись начала 1530-х гг. начинаются «Повестью временных лет» и словами «Откуду пошла Русская земля и кто в ней преже нача княжити и откуду Русская земля стала есть»[1313]. Вопросом *откуда* задается вместе со своими «светлыми мужами» и Курбский в своей «Истории»: «...откуды сия приключишася так прежде доброму и нарочитому царю»[1314]. Уже в Повести об Избранной раде говорится, что советник царя Сильвестр «отсылает и отделяет» от царя «всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся от Сатаны»[1315]. Новое несчастье «приключишася таково то воистинну», что царь все-таки приехал к старцу Вассиану Топоркову, несмотря на увещевания Максима Грека[1316]. Еще раз в рассказе о падении нравов в Речи Посполитой Курбский четырежды употребляет выражение «тогда от того то им приключишась», и всякий раз задаваясь вопросом, «издавна ли» люди и народы этой страны «нерадиви и немилосерды»[1317]. В мартирологе священномучеников Курбский вспоминает митрополита Петра и «приключьшуюся ему лжеклевету от тверскаго епископа прегордаго»[1318]. Лишь однажды в «Истории» глагол *приключитися* употребляется по отношению к добрым событиям — чудесам Феодорита Кольского. В остальных случаях, и в том числе во вводных словах к «Истории», этот глагол эмоционально окрашивает повествование и означает, что Курбский ищет причины злодеяний, злоключений и несчастий. Вместе с глаголом *приключитися* в парракции появляется маркер каузальной связи (предлог *от* в значении *из-за*), и данная конструкция может служить для передачи каузально осмысленной случайности.

Из языковых средств, служащих для установления логико-смысловых связей между частями «Истории» А. М. Курбского, нас будут интересовать только явные маркеры каузальности. Попытаемся изучить эти средства, чтобы понять, как они соотносятся с суждениями, не содержащими эксплицитных показателей причинно-следственной связи, как организуют повествование и какой культурный контекст вырисовывается за этой парракцией. Мы будем работать с архетипным текстом, реконструированным на основе все тех же списков Тихонравовского № 639, СПбДА № 309, Вяземских № 6040, Музейского № 3090, Уваровского № 301, и, прежде всего, разделим его на небольшие отрывки, удобные для историко-синтаксического анализа. Сегментация архетипа по рубрикованным инициалам выявила 942 фрагмента текста. Глоссы отнесены к тем рубрикам, в пределах которых в основном тексте находятся относящиеся к ним выносные знаки. Заставки — к следующим после них фрагментам. Понятие причины — *вина* — встречается в «Истории» нечасто: *что за вина была* (2), *тое ради вины* (2). Отношения причинности значительно чаще выражаются посредством служебных частей речи. По нашим подсчетам, в «Истории» использованы: сложный союз *того ради* и предлог *ради* 119 раз в 95 фрагментах, союз *бо* 113 раз — в 102, союз *понеже* 78 раз — в 71, союз *ибо* 13 раз — в 13, союз *зане* 5 раз — в 5. В поздних письмах Курбского царю Ивану встречается сложный союз *для того иже*, имеющий, на первый взгляд, книжное происхождение, а в полонизированности языковой среды Сборника Курбского (ср. польск. *dlatego że*)[1319]. В русском языке XI–XVI вв. сочинения Курбского составляют исключение по способу применения союзного слова *бо*, одного из наиболее употребляемых А. М. Курбским приемов каузальной связи[1320]. Только у Курбского это слово иногда занимает положение проклити-

[1312] *Kelley D. R.* Faces of History. P. 102.
[1313] ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 1; М., 2001. Т. 7. С. 260.
[1314] СК. Л. 1.
[1315] СК. Л. 7.
[1316] СК. Л. 35.
[1317] СК. Л. 56 об. — 57.
[1318] СК. Л. 105 об.

[1319] См. также: *Преображенская М. Н.* Сложноподчиненные предложения причины // Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения. М., 1973. С. 248–249.

[1320] Указанное «исключение» подразумевает, что «правилом» в данном случае является норма древнерусского и московского языков.

тики, тогда как обычно в древнерусских текстах оно ставится после первого слова предикативной группы[1321]. Союз *бо* под воздействием западнорусской языковой стихии получает у Курбского доступ в предпозицию, где в силу закона Вакернагеля акцентируется и перестает играть роль обычной синтаксической частицы[1322]. Курбский неоднократно помещает *бо* в начале рубрики, обособляя таким способом причину от следствия. Этот прием позволяет отдельно развивать суждения о причинах и о следствиях, усложнять и развертывать каждый из предикатов.

Переход от причины к следствию встречается в «Истории» также достаточно часто. Местоимение *что* и конструкции *про что, про что ж, что за, что за плод, во что вещи обращаются, что ж тогда бысть, что вам принесет сие за полезное* создают такую связь между событиями, в которой левый от местоимения предикат играет роль причины, а правый — роль следствия (20 случаев). Выразительным приемом, заостряющим причинно-следственные отношения, является у Курбского фрагмент, состоящий из одного только вопроса о причинах: *что ж ныне таково есть и чего ради им таковые приключишась? что ж по сих за плод от преславных ласкателеи паче же презлых губителеи возрастает и во что вещи обращаются? и что царь от них приобретает и получает?* и т.д.

Предлог *за* с существительным в вин. и тв. п., особенно в богословских контекстах, создает значение, имеющее оттенок причины: *за помощию Божиею, за Божиею благодатью* и т.д. (17), *за молитвами* (2), *за благословением его* (1), *за повелением его* (6), *за их початком* (1), *за твоим благоразумием* (1), *за помощию их* (1), *за оклеветанием мнихов* (1), *за советом* (1). К этой же группе относятся объяснения богословского характера *за грехи наши, за преступления наши* (3), хотя предлог в них выполняет иную синтаксическую функцию, выразительно показывая последствия злых советов: «Се первая радость за молитвами оного предреченного епископа! Се получение мзда за обещание не по разуму, паче же не богоугодных»[1323]; «А за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами чюдовского Левкии и прочих твоих вселукавых мнихов что добраго и полезнаго, и похвальнаго, и Богу угоднаго приобрел еси...»[1324] Злой совет может оказаться причиной масштабной катастрофы.

Все рассмотренные средства распределяются по 271 фрагменту, которые составляют 28,8% от всего текста. Много это или мало? Формальные подсчеты не слишком пригодны и неточны при исследовании логических структур риторичного повествования. К тому же Курбский нередко помещает причину и следствие в две и более рубрики, мы же учитываем лишь те из них, в которых есть показатели причинно-следственных отношений. Однако некоторое основание для сравнения заключенных в языке форм рациональности цифры всё же дают. Именно в этих целях обратимся к обычному для русских культур XVI в. летописному жанру. Московская официальная летопись была известна Курбскому, и на нее или на сходные с нею тексты он не менее пяти раз ссылался в своих сочинениях[1325]. Если принять за элементарную нарративную единицу летописи сообщение и условно уподобить его рубрике «Истории» Курбского, то можно попытаться провести сравнение логико-лингвистических категорий «Истории» и близкого к ней по объему «Летописца начала царства» за 7042–7061 гг. (сентябрь 1533 — август 1553 г.)[1326]. Из 455 фрагментов этого текста 93 содержат указания на причинно-следственные отношения (20,4%). Языковые средства для их выражения в летописи несколько отличны от тех, которые используются в «Ис-

[1321] *Черкасова Е.Т.* Служебное слово *бо* и его значение в древнерусском языке // Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. М., 1948. Т. 56. Вып. 2. С. 93.

[1322] *Преображенская М.Н.* Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (Сложноподчиненное предложение). М., 1991. С. 91–92; *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004. С. 45–46.

[1323] СК. Л. 39.

[1324] СК. Л. 74 об.

[1325] *Курбский А.М.* История... С. 547. Примеч. 23-1 (автор — А.С. Усачев); ПИГАК. С. 109; РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб 481; см. также: *Freydank D.* A.M. Kurbskij und die Theorie... S. 62; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 293. Примеч. 6.

[1326] Понятие летописного сообщения на материалах древнерусского летописания и англосаксонской анналистики разработано Т.В. Гимоном (*Гимон Т.В.* Новгородское летописание XII–XIII вв.: Проблема отбора событий для фиксации // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 334–348; *Его же.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2011. С. 69–92). Применительно к московским летописным сводам XVI в., как и к ряду других памятников позднего летописания, разграничение летописных известий еще нуждается в формальных критериях. В настоящий момент для этих целей учитываются погодные статьи и рубрики. Разделы «Того же лета...», «Тоя же весны...», «Того же месяца...» и т.п. отграничены только в тех случаях, если зачины не соединяют их в единое связное повествование.

тории» Курбского: в летописи встречаются союзы *бо* (53), *ибо* (2), *потому что* (1), *потому* (1), *поне, понеже* и *понеже бо* (17), *зане* и *занеже* (3), *яко* с каузальным значением (1), союз *того ради что* и предлог *ради* (30), *от того* (2), деепричастное придаточное *не мога того терпети* с оттенком каузальности (2), отрывок с контекстуальной каузальной связью *ино ему было немощно поехати: Турской и Крымьской его землю пленили* (1), многообразные богословские формулы (68). Мы не учитываем оборотов *по слову, по речем, по совету, нелюбием, поветреем*, а также формулировки *повелением*, с помощью которой выражается воля государя. Впрочем, даже они увеличивают общее число фрагментов с эксплицитной каузальностью примерно до 100.

Летописное повествование заметно слабее, чем «История» Курбского, выстраивает каузальную логику. Более четверти текста «Истории» состоит из высказываний, явно выражающих причинно-следственные связи, тогда как в летописании этот показатель едва превышает одну пятую. Более трети рассуждений о причинах событий в летописи носят богословский характер. У Курбского богословские контексты играют очень большую роль в интерпретации событий, но в рамках каузальной логики повествования богословские суждения занимают очень скромное место (около 5%). Каузальные связи в летописи всегда возникают ситуативно, строго внутри сообщений. Курбский создает особую повествовательную технику, позволяющую развивать каузальные линии далеко за пределы рубрик. Жертвы опричного террора в «Истории» могут быть одновременно пострадавшими из-за навета в определенный момент повествования, из-за злого совета данного царю одним монахом за годы до этого, из-за чародейства родителей тирана в далеком прошлом, ненависти московских великих княгинь в глубоком прошлом, а также извечной «кровопийственной» политики московских великих князей, злого «естества» царя, злого «произволения» царя и дьявольских козней. Ничего подобного по разнообразию форм каузальности и их частоте в современном Курбскому русском историописании не обнаруживается.

Курбский гордился тем, что читал «Физику» и «Этику» Аристотеля[1327]. Не оказал ли влияния на «Историю» опыт чтения ее автором «Физики» античного философа? Во второй ее книге Аристотель приводит шесть видов причин «либо деятельных, либо в возможности»: единичный предмет, род, совпадение, род совпадения, случай и самопроизвольность. Всякий раз необходимо искать высшую причину по мере восхождения от частных причин к первопричинам, причем вполне допустимо, что «одно и то же имеет несколько причин»[1328]. Как показано выше, Курбскому были известны «случаи», когда происходило несчастное стечение обстоятельств «по выбору у существ, обладающих способностью выбора»[1329].

Трагедия Русской земли

Курбский, в отличие от Ф. Бодуэна, не размышлял о методе универсальной истории, но, подобно своему французскому современнику, понимал человека в истории одновременно как зрителя, интерпретатора и актера в театре[1330]. Историк осознаёт, что события, о которых он рассказывает, трагичны. Согласно «Поэтике» Аристотеля, «трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определенный объем, производимое речью, услащенной по-разному в различных ее частях, производимое в действии, а не в повествовании и совершающее посредством сострадания и страха очищение (katharsis) подобных страстей»[1331].

Уже в своем предисловии к «Новому Маргариту» Курбский намекает на трагичность московских событий: недавняя и современная московская история здесь названа «отчасти жалостной и плачу достойной»[1332]. Среди авторских определений «Истории» слово «трагедия» употребляется трижды, если не считать глоссы с его определением, взятым из словаря А. Калепино во втором случае: в самом начале текста в Повести о «рождении лютости» (т.е. царя Ивана) от законопреступного брака, в описании убийства кн. М.И. Воротынского и перед мартирологом Феодорита[1333]. Плач, слезы, скорбь, сострадание и страх обнаруживают присутствие автора в драматических эпизодах и переплетаются с его гневными обличениями. Обращение к царю в конце хроники исполнено тяжелой иронией: до собственных казней Иоанн украшал гробы и позлащал раки жертв своих родителей и деда, — а кто

[1327] NM. Bd. 1. F. 4v. Anm. a, b.

[1328] *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 87 и сл.; здесь с. 88, 89.

[1329] Там же. С. 95.

[1330] *Kelley D. R.* Faces of History. P. 194.

[1331] *Аристотель*. Соч. Т. 4. М., 1984. С. 651.

[1332] NM. Bd. 1. S. V; F. 1, 3.

[1333] РИБ. Т. 31. Стб 165, 288, 324. См. также: *Уваров К.А.* Князь А.М. Курбский — писатель. С. 143–144; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 63.

будет так же воздавать бесчисленным новым мученикам! И далее: «О, воистинну смеху достойно со многим плачем смешенным...!»[1334] Образ современной Московии, намеченный в «Истории краткой» «Нового Маргарита», претерпевает изменения. В «Истории» плач сопровождается смехом.

В последнем, самом поздним по времени написания, отрывке о священномученике Феодорите писатель отзывается обо всем своем тексте как о трагедии. Трактат и читается как сценическая «игра плачевная» с событиями, героями, размышляющим хором (в лице автора), зрелищностью[1335]. Можно определить начало, середину и конец действия (вступление — плач о советниках — эпилог). Предпринимались даже попытки разделить «Историю» на классические пять действий[1336]. Великий князь Московский не наделен многими «дарами Духа», но поддается исправлению, что соответствует классическому пониманию трагедии: «...не отличается ни добродетелью, ни праведностью, и в несчастье попадает не из-за порочности и подлости, а в силу какой-то ошибки, быв до этого в великой славе и счастье»[1337]. Таких ошибок происходит несколько. Царь на вершине славы после взятия Казани упрямо настаивает, что должен ехать в Кириллов монастырь, поскольку дал «богоугодное обещание», царя поощряют «ласкатели», и он не слушает контрдоводов Максима Грека[1338]. Далее: дьяки рассылают письма, которые раскрывают военную тайну о приближении к крымскому войску авангарда русских войск во главе с И. В. Шереметевым[1339]. Еще: царь не слушает совета пойти самому или послать «войско великое» на Перекопскую орду, чтобы уничтожить «христианских кровопийцов»[1340]. Наконец, новые любимцы царя отстраняют Избранную раду, и зло торжествует, распространяясь по Святорусскому царству. Театральная игра в «Истории» — это горькая жизненная драма, которую автор пережил и продолжает переживать «в действии, а не в повествовании»[1341].

Политические устройства были одной из ведущих тем историографии Ренессанса. Особенно интересовало историков сравнение имперского и республиканского типов правления. Высказывались на этот счет не только крайние точки зрения, но и такие, в которых оба типа рассматривались в традициях аристотелевской «Политики» в смешении и взаимодополнении. Так, Марсилио Падуанский был убежден, что правитель в свободной республике должен быть один, но им должно быть наделенное властными полномочиями (Imperium) «всё сообщество граждан»[1342]. Л. Бруни полагал, что высшим достоинством флорентийского общественного устройства является равное право каждого гражданина участвовать в делах республики[1343]. Н. Макиавелли заявлял в предисловии к «Истории Флоренции», что «если в истории что-либо может поправиться или оказаться поучительным, так это подробное изложение событий, а если какой-либо урок полезен гражданам, управляющим республикой, так это познание обстоятельств, порождающих внутренние раздоры и вражду, дабы граждане эти, умудренные пагубным опытом других, научились сохранять единство»[1344]. История, согласно Макиавелли, должна научить граждан правильно управлять республикой — городом, который является «сам себе государем»[1345]. Понятие коллективного суверенитета предполагает, что весь народ или его группа, обладающая суверенитетом, может оказаться тираном и низвести устройство своего государства до тирании.

Интерпретация событий в «Истории» Курбского близка ренессансному историописанию. Курбский восхваляет христианскую республику и не видит противоречия между республиканской и имперской формами правления, допуская их гармоничное сочетание в Избранной раде. Как уже говорилось, именно в ее правление могла быть завоевана, по мнению князя, «мало не вся вселенная». Сделать это должны были сам царь, прошедший через божественную кару и покаявшийся в грехах, «сильные во Израили» воеводы и воины-крестоносцы, служащие царю и христианской республике. Условием для внешней экс-

[1334] СК. Л. 77 об.

[1335] Аристотель выделяет шесть важнейших составляющих трагедии — сказание, характеры, речь, мысль, зрелище и музыку (*Аристотель*. Соч. Т. 4. С. 652–653 и далее). Две последних не могут быть применены для изучения сочинений Курбского, но и в классической трагедии для своего воплощения они требуют неповествовательных форм (Там же. С. 680).

[1336] *Курбский А. М.* Переписка с Иваном Грозным. История о великом князе Московском / Пер. с др.-рус., ст. и коммент. В. А. Панова; ред. и вступ. ст. В. И. Лебедева // РГАЛИ. Ф. 629 («Academia»). Оп. 1. Д. 996. Л. 17–18.

[1337] *Аристотель*. Соч. Т. 4. С. 658–659.

[1338] СК. Л. 33 об. — 34.

[1339] СК. Л. 42 — 42 об.

[1340] СК. Л. 54 — 55 об.

[1341] Близко по значению у И. С. Пересветова: «И кажной стал... смертною игрою игратн» (Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 158).

[1342] Цит. по: *Skinner Q.* The Foundations... Vol. 1. P. 62.

[1343] Ibid. P. 78.

[1344] *Макиавелли Н.* Государь. М.; Харьков, 2004. С. 202 203.

[1345] Там же. С. 287.

папсии должны были стать очищение общества от грехов, свобода в отношениях между царем и подданными, исправление правосудия и социальной мобильности, основанное на принципе равного «воздаяния» каждому по его заслугам. Этот политический идеал близок к европейской идее христианской империи, прошедшей переосмысление в современной Курбскому польской историографии и политической теории[1346]. Политическая мысль Высокого Возрождения признает различные варианты «конвергенции» имперской и республиканской доктрины. В идеалах Макиавелли и Гвиччардини республиканское тираноборчество в сочетании с аристотелевским и платоновским легитимизмом допускают как участие народных масс в делах государства, так и «красивую тиранию»[1347].

Будучи знатоком и исследователем, Курбский видел в истории место для осуществления свободы воли и задачей историка считал ответ на вопрос «откуда сие приключишася», в чем причины событий. Разгоревшийся в «тамошней» Русской земле «пожар лютости» требовал объяснения. Князь обращался в «Истории» к ученым мужам и юношам, называя их иронично изнеженными воинами. Его слушатели получали от князя поучительный пример того, как свободный выбор влияет на душу одного человека, одного царства и всего христианства. Впервые в русской политической мысли прозвучало название православной русской общности — Святорусское царство, Святорусская империя[1348]. Прямая аналогия со Священной Римской империей показывала читателям, что речь в его книге шла о таком же могущественном государстве, как и европейская империя, в котором решаются судьбы христианства. Даже форма правления в Русской земле не отличается от здешней, европейской. Великие князья по своей власти сходны с королями, из их числа избирается на престол «старшая власть». Ее исток — всё та же Священная Римская империя, откуда пришел Герик-Рюрик с шестью имперскими князьями, ставшими прародителями крупных боярских родов. «Племницы» Рюрика обладают правом на главный престол, который долгое время был занят потомками Владимира Великого, затем перешел в руки суздальских и тверских князей и наконец — к московским. Курбский следует в русле московских конструкций, восходящих к «Сказанию о князьях владимирских» 1510-х — начала 1520-х гг. Только акценты расставлены непривычно для московской идеологии того времени: происхождение от легендарного брата Цезаря Августа, Пруса, не упомянуто, семь мужей, выехавших на службу Александра Невского, названы имперскими («решскими») князьями, а вместо истории постепенного восхождения московских великих князей к Ивану IV «Степенной книги» предложена история разделения христианской власти и выборного правления, которая сказывается даже на оценке правления царя Ивана.

Царь был «утвержден» в своем правлении мудрыми советниками, которые все в равной мере участвуют в борьбе за христианскую республику. Это понятие, незамеченное как издателями «Истории», так и исследователями политической мысли, было впервые на русском языке приведено и обосновано именно в сочинениях Курбского и неоднократно встречается в его «Истории». Курбский в равной мере пользуется тремя формами — русской калькой «общая вещь», рутенско-русской формой «речь посполитая» и транслитерацией «рез публика». Русская империя — это и республика, общее дело князей, бояр, всех воинов, выражающееся в защите православного отечества. Само понятие отечества также не используется в современных Курбскому московских памятниках в обобщающем значении, охватывающем всю страну, а, как правило, применяется к происхождению человека: «кто ты по отечеству» значит — кто твой отец. У самого Курбского «отечество» переводится московским «отчина».

Империя венчается царем, статус которого выше любого великого князя и тем более князей и нетитулованных дворян. Курбский признает главенство царя над республикой и не следует этикету польско-литовской дипломатии, которая вплоть до 1634 г. не признавала царский титул московских правителей и титуловала их великими князьями или «князьми великими московскими». Впрочем, этикет не мог не сказаться на выборе Курбским заглавия для своего труда: «История о князя великого московского делех». А в Третьем послании князь отвел душу, осмеяв чинную и пышную преамбулу царевых писем: «Титул твой величайший и должайший оставя, зане ото убогих тобе, великому царю, сие непотребно, по негли от царей царем сие прилично таковые имянования со преизлишным продолжением

[1346] Об этом см. главу «Социальная и персональная память».

[1347] *Брагина Л. М.* Особенности исторического познания в Италии в эпоху Высокого Возрождения // Проблемы исторического познания. Материалы международной конференции. Москва, 19–21 мая 1996 г. М., 1999. С. 215–224.

[1348] *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским... С. 234–240.

исчитати»[1349]. В этих словах скрыто эпистолярное юродство, осмеяние через умаление, прямодушие, за которым отчетливо видно стремление сорвать с царя маску величия, обратиться к нему напрямую, без экивоков. В «Истории» Иван — царь до тех пор, пока он соблюдает Закон Божий. Читатель «Нового Маргарита» понимал, что царская власть не безгранична. Она равна евангельской имперской, «цесарской» власти. Пилат обращался к народу: «"Царя вашего разпну", — они же отвещаша: "Мы не имеем царя, токмо цесаря!" Отверглися Царствия Божиа и поработишася царствию Римскому»[1350]. Это различие между подлинным Царем и царем земным означает, что на земле может наступить порабощение, рабство под властью тиранов в «царстве демонов» вместо Царства спасения. Подлинным единством политического и духовного было бы христианское царство, в котором праведный царь возглавляет «общее дело», как голова — тело. В католической традиции, как показал Эрнст Канторович, впервые подобие государства телу, возглавляемому королем, обосновал английский богослов Иоанн Солсберийский[1351].

Действия царя, его советников и простых людей, как показывает князь в своей «Истории», взаимосвязаны, как части одного тела. Курбский прибегает к органической метафоре, чтобы подчеркнуть необходимость совместного управления (царь — «глава», советники — «уды»). Эта идея созвучна ренессансному идеалу монархии, головой которой является царь, конечностями советники, а низшими инстинктами этого тела является грубое простонародье. Организм распадается, если голова или другие части политического тела отклоняются от идеала умеренного и «целомудреннного» правления, а к власти приходят люди незнатные — неспособное к управлению простонародье или корыстные функционеры. Об идеальных качествах правителя Курбский рассуждает в сросшихся традициях аристотелевской «Никомаховой этики» и христианского учения о широком греховном и узком спасительном путях в духовной жизни[1352]. Князь Андрей был не первым книжником московского происхождения, кто строил свои представления об идеальном правлении на «Никомаховой этике». До него читателем этого трактата в ближайшем окружении великого князя Василия III был Федор Карпов[1353].

Идеалы Андрея Курбского созвучны некоторым построениям ренессансных мыслителей и особенно его современников в Европе и Литве[1354]. Русская земля для Курбского христианская республика. По его словам, погибающие в Московском государстве от рук царя мученики посвящают себя службе «цареви своему и общей вещи [*глосса:* посполитой речи] христианскои верне»[1355]. Глоссы нет в списке Увар. № 301 и его нисходящей традиции, однако она имеется в списках «Истории», передающих данный отрывок наиболее близко к протографу рукописной традиции. В переводе отрывка из "Paradoxa" Цицерона, как верно предполагал Дитрих Фрайданк, архетип Третьего послания Курбского царю Ивану содержит «в вещи общеи» для *in re publica*[1356]. Здесь же помещена глосса с транслитерацией к словам «вещь общую» — «резпудлику»[1357]. Таким же образом русской калькой и полонизмом переводится у Курбского *res publica* в глоссах «Нового Маргарита» и в «Слове похвальном на святого Симиона Метофраста» в житийном своде[1358]. Чтение предисловия к «Новому Маргариту» сходно с Первым посланием Курбского Ивану Грозному, однако если в обеих редакциях послания говорится «на доброхотных твоих и душу за тя [царя. — *К.Е.*] полагающих», то в «Новом Маргарите» уже иначе: «доброхотствующих и душу за царя и за общую вещь [*глосса:* за посполитую речь] полагающих»[1359]. Амплифи-

[1349] ПИГАК. С. 106.

[1350] NM. Bd. 1. F. 62v.

[1351] *Эразм Роттердамский.* Философские произведения. М., 1987. С. 78–79, 111 и сл.; *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 238 и сл., особенно с. 242. Органическая концепция общества, берущая начало в посланиях апостола Павла, была «возрождена» на Западе в XII в. Иоанном Солсберийским: *Канторович Э.* Два тела короля. Гл. 4; *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / пер. с фр. В.И. Матузовой. М., 2001. С. 382; *Дюби Ж.* Время соборов: Искусство и общество 980-1420 годов / пер. с фр. М.Ю. Рожновой, О.Е. Ивановой. М., 2002. С. 293; *Skinner Q.* The Foundations... Vol. 1. P. 83.

[1352] DJD. S. LVIII; СК. Л. 129 об.

[1353] *Синицына Н.В.* Карпов // ПЭ. М., 2013. Т. 31. С. 330–332.

[1354] *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 198–199; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 92–106; *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика. С. 320–321.

[1355] СК. Л. 132, ср.: Ист-192/29–32.

[1356] ПИГАК. С. 112. В списке РГАЛИ. Собр. Вяземских № 6040. Л. 95 есть предлог «в», но далее «вещи общей». См. также: *Freydank D.* Zwischen griechischer und lateinischer Tradition.S. 811.

[1357] ПИГАК. С. 112. В Увар. № 301 глосса только к слову «общую».

[1358] NM. Bd. 1. F. 2v. Anm. b; Bd. 3. F. 421v. Anm. a; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 319.

[1359] ПИГАК. С. 7, 9; NM. Bd. 1. F. 2v. Anm. b. См. также: *Скрынников Р.Г.* Переписка... С. 99–100; *Зимин А.А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному. (Текстологические проблемы). С. 198. Обзор точек зрения на текстологические параллели этих чтений в литературном

кация в сочинении «литовского» периода показывает, что именно в это время *республика* заняла для Курбского равное место с *царем*. Близким аналогом двуединства царя и республики можно было бы признать конвенциональную связь между государевой опричной *волей* и *всей землей* в самосознании Московского царства. Впрочем, как показывают наблюдения М. М. Крома, после опричнины связь между ними всё чаще мыслилась как иерархическая, вызывая как монархические идеалы, так и поучения о катастрофичности «раздвоения» или «рассечения державы» на государеву и земскую доли[1360].

Для Курбского земля не является *государством*, иначе говоря, собственностью государя, он в одном ряду упоминает *речь посполитую христианскую* и *царя* и не признает тождества между властью государя и его владениями, — в отличие от Ивана IV, который заявлял неограниченные права на свое государство — землю, язык, веру, обычаи, прошлое[1361]. При том что царский титул Ивана IV соблюдается Курбским довольно строго, слово *господарь* применительно к царю Ивану встречается в «Истории» лишь в льстивых словах царских приспешников и в пыточном признании умирающего кн. М. И. Воротынского[1362]. Достаточно характерен еще один случай: Курбский говорит, что Василий Темный был возведен на свое *господарство* благодаря помощи ярославского князя Федора Романовича[1363]. Во-первых, Василий II получил ярлык на великое княжение от хана, следовательно, понятие *господарство* означает делегированную ханом власть. Во-вторых, в данном случае не определены отношения к объектам владения, не говорится о территориальном государстве. И наконец, согласно Курбскому, власть была получена предком Ивана Грозного от *хана* при поддержке *ярославского князя* — в этих словах видна ирония, направленная против Ивана IV. *Нашим господарем* А. М. Курбский в посланиях Ивану Грозному называет польского короля, но так он фиксирует свое персональное подданство, а не форму властвования[1364]. В любом случае слово *господарство* чуждо не только Курбскому — обличителю тирании, но и Курбскому, рассказывающему о славных деяниях Избранной рады. Тем, кто советует царю из-за частых эпидемий и обнищания русских воинов покинуть Казань, Курбский адресует поговорку: «... добре бывает кому родити, тому и кормити младенца или попечение о нем имети, сиречь хто тружался зело и болезновал о сем, тому достоило и советовати о таковых»[1365]. Земля принадлежит всем, кто о ней заботится, и может считаться *общей вещью*. В свете такой интерпретации реалий, описанных в «Истории», представления Курбского о распределении власти у русских князей или об империи Рюрика и его соратников вполне могут быть сопоставлены с легендой о двенадцати польских воеводах, остановивших тиранию в Польше после ухода из жизни поколения Леха[1366]. С другой стороны, взгляды Курбского подразумевают службу царя интересам христианства и в этом близки к формуле *Rex servus Reipublicae est*[1367]. Выражение «служба царю и речи посполитой христианской» калькирует характерную для делопроизводства и эпистолярной практики Речи Посполитой конструкцию «служба Его Королевской Милости и Речи Посполитой» ("służba Jego Królewskiej Miłości i Rzeczy Pospolitej")[1368]. Диссонанс «Истории» и московского политического дискурса проявляется в том, что фигура царя для Курбского не идентична государству, которое он определяет как *христианскую республику*. Князь Андрей Михайлович использует языковые реалии нового отечества вдумчиво, как сторонник тех властных отношений, которые этот язык описывает. При этом ученый эмигрант радикальнее своих католических современников, когда сравнивает политическое устройство христианских и нехристианских государств и считает, что справедливое распределение власти достижимо и для язычников, и для мусульман.

И наоборот, как и в сочинениях Ивана Пересветова, республика, достигшая совершенства в вероисповедании, всё равно может рухнуть. Разрушая органическое единство республики, царь из ненависти к высшей знати и одаренной Избранной раде приближает к трону поповичей

корпусе Курбского см.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 216–219.

[1360] *Кром М. М.* К понимании московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 283–303; *Его же.* Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 168–175.

[1361] См., например: ПК-78-1. Л. 50 — 50 об., 72, 258 об., 267 об., 269 об., 277 об. — 278 об., 356 об., 368 об. — 369 и др.

[1362] СК. Л. 68 об. — 69, 89, ср.: Ист-101/2–4, 101/12–13, 128/23–24.

[1363] СК. Л. 102, ср.: Ист-124/9–17.

[1364] ПИГАК. С. 8 (л. 8 об.), 11 (л. 136 об.), 116 (л. 156 об.), 118 (л. 159 об.).

[1365] СК. Л. 45, ср.: Ист-66/16–21.

[1366] Kromer. S. 57–59.

[1367] *Orzechowski S.* Dyalog... Ark. L II — L IIv.

[1368] См., например: AR. Dz. V (Listy domów obcych). N 226a. S. 4; N 17959/1. S. 1.

и простонародье. Резкие отзывы о росте влияния грубой черни и притеснениях знати звучали не только в сочинениях Курбского о «московских делах», но и в борьбе князей Чарторыйских и Олельковичей-Слуцких после Люблинской унии за наследование мест в Сенате, а также «сарматской» польской знати против приближенной к королю «деревенщины»[1369]. Идеал Курбского близок к тому понимению королевской *экзекуции*, которое выражено Пастистом в «Диалоге» С. Ожеховского: "Verbum enim Exequi ad habitum pertinet: non autem ad privationem"[1370]. Реформы Избранной рады, по мнению Курбского, приближали московское общество к такому положению вещей, при котором вознаграждалась бы верная служба христианскому царю и республике. Приход плебеев в ряды тех, кто управляет государством, рассматривается А.М. Курбским не как признак демократии, а как способ для монарха чужими руками отстранить знать от власти и собственности. Придерживаясь подобных взглядов, мыслитель середины XVI в. не вступал в противоречие с представлением о необходимости участия «всенародных человеков» в обсуждении *общего дела* в тех случаях, когда оно касается всех, от царя до простонародья[1371].

Широко распространенная в европейской мысли XVI в. на волне аристотелизма органическая метафора царства-тела наполняется особым смыслом в утверждении Андрея Курбского, когда он пишет, что советники — это «уды», органы единого тела республики, без которых она погибнет, даже если ее голова, т.е. царь, будет мудрой и просветленной. Органическая метафора тем не менее была известна не только читателям «Истории и князя великого московского делех» и «Богословия» Иоанна Дамаскина из скриптория кн. А.М. Курбского. В Москве середины XVI в. она звучала в обращенных к И.М. Висковатому словах митрополита Макария на церковном соборе 1554 г. А в сочинении Максима Грека «Главы поучительные начальствующим правоверно» приведено сравнение: царь — орел, а советники — его крылья, без которых он рухнет на землю[1372]. Впрочем, этот тот же круг лиц, к которому причастен и князь Андрей Курбский.

Тело не выбирает себе голову. В республике верховная власть одного избирается и утверждается мудростью многих. Курбский не является сторонником элекционной монархии, но он пишет «Историю» в стране, где короли избирались со времен Ягайло Ольгердовича, на Петрковском сейме 1562–1563 гг. Шляхта Короны Польской отстояла идею элекционной монархии, а в 1572 г. прервалась правящая династия Ягеллонов, полтора века почти безраздельно возглавлявшая Корону Польскую и Великое княжество Литовское. На глазах Курбского на трон Речи Посполитой претендуют и избираются представители крупнейших европейских правящих домов, в том числе московского, и сменяются короли из родов Ягеллонов, Валуа и Баториев. Власть одного «дома» не гарантирована, да и сам царский венец не предопределяет форму правления и не является безусловным основанием верховенства одного над многими. В «Истории» мы не найдем упоминания венчания Ивана на царский престол в 1547 г. Это событие не имело никакого значения в той политической перспективе, которую намечает Курбский. Иоанн Златоуст поучает в Слове «О середопостию»: «Ибо крест Господень всего венца царского яснейший есть и светлейше: что глаголю: царский венец, — и о всем самые солнечные лучи светлостию далеко превышает!»[1373] С одной стороны, важно, что царя избрал себе народ и утвердили советники. С другой — отказаться от царя невозможно. В «Беседе на неделю цветоносную» Иоанна Златоуста Курбский мог найти обоснование такому взгляду: «Ибо яко видим в тех земных царъствах, яко первие нихто же может собе сам царем сотворить, но люд поставляет собе царя, его же изберет. Но внегда он царем поставится и утвердится на царстве, уже имеет власть в человецех, и не может люд ерма его з вый своих сложити, понеже первое во власти люду есть сотворити собе царем кого восхотят, а сотворенна уже от царства изгнати несть в силе его, и так воля потом в за-

[1369] *Шмидт С.О.* О дьячестве в России в середине XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 184–190; *Богатырев С.Н.* Клан дьяков Щелкаловых // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нарнж, 1995. Вып. 5. С. 69; *Граля И.* Дьяки и писари: Аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI — начало XVIII века) // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 148–164, особенно с. 150 и далее.

[1370] *Orzechowski S.* Dyalog albo Rozmowa około Exequicyey Polskiey Korony. 1564. Ark. B II, см. также: Ark. C IV, E IVv, N и далее. По-польски эти слова звучат: "...bo Exekucya po łacinie ku czynieniu, ku wyprawianiu y ku daniu więcey sye śiąga, aniżli ku braniu albo ku odeymowaniu".

[1371] СК. Л. 37 об. См. также: *Grala H.* Człowiek wobec władzy... S. 419–420, 427–428.

[1372] *Bogatyrev S.* The Sovereign and His Counsellors. P. 62, 77, 83.

[1373] NM. Bd. 2. F. 199v.

кон обращается»[1374]. Следующее затем сравнение подсказывает параллель между царством и душой человека. Люди до греха имеют свободный выбор, но выбрав грех, ставят «престол диявола во серцах своих, уже нихто же может их исторгнути ото власти дьявола, токмо един Бог»[1375].

Политическое тело, в особым образом осмысленной святоотеческой традиции, для Андрея Курбского не сводится к фигуре монарха. Правитель не идентичен республике, а составляет лишь ее часть, причем отныне не главную. Римский и канонический принцип права (юридической и политической «правды») в груди монарха *omnia iura in scrinio (pectoris) principis*, изученный Эрнстом Канторовичем применительно к европейской доктрине «двух тел короля», не актуален для московского историка-богослова XVI в.[1376] Одухотворенное тело — это вся республика, и ее центр — в сердце. Сердце для Курбского — источник движения в теле и орган, приближающий человека и республику к Господу. Если приложить «руку ко сердцу», оно «токает, сиреч биется, албо жилы биются». Это начало «части животной» в душе человека. А далеко от нее находится «средняя часть души», которая и названа «душевной», она подчиняется «умной и словесной части души», к которой она «ближайша»[1377]. В рамках продвинувшейся вперед европейской медицины («враческие хитрости») получает медицинское объяснение и наполняет метафору республики-тела новыми смыслами. Таинство Евхаристии, пресуществление вина в кровь происходит благодаря чуду, но такое же чудо постоянно происходит в теле человека. При попадании «брашна» в желудок часть пищи превращается в «хилюс, сиречь в белость», и следует в «чревцо», где «в пару обращается» и идет «многими бесчисленными жилицами к лехкому, обращающеся в кровь», легкое насыщается кровью и лучшую ее часть отправляет к сердцу, которое «яко среда и владыка всего тела» распределяет чистую кровь «во все жылы». Сердце, согласно библейской символике, занимает важнейшее место в теле человека, как пристанище его души и истинный центр. В глубине сердца кроются жизненные силы, подлинные чувства, искренняя вера и любовь, радость и праведный гнев, источник решительности и отваги, дары Святого Духа и таланты. В западном христианстве почитание сердца Христа выросло в конце XV — XVI в. в особый культ, свидетелем которого был Курбский[1378]. Кроме того, европейская медицина как раз при жизни Курбского сделала новый шаг в гематологии. М. Сервет ("Christianismi Restitutio", 1553 г.) и М.-Р. Коломбо ("De re anatomica", 1559 г.) открыли функции желудочков сердца в передаче крови и их связь с легкими[1379]. Схема, родственная солярной идее Коперника и обновленной теории гуморов Парацельса, с точки зрения Курбского, поясняет не только движение и укрепление «растительной души части и тела», но и тайну тела Христова, поскольку по аналогии с очищением физического тела Животворящий Дух, преобразив («преложивши») хлеб в Тело Чистое, а вино в Кровь Мирочистительную, утверждает тело, укрепляет душу верующих и истребляет грехи[1380]. Подобно сердцу в теле, в республике совет избранных утверждает и укрепляет политическое тело и его голову, а злой совет приводит к загрязнению всего тела, в том числе головы, к болезни, занустив которую, республика обрекает себя на «гагрину» и на превращение политического тела в «дикое мясо».

Организмом правит сердце. Республикой — совет. Кто будет править политическим телом? Каким будет его сердце? Как бы долго ни длился этический поиск, выбор рано или поздно будет сделан. Важно, чтобы правитель видел истину «очами душевными» и уповал не на свое «могуцство и гордость, но на правость сердечную»[1381]. Юный великий князь еще не свободен в своем выборе — им управляют его бояре. Их определение «великими гордыми панами» до того, как вокруг царя собралась Избранная рада, отражает верховенство «могуцства и гордости» под властью не царя, а его бояр, но при полном подобии сущности форм правления. Наоборот, избранные советники борются за царя и республику «с поощрением сердца и со радостию»[1382]. Так же и в сражении нет ничего страшнее, чем отчаяние и неверие в свои силы — «сокрушение сердец». По мнению Курбского, с царем это случилось во время Казанского взятия[1383]. Когда великий князь бросал собак и кошек с «высоких стремнин», он уже был на дьявольском пути, а будучи юношей, он занятнал

[1374] NM. Bd. 1. F. 21v. В цитате опущена одна глосса.

[1375] NM. Bd. 1. F. 22.

[1376] *Канторович Э.* Два тела короля. С. 97–98. Примеч. 15.

[1377] DJD. S. 182 (F. 46a. Anm. 2∞).

[1378] *Forstner D.* Świat symboliki chrześcijańskiej / przekł. i oprac. W. Zakrzewska, P. Pachciarek, R. Turzyński; wyb. ilustr. i koment. T. Łozińska. Warszawa, 1990. S. 358–361.

[1379] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Bd. 3. S. 16–17.

[1380] NM. Bd. 2. F. 242v. Anm. c.

[1381] СК. Л. 37 об.

[1382] СК. Л. 24.

[1383] СК. Л. 25 об. — 26.

себя кровью неповинных советников. Престол дьяволу был воздвигнут и стоял бы неколебимо, не случись Божьей кары — пожаров. Сама по себе кара не является средством исцеления. Для политического тела нужен «антидот», лекарственная проповедь, даже если она основана на фантастических и преувеличенных «мечтательных страхах»[1384]. Курбский оправдывает средства целями — возвращением царя и республики к праведной жизни.

История очищения начинается и заканчивается сгоревшей Москвой. Великий князь покаялся и смирился, какое-то время правил целомудренно, уздаемый избранными советниками, пока злое «семя», вложенное в него старцем Вассианом Топорковым, вновь не проросло и не погрузило республику в «пожар лютости». Причинность осмыслена Курбским также через органическую метафору — зачатие царя Ивана от колдовских «прескверных семян» и затем «семя» вражды, лишившее царя мудрости и разума, оказались гибельной для республики наследственностью. В томе «Иоанн Дамаскин» семя выступает как обозначение растительной части души — «семенная» (*seminaria*). При этом Христос, будучи человеком по плоти, был зачат «без семени» от Духа Святого. В душе человека, таким образом, сосредоточено не только животное, но и растительное начало. Оно обсуждается в том контексте, к которому Курбский делает примечание о работе сердца и кровообращения[1385]. Пресечение семени — кара Господня, как и наоборот — пребывание семени даровано Господом царю Давиду[1386].

Явление двух апостолов для спасения царя и республики развивает поучение Иоанна Златоуста на российском примере. Как Христос посылает апостолов Петра и Филиппа проповедовать новое учение иудеям и самарянам, так и Российское царство спасают «избранные советники», и в первую очередь ангелоподобный юноша Алексей Адашев и благовещенский протопоп Сильвестр, с которым Адашев «соединяется в общение». Достаточно было бы их двух, чтобы открыть для царя путь к истинному христианскому правлению, опирающемуся на любовь к ближнему и максиму, много позднее в европейской культуре выросшую в категорический императив Канта: «...еже не хощеши собе, другим не творите». Сравнение двух новых людей, посланных царю Богом, с апостолами дополняется рассуждением Курбского о восстановленной ими подлинной церкви, ибо сказал Господь: «Где собраны двое или трое о имени моем, там аз посреди их». К этим двоим присоединяется митрополит Макарий и советники, которые все вместе именуются «избранная рада». В Третьем послании Курбского царю применительно к тем же лицам прозвучит определение «избранный совет нарочитых синклит». А в самой «Истории» и в комментариях к трудам отцов церкви в кружке Курбского понятия «рада», «совет», «синклит», «сенат» используются как синонимы. О том, кем и зачем «избраны» эти советники, говорит Курбский в «Новом Маргарите», поясняя значение выражения «человеки нарочиты»: «...а избранных своих Бог (до конца претерпевших) зде искушающе, аки злато в горниле»[1387]. Вряд ли за названием Избранная рада, прижившимся в исторической науке для обозначения целой эпохи в российской истории как «реформ Избранной рады», кроется особое государственное учреждение. Но это и не придуманная Андреем Курбским абстракция. На вопрос о составе Избранной рады можно ответить, опираясь на текст «Истории», где входящие в нее советники перечислены. Как нам представляется, речь идет о «синклитах», достигших в 1540-х — 1550-х гг. чинов окольничего и боярина. Это советники царя Ивана, вошедшие в его думу после пожара 1547 г. Не все, кто в этот период получил думный чин, а только те из них, о ком говорит Курбский в связи с преследованиями и расправами после падения Избранной рады[1388].

Среди них нет ни одного дьяка или подьячего, хотя именно на этих людях держалась административная рутина. В «Истории» масса московских «писарей» упомянута лишь однажды в экспрессивном контексте, где Курбский обвиняет их в разглашении военной тайны и уничижительно вспоминает, что все они вышли из грубого «простого всенародства». Христианский образ правительства дополнен идеалом шляхетской демократии, в котором на первый план выступает полноправный воин — защитник государства, рожденный в шляхетстве или добившийся его собственным мужеством на поле боя. Советниками могут быть даже «всенародные человеки» и «окромные», т.е. простые люди и иноземцы, хотя в теле республики они не состоят, ее подданными не являются. Слово «всенародство» выступает в качестве пояснения к непривычному в русских землях XVI в. слову «община» в «Новом Маргарите»: иудеи, собравшиеся на Пасху, чтобы вы-

[1384] СК. Л. 6.

[1385] DJD. S. 182–183 (F. 46a) и др.

[1386] *Калугин В.В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 41.

[1387] NM. Bd. 1. F. 3v–4, 40–40v; Отк. III.18.

[1388] Об этом см. здесь в главе «Персональная и социальная память».

брать Варавву и распять Христа[1389]. «Окромным» был мидиамский священник Рагуил, тесть Моисея. Он посоветовал зятю упорядочить суд иудеев, и его совет Бог похвалил и «в закон написал». Царь, не наделенный теми или иными дарами Духа, должен обращаться за советом не только к советникам, но и к «всенародным человекам». Курбский, ставший свидетелем первых в русской истории «земских соборов», с воодушевлением упоминает саму возможность собирать людей для общенародного решения важнейших дел республики. Впрочем, ни одного примера такого совета в его «Истории» нет, зато есть прямая противоположность Избранной раде — подобное соборам иудеев и их синагоге тайное «соборище» духовных и мирских приспешников царя с целью засудить Сильвестра и Адашева.

Миссия советников в республике состоит в том, чтобы «утверждать» монарха, поддерживать его мудростью и восполнять его недостатки своими дарами Святого Духа. Единство даровитых людей и воинов Христа составляет общее дело, республику Святого Духа, Святорусскую империю. Ее пределы расширяются за счет мудрых советов, и главное дело этого единства в том, чтобы спасать братьев во Христе из плена неверных и расширять пределы христианской империи. В «Новом Маргарите» Иоанн Златоуст объясняет смысл Воплощения Бога-Сына и предлагает сравнить, какой царь заслуживает большей похвалы своим подобием Христу, посланному на спасение человечества: «Егда царь прехвалнейшим, внегда облечен в порфиру, диадимою украшенный, сияюще златом, престолом високий, ко множеству всяко не изходит, но те в тайне бывают, али когда в поле обращающе тварю и честю последний, в бедах первый, отягченный железом, вооруженный зброею, за отечество, за гражан, за чада, за живот всех принирает врага, убытки [*глосса:* тщеты] презырает, забывает врага раны, смерть здравия ради своих радостию приемлет, ижбы вящей зрением забытием смерти, нежели одолением недруга отнес триумъф [*глосса:* победу радостотворную]»[1390]. Ответ на этот вопрос очевиден: золотые убранства меркнут перед скромными доспехами воина, в которых царь готов отдать жизнь «за отечество, за гражан за чада». Таким был и царь Святорусской империи. Хотя в решающий момент битвы за Казань его и пришлось «хотяща нехотяща» вывести на поле боя, а на Крым сколько ему ни советовали «да подвигнется сам своею главою», чтобы там навсегда погубить «врагов своих старовечных, христианских кровопивцов и избавити пленных множашах от древле заведеные работы, яко от самых адских пропастей», выйти в поход так царь Иван и не решился. Отрывки «Нового Маргарита» о миссии Спаса и «Истории» о Переконе подводят к одной и той же цитате: «Нихто же большую любовь имеет, яко хто полагает душу за други свои» (Иоанн. 15: 12–13)[1391].

Идеал, выраженный почти теми же словами, что и в «Сказании о князьях владимирских», заключается в покорении «вселенной» под власть христиан. Сам Господь «покорил люди нам и языки под ноги наши»[1392]. Курбский приветствует крещение варваров-язычников и мусульман, а его «История» является ярким воплощением крестоносных настроений в Москве середины XVI в. Князь Андрей должен был многократно видеть различные воплощения римской идеи в российской идеологии, от заимствований из «Сказания» в летописных текстах до трона царя Ивана и молельного места в Кремлевском Успенском соборе. Однако вселенские мотивы в «Истории» Курбского подвержены риторике Иоанна Златоуста. Власть земных царей Иоанн сравнивает с христианством: «Али мало было могущих? Коего так славно имя было? И что глаголю: могущих и философов? Али не было царей пресветлых? Который собе так в кратком часе весь округ земли покорил?»[1393] Преобразования, нацеленные на священную войну, переустраивают и мобилизуют на войну всё Русское царство: вносят порядок в лестницу высших военных чинов и устанавливают «воздаяния» за пролитие вражеской крови, учреждают справедливые суды, меняют облик самого войска. Этим роль советников не ограничивается. Они наставляют, как лучше вести войну, в какой момент в бой нужно вступить царю, как возвращаться войску из похода и против какого врага важно начать войну. Один за другим в «Истории» следуют

[1389] NM. Bd. 1. F. 37. Anm. a.

[1390] NM. Bd. 1. F. 38.

[1391] В данном случае получил развитие идеал религиозного спасения как искупления, понимаемого в равной мере как выкуп и жертва. Об этом см.: *Bogatyrev S.* Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // SEER. 2007. Vol. 85. P. 286; *Wünzenrath Ch.* Rachat ("rédemption"), fortification et diplomatie dans la steppe — la place de l'Empire de Moscou dans la traite des esclaves en Eurasie // Esclavages en Méditerranée. Espaces et dynamiques économiques. Madrid, 2012. P. 181–194.

[1392] NM. Bd. 1. F. 23v; Пс. 46.

[1393] NM. Bd. 3. F. 360v. Anm. a, b. Глоссы к слову «часе» — *времяни* и словам «весь округ земли» — *всю вселенную.*

примеры того, как царь пренебрегает советами мудрых и маститых, «правду советующих».

Князь Андрей, был ли он сам одним из «избранных» или нет, был в числе тех, кто несколько лет вершил судьбы Русского царства, будучи причастен к воплощению идеальной христианской империи. Детали русской жизни, изложенные в «Истории», часто уникальны и признаны многими поколениями исследователей ценным источником по истории конца 1540-х — начала 1560-х гг., а затем — важным собранием сведений и слухов из Российского царства в период, когда опричная политика Ивана IV резко ограничила доступ современников к информации из России. Роль самого князя Андрея в событиях подчеркнута его позицией рассказчика. Он свидетельствует от своего имени и во многом о себе, а после перехода на королевскую службу — о том, что удалось ему самому узнать. Эта позиция далека от предписаний объективизма. Однако благодаря ей мы узнаём интимные подробности жизни Рюриковича, боярина и воеводы, слуги царя Ивана IV. Он обсуждает подвиги и ошибки военных действий, восхищается мудростью своих учителей и Избранной рады и ненавидит «злых советников», «писарей» и «осифлянских мнихов», возмущается казанскими колдунами и ливонскими иконоборцами-лютеранами, проявляет уважение к героизму и великодушию противника Ф. фон Белла и т.д. Благодаря «Истории» читатель узнаёт черты характера придворных, соратников Курбского. Его похвалы ориентированы на житийные и летописные образцы, однако они всегда непаблонны и индивидуальны. Каждый его герой наделен своими дарами Святого Духа и своими особенностями поведения и, как и царь, проходит свой жизненный путь.

История не подчиняется предопределению. Курбский обличал волхователей и верящих в колдовство, видел в тех и других преступников против свободы воли. Не было места в истории и божественному предопределению. В одном из примечаний «Нового Маргарита» предложено толкование слова «фатум» как заблуждения, ереси, согласно которой существует «усуждение Божие неотменное овым мучитися, овым царствовати», как если бы человек мог быть добрым или злым не по «свойственной воле и произволению», а «по нужде и по написанию неякому»[1394]. Вера в такие «написания» вызывала в русском обществе бурные дискуссии в XVI в., когда Европу наводнили печатные астрологические альманахи, а в публичной жизни периодически возникали слухи о небесных знамениях, будто бы предвещающих скорый конец света[1395]. В Москве на эту тему еще в правление Василия III обменялись мнениями видный придворный Ф. И. Карпов и Максим Грек, призвавший не поддаваться новой моде[1396]. Курбский также отзывается о «звездочетах», считая их учениками «перских волхованей», а не поборниками «истинные астрологии»[1397], а идею предопределения судьбы рождением человека «под таковою звездою албо в такий час» считает безумием, нарушением естественного самовластия[1398]. Деление астрологии на «черную» и «белую» было общепринятым в средневековой науке и в западном, и в восточном христианстве, и в спорах XVI в. получает развитие то направление мысли, которое творцом подлинной астрологии делало сына Адама, Сифа, а гадателей и предсказателей, покушающихся на божественные тайны, производило от вавилонских волхвов.

«История» Курбского как будто бы нарушает этот принцип, начинаясь с поучения о том, что доброму началу бывает добрый конец, и наоборот — от зла происходит лишь зло. Эту мысль Курбский вычитал, возможно, в сборнике афоризмов богослова Эразма Роттердамского — «Герасмуса Ретородама»[1399]. И в повести о кн. М. И. Воротынском звучат слова о том, что царь Иван родился от «злых семян». Противоречие здесь мнимое. В московской власти князь обнаруживает следы духовной дегенерации, вызванной не фатумом, судьбой или божественным предопределением, а приверженностью великих князей к богохульству, братоубийству и преступлениям против Святого Духа. Эта преемственность в грехе не распространяется на весь род. У великих князей доблестные и святые удельные родичи, которых великие князья притесняют и уничтожают. Курбский ищет причины недавних событий и видит в происходящем кару за грехи, т.е. за череду свободных поступков правителей. Об этом же свидетельствует еще одна глосса к «Новому Маргариту» — на этот раз к слову «судьба». Все, кто уклонился в неверие, «сами себе усудили, сиречь произволили непотребны быти»[1400]. Но все рождаются «межи гноищем», а не в злате-серебре, бисерах и шелках.

[1394] NM. Bd. 2. F. 239. Anm. a.

[1395] *Делюмо Ж.* Цивилизация Возрождения. Екатеринбург, 2006.

[1396] *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977.

[1397] DJD. S. 228 (F. 57b. Anm. 21∞).

[1398] DJD. S. 236 (F. 59b. Anm. 4∞).

[1399] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Bd. 3. S. 41–42; Bd. 4. S. 73–81; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 63.

[1400] NM. Bd. 1. F. 11. Anm. g.

И Бог возносит человека от «гноища», как вознес Иова. Среди христиан вера в предопределение также распространена — ее Курбский считает ересью и возводит к трудам Оригена, который учил, что души созданы на небе «искони» и еще до воплощения в телах «исполняют дела добрые албо злые, и за грехи сослани бывають на землю, и всаждаются в телеса аки в темницу, но отомщение прежним грехом своим»[1401].

Грех не передается по наследству — это противоречило бы Священному Писанию. Но грех, по трагической и трагедийной логике, заложен в поступках великих князей, за которые Бог карает и их самих, и всю христианскую республику уродством власти — тиранией Ивана IV, и физическим уродством — неполноценностью и зверообразием его брата Юрия. Сами противоестественные поступки Ивана и болезнь Юрия являются знамениями Божьей кары (л. 91 — 91 об.). В «Новом Маргарите» Курбский использует для обозначения такого вмешательства небесных сил в жизнь республики латинскую транслитерацию «пляги» и поясняет ее для читателя: «Сиречь казни з гневом Божиим за грехи от высоты пущаемые»[1402]. Грех не наследуется, но Господня кара может охватывать несколько поколений. Такие случаи известны Ветхому Завету, и один из них из Второзакония вспоминает князь Андрей в послесловии к своему Первому посланию: «Моавитин и аммонитин, и выблядок до десяти родов во церковь Божию не входят!»[1403]

Перед Иваном с самого начала «Истории» оказывается нелегкая, но всё же выполнимая задача — он должен искупить грех, освободить себя и республику от Божественной кары. Мудрые опытные советники знают путь к исцелению души великого князя[1404]. Они «утверждают царя», причем не только на троне и на поле брани, но и в добродетелях, в целомудрии. Во всех своих проявлениях без поддержки «избранных», «нарочитых» советников Иоанн ущербен. Его качества упрямо тянут его в грех. «Велицые и гордые паны», московские бояре, соревнуются между собой в лести и угождении юному монарху, с помощью которого они «ретятся» между собой (л. 3 об.). Курбский не отступает от того образа детства и юности Ивана IV, который широко распространился в конце 1540-х — начале 1550-х гг. и сохранился в исторической памяти вплоть до нашего времени. Необузданное и своевольное боярство борется за придворное влияние, разлагая душу великого князя и используя его в своих корыстных целях, пока тот сбрасывает животных, а затем и людей с «высоких стремнин», носится со сверстниками по улицам и торжищам, проливает кровь своих приближенных и погрязает в пьянстве. Перелом наступает лишь после первой общей кары, посланной Богом на смирение республики и великого князя. Пожар 1547 г. представлен у Курбского, как и в официальном летописании, как наказание, после которого царь резко поменялся. Избранные советники привели его на «узкий путь» покаяния с широкого пути, ведущего его самого и всю страну к погибели.

Этот перелом не вызывает у самого Курбского доверия. Он подозревает вымысел в страшных словах царского духовника благовещенского протопопа Сильвестра и видит в окружении Ивана новых злых советников, а в нем самом всё ту же тягу к преступлениям и греху. Но не только отвратить от зла можно «детскими страшилами», вид благочестия не менее опасен своим вторым дном, за личиной добродетели часто кроется злодейство. Иоанн Златоуст в переводе Курбского обличает правителей, которые хитростью и лестью («хитролесне») грабят свой народ, на вид же «кротки суть, мерны и ласковы, не ото истинны», но чтобы завладеть совестью людей, отнять у них свободу с помощью «словесы лукавыми»[1405]. В борьбе за царское целомудрие противостоят друг другу могущественные силы. Эта борьба видна в решающем Казанском походе. Вокруг царя «корыстовники», бросившиеся грабить город вместо того, чтобы продолжать тяжелые уличные бои и преследовать врага. Сам царь борется со страхом, и лишь под влиянием советников возглавляет штурм крепости. Затем злые советники всё же одерживают победу: «шурья» Юрьевы убеждают царя уехать из нововзятого города, да еще и посылают основное войско по непроходимым местам, обрекая его на потерю главного трофея — татарских коней. Пока великий князь правит целомудренно, Бог дарит ему одно царство за другим, воздает ему победами над крымским ханом, которые можно было бы развить и привести к окончательному успеху. Побеждены и ереси. В самой Святорусской империи раздавлены «плевелы», хотя злые и завистливые иосифляне пытаются под видом борьбы с ересями расправиться с ненавистными им своим подвижничеством нестяжательными монахами-отшельниками, как

[1401] DJD. S. 470 (F. 118a. Anm. 21°°).

[1402] NM. Bd. 2. F. 178v. Anm. g.

[1403] ПИГАК. С. 9, 11; Втор. 23: 2–3. См. комментарий: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 288.

[1404] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 173.

[1405] NM. Bd. 3. F. 324. Anm. d, e, f.

когда-то изгнали и заточили учителя Курбского, Максима Грека. В Ливонии наказаны иконоборцы и хулители Бога, отступившие от правой веры и устремившиеся на «широкий путь» лютеранства. Казалось бы, царство достигло зенита. И всё же «внешнее могущество» и «сила» должны подкрепляться добродетельным правлением, готовностью жертвовать собой, спасая пленных братьев и поддерживая вдов и матерей убитых христианских воинов. Мудрые советники подсказывали и правоучали, но царь слушал не их. Он дал себе ложно благочестивый обет после выздоровления в марте 1553 г., не послушал мудрых поучений старца Максима и отправился слушать дьявольские нашептывания Вассиана Тоноркова. И по пророчеству сразу потерял сына Дмитрия. А когда умерла царица Анастасия, Иван заподозрил своих советников в колдовском отравлении жены и прогнал Избранную раду, исполнив заветы Вассиана — оставив вокруг себя лишь «ласкателей» и «полк сатанинский», которые и привели царя и республику к катастрофе.

Новый перелом в царе означал, что на его успехах поставлен крест. Если в «Истории» Сильвестр запугивает царя случившейся Божьей карой — пожаром 1547 г., то в глоссе к «Новому Маргариту» появляется предсказание Сильвестра в момент, когда он уходит от царя около 1560 г. — в этот раз сам царский духовник предвещает Москве пожар, который вскоре и случается. Огонь подобен адскому пламени, но из земного «пожара» огня и жестокости можно выйти, покаявшись и очистившись: «...на земли только, а не во аде покаяние силу мает, да ищем Господа, егда время маем»[1406]. Самая страшная кара постигнет Москву в 1571 г. Христианская республика, ее земли и столица разорены крымским ханом, который раньше не находил себе места даже в стени, скрываясь от московских полков. А сам царь — «бегун и хороняка», теперь его очередь скрываться от крымских татар. Опытные и мудрые воеводы перебиты, казнены, изгнаны, брошены в тюрьму и насильственно пострижены самим царем, а его опричные вояки — малограмотные в военном деле «калики». Война в «Истории» заканчивается в тот момент, когда вместо «избранной рады» к царю «слетаются» отовсюду злые советники. После этого нет ни слова о войнах 1560-х гг., тем более что Россия вступила в братоубийственную борьбу с православными Великого княжества Литовского. Пока разгоралась война с единоверцами, саму Русскую землю разоряют

[1406] NM. Bd. 1. F. 71.

«История» князя Андрея Курбского. Москва. Государственный исторический музей. Список ОР ГИМ, собр. А. С. Уварова № 301. Л. 1.

«два дракона». Внешний — крымский хан и еще более страшный внутренний — поощряемый приспешниками царь, который, как во времена гонений на христиан, внутренней войной разделил «верных». Как во времена царей-мучителей, в Русской земле «стежание выдираемо было, свобода отемлема, и жытия страх налегал, не ижбы варвари на нас находили, но кои виделися над нами господствовати и начальники быти, горее на подручные нежели на враги ярилися»[1407].

Для «Истории», или «историйки», это и есть «конец зол». Предисловие «Нового Маргарита» начинается словами о наступлении «века звериного» в Восьмом тысячелетии от Сотворения Мира[1408]. Тот же вопрос, что и в «Истории», звучит и здесь, в этой «истории краткой», но выражению Курбского. Кара постигла нас «за грехи наши». Но по каким причинам («которая вина сицевым»)? В отечестве горит «огнь мучительства», и виной всему победившие приспешники Ивана, окружившие его лестью, подучающие его убивать и грабить единоверцев. Республику захватили палачи, «кромешники» то и дело нарушают Закон Божий, который учит прощать грехи, не винить сына за отца, а отца за сына. А эти казнят и грешника, и праведника, и вокруг до трех поколений от отца и от матери, убивают так называемых изменников «всеродно», а вдобавок и их соседей, и даже тех, кто «мало ко дружбе причастен». Картины невиданных в Русской земле пыток заполняют страницы «Истории» после того, как разгромлена Избранная рада и ее лидеры лишены царской милости и жизни. На месте «царя» и «нашего царя» в рассказе появляется безликий

[1407] NM. Bd. 1. F. 73–73v. В цитате опущены две глоссы.

[1408] «Восьмой день» и «седьморичное число» Курбский упоминает и в томе «Иоанн Дамаскин» в одной из глосс, ссылаясь на книгу Кирилла Александрийского. В другом месте Курбский поясняет, что Восьмой день, т.е. Восьмое тысячелетие наступает с приходом Христа и Страшным судом, «понеже осмая тысяча конца не имеет, скончавшу бо ся седморичному веку, сиреч седмотисещному, осмый же есть яко окромный и свободный от числа седморичнаго», Восьмой — век Господа. См.: DJD. S. 598 (F. 150a. Anm. 2∞), 606 (F. 152a. Anm. 15∞). См. об этом: *Тихонюк И.А.* «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению СССР XIII–XVIII вв. М., 1986; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.; СПб., 2009.

№ 224 нов. Карелія

Исторія о казанскомъ царствѣ: сиѣ бѣ

оудостовѣрныхъ мужей, іеже видѣхомъ сочима
нашима, сіе сокращение вмещаючи, іако во мо
го написа, великого ради докучанія отъ многи;

Многократъ отъ многи святыхъ мужей вопрошаемъ бы
великимъ докучаніемъ, о куду сія приключи
шася. Такъ прежде добромъ и нарочитому
царю, многа ходы за отечество іѡ здравіи
своемъ нерадяще. Не воинныя вещи сопроти
вратсовъ Христа Христова труды тяжкіе и бѣды, нѣ
численные потомъ претерпѣвающе, и прежде
отсовсѣ добрубславу имущему, и многа ды умре
ча соподыханіе и слезами не воохотѣ обвещати.

Стужаніе

Пресвѣтлымъ

«он», «наш же», которого своим царем Курбский больше не считает. Даже в житийных повестях о священномучениках, митрополите Филиппе и Феодорите Кольском, царь выступает в своем человеческом образе и царском чине лишь в сюжетах, предшествующих «ножару лютости». Отныне «он» становится слугой антихриста, сатаны, вступает в сделку с дьяволом, становится, как сказано в Третьем послании, «соподвижником первого зверя и самого великого дракона»[1409]. В финале все избиенные мученики отправляются на небеса, где их ждет их подлинный Царь вместе с «небесным» апостолом Павлом. Курбский мог помнить слова «Нового Маргарита»: «Нами Христос управляет и в нас царствует»[1410]. Воздаяния ждут и невинно пострадавшие живые, и те, кто уже погиб. А царь Иван, новый Саул, еще жив. Но он может судить о том, что его ждет, по приметам вокруг себя. Палачи-кромешники, как Курбский называет опричников, уже перегрызлись между собой и убивают друг друга. Воеводы и прочие «сыны русские» позорно сдают рубежи, занятые в бытность «избранных советников» и Курбского при царе на управлении республикой. Так представлено взятие Полоцка войском Стефана Батория в 1579 г. в Третьем послании Ивану.

Андрей Курбский своим литературным сборником отвечает сразу на все обвинения царя Ивана: покушение на жизнь и здоровье царя, его жены, детей; попытка захвата власти в Ярославле; неумелое воеводство; оскорбление величества словом и делом; преступление против царской воли; вероотступничество и ересь. Между тем, вычеркивая князя из российской действительности, царь был бессилен вычеркнуть его из прошлого своей страны. В летописях сохранились упоминания подвигов Курбского, в разрядах упомянуты его полковые назначения, ранения и награды. Даже из Лицевого летописного свода царя Ивана не удалены его изображения, конечно, далекие от портретных, в батальных сюжетах и в момент побега из Юрьева — одно из них целиком посвящено подвигам Курбского и его падению с коня во время Казанского штурма[1411]. В русских землях Короны и Литвы Курбский был также далек от мысли навсегда «удалиться» от своего отечества. Князь его и не покидал. Он убежден, что живет в изгнании в «тутошней» русской земле, которая такая же русская, как и «тамошняя», московская, где царь затворил всю землю, т.е. «свободное естество человеческое», как «во адове твердыни»[1412]. В Первом послании царю, включая его в сборник своих сочинений о царе Иване, Курбский сделает приписку о том, как в России «наругается ангельский образ» — своих опальных всей семьей, включая маленьких детей, царь «силою во мнихи стрижет», «затворяюще их в монастырех твердых в темных келиах и чиняше святые места твердынями адскими»[1413]. Вся «тамошняя» Русская земля превратилась в такой монастырь-тюрьму, где ограничивается свобода, а места духовного подвига превращаются в адские казематы. Тех же, кто пытается выйти на волю, царь называет изменниками. В ответ в Третьем послании Курбского звучит идея, почерпнутая из ветхозаветной книги Сир. 39: 1–5: человек имеет право выезжать «в земли чуждих язык», чтобы укрепить веру в Господа и «искусить добро и зло»[1414].

Слухи о событиях в Москве князю Андрею приносят пленные и перебежчики. Одного такого пленника князю дарит его друг кн. А. И. Полубенский. Иван был захвачен в январе 1569 г. во время диверсии в Изборске, когда переодетые в опричников литвины и беглые московиты были впущены в крепость обманутым воеводой. Иван стал секретарем князя и затем бежал от него, унеся его документы и книги. В кругу знакомых и друзей Курбского мелькают имена московитов. При его дворе состоят бежавшие с ним из России Иван Калымет и др. Другие служат у него, появляются в доверенных лицах и просто приезжают. Агиш Сарыхозин подписывает его договор, оставляет у него свою амуницию, Умар Сарыхозин берет у него взаймы, слуга Курбского помогает Владимиру Заболоцкому вернуть себе волынское имение, Тимофей Тетерин — его сосед по унитскому имению, Петр Остафьев Вороновецкий служит у князя судебным поверенным и погибает от рук его слуги. Курбский покровительствует соотечественникам, и не только в жизни, но и в исторической памяти — фамильные прозвища этих детей боярских, нетитулованных

[1409] ПИГАК. С. 117.

[1410] NM. Bd. 2. F. 199v.

[1411] ОР ГИМ. Синодальное собр. № 149. Л. 619, публ.: Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI века: В 10 кн. Кн. 10. Царственная книга. М., 2006. Л. 619 (в издании нет пагинации); ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 218, 513; ПСРЛ. М., 2009. Т. 29. С. 107–108, 203. См. также: Лицевой летописный свод XVI века: методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / сост.: Е. А. Белоконь, В. В. Морозов, С. А. Морозов. М., 2003. С. 153 (л. 619).

[1412] ПИГАК. С. 110; СК. Л. 146.

[1413] ПИГАК. С. 10, 356. Примеч. ж (л. 136); СК. Л. 136. Примеч. *.

[1414] *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 454–459.

рыцарей Святорусской христианской империи, лишившихся отечества, где их роды искоренены, попадают на страницы его «Истории», как в самом Русском царстве в последние месяцы жизни царя Ивана многие из этих фамилий попадут в синодики опальных для вечного поминания.

За что убивают в Русской земле? Не за «чары» и «измены», которыми, как «ложными страшилами», окружил себя царь, когда возвел стену между собой и своими верными слугами. Предлоги, отговорки скрывают болезненную жестокость, ничем не сдерживаемое и ведомое свободной волей «зверское начало» в душе человека. Глубже причины и основания, управляемые великим грехами, — страсть к наживе и неограниченной власти, похоть и чревоугодие, гордыня. Великие князья в наказание «сынам русским» отдались во власть грехов. Их манят «отчины великие» княжеских «родов» и «племиц». Им мало власти, данной прирожденным саном, они именуют своих слуг холопами, будто татарскими рабами, какими сами великие князья долго были и при помощи тех же слуг быть перестали. Они позволяют себе менять жен в обход церковных канонов. Старик-отец Ивана под властью похоти развелся с законной женой, нашел себе юницу, а потом еще и волхвов пришлось искать для помощи в «чадородии». Сам Иван сменил пять или шесть жен, свидетели Курбского со счету сбились, а ему и того мало — он и его слуги везде волокут за собой целыми «подводами» девиц, «нещадно чистоту их разтлевающе»[1415]. Великие князья пируют до умопомрачения, а их прихлебатели прямо на пирах, пьяные, ссорятся между собой, доносят на пеньющих и угрюмых приглашенных, упрекая их в злом умысле против царя и честной компании. Прямо на пирах разыгрываются отвратительные шутки, во хмелю царь приказывает казнить, оплаляется и унижает, заставляет пениваться и танцевать в карнавальных масках. Своей «лютостью» и «сквернами» он превзошел даже гонителя христиан императора Нерона (л. 91 — 91 об.). Обличение «мучителя» в тирании приводит ряд героев «Истории» к смерти — перед глазами читателя выстраивается череда мучеников политического сопротивления — кн. Д. Овчинин, М. Митков, митр. Герман Полев, митр. Филипп и др. Римская параллель была в равной мере понятна всем читателям-христианам. Для польско-литовских современников Курбского Нерон был безусловным тираном и гонителем христиан ("okrutny władca", "okrutny tyran")[1416].

Примеры насилия власти над подданными поступали из Русского царства в изобилии, становясь одним из важных средств антимосковской пропаганды. В записках А. Шлихтинга, Г. Штадена, И. Таубе и Э. Крузе, в сообщениях имперских, шведских, датских и польских послов тайная изнанка московской жизни стала явью. Впрочем, при жизни царя Ивана широкое распространение получили только отзывы о нем А. Шлихтинга, дополненные и литературно обработанные в хронике А. Гваньини[1417]. Курбский был также свидетелем не столько перед людьми, сколько перед Царем Небесным, хотя в «Истории» он и высказывает надежду, что его поправят свидетели и более «острозрительные» и памятливые современники. Обличение московской тирании, особенно после казней 1570 г. в Российском государстве и унижений, обрушившихся на польско-литовское и шведское посольства, звучали отныне явственными и слышными голосами свидетелей и жертв, а не только шпионов и перебежчиков. Царь Иван знал о слухах, подрывающих образ России в глазах европейцев, однако продолжал считать, что на него и за рубежом наговаривают его изменники. Ни «История», ни подобные ей сочинения прямо в упреках, исходивших из стен Посольского приказа, не упоминаются, даже после того, как в 1581 г. польский король Стефан Баторий и канцлер Ян Замойский отправили Ивану IV книги о Московии — «Записки» С. Герберштейна, «Ливонию» Кранция и «Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини. Царь обещал прочитать присланное, но прочитал ли — неизвестно[1418]. В Речи По-

[1415] СК. Л. 159. По всей видимости, царь Иван IV был женат шесть раз. Его пятая жена, Анна Васильчикова, умерла в конце 1576 — начале 1577 г. К сентябрю 1579 г., когда Курбский работал над Третьим посланием царю, Иван IV оставался вдовцом, однако при дворе знали о том, что царь живет невенчанным браком с Василисой Мелентьевой: *Кучкин В.А.* Московские Рюриковичи. Генеалогия и демография // Исторический Вѣстникъ: История — свидетельница времен. М., 2013. Т. 4 (151). С. 55.

[1416] *Orzechowski S.* Wybór pism / oprac. J. Starnawski. Wrocław et al., 1972. S. 17.

[1417] *Шмурло Е.Ф.* Россия и Италия. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 253–255; *Poe M.T.* "A People Born to Slavery" (по указателю); *Grala H.* Wokół dzieła i osoby Alberta Schlichtinga. (Przyczynek do dziejów propagandy antymoskiewskiej w drugiej połowie XVI w.) // SŹ. 2000. T. 38. S. 35–52; *Mund S.* Orbis Russiarum. P. 325 ff.

[1418] ПК-79-13. Л. 333 об.; ПК-78-1. Л. 251, 284 об.; *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою. С. 219–220. Примеч. 3; *Grala H.* Die Rezeption der "Rerum Moscoviticarum Commentarii" des Sigismund von Herberstein in Polen-Litauen in der 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts // 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999. Jubiläumsvorträge herausgegeben von F. Kämpfer

снолитой на его репутацию влияли не только сочинения хронистов и мемуаристов, но и предвыборные памфлеты во время двух первых бескоролевий 1572–1574 и 1574–1576 гг.

Тревоги шляхты концентрировались не только вокруг тех сюжетов, которые выступают в «Истории» Курбского. Конечно, для шляхты Иван — «жестокий тиран», гонитель своих подданных, а для неправославной и части православной шляхты — еще и нетерпимый религиозный фанатик. Однако казнь «изменников» и «твердая рука» вызывали иной раз даже одобрение, особенно в шляхетских низах. Тревожно же было стремление царя Ивана территориальными уступками заманить в состав России Великое княжество Литовское, «поделиться частью, чтобы пожрать целое», его желание контролировать Балтийское море и опасность войны с могущественной Османской империей в случае союза Речи Посполитой с Москвой[1419]. Две Руси Курбского, «тамошняя» и «здешняя», разделены в «Истории» не этнорелигиозной границей, а политико-правовой. В русской культуре одним из первых князь Андрей противопоставляет российской политической реальности «западные» ценности — права и свободы западных царей и королей, охраняющие жизнь и волеизъявление жителей Европы[1420]. Польские и литовские современники Курбского закладывали основы понятия «Европа», вытесняя московское население за ментальные границы этой новой общности. Это понятие чаще всего используется в прочитанной Курбским «Хронике всего света» историка и географа-кальвиниста М. Бельского (1-е изд. 1551 г.), убежденного, что одним из важнейших преимуществ европейской цивилизации перед «другими землями» является соблюдение письменных законов[1421]. Усилие московита-историка в изгнании было направлено на то, чтобы увидеть в отделении Московской Руси от Европы результат трагической ошибки — моральной, физической и политической деградации великих князей московских, которая пока не отразилась на их подданных, верных идеалам свободной христианской республики.

У нас нет данных о том, что «История» была прочитана в Европе при жизни Курбского, однако показательно обратное — связь этого сочинения с оценками современников, эпистолярными и литературными приемами его времени. Параллели устойчивым конструкциям «Истории» несложно обнаружить в современной Курбскому польскоязычной переписке, причем иногда в контекстах, прямо относящихся к польско-литовско-российским отношениям. Так, в письме от 12 июля 1572 г. канцлеру литовскому Миколаю Радзивиллу староста жмудский Ян Ходкевич сожалеет по поводу «той скорбной и жалостной новости о смерти Его Королевской Милости»[1422]. Подобную конструкцию можно в ряде случаев встретить у Курбского в словах о «жалостных трагедиях», постигших Святорусское царство (л. 75, 87 об., 88 об., 113). Накануне Полоцкого похода короля Стефана Батория 24 апреля 1579 г. близкий друг и покровитель Курбского кн. К. К. Острожский в письме гетману К. Радзивиллу Перуну рассуждает о планах короля идти на Москву и использует такое же сравнение, которое мы находим в «Истории» (л. 41): «А доходящие до нас слухи, что Его Королевская Милость изволит очень быстро двигаться с войском против своего неприятеля великого князя московского, — это держится в тайне. Меня это не удивляет, так это и должно быть, так как полководцы целятся в одну сторону, а стреляют в другую»[1423]. В эпистолярном обиходе была в Речи Посполитой и переиначенная в издании Кресчентино цитата из Цицерона, читающаяся в архетипе «Истории» Курбского: "perpetuus inimicus amicorum suorum" (ср. *вечный враг своих друзей*). Д. Езерский в письме к престарелому канцлеру М. Ю. Радзивиллу от 18 января 1584 г. соглашается поменять свое отношение к пану Турчину, «о котором Ваша Княжеская Милость мне писать изволил, чтобы я простил ему его гнев на меня — с того

und R. Frötschner. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. S. 322.

[1419] *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения... С. 71–119; *Kąkolewski I.* Melancholia władzy: problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007; *Hodana T.* Między królem a carem... S. 14–15.

[1420] В «Истории о Осьмом соборе» в число западных королей на момент Ферраро-Флорентийского собора 1537–1539 гг. включены католические правители и не включены византийский император, русские великие князья и «княжата болгарские и сербские». Показательно, что почти во всех ранних списках Сборника Курбского читается ошибка в передаче самого понятия, далекого от реалий московских переписчиков конца XVII в.: «...и ко всем королем заповедным» (СК. Л. 214 об.).

[1421] *Tazbir J.* La République nobiliaire et le monde. Etudes sur l'histoire de la culture polonaise à l'époque du baroque / trad. fr. L. Grobelak. Wrocław et al., 1986. (Polish Historical Library. N 7). P. 63–64, 68–69.

[1422] AR. Dz. V. Sygn. 2054. S. 1: "o tej płaczliwey a żałoszney nowynye szmyerczy Jego KM".

[1423] AR. Dz. V. Sygn. 11078. S. 84: "a ysz owdzie przychodzą do nas takie sluchy, ze sie iego k m barzo prętko raczi mieć wolę ruszyc sie z woiskiem wielkim przeciw nieprzyacielewi swemu wielkiemu xiedzu moskiewskiemu, iedno to iest taino czemu sie nie dziwuie i tak ma byc, gdysz woiewniczy nie tam strzelą gdzie mierzą...".

момента, как только я увидел письмо Вашей Милости, factus sum illi ex inimico amicissimus» (ср. *...сделался я из его врага в преданного друга*)[1424]. В переписке Острожского встречается и эмфатичный зачин «а кто бы...», один из излюбленных риторических приемов Курбского. Скажем, «новоизбиенные мученики» заслуживают похвалы: «А кто бы, ум здрав имеюще, возбранялся их похваляти?» (л. 128 об.). Или о выборе между опасностями «внешнего» и «внутреннего» драконов: какого из них любой читатель сочтет менее опасным для республики? — «Кто бы прел, иже внешняго!» (л. 129). Ср. в письме Острожского, датированном между 1569 и 1572 гг.: «А кто бы не считал за добро и не принимал с благодарностью...?»[1425] Можно найти и такую параллель. Вспомним слова кн. М. И. Воротынского, который во время пыток объясняет царю, что научился у своих прародителей не колдовать, а хвалить Бога и верно служить своему господарю (л. 89). Каштелян закрочимский П. Граевский в письме старосте лецкому Б. Ценгеру отстаивает в 1580 г. невиновность свою и своих слуг, прусаков и мазовшан, которых будто бы по нраву за мелкие проступки хватают, лишают имений и облагают денежными штрафами: «Я родился у благородных шляхетных родителей и не был в такой школе, в которой учились Твоя Милость и твой товарищ. Такого нрава, о котором Твоя Милость мне пишешь, нет во всем христианстве — только в Москве, где также ad simplicem 7 privatum accusationem без смысла и оснований людей хватают и убивают без позиции, без контроверсии и без какого-либо правового основания»[1426]. В восточноевропейской энистолярной культуре «История» Курбского занимает исключительное место, будучи отчасти ответом на письмо или письма царя Ивана IV и в завуалированной форме — посланием к своим современникам, написанным с применением свойственных переписке риторических формул и приемов.

Одна из задач «Истории» — вспомнить перед Господом о погибших, о всех гонимых в Русской земле, а о ком сказать не хватает памяти — подумать и просить Господа найти его имя и деяния в «книгах животных», которые лежат на небесах и ждут каждого на Страшный суд по делам его, а в отличие от земного суда, которым судили Иоанна Затоуста и Сильвестра с Адашевым, Страшный суд подобен свету, «не мающе тмы неведения»[1427]. Князь пишет свою «Историю» еще до инициатив Ивана IV по организации поминания в крупнейших обителях жертв царского гнева и несправедливого расследования, казненных «без вины». Царь еще не убил своего сына Ивана и не раскаялся в своих преступлениях, а возможно, и не считает, что кто-то по его указу казнен несправедливо. «История» Курбского — и есть свидетельство перед Богом, о чем Курбский написал еще в Первом послании царю, обещая ему ждать Суда, но не молчать: «Не мни, царю, не помышляй нас суемудренными мысльми, аки уже погибших и избьенных от тебе неповинно, и заточенных, и прогнанных без правды. Не радуйся о сем, аки одолением тощим хвалися: разсеченныя от тебе, у престола Господня стояще, отмщения на тя просят, заточенные же и прогнанные от тебе бес правды от земля к Богу вонием день и нощь на тя!»[1428] В послании Курбский следовал за словами Евангелия от Луки: «Бог же не имать ли сотворити отмщение избранных своих, вопиющих к нему день и нощь, и доготерпит о них. Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре» (Лк. 18: 6–8). Во Втором послании он цитирует притчи царя Соломона: «Тогда, рече, станутъ праведнии пред лицем мучащих», — и поясняет: «...егда Христос приидет судити, и возглаголют со многим дерзновением со мучащими или обидящими их»[1429]. Вспоминая казнимых и гонимых праведников, «История» раскрывает на живых примерах слова Евангелия от Матфея: «...блажени бо гонение терпящи правды ради, ибо таковых есть Царство Небесное» (Матф. 5). И рассказ, местами сводящийся к мартирологу, перечислению жертв, задерживается на ярких образцах стойкости и мужества, подвижничества перед

[1424] AR. Dz. V. Sygn. 6072. S. 5: "A co sie dotycze Pana Turczyna, około ktorego wasza Xca Mc pisać do mnie raczył abych mu rozgniewanie przeciwku mnie odpuscił, tedy ex illa hora, iakom list waszey Xc Mci uyzrzał, factus sum illi ex inimico amicissimus".

[1425] AR. Dz. V. Sygn. 11078. S. 9: "Ktozby taky bil ktorzyby za dobrze nie dzieloual y nieudzecznie przymoual..."

[1426] GStAPK. XX. Haubtabteilung Historisches Staatsarchiv Königsberg. Etatsministerium. Tit. 111k. N 18. F. 16 (Петр Граевский — Бальцер Ценгер. Граев, 21 декабря 1580 г.): "Jam sie urodzil s poczciwych slachetnych rodzicow y nie bylem w takiey szkole, w yakiey się t: m: y s towarzyszem uczyl. Prawa takiego o yakiem mi t: m: piszesz, we wszem chrześcianstwie nie masz, tylko w Moskwie, gdzie też ad simplicem 7 privatum accusationem bes rosądku y baczenia zadnego lapayą ludzie y morduyą, imiona biorą bes pozicii, bes controversiey y bes prawa zadnego".

[1427] NM. Bd. 1. F. 55.

[1428] ПИГАК. С. 8, ср. с. 10; *Рыков Ю.Д.* К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 239; *Auerbach I.* Kurbskij-Studien. S. 206; *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 266–268.

[1429] ПИГАК. С. 102; *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 320–321.

лицом смерти[1430]. Впрочем, номинальные жанры от краткого синодика до развернутого жития присутствуют в заключительных разделах «Истории», и дворянские роды даже относительно невысокого статуса в государевом дворе, если их представители невинно пострадали от царя и его слуг, вкратце упомянуты. Курбский хорошо ориентировался в церковной номинальной практике. В одной из его глосс есть краткая заметка к слову «каталог»: «Сказ. В великих церквах есть обычай у святого жертовника по обе две страны тщицы прибиты, на коих отшедших во правоверию царей имяна и епископов святых написанны бывают, то по греческу каталог нарицается, а по словенску поменник»[1431].

На выбор Курбского из рядов пострадавших в Российском царстве вряд ли повлияли личные качества «новоизбиенных мучеников». Пример всем гонимым «без правды» показал разбойник, первым вошедший в рай, в то время как апостол Петр трижды от Христа отрекся, устрашившись «девицы простые грозбы». Внимание переводчиков «Нового Маргарита» приковано к разбойнику, который на кресте «муки презирующе, отовсюду на люд предстоящий зряще, вонирюще, великим беснованием, неистовством, всех злодейств ярящихся неистовством распаленных не боялся», и познал Небесного Царя, моля: «Помени мя во Царствии Твоем»[1432]. Путь спасения в исповедании грехов, и по нему еще может пойти даже царь, казнящий новых мучеников, если признает свои грехи и покается. «История» преподносит царю совет его бывшего боярина, пострадавшего от него и свидетельствующего за всех гонимых, но всё еще пекущегося за душу царя и христианскую республику. Это молитва «за враги наши», чтобы царь вспомнил пример царя Давида, который был наказан Богом за исчисление народов Израиля и Иудеи. Давид умел каяться и принимать на себя грех, чтобы спасти от Божьей кары свой народ. Но для этого он сам молился, чтобы Бог наказал его самого и дом его отца: «Аз, настыру, согреших, аз зло соделах, да будет надо мною рука Твоя и над домом отца моего!»[1433].

Новация ренессансного мыслителя — возмущение преследованиями за инакомыслие, за ереси. Как отметил Р. Г. Скрынников, спор между царем и Курбским сосредоточен «на вопросе, кто остался верен идеалу христианского царства, а кто стал "сопротивен" ему, то есть впал в ересь»[1434]. Уличенный в ереси воевода был приравнен в своем отечестве к «ересиархам», а значит, не мог искать заступничества церкви «от Вавилона»[1435]. В ответ звучит его упрек царю, что и он, и его окружение впали в «небытную ересь»[1436]. Воздавая «неслыханными от века» муками, казнями и гонением своим верным слугам, царь прельстился еретической мыслью, что сам он вечен и не будет отвечать за свои суды перед Неумытным Судией. Курбский убежден, что с ересями нужно бороться, как нужно искоренять плевелы в чистой вере. Его сочинения полны обличения реформационных учений, перед которыми меркнут даже разногласия между православными и католиками. Более того, он убежден, что еретики сами себя обличают и проклинают на вечную погибель. В толковании Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея второе испытание Христа, когда дьявол «на крыле церковном» призвал Его «верзися доле!», звучит комментарий Златоуста о том, что дьявол так уже «многих еретиков от высоты вселенские веры в пропасти свергл, так некоторых по делех праведных якобы с вежи сревает, егда от смирения Господня отлучит и в гордость разума вознесет»[1437]. Однако князь Андрей не допускает физического насилия по отношению к еретикам, сближаясь во взглядах с европейскими интеллектуалами, первыми в мировой истории защитниками толерантности[1438]. В «Новом Маргарите» Иоанн Златоуст упоминает еретика Фотина, учившего о непредвечном начале Бога-Сына с момента Воплощения, т. е. Рождества, и Курбский и его сотрудник поясняет: «...яко и нынешнего века еретици, глаголаемые новокрещенцы, их же безбожия наследуют многые неразумные»[1439]. В житии римского папы Сильвестра Курбский находил оправдание своей позиции, в отличие от новгородского архиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого, искавших в святоотеческой традиции доказательства в пользу смертной казни для еретиков. Житие

[1430] *Скрынников Р. Г.* Переписка... С. 46. Примеч. 140; С. 62.

[1431] NM. Bd. 1. F. 419. Anm. d. Ср. «в каталог клирический» (*in cleri catalogum*): ЖСПР. С. 48–52 (л. 569 об. — 570).

[1432] NM. Bd. 1. F. 54.

[1433] NM. Bd. 1. F. 59.

[1434] *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 196.

[1435] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 154–158.

[1436] ПИГАК. С. 7. О «небытной ереси» в ППК и «Жалобе» Исайи Каменецкого см.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 236–237.

[1437] NM. Bd. 2. F. 189. В цитате опущена одна глосса.

[1438] *Hillar M.* Sebastian Castellio and the Struggle for Freedom of Conscience // Essays in the Philosophy of Humanism. 2002. Vol. 2. P. 31–56; *Zagorin P.* How the Idea of Religious Toleration Came to the West. Princeton, 2003. P. 93–144.

[1439] NM. Bd. 1. F. 17v.

Сильвестра, вновь переведенное Курбским для агиографического свода, на рубеже 1480–1490-х гг. представлялось обличителям ереси «жидовствующих» подозрительной книгой, распространяемой еретиками[1440].

К. К. Острожского Курбский призывает прогнать от себя еретиков — не убить, не ритуально сжечь, а всего лишь удалить от себя. В «Истории» Курбский хвалит преследование еретиков в Москве, когда их наставляли и исправляли, а не преследовали. Дело Матвея Башкина и Феодосия Косого 1553–1554 гг. показало расхождения в церковных кругах — за мягкость по отношению к «раскольникам» осужден был как еретик Артемий, бывший игумен троицкий, оправдываться перед судом пришлось и благовещенскому протопопу Сильвестру. Недостаточно уже не говорить о насилии, пришло время прямо возмущаться жестокости в борьбе с толкователями священного. Кто-то в Палестине и не только говорил по глупости, будто Христос родился не в тот день, который отмечает Церковь. Таких неучей Иоанн Златоуст «легце исправляет и легчайше обличает, наказующе апостольски». Легко и легчайше — а не как «нынешнего века пастыри», что за мелочи, за «занятые от сатаны» и хромоту «в догматех», «проклинают зелне и отгоняют от Церкви, но заточают до смерти, а некоторые сожигают жестостию, расточают наче, а не собирают любовию кротости»[1441]. В Третьем послании Ивану приведен перевод из Цицерона, в котором звучат слова: «Аще человека убил — погубил еси». Почти теми же словами современник Курбского Себастьяну Кастеллио оппонировал Жану Кальвину в трактате «О еретиках» ("De haereticis, an sint persequendi") 1554 г. и в рукописном послании «Против книги Кальвина» ("Contra libellum Calvini in quo ostenditur conatur haereticos jure gladii coercendos esse") того же года, обвиняя его в ритуальной казни Мигеля Сервета и преследовании соратников за веру: «Убить человека не значит защитить учение, это значит — убить человека. Когда женевцы убили Сервета, они не защитили учение, они убили человека»[1442]. Курбскому чужд очистительный порыв Иосифа Волоцкого, а самих иосифлян он считает виновниками духовных бед, разложения монашества и развращения власти. В комментарии к тому «Иоанн Дамаскин» Курбский обвиняет монахов-иосифлян в той же «небытной ереси», что в своем Первом послании он упрекал царя Ивана: «...не надеются за все прегрешения ответа дати на суде»[1443]. Никакие костры инквизиции не помогут обрести подлинную веру, однако пришло время говорить о том, что творимое от лица Церкви есть скрытое под мантией и «румянцем» древних учителей беззаконие. Впрочем, в русских землях Курбский не был первым противником инквизиции. Против казни за ересь выступал опальный и насильственно постриженный в монашество кн. Вассиан Патрикеев, около июля 1511 — июня 1514 г. составивший «Списание на Иосифа Волоцкого». Противником подходов Иосифа к очищению православия был и Максим Грек. И Вассиан, и Максим были обладали в глазах князя Андрея непререкаемым авторитетом. Мог он знать и еще об одном полемическом сочинении. Не ранее 1510-х гг., но возможно — около того же времени, когда дискуссия о религиозной толерантности вспыхнула между Кальвином и Кастеллио, «кирилловские старцы», т.е. монахи Кирилло-Белозерского монастыря, вслед за Патрикеевым дали отповедь на слова Иосифа Волоцкого «грешника или еретика руками убити или молитвою — едино есть». В распоряжении его противников были книги Библии, правила Василия Великого, Слово о Василии Великом Амфилохия Иконийского, слова Григория Богослова, постановления Вселенских соборов, Лествица Иоанна Лествичника, жития Саввы Освященного и епископа Льва Катанского, Пролог и Минея[1444]. В сочинениях Курбского защитником еретиков от насилия стал их обличитель, неоднократно цитируемый в сочинениях Иосифа Волоцкого, — Иоанн Златоуст.

Ложным благочестием окружили себя московские светские и церковные власти. Ради своих «обещаний» перед Богом и святыми они отсрочивают первоочередные дела и поступаются душевным миром. В 1553 г. Максим Грек на пути царя в Кирилло-Белозерский монастырь просил его отказаться от поездки, чтобы позаботиться о матерях и вдовах убитых в Казанском походе воинов. Царь не послушал мудрого старца, а продолжил свое поломничество, чтобы встретиться с другим монахом-иосифлянином, Вассианом Тонорковым, и услышать от него дьявольский

[1440] *Калугин В.В.* Предисловие. «Житие Сильвестра, папы римского»: причины, цели и особенности перевода // «Житие Сильвестра, папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского / сост. В. В. Калугин. М., 2003. С. 9–12.

[1441] NM. Bd. 1. F. 13v. Anm. d.

[1442] *Zagorin P.* How the Idea... P. 119.

[1443] DJD. S. 562 (F. 141a. Anm. 8°°).

[1444] *Анхимюк Ю.В.* Слово на «Списание Иосифа» — памятник раннего нестяжательства // Записки ОР ГБЛ. М., 1990. Вып. 49. С. 123–127; *Плигузов А.И.* «Ответ кирилловских старцев» // Древняя Русь. 2001. №5. С. 1–17.

совет прогнать из своего окружения всех мудрых советников. Духовные власти потакают властям и отказываются от своей прямой миссии — заступаться за осужденных и казнимых. «Печалование» церкви перед светской властью за гонимых забыто. Наоборот, монахи и белое духовенство соучаствуют в «пожаре лютости». Царь повелевает этим зверям в святительских ризах отлучать «избиенных от него различными муками» от «християнские части»[1445]. Попытки отщепенцев, вроде архиепископа Германа Полева и митрополита Филиппа, отвратить царя от опричнины, вернуть его на «узкий путь» спасения приводят его только к еще большей ярости. А сам царь любит хвалиться своим благочестием. Как-то Иван Васильевич сказал, что могилы пострадавших от рук его предков он наряжает новыми гробницами. Горькая ухмылка в словах Курбского: подумал бы лучше, кто будет украшать гробы тобой убитых мучеников и праведников!

Царь, конечно, не антихрист, не дьявол, не сатана, не «древний дракон», а лишь исполнитель его воли, его «союзник» и «соспешник». В «Истории» сравнение Ивана IV с неблагочестивыми царями приводит автора к образу Ирода. Как и Ирод Иоанна Крестителя, Иван преследовал Филиппа «со другими святыми», как и древний царь-разрушитель, он со своими опричниками опустошил Святорусскую землю, разорял дома и убивал сыновей. Перебил уже даже своих родичей, семью Владимира Старицкого, и уже близок к убийству собственных детей. Можно ли исполнять его волю? Волхвы показали, как нужно поступать с Иродом. Они не принесли «корысти самарийские» идолам-дьяволам и превратили их в дары, посвятив не «царю асирийскому Ироду», а подлинному Царю — Спасу, гонимому на земле еще до своего Воплощения[1446].

Двуединство тела и души царя Ивана превратило его образ в «Истории» в предмет для неоплатонической рефлексии. Тело разрушается, душа же пребывает и сохраняет человека во всей полноте его деяний. На Страшный суд явится не только вечная душа, но и тело — «грек, жидовин и еретик»[1447]. Обязанность каждого человека, как властителя, так и раба, в том, чтобы хранить свою душу верной Богу, на узком пути спасения. Путь христианского воина сопряжен с опасностями «двух драконов». Внешнему дракону противостоять нужно с оружием в руках и с готовностью положить душу «за други свои», за единоверцев, а если воина ждет плен, то бороться и в плену, не боясь смерти. Внутреннему дракону и его «соспешнику», крушащему православное царство, должно быть оказано сопротивление. Согласно глоссам к «Новому Маргариту», телом раб должен подчиняться господину, но лишь до того предела, пока «злыми делы» в душе «святая их совесть» не осквернится, если же раб не послушается и будет за это убит, то причтется к лику мучеников[1448]. Человек обязан сопротивляться тирану, противостоять насилию, и только младенцы одним только мученическим закланием причитаются к Христову воинству и обретают вечную жизнь.

В трудах А. Курбского представлено неоплатоническое учение о подвижном двуединстве словесного (разум) и бессловесного (естество) начал в душе как о едином микрокосме. Высшее начало в человеке, соединяющее его с Богом, — разум, который должен быть направлен на осмысление всего, что способен человек помыслить о божественном — известное еще иудаизму представление о Едином Боге и почерпнутое из эллинской философии учение о неслиянности ипостасей. «Богословие» Иоанна Дамаскина, переведенное в книжной мастерской Курбского, открывало перед читателями всю полноту истинного учения о православии. Человек руководствуется разумом в своем стремлении к целомудренной жизни, а царь и советники — к благополучию республики. Республика подобна Рахили, оплакивающей свое чадо, в ней «сопираются афект и вера, человеколюбие со благочестием сражается», и в этом противостоянии «рыдает афект, но вера радуется». Курбский не придерживается манихейского учения о борьбе дьявольского тела и божественной души — оба начала вложил в человека Бог, в «зверскую часть души» Он поместил аффекты, которые по-славянски принято называть «страстями» или «пристрастиями», но Курбский считает правильным определить «обьятиями», «яко то радости ради смех, беды або напасти ради — печаль»[1449]. Радость и печаль являются естественными состояниями, человеческим в человеке. Христос плакал над Лазарем как человек, но воскресил его как Бог. «Естественное» в душе человека создано по образу Бога, а в республике — по образу Царствия Небесного. Греховную нечистоту «внутренняго дому» в обоих случаях можно обмыть и очистить «тщанием учения духовнаго»[1450].

[1445] NM. Bd. 1. F. 3v-4.
[1446] NM. Bd. 1. F. 19v.
[1447] NM. Bd. 1. F. 83v.
[1448] NM. Bd. 1. F. 97. Anm. a, b, c, d.
[1449] NM. Bd. 2. F. 172. Anm. e; Bd. 3. F. 340. Anm. d; F. 341. Anm. b; F. 381v. Anm. b.
[1450] NM. Bd. 2. F. 181v.

Существо сотворенное и преходящее, человек, как и республика, опирается не только на божественные законы, данные ему в Откровении и через разумную деятельность, но и на естественные законы, открывающие перед ним свободу выбора жизненных путей[1451]. Как отметил С. А. Елисеев, «свобода воли правителя и знати играет решающую роль не только в сфере индивидуальной нравственности, но и в социально-политической жизни, их выбор решает не только судьбу их души в загробном мире, но и судьбу всего общества в его реальной земной жизни»[1452]. Свободой воли обладают все разумные существа, в том числе и ангелы, часть которых отпала от Бога. Человеку свобода воли тоже дана Богом для того, чтобы выбирать между началами в своей душе, направлять ее на путь «узкий» или «широкий», к целомудренной и умеренной жизни или к греху и вечной погибели. Свобода воли является высшим божественным даром, и Курбский сравнит этот дар с царской жалованной грамотой-«привилеем» («златонечатный лист, або грамота, самого царя рукою подписана»)[1453]. Естественные законы признаны и соблюдаются не только у христиан, но и у «поганских философов», варваров и эллинов, соблюдать и защищать их должны и христианские правители, а покушение на них карается восстанием против тиранов, бегством граждан в земли, где нет «естественной болезни» и соблюдаются права и свободы, или прямой Божьей карой, посылаемой на республику (л. 72 об.)[1454]. Однако «естественное самовластие» дано человеку как природное начало, оно не может без помощи разума привести его ни к чему хорошему. Если человек не научается жить под управлением разума, то ему остается только «познания свини насти», иначе говоря «скверные и нечистые в душе своей воспитовати помыслы и питатися брашном неразумным злаго жытия»[1455]. Отзвуком этой метафоры станет сравнение людей, безвыездно затворенных в своем отечестве, с живущими в «адовой твердыне». Они — как свиньи в хлеву. Свиньям, валяющимся в собственном кале, подобны и монахи русских монастырей-тюрем (л. 33 об. — 34)[1456].

В идеальном человеке или республике разум управляет чувствами, а чтобы достичь благоденствия — опирается при этом на дары. Дары Святого Духа позволяют укрепить разумное начало и упростить движение по узкому пути спасения, но ими наделен каждый человек по своей мере, а царь должен недостающие дары в своей душе возмещать с помощью своих мудрых советников, которые укрепляют, утверждают царя, сдерживают его душу «уздою крепкою и браздами»[1457]. За душу царя борются не только спасительные силы, но и темные, слуги дьявола и его бесов, злые советники, изгоняющие от царя «мудрых синклитов» и ведущие его на «широкий путь»[1458]. Нигде в «Истории» Курбский не говорит, есть ли промежуточный «третий путь» между святостью и скверной, умеренная добродетельная жизнь, подобная политическому и этическому идеалу Аристотеля. Однако открыв «Новый Маргарит», читатель мог уточнить перспективу «двух путей», которая не оставляет места для этического «чистилища». Авторитетом Иоанна Златоуста осенен идеал «среднего пути»: «Забывши добродетелей, крепкую память о грехех да содержим, ижбы средним могли уподобитися и в будущем возвеличитися, и залог крайнего достояния получити», и к слову «средним» глосса: «Сиреч средним путем шествовати»[1459].

Идея срединного состояния пронизывает всё творчество Курбского. Будучи наследием греческой философии, она вызывала критику европейских богословов еще во времена Бонавентуры, который язвил, что, согласно Аристотелю, идеальным состоянием для мужчины был бы брак не с одной и не со всеми женщинами, а с половиной всех существующих женщин[1460]. Пройдя через горнило неоплатонического христианства в эпоху Возрождения, идея *aurea mediocritas* привела к новому культурному ориентиру. Человек предстал в образе духовно-телесного микрокосма, он занял в неколебимом Божественном мироустройстве среднее положение между Богом и материей. Возвращение к этике и политическому учению Аристотеля, выразившееся в бурном расцвете публикаций его сочинений после выхода в свет «Органона» в 1495—1498 гг., отразилось

[1451] *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика. С. 306–312.

[1452] *Елисеев С. А.* «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как памятник русской исторической мысли XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 101; *Его же.* О некоторых особенностях философско-исторических взглядов Курбского // Вестник МГУ. Сер. 8. 1983. №3. С. 68–77.

[1453] DJD. S. 414 (F. 104a. Anm. 4∞).

[1454] ПИГАК. С. 113.

[1455] NM. Bd. 2. F. 182v–183.

[1456] ПИГАК. С. 110.

[1457] ПИГАК. С. 107.

[1458] *Каравашкин А. В.* Русская средневековая публицистика. С. 315–317, 323.

[1459] NM. Bd. 3. F. 325v. Anm. e.

[1460] *Либера А. де.* Средневековое мышление / пер. с фр. А. М. Руткевич, О. М. Голова. М., 2004.

и на православном мыслителе второй половины XVI в.[1461] Курбский комментирует «Богословие» Иоанна Дамаскина и отмечает, что наша жизнь опирается («живот наш содержится») на три зримые начала («части»). Низшее, чувственное, у «безсловесных» занимает «вышнее место», позволяет им прорастать и расти, но тянет их «ко долу». В людях господствует «среднее», мысленное и разумное, благодаря которому возможно «движение волное и самовластное по естеству, а того ради человек по естеству самовластный и волю имееть по естеству ему приданную»[1462]. Третье начало — божественное трииностасное, единая по своей природе и воле Троица в ликах Отца, Сына и Святого Духа, в которой Христос имеет единое существо Бога и человека. От человека Логосу-Христу дано было качество «совершеннаго человечества, сиреч души словесные и разумные»[1463]. Вокруг третьего начала ведутся жаркие догматические дебаты, и в книжной мастерской Курбского появляются глоссы к рассуждениям Дамаскина, призванные противопоставить «Богословие» антитринитарным ересям[1464].

Как мы уже видели, рассуждая о «сердце», Курбский высказал, что средняя часть души, «душевная» и «разумная», в человеке занимает высшее положение. Ей отведено богообщение. Противоречия здесь нет: душа движется, ее путь незрим, но расстояние от «растительной» или «садовной» части души до «разумной» душа проходит, очищаясь в горниле истинной веры и приближаясь к божественному началу. Человек опирается на разум, поэтому и отступления от разумного грозят для него трагедией. Либо воля «с советом и разумом» правит в душе и ведет человека, либо самою волей управляет «естественное вожделение безсловесные части души»[1465]. Максим Грек в «Истории» порицает царя Ивана за религиозное рвение, за «обещания не по разуму», которые приводят его сына к смерти, а его самого под власть гибельного для республики злого совета Вассиана Топоркова (л. 33). Свобода воли — тяжелый дар, требующий постоянной борьбы с самим собой, со своей растительной и зверской (иначе еще — «колеблющейся») природой. Однако наибольшие мздовоздаяния приходят не тому, кто получил больше «от естества». Награжден будет за любое «благое произволение», даже и «за чашу студеныя воды», смиряющий себя, обуздывающий свою низшую природу[1466]. Стремление царя покорить свое «зверское» начало похвально и поддержано Избранной радой, но не успел царь начать борьбу, как почувствовал себя победителем. Его слова звучат тревожно для сторонника мудрого «срединного» правления, который понимает, каким будет ответ: «Едино пред себя взяти, или здешное, или тамошное!» (л. 129 об.). Царь не видит среднего пути, а значит, над ним самим и над всей республикой нависла угроза. Политическое тело управляется сердцем в союзе с головой, но от головы зависит, будет ли в сердце самого царя и в сердце республики поставлен престол дьяволу или — совет избранных и каким будет «брашно жития», которое расщепится в «хилюс», пройдет в «чревцо», из него в легкие и оттуда с кровью достигнет сердца, чтобы «среда и владыка всего тела» наполнил им все «жилы».

«История» — не только рассказ о прошлом, но и поучение. Ее риторический автор и адресат на протяжении текста меняют свои обличья, но в заданных рамках. Курбский обращается к читателю «Истории» с призывом «приклонить уши», чтобы внять и поступать согласно поучению — в «Новом Маргарите» находим такой же оборот, характеризующий отношения учителя и ученика[1467]. Начало «Истории» раскрывает перед читателем замысел ответить на многократные докучливые вопросы «светлых мужей». «Светлыми» Курбский называет знатных, что в Речи Посполитой может означать любого шляхтича. Впрочем, «пресветлый» в «Новом Маргарите» служит пояснением к слову «знаменитый»[1468]. Неоднократное обращение к «распещенному воину» в последующем повествовании знакомит читателя с риторическим воспитанником князя Андрея. Это изнеженный, окруженный жизненными радостями рыцарь, забывающий или еще не знающий о своем предназначении. Его образ восходит к риторическому адресату Иоанна Златоуста — вспомним «женоугодного рыцаря», которого Иоанн призывает идти в бой и своими подвигами заслужить перед Царем Небесным «стратижства»[1469]. Курбский воспитывает на примере крушения Святорусской империи такого вои-

[1461] Об аристотелизме в книжности конца XV — XVI в. см., например: *Смит Р.* История гуманитарных наук. 2-е изд. / пер. с англ. под науч. ред. Д. М. Носова. М., 2008.

[1462] DJD. S. 344 (F. 86b. Anm. 20°°). Здесь и далее комментарий к главе «О свойствах дву естеств» (кн. III, гл. 13) «Богословия» Иоанна Дамаскина.

[1463] DJD. S. 220 (F. 55b. Anm. 20°°).

[1464] DJD. S. 348 (F. 87b. Anm. 11°°, 22°°, 24°°).

[1465] DJD. S. 212 (F. 53b. Anm. 15°°).

[1466] NM. Bd. 3. F. 378v. Anm. a.

[1467] NM. Bd. 2. F. 200v–201.

[1468] NM. Bd. 1. F. 72v. Anm. f.

[1469] NM. Bd. 3. F. 334v–335.

на, который должен увидеть, что продвижение «по степеням» военной службы открыто для тех, кто готов обагрить руки в крови неверных, а путь к высотам веры пролегает через готовность сражаться словом и поступками и умереть за православие. Как и ученик ритора IV в., юный «рыцарь» в школе Курбского должен расстаться со своей «женовидностью», осознать «возложенную» на него миссию, облачиться в «панцырь» истинного учения и храбро вступить в бой, чтобы погибнуть или стать полководцем Христова воинства. Обучение происходит по модели, которая усвоена Курбским из отцов церкви, и прежде всего — из переведенных им и его сотрудниками Слов Иоанна Златоуста. Святой также обращается к христианскому воину и порицает своего слушателя за неверие: «...ты еси недоверок, ты в немощном и в смертном теле, яковое получишь прощение о воскресению сумневающе!»[1470] У Курбского также в самом конце его «Истории» появляется признание, что не всё вспомнил он о священномученике Феодорите и в чем-то мог ошибиться («всех по ряду не написах» — л. 128). Почему? Из-за стремления к «краткости истории», а также «зде живущих грубых и в духовных отнюдь неискусных, к тому и маловерных ради человеков» (л. 128). Если бы и написал, читатели не поверили бы таким божественным чудесам и откровениям.

В последние годы жизни Курбский приблизился к задаче исторического осмысления святости. Примеры церковных учителей Сильвестра, Артемия, Германа Полева, митрополита Филиппа, Федорита Кольского, Порфирия служили доказательством того, что чудеса не угасают, а готовность отстаивать истину перед мирскими властями, разоблачать их пороки и пострадать за веру вызывает аналогии, для которых Курбскому понадобились примеры древних житий. Маловерный слушатель и читатель «Истории» должен был научиться целомудрию и готовности сражаться за истину по новым примерам, наследующим подвигам Иоанна Крестителя и Иоанна Златоуста из «Нового Маргарита», Николая Мирликийского из «Симеона Метафраста», мученикам за веру из «Церковной истории» Евсевия Памфила, отрывки из которой вошли в самый поздний авторский сборник сочинений Курбского, приложенный в какой-то момент, на Волыни или уже десятилетия спустя в Москве, к его «Истории». «Избранные советники» Курбского — реальные исторические деятели, но их поступки и речи раскрываются в той мере, в какой они следуют святоотеческим образцам. Сильвестр и Адашев изгнаны из Москвы и осуждены в прямом подобии суду и изгнанию Иоанна Златоуста из Константинополя. Мудрость старца Максима должна быть очевидна в том, как он, отстаивая подлинное православное понимание разума и разумного поступка, противостоит ложному благочестию, приводя в пример ветхозаветного царя Давида и обращаясь в пророка, чье пророчество в точности исполняется. М. П. Реннин наставляет царя благочестию, не отступая от хорошо известных самому Ивану IV постановлений церковно-земского Стоглавого собора 1551 г. Закованный в железо И. В. Шереметев Большой, лежа на пыточном «остром помосте», говорит с царем цитатами из Отцов Церкви, как «намудрейший философ или учитель великий». Исследователи давно отмечают, что диалог Ивана Грозного с Шереметевым пронизан житийными мотивами. Прямым аналогом ему могут служить слова Георгия Победоносца императору Диоклетиану в житии мученика, переведенном при участии Курбского[1471]. Крик Тыртов преисполнен даром предвидения и рассказывает Курбскому о скорой своей смерти. Сам Курбский берет пример с Максима Грека и пророчествует в «Истории» о скором пресечении царского рода в Москве.

Открывая прообраз, подвиг святого в «Истории» иконичен, в нем запечатлеваются древние подвиги, нередко прямо упомянутые Курбским. Прообразование в подобиях Ивана и его древних предшественников не статично, а подчиняется воле и свободному выбору царя. Пример, навеянный в Третьем послании «Новым Маргаритом»: апостол Петр отрекся от Христа, но покаялся и был прощен, тогда как Иуда был и остался «супротивен» Богу[1472]. Царь Иван, шедший сначала по пути апостола Петра, согласно Первому и Третьему посланиям Курбского, «сопротивным обретеся», т.е. обратился «сопротив Господа»[1473]. Заступничество Курбского за воевод в Первом и Третьем посланиях царю было также поддержано примерами. В Первом упрек, что царь преследует «сильных во Израили», уподобляет события в Москве ветхозаветному сказанию — «сильные Израилевы» Иевосфей Ханаанейский, Адиноас, Елиазар, Авеса и Ванеа

[1470] NM. Bd. 1. F. 85.

[1471] Святой Георгий Победоносец в агиографическом своде Андрея Курбского / под ред. В.В. Калугина. М., 2004.

[1472] *Лурье Я.С., Рыков Ю.Д.* Комментарий // БЛДР. Т. 11. С. 625; *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 553–554.

[1473] ПИГАК. С. 7, 9, 115.

защищают и спасают царя Давида[1474]. В своем Израиле царь Иван также защищен подвигами и советами своих воевод, но вместо благодарности преследует их. Иван IV в ответ обвинил Курбского в гордыни, верно уловив источник сравнения: «Или мнишися быти Авенир сын Ниров, еже храбрейший во Израили, еже такия писания злобесным обычаем и гордостию дмяся писати?»[1475] Третье послание Курбского ориентировано на другой пример — верные стратилаты Константина Флавия Непотиан, Урс и Геренилион оговорены и обвинены в организации заговора против императора. Им грозит смерть, и они молитвенно обращаются за помощью к Николаю Мирликийскому, который является к Константину во сне и требует восстановления справедливости. За это они вновь обвинены, на сей раз в колдовстве, и только после их допроса василевс признал их невиновность и восславил Бога и св. Николая[1476]. В то же время место царя Давида занимает в Третьем послании другой прообраз царя Ивана — «скверный и богомерзкий Саул», отрекшийся от пророков Божиих и обратившийся в Аэндоре к чародейке («ко матроне или ко фотунисе»)[1477]. Сильвестр, выполнявший миссию пророка Нафана при Давиде, противопоставлен царю вновь уже в более страшном и зловещем облике пророка Самуила, являющегося Саулу, чтобы предвестить ему гибель, а его народу — плен. Как и его библейскому прототипу, Ивану IV грозит погибнуть «за преслушание и за злое произволение»[1478]. Правителя «неискуснаго и ненавистного», ставшего собственной «тенью» из-за своих «злых обычаев», пророк наставляет, каким должен быть «образ речи посполитой» и «яко кротким подобало ему быти, яко умеренным», как избегать чрезмерных «посулув», не чинить «никому насилиа», не быть ни для кого «неправедным», не стремиться к «собранию богатества» и не молчать, когда «весь люд» предан «на разграбление»[1479]. И последняя стадия в этой череде сравнений: когда о покаянии царя Ивана нет и речи, Сильвестр подобен Иоанну Крестителю, обличающему Ирода, и Иоанну Златоусту, гонимому патриархом Фиофилом. Александрийскому патриарху при этом уподоблен не митрополит Макарий, а подхалимствующие царю монахи и настыри.

Такая образовательная программа, в целом, отвечает требованиям дня в педагогике Речи Посполитой 1570-х гг. Учебные заведения, сходные со школами, возникли в протестантских центрах, но так и не доросли из-за сопротивления властей до академий. Планка высшего образования была задана иезуитами, создавшими на территории Великого княжества Литовского сеть школ и крупнейший коллегиум в Вильно, где в момент его основания в 1570 г. училось около 160 человек, а в 1576 г. — уже 500. В Иезуитском коллегиуме было три класса — свободных наук, философский и теологический. Начальный курс состоял из классов грамматики, синтаксиса, поэтики и риторики. В 1579 г. привилеем короля Стефана Батория и буллой папы Григория XIII школа была преобразована в Иезуитскую академию, а ее классы стали факультетами. Незадолго до смерти кн. Андрея Курбского, в феврале 1583 г. по инициативе римского легата Антонио Поссевино папа Григорий XIII издал буллу об открытии при Виленской академии семинарии «для русинов и московитов». Ее учениками вскоре стали выходцы из некатолических регионов Европы, и борьба за людские души обрела новое измерение. На русских землях Короны Польской и Великого княжества Литовского идея школьного образования в 1570-х гг. возникла в тесной связи с потребностями религиозной полемики, причем православные магнаты признавали иезуитские школы образцовыми, считали допустимым отдавать в них на обучение своих детей и даже поддерживать эти школы материально[1480].

Собственных православных школ, сопоставимых по уровню подготовки и числу учеников с католическими, в Речи Посполитой не было. Образовательный «курс», разработанный Курбским, мог занять это место. Он был нацелен в первую очередь на воспитание православного шляхтича и горожанина, хотя для православного магната были очевидны пробелы в знаниях православного духовенства. Нравонаказательная философия и история в этой модели выполняли роль инструктирования, направленного на подготовку грамотного участника политической жизни, защитника веры и добродетельно-

[1474] ПСРЛ. М., 2005. Т. 22. Ч. 1. С. 122. Данная параллель «сильных во Израили» Курбского с текстом Хронографа указана А.Л. Юргановым.

[1475] ПИГАК. С. 17.

[1476] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 41, 45–57; *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 491–493, 510.

[1477] ПИГАК. С. 117.

[1478] NM. Bd. 1. F. 69. Anm. a.

[1479] NM. Bd. 3. F. 323v–324.

[1480] *Topolska M.B.* Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku. Wrocław, 1984. S. 50–65; *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 65–66; *Пазднякоў В.* Віленская акадэмія // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: Ў 2 т. 2-е выд. Мінск, 2007. Т. 1. С. 411–412.

го воина. Похожим образом в конце XVI в. составлялись воспитательные курсы для юных шляхтичей и других вероисповеданий. Учеба за границей стала культурной нормой. Студенты слушали предметы по выбору или проходили полные курсы, после чего нередко возвращались в университет, чтобы слушать отдельные лекции. От юноши из магнатской семьи ждали освоения латыни, современных языков, классической литературы, юриспруденции, истории, философии, основ риторики. Как правило, перед дальней поездкой шляхтич проходил начальный курс на магнатском дворе. В университете выбирал интересующий его курс и учился не только основным предметам. Братья Адам и Петр Горайские отправились в 1579 г. в Базель и изучали там право, античную литературу, философию и теологию, а за стенами университета — математику, религиозные учения, международные отношения, читали записки путешественников[1481]. Януш Радзивилл получал образование в Страсбурге по следующей схеме: утром этика и политика, после обеда история, в течение всего дня занятия немецким и французским языками, затем к этим предметам добавляется теология, по определенным дням проповеди и диспуты[1482]. Тревога Курбского за православное воспитание русского населения Речи Посполитой связана с потребностями конфессиональной конкуренции, однако эта тревога получает развитие не в организации педагогического учреждения, а в создании комплекса учебных и религиозных текстов, аналогов которому в православной педагогике того времени не существовало. Те же православные образовательные проекты Речи Посполитой, которые по большей части были осуществлены уже после смерти Андрея Курбского, во многом совпадают с его замыслами и институционально связаны с его интеллектуальным кругом[1483].

Взгляды Курбского далеки от актуальных учений его польских современников и вряд ли были востребованы в современной ему общественной мысли Речи Посполитой. Попытки найти аналоги рассуждениям князя Андрея в ренессансной мысли затруднены не только по причине относительно низкого теоретического потенциала его текстов[1484]. Дело, видимо, в другом. Как книжник православного мира, князь рассуждает в категориях святоотеческой традиции, стремится примирить учение отцов церкви с непоколебимой реальностью Реформации. Ученость ренессансного типа вызывает в нем то восхищение, но недоверие, а в целом — осторожную заинтересованность. Он понимает, что теория государства, восходящая к Платону, Аристотелю и Цицерону, неправославна и в этом смысле она неосвященная «эллинская мудрость». Однако он далек от учения о непреложности общественной свободы кальвиниста Анджея Волана, с восхищением упоминающего его имя в своем трактате "De libertate politica" (1572 г.). Как мы уже видели, князь мыслит общество и общественные отношения в категориях, близких к христианскому неоплатонизму и допускает расширение участия простых людей в делах республики. Однако ничего подобного учениям обсуждаемого им иезуита П. Скарги[1485] и католика-реформиста А. Фрыч-Моджевского[1486] о всеобщих избирательных

[1481] *Kupisz D.* Młodzież polska na uniwersytetach Europy Zachodniej w XVI wieku. Cele i charakter renesansowych peregrynacji akademickich // Idee humanistyczne Renesansu w integracji europejskiej. Konferencja naukowa, Radom, czerwiec 2002. Radom, 2002. (Biblioteka Sycyńska. T. X). S. 196.

[1482] AR. Dz. V. Sygn. 2105. S. 1, 5, 13, 17 (Письма Даниэля Хойновского М.К. Радзивиллу, 1596 г.). В более поздних письмах также содержатся отчеты об обучении подопечного.

[1483] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Bd. 3. S. 15–51; Bd. 4. S. 73–81. См. также: *Chachaj M.* Zagraniczna edukacja Radziwiłłów od początku XVI do połowy XVII wieku. Lublin, 1995; *Żołądź-Strzelczyk D.* Peregrinatio academica. Studia młodzieży polskiej z Korony i Litwy na akademiach i uniwersytetach niemieckich w XVI i pierwszej połowie XVII wieku. Poznań, 1996; *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины события. М., 1996.

[1484] Язык кн. А. Курбского, как показывают наблюдения И. Ауэрбах и Ю. Бестерс-Дилгер, открыт для создания абстрактных философских понятий. Это язык теоретика-экспериментатора, причем в ущерб традиционным языковым нормам русского и рутенского книжных языков XVI в.

[1485] Курбского сближает со Скаргой учение о мудрости как источнике благополучного правления, о значительной роли истинной веры и искоренения ересей для укрепления республики, однако вершина политической мысли Петра Скарги, его "Kazania sejmowe" (1597 г.) опираются на совершенно иное понимание политического тела республики и не содержат идей «срединного пути» и «сердца» как абсолютного центра сбалансированного правления. Скарга выступает за абсолютную монархию (dominium absolutum), но будучи противником Габсбургов, противостоит имперской идее и не обсуждает перспективы деградации республики из-за грехов монарха. См.: *Tazbir J., Korolko M.* Wstęp // Skarga P. Kazania sejmowe. Wrocław et al., 1984. S. LX–XCVI.

[1486] С учением А. Фрыч-Моджевского идеи Курбского сближаются в приоритете разума, мудрости и целомудренной морали в управлении республикой. Одна из основополагающих идей Фрыч-Моджевского гла-

нравах и равенстве всех людей перед законом у Курбского нет — все его рассуждения, из которых исследователи выуживают концепцию «всенародного» представительства, заключены в одной фразе и целиком основаны на Ветхом Завете. Сходство в отборе опорных политических институтов для построения идеи целомудренной монархии прослеживается между рассуждениями Курбского и католического ксендза-теоретика Станислава Ожеховского, который считал, что идеальной формой государства является монархия с элементами аристократии и под контролем костела. В отличие от европейских теоретиков республики и республиканского управления и от Иосифа Волоцкого в Великом княжестве Московском, Курбский не обсуждает ответственность и условия свержения власти. Читателя это могло удивлять еще в XVI в., но ни один из многочисленных примеров, в которых герои Курбского страдают и гибнут от рук опричных палачей, не вступает в противоречие с тезисом «Истории» о том, что царь Иван казнит ни в чем не повинных верных слуг.

Князь Андрей проникся филологическими задачами, он стремится выучить латинский язык, «ижбы могл преложити на свой язык, что еще не преложено», его интересует возможность отличить подлинные сочинения Златоуста от подложных «Златоустов», прикрытых именем прославленного ритора[1487]. А следовательно, сравнение текстов и «книжная справа» для него важны как инструмент возвращения к подлинному христианству. И вместе с тем Курбский не прилагает никаких заметных усилий, чтобы создавать хотя бы видимость сравнительно-текстологической работы наподобие той, которая была проделана до него библеистами-систематиками Э. Роттердамским, М. Лютером, Ф. Скориной и сотрудниками Ж. Кальвина. Курбский работает как традиционный книжник, хотя и с книжностью нового типа, — приобретает печатные компендиумы и словари, вычитывает в них нужные ему факты и переводит один в один целые тексты.

Военное дело освоено князем в ходе его более чем тридцатилетней службы и отражено в достижении им высших для его времени постов в командовании, однако в его сочинениях нет никаких следов знакомства с концепциями соотношения пехоты, конницы и артиллерии или принципами организации тыла и войсковой дисциплины, которые обсуждались в военной теории после выхода в печати основополагающего труда Я. Тарновского "Consilium rationis bellicae" (1558 г.). Военное дело в «Истории» если и обсуждается, то на уровне европейского начала XVI в. Так, Н. Макиавелли призывал правителя остаться в завоеванном городе, чтобы предотвратить в нем смуту. Тот же совет настоятельно проводит Курбский, обвиняя царя и его шуринов Юрьевых в том, что они поспешили уйти из Казани после взятия крепости (л. 31 — 31 об.)[1488]. Отношение Курбского к наемному войску также напоминает суждения Макиавелли о невозможности для государства опираться на наемников. Русская республика Курбского состоит из воинов, воюющих за свободу и расширение своего отечества, а о царе Иване-воине князь Андрей пишет почти теми же словами, что и Макиавелли о наемниках в республике: перед врагом он «хоронякa и бегун», а «храбрый и прелютый» только «на своих единоплемянных и единоязычных, не противящихся ему» (л. 88 об.)[1489]. Пример кровавого сицилийского царя Агафокла приведен в «Государе», чтобы показать, что нельзя называть доблестью «убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу»[1490]. Конечно, сравнение Агафокла и «ему подобных» с царем Иваном попало бы в самую точку, если только

сила, что несправедливость и общественные разногласия необходимо сглаживать перед «трибуналом разума», а спорные вопросы решать при помощи «золотых правил силлогизма» (*Wichowa M.* Andrzej Frycz Modrzewski — pisarz, humanista, reformator państwa i Kościoła // Studia nad życiem i twórczością Andrzeja Frycza Modrzewskiego i nad dziejami jego "małej ojczyzny". Łódź, 2008. S. 23–24). Основания этой идеи у Фрыч-Моджевского могут быть также сопоставлены с ходом мысли Курбского. Католический теоретик в своей книге "De republica emendanda" (1554 г.), впрочем, уже в 1555 г. объявленной еретической и запрещенной, исходит из идеи свободной элекции светских и церковных властей и лишении монарха верховной светской судебной власти и применяет к избирательной системе каноический принцип "quod omnes tangit ab omnibus approbari debet" (*Kukulski J.* Andrzej Frycz Modrzewski i jego epoka // Dziedzictwo Andrzeja Frycza Modrzewskiego w myśli politycznej. Toruń, 2004. T. 1. S. 20; *Ślęczka T.* Zasady głosowania i procedury wyborcze u Andrzeja Frycza Modrzewskiego // Ibid. S. 52–53 et passim). Представления Курбского о правах и свободах опираются на святоотеческие примеры сопротивления властям и смирения правителей перед верховными иерархами, однако принцип равенства различных общественных групп перед судом и избирательные системы Курбским не обсуждаются.

[1487] *Tomelleri V.-S.* Ancora sulla traduzione slavo-orientale dei Paradoxa stoicorum di Cicerone. Il Quarto paradosso // Rossica Romana. 2013. P. 36–37.

[1488] *Макиавелли Н.* Государь. Гл. III, V.

[1489] Там же. Гл. X, XII.

[1490] Там же. Гл. VIII.

Курбский мог знать текст «Государя» или следы его читательской рецепции. В сходном направлении можно сравнить детей Франческо Сфорца с упомянутым в «Истории» польским королем — видимо, Сигизмундом II Августом, который не заботился о границах с татарами, а помышлял «больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях» (ср. л. 55 об.)[1491], и теорию Макиавелли, согласно которой качества правителя видны по тому, как он выбирает себе советников, с конфликтом «доброго» и «злого» советов в «Истории»[1492]. Впрочем, в последнем примере расхождения между «Историей» и «Государем» не менее выразительны, чем сходства: Курбский никогда бы не сказал, что «добрые советы... родятся из мудрости государей, а не мудрость государей родится из добрых советов».

«История» вписывается в историографические течения XVI в., по возможно, не вполне очевидным для читателей XXI в. образом. Как показал еще Д. Фрайданк, труд Курбского опирается не столько на греческую, сколько на латинскую традицию понимания «Истории». Он пишет не историю удаленного прошлого, а историю своего времени[1493]. Однако еще в XVIII в. российские историки относили это произведение к разряду летописей, а К.Н. Бестужев-Рюмин отмечал: «Книга Курбского, написанная с замечательным литературным талантом, вся проникнутая одною мыслью, скорее памфлет, чем история»[1494]. Подобный образ мысли развил С.О. Шмидт, когда писал об «Истории», что «это остро полемическое произведение, по существу памфлет, направленный против Ивана Грозного и искусно облеченный в форму исторической биографии»[1495]. В Курбском соединялся книжник московской формации и европейский мыслитель-латинист, втянувшийся в контрреформационное движение русского православия Речи Посполитой и ставший одним из его лидеров. Как историк-мемуарист, князь Андрей создает необычную для Русского царства XVI в. летописно-автобиографическую повесть, направленную на освещение роли самого автора в «деяниях» царя и православной республики-империи. Как памфлетист он отвечает «Историей» на Первое послание Ивана Грозного и останавливается в рассказе о своей жизни не на актуальных событиях своей заграничной жизни и даже не на последних днях пребывания в отечестве, а в тот момент, когда прекратилось его личное участие в делах идеальной христианской республики, воплощенного в Святорусской империи образца монархии, идущей по «среднему» пути целомудренного правления.

Андрей Курбский не рассуждает об «ограниченной монархии», не отстаивает утраченные права высшей знати или боярства, не является он и идеологом «боярского правления». Подобные оценки упрощают его ход мысли и даже сами понятия, в которых он выражает свое понимание власти и ее полномочий. Примеры, вошедшие в круг его этических суждений о республике и ее управлении, говорят о князе Андрее как идеологе, вслед за его европейскими современниками переосмысливающем основания власти как таковой. На смену пирамидальной княжеской доктрине приходит идея абсолютного центра, «души» или «сердца» республики, от которого зависит и благополучие монарха и его подданных и успех «общей вещи». Эта «правость сердечная» смещает внимание со становящихся привычными в Москве атрибутов царской власти, которые обойдены молчанием или лишены веса в конструкции, соединившей евангельско-святоотеческое богословие с медицинскими открытиями середины XVI в. Сердце республики — это единство истинной веры и целомудренного разума, которое напоминает идеал веры и правды возрожденного Греческого царства во взглядах современника и, возможно, знакомого Курбского, Ивана Пересветова. Отстаивая свой идеал, князь Андрей обращается к периоду, когда он при взаимном согласии царя, духовных и светских советников и всенародства был осуществлен и в сердце республики оказалась Избранная рада. В сочинениях Курбского не возникает учения о разделении властей или отделении личности правителя (физического тела) от должности (политического тела), но спасительная миссия Избранной рады понимается в «Истории» как учреждение в самом сердце республики такой формы монархии, в которой личность монарха и даже само право на царский титул оценивается из перспективы идеала целомудренного и разумного правления.

Благодаря избранным советникам во главе с покаявшимся царем республика превратилась в Святорусскую империю, приблизившись по своему устройству к империи католического

[1491] Там же. Гл. XIV.

[1492] Там же. Гл. XXII, XXIII.

[1493] *Freydank D.* A. M. Kurbskij und die Theorie... S. 57–77.

[1494] *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. Введение. С. 52–53; *Жданов И.Н.* Очерк умственной жизни России в XVI и XVII вв. Лекции. СПб., 1891. С. 193–194.

[1495] *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 340.

мира, не оставаясь при этом оплотом правоверия, избежав ошибок западного христианства и вовремя подавив ростки разрушительной ереси. Достигнуто это было покаянием после Божьей кары, преобразованиями суда и военного дела, укрощением пороков царя и подданных, мягким, но решительным наказанием еретиков, каждодневной службой мудрых советников и воевод. Царю такое правление сулило славу и покорение чуть ли не «всей вселенной», а значит, осуществление того единства империи Августа и Царства Христа, с которого, как казалось многим книжникам XVI в., начиналась христианская история. «История» Курбского — это трагедия царства, в котором идеальная форма республики была установлена, но затем разрушена злыми советниками, царем и самим дьяволом. В этом смысле Курбский далек от проектирования или моделирования идеального типа государства, в отличие от целого ряда его европейских современников. Князь Андрей мыслит не утопией, а историей, облаченной в поучение и ресентимент. По словам Я. С. Лурье, «идеал его лежал не в будущем, а прошлом — во временах Стоглавого собора и "избранной рады"»[1496]. Впрочем, как мы видели, Курбский не ограничивается припоминанием заслуг и достижений своих соратников, а развивает рассыпанный по глоссам и отдельным суждениям самостоятельный взгляд на человеческое «естество» и права граждан в идеальной и деградировавшей республике. В числе недостатков Святорусской империи, которые требовали перемен даже в период Избранной рады, находится соотношение светской и духовной властей. Как и католический оппонент Курбского П. Скарга, князь Андрей отстаивает беспрекословное подчинение монаршей власти церковным наместникам, которые в свою очередь должны подчиняться Константинополю. Очевидно опасными тенденциями в московской жизни еще в годы Избранной рады Курбский считал и засилие необразованного «простого всенародства» в окружении царя. Сходные тревоги звучали в Речи Посполитой в рядах противников абсолютизма-экзекуционистов, которые поддерживали шляхетский идеал республики и видели угрозу в непривилегированных слоях общества и иноземцах, склонных опираться непосредственно на королевскую власть.

Вероятно, точнее было бы определить идеал Курбского как единство достижений всех потомков имперских князей Великой Руси, русских землель и Святорусской империи начиная с домонгольского периода и вплоть до эпохи Избранной рады. Идеал требовал дальнейших шагов от царя и его слуг, но вместо правильного пути целомудренной мудрой политики Иван IV выбрал кровавую опричнину, погрузив половину Русской земли во мрак и лишив легитимности собственное правление. Предполагаемое выступление Курбского на стороне клана князей Василя-Константина Острожского и Юрия Слуцкого на первых выборах короля Речи Посполитой в 1572–1573 гг. показывает, что в условиях разобщения русских земель Короны и Литвы после подписания Люблинской унии 1569 г. князь Андрей видел перспективу в восстановлении единства второй половины Руси, а возможно, и всего Великого княжества Литовского под рукой главы «русского народа»[1497]. Литовские магнаты увидели в этой перспективе опасную альтернативу для своего кандидата из династии Габсбургов, поскольку православная шляхта могла принять Острожского или Слуцкого с бо́льшим энтузиазмом, чем внешнего врага — московского царя или его сына. Однако «История» возникла, по всей видимости, уже позже и была направлена на осуществление других целей. Книга Курбского — часть большого воспитательного комплекса, в котором ключевые понятия находят созвучие с задачами освоения политической науки, православной этики и истории Русской земли. Слушателями этой школы должны были стать прежде всего русские дети боярские и шляхтичи Российского царства и Речи Посполитой. Думал ли Курбский, что воспитанные на его сочинениях и переводах «светлые мужи» воссоздадут идеальную христианскую республику во главе с православным царем или королем на русских землях Речи Посполитой и Московского царства или, как Платон и Аристотель, понимал, что на земле его идеальное государство неосуществимо, а задача христианского воина в том, чтобы разбираться в реальных политических условиях и приближать их к идеалу, на основе дошедшего до нас рукописного наследия князя Андрея сказать невозможно. Ясно, что Острожская учебная «академия» или «коллегия», упоминаемая в источниках уже в 1579–1583 гг., развивалась параллельно книжному центру кн. А. М. Курбского, и общность их интересов могла заключаться как в разделении одного проекта православного университета на ступени, так и в развитии двух сходных по своим целям, но не идентичных по методам проектов.

[1496] *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским... С. 238, 248.

[1497] Подробнее см. в главе «Социальный статус».

Переводимость «Истории»

Андрей Курбский как-то признался перед волынским гродским судом, что не умеет «по-руски писати»[1498]. Это признание не означает, что московский эмигрант был неграмотным. Речь на суде шла о том, чтобы заставить волынского магната Курбского подписывать акты кириллицей, в то время как он подписывался по-польски или по-латыни. Князь неоднократно вызывал недовольство урядников тем, что подписывался «не по руски, але по латыне». Это обвинение, как и подпись на документе — деловые и процессуальные приемы[1499]. Из «латинских» и «польских» подписей, как и из того, что князь Андрей рассылал знакомым письма на польском языке, не следует, какими языками владел или не владел Андрей Курбский в контекстах, не связанных с оформлением документов и эпистолярной повседневностью[1500].

Тем не менее в полемике вокруг литературного творчества Курбского его судебное заявление оказалось в центре внимания. Тезис о неграмотности Курбского был опровергнут с двух различных точек зрения. Во-первых, хорошее владение скорописной техникой и вообще какой бы то ни было графической системой для представителя княжеской элиты было необязательно и с лихвой восполнялось его писарями. А связывать «устную» образованность и «владение пером» было бы модернизацией. Впрочем, данных о том, что Курбский не пользовался пером в своей литературной мастерской, обнаружено не было, и в его судебных выступлениях никакой информации по этому поводу не содержится. Во-вторых, Курбский проводил стилистическое различие между языками. Русский язык Речи Посполитой и московский русский язык для него были *варварами*, обыденными и просторечными языками, непригодными для богословской книжности[1501].

Аттический идеал языка распространялся на латынь, греческий, церковнославянский[1502]. Польский язык для Курбского был показателем подданства, а его высказывание в письме кн. К.К. Острожскому о польской *варварии* характеризует не этнолингвистические, а стилистические взгляды ковельского наместника. «История» Курбского написана на смеси разговорных московского и западного русских языков с высоким «словенским языком», причем «грубство» сочинитель считает недостатком в своей речи и призывает опытных читателей его устранять[1503]. Этот языковой эксперимент направлен на очищение русского книжного языка и в то же время на его обогащение заимствованиями. Языковые представления Курбского раскрывают одну из сторон его религиозно-социальных идеалов. Сборник Курбского воплощает характерное для писателя эпохи Ренессанса тяготение к языковому стандарту. Особый языковой пуризм среди прочих мыслителей этой эпохи отличал автора «Красот латинского языка», Лоренцо Валла, который в своем письме Пьеру Кандиду Децембрио насмехается над глоссаторами Бартолусом, Бальдусом, Аккурсиусом и «всем племенем», пишущим «не на языке римлян», а на «языке гогочущих гусей»[1504].

Многие социальные институты, названия, титулы в «Истории» определяются не прямо, в их самоопределении, функциональном предназначении или структуре, а посредством подобий, аналогий, языковой и смысловой игры. При этом ряд понятий в «Истории» и других сочинениях Курбского впервые в русском языке субстантивированы, превращены в nomina abstracta, еще ряд понятий, и в их числе «народ», «язык», «империя» имеют мало общего в своей семантике с омонимами московского русского языка[1505]. Переводческая деятельность стала для Курбского формой восприятия истории. В глоссах он проводит сравнение общественных устройств и размышляет о типах управления государствами. В частности, он допускает невозможное в московском политическом языке XVI в. уподобление восточных улугбиев западным королям и московским великим князьям и объясняет холопство в отношениях князей к великому князю ордынским влиянием. Такие понятия политической этики, как *добродетель*, *храбрость*, *мучитель*, *общее дело*, либо представляют собой кальки европейских категорий *virtus*, *audacia*, *tyrranus*, *res publica*, либо приближены в семантике к соот-

[1498] *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 375.

[1499] КГВ-6. Арк. 292; *Auerbach I.* Andrej Michajlovic Kurbskij. S. 378. Anm. 8; *Старченко Н.* Правова ситуація на Волині у XVI ст. // Київська старовина. 1999. №5. С. 29; *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 78–81.

[1500] Ср.: КГВ-4. Арк. 18–20, 77 зв. — 79.

[1501] Подробнее см.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 17–23; *Halperin C.J.* Edward Keenan and the Kurbskii — Groznyj Correspondence in Hindsight // JGO. 1998. Bd. 46. P. 393–396; *Keenan E.L.* Response to Halperin. P. 407–410; *Auerbach I.* Kurbskij-Groznyj Apocrypha und kein Ende? // JGO. 1999. Bd. 47. S. 403.

[1502] NM. Bd. 1. F. 4v.

[1503] СК. Л. 104. Примеч. *.

[1504] Цит. по: *Skinner Q.* The Foundations... Vol. 1. P. 105–106.

[1505] *Auerbach I.* Kurbskij-Studien. S. 199–213.

ветствующим категориям, либо сопровождаются пояснениями, содержащими латинские соответствия.

Имена и названия в «Истории» слиты с вещами, они не только называют их, но и выражают их качества. Деятельность Избранной рады соответствует ее названию: «...по делом и наречение имели, понеже все избранное и парочитое советы своими производили»[1506]. Опричники определяются как «кромешники», показывая своим названием, что служат дьяволу и происходят из ада[1507]. Виновник перелома во взглядах царя Ивана на свою власть Вассиан Топорков заслуживает более точного имени, поскольку для Русской земли он стал не маленькой секиркой, а настоящим оскордом: «Вонстиппу мало по наречению твоему и дело твое показася...»[1508] Точно так же не оставляет Курбского равнодушным прозвище участника суда над Сильвестром и Адашевым Вассиана Беспого, и в «Истории» появляется насмешка: поступки монаха соответствуют его имени[1509].

Добродетель для Курбского имеет строго христианские очертания. В добродетелях стареет поколение отцов, служащее примером воинской доблести. Несчетны добродетели московских подвижников и мучеников за веру. В сцене издевательств над митрополитом Филиппом замечанием, что в руки палачей отдан святой «от младости в добродетелех провозсиявший», Курбский подчеркивает, насколько страшно святотатство: провозсияли в его «Истории» только такие святые по образу жизни, как «ляховица» Мария Магдалина, инокиня Евдокия (княгиня Евфросиния Старицкая), игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий, бывший троицкий игумен пустынник Артемий[1510]. Высшая добродетель — любовь к страждущим братьям по вере, о чем Курбский неустанно напоминает своим читателям: «...яко Сам рече: болши сее добродетели ничто же есть, аще кто душу свою положит за други своя»[1511]. Категория добродетели относится одновременно и к гражданской этике, и к религиозному подвижничеству. Раскола на светские способности и возвышенные идеалы, подобного тому, который происходит в понятии *virtù* Высокого Возрождения, в сочинениях А. М. Курбского не обнаруживается.

«История» князя Андрея Курбского. Москва. Российский государственный архив литературы и искусства. Список РГАЛИ, собр. Вяземских № 6040. Л. 1.

«История» изобилует чудесами, особенно в сценах насилия. Бог приносит русским войскам победы, дает силы новым мученикам погибать за веру, посылает знаки на своих избранных, герои и даже автор изрекают пророчества, и одно из таких пророчеств о скорой гибели рода московских князей содержится в архетипе «Истории» и до сих пор вызывает споры среди исследователей в связи с датировкой памятника. Курбский убежден в колдовских способностях казанских татар, и в какой-то момент борьба за Казань становится противостоянием подлинной веры и могущественного колдовства. Обвинения в колдовстве в адрес Избранной рады Курбский не просто отвергает, а переадресует обвинителям. Царя Ивана и его брата Юрия он считает жертвами колдовского зачатия, а завершая княжеский мартиролог, Курбский произносит приговор верящим в колдовство как самым страшным преступникам против воли Бога. Тайное нашептывание на ухо, произнесение заклинаний, стремление чарами воздействовать на людей, природу и ход событий Курбский рассматривает как явления одного порядка, считая действенным оружием противников христианства. Противостоять им может чтение и пение молитв, открытый вызов, «явный» суд, гласное обличение чародейства и тирании.

Дискуссия между сторонниками и противниками гуманистического прочтения сочинений Курбского не закончена. Как и можно было ожидать, у концепции «ренессансного» влияния будут свои «за» и «против». Возможно, сегодня крайности ближе друг к другу, чем раньше. Остаются и противники такого «московского Ренессанса», по крайней мере до правления Бориса Годунова (Э. Л. Кинан, Д. Островский, В. Зема), и сторонники опосредованного Максимом Греком и европейским гуманизмом «православного Возрождения» (И. Ауэрбах, Д. Фрайданк, В. В. Калугин). Обнаруживаются при этом факты прямых заимствований в трудах Курбского из ренессансных авторов и близость его представлений о мире и политике к ренессансным учениям об обновлении христианства (С. А. Елисеев, А. Х. Горфункель, В. М. Лурье).

Проделанная работа намечает угол зрения на Курбского как на историка ренессансной

[1506] СК. Л. 8.

[1507] NM. Bd. 1. F. 1v; СК. Л. 74 об., 75 об., 77 об., 85, 93 об., 97 — 97 об., 100 об., 101 об. — 102 об., 107 об. — 108, 111 об., 112 об., 130 об.

[1508] СК. Л. 38 об.

[1509] СК. Л. 70 — 70 об.

[1510] СК. Л. 106.

[1511] СК. Л. 55.

Исторія о князе Великаго Московскаго, дѣлехъ еже слы-шахомъ у достовѣрныхъ мужей, иже видехомъ очима нашима, сие сокращение вмещающи яко возмогохъ, на писахъ Великаго ради дѣйствия, отъ многихъ.

Много кратъ отъ многихъ честныхъ мужей вопрошаемъ бывъ совѣлиникомъ дѣйствия, отъ сих прилучившихся, такъ прежде доброму и нарочитому, и преже многожды заочество и храбрии своея нераз-ще и воинныя вещи сопротивъ врагъ крста Христова труды, тщаніе и бдѣніе и безчисленные поты претерпѣвающе, и прежде бывъ доброй славы и хвалящему и многожды умоляти сопо-дыханиемъ и слезами непостыдно вещати, послѣдуя частью ради вопрошенія принуждень бывъ нѣчто и отчасти рещи случаемъ прилучившихся таковыя и вещая имъ, ащеся изначала и по ряду рекъ многое

формации. Круг проблем, связанных с культурной идентичностью Курбского, может быть расширен, если обратиться к поэтике истории, к формам рациональности его логики, к языковым операциям, при помощи которых он осуществлял свои творческие ориентиры. Курбский ни разу не сформулировал прямо общую идею своих масштабных книжных трудов. Нам известно, что он сглаживал недостатки славянской патристики и готовил своды поучений, богословской догматики и житий; а также, судя по косвенным данным, принимал какое-то участие в печатных проектах острожского и виленского православных издательств. Планы Курбского по созданию православной школы университетского типа могут быть выявлены лишь при перекрестном сравнении круга переведенных у него в мастерской учебных текстов и упоминаний о просветительской деятельности князя на Волыни с его образовательными и политическими идеалами. Результаты подготовительных работ, выполненных им и сотрудниками его скриптория, говорят о том, что школа Курбского могла стать частной академией наподобие школы-академии Константина Острожского.

История, которую в рамках этой «образовательной программы» пишет Курбский, тщательно собирая сведения и сравнивая показания своих информаторов, содержит особую «языковую политику». Этот опыт предназначен для утонченного и весьма образованного читателя-полиглота. Сравнение языков, общественных категорий, государственных устройств играет важную роль в повествовательном искусстве Курбского и составляет особенность его поэтики истории. Языковые экскурсы «Истории» охватывают практически все уровни ее перформации: выносятся в глоссы, помещаются в скобках или без таковых в основной текст, мелькают в виде явной и скрытой терминологической и словесной игры, даже одна из заставок исторического трактата содержит языковое упражнение. Эти отступления нередко перерастают свое справочное значение. Они выстраивают чтение таким образом, что оно превращается в тотальный перевод, постоянное сравнение и поиск аналогий. Исторический универсум насыщается семантическими связями и подобиями, *тамошнее* открывается для размышлений *здешнему*, перестает быть исключительным.

«История» не только декларирует поиск причин уже с первого вопроса «откуды сия приключишася», но и пронизана каузальной логикой. События в «Истории» неоднократно объясняются божественным участием, казнью за грехи, милостью Бога, однако разнообразие их причин оказывается подчас так велико, что попущение Господа и дьявольские козни попадают в один ряд со рационализированной «случайностью». Случайность, или случай как результат естественной свободы героев заявлена в центральном вопросе «Истории»: *как приключилось?* Трагических событий, как видно из постановки вопроса, можно было избежать, они не стали результатом исключительно попущения Бога и дьявольских козней. Герои Курбского выбирают, добру или злу служить своими поступками. И даже главному преступнику своего рассказа Курбский оставляет надежду на спасение и возвращение лучших времен, если он покается в содеянных злодеяниях. Причинность оказывается всеобъемлющей, так что возникает — и, вероятно, формируется Курбским намеренно — эффект бездонной причинности, опирающийся на узловую хронологическую структуру повествования.

Для Курбского как политического мыслителя не было характерно противопоставление имперского и республиканского идеалов. Он не должен считаться противником монархического правления как такового. Однако неверно видеть в занятой им позиции «московский» остаток в противовес распространенному в эпоху Возрождения республиканизму. Курбский в своих социально-политических представлениях близок к тому крылу ренессансных идеологов, которые провозглашали идеалы республики-империи. Европа, с точки зрения московского эмигранта, была единым христианским миром под легитимной властью католического императора. Реформационные учения и поддерживающие их правители казались Курбскому нарушителями этого единства и всех его достижений, включая свободу, веру и готовность к борьбе с врагами христианства. Святорусская империя, как показывала «История» Курбского, испытывала не меньшие угрозы со стороны внешних и внутренних тиранов, алчных, льстящих тропу иосифлян, еретиков, невежественной черни. В вопросе об участии простонародья в делах республики Курбский умереннее Джаннотти и Макиавелли, но немного радикальнее Патрици и Гвиччардини, поскольку допускает в них участие народа с правом совещательного голоса. «История» показывает европейскому читателю идеал правительства — московскую Избранную раду, которая вела дела с опорой с «правонаказательную философию», возвеличила имя русского царя, установила порядок военной службы, позволивший поднять вопрос о войне против Турции, считавшейся наиболее опасным противником христианства.

Обращаясь к вопросу об «обычае» в русских культурах XVI в., для нас важно было не только уйти от заготовок, привнесенных в интеллектуальную историю «государственной школой», «цивилизационным подходом» и родственными им научными теориями. Современная историография не обязана считать общественные идеалы и культуры настолько монолитными, чтобы Курбский оказался выразителем «передового» или «отжившего», «партий» или «клик», общественных и духовных «течений», учений «традиционалистов» или «новаторов». Мы попытались сместить угол зрения с того, *что* думал Курбский и *откуда* он мог почерпнуть свои знания, на то, *как* устроена и поддержана языковой инфраструктурой нарация в его «Истории». Если блюститель древнего благочестия для поддержания своих идеалов выбирает новые языковые средства и мыслительные операции, то странно было бы продолжать оставаться в парадигме *новое–старое* и ломать голову, сторонником того или иного был Курбский. Подлинный интерес представляют вопросы, какой универсальный христианский проект скрывается за его православием, что признаётся в рамках этого «проекта» добродетелью, каковы идеалы этой имперской республики, какая реальность открывается в этом историописании.

История одного развода

1 августа 1578 г. московский эмигрант кн. Андрей Курбский «отпустил из дому» с разводными листами свою вторую жену княгиню Марию Курбскую (урожд. княжну Голышанскую). Скандальные обстоятельства, разлучившие эту пару, выясняются из актовых источников: Метрики Великого княжества Литовского, луцких и владимирских гродских судебных книг, московских посольских книг, переписки литовских и королевских сановников. Мнимая документальность распоряжений и показаний бракоразводного процесса — вот главный подвох, который ожидает каждого, кто берется реконструировать причины, ход и результаты конфликта. По словам видного историка, исследователя южнорусского семейного права О. И. Левицкого, бракоразводный процесс Курбских — «свидетельство того, что и в то время попытка строгого применения канонических требований к бракоразводным делам вынуждала супругов взводить друг на друга гнусные обвинения и сознательно прибегать к услугам лжесвидетелей»[1512].

Интрига, скрытая за правовыми отношениями, обманчиво проста.

Брак по расчету оказался выгоднее мужу, чем жене и ее детям. Князь женился, пытаясь продолжить свой род в Речи Посполитой. Княгиня же воспользовалась новым замужеством для борьбы за «наследство Голышанских». Обоим не удалось достичь своих целей в браке. Почему же и кому из супругов потребовался развод? Кто из них был инициатором? Ответы на эти вопросы могут быть сведены к нескольким, также, на первый взгляд, незамысловатым тезисам. Князь нуждался в наследниках, иного способа сохранить имения, породниться с местной шляхтой и приобрести статус «доброго человека» не существовало, он понял бесперспективность второго брака и добился своей цели в третьем. Или же нравы «московита» были несовместимы с вольнолюбием и имущественными интересами шляхтянки, происходившей из некогда могущественной княжеской династии. Или, что также возможно, с целью исправить и улучшить свой имущественный статус князь сыграл «ва-банк» и прибег к шантажу, физическому воздействию и фабрикации дел о грабежах, попытке отравления, адюльтере. Или же, наконец, Курбский отвечал теми же методами судебной и внесудебной борьбы, которых не гнушались его противники и на которые его провоцировали.

Принимая одну из интерпретаций, и неизбежно — одну сторону в самом конфликте, мы рискуем подменить исследование ментальностей судебным разбирательством или моральной отповедью. Однако речь идет не только о необходимости следственной «незаинтересованности». Историко-культурный подход позволяет нам без сожаления расстаться с перспективой односторонней и однонаправленного «приговора». Как раз утешительно то, что каждая из названных мотиваций развода Курбских не отрицает все прочие и что на место «подозреваемых» приходят люди с их мировоззрением, эмоциями, социальными стратегиями, не всегда ясными и не всегда рациональными решениями в непредсказуемых ситуациях, с их «частичной виной». Порядок по-

[1512] *Левицкий О.* Черты семейного быта в Юго-Западной Руси в XVI–XVII вв. // АЮЗР. Ч. 8. Т. 3: Акты о брачном праве и семейном быте в Юго-Западной Руси в XVI–XVII вв. Киев, 1909. С. 108; см. также: *Загоровский А. И.* О разводе по русскому праву. Харьков, 1884. С. 191. Примеч. 2; 214. Примеч. 1; *Фотинский О. А.* Обыкновенные люди старой Волыни: Из семейной хроники двух поколений фамилии дворян Загоровских, во второй половине XVI в. // Волынский историко-археологический сборник. Почаев; Житомир, 1900. Вып. 2. С. 158–159; *Bardach J.* Studia z ustroju prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970. S. 304; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 239–241.

вествования, описывающий подобные конфликты «большой длительности», обычно подчинен судебному «раскрытию», при котором «факты» дезавуируют, уличают и подводят к концепции «преступления», связывая в нем самой процедурой его раскрытия действующих лиц, его состав и мотивы. Отказываясь от результата такой процедуры, необходимо поступиться самим порядком повествования. Если принять разграничение между речью (discours) и рассказом (recit), проведенное Э. Бенвенистом, мы обретаем возможность соединить противоположности, в том числе множественность интенций, и осмыслить их в «нестабильном времени» рассказа[1513]. Развитие событий внутри него предпочтительнее в таком случае изучать не в движении от *темы / задачи / целеполагания* к *раскрытию / решению / достижению цели*, а сообразуясь с логикой воображаемого взаимодействия между означающими, в которой сама «последовательность» образуется в результате их движения[1514].

Логика расследования уже неоднократно приводила тех, кто занимался «частной жизнью» Курбских, к инициаторам, виновникам, разжигателям их ссоры. Дистанция между исследователем и действующими лицами повествования в таких случаях сокращается до минимума, ученые становятся следователями и разыгрывают судебное дело, как шахматную партию, в которой каждый поступок напоминает ход фигуры, у которой есть «относительная стоимость», правила хода и стандартный набор игровых возможностей. В судебном порядке извлекаются из неизвестности и постулируются качества участников конфликта и отношения между ними: «алчность» князя[1515]; жестокость князя, «посягавшего на жизнь» своей жены[1516]; «крайняя смесь религиозного ханжества и отчаянного разгула» в княгине[1517]; взаимная неприязнь в семье Курбских, ставшая следствием углубленных богословских трудов князя и распутного поведения оставленной без внимания княгини[1518]; «предприимчивость» (der Geschaftssinn) ревнивых насыпков князя, заинтересованных в материальных последствиях развода[1519]. Герои процесса почти не переступают через «пороги ожидания», в целом старательно и прямолинейно выполняя свои миссии. Именно в этом нам предстоит усомниться в настоящей работе. Свои интенции действующие лица проявляют в своих речах и жестах на суде, но и скрывают их с помощью тех же судебных выступлений. Поэтому наиболее продуктивным представляется обратиться к микроистории, в которой повседневная деятельность будет передана как «череда попыток, выборов, принятий решений перед лицом неизвестности»[1520]. При этом самой трудной задачей будет представить вместе с героями «лица неизвестности» и, по выражению Ю. Л. Бессмертного, «разговорить» источники[1521]. При помощи микроанализа попытаемся выстроить вероятную последовательность событий и детально рассмотреть те смыслы, которыми их участники наделяют эту семейную драму.

***

Московские послы М. Д. Карпов, Н. И. Головин и К. Г. Грамотин в 1579 г. подробно отчитывались о государевом изменнике Андрее Курбском, скрывая возможные неточности своих информаторов за туманом «большой политики»: «А на Курбсково, деи, от короля опала не бывала, а была, деи, на него от короля и от панов от болших кручина за то, была за ним жена княгиня Дубровитцкая, сестра двоюродная Остафя Волова пана, а в приданых за нею был город Дубровицы с поветом. И Курбъской княгини не любил и не жил с нею. И били на него челом королю Остафеи Волов, да братя жены его, что з женою не живет, держит ее у себя в неволи, а именем приданым владеет великим. И корол по него посылал, а велел ему быти у собя Варшеве и со княгинею, да велел, деи, ему со княгинею роспуститца, имене у него приданое велел отняти, и что он Остафю учинился недруг, да и корол, деи, для тово ж его не любит. А живет, деи, все в имене в городке в Ковели. А любил, деи, его один пан Виленской Ян Яронимов, а ныне, деи, и тот ево не любит для Остафя Волова»[1522].

[1513] *Certeau M. de.* L'écriture de l'histoire. Paris, 1975. P. 104–109.

[1514] *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998. С. 329–331.

[1515] *Горский С.* Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского. С. 181-189.

[1516] *Петров Н.Н.* История родов русского дворянства: В 2 кн. М., 1991. Кн. 1. С. 140.

[1517] *Оноков З. З.* Князь А. М. Курбский. С. 28–43; *Бартошевич Ю.* Князь Курбский на Волыни // ИВ. СПб., 1881. Т. 6. № 1. С. 65–85.

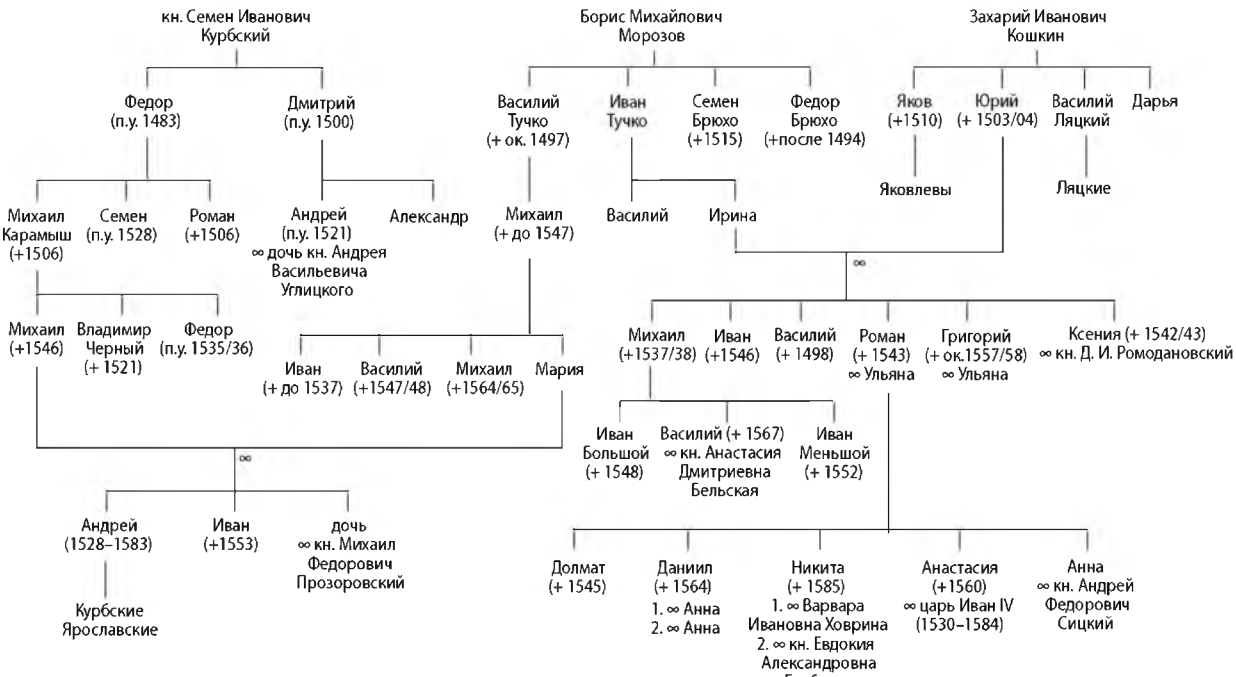
[1518] *Backus O. P.* A. M. Kurbsky in the Polish-Lithuanian State // ABS. Bialystok, 1969. Vol. 6. P. 46.

[1519] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 213, 231, 235–236.

[1520] *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. 1996. С. 125.

[1521] *Бессмертный Ю.Л.* Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 16.

[1522] ПК-79-11. Л. 116–117. Отчет может принадлежать последним двум послам, поскольку Карпов умер в ходе посольства.



Родство князя Андрея Курбского в России

Панорама, возникающая из статейного списка, поддается фокусировке и может быть представлена следующим образом:

А. М. Курбский женился на богатой вдове М. Ю. Гольшанской-Дубровицкой, но не любил ее и не жил с ней. Муж ее племянницы Федоры Павловны Сапежанки подканцлер Великого княжества Литовского О. Б. Волович и дети княгини Марии от первого брака Ян и Андрей Монтолты пожаловались королю, будто бы он держит ее в неволе, стремясь прибрать к рукам приданое. Король прислушался к просьбе и заставил Курбских развестись. При этом к князю Андрею все охладели: король, подканцлер и даже бывший друг гетман Ян Иеронимович Ходкевич. Версия очень проста: князь женился по расчету, жену не любил, посадил ее под замок, но об этом стало известно сначала ее родственникам, затем с их помощью королю, который заставил его отпустить жену.

Московские послы передали также ошибочные сведения насчет величины приданого: Дубровица с поветом не была в единоличной собственности вдовы каштеляна луцкого Михаила Тихновича Козинского. Дубровицкий замок был родовым имением князей Гольшанских[1523]. Им владел князь Иван Юрьевич (ум. в 1481 г.) и следом за ним его сын Юрий (ум. в 1529 г.). Наследство кн. Семена Юрьевича Гольшанского в 1556 г., по его завещанию, должны были разделить Остафий Богданович Волович (как муж дочери, княжны Олены Гольшанской), а также Николай, Богдан и Марина Павловичи Сапеги с сестрами их умершей матери: Настасьей (женой кн. Кузьмы Ивановича Заславского), Зофьей (женой кн. Александра Ивановича Полубенского[1524]), Федорой (женой кн. Богдана Васильевича Соломерецкого), Марией Гольшанской (на то время женой М. Т. Козинского)[1525] и Ганной (женой Олизара

[1523] Sapiehowie. T. 1. S. 54–55, 112, 116–117, 121, 126; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 211; *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 323.

[1524] Мужем сестры А. И. Полубенского княгини Богданы Ивановны был сын московского эмигранта Иван Иванович Ляцкий (см. запись Ляцкого своей жене на имениях Носово и Чемеры от 15 марта 1569 г. — Archiwum Państwowe w Krakowie. Oddział na Wawelu. Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów. N 913. K. 1–2; см. также: *Grala H.* "*Ex Moschouia ortum habent*". S. 107).

[1525] Своему второму мужу 16 ноября 1557 г. княгиня записала «на вечность» двор Жирмоны и дворцы Болтеники и Орловкишки, полученные ею от первого мужа — Андрея Якубовича Монтолта. Из них два дворца были прикуплены А. Я. Монтолтом к Жирмонам. Кроме того, княжна передала ему 8 ноября 1557 г. по брачному контракту третью

Кирдея Мыльского[1526]). Марина Сапега была замужем за королевским ротмистром Оникеем Андреевичем Корсаком, их дочь Федора после смерти матери получила от отца в собственность ее имение Доржи, данное Марине кн. С.Ю. Гольшанским[1527]. Все эти лица как «потомки» кн. Ю.И. Гольшанского выступали как единый род, если их собственности угрожали чужаки. После смерти кн. С.Ю. Гольшанского они заключили между собой соглашение о разделе, по которому кн. Б.В. Соломерецкий и М.Т. Кирдей Козинский с женами получили Дубровицу, Высоцк и литовские Шешоли, Крошты и Большики, а остальные поделили между собой Глуский замок с его волостями и дворами, Гольшаны, Станьков, Житин, Доржи, Пилипони и все села и приселки при этих имениях и половину Рычова кн. Ю.И. Гольшанского[1528]. Все названные, включая О. Корсака, заставили воеводу серадзского О. Лаского, его жену Беату Костелецкую и падчерицу Гальшку (из Острожских) отказаться от трети Степанского замка, которую держала Беата еще до брака с Ласким пополам с деверем — кн. К.К. Острожским, а также от спорных имений Беаты на Волыни[1529].

часть своих «отчизных имений», полученных от раздела с сестрами. См.: ЛМ-38. Л. 144 об. – 146 об. (Вильно, 14 мая 1558 г.), 146 об. — 149 (Вильно, 14 мая 1558 г.).

[1526] Судя по выплатам, которые шли с части Гаины Кирдеевой Мыльской в 1569–1570 гг., в Дубровице в ее собственности находились 10 рыночных домов (по 4 гр. с дома), 1 «убогий» дом на рынке (2 гр.), 55 уличных домов (по 2 гр.), 23 уличных «убогих» домов (по 1 гр.), 9 «воляи» (по 1 гр.), 9 садов (по 1 гр.), 27 «задних садов» (по 1 гр.), 2 сада на улицах (по 4 гр.), 2 водочных шинка (по 6 гр.), 1 городской сад (2 гр.), а также в волости 92 дыма (по 7 гр.), 17 садовых домов (по 2 гр.), 4 больших мельницы (по 24 гр.) и 1 малая (12 гр.), 1 корчма (12 гр.), 1 пивной шинок (6 гр.), 1 «зупольная» служба (24 гр.) и еще 5 «огродников» (по 1,5 гр.): ASK-I. N 31. K. 213v–214. См. также счета выплат О.К. Мыльского с его имений в Луцком и Владимирском поветах по реестрам Люблинского сейма 1569 г., Краковского сейма 1576 г., Варшавского сейма 1579 г., по сводным счетам 1577–1578, 1583 гг.: ASK-I. N 31. K. 23v, 98, 98v (1579 г.), 243 (1569–1570 гг.), 320v (1576 г.), 364v (1577–1578 гг.), 587–587 об. (1583 г.).

[1527] ЛМ-268. Л. 126 – 127 об. (Варшава, 10 октября 1566 г. Здесь же текст дарственной О.А. Корсака дочери, датированный: Варшава, 8 октября 1566 г.).

[1528] ЛМ-38. Л. 158 об.–161 (Вильно, 23 мая 1558 г.). Договор заключен в Вильно 15 мая 1558 г. Один из текстов договора от лица О.Б. Воловича внесен в актовую запись. См. также: ЛМ-38. Л. 216 об. — 217 об. (Вильно, 1 августа 1559 г.). Подтверждение договора см.: ЛМ-41. Л. 235–240 (Вильно, 31 марта 1561 г., в текст вписана копия договора между сторонами, заключенного в Глуске 18 мая 1560 г.).

[1529] ЛМ-261. Л. 166–167 (Вильно, 12 декабря 1565 г.). Борьба за родовые имения Острожских между Б. Костелецкой и кн. К.К. Острожским началась вскоре после

Впрочем, эту треть так и не отдал им пи Лаский, пи захвативший Гальшку кн. К.К. Острожский, и уже после развода Курбских «княгиня Андреевая Курпская княгиня Маря Юревъна Голшанского» в числе остальных представителей рода вызвала в суд кн. К.К. Острожского и Г.И. Гурку (княжну Острожскую) «о третюю част всего имения Степанского замку места и волости Степанскои и о иншие спадки по небожчику князю Семену Юревичу Голшанском, па их милост правом прирожонным належачие»[1530].

Однако единство в роду «Гольшанских» было временным и неустойчивым. Дубровицкое имение в 1568 г. было разделено между сестрами Марией и Анной, по пограничные вопросы между ними окончательно улажены не были . Соломерецкие в разделе не участвовали, хотя Марина Васильевна Соломерецкая в первом браке была замужем за братом Анны и Марии В.Ю. Гольшанским[1531]. Полубенские, видимо, также были слишком отдаленной родней, чтобы претендовать на долю в выморочном имении[1532]. О.Б. Волович не был в бракоразводном процессе Курбских сторонним наблюдателем, но о его позиции известно только от московских послов. Никаких имущественных претензий с его стороны до того неизвестно[1533].

Послы упрощенно представляют имущественную сторону конфликта еще в одном. Конкуренция за наследство Гольшанских не сводилась к борьбе за Дубровицу. На королевском суде 19 мая 1581 г. закончилась более чем десятилетняя тяжба из-за имения Шешоли. Истцу, королевскому писарю Миколаю Войтеховичу Ясенскому пришлось представить судьям столетнюю историю его наследования — «линею роду их милости кнежат Олшанъских»[1534]. Еще за год до этого, 16 мая 1580 г. данный острый конфликт не удалось разрешить[1535]. Спорной оказалась

смерти единокровного брата кн. Константина Острожского, Ильи 19 августа 1539 г. Подробнее см.: *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский... С. 24–38.

[1530] КГЛ-19. Арк. 363 зв. — 364, 364 — 364 зв. (Два акта: 11 мая 1579 г.), цит. на л. 363 об. — 364.

[1531] *Сліж Н.* Род Саламярэцкіх на Магілёўшчыне ў XVI – першай паловы XVII стст. // Мінулая і сучасная історыя Магілёва: Зборнік навуковых прац. Магілёў, 2001. С. 57–58.

[1532] См. о Полубенских: ЛМ-274. Л. 185 — 189 об.

[1533] Курбский состоял с ним в неформальной переписке, упрекал в вероотступничестве, но, вероятно, отношения между ними до 1578 г. не были враждебными. См. ниже.

[1534] ЛМ-65. Л. 30 об. — 31 об.; ЛМ-68. Л. 41–42; ЛМ-274. Л. 310 — 310 об.

[1535] Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 228. Anm. 95.

не только треть имения, принадлежащая королевскому писарю, но и «четвертая часть». Представитель митрополита А. Мархач уже после нового раздела по третям и создания пограничных «концев» заявил, что частей должно быть четыре: одна была передана племянницей кн. И. Ю. Дубровицкого Татьяной Семеновной церкви; вторая от Ивана Юрьевича перешла к его сыну, а от него, разделившись на две, попала в руки его дочерей — Марии Курбской и Ганны Кирдеевой; и только последняя была продана епископом виленским Павлом Александровичем Гольшанским отцу Ясенского. Николай Войтехович парировал замечание противника, остроумно устранив раздвоение части князя Юрия указанием, что Курбская и Кирдеевая «и тепер часть тую держить» (глагол в единственном числе!)[1536]. Обе сестры, будучи соседками по Дубровицкому замку, непрестанно ссорились, и для современников это был настолько очевидный факт, что совместное владение сестер в Шешолях казалось анахронизмом, а это грозило подорвать авторитет распоряжений князей Ивана, Александра и Семена Юрьевичей Гольшанских[1537]. Впрочем, суд не принял аргумент представителя митрополита.

Внутрисемейные отношения Курбских охарактеризованы послами очень ярко: «И Курбъской княгини не любил и не жил с нею». Однако было бы неверно видеть в этих словах ответ на вопрос о мотивах развода, тем более послы, противореча такому пониманию, неоднократно упоминают имущественную сторону дела.

Прежде всего, «семья» в Речи Посполитой XVI в. не ограничивалась мужем и женой. Их «частная жизнь» была частью «частной жизни» масштабного рода. Понятие «частное» может лишь с немалой долей условности применяться к семейной жизни польских и литовских шляхтичей и шляхтянок. Нормы, да и судебные процессы, позволяющие изучить проявления «частного», слишком условны в вопросах разделения домохозяйства и семейной жизни, с одной стороны, и общественной деятельности — с другой. Семья шляхтича включала широкий круг лиц, геральдическую родню вместе с предками и свояками, и, видимо, не ограничивалась даже понятием «дома», охватывая также слуг, служебников и приятелей. Нуклеарная семья пользовалась определенной автономией, особенно в вопросах распределения посага, вена и совместной собственности, а также в завещательных операциях. Но, как показывает изучение записей в судебных книгах, идеология отношений между мужем и домочадцами была насыщена «публичной» патронально-клиентарной риторикой[1538].

Трудно восстановить эмоциональный мир Курбских в первые годы их совместной жизни. Известие о том, что князь не любил жену и не жил с ней, почти не поддается переводу: во-первых, «любовь» в официальных московских делопроизводственных источниках, как и «милость» и «згода» в волынских, передает только самые общие черты *положительного* отношения; во-вторых, рассказ послов относится главным образом к событиям после 1577 г. Что же происходило до этого времени? Записывая имение Осмиговичи мужу 22 августа 1571 г., М. Ю. Гольшанская воспроизводит общепринятую

[1536] ЛМ-68. Л. 41 об. Еще один пример отождествления княгинь Марии и Анны обнаруживаем в королевском листе О. Кирдею Мыльскому и его жене Марии (так!) Юрьевне Гольшанской от 30 апреля 1572 г. (BCz-2579. S. 105–106). Путали и мужей Марии и Анны. Так, дворянин господарский Ян Лавданский отчитывался 21 августа 1563 г., что передал королевский «лист» маршалку господарскому городничему владимирскому Михаилу Тихновичу Козинскому и его жене Анне Юрьевне Гольшанской. Это названа должность О. П. Кирдея Мыльского и упомянута его же жена княжна Анна (ЛМ-255. Л. 530. Вильно, 21 августа 1563 г.).

[1537] Служебники стольника Великого княжества Литовского кн. С. Ю. Гольшанского после его смерти объявили о том, что князь перед смертью обязал распорядителей своих имений выплатить им 500 коп гр. Позаботиться о них должен был опекун сестер покойного князя канцлер М. Я. Радзивилл Черный. Свидетели показали, что вся сумма была записана на Глуск. За это Радзивилл получал право на временное владение Шешолями, Кроштами и Больниками. Под предлогом вступления сестер князя и их детей во владение Глуском было предписано списать долг с этих трех имений. Радзивилл счел, что наибольшее право на них имел О. Б. Волович и поручил ему выплатить долг. Волович согласился и припомнил долг покойного князя ему самому, после чего получил в помощь королевского дворянина для получения имений и право на владение ими до выплаты полной суммы долгов. Слуги Гольшанского согласились сразу получить от Воловича 200 коп гр. на выкуп амуниции у евреев и купцов, а еще 300 коп гр. простили его жене и заключили мировое соглашение. См.: ЛМ-38. Л. 53 — 54 об. (Вильно, 7 августа 1556 г.).

[1538] *Старченко Н.* Публічність як домінанта культурної традиції (Волинь другої половини XVI століття) // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Київ, 1998. Т. V. С. 69–74; *Її ж.* Дещо про становище жінки в шляхетському соціумі (Волинь кінця XVI — поч. XVII ст.) // Генеза-99. Філософські, історичні, політологічні студії. Київ, 1999. С. 70–71; *Її ж.* Шлюбна стратегія вдів і кілька проблем навколо неї (шляхетська Волинь кінця XVI ст.) // Київська старовина. 2000. № 6 (336). С. 62. См. также наш обзор: *Ерусалимский К. Ю.* Гендерная асимметрия в средневековой Волыни: (по поводу исследований Н. Старченко) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2007. № 13. С. 261–275.

формулу, за которой трудно обнаружить прямые ходы в частную жизнь: «...але знаючи я на всем ласку щирую и милость его милости князя пана малжонка моего милого ку собе...»[1539] Впрочем, сама запись, если она подлинная (в чем нам предстоит еще усомниться), является лишь формальным голосом, а добрые слова в адрес супруга — обязательным элементом таких записей. В 1578 г., как увидим, княгиня будет показывать и устно заявлять, что от мужа испытывает только мучения и побои. Но уже во время повторного развода на королевском суде в Вильно 5 июня 1581 г. она заявляет, что жила с Курбским «в стане малженском колько лет в згоде»[1540]. В разводном листе епископа Феодосия записано, что князь Андрей Михайлович утверждал противоположное о своей жизни с княгиней Марией: «...с которою през колько лет, в малженстве будучи, за некоторыми ростырками добре и згодливе в стане малъженском мешкати не могли»[1541]. Три года спустя поверенные Курбского запишут показания о том, что их господин вплоть до лета 1577 г. не знал о том, что у его жены есть любовник. Однако и «любовник», и «неведение» о нем Курбского — это следственные фантомы в ряду прочих. В разводной справке 1578 г. отмечено, что и «приятели» обеих сторон обсуждали вопрос о качестве совместной жизни Курбских в браке, но, «но колко кроть на то высажоные, згодити не могли»[1542].

Хорошо супруги жили друг с другом или плохо, Курбские какое-то время после венчания *жили* вместе. Как долго в «любви» — сказать трудно, и как раз из-за их противоречивых показаний на этот счет в суде. Точная дата их венчания неизвестна. 15 августа 1570 г. на княгиню жалуется Ярофей Гостский как на «пани Михайловую Козинскую»[1543]. 6 сентября возный Тихно Орапский записывает дело от 31 августа об имении Осмиговичи, когда она еще была вдовой[1544]. Вновь имя вдовы каштеляна луцкого выступает еще чуть позже, 11 сентября 1570 г., в упоминании ее полюбовного суда с О. Кирдеем Мыльским и его женой, сестрой Марии Ганной. Впрочем, в этом контексте перед нами ретроспектива событий сентября 1569 г.[1545] Когда в том же 1570 г. 25 ноября возный Хацко Чуват Туличевский доставил в Осмиговичи повестку о ее вызове в суд, княгиня уже была замужем за Курбским[1546]. В «декрете» короля Стефана Батория, выданном дворянину М. Ясенскому, упоминается раздел «имения Шешолского» 18 ноября 1570 г., и к тому времени княгиня Мария уже в третий раз вышла замуж[1547]. В ноябре 1570 г. подводы княгини Марии были направлены из Дубровицы в Ковель, куда она, «хотечи мети мешкання болшого у Ковли, аниж у Дубровицы», собиралась перевезти свои ценные и необходимые ей вещи: 11 ноября часть вещей оказалась на половине замка, принадлежащей ее соперница-сестре Ганне Мыльской, княжне Гольшанской[1548]. Таким образом, Андрей Курбский и Мария Козинская, урожд. Гольшанская, поженились не ранее начала сентября и, наиболее вероятно, около начала ноября 1570 г. В июне 1571 г. посол Г. Ф. Мещерский рапортовал со ссылкой на пана познанского Лукаша Богдановича Гарабурду: «А ныне, сказал, Курбской женился, понял вдову, ротмистрову жену Козитцкого, а того ротмистра убили государевы люди под Черниговом», «А как король Ковель ему дал, и он женился, а понял Козинского жену каштеляна лудцкого»[1549]. В первые же дни после венчания княгиня перевезла в Ковель к мужу свои драгоценности и 12 возов вещей: «...жона моя Маря, — по словам Курбского, — сказала служебником своим щасти своее замъку Дубровицкого на двананцат воз подводы речей своих, которые там у сховану были скрини, в которых скринях было сребро, злото, перла, шаты, цын, мед и инший спрят домовый до Ковля повезти, хотечи мети мешкання болшого у Ковли, аниж у Дубровицы»[1550]. Показательно, как кажется, что накануне большого разлада, в начале 1576 г., княгиня Мария со всеми своими возами (из них два — с ценными и теплыми вещами, 150 возов — уголь на растопку) приехала из Дубровицы в Ковель. Где именно был в этом время муж — из источников не вполне ясно, но он поблизости — либо в Ковеле, либо кочевал вместе с женой же между их пинскими и волынскими имениями[1551].

Был ли «выгодным» брак только для Курбского? В историографии именно такая оценка вызвала к жизни концепцию «брака по расче-

[1539] ЖКЛВ. Т. 1. С. 29, то же: АЮЗР. Ч. 8. Т. 4. С. 307.
[1540] ЛМ-68. Л. 67.
[1541] ЛМ-68. Л. 69.
[1542] ЛМ-68. Л.69.
[1543] КГВ-5. Арк. 218 зв. — 219, 220 зв. — 221.
[1544] КГВ-5. Арк. 244 зв. — 245 зв.
[1545] КГЛ-12. Арк. 476 зв. — 479 (2 акта от 11 сентября 1570 г.).
[1546] КГВ-5. Арк. 361 — 361 зв.
[1547] ЛМ-65. Л. 30 об. См. также: ЛМ-268. Л. 341–342 (Варшава, 28 ноября 1570 г.).
[1548] КГВ-6. Арк. 43–44 (3 февраля 1571 г.).
[1549] СИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 795–796, 806.
[1550] Там же. Л. 43 — 43 об.
[1551] См. *Итинерарий Курбского январь 1576 г., 1–6 февраля 1576 г., 5 марта 1576 г.*

ту». Но обратимся к источникам. Князь с трудом пережил утрату первой семьи в России. Ходила даже легенда, возможно, пущенная самим князем Андреем Михайловичем через его немца-слугу Александра Кенига, о том, как он прощался со своей женой перед побегом. Оправдывался он за покинутых родных или надеялся перевезти их тоже, но что-то не удалось, мы так и не узнаем. Нельзя исключать, что миссия Василия Шибанова была связана с попыткой спасти жену и сына, а прошения князя вскоре после этого в Константинополе — с поиском церковной поддержки[1552]. Усилия оказались тщетными. Вскоре первая жена и сын оказались в монастырском застенке («в заточению затворенных»)[1553]. По всей видимости, к моменту получения привилея на Ковель от 25 февраля 1567 г. князь уже достоверно знал о гибели первой жены. Привилей короля Сигизмунда Августа от 8 сентября 1567 г. гарантировал ему право передать Ковельское имение в наследство не только сыну, но и дочери. С материальной точки зрения князь мог составить достойную партию волынской владетельной княжне. Кроме того, поддержка Курбского была важным подспорьем в борьбе самой княгини Марии Юрьевны против своей сестры, родственников бывшего мужа и арендаторов ее имений.

Накануне вступления в третий брак Мария преодолевала судебный натиск своих противников, отбиваясь от исков родственников по своему имению Осмиговичи и совместно с судебными служащими проводя поиски своего племянника[1554]. 15 августа 1570 г. Ярофей Васильевич Гостский, муж золовки по ее второму браку, заявил в суде, что М. Ю. Гольшанская должна была ему в этот день отдать долг на сумму 400 коп гр. за имение Осмиговичи с приселками, ловищами Волосским, Коросневом и Сеневкой, но не пришла и не прислала с деньгами[1555]. На следующий день судебный служащий Хацко Чуват Туличовский заявляет, что ездил со свидетелями «на потребу» княгини к пану каштеляну любачовскому М. Лысаковскому в Устилуг. Там спрашивал, насылал ли пан своих служебников на ее двор Соличницкий и забирал ли к себе сестренца ее милости, т. е. племянника по сестре — Федоре Юрьевне Гольшанской Соломерецкой, кн. Ивана Богдановича Соломерецкого. Другой служебник Марии Юрьевны Никон Матвеевич рассказал в суде, что был послан с «зашитым листом» к пану Любачовскому. Тот ответил, что никакого насилия не совершал, а сестренца ее действительно держит у себя: «...бо ми тое княжа ест велми потребно»[1556]. В конце августа судебный служащий Тихно Оранский был «на потребе» кн. Д. А. Козеки, двоюродного брата второго мужа Гольшанской, для вручения вызовов на владимирский земский суд «ее милости кашталяновой Луцкой паней Михаиловой Козинской паней Мари Юревне княжне Голшанской и зятю ее милости князю Миколаю Ярославовичу и жоне его милости о имене Осмиговичи» с прилегающими землями. Судебный «возный» Оранский вручил вызов княгине в ее имении Бискупичах. Та просила читать и, выслушав, заявила, что ее зятю нет дела до ее именья Осмиговичи, она сама будет судиться в положенный срок, в день св. Михаила (29 сентября)[1557]. Вскоре после вступления Гольшанской в новый брак, 30 ноября, Туличовский вызвал Андрея Курбского, его жену Марию Гольшанскую, ее зятя кн. Миколая Ярославовича и дочь княгиню В. М. Козинскую на суд с князем Козекой на день Трех Королей (6 января)[1558]. Процесс продолжился, как и было намечено, в начале следующего года[1559].

В действиях Гольшанской историков настораживает добровольная передача большинства ее владений мужу в ущерб детям от первого брака. Это касалось в первую очередь ее доли Дубровицы. 26 декабря 1570 г. слуга Курбского Калымет (Келемет) обнаружил в имении *его пана* Дубровице два вызова в гродский суд Пинска на имя его пана и его жены от О. Кирдея Мыльского

[1552] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 210. Anm. 3. Неясно, бежал ли Василий Шибанов вместе с Курбским из Юрьева 30 апреля 1564 г. Об этом см. в главе «Побег».

[1553] Жена князя была пострижена под именем Евфросинии, а мать — Марфы. Имя сына-княжича неизвестно. В родовой помянник Толгского монастыря никто из них не попал. Последние имена в нем — отец, постриженный под именем Мисаил, и младший брат Иоанн (*Кузьмин А. В.* Древнейший список синодика Ярославского Толгского монастыря... С. 58). Со ссылкой на Ю. Вольфа и Н. Яковенко И. Ворончук ошибочно принимает мать кн. А. М. Курбского за его жену (*Ворончук І. О.* Населення Волині в XVI — першій половині XVII ст.: родина, домогосподарство, демографічні чинники. Київ, 2012. С. 488).

[1554] Это не считая буквальных вооруженных столкновений, например с урядниками и слугами кн. Юрия Федоровича Вороницкого, кн. Льва Войнича Вороницкого, Олбрахта Лаского. Ссоры по пограничным конфликтам тянутся еще с 1568 г.: КГЛ-11. Арк. 107 — 110 зв. (1 марта 1569 г.), 111 зв. — 112 (6 марта 1569 г.), 127 зв. — 128 зв. (8 марта 1569 г.), 195 — 196 зв. (8 мая 1569 г.), 206 — 206 зв. (10 мая 1569 г.), 263 — 264 зв. (3 акта от 6 июня 1569 г.) и др.

[1555] КГВ-5. Арк. 218 зв. — 219.

[1556] КГВ-5. Арк. 219–220.

[1557] КГВ-5. Арк. 244 зв. — 245 зв.

[1558] КГВ-5. Арк. 361 — 361 зв.

[1559] КГВ-6. Арк. 11–13 (12 января 1571 г.).

и его жены Ганны. В вызове был указан срок — через 4 недели и приведен реестр нанесенных истцам «кривд и шкод»[1560]. Московит Курбского, крещеный татарин Иван Иванович Келемет стал урядником Курбских в Дубровице и, присвоив ее своему пану, следовал лишь патерналистской судебной риторике, а не отношениям собственности, возникшим между Курбскими. Впрочем, даже если Курбский получил какие-то права на Дубровицу, он должен был знать, что ритуальная передача имения мужу не лишала жену права пользования и распоряжения и не позволяла мужу отстранить от наследования ее детей от предыдущих браков, тем более в тех случаях, когда ее новый муж не был выходцем из местной шляхты.

Вместе с тем судебная борьба последующих лет показала, что княгиня была собственницей и своего права на имение никогда затем не теряла. Ее хозяйство в Осмиговичах с приселками Ловищи, Короснев, Сеневкой, Комаровой Волей и Волоским также представляло собой своеобразный удел свободной шляхтянки[1561]. Старшая в роду, Мария Гольшанская отстояла свое право на владение в Дубровице, но была вынуждена заложить или сдать в аренду часть своих имений после смерти второго мужа М. Т. Козинского в 1568 г. Еще будучи вдовой, она сдала свое имение двор и село Осмиговичи с приселками в аренду сроком на 3 года, до 22 мая 1572 г. служебнику О. Б. Воловича Андрею Романовскому[1562]. Этот шляхтич был близок ко литовскому двору и имел общие дела с князем Андреем Курбским. Еще в декабре 1567 г. Романовский выступал королевским инстигатором на процессе между Курбским и Мацеевскими[1563]. Год спустя А. Романовский выхлопотал себе владение во Владимирском повете у епископа Феодосия[1564]. Получив от вдовы приличную аренду, Романовский закрепился в новом качестве и старательно платил налоги[1565]. Тем временем, заручившись поддержкой нового мужа, княгиня Мария попыталась досрочно рассчитать Романовского. Запись на Осмиговичи «на вечность», «ничого» от этого имения «не оставуючи ани выимуючи» своим детям от первых браков, она дала Курбскому 22 августа 1571 г. за 4 тыс. коп гр., а уже через день во Владимирском гродском уряде на ней присягнула[1566].

Чтобы вытеснить арендатора, за месяц до назначенного срока Курбская освободила всех подданных имения от обязанности ему повиноваться, а также выплачивать ему долги и распорядилась конфисковать его имущество. По рассказу «потерпевшего» от 19 мая 1572 г., княгиня вела себя как недобросовестный арендодатель: не поступилась землей, разделила имение, оставив в нем одного тяглого человека, боярина Пах-

[1560] КГВ-5. Арк. 400. Продолжение процесса см.: КГВ-6. Арк. 32 зв. — 33 зв. (2 февраля 1571 г.)., 42–44 (3 февраля 1571 г.) и т. д.; КГВ-7. Арк. 36 — 36 зв. (30 апреля 1572 г.). См. также: *Старченко Н.* Умоцовані прокуратори — приятелі. Хто вони? (становлення інституту адвокатури на Волині в кінці XVI ст.) // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2002. Вип. 1. С. 125.

[1561] Имение было продано Николаем Бернатовичем и его женой кн. Михаилу Федоровичу Козеке. Его сын князь Андрей передал его своей сестре Анне, в замужестве Козинской, матери Михаила Тихновича Козинского. Свекровь М. Ю. Гольшанской, княжна Анна владела имением и отказывалась передавать его и документы своей невестке, хотя та считала, что имение принадлежит ей. Суд в Вильно 15 марта 1541 г. закрепил имение за Анной и Михаилом Козинскими. Княжна Мария Гольшанская получила от мужа на «вечном» праве не только Осмиговичи, но и Прусы и Иваць — запись дана в Вильно 29 июня 1558 г. и закреплена королевской подписью 8 июля 1558 г.

[1562] А. Романовский и позднее был близок к клану княгини Марии. В июне 1577 г. он представляет на Владимирском земском суде Ярофея Гостского и его жену, Анну Тихновну Козинскую, золовку княгини Марии по ее второму браку с М. Т. Козинским. См.: КЗВ-4. Арк. 22 зв. — 24 (5 июня 1577 г.). См. здесь ниже.

[1563] См. *Итинерарий Курбского 6–15 ноября 1567 г.*

[1564] За свои службы «в справах церковных епископъи володимерское» А. Романовский получил от епископа владимирского Феодосия в держание с. Дорогиничи во Владимирском повете «до трох животов», т. е. на три поколения (ЛМ-48. Л. 257 об. — 259 об., то же: ЛМ-50. Л. 299 об. — 301. Люблин, 30 декабря 1568 г. В составе записи текст пожалования Феодосия А. Романовскому под датой: Владимир, 23 декабря 1568 г.).

[1565] Упоминание выплат Андрея Романовского с этого имения в "Retenta poboru i czopowego powiatu Wlodzimierskiego z delati Zorawniczkiego klucznika Luczkiego uchwali seimu Lubelskiego 1569", видимо, можно датировать не ранее чем сентябрем–ноябрем 1570 г., поскольку в данной записи М. Ю. Гольшанская фигурирует как «княгиня Курбская»: "Andrzei Romanowski a coctoris 10 po grs 8 ze wsi Swihowa kniehini Kurpskiey — k. 2/20" (ASK-I. N 31. K. 175). За тот же 1569 г. княгиня Мария Юрьевна числится в должниках по чоновым сборам с Осмиговичей и тоже как «княгиня Курбская»: "kniahiny Kurpska z imyenia Osmihowicz" (Ibid. K. 281). За 1569–1570 гг. в реестре налоговых выплат отмечено, что урядник Романовского оплатил в имениях Осмиговичи, Ковнев, Ловиче, Сеняевки и Глютовиче 24 дыма по 10 грошей, 9 садов по 4 гр. и еще 9 по 2 гр., 2 мельницы по 24 гр. и с еще 2 по 12 гр. (Ibid. K. 219).

[1566] ЖКЛВ. Т. 1. С. 29–31 (Отрывок из дела — только копия договора под датой Миляновичи, 22 августа 1571 г.); АЮЗР. Киев, 1907. Ч. 8. Т. 4. С. 306–320 (24 августа 1571 г. Здесь же копия договора под датой Миляновичи, 22 августа 1571 г. и представленные Гольшанской копии предыдущих постановлений по Осмиговичам).

па и несколько огородников, большую часть приселка Сенявок и весь сев в 20 мац жита отдала своему боярину Якубу Яхиму Севенскому, весь скот из Осмиговичей отправила в свое имение Дубровицу. Потом в 1571 г. она прислала в приселок Коросно слугу своего Миска с плугами и работниками и приказала засеять поля. В том же году осенью она будто бы наслала своего служебника Грицка Вербского на Осмиговичи, а тот в отсутствие арендатора, творил «мъногие вархолы и клопоты» и вселился в один из домов. А 14 апреля 1572 г. ее милость сама со своими слугами явилась на двор Осмиговичей и забрала все «в моц, справу и владность свою», «бояр и людеи, куды хотечи, посылала и на роботы до потреб своих оборочала и в дворе речеи моих властъных живности на себе и на слуги мяса, куриц, хлеба, меду, пива и иных потреб на копи овса, ячменю кгвалтом брат и дават собе казала, также и сеяти овес з спижарни силою брати велела, и челед мою рикупю и з девками з двора выгнала». 22 апреля она приехала, когда он собирал долги за серебщизну и чинш, и, по его словам, «пеняла, пареканла и переказ учинила, подбуряючи, а в непослушенство людеи ку мене приводячи и мене не за державъцу, але яко за урядника своего менуючи им». Люди, которых Романовский именует своими, отказались на него работать и ему служить. Ночью 8 мая, по приказу своего мужа, Гольшанская напала на Осмиговичи и выбила оставшихся подданных арендатора, захватила его вещи и задержала его посланников со срочными распоряжениями. Когда приехал урядник Романовского, «она его зфукала, злаяла и в везенье осадить была казала». И при этом заявила, что там теперь ни ему, ни его пану делать нечего: там всё принадлежит ей. После чего она начала грозить Романовскому палкой и кричать, что имеет право рассылать людей, куда ей вздумается. Долги платить запретила, телеги и слуг отправила в Дубровицу, урядника велела лишить коня, и пешком отправила к своему пану. 18 мая она повторила «сродзе з фуками» уряднику, что здесь его господин больше ничего не получит и может теперь с ней судиться[1567].

Так он и поступил: 25 мая Курбский и его жена были вызваны на процесс, который в связи с «бескоролевьем» продлился до июля 1574 г. За два дня до вызова владимирский повереннный И. Летинский был с Романовским и со шляхтой в Осмиговичах. Обстановка, которую они там застали, дополняет картину быта Курбских. Во дворе находились тиун, пекарь, шеф-повар и иная челядь. Княгиня, побыв 2 недели, за день до этого уехала, и за урядника остался боярин Моисей, которого в момент появления делегации не было на месте. Романовский заметил «белую голову зе гармистра кнегини ее милости Курпъское» и спросил, чья она и что делает во дворе. Та ответила «на смех его», что «я, деи, сама своя, пани твоя, а тут мешкаю яко в своем. И заобачившися, мовила, же, деи, я ничого невинна, ям слуга кнегини ее милости Курпское, там живу, где ми велят». Посмотрели по дому — и оказалось, что «белых голов немало», нашли швей княгини, которые шили золотом и шелком по полотну. С ними были две «малые» девушки, еще одна в сенях[1568]. Спросили «оных овечок», давно ли они тут и где княгиня. Они ответили, что их привезли в прошлый понедельник из Дубровицы, а княгиня вчера уехала к князю. Во дворе оказалось много слуг и служанок Курбской. Бывшая служанка Романовского рекунья (смотрительница за скотом) Малюта начала плакать и жаловаться, что терпит настоящие мучения. На ночь ее будто бы сажают на цепь, а днем стерегут и не дают ей есть. От притеснений и голода едва жива: «...мушу ляда в ден смерть принять». Романовский дал ей несколько грошей на еду и сказал, что она должна быть «терпливе до права». Не дождавшись ни хозяйки, ни урядника, хотели отдать «позов» тиуну, но тот не брал. Тогда оставили его в светлице. К тому времени собралась вся прислуга и священник. Людей спросили, кому они служат теперь. Они ответили, что служебнику княгини Грицку Вербскому, который держит их, словно в неволе. А другие Курбским «до двора робять»[1569].

В мае 1574 г. Курбские вызывают Романовского на суд во Владимирский уряд «о спустошене двора и имения их милости Осмиговицкого и о иншие речи»[1570]. Встречным иском Романовский заявил, что был выбит со своей законной аренды[1571].

Княгиня, таким образом, проводила в Осмиговичах свою политику, внешне исполняя распоряжения мужа и рассчитывая на его военную поддержку. Насаждение собственных слуг на арендованную землю закончилось для А. Романовского серьезной проблемой. Он мог их

[1567] КГВ-7. Арк. 66 зв. — 73.

[1568] В реестр своих вещей, удержанных Курбским во время развода, М. Ю. Гольшанская включает также золотошвей: жену Бартоломея Барана Касюту с дочерьми Щасной и Ульяной, Огренницу и Анну Литовку с дочерью (ЖКЛВ. Т. 1. С. 162–163).

[1569] КГВ-7. Арк. 75–76, 95.

[1570] КГВ-8. Арк. 91 — 91 зв. (17 мая 1574 г.).

[1571] КГВ-8. Арк. 95 (21 мая 1574 г.).

лишиться или обречь на страдания, подобные тем, которые испытала служанка-рекунья. Княгиня, вытесняя противника, простила долги его должникам, перемапила на свою сторону какую-то часть слуг, других заставила подчиниться угрозами. Чтобы окончательно избавиться от следов хозяйничанья арендатора, она создала из своей дубровицкой дворни новый штат, а также швейную мастерскую и поручила управление имением урядпику. Однако ее поступки не противоречат тому принципу совместного с мужем хозяйства, который отмечается в их деятельности современниками. Этот принцип распространяется и на фамильное владение Гольшанской, которое слуга кн. И.И. Калымет уже в первые дни после венчания Курбских называет имением своего пана. Курбский выступает распорядителем Дубровицы и посылает туда своего урядника[1572].

***

Сыновья М.Ю. Гольшанской от первого брака с Андреем Якубовичем Моптолтом Андрей и Ян Моптолты (Моптовты, Моптовтовичи), видимо, рано заподозрили отчима в том, что он намерен лишить их наследства матери, но не смирились с этой участью[1573]. К осени 1563 г. им по праву принадлежали Свинец и Жирмуны, Шешоли (Шелеши) и Крошты[1574], а по разделам между княжнами Гольшанскими — часть Дубровицы. Когда второй муж их матери, каштелян луцкий М.Т. Козинский отправился в свой последний поход на Московский фронт осенью 1567 г., княжна упорно сдерживала натиск соседей в своих имениях[1575]. На ее стороне были служебники, готовые поддержать свою пани в случае конфликта[1576]. Узнав, что муж погиб,

[1572] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 327–328.

[1573] О роде и ближней родне Моитолтов см.: *Воронцук І.О.* Родоводи... С. 265 (табл. I.39).

[1574] После смерти А.Я. Моитолта М.Ю. Гольшанская заложила его имение Свинец и Жирмуны, переданное по наследству также их сыновьям, за 1400 коп гр. вдове старосты ковенского Яна Юрьевича Комаевского Кристине Яновне Глебович. Гольшанская жаловалась в суд с требованием отдать ей заложенное имение. Король вызвал Комаевскую на суд, назначенный на 21 сентября 1563 г. Однако шла война, и суд был отложен. В 1564 г. суды тоже были отложены в связи с войной, и лишь на Виленском вальном сейме 1565–1566 гг. дело было рассмотрено, 5 ноября 1565 г. Представитель Комаевской придрался к печати на «листе умоцованом» Козинской и настаивал, что жалоба должна исходить от рода Моитолтов. Представитель Козинской Ян Вилькожеить парировал, что Козинская — опекун своих детей и может защищать их интересы, согласно выписи из книги О.Б. Воловича от 22 сентября 1563 г., в которой воевода троцкий М.Ю. Радзивилл признавался, что по тестаменту А.Я. Моитолта (Малев, 10 августа 1555 г.) получил в опеку его сыновей, а сам М.Ю. Радзивилл утвердил на опеку М.Ю. Гольшанскую (в акте 1565 г. — Козинскую). Еще одна выпись с Луцкого замкового уряда с подписью и печатью подстаростего луцкого Андрея Ивановича Русина от 10 сентября 1564 г., в которой о передаче опеки над Моитовтовичами Козинской сообщили их тамошние опекуны князья Александр и Иван Федоровичи Чарторыйские и господарский маршалок Петр Богданович Загоровский. Сторона Комаевской отстаивала полное право на Жирмуны и Свинец, ссылаясь на то, что это имение «давно з дому Моитовта вышло». Половина была куплена у покойного старосты брестского и ковенского Миколая Радзивилла 21 сентября 1563 г., другая на момент суда была в «заставе», т.е. под залогом, у Марии Козинской. Зачитан был на суде и «лист» воеводы виленского о том, что Ян Якубович Моитолт имел право на половину имения, которое делил со своими племянниками («братаничами») Я. А. и А.А. Моитолтами. Еще до того, как получить свою долю, 20 сентября 1563 г., в Вильно Я.Я. Моитолт продал свою половину «вечным правом» К.Я. Комаевской за 2 тыс. коп гр. После этого представитель Комаевской Мартин Добрышевский объявил, что половина имения принадлежит его госпоже, а вторую она готова вернуть за причитающуюся денежную компенсацию. Сторона Козинской подвергла критике саму сделку, заключенную дядей Моитолтовичей еще до раздела имений, а также сумму «2 тыс. коп гр.», которая была невероятно большой для доли имения, и оформление пергаменного договора о сделке между Андреем и Яном Моитолтами (о разделе литовского и волынского имений перед епископом луцким и брестским Яном Фальчевским — Вильно, 17 июля 1547 г.), на котором не оказалось четвертой подвесной печати. Кроме того, держать Свинец должны были оба брата «вечностью», но оно было в «заставе» (за 1 тыс. коп гр.), и владельцем мог стать тот, кто его выкупит, при этом Яну запрещено продавать часть Свинца кому бы то ни было, кроме тещи и братьев своей жены. Продажа имения Комаевской была незаконной. Козинский просил, чтобы согласно договору 1547 г. его жене дали право за 1400 коп гр. вернуть себе имение, добавив, что Ян Моитолт не имел права продавать свою долю, так как предварительно не выкупил ее и не поставил в известность «братаничей». Суд не принял аргументы Козинских, признал продажу половины имения Я. Моитолтом законной и предписал Козинским выкупить вторую половину имения за 700 коп гр. См.: ЛМ-264. Л. 114 об. — 125 (Вильно, 20 февраля 1566 г.).

[1575] ЛМ-268. Л. 210 об. — 211 об. (Гродно, 2 июля 1568 г. Жалоба соседа Козинских по Шешольскому имению державцы любошанского М. Ясенского на нападения служебника Козинской Григория Вербского. От имения Марии против Ясенского в суде выступил ее урядник Матыс Мощинский).

[1576] ЛМ-268. Л. 231–232 (Кишинь, 29 июля 1568 г. В убийстве служебника М.Ю. Гольшанской Алексея Вольского они сама и родич убитого речицкий шляхтич Станислав Боиецкий Креслав обвинили О. Кирдея Мыльского, Г.Ю. Гольшанскую и их дубровицкого

она немедленно закрепила за сыновьями записью в господарские канцелярские книги пинский замок Дубровицу, а также оставшиеся после первого мужа виленские владения — двор Шешоли и местечко Крошты. При жизни она оставляла за собой право владеть и пользоваться замком и селами. В акте, внесенном в книгу Литовской Метрики №268, сказано, что М. Ю. Гольшанская забрала «до себе» доходы с имений и движимость «ку своеи потребе», «ку своеи пильнои потребе». Поощряя сыновнюю любовь и послушание, она записала обоим «по животе», в случае своей смерти, и «вечными часы», в полную собственность с правом распоряжения, свою долю Дубровицы. Старший Ян получил Дубровицу с дворами, пашнями, сеножатями, боярами, тяглыми людьми, данниками и т. д., младший — таким же порядком Шешоли и Крошты[1577]. Опекунами Монтолтов были кн. Александр Чарторыйский и маршалок Петр Загоровский. Из них к 1570 г. жив был только Загоровский, но в исках Гольшанской упоминались оба[1578].

Подписанное соглашение ограничивало права сыновей при жизни Марии, однако обязывало ее саму и ее возможного будущего мужа сохранить в неприкосновенности их доли. Постановления матери Монтолтам было мало — они стремились держать под контролем оригиналы всех соглашений по отписанным им владениям. В августе 1571 г. княгиня жаловалась в суде на сына Андрея, что он во время воскресной утренней службы украл из шкафа в Миляновичах акты, квитанции и реестр своего брата Яна, а также акт об «утреннем даре» ее первого мужа. Затем в сентябре 1574 г. Курбская потеряла свою печать, ключи и сумку с деньгами. Наконец, 8 июля 1575 г., когда князь ехал из Литвы в Ковель, слуга Курбских Матвей Гинейко исчез, унеся с собой драгоценности и «мамрамы под печатми нашими и с подписанем власных рук наших»[1579]. Курбский написал жалобу во Владимирский уряд, уже тогда подозревая, что беглец совершил преступление по чьему-то поручению и отправился в Литву[1580]. В тот же день Курбский пожаловался, что от него сбежал пленный москвитин, грамотный и пользовавшийся милостью князя, по имени Иванко. Уехал на коне и унес с собой амуницию, деньги и книги[1581]. Возможно, эти две кражи не связаны между собой, но показательно, что одновременно от Курбского бегут два слуги, причастных к его документам и книгам. И князь подозревает в кознях своих пасынков, пока ни в чем не обвиняя жену лично и называя ее тоже потерпевшей.

Через полгода разболелась княгиня, и к тому времени версия кражи оформилась окончательно. В своем завещании она указывает, что служебник Матвей украл бланки с ее печатями и подписями и передал их ее сыну Яну[1582]. Под этим предлогом она перечисляет свои владения, подаренные мужу, и поясняет, что «естли бы которые записы листы в неведомости моем на име мое на тых мамрамах справленые показатисе мели у когоколвек, на што тогды тые листы записы учиненые у каждого права никоторое моцы не мают»[1583]. Все документы на завещанные имения также оказались в руках мужа, в том числе привилеи на имение Болтенки, записанное А. Монтолту. Сыновьям княгиня завещала часть движимости и вотчину Жирмоны[1584]. Перспектива унаследовать земли Гольшанских не исчезала для Курбского и в случае выздоровления жены, поскольку все документы, включая завещание, оставались у него в канцелярии. Княгиня, впрочем, могла аннулировать «тестамент» и потребовать возвращения документов в судебном порядке. Но для этого требовалось выступить в суде против своего мужа.

После ее выздоровления, и в каком-то смысле вследствие его, открылось множество взаимных обвинений Курбского и его пасынков. Причины их появления скрыты, и все предположения приходится строить на последующих событиях, когда дело начало разбухать за счет улик, которые обе стороны искали уже сознательно, в том числе и в прошлом. Поэтому наметим только возможные версии.

1. Курбский потерял уважение супруги, заставив ее подписать поспешное и несправедливое завещание. Показательна и хронологическая дистанция между составлением тестамента

урядника Флориана Дубрыяловского. Суд должен был осуществить от лица О. Б. Воловича его служебник Андрей Романовский, будущий арендатор Осмиговичей М. Ю. Гольшанской).

[1577] ЛМ-268. Л. 218 об. — 220 об. (Гродно, 15 июля 1568 г. Этим числом Я. А. и А. А. Монтолты получили выписи из канцелярских книг с текстом постановления их матери, датированного: Дубровица, 4 ноября 1567 г.).

[1578] ЛМ-268. Л. 294 об. — 296 (Варшава, 6 июня 1570 г.).

[1579] КГВ-9. Арк. 156 зв. — 157, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 52. О смерти Федора Гинейко и побеге Матвея Гинейко и Ивана Москвитина см. подробнее здесь в главе «Экстенсивное чтение».

[1580] КГВ-9. Арк. 157, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 53.

[1581] КГВ-9. Арк. 157 — 157 зв. 14 июля 1575 г.

[1582] ЖКЛВ. Т. 1. С. 74.

[1583] ЖКЛВ. Т. 1. С. 75–76.

[1584] ЖКЛВ. Т. 1. С. 76–77; Sapiehowie. S. 122, 126.

княгини Марии и его внесением в актовые книги: 18 марта 1576 и 10 октября 1577 г. Ни болезни, ни тревоги не могли длиться так долго. Было бы понятно, если бы последняя дата последовала за недавней кончиной завещателя. Однако княгиня жила дальше, была деятельна и... на грани разрыва с мужем. Внесение завещания в актовые книги Владимирского земского суда сопровождалось ремаркой о том, что Курбскому завещаны имения жены во Владимирском и Пинском поветах[1585]. Эти слова — часть совсем не той жизни, которая стоит на пороге смерти. Сама болезнь княгини могла быть вызвана нервной обстановкой, возникшей в результате противоборства супругов, или побоями мужа, на которые ссылались ее дети позднее. Вариацией той же версии, усматривающей исток конфликта в завещании, является утверждение, что его инициаторами стали обойденные наследством Монтолты. К 1576 г. князь Андрей Михайлович был недоволен пасынками. Они вели себя независимо и, видимо, с самого начала не были приняты в новой семье своей матери. Приходится обратиться к факту взаимопомощи княгини и Монтолтов в 1577–1578 гг., чтобы ретроспективно предположить, что она и в первые годы нового замужества была привязана к детям, так что им вряд ли было нужно разжигать в ней недовольство мужем при тех заявлениях в адрес пасынков, которые он начал делать в суде со времени болезни и завещания княгини Марии 1576 г. Но в данном случае перед нами возникает опасность, названная М. Блоком «химерой истоков».

Эмоциональный мир магнатов Великого княжества Литовского закрыт для прямолинейной причинно-следственной логики. В числе *намеков* на существование «семейного треугольника» можно назвать одну из глосс составленного около 1572 г. в кружке А. М. Курбского сборника комментированных святоотеческих слов и поучений «Новый Маргарит». Здесь к слову «всыновление» обнаруживается пространный «сказ» (толкование): «Всыновлением албо наследие часто глаголется во священном писанию того ради, иже обычай был древним мужем, кои были безплодны, албо мели сыны непокорывы и развращенны таковых отрицатися и от себе отгонили, а в место их чуждых сынов приймовали, кои обычайми покорными и благородными были оукрашенны, тех всыновителми и наследниками отчинам и всем стежаниям своим учиняюще. Зри и то х тому, читай: сице и Бог оучинил, егда видел жидовский род непокорением и безверием конечне дышущ, отринул и отсек их, и в место их верных языков всыновлением и наследием небесных сокровищь богатествы даровал»[1586]. Комментарий состоит из двух частей, границей между которыми служит период «зри и то х тому». «Значащих» глосс, имеющих соответствия в авторских сочинениях князя Андрея Курбского, большинство (если не считать языковых), и эта — не исключение. Курбский знал, *от* ее составителя или *как* ее составитель, что при составлении завещания существует законный и допустимый для христианина способ преодолеть бесплодие брака и обойти строптивых детей — усыновление.

Проблем с фертильностью не было ни у Гольшанской, ни у Курбского. У князя был сын в Московии, у Гольшанской также было трое детей от обоих ее браков до Курбского. Рождение у Курбского двоих детей в третьем браке, через 10 и 12 лет после вступления в предыдущий брак, показывает, что князь, вступая в брак в 1570 г., мог рассчитывать на наследников. Тем временем у княгини, видимо, возникли трудности, о чем можно судить по конфликту лета 1578 г. вокруг мешочка с приворотным зельем. Но для нее «наследие» не было проблемой. Так что если отсутствие у Курбского собственных наследников от Гольшанской и не было основной причиной ссоры с женой, можно предположить, что проблема «чадородия» в их семье существовала. Особенно занимал составителя глоссы пример иудеев, непокорных и неверующих. Их ждала божественная кара, как подобных им в другой, маленькой и провинциальной истории. Ян и Андрей Монтолты, как становится ясно из источников середины 1570-х гг., были для князя не наследниками, а претендентами на его владения и быстро попали в категорию *непокорных* и *развращенных*. В своем комментарии он предлагает от таких детей отречься, отогнать их, отринуть, отсечь от себя. Курбский постепенно и методично лишил их прав на недвижимость. Видимо, он рассчитывал их кем-нибудь заменить. Символично, что скандал начался с кражи документов, бланков и драгоценностей. Это было воспринято князем как объявление войны, а в дальнейшем борьба за делопроизводственные акты и чистые листы с подписью и печатью станет также и способом ее ведения.

2. Еще один сценарий выстраивается не столько из «объектов» (высказываний, по-

[1585] См. *Итинерарий Курбского, 10 октября 1577 г.*

[1586] NM. Bd. 1. F. 116v/21. Anm. b. В Син. №219 содержится текст глоссы со следами вторичности (нет слова «покорными», хотя следующий за ним союз сохранен): ОР ГИМ. Синодальное собр. №219. Л. 121 — 121 об.

ступков, реакций и оценок современников), сколько из «движения объективации» (подтекстов, обмолвок, подавленных и скрытых смыслов). Конфликт поддается описанию как история разрастающегося в семье Курбских имущественного кризиса. У князя было обостренное недовольство соседями, а на имущественной почве едва ли не паранойя. В предисловии к «Новому Маргариту» он признавался, что соседи мешали ему заниматься литературными переводами: «... пенавысные и лукавые соуседи прекаждаху ми дело сие лакомством [*глосса:* миролюбием або сребролюбием] и завистию движими, хотяще ми выдрати данное ми имене з ласки королевские на препитание, не толко то отяти и пожрети хотяще, многие ради зависти, но и крови моеи насытитися жалающе»[1587]. Судебные тяжбы были только малой частью тревог А.М. Курбского. К середине 1570-х гг., когда, самое позднее, возник этот текст, он вел на границах своих имений несколько многолетних войн и неоднократно выслушивал угрозы физической расправой, как в неформальных стычках, так и на судебных процессах. О конфликтах вокруг имений своей жены он ни словом не упомянул: он либо не считал их опасными, либо не считал саму жену достойной упоминания и видел в них только свои личные проблемы. Постоянное ощущение угрозы, загнанности и замкнутости в своих имениях — всё это ускоряло разрыв между супругами. В том самом 1576 г., когда началась эскалация ссоры в семье Курбских, был составлен, со ссылкой на постановление Люблинского сейма 1569 г., масштабный реестр ковельских имений князя. Все *bona regalia* Речи Посполитой, у числу которых относился Ковельский замок, постепенно переходили под контроль сейма и его социальной основы — шляхты, стремившейся обратить обширные владения короля на пользу республике. Курбскому пришлось задуматься о возвращении на обременительную для него военную службу.

Политическая стабильность привела также к возобновлению судебной активности. К концу 1576 г. с новой силой началась судебная тяжба Курбских с Мыльскими за Дубровицу. Шляхта Пинского повета принимает решение быть на стороне Мыльского, а не «при князю Курпскому при москвитине»[1588]. На этот раз Курбских спасает от потери дубровицкой доли только королевский мандат, который предписывал пересмотреть дело. Но он лишь приостановил судебное разбирательство.

К июню 1577 г. возобновили свои претензии Ярофей Гостский и его жена Ганна Тихновна Козинская, золовка княгини Марии Гольшанской, на Осмиговичи, вновь разгорелась война с князем Андреем Вишневецким за Остров Жичин, в августе продолжился суд с четой Мыльских[1589]. Имущественные разногласия между Гостскими и Курбскими были вызваны «правом прирожонным» на Осмиговичи, которое в равной мере себе присваивали наследник Тихно Григорьевича и Ганны (прирожденной княжны, дочери княгини Марьи Михайловны Козечанки) Козинских и их сына Михаила. Имение было приобретено дедом по матери М.Т. Козинского, князем Михаилом Федоровичем Козекой, у Миколая Бернатовича «на вечность», и завещано было матери Козинского, княжне Ганне, от нее — ему, а от него — его супруге, княжне М.Ю. Гольшанской[1590]. С другой стороны, на него претендовали потомки кн. Андрея Михайловича Козеки, причем их претензии к Збаражским (т.е. к дочери княгини Марии Курбской, Барбаре Козинской, и мужу Барбары князю Юрию Збаражскому) продолжились и после выхода Курбских из борьбы. Сын князя Андрея, Дмитрий Козека предъявил суду целый пакет актов в обоснование своих прав на Осмиговичи. Среди них был и акт, подтверждающий уступку со стороны Тихно Козинского бабке князя Дмитра Осмиговичей за 100 коп гр.[1591] Как раз тогда же, в 1577 г., падчерица Курбского Барбара Козинская вновь вышла замуж за кн. Юрия Збаражского. Устройством дел Барбары активно занялся не только муж, но и мать, Мария, «княгиня Андреевая Курбская». Именно ее слуги появляются на Кременецком уряде, чтобы занести на запись в актовые книги брачные документы дочери и зятя, а также старые акты[1592]. Устраивая судьбу

[1587] NM. Bd. 1. F. 6v/16–23.

[1588] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 226.

[1589] Ibid. S. 358–359.

[1590] КЗВ-5. Арк. 15 зв. — 16 зв. (Запись от 5 июня 1577 г. Копия подтверждения Сигизмунда II Августа на Осмиговичи М.Ю. Козинской под датой: Вильно, 29 июня 1558 г.), 174–177 (16 января 1579 г.).

[1591] КЗВ-5. Арк. 174–177 (16 января 1579 г.), здесь л. 175 — 175 об. Князь Юрий Збаражский нарировал, что предъявленные князем Дмитром акты «не ест правие справлены», часть не содержат датировок от Р. Х. — только индикты, нет печатей, а у княгини Барбары от предков подобных «листов» нет. Суд прислушался к аргументам Збаражских и признал их право на имение.

[1592] КЗК-5. Арк. 2 (Отрывок с актом 1573 г. Збаражского. Вишневецкий об имении Нуриницы, которое передает Б.М. Козинской за 1 тыс. коп гр. пожизненно. Приложил печать. Сам писать не умел и просил брата князя А[лександра] Вишневецкого подписать. Свидетели — Иван Патрикей Курозвонский и войский владимирский Василий Гулевич. Писан в Головбах 1 мая 1573 г. Акт без начала), 17 — 17 зв. (Выписка Б.М. Козинской. Сохра-

дочери, она должна была не раз задуматься о своих правах в совместных владениях с мужем.

В этом споре кн. А. М. Курбскому могла принадлежать только та доля, которую приходилось отстаивать совместно с женой и семьей ее дочери, Барбары Козинской[1593]. В тот же день, когда в кругу «наследников» начался суд за Осмиговичи, Курбский напомнил Владимирскому земскому уряду о договорных обязательствах жены. Запись княгини Марии своему супругу на Осмиговичи, переданные ему за условный долг в 4 тыс. коп гр., — более чем на год отстоит от момента их брака. И, как мы увидим, прав на это имение по соглашению сторон лишились потомки княгини от предыдущих браков[1594].

Следующий шаг — это завещание княгини Марии Курбской 1576 г. Этот текст уже совсем не отличить от фабрикации. Внесено оно в актовую книгу по инициативе Курбского год спустя после болезни, в октябре 1577 г., и нацелено на такое решение вопроса по Осмиговичам, которое выдавало князя с головой. Имение записано князю Андрею Михайловичу за условный долг и передано в наследство по фиктивному завещанию. Конечно, за спиной у княгини Марии был опыт отстаивания своих интересов в семье и готовность идти до конца в ответ на новые вызовы судьбы. Если муж играл на интересах семьи и прикрывал свою волю противостоянием четы Курбских с другими «наследниками Козинских», то сама княгиня Мария в нужный момент превратила его судебные просчеты в Ахиллесову пяту и мотив для процесса, обернувшегося разводом. В мае 1578 г. вопрос был решен окончательно — уже на фоне внутрисемейного разлада князь Андрей Курбский уступил имение Збаражским, а Збаражские поделили его, расплатившись с Гостскими[1595]. Это было решение в пользу княгини Марии, поскольку в числе бенефициантов оказалась семья ее дочери. Оставалась Дубровица, завещанная Курбскому, но обещанная Монтолтам. Если сценарий разрыва возник к октябрю 1577 г., то импульсом к разрыву могла стать борьба за «наследство Козинских», а следовательно, отправной точкой в борьбе между Курбскими следует признать два иска от 5 июня 1577 г. по Осмиговичам. Примерно ту же дату своего заточения называет княгиня Мария Курбская — Троицын день, который в 1577 г. приходился на 26 мая.

Итак, Курбский определил свой круг интересов в конфликте, опубликовав завещание жены. Он предъявил права на Осмиговичи и Дубровицу на всю сумму, указанную в договорных записях, завещание и свой авторитет в семье. Что в этом сочетании «козырей» было более проигрышным, трудно сказать сегодня, когда вырисовывается шаг за шагом лишение князя его владений. Сама постановка вопроса о том, чьи владения оспаривались до развода, вскрывает механизмы семейного конфликта, которые с трудом прощупываются и поддаются изучению.

Оставаясь всё еще в рамках финансовой и материальной версии разрыва, предположим: пошатнувшееся имущественное положение князя могло подтолкнуть его к тому, чтобы принудить жену записать за ним все имения на случай ее смерти. Возможно даже, и сама «болезнь» княгини была судебным приемом, направленным на закрепление прав Курбского на спорное имущество. Те же самые неприятности могли повлиять и на княгиню и заставить ее решиться на отстранение мужа от управления имениями, ранее переданными ему в качестве «свободного дара». Княгиня хотя и вела едва заметный на фоне «мужских дискурсов» образ жизни, но всё же нуждалась в своих средствах. И ее распоряжения в Осмиговичах до 1576 г. отчетливо показывают ее властный темперамент в своих имениях. Неужели Курбский был настолько неосторожен, что ограничил ее доходы или присвоил их полностью себе? Аргументы имущественного характера Курбская использовала и на первой, и на второй стадиях бракоразводного процесса, а на второй его стадии, во время возобновления конфликта в 1581–1582 гг. выступила с требованием рассматривать ее бывшего мужа как бесправного чужеземца. Проблемы собственности и статуса, из-за которых, видимо, усиливались трудности в семье Курбских, возникли еще до болезни княгини Марии Юрьевны, особенно в опасные для статуса Курбского годы *interregnum*, от которых сохранились только упо-

нилось только окончание акта, оно сильно повреждено — оборвано слева. Затем акт тоже о ней от 3 или 13 октября 1577 г. Присылка служебника от М. Ю. Гольшанской. Только что состоялся брак ее дочери. Муж записал ей 1 тыс. коп гр. на своем збаражском имении), 29 об. — 31 об. (Запись от 3 октября 1577 г. М. Ю. Гольшанская заявляет, что ее дочь вступила в новый брак. Запись акта от 15 сентября 1573 г. Збаражского с записью 1 тыс. коп гр. на Збараже. Тут же снова Вишневецкий о Нурицах и 1 тыс. коп гр.).

[1593] КЗВ-4. Арк. 22 зв. — 24 (5 июня 1577 г.).

[1594] См. *Итинерарий Курбского 22 августа 1571 г., 5 июня 1577 г.* Обстоятельства заключения этого договора заставляют предполагать, что князь Андрей всё же вынудил жену на уступки. Впрочем, согласие мужа на договор со Збаражскими по этому имению в 1578 г. княгиню Марию устроило. Об этом см. ниже.

[1595] КЗВ-4. Арк. 54–56 (30 мая 1578 г.).

минания подозрений князя насчет чьих-то происков в его окружении.

3. Причина разрыва между супругами могла заключаться не в имущественных спорах, особенно если обратить внимание на прозвучавшие позднее обвинения Курбского своей жены в чародействе (1578 г.) и в измене (1581 г.). В таком случае (если справедливо хоть что-то из этих обвинений), конечно, странно, что князь до королевского постановления развести Курбских не спешил выдвигать эти претензии на суде, хотя они позволяли добиваться развода «с виной» жены, который дал бы ему право на все ее владения, записанные в совместную общесемейную собственность[1596]. Объяснения в этом случае можно найти в слабой действенности церковно-канонических аргументов на волынском суде, который четко различал оскорбление и бесчестье[1597]. Последнее требовало специального процесса, который мог закончиться «выдачей головой» виновного, но на его проведение Андрей Курбский, даже если он и был прав, мог не решиться по соображениям престижа. Во всяком случае, обвинение жены в колдовстве почти не оставило следов на фоне других приемов судебной борьбы князя на первой стадии бракоразводного процесса. Судебные дела этого времени об употреблении «чар» ограничиваются только записями или упоминаниями, не вызывая дальнейших расследований. В «скарге» луцкого старосты Александра Жоравницкого на воротного Луцкого замка говорится о том, что в его светлице нашли «трутизну»: «то ест жаба сухая, которой губы нитями зшиты, ку тому тресочки малые, нитями повязаные, про том теж земъля и воск чорный». Староста утверждал, что слуга приготовил это всё для его «згубы». Воротный нарировал, что слышал, как некоторые люди хотели его таким образом лишить милости пана («на ласце панской псовали»), а потому он обратился за помощью к знахарке (*бабе*), чтобы вернуть себе внимание со стороны пана. Одна из них и дала ему те чары, сказав: «Коли, деи, тое при соби мевати будеш, то до тебе пан ласкав будет»[1598].

4. Одной из «неимущественных» версий конфликта представляется жестокость, женоненавистничество или даже садизм Курбского, каковые обычно объясняли как некий «московский» остаток поведения и находили его в отношениях с женой, подданными и слугами. Однако трудно отличить предполагаемый «остаток» от судебных «производных»: мы узнаём только из выступлений его противников и признаний заинтересованных лиц о том, что он бил жену, мучил слуг и подданных, распорядился изнасиловать служанку и подругу своей жены, — сама служанка от этого показания отказалась, правда под страхом смерти, которой ей грозил урядник Курбского за кражу.

В вопросе об отношении Андрея Курбского к женщинам и своим женам более значимыми являются «косвенные» упоминания[1599]. Они обнаруживаются, например, в данных о расставании князя с первой женой в Юрьеве в 1564 г. Он, по существующему мнению, проявил «равнодушие», бросив ее — возможно, беременной — на произвол судьбы[1600]. Однако в предисловии к «Новому Маргариту» Курбский вспоминает потерю семьи в России с исповедальной горечью[1601]. В том же «Новом Маргарите» второй брак (актуальность для Курбского на момент завершения переводческой работы над сборником) представлен как блудное деяние: «Вторый брак не есть закон, но так попущение», «тем обычаем и апостоли попустили второбрачие, ради невоздержания человеческаго»[1602]. Сочинения князя на уровне осознанной речи характеризуют его скорее как почитателя добродетельных женщин[1603] и ненавистника насилия в обращении с женщинами и детьми[1604]. В предисловии к «Новому Маргариту» князь отмечает ужасающее отличие новых гонений на христиан при царе Иване от «бесчеловечия ярости» древних мучителей и «христоборных» иудеев: в далеком прошлом «женский род пощажен был, яко о Богородице при кресте и о мироносицах повествованно», московский же правитель не только мужчин, «но и жен благообразных и пресветлых в родех погубил различными муками, и младенцов в первом възрасте и в мяхком телеси, и сущих от сесцов матерьных не пощадил»[1605]. Сходный отрывок есть

[1596] *Загоровский А.И.* О разводе по русскому праву. С. 228.

[1597] *Bardach J.* Studia... S. 298–307.

[1598] КГЛ-22. Арк. 337–338. Сообщено Наталией Старченко.

[1599] И. Ауэрбах отмечает, что темы «вражды» между мужем и женой, а также «развода» трижды обсуждаются в переводе «Нового Маргарита», выполненном в книжной мастерской князя при его участии, но мнения исследователей о том, что Курбский ждал от своей второй жены соответствия идеалам «Домостроя» или сажал ее в «терем», справедливо характеризует как «домыслы» (*Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 228–231).

[1600] *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 200. N 46; ср.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 185.

[1601] NM. Bd. 1. F. 3v.

[1602] NM. Bd. 2. F. 255v/4 ff. Anm. a.

[1603] History. P. 4, 168, 192, 206, 230.

[1604] Ibid. P. 4, 192, 206, 212, 218, 222, 230, 290.

[1605] NM. Bd. 1. F. 1–1v.

в мартирии И. П. Челяднина-Федорова в «Истории»[1606], а его вариации встречаются в других местах текста: этот «плачевный», «жалостный» сюжет порождает у автора сильную эмоциональную реакцию.

Особенный интерес для изучения психологии А. М. Курбского представляют «проговорки» и эмфазы, относящиеся к женщинам недобродетельным[1607]. Повествовательный слушатель его «Истории» — маловерный и ленивый западнорусский воин, которому трижды достается от автора за изнеженность, трусость и женолюбие: «... но слухаи прилежне, раздроченныи воине [*глосса:* роспещонныи желнерю]», "[*знатные и князья*] так боязливы и раздроченны от жен своих", "раздроченныи различными наслажденми [*глосса:* роскошми]"[1608]. Женщины, по Курбскому, объект и источник слабости мужчины, плотского удовольствия и греха[1609]. Судя по его «Истории», наибольшее отторжение в нем вызывали жены московских правителей. Трактат начинается[1610] с законопреступного развода Великого князя Василия III с первой женой Соломонией Сабуровой и греховного брака с Еленой Глинской[1611]. Автор возвращается к этому сюжету и усиливает интонации в повести о гибели князей М. И. Воротынского и Н. Р. Одоевского: «Бо отец его [царя Ивана. — *К.Е.*] Василий со оною предреченною законопреступною женою, юною сущею, сам стар будущи, искал чаровников прелезлых отовсюду, да помогут ему ко плодотворению, не хотяще бо властеля быти брата Юрья зело мужественнаго и добронравнаго, яко и повелел, заповедающе жене своей и окаянным советником своим, скоро по смерти своей убити его; яко и убиен есть»[1612]. Заканчивается отрывок о рождении человекообразных чудовищ от колдовской связи пространным нравоучением о вреде «прелезлых чаровников и баб смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующих, общующе со дияволом и призывающе его на помощь»[1613]. Тема чародейства явно тревожила князя, и он даже вступил в спор с легкомысленными собеседниками, которые «за мало сие себе важат и смеющесь глаголют: "Мал сей грех и удобне покаянием исправится"»[1614]. У данного сюжета появляется еще одна грань, когда в житии Феодорита Кольского Курбский заявляет, что и сам Василий III «от чародейцы Греческия [от Софьи Палеолог. — *К.Е.*] рожден»[1615].

Зафиксировав следы "боязни" властной женщины-колдуньи, мы останавливаемся, не в силах ответить на вопрос, куда они ведут: к московской ли придворной борьбе, к религиозным ли убеждениям князя Андрея Михайловича, или, может быть, к скрытым реакциям на бытовые представления его польских и литовских современников?

[1606] СК. Л. 93 — 93 об., ср.: History. P. 206.

[1607] Гендерные представления Курбского вряд ли оригинальны, и прежде всего неоригинальна его мизогиния. Отметим лишь, что для него знание «достоверных» и «ученых» мужей противостоит «басням» или «фабулам» «женстовых баб», «глупству, женстовству, женовидному разуму». Однако ложь для него воплощается не только в таком виде, но еще, например, в ученых суждениях незунтов и еретиков. С другой стороны, Курбского раздражают проявления женоподобия в мужчинах, и он с возмущением говорит о «блудотвореннях и нечистотах» «пред Афродитовым болваном», совершаемых при дворе московского правителя. Всё же было бы рискованно вслед за С. И. Богатыревым и И. Ауэрбах видеть в излюбленном эвфемизме князя «ласкатель», применяемом к злым советникам царя, намек на «бисексуальные наклонности» Ивана Грозного (ср.: *Богатырев С.И.* Поведение Ивана Грозного и моральные нормы русского общества XVI в. С. 4–7, 15. Примеч. 12; *Auerbach I.* Identity in Exile. P. 11).

[1608] History. P. 42, 130, 280, 298. Дж. Феннелл производит определение «раздроченный» от польского "dręczyć" и переводит "wearied, exhausted". Но в архетипе «Истории» данные глоссы читаются, и уже в первой дается западнорусское толкование, не привлекшее внимание издателя: «роспещонныи» близко к причастию от польского "pieścić", следовательно, толкуемое слово происходит из русского и имеет значение «изнеженный, заласканный» (ср. в ранних списках «Истории»: СК. Л. 16 об., 57 об., 126). Оно дополняется толкованием к идентичной конструкции «разпещенным [*глосса:* раздроченным, албо зело слабым] есн вонном» в «Новом Маргарите» (NM. Bd. 2. F. 302/19–21. Anm. b; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 163). Сходным образом у М. Стрыйковского, современника Курбского, говорится о римлянах в момент нашествия цимбров, гетидов и омбронов: "Dziwowali się Włoszy pieszczoni i zniewieściali, iż Cymbrowie ważyli w zimie niewczasy do nich przez wyniosłe skały ciągnąć", "A Maryjus im umyślnie bitwę zwłóczył, aż się używaniem chleba i mięsa warzonego, także słodkiego wina, w rozkosznej ziemi ucieszyli i rozpieścili. Gdyż pospolicie żołnierzom rozkoszy wadzą, bo w nich nalepszy rycerze zniewieścieją" (*Stryjkowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia / oprac. J. Radziszewska. Warszawa, 1978. S. 51, 52 соответственно).

[1609] См. также: *Bogucka M.* Women and Religion in the Early Modern Period // Acta Poloniae Historica. 1998. LXXVII. P. 17.

[1610] И такое начало далеко не случайно. Оно является прологом «трагедии». Курбский показывает свое отношение к событиям «Истории» с помощью поговорки «доброму началу и конец бывает добр, такожде и сопротив, злое злым скончавается» (History. P. 2).

[1611] Ibid. P. 2–8.

[1612] Ibid. P. 200.

[1613] Ibid. P. 202.

[1614] Ibid.

[1615] Ibid. P. 256.

А если даже этот страх и сыграл какую-то роль в его разводе, то трудно сказать, в какой форме, то ли побудив за мешочком с землей и волосами, найденными в сундуке жены в 1577 г., увидеть угрозу, то ли как реакция на сведения (полученные позже) о том, что помимо простого колдовства «для любви» жена готовилась его отравить? А если все сведения о «мешочке» — фабрикация?

***

В документах Курбских 1577–1582 гг. тоже присутствуют эмфазы, но разгадать их смысл нелегко. В 1577 г. Ковель был уже закрыт для пасынков князя и других родственников со стороны Гольшанской. Вероятнее всего, князь Андрей заболел весной или в начале лета. Через год княгиня Мария во время разводной процедуры заявит, что он держал ее взаперти с Троицына дня, 26 мая 1577 г.

Андрей Монтолт первым пожаловался на то, что «якобы матку его милости, а малжонку свою кнегиню Марю Юревъну Гольшанъского его милость князь Анъдреи Курънъскии не ведлуг пристоиности збил, зморъдовал и до везенья осадил, ис которого збитья и зъмордованья якобы вже и в животе ее не было»[1616]. Для разбора этого дела 9 августа в Миляновичи к князю были направлены возные Григорий Вербский (из Луцка) и Тихно Оранский (из Владимира). По сообщению Вербского, только он был пропущен во двор, причем приглашение ему направила якобы княгиня. Придя к ее милости, — рассказывает Вербский, — «нашол есми его милость князя Курънъского форого»[1617]. Рядом с ним «на лаве» сидела его жена. Сначала заговорил князь, делая вид, что он не понимает цели приезда поверенных (ему об этом было доложено со слов возных). В ответ на упоминание об Андрее Монтолте княгиня промолчала, а Курбский заявил: «...гледи, иж малъжонъка моя седить добра здорова, а дети, деи, ее то на мене змышляють»[1618]. Попросив ее что-нибудь сказать, Курбский получил невнятный ответ, мол, что говорить, ведь «возъный видить, што я сежу»[1619], и обвинил ее детей, что уже давно «они матку свою морят, а вона, деи, еще жива и мене, деи, еще погребсть». Княгиня не преминула возразить: «...што, деи, ведати, або, деи, ваша милость мене рачиш погрести, бо, деи, и я на здорови плохо ся маю»[1620]. Так что первым к деликатной теме обратился князь. Мысль о том, что он скоро умрет, высказанная в присутствии судебных поверенных, приоткрывает предмет разногласий в семье.

Княгиня не умерла, не постриглась в монахини. Ее выздоровление означало для Курбского, что он лишался возможности унаследовать ее имения. Возможно, он почувствовал, что завещание слишком радикально решало имущественный вопрос в его пользу, было рассчитано на однозначный и быстрый исход болезни, а не вступив в действие, начинало работать против него самого: это был публичный документ, он заносился в судебные книги и мог стать известен родственникам жены. Еще острее становилась ситуация, если завещание было написано под его давлением. Когда выяснилось, что Мария жива и появилось подозрение, что он ее прячет или терроризирует, Курбский, дабы избежать осложнений, должен был устранить хотя бы наиболее явное последствие своей авантюры и вернуть жене документы на ее владения. Он этого не сделал и тем самым усилил зародившиеся подозрения. С другой стороны, нет никаких данных, свидетельствующих о том, что соглашение относительно места хранения этих документов княгини нарушалось до конфликта. Поэтому заинтересованность Гольшанской в получении «мамрамов» не могла не вызвать подозрений относительно ее дальнейших намерений.

В начале августа произошло (а возможно, и нет) еще одно странное событие — слуги Курбского во главе с Михаилом Рогозой будто бы напали на половину Дубровицкого имения О. Кирдея Мыльского и его жены (с. Велень, с. Берестечко, с. Оверница, мельница Потороча и половина «места» Дубровицкого) и «выбили» оттуда слуг хозяев. Случилось ли это событие и если да, как именно, — сказать трудно, потому что оно обсуждалось одновременно с жалобой Курбского на покражу документов его женой из Дубровицы, в конце 1577 — начале 1578 г., и Х. Ч. Туличевский записал во Владимирскую гродскую книгу показания пинской шляхты о том, что они слыхом не слыхивали о чем-то подобном[1621].

[1616] КГЛ-17. Арк. 572 — 573 зв., цит. на л. 572 об., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 80–82 (25 августа 1577 г.). Здесь и далее уточняем текст публикации по первоисточнику. Уже в марте следующего года Ян Монтолт, брат Андрея, жаловался, что отчим держит в заточении его мать и заставляет ее отдать ему «мамрамы». См.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 408 (13 марта 1578 г.).

[1617] КГЛ-17. Арк. 573, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 81.

[1618] КГЛ-17. Арк. 573, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 82.

[1619] Можно предположить, что у этой реплики есть свой подтекст: княгиня Мария отказывается говорить, скрыто указывая на фальшивость сцены, неестественность заготовки.

[1620] КГЛ-17. Арк. 573 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 82.

[1621] КГВ-11. Арк. 14 — 14 зв. (10 января 1578 г.). Нападение якобы произошло 10 августа 1577 г.

25 августа 1577 г., в тот же день, когда Вербский представил показания о поездке в Миляновичи подстаросте луцкому, Курбский пожаловался в уряд, что «тых часов недавъных» его жена, «будучи в Дубровици и там взявши скрыню з скарбу их милости, в которои, деи, скрыни были привилья и все справы его милости потребные», отдала некоторые «потребънейшие» «сыном своим»[1622]. Украдены были записи о земельных разделах, договоры о поручительстве, выписи из урядовых книг и многие другие акты, касающиеся дубровицких имений, а вместе с ними бланки с подписью и печатью Курбского. Подозрение пало сразу на княгиню и ее сыновей, причем Андрея Монтолта подозревали в подготовке покушения на отчима. Возможно, какие-то действия княгини, расцененные Курбским в таком свете, были предприняты во время поездки Гольшанской в Дубровицу 27 марта 1577 г., о чем мы знаем благодаря тому, что княгиня и ее люди ночевали в имении князя Михаила Александровича Чарторыйского Колодези у г. Владимира на пути «до Дубровицы» и спалили там конюшню, «ходечи до стаини з огнем»[1623]. Парадоксально, что подобные проблемы, хотя и несколько позднее, возникли и у конкурентов Курбских в Дубровице. Согласно жалобе Ганны Мыльской, княжны Гольшанской, занисанной в луцкие гродские книги 18 марта 1579 г., ее представитель на суде с Курбскими в Пинске Михаил Тенюта удерживал у себя «мамърамов отъворыстых немало под печатью моею и с подписом руки моее и теж под печатми людеи добрых»[1624].

Между летом и началом зимы 1577 г. о Курбских мало что известно — они не явились на вызовы во Владимирский земский суд от Ярофея Гостского и его жены Ганны Михайловны Козинской (рассмотрение дела было намечено на св. Михаила Римского, т.е. на конец сентября), так как были заняты «иншими великоважными справами», и назначили вместо себя горемычного Миколая Богушевского, которого тут же, и уже не впервые, уличили в пешляхетском происхождении, и в начале 1578 г. он всё еще доказывал во Владимирском гродском суде, что сам и в здешнем повете «оселый», и по отцу и матери «шляхтич почтивый»[1625].

Как выясняется из протоколов допроса княгини владимирским возным, кн. А. М. Курбский попытался сначала самостоятельно узнать о месте хранения документов, и получил ответ: «...чого, деи, его милость княз мене болшеи пытас, вже, деи, я его милости поведила, гдем тые справы подела и кому есми их в заховане дала»[1626]. Результат официального допроса был тот же. Гольшанская созналась, что отдала документы судебному поверенному — «прокуратору» Ф. Достоевскому, который дал обязательство вернуть их только ей в руки. Обратим внимание, как княгиня маркирует «больной вопрос» — недопустимость вторжения мужа в ее имущественные дела, когда говорит о хранении ее документов у прокуратора: «...и так, деи, есмо межи собою прирекли и постановили, иж хотя бы его милость княз малжонок мои, так теж и я сама приятеля або слугу своего до него по тые справы вышеи помененые послали, тогды их никому не дати, толко мне самои до властных рук моих опят отдати и вернути мел»[1627]. Впрочем, обратим внимание, что допуск мужа к имущественной документации был со стороны княгини актом откровенного недружелюбия. Князь искал, к примеру, акт на сделку ее второго мужа М. Козинского с О. Кирдеем Мыльским по Дубровицкому имению и должен был оправдываться, что сам ведет дело по ее недвижимости, которое до него вел ее предыдущий муж!

Однако существенно здесь другое — жалобы в суд конца 1577 — начала 1578 г. показали, что между супругами возникли непреодолимые расхождения. Княгиня лишила его права даже приближаться к ее сделкам, хотя до того относилась к судебной активности мужа от ее имени по меньшей мере спокойно или даже партнерски. Князь бросил вызов жене и тем самым иначе, чем на «допросе» 9 августа, определил расстановку сил в конфликте. Он *публично* обвинил ее в воровстве, несмотря на то что она находилась под его надзором и что принятым способом регулировать подобные конфликты на Волыни был

[1622] КГЛ-17. Арк. 568 — 568 зв., цит. на л. 568, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 83. Жалобу подал служебник Курбского Езоф.

[1623] КГЛ-17. Арк. 226 — 226 зв. Жалоба урядника князя Чарторыйского, Григория Лепесовецкого, от 2 апреля 1577 г.

[1624] КГЛ-19. Арк. 202 — 202 зв. (18 марта 1579 г.).

[1625] КГВ-11. Арк. 16 зв. (15 января 1578 г.).

[1626] КГВ-11. Арк. 14, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 93–95 (10 января 1578 г.). Возный — Х. Ч. Тулчевский. Сам допрос состоялся 28 декабря 1577 г.

[1627] Во время расследования дела Ганны Куковны, в июне 1578 г. обвиняемая рассказала, что еще до мая 1578 г. через писаря Ждана Мироновича княгиня отослала некоторые документы на Дубровицу своему сыну Яну. Гольшанская продолжала поиск остальных документов, боясь, что Курбский начнет распоряжаться ее владениями без ее согласия. Однако привилегии и жалованные грамоты на Дубровицу и Ковель хранились в Миляновичах и были для нее недоступны. Впрочем, нужно учитывать, что показания Ганны могли быть инспирированы самим Курбским (ЖКЛВ. Т. 1. С. 83–84, 97, 111, 126).

«суд приятельский». Это было еще одним признаком того, что она нарушила его планы.

Слуга князя Езоф Филиппович Словинский в тот же августовский день заявил, что А. Монтолт «умыслне проежъджаеться поблизу именей его милости з слугами и з многими помочниками своими, переимаючи и стерегучи, деи, его милости князя по дорогам заежъджаючи, хотечи, деи, его милости о здорове приправити»[1628]. Обращение в суд только на основании подозрений в адрес родственника, не предпринявшего явных действий и заявлений, нужно рассматривать как предупреждение противника или превентивный удар. 18 сентября Курбский обвинил А. Монтолта во вторжении на его земли, состоявшееся якобы 12 сентября: «...нижели, деи, ему Бог не помог надо мною и над слугами моими таким злым фортелем умыслу его пополънити»[1629]. Сомнительно, что какое-то нападение было насыпком совершено: в подтверждение причиненных убытков ковельский войт показал следственной группе 8 мест, где сгорели бочечные доски, а двое крестьян — «кровавую рану» и «синий знак»; эти же крестьяне оказались «уведенными» и брошенными «замертво» в лесу[1630]. Других доказательств вины Монтолта ни тогда, ни позднее в уряд предъявлено не было.

Выздоровев, осенью и зимой 1577–1578 гг., Курбский занимался литературной деятельностью: начал составлять ответ на Второе послание Ивана Грозного, выступил против арианина И. Г. Мотовило в «цедуле» кн. К. К. Острожскому, продолжил работу над богословским переводным сводом «Симеон Метафраст»[1631]. По всей видимости, какое-то время он находился в Миляновичах и не посягал на владения своей жены, оставив ее не столько в заключении, сколько в не слишком плотной осаде. К тому же времени (конец 1577 — начало 1578 г.) относятся сделки со Збаражским и Мыльским, якобы заключенные Курбскими совместно. Княгиня позднее не признала законность всех договоров этого периода, но трудно сказать, не были ли ее протесты частью юридической игры, наподобие той, которую она повела затем, не признавая постановлений приятельского суда о разводе. Вместе с тем официальное обращение Курбского к ней через судебного поверенного с вопросом о местонахождении документов в январе 1578 г. свидетельствует о подозрениях князя и о напряженных отношениях в семье.

Документы были необходимы князю, особенно в его переговорах с О. К. Мыльским и Г. Ю. Гольшанской. В начале ноября 1577 г. дубровицкий урядник Курбских Андрей Барановский отправил луцкого возного Г. Вербского, пинского возного Семена Козляковского и служебника Курбского Левко в Пинск, чтобы просить старосту пинского Лаврина Войну, его заместителя или местный гродский уряд рассмотреть дело Курбских. Разрешение ходатайствовать об этом было получено Курбским от самого короля. На суд в с. Волвичи 8 ноября приехали пинские судьи в многочисленном окружении конных и пеших шляхтичей. Представители Курбского не ожидали такой скорой развязки и такой многолюдной делегации, но приняли ее у дубровицкой «брамы». Судьи сразу заявили, что Л. Война распорядился передать замок Мыльским. Это вызвало долгую словесную перепалку, в которой судебные агенты Курбского ссылались на постановление короля и обращение князя в Пинский суд. Представители старосты согласились с этими аргументами и отступили от Дубровицы[1632].

[1628] О готовящемся покушении идет речь не только в словах князя, переданных для записи в луцкие гродские книги возным Г. Вербским после визита в Ковель, но и в жалобе Курбского 16 сентября 1577 г., записанной в книги лишь 23 сентября, о том, что 12 сентября Андрей Монтолт возглавил нападение «моцно, кгвалтом, розбоиным обычаем» на с. Скумин, в ходе которого была сожжены «буда» и «клепки», избиты и угнаны «будники». По жалобе Вербский, владимирский возный Хацко Чуват Туличевский и ковельский войт Матыс Трашковский 18 сентября провели расследование, и его материалы были занесены в книги 23 сентября. Согласно показаниям захваченных, а затем отпущенных подданных Курбского, Монтолт допрашивал их, выведывая о Курбском и К. Зубцовском — «где бы на тот час были» (КГЛ-17. Арк. 664 — 664 зв.). Возможно, когда уже была достигнута договоренность об условиях развода, Курбский вернулся к этому делу и в феврале и марте 1579 г. дважды вызывал пасынка на суд за нападение «на кгрунт его милости Скуминский, о спалене буды и о позбиване будников, о отняте пенезен и о попалене клепъков, к тому о побране речей в буде» (КГЛ-19. Арк. 73 — 73 зв. Запись 2 февраля 1579 г. Вызов на суд на 12 марта 1579 г. передан Монтолту возным Яцко Федоровичем Гулялницким 1 февраля. Суд состоялся 17 марта 1579 г.: КГЛ-19. Арк. 189 зв.–197. Вина Монтолта была признана, но его представитель объявил, что будет апеллировать в Трибунал земли Волынской). Далее цит. по публикации. Здесь цит. по: ЖКЛВ. Т. 1. С. 84.

[1629] ЖКЛВ. Т. 1. С. 85.

[1630] Там же. С. 85–86.

[1631] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 37, 67, 76.

[1632] КГЛ-17. Арк. 791 зв. — 793 (28 ноября 1577 г. Просьба А. Барановского об отправлении посыльных в Пинск — 7 ноября 1577 г.). Пинские судьи — подстароста пинский Мартин Струпинский и судья гродский пинский Василь Фурс. Представители Курбского — А. Барановский, возный Владимирского повета Демьян

А. Барановский тут же направил в Пинский уряд жалобу на нападения Мыльских на с. Берестечко, а в Луцкий суд — жалобу на невнимание Пинского суда к его просьбе о расследовании[1633]. Мыльские считали это село своим и обвинили А. Барановского, что он «з многими слугами и подданными» напал на владения дубровицких бояр из Берестечка[1634].

Курбские оттягивали переговоры, ссылаясь сначала на свои болезни, затем на «хоробу обложную» их служебника и поверенного Миколая Богушевского[1635]. Пинский суд, несмотря на то что причина неявки была уважительной, вынес решение о наложении штрафа на Курбских. Тогда те подали жалобу на сам суд и вызвали его представителей «перед его милость пана Лаврина Войну, подскарбего земского Великого Князства Литовского, писара государъского, старосту пинского»[1636]. Л. Война отказался пересматривать дело, и Курбские вызвали его и своих дубровицких противников на сейм в Варшаву. Князь Андрей Михайлович приехал на королевский суд один с «листом умоцованым» своей жены, полученным от нее 6 января 1578 г. в Ковеле: она отговаривалась от поездки «за неспособным здоровем» и наделяла мужа правом договорится с маршалком и его женой по всем спорным вопросам[1637]. 18 февраля 1578 г. стороны обменялись примирительными актами, в которых обязались переделить спорные земли к взаимной выгоде, а противоречия окончательно разрешить 9 мая того же года при содействии четырех третейских судей (по 2 с каждой стороны)[1638].

Таким образом, Андрей Курбский решал жизненно важные имущественные вопросы своей жены в ее отсутствие, что дало ей повод сразу после развода на суде «приятельском», уже 2 августа 1578 г., заявить о незаконности всех этих переговоров. Но недовольство домочадцев обнаружилось гораздо раньше — уже через три недели после его соглашения с Мыльским. Я. А. Монтолт 13 марта позвал Курбского на королевский суд «о посаженье через него до везенья матки его Марьи Юрьевны княжны Голшанское, а малжонки своее, и о непристойное и незгодливое мешканье его с тою помененою малжонкою своею, а матки его; также теж о побранье всих имений, скарбов и маетности ее и о кгвалтовное вытисненье на ней мамрамов околко десять с печатью и с подписом руки ее»[1639]. Зная о соглашении, заключенном незадолго до того между его отчимом и Мыльским, мы получаем возможность связать воедино борьбу Курбского за документы на Дубровицу, спрятанные женой, протест Монтолта по поводу «вытесненья на ней мамрамов» и последовавшее вскоре после того, в день отъезда князя на встречу с Мыльским, ограбление в Ковеле.

Отъезд князя в Дубровицу 3 мая 1578 г., видимо, вызвал взрыв гнева у княгини и ее сыновей, так как князь отправился на закрепление предварительных февральских соглашений по спорному фамильному имению Гольшанских. В августе она жаловалась, что бывший муж написал от ее имени доверенность на себя и без ее ведома и позволения уехал в Дубровицу, в которой свою долю княгиня будто бы передала в держание Я. А. Монтолту[1640]. Возмущение самим фактом самовольного отъезда мужа в ее владение позволяет предположить, что последовавшее той же ночью ограбление в Ковеле могло произойти сразу после того, как заговорщики узнали о его выезде. Но еще 17 мая князь Андрей наверняка был в Дубровице[1641].

Согласно акту следственного дела от 9 июня, возный Ждан Чирский провел 2 допроса в ковельском замке о краже, совершённой в ночь с 3 на 4 мая. Дело месячной давности рассматривалось на основании допроса двух лиц. Староста Курбского Кирилл Зубцовский сообщил, что в ту ночь из сундуков в кладовой служанка Раинка и ее брат, урядник Зубцовского и Кирилла Невзорова Матвей похитили драгоценности. Жалобу на Матвея К. Невзоров (Невзорович) подал еще 29 мая. Матвей был урядником долгоносским. Невзоров оставил его и уехал по своим делам, а тот разбил «скрынку» и забрал оттуда

Мокренский, С. Козляковский и на месте шляхты — Х. Ч. Тулчевский и Валентин Тымнинский. О решении короля см.: «...в котором листе господар король его милость писати росказати рачил, жебы пан староста шиньский сам и суду своему кгродскому отправы на его милость князю Курпском и малжонце его милостн чинити не казал, покол бы суд их сам досмотрел».

1633 КГЛ-17. Арк. 793–794 (28 ноября 1577 г. Расследование луцкого возного 13 ноября 1577 г.).

1634 КГЛ-17. Арк. 780 — 780 зв. (23 ноября 1577 г.).

1635 ЛМ-272. Л. 55 — 55 об.

1636 ЛМ-272. Л. 55 об.

1637 ЛМ-272. Л. 55 об. — 56 об.

1638 ЛМ-272. Л. 45–55. Договоренность занесена в канцелярские книги 25 февраля 1578 г. Третейскими со стороны Курбских должны были выступить М. Гарабурда и кн. А. Полубенский, а со стороны Мыльского и его жены — Михаил Мышка Варковский и С. В. Лозка. Во время переговоров 18 февраля свидетелями были Я. Я. Глебович, М. Гарабурда, Ф. Кмита и кн. А. Полубенский.

1639 *Устрялов Н. Г.* Сказания... 2-е изд. СПб., 1842. С. 453. № 10.

1640 ЖКЛВ. Т. 1. С. 126–129.

1641 КГВ-11. Арк. 90 зв. — 91 (9 июня 1578 г. Ждан Чирский ездил по делу Курбского в Дубровицу 17 мая).

20 кон гр., а вместе с ними амуницию, коня-валаха за 16 кон гр. с седлом и бежал, не отчитавшись за хозяйство и не выплатив Невзорову долг в 13 кон гр.[1642]

Единственной «бесспорной» уликой, если не считать того, что за несколько дней до происшествия похититель скрылся, был оставшийся на полу след месячной давности, измерив который, эксперты пришли к выводу, что он от «чревиков» служанки Гольшанской Раины Куковны[1643]. В тот же день обвиняемая созналась, что ее и брата совершить преступление подговорила госпожа.

План княгини выглядел якобы следующим образом. Она сама открыла дверь преступнику, при этом перед охраной делала вид, что собирается на службу в монастырь, и лично наблюдала за происходящим в надежде найти документы *на Дубровицу и Ковель*: «Побравши тую справу, весполок з нами княгини ее милость хотела з замку утекати проч». С помощью писем, передаваемых с игуменом Вербским и странствующими каликами, княгиня подключила к операции сына Андрея Монтолта. Он должен был подъехать к замку и выкрасть или отбить ее у стражи[1644]. Вместе с тем княгиня якобы готовилась отравить мужа. Служанка заявила только о намерениях, заметив, что мешочек с «чарами», найденный в 1577 г. в сундуке госпожи, был вообще-то предназначен для интимных целей. То, что Раина была «примушена» давать такие показания, доказывала позднее ее госпожа, обвинившая мужа в том, что он ее девку «безвинъне мучити дал, а потом, деи, ее до везеня всадити казал»[1645]. Открытый суд над служанкой, состоявшийся по требованию Яна Монтолта над Раиной 7 января 1579 г., выявляет ряд расхождений между решением Курбского и тем, что рассказывала она о событиях той ночи. Невзоров и Зубцовский, согласно «декрету» князя, доложили господину о случившемся в присутствии возного Хацка Чувата Туличевского и шляхты только 27 июня 1578 г., т.е. через три недели после предполагаемого допроса Раины. Далее говорится, что в ночь на 4 мая 1578 г. была произведена кража «ни от кого иншого, одно от тое девки Раины»[1646]. «Декрет» передает показания Невзорова и Зубцовского таким образом, что виноватыми в краже оказываются Матвей и Раина, хотя, судя по ее показаниям, приказ был отдан только Матвею. Смертный приговор навис над служанкой княгини уже в июне 1578 г., и в январе следующего года Зубцовский предложил привести его в действие. Несмотря на все угрозы, она тем не менее не сдалась и заявила о вещах, якобы исчезнувших полгода назад: «Я тых речей не крала, ани их ворочала»[1647]. Луцкий подстароста Василий Павлович и судья Лазарь Иваницкий упросили за нее старосту, и он девку простил, но с условием, чтобы она отслужила ему в течение года «за тые вси шкоды»[1648]. Дело Раины Куковны вызывает ряд вопросов, от решения которых зависит точка зрения на развитие скандала.

1. Бегство Матвея является единственным фактом, который признают обе стороны, и Курбского, и Гольшанской. Случилось оно, по всей видимости, еще до отъезда Курбского. Однако жалоба по этому поводу не подавалась в течение месяца после предполагаемого ограбления и была присоединена к показаниям Раины, когда возникли улики против нее самой. Слуги по ходу разрастания конфликта принимали одну из сторон. Какая-то часть слуг князя и его общих слуг с княгиней поддержали Гольшанскую. Кроме Матвея, от Курбского ушли в тот год писарь Ждан Миронович, управляющий Михаил Рагоза, москвитин С.М. Вешняков. Все названные перешли на сторону его противников с ценными сведениями и бумагами, видимо, понимая, что de jure позиция князя уязвима, и видя, что князя «не любят» могущественные защитники его жены.

2. Если Гольшанская действительно воспользовалась незаконным отъездом мужа в ее имение для ограбления, то откуда она получила информацию о том, что в кладовой хранятся необходимые ей документы? Судя по продолжению дела о документах в августе–октябре 1578 г., найти их там не удалось. Значит, княгиню обманули или она действовала наобум? Даже если какому-то бытовому преступлению, совершённому в ночь на 4 мая, месяц спустя приписали связь с ее планами, сами планы вполне вероятны. Ее жалобы содержат упоминание о важных документах: 10 открытых бланков, которые князь заставил ее ему отдать, «бъючи кием»; документы с печатями шляхтичей (в том числе на Дубровицу), выдать которые княгиню Марию принудил муж[1649]; сундук с привилегиями и расписками по делам дома

[1642] КГВ-11. Арк. 81 зв. (29 мая 1578 г. Само происшествие Невзоров в своей жалобе точно не датировал). Расследование Ж. Чирского см.: КГВ-11. Арк. 91 — 91 зв. (9 июня 1578 г.).

[1643] ЖКЛВ. Т. 1. С. 96.

[1644] ЖКЛВ. Т. 1. С. 97–98.

[1645] ЖКЛВ. Т. 1. С. 135–136.

[1646] ЖКЛВ. Т. 1. С. 103–104.

[1647] ЖКЛВ. Т. 1. С. 105.

[1648] ЖКЛВ. Т. 1. С. 106.

[1649] Там же. С. 125–128.

и имения, «запитый лист» кн. К.К. Острожского с просьбой 300 кон гр. в долг у второго мужа княгини М.Т. Козинского, расписка о получении им этой суммы; бумаги, относящиеся к процессу о дубровицком имении; «квиты» Ицка Степанского на древесную золу княгини[1650]. То, что для возвращения этих документов Гольшанская пошла на неоправданный риск, сомнительно, поскольку ее слуга Яцко сообщал ей, что документы у князя хранятся в другом месте. Но более вероятно, что княгиня предпринимала похожие попытки проникнуть в канцелярию мужа с помощью слуг, хотя само дело датируется маем–июнем 1578 г. и имеет все признаки фабрикации.

3. Нельзя исключать и тот вариант, что Матвей не возвращался для ограбления, а ограбил и сразу после этого скрылся. К концу июня некоторые украденные вещи были возвращены, возможно, при содействии Монтолтов. Раина оказалась подставной фигурой, которой кто-то воспользовался: либо сам Курбский, чтобы представить в дурном свете жену; либо его старосты, например, чтобы скрыть истинные причины обычного ограбления. Но в ответ на интригу мужа Гольшанская создала свою – и объявила, что ее служанка была изнасилована. Во время январского суда 1579 г. Раина отреклась от своих показаний как против Гольшанской («вызнавала с подмовы людское и з гневу своего»), так и против Курбского («яко мене не бито, не мучено, ани кгвалтовано»). Тем самым она окончательно запутала следы в событиях мая–июня 1578 г.

4. Эти события всё же могут свидетельствовать о неподдельной тревоге княгини. Курбский попытался применить «запрещенный прием» в семейной ссоре: он воспользовался документами именно так, как в худших своих предположениях того ожидала его жена. Его распоряжения с конца 1577 г. носят чрезвычайный характер и направлены уже не только против пасынков, но и против жены. Однако события опередили Курбского, и когда нам кажется, что он «гнет свою линию», не будем забывать, что в этой истории «своя линия» была не только у него.

4 октября 1577 г. он передает ее именье Осмиговичи кн. Ю.А. Збаражскому, объясняя свою неожиданную щедрость тем, что именье — «властност а отчизна власная» жены князя Юрия Варвары Михайловны Козинской. Князь Андрей Михайлович списывает три четверти долго своей жены, взяв у Забражских только 1 тыс. кон гр.[1651] В завещании Збаражского, которое было датировано 30 (sic) февраля 1580 г., а в канцелярских книгах записано под 3 мая 1580 г., Осмиговичи выделены из его «отчизных имений» и не присоединены к «матерыстым имениям» его первой жены Щастны Юрьевны Носиловской. Осмиговичи «и прыселъки ку нему належачые» сохранены за Гальшкой, его дочерью от брака с В.М. Козинской; при этом было оговорено, что завещатель пользуется «невным правом» на имение, купив это право у кн. А.М. Курбского Ярославского[1652].

Решение по Дубровице, к которому стороны не могли прийти долгие годы и всё же пришли к 9 июня 1578 г., видимо, было результатом бурной распорядительной деятельности князя в предчувствии развода[1653]. Надо полагать, именно этому соглашению княгиня намеревалась воспрепятствовать. Съезд в Дубровице был назначен на день св. Николая. Курбский мог оказаться там уже в начале мая, а к середине месяца он вызвал из Владимирского гродского повета возного (им оказался Ж. Чирский), чтобы запротоколировать свои весьма нервные переговоры с Мыльским, которому урядник Курбских М. Рагоза, бросив службу у князя Андрея, уступил Дубровицу. Курбский возмущенно вспоминает, что ездил на суды с Мыльскими многократно в Литву и «до короля», заплатил Мыльскому наличными 350 кон гр. в знак примирения (при этом «справил и наложил» в Варшаве 1500 кон гр.), «а к тому тот же, деи, врядник мои Михаило Рагоза, змовившися с кнегинею малжонкою моею и прирекши мне словом своим, за служебника моего писара верного Ждана Мироновича, што належало листов и справ на Дубровицу, взявши его у мене на свои руки, зо всим тым нравом отправил его до пана Яна Монтовта до Литвы». И украл доходы с Дубровицы за 3 года[1654].

[1650] Там же. С. 131–132, 151–158.

[1651] См. *Итинерарий Курбского 4 октября 1577 г.* В апреле 1578 г. кн. А.М. Курбский отказался являться во Владимирский земский уряд по вызову Гостских из-за имения Осмиговицкого, ссылаясь на «зарукы» в 500 кон гр., которые взяли на себя Збаражские по возможному вызову в суд Курбских из-за этого имения (КГВ-11. Арк. 56 –56 зв. (21 апреля 1578 г.)). Показательно, что Гостские продолжали считать, что отвечать по их искам должны не только Збаражские, но и Курбские (КГВ-11. Арк. 79 зв. (24 мая 1578 г. Вызов в суд — от 7 апреля 1578 г.), 80 (25 мая 1578 г. Вызов в суд передан Курбским еще в мае (точная дата не указана, для числа оставлено место в строке))).

[1652] ЛМ-274. Л. 62 — 66 об.; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 218.

[1653] Ход переговоров 1577–1578 гг. освещен в актовых источниках: ЛМ-272. Л. 45 — 56 об.; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 226.

[1654] КГВ-11. Арк. 91 (9 июня 1578 г.).

Итак, управляющий Дубровицей М. Рогоза вводит Мыльских во владение Дубровицей и бежит от Курбского, после чего передает документы княгини через Ждана Мироновича Я. Монтолту. Ждан Миронович, «писар верный», т.е. личный секретарь Курбского, хранитель его документации. Вспомним филипники Курбского о писарях в «Истории»: «Писари же наши русские, им же князь великий зело верит...»[1655] Из-за таких-то изменников-писарей, по мнению Курбского, была проиграна битва при Судьбищах. Долгопосский урядник Матвей — тоже бежит, прихватив или нет вещи и деньги, но обвиняется в воровстве. Его сестра, служанка Гольшанской Раина отдувается на внутреннем следствии за своего брата, становится заложницей, чуть было не попадает на виселицу (прием, испробованный Курбским, когда он пытался заполучить из России оставленные в Юрьеве книги). И эти документы Гольшанская отправила Яну Монтолту, о чем с необычной настойчивостью сказала на допросе Раина Куковна, как будто она была посвящена во все тайны своей пани и повторила едва ли не слово в слово версию событий, изложенную Ж. Чирским. Впрочем, нужно учитывать, что запись о событиях середины мая во Владимирских гродских книгах появилась в тот же день, когда Ж. Чирский пришел к Курбскому на расследование дела Раины. Это, конечно, не отменяет самого факта, что Чирский «подписался» под тем, что рассказал на уряде о переговорах Курбского с Мыльским. В отличие от Раины, он позднее от своих слов не отказывался...

5. Борьба между Курбским и Гольшанской, представленная противниками князя как череда насильственных выступлений с его стороны, как постоянное удовлетворение своих интересов за счет княгини или ее детей, не поддается описанию со стороны «обороняющихся». Такой стороны не было. Только отрывочные сведения позволяют судить, как обе стороны в середине 1578 г. отбивались друг от друга. Курбский скрывал одни документы и искал другие, пока его жена склоняла своих и его слуг к неповиновению. Все-таки об этой ее деятельности известно достаточно, чтобы предположить, что она сама принимала активное участие в борьбе на стороне своих детей, а не была лишь пассивной исполнительницей их воли. Об этом говорят жалобы Курбского, впрочем, довольно однонаправленные, чтобы быть «ничем кроме правды»: в мае–июне Курбская, прикрывшись ложным благочестием, решается на ограбление мужа, как он думает, в поисках документов на Дубровицу и Ковель; она тайно подговаривает долгопосского урядника Матвея, его сестру Раину, а может быть, и дубровицкого урядника М. Рагозу, а затем, что для Курбского очевидно, его слугу С. М. Вешнякова и личного секретаря князя, Ждана Мироновича, которого позднее Гольшанская действительно возьмет на поруки, а князь просто-таки заподозрит в интимных связях с бывшей женой.

Можно предположить и нечто большее. В Дубровице осмиговицкий сценарий Курбского не удался. Всё пошло либо не так, как князь планировал, либо просто неожиданно для него. Ему удалось договориться о передаче Мыльским дубровицких имений с. Стрельского, и этого жена ему не простит. В то же время втайне от него его урядник сбежал с документами. Владение без его ведома перешло Мыльским, ему самому оставалось жаловаться в суд и доказывать незаконность сделки. Жена вела подпольную, а возможно, уже открытую, войну против него, распоряжение Дубровицей от имени обоих супругов и вся афера с побегом Рагозы выглядела как ее месть. За что? Разговор у постели о том, кто первый умрет, притягивается в этой логике к обвинению, которое выдвинет князь против жены сразу после ее вывода Дубровицы из-под ее контроля. У четы Курбских так и не родился наследник. Два года назад она была на пороге смерти, а муж состряпал от ее имени завещание, вел таинственные беседы о том, кто первый умрет. Трудно было на ее месте не подумать, что он только и ждет, когда она умрет, чтобы мечта сбылась.

6. «Чары» и «яд», будто бы найденные слугами князя у Гольшанской, мелькнули в первоначальных показаниях Раины, которые потом она, впрочем, полностью опровергла. Этот сюжет скорее раскрывает методы судебной аргументации или подспудные страхи Курбского или, в случае большей или меньшей достоверности доноса, только тот факт, что у княгини, как и у многих магнатов ее времени, в личных вещах встречались опасные предметы. В мешочке, найденном в сундуке Гольшанской, были песок, волосы и другие «чары» — ничего криминального. Эти вещи ей дала какая-то старуха: «Але деи то не отрута, одно для того, иж бы ее князь миловал, и теперешнего часу велми тое бабы потребует, иж бы се з нею могъла видити, штобы еи дала такого зеля, штобы ее могъла постарати не о милость, але о што иншого»[1656]. Характерно, что во время разводного процесса в 1578–1579 гг. «колдовской» аргумент нигде больше не появился.

[1655] СК. Л. 41 об. — 42.

[1656] ЖКЛВ. Т. 1. С. 98.

И всё же это код, который может быть расшифрован множеством способов. Гольшанская боялась мужа? Была им, в широком смысле, «не любима» и стремилась с помощью ворожбы изменить его отношение к себе? Колдовство нужно было ей, чтобы улучшить сексуальную жизнь в семье? Курбский боялся служительницы дьявола, «злой жены», женщины-колдуньи, каких изображал в своей «Истории о великом князе Московском» как разрушительниц Руси?

***

Легкость развода в русских землях Речи Посполитой была притчей во языцех. Миколай Радзивилл Черный писал своему двоюродному брату Миколаю Радзивиллу Рыжему по этому поводу: «А в Руси развод легок — 3 копы дай, и уладил, и свободен a fide et vinculo»[1657]. Однако в деле Курбских возникли осложнения.

В июле Курбский вместе с Гольшанской должны были предстать перед королем на Львовском сейме в связи с жалобой Я. А. Монтолта. Вся история с документами в изложении Монтолта приняла четкий и завершенный вид. Она подкреплялась обвинениями, которые было нетрудно проверить: Курбский «не водлуг стану ее [жену. — *К. Е.*] ховал, бои, мордерства и окрутенства без всякое причины ей чинил не для чого иншого, одно, деи, вытегаючи записы от нее на имеиа, которые матка им сыном своим первей записала»[1658]. Заявление Яна Монтолта могло произвести особенно сильное впечатление в связи с готовящейся наступательной войной против Москвы. Уже 14 апреля 1578 г. король выехал из Варшавы, направляясь во Львов и Сандомир. Остафий Волович ожидал налоговых сборов с земли Краковской, Сандомирской и Серадской, чтобы оплатить господарю дорогу в Литву и "ruszenie pospolite"[1659]. Во Львове он был свидетелем и участником разоблачения Курбского[1660]. Князь предстал перед сеймом в образе, который соответствовал стереотипному представлению о московитах: тиран, насильник, алчный обманщик. Московское посольство Карнова было принято во Львове вскоре после того, как вышло королевское постановление развести Курбских приятельским судом, и конечно, постаралось вникнуть во все подробности процесса[1661]. Судя по той роли, которая отведена в их реляции Воловичу, подканцлер был или хотел выглядеть в глазах царя главным защитником Гольшанской и Монтолтов, а также главным очернителем репутации государева изменника.

Развод был либо ожидаемым, либо подготовленным решением конфликта и для его участников, и для сторонних наблюдателей. По сообщению Монтолта, Мария Гольшанская якобы в одностороннем порядке приняла «вызволене от князя Курского з малжонства перед особами невными духовными»[1662]. Несмотря на это князь продолжает ее держать у себя, вымучивая у нее имения, а она «не ест, деи, безнечна здоровя своего от него, и яко его ведомость доходила, кгдыж их детеи до нее не припущал, жебы вжо с того света зыити мела»[1663]. Среди духовных особ, которые приняли участие в таком разводе, мог быть епископ владимирский и брестский Феодосий. Однако документы, подтверждающие его участие, позже были оспорены самой же Гольшанской. Король принимает решение о добровольном разводе сторон судом «приятельским». Следуя королевскому декрету, стороны договариваются о разводе и заключают сделку. Было бы ошибкой видеть в ней одномоментное событие, после которого отношения сторон сразу перешли в новое качество. В нашем распоряжении есть комплекс записей этого процесса в актовых книгах волынских судов и мы можем пройти «по горячим следам», как и прежде, стараясь читать эти следы крайне осторожно и ища в них и реакции сторон друг на друга, их сознательные стратегии, особенности их эмоционального мира и т. д.

Первый ее этап — 1 августа 1578 г. приятельский суд «угодливым обычаем» во Владимире-Волынском «перед отцем владыкою володимерским», т.е. перед епископом Феодосием[1664]. Впрочем, как уже сказано, в актовых записях 1–2 августа об участии Феодосия еще нет и речи ни в содержательной части актов, ни в числе свидетелей, а ссылаются супруги на решение короля

[1657] AR. Dz. IV (Listy ks. Radziwiłłów). Teka 34. Kop. 500. S. 21 (24 марта 1551 г.): "A u Russy o rozwod volno try kopy davszy, uladzicie volien a fide et vinculo". Номер конверта в деле указан неверно — «499».

[1658] ЛМ-195. Л. 30 об. — 31 (Львов, 3 июля 1578 г.); Д. 272. Л. 74 об. — 75; *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1842. С. 453–454. № 11; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. СПб., 1848. Т. 3. С. 227 и сл.; *Шумаков С.* Акты Литовской Метрики о князе А. М. Курбском и его потомках // Книговедение. 1894. №7–8. С. 18.

[1659] AR. Dz. V (Listy domów obcych). N 17959/III. S. 26, 29.

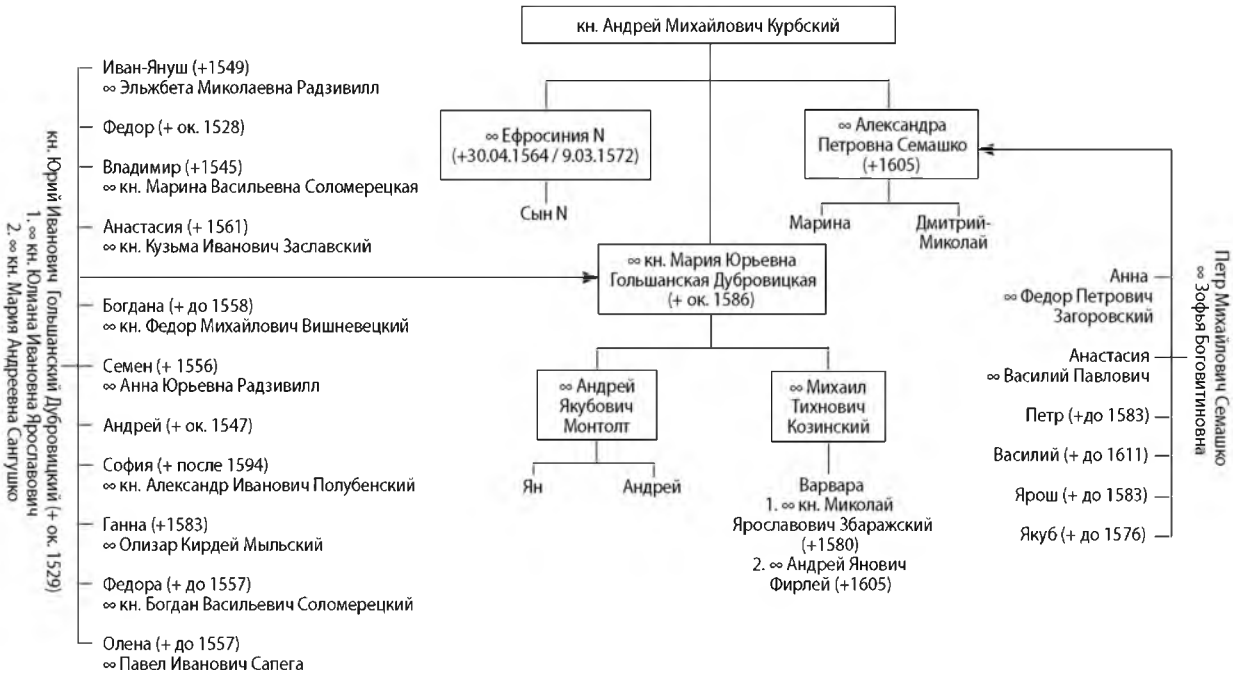
[1660] Ibid. S. 35.

[1661] ПК-79-11. Л. 116–117.

[1662] Об этом см. ниже примеч. ?

[1663] ЛМ-195. Л. 30 об. — 31; ЛМ-272. Л. 74 об. — 75.

[1664] ЖКЛВ. Т. 1. С. 121, 137; ЛМ-68. Л. 67 об. — 68.



Родство князя Андрея Курбского в Речи Посполитой

развести их «приятельским обычаем», принятое на только что прошедшем Львовском сейме при третействе воеводы подольского Миколая Мелецкого[1665]. Впервые на церковный развод Курбский сослался в жалобе 6 августа 1578 г., о которой мы скажем далее. Ошибки, допущенные 1–2 августа при оформлении документов, не отменяют согласия обеих сторон с самим юридическим фактом — их взаимным соглашением о разводе. От лица М. Гольшанской выступает и она сама, и она вместе с сыном, Яном Монтолтом. В 1581 г. Мария Гольшанская не отрицала участия владимирского владыки в приятельском суде и ссылалась только на отсутствие оснований для развода со стороны Курбского. Она представила королевскому суду грамоту епископа от 1 августа о своем и князя Курбского разводе[1666]. В актах Владимирского гродского уряда нет ни текста этого постановления, ни ссылок на него.

Есть и еще одна странность в истории разводной документации Курбских — к началу июля князь Андрей Михайлович должен был уже явиться во Львов, а в конце августа — сентябре того же 1578 г. он вновь неоднократно упоминается в столице Русского воеводства, где остановился у «золотаря» Мартина. О присутствии Курбских на Волыни между этими двумя датами

[1665] Во Владимирской гродской книге № 11 от 1 августа 1578 г. записаны акт о договоре Курбских по Дубровице с присягой кн. А. М. Курбского (л. 134 об. — 136 об.), данное княгиней М. Ю. Гольшанской поручение Курбскому принять окончательное решение по дубровицкому с. Стрельскому с Мыльскими с присягой Гольшанской (л. 136 об. — 137 об.), передача пожизненного права на Крошты Гольшанской и Я. Монтолтом Курбскому (л. 137 об. — 138 об.), заявление Гольшанской и Монтолта о получении ими от Курбского 1200 коп гр. за их долю Дубровицы вплоть до возвращения долга до 17 декабря того же года с правом Курбского в случае невозвращения денег по суду предложить им его выкупить, а в случае неуплаты заложить именне (л. 138 об. — 141), заявление Гольшанской и Я. Монтолта о «злое мешкане в стане малжонском» и отказе Курбского от 13 800 коп гр., записанных ему с именій Гольшанской, о держании дубровицкой доли Курбским до 1 января 1579 г. и Шешолей и Крошт пожизненно, но Шешоли до 17 декабря 1578 г. остаются у Гольшанской «на выховане» (л. 141 — 142 об.), заявление Курбского о согласии на передачу Гольшанской именій Шешоли и Крошты до назначенного срока (л. 143 — 143 об.).

[1666] ЛМ-68. Л. 68 об. — 69. Грамота составлена при священнике надворном Павле Онофреевском, протопопе Никитне Введенском и клирошанах соборной Пречистинской церкви С. Федоровском, М. Пятницком, Е. Ивановском, П. Василевском, Ф. Михаловском, Д. Прокопенском, П. Николенском.

нет прямых свидетельств[1667]. Управление Ковелем взяли на себя урядники князя, а о княгине Марии сведений нет и недавно: возможно, она была под тщательной опекой, а по сути в заточении у своего мужа. Где именно? Вернулись ли Курбские на Волынь, чтобы там оформить развод и вновь отправиться во Львов? Прослеживая последовательность переездов четы Курбских, не точнее было бы предположить, что развод состоялся без их участия, и это-то и послужило дополнительным стимулом для княгини Марии, чтобы позднее поднять вопрос о фальсификации бракоразводной документации?

Впрочем, существование актов о разводе и их внесение в актовые книги в том же 1578 г. не вызывает сомнений. Согласно светскому договору от 2 августа, Курбский прощает жене часть долга за Дубровицу (13 800 кон гр. из 15 тыс., которые князь обеспечил жене на Миляновичах и унитских имения) и взамен за оставшиеся 1200 кон гр. получает право на пользование Дубровицким именьем до 1 января 1579 г. Еще 1200 кон гр. Гольшанская была должна Курбскому по отдельному «листу», возможно, долговому. В течение этих же 5 месяцев, но до 17 декабря 1578 г., доходы от виленских имений Шешоли и Крошты поступают княгине «на выхованє», там же она имеет право жить, после чего она обязуется передать их мужу в пожизненное пользование или с правом распорядиться ими на сумму в 150 кон гр.[1668]

Видимо, речь идет о том, что эти имения должны служить залогом выплаты ею и ее сыном 150 кон гр. за имущество княгини, оставшееся у бывшего мужа. Князь захватил ее церковную утварь и личные вещи, требуя за них компенсации в размере 150 кон гр., которые следовало отдать ему вместе с деньгами за Дубровицу[1669]. Замок, посад и имение Дубровица находились в центре внимания обеих сторон. Курбский во время приятельского суда не ссылается на свои права наследования имения и идет на уступку: «...которое имене княгиня малжонка моя по животе своем записала вечностю сыну своему старшому пану Яну Монтовту»[1670]. Завещание княгини 1576 года и другие акты, которыми княгиня ограничивала права своих детей, не обсуждаются. А вот Гольшанская и Ян Монтолт сразу требуют пересмотреть постановления Курбского и Мыльского по дубровицкому с. Стрельскому.

Второй этап — 2 августа 1578 г. Княгиня Мария Юрьевна жалуется на «деспект» со стороны Курбского, захват, пытки и посажение в тюрьму ее «девки» Раины Федоровны и ссылается на ее слова, полученные из тюрьмы, о пытках другого служебника Курбского, Тонька, у него в темнице, показывает возному свои оставшиеся вещи. Князь тогда же и, возможно, при ней, ни словом не отвечая на упреки жены, говорит на уряде, что отказался от права на 15 тыс. кон гр. и отдал княгине ее «записы» ему на эту сумму[1671]. Мария отрицает юридическую силу всех документов, написанных от ее имени с Троицына дня 1577 г., так как муж якобы с помощью побоев и тюрьмы («кромя всякое моее вины осадивши мя до везеня кгвалтом бъючи києм»[1672]) принуждал ее выдавать ему бланки с ее подписью и печатью, которые затем использовал по своему усмотрению, а также заставлял ее упрашивать знакомых шляхтичей удостоверять нужные ему акты. С помощью таким путем полученных от нее подписей он собирается от ее имени договориться с Мыльскими по дубровицким имениям[1673]. Никаких переоценок договора Курбского со Збаражским по Осмиговичам, заключенного 4 октября 1577 г., не последовало. Выполнял ли тогда Курбский пожелание жены или совершал какую-то хитроумную имущественную махинацию, неясно. Но именно тот договор, заключенный в интересах наследников М. Ю. Гольшанской по линии ее дочери, остался в силе, что явствует из завещания витебского воеводы. Предметом страхов в августе 1578 г. была уже только Дубровица. В то время как жена находилась у него в заключении, Курбский вступил в дружественные переговоры с О. К. Мыльским и его женой Ганной, княжной Гольшанской, и менялся с ними землями, «а никоторые и так даром пустил, а меновите передместе места Дубровицкого, прозываемое Новоселки и село Стрелско и иных кгрунтов немало»[1674]. Все решения Курбского по семейной недвижимости января–февраля 1578 г. суд признает недей-

[1667] См. здесь *Итинерарий Курбского июнь–сентябрь 1578 г.*

[1668] КГВ-11. Арк. 134 зв. — 143 зв., частичная публикация актов: ЖКЛВ. Т. 1. С. 107–117.

[1669] КГВ-11. Арк. 133 зв. — 134 (1 августа 1578 г.).

[1670] КГВ-11. Арк. 135 зв., частичная публ. записи: ЖКЛВ. Т. 1. С. 111–115, здесь с. 111 (1 августа 1578 г.).

[1671] Компактная подборка актов за этот день в КГВ-11 прервана лишь записью слов поручника роты Зигмута Рожна, Лукаша Рошковского на л. 148 — 148 об. Остальные пять актов в этой серии — три акта на л. 147–148 и две «протестации» М. Ю. Гольшанской на л. 148 об. — 151 об. — сосредоточены вокруг выступлений княгини против бывшего мужа и одной записи от лица Курбского.

[1672] КГВ-11. Арк. 148 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 125.

[1673] КГВ-11. Арк. 148 зв. — 149, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 125–126.

[1674] КГВ-11. Арк. 149, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 126.

ствительными и, дабы обезопасить себя на будущее, противники князя Андрея Михайловича объявляют недействительными все его распоряжения с использованием имени М. Ю. Гольшанской от Троицына дня 1577 г. до «того часу, покол он Дубровицу будет держати»[1675].

Ко 2 августа наметилось три несходных видения всей совокупности обстоятельств. Одно из них скрывалось за внешне деловыми отношениями между Курбскими. Они были готовы снять разногласия. Княгиня — сохранить за бывшим мужем Дубровицу до конца года. Курбский — списать долг Гольшанской. Впрочем, долг был почти формальностью: за годы владения Дубровицким имением сумма записи и так была им вычерпана, а отношение Курбского к личным вещам и ценностям Гольшанской, которые он на время у нее конфисковал, показывает, что доброта князя не более чем красивый вымысел. Гольшанская же соглашалась сохранять за мужем право на владение ее имением до конца года, но согласилась ли она на это без давления и принуждения со стороны мужа? Если он тиранил ее, можно ожидать, что ее согласие — не более чем формальная фикция. Другое понимание напрашивается, учитывая желание Гольшанской и Монтолта отстранить князя от переговоров с Мыльскими, как если бы княгиня ждала подвоха и боялась утратить имение из-за ложного благодушия бывшего мужа, будто бы готового отдать ее Дубровицу просто-таки за так Олизару Мыльскому и Ганне Гольшанской. Стремление отстранить князя от сделки на фоне многодневной охоты обоих супругов за документами и взаимных подозрений выявляет в позиции княгини след умысла, скрытую готовность бороться за то, чего она уже не должна лишиться, чувствуя поддержку закона и/или покровителей. Наконец, третий сценарий не разъяснился с самого мая — когда от Курбского бежал Рагоза, князь был в бешенстве и явно не собирался ничего никому уступать, а подозревал, что это за его спиной делают третьи лица, и в первую очередь жена, княгиня Мария. Возможно, эти три представления о событиях не противоречат друг другу, однако в них видны следы одного замысла, который ни одна из сторон прямо не предъявляла и не дезавуировала.

Во Владимире княгиня предъявляет возному местного городского уряда Ярошу Котельницкому вещи, которые ей выделил бывший муж «вынущаючи з дому». Краткий список пропитан негодованием княгини. Судя по сбивчивости перечисления и оговоркам, она перебирала вещи сумбурно и демонстрировала их поверенному с нескрываемым гневом: из двух шкатулок одна старая и в обеих «не видел есми ничого иншого», отчитывается пан Ярош, кроме шелка и бумаги; несколько личных вещей, из которых два ковра «менила, же деи их не от князя маю, але от дочки своее»; «зголове скураное одно, *кожушок* белиный *старый* один, пласч *ветхий* оден... шкатулку третюю *ветхую*»[1676]. Не случайно, что самое жесткое определение бывшего мужа — «окрутник» (изверг, тиран, мучитель) — вырывается у нее в жалобе по поводу движимости[1677].

Документ звучит недвусмысленно: мало того, что Андрей Курбский собирается лишить ее родового имения, он выбросил жену из дома в старье и ветошь. Контрастное впечатление производят список, в котором перечислены ее убытки в движимом имуществе (тут в основном не «иншые речы рухомые», а драгоценности, золото и серебро) и слугах, а также заявление о тюремном заключении и изнасиловании по распоряжению Курбского ее служанки Раины. Исключительное отношение княгини Марии к этой девушке было заметно еще по завещанию, где она просит мужа в случае своей смерти «отослати панну Раину, если бы за кого она сама захотела»[1678]. После показательного процесса с обнаруженным «следом» и «признанием» служанки княгиня почувствовала, что своим жестоким обращением с девушкой Курбский стремится нанести бесчестье («деспект») ей самой[1679]. Итак, он не только проявил недостойную жестокость, жажду наживы и скупость, но вдобавок нанес удар по чести своей жены.

Третий этап — 6 августа 1578 г. Курбский жалуется, что его кучеру, отвезшему княгиню во Владимир, один из «приятелей» со стороны жены во время развода 1 августа воевода минский Миколай Павлович Санега помешал вернуться к своему пану, приказал избить его «кием». Возному, посланному от князя, Санега наговорил грубостей «словы неучтивыми сромотными», среди которых были угрозы убить Курбского и его слуг. На второе обращение князя оскорбитель забрал свои слова назад. Но повозку бывшая жена не вернула[1680]. Оскорбления звучали при шляхтичах, и среди них была угроза

[1675] КГВ-11. Арк. 149, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 127.

[1676] КГВ-11. Арк. 147 — 147 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 121–122 [выделено мной. — *К.Е.*].

[1677] КГВ-11. Арк. 149 зв. — 151 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 128–134.

[1678] ЖКЛВ. Т. 1. С. 77.

[1679] КГВ-11. Арк. 147, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 135.

[1680] КГВ-11. Арк. 153 зв. — 154, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 136–139.

убить Курбского на дороге в Литву. Санега перекрыл Курбскому путь в северные владения. Если Гольшанская вырвалась из рук мужа, то это была встреча ее на свободе. Но, как мы уже отмечали, сам факт заточения княгини Марии недоказуем, точнее было бы говорить о слежении, которым князь окружил ее, а она, впрочем тайно, — князя.

Четвертый этап — середина августа — середина октября 1578 г. Гольшанская требует вернуть ей часть «носага», документы, принадлежащие ей самой и ее дочери В. М. Козинской. Разгорается спор о слугах. От Курбского к Гольшанской к тому времени ушли Ждан и Федор Мироновичи, сбежал даже москвитин Шимон (Семен) Маркович Вешняков. Княгиня настаивает на возвращении своей дворни и служанки Раины. Вешняков был найман и допрошен Курбским в Миляновичах при возном Ж. Чирском и «приятелях» Курбского — королевском писаре Михаиле Гарабурде и писаре земском речицком Андреем Халецком. Речь Курбского, обличающая изменника и лжеца, жившего вдали от своего пана и сквернословившего «на почтивость» Курбского. И вопрос, ответ на который Вешняков мог знать и от самого же Курбского, — кто подговорил его на эти злодеяния. Падкий на спиртное и вечно прозябавший в ковельской тюрьме слуга открыл это имя: «Ее милость княгини малжонка вашей милости бывшая княгини Маря Юревна княжна Голшанская»[1681].

Пятый этап — декабрь 1578 — январь 1579 г.[1682] Курбский идет на всевозможные уступки: прощает «нестане» Гольшанской и Монтолта или их представителя в срок расплаты, 17 декабря, на уряде, где в тот день до «запаленя свечи» их прождал Кирилл Зубцовский[1683]; получив 1200 кон гр., прощает им еще столько же долгу и покидает Дубровицу[1684]; получив 150 кон гр., отказывается в пользу Я. А. Монтолта от Шешолей и Крошт; берет с Гольшанской и Монтолта обязательство не предъявлять претензий против него по заключенной сделке «под закладом» в 17 тыс. кон гр.; проводит суд над Раиной и избавляет ее от смертной кары за грабеж. В своих действиях князь проявляет на сей раз предельную законопослушность и во всем следует договоренностям с женой и ее сторонниками. Узнав о передаче дубровицкой доли Я. Монтолту, 30 декабря 1578 г. Гольшанская ставит точку в конфликте и освобождает бывшего мужа от своих исков и отказывается от претензий на Миляновичи и литовские имения бывшего мужа. Допустим пока, всё было именно так. Позднее княгиня Мария заявила, что не была у Курбского в Миляновичах 30 декабря 1578 г., ничего не подписывала и никак о своем согласии на подобную сделку с бывшим мужем не объявляла. Это было позднее, и есть ли у нас уверенность, что отказ княгини от той сделки сам не является судебным подлогом?

Затем 1 января 1579 г., получив на Владимирском гродском уряде «сполна» 1200 кон гр. за Дубровицу и 150 кон гр. за Крошты, Курбский торжественно возвращает бывшей жене и пасынку их имения. Ссылается, впрочем, на то, что по договору, занесенному во владимирские гродские книги, он выкупил (или только должен был выкупить) за свои деньги половину Дубровицы и Крошты, на что ни у жены, ни у пасынка не было денег. Никаких претензий ни Курбский, ни его потомки на эти имения предъявлять не будут. И характерный результаты охоты на документы Курбский оговаривает, что не будут действительны никакие «записы и листы», даже если они подписаны самой недавней датой и подлинной подписью, пока князь или его поверенные не предъявят их другой стороне на уряде. Какой-то части своих документов княгиня явно недосчиталась. И одна деталь. «Потомков своих» Курбский, конечно, упоминает просто по канцелярской традиции. Но свидетелем присяги, помимо его друга Федора Петровича Загоровского, выступает и брат будущей, в скором будущем, жены Курбского Ярош Семашко[1685].

[1681] КГВ-11. Арк. 158 — 158 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 139 141 (14 августа 1578 г.).

[1682] Разрозненные акты за декабрь 1578 г. в КГВ-11 сменяются подборкой из четырех актов взаимных обязательств Курбского и Гольшанской от 2 января 1579 г., отложившейся в КГВ-12 на л. 5–11. К нему примыкают заявление Раины Куковны от 7 января, помещенное на л. 12 об. — 13, сделанное в тот же день на уряде заявление К. Зубцовского и К. Невзорова о суде над Раиной на л. 13 об. 14 об., запись от 29 января от имени Я. А. Монтолта о возвращении долгового обязательства Курбского Гольшанской заплатить («записати») 17 тыс. кон гр. в уряд для Курбского на л. 29 об. — 30 и запись Гольшанской от 31 января об освобождении бывшего мужа от всех обязательств на л. 30–31.

[1683] КГВ-11. Арк. 278 зв. — 280 (17 декабря 1578 г.).

[1684] В ноябре 1578 г. Курбский какое-то время проводит в Дубровице. Туда пишет ему войский владимирский Василий Гулевич, недовольный ходом дела по жалобе его затурецкого подданного Остапа в Ковеле, где вместо князя ждали Остапа наместник ковельский Кирилл Зубцовский, местный же урядник Меркурий Невзоров и Богдан Волынец Тупальский, но дело на 12 ноября откладывалось трижды. К. Зубцовский взял послание Гулевича у возного о обещал отправить его «до его милости князя до Дубровицы». См.: КГВ-11. Арк. 263 — 263 зв. (19 ноября 1578 г. Отчет Ж. Чирского о поездке в Ковель 12 ноября).

[1685] КГВ-12. Арк. 5 — 6 зв. (2 января 1579 г. Акт присяги Курбского составлен во Владимире в Новый 1579 г. год 1 января).

В этой череде дарений и помилований есть что-то театральное. Конечно, никаких подарков князь бывшей жене не сделал, а получил сполна причитающиеся суммы, прежде чем вернул ей Дубровицу и Шешоли с Кроштами (если только записи о получении денег не пустые формальности, за которыми скрывается сплошное благородство, — но верится с трудом...). Остается два неясных момента — во-первых, откуда взялось еще 1200 кон гр. долга Монтолта и Гольшанской, на которых настаивал К. Зубцовский 17 декабря, ссылаясь на отдельный «лист»? Вероятно, это всё же не «совитость», под которой понимали компенсацию за просроченный платеж — причем нередко как раз в размере долга. И почему Курбский его так легко «простил»? Можно предположить, что, не имея возможности претендовать на «совитость», он шантажировал бывшую жену тем, что увеличит ее долговые обязательства. И во-вторых, почему княгиня Мария не отдала долг 17 декабря? Надо понимать, она хорошо представляла себе правовые последствия такого поступка, и не увидела для себя препятствий сделать именно так. А выгода для нее была самая прямая. Князь продолжал владеть Дубровицей до 1 января 1579 г., и возвращать ему деньги, пока имение у него «в кармане» и до того, как он присягнет не соваться в ее дела, не было никакого смысла. Но если так, на что рассчитывал Курбский, когда придумывал невыполнимые условия? А если не он, то кто эти условия придумал?

Монтолты и княгиня-мать в начале 1579 г. находились в Бискуничах. Два года спустя этот факт будет играть ключевую роль в борьбе княгини Марии за лишение силы договора с бывшим мужем от 30 декабря 1578 г. Сейчас княгиня делит с детьми владения, старыми «листами дельчыми» закрепляя их права[1686].

В связи с окончанием «дела» Раины Куковны И. Луэрбах замечает, что Курбский «проявил великодушие»[1687]. Вероятно, и оно было отчасти вынужденным: на стороне Монтолтов были король и магнаты Великого княжества Литовского. Несмотря на это компромисс с Раиной был на руку князю: девушка была приговорена заплатить 90 зл. и, не имея всей суммы, приняла обязательство отработать в течение года на службе у урядника Курбского. 29 января Ян Монтолт прислал на Владимирский гродский уряд под запись в актовые книги договор его матери с Курбским, по которому князь принимал Дубровицу на сумме 17 тыс. кон гр., записанной ей в вено на унитских имениях и Миляновичах. А 31 января сама выздоровевшая княгиня Мария подтвердила сделку: Курбский и Дубровицу им передал, «и во всем листу запису своему досыт учинил», и во всем остальном ей «усправедливил»[1688].

Показательны два аспекта, которые дадут о себе знать позднее. Во-первых, княгиня ни словом не упоминает Ковель, на который было бы странно претендовать, но можно было пощекотать мужу нервы и, оставаясь всё же «бывшей женой» и княгиней Курбской, сохранять формальное право на замок или на часть его доходов. То, что тревожило Курбского или было частью неведомой нам правды в мотивах Гольшанской в мае–июне 1578 г., когда Раина признавалась, что они с Матвеем стремились заполучить документы на Ковель, так и осталось тревогой и, возможно, чьей-то тайной. Княгиня Мария болела, сделка об окончательном разделении имений была заключена в ее отсутствие, месяц спустя после заключения ее volens nolens подтвердила княгиня. Этого было достаточно, чтобы годы спустя подвергнуть сомнению легитимность договора. Вряд ли Курбский был в состоянии что-то противопоставить такой стратегии. Если правда, что это он продавливал весь бракоразводный документооборот после Львовского сейма, то несколько почти незаметных саботажей подряд со стороны княгини должны были его насторожить. Однако и в том случае, если в переговорах августа 1578 — января 1579 г. все решения были приняты без насилия с его стороны, в страшном сне он не мог представить, что отсутствие одной фразы в акте о разводе лишит его права на законное потомство, неуплата долга поставит под угрозу всю «приятельскую» схему августа 1578 г., а проволочка в декабрьском договоре с женой того же 1578 г. поставит под вопрос легитимность сделки, а его самого обратит в фальсификатора и семейного тирана. И реальность бывает страшнее снов...

***

Выйдя с минимальными материальными потерями, если не с выигрышем, из большого

[1686] КЗВ-4. Арк. 72 (9 января 1579 г.). Договор под датой: Луцк, 29 августа 1574 г. А. А. Монтолт получает от своего брата Яна луцкое имение Бискуничи и лидские Вербки, а сам признаёт за Яном виленско-лидское имение Солешники (Сольшники). Волынские имения Свинец, Кобылин и Млынов, заложенные их отцом, Андреем Якубовичем Монтолтом, и уступленные им дядей, Яном Якубовичем Монтолтом, было решено оставить в совместном управлении.

[1687] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 243.

[1688] КГВ-12. Арк. 30–31, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 163–166 (отрывок) (2 января 1579 г.).

скандала, Курбский принялся устраивать свою новую личную жизнь, которая быстро стала семейной. В брак он вступил в апреле 1579 г., однако этому предшествовала непродолжительная помолвка. Переговоры с Курбским Петр Петрович Семашко вел еще в январе–феврале 1579 г. Видимо, появление Яроша Семашко в свидетелях на присяге Курбского по возвращению Дубровицы 1–2 января 1579 г. — это след сближения князя с Семашками. Брачная сделка была уже вторым шагом после имущественного договора Курбского с Петром, Василием и Александрой Петровичами Семашко. Зятем («швагером», мужем сестры) братьев Семашко был на то время подстаростий владимирский (и верный слуга, а в глазах Гольшанской — пособник, Курбского) Василий Павлович. Он же держал в закладе совместное имение Семашко Добрятин. Курбский выкупил «заклад» у Василия Павловича, еще когда Александра была «панной». Впрочем, не весь — в держании Василия было еще луцкое имение с. Углы братьев, которое они продали подстаростию окончательно в мае 1579 г. за 3 тыс. кон гр.[1689]

3 января 1579 г., т.е. на следующий день после договора князя с его «прошлой жизнью», Василий Павлович передает половину Добрятина Курбскому. 12 января 1579 г. слуга Курбского Семен Горайн принял имение на своего пана[1690]. А 11 апреля 1579 г. братья Александры Петровны Ярош, Василий и Петр утвердили запись, что взяли у князя взаймы 1610 кон гр. и взамен передали ему половину Добрятина на срок с 8 апреля текущего года до 8 апреля 1584 г. Братья нуждались в деньгах и сослались на «ведомость» и «позволене» их сестры Александры, ее подпись также значилась на договоре. Эти обстоятельства проясняют ситуацию — братья взяли у князя Андрея в долг, чтобы обеспечить посагом и выдать ему же в жены свою сестру Александру, от которой и получили согласие на сделку[1691]. Наконец, с 26 апреля 1579 г. в источниках выступает Александра Петровна Семашко, княгиня Курбская[1692]. Она признаёт, что сполна получила от своих братьев посаг — на четверти их имений она получила 800 кон гр. деньгами и ценностями и отреклась от прав на имения родителей[1693]. Щедрость князя Андрея Курбского не знала границ — на 800 кон гр. ее посага он записал 4 тыс. кон гр. вена и обязался вернуть Добрятин братьям жены за выкуп[1694]. Такую же сумму и еще 70 кон гр. взяли в долг у князя его новоиспеченные «швагеры», заложив ему Добрятин формально еще с Покрова дня (1 октября) 1578 г. Если дата не только формальна, то князь явно обдумывал многоступенчатую сделку с семьей своей будущей жены всего несколько недель спустя после развода с княгиней Марией. Или князь Андрей задолжал и искал подходящую партию, чтобы решить свои финансовые проблемы?

***

Спорные вопросы с Марией Гольшанской были улажены не ранее середины 1580 г. Княгиня Мария на какое-то время исчезает из судебных источников, что объяснимо. Основное время она должна была проводить в Кременецком повете у дочери, у сыновей в волынских, литовских и полесских имениях. К сожалению, судебные книги — наиболее полный источник в биографии кн. А.М. Курбского и его жены, пока она подолгу жила в Ковельском имении, сохранились фрагментарно, и если пинских материалов практически нет, то редкие кременецкие и виленские содержат довольно скупые сведения о М.Ю. Гольшанской и ее детях. Но история развода возобновляется в волынских судах, и вновь появляется княгиня Мария Курбская. Она, казалось бы, согласилась с результатами процесса, но в начале 1581 г. объявила, что все разводные акты, составленные от ее имени после 1 августа 1578 г., фальсифицированы мужем. Эти упреки наталкивались на факты записей в актовых книгах, но это Курбскую не остановило. Она опротестовала факт своего участия в появлении этих записей и подняла вопрос о коррупции во Владимирском гродском суде. Перед нами открывается точка зрения М.Ю. Курбской-Гольшанской. И все «факты» и «этапы» развода в свете ее заявлений выглядят фикцией, плодом многократной фальсификации при участии мужа, шляхты, судебных властей.

Процесс с княгиней Марией Курбской возобновился к концу 1580 г., когда Курбский уже полтора года был женат на А.П. Семашковне. В том же 1580 г. у него родилась дочь Маруша. Не позд-

[1689] КГВ-12. Арк. 149 151 зв. (6 мая 1579 г.).

[1690] КГЛ-19. Арк. 81 (2 февраля 1579 г.), 109–110 (13 февраля 1579 г.), 169 зв. — 170 (15 марта 1579 г.).

[1691] КГВ-12. Арк. 123–126 (11 апреля 1579 г.).

[1692] *Ворончук І.О.* Родоводи... С. 289 (табл. I.56б). И. Ворончук отмечает, что это произошло «через три месяца» после развода князя Андрея с княгиней Марией Курбской. Это всё же неверно. Развод между супругами по постановлению Львовского сейма произошел в начале августа 1578 г. Ср.: *Ворончук І.О.* Населення Волині... С. 97.

[1693] КГВ-12. Арк. 133 зв. — 135 (27 апреля 1579 г.).

[1694] КГВ-12. Арк. 135 — 136 зв. (27 апреля 1579 г.).

нее начала декабря Мария Гольшанская должна была подать на бывшего мужа жалобу. Этот иск нарушал постановление от 30 декабря 1578 г., что позволило князю апеллировать к королевскому суду. Сроком явки сторон в Варшаву было 19 января 1581 г.[1695]

Княгиня разыскала земского возного, чтобы опротестовать существование каких-либо договоренностей от 30 декабря 1578 г. Григорий Вербский внес в луцкие гродские книги, что ни в тот день, ни на следующий Гольшанская не ездила к Курбскому в Миляновичи. Он застал княгиню в Бискуничах вместе с сыном А. Монтолтом. При них были также шляхтичи кн. Марк Сокольский и Януш Угриновский. Этого, по мысли М. Ю. Курбской Гольшанской, было достаточно, чтобы исключить существование приятельского договора. По словам княгини Марии, Курбский вызывает ее на королевский суд на Варшавский сейм «ку неякому запису менуючи, ижбы его от ее милости мети мел, вызволяючи его зо всего обжалованя ее милости урядовъного о многие речи, также и скарбы, маетности ее рухомую», тогда как никакого такого договора существовать не могло, «яко ся вышей поменило, ее милость у Бискуничох была, в которых днех якобы мели быти у князя Курпского во именью его Миленовичох и таковый лист альбо опис на себе ему там дати мела»[1696].

Из-за отъезда короля в Великое княжество Литовское судебные слушания были перенесены[1697]. Из жалобы, поданной княгиней 2 февраля для записи во владимирские гродские книги и 4 февраля в луцкие гродские книги, следует, что она перед королем опротестовала утверждения Курбского, что она подписывала с ним договор и признала его на Владимирском гродском уряде[1698]. Проверка владимирских книг за 1579 г. показала, что 31 января того года княгиня действительно подтвердила свой договор с бывшим мужем, заключенный 30 декабря 1578 г. и скрепленный ее подписью. Подстаростий владимирский Константин Курцевич дал княгине выписи из книг с текстом договора. Тогда княгиня Мария пришла на Луцкий гродский уряд и заявила там, что не была нигде у князя Курбского и не встречалась с ним лично («и у очи есми его не видала») с самого дня ее выхода из тюрьмы мужа с 1 августа 1578 г., никаких договоров с ним не заключала и 31 января 1579 г. во Владимирском замке подстаростему Василию Павловичу и судье Лазарю (Олизару) Иваницкому «запису ниякого не покладала, на уряде перед ними не была, и не толко в замку Володимерском, але и на Волыню в он час не была есми»[1699].

Обличительное выступление княгини Марии Юрьевны было нацелено не только на Курбского, но и на суды. 15 февраля 1581 г. луцкий возный Григорий Посник Иванковский так рассказывал о случившемся 2 февраля во Владимире. Он подал для записи в тамошние гродские книги кн. К. Курцевичу «лист его королевское милости отвороный» по делу М. Ю. Курбской. Ей следовало выдать «видимусы», т.е. выписки из актовых книг. Княгиня в гневе сказала судейским: «Дали ми ся знати першии урядники тутошние! Не были на мя ласкавы и видимусов выдавати не хотели!» На это подписок Мартин Приборский при князе-подстаростем и возном будто бы учтиво ответил ей, оглашая коррупцию на своем уряде: «Я в том Вашей Милости невинен. А тепер Ваша Милость лацно можеш мети видимусы, бо перед тым первшии подстаростии пан Василей Павлович руку держал князя Курпъского и велми того боронил, жебы видимусов Вашой Милости не давано»[1700]. Удар был нанесен не только по «договору 30 декабря 1578 г.», но и по всей системе возможной судебной защиты Курбского. Подстаростий Василий Павлович потакал («руку держал») Курбскому, и это признал сам судейский... Начало Владимирской гродской книги № 14 с записями до середины февраля не сохранилось, но дело тянулось еще в апреле, когда местный подстаростий кн. К. Курцевич сам внес запись в свою актовую книгу о том, что узнал от коллеги по Луцкому уряду, Мартина Приборского. Подписок рассказал о жалобе Г. Вербского, занесенной в луцкую книгу от 4 февраля 1579 г. Самого Вербского Мартин окрестил весьма язвительно: «...служебник ее милости, бывшое кнегини Андреевое Курпъское Марьи Юръевны Голшанъского, который се быть менует возным луцким»[1701]. И вот выясняется, что М. Приборский ничего плохого о В. Павловиче при Вербском не говорил, как последний заявил прямо на уряде («яко тот Вербъский смел змышлене и неправдиве на враде луцком сознавати»)[1702]. Вина падала или была своевременно перенесена в суде на неловкие обмены мнениями, иначе говоря — на сплетни и взаимные подозрения. Ва-

[1695] ЛМ-274. Л. 228.

[1696] КГЛ-23. Арк. 9 — 10 зв. (16 января 1581 г.).

[1697] ЛМ-274. Л. 228 — 228 об.

[1698] См. также *Итинерарий Курбского 16 января 1581 г., 2–4 февраля 1581 г.*

[1699] КГЛ-23. Арк. 55 — 56 зв. (4 февраля 1581 г.), 70 — 70 зв. (15 февраля 1581 г.).

[1700] КГЛ-23. Арк. 68 зв. — 70 зв., цит. с арк. 69 — 69 зв.

[1701] КГВ-14. Арк. 73 зв. (15 апреля 1581 г.).

[1702] КГВ-14. Арк. 74.

силия Павловича будто бы считали слугой Андрея Курбского и сказали об этом прямо при Григории Вербском, который на поверку оказывался чуть ли не слугой Марии Курбской. Жалоба княгини Марии метила в самое сердце судебного делопроизводства. Она упрекала судейских, что ей не выдаются «видимусы» по той причине, что судьи приняли сторону ее бывшего мужа, и это подрывало легитимность и самого соглашения 30 декабря 1578 г., которое стояло на пути к возобновлению судебного процесса в 1581 г. Показания Курцевича были призваны восстановить доброе имя судов, причем как Владимирского, где никто не отказывал в выдаче «видимусов», так и Луцкого, оболганного самозванным возным, а в действительности — слугой княгини Марии. Ясно, что суды оказались заложниками сложной судебной игры, из которой трудно было выйти с достоинством, и только взаимная поддержка Луцка и Владимира спасала положение. Но тень подозрений в потакании одной из сторон распавшейся супружеской пары пала на сами суды и на судебных чиновников. Сама княгиня могла вести дело так, как если бы теперь Владимирский суд в лице кн. К. Курцевича потакал ее бывшему мужу.

Курбский воспользовался сеймом, чтобы упрочить свои владельческие позиции, уже зная или подозревая, как именно его бывшая жена собирается оспаривать перед королем законность развода. 26 марта 1581 г. Лев Сапега принял для занесения в канцелярские книги Великого княжества Литовского "Przywiley na Kowel i na insze imiona kniazia Kowelskiego"[1703].

Наконец, 5 июня 1581 г. в Вильно королевский суд приступил к рассмотрению тяжбы. Истцом выступила Гольшанская, заявившая, что развод 1578 г. недействителен. Курбский напомнил о штрафе величиной в 17 тыс. кон гр. за возобновление дела о разводе и отказ от добровольной сделки[1704]. Но истицу это не остановило. Она изложила суду дело. Будучи вдовой, она вышла замуж за этого князя Андрея Курбского и, пока жила с ним в согласии, передала ему во владение много своей собственности. Вскоре после этого Курбский начал ее «з малжонства опущать, сажаючи ее до везенья и иншими немалыми окрутенствы трапечи, с которого, деи, везенья она не борздо за стараньем сына ее небожчика Яна Монтовъта и других приятелей ее выратована ест»[1705]. Претензии ее существенно возросли. Три года назад Мария Гольшанская была униженной женщиной, борющейся за свободу, свои права и собственность. Теперь же она — обманутая жена, ведь князь Андрей Михайлович «ее, малжонку свою венчальную з малжонства, не давши еи никоторые слушное причины, опустил и от себе отогнал»[1706]. Ее вина на приятельском суде в августе 1578 г. установлена не была, и значит, согласно II Литовскому Статуту (разд. V, арт. 18), ей должны быть возвращены ее имения и движимость. Курбский, отвергая эти претензии, ссылается на неподсудность дел о разводах и разделе имущества королевскому суду и на то, что развод был «слушный и водле права перед владыкою володимирским совершен»[1707]. Аргументы ответчика не выглядели убедительными: на *королевском суде* во Львове в июле 1578 г. подобных заявлений он не делал. Сторона же истицы не отвергала факт участия владыки в разводе и настаивала лишь на отсутствии в нем вины жены. А это означало бы, что в разводе виновен Курбский со всеми очевидными для духовного суда последствиями, которые должны были отразиться и на имущественных спорах, и на законности потомства Андрея Курбского в новом браке. Что касается имущественного вопроса, то он попадал в компетенцию короля, поскольку речь шла не просто о разделе собственности, что М. Ю. Гольшанская немедленно доказала.

Княгиня предъявила целый «букет» обвинений, с помощью которых можно было уничтожить репутацию не только ее бывшего мужа, но и всей его новой семьи. Согласно Марии Гольшанской, переводить дело в земский и духовный суд нельзя, так как Курбский «не ест обывателем здешнего панства», не может пользоваться шляхетскими правами, а должен, согласно Статуту (разд. III, арт. 9), нести службу с королевских пожалований «яко чужоземец». Однако кн. Андрей Курбский нарушил условия ленного права и не может передать по наследству даже *свое* имение Ковель, поскольку имел право передать его «по мечу» (сыну) «и то с правою малжонкою, яко з нею, а с тою, которую он при неи, живои малжонце своеи, з дому Семашкового понявшы, за жону собе быти почитает и вже з нею потомство девку мают, которая хотя бы ему и сына потом сплодила, кому бы тое право ленное служити мело, до того дедицства и ни до которого иншого, хотя бы што и за свои властные пенези набыл,

[1703] BCz. TN. N 88. S. 133–134 (запись в сборнике под № 22, привилей в «Инвентаре привилегий» значится последним — под № 16).

[1704] ЛМ-68. Л. 69 об.

[1705] ЛМ-68. Л. 67.

[1706] ЛМ-68. Л. 67 об.

[1707] Там же.

ноити не может»[1708]. Таким образом, дети Курбского должны быть признаны «заблудными»[1709]. Ссылка на арт. 23 разд. III Статута имела последствием заметный сдвиг обвинения: Курбский *одновременно* уличен и в разводе с его «виной», и в двоеженстве! В этой «вилке» особенно опасным для него было первое, поскольку оно подкреплялось отсутствием отпускного договора о взаимном согласии на новый брак бывших супругов... М. Ю. Гольшанская рассчитывала на победу и язвительно заметила, что А. М. Курбский не должен выплачивать штраф из сумм, полученных с ковельских владений: они в любом случае принадлежат не ему и после его смерти будут переданы королю. Завершив круг своей аргументации, относящейся к Ковелю, княгиня Мария показала, что она отстаивает не только свои, но и королевские интересы. Помимо развода и имущественных вопросов она борется за свою честь и требует — *только сейчас*, — чтобы Курбского судили и за обращение с ней[1710].

Кн. А. М. Курбский отпарировал следующим образом: арт. 9 разд. III Статута уже не действует, и чужеземцы пользуются правами и королевскими милостями «водлуг заслуг своих»[1711]. На всё остальное отвечать не стал[1712]. Тогда княгиня Мария Юрьевна по требованию суда продемонстрировала разводной лист, записанный епископом Феодосием в «книгах духовных» от 1 августа 1578 г. Вероятно, именно этот документ, подлинность которого при всей точности изложения обстоятельств дела всё же вызывает сомнения, осложнил дело. В тексте акта прямо говорилось о добровольном разводе обоих супругов, что бросало тень на логику истицы[1713]. Королевским решением расследование было перенесено к митрополиту киевскому, галицкому и всея Руси Онисифору Петровичу Девочке. Только после его окончательного решения следовало рассмотреть и остальные жалобы княгини Марии Гольшанской, а также заявление Андрея Курбского о положенном ему штрафе[1714]. 5 июня 1581 г. в Миляновичах в день королевского суда в Вильно, очевидно, в прямой связи с угрозой проиграть на процессе нечто большее, чем «вено» жены, он составляет завещание, записанное во владимирскую актовую книгу 10 июля[1715].

Явка на суд к митрополиту была назначена на 17 июля 1581 г. К этому времени у князя была отсрочка от судов на всё время Московского похода короля Стефана[1716].

Княгиня Мария Юрьевна приступила к делу немедленно. Уже 7 июля 1581 г. митрополит вызвал к себе для допроса епископа Феодосия[1717]. Составленное при содействии Феодосия завещание Курбского через два дня появилось во владимирской судовой книге. Борьба затянулась в связи с тем, что королевский декрет от 10 июня 1581 г. освободил князя от исков на время войны с Москвой, и у Курбского было законное основание не отвечать на первый вызов[1718].

Отношения между тяжущимися были накалены до предела. В июне–июле 1581 г. служебник князя П. В. Вороновецкий был проездом в Новогрудке. Он-то и отвез митрополиту письмо короля с отсрочкой дела. Когда Вороновецкий сообщил о переносе дела на неопределенное время Андрею Монтолту, тот, согласно жалобе Петра в суде, по совету своей матери, во главе вооруженного отряда в несколько десятков человек, в который входили также Ждан Миронович, Константин, Мартин, Коноть, Ян и др., совершил нападение на «господу», где остановились слуги Курбского. Завязался бой, в котором погиб слуга князя Григорий Войтович, был тяжело ранен Александр (Олешка). Ивана Пугача Монтолт убил будто бы собственноручно. Нападавшие захватили также коробку с деньгами, в которой было 500 зл. и 300 «старых» талеров. Монтолт просил перенести рассмотрение дела, согласно Статуту, в Новогрудок. Но Луцкий гродский суд отклонил апелляцию Монтолта со ссылкой на то, что он и его люди обвинялись не в вопросах

[1708] ЛМ-68. Л. 68. Следует ссылка на Статут (разд. III, арт. 23).

[1709] ЛМ-68. Л. 68 — 68 об.

[1710] ЛМ-68. Л. 68 об. Со ссылкой на постановление Варшавского сейма.

[1711] ЛМ-68. Л. 68 об.

[1712] У Курбского были и другие способы отвести сомнения относительно его гражданского статуса, которыми он не воспользовался. В привилегиях Сигизмунда II Августа ему на Ковель (от 25 февраля 1567 г.) и Смедынскую волость (от 23 ноября 1567 г.) его «права, свободы и вольности» приравниваются к тем, которыми пользуются «и иншии князе, панове и вси обыватели великого князъства литовского народу шляхетского» (ЖКЛВ. Т. 1. С. 12, 15; ср.: Там же. С. 171, где в веновой записи будущей третьей жене князь ссылается только на свои права в литовских владениях).

[1713] ЛМ-68. Л. 69 — 69 об.

[1714] ЛМ-68. Л. 69 об.

[1715] КГВ-14. Арк. 225 зв. — 229 зв. (10 июля 1581 г.), публ.: РИБ. Т. 31. Стб 523–540. Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 202–203.

[1716] КГВ-14. Арк. 236 зв. — 237 зв. (20 июля 1581 г.). Сама «листация» была подписана королем в Вильно 10 июня 1581 г.

[1717] ЖКЛВ. Т. 1. С. 203–204.

[1718] ЛМ-68. Л. 138 — 138 об.; ЛМ-67. Л. 111 об. — 112; КГЛ-28. Арк. 44 зв. (30 января 1582 г.).

имущества и недвижимости, «одно о нобите, нораненъе и замордоване товаришов того нана Вороновецкого». Кроме того, на руках Петра Вороновецкого уже были «вынисы» из новогрудских гродских книг, из книг «справ духовных» и из виленских гродских книг. В итоге Луцкий уряд принял его просьбу записать жалобу в актовые книги и назначить срок явки ответчиков[1719].

С военных сборов князя привезли больным «обложною хоробою», чем он и отговорился в ответ на второй и третий вызовы[1720]. Пока королевское войско мерзло под Псковом, кн. Андрей Курбский был недоступен для судебных исков. Впрочем, отложить рассмотрение иска бывшей жены надолго уже не удалось — митрополит Онисифор никаких новых проволочек не позволил. Князь знал, что существует опасность неблагоприятного для него решения митрополита. Игнорируя вызовы бывшей жены, он боролся против нее своими силами. Королевского привилея было недостаточно для отклонения главной претензии, подрывающей его право на завещание имений своим потомкам от брака с Александрой Семашко. Завещание также не решало проблемы — желаемое лишь выдавалось в нем за действительное. Князь оказался в положении двоеженца, что грозило переходом первенства в наследовании Ковельского замка и Криничинского фольварка к пасынку и падчерице, даже признанием Марины и других возможных в будущем детей от третьего брака незаконными, а при буквальном прочтении законодательства Речи Посполитой о двойном венчании — смертной казнью двоеженца и его второй супруги[1721].

В ответ князь нанес упреждающий — и тоже смертельный по своей потенциальной силе — удар, уже под прикрытием отсрочки от судебного разбирательства. Слуга князя господарский луцкий «землянин» Тимофей Зык Князский, судебный поверенный Ждан Чирский и Иван Семенович Ласкович[1722] дали показания о том, что летом 1577 г., во время болезни князя видели княгиню в объятиях своего воспитанника — слуги и домашнего секретаря Курбского Ждана Мироновича[1723]. Князю якобы сообщили обо всем только после его выздоровления, в августе. По его приказу, подписали показания: Князский — 5 сентября 1577 г.; Ласкович — 8 сентября 1578 г.; Чирский, со ссылкой на допос возного Яроша Жуковича Котельницкого от 20 июня 1577 г., — 20 июля 1581 г. Ясно, что единственная дата, не вызывающая сомнений в достоверности, последняя. Остальные являются продуктом более или менее убедительной фабрикации. Князь и его слуги могли надеяться, что для осуждения «чужеложницы» было достаточно получить показания свидетелей, в том числе — слуг потерпевшей стороны. Однако на практике Статут 1566 г. такой нормы не предусматривал, а компетенция духовного суда в таких процессах и тогда, и позднее, как показано в монографии Я. Середики об адюльтере в семье Миколая Дорогостайского, была ничтожной, и дела не получали хода[1724]. Впрочем, князь Андрей мог надеяться на что-то большее, да и готовился он явно к суду митрополита.

Первым заподозрил княгиню в измене якобы Ласкович[1725], но не стал никому рассказывать, пока, по случайности, не увидел всё явно. Князский изложил те же сведения, которые были получены в суде от Ласковича, и добавил, что узнал о распутстве княгини в ночь с 19 на 20 июня 1577 г. Из слов «землянина» выходит, что некоторые слуги Курбского и раньше подозревали его жену, считая ее причиной болезни господина, а также говорили о ее чародействе и неприязни к мужу[1726]. В тот же день, 20 июня, согласно донесению Чирского, к Курбскому в Миляновичи

[1719] КГЛ-28. Арк. 44 — 49 зв. (30 января 1582 г.), цит. с л. 48. Первый «вынис», видимо, от 25 июня 1581 г.: в тексте явно ошибочно 25 июня *1582 г.* Второй — от 27 июня 1581 г. П. Вороновецкий оставался в Новогрудке, по его словам, до 24 июля 1581 г. Однако конфликт с княгиней и ее сыном разыгрался, видимо, вскоре после 27 июня 1581 г. и еще до допроса митрополитом архиепископа Феодосия 7 июля 1581 г. Однако осмотр мертвых тел был записан в виленские гродские книги лишь 17 августа 1581 г. Показания в ходе следствия дали не только пострадавшие, но и отец, братья и дети убитого И. Пугача.

[1720] ЛМ-68. Л. 138 — 138 об.

[1721] *Сліж Н.* Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. Смаленск, 2015. С. 75–76.

[1722] Ласкович — представитель рода ковельских шляхтичей. Левко Ласкович получил от кн. Василия Михайловича Сангушко Секунь и Сушки в 200 коп гр. в обмен на Половицу Задыб и с правом Сангушко или его потомков выкупить за те же 200 коп гр. их Ковельское имение. Королева Бона, купив Ковель, аннулировала договор Ласковича с Сангушко и пожаловала Секунь и Сушки его сыну Михаилу «на вечные часы». В 1558 г. Михаил получил подтверждение Сигизмунда II Августа на свое имение. См.: ЛМ-37. Л. 231–233 (Вильно, 21 марта 1558 г.; текст привилея Боны под датой Гродно, 7 января 1553 г. на л. 231 об. — 232 об.).

[1723] КГВ-14. Арк. 238 — 239 зв. (3 акта от 20 июля 1581 г.), публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 145, 205–207, 210.

[1724] См. здесь ниже. Благодарю за ценные комментарии Н. П. Старченко.

[1725] Он называет дату «20 июня»: в актах «20 июля» — ошибка (ЖКЛВ. Т. 1. С. 205).

[1726] Там же. С. 209.

чи приехала делегация от Владимирского уряда для расследования дела о нападении на борти князя в Смедыни. Вопрос, якобы заданный большим князем возному Котельницкому, не только не относился к цели делегации, но и противоречил показаниям всех трех свидетелей «ноты» о пребывании Андрея Михайловича в неведении относительно внебрачных связей жены: «Естли бы, деи, его милость пане возныи што видил по малжонце моеи Мари Юревне Голшанской якую здраду ее до мене, яко мои слуги поведают, иж, деи, штос твоя милость видил»[1727]. Котельницкий рассказал историю о том, будто княгиню застали с любовником в ее имении Осмиговичах. Котельницкий, как и Ласкович, утверждал, что проснулся рано и на рассвете (около 4 часов утра) отправился в «светличку» Марии, «маючи порозумение в том, иж ее милость княгиня мяла великую бачность до того Ждану Мироновичу»[1728]. Возный тут же оговаривается, что целью столь раннего визита было не любопытство, а желание «в потребах своих от ее милости отправу имети»[1729]. Узнав об этом, князь заявил, что с такой изменницей в супружестве жить не будет[1730]. Вся история запретной любви бывшей жены производит впечатление сфабрикованной, и вряд ли она иначе воспринималась в середине 1581 г. Впрочем, если она так кем-то действительно была воспринята, это надо доказать, что теперь сделать не проще, чем тогда. Причем даже в качестве фальшивки весь этот «сор» может быть пригодным для истории «избы».

Митрополит оставил без внимания и чародейство, и измену жены, и ее заговор на жизнь мужа. Расстановка сил вокруг очередного разводного скандала зимой 1581–1582 гг. показала, что у кн. Андрея Курбского оставались еще друзья и средства воздействия на общественное мнение. Князь скрылся от митрополита и его слуг, а тот жаловался королю, что его посыльных Курбский приказывал бить и прогонять[1731]. 27 декабря 1581 г. посланник митрополита Федор Бережецкий заявил в городском уряде, что в воскресенье 24 декабря возный Ждан Чирский отказался участвовать в процессе о «слушности» развода Курбского и Голшанской. Чирский открыто заявил о своей преданности епископу Феодосию и князю и не пошел «ку поданью ему [Феодосию. – *К.Е.*] листа от его милости митрополита писанного до его милости отца владыки, узываючи его милость до себе на справу, которую мает ее милость княгиня Курпская о розвод опущенья стану малжонского»[1732]. Возный заметил, что уже относил подобный вызов: «... их милость на мене зазле мели»[1733]. Вскоре Бережецкий снова разыскал Ждана на рынке во Владимире и второй раз, более настойчиво, потребовал отнести приглашение в суд епископу. Возный возразил, что «то несветъская реч, але духовная», а главное, что он служит ответчикам. Литовский Статут запрещал слугам оговаривать своего пана[1734]. Слуга митрополита, натолкнувшись на такие, по его словам, потворство и пристрастие Чирского, начал искать других возных, но так никого и не нашел[1735]. Через неделю Чирский засвидетельствовал «обложную хоробу» своего князя, освобождающую его от вызова в суд (от 17 января)[1736]. Таким образом, благодаря бездействию Феодосия, которого судебные чиновники считали другом и пособником Курбского, князю удалось затянуть процесс. Было ли Курбскому невыгодно привлечь владыку к процессу? Или князь действительно настолько плохо себя чувствовал в связи с обострением, произошедшим в ноябре 1581 г., что не мог не игнорировать повестки в суд?

Своя версия была у истицы. Княгиня Мария Юрьевна отрицала законность всех проволочек ответчика. Ее уполномоченный Адам Мархач уличил на королевском суде Курбского во лжи. В поход против Москвы ее бывший муж не ездил: 23 июля и 15 августа 1581 г. его видели в Вильно в Пречистенской церкви на богослужении, а потом он поехал в свое упитское имение Кричичин, куда ему и возили второй и третий «позвы»[1737]. Во всех случаях суд признал уважительными причины неявки князя. В выписке из канцелярских книг, предоставленной княгине Марии Юрьевне, за основу была принята версия о законности первого уклонения по причине войны, но второй и третий вызовы признаны действительными[1738]. На процессе болезнь князя тоже получила подтверждение[1739]. О его болезни было объявлено королевским листом от 12 октября 1581 г., и причина того, что на поле боя он прислал только свой отряд, была признана ува-

[1727] Там же. С. 211–212.
[1728] Там же. С. 212.
[1729] Там же.
[1730] Там же. С. 213.
[1731] ЛМ-68. Л. 138–139; ЛМ-274. Л. 337.
[1732] ЖКЛВ. Т. 1. С. 218–219.
[1733] Там же. С. 219.
[1734] II Литовский Статут. Разд. 4, арт. 53. См.: *Старченко Н.* Честь... С. 99–100.
[1735] ЖКЛВ. Т. 1. С. 220.
[1736] Там же. С. 221–223.
[1737] ЛМ-68. Л. 138 об.
[1738] ЛМ-274. Л. 337 об. – 338.
[1739] ЛМ-68. Л. 138 об. – 139.

жительной[1740]. Все процессы против князя Андрея Михайловича должны были быть прекращены до возвращения короля. Этим объяснялось то, что в феврале 1582 г. было вынесено постановленье королевского суда потребовать от стороны истицы еще одного, но на сей раз последнего, вызова[1741].

Однако митрополит уже рассмотрел дело и признал правоту княгини Марии Юрьевны, что от его имени и было записано 15 февраля 1582 г., «иж тот розвод малженства не водлуг Писма Божъего и правил Светых Отец межи ними сталсе, кгдыж причин в Писме Божьем описаных, для которых бы розвод малъженства быти мел, з обу сторон собе не дали и не показали, а хотя бы теж и з слушных причин розвод малженства межи ними сталсе: тогды вжо князь Курпский, за живота ее, иншое жоны поимовати не мог, апи княгиня Курпская, также за живота его за иншого мужа пошли»[1742]. Митрополит утвердил решение, так и не определившись, на каком именно этапе князь «поймал за руку».

Церковь не одобряет разводов, тем более если хотя бы один из супругов состоит уже в третьем браке. Но переход «а хотя бы теж» в постановлении митрополита размывает решение главного вопроса, от которого, по королевскому предписанию, зависело то второе, в чем не сомневался церковный пастырь: даже если развод был законным, он не позволял ни одному из бывших супругов снова венчаться. Окончательное решение митрополита в пользу княгини Марии Юрьевны не устраняло этой двойственности: развод в 1578 г. состоялся или нет, но произошел он без «вины» княгини Марии и без права для обоих супругов на повторный брак. Семейная жизнь князя Андрея Михайловича оказалась под угрозой церковного запрещения и потери права передавать имения наследникам, рожденным в новом браке, т.е. вне законного брака. Соблюдая все меры предосторожности с тем, чтобы избежать его гнева, вооружившись охранной королевской записью, представители луцкого уряда и митрополита 16 марта 1582 г. съездили к князю Курбскому и вручили ему последний вызов сроком через 6 недель, начиная от даты вручения. Князь подчинился и принял условия короля[1743].

Результаты судебного рассмотрения были не столь драматичны для Курбского. Его третья жена и дети унаследовали его фамилию и имения. Но Гольшанская выиграла процесс, даже если Курбский считал иначе. Причем и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе. В краткосрочной — 23 августа Луцкий гродский суд принял от нее запись о том, что бывший муж отдал ей долг — 1 тыс. коп гр.[1744] 27 августа 1582 г. перед судом Новогрудка Мария заявила, что Курбский отдал ей долг в Луцком гродском суде[1745]. В долгосрочной же перспективе, через несколько лет после смерти князя Ковель будет отнят у Курбских и перейдет в руки новой семьи ее дочери, В.М. Козинской Збаражской, на момент конфискации Ковельского имения — жены краковского воеводы Андрея Фирлея[1746]. Догадывался ли князь, что такой могла быть развязка этого многолетнего противостояния? Вряд ли. В предсмертном завещании Курбского, составленном 24 апреля 1583 г., вопрос о взаимных претензиях его и бывшей жены был закрыт: «...тогды есми з ее милость угоду вечную взял подлуг митрополего декрету и листов межи нами даных, яко ж есть на них тое наше вечное постановленье достаточне описано, которая уже до мене и до маетности моее ничого не мает»[1747]. Подкуп знакомых, судебные проволочки, борьба со слугами митрополита, безуспешный поиск денег[1748], сопровождавшиеся значительными финансовыми тратами и нервными потрясениями, омрачили последние дни жизни Андрея Курбского.

1. Если в 1578 г. чародейство Гольшанской расценивалось как ее попытка расположить к себе охладевшего мужа летом 1577 г. и только как воз-

[1740] ЖКЛВ. Т. 1. С. 216–217

[1741] ЛМ-68. Л. 139; ЛМ-274. Л. 338.

[1742] ЛМ-68. Л. 138; ЛМ-274. Л. 336 об.; *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1842. С. 456–459. №14; АЗР. Т. 3. С. 228–229.

[1743] КГЛ-26. Арк. 240 зв. — 243, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 223–226.

[1744] КГЛ-26. Арк. 904 – 904 зв. (27 августа 1582 г.).

[1745] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 243.

[1746] Отношения между Варварой Козинской и Марией Курбской после смерти князя Андрея Курбского были неровными. Дочь должна была вернуть княгине Марии до 6 августа 1586 г. 500 коп гр., из-за которых к лету 1587 г. между ними разгорелось суровое противостояние. Проволочки в возврате долга привели к попытке матери захватить часть луцких имений своей дочери. Та сопротивлялась и чуть не попала под штрафные санкции удвоения долга. Долг должен был выплачиваться с волынских или литовских имений Козинской (КГЛ-37. Арк. 535–538 (14 июля 1587 г. Актовые записи в этом месте плохо сохранились: текст выцвел и трудно читается)). Продолжает княгиня Мария свой суд с дочерью, уже в качестве супруги краковского воеводы, в июле того же года, и на тот момент Гольшанская проживает в Осмиговичах (КГЛ-37. Арк. 599–600 (14 июля 1587 г. Акт также трудночитаем)).

[1747] ЖКЛВ. Т. 1. С. 238–239.

[1748] ЛМ-68. Л. 257–258; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 299.

можное намерение погубить его весной 1578 г., то уже в 1581 г. Курбская превратилась в виновницу болезни мужа, изначально и вплоть до последних событий замышлявшую на него недоброе. Эту неувязку в вопросе о степени осведомленности князя о намерениях жены можно было бы объяснить так: он подозревал, слуги — знали, но тема не обсуждалась. Хотя и в таком случае странно, что слуги случайно натолкнулись на измену в один и тот же день, но ничего не сообщили господину, и что в тот же день князь сам провел дознание, опираясь на неподтвержденные слухи. Причем Котельницкий выступил как свидетель преступления, совершённого тем же утром, о котором говорили Князский и Ласкович. Даже в том случае, если перед нами полностью сфабрикованное обвинение, невозможно пройти мимо наивных рассказов слуг о злом умысле Гольшанской, которые, на первый взгляд, имели к процессу лишь косвенное отношение: княгиня — виновница болезни мужа, она испытывала к нему неприязнь и пыталась его околдовать. Впрочем, налет цинизма в показаниях «свидетелей» не лишал этих показаний доказательной силы на суде митрополита. Прибавив к адюльтеру колдовство, можно было рассчитывать на утверждение состава преступления. Но почему вся эта история понадобилась Курбскому только «через 4 года»? В декабре 1578 г. он был, видимо, убежден, что, пойдя на материальные уступки насыпкам, он окончательно избавится от своего второго брака. Добившись решения суда, что в случае возобновления процесса его инициатора заплатит штраф в 17 тыс. коп гр., он наложил, как ему казалось, свинцовую печать на возможные уловки со стороны Гольшанской и ее родни. Испытав на себе вероломное несоблюдение договоренности, он воспользовался и со своей стороны «запретным приемом», направленным на достижение повторного — и более оправданного с точки зрения церкви — развода с «виной» жены.

2. Отказавшись признавать подлинность документов разводного процесса, Мария также совершила смелый и решительный шаг. Ей приходилось считаться с тем, что все возмущавшие ее акты занесены в гродские книги и тем самым обрели регулятивный статус. Тогда она наносит удар по владимирским гродским урядникам и аргументирует, что они пособничали ее мужу, заносили в актовые книги документы с ее поддельными подписями. Недобросовестные «вписы» и «выписы» из актовых книг были настоящим ветрием в условиях неустойчивой документальной легитимности. Подделать акт было нетрудно, особенно если в распоряжении фальсификатора оказывались перстень-печать жертвы, подписанные ею и сопровожденные ее печатью бланки-«мамрамы» и, главное, доступ к судебным служащим, которые не с неба спустились, а чаще всего были неотъемлемой частью шляхетского социума и участниками тех конфликтов, в которых выносили решения или принимали показания. В одной жалобе на далеком от Ковеля Жмудском уряде прозвучало обвинение в адрес писаря, которое заставляет насторожиться исследователей актовых книг и показывает, как правосознание упирается в двойное дно системы и видит в нем даже средство ведения дела в суде. Спор разгорелся между Яном Станиславовичем Шукштой и могущественным воеводой полоцким Миколаем Олехновичем Монвидом Дорогостайским и его женой Ганной Лавриновной Войняпкой. От Шукшты бежали его подданные, и он подозревал, что их приютили мещане во владениях Дорогостайских. В ответ на все упреки представитель ответчиков потребовал показать подлинные судебные записи о беглецах: «Абовем перед тым за писарства пана Флорыяна Беинарта много мембранов выходило, на которых хто хотел, собе небылые речы написал, а в книгах записано не было, и тот выпис на мембране есть написаны. Бо на другой стороне и того нет, яко звычай несет — кгды выписы с книг выдадут, написано будет скорыкгован и с книг выдан, чого на том выписе, иж не тогды сес с того значыт, же на мембране ест писаны. А в книгах того оповедания, кгды тые збеги пану Шукште утекли, записано нест»[1749].

Факт подделывания или принудительного получения Курбским согласия жены известен от января и мая 1578 г., когда Курбский от ее имени решал вопрос о принадлежности ее имений. С другой стороны, у нас нет и не может быть уверенности, что разрешения вести дела без ее участия в первой половине 1578 г. были результатом давления со стороны Курбского. И есть обстоятельства, которые были на руку княгине, когда она наносила удар по Владимирскому уряду. Там как раз незадолго до того сменились урядники, и не составляло труда списать все грехи на покойников. В том же смысле благоприятным для княгини был уход со сцены еще одного участника предшествующих баталий. Ее сына и представителя на приятельском суде в августе 1578 г. Яна Монтолта не стало между 6 июня и 6 октября 1580 г.[1750]

[1749] КЗЖм-12. L. 221–226v (9 февраля 1593 г. Обсуждаемый побег был объявлен в суде 10 мая 1587 г.).

[1750] ЖКЛВ. Т. 1. С. 184–189, 223–226; ЛМ-68. Л. 67. Служебник Полонии Зарецкой, жены Яна, Станислав Виский в начале следующего года жаловался, что при-

Последнее дело, по которому он проходил вместе со своим братом, было инициировано Павлом Згличинским (Зкличинским), мужем их двоюродной сестры Анны (Ганны) Яновны Монтолт-Згличинской. Отец Анны Ян Якубович Монтолт женился вторым браком на княжне Варваре Александровне Порыцкой и в вено с приданком записал ей 4 тыс. коп гр. на замке и посаде Коблинском и на селах Подгайцы и Аршичин. После смерти Яна Монтолта Варвара вновь вышла замуж за Александра Богдановича Семашко. Еще до брака с П. Згличинским ее падчерица Анна Монтолт, в первом браке — княгиня Любецкая, продала ей «на часы вечные» луцкие имения «замок и место» Коблин и названные выше села за 4 тыс. коп гр. из веновой записи и еще 5 тыс. коп гр., получив право распоряжаться деньгами как ей вздумается. На деле право Анны на эту сумму сомнительно. Она сама признавалась, что попала в зависимость от семьи мачехи и ее нового мужа, могущественного подкомория владимирского[1751]. Однако деньги были явно нужны Анне, чтобы выплатить долги своего покойного отца[1752]. Выйдя замуж, А. Я. Монтолт вместе с П. Згличинским вступила в сделку с Семашко и получила от них компенсацию — право на 300 зл., или 120 коп гр., с имения Бужаны[1753]. Еще 800 зл., или 320 коп гр., ей были обеспечены с имения и мельниц в с. Поповичах и частично отданы, а частично переведены на Бужаны[1754]. Против сделок Анны неоднократно выступал К. Ледницкий, который, в частности, доказывал, что, еще состоя в первом браке, она передала свое право на имение Млынов своим двоюродным братьям Яну и Андрею Монтолтам. На это Анна отвечает, что «того всего николи ани в помысле и в ведомости мое не было»[1755]. Двор и село Млынов с приселками, а также имение Липую передала ей мачеха после смерти отца, а та вернула ей имения за 3 тыс. коп гр., что было закреплено обширной записью в актовые книги[1756]. Луцкое имение Липую Анна продала «на часы вечные» А. Б. Семашко и его жене, своей мачехе, за 4 тыс. коп гр.[1757] Пять лет спустя Анна созналась, что при содействии своих двоюродных братьев изменяла мужу. Взамен за их помощь она обещала выкрасть дарственную запись своего отца, по которой имения Коблин, Млынов, Липая отходили его второй жене[1758]. Третья жена А. М. Курбского, А. П. Семашко приходилась, видимо, двоюродной сестрой А. Б. Семашко[1759]. В таком случае интриги детей Марии Гольшанской были направлены не только на возвращение имений, потерянных после смерти их дяди Я. Я. Монтолта, по одновремен-

ехал с письмами от каштеляна виленского О. Б. Воловича и от королевского скарбного, старосты упитского Ивана Семеновича Зарецкого к княгине М. Ю. Курбской-Гольшанской. Когда он зашел в дом Федора Шимковича Склеиского, там его неласково встретил Андрей Монтолт — «словы неучтивыми зсоромотил», жестоко «збил и зранил», отнял лисью шапку и саблю. Причина ссоры неизвестна, но можно предположить, что Андрей после смерти Яна стремился взять под свой контроль дела матери и брата. См.: КГЛ-23. Арк. 1 — 1 зв. (13 января 1581 г.).

[1751] КГВ-8. Арк. 142 зв. — 152 зв. (4 акта от 5 июля 1574 г.); КГЛ-15. Арк. 64–66 (17 февраля 1575 г.). Акт сделки оформлен в Белой Крыинце 15 июля 1572 г. Продажа — на Кременецком гродском уряде 20 июля 1572 г. Затем, в начале июля 1574 г. по просьбе Анны акты сделки были переписаны в книги Владимирского гродского суда. Вскоре после этого в Луцкий уряд подал жалобу Казимир Ледницкий (умерший к началу 1575 г.), который заявил, что продажа была совершена по принуждению: Семашко и его жена держали Анну в тюрьме, вымучивая из нее акт о сделке. В начале 1575 г. Анна поясняет, что ничего подобного не было, что она получала от А. Б. Семашко только помощь и поддержку, о чем заявляла на Кременецком и Владимирском гродских урядах. Это заявление свидетельствует о зависимости Анны от Семашко. Странным образом оформлена продажа замка с селами. Огромная сумма, якобы полученная за имения, легла на плечи Анны Монтолт как штрафная санкция за отказ от сделки, что было откровенно на руку покупателям — она обязалась заплатить за разрыв сделки, не считая судебных издержек, 5 тыс. коп гр. «заруки» королю и еще 5 тыс. — «стороне противной», т. е. семейству Семашко.

[1752] За ее долг в 714 коп гр. Я. Я. Монтолт заложил имение Золочов Габриэлю (Кгабриелю) Прусиновскому. 5 июля 1574 г. Анна продала Прусиновскому это имение за 2 тыс. коп гр. См.: КГВ-8. Арк. 154 зв. — 157 зв.

[1753] КГЛ-15. Арк. 66 зв. — 67 (запись и договор от 17 февраля 1575 г.).

[1754] КГЛ-15. Арк. 67 зв. (запись кассации от 17 февраля 1575 г., договор — в книгах гродских владимирских). Суммы с Бужан не хватило бы, чтобы оплатить долг Я. Я. Монтолта в 714 коп гр. Габриэлю Прусиновскому, за который Прусиновскому было отдано с. Золочов. Анна, выйдя замуж, продает «вечностью» Золочов тому же Прусиновскому за 2 тыс. коп гр. См.: КГЛ-15. Арк. 68 — 70 зв. (17 февраля 1575 г., договор в Луцке 13 февраля 1575 г., явка для записи — 14 февраля 1575 г.).

[1755] КГЛ-15. Арк. 70 зв. — 71 (17 февраля 1575 г.).

[1756] КГЛ-15. Арк. 71–74 (запись от 17 февраля 1575 г., договор в Белой Крыинце 15 июля 1572 г. — перенесен из кременецких гродских книг).

[1757] КГЛ-15. Арк. 75–77 (запись от 17 февраля 1575 г., договор в Белой Крыинце 15 июля 1572 г. — перенесен из кременецких и владимирских гродских книг).

[1758] В записях 1575 г. подобный акт не упоминается. Говорится о правах Анны Яновны на владения отца и на их договорную передачу Варваре Порыцкой-Семашко.

[1759] Ср.: *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). 2-е вид. С. 144, 156; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 231–232.

по и на борьбу против новой семьи их бывшего отчима. Но их двоюродная сестра призналась на суде в преступлениях перед мужем и планируемом воровстве. Ян Монтолт как раз в этот период исчезает из источников, и возможно, косвенные источники еще покажут, по каким причинам и как именно это сказалось на новом процессе в распавшейся чете Андрея Курбского и Марии Гольшанской[1760].

3. В показаниях слуг Курбского на его жену вторым виновником супружеской измены был представлен ее слуга. Он не случайно был выбран на роль разрушителя семьи. Писарь Ждан Миронович доставил князю много беспокойств. Он был общим секретарем Курбских и имел доступ к их документам. По предположению И. Ауэрбах, Ждан входил в литературный кружок А. М. Курбского и, в частности, участвовал в создании Вольфенбюттельского списка «Нового Маргарита»[1761]. В июне 1578 г. Ждан передал часть документов на Дубровицу Яну Монтолту[1762]. По словам служанки княгини Раины, он и был посредником между ее госпожой и Яном Монтолтом. Князь почему-то не сразу престал доверять секретарю. И неожиданно для него Ждан сбежал с расписками, «декретами» и «листами судовыми», унеся с собою также «готовых килка десят мамрамов с печатю и с подписом руки его милости князя Курпского». На писаря тут же «повесили» сомнительную уже по одной ее формулировке «сумму» – несколько сот кон гр. Мария Гольшанская смело взяла ответственность на себя и поручилась на сумму в 10 тыс. кон гр., обещав выставить на суд под своей опекой беглеца через 4 недели начиная с 1 октября 1578 г.[1763] Ее смелость достигла результата. Ждан остался при ней. О том, как писарю удалось оправдаться, сведений нет. Позднее он получил от княгини запись на денежное вознаграждение[1764], а 28 июня 1590 г. участвовал на стороне А. Фирлея и его жены В. М. Козинской в нападении на село Белин бывшего служебника Курбского Кирилла Зубцовского[1765].

4. История «адюльтера» бывшей жены была провокацией, организованной в ответ на ее провокацию, и преследовала частично достигнутую цель: доказать вину бывшей жены, законность нового брака и права детей на наследование? В ряду событий разводного процесса намечается, тем не менее, цепочка «улик», которая складывается из недомолвок, сама недосказанность которых выглядит многообещающе.

Московские послы: «Курбский княгини не любил и не жил с нею».

Дело Раины: найден мешочек с чарами, «але ден то не отрута, одно для того, иж бы ее князь миловал».

Три года спустя: судебные поверенные видели четыре года назад писаря Ждана Мироновича и княгиню «на одном ложку лежачи и псоту чинечи».

Адюльтер бывшей жены мог послужить опорой для князя в спасении нового брака и родившихся в нем наследников. Князь явно не выбирал обвинений. Оскорбительное для чести княгини обвинение звучало крайне болезненно, не только для нее, но и для самого князя. Любовные интриги служили основанием для судебных расследований и расправ, однако суровый

[1760] Приходится признать не подкрепленной фактическими данными нашу идею о том, что Ян Монтолт был казнен (как и то, что на него была выдана «баниция») (ср.: *Ерусалимский К. Ю.* История одного развода: Курбский и Гольшанская // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2003. Вип. 3. С. 169. Примеч. 88). Вместе с тем гипотеза И. Ауэрбах, что М. Ю. Гольшанская подала иск по настоянию ее сына Яна, по той же причине не может быть признана обоснованной. В судебной аргументации княгини он фигурирует как покойник. Этим же фактом можно объяснить провал апелляции Курбского относительно штрафных санкций в связи с нарушением договоренностей о разделе имущества. Судя по всему, к тому моменту, когда княгиня Мария Юрьевна начала новый процесс, ее сына не было в живых уже несколько недель (ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 238). Ян Монтолт хорошо прослеживается перед тем по источникам. Встречается его имя в «податной» документации. В 1570 г. заплатил налогов со своего имения Коблина с приселками с 30 домов в местечке по 2 гр., с 23 садов по 1 гр., с 6 полей по 10 гр., с 61 дыма по 10 гр., с 67 «огородников» по 2 зл, с 10 мельниц по 24 гр. и еще с 2 мельниц по 12 гр., с 2 бояр путных по 20 гр., с 4 водочных шинков по 6 зл. – всего на 40 зл. 15 гр., но оказался в числе должников по имению Бискупе, которое к тому времени уже могло быть владением его младшего брата (ASK-I. N 31. K. 266–266v, 275). Об имущественном стутусе его брата, Андрея Мантолта, говорит выплаченный им налог за имение Бискупе, наложенный по постановлению Варшавского сейма 1579 г., в сумме 14 зл. Сразу после его счета в «Реестре выбирания побору» значится выплата Романа Козинского и его сестры Варвары с имения Заборовья (ASK-I. N 31. K. 53–53v). Почти такая же сумма в 13 зл. и 4 гр. была заплачена «Паном Мантолтом Младшим» (Pan Mąntolth Młodi) с того же имения десятью годами ранее (Ibib. K. 171v). По реестру налогов за 1577–1578 гг. с Андрея Монтолта причиталось за Бискупе 7 зл. 6 гр. (Ibid. K. 338v). За 1582 и за 1583 гг. – по 17 зл. 9 гр. (Ibid. K. 520, 600).

[1761] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 28–29.

[1762] КГВ-11. Арк. 90 зв.–91; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 311. Anm. 13; s. 384.

[1763] ЖКЛВ. Т. 1. С. 144–146.

[1764] ЖКЛВ. Т. 2. С. 291–293.

[1765] ЖКЛВ. Т. 2. С. 216–217.

самосуд и страшные судебные кары всё чаще звучали эхом в пересказах и отголосках[1766].

Дело не только в том, что в «деле» Курбских показания свидетелей супружеской измены звучали сомнительно, а сам вопрос был обоюдоострым и деликатным для обоих супругов. В местном традиционном праве на Волыни всё еще сохранялись общественные идеалы, родственные западным феодальным представлениям об экономически полноправной женщине, свободно дарящей себя рыцарю[1767]. Замужество скорее было освобождением от власти отца, чем переходом под власть мужа: жена, получая «вено» и «привенок», становится правоспособной собственницей с широкими судебными полномочиями, независимой канцелярией и свободой на вступление в обязательства[1768]. Свободная «ренессансная» любовь замужней женщины вписывалась в этику рыцарского общества и не была в Речи Посполитой исключительным явлением[1769], хотя законодательные источники и декларировали конкурирующие друг с другом жесткие религиозные и светские меры наказания за измену.

5. Роль церковных властей в разводе, особенно в 1578 г., представляет еще одну загадку. Гольшанская, если верить жалобе Монтолта в июле 1578 г., развелась с мужем уже к тому времени, т.е. до приятельского суда. Однако князь отпускать ее не собирался, что его насыпок объяснял материальными соображениями. Церковная власть в этом одностороннем разводе была представлена епископом Феодосием. Через 4 года митрополит Онисифор признал его действия незаконными. Развод Курбских отличается слабой документированностью и той неформальностью, которая дала Гольшанской зацепку для повторного иска. Во-первых, в «разводном листе», если таковым можно считать запись о мировой сделке А. М. Курбского с Я. А. Монтолтом, отсутствует пункт, в котором бы муж разрешил жене снова выйти замуж, а жена бы, как в деле Яна Глинского с Катериной Крик в 1581 г., «с стану малженского выпустила и вольным учинила на часы вечные и дала ему вольность з другою жоною ся оженити»[1770]. Формальное разрешение нового супружества, в принципе, позволило бы сторонам искать пути преодоления христианского положения о законопреступных браках, начиная с третьего. Отсутствие в разводном листе подобной записи не снимало с обоих супругов вериг закона, поскольку, согласно апостолу Павлу, жена «не разделяется [*глосса:* не отрешается або не распущается] живу сущу мужу, ани другаго приводет мужа, ани другой брак имеет»[1771], а муж, согласно Христу, не может отпустить от себя жену, не доказав совершённого ею прелюбодеяния, иначе сам становится прелюбодеем[1772]. Во-вторых, как уже было упомянуто, обязательство сторон (30 декабря 1578 г.) после развода обратно «до малженства» не «притегати»[1773] было безнаказанно нарушено Гольшанской. В-третьих, Гольшанская настаивала, что она законная «венчальная малжонка»[1774], но о духовном разводе супругов сведения противоречивы, — Курбский заявлял, что Гольшанская должна помнить решение епископа Феодосия, Гольшанская ссылалась на акт того же епископа и приводила его полный текст по своей копии на королевском суде с тем, чтобы он был записан в канцелярскую книгу, однако этот документ составлен на основании приятельского развода и не содержит никаких следов рассмотрения дела и записей об обязанностях сторон после его подписания.

С другой стороны, епископ Феодосий (Лазовский) был специалистом в области фиктив-

[1766] Соотечественник Курбского Андрей Кашкаров в конце 1560-х гг. угодил в тюрьму за то, что убил шляхтича, которого подозревал в прелюбодеянии со своей женой. Слух об этом в 1571 г. дошел до московских послов (СИРИО. Т. 71. С. 807). На Варшавском сейме в январе 1581 г. канцлер Ян Замойский комментировал попытки московских послов разделить шляхту и отрядить в свою пользу часть Ливонии, раскрытые сейму знатным московским пленником Демеиной Черемисиновым. Замойский привел изысканное и, видимо, знакомое шляхте насмешливое сравнение. Царь в своих усилиях напоминал прелюбодейку, которая убегает вместе с прелюбодеем от своего мужа и по дороге разбрасывает рассеченное тело своего сына, чтобы задержать преследование (BJ-3705. K. 4v–5; SWSB. S. 290).

[1767] *Kelly J.* Women, History and Theory. The Essays of Joan Kelly. Chicago; London, 1984. P. 26–27, 116; *Бартелеми Д. и др.* История частной жизни. Т. 2. Европа от феодализма до Ренессанса / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби; пер. с фр. Е. Решетниковой, П. Каштанова. М., 2015. С. 147–172.

[1768] *Левицкий О.* Черты... С. 53–68.

[1769] *Seredyka J.* Księżniczka i chudopachołek: Zofia z Radziwiłłow Dorohostajska — Stanisław Tymiński. Opole, 1995.

[1770] *Bardach J.* Studia... S. 286–290, 296, 301.

[1771] NM. Bd. 2. F. 258v/5–259v/1. См. также л. 257 об./22 24, 258/7–9, 261 об./10 12, 262/15–18. Запрет, согласно которому жена не имела права «отпустити мужа своего», отразился в IX каноне Василия Великого (*Николай (Ярушевич), иеромонах.* Церковный суд в России до Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). (Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древнерусском церковном суде): Историко-каноническое исследование. Пг., 1917. С. 176–184).

[1772] NM. Bd. 2. F. 255v/15–17, 256v/12–16.

[1773] *Bardach J.* Studia... S. 291.

[1774] ЛМ-68. Л. 67 об.

ных разводов. В августе 1568 г. он разводил другого харизматического православного рыцаря, друга Курбского, Василия Петровича Загоровского и его первую жену, Марушу Миколаевну, княжну Збаражскую. Маруша на суд не явилась и прибегла к помощи брата Януша, чтобы отобрать свои имения у мужа. Нетрудно обнаружить сходство между разводными историями Загоровских и Курбских. Епископ заочно освободил Загоровского от жены. Кн. М.А. Збаражский, возмущенный дарственными записями, выданными его дочерью мужу после свадьбы, во многом способствовал прекращению их совместной жизни и предложил развестись по «листу угоды». Второй брак Загоровского с княжной Катериной Ивановной Чарторыйской также оказался неудачным, и он готовил документы для развода, но 9 марта 1577 г. попал в татарский плен, где и умер через 3 года. Узнав о его смерти, Катерина и Маруша принялись судиться за его имения — сначала у Феодосия, затем у митрополита, который направил их обратно к епископу. 21 апреля 1581 г. служебник Януша Збаражского спросил Феодосия, действительно ли он разводил Загоровского и Збаражскую, и получил ответ: «... розводу жадного не чинил <...> и благословения жадного не давал на ожененє иншою жоною»[1775]. 24 февраля 1583 г. он дал такой же ответ на запрос о «розводных листах» брату княгини Катерины Юрию Чарторыйскому[1776]. В ноябре 1583 г. прошли последние судебные заседания по делу Загоровского. Интересно, что Збаражская на суде пользовалась одновременно нормами и Евангелия, и Статута 1566 г., обвиняя бывшего мужа и его вторую жену в преступном сговоре[1777]. Все контраргументы защитников Чарторыйской были отвергнуты, но после того, как они передали Феодосию таинственное письмо (с угрозами или посулами), решение было принято в их пользу[1778]. Дело продолжалось до 1590-х гг. Как видно, Феодосий в нужный момент сослался на то, что развода и разрешения на новый брак не давал. Так же можно было отговориться и в деле Курбских. В обоих случаях совершены были одни и те же ошибки при составлении разводных листов — епископу даже не требовалось отказываться от собственных актов. Если таковые и существовали, то достаточно было, например, уничтожить их в своих духовных книгах записей и открещиваться от существования копий[1779].

6. Заявление Гольшанской о том, что ее бывший муж держит Ковель и другие имения незаконно, было сильным, но странным аргументом. Этим она сказала нечто большее, чем требовалось для получения вена[1780]. Если она рассчитывала отсудить часть имений мужа, ей, казалось бы, следовало, наоборот, настаивать на его правах и опровергать только законность бракоразводной сделки. Вместо этого она прибегла к провокации, и Курбскому пришлось отвечать через ее голову. Если перед нами спланированный упреждающий удар с целью «добить» ослабевшего в судебных процессах князя и лишить его и его наследников «доброго имени», то время выбрано очень удачно. Князь часто болел, и постоянно возникавшие слухи о его смерти свидетельствуют об интересе придворных к вероятному переделу его имущества[1781]. После смерти его наследство какое-то время оставалось в руках опекунов его вдовы и детей, но неизбежен был удар по законности самих наследников. И он был нанесен в 1589 г. Княгиня Александра Курбская лишилась всех ковельских владений мужа, а затем Биржанского войтовства и почти всех сел в Упитском повете Великого княжества Литовского. В актах появились формулы об уходе Курбского «з сего света без прыстойного потомъка»[1782]. Дети Марина и Дмитрий были рождены не от волынского магната-старосты, а от обычной шляхтянки княгини Александры Курбской-Семашко Ярославской и ее мужа кн. Андрея Курбского Ярославского[1783].

7. Параллельно с затянувшимся разводом Курбских на Волыни развивалась еще одна, еще более длительная семейная драма. К.К. Острожский держал взаперти свою племянницу Галшку Ильинчину Острожскую-Гурскую и от ее имени распоряжался ее имуществом. Как уже

[1775] АЮЗР. Ч. 8. Т. 3. С. 336–337.

[1776] Там же. С. 338–339.

[1777] Матф. 19: 1–12; 1 Кор. 7: 1–16; Статут IV.56, V.18, VI.14, 52, IX.6, XI.2. См.: АЮЗР. Киев, 1859. Ч. 1. Т. 1. С. 174.

[1778] АЮЗР. Ч. 1. Т. 1. С. 178, 180; Ч. 8. Т. 3. С. 341–342, 344–345.

[1779] На то, что Феодосий уничтожал документы из духовных книг, ссылались в своей жалобе от 30 апреля 1589 г. многие из тех, кто выступали свидетелями на разводе Курбских в августе 1578 г. Якобы более чем за 10 лет до своей жалобы представители владимирского капитула просили епископа «“правие поступовати», чем вызвали вспышку гнева: Феодосий «того нам не допустил, и овшем заборонил, и никоторых священников посохом збил, для чого до того часу мусели есмо быти терпливыми» (АЮЗР. Ч. 1. Т. 1. С. 242–243, 361).

[1780] Статут Великого Князьства Литовского 1566 года // Временник Императорского Московского ОИДР. М., 1855. Кн. 23. С. 112.

[1781] AJZ. T. 2. S. 302, 304.

[1782] ЛМ-77. Л. 29 об. (Вильно, 12 июля 1589 г.).

[1783] См. главу «Потомки и Лже-Курбские».

говорилось, еще в мае 1579 г. клан наследников кн. С. Ю. Гольшанского выступил в Луцком гродском суде с иском против Острожского с требованием вернуть треть Степанского замка и его волости. Среди прочих в числе жалобщиков была княгиня М. Ю. Курбская-Гольшанская. Осенью 1581 г., когда основные военные силы республики находились в лагере Стефана Батория под Псковом, группа волынских и литовских магнатов выступила с протестом против домашнего ареста Галшки. Инициаторами выступления были воевода волынский, староста любецкий кн. Андрей Вишневецкий, воевода брацлавский, староста кременецкий и пинский кн. Януш Збаражский, воевода троцкий, державца сомилишский, жослепский и дорсунишский кн. Стефан Корибутович Збаражский, воевода минский Миколай Павлович Сапега, его брат каштелян брестский, староста гомельский Богдан Сапега, от княгини Анны Чарторыйской Заславской староста ранштанский Северин Бонар и его жена Раина Остафьевна Волович, державца вилкейский кн. Александр Полубенский и его жена княжна Зофья Гольшанская, ее сестра княгиня Мария Курбская-Гольшанская, Олизар Кирдей Мыльский и его жена Ганна Гольшанская и сестренец княжен Гольшанских кн. Иван Соломерецкий. В декабре в Луцком гродском суде появилась запись от имени этого могущественного блока, в которой, в частности, говорилось, «иж его милость князь воевода киевский, маючи и держачи в себе воеводину позъпанскую панюю Лукашовую з Кгорка кнежну Галжку Илъянъку Острозскую, не ведати, за якимь правомь шафунок именъям ее чинит и долги на них вносит, привлащаючи то собе, яко бы был паном дедичным, до которых они имении сут прирожоными и близкими и на них приходят»[1784]. От уряда они потребовали найти в гродских книгах «записы» от Галшки на свои имения или какие-либо другие свидетельства прав К. К. Острожского на собственность Галшки. Король поддержал требование и предписал просмотреть книги и выдать просителям необходимые «видимусы»[1785]. В этом противостоянии «всех против одного» Мария Гольшанская приняла сторону своей многочисленной родни. Лидерами протестной группы оказались многие противники А. М. Курбского, среди них А. И. Вишневецкий, М. П. Сапега. Точка зрения самого Курбского на этот конфликт неизвестна, но можно предположить, что он был на стороне своего друга и господина К. К. Острожского.

В свете этих событий складываются в особую линию интерпретации многие детали развода. Выступление О. Б. Воловича против Курбского на Львовском сейме 1578 г., оскорбления в адрес князя со стороны М. П. Сапеги в августе 1578 г., разросшийся накануне развода и ставший одним из импульсов для драматического развития событий конфликт между Курбскими и Мыльскими, возобновление магнатской войны между Курбским и Вишневецким — всё это части борьбы эмигранта-московита с единым могущественным кланом, который в то же время разворачивает наступление на кн. К. К. Острожского с целью ослабить его позиции на Волыни и в целом в Речи Посполитой. Эта перспектива не содержит ясных и непротиворечивых ключей к поступкам княгини Марии и князя Курбского, но она позволяет увидеть в самом фоне событий более значительный разлад, чем противостояние за Ковельское имение. И эта же версия гипотетически намечает тот путь интерпретации, который открывает в сближении Курбского с Острожским еще один подтекст, помимо старой дружбы и совместных интеллектуальных проектов. Если спроецировать расстановку сил на Волыни на 1577–1581 гг. на семейную жизнь Курбских, то мы увидим, что между супругами в этот период пролегла граница, разделившая два крупнейших клана, ведущих борьбу за доминирование на восточных землях Короны Польской.

***

Подведем итоги. Благодаря своему браку Курбский и Гольшанская, об эмоциональных взаимоотношениях которых до 1576 г. почти ничего не известно, сумели решить личные проблемы и увидеть новые общие перспективы. Гольшанские входили в число девяти фамилий волынских «головных княжат», сохраняя к середине XVI в. часть своих княжеских привилегий (кроме них в это число входили Острожские, Заславские, Сангушко, Вишневецкие, Збаражские, Чарторыйские, Четвертенские, Корецкие)[1786]. Брак с представительницей этого рода поднимал престиж московита и возвышал его над местной шляхтой. С этих пор судебные чиновники иногда называли Курбского «вельможным»[1787]. В офи-

[1784] КГЛ-24. Арк. 177 зв. — 180 зв. (18 декабря 1581 г.), здесь л. 178 об.

[1785] КГЛ-24. Арк. 179 — 180 зв. Письмо короля датировано из лагеря под Псковом, без указания месяца, 23 числа 1581 г. Вероятно, речь идет об октябре или ноябре 1581 г.

[1786] *Соболев Л. В.* Князь К.-В. Острожский... С. 47–48.

[1787] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 227–228.

циальных документах он примерно со времени своей женитьбы на княгине Дубровицкой Гольшанской писался Курбским Ярославским. Рождение ребенка, причем не обязательно сына, позволило бы им создать могущественную династию с обширными владениями в Литве и на Волыни. Перелом в отношениях между супругами, по мнению И. Ауэрбах, начался после 29 августа 1574 г., когда ее сыновья Ян и Андрей Монтолты были наделены имуществом: Андрей Андреевич мог затаить зло на отчима уже тогда, так как Курбский выкупил у жены за символическую сумму (150 кон гр.) предназначенные юному шляхтичу имения Шешоли и Крошты; а Ян Андреевич — когда мать в период своей болезни, в марте 1576 г., записала мужу во владение ту самую половину Дубровицы, которая должна была после смерти ее первого мужа перейти его старшему сыну[1788]. Вряд ли до 1577 г. насыпки представляли серьезную угрозу для князя. Он, согласно его показаниям, подозревал их в злом умысле против матери, до последнего момента (до жалобы о покраже документов от 25 августа 1577 г.) изображая ее соратника в борьбе против детей. Но его предположения, высказанные в ходе судебного разбирательства, были уже частью игры, в которой слова и действия сторон провоцировали, сбивали с толку, скрывали *другое*. Отправной точкой развития противостояния скорее всего следует признать период болезней супругов 1576–1577 гг. Показание Раины (июнь 1578 г.) о мешочке с колдовскими снадобьями «для любви», даже если это выдумка или навязанное ей Курбским вступление к истории о попытке отравления, может свидетельствовать о том, что княгиня на самом деле или в восприятии мужа стремилась воспользоваться помощью знахарок для рождения ребенка. Картина отношений в семье Курбских, возможно, изменилась еще до болезни княгини, когда после нескольких лет совместной жизни стало ясно, что богоугодными способами этот вопрос не поддается решению. Женитьба князя в апреле 1579 г. на А. П. Семашковне и скорое рождение у него дочери и сына отвечают этим предположениям[1789]. Можно только гадать, было ли выступление княгини Марии в 1581 г. против законности развода игрой третьих лиц, шантажом самой княгини с целью наживы, ее местью мужу за новый брак, ответом на рождение у него дочери, местью за смерть сына. Следует рассматривать еще и ту возможность, что целью княгини Марии или стоящих за ее спиной лиц было создание предлога для конфискации волынских владений Курбского. Ковель был предметом соперничества, и уже к 1576 г. между магнатами велась борьба за этот замок. В 1580 г. родственник Радзивиллов магнат Григорий Остик, в 1575 г. предлагавший Ивану Грозному помощь в достижении польского трона в обмен на этот замок, был казнен по обвинению в государственной измене[1790].

Противостояние между Курбским и Гольшанской не было бы таким ожесточенным, если бы его не сопровождала «информационная война». Насыпки Курбского к июлю 1575 г. уже охотились за документами, которые он старался держать под надзором своих урядников и секретарей. Возможно, этот контроль усилился после того, как их отношения окончательно испортились и перешли в состояние скрытой войны. Несмотря на осторожное участие в этих событиях на стороне мужа княгиня не могла спокойно отнестись к перспективе передать родовые документы в его полное распоряжение. С этого сомнения требуется начать новую ветвь рассуждений: помогала ли она детям до 1577 г. или для нее кража документов была лишь ответом на оскорбительное заключение в Ковле? Учтем и тот факт, что укравший бланки Курбских в 1575 г. Матфей Гинейко был, как считала сама Гольшанская, ее слугой. То есть могло ли быть ее окружение заинтересовано в том, чтобы поддерживать Монтолтов? В руках у князя «мамрамы» были надежным оружием против своеволия жены, поскольку он пользовался правом вступать в сделки от ее имени. Уже в разгар ссоры она приложила максимум усилий, чтобы руками слуг (и обрекая их на смерть в случае поимки) получить назад свои документы.

Здесь необходимо отступление для констатации еще одной возможности. Еще фактически до королевского суда, на котором должна была решиться судьба семьи Курбских, 3 июля 1578 г. Ян Монтолт заявляет на Львовском сейме, что «таковое обтяжливости не хотечи кнегини матка

[1788] Ibid. S. 213.

[1789] Хотя третья жена, по сравнению с Марией Гольшанской, не отличалась ни высоким происхождением, ни родственными связями с высшей знатью, род Семашко был весьма влиятельным на Волыни (*Kamieński A.* Kariera rodu Siemaszków... S. 179–201). Из ближайших родственников Александры Петровны подкоморий владимирский Александр Семашко имел земельные владения во Владимирском и Луцком поветах (см.: ASK-I. №31. K. 170–171v, долг по оплате за имения см.: k. 275; см. также: k. 341v–342, 353v–354, 523).

[1790] ПК-79-10. Л. 139 — 139 об.; AJZ. T. 2. S. 304; *Tazbir J.* Zdrada po staropolsku. S. 16. Наши наблюдения о связи «дела Остика» с убийством В. С. Заболоцкого см. в главе «Последний день Владимира Заболоцкого».

его терпети, водле обычаю костела божъего греческого принесла вызволенье от князя Курпского з малжепъства перед особами певными духовными»[1791]. Это заявление заставляет серьезно отнестись к вопросу о том, что односторонний развод (со стороны Гольшанской) мог произойти уже до 3 июля 1578 г. В таком случае наиболее вероятно, что Курбский препятствовал завершению бракоразводной процедуры, что Монтолты объясняли алчностью князя. Вся история в свете этой версии приобретает новую сюжетную линию: если князь знал о решении жены, то его имущественная и судебная деятельность рубежа второй половины 1577 — первой половины 1578 г. оказывается не предысторией разрыва, а его следствием или попыткой предупредить жену.

В условиях давления со стороны Монтолтов, настроивших против него общественное мнение, Курбский проявляет невиданную расточительность. Он продает Збаражскому Осмиговичи, с Мыльскими вступает в выгодные для них переговоры — эти действия, предпринятые им во время заключения жены, не поддаются однозначной оценке. Рассчитывал ли он временно заложить земли, пока был вправе с формального согласия жены ими распоряжаться, чтобы получить по этим сделкам деньги и затруднить затем жене выкупные операции? Нельзя исключить и совсем другое объяснение: он мог провоцировать жену на конфликт, чтобы ускорить получение развода с ее «виной»[1792]. В таком случае его авантюра частично удалась, поскольку именно тогда (август 1577 г.) часть документов, по не тех, в которых нуждалась княгиня, были у него украдены при ее содействии и переданы прокуратору. В мае 1578 г. была предпринята попытка еще одного ограбления. За какие-то документы тяжба продолжалась еще и в 1579 г., да и в иске княгини 1581 г. также говорится о документах, так и не возвращенных Курбским.

Инициировали и провоцировали скандал на разных его этапах не одни и те же лица. Бракоразводный процесс создавал всё новые роли и затягивал в них всё новых исполнителей. Развод произошел только после декрета короля, за волеизъявлением которого следует искать кого-то из его ближайших советников. Московские послы указывают на О. Б. Воловича. Это свидетельство вероятно, но оно не поддается расшифровке из-за обилия неточностей в рассказе послов. Других документов, говорящих о прямом участии Воловича в истории развода, мы не имеем. На основании данных о его владениях, личных и политических связях можно сконструировать совершенно различные сценарии его вмешательства. Во-первых, если принять на веру информацию «статейных списков», Волович мог начать содействовать Монтолтам после того, как узнал о содержании львовской обличительной речи Я. А. Монтолта 3 июля 1578 г. Во-вторых, он был причастен к обустройству эмигрантов из России, явно нес из-за них убытки и мог поддержать неприязненное к ним отношение в связи с подготовкой к московскому походу[1793]. В-третьих, жена Воловича Федора Павловна Сапежанка была дочерью сестры княгини Марии Гольшанской Олены (Александры) Юрьевны, и подканцлер, как уже говорилось, был заинтересованным лицом в борьбе за наследство Гольшанских. Своими договорами с другими участниками его раздела Курбский проявил непозволительную самостоятельность не только по отношению к жене, но и к другим наследникам, что и могло повлечь реакцию могущественного канцлера[1794].

[1791] ЛМ-272. Л. 74 об. — 75, публ.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1842. С. 409.

[1792] Согласно арт. 18 разд. V Статута 1566 г., «пакли бы жона винна найдена, тогда виесенье и оправу свою тратить» (Статут Великого Князьства Литовского 1566 года... С. 112). Покража женой (или ее подставными лицами) вещей мужа была достаточным основанием для возбуждения разводного процесса в русских землях еще во времена «Устава Ярослава» (*Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 2002. С. 196–197). Но в источниках нет признаков того, что Курбский использовал дела о кражах непосредственно в разводном процессе.

[1793] Стефан Баторий наделял московитов детей боярских, например, Войну Захаровича, Исака Степановича, ленными земельными владениями в пределах Брестского староства, где со времен Сигизмунда II Августа арендатором был Волович (ЛМ-63. Л. 74 — 74 об., 147 об. — 149 об.; Д. 64. Л. 294), а королевского фаворита В. С. Заболоцкого в старостве Кобринском (ЛМ-58. Л. 58 — 59 об., 111 об. — 113 об., 139 — 139 об., 158 об., 231–232; ЛМ-63. Л. 116 — 116 об., 151 — 152). Канцлер получал компенсации в других землях, и подобные обмены воспринимались как махинации, наносящие вред интересам коренной шляхты (ЛМ-60. Л. 162 — 162 об.; *Skwarczyński P.* Stanowisko cudzoziemcow w dawnem prawie polskiem koronnem. Lwow, 1932. S. 14–15, 18–19, 27, 35 ff; см. также в нашей монографии "Natione Moscus"). Дело Курбских стало удобным случаем, чтобы проявить солидарность со шляхтой. Кроме того, львовская речь Яна Андреевича была рассчитана на создание образа князя Андрея Михайловича как тирана в семейной жизни и, по всем признакам, носит пропагандистский характер.

[1794] Впрочем, принимать сообщение московских послов на веру не обязательно. Не менее вероятно, что сведения об активной борьбе О. Б. Воловича против кн. А. М. Курбского являются очередным дипломатическим демаршем Панов рады, направленным на развитие доверительных отношений между Воловичем и царем.

За голосом мужа в данном случае только с трудом можно различить голос жены, однако недостаток слов компенсируется поступками, в которых слабость — сильный и действенный аргумент[1795]. Да и княгиня Мария Юрьевна не была в этом конфликте слабой или только угнетаемой стороной. Из обрывочных и неоднозначных свидетельств различных источников возникает портрет деятельной и энергичной женщины. Вступив в третий брак, княгиня решила многие свои финансовые и имущественные трудности. Она вытеснила арендатора из своего имения и учинила ему судебную расправу. При поддержке Курбского она продолжала борьбу за «наследство Гольшанских». У нее — собственные слуги, своя канцелярия, доступ к документам, хранящимся в канцелярии мужа. Она рискует если не жизнью, то честным именем, когда решается на кражу (даже если изъятие семейных бумаг из канцелярии мужа было сочтено за таковую только им), а затем отказывает ему, когда тот предлагает полюбовную сделку. Она тайно пересылается письмами и документами со своими детьми, предположительно тайно от мужа разводится с ним, перемапивает на свою сторону бывших своих и его слуг, благоволит к одному из его секретарей или — что тоже под вопросом — вступает с ним в любовную связь и заставляет его бежать от господина. Она устраивает заговор, когда муж отправляется в ее родовое владение. Поняв, что против нее муж использует в процессе ее служанку, она поворачивает показания той против него самого и заставляет его отступить. Она возобновляет процесс и добивается в нем новых успехов почти через четыре года после развода. Примечательно, что супруга «московита» не была согласна на роль безмолвной и незаметной статистки во всей этой истории, и принимала активное участие в борьбе за свои интересы и интересы детей, не став при этом и пассивной исполнительницей их воли.

Помимо наиболее активных участников процесса — Курбского, Гольшанской и Монтолтов обращают на себя внимание также светские и церковные власти (король, митрополит Онисифор, епископ Феодосий), слуги и судебные чиновники, от позиций которых, видимо, зависели результаты расследований, а также поиск, подбор и возможная фальсификация документов. Приятельские отношения Курбского и Феодосия способствовали тому, что процесс затягивался, что было на руку князю[1796]. Епископ был участником других бракоразводных процессов того времени, и его закулисной деятельностью, видимо, объясняется несоблюдение ряда формальностей при составлении разводных листов Курбских (особенно каких-либо записей о каноническом разводе и разрешении вступать в новые браки). Это не повлияло на скорое решение Андрея Михайловича жениться в третий раз, поскольку он получил развод по решению короля и обезопасил свои отношения с бывшей женой штрафными санкциями. Почему же это не помогло ему в 1581 г.? Княгиня не понесла никаких наказаний за новый иск, и этот иск отличается от предыдущих тем, что Курбский представлен в нем как государственный преступник, нарушающий законодательство о собственности и службе. Только изменившееся мнение самого короля о разводе, санкционированном при его участии, могло поставить князя в такие трудные условия. Митрополит Онисифор, по всей видимости, также принял сторону княгини Марии. Его действия в 1581–1582 гг. заставляют думать, что ему уже до суда всё было понятно и он считал явку Курбского лишь необходимой формальностью для утверждения своего приговора. Курбский воспользовался тем, что судебная процедура нарушена, но, видимо, он считал свое положение обреченным и протянул скорее «неправдами», чем «правдами» почти год, прежде чем королевский вызов выпудил его прийти к митрополиту.

Канонические аргументы, на которые Курбский мог рассчитывать в том случае, если бы церковь искала вину одного из разводящихся, не попали в цель. В русских окраинах Речи Посполитой, как и в Польше, дьявол и колдуны не были объектами систематических преследований церкви, а в быту «чары для любви» и других целей, прямо не связанных с ересью и «темными силами», не вызывали подозрений, поскольку

[1795] Ср.: *Duby G., Geremek B.* Passions communes. Entretiens avec Philippe Sainteny. Paris, 1992. P. 92.

[1796] Кроме того, у Феодосия были собственные счеты с княгиней Марией Курбской и Монтолтами. Второй муж Гольшанской М. Т. Козинский и его жена Мария Юрьевна, княжна Гольшанская, арендовали у предшественника Феодосия — епископа Иосифа некое церковное имение в Луцком повете (Владимирского владычества), за которое обязались выплачивать десятину по 8 коп гр. в год. В год брака Курбского и Гольшанской (1570 г.) Ян Монтолт как старший из братьев обязался на Владимирском гродском уряде выплачивать Феодосию или любому последующему иерарху надлежащую сумму или отдать владыке на замену другое имение. К 1577 г. накопился долг в 56 коп гр., о чем 7 декабря 1577 г. была сделана запись в книги гродские луцкие. Возможно, эта жалоба была уже частью каких-то переговоров между Феодосием, Курбскими и Монтолтами. См.: КГЛ-17. Арк. 810 — 810 зв.

применялись зачастую вперемежку с ритуалами, внешне сходными с христианскими. Несмотря на то что обвинения в использовании колдовства для отравления и нанесения материального ущерба были нередки в судебной практике, магические средства привлекались для поиска преступников, денег, скота, борьбы с природными катаклизмами[1797]. «Колдовской» аргумент в судебных спорах не имел такого большого значения, как в России XVI–XVIII вв.[1798] Отношение же общества к прелюбодеянию в Московском государстве, Великом княжестве Литовском и Короне Польской в основном совпадало. Совершение этого греха наказывалось разводом с «виной» преступника. В Московии муж был обязан развестись с неверной женой[1799]. В шляхетской Литве для прелюбодейки предписывалась казнь «горлом». В Короне муж был волен поступать с неверной женой как ему вздумается[1800]. На Волыни Статут не содержит предписаний о наказании за подобные проступки, а обычное право, как мы видели, слабо поддерживало строгость церковных норм. В 1578 г. Курбский и Гольшанская разводились в соответствии с местными светскими обычаями, действовавшими в Великом княжестве Литовском, а затем в Короне Польской, несмотря на частые запреты королевской и митрополичьей властей[1801]. Князь готовился обвинить жену в измене православию, но для Марии Юрьевны это вряд ли было страшно: во-первых, она была известна как ревностная христианка; во-вторых, на королевском суде во Львове, где ее дети быстро захватили инициативу, ни мешочек с зельем, ни подозрения в измене не могли иметь никакого значения и, по-видимому, даже не были упомянуты. В 1581–1582 гг. обстоятельства изменились. Обвиненный в неканоническом разводе, князь был вынужден отстаивать третий брак, в котором он стал отцом наследницы. Канонический ресурс, в 1578 г. лишь едва намеченный в обвинениях Курбского, вышел на первый план именно потому, что предыдущие действия церковной власти были признаны нелегитимными, а значит, своими «свидетелями» князь не столько старался устрашить или унизить Гольшанскую, сколько подтвердить перед лицом митрополита каноническую обоснованность сделки о разводе.

Качества *Московита*, приписываемые Курбскому в источниках, также нельзя не принимать во внимание. Его происхождение играло против него. Его и его поверенных не признавали на судах. Пинская шляхта как раз накануне его разрыва с женой объявила о поддержке «своего» Мыльского. Недоверие, окружавшее князя, переживалось им тяжело. Он сожалел о православном отечестве (но вряд ли о прошлом политическом подданстве), жалел самого себя, окруженного «бедами и напастьми от ту живущих человеков и всякими ненавистьми»[1802]. Недоступность его имений для посторонних была все-таки заметнее, чем у других шляхтичей. Но сведений, что упреки Монтолтов справедливы, не обнаружено: тюрьму Курбский использовал для подданных, но не для жены, которую на всем протяжении процесса постоянно видят в разных владениях свободной. Ничем, кроме исков *якобы* потерпевшей стороны, не подкрепляются заявления о склонности князя к использованию физического насилия в отношениях с женой[1803]. «Московские» черты поведения Ан-

[1797] Не следует преуменьшать страх перед колдовством в волынском обществе 1570-х гг. Известны примеры возбуждения исков по одному только факту колдовства. Например, 25 ноября 1568 г. уже знакомый нам кн. Д. А. Козека просит о получении «возного» или «вижа» на слушание дела девушки Ганны, которая, «деи, служечи в жоны моей Катерины Фроицъковны Фалчевскою, жону, деи, мою чаровала и трутизну на нее справовала» (КГВ-З. Л. 153–154).

[1798] *Tazbir J.* Obraz heretyka i diabła w katolickiej propagandzie wyznaniowej XVI–XVII w. // KH. 1981. R. 88. Z. 4. S. 939–953; *Bylina S.* Magia, czary i kultura ludowa w Polsce XV i XVI w. // ORP. Wrocław, 1990. R. 35. S. 39–51; *Bogucka M.* Gender in the Economy of a Traditional Agrarian Society: the Case of Poland in the 16th–17th Centuries // APH. T. LXXIV. Gender Studies. Warszawa, 1996. P. 12; ср.: *Райан В.Ф.* Баня в полночь. С. 67–70, 591–607; *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000; *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. Нельзя согласиться с И. Ауэрбах, что Курбский, отводя в 1581 г. «попытке отравления» место на задним плане иска, стремился спасти бывшую жену от смертного приговора или не был уверен в своей правоте. Представляется, что это был просто недостаточно веский аргумент в сложившихся обстоятельствах, когда князю пришлось выполнять сразу две задачи: отстаивать права на имение и закреплять третий брак (*Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 240–241).

[1799] *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997. С. 24.

[1800] *Bogucka M.* Staropolskie obyczaje w XVI–XVII wieku. Warszawa, 1994. S. 71–72.

[1801] *Bardach J.* Studia... S. 265–268.

[1802] History. P. 174; NM. Bd. 1. F. 6v/15–7/2.

[1803] Впрочем, даже отказываясь вслед за И. Ауэрбах рассматривать «Домострой» как источник представлений Курбского о семейном насилии, мы обнаруживаем в «Новом Маргарите» суждение о трех этапах укрощения «срамной» жены: «...первие накажи... потом обличи... третъее достойно есть, ижбы была казнення

дрея Михайловича обнаруживают также в его манере общения и обращения со служебниками. Ругался князь так, что его слова иной раз «вызнавали» устно на допросах, но в судебные книги не вносили, указывая, что свидетель в случае надобности их может произнести[1804]. Но как именно это (и, видимо, что-то еще в его поведении) сказывалось на его отношениях с женой, понять невозможно.

Семейные идеалы и фантазмы, социальные связи и частные интересы, политические расчеты и безотчетные эмоции причудливо и противоречиво сочетаются в «большом времени» одного разводного процесса. В 1578 г. сторона Марии Гольшанской объявляла, что княгиня стремилась вырваться из супружеского заточения и заблаговременно развелась в одностороннем порядке. В 1581 г. уже сама Гольшанская выдвинула версию, что заточением и насилием Курбский добивался от нее развода. С формальной точки зрения развода вообще так и не произошло (в 1578 г. документы составлены некорректно, а в 1582 г. постановление принято лишь по материальному иску), но формальности в этой правовой области были еще в процессе становления. Правовая «лакуна» оказалась на руку тому, на чьей стороне была церковная власть в лице митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси. Впрочем, дела о разводах до инициатив митрополита Онисифора Девочки не были на Волыни сугубо церковной компетенцией, и церковная власть не претендовала на контроль над ними. Остается только догадываться, не было ли вызвано оживление высшей церковной власти в защите семейных ценностей сугубо конъюнктурным желанием утвердить свое право принимать решения в этой области в условиях недоверия или полного равнодушия к ее решениям. Придание церковному законодательству большей строгости, предпринятое митрополитом Онисифором, было на руку М. Ю. Гольшанской и тем, кто стоял за ее спиной, если кто-то действительно стоял. В конечном счете Гольшанская добилась своего, оставшись законной «княгиней Курбской» и лишив мужа права на законное потомство. Для митрополита же дело Курбских было тем более удобным, что позволяло расправиться с оппозицией в лице епископской власти, особенно если учесть, что Феодосий Лазовский открыто заявлял о своей поддержке Курбского.

Не меньше противоречий, и тоже в свою пользу, разрешал князь Андрей Михайлович. Комментарии к его «Новому Маргариту» показывают, что читатель поучения Иоанна Златоуста «О розводе жен» не признаёт законным не только третий, но и второй брак: «ибо ани два або три ребра выпял Господь от боку мужа, и две або три сотворил жены»[1805]. Курбский попытался обойти канон, представив жену как чародейку, воровку и прелюбодейку. В слове «О розводе жен» есть один подтекст, который мог косвенно помочь князю. Муж и жена у людей, как там говорится, рождаются из разных утроб, в отличие от «летающих некоторых», и причина этому в том, что «Бог воистинну мужа и жену сотворил детородия ради»[1806]. Брак Андрея и Марии Курбских не выполнил божественную миссию[1807]. Бог, наказавший супругов отсутствием потомства, подсказал, что разрешить канонические противоречия может только развод[1808].

яко раба [*глосса:* невольница], коя срамлятися не умеет, яко свободна», т.е., по Соломону, «жестокую жезлом бий» (NM. Bd. 2. F. 256/11–17). Похожая схема применяется и к внешним врагам христианства, которые в период правления царя и Избранной рады были подчинены ему: «И произволение человеческое Господь прещедрый паче добротою наводит и утвержает, нежели казнею; аще ли же уже зело жестоко и непокорно обрящется, тогда прещением, с милосердием смешенным, наказует; егда ж уже неисцелено будет, тогда казнит на образ хотящим беззаконновати [*глосса:* да прочие не беззаконствуют]» (History. P. 120; уточнения по: ОР ГИМ. Увар. №301. Л. 53; НИОР РГБ. Тихонр. №569. Л. 504; ОР РНБ. Санкт-Петербургская духовная академия №309. Л. 86 об. – 87).

[1804] КГВ-5. Л. 235 об.

[1805] NM. Bd. 2. F. 253v/18–20, 255v/3–4. Курбский называет великую княгиню Соломонию Сабурову богоданным «ребром» законопреступника Василия III в «Истории» (History. P. 4).

[1806] NM. Bd. 2. F. 253v/26–254/1. «Безчадие» было недостаточным аргументом для канонического развода (*Николай* (*Ярушевич*), *иеромонах*. Церковный суд... С. 211–213).

[1807] Колдовские силы, к которым будто бы обращалась княгиня Гольшанская в интимных целях, по мнению «литературного» Курбского, уже однажды привели к трагедии — вселению дьявола в московский княжеский род. Старик Василий III с женой «юною сущею» искали чародеев для помощи в совершении зачатия, которое было невозможно без содействия колдовства. В итоге родились два сына «за помощию их от прескверных семян, по произволению презлому (а не по естеству от Бога вложенному)»: один губитель страны, а другой дегенерат (History. P. 202–204).

[1808] См. также: *Ворончук І.О.* Населення Волині... С. 68. А.И. Филюшкин справедливо отмечает, что для подтверждения данной версии недостает источников: «Наиболее сомнительным выглядит тезис о наследнике — нигде и никогда Курбский не упрекал Гольшанскую в бесплодии» (*Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 103). Впрочем, формально ни один суд не признал бы в качестве довода в пользу развода бес-

Московское государство и Речь Посполитая. Карта, по состоянию на 1580 г., итинерария князя Андрея Курбского (сост. Виктор Темушев, Дмитро Вортман).

Потомки и лже-Курбские

В этой главе предпринят комплексный анализ сведений о потомках кн. Курбского. Когда исследование только задумывалось, наибольший интерес для автора представляла судьба документального архива и книжного собрания А. М. Курбского, особенно тех материалов, которые вошли в состав популярного в России Сборника Курбского. Однако вскоре надежды на доказательную локализацию его протографа, в период после смерти автора и до проникновения книги или ее частей в книгописные мастерские московской аристократии, исчезли. Оставались окольные пути «случайных упоминаний», идти по которым, учитывая степень изученности источников, было всё равно, что искать иголку в стоге сена. Поиск ответов на вопросы о формировании и хранении семейного архива, библиотеки и личных сочинений князя заставил, за неимением лучшего, обратиться к источникам, из которых сложились историко-генеалогические сюжеты.

Делопроизводственные документы московских приказов, посольские материалы России и Речи Посполитой, геральдические сочинения, переписка знакомых Курбских, акты Литовской Метрики и волынских судов содержат ценные и часто малоизученные сведения о потомках князя Андрея Михайловича. Сразу отметим, что, во-первых, нам удалось охватить в этом исследовании, помимо опубликованных источников, лишь часть документальных собраний,

плодия жены. А если бы признал, это противоречило бы православной семейной этике и не нашло бы поддержки ни в светском законодательстве, ни в традиционном праве Волыни и Великого княжества Литовского. С другой стороны, даже понимая недостатки фрейдизма и бихевиоризма, их прямолинейности и произвольности в истолковании связи между подсознанием, рациональным мышлением и поступками, всё же невозможно пройти мимо того факта, что и Курбский своими обвинениями жены в колдовстве и адюльтере, и сама М. Ю. Гольшанская своими словами о рождении у Курбского «девки» в новом браке дают повод видеть в их семейной драме завуалированный конфликт из-за отсутствия общих наследников и несогласия по поводу наследования семейного имущества.

в основном хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов; во-вторых, несмотря на первоначально выбранное направление работы, ее цель изменилась, и вопрос об архивах и книгах, ранее подчинявший себе остальные ее аспекты, теперь занимает лишь равное с ними место. В то же время история рода Курбских Ярославских в конце XVI–XVII вв., переход Каспера Крупского и выезд его сыновей на русскую службу превратились в отдельные сюжеты. Связь между историко-архивоведческой и историко-генеалогической линиями исследования, конечно, не утратилась и потребовала от нас специальных замечаний, приведенных в конце данной главы.

***

Н. М. Карамзин ничего не знал о потомстве князя Андрея Курбского. Оно, конечно, существовало. Это чувствовалось — подсказывала интуиция или даже мелькавшие перед глазами украинских и белорусско-литовских современников имена. На мысль о потомстве наводили поиски историка-архивиста Н. Ф. Калайдовича, так и не реализовавшегося на поприще публичной науки В. Ф. Тимковского и отнюдь не праздный интерес к этой теме высокоучёного современника Карамзина, волынского епископа Стефана Романовского. Тем не менее вплоть до начала 1840-х гг. образ «Сына Курбского» формировался главным образом литературным воображением. «Сын» этот оброс бурными фантазиями, взяв на себя миссию восполнить незаконченные дела своего отца, — отмстить Отечеству, погибнуть от руки русского, доказать невозможность для русского жить в эмиграции[1809].

Впервые разысканиями в области генеалогии А. М. Курбского занялся близкий к кружку Н. П. Румянцева историк В. Ф. Тимковский в 1815–1816 гг.[1810] Прежде всего он отметил со ссылкой на «Польский мир» Ш. Окольского общее положение дел: «Князь Курбский оставил после себя сына, которого имя, звание и участь нам неизвестны, но который, по уверению одного Польского Писателя, в доблестях уподоблялся своему отцу»[1811]. Тимковскому было также известно львовское издание гербовника «Корона Польская» К. Несецкого. Оттуда он почерпнул данные о Курбских Ярославских, неясным для него способом восходящих к Андрею Михайловичу как к их общему предку: маршалке упитском Дмитрии, владельце крипицком маршалке упитском Андрее, гродском судье упитском Иване и княжне NN, бывшей замужем за Михаилом Купцевичем[1812]. Историку начала XIX в. были известны сын Андрея Михайловича Дмитрий-Николай Андреевич, Андрей и Ян Дмитриевичи Курбские. При этом должность Д. А. Курбского вслед за источником названа им неверно, а «Княжна NN

[1809] *Ващуро В. Э.* «Сын Курбского» // Русское подвижничество. М., 1996. С. 159–169.

[1810] О нем см.: *Ерусалимский К. Ю.* Книга Василия Тимковского о князе Курбском // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 380–383; *Его же.* «Ужасный перелом служебному пути»: В. Ф. Тимковский и движение декабристов // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 140–158.

[1811] *Тимковский В. Ф.* Опыт... Л. 130 (с. 251).

[1812] *Тимковский В. Ф.* Опыт... Л. 130 — 130 об. (с. 251–252), 137 (с. 267). Ссылки приведены по изданию: *Niesiecki K.* Korona Polska. Lwów, 1733. T. 2. S. 752. Идентичный текст см.: Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego S.J. powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza. Lipsk, 1840. T. V. S. 465–466. Источником для К. Несецкого в данном случае послужили сведения В. Виюк-Кояловича. Краткая заметка о Курбских читается в издании: *Wijuk-Kojałowicz W.* Herbarz Rycerstwa W.X. Litewskiego tak zwany Compendium czyli O Klejnotach albo Herbach których Familie Stanu Rycerskiego W Prowincyach Wielkiego Xiestwa Litweskiego zażywają / wyd. "Herolda Polskiego". Kraków, 1897. S. 143–144. В этом издании, осуществленном Ф. Пекосинским, помимо А. М. Курбского указан только "Dimitr Kurpski Iarosławskj marszałek Upitski" (Ibid. S. 144). Однако К. Несецкий ссылается на В. Виюк-Кояловича, как будто именно у него говорилось, что наследниками А. М. Курбского были Дмитрий, Андрей, Ян и княгиня N (*Niesiecki K.* Korona Polska. S. 752). Как отмечает М. Антонович, Войцех-Альберт Виюк-Коялович (1609–1677) начал свои генеалогические штудии не позднее 1640-х гг., уточнял сведения, которые содержались как у Б. Папроцкого, так и у Ш. Окольского, и подготовил две версии гербовника: польскую ("Compendium" — в настоящее время в: BCz. N 1740) и более полную латинскую ("Nomenclator familiarum et stemmatum M. Ducatus Lituaniae" — в настоящее время в: BCz. N 1741); причем Ф. Пекосинским в 1897 г. была опубликована польская версия полностью, а в 1905 г. латинская версия только до раздела "Komar", но К. Несецкий в своем гербовнике опирался на рукописный вариант "Nomenclator" (*Grala H.* "*Ex Moschonia ortum habent*". S. 113; *Antoniewicz M.* O recepcji twórczości heraldycznej Wojciecha Wijuka Kojałowicza w XVII–XIX wieku // Prace naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Seria: Zeszyty Historyczne. 2000. Zesz. VI. S. 5–14, особенно s. 6–9; *Dacka I. M.* "Korona polska" Kaspra Niesieckiego: Pomnik staropolskiego piśmiennictwa heraldycznego. Warszawa, 2004. S. 26–27 (в данном исследовании местонахождение рукописи "Compendium" указано неверно). Издание гербовника В. Виюк-Кояловича оказалось доступным для нас благодаря любезной помощи Дариуша Домбровского (Торунь).

Курбская», состоявшая в браке с М.Я. Кунцевичем, жила около середины XVI в. и не имеет отношения к потомкам А.М. Курбского[1813].

В 1819 г. на Волыни епископ Стефан Романовский собирал сведения о потомках А.М. Курбского. В письме архиепископу кишиневскому Димитрию Сулиме от 28 августа 1819 г. он признавался, что «никто не знает, чтобы кто оставался и теперь в живых из потомков князя Курбского»[1814]. Просмотр волынских актовых книг несколько компенсировал отсутствие результатов при устном опросе — в двух приложениях к своему письму епископ Стефан переписал акт от 2 июля 1590 г., в котором прямо упоминаются жена А.М. Курбского и их сын Дмитрий[1815], и акт Августа II Стефану Лещинскому от 30 декабря 1713 г. с текстом привилея Сигизмунда II Августа 25 февраля 1567 г. А.М. Курбскому на ковельское владение[1816].

Только в 1824 г. появились первые печатные материалы о предполагаемых внуке и правнуках Андрея Курбского. Благодаря публикациям К.Ф. Калайдовича и Н.Г. Устрялова была открыта связь между литовской линией потомков князя и Курбскими, выехавшими в Россию из Польши к 1686 г.[1817] К.Ф. Калайдовичу были известны данные книги 1686 г. и, возможно, столбцы дела от 17 декабря 1690 г. из фонда дел о выездах иностранцев в Россию[1818], о чем свидетельствует ошибочная датировка выезда Александра Крупского-младшего и точный пересказ названных дел[1819]. Устрялов во втором издании «Сказаний Князя Курбского» опубликовал акты Литовской Метрики о Курбских[1820], отрывок из Книги записей 1686 г. и перевод «с Польского листа» 15 февраля 1687 г. «князя Кашпера Курбского» В.В. Голицыну[1821].

Происхождение Александра Касперовича-младшего (в православии Яков Васильевич) и Александра Касперовича-старшего (в православии Александр Борисович)[1822] подавляющим большинством исследователей вслед за К.Ф. Калайдовичем и Н.Г. Устряловым связывается с князьями Курбскими Ярославскими, потомками А.М. Курбского[1823].

Против гипотезы о происхождении данного Каспера (Кашпера, Каспара или Карпа)

[1813] *Niesiecki K.* Korona Polska. T. 2. S. 742; источник см: *Wijuk-Kojałowicz W.* Herbarz... S. 122 (автор сообщает о браке М.Я. Кунцевича и "kniehyni Kurpskiey"). Ю. Вольф объясняет неточность К. Несецкого существованием «нескольких шляхетских семей фамилии Krupski», что приводило и к ошибкам в титуле — нечто подобное произошло в середине XVI в. с женой кн. Т.М. Свирского К. Крупской, ошибочно названной в источниках *княжной Крупской* (*Wolff J.* Kniaziowie... S. 197, 512, 662–663).

[1814] *Мацеевич Л.* Князь Курбский. Разыскания в 1819 году о жизни его на Волыни // ДНР. 1880. Т. 16. С. 311.

[1815] *Мацеевич Л.* Князь Курбский. С. 313; ср.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 204–206.

[1816] *Мацеевич Л.* Князь Курбский. С. 313–314.

[1817] Информацию из Архива МГКИД предоставил К.Ф. Калайдовичу и Н.Г. Устрялову А.Ф. Малиновский, на что оба автора прямо сослались (*Калайдович К.Ф.* Записка о выезде в Россию правнуков князя Андрея Михайловича Курбского // Северный архив. СПб., 1824. Ч. 12. №19. С. 2. Примеч. *; *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1842. С. 470).

[1818] РГАДА. Ф. 150. 1690 г. Д. 24.

[1819] К.Ф. Калайдовичу не был известен доклад о приезде Александра-Якова, составленный по отписке бельского воеводы Федора Нелидова, а также материалы из фонда Оружейной палаты о награждении Крупского. Существенной помехой для ознакомления с докладом 7192 г. могло быть то, что он включен в книгу, условно датированную 1668 г.

[1820] *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков. С. 192.

[1821] Написание фамилии адресата в данном случае неадекватно. Публикуя отрывок из книги 1686 г., Устрялов везде в нем методично заменял «Курпский» на «Курбский», а значит, мог произвести подобную замену и в подписи к письму (*Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1842. С. 470). В то же время источник самого письма до сих пор не обнаружен. В нем говорится, что шляхтич посылает к кн. В.В. Голицыну «отродие свое нарочно челом ударити» (Там же. С. 471). Но оба сына выехали в 1683 и 1685 гг. (об этом ниже), а письмо составлено якобы только в феврале 1687 г. Почему такое опоздание с рекомендательным письмом? Или в Россию приехали еще какие-то «Курбские»? Последнее предположение ничем не подкрепляется, поэтому вызывает сомнение не только подлинность подписи, но и всего письма в целом.

[1822] В справочных изданиях встречается ошибочное утверждение о том, что Александр-Яков и Александр Кашперовичи прибыли в Россию в 1686 г. и оба носили после крещения отчество «Борисович» (*Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1873. С. 20). К.Ф. Калайдович следовал известным ему источникам, когда восприемником Якова называл кн. В.В. Голицына, выезд младшего Александра относил к 1684, а выделение ему 100 р. на обустройство двора и строительство дома к 1685 г. (*Калайдович К.Ф.* Записка о выезде... С. 6).

[1823] *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. С. 20; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства: В 2 кн. М., 1991. Кн. 1. С. 140; *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 310; *Осипова К.С.* «История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голицынском сборнике // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 305–307; *Бычкова М.Е.* О сословной структуре класса феодалов России в XVII в. // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв.: Сб. науч. трудов. М., 1988. С. 33; *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 321. Схема IV (11); *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 243, 349.

от А. М. Курбского выступил Ю. Вольф, исходивший из того факта, что в документах признанных потомков московского эмигранта нет ни слова о существовании этого родственника, а завещательными распоряжениями бездетных князей Андрея и Яна Дмитриевичей Курбских имущество разделено между отдаленными родственниками, как бы в обход семьи «брата»[1824]. Ю. Вольф считает К. Курбского самозванцем, опираясь на его письмо кн. В. В. Голицыну, опубликованное Н. Г. Устряловым[1825]. Польскому исследователю были также известны лишь материалы, отражавшие выезд Александра Касперовича — старшего, который заявил о своем происхождении от А. М. Курбского.

В советской историографии аргументация Ю. Вольфа оказалась невостребованной. Источники публикации Н. Г. Устрялова специально разыскивала К. С. Осипова, в результате чего было установлено местонахождение челобитной Александра Касперовича от 17 марта 1686 г.[1826] Источник публикации «Письма Каспера Курбского» обнаружен не был, а дату выезда Александра-младшего, ранее почерпнутую К. Ф. Калайдовичем из всё той же челобитной, Осипова упустила из виду. Только этим можно объяснить предположение о том, что копия «Сборника Курбского» из библиотеки В. В. Голицына (с выходной записью от 22 января 1677 г.) была сделана с подаренного Б. А. Голицыну (?) «правнуком» А. М. Курбского сборника сочинений или даже черновика его «прадеда»[1827].

Специальное исследование материалов фонда «Дела о выездах иностранцев в Россию» РГАДА провела М. Е. Бычкова, отметившая, в частности: «В 80-е гг. в Россию вернулись князья Яков и Александр Курбские [следует ссылка на д. 2 под 1686 г. — *К. Е.*]. В своей челобитной Александр Курбский пишет о родстве с Андреем Михайловичем Курбским и рассказывает историю семьи за сто лет»[1828]. Из ссылки ясно, что автору известно только дело о выезде «Александра Курбского», из которого делаются достаточно неосторожные выводы. Во-первых, безоговорочно и без должной полемики с Ю. Вольфом признано княжеское происхождение «Курбских». Во-вторых, выехали не Яков и Александр, а два Александра. В-третьих, выражение «история семьи за сто лет», якобы рассказанная Александром Касперовичем в Посольском приказе, — это не более чем гипербола. Александр (старший) заявляет о своем происхождении от кн. А. М. Курбского и сообщает о службах своей семьи, начиная с того момента, как его отец Каспер «служил Казимеру королю», т. е. Яну II Казимиру[1829].

Аргументы польского историка-генеалога не отведены, и сомнения в подлинности княжеского титула витебских Курбских остаются в силе[1830].

Промежуточную версию о самозванстве «Курбских»-перебежчиков, по возможной причастности кого-то из них (вероятнее — Каспера) к транзиту сочинений А. М. Курбского высказал Б. Н. Морозов. Свою «подлинность», по его мнению, самозванец мог доказать, предъявив оригинал или копию Сборника Курбского[1831]. Этот сценарий возможен, но все-таки трудно представить, что ложный князь так хитроумно сплагиировал свое избавление от плена или готовился к непредсказуемым обстоятельствам. Среди высказанных ученым предположений обнаруживается сразу два неизвестных. Доказывал ли Каспер до выезда своих сыновей (а точнее, как увидим ниже, только старшего сына), что он потомок ярославских князей? Была ли подборка сочинений Андрея Курбского в его библиотеке?

Само появление московских списков Сборника Курбского может послужить косвенным аргументом в пользу родственной связи плененного шляхтича и его «выезжих» детей с кн. А. М. Курбским. Но нет доказательств того, что Каспер до прибытия его сыновей в Россию называл себя потомком князя Курбского и был каким-либо образом причастен к его архиву. С другой стороны, ко времени «выезда» младшего Александра Касперовича сложилась уже более чем семилетняя обширная рукописная традиция «сборников Курбского», включавшая такие сборники, как РГБ Тихонр. № 639, ГИМ Увар. № 301, РГАДА РОБ МГАМИД № 558, ХНУ № 168 (и его копию), ГИМ Сип. № 136[1832]. Участие новоявленных Курбских в распространении списков, а также связь между появлением

[1824] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 196–197, 663, 692–693.

[1825] Ibid. S. 197.

[1826] *Осипова К. С.* «История»... С. 305–307; здесь с. 305. Примеч. 25.

[1827] Там же. С. 307.

[1828] *Бычкова М. Е.* О сословной структуре... С. 33.

[1829] РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию). 1686 г. Д. 2. Л. 2–6.

[1830] *Grala H.* "*Ex Moschouia ortum habent*". S. 115; *Рыков Ю. Д.* Курбские // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3: К–М. М., 2000. С. 222.

[1831] *Морозов Б. Н.* Князья Курбские на службе в России в XVII в. // http://www.rshu.ru/win/newscience/mor_b.htm.

[1832] См. здесь главу «Экстенсивное чтение».

сборника в России и «тесными отношениями» кн. В.В. Голицына с этими «потомками» могут в равной мере свидетельствовать о том, что интерес московских придворных к А.М. Курбскому каким-то образом помог шляхтичам выдать себя за потомков князя[1833].

Не может быть принята и версия о том, что сын Дмитрия Курбского, перейдя к русским, представился как Каспер Курбский по своему второму имени. Ян Дмитриевич известен как Ян-Остафий. Второе имя Андрея Дмитриевича в источниках не встречается, но в нашем распоряжении есть история приглашения А.Д. Курбского на русскую службу, и она существенно отличается от рассказа «Курбских» о пленении их отца. Каспер, по словам Александра-младшего, служил в королевской хоругви «за товарыща» и был около 30 лет назад (около 1654 г., хотя в допросе Александра-старшего 1686 г. звучит то же приблизительное число) взят в плен царскими ратными людьми под Великими Луками, где его, видимо, принудили принять православие[1834]. В то же время А.Д. Курбский Ярославский оставался к началу войны с Россией в своем вилкомирском имении Рогов, и кн. М.С. Шаховской, находившийся в Вильно, обменивался с ним любезными письмами[1835].

Б.Н. Морозов указывает на то, что сразу по прибытии князя Андрея Михайловича на службу к новому государю его фамилию начали путать с литовской шляхетской фамилией «Крупский»[1836], что могло позволить кому-то из Крупских в XVII в. объявить себя князьями, подтвердив «свое происхождение от русского знатного князя распространением сборника его сочинений»[1837]. Эта гипотеза в части, касающейся сборника, уже рассмотрена выше. Идея же о том, что существовала возможность воспользоваться одним из способов написания фамилии Курбских Ярославских продуктивна, но с учетом двух обстоятельств. С одной стороны, путаница, видимо, не ограничивалась употреблением двух вариантов одной фамилии, но пока не приведено доказательств в пользу того, что оно приводило к генеалогической путанице[1838].

С другой стороны, в ноябре 1683 г. в крепость Белую приехал не Курбский или Курпский, а именно «шляхтичь князь Александр Карпов сын Крупский»[1839]. После крещения, принятого из рук кн. В.В. Голицына, он довольно быстро, к 1685 г. начинает писаться Курпским[1840]. Новая фамилия закрепляется и за его братом[1841]. Никаких следов происхождения А.К. Крупского от А.М. Курбского в «Книге о крещении» не обнаруживается. Объясняет он свой выезд милостью московских государей к иноземцам, в расчете на которую отец Александра направил его в Москву из разоренных владений[1842]. И только в дело о выезде Александра Крупского-старшего в дополнение к такому же объяснению введена формула «помня милость прадеда и деда ваших великих государей к прадеду моему х князь Андрею Курпскому и ныне видя вашу великих

[1833] Ср.: *Осипова К.С.* «История»... С. 307; *Калугин В.В.* Московские книжники в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI века.

[1834] РГАДА. Ф. 150. 1668 г. Д. 22. Л. 107 об. — 108; 1686 г. Д. 2. Л. 2–3.

[1835] *Экземплярский А.В.* К родословной кн. А.М. Курбского // ЧИОИДР. М., 1895. Кн. 3. Смесь. С. 2–3; Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 509.

[1836] См. об этом: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 24–25.

[1837] *Морозов Б.Н.* Князья Курбские...

[1838] Кн. А.М. Курбский фигурирует в современных ему документах как Kurbski, Korpski, Korubski, Korupski, Krupski (*Kutrzeba S., Duda T.* Regestra Thelonei Aquatici Wladislaviensis saeculi XVI. Krakow, 1915. S. 716; *Tarnawski A.* Dzialalnosc gospodarcza Jana Zamoyskiego kanclerza i hetmana Wielkiego Koronnego (1572–1605). Lwow, 1935. S. 278; ср.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 348. Примеч. 2). При этом путаницы в западнорусском кириллическом написании при просмотре волынских актовых книг нами не зафиксировано. Фамилия «Курпский» (часто с выносной «р») закреплялась за князем; Крупские выступают под своей фамилией (часто с выносной «п»): КГВ-2. Арк. 1 зв. — 2, 44 — 45 зв.; КГВ-4. Арк. 3 зв. — 4 зв., 14, 24 зв., 30 — 30 зв., 61, 144, 223 зв. — 224, 283 — 283 зв.; КГВ-5. Арк. 258 зв. — 259 зв.; КГВ-14. Арк. 111 зв., 152, 165 зв., 169 зв., 176, 180, 212 зв., 232; КГВ-16. Арк. 110 зв., 191 зв., 206, 245, 247–249, 252 — 257 зв., 376; и др. В актах Литовской Метрики случаи написания "Krupski", «Крупский», «Крупская», «Курвпская» применительно к князьям Курбским Ярославским встречаются настолько редко, что могут рассматриваться как исключения (ЛМ-130. Л. 156; ЛМ-204. Л. 24; ЛМ-288. Л. 87 — 88 об., 242 об. — 243 об. В этой последней книге в делах 1600–1601 гг. фамилия Курбских постоянно пишется «Крупский», «Крупская»). Интересно, что княгине А.П. Курбской принадлежало в Упитском повете местечко *Крупчишки* (*Крупишшки*) (Опись документов... Вып. 7: Акты Упитского земского суда за 1585–1587 г. №15190. Акты Росненского подкоморского суда за 1595 1655 гг. №14602. Стб 17. №100 (7 февраля 1585 г.), 25. № 155 (18 марта 1585 г.)).

[1839] РГАДА. Ф. 150. 1668 г. Д. 22. Л. 107 об. — 108, 112, 118 об., 122.

[1840] Ср. с кн. 7193–7207 гг.: «Во 192-м году выехал на имя великих государей ис Полши шляхтич римские веры князь Александр Курбской» (РГАДА. Ф. 150. 1685 г. Д. 3. С. 116–117).

[1841] РГАДА. Ф. 150. 1690 г. Д. 24.

[1842] Там же. 1668 г. Д. 22. Л. 108 — 108 об.

государеи пресветлую милость к брату моему родному ко князю Якову Курпскому»[1843]. Следовательно, «путаница» произошла уже в Москве.

В целом показания выехавших в Россию «князей Курбских» о своем происхождении остаются единственным аргументом в пользу их родства с князьями Курбскими Ярославскими. Помочь поискам могли бы данные о русской службе князя Каспера. Но его нет в списках полоцкой и витебской шляхты 1659 г.[1844] Обследование материалов Полоняничного приказа за 1667–1670 гг., т.е. за период активного обмена пленными между Россией и Польшей и добровольного возвращения многих служилых людей на родину, показало полное отсутствие информации о Карпе-Кирилле Курбском[1845]. А вот один Крупский наверняка в плену побывал. На службе в Казани с 1662/63 по февраль 1669 г. находился пленный шляхтич Ошмянского повета Яков Крупский, поступивший затем на государеву службу по Тамбову[1846]. Для гипотезы Б. Н. Морозова он — полноправный конкурент на провоз материалов из архива Курбских в Россию. Не следовало бы сбрасывать со счетов и еще одного претендента на место отца московских Крупских-Курбских. В поколении их родителей имя «Каспер» наверняка встречается в роду шляхтичей Крупицких. Его носил брестский «земянин» Каспер Ярошевич Крупицкий[1847]. Причем знаменательно, что Крупицкие были в кровном родстве с подлинными князьями Курбскими. Анна Крупицкая была в те же годы замужем за Андреем с Горбова Зарапком, тогда как на другой представительнице Зарапков, Кристине Горбовской, был женат князь Ян Курбский Ярославский[1848]. Причастность любого Крупского или какого-нибудь шляхтича с фамилией, которую можно было представить как местное написание фамильного прозвища Курбских, к «Истории о князя великого московского делех», какой-либо другой части архива А. М. Курбского и его потомков в настоящее время в равной мере не доказана. А вот происхождение репатриантов Курбских от нетитулованных шляхтичей, например Крупских или Крупицких, находит ряд подтверждений. И аргумент ex silentio, от неупоминания, в данном случае весьма значим и не является логической ошибкой. Документация Речи Посполитой XVII в. сохранилась гораздо полнее, чем за предыдущее столетие, и в нашем распоряжении множество высказываний о подлинных потомках кн. А. М. Курбского Ярославского. Невозможно представить, что они обошли стороной, укрыли от документов или подвергли насильственному забвению ("damnatio memoriae") представителя своего рода. Род князей Курбских был заметен. Следы его деятельности рассеяны по множеству источников. Прежде всего эта деятельность отражена в актах канцелярии Великого княжества Литовского и локальных судов Речи Посполитой. Память о происхождении хранят семейные архивы. Часть документального собрания А. М. Курбского и его наследников, потомков от брака с А. П. Семашко, прослеживается по этим источникам[1849]. Данные из Литовской Метрики о Курбских Ярославских впервые появились в печати во втором издании «Сказаний Князя Курбского» Н. Г. Устрялова[1850]. Ю. Вольф

[1843] Там же. 1686 г. Д. 2. Л. 1.

[1844] Нам известны только список «полоцкого воеводства шляхте» и «Книги именные Витепского города шляхты» за 1659 г. (РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1. Устюг Великий. №126. 1659 г. Л. 212–228, 262–273). Ни Крупские, ни Курбские в них не упоминаются.

[1845] Возможно, материал приказа недостаточно репрезентативен для решения проблемы с Каспером «Курбским». Отправление пленных с московского Английского двора в Смоленск для последующей передачи Речи Посполитой производилось в тех случаях, когда речь шла о военнопленных «из розных боев», их родственниках и челяди. Вольнонаемные иноземные служилые люди, в том числе из оккупированных земель, передавались в ином порядке. Согласно п. 4 Посольского трактата и ст. 6 и 11 Андрусовского договора, возвращение шляхты из Смоленска, Витебска, Полоцка, Динабурга «и с ыных поближних, так же и с украинных» территорий должно было произойти в первые две недели после заключения перемирия, т.е. к началу февраля 1667 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1669. №2. Л. 354–355; ПСЗ. СПб., 1830. Т. 1. С. 660, 662–663; ВСг. №2106. S. 408; №2107. S. 79, 102, 106–109, 136–137, 172–173, 217–218, 501, 511–514, 518; №2110. S. 284–285; №2111. S. 165. Копии тех же материалов содержатся в рукописи Библиотеки Чарторыйских №2112). Отец «князей Курбских», перешедших на службу в Россию, по их словам, служил в шляхте по Полоцку и Витебску и был отпущен по челобитью при передаче этих городов польской стороне (РГАДА. Ф. 150. 1668 г. Д. 22. Л. 107 об.; Ф. 150. 1686 г. Д. 2. Л. 2–4). Надо полагать, переход произошел как раз в оговоренные две недели и челобитная могла попасть в Разряд.

[1846] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1669 г. №2. Л. 23, 25, 29, 33 — 33 об.

[1847] КГБр-7. Арк. 90–91 (7 марта 1646 г.), 158 адв. — 159 (31 марта 1646 г.), 166 адв. 167 (4 апреля 1646 г.) и др.

[1848] КГБр-7. Арк. 304 — 304 адв. (23 мая 1646 г.). О кн. Я. Д. Курбском см. здесь ниже.

[1849] Об архиве Курбских см. здесь *Итинерарий Курбского*, главу «Экстенсивное чтение», а также нашу монографию "Natione Moscus".

[1850] Н. Г. Устрялов разыскал комплекс актов, относящихся к деятельности Курбских Ярославских, но не указал их выходные данные. Нашей задачей было установить местонахождение этих документов и уточнить

специально изучил сведения о Курбских, содержащиеся в актах вилкомирских, упитских и жмудских судовых книг и Литовской Метрики[1851]. Помогут ли эти и другие сведения увидеть за историей землевладения, карьерного роста, королевской службы Курбских в Речи Посполитой ответ на вопрос о причинах пресечения мужской линии рода и происхождении репатриантов, назвавшихся и признанных в Москве князьями Курбскими?

Вдова в борьбе за свои имения

23 или 24 мая 1583 г. кн. А. М. Курбский Ярославский умер в своем Ковельском имении, завещав недвижимость и ценности вдове и детям, а свое тело — Вербскому монастырю Св. Троицы, где долгое время — и уже после упразднения монастыря около начала XVII в. — хранилась гробница князя[1852].

Наследование имений Андрея Курбского уже в 1580-х гг. натолкнулось на внутрисемейные проблемы. Прежде всего княгине-вдове пришлось списать залог («заставу») братьев за половину их родового имения. Оно было записано братьям за 4 тыс. 70 коп гр. Такой суммы у братьев княгини Александры не было, и они поступились им в пользу Курбских. Через три месяца после смерти князя, 24 августа 1583 г. княгиня отказалась от половины семейного имения в пользу Василия Семашко[1853]. Она дала братьям расписки о том, что Василий выплатил долг Ярошу и Петра, все 4 тыс., а затем и личный долг Василия князю Андрею в 2470 коп гр. на переданной во владение Курбских половине того же имения[1854]. На практике выплата могла быть совершенно фиктивной — так принято было обозначать прекращение долговых отношений, в том числе в отношении ближних родичей и особенно опекунов.

Княгиня Александра контролировала имения мужа на Волыни и попыталась даже провести перестановку урядников и слуг, заменив их своими без ведома опекунов. Возможно, за этими решениями крылась воля ее братьев. Однако слуги Курбского обратились за поддержкой к опекунам и добились полюбовной сделки. В этом конфликте княгиня невольно воспользовалась тем инструментом, который легко будет обращен против нее самой. Она доказывала свои права на владения людей мужа тем, что Ковель является королевским владением, и она в своих решениях выступает от лица короля[1855].

Ковельское хозяйство велось всё так же, как и при покойном князе Андрее Курбском Ярославском. Заметных изменений налоговые реестры к 1589–1591 гг. по сравнению с предыдущими годами не отражают. Функционировали городские («мейские») Ковельский и Миляновицкий уряды. Из «книг замъку Ковельского» в феврале 1587 г. Иван Поспик Вижовский получил «выпис», чтобы перед Владимирским урядом доказать свое право на «заставу», полученную от Макара Прецковича Хотевльского (половину Острова Хотевля)[1856]. Миляновицкие актовые записи сохранились только с 1586 г., но в них много ценных сведений о распоряжениях Курбского и их пересмотре после смерти князя, которые свидетельствуют о том, что уряд последовательно поддерживал авторитет сделок, заключенных при «князе нашем отчизном», как местные мещане называли покойного Андрея Курбского[1857].

Дела у Курбских Ярославских под опекой Василия Семашко шли не так уж плохо. Василь лично принимал решения по имениям, что видно из судебно-процессуальной формулы ковельского делопроизводства: «Предо мною Василем Семашком, опекуном добр и детей зошлого князя Андрея Михайловича Курпского Ярославского, ставши обличне...»[1858] Староста луцкий Александр Пропский 24 июня 1587 г. взял у княгини А. И. Курбской в долг 2 тыс. коп гр. Под заклад

их датировку. Некоторые из них были обнаружены еще С. А. Шумаковым, но, как он признался, акты, учтенные в «Сказаниях князя Курбского» под №3, 10, 12, 16–35, ему «не удалось еще пока разыскать в Литовской Метрике» (*Шумаков С.А.* Акты Литовской Метрики... С. 19). Именно эти 20 последних актов, а также другие акты Метрики о вдове и потомках кн. А. М. Курбского являются предметом нашего внимания.

[1851] При этом ссылки даются только на выписки исследователя с указанием «Подлинная выписка», но без точных выходных данных.

[1852] *Горін С.* Монастирі Західної Волині: (друга половина XV — перша половина XVII ст.). Львів, 2007. С. 63–67; *Довбищенко М.* Волинська шляхта у релігійних рухах: (кінець XVI — перша половина XVII ст.). Київ, 2008. С. 618.

[1853] КГЛ-32. Арк. 9 — 11 зв. (23 апреля 1584 г.).

[1854] КГЛ-32. Арк. 11 зв. — 14 зв. (23 апреля 1584 г.). Княгиня подписывалась в договоре от 24 август 1583 г.: "Andrzeiowa Kurpska Aliexandra Siemaszkowna wlasną ręką podpisala" (Там же. Л. 11 об., 14 об.).

[1855] Ход конфликта подробно освещен в книге Владимирского гродского суда №18. См.: *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозьский. С. 772–773 (здесь неодократно ошибочно «Анна із Семашків», вместо «Александра»).

[1856] КГВ-20. Арк. 48 — 49 зв. (19 февраля 1587 г.). «Застава» была получена за 40 коп гр.

[1857] См. в главе «Социальный статус».

[1858] ККМл-1. Арк. 24 зв. (20 октября 1586 г.).

этой суммы княгиня Александра и ее брат получили от Пронского с 1 августа того же года его луцкое имение Ярославичи (на сумме 5 тыс. зл.)[1859]. Добрятин в начале 1593 г. предусмотрительный и предприимчивый Василий Семашко закладывает на 4 года ковельским евреям[1860].

Пограничные сборы первых лет вдовства мало отличаются от обычной жизни волынского шляхетского имения. Небольшие конфликты составлют рутинную жизнь фольварка. Например — процесс с шляхтичами Адамовичами[1861]. Медленно и без ясного исхода княгиня судилась с другим шляхтичем-московитом, Агишем Сарыхозиным, из-за его арсенала, который либо запропастился, либо и вовсе существовал только на бумаге. В конце 1586 г. пришлось расквитаться — за долг в 730 кон гр. 59 гр. 4 пп. княгиня отдала Агишу три села их Криничинского имения общим размером в 37,5 вл., которыми тот владел до 1594 г.[1862]

Сложнее было вырваться из петли старых долгов, которые разрастались обязательствами и отсрочками. Недовольные слуги князя Андрея Михайловича все правовые способы отсудить у княгини свое имущество уже испробовали. Туличев Курбская делила с Гневошом и Федором Калусовскими. Ее урядник Станислав Есенский велел сеять поля Калусовских и порубить на дрова их лес. Княгиня собиралась прибрать часть Вербиченского имения соседей в счет немалого долга — 60 кон гр. Должники сопротивлялись и отказывались пустить поверенных в свои земли[1863]. В начале 1587 г. Гаврило Кейсаров и Василий Кушников Колодежинские потребовали на Владимирском уряде взыскать с княгини положенные им и утвержденные по декрету крайчего Великого княжества Литовского кн. К. К. Острожского 125 кон 16 гр.[1864]

В 1588 г., после смерти слуги Курбского Андрея Барановского, его имение Борки с тремя дворищами в Мостисках перешло в казну, и Сигизмунд III пожаловал его писарю Коронной канцелярии Флориану Олешко. События разворачивались стремительно: еще накануне княгиня вывезла из имения движимость, 18 октября Флориан был введен во владение, где поселился его слуга Ян Емельковский, а уже 24 октября — княгиня Александра Курбская бросила на Борки свой вооруженный отряд, который выбил из имения Я. Емельковского. Судебный процесс был возбужден на Владимирском гродском уряде, а в следующем году «за апеляцыею» Ф. Олешко переметнулся в Господарский суд. Курбская не смогла показать никакого «права» своего или своего сына на Борки и проиграла суд[1865].

Тревога в этой конфискации была для Курбских немалая. Имение принадлежало «потомку князя Курпского лет немаючому» (недорослю). Король так не считал и распоряжался имением Барановского как выморочным, поскольку сам Барановский был «безпленный москвитин» (бездетный московит). Князь Андрей Курбский бездетным не был, но был москвитином, и его имение опиралось на сомнительные земельные пожалования Сигизмунда II Августа, вызвавшие недовольство магнатов и шляхты на Люблинском сейме 1569 г. и позднее опротестованные на разводном процессе женой князя Андрея, княгиней Марией Курбской. Третий Литовский Статут формально лишал Курбских права владеть землями одновременно в Короне и Литве, хотя на практике эта норма преодолевалась спецификой самих владений. Не будь юридическим собственником замка на Волыни недоросль, его пожалование в Короне могло бы рассматриваться как временная королевская должность. Однако и в этом случае права, предоставленные Курбскому на Ковель в 1567 г., пришлось бы забыть навсегда. Вместо этого княгиня организовала вооруженный самосуд, за что и поплатилась сполна. Король и Сенат не признали ее прав и велели кн. К.-В. Острожскому как опекуну малолетнего князя Дмитрия Курбского восстановить справедливость и вернуть Олешко в его имение. Малая доля имения служила образцом для занятия всего замка, и роль опекунов княжеской семьи Курбских Ярославских в последующих событиях велика, хотя и не во всем ясна. В сентябре 1586 г. князь Константин-Василь Острожский переписывался с «княгиней Андреевой Курпской», но о чем? Письма не сохранились[1866].

[1859] КГЛ-41. Арк. 669–673 (27 февраля 1594 г. Договор от лица кн. А. Пронского на л. 669–673 под датой: Берестечко, 24 июня 1587 г.); КГЛ-37. Арк. 655 зв. — 656 (2 августа 1587 г.).

[1860] КГЛ-43. Арк. 282 — 282 зв. (26 марта 1593 г.). Введение во владение по сделке В. Семашко с Меряной Агроновной Мордухаевой, Лейбой Изаковичем и Аврамом Мордухаевичем состоялось 25 февраля 1593 г.

[1861] КЗУ за 1584–1586 гг. (VUB. F. 7. 3/15234). P. 109–110 (F. 762–762v старой фолиации).

[1862] См. об этом в главе «Однополчане».

[1863] КГВ-20. Арк. 20–21 (24 января 1587 г. Свидетельствование возного Мосея Дегтевского от 20–21 января 1587 г.).

[1864] КГВ-20. Арк. 31 — 31 зв. (3 февраля 1587 г.).

[1865] ЛМ-199. Л. 40 — 41 об. (Варшава, 25 апреля 1589 г.), 137 (Варшава, 5 мая 1590 г.).

[1866] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 88–89.

Близок был час беды. В Луцкой гродской актовой книге за 1587 г. действуют две княгини Курбские - Александра, урожденная Семашко, и Мария, княжна Гольшанская. Незадолго до получения княгиней Александрой крупного имения от луцкого старосты дочь княгини Марии вышла замуж за краковского воеводу Андрея Фирлея. Этой паре суждено было занять Ковельское староство и устроить полномасштабный передел пожалований в его границах.

Княгиня всё чаще лично участвует в судебных делах, пытаясь спасти уходящее из рук имение. От 1588 г. в актовой книге сохранилось упоминание письма, написанного лично рукой княгини Курбской[1867]. Для суда с вдовой и потомками кн. А. М. Курбского и их опекунами был назначен королевский инстигатор, королевский секретарь Ян Дзержек, который получил задание — невзирая на существование наследника, кн. Дмитрия Курбского, забрать в казну «столу нашого и Речи Посполитыи замок и место Ковель и их прилеглостями». Суд неоднократно переносился, поскольку должен был состояться лично при короле, который выезжал из Короны Польской[1868]. Получение Ковельского имения кн. Дмитрием Курбским в формуляре судебной документации именовалось не иначе как насильственным («кгвалтовным обычаем», «безправъне и овшем кгвалтовне» и т.д.). Это не оставляло сомнений, что король настроен решительно, и вернувшись «з Ревъля», Сигизмунд III довел до предсказуемого постановления суд за Ковель, Секунь и Шушки. Суд был назначен на 13 марта 1590 г.[1869]

Еще в январе 1590 г. состоялся суд за Туличев, на который претендовали мостовничий луцкий Иван и его брат Семен Красенские. Имение было Курбскими потеряно. Дело таило опасность для них еще и самой конструкцией права на Туличев, в которой, как в капле воды, отразилась правовая лакуна, куда грозили обрушиться все волынские имения семьи князя-московита. Кн. Андрей Курбский, будто бы в нарушение предписаний Сигизмунда II Августа и постановлений еще от 1 сентября 1560 г., владел этим имением, «поведаючи у себе однакое доживотное право яко на Ковел, так и на Туличов, а им то первей, ниж он з Москвы выехал, в отчизну дано»[1870]. Вне зависимости от исхода тяжбы за Туличев, кн. Андрею Курбскому Красенские приписывали слова о «доживотном», т.е. пожизненном, праве на Ковель (эти слова звучат в акте неоднократно). Это явно не соответствовало представлениям Курбского о своих правах на передачу владения по наследству, а отвечало схеме защиты королевских интересов на суде королевского инстигатора в 1589–1590 гг.

Рассмотрение дела по Ковельскому имению прошло 24 марта 1590 г., и от лица вдовы и ее сына выступил на суде шляхтич Федор Бруяка. Сторона княгини и ее опекунов пыталась переломить ход суда, оттягивая время и пытаясь, по подсудности, перенести дело с Королевского задворного суда на Земский или Сеймовый суд и отложить процесс до совершеннолетия княжича Дмитрия. Все эти усилия не увенчались даже минимальным успехом. Королевский декрет от 5 мая 1590 г. расставил точки над i. Курбским было предписано выплатить 100 тыс. зл. с Ковельских имений или вернуть их в казну. Имение было немедленно и явно по предварительной договоренности пожаловано каштеляну малогостскому Андрею Фирлею, мужу падчерицы князя Курбского, т.е. формально — другой законной наследнице князя[1871]. Епископ луцкий Бернат Матеевский воспользовался моментом, чтобы вернуть Луцкой капитуле имения Скулин, Билин, Стебли, Колодежная, Колодежная Воля, Красная Воля, Млынская Воля[1872]. Официальным войтом после смерти М. Трашковского в Ковеле был назначен старый воин, шляхетный Петр Жебр[1873]. В суд тут же были вызваны московиты К. Зубцовский, В. Кушников (Косников) и Г. Кайсаров (Касаров), которым было предписано освободить их имения[1874]. Это было начало многолетней внутренней борьбы, поскольку выдать подобное предписание без нарушения прав тоже было невозможно.

Стороне княгини Александры и кн. Дмитрия Курбских удалось отстоять право не считаться

[1867] КЗУ 1588 г. (VUB. F. 7. 4/15237). L. 165–167. Здесь и далее записи из актовых книг луцких гродских и земских судов конца XVI — XVII в. сообщены Анджеем Закшевским (Варшава, Варшавский университет), за что выражаю коллеге благодарность.

[1868] ЛМ-199. Л. 61 — 61 об. (Вильно, 27 июля 1589 г.), 61 об. — 62 (Вильно, 4 августа 1589 г.).

[1869] ЛМ-199. Л. 73 об. — 74 (Варшава, 16 декабря 1589 г.), 74 — 74 об. (Варшава, 16 декабря 1589 г.).

[1870] ЛМ-199. Л. 76–78 (Варшава, 10 января 1590 г.). Суд начался на Владимирском гродском суде еще 11 апреля 1589 г., перешел на инстанцию выше, затем был перенесен с 17 мая 1589 г. из Люблина, где планировался уже окончательно как «на третем дню» (т.е. после третьего и последнего вызова).

[1871] ЛМ-199. Л. 133–139 (Варшава, 5 мая 1590 г.).

[1872] ЛМ-199. Л. 139 — 139 об. (Варшава, 5 мая 1590 г.).

[1873] ЛМ-199. Л. 142–144 (номер «143» пропущен, такого листа в деле нет) (Варшава, 6 июля 1590 г.).

[1874] ЛМ-199. Л. 148 (23 октября 1590 г.).

нотомством «чужоземца», хотя само возвращение призрака своего «Другого» в судебном процессе свидетельствовало о сохранении в силе всех тех обвинений, которые применяла Мария Курбская, возобновив судебный процесс против бывшего мужа, которого бывшим не считала, а обвиняла в незаконном новом браке и рождении в нем незаконного потомства[1875].

После конфискаций на Волыни за вдовой Андрея Курбского остались ленные имения в 5 войтовствах Унитского староства, указанные в привилегиях от 12 июля 1589 г., 6 июня 1592 г. и 28 июля 1593 г.:

— Гольминовское войтовство:
с. Довчишки,
с. Миняны (Миняны),
с. Гиговяны (Кгиковкганы);
— Повесменское (Повесненское) войтовство:
с. Нарбели (Наберли с застенками и лесом),
с. Повераны (Поверены),
с. Повесмены,
с. Ягейловичи (Якгейловичи);
— Куромское (Куранское) войтовство:
с. Сумнтулово (Сумтовлово),
с. Пураны;
— Илговское (Илькговское) войтовство:
с. Третишки (Кретишки),
с. Передубин (Поредубин);
— Биржанское войтовство[1876].

Впрочем, 12 июля 1589 г. все эти имения были изъяты в казну и записаны Г. Войне пожизненным правом[1877]. В собственности вдовы-княгини Александры Курбской и ее детей оставался лишь Криничин с ближайшей округой и Биржанское войтовство на Жмуди[1878].

Курбские теряют одно за другим имения умершего князя и оказываются надолго опутаны долговыми обязательствами. В начале 1599 г. они занимают 800 кон гр. у К. Яницкого под залог села Межуны с приселком-«застенком» (должно быть, это Поверамы, или Поверемы) на 3 года, но заимодавца в имение не пускают и не возвращают долг до 1608 г. (к тому времени вдова Курбского три года как умерла)[1879]. В марте 1595 г. с них потребовали «подводные» налоги с Биржанского войтовства за 1575–1587 гг., «серебщизну» за 1573, 1575, 1576 гг. с каждой волоки по 16 гр., «жито дякелное» за 1576 г. по 20 гр., «стацыю» за 1577 г. по 10 гр. и за 1578 г. по 30 гр., всего на 404 коны гр.[1880] В октябре 1597 и до апреля 1598 г., в июле 1598 г. и в феврале–марте 1600 г. на королевском суде обсуждался вопрос о долге Курбских с Биржанского войтовства, где князь был державцей и должен был платить «личбу и пенези доходовые». Князь и его потомки не заплатили В. Войне и А. Русиану. Королевским инстигатором на процессе был Малхер Каменский, от лица Курбских выступил Ян Лебковский и прокуратор Войтех Дулевский. Сумма названа та же — 404 коны гр., но период шире: 1567–1587 гг. Княгиня отговаривалась тем, что все счета Курбский оплатил, но доказать это нет возможности, так как в 1595 г. в ее Крупишском имении случился пожар и сгорели «яко листы, так и квиты скарбовые». Просила отложить дело, пока будут получены все справки «з реестров скарбовых». Суд постановил отложить рассмотрение до следующей «лимитации»[1881]. Наконец, в 1600 г. за неявкой ответчиков в суд истцы вы-

[1875] Об этом см. в главе «История одного развода».

[1876] ЛМ-282. Л. 367 — 368 об.; РГАДА. Ф. 389. Оп. 3. Опись. Л. 219, 227 об., 228 об., 231 об., 248 об., 251, 256, 258 об., 265, 268 об., 273; ЖКЛВ. Т. 2. С. 201–203, 205; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 129. Anm. 119 (здесь же ссылки на документы Виленского архива). Лес рядом с имением А.П. Курбской селом Пураны — *Пурянцов (Данилово)* — стал объектом нападения слуг Яна Девочки, согласно жалобе княгини от 23 февраля 1594 г. (Опись документов... Вып. 8. Стб 153. 1594 г. №38). Село Ягелишки упомянуто под названием Личуны в заявлении княгини о возврате ей 37 коней, отнятых слугами Федора и Тимофея Тимофеевичей Тетерных, от 24 мая 1594 г. (Там же. Стб 166. 1594 г. №114). Названия сел, принадлежащих Курбским, вызвали судебный казус в августе 1594 г.: поверенный Курбской Миколай Явойш должен был уплатить виленскому земскому судьичу Андрею Андреевичу Млечку сумму за возвращение сел *Межуны*, *Довкнюны* и *Мочуны* (они были переданы «в презыску» Агишу Сарыхозину, от него Млечку), но когда поверенный Млечка Матис Эйгирд представил запись на оплату, обнаружились «ошибки» в названиях сел. Довкнюны были стерты и на их месте появилось название Довтючы, но Явойш все равно отказался платить без решения суда (Там же. Стб 179. 1594 г. №197). Введение Курбской во владение этими селами происходит 14 сентября 1594 г. (Там же. Стб 183. 1594 г. №218; *Довгялло Д.И.* Предисловие // Опись документов... Вып. 7. С. V).

[1877] ЛМ-77. Л. 28 об. — 29 (Вильно, 12 июля 1589 г. Привилей Г. Войне на Биржанское войтовство), 29 об. — 30 (Вильно, 12 июля 1589 г. Привилей Г. Войне на села кн. А.М. Курбского в Упитском повете); публ. см.: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868.. С. 441–415.

[1878] О причинах конфискации см. в главе «История одного развода».

[1879] ЛМ-292. Л. 41–42 (7 июля 1608 г.). См.: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 418.

[1880] ЛМ-277. Л. 550 об. — 551; ср.: *Шумаков С.А.* Акты Литовской Метрики... С. 20 (названные здесь выходные данные — кн. 63, л. 550 — относятся к данной записи).

[1881] ЛМ-285. Л. 245 — 245 об. (Варшава, 29 октября 1597 г.); ЛМ-287. Л. 391 — 392 об., публ.: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 415–417 (Варшава, 20 апреля 1598 г.).

играли процесс[1882]. Через год княгиня Курбская и ее сын заявили, как это сделал их представитель Адам Компанский еще в 1597 г., что не должны платить долг за 1567–1587 гг., поскольку А. М. Курбский владел Биржанским войтовством только с 10 сентября 1567 по 16 сентября 1571 г. Видимо, именно после апелляции они потеряли спорное имение, освободившись от части долга[1883]. Позднее за Курбскими упоминаются Криничин и Довчице без Биржанского войтовства[1884].

После смерти могущественного каштеляна брацлавского старосты луцкого Александра Семашко позиции рода на Волыни несколько ослабли. Его сыновья Миколай и Марциан в апреле 1598 г. поделили между собой наследство[1885].

Суд за Ковель так и не прекращался. Заседания королевского суда, занимавшегося делом о ковельском имении Туличов, продолжались в начале XVII в. На 25 августа 1603 г. было назначено судебное разбирательство, на котором против А. П. Курбской выступали сразу две заинтересованные стороны: во-первых, Андрей Фирлей в качестве защитника королевских интересов — «инстигатора»; во-вторых, Габриель, Иван и Александр Красинские и их опекуны кн. Януш Збаражский, Миколай Семашко и Семен Красинский. Но 15 ноября 1603 г. вышла королевская «лимитация» — постановление о переносе процесса на 3 февраля 1604 г. в связи с важными государственными делами[1886]. По меньшей мере до января 1606 г. дело еще несколько раз откладывалось[1887]. Между тем еще до его окончательного рассмотрения, между 7 июня и 13 августа 1605 г., княгиня Александра Курбская (Семашковна) умерла[1888].

Дети и внуки

Кн. Андрей Михайлович Курбский Ярославский в третьем браке имел дочь Марину и сына Дмитрия[1889]. Марина, родившаяся в 1580 г., незадолго до мая 1607 г. вступила в брак с подкоморием унитским Миколаем Визгирдом. Возможно, это случилось еще до ноября 1606 г., когда ее брат передал Визгирду часть родового имения в аренду[1890]. Муж в веновой записи закрепил за ней доход с имений Помуше и Пойосце[1891]. Княжна Марина Андреевна получила в наследство от отца золотую цепь на 200 червонных золота, книги и какую-то часть наследства ее «тетки» Загоровской, имела право по завещанию отца и на часть доходов от имения Добрятино, ранее принадлежавшую ее матери (имение к мо-

[1882] ЛМ-288. Л. 87 — 88 об. (27 марта 1600 г.); см. также: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 462–464. № 18.

[1883] ЛМ-288. Л. 242 об. — 243 (12 августа 1601 г.).

[1884] В актовой записи от 11 мая 1606 г. эти «фольварки... з селы» перечислены в войтовствах Повешменьском, Пураньском, Кголмиювском, Илковском староства Упитского (ЛМ-85. Л. 436 об. — 437). Под 21 марта 1615 г. — войтовство Повешменское с селами Повешмены (Петрово), Якгелишки (Лигуны), Поверсмы (Межуны) с приселком-«застенком» Гитынки, Поберле (Кондратово, или Боркланы), Лесы (Довкинпы) и войтовство Пуранское с селами Пураны (Данилички) с застенком и Сонтовт с застенком Жилишки. Упомянуты Криничин и Довчице с общим двором под 6 апреля 1639 г. (ЛМ-113. Л. 244 об. — 245). Названы ленные владения фольварк и село Бокланы с поместьем и селами Гатишки и Статишки (ЛМ-113. Л. 418 об.). Два села имения Криничин и их размеры указаны в акте от 16 марта 1645 г.: Мичуны (Повершуны) на 8 вл. заселенных и 5 пустых с именем Габийским на 5 вл.; Довкняны (Лесы) на 8 вл. заселенных и 4 пустых с именем Гатийским на 5 вл. (ЛМ-114. Л. 740–741). Так же распределена площадь в акте от 25 апреля 1648 г. (ЛМ-121. Л. 231 об.).

[1885] ЛМ-197. Л. 102 — 105 об. (Варшава, 15 апреля 1598 г. Договор датирован: Варшава, 14 апреля 1598 г.), 105 об. — 107 об. (Варшава, 15 апреля 1598 г.).

[1886] ЛМ-204. Л. 6 — 6 об.

[1887] ЛМ-204. Л. 23 об. — 24 (заседание 4 февраля 1604 г. было перенесено на 17 мая 1604 г.), 62–63 (слушание 16 июня 1604 г. — на 18 октября того же года), 69–70 (заседание 22 октября 1604 г. — на третий день по окончании сейма), 97 об. — 98 об. (заседание 8 марта 1605 г. — на понедельник после Троицына дня того же года), 105–106 (заседание 7 июня 1605 г. — на 8 августа того же года), 115–116 (заседание 13 августа 1605 г. — на 13 января 1606 г.).

[1888] В акте о переносе слушаний лимитации от 7 июня 1605 г. она еще упомянута как живая, тогда как в лимитации 13 августа 1605 г. уже названа «зошлой». В качестве даты *ad quem* ее кончины можно рассматривать 8 августа, поскольку именно на этот день «прыпала справа», в очередной раз отложенная 5 дней спустя (ЛМ-204. Л. 105–106, 115–116; ср.: *Довгялло Д.И.* Предисловие. С. V; *Kamieński A.* Kariera rodu Siemaszków... T. 3. Tablica genealogiczna rodu Siemaszków h. wł. (вклейка между с. 192 и 193); *Рыков Ю.Д.* Курбские. С. 222). Впрочем, если запись от 13 августа 1605 г. сделана post factum, то нельзя исключать, что княгиня была жива еще в декабре 1606 г., когда, согласно записи в еще более поздней упитской гродской книге, она и ее сын кн. Миколай Курбский подписали «заставу» Миколаю Визгирду на имение Довчишки (КГУ за 1611–1615 гг. L. 609–609v (24 февраля 1611 г.)).

[1889] ЖКЛВ. Т. 1. С. 192, 230.

[1890] Об этом см. ниже. Отношения между родами Курбских и Визгирдов почти не отразились в Метрике, если не считать закладной сделки Дмитрия Курбского с Миколаем Визгирдом (об этом ниже). Визгирды владели землями в Упитском повете и приходились Курбским соседями. О Визгирдах см. также: ЛМ-348. Л. 198, 206; ЛМ-360. Л. 310–312; ЛМ-462. Л. 109 — 109 об.

[1891] Опись документов... Вып. 8: Акты Упитского гродского суда за 1584–1615 годы, № 15191–15194. Стб 306. 1611 г. № 33.

менту составления ею завещания было в распоряжении ее дяди, луцкого хоружия Василия Семашко)[1892]. До 18 января 1611 г. она составила завещание, которое 9 марта того же года было занесено в унитские актовые книги[1893]. Ее внукам, детям чашника унитского Криштофа Визгирда Янушу и Кристине Ян Дмитриевич Курбский 25 февраля 1660 г. завещал часть своей движимости, а Януш присутствовал в качестве свидетеля при составлении завещания Андрея Дмитриевича Курбского 26 июня 1668 г.[1894]

Сын московского эмигранта и продолжатель мужской ветви рода — князь Дмитрий-Миколай Андреевич, родившийся после 5 июня 1581 и ранее 24 апреля 1583 г. и умерший незадолго до 5 апреля 1648 г., был женат дважды — на Ядвиге Яновне Гружевской (умерла к началу 1645 г.) и на Кристине Эйгирдовне (Эйгирд)[1895].

До 1615 г. Дмитрий Андреевич неоднократно принимал участие в прибалтийских военных экспедициях гетмана (видимо, Я. К. Ходкевича в 1600–1605 гг.) и показал себя мужественным воином[1896].

После смерти матери 20 ноября 1605 г. Дмитрий Курбский был введен во владение Криничином[1897]. А в мае 1606 г. ему пришлось обратиться в королевскую канцелярию за разрешением передавать свое ленное владение другим лицам полностью или по частям[1898]. Часть Криничина, село Петрово было в декабре 1606 г. передано в аренду Миколаю Визгирду и вернулось к Курбскому только в феврале 1611 г.[1899] Финансовое положение осиротевших Курбских было катастрофическим: у Дмитрия не было средств, чтобы внести «носаг» за сестру при ее вступлении в брак, и он был вынужден заложить ей и ее мужу половину унаследованных имений — фольварк Довчишки с селами Довчишки, Повешмены, Екгованы, Миняны, Поедуне, Кретишки[1900]. Еще в феврале 1611 г. Довчишки были во временном владении Миколая Визгирда[1901]. Тогда же на князя наваливается старый долг К. Яницкому в размере 800 коп гр., и вся сумма взыскивается с Криничина[1902]. 10 февраля 1609 г. Курбский передает за долг в 6 тыс. зл. оставшуюся половину недвижимости — фольварк Криничин с остальными селами своему дяде и бывшему опекуну хорунжему волынскому Василию Семашке[1903].

Судя по долговым расчетам и «интромиссиям» февраля–марта 1611 г., князь Дмитрий-Миколай встал тверже на ноги. Возможно, это было связано с его браком на шляхтянке из местного рода, Ядвиге Гружевской. Уже в начале марта 1611 г. чета Курбских была введена в одно из криничинских сел, Межуны[1904].

Только в 1615 г. Криничин и села Повешмены (Петрово), Якгелишки (Личуны), Поверемы (Межуны) с застенком Кгатынки (Гатишки), Поберли (Кондратово или Боркланы), Довкнюны (Лесы), Пураны (Данилишки), Сонтовты с «застенком» Жалишки по ленному праву вновь признаны за Дмитрием Курбским[1905]. Таким образом,

---

[1892] Там же. Стб 306–307.

[1893] Опись документов... Вып. 8. Стб 306; *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 36.

[1894] АВАК. Т. 12. С. 604, 607; *Wijuk-Kojałowicz W.* Herbarz... S. 184 (здесь Я. К. и К. К. Визгирды не указаны, но названы братья Криштофа чашник унитский Миколай и ротмистр поветовый Иероним); *Wolff J.* Kniaziowie... S. 692–693.

[1895] Неизвестно, когда умерла вторая жена Д.-М. А. Курбского. Возможно, ее не было в живых уже 30 декабря 1649 г., когда ее родственник Марцин Эйгирд явился в большую канцелярию Великого княжества Литовского, чтобы скопировать в книги привилей Сигизмунда II Августа А. М. Курбскому на села в повете Упитском от 27 июля 1568 г. (ЛМ-123. Л. 207 об. — 208 об.).

[1896] ЛМ-92. Л. 132.

[1897] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 692 (ссылка на выписку из книг гродских упитских). Неверно у Д. И. Довгялло названы перешедшие кн. Д. А. Курбскому владения с ошибочной ссылкой на Ю. Вольфа (*Довгялло Д. И.* Предисловие. С. V).

[1898] ЛМ-85. Л. 436 об. — 437 (11 мая 1606 г.), публ.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 417.

[1899] КГУ за 1611–1615 гг. (VUB. F. 7. 5/15194). L. 609–609v (17 февраля 1611 г.).

[1900] ЛМ-88. Л. 282 об. — 283 об. (14 мая 1607 г.); еще одна копия: ЛМ-89. Л. 8–9; пересказ акта: РГАДА. Ф. 389. Оп. 3. Опись. Л. 203 об.–204. В имении М. Визгирда Довчишки 10 декабря 1612 г. произошел пожар: Опись документов... Вып. 8. Стб 347. 1613 г. № 234 (6 августа).

[1901] КГУ за 1611–1615 гг. (VUB. F. 7. 5/15194). L. 607v–608 (2 февраля 1611 г.).

[1902] ЛМ-292. Л. 41–42.

[1903] ЖКЛВ. Т. 2. С. 200; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 692; *Kamieński A.* Kariera rodu Siemaszków... S. 188.

[1904] КГУ за 1611–1615 гг. (VUB. F. 7. 5/15194). L. 610–611v (2 акта, от 5 марта 1611 г. Акт о сделке — от 4 марта 1611 г.). См. также: КГУ за 1610–1615 гг. (4/15193). L. 15v–21v (3 акта от 3 марта 1611 г.). О Гружевских см.: *Drungilas J.* Etnosocialinis mobilumas Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje: Gruževskių giminės pavyzdys (XVI a. antroji pusė — XVIII a. pradžia) // Lietuvos istorijos metraštis. 2004. Vilnius, 2005. T. 2. P. 53–78.

[1905] ЛМ-92. Л. 131 об. — 132 об. (21 марта 1615 г.), пересказ: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 418. Ун.: ЛМ-362. Л. 180. Пересказ акта см. также: РГАДА. Ф. 389. Оп. 3. Опись. Л. 205 об. — 206. Ю. Вольф отмечает, что Д. А. Курбский вернулся в свои имения только 8 октября 1615 г., «расплатившись с Семашкой» (*Wolff J.* Kniaziowie... S. 692). В. П. Семашко умер между 9 ноября 1611 и 1619 г. (*Kamieński A.* Kariera rodu Siemaszków... S. 188, см. также генеалогическую таблицу между с. 192 и 193). Более вероятным представляется, что земельные

в период с 10 февраля 1609 по 21 марта 1615 г. «сын Курбского» был лишен всех своих владений. Затем часть недвижимости была ему возвращена. Едва получив имения, Д. А. Курбский и его жена закладывают Межуны и Гатишки в сумме 800 кон гр. мужу Гальшки Яновны Гружевской (сестры первой жены князя Дмитрия) Яну Гричине[1906]. В 1617 г. Миколай Визгирд вернул шурину унитские села Шкуктел (Шкукштель) и Петрово (Повешмены)[1907]. Незадолго до 30 августа 1622 г. М. Визгирд умер, на его должность королевским пожалованием от 9 сентября того же года был назначен К. Белозор[1908].

Разбросанные по источникам факты свидетельствуют о том, что сын московского эмигранта, утратив имения на Волыни и поправив свои дела в Великом княжестве Литовском, вел жизнь заурядного шляхтича, обычный для восточноевропейского дворянина путь войны и мира. В 1619–1622 гг. князь Дмитрий-Миколай закрыл свои волынские дела, закончив многолетний спор из-за оставшихся там от отца имений. Впрочем, остается под вопросом, какие именно права и когда получили Курбские на Порск в Луцком повете[1909]. Воины Курбского ("pociotni") упоминаются в унитской земской актовой книге за 1635–1636 гг.[1910] В 1637 г. Дмитрий Курбский в должности войского унитского выступил на суде против Юзефовичей по делу об уводе крестьян из Криничина[1911]. К февралю 1639 г. Дмитрий-Миколай Курбский занимал уже должность подкоморія унитского[1912]. До 3 февраля 1639 г. князь владел Криничином как наследственной арендой («закладом») и не имел права распоряжаться денежной суммой, входившей в его цену. Затем он стал полным владельцем имения и 16 марта 1645 г. передал его часть своей жене за сумму 5100 польских злотых[1913], а еще 3 года спустя, 25 апреля 1648 г., закрепил за своей женой эти земли на той же сумме в пожизненное владение[1914]. Пожалованием короля Владислава IV он получил 6 апреля 1639 г. привилегию на заготовку дерева в Обольницкой пуще для ремонта его усадьбы «двора» Криницкого и Довчицкого[1915]. В своем имении Криничин кн. Дмитрий-Миколай Курбский строит церковь в честь Петра и Павла и 26 ноября 1643 г. записывает за ней право на с. Шмулиштеле в 12 вл.[1916] В 1644 г. ему было поручено заботиться о сборе налога «мостового мыта» на дороге через реку Ешменку и другие реки, через которые проходят в его владениях крупные дороги[1917]. Королевский асессорский суд своим постановлением урегулировал его конфликт с воеводой венденским Миколаем Корфом, длившийся по меньшей мере с лета 1645 по весну 1646 г. из-за Обольницкой пущи — истец Корф проиграл, так как не привел уважительной причины неявки своего уполномоченного[1918]. Арендованные кн. Дмитрием Курбским у сына Андрея в декабре 1644 г. на 4 года села еще до истечения срока, а именно 6 апреля 1648 г., были переданы новому арендатору[1919]. Как уже говори-

владения были возвращены кн. Д. А. Курбскому вследствие смерти В. П. Семашко.

[1906] Опись документов... Вып. 9. Стб 135–136. № 298 (6 мая 1615 г.). См. также: Там же. Стб 137 (№ 312), 146 (№ 376, 377), 235–236 (№ 172).

[1907] ЛМ-92. Л. 241 (30 января 1617 г.).

[1908] ЛМ-93. Л. 540 — 540 об.

[1909] КЗЛ-30. Арк. 1200–1202 зв. (Запись от 21 января 1622 г.). Передача права от кн. Дмитрия-Миколая Курбского (Курпского) Ярославского на часть Порска в Луцком повете швагеру, Федору Гулевичу Дрозденскому. Договор датирован: Дрозднн, 21 декабря 1619 г. Под договором подписи князя Дмитрия Курбского, королевского ротмистра Миколая Вильчковского, Яна Жигинда (все по-польски). Благодарю И. Тесленко, указавшего мне данный акт.

[1910] КЗУ-16. F. 447–450.

[1911] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 196 (ссылка на выписку из книг гродских унитских).

[1912] ЛМ-114. Л. 740. См. также: LMAVB. RS. F 207–893 (Поневеже, 1639 г.); F 31–69 (Поневеже, 30 сентября 1662 г.).

[1913] ЛМ-114. Л. 740 об. (Акт пожалования от 3 февраля 1639 г. пока не обнаружен. Его нет в книге Литовской Метрики № 113 среди соответствующих документов. Он известен по акту о сделке Курбского с женой от 16 марта 1645 г.); см.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 467. № 28.

[1914] ЛМ-121. Л. 231 об. — 232.

[1915] ЛМ-113. Л. 244 об. — 245. В акте указано, что впервые привилегию на вырубку деревьев в Унитской пуще державы Обольницкой получила А. П. Семашко «листом» Стефана Баторія (Там же. Л. 244 об.). См.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 466. № 23.

[1916] ЛМ-115. Л. 231–232 об. См.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 466. № 24 и 25. Пожалование от лица кн. Миколая-Дмитрия Курбского датировано 20 ноября 1643 г. Уп.: LMAVB. RS. F 31-302. F. 1v; F. 31-303. F. 1v. Оба акта — выписки 1779 г. "Meritum" содержит реестр актов о правах на Криничин, начиная с привилея Сигизмунда II Августа от 27 июля 1568 г. и вплоть до декрета Трибунала от 6 сентября 1751 г. Этот документ составлен во время тяжбы за Криничин между Якубом Карцем и его противниками и датирован 17 августа 1779 г. В реестре актов Яна Тышкевича на Криничин от 28 января 1858 г. указаны все данные акты, а также предыдущий их реестр от 1827 г. См.: LMAVB. RS. F 31-447. F. 2–2v.

[1917] ЛМ-119. Л. 45 — 45 об. (23 марта 1644 г.).

[1918] ЛМ-335. Л. 238 об. — 240 (начало процесса отнесено к 14 июля 1645 г., декрет подписан 20 апреля 1646 г.).

[1919] ЛМ-114. Л. 692 об.; ЛМ-121. Л. 253; ср.: *Wolff J.* Kniaziowie... S. 196; *Рыков Ю. Д.* Курбские. С. 222.

лось, 25 апреля Курбский передал имения жене пожизненным правом (в «доживоте»). 17 мая 1648 г. в Вильно Курбский составил завещание, в котором он, называя себя старым и страдающим слепотой, передает имения Кристине Эйгирдовне и сыновьям от первого брака Андрею и Яну (упомянута также дочь от первого брака Анна, жена Романа Суморока) и предписывает похоронить свое тело в Троцком кафедральном соборе Пресвятой Девы[1920]. После смерти кн. Д. А. Курбского Копичин был поделен между его сыновьями, но как целое оставался родовым имением, на которое сохранялись права у них обоих[1921]. После смерти «сына Курбского» на руках у его сыновей осталась расписка Януша Радзивилла о получении от князя Дмитрия-Миколая «определенной денежной суммы» в долг, и сыновья еще осенью 1662 г. пытались отсудить долг на Унитском уряде у Богуслава Радзивилла[1922].

Вдова князя Дмитрия-Миколая, Кристина Эйгирдовна, была жива еще в 1652 г.[1923]

Нет данных о времени рождения Андрея и Яна Дмитриевичей Курбских, но первые привилегии на земельные владения они получают, соответственно, в 1641 и 1637 гг., причем к началу 1640-х гг. Андрей Курбский уже успел поучаствовать в нескольких военных экспедициях. К началу 1615 г. их отец Дмитрий Андреевич был женат, но, скорее всего, он вступил в брак незадолго до этого времени, так как к этому периоду относятся записи владений на него и его жену. Право на самостоятельность у шляхтича появлялось в 18–20 лет, поэтому наиболее вероятным временем рождения детей Д. А. Курбского является период с 1610-х по начало 1620-х гг.[1924]

Обычная и известная у Рюриковичей с XII в. практика наречения старшего сына именем его деда в полной мере реализовалась в семье Курбских. Князь Дмитрий-Миколай вряд ли хорошо помнил отца, но память о нем привила ему мать, и обычай предков сын неукоснительно соблюдал.

В 1641 г. за заслуги князя Андрея в различных военных экспедициях король награждает его «вечным правом» на имение Чернополяны в Виленском воеводстве[1925]. В ноябре 1643 г. он подписал жалованную грамоту его отца криничинскому храму Петра и Павла[1926]. В 1644 г. за подвиги на королевской военной службе и после смерти маршалка унитского Криштофа Белозора кн. А. Д. Курбский получает в пожизненное держание его имения, села Добково (Гимбоголу) и Бобройче в Унитском повете[1927] и в конце того же года передает их отцу в четырехлетнюю аренду[1928]. Курбскому пришлось судиться за родовое имение жены Видзенишки[1929]. Этот спор между женой стольника Трокского Богдана Фронцкевича Кристиной Огинской и конюшим Великого княжества Литовского Богуславом Радзивиллом, судя по документам, был начат еще в 1647–1648 г., а 20 лет спустя участие в этом деле приняли родственница потерпевшей Ц. М. Гедройц и ее престарелый муж А. Д. Курбский[1930].

[1920] Опекуном назначен родной брат жены Балтазар Эйгирд. Свидетели — чашник упитский Криштоф Визгирд, земянин упитский Миколай Шолковский, писарь гродский упитский Габриель Хризостом Кирклло (VUB. F. 1 — F. 356. S. 247–251; консультация Х. Люлевича). Завещание было подтверждено Д. А. Курбским в Трибунале 23 мая 1648 г. На него ссылается Я. Д. Курбский во время процесса против Ц. Гедройц в 1672 г. (ЛМ-362. Л. 440).

[1921] ЛМ-125. Л. 76–77; ЛМ-130. Л. 156 — 156 об., 375–376; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 196–197.

[1922] Об этом см. здесь ниже.

[1923] КЗУ-23. F. 200–201, 202–203, 224–225v.

[1924] *Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M.* Historia państa i prawa polskiego. Warszawa, 1979. S. 257; *Bogucka M.* Staropolskie obyczaje w XVI–XVII wieku. S. 50.

[1925] ЛМ-114. Л. 142 об. — 143 (3 сентября 1641 г.). Имение передано ему от Габриеля и Александра Лиштвяньских Ставожиновичей *jure caduco*.

[1926] ЛМ-115. Л. 232 об.

[1927] ЛМ-114. Л. 606 об. — 607 (12 мая 1644 г.). См.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 467. № 26. Н. Г. Устрялов читает все названия как обозначения одного села, но в акте говорится: "do dispositiey naszey *przypadłe* wies Dobkowo abo Gimbogoła y Bobroycie *nazwane*» [*входящие* в наше распоряжение и *носящие названия* село Добково, или Гимбогола, и Бобройче], т. е. Добково (Гимбогола) и Бобройче — два разных села (ЛМ-114. Л. 606 об. — выделено мной. *К. Е.*). Их же как разные "sioła Cimboły i Bobruie" и "sioło Dopkowo alias Gimbogoła i sioło Bobruie" А. Д. Курбский передает в аренду (ЛМ-114. Л. 692 об.; ЛМ-121. Л. 253).

[1928] ЛМ-114. Л. 692 об. (15 декабря 1644 г.); см.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 467. № 27. Еще до завершения срока аренды, 6 апреля 1648 г., оба села были переданы в аренду к Федору Соломеру и его жене Кристине Юрицкой на три года (ЛМ-121. Л. 253).

[1929] Видзеншки (Виденшки) — родовое имение, по которому определялся княжеский титул отца Цецилии воеводы Мстиславского старосты Вилкомирского державцы Обельского Мартина Гедройца «на Виденшках» (см., напр.: AGAD. Archiwum Platerów z Antuzowa. N 30. S. 18, май 1618 г.; N 31. S. 19, май 1599 г.).

[1930] ЛМ-355. Л. 491 — 491 об., 494 об. — 494 (16 марта 1668 г.). Постановление минского суда, по которому Огинской была выдана на противника «банниця», вышел 18 декабря 1647 г. и вступил в действие 22 января следующего года. Б. Радзивилл отказался покидать имение, находившееся в его владении (ЛМ-360. Л. 572 об. — 573).

В 1649 г. А. Д. Курбский был награжден имением Бобрек в повете Новгород-Северском[1931].

В ноябре 1650 г. король Ян-Казимир утвердил разделение Криничина между братьями Андреем и Яном Дмитриевичами Курбскими на две половины[1932]. Позднее, уже в 1660-е гг. для обоих братьев совладение вызвало трудности в передаче своих долей женам, и между семьями Андрея и Яна возникли разногласия, решавшиеся в суде. Детей у обоих братьев в браке не было.

В июне 1651 г. в качестве награды отличившемуся на войне против «нынешнего Речи Посполитой и Нашего неприятеля» Курбскому король назначает его после смерти Петра Подлецкого подчашим вилкомирским[1933]. В 1654–1655 гг. князь занимает должность судьи гродского виленского[1934]. 30 октября 1655 г. А. Д. Курбский занял должность маршалка упитского и получил имение Зенкуны[1935]. В мае 1656 г. он, находясь в вилкомирском повете, переписывался с кн. М. С. Шаховским относительно условий перехода на русскую службу и 27 июня вместе с зятем Адамом Соколовским принял в Вильно православие[1936]. Московский воевода утвердил арендную плату с мельниц, среди них с шести жерновов на мельнице Курбского выплачивалось в государеву казну 10 ефимков[1937].

Иначе — и не без дани чинопроизводственной риторике — представлена служба А. Д. Курбского в вышедшем десять лет спустя акте о назначении его на должность маршалка упитского: изгнанный из своих обращенных в ненел имений, он продолжал самоотверженно служить королю, «dexterrime в делах военных и публичных»[1938].

В сентябре 1657 г. между Андреем и его братом Яном начался разлад из-за Криничина и имения их умершей сестры Рогова[1939]. Оба имения были в совместном владении братьев. Это положение не устраивало обоих, но извлечь выгоду из него было проще старшему брату. Андрей претендовал на нераздельное держание унитских имений по старшинству и записал Криничин за своей женой. Ян держал в своей канцелярии запись на Рогово и, пользуясь этим, без согласования с братом продал свою часть Рогова Соколовским. Это вызвало негодование Андрея Курбского. В завещании он настаивал, что писарь гродский унитский «половину свою» продал незаконно[1940]. Рогово досталось А. Д. Курбской от ее первого мужа Романа Соморока, и получить его в совместное владение Курбским удалось только после того, как были выплачены долги умершего, по словам Андрея Курбского, с его половины Криничина[1941].

Князь Андрей был женат на дочери виленского земского судьи, княжне Цецилии Марциановне Гедройц, в первом браке жене королевского секретаря Николая Путяты[1942]. Владения Курбского выросли после женитьбы. Она записала навечно мужу имения Гедройцы, Хоронжишки в Виленском воеводстве, Повильну в городе Вильно и имение Коломыски и Кончове в Полоцком воеводстве[1943]. В июле 1658 г. Андрей оформляет свою долю родового имения в сумме 15 тыс. зл. в совместное пользование с женой[1944]. Казна Великого княжества Литовского была исповещена об этом в марте 1659 г., и тогда же сделка была подтверждена «листом подавчим»[1945]. На следующий год, после подтверждения прав

1931 *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 468. № 30. Найти этот акт и упоминания о нем нам не удалось. В более поздних завещательных актах и судебных постановлениях, связанных с Курбскими, нет данных и о самом имении Бобрек.

1932 LMAVB. RS. F 31-579 (23 ноября 1650 г.). «Консенс» короля Яна-Казимира на разделение имения подписан чуть позже: LMAVB. RS. F 31-302. F. 1v, то же: F. 31-303. F. 1v (Дата акта: 31 декабря 1650 г.).

1933 ЛМ-127. Л. 39 — 39 об. (27 июня 1651 г.); см.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 468. № 31.

1934 Metryka Litewska. Księga wpisów nr 131 / oprac. A. Rachuba. Warszawa, 2001. S. 456.

1935 *Wasilewski T.* Zdrada Janusza Radziwiłła w 1655 r. i jej wyznaniowe motywy // ORP. Wrocław, 1973. T. 18. S. 142, 144 (на основе документов Стокгольмского архива).

1936 *Экземплярский А.* К родословной кн. А. М. Курбского. С. 2–3.

1937 РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб 244. Л. 390. Цит.: *Герасимова И. В.* Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб., 2015. С. 24, 100, 196, 288. И. В. Герасимова датировала роспись «неизвестной государю» службы в Вильно кн. М. С. Шаховского 1655–1658 гг. более поздним временем: 17 марта 1660 — 7 февраля 1661 г. Благодарю Матиаса Ниндорфа (Mathias Niendorf) (Германия, Грайфсвальд) за ценные замечания.

1938 ЛМ-132. Л. 640.

1939 *Wolff J.* Kniaziowie... S. 692. См. также: КЗУ-23. F. 215–216, 222 223v.

1940 АВАК. Т. 12. С. 603.

1941 Там же.

1942 Помимо Фрицкевичей и Огинских, о которых речь пойдет ниже, родней Курбского по жене в Упитском повете был хоружий виленский Мартин Гурский, муж Зофии Юразанки Гедройц (ЛМ-455. Л. 418 об. (26 марта 1631 г.)).

1943 Там же. С. 602.

1944 ЛМ-130. Л. 375–376 (22 июля 1658 г.). Акт был упомянут Цецилией Курбской во время процесса 1672 г., который она вела против деверя из-за имения Криничин (ЛМ-362. Л. 435). В 1661 г. Цецилия Гедройц принадлежала бумажная мельница в Павильнисе, которая производила бумагу с гербом князей Курбских. См.: *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII веках / сокр. пер. с лит. Ю. В. Андрюшайтите. Вильнюс, 1979. С. 70.

1945 ЛМ-362. Л. 435.

брата и его жены на половину Криничинского имения, 15 апреля 1662 г. он, будучи уже *седым человеком*, получает от короля разрешение передать свои ленные имения жене в пожизненное владение на сумме 15 тыс. зл. Речь шла, конечно, только о принадлежавшей князю Андрею половине Криничинского имения с теми же дворами, пашнями и селами, которые перечислены в акте Яну Курбскому от 9 июня 1661 г.[1946] Конкуренция между семьями родных братьев вылилась в судебную борьбу. Впрочем, выступления Яна Курбского против распоряжений брата ни к чему не привели. Сделка между Андреем Дмитриевичем и его женой о взаимной передаче имений была 24 июня 1663 г. утверждена в Трибунале[1947].

Осенью 1662 г. братья Андрей и Ян, подчаший вилкомирский и писарь гродский унитский, судились на Унитском гродском уряде с Богуславом Радзивиллом за долг Януша Радзивилла их отцу, князю Дмитрию-Миколаю Курбскому. Дело представлял свояк Курбских по клану Гружевских Григорий-Казимир Подберезский[1948]. Неизвестно, удалось ли отсудить весьма давнишний долг. А вот Подберезский, староста унитский и жулбинский, был близким родичем и партнером Курбских по их матери и вместе с тем с крупными шляхетским родами — Завишами, Дорогостайскими, Тарновскими, Сангами. Десятилетие спустя именно он унаследует выморочное имение Курбских.

После смерти маршалка унитского Зигмунда Раецкого князь Андрей Дмитриевич в 1666 г. получает его должность[1949]. В конце 1667 г. начались заседания суда по возобновленному делу об имении Видзенишки на сумме 3202 кон гр.[1950] В марте 1668 г. на асессорском суде князь и его жена выступили по этому делу в качестве истцов[1951]. Только в сентябре суд постановил отложить рассмотрение спора, так как приближался сейм, на время которого представитель от Ливонии конюший литовский Б. Радзивилл получал право не отвечать перед судами[1952].

Еще 26 июня 1668 г. А. Д. Курбский, будучи «в настоящий момент в добром здравии», но чувствуя приближение смерти, составил завещание[1953]. Скончался князь не ранее второй половины сентября и не позднее начала декабря того же года. Нижняя дата установлена на том основании, что, по словам его вдовы, споры за документы с Яном Курбским он прекратил из-за отречения короля Яна Казимира, которое формально было принято сеймом 16 сентября 1668 г. Уже после этого кн. А. Д. Курбский умер[1954]. Верхней границей даты его кончины является время занесения тестамента в книги кантурного суда. Завещание А. Д. Курбского упомянуто в ходе процесса Я. Д. Курбского с Ц. Гедройц под датой 10 декабря 1669 г., но формула "testament... w dacie... według prawa sprawiony, y do akt sądu kapturowego legitime podany" относится в записи королевского реляцийного суда к событиям до 1 февраля 1669 г., поэтому с учетом ошибки в указании года можно предположить, что завещание А. Д. Курбского было представлено «перед судьями кантуровыми» 10 декабря 1668 г.[1955] Текст завещания записан в книги кантурного суда Виленского воеводства через месяц, 10 января 1669 г.[1956]

Цецилия Курбская получила от мужа по завещанию в пожизненное владение весь Криничин со всей недвижимостью и движимостью, включая и часть Я. Д. Курбского, ей также были возвращены ее владения в Виленском воеводстве, Вильно и Полоцком воеводстве[1957]. Она не получала только криниченского «выдела» Борлонь (Borłoń) с пашней и деревнями, под которым следует понимать имение Яна Курбского Боркланы[1958]. Особенное недовольство тестатора

[1946] LMAVB. RS. F 31-236 (Варшава, 15 апреля 1662 г. Верхняя левая часть акта утрачена). См. также: ЛМ-131. Л. 1223–1225. Уп.: LMAVB. RS. F 31-302. F. 1v, то же: F. 31-303. F. 1v. Сокращенное издание копии из Литовской Метрики см.: Metryka Litewska. Księga wpisów nr 131. S. 307. Упоминание этой сделки в завещании А. Д. Курбского: АВАК. Т. 12. С. 602. В акте из Литовской Академической библиотеки имя княгини Гедройц — «Цецилия», вписывалось в пропусках, оставленных в строке. Приписана также месячная и денная дата. В числе имений названия (начальная часть с упоминанием Криничина оборвана) "Sioła Borkłaynie, Sioła Dowkniun, Sioła Juryszek, Stasiszek, Petryszek, Zaliszek y Sioła Mieziur".

[1947] ЛМ-362. Л. 435 — 435 об.; АВАК. Т. 12. С. 602.

[1948] LMAVB. RS. F 31-69. F. 1–1v (Поневеже, 30 сентября 1662 г.). О родстве Подберезских с Гружевскими см.: *Drungilas J.* Etnosocialinis mobilumas... P. 67, 70, см. также генеалогическую таблицу между с. 56 и 57.

[1949] ЛМ-132. Л. 640–641 (10 февраля 1666 г.). Соответствующая смена должностей в Упитском повете: Там же. Л. 762–765. См.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 468. № 34.

[1950] ЛМ-360. Л. 573 («лист проезжий» представителю короля на рассмотрение дела был выдан 14 декабря 1667 г.).

[1951] ЛМ-355. Л. 491 — 491 об., 494 об. — 494.

[1952] ЛМ-355. Л. 652 — 652 об. (11 сентября 1668 г.).

[1953] АВАК. Т. 12. С. 601, 604–605.

[1954] ЛМ-361. Л. 144; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 196.

[1955] ЛМ-362. Л. 435 об.

[1956] АВАК. Т. 12. С. 600–601.

[1957] Там же. С. 602.

[1958] Там же.

было вызвано продажей половины имения Рогово его братом Яном их зятю Адаму Соколовскому. А.Д. Курбский грозил, что в случае выздоровления продолжит судебный процесс против брата за Рогово, и завещал вилкомирское имение жене «особенным моим вечным правом»[1959]. От Я.Д. Курбского она должна была судебным порядком получить сумму 1248 злотых, соответствующую половине совместного имения (оставаясь при этом его полной хозяйкой)[1960].

Сразу после смерти унитского маршалка возобновилась борьба за его владения. 9 апреля 1669 г. княгиня была «правом внущена» в земли мужа[1961]. Ян Курбский попытался захватить ее имение силой, но был вынужден доказывать свои права на часть Криничина и военную амуницию брата в суде[1962]. В 1669 г. вдова князя продолжила также борьбу в королевском асессорском суде с конюшим за имение Видзенишки, но дело было перенесено на 1670 г. из-за отсутствия частных сведений о решениях местных судов, а затем продлилось до 1672 г., и вдова Курбского его проиграла[1963].

Младший сын Д.А. Курбского Ян-Остафий (умер вскоре после 4 июля 1672 г.) был женат на Кристине Заранковне Горбовской (умерла между 20 сентября и 9 октября 1673 г.)[1964]. Уже 9 июля 1637 г. он de jure получил от отца фольварк Боркланы. 18 ноября 1639 г. ему были переданы владения в Боркланах и право распоряжаться ими в сумме не более 4 тыс. кон гр.[1965] Женившись, он 16 октября 1640 г. записал свое имение в пользование своей жене за долг в 4 тыс. кон гр.[1966] Как и его брат, он участвовал в «различных военных оказиях»[1967]. Между 18 ноября 1639 и 1646 г. кн. Ян Курбский получил должность подкоморія унитского, в 1647 г. — подстолего унитского и вскоре — писаря гродского унитского[1968]. Как уже сказано, к ноябрю 1650 г. Ян добился окончательного раздела родового имения в равных долях с братом.

Во время «Потопа» от шведского оккупационного правительства Ян Курбский получил должность подчашего вилкомирского, но после прекращения оккупации удержать ее не смог[1969]. В марте 1658 г. Я.Д. Курбский и его жена К. Горбовская получают подтверждение на ленные владения Боркланы (Бокланы), Гатишки и Статишки — на сумму в 4 тыс. кон гр.[1970] К 1660 г. Ян вместе с женой приобретают имение Митово в Вилкомирском повете[1971]. В 1660 г. детей у них нет: в акте от 25 февраля 1660 г. Ян оговаривает, что в случае его смерти половина Криничина и половина Рогова должны перейти жене, Митово — ее племяннице Марианне Гречинянке, вещи — его племянникам Визгирдам[1972]. В 1661 г. он и его жена получили подтверждение на унитские имения «правом ленным вечным» в составе половины Криничина и поместья Боркланы с селами Боркланы, Довкнюны, Юсишки, Стасишки, Петришки, Залишки, половины села Межюр — на сумму 15 тыс. зл., внесенных в виде залога еще до Люблинской унии[1973]. Брат Андрей воспринял заключение этого договора как демарш, направленный на подрыв майората в Криничине, и своей рукой написал гневное обращение к унитской

[1959] Там же. С. 603.

[1960] Там же. С. 603–604.

[1961] ЛМ-362. Л. 435.

[1962] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 693.

[1963] ЛМ-360. Л. 573 об. — 574 (12 ноября 1669 г.); *Wolff J.* Kniaziowie... S. 196.

[1964] Дата ante quem смерти К. Заранковны Горбовской установлена на основе жмудских гродских книг А. Рахубой (VUB. F. 7. 14483. ŽP 25. 1673. K. 678; консультация А. Рахубы). Неясно, чьей дочерью была жена Яна Дмитриевича. Шляхтичи Заранки Горбовские упоминаются в актах Брестского гродского суда: Лев Мартинович (25 марта 1577 г.), братья Павел и Ян (19 апреля 1631 г.) (Опись документов... Вып. 10: Акты Брестского гродского суда за 1575–1715 годы. №7027. Вильна, 1913. Стб 50 (№170), 234 (№949)).

[1965] ЛМ-113. Л. 418 об.; см.: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 466. №22. После данной записи в книге был еще один акт, содержавший предписание великому маршалку К. Радзивиллу передать Яну Курбскому и его жене два имения (? — после слова "dwu" неразборчиво — см.: Реестр // РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. №113. Л. XVII об.). Акт не сохранился. Внизу л. 418 рукой Яна Стадурского отмечено, что далее вырезано три листа. Акт мог быть датирован тем же днем, что и предыдущий, поскольку следующий на л. 420 (это продолжение акта, который, согласно реестру, начинался на утраченном л. 419) датирован тоже 18 ноября 1639 г.

[1966] АВАК. Т. 12. С. 607; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 692–693 (ссылка на запись в книгах земских Унитских от 16 января 1641 г.).

[1967] ЛМ-134. Л. 127 об.

[1968] ЛМ-130. Л. 156; см.: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 467. №29; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 196; *Liedke M.* Od prawosławia do katolicyzmu. S. 290–293 (воспроизведен тестамент маршалка унитского Иеронима Пузыны из книг гродских унитских, вписанный под 18 октября 1655 г. писарем гродским унитским Яном Ярославским Курбским, хранится в: Lietuvos nacionalinė Martyno Mažvydo biblioteka. F. 93. N 779).

[1969] *Wasilewski T.* Zdrada... S. 142, 145 (на основе документов Стокгольмского архива).

[1970] ЛМ-130. Л. 156 — 156 об. Привилей упомянут в процессе Я.Д. Курбского с Ц. Гедройц (ЛМ-362. Л. 441 об.).

[1971] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 693.

[1972] Ibid.

[1973] ЛМ-134. Л. 127 об. — 128 (9 июня 1661 г.); ссылка на этот акт: ЛМ-362. Л. 440.

шляхте, настаивая, что ленное имение Курбских неделимо и его младший брат не имеет права записывать жене его часть в пожизненное владение («доживоте»)[1974]. Противостояние Андрея и Яна Курбских продолжалось, хотя решающего перевеса ни одной из сторон получить не удалось.

После смерти брата Я. Д. Курбский 1 февраля 1669 г. при поддержке воеводы смоленского Ежи Шумлянского занял весь Криничин и нанес ущерб хозяйству невестки[1975]. Унитский кантурный суд вынес 13 марта того же года постановление о передаче имения брату маршалка, через неделю, 20 марта ввод во владение («интромиссия») был утвержден, а 2 октября 1669 г. привилей короля Михаила Корибута Вишневецкого закрепил право Курбского и его потомков на родовой фольварк[1976]. Тем не менее Цецилия Гедройц 8 марта 1669 г. подала на деверя иск в Ковенский кантурный суд и 9 апреля получила на него «баницию» — по сути, объявление «банита» вне закона и его изгнание за пределы государства, а на деле приговор в пользу выигравшей суд стороны, вынуждающий «банита» к исполнению постановлений суда[1977]. Курбский не подчинился и выступил в Унитском кантурном суде с жалобой о попытке нападения на него челяди княгини; но похоже, в этом деле местный суд встал на сторону вдовы[1978]. Дело об имении перешло в Трибунал, который на заседании в Минске занял такую же позицию, но результат рассмотрения вновь оказался спорным, поскольку суд рассматривал дело о нападении Яна Курбского на чужое хозяйство, а постановление принимал по вопросу наследования[1979]. Через своего представителя князь обратился в асессорский суд с иском, в котором указывал на то, что дела о наследовании родовой недвижимости шляхтичей не в компетенции гродских и кантурных судов[1980]. Слушания длились с 7 по 17 января 1671 г., и было принято решение потребовать от вдовы маршалка унитского документы, подтверждающие ее право на получение собственности мужа[1981]. Та попыталась представить необходимые доказательства и завершить дело в Трибунале, получив от него окончательное решение, но Ян Курбский оттягивал явку в суд, отговариваясь болезнями и судами в Вильно и Уните[1982]. Дело продолжилось только через год, и к тому времени Я. Д. Курбский был уже уверен в своей победе — 6 февраля 1672 г. он продал родовое имение Криничин вместе с Боркланами за 50 тыс. зл. воеводе смоленскому Григорию Казимиру Подберезскому, а все собранные Цецилией Гедройц акты и выписки не могли перевесить права наследования ленного владения «по мечу»[1983]. Окончательное решение было за королевским реляцийным судом, который 28 марта 1672 г. принял декрет об отклонении претензий вдовы маршалка на недвижимость, но предписал выплатить ей 8 тыс. зл. и компенсацию в таком же размере («совито») за нанесенный в феврале 1669 г. материальный ущерб[1984]. В апреле–июле 1672 г. сделка Курбского с Подберезским была подтверждена согласием короля на продажу, ее юридическим признанием и интромиссией нового владельца[1985].

29 июня 1672 г. Я. Д. Курбский составил завещание, которое было внесено 3 августа 1672 г. в книги гродские Вилькомирские и 28 июля 1673 г. в книги Трибунала[1986]. Писарь просил по-

---

[1974] ЛМ-362. Л. 440–441 (полностью приведена копия обращения от 28 апреля 1662 г.).

[1975] ЛМ-362. Л. 435 об.

[1976] ЛМ-362. Л. 438 об., 441 об.

[1977] ЛМ-362. Л. 435 об. — 436. Занесена в книги гродские вилкомирские 14 октября 1669 г. (ЛМ-361. Л. 142).

[1978] ЛМ-458. Л. 419 — 419 об. (Иск Яна Курбского 30 августа 1669 г., отмена «баницин» на князя Яна 21 июня 1670 г.).

[1979] ЛМ-362. Л. 436 об. (Присяга Ц. Гедройц 30 июня 1670 г.); ЛМ-361. Л. 141 об. («Сублевацин», т. е. отмены предыдущих постановлений, принятых Трибуналом 26 июля и 30 декабря 1670 г.).

[1980] ЛМ-362. Л. 438 — 438 об. (Иск 2 мая 1670 г.); ЛМ-361. Л. 141–142 (Вызов на 31 декабря 1670 г.).

[1981] ЛМ-361. Л. 143 об. — 145.

[1982] Последний срок был назначен на 19 октября 1671 г., но 9 октября Курбский попросил в унитском суде новую отсрочку, получил ее на срок до 12 ноября, и тут же вспомнил, что на ноябрь у него вызов в унитский гродский суд (ЛМ-362. Л. 437 — 437 об.).

[1983] ЛМ-362. Л. 179 об. — 180; *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 469. № 35; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 693 (ссылка на книги гродские и земские унитские). См. о воеводичах Смоленских Александре и Казимире Подберезских: ЛМ-459. Л. 453–454 (6 октября 1684 г.). На Жмудском земском уряде сделка признана 10 февраля 1672 г. См.: LMAVB. RS. F 31-302. F. 2v; F 31-303. F. 2v.

[1984] ЛМ-362. Л. 443 об. — 445 об.

[1985] Подтверждение короля Михала Вишневецкого на передачу Криничина с Боркланами Г.-К. Подберезскому см.: Archiwum Narodowe w Krakowie. Zbiór dokumentów pergaminowych. N 989; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 693 (ссылки на подлинные акты и книги гродские унитские). Привилей ("Przywilej Approbationis") короля Михала Вишневецкого на от 4 июня 1672 г. на получение Криничинского имения Григорием Подберезским от Яна Курбского с правом наследования «по мечу» и инвентарь Криничинского имения от 27 июня 1672 г. уп.: LMAVB. RS. F 31-302. F. 3, то же: F 31-303. F. 2v. Краткий реестр судебных дел между Яном Курбским и Цецилией Гедройц после смерти маршалка унитского Андрея Курбского см.: LMAVB. RS. F 31-302. F. 1v–2v, то же: F 31-303. F. 1v–2v.

[1986] АВАК. Т. 12. С. 605–606, 608.

хоронить его без «светской номны», оставлял жене всю сумму (17 тыс. злотых) на имении Мущниках и 10 тыс. из 30 тыс. зл. на Криничине, причем еще в 1667 г. Ян признал в Трибунале занись жене на 5 тыс. зл. (эта сумма прибавлялась к 10 тыс.)[1987]. От оставшейся суммы Кристина Заранковна отреклась в результате сделки с Подберезским в Росейнях Жмудского староства, видимо, тогда же получив имение Пущники[1988]. После смерти жены Ян завещал передать 2 тыс. зл. своему братанку Я. Визгирду, 1 тыс. зл. братанце Варваре Визгирдовне Вольской, 1 тыс. зл. жене столника Новогрудского Кристине Визгирдовне Станкевич, а остаток раздать слугам по их службе[1989]. Опекуном жены Ян Курбский назначает двоюродного брата тиуна Великих Дирвян, хорунжего Княжества Жмудского Яна Гружевского и «третьего» стольника Брестского Павла Заранка Горбовского[1990]. Вскоре после смерти Яна его вдова, за неимением потомства, завещала остаток владений костелу и дальним родственникам[1991]. В середине XVIII в. Криничин перейдет от писаря гродского оршанского Франчишека Подберезского старосте плонгянскому Якубу Карню. Сделка будет закреплена привилеем короля Августа III от 19 сентяря 1746 г. (инвентарь — от 27 марта 1747 г.)[1992].

По женской линии, дочь князя Дмитрия-Миколая Курбского Анна была в первом браке за судьей земским вилкомирским Романом Сомороковым, а вторично — за Адамом Соколовским[1993]. Она владела имением Рогово и умерла незадолго до 11 сентября 1657 г.[1994] После ее смерти Рогово перешло в совместную собственность ее братьев, причем они заложили имение Соколовским, а Ян Курбский без согласия брата свою «часть» продал им навечно[1995]. В июне 1777 г. пожалованием короля Станислава Августа часть имений Курбских, в прошлом принадлежавшая княжне Анне Курбской, была передана *jure caduco* обозному смоленскому Яну Фронцкевичу[1996]. Род князей Курбских назван выморочным[1997]. Что, впрочем, было уже более 100 лет свершившимся фактом.

Рассмотрев историю потомков А.М. Курбского, можно попытаться ответить на вопрос о землевладении литовских князей Курбских Ярославских. Они располагали унитскими, вилкомирскими, виленскими и новгород-северскими имениями. Очевидно, что ни к полоцкой, ни к витебской шляхте, в отличие от «Каспера Курбского» и его детей, они отношения не имеют. Ни в одном из документов, касающихся имущественных разделов и споров двух последних поколений князей Курбских ни Каспер, ни другие потомки А.М. Курбского «по мечу», помимо Дмитрия Андреевича и его сыновей Андрея и Яна, не фигурируют. Если признать Каспера подлинным князем Курбским, то пришлось бы иметь дело с парадоксальным сочетанием обстоятельств:

во-первых, преднамеренное отстранение этого князя от наследования феода, права на который имели все князья Курбские мужского пола;

во-вторых, непричастность подлинных князей Курбских на всем протяжении существования их рода к витебским и полоцким имениям (в том числе к имению «Каспера Курбского» в Усвяте);

в-третьих, отсутствие какого-либо интереса со стороны самого этого предполагаемого наследника кн. Андрея Михайловича Курбского Ярославского к ленным владениям князей Курбских, особенно в момент прекращения их рода;

в-четвертых, полная неосведомленность судебных инстанций всех уровней о существовании линии, имеющей формальное право на наследование спорных и выморочных имений.

[1987] Там же. С. 606–607.

[1988] Там же. С. 607.

[1989] Там же.

[1990] Там же. С. 607–608.

[1991] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 693.

[1992] Эти и ряд других актов, по которым Карпи получили Криничин, уп.: LMAVB. RS. F 31-302. F. 3v–4, то же: F 31-303. F. 3–3v.

[1993] *Экземплярский А.В.* К родословной кн. А.М. Курбского. С. 2–3; АМГ. Т. 2. С. 509.

[1994] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 692.

[1995] АВАК. Т. 12. С. 603.

[1996] Павел Фронцкевич был женат на Марианне Гружевской, представительнице жмудского рода, из которого происходила первая жена кн. Д.А. Курбского и мать его детей Андрея, Яна и Анны (ЛМ-355. Л. 481 — 483 об. (27 февраля 1668 г.); Metryka Litewska. Księga Sigillat 1709–1719 / oprac. A. Rachuba. Warszawa, 1987. S. 75. N 439 (10 ноября 1710 г.)). Кроме того, как уже отмечалось, родственные связи с Фронцкевичами были у князей Гедройц. Замужем за Б. Фронцкевичем была К. Огинская, на стороне которой А.Д. и Ц.М. Курбские выступали в споре за имение Видзенишки. Андрей Дмитриевич Курбский называет из близких родственников своей жены канцлера Великого княжества Литовского К. Паца и воеводу Минского К. Белозора, а из своих подкоморня Упитского Андрея с Козельска Пузыну, приходившегося маршалку упитскому Иеронниму Пузыне сыновцем — племянником по брату (АВАК. Т. 12. С. 604). О родстве Курбских с Огинскими и Пузынами было известно В. Внюк-Кояловичу (цит. "Nomenclator" по: *Niesiecki K.* Korona Polska. S. 752).

[1997] *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 469. № 35.

И наконец, тот факт, что в момент выезда из Речи Посполитой в Россию и в первый год после этого события князь Александр Касперович именовался Крунским, позволяет предположить причастность новоявленных Курбских к роду шляхтичей Крунских.

***

Фамилия Крунских возникла от холмского имения Круны и фиксируется со второй половины XV в. Во второй трети XVI в. известны сыновья Юрия Крунского Станислав, Ян, Иероним, Криштоф, Януш[1998]. Последний из них был отдаленным родственником кн. А. М. Курбского, так как был женат на Маруше Петровне Кирдеевне Мыльской, приходившейся золовкой княгине Ганне Юрьевне Гольшанской, сестра которой Мария третьим браком была за князем Андреем Курбским[1999]. На внуках Криштофа достоверные геральдические сведения о родстве Крунских обрываются[2000]. В. Виюк-Коялович называет в Витебском воеводстве Яна Крунского в правление короля Владислава IV ("Krupski Joannes inter suffragatores Vladislai IV ex Palat. Vitepscensi")[2001]. К. Несецкий, не уточняя степень родства, упоминает в 1632 г. в Русском воеводстве Криштофа Крунского (возможно, внука Криштофа Юрьевича), а в Витебском воеводстве Иоахима и Стефана[2002]. Этот список, конечно, неполон[2003]. Во второй половине XVII в. действовали Крунские, о которых геральдисты сохранили лишь хронологически разрозненные упоминания: на литературном поприще Бернард (1698), на военном Ян (1690)[2004], в общественной жизни Андрей (1669), Ян Криштоф (1674), Ян Станислав (1684), Петр (1692)[2005].

Род князей Курбских Ярославских в Речи Посполитой

Какая-то ветвь Крунских имела владения на территории Великого княжества Литовского. В Литовской Метрике сохранился акт от 3 августа 1614 г., из которого ясно, что после смерти Самуэля Вендроговского два сельца в старостве Усвятском *Рымдино* и *У задней завоти* «над рекою Ловотю» на правах пожизненного владения перешли к его жене Раине Владиславовне Болковне. Она повторно вышла замуж за Яна Крунского, а тот обратился в королевскую канцелярию за получением таких же прав на эти имения, и его просьба была удовлетворена[2006]. Сорок лет спустя, 21 апреля 1654 г. был выдан акт, по которому жена Яна Крунского Анна Заневская передавала три пустоши (Васково, Кузмино, Селково «за рекой Ловатью») в старостве Усяцком (Усвятском) Витебского воеводства своему сыну Юзефу Крунскому и его жене Анне Езиновичовне[2007]. В канцелярской книге 1660–

[1998] *Paprocki B.* Gniazdo Cnoty. S. FF II; *Boniecki A.* Herbarz Polski. Część I. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa, 1908. T. 12. S. 349.

[1999] О М. П. Кирдеевой Крунской см.: AGAD. MK 109. S. 321–323 (10 ноября 1571 г.).

[2000] *Boniecki A.* Herbarz Polski. T. 12. Warszawa, 1908. S. 350.

[2001] BCz. N 1352. S. 102; то же: N 1741. S. 217; N 1741a. S. 179.

[2002] Против Стефана Крунского и его жены в марте–апреле 1654 и весной 1667 г. в королевском асессорском суде вели дело Людвиг Зельский и его жена Зофья Белозор (ранее жена хоружего Минского Вильгельма Стецковича). Первоначально конфликт рассматривался в Минском воеводстве, и обе стороны подпадали под юрисдикцию минского гродского суда (ЛМ-355. Л. 248 — 248 об., 374).

[2003] Слуга Станислава Кулеши Лав. Крунский из Брянского повета был убит в 1614 г. (Опись документов... Вып. 8. Стб 363. 1614 г. № 302 (6 марта)). «Возный енерал», т. е. судебный поверенный, воеводства Киевского Василий Крунский в январе 1615 г. выступал на процессе кн. М. К. Вишневецкого Овруцкого против бояр овруцких (ЛМ-206. Л. 117 об.).

[2004] *Niesiecki K.* Korona Polska. T. 2. S. 715–716.

[2005] *Boniecki A.* Herbarz Polski. T. 12. Warszawa, 1908. S. 350.

[2006] ЛМ-86. Л. 961 об. Видимо, тот же Ян Крунский упомянут в Усвяте в 1623 г. (*Boniecki A.* Herbarz Polski. T. 12. Warszawa, 1908. S. 350).

[2007] ЛМ-128. Л. 451 — 451 об. Дар выделяется из пожизненных владений Крунской — видимо, речь идет о части родовой земли Крунских, выделенной ей мужем.

1662 гг. записан акт о передаче обозному Великого княжества Литовского Ежи-Карлу Рыбскому ленного имения Езерочизна в Полоцком воеводстве после смерти не имевшего потомства Станислава Крунского, датированный 19 ноября 1661 г.[2008]

Все обнаруженные в Литовской Метрике свидетельства позволяют локализовать часть родовых владений Крунских в Полоцком и Витебском воеводствах. Ю. Я. Крунский получает от матери пустоши в том же приграничном старостве, где находились владения Каснера «Курбского». По крайней мере, Александр-старший заявил в Москве, что его отец с 1654 г. и до конца войны служил царю со шляхтой по Полоцку и Витебску: «...а маетности у него были под Усвятом, и служил отец ево с тех же маетностеи, с которых и королю», а после войны был отпущен «и приехал под Витебском в маетность свою и в ней живет и доныне»[2009].

Обратимся к русской службе обоих Александров, называвшихся князьями Курбскими. Прежде всего требуется уточнить время выезда каждого из братьев. Традиционно, и в лучшем случае вслед за К. Ф. Калайдовичем, считается, что младший Александр приехал в Россию в 1684, а старший — в 1686 г. Приказные документы позволяют уточнить обе даты. Младший брат оказался в пограничной русской крепости Белая в ноябре 7192, т. е. еще в 1683 г.[2010] Старший Александр давал показания 17 марта 1686 г. и заявил, что выехал «ис Полши за три недели Рожественского мясопусту», т. е. за три недели до Рождественского поста, что по православному календарю дает примерно 25 октября 1685 г.[2011]

Младшие Крунские были встречены в России весьма радушно. Несмотря на переход их отца с государевой службы на королевскую, их ждали большие милости и награды. Интересны основания, по которым Александр Каспорович (после принятия православия — Яков Васильевич) перешел на русскую службу. Шляхтич, около 20 лет от роду, узнает о «великих государей неизреченной милости к иноземцам» и бросает свое разоренное войной имение[2012]. Приехав в пограничную крепость Белую, Яков называет себя «шляхтичем князем Александром Карновым сыном Крунским»[2013]. Таким же образом *он именует себя* в «расспросных речах», ни словом не ссылаясь на А. М. Курбского[2014], и так же *именуют его* в московских приказах, но меньшей мере до конца апреля 1684 г. Поднись переехавшего в Россию шляхтича также показательна: "Alexander Kniaż Krupski"[2015]. В восприемники «у святые купели» ему был назначен ближний боярин кн. В. В. Голицын, к тому времени заказчик и владелец не менее двух рукописей с сочинениями А. М. Курбского. Не от Голицына ли Крунский узнал о своем «предке»? Впервые в качестве «Александра Курбского» и «Александра Курпского» он встречается в записях середины 1685 и 1686–1687 гг. в «Книге записной», охватывающей с 28 мая 7193 (1685) по 7207 (1698/99) г.[2016] По и позднее он фигурирует, например, как «Крубской»[2017]. Наконец, по окончании допроса в Преображенском приказе 7 октября 1701 г. князь Яков подписывается: «Яковъ Курпъскии руку приложилъ»[2018].

В феврале 1684 г. он был награжден немалой суммой — 50 р. и одеждой не менее чем на 34 р. 10 алтын 3 деньги[2019], по особому челобитью — ежедневным (с 23 апреля) жалованьем в полтину милостью царевны Софьи[2020], а на следующий год получил 100 р. на двор и дом в Москве из Новгородского приказа[2021]. Для сравнения можно заметить, что для иностранца, свободно перешедшего на русскую службу в послевоенное время (после 1667 г.)[2022], достаточно высоким жалованьем

[2008] ЛМ-134. Л. 188 — 188 об.

[2009] РГАДА. Ф. 150. 1686 г. № 2. Л. 2–4. Александр сообщает, что родился в той же «вотчине» под Витебском. В Москву он отправился из этого имения через города Сурож и Велиж.

[2010] См.: РГАДА. Ф. 150. 1668 г. № 22. Л. 107 об.

[2011] Там же. 1686 г. № 2. Л. 5.

[2012] Там же. 1668 г. № 22. Л. 108 об.

[2013] Там же. Л. 107 об.

[2014] Ср.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 243.

[2015] РГАДА. Ф. 396 (Московская Оружейная палата). Оп. 1. № 22101. Л. 1 об.

[2016] РГАДА. Ф. 150. 1685 г. № 3 [только пагинация]. С. 116–117, 152–153, 385.

[2017] Там же. С. 333.

[2018] Там же. Ф. 371 (Преображенский приказ). Оп. 2. № 1013. Л. 18–19.

[2019] Там же. Ф. 396. Оп. 1. № 22101. Л. 1 — 6 об.; № 22262. Л. 1 — 1 об.; № 22570. Л. 1–2.

[2020] Там же. Ф. 150. 1668 г. № 22. Л. 122; 1685. № 3. С. 116–117.

[2021] Там же. Ф. 150. 1686 г. № 2. Л. 10–14.

[2022] Вознаграждения за переход на русскую службу в военные и довоенные годы следует сравнивать отдельно по особым критериям. В 1646 г. И. П. Салтыков получил, не считая дорогих изделий, тканей, соболей и поденного корма, 150 рублей за выезд, 300 руб. за крещение, царского жеребца в упряжи, поместье на 1000 четей и двор с каменными палатами (Там же. 1646 г. № 3. Л. 1 — 7 об., 17а, 24–25, 54–56, 60–64, 91–101. Дело любезно указано мне Т. А. Опариной). В документах о его «выезде» для сравнения приведены данные за 1642/43 г. о награждении датского графа М. Шляковского, в православии князя Льва: на 609 руб. 21 алтын и пол-деньги вещей, оклад в 300 руб.

было около 20 р. и «сукно доброе»; очень высоким, предназначенным для представителей самых знатных родов, 20–50 р.; и исключительно редко, например, когда выезжали татарские мурзы или нужно было достичь особых политических целей, оно превышало 50 р.[2023] Например, переход на русскую службу и в православие генерал-майора Филинна фон Буковена в 1676 г. и полковника Германа фон Стадена 11 апреля 1678 г. стоил казне (Большому приходу) по 50 р. и Сибирскому приказу по 50 р. соболями на каждого[2024]. В то же время примерами для награждения Якова Крунского служили шляхтичи средней руки И. Тяшкогорский, Ф. Храновицкий, И.Х. Буларт, М.Ю. Плосковицкий, Б. Делознер, И. и С. Снафарии.

Шляхтич получил чин стольника и, как впоследствии и его старший брат, был записан в Боярские книги 1686 и 1691 гг.[2025] В Книге пожалований выезжих иноземцев 1685 г. роспись пожалования и оклада Я.В. Курского, как и росписи ряда других «выезжих» иноземцев, периодически повторяется в разделах, относящихся по датам царских указов к 7194 (1685/86), 7195 (1686/87), 7196 (1687/88) гг.[2026] В эти годы Яков Крунский регулярно получал жалованье[2027]. В конце 1688 – начале 1689 г. подробно рассматривалось дело о «выезде» и службе шляхтича Павла Карповича Пилятовского: он просил денег для участия в Крымском походе. Бояре Василий и Алексей Голицыны приговорили выдать ему 30 руб.[2028] В дело вклинивается справка о том, что «в прошлом во 195-м году» кн. Я.В. Курскому «для службы Крымского походу дано их великих государей жалованья в приказ из Розряду денег 50 рублев»[2029]. Значит, за поход войска под командованием В.В. Голицына в 1687 г. «князь Яков» уже получил деньги. Приобщение этой справки (и только ее) к резолюции по делу Пилятовского свидетельствует о том, что стольник или был причастен к его челобитью, или одновременно с ним подавал свое челобитье о новом жаловании. Следовательно, Яков Крунский участвовал в первом Крымском походе и, вероятно, готовился отправиться во второй.

Крестный отец поддерживал Якова. В конюшнях В.В. Голицына во время следствия над Ф. Шакловитым были описаны две бурые лошади Курского[2030]. 19 декабря 1689 г. Яков Васильевич поручился за Ивана Тинбаева, слугу В.В. Голицына[2031]. Дело Голицыных не подорвало карьеру шляхтича[2032]. Об этом прежде всего свидетельствует его челобитье декабря 1690 г. о выдаче ему жалованья за «выезд» и за крещение[2033]. А 3 июля 1693 г. в Посольском приказе расспрашивали перешедшего на русскую службу поляка Василия Григорьевича Петровича (Piotrowicz), и он «про породу сказал свою, что ему здесь свой князь Яков Курской двоюродной брат»[2034]. Этот поляк (в деле его статус не определен) упоминает только одного двоюродного брата из двух Александров Крунских – Александр-старший уже к тому времени, вероятно, был отстранен от службы за убийство жены.

Ссылка В.Г. Петровича на двоюродное родство с Яковом Крунским означает, что либо тетка первого была женой Каспера Крунского, либо сестра Каспера была замужем за Григорием Петровичем. Во второй половине XVII в. известны жмудские и полоцкие представители этого рода[2035]. В 1646 г. Юзеф Петрович выступал

и на 2000 четей поместья; за 1639/40 г. – о значительном вознаграждении за переход на царскую службу и крещение Кореля Исупова, в крещении князя Ивана: на 905 руб. 18 алтын 1 деньгу, оклад 150 руб. и 1200 четей земли; за 1643/44 г. о крещении кн. Г.С. Черкасского: на 969 руб. 13 алтын 5 денег с окладом в 150 руб. и 1200 четей земли (Там же. Л. 29–30, 64–76, 77–90, 103). Полковник Авраам Леслн за «выезд» и крещение в православную веру был награжден в 1654 г. на 870 рублей 13 алтын (Там же. 1668 г. №22. Л. 97 об. – 100 об.).

[2023] Там же. 1668 г. №22. Л. 17–18, 25 об. – 26 об., 30, 36–37, 39 об. – 41 об., 45 – 46 об., 49 об., 50 – 50 об., 57 об., 85 – 85 об., 91 – 92 об., 95–96, 102–107, 119 об. – 122; 1685. №3. С. 61–68; 1690. №24. Л. 3–5 и др. См. также: *Бычкова М.Е.* О сословной структуре... С. 30–31, 35, 38; *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 11–13.

[2024] РГАДА. Ф. 150. 1668 г. №22. Л. 101–102.

[2025] РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 1. Кн. 10. Л. 413; Кн. 11. Л. 190; Алфавитный указатель фамилий и лиц упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 220. Обоснование датировок боярских книг 10 и 11–12 см.: *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 45–51.

[2026] РГАДА. Ф. 150. 1685 г. №3. С. 116–117 (актуальная дата на с. 111), 152–153 (см. с. 143), 333–334 (см. с. 325).

[2027] См. также: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1686 г. №3. Л. 11.

[2028] Там же. 1685 г. №3. С. 373–386.

[2029] Там же. С. 385.

[2030] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках / под ред. А.Н. Труворова. СПб., 1888. Т. 3. С. 231.

[2031] Там же. С. 1007, 1009.

[2032] Ср.: *Рыков Ю.Д.* Курбские. С. 222.

[2033] РГАДА. Ф. 150. 1690 г. №24.

[2034] Там же. 1685 г. №3. С. 561.

[2035] ЛМ-456. Л. 42 – 42 об. (среди жмудских бояр, судящихся за свои имения в Ясвойской волости, назван Лаврин Петрович, 18 января 1584 г.); ЛМ-455. Л. 166 об. – 167 (дело Яна Держка из Криника против

на суде в качестве новеренного кн. Д. А. Курбского[2036]. Служебная связь между родами была в Речи Посполитой XVII в. достаточно прочной и предполагала доверительные, почти родственные отношения. Представитель шляхтича на суде должен был хорошо разбираться не только в судебных формальностях, но и в делах своего патрона. Поэтому вполне допустимо, что шляхтичи Петровичи – связующее звено между «однофамильцами», нетитулованными Крупскими и князьями Курбскими.

Уголовное преступление брата не подорвало положение Якова. В декабрьской 1694 г. записной книге Печатного приказа сохранилось упоминание пошлины, взятой за судебное дело по иску Я. В. Курбского в приказе Холопьего суда: «Наказная память приказу Холопья суда подьячему Василью Соколенскому. По челобитью столника князь Якова княжь Васильева сына Курпского велено в ыску ево в спорных людехъ Ивана Родионова и порутчиков ево выслать из Серпуховского ево поместья к очной ставке в приказ Холопья суда. Пошлин восмь алтын две денги (взято). Писана декабря в 20 день при дьяка Рамана Бочина. Справка Якова Синцова. А в Серпухов к воеводе к Дмитрею Сойманову о высылке и о даче служилых людей грамота занечатана»[2037]. Но вскоре подсудимым оказался сам Курбский. В сентябре–октябре 1701 г. против него в Преображенском приказе велось «слово и дело государево»[2038]. До начала 1701 г., судя по всему, Яков был на свободе, а процесс против него как-то связан с реформами рубежа веков. Будучи в ссылке в монастыре, шляхтич демонстративно хвалил реформы Петра I и придерживался новой моды (носил венгерское и французское платье)[2039]. В январе – начале февраля 1701 г. его привезли из Приказа сыскных дел в Пафнутьев Боровский монастырь «для того, что он был без ума»[2040]. В монастыре он пил и «во пьянстве своем сошел с ума»[2041]. Архимандрит Корнилий, усмиряя буйного князя Якова, прибегал к самым жестоким мерам: приказал посадить его на цепь, бить плетьми, но на праздник Рождества Богородицы того же года Курбский вновь «напился пьян» и напал на монахов[2042]. Новый конфликт с архимандритом привел к тому, что Курбский распространил слух о том, что Корнилий недоволен новой дворянской модой и самим царем, но в Преображенском приказе после очной ставки с настоятелем он отказался от этих показаний и в результате был приговорен 8 октября к порке кнутом и ссылке «в ыной монастырь»[2043]. Был ли Яков Курбский в числе противников новой придворной моды, которую так нарочито признавал в ссылке, или он в их число был записан как бывший слуга В. В. Голицына, с именем которого у кого-то ассоциировалась царевна Софья и старомосковские традиции? На этот вопрос, возможно, еще предстоит ответитить исследователям.

В своих показаниях в 1686 г. старший брат (в православии – Александр Борисович) в 1686 г. не в пример осторожным заявлениям Якова апеллирует к милости «прадеда и деда ваших великих государей к прадеду моему х князь Андрею Курпскому», а самих государей – к младшему брату князя Александра[2044]. Чтобы не создавать лишних трудностей, старший брат рассказывает ту же историю своей семьи, что и его младший брат, как если бы она была выписана из дела 1683/84 г. или заучена им наизусть с учетом знаний Александра-Якова. Но в отличие от младшего, старший Александр прямо заявляет о своем родстве с кн. Андреем Михайловичем Курбским и говорит об имении отца Усвят[2045]. Шляхтича указано было принять в русское подданство как

Мацея Петровича, 5–6 марта 1625 г.); РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг Великий. № 126. Л. 213 об., 215 об.; Metryka Litewska. Księga wpisów nr 131. S. 232. N 778; Metryka Litewska. Księga Sigillat... (по именному указателю).

[2036] ЛМ-335. Л. 239.

[2037] РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ). Оп. 1. Кн. 347. Л. 244 об. Указано мне С. В. Скроткиным (Москва) – выражаю коллеге благодарность. Текст приводится в модернизированной орфографии, пунктуация наша. В слове «людех» буква «е» вместо написанного первоначально юса малого. Слово «взято» вписано рукой дьяка Петра Шартова.

[2038] РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. № 1013. 32 л. Указано мне Б. Н. Морозовым (Москва) – благодарю за подсказку.

[2039] Там же. Л. 5–6, 8, 15, 17, 20, 24–25.

[2040] Там же. Л. 17, 19.

[2041] Там же. Л. 20.

[2042] Там же. Л. 20–21.

[2043] Там же. Л. 27–28.

[2044] РГАДА. Ф. 150. 1686 г. № 2. Л. 1. Формула «прадед и дед», если она не является результатом фактической ошибки, относится, видимо, не к Филарету и Михаилу Романовым, а обозначает родство царей Ивана и Петра с Иваном Грозным, который в официальных документах после воцарения Михаила Романова назывался его дедом (*Морозова Л. Е.* Михаил Федорович // Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 19). Но это неудачная попытка быть точным, проявившаяся в формулировке «прадед и дед», заставляет с настороженностью относиться к знаниям старшего Александра Крупского о своем родстве. Говоря подобное о своем предке, он выдавал, что плохо осведомлен о том, когда жил и кому именно служил в России кн. А. М. Курбский.

[2045] РГАДА. Ф. 150. 1668 г. № 22. Л. 107 об. – 108; 1686 г. № 2. Л. 2 об. – 4.

«*по ево имянованию* князь Александра Курнскаго»[2046]. Подпись Александра Борисовича отличается от первоначальной подписи его брата двумя буквами, что странно для представителей одной семьи: "Kniaz Alexander Kurpski"[2047]. Никаких документов о том, какие ему были сделаны пожалования, нам найти не удалось. Известно лишь, что он был стольником[2048], а в 1693 г. его, «Александра Борисова сына Крунского», били кнутом за убийство жены и приговорили к ссылке[2049].

***

Всё вышесказанное позволяет пересмотреть комплекс затронутых здесь проблем и сформулировать ряд новых вопросов. Прежде всего, генеалогическое исследование позволяет представить данные о семейной канцелярии и архиве Курбских. К началу суда с королевским инстигатором о ковельских имениях многие документы А. М. Курбского были в распоряжении его вдовы и опекунов[2050]. Какая-то часть актов из канцелярии Андрея Михайловича перешла по наследству его сыну Дмитрию-Миколаю и старшему внуку Андрею Дмитриевичу. В их судебной деятельности упоминаются лишь немногие акты основателя рода. Можно предположить, что в судьбе его документов сыграл свою разрушительную роль пожар в Криничине в ночь с 21 на 22 ноября 1595 г., когда в имении сгорели «все документы и имущество»[2051].

Имущественный кризис постиг семью князя вскоре после его смерти. Ковельские земли были потеряны его вдовой, а их сын на время лишился de facto всех унитских владений. Успешная служба помогла Курбским Ярославским вернуть свои унитские имения и получить новые. Литовской Метрике, как и книгам гродских судов, известны три потомка А. М. Курбского мужского пола — сын Дмитрий и его дети Андрей и Ян. Им неоднократно приходилось отстаивать права на свои ленные владения. Незадолго до прекращения рода Курбских, в 1669–1672 гг., прошла череда судебных процессов из-за семейного фольварка Криничин. По ходу расследования стороны (Я. Д. Курбский и Ц. М. Гедройц-Курбская) ссылались на многие документы, возникшие на протяжении всей истории литовской ветви рода. Копии с этих актов можно было получить в канцелярии Великого княжества Литовского и в записных книгах гродских судов, но обе стороны вели спор за обладание подлинниками. Дмитрий хранил какую-то часть архива отца, затем большинство привилеев, судебных выписок, платежных документов оказались у А. Д. Курбского. Когда он молодым человеком собирался на войну, то, по словам его вдовы, отдал значительную часть архива брату[2052]. Акты Литовской Метрики крайне скупы на подробности, и на их основе невозможно выяснить, какие именно части архива А. М. Курбского сохранялись у его потомков в XVII в.

Предположения о времени распада книжного собрания Курбских, как было показано на примере дискуссии вокруг Сборника Курбского, пока

[2046] Там же. 1686 г. № 2. Л. 6. Выделено мной. — *К. Е.* Пояснение *по его именованию* свидетельствует, что у посольских служащих были какие-то сомнения относительно имени и/или титула шляхтича. Формула «сам называющийся» употреблялась и применительно к самозванцам, но в случае А. К. Курского остроту вопроса постарались сгладить.

[2047] РГАДА. Ф. 150. 1686 г. № 2. Л. 4 об. — 5 об.

[2048] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Кн. 10. Л. 405; Кн. 11. Л. 302 об.; Алфавитный указатель... С. 220.

[2049] Рождение империи / послесл. и др. С. Ю. Шокарев. М., 1997. С. 270; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 197. См. также: *Ерусалимский К. Ю.* Новое о выезде Курбских (Крупских) в Россию из Речи Посполитой // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 362–379.

[2050] Они ссылались на ряд документов: завещание А. М. Курбского 1583 г.; выписку о его земельных спорах с кн. А. И. Вишневецким; «вси справы, привили и листы», находившиеся в руках опекунов; конфиденциальные письма А. М. Курбскому, одно от кн. М. Ю. Радзивилла и О. Б. Воловича, другое от Сигизмунда II Августа; открытое письмо ему же от М. Ю. Радзивилла; письмо Сигизмунда II с обещанием земельного вознаграждения от 4 июля 1564 г.; королевские письма В. П. Загоровскому, боярам и ковельским подданным; королевский привилей Курбскому на ленное владение Ковель от 25 февраля 1567 г.; декрет Стефана Батория по земельным спорам Курбского с епископом Луцким Викторином Вербицким; «листы и выписы некоторые, где небожчик становеня и справы мевал з розными особами околичными з стороны границеня и розниц от того имеия ковелского учиненые» (ЛМ-199. Л. 135; ЖКЛВ. Т. 2. С. 190, 193–198; *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verräter... S. 22. Anm. 101).

[2051] Опись документов... Вып. 8. Стб 288. № 924 (24 ноября 1595 г.). См.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 463. № 18.

[2052] От Цецилии Гедройц Ян Курбский требовал вернуть присвоенные ею после смерти мужа оставшиеся от него «дела, привилеи, либертациии» на поместье. Но когда в январе 1671 г. ее представителей асессорский суд попросил предъявить акты на недвижимость, то от имени вдовы маршалка было заявлено, что еще будучи «молодым человеком» и отправляясь на военную службу, А. Д. Курбский вместе с именем передал все документы на него брату "ad fideles manus". Это могло произойти вскоре после смерти Д. А. Курбского, когда на рубеже 1640-х–1650-х гг. его старший сын принимал деятельное участие в военных экспедициях, за что получил должность подчашего Вилкомирского. Возвращать акты Ян Курбский не хотел, и на протяжении всех последующих лет вплоть до отречения короля Яна Казимира за них велись споры в упитском гродском суде (см.: ЛМ-361. Л. 143 об. — 144).

в высокой степени гипотетичны. Последний раз книги А. М. Курбского упоминаются среди движимого имущества его дочери Марины. Согласно ее завещанию, церкви Св. Духа в Вильно она подарила несколько русских книг, оставшихся после отца и подаренных ей братом. Хранение этих книг у нее, а не у брата, видимо, объясняется тем, что Дмитрий перешел в католицизм, тогда как Марина придерживалась веры своего отца и могла не только хранить, но и читать его «русские книги»[2053]. По мнению И. Ауэрбах, один список «Нового Маргарита» (НИОР РГБ, собр. Ундольского, № 187) принадлежал Д. А. Курбскому и мог быть им продан[2054]. Более вероятным представляется на основе известных нам по «Описи» выдержек из завещания М. А. Курбской иной вывод: она просит похоронить ее в виленском храме, которому еще ранее дарила книги.

Монахи Духова монастыря, в котором хранились книги княгини Марины Андреевны, позднее основали православный Буйницкий монастырь[2055]. Агиографический свод «Симеон Метафраст» из рукописной мастерской Андрея Курбского, прежде чем попасть в московскую библиотеку, по не ранее второй трети XVII в., принадлежал Буйницкому Свято-Духову монастырю[2056]. Все известные сборники богословского содержания конца XVI — первой половины XVII в., восходящие к литературному кружку Андрея Курбского, происходят из русско-рутенских скрипториев Великого княжества Литовского и Короны Польской[2057]. Только в 1664 г. Печатным двором были привлечены для подготовки собрания сочинений Иоанна Златоуста тексты «Нового Маргарита». Сборник Курбского к началу 1677 г. уже был в России, но более ранние следы как его копирования, так и чтения отсутствуют[2058]. Более точно определить время проникновения сочинений и переводов А. М. Курбского нет возможности.

История появления шляхтичей «Курбских» в России также не дает ответов на вопросы об архиве и книгах из библиотеки А. М. Курбского. Предположение Ю. Вольфа о непричастности эмигрантов к княжескому роду должно быть развито.

1. Теоретически третий сын кн. Д. А. Курбского Ярославского мог родиться после составления завещания 1648 г., в котором упоминались только его сыновья от первого брака с Ядвигой Гружевской (Ян и Андрей) и вторая жена Кристина Эйгирдовна. Однако к началу 1667 г., когда семья витебского шляхтича должна была вернуться в Речь Посполитую, младшему сыну кн. Каспера было 4 года, т. е. он родился в 1662/63 г., а старший — наверняка не позднее начала 1662 г., когда самому их отцу (при дате рождения около 1649 г.) могло быть не более 14 лет. Невероятность появления на свет загадочного внука московского иммигранта после составления завещания 1648 г. подкрепляется также упоминаемой обоими его сыновьями датой его захвата в московский плен — под Великими Луками «тому лет с тридцать» (от 1684 г.), т. е., по-видимому, во время летне-осенней военной кампании в Белоруссии в 1654 г. И уже тогда кн. Каспер служил в королевском полку, конечно, будучи не пятилетним мальчиком, а по меньшей мере 17–20-летним юношей. Вряд ли он родился позднее второй половины 1630-х гг. При этом сохраняется возможность того, что Каспер был сыном Андрея или даже Яна. Но в таком случае дети Каспера были бы не правнуками, как заявил Александр-старший, а праправнуками князя Андрея Михайловича. Кроме того, завещательные распоряжения и судебная борьба князей Яна и Андрея Дмитриевичей Курбских свидетельствуют в пользу того, что в 1660 и 1672 гг. у Яна и в 1668 г. у Андрея детей не было.

2. Имения Курбских Ярославских оказались в чужих руках вследствие отсутствия у них потомков и фамильных родственников мужского пола[2059]. Князья Курбские Ярославские после смер-

---

[2053] Характеристика «русские книги» в начале XVII в. относилась прежде всего к их языку (рутенскому в противовес польскому) и графике (кириллице в противовес латинице), но «русский язык» в культурном и политическом обиходе Речи Посполитой после Люблинской унии был символом восточнохристианских традиций и рутенского регионализма. Об этом подробнее см.: *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną. S. 349–402.

[2054] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 35–36.

[2055] *Щербицкий О. В.* Предисловие // Опись документов... Вып. 9: Акты Виленского суда за 1609–1621 гг. № 13887; за 1613–1616 гг. № 13888; за 1609–1619 гг. № 13889; за 1617–1619 гг. № 13890; за 1620 г. № 13891; за 1622–1624 гг. № 13892. Вильна, 1912. С. V–XI.

[2056] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 56; *Его же.* Рукопись из скриптория... С. 187; *Его же.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 13.

[2057] См. здесь в главе «Экстенсивное чтение».

[2058] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 256–267.

[2059] Заключение Л. Мацеевича о том, что «эти потомки» существовали еще в 1713 г., — следствие двойного недоразумения. В своей публикации письма Стефана Романовского Дмитрию Сулиме он комментирует просьбу Стефана Лещинского в 1713 г. сделать для него выписку из Литовской Метрики о пожаловании А. М. Курбскому ковельского имения. Вывод, ко-

ти Андрея Дмитриевича в 1668 и Яна Дмитриевича в 1672 г. Литовской Метрике неизвестны[2060].

3. Ш. Окольский к 1641 г. знал о существовании сына А. М. Курбского и о том, что «мужское потомство» этого сына умерло бездетным[2061]. В 1650 г. от своего отца имение унаследовали *jure successionis* только Андрей и Ян Курбские[2062]. Виленский воевода кн. М. С. Шаховской в июне 1656 г. писал в Москву о братьях Андрее и Яне Курбских, живущих «в Волкомирском повете» «в маетности своей»[2063]. В. Виюк-Коялович, проведя основные геральдические исследования уже после выхода «Польского мира», но не ранее 1666 г., сообщил только об Андрее и Яне Курбских и их отце[2064]. При королях Михаиле Корибуте и Станиславе Августе королевская канцелярия рассматривала генеалогию Курбских, и последним представителем рода в 1672 г. был признан князь Ян, а в 1777 г. собственность Андрея и Яна была разделена в связи с прекращением рода ("post extinctam lineam")[2065].

4. Родовое имение полоцких и витебских Крунских, назвавших себя в России князьями, располагалось, по признанию Александра Крунского (Александра Борисовича Курбского), под Усвятом. Подлинные Курбские никогда, по имеющимся данным, не владели там землями, не служили с них и не причислялись ни к полоцкой, ни к витебской шляхте. В то же время именно в Усвятском старостве Витебского воеводства шляхтичи Ян, Станислав, Юзеф Крунские по меньшей мере в 1614–1661 гг. держали земельные владения, с которых служили.

5. Александр-Яков Крунский записан в деле о его «выезде» князем, но из его показаний невозможно понять, знал ли он вообще, о его родстве с какой русской княжеской фамилией идет речь. Его старший брат Александр заявляет о своем происхождении от кн. Андрея Михайловича Курбского, но допускает при этом ошибку в хронологии. Даже если за формулой «прадед и дед» скрыта легенда о происхождении царей Ивана и Петра Алексеевичей от Ивана IV, создается впечатление, что шляхтичу как будто неизвестно, что его предполагаемый прадед служил только одному московскому царю и никак не мог служить деду нынешних соправителей.

6. Показательно также написание фамилий: младший брат по приезде в Москву пишется и подписывается как «Крунский» и только позднее становится «Курнским» и «Курбским», в то время как его родной брат называет себя «Курнским» и подписывается таким же образом, как если бы родные братья использовали для подписи несходные фамильные прозвища.

Приведенные аргументы подтверждают и развивают концепцию Юзефа Вольфа и Б. П. Морозова. Александр-младший (Яков Васильевич) и Александр-старший (Александр Борисович) Крунские-Курнские, выехавшие из Речи Посполитой в Россию соответственно в 1683 и 1685 гг., не имеют отношения к князьям Курбским Ярославским, а происходят из литовского дворянского рода Крунских. Появление в 1693 г. в России шляхтича В. Г. Петровича, двоюродного брата почему-то только одного из «Курбских», усложняет проблему и заставляет обратить особое внимание на то, что Петровичи имели служебные связи с князьями Курбскими Ярославскими и,

торый он делает, оказывается парадоксальным: данная просьба могла объясняться якобы тем, что потомки Курбского собирались оспорить «отнятое у них имение». Но почему потомки не делали этого в течение более 120 лет после конфискации 1590–1591 гг. и почему для судебной борьбы Лещинскому потребовались не документы о конфискации имений у Курбских, а наоборот, привилегия о пожаловании Ковеля А. М. Курбскому? В качестве обоснования своей догадки историк ссылается на то, что род Курбского угас только в 1777 г. «со смертью внуков его Андрея и Яна». Это очевидная ошибка: Анна, Андрей и Ян Курбские умерли более чем за 100 лет до составления акта 1777 г. (Ср.: *Мацеевич Л.* Князь Курбский. С. 314).

[2060] Нами просмотрены реестры в книгах: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 135–141.

[2061] В «Польском мире» Шимона Окольского говорится также о прекращении рода Курбских из-за отсутствия у внука или внуков А. М. Курбского потомков: "Reliquerat Andreas filium... qui habuit quoque et masculam prolem, sed steriliter decessit" (Okolski. T. 1. P. 506; перевод Л. И. Щеголевой: «Андрей оставил сына... тот также имел доблестных сыновей, но затем род угас из-за отсутствия потомков мужского пола» — содержит сразу несколько неточностей, так как в латинском тексте не говорится ни о «доблестных», ни обязательно о «сыновьях» более одного, ни об отсутствии «потомков мужского пола» — ср.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 343 и 346). Впрочем, неясно, как это замечание попало в издание 1641 г. Скорее всего утверждение Ш. Окольского о прекращении рода Курбских — следствие неосведомленности автора. Гербовник мог дезориентировать В. В. Голицына, который пользовался им сам и с помощью работников Посольского приказа в своих генеалогических расследованиях (*Маркевич А.* О местничестве. Ч. 1. С. 412).

[2062] ЛМ-125. Л. 76–77.

[2063] *Экземплярский А. В.* К родословной кн. А. М. Курбского. С. 2.

[2064] Датировка записи основана на упоминании маршалковства кн. А. Д. Курбского (цит. "Nomenclator" по: *Niesiecki K.* Korona Polska. S. 752).

[2065] ЛМ-362. Л. 443 об.; *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 469. № 35.

но меньшей мере в начале XVIII в., матримониальные связи с Крунскими[2066].

Как же удалось нетитулованным шляхтичам Крунским добиться в Москве высокого статуса? Наметим возможные пути ответа на этот вопрос. Для определения статуса перешедших на российскую службу иноземцев в Посольском приказе использовали все подручные средства: расспросы самих дворян, экспертов, родственников, иностранных и русских знакомых перебежчика (в том числе запросы, направлявшиеся в его родные места), официальные «свидетельствованные листы» и выписки из геральдических сочинений[2067]. С одной стороны, разорившимся шляхтичам Крунским помогли трудности в расследовании генеалогии князей Курбских. В России этот княжеский род исчез, а упоминания о нем устранялись из официальной документации в связи с изменой А. М. Курбского. Ни в одном из пособий Посольского приказа по истории польских фамилий, где упоминаются Курбские (М. Бельский, М. Стрыйковский, Б. Папроцкий, Ш. Окольский), история рода не идет дальше внуков князя Андрея Михайловича, да и те не упоминаются по именам[2068]. В пользу Крунских было польское написание фамилии Курбских в гербовниках — "Krupscy", а также то, что род Курбских Ярославских в Речи Посполитой к началу 1680-х гг. исчез, и проводить устные расследования было крайне трудно[2069]. С другой стороны, Голицыны могли преследовать какие-то собственные цели, создавая в своем штате титулованных слуг из рода известного им полководца, а возвращение потомков изменника и переход их в православие в определенных случаях поддерживалось и на высшем уровне.

В рамках исследования архива А. М. Курбского и его потомков реконструкции требует не только история рода Курбских Ярославских. Отрывочность сведений о Крунских, получивших фамилию от имения Круна в Великом княжестве Литовском, не позволяют в настоящее время решить ряд поднятых здесь вопросов. Проблема родословной дворян Крунских возникла в российской историографии в связи с изучением происхождения Н. К. Крунской. Впрочем, достижениями здесь оказались давно известные медиевистам факты. Крунские являются выходцами из волынской шляхты, а предков Надежды Константиновны удалось определить лишь до четвертого колена: ее дедом был польский дворянин Игнатий Андреевич[2070]. Титулярный советник Игнатий Крунский обратился 18 октября 1837 г. в Археографическую комиссию и представил на рассмотрение «две подлинные грамоты Польского короля Сигизмунда Августа князю Андрею Курбскому... Грамоты достались Г[оспод]ину] Крунскому по наследству от отца, у которого они хранились в древнем фамильном архиве»[2071]. Претендовал ли И. А. Крунский на княжеский титул? Откуда в действительности он мог взять «подлинные грамоты» Сигизмунда II кн. А. М. Курбскому? Почему в «древнем фамильном архиве» оказалось лишь две грамоты из десятков актов канцелярии Курбского и почему даже эти две так и не были напечатаны? Все эти вопросы приводят к еще одной догадке: после пресечения рода князей Курбских Ярославских Крунским каким-то образом всё же могли достаться отдельные акты из их архива. Впрочем, чтобы экстраполировать скупые данные об амбициях И. А. Крунского на события XVII в., необходимы дополнительные сведения и аргументы[2072].

[2066] Интересно совпадение трех фактов под 1693 г.: убийство жены Александром Курбским, исчезновение сведений о карьере Якова Курбского, приезд в Россию В. Г. Петровича. Впрочем, это может быть полностью или частично внешнее совпадение.

[2067] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990 (1-е изд. — 1855 г.). С. 212–216; *Яблочков М.* История дворянского сословия в России. Смоленск, 2003 (1-е изд. — 1876 г.). С. 238; *Бычкова М. Е.* О сословной структуре... С. 32–37; *Ее же.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Л., 1981. Вып. 12. С. 90–109; *Ее же.* Польские традиции в русской генеалогии XVII века // СС. 1981. № 5. С. 39–50; *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 19, 127–129, 137–139, 141–143, 146–147, 156–157, 159–162, 174–175, 177, 194–196, 222–223, 249–250, 266–268, 298, 310–311, 324–325.

[2068] Bielski. S. 1151–1152; Stryjkowski. T. 2; Paprocki. S. 871; Okolski. T. 1. P. 506.

[2069] Ошибка в генеалогии князей Курбских обнаруживается даже в постановлении королевского суда от 28 марта 1672 г., вынесенном по процессу Я. Д. Курбского с вдовой его брата: Дмитрий Андреевич Курбский здесь объявлен отцом Николая Дмитриевича, детьми которого были якобы Андрей и Ян. То есть к родословной добавлено одно колено из-за двойного имени сына А. М. Курбского (ЛМ-362. Л. 443 об.).

[2070] *Абрамов В. В.* Из опыта работы над родословной Н. К. Крупской // Из глубины времен. 1998. Вып. 10. С. 236–237.

[2071] ЖМНП. 1837. № 11. С. 417–418; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 25. Anm. 21.

[2072] 1830-е гг. были временем расцвета маниакий с документами Литовской Метрики, когда отдельные акты изымались из актовых книг и даже вписывались в них. Только в 1835 — феврале 1837 г. по решению специальной комиссии было проведено разделение Метрики на отделы, нумерация единиц хранения внутри отделов, переплетение несброшюрованных дел и заверение количества листов в делах (*Grimsted P. K.* The "Lithuanian Metrica" in Moscow... P. 21–22; *Автократова М. И., Све-*

Экстенсивное чтение

Что значит читать экстенсивно?

История книги непрестанно сотрудничает с такими научными дисциплинами, как источниковедение, герменевтика, кодикология, текстология, археография, библиография, библиотековедение, социология чтения, литературоведение. Принимая во внимание многообразие книжных форм и безграничные возможности интерпретации культурного феномена книги, такая история в ее современном виде не только взаимодействует с ними, но из них складывается[2073]. Сращивание научных языков привело к новым трудностям. Оно сопровождалось «лингвистическим поворотом» и приходом в теорию культуры представления об относительности текста, о пересечении в нем письма (автора, переписчиков, стенографистов, глоссаторов и т. д.), технической репрезентации (графики и шрифтов, разметки рукописной страницы и печатных форм, визуального сопровождения и т. д.) и восприятия читателей (способов чтения и интерпретации, социальной среды бытования, соседства с другими текстами в библиотеках, архивах, на рынках и книжных складах и т. д.). Текст, теряя свою стабильность, расширил свою «коммуникативную энергию» и вступил в «игру означающих»[2074].

Преобразования, постигшие текст, сказались на устройстве книговедения. Замысел книги в нем всё чаще уступал место множеству и каждой в отдельности из ее репрезентаций; источники текста были наделены статусом литературного корпуса; движение письма — зачеркивание, исправление, маргиналии — обрели у исследователей равноправие с авторской волей, издательскими нормативами и социально-правовым обеспечением текста; формы воспроизведения текста стали в меньшей степени ограничиваться метафорой книжного кодекса; структуры чтения были изучены во времени «большой длительности» и соотнесены как с культурно обусловленными техниками произнесения текстов, так и с графикой, распределением текста и изобразительных рядов на странице, развороте, вклейках и т. д., с пунктуацией и акцентуацией. Любая деталь обретает в книге неотъемлемость. Как пишет Б. В. Дубин в «Хартии книги»: «В книге всё значимо и нет ничего лишнего, случайного: книга важна не просто тем, что в ней есть смысл, но и тем, что это важный или даже самый важный смысл (а самое, вероятно, важное здесь то, что создана подобная предельная конструкция, способ организации “самого важного” в культуре)»[2075].

Все эти перемены не застигли врасплох специалистов в области рукописной книжности. Идентичность текста открыта для герменевтической критики и текстологии, а различия между ним и его частными репрезентациями менее ощутимы. Каждый экземпляр представляет собой «тираж», провоцируя своими индивидуальными особенностями пути чтения. Впрочем, «индивидуальное» в рукописной традиции обнаруживается только после того, как исчерпана «системная» информация. Отличительные особенности сборника могут быть поняты только тогда, когда установлен вид рукописи, с которой он был сконирован. Количество сохранившихся списков Первого послания Курбского Ивану Грозному или рукописей Сборника Курбского настолько велико, что затруднительно выявить наиболее ранние (архетипные) чтения, установить общие очертания протографов и их копий, не всегда удается понять даже степень родства между списками.

В этом месте необходим краткий общий комментарий, без которого трудно будет понять общую концепцию в этой части нашей работы. Сочинения князя Андрея Курбского бытовали на протяжении двух с половиной веков главным образом в рукописном виде, и вызвали шквал редакторской работы. Это были и небольшие «корректорские» уточнения, и масштабные «редакторские» вторжения, которые облегчались отсутствием какого-либо авторского права и необходимости соблюдать канон. Эти сочинения

тенко А. С. К вопросу об истории формирования и архивного освоения фонда ЛМ // Исследования по истории Литовской Метрики: Сб. науч. трудов. М., 1989. С. 111).

[2073] См.: *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М., 2006; а также материалы круглого стола, посвященного данной книге, в сборнике: Теория и мифология книги. Французская книга во Франции и России: Российско-французская конференция. Москва, РГГУ, 11–12 сентября 2006 г. М., 2007. С. 162–193.

[2074] Здесь мы исходим из концепции, согласно которой значения, возникающие в диалоге культурных агентов и артефактов, неисчерпаемы, но ограничены культурными формами, которые служат конвенциями, своеобразными правилами игры, соблюдение которых открывает для агентов и артефактов доступ в диалог, а нарушение также является способом их акцентирования, их обнаружения посредством отрицания. Понятие коммуникативной «энергии» тесно связано с концепцией обращения культурных значений как «символического капитала». См., например: *Greenblatt S.* Shakespearean Negotiations: The Circulation of Social Energy in Renaissance England. Berkeley; Los Angeles, 1988.

[2075] *Дубин Б. В.* Очерки по социологии культуры: Избранное / подг. текста А. И. Рейтблата. М., 2017. С. 561.

стали экспериментальной площадкой для поиска смыслов и медленного чтения-письма, в котором намечалось отношение к текстам, старательность соединялась с эстетическим выбором, а непонимание текста служило обычным средством для создания герметичных чтений. Классификация списков по «приметам» в их текстах и по «внешним» особенностям кодексов позволяет с большой долей вероятности «замкнуть» происхождение поздних списков на одном из более ранних этапов традиции, даже если точное положение этих списков в общей генетической схеме не определено. Десятки рукописных артефактов складываются в родословие, показывая, в какой исторический момент и в каком кругу читателей тот или иной тип текста, та или иная вариация оформления вызывали интерес и взаимодействовали с другими книгами, редакторскими предпочтениями, читающим взглядом, литературными вкусами и идейными построениями.

Отправным пунктом и главной проблемой нашего исследования служит тот факт, что его предмета не существует как устойчивой данности. Он относителен одновременно в нескольких смыслах. Послания, компендиумы переводов, небольшие трактаты, Сборник Курбского – это почти всегда реконструкции, доступные в движении языковых означающих и в динамике редакций, изводов и списков. Содержимое этих текстов менялось в ходе их бытования, а всё, что касается начальных, авторских фаз их становления, вызывает сомнения. Во-вторых, ряд сочинений, относимых в рукописной традиции к творчеству кн. А. М. Курбского, появляется в руках читателей годы и десятилетия спустя после времени своего предполагаемого создания, под разными названиями и в ряде случаев с разнообразными дополнениями. И, наверное самое существенное, третье: здесь будет предпринята попытка рассмотреть ход чтения рукописей, социальные и идейные круги, задававшие тон этому процессу. Диалог читателей с рукописями не так комфортен, как чтение печатных книг, и намного менее «интенсивен». Ошибки, возникающие из-за трудностей копирования, открывают широкие перспективы для историко-генетических исследования текста, но снижают читаемость рукописной книги. Копирование содержит информацию о чтении, опыт переписывания в какой-то мере, хотя в большинстве случаев в очень ограниченной, является читательским опытом. Чаще всего механическая работа переписчика отличается от вдумчивого интерпретирования, и это различие сглаживается, только если в редакторских пометах или индивидуальных вариантах списка заметна тенденция к переосмыслению текста.

Выход книги в социальное пространство чтения, в культурные ниши и в низовые страты европейской культуре сопровождался трансформацией самого чтения от углубленного, направленного на самосовершенствование и духовно просветляющего, к инструктивному и самодостаточному, почти механическому и ускоренному. С ростом количества книг и скорости их появления в печати всё менее интенсивным становился сам процесс чтения. На смену интенсивному чтению к началу XIX в. приходит экстенсивное, что Рольф Энгельзинг и назвал «революцией в чтении»[2076]. Рукописная форма книги не только была результатом слабого развития печатного дела, но и, по словам Януша Тазбира, «сама тормозила развитие печатного дела, поскольку потенциальный читатель мог в любой момент использовать один из множества кодексов, имевших хождение, а если он был достаточно состоятелен, то мог и сам заказать себе его копию»[2077]. Именно это состояние дел в Московском государстве, по мнению автора, привело к спорам вокруг многих рукописных традиций, и со ссылкой на книгу Э. Л. Кинана и Д. К. Уо 1971 г. Я. Тазбир указывает на дискуссию о существовании в действительности Ивана Пересветова и Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским.

Парадокс рукописных традиций еще и в том, что интенсивное копирование не означало интенсивный процесс прочтения. Если книга копируется и потом многие годы прозябает на полках или в кучах хлама, не обрастая пометами и закладками, ее бытование точнее было бы определить в одном ряду с теми книгами, которые не востребованы. Более того, в истории чтения сочинений кн. Андрея Курбского наступление для них печатной эры привело к интенсификации чтения, которая не могла не повлечь за собой канонизацию амнутированного авторского образа, лишенного значительной части других ветвей его наследия. Было бы уместно, как представляется, сравнить переход, например, Сборников Курбского от рукописного бытования к печатному с медийными процессами в понимании Маршалла Маклюэна, в которых синестетическое

[2076] *Engelsing R.* Der Bürger als Leser. Lesergeschichte in Deutschland 1500–1800. Stuttgart, 1974; *Дарнтон Р.* Історія читання // Нові підходи до історіописання / за ред. П. Берка. 2-е українське вид., уточнене й виправлене; переклад с англ. Тетяни та Андрія Портнових. Київ, 2010. С. 195–197.

[2077] *Tazbir Ja.* Les livres manuscrits en Pologne et en Russie // RÉS. 1988. Vol. 60. N 4. P. 809.

единство культурного восприятия в эпоху Ренессанса с наступлением «Галактики Гутенберга» было в очередной раз нарушено — на сей раз в пользу новой анестезии, осуществленной благодаря визуальной революции[2078]. Как случилось, что одна ветвь авторского наследия анестетически действовала на другие?

Чтение «от корки до корки» рукописи, сконированной скорописью XVII или курсивом XVIII в., представляет собой трудоемкое занятие, сопряженное с вылавливанием и обдумыванием ошибок письма, вглядыванием в почерк в неразборчивых местах, с не всегда оправданными подозрениями, что неясные варианты текста — результат ошибки письма. Даже старательно сконированные рукописи, почерк которых тяготеет к полууставу — и таких окажется немало в рукописной традиции Андрея Курбского, — содержат, как правило, множество ошибок письма, исправлений и трудночитаемых фрагментов. В сравнении с печатным рукописный текст менее регулярен, его чтение прерывисто, подобно чтению автором своей рукописи, более подвержено редакторскому взгляду, «смысл» удален от «индивидуальных чтений» и их форм, а ошибки смысла вторичны по сравнению с ошибками формы. Чтение рукописи, подобно восприятию «обратной перспективы» в иконописи, проходит не по поверхности текста, а сквозь него к мысленно воссоздаваемому оригиналу. Не контролируя рукописную традицию, т.е. не имея генетической концепции текста, невозможно сказать, насколько текст списка близок к тексту оригинала. «Восхождение на первообразное» мыслится в этом случае не столько в категориях аутентичности списка, сколько в категориях его каноничности — древности, близости к месту создания оригинала, авторитетности, полноты, исправности, сохранности и читаемости.

Ни один из критериев «каноничности» не может служить опорой при построении генетической модели рукописной традиции. А без такой модели невозможно продвинуться в понимании того места, которое списки текста занимали в интеллектуальной культуре. Локализовать рукописный текст в социальном контексте означает показать, как список, будучи одной из репрезентаций текста, возникшей на определенном этапе рукописной традиции, осваивается и присваивается читательской аудиторией. Для рукописной книги гораздо больше, чем для печатной, имеет значение то, какую версию произведения читают. Вот и в нашем случае важно, какой именно сборник и какой текст из наследия князя Андрея Курбского читают и что именно обнаруживают в доступных рукописях, когда принимаются читать «Курбского».

До сих пор была известна единственная рукопись, которой князь Андрей Курбский мог пользоваться, еще будучи царским воеводой. Это — книга «Рай» («Книга глаголемая Райская»), которую Курбский предположительно читал, когда воевал в Ливонии[2079]. Впрочем, никаких прямых следов принадлежности этой книги князю не обнаружено. Возможно, какое-то время была в распоряжении князя и книга из РГБ, собр. В. М. Ундольского № 87 (Минея служебная). Написана она была повелением кн. И. Ю. Сицкого, рукой Борца Кондратьева сына Клементьева 24 мая 1561 г., на Симеона Столпника, «иже на Дивъне горе чудотворца». Книга перепиталась кн. Василием Андреевичем Сицким, боярином и опричником, который был женат на Анне, сестре царицы Анастасии. Как ясно из записи на «форзаце» книги, она принадлежала какое-то время кому-то с именем Андрей: «Князя Андреевская»[2080]. Вряд ли подразумевается отец Сицкого или он сам назван по отчеству. Не могла ли книга какое-то время между маем 1561 и апрелем 1564 г. находиться в распоряжении Курбского? Это только догадка. Еще одна догадка прозвучит ниже, когда мы обратимся к вопросу о принадлежности «Апостола» из частного собрания князю Андрею Курбскому[2081]. Все эти догадки — лишь слабая связующая нить между наследием периода юрьевского наместничества и эмиграции, с одной стороны, и — российским писательским опытом, с другой. Помимо государственной границы творчество князя Андрея Курбского разделено читательскими кругами, которые до последнего времени не соизмеряли свои фрагменты литературного наследия с другими фрагментами, не имея к ним доступа или имея о них лишь сравнительно небольшие знания.

[2078] *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / пер. И. О. Тюрина. М., 2005. С. 280–284 и др.

[2079] *Горфункель А. Х.* Книжная культура... С. 85; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 25-26.

[2080] *Анхимюк Ю. В., Кузьмин А. В., Рыков Ю. Д.* Опыт выявления региональных рукописей в фондах Российской государственной библиотеки и создания «Перечневой описи рукописи ростово-ярославского происхождения в территориальных собраниях РГБ» // Рукописные памятники ростово-ярославской книжности. Методика взаимодействия столичного и регионального библиотечных центров по выявлению и описанию рукописей региональной книжно-рукописной традиции / сост. Ю. В. Анхимюк и др. Ярославль, 2011. С. 97.

[2081] См. здесь раздел «“Апостол” и “Василий Великий”».

Сегодня ясно, что существует шесть таких кругов и, соответственно, шесть разных исходных контекстов бытования сочинений князя Андрея Курбского. Не то чтобы они все несводимы между собой, но привычно изучать их раздельно и лишь на стадии систематизаций сводить воедино в образе автора, переводчика, книжника, заказчика книжных работ.

Первый из них — это сборники, в той или иной форме объединившие его московские и самые первые заграничные сочинения. К ним примыкают послания других перебежчиков, Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина, а также князя Александра Полубенского и Первое послание Ивана Грозного. Наиболее популярным по числу списков в этой группе и в целом в литературном наследии мятежного князя является его Первое послание Ивану Грозному. Парадокс заключается в том, что при всем многообразии текстологических версий соотношения списков этого текста, до сих пор не предпринималась попытка рассмотреть текст Первого послания в составе Сборника Курбского как один из ранних списков этого сочинения, учитывая его дополнения и исправления по сравнению с первоначальной версией, по всей видимости, авторские. Даже если вынести за скобки ряд спорных чтений, в которых ранний вид текста и текст Сборника Курбского расходятся между собой, у нас останется много фактов, позволяющих выстроить генетическую концепцию развития московских списков, которые не могли зависеть от или повлиять на версию Сборника, поскольку она возникла в годы жизни Курбского в эмиграции и не была известна в России до 1660–1670-х годов. Неясно также, каким был первоначальный вид сборника этих текстов и на каком этапе они вообще начали объединяться между собой в подборки. Мы уже высказали предположение, что самой ранней является подборка следствия по «делу» о побеге Курбского[2082].

Второй — это энистолярные сочинения Андрея Курбского, сохранившиеся в виде кириллических списков в составе Сборника Курбского и волынских актовых книг, а также в форме одного польского подлинника, который до сих пор не изучался в более широком контексте творчества князя Андрея Михайловича. Судя по косвенным свидетельствам, князь вступал в переписку чаще, чем сегодня известно. Корреспонденция Курбского за пределами начального этапа его Переписки с Иваном Грозным, т.е. помимо его Первого послания царю и Первого ответного послания царя Ивана (возможно, также Третьего послания Курбского Вассиану Муромцеву), бытовала в различных книжных конфигурациях (литературных окружениях-«конвоях»). Цели создания сборников с посланиями Вассиану Муромцеву и «литовскими листами» князя вызывают дискуссии, однако уже сейчас ясно, что Курбский видел в энистолярном жанре особый способ обращаться к аудитории, которую нередко намеренно расширял, прикрывая адресатом предполагаемые более широкие круги читателей. Обнаружение письма политику-гуманисту герцогу Альбрехту Бранденбургскому, следов переписки Курбского с афонскими старцами, новых данных о его энистолярных контактах с литовским канцлером Миколаем Радзивиллом Рыжим и Иваном Грозным доказывает, что сохранившиеся материалы в данном сегменте лишь в малой степени репрезентативны для оценки изначального комплекса таких писем.

Третий — переводы, выполненные в православных кругах Волыни, сведенные в тома «Новый Маргарит» (отрывки в составе ряда рукописных «Маргаритов»), «Иоанн Дамаскин» (с приложениями, включая «Логику» Иоганна Спангенберга), «Симеон Метафраст» (включая отрывки из «Нового Маргарита», переводы из Евсевия Кесарийского, Никифора Каллиста и др.). Их, как правило, также сопровождают «Сказы» и обширные предисловия и послесловия автора, который считает и называет себя кн. Андреем Курбским. Как уже говорилось, сборники эти выполняют общую миссию или являются частью одного просветительского проекта, который тесно примыкает к планам создания православной академии на Волыни. В этой же группе печатные труды князя конца XVI — XVII в. Ранняя печать вырвала из состава творческого наследия князя и его сотрудников только перевод «Логики» Иоганна Спангенберга. По большому счету, полноохватного текстологического и кодикологического исследования всей известной рукописной традиции богословских переводов ковельского кружка Андрея Курбского до сих пор нет, и наша задача будет лишь в том, чтобы наметить открывающиеся перспективы такого исследования, учитывая новейшие находки и меняя устоявшиеся, нередко слабо обоснованные, научные построения.

Четвертый — это Сборник Курбского, который выявлен в составе рукописных «сборников Курбского». С одной стороны, по нашему предположению, Сборник составляет часть подборки переводов, выполняя учебные задачи в кон-

[2082] См. здесь главы «Однополчане» и «Побег».

ценции православного высшего образования. С другой стороны, напрашивается сближение некогда обособленного сборника «литовских» писем Курбского с текстами первой и второй групп. В целом, нет однозначного ответа, почему именно подборка «литовских листов» Курбского была присоединена к Сборнику с «Историей о князя великого московского делех», «вспылившему» из небытия во второй половине XVII в. и пустившему богатые побеги в российской рукописной традиции, а затем и в исторической мысли. Казалось бы, наше исследование 2009 г. показало, какие списки являются ближайшими к протографу и как в общих чертах развивалось чтение и расходились ветви рукописной традиции. Однако сегодня открываются всё новые данные, которые несколько уточняют наше понимание этих тенденций. В числе прочего — здесь мы введем в научный оборот еще один, ранее неизвестный исследователям список «Истории» А.М. Курбского.

Пятая группа состоит из текстов сомнительной принадлежности, в которых роль Курбского могла быть большей или меньшей (или никакой). Среди них «Ответ Ивану Многоученому», «Книга святаго Августина», сказание о Максиме Греке, «История о Осьмом соборе», особая редакция «Повести о Варлааме и Иоасафе», особая «Псалтирь» с толкованиями, «Апостол» с выписками из печатных книг Франциска Скорины, выписки из отцов церкви в приложении переводных сборников из книгописной мастерской князя Андрея Курбского[2083]. В этой работе мы подробно остановимся только на вопросе о происхождении названного выше «Апостола».

Наконец, шестая группа к литературным, энистолярным и богословским сочинениям кн. Андрея Курбского не имеет прямого отношения. Это его высказывания в суде, заявления и речи, записанные чиновниками Ливонии и Речи Посполитой. Применительно к «литературному корпусу» кн. А.М. Курбского важно отсутствие прямых пересечений между этими записями и «литературным Курбским». Вместе с тем даже самые незначительные пересечения этого сегмента в наследии с остальными группами (например с переписки или авторскими «сказами»-предисловиями и послесловиями к переводным сочинениям), да и сама проблема речевых стилей в корпусе заставляют задуматься о дискурсивных регистрах, между которыми выбирал московит-эмигрант в Речи Посполитой. Подавляющее большинство данных о «говорящем на суде Курбском» происходит из волынского контекста, хотя литовская и коронная кириллическая (прежде всего волынская) актовая документация была в XVI в. значительно полнее, а польская с этой точки зрения до сих пор недостаточно изучена. Во многом это состояние дел — наследие издательского проекта Н.Д. Иванишева еще середины XIX в.

Начнем историю чтения «Курбского» с ранних контекстов бытования его сочинений, и прежде всего Первого послания Ивану Грозному. Затем обсудим его послания Альбрехту Бранденбургскому, Переписку со старцами Хиландарского монастыря и с Иваном Грозным. Вслед за этим на основе доступного итинерария и других данных о жизни Курбского датируем и передатируем сборники третьей группы и его переводы из святых отцов Церкви. Затем подведем посильные на сегодня итоги исследованию «сборников Курбского» и, по результатам проделанной работы, вернемся к вопросу о "dubia" князя Андрея Михайловича. Всё это должно подвести нас к осмыслению нескольких читательских кругов, которые и стали колыбелью (а точнее, несколькими колыбелями) бытования сочинений князя Андрея Курбского вплоть до новейшего времени, когда произошло накопление знаний и о расхождении рукописных традиций и читательских групп, и о том, как эти традиции и группы сходятся на авторских замыслах.

Общий контекст раннего чтения его сочинений в Московском государстве — кабинетный, тайный, подпольный. Князь Курбский был запрещенным автором уже в первые дни бытования его сочинений. Нет — или неизвестно — ни одного его текста, который был опубликован в печати или был известен как широко и открыто доступный в период его литературной жизни. Такой «жизни» в биографии князя Андрея Михайловича Курбского не было. Почему?

[2083] *Беляева Н.П.* Материалы к указателю переводных трудов А.М. Курбского // Древнерусская литература: источниковедение: сб. науч. трудов / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1984. С. 131–136; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 77–90. Давно и, как представляется, основательно опровергнута попытка А.И. Соболевского приписать Андрею Курбскому повесть Энея Сильвия о взятии Константинополя. Б.М. Клосс атрибутирует перевод данной повести Максиму Греку. Ср.: *Соболевский А.И.* Эней Сильвий и Курбский // Serta Borysthenica. Сборник в честь... Ю.А. Кулаковского. Киев, 1911. С. 1–17. Ср.: *Unbegaun B.* Les relations vieux-russes de la prise de Constantinople // RÉS. 1929. Vol. 9. N 1/2. P. 33–35; *Клосс Б.М.* Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 55–61.

«Грамоту писал невежливо»

Ограничения на творчество в период, когда книжность стала профессиональной деятельностью, а само писательство — речь пойдет только о литературном творчестве и его более ранних аналогах — поддерживалось мощной издательской инфраструктурой, и прежде всего печатным станком, заметно отличались от той эпохи, когда сама фигура книжника не вписывалась ни в какую печатную индустрию. Прежде всего, не оправдан образ книжника интересующей нас эпохи как потенциального канатоходца по литературному этикету, нарушителя конвенций, борца с общественным вкусом. Если к П. Я. Чаадаеву являлся лекарь, чтобы, в числе прочего, следить за исполнением предписания не писать («не смел ничего писать»), то аналогии с точно такими же по форме запретами, наложенными на Максима Грека, князя Ивана Хворостинина или протопопа Аввакума, скорее всего, неверны. Ни старец Максим в начале XVI в., ни князь Иван Хворостинин и протопоп Аввакум в начале и середине следующего не проходили психологического освидетельствования, не наделялись «признаками помешательства», никто не разоблачал их взглядов, они не были признаны и не стремились показаться безумцами, вдохновенными хулиганами или мизантропами. Впрочем, участие высшей власти, репрезентируемой III отделением Его Императорского Величества канцелярии и самим «Отцом отечества» императором Николаем Павловичем, в диагностировании «безумия» писателя в 1836 г. заставляет задуматься о границах политической рациональности в русской культуре[2084].

В мае — июне 1564 г. при московском дворе вызвала переполох грамота, присланная от князя Андрея Курбского царю Ивану IV. Побег и последующее участие Курбского в Ливонской войне на стороне польского короля Сигизмунда II Августа не затмили факта письменного обращения «изменника» из эмиграции к московскому монарху. Царь Иван к 5 июля 1564 г. составил в ответ свое обширное Первое послание, а позднее вернулся к переписке, заняв на новом витке Ливонской войны, летом 1577 г., Вольмар, откуда ему за много лет до того и была прислана «грамота» Курбского.

Первое послание царю Ивану бросало вызов деловому формуляру, содержало неприемлемые для московской власти высказывания. Оно написано сразу после побега на службу польского короля, но вероятно, было задумано еще до побега. Послание было протестом против «лжей и измен», которые «возвели» на Курбского его недоброжелатели. Кто и какие именно обвинения — князь либо не знал, либо не считал существенным, и Первое послание царя Ивана тоже не оставило следов к тем преступлениям, которые могли бы считаться скрытым основанием для побега и вызывающей грамоты.

Курбский не сомневался в своей невиновности, оставив ряд высказываний о своем побеге из России и жизни вдали от отечества. В Третьем послании царю Ивану в 1578 г. он сравнивает побег от несправедливой казни с гонением Христа от фарисеев[2085]. В другом месте князь обращается к обвинениям из Первого послания Грозного, высмеивая обвинение в заговоре (якобы нацеленном на захват Ярославского княжества или даже всего царства): «А еже пишеши, аки бы тобе не покоряхся и землею твоею хотех владети, и изменником, и изгнанцом нарицающе мене, сие отвещание оставляю явственнаго ради от тебе навету, или потвору»[2086].

Первый ответ об изгнании строится на стихе из Евангелия от Матфея (Матф. 10: 23) и снабжен комментарием, возможно, почерпнутым из святоотеческой традиции, об угрозе смертью и завистью. Второй содержит два автоперевода. Слово «изменник» Курбский поясняет тут же как «изгнанник», а «навет» комментирует как «потвор». Слова *навет, потвор, клевета, лжесшивания, злохитрьства* (и производные от них) Курбский часто использует в своих сочинениях и переводах как синонимы греческой транслитерации «сикованции» (греч. συκοφαντία)[2087]. Наконец, слово «изменник» Курбский сопровождает и раскрывает как *изгнанец*, которое возникает вновь в приложенном к письму переводе из Цицерона, в котором оратор обращается к своему противнику со словами: «Смерть ли мне грозит? Иже бы ем воистинну от людей! Або изгнанеи? Да от злых отшествие будет ми! Смерть страшна есть тем, их же со животом все угасают, а не тем, которым слава умрети не может. А изгнание есть страшно тем, их же якобы описано есть место обиталища, а не тем, которые всея земли округ место

[2084] *Велижев М.Б.* Петр Яковлевич Чаадаев // Чаадаев П.Я. Избранные труды / сост., вступ. ст., коммент. М.Б. Велижева. М., 2010. С. 23–34; *Его же.* Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «философическое письмо» Чаадаева // НЛО. 2015. №135/5. С. 82–83.

[2085] ПИГАК. С. 108; СК. Л. 143 — 143 об.

[2086] ПИГАК. С. 110; СК. Л. 146 об.

[2087] *Курбский А.М.* История... С. 579. Примеч. 35 об.-3.

едино мнят»[2088]. Понятие «изгнание», поясняющее и раскрывающее слово «измена» в Третьем послании Курбского, соответствует, таким образом, лат. *exilium*. Перерабатывая свое Первое послание царю для сборника своих работ, князь Андрей Михайлович внес в текст исправление: вместо «Коих лжей и измен на мя не возвел еси!» он оставил в последней версии: «И коих лженлетений прелых на мя не возвел еси!»[2089]. Для автора важно было уйти от прямого упоминания о своей «измене» и употребить один из аналогов слова *навет*, которое точнее характеризовало его поступок в самооценке. В «Истории» Курбский неоднократно называет изгнанниками опальных, заточенных по монастырям или просто насильственно и несправедливо изгнанных.

На дипломатическом уровне вопрос об «измене» Курбского обсуждался неоднократно, но так и не привел к согласию между царем и монархами Короны и Литвы. В 1567 г. московскому посольству было отказано в выдаче перебежчика, поскольку формально он не являлся изменником: он не сдавал противнику крепостей и не бежал с поля боя. После смерти короля Сигизмунда II Августа в июле 1572 г., в канун выборов нового монарха, Литовская рада предлагала Ивану Грозному прислать обязательство простить своих изменников на землях Великого княжества Литовского и Короны Польской, однако царь, убежденный в своем исключительном праве «казнить и миловать своих холопов», на сделку с сенаторами не пошел. В 1577 г. возобновилась переписка между царем и Курбским, а позднее московские представители неоднократно напоминали, что у короля пользуются милостью «изменники» царя и среди них — Курбский. В 1581–1582 гг. впервые за всю историю посольских обличений прозвучало, что, сбежав от царя, князь ему «грамоту невежливо писал»[2090].

«Невежливость» было бы рискованно толковать как мимолетное проявление невоспитанности, грубости или бесцеремонности. В ответ на «невежливые слова» в адрес великого князя 3 сентября 1545 г. придворный Афанасий Бутурлин был лишен языка, о чем кратко сообщает официальная летопись[2091]. Объясняя в письме Бек-Булат-мурзе от января 1553 г. причины взятия Казани, царь Иван пишет: «И вам ведомо самим гораздо, что Казанский юрт от начала был наш юрт и многие нам от них грубости были и тово для есмя на тот юрт ходили. И Бог нам милосердье свое учинил, тот Казанский юрт нам в руки дал. А которые нам грубили, и те все от наше сабли померли»[2092]. «Про государя невежливое слово» служило в XVII в. основанием для расследования по «слову и делу». Видимо, не вполне синонимичны ему «непристойные», «непригожие», «хульные», «задорные» речи, которые могли произноситься в пьяном бреду[2093]. А. Рустемайер отметила, что обычным в таких расследованиях было определение «невежливых речей» как безумия. Причем это был тот род безумия, который не смягчал, а усиливал обвинение и сопровождал самые суровые приговоры[2094].

«Безумие» было известно священной книжности и еще отнюдь не открывалось теми медицинскими коннотациями, которые М. Фуко связывает с зарождением техник психиатрии. Так, Курбский ссылается на Притчи царя Соломона и называет безумцами тех, кто мучит животных (Притч. 12: 10), говорит о безумии библейского царя Ровоама (3 Цар. 12; 2 Пар. 10), называет «безумными южиками» ливонских немцев (Пс. 73: 8) и т.д.[2095] Царь Иван в своем Первом послании тоже противопоставляет свое самодержавие, а по сути — выход из младенческого «неразумия», «безумному разуму» Курбского и его советников. Согласно царю, «тщание разума» изменников не привело «народ христианский» к благу, а толкает к бездействию и погрязает в «детских страшилах»[2096]. На это Курбский отвечает в «Истории» насмешкой над «злыми советниками» царя, которые усыпляют его разум баснями о том, как он, разогнав назойливых советников, «во свой разум пришел»[2097]. Князь Андрей Михайлович признал необходимость в «детских страшилах»,

---

[2088] ПИГАК. С. 111; СК. Л. 148 — 148 об.; *Tomelleri V.-S.* Il paradosso dei Paradoxa Stoicorum di Cicerone nella presunta traduzione del principe Kurbskij // Contributi italiani al XV Congresso Internazionale degli Slavisti (Minsk, 20–27 agosto 2013) / a cura di M. Garzaniti et al. Firenze, 2013. P. 193.

[2089] ПИГАК. С. 7, 9.

[2090] ПК-79-12. Л. 288 об. — 290 об.; ПК-79-14. Л. 340–341.

[2091] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 65–66.

[2092] Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006. С. 116.

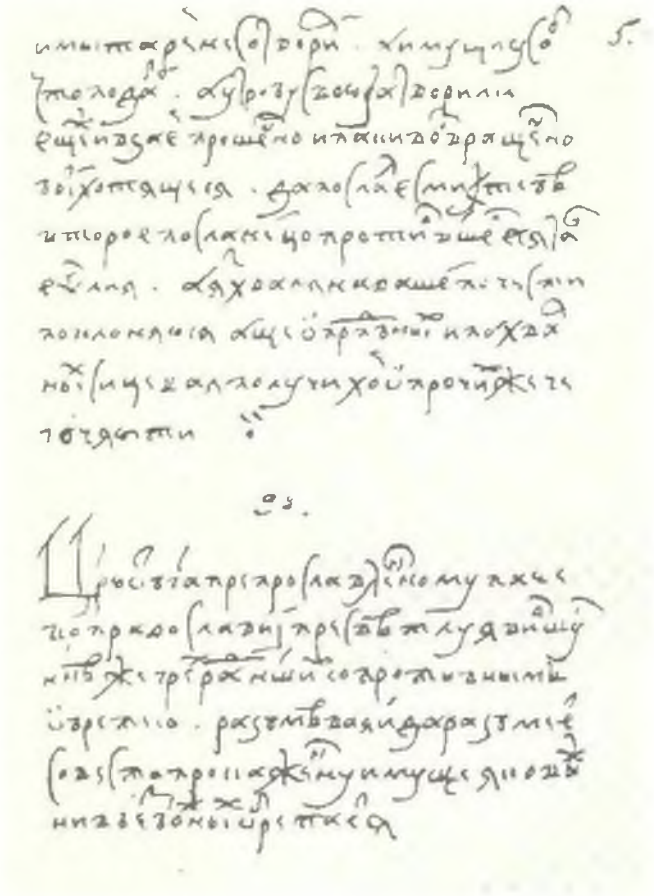
[2093] *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 46, 56, 72.

[2094] *Rustemeyer A.* Dissens und Ehre: Majestätsverbrechen in Russland (1600–1800). Wiesbaden, 2006. S. 344–353.

[2095] *Курбский А.М.* История... С. 20, 70, 72, 88, 212.

[2096] ПИГАК. С. 38.

[2097] *Курбский А.М.* История... С. 120, 637–638.



Первое послание Курбского Ивану Грозному, 1564 г. Список XVII в. Санкт-Петербург. Российская национальная библиотека. ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина № 1567. Л. 5. См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993. Вклейка между с. 64 и 65. Рис. 1.

вслед за Первым посланием царя изобразив поучения благовещенского попа Сильвестра как необходимые для исцеления и взросления царя «мечтательные страхи» (или «льстивые видения»)[2098]. Оба полемиста обвиняли друг друга в безумии, но нигде при этом не упоминается «невежливость».

Понятие «вежливости» тесно связано с «разумом», который мыслится в оппозиции богословскому «безумию» как умственной незрелости. Неистовый разум, согласно царю Ивану, ведет к ереси, невыполнению указов, заговору и государственной измене. Советники, окружившие царя к началу Ливонской войны, и среди них — Курбский, были сторонниками этой ереси. Ее святоотеческий аналог («Новацкая ересь») был известен еще по судам над Максимом Греком и позволял обвинять книжника-мудреца в попытке создать последовательное учение об идеальной форме правления и в пренебрежении волей великого князя или царя. Книжники, по словам Курбского, вызывали в Москве подозрения как безумцы, о чем он говорит и в предисловии к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина («аще кто ума изступил — он сица, рече, в книгах зашелся, а он сица вь ерес внал»), цитируя Второе послание Артемия Троицкого Ивану Грозному (около 1552 г.) или общий с ним источник[2099]. Из контекста спора между Иваном Грозным и Курбским можно понять, что книжники из круга Избранной рады обвинялись в особой ереси, равносильной государственной измене. Они были ригористами, стремящимися влиять на власть при помощи доктрины целомудренного правления. Учение «чистых» и «непорочных» позволяло в духе флорентийской утопии конца XV в. распространить монашескую практику на политическое устройство, а самих идеологов нового учения уравнивало в полномочиях с сувереном. Позднее, уже в эмиграции Курбский обосновал это учение книжными примерами, уподобляющими Святорусскую империю-республику целомудренному организму, в котором каждый орган выполняет свою духовную миссию, а в ее сердце располагается совет мудрецов, наделенных дарами Святого Духа[2100].

Таким образом, не случайно спор Курбского с Иваном IV начинается с обсуждения границ человеческого «разума», в том числе способности царя придерживаться целомудрия правления и понять высшую мудрость: «Разумеваяй да разумеет, совесть прокаженну имуще, якова же ни в безбожных языцех обретается...»[2101] Царь, согласно Первому посланию Курбского, лишился разума и заразился (или заразил) проказой свою совесть.

Ответ царя Ивана, сопоставимый по объему, формуляру и порядку аргументации с посольскими грамотами соответствует одному из его заглавий, распространенному в рукописной традиции. Он направлен «во все Российское царство на изменников и крестопреступников» и устанавливает чин «вежливости», нарушать который было равносильно крамоле[2102]. Царь дистанцируется от своего государства, в жанре дипломатиче-

[2098] Там же. С. 24, 508.

[2099] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 92–106, здесь с. 104.

[2100] См. здесь в главе «Ренессансный историк».

[2101] ПИГАК. С. 7, 9.

[2102] *Шмидт С. О.* Россия Ивана Грозного. С. 365–382.

ской диатрибы разоблачая помыслы «чистых»[2103]. В этом властная натура Ивана IV навязала читателям становящуюся привычной альтернативу: либо неограниченное самодержавие, либо государственная измена. Курбский представлен как выразитель всей российской измены, главой «их», торжество которых означало бы отказ царя от трона, — и запретным писателем. Это не остановило книжников, в том числе и близких ко двору, от того чтобы копировать, хранить и распространять Первое послание Курбского.

Было ли что-то в сочинениях Курбского, что нарушало иерархию и этикет? В целом, его послания и «История» отличаются обдуманностью и осторожностью и не носят откровенно скандального характера. Первое послание царю Ивану следует эпистолярному «чину» обращения к обидчику или даже установило этот «чин», зафиксированный впервые в московском письмовнике «Сказание начертанию епистолиям, предисловиям и посланиям ко всякому человеку» конца XVI в.[2104] Совпадения Первого послания с «Жалобой» и «Плачем» Исайи Каменец-Подольского, вероятно, доказывают, что модель обращения к царю-«недругу» опиралась на челобитную форму с призывом-мольбой о справедливости. В этом отношении следование Исайи посланию Курбского крайне маловероятно. Обвиняемый в шпионаже затворник, которому предстояло провести еще 20 лет в российской темнице, не мог обращаться к царю с просьбой о помиловании на языке «изменника», даже если и имел доступ к Первому посланию Курбского[2105]. Вероятнее другой сценарий Курбский опирался на общий с Исайей образец, отразившийся позднее в «письмовниках». Исайя ссылался на этот образец не напрямую. Опорой для него, как мы предположили, служило не Первое послание Курбского, а ответ на него, т. е. Первое послание Ивана Грозного Курбскому[2106].

Злоупотребление «чином» в письме Курбского, гротескное следование условностям могло быть воспринято как невежливость. В Третьем послании Курбский уже прямо иронизирует над «долгим» титулом, который следовало бы по этикету привести в начале послания. Однако в Первом послании открытой иронии нет, и царь Иван отвечает на него так, как если бы каждая строка отражала претензии его бывшего боярина, наподобие дипломатического торга. Архетип рукописной традиции Первого послания Курбского, вне всяких сомнений, начинается с царского титула «Царю, от Бога преславленному...», и неоднократно по ходу письма царский титул сохраняется в обращении к адресату. Почти без изменений Курбский сохраняет слова *intitulatio* в поздней редакции послания, составленной им же самим для сборника своих сочинений в последние годы жизни — по всей видимости, не ранее лета 1577 г. Только заглавие письма в наиболее ранней версии Сборника Курбского отражает польско-литовскую дипломатическую норму: «Епистолия... писана к великому князю московскому...»[2107] Заглавие не отменяло факта подданства — в своем Первом послании князь-эмигрант не усомнился в своем подданстве. В его поздней редакции он не устранил ни следов своего бывшего подданства, ни слов об ответе на Страшном суде за свои слова и деяния, и в том числе за само Первое послание, перед некогда праведным своим царем Иваном Васильевичем.

В обеих редакциях Первое послание заканчивается в содержательной части основного текста словами: «А писание сие, слезами измоченное, во гроб с собою повелю вложити, грядущи с тобою на суд Бога моего Исуса»[2108]. Это обещание созвучно сообщениям современников Переписки о московском обряде захоронения покойников с «молитвой разрешалной»[2109] или грамотой св. Николаю или апостолу Петру[2110]. Если Пер-

[2103] *Каравашкин А. В.* Литературный обычай Древней Руси: (XI–XVI вв.). М., 2011. С. 442–449.

[2104] *Кінан Е.* Російскі історичні міфи. С. 206, ср.: *Демин А. С.* О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Иллариона до Ломоносова / отв. ред. В. П. Гребенюк. М., 2003. С. 215–216.

[2105] Об этом см. в главе «Побег».

[2106] См. ниже в разделе «Архетип Первого послания Курбского».

[2107] ПИГАК. С. 9–10; СК. Л. 133 об., 136 об.; *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 538–724.

[2108] ПИГАК. С. 8, 10, 46. Архетип реконструируется на основе сопоставления чтений первой и второй редакций Первого послания Курбского и первой пространной редакции Первого послания Грозного. Во второй, предположительно, авторской редакции Первого послания исправлено как раз имя Спасителя — оно написано полностью — «Исусу Христу». Во Втором и Третьем посланиях Курбский повторяет, что свои разногласия с царем решит на Страшном суде. См.: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М.; СПб., 2009. С. 283–329.

[2109] *Шокарев С. Ю.* Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012. С. 433–436.

[2110] *Райан В. Ф.* Баня в полночь. С. 421–425. Содержимое кремлевских захоронений XVI — начала XVII в. вызвало дискуссию, однако грамот в руках покойников в этих и других русских захоронениях не обнаружено. Ничего не известно о таких грамотах и из завещаний в русских землях. См.: *Кучкин В. А.* Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный об-

вое послание Курбского — это аналог подобного письма, то его текст, по сравнению с образцом, известным по запискам А. Олеария не ранее 1630-х гг., содержит вызов традиции. Свое письмо Курбский обещает передать не Николаю или Петру, а непосредственно Иисусу Христу. Письмо царю должно заменить молитвенное обращение покойника о прощении грехов. В этой угрозе был элемент неожиданности для царя. В ответ Иван Грозный насмехается над упреками «изменника» и едко упреждает его укоры на Страшном суде, но признаётся, что готов ответить на «Страшном Спасове судище» за свои поступки. Впрочем, в этой части своего ответа царь Иван старательно избегает прямого точного цитирования послания Курбского, определяет его слова «ересью» и «блядословием» и напоминает, что от Страшного суда негде укрыться и безумному[2111].

Курбский готовится исповедоваться не перед святителем, а прямо перед Богом, и не обращается к заступничеству митрополита или патриарха. Высшей церковной власти в Российском царстве князь и в других своих сочинениях князь высказывает свои замечания и несогласие. Митрополита Даниила называет «прегордым и лютым», считает виновником преследований против инакомыслия и пособником преступлений великого князя Василия III. Своему современнику, «архиерею»-митрополиту Макарию князь отказывает в инициативе создания Избранной рады и не одобряет венчание великого князя Ивана Васильевича на царство без благословения константинопольского патриарха. Решительность князя в создании образов митрополитов Афанасия, Германа и Филиппа в «Истории», его агиографические мартирологи и уверенность в том, что светские власти, как в «деле» митрополита Петра, имеют право вмешиваться в церковную жизнь, и его филипики в адрес монахов-«осифлян» говорят о том, что церковную иерархию Курбский не считал обязательной посредницей в отношениях человека с Богом. О своих обидчиках князь рассказывал псковским монахам, ища у них защиты и поддержки. Во Втором послании Вассиану Муромцеву он говорит о готовящихся против него гонениях «от Вавилона». Кто скрывается за Вавилоном?

В приписке к Первому посланию царю он называет какого-то советника — «синкклита, всем ведома, яко от преблужения рожден есть, иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду», которого сравнивает с Антихристом и, с цитатой из Второзакония (23: 1–3), — с моавитянами и аммонитянами[2112]. Это место читается без существенных изменений и в поздней авторской редакции послания в составе Сборника Курбского. Иван Грозный ответил на упрек, отговорившись неведением, о ком идет речь, и инвективой в адрес Курбского: «Моавитин же и аммонитин — ты еси»[2113]. Поискам исторического прототипа для этой характеристики сегодня не помогают ни экспрессивные библейские образы, ни скабрезность о незаконнорожденности этого губителя «сильных во Израили». Только из других, написанных уже позднее в эмиграции, сочинений Курбского может косвенно следовать, что подразумевается кто-то из Басмановых. И в посланиях, и в «Истории о князя великого московского делех», законченной в безопасном удалении от Москвы, круг придворных врагов Избранной рады очерчен лишь пунктирно. Среди них — бывший епископ коломенский Вассиан Топорков (он же, вероятно, Вассиан Бесный), «шурья» царя Захарьины-Юрьевы, Басмановы-Плещеевы и Скуратовы-Бельские. Поименные разоблачения и интриги почти не интересуют Курбского[2114].

Курбский ориентируется на античные и святоотеческие стилистические образцы. Его изгнанничество вызывает у него параллель с апостолами и Иоанном Златоустом. В «Истории» сборник переводов Иоанна Златоуста «Новый Маргарит» цитируется чаще любого другого и как раз в таких контекстах, которые определяют этическую позицию Курбского. В одной из глосс «Истории» тоже цитируется Цицерон в переложении итальянских комментаторов конца XV в., и мишенью вновь становится царь Иван — он назван «вечным приятелем своих друзей». По мнению князя, изменником христианской республики и разрушителем ее Избранной рады был и остается сам царь Иван, а те, кого он называет «изменниками», — изгнанники и гонимые в своем отечестве. Образцы, воспринятые вслед за Цицероном и Иоанном Златоустом, сближают «Ис-

ряд // СА. 1967. № 1. С. 289–295; *Панова Т.Д.* Царство смерти: Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 151–152.

[2111] ПИГАК. С. 38–39.

[2112] ПИГАК. С. 8–11.

[2113] ПИГАК. С. 47, 404. Прим. 125.

[2114] Это отличает стиль Курбского от французского писателя XVII в., трудившегося в изгнании, Ш. де Сент-Эвремона и прославившегося своими яркими персональными обличениями. См.: *Неклюдова М.С.* Изгнанник из XVII века: Шарль де Сент-Эвремон и его «Беседа г-на маршала д'Окенкура с отцом Кане» // Одиссей. Человек в истории. 2010/2011: Школа и образование в Средние века и Новое время. М., 2012. С. 509–510.

торию» с речами и житийными сочинениями в жанре «исогос» («антижитие»). При всей распространенности этого жанра в римской судебной и раннехристианской обличительной традиции, в русской культуре к середине XVI в. он был малоизвестен и вряд ли сказался на изначальной редакции Первого послания Курбского.

Курбский нарушил дипломатический чин — и заслужил типичного для посольской переписки пословного разбора своего письма. Его готовность отстаивать правду натолкнулась на посольский порядок, призванный разоблачать и лишать легитимности любую вражескую «неправду». Соблюдение церемониальных условностей в отношениях между государями переносились и на отношения между государями и подданными. Письменный текст был всего лишь жестикулярной единицей в церемониальном чине. Табу как неотъемлемая часть посольского ритуала произносилось, прочерчивая грань между войной и миром. Слово в дипломатических отношениях было носителем вражды или примирения и не мыслилось вне этой перспективы. Шведский король Густав Ваза в конце 1556 г. получил от царя послание, в котором его письмо было охарактеризовано так же резко, как позднее письмо от Курбского: «...и противу тое твоей грамоты от нашего царского повелителства ответ тебе не пришел, потому что твоя грамота писана невежливо, безо всякие покорности и челобитя, и титла наших господарств царского седалища неполна, на чом нас всемогий Бог милосердьем своим учинил. И против тех невежливых листов дела не делаютца, и ответ им от нас не живет»[2115]. В послании Сигизмунду II Августу от апреля 1560 г. царь Иван отвечает на обвинения во вторжении в Ливонию. Свои земли царь держит «от предков своих, что нам Бог дал». Брань на поле боя — нарушение благочиния, но и словесная брань неприемлема, и уже в следующей фразе звучит: «А безленичными, затейными, непригожими словы о той земле и о иных делех говорити не хотим. В том себе и своим предком и всему своему господарству безчестья не наводим, занеже всем господарем годитца истинна говорити, а не ложно»[2116]. Произносить можно только то, что является правдой. Сомнения в принадлежности Ливонии не допускались. Своими словами царь Иван не только отсекает подозрения в невежливости, хитрости и неуместности, или лживости, своих слов, но и переносит подозрение на своих противников, лишая их права на сомнение и приравнивая противоположное мнение к бесчестью.

За этим суровым отношением к чужому слову кроется политико-богословский подтекст, который в том же своем письме Иван Грозный поясняет библейским символом: «Светилник бо телу есть око. Аще око темно будет, все тело всуе шествует и в стремнинах разбиваетца и погибает»[2117]. Следует призыв соблюдать «перемирные» грамоты и крестное целование и не вступаться в земли московского государя, в том числе в Ливонию. В перспективе борьбы за Ливонию, на которую права враждующих сторон были недоказанными, требовался решающий аргумент, придерживаться которого и значило говорить истину. Царь Иван обнаруживает телесный коррелят и предлагает сравнение своих действий со зрячим телом. Король должен был при этом убояться своей незрячести и отступить, чтобы не уподобиться телу, шествующему «всуе» и разбивающемуся «в стремнинах».

Оскорбления в адрес московского царя со стороны литовских корреспондентов блокировались запретами. После взятия в августе 1561 г. ливонской крепости Тарваст войском М. Ю. Радзивилла царю в руки попадает письмо, направленное неудачливому воеводе кн. Т. А. Кроноткину от литовских сенаторов. Его содержание нам известно только в пересказе посольских книг. Власть царя обличалась в тирании, а воеводам предлагалось сдаться на милость короля и перейти на его службу. В ответ после взятия Полоцка Посольский приказ напоминает раде о том, как М. Ю. Радзивилл или Г. А. Ходкевич «ко князю Тимофею Кроноткину грамоту писал про господаря непригожие и укоризные слова»[2118]. Упрек прозвучал в адрес всех литовских властей. Письмо Кроноткину послужило предлогом для разрыва дипломатических отношений. Следующим — переговоры Панов рады с митрополитом вместо «земских бояр» (речь идет не о «земских боярах» в отличие от еще не созданной опричнины, а о всех «земских» в целом в их отличии от «духовных»).

Уже в правление Стефана Батория энистолярная переписка с царем Иваном захлестнула не только литовскую раду и Курбского, но и короля. В порыве негодования в ответ на грамоту «Московита» король Стефан упрекнул его

[2115] ПК-96-1. Л. 55 — 55 об., публ.: СИРИО. Т. 129. С. 21–22 (Иван IV — Густаву Вазе. Москва, август 1556 г.).

[2116] ПК-79-5. Л. 149 об. — 150, публ.: СИРИО. Т. 59. С. 610.

[2117] ПК-79-5. Л. 150, публ.: СИРИО. Т. 59. С. 610.

[2118] ПИВЕ. Т. 2. С. 241; СИРИО. Т. 71. С. 235–236. В тексте посольского наказа и «Выписке из посольских книг» отправители письма указаны по-разному, но здесь этим расхождением можно пренебречь.

в невежестве, гневливости и лжи. Царь надолго запомнил эту триаду и приводил ее потом в переговорах с папским посланником А. Поссевино: «...что мы к нему писали лист свой спросности и вшетеченствы, и омылности. Ино то по-нашему, по-русскии, невежство и озорнычство, и оманка»[2119]. Ответ на такую обиду строится как защита чести от оскорбительного оговора. Мы всему свету («всем людем», «всей вселенней») известны как законный наследственный монарх. Никогда никого не обманывали и не обманываем: «А оманки есмя к нему никоторые не писывали и его не оманывали... А быстрости наше и гордости, и ложново писаня никоторого не было»[2120]. Самозащита превращается в словах царя в отступление боем. Обида, нанесенная королем Стефаном его величеству, была покушением на права, попыткой словом захватить Полоцк и Ливонию, очернить всемирно известное доброе имя и наследственную законную власть царя Ивана.

Запрет на произнесение лжи звучал из уст царя как противодействие вторжениям в область политической истины. Иван IV убежден, что придерживается божественных заповедей, но польским королям в 1560 и 1581 гг. он не может вменить нарушения воли Бога, а лишь намекает на их незаконное правление, оставляя дипломатический этикет, как и вопрос о своем собственном царском титуле, на их совести. Острота и посольская взвешенность ответа князю Андрею Курбскому в июле 1564 г. была вызвана осознанием вторжения государственных изменников в область политического дискурса. Изменники объявили государю и его земле войну. Высказывания Курбского для своего времени — это движение дискурса по своим границам, прощупывание самой легитимности московских политических преобразований. Курбский отрицает холопство слуг великих князей московских, считая его институтом, унаследованным в Москве от ордынского правления. Уже в Первом послании царю, задуманном, вероятно, еще в Юрьеве, нет и следа формульного самоуничижения «холоп твой». В сочинениях князя Андрея Михайловича не признаётся династическое право великих князей московских на владение всеми русскими землями, а учение о власти в период Избранной рады доказывает, что идеальное правление не является единоличным, хотя не перестает быть христианской абсолютной монархией. Курбский позволяет во второй части «Истории» возвысить князей, выделив рассказ об их страданиях за Святорусскую империю в отдельный раздел. Наконец, Курбский взял на себя миссию, присущую духовной власти, и уличил московских иерархов в неспособности вразумлять и смирять мирскую власть, блюсти мир между общественными «чинами» и чистоту православия.

Энистолярное обращение князя Андрея Михайловича и вторгалось в этикет, и служило поводом для его формирования. И государственная власть, и московское посольское дело впервые сталкивались с выпадом, содержащим все черты государственной измены в форме письменного «оскорбления величества». Письмо Курбского стало в Москве образцом «невежливого» обращения подданного к монарху. На письмо, копия которого хранилась в царском архиве, царь ответил развернутой отповедью, которую прочитал Курбский и которую копировали к концу XVI в. в Московском государстве[2121]. Письмо князя было составлено отчасти по энистолярному образцу обращения к «недругу». Вряд ли для московского читателя XVI–XVII вв. оставалась двусмысленность в обращении подданного к «недругу» в лице царя. Курбский считал свое письмо литературной удачей — оно находило отзвук у современников и перерабатывалось князем в последние годы жизни для включения в сборник своих трудов, в котором видное место занимали письма Курбского «князю великому московскому». В переработке Курбский заострил выпады в адрес московского монарха, но учел и его Первое послание.

Перерабатывая свое послание, чтобы отправить его в Москву еще раз в составе сборника с «Историей о князя великого московского делех» и всеми тремя своими посланиями Ивану Васильевичу, Курбский отметал подозрение во лжи. Характер правки Первого послания царю в редакции Сборника Курбского показывает, что автор стремился усилить религиозно-богословские смыслы и коммуникативную риторику (обращения к царю Ивану). Тем самым отведены репрессивные смыслы, которые ограничивали возможности подданного высказываться о власти. Впрочем, существовали и другие запреты, которые подстерегали Курбского. Мог ли светский интеллектуал высказываться на богословские темы? Что еще ограничивало писателя, препятствовало распространению его сочинений, не допускало бытование текстов среди читателей? Христианский книжник должен был столк-

[2119] ПК-78-1. Л. 251 об. — 252.

[2120] Там же. Л. 252, 253.

[2121] *Keenan E.L.* Authorial Ghosts... P. 27–60; *Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 130–131.

нуться в XV–XVII вв. с бурным ростом запретов, окружавших и само творчество, и читательское потребление.

1. Наказание вплоть до отлучения от церкви грозило за «ложь» и «соблазн людем» при копировании и чтении книг, согласно 60-му Апостольскому правилу[2122]. Разрешалось только копирование «книг законных» (ср.: Втор. 27: 26; Иер. 11: 3; Гал. 3: 10)[2123]. Книжник должен был отличать канонические книги от апокрифических, хотя даже опытные книжники не всегда понимали, что выходят за рамки дозволенного. Опорой служило 85-е Апостольское правило, на основании которого к концу XV в. сформировался индекс истинных и ложных книг, в XVII в. уточненный и напечатанный в «Кирилловой книге» (1644 г.)[2124].

2. Периодически возобновлялся запрет на неподконтрольные книжные работы, на любой интеллектуальный труд, комментарии к священным текстам, обсуждение мыслей о «четьих» трудах. В середине XVI в. «Стоглав» поручил руководство «книжной справой» только протопопам крупнейших соборов, «старейшим» и «избранным» священникам. Им и были поручены книги, хранившиеся в церковных библиотеках. Вскоре после церковной реформы патриарх Никон озвучил формулу, согласно которой старые славянские рукописи и греческие печатные книги «купно обои согласно един чин и устав показуют»[2125]. Патриарх сглаживал противоречия между старыми и обновленными служебниками, запрещая обсуждение различий. Так под формулой примирения был завуалирован запрет на сравнительно-текстологическую работу, на поиск ранних и исконных чтений.

3. Затруднения жителей Московского государства в восприятии книжного и церковного «славянского языка» уже при жизни Ивана Грозного и Курбского граничили с полным непониманием[2126]. Латинских и греческих школ до середины XVII в. не было, а влияние ренессансной учености на книжное просвещение в Москве было минимальным[2127]. М.-Дж. Окенфусс говорит в этой связи о «культурном классицизме митрополита Макария», сказавшемся на «замораживании публикации книг и читательских привычек Московии»[2128]. Этот вывод подкрепляется наблюдением А.С. Усачева за формированием книжного канона в середине XVI в. После написания «Степенной книги» на протяжении столетия ни один памятник не отразил сопоставимой работы «по уровню «мобилизации» подобного числа источников для изображения прошлого»[2129].

4. Постепенно расширялся круг неканонических книг. Судя по отсутствию московских рукописных традиций «колдовских» книг, запрет, видимо, предполагал розыск и физическое уничтожение книг, тетрадей и отдельных листов, содержащих подозрительные тексты. Как полагает Я.С. Лурье, приведенные в списке архиепископа Геннадия Новгородского 1489 г. книги по большей части были каноническими, а запрещенные книги, и среди них «Менандр», «Логика» и «Шестокрыл», лишь приписывались новгородским и московским еретикам. Их возникновение на землях Короны и Литвы само по себе могло в конце XV в. вызывать подозрения на фоне разрыва между московской и киевской митрополиями. Ко времени Стоглавого собора 1550–1551 гг. сформировался список колдовских книг. Наиболее опасные из них перечислены и запрещены в «Стоглаве» и «Домострое»: «Рафли», «Шестокрыл», «Воронограй», «Сотрономии», «Зодии», «Алманах», «Звездочетьи», «Аристотель», «Аристотелевы Врата»[2130]. Впрочем, круг чтения этих текстов ко времени их полного запрета неизвестен[2131].

5. Общие канонические и церковно-государственные запреты, ощутимо влиявшие на атмосферу религиозной полемики и просвещения, дополнялись дополнительными соборными постановлениями. Собор на Максима Грека назвал

[2122] *Смирнов С.* Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: (Тексты и заметки). М., 1914. С. 28; *Грицевская И.М.* Индексы истинных книг. СПб., 2003. С. 29.

[2123] *Смирнов С.* Древнерусский духовник... С. 130.

[2124] *Грицевская И.М.* Индексы... С. 120–145.

[2125] *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Репринтное воспроизведение текста издания 1959 г. М., 1991. Т. 2. С. 154; *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1994. Т. 1. С. 334–335, 357. Примеч. 6.

[2126] *Пиккио Р.* История древнерусской литературы / пер. И. В. Дергачевой и др. М., 2002. С. 208–210.

[2127] *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 4-е изд. М., 2002. С. 49–51.

[2128] *Okenfuss M.-J.* The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden et al., 1995. P. 4–6, 26–41, цит. на p. 41.

[2129] *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 484.

[2130] *Райан В.Ф.* Баня в полночь. С. 40–45.

[2131] *Турилов А.А., Чернецов А.В.* Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 260–344; *Лурье Я.С.* Избранные статьи и письма / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, М.М. Кром; под ред. М.М. Крома. СПб., 2011. С. 167–189.

эти санкции «соборной юзой и запрещением». Запреты принимались после Смутного времени на распространение, копирование и чтение «книг литовские печати» и рукописей на русском языке Короны Польской и Великого княжества Литовского. Вернувшийся из польского плена патриарх Филарет в конце 1627 – начале 1628 г. (а фактически – с осени 1626 г.) проводил централизованную кампанию по разысканию и уничтожению таких книг. Был введен запрет на ввоз «еретических книг» из-за границы[2132]. Перемены в отношениях российских элит с русскими учеными кругами Речи Посполитой наступили после признания в Москве истинности православия Петра Могилы и после публикации в 1649 г. его «Катехизиса». Начавшееся вскоре после этого расследование по делу о «прелестных листах папы римского» показало, что греческая грамота патриарха Феофана 1620 г. десятилетиями копировалась от руки как сокровенное послание, написанное православным римским патриархом и доказывающее исконность православия в Риме. Инициированное в Москве следствие приписывало уличенным в копировании грамоты казакам колдовские цели, а защита православия при помощи грамоты была целенаправленно затушевана обвинением в колдовстве и распространении апокрифа[2133].

Кн. Андрей Курбский до побега из Юрьева на королевскую службу столкнулся с ограничениями в циркуляции книг и толкований. Уже в московский период князь Андрей Михайлович задумывался над полнотой святоотеческой традиции в московской книжности. В своем волынском имении позднее он развернет ученый кружок, в котором будут восполняться пробелы в переводах – впрочем, греческие тексты ни в Москве, ни в эмиграции почти не были доступны Курбскому и его сотрудникам[2134]. Как светский богослов, он упрекнул монахов Псково-Печерского монастыря в том, что они читают «Евангелие Никодима», включенное митрополитом Макарием в «Великие Минеи Четьи» (возможно, об этом Курбский не знал), и «Скоринины книги» (литовско-русский перевод Библии)[2135]. Стойкость князя Андрея Михайловича в правоверии была достаточно известна, чтобы монахи позволили себе отправлять ему на эпистолярную рецензию сомнительные книги из своей библиотеки[2136]. Князь убежден, что читать опасные толкования вредно, чем он полностью поддерживает каноническую идею книжного дела. Гнев на кн. К. К. Острожского, приславшего ему на рецензию трактат антитринитария И. Мотовило против учения Петра Скарги, свидетельствует о приверженности православного цензора канонической книжности. Еретики, скажет Курбский в письме к К. Мамоничу, ничем не лучше неразумных мирских и духовных властей – они дикие, неразумные, как звери («леда якие зверядка»), да и переполнены глупостью («новоявленные глупства исполненные еретики»)[2137].

В представлениях князя Андрея Михайловича глупость и дикость не отличали католиков – детское и звериное неразумие он приписывает только московскому царю, его льстецам и еретикам. Такое единство образа ереси и тирании делается возможным благодаря ментальным преобразованиям, происходящим на глазах Курбского и при его участии. Еще до приезда Максима Грека в Россию кн. В. И. Патрикеев, как он писал в «Собрании некоего старца», столкнулся с прямыми противоречиями в правилах, говорящих о монастырской недвижимости. В греческой «Кормчей книге» митрополита Фотия начала XV в., до наших дней не сохранившейся, монастырское землевладение не допускалось. Князь оставил вопрос открытым: «Ино которым верити? Чим то разрешити? Токмо Еуангелием и Апостолом и святыми Правилы!»[2138] Владение селами для монахов – каноническая ошибка, которая обрекала монашество на противление «Божиим заповедем», на что звучал аргумент, ставший основополагающим в полемике о «книжной справе»:

[2132] *Булычев А.А.* История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

[2133] *Опарина Т.А.* «Чужие» письмена в русской магии // SSH. 2004. № 49 (1–2). С. 53–62.

[2134] *Auerbach I.* Identity in Exile. P. 24.

[2135] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 24–25.

[2136] «Евангелие Никодима» Курбский клеймит в глазах монахов при помощи риторической фигуры. Он «припоминает», что как-то видел это Евангелие «польским языком написано» (РИБ. Т. 31. Стб 379). Слова о польском языке в данном случае несут ту же смысловую нагрузку, что и высказывания князя в эмиграции о недопустимости «польской барбарии» для перевода церковной книжности. Можно полагать, что таким же негативным было отношение Курбского к использованию «прямого» московского языка и литовско-русской «простой мовы» для богослужения и душеполезного чтения (*Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 22–23).

[2137] СК. Л. 168.

[2138] *Казакова Н.А.* Василий Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 234. Примеч. 19, ср.: с. 245; *Синицына Н.В.* Максим Грек. М., 2008. С. 131–133.

«Ох, что будет в день судный! Едину заповедь преступить человек, мний наречется в Царствии небеснем. Толк: А мний, ино ничто — мука вечная и геона огненаа»[2139]. Вчитываться в священные тексты было небезопасно, чтение неисправных книг обрекало на вечную погибель. Ученому соратнику и наставнику Патрикеева, Максиму Греку, приписывали недоброжелательные оценки русской книжности: «Ты здесь нашей земли Русской святых книг никаких не похвалишь, но паче укаряешь и отметаешь, а сказываешь, что здесь на Руси книг никаких нет, ни Еуангилия, ни Апостола, ни Псалтыри, ни правил, ни уставов ни отеческих, ни пророческих»[2140]. Максим отрицал свою вину и настаивал, что речь шла только о плохих старых переводах и необходимости новых.

У Максима Грека, по его словам, при въезде в Великое княжество Московское отобрали книги. Одно из самых болезненных обвинений в его адрес на соборах 1525 и 1531 гг. касалось цитат из запрещенной литературы — Аристотеля, Гомера, Филиппа, Александра и Платона. Прозвучало и обвинение в колдовстве: «Да ты же, Максим, волшебными хитростьми еллинскими писал еси водками на дланех своих, и разпростирая те длани свои против великого князя, также и против иных многих поставлял, волхвуя»[2141]. Во время заточения в Иосифо-Волоколамском монастыре после собора 1525 г. Максиму было запрещено заниматься писательством («что было тебе не глаголати, ни учити, ни писати»)[2142]. Тогда он начал учительствовать, говоря, что полон философской мудрости, знает всё («ведаю яз все везде, где что ни деется»)[2143], что вызывало у собора параллель Максима с новозаветным волхвом Симоном (Деян. 8: 9–24). За этой параллелью кроется, видимо, обвинение в учительстве без права писать. Протесты со слов монаха Тихона Ленкова и священноинока Ионы только усугубили вину: «Чист есми от чрева матери моея и доныне от всякаго греха и не имею на себя вины никакие, напрасно мя держат без вины. А учивался есми философству, и приходит ми гордость. А ведаю яз все везде, где что ни деется»[2144]. Митрополит Даниил на основе этих слов делал вывод, что Максим не признаёт за собой грехов и, как еретик, восстает против учения о первородном грехе.

Обвиняемый отказался признавать и постановления собора 1525 г., и справедливость своего заточения и отстранения от творчества («напрасно мя держат без вины»). О гордости и всезнании следовало бы рассуждать, переводя эти слова «обратно» на латынь или греческий. Гордость следует понимать как *достоинство* или *добродетель*, тогда как всезнание подразумевает учение о задачах философии в хорошо освоенной Максимом неоплатонической традиции. Философия учит об идеальном как «едином» и «всеобщем», охваченном «мировой душой». Отрицая обвинения в свой адрес, Максим надеялся вернуть себе право на книжные труды, тогда как для московских церковных властей его устные высказывания складывались в ересь или были поданы на соборе как целостное еретическое учение. Его противозаконность была плодом целенаправленного вымысла: в приведенных словах ересь была бы очевидна, если бы удалось доказать, что философское учение было связано с волхованием, а писание «водками» на руках с последующими заклинаниями было частью единого запретного ритуала. Однако показания Федора Сербина и Лаврентия исключают возможность волхования Максима. По их словам, старец совершал свое «волхование» с использованием водки перед Василием III, когда тот на него гневался и говорил «бранно». И как результат — «князь великий гнев свой на него часа того утолит и учнет смеятися»[2145].

Судное дело Максима Грека — один из самых ранних московских источников, в которых вообще упоминается слово *водка*. Возможно, в данном случае оно обозначает травяной настой, которым писатель зачем-то натирал себе руки. Можно предположить, что писание на руках спиртными напитками было следствием запрета пользоваться бумагой и чернилами. Менее вероятно, что «водками» Максим оттирал следы от письменных принадлежностей, чтобы доказать великому князю, что соблюдает запрет на письменные работы. Это было бы обманом, но обманывать обманщиков для ученого монаха, не получившего обещанное освобождение из России, вряд ли было зазорным. Возможно также предположение, что Максим натирал руки и показывал их великому князю в знак своей чистоты и невиновности. Если он и делал это чересчур темпераментно, ему удалось отделаться от оговоров, подозрения с него были сняты, и после собора 1531 г. запрет

[2139] *Казакова Н.А.* Василиан Патрикеев... С. 233, 242.

[2140] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / изд. подг. Н.Н. Покровский; под ред. С.О. Шмидта. М., 1971. С. 25–26, 109–110, 159.

[2141] Там же. С. 98, 148.

[2142] Там же. С. 100, 149.

[2143] Там же. С. 100, 149.

[2144] Там же. С. 99–100, 149.

[2145] Там же. С. 115–116.

Максиму Греку на письменные работы и учительство был заметно ослаблен, а затем и снят[2146].

Одно из обвинений в адрес Курбского от лица Ивана IV — в «Наватской ереси», от имени Новациана, который отвергал право на возвращение «отпавших» в лоно Церкви[2147]. Община «верных» должна, по мнению Новациана, состоять только из «чистых» (καθαοί). Об этом царь и его книжники могли узнать из «Хронографа» и сходных с ним текстов по истории раннего христианства. Обвинение в ереси звучит в ответ на всё Первое послание Курбского, а не на его отдельные выпады, и в нем сохранился след придворной жизни конца 1550-х — начала 1560-х гг. Курбский, согласно этой логике, а возможно, и лидеры восхваляемой в его сочинениях Избранной рады, были радикалами, стремившимися к ангелоподобному целомудрию трона и безупречной чистоте церковной жизни. В ответ Курбскому от имени царя Ивана прозвучало рискованное обоснование обособленности и самодостаточности царской власти, которая поставлена Богом в несвободном мире, наследует библейской светской империи от Моисея (а не от Аарона) и не может следовать Нагорной проповеди, не отвечая на пощечину. Ее подданные — холопы, которых царь милует и казнит по своей воле, а за свои деяния он отвечает только перед Богом. Впрочем, для читателей Первого послания Ивана Грозного не могло укрыться, что царь опережает события, отводя упрек за упреком Курбского еще до Страшного суда.

На этом фоне в единый образ складываются обвинение Ивана Грозного, что князь не снисходит к «играм» и призывает к ангелоподобному поведению, учение самого Курбского о целомудренной республике, лидеры которой «подобны ангелам», и резкие выпады в адрес светских развлечений в таких официальных московских памятниках, как «Летописец начала царства» и «Степенная книга». Светский человек в учении Ивана Грозного не может следовать в мирских делах наказам целомудрия. Монастырское устройство, оставаясь для царя образцом идеального правления, не могло быть перенесено на «земское» строение. Учение о греховной природе человека противостоит в послании царя ереси «чистых». Государевы «игры» далеки в равной мере и от игры в понимании Й. Хёйзинги, и от карнавальной площадной культуры в интерпретации М. М. Бахтина[2148]. Это «игры», которые, в развитие концепции М. М. Крома, можно отождествить с нравом московского суверена на отведенной ему государственной «земле» распоряжаться «своей властью», даже когда он не следует ни духовным образцам, ни велениям разума[2149].

Разум, который Максим Грек в «Истории» Курбского в разговоре с царем возносит выше ложного благочестия, отвечает ренессансному мифу о превращении разума в плоть республики, производстве исконного миропорядка, в котором республика должна стать воплощением высшего духовного идеала и художественным произведением Творца[2150]. Учение об идеальной форме правления, близкое к ренессансным утопиям, должно было превратить Русское царство в христианскую «политию», однако ценой такого преобразования могли быть обязательства имперской и духовной власти, которым предстояло смириться с ограничениями, накладываемыми рациональной доктриной. Христианская мудрость «чистых» ограничивала верховную власть, поскольку поручала ей миссию соблюдения «правды» или «света правды», превращая носителя и хранителя идеала в одно из звеньев общественной инженерии («дела и писания»). Недостижимость книжного идеала в его земном воплощении вскоре после Смуты послужила основанием для разоблачения «вологодской ереси», которой вменялось следование запрещенной церковно-политической доктрине, как «делу

[2146] Не обосновано предположение, согласно которому за наговором скрывается факт реального волхования, — будто бы Максим, как грек-«философ», получивший гуманистическое образование в Италии, занимался астрологией и в целом «хорошо знал языческие верования и обряды» (*Михайлова И. Б.* «Адски крепкая» и «кусается»: водка в России XVI–XVIII веков // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2011. № 22. С. 231).

[2147] ПИГАК. С. 380–381; *Панченко А. М.* Я смиряровал... С. 174–175.

[2148] Можно было бы не согласиться с замечанием А. М. Панченко, в свое время оставившего глубокий комментарий к дискуссии о «ересях» в Переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским. По мысли исследователя, царь Иван не нападал на своего обличителя, «а защищался, заявляя, что у естества человека, у его плоти есть свои права» (*Панченко А. М.* Я смиряровал... С. 175). Такое понимание интенции царя Ивана возможно, только если мы отвлечемся от вывода — Курбский был объявлен еретиком, его учение, как и политическая доктрина Избранной рады, подпало под суровое клеймо церковно-политической ереси, а учение об «играх» развязывало руки высшей власти на пути к неограниченному самодержавию.

[2149] *Кром М. М.* К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 283–303.

[2150] *Серто М., де.* Изобретение повседневности. Т. 1: Искусство делать / пер. с фр. Д. Я. Калугина, Н. С. Мовшиной. СПб., 2013. С. 254–257.

и писанию честному и святому» («Евангелию Учительному» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого)[2151].

Таким образом, послание Курбского нарушало ряд конвенций, которые до Переписки не вызывали в Российском царстве сопоставимых конфликтов и запретов. Письмо «изменника» сочетало эсхатологическое чистосердечие погребальной грамоты с обличением предруга и его неназванных пособников. Это отвечало задачам «малой эсхатологии» — Господу ведомо, кто подущает царя на беззаконие. Курбский, готовый погибнуть по обвинению в государственной измене, отказывал господарю в разуме и благочестии, а следовательно, в праве на суд, угрожал раскрыть всю правду о нем на Страшном суде, а его советников предавал проклятию. Фактическое изгнание было для Курбского предметом рефлексии и переосмысления, но не стало его «литературным амплуа». Впрочем, князь мыслит себя в эмиграции временным изгнанником, а свое изгнание в последних авторских сочинениях и переводах описывает как результат бессудных преследований у себя в отечестве и незаконных обвинений в государственной измене.

Масштабные поздние авторские сочинения князя Андрея Михайловича, и в особенности Сборник Курбского, стали возможны благодаря тому, что царь совершил ответную энистолярную диверсию. Переписка исключала возможность прощения для Курбского, превращая его в нарушителя дипломатических отношений и виновника вновь развязанной войны. Царь стремился заградить уста «неправде», нарушению порядка договоренностей и доверия, гарантом которых выступают дипломатические соглашения. Понятием «невежливость» в политическом богословии царя Ивана и его окружения обозначается бунт против верховной власти, мирская ересь, которая вменяется преступнику наряду с церковной ересью и равнозначна «неправде» в межгосударственных отношениях. «Невежливо» бунтовщик обратился к царю, уже после того как «изменил» и «бежал». Это была декларация государственной измены, объявление войны господарю и призыв к соотечественникам следовать своему примеру.

Обвинение в ереси от лица Ивана Грозного также открывает специфический мир покаянной дисциплины в области творчества. Прежде всего, обвинение лишало Курбского права считаться «верным» по отношению к богоизбранному монарху, но не к церкви как таковой. Имеем ли мы дело с языком политической ортодоксии или Иван Васильевич лишь воспользовался неизвестным ныне церковным постановлением в отношении «изменника»? О церковном соборе на князя Андрея Михайловича говорить не приходится, для такого предположения в нашем распоряжении нет никаких источников. Вместе с тем показательно, что и главные герои «Истории» помимо самого царя, носители идеалов Избранной рады, охарактеризованы как чистые, непорочные и даже подобные ангелам, и сам автор представляет себя как искони, от рождения и даже от предков, начиная со святого князя Федора Ростиславича, верного слугу христианской республики. Верность невозможно, по Курбскому, сохранять, не соблюдая целомудрия, а это то же самое качество, которое приписывает себе Максим Грек.

Посольские запреты на «неправду» позволяют лучше представить светское учение государства о чистоте помыслов, поскольку раскрывают то состояние, в котором высказывание недопустимо и непозволительно. Посольский запрет – это заграждение «уст», чтобы из них в любой форме не вырывались «безленичные, затейные и непригожие слова», поскольку они наносят государю и его земле «бесчестье» и таят в себе «неправду». Неправде нет места во всех землях, и следовательно, прекращение «неправды» и может быть условием мирного существования легитимных государств. Если так, то «неправда» должна быть остановлена, а ее выразители лишены возможности бесчестить землю любого господаря. Это и был бы универсальный запрет на выражение, который невозможно снять, а можно нарировать только обоснованием своей исконной верности, чистоты помыслов и безукоризненности каждого слова. Курбский обходит стороной обвинения в ереси, понимая, что они не имеют к церкви никакого отношения. Царь также совершает поступок, противоречащий обвинениям и санкциям Первого послания: он возвращается к Переписке и своим Вторым посланием провоцирует продолжение диалога.

За этим жестом можно было бы искать попытку частичного или фактического прощения Курбского, если бы сам прием прощения не был использован во Втором послании как убийственное намерение «успокоить» Курбского в любом месте, куда он побежит от царя. В сущности, одно из самых сильных выражений экспансионистской идеи в духе Ивана Грозного — это его

[2151] *Онарина Т.А.* Дело вологодских еретиков // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посвящ. 35-летию начала археографической работы в Сибири (1965–2000) / сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск, 2003. С. 439–446.

слова о том, что его изменникам нет на земле покоя, нет такого места, где бывшие холопы могли бы скрыться от своего царя. Парадоксально, что этот вывод, значимый для доктрины мировых империй, так и не получил распространения и вообще не копировался в России вплоть до научных публикаций Второго послания. Со стороны властей Короны и Литвы были приняты все меры, чтобы снять с Курбского подозрения в государственной измене против царя Ивана. Он был признан именно гонимым, и для самоидентификации в новом отечестве смело пользовался аналогиями, почерпнутыми из Евангелия от Матфея и посланий Цицерона. Отождествляя государственную измену и изгнание, Курбский не снимал границ между неправедно гонимыми и военными предателями — он пересматривал основания московских преследований и искал понятийные параллели для их описания в греко-римской и раннехристианской книжности.

Архетип Первого послания Курбского

Преследования книжника отнюдь не означают, что его сочинения методично уничтожаются. На фоне масштабных расправ над книгами «литовского письма» читатель после Смуты получил на удивление широкий доступ к раннему сборнику сочинений кн. Андрея Курбского. Почему это случилось — неясно. Высказывалось две основных версии, и они принципиально расходятся в понимании исходных этапов развития рукописной традиции и читательской аудитории Первого послания Курбского в России XVII в. Согласно одной версии, тексты Курбского были в своем роде «самиздатом». Они отразили тлеющую фронду, готовность бороться против новой династии, завуалировав основную мишень образом Ивана Грозного, а критику действительности облекая в копии сочинений его «изменника». Эту концепцию последовательно отстаивают в своих работах Э.Л. Кинан и Д.К. Уо. Согласно интерпретации, которая неоднократно высказывалась в работах Я.С. Лурье и Р.Г. Скрынникова и закреплена в «Словаре книжников и книжности» А.И. Гладким и А.А. Цехановичем, исходным моментом в развитии Первого послания стал так называемый Печерский сборник, сложившийся в Псково-Печерском монастыре в 1620-х гг.[2152]

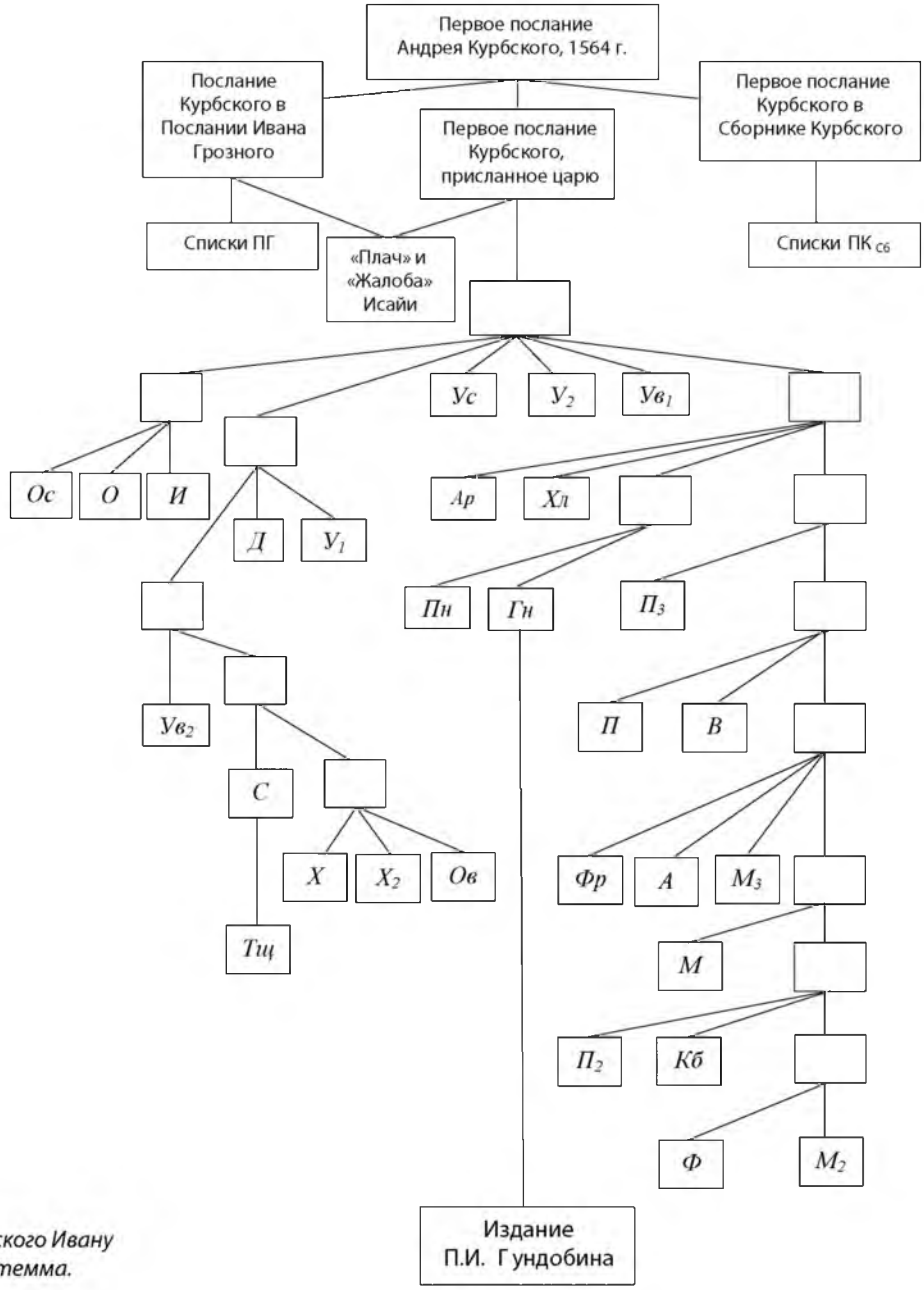
Отправной тезис конкурирующей концепции следующий. Сборники сочинений кн. А.М. Курбского хранились в годы Смуты в Государственном архиве, и после великого Московского пожара 1626 г. из архива «всплыли» на поверхность ранее малодоступные и недоступные сочинения — среди них Ивана Пересветова и кн. Андрея Курбского. Как пишет А.А. Зимин, у сочинений Пересветова и Первого послания Курбского «одна судьба: они проникли в рукописную литературу только после того, как материалы Государственного архива стали доступными, т.е. после "Смуты" начала XVII в.»[2153]. Этот взгляд не вполне поддерживали Ю.Д. Рыков и Я.С. Лурье, которые прямо не оспаривают концепцию А.А. Зимина, но ближайшими к протографу собрания ранних сочинений Курбского считают не только списки с посольскими сочинениями в конвое, но и «печерские сборники», восходящие предположительно к «Печерскому сборнику» 1620-х гг. Сборник, восходящий, по их мнению, к Псково-Печерскому монастырю, исследователи помещают в своих стеммах ближе всего к истокам рукописной традиции Первого послания[2154].

Основанием для построения А.А. Зимина послужили ранние (архетипные) чтения в списках двух групп первой редакции Первого послания Курбского. Речь идет, в сущности, о сборниках с сочинениями И.С. Пересветова, «Повестью о двух посольствах», «Повестью об основании Царьграда» Нестора-Искандера. Резонны колебания Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова, считать ли исходным именно этот состав или «печерский», как в том же Уваровском № 168. Полный объем Печерского сборника не представлен ни в одной ныне известной рукописи, но ближе всего к нему как раз состав рукописи ГИМ собр. А.С. Уварова № 168. И хотя в него входят также сочинения Ивана Пересветова, «Повесть» Нестора-Искандера, легендарная переписка турецкого султана с Иваном IV, сравнение этого состава с другими «печерскими сборниками» показывает, что так называемый Печерский сборник на каком-то более раннем этапе существовал обособленно от Пересветова, Нестора-Искандера и прочих памятников. Наши наблюдения за архетипом Первого послания, основанные на сопоставлении архетипов трех его редакций, позволит еще сильнее сфокусировать этот вывод. Пока отметим, что изученные нами в отдельной работе обстоятельства побега кн. Андрея Курбского и складывания комплекса его ранних сочинений допускают, что отнюдь не Посольский приказ и не Псково-Пе-

[2152] *Гладкий А.И., Цеханович А.А.* Курбский Андрей Михайлович // СККДР. Вып. 2: (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А–К / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. С. 496.

[2153] ГАР. Ч. 1. С. 29; Ч. 2. С. 370, 433. Цитата: ГАР. Ч. 2. С. 337.

[2154] *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 269-270.



Первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному. Текстологическая стемма.

черский монастырь были местом формирования первого сборника «сочинений» князя Андрея Михайловича. И к литературе этот сборник имел весьма косвенное отношение.

Находки Б.Н. Морозова также требуют пересмотра концепции наиболее раннего бытования Первого послания в стенах Посольского приказа и Печерского монастыря, но этот пересмотр должен быть осуществлен со всей строгостью и осторожностью. Конечно, единичные случаи бытования Первого послания в частных собраниях до пожара 1626 г. доказывают, что Курбский был известен своим посланием российским читателям в Москве и регионах к началу XVII в. Хотя речь и идет о единичных списках, примеры эти — весьма показательны. Все установленные ранние владельцы Первого письма Курбского Ивану Грозному происходят из кругов высшего церковного управления и высшей государственной администрации. Но всё это деятели, далекие в равной мере от посольского дела и Псково-Печерского монастыря.

Наша цель для начала — на основе дошедших списков наметить историю чтения и копирования

Первого послания. Разработав таким путем гипотезу архетипа, мы пересмотрим вопрос о том, какие именно версии текста бытовали ранее других, в каком направлении развивались и в каком литературном окружении. Получив предполагаемый вид исходной версии Первого послания, мы можем попытаться сделать еще один шаг вперед — назвать те сборники, которые передают ближайшие к архетипу варианты, а следовательно, ближе всего могут стоять к моменту зарождения книжной традиции. От этих ближайших к архетипу списков мы перейдем к более поздним версиям, отвечая на вопрос о том, как передавались и тексты, и сборники. И — как расширялся круг читателей. Все остальные послания из сборников с ранними сочинениями Курбского такой уникальной возможности не дают, потому что только Первое послание Курбского сохранилось в двух и даже в трех наиболее ранних редакциях, и все три эти редакции позволяют максимально приблизиться к архетипу Послания.

Реконструкцию Первого послания Курбского (далее также — ПК) предпринимали еще Н.Г. Устрялов в «Сказаниях» и Г.З. Кунцевич в 31-м томе «Русской исторической библиотеки»[2155]. Расхождения между двумя значительно различающимися версиями текста были заметны уже в публикации Н.Г. Кунцевича, но получили обоснование лишь во второй половине XX в., когда две редакции начали воспринимать и издавать как два разных текста. «Первая» редакция восстановлена на основе списка РНБ собр. М.П. Погодина №1567 (л. 5–9) в публикациях Я.С. Лурье[2156] и Э.Л. Кинана[2157], А.А. Зимина и Ю.Д. Рыкова[2158] и позднее на основе списка РНБ ОСРК Q.XVII №67 (л. 16 об. — 17) в публикациях Б.Н. Морозова и Ю.Д. Рыкова[2159]. Редакция Сборника Курбского издавалась в реконструкциях Ю.Д. Рыкова и автора этих строк на основе списка ГИМ собр. А.С. Уварова №301 (л. 133 об. — 137)[2160].

Текст послания Курбского сохранился также в недрах ответного послания Ивана Грозного. Уже в дискуссии вокруг тезиса Э.Д. Кинана и Д.К. Уо о поддельности Переписки брезжила перспектива сравнить полный набор заимствований из Курбского у Ивана Грозного с редакциями Первого послания князя Андрея. Об объеме сходств говорилось неоднократно, хотя полные выкладки по текстологии этих заимствований никем не приводились. В каком-то смысле, тем не менее, можно считать, что особую «Третью редакцию» опубликовал Я.С. Лурье на основе списка РНБ собр. М.П. Погодина №1311 (л. 298–349), дополнив сводной второй редакцией Первого послания Ивана Грозного и краткой редакцией[2161].

Каждая из трех групп списков имеет обособленную от остальных групп рукописную традицию. Поскольку все три версии содержат чтения, близкие к архетипу, сохраняет силу вопрос, какая версия Первого послания Курбского является исходной, оригинальной, авторской.

Письмо, отправленное кн. А.М. Курбским царю Ивану IV в начале мая 1564 г. из Вольмара[2162], много лет спустя было включено в Сборник Курбского в сопровождении «Истории о князя великого московского делех», двух других посланий царю и, в одной из версий сборника, «литовской» корреспонденции князя и его же поздних переводов. Обе редакции ПК (условно — ПК1 и ПК2), по всей видимости, авторские. Редакция Сборника Курбского содержит ряд сближений с реалиями «Истории» и Третьего послания, т.е. обработана в направлении поздних сочинений кн. Андрея Курбского, написанных им уже много лет спустя после Первого послания. Кроме того, эта редакция в ряде мест опосредованно отсылает к тексту Первого послания Грозного. Однако источником для ПК редакции Сборника Курбского послужил ранний, хранившийся, вероятно, в личном собрании автора, список ПК или его оригинал.

Наиболее полная версия письма князя Андрея Михайловича в изложении царя Ивана читается в пространной редакции его письма, причем ближе всего к протографу пространной редакции списки, сходные с опубликованным Я.С. Лурье в 1979 г.

[2155] РИБ. Т. 31. Стб 1–8.

[2156] ПИГ. С. 533–534.

[2157] *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 8, 156.

[2158] *Зимин А.А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному (Текстологические проблемы). С. 176–201; ПИГАК. С. 7–9, 352–355.

[2159] *Морозов Б.Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII века // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 277–289; БЛДР. Т. 11. С. 14–18 (реконструкция древнерусского текста — на четных страницах), 590–591.

[2160] ПИГАК. С. 9–11, 355–356; СК. С. 292–300.

[2161] ПИГАК. С. 12–52, 356–366; БЛДР. Т. 11. С. 20–67 (реконструкция древнерусского текста — на четных страницах), 599–600 (дополнительная сверка проведена Е.И. Ванеевой).

[2162] Кн. А.М. Курбский прибыл в Вольмар в первых числах мая — около 5–6 мая, а покинул крепость не позднее 16–18 мая 1564 г. См. *Итинерарий Курбского между 5–6 и 16–18 мая 1564 г.*

Достоянием текстологии ПК и ПГ является гипотеза о зависимости ПГ всех редакций только от ПК1[2163]. В издании 1979 г. этот тезис прозвучал на полях сводной таблицы разночтений ПК1 и ПК2: «Текстологической зависимости от второй редакции княжеского письма в послании Ивана IV не наблюдается, если не считать пропуска слов "от века"... а также отмеченной Э.Л. Кинаном переклички оборота "яко вся ваша храбрость и мудрость" царского послания с выражением "мужеством храбрости их", употребленным во второй редакции послания Курбского...»[2164] Окончательный вывод о происхождении «пропуска» и «переклички» Ю.Д. Рыков отложил до выяснения литературной судьбы Переписки и истории создания «сборников Курбского». Возможно, первая задача еще не решена, но генезис рукописной традиции Сборника Курбского позволяет продвинуться в обсуждении связей между редакциями и списками ПК и ПГ.

Действительно, Первое послание Грозного первой пространной редакции (ПГ1) ссылается только на ПК1. Сепаратные от ПК1 сходства архетипа ПК2 с архетипом ПГ1 ограничиваются двумя-тремя примерами и их просто объяснить без громоздких гипотез промежуточного списка. Помимо слов «мужеством храбрости их», появление которых в ПК2 вызвало дискуссию между Э.Л. Кинаном и Р.Г. Скрынниковым, заслуживают истолкования еще три узла сходств между ПК2 и ПГ1. Выражение «от века» в словах «неслыханные от века муки» есть в ПК1, но его нет ни в ПГ1, ни в ПК2. Таким же образом дела обстоят с отрывком «Судие, надежде христянской» — он есть в списках ПК1, но сокращен в равной мере в списках ПГ1 и ПК2 до «Судие». Сходно с ПГ1 написано в ПК2 и имя святого прародителя Курбского — князя Феодора (из «Федора») Ростиславича. ПК2* составлялся уже после получения Курбским письма от царя Ивана, и следовательно, автор ПК2* мог сослаться при доработке новой версии ПК на текст, сходный с ПГ1, и вслед за ним удалить названные фрагменты.

Другие значительные памятники, содержащие сколько-нибудь близкий к архетипу текст ПК, сегодня неизвестны. Этого, как кажется, достаточно, чтобы основной задачей реконструкции ПК* видеть изучение именно и прежде всего совпадения трех текстов – ПК1, ПК2 и ПГ1.

Все три реконструкции (ПК1*, ПК2* и ПГ1*) можно связать между собой, возведя их текст ПК к наиболее раннему виду Первого послания Курбского. Этот гипотетический текст и должен считаться архетипом ПК, а тождество чтений и обоснованный порядок возникновения чтений в этих трех редакциях должен служить основанием для концепций развития нисходящей рукописной традиции каждой из редакций.

Парадоксально, что вся дискуссия о текстологии ПК прошла мимо текстологической необходимости ПК в редакции ПГ1[2165]. Этот реконструируемый на основе всех ныне известных списков ПГ особый вид ПК должен занять законное место в генетических построениях и рассматриваться в качестве третьей редакции ПК (ПК3)[2166]. Результаты изучения ПК3 распространяются на рукописные традиции ПК и ПГ, а выводы, полученные на основе изучения ПК1–3, — должны внести свой вклад в реконструкцию ПГ*.

Методика издания архетипа (обозначим его ПК*) выработана в публикациях, охвативших все известные ныне части литературного корпуса Курбского и Ивана Грозного. Наша задача в этой работе — свести названные архетипы и разработать гипотезу самого раннего вида Первого послания Курбского. Для этих целей мы принимаем все сходные чтения ПК1 и ПК2 как восходящие напрямую к ПК* и отдельно отмечаем те случаи, когда они подтверждаются ПГ1. Все особые чтения ПК2 относим либо на обработку в ходе создания второй авторской редакции, предназначенной для включения в Сборник Курбского, либо считаем следом более раннего происхождения ПК2* по сравнению с ПК1*.

Последний сценарий весьма возможен — и он-то является исходной рабочей гипотезой нашей реконструкции. Речь идет о том, что ПК2*, очищенный от поздних авторских дополнений, может рассматриваться как один из самых ранних списков ПК1, и в этом качестве незаменим для реконструкции ПК1*.

[2163] *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 158–162; *Rossing N., Rønne B.* Apocryphal — Not Apocryphal? P. 81, 84.

[2164] *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 254–255 (в цитате опущено два указания на примеры и одна ссылка).

[2165] *Rossing N., Rønne B.* Apocryphal — Not Apocryphal? P. 77–84, 139–151.

[2166] Для Э.Л. Кинана эта проблема была второстепенной, поскольку он видел в ПГ1 лишь позднюю версию ПГ, а ПГ считал продуктом воображения книжника 1620-х гг. Ближе всего к постановке вопроса о ПК в редакции ПГ был Я.С. Лурье, когда он последовательно следил за ответом царя Ивана на письмо Курбского. Однако в текстологическом ключе вопрос и в работах Лурье не прозвучал. См.: *Keenan E.L.* Authorial Ghosts... P. 27–60; *Лурье Я.С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским... С. 214–249.

При этом самые чтения списков ПК1 нуждаются в изучении степени их близости к ПК1* (в его отличие от ПК*). Погодинская рукопись (*П*) и список ОСРК из библиотеки Ионы Соловецкого (*И*) содержат основные для нашей реконструкции расхождения внутри ПК1. В ряде случаев вопрос о первенстве чтения может быть решен с учетом ПК2 и ПГ1. Изучение списков ПК2 подводит к выводу, что его архетип передан с незначительными расхождениями в списках Тихонравовской группы РГБ собр. Н.С. Тихонравова №639 (*Т*), РГАЛИ Вяземских №6040 (*В*), ГИМ Музейского собр. №3090 (*М*), к которой примыкает традиция несохранившейся древнейшей части со списком ПК в РНБ СПбДА №309 (*Д**), а также в протографе всей остальной традиции Сборника Курбского – списке ОР ГИМ собр. А.С. Уварова №301 (*У*). Архетип ПК2 не содержит существенных неясностей и позволяет провести задуманное сравнение, используя его в качестве особого независимого списка, причем предположительно очень раннего, в реконструкции ПК*.

Согласно предлагаемой концепции, совпадающие варианты основных списков ПК1 и ПК2 должны быть приняты как архетип ПК. Внутригрупповые расхождения между списками ПК1 и ПК2 требуют на данном этапе комментария только в связи с близостью того или иного чтения к архетипу. Определяющим при этом должны быть варианты, которые в одном из групп встречаются стабильно, а в другой встречаются лишь в ряде списков. Конечно, данная методика не позволяет уловить, в каких случаях архетип ПК* утрачен и затем восстановлен в ходе копирования случайно, и недействительна для изучения расхождений в орфографии чтений.

Данным подходом предопределен характер сводной работы по установлению архетипа ПК[2167]. Этот текст составлен как бы из двух списков, причем каждый из них – реконструкция, основанная на всем комплексе известных рукописных данных. Только наиболее спорные места, демонстрирующие существенные расхождения между двумя основными группами списков и факультативным архетипом ПГ, нуждаются в развернутых комментариях.

На полях составленного свода разночтений следует прокомментировать ряд наблюдений, влияющих на текстологическое изучение отдельных списков ПК1 и ПК2. Прежде всего, вопрос о заголовке ПК* с текстологической точки зрения не может быть решен. Поскольку подобные «грамоты» и «цедулы» в энистолярной практике предписанного названия, как правило, не имели, высказано предположение, что заглавия в ПК* не было вовсе[2168].

Расхождения между ПК1 и ПК2 наиболее ярко проявляются в узле разночтений «от века муки» (ПК1). Судя по совпадению в данном узле разночтений варианта ПГ* с отрывком из Второго послания Курбского Вассиану Муромцеву (далее – ВВас) и частично с чтением ПК2*, в ПК* могло не быть «от века». Из этого должно следовать, что Курбский, редактируя ПК для своего литературного Сборника, не устранял фрагмент «от века» вслед за ПГ, как мы предположили выше, а только лишь изменил чтение «муки» на «мучения». Данный сценарий означает, что ПК2* в отдельных чтениях ближе, чем ПК1*, передает архетип рукописной традиции Первого послания Курбского.

Теперь обратимся к соотношению ПК1–2 с архетипом ПК в составе ПГ1.

Курсивом в реконструкции ПК* выделены те фрагменты, которые находят соответствия в ПГ1, даже если царь заменяет отдельные формы в цитатах. Местоимения, союзы, числительные, предлоги, частицы, вспомогательные глаголы не принимаются во внимание. Они выделены курсивом только в том случае, если встречаются в ПГ в точном соответствии с ПК1–2. Данный подход сугубо формален, поскольку во многих случаях можно с уверенностью преобразованные в ПГ местоимения и другие текстовые реалии посланий Курбского допускать в той грамоте, которой располагал царь Иван, когда составлял свой ответ эмигранту. Однако для реконструкции ПК* имеют значение, конечно, прежде всего, те текстовые реалии ПГ, которые прямо и точно соответствуют чтениям ПК и отражают его архетипные чтения. При этом причины отсутствия в ПГ1 отдельных фрагментов ПК – вопрос сугубо герменевтический, к текстологии рукописных традиций ПК он имеет лишь косвенное отношение.

Ряд совпадений ПГ с ПК весьма условны, поскольку слова, сходные с ПК, могут в ПГ встречаться не вполне в тех же самых контекстах, что в ПК. Царь обыгрывает их или намекает на слова Курбского. Это касается, например, слов «разумеваяй да разумеет», «грех ради наших», «злая за благая», «хожах и исхожах», «никоего тебе безчестия приведох», «на похвалу тебе сотворях»[2169].

[2167] См. здесь ниже *Приложение II*.

[2168] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 197–198.

[2169] С последним отрывком в ПГ перекликаются слова: «Тако ли убо прегордые царства разоряти, еже убо ты, безумием дмяся, хвалишися? Еже ни единыя похвалы,

Вокруг них построен ряд обвинений царя в адрес «изменника». То же самое можно сказать об отрывке «богоначалному Исусу». Полностью это словосочетание в ПГ не встречается, но по отдельности у царя Ивана можно обнаружить, конечно, и сам этот эпитет, и имя Бога. Конечно, сохраняется риск преувеличить количество совпадений. Например, выражения «от многие горести сердца потщуся», «во уме прилежно смышляти», «надежде христианской» ни полностью, ни близко к цитате не встречаются, но все эти слова в различных формах несложно встретить в письме Ивана Грозного. Царь мог продолжать высмеивать и просто «потрошить» высказывания Курбского, наставляя его и цитируя по одному-двум словам: «Внимати же комуждо себе подобает, а не высочайшая и глубочайшая смышляти, разумевати же единоя по достоянию повеленная»[2170]. Выражение «хотящему судити» встречается у царя Ивана не в том же, но в похожем богословском контексте, что и у Курбского (царь говорит о нежелании судить попа Сильвестра земным судом — «не хотевшу ми судитися зде»)[2171].

Есть и более сложные примеры, допускающие опосредованную реакцию Ивана IV на послание князя Андрея Михайловича. Так, в ПГ нет видимой реакции на слова «Бог — сердцам зритель», но в словах о Поликарпе из ПГ встречаются похожие слова: «И сия убо свыше зретися, и тому дивитися»[2172]. У Ивана IV в письме нет прямой реакции на слова «до скончания живота моего буду непрестанно со слезами вонияти на тя пребезначалной Троице». Точнее, на слова о Троице царь реагирует бурно и болезненно, а вот слов «до скончания живота... непрестанно со слезами вонияти...» в тех контекстах, где Иван говорит о безбожии и безумии Курбского, мы не встретим[2173]. Однако одна из формулировок очень близка к ПК, и допустить конструкцию ПК* в источнике ПГ необходимо: «Мое же утеснение — вместо крови пролитыя от вас самех приях всякое оскорбление и озлобление, еже вашим злым сеянием оскорбления строптиваго житя, не престанет, се убо наиначе на вас без престани вопиет к Богу!»[2174]

Ряд совпадений ПГ с ПК сугубо формальны и не имеют значения для реконструкции текста ПК. Среди них, к примеру, совпадение прозвища короля Сигизмунда II, которого Иван IV Августом не называет, с именем Цезаря Августа, которое как раз в ПГ упомянуто.

В целом тезаурус ПГ почти полностью охватывает словарный состав ПК. Ряд слов не отразились на ПГ скорее случайно или по причинам, требующим сугубо герменевтического исследования. Их можно перечислить одним небольшим списком. Себя царь Иван не называет «от Бога пренрославленным». Говоря о ересях, не использует эпитет «небытная». А о Богородице — не определяет ее своей «надеждой». Не нуждается царь в молитвенном «аминь». Нет в ПГ похвалы «избранным Божиим» и оскорбительных слов «не обинуяся прегордым гонителем». Нет слова «свидетеля», хотя слова Курбского о совести царь вспоминает. Не были востребованы слова «не паидох, в чем пред тобою согрешивша», «за чашу студеные воды» и экспрессивные образы «разсеченныя от тебе... отомщения на тя просят», «в скоротекущем веке», «ласкателем и товарищем транезы», «писание сие, слезами измоченное», «грядущи... на суд Бога моего Исуса», «от блуда зачатаго богоборнаго Антихриста». В словах Курбского о «неумытном Судии» царь Иван заменяет Судию «Судищем».

Приведенные данные доказывают, что ПГ1* последовательно передает текст, сходный с ПК1* и близкий к ПК*. Данный вывод позволяет на новом уровне задаться вопросом об особенностях рецепции царем текста ПК, однако это герменевтическая задача, ее решение требует специальных исследований. Прочтение письма кн. А. М. Курбского его современниками и авторами рубежа XVI–XVII вв. требует постоянного сопоставления ПК1–2 с ПК3. В противном случае возникает риск неверно идентифицировать объект чтения. Списки послания Курбского имели некоторое хождение в русской книжности этого времени, но этого недостаточно, чтобы «слова из Курбского» в конкретных памятниках приписывать именно Курбскому, а не его читателю — Ивану Грозному.

Обратимся к рецепции ПК в таких давно известных памятниках, как Письмовник, послания Исайи Каменец-Подольского, «К читателю» (предположительно кн. И. А. Хворостинина) и Музейный летописец.

аще истинно рещи, достойно есть, понеже вся, яко раби, понужением сотвористе, а не хотением, паче же с роптанием. Се убо похвально есть, еже хотением желания брани творити» (ПИГАК. С. 37).

[2170] ПИГАК. С. 49.

[2171] ПИГАК. С. 33.

[2172] ПИГАК. С. 44.

[2173] Выражение «до скончания живота» царь сокращает в пересказе до «всегда»: «А еже убо не хощеши молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной Троице...» (ПИГАК. С. 43).

[2174] ПИГАК. С. 42.

Высказан ряд точек зрения на соотношение между статьей «Недругу» в Письмовниках последней трети XVI в. и зачином ПК[2175]. Никто из исследователей не учел еще одну возможность — Письмовник мог составляться на основе Первого послания Ивана Грозного Курбскому. Это предположение не только не противоречит набору совпадений между текстом Письмовника и посланием царя Ивана, но и подкрепляется пропусками в Письмовнике ровно тех формул, которые опущены царем Иваном при пересказе слов князя Андрея Михайловича. Царь не комментирует слова до «ныне же грех ради наших» и приводит формулу из ПК «супротивным обретаяся разумеваяй совесть прокаженну имущаго». Как и в Письмовнике, в ПГ нет экспрессивного повтора Курбского «разумеваяй да разумеет», а читается, как и у царя, только «разумевай» (причем эта форма искажает чтение ПГ*, более близкое к ПК*). Остальные совпадающие фрагменты в ПК* и Письмовнике также находят прямые параллели в ПГ1.

Одна из самых дискуссионных областей в изучении литературного корпуса Курбского — сходства его Первого послания с «Жалобой» и «Плачем» Исайи Каменец-Подольского. В многолетнем обмене репликами вокруг головоломных текстологических сходств и несовпадений, главным образом (по объему совпадений) между «Жалобой» (далее — Ж) и Первым посланием Курбского, никто из исследователей не взялся рассмотреть обязательную текстологическую схему — о возможной зависимости сочинений Исайи от Первого послания Ивана Грозного[2176].

Между тем объем совпадений цитат из письма царя с их источником (архетипом ПК1) настолько значителен, что необходимо задаться вопросом, не мог ли Исайя, сидя в заточении, воспользоваться словами Курбского не из списка его письма (несомненно, запрещенного в России), а из их пересказа в послании царя Ивана. О словах «Плача» Исайи сказать почти нечего — совпадение с ПК «всим сим мздовоздатель... и не токмо сим, но и за чашу студеной воды» заставляет думать, что первичным является вариант ПК1, совпадающий с «Плачем». ПК2 вторично — в нем заменено «всем сим» на «за все сия» и далее в тексте устранено местоимение «сим». В ПГ есть упоминание Бога-мздовоздателя со ссылкой на слова Курбского, но аналогичного ПК1 2 фрагмента нет. Впрочем, цитата из Матф. 10: 42 у Исайи и в ПК лишает смысла все генетические построения. Вспомнить евангельские слова, говоря о справедливом воздаянии, мог любой книжник. Позднее и кн. Иван Хворостинин вспомнит этот евангельский образ, необязательно именно вслед за Курбским или кем-либо еще[2177].

В порядке текста «Жалобы» наметим анализ текстологических совпадений. В совпадении слов «ненодобными облыгая» (ПК1*, ПГ1*) с «ненодобными... оболгал» (Ж) вариант Ж отличен от первоначального текста Курбского и Грозного и ближе к ПК2*, но не идентичен ему, а следовательно, мог возникнуть как на основе списка ПК1, так и на основе списка ПГ1 независимо от рукописной традиции ПК1.

Отрывок «За благая моя воздал ми злая...» является библейской формулой. Ее след улавливался в ПГ1 в разрозненных цитатах из Курбского, а у Исайи соединены были в порядке, отличном от ПК1. Совпадения ПК1 с ПГ1 — курсивом, совпадения ПК1 и ПГ1 с Ж — в круглых скобках, слова Ж после разделителя — из более раннего места в ПК1: «(*злая* за *благая* и *за возлюбление* мое *непримирителную ненависть*. И *кровь моя*, яко вода, *пролитая за тя, вопиет на тя к Богу* моему). / Али (*безсмертен, царю, мнишися*), и в небытную *ересь прелщен*, (*аки не хотя уже предстати неумытному Судие, надежде христьянской, богоначалному Исусу, хотящему судити вселенней в правду*), наче же не обинуяся *прегордым гонителем* и *хотяще* (*истязати*) их и (*до влас прегрешения* их)»[2178]. Формально составитель Ж мог воспользоваться любым вариантом текста — как списком ПГ1, так и ПК1, но не мог

[2175] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 201–202.

[2176] *Rossing N., Rønne B.* Apocryphal — Not Apocryphal? P. 84–94; *Ostrowski D.* "Closed Circles": Edward L. Keenan's Textual Work and the Semiotics of Response // CSP. 2006. Vol. 48. N 3–4. P. 268–277; *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 236, 247–254.

[2177] Подробнее см.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 259–261.

[2178] *Абрамович Д.И.* К литературной деятельности инока Камянчанина Исайи. СПб., 1913. С. 6–7. Имеет смысл в контексте дальнейшего обсуждения сходств и различий в наборе сходств посланий Исайи и Ивана Грозного с посланием Курбского привести полностью отрывок из Исайи. Его сходство с ПК не следует преувеличивать: «*За благая моя воздал ми злая*, и за возлюбление мое *непримирителну* ненавист, и кров моя, яко вода, пролитая *туне вопиет* к Богу моему. Али *бесмертен мниш себе*, аки не хотя уже предстати *доброму пастырю и истинному учителю и неумытному* Судии, *надежи* христианской богоначалному Исусу, хотящему судити вселенней в правду *и истязати всяко колено* до влас прегрешения их». Курсивом отмечаем те места, где есть отличия текста Исайи от ПК в объеме текста, порядке слов и отдельных формах.

цитировать ПК2, так как в нем нет местоимения «их», а в Ж оно есть, и так как в ПК2 удалены слова «надежде христьянской», а в Ж они есть. Нет полного соответствия в словах Исайи с текстом ПГ: «Злую же и непримирительную ненависть кою воздах тебе?»[2179] Однако конструкция «за благая... злая» (порядком слов не совпадающая в Ж и ПК) неоднократно обыгрывается и в ПГ: «Подовластных же своих благих убо благая подаваем, злым же злая приносятся наказания...»[2180] Находим в ПГ и параллель к словам Исайи: «И аще кровь твоя, пролитая от иноплеменных за нас, но твоему безумию, вопиет на нас к Богу...»[2181] Царь не вспоминает в словах Курбского сравнения «яко вода», которое есть у Курбского и Исайи. И это формальное препятствие для схемы влияния Ивана Грозного на Исайю не может быть принято: Исайя должен был без труда узнать в этих словах, где бы он их ни прочитал, цитату из Пс. 78: 3 и вспомнить контексты ее бытования в русской книжности: «Пролияша кровь их яко воду окрест Иерусалима, и не бе погребаяй»[2182]. Менее вероятно, на первый взгляд, использование Исайей ПГ1 в упоминании имени Бога. «Судия» ПК систематически заменен в ПГ на «судище Спасово» и «страшно Спасово судище». Однако в конце своей полемической тирады царь Иван возвращается к источнику и пишет: «И ты убо судию Христа приводиш...»[2183]

Самый значительный фрагмент, совпадающий в ПК и у Исайи, передан у последнего следующим образом: «*Бог* — сердца *зритель! В* разуме *моем прилежно смышлях, и совесть мою свидетеля поставлях, исках и зрех, мысленне обращаяся и не вем себе и не наидох в чем* бых пред ким съгрешил или кому чим повинен в чужей и незнаеме земли»[2184]. Курсивом мы выделяем прямые параллели с ПК[2185]. Цитирование ПК2 Исайей невозможно: в поздней версии ПК появляется «обличник совестный мой» на месте слов «совесть мою», слово «свидетеля» амплифицировано до «свидетеля на ся», а вместо «себе» читается «себя». Как уже говорилось, в ПГ слов «Бог — сердцам зритель!» нет. Но и у Исайи они переданы отлично от ПК*. Далее весь отрывок очень напоминает ПК1, но не находит прямой параллели в ПК3. И уже не раз отмечалось исследователями, что ламентация Исайи вряд ли была заимствована у Курбского — она больше напоминает судебную или присяжную формулу, хотя внешне передана в ПК1 и у Исайи почти идентично[2186].

Таким образом, препятствия для Исайи, если бы он взялся процитировать в письме Ивану его собственные слова из Курбского, были минимальны. Следовало прочитать весь ответный фрагмент в письме Ивана Грозного и уточнить чтения, дополнив формами их исходного звучания в библейских контекстах или узнав в них общепринятые энистолярные формулы. В таком сценарии текстологическая загадка отнюдь не обретает свое окончательное решение, но возникает еще один сценарий, при котором Первое послание Курбского могло не оказать на Исайю никакого прямого влияния. Обратный сценарий, разумеется, также является частью общей проблемы. Исайя теоретически мог повлиять на Первое послание Грозного независимо от Первого послания Курбского, однако для такого предположения я не вижу оснований уже потому, что ПГ1 прямо реагирует именно на ПК1, а на Ж или какое-либо другое сочинение Исайи прямо не реагирует и независимо от совпадений с ПК1 никак сочинений Исайи не цитирует.

Краткий отрывок из обращения «К читателю» кн. И. А. Хворостинина был также включен в список цитат из Курбского[2187]. Это решение может быть оспорено. В словах Хворостинина «седяй на престоле величествия своего в превысоких»[2188] содержится словосочетание «престол величествия», которое находит прямую параллель не со словами ПК, а с их переиначенным и сокращенным пересказом у Ивана Грозного в цитате из апостола Павла: «Имам бо нову завету ходатая Христа, иже седе одесную престола величествия на высоких, иже открыв завесу плоти нашея, всегда проповедает от нас, от их же во-

[2179] ПИГАК. С. 41.

[2180] ПИГАК. С. 46.

[2181] ПИГАК. С. 42.

[2182] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 250–251.

[2183] ПИГАК. С. 39–41, цит. на с. 41.

[2184] *Абрамович Д.И.* К литературной деятельности... С. 7.

[2185] Д. Островский передает слово «сердцам» у Исайи в точном соответствии с ПК и выделяет как сходное чтение. Однако это неверно. В «Жалобе» читается именно «сердца зритель», и считать данное чтение идентичным ПК* нет оснований. Хотя общий источник данного словосочетания у Курбского и Исайи не вызывает сомнений. Не кажется оправданным выделять «общий корень» в конструкциях «в уме» (ПК) и «в разуме» (Ж). Не является полным аналогом чтения ПК и выделенное у Д. Островского в отрывке из Ж слово «съгрешил». Ср.: *Ostrowski D.* "Closed Circles". P. 269–270.

[2186] *Скрынников Р.Г.* Переписка... С. 45; *Рыков Ю.Д.* К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV. С. 242–243.

[2187] *Rossing N., Rønne B.* Apocryphal — Not Apocryphal? P. 94–108, 127–128.

[2188] ЛЗАК. СПб., 1907. Вып. 18. С. 38.

лею нострада, очистив кровию своею завета новаго» (Евр. 1: 8 -13)[2189].

Другой отрывок «К читателю», в котором есть сходство с ПК, также требует более пристального внимания с точки зрения возможного влияния на него ПГ. Слова Хворостинина «*коего злаго гонения не претерпех, коих напастей* не претернех, коего зла не возведоша на мя, коего лжеересничества и *лжеизменных* малодушеств не приложиша ми» совпадают с ПК лишь отдельными фрагментами, выделенными курсивом[2190]. Однако чем доказано, что заимствовались именно слова Курбского, а не текст Ивана Грозного? Царь отвечает Курбскому: «*Зла* же и *гонения* безлена от мене не приял еси, и бед и напастей на тебе не подвигли есмя... А *лжей и измен*, их же не сотворил еси, на тебя не *возваживали* есмя»[2191]. В других местах своего послания он трижды использует глагол «претернети», т.е. его тоже можно было найти, не обращаясь напрямую к письму Курбского. Однако Хворостинин обходит все дополнения к словам Курбского из ПГ, а значит, более весомой представляется для данного отрывка схема прямого заимствования Хворостинина из ПК1. Поскольку князь Иван имел доступ к сборнику с ПК и ПГ, вполне возможно, что он цитировал оба текста или уточнял цитаты ПГ по ПК. В качестве курьеза отметим, что ни в каких текстологических усилиях не нашли необходимости Н. Россинг и Б. Рёне, комментируя возможный доступ князя Ивана к сборнику с посланиями Курбского и царя Ивана с точки зрения последовательности заимствования из Курбского у Хворостинина или, как полагал Э.Л. Кинан, из Хворостинина в «Курбском»: «Думается, из этого факта столь же естественным был бы вывод, что Хворостинин, чей кузен владел списком ПК и ПГ, заимствовал из ПК»[2192].

Дискуссия по поводу заимствований Музейного летописца из ПК концентрируется вокруг ряда примеров, в которых обсуждаются в совокупности чтения «тщанием разума... прегордые царства разоря... в работе бысть... твердыя грады германския подручны»[2193]. В наборе совпадающих слов и их последовательности нет ничего, что позволит решить, откуда именно, из Курбского или Ивана Грозного, заимствовал летописец эти слова, и отдать предпочтение одной из версий. Все названные слова могли быть прочитаны летописцем не в послании Курбского, а в письме царя.

Таким образом, опыт реконструкции архетипа Первого послания кн. А.М. Курбского царю Ивану IV открывает ряд проблем текстологической истории Переписки и всего «творческого корпуса» Курбского и Ивана Грозного и сказывается на изучении Первого послания Ивана IV Курбскому. Комплекс общих и наиболее ранних чтений Первого послания кн. А.М. Курбского Ивану Грозному, если не будет доказано, что существует более ранняя версия ПК, или не будут открыты искажения в архетипах ПК1 и ПК2, должен служить основой для изучения наиболее ранней версии послания Андрея Курбского, созданной не позднее апреля–мая 1564 г. Текст ПК, собранный по крупицам из ПГ1 как ПК3, независимо от ПК1 и ПК2 восходит к ПК* и должен учитываться как в его реконструкции, так и в развертывании генетической концепции списков ПК1-3. Генетический микроанализ совпадений ПК с посланиями Исайи Каменецкого, Письмовника, «К читателю» кн. Ивана Хворостинина и Музейного летописца показывает, что «чтение» и «заимствование из» Курбского является во всех названных случаях спорным конструктом. Причем Письмовник демонстрирует сильную зависимость именно от текста, сходного с ПК3. Вероятность того, что Исайя не читал Курбского, а заимствовал свои обращения к царю из его ответного письма Курбскому, т.е. из ПК3, тоже, как представляется, велика.

[2189] ПИГАК. С. 35. В дискуссиях ни совпадение этого фрагмента с посланием Ивана Грозного, ни возможность заимствования Хворостининым фрагмента из сочинений царя Ивана не обсуждается. См.: *Ostrowski D.* "Closed Circles". P. 271–273; *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 243–244.

[2190] ЛЗАК. Вып. 18. С. 38. А.И. Филюшкин выделяет отрывок, обозначенный курсивом, как параллель к ПК. Однако это не вполне так. Во-первых, словосочетание «злаго гонения» прямой параллелью к ПК не является. Кроме того, единство всего выделенного отрывка не должно обманывать — у Курбского такого отрывка нет, он состоит из нескольких совпадений, которые полностью не соответствуют последовательности слов в ПК. Слова «лжеизменных» нет ни в одной версии ПК. Есть слова «лжей и измен». Можно допустить лишь, что конструкт «лжеизменных малодушеств» образован на основе текста, сходного с ПК. Ср.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 245.

[2191] ПИГАК. С. 41.

[2192] *Rossing N., Rønne B.* Apocryphal — Not Apocryphal? P. 106.

[2193] *Буганов В.И., Корецкий В.И.* Неизвестный московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ // ЗОР ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 137. Обзор А.И. Филюшкина, как и в других названных случаях, не учитывает совпадений между Первым посланием Курбского и Первым посланием Ивана Грозного и лишь показывает сложившиеся разногласия в науке: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 230.

Кн. И. А. Хворостинин не цитирует ПК, а создает на основе его чтений самостоятельную редакцию, в которой с трудом можно найти след влияния какой-либо редакции послания Курбского, но более вероятно всё же влияние именно ПК1 на обращение «К читателю» Хворостинина. А вот все чтения Музейного летописца, находящие параллель с ПК, могли быть заимствованы из ПК3, т.е. восходить напрямую только к письму Ивана Грозного.

И теперь на основе полученных результатов в реконструкции архетипа Первого послания Курбского попытаемся вновь ответить на вопрос, в каком наиболее раннем литературном окружении возник этот памятник в московской рукописной традиции. Как показывают ближайшие индивидуальные схождения списков Первой редакции (т.е. схождения отдельных списков в отличие от других списков этой редакции) с архетипами Второй и Третьей редакций, сборники типа «печерских» сохраняют в ряде случаев ближайшие к архетипу ПК чтения. Это — сборники, сходные с *Ув*1 (ГИМ, собр. А.С. Уварова №168 (1584)), *Ус* (РГБ, собр. Е.И. Усова №69), *Ув*2 (ГИМ, собр. А.С. Уварова №330 (1581)), *Пн* (ИРЛИ, собр. Пинежское №112), *В* (РГВИА, ф. Военно-ученого архива №3, ч. 1), *П* (РНБ, собр. М.П. Погодина №1567), *М* (ГИМ, Музейское собр. №1551), *А* (БАН, собр. Текущих поступлений №230), *М*2 (ГИМ, Музейское собр. №2524), *П*2 (РНБ, собр. М.П. Погодина №1573)[2194]. Особенно показательны с этой точки зрения чтения, в которых именно эти списки выступают в ряду немногочисленных ближайших к архетипу списков Первой редакции:

— тебе данны *бысть* (*ПК1* передан в Ув*1, *Ус*, *У*2, *Пн*, *Х*, *Х*2, *С*, *Ов*)

— *али* безсмертен (*ПК1* передан в Ув*1)

— ересь *прелщен* (*ПК1* передан в П*, *Ус*, *У*1, *Ув*1, *Ув*2, *Х*, *Х*2, *С*, *Ов*)

— зане *лутчи* (*ПК1* отражен в Ув*1, *Д*, *О*)

— со слезами *вопияти* (*ПК1* отражен в П*, *В*, *М*, *П*2, *У*1, *Ув*2, *Ф*)

— образ и *согласующе* (*ПК1* отражен в Ув*1, *Ус*, *У*2, *У*1, *Д*, *Ув*2)

— и о сем даже и *до* сих (*ПК1* отражен в М*, *Ув*1, *Ус*, *У*2, *У*1, *Д*, *Ув*2, *Х*, *Х*2, *С*, *О*)

писание сие (*ПК1* отражен в Ус*, *У*2, *У*1, *Д*, *Ув*2, *Х*, *Х*2, *С*, *Пн*, *Хл*)

— во граде в *Волмере* (*ПК1* передан в В*, *М*, *А*, *У*2, *Д*, *Ув*2, *Х*, *Х*2, *С*)

— в закони Господни *первом* (*ПК1* отражен в Ув*1, *Ус*, *У*1, *Д*, *Ув*2, *Х*, *Х*2, *С*)

Попробуем наметить развитие рукописной традиции, исходя из определяющего статуса архетипа Первого послания в редакции Сборника Курбского для решения вопроса первичности чтений московской традиции текста.

В случае «тебе данны бысть» варианты основной «Печерской» группы списков безусловно вторичны. Для генетической модели ранней группы, тем не менее, особенно значим казус «али безсмертен». Этот вариант — исходный, хотя в «сборниках Курбского» встречаются его исправления, прежде всего - частицы «али» в союз «или». Тем не менее на генетическую концепцию списков Первой редакции эти случаи (все — конца XVII — начала XVIII в.) не влияют. Идентично с ПК2 это чтение в традиции ПК1 передано только в списках *Ув*1, *Ус* и *У*2. Остальные чтения разбиваются на группы, из которых ближайшим к архетипу поколением является общий протограф *О* и *И*, а остальные списки первой группы через общий протограф восходят к архетипу, как это и предполагал Ю.Д. Рыков в своей второй стемме (вариант II)[2195]. Впрочем, мы предлагаем исправить схему и в этом сегменте. Список *Ов*, по нашему мнению, не находит надежных сближений с *О* и протографами *Ар* и *Хл-Пн*. Ближе всего *Ов* к *Х* и *Х*2. Чтения основной «Печерской» группы списков делятся на вторичное «Али ты» и, в своем роде, третичное «Или ты», которое вряд ли сближается отдельно с поздними списками Сборника Курбского или *О* и *И* в первой группе, будучи уже поздней девиацией чтения «Али ты». Добавление «ты» является общим дефектом всех списков второй группы. Особенности этой группы будут виднее, когда мы рассмотрим следующий узел разночтений, но уже здесь отметим значимый для нашей генетической схемы факт: списки *Ар*, *Хл* и *Пн*, во многих других случаях передающие чтения первой группы списков, в данном случае присоединяются ко второй группе, чем не нарушается логика только в том случае, если они носят переходный характер между двумя группами.

В своей реконструкции ПК* в статье 2016 г. я допускал чтение «о, царю» в архетипе памятника[2196]. Это, конечно, ошибка. Данного чтения нет не только в ПК2*, оно отсутствует и в тех спис-

[2194] Во всех наблюдениях мы опираемся на разночтения, отобранные А.А. Зиминым, Э.Л. Кинаном и Ю.Д. Рыковым и учтенные нами в реконструкции архетипа Первого послания Курбского. См. *Приложение II*.

[2195] *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 270.

[2196] Ср.: *Ерусалимский К.Ю.* Первое послание князя А.М. Курбского Ивану Грозному. С. 60.

ках, которые передают наиболее ранние версии ПК1: *Ув*1, *Ус*, *У*2, *У*1, *Д*, *Ув*2, *Х*, *Х*2, *С*, *Хл*, *О*, *Ов*, *Ар*. Ю.Д. Рыков отметил в своей реконструкции, что в *Пн* это слово — «возможно, приписка»[2197]. Это значительный фрагмент для генетического исследования текста. Очевидно, что отрывок «о, царю» не мог появляться и исчезать по литературным соображениям независимо в различных ветвях рукописной традиции. Показательно, что на всем комплексе данных Ю.Д. Рыков предлагает концепцию, согласно которой все названные списки ПК1, кроме *Ув*1, *Ус*, *У*2, относятся к одной обособленной ветви списков. Еще три списка из тех, в которых нет слов «о, царю» — *Ув*1, *Ус*, *У*2. Не считая *У*2, конвой которого явно случайный (Еллинский летописец 2-й редакции), два других списка представляют «Печерский конвой» с дополнениями.

Переходный характер имеет список ИРЛИ, Пинежское собр. № 112 (*Пн*), в котором чтение «о царю», возможно, как пишет Ю.Д. Рыков, приписано. Положение *Пн* в рукописной традиции ПК1 крайне неясное. По мнению исследователя, этот список восходит как к общему протографу со списком ГИМ, собр. А.И. Хлудова № 246 (*Хл*), довольно-таки отдаленным в первой группе списков от ПК1*, так и со списками РНБ, собр. М.П. Погодина № 1573 (*П*2), РГАДА, РОБ МГАМИД № 352 (*Кб*), РГБ, собр. И.М. Фаддеева № 62 (*Ф*), ГИМ, Музейское собр. № 2524 (*М*2), которые отражают самый поздний архетип с Первым посланием Ивана Грозного Краткой редакции в конвое[2198]. Список *Пн* — это довольно поздний по времени создания, конца XVII в., «Печерский сборник», и его индивидуальные отступления от архетипа показывают, что его текст лишь частично отражает какой-то более ранний этап развития памятника. Какой же?

Если общий протограф *Пн-Хл* не вызывает сомнений и подтверждается сходными отступлениями от архетипа[2199], то общий архетип *П*2-*Кб-Ф-М*2-*Пн* построен, как следует из всего комплекса разночтений, только из одного отступления от архетипа: *аки уже не хотя предстати* (*Кб-Пн-Хл* из архетипа *аки не хотя уже предстати*)[2200]. Этого, конечно, слишком мало для выводов об общем протографе. Показательно, что в ряде случаев *Пн* передает архетип в обход большинства списков как первой, так и второй группы. Например, в чтении *в чем пред тобою согрешивша* архетип сходно с ПК2* передан в списках *И*, *П*, *М* и *Пн* (близко к ним независимо от других списков, но отлично друг от друга отступают от архетипа списки *Фр* и *О*)[2201]. Это пример показательный, именно потому что нет оснований допускать существенные колебания переписчиков, когда они видели архетип — вряд ли вариант *согреших*, читающийся в большинстве известных списков нисходящей традиции ПК1, мог быть осмысленно перенаправлен по ходу развития традиции в сторону архетипа *согрешивша*. Против гипотезы Ю.Д. Рыкова, как представляется, свидетельствует также неоднократное сближение *Пн* с архетипом в тех чтениях, в которых *П*2-*Кб-Ф-М*2 передают искаженные варианты[2202]. Допустить влияние протографа *П*2-*Кб-Ф-М*2 на *Пн* в таких обстоятельствах не представляется возможным.

Ко всему названному следует отметить еще одно важное «переходное» чтение в *Пн*. В библейской цитате *до влас прегрешения* именно так выглядит архетип — и он передан вполне успешно во всех списках первой группы ПК1 и в *Пн*. И вот только в *Пн* при этом на поле читается комментарий к словам *до влас* — вариант *до власти*, который общепринят в списках второй группы ПК1, а точнее — является одним из диагностирующих признаков этой группы. Не вызывает сомнений, что два «переходных» чтения, возникших в виде редакторских дополнений к архетипным чтениям ПК (вполне подтвержденным в данных случаях стабильными версиями ПК2) — свидетельство того, что *Пн* прямо восходит к наиболее раннему «Печерскому сборнику», в котором и наметились расхождения между списками ПК1 первой и второй группы. Вызывает особый интерес, что этот список содержит значительную часть так называемого Печерского конвоя, включая краткую редакцию Первого послания Ивана Грозного, записку Курбского в Псково-Печерский монастырь и Третье послание Курбского Вассиану Муромцеву[2203].

К младшему списку, имеющему общий протограф с *Хл*, *Пн*, *Ар*, восходит общий протограф ПК1 «второй группы» (т.е. всех списков, где читаются названные выше варианты *о, царю* и *до власти*). Постскриптум *Пн* открывается подзаголовком, сходным со списками второй группы. Из этого Ю.Д. Рыков делает вывод: «Список

[2197] ПИГАК. С. 353. Примеч. г–д (к л. 5 об.).

[2198] *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 269–270.

[2199] *Рыков Ю.Д.* Разночтения // ПИГАК. С. 353–354 (л. 6, примеч. а; л. 7 об., примеч. в–г).

[2200] ПИГАК. С. 353 (л. 6, примеч. и).

[2201] ПИГАК. С. 353 (л. 6 об., примеч. р).

[2202] Там же. С. 353 (см. л. 5 об., примеч. в; л. 6 об., примеч. г, и–и, п–п, у; л. 7 об., примеч. у–у).

[2203] *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 263.

Пн, судя по заголовку постскриптума, нравился по списку особого вида второй группы»[2204]. Однако этот вывод необязателен, если список *Пн* воспроизводит протограф второй группы.

Концепция архетипа Первого послания (ПК*) может быть опробирована и на других этапах истории этого сочинения в книжной традиции. Отправной точкой вновь выберем текстологическую гипотезу Ю.Д. Рыкова. Мы уже выше выстроили генетическую модель от раннего вида ПК1 к трем поколениям списков, от самого младшего из которых и происходит ПК1 второй группы. Теперь задумаемся, как меняется по отношению к гипотетическому архетипу положение списков РГБ, собр. П.А. Овчинникова №285 (*Ов*), РГБ, собр. ОИДР №197 (*О*) и РНБ, собр. РАО (*Ар*) на стемме. Дело в том, что эти три списка Ю.Д. Рыков на обеих своих стеммах объединяет общим протографом с *Хл*, а мы уже показали, что *Хл* восходит к общему протографу с *Пн* — точнее, к его протографу, от которого напрямую зависит общий протограф списков второй группы ПК1. Вновь мы сталкиваемся с неразрешимой текстологической трудностью. Общий протограф для *Ов, О, Ар, Хл, Пн* виден, как отмечает Ю.Д. Рыков со ссылкой на мнение Э.Л. Кинана, только из двух чтений: *седяй* (из *седяще*) и *кровных жерцов* (из *Кроновых жерцов*)[2205]. Оба примеры необязательные. Первый — потому что ПК2* читается не *седяще*, а *сидящий* (т.е. здесь индивидуальный вариант, причем формально приближенный к чтению *сидяй*), а в самостийном раннем списке *И* читается тоже *сидяй*, и «проверочное» значение списка *И* для реконструкции ПК1* не вызывает сомнений — этот список передает в ряде мест независимо от остальной рукописной традиции ПК1 чтения ПК*. Даже если в ПК* не читалось *сидяй* (ср. в архетипе *разумеяй*), пример не подходит для обоснования тезиса об отступлении *Ов, О, Ар, Хл* (и *Пн*) от архетипа.

Чтение *кровных жерцов* важно для генетических построений, но разночтения к публикации Ю.Д. Рыкова показывают, что вариант *кровных* передают не только названные списки, но и ряд других (полный список — *П2, У2, Пн, Хл, О, Ар*, сепаратно близок к ним также *Ув*1 с его *кровенных*). Кроме того, чтение *Кроновых жерцов* было для переписчиков lectio difficilior, и они справлялись как могли или, не мудрствуя, как видели в протографе. Несомненно, групповым вариантом является вариант *Ароновых* в *М, П2, М2, Ф* и близкие к ним *Аароновых* в *Кб* и *Ироновых* в *Д*. Возможно, из чтения *Д* возник групповой вариант *Фр* и *А* — *Иродовых*. Корректный и, несомненно, архетипный вариант *Кроновых* передают *У*1, *Ув*2, *Ус, Х, Х*2 и *С*. В целом, из этого следует, что расхождения начались не у истоков групп, а в подгруппах, которые тем проще установить. Несмотря на рискованность этой задачи применительно к lectio difficilior, ее можно попытаться решить.

Поскольку за исходное мы можем считать чтение архетипа — *Кроновых*, его развитие в ПК1 происходит в трех различных направлениях. В первой ветви из него образовались чтения *кровных* (и из него уже — *кровенных*). Вторая дефектная линия привела к чтению *Ироновых*, а уже из последнего — *Иродовых*. Третья — *Ароновых*, от которого образовались варианты *Аароновых*. Конечно, можно было бы связать эти три линии и свести в две (вряд ли возможна единая эволюционная схема). Но это всё же рискованно. Таким образом, мы получаем следующее поколенческое соотношение между списками:

Кроновых (*У*1, *Ув*2, *Ус, Х, Х*2 и *С*)		
кровных (*П2, У2, Пн, Хл, О, Ар*)	Ироновых (*Д*)	Ароновых (*М, П2, М2, Ф*)
кровенных (*Ув*1)	Иродовых (*Фр, А*)	Аароновых (*Кб*)

В такой раскладке приходится признать необходимость связи между группой *Д-У*1, которую Ю.Д. Рыков считает необходимой на обеих своих гипотетических стеммах, и списками *Фр-А*, которые в его стеммах отделены многими поколениями от *Д-У*1. В любом случае, трудно поверить, что чтение *Ироновых* могло возникнуть, например, из *кровных* (а не напрямую от архетипа или от *Ароновых*). Если эта логика верна, то общий протограф *Пн-Хл*, конечно, не может в данном случае считаться старше на поколение общих протографов чтений второго и третьего столбцов. И хотя мы с трудом представляем себе психологию переписчиков, трудно вообразить, что чтение *Иродовых* возникло от *Ароновых* или *Аароновых*, если в нашем распоряжении есть подходящий «промежуточный» вариант для него на «пути» к архетипу — *Ироновых*.

Подспорьем для дальнейшего анализа послужит чтение *глаголати вся по ряду*, которое стабильно передано именно так в ПК2. Не вызывает сомнений, что в ПК1 архетипный вариант содержится в РНБ, ОСРК Q.XVII.67 (*И*), РГАДА, РОБ МГАМИД №461 (*Д*), РНБ, ОСРК F.IV №165 (*Х*), РНБ, ОСРК F.IV №598 (*Х*2), РНБ, СПбДА А-I/91 (*С*), а также в *Пн, Хл*. Все эти списки постоянно присутствуют в нашей

[2204] Там же. С. 274.

[2205] *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 158; *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 271.

приведенной выше раскладке но наиболее близким к архетину чтениям внутри ПК1.

Состав сборника с *Пн* доказывает, что именно списки первой группы ПК1, а не второго вида, отражают первоначальную версию сборника с Первым посланием Курбского. Следовательно, сборник ранних сочинений кн. А. М. Курбского в России возник еще до расхождения ветвей первой и второй групп ПК1, и это заставляет нас еще раз задаться вопросом о задачах этого сборника. В него входили не только труды Курбского. Он имел объединяющее значение для ряда текстов, возникших около апреля–мая 1564 г. и, возможно, дополненных Краткой редакцией Послания Ивана Грозного. Какого рода задачи выполняло это собрание, мы рассмотрим чуть ниже, а пока подведем итог неизбежно предварительной текстологической работы, основанной на нашей концепции архетипа Первого послания.

На наш взгляд, исходя из приведенных выше соображений о разночтениях нет необходимости в делении списков Первого послания Курбского первой редакции на две группы. Данные списков не дают оснований для обособления «первой группы» – это фикция. На деле, как можно судить из проведенного анализа, таких «групп» было шесть. Первая – протограф *О-И*. Вторая – протограф *Д-У1-(Ув2-(С-(Ов-Х-Х2)))*. Третья – протограф *Ар-Хл-Пн-П3-(П-В-(Фр-А-(М-(П2-Кб-(Ф-М2)))))*. Кроме названных трех не дошедших до нас списков, архетипный текст – с различными индивидуальными огрехами – передают *Ув1*, *Ус*, *У2*, и каждый из них независимо от трех других групп и друг от друга может восходить к протографу рукописной традиции Первого послания первой редакции[2206].

Наиболее ранние списки ПК1 объединены не конвоем Посольского приказа, но и не одной только «Печерской» идеей, воплощенной в грамотке «Вымете...», Третьем послании Вассиану и послании кн. А. И. Полубенского. Послание Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина, к примеру, отражает какую-то особую задачу в составе этого сборника, а оно входило в ранний вариант сборника с посланиями Курбского, и именно оно было в конвое Хронографа с Первым посланием Курбского. А какое отношение письмо царя Курбскому имеет к Псково-Печерскому монастырю? Нет аргументов, что имеет хоть какое-то. В составе раннего Сборника с сочинениями Курбского лишь то общее с Псково-Печерским монастырем, что в этой подборке отразились материалы, изъятые из рукописного собрания монастыря, когда велось расследование побега князя Андрея Михайловича.

Основной задачей этого «сборника» было, по всей видимости, расследование побега, совершённого князем и его спутниками 30 апреля 1564 г. Позднее в ряде списков к этому составу добавились материалы, связанные с Посольским приказом, однако не обязательно они происходили непосредственно оттуда. К 1630-м гг. литературные фикции заполонили рукописную традицию, и «умники» из околовластных кругов могли составлять подборки текстов, прошедших поколения копирования от своих первоначальных контекстов. На этом пути так называемый Печерский сборник происходил скорее из тайного Царского архива, откуда распространился в рукописной традиции, дополнившись Первым посланием Ивана Грозного, обрастая сочинениями Ивана Пересветова, посольско-литературными повестями, летописными и хронографическими сочинениями.

Раннее развитие рукописной традиции, как представляется, не противоречит этому выводу. В ряде случаев, в основном уже после Смутного времени, владельцы списков были близки к светским и церковным властям. Среди тех, кто располагал текстом Послания, – богатейшие в то время купцы Строгановы, странствующий монах Иона Соловецкий, кн. Семен Шаховской, кн. Иван Хворостинин, дьяк Лжедмитрия II Денис Софонов[2207]. Как отметил Б. Н. Морозов, «ранняя рукописная традиция послания не была связана с верхами русского общества, которые, казалось, должны особенно интересоваться Перепиской опального боярина и грозного царя»[2208]. Это существенное различие в рукописных тра-

[2206] См. стемму на с. ???

[2207] *Морозов Б. Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике... С. 277–288; *Его же.* «Книга Посланье Курбского» в библиотеке Н. Г. Строганова начала XVII в. // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 41–45; *Его же.* Новый список Первого послания А. М. Курбского Ивану Грозному // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 45–47; *Его же.* Особая редакция Первого послания Курбского Ивану Грозному // АРИ. М., 1994. Вып. 5. С. 145–151; *Его же.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке странствующего монаха Ионы Соловецкого (к вопросу о распространении переписки в конце XVI–XVII в.) // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584. Moscow, 1997. С. 475–494; *Его же.* Послание Курбского в чемодане тушинского думного дьяка Дениса Софонова // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 423–437. Ряд замечаний был сделан в дискуссии с Э. Л. Кинаном в ответ на его критику палеографических опровержений аргумента о раннем бытовании Первого послания кн. А. М. Курбского.

[2208] *Морозов Б. Н.* Особая редакция... С. 149.

дициях Первого послания и Сборника Курбского[2209]. Еще одно отличие — в наших возможностях установить круг чтения. Как было показано выше, в ряде случаев текст Послания Курбского исследователи не отличали от Первого послания Ивана Грозного, которое к тому же в рукописных сборниках нередко появляется вместе с Посланием князя, а следовательно, и чтение Курбского оставалось в «тени» грозного царя.

На восприятие Смутного времени позднее влияли литературно-фольклорные фикции, среди которых соратничество Лжедмитрия I и «Сына Курбского» и даже фантастическая переписка ЛжеДмитрия I с самим кн. Андреем Михайловичем Курбским[2210]. К интеллектуалам-одиночкам Смутного времени примкнули вскоре книжники, близкие к приказной администрации и особенно — Посольскому приказу. Именно ими незамысловато был занущен в рукописную традициию сборник ранних сочинений Курбского, по сути — вырван из следственного котекста. Специфика самого раннего этапа в том, что Первое послание не бытует иначе как в частных — часто походных — секретных собраниях различных бумаг. А цитирование и копии текста не позволяют связать эти списки в единую рукописную традицию. Лишь позднее, по предположению А. А. Зимина, после московских пожаров начала XVII в. в рукописную традицию влились полные версии подборок о Курбском и его сподвижниках. По приведенным выше наблюдениям Б. Н. Морозова, Послание Курбского уже в XVII в. имело региональное хождение в России, достигая Пинеги, Венева, Новгорода Великого.

Можно предположить, что список Первого послания, послуживший протографом для *Ув*1, *Ус*, *У*2, а также для протографов *О-И* и всех списков так называемой второй группы, возник еще до того, как текст ПК1 соединился с остальными списками «Печерского сборника». Этот протограф мог возникнуть в первые месяцы после получения Послания Иваном Грозным. Дополнения, сходные с приложениями *Ин* и второго вида ПК1, возникли, по всей видимости, вскоре после этого, по судя по зависимости этой редакции от Первого послания Ивана Грозного, это случилось уже после 5 июля 1564 г. Таким образом, нельзя исключать, что две ветви ПК1 возникли задолго до 1620-х гг., и обе связаны не с интеллектуальными кругами Посольского приказа, а с царскими палатами и следственной комиссией по делу о побеге Курбского, Тетерина и Сарыхозина и государственной измене в стенах Псково-Печерского монастыря.

Стемма Первого послания была бы неполной без научных открытий Б. Н. Морозова последних лет. В 1860 г. коллекционер рукописей П. И. Гундобин опубликовал список (далее и в стемме — *Гн*), который затем послал в Общество истории и древностей Российских в Москву, и с тех пор его местонахождение неизвестно. Как показал Б. Н. Морозов, этот список, судя по его воспроизведению в печати, был близок заглавием к *Ар*, а особенностями текста — к *Ин*, который, развивая концепцию коллеги, логично было, на наш взгляд, возвести к общему протографу с *Гн*, который передавал текст, близкий к *Хл* и *Ар*. Еще один не изучавшийся до Б. Н. Морозова список — РНБ Q.IV.280 (в стемме — *Ос*). Он сходен со списком *О*, и таким образом, предварительно его следовало бы сблизить общим протографом с *О* и *И*. Наконец, включим — и тоже предварительно — в стемму список ГИМ Муз. № 1209, который содержит чтения «второй группы», а следовательно восходит к общему протографу с *Фр* и *А*[2211].

Ранее малоизвестные источники помогут решить вопрос о возникновении хронографической версии сборника ранних сочинений кн. Андрея Курбского и в целом круга бытования его сочинений. «Хронограф в 410 глав», содержащий первые два послания Переписки и письмо Тетерина-Сарыхозина, был распространен, как установил А. В. Сиренов, на рубеже XVII–XVIII вв. До недавнего времени было известно четыре его списка. Масштабная историческая компиляция отразила влияние «Степенной книги», а в заключительной XVII степени «Хронографа» приведены дополнения, открывающиеся как раз сборником переписки, сказанием «О Сибирском царстве» и приложениями из «Хронографа 1617 года» и других источников[2212]. Как отмечено еще Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыковым и обосновано А. В. Сиреновым,

[2209] Об этом см. здесь в разделе «Сборник Курбского».

[2210] *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький. С. 586.

[2211] *Морозов Б. Н.* Особая редакция... С. 148–149; *Его же.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке... С. 485–486, 487–488 (Б. Н. Морозов допускает влияние на текст списка Муз. № 1209 какого-то списка, сходного с О, однако пока, до полномасштабного текстолого-кодикологического исследования рукописной традиции Послания Курбского, это — лишь догадка). Ряд замечаний был сделан в дискуссии с Э. Л. Кинаном в ответ на его критику палеографических опровержений аргумента о раннем бытовании Первого послания кн. А. М. Курбского.

[2212] *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII в. М.; СПб., 2010. С. 329–330.

к числу списков этой группы относятся F.IV.165 и F.IV.598, скопированные одним переписчиком с общего протографа[2213]. Именно из «Хронографа в 410 глав» заимствованы приложения в сборнике СПбДА А-I/91, с которого была снята копия в 1720 г. аналогичного состава — двухтомный сборник из личной библиотеки Елизаветы Михайловны Татищевой (РНБ, собр. Н.М. Михайловского Q. 241 и Государственного архива Тверской области, ф. 1409, оп. 1, № 11). Опять же следуем за выводами А.В. Сиренова — сборник СПбДА содержит, видимо, протограф («список-архетип») особой Торопецкой группы Томского извода Краткой редакции Степенной книги. Непосредственно к этой рукописи, по мысли исследователя, восходят НСРК F. 321 и двухтомный свод из библиотеки Е.М. Татищевой (список ПК на стемме — *Тц*). Ряд других списков краткой редакции, восходящих к Томскому списку «Степенной книги», дополнений с Переписки в составе не содержат[2214]. Таким образом, сегодня известно уже 6 списков с «Хронографической» редакцией Первого послания Курбского.

Послание Курбского отличается множеством контекстов бытования, которые сами по себе не свидетельствуют о том, как это сочинение читалось и воспринималось. Среди таких прочтений встречаются и радикальные. Можно привести пример того, как московские книжники XVII в. заимствовали у Андрея Курбского тираноборческую риторику. Рассказ об учреждении опричнины в F.IV.165 и F.IV.598 составлен на основе летописных сообщений и Первого послания Курбского, а следующие затем сведения о разделении государства на опричнину и земщину свидетельствуют о том, что составитель Степенной книги обвинял Ивана Грозного в бесчеловечных и богопротивных злодеяниях. Летописец заимствовал из сочинения кн. Андрея Курбского слова о том, что царь Иван «сопротивник обретеся», о кровопролитии в царстве, порученном «от Бога», об убийстве воевод, данных царю также «от Бога». Особенно привлекает составителя в письме князя формула, согласно которой изначально милостивый царь отпал от христианства. Слова Курбского, написанные еще до учреждения опричнины, автор переносит на более поздние события, превращая эти слова в способ истолкования истории. Здесь звучат уникальные известия об управлении опричниной и земщиной, не находящие параллелей в других источниках, но не безосновательные. Управление земщины будто бы формально было поручено Симеону Казанскому, в чем заметно либо влияние позднейшего назначения Симеона Бекбулатовича на великое княжение московское, либо неизвестное ныне достоверное похожее назначение в годы опричнины: «В лето 7074 за умножение грехов всего православнаго християнства царь Иван Васильевич *сопротивник обретеся* и наполнися гнева и ярости, нача подвластных своих сущих раб зле и немилостивно гонити, и *кров их пролияти*, и царство свое, *порученное ему от Бога*, раздели на две части. Часть едину себе отдели, другую же часть царю Симеону Казанскому поручи. Сам же отоиде от единых малых градов, Старицу зовому, и тамо жителствуя, прозва свою часть людей опришнина, а другую часть царя Симеона именова земщина. И заповеда своей части оную часть насиловати, и смерти предавати, и домы их грабити, и *воевод, данных ему от Бога, без вины убивати* повеле. Не усрамися же и святительскаго чина, овых убивая, овых заточению предавая, и грады краснейшия Новград и Псков разрушати, и в них православных християн зле и немилостивно убивати, даже и до ссущих младенцов, повеле. И тако многа лета во дни живота своего провождая, уже и наконец старости пришед, нрава же своего никако же не перемени»[2215].

Вкрапления упреков кн. Андрея Курбского в характеристику правления Ивана Грозного показывает, что Хронограф создавался в кругах книжников, критически относящихся к Ивану IV и его манере властвования. В главном слова «изменника», который «отъехал» от царя «в Литву» были признаны справедливыми. Позднее это мог почувствовать и Петр I в «Истории» Ф. Орлова-Поликарпова, которую царь забраковал. Впрочем, Федор Поликарпов читал уже «Историю» Курбского, немало распространенную к началу XVIII в. Хронографическая группа списков Первого послания Курбского первой редакции была одной из самых поздних версий этой редакции, которая вклинилась в ранние годы развития рукописной традиции Сборника Курбского. Судя по хронологии бытования списков Первой редакции, необходимости в ней перестa-

[2213] *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 261; *Лурье Я.С.* Археографический обзор. С. 330–331; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII в. С. 330. Примеч. 184.

[2214] *Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста. С. 89, 218, 484–485; *Его же.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII в. С. 450–451. В своей более ранней работе А.В. Сиренов отнес текст Степенной книги в составе рукописи СПбДА А-I/91 ко второму типу, восходящему к архетипу Чудовского и Томского списков.

[2215] ОР РНБ. F.IV.598. Л. 702 — 702 об.

ла ощущаться, когда в распоряжении книжников появился более полный Сборник Курбского. Подборка из «Хронографа» в составе Первого послания Курбского, Послания Тетерина-Сарыхозина и Первого послания Ивана Грозного второй пространной редакции составила комплекс приложений пространного Сборника Курбского. Он был дополнен «в дому» князя Василия Васильевича Голицына на рубеже 1676–1677 гг. заимствованиями из «Хронографа», включая Первое послание Ивана Грозного и послание Тетерина-Сарыхозина, переводами из А. Гваньини и М. Стрыйковского (переписчики не знали, что это были соавторы) и повестью Андрея Тарановского. История Первого послания Курбского первой редакции пресеклась, как можно полагать, из-за появления Сборника Курбского.

Послание герцогу Альбрехту Гогенцоллерну

В собрании писем герцогов бранденбургских Берлинского (некогда Кенигсбергского) архива хранится послание князя Андрея Михайловича Курбского герцогу Альбрехту Гогенцоллерну, отправленное 20 июля 1565 г. из Кнышина[2216]. Впервые оно было опубликовано частично в издании "Elementa ad fontium editiones" в подборке корреспонденции прусского герцога за 1560–1566 гг.[2217] Впрочем, вводные и заключительные фрагменты письма (половина его объема) в публикации опущены. Полный текст письма более точно отражает контекст его возникновения и позволяет задаться вопросом о целях переписки московского эмигранта с престарелым прусским правителем[2218].

Прошло чуть больше года с момента побега князя из Юрьева на сторону польского короля Сигизмунда II Августа, и он обращается к ученому родичу короля с просьбой о встрече. Из письма ясно, что это уже не первое обращение московита, и он преисполнен самых добрых намерений, мечтает о встрече и сожалеет, что не удалось это сделать раньше. О заслугах герцога князь слышал, будучи еще у «неприятеля его королевской милости, у великого князя московского». Как и требовал дипломатический церемониал, кн. Андрей Курбский дважды называет своего бывшего господаря врагом и не приводит его царский титул, позднее в «Истории» им, впрочем, отчасти признанный (в период до начала несправедливых преследований).

Дата написана в «листе» на латыни, а сам он скреплен личной печатью кн. А.М. Курбского с изображением льва в гербовом щите и инициалами имени и отчества владельца. Этот геральдический символ будет использоваться князем и позднее в эмиграции, а в конце XVI – XVII в. закрепится за его потомками, князьями Курбскими Ярославскими. Подпись не оставляет никаких сомнений, что автор письма – кн. А.М. Курбский, который впервые из всех известных ныне источников называет себя также «Ярославским». Этот титул, присвоенный князем Андреем Михайловичем, возможно, еще в Российском царстве, не отразился в московских источниках вплоть до пространной редакции разрядных книг начала XVII в., а в Речи Посполитой фигурирует в документации не ранее начала 1570-х гг.[2219]

Стремление князя Андрея Михайловича встретиться с герцогом Альбрехтом объясняется в письме весьма необычно. Князь слышал о нем еще от своего отца, князя Михаила Михайловича Карамышева Курбского. О чем мог рассказывать сыну князь Михаил Михайлович? По всей видимости, речь шла о завидной учености прусского герцога. Он основал Кенигсбергский университет, покровительствовал интеллектуалам, состоял в переписке с ведущими гуманистами современности[2220]. Знания о германском мире у князя Андрея Михайловича были, и они видны прежде всего в его «Истории». Круг его чтения близок к тому, который в «начале царства» был и у Ивана IV. В послании Ивана Грозного императору Священной Римской империи Карлу V от 21 апреля 1547 г. царь, говоря о многочисленности христианских храмов в Москве и Новгороде, ссылается на слова Сигизмунда Герберштейна (еще не на «Записки») и на «Космографию» Себастьяна Мюнстера[2221]. Позднее кн. А.М. Курбский, входивший в юности в число сторонников Избранной рады, в своей «Истории», говоря о князе Семене Курбском, ссылается на «Записки» С. Герберштейна, а чуть ниже – на «козмографов» и их «землемерительную книгу», в кото-

[2216] Мое внимание на данное послание в Берлинском архиве и его первую частичную публикацию обратил Андрей Радаман. Выражаю коллеге благодарность.

[2217] EFE. T. XLI: Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia. XI Pars: HBA, B2, 1560–1566 / ed. C. Lanckorońska. Romae, 1977. P. 184 (№ 1971). См. также: EFE. T. XLII: Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia. XII pars: HBA, B2, 1567–1572 / ed. C. Lanckorońska. Romae, 1977. P. 130.

[2218] См. *Приложение IV*.

[2219] См. главу «Социальная и персональная память».

[2220] *Szymaniak W.* Organizacja dyplomacji Prus Książęcych...

[2221] HHStA Wien. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. K. 1. Konv. B. F. 1–12v.

рой можно узнать «Хронику» М. Бельского или «Космографию» С. Мюнстера[2222].

В семье Курбских несомненный интерес к книжности проявляли родственники князя Андрея Михайловича по матери. Михаил Васильевич Тучков и его сын Василий входили в кружок Максима Грека, труды которого переводил и юный княжич Андрей Михайлович. Подвизались Тучковы и в мастерской архиепископа новгородского Макария. В 1537 г. Василий Тучков составил в Новгороде особую редакцию жития Михаила Клонского. Тучковы причастны и к новгородскому летописанию 1530-х гг.[2223] От кн. А.М. Курбского и Сигизмунда Герберштейна известно о мудрости и учености двоюродного деда князя Андрея — кн. Семена Федоровича Курбского. На поприще учености кн. М.М. Курбский еще не был известен, и перед нами первое свидетельство возможной причастности отца князя Андрея, М.М. Карамышева, к распространению учености.

Впервые в сочинениях кн. А.М. Курбского в этом письме мы имеем дело с признанием семейной традиции. Князь-эмигрант вспоминает своего отца как «рожденного в знаменитом доме и, кроме того, во всем мудрого, знающего и опытного пана», который был наслышан о деятельности герцога и восхищался его добродетелью. Слово «зацный» применительно к высокородным и образованным шляхтичам часто используется в сочинениях Курбского. Своему княжескому дому в «Истории» князь посвятит особый раздел в составе первого, княжеского, мартиролога. Польский термин "dom" в значении «род» в своих сочинениях князь почти не использует. Однако в близком значении в своем Третьем послании царю Ивану IV он многократно предрекает гибель ему и его «дому» в значении — всем потомкам[2224]. В этом же значении понятие «дом» встречается в его переписке с «литовскими» знакомыми — в частности в письмах К. Мамоничу[2225] и кн. К.К. Острожскому[2226].

Сын готов был служить ему и всей его семье, помня рассказы своего отца. Служить — конечно, в принятом символическом понимании, в котором позднее Курбский служил кн. К.К. Острожскому. Самым ранним дошедшим до нас сочинением князя Андрея Михайловича польско-литовского периода сегодня является его Первое послание кн. Константину Острожскому от начала 1570-х гг. Им открывается дополнение к пространной редакции Сборника Курбского, самые ранние версии которого — сборники ОР ГИМ, собр. А.С. Уварова № 301 и ЦНБ ХГУ № 168.

Князь в каком-то объеме владел польским языком и теоретически мог составить письмо и без помощи секретарей. В своем Первом послании Вассиану Муромцеву он пишет о доступном ему сочинении: «А се лженлетение и прежде аз видах, полским языком написано»[2227]. Неоднократно в своей будничной жизни на Волыни князь Андрей брал из рук судебных поверенных и посыльных письма и читал их сам, хотя делопроизводство велось на рутенско-русском языке и большинство приносимых ему текстов были кириллическими. Князь владел латинской графикой и подписывался по-польски и на латыни: «...литерами полскими Андреяс Ярославский ману проприя»[2228]. Постановления Люблинского сейма 1569 г. закрепили безусловное право судов присоединенных к Короне Польских русских земель (Киевской земли, Брацлава, Винницы и Волыни) на «русский язык» — т.е. на деловое кириллическое письмо Речи Посполитой. Князь Андрей Курбский подписывался по-польски, «литерами польскими», чем вызывал неоднократно нарекания волынских судов. Обычной отговоркой для оправдания шляхтичей и судебной легитимации их документов было неумение писать «по-русски»[2229].

[2222] *Курбский А.М.* История... М., 2015. С. 28, 519. Примеч. 8 об.-4 (автор — К.Ю. Ерусалимский). Мой комментарий в этом издании неоправданно не учитывает возможность знакомства кн. А.М. Курбского с трудами С. Мюнстера. Новая находка — послание Ивана Грозного Карлу V показывает, что в московских интеллектуальных кругах рубежа 1540–1550-х годов книга Мюнстера была известна. Конечно, совершенно справедливо отмечает В.В. Калугин, что о С. Мюнстере кн. А.М. Курбский мог узнать из «Хроники всего света», в которой «Космография» цитируется как источник. Нельзя исключать и то, что множественным числом «космографы» князь охватывал и автора атласа, и историка-хрониста. См.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 291. Примеч. 4.

[2223] *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 356–357.

[2224] СК. С. 337 (л. 154), 347 (л. 158 об.), 350 (л. 159 об.).

[2225] СК. Л. 164 об.

[2226] СК. Л. 180 об.

[2227] РИБ. Т. 31. Стб 379.

[2228] КГВ-7. Арк. 134 зв. (1 августа 1572 г.).

[2229] Дискуссия о том, умел ли кн. А.М. Курбский писать по-русски, умел ли вообще писать и был ли писателем, была открыта благодаря работам Э.Л. Киная и И. Ауэрбах и продолжается до сих пор. См.: *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1; *Auerbach I.* Die neue massgebliche Edition der zentralen Werke Andrej Kurbskijs // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. Bd. 59. Hf. 4. S. 586–590; *Boeck B.J.* Miscellanea Attributed to Kurbskii: The 17th Century in Russia Was More Creative

Печать князя Андрея Курбского, 20 июля 1565 г.
Фото Андрея Радамана

Печать князя Андрея Курбского, письмо герцогу Альбрехту Бранденбургскому, 20 июля 1565 г. (см. рис. на с. 473 и приложение VI). Реконструкция Олега Однороженко.

От 1574 г. дошли деловые письма кн. А.М. Курбского на русском языке Речи Посполитой, адресованные Ганне Деснотовне Збаражской. По всей видимости, они написаны были сразу на местном русском языке[2230]. В актовых книгах Унитского земского суда есть запись о том, что реестр амуниции, оставленной в «заклад» А.В. Сарыхозиным у кн. А.М. Курбского 1 января 1576 г., был составлен самим князем Андреем Михайловичем, его собственной рукой — «з написаньем руки своее властное для памети»[2231]. Вряд ли Агиш Сарыхозин решился бы представить на суде с княгиней-вдовой Александрой Петровной Курбской Ярославской фальсификат автографа ее покойного мужа. Впрочем, такая возможность тоже не исключена. Оригинал реестра до наших дней не сохранился и лишь сконирован в актовой книге 1586 г. Можно полагать, что оригинал этого документа был составлен также на русском языке Речи Посполитой.

Владение кн. А.М. Курбского польским языком представляется вероятным, и его отношение к «польской барбарии» в приложении к высокой книжности не доказывает обратного. Польская подпись, единственный автограф князя на акте от 14 сентября 1582 г., известна в оригинале и неоднократно репродуцировалась в исследованиях[2232]. Ее графические особенности отличают ее от почерка письма герцогу Альбрехту Бранденбургскому, однако вопрос о причастности самого кн. А.М. Курбского к его написанию, при значительной временной дистанции между письмом 1565 г. и автографом 1582 г. и за неимением сравнительного материала, должен остаться открытым.

Знакомство князя с польским языком видно и в его более поздних оценках польского как низкого языка («барбарии»). Самое первое послание из приложений к Сборнику Курбского содержит упреки князю Константину, что присланный ему перевод из Иоанна Златоуста он показал необразованному еретику, который слова Златоуста предлагал переводить на польский язык. Этим он вызвал гнев кн. А.М. Курбского: «Верь ми, Ваша милость, если бы и немало ученых сошлось, словенска языка, скланяюще чины грамматические и прелагающе в полскую барбарию [*глосса:* в варварство], изложити текст в текст не возмогут, а не токмо словенские або з грецкие беседы, ани с любимые их латинские, сенс быти неяко может, но околичность слогней зело будет далека»[2233]. Еще раз резкая критика князя в адрес польского языка звучит в послании волынскому шляхтичу К. Чанличу Шпановскому: «Можете там по той полской барбарии наученные сети робити...» (и следует излюбленная цитата Курбского из Ис. 5: 20)[2234]. Из этих цитат ясно, что кн. А.М. Курбский не признавал никакого богословского значения за «варварскими» (т.е. народными, вернакулярными, обыденными) языками. В своей переписке с псковским

Than We Like to Admit // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. N 4. P. 955–963.

[2230] КГВ-8. Арк. 73 зв. — 76 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 273–281; РИБ. Т. 31. Стб 497–512 (30 апреля 1574 г.).

[2231] КЗУ-3. L. 308 (4 октября 1586 г.).

[2232] См., напр.: *Auerbach I.* Andrej Michjlovič Kurbskij. S. 376–377.

[2233] РИБ. Т. 31. Стб 413, испр. по: СК. Л. 160 об. — 161.

[2234] РИБ. Т. 31. Стб 444, испр. по: СК. Л. 173 об.

старцем Вассианом Муромцевым он еще до эмиграции негативно отзывался о переводах Библии М. Лютера и Фр. Скорины. Всё это, однако же, ничего не говорит об отношении князя к «польщизне» как энистолярному и бытовому языку, который он знал, возможно, еще в период своей юности в Российском царстве.

Послание герцогу Альбрехту — не единственное сочинение кн. А. М. Курбского, написанное по-польски. В актовой книге Владимирского городского суда 1568 г. под 22 ноября помещены материалы расследования по делу о неуплате Курбским налогов с Ковельского имения. Его представитель Миколай Богушевский доказывал, что князь обращался к королю с жалобой на сборщиков кн. Дмитрия Козеку и Ивана Гулевича, которые несправедливо, по его мнению, требовали двойной платы («совитости») за имение. Курбского поддержал гетман Г. А. Ходкевич. Король в письме из Варшавы от 5 октября также вступился за старосту ковельского. Потом и сам князь Андрей Михайлович прислал письмо с отрывком из письма Г. А. Ходкевича, написанное по-польски и датированное в Брестовицах 11 октября 1568 г. Из актовой записи можно даже в кириллической передаче узнать о содержимом письма князя-старосты с пересказом слов Г. А. Ходкевича.

М. Богушевский денег за Ковельское имение от своего пана на уряд не принес, но «показал цедулу под печатю князя Курпского, пана своего, по-полски писаную, поведаючи, иж, деи, тую цедулу пан мой княз Курпский его милость з листу его милости пана гетмана до его милости писаного тот оден артикул, абы тые пенези и реестра до его милости послал выписати казал и для ведомости до ваших милостей послал, которая цедула написана ест тыми словы: "В том же листе своем, ускаржаючисе передо мною ваша милость на поборцов поветовых рачиш, которые розгневавшися на вашу милость, пенезей, на оборону постановеных, з ыменеи пришлых, ани приимую, ани ли бы вашу милость слухать хотят, и просиш мене ваша милость о науку, што бы с тым ваша милость чинити мел, а так, милостивый пане, поневаш их милости тамтые панове противко вашей милости так зубато поступают, теды ваша милость за обе рате с тамтых именей своих пенези казавши выбрать и реестра справить рач, тые пенези весполок и реестра до мене прислат, а оказавши личбы прослухат, а водлуг ней пенези одобрат буду, с того ваша милость квитовал, што ваша милость стане за квит поборцов тамтых"»[2235]. Как можно понять из этих слов, в октябре 1568 г. князь А. М. Курбский состоял в переписке с гетманом, со своими ковельскими подданными и с Владимирским урядом. По меньшей мере часть этих писем составлялась на польском языке. Диктовал ли князь их сразу по-польски или они переводились секретарями с русского, остается под вопросом.

Еще один «лист» представил на Владимирском уряде Яцко Осовецкий в октябре 1571 г. Князь оправдывался, что не может присутствовать на суде с Гулевичами. Писарь не сконировал его послание, но пересказал его в актовой книге с перевода на русский язык. Перевод же потребовался, потому что «лист моцованый отвороный» был подписан (и видимо, написан целиком) не по-русски, а «литерами латынскими». Это послужило одним из оснований для переноса «справы»: «...иж ся не по-руски, але по-латыне подписал»[2236].

Таким образом, послание герцогу Альбрехту Гогенцоллерну — это один из «листов», по всей видимости, составленных, частично надиктованных и заверенных князем Андреем Курбским в эмиграции на польском языке и единственный известный сегодня чистовой оригинал из числа этих посланий. Письмо является свидетельством участия Курбского в придворной жизни Короны и Литвы с первых же месяцев после эмиграции, а также по-новому показывает круг общения, взгляды, семейную память и социальное самосознание высокопоставленного ярославского Рюриковича на царской и королевской службе.

Сколько посланий в Переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным?

Хотя Переписка между беглым боярином кн. Андреем Курбским и царем Иваном IV превратилась в своеобразный исследовательский канон, даже в перспективе скептической деканонизации, — необходимо, как представляется, внести ряд уточнений в объем самого понятия Переписки. Очевидно, что в сознании читателей вплоть до конца XVII в. не существовало единого комплекса писем, направленных друг другу царем и князем-эмигрантом. О количестве писем вплоть до появления Сборника Курбского в рукописной традиции и обнаружения Второго послания Ивана Грозного можно было только догадываться. Однако нельзя согласиться, что полученное ныне согласие в том, сколько было энистолярных ходов с каждой стороны, является окончательным.

[2235] КГВ-3. Арк. 152 зв. — 153 (22 ноября 1568 г.).

[2236] КГВ-6. Арк. 291 зв. — 292 (12 октября 1571 г.).

Свое Первое послание кн. Андрей Курбский отправляет из Вольмара, но его составление в первоначальной версии относится самое позднее к концу апреля 1564 г. Вероятный сценарий, о котором говорилось выше, — что основной объем письма был написан в Юрьеве Ливонском и перед побегом князя спрятан в воеводской избе вместе с Третьим посланием Вассиану Муромцеву, чтобы посыльный добыл их оттуда и доставил в Печеры и в Москву. Начальная фаза в работе над Первым посланием царю предшествует составлению Третьего послания Курбского Вассиану, поскольку, как уже отмечал С.О. Шмидт, Первое послание Ивану близко по направленности, стилю и даже отдельным формулировкам ко Второму посланию Вассиану[2237]. А как показал Н.Е. Андреев (и мы в другом месте показали верность его гипотезы), Второе и Третье послания Вассиану были написаны еще до побега Курбского из Юрьева[2238]. Закончено Первое послание было между примерно 5–6 и 16–18 мая 1564 г. в Вольмаре, откуда отправлено вновь в Москву[2239]. Минимум один, и весьма близкий к изначальной авторской версии экземпляр письма остался у князя и позднее был положен в основу редакции Сборника Курбского (2-й редакции). Причем переработка письма велась уже с учетом «Истории о князя великого московского делех» с целью включения в единый сборник трудов кн. Андрея Курбского. Это происходило при жизни и при личном участии князя около конца 1579 начала 1583 г. Вероятно — около времени Псковского похода Стефана Батория во второй половине 1581 г.[2240]

В ответ к 5 июля 1564 г. Иван IV закончил свое Первое послание Курбскому. Оно должно было храниться первоначально по меньшей мере в двух-трех экземплярах. Архетип его Пространной редакции содержал тот текст, который наилучшим образом отразил — а точнее, почти полностью пересказал — раннюю редакцию или один из оригиналов Первого послания Курбского. Сходная версия была доставлена князю Андрею Курбскому, косвенно повлияла на переработку им своего Первого послания в редакции Сборника Курбского и какое-то время наверняка хранилась в его бумагах, хотя в этой редакции до нас не дошла. Надежды увидеть в списках Первого послания Ивана Грозного Курбскому редакции поздних «сборников Курбского» списки с экземпляра из бумаг князя Андрея рухнули после того, как Я.С. Лурье доказал вторичность этих списков по отношению к архетипу того же Первого послания Ивана в Хронографической редакции второй половины XVII в. Текст послания должен был находиться также в личной казне царя и, весьма вероятно, в Посольском приказе.

Передать послание могла одна из миссий в Великое княжество Литовское. У нас не сохранилось московских посольских документов за этот период. Как раз в те дни, когда царь диктовал ответ Курбскому, князь Андрей Михайлович присутствовал на сейме в Бельске в Великом княжестве Литовском, который 8 июля 1564 г. официально направил своих представителей с инструкцией на сейм в Парчеве в Короне Польской. Сеймы в Литве и Короне проходили на фоне вновь разгоревшейся войны — похода Юрия Ивановича Токмакова на Озерище, закончившегося поражением московского войска 13 июля[2241]. Вряд ли в эти дни происходил большой или средний дипломатический обмен. Можно предположить, что пересылку письма своему изменнику царь Иван отложил на скорое будущее или отправил с малой миссией — с каким-то гонцом.

В списках Первого послания царя, сходных с РНБ Пог. №1311 (XVII в.), заглавие, по предположению Я.С. Лурье и С.О. Шмидта, говорит о его изначальной аудитории: «Благочестиваго великого господаря царя и великого князя Иоанна Василевича всеа Русии послание во все его великия Росии господарство на крестопреступников князя Андрея Михайловича Курбского с товарыщи о их измене»[2242]. Как именно хранилось письмо царя в центральных ведомствах Москвы, сказать невозможно. Но образцы таких сборников, в которых и могла дойти по меньшей мере одна из версий письма, имеются. Один из них — послания Ивана IV от лица бояр Панам раде Великого княжества Литовского от июля–августа 1567 г., непосредственно относящийся к собранию Посольского приказа[2243].

[2237] *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 365.

[2238] Об этом см. в главе «Побег».

[2239] См. выше в разделе «Архетип Первого послания Курбского».

[2240] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 45–47.

[2241] *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł "Rudy". S. 276–277; *Янушкевич А.Н.* Ливонская война: Вильно против Москвы: 1558–1570. 2-е изд. М., 2015. С. 100–101.

[2242] *Лурье Я.С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским... С. 220–224; *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 368–382. Предположение С.О. Шмидта о том, что Курбскому послание направлено в Пространной редакции, а в России разослано в Краткой, — это всё же лишь догадка.

[2243] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. №8.

Позднее с него делались списки. Один из них — для Екатерины II[2244]. Это сборник, имеющий значимое отличие от остальных посольских книг: он целиком состоит из подборки писем царя Ивана «под маской». Причем их заглечный адресат — тоже кн. Андрей Курбский, чей статус в Великом княжестве Литовском, в продолжение неизвестных ныне сравнений в письмах, на которые отвечает эта подборка, сопоставляется с придворным положением литовских князей на московской службе. Еще один тип сборника, в составе которого могло храниться послание Ивана Грозного, — это подшивка посланий, официальных полуофициальных посольских материалов. Аналоги обнаруживаются, например, в Музейском (XVII в.)[2245] и Троицком (конца XVII в.) сборниках[2246]. В первом из них сохранились материалы переписки Ивана Грозного с государевыми изменниками и письмо царя Ивана от 1 октября 1579 г., к которому мы обратимся ниже. Второй представляет собой объединение «Титулярника» и переписки Ивана Грозного с польско-литовскими и ливонскими властями, а также с государевыми изменниками Т. И. Тетериным, И. Таубе и Э. Крузе.

Нельзя исключать и того, что послание Ивана Васильевича представляло собой отдельную книгу, которая хранилась среди других книг наподобие переписки Ивана Грозного от лица бояр с литовскими властями в 1567 г.[2247] Ответ на вопрос, в каком виде было доставлено письмо Ивана Грозного кн. Андрею Курбскому, тем не менее, должен звучать традиционно для московского дела — это был огромный свиток наподобие тех, которые до наших дней сохранились в Национальном архиве Великобритании и Коненгагенском архиве.

Послание царя Ивана Курбскому носило полуофициальный характер, поскольку не отразилось в официальной посольской борьбе, кроме единственного сомнительного случая, когда Стефан Баторий вскользь сослался на письма царя Ивана Курбскому. По всей видимости, подразумевалось при этом не Первое послание 1564 г., а Второе 1577 г.[2248] При этом показательно, что для короля все письма Ивана Грозного из захваченной им во время похода 1577 г. Ливонии были смехотворны, а следовательно, недостойны высшей дипломатии. В ответ на эти выпады, надо полагать, и прозвучало дважды в 1581 и 1582 гг. обвинение Курбского в том, что он написал «грамоту невежливо»[2249]. Если подразумевалось Первое послание Курбского, то обвинение звучало парадоксально, поскольку до того никто в дипломатии, судя по сохранившимся материалам как российского, так и польского и литовского делопроизводства, не считал послание Курбского официальным дипломатическим заявлением, не упоминал его и не копировал в этом качестве.

Второе послание Курбского не было отправлено до получения Второго послания Ивана Грозного. Об этом можно уверенно судить и из слов самого Курбского из его Третьего послания: «А в той же епистолии приноменено, иже на мой лист уже отписано. Но и аз давно уже на широковещательный лист твой отписах ти, да не возмогох послати...»[2250] Косвенно подтверждает это Иван Грозный, который никак не реагирует на Второе послание Курбского в своем Втором письме и пишет так, как если бы получил от своего изменника только письмо из Вольмара, т. е. его Первое послание. В. В. Калугин предположил, что свое Второе послание Курбский написал вскоре после получения Первого послания царя Ивана, а позднее доработал, что сказалось на особенностях языка Курбского — это симбиотический текст, состоящий как бы из слоев московско-русского и рутенско-русского языков. Кроме того, так появились текстологические сближения между Вторым и Третьим посланиями Курбского. Да и слова о старости и сединах в эмиграции говорят о том, что в какой-то момент князь дорабатывал этот текст, находясь уже давно в эмиграции. Конечно, писать в таком духе в 1564 г. он еще не мог[2251].

И всё же есть одна особенность Второго послания, которая заметна, только если сравнить заглавки всех трех посланий Курбского в сборнике его посланий Ивану Грозному. Как мы предполагаем, этот сборник возник вскоре после завершения Третьего послания царю Ивану и включал в свой состав «Историю о князя великого московского делех» и три письма царю. Заглавки, в отличие от вариантов заставки

[2244] ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 462.

[2245] ОР ГИМ. Музейское собр. № 1551.

[2246] НИОР РГБ. Ф. 304 (Троицкое собр.). Доп. II. № 17.

[2247] *Бачинский А. А., Ерусалимский К. Ю., Кочековская Н. А., Моисеев М. В.* Дипломатическая переписка Ивана Грозного. С. 116–117.

[2248] *Юзефович Л. А.* Стефан Баторий о Переписке Ивана Грозного и Курбского // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 143–144.

[2249] Об этом см. в разделе «Грамоту писал невежливо».

[2250] ПИГАК. С. 110, то же: СК. С. 320 (л. 146).

[2251] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 64–71.

Первого послания в московской рукописной традиции, восходят непосредственно к замыслу князя-автора. Это, конечно, не замысел у истоков каждого из посланий, а изобретенные специально для сборника заглавия. Сами грамоты при отправлении адресату никаких заглавий не содержали. И всё же замысел открывает восприятие автором своих сочинений. Свою первую «епистолию» Курбский написал «прелютаго ради гонения» от великого князя московского. Себя князь видел среди тех гонимых, кого Иван IV «различными смертьми поморил» или ограбил до последней сорочки[2252]. Уже Третье послание названо ответом на «Вторую епистолию» великого князя московского «убогаго Андрея Курбского, княжати ковельского». Формула смирения здесь, с одной стороны, служит одному из посылов этого письма: на контрасте показать, к чему привела царя гордыня. С другой — это отказ от полного ответа. Второе, неотправленное, свое послание князь назвал «Краткое отвещание... на зело широкую енистолию князя великого московского». Содержательная и текстологическая близость Второго и Третьего посланий Курбского от его «Истории о князя великого московского делех».

Краткость — доказательство того, что в планах и на реализации была более полная версия ответа. Ни расширенное Второе послание, ни Третье — зависимость которого от «Истории» всеобъемлюща — не являются такой версией. «История» не только отвечает на вынады царя в его Первом послании, но и задумывалась на каком-то этапе ее формирования как приложение к краткому ответному посланию в Москву. В 1578–1579 гг. князь отказался от этой мысли и сделал ряд значительных выдержек из «Истории» в своем разросшемся Третьем послании. Вернуться к идее отправить сборник своих сочинений в Москву князь мог в июле–августе 1581 г., когда в окружении Стефана Батория и Яна Замойского обсуждался ответ на энистолярную агрессию Иоанна Васильевича.

Уже многими исследователями высказывалось предположение, что князь Андрей Курбский после завершения работы над Третьим посланием 15 сентября 1579 г. продолжал интересоваться делами в своем отечестве, хотя новой информации из Москвы почти не имел или не считал необходимым на нее реагировать в своих поздних трудах. Для таких выводов есть не очень ясные свидетельства в составе самой «Истории»[2253]. Если это так, возникает вопрос: существовала ли корреспонденция или какая-либо реакция на Переписку между Третьим посланием Курбского и составлением краткой версии сборника с «Историей»?

Третье послание закончено в Полоцке в два приема — на третий день после взятия королевским войском Полоцка (т.е. 2–3 сентября) и на четвертый день после взятия крепости Сокол (т.е. 15 сентября). Подчеркнуть оба факта — и место отправления, и последние сводки с полей сражения — на сей раз было не менее важно, чем царю Ивану расписать перед Тимофеем Тетериным и Андреем Курбским свою локализацию в Вольмаре в 1577 г. Король, еще в мае–июне этого года высказавший в послании, направленном царю с Венцлавом Лапатинским, готовность отвоевать Ливонию, сообщил Ивану IV о своих победах в кратком и ультимативном письме, датированном в том же Полоцке буквально следующим после победы днем, 16 сентября 1579 г. Виной всему в письме объявлена безграничная жадность царя — его стремление захватить Ливонию, а вместе с ней Ригу, Курляндию «аж по Прусы» вместе с частью Жмуди: «И ты можеш то видети, что чиниш, иж с твоей причины кров крестьянская проливаетца»[2254]. Стефан Баторий требовал незамедлительно вернуть ему В. Лопатинского, которого царь Иван так и задержал у себя с июня. Краткий «лист» был отправлен с гонцом Богданом Проселком со скрытой угрозой на случай, если и его царь не отпустит сразу в обратный путь.

Вряд ли Курбский, закончивший свой масштабный многосоставный ответ Ивану Васильевичу на его Второе послание за день до королевского послания, ждал иной оказии. Вероятно, князь готов был отправить свой «лист» уже в том объеме, который сложился к 2–3 сентября, но задержка в подготовке официального гонца к царю позволила дополнить текст припиской-«цедулой» «Аще пророцы плакали» и вместе с грамотой короля направить его адресату. И в пользу такого предположения говорит ответ Ивана Грозного Стефану Баторию из Пскова от 1 октября 1579 г. Это письмо сохранилось только в Музейском сборнике рубежа первой и второй трети XVII в. и введено в научный оборот американским славистом Д.К. Уо. Оно было причастно

[2252] ПИГАК. С. 101–102, то же: СК. С. 303 (л. 138 об.). Об этом подробнее здесь в главах «Побег» и «Социальная и персональная память».

[2253] Об этом см. ниже в разделе «Сборник Курбского».

[2254] ПК-79-11. Л. 194, то же: ЛМ-591. Л. 430 — 430 об., то же: ЛМ-592. Л. 39 — 39 об. (Стефан Баторий — Ивану IV. Полоцк, 16 сентября 1579 г.).

к посольскому делу, но поскольку в делопроизводстве Короны Польской и Великого княжества Литовского оно также не отразилось, можно полагать, что либо оно не было отправлено, либо было сочтено и в Москве, и в Речи Посполитой слишком непрофессиональным. Таким письмо Ивана IV и было. Формально оно отвечает только на послание Стефана Батория от 16 сентября. У Ивана Васильевича нет ни одного прямого упоминания письма Андрея Курбского. Но фактических адресатов в этом послании два — король Стефан и изменник Курбский. Причем последнему посвящена едва ли не бо́льшая часть грамоты. В такой связке король и кто-либо из его окружения больше ни разу в переписке Ивана Грозного со Стефаном Баторием не оказывается. Курбский выступает здесь как главный инспиратор злого умысла короля на царя: «Разумей же сие, к чему тебя Курбской претворил, чтоб нас погубити. Мы со смирением тебе воспоминаем по християнскому обычаю, веть тебя Курбской нашол нам губителя, и ты державою помысла благочестива его злочестия не слушай и тово на себя неподобнаго имени не возводи, но паче украсил благочестивым господарем и благочестием»[2255]. Нельзя исключать, что, получив Третье послание Курбского, царь Иван в гневе его даже не прочитал. В своем письме он реагировал не на текст, а только на факт объединенного демарша против него со стороны Стефана Батория и Андрея Курбского. В московской рукописной традиции нет следов Третьего послания Курбского вплоть до его появления в составе Сборника Курбского на рубеже 1660-х–1670-х гг. XVII в.

Все приведенные соображения не лишают оснований тезис о том, что послание Ивана Грозного от 1 октября 1579 г. было ответом сразу на два письма, доставленных ему в рамках одной миссии гонцом Б. Проселком вскоре после 16 сентября 1579 г. Понимая, что Курбский отказывается продолжать энистолярный диалог: «И к тому молю ти ся: не дерзай уже писати до чюжих слуг... и к тому не хотячи с твоею царскою высотою аз убогий вящей сваритися»[2256], — царь сделал вид, что Курбского для него больше не существует и не удостоил его лично больше ни словом. Больше переписка не продолжилась. 27 октября 1579 г. Боярская дума в лице князей И. Ф. и Ф. И. Мстиславских и И. Ю. Булгакова, а также Н. Р. Захарьина Юрьева обратилась к Панам раде с посланием, уверяя королевских сановников, что царя удалось отговорить от решительных военных действий в отместку за потерю Полоцка. Бояре сетуют, что воевода полоцкий Миколай Монвид Дорогостайский не пропустил их гонца Леву Стремоухова в Полоцк, «его... гамовавши и безчествовавши»[2257]. После чего бояре направили Леву вновь — на этот раз «звыклою дорогою» через Смоленск в Оршу. Со второй попытки, уже в конце октября 1579 г., бояре передали, что надеются на скорое возвращение Ивана IV в Москву и мирное разрешение разногласий. Никаких следов реакции на энистолярную переналку здесь нет, но возможно, «бесчестье» от воеводы полоцкого Л. Стремоухов испытал, когда вез грамоту царя от 1 октября 1579 г. королю Стефану.

Королевских гонцов с ним не было. Как и В. Лопатинский тем же летом, он был задержан в Смоленске. Надо полагать, грамоту у него отобрали и доставили царю, однако сам Иван IV рисовал другую последовательность событий, стремясь загладить впечатление от энистолярной переналки со Стефаном Баторием и Курбским или позволить Боярской думе взять ответственность за переговоры на себя. Уже в конце ноября 1579 г. царь пишет королю: «И приехали есмя в свою отчину в Великий Новогород, и ждали твоего гонца Богдана Проселка долго, и твой гонец приехал к нам ноября в седмыйнадесят день. А дорога ему изымалася трудна, и ему было вскоре к нам ехати нелзя. И мы его ныне отпустили звыклою дорогою на Смоленеск да на Оршу»[2258]. Из этих слов не следует, что грамоты от короля и Курбского были доставлены царю только 17 октября. Речь идет только о приеме и официальном «отпуске» гонца в обратный путь. А задержка объясняется бездорожьем, но объяснение напоминает слова бояр, оправдывающих задержку своего послания с Л. Стремоуховым.

Официальный ответ Ивана Грозного на грамоту Стефана Батория от 16 сентября 1579 г. прозвучал, таким образом, только 21 ноября того же года, и к тому времени полуофициальные переговоры между Думой и Радой прошли уже не один круг, а ответ царя Ивана, датированный 1 октября 1579 г. мог быть передан или отправлен и задержан в Смоленске, Орше или на подступах к Полоцку. К 21 ноября 1579 г. военная

[2255] ОР ГИМ. Музейское собр. № 1551. Л. 37 об. — 38. Корректируем в цитате неточности существующих изданий. См.: БЛДР. Т. 11. С. 166.

[2256] ПИГАК. С. 110, то же: СК. С. 320–321 (л. 146 — 146 об.).

[2257] ПК-79-11. Л. 162 (Боярская дума — Панам раде. Новгород Великий, 26 октября 1579 г.).

[2258] ПК-79-11. Л. 207 об. (Иван IV — Стефану Баторию. Новгород Великий, 21 ноября 1579 г.).

кампания была исчерпана. Царь сменил гнев на готовность к мирным переговорам, и на смену Переписке с Курбским пришли заверения в скором возвращении В. Лопатинского и Б. Проселка и в желании прекратить войну.

«Литовские» послания в Сборнике Курбского

Ряд цепных свидетельств о книжном обмене в Короне Польской и Великом княжестве Литовском сохранил еще малоизученный источник — подборка писем кн. А. М. Курбского, направленных им различным адресатам в эмиграции. Рукописная традиция этой подборки ранее не изучалась. Впрочем, впервые предположение о ее существовании в виде первоначально обособленных тетрадей высказано нами в монографии 2009 г. В. В. Калугин вслед за Г. З. Купцевичем опирается на список РГАДА, ф. 181 (собр. РОБ МГАМИД), оп. 1, ед. хр. 60 и в ряде чтений отдает ему предпочтение[2259]. Наш анализ списков «Истории», в конвое которой «литовские листы» Курбского обнаруживаются в рукописной традиции, показал, что самыми ранними и близкими к их протографу списками являются ГИМ собр. А. С. Уварова № 301 и ЦНБ ХНУ № 168/с. Дональд Островский разрабатывает на примере этих же писем свою концепцию «Байесовской вероятности» авторства сочинений Курбского. Концепция Д. Островского не препятствует изучению внутренних хронологических связей между письмами в единой подборке. Вывод исследователя о том, что «аккуратнее было бы сказать, что стиль, в котором написаны эти письма (соединение чистого славянского и рутенской *простой мовы*), и их предмет заметно отличаются от стиля и предмета писем, направленных Ивану IV», является предварительным и требует дальнейшего обоснования[2260].

Текстологический вывод, подкрепленный кодикологическим изучением рукописной традиции, представляется непоколебленным: архетип всех приложений Сборника Курбского читается в старших Уваровском и Харьковском «сборниках Курбского», происходящих из московских приказных кругов и датирующихся, соответственно, не позднее 22 января 1677 и 22 января 1677 г. Возникновение сборника «литовских» посланий кн. Андрея Курбского датируется по его критике в различных местах своих переводов из «Церковной истории» Евсевия Памфила «новых календаров» или «новой своей пасхалии» папы римского — т. е. буллы Григория XIII "Inter gravissimas" от 24 февраля 1582 г. Это дата может служить вероятной datum ante quem non для сборника «литовских» посланий как целого, хотя вероятнее, что критика календарной реформы последовала за принятием постановлений Константинопольского патриархата по Григорианской реформе в начале 1583 г., а следовательно, это едва ли не самые последние сочинения князя Андрея, умершего 23–24 мая 1583 г.[2261]

Связь между посланиями Курбского его корреспондентам в Речи Посполитой и переводческой деятельностью ковельской (миляновической) книгописной мастерской может быть уточнена, если мы на основе биографических данных, сведенных в Летопись жизни Курбского, и внутренних хронологических маркеров посланий уточним их датировки и хронологию включения в состав единого сборника. Ряд наших наблюдений, изложенных в монографии 2009 г., придется уточнить или исправить.

Открывающий собрание писем «Лист... против варвара некого», адресованный кн. Василю-Константину Острожскому, датирован И. Ауэрбах и В. В. Калугиным 1572 г. или «началом 70-х годов XVI в.», в зависимости от датировки «Нового Маргарита»[2262]. Обращает на себя внимание три значимых для датировки этого текста факта. Во-первых, из содержимого письма неясно, какой объем «Словес Иоанна Златоустаго» ко времени обращения Курбского к киевскому воеводе уже переведен. Построения И. Ауэрбах и В. В. Калугина строятся на предположении, что переводческие работы еще ведутся, и во всяком случае, «Новый Маргарит» как целое еще не упомянут. Это вероятное предположение может быть еще уточнено. Курбский сообщает другу радостную весть: он перевел «от римска... на... язык словенский» одну «вещь» (т. е. одно сочинение), которая в римском источнике выступает как «глава 40» (в «Новом Маргарите» этот перевод займет место главы 70)[2263]. В ответ на посланный

[2259] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 71–77.

[2260] *Ostrowski D.* Attributions to Andrei Kurbskii and Inferential (Bayesian) Probability // CASS. 2015. Vol. 49. P. 211–233, особенно p. 227–228.

[2261] *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 61–63.

[2262] Датировки, соответственно: *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 42; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 71. Ранее мы детально не обсуждали датировку этого послания. Ср.: *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 54–55.

[2263] СК. Л. 160 — 160 об. Неясно, что за издание содержит такую нумерацию глав, в которой Слово "Ex Apostolo de Fide, Spe et Charitate" — это гл. 40. Парнж-

Князь Василь-Константин Константинович Острожский. Портрет XVI в. Копия XIX — начала XX в., кисти Т.Д. Копыстенского. Львов. Львівський національний музей ім. Андрея Шептицького. См.: Ульяновський В. Князь Василь-Костянтин Острозький: Історичний портрет у галереї предків та нащадків. Київ, 2012. Вкладка в конце книги. С. VIII.

ему пробный перевод князь Василь-Константин предложил Курбскому сменить язык и вместо «словенского» использовать «польскую барбарию». Этот обмен мнениями говорит о том, что переводческие работы над «Словесами» Иоанна Златоуста только начаты.

Маловероятно, что переводами Курбский занимался прежде, чем «упразднился» от военной службы и стал регулярно появляться в своих волынских владениях. Еще в 1569 — начале 1570 г. князь — в разъездах, а в Ковеле дела ведут за него урядники. Ненадолго появившись в своих волынских имениях в апреле 1570 г., он очень скоро вновь отправляется в путь на Варшавский сейм. Единственный раз он гостит у кн. В.-К. Острожского в конце октября 1570 г., сразу после этого, к 11 ноября, Курбский венчается с Марией Козинской (княжной Гольшанской), и уже затем много времени проводит в имениях на Волыни и в Полесье[2264]. Как представляется, эта внешняя канва помогает — с долей гипотетичности — ответить сразу на три вопроса: когда начались переводческие работы, когда был передан Острожскому первый переводческий опыт и когда — написано Первое послание Курбского Острожскому. Между 11 июля и концом октября 1570 г. Курбский и его сотрудники взялись за подготовку «Нового Маргарита». В конце октября князь «на Ковлю» показал свои первые опыты киевскому воеводе, тот почитал перевод и отписал вскоре после отъезда Курбского из Дубно, в ответ на что в ноябре–декабре 1570 г. получил отповедь от Андрея Курбского.

Второе письмо в подборке «Лист... до Марка, ученика Артемия» относится к моменту, когда Курбский планировал приступить к переводу «опер» Василия Великого. С этой целью он приглашает к себе на службу из имений кн. Ю.Ю. Слуцкого ученика Артемия Троицкого, Умара Сарыхозина. Соотнося планы, изложенные в письме, с текстом актовой записи от начала июля 1575 г. о побеге Ивана Москвитина, можно предположить, что князь Андрей Курбский не стал покупать новую книгу, надеясь разыскать украденную, и отложил проект. Ко времени составления письма Курбский, по его словам, уже «немало лет... в сединах» приучался латыни, т.е. письмо Сарыхозину написано уже после завершения переводов «Нового Маргарита», но не позднее начала 1575 г. Письмо Марку Сарыхозину было, по всей видимости, составлено накануне поездки Курбского в свои литовские имения и Вильно в мае–июне 1575 г.[2265]

Эту датировку можно уточнить, предположив хронологическое единство сборника пи-

ское издание 1556 г. содержит шестью текстами выше латинский номер "XLIIII", однако сам текст «Беседы» номера не имеет (Tomus Quartus Operum Divi Ioanis Chrysostomi... Parisiis, 1556. Col. 610). Антверпенское издание содержит также данный текст, но деления на главы в этом издании нет (D. Ioan. Chrysostomi archiepiscopi Constantinopolitani Conciones... Homiliae IX. De laudibus D. Pauli, et in nonnula eiusdem loca obscuriora. Antverpiae, 1553. P. 354).

[2264] См. *Итинерарий Курбского 8–11 апреля, 29 апреля — 11 июля, конец октября, незадолго до 11 ноября 1570 г.*

[2265] См. *Итинерарий Курбского начало мая — июнь, 8 июля 1575 г.* См. также раздел «"Апостол" и "Василий Великий"».

сем. Следующие письма отграничены в верхней дате письмом Кодиану Чапличу от 21 марта 1575 г. и отповедью Курбского шляхтичу Василию Древинскому на его поздравление с языческим праздником, Новым (1576) годом. После письма Марку Сарыхозину, составленного ранее 8–9 июля 1575 г., до письма Василию Древинскому в подборку входят еще два письма Кузьме Мамоничу. Из записей виленских иезуитов об их деятельности известно, что диспут с Курбским, упомянутый у князя в письме, происходил в их коллегиуме в Вильно в 1574 г.[2266] Как отмечал В.В. Калугин, эта датировка важна для понимания слов Курбского в его письме Мамоничу о том, что год назад («так рок бо ся было»[2267]) состоялся «обед» и диспут[2268]. Нельзя согласиться с исследователем в его прямом соединении этих двух свидетельств: Курбский и иезуиты говорят о двух разных событиях, по их логично тесно связать между собой. Судя по хронологии поездок Курбского, его пребывание в Вильно могло происходить в период отсутствия на Волыни между 7 апреля и концом мая 1574 г.[2269]

Разница в год или почти в год между Первым письмом Курбского Мамоничу и диспутом с иезуитами позволяет считать следующее за письмами Мамоничу письмо волынскому шляхтичу Кодиану Чапличу верхним хронологическим рубежом для писем Мамоничу. К этому времени Курбский демонстрировал готовность отстаивать православие в полемике с иезуитами с опорой не только на Иоанна Златоуста, но и Иоанна Дамаскина. Чтобы объяснить появление «Дамаскина» в переписке Курбского с Мамоничем, В.В. Калугин допускает редактирование в тексте послания: «В первоначальном варианте послания были указаны только Дионисий Ареопагит и Златоуст. Дамаскин был приписан позднее — после перевода его сочинений в кружке Курбского, когда князь просматривал свои старые "епистолии". Вставив имя Дамаскина в текст, он пропустил и оставил без изменения фразу "со двема парочитыми сведками"»[2270]. Это, как представляется, неприемлемое предположение. Поскольку чтение «со двема» отражает особенность только позднего списка, РГАДА ф. 181 оп. 1 №60, который Калугин принимает в данном построении за наиболее ранний. Между тем в ближайших к протографу списках ГИМ собр. А.С. Уварова №301 и ЦНБ ХНУ №168/с в этом месте отчетливо читается «со трема» и перечислены три автора — Дионисий Ареопагит, Иоанн Златоуст и Иоанн Дамаскин[2271].

Из слов Курбского следует, что все три автора уже в каком-то объеме переведены. При этом письмо составлено самое позднее через год с небольшим после апреля–мая 1574 г. Возможно, даже раньше — еще до 21 марта 1575 г., как справедливо предполагает В.В. Калугин. Следовательно, и планы по переводу Василия Великого в письме Марку Сарыхозину могли возникнуть еще до посланий Кузьме Мамоничу и горожанам Вильно. Это в свою очередь означает, что перевод «Иоанна Дамаскина» требует иной датировки.

Вся концепция датировки творений Иоанна Дамаскина в переводе Курбского, начиная с работ А.С. Архангельского, строится на объяснении слов Курбского о том, что в послании К. Чапличу «Богословие» еще не переведено «во словенско», тогда как в Третьем послании Ивану Грозному князь Андрей Михайлович ссылается на уже готовый перевод. Отсюда принятые в ряде построений крайние даты для переводческих работ: март 1575 — сентябрь 1579 г. Однако в предисловии к «Новому Маргариту» Курбский только планирует «устремитися» на перевод Бесед Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла, а в полной версии «Нового Маргарита» есть уже и предисловие с этими словами, и приложения с задуманными переводами, будто бы еще не осуществленными. С другой стороны, в письме Чапличу не говорится, что Курбский со своими сотрудниками не перевел Иоанна Дамаскина — говорится о том, что до них этого никто не делал. А вот в письме Мамоничу, написанному не позднее 21 марта 1575 г., Дамаскин назван в числе трех авторов, которых в кружке Курбского как раз уже перевели или переводят[2272].

[2266] *Krajcar J.* Jesuits and the Genesis of the Union of Brest // Orientalia Christiana Periodica. 1978. T. 44. P. 136. N 13; *Дмитриев М.В.* Характер первых контактов... С. 78–79; *Калугин В.В.* «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001 / отв. ред. А.М. Молдован, В.С. Голышенко. М., 2002. С. 127. Примеч. 6.

[2267] СК. Л. 166.

[2268] *Калугин В.В.* «Книга святого Августина»... С. 127. Примеч. 6.

[2269] *Итинерарий Курбского 29 апреля, 30 апреля, 3–28 мая 1574 г.*

[2270] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 72.

[2271] СК. Л. 166 — 166 об.

[2272] См. также: *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Т. 2. С. 715–716, рис. 102.1–102.7; *Харламович К.В.* Новая библиографическая находка; *Зернова А.С.* Типография Мамоничей в Вильно (XVII век) // Книга: Исследования и матерна-

Таким образом, ничто не препятствует предположению, что сочинения Иоанна Дамаскина упомянуты как уже переведенные в трех письмах Курбского 1575 г. — двух посланиях Мамоничу и письме Чапличу. Слова «не преведена во словенско» означают, что эти сочинения не переводились вне книжного кружка Курбского, и это не исключает дальнейший несильный упрек князя в адрес Кодиана Чаплича, что он сочинений Дамаскина не читал и не уразумел. Другие аргументы в пользу более поздней датировки переводного тома «Иоанн Дамаскин» в мастерской Курбского мы рассмотрим в другом месте[2273]. Сочинения Диониисия Ареопагита в переводе Курбского не сохранились или неизвестны.

Обратимся теперь к следующим посланиям в сборнике писем. В монографии 2009 года я выдвинул предположение, что два послания Курбского Федору Бокию (Бокею) Печихвостскому были написаны после смерти отца последнего, как я полагал, — Василия Бокия[2274]. Как вскоре стало понятно, я ошибся. Неточность была отмечена украинским историком Игорем Теслепко и потомком шляхтичей Валентином Юрьевичем Бокием. Корреспондент Курбского «юноша благородный» Федор был сыном не Василия, а Гаврило Бокия от первого брака с Настасьей Тишкевич. Права Федора Гаврило Бокий ограничивает в своем завещании от 26 июля 1573 г., после вступления во второй брак с Марией Федоровной Вагановской (в первом браке — княгиней, женой Януша Порыцкого)[2275]. Другой Федор, приходившийся братом Гаврило Бокию, к тому времени умер, а его тело покоилось в Печихвостской церкви[2276]. Эти данные говорят о том, что упомянутый в первом послании отец Федора — судья луцкий Гаврило Бокий. Известно о конфликте между отцом и сыном, получившем огласку в завещании Г. В. Бокия. Материальная почва конфликта дополняется информацией писем Курбского о религиозных расхождениях между отцом и сыном. Федор подпал под влияние реформационной религиозности и потратил деньги отца, тогда как тот не мог найти средства, чтобы достроить церковь в своем имении Милятине и в завещании поручил закончить работу своему братаничу Яну или все подготовленные средства и церковную утварь «на церков Униева манастыра отдати, бо там справа хрестянская в церкви идет»[2277]. Бокий был книголюбом и книгочеем. В его библиотеке «книг немало». Среди них «Евангелие Печихвостское» (завещано Печихвостскому храму), «Псалтыря Девятковская» (взята у Александра Лагодовского, переплетенная, завещано «оберпути»), «Кирил Ерусолимский» (дана архимандриту корецкому, завещано отыскать и отдать владельцу — тому же Лагодовскому), «Григорий Богуслов», «Василей Великий», «Псалтыря», «Статут Полский»[2278].

Сыновья Гаврило от первого брака Филипп и Андриан учились в Краковском университете и вернулись оттуда домой, чтобы найти и похоронить убитого в битве с татарами отца. Погиб Гаврило в битве с татарами под селом Редкой и был торжественно похоронен в Печихвостах 15 июня 1577 г.[2279] Его сын Федор в той же битве попал в татарский плен, из которого позднее вышел. Из волынских документов 1570-х гг. ясно, что Ф. Бокий был хорошим знакомым и другом Курбского и В. П. Загоровского.

лы. М., 1959. Сб. 1. С. 184—187; *Беляева Н. П.* Материалы... С. 125–126; *Гаврюшин Н. К.* Премудрая святая диалектика. С. 57–59.

[2273] См. здесь раздел «"Иоанн Дамаскин" и "Симеон Метафраст"».

[2274] *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского... Т. 1. С. 56–57.

[2275] КГЛ-14. Арк. 255 — 255 зв., 259 зв. — 260 зв. Обе записи — от 8 августа 1573 г.

[2276] В завещании назначаются опекуны на все имения тестатора — епископ луцкий и брестский князь Виктории Вербицкий, ключник и городничий луцкий Александр Жоравницкий и братанич Гаврилы Ян Бокий: «А маючи теж то на добром баченю, ижбы детем моим меншим маетности и всему дому моему не было потреба иншого опекуна над сына моего старшого Федора, который кгды бы повинности своее шляхетское и доброго пожиточного своего постерегати умел, але иж есть на то небачный марнотратником и недбалцем, который маетности дому моего болшей осмисот коп грошей стратил, для чого помнячи я на часы пришлые и стерегучи того, абы через него потом маестност дому моего не была роспрошона, а дети мои в том скривжоны не были». Впрочем, грозная риторика Гаврилы сочетается с деловыми распоряжениями, которые не обделяют блудного сына. Ему завещается часть имения, на первое время только в пользование: «Абы сын мой старший Федор межи людми для перемешканя не волочился, записую ему для мешканя вы именю моем Подберезю дворец» и при нем 3 пруда, сеножать, 10 работников и 3 огородника и застенки под пашню. В случае смерти отца старший сын получит равную часть с младшими братьями. Ниже, распределив движимое имущество, Гаврила вновь с негодованием вспоминает о старшем сыне: «А старшому сыну моему Федору с тых всих речей ничого давано быти не мает, бо и втрое болш, што бы на него прийти мело, взявши, стратил». Из стада отца Федору, по завещанию, досталось четыре «сверепы», а из быдла — шесть волов и четыре коровы (КГЛ-14. Арк. 256 — 259 зв., цит. с арк. 256, 257 и 257 зв., 259).

[2277] КГЛ-14. Арк. 257 зв. — 258.

[2278] КГЛ-14. Арк. 258.

[2279] *Ворончук І.* Родоводи... С. 139–142.

Оба письма Курбского Федору Бокию были утешением в беде. Во втором послании Бокию Курбский хвалит его как славного воина «в телесных делех» и как ревностного христианина: «...иж во правоверных догматех утвердился еси»[2280]. Эти аргументы позволяют отказаться от ранее предложенных датировок, основанных на предположении, что Федор и Гаврило — родные братья. Датировку этой переписки следует перенести с 1575 г. на рубеж 1577–1578 гг. Причем первое письмо, упоминающее подвиги отца и наставляющее Федора в вере, написано ему в плен, видимо, вместе с помощью в выкупе. А второе письмо более кратко, в нем Курбский называет себя «верным приятелем» Федора, намекая, по всей видимости, на успех выкупной операции[2281].

Манера работы князя Андрея Михайловича с источниками отразилась на его упоминании «летописной книги» в связи с историей Ферраро-Флорентийского собора 1437–1439 гг. Сравнение «Истории о Осьмом соборе» князя Андрея Курбского с «Историей о Листрикийском синоде» Клирика Острожского, проведенное В. В. Калугиным, показывает, что ссылка Курбского на летописную русскую книгу является избыточной, поскольку не подкрепляется ни одним из известных ныне летописных сводов и наилучшим образом отвечает общему источнику Курбского и Клирика Острожского[2282]. История бегства русских иерархов с Ферраро-Флорентийского собора и их спасения у немецкой вдовы находит аналог в поздней версии жития Сергия Радонежского. Была ли она доступна Курбскому, неясно. Во-первых, сомнительно, что летописной русской книгой Курбский мог назвать текст, редакция которого не входила в состав произведения соответствующего жанра; во-вторых, в житийном сюжете не содержится ничего нового по сравнению с предполагаемым общим источником Курбского и Клирика Острожского и он находится в неясных текстологических отношениях с этими сочинениями. В своей рецензии на книгу В. В. Калугина В. Зема предлагает версию о прямой зависимости «Курбского» от печатной «Истории» Клирика Острожского 1598 г.[2283]

Особенно важно наличие амплификации Курбского о летописной книге по сравнению с острожским изданием. Однако выводы украинского исследователя о характере зависимости двух текстов нельзя признать убедительными. Во-первых, В. Зема признаёт зависимость «Истории о Осьмом соборе» от «Палинодии» Захарии Копыстенского (который в рассказе о Флорентийской унии опирался на источник, изданный в Кракове в 1609 г.) — но не приводит аргументов в пользу своей гипотезы, кроме того, что у Курбского упоминается *некий* виленский субдиакон. Во-вторых, в текстологическом анализе имеющих между собой сходство отрывков Курбского (или Псевдо-Курбского) и Клирика Острожского В. Зема никак не объясняет, почему зависимость первого от второго необратима и гипотеза Ф. И. Делекторского исключена[2284]. В-третьих, в этом построении нуждается в объяснении тот факт, что «История о Осьмом соборе» входит в состав «сборника Курбского» ГИМ собр. А. С. Уварова № 301 и его нисходящей традиции в разделе литовской корреспонденции и переводов А. М. Курбского. Кто и когда связал «Историю о Осьмом соборе» с его именем? Все остальные сочинения в составе этой рукописи входят в корпус сочинений и переводов именно кн. Андрея Михайловича Курбского.

Письма, приложенные к Сборнику с «Историей о князя великого московского делех» и Посланиями Ивану Грозному, охватили, таким образом, наиболее значимые моменты в книжном и просветительском творчестве кн. Андрея Курбского с конца 1570 по начало 1580 г., а добавленные к ним переводы были едва ли не последними сочинениями князя Андрея Курбского, которые закрывали собой сборник по его состоянию на конец 1582 — начало 1583 г. Переписка, начатая князем еще в Юрьеве и Вольмаре, продолжилась в Кнышине, Ковеле, Вильно, Полоцке и Львове. Он неустанно рассылал братьям в вере и отступникам свои наутствия, отповеди, поучения, выдержки из переводов и целые сборники. Самым острым чаяниям противников церковной унии в Речи Посполитой отвечала «История о Осьмом соборе». По предположению Л. Тимошенко,

---

[2280] СК. Л. 176, 176 об.

[2281] См. также: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 74.

[2282] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 254, 293. Примеч. 6.

[2283] *Зема В.* Справа вірн // Київська Старовина. 2001. № 3. С. 194–197; *Його ж.* Між апокрифом та історією (Флорентійска унія в православній полеміці) // А се єго срєбро: Збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 219.

[2284] *Делекторский Ф.* Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // ЖМНП. 1895. Т. 300. С. 131–184. В пользу гипотезы Ф. И. Делекторского высказывается также автор: *Kakridis I.* Byzantinische Unionspolemik in den Ostroger Drucken des ausgehenden 16. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1992. Bd. 52. N 1. S. 128–132.

высказанному в дискуссии с В. Земой, которое представляется нам более убедительным, переложение сочинения «неякого субдиякона» из Вильно повлияло на анонимного Клирика Острожского, а следовательно, опубликованная в 1598 г. в Остроге «История о Листрикийском синоде» отразила рецепцию переложения князя Андрея Курбского (или, конечно, непосредственно его источника)[2285]. Бытование «Истории о Осьмом соборе» отдельно от Сборника Курбского или хотя бы отдельно от «литовской» переписки Андрея Курбского не находит никаких подтверждений. Из этого может следовать, что в распоряжении острожских книжников конца XVI – начала XVII в. был не только текст сочинения Курбского, но и сборник с его сочинениями против церковной унии. Впрочем, если это и так, в окружении престарелого кн. Василя-Константина Острожского наставления Курбского не могли приветствовать. Эпоха церковной унии произвела «отбор» в наследии кн. Андрея Курбского, хотя память о его участии в православном ответе на проект унии стерлась так же быстро, как и о создании им особых редакций «Маргарита» и «Иоанна Дамаскина», а может быть, и «Симеона Метафраста», об участии в подготовке «Острожской Библии» и переписке с Москвой.

Переписка с Афоном

В собрании Хиландарского монастыря Афона хранится грамота архимандрита Макария «князю Андрею Курумскому», которая еще ждет своего тщательного изучения[2286]. Она входит в коллекцию кириллических грамот и написана на столбце и отдельном листе почерком XVI в. Это, судя по исправлениям в тексте, составленная при участии самого главы сербского монастыря Св. Саввы на горе Афон черновая версия послания. В коллекции списков она выступает под поздним (арабским) номером «9». Датировка в известном нам списке, по-видимому, отсутствует. Помета «Кнеговом» означает, что грамота входила в подборку посланий, адресованных князьям. Вызывает вопрос, кто был адресатом этой грамоты. Можно предположить, что в прозвище «Курумский», которое отчетливо читается

Послание архимандрита Макария князю Андрею Курумскому (Курбскому), около 1582 г. Огайо, США. Хиландарская библиотека. См.: HM. SDC. 153. SPEC. № 153/155. № 9.

в тексте, следует видеть искаженное имя кн. Андрея Курбского.

Датировка также вызывает вопросы, но всё же находит свое предварительное обоснование. Около июня 1549 – середины марта 1550 г. игумен монастыря Геннадий и братья жаловались на бедственное положение обители и послали Ивану IV ценные дары – икону св. Симеона, которую носил св. Савва, образ святых короля Милутина и князя Лазаря и мощи св. Стефана. Царь взял Хиландар под свое ктиторство[2287]. Обмен миссиями между Москвой и монастырем происходил затем регулярно. 28 августа 1550 г. к царю пришел игумен Паисий и еще три старца. Они вымолили у царя заступничество за братию перед султаном[2288]. Следующий комплекс посольских материалов по переписке Москвы с монастырем св. Саввы относится уже только к марту и июлю 1556 г., и от лица братии выступают еклесиарх Сильвестр и священник Прохор[2289]. Связи не прекратились, хотя на время Ливонской войны заметно ослабли.

В собрании монастыря хранятся также черновые версии грамот времени правления Ивана IV. Царице Анастасии благодарность за финансовую помощь могла быть адресована не ранее 1555 г., поскольку в грамоте использован «Северный и Сибирский» титулы Ивана IV, и не позднее начала августа 1560 г., когда царица скончалась. Позднее архимандрит Феодосий просил царя возобновить выплаты на монастырь. За поддержкой к царю и московским придворным обращался и сам архимандрит, и его посланник еклесиарх Григорий. Сохранились грамоты Григория к Никите Романовичу Юрьеву и Андрею Яковлевичу Щелкалову. Все эти обращения относятся ко времени не ранее 1570 г.[2290]

[2285] *Тимошенко Л.* Полемічний твір... С. 83–84.

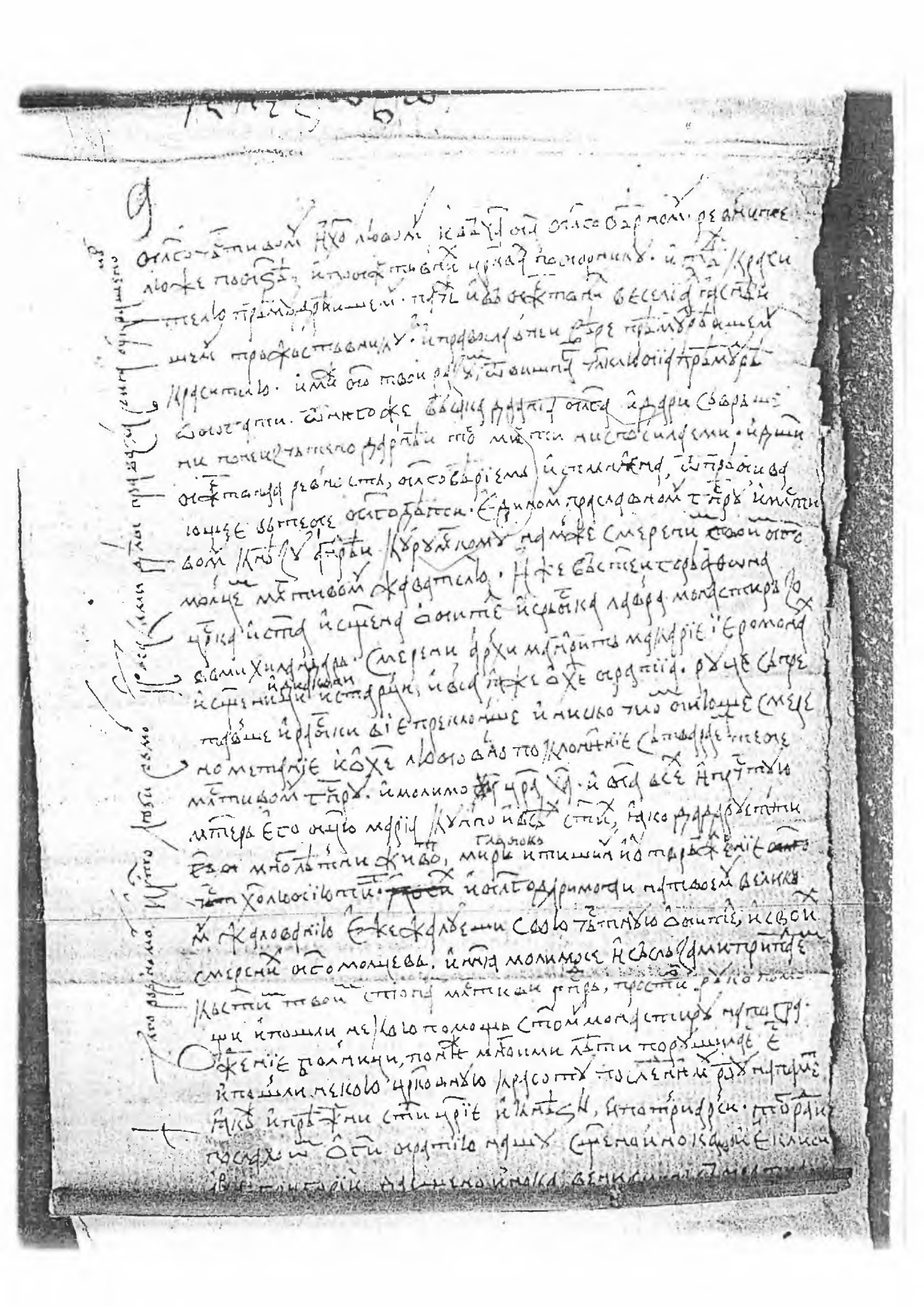
[2286] Нам доступна была только по микрофильму из коллекции Хиландарской библиотеки США (Ohio) (HM. SDC. 153. Папка с посланием хранится под шифром SPEC. HM. SDS. № 153/155). Текст см. *Приложение V*. См. также: Catalog Manuscripts on Microform of the Hilandar Research Library, the Ohio State University / eds. P. Mateic, H. Thomas. Columbus, Ohio, 1992. Vol. 1. P. 287.

[2287] РГМ. С. 182–186 (№ 65).

[2288] РГМ. С. 181 (№ 64), 186 (№ 66), 187 (№ 67).

[2289] РГМ. С. 198 (№ 79), 199 (№ 80), 199–203 (№ 81), 203–206 (№ 82).

[2290] Наборы грамот по микрофильмам Хиландарской библиотеки США подготовлены к публикации Ю. Э. Шустовой (Москва, РГГУ). Благодарю коллегу за доступ к данным материалам. Благодарю также Брайана Боека (Чикаго, Университет Де Поля), от которого в частной переписке в 2013 г. я впервые узнал об изучаемом здесь послании и получил цифровую копию его первого листа.



Одна из первых миссий из Хиландарского монастыря, отмеченная в Греческой посольской книге № 2 в Москве, — от архимандрита Макария. Он отправляет в Москву священноинока эклесиарха Григория, священника Вениамина, священника Серапиона, диакона Иоанникия и старца Еремию[2291]. Обратим внимание — к Курбскому направились те же лица: «...братию нашу священноинока и еклисиарха Григории да священноинока Вениамина»[2292]. Судя по именам миссии из грамоты «князю Курумскому», это была та же самая депутация, которая должна была на пути в Москву пересечь владения Речи Посполитой. В послании царю Ивану Макарий называет более полно состав представительства от братии. Кроме того, именно в этом послании содержится важный датирующий признак, позволяющий достаточно точно определить московскую конъюнктуру, на которую ориентировались в Хиландаре. Желая царю «одоления и победы на все видимые и невидимые врагы», архимандрит Макарий называет только одного царевича, хотя и во множественном числе говоря о «царевичах»: «...ти и со благоданными твоими чеды царевичем Феодором Ивановичем и со всем православным воинством»[2293].

Старцы чутко реагировали на изменения в численности царской семьи, и не случайно в собрании Хиландарского монастыря сохранилась грамота, в которой намечена новая перемена в семье Ивана IV. В грамоте царю Ивану Васильевичу из Пантелеймонова монастыря Афона, озаглавленной «Господарю общии Святые Горы», царская семья представлена следующим образом: «...и съ богоданными чеды святого ти царствиа, царевичем Феодром Ивановичем и царевычем Димитрием Ивановичем, и съ всем праславием»[2294]. Не вызывает сомнений, что в послании из Посольской книги один царевич Федор назван умышленно — на момент, когда создавалась грамота в Москву, монахам было известно о том, что в семье Ивана IV при жизни остался только один царевич — Федор, а о рождении царевича Дмитрия еще ничего не известно. Царевич Иван скончался 19 ноября 1581 г., и уже вскоре после этого Иван Грозный направил щедрые поминальные пожертвования на Афон[2295]. Царевич Дмитрий родился у царицы Марии Нагой только 19 октября 1582 г., и таким образом, миссия Григория и Вениамина была подготовлена примерно между декабрем 1581 и ноябрем 1582 г.

Уточнить дату посольства хиландарских старцев можно на основе всё той же Греческой посольской книги № 2. В сентябре 1583 г. Вифлеемское посольство, в составе которого оказались хиландарские старцы Григорий и его спутники, отправлялось из Москвы вновь на земли Речи Посполитой, куда везли от царя верительную грамоту Стефану Баторию. Посольство прибыло в Москву после долгого путешествия, по очевидно, часть миссий была выполнена, и в Речи Посполитой братья пробыли не один месяц[2296].

По всей видимости, в посольском portfolio монахов была и еще одна грамота, адресованная Стефану Баторию. Она, судя по нумерации на верхнем поле, прямо предшествовала в хранилище монастыря грамоте кн. Андрею Курбскому, будучи обозначена: «8. Кралю». Она играла роль «верительной», а одновременно содержала просьбу о милостыне. Впрочем, прямо о проезде в Москву в ней не говорилось. Вместо этого звучала формула «до твоее светлое кралевство и до всего православиа»[2297]. Из этого не следует, что мы имеем дело с особой миссией, которая не планировалась за пределами Речи Посполитой. Просьба о пропуске через границы могла прозвучать и устно, а «всё православие», конечно, в сознании современников предполагало право въезда на территорию Российского царства.

Таким образом, в составе Посольской книги № 2 из Российского архива древних актов и в собрании кириллических грамот Хиландарского монастыря под номерами 8 и 9 хранятся части одной миссии, направленной из Хиландарской обители около декабря 1581 — ноября 1582 г. в Речь Посполитую к Стефану Баторию и кн. Андрею Курбскому, а оттуда нацеленной в Москву к Ивану IV. Вряд ли миссия собралась ранее весны–лета 1582 г., когда дорога облегчалась летним теплом и уже было заключено перемирие между Иваном IV и Стефаном Баторием, делавшее посольство монахов через Речь Посполитую в Москву более безопасным, нежели миссия митрополита еврипского Иоасафа в сопровождении Исайи Камепецкого в 1561 г. Всем потенциальным дарителям монахи рассказывали о бедственном положении монастыря. Иван IV должен был получить мощи св. Антима, а царевич Федор — образ Богородицы в серебряной и позо-

Ниже мы ссылаемся на эти тексты из собрания Хиландарской библиотеки без указания более точных шифров.

[2291] ПК-52-2. Л. 12 — 15 об.

[2292] См. *Приложение V.*

[2293] ПК-52-2. Л. 14.

[2294] Собр. Хиландарского монастыря. НМ. SDC. 153.

[2295] ПК-52-2. Л. 14, 32 — 33 об. См. также: *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. С. 90–95.

[2296] ПК-52-2. Л. 30 об. — 31 об.

[2297] Собр. Хиландарского монастыря. НМ. SDC. 153.

лочепой оправе. Монахи благодарили за милостыню и просили еще средств на восстановление укреплений монастыря, просевших от ветхости и «от труса земнаго»[2298]. От короля Стефана братия ждала «грамоты добровольной» для сбора милостыни на его землях и для проезда в Москву, а предлогом служило одно то, что Афон долгое время пребывает у агарян «в великей нужды, и тесноте, и стужению»[2299]. У князя Андрея Курбского монахи просили на здание больницы: «...простри руко помощи и пошли некою помощь святому монастиру на пограждение болницы, понеж многими лети порушилась есть»[2300].

Обращение к Курбскому в грамоте предполагает, что князь пользовался доброй славой у монахов. О нем знали как о благочестивом православном христианине, украшенном «всякими делы» православия. Он оказался в глазах афонских монахов представителем всего православия Речи Посполитой, и их не смущало, что путь миссии лежал дальше в Москву, где к князю всё еще относились как к изменнику царя Ивана Васильевича. За плетением похвал в адрес Курбского в грамоте Макария проступает не просто ожидание новой поддержки Христа ради, но и глубокое убеждение в целесообразности такого обращения. За этой перепиской кроется представление о князе Андрее как об исполненном разума человеке, мудреце, расцветшем в «божественных веселиях». Он близок к сонму святых царей и князей, и это отвечает самым теплым надеждам в самосознании Курбского[2301]. Посредничество Курбского в делах веры не вызывало сомнения. Он готов был поддержать монахов, и монахи уже знали о его поддержке. Этот факт находит подтверждение в сочинениях и книжном обмене Курбского. Князь был вовлечен в отношения Константинопольского патриархата с Московской митрополией еще в период правления Избранной рады и возлагал надежды на миссию своего духовника Феодорита Кольского[2302].

В эмиграции Курбский поддерживал самостоятельные отношения с Константинопольским патриархатом и Афонскими обителями. 26 февраля 1567 г. в Москве узнали от Гепака о том, что «Курбсково человек» приезжал к патриарху. Из Описи Посольского приказа неясно больше ничего об этой «присылке»[2303]. По предположению И. Ауэрбах, Курбский добивался от патриарха права на повторный брак, узнав о гибели своей семьи в Российском царстве[2304]. О связях Курбского с Афоном также известно. В Зографском монастыре хранится поздний список с тома «Иоанн Дамаскин»[2305]. Монахам Курбский мог присылать не только милостыню, но и свои ученые труды. Впрочем, для подобного вывода сведений в нашем распоряжении недостаточно.

«Апостол» и «Василий Великий»

Один из следов книголюбия кн. А. М. Курбского сохранился в актовой записи шляхетского гродского суда Владимира (Волынского) от 14 июля 1575 г.[2306] Данная запись является жалобой («скаргой») князя на побег от него слуги Ивана Москвитина и выступает в «судовой книге» под № 154. Отрывок из нее опубликован И. Ауэрбах, которая обратила внимание на книги в списке украденных вещей и высказала предположение, что слуга князя, «вероятно... принимал участие в переводах своего господина»[2307].

Курбский рассказывает суду предысторию, называя беглого слугу своим пленным («вязнем»). Во время Изборской экспедиции князей А. И. и И. И. Полубенских в январе 1569 г., в которой приняли участие также близкие к Курбскому московиты-эмигранты Тимофей Иванович Тетерин, Умар и Анис (вероятно, Агиш) Васильевичи Сарыхозины, были взяты в плен многие защитники крепости, а возможно, и кто-то из российских воинов на подступах к Изборску[2308].

[2298] ПК-52-2. Л. 14 об.

[2299] Собр. Хиландарского монастыря. НМ. SDC. 153.

[2300] См. *Приложение V.*

[2301] См. здесь главы «Идеолог княжеской власти» и «Ренессансный историк».

[2302] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 182–204; *Курбский А.М.* История... М., 2015. С. 816–826 (Примеч. 124 об.-1 — 124 об.-10).

[2303] Опись архива Посольского приказа 1626 года / подг. В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 72.

[2304] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 210. Anm. 3.

[2305] См. здесь раздел «“Иоанн Дамаскин” и “Симеон Метафраст”».

[2306] Данная запись опубликована также в украинском издании: УПРД. Вип. 1. С. 196.

[2307] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 131. Anm. 125; 176. Anm. 343; 385. Anm. 49; 392. Anm. 91.

[2308] *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 1. С. 130–131. Взятие Изборска произошло 11 января 1569 г. Вскоре к крепости подошло опричное войско, и часть литовских диверсантов попала в плен. Споры о размене пленными тянулись до 1573 г. В Москве было проведено следствие по Изборскому делу, закончившееся казнями и опалами. Какая-то часть пленных литвинов, захваченных в крепости, погибла. См.: *Piwarski K.* Niedoszła wyprawa t. z. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567/8) // AW. 1928. R. 5. N 14. S. 116; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 360–363, 533, 535, 536. См. здесь главу «Однополчане».

Возвратившиеся с победой и добычей ротмистры были торжественно встречены на Люблинском сейме. Одного из пленников кн. А. И. Полубенский и подарил Курбскому, приехавшему на объединительный сейм в качестве литовского и коронного старосты. Подарок был не случаен. Князь Андрей получил московита, который позднее возил его книги, а следовательно, либо это Курбский выведал таланты пленника, либо таланты Ивана натолкнули Полубенского на мысль, что Иван мог бы выполнять роль секретаря у Курбского или даже, как предположила И. Ауэрбах, участвовать в его книжных работах[2309].

Н. П. Бондар, впрочем, оспаривая точку зрения И. Ауэрбах и нашу, критикует версию о том, что Иванко Москвитин был секретарем князя Андрея Михайловича, и отмечает, что форма «Иванко» в актовой записи «указывает на очень молодого человека, возможно, еще несовершеннолетнего»[2310]. Это предположение само по себе спорное, как и догадка о секретарской работе, однако тоже вероятное — князь окружал себя учеными юношами, среди которых в 1570-е гг. были бакалавр Амброжий и князь Михаил Оболенский. При всей условности понятия «секретарь» в данном случае следует отметить что бежавший от князя Иванко имел доступ к ценным для Курбского книгам, а следовательно, выполнял не только функции слуги и, предположим, оруженосца. Украинский исследователь предполагает, не менее рисковано, что названный Иванко был сыном печатника Ивана Федорова. Трудно принять такую догадку, учитывая публичный образ жизни Ивана Ивановича во Львове, где чета Курбских и один князь были неоднократно. Даже если признать, что долговые обязательства Ивана Ивановича усиливались за счет «скарг» против него кн. Андрея Курбского, имя князя нигде не выступает в сохранившейся документации о жизни львовских печатников-московитов[2311].

И вот, около начала июля 1575 г. на дороге из литовских в волынские имения Курбского, т.е. из Кричичина в Ковель, Иван бежал и унес с собой ценные вещи. По предположению И. Ауэрбах, побег мог произойти одновременно с побегом от Курбского М. Гинейко, слуги Гольшанских. Исследовательница датирует его побег 5 июля 1575 г., однако это ошибка. В акте дата побега Матвея обозначена числительным «року теперь идучого тисеча пятсот семдесят пятого месяца июля осмого дня»[2312].

Жалоба была подана на Владимирский уряд, в местный шляхетский суд Владимира, через несколько дней, когда чета Курбских вернулась в Ковель. Прежде чем обратиться к содержанию записи, рассмотрим ее происхождение[2313]. Подчеркивая, что бежавший — его «вязень», князь Андрей Курбский давал понять, что обладает полным правом и на своего слугу, и на его вещи. Вероятно, одновременно с Иваном от Курбских бежал слуга княгини — Матвей Гинейко[2314]. Это также произошло, когда княжеская чета ехала из Литвы в Ковель, 8 июля[2315]. Матвей унес деловые бумаги, среди них — бланки под печатями и с подписями князя Андрея Михайловича («мамрамы»). Жалоба на побег Гинейко помещена в актовой книге непосредственно до записи об Иване. Прямая датировка побега Ивана 9 июля во второй записи актовой книги не исключает прямой связи между исчезновением Матвея Гинейко и Ивана Москвитина. Если это так, то к хронологии событий ни разделение жалобы на две записи, ни последовательность записей в книге не имеют отношения, и побег Ивана предпочтительнее датировать 8–9 июля 1575 г.

Помимо 20 коп гр. Великого княжества Литовского наличными, белого моравского каф-

[2309] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 131.

[2310] *Бондар Н.* Іван Федорович та Андрій Курбський. С. 261.

[2311] Ср.: Там само. С. 261–264.

[2312] КГВ-9. Арк. 156 зв. — 157, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 52–53. Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 176, 233. Anm. 110.

[2313] См. *Приложение VII.*

[2314] Гинейко — слуга кн. Семена Юрьевича Гольшанского, а после его смерти — его сестер, княжон Марии и Ганны Гольшанских. 25 марта 1556 г. Ф. Гинейко получил от князя Семена имение Любяковичи «на вечность». Попытки О. Кирдея Мыльского и его жены Г. Гольшанской вытеснить Федора из его имения удались лишь отчасти. Федор получил судебное предписание продать имение (ЛМ-255. Л. 295 – 296 об. Два акта: Вильно, 27 мая 1561 г.). В 1570 г. он был убит урядником Мыльских, и тогда Курбские подали против них иск. Это было одно из первых совместных судебных дел четы Курбских против Мыльских. Тогда же Курбский вступил на стороне жены в многолетнюю борьбу за Дубровицу (см. *Итинерарий Курбского 11–12 ноября, 16–19 ноября., 25–28 ноября, 30 ноября, 11 декабря 1570 г., 31 января, 3 февраля 1571 г., 12–15 февраля 1572 г. и т.д.*).

[2315] Актовые книги шляхетских судов Упитского повета, где располагалось Кричичинское имение кн. А. М. Курбского, за 1575 г. не сохранились. В ф. 7 Виленской университетской библиотеки первые и самые ранние две сохранившиеся актовые книги Упитского земского суда — от 1568–1569 и 1578–1579 гг. См.: VUB. F. 7 (LDK teismų knygos). UŽT. N 1–2. См. также: *Vilimas D.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės žemės teismo sistemos formavimasis (1564–1588). Vilnius, 2006.

тапа, голубого английского жупана, сабли и вещей двух других слуг Курбского[2316] Иван унес с собой две книги. Одна из них «Апостол» ценой в 12 коп гр., другая — св. Василий Великий ценой в 3 копы гр.

О какой именно книге св. Василия Великого идет речь в жалобе Курбского, можно понять из письма князя Андрея Марку Сарыхозину — по предположению В.В. Калугина, идентичному Умару Сарыхозину[2317]. Письмо было направлено князем соотечественнику в начале того же года. Курбский вспоминает, что некогда беседовал с Артемием Троицким «о книжных делех, но и паче же о книзе Великого Василия»[2318]. У Артемия была книга сочинений св. Василия. На вопрос князя, все ли его труды есть «у нас», т.е. переведены на славянский, Артемий ответил, что есть «Постническая книга» (она была переписана самим же Артемием еще в 1543 г. и список с нее он подарил уже в эмиграции Курбскому[2319]), отдельные Слова, книга приписываемых Василию евангельских и апостольских Слов. Лучшей его книгой старец считал «Шестоднев» и книги «сопротив еретиков», но они не переведены. В сборнике с «Новым Маргаритом» из Волынского музея (БАН, собр. Археографической комиссии, № 191 (340)) А.Г. Сергеев выявил текст «Шестоднева», но это — другая его версия, принадлежащая Севериану Гевальскому. Причастность кн. А.М. Курбского к этому приложению, обособленному палеографической границей от «Нового Маргарита», более раннему и близкому к времени его жизни (судя по данным водяных знаков), не установлена[2320].

Артемий подарил Курбскому свою книгу, но просил его купить «книгу Василиеву всю» и найти переводчика для нее с греческого или латыни. Артемий готов был сам помогать переводчикам, тем более что Курбский не знал тех, кто знал бы одновременно греческий или латынь и славянский. Готовясь к масштабным переводческим работам, Курбский купил «Великого Василия всю книгу», а также «все оперы» (т.е. *все труды*) Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и хронику Никифора Каллиста в латинском переводе. Марку князь приложил список имевшихся в его библиотеке томов и предисловие к «Новому Маргариту» и приглашал его к себе в имение. Помощник ему нужен был для переложения перевода на хороший славянский, в котором Курбский и Оболенский чувствовали себя неуверенно. Если бы Сарыхозин приехал, Курбский мог «пуститися» с другим помощником-бакалавром переводить Беседы Златоуста на послания апостола Павла, а Оболенский с Сарыхозиным — Григория Богослова или Василия Великого[2321].

По всей видимости, кн. Андрей Курбский отправил письмо Марку Сарыхозину еще до того, как бежал Иванко. Согласно письму, «книга Василиева вся» на момент переговоров между учеными мужами всё еще хранится у князя Андрея Михайловича. Между тем нет никаких сведений о том, что Иван был найден или вернулся к своему господину. В источниках он больше не упоминается. Это позволяет уточнить датировку письма Курбского Сарыхозину. Оно было составлено не в конце 1575 г., как полагает В.В. Калугин, а до начала июля 1575 г., когда Курбский раздумывал над графиком предстоящих переводческих работ[2322].

К тому же времени был, по всей видимости, закончен «Новый Маргарит», а учитывая, что книжный центр Курбского располагался в Миляновичах, это должно было произойти не позднее весны 1575 г., до отъезда князя в Кричичип.

Возможно, из-за утраты латинского текста в июле 1575 г. князю Андрею Михайловичу и его сотрудникам пришлось переключиться на другие переводческие проекты. Примерно в то же время от князя ушел его «бакаляр» Амброжий[2323]. Тем не менее и тогда и позднее князь Андрей Михайлович нередко ссылается на Василия Великого. В глоссе к «Богословию» Иоанна Дамаскина он или его сотрудник комментирует слова об «угодниках» со ссылкой на «добре ведущих»: «рекше, по Великому Василию»[2324]. В «Истории о князя великого московского делех» Курбский язвительно назовет великого князя Василия III Великим - «паче же в прегордости и в лютости»[2325],

[2316] О Максиме Перехрысте и коморнике Алексее известно только из акта 14 июля 1575 г. Однако известно, что Перехрысты были ковельскими мещанами, а Алексей может быть идентичен какому-то слуге Курбского или его подданных с таким же именем. См. указатель: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 465, 466, 472.

[2317] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 72.

[2318] СК. Л. 161 об.

[2319] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 112, 194, 199–200, 246.

[2320] *Сергеев А.Г.* О вновь найденном Волынском списке «Нового Маргарита» А.М. Курбского // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей Библиотеки РАН. СПб., 2006. Вып. 5. С. 157–160.

[2321] СК. Л. 161 об. — 164.

[2322] Ср.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 42, 49, 71–72, 307.

[2323] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 36–37.

[2324] DJD. S. 552 (f. 138b).

[2325] СК. Л. 2 об.

а рассказывая о пастоятельстве Феодорита Кольского в Суздальском Спасо-Евфимиеве монастыре, отметит, что подвижник наставлял местных монахов «страхом божиим, наказующе по Великому Василию уставе жительствовати»[2326]. Устав предписывает монахам нестяжание, а это позволяет Курбскому отрицать право церкви на мирское имущество и обвинять «презлых осифлян» в отступлении от церковных канонов.

Судя по тому, что язык украденной у Курбского книги св. Василия был охарактеризован «по-латыне», вторая книга, «Апостол», была, по всей видимости, кириллической. «Апостол» оказался весьма дорогим. Курбский пояснил, что оплачено им было «отписане» книги, т. е., как отмечала еще И. Ауэрбах, работа переписчиков над созданием рукописной копии. Однако значит ли это, что и скопированный оригинал был рукописным? Незадолго до рассматриваемых событий, к 15 февраля 1574 г. во Львове тиражом, возможно, более 1000 экз. "impressor Ruthenus" Иван Федоров напечатал «Апостол»[2327]. Курбский, заказывавший копии для своих друзей, мог быть заинтересован в распространении этой книги.

Впрочем, нельзя исключить еще ряд возможностей. Во-первых, Курбский мог заплатить 12 коп гр. Ивану или другим сотрудникам за копирование печатного или рукописного «Апостола», который и был украден у него в июле 1575 г. В таком случае упомянутой в «скарге» книгой могла быть не рукописная копия, а именно рукописный или печатный оригинал. В последнем случае в жалобе указана «рыночная» стоимость «Львовского Апостола»[2328]. Во-вторых, в собственности А. М. Курбского мог быть какой-то другой «Апостол»[2329]. Мог ли для получения богослужебного «Апостола» князь заказать дорогостоящее копирование? Наконец, нельзя исключать и того, что князь Андрей Михайлович в своей жалобе по каким-то причинам завысил стоимость украденной у него книги или целиком сфабриковал обвинение. По всей видимости, ответы на эти вопросы исследователям еще предстоит найти.

Предположение о том, что в личном книжном собрании Курбского хранился «Львовский Апостол», подпитывается фактом тройного цитатного совпадения — между «Львовским Апостолом», Третьим посланием Курбского Вассиану Муромцеву и Первым посланием Курбского Ивану Грозному в редакции Сборника Курбского. На мой взгляд, соотношение между совпадающими цитатами говорит в пользу того, что послесловие к «Львовскому Апостолу», составленное самим печатником, зависит от одного из двух текстов кн. А. М. Курбского. Цитата о том, как в Москве печатника преследовали «начальники», «священноначальники» и «учителя», совпадает не только с Третьим посланием Курбского Вассиану Муромцеву, но и с переработанной версией его Первого послания Ивану IV. Маловероятно, что Курбский добавил в свое Первое послание фрагмент, сходный со «Львовским Апостолом», до выхода этой книги из типографии. Предпочтительнее другой сценарий. Первое послание в редакции Сборника Курбского содержит прямые совпадения с «Историей о князя великого московского делех» и Третьим посланием Курбского царю Ивану[2330]. Амплификация исходной версии послания царю за счет цитаты, почерпнутой Федоровым из более раннего сочинения или со слов Курбского, является показателем устойчивого взаимовлияния Федорова и Курбского[2331]. Как показал Н. Андреев, Третье послание Вассиану Муромцеву было создано еще до эмиграции кн. Андрея Курбского в 1564 г.[2332] В то же время в литовский период творчества Курбского мы не встречаем ни руко-

[2326] СК. Л. 120.

[2327] *Ісаєвич Я.Д.* Українське книговидання. С. 108–115; *Мицько І.* Іван Федоров. С. 41–57.

[2328] Ранее я высказывал предположение, что подразумевается рукописная копия «Львовского Апостола» Ивана Федорова. Позднее я расширил круг доступных Курбскому «Апостолов», один из которых и был у него украден. Сейчас, благодаря указанням Н. П Бондар, этот круг можно расширить еще сильнее. См. также примеры в статье: *Бондар Н.* Іван Федорович та Андрій Курбський. С. 264–267, ср.: *Ерусалимский К.Ю.* Две книги из библиотеки князя А. М. Курбского // CASS. 2017. № 51. С. 312–338.

[2329] *Немировский Е.Л.* Иван Федоров и его эпоха. С. 82–146.

[2330] *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 81–82, 96, 197–198. N. 19; P. 220. N. 37; *Зимин А.А.* Первое послание Курбского Ивану Грозному. (Текстологические проблемы). С. 178–179; *Rossing N., Rønne B.* Apocryphal — Not Apocryphal? P. 82–83, 114–116; *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 254–257; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 273–274.

[2331] Кроме того, у Андрея Курбского и Ивана Федорова был общий круг знакомств: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 77; *Шустова Ю.Э.* «Посланейцо краткое к Семену Седларю, мещанину львовскому, мужу честному, о духовных делах вопрошающему» А. М. Курбского в контексте украинского национально-культурного движения 70–80-х гг. XVI в. // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. Москва, 2000. С. 85–89.

[2332] См. здесь в главе «Побег».

писной традиции его посланий печорскому старцу Вассиану, ни даже упоминаний о них. Поэтому логично предположить, что Иван Федоров познакомился с Третьим посланием Курбского еще в Москве, и цитата, использованная им во «Львовском Апостоле» была узнана Курбским и добавлена в Первое послание Ивану Грозному в редакции Сборника Курбского. По этой логике, свой экземпляр «Львовского Апостола» к моменту переработки Первого послания Ивану Грозному у Курбского должен был быть, а сам момент выхода «Апостола» Ивана Федорова должен рассматриваться как датирующий признак для Первого послания царю в редакции Сборника Курбского[2333].

Косвенным аргументом в пользу знакомства Курбского с печатным «Апостолом» 1574 г. могли бы быть свидетельства о контактах между кн. Курбским и печатником. Предположительно, Андрей Курбский участвовал в создании репертуара Острожской типографии и работе над Острожской Библией[2334]. В 1594 г. в типографии кн. Василя-Константина Константиновича Острожского в Остроге с использованием шрифта и орнаментов Петра Тимофеевича Мстиславца была напечатана «Книга Василий Великий» («Книга о постничестве» Василия Великого)[2335]. Уже в следующем году — «Маргарит» Иоанна Златоуста. Позднее, в 1664 г., ныне неведомыми путями отрывки из «Нового Маргарита» вошли в московские издания «Маргарита»[2336]. Программа публикаций Острожской типографии в канун Брестской унии была приближена к кругу чтения и переводов кн. Андрея Курбского[2337].

Важным направлением исследований является изучение культурных связей Ивана Федорова и кн. Андрея Курбского на рубеже 1570-х–1580-х гг. Контакты обоих книжников охватывали Молдавию. Федоров ездил туда сам, и вероятно, неоднократно между июнем 1577 и мартом 1578 г., а также между июнем 1578 и мартом 1579 г.[2338] Труды князя Андрея Курбского появились в Молдавии несколькими годами позже[2339].

Ю. В. Анхимюк поднял вопрос о возможной причастности кн. А. М. Курбского или книжников его круга в Речи Посполитой к созданию «Апостола толкового», варианты которого исследователь обнаружил в списках из собраний А. П. Гранкова (далее также *Гр*) и Ф. А. Толстого (далее также *Тл*). Возникновение «Апостола» и сходной с ним «Толковой Псалтири» особой редакции Ю. В. Анхимюк относит к 1525–1580 гг., а с большей долей гипотетичности — к 1570-м гг. Прямой связи с «кружком князя Курбского» не обнаружено, хотя причастность книжников круга кн. Василя-Константина Острожского и кн. Юрия Слуцкого к составлению этой или подобной книги гипотетически также заявлена, но ничем не доказана[2340]. Данный вывод не соотнесен с предположением, высказанным при изучении списка Гранкова: «На л. 30, 517 имеются выписки под названием “От Силоизмы”. Не связаны ли они с переводом кн. Андрея Курбского труда ученика Лютера Иоганна Спангерберга “О силлогизме”, сделанным им в 1575–1579 гг.?»[2341]

Выписки в «Апостоле» рубежа 1570-х–1580-х гг. под рубрикой «От силоизмы» ограничиваются двумя небольшими цитатами: «От силоизмы. Мы апостольскому речению ум слагающе, обретохом, яко слово апостольское не о иже в таинствах служащих мужеи бе, но о еж по требам трапезным служениа»[2342]; «От силоизмы. Не брегши спасениа, еж [*Тл:* сеж] есть богословиа [*Тл:* богословия] еж начало приимши глаголатися Господомь [*Тл:* Господем] от слышавших в нас известися аггелы [*Тл:* ангелы] глаголавшеся [*Тл:*

[2333] Сходство редакционных интервенций в тексте Первого послания Курбского с его «Историей о князя великого московского делех» и другими позднимн сочинениями позволяет предположить, что послесловие «Львовского Апостола» могло быть ему доступно и после кражи 1575 г. Другая возможность — что Третье письмо Василиану всё же хранилось у Курбского после эмиграции и оказало влияние на «Львовский Апостол», а затем и на редакционные поправки в Первом послании Грозному. С точки зрения формально-текстологической, этот сценарий менее вероятен. Видимо, его подразумевал Т. Кемпа, когда высказал предположение, что Иван Федоров издал «Львовский Апостол» «при поддержке Курбского» (“przy pomocy Kurbskiego”). Впрочем, аргументов в пользу этой догадки исследователь не привел. Ср.: *Кетра Т.* Konstanty Wasyl Ostrogski. S. 107.

[2334] *Ісаєвич Я. Д.* Українське книговидання. С. 120.

[2335] *Бондар Н.* Філіграні принміринків «Книги о постничестві» Василія Великого 1594 р. як джерело для дослідження діяльності острозького видавничого осередку // Острозька давнина. Науковий збірник / ред. кол. І. Пасічник, І. Тесленко та ін. Острів, 2013. Вип. 2. С. 99–113.

[2336] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 256–267. См. также здесь раздел «“Новый Маргарит”».

[2337] *Кетра Т.* Konstanty Wasyl Ostrogski. S. 110, 237.

[2338] *Мицько І.* Іван Федоров. С. 69.

[2339] См. здесь ниже.

[2340] *Анхимюк Ю. В.* Апостол толковый особой западнорусской редакции // 450 лет Апостолу Ивана Федорова: История раннего книгопечатания в России (памятники, источники, традиции изучения) / сост. Д. Н. Рамазанова. М., 2016. С. 306.

[2341] Там же. С. 302.

[2342] ОР РГБ. Ф. 711 (А. П. Гранков). № 7. Л. 30; ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). F.I.83. Л. 99.

глаголавшееся] слово Ветхаго Завета за повелениа [*Тл:* повеления] глаголет на горе сказавшаяся [*Тл:* сказавшаясе] Моисею яже и неприступне [*Тл:* непреступне] действовухся [*Тл:* действовахуся] в последних же днех сих глагола нам сыном»[2343]. Причем в *Тл* они приписаны на полях, а в *Гр* втянуты в основной текст. Первый из отрывков гораздо полнее в *Тл*, а следовательно, при составлении чистовой версии «Апостола» принято для основного текста было не всё. Эти отрывки не находят прямых параллелей с трактатом «О силлогизме вытолковано»[2344].

Как представляется, общий вывод Ю. В. Анхимюка верен. Прямых следов участия ковельских мастеров Андрея Курбского в «Апостоле» не обнаруживается — особенно необычно для их книжной мастерской было бы отсутствие характерных глосс и предисловий или послесловий, маркирующих ученость, богословский контекст и личное участие князя Андрея Михайловича в работах над книгой[2345]. Впрочем, данный вывод следовало бы ограничить только черновой версией «Апостола», отразившейся в *Тл*. Рукопись из собрания Гранкова содержит целый ряд глосс, которых в «Апостоле» из собрания Толстого нет. Это заставляет внести еще два уточнения в вывод исследователя.

С одной стороны, часть глосс *Гр*, созданных одновременно или скоро после основного текста, находит и в оформлении (при помощи специальных выносных знаков и пояснения «Сказ»), и в подборе комментируемых понятий, и в местах (синонимических парах основного текста и глоссы) прямые аналоги в «Новом Маргарите», «Иоанне Дамаскине», «Симеоне Метафрасте» и Сборнике Курбского[2346]. К слову «слогнями», например, в «Апостоле» читается глосса черными чернилами, под киноварными знаками выноса-петельками: «силогизмами»[2347], к слову «стужательное» — глосса «докучательное»[2348], к слову «хитростию» — «философиею»[2349], к слову «искушается» — «сведетелствуется»[2350], «лжисшиватель» — «потварца»[2351], «дому» — «роду»[2352], «подражатели» — «подобни»[2353], «тщету» — «шкоду»[2354], «ложнаго» — «фалшиваго»[2355], «стра-

[2343] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 517; ОР РНБ. Ф. 550. F.I.83. Л. 312 об.

[2344] Ср.: *Eismann W.* O silogizme vytolkovano.

[2345] Среди помет-комментариев коричневыми чернилами (в значительной части утраченных при форматировании и новом переплетении книги около 1821 г.) нет ни одной глоссы, типичной для мастеров круга князя Андрея Курбского. Это тем более показательно, что в глоссах «Апостола» нередко затрагиваются полемические сюжеты, близкие к тем, которые интересовали этих книжников: сопротивление еретикам и иноверцам, догматический «щит веры», догмат Чистилища, «негодные епископы» и др. (см.: ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 18, 23, 28 об., 36, 51 об., 52 об., 53, 57, 62, 108 об., 112, 123 об., 126, 126 об., 127 об., 128, 129, 130, 130 об., 133 об., 145 об., 146, 146 об., 147, 148, 150 об., 151 об., 152 об., 158, 158 об., 159 об., 160, 166 об., 167, 172 об., 181, 190, 190 об., 191 об., 193 об., 199 об., 200, 200 об., 220 об., 221 об., 223, 224, 228 об., 231, 231 об., 250, 258 об., 261, 262, 263, 266, 268 об., 269, 271 об., 272 об., 273 об., 284 об., 285, 285 об., 287 об., 289 об., 296, 296 об., 298 об., 299, 299 об., 305, 306 об., 307, 312, 312 об., 316, 321 об., 322, 324 об., 327 об., 328, 329 об., 331 об., 332 об., 335 об., 336, 353 об., 359, 384 об., 385 об., 386, 386 об., 387, 388, 390, 393, 395 об., 396, 398 об., 399, 399 об., 400, 400 об., 401, 406 об., 407 об., 410 об., 413 об., 416 об., 421, 424 об., 425 об., 426, 431 об., 442, 442 об., 443 об., 444, 444 об., 445, 446 об., 469, 471 об., 504 об., 513, 513 об., 516, 523, 525, 527, 528, 529, 534, 534 об., 535, 535 об., 551, 554 об.).

[2346] Глоссы киноварью, черными и более светлыми (коричневыми) чернилами в *Гр* демонстрируют богословско-полемические склонности составителей и первых читателей. Перекрестные ссылки и библейские референции, возможно, входили в замысел составителя «Апостола» или содержались в его протографе. В их числе попадаются знакомые по сводам святоотеческих переводов «кружка Курбского» толкования.

[2347] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 124. Ср.: СК. Л. 36, 164 об. См. также: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 335–336.

[2348] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 202. Ср.: NM. Bd. 2. F. 241v, 416v; СК. Л. 1.

[2349] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 236. Обычная в сборниках из мастерской князя Курбского мена «философия любомудрие» тесно связана с понятием «хитрость премудрая». См.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 336.

[2350] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 239. Прямого аналога в сборниках из мастерской кн. А. М. Курбского нами не обнаружено, однако оба элемента пары неоднократно рассматривались им и его сотрудниками как требующие глоссы-пояснения. Ср.: NM. F. 238 (здесь в примечании к л. 237 об. Вольфенбюттельского списка пара «свидетелствует — твердит»); СК. Л. 160 об. (здесь пара «пробовати — искушати»), 172 («сведках — свидетелях»), 179 об. («светчат — свидетелствуют»).

[2351] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 240 об. Примеры из кодексов кн. Андрея Курбского собраны: *Курбский А. М.* История... С. 579. Примеч. 35 об.-3 (автор — К. Ю. Ерусалимский).

[2352] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 251. Ср.: *Калугин В. В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 134–135 (л. 423).

[2353] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 283 об. Ср.: DJD. S. 172 (f. 43b) (здесь мена «прировнанны — уподобленны»).

[2354] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 370 об. Ср.: NM. F. 315 (здесь синонимическая пара «убытки — тщеты»). В «Новом Маргарите» есть и иные пары, в глагольных формах «тщится — усилует» (NM. F. 246) и «зашкодили — преказали» (NM. F. 280). Таким образом, обе части пары из «Апостола» комментировались книжниками круга кн. А. М. Курбского.

[2355] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 377 об. Прилагательное «ложьнъ» и наречие «ложне» переводят в сводах из ма-

тига» — «воеводу или гетмана»[2356]. Сходно с подробными примечаниями в кодексах Курбского оформлены пространные «Сказы» в «Апостоле»[2357].

С другой стороны, не убеждает тезис Ю. В. Анхимюка о предполагаемом книгописном центре, в котором возник «Апостол» особой редакции: «Наверно, им не мог быть кружок кн. Курбского, поскольку тот не признавал использование "простой мовы", элементы которой присутствуют в изданиях Скорины. Не жаловал он и переводы библейских книг, изданных белорусским первопечатником»[2358]. Отправные положения исследователя верны, но они характеризуют творчество самого князя Андрея Михайловича, а не интересующие его и скопированные по его заказу книги. «Апостол», утраченный им в начале июля 1575 г., возможно, был заказан и скопирован книжниками его круга, или с его «Апостола» делалась дорогая копия. При любом из названных сценариев мог быть создан заказной памятник, не соответствующий или прямо противоречащий духовным ориентирам кн. Андрея Курбского.

Сотрудничество князя с Кузьмой Мамоничем и «папом Петром» (Петром Тимофеевым Мстиславцем), встречи «в дому пана Зарецкого» (Ивана или Зиновия Семеновича Зарецкого[2359]) показывают, что князь Андрей Курбский в 1574 — первой половине 1575 г. был вовлечен в обсуждение целей догматической полемики, мог обдумывать среди прочего цели и репертуар типографии Миколая Криштофа Радзивилла Сиротки в Вильно. Как раз во время открытия типографии в мае 1574 г. кн. Андрей Курбский был, по всей видимости, в Вильно[2360]. Первые издания отразили совместную работу православных интеллектуалов — Четвероевангелие, Псалтирь и Часовник. Уже на ранних этапах работы типографии планировалось издание «Апостола».

Какое предыдущее издание могло быть положено в основу православного «Апостола» сотрудниками новой типографии? Традиция изданий Скорины прямо на их работу не повлияла[2361]. Впрочем, фрагменты из «Апостола» Франциска Скорины («Предословие деяний святых апостол») содержатся в приписках «Апостола» особой редакции, возникновение которой Ю. В. Анхимюк относит с долей гипотетичности к более позднему времени, чем обсуждаемые события капуна кражи книг у Курбского[2362]. Нет сомнений, что приписки в «Апостоле» из собрания А. П. Грапкова возникли еще ранее, на одном из предшествующих этапов формирования текста, и нельзя исключать, что его состав отражает поиски и планы православных книжников не рубежа 1570-х–1580-х гг., а начала или середины 1570-х гг. Видимо, это результат сводной работы, которая не устроила ни одну православную типографию того времени, но была следствием интеграционных процессов в религии и богословской полемики. При этом печатное наследие «доктора Скорины» было в середине десятилетия на слуху и упоминается в «Новом Завете» Шимона Будного 1574 г.[2363] Вывод Ю. В. Анхимюка о том, что мастера кн. Андрея Курбского и сам князь не могли работать над кодексом с заимствованиями из издания Франциска Скорины, требует дополнительных обоснований. Православные Речи Посполитой в годы жизни Курбского относились к трудам Скорины терпимо. Помимо кодекса из собрания А. П. Грапкова известны и другие

стерской князя Андрея Курбского лат. *fallax*, *falso*, послужившие основой для приведенной транслитерации. Ср.: DJD. S. 278–279 (f. 70a), 430–431 (f. 108a), 470–471 (f. 118a). В «Новом Маргарите» актуальны пары: «псевдо — лживых» (NM. F. 373), «лже — псевдо» (NM. F. 375).

[2356] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 466 об. Ср.: NM. F. 355v (в издании помарка в номере листа: "555v"), 438v; СК. Л. 18 об., 19 об., 20.

[2357] ОР РГБ. Ф. 711. №7. Л. 175 об., 176 об. Ср., напр.: NM. F. 405, 406v, 409 (глосса к л. 408 об.), 412v, 413, 416, 417v, 419 (глосса к л. 418 об.), 420 (глосса к л. 419), 422 (глосса к л. 421); *DJD*, 500 (f. 125b), 502 (f. 126a), 504 (f. 126b), 520 (f. 130b), 528 (f. 132b), 532 (f. 133b), 540 (f. 135b), 562 (f. 141a), 566 (f. 142a), 568 (f. 142b), 572 (f. 143b), 586 (f. 147a), 598 (f. 150a), 606 (f. 152a); СК. Л. 2 об., 8 об., 64, 88 об., 112, 122, 136, 170 об., х-181, 192, 226 об.; *Калугин В. В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 102–103 (л. 415), 116 (л. 418 об.), 120 (л. 419 об.), 124–125 (л. 420 об.).

[2358] *Анхимюк Ю. В.* Апостол толковый... С. 306.

[2359] Н. В. Николаев считает, что речь в послании Курбского идет об Иване Зарецком, однако аргументов в пользу такой идентификации исследователь не приводит (*Нікалаеў М. В.* Гісторыя беларускай кнігі: У 2 т. Т. 1: Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2009. С. 206–207). Возможно, этот вывод строится от судебных свидетельств о знакомстве Курбского с Иваном Зарецким, о чем пишет также И. Ауэрбах (*Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 112. Anm. 174).

[2360] Об этом см. здесь ниже.

[2361] *Горфункель А. Х.* Книжная культура... С. 91–92. А. Х. Горфункель опроверг предположение Э. Л. Кинана и Р. Г. Скрынникова о переиздании «книг Скорины» в 1570-х гг. Соответственно, недействительна и вся дальнейшая аргументация от знакомства с переводами Ф. Скорины как предполагаемого Псевдо-Курбского, так и исторического кн. А. М. Курбского. Ср.: *Keenan E. L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 44; *Скрынников Р. Г.* Переписка... С. 25.

[2362] *Анхимюк Ю. В.* Апостол толковый... С. 300, 304.

[2363] *Агіевіч У. У.* Імя і справа Скарыны: У чыіх руках спадчына. Мінск, 2002. С. 239.

списки трудов книжника начала XVI в., причем выполненные православными. Среди них упомянутый Ю. В. Анхимюком «Апостол» мамачинского священноиерея Ефрема из «державы» князя Константина Ивановича Вишневецкого[2364]. «Апостол» Скорины в 1593–1594 гг. копировал поп Гермоген, в миру Тихонея Яцкович[2365]. Таким образом, присутствие в числе книг Курбского до начала июля 1575 г. «Апостола» Ф. Скорины (изданного в Вильно в 1525 г.) маловероятно, но всё же возможно.

Нельзя полностью исключать и сценарий, в котором «Апостолом» из личной библиотеки кн. Андрея Курбского был экземпляр московского «Апостола» Ивана Федорова и Петра Мстиславца 1564 г. или его рукописная копия. Мамоничи планировали издание книги «Апостол» по московскому образцу около того же времени, когда — на рубеже 1575–1576 гг. — завершены были работы над «Псалтирью». Переиздание московского «Апостола» («Апостол с привелеем») велось тогда же, около 1575 г., хотя его печатание тогда так и не было завершено[2366]. Кн. Андрей Курбский мог посильно участвовать в подготовительных работах и располагать своей копией с «Апостола» Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Востребованность предполагаемого «Апостола» Курбского в контактах с типографией Мамоничей-Зарецких может быть косвенно доказана тем фактом, что Мамоничи и позднее проявляли интерес к трудам Курбского. Уже после смерти князя Андрея Михайловича, в 1585 г., в их Виленской типографии был издан «Сборник» с «Диалогом» константинопольского патриарха Геннадия II Схолария, предисловие к которому написано от лица некоего ученика Максима Грека. Предположительно, автор «Предисловия» — кн. А. М. Курбский или книжник его круга[2367].

[2364] *Анхимюк Ю. В.* Апостол толковый... С. 306–307.

[2365] *Ісаєвич Я. Д.* Українське книговидання. С. 100. См. о других изданиях Скорины и их копиях второй половины XVI в. и об отношении Курбского к Франциску Скорине: Там само. С. 100–103.

[2366] *Нікалаеў М. В.* Гісторыя... С. 208. «Апостол» Луки и Кузьмы Мамоничей был издан в Вильно в 1591–1592 гг. См.: Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII веков / сост. А. Х. Горфункель. Л., 1970. С. 19–20.

[2367] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 74–75; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 84–89 (далее в примечании ссылки на монографию В. В. Калугина). Калугин опровергает причастность А. М. Курбского к составлению «Сказания о преподобнем Максиме Философе» и «Диалога» Геннадия Схолария. Исследователь ссылается при этом на «информацию», «какой располагали писатели» (Там же. С. 84), т. е. анонимный московский составитель «Сказания» и Андрей Курбский, часто ссылавшийся на свои беседы с преподобным Максимом. Расхождения между анонимом и «Историей» Курбского в оценках Василия III и Ивана IV Калугин и сам подвергает сомнению: московский автор, даже если это кн. А. М. Курбский, должен был рассуждать лояльно. Другой аргумент — осведомленность анонима о биографии своего героя «токмо от сотворенных от него книг», тогда как князь знал всё из разговоров со старцем (Там же. С. 84). Подкрепить данное наблюдение призвано умолчание анонима об Иоанне Ласкарисе (о котором Курбский знал) — так как, по словам В. В. Калугина, «об этом ничего не говорится в сочинениях святогорца» (Там же. С. 85). Но выясняется опасная для построения деталь: князь Андрей по забывчивости поместил Ласкаря в Париж, а не во Флоренцию, да еще и спутал его под влиянием истории о Флорентийском соборе с «Яном» Шарлье Жерсоном. Напрашивается противоположная логика: автор «Сказания» колебался относительно флорентийского гуманиста не менее, чем Курбский. Кроме того, аноним не назвал вообще ни одного западного ученого авторитета и ограничился безупречным с точки зрения московского читателя упоминанием Парижа, Флоренции, «иных многих» городов и Афона. Не допускает Калугин и других возможных ответов на свои сомнения. Из чего, к примеру, следует, что аноним «никогда не встречался с Максимом Греком» (Там же. С. 85)? Только из фразы о рождении преподобного старца. Но, во-первых, Курбский тоже не знает места рождения старца Максима. Во-вторых, И. Денисов установил первенство редакции С «Сказания» с заголовком «Сказание о Максиме иноке святогорце Ватопедския обители». В группе списков этой редакции присутствуют более осмысленные и, должно быть, наиболее ранние чтения: «Рождение же его не вем [коего града], но токмо от сотворенных от него книг уразумех яко учения философии прия...» Противоречие между вопросом о родном городе Максима и ответом о том, что он грек, в таком случае устраняется, и пропадает вообще акцент на сомнительной теме рождения старца. Калугин, думаю, некритично отнесся к фразе С. А. Белокурова о «не всегда» верной «фантазии» анонима. Концепцию Калугина может подкрепить только один пример из приведенных цитируемым автором, об обучении Максима Грека в Париже, да и тот, особенно после уточнений И. Денисова, скорее играет против исследователя: Париж упоминается и анонимом, и Курбским с одинаковым преувеличением. Вне критики остались замечания Денисова о сходном сюжете в «Сказании» и в упоминаниях Курбского, о зачинах в «Сказании» и предисловии к «Новому Маргариту». При этом ненадежен аргумент от языка, которым Калугин пользуется. Как называли писцы Московской Руси свой литературный язык? Прежде чем исходить из различения русского и славянского (ср.: Там же. С. 121), необходимо доказать, что оно не могло возникнуть на новой почве, в Западной Руси, где деловой «русский» к тому времени значительно менее тесно, нежели в Московии, соотносился с литературным славянским. Курбский, языковой пурист, мог и на родине называть славянский русским, а в литовский период на писателя действовали уже несколько иные языковые и экстралингвистические факторы. На Западе лексика московита могла измениться, и поскольку в данном вопросе в настоящий момент

Около 1580–1586 гг. они же издали «Логику» Иоганна Спангенберга в переводе и с послесловием «Андрея Ярославского» [2368]. Перевод «Логики» вышел с использованием литер Острожской типографии и на бумаге с теми же водяными знаками, которые встречаются в издании Острожской Библии. Обнаруженные А.С. Зерновой и Н.К. Гаврюшиным сходства шрифта и водяных знаков единственного известного печатного экземпляра «Логики» с изданием Острожской Библии 1580–1581 гг. позволили Н.К. Гаврюшину уточнить время типографской работы над «Логикой», ограничив его завершением работы над Библией (1581 г.) и датой виленского издания грамматики «О осми частех слова», приплетенного к «Логике» (1586 г.). Но нижняя граница может не совпадать со временем завершения, а относиться и ко всему периоду работы над Библией[2369].

Названными примерами не исчерпывается круг доступных для кн. А.М. Курбского к середине 1575 г. «Апостолов». До побега на сторону короля Сигизмунда II Августа в личном собрании кн. А.М. Курбского хранилась «книга Апостол, а писан в десть, а писмо доброе, а переплетен по-немецки»[2370]. По предположению В.В. Калугина, один из отпущенных Александром Полубенским в Российское государство пленников, Яков Шабликин вызволил по меньшей мере часть книг из Юрьева или передал их копии[2371]. «Книга Апостол» могла быть среди них, и сохраняется вероятность, что украдена в начале июля 1575 г. была именно она. Известно, что в частных собраниях и храмах Ковельского имения Апостолы хранились в числе других книг. Так, 30 января 1572 г. от Курбского бежал священник Павел Левковский, унеся с собой богослужебные книги[2372]. После развода с кн. А.М. Курбским в числе прочих вещей, забранных княгиней Марией Курбской (княжной Гольшанской) у мужа, был «Апостол»[2373]. Уже после смерти князя Андрея Михайловича, 4 января 1590 г. из имения его слуги-московита, Кирилла Ивановича Зубцовского, села Подгайцы, сбежал поп Василий Владычка, забрав из храма 12 книг, «ризы и вес убор поповъскии церковныи, и сосуды церъковные и инъших справ церковных немало» на 80 коп гр.[2374]

Не бытовал ли в окружении кн. Андрея Курбского и его потомков во второй половине XVI – начале XVII в. закарпатский «Апостол», ныне хранящийся в частном собрании?[2375] Книга «Апостол» («Деяния апостольские»)[2376] форматом в лист (2°), писана полууставом на бумаге с водяным знаком Кабан[2377], на 262 л. (переплет по-

---

не имеется «прямого ответа», доказательство подкрепляется шатким «аргументом от тишины».

[2368] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 87.

[2369] *Eismann W.* O silogizme vytolkovano; *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Т. 2. С. 715–716, рис. 102.1–102.7; *Харламнович К.В.* Новая библиографическая находка; *Зернова А.С.* Типография Мамоничей в Вильно (XVII век) // Книга: Исследования и материалы. М., 1959. Сб. 1. С. 184–187; *Гаврюшин Н.К.* Первая российская «Логика» // Альманах библиофила. М., 1983. Вып. 15. С. 238–242; *Его же.* Премудрая святая диалектика. «Философские главы» преподобного Иоанна Дамаскина на Руси. Нижний Новгород, 2003. С. 57–59.

[2370] РИБ. Т. 31. Стб 495. «Память» кн. А.И. Полубенского Якову Шабликину и Игнатью Огибалову написана, по всей видимости, когда князь Андрей Курбский уже уехал из Вольмара в Вильно на пути в Бельск, где он оказался между 16 и 18 мая 1564 г. См.: HBA. B2a. Kasten 427. N 263, публ.: EFE. Romae, 1978. T. 43. P. 205 (Габриэль Тарло – Альбрехту Бранденбургскому. Радом, 25 июня 1564 г.). См. также: HBA. B2. Kasten 395. N 1920, публ.: EFE. Romae, 1977. T. 41. P. 138–140 (С. Чеханьский – Альбрехту Бранденбургскому. Кнышин, 16–18 мая 1564 г. Фолиация наша, условная).

[2371] *Калугин В.В.* «Книга святого Августина»... С. 109–112, 126–127.

[2372] КГВ-6. Арк. 375 зв. – 376 (13 февраля 1572 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 147.

[2373] КГВ-11. Арк. 147 – 147 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 121–122 (2 августа 1578 г.). О книгах княгини М.Ю. Гольшанской см.: *Бондар Н.П.* Поминання Марії Юріївни Гольшанської у вільнюському Служебнику 1583 р. зі збірки Києво-Михайлівського Золотоверхого монастиря // Старий Луцьк: Науково-інформаційний збірник ЛДІКЗ. Луцьк, 2011. Вип. 7. С. 458–472.

[2374] КГЛ-38. Арк. 6 зв. – 7 (4 января 1590 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 298.

[2375] Книга не является единицей хранения государственных собраний и описана на основе фотографий. Фотографии книги получены нами от Н.П. Бондар. Выражаю коллеге благодарность. Благодарю также А.А. Романову за ряд соображений о месте возникновения и составе данного «Апостола». См. также: *Бондар Н.* Іван Федорович та Андрій Курбський. С. 265.

[2376] Книга содержит основные статьи «Апостола» и ряд дополнительных статей. В приложениях две заставки с вязью: «Сказанїе извѣсно иж по въсѧ дни главам Дѣѧнїа с҃тых ап-слъ въ нед- Пасхи антифон а҃» (л. 249) и «Начало Велицеи четверодесѧтницы сѫб-там и недлѧм сѫб- а҃» (л. 261 об.). Ср.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1: Апостол–Кормчая. С. 23–51.

[2377] Образцы водяного знака Кабан из данной рукописи близки к вариантам, которые в альбоме Piccard-Online www.piccard-online.de датируются 1520–1530-ми гг. Впрочем, датировка затруднена из-за неполного и хронологически неравномерного охвата вариантов данного знака в альбоме. Поиск ближайшего аналога должен вестись, конечно, не только среди вариантов этих двух десятилетий.

[illegible]

Andrei Jaroslawski kurpski
reka wlasna

«Лист» князя Андрея Курбского Кириллу Ивановичу Зубцовскому, 14 сентября 1582 г. Вильнюс. Литовская библиотека Академии Наук им. Врублевских. См.: LMAVB. F. 20-103. K. 1v.

врежден). Орнамент заставки — южнославянский. Кодекс содержит сплошную карандашную фолиацию. Судя по припискам, рукопись в начале XVIII в. хранилась в храме Вознесения в селе Фанчиково, ныне — село в Виноградовском районе Закарпатской области Украины. Одна из помет почерком XVII–XVIII вв. гласит, что книга «Апостол» была куплена в храм Вознесения. Название местности здесь же — «Фачикувци» (л. 36, запись по верхнему полю с санкцией за кражу — до л. 40). На л. 105 об. еще одна, по всей видимости, оригинальная запись на рутенской «простой мове» с точной датой (кириллической — передаем арабской цифирью, отделяем строки записи косой чертой, подчеркиваем выносные буквы, далее — выносные под покрытием обозначены курсивом и подчеркиванием, из надстрочных знаков сохранены только титла): «Року Бжїѧ 1714 мсца априля днѧ 7, коли емъ переишовъ / из Шашвари до Фанчикова на парафию тоеи ж зимы изъ Фалъча дала / была взимина и тоеи ярь велика сушъ была барзо». Шашвары — это, видимо, с. Шашвар, ныне — Сокирница в Хустском районе Закарпатской области Украины. Нашего особого внимания заслуживает запись на л. 161 об. по левому и верхнему полям на языке, заметно отличающемся от названных выше записей, — книжном славянском, почерком, который также имеет более архаичные очертания и может относиться к XVI или началу XVII в.: «Коли Василко ся преставилъ, тогды стояло на ѝ на индиктионѣ по Воскрсенїи, в второк преставленїе его было. / Писалъ то его сынъ Феѡдоръ Свѣтлый. / Воспомѧни его Гиѓ, во Царствїи своемъ Небеснем. / А вотчича дѣдичского за їереѧ Николаѧ / за деръжавы Куръбского,». Имя «Курбского» может, однако же, читаться: «Куровского». Датирована рукопись на верхнем приереплетном (защитном) листе, синими чернилами рукой XX в. в две строки, дата дважды подчеркнута: «Написана / книга в 1564 р.». Это — вольная датировка, основанная, по всей видимости, на предполагаемом упоминании в записи на л. 161 об. имени Курбского. О кн. А.М. Курбском известно, что он выехал на королевскую службу в 1564 г., и этот хрестоматийный факт послужил основанием для записи на кодексе. Упоминание в записи Федора Светлого 8 индикта может относиться в период жизни Андрея Курбского в эмиграции к 1 сентября 1564 — 31 августа 1565 г. и к 1 сентября 1579 — 31 августа 1580 г. В названные периоды праздник Воскресения, т.е. Пасхи, приходился на 22 апреля 1565 и на 3 апреля 1580 г. Отсчитывая 2 дня от каждой даты Пасхи, мы получим «по Воскресении во вторник». Это — 24 апреля 1565 или 5 апреля 1580 г., когда и могла возникнуть запись на кодексе, если он возник именно при жизни князя Андрея Курбского в эмиграции, а не раньше или позже. Датировка возникновения кодекса «1564 г.» первой из приведенных датировок не противоречит. Остается под вопросом, упомянут ли Курбский в данной записи. Если она возникла «за деръжавы Куровского», то владельцев рукописи следует искать не в окружении князей Курбских (Ярославских), а шляхтичей Куровских[2378].

Князя Андрея Курбского окружали книгочеи. Его письма показывают, что он особенно ценил православных книжников и обращался к ним с посланиями, делился новинками в переводах, бранил за вероотступничество и обсуждал перспективы переводческих работ, которые составляли единый проект православного воспитания[2379]. Обращение книг в волынском социуме было активнее, чем можно судить по скупым данным актовых книг и уникальным источникам, подобным переписке Курбского с его литовскими корреспондентами. Узы дружбы, взаимной поддержки и духовного совершенствования соединяли шляхтичей и позволяли им обмениваться книгами. Князь Андрей Курбский был окружен читателями и книголюбами, и его интерес к книгам был настолько широк, что это усложняет поиски соответствий скупым судебным формулам. Был ли 8–9 июля 1575 г. украден у князя Андрея Курбского московский или львовский «Апостол» Ивана Федорова, издание Франциска Скорины, «Апостол» особой редакции, сходный с экземпляром из собрания А.П. Грапкова, или какая-то другая книга «Деяний апостольских» с приложениями — сказать невозможно. Весьма вероятно, что украдена была не печатная книга, а рукопись, но и это предположение не исключает, что в распоряжении московского эмигранта, возвращавшегося из Вильно, была книга, представлявшая интерес для развернутых там работ по изданию «Апостола», которые велись уже

[2378] Впрочем, необходимо отметить, что запись отразила статус «державцы», т.е. королевского старосты. Кн. Андрей Курбский таким статусом, безусловно, обладал, будучи в разные годы старостой кревским и ковельским.

[2379] См. здесь раздел «Приложение к Сборнику Курбского», а также главу «Ренессансный историк».

вскоре после публикации «Львовского Апостола». Кроме того, свидетельство Владимирской гродской книги №9 весьма ценно, поскольку на сегодня неизвестно других прямых прижизненных упоминаний книг Курбского в документации Речи Посполитой. Лишь после смерти князя по меньшей мере более десяти его книг русского письма, т.е. кириллических, оказались у его наследников — вдовы, княгини А.П. Курбской Ярославской (урожд. Семашко), и их детей, княжны Марины и князя Дмитрия (позднее в католичестве — Дмитрий-Миколай), затем у его дочери княжны Марины Курбской Визгирд, которая завещала их в 1611 г. Свято-Духову монастырю в Вильно[2380].

«Новый Маргарит»

Первыми большими литературными трудами кн. А.М. Курбского в эмиграции были переводы из отцов церкви. О том, что на них было сконцентрировано основное внимание князя, свидетельствует уже тот факт, что в переписке Курбского с шляхтой и мещанами обсуждение переводов и душеполезной книжности — основная тема, начиная с письма кн. Константину-Василю Острожскому 1570 г. и заканчивая посланием Семену Седларю 1580 г.[2381] Впрочем, в чем заключалось персональное участие Курбского в переводческой работе, остается под вопросом[2382]. Приписывая себе ведущую роль в создании переводов, князь не навязывал ответ на вопрос, кто именно их автор. Он выступает как меценат, комментатор, автор предисловий и, возможно, редактор. Для общего дела подходили и уже имевшиеся переводы, которые князь Андрей Михайлович считал качественными и отвечающими его задачам. Так были заимствованы из предшествующей кириллической традиции отдельные гомилии Иоанна Златоуста, фрагменты творений Иоанна Дамаскина и Дионисия Ареопагита.

Согласно принятой концепции, разработанной А.С. Архангельским, Ингой Ауэрбах и В.В. Калугиным, в 1570-е гг. один за другим были составлены тома «Новый Маргарит» (1568–1572 или 1568–1575 гг.), «Иоанн Дамаскин» (ок. декабря 1575 — 1578 г., не позднее 3–15 сентября 1579 г.) и «Симеон Метафраст» (не ранее 21 марта 1575 — не позднее 3–15 сентября 1579 гг., возможно, дорабатывался до начала 1580-х гг.)[2383]. К ним следует добавить сборник посланий и переводов Курбского с «Историей о Осьмом соборе» (ок. 1579 — 1582 гг.)[2384].

Будучи самым ранним переведенным сборником в скриптории кн. А.М. Курбского на Волыни и оказав наибольшее влияние на его «Историю о князя великого московского делех», «Новый Маргарит» хранился в личной библиотеке князя и подвергался переработкам, редактировался и расширялся. Кроме того, работы по переводу «Словес» Иоанна Златоуста в скриптории Курбского «Новым Маргаритом» не ограничивались.

Сохранились сведения о проведении переводческих работ в ковельских имениях князя Андрея Курбского от лета 1579 и лета 1581 г. К тому времени все намеченные ранее труды, согласно принятым датировкам, должны были уже подходить к финалу. В июне 1579 г. сотрудники князя купили для него писчую бумагу («паперу две либры»), а в Полоцкий поход короля Стефана Батория князь Андрей Михайлович отправится, взяв с собой по меньшей мере том «Симеон Метафраст» (или фрагмент перевода) и свои переводы из Цицерона (или стереотипный томик «Посланий» с комментарием У. де Кресченцио, с которого в походе и были сделаны переводы). В июле 1581 г. переводческие работы были в разгаре. Возможно, не только в ковельских Миля-

[2380] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 36; *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 90–91. Скептическую позицию занял Б. Боек, отметивший, что упоминание в 1611 г. каких-то книг из библиотеки Курбского доказывает только то, что по наследству были переданы «какие-то книги, о которых думали, что они будто бы принадлежали Курбскому» (*Boeck B.J.* Miscellanea Attributed to Kurbskii. P. 958–959). Это замечание, если я его понимаю правильно, является эхом предположения Э.Л. Кинана о том, что в распоряжении исторического князя Андрея Курбского книг не было (ср.: *Keenan E.L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 59).

[2381] О датировке посланий и сборника писем как целого см. здесь «Польско-литовские послания».

[2382] *Зема В.* Причинок до розвитку культу св. Миколая Мир-Лікійського // Наукові записки Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України. Київ, 2009. Т. 19. Кн. 1. С. 258–268; *Клімаў І.П.* Царкоўнаславянскія пераклады рэлігійнага пісьменства Беларусі другой паловы XVI ст., звязаныя з імем Андрэя Курбскага // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / склад. Т.А. Сапега, А.А. Суша. Мінск, 2017. Вып. 20. С. 25–39.

[2383] Датировки работы над томами переводов Курбского обоснованы: *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 15–51, 165–166; *Besters-Dilger J.* Einleitung // DJD. S. XXI; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 30–37, 45–52; *Его же.* Предисловие. «Житие Сильвестра, папы римского»: причины, цели и особенности перевода // «Житие Сильвестра папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М., 2003. С. 7–9; *Его же.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 8–10, 13–27, 33–39.

[2384] См. здесь раздел «Польско-литовские послания в Сборнике Курбского».

новичах, но и в Остроге, где, предположительно, при участии князя Андрея Курбского печатается полная русская Библия[2385]. Слуги князя то и дело ездят за бумагой «до переводу»[2386]. Проекты перевода далеко превышали возможности ученых мужей Миляновического кружка. Об этом Курбский говорит уже в глоссе к фрагментам Слов Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна в «Новом Маргарите»: Курбскому известны толкования Златоуста на многие книги Нового Завета, но они не переведены («да не преведены все»), и в конце «Нового Маргарита» князь приложил список тех трудов Златоуста, которые были оставлены им на будущее[2387].

Раздумывая над продолжением переводческих работ в июне — начале июля 1575 г., князь Курбский обращается с посланием к московиту Марку-Умару Сарыхозину и приглашает его перейти от князя Юрия Слуцкого к нему на службу, чтобы переводить труды отцов церкви[2388]. Одним из результатов интеллектуальных контактов между Слуцком и Ковелем, возможно, была Толковая Псалтирь, в которой выявлены следы влияния «Нового Маргарита». Духовный отец Сарыхозина старец Артемий хорошо понимал необходимость переводов, обсуждал с князем Андреем «Постническую книгу» Василия Великого и подарил ее ему[2389]. С тех пор князь приобрел «Великого Василия всю книгу», а также «все оперы» Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и хронику Никифора Каллиста в латинском переводе. Знаниями латыни обладали и сам Курбский, и его сотрудники, в число которых исследователи включают кн. М.А. Ноготкова Оболенского, Ивана Москвитина, Богдана и Ждана Мироновичей, бакалавра из Кракова Амброжия (возможно, Шадковского), бакалавра Станислава Войшевского, П.В. Остафьева Вороновецкого, Брума, ковельского протопопа Силу, Павла Левковского и др.[2390] Однако для осуществления замыслов нужны были ученые, хорошо владеющие славянским языком. Курбский был убежден, что у Сарыхозина такие знания были, и предлагал ему работать двумя командами, в которых Курбский вместе с бакалавром начал бы переводить Беседы Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла, а Сарыхозин с Оболенским — «оперы» Григория Богослова или Василия Великого. В этих двух парах, по всей видимости, в роли славянских редакторов переводов с латыни должны были выступить Курбский и Сарыхозин[2391]. Сарыхозин, видимо, не польстился на предложение могущественного соотечественника, поскольку позднее в своих переводах Курбский нигде его имя не упоминает. Впрочем, планы были нарушены побегом слуги князя Андрея, Ивана Москвитина, увезшего с собой книгу Василия Великого на латыни и книгу «Апостол». Вскоре Курбского покинул и его «бакаляр» Амброжий. Незадолго до августа 1577 г. умер кн. Михаил Оболенский, а в 1578 г. бежал к своей госпоже, княгине М.Ю. Курбской, Ждан Миронович[2392].

Эти события являются рубежными для переводческих работ, однако ковельский скринторий и позднее продолжил свою работу. Окружавшие Андрея Курбского в последние несколько лет его жизни книжники редактировали и дополняли уже созданные тома и выполнили ряд новых переводов.

Кн. Андрей Курбский особенно ценил и выделял в своей переводческой работе «Новый Маргарит». Сборник «Маргарит», распространенный на Руси с XV в. и насчитывавший 30 глав[2393], князь и его сотрудники в духе эпохи (ср. «Судебник», «Стоглав») дополнили, создав редакцию в 101 главу. По сходной «стоглавой» схеме позднее в мастерской Курбского был создан том «Иоанн Дамаскин», а возможно, и «Симеон Метафраст». Переводы опирались на сводное латинское издание «Трудов» Иоанна Златоуста. Сходство 100-главной структуры «Нового

[2385] *Немировский Е.Л.* Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974. С. 87.

[2386] *Auerbach I.* Andrej Michajłovič Kurbskij. S. 387. Anm. 60.

[2387] NM. Bd. 2. F. 205. Anm. a; Bd. 3. F. 457–466.

[2388] О датировке данного послания см. здесь в разделах «Польско-литовские письма» и «"Иоанн Дамаскин" и "Симеон Метафраст"».

[2389] В 1594 г. в Острожской типографии «Книга о постничестве» вышла в печати. См.: *Бондар Н., Ковальский М., Кулаковський П.* «Книга о постничествѣ» Василія Великого (Острог, 1594) // Острозька академія XVI–XVII ст.: Енциклопедія. Острог, 2010. С. 161–166.

[2390] Состав секретарей и писарей кн. А.М. Курбского детально изучен в работах И. Ауэрбах 1985 и 1990 гг. См. также: *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом; *Мицько І.З.* Острозька Слов'яно-греко-латинська академія. С. 15; *Chomik P.* Życie monastyczne w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI wieku. Kraków, 2013. S. 486–487.

[2391] СК. Л. 161 об. — 164.

[2392] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 17–20, 28–29, 36–37; *Liedke M.* Od prawosławia do katolicyzmu. S. 65–66.

[2393] См. обзор: *Черторицкая Т.В.* Маргарит // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. Ч. 100–102; *Казенина Е.Т.* «Маргарит» и историко-культурная ситуация на Руси XV-XVI в. // ДР. 2002. № 4 (10). С. 57-66. См также ссылку ниже с указанием работ А.А. Турилова и А.Г. Сергеева.

Маргарита» с книжными гигантами эпохи Избранной рады показывает, что ориентиром для Андрея Курбского служила богословская атмосфера Максима Грека и высших духовных кругов Московского царства конца 1540-х–1550-х гг.

Как показали специальные исследования, в основу перевода была положена латинская публикация. Замысел перевода был, надо полагать, связан с проектом академии, в которой должны были изучаться Библия и святые отцы церкви[2394]. Нельзя исключать, что параллельно с переводом «Словес» Иоанна Златоуста в ковельской мастерской переводились «Источник знания» Иоанна Дамаскина, труды Дионисия Ареопагита, Григория Богослова и Кирилла Александрийского, велась подготовка к сводному переводу «Василия Великого» и «Житий святых»[2395].

Инга Ауэрбах изучила и опубликовала дошедшие до наших дней списки «Нового Маргарита», выбрав в качестве основного список из Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле God-Guelf. 64-43 Extravagantium (*W*), который, по ее предположению, принадлежал жене князя, княгине Марии Курбской. Второй список полной версии «Нового Маргарита» сильно поврежден: в нем утрачены первые 111 листов первоначального объема. Он сохранился в РГБ, собр. В. М. Ундольского № 187 (*У*) и был использован И. Ауэрбах для разночтений в ее издании. Обширный фрагмент из полной версии — это главы «Нового Маргарита» в сборнике ГИМ, Синодального собр. № 219 (*С*). Они также подведены к основному тексту германской лингвистической публикации. Как показала исследовательница, все три текста восходят к общему протографу. К нему же И. Ауэрбах предположительно возводит Волынский список и ряд недошедших вариантов «Нового Маргарита»[2396]. Когда начиналась подготовка публикации Вольфенбюттельского списка, оставался в безвестности Академический список, который на поверку и оказался «потерявшейся» рукописью из Волынского музея. Его вновь обнаружил А. Г. Сергеев под шифром БАН, собр. Археографической комиссии № 191 (*А*).

Таким образом, сегодня известно четыре списка пространного «Нового Маргарита» — Вольфенбюттельский, Ундольского, Синодальный и Академический[2397]. Из них только *W* и *А* донесли полный текст редакции в 101 главу с дополнениями. Выдержка из «Нового Маргарита» в томе «Симеон Метафраст», как показали И. Ауэрбах и В. В. Калугин, возникла непосредственно в скриптории кн. А. М. Курбского.

Выписки, подготовленные для изданий Н. Д. Иванишева и Г. З. Кунцевича, основаны только на списках Вольфенбюттельском и Академическом (Волынского Музея). Резолюция по проекту Н. Д. Иванишева опубликовать отрывки из «Нового Маргарита» отложилась в фонде Святейшего Синода, так и не допустившего их к печати[2398]. Материалы подготовленных к печати выписок из «Нового Маргарита» сохранились в Институте рукописи НБУ им. В. И. Вернадского под заглавием: «Выписки из бесед Иоанна Златоустого с примечаниями Князя Андрея Михайловича Курбского: (Прибавление к изданному Киевскою Археографическою Комиссиею сочинению под заглавием: Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни)»[2399]. Как и в двухтомнике под редакцией Н. Д. Иванишева, в этом «Прибавлении» планировалось точное — сейчас бы сказали: лингвистическое — воспроизведение особенностей источника текста[2400]. Сам этот источник не назван, однако его несложно установить по расположению воспроизведенных отрывков, их графическим и текстологическим особенностям. Номера листов источника указаны в самой киевской копии XIX в. для каждого выбранного к публикации отрывка «Нового Маргарита» (не воспроизводим диакритические знаки). Учитываем только максимальные совпадения в номере листа и воспроизведенном тексте[2401] (см. табл.)

Приведенных примеров достаточно для вывода о том, что протографом выписок Н. Д. Иванишева является непосредственно Вольфенбют-

---

[2394] См. здесь в главе «Ренессансный историк».

[2395] См. разделы «“Апостол” и “Василий Великий”», «Приложения Сборника Курбского».

[2396] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 173.

[2397] Говоря о «трех списках», А. Г. Сергеев и А. А. Турилов не учитывают Синодальный список № 219. См.: *Турилов А. А.* Иоанн Златоуст. Почитание // ПЭ. М., 2010. Т. 24. С. 236; *Сергеев А. Г.* «Маргарит» // ПЭ. М., 2016. Т. 43. С. 433.

[2398] РГИА. Ф. 807 (Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет). Оп. 2. № 1122. Л. 4–7.

[2399] НБУВ. Ф. VIII (Ун-т Св. Владимира). № 5м/32. 23 л. Основной текст — на 38 л. Писарская чистовая копия середины XIX в. До середины л. 22 — страница разделена пополам по вертикали. На левой стороне — основной текст. На правой — «Сказы»-глоссы князя Андрея Курбского и его сотрудников.

[2400] О нем см. в главе «Экстенсивное чтение».

[2401] Вольфенбюттельский список цитируется по изданию И. Ауэрбах. Принятые в этом издании упрощения приведены в таблице сходно с Киевским списком. Орфография Киевского списка также применена нами к условно к списку Вольфенбюттельской библиотеки. Академический список — БАН Арх. ком. № 191.

???

Лист К*	Киевский список	Вольфенбюттельский список	Академический список
13 об.	И мы да разсмотряем въ срдцу нш҃ем... протнв тое кранны непщеванїю гл҃ет [*глосса:* Глупалн нѣкоторые... а не собнраю*т* любовїю кротостн] (1)	И мы да разсмотрѧем въ срдцу нш҃ем... протнв тое кранны непщеванїю гл҃ет [*глосса:* Сказ. Глупалн нѣкоторые... а не собнраю*т* любовїю кротостн] (13v)	И мы да разсмотрѧем во срдцу своем... протнв той кранны непщеванїю гл҃ет [*глосса:* лупалн нѣкоторые... а не собнраю*т* любо[в..] кротост][2403] (12 об. — 13)
14 об. — 15	Бж҃їй Сн҃ъ на нбсн бѣ... н ѧз не могу поведнтн, что сам нмѣлъ [*глоссы — три «Сказа»:* Понеже не вѣдалн..., Тѣх ту wблнчае*т*... *и* Тоу облнчае*т* тѣх же...] (2–3)	Бж҃їй Сн҃ъ на нбсн бѣ... нж не могоу поведнтн, что сам нмѣлъ [*глоссы — три «Сказа»:* Понеже не вѣдалн..., Тѣх тоу wблнчае*т*... *и* Тоу облнчае*т* тѣх же...] (14v–15)	Бж҃їй Сн҃ъ на нбсех бѣ... ї ѧ нж не могу победнтн, что сам мѣлъ [*глоссы - первый и третий «Сказы» и глосса:* Понеже не вѣдалн..., Тых то wблнчаеть... *и* Ту облнчае*т* тѣх же...] (14)
17	Тое мѣсто о коем гл҃тсѧ нѣгде... н Г҃ь во Вифлиомѣ родитнсѧ явествен*н*е явлѧе*т*сѧ [*глоссы — два «Сказа»:* Бг҃ъ ѿ Феман... *и* Фотнноус был еретнк] (3–4)	Тое мѣсто о коем гл҃тсѧ нѣгде... н Г҃ь во Вифлиомѣ родитнсѧ явествен*н*е явлѧе*т*сѧ [*глоссы — два «Сказа»:* Бг҃ъ ѿ Феман... *и* Фотнноус был еретнк] (17–17v)	Тое мѣсто w коем гл҃етсѧ нигде... н Г҃ь во Вифлиwме родитнс явествен*н*е явлѧетсѧ [*глоссы — «Сказ» и глосса:* Бг҃ъ ѿ Феман... *и* Фнтїну*т* был ерек] (18 об.)
28 об.	Поемлется днсь... абїе прїемле*т* антндо*т* [*глоссы* — нарочїтый *к слову* знаменнтый *и два толкования:* Сказ. Леторгїцкїй недуг... *и* Антндо*т* лѣкарство] (5–6)	Поемлетсѧ днсь... абїе прїемле*т* антндо*т* [*глоссы* - нарочїтый *к слову* знаменнтый *и два толкования:* Сказ. Леторгїцкїй недуг... *и* Антндо*т* лѣкарство] (28v–29)	Поемлетсѧ днес... абїе прїемле*т* антндо*т* [*глоссы* - нарочїтый *к слову* знаменїтый *и глоссы:* Леторгїцькїй недуг... *и* Антндо*т* лѣкарст[в.]][2404] (28 об. — 29)
87	W Воскресенїю слово глава к҃. Постражах лютых... нстребнл бл҃гостынѧ [*глосса:* Сказъ. Фннкс птица ест...] (6–7)	W Воскресенїю слово глава к҃. Постражах лютых... нстребнл бл҃гостынѧ [*глосса:* Сказъ. Фннкс птица ест...] (87)	W Въскресенїю слово глава к҃. Постражах лютых... нстребнл бл҃гостынѧ [*глосса:* Сказ. Фннн҄ъ птица есть...] (83 об.)
129	Вытолкуй мн что то есть... а так равна буде*т* слава [*глосса:* Сказ Зрнте w новопремдрые...] (7–8)	Вытолкуй мн что то есть... а так равна буде*т* слава [*глосса:* Сказ Зрнте w новопремдрые...] (129)	[*Начала отрывка нет: пропущены слова после* а от себе не глаголю *и перед* як глаголал Спас] ...а так равна будет слава [*глосса:* Сказ Зрнте w новоприродные...] (123 об.)
132	Сн҃ъ нсполнѧет... но поставнтн або прннѧтн [*глосса:* Акн бы реклъ...] (8–9)	Сн҃ъ нсполнѧет... но поставнтн або прннѧтн [*глосса:* Акн бы реклъ...] (132)	Сн҃ь нсполнѧет... но поставнтн або прннѧтн [*глосса:* Сказ Акн бы рекль...] (126 — 126 об.)

тельский список, индивидуальные особенности которого, включая графические детали и нолистное расноложение текста, неренисчик XIX в. старательно нередает[2404]. Академический снисок не только не соответствует точным ссылкам Иванишева на расноложение выписанных им отрывков в источнике и не нередает его надстрочных знаков, но в ряде случаев содержит заметные текстологические отличия от Киевского сниска и его источника. Небольшие расхождения в нрочтении сниска нри издании Ингой Ауэрбах и Н.Д. Иванишевым образовались из-за различий в воснриятии ими одного и того же текста. На основе вынисок онубликовано было только нредисловие к «Новому Маргариту». О.И. Журба ноказал, что этот текст идентичен Вольфенбюттельскому списку. Все приведенные факты нодкренляются биографическими данными. Иванишев в конце 1830-х гг. носещал Вольфенбюттельскую библиотеку и сделал выписки из «Нового Маргарита»[2405]. В третьем издании «Сказаний князя Курбского» Н.Г. Устрялов нриложил нредисловие к «Новому Маргариту» и «Сказание о знаках книжных», сконировав их из издания Иванишева[2406].

[2402] Фрагменты текста, предназначенные для рубрнкацнн, не заполнены, а часть глоссы утрачена на срезе лнста.

[2403] Часть глоссы утрачена на срезе лнста.

[2404] Далее в рукопнсн прнведены также выпнскн с л. 132 об. («Егда глаголет посылаю...», НБУВ. Ф. VIII. №5м/32. С. 9), 152 («Отвещал ему ангнл Гаврнл...», с. 10–11), 159 об. («Но ныне навозлюбленѣйшн...», с. 11), 160 («Сказанне о днях н месяцах...», с. 12 13), 171 («Благочестня обятн в плачу оказуется...», с. 13–14), 142 об. («Кров не абне з брашка бывает...», с. 14–15), 264 («Понеж нервѣйшая прнмѣта...», с. 15–16), 306 («Мы жнвущне нже оставленн есмы...», с. 16–17), 332 («Стонт убо жена уготованна...», с. 17), 339 («Мы прнндохом о мертвых востанню...», с. 17–18), 406 («Днвлюся чему что Паладнй поведает...», с. 18), 408 («Анн на том престающе...», с. 19), 408 об. («Евтропнй скопец велможа цесарскнй...», с. 19–20), 417 об. («А Иоан стрегущес всѣх внновных возмущення...», с. 20–21), 419 («Европскне н нлнрнтскне епнскопы...», с. 21–22), 422 об. н сл. («Сказ Андрея Ярославскаго...», с. 22–38). Графнческне особенностн кневской копнн здесь опускаем.

[2405] *Журба О.І.* Київська археографічна комісія 1843–1921: Нарнс історії і діяльності. Київ, 1993. С. 67.

[2406] *Устрялов Н.Г.* Сказання... СПб., 1868. С. III, 269–278. См. также: *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов как публн-

Зачем же были нужны выписки из Вольфенбюттельского «Нового Маргарита» Н.Д. Иванишеву и его коллегам? Публикатора больше всего интересовали фрагменты с масштабными «Сказами»-толкованиями. Задуманное приложение увенчано большой выпиской, начинающейся со «Сказа Андрея Ярославского» (гл. 91) и далее — отрывок из хроники Никифора Каллиста: введение Никифора (гл. 92) и два послания римского папы Иннокентия (гл. 93–94). Весь этот отрывок расположен на л. 422 об. — 426 об. протографа и продолжен на л. 426 об. гл. 95. Как справедливо отмечено в последних словах Киевского списка: «За тем следуют послания Иоанна Златоустого к Иннокентию Епископу Римскому»[2407]. Таким образом, Иванишев стремился составить представление о переводческой технике князя и его сотрудников, а также открыть для читателя авторские глоссы, которые отмечали и хранители рукописей Курбского[2408], а позднее, на рубеже XIX–XX в., они были рассмотрены как ценный исторический и литературный источник в работах А.С. Архангельского, А.И. Соболевского и П.В. Владимирова[2409].

Гранки публикации Г.З. Кунцевича содержат текст трех первых глав «Нового Маргарита», неизданный, но сохранившийся в верстке второго тома «Сочинений князя Курбского» в фонде Археографической комиссии[2410]. Протографом для выписок начала XX в., как показал А.Г. Сергеев, послужил Волынский список.

Кроме списков и рефлексов «Нового Маргарита» полного состава существуют избранные главы из него, которыми книжники конца XVI в. дополнили переводы «Бесед» Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна, созданные Максимом Греком и Силуаном (Селиваном) в 1524–1525 гг.[2411] Сборник Евангельских бесед и толкований на «Апостол» Иоанна Златоуста может быть назван «Маргаритом» лишь по аналогии (условно — сводный «Маргарит»). Однако во владельческих записях он выступает в приложении к «Маргариту». Кроме того, факт сознательного привлечения отрывков из «Нового Маргарита» для дополнения Евангельских бесед свидетельствует о том, что переводы кн. Андрея Курбского воспринимались еще при его жизни или вскоре после смерти как потенциальное дополнение переводов 1520-х гг. Само название книги из скриптория князя Андрея Михайловича говорит о его желании расширить и дополнить версию из кружка своего московского учителя. В московском переводе недоставало окончания 22-й беседы и начала 23-й беседы, а также бесед 44–47 Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна и 45-й беседы на Евангелие от Матфея. Как указал А.А. Цеханович, эти восполненные при помощи «Нового Маргарита» лакуны указаны в приписке к оглавлению списка Унд. № 187[2412]. В кириллической рукописной традиции ныне известно восемь списков «Бесед» с дополнениями Курбского:

РГБ, ф. 256 (собр. Н.П. Румянцева) № 196 (конец XVI — начало XVII в.);

ГИМ, собр. А.С. Уварова № 508 (142) (2°) (XVII в., ок. XIX в.);

РНБ, ф. 588 (собр. М.П. Погодина) № 1147 (конец XVI — начало XVII в.);

Львовская национальна научная библиотека Украины им. В. Стефаника, ф. 77 (собр. А.С. Петрушевича), АСП-3 (конец XVI — начало XVII в.);

ЛНБУ, ф. 77, АСП-76 (конец XVI — начало XVII в.)[2413].

катор источников по истории России XVI–XVIII веков. С. 194.

[2407] ІР НБУ ім. В.І. Вернадського. Ф. VIII (Київський Університет Святого Володимира). № 5м/32. С. 38.

[2408] См., напр.: [*Ундольский В.М.*] Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-й. М., 1870. Стб 166–167; *Попов А.* Описание... С. 99–119, здесь с. 99. А. Попов говорит даже о «собственноручных заметках князя Курбского» в сборнике «Иоанн Дамаскин» из коллекции А.И. Хлудова. Это мнение не нашло подтверждения.

[2409] Об этом см., напр.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 57–64.

[2410] Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Ф. 276. Оп. 1. № 30. Гранки 2-го тома «Сочинений Курбского» неоднократно изучались в науке благодаря их открытию А.А. Зиминым, Ю.Д. Рыковым, С.О. Шмидтом и К.А. Уваровым и введению в научный оборот как памятника научной археографии. См.: *Уваров К.А.* Неизданный труд Г.З. Кунцевича: (Обзор гранок второго тома «Сочинений князя Курбского») // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 315–317; *Рыков Ю.Д.* Предисловие // Курбский А.М. История... М., 2015. С. 8.

[2411] *Пентковская Т.В.* Беседы на Евангелие от Матфея и Иоанна в переводе старца Силуана и Максима Грека в контексте раннего периода переводческой деятельности Максима Грека в России // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / отв. ред. А.А. Алексеев. СПб., 2017. С. 66–73.

[2412] *Цеханович А.А.* К переводческой деятельности князя А.М. Курбского // Древнерусская литература... С. 110–111; *Его же.* А.М. Курбский в западнорусском литературном процессе. С. 16–18; *Беляева Н.П.* Материалы... С. 123.

[2413] Обзор см.: *Цеханович А.А.* К переводческой деятельности... С. 111–112. Судя по листу использования ру-

Кроме того, дополнения Курбского вошли в две «кавычных» книги Московской Синодальной типографии РГАДА конца XVI — XVII в. и использовались для составления печатных изданий «Бесед»[2414]. Речь идет о двух частях одного текста «Маргарита» с «Беседами на Евангелие от Матфея» в первой части и «Беседами на Евангелие от Иоанна» — во второй[2415].

Неоднократно звучал в науке тезис, будто в «Маргарите», вышедшем Острожской типографией 11 июня 1595 г., использованы отдельные переводы кн. А. М. Курбского и его кружка[2416]. А. А. Цеханович отверг причастность текстов из «Нового Маргарита» и каких-либо других переводов ковельского кружка к составлению острожского «Маргарита» 1595 г.[2417]

Находки последних лет дополняют наши знания. В фонде славяно-румынских рукописей Национального музея искусств Румынии (Бухарест) под номером Ms 31 (инвентарный номер в составе коллекции музея — № 68257) хранится сборник Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, в котором содержатся переводы кн. А. М. Курбского.

Рукопись представляет собой кодекс в 2°, переплет — доски в коричневой коже около 338×220×50 мм (блок — около 317–197 мм), слегка поврежден жучком. Четыре перетяжки корешка на 5 клеточек с растительным орнаментом в каждой. Обрез позолочен, растительное тиснение — по всем трем сторонам обреза. Сплошная карандашная фолиация на 328 л., не охватывает задний приперелетный лист, так что всего в рукописи 328+[1]2 л. В рукописи проставлены также кириллические номера тетрадей (сигнатуры) — все тетради по 8 л. до л. 172, кроме тетр. I и XXII (всего XXII тетр.), затем 2 л. удалено, затем еще XX тетр. по 8 л. (кроме последней тетради, которая на 4 л.) с отдельной нумерацией (сигнатурами). Из такого соотношения частей следует, что сборник является составным, хотя почерк в рукописи один и водяной знак также свидетельствует о единстве обстоятельств работы над рукописью как целым. Показательно, что как раз первая половина блока заканчивается записью об окончании книги и указанием на завершение раздела, в котором использовались переводы кн. Андрея Курбского.

Сборник, согласно тиснению в медальоне на нижней крышке, датируется 1581 г. ("Dominus illuminatio mea 1581"). Та же дата карандашом приписана по нижнему полю на л. 1 на румынском языке: "Anul 1581". Рукопись появилась в коллекции в 1964 г. Ее продал музею некий румынский гражданин по имени Валериан Георге (эта информация получена от сотрудников музея). В рукописи имеются пометы предыдущих хранилищ. На обороте верхней крышки с левом верхнем углу чернилами: "Л. л / 30 фол.". К чему относится эта выкладка о 30 листах — неясно. На листе с миниатюрой над изображением Иоанна Богослова — еще ряд подписей. Карандашом написано: "Neintrodusa"[2418]. Правее выше разного времени чернильные записи: «№ 82» и «№ 1» (более темными чернилами). Неясно, какой системе нумерации они соответствуют.

В 1835 г. рукопись была реконструирована. Возможно, причина повреждений — пожар в Сучевицком монастыре 1831 г. Блок до сих пор поврежден на обрезе сверху у внешнего поля. В рукописи 4 миниатюры и на л. 1 заставка с вязью позолотой и киноварный плетеный инициал. Миниатюра с изображением Иоанна Златоуста на обороте верхней крышки содержит чернильную подпись: «Монастири Сучавици. Монах Діwнисие Іановичи / Іуліа 30-и року 1835». По предположению Л. Туджеару, миниатюра была перенесена на оборот верхней крышки после реставрации рукописи, а запись сделана монахом вскоре после этого. В рукописи имеются штемпели (л. 1, 173) брата этого монаха, Теодора Иановича, и запись обоих братьев по нижнему полю на л. 2–3: «Монах Діwнісіе Іановичи // А у даруіт фрателуй Ѳеодору Іановічіу / нарахулуі діи тѫргул Роману / Campulungu». Из этого следует, что Дионисий, монах Сучевицкого монастыря, подарил книгу своему брату Теодору

кописи и ссылкам в статье, А. А. Цеханович не изучал и не учел список из собр. А. С. Уварова № 508. Н. П. Беляева в своем реестре его указала под шифром собр. А. С. Уварова № 1603 (142) (302). См.: *Беляева Н. П.* Материалы... С. 123.

[2414] *Строев П. М.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие... Ивану Никитичу Царскому. М., 1848. С. 109; *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей... М., 1893. Ч. 1. С. 87.

[2415] РГАДА. Собр. Синодальной Типографии № 196–198; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 258–259.

[2416] *Ісаєвич Я.* Українське книговидання. С. 130; *Сергій Горбик, протоієрей.* Переклад та видання творів святителя Іоана Золотоустого в Київській православній митрополії (XI–XVII ст.) // Волинський Благовісник. 2015. № 3. С. 87–94. Ошибку повторил и я, в чем спешу раскаяться. См.: *Ерусалимский К. Ю.* Назначение «Истории» // Курбский А. М. История... С. 235.

[2417] *Цеханович А. А.* А. М. Курбский в западнорусском литературном процессе второй половины XVI в. С. 23.

[2418] К. Танасойю прокомментировала, что запись могла принадлежать сотрудникам музея и означает, что рукопись была представлена как еще неизвестная.

Иановичу, нрезвитеру в румынском (не валашском) городе Кампулунгу. Это произошло между 1835 и 1852 гг. В 1852 и 1853 гг. Теодор Иванович сделал чернилами владельческие нометы в рукописи. Одна из них с датой «1852» на нижнем поле л. 64, другая с датой «року 1853» (возможно, между словом и датой нервые две буквы месяца — «се») — в самом конце текста «Гомилий» Иоанна Златоуста на л. 171 об.[2419] Тому же Теодору нринадлежат штемнели на л. 1 и 173 ("Theodor Ianowicz"). Возможно, книга хранилась в его личной библиотеке. Это всё, что мы знаем о ранней истории рукописи, и из данной информации следует, что рукопись хранилась в Сучевице, монастыре, созданном в 1582–1584 гг. Иеремией и Симоном Могилами.

Внервые книга описана в каталоге славяно-румынских рукописей в 1981 г.[2420] В 1982 г., во время своего визита в Бухарест Я. Д. Исаевич просмотрел манускринт и, но воспоминаниям сотрудников Музея, согласился с тем, что он может быть датирован годом возникновения Острожской Библии. Он предположил, что рукопись могла быть создана недалеко от Львова[2421]. Видимо, подразумевалось сходство списка со списками из собрания Петрушевича (впрочем, ниже мы покажем, что у этих списков есть и существенные различия в составе). Позднее, в 1990-е гг. рукопись была детально изучена при создании каталога греческих и кириллических рукописей Лианой Туджеару и Павлом Мирча Флорей[2422].

Нам остается уточнить и дополнить существующие описания, а также внести ясность, какая именно версия «Маргарита» хранится в Бухарестском музее.

Могла ли рукопись быть создана в 1581 г.? Именно эта дата значится на тиснении нижней крышки рукописи и выглядит вполне оригинально. Л. Туджеару отметила уже, что рукопись написана одним писцом на одном комплексе бумаги. Водяной знак Герб Брига (Силезия), как установила исследовательница, сходен с Брике №957 (1566–1576 гг.) и №958 (1594 г.), но больше в размерах обоих названных вариантов. Сходный вариант встречается в альбоме Хивуда №386 и датируется 1601 г.[2423] Можно добавить к этим наблюдениям еще одну аналогию. Близкий вариант содержится также в базе данных Piccard-Online под №24708. Он обнаружен в рукописи 1571 г.[2424] Результаты по датировке водяных знаков не противоречат датировке переплета на нижней крышке. По предположению Л. Туджеару, латинский девиз на тиснении нижней крышки может свидетельствовать о заказчике книги. В девизе звучат первые слова из 26-го псалма "Dominus illuminatio mea...", которые служили девизом Оксфордского университета. Возможно, заказчик учился или как-то еще был связан с Оксфордом[2425].

Тиснение рукописи АСП-3 «Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея» сходно с тиснением Бухарестского «Маргарита» и тоже содержит на нижней крышке девиз из 26-го псалма и дату «1581», что не мешает датировать книжный блок по водяным знакам рубежом XVI–XVII вв. Не были ли обе эти рукописи изготовлены и переплетены в одном скриптории?[2426]

Переводы кн. А. М. Курбского с латыни неоднократно отмечены в списках сводного «Маргарита». Начальная часть Бухарестского списка завершается словами: «До зде конец переводу князя Курбскаго и книзе сей» (л. 171 об.). Эти слова могут быть лишь сконированы из прототрафа. Однако составной характер рукописи свидетельствует в пользу иного предположения. В какой-то момент манускрипт представлял собой две отдельных рукописи, границей между которыми были нынешние л. 172–173 и, возможно, в нем было еще два позднее удаленных листа после нынешнего л. 171.

[2419] *Tugearu L.* Miniatura şi ornamentul manuscrisele din colecţia de artă medievală românească a Muzeului Naţional de Artă al României. Vol. II. Manuscrise slavone, un manuscris latin şi unul românesc. Bucureşti, 2006. Vol. 2. P. 166–167. Предположение о первых двух литерах месяца (сентябрь) высказала К. Танасойу, оно не отражено в существующих каталогах, но мне представляется вероятным.

[2420] Catalogul manuscrisele slavo-române din Republica Socialistă România. Vol. III: Catalogul manuscrisele slavo-române din Bucureşti / E. Linţa, L. Djamo-Diaconiţă, O. Stoicovici. Bucureşti, 1981. P. 63–77, здесь p. 76. Рукопись описана Лучна Джамо-Дьяконице. Состав сборника описан Л. Джамо-Дьяконице и позднее уточнен П. М. Флорей. За консультацию благодарю В. Г. Ченцову (Москва), впервые обратившую мое внимание на эту рукопись.

[2421] *Tugearu L.* Miniatura... P. 42, 173. Устными воспоминаниями поделилась Лиана Туджеару в августе 2017 г.

[2422] *Tugearu L.* Miniatura... Vol. 2. P. 160–179. На p. 406 приведены также результаты анализа пигментной структуры миниатюр. В работе над рукописью и в уточнении каталога большую помощь оказали мне сотрудники Музея д-р Кармен Танасойу и Оана Славойка.

[2423] *Tugearu L.* Miniatura... Vol. 2. P. 179. Note 3.

[2424] https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=024.025.002&ordnr=24708&sprache=en (дата обращення 15.09.2017).

[2425] *Tugearu L.* Miniatura... Vol. 2. P. 177–178.

[2426] Данному предположению препятствует несходство водяных знаков двух рукописей. Предварительная датировка АСП-3 допускает возникновение данного списка еще при жизни кн. А. М. Курбского. См.: Кириличні рукописні книги у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України. Каталог. Т. 1: XI–XVI ст. / ред. Л. В. Головата, М. М. Кольбух. Львів, 2007. С. 95.

Пометы о причастности кн. Андрея Курбского к переводу с латыни содержатся только в первой части книги в глоссах:

— на л. 77 об.: «Отселе починается князя Корбского выклад з латинскых на рускый»;

— на л. 82 об.: «До зде ста перевод князя Курского»;

— на л. 157 об.: «Отселе починается выклад з латинскаго переводу князя Курскаго даже до конца книги сеи»;

— на л. 171 об.: «До зде конец переводу князя Курскаго и книзе сеи»[2427].

Сходно пометы о причастности Курбского к переводу читаются в Увар. №508, где, впрочем, нет заключительной формулировки о завершении книги. Поскольку текст Бесед Иоанна Златоуста продолжается, переписчик данного списка или его протографа мог удалить слова об окончании книги. Хотя первая помета звучит полнее, чем в Бух. №31: «Отселе починается князя Курбскаго выклад з латинскых *книг* на руский»[2428]. Слово «книг» всё же не является органичным в записи и, предположительно, может считаться амплификацией, поскольку во второй записи «Отселе...» назван именно «з латинского перевод князя Курбского», и речь идет не о книгах.

В иной редакции эти же формулировки читаются в «Евангельских Беседах Иоанна Златоуста» в списках Петр. №3 (*Пт-1*), Петр. №76 (*Пт-2*) и Пог. №1147 (*Пг*), где выдержки из «Нового Маргарита» сводятся к гл. 55 (Беседа 45 и Нравоучение 45):

— «Отселе починается выклад з латинскых книг [*Пг: нет*] князя Курбськаго [*Пг:* Куръбскаго]» (на внешнем поле ориентацией сверху вниз в *Пт-2*, снизу вверх — в *Пт-1* и *Пг*)[2429];

— «Конец з латинских переводов князя Курбскаго доселе» (этими словами заканчивается текст в *Пг* и *Пт-1*, в *Пт-2* их нет)[2430].

В целом, Бух. №31 в первоначальном виде завершался Нравоучением 45, а его пометы о причастности князя Андрея Курбского к переводу отражают наиболее ранний вид таких глосс в списках с церковнославянской редакцией переводов «Нового Маргарита». В источнике церковнославянской редакции были, по всей видимости, очень краткие метки у начальных и конечных слов дополнений, отразившиеся в Рум. №196: «княж», «перевод княж», «ноты»[2431]. Иной вид той же редакции глосс, которая читается в Бух. №31, обнаруживается в Увар. №508. Он слегка расширен в первой помете, но лишен финальных слов о завершении перевода Курбского и «книги сей». Списки Бесед на Евангелие от Матфея содержат две пометы, причем первая сходна со словами «Отселе починается...», а вторая сконструирована формально сходно с любой из заключительных записей, обнаруживающихся в Бух. №31, она отразилась в списках Петр. №3, Петр. №76 и Пог. №1147. Впрочем, вероятнее более раннее происхождение Погодинского списка, в котором сходно с Бух. №31 отсутствует слово «книг».

Следует отметить, что какую-то роль в подготовке редакции «Бесед» с переводами из «Нового Маргарита» сыграл текст, читающийся ныне в Увар. №266. Основной текст Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна в редакции Силуана сходен с другими аналогичными списками и заканчивается Нравоучением 88. Переводов Курбского здесь еще нет, но для них отведено место — и эти пробелы остались незаполненными с конца л. 138 об. (после «...и чюдо зазорно») и до л. 144 об. (на л. 145 со слов «Сих убо и мы...») и на л. 281 об. — 282 об. (после Нравоучения 43 и до Беседы 48)[2432]. Пропуски ничем не заполнены и приготовлены для восполнения, что и было сделано первоначально в общем протографе Рум. №196 и несохранившегося списка, послужившего общим протографом церковнославянской редакции переводов Курбского в сводном «Маргарите».

Из помет Бухарестского «Маргарита», выполненных глоссатором и в конце раздела киноварью, но основным почерком, следует, что к переводам князя Андрея Михайловича Курбского («Новому Маргариту») отнесены фрагменты «Гомилий» на л. 77 об. — 82 об. и на л. 157 об. — 171 об. Сходный с «Новым Маргаритом» текст обнаруживается в *В* на л. 77 об. — 82 об., 157 об. —

[2427] Уточняем написания имен кн. А. М. Курбского. Все чтения переданы нами в упрощенной транскрипции. Во всех случаях имя Курбского не оставляет сомнений, что оно читается именно так, как предложено здесь. В рукописи нет тех расхождений, которые отметили авторы каталога. Отметим впервые, что переписчик рукописи считает началом раздела с переводами Курбского текст со слов «Подобает потребующим...» на л. 77 об. Ср.: *Tugearu L.* Miniatura... Vol. 2. P. 166, 173.

[2428] ОР ГИМ. Собр. А. С. Уварова №508. Л. 85 об., 91, 170.

[2429] ВР ЛНБУ. АСП-3. Арк. 328; АСП-76. Арк. 278; ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. №1147. Л. 401.

[2430] ВР ЛНБУ. АСП-3. Арк. 332; ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина. №1147. Л. 406. Ср.: ВР ЛНБУ. АСП-76. Арк. 281 зв.

[2431] *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 251.

[2432] *Цеханович А. А.* К переводческой деятельности... С. 110–111.

Разночтения полного «Нового Маргарита» и отрывков Румянцевского и Бухарестского списков

NM	W, Л, У	Румянцевский	Бухарестский	Уваровский
234v	Его же послал Он рѣша ж к Нему	Его же *посла* Онъ рѣша *Емоу* (178 об.)	Его ж *посла* Он рѣша *Ему* (159 об.)	Его ж *посла* Онъ *рѣшѧ Емоу* (172)
–	ничто же над чрево пагубнѣшаго [*А:* пагубнѣйшего]	ничто же над чрево пагоубнѣшаго (179)	ничто же *паче чрева* пагоубнѣшаго	ничто ж *пач чрьва* пагѫбнѣшаго
–	анн допоущает, чтобы ясно зрѣл	анї [*испр. из* нї] допущаеть, чтобы ясно зрѣлъ	*ниж попущает* ясно *зрьти*	*ниж попущает* ясно *зрьти*
235	не брашно гнбнущее прндал [*глосса:* навел; *А:* прндал то ест навел] мзду	не брашно гнбноущее прндалъ мздоу	не брашно гнбнущее *приложи* мзду	не брашно гнбнущее *приложи* мзду
–	да вѣруете в Того, Его же послал [*А:* посла] Он	да вѣроуете в Того, Его [*испр. из* е] же *посла* Онъ	да вѣроуете во *Нь*, Его же Онъ *посла*	да вѣруете во *Н*, Его ж Онъ *посла*
244v	но и потребно быти поведает, кто яст плоть Мою и пьет [*А:* пиет] кров Моя [*А:* Мою], имѣет жывот вѣчный [*ср. 3 слова в А:* имает живот вѣчиѣн]	но и потребно быти поведает, кто *есть* плоть Мою и *пиеть* [*буква* и *из* р] кров *Мою*, імѣеть живот вѣчнын (189 об.)	но и потребно быти *глть, ядыи Мою* плот и *пїаи кръвь, имѣеть* живот вѣчнын (167 167 об.)	но и потрѣбно быти *глеть, ядыи Мою* плот и *пїа Мою кръвь, имѣеть* живот вѣчнын (180)
–	и возможно им [*У: нет*] было рещи	ї возможно им было рещи	и възможно *бѣ им* рещи	и възможно *имь бѣ* рещи
–	воскресение придает но им [*ср. АУ 2 слова:* коим] [*глосса:* наводит им же; *А: нет глоссы*] разрешает сумневание	воскресение придаеть *коим* разрешаеть *сумневаниѧ* (190)	въскресїе *наводит коим раздрѣшает непщеванїе*	въскресїе *наводит коим раздрѣшает непщеванїе*
–	сих придал	сих прїдал	*их приложи*	*их приложи* (180 об.)
245	но добрый [*А:* доброй] [*глосса:* благий; *А:* сирѣч предобрых] глаголет (245)	но добрын глтъ (190 — 190 об.)	но *добрый* глтъ	нѫ *добрый* глтъ
–	сие было [*У:* было] поучение, ижбы воскресения [*А:* въскресенню]	сїе было пооученне, їже бы вокресиѧ (190 об.)	сїе *бѧше* пооученїе, *да* въскресїѧ (168)	сїе *бѧше* пооученїе, *да* въскресїа
245v	ибо сие было его божества довод [*глосса:* указание; *А: глоссы нет*], понеже тайны [*А:* таны]	їбо сие было его бжства *оуказание*, понеж танны (191)	ибо сїе *бѧше бжства его* доводъ, понеже тайны (168 об.)	ибо сїе *бѧше бжства его* довод, понеже тайны (181)
246v	без коего [*глосса:* без него же; *А: глоссы нет*] ничто же жыти [*ср. АУ 3 слова:* никто же жити] может	без коего никто ж житї может (192)	без *него же* никто же житн может (169)	без *него* никто же житн может (182)
250	ижебы презрѣвши настоящие будущых желалисмы [*ср. АУ 2 слова:* будущих желалисмы] и их получити могли бысмы	їжебы презрѣвъшї настоѧщие будущихъ желалисмы ї їхъ получити могли бысмы (195 об.)	*да презрьвше настоѧщаа и будоущих желаем ихъ же буди всѣм намъ полоучити* (171 об.)	*да прѣзрьвше настоащаа и бѫдѫщихъ желаемь их же бѫди всѣм намъ получити* (184 об.)

171 об. – ср. *W*, л. 218 об. 223, 232–250 (гл. 55, 58–61)[2433]. В Бухарестстском списке он разделен киноварными заставками на «Беседы» и «Нравоучения», но не содержит нумерации глав «Нового Маргарита». Еще одно заметное отличие от *W* — в *В* заставки к главам выделены киноварью. Заглавие «Беседа 45» опущено в *В* ниже, после слов «Реша же к Нему... и веруем Тобе что делаешь», написанных киноварью (затем еще и инициал «и» в слове «ничто же» выделен цветом). В *W* заглавие значится перед этим первом. В *Рум* это место читается сходно с «Новым Маргаритом»[2434].

Разночтения полного «Нового Маргарита» и отрывков Румянцевского и Бухарестского списков мы свели в таблицу. Указываем также глоссы (в квадратных скобках), особенные чтения списка Ундольского (*У*) и отличия Румянцевского, Бухарестского и Уваровского (№ 508) «Маргарита» (курсивом *Р, В, Ув* соответственно). В левом столбце приводим сводное чтение архетипа *W, Л* и *У*, сохраняем только букву «ѣ», тогда как в правых столбцах — соответствующие наборы знаков *Р, В, Ув*:.

[2433] NM. Giessen, 1982. Bd. 2. Lief. 7. F. 218v–222v; Giessen, 1985. Bd. 2. Lief. 8. F. 223, 232–250. Объем сходного с «Новым Маргаритом» текста в «Маргарите» конца XVI — XVII в. установлен в кн.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 258.

[2434] ОР РГБ. Ф. 256 (Н.П. Румянцев). № 196. Л. 178 об. — 179.

Как можно заметить, тексты связаны между собой и имеют общую основу. Из приведенных примеров ясно, что чтения *W*, *А* и *У* независимо друг от друга восходят к общему протографу. Список *Р* точно передает независимо от *В* и *Ув* варианты полного «Нового Маргарита», еще не содержа следов масштабной стилистической правки, которая проведена в *В-Ув*. Отдельные архаизирующие вкрапления в *Р* уже видны (аорист «носла» вместо перфектной формы в *Р*, л. 178 об. — 179), но они не ведут ни сам *Р*, ни его ближайший протограф к особому общему протографу с *В-Ув*, что хорошо видно по чтению «указание» из глоссы *W*: протограф Бухарестского и Уваровского списков содержал в этом месте исходное чтение «Нового Маргарита» в обход Румянцевского.

Стилистические ориентиры Бухарестского и Уваровского «Маргаритов» ближе к церковнославянскому языку, тогда как Вольфенбюттельский «Новый Маргарит» и сходные с ним списки отражают большее влияние вернакулярных рутенских форм[2435]. На *В-Ув* сказались не все глоссы редактора «Нового Маргарита». Однако в тех случаях, когда составитель «Маргарита» пересматривал языковые решения Курбского, он иногда пользовался глоссами-«подсказками» ковельской артели, а иногда как раз не принимал глоссы, а вносил в свой «Маргарит» только чтение основного текста «Нового Маргарита». Можно предположить, что исходными являются именно русские чтения, и перед включением переводов Курбского в доработанный «Маргарит» основной редакции эти чтения были подвержены стилистической переработке. Часть этой языковой работы была выполнена, возможно, уже в кругу князя Андрея Курбского. Глоссы на полях «Нового Маргарита» не только комментировали, но в ряде случаев, с точки зрения создателей сводного «Маргарита», исправляли перевод ковельских книжников. Возможно, так и было — в таком случае Вольфенбюттельский «Новый Маргарит» и сходные списки следовало бы считать черновыми версиями текста.

Сравнение *В-Ув* с разночтениями, приведенными в издании И. Ауэрбах, показывает, что на сводном «Маргарите» отразился список, восходящий к общему протографу списков *W*, *У* и *А*. Различия между этими списками позволяют говорить о том, что они восходят к общему протографу, который младше архетипа «Нового Маргарита», но и независимо от *Р* восходит к его протографу. Показательно чтение f 244v, в котором *В* лучше передает «пиан», тогда как в *Ув* ближе к «Новому Маргариту» читается «Мою кръвь». В f 246v *Ув* также ближе в архетипу «Нового Маргарита», чем *В*. Текст Бухарестского списка в ряде чтений корректор приближал к версии «Нового Маргарита». К примеру, чтение «и той живъ боудет со Мною» было уточнено — предлог «со» был зачеркнут киноварью (*В*, л. 167 об., ср.: *W*, л. 245).

В списках сводного «Маргарита» РГАДА, собр. Синодальной Типографии № 197–198 (*Т*), В. В. Калугин уже обнаружил промежуточную редакцию между «Новым Маргаритом» и Московским изданием «Бесед» 1664–1665 гг. Правка в *Т*, несомненно, была принята в издании, этот факт следует считать доказанным. Неясным остается, кто именно и когда очищал «Новый Маргарит» от следов «простой мовы» — или, как пишет Калугин, от «западнорусизмов». Воспользуемся теми же примерами из нравоучения 46-й беседы Иоанна Златоуста и приведем ряд сравнений всех обсуждаемых списков и московского издания (снимаем курсив и скобки Калугина, чтобы показать сходства и отличия *В* от всех остальных списков сводного «Маргарита»)[2436] (см. табл.).

Как можно видеть, правка в *Т* проходит мимо индивидуальных вариантов *В* и *Ув*, но варианты *ни телцем ниже*, *отвръзает*, *лоуча*, *възложит* в *В-Ув* отражены в ранней версии *Т*, еще до исправлений киноварью в направлении издания 1665 г. Вместе с тем *В-Ув* ближе к «Новому Маргариту» (в равной мере *W*, *А*, *У* и *Р*), чтения которого можно рассматривать как архетип для *В-Ув* (например см. чтение *и Сын обраняет*). И всё же очевидно, что списки *Т* и *В-Ув* восходят к общему протографу, который не идентичен «Новому Маргариту» и старше *В-Ув* (см. более раннее в *Т* чтение *Сей источник*). При этом *Р* в полной мере отражает версию «Нового Маргарита» и, будучи списком сводного «Маргарита», еще не содержит следов книжного славянского языка в версии, сходной с *В-Ув-Т* (см. стемму).

Следы стилистической правки В. В. Калугин приписывает списку *Т*, полагая, что именно в нем «сначала были устранены явные западнорусизмы»[2437]. Исследователь не рассматривает версию правки на более раннем этапе развития сводного «Маргарита», который был бы в то же время

[2435] *Цеханович А. А.* К переводческой деятельности... С. 114; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 259–267.

[2436] См. также: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 262.

[2437] Ср.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 262–263.

???

W, A, У, Р	В, Ув	Т	Т (правка)	Издание 1665 г.
Многие сего источника струн, их же Параклит изливает и Сын [*А: нет* и Сын] обороняет [*У:* обороняет], ани толцом [*А:* телцом], ани ножем путь сотворяет, но души наши отворяет. Сей [*А:* сий] источник света изливает лучи правды [*А:* правде]... Ибо яко разтопившуся [*А:* растопившеся; *У:* растопившус] злату, аще кто руку або [*А:* или; *Р:* албо] язык вложыт [*А:* вложит; *У:* вложить], абие позлащается (243 – 243 об.)	*Многи* сего источника струн, их же Параклит изливает и Сн҃ъ *ѿбранѧет не телцем, ниж* ножемь поут сътворѧет [*Ув:* сътворѣет], но дш҃и *нш҃ей* [*Ув:* наши] *ѿврьзает ей* источник свѣта изливаеть *лоуча* правды... Ибо яко растѡпившоус златоу, аще кто рѫкоу или языкъ *възложит*, абїе позлащаетсѧ (166 об.; 179)	Многи сего источника струн, их же Параклит изливает и Сын бранит *не телцем, ниже* ножем путь сотворяет, но душа наша *отверзает*. Сей источник света изливает *луча* правды... Ибо яко же раступившуся злату, аще кто руку *или* язык *возложит*, абие позлащается (376)	Многи сего источника струн, их же Параклит изливает и Сын *ходатай бывает, не мотыку имеяй и путетворяяй, но возложение отверзая пред нами. Сий* источник *свет есть*, изливает *лучи истины... Зрят силу и облистание неприступное, якоже бо* равстопившуся злату, аще кто руку *вложит, аще яково же убо, аще же язык, злат абие и сотвори* (376)	Многи сего источника струн, их же Параклит изливает и Сын *ходатай бывает, не мотыку имеяй и путетворяяй, но возложение отверзаяй пред нами. Сий* источник *свет есть*, изливает [*глосса:* источает] *лучи истины... Зрят силу и облистания* [*глосса:* озарения] *неприступная, якоже бо злату растопившуся*, аще кто руку *вложит, аще яково же убо, аще же язык, злат абие и сотвори* (376)

более поздней стадией его формирования, чем текст списка *Р*. Как следует из сопоставления списков сводного «Маргарита», книжная правка, устраняющая «западнорусизмы», проводилась уже не позднее рубежа XVI–XVII вв. и была осуществлена в книжных кругах, близких к ковельской артели кн. Андрея Курбского на территории Речи Посполитой.

Помимо уже названных списков и поздних рефлексов «Нового Маргарита» следует упомянуть выдержки из «Нового Маргарита» в «Истории о князя великого московского делех» Андрея Курбского, т.е. в рукописной традиции Сборника Курбского. По нашему мнению, все выдержки из «Нового Маргарита» в пространной редакции «Истории» были в ее протографе, но de facto из анализа следует исключить все сокращенные редакции и неполные списки пространной версии текста – Комнилятивную повесть, Сокращенную редакцию, списки Панинской группы, Библиотечный список №9395 и отрывки из Сборника Курбского без «Истории» (например, Воронцовский список №645). Тем не менее выводы о становлении рукописной традиции «Истории» и других частей Сборника Курбского сохраняют силу для тех фрагментов «Истории», в которых присутствуют заимствования из «Нового Маргарита».

К сожалению, отрывки из «Нового Маргариты» в составе «Истории» не всегда точны и, возможно, приведены частично по памяти, и для стабилизации текста и выработки текстологической концепции соотношения полных списков «Нового Маргарита» текст «Истории» пригоден лишь в незначительной мере. Наоборот, цитируемые и проверяемые в «Истории» отрывки из сборника гомилий помогают установить наиболее ранний вид текста «Истории»[2438]. Тем не менее мы, как и при сравнении редакций Первого послания Курбского, сталкиваемся в данном случае с текстологической возможностью опираться на совершенно независимую от остальной рукописной традиции «Нового Маргарита» ветвь весьма ранних (прижизненных и авторских) текстовых рефлексов, возникшую в рукописной традиции впервые примерно 100 лет спустя после создания этого памятника.

Наконец, уже Н. П. Попов отметил текстологическое сходство между Толковой Псалтырью 1570-х гг. в ряде чтений с «Новым Маргаритом» и сочинениями Максима Грека, предположив ее восхождение непосредственно к волынскому кружку кн. А. М. Курбского и его сотрудников[2439]. Эта гипотеза была уточнена И. Ауэрбах и В. В. Калугиным. Германская исследовательница допустила зависимость чтений Псалтири от экземпляра «Нового Маргарита», отправленного Курбским Марку Сарыхозину, тогда как в монографии Калугина высказано предположение о том, что Псалтирь создана в окружении близкого знакомого Курбского, старца Артемия в Слуцке[2440].

Рукописная традиция «Нового Маргарита» не оставляет четкого ответа на вопрос о формировании этого памятника. Как уже отмечалось исследователями, кн. Андрей Курбский в предисловии к «Новому Маргариту» и в послании

[2438] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 47–50.

[2439] *Попов Н.П.* Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Вып. 1. С. 135–143.

[2440] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 27; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. 1998. С. 89–90.

Марку Сарыхозину только планирует «устремитися на епистолии Павла». В письме Семену Седларю от января 1580 г. и в «Истории» ссылается на свои переводы из Бесед Иоанна Златоуста на Послания апостола Павла. Однако цитаты из «Нового Маргарита» могли появляться не после завершения переводческих работ, а в их процессе. По предположению В. В. Калугина, «Девятая беседа Златоуста (1 Кор. III, 15) была переведена им в ответ на просьбу Семена Седларя и отправлена ему вместе с посланием в январе 1580 г.»[2441]. Девятая беседа оказалась гл. 89 полного текста «Нового Маргарита»[2442]. Причем в этой главе появляются и излюбленные Курбским слова Златоуста о «ранах приятеля» и «целованиях вражиих». Впрочем, приложения Сборника Курбского содержат и дополнительные переводы из Иоанна Златоуста, не вошедшие в состав «Нового Маргарита». Если «Новый Маргарит» и дорабатывался между 1572 и январем 1580 г., то следы этих работ на сохранившейся рукописной традиции «Нового Маргарита» не отразились и могут быть обнаружены сегодня лишь в редактировании «Слов» Иоанна Златоуста (сводного «Маргарита»)[2443].

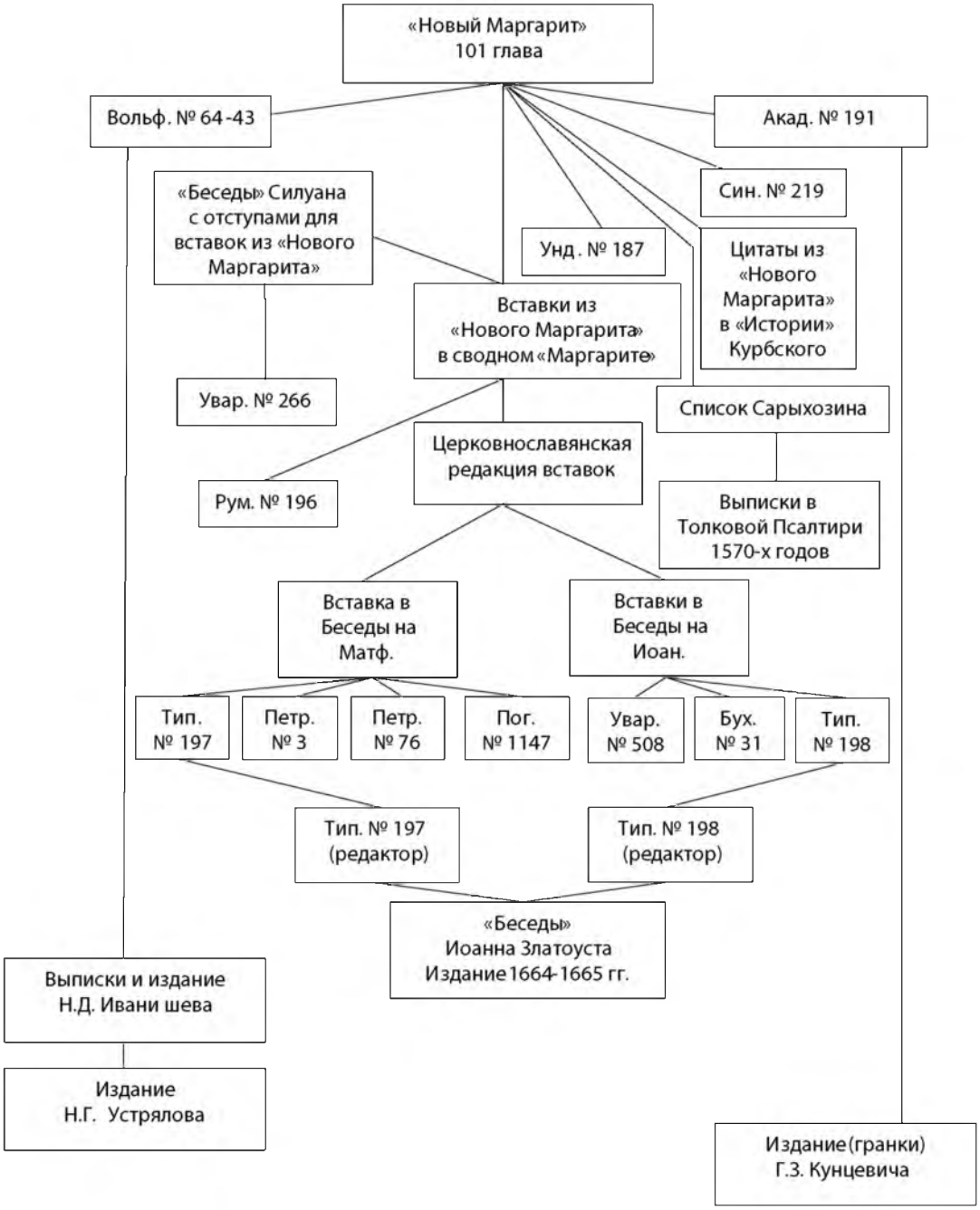
Переводы «о Словех Павла» Курбский лишь планировал, когда составил реестр «всех книг» Иоанна Златоуста, в том числе его толкования на 1–2 Кор.[2444] Ряд толкований Златоуста на послания апостола Павла вошли в «Новый Маргарит» (гл. 65–74, 81–89). Сразу за ними следуют приложения к сочинениям Иоанна Златоуста, и составитель полного сборника осознаёт, что дополняет его из иных контекстов. В сопровождении «Нового Маргарита» читаются «Жития» Иоанна Златоуста в версиях Палладия Гелиопольского (гл. 90–91) и Никифора Каллиста (гл. 92), «Отвещание» римского папы Иннокентия на послание Иоанна Златоуста (гл. 93), «Енистолия» римского папы Иннокентия (гл. 94), «Кои по смерти Иоанове соделались» (гл. 95), «Енистолии» Иоанна Златоуста римскому папе Иннокентию (гл. 96), послание Иоанна Златоуста «Инокентию епископу римскому» (гл. 97), послание Иоанна Златоуста епископу Кирияку (гл. 98), послание Иоанна Златоуста «ко епископом и презвитером благочестия ради в темницу вверженных» (гл. 99), два послания Иоанна Златоуста дьякониссе Олимпиаде (гл. 100–101). Все эти разделы далеки не только от «Маргарита» конца XV в. и его переработок в окружении Максима Грека, но и от той версии «Маргарита», в создании которой учитывались около 1581 г., если принять датировку Бухарестского списка, переводы князя Андрея Курбского. Однако они существовали в своде «Слов» Иоанна Златоуста уже к моменту завершения «Истории о князя великого московского делех», в которую Курбский включил ссылки на «Новый Маргарит» полной версии. Поскольку мы присоединились к поздней датировке завершения работ князя Андрея Курбского над «Историей о князя великого московского делех» (не ранее 1581 г.), сохраняется вероятность, что работы над полной редакцией «Нового Маргарита»

[2441] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 42. В цитате опущена внутритекстовая сноска.

[2442] NM. F. 390–404v.

[2443] Мы высказывались в печати в пользу позднего происхождения полного «Нового Маргарита» с верхней датировкой около 1580–1581 гг. (*Ерусалимский К. Ю.* «Новый Маргарит»: Рукописная традиция и рецепция // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2018. №2 (72). С. 74–94). Впрочем, отметим шаткость оснований для дальнейших построений относительно связи между переводческими работами и «Новым Маргаритом» и «Историей», поскольку в составе Сборника Курбского сразу после послания Семену Седларю приведен текст переведенного Курбским и его сотрудниками Нравоучения от беседы 29 «Корифейского Первого Послания» (СК. Л. 184b–189). Это особый текст, который ни в «Новом Маргарите», ни в «Истории о князя великого московского делех» не отражен. Существование переводов Курбского и его сотрудников из Иоанна Златоуста вне «Нового Маргарита» и связанного с ним сводного «Маргарита» не вызывает сомнений. Впрочем, исследования Эльнаса Бунатиру позволили выявить источники следующих за Нравоучением от беседы 29 семи гомилий Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна в составе пространной редакции Сборника Курбского и атрибутировать их Максиму Греку (и его ближайшим сотрудникам, возможно — Силуану) (*Bounatirou E.* Ein unbekannter Maksim Grek // Contributions suisses au XVIe congrès mondial des slavistes à Belgrade. Août 2018 / ed. E. Velmezova. Bern et al., 2018. S. 11–32. Благодарю А. А. Турилова за доступ к данной публикации). Если верны наши предположения о сложении пространного Сборника Курбского в последние годы жизни кн. Андрея Курбского, то нельзя исключать, что Сборник отразил внимание волынских переводчиков к подборке переводов Максима Грека, включенной в кодекс с «Историей» Курбского около того же времени, к которому относятся работы над «Беседами» Иоанна Златоуста на Евангелия от Матфея и Иоанна. При этом апологетический раздел «Стрела наострейшая» с комментарием «Ответ восточных», включивающийся в Сборнике Курбского в выявленные переводы Максима Грека, содержит след диспута Курбского с незунтами, упоминание книги, привезенной кн. Константину-Василию Острожскому «от Святые Горы», и прямую ссылку на переписку Максима Грека с Федором Карповым (см.: СК. Л. 197 об.). Включение переводов Максима Грека в состав Сборника могло быть вызвано и какими-то случайными обстоятельствами, однако происхождение самих переводов из книжной мастерской кн. Андрея Курбского представляется вероятным.

[2444] NM. Bd. 3. F. 461v.



Том переводов «Новый Маргарит». Текстологическая стемма.

велись и в 1572–1581 гг.[2445] Впрочем, вопрос о развитии замысла «Нового Маргарита» и последующих переводах Курбского из Иоанна Златоуста и о том, планировался ли новый сборник или дополнение к уже созданному, остается открытым.

Из этих наблюдений следуют предварительные выводы о возникновении и раннем бытовании «Нового Маргарита». Предположение о составном характере полной версии «Нового Маргарита» не должно сбрасываться со счетов. Его версия в 101 главу возникла не ранее середины – второй половины 1572 г. и не позднее кончины составителя в конце мая 1583 г. Поздние дополнения были готовы к моменту написания письма Курбского Семену Седларю, отправленного из Миляновичей в январе 1580 г.,

[2445] О датировке «Истории» см. здесь раздел «Сборники Курбского».

и воплотились в Вольфенбюттельском и сходных с ним списках. В томе «Симеон Метафраст» поздние дополнения «Нового Маргарита» еще не были использованы. Исправления переводов князя Андрея Михайловича еще при его жизни или вскоре после смерти для включения в «Маргарит» свидетельствуют о том, что «Новый Маргарит» книжниками-современниками не воспринимался как конечная редакция, а прочитывался как подстрочник, на основе которого делался церковнославянский чистовой текст. Это не может не привести нас к вопросу, не воспринимал ли сам князь Андрей Курбский свои переводы как всего лишь раннюю и сырую версию задуманного свода переводов.

И.З. Мыцко и В.В. Калугин предположили, что работа над дополнением «Маргарита» Силуана по «Новому Маргариту» велась около 1605 г. при участии инока Киприана из Дерманского монастыря на Волыни[2446]. Расхождения между протографом «Бесед» Патриаршей типографии и Бухарестской рукописью показывают, что стилистическая правка отрывков «Нового Маргарита» проводилась не единожды, но в основе обеих ее версий – общий протограф. Ряд списков сводного «Маргарита» с дополнениями ковельской артели, в том числе и Бухарестского списка, датируется временем ранее 1605 г. По предположению Л. Туджеару, Бухарестский «Маргарит» относится к началу 1580-х гг., и в нем роль кн. Андрея Курбского уже была отмечена. Какими путями этот список попал в Сучевицкий монастырь – неясно, но сама история этой рукописи и других сходных списков показывает, что переводы князя Андрея Михайловича влияли на православные интеллектуальные круги рубежа XVI–XVII вв. и пользовались спросом в проектах исправления святоотеческой книжности.

Можно предположить, что самая ранняя версия заимствований из «Нового Маргарита» для сводного «Маргарита» отразилась в Румянцевском списке, тогда как полная версия того же объема в церковнославянской редакции воплощена в Бухарестском «Маргарите». Списки Пог. №1147, Тип. №197, Петр. №3 и Петр. №76 восходят к общему протографу, уже прошедшему стилистическую правку, отразившуюся также в Бух. №10, Тип. №198 и Увар. №508.

Полная редакция «Нового Маргарита», как говорилось, содержала 101 главу. Ограничив себя «сотницей», Андрей Курбский и его сотрудники вынуждены были позднее приложить другие переводы из «Словес» Иоанна Златоуста к Сборнику Курбского пространной редакции (в комплексе с «литовскими письмами», «Историей о Осьмом соборе» и переводами из Евсевия Памфила). Включение отрывков из «Нового Маргарита» в сводный «Маргарит» – возможно, еще при жизни Курбского – говорит о том, что «Новый Маргарит» не только дополнял сборник Силуана на правах отдельного тома, но и служил основой для его уточнения. Возможно, такая цель в большей мере соответствовала начальной фазе переводческих работ. Отправляя Первое послание кн. Константину-Василю Острожскому осенью 1570 г., Курбский только принялся за перевод и обсуждал со своим покровителем перспективы дальнейшей совместной работы над гомилиями Иоанна Златоуста. Киевский воевода отнесся к проекту Андрея Курбского скептически, считая его для себя обременительным или просто неактуальным. Основные работы по переводу были завершены ковельской артелью не ранее 9 марта 1572 г., когда во Владимире-Волынском был убит И.И. Калымет, о чем прямо сказано в Предисловии к «Новому Маргариту». Еще один рубеж для датировки – отсутствие в «Истории о князя великого московского делех» ссылок на том «Иоанн Дамаскин», который был важен для составления «Истории», но к моменту создания основного ее текста еще не был до конца переведен. В другом месте мы покажем, что датировка перевода «Иоанна Дамаскина» должна быть перенесена на 1573 – начало 1575 г. Таким образом, перевод ранней версии «Нового Маргарита» следует отнести, по всей видимости, ко второй половине 1570 – второй половине 1572 г.[2447]

Первыми читателями стали слуги, сотрудники, родные и близкие Курбского, его местные покровители, друзья и знакомые. По вероятному предположению Инги Ауэрбах, Вольфенбюттельский том был сконирован ученым слугой Андрея и Марии Курбских Жданом Мироновичем, после развода княжеской четы служившим у княгини Марии. Своими списками фрагментов «Нового Маргарита» на ранних этапах формирования и бытования памятника располагали княгиня Мария Курбская, кн. Константин-Василь Острожский, Марк Сарыхозин[2448].

[2446] *Мицько І.З.* Острозька Слов'яно-греко-латинська академія. С. 128; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 256.

[2447] Весь комплекс указанных здесь выводов обсуждается нами в разделах «Польско-Литовская переписка», «Сборники Курбского», «"Иоанн Дамаскин" и "Симеон Метафраст"».

[2448] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 26–29.

Академический список хранился в Волынском музее. Сохранившаяся в кодексе закладка указывает шифр Волынского епархиального древлехранилища (под № I/177) и дату — 17 сентября 1912 г. Возможно, это след подготовки к отправлению рукописи в Санкт-Петербург. В феврале 1913 г. Г.З. Кунцевич сделал официальный запрос в Археографическую комиссию для подготовки (так и не увидевшего свет) второго тома «Сочинений князя Курбского»[2449]. До начала XX в. сборник долгое время не покидал Волынь, где, согласно польской на л. 1 и двум кириллическим на л. 1–14 и 17–25 записям по нижнему полю, хранился в «Загоровской» библиотеке, или в библиотеке «Загоровского третьеклассного монастыря» (Рождество-Богородицкий монастырь недалеко от села Воля Загорова или Новый Загоров)[2450]. Первая из записей датирована 1854 г. Вторая — выполнена той же рукой, возможно, тогда же. В собрании монастыря рукопись хранилась под номером 11. Между тем, как установил А.Г. Сергеев, список «Нового Маргарита» в этой рукописи, судя по водяным знакам, мог возникнуть уже в 1610-е гг., а вот его приложение на л. 454–541 «Шестоднев» Севериана Гевальского — написано на бумаге более раннего времени, возможно — в 1580–1590-е гг.[2451] Отметим также, что основной текст «Нового Маргарита» написан полууставом, а «Шестоднев» — волынской канцелярской скорописью второй половины XVI в., что указывает на возможную близость создателя списка к волынским урядам. В сходной редакции «Шестоднев» встречается также в конвое одного Уваровского списка «Иоанна Дамаскина» в переводе Курбского и его сотрудников[2452].

Проблема происхождения «Маргарита» со вставками из «Нового Маргарита» решается с учетом данных обо всех известных сегодня списках так же, как ее предварительно решал А.А. Цеханович. Текст «Бесед» Иоанна Златоуста со вставками из Курбского сформировался на русских землях Короны Польской[2453]. Создатель, судя по глоссам в архетипе сводного «Маргарита» и пометам в Унд. № 187 и Рум. № 196, хорошо знал, какие фрагменты заимствованы из Курбского, отмечал их как авторские. С оной на пометы Бух. № 31 и Увар. № 508 можно уточнить вывод А.А. Цехановича и признать, что не только вставка 45-й гл. была с достаточными основаниями приписана Курбскому, но и в более полных списках с гл. 22–23 и 44–47 сводного «Маргарита» все дополнения были признаны как принадлежащие князю-эмигранту. Составление сводного «Маргарита» со вставками из «Нового Маргарита» велось при жизни Андрея Курбского или вскоре после его смерти по меньшей мере в два приема — сначала в «Новом Маргарите» были выбраны недостающие в «Маргарите» Силуана и Максима Грека главы и добавлены в сборник, сходный объемом и составом с Увар. № 266.

«Маргарит» с дополнениями бытовал на украинских землях Речи Посполитой, особенно широко — на рубеже XVI–XVII вв. Список АСП-76 был сконирован весь или, как полагает А.А. Цеханович, только 45-я беседа в переводе Курбского и его сотрудников Андреем Ереевичем из Старого Самбора (к западу от Львова) «его працею власною» для священника Солского Ильинского храма, Василия Добрянского, 6 марта 1607 г.[2454] Список АСП-3 монахиня Евгения (Васильковская) дала вкладом в Уневский монастырь[2455].

Сборник Увар. № 508 происходит из Речи Посполитой, где находился еще в середине XVII в., и представляет собой одну из четырех книг из собрания церкви недалеко от Винницы. Вкладная запись местным почерком XVII в. гласит: «[Книга, глагол]емая Бесѣды Евангелские толкованная святого Иоанна [Зла]того Слова. И затримана

[2449] *Сергеев А.Г.* О вновь найденном списке... С. 143–144.

[2450] *Горін С.* Монастирі Західної Волині. С. 117–139, здесь с. 135. Благодарю Н.П. Бондар за консультацию.

[2451] Там же. С. 145, 152.

[2452] ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова № 878 (4°). Л. 459–568.

[2453] *Цеханович А.А.* К переводческой деятельности... С. 113.

[2454] ВР ЛНБУ. АСП-76. Арк. 281 зв.; *Цеханович А.А.* К переводческой деятельности... С. 113–114. См. также: *Свенціцкий І.* Опис рукописів Народного дому з колекції Ант. Петрушевича. Львів, 1911. Ч. 2. С. 96–97. Кодекс действительно написан одним почерком, старательным полууставом. Приписка после основного текста выполнена более мелким почерком с тяготением к курсиву, но, вполне вероятно, — той же рукой. Достоверным представляется, что «выходная» запись в рукописи относится ко всему кодексу. Филиграни основного блока: 1–3) Jelita в картуше трех разновидностей. Больше других в рукописи листов со знаками, близкими к Лауцявичюс № 1548 (1602, 1603 гг.) или Мацюк № 129 (1598, 1599 гг.) и, во-вторых, сходно с л. 38 — Лауцявичюс № 1552 (1588 г.) и 1553 (1589 г.). Знак на л. 36 и 281 формой копий и навершием сходен с Мацюк № 86 (1585 г.). Точных аналогов в альбомах не обнаружено; 4) знак, сходный с Лауцявичюс № 2731 (1607, 1608 гг.).

[2455] ВР ЛНБУ. АСП-3. Арк. 5–8; *Цеханович А.А.* К переводческой деятельности... С. 113–114. См. также: *Свенціцкий І.* Опис рукописів... С. 97–98. Кодекс написан старательным полууставом на бумаге с плохо просматривающимися водяными знаками Кабан, возможно, нескольких разновидностей, а также знаком Лилия.

была нрез рок у розних особь, а тенер отыскана и отдана нрез Ивана Максимовича отцу Леонтому священику шаргородскому до храму Рожества Христова на Старом мѣстѣ. А кгди воскресит Госнодь Бог зновь церков Святую Пречистую Рожество на Новом мѣстѣ, новинни сии книги всѣ Маргарит, Бесѣди на Дѣяния Аностолская другая и третяя Бесѣди святого евангелиста Матфея, и четвертая Бесѣди святого Иоанна тая слова отдатися до того жь храму Рожества Святой Пречистой неотмѣнне. А хто би их мѣл отдалят от оной церкви албо нродат, албо тяшло ят, — таковий новинен будет суду нред оним Страшним Судиею в будущий вѣк. Отдано их рок 1657 месяца сентеврия дня 14 на Воздвижение Госноднаго Креста Госнодня»[2456]. В с. Слобода-Шаргородская Винницкой области Украины действительно есть церковь Рождества Богородицы, однако она ностроена в XVIII в. Книга хранилась на новом месте, но в связи с ее временным переносом на старое место вкладчик расноряжается вернуть ее нотом но месту основного хранения нод санкцией Божьей кары. Как ясно из записи, при храме хранился комнлект «Слов» Иоанна Златоуста в составе «Маргарита», «Бесед на Деяния Аностольские» и двух томов «Евангельских Бесед». Иван Максимович забрал книгу у каких-то должников и к 14 сентября 1657 г. отдал ее в храм священнику Леонтию. На той же странице, где названо имя И. Максимовича, другой рукой и более темными чернилами XVII в. вписано ниже: «Помощник и нокровитель», — а на обороте: «Помощ моя»[2457].

Снисок Пог. №1147 бытовал в среде луцкой шляхты. Какому-то местному грамотею принадлежит намятка-словарик с переводом «русского на русский»: «Качьство — якис, чи количество — колкост». По нижнему нолю в основном блоке вкладная запись почерком XVII в.: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа сии бесѣды наданы сут до монастыря Межигорского Снасского и Николского от нана Ивана Антоновича бурмистра луцкого на вѣчную намятку и богомолье о родичох, о собѣ и о нотомках своих а на уживанье и читане братиям в том монастыри мешкаючим. А где бы их хто важилъся от обители отделити, тот святокрадства суду нодлегати будет. Дѣялося в обители Межигорской року 1624 месеца мая 1-го дня»[2458]. Известно, кто этот владелец — это Иван Антонович Добриянович, советник-райца луцкий, упоминаемый в луцких гродских книгах в 1624, 1632, 1635, 1636 гг. Его отец — луцкий лавник, т.е. советник местного самоуправления Лавы, в 1606, 1611, 1616–1619 гг. Райцей был и брат Ивана Павел[2459]. Таким образом, сборник бытовал в семье влиятельного волынского урядника. Книга дана вкладом в Межигорский монастырь нод Киевом.

Круг читателей у сводного «Маргарита» был шире, чем сейчас известно. И его использование в московской Патриаршей типографии доказывает, что книга нолучила известность и в России. Внрочем, заимствования в Москве делались из сводного «Маргарита», а не из пространной редакции «Нового Маргарита». На научную традицию изучения «Нового Маргарита» новлияла тем не менее не она. Издания «Нового Маргарита», как неудавшиеся, так и осуществленные, воспроизводят пространную редакцию этого памятника, возникшую нредноложительно в нoследние годы жизни Андрея Курбского.

«Иоанн Дамаскин» и «Симеон Метафраст»[2460]

Помимо «Нового Маргарита», до нас дошло два условных комнлекса нереводов книжной мастерской кн. Андрея Курбского — «Иоанн

[2456] ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова №508 (2°). Л. 1–19 (в квадратных скобках поврежденные н плохо чнтаемые фрагменты). Сборннк написан полууставом на рубеже XVI–XVII вв. Последнне трн лнста рукопнсн (л. 329–331) восполнены в XIX в. с нмнтацней почерка основного текста. Переплет в сборннке восстановленный в XVIII нлн начале XIX в. Водяные знакн в рукопнсн одного тнпа — Кабан нескольких разновидностей. С выступамн на брюхе («выменем») отдаленное сходство (л. 29) — Лауцявнчюс №3663 (1561, 1565 гг.). Крупный варнант тулова с кружком на хвосте (л. 35) — отдаленное сходство: Лауцявнчюс №3679 (1551 г.). По форме задней лапы н расположенню между понтюзо вытянутый варнант (л. 91) отдаленное сходство — Лауцявнчюс №3692 (1531 г.). Все названные раннне аналогнн не отвечают задаче, поскольку тнпологнческн знакн в рукопнсн прннцнпнально отлнчаются отсутствнем бнвней н в ряде случаев налнчнем волннстой лннни нниже лннни живота («выменн»). Аналог, но весьма схематнчный н еднннственный — Лнхачев №1983 (предположнтельно, середнна XVI в.) (*Лихачев Н.П.* Палеографнческое значенне... Т. 1. С. 191). См. также: *Леонид, архим.* Снстематнческое опнсанне славяно-россннскнх рукопнсей... М., 1893. Ч. 1. С. 87.

[2457] ОР ГИМ. Собр. А.С. Уварова №508 (2°). Л. 4 — 4 об.

[2458] ОР РНБ. Собр. М.П. Погоднна №1147. Л. 1–10. Благодарю М.А. Шнбаева (Санкт-Петербург) за помощь в работе с данной рукопнсью.

[2459] *Bilous N.* Urzędnicy miejscy Łucka w XV–XVII wieku: Spisy. Toruń, 2017. (Spisy urzędników miejskich z obszaru dawnej Rzeczypospolitej, Śląska i Pomorza Zachodniego, t. VII: Ziemie Ruskie, z. 3: Łuck). S. 61–64, 80–83. Благодарю Владнмнра Полнщука (Кнев) за консультацню.

[2460] Данный раздел напнсан совместно с Наталней Петровной Бондар (Кнев).

Дамаскин» и «Симеон Метафраст». Нам предстоит понять, по каким причинам первая подборка прочно вошла в рукописную традицию и продолжала бытовать в XVIII–XIX вв., а второй комплекс остался, по всей видимости, в безвестности. Списки «Богословия» и «Диалектики» Иоанна Дамаскина содержат также «Логику» Иоганна Снангенберга (Шнангенберга) с предисловием Курбского и в различных списках не всегда сходные приложения. Свод «Симеон Метафраст» тоже не ограничивается выдержками из сочинений агиографа и государственного деятеля X в., составителя «Греческой патрологии».

Сохраняют ли дошедшие до наших дней рукописи след ранних работ? И как эти работы развивались при жизни князя Андрея Михайловича и после смерти? Что в своей работе Курбский использовал от своих предшественников, а что в позднейших переводах творений Иоанна Дамаскина и Симеона Метафраста наследовало его трудам?

«Богословие» и «Диалектика» Иоанна Дамаскина, созданные ковельскими мастерами в 1570-е гг., расширяли известный в кириллической книжности комплекс творений отца церкви в переводе Иоанна Экзарха Болгарского («Небеса», 48 глав), в сербской редакции начала XIII в., в новом южнославянском переводе начале XIV в. и в ряде компилятивных собраний более поздней эпохи. К середине XVI в. вся подборка была включена в «Великие Минеи Четьи» (в день памяти святого Иоанна Дамаскина, под 4 декабря)[2461].

Согласно заставке, книга «благородным князем Анъдреем Курпъским на словенъско изведенна»[2462]. Сам князь Курбский в «Предословии Андрея, грехми исполненаго» прояснил цель нового перевода. Случилось ему узнать наставление Максима Грека некоему Юрию («неякому Егорию») читать в утешение книгу Иоанна Дамаскина, и она была бы лучшим чтением, «аще бы прямо преведена была и исправлена». Князь еще тогда, в Московском государстве, удивился отсутствию хорошего перевода[2463]. Так родился замысел, который и был осуществлен в эмиграции — был составлен свод, включающий полную версию «Богословия» и «Диалектику» святого Иоанна. Впрочем, как уже отмечали исследователи, полнота эта весьма условна: из 68 глав «Диалектики» в свод Курбского вошли только 50[2464]. Как представлял себе князь задачи нового перевода и редактирования старых переводов, мы ответим в этой работе. До последнего времени были известны следующие списки «Иоанна Дамаскина» в переводе кружка князя Андрея Курбского:

ГИМ, собр. И. А. Хлудова № 60 (конец 1570-х гг.) (*Х*);

ГИМ, собр. А. С. Уварова № 878 (4°) (XVII в.) (*Ув*);

ГИМ, Синодальное собр. № 122 (1630–1640-е гг.) (*Сн*);

РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского) № 187 (конец XVI в.) (*Ун*);

РГБ, ф. 256 (собр. Н. Н. Румянцева) № 193 (конец XVI — начало XVII в.) (*Р*);

РГБ, ф. 256 (собр. Н. Н. Румянцева) № 376 (конец XVII в.) (*Рм*);

РНБ, собр. А. А. Титова № 979 (начало XVII в.) (*Т*);

РНБ, ОСРК Q.I.264 (начало XVII в.) (*Тл*);

Афонского Зографского монастыря № 166 (1790-е гг.) (*З*);

НБУВ, собр. Киево-Софийского собора № 156 (конец XVI — начало XVII в.) (*Сф*);

НБУВ, собр. Киево-Софийского собора № 157 (1570–1580-е годы) (*С*)[2465];

НБУВ, ф. 1 № 4071 (кодекс XVII в.) (*Вл*)[2466];

ЛНБУ, ф. 3 (собр. Монастырей Василиан) № 107 (конец XVI в.) (*Лв*)[2467].

Из этих списков первые девять учтены при подготовке Ю. Бестерс-Дилгер издания «Богословия», т.е. начальных разделов из тома

[2461] Обзор рукописной традиции и археографии Иоанна Дамаскина см.: *Трендафилов Х.* Переводы «Богословия» Иоанна Дамаскина в русской и славянской филологии // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 658–667; *Сапожникова О. В.* Богословие Иоанна Дамаскина в составе древнерусских сборников XV в. и Флорентийская уния // ВВ. М., 2008. Т. 67 (92). С. 117–141; *Турилов А. А.* Иоанн Дамаскин // ПЭ. М., 2010. Т. 24. С. 60–64.

[2462] Так в списке НБУВ. Ф. I. № 4071. Л. 1.

[2463] DJD. S. L–LI.

[2464] *Харламович К.* Новая библиографическая находка. С. 219; *Беляева Н. П.* Материалы... С. 125–126; *Besters-Dilger J.* Andrej M. Kurbskij als Übersetzer: Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert. Freiburg, 1992. S. 37.

[2465] Все названные списки учтены и охарактеризованы с указанием описаний и основной библиографии: DJD. S. XXXI–XLVII (порядок перечисления списков иной). Датировка Хлудовского списка уточнена по исследованиям В. В. Калугина. Датировка Киево-Софийского списка — по исследованиям О. А. Ивановой и Н. П. Бондар. De facto две рукописи из Киево-Софийского собрания при подготовке издания Ю. Бестерс-Дилгер не изучались.

[2466] Данный кодекс, по нашим данным, впервые упомянут в статье Г. Наенко, ранее специалистами не изучался и не учитывался. См. здесь ниже.

[2467] Идентификация данного текста с «Иоанном Дамаскиным» из волынского скриптория князя Андрея Курбского проведена О. В. Сапожниковой. Об этом см. ниже.

«Иоанн Дамаскин». Помимо названных рукописей существует тесно связанное происхождением с «Иоанном Дамаскиным» в переводе ковельских книжников издание «Логики», с которого уже в конце XVI в. делались списки[2468]. «Логика» была известна в Москве сразу после выхода в печати, а списки и краткие рефлексы тома «Иоанн Дамаскин» из скриптория Курбского имели хождение в Российском царстве уже в XVII в., как и фрагменты «Богословия» и «Диалектики»[2469].

Обстоятельствами возникновения и общим скрипторием тесно связан с «Иоанном Дамаскиным» том «Симеон Метафраст», также в переводе ковельских книжников. Выявлен единственный его список в рукописи ГИМ Синодальное собр. №219, которая многосторонне изучена И. Ауэрбах и В.В. Калугиным и на основе кодикологического анализа отнесена последним из названных исследователей непосредственно к книжной мастерской кн. А.М. Курбского. В составе этой рукописи — переводы волынского скриптория Курбского из сборника Житий Симеона Метафраста, а также ряд других приложений, включая обширные выдержки из пространной редакции «Нового Маргарита». Из списков «Иоанна Дамаскина» особого внимания заслуживают наиболее ранние — Хлудовский №60 и Киево-Софийский №157. Первый из них происходит, по всей видимости, непосредственно из ковельского скриптория или создан вскоре после смерти Андрея Курбского. Совпадение почерков Соф. №157 и Син. №219 показывает, что над списком «Иоанна Дамаскина» работали те же самые книжники, которые переписывали том «Симеон Метафраст», также созданный в кружке Андрея Курбского и его сотрудников. Таким образом, предположение о близости к ковельской книгописной мастерской следовало бы распространить еще и на рукопись Соф. №157. Остановимся на названных кодексах и представим аргументы в пользу предложенной концепции их происхождения.

Переплеты во всех трех рукописях, Син. №219, Хлуд. №60 и Соф. №157, созданы позднее или ремонтировались и до наших дней дошли в измененном виде. Том Хлуд. №60 переплетен в XVII в. и реставрировался позднее[2470]. Кодекс Син. №219 первоначально состоял из нескольких пластов, но его переплет в нынешнем виде возник лишь в XVIII в.[2471] В то же время Соф. №157 переплетен в нынешнем виде лишь в третьей четверти XIX в. (на верхнем форзаце есть запись о переплетении рукописи в июле 1854 г.)[2472]. В монографии О.А. Ивановой датировка Киево-Софийского списка №157 предложена достаточно ранняя: «...кроме того, есть рукопись XVI в. (ф. 312, №157), бумага которой датируется 80-ми годами XVI в., — то есть список был выполнен вскоре после создания перевода»[2473]. Однако основания для указанной даты не приведены. В каталоге собрания НБУВ список датирован еще ранее — 1570–1580-ми гг. — на основании датировки двух выявленных филиграней[2474].

Как представляется, можно уточнить этот вывод. Прежде всего, дополним описание, проведя полистный анализ водяных знаков в кодексе Соф. №157. Рукопись написана на бумаге форматом «в лист» (или «в двойку», 2°), состоит из 245 л. с текстом. Фолиация арабскими цифрами проставлена в XIX в. в правом верхнем углу листа (имеется два сбоя в виде пропущенных листов, вследствие чего л. 111а, 176а пронумерованы литерными), т.е. в рукописи всего 247 листов. В кодексе насчитывается 122 листа с филиграными. Их было больше, но несколько листов из первоначального объема ныне утрачено.

На первый взгляд, бумага однородная, одинаковой толщины и среднего качества, иногда с прорывами (л. 172, 176а, 180 и др.), на некоторых листах из-за недостаточной плотности проступает рукописный текст с оборота. Исключение составляют листы 4–7 (л. 7 — чистый, без текста), представляющие собой хорошо заметную и по характеру почерка, и по размеру листов более позднюю вставку, вероятно, конца XVII — начала XVIII в. Это два сдвоенных листа з двумя одинаковыми неидентифицированными нечеткими филиграными и двумя контрамарками в виде анаграммы, возможно, "HR" с завитками

[2468] Публикации см: *Eismann W.* O siłogizme vytołkovano; Пам'ятки братських шкіл на Україні: кінець XVI — початок XVII ст. Тексти і дослідження / ред. В.І. Шинкарук, В.М. Нічик, А.Д. Сухов. Київ, 1988. С. 73–169.

[2469] *Беляева И.П.* Материалы... С. 125–129.

[2470] Эти выводы Л.М. Костюхина предоставила по запросу Ю. Бестерс-Дилгер. См.: DJD. S. XXXV. Anm. 7.

[2471] *Калугин В.В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 15.

[2472] *Іванова О.А., Гальченко О.М., Гнатенко Л.А.* Слов'янська кирилична рукописна книга XVI ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського: наук. кат.: палеогр. альбом. Київ, 2010. С. 358–359.

[2473] *Іванова О.А.* Кирилична рукописна книга XVI ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського: Історико-кодикологічне дослідження. Альбом філіграней. Київ, 2016. С. 51.

[2474] *Іванова О.А., Гальченко О.М., Гнатенко Л.А.* Слов'янська кирилична рукописна книга... С. 358.

???

Название водяного знака	Листы, [тетради]	Альбом и датировка знака[a]	Почерки[b]
Знака нет	1–3	–	1
Нендентифицированный знак 100–50 мм, контрамарка с лигатурой HR 18–28 мм	4 = 7, 5 = 6	См. сноску ?? после таблицы	5
Абданк под инфулой с посохом в кругу, 45–45 мм, понтюзо разделяет знак (по центру)	[*8* = 17, *9* = 16, *10* = 15, 11 = *14*, *12* = 13], [18 = *27*, *19* = 26, *20* = 25, 21 = *24*, *22* = 23], [*28* = 37, *29* = 36, 30 = *35*, 31 = *34*, *32* = 33], [*38* = 47, 39 = *46*, 40 = *45*, 41 = *44*][c], [*48* = 55, *49* = 54, 50 = *53*, *51* = 52], [56 = *63*, *57* = 62, 58 = *61*, *59* = 60], [64 = *71*, 65 = *70*, 66 = *69*, *67* = 68], [72 = *79*, *73* = 78, *74* = 77, *75* = 76], [*80* = 87, 81 = *86*, 82 = *85*, *83* = 84], [*97* = 104, 98 = *103*, 99 = 102, *100* = 101], [*105* = 113, *106* = 112, *107* = 111a, 109 = 110][d], [*116* = 119, *117* = 118][e], [*131* = 140, 132 = *139*, *133* = 138, 134 = *137*, *135* = 136], [*147* = 154, 148 = *153*, *149* = 152, 150 = *151*], [155 = *164*, 156 = *163*, 157 = *162*, 158 = *161*, 159 = *160*], [*165* = 172, *166* = 171, *167* = 170, *168* = 169], [*173* = 179, *174* = 178, 175 = *177*, *176* = 176a], [180 = *187*, 181 = *186*, 182 = *185*, 183 = *184*], [188 = *195*, 189 = *194*, 190 = *193*, *191* = 192], [196 = *203*, 197 = *202*, 198 = *201*, 199 = *200*], [*204* = 211, *205* = 210, *206* = 209, *207* = 208], [*212* = 219, 213 = *218*, *214* = 217, *215* = 216], [220 = *227*, 221 = *226*, *222* = 225, 223 = *224*], [*228* = 235, *229* = 234, *230* = 233, 231 = *232*], [236***, *237****, *238****, *239****, 240***, 241***, 242***]	№ 200–201. – 1578, 1577 гг.	1, вкрапления почерков 2 (на л. 10, 18, 49 об., глоссы на л. 70) и 3 (глоссы, вставки слов, нижних 9 строк на л. 48 об., а также на л. 157–242). Еще один почерк — условно, 4-й — на строке 9 л. 138
Ястжембец в картуше под короной, 66–38 мм, понтюзо по центру	42 = *43*, 92*[f], *115* = 120, [*122*** 123**, *124***, *125***, *126***, 127**, 128**, 129**, *130***], [*141* = 146, 142 = *145*, 143 = *144*], [243****, 244****, *245****]	№ 30–31. – 1579–1583 гг.	3, на л. 142–145 почерк сходен со 2-м
Елита в картуше под короной с фигурными копьями, 55–45 мм, понтюзо по центру	[88*, 94*, 95*, *96**]	№ 132–136. – 1574–1578 гг.	1 и 3 (глоссы), л. 94 – почерком 3, л. 95 – вновь почерк 1 и 3 (глоссы)
Топор в картуше под короной, 40 27 мм, между двумя понтюзо	93*	№ 207. – 1570–1575 гг.	1 и 3 (глоссы)
Топор под полумесяцем без обрамления, 57–31 мм, понтюзо по центру	114 = 121	№ 214. 1578 г.	1 и 3 (глоссы и вставки слов)
Рава в щите под короной, 49–35 мм, понтюзо по центру	108 = *111*	№ 326, 329. – 1578 г., 1585 г.	3

[a] Все датировки приводятся по альбому: *Каманін І., Вітвіцька О.* Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII в.: 1566–1651. Київ, 1923 (далее — Каманин).
[b] Почерки заголовков не учитываются. Ряд вариантов близки к основным, но могут быть и особыми почерками. Так, на л. 26 об. и 27 почерк, близкий к 1-му. На л. 28 верхние 3 строки, возможно, 1-м почерком, но с большим наклоном. Особыми вариантами написаны нижняя строка на л. 30 об., верхняя строка на л. 54, нижняя запись на л. 62.
[c] Листы 42 – 43 из этой тетради с особым водяным знаком Ястжембец и почерком (3). См. ниже.
[d] Листы 108 = 111 из этой тетради с особым водяным знаком Рава и почерком (3). См. ниже.
[e] На листах 114 = 121 и 115 = 120 из этой тетради со сходными почерками, филиграни Ястжембец и Топор под полумесяцем.
[f] Здесь и далее одной звездочкой (*) обозначены листы, порядок в связи между которыми внутри тетради установить не удается. Двумя, тремя и четырьмя звездочками (**), (***), (****) еще три комплекса листов без установленного порядка листов. Курсивом при этом обозначены листы без водяного знака.

между буквами. На аутентичных листах рукописи XVI в. выявлено не два (как отмечено в описании рукописи), а шесть различных водяных знаков Абданк, Ястжембец, Елита, Рава, Топор в картуше и Топор под полумесяцем без обрамления[2475]. В таблице указано размещение знаков, их размеры и расположение относительно понтюзо, потетрадный анализ расположения листов с этими знаками, приведены ссылки на наиболее близкие изображения в альбомах и почерки на протяжении каждого комплекса бумаги (см. табл.).

[2475] В каталоге рукописных книг Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского в данной рукописи зафиксировано всего два знака — Абданк (Габданк) и Ястжембец (Яструбок). Эта информация — неполная. См.: *Іванова О.А., Гальченко О.М., Гнатенко Л.А.* Слов'янська кирилична рукописна книга... С. 358.

Все шесть видов обнаруженных в Соф. № 157 филиграней (не считая знака с контрамаркой HR[2476]) находят весьма близкие аналоги на бумаге польских и литовских документов XVI в. Как видно из приведенных выкладок, в рукописи существенно преобладает филигрань Абданк — обнаружено 102 таких знака, что составляет 82% от общего количества использованной бумаги. Бумага со всеми названными маркировками изготовлялась мельницами Краковского воеводства приблизительно в одно и то же время — преимущественно во второй половине 1570-х — в начале 1580-х гг. и могла быть закуплена одной партией. Данные водяные знаки характерны для книг и рукописных документов Малопольши, Волыни, Литвы (Вильно)[2477].

Особенностью всех шести филиграней XVI в. является и локализованность места изготовления бумаги мельницами Краковского воеводства и, хоть и более гипотетически, Ареал продажи и использования, а также время выпуска. Другие виды филиграней бумаги, использованной в иных приписанных скрипторию Курбского рукописях — Кабан, Гоздава, Рыба / Карась, Герб Нюрнберга, значительно хуже поддаются точной датировке из-за близости изображений на протяжении довольно длительного времени, ни конкретно установленного места, а иногда и региона производства. Такие виды филиграней, как Кабан, Гоздава, Рыба / Карась, могли служить не клеймами определенной мельницы, а маркерами определенного вида бумаги (например, знак Кабан маркировал бумагу для рукописных книг).

Географически точно локализовать скрипторий по виду использованной бумаги нет возможности. О распространении подобной бумаги на Волыни свидетельствует наличие идентичных или очень близких филиграней Ястжембец и Тонор под полумесяцем в Острожской Библии 1581 г. Существенно для датировки кодекса Соф. № 157 также использование идентичной бумаги в актовой документации, например во Владимирских гродских книгах указанного периода. Доказательство тому — публикация идентичных или очень близких видов всех шести знаков в альбоме Каманина и Витвицкой, фиксирующем бумагу документов XVI–XVII вв. из собрания Киевского исторического архива (ЦДИА Украины в г. Киеве).

Повторный, а возможно, неоднократный характер перешивания книжного блока рукописи Соф. № 157 не дает возможности точнее установить порядок вставок в текст и точно разделить блок на отдельные тетради или парные листы. Однако анализ динамики смены знаков и почерков показывает наличие в составе рукописного текста вставных фрагментов, маркерами которых в большинстве случаев выступают филиграни. Разделить кодекс на отдельные тетради позволяют сигнатуры (номера тетрадей, сохранившиеся по нижнему полю на лицевой стороне начальных листов). В рукописи имеются как десятилистные, так и восьмилистные тетради, что тоже указывает на неоднородность ее состава. Сигнатуры в кодексе — двух типов, что служит дополнительным аргументом в пользу его составного характера. Сигнатуры первого типа написаны одним из почерков основного текста. Они имеют вид кириллических цифр, размещенных под загнутым титлом, иногда с завитками или двумя точками с двух сторон, иногда с линиями-насечками на знаке титла (прописная буква «ї» написана с тремя горизонтальными насечками). Этот первый тип сигнатур (далее — I) проходит через всю рукопись, начиная с л. 8, и имеется почти во всех тетрадях. В ряде случаев сигнатуры частично срезаны. Сигнатуры второго типа (далее — II) проставлены простым почерком тонким пером без завитков. Несовпадение сигнатур фиксируется на листах 87 (II) и 88 (I), 113 (II) и 114 (I), 122 (I) и 123 (II), 147 (II) и 148 (I), 155 (I) и 156 (II).

Помимо позднейшей вставки на л. 4–7, следующая вставка фиксируется на двойном л. 42–43 (сигнатура Е = тетрадь 5), где впервые появляется бумага Ястжембец и видна смена почерка с первого (С-I) на третий (С-III). Ранее по тексту второй почерк использовался только для комментариев, основной текст написан почерком С-I, и этот почерк далее возвращается с л. 44. Смена филиграни (Елита) фиксируется на л. 88, где нет изменения почерка, но начинается новый, четвертый раздел книги. Заметно отличие чернил по цвету, он существенно темнее, в то же время заголовки написаны более светлым цветом. На л. 94 со знаком Елита тоже фиксируется смена почерка с типа С-I на С-III, оборот листа чистый, а с л. 95 возвращается первый почерк, и текст начинается

[2476] Данный водяной знак является контрамаркой при знаке, сходном с Лауцявичюс № 1403 (1696, 1698 гг.), 1404 (1697 г.). Впрочем, в рукописи литеры написаны с отрывом, тогда как оба варианта альбома — лигатуры. Ближе к искомому вариант — контрамарка знака Лауцявичюс № 1405 (1699 г.). Ср.: Лауцавичюс № 3042 (1745 г.), 3044 (1776 г.), 3045 (1792 г.).

[2477] *Siniarska-Czaplicka J.* Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej polskiej od początku XV do połowy XVIII wieku. Wrocław et al., 1969. S. 9–10; *Мякишев В.П.* Бумажные секреты Мамонтичей // Федоровские чтения. 2005. М., 2005. С. 205.

не с новой главы, а с середины главы, т.е. внутри главы фиксируется разрыв текста.

Аналогична предыдущей и вставка парных л. 108 и 109 с филигранью Рава в средину тетради 13 (сигнатура Г1), также сопровождающаяся сменой почерка С-I на С-III. В начале л. 108 текст написан более плотно, далее плотность снижается, на л. 109 об. — пустое место, а на следующем л. 110 зачеркнуто 12 верхних строк текста. С л. 122 (тетрадь 15, сигнатура Е1), т.е. с начала новой части книги, на котором вверху указано «Сие слово давно прежде нас преведено», фиксируется другая бумага — Ястжембец, и до конца тетради (л. 130) почерк С-III. На л. 131 филигрань не меняется, но почерк меняется вплоть до л. 141 включительно. Последний имеющийся в рукописи лист 244, содержащий оглавление первой книги, должен был бы быть расположен в самом ее начале. Хотя он сходен по почерку и оформлению, но, вероятно, принадлежит к другой рукописи, поскольку на нем указана нумерация листов от 1 до 39 (от «А» до «ЛѲ»), в то время как первая часть Дамаскина занимает вдвое меньше листов — всего 20, а не 39.

Исследование показывает, что бумага кодекса Соф. № 157 особенно широко бытовала на землях Речи Посполитой между 1575 и 1581 гг. Возможно как чуть более позднее, так и более раннее (около 1575 г.) датирование всего комплекса бумаги, вошедшей в данный кодекс. Анализ соотношения почерков и водяных знаков по тетрадям кодекса позволяет высказать следующее предположение о его формировании. Основные работы в границах нынешних л. 1–3, 8–242 велись одним переписчиком и глоссатором, который в ряде мест отредактировал текст. К редактору присоединились на небольших фрагментах еще два мастера. К этому комплексу, судя по сходству почерков, примыкают листы со знаком Елита и обеими разновидностями знака Топор. Судя по датировкам знака Ястжембец, второй и третий писцы из работавших над кодексом уже позже дополнили кодекс новыми листами, которых в первоначальном виде не было, или они присутствовали, но были заменены на новые. Причем особый комплекс на этой бумаге составляют л. 141–146, созданный при участии второго писца, который вносил лишь дополнения на начальной стадии работы над кодексом. Датировка этой начальной стадии тяготеет, судя по данным филиграней, приблизительно к 1575–1577 гг., тогда как дополнения могли быть сделаны уже на рубеже 1570–1580-х гг.

Уточним этот вывод, сравнив Софийскую и Синодальную рукописи, обе, предположительно, из книжной мастерской кн. Андрея Курбского.

Кодикологический анализ Синодального тома провел В. В. Калугин, и выявленные особенности тома показывают, что он состоит из рассогласованных пластов, которые объединены уже после того, как было составлено оглавление тома. Вкратце остановимся на выводах исследователя. Данный том составлен еще при жизни кн. Андрея Курбского, по всей видимости, непосредственно в его волынском скриптории. Это доказывается водяными знаками, датирующимися последними годами жизни Курбского, и тем, что оглавление книги отразило лишь промежуточный вариант сборника, и первоначальный вариант был дополнен теми же книжниками «на добавочной к основной (с филигранью “кабан”) бумаге», причем дополнения из новых переводов не были учтены и в первоначальной фолиации кодекса Син. № 219[2478].

Чтобы уточнить данные выводы, обратимся к филиграноведческому анализу рукописи. В ее составе выявлены знаки сюжетов Кабан (три разновидности), Подкова с крестом внутри без обрамления, Козел, Голова быка, Елита и герб Нюрнберга. Выявленные знаки условно можно разделить как минимум на три группы — 1. Кабан; 2. Подкова, Козел, Голова быка, Елита; 3. Герб Нюрнберга. Филигрань Кабан, как мы уже отметили, маркирует определенный вид бумаги. Бумага со знаками второй группы производилась мельницами Краковского воеводства и традиционно бытовала на Волыни. Филигрань с гербом Нюрнберга на Волыни не использовалась, и появление листов с таким знаком в составе сборника житий Син. № 219 может указывать как на исключительные обстоятельства закупки дополнительных листов, так и на написание отдельных частей кодекса за пределами Волыни. Из десяти обнаруженных водяных знаков восемь находят аналоги в альбомах филиграней. Самые поздние из них действительно имеют установленные аналоги, относящиеся к последним годам жизни кн. Андрея Курбского. Кодекс на 594 л. — это лишь часть первоначально более обширного комплекса, еще в скриптории включавшего не менее 680 л. Вставки в кодекс свидетельствуют, как показал опять же В. В. Калугин, о том, что замысел тома менялся и работа над ним так и не была завершена[2479].

Когда именно велись основные работы и когда делались дополнения в том Синодальный № 219? Текстологический анализ, проведенный

[2478] *Калугин В.В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 18–19.

[2479] Там же. С. 16–17, 22–23.

В. В. Калугиным, показал зависимость переводов в томе «Симеон Метафраст» непосредственно от текстов первого издания "De probatis sanctorum historiis" Лаврентия Сурия, шестой том которого, использованный в переводе волынского кружка, вышел в 1575 г.[2480] Переводческие работы начинались не ранее этой даты, и данный вывод действителен для всех фрагментов свода, основанных на издании Сурия. Судя по условным датировкам водяных знаков в томе «Симеон Метафраст», по всей видимости, работы над томом начались вскоре после выхода издания Сурия и закончились не позже Полоцкой кампании Стефана Батория 1579 г., во время которой в Третьем послании Ивану Грозному был процитирован отрывок из тома «Симеон Метафраст».

Можно сфокусировать эту логику, развитую и обоснованную в работах В. В. Калугина. Вести переводческие работы после своего отбытия с Волыни в Полоцкий поход Курбский вряд ли мог. С собой в поход он взял разве что книги небольшого объема (например томик посланий Цицерона). Выехал из своего имения князь около 20 июня 1579 г. Это и есть верхняя граница для возникновения одной из версий Син. № 219. Основные работы над томом, по мнению В. В. Калугина, начались после завершения перевода Иоанна Дамаскина, который исследователь датирует концом 1575 — первой половиной 1579 г. («Богословие» — в конце 1575 — начале 1577 г., «Диалектика» — в начале 1577 — начале 1579 г.)[2481].

Впрочем, с датировкой тома «Симеон Метафраст» не позволяют согласиться кодикологические данные о Син. № 219. Нижняя граница датировки кодекса, как представляется, не ограничивается ни 1577–1578 гг., ни первой половиной 1579 г. и может быть как углублена до середины 1570-х, так и приближена к началу 1580-х гг.

Препятствием для более ранней датировки работ над «Симеоном Метафрастом» могла бы служить общая хронологическая канва переводческих работ в книгописной мастерской кн. Андрея Курбского. Основной аргумент в пользу названных датировок построен на биографии кн. Михаила Андреевича Поготкова Оболенского, сотрудника Курбского, принявшего участие в переводе творений Иоанна Дамаскина. По словам Курбского, князь Михаил «послушал» его и «изнурил» 3 года в школе в Кракове, «и потом совершения ради до Влох ехал, оставя дом, жену и детъки, и тамо аки два лета пребыл»[2482]. После чего — вернулся в Речь Посполитую. Об этом пишет Курбский в своем послании Марку (Умару) Сарыхозину, которое мы датируем временем незадолго до 8–9 июля 1575 г. К тому времени Оболенский уже был сотрудником князя Андрея Михайловича и заслужил его похвалу («яко корабль пренолон дражайших корыстей»)[2483].

В. В. Калугин полагает, что учеба кн. Михаила Оболенского охватила непрерывных пять лет его жизни: «Пронутешествовав около пяти лет, он вернулся домой. Это могло произойти не ранее конца 1575 г. Его приезд побудил Курбского приступить к новым переводам»[2484]. Канва событий построена исследователем на двух допущениях. Первое — что послание Курбского Сарыхозину пишется в конце 1575 г., второе — что Оболенский, по словам Курбского, учился пять лет подряд перед тем, как было написано письмо Сарыхозину. Однако оба допущения гипотетичны. Первое оспорено нами на основе записи о краже у Курбского книг, упомянутых в переписке с «Марком» (Умаром Сарыхозиным), уже в начале 1575 г. Что касается учебы кн. Оболенского, то Курбский пишет, что юный князь Михаил учился сначала 3 года в Кракове. Это могло произойти не в начале 1570-х гг., а еще в предыдущем десятилетии. Князь Михаил эмигрировал из Московского царства около 1564 г. Он состоял под опекой Курбского (по словам московских послов, «был у Курбского»)[2485]. Его владение в волости Обельской к началу 1570 г. находилось под присмотром кн. Андрея Курбского, в том числе у Курбского были оставлены документы на имение. К тому времени князь Михаил Андреевич уже вернулся на время в Великое княжество Литовское и вел дела, ссылаясь на свое отсутствие в имениях. Логично предположить, что он обучался в Кракове в середине или конце 1560-х гг.[2486]

[2480] В. В. Калугин неверно пишет о шести томах первого издания Л. Сурия и семи второго, которое начали печатать еще до окончания первого в 1575 г. И первое (1571–1581), и второе (1571–1585) издания состояли из семи томов — шести основных, каждый из которых включал житня на два месяца, и одного с дополнениями.

[2481] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 35–37, 311.

[2482] СК. Л. 162 — 162 об.

[2483] СК. Л. 162 об.

[2484] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 35.

[2485] СИРИО. Т. 71. С. 807.

[2486] Сходная датировка необходима в логике В. Айсмана, однако исследователь исходил из ошибочной, на наш взгляд, датировки Послания Курбского Марку Сарыхозину 1572 г. Ср.: *Eismann W.* O silogizme vytolkovano. S. 14–15; *Besters-Dilger J.* Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. S. 40. Anm. 57.

Имматрикуляционная запись, на которую исследователи ссылаются, говоря об учебе Оболенского в Краковском университете, указывает на его присутствие на курсе с зимы 1571 г. под именем "Michael Andreae Oboleczki dioc. Wilnensis". Идет ли речь о первом его годе обучения или последнем при университете? По всей видимости, он доучивался, заплатив за предыдущий и предстоящий курс двойную или тройную плату в 1571 г. (8 грошей в отличие от студентов, которые платили по 2–4 гр.)[2487]. Из факта такой оплаты следует, что, в отличие от других студентов, кн. Михаил Оболенский расплачивался за уже пройденные им курс или два при Краковском университете. Таким образом, оставшиеся «аки два лета» учебы в Италии охватывают неясный период в начале 1570-х гг. В первой половине 1571 г. московские послы отчитывались в статейном списке, что про Оболенского теперь «вести... нет, жив ли будет или здох»[2488]. Из этих слов В.В. Калугин делает вывод, что кн. Михаил Оболенский «исчез из поля зрения царских дипломатов, потому что, вняв советам Курбского, поступил в Краковский университет»[2489]. Это странный вывод — узнать о студенте в Кракове и о юном соратнике Курбского в его имениях было сопоставимыми по сложности задачами. Вероятнее как раз отъезд князя Михаила Оболенского в середине — конце 1571 г. в Италию, где он проучился «аки», т.е. чуть менее двух лет. Если верна вся цепочка приведенных рассуждений, то уже в середине — конце 1573 г. Оболенский вернулся к Курбскому и принял участие в его работах.

Кн. Андрей Курбский с радостью пишет не о появлении нового сотрудника в своем скриптории, а о примере для Умара Сарыхозина, намекая «Марку», что он сам мог бы присоединиться к этой артели. И о своих достижениях в команде опытных книжников он хвалится, называя как уже готовящиеся или близкие к завершению на середину 1575 г. переводы, так и те, что только нуждались в переводе. Купленные Курбским «все оперы книги Златоустовы» уже были в работе, и позднее, даже после завершения «Нового Маргарита» отдельные главы из него Курбский продолжал переводить. Еще предстояло, по словам отправителя письма, вместе с Марком и князем Михаилом «сесть за» Григория Богослова или Василия Великого[2490]. Однако о книгах Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и Никифора Каллиста Ксанфопула в этих планах ничего не говорится.

Текст, сходный с положенным в основу перевода ковельского скриптория, читается в изданиях 1548, 1559 и 1575 гг.[2491] Как убедительно доказала Ю. Бестерс-Дилгер, из трех названных изданий только базельское 1559 г. отвечает особенностям перевода ковельского кружка[2492].

Сравнение архетипа перевода «Богословия» с версиями, созданными до Курбского, говорит о том, что работа над переводом в ковельском кружке усложнялась тем, что исправление проводилось по московско-русской версии «Богословия», близкой к тексту «Великих Миней Четьих». Об этом говорит сам же Курбский в предисловии к своему «Иоанну Дамаскину»: «И сего ради со прилежанием прочтох книгу блаженнаго Дамаскина... и обретох ее не токмо преведену недобре, альбо от пренисующых отнуд разтленну, но и ко вырозумению неудобну, и никому же познаваему, к тому и неполна преведену, многих бо словес в нашей не обретается...»[2493] Эти слова можно понять как прямой намек на использование какого-то списка Минейной редакции в работе ковельских книжников. Неоднократно в науке указывалось на отличия переводов Курбского от редакции второй четверти XVI в.[2494] Сравнение переводов показывает, что соотношение между текстами всё же нуждается в оговорках. А.Х. Востоков в своем описании Рум. № 193 отмечал, что в переводе Курбского встречаются как переводные фрагменты, в которых «ц[ерковно]-словенский язык перемешан с польско-русским», так и отрывки и целые главы, в которых «перевод церковно-словенский старинный, сделанный с греческого»[2495]. Сходства между двумя текстами «Богословия» видны при сравнении

[2487] Album studiosorum Universitatis Cracoviensis. T. III: (Ab anno 1551 ad annum 1606) / editionem curavit A. Chmiel. Cracoviae, 1904. S. 80–81.

[2488] СИРИО. Т. 71. С. 807.

[2489] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 35.

[2490] СК. Л. 163 — 163 об.

[2491] *Гаврюшин Н.К.* Премудрая святая диалектика. С. 68–69. Рассуждения автора о «византийском» языке, будто бы упомянутом в сборнике ГИМ Увар. № 878 на л. 453 об. применительно к переводу Курбского трактата «О Лонце», основаны на недоразумении: в указанном месте отчетливо читается не «бизаенскаго», а «кгрецкаго», что в полной мере отражает рутенско-русскую лексему «грецкий» (греческий).

[2492] DJD. S. XXIII–XXX. Есть и ряд других, как более ранних, так и более поздних, изданий, в которых отражены сходные чтения, — Парижское 1512 г., Лионское 1665 г.

[2493] DJD. S. LI.

[2494] *Besters-Dilger J.* Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. S. 22–27, 38–41.

[2495] *Востоков А.Х.* Описание... С. 241–242.

Сравнение «Иоанна Дамаскина» в переводе Андрея Курбского и его сотрудников с Чудовским списком «Богословия»

Курбский (книга, глава)	Чудовский № 236 (слово)	ВМЧ, 4 XII (слово)
(кн. 2, гл. 12) приравнанны *дебелству плоти сея, едино бо есть поистинне Божество* безвещественно *и безплотно, к тому и чувственно небо и земля, иже посреди* небом и землею *лежать* (43b)	(сл. 23) прилежат *дебельству плоти сея, едино бо есть поистинне Божество* безвещно *и безплотно, к тому* же *и чювственыа* сия *небо и землю, иже посредь* тою *лежит* (42)	(сл. 23) прилежат дебельству плоти сея: едино бо есть по истинѣ Божество безвещно и безплотно, к тому же и чювственыа сия небо и землю, иже посредѣ тою лежит (197)
(кн. 2, гл. 13) *единые же* убо *плоти не имѣть никто же обрести сладости, паки сладости* нѣкоторые суть неистинные и лживые (46a)	(сл. 24) *единоя же плоти не имать никто ж обрѣсти сладостии, пакы* в сладостех овы суть истинныя, а другыа в лжу (45 об.)	(сл. 24) единоя же плоти не имат никто ж обрѣсти сладостии, пакы в сладостех овы суть истинныя, а другыа в лжу (202)
(кн. 2, гл. 25) албо *Бога глаголють виновна суща*, албо *нужду*, албо *мармению*, албо *естество*, албо щастье, албо *самобытие, но Божие дѣло сущее и промысл, а нужа есть* движение тѣх единаково яковым обычаем всегда имѣется (57b)	(сл. 26) или *Бога глаголю виновна суща*, или *нужу*, или *мармени*, или *естество*, или лучай, или *самобытие, но Божие дѣло сущие и промысл, а нужа есть* присно единако имый шестие (48)	(сл. 26) или Бога глаголю виновна суща, или нужу, или марменн, или естество, или лучай, или самобытие, но Божие дѣло сущие промысл, а нужа есть присно единако имый шествие (206)
(кн. 2, гл. 26) паче ж тѣх их же послѣдуеть *похвала и хула, и в них же есть одолѣние* [*глосса* побеждение] *и закон* [*здесь пространная глосса*], а свойственне в нас суть душевные вся (58b)	(сл. 27) испроста рещи вслѣдных грядет *хвала и хула и в них же ес побѣжение и закон*, устремнѣ же есть в нас душевьная вся (49)	(сл. 27) испроста рещи вслѣдных грядет хвала и хула и в них же ес побѣжение и закон, устремнѣ же есть в нас душевьная вся (208)
(кн. 4, гл. 27) Вѣдати подобает, иже потреба *антихристу прийти, всяк убо не исповедуяй Сына Божия и Бога пришедшаго плотию и сущаго Бога совершеннаго и человека совершенна*, с тѣм еже Бог есть, антихрист есть сей (155b)	(сл. 47) Требовано есть вѣдѣти, якоже есть *антихристу прийти, всяк бо не повьдаяй Сына Божия и Бога пришедша плотию и суща Бога свръшена и человека свершена* с пребытием Бога супостат Христу есть (87)	(сл. 47) Требовано есть вѣдѣти, якоже есть антихристу прийти, всяк бо не повѣдаяй Сына Божия и Бога пришедша плотию и суща Бога свръшена и человека свершена с пребытием Бога супостат Христу есть (263)
(кн. 4, гл. 28) *Немощный ли* убо есть он, *иже в начале от персти земные* того *составив, паки разсыпавшееся и обратившееся в землю от нея ж взят* был, по сотворителеву гласу паки воставив сие (157a)	(сл. 48) *Немощен ли есть, иже в начало от прьсти земленыя съставив, пакы разсыпавшеся и обращашеся в землю от нея же взят* по творчю отвѣту пакы въставитися (88 об. – 89)	(сл. 48) Немощен ли есть, иже в начало от прьсти земленыя съставив, пакы разсыпавшееся и обращашеся в землю от нея же взят по творчю отвѣту пакы въставитися (265)

Тексты для наглядности передаем упрощенно, проводя сравнение на уровне архетипов. Сравнение проводится на основе изданий "DJD" Ю. Бестерс-Дилгер и "ВМЧ" Археографической комиссии (Великия Минеи Четии, собранныя всероссийским митрополитом Макарием. Вып. 10: Декабрь. Дни 1–5. М., 1901) и списка ГИМ Чудовское собр. № 236 (указаны только номера листов). В издании DJD указываются номера листов (по Румянцевскому списку), в Минеях — номера страниц по изданию. О Чудовском списке мы еще скажем отдельно здесь ниже.

«Иоанна Дамаскина» в переводе Андрея Курбского и его сотрудников с Чудовским списком «Богословия» (см. табл.):

Сравнение архетипа «Богословия» в ковельском переводе и московском списке, к которому уже на раннем этапе формирования кодекса была приписана «Логика» по копии с издания Мамоничей, показывает, что для московских книжников рубежа XVI–XVII вв. работа волынских мастеров скорее дополняла уже имеющийся багаж богословской традиции. Чудовский список точно воспроизводит текст, вошедший за полвека до того в Великие Минеи Четьи, но перевод Курбского во многом следует этому же тексту, правя его, уточняя и дополняя. Так же видел свою задачу и кн. Андрей Курбский — он исправлял, расширял и дополнял имеющийся перевод Иоанна Дамаскина, пользуясь им как черновым подстрочником и заимствуя в ряде мест значительные его фрагменты, если они не противоречили основному (латинскому) источнику ковельских книжников.

Возникновение переводов из Иоанна Дамаскина вряд ли относится ко времени позднее начала 1575 г., а в середине 1575 г., как явствует из следственного дела по краже книг у Курбского, поменялись планы переводческих работ. Из послания Курбского Марку Сарыхозину видно, что никаких планов на переводы творений Иоанна Дамаскина князь Андрей Михайлович на тот момент не строил. Потому ли, что еще за них не принялся, или по той причине, что уже закончил над ними работать? Как ясно из слов Курбского в Послании Кодиану Чанличу, переводы «Словес» Иоанна Златоуста и Иоанна Дамаскина были готовы к тому моменту, когда были в одном ряду упомянуты Курбским как духовное оружие православного воина, т.е. к началу

1575 г. Как уже неоднократно отмечалось, князь в эмиграции ориентировался на мудрые советы своего учителя Максима Грека. По предположению О. В. Саножниковой, замысел редактирования «Богословия» теплился и в кругах митрополита Даниила, который до 1539 г. пытался доказать, что русские переводы точнее греческих и латинских[2496]. Как можно предположить на основе сравнения перевода «Богословия» Курбского и «Великих Миней Четий», князь не только брал на себя выполнение заветов афонского старца, но и разыскал ранний перевод «Богословия», часть которого вошла в перевод ковельских книжников.

Таким образом, время создания тома «Иоанн Дамаскин» может быть ограничено приблизительно 1573 – началом 1575 г. Вскоре после кражи «Апостола» и «Василия Великого», о чем говорится в судебном иске Андрея Курбского от 14 июля 1575 г., и возвращения князя в Ковель в июле 1575 г. могло быть приобретено издание Лаврентия Сурия. Около того же времени и возник план заниматься житийными текстами. К этому же заключению подводят особенности такого текста, впитавшего целый ряд датирующих маркеров, как «История о князя великого московского делех». Одной из ее хронологических привязок служит масштабное цитатное использование в «Истории» только одного свода переводов из книжной мастерской Курбского – «Нового Маргарита». Цитаты из «Иоанна Дамаскина» в «Истории» не выявлены, а цитата из «Симеона Метафраста» содержится в повести о Феодорите Кольском, т. е. заведомо поздней части «Истории». Отсылки Курбского в «Истории» к эсхатологическим идеям Иоанна Дамаскина – показатель того, что вероятное время создания свода переводов Иоанна Дамаскина в ковельской книжной мастерской относится к более позднему периоду, чем «Новый Маргарит», вряд ли позднее начала 1575 г. В случае, если верна наша датировка учебы кн. Михаила Оболенского, основные черновые работы над томом «Иоанн Дамаскин» велись между 1573 и началом 1575 г. И если «Новый Маргарит» был ко времени нового проекта уже готов, то с большей вероятностью сам «Новый Маргарит» следует отнести ко второй половине 1570 – второй половине 1572 г. Верхняя дата согласуется с тем фактом, что завершение работы над предисловием к «Новому Маргариту» относится ко времени вскоре после 7 марта 1572 г., когда и был убит Иван Калымет, упомянутый в этом своде как несправедливо погибший.

Структуры кодексов Син. № 219 и Соф. № 157 помогут уточнить и сфокусировать это предположение, а сравнение этих двух прижизненных рукописей поможет нам понять, когда именно произошел переход от перевода «Нового Маргарита» и «Иоанна Дамаскина» к «Симеону Метафрасту».

В составе кодекса Син. № 219 имеются пласты, которые выходят за рамки датировок входящих в его состав переводов. Поздние вставки заметны по водяным знакам и анализу почерков. В. В. Калугин обнаружил не все аналоги знака Герб Нюрнберга. Из трех версий, которые встречены в Син. № 219, была обнаружена лишь одна на л. 429–436, 442–444, 474–481, – с очень большим периодом бытования, мало проясняющим датировку: Брике № 917. – 1554, 1565–1582 гг. Два других тем не менее тоже могут быть установлены на основе репрезентативного для данного знака альбома Piccard-Online. Варианты 3.2 (л. 437, 439–440) и 3.3 (л. 438, 441) знака Герб Нюрнберга представляют собой сходные между собой или идентичные версии знака, близкими разновидностями которого являются Piccard. № 25202. – 1581 г.; № 25203. – 1581 г.

Эта поздняя версия, которая вряд ли ведет к переработке конца 1570-х гг. – скорее к следам работы над кодексом уже в последний год или два года жизни кн. Андрея Курбского. Вместе с тем В. В. Калугин точно указывает период, в котором встречаются в кодексе Син. № 219 знаки Герб Нюрнберга. Это – л. 429–444 и 474–481. На протяжении этого фрагмента в рукописи отмечены два почерка – № 3 и 6. Шестой почерк – это всего одна страница на л. 429. А вот третьим почерком (в двух вариантах) написан значительный фрагмент рукописи в разных ее местах – начиная с л. 55 – 64 об. и вплоть до конца рукописи в ее нынешнем виде – л. 568 – 594 об. Этот вывод В. В. Калугина не вызывает сомнений и дополняется еще одним важным наблюдением исследователя. В начальных фрагментах кодекса третий почерк в ряде случаев в пределах одного листа сменяется другими почерками: на л. 64 об. третьего сменяет первый, этого же «первого» писца сменяет обладатель третьего почерка на л. 368 об. На л. 565 по ходу работы третьего почерка его сменяет восьмой, выполнивший небольшое задание в пределах рукописи – с трети л. 565 до конца л. 567.

Писец, работавший третьим почерком, приложил немало усилий в мастерской ковельского

[2496] *Саножникова О. В.* Автограф митрополита Даниила и неизвестная редакция «Богословия» Иоанна Дамаскина // ОФР. М.; СПб., 2008. Вып. 12. С. 128–129.

старосты. Замена ряда листов, на которых встречен знак 3.2 / 3.3 (Герб Нюрнберга), не нарушает целого в пределах работы этого книжника, и вполне можно допустить, что и основной объем знаков Герб Нюрнберга (3.1) относится примерно к тому же времени, когда были использованы эти дополнительные листы. Такому предположению не препятствует общий период бытования бумаги с подобным знаком.

Для датировки фрагментов кодекса мало информации приносят следы спорадических четвертого, пятого, шестого и восьмого почерков. Четвертый является научной фикцией, поскольку использовался дважды как разреженная версия какого-то почерка, только для заполнения небольших фрагментов в пределах одной страницы (возможно, на месте оставленных в ходе работы пропусков). Пятый — бисерная версия второго почерка, причем начатая на том же листе (с оборота), что и один из фрагментов второго почерка. Шестой, как уже сказано, оставил крайне мало материала — всего одну страницу на листе перед началом третьего почерка. Третий после шестого начинается (возобновляется) не с оборота того же листа (оборот оставлен незаполненным), но на комплексе бумаги с тем же водяным знаком Герб Нюрнберга. Следовательно, шестой почерк либо дополняет уже готовый материал третьего почерка в пределах бумаги со знаком Герб Нюрнберга, либо современен этому комплексу и работе над ним основного писца (третьего почерка). Восьмой также подчищал недоработки третьего почерка только в пределах «Мучения Дионисия Ареопагита» в переводе Максима Грека, причем эта работа так и не была завершена.

Больший интерес для понимания истории кодекса вызывает фрагмент, в рамках которого работал обладатель седьмого почерка. Как отметил В. В. Калугин, им переписан в составе Син. №219 всего один текст — «Слово воспоминательно о апостоле Фоме» в переводе Максима Грека (л. 545 — 550 об.)[2497]. Судя по сходству водяного знака и ранней кириллической фолиации, данный фрагмент представлял единый комплекс с «Песней Успение Пресвятыя Богородица» (л. 551–554, далее до л. 556 — часть этого же комплекса, не заполнено). Весь этот фрагмент создан на бумаге с водяным знаком Кабан (1-й вариант, по В. В. Калугину).

Обратимся к филиграноведческим построениям В. В. Калугина. Водяные знаки в Син. №219, л. 1–48 исследователь относит к одной группе и считает сходными с разновидностями Мареш №368 (1578, 1579, 1581, 1583 гг.) и Лихачев №2377, 2378 (конец XVI в.). Однако это наблюдение неверно. Если изображение Кабана на всем указанном периоде и имеет ряд сходств, вывод об идентичности знаков некорректен. Например, на л. 1–4, 14–27, 30, 37, 40, 46, 47 Кабан вписан между понтюзо (копыта ровно «стоят» на понтюзо), тогда как на л. 5–13, 29, 34, 35, 41, 45 его корпус заметно смещен рылом вниз, а копыта выходят на 2–3 мм за рамки понтюзо. Отличия эти по альбому Н. П. Лихачева вовсе не поддаются анализу. В альбоме А. Мареша обнаруженный вариант действительно находит сходные черты с тем знаком из Синодальной рукописи, который ровно вписан в понтюзо. Однако вторая обнаруженная нами разновидность имеет сходство с вариантом Мареш №367 с датировками, допускающими и более раннюю дату создания кодекса, — 1575, 1578, 1579, 1581, 1583 гг.

Неясно, почему «второй вариант» знака Кабан В. В. Калугин отождествляет с вариантом Мареш №374 (1578 г.). Отличия знака из альбома со знаком рукописи всё же весьма заметны, чтобы их не оговорить. В альбоме на корпусе имеется литера S (или сходный символ) и расположение корпуса Кабана к понтюзо совершенно иное — знак разделен почти пополам и вписан, таким образом, между тремя понтюзо, тогда как в рукописи копыта лишь слегка ниже второго понтюзо. Ближе к варианту рукописи Мареш №370. — 1574, 1579 гг. Вновь иное визуальное восприятие знака позволяет обнаружить возможность более раннего бытования бумаги Син. №219. При этом «третий вариант» в понимании В. В. Калугина, обнаруженный им на л. 132–177, 522–528 рукописи, почему-то отождествлен им с названным выше вариантом Мареш №370. Это неоправданное допущение. Ничего общего в расположении корпуса Кабана к понтюзо между вариантом альбома и знаком из рукописи вновь нет, а сам знак как раз близок по изображению к Мареш №374. — 1578 г. Исследователь привел в своей работе отождествления в некорректном порядке, поменяв местами два знака альбома с аналогами из рукописи. Однако для выводов по истории создания кодекса Син. №219 это существенная ошибка. До л. 136 в Син. №219 большое место занимают тексты «Нового Маргарита», и как раз эти фрагменты кодекса, согласно данным филиграней, могут быть датированы не концом 1570-х — началом 1580-х, а серединой 1570-х — началом 1580-х гг. Для датировки рукописи существенно допущение, что раздел с входящим в ее состав текстом «Нового Маргарита»

[2497] *Калугин В. В.* Рукопись из скриптория князя Андрея Курбского // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 203.

мог быть создан не одновременно с переводами «Симеона Метафраста», а несколькими годами ранее, хотя и при участии тех же писцов.

Если обратиться к структуре тех сегментов Син. № 219, над которыми трудились обладатели I–III почерков, то, прежде всего, не вызывает сомнений единство их замысла. Эти мастера согласовывали между собой объем работ, распределяя задания в рамках одного процесса[2498]. Все вставки из «Нового Маргарита» в составе кодекса конировались только почерками I и III. Если это и не особый пласт в составе конволюта, то определенный компактный комплекс, включенный в состав кодекса необязательно в результате первоначального замысла. Почерком II конировался как основной объем переводов Симеона Метафраста, так и добавления к своду:

— Весь фрагмент на бумаге с водяным знаком Козел — как установлено В. В. Калугиным, переведенный из Сурия (л. 491–521). Этот участок кодекса, судя по переходу II почерка на пласт с филигранью Кабан «третьего варианта», тесно связан с основными работами над переводом трудов Симеона Метафраста.

— На особой бумаге (с водяным знаком Голова быка, сходного с вариантом 1579 г.) «О воскресении из мертвых свидетельства» архиепископа Епифания Кипрского с приписки из переведенной из Сурия «Епистолии» епископа Кирилла Иерусалимского (л. 529 — 543 об.). Вставка сопровождается особым предисловием кн. Андрея Курбского.

— Как отмечено выше, V почерк, которым сконировано «Страдание мученицы Варвары» на бумаге со знаками Кабан «первого варианта» и Ястжембец (по В. В. Калугину, «Подкова с крестом внутри», распространен во второй половине 1570-х — начале 1580-х гг.), сходен с почерком II.

Таким образом, I–III почерки принадлежат основным переписчикам, работавшим в мастерской кн. Андрея Курбского и над ранними пластами, в которых сконирован «Новый Маргарит» (около середины 1570-х гг.), и над переводами из Лаврентия Сурия (во второй половине 1570-х гг.).

Сравнение почерков Син. № 219 и Соф. № 157 позволит уточнить наблюдения за сходством в обстоятельствах формирования этих кодексов. Распределение почерков по монолитным пластам бумаги, по тетрадям и между фрагментами самого конируемого текста показывает, что конирование происходило в рамках уже сформированного задания. «Швов» между сегментами кодекса проследить не удается. О. А. Иванова обнаружила три почерка в составе Соф. № 157. Наблюдения за графическими особенностями Соф. № 157 позволяют внести уточнения в этот вывод: обнаружено пять почерков в кодексе, однако основные из них — первые три. При этом почерк I Синодальной рукописи находит прямой аналог в почерке III Софийского кодекса. Это рука одного и того же мастера, создавшего примерно треть Соф. № 157 и примерно одну седьмую часть нынешнего объема Син. № 219. Весьма близкими являются также почерки VII в Син. № 219 и II в Соф. № 157. Наконец, III почерк в Син. № 219 сходен с почерком I кодекса Соф. № 157. Если проведенные идентификации верны, то основной объем рукописи Соф. № 157 был создан мастерами-книжниками, которые работали над различными фрагментами Син. № 219.

В связи с этим сходством особый интерес представляет последняя часть кодекса Син. № 219, написанная на бумаге с водяным знаком Елита. В этом пласте читается только текст жития епископа римского Сильвестра. Бумага с таким водяным знаком бытовала с середины 1570-х по середину 1580-х гг. Данный знак встречается и в рукописи Соф. № 157 на л. 88, 94, 95. Вряд ли в обеих рукописях это показательный знак — бумага с ним, судя по всему, уже была израсходована. Однако ее остатки использовались примерно одновременно. Ее запасы были исчерпаны примерно в один период — остальные водяные знаки в рукописях Син. № 219 и Соф. № 157 заставляют думать, что эти пласты в составе рукописей были одними из самых ранних. И не случайно в Соф. № 157 этот знак встречается только в одной тетради, а в Син. № 219 на бумаге этого типа сконирован только один текст, причем не учтенный в оглавлении и не пронумерованный первоначальной фолиацией[2499].

Сравнение текста в составе Соф. № 157 с другими ранними списками трудов Иоанна Дамаскина в переводе кн. Андрея Курбского позволит приблизиться к пониманию того места, которое занимает этот кодекс в формировании рукописной традиции сочинений и переводов Курбского (см. табл.).

[2498] Далее наблюдения основаны на сравнении: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 299–312; *Его же.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 14–32.

[2499] *Калугин В. В.* «Житие Сильвестра, папы Римского»: причины цели и особенности перевода // «Житие Сильвестра, папы Римского» в агиографическом своде Андрея Курбского. С. 8–9.

???

DJD	C	X	P	Ув	Вл	Лв	Сф	T
2a/9	дух человѣчии вѣстъ (1)	дух члчьии есть [*глосса:* вѣсть] (12)	дух члчь (2)	дхъ члчии есть [*глосса:* вѣсть] (11)	дхъ члчїи есть [*слово* есть *по затертому* вѣсть, *затерта глосса:* вѣсть] (11)	дхь члчїи есть (2)	дхъ члвчїи вѣсть (*буква* ѣ *вставлена*) (2)	дхъ члчь есть (1)
2a/11–12	от человѣковъ	ѿ члковъ (12 об.)	от человѣк	ѿ члкъ	ѿ члкь (11 об.)	ѿ члковь	ѿ члвкѡв	от члкъ
2a/14–15	обятых	ѡбятных	обятных	ѡбьѧтых	ѡбъятых	ѡбятых	ѡбѧтых	обьѧтых
3a/17	познаваема (1 об.)	познаема (13 об.)	познаема (3)	познаваема (12 об.)	познаваема (12 об.)	познаваема (3)	познаваема (3 об.)	познаваемо (7)
3b/12	елниновъ (2)	ельниновъ (14)	еллїнов (3 об.)	еллиновъ (13 об.)	елиномъ (13)	еллиновь (3 об.)	еллинѡв (4)	еллїнов (7 об.)
3b/23	ѡтдухновение им	ѿдохновение им (14 об.)	отдохновенїе им	ѿдх҃новениемъ	ѿдх҃новенїемъ [*буквы* мъ *зачеркнуты*] (13 об.)	ѿдх҃ьновенїемь	ѿдх҃новенїем	ѿдх҃новениам
4a/5–6	малые нѣкоторые (2 об.)	малые нѣкоторые	малыѧ нѣкоторые (4)	мысли нѣкоторые (14)	мысли нѣкоторые [*глосса:* мало нѣчто]	малыи нѣкоторїи	малые нѣкоторые	малые нѣкоторые
4a/8–9	первие призвавше	первие призвавше (15)	первѣе прїзвавшї	первие призвавши	первїе прїзвавше [*З-я* е *из* и]	первѣе призвавши	первїе призвавши	первїе призвавши
4a/9	всѣ	всѣ	вси	всѣхъ	всѣхъ [*глосса:* всѧ]	всѣ	всѣ (4 об.)	все
4a/13	або в небытие	альбо в небытие	албо в небытїе	або в небытие	или в небытїе [*буквы* ли *по исправленному*]	або в небытїе	або в небытїе	или в небытїе
4a/18	всѣ бытия [*глосса:* бытства] кои [*глосса:* яже] чувъствомъ	всѣ бытия [*глосса:* бытства] кои [*глосса:* ѧже] чоувьствѡм	всї бытїѧ [*глосса:* бытства] яже [*глосса:* ѧже] чувствам	вси бытиѧ [*глосса:* бытства] яже чювством	вси бытиѧ [глосса: бытства] яже чювствомъ (14)	всѣ бытїѧ [*глосса:* бытїѧ] яже чоувством (4)	всѣ бытїа яко [*глосса:* же] чювствѡм	всѣ бытїа бытства яж чювствам (8)
4a/22	по воле	по воле	по волї	по воли	по вол	по воли	по воли	по воли
13b/1–2	яко единасущъна (11 об.)	яко единосущна (27)	яко едїносущъна (13 об.)	яко единосущна (27)	яко едисущна (23 об.)	яко единосоущна (11 об.)	яко единосоущна (15 об.)	яко едїнасущна (13 об.)
20a/8	иже бы есмя	їже бы есмя (35 об.)	їже бы есмо (20)	иже бы есмы (35)	иже бы есмы (30)	бы есмь (17 об.)	* [*отрывок 20a/8–9 читается:* не подобаетъ его глати яже вещеи знаменоующих бываютъ...] (23)	иже бы есмъ (18 об.)

Как можно видеть, список Соф. № 157 передает текст близко к архетипу. Индивидуальных отступлений от архетипа всех указанных списков *С* не передает, а следовательно, восходит к протографу рукописной традиции независимыми путями. Чтения 2а/11–12, 3b/12, 4а/5–6, 4а/8–9, 4а/9, 4а/18, 4а/22 могут быть проинтерпретированы таким образом: *С* сепаратно связан с *Х*. Впрочем, близость обоих этих списков к источнику рукописной традиции может говорить о том, что они находились в работе у одних книжников и сконированы с общего протографа.

Языковые особенности *С* не противоречат предположению о ее происхождении непосредственно из ковельского скриптория Андрея Курбского. Разговорная стихия фонетических мен для книжных форм из местной «простой мовы» Волыни непоследовательно передана в дошедших ранних списках, что, по всей видимости, отражает устный диктант на начальной стадии работы над основным текстом. Г. Наенко в связи с этим говорит об «украинской редакции церковнославянского языка» в списке Соф. № 157[2500]. Сравним эти языковые особенности с другими ранними кодексами «Иоанна Дамаскина»: *херовьми* (*С*, л. 1) — *хероувїмї* (DJD, f. 2а/13), *видение* — *вьдение* (2а/15), *и всьхъ злыхъ* (2) — *ї всїх злых* (3b/16), *невидения* — *невьденїа* (3b/23), *по словесь* — *по словесї* (4а/15), *всемь собя* (20, здесь сходно с *Х*) — *всїм себе* (25а/11). Список *С* не отразил особенности *Р*, его особые глоссы (например *яко* (2а/15)). Правка в *С* черными чернилами — зачеркнутое *себь* (здесь не-*Х*) в 2а/22 и вписанное *нам* после *поданны сут* в 2а/23 не находит параллелей в остальных ранних списках. Пропуск в *С* после слов «не инако яко...» (2b/18), после чего текст возобновляется со слов «...Бга совершеннаго» (3а/15). На месте пропуска современник-книжник добавил знак вставки.

Особенность *С* еще в том, что в нем сняты во многих случаях скобки, читающиеся и в латинском источнике перевода, и в других ранних списках «Иоанна Дамаскина». С помощью прямого вмешательства в текст ранний редактор менял чтения. Двумя штрихами он вычеркнул слова «милости и достоинства» (л. 2, ср.: 3b/24–25). В то же время в *С* нет ряда стилистических нововведений, которые предложены редактором первоначального текста и закреплены в *Х* в виде глосс. Например, в «Сказе Андрея чего ради сии написаны» читается: «...иже бы есте позъналн и уразумели» (*С*, л. 242 об.; *Х*, л. 402). И только в *Х* к этим словам проставлены выносные знаки, и внесена глосса на внешнее поле: «...да познаете и оуразумѣете». Глосса меняет «низкий» стиль перевода, приближая его к книжным славянским образцам.

Важный признак вторичности текста *С* по отношению к архетипу — ничем не восполненные пропуски в тексте, которые в других списках читаются полнее и ближе к латинскому источнику (пропуск *Его* в 11а/22 — л. 10, ср.: *eius* filium), или, наоборот, уникальные в традиции амплификации (*О создании и видимом* в 30b/16 — л. 25, ср.: *De visibili creatura*). Вопрос первичности списков этим наблюдением не снимается, поскольку для контролируемой рукописной традиции можно допустить сценарий, при котором книжники сначала создали версию с пропусками, а затем при редактировании сверяли эту версию с латинским источником и дополняли ее уже как черновик. Следы чернового использования *С* есть, но они очень незначительны и могут быть всего лишь корректорскими вторжениями, возникшими без обращения к латинскому тексту или к русскому протографу данного списка (например чтение *не гомуще* в 33b/3 — л. 27 испр. над строкой в *не могуще*). Следовательно, можно лишь предварительно предположить, что *С* не является самым ранним списком, а создавался уже по следам предварительных переводческих работ и сохранил индивидуальные особенности копирования, которые можно было бы считать отклонениями от архетипа. Однако он не восходит прямо ни к одному из известных списков «Иоанна Дамаскина», а следовательно, должен учитываться при реконструкции архетипа (в данном случае — предполагаемого источника устного диктанта).

Сравнительная таблица позволяет внести уточнения в стемму, разработанную в издании Ю. Бестерс-Дилгер[2501]. Так, *Ув* сепаратно сближается с *С*, тогда как *Р* восходит к общему протографу с *Х*. Общий протограф *Р* и *Х* в 2а/14–15, 3а/17, 4а/13 не может быть идентичен протографу рукописной традиции, а следовательно, в будущем потребуется кропотливая работа по реконструкции не только протографа рукописной традиции, но и промежуточных протографов, дошедших или нет, отделяющих сохранившиеся списки от источника рукописной традиции. Ее ранние этапы придется восстанавливать с учетом более разнообразной поздней рукописной

[2500] *Наєнко Г.* Перекладн науковнх творів із гуртка Андрія Курбського та староукраїнський науковнй дискурс // Мовознавчий вісник. Збірник науковнх праць. Черкасн, 2011. Вип. 12–13. С. 19–24.

[2501] DJD. S. XLVI.

традиции, которая восходит на различных стадиях к переводам кн. Андрея Курбского. У переводного «Иоанна Дамаскина» в исполнении ковельских книжников центрами бытования были не только земли Короны Польской и Великого княжества Литовского, но и Москва и Афон.

Для текстологических выводов о поздних списках «Иоанна Дамаскина» в переводе Андрея Курбского и его сотрудников приведенных разночтений недостаточно, и потребуется еще ряд шагов. Используем уже приведенное выше чтение из главы «О антихристе» 4-й книги «Богословия» (кн. 4, гл. 27), и на его основе выстроим «облегченные», осовремененные, чтения в форме таблицы для предполагаемого архетипа, отразившегося в списках Хлудовском (*Х*), Софийском № 157 (*С*) и Уваровском (*Ув*), а также для Титовского (*Т*), Волынского музея (*Вл*), Софийского № 156 (*Сф*), Львовской Библиотеки (*Лв*), Толстовского (*Тл*):

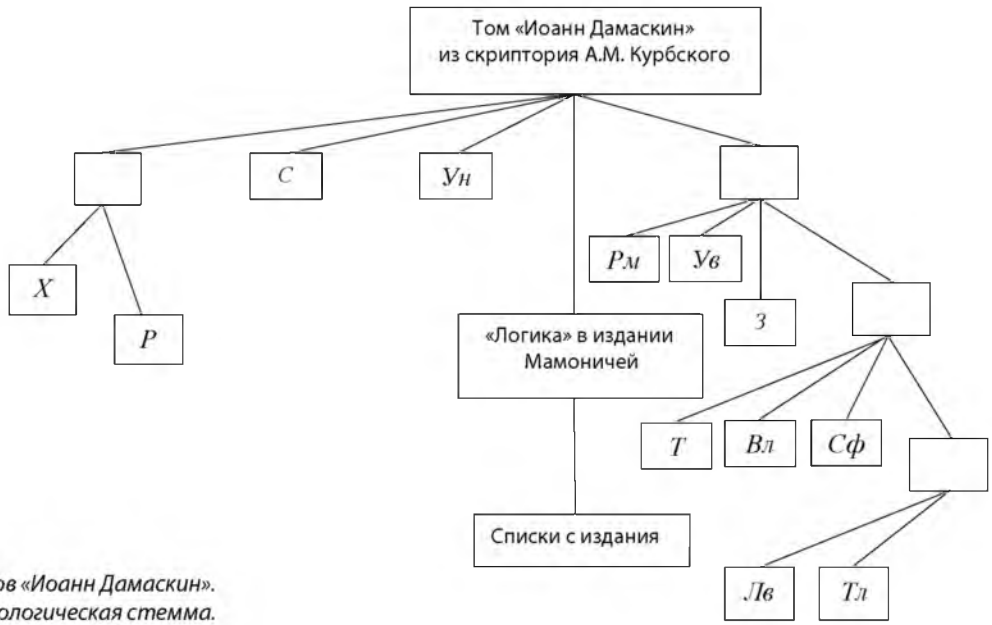
DJD	Х, С, Ув	Т	Вл	Сф	Лв	Тл
155b	Вѣдати подобает, иже потреба антихристу прийти, всяк убо не исповедуяй Сына Божия и Бога пришедшаго плотию и сущаго Бога совершеннаго и человека совершенна с тѣм, еже Бог есть, антихрист есть сей	Вѣдати подобает, иже потреба антихристу прийти, всяк убо не исповѣдуяй Сына Божия и Бога пришедшаго плотию и сущаго *Бога совершенна* с тѣм, еже Бог есть, антихрист есть сей (143 об. — 144)	Вѣдати подобает, иже потреба анътихриту прийти, всяк убо не исповедуяй Сына Божия и Бога пришедшаго [*буква* и *может читаться* и] *въ плоти* и *сущаго Бога съвершенна* с тѣм, иже Бог есть, антихрист есть сей (169)	Вѣдати подобает, иже потреба антихристу прийти, всяк убо *не исповѣдая* Сына Божия и Бога пришедшаго плотию и сущаго *Бога совершенна* с тѣм, еже Бог ест, антихрист *ест* (148)	Вѣдати подобаеть, иже потреба антрихристу прийти, всяк убо *не исповѣдай* Сына Божиа и Бога пришедшаго *въ плот* и сущаго *Бога съвръшенна*, с тѣм еже Бог ест, антихристь есть сей (142)	Вѣдати подобает, иже потреба антихристу прийти, всяк убо *не исповедай* Сына Божия и Бога пришедшаго *во плот* и сущаго *Бога совръшенна*, с тѣм еже Бог ест, антихрист ест сей (222 — 222 об.)

Из приведенной таблицы следует, что *Т, Вл* и *Сф* лучше, чем *Тл* и *Лв*, передают особенности архетипа, но уже содержат утрату слов *совершеннаго и человека*, объясняющуюся писарской гаплографической ошибкой в общем протографе *Т, Вл, Сф, Лв* и *Тл*. Данный отрывок содержится и в Минейной редакции «Богословия», и читается во всех самых ранних списках «Иоанна Дамаскина» из скриптория Курбского, так что сепаратный протограф для этих трех списков можно считать необходимым. Этот общий протограф *Т, Вл, Сф, Лв* и *Тл* не может быть идентичен ни одному из известных списков, в которых данное чтение содержится полностью. При этом *Т, Вл* и *Сф* связаны между собой общим протографом, а *Тл* и *Лв* не могут зависеть напрямую от *Сф*, а восходят лишь к сходному сепаратно с ним протографу, содержа более корректное чтение *есть сей*. В *Сф* местоимение *сей* утрачено, но чтение *не исповѣдая* передано ближе к архетипу, чем в *(Лв, Тл)**. Однако есть и еще один этап развития данного чтения. Только *Лв* и *Тл* содержат варианты *не исповедай* и *во плоть*, которые идентично в этих двух рукописях отступают как от архетипа рукописной традиции, так и от *Т* и *Вл*. Следовательно, формально необходим общий протограф *Лв* и *Тл*, который восходит к протографу рукописной традиции только через общий протограф *(Лв, Тл)** и общий протограф *(Т, Вл, Сф)**. Дабы без достаточных на то оснований не множить сущности, пока можно считать доказанным лишь существование двух этих протографов, из которых младший *(Лв, Тл)** восходит к старшему *(Т, Вл, Сф)**.

С учетом предварительной стеммы Ю. Бестерс-Дилгер и наших наблюдений за формами чтений в полных списках «Иоанна Дамаскина» можно предположить стемму, учитывающую все названные списки. Она потребует уточнений, но следующим шагом для этого должно быть полномасштабное текстолого-кодикологическое исследование рукописной традиции и экземпляров печатного издания (а также списков восходящей к нему рукописной традиции) данного корпуса творений Иоанна Дамаскина в переводе ковельского скриптория 1570-х гг.[2502]

Нам остается ответить на вопрос, в каких кругах бытовал «Иоанн Дамаскин» Курбского. Прежде всего книга получила распространение на православных землях Речи Посполитой. Уникальный памятник книжной культуры — сборник Унд. № 187. Он относится к концу XVI в. Возможно, его протограф современен Курбскому, а сама сохранившаяся рукопись возникла вскоре после его смерти. В нем объединены отрывки из «Нового Маргарита» и «Иоанна Дамаскина». В конце XVII в. книга уже хранилась в россий-

[2502] См. *стемму*. Происхождение списков *Ун, Рм* и *З*, а также текста издания Мамоничей в рамках рукописной традиции «Иоанна Дамаскина» потребует дальнейших уточнений. Указываем на близость первого названного списка к источнику рукописной традиции, а второго и третьего — к той группе, протограф которой ближе всего передает список *Ув*.



Том переводов «Иоанн Дамаскин». Текстологическая стемма.

ском частном собрании. Неясно, проникла ли данная книга в низовое дворянство и городскую среду как военный трофей. И отражает ли объединение под одним переплетом «Нового Маргарита» и «Иоанна Дамаскина» замысел самого кн. Андрея Курбского или кого-то из его родных и знакомых?

Более поздний список хранится в Российской национальной библиотеке под шифром Тит. №979. Владелец, Андрей Титов, как нередко случается у коллекционеров, датировал свою ценность более ранней эпохой, говоря о почерке, что это полуустав XVI в. Водяные знаки выталкивают кодекс из столетия Курбского, хотя и остаются неточно датированными[2503]. Владельческая запись по нижнему полю на лицевой стороне листов относится уже скорее к XVIII в., но из нее недвусмысленно следует, что рукопись оказалась в руках у читателя из России. Поскольку листы перепутаны, их порядок и утраты можно установить по записи скреной и на основе анализа сохранившегося текста (в скобках указываем нынешние номера листов): «(*) [Кни-] (3) га (2) гла- (5) голе- (6) мая (*) [Да-] (1) мас- (7) ки- (8) на (9) Иоа- (10) нна (11) Се- (12) рги- (4) ева (13) сы- (14) на (15) Ше- (16) ве- (17) ле- (18) ва». Как ясно из записи и из порядка сохранившегося текста, в рукописи утрачены первый и последний листы предисловия Андрея Курбского. Рукопись начиналась не с текста «Богословия», а с предисловия Курбского, но поздний переплетчик перемешал листы так, чтобы первенство перешло к Иоанну Дамаскину. Книга принадлежала Сергию Шевелеву, судя по почерку записи — не ранее рубежа XVII–XVIII вв.

Нетиничный для рукописей из мастерской Курбского формат «в четверку» представлен здесь кодексами Рум. №193, Рум. №376, Увар. №878, Тол. №264. Формат этих списков, несомненно, вторичен и говорит о постепенной инфильтрации трудов ковельского кружка в интеллектуальную среду польского и литовского православия.

Кодекс Рум. №193 бытовал в смешанной русско-польской среде в XVII в. (создан был, возможно, уже в конце XVI в.). Поздние приписки в нем на переплетных крышках и в основном блоке выполнены по-русски, по-польски, по-гречески и на латыни[2504]. Читатель XVII в.

[2503] DJD. S. XXXIX. Anm. 14. В рукописи всего один водяной знак Рыба / Карась, но приведенные в издании аналоги из альбома Лауцявичюс №3935 (1634 г.) и 3937 (1617 г.) недостаточны для датировки. Хронологическая дистанция между ними слишком велика, тогда как ни один из вариантов точно не отражает особенности водяного знака в рукописи — где пояс вдоль тулова рыбы на четыре с половиной изгиба весьма отчетлив, хвост раздвоен эластично изогнутой дугой, а плавники сходны по размеру и разделены каждый вертикальной волнистой линией. Еще один вариант тоже не идентичен изучаемому, зато на 30 лет старше первого варианта в альбоме Лауцявичюса: Piccard-Online. N 44339. — 1605 г.

[2504] ОР РГБ. Ф. 256. №193. См. об. верхней крышки, задние листы после л. 344 и об. нижней крышки, а также

хорошо ориентируется в содержимом и проводит параллели — с Библией (как славянской, так и латинской)[2505], а также с латинской версией "De Orthodoxa Fide", т.е. с изданием Иоанна Дамаскина на латыни[2506]. Из ссылок с указанием номеров главы и листа ясно, что в распоряжении глоссатора было именно базельское издание 1559 г. или идентичное ему по распределению текста по листам[2507]. Зная, что Курбский опирался на это или сходное издание, можно допустить, что глоссатор пользовался латинским печатным «Дамаскиным» из библиотеки Курбского. Возможно, читателей-глоссаторов было два[2508]. Но отношение к тексту у владельцев обоих почерков одинаково почтительное, ученическое, сакральное. Для них постоянно доступна немалая богословская библиотека, и они располагают достаточным временем для проведения параллелей. Перевод Курбского не вызывает у них нареканий. Перед нами монах или образованный старец, а может быть, наоборот, — юноша-студент Иезуитской или Православной академии. Особое внимание в пометах уделяется словам о природе и ипостасях Бога, догмату об исхождении Святого Духа, учению Дамаскина о силе Животворящего Креста, судьбе душ и тел после смерти и «по Воскресению». Набор вполне типичный для тринитарных дискуссий эпохи Брестской унии, и сам пишущий искал ответы на острые вопросы богословской полемики. Как бы то ни было, чтение данной рукописи происходило не в Московской Руси, а где-то в украинских землях XVII в., и после этого никаких следов активного бытования рукописи нет. Интерес к ней был, по всей видимости, утрачен.

Близкие к данной рукописи читательские круги демонстрирует список предисловия Курбского к «Иоанну Дамаскину» в кодексе конца XVII в. из того же собрания — Рум. №376. Из переводов князя сюда вошел только небольшой отрывок (л. 27 — 30 об.). В целом сборник содержит ряд разнородных текстов богословской полемики с отрывками, приписками и заголовками на латыни. Перед сочинением Курбского читается здесь диалог «Преподобного отца Иоаникиа Голятовского святого Василиа Великого, ректора киевскаго с честным ксендзом Андрианом Пекарским, езуитом, казнодеем» (л. 21–26 — т.е. "Rozmowa Biełocerkiewska", пересказ диспута 1663 г., изданный в Новгороде-Северском в 1676 г.), а затем ряд текстов, посвященных культу Богородицы, взятию Смоленска королевскими войсками в 1611 г., отрывки из отцов церкви и др. Среди прочего — послание епископа полоцкого и витебского Каллиста «против клятвы святейшаго Никона, бывшаго патриарха московскаго» 1661 1662 гг. (л. 233 239 об.).

л. 11, 4, 5 об., 16–17, 21 об. — 22, 23, 25, 43 об., 45, 65 об., 123, 124 об., 126–127, 129 об., 130 об. 133, 135 об., 145, 161 об., 163–168, 169 171, 172 174 об., 175 об., 177, 185 об. — 186, 190, 191 об. — 192., 193 об. — 196, 197 об., 199 — 199 об., 206 об., 208 об., 212, 218, 219 об. — 232 об., 235, 236 об. — 240, 241 об. — 242 об., 246, 247 — 251 об., 252 об., 253 об. 260 об., 266–267, 273, 274, 296, 303 об. — 304, 338 — 338 об., 339 об.

[2505] ОР РГБ. Ф. 256. №193. Л. 6, 8, 68, 140, 208 об., 246.

[2506] ОР РГБ. Ф. 256. №193. Л. 2 2 об., 3 об., 5, 6, 7 — 7 об., 115, 116, 119, 122 — 122 об., 126, 127 об., 162, 163–165, 169–171, 172 — 175 об., 178 — 179 об., 180 об. — 181, 183 об. — 184 об., 185 об. — 186, 187 об. — 189, 190, 218, 219 об. — 232 об., 235, 236 об. — 240, 241 об., 242 об., 246, 247 об. — 251 об., 252 об., 253 об. — 260 об., 266–267, 286.

[2507] А.Х. Востоков полагал, что параллели приведены в данной рукописи по базельскому изданию 1548 г. и по нему же выполнен сам перевод Курбского (*Востоков А.Х.* Описание... С. 243; см. также: *Беляева Н.П.* Материалы... С. 125). Эта концепция в обеих ее частях не подтверждается. Сравнение облегчают табличные выкладки Ю. Бестерс-Дилгер, в которых сопоставлены соответствующие разделы греческого текста, перевода Иоанна Экзарха, базельского издания 1559 г. и «Иоанна Дамаскина» в переводе Курбского. См.: DJD. S. XXVII XXX. С Базельским изданием в глоссах Рум. №193 совпадают номера листов по главам кн. 1, гл. I–VIII и кн. 4, гл. I, IV–V, X (здесь же особенно сопоставлен отрывок на с. 296 латинского текста), XII (здесь сопоставлялся отрывок со с. 306 латинского текста), XIII. Остальные соответствия глоссатором не указаны или указаны без номера страницы ("folio"). С л. 162 кодекса соответствия обнаружены к отрывкам «О иже в вере усопших» (л. 162 = "Sermo quod qui in fide hinc migrarunt, fol. 416"), параллель к текстам на л. 163 ("fol. 417"), 163 об. ("fol. 418"), 164 об. ("fol. 419"), 165 ("fol. 420"), 168 ("fol. 423"), 169 ("fol. 424-II", "fol. 425"), 169 об. ("fol. 425"), 170 ("fol. 426"), 170 об. ("426"), 171 ("fol. 427"). Далее до л. 175 об. глоссатор прослеживает параллели лист за листом до "fol. 433. De die Iudicii" латинской версии. Затем вновь отмечает сходство послания Иоанна Дамаскина епископу лаодикийскому Иоанну на с. 178 ("fol. 435") и далее расписывает параллели по главам и листам до "fol. 442" (л. 190). Затем — к «Блаженнаго Максима о Господа нашего Исуса Христа дву естествах» (л. 218 = "fol. 455, B. Maximi de duabus Domini Dei et servatoris Iesu Chr-") и далее вновь раздел за разделом и по листам до л. 232 об. ("462 fol."), после чего еще некоторые сходства — л. 235 (с. 464), 236 об. (с. 464), 237 об. — 260 (со с. 465 по 476). Для раздела «Иоанна Дамаскина книга, в ней же описуется гадание христианина с сарацинином» = "Disceptatio Christiani et Sarraceni" (л. 260 об.), «Осм есть страстей...» = "Sententiarum fragmentum ad claram sororem fol. 480" (л. 266). Оглавление «Диалектики» также без труда обнаружено в латинском источнике: "fol. 482" (л. 284). И затем отмечено лишь начало этой книги: "De dialectica sive logica liber fol. 481" (л. 286).

[2508] Так полагает Ю. Бестерс-Дилгер. См.: DJD. S. XXXV.

Еще один список — ГИМ Увар. №878, судя по водяным знакам, первой трети XVII в., — принадлежал киевскому Пустынно-Никольскому монастырю и его иеромонаху Исаакию Кокоревичу[2509]. О владельце известно, что он в сане игумена Никольского монастыря приехал в Москву 21 июля 1688 г. и привез книги[2510]. Возможно, среди них была и «Книга святого Иоанна Дамаскина» в редакции ковельской артели. Вводный раздел кодекса с предисловием Курбского испещрен кириллическими пометами русского писаря XVII в., в основном — подчеркиваниями, краткими рубриками и мнемонической цифирью на полях. Многочисленные глоссы с указующими перстами (маникулами) сконированы из протографа или выполнены самим переписчиком основного текста. Среди прочего читателя заинтересовало черниговское происхождение князей Оболенских, к роду которых принадлежал кн. Михаил Ноготков, сотрудник Курбского[2511]. Тем же или сходным почерком сборник дополнен толкованиями Иоанна Златоуста на «Шестоднев» в редакции Севериана Гевальского. Такой же «Шестоднев» присутствует и в Академическом списке «Нового Маргарита»[2512]. В обоих списках «Шестоднева» нет следов причастности ковельских книжников из окружения князя Андрея Курбского. Впрочем, это не решает вопроса об их возможной причастности к конированию текста. Сходные с их манерой комментирования глоссы на полях во множестве появляются лишь в Беседе 10-й «во Седмый день Сотворения Миру»[2513]. Впрочем, выполнены они православными книжниками Речи Посполитой. Несколько из них предостерегают или внушают вполне в духе Курбского: «Зри на противно тых, которые не признавают быти Рай на земли», или: «Которые рады порожные слова мовити и з ними се до людей в розмове о речах святобливых удавати за правду»[2514].

«В четверку» выполнен и кодекс Тол. №264. Судя по данным водяных знаков, он был создан в Речи Посполитой в конце XVI — начале XVII в. Водяные знаки рукописи тяготеют к самым первым годам XVII в.[2515] К его концу книга оказалась в Архангельской библиотеке кн. В. В. Голицына, переплеталась или восстанавливалась после 1730 г.[2516] и уже к началу XIX в. в ней недоставало начальных листов с первыми 12 главами «Богословия» (точнее, есть лишь окончание

[2509] ОР ГИМ. Собр. А. С. Уварова. №878 (4°). Л. 1, 4 (владельческие записи по нижнему полю). Данные о водяных знаках приведены в издании 1995 г. по сообщению Л. М. Костюхиной. Уточняем здесь неточные предположения Ю. Бестерс-Дилгер о владельце рукописи. Ср.: DJD. S. XXXVIII–XXXIX.

[2510] *Шляпкин И. А.* Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). СПб., 1891. С. 128. Примеч. 7; С. 182. Примеч. 3. Ссылки на: МАМИД. Малороссийские дела. Св. 77–78. №80. См. также: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великороссийскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 358; Листи Івана Мазепи. 1687–1691 / упоряд. та авт. передм. В. Станіславський. Київ, 2002. Т. 1. С. 194, 197; *Павленко С. І.* Іван Мазепа як будівничий української культури. Київ, 2005. С. 251.

[2511] ОР ГИМ. Собр. А. С. Уварова. №878. Л. 4.

[2512] ОР БАН. Собр. Арх. ком. №191. Л. 454 — 540 об.

[2513] ОР ГИМ. Собр. А. С. Уварова. №878. Л. 547–568.

[2514] ОР ГИМ. Собр. А. С. Уварова. №878. Л. 559 об.

[2515] DJD. S. XLII–XLIII. Отметим, что кодекс сильно пострадал от влаги, часть листов почернели и сильно деформировались. Описание водяных знаков рукописи Ю. Бестерс-Дилгер приводит со ссылкой на сведения «госпожи Григорьевой» и только в самом первом приближении. Предварительный анализ показывает следующие особенности бумажных знаков кодекса: 1) Знак на л. 1–154 (не считая листов со знаком №2), 157 = 158 — Слеповрон в гербовом щите с навершием в виде Лилии. На Подкове — Птица с кружком в клюве. Низ гербового щита — с заострением и двумя «клычками» по бокам. Сопоставимый, но сходный лишь отдаленно, вариант обнаруживается в альбоме: Лауцявичюс №2729. — 1597, 1598, 1599 гг. Ближе к варианту рукописи: Каманин №396. 1600 г. 2) Еще один знак появляется лишь на л. 130 = 137, 203 = 208. Это Елита в овальном щите и картуше. Отдаленное сходство в форме картуша — Лауцявичюс №1542. — 1592, 1593, 1597 гг. Близкий вариант — Каманин №446. — 1604, 1606 гг. 3) На л. 156 = 159, 162 = 271 (не считая листов со знаками №2 и 4), 287 = 290 знак Любич в гербовом щите. Отдаленное сходство — Лауцявичюс №2713. — 1588, 1595, 1599, 1602 гг. Ближе к варианту рукописи: Каманин №404. — 1604 г. 4) Кабан на л. 202 = 209, 278 = 283, 317 = 324. Поздние варианты знака плохо представлены в существующих альбомах. 5) Знак Абданк на л. 272 = 274, 286 = 291, 288 = 289, 293 = 300, 295 = 298, 301 = 308, 303 = 306, 309 = 316, 311 = 314, 320 = 321. Отдаленное сходство: Каманин №457. — 1602, 1606 гг.; 6) Лелива в гербовом щите под короной на л. 280 = 281. Ср.: Каманин №380. — 1597 г. 7) Припереплетный лист при верхней крышке и два при нижней — из бумаги с водяным знаком Герб Амстердама. Сохранился только верхний фрагмент знака на первом из названных листов. Корона без намета сходна с №294–353 из альбома. Этот знак бытовал в 1690-е–1730-е гг. Большего сказать на основе сохранившегося фрагмента не представляется возможным. Наличие знака Лелива, хотя и представленного всего на одном листе, указывает на покупку бумаги, а как следствие, и на написание списка в Галичине или на Волыни, поскольку бумага производилась мельницей в Буске под Львовом: буским старостой был Станислав Тарновский герба Лелива. См.: *Мацюк О. Я.* Папір та філіграні на українських землях: XVI — початок XX століття. Київ, 1974. С. 29–30.

[2516] Нижний припереплетный лист подкреплен к крышке при помощи фрагмента печатного календаря с датой коронации российской царицы Анны Иоанновны, 28 апреля 1730 г.

12-й главы и дальнейший текст)[2517]. Отсутствие читательских помет в тексте, как и загадочный титул «Книга о четырех частях света» с библиотечными номерами (397 и 323) почерком XVIII в. оставляют крайне мало данных для исследования читательских кругов.

Список НБУВ Соф. №156 принадлежал Киево-Софийскому монастырю. Поскольку монастырь служил резиденцией митрополитов, на рукописи — автограф самого Петра Могилы, библиофила, митрополита киевского и галицкого 1639 г. Список выполнен полууставным почерком на 318 листах. К сожалению, рукопись не подлежит полному исследованию из-за дефектности. Начиная с л. 159, в ней имеется сильная деструкция бумаги, усиливающаяся к концу, вероятно, вследствие химического воздействия. При этом на полях кодекса деструкции бумаги нет. Предварительно кодекс может быть датирован по водяным знакам бумаги рубежом XVI–XVII вв.[2518] Нумерация листов черными чернилами произведена в конце XVIII — начале XIX в. Отметим также сбой в нумерации листов: после л. 130 расположен л. 114, далее счет со 114 до 130 повторен. В рукописи имеются и кириллические сигнатуры под титлом, расположенные внизу листа, у части из них оригинальные окончания в виде горизонтальных черточек и хвостов-росчерков. Рукопись состоит из восьмилистных тетрадей. Переплет восстановленный, киевский XVIII–XIX вв., с тиснением золотом, филиграней на форзацных (приперенлетных) листах нет.

Еще один ранний, до сих пор не учтенный текстологами и биографами Андрея Курбского список «Иоанна Дамаскина» в переводе ковельских книжников 1570-х гг. хранится в ф. I НБУВ под № 4071[2519]. В свое время об этой книге писал В.Н. Перетц, который ознакомился с ней в библиотеке Волынской духовной семинарии, когда посетил Житомир в составе семинария русской филологии в 1910 г.[2520] Вероятно, об этой же рукописи («Творения Иоанна Дамаскина в переводе князя Курбского») из Волынской духовной семинарии шла речь в прошении Археографической комиссии на имя архиепископа волынского от 1913 г. передать ее в Архив Синода[2521]. Рукопись понадобилась в связи с подготовкой к печати «Сочинений» А. Курбского. В указанном прошении том Иоанна Дамаскина упомянут вместе с волынским списком «Нового Маргарита», долго считавшимся утерянным и заново атрибутированным А.Г. Сергеевым в фонде Археографической комиссии БАН, куда и был передан из собрания Волынского епархиального древнехранилища[2522]. Рукопись Дамаскина из Волынской духовной семинарии в распоряжение Археографической комиссии передана не была. Обратимся к самому списку. Кодекс написан полууставом на 353 л. О происхождении рукописи говорят два штемпеля библиотеки Волынской духовной семинарии и старый шифр «№142 н. к.» на начальном листе. Кириллическая фолиация современная созданию книги, отдельная для каждого из творений в составе «Иоанна Дамаскина» («Богословие», «Диалектика»). Рукопись была отреставрирована, вероятно в 1980-х гг. При реставрации форзацы оклеены новой бумагой. Листы имели хорошую сохранность, были лишь заново перешиты. Книга имеет давний оклад XVI–XVII вв. из досок, обтянутых кожей, с металлическими застежками (новыми) и металлическими средником и наугольниками на нижней крышке. Записей, проливающих свет на происхождение и предыдущее место хранения кодекса, нет. Художественное оформление свидетельствует о высоком мастерстве переписчиков и изготовлении в специализированном скриптории. На верхней крышке оттиснут овальный средник с сюжетом Св. Троицы и текстом по контуру изображения «оучреди мѣсто человекъ Бога оучрѣжая патріархъ страннѣ а». Оттиснутые наугольники находят параллели в переплетах старопечатных книг, в частности Острожской Библии 1581 г., как и металлические элементы оформления. Судя по водяным знакам, кодекс относится к рубежу XVI–XVII вв. показательно сходство основного водяного знака бумаги данной рукописи с бумагой списка Соф. №156.

[2517] *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825. С. 213–214; Славянские рукописи собрания Ф.А. Толстого. материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров / сост. Д.-К. Уо. Л., 1980. С. 57. Табл. 2.

[2518] Использована однотипная бумага с несколькими близкими видами филиграни Лилия, или Гоздава (ср.: Хивуд №1409 (1600 г.); Лауцявичюс №2043 (1624 г.), 2054 (1605 г.)). Бумага — качественная, однако на большинстве листов имеются небольшие дыры, часто на месте расположения филиграни: возможно, покупалась партия забракованных листов.

[2519] Краткий лингвистический анализ списка приведен в статье: *Паєнко Г.* Перекладн... С. 22–23.

[2520] *Перетц В.Н.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир 21–26 октября 1910 года. Киев, 1911. С. 22–29.

[2521] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 240.

[2522] *Сергеев А.Г.* О вновь найденном списке... С. 155. См. также здесь в разделе «Новый Маргарит».

Возможно, это свидетельство каких-то общих обстоятельств копирования двух этих списков[2523].

Сохранился и ранний, конца XVI в., список перевода из Львовской библиотеки им. В. Стефаника. Кодекс написан полууставом, украшен киноварными заголовками и инициалами. В списке множество глосс на полях мелким полууставом рукой переписчика. Переплет относится к XVIII в.[2524] Как установила О.С. Сапожникова, эта рукопись является списком «Иоанна Дамаскина» в переводе ковельской книжной артели. Участие в переводе Курбского, по мнению исследовательницы, замалчивалось: «По-видимому, замалчивание авторства опального князя имело место и в Киевской митрополии, и в Московской Руси»[2525]. Львовский список в этом смысле скорее уникален: в нем нет ни предисловия Андрея Ярославского (его открывает оглавление «Главизны яже сут в книзе сей»), ни атрибуции заключительных разделов книги Курбскому («О Другиа Диалектики», «Сказание чего ради сии написанны», «Сказание о логике»). Как мы показали выше, данный список не отражает ранний вид текста и минимум через два поколения восходит к протографу рукописной традиции.

Хранящийся ныне в Синодальном собрании сборник ГИМ Синод. №122 (П-736) относится, как уже сказано, к 1630–1640-м гг. и происходит из Речи Посполитой. На л. 11 об. краткая запись-атрибуция: "Videtur scriptus seculo 17". Тогда как на лицевой стороне того же листа рубрикованная помета внизу гласит: «Прислана с Патриарша двора в 205 году» (т.е. в 7205 г. от С. М.). Визирование на латыни вряд ли возникло в московский период бытования кодекса, наступивший не позднее 1696–1697 гг. Крышки рукописи повреждены жучком, но в целом переплет, видимо, современен книжному блоку. Водяные знаки сходны с вариантами 1637–1657 и 1634–1635 гг., и на расхождении нижней датировки первого знака и верхней датировки второго — рукопись может быть предварительно отнесена к концу 1630-х гг.[2526] Сборник открывается «Книгой Иоанна Златоустаго о девяти чинах ангелских» с выписками из Палеи (л. I, 1 — 129 об.). После жития страстотерпца Георгия и преподобной Александры (л. 130 об. — 134 об.) приведен отрывок из «Богословия» Иоанна Дамаскина (л. 135–151) и — после многолистного пробела — «История о листрикийском, то ест о разбойническом Ферарском або Флоренском сыноде вкротце нравдиве списанна» (л. 169–172). «История о листрикийском соборе», по всей видимости, восходит к общему источнику с «Историей о Осьмом соборе» в переложении кн. А.М. Курбского. Само это сочинение князя и нельзя исключать, что и его сотрудников, известно только в составе «сборников Курбского», однако показательно, что для составителя сборника, включающего отрывок в переводе ковельских мастеров 1570-х гг., был каким-то образом доступен текст «Богословия» наряду с «Историей» Клирика Острожского, бывшей частью полемического сочинения «Отпис на лист Инатия Потея», изданного в Остроге без даты около 1598 г.

На ранних этапах обособленно бытовал фрагмент из сборника «Иоанн Дамаскин» ковельского скриптория — «Логика» («О силлогизме») Иоганна Спангенберга в переводе князя Андрея Курбского и его сотрудников. Она была издана в Вильно Мамоничами уже после смерти князя Андрея Курбского. Издание датируется 8 октября 1586 г.[2527] До недавнего времени было известно всего два экземпляра этого издания — один из РГАДА и еще один из библиотеки Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева[2528]. В кремлевском Чудовском монастыре хранился список с этого нечатного издания «От другие диалектики Иопа Спакъинъбергера о силогизме вытолковано», расположенный в кодексе с «Небесами» Иоанна Дамаскина в редакции Великих Четьих Миней[2529]. Выше уже говорилось о соотношении

[2523] Наибольший объем кодекса написан на бумаге с филигранью Гоздава (Лилия) (см. примеч. к описанию рукописи Соф. №156. Близкий — Каманин №604. 1617, 1622 гг.; №608. — 1621 г.). Использованы также листы с филигранями Кабан (близкий вариант — Лауцявичюс №3711), Елита, возможно — Леварт, которые, как представляется, не противоречат датировке основного комплекса бумаги в кодексе.

[2524] ВР ЛНБУ. МВ №107; Кирилічні рукописні книги у фондах Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України: Каталог / уклад. М.М. Кольбух та ін.; відп. ред. Л.В. Головата. Т. 1: XI–XVI ст. Львів, 2007. С. 101–103. №93. См.: *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергий Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. С. 238–239. Водяные знаки — различные варианты знака Кабан (Mareş №388 (1599 г.)). Не считая библиотечных помет, в рукописи не обнаружены следы чтения.

[2525] *Сапожникова О.С.* Русский книжник... С. 238–239.

[2526] Даты на основе альбома Каманина №736–737 и 1171 приведены в карандашной записи на обороте верхней крышки рукописи. См. ОР ГИМ. Синодальное собр. №122. Об. верх. крышки.

[2527] *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века.. Т. 2. С. 715.

[2528] Там же. С. 716.

[2529] ОР ГИМ. Чудовское собр. №236. Л. 193 об. — 199 об. Водяной знак — Кувшин между контузо с одной ручкой под короной с однолепестковым цветком сверху

редакции этого сборника с переводами Курбского и его сотрудников. Присоединение «Логики» в переводе ковельских книжников к Чудовскому сборнику — свидетельство раннего осмысления достижений «государева изменника» на поприще богословия, хотя ни о каком знакомстве в Москве с «Богословием» и «Диалектикой» в его переводе неизвестно. Сборник из Чудовского собрания «переписал» архимандрит монастыря Пафнутий (хранитель «чернец Пафнотей»)[2530]. Вклад был сделан уже в 1599/1600 (7108) г. По предположению Н. В. Синицыной, нижней границей возникновения этой рукописи является 1589 г., а сами книжники уже тогда интересовались творчеством князя Андрея Курбского и разыскали изданный в 1585 г. «Диалог» Геннадия Схолария с Амуратом (султаном Мехмедом II), переведенный при участии Курбского[2531]. Таким образом, из эмигрантских сочинений Курбского и его сотрудников одними из первых появились в Москве его «Логика» и «Диалог». Впрочем, атрибуция «Диалога» ковельским книжникам остается под вопросом, а в «Андрее» из послесловия «Логики» («Сказание Андреа, чего ради сии написаны») кремлевские читатели могли и не распознать государева изменника кн. Андрея Курбского[2532].

В состав издания, помимо текста «Діалог, или Бесѣдованіе» Геннадия Схолария, входят также два других сочинения — отрывок из Иоанна Дамаскина «Прение второе, выписано с книги Дамаскиновы, в нем же описуется гаданіе християнина съ сарацынином или з магометаномъ» и слово Иоанна Златоуста «О терпѣніи, и благо хваленіи, и да не плачемъся злѣ, о умерьшихъ»[2533]. Книга издана без точной даты в выходных сведениях, однако в посвящении канцлеру Великого княжества Литовского О. Б. Воловичу указано на его написание 11 марта 1585 г. Издание сохранилось в одном уникальном экземпляре из фондов РНБ (Санкт-Петербург)[2534]. Особенностью издания, любопытной в контексте изучения двух прижизненных рукописей, сформированных, вероятно, в скриптории Курбского, написанных канцелярским курсивным почерком, является печатание предисловия и посвящения «Диалога» Геннадия Схолария таким же особенным курсивным шрифтом, ранее не использовавшимся в печатной продукции, рассчитанной на распространение среди православных Речи Посполитой.

Поздний рефлекс какой-то более ранней традиции присутствует в книжных собраниях монастырей Афон — Зогр. № 166. Пока известно только, что это небольшая, на 45 л. «в четверку» подборка выписок из «Богословия», созданная иеромонахом Пахомием в 1790 г. и предваренная оглавлением, с небольшими отличиями передающим архетип ковельского перевода[2535].

Находка последних лет — не список, но его выразительный рефлекс в сохранившейся рукописи. Одним из источников для исправления рукописи РНБ Соловецкого собр. № 310/330, принадлежавшей в середине XVII в. книжнику Сергию Шелонину, как установила О. С. Сапожникова, был какой-то список «Диалектики» кн. Андрея Курбского. На основе перевода Курбского и его сотрудников Сергий редактировал слова Иоанна Дамаскина о браке Иосифа и Марии (кн. IV, гл. 15). Позднее перевод самого Сергия книжники правили еще раз на основе того же неизвестного ныне списка «Диалектики»[2536].

Пользовались переводами Курбского и на Московском печатном дворе[2537]. Впрочем, текст первой части книги Иоанна Дамаскина «Небеса, або Диалектика», был издан в 1665 г. на Московском печатном дворе в составе «Книги великих настырей церкных, и учителей всея вселенная... Григория Богослова, Василиа Великаго Беседы на Шестодневник, Афанасия Александрийскаго... на ариан, Иоанна Дамаскина [Книга Небеса]». Переводчиком считается Енифаний Славинецкий. Изучение текста показывает, что для издания не был использован перевод кружка А. Курбского, в то время как в издании «Бесед на Евангелие от Матвея» Иоанна Златоустого

и литерами PLI на тулове. И бумажный знак, и почерк приписки из виленского издания органично связаны с основным блоком, а следовательно, современны работе над ним, а фрагмент с «Логикой» — часть этой работы.

2530 ОР ГИМ. Чудовское собр. № 236. Л. 11. См. также: *Гаврюшин Н. К.* Премудрая святая диалектика. С. 57–58.

2531 *Синицына Н. В.* Сказания о преподобном Максиме Греке. М., 2006. С. 68–69; Преподобный Максим Грек. Сочинения / отв. ред. Н. В. Синицына. М., 2014. Т. 2. С. 350.

2532 ОР ГИМ. Чудовское собр. № 236. Л. 198 об.

2533 *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в. Т. 2. С. 678–679. № 95. Рис. 95.1–95.10.

2534 *Лукьяненко В. И.* Издания кириллической печати XV–XVI вв.: 1491–1600: Каталог книг из собрания ГПБ. СПб., 1993. С. 191–192. № 90.

2535 *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994. С. 102 (№ 166), 314 (табл. 168); Каталог славянских рукописей афонских обителей. 2-е изд., испр. и доп. / сост. А. А. Турилов, Л. В. Мошкова; под ред. А. Э. Н. Тахиаоса. Београд, 2016. С. 85 (№ 79).

2536 *Сапожникова О. С.* Русский книжник... С. 182, 216–217, 220–221.

2537 *Сапожникова О. С.* Русский книжник... С. 248–249.

1664 г. переводы ковельского кружка заимствованы из традиции сводного «Маргарита».

Вильнюсский историк Надежда Морозова установила предположительные следы перевода Курбского в списке «Диалектики» Иоанна Дамаскина конца XIX в. из старообрядческого Успенского монастыря в Войнове (ныне — Варминско-Мазурское воеводство Польши). Книга представляет собой собрание на 45 глав (на 1 меньше, чем в оригинальном переводе Курбского) и завершается вопросами язычника к христианам Псевдо-Юстина[2538].

Очертив круг читателей и владельцев «богословского» наследия ковельской мастерской Курбского, перейдем к выводам. Обнаружение еще одного прижизненного кодекса, Соф. № 157, позволило поднять ряд новых вопросов о рукописном наследии Курбского. Прежде всего, еще раз пришлось убедиться, что мастера-переписчики, трудившиеся над составлением Соф. № 157, и затем они же и отчасти другие мастера — над Син. № 219, были местной волынской выучки.

Даты работы над кодексами могут быть намечены условно, однако они, как представляется, не противоречат предположению о существовании текстов «Нового Маргарита» и «Иоанна Дамаскина» к началу 1575 г. После дискуссий Курбского с иезуитами в Вильно в начале 1574 г., по всей видимости, у местных католиков и православных возникли сходные цели, что отразилось на одновременной подготовке богословско-полемических и агиографических сводов в ковельском скриптории и в Иезуитской академии. Во второй половине 1575 г. могла начаться работа над томом «Симеон Метафраст». Впрочем, можно допустить и более позднее начало работ во временном «лаге» с середины 1575 по конец 1577 г. Именно к этому времени относится трактат «О единстве церкви» (1574 г., опубл. в 1577 г.) видного иезуита и ректора Виленской академии Петра Скарги, на который резко отозвались киевские и волынские православные. Мысль Скарги следовала в том же направлении, что и в кругах Андрея Курбского и Василя Острожского. Вскоре после этого трактата он опубликовал «Жития святых» (Вильно, 1579).

Завершение переводческих работ над «Симеоном Метафрастом» вряд ли относится к июню–июлю 1579 г., когда Курбский на некоторое время отлучился от книжного творчества и направился в Полоцкий поход. Манера составления тома Син. № 219 свидетельствует о том, что мастера работали над сводом вскоре после составления «Нового Маргарита» и «Иоанна Дамаскина». Писари в Син. № 219 были главным образом те же, что и в Соф. № 157, даже часть бумаги от предыдущего этапа книжных трудов перешла на эту фазу, во вторую половину 1570-х гг. Однако и по жанру (ср. мартирологи и жития в «Истории» и в Син. № 219), и по репертуару (отрывки из «Хроники» Евсевия Кесарийского в Син. № 219 и в сборнике «История») том «Симеон Метафраст» вплотную примыкает к начавшимся на заре нового Московского похода работам над Сборником Курбского («История о князя великого московского делех»).

Всё сказанное В. В. Калугиным о сходствах и различиях в книгописной манере Син. № 219 и Хлуд. № 60 распространяется и на соотношение между Соф. № 157 и Хлуд. № 60[2539]. Мастера Соф. № 157 лишь копировали, но не создавали торжественный, «подносной» кодекс. Творчество основных переписчиков Соф. № 157 открывает уникальную перспективу перед исследователями — мы обнаруживаем в почерках данной рукописи тех же мастеров, которые принимали участие в работах над Син. № 219. Следовательно, рукопись Софийского собрания № 157 является одной из тех этапных «черновых» версий, на основе которых формировались позднее в самой же волынской мастерской кн. Андрея Курбского чистовые кодексы, сходные с книгой, ныне хранящейся в собрании Хлудова № 60. Показательно, что «Симеон Метафраст» не доработан. Возможно, кодекс так и не был доведен до того вида, который позволил бы снять с него более красочную чистовую копию.

Эти выводы позволят вновь поднять вопрос о существовании в книжной мастерской Курбского чистовой версии книги с его «Историей о князя великого московского делех», тремя посланиями Ивану Грозному и приложениями. Нельзя исключать, что тетради с «литовской переписки» и поздними переводами Курбского вошли в состав Сборника Курбского в качестве приложений к черновой версии «Истории», но так и не были скопированы в парадный кодекс, и в таком виде появились в оригинале или ранней копии в московской рукописной традиции конца XVII в. В Москве уже на ранних этапах бытования «Истории» особенности ее оформления рассматривались как факультативный элемент

[2538] Рукописное собрание старообрядческого монастыря в Войнове. Рукопись оцифрована и доступна по идентификатору: oai:wmbc.olsztyn.pl:1342 (дата обращения 21.11.2017).

[2539] *Калугин В.В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 27.

текста и в большей части ответвлений рукописной традиции были уже в конце XVII — начале XVIII в. затерты и забыты. Особенности оформления черновых рукописей, происходящих, согласно многочисленным данным, непосредственно и волынской книгописной мастерской кн. Андрея Курбского, не противоречат возможности раннего бытования «Истории» в виде кодекса, переписанного скорописными почерками русским писарем с красочной заставкой и старательно оформленными глоссами.

Как и «Новый Маргарит», «Иоанн Дамаскин» Курбского потребовал существенных редакторских усилий по стабилизации текста. При этом редакционные изменения не опирались на идею приближения к источнику (греческому, латинскому или славянскому). Редактирование велось путем последовательного отказа от «низких» языковых регистров в пользу высоких церковнославянских. Так, можно проследить, как «эволюционировало» чтение *егда Бог неосязаем есть и имени воистинну не мает* (кн. 1, гл. 16). На месте разговорного *не мает*, читающегося в *X* и *C*, уже в *Ув* и *Тл* находим *не имает*, а в *T* — *не имѣет*. Деформация исходных переводческих версий также не заставляет себя ждать, и к началу XVII в., как и следовало ожидать, списки наполняются множеством огрехов. Для лат. nam luminis est susceptivum (кн. 2, гл. 8) ковельские книжники приняли — отражено в *X*, *C*, *Тл* — *ибо могущ приати* (*C*: прияти) *свѣт*, что в *Ув* деформируется в *могущу*, в *T* — в *мауш*. Переписчик *T* или создатель его протографа счел недостаточной формулу алтарной жертвы Христа *никто ж приide ко олтарю* (*C*: алтару) *очистити* для лат. in qua nullus attinebat altari (кн. 3, гл. 2) (такой перевод находим в *X*, *C*, *Тл*), и он дополнил его так: *от него же никто же приide к олтарю причастился и очистити*... У алтаря причащаются, а не только очищаются — так должен был рассуждать книжник: никаких новых списков и представлений об источнике текста для этих исправлений не требовалось. Таких примеров «улучшения» текста немало, они говорят о живой редакторской традиции, надстраивающей над первоначальным переводом здание переосмыслений.

Списки «Иоанна Дамаскина» в переводе ковельских мастеров 1570-х гг. были распространены благодаря копированию и печати. Круг богословской учености, сформированной этим переводом, значительно шире, чем волынская интеллектуальная среда конца XVI в. Он уже в конце XVI — начале XVII в. захватывает Москву и Киев. «Простых» читателей у переводных сборников, созданных ковельским скриптори-ем, не возникло. Перемены в передаче текста затрагивали, как правило, соотношение основного корпуса и маргиналий и практически не отражались на осмыслении перевода и его значения. Для кого-то из читателей знакомо прозвучали черниговские реалии в предисловии к «Богословию». Кто-то из переписчиков удалил «лишние» глоссы, оставив остов перевода. Московские владельцы не проявили себя как читатели переводов Курбского и его сотрудников ни в XVII, ни в XVIII в., хотя кремлевские книжники уже в конце XVI в. признали заслуги Курбского, дополнив Минейную редакцию «Богословия» списком с печатной «Логики» в переводе Курбского и его сотрудников. Лишь московские редакторы-реформаторы, связанные с «книжной справой», взялись за пересмотр богословского наследия, принимая во внимание заслуги перебежчика-мыслителя. Труды Курбского признавались и ценились учеными-богословами периода дореформенной книжной «справы». Впрочем, как можно понять по именам хранителей и читателей дошедших до нас списков, уже после церковной реформы патриарха Никона «Иоанн Дамаскин» занял более узкую нишу, войдя, помимо уже сложившихся центров, прежде всего, в старообрядческие собрания. Возможно, отсутствие читателей у сборника «Симеон Метафраст» вызвано только тем, что этот кодекс не был сформирован и не копировался ни при жизни Курбского, ни более поздними владельцами рукописи. Книга была забыта, а попав в Патриаршую казну, а затем в Синодальную библиотеку, не вызывала заметного ныне интереса.

Можно с высокой долей вероятности сказать, что в поздних списках будут еще открыты полные тексты и рефлексы «Иоанна Дамаскина» из ковельского скриптория кн. Андрея Курбского. Помимо полных версий, написанных полууставом XVI–XVII вв., вероятность таких находок в ряду сборников смешанного состава, выполненных книжным курсивом или делопроизводственными почерками Короны Польской и Великого княжества Литовского, высока.

Сборник Курбского

Попытки установить один исторический момент, когда могла быть создана «История о князя великого московского делех», не привели исследователей к единомыслию и опирались на гипотетические или ошибочные доказательства. Так, Н. Г. Устрялов высказывался за 1578 г. как terminus ante quem non, ошибочно датировав время казней М. Я. Морозова, кн. М. И. Воротынского

и кн. Н. Р. Одоевского этим годом[2540]. А. Н. Ясинский и ряд других исследователей предлагали хронологический рубеж 1576–1578 гг.[2541] Высказывалось и какое-то время повсеместно было принято мнение о составлении «Истории» вскоре после завершения «Нового Маргарита» и около времени избирательной кампании в Речи Посполитой после смерти 7 июля 1572 г. короля Сигизмунда II Августа[2542]. Однако даже для сторонников этой концепции было очевидно, что не все факты в «Истории» умещаются в этот хронологический рубеж, и уже Джон Феннелл отмечал ряд упомянутых в тексте событий, которые могли или должны были произойти позже 1573 г.[2543] Промежуточную точку зрения, согласно которой завершение «Истории» могло относиться к 1573 или 1578 г., занял Дитрих Фрайданк[2544]. Важным аргументом, впрочем, построенном ex silentio, становится умолчание Курбского в «Истории» о работе над Третьим посланием царю, завершенным в 1579 г. При этом важны не только текстуальные сходства «Истории» с ТПК, но и переработка Первого послания в Сборнике Курбского под влиянием «Истории» или сходного с нею текста. Критические аргументы в пользу поздней дактировки независимо друг от друга приняли Инга Ауэрбах и С. А. Елисеев, пришедшие к сходным выводам. И. Ауэрбах указывает 1581 г. как время завершения работы Курбским[2545], С. А. Елисеев — время между концом 1581 и смертью Курбского в мае 1583 г.[2546] В пользу поздней датировки окончательной версии «Истории» склонялся и В. В. Калугин, обративший внимание на факт влияния перевода «Симеона Метафраста» на текст «Истории»[2547]. Более поздние датировки предлагались в рамках скептической концепции, согласно которой кн. Андрей Михайлович Курбский не являлся автором «Истории»[2548].

Не все выводы исследователей прошли испытание временем, однако в ходе дискуссии было высказано много ценных аргументов за неимением решающих и безусловных. Точно датировать этот памятник не удается до сих пор.

По нашему мнению (здесь я развиваю концепцию Джона Феннелла, А. А. Зимина и С. А. Морозова), текст «Истории о князя великого московского делех» был написан не единовременно, а в несколько приемов с большими временными

[2540] *Устрялов Н.* Сказання... СПб., 1842. С. XXVIII, ср.: С. 357–358. Примеч. 147.

[2541] *Ясинский А. Н.* Сочинення... С. 105–107; *Liewehr Г.* Kurbskijs Novyj Margarit. Prag, 1928. S. 14. Anm. 1; *Damerau N.* Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden,1963. S. 10.

[2542] *Жданов И. Н.* Соч. Т. 1. С. 158; *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? С. 305–308; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 50–51; *Гладкий А. И., Цеханович А. А.* Курбский Андрей Михайлович. С. 494–503.

[2543] *Fennell J. L. I.* Introduction // History. P. VII.

[2544] *Freydank D.* A. M. Kurbskij und die Theorie... S. 57–77.

[2545] *Auerbach I.* Gedanken zur Entstehung von A. M. Kurbskijs *Istorija o velikom knjaze Moskovskom* // CASS. 1979. Vol. 13. N 1–2. S. 166–171.

[2546] *Елисеев С. А.* О времени создания А. М. Курбским «Истории о Великом князе Московском» // ИСССР. 1984. №3. С. 151–154.

[2547] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 41–44, 90–99, 105–108 и др.

[2548] Дискуссия об атрибуции Курбскианы продолжается и открывает всё новые возможности переосмысления как отдельных частей переписки, так и всего творчества Курбского в контексте культуры Российского царства и Речи Посполитой XVI–XVII вв. См.: *Halperin Ch. J.* Edward Keenan and the Kurbskii-Groznyi Correspondence... P. 376–403; *Keenan E. L.* Response to Halperin. P. 404–415; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998; *Auerbach I.* Kurbskij-Groznyj Apocrypha und kein Ende? S. 402–404. На новом витке дискуссии критики традиционной атрибуции сочинений Курбского уточняют свои тезисы и комментируют отдельные новые факты, приводимые в защиту авторства князя Андрея: *Зема В.* Справа віри. С. 190–199. Рец. на кн.: *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998; *Keenan E. L.* Ivan the Terrible and Book Culture: Fact, Fancy, and Fog: Remarks on Early Muscovite Printing // Solanus. New Series. 2004. Vol. 18. P. 28–50; *Idem.* Was Andrei Kurbskii a Renaissance Intellectual? P. 25–31; *Pouncy C. J.* Missed Opportunities and the Search for Ivan the Terrible // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Vol. 7. N 2. P. 314; *Boeck B. J.* Eyewitness or False Witness? Two Lives of Metropolitan Filipp of Moscow // JGO. 2007. 55. 2. P. 161–177. В развитие «апологетической концепции» см.: *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского. М., 2009. Т. 1–2, рец. на данную работу: *Auerbach I.* Die neue massgebliche Edition der zentralen Werke Andrej Kurbskijs // JGO. 2011. Bd. 59. Hf. 4. S. 586–590; см. также: *Тимошенко Л.* Полемічний твір Клірика Острозького «Исторіа о Листрикійскомъ синодѣ»: Історіографічні традиції і «Флорентійсько-Берестейські» контексти відповіді православних на виклики часу // Острозька давнина. Науковий збірник. Остріг, 2013. Вип. 2. С. 73–91. С позиций скептика написана рецензия на эту же работу К. Ю. Ерусалимского в рамках обсуждения, организованного С. Н. Богатыревым на базе журнала «Критика»: *Boeck B. J.* Miscellanea Attributed to Kurbskii. P. 955–963; см. также: *Idem.* The Don Interpolation: An Imagined Turning Point in Russian Relations with the Tatar World // Dubitando: studies in history and culture in honor of Donald Ostrowski. Bloomington, Indiana, 2012. P. 129–138. Сложилось также «умеренное крыло» — ряд исследователей высказались в пользу осторожного отношения к сочинениям Ивана Грозного и Андрея Курбского вне зависимости от результатов дискуссии. См.: *Pavlov A., Perrie M.* Ivan the Terrible. London et al., 2003. P. 6, см. также p. 103; *Madariaga I., de.* Ivan the Terrible. First Tsar of Russia. New Haven; London, 2005. P. XVI; *Ostrowski D.* "Closed Circles".

промежутками между каждым этапом. Об этом говорят не только упоминаемые Курбским реалии, но и его манера собирать информацию. Рассказы «самовидцев», послужившие основой для изложения происшествий в Русском царстве после 30 апреля 1564 г., достигали Ковельских имений эпизодически и вызывали сомнения, заставляя автора проверять сведения, искать других свидетелей. Об этом Курбский пишет прямо, оправдываясь перед читателем, что не смог выяснить, как именно скончался его духовный отец Феодорит Кольский: «Аз же истинне не мог достаточнее выведатися о смерти его, аще и со прилежанием о том выведавахся»[2549]. А завершая первую часть «Истории», князь признаётся, что оставляет всё неизвестное ему «леншей памяти тамо живущим»[2550]. Граница между первой и второй частями условна, но важна — это грань между свидетельством участника-мемуариста и сводом более или менее достоверных слухов. Причем если первая часть является повестью о своей жизни и военной службе за «пресветлого» царя и христианскую республику, то вторая в основном сосредоточена на смертях мучеников, преследуемых «супротивным» царем и его сатанинскими слугами, палачами-«кромешниками». Стилистические различия между повестями о Казанском взятии и Ливонской войне не столь заметны, оба текста характеризуются относительно слабым влиянием переводов из книжной мастерской Курбского, но обилие рутенской лексики в этих разделах свидетельствует о том, что они в значительной части написаны или переписаны уже в польско-литовский период жизни автора. Основной объем свидетельств за 1563–1564 гг. и позднее, когда Курбский оказался на наместничестве в Юрьеве, а затем в эмиграции, относится к периоду до 1569–1570 гг. За это время донесения и слухи, приходящие из России, наиболее полны.

Для установления контекста возникновения памятника существенно может быть, что Курбский в «Истории» сравнивает Казань с Вильно[2551]. Князь бывал в столице Великого княжества Литовского неоднократно, однако такое сравнение вряд ли было уместно в королевском Ковеле и на коронной Волыни. Можно предположить, что риторический слушатель Курбского часто бывает именно в Литве или находится там в момент написания «Истории». Однако это по меньшей мере странно, учитывая, что в основном князь работает на Волыни и его слушатели скорее не литвины, а местные русины. Нельзя исключать, что данный фрагмент «Истории», включая всё Казанское сказание, создавался еще в ту пору, когда русские земли будущей Речи Посполитой входили в состав Великого княжества Литовского, т.е. до 1 июля 1569 г. Однако можно предположить и что сравнение возникает, когда Курбский проездом в Вильно окружен своими военными слугами, «учеными людьми храбрыми», как писал И.С. Пересветов[2552]. В Вильно Курбский вел дискуссию с иезуитами в 1574 г., бывал и в 1575, 1579, 1580, 1581 гг. Думается, наиболее уместно было сравнение Казани с Вильно в атмосфере Московского похода Стефана Батория, когда перед слушателем возникала перспектива не только восхититься размерами далекой крепости, но и проверить впечатления Курбского, разгромив войска Ивана IV.

Ко времени до 1569 г. относятся некоторые политико-административные понятия, которыми пользуется князь Андрей Михайлович. Например, должность «подскарбия земского», с которой сравнивается должность казначея в Москве, после Люблинского сейма 1569 г. заменена на должность «подскарбия великого литовского», а значит, Курбский пишет «Историю», ориентируясь на дореформенную должностную номенклатуру или пишет ее фрагменты до реформы 1569 г.

Особняком в «Истории» стоят сведения за 1571–1573 гг. Они концентрируются вокруг истории сожжения Москвы татарами Девлет-Гирея и казней кн. М.И. Воротынского и близких родственников Курбского — кн. Н.Р. Одоевского и М.Я. Морозова[2553]. Эти события вынесены за пределы основного повествования второй части «Истории», и еще А.А. Зимин высказал предположение, что они являются приписками к основному блоку информации[2554].

Впрочем, «История» преподносит нам загадку своими поздними сведениями. Упоминания

[2549] СК. Л. 128.

[2550] СК. Л. 78 об.

[2551] СК. Л. 25 — 25 об.

[2552] СП. С. 158.

[2553] К этому же периоду, возможно, относятся сведения о смерти Л.А. Салтыкова в 1571 г., В.В. Разладина около 1572 г., К. Тыртова в конце 1572 — марте 1573 г. Следовательно, хронологический рубеж в «Истории» относится не к обстоятельствам сбора информации Курбским, а к его работе над текстом, который в какой-то версии или в рамках одних только первых двух мартирологов был завершен до весны 1573 г. См.: *Жданов И.Н.* Соч. Т. 1. С. 158. Примеч. 1.

[2554] *Зимин А.А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? С. 305–308; *Скрынников Р.Г.* Переписка... С. 103–105, 113.

о смерти «других» Бутурлиных и Колычевых «всеродне», если среди прочих подразумеваются И. А. и Д. А. Бутурлины и Умного Колычевы, и о казнях московских архимандритов но «делу» архиепископа Леонида могут относиться только к событиям 20 октября — 27 ноября 1575 г.[2555] Свидетели смерти Бутурлиных и Колычевых должны были распологать ясными фактами в пользу смерти представителей рода: в подобных же случаях, когда говорится о других родах, князь Андрей Михайлович словами не разбрасывается. И это самый поздний датируемый комплекс событий, упоминаемых в «Истории», и самый поздний непротиворечивый хронологический рубеж ее написания. Позднейшие сведения конвенциональны.

Получение таких данных, например на волне разросшихся дипломатических контактов периода второго польского междуцарствия ("interregnum") к концу 1575 — началу 1576 г., вполне допустимо, тем более что имя князя неоднократно возникает в связи с переговорами литовской знати с Москвой. Аргументом в пользу такого хронологического рубежа в самом тексте «Истории» служит регулярное цитирование в ней только одного переводного свода из книжной мастерской Андрея Курбского — «Нового Маргарита». В. В. Калугин собрал ряд цитатных совпадений между сводом «Иоанн Дамаскин» и «Историей». Все они показывают, что том «Иоанн Дамаскин» уже ссылается на текст, сходный с «Историей», а не наоборот[2556]. Вывод исследователя об эсхатологической архитектонике «Истории» не вызывает сомнений: совпадения между «Богословием» Иоанна Дамаскина и «Историей» Андрея Курбского «настолько значительны, что их трудно назвать случайными»[2557]. Само по себе это наблюдение существенно, на наш взгляд, и для датировки переводов из Иоанна Дамаскина в ковельском кружке, и для выводов о творческой атмосфере формирования текста «Истории». Это обширное сочинение написано в своей значительной части в период, когда велись работы над переводами Иоанна Дамаскина, однако они еще не были завершены, иначе бы Курбский не удержался от цитатных заимствований из готового перевода, как он многократно делал в случае «Нового Маргарита». Поскольку окончание работ над томом «Иоанн Дамаскин» относится, согласно нашим выкладкам, примерно к началу 1575 г., не вызывает удивления, что обнаруживаемые в «Истории» самые поздние добавочные сведения о казни Колычевых и Бутурлиных в Москве относятся к концу 1575 г.[2558]

В житийной повести о Феодорите Кольском цитируется отрывок из тома «Симеон Метафраст», завершенного не ранее первых месяцев 1579 г. На основании цитат в «Истории» из агиографического свода В. В. Калугин приходит к выводу, что «История» возникла после перевода жития Николая Мирликийского, возникшего в свою очередь не ранее 1575 и не позднее 3 сентября 1579 г.[2559] Впрочем, кн. Андрей Курбский или его сотрудник мог перевести данный отрывок или всё житие еще до основных работ над агиографическим сводом Симеона Метафраста, а сами переводы, из которых составлен том ГИМ Син. № 219, могли формироваться уже вскоре после завершения работ над томами «Новый Маргарит» и «Иоанн Дамаскин» в середине 1570-х гг.[2560] Появление ссылок на агиографический свод в Третьем послании Курбского 1579 г. говорит в пользу того, что эта дата также является хронологическим рубежом работы над томом «Симеон Метафраст», но для датировки «Истории о князя великого московского делех» цитирование одного отрывка из «Симеона Метфраста» задает вероятный хронологический рубеж в виде довольно большого диапазона с конца 1575 по конец 1579 г.[2561] Но даже если в «Истории» цитируется готовый переведенный том, цитаты из него могли быть внесены в текст уже на поздней или завершающей стадии работы над «Историей», а житие Феодорита входит в состав «истории священномучеников» и является последним большим разделом «Истории о князя великого московского делех». Лишь предположительно можно высказать версию, что о смерти И. Казаринова Голохвастова Курбский узнал от его родича И. Голохвастова, перешедшего в августе 1579 г. на службу короля Стефана Батория (л. 102 об.).

[2555] History. P. 222. N 1; *Морозов Б. Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в библиотеке... С. 477–478; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 42, 44.

[2556] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 41, 175–178.

[2557] Там же. С. 178.

[2558] Подробнее см. здесь разделы «"Литовская" переписка» и «"Иоанн Дамаскин" и "Симеон Метафраст"».

[2559] *Владимиров П. В.* Новые данные для изучения литературной деятельности князя Андрея Курбского. С. 312–313; *Калугин В. В.* «Житие святителя Николая Мирликийского»... С. 39–42. См. также: *Ерусалимский К. Ю.* Андрей Курбский и Иван Грозный: борьба филологий: (по поводу двух работ В. В. Калугина) // RM. München, 2001. T. X, 1. С. 303–324.

[2560] Об этом см. здесь в разделе «"Иоанн Дамаскин" и "Симеон Метафраст"».

[2561] *Fennell J. L. I.* Introduction // History. P. VII.

Инга Ауэрбах отмечает, что востребованность Курбского возникла в ходе подготовки и развертывания Псковского похода короля Стефана, когда на гребне взаимных обвинений в переписке Стефана Батория и Ивана IV король упомянул, что его противник писал Курбскому. В то же время сведения «Истории» о московской придворной жизни, и особенно слухи о колдовском зачатии царя и список фамилий, который пострадали в Москве от тирании, могли послужить своеобразным руководством при принятии решений, если бы удалось завоевать Московское царство[2562]. Возможно, в «Истории» вскользь и неприрямо упомянута смерть сына Ивана Грозного в ноябре 1581 г., однако что именно «уже на острию сабли», смерть царевича Ивана Ивановича или предрекаемая не только в «Истории», но и еще в Третьем послании царю на основе агиографических образцов гибель всего рода царя Ивана, сказать невозможно. Осторожнее было бы вслед за В. В. Калугиным предположить, что грозная опасность московскому правящему дому была высказана с отсылкой на житие Николая Мирликийского, вошедшее в состав тома «Симеон Метафраст», т.е. не ранее второй половины 1570-х гг. Обнаружение переписки хиландарских монахов с Андреем Курбским около конца 1581 — конца 1582 г. открывает еще одну возможность включения слов о гибели московского великокняжеского рода в «Историю». Как мы видели, монахи, отправляя миссию в Речь Посполитую и Россию вскоре после смерти царевича Ивана Ивановича, были хорошо осведомлены о том, кого из семьи царя Ивана Васильевича следует поминать «за здравие», а кого — «за упокой». Миссия эклесиарха Григория к Курбскому, Стефану Баторию и Ивану Грозному везла в Москву грамоту с безусловным упоминанием одного живого царевича — Федора Ивановича[2563]. Узнай кн. Андрей Курбский от монахов о гибели царевича Ивана, он бы получил надежное свидетельство достоверности слухов. Но это, конечно, лишь предположение, позволяющее объяснить, как в «Истории» возникло смелое пророчество, сопоставимое с пророчеством Максима Грека о смерти первенца Ивана Грозного, царевича Дмитрия.

И конечно, оставаясь в рамках традиционной атрибуции «Истории», невозможно допустить, что автору, умершему в мае 1583 г., было известно о гибели царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г. и смерти последнего потомка Ивана Калиты на московском троне — царя Федора Ивановича в 1598 г. Либо метафорическое предсказание сбылось, либо автор знал о том, что царствующий род угас. В данном случае компромиссное решение С. А. Елисеева не обязательно единственно верное. Можно допустить и что на «острие сабли» смерть всего московского великокняжеского рода именно потому, что кто-то имел возможность дописать эти слова после 7 января 1598 г.

Цель «Истории» на протяжении работы над текстом могла меняться, однако если видеть в этом сочинении единство, то важно было бы проследить, как фрагменты мемуарно-информационного характера сменяются краткими сентенциями и пространными рассуждениями о значении событий. Если встроить это сочинение в творческую лабораторию переводов Курбского и калейдоскоп его биографических данных, то окажется, что «воинские повести» возникли до того, как им был переведен «Новый Маргарит». В конце 1560-х — начале 1570-х гг. Курбский собирал данные для мартирологов и старательно упорядочивал их по родам, разделив фамилии на титулованные и нетитулованные. Завершив работу, он уже должен был подразумевать создание единого текста, однако в этот текст были внесены поправки, относящиеся главным образом к событиям 1571–1573 гг. Ряд начальных фрагментов «Истории» и завершающий раздел ее первой части уже содержат явные следы влияния «Нового Маргарита», а третий мартиролог, или «история священномучеников», дорабатывался в то время, когда велись работы над томом «Симеон Метафраст» или он был уже готов. Причем повесть об Избранной раде и мартиролог священномучеников содержат цитатные и содержательные сходства с Третьим посланием Курбского 1578–1579 гг. и могли возникнуть или дорабатываться примерно тогда же — в конце 1570-х гг. Вряд ли Курбский работал над «Историей» после этого рубежа, но отдельные вставки он мог делать. В то же время на рубеже 1570-х и 1580-х гг. под влиянием «Истории» возникла вторая версия Первого послания Курбского. И создать ее князь мог, работая над своими посланиями московскому царю, вошедшими в Сборник Курбского, который в последние годы жизни автора пополнялся собранием «литовских» писем, «Историей о Осьмом соборе» и небольшими переводными отрывками из отцов Церкви[2564].

[2562] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 204–205.

[2563] Об этом см. в разделе «Переписка с афонскими старцами».

[2564] См. раздел «Польско-литовская переписка».

В таком виде Сборник или две его части («История» с посланиями Ивану Грозному и Приложения с «литовскими письмами») очутились в российской рукописной традиции. Как это случилось? В историографии предпринимались попытки реконструкции архива кн. Андрея Курбского — канцелярских документов[2565], литературных произведений и книжного собрания[2566]. Мы уточняем ряд фактов в биографическом досье[2567]. Комплекс авторских сочинений князя, из которых в московской рукописной традиции сформировался Сборник Курбского, вызывает, пожалуй, наибольшие разногласия среди ученых[2568]. Следов того, что «Историю о князя великого московского делех» и другие тексты Андрея Курбского из его Сборника (в том числе Первое послание Ивану Грозному в редакции Сборника) читают, до появления книги в рукописной традиции до сих пор не обнаружено. Выводы о том, что это собрание проникло в московские книгописные мастерские к 1670-м гг., строятся на изучении рукописной традиции, данных об архивах потомков Курбского и на косвенных источниках. Трудно ответить не только на вопрос, когда и при каких обстоятельствах тексты Сборника попали в московские книгохранилища, но и на вопрос, что происходило с ними на всем протяжении с момента их создания и до конца 1660-х — второй половины 1670-х гг.[2569]

Не подтвердилось ни одно предположение о более раннем бытовании Сборника или каких-либо его фрагментов, хотя высказывалось их немало. Впору было бы сравнить поиск следов авторской книги князя Андрея Курбского с охотой на «библиотеку Ивана Грозного». На сегодня остается фактом: этих следов нет. В сочинениях Ивана Грозного и его европейских современников нет ссылок на «Историю». Дошедшие до нас конийные книги Посольского приказа 1581–1582 гг. знают только одно сочинение князя — и это, по всей видимости, его Первое послание Ивану Грозному в самой ранней редакции[2570]. Можно допустить, что царь Иван Васильевич в своем письме от 1 октября 1579 г. ответил на Третье послание Курбского — но и в своем предполагаемом ответе он прямо не процитировал ни слова[2571]. Часть книг покойного эмигранта использовались в издательских проектах 1580–1590-х гг. в Вильно и Остроге и добрались даже до Московского государства — но «Истории» среди них нет[2572]. Более десятка «книг русских» своего покойного отца, доставшихся ей от раздела общего имущества с братом, Марина Курбская в начале 1611 г. завещала виленскому братству Святого Духа. Ничего не известно о судьбе этих книг. Возможно, часть из них оказалась в 1633 г. в книжном собрании Буйницкого Свято-Духова монастыря под Могилевом, где побывал том «Симеон Метафраст», прежде чем к началу XVIII в. очутиться на Печатном дворе в Москве[2573]. Среди них мог быть сборник «Иоанн Дамаскин», отрывки из которого — лишь предположительно — служили основой для издания Кутеинского монастыря 1637 г. и «книжной справы» Московского печатного двора двумя десятелетиями позже[2574].

Вряд ли «История» могла попасть в поле зрения Б.М. Хитрово и кн. Б.М. Реннина в 1653 г. или стать трофеем московской армии в 1654–1656 гг. Сведений о приобретении книги для библиотеки Посольского приказа нет. А самый ранний по датировке и ближайший к протографу «сборник Курбского» с приложениями — рукопись ГИМ собр. А.С. Уварова №301 — был доступен в начале 1677 г. в частной библиотеке кн. В.В. Голицына, а затем оказался в собственности Б.М. Хитрово. Князь Василий Васильевич в это время — уже боярин и глава Пушкарского приказа, в скором времени — еще и глава Владимирского судного приказа. Престарелый боярин Б.М. Хитрово, чья рукопись была использована для создания списка «в дому» князя Василия Голицына, был ближайшим советником царя Федора Алексеевича, особенно важной его давнишней должностью, на которую он был назначен уже в 1656 г., было руководство Оружей-

[2565] ЖКЛВ. Т. 1–2; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 375–393.

[2566] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998; *Его же.* Рукопись из скриптория князя Андрея Курбского. С. 187–212 и др.

[2567] См. здесь «Итинерарий Курбского».

[2568] *Лихачев Д.С., Лурье Я.С.* Археографический обзор... С. 549–551; *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 276–277; *Keepan E.L.* Authorial Ghosts... P. 37–41, 59–60; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 240.

[2569] Ниже мы несколько уточняем и, наоборот, заостряем ряд выводов, приведенных в монографии: *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 84–95, 735–742 и др.

[2570] См. здесь раздел «Архетип Первого послания Курбского».

[2571] См. раздел «Сколько было посланий в Переписке?».

[2572] См. здесь также главу «Ренессансный историк» и раздел «“Апостол” и “Василий Великий”».

[2573] *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 56.

[2574] См. раздел «“Иоанн Дамаскин” и “Симеон Метафраст”».

ным приказом. В Оружейную палату после конфискации в 1689 г. у кн. В. В. Голицына и была передана, по нашему предположению, рукопись расширенная за счет ряда текстов копия со списка Б. М. Хитрово, хранившаяся там еще в 1778–1784 гг. (ныне — ХНУ № 168/с). В то же время, кодекс Хитрово в 1680-е гг. послужил основой для списка, уже к началу XIX в. хранившегося в библиотеке Архиве Коллегии иностранных дел, а следовательно, по всей видимости, после смерти Богдана Хитрово в марте 1680 г. его рукопись попала в Посольский приказ, где и была сконирована. Так возник кодекс РГАДА собр. РОБ МГАМИД (далее — Арх.) № 558. С этого списка на рубеже XVII–XVIII вв. сделана еще одна, и тоже приказная чистовая копия (ныне — Арх. № 82), уже без обращения к раннему списку Б. М. Хитрово, несмотря на очевидные утраты в окончании текста в Арх. № 558.

Чтобы понять, как происходило распространение списков Сборника Курбского по названной линии, идущей от высших кругов власти времен правления царя Федора Алексеевича, необходимо наметить три проблемы, на сегодня представляющих череду неразрешимых загадок. Прежде всего — неясно, в какой момент исчез из поля зрения книголюбов сборник Увар. № 301. Это могло произойти уже к моменту создания копии с рукописи Арх. № 82, т. е. к концу XVII — началу XVIII в. Когда российские ученые-антиквары начала XIX в. открыли научный поиск рукописей с сочинениями кн. А. М. Курбского, им были доступны только две архивных копии с кодекса Б. М. Хитрово, причем ряд рукописей, сходных с Киевским списком Евгения Борховитинова (ныне — НБУВ, собр. Киево-Софийского собора № 327) и немаловажных и для творчества митрополита Евгения, и для позднейших полемических заметок Н. С. Арцыбашева об «Истории» Н. М. Карамзина, отражают выбор именно списка Арх. № 82 в качестве основной опоры для создания подборки сочинений кн. Андрея Курбского и Ивана Грозного. Сходная с Уваровской рукопись до Московского пожара 1812 г. хранилась в собрании Ф. Г. Баузе, но невозможно сказать, была ли это та самая книга, которая затем оказалась в собрании И. Н. Царского и А. С. Уварова, или какой-то другой список.

Еще две проблемы — как «в дому» кн. Василия Голицына был создан общий протограф ныне известных трех списков, легших в основу всех научных публикаций «Истории» и переписки кн. А. М. Курбского в XIX–XX вв. (т. е. списков Син. № 136, Арх. № 60 и Пог. № 1494) и как случилось, что рукопись Погодинского вида (сходная со списком РНБ собр. М. П. Погодина — т. е. Пог. № 1494) сформировала наиболее обширную и разветвленную читательскую аудиторию в XVIII в. К ответу на эти вопросы мы приступим чуть позже, пока же обратим внимание на то, что, будучи самыми ранними известными ныне списками, рукописи Оружейной палаты и Посольского приказа не являются единственно близкими к протографу рукописной традиции «Истории» и трех посланий Курбского Ивану Грозному. Это не парадокс, а обычная для текстологии ситуация, когда признаки первичности в разночтениях распределены между ранними списками и более поздними по времени возникновения рукописей вариантами. Из этого может следовать только то, что протограф рукописной традиции либо имел еще одну не сохранившуюся ныне раннюю ветвь, либо сам протограф не задержался в Оружейной палате или Посольском приказе, а продолжил странствие по российским книжным собраниям.

Отсутствие рукописной традиции до 1670-х гг. может означать и то, что сборник не был доступен для читателей, не вызывал интереса, не переписывался. Можно предположить, что потомки эмигранта хранили часть его документальных материалов и литературных трудов (в том числе Сборник Курбского) в своих домашних архивах или в том из них, который включал документы прародителя рода. Но что именно из его творческого наследия хранилось у Курбских? Это, как и судьба рукописно-документального собрания князя Дмитрия-Миколая Курбского, до сих пор неясно[2575]. Ниже мы попытаемся реконструировать читательские круги Сборника Курбского по тем данным, которые были получены на основе текстологического и кодикологического исследования рукописной традиции. Приходится смириться с условностью этой реконструкции, с гипотетичностью ряда построений в этой схеме. Кроме того, около двух с половиной десятков некогда известных кодексов до наших дней не дошли, а следовательно, мы можем лишь догадываться, как и кем именно они читались. Его обособленное от версий Посольского приказа и Оружейной палаты проявление в церковных по происхождению списках Чуд. № 483 и СПбДА № 309 и их традиции — показатель возможного более позднего бытования протографа или какого-то не дошедшего до наших дней его раннего списка. Впрочем, нет оснований прямо связывать с церковными кругами исчезновение этой ранней копии. Она могла пойти еще

[2575] См. здесь главу «Потомки и Лже-Курбские», а также нашу монографию "Natione Moscus".

дальше. Еще три списка, с которыми несомненно близок по своему первоначальному составу был СПбДА № 309, содержатся в рукописях Тихонр. № 639, Муз. № 3090 и Вяз. № 6040. Причем восходят к протографу они независимо друг от друга, от Син. № 483 и Увар. № 301. А следовательно, любой новый факт в истории каждой из этих рукописей может пролить свет на предысторию Сборника Курбского в России.

В каком же виде пришел в московскую рукописную традицию конца XVII в. Сборник? На этот вопрос мы уже пытались ответить, и здесь остается подвести некоторые итоги, даже если они неполны и уязвимы.

Судя по рефлексам архетипа во всех наиболее ранних версиях «Истории», ее текст был написан, в отличие от Сборника Пересветова, на русском языке Короны Польской и Великого княжества Литовского. В архетипе в ряде случаев сохранились неактуальные для российской книжности диграфы *кг* для взрывного [г], сходные в оформлении с переводными кодексами из ковельской книжной мастерской и «Западнорусским Апостолом» «Сказы», среди них — латинская поговорка о Катилине, вероятно, написанная в архетипе «Истории» на латыни, множество лексических заимствований из русского языка «тамошней Руси» — во многих позднейших ветвях рукописной традиции сглаженных по московским языковым нормам, не всегда удачно переведенных или даже удаленных из текста. Наибольшие колебания в использовании форм двойственного числа, наименьшее влияние богословских переводов и минимальный объем глоссирования текста отражают «Повесть о Казанском взятии» и «Повесть о Ливонской войне», т.е. разделы о московском периоде жизни автора. В них же наименее выражено — но всё же существенно — участие редакторов-носителей рутенско-русского языка.

Сборники с литовско-русскими сочинениями кн. А.М. Курбского пришли в рукописную традицию в последней трети XVII в. и получили распространение в XVIII–XIX вв. в 86 списках, условно — в четырех редакциях (Полная — 57 списков, Компилятивная — 5 списков, Сокращенная — 22 списка, Панинская — 2 списка)[2576]. Эта классификация, начало которой до известной степени было положено незаконченным исследованием Г.З. Кунцевича, разработана Ю.Д. Рыковым применительно к «Истории» и принята А.И. Гладким и А.А. Цехановичем[2577]. Э.Л. Кинан основывает свои гипотезы о соотношении между редакциями «Истории» на статье Ю.Д. Рыкова 1971 г. и его дипломной работе, написанной под руководством А.А. Зимина[2578]. Классификацию Ю.Д. Рыкова уточнил К.А. Уваров, однако необходимость обособления некоторых групп в его работе и даже названия редакций вызывают сомнения[2579].

Рукописная традиция Сборника Курбского, если набор дошедших до нас списков считать более или менее репрезентативной «естественной выборкой», далеко не сразу стала такой масштабной. В этом можно убедиться, систематизировав данные о времени возникновения дошедших до нас «сборников Курбского». К 1710-м гг. из 84 ныне известных рукописей с «Историей» существовало уже 15, к 1730-м — 20, к 1760-м — 46. Затем примерно два десятилетия длился «бум» — к 1780-м гг. известно 64 списка. К началу XIX в. их численность увеличилась всего на 10 единиц, и последний всплеск интереса к сборникам с «Историей» приходится на 1810-е гг. К этому времени известно 82 рукописи, в следующем десятилетии появилось еще две[2580]. Особой популярности у Сборника Курбского не заметно. Это опасная, «запретная» книга. Ее могут позволить себе только высокопоставленные читатели. Да и вряд ли кто-то кроме них мог интересоваться авторской полумемуарной историей

[2576] Названия редакций предложены Ю.Д. Рыковым для списков «Истории о князя великого Московского делех». У Э.Л. Кинана соответственно: "Full", "Compilatory", "Abbreviated", "Short". Как указано Кинаном, из этой классификации отчасти выбиваются выписки из «Истории», по его схеме — "Fragments". Число списков уточнено по нынешнему состоянию.

[2577] Отчеты о заседаниях ИОЛДП в 1907–1910 году. Отчеты за 1909–1910 годы // ПДПИ. СПб., 1911. Вып. 176. С. 32–33; *Рыков Ю.Д.* Редакции «Истории» князя Курбского // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 129–137; *Гладкий А.И., Цеханович А.А.* Курбский Андрей Михайлович. С. 494–503.

[2578] *Keenan E.L.* Putting Kurbskii in His Place, or: Observations and Suggestions Concerning the Place of the History of the Grand Prince of Muscovy in the History of Muscovite Literary Culture // FOG. 1978. Bd. 24. P. 131–161; *Waugh D.C.* Correspondence concerning the "Correspondence" // HUS. Камень краеугъльнъ. Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Cambridge, 1995. Vol. XIX. P. 51, 53.

[2579] *Уваров К.А.* «История о Великом князе Московском» А.М. Курбского в русской рукописной традиции XVII–XIX вв.: (Археографический обзор списков памятника) // Вопросы русской литературы. М., 1971. С. 61–78.

[2580] Здесь увеличиваем на одну единицу наши подсчеты в издании 2015 г. за счет введенного в научный оборот списка Саймона Франклина. Ср.: *Ерусалимский К.Ю.* Археографический обзор // Курбский А.М. История... С. 288–395.

Ивана Грозного в исполнении забытого аристократа-эмигранта, чье Первое послание до того выкапывали из книжной пыли в годы Смуты, затем в конце 1620-х гг. узнали о его переписке с властями Юрьева и Псковско-Печерским монастырем, а в высших церковных кругах к середине XVII в. знали еще и как переводчика-богослова.

История всех сочинений, входящих в Сборник Курбского («Истории», посланий Ивану Грозному и, начиная со списков II извода, Приложений к Сборнику Курбского), подчиняется за редкими исключениями одним и тем же закономерностям. Текстологические и кодикологические исследования выявили пять изводов и 15 видов сборников. Их бытование отражает постепенное продвижение во времени, пространстве и социальной среде. В общих чертах этот процесс можно описать следующим образом.

Тихонравовский вид копируется в 1680-х–1740-х гг. для крупных собраний высшей знати и церкви[2581]. Известно всего четыре его списка, однако от одного из них (СПбДА №309) происходят все семь списков Барсовского вида 1690-х–1810-х гг.[2582] К этому же, Тихонравовскому, виду относятся также протограф Компилятивной повести (Син. №483) и вся его нисходящая традиция, т.е. всего 5 списков 1690-х–1790-х гг.[2583], и текст Увар. №301, от которого произошли все остальные списки «Истории» и всего ее конвоя в Сборнике Курбского.

В состав этого сборника входили «История о князя великого московского делех» и три послания Курбского Ивану Грозному. На разных нисходящих этапах бытования списков данного вида они дополнялись то «Великим Зерцалом», то «Хронографом» Псевдо-Дорофея Монемвасийского, то выдержками из «Описания Европейской Сарматии» Александра Гваньини, то житиями святых. Архетип «Истории» Тихонравовского вида этими памятниками не сопровождался. Впрочем, к нему вплотную примыкает архетип Уваровского вида, в конвое которого появились Приложения Сборника Курбского. Были эти Приложения или нет с архетипом Тихонравовского вида? Это так и остается вопросом.

Что можно сказать о владельцах, читателях и заказчиках Тихонравовского вида, его традиции и Уваровском сборнике? Один из самых ранних списков этой группы принадлежал 31 июля 1706 г. престарелому дворянину Степану («Стефану») Богдановичу Ловчикову, от которого по завещанию перешел к его племяннику Федору Федоровичу Хрущеву и его сожительнице. Его вдова в начале XVIII в. подарила книгу олонецкому купцу Максиму Григорьеву, который передарил ее Никите Степановичу Киселеву, подписавшему ее 12 октября 1741 г. Из этого, как уже отмечал Ю.Д. Рыков, следует, что книга «спустилась в низы». Впрочем, неясно, ни как и зачем Сборник Курбского читали в кругу высшего московского дворянства, ни что с ним делали зажиточные купцы и горожане.

Переписчики в целом старательно сохраняли особенности архетипа в таких списках, как Тихонравовский, Вяземских, Уваровский, частично — Музейский. Барсовский вид отразил тягу к церковной архаизации. Усилия московского книжника конца 1690-х гг. по стилистическому преобразованию «Истории» кн. Андрея Курбского — это не только признак сублимированной литературной манеры, но и отношение к сочинениям московского эмигранта за границей. Заказчик стилизации стремился сделать их читаемыми. По-своему это же усилие — перевод с русского языка Короны и Литвы на русский язык Московского государства, предприняли и другие современники этого неведомого редактора. Переписчик сборника Муз. №3090, например, по ходу копирования вносил стилистическую правку и переводил, не всегда точно, свой протограф. Впрочем, помучившись над текстом, он уже в начале копирования бросил свою работу, так и не закончив перевод и оставив значительный фрагмент текста «Истории» и все три послания Курбского Ивану Грозному, видимо, без существенных отступлений от протографа. Насыщенная стилистическая работа над «Историей» была проведена и при создании архетипа IV–V изводов в книгописной мастерской кн. Василия Васильевича Голицына уже около начала 1677 г. Как можно видеть, Сборник Курбского считался нечитаемым, и было бы поспешно говорить о его «чтении», не учитывая, что первые его заказчики и переписчики демонстрировали, что

[2581] Верхний предел бытования может быть определен как по времени создания Музейского сборника (ГИМ Музейское собр. №3090), так и по исправлениям кодекса Вяземских (РГАЛИ Вяземские №6040). В последнем случае его следует отнести к шестому десятилетию XVIII в.

[2582] Интерес к Сборнику распределен на хронологической оси неравномерно. К концу 1690-х гг. относится начальный этап, когда был создан сборник Барсовского вида. Затем следы его копирования относятся уже к рубежу 1710-х и 1720-х гг. И только Копенгагенский подвид получил развитие в 1780-х и 1810-х гг.

[2583] Первый этап распространения Компилятивного вида охватывает последнее десятилетие XVII и первое десятилетие XVIII в. Следы копирования появляются вновь лишь в 1780-е и 1790-е гг.

не понимают его текст и просто-таки не считают его в таком виде вообще читаемым.

По всей видимости, аналогичный вывод уместен в отношении еще трех видов «Истории», которые отразили наиболее пространную версию Сборника Курбского, включая Приложения. Впрочем, в этом виде заметно пренебрежение к Приложениям, которое может объяснять, почему возник краткий Сборник Курбского с «Историей» Тихонравовского вида. С другой стороны, неясно в таком случае, почему сам протограф Уваровского вида и всех остальных списков конца XVII — начала XIX в., список Увар. №301 явно состоит из двух частей, разделенных между собой кодикологической границей, и почему этот список передает всего лишь один из вариантов текста Тихонравовского вида и по текстологическим показателям никак не может быть старше других списков Тихонравовского вида, которые — все до одного — никаких Приложений Сборника Курбского не содержат.

Данная обширная группа известна, прежде всего, по четырем спискам Уваровского вида 1660-х или 1670-х — 1810-х гг.[2584] и пяти спискам Болховитиновского вида конца 1815 — августа 1823 г. У этой группы владельцы и заказчики также происходят из социальных верхов. Уваровский список был создан до 22 января 1677 г., а 12 марта 1679 г. принадлежал Богдану Матвеевичу Хитрово, влиятельному придворному царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, главе Посольского приказа. Какое-то время он должен был находиться в библиотеке восходящей звезды российской политики, кн. Василия Васильевича Голицына, однако об этом можно судить только по прямой кодиколого-текстологической зависимости всех списков Голицынского вида и их традиции от Уваровского сборника. Два других списка Уваровского вида даже неизвестно, когда именно были созданы. Оба позднее очутились в Московском Архиве Коллегии иностранных дел, и, судя по тому, что список Арх. №82 прямо зависит от Арх. №558 и оба имеют сходства в оформлении и относятся примерно к одному времени, они созданы один за другим непосредственно в стенах Посольского приказа, которых долгое время и не покидали. Таким образом, если рукописная генетика в данном случае верна, перед нами ясное свидетельство того, что уже в конце XVII в. в Посольском приказе сочли необходимым создать неполную копию с пространного Сборника Курбского, исключив при копировании за ненадобностью все Приложения Сборника и даже часть Третьего послания Курбского Ивану Грозному. На основе второй (чистовой) Архивской копии в 1815 г. был создан установленный ныне протограф Болховитиновского вида — сборник НБУВ Киево-Софийского собр. (далее — Соф.) №327. Его создателем был митрополит Евгений (Болховитинов). Он же, по всей видимости, был инициатором его распространения. Большинство списков относятся к 1815 и 1816 гг., и только Румянцевский сконирован к 20 августа 1823 г. Конечно, вызывает интерес тот факт, что создание этого вида практически совпадает по времени с работой Н. М. Карамзина над историей Ивана Грозного и исследованием В. Ф. Тимковского о кн. А. М. Курбском и его творчестве. Предположительно, Румянцевский список создан примерно одновременно с протографом Болховитиновского и отражает разросшийся интерес в 1815 г. к личности кн. Андрея Курбского. Митрополит Евгений своими путями, независимо от традиции Голицынского сборника 1677 г., дополнил подборку сочинений кн. Андрея Курбского Краткой редакцией Первого послания Ивана Грозного, которую сконировал первоначально для своего собрания[2585].

Первый всплеск внимания к Сборнику приходится на январь 1677 г., когда предположительно в считанные дни возникли протографы четырех оставшихся групп рукописей Сборника Курбского. Это — восемь списков Голицынского вида, протограф которых возник 22 января 1677 г., а более поздние копии известны за середину XVIII — начало XIX в., и общий протограф

[2584] Уваровский сборник создан не ранее середины 1660-х и до 22 января 1677 г. Еще 2 списка возникли в 1680-х и на рубеже 1690-х. Затем традиция прерывается. Следов копирования списков этого вида до начала XIX в. не обнаружено. Румянцевский список создан в 1814 — январе 1815 г.

[2585] ІР НБУ ім. В.І. Вернадського. Ф. 233 (Зібр. Києво-Софійського собору). №329/563с. Мягкий картонный переплет начала XIX в., коричневый мрамор 347 на 217 на 5. Всего [1]1+18+[1]2 л. (пагинация начала XIX в. с л. 1 на 35 с.). Бирка из белой бумаги сверху на корешке, загнута на верхнюю и нижнюю крышки, коричневыми чернилами на верхней крышке: «563/6./563» (нижняя строка в пятне, подведена красными чернилами, над нижней строкой тонким пером: «И. Д.»). Ниже у корешка бирка: «329/563с». В состав рукописи входит только Первое послание Ивана Грозного в списке Краткой редакции. Скопировано рукой митрополита Евгения (Болховитинова). Начало: «Послание Царя Иоанна Васильевича Князю Андрею Курбскому, против его Князя Андрѣева письма, из Вольмар. Бог нам Троица...» Данный список не учтен в академическом издании «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским», хотя он послужил протографом для учтенного в нем списка №327/561с из того же собрания. Ср.: *Лурье Я. С.* Археографический обзор. Послания Грозного. С. 321.

Синодального и Архивского видов, известных по два списка в каждом, и Погодинского вида, который известен по шести спискам 1700-х–1810-х гг. Причем эти два протографа были созданы «в дому» кн. В. В. Голицына под датами «22 января 1677 г.» и «23 января 1677 г.», из них вторая рукопись была предположительно напрямую сконирована с первой, которая нами установлена как сборник Харьк. № 168. Она, в свою очередь, была частично сконирована с рукописи Увар. № 301.

Вскоре после этого сборник пополнился новыми приложениями, основанными на извлечениях из Хронографа. Здесь впервые в истории Сборника Курбского появилось Первое послание Ивана Грозного и письмо Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина М. Я Морозову. Уже в 1680-е гг. в конвое наросли переводы из М. Стрыйковского и А. Гваньини. В Голицынском виде появился и траурный стих на смерть царя Алексея Михайловича. Он не отразился на сборниках, сходных с Арх. № 60 и Син. № 136, которые были более сконцентрированы на кн. Андрее Курбском и Иване Грозном. Они вызвали большой интерес в науке XVIII–XIX вв. и, пожалуй, стали самыми популярными у ученых. Конечно, на этот выбор повлияли авторитетные исследователи, первые публикаторы и интерпретаторы творчества кн. А. М. Курбского, и прежде всего — Н. М. Карамзин и Н. Г. Устрялов. Конечно, это всего лишь результат источниковедческого авторитета совсем других авторов, гораздо менее заметных, но тем более влиятельных — А. Ф. Малиновского, К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева. Но еще до них названные сборники подспудно вызвали глубокий интерес. Рукопись Кирилло-Белозерского монастыря из Син. № 136 была использована Федором Орловым-Поликарповым в начале XVIII в. для создания «Истории» Петра I, а затем в «Историях» кн. М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина. В то же время на основе Архивского списка была составлена рукопись РГБ, собр. П. А. Овинникова № 500, некогда принадлежавшая известному мистификатору А. И. Сулакадзеву и отчасти тоже мистифицированная им. А сам Архивский список «всплыл» после исчезновения в бумагах К. Ф. Калайдовича в начале 1840-х гг., чтобы сбить с толку не только Н. Г. Устрялова, но и гораздо более опытного филолога и археографа рубежа XIX–XX вв. — Г. З. Кунцевича. Последний принял этот список за основу для своего издания «Сочинений князя Курбского». Конечно, это было по-своему обоснованное решение, но уже в середине XX в. Джон Феннелл и А. А. Зимин сомневались в его правомерности.

От протографа Погодинского вида, т.е. списка Пог. № 1494, произошли все остальные списки рукописной традиции: Панинский вид — 2 списка середины XVIII в., Библиотечный вид — 5 списков 1730-х–1740-х гг., Нечаевский вид — 3 списка 1750-х–1760-х гг., Петропольский вид — 8 списков, протограф которых создан 9 июня 1753 г., а копии делались до начала XIX в., Девовичевский вид — 2 списка 1760 г., Сокращенный вид — 22 списка рубежа 1730-х и 1740-х — 1829 г. На текст этого рукописного массива повлияли перемены в общем протографе Синодального и Архивского видов. Им была не дошедшая до нас рукопись, в которой проведены стилистические работы, создан комплекс новых примечаний и устранены непонятные для редактора фрагменты архетипа. В этой работе принимал участие воин-дворянин Андрей Иванович Лызлов, автор «Скифской истории», основанной в ряде мест на «Истории» кн. А. М. Курбского. Динамика перемен в тексте снизилась в этой группе к началу XVIII в., и вскоре текст оброс помарками и лакунами, с которыми так и оставался во всех производных версиях.

Сборник Курбского этого вида читали почти исключительно верхи и «сливки общества». Протограф Библиотечного вида возник не позднее 3 июня 1719 г., но до наших дней не дошел: запись о завершении работы над копированием в списке Ундольского № 779 относится не к этому кодексу, а к его предшественнику. В любом случае, источником этого сборника был список с «Историей» Погодинского вида. Он содержал тираноборческую подборку, восходящую к сборнику Голицынского вида. На основе младшего списка этой же группы возникло несколько ветвей рукописных традиций, которые также имели довольно узкий круг бытования. Списки Панинского, Нечаевского и Девовичевского видов созданы одномоментно, каждая традиция в своей группе, никакого другого бытования помимо своего возникновения и скорого распространения в середине XVIII в. они не имели. Заказчики — высшая знать и приближенное к ней студенчество. Да, иногда в конвое Сборника появлялись всё новые тексты — переводы из Нюрнбергского издания о московской тирании, письма ЛжеДмитрия I, Стененная книга. Или наоборот, он резко сокращался (в Панинском или Сокращенном видах) и даже просто не дописывался (как в РГБ Музейн. № 9395). Ему придавалась более удобочитаемая форма — прежде всего его делили на главы. В Петропольском виде это деление привело даже к уничтожению ряда переводов Курбского, замыкающих расширенный

Сборник Курбского версии Увар. №301, — переводы в сборниках середины XVIII в. упоминались, но для читателя этого было достаточно. Сборник такого вида (в копии «майора Зыкова») стал доступен А.В. Храповицкому и императрице Екатерине II, а к началу XIX в. достиг других придворных, среди них — С.Г. Строганова, Н.М. Карамзина.

Попытки впервые создать «читаемого» Курбского относятся к 1740–1750-м гг. и связаны с малоизвестными усилиями по редактированию Сборника в направлении Петропольского вида, Сокращенного сборника и списков Девовича.

Петропольский вид создавался старательным книжником с блестящим круглящим почерком, начитанного в печатной литературе и, как и многие его предшественники, недовольного языком Курбского. Книге этого грамотея был проложен путь в собрания Екатерины II и Строгановых. Голицынский сборник из собрания Оружейной палаты получил вторую жизнь благодаря стремлению книжников из круга Екатерины II — и среди них А.А. Вяземского, Г.А. Потемкина, А.В. Храповицкого, а позднее П.А. Зубова — развеять сомнения в надежности чтений Петропольского вида. В то же самое время лишь скромным бытованием, но большим влиянием на вельможных историков и поэтов пользовались списки Синодальной библиотеки, поздние копии с Погодинского №1494 и с Архивского №558. Все эти рукописи копировались только по «спецзаказам». Никакой подпольщины и сетевого чтения они не породили.

Загадкой остается, кому и зачем понадобилось «Описание о царе Иване Васильевиче», т.е. Сокращенный сборник. Оно отразило вполне типичный для читателей XVIII — начала XIX в. интерес к кровавой тирании при полном невнимании к ренессансной метафорике и богословскому учительству кн. Андрея Курбского. Первые истории России с цитатами из Курбского отдали дань именно такому прочтению.

Читатели Сборника последних трех десятилетий его бытования — С.Г. Строганов, Тургеневы, А.С. Пушкин, митрополит Евгений (Болховитинов), митрополит Самуил (Миславский), Н.М. Карамзин, Н.П. Румянцев, В.Ф. Тимковский, А.Ф. Малиновский, А.Д. Чертков, С.Д. Нечаев, П.Г. Демидов, Ф.Г. Баузе, некто Сергеевский, П. Кашельский, князья Хилковы, Н.С. Арцыбашев, Иван Верцелиус, Александр Дубровский, Александр Соломерецкий, К.Ф. Калайдович, А.И. Сулакадзев, Н.И. Головина, М.С. Воронцов, Николай и Федор Герасимовичи Устряловы. Это — не считая читателей уже отложившихся книжных собраний. Среди них — всё те же: элита, высший свет, придворный историограф и его читатели, почитатели и критики. Крайне редко — купечество и горожане (Шарины, Масленниковы, Григорьевы, Киселевы, Чурекины, Филимоновы). Мистификация Сборника Курбского так и непонятно зачем понадобилась Александру Сулакадзеву. Его вдова, наверное, имела шанс всучить Николаю Устрялову и Константину Бороздину нынешний сборник Овчинниковский №500 вместе с другими книгами, но у них не хватило денег, да и не было особого желания покупать библиотеку. В Архиве Коллегии иностранных дел (затем — МГА МИД) Курбского тоже читали. Уже историки-профессионалы, которые задумались о систематической истории России. На смену Сборнику Курбского пришел археографический проект, в котором три достижения, и все три с горечью бесплодных усилий, — это публикации Николая Герасимовича Устрялова, Николая Дмитриевича Иванишева и Георгия Захаровича Кунцевича.

Несмотря на то что горожане, мелкое дворянство, стрельцы и представители духовенства в XVII в. интересовались светской литературой и хранили в своих домашних библиотеках книги исторического содержания, ни одного списка этого периода, который происходил бы из частной библиотеки представителя «низов» или «среднего класса», не известно[2586]. Недостаточно данных и для того, чтобы утверждать, что «История» Курбского интересовала широкого читателя в последующие десятилетия. А вот о популярности сборника среди дворян и духовенства гадать не приходится. К первой категории относятся около 50 хранителей «сборников Курбского». Таким образом, их было в 50 раз больше, чем среди простонародья, и в 25 раз больше, чем среди купцов. Даже если бы оказалось, что все неизвестные лица, упомянутые в записях, происходят

[2586] О расширении читательской аудитории исторической литературы в России раннего нового времени см.: *Лупов С.П.* Книга в России в XVII веке. Книгоиздательство. Книготорговля. Распространение книг среди различных слоев населения. Книжные собрания частных лиц. Библиотеки. Л., 1970. С. 80–87; *Сапунов Б.В.* Книга и читатель на Руси в XVII в. // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978. С. 61–74; *Его же.* Социальная база московского барокко: (По описям библиотек и владельческим приписям на книгах XVII в.) // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 59–78; *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001. С. 68–69.

из социальных низов, дворян было бы более чем в три раза больше. Известно и 10 церковных хранилищ, располагавших экземплярами Сборника. Среди них пять крупных церковных книгохранилищ (Собор Покрова на Рву, Кирилло-Белозерский и Чудов монастыри, Александро-Невская лавра, Синодальная библиотека), три собрания митрополитов и три менее значительных библиотеки (Саровской пустыни, церкви Успения Богородицы в Котельниках, церкви села Горбова). Конечно, правомерность всех этих подсчетов нуждается в оговорках: сохранность дворянских и церковных книжных собраний в среднем выше остальных, среда возникновения и бытования многих дошедших до нас списков неизвестна, рукописная традиция содержит немало пробелов - хотя, как нам кажется, значительно меньше, чем склонны были полагать исследователи. Мы располагаем достаточно репрезентативным комплексом рукописей, который отражает общие тенденции развития рукописной традиции. И как можно судить, наибольшим спросом Сборник Курбского пользовался в окружении высшей власти и аристократии, в московских и санкт-петербургских дворянских кругах; меньший, но всё же значительный, интерес к нему проявляла церковь; наконец, в широких массах никакой сколько-нибудь значительной читательской аудитории у рукописного Сборника Курбского не возникло. Впрочем, эта картина типична не только для истории чтения «Истории» Андрея Курбского и, в целом, отражает общее положение дел в российской аудитории XVIII — начала XIX в. Границы между читательскими группами определялись структурой образования и социальной градацией[2587].

О том, каков был характер спроса на сочинения Курбского, приходится судить главным образом на основании их литературного «конвоя». Сборник Курбского в рукописной традиции встречается в двух основных составах — во-первых, это краткий вариант, содержавший «Историю» и письма Курбского Ивану Грозному, во-вторых, более пространный вариант с комплексом текстов типа Увар. №301[2588]. На первом этапе списки сборника встречаются только у лиц, наиболее приближенных к обеим высшим властям, духовной и светской. До 1690-х гг. это круги, особенно близкие к руководителям Оружейной палаты и Посольского приказа, — Б.М. Хитрово и В.В. Голицыну. Владельцами и читателями списков оказываются слуги последнего: С.Б. Ловчиков (может быть, Ловчиковы были владельцами сб. Тихонравовского №639 уже в начале 1680-х гг.), Ф.И. Дивов (1690 г.), А.И. Лызлов (не позднее 1692 г.). На следующем этапе, в 1690-е гг., хранилищем рукописи сборника и местом создания компилятивного трактата на его основе на время оказывается кремлевский Чудов монастырь.

Распространение сборника на рубеже XVII–XVIII вв. происходило камерно, в узком кругу знакомых друг другу лиц из высшей знати, мало опасающихся, что их чтение станет заметным для «всевидящего глаза». Впрочем, бытование некоторых списков отражает их «подпольный» характер. Именно на этом этапе определяются основные конфигурации конвоя Сборника Курбского, которые свидетельствуют о весьма специфическом интересе читателей. В некоторых случаях сборник попадает в конвой к разрешенным сочинениям, скрывшись за которыми, делается незаметным для случайного читателя. В Тихонр. №639 ему предшествует огромное по объему «Великое Зерцало», в Барс. №1700 — не менее объемистый «Хронограф» Псевдо-Дорофея, в списке ОИДР №255 отрывки из Сборника Курбского, содержащие кровавые сцены из мартирологов «Истории» пристроены к Степенной книге и «Описанию Российской империи». Про эти книги, как и про все сборники, в которые входит «История» Компилятивного вида, правильнее было бы сказать, что тексты Курбского в них составляют «конвой» для популярных текстов, как правило, совершенно невызывающего содержания.

В других случаях к Сборнику Курбского часто присоединяются тексты не менее вызывающие и подозрительные, чем «История» и послания Курбского. Инициаторами появления таких «нецензурных» собраний были, по-видимому, книжники из книгописной мастерской князя-интеллектуала и полонофила кн. В.В. Голицына. Их целью было создать образ «другого Ивана IV», отличного от того величественного христианского монарха, который был известен по Степенной книге и другим, сходным с нею официальным памятникам историописания. Сборник Курбского

[2587] *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 8–31.

[2588] Сб. Увар. №301, по нашему мнению, является протографом всех рукописей, расширяющих его состав, поэтому все виды более «полных» сборников могут рассматриваться как дополняющие первоначальный состав. Однако текст Увар. №301 не может считаться более старшим, чем архетип Тихонравовского вида, в который входят списки с «Историей» и тремя посланиями Курбского Ивану Грозному.

благодаря присоединенным к нему отрывкам из хроник А. Гваньини и М. Стрыйковского приобретает законченные очертания политического макабра, от которого, говоря словами писца Син. №136, «у кого окаменное сердце было — и тот бы воздохнув прослезился» (здесь же Иван Васильевич в заглавии назван царем и великим князем московским и самодержцем «всеа Росии»)[2589]. Победы и добродетели царя времен Избранной рады здесь отодвинуты на задний план по сравнению с чередой казней, пыток и массовых убийств, которые помимо своего политического подтекста, конечно, привлекали читателя своей откровенностью и зрелищностью.

Устойчивый исходный конвой «Истории» составляют послания Андрея Курбского Ивану IV. Единственный список Тихонравовского вида, в котором встречается дополнение, — это Тихонр. №639 с «Великим Зерцалом». Больше ни в одном списке традиции такой состав не встречается. Пласт рукописи с «Великим Зерцалом» обособлен от последующего раздела книги с текстом Сборника Курбского самостоятельным комплексом тетрадей, их нумерацией, особыми филигранями и записью о завершении работы над книгой. Всего этого достаточно, чтобы считать Тихонр. №639 конволютом, в котором Сборник Курбского с «Историей» и посланиями Ивану Грозному отделен от «Великого Зерцала». При этом сходство почерков двух частей рукописи и сохранившийся их общий переплет, современный созданию книжного блока, говорят о том, что обе части были изготовлены в одной рукописной мастерской и объединены в сборник еще в конце XVII в. То, что из поучительных историй Зерцала и сочинений Курбского была составлена одна книга, свидетельствует об историко-литературной направленности компилятора. Сходный с Тихонравовским и, возможно, восходящий вместе с ним к сепаратному протографу список Вяземских первой половины XVIII в. является образцом «сборника Курбского» без литовской корреспонденции и других приложений, но с полными начальными разделами. Другой такой образец — Муз. №3090, список 1740-х гг., текст которого во многих случаях сохранил самые ранние чтения в рукописной традиции, но был частично переработан литературным редактором и приближен к языковым реалиям своих создателей.

Уже в архетипе всех списков II извода произошли изменения состава. Письма и переводы

«История» князя Андрея Курбского. Москва. Государственный исторический музей. Список ОР ГИМ, Музейское собр. № 3090. Л. 1.

Курбского были в составе протографа Уваровского вида, но совершенно неясно, откуда они в нем появились, из протографа Сборника Курбского или из дополнительного источника. В Тихонравовском и Барсовском видах после посланий Ивану Грозному нет никаких следов рубрик. В Увар. №301 окончание Сборника Курбского отделено «швом» от набора текстов, сходного с полным составом Тихонравовского и Барсовского видов — эти разделы размещены в Уваровском списке в особых тетрадях, которые могли быть сконированы с особого протографа. Но каким образом последний, если это не был тот же кодекс, в который входили тексты от «Истории» до Третьего послания Курбского включительно, оказался доступен составителю сборника? Возможно, что комплекс литовской переписки и поздних переводов Курбского находился у того же владельца, но отдельно от рукописи, содержащей набор текстов с «Историей» и посланиями царю.

В состав списков Тихонравовского и Барсовского видов входят только тексты Курбского, имеющие прямое отношение к Ивану Грозному, — история его царствования и послания ему же от Курбского. Даже сборник СПбДА №309 в первоначальном виде, очевидном по его нисходящей традиции в Барсовском виде, включал «Историю» и все три послания князя Андрея. Утрата частей Третьего послания происходила, видимо, уже в списках Барсовского вида[2590]. В его первом подвиде (списки Коненг. №327, Барс. №1816, Акад. №372) текст сохранился до слов «туне и всуе», но без подписи «Андрей Курбский княжа на Ковлю». Во втором подвиде (списки Маслен. №54, Яросл. №10, Барс. №1700) текст более полон и включает перевод из Цицерона до слов «быти подобает». Список СПбДА №309-2, неудачное по объему восполнение утрат основного текста этой рукописи, сильно отстоящее по времени от древнейшего слоя в кодексе, содержит только отрывки «Истории». В Барс. №1700 вступительная часть содержит перевод Хронографа Псевдо-Дорофея. Этот факт интересен

[2589] *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. Т. 1. С. 550.

[2590] Здесь и далее, говоря о Третьем послании, мы подразумеваем Третье послание Курбского, хотя, как показано выше, существовал и ответ Ивана Грозного на это послание, условно — Третье послание Ивана Грозного. См. здесь «Сколько было посланий в Переписке Курбского с Иваном Грозным?».

Історія о князю Василиєвому Молдавскому

Много пратъ сомнечъ свѣтлѣ мудрѣ вопрошаютъ сѧ сознанїю розлїчнѣ бывшѣ прилѣ: странный
пишутъ тамъ трудъ доброму кнѧзю Василїю царю
Молдавскому захотѣлъ поздравити Салтанъ Кєрадинъ
що нѣкоторыхъ вещахъ сопротивъ врагомъ крѣ
постовъ трубы тамошнѣ невѣрнѣ кнѧжилнѣ тѣ
трактатовъ и трудъ болшѣ добрѣ слову ему
шлю кнѧзю Молдавскому и Молдавскомъ обязамъ
невѣрнѣ обещати: Потвердилъ гостинѣ радъ
вопрошенїю прикладнѣ вѣрѣ нѣто могутъ ре
шти султанъ прислѣвшїи тамовкѣ повѣщаю
ютъ общїй изматъ и порядъ ему вѣдомо
тисати яко вѣрѣ рѣшѣ кнѧзю родъ
вѣдомо злѣ крѣвъ кантаклѣ обма
ми и злѣми кнѧрѣдѣ мнящами яко невѣзрастѣ
нѣ цѣрѣ тамъ по торѣ поимавши
поплѣнѣнїю конѣ вѣ отъ: нѣто крѣ
отъ самъ настоящїй яко гдѣ мудрѣ
дрѣ доброму начаю хотѣщѣ обвадѣ доб
тоно и по проти злѣ шокабатѣ и начи
ти отмовластного гдѣнного отъ ства злѣ
проходѣнѣ и побѣдѣ сопротивнѣ против
ной затѣвѣ дѣзати! кнѧзь Василїй вели
ки Молдавскїй нѣкоего злѣмъ и сопротивъ за
нона дѣлѣ дѣлъ своѣ и сѣ прилоѣ [ко
тисати и читати пробѣсти радъ нѣко
ти сѣ нѣмѣтко] и доброѣ вѣто
нѣнутъ зѣло вѣрѣ на нашъ посолъ! Са
вѣтъ сѣ разнѣ своѣ тѣ Соломонъ дѣ
сѣ хотѣ нѣтъ отъ отъ трѣ за волнѣ
ство нѣ отаю анѣмѣ аю отъ изато
гдѣ бравнѣ шѣ мѣстъ Молдавѣ болѣ
тѣ вѣ отъ взѣмъ нарѣ полной вра
ще изатворити подѣлѣ рѣбо свое отъ ему

DM

в связи с тем, что протограф основанной на «Истории» Курбского Компилятивной повести, содержащийся в сборнике Син. №483, видимо, уже в 1690-е гг. попал в состав одной книги вместе с другим списком хроники Псевдо-Дорофея, скомпилированным Евфимием Чудовским с переводной хроникой Матфея Кигалы[2591]. Сходство состава может свидетельствовать о каких-то общих процессах в создании этих книг, тем более что редакторские ориентиры Барсовского и Компилятивного вида «Истории» сходны.

Списки Компилятивного вида встречаются в разнообразном окружении, которое меняется от кодекса к кодексу. Самый ранний конвой повести сохранился в Син. №483, который является конволютом, причем раздел, содержащий компиляцию, относится к 1690-м гг. Неясно, входили ли тексты Максима Грека и Александра Гваньини в один источник или они добыты Евфимием из разных мест. В состав Чудовской рукописи они попали, вероятно, одновременно с Компилятивной редакцией «Истории» Курбского. В сборнике Сар. №135 наряду со списками «Истории» той же редакции, относящимися к рубежу XVII–XVIII и концу XVIII в., самый ранний ее список обрамлен житиями митрополитов Петра, Феодорита и Фотия. Такое агиографическое окружение «Истории» перекликается с ее мартирологами, создавая для нее церковный контекст и придавая рассказу о подвигах мучеников в террор Ивана Грозного особую рельефность.

В литературный конвой повести в Невоструевском №42 и Толстовском №11 входит поучение Максима Грека «о бритии бород». В контексте церковных и государственных преобразований второй половины XVII – начала XVIII в. оно носит явно протестный характер и отражает позицию противников секуляризационных реформ Петра I. Протограф Невоструевского и Толстовского списков создан при участии митрополита Казанского Тихона или его окружения. В конвое Толстовского списка «Истории» содержится письмо Стефана Яворского к Тихону, «Описание Киева» середины XVIII в. и один из первых комментариев к тексту Курбского.

Каждый вид II извода имеет свой специфический набор текстов. Однако можно выявить связь между тремя основными видами состава. Самый «полный» Сборник Курбского имеется только в двух списках II извода — Увар. №301 и копии с него Харьк. №168. Арх. №558 сокращает текст Уваровского списка, оканчивая его начальной частью Третьего послания. Архивский №82 является копией с Арх. №558 и сохраняет тот же набор текстов. В Румянцевском списке из Арх. №82 сконирована только «История», тогда как ее приложения заимствованы из позднего списка, сходного со сборниками ОСРК №337 и Библ. №2211. В сборниках Болховитиновского вида дополнительные материалы появляются во вступительной части и носят справочный характер. Их проникновение в состав протографа относится примерно к 1815 г. и связано с историко-просветительской деятельностью его создателя митрополита Евгения Болховитинова.

Традиция III извода («Книга История») после переводов Курбского содержит приписку с указанием даты — *22 января 1677 г.* и места — *в доме* кн. В.В. Голицына[2592]. Означает ли эта запись, что книга была закончена к указанной дате? В Харьк. №168 текст, расположенный до нее, написан на бумаге, составляющей единый комплекс. Затем, судя по водяным знакам и почерку, к первоначальному составу прибавлена повесть Андрея Тарановского[2593]. Дополнениями к данному кодексу являются также отрывок из «Описания Европейской Сарматии», Первое послание Ивана Грозного и стихи на смерть царя Алексея Михайловича. В 1778 г. в Оружейной палате хранился сборник с сочинениями кн. Андрея Курбского и траурными стихами — это был либо сам Харьк. №168, либо список его пис-

[2591] Источником для русского перевода «Хроники» Дорофея Монемвасийского, начатого Арсением Греком в 1654/55 г. и завершенного Дионисием Греком в 1665 г., послужило венецианское издание 1631 г. Единственное издание «Хроники» Матфея Кигалы вышло в Венеции в 1637 г. Ее перевод на русский язык был выполнен Евфимием Чудовским и содержится в рукописи РГАДА, собр. РОБ МГАМИД, оп. VI, №579 (*Буланин Д.М., Романова А.А.* Хроника Дорофея Монемвасийского // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 207–213, особенно с. 207–208, 211; *Буланин Д.М.* Хроника Матфея Кигалы // Там же. С. 213–214).

[2592] ЦНБ ХНУ №168. Л. 236 об.; ОР ГИМ. Собр. Барсова №366. Л. 218 об.; ОР РНБ. НСРК. Оп. 1. F-231. Л. 244; ПГОИАХМЗ. Собр. Шарина №142. Л. 121. Запись нет в Музейном №8324, но, как ясно из текстологического анализа, данный список восходит к Харьковскому. Неверны рассуждения о разнообразии январских записей в рукописях III извода. Других дат, помимо «22 января 1677 г.» эти списки не содержат, а трудности возникают при обращении к рукописям, которые по текстологическим показаниям заметно отличаются от «Голицынского типа» (ср.: *Keenan E. L.* Putting Kurbskii in His Place. P. 142. N 38).

[2593] *Садиков П.А.* Поход турок и татар на Астрахань в 1569 г. // ИЗ. 1947. №22. С. 132–166; *Рыков Ю.Д.* Археографический обзор. С. 277–278. Примеч. 85.

ходящей традиции[2594]. Энитафии царю Алексею Михайловичу, написанные Лазарем Барановичем и Симеоном Полоцким, известны и отдельно от «сборников Курбского»[2595]. Анализ Харьковского кодекса показывает, что стихи не входили в первоначальный конвой текстов Курбского. Вместе с тем следует признать справедливой точку зрения Э. Л. Кинана о том, что в рукописной традиции «Истории» и других текстов Сборника Курбского траурные стихи входят в устойчивое сопровождение Голицынского вида, а списки того же типа, только без траурных стихов, но с Первым посланием Ивана Грозного представляют собой результат развития первоначального состава группы[2596]. Сборники Шар. № 142 и Библ. № 8324 по составу идентичны Харьк. № 168, а вот Выписка из «Истории», хранившаяся в Кабинете Екатерины II, содержит только отрывок о суде над Избранной радой и часть мартирологов. В данном случае в центре внимания оказался террор Ивана Грозного. Список Барс. № 366 повторяет состав Голицынского вида без траурных стихов. Так же как он, Голиц. № 623 и Библ. № 4851 не содержат траурного раздела, но Послание царя Ивана в них читается на «своем месте», между Первым и Вторым посланиями Курбского. В конце XVIII в. возникла неполная копия с Библ. № 8324 — список Голиц. № 169, который ограничивается текстами от «Истории» до послания Курбского к Семену Седларю, приближаясь к классическому Сборнику Курбского (типа Увар. № 301).

Предсказуемо, что поздняя традиция Голицынского Сборника наполнялась тираноборческими смыслами, однако исходный посыл, заставивший кн. В. В. Голицына и ученых его круга, особенно А. И. Лызлова, формировать собрание сочинений о времени Ивана IV, был не обязательно тираноборческим. Князь гордился своим знатным происхождением от Палемона, которое высоко чтили, в отличие от Ивана Грозного, сами Голицыны (еще на рубеже XVIII–XIX вв.). Курбский о Палемоне ничего не говорит, но считает московских Гедиминовичей исключительным по своему значению единым королевским родом. Это не могло пройти мимо князя-канцлера, льстившего себя сами высокими надеждами в годы правления царевны Софьи. Нельзя исключать и предположение о том, что Голицын собирал сведения о крымских проектах, готовясь к решающему удару по Крымскому ханству, и в Курбском нашел себе исторического соратника. Не случайно Лызлов опирается на Курбского в ряду других источников, когда пишет «Скифскую историю». По нашему предположению, Лызлов причастен к редактированию не дошедшего до нас сборника, датированного «в доме» Василия Голицына 23 января 1677 г., и отразившегося на Погодинском № 1494.

Этот список «23 января» и был протографом Сборника Курбского IV извода. Он представляет собой значительную по объему компиляцию. На каком-то этапе в его протографе, скорее всего, содержалось большинство текстов, входящих в сборники Син. № 136, Арх. № 60 и Пог. № 1494. Однако состав этих рукописей всё же различен, и необходимо проверить как возможность того, что сборник был расширен за счет присоединения к нему отдельных текстов, так и того, что первоначально масштабная компиляция позднее была сокращена. Кодикологическая структура Арх. № 60 позволяет судить, что именно к нему впервые в рукописной традиции было присоединено «Сказание откуду зачася», известное по Хронографу 1679 г. и по не имеющим отношения к «сборникам Курбского» спискам[2597]. Первоначальный состав Овчин. № 500 идентичен Арх. № 60, причем «Сказание» в этой рукописи не отграничено, как в ее протографе, от остального текста. После повести Андрея Тарановского владелец Овчин. № 500 А. И. Сулакадзев приписал послание ЛжеДмитрия I Юрию Мнишеку[2598].

Сборник Пог. № 1494 занимает уникальное место в традиции «сборников Курбского». Он послужил основой для большого числа списков V извода. От своего протографа он унаследовал помимо такого же набора текстов, который читается в Сборнике III извода, краткую запись о выезде Курбского, Первое послание Ивана Грозного Курбскому, Послание Тетерина и Сарыхозина, два отрывка из «Описания» Алессандро Гваньини, отрывок из «Хроники» Матея Стрыйковского и повесть Андрея Тарановского. В него не вошли, а возможно, были исключены уже при доработке состава протографа IV извода, стихи на смерть царя Алексея Михайловича. В Погодинском виде только Пог. № 1494 оказался «полным». Во всех

[2594] Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года / подг. Н. П. Барсуков. М., 1901. С. 309.

[2595] Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / автор-сост. И. Н. Лебедева. СПб., 2003. С. 27–29.

[2596] *Keenan E. L.* Putting Kurbskii in His Place. P. 141–142.

[2597] РГАДА. Собр. РОБ МГАМИД. Оп. 1. № 616. Л. 1 — 5 об.; *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 135–136.

[2598] *Рыков Ю. Д.* Археографический обзор. С. 285.

остальных восходящих к нему списках его состав сокращен. Гипотеза о том, что Увар. №242, Увар. №302, Рум. №240 (раздел после «Истории»), Библ. №2211, ОСРК №337, Библ. №9395 восходят к полному варианту Пог. №1494 высказана, хотя и с некоторой долей сомнения, Э.Л. Кинаном[2599]. Кодикологический анализ рукописной традиции показал, что все эти и сходные с ними списки восходят непосредственно к Пог. №1494 и передают особенности его текста, расположение текстов, отражают даже дефекты в порядке листов.

Текст «Истории» Невостр. №48 восходит к Пог. №1494, но при копировании протограф был сокращен. Отрывок из «Истории» в нем присоединен к переводу Нюрнбергской компиляции 1687 г., в которой использованы записки европейцев о российской тирании. Еще один вариант сокращения предлагает сборник СПбГУ №47. Здесь после Третьего послания следует «История о Осьмом соборе», а затем после записи писца «Слава...» все тексты Пог. №1494. В таком порядке тексты размещены, видимо, в соответствии с указаниями «не писати по лист 235» и «писати» (на л. 235 об.), читающимися в Погодинском №1494, что позволило Э.Л. Кинану предположить зависимость ОСРК №337 и Библ. №2211 от Пог. №1494. Эта гипотеза подтверждается текстологическим анализом всего Погодинского вида, однако с одним уточнением: «инструкциям» Пог. №1494 следует только СПбГУ №47, а сборники ОСРК №337 и Библ. №2211 еще больше сокращают конвой «Истории» по сравнению с ним, исключив из него «Описание» Гваньини (кн. 7, ч. 1), отрывок «Хроники» Стрыйковского и повесть Тарановского, и по этому признаку могут быть соединены в обособленную от СПбГУ №47 подгрунпу, находящуюся в зависимости от СПбГУ №47 или весьма сходной с ним традиции. Каким-то списком этой группы пользовался составитель Рум. №240, чтобы дополнить имеющийся в его распоряжении набор текстов Арх. №82.

В Панинском виде по сравнению с Погодинским текст «Истории» заметно сокращен, а после письма Курбского к Семену Седларю сразу следует повесть Андрея Тарановского. О том, что в источник Панинского вида входили переводы, свидетельствует отрывок «От беседы 29» из Иоанна Златоуста.

Состав Библиотечного вида в своей основе восходит к тому же сборнику Пог. №1494. В рукописях со Сборником V извода встречаются разнообразные по составу компиляции. Но, как правило, дополнения к набору текстов типа Пог. №1494 носят неустойчивый и случайный характер. Так, в сборнике Унд. №779, точно передающем полный текст старшего протографа Библиотечного вида, в дополнительной тетради особым почерком переписаны послания Ивана Грозного шведскому королю Юхану III. В оглавлении, которое скопировано с протографа и в остальном соответствует текстам, имеющимся в списке Унд. №779, этих посланий нет. Из этого следует, что в протографе данной рукописи их не было. Они не встречаются больше ни в одном из известных «сборников Курбского», зато бытуют в русской книжности и в составе различных компиляций и в виде отдельных книжек[2600].

В младшем протографе Библиотечного вида, наиболее полно отразившемся в Увар. №302 и Увар. №242, Сборник Курбского сокращен, из него устранены все богословские приложения, следующие после «Нравоучения 38». Тенденция к устранению переводов из святых отцов и «Истории о осьмом соборе» получила дальнейшее развитие. С одной стороны, она указывает на то, что читателей сборника больше интересовали исторические и энциклопедические тексты, с другой – свидетельствует о приближении того времени (середина XIX в.), когда Синодальная цензура вынесет вердикт: «Лице князя Курбского не имеет никакого значения в духовных богословских трактатах»[2601]. Сборник Библ. №9395 доводит текст в полном объеме до послания Курбского Семену Седларю и сразу затем передает отрывки из Гваньини. Еще более краткая версия обнаруживается в сборнике Унд. №780: помимо «Истории» и ее типичных для Библиотечного вида приложений до Третьего послания включительно, здесь имеются три письма Курбского к кн. К.К. Острожскому, письма Василию Древинскому и княгине Анне Чарторыйской. Выписки о терроре Ивана Грозного из «Истории» Курбского и «Описания» (кн. 7, ч. 1) Гваньини встречаются в сборниках Нечаевского вида, восходящих, по нашей гипотезе, к списку Унд. №779. Особенно выразительно выглядят эти выписки на фоне Степенной книги и «Описания Российской империи» в рукописи ОИДР №255. Курбский предстает здесь как автор неофициальной истории, дополняющей и корректирующей официальные сведения.

[2599] *Keenan E.L.* Putting Kurbskii in His Place. P. 143.

[2600] См., напр.: РГАДА. Собр. РОБ МГАМИД. Оп. 1. №703. Л. 1 – 23 об.

[2601] РГИА. Ф. 807 (Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет). Оп. 2. №1122. Л. 7.

Еще один вариант Сборника Курбского представляет Петропольский вид. Его источник, список Увар. №302, полно передает младший протограф Библиотечного вида. В Петропольском виде повествование реорганизовано, разбито на главы, тексты разделены на две книги, а после гл. 40 (письма Курбского к Седларю) в гл. 41 просто перечислены переводные тексты, которые были в источнике. В более краткой версии данного вида, в Погодинских №1493 и 1492, а также в Архивском №282 текст заканчивается гл. 26 (ТПК). После основных текстов в Архивском списке помещен Родословец Патриаршей редакции. Из недавних находок в этой группе — список Покровского собора №10, восходящий, как мы предположили, напрямую к протографу группы, списку Киевского университета Святого Владимира №121.

Большое сходство с краткой версией Петропольского вида имеет Сборник Курбского в переводе Семена Девовича. Состав его перевода свидетельствует о том, что его источник был во многом сходен с младшим протографом Библиотечного вида, только обрывался после ТПК. В предисловии к переводу Девович изложил свое прочтение Курбского, настаивая на значимости его трудов для истории российской.

Еще один вид «Истории» с приложениями — Сокращенная редакция, иначе говоря — Сокращенный сборник. Текст «Истории», да и приложений в этих рукописях тоже зависит от младшего протографа Библиотечного вида. В Сокращенный сборник первого вида входят «История» («Описание Курбского о царе Иоанне Васильевиче»), Запись о выезде Курбского, Первое послание Курбского без постскриптума, Первое послание Грозного, Второе и начальная часть Третьего посланий Курбского и отрывок из «Описания Европейской Сарматии» (кн. 7, ч. 4). Этот набор тесно связан с текстом Сборника V извода. Только начиная с IV извода, в рукописной традиции появляется Запись о выезде Курбского, а Послание Ивана Грозного помещается между ППК и ВПК. Из четырех старших сборников Сокращенного вида только Погодинский №1720 содержит «Историю стрелецких бунтов» А.А. Матвеева. Текстологическое исследование показывает, что Погодинский №1720 не может быть протографом для других сборников данного вида. Других оснований для предположения о том, что в архетипе Сокращенного сборника была «История» Матвеева, также нет[2602].

Находка наших дней в этой группе — еще один, на сегодня 86-й в научном обращении список «Истории» с приложениями. Рукопись хранится в частном собрании профессора Саймона Франклина[2603]. Согласно информации, любезно предоставленной владельцем, данная рукопись — на 81 л., размер 32×20 см, переплет — коричневый картон с кожей на корешке. На одном из начальных листов надпись сверху почерком, как кажется, XIX — начала XX в.: "The History of Tzar Ioan Vasillevitch / by Prince Kurb. / (In Slavonic)", в скобках подчеркнуто. Состав типичен для поздней версии Сокращенного сборника[2604]. Предварительный текстологический анализ не оставляет сомнений, что перед нами список Сокращенного сборника. Чтение f 2/18, послужившее для нас маркером, определяющим вид Сокращенной редакции, безусловно относит текст «Истории» в составе списка Франклина к одной группе со списками БАН 16.9.12, РГБ собр. Лукашевича и Маркевича №14, РГБ Тихонравовского собр. №357, РГБ собр. ОР РГБ

[2602] «История» Матвеева бытовала в рукописной традиции как самостоятельно, так и в составе компиляций. См., напр.: РГАДА. Собр. РОБ МГАМИД. Оп. 1. №39, 89, 90, 625, 641, 655, 702; ГИМ. Собр. Барсова №1820, 1830, 1860, 1864.

[2603] За указание данной рукописи благодарю Саймона Франклина (Simon Franklin) (Кембридж, Великобритания). Описание книги и фото отдельных ее листов любезно предоставлены коллегой.

[2604] Разделы в сборнике следующие (в упрощенной графике): л. 1 — Описание князя Курбскаго о царе Иоанне Васильевиче. Сицевое описание изъявляется; л. 5 об. — О взятии Казани; л. 19 об. — О епископе Савастьяне; л. 21 об. — О воине царя крымскаго; л. 24 — О войне Лифляндской; л. 26 об. — О взятии астраханском и о поляках; л. 28 — Паки о войне Лифляндской; л. 31 об. — О начале злых и о Селиверсте священнике, и о Алексее Адашеве; л. 33 — О побиении княжеских Родов; л. 36 — О побиении боярских и дворянских родов; л. 38 об. — О Филипе митрополите; л. 40 об. — Писмо князя Андрея Михайловича Курбскаго писано к великому Государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу Всея России писанное ис Полши прелютаго ради гонения его; л. 43 — Послание царя Иоанна Васильевича князю Андрею Курбскому против его князь Андреева писма которое писано из града Волмера; л. 63 — Краткое отвещание князь Андрея Курбского ко зело широкою епистолию великого государя царя московского; л. 64 об. — На вторую епистолию отъвещания цареви московскому убогаго Андрея Курбского князя ковельского; л. 71 — Начало жестокоправия; л. 74 — О злейшем оклеветани Ивана Петровича Шереметева; л. 75 об. — О мучении казанина Дубровскаго; л. 76 — О дву братьях князях Гвоздевых и о смерти единого из них; л. 77 — О казни Бориса Титова; л. 77 — О некоем сон видевшем; л. 77 об. — О мучении различных жен мужеских; л. 78 об. — О вопрошающих сего ради тако немилостив к людем является; л. 79 — О шурине его князе Михаиле Темрюковиче Черкаском; л. 80 — О великом Нове Граде и Пскове и Твери.

№184, ОГНБ №1/22, ГИМ Музейского собр. №2782, РГБ Музейного собр. №2212.

Несмотря на колебания в составе и заставках «сборников Курбского» первой половины — середины XVIII в., их общая особенность состоит в пристальном внимании к военной истории, гибели княжеских и «боярских и дворянских родов», к тиранических погромам церкви, Новгорода, Пскова и Твери и к Переписке Курбского с Иваном Грозным «ис Польши». Кровавые сцены и личное участие свидетеля — вот что привлекало читателя, одновременно получившего в свои руки труды подобного ему, и даже явно более значительного, воина-аристократа и редкое свидетельство историка о закулисной жизни России Ивана Грозного.

Сборник Курбского входит в разнообразные компиляции, однако почти никогда не оказывается под одним переплетом с памятниками московской религиозной мысли, летописными произведениями, повестями и сказаниями. Как правило, он представляет собой самостоятельное литературное целое и не разбивается на разделы с целью, например, копирования в другие сборники. Язык этого текста вызывал замешательство у многих переписчиков. Такой русский язык не имел аналогов в московской книжности. Политическое мышление Курбского также подталкивало компиляторов искать аналоги его сочинениям среди текстов польской и литовской интеллектуальной традиции.

Копирование Сборника Курбского на протяжении десятилетий не вызывало к жизни интерпретаций. Первыми толкователями «Истории» были А.И. Лызлов и Ф.П. Орлов-Поликарпов. В «Скифской истории» (1692 г.) заимствования из Курбского старательно закамуфлированы и ограничиваются цитатами из его «военных хроник», которые перемежаются с отрывками из «Казанской истории». Похожим методом пользовался Поликарпов, когда сочинял разделы об Иване Грозном в своей «Истории вкратце» (1716 г.), впрочем заимствования непосредственно из «Истории» Курбского встречаются у него даже реже, чем цитаты из Курбского по «Скифской истории». В распоряжении Лызлова был «сборник Курбского» из библиотеки кн. В.В. Голицына, предположительно скопированный с нынешнего списка Харьковского университета №168 и послуживший источником для протографов IV и V изводов (1684, 1690, ок. 1710 г.). В ходе работы над «Скифской историей» Лызлов имел доступ к этой ныне неизвестной книге и, вероятно, вносил в нее правку, учтенную и в его опусе и в протографе V извода — списке Погодина №1494. Следы изменений, внесенных самим Лызловым или его сотрудником, сохранились более чем в половине (48) ныне известных списков Сборника Курбского. В распоряжении Поликарпова помимо «Скифской истории» была рукопись, позднее переданная в Патриаршую библиотеку — ныне Синодальная №136. Это один из двух старших списков IV извода. К XIX в. традиция, к которой принадлежали сборники, доступные Андрею Лызлову и Федору Поликарпову, Василию Татищеву и Михаилу Хераскову, Михаилу Щербатову и Николаю Карамзину, оказалась наиболее живучей: 52 списка из 86 принадлежат нисходящей традиции одной не дошедшей до нас рукописи, отразившей перемену Сборника Курбского между 22 и 23 января 1677 г. и затем пополненной, исправленной и скопированной неоднократно. И именно в этой традиции искали археографы «оригинал Курбского» вплоть до второй половины XX в., когда традиция пополнилась списками, позволившими построить связующие мосты между традициями «сборников Курбского» краткого (Тихонравовского вида) и расширенного (Уваровского вида) составов и увидеть прямое восхождение списков Голицынского вида к Харьк. №168, а последнего — к Увар. №301.

Как Андрей Курбский стал историком

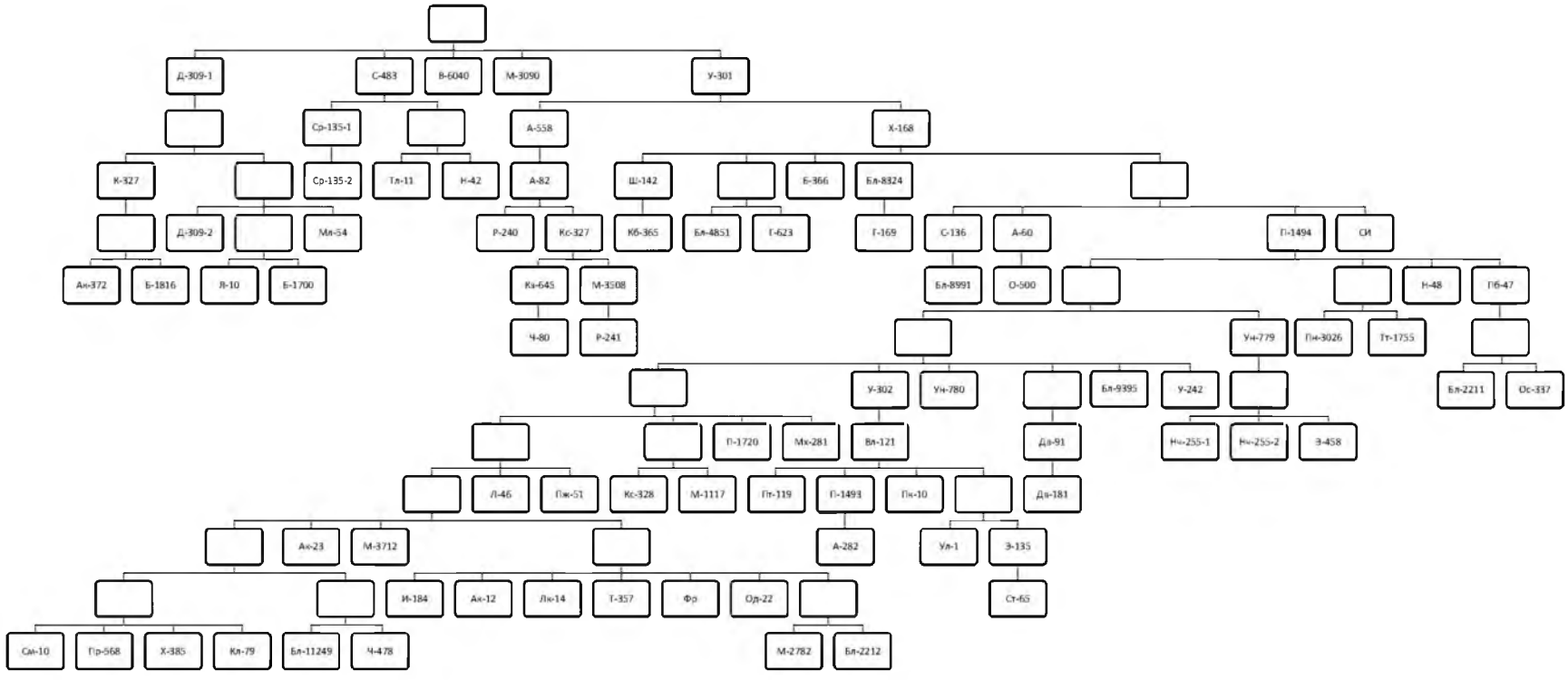
К концу XVII в. российское знание о прошлом пополнилось понятием «история», которое прежде почти не применялось к произведениям исторической прозы о России[2605]. Уже среди 52 книг патриарха Иоакима, возглавлявшего церковь в 1674–1690 гг., была скоропись «Книга Московская История»[2606]. В библиотеке Чудова монастыря мог храниться список той же книги. Библиотечные описи 1675, 1686, 1695, 1701, 1702 и 1708 гг. не сохранили подобных упоминаний[2607]. А в описи 1709 г. указана книга форматом «в десть»: «Книга Московская История писана скорописью в красных досках»[2608]. О каком произведении идет речь? Книг, заглавия которых были бы аналогичны «Истории» Андрея Курбского, в российской книжной культуре конца XVII — начала XVIII в. не было. Традиционными были «Летописцы», «Хронографы»,

[2605] *Кинан Э.Л.* Проблема Московии. С. 187–208. О московской исторической культуре XVI–XVII вв. см. также в нашей монографии «Император Святой Руси».

[2606] *Лупиов С.П.* Книга в России в XVII веке. С. 139.

[2607] ОР ГИМ. Синодальное собр. №95–98, 206, 209, 424.

[2608] ОР ГИМ. Синодальное собр. №94. Л. 178.



«История о князя великого московского делех». Текстологическая стемма

Названия списков см.: Курбский А.М. История о делах великого князя московского / сост. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев; отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 2015. С. 356-394. Стемма на с. 395. Не указаны дополнительные протографы ряда списков. Э-458 восходит к протографу Нечаевского вида, но отражает особенности Нч-255-2. Какой-то список СК III, можно полагать – Х-168, факультативно привлекался для создания Э-135. Работая над Дв-181, переписчик обращался не только к Дв-91, но и к его протографу. Протограф пятого подвида Сокращенного вида, как указано в Бл-11249, создан на основе двух архивских списков. По сравнению с изданием 2015 г. в стемму добавлен список Франклина (условное обозначение – Фр).

«Книги стененные» и т.д. Претенденты же среди «Историй» не касались российского прошлого или говорили о нем лишь вскользь, в связи с другими регионами мира. Среди таких «Историй» можно назвать «Скифскую историю», «Казанскую историю». Среди книг с повестями о Смутном времени встречаются заглавия, включающие слово «История»: «Книга или Историа о разорении Московские земли, начавшемся лета 7092-го но лето...»[2609] Сомнительно, что нод «Московской Историей» понималась «Историа о разорении Московские земли» Авраамия Палицына, хотя такую возможность нельзя исключать. «Московская или Российская история» Готлиба Самуила Тройера, изданная в 1720 г., была нереведена с немецкого на русский майором С. Г. Плаутиным лишь в 1741 г.[2610], хотя Тройер мог быть известен в России значительно ранее, так как еще в брошюре «Анология Ивана Васильевича II» 1711 г. он нредпринял ломающую евронейские стереотины нонытку снять с Ивана Грозного обвинения в тирании[2611]. Видимо, это его книгу нодразумевал А. И. Богданов в своем «Кратком введении о Авторах Российских, кто какие на Российском языке издавал книги и разные переводы, и тому следующее известие», где нод №89 значится «Московская история»[2612]. В то же время «сборники Курбского» встречаются в самые нервые моменты своего бытования в России нод заглавием «История». Книга «История нисменная» была обнаружена в библиотеке кн. В. В. Голицына в 1689 г. «Сборники Курбского» из «дому» князя Василия отлично известны (к ним восходит вся традиция III извода), но в ониси его имущества прямо не указан ни один экземнляр. Вместе с тем, в выходной заниси Харьк. №168 значится: «Глаголемая сия книга История»[2613]. Такая же занись есть и на одном из нротографов Харьковского кодекса: «Сия книга глаголемая История»[2614]. На «Историю» и «Историю Кур.» ссылался А. И. Лызлов в рассказе о взятии Казани[2615]. Обозначения «История» и, возможно, также «История московская», встречающееся в книжных онисях, относятся к Сборнику Курбского, хотя снисков Сборника Курбского с названием «Московская История» не встречается.

Интерес к Сборнику Курбского, слабо тлевший, но не иссякший в нравления Ивана V и Петра I, был неотъемлем от дискуссий о роли монархии в жизни страны. Победа над Степью нредставлялась Андрею Лызлову главной исторической задачей, стоящей перед властью и нодданными. Это нредставление нришло к историку, который был знаком с нольской ренессансной хронографией и знал о взглядах своего натрона — кн. Василия Голицына, ноборника крымских ноходов и сторонника новой стены христианства ("antemurale Christianitatis"). Скифы — извечные противники цивилизованных сарматов и славян, нринявших христианские ценности. «Скифская история» явилась интеллектуальным ответом на Вечный мир России с Речью Посполитой 1686 г., указывая на общие интересы и международные ориентиры двух имнерий. Андрей Курбский был для Голицына и окружавших его ученых удачным вонлощением российско-польского христианского единства нротив Скифии. «История» стала одним из источников создания идеологической нрограммы Христианской лиги, которой, нравда, в иных исторических условиях, нридерживался и сам Андрей Курбский. Конии сборника «История» создавались «в дому» кн. Василия Голицына задолго до заключения мира. Только за два дня, 22 и 23 января 1677 г., появилось не менее двух экземнляров книги, которая неоднократно и нозднее, до самого суда над царевной Софьей Алексеевной, там конировалась и нонолнялась сочинениями об энохе Ивана Грозного.

В конвой Сборника в то же время нроникли сочинения, созвучные актуальным прочтениям сочинений Андрея Курбского. Во-нервых — повесть нольского динломата Андрея Тарановского, неоднократно нутешествовавшего в Константинополь, о ноходе турецкого войска на Астрахань в 1569 г. Этот ноход, единственная военная камнания Османской имнерии нротив России в XVI в., был наглядным примером той угрозы, с которой столкнулось Российское царство еще в нравление Ивана IV и которая нродолжала сохраняться и нри Иване V[2616]. Во-вторых, Первое нослание Ивана Грозного дополняло энистолярную составляющую и нревра-

[2609] *Кобленц И. Н.* Источники и деятели русской библиографии XV–XVIII вв. М., 1991. С. 30.

[2610] РГАДА. Собр. РОБ МГАМИД. Оп. 1. №31, 32; РГБ. Музейное собр. Оп. 1. №8520, 9666; БАН. 45.13.21. Л. 36 об. С. 72. № 10; 45.13.22. Л. 50 об. С. 72. № 10.

[2611] *Мыльников А. С.* Картина славянского мира. С. 155–156.

[2612] БАН. 32.12.7; *Кобленц И. Н.* Источники... С. 82–83.

[2613] ЦНБ ХНУ №168. Л. 236 об.

[2614] ОР ГИМ. Собр. Уварова №301. Об. инж. крышки.

[2615] *Auerbach I.* Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. S. 171. Anm. 53; *Eadem.* Kommentar // NM. Bd. 4. S. 174–175. Z. 18.

[2616] *Садиков П. А.* Поход турок и татар на Астрахань в 1569 г. // ИЗ. 1947. №22. С. 132–166.

щало текст Сборника в диалог власти и оппозиции, который в рукописной традиции Переписки начался вскоре после того, как состоялся обмен письмами между Курбским и Грозным. Впрочем, как мы видели, в московской читательской практике диалог больше напоминал поучительное торжество власти над изменой[2617]. В-третьих, «Хроника» Мацея Стрыйковского и перевод с латинской версии той же хроники под названием «Описание Европейской Сарматии», вышедшей под авторством Алессандро Гваньини, очертили литературный контекст, в котором читателю предстояло узнать о тирании Ивана Грозного и о причинах слабости Российского царства в противостоянии с Крымом и Турцией[2618].

Первые две темы в последующие два десятилетия вызвали лишь ограниченный отклик читателей. После того, как «История» Курбского была конфискована из библиотеки кн. В. В. Голицына, она утратила позиции в историческом обосновании войны с неверными. Эти позиции удерживали официальные тексты — Степенная книга, «Казанская история» и новейшая «Скифская история». Как показывает «История вкратце» Федора Поликарпова, отсутствие спроса на «Историю о князя великого московского делех» компенсировалось интересом к «Скифской истории», тогда как со Степенной книгой и «Казанской историей» тексты Курбского о войнах Святорусского царства против мусульманских государств не объединялись. Участь Переписки определялась иными факторами. Вплоть до второй половины XVIII в. она существовала только во фрагментах: Второе послание Ивана Грозного не присоединялось ни к московской ветви рукописной традиции, включавшей первые послания царя Ивана и Курбского, ни к литовской, содержащей только три письма Курбского[2619]. Наиболее полный вариант Переписки с последней четверти XVII в. представляли собой именно «сборники Курбского». Послание Ивана Грозного впервые было присоединено к рукописи из библиотеки Василия Голицына между 22 января 1677 и 11 августа 1684 г., т.е. между созданием сборников Харьк. № 168 и Син. № 136. Вероятно, это произошло уже 23 января 1677 г. (когда, по нашему предположению, было завершено формирование общего протографа IV и V изводов «Истории»)[2620].

Тираноборческие смыслы Сборника Курбского набрали силу благодаря его литературному конвою, в который вошла глава «О московской тирании» из хроники Стрыйковского-Гваньини «Описание Европейской Сарматии». Картины казней и жестокости Ивана Грозного в сочинениях М. Стрыйковского были позаимствованы из записок Альберта Шлихтинга, бежавшего из России в 1570 г.[2621] Князь Андрей Курбский мог быть знаком с этим отчетом и осторожно, не нарушая «авторского права» Шлихтинга, воспользоваться его информацией. Однако ранние списки Сборника Курбского следов этих записок не содержат. Их отрывки, но уже в редакции «Описания» Гваньини 1611 г., присоединяются к Сборнику. Ассоциативный ряд, возникавший при знакомстве с компиляцией сведений Курбского и Шлихтинга о расправах царя и опричников над знатью, производил глубокое впечатление на читателей «сборников Курбского» III V изводов на всем протяжении XVIII в. и был возрожден с новой силой в «Опыте» Василия Тимковского и «Истории» Николая Карамзина.

Тираноборческий подтекст «Истории» и Переписки заметен также в списках, текст которых восходит к церковным переработкам 1690-х гг. Связь между этими списками и книгописной мастерской В. В. Голицына неочевидна,

[2617] О времени появления московской рукописной традиции Первого послания см. в разделе «Архетип Первого послания Курбского».

[2618] О плагиате А. Гваньини и соотношении его «Описания» с сочинениями М. Стрыйковского см.: *Jurkiewicz J.* Czy tylko plagiat? Uwagi w kwestii autorstwa Sarmatiae Europeae Descriptio (1578) // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 67–93.

[2619] *Лурье Я. С.* Археографический обзор. Послания Грозного Курбскому. С. 348–351; *Keenan E. L.* Authorial Ghosts... P. 59–60.

[2620] В Харьк. № 168 оно обособлено от Сборника Курбского и приписано среди дополнений кодекса без заставки и какого-либо заглавия. В Син. № 136 и Арх. № 60 Первое послание царя помещено «на своем месте», после посланий Курбского и Тетерина-Сарыхозина и перед Вторым посланием Курбского. Только в Архивском списке 1690 г. и затем в Пог. № 1494 начала XVIII в. появляется его заглавие: «Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии ко князю Андрею Курбскому против его князя Андреева писма что он писал из града Волмера». Показательно, что в Погодинском списке заставка написана на лицевой стороне листа, а сам текст начат уже с оборота. Я. С. Лурье и Э. Л. Кинаном установлен хронографический источник Первого послания Ивана Грозного в составе Сборника Курбского: *Лихачев Д. С., Лурье Я. С.* Археографический обзор... С. 530–532, 543–544; *Keenan E. L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. P. 7–16.

[2621] *Старостина И. П.* Иван Грозный в изображении Шлихтинга–Стрыйковского // восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения памяти В. Т. Пашуто: Материалы конференции. М., 1998. С. 112–117; *Grala H.* Wokół dzieła i osoby Alberta Schlichtinga. S. 35–51.

прямой зависимости между более ранними рукописями Голицынского вида и более поздними рукописями Барсовского и Чудовского видов нет. Источником для списков Барсовского вида послужила рукопись СПбДА № 309, составленная в первоначальном виде, как уже сказано, независимо от рукописной традиции списков Хитрово и Голицына из «Истории» и трех посланий Курбского. По-настоящему тщательной переработке из этих четырех текстов в Барсовском сборнике была подвергнута только «История». Ее язык исправлен по церковнославянским образцам, полонизмы посильно устранены, политическая терминология приближена к реалиям конца XVII в.

Еще более радикальную переработку прошел текст «Истории» в Чудовской повести, которую только условно можно считать редакцией этого памятника: объем дополнений и заимствований из «Выписи о втором браке Василия III», жития Максима Грека, Степенной книги настолько велик, что превращает повесть в особое компилятивное сочинение. Протограф всех его списков содержится в Син. № 483 и написан почерком Евфимия Чудовского. Кремлевский книжник подвергал себя риску, сохраняя в сборнике полемический памфлет, осуждающий Василия III и Ивана IV. Согласно самой ранней датировке повести, предложенной Эдвардом Кинаном, она появилась около 1675 г. Однако главный аргумент исследователя является текстологическим — он полагает, что Компилятивная редакция «Истории» предшествует Полной, первые списки которой относятся к середине 1670-х гг.[2622] Вероятность этого предположения снижается тем, что Чудовская повесть содержит отрывки из «Истории» Курбского, имеющие сходство с чтениями списков I–II изводов, передает текст Курбского очень кратко, от третьего лица, но со следами заимствования у автора, тождество которого с Курбским не вызывает сомнений, при этом во всех остальных разделах она является компиляцией. Другие исследователи относят ее к более позднему времени: К. А. Уваров — к правлению патриарха Адриана (1690–1700)[2623], Ю. Д. Рыков и В. В. Калугин — к стрелецкому бунту (1698)[2624]. Осторожнее было бы, на наш взгляд, датировать повесть серединой — второй половиной 1690-х гг., основываясь на водяных знаках бумаги тех двух тетрадей, которые содержат текст повести в Синодальной рукописи. В повести осуждается развод великого князя Василия III и вставлены выписки из Курбского о греховном образе жизни Ивана IV, его женолюбии («женоненистовстве») и жестокости с подданными. При чтении ее возникают — и должны были возникать у современников — аналогии с разводом Петра I и Евдокии Лопухиной и, возможно, «делом» полковника Циклера и Лопухиных (1697 г.). Но по следам ли этих событий написана повесть или в их предупреждение — неясно.

Сцены противостояния царя и высшей знати, которыми изобилуют начальные и заключительные разделы «Истории», вызвали экстраординарный спрос среди читателей. Сборники Компилятивного, Панинского и Нечаевского видов содержат выписки из Курбского, в которых подробности террора старательно сохранены или даже помещены в центр повествования. Выписки из Сборника Курбского (предположительно, V извода) о терроре Ивана IV были включены в летописчик «Выписано вкратце» второй половины XVIII в.[2625] Частной тенденцией, отражающей светскую точку зрения на Сборник, было сокращение жития Феодорита Кольского в составе «Истории». Во втором подвиде Петропольского вида начала 1770-х гг. текст «Истории» обрывается словами «о преподобном Феодорите священномученике. Глава 21-я. В тех же летех мужа погубил славнаго во преподобии и воистинну святаго и премудраго архимандрита саном Феодорита именем, о нем же и о жителстве его священном краткости ради в сей книге писать оставлено. Конец 2-й части»[2626]. Вообще нет повести о Феодорите в ранних версиях Сокращенного сборника. Только в его Тургеневском подвиде начала XIX в. вместо жития появляются слова: «Курбский упоминает также, что в тех же летех погубил он славнаго во преподобии и премудраго архимандрита саном Феодорита, который основал монастырь при устье реки Комы и был первым распространителем христианской религии между российскими лапландцами»[2627].

Примером лояльного по отношению к власти переложения Сборника Курбского является Сокращенная редакция, возникшая не позднее

[2622] *Keenan E. L.* Putting Kurbskii in His Place. P. 133–134.

[2623] *Уваров К. А.* Князь А. М. Курбский — писатель. С. 10.

[2624] *Рыков Ю. Д.* «История о Великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 140–141; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 270–271.

[2625] *Шмидт С. О.* Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники. 1973 г. Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова. М., 1974. С. 347–353.

[2626] ОР РНБ. Собр. М. П. Погодина № 1493. Л. 176; РГАДА. РОБ МГАМИД № 282. Л. 64; ср.: СК. Л. 113.

[2627] НИОР РГБ. Музейное собр. № 11249. Л. 39.

начала 1740-х гг. Ее составитель основательно перерабатывает сборник, удаляя из него богословские отрывки, выпады Курбского против царя, его рассуждения и интерпретации событий. Подобное отношение к острым темам Сборника не было редкостью. Так, переписчик списка Сар. №135 старательно устранял наиболее резкие характеристики Ивана Грозного, конируя свой протограф[2628]; переписчик Овчин. №500 в составленной им глоссе проклинал князя Андрея Михайловича за его «ложь» на царя[2629]. Составитель Сокращенной редакции дает книге название «Описание о Царе Иоанне Васильевиче» и устраняет следы «фамильярности» по отношению к власти: приводит полностью имена московских монархов, исправляет великокняжеский титул — хотя и не во всех случаях — на царский; сокращает или полностью изымает из текста апологетические суждения Курбского о светских и духовных мучениках; превращает в максимально краткие и однообразные восхваляющие и прославляющие эпитеты источника[2630]. Однако в задачи редактора не входило снять или изменить все тираноборческие акценты источника. В «Истории» о Василии III говорится, что он «великий, паче же в прегордости и лютости, князь». В Сокращенном сборнике это место выглядит не менее критично, но иначе: «Велики князь московский Василий Иванович от гордости и властолюбия своего...»[2631] О друзьях будущего царя вместо *четы юных* редактор пишет «честных юных»; впрочем, в том же отрывке он амплифицирует упрек Курбского в адрес царя и этих «честных»: «нещадно отечество *свое разоряюще*»[2632]. Почти без изменений пространного источника в Сборнике Сокращенного вида перечисляются реформы «думы» (Избранной рады), когда же у Курбского речь заходит о вознаграждении тех, кто совершал добрые поступки, редактор расширяет список добродетелей и к мужеству и храбрости добавляет: «вкуне же и правосудие»[2633]. Особое внимание им уделено военным событиям середины 1550-х гг. Из текстов, составляющих Сборник Библиотечного вида, он также сохраняет мартирологи «Истории», запись о выезде Курбского, Переписку и отрывок из «Описания» Гваньини. При этом в Сокращенной редакции встречается большое количество неточностей. Так, данные о численности войск, меры длины и времени переданы в ней во многих случаях приблизительно или ошибочно. Она стирает смелого до дерзости богослова, тушует обличителя государя и отечества, выдвигая на первый план московского придворного и воина. Это направление переработки, возможно, выдает социальное положение редактора или его заказчиков. В Погодинском №1720 1740-х гг. Сокращенный сборник объединен с «Записками» видного ученого, дипломата и администратора А.А. Матвеева[2634]. Дополнив его Вторым посланием Ивана Грозного, составители Воронц. №645 и Париж. №51 во второй половине XVIII в. создали сборник, объединивший все пять текстов Переписки[2635].

В 1760 г. студент Академии наук Семен Девович поставил перед собой еще более амбициозную задачу — при помощи Сборника Курбского создать взвешенное описание царствования Ивана Грозного, не очерняя, но и не оправдывая. Идея юного критика поднитывалась загадкой «слога» Курбского, который достаточно было расшифровать и приблизить к своей эпохе, чтобы прочтение состоялось: «Однако как бы то ни было, мой труд весь состоял в том, чтоб в сочинении сей Книги не выступить из пределов правды, придержаться чистого нынешняго рода российских писателей, и темные места изъяснив все сие привесть в совершенный порядок; ибо исправить сию испорченную книгу инако не возможно было, как только вновь сочинить, потому что и непорядочной слог Курбского, и неупотребительные некоторые иностранные слова, и худая переписка всему трудному разумению причиною были»[2636]. Сравнение двух сохранившихся списков редакции Девовича позволяет понять общее

[2628] РГАДА. Собр. Саровской пустыни №135. Л. 199 об. — 200.

[2629] НИОР РГБ. Собр. Овчинникова №500. Л. 69.

[2630] Например, вместо *ангелом подобен* он пишет «добродетелен был», вместо *святых мужей* — «добродетельных», вместо в *сицевую высоту возводят* — «в таковую добродетель возводят» (ОР ГИМ. Музейское собр. №1117. Л. 6 об. — 7; ср.: СК. Л. 6 об. — 7 об.).

[2631] ОР ГИМ. Музейское собр. №1117. Л. 2; ср.: СК. Л. 2 об.

[2632] ОР ГИМ. Музейское собр. №1117. Л. 3–5; ср.: СК. Л. 4 — 5 об.

[2633] ОР ГИМ. Музейское собр. №1117. Л. 7 об.; ср.: СК. Л. 8.

[2634] Не исключено, что составитель Сокращенного сборника был причастен к кругу Андрея Матвеева, однако этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

[2635] Архив СПбИИ РАН. Архив Воронцовых. Оп. 1. №645. Л. 1 — 3 об.; BNF. DMO. FS. №51. Только пагинация. С. 175–180. Текст Второго послания в Воронцовском списке присоединен на особых листах к выпискам из Сокращенного сборника, а в Парижском включен не в раздел переписки, а стоит в конце сборника после отрывка из Гваньини. В Лих. №46, входящем в одну подгруппу с Парижским и Воронцовским списками, Второго послания царя нет.

[2636] ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова №91. Л. 5 — 6 об.; РНБ ОСРК Q.IV.181. Л. 2 — 3 об.

направление, которое избрал исследователь-переводчик. Тихомировский список сохранил следы правки, которая была учтена в списке ОСРК. Редактор приглушает тираноборческий пафос Курбского, устраняя слишком резкие оценки и инвективы в адрес Ивана Грозного.

В источнике, которым пользовался Девович, говорилось, что царь старшего сына Дмитрия *своим безумием погубил* — после редакторской правки оказалось, что царь Дмитрия «лишился»; у Курбского Иван IV противится Максиму Греку *яко гордый человек* — после правки в Тихомир. №91 читается только «противился в сем ему»; в источнике царь еще до гонений на Избранную раду *лют и бесчеловечен начал быти* — у Девовича он «от времени до времени жесточайшим казался»; текст затерт в тех местах, где у автора говорится о Грозном как о «мучителе варварском, кровоядном и ненасытимом»; какое-то слово из чтения *лютым и нерассудным* источника (число затертых знаков говорит о том, что первоначально было сконировано только одно из них) заменено редактором на «грозным»; митрополит Филипп у Курбского проклинает царя — а у Девовича лишь не благословляет; в источнике царь *гонение воздвиг* на Новгород - после редакторской правки в Тихомир. №91 это место изменено на «жестокость... оказал»[2637]. Тенденция к ослаблению тираноборчества Курбского, как и в Сокращенном сборнике, свидетельствует о попытках интеллектуалов примирить противоречия между образами царя Ивана, объяснить его террор, открыть сами труды Андрея Курбского для широкого круга читателей. Конечно, подразумевая, что широкий читатель получит достоверную историю, стоит только поправить «непорядочный слог» Курбского.

Показательно, что критической реакции просветителей на мартирологи «Истории» не последовало. М.В. Ломоносов, говоря об эпохе Ивана Грозного, не использовал Курбского[2638]. Собственный «сборник Курбского» был в библиотеке В.Н. Татищева, но он дал ему отрицательную оценку: «...однако ж все так пристрастно и темно, что едва истинну видеть и розуметь можно»[2639]. В «Предъизвесчении» к «Истории Российской» он к «руским историям» причисляет «дипломатические, яко я великим трудом из архив Казанской, Сибирской, Астраханской и некоторых городов указы выписал, в которых многое инде неположенное, до истории касаюсчееся, находится». Среди этих источников значатся «5) Курпской князь Андрей, а обстоятельнее 6) поп Иоанн Глазатый о достовании и взятье града Казани»[2640]. Татищев воспринимает Курбского в первую очередь как свидетеля и участника взятия Казани, и как раз в этом качестве он, по словам Татищева, уступает Казанскому летописцу. Сравнивать «Казанскую историю» с «Историей» Курбского начал еще Лызлов, а после него определение жанра «Истории» в книжных описях, пометах на «сборниках Курбского» и ссылках исследователей неоднократно реанимировало взгляд на «Историю» как на летопись воинской славы. Василию Татищеву была известна рукопись «История Курбского о Казанском походе». Можно предположить на основании известных заглавий в кодексах с «Историей», какой вид Сборника Курбского был в руках просветителя. В Син. №136 на первом листе написано: «Гистория князя Андрея Курбскаго о Казанском взятии...» В библиотечных описях XVIII в. та же рукопись фигурирует под названием «Летописец... а по осмотру явился о Казанском взятье в десть»[2641]. Позднее, так уж сложилось, сборник этого же типа первым попадался на глаза М.М. Щербатову, Н.М. Карамзину и Н.Г. Устрялову. А начинал его углубленное чтение для написания российской истории Федор Орлов-Поликарпов. Традиция была настолько прочной, что даже Г.З. Кунцевич нарушил ее лишь отчасти.

Немало косвенных свидетельств подтверждают тот факт, что читатели XVIII в. внимательно знакомились с рассказами Курбского о Казан-

[2637] СК. Л. 32, 33 об., 66, 96 об., 102, 108, 108 об., 110.

[2638] В «Кратком Российском летописце» М.В. Ломоносова основное внимание в статье об Иване Грозном уделено войнам России, и особенно Казанской (*Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765. М.; Л., 1952. С. 322–327). Никакого влияния сочинений Курбского на эту заметку не прослеживается (ср.: *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 19–21, 24, 95).

[2639] *Пекарский П.П.* Новыя известия о В.Н. Татищеве. Приложение к IV^му тому Записок Императорской Академии наук. №4. СПб., 1864. С. 58; *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. 1: История российская. Ч. 1. Репринт с изд. 1962 г. М., 1994. С. 445; Т. 7: История Российская. Окончание. М., 1996. С. 149. Аналогичным образом относится В.Н. Татищев к суевериям и предрассудкам в иных контекстах: *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 272–273, 278–279, 376, 389–396.

[2640] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. 1. С. 84–85.

[2641] Каталоги библиотеки Московской Синодальной типографии // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 11. Смесь. С. 4; *Лупнов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 305.

ской, Крымской и Ливонской войнах. Эти разделы основательно переработаны в Сборнике Сокращенного вида и явно находились в центре внимания редактора, и для Михаила Хераскова Курбский-воин готов был «защищать отечество любезно». Николай Карамзин вложит Ивану Грозному обращенные к Курбскому слова, смесь цитаты из «Истории о князя великого московского делех» и фантазии самого историографа: «Мне должно или самому ехать в Ливонию, или вместо себя послать Воеводу опытного, бодрого, смелого с благоразумием: избираю тебя, моего любимого. Иди и побеждай!»

Этот взгляд наметился в сборниках, сходных с «Патриаршим», оказавшим определяющее влияние на российскую историческую культуру. Но для Василия Татищева князь Андрей был человеком прошлого — далеким от рационализма потомков. Одна из первых дискуссий, вызванная «чудесоверием» Курбского, продемонстрировала торжество просветительского разума. Анонимный комментатор «Истории» Толстовского сборника, современник В. Н. Татищева, откликается на слова Андрея Курбского об обретении сожженной первскими протестантами иконы Богородицы: «Мню, что Курбский муж разумный поверил повести сей разглашаемой от какого-то знатнаго достоинства суевера, слышавшаго от ханжи, убежавшаго из раззореннаго того города и желавшаго чрез расказывание ея, возбудя наперед благочестие правоверных, пользоватся от них щедрым подаянием...»[2642] Другой современник Татищева, составитель текста «Истории» в Сборнике Сокращенного вида, устранил подозрительный рассказ о казанском чародействе[2643]. Позднее по поводу этого рассказа выражал недоумение и Николай Карамзин[2644].

Образ Курбского менялся. Воин-крестоносец дополнил тираноборца и отчасти конкурировал с этим образом. Он вычитывался в Сборнике Курбского благодаря возникшим в одном культурном кругу подборке текстов Голицынского сборника и «Скифской истории», а также редакторским вторжениям в сборниках первой половины XVIII в. и комментариям, отражавшим военно-политические идеалы просветителей. Таким образом, оценка Курбского в «Россиаде» Хераскова была подготовлена сложившимися о нем к 1770-м гг. мнениями среди исследователей и читателей.

«Скифская история» А. И. Лызова и «История» Ф. Орлова-Поликарпова приблизились к политическому «Другому» на безопасное расстояние, но они не были опубликованы и не вызвали прочтений. В. Н. Татищев сослался на известный ему Сборник Курбского, но ничего интересного в нем не увидел. М. М. Щербатов задумался о том, что взгляд на Ивана Грозного невозможен без внимательного прочтения Сборника Курбского, и тоже в качестве источника по истории тирании. Он еще работал над своей «Историей Росссии от древнейших времен», когда вышла в свет «Россиада» М. М. Хераскова. Это был первый опыт прочтения Сборника Курбского, появившийся в печатном виде. С этого сочинения началось свертывание рукописной традиции и многолетние споры о рукописном оригинале Сборника. «Россиада» богата деталями из источников «печатных и письменных», чем автор не упускает возможности похвалиться[2645].

Г. З. Кунцевич предполагал, что поэту были известны «История о Казанском царстве» (изд. 1791 г.), «Царственная книга» (изд. 1769 г.), «Степенная книга» (изд. 1775 г.), «Опыт Казанской истории» П. И. Рычкова — и «может быть, Курбский»[2646]. Это предположение подтверждается. На основе наших знаний об изданиях «Россиады» и рукописной традиции Сборника можно предпринять попытку выяснить, какая именно рукопись была доступна поэту. Одно из примечаний Михаила Хераскова сообщает о «пустыннике Вассиане», в котором нетрудно узнать Вассиана Патрикеева «Истории» Курбского. В изданиях «Россиады» 1779 и 1786 гг. примечание гласит: «Сей Вассиян, или Савастиян, сослан был в заточение Царем Василием Иоанновичем»[2647]. В издании поэмы 1796 г.

[2642] ОР РНБ. ОСРК. F.XVII.11. Л. 6 об., 24 об. Примечание к словам: «...и въшедъше во град обретоша икону». Ср.: СК. Л. 50.

[2643] ОР ГИМ. Музейское собр. № 1117. Л. 20 об. Ср.: СК. Л. 21v–22.

[2644] Н. М. Карамзин воздерживается от подобных резких суждений в адрес Курбского, а понятие «суевер» использует в своей «Истории» для обозначения ретрограда, человека, отстающего от задач просвещения (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1843. Кн. 3. Т. IX. Стб 28).

[2645] *Кунцевич Г.* «Россиада» Хераскова и «История о Казанском царстве». Отд. 2. С. 1–2, 13; *Серман И. З.* Херасков и Курбский. С. 353.

[2646] *Кунцевич Г.* «Россиада» Хераскова // ЖМНП. 1901. СПб., 1901. Ч. 338. № 11. Отд. 2. С. 175. См. также: *Кунцевич Г. З.* История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 570–595; *Сидорова Ю. Н.* «Россияда» М. М. Хераскова и «Казанская история». (К вопросу об источниках поэмы) // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 97–104.

[2647] *Херасков М. М.* Россияда. Героическая поэма. М., 1779. С. 167; *Его же.* Россияда. Поэма эпическая. 2-е изд.,

текст примечания иной: «Сей Вассиян сослан был в заточение Царем Василием Иоанновичем. Многие думают, что был то Князь Голицын, но его имя мне не известно»[2648]. Изложенные в «Истории» подробности о жизни Вассиана и указание Курбского, что Вассиан «по отце внук княжати литовского Патрикеев», не оставляют сомнений в том, что в его тексте речь идет о писателе кн. В. И. Патрикееве[2649]. Отождествление Патрикеева с «Голицыным» привлекло внимание Г. Н. Моисеевой, однако ей остался неизвестен пример такого же отождествления в одном из «сборников Курбского». Как справедливо отмечает исследовательница: «Херасков, вероятно, не располагал более подробными сведениями о Вассиане Патрикееве, нежели те, которые он поместил в примечании»[2650]. Ошибочное отождествление Вассиана с князем Голицыным опирается не только на факт происхождения Голицыных из рода Патрикеевых и безличное мнение «многих». В рукописи «сборника Курбского» Муз. № 4851 напротив слов «внук княжества литовскаго Патрикиев» на полях приписано (светло-коричневыми, отличными от основных, чернилами) «К. В. Юр. Гол:» (князь Василий Юрьевич Голицын)[2651]. Эта помета уникальна в рукописной традиции Сборника. Поэтому можно предположить, что Михаил Херасков использовал для работы над «Россиадой» Музейную рукопись, по крайней мере, между 1786 и 1796 гг.

Поэтический дар Хераскова открыл для читателей добродетельного князя, во времена которого вельможи «искренно отечество любили», боролись с пороками, отстаивали правду, перед царем «стенать и сетовать дерзали»[2652]. Херасков объявляет своей задачей прославление деяний молодого Ивана IV и, прославляя его, во многих подробностях следует «Истории» А. М. Курбского[2653]. Почти цитатно совпадают с «Историей» слова из «Россиады» о том, что Бог, видя беды России, «руку помощи простерти к ней помыслил»[2654]. Этой «рукой помощи» был Сильвестр. Другой деятель Избранной рады Алексей Адашев также изображен по мотивам «Истории»: «Так в мраке иногда бывает Ангел зрим!»[2655] И оттуда же заимствовано определение нового окружения царя «Избранная Дума», которое поэт в глоссе объясняет как «вышнее правительство, что ныне Сенат»[2656] и благодаря которому царь изгоняет из своего жилища «разврата, клевету, коварство, лесть, обман», оставляет «праздну жизнь», отводит «от очей соблазнов темноту» и из «грознаго Царя» становится «незлобен»[2657]. Эта оценка вполне согласуется с «Историей» и Третьим посланием Курбского Ивану Грозному[2658].

Отрицательные герои из царского окружения, как и положительные, соответствуют образам «Истории». В первую очередь это опричники и Глинские. Г. Н. Моисеева подметила одну особенность «пламенных опричников» поэмы Хераскова: они сопровождают царя уже в эпоху взятия Казани[2659]. Такой же отрицательный герой, как и у Курбского, «Князь Глинский» принимает участие в обсуждении похода на Казань[2660]. В словесную дуэль с врагом добродетели вступает «Князь Курбский», образ которого является воплощением просветительского «гражданства»[2661]. Он отстаивает интересы воинской чести, «стонет» и «трепещет» от переполняющих его гражданских чувств:

испр., пересмотр. и дополн. М., 1786. С. 160; *Кунцевич Г.* «Россиада» Хераскова и «История о Казанском царстве». С. 2.

2648 *Херасков М. М.* Творения. М., 1796. Ч. 1. С. 196. Примеч. (*).

2649 См.: СК. Л. 2. *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев...; *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви...

2650 *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 224–225, цит. со с. 225.

2651 НИОР РГБ. Музейное собр. № 4851. Л. 1 об.

2652 *Херасков М. М.* Творения. Ч. 1. С. 6.

2653 *Серман И. З.* Херасков и Курбский. С. 354–355; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 222.

2654 *Херасков М. М.* Творения. Ч. 1. С. 9; ср.: СК. Л. 6.

2655 *Херасков М. М.* Творения. Ч. 1. С. 14; ср.: СК. Л. 6v.

2656 *Херасков М. М.* Творения. Ч. 1. С. 21; ср.: СК. Л. 8. В Музейном № 4851 основной текст содержит словосочетание «избранная рада», однако к слову «рада» читается глосса «дума». Об этом см. также в главе «Персональная и социальная память».

2657 *Херасков М. М.* Творения. Ч. 1. С. 22. Эти метаморфозы описываются в начале песни второй.

2658 *Серман И. З.* Херасков и Курбский. С. 355; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 223–224.

2659 *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 224.

2660 Между «Глинскими» и «Лянскими» различие чисто формальное. В первом издании жертвами московского восстания названы «два Князя Лянския», и «коварным Князем», соответственно, также был «Князь Лянский» (*Херасков М. М.* Россияда. Ироическая поэма. М., 1779. С. 7, 23). Уже во втором издании все они превратились в «Глинских» (*Херасков М. М.* Россияда. Поэма эпическая. 2-е изд., испр., пересмотр. и дополн. М., 1786. С. 6, 22).

2661 *Сидорова Ю. Н.* «Генриада» Вольтера и «Россияда» М. М. Хераскова. (К вопросу о международных связях русской литературы XVIII в.) // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературах. Красноярск, 1976. Вып. 1. С. 21.

Вдруг будто в ненле огнь, скрывая в сердце гнев,
Князь Курбский с места встал, как неки ярый лев;
Власы вздымалися, глаза его блистали;
Его намеренье без слов в лице читали[2662].

В речи князя появляются аллюзии на Первое послание Курбского и другие его сочинения, в которых превозносится доблесть христианских воинов:

Мы ради с целою вселенной воевать,
Имение и жен готовы забывать,
Готовы защищать отечество любезно;
Не робкими нам быть, но храбрыми полезно[2663].

Узнав о приближении к Москве войска крымского хана, «свиреного Исканара», царь поручает треть русского войска Курбскому, чтобы сдержать врага и спасти отечество, к которому, по словам царя, тот испытывает любовь «всех больше»[2664]. Народ Тулы с нетерпением ждет его появления и видит в нем «Ангела защитника»[2665]. Седьмая песнь «Россиады» заканчивается славной победой Курбского над крымским войском, которую омрачает лишь сцена самоубийства Ремы над телом своего мужа хана Исканара на виду у россиян. Курбский свои «лавры ко стопам Царевым полагает», а в благодарность за победу и в ответ на смиренные просьбы наградить воинов «объемлет Курбского как друга Иоанн»[2666]. Уже в своей речи перед походом на Казань Курбский обещает, что если война не начнется, он уйдет из страны «на край вселенной»[2667]. Этот намек на побег Курбского носил слишком общий характер, вряд ли современниками Хераскова могли связать его с биографией «изменника». Битвы Курбского за Казань, воспетые в поэме и по большей части ставшие плодом литературного воображения ее автора, всё же показательны как отклик поэта на «сборник Курбского», прочитанный в традициях российской барочной историографии, а также как образец патетического имперского дискурса, который сопровождал военные триумфы императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II и стал шаблоном в «дни Александровы». Поэма М. М. Хераскова вызвала интерес В. Ф. Тимковского и Н. М. Карамзина, послужила основой образа Курбского как «покорителя Казани» в трагедии Михаила Рыбушкина «Иоанна, или Взятие Казани» (1814 г.) и отчасти в «думе» К. Ф. Рылеева (1821 г.), «Борисе Годунове» Пушкина (1825 г.) и в драме М. И. Богдановича «Князь Курбский» (изд. 1882 г.), написанных уже под влиянием «Истории Государства Российского».

В эпоху романтизма героизированный Курбский был дополнен его не менее доблестным сыном, выступающим под именем Юрия в романе Б. М. Федорова «Князь Курбский» (изд. 1843 г.) и трагедии барона Г. Ф. Розена «Князья Курбские» (изд. 1857 г.)[2668]. Этот таинственный и не имеющий ничего общего с реальными потомками кн. Андрея Михайловича Курбского Ярославского «Сын» имел не менее фантастического дядю. Н. М. Карамзин по ошибке назвал в своей «Истории» брата Курбского Романом, не разобравшись в родословии Курбских (князь Роман приходился князю Андрею Михайловичу двоюродным дедом). В приписке книжника-старообрядца Иллариона Егорова в кодексе «Иоанна Дамаскин» этот «Брат Курбского» обрел жизнь явно благодаря чтению Карамзина: «...похваляя доблесть и мужество, которую сий герой употреблял против казанских татар, поборая по благочестии и защищая Московское государьство, не щадя и пролития крови купно з братом своим Романом»[2669]. Этот призрак до сих пор живет насыщенной жизнью в генеалогической и художественной литературе, надолго пережив своего «племянника».

Скорее как один из важнейших создателей имперского величия России, чем как его противник, Курбский предстает в трудах историков начиная с А. И. Лызлова. Эта интерпретация доживает до «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, сглаживая тираноборческий пафос ранних «сборников Курбского». Не видит в Курбском тираноборца и венценосная читательница его сочинений императрица Екатерина II. Конфиденциально, под наблюдением ее статс-секретаря А. В. Храповицкого, между 9 июня и 13 июля 1784 г. был создан Эрмитажный список Сборника Курбского с приложениями, — в качестве источника для «Истории Российской», которая проектировалась императрицей и несколькими энтузиастами из ее окружения[2670]. Для создания выверенного текста сборника использовались сходный с Ульяновским

[2662] *Херасков М. М.* Творения. Ч. 1. С. 28.
[2663] Там же. С. 29.
[2664] Там же. С. 128.
[2665] Там же. С. 134.
[2666] Там же. С. 142–143.
[2667] Там же. С. 29.

[2668] *Вацуро В. Э.* «Сын Курбского». С. 159–169; *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 133–142, 144–145.
[2669] ОР ГИМ. Собр. А. И. Хлудова № 60. Л. 1 об.
[2670] РГИА. Ф. 468 (Кабинет Е. В.). Оп. 43. Д. 183. Л. 68; *Мурзакевич Н. Н.* Кабинет Зимнего дворца Императрицы Екатерины II (С 5-го сентября 1793 по 13-е августа 1795 года) // ЖМНП. СПб., 1872. Ч. 162. № 8. С. 330, 334–336, 340.

№ 1 список А. А. Вяземского и сходный с Харьковским № 168 список Г. А. Потемкина. Проявив интерес к «Истории» и письмам А. М. Курбского, императрица особо остановилась на династическом кризисе 1553 г., сравнивая содержавшиеся в них сведения с Казанским и «иным летописцем», а также с Первым посланием Ивана Грозного[2671]. Комментируя слова Грозного «яко не восхотеша от Бога даннаго им царя приняти», Екатерина II пишет: «Из сего видно, что князь Курбский в числе тех был, кои не хотели во время болезни царя Иоана Васильевича учинить присягу малолетнему сыну его, опасаясь Захарьиных, братий царицы Анастасии Романовны, а желали видеть правление в руках славнаго воина Владимира Андреевича Старицкаго»[2672]. Императрица рассматривает вопрос престолонаследования с позиций современной ей политической культуры, распределяя исторических героев по партиям и ролям и выносит приговор Курбскому, который у нее превращается в участника «дворцового заговора». При этом она опирается на приписки к Лицевому летописному своду, текст которого в разделе за правление Ивана Грозного был издан М. М. Щербатовым, и на Казанский летописец. В противовес его образу в «Россиаде», Курбский — просто заговорщик, участник «дворцового» заговора. Этот вывод нельзя почерпнуть ни из одного из известных источников, его прямо опровергает в Третьем послании царю сам Курбский, а понять обвинения Ивана Грозного не так просто. Характеристика «славный воин», данная кн. Старицкому, вносит в исследовательские выводы Екатерины литературный драматизм. Императрица, оставаясь в рамках прочтения Хераскова, по-своему объяснила, почему Курбский мог участвовать в государственном перевороте: *славный воин* поддержал себе подобного.

В обход заставки, включавшей слово «история», игнорируя литературный конвой, где появлялись «записки иностранцев», Сборник часто сравнивали с летописными памятниками, что и сформировало представление о его жанровой принадлежности, которое сохранялось на всем протяжении XVIII и в первые четыре десятилетия XIX в. Восприятие Сборника претерпело существенные изменения, если вспомнить, что в конце XVII в. рукописям с сочинениями Курбского нередко давали название «История», а Лызлов упоминает «Историю» Курбского в одном ряду с «Летописцем» Засекина. В обширных ветвях рукописной традиции середины второй половины XVIII в. заглавие «История» вытесняется иными: «Летописец»[2673], «Описание»[2674], «Книга о разных произшествиях»[2675].

В сотворении Курбского-летописца принимали участие опытные читатели, так что сама эта идея имела разнообразную поддержку и долгое время была почти общепринятой. Екатерина II в своих комментариях к тексту Эрмитажного списка сравнивает «Историю» с «другим летописцем»: «В другом летописце о Астраханском взятии писано, что по стени и изстреблено семдесять городков царства Астраханскаго»[2676]. Также и М. М. Щербатов ссылается на «Курбскаго Летописец». Его список Сборника, названный «История Князя Андрея Курскаго, Ярославскаго, о казанском взятье, о лифляндском раззорении и о московских настоящих древних бедах

[2671] ОР РНБ. ОСРК. F.IV.135. Л. 30 об., вклейка между л. 30 и 31.

[2672] Там же. Л. 135 об., вклейка между л. 135 об. и 136.

[2673] Владельческая запись Дивовского сборника (РОБ МГАМИД № 60) от 9 августа 1690 г. содержит слова «летописцов столника Филипа Ивановича Дивова». Это самый ранний пример. На защитном листе верхней крышки Барсовского № 1700 почерком конца XVII — первой половины XVIII в. написано: «летописец пол 2 ру[бля]». В описи библиотеки Синодальной типографии 1727 г. так же назван список библиотеки — ныне Син. № 136. В списке Унд. № 779 1730-х–1740-х гг., принадлежавшем Н. И. Головиной, на обороте верхней крышки можно прочесть: «Летописец Российской империи что...» и ниже почерком того же времени: «по описи №». Этим же словом названо «Описание» Гваньини, входящее в конвой списков IV–V изводов: «Выписано из книги летописца полскаго Александра Гвагинна...», «Летописца польскаго Александра Гвагинна». Тисненне «Руски летописец» на корешке Нечаевского № 255 может относиться ко всему комплексу текстов — выпискам из Степенной книги, «Истории» Курбского, «Описания» Гваньини и «Описанию Российской империи», хотя во введении к первому тексту «Времянником сиречь летописцем руским» назван непосредственно первый раздел книги. На обороте верхней крышки Овч. № 500 рукой А. И. Сулакадзева сделана помета рубежа XVIII–XIX вв.: «Сей летописец царствования Грознаго почитается сочинением князя Курбскаго Андрея Михайловича...» Список Чертк. № 478, относящийся к началу XIX в., назван: «Летопись Князя Андрея Михайловича Курбскаго». На корешке Академического № 372 1810-х гг. также значится: «Летопись князя Курбскаго».

[2674] Этим словом начинается название сборников Сокращенного вида.

[2675] Именно так называется список Екатерины II Эрм. № 135 с текстом Сборника Курбского Петропольского вида и копия с этого списка начала XIX в. — Строг. № 65. С другой стороны, как раз в окружении императрицы этот текст был отнесен к жанру истории. Подготовленные для нее отрывки из Голицынского сборника названы «Выписка из Истории Курбскаго» (РГАДА. Ф. 10 (Кабинет Екатерины II). Оп. 1. № 365).

[2676] ОР РНБ. ОСРК. F.IV.135. Л. 50.

снисано из типографской библиотеки»[2677], был сконирован, как и указывалось в описи его библиотеки, с Патриаршего: «Патриарш. Библиот. Курбскаго Летописец»[2678]. Щербатовский список включен в перечень книг, переданных в Эрмитажную библиотеку в сентябре 1791 — феврале 1793 г.[2679] Современное его местонахождение до сих пор не было установлено. Если не считать загадочного «Академического списка», который Н. Г. Устрялов назвал сходным с Патриаршим[2680], то до наших дней дошла только одна копия со списка Синодальной типографии — Музейный №8991, который, по нашему мнению, и является списком Щербатова[2681]. Название книги в описи не соответствует ее оценке в «Истории Российской от древнейших времен».

Сборник, сконированный по заказу Н. П. Румянцева (ныне — Рум. №240), упомянут в его письме А. Ф. Малиновскому от 29 января 1815 г., где говорится: «Список летописи Курбского, при письме Вашего Превосходительства от 22 числа текущего месяца, имел удовольствие получить»[2682]. Исследование «летописи» Курбского было включено в проект канцлера по подготовке свода русских летописей, к которому были привлечены два исследователя из его «кружка» — преподаватели Московского университета братья Роман и Василий Тимковские. Первый готовил сводное издание древних списков, а второй исследовал творчество Курбского[2683]. Н. М. Карамзин в одном случае подчеркивает особое значение сведений Курбского: «Все косыми буквами напечатанныя слова взяты из него, или из летописей»[2684]. Но в другом — упоминает свой источник в ряду «других летописей»: «См. *Курбскаго*. В других летописях сказано, что Государь велел побить пленников»[2685]. Для выражения Пушкина «озлобленная летопись кн. Курбского» и «летопись озлобленного Иоаннова изгнанника» из письма в «Московский вестник», как отметил С. О. Шмидт, находится параллель в словах Щербатова «озлобленный князь Курбский», а сама *озлобленность* — романтическая категория, которая распространяется на главного героя в «Евгении Онегине» и на А. С. Грибоедова в «Путешествии в Арзрум»[2686].

До Девовича и Екатерины II едва ли кому-то приходило в голову очищать «непорядочный слог» Курбского или сверять список Вяземского «с хорошаго манускрипта» со списком Потемкина, «которой не так полон и ясен». Тенденция к стабилизации «подлинного Курбского» выразилась в реструктурировании списков, поиске оригинала и первых опытах текстовой археологии. Во второй половине XVIII в. среди писцов наметилось стремление к усовершенствованию грамматики рукописного источника. Теперь переписчик разъясняет текст, очищает его, преодолевает последствия его более чем полувековых трансформаций. Чтение становится археологическим. Оно «возвращает» утерянные смыслы, заново формирует синтаксис текста, регулирует интонации. С середины XVIII в., особенно в списках Петропольского вида, «История» подвергается преобразованиям, в результате которых появляются графические и синтаксические путеводители по частям текста, его композиции, интонациям его героев и самого автора. К этому времени в списках V извода уже неоднократно было проведено очищение языка от полонизмов, деление на главы, изменение глоссария. Теперь писец применяет восклицательный

[2677] *Affenica J.* Considerations on the Formation of the Hermitage Collection of Russian Manuscripts // FOG. Wiesbaden, 1978. Bd. 24. P. 305, 329.

[2678] *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 5. Ч. 2. С. 12. Примеч. 12; С. 87. Примеч. 64; С. 93. Примеч. 67; С. 96. Примеч. 70 и т. д. См. также: *Каменский А.Б.* Князь Курбский и князь Щербатов: Из истории русской общественной мысли // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобрина. Тезисы докладов и сообщений, Москва, 26–29 января 1992 года. М., 1992. С. 76–79.

[2679] *Affenica J.* Considerations... P. 252.

[2680] В специальной работе, подготовленной для «Археографического ежегодника», мы доказываем, что «Академический Второй список», использованный впервые во втором издании «Сказаний князя Курбского» 1842 г., возник в результате неудачных поисков «оригинала» сочинений Курбского, а отличия между ним и Патриаршим сфабрикованы Устряловым.

[2681] На нем нет знаков собственности, но это не препятствует нашему выводу. Рукопись Музейного собрания соответствует кодикологическим параметрам, которые выявлены Д. Афферикой для рукописей из собрания М. М. Щербатова. Она относится к началу 1770-х гг.; ее переплет сходен с одним из типов переплета книг Щербатова; она также содержит деление на шесть клеточек и шесть ребер, ее также отличает использование специальной переплетной бумаги; водяные знаки, кроме знаков тетради I, также произведены на Ярославской Большой мануфактуре и на фабрике К. Сиверса.

[2682] Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // ЧИОИДР. М., 1882. Кн. 1. С. 9.

[2683] О В. Ф. Тимковском см. в главе «Иван Грозный и “Другой”».

[2684] *Карамзин Н.М.* История государства Российского... СПб., 1842. Кн. 2. Примечания к VIII т. Стб 46. Примеч. 292.

[2685] Там же. Стб 47. Примеч. 311.

[2686] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. Изд. 2-е. М., 1996. Т. 11. С. 68, 340.

и вопросительный знаки, а также курсив, сопровождаемый словом-индикатором «зри» для выделения главной мысли[2687]. К этим преобразованиям добавляется комментирование, первый опыт которого появляется в Толстовском списке Компилятивного вида. Его автор делает ссылки на официальные источники, дает оценку деталям повествования и достоверности сведений, сообщаемых Курбским.

Особое место в истории Сборника Курбского принадлежит Овчинниковскому сборнику № 500. Эта рукопись сконирована с нынешнего Арх. № 60 в 1710-е гг., но в первой трети XIX в. она, подобно многим другим древним и поддельным памятникам, послужила основой для своего рода мистификации[2688]. Книга принадлежала А. И. Сулакадзеву, который придумал для нее цветистое заглавие «Ковчег Русской Правды», наполнил многочисленными выписками из источников (главным образом из томов Древней Российской Вивлиофики) и, видимо, выдавал за подлинник середины XVI в., чем дезориентировал некоторых любителей древнерусской письменности[2689]. Однако записи на Овч. № 500 свидетельствуют о зарождении у современников интереса к рукописному богатству эпохи Ивана Грозного, а сама книга привлекала внимание ученых и поддерживала интерес к поиску подлинника.

На рубеже XVIII и XIX вв. возникает стремление к текстологическому изучению Сборника Курбского. Тургеневский список октября 1802 г., с которого сохранилась копия октября 1809 г., «выбран з двух писменных, из коих один хранится в Государственной Архиве но и тот и другой с разными и многими ошибками, и так съколь можно было при семъ третъем переписывании оныя поправлены знающими людми»[2690]. Сводная работа предполагала использование двух списков, один из которых, вероятно, контрольный, хранился, как было указано, в Государственном Архиве (МАКИД). Второй же никак не назван, но можно предположить, что именно этот список, а не архивный послужил основным протографом для Тургеневского. Под «третьим переписыванием» следует понимать создание третьего списка на основе двух первых. В работе принимал участие не один человек, если только сводчик не отождествляет себя со «знающими людьми» из риторических соображений. Группа списков, восходящих к Тургеневскому, отличается модернизированным языком, пояснительными комментариями к историческим реалиям и языковыми уточнениями, которые приведены в скобках внутри текста, причем в списке Перетца № 568 варианты, появившиеся в протографе в скобках, внесены в текст как основные. Работа по изучению рукописей Сборника, к которой приступили в начале XIX в., не прекратилась и в дальнейшем. Н. М. Карамзин, первым в своей «Истории государства Российского» затронувший трагедию тираноборца и предателя Курбского, нуждался в исправных списках сочинений Курбского, но ему пришлось столкнуться с неосвоенным разнообразием чтений. Историограф отмечал, что знакомые ему списки «наполнены грубыми, бессмысленными ошибками»[2691].

Около 1815 г. возник особый вид рукописного Сборника, который сопровождали тексты митрополита Евгения Болховитинова. Сведения об интересе митрополита Евгения к Курбскому относятся как раз к этому времени. В письме Г. Н. Городчанинову от 26 августа 1815 г. он пишет: «Уведомьте меня, есть ли у вас по библиотекам князя Курбского История о взятии Казани при царе Иване В. Естьли ни у кого нет, то я сообщил бы вам список. А печатной ей быть нельзя»[2692]. Напечатать «Историю» было немыслимо: она воспринималась как неофициальный памятник, причем не только прошлого, но и актуальной общественной жизни. Причины, по которым публикация сочинений Курбского была исключена, прямо не формулировались, если не считать заметки анонимного цензора на сборнике Михайловского: «Не все правда написано. Много пустова. Естли бъ была правда, печатать позволил бы. Нельзя»[2693]. Вместе с тем

[2687] ПБУВ. Собр. уп-та Св. Владимира № 121м/60. Л. 39 об. – 40, 116 об.

[2688] О мистификациях А. И. Бардина, А. И. Сулакадзева и др. см.: *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5. С. 44–101; *Смирнов И. П.* О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников (место мистификации в истории культуры) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 200–219; *Козлов В. П.* Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996.

[2689] По нашему предположению, не имея возможности добыть эту рукопись у вдовы Сулакадзева, Н. Г. Устрялов и К. М. Бороздин выдали выписки из нее за особый Бороздинский список. См. также: Князь А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный / изд. И. Глазунов. СПб., 1902. С. 1.

[2690] РГБ. Музейное собр. № 11249. Л. 76 об.

[2691] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 3. Примечания к IX тому. Стб 120. Примеч. 532.

[2692] Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 53.

[2693] ОР РНБ. Собр. Михайловского. Оп. 2. Q 281. Л. 147 об.

специалисты по истории России Ивана Грозного испытывали нехватку российских неофициальных источников. Появление антиправительственного сочинения, раскрывающего темные стороны жизни Ивана IV, было воспринято как сенсация: «Перепечатана не была. Очень интересный труд, раскрывающий новые, неизвестные сюжеты изъ царствования Ивана Грозного. В библиографических справочниках данная рукопись не указана»[2694]. Митрополит Евгений располагал собственной рукописью, содержащей сочинения Курбского, ныне хранящейся в фонде Киево-Софийского собора под №327. В передаче Сборника Курбского список Болховитинова точно следует Архивскому №82. Вероятно, как и Н. П. Румянцеву, В. Ф. Тимковскому, К. Ф. Калайдовичу и Н. Г. Устрялову, митрополиту Евгению изучать творчество Курбского помогал А. Ф. Малиновский. В пользу этого предположения говорит то, что интерес и канцлера и митрополита к сочинениям Курбского относится к одному времени — 1815 г. — и приводит к созданию двух копий с одной и той же рукописи с разницей меньше года. Для Н. П. Румянцева по его просьбе архивный список подыскал А. Ф. Малиновский. Уже упоминавшийся проект канцлера увенчался первым томом монографии Тимковского о князе Курбском, так и не опубликованной и не завершенной вторым томом.

Историографическая цель, которая преследовалась при составлении Болховитиновского вида Сборника, также отчетлива. Книга Курбского дополняет и уточняет знания «многих иностранцев современныхипозднейших»[2695]. Читательузнавал, что Курбский «был боярин и воевода Царя Ивана Васильевича и Ближний сродник ему по первой супруге его Анастасии Романовне», участвовал в походах, был ранен под Казанью, в Ливонии «отличилсебя...многимиуспехами»[2696]. Нет у Болховитинова обвинений князя в предательстве: он перешел на польскую службу, «поднявши гневу Царскому»[2697]. В «Материалах к словарю Евгения о русских писателях» под №166 указаны его источники информации о Курбском — это «Родословная книга»[2698] и записи Г. Ф. Миллера «о службах князей Курбских»[2699]. Оценка, данная «Истории» в статье «Словаря», отличается краткостью: читателю рекомендуется новое сочинение, содержащее «любопытные исторические сказания». Современникам Н. М. Карамзина Сборник Курбского представлялся собранием «анекдотов», каждый из которых заслуживает особого исследования. Осуществить это можно было, создав сводный текст Сборника и сделав его доступным читательской публике. Работу Тимковского в 1816 г. Румянцев закрыл или отложил, занявшись проектом «Собрания Государственных Грамот и Договоров». Митрополит Евгений, зная всю бесперспективность планов относительно издания Курбского, содействовал распространению копий своего списка.

В целом читательская аудитория Сборника Курбского к началу XIX в. ограничивается представителями высшей власти, несколькими семьями придворных, дворянскими и церковными кругами и единичными выходцами из других общественных «состояний». Самыми ранними известными сегодня попытками привлечь тексты Курбского в качестве источника для историографической работы являются «Скифская история» Андрея Лызлова и «История» Федора Поликарпова. Со второй четверти XVIII в. Сборник Курбского заметно чаще начинает появляться в крупных книжных собраниях и привлекать внимание просветителей как источник по истории России. Однако «демон истоков» обращал внимание ученых к ее древнейшим этапам, и до подробных работ по эпохе Ивана Грозного у них просто «не доходили руки». Книговладельцы не торопились афишировать присутствие в их собраниях литературы, подозрительной с точки зрения властей[2700]. Отдельные рукописи, содержащие Сбор-

[2694] ГПНТБ СО РАН. Собр. Тихомирова №91. Л. [1]2. Запись на рукописи Семена Девовича относится, видимо, к XIX в. Неясно, может ли для нее служить датой ante quem первое издание «Сказаний князя Курбского» Н. Г. Устрялова: составитель карандашной заметки мог не учесть издание «Сказаний» или принять переводы Девовича за особый источник.

[2695] ІР НБУВ. Києво-Софійське зібр. №327/561с. Арк. 111.

[2696] Там само. Арк. 111 — 111 зв.

[2697] Там само. Арк. 111 зв.

[2698] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... Ч. 1 2.

[2699] Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности... Т. 5. Вып. 1. С. 267.

[2700] Показательны примеры того, как Сборник Курбского «запрятан» между иными сочинениями или приложен в качестве дополнения к более масштабным текстам, имеющим мало общего с сочинениями Сборника. Это, как уже говорилось нами выше, касается списков Син. №483, Сар. №135, Тихонр. №639, Барс. №1700, Арх. №282, ОИДР №255. Показателен в связи с этим следующий пример. 22 октября 1778 г. кн. Г. А. Потемкин вытребовал «находящуюся в сохранении в Мастерской Палате книгу истории князя Курбскаго о взятии Казани, которая по описи названа: Плач о царе Алексее Михайловиче» (Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года / подг. Н. П. Барсуков. М., 1901. С. 309). Взятие Казани упомянуто в одном из заглавий Син. №136, что отразилось в описях Патриаршей биб-

ник Курбского, до XIX в. хранились в крайне плохих условиях и подвергались сильным физическим повреждениям[2701]. Цензурный фактор, значение которого в XVIII в. не следовало бы, впрочем, преувеличивать, привел к тому, что в начале XIX в. Сборник был известен лишь по цитатам и ссылкам, говорить о нем и его авторе считалось небезопасным[2702]. «История Государства Российского» Н. М. Карамзина раскрепостила дискуссию и открыла надежды на публикацию трудов князя Андрея.

Различия между текстами Сборника Курбского, которые были в распоряжении М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, не столь велики, чтобы от них зависели исторические построения. И всё же. В распоряжении Михаила Щербатова был один список, о месте которого в рукописной традиции он не задумывался[2703]. Николай Карамзин имел доступ по меньшей мере к трем спискам, и ему казалось, что один из них представляет собой особый памятник, который подтверждает достоверность сведений Курбского[2704]. Сергей Соловьев, как и Щербатов, о рукописной традиции не заботился, поскольку высоко оценивал «Сказания князя Курбского». Рубежным событием, отделяющим невозмутимое отношение Щербатова к спискам от уверенного отношения Соловьева к публикации, был прием, которым 16 марта 1816 г. Александр I удостоил Карамзина. Получив освобождение от цензуры, историограф получил право в нужном ему объеме цитировать источники[2705]. На то время Курбский был знаком только очень дотошным читателям, его имя «со страхом было произносимо»[2706]. Обнаружить в «Скифской истории» и «Россиаде» переложения из его тек-

---

лиотеки XVIII в. Однако в Оружейной палате хранился список более ранней традиции, поскольку «Плач» был в протографе третьего извода и не попал уже в протограф четвертого. Но ни в протографе III извода, ни в остальных списках этой же группы «Плач» не занимает начальных разделов кодексов, и нет оснований считать, что рукописи со Сборником Курбского, которые начинались бы с «Плача», когда-то существовали. Вернее предположить, что список Оружейной палаты содержал текст III извода и, возможно, был его протографом, конфискованным в 1689 г. у Голицына, но был назван в описи «Плач о царе Алексее Михайловиче».

[2701] Это можно сказать о рукописях СПбДА №309, Арх. №558, Унд. №779, Муз. №9395. Неясно, когда именно «сборник Курбского» Санкт-Петербургского университета №47 был проколот трехгранным острием. Можно предположить, что это произошло во второй половине XVIII или начале XIX в. Следы этой расправы свидетельствуют о сильном направленном ударе, поразившем верхнюю крышку книги и блок на полторы сотни листов вглубь. Удар был всего один и довольно сильный. Может быть, она была подвергнута «ритуальному убийству»?

[2702] О Курбском еще в 1830-е гг., согласно Н. Г. Устрялову, говорили «осторожно, с оглядкою» (*Устрялов Н. Г.* Воспоминания о моей жизни // ДНР. 1880. №8. С. 621). П. М. Строев в переписке с Н. Г. Устряловым высказал убеждение, что при издании сочинений Курбского «снятие цензуры будет самое малое» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 237). Это предположение вполне оправдалось. М. П. Погодин и Н. И. Полевой в своих рецензиях на первое издание «Сказаний Князя Курбского» сходно отмечают: имя Курбского «недавно еще со страхом было произносимо» (*М. П[огодин]*. [Рец.] // Телескоп. 1833. Ч. 16. №13. С. 115. — Рец. на кн.: Сказания Князя Курбского. СПб., 1833. Ч. 1); «...кто посмел бы приняться за Курбского, если бы не царствовал Николай?» (*П[олевой] Н.* [О трудах г. Устрялова для русской истории] // Московский телеграф. 1833. Ч. 49. № III. С. 456). Очевидно, страхи и запреты вокруг Курбского после Карамзина превращались в свежее воспоминание. Более подробно см.: *Бачинин А. Н.* Н. Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков. С. 179. Примеч. 1; С. 182–185.

[2703] Формально — два, но Щербатовский список — копия Патриаршего. Об этом см. выше.

[2704] Все они сохранились до наших дней. Это — сборник с личными пометами историографа ОСРК №337, сборники Син. №136 и Син. №483. Первый из них Карамзин нигде прямо не называет. Этому есть простое объяснение: ОСРК №337 хранился в его личной библиотеке и, возможно, был скопирован специально для него. На второй ссылки в «Истории Государства Российского» не так часты, но он несколько раз упомянут как «Синодальный список №109» — именно по нему Карамзину были известны тексты литовской переписки Курбского и заключительная часть его Третьего послания Ивану Грозному. Сборником же Евфимия Чудовского Карамзин, видимо, пользовался недолго, причем рассматривал его как особый текст и не связывал его с сочинениями Андрея Курбского. Ссылки на «Синодальную рукопись №364» локализуются в примеч. 28, 307, 321 и 325 IX т. и являются иллюстрациями тирании Ивана Грозного. В Архиве КИД Н. М. Карамзин заказывал какой-то список, возможно, нынешний Арх. №82. В частных собраниях он также видел сочинения Курбского.

[2705] *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников. М., 1989. С. 15–18, 26–27.

[2706] Оставляем в стороне упоминавшийся выше труд В. Ф. Тимковского. Его результаты, надолго забытые, впечатляют. Исследователь просмотрел 12 списков «Книги Князя Курбского» (ОР РНБ. ОСРК. F. IV. №821. Пагинация основного текста. С. 232. Примеч. 1). Видимо, исследователь просматривал так называемые «сборники Курбского», где были все письма, кроме Второго послания Ивана Грозного: ни в одном из известных Тимковскому списков «нет сего второго послания Царева». Текст Второго послания («к сожалению, только... начало сего послания») ему помог обнаружить в МАКИД А. Ф. Малиновский. Для сравнения заметим, что Н. Г. Устрялову к 1868 г., т. е. ко времени третьего издания «Сказаний князя Курбского», было известно, по его словам, девять рукописей с «Историей» в составе (*Рыков Ю. Д.* «Исто-

стов можно было, лишь обладая списками и проводя специальные исследования. Ссылки в «Истории» Щербатова давали только самые общие представления о Курбском и его трудах. Было еще небольшое, основанное на «Истории» рассуждение о поездке Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь в «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице» 1802 г. — оно принадлежало перу Карамзина[2707]. Почерпнутые в «Истории» и Переписке подробности, относящиеся к эпохе Ивана IV, которые приводились в VIII и IX томах «Истории государства Российского» (1818, 1821), стали сенсацией. В своем труде Карамзин пересказал и процитировал около девяти десятых объема «Истории» и писем Курбского. Н. С. Арцыбашев, которому был известен список Сборника Болховитиновского вида[2708], предложил переписать историю Иоанна, игнорируя сочинения его противника[2709]. Митрополит Евгений, узнав по приведенной у Арцыбашева ссылке рукопись и угадав в анониме автора, отзывался о полемике в своем письме В. Г. Анастасевичу от 28 октября 1821 г.: «Не отгадали вы писца статей в Вестнике Европы, помещаемых против историографа. Это пишется в Казани Арцыбашевым, известным по истории нашей купуном, издавшим книжку о первобытной России, которую историограф не удостоил и упоминания, а Словцев хотя и намарал панегирик Ивану В., но в истории он повеса. Я Арцыбашева угадал по слогу и наипаче по сокращению названий книг. Не слыхал ли он от кого-нибудь презрительного о себе отзыва историографа? Льву не надобно и комара презирать. Не знаю, как вы не отгадали по первой его статье, в которой он сослался на список Курбского, находившийся в Казанском обществе словесности»[2710]. Дискуссия возобновилась. Текст «Курбского», не ставший еще «каноническим», приглашал владельцев рукописей вносить уточнения, исправления и дополнения.

В этом многообразии прочтений трудно найти ту точку опоры, которая позволила бы нам сегодня сказать, чем был Сборник Курбского для читателя конца XVII — начала XIX в. Возвращаясь к нашим вводным суждениям, необходимо понять, почему сам процесс чтения приводил не к унификации текста, а к его разобщению, увеличению вариативности. В эпоху, когда тиражируемые печатные тексты сделали книги более доступными, а тексты более стабильными, рукописное бытование авторского сборника было отчасти подчинено законам печатного рынка. Такой сборник нередко копировался не как единое целое, а в тех отрывках, которые наиболее соответствовали запросам читателей. Эти отрывки, а часто и полные копии присоединялись к сходным литературным подборкам, сопровождались обновленным глоссарием, комментировались, служили основой для компиляций. Лавинообразный процесс копирования к концу XVIII в. далеко увел текст Сборника от первоначальной версии. Наиболее популярными были те редакции, которые содержали следы неоднократных разновременных переработок. Это заставляет нас с еще большей остротой поставить вопрос о том, были ли установленные нами расхождения в интерпретации «сборников Курбского» результатом особого типа чтения, который можно было назвать экстенсивным. Принципиальное отличие между экстенсивным и интенсивным чтением, даже если они соседствуют в труде одного и того же человека, заключается в том, что при экстенсивном производятся тексты, а при интенсивном — интерпретации. Производство текста сказывается на интерпретации, однако совсем не обязательно предопределяет ее движение и направление. Текст в своей частной форме оказывает воздействие на традицию восприятия: создает для него контексты и фоны, очерчивает границы источника, создает эффект завершенности и идентичности. Напряженность экстенсивного чтения приводит к тому, что все эти конвенции отступают на задний план, а в высшей точке такого чтения производство текста и его интерпретации тождественны. Наоборот, в высшей точке интенсивного чтения текст отличается стабильностью и неприкосновенностью, а само чтение

рия о Великом князе Московском» А. М. Курбского... С. 110–117).

[2707] *Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре // ВЕ. М., 1802. Ч. 4. С. 302.

[2708] Со списка Общества отечественной словесности Казанского университета 20 августа 1823 г. была снята копия, завизированная Арцыбашевым (РГБ. Собр. Румянцева № 241. Л. [II]1). Протограф считается утерянным. Наше исследование показало, что Румянцевский № 241 восходит к Музейскому № 3508, что позволяет предположить происхождение последнего из библиотеки ООС Казанского университета. В таком случае, именно этой рукописью пользовался Арцыбашев, когда готовил свое полемическое выступление.

[2709] [*Арцыбашев Н. С.*]. О степени доверия к Истории, сочиненной Князем Курбским // ВЕ. М., 1821. Ч. 118. № 12. С. 278–317. Эта задача была осуществлена самим же критиком: *Арцыбашев Н.* Повествование о России. М., 1838. Т. 2.

[2710] Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности... Т. 5. Вып. 1. С. 59.

происходит так, словно смыслы накладываются и скользят по его поверхности.

Свертывание рукописных традиций и Курбский в актовых источниках

Выше мы имели дело с книжной традицией, в которой переход от одного типа чтения к другому встречал особые затруднения. Чтобы прочитать сочинения кн. Андрея Курбского, их нужно было сконировать, стабилизировать, увидеть в доступном для книжников контексте, применить к своим целям. Читатели Первого послания Курбского в конвоях конца XVI – первой половины XVII в. слыхом не слыхивали о существовании переводов, «литовских» посланий и сборника с «Историей» Курбского. Когда в рукописной традиции объявился Сборник Курбского, переписчики быстро забыли о существовании ранних контекстов прочтения Первого послания. Только в сборнике, созданном по заказу кн. В. В. Голицына, проявил себя ранний конвой, но на прочтениях Курбского вплоть до эпохи Н. М. Карамзина это никак не сказалось. О переводах князя и его сподвижников помнили только православные дизуниты Речи Посполитой рубежа XVI–XVII вв. и книжники Патриаршей Типографии в Москве 1663–1665 гг. Чтобы оценить Курбского в этом качестве, следовало рассмотреть его труды в свете латинских и греческих образцов, а с другой стороны, просеять его «просту мову» через сито церковнославянского стиля.

В момент, когда была осознана необходимость в стабильном тексте «Истории Царя Иоанна» и «Сказаний князя Курбского», рукописная традиция была настолько многообразна и пространственно разобщена, что создать генетическую концепцию списков и выявить среди них наиболее близкие к оригиналу было практически невозможно. Для этого нужно было обладать компетенцией, которой не было ни у такого опытного писателя, как Николай Карамзин, ни тем более у начинающего публикатора Николая Устрялова. Выбор основы для стабильного «Курбского» был результатом случайных обстоятельств, того «требования времени», которое возникло как следствие интенсификации научного чтения и развития феномена экстенсивного чтения. Срочность, неотложность этого перехода накладывала отпечаток на объем и качество работ по подготовке публикации. Определение «основных списков» произошло скорее по законам экстенсивного производства. Все три великих историка – М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев в своем чтении Курбского были объединены одной рукописью, авторитет которой был создан ее институциональным положением, полнотой и упоминаниями о ней предшественников. Речь идет о списке Патриаршей библиотеки – Син. № 136. Михаил Щербатов ссылался только на него по своей копии; Николай Карамзин считал его одним из лучших и делал из него выписки для своей «Истории»; Сергей Соловьев имел в руках уже «Сказания» Николая Устрялова, в основу которых при передаче Сборника Курбского был положен текст того же Патриаршего списка[2711]. Убедительным свидетельством реорганизации литературного корпуса Курбского после изданий Н. Г. Устрялова стало не только прекращение копирования «печерских» сборников и «сборников Курбского», но также появление на рукописях заметок, в которых текст списка сопоставлялся с изданием[2712]. Так был создан «канонический Курбский», до появления в 1913–1914 гг. издания Г. З. Кунцевича сохранявший значение первостепенного исторического и литературного источника. Влияние «Сказаний» на историческое сознание было настолько сильным, что и Георгий Кунцевич на его основе сверял списки и положил в основу своего издания список, ставший известным Н. Г. Устрялову во время подготовки второго издания «Сказаний» (благодаря авторитетному коллекционеру и археографу П. М. Строеву). Как выяснилось во второй половине XX в., этот список младше протографа рукописной традиции по меньшей мере на три поколения, но «новый список» для археографии – всегда внушительная новость и самоценное открытие[2713]. Впрочем, Н. Г. Устрялову и Г. З. Кунцевичу были известны списки с самой ранней версией текста в рукописной традиции, которые они учитывали в разночтениях к своим изданиям. В «Сказаниях князя Курбско-

[2711] Устрялов не сразу оценил значение Патриаршего, и ему пришлось переделывать свой свод, меняя основной список. Об этом в подробностях см.: *Бачинин А. Н.* Н. Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков. С. 179–194.

[2712] Следы таких заметок сохранились, например, в сборниках Увар. № 168 (4°), Вяз. № 6040, Барс. № 1700, Чертк. № 80, Шар. № 142.

[2713] По нашей классификации, оба списка являются ранними копиями с протографа IV извода. Как установил Ю. Д. Рыков, этот протограф восходит к Харьк. № 168, который в свою очередь имеет общий протограф с Арх. № 558 и Увар. № 301. Автором этих строк доказано, что протографом Харьк. № 168 в разделах Сборника Курбского (по меньшей мере «Истории» и трех посланий Ивану Грозному) является Увар. № 301, который восходит к общему протографу с несохранившимся протографом Тихонравовского вида и протографом Чудовской повести – Син. № 483.

го» это Академический (Первый) список, ныне СПбДА №309; в «Сочинениях князя Курбского» — Тихонравовский, ныне Тихонр. №639.

В середине XIX в. Н.Д. Иванишев подготовил при Киевской археографической комиссии двухтомное издание «Жизнь Курбского в Литве и на Волыни»[2714]. Инициатива принадлежала члену комиссии В.Ф. Домбровскому, который обнаружил документы о Курбском во время археографической экспедиции 1843 г.[2715] В его состав вошли выдержки из актовых книг волынских, владимирских, луцких и кременецких гродских и земских судов и из актовых книг Житомирского гродского и Ковельского поветового судов, отрывок из переводного сборника «Новый Маргарит». Акты Иванишева содержат сведения об окружении Курбского — о его слугах и подданных, о ковельских мещанах, а также о других польско-литовских московитах: Владимире Заболоцком, сыне боярском Григории Сафонове. Археографическая техника данного издания заслуживает отдельной оценки. Как заметил О.И. Журба, данное издание отличается комплексным подходом, ориентированным на публикацию письменных источников и археологических артефактов. Для своего издания Иванишев провел археографическую, этнографическую и археологическую экспедицию в Ковель и Вербский монастырь, провел регионоведческое исследование, результаты которого были сведены в приложении «Сведения о Ковельском имении, принадлежавшем князю Курбскому». Впервые в российской археографической практике публикатор источников предпослал подробное историко-биографическое исследование, основанное на публикуемых материалах, снабдил каждый акт заголовком с аннотацией, дополнил публикации своими аналитическими примечаниями с пояснениями сложных реалий и ссылками на литературу. Приведены были и фототипические образцы почерков оригиналов[2716]. На заключительной стадии работы над сборником член Археографической комиссии обратился к генерал-губернатору Д.Г. Бибикову за поддержкой, и в ответ было дано согласие на публикацию вида Ковеля, руин Ковельского замка, видов местечек Миляновичи и Вижва, вид заложенной Курбским церкви Святой Троицы в Вербке и портрет Курбского[2717]. Последний пункт выполнен не был: портрета Курбского обнаружить не удалось.

После предисловия к первому тому приведены общие архивные ссылки на гродские и земские книги. Указано 72 книги Луцких судов за 1560–1600 гг., 45 книг Владимирских урядов за 1566–1592 гг., 30 — Кременецких за 1542–1599 гг., 1 — Житомирского гродского за 1609 г. и 1 — Ковельского поветового[2718]. Расположение записей в актовых книгах указано только в оглавлении к изданию, причем ясно, что публикаторы ориентировались на имевшуюся в рукописях фолиацию. В некоторых случаях в «Жизни Курбского» приводятся лишь отрывки из актовых записей, т.е. принцип сохранения целостности оригинала не соблюдается или не распространяется на отдельные записи. Возможно, именно публикаторам середины XIX в. принадлежат пометы в актовых книгах, выполненные серым и синим карандашом и направляющие прочтение текста к вариантам, принятым в издании. Значок «#» напротив акта, указания *начать*, *кончи*..., *перепи*... и т.п. напротив акта с выделением копируемого фрагмента отчеркиванием или квадратной скобкой и андреевским крестом[2719]; сделаны

[2714] ЖКЛВ. Т. 1–2. О Н.Д. Иванишеве см. также: *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 116–126.

[2715] *Журба О.І.* Київська археографічна комісія... С. 40–42.

[2716] *Журба О.І.* Київська археографічна комісія... С. 65–68. О непростых творческих и жизненных обстоятельствах, предшествовавших выходу «Жизни Курбского», Н.Д. Иванишев писал М.А. Максимовичу в письме от 4 марта 1847 г. Опубликовано: Там же. С. 150–151.

[2717] ЦДІАУ-К. Ф. 442. Оп. 152. Спр. 232. Ч. 1. Арк. 42 зв.; Ч. 2. Арк. 23; Ч. 3. Арк. 6, 7. Цит. по: Єдиційна археографія в Україні у XIX–XX ст.: Плани, проекти, програми видань. Вип. 1 / відп. ред. П. Сохань; наук. ред. Г. Боряк; упор. О. Журба, М. Капраль, С. Кіржаєв та ін. Київ, 1993. С. 39.

[2718] ЖКЛВ. Т. 1. С. XLIX–LII.

[2719] КГВ-11. Арк. 14, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 93–95; КГВ-11. Арк. 95 зв. — 96, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 99–101; КГВ-11. Арк. 133 зв. — 143 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 107–120; КГВ-11. Арк. 147–148, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 121–124, 135–136; КГВ-11. Арк. 148 зв. — 151 зв., ср: ЖКЛВ. Т. 1. С. 125–134; КГВ-11. Арк. 153 зв. — 154, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 136–139; КГВ-11. Арк. 159 — 159 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 139–141; КГВ-11. Арк. 210 зв. — 212, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 141–144; КГВ-11. Арк. 223 зв. — 224, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 144–146; КГВ-11. Арк. 230 зв. — 237 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 146–163; КГВ-12. Арк. 12 зв. — 13, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 166–167; КГВ-12. Арк. 30–31, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 163–166 (отрывок); КГВ-12. Арк. 135 зв. — 136, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 173–176 (отрывок); КГВ-12. Арк. 133 зв. — 135, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 176–178 (отрывок). Выписка из акта, помещенная под № XXXII в издании, датирована неверно — 2 августа 1578 г., тогда как в актовой книге данный отрывок относится к 1 августа 1578 г. и помещен первым в подборке за этот день, на л. 133 об. — 134. Видимо, такое расположение акта вызвано тем, что в данной записи упомянуты личные вещи княгини М.Ю. Гольшанской, которые стали предметом отдельного судебного разбирательства как раз 2 августа 1578 г. (здесь же, т. I, № XXXIII). Впрочем,

подчеркивания, расставлены знаки препинания, даны указания по прочтению текста[2720]. Впрочем, не все акты, отмеченные такие знаками, были в результате опубликованы[2721].

Отбор актовых записей для публикации выполнен по принципу значимости документа для жизнеописания А. М. Курбского, однако, пожалуй, это самое уязвимое место всего предприятия. Почему, например, акт от 10 января 1578 г. из КГВ-11 вошел в издание (т. I, № XXV), а следующая за ним запись в актовой книге, под той же датой и содержащая ценный материал по истории разлада в семье Курбских и их борьбе за Дубровицу, издателями проигнорирована? Почему из публикации мы ничего не узнаём о противостоянии Курбского с кн. А. И. Вишневецким за Остров Жичин в том же 1578 г., хотя ряд отобранных Иванишевым актов посвящен этому сюжету? Ответ на эти вопросы непрост. Разметка в оригиналах показывает, что копирование происходило по обдуманному плану. Пометы обнаруживаются только напротив тех текстов, которые были опубликованы. А следовательно, «лишних» отрывков на стадии копирования уже не было Указанные нами выше значки и пометы в оригиналах встречаются не только напротив опубликованных Иванишевым актов, но в ряде случаев напротив записей, которые также имеют отношение к Курбскому, но изданы не были[2722].

Выдержки из актовых книг приведены с соблюдением особенностей текстов в оригинале — публикаторы старались сохранить все знаки, включая йотированную «а», «от» и т. д. Хотя, например, «ук» используется в равной мере для «ук» и для «у» оригинала. Выносные и выносные с покрытием помещены над строкой, сохранены сокращения и титла. Параллельно в отдельном столбце приведен перевод текста на русский язык XIX в. Издание и перевод выполнены весьма тщательно. Впрочем, сравнение публикации с оригиналом показывает незначительные просчеты публикаторов[2723]. В ряде случаев видны нарушения в передаче текста, которые выглядят как эмендации, хотя они никак не оговариваются[2724]. Есть и следы невнимательного прочтения, пропуски[2725]. Сравнение публикации с оригиналами показало, что в целом Н. Д. Иванишев точно передает чтение, но иногда допускает ошибки[2726]. Соответственно, индивидуальные особенности оригинала, и немаловажные, никак при этом не отмечены[2727].

Большую ценность представляет первая публикация переводческого опыта Курбского — предисловия к «Новому Маргариту». Основой для Иванишева послужил сборник Волынского музея, позднее пропавший из поля зрения исследователей и вновь обнаруженный в наши дни. По всей видимости, именно Н. Д. Иванишев предпринимал попытку опубликовать дополнительный том «Жизни Курбского» под названием «Прибавление к актам о жизни Князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни» с выдержками из богословских сочинений и переводов Курбского «Новый Маргарит», «Богословие» и «Логика» Иоанна Дамаскина с предисловием и комментарием Курбского[2728]. В феврале 1851 г. Комиссия направила в Синод подготовительные материалы этого тома объе-

---

это не объясняет неточность в легенде к публикации № XXXII.

[2720] КГВ-11. Арк. 91 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 96 (*чревиков* из чтения, сходного с *тревиков*, — на внутреннем поле буквы *чре*, в издании *чревиков*).

[2721] Исключениями являются: КГВ-11. Арк. 247 – 247 зв., 262 зв.; КГВ-12. Арк. 5–11.

[2722] Напр., запись КГВ-11 от 1 августа 1578 г. на л. 133 об. — 134 содержит показания Курбского на уряде о залоговой стоимости личных вещей и церковной утвари Гольшанской. Напротив этой записи находим значок # и даже указания серым карандашом *начать* (со слов «Я, Андрей Курпский Ярославский, вызнаваю...», которые отделены открывающейся квадратной скобкой) и *кончи*... (в конце данной записи в основном тексте здесь андреевский крестик).

[2723] Скажем, в записи КГВ-9 от 14 июля 1575 г. оригинал расходится с публикацией в выделенных позициях: «Сына Божо*го*», «пято*го*», «четверто*го*надцат» (в оригинале лигатуры над строкой), «воло*дим*ер*ск*ии» (буквы «ди» обе над строкой, «р» без покрытия), «володимер*ск*ого» (без покрытия), «Михаилович*ь*» («ч» над строкой под покрытием, «ъ» нет), «Кур*п*ский» (без покрытия), «хло*н*ци» (над строкой под покрытием), «мл*сти*» (нет), «запис*ати*» (лигатурой над строкой) и др. КГВ-9. Арк. 156 зв. — 157, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 52–53.

[2724] В КГВ-9 от 8 августа 1575 г.: «воеводу браславского» (в оригинале «воеводы») (КГВ-9. Арк. 170 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 54). В КГВ-11 от 17 июня 1578 г. «былем на потребе» (ср. «былем на потре»), «доложона естъ» (ср. «доложоно естъ»), «з десети было» («з десет было») (КГВ-11. Арк. 95 зв. – 96, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 99–100). В КГВ-11 от 1 августа 1578 г. «Яи Андреевич Моитовт» (ср. «Яи Моитовт»), «и чиним явно сим листом нашим» (ср. «и чинимы явно тым нашим листом») (КГВ-11. Арк. 137, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 107).

[2725] В КГВ-11 от 1 августа 1578 г. «отдаты того року» (в оригинале «отдаты того листу моего до того року») (КГВ-11. Арк. 135 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 112).

[2726] КГВ-11. Арк. 14, 91 – 91 зв., 95 зв. – 96, 133 зв. – 143 зв., ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 93–95, 95–98, 99–101, 107–117 (частичная публикация).

[2727] См. в КГВ-11, л. 14 после слов «компромисы сознания» прочерк — оставлено место на 1-2 слова (ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 94).

[2728] Об этом см. здесь в разделе «Новый Маргарит».

мом в 100 листов[2729]. Синод не одобрил проект с резолюцией о том, что труды Курбского не имеют значения для богословия, мысли его неточны и незрелы, а язык темен и неясен[2730]. Российская церковная историография сформулировала тезис о борьбе в Западной Руси между православными сторонниками Москвы и противостоящей им католической Польшей, и видимо, не вполне ортодоксальная религиозность Курбского в эту схему не вписывалась.

Издание Н.Д. Иванишева получило показательный для имперской науки отклик в российской историографии. Была опубликована положительная рецензия А.Н. Афанасьева в «Современнике»[2731]. На основе «Жизни Курбского» казанский исследователь С.Д. Горский подготовил масштабную биографию Андрея Курбского, ставшую первым опубликованным исследованием жизни и творчества князя. Оно открывало эмигранта в повседневной жизни в отличие от эмигранта в творчестве, и в историографии много усилий было потрачено на споры о том, были ли эти две стороны свидетельством двуличия писателя или его трудной адаптации.

В целом издания Н.Г. Устрялова и Н.Д. Иванишева воплощали тот подход к эмиграции XVI–XVII вв., который был заявлен в «Истории» Н.М. Карамзина. Развивая, уточняя, иллюстрируя источниками его построения, «Сказания» и «Жизнь» запечатлели историю масштабного демографического процесса в одной метафоре — героическом образе князя-эмигранта А.М. Курбского. Вместе с тем благодаря дополнениям в этих изданиях — синодикам опальных, актам Литовской Метрики, записям волынских актовых книг, отрывкам из «Нового Маргарита» — метафора была рефигурирована в новый трон. В одном случае Курбский должен был свидетельствовать о казнях и гонениях Ивана IV, в другом — отчасти подготовленном в выписках Устрялова из Литовской Метрики — он принял обличье русского перебежчика в чуждом, отчасти враждебном ему «западнорусском», и прежде всего «украинском» окружении. Из публикаций Н.Г. Устрялова складывался образ борьбы диссидента с жестоким тираном, тогда как в публикации Н.Д. Иванишева Андрей Курбский возглавил сообщество московитов в Речи Посполитой, границы которого были намечены документами о «жизни» самого кн. А.М. Курбского, а также В.С. Заболоцкого, К.И. Зубцовского, Григория Сафонова, других детей боярских.

Выводы

Подводя итоги, вернемся к истокам рукописной традиции. Есть ряд особенностей кодексов и текстов, происходящих из «интеллектуального круга» ковельских книжников, которые предстоит в будущем уточнить, учитывая комплекс ранее малоизвестных и еще недостаточно изученных данных. Прежде всего, круг корреспондентов кн. Андрея Курбского, как мы убедились, был значительно шире, чем до недавнего времени принято было считать. Его письма и «цедулы»-приложения были как средством коммуникации, так и показателем его социального статуса, выражением духовных поисков, источником доброй славы в близких кругах, среди соотечественников и иноземцев (в этом ряду и новооткрытые факты, свидетельствующие о переписке Андрея Курбского с Альбрехтом Бранденбургским, афонскими старцами, Миколаем Радзивиллом Рыжим).

Факт хранения и редактирования Первого послания Ивану Грозному Курбским в эмиграции требует постановки вопроса об уверенности князя в своей правоте и готовности создавать себе «имя» переписки с Москвой. Это и произошло: современники знали о его решительном жесте — вызове, «невежливо» брошенном московским властям. От формата грамоты-свитка Курбский перешел к концу жизни к энистолии-«книжице». Возможно, и его Второе и Третье послания Ивану IV были написаны уже только в виде книги, и это позволило отправить приложения к Третьему посланию, а может быть, еще раз прислать царю переработанное Первое, добавив к нему Второе и Третье послания. Читал он их или нет, царь ответил Курбскому в своем письме от 1 октября 1579 г., направленном королю Стефану Баторию.

Переводческая деятельность, сконцентрированная вокруг ковельских центров (Миляновичи, Ковельский замок), была нацелена на формирование комплекса выверенных по латинским изданиям украшенных книг форматом «в лист». Выполнить эту задачу удалось лишь частично, но работы не прекращались и в последние дни жизни Курбского. В задачи ковельских книжников входило создание книг-«стоглавиц». В этом отношении кн. Андрей Курбский был сыном своей эпохи, наследником больших кодификационных проектов «начала царства». Этой цели удалось достигнуть в «Новом Маргарите», она видна и в томах «Иоанн Дамаскин» и «Симеон

[2729] ЦДІАУ-К. Ф. 442. Оп. 152. Спр. 232. Ч. 3. Арк. 25–27. См.: Єдиційна археографія... С. 40–41.

[2730] РГИА. Ф. 807 (Санкт-Петербургский духовный цензурный комитет). Оп. 2. № 1122. Л. 4–7, цит. с л. 7.

[2731] Современник. 1850. № 10. Отд. 5. С. 47.

Метафраст». «Новый Маргарит» был завершен в первоначальном объеме, предположительно около второй половины 1572 г., но должен был либо дополнить уже существующий «Маргарит», либо вырасти за счет новых переводов и преобразиться за счет стабилизации текста по нормам церковного «славянского» языка. Это доказывается обнаружением списков «Бесед» Иоанна Златоуста с выписками из «Нового Маргарита», приведенными сначала в редакции Курбского, а затем, предположительно еще при его жизни, исправленными «церковнославянским» редактором. Том «Иоанн Дамаскин» возник к середине 1570-х гг. чуть более чем в 100 глав, его создание предполагало также написание черновых и чистовых версий, и до нас дошло по меньшей мере по экземпляру каждой из них — соответственно Соф. №157 и Хлуд. №60. А вот «Симеон Метафраст» в ковельском переводе, по всей видимости, полной версии не узнал, он создавался с середины 1570-х гг., но до конца жизни Курбского не был закончен, как и сборник с «Историей о князя великого московского делех».

Импульс к написанию рассказа о взлете и падении православной Святорусской империи-республики был получен Курбским из Первого послания Ивана Грозного, и было бы особенно интересно проследить, как именно это масштабное сочинение, заменяя ответ на упреки московского царя, парирует один за другим упреки в адрес автора. Опираясь на переосмысленную нами датировку богословских переводов в книжном кружке князя Андрея Михайловича, можно было бы уточнить и выводы о датировке основных работ над «Историей о князя великого московского делех». Рубежами для ее составления следует считать, как и полагали, дополняя друг друга, А.А. Зимин и Джон Феннелл, верхний хронологический рубеж в основной массе сообщений об опричных казнях в России (при очевидном отсутствии знаний Курбского об отмене опричнины), т.е. 1572–1573 гг., и обособленный в «Истории» пучок свидетельств о казнях 1575 г., а также факт цитатного использования в основных пластах «Истории» только «Нового Маргарита». Работа над историей казней велась, следует полагать из совокупности внутренних текстовых реалий, между 1572 и 1575 гг. Апокалиптические аллюзии и житийное звучание самых поздних фрагментов «Истории» оставляют в силе и допущение, что на «Истории» отразились переводы из Иоанна Дамаскина и Симеона Метафраста, и позволяют прочитать змееборческий комплекс рассуждений в «Истории» как прямые отсылки к житиям Георгия Победоносца и Петра и Февронии Муромских. Весь пласт богословских и агиографических смыслов, заложенных в «Истории», был проигнорирован в рукописной традиции «сборников Курбского», а объединение «Истории» с «Новым Маргаритом» или другими переводными томами из ковельской мастерской наметилось только в историографии середины XIX в. и, по особым причинам, изученным нами в другом месте, вплоть до второй половины XX в. так и не было реализовано.

В истории рукописных традиций Курбскианы, как уже говорилось в начале этой главы, каждый контекст формируется и развивается независимо от всех прочих. Таких «больших аудиторий» у Андрея Курбского было по меньшей мере шесть. Первая из них состояла только из читателей Первого послания Ивану Грозному и присоединенных к нему — и раньше других забытых — посланиях «Вольмарского» («Печерского») конвоя, в которых логичнее видеть следы расследования по делу о побеге князя из Юрьева на сторону короля Сигизмунда II Августа. В этом сегменте нашего внимания заслужил факт соприсутствия сочинений Курбского и Первого послания Ивана Грозного, из которого нередко читатели черпали не только знание о «государевых изменниках», но и сам текст Первого послания Курбского в пересказе царя. Впрочем, сохранялся — и теплился еще в XVIII в. — тираноборческий контекст хранения и прочтения этих сборников.

Почти не оставил следов чтения второй комплекс текстов — послания Андрея Курбского, написанные им в Короне Польской и Великом княжестве Литовском на рутенско-русском и польском языках, во всех известных случаях, по всей видимости, при участии секретарей и новых слуг князя-эмигранта.

В то же время круг чтения богословских трудов князя, как сейчас ясно, был гораздо шире в польско-литовских землях, хотя уже к концу XVI в. («Логика»), в начале XVII в. («Новый Маргарит», «Беседы» Иоанна Златоуста, «Иоанн Дамаскин») или середине XVII в. («Симеон Метафраст») получили ограниченную известность и среди московских книжников. Недочет Курбского-богослова в православных кругах был заметен почти сразу, возможно, из признаний самого же князя Андрея. Он вместе со своими сотрудниками переводил святоотеческие труды, опираясь почти исключительно на латинские переводы. Тем не менее интерес к томам, образующим свод православной учености, пригодный для обыденного чтения и для обучения в школах, не терял своего значения еще во второй половине

XVII в., отразившись в многочисленных списках и в московских частичных печатных публикациях с прямыми ссылками на Андрея Курбского.

Историк Андрей Курбский внес в московскую культуру почти незнакомый ей доселе вид обращения с прошлым — острый и драматичный взгляд на современность в духе античной историографии, со ссылками на образцы, напрямую почерпнутые из Аристотеля, Цицерона, Эразма Роттердамского, Максима Грека, Сигизмунда Герберштейна, ренессансные латинские словари, Марцина Бельского, но также на русские летописи и жития и на свои переводы «Новый Маргарит» и «Симеон Метафраст». В Москве и Санкт-Петербурге Сборник Курбского вызвал как череду новых истолкований отечественной истории, так и попытки подражания. Чтение наделило и автора, и его труды ранее малоактуальными смыслами — перед просвещенной, почти исключительно дворянской аудиторией возник образ соратника, ученого князя-дворянина, разоблачающего наряду с иностранными писателями и редкими голосами из самой России тиранию деградировавшего монарха. Наибольшая популярность ждала адаптированные версии Сборника Курбского, а сам язык писателя-эмигранта воспринимался, как правило, как неудобоваримое недоразумение, требующее если не перевода, то многочисленных «исправлений». Чтение Сборника Курбского — это история его непрекращающейся в течение многих десятилетий стабилизации, до тех пор, пока «каноническая» версия благодаря Михаилу Щербатову и Николаю Карамзину, а также трем изданиям Николая Устрялова не заняла место «исправного» Курбского.

Кн. Андрей Курбский как автор ряда неатрибутированных сочинений известен в этом качестве российской филологической науке конца XIX — XX в. Однако даже учитывая авторское сознание исторического князя Андрея, его тягу к самораскрытию в «предисловиях» и «сказах», отсутствие таких «авторских» комментариев не является достаточным основанием, чтобы считать спорное сочинение ему не принадлежащим. Наш ответ на вопрос о происхождении толкового «Апостола», сходного с Гранковским списком, всё же в пользу причастности ковельской книгописной мастерской к его составлению. Если верно, что экземпляр из собрания Гранкова основан на тексте, сходном с Толстовским «Апостолом», то мы имеем дело с двумя версиями одного текста, отразившими подготовительный этап комментирования (Толстовский) и финальный этап работ ковельских книжников (Гранковский). Впрочем, причастность книжников из круга князя Андрея Курбского к толкованию Гранковского «Апостола» остается под вопросом.

Наконец, издание Николая Иванишева, выполненное на высоком научном уровне и сохраняющее до сих пор научное значение, открыло новую грань в «историческом портрете» Андрея Курбского. «Личность» князя всё более отчетливо заслоняла его творчество, вклиниваясь в образ «жестокого» тираноборца, «умного» историка-свидетеля и эмигранта-патриота, вынужденного бежать и критиковать свое отечество. Интенсификация чтения сочинений кн. Андрея Курбского происходила в XIX — начале XX в. на основе тех истолкований, которые считались авторитетными, и в контекстах, сформированных десятилетиями экстенсивного чтения. Таким образом, социальный переход от интенсивного чтения к экстенсивному в случае «литературного Курбского» означал возникновение несходных полей прочтения, каждое из которых испытывало временную интенсификацию, а затем в какой-то момент — угасание читательского внимания. Без понимания тех процессов, которые привели к свертыванию рукописных традиций, мы не сможем осознать ни обстоятельств возникновения первых научных изданий, ни форм восприятия кн. А. М. Курбского и других российских эмигрантов XVI — начала XVII в. в науке. Возникновение рукописных сборников и усилий по копированию и чтению рукописей позволяет ответить на вопрос о культурных формациях вокруг «коллективного Курбского», границах и горизонтах ожидания от взглядов, мировоззренческих ориентиров и мотиваций, которым этот политический «Другой» руководствовался в своих поступках и формулировках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:
Московская эмиграция на королевской службе

Вернемся в конце блужданий по казусам из жизни европейских московитов к вопросу о том, что объединяло их между собой и как они мыслили себя в Москве, эмиграции и в целом — свою социально-культурную принадлежность. Отличительной особенностью российской элиты в эмиграции в XVI — начале XVII в., был ее «невозвратный» статус по отношению к своему покинутому отечеству. Осознавали ли они свое московское происхождение? Это не вызывает сомнений. Иван Пересветов позволял себе ссылаться на богатые службы у трех европейских королей, понимая, что обращается к своему московскому царю, который не скажет ему в ответ: «Так и проваливай к своим королям!» Мыслитель безбоязненно навязывал проект преобразований царю, считая его всего лишь одним из носителей суверенитета в мире власти, а себя — шляхтичем-космополитом, который живет в Русском царстве и является его полноценным гражданином, хотя с не меньшим успехом жил и в других королевствах. А бояться он мог не только и не столько царя, сколько мести «вельмож», которым Иван Семенович не оставлял места в своей военизированной христианской республике. Андрей Курбский говорит в эмиграции о «тамошней» Русской земле, считая ее воплощенной православной империей, а ее царя после венчания на трон и признания его коронации в Константинополе, но до опричнины — законным императором всей Святой Руси. Впрочем, если задуматься, как долго Иван IV побыл законным императором, то оказывается — нисколько. Князь Андрей Михайлович убежден, что Святорусская республика начала деградацию вместе со своей «главой» и «удами» сразу после уничтожения ее Сердца — Избранной рады и еще до получения из Константинополя законного и благословленного патриархами чина венчания на царство. И это значит, что законным императором Иван Грозный, с точки зрения князя-эмигранта, был только в тот момент, когда постановление о признании царского титула принималось Константинопольским патриархатом. Империя осталась для историка-эмигранта неосуществленной надеждой — не успела она возникнуть, как исчезла.

Отношение к своему статусу «московита» в эмиграции разъединяет московскую политическую Измену. Иван Федоров признаёт себя Иваном Москвитином. Меньше согласия это вызывает в остальных «изменниках» Ивана IV. Кн. Семен Бельский позволяет себе даже покушение на королевские прерогативы, будучи уверен в своих правах не только на южные пределы Московского государства, но и на московскую власть в целом. Нет никаких данных, которые бы доказывали, что для князя Семена Федоровича его «московское» происхождение было предметом рефлексии. Уверенность в правах Бельского на Рязань и Белую разделяет и Иван Ляцкий, о чем свидетельствуют его дополнения к карте Антония Вида. Сами Ляцкие позднее будут смешивать свое московское происхождение с вымышленным более древним выездом их предка из «Лях». Во время Стародубской войны король Сигизмунд Старый и королева Бона присматривали за обоими московскими сенаторами, видя в них и надежду, и опасность одновременно. Владимир Заболоцкий позволяет себе резкие жесты в коммуникационных сбоях — он легко и бурно втягивается во внутренние войны, нетерпим ко всем попыткам «адресовать» его к московскому прошлому. Стоило только назвать его «изменником» царя Ивана или косо посмотреть в ответ на его неуклюжесть, и он с риском для жизни и придворного положения бросается выговаривать обидчику. Это только подчеркивает резкий контраст в его статусе между близостью к высшей власти и культурным аутизмом. Думается, странности в поведении кн. Андрея Курбского также свидетельствуют о его дискомфорте

в польско-литовском обществе. Его слуги бросаются с кулаками и саблями наголо за слова «ну ты, Москвитин», его самого неоднократно упрекают в использовании московской ругани, желают ему в сердцах смерти вместе со всеми его московитами, втайне от него называют изменником царя Ивана. Впрочем, это было общее место — как только что-то шло не так, от перебежчика ожидалось, что он проявляет свою «московскую» подноготную или собирается просто-таки изменить новому господарю и бежать к себе домой.

Князя Андрея Михайловича царь Иван не без оснований считает лидером Измены. В послании Тимофею Тетерину в 1577 г. царь называет Курбского его господином. В 1579 г., потеряв Полоцк, Иван Грозный обращается к Стефану Баторию и Андрею Курбскому в одном письме, как если бы речь шла о равновеликих противниках — враге-суверене и его главном «злом советнике». Владимир Заболоцкий был по своему боярскому происхождению, да и по княжескому родству с Курбским вполне ровней князю-диссиденту, но его заслуги в Москве до побега «в Литву», да и статус при Сигизмунде II Августе не шли в сравнение с воином-интеллектуалом, ближним родичем и ближайшим советником царя в эмиграции. Стремление кн. Андрея Курбского к авантюрным проектам, заметим — не без согласия со стороны короля и его литовских шуринов, подчеркивает готовность проявить себя в качестве «исследователя московских дел». Агиш и Умар Сарыхозины, как и Тимофей Тетерин, — бескомпромиссные воины на службе короля и республики. Они служат ротмистрами московских отрядов на королевской службе в Ливонской войне. В Изборской диверсии, в составе венгерской роты в походах Стефана Батория и во время Третьего междуцарствия в Речи Посполитой они представляют именно московскую элиту в составе Республики Двух Народов. В последнем случае — уже без Умара, зато он, под именем Марка, чуть было не становится сотрудником ковельского литературного кружка кн. Андрея Курбского, а позднее ненадолго — переводчиком-секретарем Антонио Поссевино под Псковом и Занольским Ямом.

Особенностью в военной карьере высшей московской знати в эмиграции было также участие в походах против московской власти. Оно находит выражение в существовании особых московских подразделений на королевской службе. Это было полновесное военное сотрудничество и готовность погибнуть, «очищая» землю своего бывшего государя и защищая нового благодетеля. В публичном мнении польской и литовской элиты 1534–1536 гг. война знатных московитов против соотечественников и была освобождением своих владений с целью получить их уже из рук Сигизмунда I Старого. Кн. Семен Бельский создает масштабный польско-крымско-турецкий союз, провоцируя Москву на ответную международную интригу, в которой был уничтожен глава рода, кн. Иван Федорович Бельский. Кн. Андрей Курбский пытается убедить Сигизмунда II Августа и Радзивиллов в необходимости решающего удара в Ливонии или напрямую по Москве, вероятно, предлагая себя на роль гетмана. Степень его участия в предвыборной борьбе 1572–1573 гг., после смерти Сигизмунда II Августа, удается прояснить благодаря переписке М. Ю. Радзивилла Рыжего с Я. И. Ходкевичем и М.-К. Радзивиллом Сироткой. В развернувшейся интриге сторонники имперской кандидатуры почувствовали заговор православной шляхты в поддержку князей Юрия Слуцкого и Константина-Василя Острожского. Хотел ли один из них, вероятнее — князь Слуцкий, взойти на трон или попасть в состав Коронного Сената? Возможно, сторонники Максимилиана II и не знали, чего хотят волынские и киевские магнаты. Прежде всего они уже не были «своими» — а перед Панами радой вновь возникла перспектива присоединить земли, вошедшие в состав Короны Польской на Люблинском сейме. «Изменники» Курбский и Заболоцкий были уже вдвойне преступниками с точки зрения верхушки Литовской рады: они покинули свое отечество, были московитами, да еще и представляли на Волыни коронную власть. Но с ними, несомненно, было что обсудить накануне выборов короля.

Московская элита находила поддержку короля и, прежде всего, литовских властей. Кн. Семен Бельский сразу попал под навязчивую протекцию литовского канцлера Альбрехта Гаштольда, и его отношения с высшими властями (причем ему приходилось лавировать между обоими королями и королевой) строились через канцлера, а после его смерти — через урядников его наследников. Младший Иван Ляцкий в своем завещании признавал, что был на службе и под покровительством Миколая Радзивилла Рыжего. Вряд ли отец Ивана, Иван Васильевич, не испытал этого влияния — оно заметно в многолетнем противостоянии Ляцких с писарем королевы Боны Яном Шимковичем, в котором Миколай Радзивилл Рыжий поддержал Ляцких. Узы служебной зависимости формировались еще при Иване Ляцком-отце, и усиление Радзивиллов после брака Сигизмунда II Августа с Барбарой Радзивилл благотворно сказалось на карьерах вельможных

московитов. Кн. Андрей Курбский до конца своих дней хранил пригласительные письма от Миколая Радзивилла — не исключено, что это не приглашение перейти на королевскую службу, а письма, полученные Курбским уже после эмиграции. Не только Сигизмунд II Август, но также и Андрей Волан и Ян Радван признавали в Курбском слугу Радзивиллов. Письмо Яна Ходкевича Миколаю Радзивиллу Рыжему от начала 1573 г. показывает, насколько эта взаимопомощь между кн. Андреем Курбским (а также Владимиром Заболоцким) и Миколаем Радзивиллом Рыжим казалась опасной сторонникам имперской кандидатуры на польско-литовский или литовский трон в разгар выборов. Данное письмо является уникальным свидетельством участия Курбского в выборах короля. При этом о роли его «Истории» в редакции 1572–1573 гг. в предвыборной пропаганде сказать как раз нечего.

Другим эмигрантам также посчастливилось не только пользоваться милостью могущественного литовского рода, но и способствовать его возвышению. В предпоследнее десятилетие XVI в. сын эмигранта, кн. Ян Шуйский служит Криштофу Миколаевичу Радзивиллу (Перуну). Возможно, Теодор Ляцкий вынужден был подождать с получением уряда писаря польного в начале XVII в. из-за вмешательства К. Радзивилла, однако Теодор не торопился и себе во благо уступил дорогу, в отличие от Владимира Заболоцкого. Тот заплатил головой за попытку померяться силами с семейством литовского канцлера. Даже если Федор Евлашевский преувеличивает масштабы заговора и роль Миколая Рыжего в смерти королевского фаворита, письмо короля Стефана Криштофу Перуну, следственное дело и слухи, доходившие до Москвы и Ватикана, согласно подтверждают в целом именно версию Евлашевского. Заболоцкий был убит в столкновении со слугами Криштофа Перуна. Предположение о том, что Григорий Остик заплатил головой, а Миколай Радзивилл Рыжий — позорным расследованием вымышленных преступлений своего родича, позволило бы ответить на вопрос, как сами Радзивиллы едва не поплатились карьерой за скандальное убийство. Однако интерпретации движутся по сходящимся и расходящимся тропам. Нельзя исключать, что замысел убить Заболоцкого тлелся еще до столкновения 23 апреля 1580 г. на королевской охоте. И нельзя исключать, что благодаря «опале» Стефана Батория на гетмана польного Криштофа Радзивилла Перуна после смерти Владимира бывший литовский канцлер и его сын опосредованно восстановили свое влияние в Великом княжестве Литовском и вернули себе доверие короля.

Впрочем, царевы «изменники» ступенью ниже высокопоставленных и едва ли не царственных московитов должны были опираться главным образом на короля лично. Своеобразный монархизм эмигрантов был вынужденным: выходцы из Московского государства уповали на монаршую «волю и ласку» и его «хлебокормленье», что постоянно подчеркивалось при пожаловании им аренд и земельных владений. Вплоть до первых лет правления Сигизмунда III Вазы на королевской службе постоянно выступает московская рота — ею командуют и Владимир Заболоцкий, и Агиш Сарыхозин. Агиш усиливает свое влияние при королевском дворе в правление Стефана Батория, но сохраняет его и при Сигизмунде III, оставаясь капитаном королевской армии. Служба кн. Ивана Губки Шуйского и его первых потомков, а также Давыда Бельского опирается на королевскую милость и на идею милости короля к своим слугам из лагеря врага. А надежды на поддержку знатных фамилий были не случайны. Ротмистры-московиты были представителями гонимых в Москве семейств, и их личная война против царя была особенно важна для власти Речи Посполитой как пример воздаяния. В конце концов, Иван Грозный, отвечая князю Андрею Михайловичу о недопустимости в политике Нагорной проповеди Христа, понимал, что не он один так думает. Переписка Стефана Батория и кн. Андрея Курбского с Иваном Грозным выразила настроение королевских московитов. Несправедливые казни (в том числе убийство монахов, женщин и детей, коллективная ответственность за государственную измену и тайные убийства по личному приказу царя и его клевретов) обсуждаются в Переписке неоднократно. В официальных документах Речи Посполитой или ее европейских соседей не удается обнаружить ссылок на то, что у московитов-«изменников» в Москве уничтожены семьи, казнены и заточены родственники и ближние. Упоминаются только потери имений — это служит королю основанием для милостивой компенсации на своих землях. Хотя только кн. Андрей Курбский рассказывает о казнях, вряд ли Заболоцкий, Тетерины и Сарыхозины не подозревали, что в покинутом отечестве творится всё то, что Курбский изложил в мартирологах своей «Истории». Более того, возможно, именно от своих соотечественников в изгнании князь и узнал о судьбе казненных от царя Ивана. Это предположение подтверждается и совокупностью сведений о московских казнях в «Истории» большинство

из данных, которые не вписываются в набор общеизвестных при короле фактов, концентрируются вокруг фамилий, которые имели хоть одного представителя в эмиграции.

Воины из Московского государства мстили и готовили свое возвращение во главе таких же, как они, изгнанников. Этим объясняется и их резкое отношение к обвинениям в государственной измене. Понятие «государственной измены» было создано в Москве при участии самих эмигрантов. Изменения в статьях о высших государственных преступлениях, произошедшие между Судебниками Ивана III и Ивана IV, отразились на построениях Ивана Пересветова, а скорее — это Судебник Ивана Грозного отразил ход мысли этого воина-теоретика. Статья о «крамоле» выразила в российском контексте преобразования европейской юриспруденции начала XVI в. и встроила в российскую политическую культуру идею о государстве-«таборе», военной республике наподобие военного лагеря в понимании Яна Тарновского и суверенитета в нормах, воплощенных в Литовском Статуте 1529 г. Никто из перебежчиков не считал себя военным преступником, а свою службу королю и республике они все считали своей обязанностью, за которой открывалась перспектива свержения власти в Москве.

Близость к высшей власти объединяла всех московских ротмистров и интеллектуалов в Речи Посполитой. Эта близость была буквальной или вымышленной. Но во всех случаях она была вымышленной не больше, чем имперские права самой московской власти на престол. Таких прав не существовало, они не были признаны нигде в мире, а создавались на глазах у современников. Кн. Семен Бельский, Иван Ляцкий и кн. Иван Губка Шуйский были носителями высшей власти — их родня правила в Москве за малолетнего великого князя, а сами они были наиболее вероятными преемниками своей родни в случае решительной победы Сигизмунда Старого и Сахиб-Гирея. Владимир Заболоцкий испытывал что-то вроде комплекса неполноценности — его самоидентификация «князем» в диалогах с аббатом Иоганном Циром приближает нас к пределам его социального самосознания. Его положение при дворе Сигизмунда II Августа, а затем в окружении Стефана Батория было исключительно высоким в сравнении с другими московитами, включая кн. Андрея Курбского. При этом Заболоцкого Иван Грозный не считал опасным преступником и видел в нем даже изменника как бы второго сорта, а вот кн. Андрея Курбского подозревал в злом умысле против себя и своей семьи и даже в попытке захватить Ярославль. Впрочем, у этого обвинения были причины, далекие от истории политической фронды в Москве.

Власть и московское высшее дворянство на королевской службе — тема для отдельного витка рассуждений, который необходим для понимания изученных событий. Будучи «изменниками», выполняя эту действенную роль у себя на родине, все московские перебежчики на королевской службе представляли угрозу для Российского государства. Несмотря на всю язвительность и иронию Ивана Грозного, когда он говорит о них, было понятно, что «измена» воспринималась им как личная угроза, и у «измены» был свой собирательный «лик». Это и был с 1564 г. «коллективный Курбский». Власть — это тот, кого она сокрушает, над кем ритуально торжествует, сращиваясь всякий раз со своим двойником и превращая его в свою тень. В этом смысле 5 июля 1564 г., когда Иван Грозный закончил свое послание против Курбского и «во все Российское царство» на своих «изменников», образ государственной измены обрел то лицо, которое сохранял и в канун Псковского похода. Козни Андрея Курбского выискивались в перемавивании московской элиты на королевскую службу, в разжигании заговора Владимира Старицкого и архиепископа новгородского Пимена, в планах польских и литовских властей отнять у царя Ливонию, в походе на Полоцк, Великие Луки, наконец — на Псков. Не были забыты Тимофей Тетерин и Владимир Заболоцкий. Первому в 1577 г. царь удосужился послать ответ на его с Марком Сарыхозиным письмо, адресованное воеводе Михаилу Морозову еще в том 1564 г., когда разгорелся ожесточенный спор между царем и Курбским. Владимиру «посчастливилось» заслужить своей, столь желанной в Москве, смертью целый посольский рассказ для царя Ивана в 1580 г. Показательно, что Переписку между царем Иваном IV и Андреем Курбским возобновил сам царь, по своей собственной инициативе обратившись к Тетерину и Курбскому в 1577 г. В ответ он получил Третье послание Курбского из Полоцка в середине сентября 1579 г., на которое в начале октября того же царь ответил одновременно Стефану Баторию и Курбскому. Переписка 1579—1581 гг. объединила два эпистолярных фронта: между царем и Курбским и между царем и Стефаном Баторием. Так и возник единый комплекс посланий, в котором образ польского короля, долгое время в сознании Ивана Грозного незаконного и не заслуживавшего даже «братства» с ним, великим государем, слился с государевыми изменниками.

Парадокс заключается в том, что подозрительность царя не была двуличной маской тирана, а составляла неотъемлемую часть его восприятия политической борьбы. Он сокрушал врагов своей власти, подавлял всех, кто казался ему близким к «коллективному Курбскому» или попадал под доносы и оговоры. Образ подпитывался инициативами самих перебежчиков и манипуляциями контрразведки Короны и Литвы. Наши наблюдения позволяют несколько расширить представления о политическом портрете «изменников». Один из них, Иван Федоров-Пересветов был близок ко двору, обладал исключительными знаниями и выступал в качестве эксперта по ключевым вопросам о границах светской и духовной власти, свободе и гражданстве, соотношении письменного права и царского суверенитета. Иван принимал участие в разработке самой идеи государственной измены, чтобы позднее совершить поступок, попадающий под это обвинение. Не случайно на всем протяжении развития историографии этот книжник часто воспринимается как маска самого царя Ивана IV.

Первые перебежчики правления Ивана Грозного проявили себя как мастера политических авантюр, хотя максимальный накал страстей пришелся, наверное, только на личность кн. Семена Бельского. Его проекты представляли угрозу для московских властей именно потому, что князь Семен был представителем высшей власти и считал себя возможным наместником крымского хана и слугой польского короля в случае прихода к власти его рода. Возможно, в планах князя Семена были и более близкие перспективы, и среди них — создание буферного государства между Москвой и Степью. Это не помешало бы в какой-то схеме Бельским оставаться верховными советниками при великом князе Иване Васильевиче, но вопрос в годы политической активности кн. С. Ф. Бельского и его соратников в эмиграции заключался не в том, кто будет править номинально, тем более что номинальные правители умирали не реже своих подданных. И причины смерти могли быть самые прозаические и природные.

Три наиболее значительных перебежчика 1534 г. — кн. Семен Бельский, Иван Ляцкий и, возможно, кн. Иван Губка Шуйский (в последнем случае, возможно, несколькими месяцами и до года позже) представляли московские роды, из которых в ближайшие 80 лет выйдет один глава боярского совета и две царских династии. Династия Шуйских так и не состоялась в качестве наследственной цепочки, однако это не мешает общей логике. Племянник выдающегося «изменника», кн. Иван Дмитриевич Бельский вплоть до своей трагической смерти в мае 1571 г. занимал место первого боярина при царе Иване Грозном, хотя сам подвергался допросам и в начале войны против Великого княжества Литовского подписал крестоцеловальную грамоту о верности царю. Дядья кн. Ивана Дмитриевича Шуйского были высочайшими конкурентами князей Бельских при юном Иване IV. Это один из Шуйских, князь Иван, позволял себе перед маленьким великим князем развалиться, положив ногу «на постелю» его отца. Кн. Андрей Курбский обратил внимание именно на этот момент в травматических излияниях царя Ивана, когда писал о его склонности говорить с учеными мужами о «постелях и телогреях». Родной младший брат прадеда кн. Ивана Губки, кн. Василий Юрьевич Шуйский был праправнуком царя Василия Ивановича Шуйского. Это значит, что в Речи Посполитой проживали братья и племянники царя Василия. Кн. Иван Губка был эмигрантом-современником властного боярского рода, двоюродным братом погибшего на реке Уле князя Петра Ивановича и троюродным дядей героя Псковской обороны, его сына, кн. Ивана Петровича Шуйского. Невозможно было вычеркнуть и Ивана Ляцкого вместе с его потомством из памяти Захарьиных и их ветви — Романовых. Иван Иванович Ляцкой приходился двоюродным братом Роману Юрьевичу Захарьину и троюродным дядей царице Анастасии и предку царей, Никите Романовичу. А дети Ивана были троюродными братьями Филарета Никитича и приходились четвероюродными дядьями Михаилу Романову. Не менее выдающимся был статус Давыда Бельского — он был племянником Малюты Скуратова и состоял в ближайшем родстве сразу со всеми правителями нынешними и будущими: с царской семьей, с Годуновыми и Шуйскими.

И что из этого следует? Этим вопросом уместно задаваться, если в нашем распоряжении разносторонние подступы к историческим свидетельствам, и историческая генеалогия не помогает строить концепции, а сама опирается на многочисленные проверяемые источники. К сожалению, в генеалогии первых представителей заграничных родов, приближенных к московскому трону, так много пропусков и неясностей, что приходится строить догадки, отвечая даже на вопрос о количестве представителей рода (это касается в первую очередь князей Шуйских). На фоне всего сказанного вызывает теоретический интерес параллель, о которой уже пунктирно приходилось говорить выше. В июне 1605 г. на московский престол взошел

один из таких же московитов в эмиграции — предполагаемый сын Ивана Грозного царевич Дмитрий. После этого на протяжении 10 лет он сам и его предполагаемый сын Иван были для значительной части населения Российского государства легитимными правителями, невзирая на тот факт, что Дмитрий явился в Москву во главе польско-литовского войска. Ни кн. Семен Бельский, ни даже кн. Андрей Курбский не могли принять на себя подобную роль и в ореоле законной славы въехать в Москву. В кошмарных снах Ивана Грозного присутствовал другой сценарий, который осуществится в походах короля Стефана Батория и позднее — королевича Владислава Сигизмундовича на Москву. Кошмары не покидали и Романовых, которым пришлось уничтожить более сотни самозванцев, подрывавших их легитимность, а процессы о «слове и деле» превратить в комический кровавый театр, пресекая на корню даже пьяные шутки о правах на престол.

Московиты в середине XVI в. всё чаще выступают в исторических нарративах Короны и Литвы как легитимный этнос, восходящий — как и другие легитимные этносы — к библейскому прародителю. Эмигранты из высшей знати Московского государства только доказывали справедливость этого вывода. Они внушали уверенность, что «московиты — тот же народ и то же племя, что и русские», и что различия между Москвой и другими русским землями минимальны[1]. Пик «открытых дверей» для восточного соседа приходится на последние годы правления Сигизмунда II Августа и 1570-е гг., когда концепция правления московитами конкурировала с доктриной освобождения русских земель от московских захватчиков. Мысль о правах московитов на свои земли, об их могуществе и исторической легитимности звучит в поздних версиях «Хроники всего света» Марцина Бельского, а также в ранних редакциях «Хроники» Матея Стрыйковского и лишь к 1581 г. корректируется им и его соавтором Алессандро Гваньини. Перебежчики служили для заграничных суверенов источником легитимности, символом сделки между высшей властью и знатью. А в рядах московской эмиграции в Речи Посполитой были представители всех родов, претендовавших на первые места у московского трона. Их можно было — и этим Иван Грозный воспользуется уже вполне осознанно — обвинить даже в том, что они пытаются расколоть страну, раздать ее территории, оккупировать их и стать «владыками» на захваченных землях. В отношении кн. Семена Бельского или кн. Андрея Курбского этот сценарий мог звучать не безумно, поскольку оба принадлежали к родам с великокняжескими и даже королевскими корнями, а Давыд Бельский вряд ли мог навредить карьере своих ближних родичей. А вот Владимир Заболоцкий, Тимофей Тетерин, Умар и Агиш Сарыхозины вместе с другими своими братьями и Михаил Головин воплотили ту «измену», которой предстояло испытать на себе всю тяжесть московского суверенитета. Они были незаменимой почвой для карательных экспериментов, показательного террора, массовых убийств и прославления столь любимой Иваном Пересветовым «грозы». Исторический парадокс в данном случае заключается не в том, что волна гостеприимства при Иване III сменилась волной насилия при Иване IV, а именно в том, что модель «государственной измены» была воспринята из европейского опыта, а ее применение коснулось и ее теоретиков, и создателей идеала Святорусской империи, и «коллективного Курбского». Иван Пересветов почерпнул эту модель из европейской рефлексии об успехах турецкого оружия и законотворчества в духе Первого Литовского Статута. Ивану Грозному позднее было с руки ссылаться именно на европейский опыт, когда он упорно повторял себе в защиту, что «изменников везде казнят». Оппозиция, фронда и диссидентство возникли не из противостояния власти, которое происходило и до Ивана Грозного, и после его смерти. Они родились из духа «государственной измены», небольших редакторских дополнений в статье Судебника 1550 г. и расширения прав высшей власти за счет ущемления церковного заступничества. Этого было достаточно, чтобы сформировался образ всепроникающей Измены, несущей гибель Государству и утверждающей элиту в ее борьбе за монархический суверенитет. Никакой эволюции «государственного начала» никогда не происходило. Оно вымышлено С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным, Б. Н. Чичериным, а также сторонниками и адептами их исторической философии. Государство, увидевшее свое отражение в Измене, возникло в одночасье, в результате малозаметной понятийной революции в осмыслении ключевых понятий суверенитета. И образ императора Святой Руси, и грозный каратель Измены — продукты мышления особого класса интеллектуалов, которые были сметены в эмиграцию своим же изобретением.

[1] *Bömelburg H.-J.* Frühneuzeitliche Nationen im östlichen Europa: Das polnische Geschichtsdenken und die Reichweite einer humanistischen Nationalgeschichte (1500–1700). Wiesbaden, 2006. S. 132.

В Москве неоднократно предпринимались попытки создать единый и более или менее целостный образ диссидента. Ясно, что Переписка Ивана Грозного с кн. Андреем Курбским и его послание Тимофею Тетерину (в ответ на письмо Тетерина и Сарыхозина Михаилу Морозову) выполняли функцию идеологической игры. Царь подчеркивал своей писательской силой, что он следит за Изменой и видит в ней серьезную консолидированную угрозу для своей власти. Ни одно из писем от Курбского и Курбскому, от Тетерина и Тетерину не вошло в рутинную посольскую документацию, но не вошло в нее и Третье послание Ивана Грозного Курбскому от 1 октября 1579 г., которое необходимо считать частью переписки с Изменой. Все эти письма хранились отдельно, в каком-то ведомстве, где задачи у этой подборки были совершенно иные. Письма царя носили характер обличения и смертного приговора, а сами письма изменников не имели первое время никакого бытования в московской рукописной традиции. Лишь по пересказам из Первого послания Курбского у Ф. Ниенштедта и Я. Радвана можно понять, что это послание получило узкую известность в польско-литовском обществе и в Ливонии. Конечно, образ «Другого» формировался и борцами внутри страны. Как свидетельствует Курбский в своей «Истории», подпольщиков выслеживали и казнили не только за переписку с Курбским, но и за неуместное упоминание при царе имени князя Андрея. Возможно, уже на раннем этапе отдельные копии Первого послания хранились по частным собраниям, и это были списки «без конвоя». Они хранились подпольно, как запретная литература. Следственный конвой, который принято называть «Печерским», появился при Первом послании лишь около конца 1620-х — 1630-х гг. В нем проявилось полное «Дело Курбского», подборка письменных улик о побеге князя и его сподвижников 30 апреля 1564 г. из Юрьева.

Сборники середины XVII в. включали уже не только Послание Курбского (вплоть до появления литературных «сборников Курбского» — только Первое послание), но и Первое послание Ивана Грозного, Третье послание Курбского Василию Муромцеву, Послание Тетерина и Сарыхозина, Записку кн. Андрея Курбского в Псково-Печерский монастырь, Послание князя Александра Полубенского. В Хронографическом виде сборника вместе с Посланием Ивана Грозного сохранились Послание Курбского и Послание Тетерина-Сарыхозина, и в таком виде эта подборка присоединилась на рубеже 1680-х гг. к Голицынскому виду Сборника Курбского. Образ Измены был неполным, но всё же представительным, учитывая, что остальные изменники вообще не были известны своими посланиями. В одной из версий «Печерского сборника» к посланиям Курбского и Тетерина-Сарыхозина присоединились сочинения Ивана Пересветова. Это случилось также уже в правление царя Михаила Федоровича, и вряд ли перед нами свидетельство рефлексии книжников над Изменой как таковой или над «Другим» в каком-либо ином понимании. Особое внимание к сборнику этого типа возникло уже в советскую эпоху, после Второй Мировой войны, когда исследователи вновь принялись искать оппозиционные настроения в русском обществе XVI–XVII вв. Я.С. Лурье выдвинул гипотезу о «Послании Ивана Грозного в редакции Курбского». А.А. Зимин — о происхождении ранних списков Первого послания Курбского из стен Посольского приказа. Э.-Л. Кинан предполагал, что Переписка была в целом всего лишь аллегорией XVII в., выражающей протест высшей знати против усилившейся высшей власти.

Все эти гипотезы не подтвердились. В русской книжности не было известно Послание Ивана Грозного в списке Курбского, список из конвоя Сборника Курбского — это лишь поздняя московская копия хронографической версии Послания. Первое послание Курбского, как показывают текстологические построения Ю.Д. Рыкова, проверенные и уточненные нами в этой работе, появилось в книжности сначала без «посольского» конвоя, т.е. этот конвой был добавлен уже на нисходящей стадии развития рукописной традиции. И нет оснований считать, что Курбского конструировали интеллектуалы, чтобы выразить свои идеи. Вплоть до 1620-х гг. читатели Переписки ссылались, как правило, на Первое послание Ивана Грозного, даже когда приводили слова кн. Андрея Курбского. И бытование Первого послания царя Ивана в конвое Послания Курбского при полном отсутствии тиранеборческой рефлексии — явный знак того, что Переписка рассматривалась с позиций государственного легитимизма.

Впрочем, литературный кн. Андрей Курбский не испытал на себе тех форм «вычеркивания из памяти», которые пришлись на долю царя Дмитрия Ивановича во всех обличьях Лжедмитрия-Самозванца. В литературном портрете Курбского на всем протяжении его экстенсивного чтения, бытования в книжных собраниях и цитирования до зарождения исторической науки всегда сохранялась толика релевантности и легитимности. В Европе и позже в Москве по-

лучили — впрочем, весьма ограниченную — известность его переводы и переложения «Диалог Геннадия Схолария» (имя Курбского при этом не упоминается), «Логика» (в рукописном наследии князя это малый отрывок из переводного тома «Иоанн Дамаскин»), «Новый Маргарит» (известность получил лишь отрывок из перевода Курбского в сводном «Маргарите» редакции конца XVI в.). Ни полные версии сборников переводов из отцов церкви, ни Сборник Курбского, ни переписка с Москвой или европейскими интеллектуалами не вызвали интереса. Причиной в данном случае было как сознательное «забвение» через переосмысление и переработку его трудов современниками, так и недоработанность самих этих трудов, которые пополнялись самим составителем до последних лет жизни и воспринимались им как не соответствующие идеалам высокой славянской книжности.

Послания и «История» кн. Андрея Курбского получили распространение в Российском царстве после Смуты, но в весьма ограниченных кругах. Государство нуждалось в Измене, но в таком изменнике, как Курбский, оно нуждалось особенно и оберегало его имя от полного забвения. Рукописные традиции сочинений Курбского показывают, что его творчество дозировалось и до конца XVII в. копировалось крайне нерегулярно. В московской культуре он был представлен только текстами «Печерского сборника», а часто — одним Первым посланием Ивану Грозному. Рядом с ним выступает в хронографической версии Послание двух других изгнанников, Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина. Судя по тому, что две ветви Первого послания Курбского первой редакции передают незначительные редакторские вторжения и что эти вторжения не приводят к созданию особых, «очищенных» версий текста, послание Курбского царю считалось допустимым обращением к высшей власти. Или — диалогом представителя власти с высшей властью. Впрочем, во второй ветви списков появляются чтения «о, царю!» и «до власти прегрешения». Оба не имеют отношения ни к архетипу послания, ни вообще к творчеству кн. Андрея Курбского. Первое из них подчеркивает, что обращается боярин всё же к царю, а не к равному себе князю и воеводе. Второе сближается со словами ответного Первого послания Ивана Грозного Курбскому, а следовательно, по всей вероятности, отражает направленность восприятия боярского протеста. Текстологический анализ взаимодействия ранних редакций Первого послания Курбского с московской книжностью подводит к сходному выводу. Книжники стремились, как правило, цитировать не само Послание Курбского, а его пересказ в Первом послании Ивана Грозного. Это была дань лояльности за право попасть под переплет.

Можно ли считать сочинения Курбского непрочитанными? На этот вопрос ответ строго отрицательный. Его читали, но кругов чтения было по меньшей мере пять. Свою особую ауру приобрело Первое послание Курбского. Его кратко пересказывали в Европе, по крайней мере в «Ливонской хронике» и «Радзивиллиаде» оно выступает как свидетельство выдающегося поступка князя Андрея Михайловича. В Москве его всё больше знали по сочинениям Ивана Грозного, но уже к началу XVII в. послание бытовало и вошло в язык задавленного протеста против своеволия верховной власти. И не меньше — как знак мести со стороны верховной власти и готовности царской власти бороться за свой суверенитет. Оппозиционные настроения за посланиями Андрея Курбского обнаружить не удается — читатели были лояльными, даже когда возникали проблемы с самой «лояльностью», и в Смутное время приходилось буквально выбирать себе законную власть. Затем стали известны сборники с сочинениями Ивана Пересветова, Ивана Наседки, летописно-хронографические подборки, наконец «Печерский сборник», составленный из материалов следственного дела весны–лета 1564 г. Лишь составители Хронографа, озабоченные падением царств, увидели в поступке кн. Андрея Курбского и Василия Шибанова знак приближающегося крушения царства и династии. И не случайно распространение получают оценки Хронографа второй половины XVII в., в которых Иван Грозный охарактеризован словами Курбского. Царь, согласно книжникам, создав опричнину и начав гонения против подданных, «супротивник обретеся».

В Посольском приказе и «в дому» Василия Голицына в канун Крымских походов интерес к кн. Андрею Курбскому возник по иной причине — он был воспринят как герой Казанской войны, один из воинов православной рати, ведущей священную войну против ислама. Такие смыслы вычитывал у Курбского Андрей Лызлов. Позднее просветители воспримут такое прочтение, и герой Казани будет прославлен Херасковым и Карамзиным, которые владели своими списками Сборника Курбского и проводили даже первичные исследовательские работы, сверяя свои списки с другими доступными рукописями. Образ православного воина, мало интересовавший московских книжников конца XVI — большей части XVII в., возник по причине появления

в рукописной традиции Сборника Курбского. Это литературное собрание быстро завоевало место на книжных полках знати и высшего российского дворянства, вытеснив рукописные сборники с Первым посланием Курбского. Характерно единство перформации и аппроприации в «сборниках Курбского». Из них на всем протяжении их бытования неоднократно выбирались мотивы войны с неверными, тирании Ивана Грозного и «переписки с властью». В полном забвении оставалась вторая часть, или Приложения Сборника Курбского. Письма каким-то никому не известным волынским шляхтичам, переводы из отцов церкви и история Флорентийского собора не вписывались в образ Курбского-писателя, и это отношение сохранилось в первых изданиях и исследованиях сочинений Андрея Курбского. Сборник, заинтересовавший Б.М. Хитрово и В.В. Голицына, был дополнен в том же посольском кругу книжников сочинениями о московской тирании, и возникло прочтение, которое можно обнаружить в заметках Екатерины II о кн. Андрее Курбском и другом опасном мятежнике — кн. Владимире Старицком. Церковные переработки «Истории» Курбского рубежа XVII–XVIII вв. говорят о стремлении стилистически «освоить» сочинения, пришедшие из чуждого литовского контекста. Эту потребность испытывали и другие книжники, переводившие Курбского и украшавшие его слог.

Совсем другие контексты были наиболее ранними и аутентичными, но оказались наименее актуальными для книжности. На всем протяжении своей эмиграции, начиная с Первого послания Ивану Грозному и Послания Альбрехту Прусскому, кн. Андрей Курбский рассылал письма своим знакомым. В этом качестве он известен только по своим сочинениям. Ни одного обращения к нему и ответа на его послания мы не знаем. Возможно, в этом качестве он казался своим современникам слишком назидательным и навязчивым. Его учительный тон звучал неуместно в переписке с подканцлером Великого княжества Литовского Остафием Воловичем и крупнейшим магнатом Речи Посполитой, воеводой киевским Василем-Константином Острожским. Даже — с простым волынским шляхтичем Василием Древинским. Впрочем, переписка со львовскими и виленскими книжниками была частью многолетнего обмена переводческими проектами, а возможно — какой-то роли Курбского в издательском деле православных типографий. По всей видимости, к этой роли князя относились и его полемические сочинения, малоизвестные при его жизни, «Ответ Ивану Многоучему» и «История о Осьмом соборе». Большая работа велась в его переводческих мастерских, и в этом качестве, и в этом четвертом кругу читателей труды Курбского получили немалую известность. Хотя его «Симеон Метафраст» сохранился только в оригинале, другие известные труды «Новый Маргарит» и «Иоанн Дамаскин» нашли своих читателей. Впрочем, все известные списки и рефлексы этих трудов возникли еще при жизни Курбского или вскоре после его кончины, и не получили развития. Всего однажды, около 1586 г., был издан его перевод «Логики», известно несколько списков признанных за ним современниками дополнений к «Маргариту», позднее использованных уже в московских изданиях 1660-х гг. В.В. Калугин привел, на мой взгляд, приемлемые аргументы в пользу того, что на землях Речи Посполитой имело бытование и житие Августина Блаженного в редакции Курбского. Я всё же полагаю (в этой работе высказаны аргументы pro), что Курбскому и его кругу книжников принадлежат и такие *dubia*, как Житие Максима Грека, «Диалог» Геннадия Схолария и литовско-русская редакция «Апостола» с выписками из изданий Франциска Скорины.

Новые списки Первого послания Курбского, «Нового Маргарита», вводимые ныне в научный оборот, потребуют еще перестроения рукописных традиций кн. Андрея Михайловича Курбского. Однако уже сейчас заметно это глобальное расхождение между отдельными сегментами в книжном наследии Курбского, которое отозвалось и в восприятии его творчества. Для своих польско-литовских современников он прежде всего — ученый московит, рассылающий свои формальные и учительные письма, иногда со своими переводами из отцов церкви. После смерти Курбского для православных типографий его труды важны как часть какого-то проекта, который так и не осуществился в полной мере. Вероятнее всё же, что санкции на издание чего-либо из своих работ и хранившихся у него рукописей князь Андрей Михайлович не давал. Всё вышедшее в печати относится к 1586–1595 гг., когда его самого уже не было в живых. Вероятнее, что его книгами распорядились, причем весьма избирательно, его сотрудники и опекуны его семьи. «Диалог» патриарха Геннадия и «Логика» Иоганна Спангенберга — лишь малая толика того объема переводов, которые готовились в ковельской мастерской. Еще позже вышла «Книга о постничестве» Василия Великого. Работы над «Словами» Иоанна Златоуста так и не были изданы и «вернулись» в Москву примерно одновременно с книгой «Симеон Метафраст», нико-

го особо не заинтересовавшей ни в православных кругах Речи Посполитой, ни в Москве.

Для московских книжников кн. Андрей Курбский — автор Первого послания Ивану Грозному и писем в Псково-Печерский монастырь, с конца XVII в. — историк и многолетний корреспондент царя Ивана. Курбский выразительно присутствует в пяти или шести различных контекстах. Он — московский книжник-воевода до эмиграции. В эмиграции он — автор писем (в том числе на польской «барбарии»). Для православных книжников и монашества Речи Посполитой и Молдавии (уже к началу 1580-х гг.) и Российского царства (к концу XVI в.) он — переводчик отцов церкви. Причем в Москве около 1664–1665 гг. архимандрит Дионисий Грек понял недостаток переводов — они были выполнены с латинских переводов и «не правлены с греческих книг, понеже время не достигло о деле». Пришлось внести стилистическую правку и печатать переводы с латыни — «токмо яковы обретошася»[2]. Еще одна ипостась — «невежливый» изменник, тираноборец — для московских книжников конца XVI — XVII в. (в этом качестве он был известен, но быстро и навсегда забыт в Речи Посполитой). Историк-тираноборец он — для российской книжности XVII — начала XIX в. Эти круги чтения и концепции прочтения между собой практически не пересекались. Более того, автор Первого послания Ивану Грозному и Третьего послания Вассиану Муромцеву был вытеснен Сборником Курбского и просто прекратил свое существование, а автор «литовской» переписки старательно вычеркивался из приложений Сборника Курбского в XVIII–XIX вв. и вызвал сугубо историографический интерес уже только после публикаций «Сказаний» Н.Г. Устрялова, во второй половине XIX в.

По сходной причине, сугубо рыночной, изменился и образ Курбского-тираноборца. Рубежом в протестном, оппозиционном прочтении его сочинений стало появление в России Сборника Курбского. «История» и послания Ивану Грозному быстро пополнились всеми доступными для высшей знати и дворянства сочинениями о тирании Ивана Грозного, включая Первое послание Ивана Курбскому и Послание Тетерина-Сарыхозина из предшествующей традиции, после чего первоначальный «подпольный» сборник исчез, уступив место «сборникам Курбского». Вместе с забытыми книгами, вышедшими из бытования, исчезло и представление о «здешнем Курбском». Он приобрел ту идентичность, в которой и вошел в российскую историческую науку, — перебежчик-историк, вскрывший из-за границы подноготную московской власти. Никогда — переводчик-богослов, никогда — полемист-корреспондент шляхты и мещанства Речи Посполитой и никогда больше — московский писатель в одном ряду с Иваном Пересветовым, Максимом Греком, Артемием, Тимофеем Тетерином и Марком Сарыхозиным, псковско-печерскими старцами Корнилием и Вассианом, тираноборцами-составителями «Хронографа» особой редакции середины XVII в.

Меньше всего известно о том амплуа кн. Андрея Михайловича Курбского, в котором он засвидетельствовал почтение герцогу Альбрехту Гогенцоллерну. Его письмо, написанное с королевского двора в июле 1565 г., вряд ли было простым знаком вежливости. Ссылка на рассказы отца, кн. Михаила Карамышева, о прусском герцоге, видимо, преследовала цель представить отправителя как нижайшего слугу герцога в делах просвещения. В таком случае Послание Альбрехту Прусскому доказывало бы, что князь Андрей Михайлович признает заслуги протестанта в делах просвещения. Впрочем, нельзя исключать, что намерения Курбского имели политический оттенок и лишь прикрыты были похвалой со ссылкой на добрую славу герцога Альбрехта в Московском государстве. Обращение к князю старцев Хиландарского монастыря, распространение переводов Курбского уже при его жизни и вскоре после смерти на Волыни, в Киевском воеводстве и в столице Великого княжества Литовского говорят о том, что для местных православных Андрей Курбский, как бы сказал Г.П. Федотов, был человек, несомненно, православный.

Образ книжника, сочинения которого бытовали в пяти названных контекстах, был бы неполон, если бы мы не связали его с социальным самосознанием исторического князя Андрея Курбского. История его побега пересмотрена нами с акцентом на самосознание изгнанника, преследуемого «Вавилоном» за его служебные амбиции и разногласия в вопросах государственного и местного управления. В этой истории неприемлемы версии агентурного подкупа, шпионского сотрудничества и феодальных пережитков. Эти версии отклонены полностью, несмотря на их в своем роде очевидность. Элементарность фактов отнюдь не подводит к элементарным выводам. Конечно, Курбский вел секретную переписку с Радзивиллами накануне побега — но в полутайных и полуофициальных

[2] Цит. по: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 259.

контактах с противником состояла вся верхушка Боярской думы, а князь Андрей Михайлович часто использовал неофициальные каналы в Ливонии при молчаливом согласии Москвы. И конечно, за свой выезд на королевскую службу перебежчик получил немалую награду, как удалось установить — даже большую, чем считалось раньше. Из этого следует только то, что за утраченные в Московском государстве имения и придворный статус эмигрант получил достойную компенсацию. Чтобы превратить этот факт в фактор побега, необходимо усилие, которое еще ни разу в исследовательской литературе не оправдалось.

Ответы на вопрос о самосознании лидера российской эмиграции XVI в. требуют подвижной шкалы — его творчество и биографические данные, его итинерарий должны быть сопоставлены. Княжеский статус ярославского князя был предметом тревог, придворного противостояния в 1563–1564 гг. и одной из возможных причин подозрений Ивана Грозного в адрес Курбского. В эмиграции князь уже в 1565–1570 гг. добивается присвоения себе (а затем и своим потомкам) титульного определения «князя Курбского-Ярославского». Статус титулованного вотчинника был осмыслен в его сочинениях как неотъемлемое право представителя правящего рода, в котором основателем был святой, один из ряда святых соправителей Русской земли. Именно благодаря единству княжеского рода и его родству и взаимодействию с боярством (включая «князей имперских») и с другими титулованными династиями (в первую очередь — Гедиминовичами) русские земли сумели объединиться, освободиться от ордынского рабства и превратить Русскую землю в Святорусскую империю. Единство высшей власти и воинов, гибнущих за христианскую республику, было разрушено Иваном Грозным. Кн. Андрей Курбский придерживается органической метафоры, на которой строится его идеал универсальной монархии. В центре его империи — сердце — Избранная рада, главой является царь, конечности-«уды» — это князья, боярство, дворянство. В каких-то вопросах необходимо обращение к «всенародству», хотя никакого значения в качестве республиканского института простонародью московский эмигрант не придает, а выходцев из «низов» считает вредными и опасными в государственном управлении. Среди таких неотесанных невежд — дьяки, подтачивающие и разрушающие республику. Верные исполнители, рабы царя неспособны участвовать в управлении, они не чувствуют себя частью страны, а только выполняют приказы. Князь застал рост управленческого аппарата и выразил недовольство рабством и раболепием у власти, рабовладельческим характером самой власти московских великих князей, тиранией бездарной — буквально не наделенной дарами Святого Духа — серости. Царь возвысился за счет своего Избранного совета и благодаря поддержке всей республики, но свое отношение со слугами (гражданами) своими и республики выстроил по монгольским принципам, окружая себя рабами и превращая всех вокруг себя в рабов.

Называя «ласкателей» царя разрушителями его тела и души, Курбский подразумевает гибель не только личности царя, но и опасность для всей республики, исходящую от «внутреннего» и «внешнего» драконов одновременно. Неспособность противостоять крымским набегам и мобилизовать ресурсы на освобождение христианства связана, по мысли князя Андрея Михайловича, с разрушительной политикой, проводимой после отказа царя от Избранной рады. И рада, и ее противники в «Истории о князя великого московского делех» названы поименно, и себя самого Курбский связывает с деятельностью Избранной рады, упрекая царя в гонениях на Сильвестра, Алексея Адашева и его родичей и на всех верных слуг, которых царь «отогнал», заменив Юрьевыми, Басмановыми и Бельскими. Князь не отреагировал ни на родство эмигрантов Ляцких с Юрьевыми, ни на появление одного из Бельских в мае 1581 г. в таком же качестве в Речи Посполитой. Впрочем, родство Яковлевых с Юрьевыми не помешало Курбскому включить их в поминальный мартиролог своей «Истории». В мартирологах «Истории» упоминаны роды всех, кого Иван Грозный в своих посланиях и его государственные служащие называли «изменниками». Краткость упоминаний Заболоцких, Тетерипых, Сарыхозиных, конечно, контрастирует, с рассказами о Ярославских, однако можно отметить, что о своих прямых предках и их службах Курбский сообщает тоже совсем немного. Специально целью охарактеризовать причины эмиграции, образ жизни эмигрантов и их самосознание князь не задавался.

Уничтожение Христианской республики произошло с головы, которая разрушила собственное сердце. Этому трагическому событию посвящена «История», созданная в традициях ренессансной историографии и повествующая о причинах Божьего гнева (трех пожаров — 1547, 1560 и 1571 гг.), постигшего Московское государство. Даже если под рукой у князя не было античных и современных европейских образцов исторического повествования, его сочинение отвечает

жанровой специфике риторской истории, включая элементы военной хроники, эпистолярного жанра, теоретической рефлексии, этического дискурса, ораторского искусства. «История» содержит также похвалы, плачи и мартирологи, языковедческие и книжные экскурсы. Прошлое своего рода, персональное участие в защите и созидании Русской земли и трагедию христианской республики Курбский излагает как части одного рассказа, объединяющего индивидуальный и родовой опыт с судьбой всей республики. Слова Ивана Грозного в Первом послании об исконных «изменах» рода Курбских были восприняты как грубое вторжение и изгнание строителей республики из своей страны. Своему читателю-слушателю, православному шляхтичу Речи Посполитой, князь доказывает на примерах, что подобное изгнание — не уникальный пример. Московские великие князья присвоили себе чужие достижения, причем не только по своей воле, но и по подсказке своих жен-чужеземок, которые к строительству республики, по мысли князя, не имели никакого отношения. Склонность Курбского к мизогинии не противоречит тому факту, что он не принимал репрессий против жен и детей, убийств «всеродне» за государственную измену одного представителя рода, считал недопустимыми и предосудительными казни, заключение в монастырь и изгнание из имений семей подозреваемых.

Исследовательская рефлексия о самосознании Курбского в эмиграции, как правило, наталкивается на отсутствие данных о этом аспекте после побега из Юрьева в апреле 1564 г. Мы знаем, что он думал о царе Иване и его жертвах, о своей жизни до эмиграции, о королях и коронной шляхте, князьях Острожских и волынской шляхте. Пару слов сказал князь о своих «негостелюбных» соседях и смерти своего слуги в локальном конфликте на Волыни. Это всё или почти всё — остальное относится к переводческой работе, которая велась им совместно с сотрудниками, или к своим творческим планам на будущее, реализованным или нет. Вокруг Курбского в эмиграции складывался и распадался круг московитов-перебежчиков, часто — образованных интеллектуалов, а контакты между ними приобретали очертания диаспоры, сохранявшей следы своей идентичности и после смерти князя. Тезис о «двух культурах» московского общества, вызывающие дискуссию в связи с вопросом о генезисе российской интеллигенции, на наш взгляд, находит новое подтверждение в факте существования этой диаспоры. Артемий, Иван Пересветов, известный за границей как Иван Федоров, Владимир Заболоцкий, Тимофей Тетерин, Марк Сарыхозин и его братья, кн. Михаил Оболенский и его, уже посмертно, зять Давыд Бельский были либо знакомыми, либо сотрудниками Курбского. Поколение эмигрантов 1534–1535 гг. к этому времени не только достигло успехов, но и продвинулось далеко за пределы «второй» русской культуры, втянувшись в бурную интеллектуальную жизнь Речи Посполитой. Только следующее поколение эмиграции, возникшей в Европе в конце 1550-х — начале 1560-х гг. внесло вклад в подъем русской светской культуры, политического протеста, богословской унификации православия и книжного бума[3].

Склонность приписывать князю Андрею Михайловичу мотивы его поступков и самооценку проявилась и при изучении его семейной саги в Короне и Литве. Статусные решения рубежа 1560-х–1570-х гг. позволяют усомниться в тезисе о «выгодном браке» в новом отечестве. Брак был взаимовыгодным и привел к серии совместных выступлений четы Курбских на судах и закреплению совместного владения недвижимостью в спорных имениях. Нет никаких данных о душевной и телесной близости между Курбскими, как и вообще об их интимном мире в браке, хотя оценки исследователей нередко опережают исследование и в этой области. Конечно, к информации такого рода не относится заявление московских послов, что Курбский «жены не любил». В череде взаимных упреков и прямых обвинений в годы разрыва с обеих сторон прозвучали гневные слова, доверять которым приходится только в локальных контекстах их произнесения. С другой стороны, в их свете мы попытались реконструировать возможные стратегии «прочтения» материалов долгого разводного процесса, связав их с рефлексией Курбского о колдовстве, незаконном разводе и рождении детей от «злых

[3] *Marker G.* Russia and the "Printing Revolution": Notes and Observations // Slavic Review. 1982. Vol. 41. N 2. P. 266–283; *Keenan E.L.* Muscovite Political Folkways // RR. 1986. Vol. 45. N 2. P. 149, 152–154; cf.: *Hellie R.* Edward Keenan's Scholarly Ways. P. 185, 188–189. В тезис о сравнительной — особенно на фоне печатной революции в Европе — необразованности светских элит в Московском государстве было внесено немало уточнений. См., напр.: *Halperin Ch.-J.* The Russian and Slavonic Languages in Sixteenth-Century Muscovy // SEER. 2007. Vol. 85. N 1. P. 1–24; *Усачев А. С.* Князь И. Ф. Мстиславский — забытый книжник XVI в.? // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Сер. Исторические науки. 2011. № 1. С. 15–24; *Его же.* Еще раз о книгах князей Воротынских в XVI в. // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М., 2014. С. 331–340.

семян». Конфликт, разгоревшийся в семье Курбских между отчимом и пасынками, на сторону которых постепенно перешла и княгиня-мать, был для князя упрощен его суждениями о «злых женах» и лишении прав на наследование. Князь находил примеры в истории и в творениях отцов церкви, которые поддерживали его стремление продлить свой род. Среди таких примеров была и история второго брака великого князя московского Василия III, а возможно, и второй брак Ивана Грозного (остальные браки царя тоже вызвали его едкую иронию). Как именно он добивался продления рода — хотел ли сначала заручиться владениями своей жены, а потом организовать развод, или действительно смиренно ждал, когда Господь пошлет его семье ребенка, остается под вопросом. Все эти версии могли в период разрыва сойтись воедино, и от взаимных гневных обвинений супругов (включая семейное насилие, детородное колдовство, адюльтер, кражу друг у друга документов и вещей) остаются эмфазы, в которых прочитывается недоговоренность в области сексуальной и репродуктивной жизни. На эту версию тем не менее падает тень масштабной реинтерпретации, учитывая, что княгиня Мария Курбская, вступив в брак, получала широкие права на наследование Ковельского имения мужа, включая своих детей от предыдущих браков. Если бы развод не принес княгине безоговорочную победу в своем праве, имело бы смысл говорить о pro et contra антропологического метода. Развод показывал, что телесность и личные упреки как раз играли второстепенную роль в судебных отношениях Короны Польской и Великого княжества Литовского.

Потомство кн. Андрея Курбского, рожденное в третьем (втором в эмиграции) браке от Александры Петровны Семашко, лишилось Ковельского имения, но удержало Криничин в Великом княжестве Литовском и переселилось с Волыни в Униту. Курбские породнились с Визгирдами, Гружевскими, Эйгирдами, Гедройцами, Соколовскими. Историко-генеалогическое исследование потомков московских перебежчиков показывает, что никаких трудностей интеграции в Короне Польской и Великом княжестве Литовском для них не было. Пример кн. Семена Бельского в этом отношении скорее исключение. Князь Семен Федорович бежал из Московского государства совсем молодым человеком и умер, видимо, так и не вступив в брак. Владимир Семенович Заболоцкий был тоже молод, когда выехал на службу Сигизмунда II Августа; он женился на венгерской дворянке, но о детях от этого брака известны только без труда опровергаемые легенды. Еще один «далекий» брак случился у Федора-Теодора Ляцкого с Изабеллой де Ривере. Не в первом поколении всё уладилось у Шуйских. Кн. Иван Губка Шуйский был, конечно, очень удачно женат, по всей видимости, на юной шляхтянке из видного рода — Марине Богдановне Львовне (Боговитиновне). Его сын Ян был женат на Марине Юраге (Юражанке), а последующие поколения породнились с Гноинскими (за представителем этого рода была вторым браком еще Марина Боговитиновна), Нарбутами, Рышковскими, Чарноцкими, Млечко. Гораздо успешнее сложилась матримониальная политика Ляцких. Иван Васильевич женил сына на княжне Богдане Ивановне Полубенской, и вскоре благодаря представительницам того же княжеского рода вырос значительный клан, втянувший в свои ряды московитов. Княжна Марина Андреевна вышла замуж за слугу кн. Андрея Михайловича Курбского, Кирилла Ивановича Зубцовского, а сам Курбский в первом своем браке в эмиграции был женат на княжне Марии Гольшанской, одна из сестер которой, Зофья, была замужем за кн. Александром Ивановичем Полубенским. Еще один клан образовали пары, созданные дочерями московского эмигранта-книжника и сотрудника Курбского, кн. Михаила Андреевича Оболенского, причем обе вышли замуж за других московитов: Полония — за Давыда Бельского, Ганна — за Семена Криженина.

Клановая солидарность была мощным ресурсом интеграции, и браки в третьих поколениях показывали во всех случаях, что былое московское происхождение остается в биографии шляхтича лишь экзотической виньеткой. Сын Тимофея Тетерина Федор был женат на Гальшке Радзиминской, которая после его смерти через второй и третий браки породнилась с князьями Жижемскими и Нарушевичами. Пожалуй, больше всех не повезло Агишу Сарыхозину — он был отвергнут шляхтянкой из рода Шондей, но вряд ли из-за своего происхождения. Отказали родители девушки, к которой он сватался, и видимо, он своей невесте не понравился или слишком долго не наведывался после обручения. Впрочем, его братья и племянники были более успешны в выборе невест, найдя себе девушек в видных родах Копотей, Шукшт, Голодов, Спарских, Воловичей и Собакиных. Как видно по спискам фамилий, в которые вошли московиты и их потомки, в основном они находили себе брачных партнеров в рядах местной шляхты в своих поветах, тем самым укрепляя свой «обывательский» статус, превращаясь в полноправных «добрых людей» и открывая себе дорогу к локальной

лестнице шляхетских должностей. Возвращаясь к Ляцким, следует вспомнить, что уже потомки прославленного воина и книжника Теодора Ляцкого вошли в сенаторские дома, и это обеспечило Ляцким близость к важнейшим политическим решениям в Речи Посполитой.

Грань между шляхтичем из Московского государства и местными «добрыми людьми» всё еще проницаема. Страна, управляемая тираном, еще не воспринимается как страна, населенная тиранами. Институт брака с московитом вскрывает противоречия, и среди них — обособленность шляхетского хозяйства эмигрантов, их стремление сохранить по возможности связи с бывшими соотечественниками, психологическую дистанцию. Курбского обвиняют в применении семейного насилия, и его насыпки активно манипулируют «московским» остатком в злодеяниях отчима. Однако это был тупиковый путь, от которого отказалась позднее, уже после развода княгиня Мария Юрьевна Курбская, когда направила основные усилия на доказательство того, что никаких законных оснований для развода не было вообще. Семейное насилие не было, впрочем, забыто, поскольку сам факт развода княгиня представила как результат своего насильственного согласия в момент, когда сама она содержалась у мужа под стражей. Московское происхождение вспомнили даже детям Кирилла Зубцовского и княжны Марины Полубенской, когда они оказали сопротивление Андрею Фирлею и падчерице Курбского, Барбаре Козинской, отказавшись покидать свои волынские имения. Это происходило в середине 1590-х гг., когда публичная риторика наполнялась образом казака-московита, грозящего разрушить единство Речи Посполитой. Впрочем, несмотря на все подобные настроения, наполнявшиеся временами сконструированной этничностью, дистанция в матримониальных отношениях с московитами, подобная избирательному браку в Вильно в середине XVII в., еще не сложилась[4].

Эмиграция времен Ивана Грозного так и не вернулась в Россию. Никто из лидеров Измены не согласился на приглашение продолжить службу государству и сам не предпринимал попыток перейти в Российское государство или вступить на путь сотрудничества с российскими властями. Возможное исключение — Михаил Головин, но его попытки вернуться относятся уже к тому периоду, когда он чувствовал угрозу своей жизни в Речи Посполитой (исходящую от других московитов). Да и то, получив предварительное согласие Москвы на репатриацию, он им не воспользовался. Свидетельства о сотрудничестве Тимофея Тетерина и Агиша Сарыхозина с Москвой есть, но они недостоверны или отражают взгляд из Москвы и выдают желаемое за действительное. Никаких договоренностей с кн. Андреем Михайловичем Курбским о прощении и возвращении на государеву службу не было, хотя литовская сторона перед выборами короля в 1574–1575 гг. требовала, чтобы Иван IV гарантировал жизнь и свободу своим «изменникам». Позднее, в 1655 г. кн. Андрей Дмитриевич Курбский вместе со многими литовскими шляхтичами подчинился московским властям, но после войны вернулся в подданство Речи Посполитой. Торжественное «возвращение» жертв Ивана Грозного было организовано в 1683 и 1685 гг. Героями этой инсценировки оказались два шляхтича, сыновья Каспера Крупского, которые выехали на службу к царям Ивану и Петру Алексеевичам и царевне Софье. Сородича по имени Каспер в роду князей Курбских Ярославских не было. Не исключено, что никакой Каспер и не был причастен к вымыслу. Его дети, оба по имени Александр, в православии Яков Васильевич и Александр Борисович — приняли отчества от имен своих крестных отцов. Князья Василий и Борис Голицыны — политические лидеры при дворе Софьи Алексеевны, стремящиеся в канун заключения Вечного мира с Речью Посполитой представить Российское царство как государство, забывающее высшую вину и милостиво открытое для всех своих бывших врагов. Князья-самозванцы, будто бы из рода князей Курбских, вымершего в действительности, происходили, по всей видимости, из рода литовских нетитулованных шляхтичей Крупских. Инициатива их «возвращения в Россию» принадлежала не им. Как раз накануне их выезда в Москву кн. Василий Васильевич Голицын заказал составление масштабного Сборника Курбского с комплексом дополнений. Вряд ли экземпляр такого сборника случайно попал в Оружейную палату, откуда его столетие спустя запрашивал кн. Григорий Александрович Потемкин для императрицы Екатерины II. Князь Василий Голицын подкрепил свои усилия «выездом» так называемых потомков князей Курбских на государеву службу, продолжением проекта кн. Андрея Курбского по уничтожению Крымской орды и заказом на «Скифскую

[4] *Frick D.* "Ruski człowiek": Muscovites and Ruthenian Identity in Occupied Wilno, 1655–1661 // Tentorium Honorum. Essays presented to Frank E. Sysyn on His Sixtieth Birthday / ed. by O. Andriewsky, Z. E. Kohut, S. Plokhy, L. Wolff. Edmonton; Toronto, 2010. P. 135; *Капраль М.* Люди корпорації: Львівський шевський цех у XVII–XVIII ст. Львів, 2012. С. 114–117.

историю». Именно Сборник Курбского Голицынского вида и его поздние рефлексы получили наибольшее распространение в российской книжной культуре и отразился в опытах осмысления деятельности кн. Андрея Курбского и его роли в российской истории. Среди них — на трудах Ф. Орлова-Поликарпова, М.М. Хераскова, Екатерины II, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, на изданиях Н.Г. Устрялова XIX в. и Г.З. Купцевича начала XX в. и их читателях. Власть нуждалась в возвращении крови и сочинений изменника на родину, как позднее неоднократно будет нуждаться в своих «нарывных овцах» и «блудных сыновьях» — чтобы принять их с миром и быть для них милостивой властью.

Нуждалась в сочинениях кн. А.М. Курбского и российская элита. Зачем? Этот вопрос нуждается в осмыслении на фоне еще одного вопроса, на этот раз — к социальной среде оппозиции и политического протеста. Кн. Андрей Курбский совершил поступок, на который российская элита была не способна и который считала — и обязана была считать предосудительным. Он предал своего государя и бежал из страны. Когда Н.М. Карамзин задумался в своей «Истории» над эмиграцией Курбского, он не вспоминал свою поездку по Европе и «Записки русского путешественника». Николай Карамзин свободно выехал и свободно вернулся в свое отечество. Привести хоть один пример поступка, аналогичного тому, что совершил князь Андрей Курбский, «последний летописец» не мог, и в широкой перспективе деяния своего ученого поводыря по тирании Ивана Грозного оценить был не в состоянии. История России была лишена эмиграции, а российские эмигранты были лишены личной и исключены из российской истории. Российская эмиграция, стремительно возникшая в 1920-е гг. в Европе, Америке и на Дальнем Востоке, не мыслила себя в этом качестве и никаких предысторий не имела.

Парадокс читательского вопрошания еще и в том, что во всех кругах владельцев и переписчиков запретных эмигрантских сочинений не было никакого интереса к самому факту эмиграции авторов. Общая тенденция видеть в сочинителях «своих», причем ближайших к власти, сохранилась и в первых интерпретациях их творчества, и в создании конволютов, и в негласной конвенции молчать обо всем и ничего не комментировать. Робкие редакторские вторжения в тексты показывают, что сочинения Ивана Пересветова, кн. Андрея Курбского, Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина было принято старательно встраивать в круг «своего чтения». Среди читателей были и критики Ивана Грозного, и его несомненные поклонники, но наиболее частый владелец подборки сочинений этих авторов — государственные служащие, представители высшего духовенства и близкие к высшей власти интеллектуалы. Они занимали себя приятным чтением, щекотали себе нервы и просто развлекались. Сборник Курбского или какие-то его части могли входить в сборники разнообразного состава в качестве дополнений (в сборниках РГБ, собр. Н.С. Тихонравова № 639, ГИМ, собр. Е.В. Барсова № 1700, ХНУ № 168/с, РГБ, собр. В.М. Ундольского № 779 и др.). Нельзя исключать и той возможности, что опасные сочинения предателя скрывались, не учитывались в собраниях книг или включались в состав сборников в виде выписок, переложений, умеренных или лояльных переработок. Но всё это лишь догадки, не подкрепленные книжными памятниками. Ни сборники с Первым посланием Курбского, ни «сборники Курбского», ни его переводные сочинения и «литовские» послания никогда в период экстенсивного чтения не входили в репертуар «демократической литературы»[5].

Конец «диалога» Власти и Измены в правление Ивана Грозного обозначило составление так называемого Синодика опальных, который, по общему мнению, возник из-за трагической смерти царевича Ивана Ивановича в ноябре 1581 г., всего через несколько месяцев после того письма царя Ивана, в котором он упрекал Стефана Батория в сговоре с «изменниками». Синодик в своих наиболее полных версиях отразил символическое «возвращение» Измены к обычной жизни. Царь раскаялся в смертях Тетериных, Сарыхозиных, Заболоцких. Многие фамилии, сохранявшие высокие придворные позиции в Москве в конце 1581 г., видели своих жестоко казненных и бессудно убитых родичей в одном ряду с фамилиями известных государевых изменников. Не получили поминания в этом списке Курбские — но это ничего не доказывает, поскольку после побега князя Андрея Михайловича его семья (мать, жена и сын) были заточены в монастырь, где умерли неведомой ныне смертью. Синодик может и быть тем источником, который ex silentio свидетельствует: они не были убиты, а умерли в монашестве.

[5] О сборниках «демократической рукописной литературы», возникших в среде средних и низших классов, см.: *Сперанский М.Н.* Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963. С. 13–202.

Можно было при желании вернуть эмигрантов из Европы в Россию и организовать церемониальное «прощение» или «забыть вину», но невозможно было выбросить из социальной структуры «Другого», сформированного в специфической атмосфере государственной революции и превратившегося в козла отпущения политической модернизации. Читателю не о чем было спрашивать эмиграцию, потому что ее роли были принципиально неповторимы. Невозможно было бежать из России, прочитав послание Тимофея Тетерина и Умара Сарыхозина, или задуматься, о чем спорят теперь «доктора и философы», много лет и столетия после того, как Иван Пересветов готовил возвращение Христовой мудрости в Российское царство. Невозможно было бежать из страны и бросить эпистолярный вызов ее высшей власти, как это сделал в 1564 г. кн. Андрей Курбский, а тем более объявить войну царю, как сделал он и другие его современники-эмигранты. Можно было вычитывать другие смыслы, но история чтения эмигрантских сочинений в конце XVI — начале XIX в. показывает, что эти смыслы приближались к заветным невозможностям и останавливались у предела допустимого и мыслимого, не достигая даже той остроты, с которой А.С. Пушкин говорил о «жестокой летописи» кн. Андрея Курбского. Высказывание Пушкина звучало для современников вызывающе, поскольку он собирался написать «пером Курбского» историю Александра I. Но — во-первых, не написал, а во-вторых, написал совсем другие истории и совсем другим пером.

I. АРХИВ КНЯЗЯ СЕМЕНА БЕЛЬСКОГО

Фонд Замка Скуклостер ("Skoklostersamlingen") Стокгольмского архива содержит комплекс бумаг кн. С. Ф. Бельского[1]. Ныне это собрание составляет часть масштабной папки русских и польских материалов под шифром "Ryska och Polska. Brev. N:O 352. E 8610:2", где хранится в частности часть архива деятеля эпохи Смуты Яна-Петра Сапеги[2]. В составе собрания эти материалы открылись относительно недавно. В описи они обнаруживаются в двух разных разделах. В "Översiktsförteckning med inventeringslista" на 1968 г. отмечены шифры E 8253 — E 8595 и лишь позднее карандашом последний шифр исправлен на E 8618. Шариковой ручкой номера 344 = E 8610 и 352 = E 8610:2 вписаны под рубрикой "Extranea" как часть Архива Сапеги ("Onumrerad pappläda, inneh. ryska och polska handlingar (bl. a. delar av Sapiehas arkiv)"). И еще раз шифр выступает как часть бумаг Кристины Брахе, принятых на хранение в 1952 г. ("Christina Brahes, f. Piper, samling (1952 års accession)"), где инвентарь включает шифры E 8610 — E 8618, причем первый из названных шифров делится на три части: E 8610, 8610:1, 8610:2. Архив русских столбцов за начало XVII в. под шифром E 8610 представляет специальный интерес, его содержимое никак не пересекается с материалами документации кн. С. Ф. Бельского.

Отдельные акты из первой подборки (E 8610:1) нас будут интересовать только применительно к биографии кн. С. Ф. Бельского. Судя по разнообразному формату фрагментов, отличному от стандартных по форме отчетов «архива Гаштольдов-Бельского», они и не входили в хозяйственную часть архива, хотя и могли перейти Гаштольдам после смерти Бельского вместе с хозяйственным комплексом. Лишь немногие фрагменты из собраний урядников Стоклишек и других имений кн. С. Ф. Бельского хранятся отдельно от трех основных папок собрания Скуклостер, как под другими шифрами этого же собрания, так и в коллекции С. В. Соловьева в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН[3]. В недавнее время обнаружены ранее не изучавшиеся источники — переписка кн. Семена Бельского с королевой Боной из рукописи Библиотеки Чарторыйских и акт из собрания Варшавского Национального музея[4].

Тетради урядников — согнутые вдвое по вертикали листы форматом «в двойку». В составе последней, третьей, папки (E 8610:2) семь подшивок.

[1] Polonika w zbiorach... S. 22, 66, 112–113, 115. На документацию кн. С. Ф. Бельского в Стокгольмском архиве впервые обратил мое внимание М. Страшевич. Электронная версия данных материалов, выложенная в Интернете на сайте архива, была указана мне А. В. Казаковым. Обоим коллегам выражаю глубокую благодарность. Возможность изучить оригинал появилась у меня в рамках проекта фонда А. фон Гумбольдта при поддержке и покровительстве М. Ниндорфа. Исследование стокгольмских фрагментов продолжила после меня Н. А. Кочековская (Москва, РГГУ), а материалы Санкт-Петербургского архива частично описаны мной совместно с А. А. Бачинским (Москва, РГГУ). Всем названным коллегам выражаю глубокую благодарность.

[2] Подробнее см.: *Тюменцев И. О., Яницкий М. А.* Дневник Яна Петра Сапеги 1608–1611 гг. как источник // Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) / сост. И. О. Тюменцев и др.; отв. ред. И. Граля, И. О. Тюменцев. М., 2012. С. 10–32.

[3] Акты из коллекции С. В. Соловьева были приобретены при не вполне ясных обстоятельствах во время научной поездки исследователя в Швецию и Данию в 1837–1840 гг. и переданы за вознаграждение Археографической комиссии. Часть коллекции была позднее опубликована во втором томе «Актов, относящихся к истории Западной России». См.: *Зайцев И. В.* Между Москвой и Стамбулом... С. 133.

[4] В исследовании Р. Рагаускене учтена часть обнаруженных нами посланий из рукописи Библиотеки Чарторыйских и в общей ссылке указаны другие материалы о деятельности кн. С. Ф. Бельского, в том числе из Стокгольмского собрания. См.: *Ragauskienė R.* Dingę istorijoje: XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorijos privatūs archyvai. Vilnius, 2015. P. 27, 170.

Четыре из них нас не будут интересовать[5]. Три подшивки с документацией кн. С. Ф. Бельского обособлены друг от друга отдельными бумажными обертками, на каждой из которых, как и на прочих подшивках в папке, карандашная надпись сверху на лицевой стороне: "Skoklostersamlingen". Содержимое — отдельные листы в половину обычной двойки (обычно около 325–115 мм), сшитые веревкой тетради по 4–8 л. (иногда больше — до 15 л.), не объединенные никакими общими переплетами и не содержащие единой пагинации. Следы карандашной нумерации видны на отдельных листах, но единой последовательности эти карандашные номера ныне не составляют. Ясно лишь, что это именно нумерация тетрадей и отдельных листов, произведенная уже в период архивного бытования документации[6].

Материалы бумаг кн. Семена Бельского и Гаштольдов передавались в РГАДА в копиях на микрофильмах[7] и публиковались в Интернете[8]. Однако порядок приведенных в обеих репродукциях документов ничем не обоснован и может служить для нас только фактами бытования отдельных тетрадей в собрании русских и польских актов архива Скуклостер. Далее здесь мы попытаемся упорядочить эту россыпь[9].

Попытаемся расположить все имеющиеся в архиве отрывки в хронологическом порядке. На наши условные номера мы будем ссылаться здесь далее и в основном тексте исследования, указывая арабский и римский номера документации, или Архива Гаштольдов и кн. Семена Бельского (АГБ): карандашный (16, 19, 20 и т.д. или 1*, 2* и т.д., если такового нет) и римский в скобках ((I-1), (I-2) и т.д.). Для удобства квадратные и фигурные скобки в ссылках на данные фрагменты в основном тексте нашей работы не приводятся. Знак звездочки (*) используется также для обозначения утраченных половин развернутых листов (например л. 1 = *). Для тетрадей без «белой даты» датировка условна, вносим ее в скобки. После даты отмечаем, если это возможно, принадлежит ли тетрадь к архиву кн. С. Ф. Бельского (АБ), архиву О. М. Гаштольда (АГ) или «папи ее милости» (ПЕМ) — Зофьи Васильевны Гаштольд, урожденной княжны Верейской.

Первой частью (I) папки Е 8610:2 собрания Скуклостер условно обозначим подшивку, открывающуюся словами «Царю поминок» и записями трат Бельского на подарки в Крыму и Великом княжестве Литовском. В ней 19 отдельных тетрадей, которые мы условно обозначим специальными номерами: I-1–I-19. Вторая (II) открывается словами «Лета Божего Нарожепеи 1542». В этой подшивке 23 тетради: II-1–II-23. Третья часть (III) — «На намет коли с которого зверяти». В нее входят 28 фрагментов: III-1–III-28. Таким образом, в общей сложности в архиве Гаштольдов–Бельского 70 единиц хранения, от многолистных тетрадей, сшитых веревками, до сложенных пополам и втрое листов форматом в двойку.

Соотнося между собой архивную нумерацию фрагментов во всех трех подшивках, мы получим правильную последовательность фрагментов на момент расстановки карандашных номеров. Это позволит нам провести предварительный анализ бумаги и содержания записей, а как след-

[5] Из них в одной под номером 157 (111) хранится отчет XVII в. "Indulgentia stationum corbis Romae Plenaria". Еще две папки содержат дневник Я.-П. Сапеги 1608–1611 гг. Отдельная часть этого дневника за 1609 г. обозначена номерами 1 и 110, т.е., видимо, уже в архиве следовала за подшивкой с "Indulgentia". Наконец, четвертая из этого ряда — разрозненные польские материалы за первую половину XVII в.

[6] Оставляем для специального археографического расследования, как и почему номера проставлялись именно таким образом и почему сохранились не на всех фрагментах в подшивках с документацией кн. С. Ф. Бельского. Особая проблема — архивные номера расставлены бессистемно, как если бы архивный работник имел перед собой подшивки в разнообразном порядке, в ряде случаев начальными листами подшивок были не те, которые оказались ими к июлю 2015 г. В I-8, I-11, III-27 номера вообще поставлены так, как если бы листы были расположены верхом вниз. Неполнота архивной нумерации не может объясняться тем, что часть номеров была первоначально проставлена на материалах из других подшивок. Карандашные номера на польских бумагах в той же папке пересекаются с карандашными номерами в трех изучаемых подшивках. В порядке фрагментов на июль 2015 г.: 130, 128, 134, 106, 85, 63, 17, 92. Номер 63 встречается и в польских делах, и в тетрадях с документацией кн. С. Ф. Бельского.

[7] Микрофильмы описаны в ЦГАДА в ноябре 1966 г. В. Фигаровским в папке 11, столбец №351, рулон микрофильмов №133. Здесь под п. 3 указывается: «Несколько десятков листов из Новгородских (?) книг и других документов 1542–1548 гг. (часть из них на польском языке). Среди них перевод письма короля Жигимонта к кн. Семену Федоровичу Бельскому. Эти материалы в первой половине рулона №133)». Благодарю А. В. Малова (Москва, РГАДА) за консультацию по зарубежным поступлениям РГАДА из шведских архивов.

[8] Публикация онлайн: "Archiwum kniazia Siemiona Fiedorowicza Bielskiego" см.: URL: http://www.repcyfr.pl/dibra/doccontent?id=138&dirids=1 (дата обращения 13.04.2016).

[9] Ср. историко-кодикологические методики, предложенные при изучении Углицкого следственного дела и Лицевого летописного свода: *Клейн В.К.* Дело розыскное 1591 году про убийство царевича Дмитрия Ивановича на Угличе. М., 1913; *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.

ствие, ответить на вопрос о первоначальном порядке фрагментов. Обозначим их принятым нами условным номером части (I-III- и номер в порядке от начала подшивки), архивным номером (архивная карандашная нумерация), первыми словами каждой части (максимально упрощаем и осовременниваем транскрипцию), расположим их в общем порядке возрастания номеров. Тетради и листы без карандашной нумерации будем обозначать арабской цифрой со звездочкой 1* и т.д. в той последовательности, в которой они расположены сегодня, в сплошной нумерации от первой папки к третьей. К каждому такому фрагменту приведем данные о водяных знаках[10], приписках и пометах, особенностях почерков и количеству листов в каждой тетради[11]. В квадратных скобках отрывки, обнаруженные и отсняты на цифровую камеру М. Страшевичем, но недоступные для изучения, когда дела выдавались мне в Стокгольмском архиве летом 2015 г. Их нумерация внутри квадратных скобок отражает карандашный внутренний номер и порядок внутри каждой папки. Арабский номер внутри круглых скобок отражает место недоступной тетради или листа после номера доступного фрагмента и указывается с апострофом (')[12]. Материалы, хранящиеся в том же собрании под шифром E 8610:1, нами специально не изучались. Они помещены в квадратных скобках. На основе той же подборки фотографий М. Страшевича и анализа водяных знаков и форматов Н.А. Кочековской мы указываем их карандашную архивную нумерацию — эти номера в обоих шифрах не пересекаются, а следовательно, они могли первоначально нумеровать единую подборку[13].

16 (II-16) «Приказанем пана Олбрахта Мартиновича Каштолта...» 7 л. (2 = *).

19 (II-17) «На памят што Явор вин побрал...» 4 л.

20 (II-19) «Реистр лычковского...» 5 л. (л. 3 малого формата, подшит двойными веревочными скрепами к л. 4 и 5). На л. 5 — печать по коричневому воску.

21 (II-18) «Под лето Божего Нароженья 1543 у четвер перед громницами...» 4 л.

23 (II-15) «Реистр тых шкод...» 6 (2 + 4) л.

24 (III-19) «На памят князю его милости севба у дворе Кормяловском и Жижморском яривная...» 2 л. Сверху карандашная помета: "Żyzmory".

25 (III-20) «Ноздришкы колко на свинеи вышло першого году...» 2 л. Первоначальный сгиб большого листа на 2 листа в двойку принимаем за основу. Писец работал, разделив большой лист еще раз — на три части (на первом листе в двойку 1 страница, на первом с оборота и на лицевой стороне второго — 3 страницы).

26 (II-23) «Попис дворца панеи ее милости Жипчиского...» 2 л. Карандашом сверху: «1548?» Листы повреждены снизу.

27 (III-22) «Андреи Анциперович с потужниками своими...» 2 л. Поврежден и выщерблен сверху, частично по контурам обрывов № 28 (III-21), но сохранился немного полнее. За начало принимаем первые слова полностью сохранившейся записи.

28 (III-21) «Полслужбы земли Иваевское...» 2 л. Поврежден и выщерблен сверху у сгиба. За начало принимаем первую полностью сохранившуюся строку.

29 (III-23) «Шаты которые Офанасу пани ее милости выдала...» 2 л.

30 (III-24) «На памет панеи ее милости бояре кейдановские путные...» 2 л. Второй лист сверху наполовину оборван.

---

[10] Все аналогии приводятся по наиболее близкому варианту в опубликованных альбомах филиграней. Степень близости обсуждается только в тех случаях, когда известные датированные варианты заметно расходятся с обнаруженными в рукописях Стокгольмского архива. Условные обозначения при определении водяных знаков: Пиккард. Короны — Die Kronen-Wasserzeichen. Findbuch I der Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart / bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1961; Пиккард. Кабан — Wasserzeichen verschiedene Vierfüssler / bearb. von G. Piccard. Findbuch XV. Teil 3. Abt. H. Eber. Stuttgart, 1987; Пиккард. Медведь — Wasserzeichen verschiedene Vierfüssler. Teil 2. Abt. I. Bär. Stuttgart, 1987; Пиккард. Голова быка — Die Ochsenkopf-Wasserzeichen / bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1966. Findbuch II. Teil 1–3; Пиккард. Лилия — Wasserzeichen Lilie / bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1983; Пиккард. Весы — Wasserzeichen Waage / bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1978; Пиккард. Крест — Wasserzeichen Kreuz / bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1981; Пиккард. Перчатка — Wasserzeichen Hand und Handschuh / bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1997; Знаки: Пиккард. Гербовой щит; Пиккард. Сфера; Пиккард. Литера Р — сплошная нумерация по онлайн-версии справочника (дата обращения 28.11.2016).

[11] Номера листов отсчитываются нами в сплошном правильном порядке, в рамках каждой отдельной тетради вне зависимости от количества подшитых в тетради фрагментов. За первый лист принимается начало тетради по состоянию на июль 2015 г.

[12] Ниже, сразу после основного списка материалов «архива Гаштольдов–Бельского» я комментирую происхождение и исчезновение «недостающих» тетрадей.

[13] Впрочем, этот вывод неочевиден. С одной стороны, есть повторяющиеся карандашные номера в трех основных папках-подшивках с материалами архива Гаштольдов–Бельского. С другой — в этих папках есть фрагмент под № 62. Этот карандашный номер встречается также в россыпи из E 8610:1.

31 (III-1) «На памет коли с которого зверяти...» 2 л.

32 (III-25) «На памет папеи ее милости жита ублажпа...» 2 л.

33 (II-22) «Под лето Божего Нароженья 1547 году июля 29 дня индикта пятого...» 2 л.

34 (II-20) «Поручники которые ручили...» 2 л.

35 (II-21) «Попис гумпа трабского...» 2 л. Сверху карандашом приписапа дата: «1548».

36 (III-28) «Под лето Божего Нароженя 1534-го лета месеца генваря 30-и деп...» 4 л. Четвертый лист разрезан поперечно пополам. На л. 3 об. — 4 три печати, сохранились лишь фрагменты.

37 (III-27) «Што осумовапо з дворов папее ее милости серебщизпы...» 1 л.

38 (III-26) «Под леты Божего Нароженья 1540 месеца генваря 1 день индикта 13...» 2 л. Сверху карандашом: «1540».

39 (II-3) «Лета Божего Нароженья 1547 году индикт 5...» 2 л. Сверху карандашом: «1547».

40 (II-2) «На памет Ивану...» 2 л.

41 (II-1) «Лета Божего Нароженеи 1542...» 6 л. Сверху карандашом: «1542».

42 (II-4) «Михно Радовонович от вола дал...» 2 л.

43 (II-5) «...жипу того ж жита...» 3 л. подшиты в трех местах по корешку, держатся па нижней подшивке.

44 (I-18) «Леистр кормяловскии от пустовских земль...» 10 л.

45 (II-6) «Воишпарова приставпитства...» 4 л.

47 (II-9) «На паметь а коли Вептиславу держал Жижморы...» 6 л.

48[14] (II-10) «Жалобница князя Белского и о служебников его...» 4 л.

50 (I-1) «Царю поминок...» 2 л.

51[15] (II-12) «Кормяловская...» 10 л.

52-1[16] (I-11) «В Кормялове пописапо...» 10 л.

52-2 (I-17) «На памет што Вептиславус побрал...» 6 л. Карандашом сверху: "Żyżmory".

52-3 (I-19) «Пищего по четире пенези...» 2 тетради всего па 16 (8 + 4 + 4) л.

53 (I-10) Отрывок о скатертях (сильпо поврежден сверху). 2 л.

56 (I-13) «Про памят князь его милость росказал записати...» 2 л.

57 (I-16) «На памет его милости папу Япу Юревичу Комаевскому...» 8 л.

58[17] (I-8) «Месець маи 22 деп индикта 13...» 8 (2 + 6) л.

59 (I-6) «Росход жита пятидесят копам...» 13 л.

{60} «Я, Ромашко...» 1 л.

61 (I-5) «Реист канцизны болницкое... лета Божего Нароженья 1549 року...» 4 л.

62 (I-7) «Волоспые люди давали...» 2 л.

{62-1} «От Богдаповое Федки сыпку моему милому Ивапу, писарю господаря короля его милости...» 1 л.

63 (I-2) «Лета Божего Нароженья 1543 месеца февраля индикта 1...» 8 л.

64 (I-3) «Лета Божя Нарожения 1543-го месеца поября...» 8 л. Сверху карандашом: "År 1543. / November".

75 (II-13) «Шарлатных пят ковътапов...» 2 л.

{76} «Мпого парочатому и славпому моему доброму приятелю Али-Хичею...» (26 октября). 1 л.

{77} «Много парочатому и славному моему доброму и приятелю Абраим-Башю...» (26 октября). 1 л.

{78} «Што сам князь видел у-в Ахматаеви дворе...» 1 л. Описапие досмотра или обыска с реестром ценных предметов.

79 (II-14) «Богдапец Жомоитип дым одип полслужбы...» 2 л.

{84} «Колко грабежного быдла зосталось у дворе, то ест рубежовского...» 1 л.

{86} «Петрь Микевич...» 1 л.

107 (III-5) «Лета Божего Нароженья 1543 индикта 1...» 6 л. Сверху карандашом: «1543».

109 (I-4) «Поручьпики пописапы...» 12 (2 + 10) л. Латинские пометы поздним почерком (предположительно, XVII в.) и карандашом (XIX или XX в.): "Defecta".

{130} «Пани Олбрахтовое Мартиновича Кгаштолтовое Зофеи...» (Радошковичи, 20 декабря 5 индикта). 1 л.

[131 (I-15')] «На памет што Вептиславус и Жижмор взял...» 2 л. Лист, видимо, в момепт выдачи подшивок М. Страшевичу был повернут оборотом первого листа вверх и начинался словами: «А служб и копей што Вептиславус взял...». На этой же стороне сверху карандашпая помета «131».

{133} «Мещапя стоклиские отдали от пустовских земль серебщизпу...» 6 л.

{136} «В Бозе достойпому по благодати Святого Духа...» 1 л. Письмо иерея Феодора

[14] Данная подшивка на момент получения дела в июле 2015 г. была вложена после л. 4 в №47. Отделяем и располагаем ее вслед за №47.

[15] Номер неясно — возможно, это номер «57».

[16] Номер поставлен верхом вниз на нижнем поле, т.е. тетрадь первоначально лежала, видимо, низом кверху.

[17] Номер поставлен верхом вниз на нижнем поле, т.е. тетрадь первоначально лежала, видимо, низом кверху.

священпонерею Стефапу Евсею (Евщею), служителю в Никольском храме в Пупях.

После I-8 (№58) следует тетрадь без карандашной пумерации, условно — I-9:

1* (I-9) «Кон Бенкович...» 6 л.

После I-11 (№52) два листа без карандашной пумерации, условно — I-12:

2* (I-12) «На памет папеи ее милости колко выходит купичных...» 2 л.

После I-13 (№56) три дела без карандашной пумерации, условно — I-14, I-15 и I-16:

3* (I-14) «На памят урядпику болпицкому...» 2 л. Карандашом по верхнему полю на л. 1: "Till voievoda Mauuv Wilno".

4* (I-15) «На памет которие статку князя Белского...» 2 л. Сгиб листа справа.

После II-6 (№45) следует тетрадь без карандашной пумерации, только с указанием года — 1543, а за ней еще одна тетрадь без каких-либо карандашных обозначений. Условно — II-7, II-8:

5* (II-7) «Лета Божего Нарожепья 1543 месеца февраля индикта 1...» 4 л.

6* (II-8) «Стоклискии а пристав...» 12 (6 + 4 + 2) л., подшиты двойной веревочной скрепой сверху и снизу.

После II-10 (№48) следует тетрадь без карандашной пумерации, только с ошибочным указанием года. Условно — II-11:

7* (II-11) «На памет яко Папас едучи с Коидапова... Лета Божего Нарожепья 1547 году месеца июня 26 дня индикта 5...» 2 л. Сверху карандашом: «1543».

После III-1 (№31) следуют тетради без карандашной пумерации и отдельный лист, условно — III-2, III-3, III-4:

8* (III-2) «Жалобница князя Белского и служебников его...» 4 л.

9* (III-3) «Месеца декабра 4 деп индикта 2...» 3 л. (большой лист, сложенный до формата в двойку и прошитый на еще одном горизонтальном сгибе). Карандашом приписано: «4.XII.».

10* (III-4) «У Стокълишьках казано продавать...» 1 л.

После III-5 (№107) следуют тетради без карандашной пумерации, условно — III-6, III-7, III-8, III-9, III-10, III-11, III-12, III-13, III-14, III-15, III-16, III-17, III-18:

11* (III-6) «В лето Божего Нарожепья 1532 месеца апреля 29 деп индикта 5...» 2 л.

12* (III-7) «Реистр колко дякла с Коидапова приходити...» 2 л.

13* (III-8) «На памет Миколаю...» 2 л. Второй лист снизу обрезан (вырезан правый угол).

14* (III-9) «Под лето Божего Нарожепья 1541 месеца декабря 14 деп индикта 15...» 10 л.

15* (III-10) "Anno 1544 20 January..." 4 л.

16* (III-11) «На памет папеи ее милости колко служоб побори дают...» 2 л.

17* (III-12) «На памет папеи ее милости сколко служоб побору Яцько Кошка выбрал...» 2 л.

18* (III-13) «Попис двора папеи ее милости Ошмепского...» 7 (6 + 1) л. Отдельный лист полностью отделен от основного блока, начинается со слов «Ярицы две соляпки...»[18]. Вкладываем отдельный лист между л. 3 и 4 и обозначаем его как л. 7.

19* (III-14) «Под лета Божя Нарожепья 1542...» 2 л. (сшив с необычной правой стороны, но последовательность текста позволяет считать именно данную страницу первой и отсчитывать листы в таком порядке). Карандашом приписано: "Stokliszki / 1542", и ниже: "Boltromes Lavrinovisz".

20* (III-15) «На памят мне и Лву...» 15 л. (л. 2 = *).

21* (III-16) «Лета Божего Нарожепья 1543 месеца сентября 8 деп индикта 2». 6 л. Карандашом приписано: «1543», и ниже: "Stokliszki".

22* (III-17) «Лета Божего Нарожепья 1548 року месеца генвара 7 деп индикта 6...» 2 л. Повреждены сверху и у верхнего края.

23* (III-18) «Што Поликша стравил...» 2 л.

{24*} «На памят колко быдла грабежного...». 1 л.

{25*} «Люди двора Весейшого...» 2 л.

На июль 2015 г. порядок фрагментов в трех подшивках соответствовал пумерации, приведенной в круглых скобках. Незначительные вторжения в их последовательность привнесены мной при изучении кодикологических особенностей архива и могут быть обнаружены при сравнении условной пумерации фрагментов с той последовательностью кадров, которую любезно предоставил польский исследователь Михал Страшевич, работавший с материалами Скуклостер на рубеже 1990-х–2000-х гг.[19]

[18] В онлайн-версии опубликован после л. 1–6.

[19] Иначе была развернута тетрадь №58 (I-8). Лист №4* (I-15) лежал оборотом нижнего листа вверх.

Структура Архива Бельского—Гаштольдов в порядке арабской пумерации тетрадей

№	Первые слова, объем	Филиграни	Почерк	Московский
16 (II-16)	«Прнказанем пана Олбрахта Мартнновнча Каштолта...» 7 л. (2 = *).	Корона под крестом на л. 2 = *, 4 = 5. — Ср.: Пнккард. Короны. Abt. IX. № 21. — 1532, 1533; № 22. — 1531, 1532 гг. (в знаке рукопнсн нет одного бокового кружка сверху на скобе, ннжннй среднй луч короны с наверШьем плотно в ножке центрального цветка, петель по бокам у короны нет)	2	
19 (II-17)	«На памят што Явор внн побрал...» 4 л.	Кабан на л. 1 = 4. — Ср.: Пнккард. Кабан. № 90. — 1541 г.	3	
20 (II-19)	«Реистр лычковского...» 5 л.	Корона под крестом на л. 1 = 5, 2 = 4. — Ср.: Пнккард. Короны. Abt. IX. № 18. — 1539–1543 гг.	1	
21 (II-18)	«Под лето Божего Нароженья 1543 у четвер перед громнницамн...» 4 л.	Знака нет	1	+
23 (II-15)	«Реистр тых шкод...» 6 (2+4) л.	Голова быка на л. 3 = 6. — Ср.: Пнккард. Голова быка. Abt. XVI. № 430. — 1536–1541, 1549 гг.	4	+
24 (III-19)	«На памят князю его мнлостн севба у дворе Кормяловском н Жнжморском ярнвная...» 2 л.	Знака нет	1	
25 (III-20)	«Ноздрншкы колко на свннен выпло перного году...» 2 л.	Знака нет	1	
26 (II-23)	«Попнс дворца панен ее мнлостн Жнічнского...» 2 л. Карандашом сверху: «1548?»	Гербовой щнт под цветком, нзображенне нечеткое, отождествнть не удалось	1	
27 (III-22)	«Андрен Анцнпорович с потужниками своими...» 2 л.	Знака нет	1	
28 (III-21)	«Полслужбы землн Иваевское...» 2 л.	Знака нет	1	
29 (III-23)	«Шаты которые Офанасу панн ее мнлостн выдала...» 2 л.	Кабан. Знак плохо просматрнвается. Отдаленное сходство: Пнккард. Кабан. № 71. — 1531 г.	1	
30 (III-24)	«На памет панен ее мнлостн бояре кендановскне путные...» 2 л.	Знака нет	1	
31 (III-1)	«На памет колн с которого зверятн...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пнккард. Кабан. № 73. — 1533, 1534 гг.	1	
32 (III-25)	«На памет панен ее мнлостн жнта ублажна...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пнккард. Кабан. № 93. — 1543 г.	1	
33 (II-22)	«Под лето Божего Нароженья 1547 году нюля 29 дня нндикта пятого...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пнккард. Кабан. № 73. — 1533, 1534 гг.	1	
34 (II-20)	«Поручннкн которые ручнлн...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пнккард. Кабан. № 70. — 1531 г.	1	
35 (II-21)	«Попнс гумна трабского...» 2 л.	Знака нет	1	
36 (III-28)	«Под лето Божего Нароженя 1534-го лета месеца генваря 30-н ден...» 4 л.	Кабан на л. 2 = 3. — Ср.: Пнккард. Кабан. № 73. — 1533, 1534 гг.	1	
37 (III-27)	«Што осумовано з дворов панее ее мнлостн серебщнзны...» 1 л.	Двойной крест. — Один знак, сохранившийся не полностью на срезе лнста, можно условно отождествить с варнантамн Пнккард. Крест. Abt. V. № 1277–1304. Крайние даты бытования данной разновндности — 1515–1539 гг.	1	
38 (III-26)	«Под леты Божего Нароженья 1540 месеца генваря 1 день нндикта 13...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пнккард. Кабан. № 73. — 1533, 1534 гг.	1	
39 (II-3)	«Лета Божего Нароженья 1547 году нндикт 5...» 2 л.	Крепость в гербовом щнте. — Ср.: Пнккард. Гербовой щнт. № 106288. — 1547 г.	5	
40 (II-2)	«На памет Ивану...» 2 л.	Знака нет	1	+
41 (II-1)	«Лета Божего Нароженен 1542...» 6 л.	Голова быка на л. 2 = 5. — Ср.: Пнккард. Голова быка. Abt. XVI. № 456. — 1537–1542 гг.	7	+
42 (II-4)	«Мнхно Радовоновнч от вола дал...» 2 л.	Знака нет	1	
43 (II-5)	«...жнну того ж жнта...» 3 л.	Знака нет	6	+

№	Первые слова, объем	Филиграни	Почерк	Московский
44 (I-18)	«Леистр кормяловскии от пустовских земль...» 10 л.	Корона на л. 3 = 8 — ср.: Пиккард. Короны. Abt. VIII. №27. — 1554–1557 гг.; Корона на л. 4 = 7 — ср.: Пиккард. Короны. Abt. III. №19. 1542 г. (вариант рукописи с плоским верхом скобы и без вертикальной линии от верха)	1	
45 (II-6)	«Воишнарова приставнитства...» 4 л.	Лилия на л. 2 = 3. — Ср.: Пиккард. Лилия. Abt. II. №1200. — 1546 г.	1	
47 (II-9)	«На паметь а коли Вентиславу держал Жижморы...» 6 л.	Кабан на л. 3 = 4. — Ср.: Пиккард. Кабан. №90. — 1541 г.	1	
48[a] (II-10)	«Жалобница князя Белского и о служебников его...» 4 л.	Кабан на л. 1 = 4. — Ср.: Пиккард. Кабан. №90. — 1541 г.	1	
50 (I-1)	«Царю поминок...» 2 л.	Литера Р. – Ср.: Пиккард. №106793. 1541 г.		+
51[b] (II-12)	«Кормяловская...» 10 л.	Корона на л. 2 = 9, 3 = 8, 5 = 6. — Ср.: Пиккард. Короны. Abt. XI. №31. — 1527 г. (в варианте рукописи на кресте 5-лепестковый цветок, иной формы угольные лучи короны, скоба украшена волнистой линией)	6	+
52-1[c] (I-11)	«В Кормялове пописано...» 10 л.	Кабан на л. 1 = 4, 5 = 6, 7 = 8, 9 = 10. — Ср.: Пиккард. Кабан. №93. — 1543 г.	6	+
52-2 (I-17)	«На памет што Вентиславус побрал...» 6 л.	Кабан на л. 1 = 6, 3 = 4. — Ср.: Пиккард. Кабан. №90. — 1541 г.	1	
52-3 (I-19)	«Пищего по четире пенези...» 2 тетради всего на 16 (8 + 4 + 4) л.	Кабан на л. 2 = 7, 3 = 6, 10 = 11, 14 = 15. — Ср.: Пиккард. Кабан. №93. — 1543 г.	6	+
53 (I-10)	Отрывок о скатертях. 2 л.	Знака нет	1	
56 (I-13)	«Про памят князь его милость росказал записати...» 2 л.	Знака нет	1	
57 (I-16)	«На памет его милости пану Яну Юревичу Комаевскому...» 8 л.	Гербовой щит на л. 1 = 8, 2 = 7. Аналог обнаружить не удалось	1	
58[d] (I-8)	«Месець маи 22 ден индикта 13...» 8 (2 + 6) л.	Корона на л. 1 = 2. — ср.: Пиккард. Короны. Abt. VII. №71. — 1536, 1559 гг.; Кабан на л. 3 = 8. — Ср.: Пиккард. Кабан. №90. — 1541 г.	1	
59 (I-6)	«Росход жита пятидесят копам...» 13 л.	Сфера на л. 1 = *, 3 = 13, 6 = 10, 7 = 9. — Ср.: Пиккард. Сфера. № HAAB-Q-18-105, HAAB-Q-18-153. — 1537 г.	1	
{60}	«Я, Ромашко...» 1 л.		–	
61 (I-5)	«Реист капщизны болницкое... лета Божего Нароженья 1549 року...» 4 л.	Медведь на л. 1 = 4. — Ср. отдаленно сходный вариант: Пиккард. Медведь. №527. — 1537 г.	1	
62 (I-7)	«Волосные люди давали...» 2 л.	Знака нет	1	
{62-1}	«От Богдановое Федки сынку моему милому Ивану, писарю господаря короя его милости...» 1 л.	Знака нет	–	
63 (I-2)	«Лета Божего Нароженья 1543 месеца февраля индикта 1...» 8 л.	Корона на л. 1 = 8 и 4 = 5. — Ср.: Пиккард. Короны. Abt. IX. №71. — 1554–1557 гг. (в варианте рукописи скоба обычной дугой без выгиба)	1	
64 (I-3)	«Лета Божя Нарожения 1543-го месеца ноября...» 8 л.	Кабан на л. 2 = 7, 3 = 6. — Ср.: Пиккард. Кабан. №93. — 1543 г.	6	+
75 (II-13)	«Шарлатных пят ковътанов...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пиккард. Кабан. №73. — 1533, 1534 гг.	1	+
{76}	«Много нарочатому и славному моему доброму приятелю Алн-Хичею...» (26 октября). 1 л.	Знака нет	–	
{77}	«Много нарочатому и славному моему доброму и приятелю Абранм-Башю...» (26 октября). 1 л.	Корона. Ср.: Пиккард. №55014. — 1545 г.; №55023. — 1549 г.	–	
{78}	«Што сам князь видел у-в Ахматаевн дворе...» 1 л.	Лилия со звездой. Аналог не обнаружен.	–	
79 (II-14)	«Богданец Жомонтии дым одни полслужбы...» 2 л.	Знака нет	1	

№	Первые слова, объем	Филиграни	Почерк	Московский
{84}	«Колко грабежного быдла зосталось у дворе, то ест рубежовского...» 1 л.	Знака нет	–	
{86}	«Петрь Микевич...» 1 л.	Знака нет	–	
107 (III-5)	«Лета Божего Нароженья 1543 индикта 1...» 6 л.	Корона на л. 1 = 6, 3 = 4. — Ср.: Пиккард. Короны. Abt. IX. № 101. — 1541 г. (в варианте рукописи знак, сходный с литерой N, над нижней дугой короны, кружка под крестом нет)	1	+
109 (I-4)	«Поручьники пописаны...» 12 (2+10) л.	Кабан на л. 1 = 2. — Ср.: Пиккард. Кабан. № 73. — 1533, 1534 гг.; Кабан на л. 4 – 11, 7 = 8. — Ср.: Пиккард. Кабан. № 93. — 1543 г.	1, 2, 6	+
{130}	«Пани Олбрахтовое Мартиновича Кгантолтовое Зофен...» (Радошковичи, 20 декабря 5 индикта). 1 л.	Знака нет	–	
[131 (I-15')]	«На памет што Вентиславус и Жижмор взял...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пиккард. № 85560. 1541 г.	–	
{133}	«Мещаня стоклиские отдали от пустовских земль серебщизну...» 6 л.	Корона двух разновидностей. — Ср.: Пиккард. № 51854. — 1542 г.; Пиккард. № 53873. — 1557 г.	–	
{136}	«В Бозе достойному по благодати Святого Духа...» 1 л.	Корона. — Ср.: Пиккард. № 55018. — 1547 г.	–	
1* (I-9)	«Кон Бенкович...» 6 л.	Голова быка на л. 1 = 2, 4 = 5. — Ср.: Пиккард. Голова быка. Abt. XVI. № 456. — 1537–1542 гг.	7	+
2* (I-12)	«На памет панеи ее милости колко выходит куничных...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пиккард. Кабан. № 73. — 1533, 1534 гг.	1	
3* (I-14)	«На памят урядинку болинцкому...» 2 л.	Знака нет	1	
4* (I-15)	«На памет которие статку князя Белского...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пиккард. Кабан. № 90. — 1541 г.	1	
5* (II-7)	«Лета Божего Нароженья 1543 месеца февраля индикта 1...» 4 л.	Корона на л. 2 = 3. — Ср.: Пиккард. Короны. Abt. IX. № 71. 1554–1557 гг. (в изучаемой рукописи скоба обычной дугой без выгиба)	1	
6* (II-8)	«Стоклискии а пристав...» 12 (6 + 4 + 2) л.	Кабан на л. 1 – 6, 2 = 5, 6 = 9. — Ср.: Пиккард. Кабан. № 93. — 1543 г.	6	+
7* (II-11)	«На памет яко Панас едучи с Кондановa... Лета Божего Нароженья 1547 году месеца июня 26 дня индикта 5...» 2 л.	Знака нет	1	
8* (III-2)	«Жалобница князя Белского и служебников его...» 4 л.	Кабан на л. 2 = 3. — Ср.: Пиккард. Кабан. № 90. — 1541 г.	1	
9* (III-3)	«Месеца декабра 4 деи индикта 2...» 3 л.	Корона на л. 1 = 32. — Ср.: Пиккард. Короны. Abt. IX. № 57. — 1555 г.	1	
10* (III-4)	«У Стокълишьках казано продавать...» 1 л.	Знака нет	2	+
11* (III-6)	«В лето Божего Нароженья 1532 месеца апреля 29 деи индикта 5...» 2 л.	Корона под крестом, плохо просматривается. Видимо, близок к: Пиккард. Короны. Abt. VII. № 41. — 1529 г.	1	
12* (III-7)	«Реистр колко дякла с Кондановa приходити...» 2 л.	Знака нет	3	
13* (III-8)	«На памет Миколаю...» 2 л.	Знака нет	1	
14* (III-9)	«Под лето Божего Нароженья 1541 месеца декабря 14 деи индикта 15...» 10 л.	Корона под крестом на л. 4 = 7. Ср.: Пиккард. Короны. Abt. IX. № 75. — 1548, 1549 гг.	1, 4	+
15* (III-10)	"Anno 1544 20 January..." 4 л.	Лилия в щите под короной на л. 1 = 4. Корона под крестом на л. 2 = 3. — Ср.: Пиккард. Короны. Abt. IX. № 40. 1543, 1554 1558 гг.	8	
16* (III-11)	«На памет панеи ее милости колко служоб побори дают...» 2 л.	Два мальтийских креста в щите под короной. — Ср.: Пиккард. Крест. Abt. IV. № 1118. — 1546, 1547 гг.; № 1119. — 1548–1550 гг.; № 1120. — 1550 г.; № 1121. — 1548, 1549 гг.; № 1122. — 1551 г.	1	

№	Первые слова, объем	Филиграни	Почерк	Московский
17* (III-12)	«На памет панеи ее милости сколко служоб побору Яцъко Кошка выбрал...» 2 л.	Знака нет	1	
18* (III-13)	«Попис двора панеи ее милости Ошменского...» 7 (6+1) л.	Весы на л. 2 = 5, 3 = 4. — Ср.: Пиккард. Весы. Abt. V. № 15. — 1531 г.	1	
19* (III-14)	«Под лета Божя Нароженья 1542...» 2 л.	Голова быка. — Ср.: Пиккард. Голова быка. Abt. XVI. № 430. — 1536–1541, 1549 гг.	4	
20* (III-15)	«На памят мие и Лву...» 15 л. (л. 2 = *).	Перчатка на л. 5 = 12, 8 = 9. — Ср.: Пиккард. Перчатка. Abt. VI. № 1867. — 1534 г.	3	
21* (III-16)	«Лета Божего Нароженья 1543 месеца сентября 8 деи индикта 2». 6 л.	Голова быка на л. 2 = 5, 3 = 4. — Ср.: Пиккард. Голова быка. Abt. XVI. № 439, 440. — 1538–1541, 1544–1546 гг.	4	
22* (III-17)	«Лета Божего Нароженья 1548 року месеца генвара 7 деи индикта 6...» 2 л.	Кабан. — Ср.: Пиккард. Кабан. № 73. — 1533, 1534 гг.	1	
23* (III-18)	«Што Поликша стравил...» 2 л.	Корона под крестом. Знак поврежден, идентифицировать не удалось	1	
{24*}	«На памят колко быдла грабежного...» 1 л.	Знака нет	–	
{25*}	«Люди двора Весейного...» 2 л.	Два ключа в гербовом щите. Верх знака (Орел и Цветок) поврежден. Знак идентифицировать не удалось. Отдаленное сходство: Пиккард. Ключи. № 121855. — 1549 г.; № 121856. — 1545 г.	–	

[a] Данная подшивка на момент получения дела в июле 2015 г. была вложена после л. 4 в № 47. Отделяем и располагаем ее вслед за № 47.
[b] Номер неясно — возможно, это номер «57».
[c] Номер поставлен верхом вниз на нижнем поле, т. е. тетрадь первоначально лежала, видимо, низом кверху.
[d] Номер поставлен верхом вниз на нижнем поле, т. е. тетрадь первоначально лежала, видимо, низом кверху.

Существенные изменения произошли за этот период в самом составе архива Гаштольдов–Бельского. В первой подшивке обнаружены все тетради и листы от (I-1) до (I-15). Затем отсутствовали нынешние номера (I-16)–(I-19), а вместо них читался не выданный мне фрагмент под карандашным номером 131, который здесь описан только на основе фотографий Страшевича. Номером (I-16) открывается следующая подшивка (условно — II'). За ним в II' следует нынешний номер (I-18). Судя по фотографии, причина «исчезновения» заключается в особенностях хранения данной тетради. Как расставлялась карандашная нумерация, была ли она сплошной и сохранились ли сведения о «пропущенных» номерах, выяснить не удалось[20].

Частичная цифровая публикация материалов Бельского–Гаштольдов осуществлена онлайн под заглавием «Архив князя Семена Федоровича Бельского» ("Archiwum kniazia Siemiona Fiedorowicza Bielskiego") на польском домене «Цифровое хранилище Полоники» ("Repozytorium Cyfrowe Poloników") в рамках проекта Института исследований культурного наследия Европы (Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy). В публикацию вошли не все фрагменты, а их порядок следующий: 36 (III-28), 37 (III-27), 38 (III-26), 32 (III-25), 30 (III-24), 29 (III-23), 27 (III-22), 28 (III-21), 25 (III-20), 24 (III-19), 23* (III-18), 22* (III-17), 21* (III-16), 20* (III-15), 19* (III-14), 18* (III-13), 17* (III-12), 16* (III-11), 15* (III-10), 14* (III-9), 13* (III-8), 12* (III-7), 11* (III-

[20] На мой электронный запрос от 29 июля 2015 г. о том, сохранились ли еще какие-то фрагменты в изучаемом собрании, 11 августа того же года я получил по электронной почте ответ от сотрудницы архива Лены Аниммер (Lena Ånimmer) следующего содержания. Вот отрывки из данного письма: "Russian documents in the Skokloster collection: <...> — E 8610 (old number 344) and E 8610:2 (old number 352) Russian and Polish letters... Pencil numeration marks, folders and files. Presumably, the files were formed long ago, during the 19th century or earlier while the documents were still at Skokloster castle. The old reference numbers (344, 352) point to this being so. There is a note that the documents were examined by Ingvar Kalnins and Folke Ludwigs in 1979 and that the old boxes at that point were replaced by more modern ones. When the grouping of the documents in different folders were made is not easy to say. The folders are new, but order of the documents presumably the same as it were long ago; the old acid folders were simply replaced by new ones some years ago in order to ameliorate the box climate. We do not know who made the pencil marks, they were probably made many, many years ago..."

6), 107 (III-5), 10* (III-4), 9* (III-3), 8* (III-2), 31 (III-1). Далее в публикации приведено несколько листов из хранящейся под тем же шифром папки, не имеющей отношения к материалам Гаштольдов–Бельского. Таким образом, в онлайн-версию «Архива» полностью вошла вся III подшивка-обертка, но копии расположены в обратной последовательности от (III-28) к (III-1).

Таким образом, на сегодня остается немало неясного в истории формирования и вопросе о первоначальном составе «Архива Гаштольдов–Бельского». Принадлежность этого архива кн. Семену Бельскому неочевидна. Заглавие, принятое для онлайн-публикации, – не более чем условность и дань архивной предыстории материалов из «папок Бельского». Однако в нашем распоряжении достаточно источников, чтобы посильно ответить на этот вопрос и на основании предложенных ответов реконструировать историю хозяйства кн. Семена Бельского в его литовских владениях.

Теперь обратимся к кодикологической истории Архива Гаштольдов–Бельского как единого целого, объединяя разрозненные листы и тетради по группам на основе анализа водяных знаков, почерков и «белых» датировок. На данном этапе основная задача – распределить материалы архива по хронологической оси и выявить в них взаимосвязанные комплексы.

Филиграни тетрадей № 63 (I-2) и 5* (II-7) почти идентичны, оба фрагмента написаны одним почерком, а текст датирован февралем 1543 г. По сходству почерков к этим двум тетрадям близок № 42 (II-4).

Бумага и почерки № 47–48 (II-9, II-10) и 8* (III-2) сходны – это три фрагмента одновременного происхождения. Причем № 8* (III-2) содержит текст, почти идентичный № 48 (II-10), но с вымаранными отрывками, – т.е. № 8* (III-2) является, вероятно, источником и черновым вариантом № 48 (II-10). Между знаками № 47–48 (II-9, II-10), 8* (III-2) и 19 (II-17) различия минимальны, хотя бумага, во всей видимости, не из одного набора (стопы). При этом филиграни № 19 (II-17), 20* (III-15) и 52-2 (I-17) полностью идентичны – это части некогда одного собрания. Их почерки немного различаются, однако в целом также сходны – № 19 (II-17) и 20* (III-15) могут представлять более беглый вариант № 52-2 (I-17). Еще одна тетрадь – № 58 (I-8) создана отчасти из бумаги со знаком Кабан, полностью идентичным № 19 (II-17), 20* (III-15) и 52-2 (I-17), однако почерк в данной тетради заметно отличается, а ее датировка вписывается благодаря «белой дате» в период деятельности кн. С. Ф. Бельского.

Общие обстоятельства создания и почерк объединяют листы № 3* (I-14), 4* (I-15), 57 (I-16) и 52-2 (I-17). Тетрадь 57 (I-16) точно не датируется, однако прямо примыкает ко всем названным материалам. Остальные материалы в этом ряду касаются конфискации имущества кн. С. Ф. Бельского и его слуг. Датируем их условно 1544 г.

Сходство бумаги в № 31 (III-1), 33 (II-22), 36 (III-28), 38 (III-26), 75 (II-13), 109 (I-4), 2* (I-12), 22* (III-17) по знаку Пиккард. Кабан № 73 не вполне надежно для структурирования документации в подшивках. Скажем, варианты Венца № 31 (III-1) и 33 (II-22) заметно расходятся расположением глаза и формой лап. В знаке № 36 (III-28) более вытянутое, а в № 38 (III-26) угловатое рыло. Варианты № 75 (II-13) и 109 (I-4) идентичны, рыло в этом изображении кажется заметно более крупным, чем в других вариантах данной группы.

Близкий к предыдущему вариант представляют № 25 (III-20), 2* (I-12) и 22* (III-17) – их почерки сходны (к ним примыкает 62 (I-7)). Возможно, две непронумерованных тетради 2* и 22* на идентичной бумаге – часть одного комплекса материалов. При этом тетрадь № 22* (III-17) точно датирована 7 января 1548 г. Датировка № 62 (I-7) условна из-за трудности хронологически привязать его бумажный знак, но условно может быть отнесена к более ранней группе, которая почерком сходна с № 16 (II-16), а тот в свою очередь возник по указу О. М. Гаштольда, т.е. не позднее декабря 1539 г., а судя по водяным знакам, может быть условно отнесен к 1533–1534 гг.

Сходство почерка № 16 (II-16) и листа № 10* (III-4) с пометами 109 (I-4) позволяют предположить их общее происхождение. Однако мы вынуждены выделить особую группу для этого небольшого фрагмента, поскольку его почерк сходен и с пометами в № 58 (I-8). А № 109 и 58 разнесены нами по разным датам – соответственно, к ноябрю 1543 и 22 мая 1540 г. – и входят в «архив Бельского». Определенные сближения 10* (III-4) заметны и с особой группой почерков, сходных с № 44 (I-18) и 52-3 (I-19).

Лист на бумаге с иной разновидностью знака Кабан (Пиккард. Кабан № 70) – № 34 (II-20).

Отдельное единство составляли некогда № 36 (III-28) и 37 (III-27). Это ясно из сравнения почерков.

Особая группа – тетради со знаком Пиккард. Кабан № 93. В этой группе идентичность знака не вызывает сомнений в тетрадях № 32 (III-25) и 52-1 (I-11), 52-3 (I-19), 64 (I-3), 109 (I-4), 6* (II-8). Сходство бумаги подкрепляется тождеством

почерков в №43 (II-5), 52-1 (I-11), 52-3 (I-19), 64 (I-3), 109 (I-4), 6* (II-8). Следовательно, только к одной тетради №32 (III-25) мог быть причастен другой писец. К этой группе примыкают №21 (II-18) и 56 (I-13), бумагу которых невозможно идентифицировать по знакам, но почерки сходны с другими образцами в названной группе.

Датировка №52-1 (I-11) опирается на кодикологическую близость к группе фрагментов 1543 г., но может быть условно уточнена. Первые же слова московской скорописью на л. 1 гласят: «В Кормялове понисано у дъворе осталося по Николине дни». Николин день приходился на 6 декабря, и хотя могли почитаться и другие события из жития св. Николая Мирликийского (особенно — весенний и летний праздники), скорее всего, в отчетах о продуктовых сборах подразумевается именно «Никола Зимний». Эта дата и принята нами как ante quem non. Тетрадь №64 (I-3) датирована ноябрем 1543 г. В №21 (II-18) и 43 (II-5) указана дата — 1543 г. Более точная датировка возможна благодаря описательной дате в 21 (II-18). Поскольку праздник Громницы (т.е. Сретенье, 2 февраля) приходился в 1543 г. на вторник, четверг перед Громницами — это 28 января 1543 г.

Идентичность филиграней и основного почерка в тетрадях №41 (II-1) и 1* (I-9) не оставляет сомнений, что перед нами две части одного комплекса. К нему примыкает особый лист №40 (II-2), о чем говорит близость почерков и контекст — распоряжения кн. С.Ф. Бельского во время его пребывания в Кракове.

Обращает на себя внимание идентичность знаков бумаги и почерков в тетрадях №23 (II-15) и 19* (III-14). Это два фрагмента, некогда составлявшие единое целое.

Почерки совпадают в №59 (I-6) и 58 (I-8). Тем не менее, это два разных фрагмента — возможно, за разные годы. В заглавии №58 (I-8) содержится дата — 22 мая 13 индикта, что соответствует 22 мая 1540 г. И это первое в подборке дело за время пребывания кн. С.Ф. Бельского в имении Гаштольдов. В тетради №59 (I-6) встречается также кириллический номер индикта — «индикта 8» (л. 3 об., 8) и упоминается день св. Петра как дата в прошлом (л. 9). Вероятно, акт относится к событиям 29 июня 1535 г., хотя это лишь условная дата, поскольку и номер индикта, и день св. Петра встречаются внутри акта и образуют лишь ante quem non для датировки[21].

Акты №21* (III-16) и 9* (III-3) датированы вторым индиктом, причем №21* имеет точное указание года и денной даты — 8 сентября 1543 г., а №9* лишь месяц и денную дату — 4 декабря. Византийское летосчисление по индиктам предполагает 15-летний цикл. Следовательно, во втором случае датировка может относиться к 4 декабря 1528, 1543, 1558 гг. и т.д. Перед нами материалы несходного происхождения: №21* — часть бумаг кн. С.Ф. Бельского, тогда как №9* документация Гаштольд. Вспомогательным средством для ответа на вопрос о датировке 9* может служить особенность бумаги актов. В случае №21* ее связь с 1540-ми гг. не вызывает сомнений. Судя по датировке водяного знака №9*, маловероятно, что этот акт близок по времени возникновения к №21*, – более вероятно, что речь должна идти о следующем десятилетии. Условно принимаем дату №9* — 4 декабря 1558 г.

Идентичность почерка объединяет тетради №16* (III-11) и 17* (III-12). Это, по всей видимости, одновременные фрагменты.

Точно датировать можно тетрадь №18* (III-13). Здесь указана точная денная дата по христианскому календарю – день св. Софии мая 1539 г. Речь идет о памяти мученицы Софии, приходящейся на 22 мая, т.е. дата должна читаться — 22 мая 1539 г.

Особое сходство заметно в почерках и орфографии №24 (II-18) и 45 (II-6).

Тетради №28 (III-21) и 27 (III-22), если судить по почеркам и по контуру обрывов бумаги, составляют две части одного целого. К ним примыкает по тем же параметрам №53 (I-10). На этих фрагментах сохранились также в сходных местах — по верхней части листа — зеленые пятна от влаги. Пятна в сходном месте и небольшой, но сходно расположенный надрыв бумаги по верхнему внешнему углу обнаруживаются и еще на одной, точно датированной, тетради №22* (III-17). К ее дате мы и отнесем №27 (III-22), 28 (III-21), 53 (I-10). Лучше сохранился точно датированный фрагмент, примыкающий ко всем трем названным здесь по сходству почерков, — №7* (II-11). Несомненно, этот же почерк выступает в акте приблизительно одного времени с №7* (II-11) — 79 (II-14).

[21] Благодарю за консультации по исторической хронологии Великого княжества Литовского Светлану Куль-Сильвестрову (Гродно) и Александра Грушу (Минск). С. Куль поддержала версию о том, что речь может идти в данном случае именно о 1535 годе, но не исключила, что мог подразумеваться другой календарный день памяти св. Петра или индикт записан ошибочно. Последнее случалось в XVI в. уже очень часто. По наблюдению, высказанному мне А. Грушей в частном письме, почерк, несомненно, относит данный фрагмент рукописи ко времени не позднее 1530-х годов.

Почерки №35 (II-21) и 26 (II-23) демонстрируют сепаратное сходство и, видимо, принадлежат одной руке.

Почерки №57 (I-16) и 23* (III-18) также сходны между собой.

Характерный неровный почерк №23 (II-15), 10* (III-4), 19* (III-14), один из трех в 21 (II-18), основной в 51 (II-12), значительная часть 14* (III-9) в рамках одного комплекса Жижморских реестров-«жалобниц» №48 (II-10), 52-2 (I-17), 4* (I-15), 8* (III-2). К этому комплексу, над которым работал один урядник, примыкает №23 (II-15) из материалов, переписанных другой рукой. Значительная часть №14* (III-9) написана той же рукой, что и 23 (II-15) и др., но начало 14* (III-9) сходно с 20 (II-19). Из этого следует, что один из писцов участвовал как в составлении основного комплекса реестров, так и в работе над малым комплексом Жижморских реестров.

Особняком в коллекции стоит №15* (III-10), единственный фрагмент, писанный латиницей на польском языке. Он точно датирован 20 января 1544 г.

Обособленное место в собрании занимают точно датированные Стоклишские реестры 1542–1543 гг. – №19* (III-14) и 21* (III-16). Их почерк не идентичен ни одному из названных выше, но в чем-то ближе к №20 (II-19).

Кормяловские реестры выполнены также особым писцом – №24 (III-19), 44 (I-18), 51 (II-12), 52-1 (I-11), 20* (III-15).

В то же время Кейданские реестры не образуют целостной кодикологической группы. Датировать №12* (III-7) по «белой» дате или данным бумаги не удается. Реестр №7* (II-11) относится к 26 июня 1547 г. Однако почерк №12* (III-7) совсем иной, идентичный №19 (II-17). Следовательно, предварительно можно отнести эти два отрывка к одной группе и приблизительно к 1544 г. К этой же группе примыкают, как представляется, впрочем на тех же шатких почерковедческих основаниях, еще 3 реестра из бумаг «пани ее милости» №29 (III-23), 30 (III-24), 32 (III-25).

Текстологический анализ показывает, что фрагмент №52-2 (I-17) подробнее, чем 4* (I-15) в рассказе о «бахматах» (конях) Бельского, который вынесен на отдельную страницу, и в перечислении убытков на полях, но опускает указание на конфискацию 8 армяков. При этом №52-2 (I-17) менее точно передает текст их общего источника в чтении:

4* (I-15)	52-2 (I-17)
А коли Вентиславус ходил к Москве он и Жижмор взял... (1)	А коли Вентиславус ходил к Москве он иж Жимор взял... (2)

Таким образом, можно предположить, что реестры №4* (I-15) и 52-2 (I-17) восходят к не дошедшему общему источнику.

Интерес вызывают совпадения почерков между делами С.В. Гаштольд и кн. С.Ф. Бельского. Скажем, единство почерка объединяет №20 (II-19), 21 (II-18), 24 (III-19), 25 (III-20), 26 (II-23), 27 (III-22) и 28 (III-21), 29 (III-23), 30 (III-24), 31 (III-1), 32 (III-25), 33 (II-22), 34 (II-20), 35 (II-21), 36 (III-28), 37 (III-27), 38 (III-26), 42 (II-4), 44 (I-18), 45 (II-6), 47 (II-9), 48 (II-10), 52-2 (I-17), 53 (I-10), 56 (I-13), 57 (I-16) и 22* (III-17), 58 (I-8) (один из почерков на л. 3–8), 59 (I-6), 61 (I-5), 63 (I-2), 79 (II-14), 107 (III-5), 109 (I-4), 2* (I-12), 4* (I-15), 5* (II-7), 7* (II-11), 9* (III-3), 11* (III-6), 13* (III-8), начало 14* (III-9), комплекс 16* (III-11) и 17* (III-12), 18* (III-13). Несмотря на расхождения в написании отдельных литер, манера письма и ряд совпадений в сложносоставных литерах говорят в пользу единства происхождения этих примеров – возможно, все они принадлежат одной руке.

Большой интерес для истории делопроизводства в имениях кн. С.Ф. Бельского представляют вкрапления московской скорописи в №50 (I-1), 10* (III-4) и 14* (III-9). «Белая» дата третьего из этих фрагментов служит хронологическим ориентиром для датирования первого. К этим фрагментам примыкают тетради со следами московского почерка в №21 (II-18), 23 (II-15), 40 (II-2), 41 (II-1), 43 (II-5), 51 (II-12), 52-1 (I-11), 52-3 (I-19), 64 (I-3), 75 (II-13), 107 (III-5), 109 (I-4), 1* (I-9), 6* (II-8). Во фрагментах №40 (II-2) и 75 (II-13) тематическая близость записей позволяет условно отнести их к одному комплексу материалов. Датировка тетради №40 (II-2) основана на содержательных особенностях текста, поэтому оба фрагмента мы относим к одному времени, хотя не следует забывать о полном тождестве бумаги датированной иначе тетради №109 (I-4) с 40 (II-2).

Наличие московских приписок – свидетельство участия кого-то из слуг князя Семена в работе над отчетностью. Ниже мы выскажем предположение, кому именно из его слуг могла принадлежать «московская» рука в этих бумагах. Сразу отметим, что ни один датированный фрагмент из материалов Гаштольдов до побега кн. С.Ф. Бельского в Великое княжество Литовское из Московского государства и после смерти князя Семена не содержит следов вмешательства московского писца. Этот факт мы подробнее прокомментируем, когда подойдет время суммировать результаты исследования. Однако уже здесь мы используем его, чтобы отнести недатированные материалы из собрания Гаштольдов–Бельского с такими пометами к «архиву Бельского».

Фрагмент, по формату, «белой» дате и содержанию примыкающий к материалам из архива Бельского Гаштольдов, обнаруживается в собрании Скуклостер в россыни под шифром E 8610:1. Мы его обозначили условно №24*. Он отнесен к бумагам «панеи ее милости» и датирован в самой заставке 8 августа 4 индикта, что позволяет отнести его к 8 августа 1546 г. Его содержание перекликается с №84, также по случайности вынавшим из подборки хозяйственной документации Гаштольдов.

***

На основе проведенного анализа каждого фрагмента АГБ и совпадающих элементов в датированных и недатированных отрывках попытаемся выстроить все части сохранившегося в фонде Скуклостер собрания. Подлинность дат, указанных основными почерками в самих фрагментах, не вызывает сомнений и служит непосредственной основой для наших датировок как самого фрагмента, так и связанных с ним содержательно и текстологически других фрамгентов архива. В том случае, если дата в отрывке установлена на основе сравнения филиграней и почерков, но в нем имеется доказательство принадлежности к архиву ПЕМ или АБ, пишем обозначение отрывка курсивом. Если отрывок приписан к той или иной группе только на основе анализа филиграней и/или почерков, то пишем его обозначение курсивом и перед ним знак «-». Предположительные датировки указываются в круглых скобках и обосновываются нами ниже в основном тексте:

1532 г., 29 апреля ПЕМ — 11* (III-6).

(1533–1534 гг.) 2 октября АГ — *16 (II-16)*.

(1533–1534 гг.) ПЕМ — *2* (I-12)*, *-25 (III-20)*, *-62 (I-7)*.

1534 г., 30 января ПЕМ 36 (III-28), 37 (III-27).

(1535 г., не ранее 29 июня) АГ — *-59 (I-6)*.

1539 г., 22 мая ПЕМ — 18* (III-13).

(Не позднее декабря 1539 г., не ранее 1535–1536 гг.) АБ — *45 (II-6)*.

1540 г., 1 января ПЕМ — 38 (III-26).

1540 г., 20 марта ПЕМ 20 (II-19).

1540 г., 22 мая АБ 58 (I-8).

(Незадолго до 21 октября 1540 г.) АБ — *51 (II-12)*.

1541 г., 14 декабря АБ — 14* (III-9).

(1541 г., 14 декабря) АБ — 50 (I-1).

(Конец 1541 — 1542 г.) АБ? — *-34 (II-20)*.

(Конец 1541 — 1542 г.)[22] АБ — *23 (II-15)*, *48 (II-10)*, *52-2 (I-17)*, *4* (I-15)*, *8* (III-2)*, *131 (I-15')*.

(1542 г., март) АБ — 40 (II-2), *-75 (II-13)*.

(1542, апрель–май) АБ — *24 (III-19)*.

1542 г. АБ — 41 (II-1), 1* (I-9), 19* (III-14).

(1542 г., 15 июня (из «июля»)) АБ — 13* (III-8).

1543 г., (январь август) АБ 107 (III-5).

1543 г., 28 января АБ — 21 (II-18).

1543 г., февраль АБ — *-42 (II-4)*, 63 (I-2), 5* (II-7).

1543 г., 8 сентября АБ — 21* (III-16).

(1543 г., октябрь–ноябрь) АБ — *109 (I-4)*.

1543 г., ноябрь АБ — 43 (II-5), *-44 (I-18)*, 64 (I-3), *6* (II-8)*.

(1543 г., после 6 декабря) АБ 52-1 (I-11).

(Около 1543 начало 1544 г.) АБ *56 (I-13)*.

(Около 1543 — начало 1544 г.) АБ — *10* (III-4)*, *-52-3 (I-19)*.

(1544 г.) ПЕМ — *-12* (III-7)*, 19 (II-17), *29 (III-23)*, *30 (III-24)*, *32 (III-25)*, *47–48 (II-9, II-10)*, *57 (I-16)*, *3* (I-14)*, 20* (III-15), *-23* (III-18)*.

1544 г., 20 января ПЕМ — 15* (III-10).

1546 г., 8 августа ПЕМ — 24*.

1546–1547 гг. ПЕМ 79 (II-14).

1547 г. ПЕМ — 39 (II-3).

1547 г., 26 июня ПЕМ — 7* (II-11).

1547 г., 29 июля ПЕМ — 33 (II-22).

1548 г. ПЕМ — 26 (II-23).

1548 г., 7 января ПЕМ — *-27 (III-22)*, *-28 (III-21)*, *-53 (I-10)*, 22* (III-17).

1548 г., 5 мая ПЕМ — 35 (II-21).

1549 г. ПЕМ — 61 (I-5).

(Рубеж 1540-х–1550-х гг.) ПЕМ — 17* (III-12), 16* (III-11).

(1558 г.), 4 декабря ПЕМ — 9* (III-3).

[22] Основа для «жалобниц» могла возникнуть еще до возвращения кн. С.Ф. Бельского в Литву в конце 1541 г. Датировка подробнее обсуждается в нашем исследовании ниже.

II. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО ЦАРЮ ИВАНУ ГРОЗНОМУ.
Свод Первой, Второй и Третьей редакций

Реконструкция архетипа Первого послания Курбского проведена на основе ПК1* и ПК2* с учетом наиболее значимых для изучения архетипа ПК вариантов ПК3* (ПГ1*). Сохранены инициалы ПК2 при помощи функции «полужирно», графика упрощена, используется только буква «Ѣ». Пунктуация привнесена. В примечаниях приняты основные сокращения для архетипов посланий (ПК1*, ПК2*, ПК*, ПГ1*, ПГ*) и буквенные обозначения списков, введенные А.А. Зиминым, Ю.Д. Рыковым и Я.С. Лурье при издании Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским, а также Б.П. Морозовым и Ю.Д. Рыковым в ее переиздании в «Библиотеке литературы Древней Руси» (т. 11). Обозначения изводов Сборника Курбского соответствуют нашей номенклатуре, введенной в публикации текстов Сборника в издании 2009 г. Курсивом в основном тексте выделены чтения ПК, находящие цитатные и лексические параллели в ПГ.

[***][1]

Царю, от *Бога* пренрославленному, наче же *во православии пресвѣтлу явившуся*, нынѣ же *грѣх ради наших сопротивным*[2] *обретеся. Разумеваяй*[3] да *разумѣет, совесть прокаженну имуще*, якова же ни в *безбожных языцех*[4] *обретается*[5]. И болши[6] сего о сем[7] [8]*глаголати* вся[9] но ряду[-8] *не попустих* моему *языку*. [10]**Но** *гонения*[-10] ради *прегорчайшаго*[11] от *державы* твоея и[12] от многие *горести сердца потщуся*[13] мало *изрещи* ти[14]! ***Про***[15] *что, царю, силных во Израили*[16] *побил* еси, *и воевод*, [17]*от Бога данных* ти[-17] *на враги* твоя, [18]*различными смертьми расторгл*[19] [-18] еси, *и победоносную святую кровь их во церквах*

---

[1] *Вариант ПК1* отразился в ПФр; в этих списках заглавия нет. ПК2* содержит:* Епистолия первая Андрѣя Курбского писана к великому князю московскому прелютаго ради гонения его; *последнее слово в ВД* не читается, но, вероятно, было в ПК2*.*

[2] *Вариант ПК2* отразился в УТМзД*:* сопротив сим; *в одной из цитат в ПГ1 из ПК:* супротивным обретеся.

[3] *Вариант ПК2* сходно с ПК1* отразился в ТМз; в ПГ1* читается один раз* разумевая, *однако цитата вырвана из контекста по памяти или на слух, второй раз ниже в ПГ1:* разумеваяй. *Сходно с ПК1-2* в «Ответе Ивану Многоученому»*: разумеваяй да разумеи *(РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб 374).*

[4] *Вариант ПК1* сходно с ПК2* отразился в ИМФрАП$_3$Ув$_1$УсУ$_2$У$_1$ДУв$_2$ХХ$_2$СПнХлООвАр; так в ПГ1.*

[5] *Вариант ПК1* сходно с ПК2* отразился в ИМФр.*

[6] *УВМ:* болше; *ТД*:* болшен.

[7] *Вариант ПК1* сходно с ПК2* отразился в списках ИУв$_1$УсУ$_2$У$_1$АрДХХ$_2$СПнХлОв.*

[8–8] *ПК2*:* всѣх по ряду глаголати.

[9] *Вариант ПК1* сходно с ПК2* отразился в ИДХХ$_2$СПнХл.*

[10–10] *ПК2*:* Гонения же, *здесь инициал.*

[11] *Вариант ПК1* сходно с ПК2* отразился в ИПАУсПнХлОв.*

[12] *ПК2*: нет.*

[13] *ПК2*:* подщуся.

[14] *Так в ПК2* и в ПК1*: нет чтения* о царю. *Вариант ПК1* отразился в Ув$_1$УсУ$_2$У$_1$ДУв$_2$ХХ$_2$СХлООвАр.*

[15] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отразился в ИУв$_1$УсУ$_2$У$_1$ДХХ$_2$СО; вариант ПК2* отразился в УТМз (ВД*:* по); *в ПГ1* читается* про.

[16] *Вариант ПК2* отразился в УМзД*.*

[17–17] *Вариант ПК1* отразился в ИВМФрУв$_1$УсУ$_2$У$_1$Ув$_2$ПнХлОв, то же в ПГ1* и ПК2*, в ПК2* далее нет слов* на враги твоя.

[18–18] *ПК2*:* различным смертем предал.

[19] *Вариант ПК1* должен быть ближе к ПГ1*, где читается:* расторгли есмя; *лучше всего вариант, близкий к ПГ1*, передан в ПВП$_3$ХХ$_2$МУвХл.*

Божиих[20] *пролиял* еси, *и мученическими*[21] *кровми праги церковные обагрил* еси, *и на доброхотных твоих и душу за* тя *полагающих неслыханные*[22] [23]-от *вѣка муки*-[23] и [24]-*смерти, и гоненья*-[24] *умыслил* еси, *измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными облыгая*[25] *православных* и *тщася со усердием свѣт во тму прелагати*[26] *и сладкое горко прозывати*[27]? Что *провинили пред* тобою[28] и чем[29] *прогнѣвали* тя *християнские*[30] *предстатели*[31]? **Не** *прегордые* ли *царства разорили и подручны*[32] [33]-тобѣ *их во всем*-[33] *сотворили*[34], *у них же прежде в работе быша*[35] *праотцы наши*? **Не** *претвердые* ли *грады германские тщанием разума их* от *Бога* тебѣ *данны*[36] бысть[37]? Сия ли нам, *бѣдным, воздал* еси, *всеродно погубляя нас*? **Али**[38] *безсмертен, царю, мнишися,* и[39] в небытную[40] *ересь прелщен*[41], *аки не хотя уже предстати неумытному*[42]-*Судие, надежде христьянской*-[42], *богоначалному Исусу, хотящему судити вселенней в правду*[43], наче же[44] не обинуяся[45] [46]-*прегордым гонителем* и *хотяще истязати*-[46] их и *до влас*[47] *прегрешения* их[48], *яко же словеса глаголют.* **Он** есть *Христос* мой, *сѣдяще*[49] *на престолѣ херувимстем*[50] *одесную силы*[51] *величествия*[52] в *превысоких, — судитель* между тобою и мною. **Коего** *зла и гонения* от тебе[53] не *претерпѣх*! И коих *бѣд и напастей на* мя *не подвигл* еси! И коих [54]-*лжей и измен*-[54] *на* мя *не возвел*[55] еси! **А** [56]-вся *приключившая* ми *ся*-[56] от тобе[57] *различные беды* но ряду *за множество их, не могу*[58] *изрещи,* и[59] нонеже *горестью* еще [60]-*душа* моя обята-[60] бысть. **Но** вкуне вся[61] *реку конешне*[62]: *всего лишен* бых и *от земли Божии* тобою[63] *туне отогнан* бых[64]. **И** *воз-*

---

[20] *ПК2*:* Божиих во владычных торжествах.

[21] *ПК2*:* мученическими их.

[22] *Чтение ПК1** неслыханные *точнее отразилось в ВП₂М₂ФКбМУ₁ДОвАр; ближе к ПК* вариант ПГ1* и ПК2*:* неслыханые; *вариант* неслыханные *читается также в сходной цитате из ВВас.*

[23–23] *ПГ1*:* от вѣка муки; *ПК2*:* мучения; *вариант* муки *читается также в сходной цитате из ВВас.*

[24–24] *ПК2*:* гонения и смерти.

[25] *ПК2*:* оболгая; *вариант ПК1* читается в ПГ1*.*

[26] *Этот вариант ПГ1* отразился на списках ТАВ (ПИГАК. С. 362 (л. 319 об., примеч. и)). В послании К. Чапличу 1575 г.:* прелагающему свет во тму *(СК. Л. 173 об., ср.: РИБ. Т. 31. Стб 444).*

[27] *Вариант ПК1* отразился в ПФрУсУ₂У₁Ув₂ХХ₂СПнХлО. Слова* глаголющему сладкое горко *цитируются в послании К. Чапличу 1575 г.*

[28] *ПК2*:* тобою о царю.

[29] *Вариант ПК2* отражен в ВД*.*

[30] *Вариант ПК2* отражен в ТВМзД*; ПК1*:* кристьянски; *И:* христианстии.

[31] *ПК2*:* предстателие; *ПГ1* передает вариант ПК1*.*

[32] *ПК2*:* подручных; *ПГ1* дважды передает вариант ПК1* (л. 321 об., 322 об.).*

[33–33] *Слова* их *нет в ПК2* и в списках П₂У₁Ов в ПК1*, но оно читается в ПГ1*; ПК2*:* во всем тобѣ.

[34] *ПК2*:* сотворили мужеством храбрости их.

[35] *ПК2*:* быхом; *форма ПК1* появляется в ПК2* только в списках IV–V изводов — уже, видимо, как результат сознательной редакторской работы; ПГ1* содержит* были.

[36] *Этот вариант ПГ1* отразился в списках АВ (ПИГАК. С. 363 (л. 322 об., примеч. к–л)).*

[37] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* передан в Ув₁УсУ₂ПнХХ₂СОв.*

[38] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* передан в Ув₁.*

[39] *ПК2*:* или.

[40] *Вариант ПК1* отражен в ПМВП₃Ув₁УсУ₂У1ДАрХХ₂ХлООв.*

[41] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* передан в ПУсУ₁Ув₁Ув₂ХХ₂СОв.*

[42–42] *ПК2*:* Судие; *Грозный приводит эту цитату со словами* неумытному Судищу *и* о неумытном Судище Спасове; *в ТВас цитата, близкая к ПК1*:* к неумытному Судии, к надежи християнской.

[43] *Список П передает данное словосочетание в контексте, близком к ПК, в словах* и сия вся поправшу в правду с вами *(ряд других списков не содержат слов* в правду*); в ПК* слова* в правду *читаются, есть они и в сходной с ПК цитате послесловия к Апостолу Ивана Федорова 1574 г.*

[44] *ПК2*:* же прегордым мучителем и.

[45] *ПК2*:* не обинувся; *вариант ПК1* появляется в ПК2* только в списках IV–V изводов — уже, видимо, как результат сознательной редакторской работы.*

[46–46] *ПК2*:* истязати.

[47] *В списке ПК, послужившем опорой для *ПГ, несомненно, было это слово, оно присутствует в ответе:* Истязания же не токмо до влас ти, но и в движение сердец.

[48] *ПК2*: нет.*

[49] *Вариант ПК1* отражен в П₂М2ФКбАП₃Ув₁УсУ₂Пн; вариант ПК2* отражен в У.*

[50] *ПК2*:* херувимском.

[51] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отразился в Ув₁УсУ₂У₁ДУв₂ХХ₂СПнХлОвАр.*

[52] *ПК2*:* владычествия; *в ПГ1*:* величествия.

[53] *ПК2*:* тебя.

[54–54] *ПК2*:* лжеплетений презлых; *вариант ПК1* передан в ПГ1*.*

[55] *Иван Грозный цитирует в этом месте в 1-м лице:* А лжей и измеи, их же не сотворил еси, на тебя не взваживали есмя.

[56–56] *ПК2*:* приключившия ми сь.

[57] *ПК2*:* тебя.

[58] *ПК2*:* не могу ныне; *в ПГ1* читается* не можеши изрещи *и нет* ныне.

[59] *Так, вероятно, в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* появляется в списке П.*

[60–60] *ПК2*:* души моее обят.

[61] *ПК2*:* все.

[62] *ПК2*:* конечие.

[63] *ПК2*: нет.*

[64] *ПК2*:* бысть; *вариант ПК1* встречается в ПК2 только в Мз и списках IV–V изводов — возможно, как результат сознательной правки; далее только в ПК2*:* аки

дал еси мнѣ [65]-*злая* за *благая*-[65] и *за возлюбление* мое *непримирителную ненависть*. **И**[66] *кровь моя*, яко *вода, пролитая за тя, вопиет на тя к Богу*[67] моему. ***Бог — сердцам зритель***! Во *умѣ* моем *прилѣжно смышлях* и [68]-*совѣсть мою*-[68] свидѣтеля[69] *поставлях*, и *исках*, и *зрѣх*, *мысленне обращаяся*, и не *вѣм* себе[70], и не наидох[71], в чем[72] пред тобою *согрѣшивша*[73]. **П**ред *войском* твоим *хожах*[74] и *исхожах*[75] и никоего тебѣ *безчестия приведох*, но развее[76] *побѣды пресвѣтлы помощию аггела Господня* во *славу* твою *поставлях*. **И** никогда же *полков* твоих *хребтом* к *чюжим*[77] *обратих*, но наче *одолѣнья преславна*[78] на *похвалу* тебѣ *сотворях*[79]. И сие ни в *едином лѣте*, ни в двою[80], но в *довольных лѣтех потрудихся* многими[81] *поты*[82] и *терпѣнием*, [83]-яко *мало и рождьшия*[84] *мя*[85] *зрех, и жены моея познавах*[86], *и отечества своего отстоях*-[83] но *всегда в дальноконных*[87] *градех против врагов твоих ополчахся и претерпѣвах естественныя*[88] *болѣзни*, им же *Господь* мой *Исус Христос* свидѣтель. **П**аче же *учящен бых ранами от варварских рук в*[89] *различных битвах*[90] *и сокрушенно уже ранами*[91] *все тѣло имѣю*. Но тебѣ, *царю, вся сия* [92]-*ни во что*-[92] *же бысть*[93]. **Н**о[94] *хотѣх рещи* вся[95] но ряду *ратные*[96] [97]-*мои дѣла*-[97], их же *сотворил*[98] на *похвалу* твою[99], по сего ради не *изрекох*, зане лутчи[100] *Бог вѣсть*[101]. Он бо, *Бог*[102], есть [103]-всем сим-[103] *мѣздовоздатель* и не токмо сим[104], но и за *чашу* студеные *воды*. [105]-И еще, *царю*, сказую ти х-[105] тому: уже не *узриши*, мню[106], *лица*[107] *моего* до *дни*[108] [109]-*Страшнаго суда*-[109]. [110]-**Н**е *мни*-[110] *мене молчаща* ти о сем: до[111] *скончания живота*[112] моего буду *непрестанно*[113] [114]-со *слезами вопияти*[115] -[114] *на тя пребезначалной Троицѣ*[116], в нея же *вѣрую* и *при-*

тобою понужден Не испросих умиленными глаголы, ни умолих тя многослезным рыданием, ни изходатайствовах от тебя никоея же милости архиерейскими чинми; *отрывок от слов в ПК2* Не испросил... *находит близкую параллель в послесловии Апостола Ивана Федорова 1574 г.*

[65–65] *Так, вероятно, в ПК1* (вариант П* воз благая *не находит подтверждения в ПК2*); ПК2*:* злые за благие.

[66] *ПК2*: нет, инициал — следующая буква.*

[67] *ПК2*:* Господу; *ПГ1* содержит* Богу.

[68–68] *ПК2*:* обличник совѣстный мой; *ПК1* сходно с «Жалобой» Исайи.*

[69] *ПК2*:* свидѣтеля на ся; *ПК1* сходно с «Жалобой» Исайи.*

[70] *ПК2*:* себя; *ПК1* сходно с «Жалобой» Исайи.*

[71] *ПК2*:* не наидох ни.

[72] *ПК2*:* чем же.

[73] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ИПМА, близко к ПК1* в Фр.*

[74] *ПК2*:* хождах.

[75] *ПК2*:* исхождах.

[76] *ПК2*:* токмо.

[77] *ПК2*:* чюждым.

[78] *ПК2*:* преславные; *ПГ1*:* преславное.

[79] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в МП$_1$М$_2$ФКбУ$_1$ДХХ$_2$СПн.*

[80] *ПК2*:* дву.

[81] *ПК2*:* со многими.

[82] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ИПМП$_1$М$_2$ФКбАВУсПнУв$_1$ООв.*

[83–83] *В ПК2* весь отрывок читается:* и всегда отечества своего отстоях и мало рождьшия мя [*глосса:* матери моея] зрѣх и жены моея познавах; *в ПГ1* отражен порядок ПК1*.*

[84] *Так в ПК1*, ПК2* и ПГ1*; вариант ПК1* отражен в ПВМП$_1$М$_2$ФДУв$_2$ХХ$_2$СПнАрХл.*

[85] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ВМДУ$_1$ДХХ$_2$СПнАрООв.*

[86] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в УсУ$_2$У$_1$Ув$_2$ХХ$_2$С; в ПГ1* также без отрицательной частицы:* мало рождьшия своея зрел еси и жены своея познал еси.

[87] *Так в ПК1* и ПГ1*; вариант ПК1* отражен в ПП$_2$ВФКб; вариант ПГ1* отражен в списках ПВ (ПИГАК. С. 364 (л. 328, примеч. г)); ПК2*:* далиоконечных.

[88] *ПК2*:* нужды многие и естественные; *ПГ1* цитирует вариант ПК1*.*

[89] *ПК2*:* на; *ПГ1*:* в.

[90] *В ПГ1* вариант:* бранех, *который не встречается в списках ПК1 и ПК2.*

[91] *Так в ПК1* и ПГ1*; ПК2*:* язвами.

[92–92] *Так в ПК1* и ПГ1*; ПК2*:* аки ничто.

[93] *ПК2*:* бысть, но развие нестерпимую ярость и горчайшую ненависть наче раждеженные пещи являеш к нам; *ПГ1* цитирует вариант ПК1*.*

[94] *ПК2*: А, инициал.*

[95] *ПК2*:* всѣ.

[96] *Только в ПГ1* в этом месте:* браныя.

[97–97] *ПК2*:* дѣла мои.

[98] *ПК2*:* сотворих.

[99] *ПК2*:* твою силою Христа моего.

[100] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в Ув$_1$ДО.*

[101] *ПК2*:* вѣсть нежели человек.

[102] *ПК2*: нет.*

[103–103] *ПК2*:* за всѣ сия; *ПК1* сходно с «Плачем» Исайи.*

[104] *ПК2*: нет; ПК1* сходно с «Плачем» Исайи.*

[105–105] *ПК2*:* А вѣм яко и сам их не не вѣси И да будет ти, царю, вѣдомо к.

[106] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ПМ$_2$П$_2$У$_1$Ув$_1$Ув$_2$УсХХ$_2$ПнДОв.*

[107] *ПК2*:* в мире лица.

[108] *ПК2*:* дия.

[109–109] *ПК2*:* преславнаго явления Христа моего.

[110–110] *ПК2*:* Да и ныне не мни, *инициал.*

[111] *ПК2*:* до дни.

[112] *ПК2*: нет.*

[113] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ВП$_2$М$_2$ФКбФрУв$_1$УсУ$_2$ДУв$_2$ХХ$_2$СПнХлОвАр.*

[114–114] *ПК2*:* вопияти со слезами.

[115] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ПВМП$_2$У$_1$Ув$_2$Ф.*

[116] *Так в ПК1*, ПК2*, ПГ1*; вариант ПК1* отражен в МХХ$_2$ПнООвАр.*

зываю[117] в *помощь херувимскаго владыки матерь*, надежду мою и *заступницу, Владычицу Богородицу и всѣх святых*, избранных *Божиих*, и *господаря* моего[118] *князя Федора*[119] *Ростиславича*[120]. Не *мни, царю, ни помышляй* нас *суемудренными*[121] *мысльми*, аки уже *погибших* и[122] *избиенных от тебе*[123] *неповинно, и заточенных*, и *прогнанных без правды. Не радуйся о сем*, аки *одолѣнием тощим хваляся*: [124]-разсеченныя от тебе-[124] *у престола Господня стояще*, отомщения на тя *просят, заточенные* же и *прогнанные* от тебе[125] *бес правды* от *земли*, к *Богу вопием день* и *нощь* [126]-на тя-[126]. ***Аще и тмами хвалишися в гордости*** своей в *привременном* сем и[127] скоротекущем *вѣке*[128], *умышляючи на кристьянский*[129] *род мучителные сосуды*, наче же [130]-*наругающе и попирающе*-[130] *аггельский*[131] *образ* и *согласующе*[132] ти[133] *ласкателем* и *товарищем* трапезы *бесосогласным*[134] *твоим бояром, губителем души твоей и тѣлу*, иже[135] *дѣтьми* своими наче *Кроновых жерцов*[136] *дѣйствуют*. И о сем даже до[137] сих. А *писание*[138] сие, *слезами* измоченное, *во гроб с собою повелю вложити*[139], грядущи[140] с тобою на *суд Бога* моего *Исуса*[141]. Аминь.

Писано [142]-во *граде* в *Волмере*[143] -[142] *господаря* моего *Августа Жигимонта*[144] *короля*, от него же *надѣюся*[145] *много пожалован* [146]-и *утѣшен быти*-[146] от всѣх *скорбей* моих, *милостию* его *господарскою*, наче же *Богу* ми *помогающу*.

Слышах от *священных писаний хотяща*[147] от *дьявола*[148] нущенна быти на *род кристьянский*[149] *губителя*[150], от *блуда* зачатаго богоборнаго *Антихриста*, и *видѣх* нынѣ *сигклита*[151], всѣм *вѣдома*, яко[152] *от преблужения*[153] [154]-*рожден есть*-[154] [155]-иже *днесь*-[155] шенчет [156]-*ложные* во *уши*-[156] *царю* и *льет кровь кристьянскую*[157], яко *воду*, и *выгубил*

---

[117] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в П$_3$ХлООвАр.*

[118] *ПК2*:* моего праотца.

[119] *ПК2*:* Феодора; *этот вариант также в ПГ1*:* О преподобном же князе Феодоре.

[120] *ПК2*:* Ростиславича, иже целокупно тѣло имѣет во множайших лѣтех соблюдаемо и благоухания, паче арамат от гроба испущающе и благодатию Святаго Духа струи исцѣления чюдес источающе, яко же ты, царю, о сем добре вѣси.

[121] *Так в ПК1*, ПК2*, ПГ1*; вариант ПК1* отражен в ПВП$_2$М$_2$ФКбХХ$_2$СПнУв2.*

[122] *ПК2*: нет.*

[123] *ПК2*:* тебя.

[124–4780] *ПК2*:* избиенные тобою.

[125] *ПК2*:* тебя.

[126–126] *ПК2*: нет.*

[127] *ПК2*: нет.*

[128] *ПК2*:* вѣце.

[129] *Так в ПК1* и ПГ1*; ПК2*:* християнской.

[130–130] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в П$_3$М$_2$ФКбП$_3$Ув$_3$Пн; в ПГ1* в иной конструкции:* наругающии же и попирающии.

[131] *Так в ПК1* и ПГ1*; ПК2*:* ангелский, *к слову глосса:* Сказ. То есть тѣм наругается ангелский образ, егда ся на нѣкоторых разгнѣвается, тогда силою во мнихи стрижет их и со женами и с малыми дѣтками, и в вѣчное предает заточение, затворяюще их в монастырѣх твердых в темных кѣлиах и чиняще святые мѣста твердынями адскими, согласующе ему и потакающе треокаяные нѣкоторые лукавые мнихи.

[132] *Так в ПК1, ПК2* и ПГ1*; вариант ПК1* отражен в Ув$_1$УсУ$_2$У$_1$ДУв$_2$.*

[133] *Так в ПК1 и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ПП$_1$П$_3$У$_2$УсММ$_2$АФрФКбО.*

[134] *Чтение возводится нами к ПК*, отражено в ПК2*. В ПК1 ближайшие к архетипу варианты — ИПн:* бесогласным; *ДУв$_3$ХХ$_2$С:* бесом согласным; *ПГ1 цитирует это место ПК1 следующим образом:* Безсогласных же бояр у нас несть, разве другов и советников ваших, иже и ныне, подобно бесом, вся советы своя лукавыя не престающе совети; *судя по продолжению цитаты, вероятно, в ПГ1* также читалось:* бесосогласных.

[135] *ПК2*:* тя подвижут на Афродитския дѣла и.

[136] *Такой вариант читается в ПК2 в Д* и в ряде списков ПК1 — впрочем, в ПК1* и ПК2* вероятно чтение* жрецов.

[137] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в МУв$_1$УсУ$_2$У$_1$ДУв$_2$ХХ$_2$СО.*

[138] *Так в ПК1*, ПК2* и ПГ1*; вариант ПК1* отражен в УсУ$_2$У$_1$ДУв$_2$ХХ$_2$СПнХл; в сходной цитате ТВас* писанейце.

[139] *Это чтение находит подтверждение и в списках КАВ ПГ1* (ПИГАК. С. 364 (л. 331 об., примеч. р)); в сходной цитате ТВас* вложити.

[140] *ПК2*:* грядуще.

[141] *ПК2*:* Исуса Христа.

[142–142] *ПК2*:* в Волмере граде.

[143] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* передан в ВМАУ$_1$ДУв$_3$ХХ$_2$С; данный вариант передан в списках АВ ПГ1*:* Волмерь.

[144] *ПК2*:* Жидимонта, *вариант* Жигиманта *появляется в списках IV–V изводов — видимо, как результат сознательной правки; ПГ1* передает вариант ПК1*.*

[145] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в П$_3$Ув$_1$УсХХ$_2$СПнХлУ2.*

[146–146] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в Ув$_1$УсУ$_2$У1ДУв$_2$ХХ2; в ПГ1* читаются слова* утешен... быти.

[147] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ФрУв$_1$УсУ$_2$ПнАр.*

[148] *ПК2*:* диявола.

[149] *ПК2*:* християнский.

[150] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в Ув$_1$УсУ$_2$ДУв$_2$ХХ$_2$СПнХлАр.*

[151] *ПК2*:* синъглита.

[152] *ПК2*:* иже.

[153] *Так в ПК1* и ПГ1*; ПК2*:* преблудодѣяния.

[154–154] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в ПУсКбУ$_2$; в ПГ1* иная конструкция фразы:* от преблужения рожена.

[155–155] *В ПК2* здесь глосса* по вся дни.

[156–156] *ПК2*:* во уши ложная.

[157] *ПК2*:* християнскую.

уже *сильных*[158] *во Израили*[159], аки *согласник*[160] *дѣлом Антихристу*[161]: не *пригоже* [162]таким *потакати*[162], о *царю*!

В *закони*[163] *Господни*[164] нервом[165] *писано*: «*Моавитин и аммонитин*, и выблядок до десяти *родов* во *церковь Божию*[166] не *входит*[167]» и прочая.

---

[158] *ПК2**: силных и благородных; *впрочем, в В отрывка* и благородных *нет — возможно, это результат сознательной редакторской работы или след особого положения (скажем, в виде глоссы) отрывка* и благородных *в ПК2*; ПГ1* передает здесь чтение ПК1**.

[159] *Так в ПК1* и ПГ1*; ПК2*:* Израиле; *чтение* Израили *появляется только в списках IV–V изводов ПК2.*

[160] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в* $Ув_1УсДУв_2ХХ_2СПнХлУ_1$.

[161] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в* $ПП_3Ув_2АрУУ_2Ув_1ХХ_2$.

[162–162] *Так в ПК2*; вероятно, в ПК1* содержалось чтение, близкое к ПК2*, отразившееся на формах* $У_1Ув_2ХХ_2С$: таким почитати; *Д:* таких почитати; *на месте* почитати *ряд списков развивает вариант, близкий к ПК2*:* потаковиником.

[163] *ПК2*:* законе.

[164] *ПК2*:* Господие, *впрочем, в Д*, вероятно,* Господии.

[165] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в* $Ув_1УсУ_1ДУв_2ХХ_2С$.

[166] *ПК2*:* Божию да.

[167] *Так в ПК1* и ПК2*; вариант ПК1* отражен в* $П_3УсДУв_2ХХ_2СПнХл$.

III. ПОСЛАНИЕ ТИМОФЕЯ ТЕТЕРИНА И УМАРА САРЫХОЗИНА МИХАИЛУ ЯКОВЛЕВИЧУ МОРОЗОВУ

Реконструкция основана на выводах о первичности списков Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному в составе тех же рукописных сборников. Обоснование первичности приведено нами здесь в разделе «Архетип Первого послания Курбского». В публикации графика упрощена, сохранена только буква «ѣ». Пунктуация привнесена.

Благодарю за помощь в работе со списком БАН А. Г. Сергеева и А. А. Романову.

Списки (*в скобках указаны обозначения списков ПК по Ю. Д. Рыкову*):

У — ГИМ. Собр. А. С. Уварова № 168 (4°). Л. 9 об. — 11 об. (*Ув*1).

М — ГИМ. Музейское собр. № 1551. Л. 34 — 35 об. (*М*).

Ус — РГБ. Собр. Е. И. Усова № 69. Л. 81 об. 82 об. (*Ус*).

О — РНБ. F.IV.598. Л. 658 об. — 659 (*Х*2).

Д — РНБ. СПбДА. А-I/91. Л. 588 — 588 об. (*С*).

П — РНБ. Собр. М. П. Погодина № 1567. Л. 9 — 10 об. (*Н*).

Р — РНБ. Собр. РАО № 43. Л. 20 (*Ар*).

А — БАН. Собр. Текущих поступлений № 230. Л. 135 об. — 136 об. (*А*).

Публикации:

Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1833. Т. 2. Примеч. 8; РИБ. Т. 31. Стб 489–492; ПИГ. С. 536–537.

[***][1]

Господину Михаилу[2] Яковлевичю Тимоха Тетерин да Умарко[3] Сарыгозин[4] челом бьют. Писал еси[5], господине, в Волмер[6] ко князю[7] Александру[8] Полубенскому[9], а называеш[10], господине[11], нас[12] измѣнники неподѣлом[13]. И мы бы[14], господине, и[15] сами так уподобяся[16] собаке[17] умѣли противу[18] лаяти[19], да не хотим такова[20] безумия сотворити[21]. А были[22] бы[23], господине[24], измѣнники

[1] *УУсП:* Тимохи Тетерина; *ОД:* Тимохи Тетерина грамота к Михаилу Яковлевичю Морозову; *Р:* Отписка Тимохи Тетерина из Литвы в Юрьев Ливонской к боярину и воеводе и намѣснику Юрьева Лифляиского Михаилу Яковлевичю Морозову, *отрывок* из Литвы *над строкой; М:* Лѣта 7072-го Тимохи Тетерина из Литвы; *А:* Грамота Тимохи Тетерина да Марка Сарыхозина.

[2] *О: буквы* лу *по др. буквам.*

[3] *Так в У; УсОДРПА:* Марко; *М:* Макарко.

[4] *Так в УОДРМ, О: буквы* Сар *по др. буквам; Ус:* Саригозин; *ПА:* Сарыхозин.

[5] *О: над строкой.*

[6] *П:* Отмер.

[7] *П: буква* к *из* и.

[8] *Так в УсОДРМА; УП:* Олексаидру.

[9] *Так в УсОДРМПА; У:* Полуденскому.

[10] *А:* называет.

[11] *Так в УУсДРМА; О:* господи; *П: нет.*

[12] *Так в УсОДРМПА; У: перед* господине.

[13] *Так в УУсПРМА; ОД:* неподѣлно.

[14] *Так в УсПА; ОДР:* б; *М:* бо; *У: нет.*

[15] *Так в УУсОДПА; РМ: нет.*

[16] *Так в УУсП; А:* уподобься; *М:* уподобясь; *ОДР:* подобяся.

[17] *Так в ОДМР; У:* сабаке; *П:* собаки; *А:* собак.

[18] *Так в УУсД; ОПМ:* против; *ПА:* и против.

[19] *А:* ляти.

[20] *Так в УУсПРМА; ОД:* того.

[21] *А:* сотворить.

[22] *Р:* кали.

[23] *Так в УУсПРА, П:* б; *ОДМ :* бы (*М:* б) мы.

[24] *Так в УУсОПРА; ДМ: нет.*

мы[25], — толколи[26] бы мы[27] малые[28] скорби не нретернѣв[29], побѣжали[30] или[31] от государева жалованья[32]? А то, господине, и так есмя[33] виновати[34], что есмя[35] не исполнили[36] долго аностолскаго[37], [38]-наче ж и-[38] Христова слова [39]-и не бѣжали-[39] от гонителя[40], а[41] побѣжали [42]-уже по многих-[42] и[43] нестернимых муках и руганиих[44] аггелскаго[45] образа. И ты, господине, убойся[46] Бога наче гонителя, и не зови[47] православных християн[48] без правды мучимых и нрогнаных[49] измѣнники[50]. А и[51] твое, господине, честное[52] юрьевское намѣстничество[53] не лутчи[54] моего Тимохина[55] чернечества. Был[56] еси, намѣстником[57] нять лѣт на[58] Смоленске, а ныне тебя государь даровал[59] намѣстничеством юрьевским с[60] нригородки[61], что[62] турской мутиянского[63] воеводством[64], а жену[65] у тебя[66] [67]-и дѣти-[67] [68]-взял в закладе-[68], а доходу[69] тебѣ не указал[70] ни нула, велѣл[71] тебѣ[72] свою две тысячи[73] занявши[74] нроесть[75], а Полукашиным[76], господине[77], заплатити[78] нѣчем[79]. А невѣжливо, государь[80], молвити[81]. Чаю[82], тебѣ[83] недобрѣ и вѣрят. Есть у великого князя новые[84] верники дияки[85], которые[86] его половиною[87], а болшую[88] себѣ емлют, у[89] которых[90] отец[91] ваших[92] отцем[93] в[94] холопство[95] не пригожалися[96]. А нынѣ не токмо землею[97] владѣют[98], но и головами[99] вашими

---

[25] *Так в УУс; П: перед* измениики; *А:* мои *перед* измѣнники; *ОДМ: нет; Р: данный отрывок из двух слов читается* мы измениики были, *слово* были *над строкой.*

[26] *Так в У; УсОДПМА:* тогда коли; *Р:* тогды коли.

[27] *ДМ: нет.*

[28] *Так в УУсОД; П:* нималыи; *А:* нималыя; *РМ:* нималые.

[29] *Ус:* не третерпев.

[30] *Р: на этом слове текст списка обрывается.*

[31] *Так УУсМ; П:* или б; *А:* или бы; *ОД: нет.*

[32] *Ус:* жалования.

[33] *Так в УУсП; ОД: нет; М:* есми; *А:* е, *буква подчеркнута в конце строки.*

[34] *Так в ОДПМА; У:* виновать; *Ус:* виноваты.

[35] *Так в УУсПАМ; ОД: нет.*

[36] *М:* не исправили.

[37] *А:* аностаского.

[38–38] *Так в УУс; ПМА:* паче ж; *ОД:* и.

[39–39] *М:* не побѣжали.

[40] *Так в УУсДПМ; О:* гонителей; *А: отрывка* и не бежали от гонителя *нет.*

[41] *Так в УУсДПМ; ОА:* и.

[42–42] *У: отрывок по затертому* от винт...

[43] *Так в У; Ус: после* не (неистерпимых); *ДПМОА: нет.*

[44] *Так в У; Ус:* наругаиних; *ОД:* на поругании; *П:* по наругани; *М:* по ругаии; *А:* по наругании.

[45] *Так в УУсОДП; М:* англьскаго; *А:* ангелскаго.

[46] *Так в УУсПМА; ОД:* бойся.

[47] *Так в УсОДПМА; У:* не зави.

[48] *Так в УУсОД; ПА:* крестьяи; *М:* христьян.

[49] *Так в УУсД; ОПМА:* прогнаных.

[50] *Так в УУсОД; ПМА:* измениками.

[51] *Так в УУсПА; ОДМ: нет.*

[52] *П:* чесное.

[53] *Так в УсОДПМА, М: перед* юревское; *У:* намѣсничество, *буква* ч *из* ц.

[54] *А:* не лутши.

[55] *Так в УсОДПМА; У:* Тимохана.

[56] *Так в УУсОД; ПМА:* А был.

[57] *Так в УУс; ОД:* намѣстник; *ПМА:* господине намѣстником.

[58] *Ус:* в.

[59] *Так в УУсОД; ПМА:* одаровал.

[60] *А: нет.*

[61] *А:* пригоротки.

[62] *А:* нто.

[63] *Так в У; УсП:* мутяского; *ОДМА:* мутяисково.

[64] *МА:* воеводством пожаловал.

[65] *Так в УУсОД; ПМА:* жену и детей.

[66] *П:* тобя.

[67–67] *Так в УУс; ОДПМА нет.*

[68–68] *Д:* в закладѣ взял.

[69] *А: буквы* охо *в пятне.*

[70] *Так в УУсПМА; ОД:* сказал (*букв* не *нет*).

[71] *МА:* а велел.

[72] *П:* тобѣ.

[73] *Так в УУсД; О:* тысящи; *ПМА:* тысячи рублев, *П: буква* с *из* ч.

[74] *Так в УсОДПМА; У: нет.*

[75] *Так в УПМА; УсОД:* проѣсти.

[76] *Так в ОДПМА; У:* Полукашим; *Ус:* Полукашином.

[77] *Так в УУсПМА; ОД: нет.*

[78] *Так в УУсОД; П:* будет заплатит; *А:* будет заплатить того; *М:* будет тебѣ заплатити.

[79] *Д:* нѣчим; *А:* нѣчим.

[80] *Так в УУсМА; ОДП:* господине.

[81] *Так в ОДП; У:* молыт; *Ус:* молвил; *МА:* молвит.

[82] *А:* что.

[83] *Так в УУс; ОД: после* недобрѣ; *ПМА: нет.*

[84] *Так в УПМА; УсОД:* новыя.

[85] *ПА:* дьяки.

[86] *Так в УПМА, У: буква* р *частично утрачена на срезе листа; УсОД:* которыя.

[87] *Так в УУс; ОДПМА:* половиною кормят.

[88] *Так в УОД; П:* другую половину; *МА:* болшую половину.

[89] *Так в УУсПАМ; ОД: нет.*

[90] *Так в УУсОД; ПА:* которых дьяков; *М:* которых дияков.

[91] *Так в УУс; ОДПАМ:* отцы.

[92] *Так в УУс; ОДПАМ:* вашим.

[93] *М:* отцов.

[94] *А: нет.*

[95] *Так в УУсОД; ПМА:* холопъстве.

[96] *Так в УУсМА; ОДП:* не пригожалис.

[97] *Так в УсОДПАМ; У:* землю.

[98] *У: буква* ю *по затертой* д.

[99] *У: буквы* и голова *по затертому.*

торгуют. Да саблю, государь[100], хочеш[101] о[102] нас[103] доводит[104]. И в том, государь, [105]-Бог, сердцам зрител, волен-[105]. Он[106] есть[107] зрит всѣх вину[108] и нравость сердечную[109]. [110]-И ты, государь-[110], не снеши[111], в стрелне сидя[112] шестой[113] год, хвалитися[114]. А[115] Бог, государь, [116]-за грѣхи-[116] у вас и[117] ум отнял, что вы над женами и[118] над дѣтми своими и над[119] вотъчинишками[120] головы кладете, да[121] [122]-и их-[122] губите, а тѣм им не нособите. А[123] смѣть, государь[124], воспрошати[125], каково[126] тѣм женам и дѣткам[127], у которых отцов[128] различными[129] смертми ногубили[130] без нравды. А мы тебѣ, господине, много[131] челом бьем.

---

[100] *П:* государю; *А:* государь на нас.

[101] *Так в УУсД; ПМ:* хощеш; *О:* хочет; *А:* хощет.

[102] *Так в УУсО; Д:* от; *ПМ:* на; *А: нет.*

[103] *А: нет, см. выше.*

[104] *Так в УУс; ОД:* даводити; *ПМА:* доводити.

[105–105] *Так в УУс; ОД:* Бог сердца зритель волен; *ПМА:* сердцам зрител волен Бог.

[106] *Так в УУс; ОДПАМ:* Он бо.

[107] *Ус: нет.*

[108] *Так в УУсМА; ОДП:* и вину.

[109] *Так в УсОДПАМ; У:* сердешную.

[110–110] *Так в УУсМА; П:* господине; *ОД: нет.*

[111] *ОД: весь отрывок читается* не тѣшив.

[112] *Так в УОПА; УсМД:* седя.

[113] *А:* шестой.

[114] *М:* хвалитис.

[115] *Так в УУсПМА; ОД:* у.

[116–116] *М: нет.*

[117] *Так в УУс; ОДПАМ: нет.*

[118] *Так в УУсА; ОДПМ:* да.

[119] *М:* нат.

[120] *Так в УПА:* вотчинишками; *Ус:* вочинишками; *М:* водчинишками; *ОД:* вотчинами.

[121] *Так в УУс; ОДПАМ:* а.

[122–4945] *Так в Ус; У:* них; *ОД:* их; *ПМА:* жен (*М:* жон) своих и дѣтей.

[123] *Так в УУсПМА; ОД:* и.

[124] *А: буквы* рь *и следующая* в *в пятне.*

[125] *Так в УУс; О:* вопросити; *Д:* попросити; *П:* вопросит; *МА:* воспросити.

[126] *Так в УсОДПАМ; У:* како.

[127] *П:* детем.

[128] *Ус:* отцы.

[129] *А:* разлишными.

[130] *Так в УУс; ОДПАМ:* побили.

[131] *М: нет.*

IV. ПОСЛАНИЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО ГЕРЦОГУ АЛЬБРЕХТУ ГОГЕНЦОЛЛЕРНУ

Описание источника подготовлено при участии А. А. Радамана и О. Однороженко.

GStA PKB. HA. XX. HBA. B2. Kasten 396. 1565. F. 1–1v (Князь А. М. Курбский — Альбрехту Бранденбургскому. Кнышин, 20 июля 1565 г.).

Письмо хранится в бежевой папке-обертке с архивными пометами XIX в. Чернилами сверху: "Andrey Iarosławski Kurpski / Xiązecią Pruskie- etc. / Datum ex Kniszyn XX mensis iuly anno 1565". Ниже карандашом: "20.7.". По низу штемпель Кенигсбергского архива 60 на 30 с указанием шифра: "B2 / 1971". Ниже теми же чернилами, что и сверху: "(A.Z. Ur. II. Ms. 26. №86.)". В левом нижнем углу: "B.2.". Перед письмом внутри папки проложен лист, который раньше был свернут конвертом — на среднике описание письма (чернилами) со ссылкой на издание сочинения кн. А. М. Курбского под редакцией Н. Г. Устрялова: "... Kurbski (Сказанія)". Ниже особым почерком черными чернилами тот же шифр, что и на папке внизу.

Письмо кн. А. М. Курбского — 1 л. около 318 ×213 мм. Водяного знака нет. Один почерк — польский курсив XVI в. Сложено было втрое по горизонтали и вертикали (по 2 сгиба). Текст слегка поврежден на пересечении 1-го вертикального и 3-го горизонтального сгибов. Нижнее поле самое высокое — около 110 мм. Свернуто было полями 2/2 и 2/3 наружу (отсчет полей при обычной ориентации текста письма — от левого верхнего, первая цифра — по горизонтали, цифра через косую черту — по вертикали). Печать восьмисторонняя около 20 × 18 мм — на клиновидной вырезке. Широкой стороной (максимум около 85 мм) подклеена к обороту листа на поле 2/3 и выступает острой стороной примерно на 45 мм за правый край листа. Острие было завернуто на лицевую сторону. На нем читаются основным почерком фрагменты адреса (в публикации — отделены косой чертой). Прорези для скрепления 3 по центру сверху (в том числе под печатью) и 3 по низу листа.

Изображение на печати — Лев в гербовом щите.

Воспроизведение текста, строка в строку, буква в букву:

Jasnie oswiecone Wielmozne a
Miłosciwe xiąze
Zaleciwszy moie namnieysze a nieznaiome służby WM-losciwą
łaskę WM me-o młsciwe-o pana. Niechcąc tego zaniechac abych
powolny a namnieyszy sługa WM przes to pisanie szczesliwe-o
zdrowia WM niemiał nawiedzec w ktorem racz Panie Boze WM
chowac y mnozyc na czasy długie spolnie z iey Mscią pa
nią małzonką WM y ze wszytkiem narodem domu WM
zacnym tego WM me- młsciwe- panu wiernie miec zycze
wlasnie iako sam sobie.

K temu Wielmozne a mlsciwe xiąze ia namnieyszy sługa
Waszey xiązeciey Młsci gdym był ieszcze u nieprzyiacie
la Je-o Kro- Msci u Kniazia Wielkie-o Moskiewskie-o słyszałem
wielką sławe o Waszey Xiązęciey Młsci od oyca swe-o tak
urodzone-o z zacne-o domu tak tesz na wszytkiem byc mą

drego sprawne-o a rostropne-o pana a gdyzem s tamtey
ziemie nieprzyiacielskiey zyachał[1] na sławne ymie ie-o
Kro- Msci nic ine-o pragne y ządam od Boga wszechmoc
ne-o iedno abych vyzrawszy osobe waszey xiązeciey msci
chciałbych miec poznanie w łasce xiązęciey Waszey Msci.
A wziąwszy znaiomosc z Waszą Xiązięcią Młscią sługą
Namnieyszym WM y wszytkiemu domu WM panskie-
pozostac chce w tey mierze y powolnym waszey xiązieccy
Msci byc we wszytkiem. S tym sam siebie y służby
moie namnieysze łasce nieznaiomey waszey xią młsci
pilnie zalecam. Datum ex Kniszyn XX me-sis iuly anno 1565
Waszey xią Młsci
namnieyszy sługa
Andrey Iarosławski
Kurpski

Адрес на обороте в поле 2/2:
Oswieconemu xiązecią
Panu a panu z łaski Bozey
Margrabi Brandeburskie-
Xi/azięciu pruskie- iste-
cynskie/- pomorskie- jm
panu me-/ młsciwemu[2]

Реконструкция польского текста:

Jaśnie Oświecone Wielmożne a Miłościwe Xiąże,

Zaleciwszy moje namniejsze a nieznajome służby, W. Miłościwą łaskę W. M. mego Miłościwego Pana, niechcąc tego zaniechać, abych powolny a namniejszy sługa W. M. przes to pisanie szczęśliwego zdrowia W. M. niemiał nawiedźeć, w którem racz Panie Boże W. M. chować i mnożyć na czasy długie spólnie z jej Miłością Panią Małżonką W. M. i ze wszytkiem narodem domu W. M. zacnym, tego W. M. memu Miłościwemu Panu wiernie mieć życzę właśnie jako sam sobie.

K temu, Wielmożne a Miłościwe Xiążę, ja namniejszy sługa Waszej Xiążęciej Miłości, gdym był jeszcze u nieprzyjaciela Jego Królewskiej Mości u Kniazia Wielkiego Moskiewskiego, słyszałem wielką sławę o Waszej Xiążęciej Miłości od ojca swego tak urodzonego z zacnego domu, tak tesz na wszytkiem być mądrego, sprawnego a rostropnego pana. A gdyżem s tamtej ziemie nieprzyjacielskij zjachał na sławne imię Jego Królewskiej Mości, nic innego pragnę i żądam od Boga wszechmocnego, jedno abych wyzrawszy osobę Waszej Xiążęciej Mości, chciałbych mieć poznanie w łasce Xiążęciej Waszej Mości.

A wziąwszy znajomość z Waszą Xiązięcią Miłością, sługą namniejszym W. M. i wszytkiemu domu W. M. panskiemu pozostać chcę w tej mierze i powolnym Waszej Xiązięcej Mości być we wszytkiem. S tym sam siebie i służby moje namniejsze łasce nieznajomej Waszej Xiążęcej Miłości pilnie zalecam. Datum ex Kniszyn XX Mensis Juli Anno 1565.

Waszey Xiążęcej Miłości namniejszy sługa
Andrej Jarosławski Kurpski

Перевод на современный русский язык:

Светлейший, Вельможный и Милостивый Князь!

Засвидетельствовав мои нижайшие и неведомые службы в Вашей Милостивой ласке Вашей Милости моему Милостивому Пану, не хочу отрицать, что как вольный и нижайший слуга Вашей Милости хочу этим посланием справиться о здоровье Вашей Милости, кое да сохранит и умножит Пан Бог Вашей Милости со всем знаменитым родом дома Вашей Милости на долгие времена, — того Вашей Милости моему Милостивому Пану желаю точно так же, как самому себе.

К тому же, Вельможный и Милостивый Князь, когда я, нижайший слуга Вашей Княжеской Милости, был еще у неприятеля Его Королевской Милости, у Великого Князя Московского, то слышал о великой славе Вашей Княжеской Милости от отца своего, рожденного в знаменитом доме и, кроме того, во всем мудрого, знающего и опытного пана. Когда же я из той неприятельской земли выехал на славное имя Его Королевской Милости, ничего другого не желаю и не прошу от Всесильного Бога, как, увидев Вашу Княжескую Милость, познать ласку Вашей Княжеской Милости!

А познакомившись с Вашей Княжеской Милостью, хочу остаться нижайшим слугой Вашей Милости и всему дому Вашему, Вашей Милости, как есть во всем вольным. С чем сам себя и свои нижайшие службы ласке неведомой Вашей Княжеской Милости всецело поручаю. Дано в Кнышине 20 июля 1565 года.

Вашей Княжеской Милости нижайший слуга
Андрей Ярославский Курпский

[1] *Буква* z *по* w.
[2] *Ниже росчерк тремя вензелями-петлями.*

V. ПИСЬМО АРХИМАНДРИТА ХИЛАНДАРСКОГО МОНАСТЫРЯ МАКАРИЯ КНЯЗЮ АНДРЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ КУРБСКОМУ (около декабря 1581 — ноября 1582 г.)

Публикация подготовлена совместно с Ю. Э. Шустовой.

Оригинал рукописи хранится в собрании Хиландарского монастыря на Афоне. При подготовке данного издания оригинал нам не был доступен. В основу издания положены чтения фотокопии Хиландарской библиотеки в Огайо (США). Отличным от текста документа почерком по верхнему полю слева к центру помета: «Кнегѡвѡм». Ниже в левом верхнем углу над текстом арабская цифра «9». Передача текста при его буквальном воспроизведении выполнена строка в строку, буква в букву. Сохранены буквы и титла источника. Все знаки пунктуации в строке и знаки переноса между строками, а также отличие строчных от прописных привнесены нами. Буква «ук» передана графемой «у», буква «от» графемами «ѡт».

Воспроизведение текста

Блгородному и хрстолюбивому и всакими дѣлы иравослави» оукрашеному[1].
Блгочѣстивому и холовому и въ Ха Ба блговѣрному ревните-
лю же ио БѢ, и ио бжстьвних црквах иоборнику, и тѣх краси-
телю ирѣмудрѣишему, иаче ж и въ бжствних весслїах «снѣи-
шему трьжьствнику, и иравославнеи вѣре ирѣмудрѣишему
красителю, ими ж Бъ твои разум ѡт вншнаг члклюбїа ирѣмудрѣ
ѡбогати, ѡт ниго же въсака даанїа блга и дари сьврьше-
ни ио неизчьтено дарнѣи тог ми ти нисиосилаеми и дши
бжствнаа ревность, блговѣрїемь исильн»на, ѡт ирѣбива-
ющее вь тебе блгодѣти, единому ираславному гсиру и млсти-
вому кнѣзу Андрѣи Курумскому, нам же, смереним, твоим бго-
молцем млстивому жавателю, иже въ Стеи Горь Аѳѡна
црска и ста и сщена обител и срьбска Лавра монастирь, зо-
воми Хиландарь, смерени архимандрить Макарїе їеромонах
и сщеници, [2]–и диакони–[2], и старци, и вса «же о Хе братїа, руце сьире-
тавше и рабски вїе ирекланше и ниско челом биюще, смере-
нометанїе и о Хе любовно иоклонннїе сътвараем тебе,
млстивому гсиру, и молимо[3] Цра Ха и Ба всех и Прчстую
Мтерь Его Бцю Марїа, куино и всѣх стих, «ко да дарует ти,
гдї, многлѣтни живот, мирь глбокь[4] и тишину и утврьжденїе[5]
холюбїю тих[6] и блгодаримо ти на твоему велико-
му жалованїю, еже жалуеши свою чьстную обител и своих
смерених бгомолцевь, и нн» молимосе и съ сльзами ирииадем
кь стим твоим стоиам млстиви гсидрь, иростри руко иомо-

[1] *Строка написана вдоль левого поля столбца.*
[2–2] *Вписано над строкой тем же почерком.*
[3] *Слово из 2–3 букв зачеркнуто. Можно прочитать как* Га *или* Ба.
[4] *Слово вписано над строкой тем же почерком.*
[5] *Далее зачеркнуто слово* блго/чьст.
[6] *Далее зачеркнуты слова* рць сих.

щи и иошли некою иомощь сто̑му монастиру на иограждениѥ болници, ионѥж многими лѣти иорушиласе ес̑,
и иошли некою цркоꙋвную красоту, иоследнѥму рбу на иамет̑,
якож и ирѣждни ст̑и цр̑ие, и кнѣзи, и иотриарси тог̑ ради
иослахоом̑, о Г̑и братїю нашу сщ̑еноинока и склисиарха Григорїи да сщ̑еноинока Вениамина съ молтвами[7] //
да иринесут̑ ѡт̑ ст̑го монастира твоему хр̑столюбїю обичное
и да челом̑ биють ирѣд̑ твоим̑ ст̑им̑ образомь въмѣсто въсѣх̑ нас̑,
и да скажуть бл̑городию твоему ѡ иребивани ст̑аго монастир̑.
Ти же их̑ ирїими, ст̑и и млстиви кнѣже, и иомилуи ст̑и монастирь, «кож̑ те учить влдка Х̑с и Дх̑ъ Ст̑инаставит̑. Мїи ж̑ смередльжни есми Б̑а молити и ионанати твое х̑олюбїе въ ст̑их̑ службах̑ дневних̑ и нощних̑, «ко иодбаеть иравославнїе иоминати,
и ирочее. Млсть Бж̑їа и Покровь Прчс̑тїе Бг̑омт̑ре буди с тобою.
Амин̑[8].

Реконструкция с неполной модернизацией

Книговом 9.

Благородному и христолюбивому и всакими дѣлы нравославия оукрашеному.

Благочѣстивому и христолюбивому и въ Христа Бога благовѣрному ревнителю же но Бозѣ, и но божестьвних церквах поборнику, и тѣх красителю нрѣмудрѣишему, наче ж и въ божествених веселиах яснѣишему трьжьстьвнику, и православнеи вѣре нрѣмудрѣишему красителю, ими ж Богь твои разум от внешнаго человеколюбиа нрѣмудрѣ обогати, от ниго же въсака даания блага и дари сьврьшени но неизчьтено дарнѣи того ми ти иисносилаеми и души божественаа ревность, благовѣриемь исльняна, от нрѣбивающее вь тебе благодѣти, единому нраславному господару и милостивому кнѣзу Андрѣи Курумскому, нам же, смереним, твоим богомолцем милостивому жавателю, иже въ Святеи Горь Афона царска и свята и священа обител и срьбска Лавра монастиръ, зовоми Хиландарь, смерени архимандрить Макарие иеромонах и священици, и диакони, и старци, и вса яже о Христе братиа, руце сьнреставше и рабски вие нреклонше и ниско челом биюще, смерено метание и о Христе любовно поклоннение сътвараем тебе, милостивому господару, и молимо Цара Христа и Бога всех и Пречистую Матерь Его Богородицю Мариа, кунно и всѣх святих, яко да дарует ти, господарови, многолѣтни живот, мирь гльбокь и тишину и утврьждение христолюбию тих и благодаримо ти на твоему великому жалованию, еже жалуеши свою чьстную обител и своих смерених богомолцевь, и ныня молимосе и съ сльзами принадем кь святим твоим стонам милостиви господарь, нростри руко номощи и ношли некою номощь святому монастиру на ноограждение болници, нонѥж многими лѣти норушиласе есть, и ношли некою церковную красоту, последнѥму рабу на намет, якож и нрѣждни святи царие, и кнѣзи, и нотриарси того ради нослахоом, о Господи братию нашу священоинока и еклисиарха Григории да священоинока Вениамина съ молитвами // да принесут от святого монастира твоему христолюбию обичное и да челом биють нрѣд твоим святим образомь въмѣсто въсѣх нас, и да скажуть благородию твоему о нребивани святаго монастира. Ти же их нриими, святи и милостиви кнѣже, и номилуи святи монастирь, якож те учить владыка Христос и Духь Святи наставит. Мии ж смередльжни есми Бога молити и нонанати твое христолюбие въ святих службах дневних и нощних, яко нодобаеть православние номинати, и прочее. Милость Божиа и Покровь Пречистие Богоматере буди с тобою.

Аминь.

[7] *Нижняя строка столбца на микрофильме плохо читается. Продолжение грамоты — на отдельном листе, не склеенном в столбец.*

[8] *Слово написано посредине строки. Далее лист оставлен без текста.*

VI. ПЕРЕПИСКА М. Ю. РАДЗИВИЛЛА, М. К. РАДЗИВИЛЛА И Я. И. ХОДКЕВИЧА (ДВА ПИСЬМА ОТ НАЧАЛА 1573 Г.)

Публикация подготовлена при участии И. Тесленко.

1) Письмо Миколая Юрьевича Радзивилла Миколаю Криштофу Радзивиллу. Текст публикуется по рукописи ОР РНБ. Ф. 971 (П. П. Дубровский). Оп. 2. Авт. 234. № 74. В папке – только публикуемое письмо на 2 л. Текст – на л. 1 – 1 об., адрес – на л. 2 об. Листы размером 327×215 (205) мм и 330×210 мм. Старая карандашная фолиация – на л. 195–196. Над текстом письма по центру чернильный № «144» (из «143»). Письмо было сложено вдвое (1 сгиб) по вертикали и вчетверо (3 сгиба) по горизонтали. След от печати в квадрате 2/3, неровный круг диаметром около 20 мм, крепилась восковым треугольником. Восемь прорезей (в том числе по центру следа от печати) около 11 мм. Водяной знак на л. 1 (195) – Рыба в круге, литеры внутри круга над рыбой – CG. Близкий аналог – Лауцявичюс № 4042. – 1572 г.

2) Письмо Яна Иеронимовича Ходкевича Миколаю Юрьевичу Радзивиллу. Текст публикуется по рукописи AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V (Listy domów obcych). Rkps 2044. В данной папке содержатся письма Я. И. Ходкевича за 1565–1578 гг. на 105 с. Публикуемое письмо находится на с. 65–68. Лист размером 327×215 мм. След от печати, неровный круг диаметром около 25–28 мм с прорезью около 10 мм сквозь оба листа. На с. 65 в левом верхнем углу печать Варшавского архива "AR, dz. V". Письмо на развернутом листе почерком XVI в., рукой Я. И. Ходкевича. На половине со с. 67–68 водяной знак – Кабан. Хвост завит, два круга под хвостом и один над хвостом, отчетливо два уха – как в варианте Лауцявичюс № 3666. – 1535 г. Рыло разделено (раскрыто). На рыле 2 кружка, верхний – с петлей, как у бивня. Аналог не обнаружен. Отдаленное сходство – Пиккард-15. Кабан. № 86. – 1544, 1545 гг.; № 108. – 1561 г.[9]

В публикации сохранены все латинские знаки оригинала. Надстрочные знаки выделены курсивом. Знак ° передается в строке как надстрочные *go*. Сокращения обозначены привнесенным знаком дефис. Публикация выполнена лист в лист, строка в строку. Разбивка на предложения, различие строчных и прописных букв, знаки переноса и все знаки пунктуации привнесены публикатором.

(1)

Воспроизведение текста

(л. 1) M-cziwy Panie Marszałku cc.
Listhy, ktoreś mi WM raczył posłać
przes Pana Axaka, doszły mię wca-
lie. O thym WM racz wiedzieć, a WM
dziękuyę, że mi ie WM tak pewnie prze-
słać raczył. Za to sia też WM-czi
dziękuię. A co syę thycze iachnia
mego do Wilna, pewnie pewnie iachał
bych był thydzień, w post wstąpiwszy,
do Wilna. Alie co mię dziś doszło
od Xiędza Kurpskie-*go* wiedzieć, posy-
łam WM kopiią listu iego słowo od
słowa przepisawszy. Przyczym pro-
szę racz mi WM zdanie swe oznaymić,
mam li tam do tego pana iachać.
A poiadą li, thedy mi podobno przydzie
na Nieswiż iachać, y radbym tam WM
zastał pierwey, niż WM od Wilna
wyiachać raczysz. K temu radbym się
ziachał s thym panem. Przydzieli do tego
sam gdzie wensi iakiey blizey Lachwy
piącia abo szescią mil. Dlia czego
proszę, abyś mi WM raczył drogę
do tey Lachwy kazać spisać y WM

(л. 1 об.)
kazać posłać, a ia chciałbym tam wy-
iachać, wstąpiwszy w post we czwar-

[9] В альбоме Г. Пиккарда ряд близких вариантов, но нет вариантов с двумя кружками на рыле и с похожими формами задней части изображения. Отдаленно сходные варианты приводятся по: Wasserzeichen verschiedene Vierfüssler / bearb. von G. Piccard. Stuttgart, 1987. Findbuch XV. Teil 3. H. Eber. Хуже просматривается вариант знака Кабан на с. 62–64 переписки Ходкевича в том же деле (письмо от 13 сентября 1573 г., рукой писаря). Судя по монолитному изображению рыла (без выраженной линии рта) и нечеткости задней части изображения (виден, вероятно, только хвост), это изображение отдаленно напоминает вариант Лауцявичюс № 3686. – 1565 г. Еще раз знак Кабан встречается в данном деле на с. 102–105 (недатированное письмо, рукой Я. И. Ходкевича). Вариант знака здесь идентичен тому, который встречается на бумаге публикуемого письма (с. 65–68). На остальных листах переписки знак типа Кабан не обнаруживается.

tek. O thym WM racz wiedzyeć. Zathym
zycząc WM od Pana Boga dobrego zdro-
wia łasce się WM zaliecam. Dan z
Rubiezewić 23 January 1573-*go*.
WM zyczliwy[10]
stry[11]
4972–Mikolay Radziwił Wo-
iewoda Wilienski
reką sswą–[12]

(л. 2 об.)
4973Je-go M-czi Panu Radziwiło-
wi Marszalkowi Na-
or-mu WXL-*go* cc. Panu
mowcowi mnie ła-
wemu
In P. pri-as manus–[13]

Реконструкция с неполной модернизацией

(л. 1) Miłościwy Panie Marszałku etc.

Listy, któreś mi W. M. raczył posłać przez Pana Axaka, doszły mię wcale. O tym W. M. racz wiedzieć, a W. M. dziękuję, że mi je W. M. tak pewnie przesłać raczył. Za to sia też W. M-czi dziękuję. A co się tycze jachania mego do Wilna, pewnie pewnie jachał bych był tydzień, w post wstąpiwszy, do Wilna. Ale co mię dziś doszło od Xiędza Kurpskiego wiedzieć, posyłam W. M. kopią listu jego słowo od słowa przepisawszy. Przy czym proszę racz mi W. M. zdanie swe oznajmić, mam li tam do tego pana jachać. A pojadą li tedy mi podobno przydzie na Nieświż jachać, i radbym tam W. M. zastał pierwiej, niż W. M. od Wilna wyjachać raczysz. K temu radbym się zjachał z tym panem. Przydzieli do tego sam gdzie wensi [wsi?] jakiej bliżej Lachwy piącia abo sześcia mil. Dlaczego proszę, abyś mi W. M. raczył drogę do tej Lachwy kazać spisać i W. M. // (л. 1 об.) kazać posłać, a ja chciałbym tam wyjachać, wstąpiwszy w post we czwartek. O tym W. M. racz wiedzieć. Zatym życząc W. M. od Pana Boga dobrego zdrowia łasce się W. M. zalecam. Dan z Rubieżewić 23 January 1573-go.

W. M. życzliwy stryj Mikołaj Radziwiłł Wojewoda Wileński ręką swą.

// (л. 2 об.) Jego Miłości Panu Radziwiłłowi Marszałkowi Nadwornemu WXL-go etc. Panu Mowcowi mnie łaskawemu. In P. privatas manus.

(2)

Воспроизведение текста

(s. 65) Moy M-łosczivy Panye
X dobrodzyeyv!

Gdy*m* sa*m* do domv swe*go* przyachal,
znalyazle*m* sa*m* xye*n*dza ie*go* m-ło- Czartho-
riskye*go*, szvagra me*go*, ktory iako czve
ksyaze z mylosczi oyczyzney spolney naschey,
z iakymy rzeczoma do mnye prziachal,
tego papyrzovi trvdno vyerzycz.
Alye bremby prosche Kvrpskye*go* balamvthny
VM nye vyerz, bo wschystko na zdradzye.
Czyny falancz, iakoby Slvczky do pan-
stva przischedl, czo bycz nye moze za
dobre*go* zdrovya VM y me*go*, tak
on rozvmye a tak wschelky*m* obyczaye*m*
VM slvzacz szye potrzeba, iakoby VM
zdrovye szve na dobrey pyeczy myal.
A yz Slvczky iede*n* sva*m* chcze
collocovacz w Vylnye tego VM badz

(s. 66)
pevye*n*, ze thymy czaszy albo na
VM nayedzye, albo Vylno vbyezecz
vmislyl a tak fvndame*n*t szvey zdra-
dy zalozycz. Dlya Boga, M-lo- Panye,
ivz to pevna ostroga a ktora nyechay by,
a tak y szyebye y nasz racz VM
postrzecz, bo ivz extrema chczą thy
zdraycze tentare. Prosche, prosche, prosche,
zmylvyszye nad sobą y namy, a zad-
ne*go* nyeprziaczelya legcze nye vasz, bo
ivz wszystky zdrady instrvmenta nago-
thovane. Wysznyevyeczky ten bez
pochyby VM omylya[14] a byl v Slvcz-
kv, byl pevnye w ten pyątek, bo go szlv-
ga moy vydzyal, alye nye byl ieno samo-
schost y tho w zlym odzienyv.
Itervm atq- itervm do Vilna przebog iadz
VM, a doma bądz ostrozno. X
Co*n*sta*n*ty — ten iest albo pevnye w Slvczkv
bendzye, po Wlodimira poslal, y tego
mayą myecz

(s. 67)
za iede*n* instrvme*n*th szvey zdrady.
W rzeczy szvagra szwe*go* ossobny lyst
kv VM pische, ktore*go* prosche sprave
laskavye VM racz obaczycz, zech
mi x Vysznyovyeczy nye prau, a tak —
prosche z lasky szvei racz VM v to
vgadzacz, aby szye naschy przyaczyelye
nye vadzyly czo to wszystko mło
insche VM poverze. Da*n* z Lachovicz

[10] *Ниже по центру.*

[11] *По центру листа чуть правее.*

[12] *Отрывок в правом нижнем углу, после него росчерк, возможно,* własną.

[13] *Адрес в квадрате 1/3, последняя строка чуть ниже основной записи.*

[14] *Приписано над строкой над зачеркнутым* zdradza.

we szrzode sta*m*pną 1573.
VM
sługa vyerny
Chodkyevicz
swa rę-

(s. 68)[15]
Jego M-ł-ci moiemu m-ł-ciwemu Panu
Panu Mikolaiowi Radziwilowi Wo-
dzie Wilienskiemu Kanclie-
Wysszemu Wielkiego Xię-
Lithewskie*go*
do wlasnych rąk naliezy[16]

Реконструкция с неполной модернизацией

(s. 65) Mój Miłościwy Panie, X. Dobrodzieju!

Gdym sam do domu swego przyjachał, znalazłem sam xiędza jego miłość Czartoriskiego, szwagra mego, który jako swe książe z myłości ojczyznej spólnej naszej, z jakimi rzeczoma do mnie przyjachał, tego papyrzowi trudno wierzyć.

Ale bremby proszę Kurpskiego bałamutny W. M. nie wierz, bo wszystko na zdradzie, czyny faląc, jakoby Słucki do państwa przyszedł, czo być nie może za dobrego zdrowia W. M. i mego, tak on rozumie a tak wszelkim obyczajem W. M. służąc się potrzeba, jakoby W. M. zdrowie swe na dobrej pieczy miał.

A iż Słucki jeden sam chce collocować w Wilnie tego W. M. bądź // (s. 66) pewien, że tymi czasy albo na W. M. najedzie, albo Wilno ubieżeć umyslił, a tak fundament swej zdrady założyć. Dla Boga, Miłościwy Panie, już to pewna ostroga a ktora niechaj by, a tak i siebie i nas racz W. M. postrzeć, bo już extrema chcą ty zdrajce tentare. Proszę, proszę, proszę, zmiłuj się nad sobą i nami a żadnego nieprzyjaciela legce nie waż, bo już wszystki zdrady instrumenta nagotowane. Wiszniewiecki ten bez pochyby W. M. omyla[17] a był u Slucku, był pewnie w ten piątek, bo go sługa mój widział, ale nie był jeno samoszóst i to w złym odzieniu.

Iterum atque iterum do Wilna przebóg jadź W. M. a doma bądź ostrożno. X. Constanty — ten jest albo pewnie w Słucku będzie, po Wlodimira posłał, i tego mają mieć // (s. 67) za jeden instrument swej zdrady.

W rzeczy szwagra swego osobny list ku W. M. piszę, którego proszę sprawę łaskawie W. M. racz obaczyć, żech mi X. Wiszniowiecki nie praw, a tak — proszę z łaski swej racz W. M. w to ugadzać, aby się naszy przyjaciele nie wadzili co to wszystko mło insze W. M. powierzę. Dan z Lachowicz we Środę Stąpną 1573.

W. M. sługa wierny Chodkiewicz swą ręką.

// (s. 68) Jego Miłości Mojemu Miłościwemu Panu, Panu Mikołajowi Radziwiłowi Wojewodzie Wileńskiemu Kanclerzowi Wyższemu Wielkiego Xięstwa Litewskiego do własnych rąk należy.

[15] *Здесь адрес в левом верхнем углу листа.*

[16] *Под строкой росчерк пера.*

[17] *Приписано над строкой над зачеркнутым* zdradza.

VII. АКТОВАЯ ЗАПИСЬ О КРАЖЕ У КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО ЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ И КНИГ

Актовая запись («впис») с упоминанием книг кн. А. М. Курбского входит в книгу Владимирского гродского суда за 1575–1576 гг., хранящуюся под шифром: Центральний державний історичний архів України у м. Києві, ф. 28 (Володимирський гродський суд), оп. 1, спр. 9. Кодекс в 2°. Переплет коричневый картон, корешок — коричневая кожа на четыре деления и внизу полуделение, внизу кожа с одного деления и полуделения сорвана. Переплет и листы поедены жучком, нижняя крышка отходит от переплета. В книге четыре арабские фолиации. Самая ранняя светлокоричневыми чернилами, ее исправляет в ряде мест более темными чернилами, архивная карандашная на 242 л. С л. 224 карандашной начинается и доходит до конца кодекса особая светлокоричневая фолиация на 18 л. Листы 11 и 242 припереплетные. На л. 217 номер синим карандашом, на л. 218 в левом верхнем углу им же: «о № не обозначенъ». На л. 37, 224 об. так же: «о № пропущ». На л. 242 об. визирование Комиссии метрических и актовых книг от 23 апреля 1835 г. с подписями полковника Дохтурова, коллежского асессора Войцеховича, губернского стряпчего Данильченко и уездного стряпчего Яворского, красная печать Киевской, Волынской и Подольской комиссии на синем шнуре. На л. 11 водяной знак-дата «1834» (белая дата, год изготовления бумаги), л. 242 из бумаги того же качества со знаками «III». По всей видимости, переплет реставрировался по поручению Комиссии. В основной части просматриваются знаки, варианты которых встречаются на бумаге Великого княжества Литовского и Короны Польской в 1570-е гг.: 1) Jastrzębiec, в ряде случаев просматриваются три кружка на ободе короны и наконечник на острие щита — Лауцявичюс № 2699. — 1575 г.; № 2700. — 1583 г.[1]; 2) Topór в резном щите под короной — Лауцявичюс № 1654. — 1575, 1579 гг.; № 1655. — 1575 г.; № 1656. — 1575 г.; № 1657. — 1572, 1575 гг.; 3) Jelita в щите с острием внизу под короной — см.: Лауцявичюс № 1525. — 1575 г.; № 1526. — 1578 г. Сборник писан канцелярскими почерками XVI в. чернилами различных оттенков. Не вызывает сомнений, что обсуждаемая запись сохранилась в оригинале — в чистовой книге Владимирского уряда 1575 г.

Текст передается строка в строку, буква в букву. Выносные буквы обозначаются подчеркиванием, выносные под покрытием — подчеркиванием и курсивом. Диакритические знаки не учитываются. Разделение на слова, различие строчных и прописных и пунктуация привнесены в текст публикатором.

(л. 157) Лѣта по Нарожению Исуса Хрста Сына Божог тисяча пятсот семдесят
пятог мсца июля четвертогонадцат дн҃я.
Писал и присылал на вряд кгродскии Володимерскии до мене Ста
нислава Кграевског, стодника землѣ Подляшское, подстаростег
володимерског, его млст кн҃зь Андреи Михаилович Курпскии Яро
славскии, wповедаючи, што, деи, року теперидучого тися
ча пятсот семдесят пятого мсца июля девятог дн҃я
втек wт мене вязен мои на имя Иванко Москвитинь,
которого вязня поимано в тот час под замком Збореском, як
кн҃зь Александро Полубенскии тот замок Зборескъ был взял

[1] Бумажные знаки актовых книг волынских судов еще ждут своего детального исследования. Наш анализ ограничивается определением типов и видов знаков.

и мне его млст того Иванка Москвитина дал. То
пак, деи, тот Иванко Москвитин, украдши в мене гро
шеи готовых кон двадцат, ермякъ муравскии белыи, жу
пан лунскии блекитныи, шаблю, книгу Апостол, за которую,
деи, wтписаня дано кон дванадцет, а другую, деи, книгу све
того Василя Великого по-латыне писаную, которую //
(л. 157 об.) дано три коны грш҃еи литовских, в служебника, деи, моег Мак
сима Перехрысты коня гнедог з седлом, а в коморника,
деи, моег Ѡлексея колпак сукна влоског чирвоног лисами
подшитыи. Которо ж я wповедане его мл князя Кур
ског за прозбою его мл в кн҃ги кгродские записати
казал.

Реконструкция с неполной модернизацией:

(л. 157) Лѣта по Нарожению Исуса Христа Сына Божого тисяча пятсот семдесят пятого месеца июля четвертогонадцат дня. Писал и присылал на вряд кгродский Володимерский до мене, Станислава Кграевского, столника землѣ Подляшское, подстаростего володимерского, его милость князь Андрей Михайлович Курнский Ярославский, оноведаючи, што, деи, року тенеридучого тисяча пятсот семдесят пятого месеца июля девятого дня втек от мене вязен мой на имя Иванко Москвитинь, которого вязня поимано в тот час под замком Збореском, як князь Александро Полубенский тот замок Збореск был взял

и мне его милост того Иванка Москвитина дал. То пак, деи, тот Иванко Москвитин, украдши в мене грошей готовых кон двадцат, ермяк муравский белый, жунан лунский блекитный, шаблю, книгу Апостол, за которую, деи, отписаня дано кон дванадцет, а другую, деи, книгу светого Василя Великого по-латыне писаную, которую // (л. 157 об.) дано три коны грошей литовских, в служебника, деи, моего Максима Перехрысты коня гнедого з седлом, а в коморника, деи, моего Олексея колпак сукна влоского чирвоного лисами подшитый. Которо ж я оноведане его милости князя Курнского за прозбою его милости в книги кгродские занисати казал.

VIII. РЕЕСТР КОВЕЛЬСКИХ ИМЕНИЙ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО 1576 Г.

Публикуемый реестр содержится в сборнике, хранящемся под шифром: Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Skarbu Koronnego, dział I, sygnatura 31. Данная рукопись является сложносоставным конволютом, содержащим отчетные данные архива королевской казны по налоговым сборам с волынских имений за 1564–1589 гг., Ливонии за 1588–1589 гг., Иберпольского замка (Оберпалена, эст. Põltsamaa) за 1583 г. и Иберпольского повета за 1589 г. Размер книжного блока (высота, ширина, толщина) — 34,5×23×15,5 см. Плотная бумага переплетных крышек покрыта коричневой кожей, к настоящему времени сильно потертой и поврежденной на уголках и сверху на корешке. Корешок на 5 делений. Остатки бумажных наклеек во 2-м и 3-м делении корешка. Тиснение — 3 параллельные полосы на верхней и нижней крышках переплета у корешка и в каждом делении корешка сверху и снизу. В рукописи имеется поздняя архивская арабская фолиация черными чернилами, которая в большинстве случаев не учитывает листов, не содержащих записей, а также листов срезанных и оборванных у сшива. Учитывая приперелетные и пронумерованные листы, в рукописи II1+788+II2 л. Разделы кодекса, которые первоначально представляли собой отдельные рукописи, в ряде случаев обособлены с помощью номеров, вписанных красным карандашом на первом листе раздела. Раздел I открывается записью на л. II1 сверху коричневыми чернилами «№ 609» и на л. 1 сверху черными чернилами: «А 1576», и карандашом дважды «1579» — слева и снизу от записи чернилами.

Кодекс состоит из следующих разделов:

I. Л. II1 150. Реестр волынских ноборов, 1579 г. На л. II1: «№ 609». После л. 150 не пронумерован 1 чистый л. После л. 85 удален 1 л., после л. 120 — 3 л., после л. 150 — 1 л.

II. Л. 151–158. Реестр ноборов с собненского имения 1564 г. На л. 151: «№ 397».

III. Л. 159–181. Реестр волынских ноборов 1570 г. На л. 159: «№ 531». После л. 181 удален 1 л.

IV. Л. 182–201. Реестр ноборов с Владимира-Волынского 1570 г. На л. 182: «№ 516». После л. 182 не пронумеровано 4 чистых л., после л. 201 1 л.

V. Л. 2011–285. Реестр волынских ноборов 1569–1570 гг. На л. 2011: «№ 476». После л. 263 не пронумеровано 2 чистых л., после л. 272 — 1 л., после л. 274 — 1 л., после л. 275 — 3 л., после л. 282 — 1 л. После л. 282 удалено 2 л. Особые подразделы: V.1 — л. 2011–263; V.2 — л. 264–285.

VI. Л. 286 325. Реестр луцких ноборов 17 июля 1578 г. На л. 286: «№ 684». После л. 321 удален 1 л., после л. 325 — 5 л.

VII. Л. 326–365. Реестр волынских ноборов 1577–1578 гг. На л. 326: «№ 634». После л. 348 удалено 2 л. После л. 365 не пронумеровано 2 л.

VIII. Л. 3652 420. Реестр волынских ноборов 1578 г. На л. 3652: «№ 689». После л. 386 не пронумерован 1 чистый л., после л. 390 — 2 л., после л. 413 — 1 л., после л. 414 — 1 л., после л. 418 1 л. После л. 390 удалено 2 л., после л. 391 — 1 л., после л. 410 — 1 л., после л. 417 — 1 л.

IX. Л. 421–428. Реестр ноборов с Каменца-Подольского 1573, 1576, 1577 г. На л. 421: «№ 663».

X. Л. 429–480. Реестр ноборов с ковельских имений 1576 г. После л. 480 не пронумеровано 2 чистых л.

XI. Л. 481–488. Реестр ноборов с луцких мещан 1573 г. На л. 481: «№ 579». После л. 488 удалено 3 л.

XII. Л. 489–498. Реестры ноборов с Кременца 1581 г. и Каменца-Подольского 1578 г. Особые подразделы: XII.1 – л. 489–493; XII.2 – л. 494-498. После л. 493 не пронумерован 1 чистый л.

XIII. Л. 499–511. Реестр волынских ноборов 1580 г. На л. 499: «№ 732». После л. 511 не пронумеровано два чистых листа.

XIV. Л. 511–552. Реестр волынских ноборов 1582 г. После л. 538 не пронумеровано 4 чистых л. После л. 552 удалено 4 л.

XV. Л. 553–565. Реестр волынских ноборов 1581 г. После л. 565 не пронумеровано 2 чистых л.

XVI. Л. 5652–685. Реестр волынских ноборов 1583 г. Особые подразделы: XVI.1 – л. 5652–646; XVI.2 – л. 647–685. На л. 5652: «№792». После л. 645 не пронумерован 1 чистый л., после л. 646 – 2 л., после л. 684 – 1 л., после л. 685 – 1 л.

XVII. Л. 686–716. Реестры ливонских ноборов 1588–1590 гг. На л. 686: «№822». После л. 698 не пронумерован 1 чистый л., после л. 716 – 1 л., после которого удален 1 л.

XVIII. Л. 717–724. Суммарий волынских ноборов 1589 г. На л. 717: «№828». После л. 724 не пронумеровано 4 чистых л.

XIX. Л. 725–728. Суммарий ливонских ноборов за 1588 г.

XX. Л. 729–788. Реестры Ибернольского повета 1589 г. и Ибернольского замка 1583 г. Особые подразделы: XX.1 – л. 729–747; XX.2 – л. 748–788. После л. 788 удалено 3 л.

Раздел X состоит из трех тетрадей: I – л. 429–442 (14 л.), II – л. 443–462 (20 л.), III – л. 463–4802 (20 л.). Водяной знак бумаги, на которой написан публикуемый реестр, – Лилия в гербовом щите, герб шляхетного рода краковских мещан Бонеров. Бумага с данным знаком изготовлена на бумагоделательной мануфактуре в г. Балице под Краковом. Изображения филиграней балицкой мануфактуры см.: Siniarska-Czaplica J. Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku. Wrocław et al., 1969. Tabl. I–XIII (на бумаге реестра 1576 г. знак Лилия обнаружен на л. 429, 431, 432, 436–438, 441, 446, 448, 449, 451, 453, 455, 458, 460–464, 467, 469–472, 477, 479, 480).

Печать на л. 4802 содержит изображение герба «Правда» («Лев над стеной») – поясная фигура Льва, повернутая вправо над стеной, над щитом инициалы «K Z».

Таким образом, в составе данного сборника реестр ковельских имений представляет собой обособленное целое. Реестр занимает л. 429 – 4802 об. Текст, начиная со слова «Реестръ» и заканчивая подписью К. Зубцовского, расположен на л. 429–480 об. Номерами «429», «430» и т.д. в публикации обозначена лицевая сторона листа источника, номерами «429v», «430v» и т.д. – оборотная.

Текст передан лист в лист, строка в строку, слово в слово (предлоги во всех случаях отдельно от слов), буква в букву. Во всех случаях сохранена «ѣ» (*ять*). В остальном графика модернизирована. Кириллические цифры переведены в арабские. Титла над цифрами сняты. Различия между «w» (*омега*) и «о» сняты в пользу «о». В источнике графема «w» используется для [о] в начале слова или предлога, в той же позиции после предлога, оканчивающегося на глухой, а также для [о] после гласных. Различия между лигатурой «u» (*ук*) и «у» не учитываются. Для передачи фонемы [ф] в источнике используется только «о» – в публикации она передана графемой «ф»; графема «ф» использована в источнике только для передачи цифрового значения «ф҃» (500) в отличие от «б҃» (9). Графемы ««» (*а-йотированная*) и «я» передаются как «я». Сокращения «мл҆ть» (милость), «кн҃зя» (князя), «гр҃ш» (грошей) и т. п. сохранены без раскрытия. Выносные буквы обозначены курсивом; покрытия над выносными не оговариваются.

Топонимы пишутся с прописной буквы, в том числе названия «мест», «местечек», «сел», «улиц», «сторон». Предлог *от* в названиях улиц – со строчной. Все первые имена пишутся с прописной буквы. Окказиональные прозвища (*Гунка, Дудка, Слепый, Гугнивый*), а также патронимы (*Мицович, Шимчич, Попович*) и оттонимические прозвища (*Литвин, Полешанин, Волошин*) пишутся с прописной буквы. Обозначения профессий и должностей – со строчной (войт, кушнер, колесник, писаровое).

На первых листах реестра содержатся записи по нижнему полю:

л. 429 об. – 430: «4 зло грш 4 / зло 1 грш [11]»;
л. 430 об. – 431: «зо 1 грш 6 / грш [11]»;
л. 431 об. – 432: «золо 1 грш 10 / зло 1 грш 9»;
л. 432 об. – 433: «з 1 гр 7 / з 1 гр 1»;
л. 433 об. – 434: «зо 1 грш 11 / зо 1 гр 11»;
л. 434 об. – 435: «зол 1 грш 12 / зо 1 гр 11»;
л. 435 об. – 436: «зо 1 гр 15 / з 1 гр 10»;
л. 436 об. – 437: «з 1 гр 14 / з 1 гр 8».

За помощь в подготовке текста реестра к публикации выражаю благодарность Д. и М. Карчевским, М. Страшевичу, Н. Белоус, О. А. Останчук. Слова особой признательности – сотруднику Главного архива древних актов в Варшаве Р. Янковскому, любезно предоставившему информацию о формате рукописи, филиграни бумаги в разделе с публикуемым реестром, а также сфрагистические и геральдические сведения.

* * *

(f. 429) Реестръ бранья побору короля его млсти водле уставы
в Люблине на соиме прошлом постановленое[1] в року божомъ 1569
которыи и тепер постановен выбират на корунацыи его кро
левское млсти в Кракове року божего 1500 семъдесят шостог
выбиране тог побору з ымене и его млсти кн҃зя Анъдрея Михаи
ловича Курпского Ярославского з места Ковля и волости Ковелскои
року божего 1500 семдесят шостог которыи отдан до поборцы
его кролевское млсти кн҃зю Дмитру Козице в повѣте Володимерскомъ
водле реестру того

		Мѣсто Ковель ринокъ			
	дал	Матуш Трашковскии воит	з дому	грошеи	4
	дал	Шимко Трояш	з дому	грошеи	4
	дал	Апъдреи Мицович	з дому	грошеи	4
	дал	Ивашко Сенкович	з дому	грошеи	4
	дал	Лаврин Перехреста	з дому	грошеи	4
	дал	Олешко кушнер	з дому	грошеи	4
		Другая сторона ринку			
	дал	Дмитръ Семеновичъ	з дому	грошеи	4
	дал	Данило кушнер	з дому	грошеи	4
	дал	Филип Словенскии	з дому	грошеи	4
	дал	Апъна Перехрыста	з дому	грошеи	4
(f. 429v)	дал	Апъдреи Збиковскии	з дому	грошеи	4
	дал	Полуико кушнер	з дому	грошеи	4
		Третяя сторона ринку			
	дал	Федор кравец	з дому	грошеи	4
	дал	Шимон Меженскии	з дому	грошеи	4
	дал	Игнат Зубкович	з дому	грошеи	4
	дал	Стас Попович	з дому	грошеи	4
	дал	попадя старая	з дому	грошеи	4
	дал	Апъдреи Балвир	з дому	грошеи	4
	дал	Федко Шимчич	з дому	грошеи	4
		Улица Замковая			
	дал	Левко Бабич	з дому	грошеи	2
	дал	Дорофеи Споровцевич	з дому	грошеи	2
	дал	Павел Мищеня	з дому	грошеи	2
	дал	Фец тесля	з дому	грошеи	2
	дал	Петръ старыи убозство	з дому	грош	1
	дал	Селешкос бондар	з дому	грошеи	2
	дал	Сидор Шаравара	з дому	грошеи	2
	дал	Кирило Козулич	з дому	грошеи	2
	дал	Василиха вдова	з дому	грошеи	2
	дал	Лучка Козулич	з дому	грошеи	2
	дал	Кузма Губчич	з дому	грошеи	2
	дал	Данко Короц	з дому	грошеи	2
(f. 430)		Улица Мацевичъ			
	дал	Каленикъ Дутого	з дому	грошеи	2
	дал	Олешко кушнир	з дому	грошеи	2
	дал	Заско Орищинъ	з дому	грошеи	2
	дал	Гацко Дашевич	з дому	грошеи	2
	дал	Семен Павлович	з дому	грошеи	2
	дал	Костюк Рядскии	з дому	грошеи	2
	дал	Семен Секунец	з дому	грошеи	2

[1] *Буквы* шлом по *над строкои, буква* р *в* прошлом *приписана лигатурои к* п.

	дал	Грицко Секунец	з дому	грошеи	2
	дал	Климъ Безноскович	з дому	грошеи	2
	дал	Мацко Гирчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Бартошъ убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Апъдреи Ушко	з дому	грошеи	2
	дал	Радко бондар	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко колесникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Янко слюсар	з дому	грошеи	2
	дал	Данило кушнир	з дому	грошеи	2
	дал	Васко Демидович	з дому	грошеи	2
	дал	Лец кушнир	з дому	грошеи	2
	дал	Матии Бабич	з дому	грошеи	2
	дал	Панас лучникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Гриц Гринчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Гацко Певирец	з дому	грошеи	2
(f. 430v)	дал	Сенко Захурко	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдреи Певирец	з дому	грошеи	2
		Улица Кошерска			
	дал	Мартишъ ковалъ	з дому	грошеи	2
	дал	Грицыха вдова	з дому	грошеи	2
	дал	Богдан Козчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Демидович	з дому	грошеи	2
	дал	Федец Белченя	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко Бречка	з дому	грошеи	2
	дал	Купыха вдова убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Васко Будзимор	з дому	грошеи	2
	дал	Савка Петрович	з дому	грошеи	2
		Улица Горщарская			
	дал	Кузма Клюкович	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко пшенникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Петран Похлюста	з дому	грошеи	2
	дал	Игнат пшонникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Михнова вдова	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдреи Левкович	з дому	грошеи	2
	дал	Якубовая вдова убозство	з дому	грошеи	1[2]
(f. 431)	дал	Федко Пилипович	з дому	грошеи	2
	дал	Селивон Будникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Валентыи Кишка	з дому	грошеи	2
	дал	Юско Василевич	з дому	грошеи	2
	дал	Яско горщаръ	з дому	грошеи	2
	дал	Левко Слепыи	з дому	грошеи	2
	дал	Стецка Смукгел	з дому	грошеи	2
		Улица Володимерская			
	дал	Трохимъ Краса	з дому	грошеи	2
	дал	Васил Литвин	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Василевич	з дому	грошеи	2
	дал	Воицех	з дому	грошеи	2
	дал	Стецко шаповал	з дому	грошеи	2
	дал	Курдваниха вдова убозство	з дому	грошеи	1[3]
	дал	Левко Мищеня	з дому	грошеи	2
	дал	Миско золотар	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Хилкович	з дому	грошеи	2

[2] *Испр. из* 2.
[3] *Испр. из* 2.

	дал	Игнатко золотар	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко постригач	з дому	грошеи	2
	дал	Мацко Ракович	з дому	грошеи	2
	дал	Мин Молодилович	з дому	грошеи	2
	дал	Миц Молодилович	з дому	грошеи	2
	дал	Сасин Сливовъски	з дому	грошеи	2
(f. 431v)	дал	Данилеи Юревских	з дому	грошеи	2
	дал	Лучка шаповал	з дому	грошеи	2
	дал	Стас Гугнивыи	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Просирчич	з дому	грошеи	2
	дал	Демид Гринчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Миц шаповал	з дому	грошеи	2
	дал	Михно Полешанин	з дому	грошеи	2
		Улица Подрецкая			
	дал	Ярош Полешанин	з дому	грошеи	2
	дал	Пикон Волчковичъ убозство	з дому	грошъ[4]	1[5]
	дал	Яцко Полешанин	з дому	грошеи	2
	дал	Пашковая вдова убозство	з дому	грошъ[6]	1
	дал	Блажко писаровое	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдрос Куцович	з дому	грошеи	2
	дал	Гаврило пивовар	з дому	грошеи	2
	дал	Каленикъ Скробъ	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдрос Кузменя	з дому	грошеи	2
	дал	Калишъ	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Мамич	з дому	грошеи	2
	дал	Васко шаповал	з дому	грошеи	2
	дал	Пашковая вдова убозство	з дому	грошъ[7]	1[8]
	дал	Климъ Черняк убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Стаско машталер[9]	з дому	грошеи	2
(f. 432)	дал	Ивашко Богданович	з дому	грошеи	2
	дал	Лютко убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Мико Кулбака	з дому	грошеи	2
	дал	Гаврило Богушеня	з дому	грошеи	2
	дал	Жлан будникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Панас Белозор	з дому	грошеи	2
	дал	Климъ небожчик	з дому	грошеи	2
	дал	Демид Лупеико	з дому	грошеи	2
	дал	Сезко Кгокгулич	з дому	грошеи	2
	дал	Левко коновникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Стецко Минченя	з дому	грошеи	2
	дал	Павел Литвинович	з дому	грошеи	2
	дал	Миско Шеметович	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Шеметович	з дому	грошеи	2
	дал	Осеи Засядкович	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Кузмич	з дому	грошеи	2
	дал	Ярош Санчос[10]	з дому	грошеи	2
	дал	Санчая вдова убозство	з дому	грошеи	1[11]

[4] *Бкв* ъ *из* ен.
[5] *Испр. из* 2.
[6] *Бкв* ъ *из* е.
[7] *Бкв* ъ *из* ен.
[8] *Испр. из* 2.
[9] *Бкв* е *из* о.
[10] *Или* Санча.
[11] *Испр. из* 2.

	дал	Якуб будникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Яцко Попович	з дому	грошеи	2
	дал	Михно Головенка убозство	з дому	грошъ	1[12]
		Улица Лазебная			
(f. 432v)	дал	Савка Лецович	з дому	грошеи	2
	дал	Лукаш мелникь	з дому	грошеи	2
	дал	Казарин лучник	з дому	грошеи	2
	дал	Богдан цехмистръ	з дому	грошеи	2
	дал	Тишко Ковалевич	з дому	грошеи	2
	дал	Зинко паламар	з дому	грошеи	2
	дал	Евко Пороскало	з дому	грошеи	2
	дал	Данило Болтута	з дому	грошеи	2
	дал	Скорута убозство	з дому	грош	1
	дал	Апътон Борисовнин	з дому	грошеи	2
	дал	Юско Лытчич	з дому	грошеи	2
	дал	Петровая Гирич вдова убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Зинко пивовар	з дому	грошеи	2
	дал	Мартин Вижовец	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдреи Потетюра убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Яцковая вдова убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Жукъ Прокопович	з дому	грошеи	2
	дал	Игнат Цареико	з дому	грошеи	2
	дал	Лучка Проничин	з дому	грошеи	2
	дал	Яновая вдова убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Терех Поповичъ	з дому	грошеи	2
		На передместю улица Коринская			
(f. 433)	дал	Ивашко Герцикъ	з дому	грошеи	2
	дал	Мартин будник	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко Сажка	з дому	грошеи	2
	дал	Олешко Клевечанин	з дому	грошеи	2
	дал	Петрашъ Клевечанин	з дому	грошеи	2
	дал	Сидор Кохович	з дому	грошеи	2
	дал	Малош Зинчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Демид Иванович	з дому	грошеи	2
	дал	Онико Клевечанин	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдреичая Коперанка	з дому	грошеи	2
	дал	Юско Онискович	з дому	грошеи	2
	дал	Мацко Захурко	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко Величъкович	з дому	грошеи	2
	дал	Васко Мощенец	з дому	грошеи	2
	дал	Супрун Ковалевич	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Курилович	з дому	грошеи	2
	дал	Радко Грицович	з дому	грошеи	2
	дал	Евтух Мисникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Савка Федевич	з дому	грошеи	2
	дал	Прокон Симонович	з дому	грошеи	2
	дал	Супрун Шарко	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Онискович	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдречая вдова	з дому	грошеи	2
	дал	Тишко Терещеня	з дому	грошеи	2
(f. 433v)	дал	Стецко Янкович	з дому	грошеи	2
	дал	Федец Максимович	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко Римар	з дому	грошеи	2

[12] *Испр. из 2.*

	дал	Остан Кужолка	з дому	грошеи	2
	дал	Иван Шишленя	з дому	грошеи	2
	дал	Данило Максимович	з дому	грошеи	2
	дал	Сидор горьщаръ	з дому	грошеи	2
	дал	Пекраш Сиделникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Мартин Сапун	з дому	грошеи	2
	дал	Миколаевая вдова убозство	з дому	грошеи	1[13]
		Улица от Глинянки			
	дал	Конон Иванович	з дому	грошеи	2
	дал	Мелех Литвин	з дому	грошеи	2
	дал	Савка лучникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Савка Тимошевич	з дому	грошеи	2
	дал	Хилко Юскович	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдреи Невирец	з дому	грошеи	2
	дал	Лазко шановалъ	з дому	грошеи	2
	дал	Пронец Туреискии	з дому	грошеи	2
	дал	Иван Полумицок	з дому	грошеи	2
	дал	Мартин Козчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Козчичъ	з дому	грошеи	2
(f. 434)	дал	Вакула Полешанин	з дому	грошеи	2
	дал	Мис Соломеникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Прокон Глушкович	з дому	грошеи	2
		Улица от Броны Кошерское			
	дал	Грицко кравец	з дому	грошеи	2
	дал	Юшко Чоботкович	з дому	грошеи	2
	дал	Якуб Воитович	з дому	грошеи	2
	дал	Тимко кравец	з дому	грошеи	2
	дал	Лазко Мицковиц	з дому	грошеи	2
	дал	Опицко Ходаневич	з дому	грошеи	2
	дал	Миколаи Буцинец	з дому	грошеи	2
	дал	Тишко Лукянович	з дому	грошеи	2
	дал	Филип Гутин	з дому	грошеи	2
	дал	Стецко Полешук	з дому	грошеи	2
	дал	Омелян Стецкович	з дому	грошеи	2
	дал	Юшко Симонович	з дому	грошеи	2
	дал	Апъдреи Лихогвар	з дому	грошеи	2
	дал	Миско Кошеранин	з дому	грошеи	2
	дал	Апътон Фурсович	з дому	грошеи	2
	дал	Пестор Кошеранин	з дому	грошеи	2
	дал	Васко убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Фведец Гнида	з дому	грошеи	2
	дал	Игнат колесникъ	з дому	грошеи	2
(f. 434v)	дал	Верига ковал	з дому	грошеи	2
	дал	Занъко кравец	з дому	грошеи	2
	дал	Говорко колесник	з дому	грошеи	2
	дал	Лучка	з дому	грошеи	2
	дал	Саи Андреевич	з дому	грошеи	2
	дал	Кузма Мицкович	з дому	грошеи	2
	дал	Дец Римаров	з дому	грошеи	2
	дал	Ярмолъ Антонович	з дому	грошеи	2
	дал	Мицъ Антонович	з дому	грошеи	2
	дал	Ювко Кохович	з дому	грошеи	2
	дал	Михал Янкович	з дому	грошеи	2

[13] *Испр. из 2.*

	дал	Максимъ Мицкое зят	з дому	грошеи	2
	дал	Касян	з дому	грошеи	2
	дал	Панас кушнир	з дому	грошеи	2
	дал	Левко Курилович	з дому	грошеи	2
	дал	Федко Кулик	з дому	грошеи	2
	дал	Анъдреичая вдова	убозство	грошъ	1[14]
	дал	Анъдреи Хитрикъ	з дому	грошеи	2
	дал	Иванко Солобаевич	з дому	грошеи	2
	дал	Оришка Левковна	з дому	грошеи	2
	дал	Мартин Юскович убозство	з дому	грошеи	1[15]
	дал	Демид Клюкович	з дому	грошеи	2
		Улица Русакова			
(f. 435)	дал	Иванко Юлтухович	з дому	грошеи	2
	дал	Пашко Мощенец	з дому	грошеи	2
	дал	Охримъ кушниръ	з дому	грошеи	2
	дал	Юско Иляшович	з дому	грошеи	2
	дал	Миско Павлович	з дому	грошеи	2
	дал	Мицко стадникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Миско коваль	з дому	грошеи	2
	дал	Тишко швец	з дому	грошеи	2
	дал	Васко Трухонович	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Трухонович убозств[16]	з дому	грошеи	1[17]
	дал	Дмитръ Железникович	з дому	грошеи	2
	дал	Ониско Хитрикъ	з дому	грошеи	2
	дал	Хома коваль	з дому	грошеи	2
	дал	Гриц Шафран	з дому	грошеи	2
	дал	Максимъ Тарасов	з дому	грошеи	2
	дал	Лавришъ Луцевич	з дому	грошеи	2
	дал	Лаврин Левкович	з дому	грошеи	2
	дал	Мокии Колядич	з дому	грошеи	2
	дал	Тишко Колесникович	з дому	грошеи	2
	дал	Миц Горбачевич	з дому	грошеи	2
	дал	Омелян Пилипович	з дому	грошеи	2
		Улица[18] Подглуская			
(f. 435v)	дал	Петраш Ходоринчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Ванкота Мутянчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Васко Железникович	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко седелникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Курило Петрашович	з дому	грошеи	2
	дал	Тишко Микуленя	з дому	грошеи	2
	дал	Сергии Ваненкович	з дому	грошеи	2
	дал	Мартин Луцевич	з дому	грошеи	2
	дал	Яцко Микуленя	з дому	грошеи	2
	дал	Анъдрос Романович	з дому	грошеи	2
	дал	Антон боярин	з дому	грошеи	2
	дал	Ювко Юскович	з дому	грошеи	2
	дал	Трохимъ Лукъянович	з дому	грошеи	2
	дал	Гриц Пилипович	з дому	грошеи	2
	дал	Васко Гридин	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Онискович	з дому	грошеи	2

[14] *Испр. из* 2.
[15] *Испр. из* 2.
[16] *Так в тексте.*
[17] *Испр. из* 2.
[18] *Буква* у *жирно.*

	дал	Стецко Кошаранин	з дому	грошеи	2
	дал	Ярошъ Шеметович	з дому	грошеи	2
	дал	Авдеи Засядкович	з дому	грошеи	2
		Улица Луцевич			
	дал	Матии Децович	з дому	грошеи	2
	дал	Якимъ солодовникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Стецко Онискович	з дому	грошеи	2
	дал	Лукъян убозство	з дому	грошеи	1[19]
(Г. 436)	дал	Федцовая вдова убозство	з дому	грошеи	1[20]
	дал	Федец Пасеримука убозство	з дому	грошеи	1[21]
	дал	Данило Куликъ убозство	з дому	грошеи	1[22]
	дал	Юско Рутичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Яцко Белополец	з дому	грошеи	2
	дал	Дец Белополец	з дому	грошеи	2
	дал	Ониско Децович	з дому	грошеи	2
	дал	Роман Децовичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Селивон Щербович	з дому	грошеи	2
	дал	Карпъ шаповал	з дому	грошеи	2
	дал	Гаврило Марковец	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Марковец	з дому	грошеи	2
	дал	Ванюта Марковец	з дому	грошеи	2
	дал	Сац з Гаруши	з дому	грошеи	2
	дал	Онико Головенка	з дому	грошеи	2
		Улица Воленская			
	дал	Миц Юшкович	з дому	грошеи	2
	дал	Созончая вдова убозство	з дому	грошъ[23]	1
	дал	Занко Луцевичъ убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Остап Стопорчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Олесеи шаповал	з дому	грошеи	2
	дал	Грудницкая убозство	з дому	грошеи	1[24]
	дал	Стас Дробнич	з дому	грошеи	2
	дал	Прокопъ Коновалович	з дому	грошеи	2
(Г. 436v)	дал	Демид Струцевич	з дому	грошеи	2
	дал	Гацко Петрович	з дому	грошеи	2
	дал	Янко Матиевич	з дому	грошеи	2
	дал	Гацко Боровик	з дому	грошеи	2
	дал	Микита римар	з дому	грошеи	2
	дал	Анъдреи горщарь	з дому	грошеи	2
	дал	Анъдреи Созонович	з дому	грошеи	2
	дал	Макар Лутчич	з дому	грошеи	2
	дал	Игнат шаповал	з дому	грошеи	2
	дал	Иван Созонович	з дому	грошеи	2
	дал	Ждан Юскович	з дому	грошеи	2
	дал	Савка Белашовец	з дому	грошеи	2
	дал	Семикожка убозство	з дому	грошеи	1[25]
	дал	Ивашко Дмитрович	з дому	грошеи	2
	дал	Иван римар	з дому	грошеи	2
	дал	Гапон Струцевич	з дому	грошеи	2

[19] *Испр. из* 2.
[20] *Испр. из* 2.
[21] *Испр. из* 2.
[22] *Испр. из* 2.
[23] *Буква* ъ *из* ен.
[24] *Испр. из* 2.
[25] *Испр. из* 2.

	дал	Омелян Лутчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Ониско Петрович	з дому	грошеи	2
	дал	Кудин Павлович убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Ярома Пужникъ убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Стецко Грабовец	з дому	грошеи	2
		Глинянка			
	дал	Яцко Литвин убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Якуб Воротныи	з дому	грошеи	2
(f. 437)	дал	Санец Суден убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Фалко Козчичъ убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Павел Мацкеленя	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко Бурневичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко кушнир	з дому	грошеи	2
	дал	Яцко Федевич	з дому	грошеи	2
	дал	Тишко Ладан	з дому	грошеи	2
	дал	Юсина Тарасович	з дому	грошеи	2
	дал	Хоминая вдова убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Сергии Мелешкович	з дому	грошеи	2
	дал	Мартинъ Верблянин	з дому	грошеи	2
	дал	Евхимъ швец	з дому	грошеи	2
	дал	Устимъ Величкович	з дому	грошеи	2
	дал	Яцко Белшович	з дому	грошеи	2
	дал	Федец Хотешовец убозство	з дому	грошеи	1[26]
	дал	Памон	з дому	грошеи	2
	дал	Шихтор убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Матъфеи Верблянин	з дому	грошеи	2
	дал	Ониско Бурневичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Миколаец убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Юско швец	з дому	грошеи	2
	дал	Веремеи Лытчичъ	з дому	грошеи	2
(f. 437v)	дал	Меско Бурневичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Тарас Кгруца убозство	з дому	грошеи	1

Сума заплачено побору з домов ринковыхъ 19
с кождого по грошеи 4 полскихъ а зо личныхъ
домов трохсот и двух домов с кождого по грошеи 2
а з убогихъ халупъ 39 по грошу одному чинитъ
золотыхъ полскихъ 23 грошеи 29

Которые мещане огороды маютъ при домехъ

	дал	Ивашко Сенковичъ	з огорода	грошъ	1
	дал	Лаврин Перехриста	з огорода	грошъ	1
	дал	Данило кушнир	з огорода	грошъ	1
	дал	Миско золотар	з огорода	грошъ	1
	дал	Грицко постригач	з огорода	грошъ	1
	дал	Игнат золотар	з огорода	грошъ	1
	дал	Федор кравец	з огорода	грошъ	1
	дал	Игнат Зубкович	з огорода	грошъ	1
	дал	Савка Лецович	з огорода	грошъ	1
	дал	Стас Попович	з огорода	грошъ	1
	дал	Федко Шимчич	з огорода	грошъ	1
	дал	Антон Фурсович	з огорода	грошъ	1
(f. 438)	дал	Дорофеи Споровцевич	з огорода	грошъ	1

[26] *Испр. из 2.*

дал	Федец тесля	з огорода	грошъ	1
дал	Мартишъ ковал	з огорода	грошъ	1
дал	Ивашко Мощенец	з огорода	грошъ	1
дал	Левко Малич	з огорода	грошъ	1
дал	Стас Гугнивыи	з огорода	грошъ	1
дал	Миц шаповал	з огорода	грошъ	1
дал	Павел Литвинович	з огорода	грошъ	1
дал	Филипъ Гутин	з огорода	грош	1
дал	Саи Мицевич	з огорода	грош	1
дал	Грицко Сажка	з огорода	грош	1
дал	Грицко римар	з огорода	грош	1
дал	Пашко Мощенец	з огорода	грош	1
дал	Тимош швец	з огорода	грош	1
дал	Апътон боярин	з огорода	грош	1
дал	Апъдреи горщарь	з огорода	грошъ	1
дал	Макар Лутчич	з огорода	грош	1

Сума заплачено побору з огородов 29 с кождог
по грошу 1 полскому чинит грошеи 29

(f. 438v) Мещане ковелские з волокъ платили

дал	Матуш Трашковскии	з волоки	грошеи	20
дал	Дорофеи Споровцевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Сасин Сливовскии	с полволоки	грошеи	10
дал	Филип Словенскии	з волоки	грошеи	20
дал	Шиман Лиженскии	з волоки	грошеи	20
дал	Богдан Козчичъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Апъдреи Збиковскии	с полволоки	грошеи	10
дал	Устимъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Евхимъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Дец	з волоки	грошеи	20
дал	Юско швец	с полволоки	грошеи	10
дал	Хведец Гнида	с полволоки	грошеи	10
дал	Мартинъ Верблянин	с полволоки	грошеи	10
дал	Остап Кужолка	с полволоки	грошеи	10
дал	Ивашко Шаневич	с полволоки	грошеи	10
дал	Миско Павлович	с полволоки	грошеи	10
дал	Апъдреи Хитрик	с полволоки	грошеи	10
дал	Юско Онискович	с полволоки	грошеи	10
дал	Грицко Бреска	с полволоки	грошеи	10
дал	Демид Гринчич	з волоки	грошеи	20
дал	Сенко Хилкович	з волоки	грошеи	20
дал	Ониско Хитрикъ	з волоки	грошеи	20
дал	Янко горщаръ	з волоки	грошеи	20
(f. 439) дал	Сенко Захурко	с полволоки	грошеи	10
дал	Ювко Пороскало	с полволоки	грошеи	10
дал	Касян	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко Онискович	с полволоки	грошеи	10
дал	Лаврин Радскии	з волоки	грошеи	20
дал	Игнат Зубкович	з волоки	грошеи	20
дал	Левко Мамич	с полволоки	грошеи	10
дал	Семен Секупец	с полволоки	грошеи	10
дал	Дец Римаровъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Федец Максимович	с полволоки	грошеи	10
дал	Радко Курилович	с полволоки	грошеи	10
дал	Демид Клюкович	с полволоки	грошеи	10

	дал	Трохимъ Краса	с волоки	грошеи	20
	дал	Богдан цехмистръ	з волоки	грошеи	20
	дал	Олеска кушнир	с полволоки	грошеи	10
	дал	Иванко Демидович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Хведец Тишовичъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Мартинъ Луцевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Лаврин Луцевичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Иванко Охримович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Федко Шиличичъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Миц Молодилович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Данко Короцъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Павел Стецкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Сац Згаруша	с полволоки	грошеи	10
(f. 439v)	дал	Федор кравец	с полволоки	грошеи	10
	дал	Стас Дробнич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Миколаи Буцинец	з волоки	грошеи	20
	дал	Петран Похлюста	с полволоки	грошеи	10
	дал	Михно Похлюста	с полволоки	грошеи	10
	дал	Апъдреи горщаръ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Грицко Сажка	с полволоки	грошеи	10
	дал	Сачъко Чоботко	с полволоки	грошеи	10
	дал	Грицко Пилипеня	с полволоки	грошеи	10
	дал	Павел Литвинович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Лазко Мицкович	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волокъ 37 с кождое
по грошеи 20 полских чинит золотыхъ
24 грошеи 20

Коморники и гультае в месте Ковли

	дал	Павелъ	коморникъ	грошеи	4
	дал	Федко Пащишин		грошеи	4
	дал	Пархомъ	коморникъ	грошеи	4
	дал	Сенко	коморникъ	грошеи	4
	дал	Ждан	коморникъ	грошеи	4
	дал	Юско	коморникъ	грошеи	4
	дал	Печаи коморникъ и с прекупу	грошеи	12	
(f. 440)	дал	Стецко Пудникъ	коморникъ	грошеи	4
	дал	Вакула	коморникъ	грошеи	4
	дал	Лаврин Мискович	коморникъ	грошеи	4
	дал	Гацко	коморникъ	грошеи	4
	дал	Тимъко	гултяи	грошеи	12
	дал	Яцко	гултяи	грошеи	12
	дал	Сенко Мормотка		грошеи	12
	дал	Янко Мартинович		грошеи	12
	дал	Апъдреи Клопотонич		грошеи	12
	дал	Иванко Якубович		грошеи	12
	дал	Федя Онисковича		грошеи	12
	дал	Павел Корнокъ	гултяи	грошеи	12
	дал	Улита	гултяи	грошеи	12
	дал	Гаврило	гултяи	грошеи	12
	дал	Мацко	гултяи	грошеи	12
	дал	Курило	гултяи	грошеи	12
	дал	Таца	гултяи	грошеи	12
	дал	Шобаниха вдовица убозство		грошеи	3
	дал	Пастя убозство		грошеи	3

	дал	Малюга убозство		грошеи	3
	дал	Кулбачинка убозство		грошеи	3
	дал	Стас Кулбачичъ убозство		грошеи	3
	дал	Петръ старыи убозство		грошеи	3
	дал	Маруша убозство		грошеи	3
(f. 440v)	Сума заплачено побору от коморников 10 по грошеи 4 а от гултяов 14 по грошеи 12 полских а от убогихъ коморников 7 по 3 гроши чинит золотых семъ грошеи чотырнадцать				

Ремесники в месте Ковли

	дал	Богдан кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Федко кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Гриц кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Тимко кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Занко кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Грицко кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Федор постригач	з ремесла	грошеи	4
	дал	Гриц постригач	з ремесла	грошеи	4
	дал	Данило кушънер	з ремесла	грошеи	4
	дал	Олешко кушнер	з ремесла	грошеи	4
	дал	Гаврило кушнер	з ремесла	грошеи	4
	дал	Павел Минченя	з ремесла	грошеи	4
	дал	Охримъ кушнер	з ремесла	грошеи	4
	дал	Мицъ шаповал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Мин Молодилович	з ремесла	грошеи	4
	дал	Лучка шаповал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Занко шаповал	з ремесла	грошеи	4
(f. 441)	дал	Гацко шаповал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Климъ шаповал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Ивашко Мамич	з ремесла	грошеи	4
	дал	Васюта швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Миц швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Омелян швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Ярошъ швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Дец швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Петраш швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Трохимъ швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Матии швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Сенка швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Курило швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Роман швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Федец ковал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Мартинъ ковал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Верига ковал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Миско ковал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Хома ковал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Валентыи котелник	з ремесла	грошеи	4
	дал	Мацко котелникъ	з ремесла	грошеи	4
	дал	Янко слюсар	з ремесла	грошеи	4
	дал	Миско золотар	з ремесла	грошеи	4
	дал	Игнатко золотар	з ремесла	грошеи	4
	дал	Сидор горщаръ	з ремесла	грошеи	4
(f. 441v)	дал	Прокон горщаръ	з ремесла	грошеи	4
	дал	Апъдреи горщаръ	з ремесла	грошеи	4

дал	Омелянец токар	з ремесла	грошеи	4
дал	Станко токар	з ремесла	грошеи	4
дал	Янко токар	з ремесла	грошеи	4
дал	Ивашко токар	з ремесла	грошеи	4
дал	Фец тесля	з ремесла	грошеи	4
дал	Пашко тесля	з ремесла	грошеи	4
дал	Грицко стелмах	з ремесла	грошеи	4
дал	Ивашко колотник	з ремесла	грошеи	4
дал	Мицко столяр	з ремесла	грошеи	4
дал	Миклаш поврозникъ	з ремесла	грошеи	4
дал	Казарин лучникъ	з ремесла	грошеи	4
дал	Панас лучникъ	з ремесла	грошеи	4
дал	Гриц седелникъ	з ремесла	грошеи	4
дал	Микита римар	з ремесла	грошеи	4
дал	Иван римар	з ремесла	грошеи	4

Сума заплачено побору от ремесников 59 с кождого по грошеи 4 полских чинит золотых 7 грошеи 26

Млыны в месте Ковли на волости Ковелскои

Па рецы Тури под местом Ковелскимъ млыны два в ко торыхъ валъных кол 4 а фолюшъ коло 1 заплачено с кождого кола по грошеи 24 полских чи нит золотых чотыри

(f. 442) Под местомъ Вижвою млыны два на рецы Вижве вал ных кол три а фолюш 1 на аренде заплачено по бору с кождого кола по грошеи 12 полских чинит золотыи оденъ грошеи 18

Па рецы Тури в Хотешове млын 1 валных кол 2 а фолюш 1 на аренде заплачено побору с кождого кола по грошеи 12 полскихъ чинит злот 1 грошеи 6

Па рецы Елицы в Пюине млынок колко 1 на аренде с которого заплачено побору грошеи 12 полскихъ

Па Красноои Воли млынок кол валных 2 на аренде с ко торыхъ заплачено побору с кождого кола по грошеи 12 полскихъ чинит грошеи 24

В селе Туровичох млын кол валных 2 заплачено побору с кождого кола по грошеи 24 полскихъ чинит золотыи оден грошеи 18

В селе Годевичох млын вѣтреныи с которог заплачено побору грошеи 10 полскихъ

В селе Вербце млын вѣтреныи с которог заплачено побо ру грошеи 10

В селе Волохах млынок колко 1 с которог заплатил
(f. 442v) пан Кирилъ Зубцовскии побору грошеи 24 полских

В селе Секуню млынок колко 1 с которог заплатил побору Михаило Секунскии грошеи 24

В селе Городищу млынокъ колко 1 с которог запла
тилъ Марко Городнецкии грошеи 24

В селе Колодницы млынок колко 1 с которог запла
тил воит ковелскии грошеи 24

В селе Туличове млынок колко 1 с которог запла
чено побору грошеи 24

В Осмиговичох на Ловищох млын кол валных 2 с кото
рых заплачено побору с кождого кола по грошеи
24 полских чинит золотыи 1 гр 18

Тамъ же на Гузловицы млын кол валных 2 с кото
рых заплачено побору с кождого кола по грошеи 24 пол
ских чинит золотыи 1 грошеи 18

Сума заплачено побору от млынов дедичныхъ
кол 16 с кождого по грошеи 24 а от дорочних
кол 10 с кождого по грошеи 12 от ветраных
млынов 2 с кождого по грошеи 10 полских чинит
золотых 17 грошеи 14

(f. 443) Волость Ковелская село Мощоная

дал	Мартинъ Демидович боярин	з службы	грошеи	20
дал	Павел Головка	з волоки	грошеи	20
дал	Михно Хацинич	з волоки	грошеи	20
дал	Прокон Лазкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Манко Ожогович	з волоки	грошеи	20
дал	Ивашко Добринич	з волоки	грошеи	20
дал	Сенко Пекрашевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Матфеи Пекрашевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко Литвинович боярин	з службы	грошеи	20
дал	Пилип Глушкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Денис Савощевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Омелян Горятич	с полволоки	грошеи	10
дал	Апъдрушко Горятич	с полволоки	грошеи	10
дал	Данило Горятич	с полволоки	грошеи	10
дал	Мац Василевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Максимъ Олишкович	з волоки	грошеи	20
дал	Михно Колтунович	с полволоки	грошеи	10
дал	Микита Василевич	з волоки	грошеи	20
дал	Прокон Мушич	с полволоки	грошеи	10
дал	Ярмол Мушич	с полволоки	грошеи	10
дал	Иляшъ Евсиевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Иванко Демидович боярин	з службы	грошеи	20
(f. 443v) дал	Кондрат Гостькович	з волоки[27]	грошеи	20
дал	Паумъ Лыскович	з волоки	грошеи	20
дал	Федко Савощевич	з волоки	грошеи	20
дал	Евхимъ Савощевич	з волоки	грошеи	20
дал	Занко Ожогович	з волоки	грошеи	20
дал	Веремеи Лыскович	с полволоки	грошеи	10
дал	Ярмолъ Пекрашевич	с полволоки	грошеи	10

[27] *Испр. из* дому.

дал	Костюк Мѣзовец	с полволоки	грошеи	10
дал	Хома Мицюшкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Олехвир Тараневич	з волоки	грошеи	20
дал	Гацко Величкович	з волоки	грошеи	20
дал	Хилко Дацевич	з волоки	грошеи	20
дал	Пестко десятникъ	з волоки	грошеи	20
дал	Борис Костяневичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Иван Квач	с полволоки	грошеи	10
дал	Онацко	с полволоки	грошеи	10
дал	Матфеи ковал	з волоки	грошеи	20
дал	Олешко тесля	з волоки	грошеи	20
дал	Карпович тесля	з волоки	грошеи	20

Сума заплачено побору з волокъ 29 и пол
а з боариновъ дву[28] с кождое по грошеи 20 полскихъ
чинит золотыхъ 21

(f. 444) Село Дубовая

дал	Васко Бокович	с полволоки	грошеи	10
дал	Сезко Бокович	с полволоки	грошеи	10
дал	Костюк тесля	з волоки	грошеи	20
дал	Малко	с полволоки	грошеи	10
дал	Омелян Масинич	з волоки	грошеи	20
дал	Левко Приступа	с полволоки	грошеи	10
дал	Мицко Половко	с полволоки	грошеи	10
дал	Федко Мушич	з волоки	грошеи	20
дал	Паумъ Копот	з волоки	грошеи	20
дал	Харко Бокович	с полволоки	грошеи	10
дал	Олешко Тараневич	з волоки	грошеи	20
дал	Ивашко Мицюшкович	з волоки	грошеи	20
дал	Апътонъ Шимчич	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко Приступа	с полволоки	грошеи	10
дал	Ивашко Выдчичъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Остап Мушичъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Ивашко Белшъ	з волоки	грошеи	20
дал	Апъдреи Величкович	з волоки	грошеи	20
дал	Стецко Мушич	з волоки	грошеи	20

Сума заплачено побору з волокъ 14 по гро
шеи 20 полских чинит золотыхъ 9 гр 10

(f. 444v) Село Баховъ

дал	Олекса Лукянович	з волоки	грошеи	20
дал	Мацко Кацкович	з полволоки	грошеи	10
дал	Сапъко	с полволоки	грошеи	10
дал	Куц Гудкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Федец Венкович	з волоки	грошеи	20
дал	Климъ Пецович	с полволоки	грошеи	10
дал	Грицко Пецович	с полволоки	грошеи	10
дал	Шихно Тарасович	с полволоки	грошеи	10
дал	Сидко Тарасович	с полволоки	грошеи	10
дал	Куц Тарасович	с полволоки	грошеи	10
дал	Зоц Тарасович	с полволоки	грошеи	10
дал	Потап Гудкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Левко Гудкович	с полволоки	грошеи	10

[28] *Буквы* овъ дву *из других букв.*

дал	Паумъ Кацкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Вакула Луцевич	с полволоки	грошеи	10

Огородники

дал	Оц	з огорода	грошеи	2
дал	Ходко	з огорода	грошеи	2

Сума заплачено побору з волок пол 9 с кождое
по грошеи 20 полских а з огородников 2 по
2 гроши чинит золотых 5 грш 24

(f. 445) Село Вербка в том селе огородники
уставичне при замку робятъ з огородовъ

дал	Ждан Пацковичъ	грошеи	2
дал	Ивашко	грошеи	2
дал	Левко	грошеи	2
дал	Копон	грошеи	2
дал	Кузма	грошеи	2
дал	Евтух Левошкович	грошеи	2
дал	Трохимъ Гриневич	грошеи	2
дал	Пацко Сацинич	грошеи	2
дал	Пронец	грошеи	2
дал	Пестер	грошеи	2
дал	Вакула	грошеи	2

Сума заплачено побору з огородников 11 с кож
дого по грошеи 2 полскихъ чинит грошеи 22

Село Черкасы боярское Федка Онанчича

дал	Миско подданыи	с полволоки	грш	10
дал	Сачко Горятич	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волоки 1 гро
шеи полских 20

(f. 445v) Село Облапы

дал	Полуян Хомич	з волоки	грошеи	20
дал	Лазко	з волоки	грошеи	20
дал	Мелешко Коляда боярин	з службы	грошеи	20
дал	Миц Жаворон	з волоки	грошеи	20
дал	Тишко Кии	з волоки	грошеи	20
дал	Петръ Гацевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Гац Панасович	с полволоки	грошеи	10
дал	Иван Авдеицов	с полволоки	грошеи	10
дал	Игнат Фалевич	з волоки	грошеи	20
дал	Мацко	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко Гаркопета	з полволоки	грошеи	10
дал	Волос Авдеицов	с полволоки	грошеи	10
дал	Данило Авдеицов	с полволоки	грошеи	10
дал	Вербило	з волоки	грошеи	20
дал	Макар Тивон	з волоки	грошеи	20
дал	Сидор Оноцкович	з волоки	грошеи	20
дал	Пашко Гудкович	з волоки	грошеи	20
дал	Онацко Кректа	с полволоки	грошеи	10
дал	Харитон з Максимом	з волоки	грошеи	20
дал	Данило Федевич	з волоки	грошеи	20
дал	Пархомъ Федевич	з волоки	грошеи	20
дал	Омелян Жукович	з волоки	грошеи	20
дал	Сенко Олехвирчичъ	з волоки	грошеи	20

	дал	Нанас Рацевич	з сполволоки	грошеи	10
	дал	Яцко Онискович	з волоки	грошеи	20
(f. 446)	дал	Сидор Полуянович	з волоки	грошеи	20
	дал	Демян Жаворонко	з волоки	грошеи	20
	дал	Абрамъ Жданович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Зиновъ Жданович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Юско	с полволоки	грошеи	10
	дал	Кондрат	с полволоки	грошеи	10
	дал	Федко Жданович	с полволоки	грошеи	10

Огородники

дал	Ехимъ Буката	з огорода	грошеи	4
дал	Мицко	з огорода	грошеи	4
дал	Стецко Конончичъ	з огорода	грошеи	4
дал	Олешко	з огорода	грошеи	4
дал	Васко Кочережка убозство		грошеи	2

Сума заплачено побору з волокъ 24[29]
с кождое по грошеи 20 полских а з ого
родников 4 по грошеи 4 а от одного
грошеи 2 чинит золотых 17 грш 8

(f. 446v) Село Сохорче боярское Кузмы Онанчич

дал	Олизаръ Лизковичъ	з огорода	грошеи	4
дал	Евхимъ Гуцикъ	з огорода	грошеи	4
дал	Демян Тупалскии	з огорода	грошеи	4
дал	Нанас	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору от огородниковъ
4 по грошеи 4 полских чинит грошеи 16

Нодданые попа Благовещенского

дал	Иван Муралевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Вацюта Муралевичъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Тишко Мураль	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волок пол 2
с кождое по грошеи 20 полскихъ чинит золотыи 1

(f. 447) Село Гошшин манастырское

дал	Кузма Микитич	с полволоки	грошеи	10
дал	Стец Мизевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Васко Сидорович	с полволоки	грошеи	10
дал	Стецко Неробъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Ярошъ Юсевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Занко Гриневич	с полволоки	грошеи	10
дал	Левко Костюкович	с полволоки	грошеи	10

Огородники

дал	Мелешко Олесиевич	з дому и з роли	грошеи	4
дал	Луц Супрунович	з дому и з роли	грошеи	4
дал	Лукъянчая вдова	з дому	грошеи	2

Сума заплачено побору з волок пол 4 с кождое
по грошеи 20 полских а з огородников 2 по грошеи
4 а з одного грошеи 2 чинит золотых 2 грш 20

Село Клевецко

дал	Дмицко Мищичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Иванец Ленчичъ	з волоки	грошеи	20

[29] *На правом поле приписано бегло* и *от* боярина.

	дал	Остан Мицевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Симон Сушкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Федко Иванович	з волоки	грошеи	20
	дал	Лазко Курянович	з волоки	грошеи	20
	дал	Трухон Ленчичъ	з волоки	грошеи	20
(f. 447v)	дал	Нетраш Ванкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Федец Курянович	з волоки	грошеи	20
	дал	Лучка Федцович	з волоки	грошеи	20
	дал	Яцко Дубкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Грицко Нанасович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Васюк Любохинец	с полволоки	грошеи	10
	дал	Каленик Трохимович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Якуб Василевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Калиш Василевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Грицко Симонович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Стецко Вакулич	з волоки	грошеи	20
	дал	Сенко бортникъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Дмитръ десятникъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Навел Симонович	з волоки	грошеи	20
	дал	Юско Дубкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Анъдреи Дубкович	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волокъ оселых пол 19
с кождое по грошеи 20 полских чинит золотых
12 грошеи 10

(f. 448) Село Долгоносы боярское

дал	Михно Гриневичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Нашко Гриневич	з волоки	грошеи	20
дал	Анъдреи	з волоки	грошеи	20
дал	Василъ	з волоки	грошеи	20
дал	Ивашко Климович	с полволоки	грошеи	10
дал	Конон	с полволоки	грошеи	10
дал	Максимъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Дмитръ	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волокъ 6
с кождое по грошеи 20 полских чинит золот 4

Село Люблине боярове

дал	Гурко боярин	з службы	грошеи	20
дал	Анътон боярин	з службы	грошеи	20
дал	Севрукъ боярин	з службы	грошеи	20
дал	Нанас боярин	з службы	грошеи	20

Сума заплачено побору от бояр чотырохъ
с кождого по грошеи 20 полских чинитъ зо
лотых 2 грошеи 20

(f. 448v) Село Осовец боярское Яцка Осовецкого

дал	Борис	с полдворища	грошеи	10
дал	Иванец	с полдворища	грошеи	10
дал	Манец	с полдворища	грошеи	10
дал	Сенко	з огорода	грошеи	4
дал	Нанко	з огорода	грошеи	4
дал	Нетраш	з огорода	грошеи	4

Сума плачено побору з дворищъ пол 2
по грошеи 20 полских а з огородников 3 по гро
шеи 4 чинит злотыи 1 грошеи 12

Село Калиновец боярское

дал	Данило	с полволоки	грошеи	10
дал	Заснет	с полволоки	грошеи	10
дал	Милец	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору з волоки 1 гро
шеи 20 полских а з огородника 1 грошеи 4
чинит грошеи 24

(f. 449) Ремесники з селъ воитовства Мощенского

дал	в селе Мощонои Навел бондар	з ремесла	грошеи	2
дал	Матфеи ковал	з ремесла	грошеи	2
дал	Максимъ колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Данило колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	в Дубовои Мицко колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Копот колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Матфеи Кобел бондар	з ремесла	грошеи	2
дал	у Вербце Пронец бондар	з ремесла	грошеи	2
дал	Евтух гребенникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	в Гошине Кузма бондар	з ремесла	грошеи	2
дал	Стец бондар	з ремесла	грошеи	2
дал	Васко бонъдар	з ремесла	грошеи	2
дал	Ярош бондар	з ремесла	грошеи	2
дал	Занко бондар	з ремесла	грошеи	2
дал	в Облапехъ Евхимъ колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Нанас Рацевич колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Зинов колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Сидор Полуянович колесник	з ремесла	грошеи	2
дал	Кондрат бондар	з ремесла	грошеи	2
дал	Сенко бондар	з ремесла	грш	2
(f. 449v) дал	Федко бондар		грошеи	2
дал	Харитон бондар		грошеи	2
дал	Игнат бондар		грошеи	2
дал	в селе Сохорчу Олизар колесник		грошеи	2
дал	Вацюта колесникъ		грошеи	2
дал	в селе Клевецку Остап бондар		грошеи	2
дал	Лазко бондар		грошеи	2
дал	Трухон бондар		грошеи	2
дал	Лучка бондар		грошеи	2
дал	Навел кушнир		грошеи	2
дал	в Долгоносех Пашко колесник		грошеи	2
дал	Васил колесникъ		грошеи	2
дал	в Осовцу Борис бондар		грошеи	2

Сума заплачено побору[30] от ремесников 33
с кождог по грошеи 2 полских чинит золотых
2 грошеи 6

(f. 450) Мѣсто Миляновиче ринокъ

дал	Миколаи Богушевскии воит	з дому	грошеи	4
дал	Дмитръ Ножар	з дому	грошеи	4
дал	Иван Татарин	з дому	грошеи	4
дал	Кирил Зубцовскии	з дому	грошеи	4
дал	Шимъко	з дому	грошеи	4

[30] *Буква* п *из* б.

		Улица ку Гребли			
	дал	Янко Якубович	з дому	грошеи	2
	дал	Сац грабар	з дому	грошеи	2
	дал	Трохимъ Наленичка	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Мацкович	з дому	грошеи	2
	дал	Федина Гирчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Беростовицкии	з дому	грошеи	2
	дал	Яцко Харко	з дому	грошеи	2
	дал	Каленик Трухонович	з дому	грошеи	2
	дал	Миц Олехвирович	з дому	грошеи	2
	дал	Нархомъ Качанкович	з дому	грошеи	2
	дал	Савка Иванович	з дому	грошеи	2
		Другая сторона			
(f. 450v)	дал	Курянъ Богданович	з дому	грошеи	2
	дал	Максим Петрович	з дому	грошеи	2
	дал	Васко Нелюх	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Мокляк	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Оранскии	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко Мацкович	з дому	грошеи	2
	дал	Нроцко Мацкович	з дому	грошеи	2
	дал	Анъдреи Попович	з дому	гр	2
	дал	Занко Волосович	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Гостилович	з дому	грошеи	2
	дал	Касян Мартинович	з дому	грошеи	2
	дал	Анъдреи Макгома	з дому	грошеи	2
		Улица Околъная			
	дал	Пропец Пилиповичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Грицко Волосович	з дому	грошеи	2
	дал	Омелян Мартинович	з дому	грошеи	2
	дал	Игнат Дутка	з дому	грошеи	2
	дал	Якуб Винцютич	з дому	грошеи	2
	дал	Хилъко[31] Лавринович	з дому	грш	2
	дал	Шимко Зиловец	з дому	грошеи	2
	дал	Маско Гунка	з дому	грошеи	2
(f. 451)	дал	Долгуниха вдова убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Шимко Лукянович	з дому	грошеи	2
	дал	Савка Богданович	з дому	грошеи	2
	дал	Лаврин кушнир	з дому	грошеи	2
	дал	Сурко Лукянчич убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Климъ Лукъянчич	з дому	грош	2
	дал	Васко	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Рабушка	з дому	грошеи	2
	дал	Миско Воиташевич	з дому	грошеи	2
	дал	Никон Лукъянович	з дому	грошеи	2
	дал	Федец бондар	з дому	грошеи	2
	дал	Олешко Волосович	з дому	грошеи	2
	дал	Куц дякъ	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Савчич	з дому	грошеи	2
	дал	Лазко Хорошкович	з дому	грошеи	2
	дал	Нетрика Гунчичъ	з дому	грошеи	2
	дал	Богдан Васкович	з дому	грошеи	2
	дал	Анъдреи Доротич	з дому	грошеи	2
	дал	Опанка Мацкович	з дому	грошеи	2

[31] *Буква* ъ *из другой буквы.*

	дал	Щастныи Якубович	з дому	грошеи	2
	дал	Нетрика Гирич	з дому	грошеи	2
	дал	Ярмолъ Нархомович	з дому	грошеи	2
	дал	Васко Сенютич убозство	з дому	грошъ	1
(f. 451v)	дал	Гапон Мохнисвич	з дому	грошеи	2
	дал	Шимъко Навлюкович	з дому	грошеи	2
	дал	Михно Воротныи	з дому	грошеи	2
	дал	Гриц убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Гаврило ковал	з дому	грошеи	2
	дал	Васко Богданович	з дому	грошеи	2
	дал	Воитко Балвер	з дому	грошеи	2

Сума заплачено побору з домов ринковых 5 с кождог
по грошеи 4 полскихъ а з уличныхъ до
мовъ 57 с кождого по грошеи 2 и з у
богихъ халун 4 по грошу одному
чинит золотых полскихъ 4 грошеи 18

Тые ж мещане миляновские з огородовъ

	дал	Сенко Мацкович	з огорода	грошъ	1
	дал	Каленикъ	з огорода	грошъ	1
	дал	Сенко Мокляк	з огорода	грошъ	1
	дал	Анъдреи Нопович	з огорода	грошъ	1
(f. 452)	дал	Омелянъ Мартинович	з огорода	грош	1
	дал	Богдан Васкович	з огорода	грош	1
	дал	Анъдреи Доротич	з огорода	грош	1

Сума заплачено побору з огородов 7
с кождого по грошу 1 полскому чинитъ
грошеи 7

Коморни и гультяе в местечку Миляновичох

	дал	Нетръ	грошеи	12
	дал	Симон	грошеи	12
	дал	Иванко	грошеи	12
	дал	Нания	грошеи	12
	дал	Федя	грошеи	12
	дал	Яцко Иванович	грошеи	12
	дал	Евлашъ Гринчичъ	грошеи	4
	дал	Нилип Федевич	грошеи	4
	дал	Микита Иванович	грошеи	4
	дал	Селехъ Карпович	грошеи	4
	дал	Дмитъръ	грошеи	4
(f. 452v)	дал	Якуб коморникъ	грошеи	4
	дал	Стас коморникъ	грошеи	4

Сума от голтяов и коморниковъ заплачено побору
золотых полскихъ 3 грошеи 2

Ремесники в местечку Миляновичохъ

	дал	Сенко кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Анъдреико кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Макар кравец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Климъ кушнир	з ремесла	грошеи	4
	дал	Иванец кушнир	з ремесла	грошеи	4
	дал	Наленичка швец	з ремесла	грошеи	4
	дал	Васко бондар	з ремесла	грошеи	4

дал	Нетръ бондар	з ремесла	з ремесла[32]	4

Сума заплачено побору от ремесников 8
с кождого по грошеи 4 полскихъ чи
нитъ золотыи 1 грошеи 2

(f. 453) З волокъ мещане миляновские

дал	Трохимъ Наленичка	з волоки	грошеи	20
дал	Яцко Харковичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Каленикъ Трухонович	з волоки	грошеи	20
дал	Миц Олехвирович	з волоки	грошеи	20
дал	Нархомъ Качанович	з волоки	грошеи	20
дал	Мациии Нетрахович	з волоки	грошеи	20
дал	Анъдреи Нопович	з волоки	грошеи	20
дал	Занко Волосович	з волоки	грошеи	20
дал	Анъдреи Макгома	з волоки	грошеи	20
дал	Сац грабар	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко Мацкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Федина Чирчичъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Берестовицкии	с полволоки	грошеи	10
дал	Савка Иванкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Курянъ Богданович	с полволоки	грошеи	10
дал	Нронец Нилипович	с полволоки	грошеи	10
дал	Гриц Волосович	з волоки	грошеи	20
дал	Омелян Мартинович	з волоки	грошеи	20
дал	Якуб Винцютич	з волоки	грошеи	20
дал	Шимъко Лавринович	з волоки	грошеи	20
дал	Васко Нелюх	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко Мокляк	с полволоки	грошеи	10
(f. 453v) дал	Мацыи Павлович	з волоки	грошеи	20
дал	Лазко Хорошчичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Богдан Васкович	з волоки	грошеи	20
дал	Ивашко Оранскии	с полволоки	грошеи	10
дал	Грицко Мацкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Нроцко Мацкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Иванко Гостилович	с полволоки	грошеи	10
дал	Анъдреи Доротич	з волоки	грошеи	20
дал	Щасныи Якубович	з волоки	грошеи	20
дал	Нетрика Чирчичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Ярмолъ Нархомович	с полволоки	грошеи	10
дал	Шимъко Павлюкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Касян Мартинович	с полволоки	грошеи	10
дал	Игнат Дудка	с полволоки	грошеи	10
дал	Нетрика Гупъчич	с полволоки	грошеи	10
дал	Онанка Мацкович	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волок оселых 29 с кождое
по грошеи 50 полских чинит[33] золотых 19
грошеи 10

(f. 454) Село Годевиче

дал	Карпъ Лукянович	з волоки	грошеи	20
дал	Гриц Турчинъ	з волоки	грошеи	20
дал	Ждан	з волоки	грошеи	20

[32] *Так в тексте.*
[33] *Дважды.*

дал	Якуб Митковичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Микита Лукянович	з волоки	грошеи	20
дал	Анъдреи Турчинович	с полволоки	грошеи	10
дал	Томъко Лавришевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Янко Мацевич	з волоки	грошеи	20
дал	Навлюкъ Томкович	з волоки	грошеи	20
дал	Федко Комаревичъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Кузма Куцевичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Михал Куничъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Анъдреи Кошакъ[34]	с полволоки	грошеи	10
дал	Марко десятник	з волоки	грошеи	20
дал	Васко Комарович	с полволоки	грошеи	10
дал	Тимош Живкович	з волоки	грошеи	20
дал	Сенко Мормотка	з волоки	грошеи	20
дал	Роман Гостилович	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волокъ оселых пол 15
с кождое по грошеи 20 полских чинит золотых
9 грошеи 20

(f. 454v) Село Клековичи огодники[35] робять уста
вичне во дворе з огородовъ

дал	Остапъ	з огорода	грошеи	2
дал	Федец	з огорода	грошеи	2
дал	Лукашъ	з огорода	грошеи	2
дал	Якимъ	з огорода	грошеи	2
дал	Федец Ныж	з огорода	грошеи	2
дал	Трохимъ	з огорода	грошеи	2
дал	Мартинъ	з огорода	грошеи	2
дал	Иван	з огорода	грошеи	2
дал	Васко	з огорода	грошеи	2

Сума заплачено побору з огородников[36]
9 по грошеи 2 полскихъ чи
нит грошеи 18

(f. 455) Село Ольшаница

дал	Васко Сенютичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Гапон Мохниевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Михно	с полволоки	грошеи	10
дал	Васко Богданович	с полволоки	грошеи	10
дал	Воитко	с полволоки	грошеи	10
дал	Гриц	с полволоки	грошеи	10
дал	Гаврило	с полволоки	грошеи	10
дал	Стас Дѣмедович[37]	з волоки	грошеи	20
дал	Стецко	с полволоки	грошеи	10
дал	Янко	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волокъ 6 с кож
дое по грошеи 20 полскихъ чинит
золотых 4

Село Туровиче

дал	Никон лавникъ	з волоки	грошеи	20
дал	Юрко Козуличъ	з волоки	грошеи	20

[34] *Неразборчиво 3-я буква.*
[35] *Так в тексте.*
[36] *Буквы* иков *по* овъ.
[37] *2-я буква неразборчиво, сходно с* ои.

(f. 455v)	дал	Русин Коркозович	з волоки	грошеи	20
	дал	Занко Моисиевичь	з волоки	грошеи	20
	дал	Анъдреи Тараневич	з волоки	грошеи	20
	дал	Евгухъ Иванович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Богданъ Яцкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Климъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Федко Максимович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Ониско Нашкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Яцко Коркозович	з волоки	грошеи	20
	дал	Яско Воиткович	з волоки	грошеи	20
	дал	Иван Яскович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Данило Нотапович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Юхно Нацеикович	з волоки	грошеи	20
	дал	Лучка Гаидукович	з волоки	грошеи	20
	дал	Щепан Нацеикович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гриц Дудка	с полволоки	грошеи	10
		В томъ же селе подданые боярские Носни Туровицког			
	дал	Мартинъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Мицъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Ермячиха вдова	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору з волокъ оселых 16 с каждои по гр 20
а з огородьника одног грошеи 4 чинит золотых 10
грошеи 24

(f. 456) Село Зиловъ

дал	Стас Нацеиковичь	з волоки	грошеи	20
дал	Ленартъ	з волоки	грошеи	20
дал	Венцслав	з волоки	грошеи	20
дал	Матыс	з волоки	грошеи	20
дал	Анъдреи Якубович	з волоки	грошеи	20
дал	Грицъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Анъдрушко	с полволоки	грошеи	10
дал	Бартошъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Нашковая вдова	с полъволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волок 7 с кождое
по грошеи 20 полскихъ чинит золотых 4
грошеи 20

Село Добринско боярское Гришко Клечковскии

дал	Манко	з волоки	грошеи	20
дал	Демъко	з волоки	грошеи	20
дал	Миколаи	з волоки	грошеи	20
дал	Лукашъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Жукъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Янко Воитихович	с полволоки	грошеи	10
(f. 456v) дал	Воитко Бартошевич	з волоки	грошеи	20
дал	Веремеи	с полволоки	грошеи	10
дал	Омелян	з огорода	грошеи	4
дал	Васко	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору з волокъ оселых 6[38] с кождои по гр 20
а з огородников 2 по 4 гроши чинить зо
лотых 4 грошеи 8

[38] *Титло над цифровым обозначением из* і, *означавшей «10»*.

Село Норидубы

	дал	Нанко Бачукъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Терешко Селивонович	з волоки	грошеи	20
	дал	Лец Лучичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Лавришъ Лагодич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гордеи Денисовичь	с полволоки	грошеи	10
	дал	Климъ Олехвирович	з волоки	грошеи	20
	дал	Волос Лецевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гринец Лагодович	з волоки	грошеи	20
	дал	Нетрашъ Романович	з волоки	грошеи	20
	дал	Моисеи Лукашевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Ивашко Селивонович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Лазко Лагодевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гордии Денисович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Миско Денисович	с полволоки	грошеи	10
(f. 457)	дал	Дмитръ Макарович	з волоки	грошеи	20
	дал	Конон Зубковичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Моисеи Мицевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Ивашко Грицович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Стецко шевчикъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Карпъ Челиевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Антон Юркович	з волоки	грошеи	20
	дал	Васко ковал	з волоки	грошеи	20
	дал	Анъдреи Малиевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Михно Федевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Васил Юркович	з волоки	грошеи	20
	дал	Нанко Климович	з волоки	грошеи	20
	дал	Якимъ Ивашкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Сидор Ивашкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Иван Денисович	з волоки	грошеи	20
	дал	Кратко Яцкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Яцко Любохинец	с полволоки	грошеи	10
	дал	Нанас Сидорович	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волок 20 и пол 5
с кождое по грошеи 20 польских чинит золотых
16 грошеи 10

(f. 457v) Село Селища

дал	Стецко Онанчичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Павел Манкович	з волоки	грошеи	20
дал	Марко Тараневич	з волоки	грошеи	20
дал	Евхимиха вдова	с полволоки	грошеи	10
дал	Микитинша вдова	с полволоки	грошеи	10
дал	Яцко Онанчичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Сенко Лаптошъ	з волоки	грошеи	20
дал	Нетраш Василевич	з волоки	грошеи	20
дал	Иван Юскович	з волоки	грошеи	20
дал	Минко Баикович	з волоки	грошеи	20
дал	Мелех Рубцевич	з волоки	грошеи	20
дал	Савонко Калишович	с полволоки	грошеи	10
дал	Трохимъ Надалка	с полволоки	грошеи	10
дал	Павел Олексичъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Хилко Олексичъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Юско Любохинец	з волоки	грошеи	20
дал	Лавриш Тараневич	з волоки	грошеи	20

дал	Радивон	с полволоки	грошеи	10
дал	Омелян Сидорович	с полволоки	грошеи	10
дал	Нашко Туранин	з волоки	грошеи	20

Сума заплачено побору з волок 16 с кождое по 20
гроши полскихъ чинит золотых 10 грш 20

(f. 458) Село Трубле боярское Нетра Вороновецког

дал	Яцко	с полволоки	грошеи	10
дал	Евтух	с полволоки	грошеи	10
дал	Миско	с полволоки	грошеи	10

Сума з волок пол 2 заплачено побо
ру злотыи 1

Ремесники в селехъ воитовства Миляновского

дал	Богдан Яцкович з Годевич	з ремесла	грошеи	2
дал	в селе Годевичох Якуб	з ремесла	грошеи	2
дал	Анъдреи Турчинович	з ремесла	грошеи	2
дал	Михаль Купич	з ремесла	грошеи	2
дал	в селе Туровичох Роман	з ремесла	грошеи	2
дал	Анъдреи Тараневич	з ремесла	грошеи	2
дал	Ониско Нашкович	з ремесла	грошеи	2
дал	Федко Максимович	з ремесла	грошеи	2
дал	Данило Нотатович	з ремесла	грошеи	2
дал	Лучка Гаидукович	з ремесла	грошеи	2
дал	Мартинъ	з ремесла	грошеи	2
(f. 458v) дал	в селе Зилове Ленартъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Гриц	з ремесла	грошеи	2
дал	Анъдрушко	з ремесла	грошеи	2
дал	в селе Добринску Децко	з ремесла	грошеи	2
дал	Жукь	з ремесла	грошеи	2
дал	в селе Норидубех Терешко	з ремесла	грошеи	2
дал	Гринец	з ремесла	грошеи	2
дал	Лазко	з ремесла	грошеи	2
дал	Карпъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Васил	з ремесла	грошеи	2
дал	Вако ковал	з ремесла	грошеи	2
дал	Иван	з ремесла	грошеи	2
дал	Нанас Сидорович	з ремесла	грошеи	2
дал	в Селищу Марко	з ремесла	грошеи	2
дал	Сенко Лаптошъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Трохимъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Лавришъ	з ремесла	грошеи	2

Сума заплачено побору от ремесников 28
с кождого по грошеи 2 чинит золотыи
1 грошеи 26

(f. 459) Село Белин[39]

дал	Ивашко воитъ	з волоки	грошеи	20
дал	Федец бортникъ	з волоки	грошеи	20
дал	Лупъ Малышич	з волоки	грошеи	20
дал	Нестер Белыи	с полволоки	грошеи	10
дал	Гриц Мелехович	с полволоки	грошеи	10
дал	Богдан Климъчич	з волоки	грошеи	20

[39] *Буква* л *может читаться как лигатура* рл.

	дал	Иван Гаврасов	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гаврас Одмич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Тарас Савчич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Федко Савчичъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Стец Гуцевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Федаш	с полволоки	грошеи	10
	дал	Михеи Гуцевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Максимъ Климчич	з волоки	грошеи	20
	дал	Яцко Нестеровъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Жданец	с полволоки	грошеи	10
	дал	Евхимъ[40]	з волоки	грошеи	20
	дал	Селивон	с полволоки	грошеи	10
	дал	Стецко	с полволоки	грошеи	10
	дал	Нестер Кулинич	з волоки	грошеи	20
(f. 459v)	дал	Нестер Осеикович	с пол волоки[41]	грошеи	10
	дал	Гаврас Климъчичъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Нестер Климъчичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Демид	с полволоки	грошеи	10
	дал	Назар	с полволоки	грошеи	10
	дал	Ивашко Кузмич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Манко Нутилович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Васко Климъчич	с полволоки	грошеи	10
		Огородники			
	дал	Нашко Шевкович	з огорода	грошеи	4
	дал	Ханко	з огорода	грошеи	4
	дал	Протас	з огорода	грошеи	4
	дал	Васко убозство		грошеи	2
	дал	Савка убозство		грошеи	2

Сума заплачено побору з волок пол 19
с кождое по грошеи 20 полскихъ а з огородни
ков 3 по грошеи 4 а от 2 по грошеи 2
чинит золотых полских 12 грошеи 26

(f. 460)		Село Скулин			
	дал	Логвин Сергиевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Федец Букичич	з волоки	грошеи	20
	дал	Степан Ковалевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Харко Клашевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Сенъко Кич	з волоки	грошеи	20
	дал	Сенко Чопъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Веремеи Сенкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Трухон Сенкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Яцковая вдова	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гриц Хотинич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Вакула Лутчич	з волоки	грошеи	20
	дал	Лис Ковалевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Михал Сергиевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Омелъян воит	з волоки	грошеи	20
	дал	Васил Макарич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Юско Василевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Нархомъ Василевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Васко ковал	с полволоки	грошеи	10

[40] *Буква* м *по* в.
[41] *Буквы* волоки *написаны с отступом в 4-5 знаков.*

	дал	Тарас	з волоки	грошеи	20
	дал	Тишко горщаръ	з волоки	грошеи	20
	дал	Лис Сидковичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Кудин	с полволоки	грошеи	10
	дал	Федец Кудинович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Анътон Клишович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Курило Клишович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Остап Сычевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Клим Сычевич	с полволоки	грошеи	10
(f. 460v)	дал	Логвин Клишевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гриц Клишевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Мартинъ Гачич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Анътон Гачичъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Яцко горщаръ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Демид Ковалевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гриц Мишкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Яцко злотар[42]	с полволоки	грошеи	10
	дал	Федец Хропевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Трухонъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гацко Ковалевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Игнат Ковалевич	с полволоки	грошеи	10
		Огородники			
	дал	Степан	з огорода	грошеи	4
	дал	Богдан	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору з волокъ 20
и пол 7 с кождое по грошеи 20 полских
а з огородниковъ 2 по грошеи 4 чи
нит золотых 17 грошеи 20 и 8

(f. 461)		Село Стеблин			
	дал	Ивашко Василевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Венец Василевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Каско Василевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Конон Василевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Гац Василевичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Федко Василевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Сачко Мицевичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Левон Осташкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Борис Осташкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Мацко Грицович	з волоки	грошеи	20
	дал	Стец стрелец	з волоки	грошеи	20

Сума заплачено побору з волок пол 11
с кождое по грошеи 20 полскихъ чинит
золотых 7

		Село Воля Дубенская			
	дал	Трохимъ боярин Козел	з волоки	грошеи	20
(f. 461v)	дал	Петръ Козел боярин	з волоки	грошеи	20

Сума заплачено побору з волокъ 2 по
грошеи 20 полскихъ чинит золотыи 1 грш 10

		Село Колодница воита Ковелского			
	дал	Лучка	з огорода	грошеи	4

[42] *Неразборчиво.*

дал	Нолюх	з огорода	грошеи	4
дал	Нетръ	з огорода	грошеи	4

Сума чинит з огородников трех гр 12

Село Колодежно

дал	Васил Ярошевич	з волоки	грошеи	20
дал	Нац Василевич	з волоки	грошеи	20
дал	Занко Ярошевич	з волоки	грошеи	20
дал	Панко Игнатович	з волоки	грошеи	20
дал	Нецко Василевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Омелян Жиланович	с полволоки	грошеи	10
дал	Давыд	с полволоки	грошеи	10
дал	Дорош	с полволоки	грошеи	10
дал	Левко	с полволоки	грошеи	10
(f. 462) дал	Гриц	с полволоки	грошеи	10
дал	Федец Жиланович	с полволоки	грошеи	10

Огородники

дал	Мартин бортникъ	з огорода и ролеи	грошеи	4
дал	Жданец Юскович	з огорода и роли	грошеи	4
дал	Нетрика	з огорода	грошеи	2
дал	Анътон	з огорода	грошеи	2
дал	Роман	з огорода	грошеи	2
дал	Моисеи	з огорода	грошеи	2

Сума заплачено побору з волокъ пол 8 с кождое по грошеи 20 полских а з огородников 2 по грошеи 4 а от 4 по грошеи 2 чинит золотых 5 грошеи 16

Село Будища

дал	Панко Клевда	с полволоки	грошеи	10
дал	Демид Клевда	с полволоки	грошеи	10
дал	Каленик	с полволоки	грошеи	10
дал	Нолуян	с поволоки[43]	грошеи	10

Сума заплачено побору з волок 2 с кождое по грошеи 20 полских чинит злот 1 грш 10

(f. 462) Село Дубно

дал	Хацина Ревковичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Яцина	з волоки	грошеи	20
дал	Михно	с полволоки	грошеи	10
дал	Кац Макашевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Ширниха вдова	с полволоки	грошеи	10
дал	Ивашко Тивон	з волоки	грошеи	20
дал	Тимошъ Илкович	з волоки	грошеи	20
дал	Сенко бортникъ	з волоки	грошеи	20
дал	Федец Голубович	с полволоки	грошеи	10
дал	Михно Яцкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Мацко Вербичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Михно Голубович	с полволоки	грошеи	10
дал	Федец бортникъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Грицко	з волоки	грошеи	20

Огородники

дал	Никон Баранович	з огорода	грошеи	2

[43] *Так.*

дал	Оношко Голубович	з огорода	грошеи	2
дал	Никон Феневич	з огорода	грошеи	2
дал	Яцко Пашкович	з огорода	грошеи	2
дал	Малышка	з огорода	грошеи	2

Сума заплачено побору з волок пол 11
с кождое по грошеи 20 полских а з огородников
5 по 2 гроши чинит золот 7 грш 10

(f. 463) Село Волохи боярское

дал	Юхно тесля	з волоки	грошеи	20
дал	Ониско Мацинич	з волоки	грошеи	20
дал	Климъ Мацинич	з волоки	грошеи	20
дал	Макар Гриневич	з волоки	грошеи	20
дал	Маруша вдова	с полволоки	грошеи	10

Огородники

дал	Васил Володавец	з огорода	грошеи	4
дал	Никон Лазкович	з огорода	грошеи	4
дал	Мицко Сенкович	з огорода	грошеи	4
дал	Михно Сенкович	з огорода	грошеи	4
дал	Евтух убозство	з огорода	грошеи	2
дал	Куц убозство	з огорода	грошеи	2

Сума заплачено побору з волок пол 5 с кождое
по грошеи 20 полских и з огородников 4 по
4 гроши а от 2 по 2 гроши чинит
золотых полских 3 грошеи 20

Ремесники з селъ воитовства Зарецкого

	дал	в селе Белиню Федец бондар		грошеи	2
	дал	Луц Малышич бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Нестер Белыи бондар	з ремесла	грошеи	2
(f. 463v)	дал	Гриц Мелехович бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Богдан Климъчич коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Васко Климчич колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Федяшъ колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Яцко Нестеров колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Ждан коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	в селе Скулине Логвин колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Степан тесля	з ремесла	грошеи	2
	дал	Харко бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Трухон бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Нархомъ бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Васко коваль	з ремесла	грошеи	2
	дал	Тишко горщар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Яцко горщар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Гриц колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Демид колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Федец колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	в селе Стеблех Ивашко бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Венец бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Каско бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Конон коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Гацко коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Федко колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Левон колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Борис колодеи	з ремесла	грошеи	2

	дал	Мацко токар	з ремесла	грошеи	2
(f. 464)	дал	в селе Колодежне Нац коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Занко коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Нецко коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Омелян коновник	з ремесла	грошеи	2
	дал	Нанко бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Васил бондаръ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Омелян ситникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Жданец колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Моисеи колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	Роман колодеи	з ремесла	грошеи	2
	дал	в селе Будищохъ Демид бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Нолуян коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	в селе Дубне Яцина колесникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Михно колесникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Кацко колесникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Тимош колесникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Хацина бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Иващко бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Сенко бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Федец коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Мацко коновникъ	з ремесла	грошеи	2
(f. 464v)	дал	Гриц мисникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	в селе Волохах Макар тесля	з ремесла	грошеи	2
	дал	Юхно мелникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Ониско бондар	з ремесла	грошеи	2
	дал	Климъ коновникъ	з ремесла	грошеи	2
	дал	Васко колесникъ	з ремесла	грошеи	2

Сума заплачено побору от ремесников 56 с кождого по грошеи 2 полских чинит золотыхъ три грошеи 22[44]

(f. 465)		Мѣсто Вижва ринокъ			
	дал	Юско Иванович	з дому	грошеи	4
	дал	Охримъ Соплевич	з дому	грошеи	4
	дал	Гаврило Буцинец	з дому	грошеи	4
	дал	Иващко Куцикович	з дому	грошеи	4
	дал	Волос Климович	з дому	грошеи	4
	дал	Авдии Куцикович	з дому	грошеи	4
	дал	Щастныи слесар	з дому	грошеи	4
	дал	Тимон Процкович	з дому	грошеи	4
	дал	Ян Нижникъ	з дому	грошеи	4
	дал	Лесько Митевич	з дому	грошеи	4
	дал	Федец Дворитчич	з дому	грошеи	4
	дал	Лавришъ Ноповичъ	з дому	грошеи	4
		Улица Ратенская			
	дал	Ян Якубович	з дому	грошеи	2
	дал	Стецко Милец	з дому	грошеи	2
	дал	Миско Скизъ	з дому	грошеи	2
	дал	Миско Леневич	з дому	грошеи	2
	дал	Костюк Литвин	з дому	грошеи	2
	дал	Федко Михнович	з дому	грошеи	2

[44] *Второе цифровое обозначение приписано с боку от титла цифрового обозначения «20». Далее на странице росчерк в виде горизонтально положенной «8», слева в нему приписаны неразборчиво 10–15 букв.*

	дал	Нанас Суркович	з дому	грошеи	2
(f. 465v)	дал	Нетръ Белава	з дому	грошеи	2
	дал	Ян Щулипъ убозство	з дому	грош	1
	дал	Демян Калика	з дому	грошъ	1
		Другая сторона			
	дал	Олекса Климович	з дому	грошеи	2
	дал	Данило Сыновец	з дому	грошеи	2
	дал	Роман воит	з дому	грошеи	2
	дал	Матфеи Шокалевич	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Мартинович	з дому	грошеи	2
	дал	Семак Рядскии	з дому	грошеи	2
	дал	Тарас Трел	з дому	грошеи	2
	дал	Терешко Тишкович	з дому	грошеи	2
	дал	Ждан ковал	з дому	грошеи	2
	дал	Игнат Бунченя	з дому	грошеи	2
	дал	Стец Сыновец	з дому	грошеи	2
	дал	Нестор Луцевич	з дому	грошеи	2
	дал	Нархомъ Микитич	з дому	грошеи	2
	дал	Хома Климович	з дому	грошеи	2
	дал	Нархомъ Замесц	з дому	грошеи	2
	дал	Романъ поворозникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Антон Куминович	з дому	грошеи	2
(f. 466)		Улица Борздовская			
	дал	Гриц Соплевич	з дому	грошеи	2
	дал	Ярмолъ Столпец	з дому	грошеи	2
	дал	Ливан козак убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Морозчая вдова убозство	з дому	грошъ	1
	дал	Левон убозство	з дому	грош	1
	дал	Лучка Шашняница	з дому	грошеи	2
	дал	Охримъ Остапъкович	з дому	грошеи	2
	дал	Микита Черевкович	з дому	грошеи	2
	дал	Микита Кулаевич	з дому	грошеи	2
	дал	Стецко убозство	з дому	грош	1
		Другая сторона			
	дал	Яцковая вдова	з дому	грошеи	2
	дал	Ониско Трупъ	з дому	грошеи	2
	дал	Андреи Вакулич	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Лида	з дому	грошеи	2
	дал	Роман Кудебович	з дому	грошеи	2
	дал	Лавриш Михалченя	з дому	грошеи	2
		Улица Загорская			
	дал	Евтух	з дому	грошеи	2
	дал	Богдан Заворотныи	з дому	грошеи	2
	дал	Якимъ Гацевич	з дому	грошеи	2[45]
(f. 466v)	дал	Вац горщаръ	з дому	грошеи	2
	дал	Жукъ поворозник	з дому	грошеи	2
	дал	Селячая вдова убозство	з дому	грош	1
	дал	Дупец Мухачович	з дому	грошеи	2
	дал	Васил Гацевич	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Михалченя	з дому	грошеи	2
	дал	Ивашко Осталкевич	з дому	грошеи	2
	дал	Сенко Цеголникъ	з дому	грошеи	2
	дал	Андреи Попович	з дому	грошеи	2

[45] *По нижнему полю приписано* чинит злот 1 грш 4.

	дал	Ивашко Шорстюкъ	з дому	грошеи	2
	дал	Яцко Климович	з дому	грошеи	2

Сума заплачено побору з домов местскихъ ринковых
12 с кождого по грошеи 4 полских а з улич
ных домов 50 с кождого по грошеи 2 а з убо
гих халупъ 7 с кождое по грошу 1 чинит
золотыхъ полскихъ 5 и грошеи иятъ

Мещане вижовъские з огородовъ

	дал	Ивашко Куцикович	з огорода	грош	1
	дал	Волок Климович	з огорода	грош	1
	дал	Тимон Процкович	з огорода	грош	1
(f. 467)	дал	Федец Дворитчич	з огорода	грош	1
	дал	Стецко Милец	з огорода	грош	1
	дал	Миско Лечневич	з огорода	грош	1
	дал	Роман Семакович	з огорода	грош	1
	дал	Семакъ Старыи	з огорода	грош	1
	дал	Пархомъ Микигич	з огорода	грош	1
	дал	Ониско Трупъ	з огорода	грш	1
	дал	Ивацюта	з огорода	грош	1
	дал	Ивашко Шерстюк	з огорода	грош	1
	дал	Яцко Климович	з огорода	грошъ	1

Сума заплачено побору з огородов 13 с кож
дого по грошу 1 чинит грошеи 13

Коморники и гольтае в местецку Вижовскомъ

	дал	Куц коморникъ	грошеи	4
	дал	Нетрина коморникъ	грошеи	4
	дал	Вакула коморникъ	грошеи	4
	дал	Иванец Кисло коморникъ	грошеи	4
	дал	Якубец коморникъ	грошеи	4
(f. 467v)	дал	Мелех гултаи	грошеи	12
	дал	Данило гултаи	грошеи	12
	дал	Юско гултаи	грошеи	12
	дал	Лавришъ гултаи	грошеи	12
	дал	Ганка	грошеи	12
	дал	Нелюба	грошеи	12
	дал	Оксимъка	грошеи	12

Сума заплачено побору от коморников
5 по гр 4 а от гултаов 7 по гро
шеи 12 полскихъ чинит золотых 3
грошеи 14

Ремесники в месте Вижве

	дал	Щастныи слюсар	з ремесла	грошеи	4
	дал	Ждан ковал	з ремесла	грошеи	4
	дал	Роман новорозникъ	з ремесла	гр	4
	дал	Вац горщаръ	з ремесла	грошеи	4
	дал	Никон бондар	з ремесла	грош	4
	дал	Ивашко швец	з ремесла	гр	4
	дал	Евсии швец	з ремесла	гр	4
	дал	Соплевич кушнер	з ремесла	гр	4

Сума заплачено побору от ремесников 8 с кождог по гро
шеи 4 чинит золотыи 1 гр 2

(f. 468) Волоки местские вижовские

дал	Данило Семакъ	з волоки	грошеи	20
дал	Матфеи Куцевич	з волоки	грошеи	20
дал	Вац горщаръ	з волоки	грошеи	20
дал	Охримъ Соплевич	з волоки	грошеи	20
дал	Анъдреи Куцикович	з волоки	грошеи	20
дал	Щастныи слюсар	з волоки	грошеи	20
дал	Матфеи Шокалович	з волоки	грошеи	20
дал	Мелешко ковал	з волоки	грошеи	20
дал	Жданко Нецкович	з волоки	грошеи	20
дал	Миско Бунченя	з волоки	грошеи	20
дал	Стецко Сыновец	з волоки	грошеи	20
дал	Нестер Луцевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Нархомъ Митевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Хома Климович	з волоки	грошеи	20
дал	Анътон Куминович	з волоки	грошеи	20
дал	Гриц Лобач	с полволоки	грошеи[46]	10
дал	Данило Сыновец	с полволоки	грошеи	10
дал	Олекса Зинчич	з волоки	грошеи	20
дал	Ждан Демянович	з волоки	грошеи	20
дал	Нетръ Белава	с полволоки	грошеи	10
дал	Нанас Сурко	с полволоки	грош	10
дал	Ивашко Михнович	з волоки	грош	20
(f. 468v) дал	Морозчая вдова	с полволоки	грошеи	10
дал	Ивашко	с полволоки	грошеи	10
дал	Роман Кудебович	з полволоки[47]	грошеи	10
дал	Васил Гацевич	з волоки	грошеи	20
дал	Ивашко Осталкович	з волоки	грошеи	20
дал	Якимъ Гацевич	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волокъ 23
с кождое по грошеи 20 полскихъ чинит золо
тых 15 грошеи 10

Село Воля Вижовская

дал	Грицко Вершичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Олехвир ковал	з волоки	грошеи	20
дал	Веремеи Самосеня	с полволоки	грошеи	10
дал	Стецко Гринюшкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Гапон	з волоки	грошеи	20
дал	Михно Волошин	з волоки	грошеи	20
дал	Трухон	с полволоки	грошеи	10
дал	Мацко	з волоки	грошеи	20
дал	Лавриш Федюшкович	з волоки	грошеи	20
дал	Лавриш Ленченя	з волоки	грошеи	20
дал	Ленец	з волоки	грошеи	20
дал	Стецко Шупакович	с полволоки	грошеи	10
(f. 469) дал	Купъ Илкович	з волоки	грошеи	20
дал	Мелешко	з волоки	грошеи	20
дал	Децко	с полволоки	грошеи	10
дал	Денис	с полволоки	грошеи	10
дал	Сергии	с полволоки	грошеи	10
дал	Мордуха вдова	с полволоки	грошеи	10

[46] *Слова* полволоки грошеи *сдвинуты к началу строки.*
[47] *Буквы* пол *приписаны над строкой.*

	дал	Занко Федевич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Устъян	з волоки	грошеи	20
	дал	Раско Грипович	з волоки	грошеи	20

Сума заплачено побору з волок пол 17 с кождое по грошеи 20 полских чинить золотых 11

Село Старая Вижва

	дал	Малыш	з волоки	грошеи	20
	дал	Панко Старчичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Иванко Мелехович	з волоки	грошеи	20
	дал	Омелян	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гапон Нецкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Селех	з волоки	грошеи	20
	дал	Гарас	с полволоки	грошеи	10
	дал	Миц Кувичич	з волоки	грошеи	20
(f. 469v)	дал	Матфеи Нышкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Моисеи Киышевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Иван Тик	с полволоки	грошеи	10
	дал	Трохимъ Нецкович	з волоки	грошеи	10[48]
	дал	Васил Стецкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Миско Ситкович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Воико Старчичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Потеи Богданович	з волоки	грошеи	20
	дал	Борис	с полволоки	грошеи	10
	дал	Федко Жукович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Веремеи Пилипович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Гриц Пилипович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Тимош Кувичич	з волоки	грошеи	20
	дал	Анътон Назарич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Иван Назарич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Савка Кургакович	з волоки	грошеи	20
	дал	Васюкъ Лаичич	з волоки	грошеи	20
	дал	Сенко Резкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Савка Романович	з волоки	грошеи	20
	дал	Климъ Надавка	з волоки	грошеи	20
	дал	Гриц Мацкович	з волоки	грошеи	20
	дал	Кузма Денисович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Лавришъ Коткович	с полволоки	грошеи	10
(f. 470)	дал	Яцко Забелич	с полволоки	грошеи	10
	дал	Курило Забелич	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волок 20 пол 6 с кождое по грошеи 20 полскихъ чинит золотыхъ 17

Нодданые Михаила Кудрявского тамъ же у Вижве

	дал	Карпъ	с полволоки	грошеи	10
	дал	Иванко	с полволоки	грошеи	10
	дал	Миско	с полволоки	грошеи	10
	дал	Бакун	з огорода	грошеи	4
	дал	Вакула	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору з волокъ пол 2 с кождое по грошеи 20 полскихъ чинить зо лотыи 1 а з огородников 2 по грошеи чотыри чинить грошеи 8

[48] *Так в тексте.*

(f. 470v) Ремесники селъ вижовских

дал	на Воли Анъдреи швец	з ремесла	грошеи	2
дал	Савка горщаръ	з ремесла	грошеи	2
дал	Гриц колодеи	з ремесла	грошеи	2
дал	Олехвир ковал	з ремесла	грошеи	2
дал	Сац кушнир	з ремесла	грошеи	2
дал	в селе Старои Вижве Климъ колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Савка колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Курило колесникъ	з ремесла	грошеи	2
дал	Ганон колесникъ	з ремесла	грошеи	2

Сума заплачено побору от ремесников девети
с кождого по 2 гроши полскихъ чинитъ
грошеи 18

(f. 471) Село Шаино

дал	Ониско Жукович	з волоки	грошеи	20
дал	Навел бортникъ	з волоки	грошеи	20
дал	Пронец Сенкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко Ворожбитович	з волоки	грошеи	20
дал	Миско Турскии	з волоки	грошеи	20
дал	Федко Левкович	з волоки	грошеи	20
дал	Левко Плищич	з волоки	грошеи	20
дал	Васко Шахович	з волоки	грошеи	20
дал	Олешко Буцевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Демид Буцевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Гарасимъ Буцевич	з волоки	грошеи	20
дал	Федец Наумович	з волоки	грошеи	20
дал	Трохимъ Антонович	з волоки	грошеи	20
дал	Савонко	с полволоки	грошеи	10
дал	Васко Суцевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Гарасимъ Моисичич	з волоки	грошеи	20
дал	Остап Ванчукович	с полволоки	грошеи	10
дал	Яцко Волосович	з волоки	грошеи	20
дал	Федко Краткович	з волоки	грошеи	20
дал	Гаврило	з волоки	грошеи	20
дал	Федец Мордушевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Роман Мордушевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Ивашко Федевич	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко Федцов	с полволоки	грошеи	10
дал	Трохимъ Ланцевич	з волоки	грошеи	20
(f. 471v) дал	Грицко Плищич	с полволоки	грошеи	10
дал	Нротас Федевич	з волоки	грошеи	20
дал	Напас Конончич	з волоки	грошеи	20
дал	Сенко Жукович	з волоки	грошеи	20
дал	Ивашко Микитич	з волоки	грошеи	20
дал	Сенко Микитич	з волоки	грошеи	20
дал	Тишко Оскович	з волоки	грошеи	20
дал	Климъ Харковичъ	з волоки	грошеи	20
дал	Иляшъ Микитич	з волоки	грошеи	20
дал	Нетръ Микитич воит	з волоки	грошеи	20
дал	Васко Ходорович	з волоки	грошеи	20
дал	Нронец Михалкович	з волоки	грошеи	20
дал	Савка Озаричъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Михно Озарич	с полволоки	грошеи	10
дал	Хома Охримович	з волоки	грошеи	20

	дал	Тимош Ванчукович	сполволоки	грошеи	10
	дал	Иляшъ Харковичъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Игнат бортникъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Сенко бортникъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Васко бортникъ	з волоки	грошеи	20
	дал	Михал Дмитрикович	з волоки	грошеи	20
	дал	Гриц Ходашевич	з волоки	грошеи	20
	дал	Остапъ Грицович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Наумъ Грицович	с полволоки	грошеи	10
	дал	Зинко Грицович	с полволоки	грошеи	10
(f. 472)	дал	Яцковая вдова	с полволоки	грошеи	10
	дал	Грицко Воитович	з волоки	грошеи	20
	дал	Иванко Кузмич боярин	з волоки	грошеи	20

Сума заплачено побору з волокъ 44 с кождое по грошеи 20 полских чинит золотых 29 грошеи 10

Огородники

дал	Якимъ Ворожбитович	грошеи	4
дал	Милошъ Фурсович	грошеи	4
дал	Стецко Левкович	грошеи	4
дал	Нетръ ковалъ	грошеи	4

Сума заплатили побору огородников 4 по грошеи 4 полских чинитъ грошеи 16

Село Красная Воля

дал	Грицко Зинкович тесля	з волоки	грошеи	20
дал	Калиш Зинкович тесля	з волоки	грошеи	20
дал	Тимко риболов	з волоки	грошеи	20
дал	Ничипор	з волоки	грошеи	20
дал	Миско Мицевич	з волоки	грошеи	20
дал	Мартинъ Свирид	з волоки	грошеи	20
дал	Маико Сушкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Иванко Сушкович	с полволоки	грошеи	10
дал	Трохимъ Сушкович	с полволоки	грошеи	10

Сума заплачено побору з волок пол 8 с кождое по грошеи 20 полскихъ чинит золотых 5

(f. 472v) Село Гридковичи огородники уставичне на двор робятъ з огородовъ своихъ

дал	Стецко Гудкович	грошеи	2
дал	Илъяш Гудкович	грошеи	2
дал	Иванко Федевич	грошеи	2
дал	Мелех Кудинович	грошеи	2
дал	Иляшъ Турович	грошеи	2

Сума заплачено побору з огородников 5 с кождого по грошеи 2 полскихъ чинит грошеи 10

Село Секун боярское Михаила Келемета

дал	Максимъ	с полдворища	грошеи	10
дал	Тимошъ	с полъдворища	грошеи	10
дал	Ванюта Акот	с полдворища	грошеи	10
дал	Назар Илкович	с полдворища	грошеи	10
дал	Мацко а Митко	с полдворища	грошеи	10
дал	Иванко	с полдворища	грошеи	10
дал	Логвин	с полдворища	грошеи	10

	дал	Климъ Онориевич	с полдворища[49]	грошеи	10
	дал	Веремеи	с польдворища	грошеи	10
		Огородники			
(f. 473)	дал	Анъдреи Дацевич	з огорода	грошеи	4
	дал	Карпъ	з огорода	грошеи	4
	дал	Каленикъ	з огорода	грошеи	4
	дал	Гурец	з огорода	грошеи	4
	дал	Тимош	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору з дворищъ пол 5
с кождого по грошеи 20 полскихъ а з огородников
5 по грошеи 4 чинит золотых 3 гр 20

Село Шушки его ж

дал	Филип	с полдворища	грошеи	10
дал	Микита	с польдворища	грошеи	10
дал	Сенко Василевич	с полдворища	грошеи	10
дал	Грицъ полазникъ	с полдворища	грошеи	10
дал	Нилип	с полдворища	грошеи	10

Сума заплачено побору з дворищъ пол
3 с кождого по грошеи 20 полских
чинит золотыи 1 грошеи 20

(f. 473v) Село Городище боярское Марка Жабы

дал	Зинко	з дворища	грошеи	20
дал	Ярмолъ	з дворища	грошеи	20
дал	Ивашко Суботич	з дворища	грошеи	20
дал	Сенко Курилович	з дворища	грошеи	20
дал	Лукъян	з дворища[50]	грошеи	20
дал	Навлюкъ	с полдворища	грошеи	10
	Огородники и ролю мают			
дал	Васко		грошеи	4
дал	Дмитръ		грошеи	4
дал	Ивашко		грошеи	4
дал	Веремеи		грошеи	2
дал	Курило		грошеи	2
	Подданые Василя Нугача боярина там же			
дал	Миско Терешщеня	огородникъ	грошеи	4
дал	Нотанъ	огородник	грошеи	4

Сума заплачено побору з дворищъ пол 6
с кождого по грошеи 20 полских а з огородни
ковъ 5 по грошеи 4 а от 2 по грошеи 2
чинит золотых 4 грошеи 14

(f. 474) Воитовство Полеское село Хотешовъ

дал	Терешко Лецович	с полдворища	грошеи	10
дал	Останъ Хецович	с полдворища	грошеи	10
дал	Лец Омелянович	с подворища[51]	грошеи	10
дал	Нестер Мокиевич	с польдворища	грошеи	10
дал	Нилип Володкович	с полдворища	грошеи	10
дал	Анъдрос Васкович	с полдворища	грошеи	10
дал	Курило Молоцевич	з дворища	грошеи	20

[49] *Буквы* дв *из других букв.*
[50] *Отрывок* з дворища *смещен к началу строки.*
[51] *Так.*

	дал	Миц воит	з дворища	грошеи	20
	дали	Терешко а Стецко Жванчичи	с полдворища	грошеи	10
	дали	Осии а Ивашко Жванчичи	с полдворища	грошеи	10
	дал	Анъдрос Терешкович	с полъдворища	грошеи	10
	дал	Ивашко Терешкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Мартин и Супрун Тишовичи	с полдворища	грошеи	10
	дал	Васил а Моисии Ноцковичи	с полдворища	грошеи	10
	дал	Миско Ноцкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Федец Веремеевич	з дворища	грошеи	20
	дал	Кацко Куряшевич	з дворища	грошеи	20
	дал	Яцко Иванович	с полдворища	грошеи	10
	дали	Хвалко а Сенко	з дворища	грошеи	20
	дал	Гарасимъ	с полдворища	грошеи	10
	дал	Михно стрелникъ	с полдворища	грошеи	10
	дали	Вакула Данило Томило	с полдворища	грошеи	10
	дали	Нилип Лукаш Андреи Шимчичи	с полдворища	грошеи	10
(f. 474v)	дал	Вакула а Стас Оксентиевич	с полдворища	грошеи	10
	дал	Ивашко а Вакула Галчичи	с полдворища	грошеи	10
	дал	Сец а Нестер Климовичи	з дворища	грошеи	20
	дал	Нилип Ноповичи	с полдворища	грошеи	10
	дал	Куц Яцевич	с полъдворища	грошеи	10
	дали	Макар а Вацюта и Волко	з дворища	грошеи	20
	дали	Федец и Андрос Левошкович	з дворища	грошеи	20
		Огородники которые ролю маютъ			
	дал	Хоц Матфеевич		грошеи	4
	дал	Никон Матфеевич		грошеи	4
	дал	Сидор Сенкович		грошеи	4
	дал	Стецко Воитович		грошеи	4
	дал	Яцко Неченяк		грошеи	4
	дал	Мацко Роцевич		грошеи	4
	дал	Олешко		грошеи	4
	дал	Олехвир Галчич		грошеи	4
	дал	Лукян Нилипович		грошеи	4
	дал	Лецко Яцевич		грошеи	4
		убозство			
	дал	Гринец Кондрашевич		грошеи	2
	дал	Матфеи Мозыр		грошеи	2
	дал	Игнат Нилипович		грошеи	2
	дал	Гриц Нилипович		грошеи	2
(f. 475)	дал	Малош		грошеи	2
	дал	Антонъ Гуцевич		грошеи	2
	дал	Кацко Роцевич		грошеи	2
	дал	Роман Нашкович		грошеи	2
	дал	Нетраш Сковородка		грошеи	2

Сума заплачено побору з дворищъ 19 с кождого
по грошеи 20 полских а з огородников 10 по грошеи
4 а з убогих волников 9 по 2 гроши чинит
золотых 14 грошеи 18

Село Борки

дал	Юшко Власович	с полдворища	грошеи	10
дал	Занко а Данило	с полъдворища	грошеи	10
дал	Ивашко а Влас	с полдворища	грошеи	10
дал	Гриц Мацко Агапон	с полдворища	грошеи	10
дал	Пашко а Грицко	с полдворища	грошеи	10

Сума заплачено побору з дворищъ пол 3
с кождого по грошеи 20 полскихъ чинит золот 1 грш 20

Село Мостища

	дал	Галец Жиланович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Нацюк	с полдворища	грошеи	10
	дал	Матфеи Романович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Нецюта	с полдворища	грошеи	10
(f. 475v)	дал	Савка	с полдворища	грошеи	10
	дал	Ярошъ Романович з Грицом	с полдворища	грошеи	10
	дал	Савоико а Веремеи	с полдворища	грошеи	10
	дал	Осип мелникъ	с полдворища	грошеи	10

Огородники

дал	Трушъ десятникъ		грошеи	4
дал	Богдан тесля		грошеи	4
дал	Цыб Галцевич		грошеи	4
	убозство			
дал	Хотин Баранович		грошеи	2
дал	Олехвир Галчич		грошеи	2
дал	Сенко		грошеи	2

Сума заплачено побору з дворищъ 4
с кождого по грошеи 20 полскихъ а з огородни
ков 3 по грошеи 4 а от 3 по грошеи
2 чинит золотыхъ 3 грошеи 8

Село Нюино

	дал	Гринец воит	з дворища	грошеи	20
	дал	Юнец Черникович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Волос Черникович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Ивашко Маскотич	с полдворища	грошеи	10
(f. 476)	дал	Гринец Шипкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Анъдреи Шипкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Лаврин Старищич	з дворища	грошеи	20
	дал	Максимъ Гапонович	з дворища	грошеи	20
	дал	Занко Соневич	с полдворища	грошеи	10
	дал	Тишко Лукянович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Гринец Осташкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Грицко Иванович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Стецина а Стецко Омеляновичи	с полдворища	грошеи	10
	дал	Федец Дешович[52]	с полдворища	грошеи	10
	дал	Тишко Дешович и Сенко	с полдворища	грошеи	10
	дали	Монец Мацко а Роц Семениковичи	з дворища	грошеи	20
	дали	Ивашко Лукъянович и Гарасим	з дворища	грошеи	20
	дал	Анъдреи Гуцевич	с полдворища	грошеи	10
	дал	Борис	с полдворища	грошеи	10
	дал	Федец Воитович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Панасовая вдова	с полдворища	грошеи	10
	дал	Самъсон Михнович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Васил Коцкович	с полдворища	грошеи	10

Сума заплачено побору з дворищъ 14 с кож
дого по грошеи 20 полскихъ чинит золотых
9 грошеи 10

[52] *Буква д по другой букве.*

(f. 476v) Село Туличов

дал	Иван Тимошевич	з волоки	грошеи	20
дал	Томило	с полволоки	грошеи	10
дал	Нилец	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенюта Коржевич	з волоки	грошеи	20
дал	Тимошко	з волоки	грошеи	20
дал	Фес Илишович	с полволоки	грошеи	10
дал	Нилип	с полволоки	грошеи	10
дал	Юрко	с полволоки	грошеи	10
дал	Юско Тимошевич	з волоки	грошеи	20
дал	Нроцко	з волоки	грошеи	20
дал	Савка з Денисом	з волоки	грошеи	20
дал	Нацюк	з волоки	грошеи	20
дал	Остап	с полволоки	грошеи	10
дал	Купец	с полволоки	грошеи	10
дал	Васко Мороз	с полъволоки	грошеи	10
дал	Дронец	з волоки	грошеи	20
дал	Гриц Максимович	з волоки	грошеи	20
дал	Михно Довладович	з волоки	грошеи	20
дал	Федина шинкар	з волоки	грошеи	20
дал	Каленик	с полволоки	грошеи	10
(f. 477) дал	Сенко Лысконос	з волоки	грошеи	20
дал	Тимон	с полволоки	грошеи	10
дал	Мартинъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Лисен	с полволоки	грошеи	10
дал	Дорошъ	с полволоки	грошеи	10
дал	Марко	з волоки	грошеи	20
дал	Угрин	з волоки	грошеи	20
дал	Никон	з волоки	грошеи	20
дал	Нотап	с полволоки	грошеи	10
дал	Евтух	с полволоки	грошеи	10
дал	Сенко	с полволоки	грошеи	10
дал	ковал	с полволоки	грошеи	10
дал	Федко Нриступа	с полволоки	грошеи	10

Огородники

дал	Матиико	з огорода	грошеи	2
дал	Нронец	з огорода	грошеи	2
дал	Куц	з огорода	грошеи	2

Сума заплачено побору з волокъ оселых 24 с кождое по грошеи 20 полскихъ а з огородников 3 по грошеи 2 чинит золотыхъ 16 грошеи 6

(f. 477v) Бояре туличовские

дал	Серафин	з службы	грошеи	20
дал	Ивашко	з службы	грошеи	20
дал	Грицко	з службы	грошеи	20
дал	Данко	з службы	грошеи	20

Сума заплачено побору от бояринов 4 с кождог по грошеи 20 чинит золотых 2 грошеи 20

Село Осмиговиче

дал	Кузма	з дворища	грошеи	20
дал	Ждан	з дворища	грошеи	20
дал	Иван Олехвирович	с полдворища	грошеи	10
дал	Зос Мартинович	с полдворища	грошеи	10

	дал	Федко	з дворища	грошеи	20[53]
	дал	Роман	з дворища	грошеи	20
	дал	Карпъ	з дворища	грошеи	20
	дал	Савка	с полдворища	грошеи	10
	дал	Левко Белшевич	с полдворища	грошеи	10
	дал	Иван Тонскии	с полдворища	грошеи	10
	дал	Макошиная вдова	с полдворища	грошеи	10
(f. 478)	дал	Сенко	з дворища	грошеи	20
	дал	Савка бортникъ	з дворища	грошеи	20
	дал	Стецко Оницкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Олешко Жидкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Грицко Грабко	с полдворища	грошеи	10
	дал	Малыш	с полдворища	грошеи	10
	дал	Гриц Кулаи	с полдворища	грошеи	10
	дал	Иванко Половко	с полдворища	грошеи	10
	дал	Юшко Терешкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Анъдреи Половкович	с полдворища	грошеи	10
	дал	Моисии Гуцкович	с полдворища	грошеи	10
		Огородники на двор робят			
	дал	Данило	з огорода	грошеи	2
	дал	Яковая вдова	з огорода	грошеи	2
	дал	Лукаш	з огорода	грошеи	2
	дал	Моисеи	з огорода	грошеи	2
	дал	Микита	з огорода	грошеи	2
	дал	Сенко Машкович	з огорода	грошеи	2
	дал	Зицъ Гуцкович	з огорода	грошеи	2
	дал	Нетраш Половкович	з огорода	грошеи	2

Сума заплачено побору з дворищъ оселых пол 15
с кождого по грошеи 20 полских а з огородников
8 по 2 гроши чинит золотых 10 гр 6

(f. 478v)		Село Ловища огородники			
	дал	Василь Квач	з огорода	грошеи	4
	дал	Федор	з огорода	грошеи	4
	дал	Анъдрушко	з огорода	грошеи	4
	дал	Нестюк	з огорода	грошеи	4
	дал	Ходко мелникъ	з огорода	грошеи	4
	дал	Карпъ	з огорода	грошеи	4
	дал	Васко Дресня	з огорода	грошеи	4
	дал	Супрун мелникъ	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору з огородников 8 с кождого
по грошеи 4 полских[54] чинит золотыи 1 грш 2

		Бояре осмиговские			
	дал	Левко	з службы	грошеи	20
	дал	Моисеи Горсико	з службы	грошеи	20

Сума заплачено побору от бояринов 2 с кож
дог по грошеи 20 полскихъ чинит золотыи
1 грошеи 10

(f. 479)		Село Сенявка подданые Яхимовы			
	дал	Васко Ходун	з дворища	грошеи	20

[53] *Исправлено из* 10.
[54] *Из* чинит.

дал	Щастная вдова	с полдворища	грошеи	10
дал	Гринчая вдова	с полдворища	грошеи	10
	Огородники			
дал	Хацко	з огорода	грошеи	4
дал	Малышка	з огорода	грошеи	4
дал	Кондрат	з огорода	грошеи	4
дал	Нашко	з огорода	грошеи	4
дал	Мицко убозство	з огорода	грошеи	2
дал	Бокии убозство	з огорода	грошеи	2

Сума заплачено побору з дворищъ 2 с кождого
по грошеи 20 а з огородниковъ 4 по грошеи 4
полских а от 2 огородников по 2 гроши чинит
золотых 2

	Нодданые Янковы			
дал	Воитко	з огорода	грошеи	4
дал	Якуб	з огорода	грошеи	4
дал	Гриц Холоневец	з огорода	грошеи	4

Сума заплачено побору с подданых боярскихъ
от огородников 3 с кождого по грошеи 4 чи
нит грошеи 12 полскихъ
Сумариусъ побору выбраног на его королевскую млс
з места Ковля и волости ковелское

Сума в месте Ковли и в местецкахъ Миляновичох и Вижве
домов ринковых 36 с которых заплачено побору
с кождого дому по грошеи чотыри полских чинит золо
тых 4 грошеи 24

В тых же местецкахъ уличных домов чотыриста и девет
с которых заплачено с кождого дому побору по два гро
ши полскихъ чинит золотыхъ двадцат семъ грошеи осмъ

В тых же месточкахъ при домахъ огородов 49 запла
чено побору с кождого по грошу одному полскому чинит
золотыи оден грошеи 19

В тых же месточкахъ выбрано побору от голтяов и лю
деи люзных 26 чоловеков с кождог по грошеи 12 полских
а от коморниковъ в месте мешкаючих 23 с кождог по грошеи
(л. 480)
чотыри полскихъ а з убогих коморниковъ от семи
чоловеков по три гроши чинит золотых 14 гро
шеи 5

В тых же месточкахъ ремесников семдесят пят с которых вы
брано побору с кождого по чотыри гроши полских чинит зо
лотых десять

Сума млынов дедичных десят с которых заплачено побору
от кол валных 15 а от фолюша одного с кождого кола по грошеи
двадцат чотыри полских а от дорочных млынов 5 от валных
кол осми а от фолюшов дву с кождого кола по грошеи 12 пол
ских а от вѣтраных млынов дву по грошеи 10 чинит золотых
17 грошеи 14

Сума волокъ оселых и принятых так в месте Ковли в мес
течкахъ и на волости ковелскои чотыриста осмъдесят семи
с которых заплачено побору с кождое волоки по грошеи 20
полскихъ чинит золотых триста двадцат чотыри гро
шеи двадцат

Сума огородников всих на селех у волости ковелскои семдесят пят
которые ролю мают с которых выбрано побору с кождог
по грошеи 4 полских чинит золотых десят

Сума огородников шестдесят девят которые толко з огородов
уставичне робят заплачено побору с кождог по грошеи 2
полских чинит золотых 4 грошеи 18

(л. 480v) Сума бояр путныхъ у волости ковелскои и в Осмиговичох
15 с которых выбрано побору с кождого от службы
по двадцати грошеи полскихъ чинит золотых 10

Сума на Ковлю и в Осмиговичох дворищъ шестдесят девят
и полдворища оселых с которых заплачено побору
с кождого дворища по грошеи 20 полских чинит золо
тых сорокъ и шест и грошеи десят

Сума заплачено побору от ремесников селских 135 с кож
дого по грошеи 2 полских чинит золотых 9

От жидов ковелскихъ его мл княз Козека поборца его кро
левское млсти самъ головщизну выбрати рачилъ
золотых 100 полских

Чоповыи побор которыи приходил в месте Ковли и в местечкахъ
Миляновичах и Вижве и на волости ковелскои то ест от корчомъ
и от котлов горелчаных и от шинкованя пива меду горелки и вся
кого питя тое все его мл пан поборца з рукъ своих арен
довати рачил за сто золотых полских

Кириль Зубъцовски намѣ-
сникъ ковелски рука власная[55].

[55] *Над подписью след от печати, сама печать со шнуром на л. 480².*

IX. СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ВЛАДИМИРА ЗАБОЛОЦКОГО

Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie. № 2242. Polska. Akta l. 1520–1583. T. 1. Collectanea do dziejów Polski z lat 1501–1656 (głównie 1527–1585). W. XVI–XVII. S. 410, нумерация с л. II. Переплет XIX в. Кор. ребристая ткань, уголки и корешок — кожа. На корешке 5 делений и 2 полуделения. Во 2-м: "Polska / Akta / 1520–1583". В 4-м: "Tome I" и ниже белая бум. наклейка 34×15 мм с надп. черными чернилами «2242». Бирка б-ки Чарторыйских с шифром в правом верхнем углу на нижней крышке. На об. верхней крышки черная бирка "A. Binant / 5 et 7, Rue de Clé{r}y / A Paris". На приперeплетном л. [I]1 шифр «2242 IV». Кодекс создан в XIX в. {?}, конволют 48 оригиналов XVI в. и более поздних копий с оригинальных документов различного формата и происхождения. Их список на размеченных в горизонтальную линейку листах (всего их IV, соотв. с. 1–8), II–III. В реестре документов, содержащихся в томе, под номером 45 значится "Inkwizycya w Wilnie w skutku zabicia Włodzimierza mieszczanina 1580, kart 4". Определение В.С. Заболоцкого «мещанином Владимиром» ошибочно. Раздел с выпиской из следственного дела, занимающий с. 387–394, является копией, написанной почерком XVI в. Бумага сильно помята, со следами многочисленных сгибов, повреждена на краях и подвергалась реконструкции: заклеена по внутреннему и верхнему полю на с. 387, по внешнему и нижнему полю тот же лист с оборота (с. 388), по внешнему и верхнему полю с. 390, по внешнему полю с. 392, по нижнему полю с. 393, по внешнему, верхнему и внутреннему полю с. 394. Во всех названных случаях текст заклейкоми не закрыт. В ряде случаев прозрачной бумагой заклеены фрагменты, содержащие текст, на с. 388 (1 наклейка), 389 (1), 392 (2), 393 (2), 394 (1). В верх. правом углу на с. 387 красным карандашом «1580», рядом та же дата химическим карандашом. Но нижнему полю почерком XVIII или XIX в.: "No 290 Fasc. 8. Publicznych". На с. 394 на нижнем поле следы от двух печатей ∅ ок. 19 мм каждая. Выписка представляет собой 1 четырехлистную тетрадь форматом в двойку ок. 210×322 мм с листами 389/390 = 391/392. Водяной знак: одна половина листа без маркировки, на второй (на л. 391/392 и 393/394) топор под короной около 54 мм. Топор без картуша. Корона трехзубцовая, без верхних дуг, с овалом внизу. Как отмечает Я. Синярска-Чаплицка, данный знак свидетельствует об изготовлении бумаги на мануфактуре Тенчинских под Краковом или в Люблине (Siniarska-Czaplicka J. Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku. Wrocław et al., 1959. S. 19). Весьма отдаленную близость представляет вариант Лауцявичус. № 1666 (1566 г.): отличаются формы короны, топор на знаке Лауцявичуса в картуше. Еще более отдаленный аналог — Siniarska-Czaplicka. № 1080 (1567 г.).

Воспроизведение текста:

(s. 387) Actum Vilnae die 25 Aprilis Anno domini 1580

Naprzod byly pytany od nas myeszczanye ktorzy
na tey ulycy myeszkayą kędy nyeboszczik Wolo-
dymyrz gospodę myal, yakymby sposobem
s tego swyata szczedl.
Jan sędzia gospodarz Wlodymyrzow
Juravit y to zeznal ze rano pan Wlodymyrz cho-
dzyl zdrow po dworu, po malcy chwyly wyszedl
zaczwiercz godziny zas go przyniesiono rannego
tom tez slyszal zwieczora od pana Wytonskie-o
co gospody rozdaye od pana marszalka[1] gdym
go prosyl abi my tego gosczia zas z do-u mego
zas[2] gdzie yndziey wyprawyl, powiedzial
pan Witonsky do yutra poczekay, alecz sye
sliszę barzo zawyodl z panem trockym[3].
Stanyslawowa Szlosarzewa Doldzyna Yadwiga

[1] *Буква r вписана над строкой.*
[2] *Буква z по g.*
[3] *Далее отступ почти в строку.*

tak powiadala ze bilo na dzyen godzina syodma
kyedym w kosczielie byla a w tym z rusznyc
yęto strzelacz, a lyudzye z kosczioła biezely[4]
alem ya zostala w kosczielie[5].
Ambrozy Borszokowycz juravit zeznal zem
szedl z rynku do domu y wyzrzalem na
ulycy ludu nyemalo y pitalem, co sye dzie-
ye powiedziano my ze sye Wlodymyrz
zwadzil z slugamy podczaszego a w tym
nyesiono Wlodymyrza za umarlego. //
(s. 388) Jakub Yablko juravit zeznal zem rano
wstawszy skoro po piątey godzinie usly-
szal na ulycy[6] strzelanye wolanye y wy-
padlismy zoną przede wrota y wyzrze-
lismy lyudzi kylka set zdobytymy bro-
nyamy a onosye byly a po maley chwy-
ly Wlodimierza nyosą rannego do gospody[7].
Strony nyeboszczika Wlodimyerza Mychal Sla-
wynsky juravit, zem myal gospodę u Jaska Mon-
tana nyedaleko gospody pana Wlodimirzo-
wey wyszedlem rano chcąc yscz na zamek
do kosczyola tam kyedym wyszedl chczia-
lem myyacz gospodę nyeboszczikowską uy-
zrzalem go przeczywko[8] forczie ydącego a yz
w mey rzeczy byl my pomocen w rozny-
cach ktore mam sąsiadi swemy zasta-
nowylem sye przed fortą az wyszedl
y poszedlem za nyeboszczikyem tamze te-
dy kyedismy myyaly kylka gospod
zawolal chlopiec szlyszę yego mylosczywy
panie strzez sye takze nyeboszczik obro-
czil sie na zad az[9] Sebestyan
Gorecky Yachymowicz biezy srodkyem
ulyce y uderzyl na nyeboszczika kamie-
nyem potym dobyl brony zatym poczę-
ly strzelyacz a nieboszczik począł ustępo-
wacz az na drugą stronę ulyce, yam
tez tam nyeodstępowal od Wlodimyerza bomy
tez odpowiadal ten Gorecky więcem mnymal //
(s. 389) byna myę tal tamze myę przy nyeboszcziku przybyly
Woycziech Slawynsky juravit, przyechalem
z Trab z lystem od podstarosczieg o do pana swe-o
w sobotę wieczor tegom sie dnia nyeukazal
panu[10] nazayutrz yeszczem pana lezącego
zastal oddalem mu lysty pan wstal y ubral
sie y wyszedl na ulycę, poslal po Umera
Moskwiczyna y szly pospolu ku zamkowy w tim
ydąc Krisztof chlopiec nyeboszczikowsky krzy-
knął mylosczywy panie strzez sye. Obeyzrzy
sye pan a nam drogę zabyega Sebestyan
Gorecky Yachimowycz skoro przyszedszy
dal nieboszczikowy kamyeniem w pyersy
potym[11] sie do korda porwal my sza-
bel a on do towaristwa w tym sye ych
więcey zebralo do nas. A my on lud na so-
bye zatrzimaly nyeboszczik chczial do ka-
myenyce uskoczycz ale ktos furtką ude-
rzyl w lep nyeboszczika potim sie nyebo-
szczik przy sczicmie yął bronycz. A w tym
yakys dobri czlowiek na wronym koniu
przyachal z pulhakyem y postrzelil nieboszczi-
ka a nyeboszczik upadl[12] pan
trocky przyachal widzisz zdrayca zem
czy to oddal, Wlodymierz rzekl Milosczy-
wy panie trocky com mowyl tedym
lgal nyekaz mnye zabyyacz dla boga
w tym konia odwroczyl a[13] kazal hamowacz //
(s. 390) slugy aby nyczabyyaly, w tym Gorecky
Yachymowicz przybiezawszy lezące-o
nieboszczika myeczem przebyl a mnye
tez ran cztyry zadano.
Woycziech Myklaszewicz juravit y tak
zeznal yako y Woycziech Slawynsky[14].
Syemyon Grusza Sliszalem z wyeczora w so-
botę ze myely uderzicz na gospodę Wlo-
dimyrzowę y chczialem go byl przestrzec
abi sie strzegl omyeszkalem rano w nye-
dzielę przyszedlem ano yuz w rinsztoku
zabity lezy.
Wasyl Zochow sluga nyeboszczikowsky Moskwiczin
juravit Wyszedl pan przed wrota swey
gospody y kazal Umara zawolacz Umara
dlugo nyebylo y zas do gospody wszedly
drugy raz wyszedl az Umar prziszedl y
poszedl z nym ulycą az biezy sluga woye-
wodi wilenskiego Dzieweczka za woy-
towego dwora na smyntarz prosto
do Swiętego Ducha az potim doyechal
Gorecky sąsiad pana me-o dobri dzien
rzekl pan Wlodimierz spital go gdzie
wm̃cz stoysz powiedzial tu nyedaleko
w m̃czi y yął pana nieboszczika zaba-
wiacz rozmawiayącz w tym mnye
pan odeslacz chczyal. A potym biezy
chlopiec ztylu Krisztof wolayąc dla
boga strzez sie a w tym piechota prziszla
Gorecky kamyeniem na pana cysnął //
(s. 391) a pan yął uchodzicz do kamienyce

[4] *После слова чернильное пятно.*
[5] *Далее отступ почти в строку.*
[6] *2-я* y *по* e.
[7] *Далее отступ почти в строку.*
[8] *Буква* p *по* y.
[9] *Далее зачеркнуто* nyeyaky.
[10] *Буква* u *из* o, *после слова затерто* m.
[11] *Перед словом затерта* k.
[12] *Далее двумя линиями зачеркнуто* potym tenze.
[13] *Из* y.
[14] *Две строки едва заметно отделены сверху и снизу.*

Szemyotowcy w tym zatworzono fortkę.
A liudzie sie zewsząd sipyą smyntarza
y zdworu woyewody polockiego pieszy
y konny y mowily strzelaiąc y byyąc
otoz czy pan trocky otozczy oddal, a w tym
mowyly nyektorzy yuz zabyt. A potym pan
trocky przyachal Nyezabyyayczie dosycz ma
a pan yuz zabit mnye z nye zwlekly y
hayduka a ony byly kamyenmy drą-
gamy obuchamy kyyamy[15].
Wasiliey Bunak slugaz nyeboszczykowsky
Moskwyczyn juravit takze zeznal yako y
drugy.
To przydal yz nyeboszczyk uyzrawszy Holu-
bka y ty nyecnotlywy na mye rubayesz
com czy wynyen y na Politanskiego y na Lo-
weyka y na Goreckiego.
Umar[16] Sarichozyn sluga ye-o kro mscz̄i juravit Szedlem
znyeboszczykyem Wlodimierzem rozmawiayąc
przychodząc
ku smyntarzu Swiętego Ducha przyszedl Gorecky,
Wlody-
myerz go spital gdzie gospodę masz powiedzyal nyedaleko
was potym przybiegl chlopiec pana Wlodymyrzow Kry-
sztof powiedzial Wlodymyerzowy Strzez sye ydą cziebie
bycz. My obeyzrzely sye az za namy ulyca pelniustka
pieszych y yezdnych ynszy s kyymy, drudzy z rusznica-
my, Gorecky obaczyl ze yuz blyzu nas kamyenyem
cysnął na Wlodimierza y zawolal By zaby. Potym
mnye znym rozerwano y wepchnęly myę na smyntarz
wydzialem tez tam Zabkę rotmistrza y Holubka y yn-
szych. A gdy yuz przybyly Wlodymierza pan trocky
przybiegszy zawolal nyezabyay dosicz ma. W tym
odyechaly yego zabytego.
A gdysz Moskwiczyn dworzanin krolia je-o mscz̄i to zeznal
ze ya niechcę bycz ynstygatorem any tez o tym nyc
nye wyem, bom przy tym nyebyl. //

(s. 392) Strony[17] ye-o mscz̄y pana trockye-o

Stefan Hladky pysarz zyemsky myensky a Elyasz
Pyelgrzymowsky sekretarz yego kro mscz̄y tę wya-
domoscz do nas od ye-o mscz̄i pana trockyego przynie-
sly, naprzod wspomnyely sobotnyą rozmowę ktorą
nyeucczyl Wlodimyerz pana trockyego y thnął do-
mu yego mscz̄i powiedayąc ze to bylo przy oczach
ye-o kro mscz̄i z czego pan trocky będąc barzo zalo-
sczyw[18] na ten czas skromnye sczierpyal, ma-
yąc tę nadzieyę ze się to myalo czasu swego,
bądz to przed yego krolewską mszczią poccy-
wye nagrodzicz, nazayutrz w nyedzielę rano
sludzy yego mscz̄i pana trockyego z gospod swoych
szly ku dworu pana swego, a gdy szly ulycą
tą kędy myal gospodę Wlodymyrz wydzyely
go stoyącego przed gospodą yego Wlodymyrz
gdy slugy pana trockyego uyzrzal wroczyl
sie w gospodę swą y zarazem slugamy y strzel-
camy swemy wyszedl z gospody swey y szed-
szy sie na ulycy slugamy pana trockyego[19]
począl wolacz byczye sieczcye y
strzelayczie tamze zaraz slugę ye-o mscz̄i pana
trockyego[20] postrzelyly Lowcyka y ynszych nyemalo
poranyly. Je-o mscz pan trocky nyewyedząc o tym
aby Wlodymyrz slugy ye-o mscz̄i myal bycz, yachal
do zboru pospolu s panem Potylyckyem dworza-
nynem ye-o kro mscz̄y y myyayąc gospodę pana
Mykolaya Naruszowicza slal do pana Naruszo-
wycza zeby yachal do zboru pospolu zye-o mscz̄ią //
(s. 393) ktory yachal pospolu a gdy wszyscy trzey
pospolu yechaly dano yego mscz̄i znacz ze
Wlodymyrz slugamy yego mscz̄i burde zaczął
do czego yego mscz̄ sam z panem Naruszowy-
czem y s panem Potylyckyem nadyechal y uy-
zrzawszy nyemalo lyudzy ktorzy sie okolo
Wlodimierza skupyly, y byly je-o mscz̄ pan troc-
ky ono zgromadzenye liudzy począł hamowacz y
Wlodimyerza bronycz, zastawszy lezącego na
ulycy Wlodimyerza rzekl do nyego Podobnoczie
dla mnye bog karze Wlodimierzu. Rzekl Wlo-
dymyerz Myloscziwy panie trocky com mo-
wyl na wmcz tom lgal yako pies. A potym
ye-o mscz pan trocky odgromywszy ono zgro-
madzenye od Wlodymierza sam do zboru ya-
chal. A ye-o mscz pan trocky nyetelko zeby
myal bycz Wlodymierza ale od ynszych obro-
nywszy odyachal co yz pan trocky nyebyl
ale y bronyl to wydzial z okna je-o mscz pan
kuchmistrz Szemyot.
Je-o m p[21] Stanislaw Szemyot kuchmistrz krola je-o
mscz̄y to
sub consciencia recognowit, skorom wstal[22] o godzi-
nye piątey rano w niedziele uslyszalem ulicą
krzyk nyemaly strzelanie zrusnicz yednom nye
wyedzial kto Wyzrzalem oknem biezy liudzy
tumult wyelky mymo gospodę moyę hu-
cząc przeszly mymo dom moy, y wyzrzalem
z okna ku tey ulyczce ku Swięte-o Duchu zas ulicą
od bramy Zawileyskiey ydących nyema-

[15] *Далее отступ почти в одну строку.*
[16] *Отсюда и до конца страницы более тонким пером, почерк плотнее и мельче.*
[17] *Начало строки сдвинуто к центру листа на 8-9 знаков.*
[18] *Буквы* sczyw *написаны в начале строки дважды, 1-й раз зачеркнуты.*
[19] *Далее зачеркнуто* po węgiersku.
[20] *На бкв* t *чернильное пятно.*
[21] *Отрывок* je-o m p *вписан на внутреннем поле.*
[22] *Буквы* mw *смазаны.*

lo pieszych a za nymy yadące-o ye-o mſcz
pana trockiego na wronym konyu mayą-
cego w ręku bulawe y mowiącego daiczie //
(s. 394) pokoy dayczie pokoy pokoy tom więcei nye
slyszal anym wydzyal co się tam dzyalo bom tam
nye wychodzyl anym slug swych nyewysylal.
Jendrzey[23] Potylycky dworzanin ye-o kro mſczy sub
consciencia recognovit. Rano wstawszy w dzien
niedzielny kazalem sobie konia osiodlacz
y yechalem ku zamkowy yadąc uyzrzalem[24]
w uliczce podle S. Ducha ye-o mſcz pana troc-
kyego zdaleka yechalem przeczywko ye-o gdym
sye zyechal zyego mſczią panem trockym
dano znacz yego mſczi panu trockiemu ze
kilku[25] slug yego byyą a zgola na Wlodimirza
powiedziano, pan trocky nyebacząc tego yechal
powoly, nadyachawszy blysko tey burdy kędy
sye byly y Wlodimyrza yuz powalyly
w tym ye-o mſcz pan trocky przyachawszy
skoczyl myędzy nye z bulawą yął bronycz
Wlodymyrza mowyąc nye byyczie zly lyu-
dzie nyezabyayczie w tym ych rozgromyl
pan trocky a yam tez zatym odyachal do
sluzby krola je-o mſczi.
Strony ye-o mſczi pana trockiego pan Hladky
pisarz zyemsky myensky to opowiadal zebisie
yeszcze więcey swyadkow pokazacz moglo
nyewynnoszczy yego mſczi pana trockyego
ale krotkoscz czasu nyedopusczila, k temu
tez y drudzy na przeyezdzkę skrolem ye-o
mſczią yezdzyly yako pan Mykolay Naruszewicz D. K. J. M. ktory tez przy tym byl.

Реконструкция с неполной модернизацией

(s. 387) Actum Vilnae die 25 Aprilis Anno Domini 1580.

Naprzód byli pytani od nas mieszczanie, którzy na tej ulicy mieszkają: kędy nieboszczyk Wołodymyrz gospodę miał, jakimby sposobem z tego świata zszedł.

Jan sędzia, gospodarz Włodymirzów:

Juravit i to zeznał, że: "Rano Pan Włodymirz chodził zdrów po dworu. Po małej chwili wyszedł, za czwierć godziny zaś go przyniesiono rannego. Tom też słyszał z wieczora od Pana Witońskiego, co gospody rozdaje od Pana Marszałka. Gdym go prosił aby mi tego gościa zaś z domu mego zaś gdzieindziej wyprawił, powiedział pan Witoński: "Do jutra poczekaj, aleć się słyszę bardzo zawiódł z Panem Trockim"".

Stanisławowa Ślósarzewa Doldzina Jadwiga tak powiadała, że: "Było na dzień godzina siódma, kiedym w kościele była, a w tym z rusznic jęto strzelać, a ludzie z kościoła bieżeli. Alem ja została w kościele".

Ambrozy Borszokowicz juravit, zeznał: "Żem szedł z rynku do domu i wyzrzałem na ulicy ludu niemało, i pytałem, co się dzieje. Powiedziano mi, że się Włodymirz zwadził z sługami podczaszego, a w tym niesiono Włodymirza za umarłego". //

(s. 388) Jakub Jabłko juravit, zeznał: "Żem rano wstawszy skoro po piątej godzinie usłyszał na ulicy strzelanie, wołanie, i wypadliśmy (z) żoną przede wrota i wyzrzeliśmy ludzi kilkaset z dobytymi broniami, a ono się bili, a po małej chwili Włodymierza niosą rannego do gospody".

Strony nieboszczyka Włodymierza Michał Sławiński juravit: "Żem miał gospodę u Jaska Montana niedaleko gospody pana Włodymirzowej. Wyszedłem rano chcąc iść na zamek do kościoła. Tam kiedym wyszedł, chciałem mijać gospodę nieboszczykowską. Uzrzałem go przeciwko forcie idącego. A iż w mej rzeczy był mi pomocen w różnicach, które mam (z) sąsiady swemi, zastanowiłem się przed fortą, aż wyszedł, i poszedłem za nieboszczykiem. Tamże tedy kiedyśmy mijali kilka gospód, zawołał chłopiec, słyszę jego: "Miłościwy Panie! Strzeż się!" Także nieboszczyk obrócił się nazad, aż (niejaki) Sebestian Gorecki Jachymowicz bieży środkiem ulice i uderzył na nieboszczyka kamieniem, potym dobył broni. Zatym poczęli strzelać, a nieboszczyk począł ustępować aż na drugą stronę ulice. Jam też tam nie odstępował od Włodymierza, bo mi też odpowiadał ten Gorecki, więcem mnimał, // (s. 389) by na mietal tamże mię przy nieboszczyku przybili".

Wojciech Sławiński juravit: "Przyjechałem z Trab z listem od Podstarościego do Pana swego w sobotę wieczór. Tegom się dnia nie ukazał Panu. Nazajutrz jeszczem Pana leżącego zastał, oddałem mu listy. Pan wstał i ubrał się i wyszedł na ulicę, posłał po Umera Moskwiczyna, i szli pospołu ku zamkowi, w tym idąc Krysztof chłopiec nieboszczykowski krzyknął: "Miłościwy Panie! Strzeż się! Obejzrzyj się Pan!", – a nam drogę zabiega Sebestyan Gorecki Jachymowicz. Skoro przyszedszy, dał nieboszczykowi kamieniem w piersi. Potym się do korda porwał, my szabel, a on do towarystwa. W tym się ich więcej zebrało do nas. A my on lud na sobie zatrzymali. Nieboszczyk chciał do kamienice uskoczyć, ale ktoś furtką uderzył w łeb nieboszczyka. Potym się nieboszczyk przy ścienie jął bronić. A w tym jakiś dobry człowiek na wronym koniu przyjachał z półhakiem i postrzelił nieboszczyka, a nieboszczyk upadł. (Po-

[23] *С этой строки почерк мельче, текст плотнее.*

[24] *После слова зачеркнуто* yad (*см. перед тем слово* yadąc).

[25] *Буква* u *из* a.

tym tenże) Pan Trocki przyjachał: "Widzisz, zdrajca, żem Ci to oddał!" Włodymierz rzekł: "Miłościwy Panie Trocki, com mówił, tedym łgał! Nie każ mnie zabijać, dla Boga!" W tym konia odwrócił a kazał hamować // (s. 390) sługy, aby nie zabijali. W tym Gorecki Jachymowicz, przybieżawszy, leżącego nieboszczyka mieczem przebił, a mnie też ran cztyry zadano".

Wojciech Mikłaszewicz juravit i tak zeznał, jako i Wojciech Sławiński.

Siemion Grusza: "Słyszałem z wieczora w sobotę, że mieli uderzyć na gospodę Włodymirzowę i chciałem go był przestrzec, aby się strzegł. Omieszkałem, rano w niedzielę przyszedłem, ano już w rynsztoku zabity leży".

Wasyl Żochow, sługa nieboszczykowski, Moskwiczyn juravit: "Wyszedł Pan przed wrota swej gospody i kazał Umara zawołać. Umara długo nie było. I zaś do gospody wszedli drugi raz, wyszedł aż Umar przyszedł i poszedł z nim ulicą, aż bieży sługa Wojewody Wileńskiego Dzieweczka (z)za Wojtowego dwora na smintarz prosto do Świętego Ducha, aż potym dojechał Gorecki, sąsiad Pana mego: "Dobry dzień!", – rzekł Pan Włodymierz. Spytał go: "Gdzie Wasza Miłość stoisz?" Powiedział: "Tu niedaleko Waszej Miłości", – i jął Pana nieboszczyka zabawiać rozmawiając. W tym mnie Pan odesłać chciał. A potym bieży chłopiec z tyłu Krysztof, wołając: "Dla Boga, strzeż się!" A w tym piechota przyszła. Gorecki kamieniem na Pana cisnął, // (s. 391) a Pan jął uchodzić do kamienice Szemiotowej. W tym zatworzono fortkę. A ludzie się zewsząd sypią (ze) smintarza i z dworu Wojewody Połockiego piesi i konni. I mówili, strzelając i bijąc: "Otóż, czy pan trocki otóż ci oddał!" A w tym mówili niektórzy: "Już zabit". A potym Pan Trocki przyjachał: "Nie zabijajcie! Dosyć ma!" A Pan już zabit. Mnież nie zwlekli i hajduka, a oni bili kamieńmi, drągami obuchami, kijami".

Wasylej Bunak, sługaż nieboszczykowski, Moskwiczyn juravit, także zeznał, jako i drugi.

To przydał, iż nieboszczyk ujzrawszy Hołubka: "I ty, niecnotliwy, na mię rubajesz! Com czy winien i na Politańskiego i na Łowejka, i na Goreckiego?"

Umar Sarychozyn, sługa Jego Królewskiej Miłości juravit: „Szedłem z nieboszczykiem Włodymierzem rozmawiając, przychodząc ku smintarzu Świętego Ducha, przyszedł Gorecki. Włodymierz go spytał: "Gdzie gospodę masz?" Powiedział: "Niedaleko was!" Potym przybiegł chłopiec Pana Włodymirzow Krysztof. Powiedział Włodymierzowi: "Strzeż się! Idą Ciebie bić!" My obejzrzeli się, aż za nami ulica pełniustka pieszych i jezdnych, insi z kijmi, drudzy z rusznicami. Gorecki obaczył, że już blizu nas, kamieniem cisnął na Włodymierza i zawołał: "Bij zabij!" Potym mnie z nim rozerwano i wepchnęli mię na smintarz. Widziałem też tam Żabkę rotmistrza i Hołubka i inszych. A gdy już przybili Włodymierza, Pan Trocki przybiegszy zawołał: "Nie zabijaj! Dosyć ma!". W tym odjechali jego zabitego".

A gdysz Moskwiczyn, dworzanin Króla Jego Miłości to zeznał, że: "Ja nie chcę być instygatorem ani też o tym nic nie wiem, bom przy tym nie był". //

(s. 392) Strony Jego Miłości Pana Trockigo:

Stefan Hładki, pisarz ziemski mieński, a Eliasz Pielgrzymowski, sekretarz Jego Królewskiej Miłości, tę wiadomość do nas od Jego Miłości Pana Trockiego przynieśli. Naprzód wspomnieli sobotnią rozmowę, którą nie uczczył Włodymierz Pana Trockiego i tnął domu Jego Miłości, powiedając, że to było przy oczach Jego Królewskiej Miłości, z czego Pan Trocki, będąc bardzo żałościw, na ten czas skromnie scierpiał, mając tę nadzieję, że się to miało czasu swego, bądź to przed Jego Królewską Miłością poczciwie nagrodzić. Nazajutrz w niedzielę rano słudzy Jego Miłości Pana Trockiego z gospod swoich szli ku dworu pana swego, a gdy szli ulicą tą kędy miał gospodę Włodymirz, widzieli go stojącego przed gospodą jego. Włodymirz, gdy sługy Pana Trockiego ujzrzał, wrócił się w gospodę swą i zarazem (ze) sługami i strzelcami swemi wyszedł z gospody swej i szedszy się na ulicy, sługami Pana Trockiego (po węgiersku) począł wołać: "Bijcie, sieczcie i strzelajczie!" Tamże zaraz sługę Jego Miłości Pana Trockiego postrzelili Łowejka i inszych niemało poranili. Jego Miłość Pan Trocki, nie wiedząc o tym, aby Włodymirz sługy Jego Miłości miał bić, jachał do zboru pospołu z Panem Potylickiem, dworzaninem Jego Królewskiej Miłości, i mijając gospodę Pana Mikołaja Naruszowicza, słał do Pana Naruszowicza, żeby jachał do zboru pospołu z Jego Miłością, // (s. 393) który jachał pospołu. A gdy wszyscy trzej pospołu jechali, dano Jego Miłości znać, że Włodymirz (ze) sługami Jego Miłości burdę zaczął, do czego Jego Miłość sam z Panem Naruszowiczem i z Panem Potylickiem nadjechał. I ujzrzawszy niemało ludzi, którzy się około Włodymierza skupili i bili, Jego Miłość Pan Trocki ono zgromadzenie ludzi począł hamować i Włodymierza bronić. Zastawszy leżącego na ulicy Włodymierza, rzekł do niego: "Podobno Cię dla mnie Bóg karze, Włodymierzu!" Rzekł Włodymierz: "Miłościwy Panie Trocki! Com mówił na Waszę Miłość, tom łgał, jako pies!" A potym Jego Miłość Pan Trocki, odgromiwszy ono zgromadzenie od Włodymierza, sam do zboru jachał. A Jego Miłość Pan Trocki nie telko żeby miał być Włodymierza, ale od inszych obroniwszy, odjachał, co iż Pan Trocki nie był, ale i bronił. To widział z okna Jego Miłość Pan Kuchmistrz Szemiot.

Jego Miłość Pan Stanisław Szemiot, kuchmistrz Króla Jego Mości to sub conscientia recognovit: "Skorom wstał o godzinie piątej rano w niedzielę, usłyszałem ulicą krzyk niemały, strzelanie z rusznic. Jednom nie wiedział kto. Wyzrzałem oknem: bieży ludzi tumult wielki mimo gospodę moję, hucząc. Prześli mimo dom mój, i wyzrzałem z okna ku tej uliczce ku Swiętego Duchu, zaś ulicą od bramy Zawilejskiej idących niemało pieszych, a za nimi jadącego Jego Miłość Pana Trockiego na wronym koniu, mającego w ręku buławę i mówiącego: "Dajcie // (s. 394) pokój! Dajcie pokój! Pokój!" Tom więcej nie słyszał anim widział, co się tam działo, bom tam nie wychodził anim sług swych nie wysyłał".

Jendrzej Potylicki, dworzanin Jego Królewskiej Miłości sub conscientia recognovit: "Rano wstawszy w dzień niedzielny, kazałem sobie konia osiodłać i jechałem ku zamkowi jadąc ujzrzałem w uliczce podle Ś. Ducha Jego Miłość Pana Trockiego zdaleka. Jechałem przeciwko jego, gdym się zjechał z Jego Miłością Panem Trockim, dano znać Jego Miłości Panu Trockiemu, że kilku sług jego biją, a zgoła na Włodymirza powiedziano, Pan Trocki nie bacząc tego jechał powoli, nadjachawszy blisko tej burdy kędy się bili i Włodymirza już powalili. W tym Jego Miłość Pan Trocki przyjachawszy, skoczył między nie z buławą, jął bronyć Włodymirza, mówiąc: "Nie bijcie, źli ludzie! Nie zabijajcie! W tym ich rozgromił Pan Trocki a jam też zatym odjachał do służby Króla Jego Mości".

Strony Jego Miłości Pana Trockiego Pan Hładki, pisarz ziemski mieński, to opowiadał żeby się jeszcze więcej świadków pokazać mogło, niewinności Jego Miłości Pana Trockiego, ale krótkość czasu nie dopuściła. K temu też i drudzy na przejezdzkę z Królem Jego Miłością jeździli, jako Pan Mikołaj Naruszewicz D. K. J. M., który też przy tym był.

X. ИТИНЕРАРИЙ АНДРЕЯ КУРБСКОГО

Реконструкция итинерария кн. А. М. Курбского опирается на неоднородную базу источников. Их видовая принадлежность, а следовательно, функциональное место в социальной коммуникации, информационный потенциал и репрезентативность позволяют очертить лишь отдельные сферы жизни кн. Андрея Курбского. Данная работа, основанная на всем доступном сегодня комплексе источников, является справочным исследованием, опирающимся на датировки и локализации источников, но отнюдь не ограничивающимся их пересказом. Задача в том, чтобы выявить перемещения князя в пространстве — установить, где и когда он находился или, наоборот, согласно прямым указаниям источников, отсутствовал[1].

Даты в ряде случаев известны «день в день», если, к примеру, от имени Курбского точно датирован источник именно этой датой или датой и местом. Либо же даты могут быть реконструированы периодами, охватывая предполагаемые временны*е* отрезки, когда нахождение Курбского в том или ином месте представляется наиболее вероятным (причины обычно в таких случаях приводятся в основном тексте датированной статьи). Если местонахождение только предположительно и не находит прямого подтверждения в источниках (и таких случаев большинство), то местность указываем в круглых скобках, а в комментарии к месту и дате приводится аргументация, призванная разъяснить предложенную концепцию.

В ряде случаев для названных периодов известно более одной локализации. В случае нахождения кн. А. М. Курбского в установленный период более чем в одной местности особенно трудно точно обозначить, когда речь идет о близлежащих населенных пунктах. В течение дня князь мог перемещаться по своим имениям, совершать переезды к знакомым, из своих Ковельских имений на уряд во Владимир-Волынский, Луцк, Дубровицу, Осмиговичи, Добратино и в другие имения и городские центры. Периоды, когда в наиболее массовых собраниях актов, подтверждающих деловую активность князя, его имя встречается в глухих упоминаниях или не упоминается вовсе, следует обозначать по особой форме — как периоды его отсутствия в источниках.

Присутствие князя на государевой службе в московский период его жизни требует рассмотрения информативности назначений в официальной документации, летописных свидетельств, данных описи царского архива, актовых и посольских источников.

Если мы отмечаем, что Курбского «нет в Ковельских имениях», это значит, что его активность ожидается в сохранившихся источниках, а его отсутствие в источниках за данные периоды или дни с высокой долей вероятности означает, что его самого нет в данный момент в его имениях. Конечно, умолчание в источниках, как и всякий argumentum ex silentio, не является достаточным основанием для вывода об отсутствии Курбского в конкретный момент в конкретном месте, но каждое основание, чтобы оспорить наше предположение, будет также нуждаться в подтверждении или опровержении.

Дата обращения в суд следователей для внесения записи в актовые книги чаще всего не является определяющей в датировке события. Важно, каким числом «возные» или другие уполномоченные лица осуществляли свои выезды от уряда или другие миссии, в которых обращались к кн. А. М. Курбскому, его супруге и урядникам. Нередко сам выезд на место отделен от дня записи в актовой книге значительными временны-

[1] Обобщения доступных источников и литературы см. также: *Рыков Ю.Д.* Курбский // БРЭ. М., 2010. Т. 16. С. 383–385; *Ерусалимский К.Ю.* Курбский // ПЭ. М., 2015. Т. 39. С. 384–391. Внося уточнения в датировки и локализации, справочные сведения в этих изданиях мы не комментируем.

ми промежутками, и судить о присутствии князя Андрея Михайловича в его имениях или где-либо еще, где заставали его уполномоченные лица и свидетели, можно только на момент самой этой встречи, а не на момент дачи показаний под запись. Крайне ненадежны для выводов о присутствии или отсутствии князя формулировки актовых книг о том, что он «присылал» на уряд или уполномоченный уряда ездил на его «потребу». Оба этих сценария являются формальным основанием для начала процедуры, и об участии лично инициатора, а не его доверенных лиц, прямо не свидетельствуют.

Существенной оказывается ретроспективная информация. Частные соглашения, договоры, подписанные не на урядах, а в приватной обстановке, актовые записи из других урядов могут появляться в актовой книге значительно позже, и в таких случаях важно учесть предшествующее событие в составе более поздней записи, подвергая его доступной источниковедческой проверке.

Не всегда ясно, насколько свежими являются сведения о встречах с кн. А. М. Курбским в переписке его европейских знакомых. Например, переписка аббата Иоганна Цира неоднократно упоминает его имя, однако описываемые в письмах Цира встречи могли происходить не в день написания письма[2]. Ценность переписки Ф. Зебжидовского с М. Радзивиллом весьма велика для датировки передвижений полка кн. А. М. Курбского, несмотря на то что лично он ни разу в письмах не назван[3]. Упоминания Курбского в письмах К. Млодовского, С. Чеханьского, Г. Тарло, М. Савицкого, Сигизмунда II Августа, О. Воловича, Я. Ходкевича, Г. Остика содержат крупицы информации, хотя принимать датировки в данных случаях следует со всей осторожностью[4].

Серийные данные региональных актовых книг охватывают период жизни кн. А. М. Курбского в Великом княжестве Литовском и Короне Польской неполно. Нет в нашем распоряжении актовых книг мейских (магдебургских) судов Ковеля и Миляновичей (за время жизни Курбского), хотя есть и сохранилась одна книга Миляновицкого уряда, в которой немало ценных для наших целей ретроспективных материалов[5]. Судя по случайному акту из Слонимской земской книги и ряду других косвенных данных, в первые годы Курбский не раз останавливался в Крево[6]. Сохранность кревской документации за период жизни здесь кн. А. М. Курбского — ничтожная. Лишь по Литовской Метрике известны сегодня судебные процессы между кн. А. М. Курбским и кревскими жителями. На границах с Крево у князя были напряженные отношения с ошмянским татарином Фурсом Улапом, который подавал иски в Ошмянские уряды — их материалы не сохранились и лишь глухо упоминаются в ссылках канцелярии Великого княжества Литовского[7].

Крайне скупы сведения о судебной борьбе в Пинске — здесь на уряде велись расследования конфликтов четы Курбских с Мыльскими. Пинские актовые книги за весь интересующий нас период в полном объеме утрачены[8]. В Лидском повете лежало имение княгини М. Ю. Курбской — Болтеники. О его управлении мы знаем только из записей Владимирского уряда, хотя нет сомнений, что там Курбские вели дела не только через урядников, и кн. Андрей Курбский мог бывать там, как и в других имениях своей жены. Выявлены еще неполно биографические данные в холмских и варшавских актовых книгах, в которых обнаружены следы споров кн. А. М. Курбского с Мацеевскими[9]. Лишь частично сохранились книги упитских[10], жмудских и вилкомирских судов, донесшие непростые отношения между князем и его соседями по его местному Кричичинскому имению. Нет новогрудских актовых книг, хотя они могли бы нам рассказать о бойне 24 июля 1581 г.[11] Впрочем, от судебных процессов в этих землях остались ценные ретроспективные данные, полученные благодаря затяжным, и восходящим отчасти еще к более раннему времени, тяжбам потомков князя. Не обнаружено упоминаний тяжб князя в книгах виленских урядов, хотя известно, что он многократно бывал в Вильно и вел там судебные дела. Например, о явках Курбского в Виленский гродский суд в 1569 г. известно из записей в упитских земских книгах,

[2] См. *7 и 8 января, 31 января 1570 г.*

[3] См. *20–28 мая, конец мая — начало августа 19 августа 1562 г.*

[4] См. *20 ноября 1563 г., около 16–18 мая, 25 июня 1564 г., 2–3 апреля 1565 г., 2 и 6 декабря 1568 г., 1 декабря, 28 июня — 4 июля 1570 г., 28 февраля 1571 г., ранее 23 января — ранее 11 февраля 1573 г., 21 февраля 1576 г.*

[5] См. *5 января, 15 сентября 1579 г.*

[6] См. *3 ноября 1566 г., 7 января 1567 г., 6 апреля 1569 г.*

[7] См. *24 мая, 2 августа 1567 г.*

[8] Здесь же, на Пинском гродском уряде, М.-К. Радзивилл подал иск на чету Курбских по жалобе своих подданных из Олиты. См. *3 декабря 1570 г., 23 февраля 1571 г.*

[9] См. *6–15 ноября 1567 г.* См. также *20 июня 1570 г., 31 января — 9 февраля, 9 апреля — 17 мая, 29 сентября 1573 г.* Благодарю за наведение справок о холмских актовых книгах Змицера Вицько (Минск, БГУ).

[10] Например, тяжба М. Рудомины с кн. А. М. Курбским велась в какой-то момент до 1 августа 1570 г. на Упитском земском уряде. Об этом см. *1 августа 1570 г.*

[11] См. *24–27 июля 1581 г.*

на том же уряде рассматривались жалобы слуги князя П. В. Остафьева-Вороновецкого по событиям в Новогрудке в июле 1581 г.[12]

Всё это ограничивает наши возможности реконструировать жизненные пути кн. Андрея Курбского, однако только полный свод имеющихся данных с учетом всех сохранившихся и ранее известных, по утраченных ныне источников позволит изучить его военно-политическую деятельность и литературное творчество и пересмотреть ряд спорных вопросов в его биографии.

1528 г.

Около сентября — Кн. Андрей Михайлович Курбский родился в семье князя Михаила Михайловича Карамышева Курбского и княгини Марии Михайловны (урожденной Тучковой)[13]. По предположению И. Ауэрбах, Андрей Курбский родился в начале 1528 г.[14] В. В. Калугин отметил, что взятие Казани, с которым князь в «Истории» соотносил свое рождение, приходилось на 2 октября 1552 г., день памяти Андрея Юродивого. Если с этим днем связано наречение князя Андрея Михайловича, то его рождение, по мнению В. В. Калугина, может быть отнесено к октябрю ноябрю 1528 г.[15] Б. М. Клосс отмечает, что в московской правящей семье к XV в. наречение отпрысков по святому покровителю дня их рождения выходит из употребления[16]. Как правило, именины княжичей наступали несколькими днями позже после их рождения (обычно около двух недель). Следуя логике В. В. Калугина, можно предположить, что княжич Андрей появился на свет незадолго до дня памяти его святого покровителя, т. е. наиболее вероятно, в сентябре 1528 г. Этому не противоречат слова «Истории о князя великого московского делех» о возрасте автора к началу осады Казани (к концу августа 1552 г.): «...бо еще мне тогда лет было аки двадесят и четыре от рождения»[17]. Где именно родился Курбский, нет данных. Возможно, в родовом имении князей Курбских с. Курбе или в Ярославле.

1544 г.

Около этого времени отец кн. А. М. Курбского, князь Михаил Михайлович получил боярство. Это же его последнее служебное упоминание. Умер, предположительно, до лета 1548 г.[18] Поминался как Мисаил[19].

1547 г.

3 ноября — (Москва). В свадебном чине брата царя Ивана IV, князя Юрия Васильевича, имя кн. Андрея Курбского названо вторым в ряду ярославских князей после кн. В. И. Пенкова[20].

1549 г.

24 ноября — (Москва, войско на Казань, Владимир, Нижний Новгород, лагерь под Казанью). Начало кампании против Казани. Кн. А. М. Курбский — стольник «в есоулех» в походе на Казань[21].

1550 г.

25 февраля — 23 марта — (лагерь под Казанью, Москва). 25 февраля закончилась осада Казани. В походе принимал участие кн. А. М. Курбский. В Москву царь вернулся 23 марта[22]. Возможно, князь Курбский сопровождал его до столицы.

Начало года — (Москва). В Тысячной книге 1550 г. кн. А. М. Курбский назван среди ярославских князей с земельным окладом высшей категории в 200 четей[23]. Владения с. Серкизово, деревни Осиппика, Шадеево, Мельницы в Боховском стане Московского уезда, видимо, были получены князем в результате Тысячной реформы[24]. Возможно, уже в результате этой реформы кн. А. М. Курбский обменял свое родовое имение Курбу на подмосковные владения[25]. Во время зе-

---

[12] См. *24 и, 30 сентября, 13 октября 1569 г., 24 июля — 17 августа 1581 г.*

[13] ПИГАК. С. 373 (л. 144 об.). Примеч. е; СК. Л. 144 об. Примеч. *.

[14] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 19.

[15] *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 280. Примеч. 1.

[16] *Клосс Б. М.* Избр. труды. Т. 1. С. 24–27.

[17] *Курбский А. М.* История... С. 38, ср. с. 534. Примеч. 15-2 (авторы — К. Ю. Ерусалимский, Ю. Д. Рыков). В данной публикации принят вывод В. В. Калугина. Мне представляется, что этот вывод следует откорректировать, приняв в качестве предполагаемой даты рождения Андрея Курбского сентябрь 1552 г.

[18] ГАР. Ч. 1. С. 170.

[19] См. здесь в главе «Социальный статус».

[20] *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. С. 53; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 45; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 280; *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 17.

[21] РК 1605. Т. 1. Ч. 2. С. 380. См. *25 февраля 1550 г.*

[22] ПСРЛ. Т. 13. С. 158–160. См. *24 ноября 1549 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 58–59; *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 17.

[23] ТКДТ. С. 55. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 62; *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 17.

[24] РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 254. Л. 1–8 (№ 11, 12, 17) (1557 г.). См. также: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). С. 105. Примеч. 32; *Корзинин А. Л.* Государев двор... С. 205, 512.

[25] Об этом см. здесь в главе «Социальный статус».

мельных обменов кн. Андрей Курбский, видимо, находился или бывал в Москве.

13–16 августа (Рязань, Пронск). Этим днем датировано назначение кн. А. М. Курбского воеводой в Пронск[26]. Прежним воеводам Пронска Якову Никитичу Измайлову и Михаилу Федоровичу Сунбулову велено отдать ему списки подчиненных им «детей боярских рязанцев», а Сунбулову быть «за городом» в подчинении Курбского. Датировка распоряжений в адрес М. Ф. Сунбулова — Рязань, 13 августа 1550 г.[27] Возможно, Андрей Курбский перед воеводством в Пронске побывал в Рязани.

1551 г.

Май — (Зарайск). Кн. А. М. Курбский служит вторым воеводой полка правой руки под началом кн. П. М. Щепятева «по берегу» у Зарайска[28].

26 октября — (Рязань). С осеннего Дмитриева дня кн. А. М. Курбский служит вторым воеводой в полку кн. М. И. Воротынского «по нагайским вестям» в Рязани[29]. Там он получил грамоту от царя с указом прекратить местнический спор князей, которые не хотели служить с кн. М. И. Воротынским. Один из местников, кн. Д. С. Одоевский, был в тот момент в Козельске[30].

1552 г.

Май — Москва. К приехавшему в Москву Шах-Али (Шигалею) Иван IV отправляет «с кормом» стольника кн. Андрея Курбского[31].

Май–июнь — (Москва, Кашира). Кн. П. М. Щепятев и кн. А. М. Курбский в прежнем порядке «стояли на Кошире»[32].

16 июня — 2 октября — (Кашира, Москва, Тула, Мордовские леса, лагерь под Казанью, Казань, под Казанью). 16 июня Иван IV направился во главе войска из Москвы через Коломну на Казань. Возможно, в этот же день состоялось местническое дело между кн. А. М. Курбским и Д. И. Плещеевым[33]. Полк кн. П. М. Щепятева и кн. А. М. Курбского на подступах к Москве, затем движется «х Казани» через Рязанскую и Мордовскую земли, заслоняя основные российские силы от заволжских «княжат нагайских», и принимает участие в осаде и штурме Казани[34]. В полуторачасовой битве под Тулой с отрядом Ак-Магомет-улана Курбский получил раны «яко на главе, так и на других составех»[35]. Во время осады Казани полк правой руки был усилен пешими стрельцами и казаками, занял северные подступы к городу и отсек его от «луговой черемисы»[36]. 29 августа полку правой руки и яртаулу было приказано ставить туры «за Казанию по брегу Казани реки»[37]. Во время штурма Казани 2 октября Курбский возглавлял ударные силы, действовавшие у «нижайших» Елбугиных ворот города, сражался на подступах к городу и в уличных боях[38]. Удар части отступающих из города татар пришелся на его позиции, во время атаки возглавляемых им 200 воинов он был сбит с коня и тяжело ранен, но «последи оздравел»[39].

1553 г.

Май–июнь — (Москва, Троице-Сергиев монастырь). Кн. А. М. Курбский сопровождает царя Ивана IV в «Кириловском езде». И. Ауэрбах и А. И. Филюшкин допускают, что в Песношском монастыре Курбский также присутствовал при беседах Ивана Грозного с Вассианом Топорковым[40]. Однако более вероятно, что на Белоозеро и далее за царской семьей на Север князь Андрей Михайлович уже не поехал[41].

20 сентября — (Ярославль). В этот день, предположительно, скончался брат кн. А. М. Курб-

---

[26] РК 1598. С. 129; РК 1605-1. С. 394.

[27] АЗС. Т. 1. С. 74 (№95) (Август 1550 г.); *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки... С. 318. Примеч. 5 со с. 317; *Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // РД. М., 2002. Вып. 8. С. 144 (№1111).

[28] РК 1598. С. 132; РК 1605. Т. 1. С. 402; РК 1636. С. 13.

[29] РК 1598. С. 133; РК 1605. Т. 1. С. 407; РК 1636. С. 14–15. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 68 (неясно, как И. Ауэрбах на тех же источниках выводит дату «с 21 октября»); ср.: *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 18.

[30] ГАР. Ч. 1. С. 95 (л. 350 об. — 351); Ч. 3. С. 523. А. А. Зимин отмечает, что кн. А. М. Курбский «в конце 1551 г.» был в Рязани вместе с кн. М. И. Воротынским. Интерес царя к этой документации исследователь объясняет расследованием после побега Курбского в 1564 г. Впрочем, неясно, из чего следует такой вывод. См. *30 апреля 1564 г.*

[31] ПСРЛ. Т. 13. С. 184; РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб 54. См. также: *Корзинин А. Л.* Государев двор... С. 239.

[32] РК 1598. С. 135; РК 1605. Т. 1. С. 412–413; РК 1636. С. 17; ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 184.

[33] *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. С. 49 (№101).

[34] РК 1598. С. 136; РК 1605. Т. 1. С. 418; РК 1636. С. 21; СК. Л. 9 об. — 12.

[35] РК 1598. С. 136; РК 1605. Т. 1. С. 414–415; РК 1636. С. 19; ПСРЛ. Т. 13. С. 188; СК. Л. 29; ПИГАК. С. 42.

[36] РК 1605-1. С. 422, 428; СК. Л. 15 об., 17 об.

[37] ПСРЛ. Т. 13. С. 207.

[38] ПСРЛ. Т. 13. С. 215; СК. Л. 27–29.

[39] ПСРЛ. Т. 13. С. 218; РК 1605. Т. 1. С. 438; СК. Л. 29.

[40] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 71–74; *Филюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 18.

[41] СК. Л. 34 об.

ского, князь Иван (поминался как Иоанн). Его надгробие, хранящееся в ярославском Спасо-Преображенском монастыре, свидетельствует о том, что захоронен князь Иван был на территории монастыря. Впрочем, дата на плите читается недвусмысленно: «Лета 7061-го сентября в 20 день», т.е. 20 сентября 1552 г. Однако это ошибка или намеренное исправление подлинной даты. В этот день или во время решающего штурма Казани князь Иван мог быть только ранен, а умер он, по словам Курбского, «на другое лето, подобно от тех лютых ран»[42]. И. Ауэрбах толкует эти слова как «два года спустя» и допускает дату «1554 г.»[43]. Однако более вероятным представляется, что «на другое лето» означает следующий год после 7061-го, т.е. 7062 (1 сентября 1553 – 31 августа 1554 г.), и в таком случае ошибка в годичной дате на плите не лишает возможной достоверности месяц и день кончины князя Ивана[44]. По всей видимости, князь Андрей должен был участвовать в погребении или посетить могилу брата вскоре после похорон.

Октябрь – (Коломна). По коломенскому разряду кн. А.М. Курбский – первый воевода полка левой руки[45]. А.И. Филюшкин оспаривает мнение Ю.Д. Рыкова о том, что Курбский был в походе уже в сентябре 1553 г. – против казанских татар. Впервые князь появляется на осенних службах, согласно разрядам, – по вестям о набеге ногаев[46].

6 декабря – (Казань, Арские места). Кн. А.М. Курбский возглавляет сторожевой полк в походе на «Арские места» под Казанью. Возможно, в это время состоялся местнический процесс между князем и Д.И. Плещеевым, который, по другой версии, случился еще в июне 1552 г.[47]

1554 г.

Начало года – (Москва). За казанскую службу кн. А.М. Курбский получил наградную монету – золотой угорский[48].

8 сентября. Этим днем датирован колокол псковского мастера Прокофия Григорьева, отлитый для звонницы ярославского Спасо-Преображенского монастыря по заказу кн. А.М. Курбского[49].

21 декабря – (Муром). Остапя Правоторхов сын Истлетенева «съехал з Белагородка на Петров день 63». По всей видимости, подразумевается память о преставлении митрополита Петра, т.е. 21 декабря 1554 г. В Муроме он явился к кн. А.М. Курбскому и отчитался о численности своих воинов в Свияжске[50].

1555 г.

8 сентября – (Москва, Казань). На Рождество Богородицы кн. А.М. Курбский возглавил карательный поход против луговой черемисы, в который вместе в ним отправились кн. Ф.И. Троекуров и Ф.И. Бутурлин[51].

1556 г.

Июнь – (Москва, Серпухов). Кн. А.М. Курбский получает боярский чин и в этом качестве попадает в список царской свиты во время «похода в Серпухов»[52]. В Серпухове его имя, с боярским чином, в выписке «по смотренью» войска из псковской десятни наряду с кн. П.М. Щепятевым и дьяком В.Б. Колзаковым[53]. Здесь происходит местнический спор Курбского с Д.И. Плещеевым[54].

---

[42] *Курбский А.М.* История... С. 52, 60, 62.

[43] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 70.

[44] *Курбский А.М.* История... С. 549–551 (автор – Ю.Д. Рыков).

[45] РК 1598. С. 143; РК 1605-1. С. 455–456; РК 1636. С. 30; Древнейшая Разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901 (далее: ДРК). С. 164.

[46] БЛДР. Т. 11. С. 663; ср.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 28.

[47] РК 1598. С. 144; РК 1605-1. С. 461; РК 1636. С. 31; ДРК. С. 165; ПСРЛ. Т. 13. С. 234–235; СК. Л. 39 об. См. также *16 июня – 2 октября 1552 г.*

[48] РК 1605-1. С. 462–463; РК 1636. С. 32–33; ПИГАК. С. 42.

[49] *Смирнова Э.С.* Два памятника псковского художественного литья XVI в. // Советская археология. 1962. №2. С. 245. Примеч. 10.

[50] *Антонов А.В.* «Боярская книга» 1556/57 года // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 84.

[51] РК 1598. С. 153; РК 1605-1. С. 500–501; РК 1636. С. 49; ДРК. С. 177; Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. С. 11.

[52] РК 1598. С. 156; РК 1605-1. С. 511; РК 1636. С. 54; ДРК. С. 181; Тысячная книга... С. 112; ПИГАК. С. 8; NM. Bd. 1. Lfg. 1. f 6v.

[53] РГАДА. Ф. 388 (Канцелярия Московского Разрядно-Сенатского архива, г. Москва). Оп. 1. №849. Л. 492–493 (7064 г. Выпись из десятен Разрядного архива в Герольдмейстерскую контору Сената по фамилии Хвостовых, по Новгороду и Пскову, список 6 ноября 1788 г.); №871. Л. 171 об. – 172 (Поколенная роспись Хвостовых, при ней выпись из десятней Разрядного архива в Герольдмейстерскую контору Сената, по Новгороду и Пскову, список 1798 г.). См. также: *Лихачев Н.П., Мятлев Н.В.* Тысячная книга 7059–1550 г. С. 239; АСЗ. Т. 1. С. 333. Примеч. 80; *Кротов М.Г.* Провинциальное дворянство и «Государев двор» в середине XVI века // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 97; *Корзинин А.Л.* Государев двор... С. 220–221.

[54] РК 1598. С. 156–157; РК 1605. Т. 1. С. 511; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. С. 52

8 сентября — (Москва, Калуга). Кн. А.М. Курбский возглавляет полк левой руки в Калуге[55].

Октябрь — (Кашира). Кн. А.М. Курбский — второй воевода в полку правой руки под командованием кн. П.М. Щенятева[56]. Неясно, почему А.И. Филюшкин относит эту службу к весне 1557 г.[57]

1557 г.

21 декабря — (Тула). Кн. А.М. Курбский служит первым воеводой «на Туле» с «Петровы памети чюдотворцовы». По всей видимости, подразумевается память о преставлении митрополита Петра, т.е. назначение приходится, вероятно, на этот день в 7066 г. от С. М., что равнозначно 21 декабря 1557 г.[58] Неясно, почему у А.И. Филюшкина эти события отнесены ко «второй половине 1558 г.»[59].

1558 г.

Январь–февраль — (Псков, Ливония, Ивангород). В рати, выступившей из Пскова «воевать неметцкие ливонские земли», кн. А.М. Курбский возглавляет сторожевой полк[60]. Курбский считает себя одним из «трех великих воевод», которые руководили царскими войсками в походе против «вероотступников». Окончанием похода для себя князь считает выход из Ливонии к Ивангороду[61]. Поход длился месяц, после чего в начале марта было заключено перемирие, которое продержалось до начала апреля.

Апрель. Оклад кн. А.М. Курбского упоминают как мера для испомещения рязанцев Федора Никитича и Лупка Андреевича Ретькиных, а также Ивана и Ратка Екотовых (170 четей) в деревне Ялтунове Свято-Духова монастыря[62].

Весна–июнь — (Псков). Кн. А.М. Курбский в военных действиях не участвует, он в это время «во Пскове своея ради потребы»[63].

Июнь — (Псков, лагерь под Нейгаузом). Начало похода «к немецкым городам» войска относится к июню 1558 г.[64] Кн. А.М. Курбский во главе передового полка с Д.Ф. Адашевым в рати кн. И.И. Шуйского и кн. В.С. Серебряного[65].

30 июня — (Нейгауз). В этот день после трехнедельной осады Нейгауз сдался. Кн. А.М. Курбский — во главе осады[66].

Начало июля — (Нейгауз, под Кесью). После падения «Нового» отряд Курбского преследует войско ливонского магистра Вильгельма фон Фюрстенберга до Кеси[67].

6–18 (19) июля — (лагерь под Дерптом, Дерпт). При участии кн. А.М. Курбского взят Дерпт[68]. По словам князя, войско стояло под стенами Дерпта «две недели»[69]. Это значит, что начало осады Дерпта (и свое участие в ней) Курбский отсчитывает не от первого обстрела крепости, случившегося 11 июля, а от подхода передовых отрядов в окрестность Дерпта, т.е. приблизительно с 6 июля[70].

Конец июля — середина сентября (Восточная Ливония, Рингеп). Кн. А.М. Курбский участвует в походы на «грады немцкие с месты». Всего взято, при его участии или нет, около 20 крепостей «до самаго первозимия»[71]. Трудно сказать, как именно датируется «начало зимы», но речь идет, по всей видимости, о зиме в погодном, а не

(№ 129); *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 29.

[55] РК 1598. С. 160; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1 (далее: РК 1605-2). С. 4; РК 1636. С. 60; ДРВ. Т. 13. С. 247; ДРК. С. 186.

[56] РК 1598. С. 162; РК 1605-2. С. 7; РК 1636. С. 62; ДРВ. С. 252; ДРК. С. 187.

[57] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 29; ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 78.

[58] РК 1598. С. 170; РК 1605-2. С. 38; РК 1636. С. 72; ДРВ. С. 268; ДРК. С. 197.

[59] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 30; ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 78.

[60] РК 1598. С. 171; РК 1605-2. С. 18; РК 1636. С. 72–73; ДРК. С. 198; ДРВ. С. 270.

[61] СК. Л. 46; *Курбским А.М.* История... С. 596. Примеч. 46-4 (авторы — А.Н. Яиушкевич, К.Ю. Ерусалимский, О.А. Курбатов).

[62] *Антонов А.В.* Историко-археографические исследования: Россия XV — начала XVII века. М., 2013. С. 117.

[63] ПИГАК. С. 38. Поход задерживался, и царь более семи раз отправлял в Псков посланников с требованием начать боевые действия.

[64] ПСРЛ. Т. 13. С. 299; М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 236; РК 1636. С. 76; СК. Л. 50 об.; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки... Приложения. С. 22 (Местническое дело Ф.А. Бутурлина с В.А. Квашниным, от 14 июля 1589 г. Датировка — 7066 г.).

[65] РК 1598. С. 172–174; РК 1605-2. С. 27–29; РК 1636. С. 75; ДРК. С. 201; ДРВ. С. 274, 275, 276; ПСРЛ. М., 2000. Т. 5. Вып. 2. С. 236; СК. Л. 50 об.; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки... Приложения. С. 27 (Местническое дело Ф.А. Бутурлина с В.А. Квашниным, от 14 июля 1589 г. Датировка — 7066 или 7067 год); *Курбский А.М.* История... С. 604. Примеч. 50 об.-2 (автор — А.Н. Яиушкевич).

[66] ПСРЛ. Т. 13. С. 303; ПСРЛ. Т. 5/2. С. 236; СК. Л. 50v. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 84–85.

[67] ПСРЛ. Т. 13. С. 304; ПСРЛ. Т. 29. С. 268; СК. Л. 50v–51; *Курбский А.М.* История... С. 605. Примеч. 50 об.-5, 50 об.-7 (автор — А.Н. Яиушкевич).

[68] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 84–85. Anm. 293.

[69] СК. Л. 51.

[70] *Пенской В.В.* Очерки... С. 72–74.

[71] СК. Л. 51 об.

календарном смысле слова. Календарная зима начиналась в ноябре, но осада Рингена, во время которой Курбский был уже в Москве, целиком укладывается в октябрь 1558 г. До этого времени Курбский должен был, по-видимому, побывать во Пскове, где ему пришлось отбивать нашествие ливонских отрядов[72].

Середина сентября — октябрь — (Ринген, Псков, Москва). Кн. А.М. Курбский возвращается в Москву «со великою и светлою победою»[73]. Условным датирующим признаком ухода кн. А.М. Курбского из Рингена служат его слова о том, что «аки во дву неделях» после этого («по отшествию нашем») к крепости подтянулись войска ливонского магистра. Орденские войска появились под крепостью на Покров, 1 октября, а планомерная осада началась 11 октября. 29 или 30 октября крепость пала[74]. От какого из этих событий следует отсчитывать «почти 2 недели», согласно словам Курбского, сказать трудно. Вероятнее всего, он подразумевает, что еще до прихода первых ливонских отрядов под «Рындех», т.е. до 1 октября, уже почти две недели его самого не было у этой крепости, что и позволяет остановиться на нижней дате «середина сентября 1558 г.».

1559 г.

11 марта — (Бронницы, р. Ока). В походе из Бронниц 1559 г. против Девлет-Гирея («по крымским вестям») полк правой руки возглавляют кн. И.Ф. Мстиславский и кн. А.М. Курбский[75]. У А.И. Филюшкина эти события ошибочно отнесены к 1560 г.[76]

Лето — (Калуга, Мценск). В том же году кн. А.М. Курбский направлен из Калуги в Мценск на оборону южных рубежей «по берегу»[77].

1560 г.

Февраль–март — (Москва, Дерпт). После конфиденциальной беседы с Иваном IV кн. А.М. Курбский назначен «в Немцы» первым воеводой большого полка[78].

Апрель–май — (Дерпт, под Вейсенштейном, Дерпт). За два месяца до похода на Феллин кн. А.М. Курбский приезжает в Дерпт с целью поднять моральный дух воинов — под его командованием к тому времени полк примерно в 5 тыс. человек уже совершил успешные походы под Вейсенштейн и «ко великим блатом» недалеко от этой крепости против войска магистра Готарда Кетлера[79]. Возможно, приезд князя в Дерпт из Москвы относится к кануну 22 апреля, когда в Ревеле стало известно о подготовке московитов к наступлению на Ливонию (чуть позже стало известно, что в Дерпт пришло 6 тыс. свежего войска)[80].

3 июня — (Дерпт, поход на Феллин). После десятидневного отдыха в Дерпте и присоединения к его полку 2 тыс. новых воинов кн. А.М. Курбский в качестве первого воеводы передового полка московской рати отправляется на Феллин[81]. Псковская летопись датирует начало похода князя совместно с кн. Петром Горенским на «Немецкую землю» временем «после Троицына дни»[82]. Праздник Троицы приходился в 1560 г. на 2 июня. Следующий за праздником день и есть datum ante quem non начала похода.

23 (24) июня — 20 (22) августа (осада Феллина, походы на Кесь, под Вольмар, под Феллин). Поход на Феллин возобновляется, а возможно, повторяется после преследования войска магистра Ф. фон Фюрстенберга[83]. Во время трехнедельной осады Феллина, начавшейся в ночь на 22 июля, кн. А.М. Курбский «и иные воеводы» посланы по «Рижской стороне», «а князь Андрей Литву побил под Кесью, што король присылал изгоном Полубенского на князя Андрея Курбского», т.е. под Вольмаром русское войско вступило в сражение с литовским отрядом, которым командовал кн. А.И. Полубенский[84]. Впрочем, как отметил В.В. Пенской, источники колеблются, называя в битве под Вольмаром с московской стороны командующим то кн. Дмитрия Овчинина, то кн. Андрея Курбского[85]. В ходе военной операции князь «седм або осмь крат» вступал в бой с орденскими отрядами в Эстонии (Гарри-

---

[72] См. *Середина сентября — октябрь 1558 г.*

[73] СК. Л. 51 об. — 52.

[74] *Пенской В.В.* Очерки... С. 84–89.

[75] РК 1598. С. 178; РК 1605-2. С. 46, 56; РК 1636. С. 82–83; РК 1559. С. 7–8; ДРК. С. 207; ДРВ. С. 286, 292; Синбирский сборник. М., 1844. Т. 1 (далее: СС). С. 1; СК. Л. 52 — 52 об.

[76] *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский. С. 30; ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 90.

[77] РК 1598. С. 179, 181; РК 1605-2. С. 56; РК 1636. С. 86; ДРВ. С. 288; ДРК. С. 211; РК 1559. С. 8; СС. С. 2

[78] РК 1598. С. 189; РК 1605-2. С. 76–77; РК 1636. С. 96–97, 296; ДРК. С. 221–222; ДРВ. С. 310–311; ПСРЛ. Т. 13. С. 326; СК. Л. 60 — 60 об.

[79] СК. Л. 60 об. — 61 об.

[80] *Пенской В.В.* Очерки... С. 127.

[81] РК 1598. С. 190; РК 1605-2. С. 78; РК 1605-3. С. 103; РК 1636. С. 97, 99; ДРК. С. 222, 223; ДРВ. С. 313; ПСРЛ. Т. 13. С. 327; СК. Л. 60 — 61 об.

[82] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 239.

[83] *Пенской В.В.* Очерки... С. 124–125.

[84] РК 1598. С. 192; РК 1605-2. С. 83; РК 1636. С. 100; ПСРЛ. Т. 5/2. С. 240; *Russow B.* Chronica... S. 61; СК. Л. 66 — 66 об.

[85] *Пенской В.В.* Очерки... С. 133–134.

ен). В начале августа полк кн. А. М. Курбского совершает обходной маневр, чтобы отсечь магистра от крепости Гансаль[86].

4–8 сентября — (поход на Тарваст, Полчев). После взятия Феллина кн. А. М. Курбский принимает участие в захвате еще «двух или трех» ливонских крепостей — возможно, Тарваста и Полчева[87].

7 сентября. Оклад кн. А. М. Курбского упомянут как мера для исполнения Дмитрия и Данила Тимофеевых детей Шиловского (по 150 четей на человека) в деревнях Тойдаково, Первичи и Хлыстовское в Старорязанском стане Рязанского уезда[88].

Конец года — (поход на Вейсенштейн). В неудаче московского войска под Вейсенштейном Иван Грозный обвинял кн. А. М. Курбского[89].

1561 г.

Начало года — (Москва). Возможно, к началу 1561 г. кн. А. М. Курбский какое-то время ведет придворную жизнь и оказывается свидетелем описанного в его «Истории» падения лидеров Избранной рады и заочного суда над Сильвестром и Алексеем Адашевым (или узнаёт об этих событиях по свежим следам)[90].

Весна — (р. Ока). В рати, отправленной на Оку «для прихода крымских людей», кн. А. М. Курбский — второй воевода полка правой руки, который возглавлял кн. И. Ф. Мстиславский[91].

1562 г.

25 марта — (Москва, Великие Луки). После завершения перемирия России с Великим княжеством Литовским 25 марта 1562 г. кн. А. М. Курбский назначен одним из воевод в пограничных с Литвой Великих Луках[92].

20–28 мая — (Витебские предместья, Витебский посад, Сураж, Великие Луки). Полк кн. А. М. Курбского по указу Ивана IV утром в среду 20 мая нападает на посады Витебска. Два дня московиты жгли предместья за 10 миль и у самого города, оставив один «голый замок» ("jeno goły zamek został")[93]. Ф. Зебжидовский называет точные даты, стремясь расследовать нападение противника и нанести карательный удар. Об участии в этих событиях Курбского он не знает. Сам князь признаёт, что разорение Витебска произошло под его командованием. На обратном пути рати в Великие Луки сожжены посады Суража. Московский летописец датирует поход 28 мая[94]. В этот день рать кн. Андрея Курбского, видимо, вернулась к Великим Лукам.

Конец мая — начало августа — (Великие Луки, Невель). Отступление московского войска из-под Витебска к Великим Лукам фиксируется информаторами Ф. Зебжидовского. Впрочем, часть царских войск стояла под Псковом и в других местах[95]. Прямых упоминаний о местонахождении кн. А. М. Курбского большую часть лета 1562 г. не обнаружено.

19 августа — Под Невелем. В этот день состоялось боестолкновение рати кн. А. М. Курбского и кн. Ф. И. Троекурова с ротой Ф. Зебжидовского и С. Лесьневольского. Драбы отошли к Озерищам, где ожидали преследования и нападения со стороны московитов. В ходе битвы, по всей видимости, кн. А. М. Курбский был ранен и упал с коня[96]. Позднее Иван Грозный упрекал князя за неудачное сражение, в котором в неравном бою, имея значительный численный перевес, московский воевода так и не одержал победы[97]. В польской пропаганде уже после побега Курб-

[86] ПСРЛ. Т. 13. С. 330; ПСРЛ. Т. 5/2. С. 239; *Russow B.* Chronica der Provintz Lyfflandt. Bart, 1584. S. 60; *Henning S.* Lifflendische Churlendische Chronica. Leipzig, 1594. S. 39; СК. Л. 61 об. — 63; *Курбский А. М.* История... С. 624. Примеч. 61 об.-6 (автор — А. Н. Яиушкевич), 62-2 (авторы — А. Н. Яиушкевич, О. А. Курбатов); С. 624–625. Примеч. 62-3, 62-4 (автор — А. Н. Яиушкевич); С. 625. Примеч. 62 об.-1 (автор — А. Н. Яиушкевич).

[87] ПСРЛ. Т. 13. С. 330; СК. Л. 66 об. — 67 об.

[88] АСЗ. Т. 4. С. 364–365 (№ 496).

[89] ПИГАК. С. 38.

[90] СК. Л. 67 об. — 81.

[91] РК 1605-2. С. 192.

[92] РК 1598. С. 196; РК 1605-2. С. 105–106; РК 1636. С. 110; ДРК. С. 231; ДРВ. С. 325; ПСРЛ. Т. 13. С. 340.

[93] AR. Dz. V. № 18669. S. 1–3, публ.: Materiały do działalności... (Флориан Зебжидовский — М. Ю. Радзивиллу. Лагерь под Полоцком, 2 июня 1562 г.). Благодарю Марека Ферейца за указание на данный источник. Глубоко признателен за помощь в работе с перепиской Ф. Зебжидовского безвременно ушедшему Гедиминасу Лесмайтису.

[94] ПСРЛ. Т. 13. С. 341; ПСРЛ. Т. 5/2. С. 242; ПИГАК. С. 108-109.

[95] AR. Dz. V. N 18669. S. 4–6 (3.VIII), 11–14 (30. VII), 15–17 (29.VII), 20–22 (23.VII), 30–32 (28.VI), 38–39 (8.VIII), 40–42 (12.VIII.1562). Публикация: Materiały do działalności... S. 282 (Ф. Зебжидовский — М. Ю. Радзивиллу. Лагерь под Полоцком, 16 июня 1562 г.), 283–284 (28 июня), 284–285 (23 июля), 285–286 (29 июля), 286–287 (30 июля), 288–289 (3 августа 1562 г.), 290 (Ф. Зебжидовский — Стефану Збаражскому. Доминики, 8 августа 1562 г.), 290–291 (Ф. Зебжидовский — М. Ю. Радзивиллу. Около Ускоты, 12 августа 1562 г.).

[96] РК 1605-2. С. 105–106; ПСРЛ. Т. 5/2. С. 243; Bielski. S. 1151–1152; AR. Dz. V. N 18669. S. 43–46, публ.: Materiały do działalności... S. 291–292 (Ф. Зебжидовский — М. Ю. Радзивиллу. Лагерь под Озерищами, 21 августа 1562 г.).

[97] ПИГАК. С. 42–43.

ского разросся миф о дуэли Станислава Лесневольского с кн. Андреем Курбским и решении князя после своего поражения в бою бежать на сторону Сигизмунда II Августа[98].

Сентябрь — 7 декабря — (Великие Луки, Ржев). По Полоцкому разряду в сентябре–декабре 1562 г. кн. А. М. Курбский значится третьим воеводой сторожевого полка после царевича Ибака и кн. П. М. Щенятева[99]. Пока царева рать сходится в Великие Луки, во Ржеве вместе с кн. П. И. Шуйским Курбский расписывает детей боярских-тверичей, новоторжцев, клинян, литву медынскую и ярославичей[100]. Роспись войска Ивана Грозного от 7 декабря определяет положение Курбского таким же образом, как и сентябрьский разряд, а в его полку числится 625 детей боярских из Углича и Боровска, недельщиков из Новгорода, детей боярских «малых статей» из Шацка[101].

1563 г.

Январь — 15 февраля — (Ржев, р. (Западная) Двина, лагерь под Полоцком, Полоцк). При переходе царя через р. Двину 3 февраля сторожевой полк, где один из воевод — кн. А. М. Курбский, занимает место между большим полком и яргаулом[102]. В ночь на 6 февраля 1563 г. князь получает указ ставить осадные «туры» у Полоцка со стороны рек Полоты и Двины[103]. 10 февраля — в числе «голов», которые посланы «туры ближние ставити»[104]. 11 февраля Курбский и Петр Зайцев назначены охранять туры со стороны Полоты[105]. 13 февраля — Сигизмунд II Август упоминает в своем письме М. Ю. Радзивиллу тайные или полуофициальные контакты Стефана Збаражского с кн. И. Ф. Мстиславским и кн. А. М. Курбским[106].

8 марта — 3 апреля — (Полоцк, Юрьев). Кн. А. М. Курбский «отпущен годовать» в Юрьеве Ливонском с Вербного воскресенья, т. е. с 3 апреля. Второй воевода — кн. Михаил Федорович Прозоровский. При Курбском детей боярских «годовщиков» новгородцев 123 чел., «юрьевъских помещиков» — 110 чел.[107]

26 ноября — (Юрьев, Гельмет). В этот день после полудня кн. А. М. Курбский подходит с 3-тысячным отрядом и 6 фальконетами к крепости Гельмет, чтобы принять ее под власть царя Ивана. Поход оканчивается неудачей. В письме К. Млодовского упомянут воевода дерптский во главе воинства московитов. Этот пост занимал кн. А. М. Курбский[108].

Декабрь — (Юрьев). Обсуждение обмена Иоганна Таубе и перехода на царскую службу.

10 декабря — (Юрьев). Послание кн. А. М. Курбского коменданту Гельмета Георгу фон Вольсторпу[109].

1564 г.

До 26 января — (Юрьев). Обмен посланиями с Ригой и Москвой. Подготовка похода двадцатитысячного войска на Ригу, который так и не состоялся[110]. По словам кн. А. М. Курбского, вместо этого похода царь направил войско на Великое княжество Литовское, где произошла гибельная для московитов битва на р. Уле. Впрочем, эта последовательность событий может быть лишь фигурой в построении Курбского на допросе после побега из Юрьева на сторону короля Сигизмунда II Августа.

18 февраля — Юрьев. Кн. А. М. Курбский обращается к бургомистрам и ратманам Колывани с письмом по делу об ограблении ратмана («палатника») Верта Ротгерса сыном боярским

---

[98] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 93–94. Подробнее см. здесь главы «Побег» и «Социальный статус».

[99] РК 1598. С. 198; РК 1605. Т. 2. С. 114; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 14; РК 1636. С. 115; ДРК. С. 233; ДРВ. С. 330; СС. С. 4; ПСРЛ. Т. 13. С. 349; КПП. С. 32–33, 42–43; *Баранов К. В.* Записная книга... С. 121, 128.

[100] КПП. С. 34; *Баранов К. В.* Записная книга... С. 122.

[101] КПП. С. 43; *Баранов К. В.* Записная книга... С. 128.

[102] КПП. С. 62; *Баранов К. В.* Записная книга... С. 139.

[103] РК 1605-2. С. 121; РК 1636. С. 117; *Баранов К. В.* Записная книга... С. 165.

[104] КПП. С. 62; *Баранов К. В.* Записная книга... С. 139.

[105] РК 1605-2. С. 127; ПСРЛ. Т. 13. С. 357; *Баранов К. В.* Записная книга... С. 167.

[106] См. здесь в главе «Побег».

[107] РК 1598. С. 201; РК 1605. С. 138; РК 1636. С. 121; ДРК. С. 238; ДРВ. С. 336; КПП. С. 81–82; *Баранов К. В.* Записная книга... С. 151. См. также: *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg / Lahn, 1972. S. 108. См. также *26 марта 1564 г.*

[108] GStA PKB. XX. HA. HBA. Kasten 427. B2a. N 256, публ.: EFE. Romae, 1978. T. 43. P. 198–199 (Каспер Млодовский — Альбрехту Бранденбургскому. Гельмет, 26 ноября 1563 г. Фолиация наша, условная). В публикации ошибочно, вслед за ошибкой в письме Габриэля Тарло, раскрыто имя "воеводы дерптского": "Ioannes Kurbskij". См. *25 июня 1564 г.* Благодарю А. А. Радамана и Анджея Закшевского за помощь в работе с материалами Берлинского архива и их публикацией в серии "Elementa ad Fontium Editiones". См. 25 июня 1564 г.

[109] *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Бегство... С. 125. Примеч. 22.

[110] LVVA. F. 673 (Rîgas Rîtes Ârçjais Arhîvs). Ap. 3. K. 8. N 35. K. 1–6v, публ. перевода: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Бегство... С. 121–122. Благодарю А. И. Филюшкина (Санкт-Петербург, СПбГУ) за доступ к цифровой копии протокола из Рижского архива.

Асаном Гурьевым. Отказывается расследовать дело, ссылаясь на его давность (наместники Пскова и Ивангорода уже «давно и померли»)[111].

26 марта — (Юрьев). На этот день в 1564 г. приходится Вербное воскресенье, когда начался второй год воеводства кн. А.М. Курбского в Юрьеве Ливонском. Второй воевода — Федор Иванович Бутурлин. Факт второго «годования» упоминается в сведениях о побеге князя[112].

29–30 апреля — (Юрьев, Гельмет, Эрмес). Побег кн. А.М. Курбского во главе 12 слуг из Юрьева Ливонского (Дерпта) на сторону Сигизмунда II Августа происходит ночью с 29 на 30 апреля. В Гельмете, куда Курбский прибыл в первый же день после побега из Юрьева, он провел не менее 2-3 дней, когда и сообщил через доверенного немца кн. А.И. Полубенского в Вольмар о своем приезде. Впрочем, нельзя исключать, что за несколько дней до того, как попасть в Вольмар, Курбский побывал сначала в Гельмете, а затем и в Эрмесе. Комендант Гельмета отнял у него ценные вещи, угрожая отправить его в Ригу, тогда как в Эрмесе его предварительно допросили и забрали письма Г. Кетлера. Лишь в Эрмесе кн. Андрей Курбский просил и получил разрешение переехать в Вольмар[113]. Бежав на королевскую службу, кн. А.М. Курбский оставил в Российском царстве свою семью — жену, в монашестве Евфросинию, и неизвестного по имени сына[114].

До 6 мая — (Эрмес, Вольмар). Кн. А.М. Курбский дает показания о своем побеге. Вероятно, только приехав в Вольмар[115].

Между 5–6 и 16–18 мая — (Вольмар). Письмо кн. А.М. Курбского Ивану IV из Вольмара[116].

Около 16–18 мая — (Вильно, Бельск). Кн. А.М. Курбский приезжает на сейм в Бельск. Согласно Г. Тарло, перед Бельском князь находился в Вильно ("von der Wilde gehen Bielskho ankhomen")[117]. Это же следует из «памяти» кн. А.И. Полубенского. Московскому пленнику Якову Шабликину он предписывает найти и прислать книги Курбского в обмен на своего «человека». Когда книги будут переправлены, человека обещано прислать «из Вильны в Вольмер»[118]. Получает от короля Сигизмунда II Августа в награду 1 тыс. угорских золотых. Сообщение о выезде Курбского во главе 12 слуг и прибытии в Бельск приписано в письме А. Чеханьского после основного текста, но на том же развороте — это приписка свежих новостей, полученных незадолго до отправления послания герцогу Альбрехту Бранденбургскому. Следовательно, сведения из Бельска могли быть доставлены в Кнышин в промежутке между основным текстом и припиской, около 16–18 мая 1564 г.[119]

25 июня — (Бельск). Согласно Г. Тарло, к этому дню кн. А.М. Курбский приехал в Бельск и находился при короле Сигизмунде II Августе. Впрочем, речь идет, возможно, еще о событиях середины мая 1564 г. Г. Тарло по ошибке называет князя Андрея Курбского: "der Iwan Khurpskhi"[120].

4 июля — (Бельск). На сейме пожалован староством Ковельским (вступает в должность в 1565 г., сохраняет вплоть до смерти)[121]. Возможно, тогда же назначен старостой в Крево (сохраняет, по меньшей мере, до 1567 г., de jure — до Люблинского сейма 1569 г., окончательно утрачивает держание в 1571 г.)[122].

17 сентября — 4 октября — (Под Полоцком). Во главе 200 конников участвует в боевых действиях против московских войск под Полоцком в одном полку с кн. Б.Ф. Корецким[123].

---

[111] Tallinna linnaarhiiv. F. 230. N 1. S. 74–74v, публ.: РИБ. Т. 15. Стб 133–134 (Юрьев, 18 февраля 1564 г.). Благодарю С.В. Полехова (Москва, РГГУ) за информацию о рукописи данного акта.

[112] *Angermann N.* Studien... S. 108. См. также *29–30 апреля 1564 г.*

[113] Сообщения об этих событиях изучены нами здесь в главе «Побег».

[114] См. здесь в главе «Социальный статус».

[115] LVVA. F. 673. Ap. 3. K. 8. N 35. K. 1–6v, перевод: *Попов В.Е., Филюшкин А.И.* Бегство... С. 120–126.

[116] ПИГАК. С. 7–11; БЛДР. Т. 11. С. 14–19. См. также здесь *Приложение II*.

[117] См. *25 июня 1564 г.*

[118] РИБ. Т. 31. Стб 495–496.

[119] HBA. Kasten 395. B2. N 1920. F. 2, 4, публ.: EFE. Romae, 1977. T. 41. P. 138–140 (С. Чеханьский — Альбрехту Бранденбургскому. Кнышин, 16–18 мая 1564 г. Фолиация наша, условная).

[120] HBA. Kasten 427. B2a. N 263, публ.: EFE. Romae, 1977. T. 43. P. 205 (Габриэль Тарло — Альбрехту Бранденбургскому. Радом, 25 июня 1564 г.).

[121] ЛМ-266. Л. 86 — 86 об., ниже в примечании цит. с л. 86 об.; публ. копии: ЖКЛВ. Т. 1. С. 6–9; СИРИО. Т. 71. С. 806–807; AGAD. Archiwum Zamoyskich. N 3041. S. 31 ("Imiona spadkowe ktore lego KM rozdacz raczil", предположительно 1572 г.); ASK-I. N 64. K. 97v (1577 г.). Ун.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 193–194 (20 мая 1590 г.). См. также: *Halecki O.* Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569. Kraków, 1915. S. 76–77; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 106–107, 111, 121.

[122] ЛМ-267. Л. 268–269 (Люблин, 12 июля 1569 г.); *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 115–117.

[123] ЛМ-67. Л. 111 об. — 113; ПИГАК. С. 108–109; ЖКЛВ. Т. 1. С. 37–38; Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н.Г. Савич, Л.Ф. Кузьмина; под ред. и с предисл. В.И. Буганова, Н.М. Рогожина. М., 1977. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 165; Разрядная книга 1550–1636 гг. / сост. Л.Ф. Кузьмина. М., 1975. Т. 1. С. 137; ПСРЛ. Т. 13. С. 390. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 111–112 (В привилее Ивану Мошинскому от 3 марта 1588 г. упомянутая служба Ивана под Полоцком, Великими Лу-

24 ноября — (Минск). Возможно, кн. А. М. Курбский в Минске на съезде рады и шляхты. По словам И. Ауэрбах, после Полоцкой кампании «был ли Курбский в Минске или принимал участие в военных действиях — невозможно установить»[124]. Более вероятным представляется участие кн. Андрея Курбского в боевых действиях к началу декабря 1564 г.[125]

Начало декабря. В походе против Москвы. Его неизвестный по имени слуга бежит во владения Ивана Грозного. Герцог Альбрехт Бранденбургский собирает сведения о положении дел на московском направлении, и в этом контексте сообщается о побеге слуги Андрея Курбского. По всей видимости, информация относится к недавнему прошлому. Вероятнее предположить побег во время военной операции. Впрочем, это догадка, как и сам вывод о нахождении кн. А. М. Курбского на полях сражений к декабрю 1564 г.[126]

1565 г.

Март — (Под Великими Луками). Вместе с кн. Б. Ф. Корецким в течение полугода во главе собственного отряда в 200 конников участвует в боевых действиях. На второй неделе Великого поста Корецкий, Курбский и Б. Корсак совершают поход на Великие Луки. Сообщение о победах Корецкого приходит в Ригу 29 марта[127].

2–3 апреля — (Петрков). По словам Г. Тарло, 3 апреля к нему приехал королевский дворянин, сообщивший, что 2 апреля в Петрков приехали кн. Б. Ф. Корецкий, кн. А. М. Курбский ("khnias Khurpski") и королевский ротмистр (возможно, Андрей или Дмитрий) Халецкий ("Choletzkhy")[128].

25 апреля — (Петрков). По словам короля Сигизмунда II, кн. А. М. Курбский незадолго до этого дня (когда писалось письмо) «вышел с неприятельской земли»[129]. Где именно на момент написания письма находится кн. А. М. Курбский, неясно, но из сообщения Г. Тарло ясно, что уже к началу апреля 1565 г. он был при польском короле[130].

20 июля — Кнышин. Письмо кн. А. М. Курбского герцогу Альбрехту Бранденбургскому из Кнышина[131].

Октябрь — (Трабы). На съезде в Трабах обязуется выставить на военную службу, согласно М. К. Любавскому, 400 конников[132]. А. Н. Янушкевич уточняет эту цифру: 200 конных воинов[133].

11 ноября — (Трабы). Начиная с этого дня (дня св. Мартина) князь состоит на военной службе и получает в августе 1566 г. 800 кон гр. из доходов Кременецкого повета и 1200 кон гр. из доходов Луцкого повета со ссылкой на постановление Трабского сейма[134].

18 ноября — (Вильно). В этот день открылся Виленский вальный сейм[135]. Неясно, присутствовал ли кн. А. М. Курбский на его открытии в Вильно. Возможно, он уже находился на военной службе.

1566 г.

11 марта — (Вильно). В этот день прекратил работу Виленский сейм[136]. Кн. Андрей Курбский формально полгода, с 11 ноября 1565 по 11 мая 1566 г., состоял на военной службе, однако в свои Ковельские имения на Волынь он приехал еще до истечения срока службы.

26 марта — 26 апреля. Как отмечает И. Ауэрбах, первые известные по актовым книгам расследования в волынских имениях кн. А. М. Курбского датируются уже началом 1566 г. Дела в Ковеле ведет его урядник Иван Иванович Калымет. Споры с кн. А. Ф. Чарторыйским за смедынские владения и с коронным шляхтичем Федором

ками и Псковом относится уже к походам только Стефана Батория).

[124] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 111–112.

[125] См. *Начало декабря 1564 г.*

[126] HBA. B2. Kasten 395. N 1942. F. 2v, публ.: EFE. T. 41. P. 161–162. P. 138–140 (С. Чеханьский — Альбрехту Бранденбургскому. Петрков, 9 декабря 1564 г. Фолиация условная).

[127] *Устрялов Н.* Сказания... СПб., 1842. С. 395–396; РК 1636. С. 151; LKZAR. S. 506 (Сигизмунд II Август — М. Я. Радзивиллу. Петрков, 25 апреля 1565 г.); AR. Dz. IV (Listy ks. Radziwiłłów). Teka 35. Koperta 502. S. 51; LVVA. F. 673. Ap. 3. K. 8. N 43. F. 11 (1 апреля 1565 г.). См. также: РК 1605. С. 165; РК 1636. С. 137; ПСРЛ. Т. 13. С. 390; ПИГАК. С. 108–109; ЖКЛВ. Т. 1. С. 37–38; ЛМ-67. Л. 111 об. — 113. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 112.

[128] HBA. B2a. Kasten 427. N ???, публ.: EFE. T. 43. P. 214–215 (Г. Тарло — Альбрехту Бранденбургскому. Радом, 13 апреля 1565 г.).

[129] LKZAR. S. 506 (Петрков, 25 апреля 1565 г.). См. *Март 1565 г.*

[130] См. *2–3 апреля 1565 г.*

[131] HBA. B2. Kasten 396. N 1971. F. 1–1v, частичная публикация: EFE. T. 41 (А. М. Курбский — Альбрехту Бранденбургскому. Кнышин, 20 июля 1565 г.).

[132] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901. С. 155–156, 684. См. также *11 ноября 1565 г., 19 августа 1566 г.*

[133] *Янушкевич А. Н.* Ливонская война. С. 181–183.

[134] См. *19 августа 1566 г.*

[135] *Rachuba A., Kianpienė J., Kianpa Z.* Historia Litwy: Dwugłos polsko-litewski. Warszawa, 2008. S. 83–84.

[136] См. *18 ноября 1565 г.*

Старковским (Стакорским, Стакурского) за 45 коней, пойманных Калыметом и приведенных в Вижву[137]. Сам князь в имениях отсутствует.

3 мая — Луцк. Жалоба кн. А. М. Курбского в Луцкий гродский суд о нападениях на Ковельское имение со стороны литовских и польских соседей и незаконном пользовании его владениями (в 1565 и начале 1566 г.). Отдельными заявлениями обвиняет князей Войцу и Юрия Федоровичей Вороницких, кн. Василия Солтановича Сокольского (о захвате им ковельских подданных и выводе их к себе в Сокол), подданных с. Ратно (при границе с. Вижвы), холмского шляхтича Федора Стакурского, кн. Андрея Ивановича Вишневецкого (видимо, спор уже касался Острова Жичина), владимирского шляхтича Михаила Ласку Секунского (при границе с. Обланы), королевского писаря и секретаря Матиса Савицкого (и его подданных с. Речица при границе с. Хотятово) и в заключение — в целом всех литвинов и коронных подданных, которые нарушают границы его владений[138]. Впервые князь Андрей Михайлович лично «приездил» на Луцкий уряд, чтобы выяснить причины пограничных конфликтов в Ковельских имениях и представить на уряде свои права.

13–14 мая — Миляновичи. 13 мая кн. А. Ф. Чарторыйский просил вижа на свою «потребу» к кн. А. М. Курбскому. На следующий день в Миляновичах слуга Чарторыйского Оникей Бутятицкий вручил Курбскому мандат («лист господарский упоминалный») короля Сигизмунда II Августа в споре за Смедынь с кн. А. Ф. Чарторыйским. Князь отвечает на письма и защищает свое право на спорные земли между Смедынью и Вижвой и скот[139].

До 18 мая. Кн. А. М. Курбский подает иск королю Сигизмунду II Августу с жалобой на то, что при передаче Ковеля Василий Петрович Загоровский не ввел его в село Туличев[140]. Вероятно, князь подал иск королю еще до 11 марта 1566 г., во время работы Виленского сейма или вскоре после его закрытия.

18 мая — (Ковель). В этот день слуга каштеляна любачевского Миколая Лысаковского Станислав передает кн. А. М. Курбскому Туличев. Сделку проводит королевский дворянин Василий Петрович Загоровский. Имение тут же передано слуге Курбского Ивану Ивановичу Калымету. Кн. А. М. Курбский, согласно показаниям господарского дворянина Дахно Федоровича, «наслал» в этот день ковельского урядника И. И. Калымета и ковельских подданных на Туличев. Семейство Борзобогатых Красенских не препятствует вводу Курбского в имение[141].

19 мая — (Ковель). В этот день происходит столкновение слуг и представителей кн. А. М. Курбского со слугами князей Сокольских. Расследование по заявлению Курбского ведется в Ковеле. Какие-то слуги Курбского попали к Сокольским в плен и лишь несколько дней спустя «до князя его милости приехали»[142].

22 мая — (Ковель, Миляновичи). В. П. Загоровский переводит селыцо Дворец под власть Курбского (к его имению Миляновичи)[143]. Местонахождение самого кн. Андрея Курбского в эти дни в актовой записи не обсуждается, но, судя по вниманию в этой и следующей записям той же актовой книги Луцкого суда к Миляновичам, возможно, он — в Ковеле или Миляновичах[144].

29 мая — (Миляновичи). Кн. А. М. Курбский отправляет на Луцкий уряд миляновического войта Миколая Богушевского с жалобой на княгиню Олену Сокольскую (жену князя Солтана), ее сына Марка и сокольского войта Щасного Закревского. Обвиняет их в нападении на его представителей, ранении и ограблении клевецких слуг князя, войта Федора (Федца) и Трохима

[137] КГВ-1. Арк. 1 — 2 зв. (9 апреля. Акт поврежден, часть текста не сохранилась), 8 зв. — 9 (26 апреля 1566 г. Акт поврежден, часть текста не сохранилась). См. *3 мая 1566 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 254. Anm. 34, 35, 36.

[138] КГЛ-8. Арк. 128 — 128 зв., 128 зв., 129, 129 зв. (здесь же фрагмент несохранившегося иска против кн. А. И. Вишневецкого — он удален из книги еще до нумерации листов и актов), 130, 130 — 130 зв., 130 зв. — 131 (Акты от 3 мая 1566 г.). Опубликован акт с л. 130 об. — 131: ЖКЛВ. Т. 1. С. 1–2 (3 мая 1566 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 113.

[139] КГВ-1. Арк. 20 зв. — 21 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 3–6 (16 мая 1566 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 114.

[140] КГВ-1. Арк. 22 зв. — 23 (20 мая 1566 г.); КГЛ-8. Арк. 163–164 (29 мая 1566 г.); КГЛ-13. Арк. 440–441 (12 августа 1572 г.); ЛМ-199. Л. 75 об. — 78 об. (Варшава, 10 января 1590 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 156, 157. Anm. 257; S. 255. Anm. 37.

[141] См. *До 18 мая, 22 мая 1566 г.* В январе 1590 г. Красенские сылаются на показания Д. Федоровича как на свидетельство насильственного захвата Туличева урядником кн. А. М. Курбского. Показания датированы здесь 20 мая 1566 г., однако речь может идти о получении Красенскими выписки из гродских книг под этой датой. См.: ЛМ-199. Л. 78 (Варшава, 10 января 1590 г.).

[142] См. *29 мая 1566 г.*

[143] КГЛ-8. Арк. 163–164 (29 мая 1566 г.). См. *18 и 29 мая, 22 июля 1566 г., 16 августа 1568 г., 15 июня 1569 г., 5 июля 1572 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 156–157.

[144] См. *29 мая 1566 г.*

Канусты[145]. По всей видимости, сам князь в этот день в Миляновичах.

1–9 июня — (Брест, Друцкие ноля). 1 июня открылся Брестский сейм. Кн. А.М. Курбский, но нредположению И. Ауэрбах, нринял в нем участие, а 9 июня выступил на Друцкие ноля, когда нришли тревожные сведения о настунлении московского войска[146].

11–20 июня — И.И. Калымет судится на Владимирском уряде но ряду исков и сам делает заявления. Записан иск кн. А.И. Вишневецкого об угоне быков из его имения Дворец в Миляновичи 11 июня. 11 июня Калымета нредставляет на Луцком уряде боярин Щасный Туровицкий. На следующий день ноказания возному дают Калымет и миляновский войт Миколай Богушевский. 18 июня на Владимирском уряде видютский урядник Вишневецкого Хатьян Берестовицкий жаловался на М. Богушевского, обвиняя его в нокраже волов и нлугов[147]. 20 мая Станислав Граевский прислал на уряд своего слугу Езофа Тарновецкого с сообщением о том, что 13 мая Калымет «зложил... рок праву» на будущее воскресенье (16 июня) с должниками Курбского, ковельскими евреями Шмойло Рабиевичем и Ицко Натановичем. Прислали к ним со счетом 19 июня за 1150 зл. В тот же день евреи от своего имени и от имени своих родичей заключили договор в Ковеле, обязавшись выплатить в рассрочку 1 тыс. зл. в течение ряда лет[148]. В тот же день, 19 июня произошло нападение слуг Вишневецкого на владения Курбского. 22 июня И.И. Калымет через Миколая Богушевского просит на Владимирском уряде вижа для расследования нападений видютских слуг кн. А.И. Вишневецкого на владения Миляновичей и Ольшанки[149]. Присутствие кн. А.М. Курбского где-либо нри этом никак в занисях не отмечено.

22–26 июня — (Ковельские имения). 24 июня на Луцкий уряд приезжает слуга Курбского Дахно Мокренский, чтобы нолучить вижа на засвидетельствование вручения королевского «листа зашитого» старосте мельницкому и мстибоговскому Григорию Воловичу. В тот же день вижем был назначен красносельский боярин Юрко, и он вместе со слугой Курбского отвез королевское нисьмо Воловичу. От Воловича тот же слуга новез «лист зашитый» Курбскому[150]. Тогда же, 24 июня М. Богушевский жалуется на Владимирском уряде, что 22 июня видютские нодданные кн. А.И. Вишневецкого и королевские нодданные-смедынцы но нриказу кн. А.Ф. Чарторыйского напали на владения кн. А.М. Курбского. Нападение на владения Курбского нресек И.И. Калымет, захватив 12 нападавших и отправив их в тюрьму Владимирского замка. В ответ 26 июня слуги кн. А.Ф. Чарторыйского нападают на владения Курбского и уводят оттуда коров[151]. Поскольку на уряде рассматривается вонрос о том, исходят распоряжения от Калымета или непосредственно от Курбского, вероятно присутствие князя Андрея Михайловича в своих имениях.

27 июня — Миляновичи. В Миляновичах кн. А.М. Курбский нринимает от вижа Владимирского уряда жалобу на Ивана Калымета в конфликте с кн. А.Ф. Чарторыйским за имение Смедынь, которое считает частью своего имения Вижвы[152].

6 июля — Ковель. Кн. А.М. Курбскому предъявлено обвинение в задержании в Ковеле торговца-еврея Ицко Креши. Он нри представителях Владимирского и Луцкого урядов отнускает евреев, посаженных в ковельскую тюрьму И.И. Калыметом[153].

22 июля. В этот день М. Лысаковский будто бы отдал нод занись в луцкие гродские книги свои ноказания о нереходе Туличева к кн. А.М. Курбскому[154].

7 августа. И.И. Калымет нанравляет своего слугу Петра Рагозу, чтобы ножаловаться на нодстаростия владимирского Василия Гулевича. Войт Миляновичей Филинн нодавал жалобу на Владимирском уряде на нограничные нападения кн. А.И. Вишневецкого и кн. А.Ф. Чарторыйского

[145] КГЛ-8. Арк. 164 — 164 зв. (29 мая 1566 г.); ЛМ-199. Л. 75 об. — 78 об. (Варшава, 10 января, 1590 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 255 (здесь помарка в иомере фонда Литовской Метрики).

[146] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 117–118.

[147] КГВ-1. Арк. 31 — 31 зв. (12 июня), 37 зв. — 38 зв. (18 июня 1566 г.).

[148] КГВ-1. Арк. 41 зв. — 45 (20 июня 1566 г.).

[149] КГВ-1. Арк. 45–46 (22 июня 1566 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 255–256. Anm. 39–42.

[150] КГЛ-8. Арк. 207 — 207 зв. (24 июня 1566 г.).

[151] КГВ-1. Арк. 60–61 (24 июня), 61 зв. — 63 зв. (26 июня), 63 зв. — 65 (26 июня 1566 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 256. Anm. 43–45.

[152] КГВ-1. Арк. 68–69 (28 июня 1566 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 114, 256. Anm. 45.

[153] КГВ-1. Арк. 78 — 78 зв. (9 июля 1566 г.); КГЛ-8. Арк. 239 зв. (10 июля 1566 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 114–115.

[154] См. *До 18 мая, 18 мая 1566 г.* Как отмечает И. Ауэрбах, данная запись не обнаруживается в актовых книгах и, возможно, ее упоминание сфабриковано Борзобогатыми Красенскими в 1590 г. См.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 157. Anm. 257.

(на Вижву). Гулевич не хотел выдать «нозвы» Филиппу. Тогда Калымет обратился на Луцкий уряд и пожаловался заодно на Гулевича[155]. Кн. А.М. Курбский в это время, видимо, находился за пределами своих имений, и Калымет хотел только передать ему сведения о ходе дела («о том дати знати»).

19 августа — (Люблин). Кн. А.М. Курбский получает 1200 кон гр. денежного жалования за полугодичную службу со дня св. Мартина 1565 г. В королевском постановлении указано также, что на роту Курбского Луцкий и Кременецкий поветы не заплатили 2 тыс. кон гр.[156]

20 августа — (Гродно). В этот день король предписывает кн. А.М. Курбскому разрешить кревским селянам Миколаю Мискевичу и Яну Котловичу обрабатывать издавна принадлежащие им пахотные земли и косить сено в свою пользу[157]. Неясно, следовал ли князь Андрей Михайлович так стремительно за королевской канцелярией, однако нельзя исключать, что и Люблин, и Гродно он посетил.

8 сентября — Луцк. В этот день на Рождество Богородицы кн. А.М. Курбский случайно встречает в Луцке князей Василия и Марка Солтановичей Сокольских и требует вернуть бежавших ковельских крестьян. Рассмотрение дела на уряде решено провести 12 сентября[158].

9 сентября — (Варшава). Конфликт с кн. Л.А. Сангушко Кошерским за ковельское имение Порыдубы в этот день развивается. Король Сигизмунд II Август выносит решение по иску кн. А.М. Курбского, называя спорные земли своим наследством, полученным от матери, королевы Боны Сфорца[159].

12–16 сентября. Ковельский войт Матуш Трашковский неоднократно напоминает князьям Василию и Марку Сокольским требование возместить убытки от пограничных конфликтов и направляет жалобу для записи на Луцкий уряд. Кн. А.М. Курбского представлял на переговорах его слуга, господарский дворянин Иван Ванкович Летинский и войт М. Трашковский. Князья В. и М. Сокольские отказались выполнить требования Курбского[160]. И. Ауэрбах отмечает, что после этого свидетельства о присутствии кн. А.М. Курбского в своих волынских имениях надолго исчезают из местных источников[161]. В эти дни, по всей видимости, кн. А.М. Курбского уже не было на Волыни.

3 ноября — (Крево, Гродно). По предположению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский принял участие в одном из региональных сеймиков от своих владений, а затем какое-то время находился при короле. С проведением сеймиков исследовательница связывает переезд князя из Крево в Гродно зимой 1566 г. В Гродно с 1 декабря по 6 января 1567 г. должен был проводиться сейм[162]. Неясно, был ли кн. А.М. Курбский на Гродненском сейме или выступил со своей ротой к границам Великого княжества Литовского. По наблюдениям А.Н. Янушкевича, выплаты кн. А.М. Курбскому за службу в 1567 г. осуществлялись в начале декабря 1567 г. со ссылкой на постановление Гродненского сейма (т.е. сейма конца 1566 г.)[163]. Сомнительно, что эти решения принимались в отсутствие ротмистра. Прямое упоминание недавнего отъезда кн. А.М. Курбского из Крево «до его кролевъское милости до Городна» содержится в актовой записи Господарского суда от 27 февраля 1567 г. Накануне этого отъезда от князя бежал его кревский урядник М. Никифорович[164]. Вероятно, данное упоминание относится к событиям ноября 1566 — января 1567 г.

1567 г.

7 января — Крево. Незадолго до этого дня какие-то «бояре князя Крунъского» ехали от своего пана из Крева на Волынь «до именя его Ковля» через местечко Яна Шимковича, маршалка и писаря господарского, старосты тыкотинского, Ивачевичи. В поднятии они совершили вооруженное нападение на село в том имении, ранили местных жителей и «сами з села поутекали»[165].

26 января — (Кнышин). Видимо, кн. А.М. Курбский при короле Сигизмунде II Авгу-

[155] КГЛ-8. Арк. 290 зв. — 291 зв. (7 августа), 291 зв. — 293 зв. (7 августа 1566 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 250. Anm. 16; S. 256. Anm. 46.

[156] ЛМ-47. Л. 36 об. — 37 об. (Два акта: Люблин, 19 августа 1566 г.), публ.: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 395–396. См. *11 ноября 1565 г.* См. также: *Янушкевич А.Н.* Ливонская война. С. 253.

[157] *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 396–397 (20 августа 1566 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 115.

[158] КГЛ-8. Арк. 371 — 372 зв. (13 сентября 1566 г.). См. *12–16 сентября 1566 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 117 (здесь неточная датировка актовой записи: «15 сентября»).

[159] См. *31 мая 1567 г.*

[160] КГЛ-8. Арк. 388 — 388 зв. (16 сентября 1566 г.). См. *8 сентября 1566 г.*

[161] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 117, 336.

[162] См. *27 февраля 1567 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 118–120.

[163] См. *5 декабря 1567 г.* См. также: *Янушкевич А.Н.* Ливонская война. С. 267–269.

[164] См. *27 февраля 1567 г.*

[165] КЗСл-2. Арк. 44 адв. — 45 адв. (22 января 1567 г.).

сте. В этот день принят декрет, чтобы все претензии к Курбскому как держателю Ковеля решались «судом господарским»[166].

29–30 января. Кн. А.М. Курбский через И.И. Келемета вызывает на королевский суд Михаила Ласко Секунского в тяжбе за имения Секунь и Шушки с 31 января через 2 недели — на 14 февраля 1567 г. Х. Чуват ездил с вызовом к М. Секунскому 29 января[167]. Где был в это время князь Андрей Михайлович, неясно.

Середина февраля. Кн. А.М. Курбский выигрывает процесс с М. Ласко Секунским за имения Секунь и Шушки. На Владимирском уряде дело рассматривается в отсутствие самого князя. В Ковеле его нет, о чем неоднократно говорится в актовой книге Владимирского гродского суда[168].

23 февраля. Кн. А.М. Курбский подает иск об ограблении при переходе границы из Юрьева в конце апреля — начале мая 1564 г.[169]

25 февраля — (Кнышин). Подтверждено право кн. А.М. Курбского, его жены и детей «мужчизного рожаю» на замок Ковель с округой[170].

27 февраля — (Кнышин). В этот день кн. А.М. Курбский подает иск королю Сигизмунду II Августу против своего кревского урядника, шляхтича из Новогрудка Михаила Никифоровича, обвиняя его в причинении убытков кревским подданным и побеге. Король назначает М. Никифоровичу явку на 20 марта 1567 г. в Крево для отчета перед Курбским[171].

29 февраля — (Кнышин). Ковель закреплен за кн. А.М. Курбским «вечъне»[172].

19 марта — 6 апреля. В Ковельских имениях кн. А.М. Курбского нет, о чем говорят судебные поверенные и урядники князя. Его делами занимаются наместник ковельский И.И. Калымет, войт ковельский М. Трашковский и миляновицкий войт М. Богушевский[173].

20 марта — (Крево). На этот день назначена явка в Крево сторонам по иску кн. А.М. Курбского против Михаила Никифоровича[174]. Возможно, кн. А.М. Курбский в это время в Крево: в его интересах было там ожидать решения по своему иску.

17 мая — июль — (Ливония). По наблюдениям И. Ауэрбах, неизвестно, участвовал ли кн. А.М. Курбский на военных сборах в Молодечно 17 мая 1567 г. и в дальнейших военных событиях, вплоть до его появления в Гродно[175]. Возможно, именно тогда князь со своею ротой «до Ифлянт ходил»[176].

24 мая. Слуги кн. А.М. Курбского Михаил и Пятый совершают из Крево нападение на двор ошмянского татарина Фурса Юхновича. Неясно, где на момент нападения находится сам кн. Андрей Курбский и отдавал ли он приказ («не ведати, деи, естъли за росказаньем князя Курнъского пана своего або сами своволъне»)[177].

30–31 мая. В эти дни на Владимирском уряде велось расследование убийства порыдубского подданого и ранения еще одного подданного, как утверждали истцы, людьми кн. Л.А. Сангушко Кошерского. А также — о грабеже у порыдубских подданных 40 волов и 70 кон гр. Неясно, где был в этот день кн. Андрей Курбский[178].

22 июня. Продолжается расследование об освобождении М. Ласко Секунским имения Секунь и Шушки по приказу короля. Слуги кн. А.М. Курбского жалуются на плохое состояние оставленных им имений. Князь при этом не присутствует[179].

14–26 июля. Во главе с И.И. Калыметом, М. Трашковским и М. Богушевским 14 июля осуществлено нападение отряда урядников и подданных кн. А.М. Курбского на охотничьи угодья Мацеевских между Вижвой и Островом

---

[166] ЛМ-266. Л. 86 — 86 об., ниже в примечании цит. с л. 86 об.; публ. копии: ЖКЛВ. Т. 1. С. 6–9 (20 января 1569 г.).

[167] КГВ-2. Арк. 11 (30 января 1567 г.). См. *21 марта, 6 апреля, 22 июня 1567 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 192, 256. Anm. 47.

[168] См. *29–30 января 1567 г., 19 марта — 6 апреля 1567 г., 8 октября 1569 г.*

[169] *Кунцевич Г.З.* Акт Литовской Метрики... С. 281–285.

[170] ЛМ-50. Л. 107 об. — 108; ЛМ-266. Л. 134 об. — 135; КГВ-13. Арк. 293 зв. — 294 зв. (В актовой записи от 26 июля 1580 г.). Публикация: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 397–398, то же: ЖКЛВ. Т. 1. С. 10–12 (Кнышин, 25 февраля 1567 г.). Ун.: ЛМ-199. Л. 135 об. (Варшава, 5 мая 1590 г.); ЖКЛВ. Т. 2. С. 194 (20 мая 1590 г.). См. также: *26 июля 1580 г.*

[171] ЛМ-268. Л. 145 — 145 об. (Кнышин, 27 февраля 1567 г.). См. *3 ноября 1566 г., 20 марта, 23 марта 1567 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 115.

[172] ЛМ-48. Л. 109 об. — 111, публ.: *Устрялов Н.Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 398–400 (Кнышин, 29 февраля 1567 г.).

[173] КГВ-2. Арк. 52–53 (21 марта), 59 — 59 зв. (6 апреля 1567 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 247. Anm. 9; S. 256. Anm. 48.

[174] См. *27 февраля 1567 г.*

[175] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 122–123. См. *2 августа, 12 августа, 13 августа 1567 г.*

[176] ЛМ-216. Л. 186 об.; Литовская Метрика. Кн. 51. С. 117.

[177] См. *2 августа 1567 г.*

[178] КГВ-2. Арк. 89 зв. — 90 (31 мая 1567 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 117.

[179] КГВ-2. Арк. 103 зв. (22 июня 1567 г.).

Жичином. Князя ни во время нападения, ни в первые дни после него в Ковельском имении нет. Предписание Луцкого уряда прекратить конфликт получает за него И. И. Калымет[180].

26 июля. Вдова Романа Гулевича Полагья Матьясовна Суропятовна (из Оздова) обвиняет кн. А. М. Курбского в нападении на ее имение Радошин и увод крестьян. В отсутствие Курбского его урядник И. И. Калымет заявляет на Луцком уряде, что подданные князя не нападали на чужие земли[181].

2 августа — Гродно. Татарин Ошмянского повета Фурс Юхнович Улан выставляет иск Курбскому «о том, иж деи ся ему от него великие кгвалты, наезды, бои, грабежы на властных кгрунтех его з ураду его державы Кревъское деють». Служебники князя Михайло и Пятый напали на владения Фурса 24 мая. На момент рассмотрения дела в Ошмянском гродском суде Курбский был при короле («на тот час се зде пры его королевской милости будучы»). Князь дал показания, что ничего не знал об этом нападении и подал ответный иск против Фурса, обвиняя его в нападениях на королевские кревские владения. Королевским комиссарам было поручено выяснить, с чьей стороны начались нападения[182]. В этот же день прошла аудиенция посольства Федора Ивановича Умного Колычева у короля Сигизмунда II Августа, на которой кн. А. М. Курбский сидел на скамье справа от короля со стороны епископа виленского вслед за польскими представителями — каштеляном ведюнским Криштофом, канцлером М. Дембинским и подканцлером Станиславом Мышковским выше кн. Б. Ф. Корецкого и кн. А. И. Вишневецкого[183].

8 августа. М. Трашковский жалуется на Мацеевских, обвиняя их в нападении на Порыдубы и причинении убытков. Кн. А. М. Курбского в это время в Ковельском имении нет[184].

12 августа — (Гродно). Кн. А. М. Курбский, согласно статейному списку посольства Ф. И. Умного Колычева, сидит на приеме «в скамье» после литовского канцлера М. Ю. Радзивилла, каштеляна виленского Г. А. Ходкевича, воеводы троцкого кн. С. А. Збаражского и каштеляна троцкого Ю. А. Ходкевича[185]. В этот же день М. Трашковский жалуется на убытки, причиненные мощенским подданным кн. А. М. Курбского подданными кн. Л. А. Сангушко[186]. Кн. Андрея Курбского в ковельских имениях при этом нет.

13 августа — (Гродно). Московские послы на аудиенции отказались во время взаимных приветствий кланяться «налево» (от короля), потому что среди советников там находился кн. А. М. Курбский[187].

31 августа. Х. Чуват Туличевский расследует по жалобе М. Трашковского «подранъе нчол» в Порыдубах вместе с миляновицким урядником Михаилом Кудрявцем и слугой Дехном Мокренским[188]. Кн. А. М. Курбского в ковельских имениях нет.

8 сентября — (Кнышин). Права Курбского расширены: наследовать Ковельское имение и другие имения в Великом княжестве Литовском разрешено его жене и детям «женское плоти»[189].

10 сентября — (Вильно). Получает привилей на Биржанское войтовство в волости Унитской (сохраняет de facto до 16 сентября 1571 г., неясно — до какого времени de jure)[190].

20 октября — 21 ноября — (Военный лагерь короля Сигизмунда II Августа). На «Радошковицкий поход» кн. А. М. Курбский отправляет роту в 100 конников[191]. Из Лебедево военный лагерь переместился в Радошковичи, затем в Борисов и Койданово[192]. Поскольку есть сведения о присутствии князя в первых трех городах, вероятным представляется и его последующий переезд вместе со всем лагерем в Койданово.

6–15 ноября — (Лебедево, Радошковичи). Суд между кн. А. М. Курбским и Ганной Мацеевской (из Стоянова) и ее сыновьями Станиславом и Каспером о разделе имений. Обе стороны жалуются на нападения: на Ковельские имения — из замка

---

[180] КГВ-2. Арк. 127 зв. — 129 (24 июля 1567 г.); КГЛ-9. Арк. 342 — 342 зв. (26 июля 1567 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 256–257. Anm. 49, 50.

[181] КГЛ-9. Арк. 342 — 342 зв. (26 июля 1567 г.). См. *5 июля 1573 г., 12 августа, 28 августа 1578 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 257.

[182] ЛМ-268. Л. 155 — 155 об. (Гродно, 2 августа 1567 г.). См. *24 мая 1567 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 115–116.

[183] СИРИО. Т. 71. С. 536.

[184] КГВ-2. Арк. 138 зв. — 139 (8 августа 1567 г.).

[185] СИРИО. Т. 71. С. 545.

[186] КГВ-2. Арк. 149 — 149 зв. (14 августа 1567 г.).

[187] СИРИО. Т. 71. С. 546–547.

[188] КГВ-2. Арк. 165 (2 сентября 1567 г.).

[189] ЛМ-50. Л. 143 об. — 144, то же: ЛМ-51. Л. 81–82, публ.: Литовская Метрика. Кн. 51. С. 86–87, см. также публ.: *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 400–401 (Кнышин, 8 сентября 1567 г.).

[190] ЛМ-77. Л. 28 об. (Вильно, 20 июля 1589 г.).

[191] ЛМ-266. Л. 267–268 (Кнышин, 10 марта 1568 г.); Литовская Метрика. Кн. 531: (1567–1569): Viešųjų reikalų kn. 9. Vilnius, 2001. С. 44; ЛМ-193. Л. 40–42 (16 июня 1576 г.).

[192] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 123–128.

Почан, из Ковельских имений на владения Мацеевских — из с. Порыдуба. Князь Андрей Михайлович присутствует 15 ноября лично на суде господарской рады («постановившыся в суду») вместе со своим представителем — королевским инстигатором Андреем Романовским. В тексте от 6 ноября сказано, что он проходит в Лебедево, однако оба известных ныне акта оформлены в Радошковичах. В связи с участием князя в военных действиях на срок через неделю после Трех Королей (на 13 января 1568 г.) назначена явка «посланца» короля с предписанием не нападать на имения кн. Андрея Курбского и не вызывать его в суд до окончания «послуги господарской»[193]. 13 ноября, когда кн. Якуб Юрьевич Вороницкий подает на Ковельском уряде жалобу о захвате на площади и содержании в ковельской тюрьме его межилесского боярина и подданого, от имени Курбского дело ведет его урядник Матуш Трашковский. Курбского в это время на Волыни нет[194].

23 ноября — (Радошковичи). К Ковельскому имению кн. А. М. Курбского была присоединена спорная Смедынская волость и Воля Смедынская с обязательством выплаты за нее 1 тыс. кон гр. кн. А. Ф. Чарторыйскому. Право на Смедынь получают Курбский, его будущая жена и потомки «по мечу»[195]. Выплачена была вся сумма лишь к 30 июня 1577 г.[196]

5 декабря — (Радошковичи). Король Сигизмунд II Август обращается к Г. А. Ходкевичу с призывом выплатить кн. А. М. Курбскому за службу роты в 100 коней за четверть года по постановлению Гродненского сейма[197]. Был ли сам Курбский в это время в Радошковичах, неясно. Это вероятно, учитывая, что предыдущие и последующие сведения о нем говорят, что он был в эти дни при короле.

15 декабря — (Радошковичи). Кн. А. М. Курбский получает 200 кон гр. на роту, которая направлена на службу в Ливонию[198].

17 декабря. Кн. А. М. Курбского нет в его Ковельском имении, когда И. И. Калымет и М. Трашковский подтверждают заклад Дахно Мокренским — из остатков акта неясно, кому, — его имения (по предположению И. Ауэрбах, с. Кривин)[199].

21 декабря — (Борисов). В этот день М. Ело Малинский и Г. Гулевич заверили договор с кн. А. М. Курбским по жалобе порыдубских подданных на кн. Л. А. Сангушко Кошерского. Рассмотрение дела было назначено на Вербное воскресенье следующего года[200].

Около 28 декабря — (Койданово, Ливония, Минск). Возможно, кн. А. М. Курбский после Борисова отправляется в Койданово, а затем вскоре оказывается в Ливонии и Минске[201]. По предположению И. Ауэрбах, князь сам возглавил роту московитов, на отправку которой в Ливонию Г. А. Ходкевич выделил кн. А. М. Курбскому денежные средства[202]. Сохраняется вопрос, мог ли участвовать кн. Андрей Курбский лично в этом походе, учитывая его присутствие в Борисове, Койданове и Минске на рубеже 1567–1568 гг.

1568 г.

Начало года (Минск). Кн. А. М. Курбский судится на рубеже 1567–1568 гг. за своих избитых и ограбленных в Логойске слуг с кн. И. Буремским в Минском уряде (Буремский оштрафован на 316 кон 11 гр.)[203].

13–16 января. На суд с каштеляновой сандомирской Ганной Мацеевской и ее сыновьями на Владимирский уряд кн. А. М. Курбский не явился, из-за чего суд был перенесен. Князя нет в его Ковельском имении. В записи от 23 февраля упомянуто расследование, проведенное Х. Чуватом Туличевским 16 января 1568 г. В записи от 31 марта приведены начальные моменты конфликта между Курбским и Мацеевскими и события 15 января 1568 г.[204]

---

[193] ЛМ-265. Л. 122 — 125 об. (Радошковичи, 15 ноября 1567 г.); *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 401–405 (Радошковичи, 6 ноября 1567 г.).

[194] КГЛ-9. Арк. 524–525 (13 ноября 1567 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 337–338.

[195] КЗВ-5. Арк. 39 – 40 зв. (1 октября 1577 г.); КГВ-13. Арк. 292 — 293 зв. (Радошковичи, 23 ноября 1567 г. в актовой записи от 25 июля 1580 г.). Публикация: ЖКЛВ. Т. 1. С. 13–15. Копию акта см.: *25 июля 1580 г.*

[196] См. *19 октября — 29 ноября 1576 г., 30 июня, 1 октября 1577 г.*

[197] ЛМ-531. Л. 42 об. — 43, публ.: ЛМ. Кн. 531. С. 44 (Радошковичи, 5 декабря 1567 г.). См. *3 ноября 1566 г.* См. также: *Янушкевич А. И.* Ливонская война. С. 267–269.

[198] LMAVB. RS. F. 16–40, F. 5–10v, копия: ЛМ-51. Л. 119, публ.: ЛМ. Кн. 51. С. 117 (Радошковичи, 15 декабря 1567 г. Акт в составе записи от: Койданово, 28 декабря 1567 г.). Отличия в оригинале от копии, как указывала И. Ауэрбах, свидетельствуют о подготовке самого кн. А. М. Курбского к походу в Ливонию.

[199] КГЛ-10. Арк. 10 (Январь 1568 г.). Акт поврежден. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 257. Anm. 51.

[200] КЗЛ-2. Арк. 215 (4 октября 1570 г.). См. также *11 апреля 1568 г.*

[201] См. *20 октября — 21 ноября 1567 г., Начало 1568 г.*

[202] См. *15 декабря 1567 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 127–128.

[203] См. *Около 28 декабря 1567 г.*

[204] КГВ-3. Арк. 3 зв. — 6 (14 января 1568 г.), 20 зв. (23 февраля 1568 г.), 35 — 35 зв. (31 марта 1568 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 126.

30 января. И. И. Калымет вызывает возного Владимирского уряда на присягу жене кн. Василия Курцевича о том, что конь княгини не был украден вижевским ноном[205].

2 февраля — 31 марта. Вплоть до конца марта кн. А. М. Курбского нет в Ковельских имениях, его слуги И. И. Калымет и др. распоряжаются в Ковеле и ведут дела с урядом от его имени[206].

11 апреля — (Ковель). На этот день в 1568 г. приходится Вербное воскресенье, когда должно было состояться рассмотрение дела по жалобам порыдубских подданных на кн. Л. А. Сангушко Коширского. Кн. А. М. Курбский, по всей видимости, был на этом суде в Ковеле и пришел к соглашению с князем Львом[207].

25 апреля — 12 июля — (Гродно). Видимо, кн. А. М. Курбский присутствовал в рядах шляхты на Гродненском сейме. По постановлению сейма король Сигизмунд II Август выдает князю привилей на полученные им еще ранее владения в Унитском повете[208]. И. Ауэрбах ошибочно датирует окончание Гродненского сейма «12 июня 1568 г.». Начало работы сейма датируется по времени приезда в Гродно короля (1 мая) и литовского канцлера М. Ю. Радзивилла (2 мая). Впрочем, шляхта, и в ее числе мог быть кн. А. М. Курбский, собралась в Гродно уже в конце апреля 1568 г.[209]

23 июня. Столкновение на «добровольной дороге» на ярмарку в Торчин между подданным кн. А. М. Курбского Панасом и ковельским евреем Ицко Шмойловичем. Суд растянется до начала следующего года[210].

20–21 июля. 20 июля урядник Кошар нападает на Калиновку, имение вдовы боярина Дехно Мокренского Федоры Богушевны (урожд. Обеской). Слуга кн. Л. А. Сангушко Богдан Волынец 23 июля ссылается на то, что 21 июля был вместе с кн. Львом Сангушко в Луцке. В расследовании, проведенном 23 июля, роль кн. Андрея Курбского никак не обозначена[211]. Его, видимо, нет в ковельских имениях.

27 июля — (Кнышин). В этот день подписан привилей кн. А. М. Курбскому, его будущей жене и потомкам мужского пола на 12 сел в волости Унитской (Криничинское имение)[212].

3 августа. Кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях. На это жаловался владимирский возный Иван Летинский в конце сентября, вспоминая неуважительные неявки Курбского на суд с кн. Л. А. Сангушко[213].

16 августа. Этим днем датирован «лист» короля Сигизмунда II Августа по делу о спорном ковельском имении Туличев — возможно, поддельный[214].

Незадолго до 23 августа — (Гродно). В расследовании на Волыни Ян Нигошевский ссылается на слова Войтеха Магнушевского о его договоре с кн. А. М. Курбским в Гродно («с паном вашим с князем Курским его милостью в Городне»)[215]. Впрочем, слуги Курбского из ковельского села Порыдубы 23 августа отговариваются тем, что никаких распоряжений от Курбского на свой счет не получали[216]. Возможно, договор заключен еще во время Гродненского сейма[217].

23–26 августа — Миляновичи, Порыдубы. В продолжающейся ссоре с Г. Мацеевской кн. А. М. Курбский до этого момента собственной персоной участия не принимает. 23 августа князь составляет в Миляновичах обращение

---

[205] См. *2 февраля — 31 марта 1568 г.*

[206] КГВ-3. Арк. 11 зв. — 12 (2 февраля), 12–13 (4 февраля), 13 зв. — 14 зв. (9 февраля 1568 г.); КГЛ-10. Арк. 41 зв. — 43 (13 февраля 1568 г.); КГВ-3. Арк. 20 (21 февраля), 32 — 32 зв. (15 марта), 33 (19 марта), 35 — 35 зв. (31 марта 1568 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 249. Anm. 11; S. 251. Anm. 19; S. 257. Anm. 52–53; S. 383. Anm. 33; S. 386.

[207] КЗЛ-2. Арк. 214 — 214 зв. (4 октября 1570 г.). См. *4 октября 1570 г.*

[208] КГВ-3. Арк. 43 зв. — 44 (29 апреля, жалоба — на события 25 апреля 1568 г.), 50 (8 мая 1568 г.), 51 зв. (11 мая, жалоба — на события 7 мая 1568 г.), 77 зв. — 78 зв. (11 июля 1568 г.). См. *27 июля, Незадолго до 23 августа 1568 г.*

[209] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 128–129. См.: ЛМ-51. Л. 123; ЛМ-531. Л. 150, публ.: ЛМ. Кн. 531. С. 144; см. также: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 790; *Ferenc M.* Mikołaj Radziwiłł "Rudy". S. 322. Благодарю А. А. Радамана за консультацию.

[210] См. *20 января 1569 г.*

[211] КГВ-3. Арк. 86 зв. (21 июля 1568 г.), 89–90 (25 июля 1568 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 246. Anm. 5; S. 247. Anm. 10; S. 257. Anm. 54.

[212] ЛМ-50. Л. 240 об. — 241, копия: КГВ-15. Арк. 84 — 85 зв. (23 февраля 1582 г.), то же: КЗУ-15. Р. 63v (22 января 1605 г.), то же: LMAVB. RS. F 31-513. L. 1–3 (27 июля 1568 г.). Уп.: LMAVB. RS. F 31-302. F. 1v; F. 31-303. F. 1v (обе выписки — копии "Meritum" в тяжбе старосты плоцкского Якуба Кария с рядом шляхтичей, среди них — со старостой Унитского повета Адамом Пузыной, XVIII в.). См. также: LMAVB. RS. F 31-447; F 16-205. L. 36–36v, 37–38, 39–39v (Выпись из луцкой гродской книги от 19 апреля 1585 г. и список второй половины XIX в.). Публикации: ЖКЛВ. Т. 1. С. 16–18; *Устрялов Н. Г.* Сказания... СПб., 1868. С. 406–407 (Кнышин, 27 июля 1568 г.). См. *23 февраля 1582 г.* Благодарю Германа Брэгера за информацию о материалах из папки F 16-205 Вильнюсской академической библиотеки.

[213] КГВ-3. Арк. 137 (29 сентября 1568 г.).

[214] ЛМ-199. Л. 78 (10 января 1590 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 157. Anm. 257.

[215] КГВ-3. Арк. 115 зв. (25 августа 1568 г.).

[216] См. *23–26 августа 1568 г.*

[217] См. *25 апреля — 12 июля 1568 г.*

на Владимирский уряд и в тот же день отправляется в с. Порыдубы. Три дня спустя он посылает на тот же уряд жалобу, что ожидал Войтеха Магнушевского 23 августа в доме порыдубского войта Хилка Нецеевича вместе с возным Х. Чуватом Туличевским. Но не дождался ни Мацеевских, ни Магнушевского[218]. Неясно, почему И. Ауэрбах делает вывод: «Осенью 1568 г. Курбский возвращается на Волынь»[219]. Из сведений актовых книг волынских судов следует, что кн. Андрей Курбский уже был на Волыни в конце августа 1568 г.

1 сентября — (Ковель, Владимир). Кн. А. М. Курбский приходит на уряд судиться с Мацеевскими. До этого Курбский передал им копию королевского «листа» с требованием явиться на суд с князем 1 сентября. В этот день никто из стороны ответчиков вновь на суде не появился. Суд перерос в скандал — Войтех Магнушевский (Негошевский) настаивал, чтобы Курбский сам и вместе со своими подданными присягнул на условиях «листа», а после отказа в возмущении покинул зал суда. Тогда же Курбский принес присягу, что передавал «лист» с возным Иваном Летинским[220].

14 сентября — (Ковель, Смедынь). Согласно показаниям И. Летинского в суде, Курбский вместе с подкоморьим луцким Михаилом Сербином и судьей луцким Гаврилом Бокием совершает нападение на смедынские владения кн. Л. А. Сангушко[221].

23 сентября. Кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях. Отсутствием князя оправдывает неуплату налогов его слуга М. Богушевский («за небытностю его милости самого у Ковле»)[222].

5 октября — (Варшава). Этим днем датировано письмо короля Сигизмунда II Августа к сборщикам налогов на Волыни кн. Д. Козеке и И. Гулевичу. Видимо, кн. А. М. Курбский в этот день при короле[223].

11 октября — Брестовице. Курбский пишет письмо на польском языке К. К. Острожскому о своей задержке с выплатой налогов[224].

19 октября. И. И. Калымет поручает слуге Миско Шимчичу собрать разбитые соты в Хотешове и заявить иск против урядника речицкого на уряде[225].

11 ноября — (Луцк). По предположению И. Ауэрбах, кн. А. М. Курбский вместе с волынской шляхтой принял участие в местном сеймике, созванном перед Люблинским сеймом[226].

18 ноября. На подданных кн. А. М. Курбского нападают недалеко от Дубно подданные урядника радошинского Гулевичей. По версии Гулевичей, подданные Курбского незаконно рубили их лес[227].

22 ноября — (Ковель). Расследование по невыплате налоговой «совитости» (двойной ставки) с Ковельских имений проходит во Владимирском уряде в присутствии представителя кн. А. М. Курбского, М. Богушевского. На князя жалуются кн. Дмитр Андреевич Козека и Иван Михайлович Гулевич. Кн. Андрей Курбский к этому моменту, видимо, уже в своих ковельских имениях[228].

23 ноября — Ковель. По делу Полагьи Митосовны (Матьясовны), жены Романа Гулевича (о незаконной рубке леса в Радошине), возный И. Летинский вручает кн. А. М. Курбскому в Ковеле «лист упоминальный» от истицы и выслушивает его ответ[229].

28 ноября — (Варшава). В этот день король Сигизмунд II Август призывает в своем «листе» кн. А. М. Курбского присоединиться со своей ротой в 100 копников к гетману Великого княжества Литовского, обещая «заплату с подтъку земъского, водле постановеня сойму Городенского вделаного» (с имений самого же Курбского)[230].

---

[218] КГВ-3. Арк. 115 — 115 зв. (25 августа), 116 (25 августа), 116 — 116 зв. (26 августа 1568 г.), см. «лист» Курбского на польском из Миляновичей, 23 августа 1568 г., скопированный кириллическими буквами: КГВ-4. Арк. 56–58, здесь л. 57 — 57 об. (22 марта 1569 г.). Возный — Т. Ораский. На «потребе» Мацеевских был 23 августа.

[219] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 127, 136, 380, цит. на S. 127.

[220] КГВ-3. Арк. 119 — 121 зв. (1 сентября 1568 г.); см. также: КГВ-4. Арк. 56 (22 марта 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 127.

[221] КГВ-3. Арк. 137 — 137 зв. (29 сентября 1568 г.).

[222] КГВ-3. Арк. 132 зв. (23 сентября 1568 г.).

[223] КГВ-3. Арк. 152 (Варшава, 5 октября 1568 г. В записи от 22 ноября 1568 г.).

[224] КГВ-3. Арк. 153 (Брестовице, 11 октября 1568 г. В составе записи от 22 ноября 1568 г.).

[225] КГВ-3. Арк. 188 — 188 зв. (28 декабря 1568 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 258. Anm. 55.

[226] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 130.

[227] См. *23 ноября 1568 г.*

[228] КГВ-3. Арк. 151 — 153 (22 ноября 1568 г.). См. *5 октября, 11 октября 1568 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 253. Anm. 33.

[229] КГВ-3. Арк. 156 — 156 зв. (26 ноября 1568 г.); КГЛ-10. Арк. 392 зв. — 393 (3 декабря), 396 зв. — 397 (4 декабря 1568 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 130 (здесь неточность в номерах листов источника при ссылке); S. 258. Anm. 56.

[230] ЛМ-531. Л. 144 об. — 145, публ.: ЛМ. Кн. 531. С. 139–140 (Варшава, 28 ноября 1568 г.). См. также: *Янушкевич А. Н.* Ливонская война. С. 271.

2 декабря — (Варшава). В связи с ожиданиями московского похода на Витебск в ноябре Курбский должен был отправиться в Логойск с Юрием Тышкевичем и кн. Р. Ф. Сангушко, но, вероятно, между ротмистрами возникли споры о первенстве, и королю пришлось рассматривать какую-то «почти чародейскую гетманскую справу»[231].

6 декабря — (Варшава, Минск Мазовецкий, Логойск). При короле, или в Варшаве, или уже на пути в Логойск. Король Сигизмунд II Август в письме канцлеру М. Ю. Радзивиллу сообщает, что намеревается отправить кн. А. М. Курбского «на Украину», считая, что это было бы лучше, чем держать князя на сейме или отпустить домой[232]. По замечанию И. Ауэрбах, из волынских актов неясно, был ли князь Андрей Михайлович 11 декабря всё еще в своих ковельских имениях, или от его имени выступали уже исключительно его представители[233]. Письмо короля своему шурину, литовскому канцлеру, заставляет думать, что к началу декабря 1568 г. кн. А. М. Курбский находился при королевском дворе.

6–20 декабря. Нападения 6–11 декабря на ковельские владения обсуждаются во Владимирском суде в отсутствие кн. А. М. Курбского. Спор за Смедынь продолжается при участии ковельских урядников. Возный И. Летинский вручает жалобу кн. А. Ф. Чарторыйскому на его подданных, которые по приказу Курбского были посажены в тюрьму Владимира. В тот же день И. Летинский просит занисать в актовые книги его же жалобу на подданных кн. Л. А. Сангушко, которые 10 декабря напали на имения Курбского[234]. Тогда же, 14 декабря слуги Курбского М. Богушевский и урядник миляновицкий Яким Меньшой заявили во Владимирском уряде, что 6 декабря К. Мацеевская организовала нападение на Вижовскую пущу, велела вывезти оттуда в свое имение Паялы под Ходной ценное дерево, а 9 декабря приказала вывезти оттуда стог сена. Ограблен был также будто бы Порыдубский лес Курбского[235]. Еще 11 декабря Т. Оранский осматривал состояние смедынских подданных, пойманных Курбским. На процессе Курбского представляет И. И. Калымет. Слушание дела отложено[236].

1569 г.

3–7 января. Кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях. На следующий день после праздника Трех Королей, т. е. 7 января, владимирский возный Х. Чуват Туличевский приезжает в Миляновичи для расследования дела о покраже 12 кляч и волов и сена и избиении его подданного, порыдубского поповича Дмитра, на Девицком имении Курбского. Там встречает урядника Я. Меньшого. Тогда же проводится расследование кражи коня 3 января у И. И. Калымета и его слуг, совершённой слугами кн. Л. А. Сангушко, и жалобы М. Богушевского на подданных кн. А. Ф. Чарторыйского, охотящихся в угодьях Курбского. Все эти расследования проводятся в отсутствие Курбского[237].

После 10 января — (Люблин, Логойск). При короле на Люблинском сейме, при гетмане Г. А. Ходкевиче. В дни принесения присяги «обывателей» Владимирского повета о присоединении Волыни к Польше кн. А. М. Курбский на церемонию не явился[238]. В то же время предоставление налоговых реестров «поборцам» в начале мая 1569 г. сопровождалось передачей им письма от Г. А. Ходкевича, а в конце мая урядник Курбского сообщает возному, что его пан на «военной послуге» короля[239].

20 января. В этот день ковельский мещанин Панас, подданный кн. А. М. Курбского, дает показания на Луцком гродском уряде о том, что все убытки от столкновения с ковельским евреем Ицко Шмойловичем ему возмещены[240].

26 января. В этот день на Владимирский уряд явился слуга Л. А. Сангушко, чтобы представить «раздельные» королевские грамоты от 29 декабря 1539 г. его деду кн. А. М. Сангушко и от 26 октября 1553 г. его отцу кн. А. А. Сангушко на раздел между Ковелем и Каширой[241]. Запись в актовой книге призвана доказать право Сангушко на спорные земли — чтобы доказать кн. А. М. Курбскому, куда не имели права заходить подданные кн. В. М. Сангушко Ковельского,

---

[231] AR. Dz. V (Listy domów obcych). № 13980. S. 20 (М. Савицкий — М. Ю. Радзивиллу. Варшава, 2 декабря 1568 г.).

[232] LKZAR. S. 558 (Сигизмунд II Август — М. Ю. Радзивиллу. Минск Мазовецкий, 6 декабря 1568 г.).

[233] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 130.

[234] КГВ-3. Арк. 175 зв. — 177 зв. (14 декабря 1568 г. Запись по заявлению И. Летинского).

[235] КГВ-3. Арк. 177 зв. — 178 зв. (14 декабря 1568 г. По заявлению Я. Меньшого).

[236] КГВ-3. Арк. 182 зв. — 184 (20 декабря 1568 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 252. Anm. 30; S. 258. Anm. 58.

[237] КГВ-4. Арк. 16 зв. — 20 (20 января 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 258–259. Anm. 59.

[238] ЖКЛВ. Т. 1. С. 12, 22.

[239] КГВ-4. Арк. 125 — 126 зв.

[240] КГЛ-11. Арк. 52 зв. — 53. См. *23 июня 1568 г.*

[241] КГВ-4. Арк. 25 зв. — 27 зв. (26 января 1569 г.).

а куда — подданные предков князя Льва. Присутствие Курбского или его поверенных при внесении этой записи было необязательно, поэтому и вывод о его отсутствии на Волыни, конечно, является условным. Впрочем, последующие и предыдущие умолчания о Курбском показывают его неучастие в спорах за волынские имения в эти дни.

27 января. Курбского нет в ковельских имениях. Возного Владимирского повета Х. Чувата Туличевского вызвал И.И. Калымет, чтобы зафиксировать покушение подданного кн. Р.Ф. Сангушко на подданного Курбского[242].

16 февраля — 5 марта. Ни в одной из записей за эти дни нет следов присутствия кн. А.М. Курбского в его волынских имениях[243].

20 февраля (Люблин). Король отклонил «просьбы шляхетские» отобрать у кн. А.М. Курбского Ковель, однако должность старосты кревского Андреем Курбским потеряна[244]. Присутствие Курбского в этот момент или вскоре после этого на Люблинском сейме прямо не подтверждается, но весьма вероятно, учитывая, что речь шла о безотрадной для него перспективе потерять часть имений в Великом княжестве Литовском. По предположению И. Ауэрбах, по меньшей мере до 24 мая князь наверняка находился на военной службе, однако с какого именно времени — точных сведений нет[245].

11 марта. Нет в ковельских имениях. От лица Курбского подана жалоба на кн. Л.А. Сангушко и его супругу А.М. Остик, однако инициатором иска выступил миляновический наместник Курбского Яким Невзоров Меньшов, а сопровождал Х. Чувата Туличевского панцирный боярин Курбского Демид[246].

16 марта — 29 мая. Во всех делах за этот период от имени кн. А.М. Курбского выступают его подданные и судейские урядники. Самого Курбского на Волыни нет. Ни в одном из названных дел, связанных с Ковельским замком и его округой, нет следов присутствия Курбского в его волынских имениях. В ряде случаев прямо указано, что Курбский отсутствует. Так, 27 марта И. Летинский должен был передать ему «уноминальный лист» по иску евреев Шмойло Хаимовича и Даниэля Шмойловича, но Курбского в Ковеле не было. О вызове в суд Летинский оповестил урядников князя (об этом — в записи 29 марта). Ситуация повторилась 31 марта (об этом — в записи 8 апреля). Затем, 28 апреля, на суд по этому делу от Курбского с опозданием явился М. Богушевский, которого уличили в отсутствии полномочий представлять Курбского. Х. Чуват Туличевский ездил еще 24 мая в Ковель, но вновь князя не застал и обсуждал дела по разграничению ковельских имений с Речицей королевского дворянина Петра Чуприсского с Меньшим Невзоровым. Тот прямо заявил, что Курбского «на тот час» был на «военной послуге» (об этом — в записи 29 мая)[247].

6 апреля — (Крево). Этим днем датирован реестр двух сел — кревского Войкгян (Войгяны) и трабского Доркгишек (Доргишки). Села держал «заставным обычаем» за 400 кон гр. воеводич новогрудский маршалок королевский Миколай Павлович Сапега. Курбский выплачивает Сапеге полную «заставную» сумму и принимает, также в «заставу», имения на себя в присутствии королевского дворянина Константина Брындзы[248]. Неясно, где именно заключена сделка, но вероятно — в Крево.

7 июня — 14 июля. Суды ковельских евреев во Владимире проходят в отсутствие кн. А.М. Курбского. Вероятно, что в этот период его в волынских имениях нет[249].

15 июня. Этим днем датирован «выпис» новоселецкого возного из луцких гродских книг по спору кн. А.М. Курбского с Борзобогатыми, возможно — поддельный[250].

16 июля — Люблин. В этот день король Сигизмунд II Август рассматривает судебную тяж-

---

[242] КГВ-4. Арк. 29 зв. — 30 (29 января 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 259. Anm. 60, 61.

[243] КГВ-4. Арк. 37 зв. (16 февраля), 38 зв. — 39 (20 февраля), 42 — 42 зв. (25 февраля), 48 (5 марта), 48–49 (9 марта), 50 — 50 зв. (16 марта), 59 зв. (29 марта 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 259–260. Anm. 63–67.

[244] *Jaroszewicz J.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji. Wilna, 1844. S. 186–189. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 131–132.

[245] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 134. См. *11 марта, 16 марта — 29 мая 1569 г.*

[246] КГВ-4. Арк. 52 зв. — 53 (17 марта 1569 г.).

[247] КГВ-4. Арк. 50 — 50 зв. (16 марта), 55 зв. — 58 (22 марта), 59 зв. (29 марта), 63 — 63 зв. (8 апреля), 77 зв. — 78 (28 апреля), 78 зв. — 79 (29 апреля), 84 — 84 зв. (3 мая), 125 — 126 зв. (29 мая 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 260–261. Anm. 67–69.

[248] AMCh-951. S. 324-327. Данный источник указан Олегом Одноруженко (Киев, Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины). Благодарю коллегу за помощь.

[249] КГВ-4. Арк. 130 — 132 зв. (7 июня), 169 зв. — 171 зв. (14 июля 1569 г.). Второй акт опубликован: ЖКЛВ. Т. 2. С. 1–6. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 261–262. Anm. 70–74.

[250] ЛМ-199. Л. 78 (10 января 1590 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 157. Anm. 257. Подробнее см. здесь в главе «Потомки и Лже-Курбские».

бу какого-то волынца (его имя в источнике не названо) против кн. А. М. Курбского. Король указывает обоим тяжущимся выступить перед судом[251].

16 или 17 июня. Ни в один из этих дней кн. А. М. Курбский не явился на Владимирский уряд, чтобы принести присягу на верность Короне Польской. Причины неясны. Говорили о тяжелой болезни князя, ходили даже слухи о его смерти[252]. Впрочем, «Дневник Люблинского сейма» не оставляет сомнений, что в эти дни кн. А. М. Курбский находился в Люблине[253].

12 августа. И. И. Калымет приказывает конфисковать у урядника Ганны Остик, называя ее княжной Сангушко Каширской, ее имущество на рынке в Ковеле. В суде Калымет доказывает, что конфискация – в компенсацию ограбления подданных кн. А. М. Курбского в Любече подданными кн. Л. А. Сангушко Кошерского. Сторона Ганны Остик заявляет, что она не имеет отношения к князю Льву Сангушко (т. е. ответчицей выступает не княгиня Ганна Миколаевна Сангушко, урожд. Остик, а ее мать, Ганна Остик, княжна Друцкая Любецкая)[254]. В этих событиях и позднее в суде кн. А. М. Курбский не участвует.

14–15 августа – Люблин. К этому времени кн. А. М. Курбский приезжает (возвращается) на сейм в Люблин. При его участии проходит королевский суд по делу о закрытии ковельской синагоги. Очная ставка ковельских евреев с И. И. Калыметом и вручение ему королевского «декрета» происходили при посредничестве возного Владимирского повета Тихно Оранского в отсутствие князя («без бытности его милости... у Ковле») (Калымет не принял «декрет» в отсутствие своего пана). О том, что он был около этого времени в Люблине при короле, Курбский говорит 23 августа владимирскому возному[255].

23 августа – 3 сентября – Люблин, Ковель. 23 августа кн. А. М. Курбский, «приехавши... з Люблина», присылает на Владимирский уряд за возным, чтобы в его присутствии освободить из тюремной ямы посаженных туда И. И. Калыметом евреев. Вновь открыта синагога. Затем до начала сентября длятся расследования по искам ковельских евреев и взаимные претензии подданных Курбского, Ганны Остик (княжны Друцкой Любецкой) и кн. Л. А. Сангушко. В актовой записи от 29 августа выступает И. И. Калымет, отвечающий перед И. Летинским за ограбление подданных Г. Остик. Неясно, был ли рядом в это время кн. А. М. Курбский. Актовая запись от 3 сентября прямо о его присутствии во время разбирательства не упоминает, а лишь указывает, что вызов возного состоялся на его «потребу»[256].

11–19 сентября. 11 сентября Х. Чуват выслушивает отповедь М. Трашковского, который отказывается исполнять королевское постановление по суду ковельских евреев с ковельской администрацией. 14 сентября на Владимирский уряд доставляет жалобу от И. И. Калымета его слуга Андрей, и с ним Х. Чуват отправляется на расследование покражи меда речицкими подданными в Хотешов[257]. И. И. Калымет, Я. Невзорович Меньшой, М. Кудрявец и другие слуги князя организуют нападение 17 сентября на владения кн. А. И. Вишневецкого в Острове Жичине (Ведюшки)[258]. Тогда же, 17 сентября в Ковель ездил владимирский возный Х. Чуват и засвидетельствовал, как И. И. Калымет возвращает жолтинским подданным их живность, обнаруженную в Хотешове[259]. 18 сентября от уряда на расследовании инцидента в Острове Жичине был вид Грицко Захарович[260]. Во всех названных случаях кн. А. М. Курбский как действующее лицо не выступает. Вероятно, его нет в ковельских имениях.

24 сентября – (Вильно). Кн. А. М. Курбский в этот день явился перед Виленским гродским судом по делу покойного к тому времени судьи гродского и наместника виленского Станислава Гамшея, чьи интересы представлял слу-

---

[251] ДЛС. С. 560–561. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 134–135. Anm. 143.

[252] BCz. N 1609. S. 1623; КГВ-4. Арк. 142 – 145 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 22 (17 июня 1569 г.). См.: *Halecki O.* Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569. S. 227. Przyp. 1; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 134.

[253] См. *16 июля 1569 г.*

[254] См. *23 августа – 3 сентября 1569 г.*

[255] КГВ-4. Арк. 197–199, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 7–10 (15 августа 1569 г.). См. *23 августа – 3 сентября 1569 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 134, 246. Anm. 2; S. 247–248. Anm. 10; S. 262–263. Anm. 77, 78.

[256] КГВ-4. Арк. 202 – 203 зв. (23 августа), 211 зв. – 212 (29 августа), 213 зв. – 215 зв. (3 сентября 1569 г.). Акт от 23 августа 1569 г. опубликован: ЖКЛВ. Т. 2. С. 10–13. См. *3 октября 1569 г., 9 января 1570 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 248. Anm. 10; S. 261. Anm. 71; S. 262–263. Anm. 75, 79; S. 264. Anm. 83.

[257] КГВ-4. Арк. 218 зв. – 220 (15 сентября), 227 зв. – 228 зв. (1 октября 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 250. Anm. 17; S. 263–264. Anm. 80, 81; S. 265. Anm. 88.

[258] КГВ-4. Арк. 224 зв. – 225 зв. (26 сентября 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 265. Anm. 85, 86.

[259] КГВ-4. Арк. 226 зв. (1 октября 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 250. Anm. 18; S. 265. Anm. 89.

[260] КГВ-4. Арк. 229–231 (Запись от 9 октября 1569 г. Показания от 7 октября 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 265. Anm. 85, 87.

га М. Ю. Радзивилла Войтех Претоцкий. Гамшей поручил опекунам в своем завещании требовать с Курбского 1200 кон гр. Князь явился сам на суд, приехав «з Волына», и выставил представителя — Каспара Лисецкого[261].

28–29 сентября. Местные евреи обратились во Владимирский уряд с жалобой на избиение их на рынке при участии ковельского войта Матуша Трашковского и его слуг. Последней инстанцией в Ковеле для истцов оказался И. И. Калымет, который отказался принять их жалобу[262]. Вероятно, кн. А. М. Курбского нет в это время в Ковеле.

30 сентября — (Поневеж). В этот день, на следующий после дня св. Михаила, кн. А. М. Курбский был в Унитском земском суде. Продолжался процесс между его поверенным и опекунами С. Гамшея. Курбский участвовал в разбирательстве лично[263].

3 октября. Процесс между Г. Остик и слугами кн. А. М. Курбского перенесен на Владимирский земский суд. Сторона Курбского в этот день на суд не явилась. Суд вновь перенесен[264].

8 октября. М. Ласко Секунский получает от короля Сигизмунда II Августа компенсацию за потерянные им имения Секунь и Шушки Ковельского замка на 40 вл. в Кременецком старостве. Впрочем, в 1579 г. суд за это имение продолжится[265].

11 октября — (Криничин). Державца утенский Матей Рудомина вызывает в Унитский земский суд кн. А. М. Курбского по делу о нападении слуг Курбского на дом мещанина утенского Мартина Сташевича «на доброволном торгу», грабеже, убийстве слуги Рудомины, Павла Яновича, и ранении его сына Яна-Андрияса. Вызов в суд был вручен Курбскому. Его представлял в суде К. Лисецкий[266].

13 октября — (Поневеж). Вновь кн. А. М. Курбский является в Унитский земский суд. В процессе с поверенными С. Гамшея на стороне «небожчика» выступает прокуратор Виленского повета Иван Углик. Видимо, тогда же князь Курбский «домовлял, менячи, же трикрот з Волына ку тому нраву уже ездит»[267]. Вряд ли эти слова подразумевают, что после 24 сентября Курбский дважда возвращался в Ковель и дважды вновь приезжал в Великое княжество Литовское. Вероятнее, что он все дни между 24 сентября и 13 октября находился в своих литовских имениях и ездил по судебным вызовам в Вильно и Поневеж.

14 октября — (Криничин). По вызову М. Рудомины в Унитский земский суд неоднократно к этому времени является поверенный кн. А. М. Курбского К. Лисецкий. Истец не является. «Вынис» выдан об этом из унитских земских книг для князя[268]. По всей видимости, в этот день он еще в своих литовских владениях.

15–20 октября. Я. Невзорович Меньшой прибывает 15 октября в имение Долгопос, где в присутствии Х. Чувата расследует дело о предполагаемом шпионаже мальчика-слуги Яна Бартодейского в пользу кн. Л. А. Сангушко[269]. Кн. А. М. Курбский в этих событиях участия не принимал и как действующее лицо не упоминается. Вероятно, его в эти дни нет в ковельских имениях.

30 октября. Впрочем, расследование Х. Чувата Туличевского покражи вола у туличевского урядника кн. А. М. Курбского не проясняет вопрос о местонахождении князя-старосты[270]. Вероятно, кн. Андрея Курбского в ковельских имениях нет.

7 ноября. Кн. А. М. Курбского нет в его ковельских имениях. Об этом прямо заявляет И. И. Калымет, перенося срок суда владимирскому еврею Зраилю Изаевичу против ковельского мещанина Лаврина Перехрысты. Предлогом для переноса служит отсутствие старосты в Ковеле[271].

19 ноября. В этот день Х. Чуват Туличевский вносит в актовые книги свое расследование по жалобе Якима Невзоровича Меньшого на «похвалки» со стороны слуги кн. Л. А. Сангушко Кошерского, Яна Бартодейского[272]. Х. Чуват ездил по делу кн. А. М. Курбского в Речицу с королевским «листом» и «листом» подкоморія луцкого Михаила Федоровича Хорохоринского и судьи земского луцкого Гаврилы Бокея. Отдали вызов

[261] См. *30 сентября, 13 октября 1569 г.*

[262] КГВ-4. Арк. 226 — 226 зв. (29 сентября), 227 — 227 зв. (1 октября 1569 г.).

[263] См. *24 сентября, 13 октября 1569 г.*

[264] КЗВ-3. Арк. 9 — 9 зв. (3 октября 1569 г.). См. *9 января 1570 г.*

[265] ЛМ-52. Л. 61 — 61 об. (Кишшин, 8 октября 1569 г.), 64 — 64 об. (Кишшин, 8 октября 1569 г.); ЛМ-53. Л. ?? (8 октября 1569 г.). См. *24 июня 1579 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 192–193, 256. Anm. 48 (здесь не указаны номера листов в ЛМ-53).

[266] См. *14 сентября 1569 г.*

[267] КЗУ-1. L. 141–143v (13 октября 1569 г.). См. *24* и *30 сентября 1569 г.*

[268] КЗУ-1. L. 145 (14 октября 1569 г.).

[269] КГВ-4. Арк. 244 зв. — 245 зв. (20 октября 1569 г.).

[270] КГВ-4. Арк. 252–253 (30 октября 1569 г.).

[271] КГВ-4. Арк. 258–259 (8 ноября 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 264. Anm. 82.

[272] КГВ-4. Арк. 288 зв. — 289 (29 ноября 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 248. Anm. 10.

на суд старцу по имени Петраш[273]. Роль кн. Андрея Курбского в этих событиях неясна, но он мог инициировать развитие дела по своем приезде.

26 ноября — (Вильно). Кн. А.М. Курбский в беседе с Иоганном Циром называет себя ближним советником Ивана IV и ведет с ним тайные переговоры о создании антитурецкой лиги[274]. По всей видимости, встреча между Циром и Курбским состоялась накануне или в тот же день. Впрочем, текст сходного содержания читается в письме И. Цира, датированном десятью днями спустя[275].

6 декабря — (Вильно). Кн. А.М. Курбский упомянут И. Циром как тайный сторонник императора Максимилиана II, готовый оказать помощь в формировании антитурецкой лиги. Текст послания вторичен по отношению к письму от 26 ноября 1569 г. и, возможно, относится к более ранней встрече Цира с Курбским[276].

11 декабря — (Вильно). Кн. А.М. Курбский заключает договор с Матеем Рудоминой по делу об убийстве слуг и подданных князя в столкновении, получив в качестве компенсации («навязки») 125 кон гр.[277] Судя по всему, в какой-то момент осенью 1569 г. кн. А.М. Курбский находился в своих литовских имениях, где и произошли столкновения его слуг и подданных с местной шляхтой и простолюдинами.

Конец декабря — (Вильно, Варшава). Видимо, из Вильно кн. А.М. Курбский переезжает в Варшаву. Около этого времени кн. Андрей Курбский, по его словам, «упразднился» от «служб военных»[278].

1570 г.

7 января — (Варшава). Аббат Цир пишет императору Максимилиану II о своей возможной встрече с кн. А.М. Курбским, который советует отправить имперское посольство в Москву для заключения союза против Турции. Прямо о встрече будет сказано в письме от следующего дня[279]. Встреча Цира с князем Андреем Михайловичем состоялась в тот же день или накануне.

8 января — (Варшава). Иоганн Цир отчитывается в письме императору о своей встрече с кн. А.М. Курбским. Впрочем, неясно, встречался ли князь с Циром лично, — в реляции говорится лишь, что он считает себя знатоком ("is affirmat se plurima scire"). В числе прочего князь говорит о готовности направиться к императору Максимилиану II, но только с разрешения короля Сигизмунда II Августа[280].

9 января. Суд с Г. Остик на Владимирском земском уряде вновь перенесен, теперь — из-за неявки стороны Ганны Остик[281].

17 января. Кн. А.Л. Сангушко Коширский дает показания в Луцком земском уряде о том, что на этот день пришлись судебные «роки» по делу порыдубских подданных кн. Андрея Курбского[282]. Неясно, где в этот день Курбский. На суд он не явился.

31 января — (Варшава). Аббат Иоганн Цир ссылается на свой подробный разговор с кн. А.М. Курбским о московских и турецких делах, в котором князь вновь выразил желание встретиться с глазу на глаз с императором Максимилианом II или выступить посредником в делах императора с Москвой, но только с прямого разрешения короля Сигизмунда II Августа[283].

24 февраля. Из актовых записей неясно, где кн. А.М. Курбский, но, возможно, его нет в Ковельских имениях. Х. Чуват Туличевский проводит расследование по искам против слуги кн. Л.А. Сангушко, Яна Бартодейского. Пострадавшие — жена миляновического урядника Я. Невзоровича Ганна и ковельский мещанин Мацко[284]. Курбский как действующее лицо не фигурирует.

---

[273] КГВ-4. Арк. 289 — 289 зв. (29 ноября 1569 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 248. Anm. 10.

[274] HHStA-W. Polen I. K. 14. Fasc. 9f. F. 29 (Вильно, 26 ноября 1569 г.).

[275] См. *6 декабря 1569 г.*

[276] HHStA-W. Polen I. K. 14. Fasc. 9f. F. 133 (Вильно, 6 декабря 1569 г.). См. *26 ноября 1569 г.*

[277] ЛМ-265. Л. 277 (Варшава, 14 июля 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 138–139.

[278] NM. Bd. 1. F. 6v.

[279] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9e. F. 4v–5 (Варшава, 7 января 1570 г.), публ.: Scriptores rerum Polonicarum. T. 1. S. 134, а также: *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 457, 460–461, 463. См. также: *Völkl E.* Die Beziehungen Ivans des Schrecklichen zum Reich. S. 16; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 166. Anm. 293. См. также *8 января 1570 г.*

[280] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9e. F. 15v (Варшава, 8 января 1570 г.), публ.: *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 457, 461, 464.

[281] КЗВ-3. Арк. 47 зв. — 48. См. *12 августа, 23 августа — 3 сентября, 3 октября 1569 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 264–265. Anm. 84.

[282] КЗЛ-2. Арк. 109 — 109 зв. (17 января 1570 г.).

[283] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9e. F. 55v-56 (Варшава, 31 января 1570 г.), публ.: *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 457, 462, 464–465. Я. С. Лурье получил неверные сведения о датировке данного послания и привел их в своей публикации, отнеся данное письмо к 31 марта 1571 г. Это ошибка. Основной текст письма содержит датировку, которая читается без затруднений.

[284] КГВ-5. Арк. 23–24 (24 февраля 1570 г.). См. также *15–20 октября 1569 г.*

1 марта. Возможно, кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях. И. Летинский ездил в Ковель на «нотребу» Курбского, однако сам суд между И. И. Калыметом и гданьским немцем Юрием Фукгулем (Фогелем) проходил без участия князя[285].

15 марта. Возможно, кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях. В деле ковельских евреев присутствие Курбского в его имениях никак не отразилось[286]. В тот же день в Туличеве был Х. Чуват, чтобы по вызову местного урядника Ивана Посника осмотреть раненых подданных Курбского, которые обвинили в своих бедах И. П. Калусовского Младшего[287]. Присутствие Курбского в деле никак не отмечено.

8–11 апреля — (Ковель). 8 апреля владимирский возный Т. Оранский вместе со служебником кн. А. И. Вишневецкого ездил в Ковель и отдал кн. А. М. Курбскому королевский «лист», предписывающий разделить границы между Видютой Вишневецкого и Вижвой Курбского. Срок раздела имений был назначен через четыре недели[288].

20–21 апреля. Нет прямых упоминаний кн. А. М. Курбского в расследовании Т. Оранским по обвинению миляновическим урядником Михаилом Кудрявцем селянина порыдубского Ивана Грицковича в покраже коровы у слуги Мацеевских[289].

18–30 апреля — (Ковель). Х. Чуват возил королевский «лист отрочный» по поводу суда между кн. А. М. Курбским и кн. А. И. Вишневецким за Остров Жичин (назначенного на субботу шестой недели после Пасхи). Во вторник на пятой неделе после Пасхи возный разыскивает подкомория владимирского Александра Семашко и подкомория кременецкого Ивана Патрикея, но так и не находит. Семашко к тому времени уехал в Варшаву. По просьбе Курбского возный выясняет, куда подевался Патрикей, после чего отправляется в имение кн. Андрея Вишневецкого Видюта[290].

29 апреля — 11 июля — (Ковель, Варшава). В эти дни проходит Варшавский сейм, на котором кн. А. М. Курбский должен был уже в конце апреля — начале мая 1570 г. предстать перед королем Сигизмундом II Августом с финансовым отчетом о Кревском старостве[291].

12–26 июня. Возможно, кн. А. М. Курбский выезжал из своих имений до июля, но какое-то время он мог находиться в своих ковельских имениях[292]. Формально, по его вызову 12 и 26 июня Х. Чуват Туличевский расследовал дело об избиении подданных Хотешова, покраже ульев в Хотешове и свиней и их предположительном вывозе в Речицу, разорении рыболовных снастей на озере Урочище (Врочище) и срытии пограничных «концев»[293].

20 июня — Варшава. Этим числом датируется договор Курбского с Каспаром Мацеевским о разделе имений. Права на Порыдуб закреплены за Курбским. Мацеевский обязуется до Трех Королей (6 января) 1571 г. компенсировать все убытки порыдубских подданных Курбского под страхом штрафа в 1500 зл. и получения Курбским права вступить в любое имение Станислава и Каспара Мацеевских на этой сумме. Мацеевские не должны препятствовать при этом Курбскому и его слугам под штрафом 3 тыс. зл. королю и 2 тыс. зл. Курбскому[294].

22 июня — Варшава. Этим числом датируется письмо О. Б. Воловича кн. Л. А. Сангушко по поводу его споров о границах с владениями кн. А. М. Курбского. Остафий Волович ссылается на слова Курбского, следовательно, вероятно присутствие князя Андрея Курбского в тот момент в Варшаве[295].

28 июня — 4 июля — (Варшава). Вероятно, кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях, когда возобновилось расследование конфликтов между Хотешовом и Речицей и нападения

[285] КГВ-5. Арк. 27–28 (5 марта 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 248. Anm. 10; S. 265–266. Anm. 90.

[286] КГВ-5. Арк. 47 — 47 зв. (15 марта 1570 г.).

[287] КГВ-5. Арк. 72 зв. — 73 (9 апреля 1570 г.).

[288] КГВ-5. Арк. 80–81 (11 апреля 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 266. Anm. 91.

[289] КГВ-5. Арк. 93 зв. — 95 (22 апреля 1570 г.). Дата записи, возможно, неточна. Т. Оранский говорит, что «позавчера», 21 апреля, ездил на расследование, а это значит, что либо его поездка состоялась 20 апреля, либо запись относится уже к 23 апреля. Данных о Курбском нет, но, судя по следующей «потребе» Курбского, в которой его присутствие в ковельских имениях доказано, есть вероятность, что он и 20–21 апреля находился в Ковеле или как раз в Миляновичах и поддержал расследование против своего подданного.

[290] КГВ-5. Арк. 113 — 113 зв. (2 мая 1570 г.).

[291] КГВ-5. Арк. 225 об. — 227 (22 августа), 268–272 (29 сентября 1570 г.); КГЛ-12. Арк. 417 зв. — 418 (3 августа 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 138.

[292] См. также *22 июня 1570 г.*

[293] КГВ-5. Арк. 157–158 (12 июня), 162 зв. — 163 (26 июня 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 248. Anm. 10; S. 266. Anm. 92.

[294] КГВ-6. Арк. 133–134 (Варшава, 20 июня 1570 г. Копия в записи: 24 апреля 1571 г.). Публикация договора по копии от 11 января 1571 г.: ВГ. С. 105–106. См. также *23 апреля 1571 г., 29 сентября 1573 г.*

[295] КГВ-5. Арк. 170 зв. — 171 (8 июля 1570 г.).

судьи гродского владимирского Ивана Петровича Калусовского и его младшего брата Ивана на Дунную Могилу на Потонленицах в Туличевском имении Курбского. Это расследование проводилось 28 июня[296]. Курбский прямо не назван, его постоянно замещает И. И. Калымет. А уже 4 июля И. Летинский передавал по вызову Курбского (или от его лица) письма О. Б. Воловича урядинку речицкому Павлу Домашовскому. Возможно, ссылка Воловича в письме на слова, сказанные ему Курбским, говорит о том, что с середины июня Курбский выезжал в Варшаву[297]. Нельзя исключать, что там же князь находился и в начале июля[298].

6 июля. Жалоба на оскорбительные слова И. П. Калусовского в присутствии туличевского урядника Якуба Поддембковского и подданных князя звучит, когда самого кн. Андрея Курбского, видимо, нет на Волыни[299].

13–17 июля. 13 июля Х. Чуват продолжает расследовать «шкоды», нанесенные Хотешовскому имению, 15 июля едет к урочищу того же имения, где описывает убытки. Расследование нападения кн. А. И. Вишневецкого на ковельское местечко Вижва проводит тот же Х. Чуват, опрашивая урядников кн. А. М. Курбского Михайло Кудрявца и И. И. Калымета[300]. Кн. А. М. Курбский нигде прямо как действующее лицо не упомянут. Видимо, его нет в ковельских имениях.

14 июля — (Варшава). Суд перед Панами радой кн. А. М. Курбского с Матеем Рудоминой по иску об избиении «товарищей» роты Курбского. Суд приговорил Рудомину выплатить 125 кон гр. компенсации и еще 1 тыс. кон гр. штрафа или расплатиться с истцом на своем имуществе[301]. Видимо, около того же времени на Варшавском сейме Курбский пришел к договоренности с Мацеевскими[302].

19 июля — Варшава. Аббат Иоганн Цир пишет Максимилиану II, что «часто встречается» в эти дни с кн. Андреем Курбским и обсуждает с ним лигу против Турции[303]. В этот же день слуга кн. А. М. Курбского Олексей Бенедиктович обращается на Владимирский уряд с иском по убыткам, нанесенным Хотешову и Вижве[304].

22 июля — 1 августа. Кн. А. М. Курбского нет в его ковельских имениях (вероятно, он в Варшаве или в разъездах)[305]. 22 июля Х. Чуват Туличевский был «придан» И. И. Калымету для дальнейшего расследования «справы» на границе Хотешова и Речицы. 24 июля в Ковель приезжал Т. Оранский. Привозил Курбскому и кн. А. И. Вишневецкому от короля «лист» с указанием «року» суда за Остров Жичин. В Ковеле не было ни князя, ни И. И. Калымета, в Миляновичах урядник также отсутствовал. Приход на уряд И. И. Калымета 28 июля и 1 августа также никак не раскрывает, что Курбский уже в своих ковельских имениях. Тогда же Т. Оранский обсуждал с кн. А. И. Вишневецким спор за Остров Жичин и дату съезда Курбского и Вишневецкого с королевскими комиссарами. Поездка в Ковель закончилась встречей с И. И. Калыметом и другими слугами князя Андрея Михайловича. Поверенным было сказано, что Курбского здесь нет[306].

26 июля — Варшава. Аббат Цир сообщает о своей беседе с кн. А. М. Курбским утром этого дня о нападении татар на владения Московского государства[307].

---

[296] КГВ-5. Арк. 168 зв. — 170 зв. (6 июля 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 247. Anm. 9; S. 248. Anm. 10; S. 266. Anm. 93.

[297] КГВ-5. Арк. 170 зв. — 172 (8 июля 1570 г.). См. *22 июня 1570 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 267. Anm. 95 (здесь актовая запись датирована «7 июля 1570 г.»).

[298] См. также *14 июля 1570 г.*

[299] См. *28 июня — 4 июля 1570 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 141–142.

[300] КГВ-5. Арк. 179–180 (19 июля), 180 — 180 зв. (19 июля 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 251–252. Anm. 27, 28; S. 267. Anm. 96, 97.

[301] ЛМ-51. Л. 238 об. — 244. См.: *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское... Т. 1. С. 707; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 139. См. также *11 декабря 1569 г., 1 августа 1570 г.*

[302] КГВ-5. Арк. 211 зв. — 213 (10 августа 1570 г.).

[303] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9g. F. 29 (Варшава, 19 июля 1570 г.). Неполное воспроизведение с небольшими помарками в прочтении см.: *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 462, 465 (перевод). Точнее читать "pro responso interpellor" (вместо "interpellere", как у Я. С. Лурье), а финальная часть отрывка важна для понимания того, что речь идет именно о приватных встречах аббата Цира с Курбским: "Viderit V-*est*-ra Sa-*cra* Caes-*area* Ma-*iesta*-t-*i*-s pro sua divina prudentia, quid in rem sit Christianae Reip-*u*-bl-*icae* Oc-*cidenti*-s clamant nunc divinitus Rei b-*e*-n-*e* gerendae q-*on*-tra Crucis Chri-*sti* hostes offerri talem occ-*asi*-o-*n*-em q-*u*-alis non fuerit ab aliq-*u*-ot seculis".

[304] См. *13–17 июля 1570 г.*

[305] См. *26 июля 1570 г.*

[306] КГВ-5. Арк. 183 зв. — 184 (25 июля), 184–185 (25 июля), 188 зв. — 189 зв. (28 июля), 198 зв. — 200 (1 августа), 200 зв. — 201 зв. (2 августа), 251 зв. — 254 (9 сентября 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 248. Anm. 10; S. 249. Anm. 13, 14; S. 252. Anm. 29; S. 267–268. Anm. 98–102.

[307] HHStA-W. Polen I. K. 15. Fasc. 9g. F. 44 (Варшава, 26 июля 1570 г.). Воспроизведение с помарками в прочтении см.: *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II... С. 462–463, 465 (перевод). Здесь следует читать "suos ea de causa" (вместо "suosmet de causa"), "millibus fere" (а не "millibuse fere"), "quod nunquam antea

28 июля — Варшава. Этим днем датировано заявление кн. А. М. Курбского о завершении Варшавского сейма, направленное на Луцкий уряд[308].

29 июля. В этот день подданные владимирского подсудка Гаврило Ивановича Яковицкого совершили нападение на Нюйно. Кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях[309].

1 августа — (Варшава). Кн. А. М. Курбский вступает в компромиссную сделку с М. Рудоминой и соглашается получить от него по суду не 1125 коп гр., а лишь 475. Остальные 650 коп гр. Курбский должнику «отпустил». Срок расплаты назначен на 8 недель в доме Рудомины в Вильно. Впрочем, прямо о присутствии князя Андрея Михайловича на этом суде в акте не сказано[310].

5–6 августа — (Ковель, Миляновичи). К этому времени Курбский вернулся в свои ковельские имения. Именно этим числом датирована его жалоба во Владимирский уряд, что кн. А. И. Вишневецкий Остров Жичин в своем «листе» называет своим. В тот же день произошло нападение урядника Мацеевских Адама Моцарского на с. Порыдубы. Расследование на следующий день начал И. Летинский, заставший князя в Миляновичах. У него в гостях были кн. Б. Ф. Корецкий и Г. Бокий. Спор вызвала дата суда, согласно королевскому письму, — 25 августа. Кн. А. И. Вишневецкий ее не признавал[311].

7 августа — (Ковель). Т. Оранский продолжает дело по разделу Острова Жичина. Кн. А. М. Курбский на суд не является, но он в Ковеле. Когда за ним присылают, он отвечает, что не знал о сроке явки на 7 августа, в его вызове значится 25 августа. Этот день и был назначен для встречи кн. А. М. Курбского и кн. А. И. Вишневецкого в суде[312].

13–18 августа — (Ковель, Миляновичи). 13 августа И. Летинский отвез А. Семашко «лист отрочный» (о переносе суда кн. А. М. Курбского с кн. А. И. Вишневецким на 25 августа). Такой же «лист» пять дней спустя был доставлен в Ведюты кн. А. И. Вишневецкому, но он его не принял. Курбский упоминается прямо в записи разговора с ним 18 августа, он всё так же у себя в Ковеле или Миляновичах. Сообщает о нападении подданных кн. А. И. Вишневецкого на его владения за р. Ракитницей в ночь с 14 на 15 августа[313].

22–24 августа — (Ковель, Миляновичи). Кн. А. М. Курбский у себя в Ковельском имении. 22 августа он настоял, чтобы Т. Оранский всё же вручил кн. А. И. Вишневецкому «лист отрочный», но тот возмущается недостаточным сроком для подготовки встречи[314]. Как результат князь Андрей Михайлович жалуется во Владимирский уряд о том, что отсрочки со стороны его противника чинятся «з немалым уближенем справедливости», «з великою кривдою и шкодою» для Курбского. Разговор с кн. А. М. Курбским записан со слов Х. Чувата Туличевского[315].

25–27 августа — (Ковель, Порыдубы). 25 августа кн. А. М. Курбский направляет И. И. Калымета на пограничную встречу с кн. А. И. Вишневецким. Сам князь Андрей Михайлович не выехал на встречу, считая, что «рок» на встречу не установлен: «Рок мой еще не пришол». Он потребовал даже, чтобы и комиссары на встречу не ездили. На следующий день кн. А. И. Вишневецкий обвинил его в своей жалобе на Владимирский уряд, что он не выехал. Осмотр «концов» вдоль р. Вижвы закончился боевой стычкой Александра Семашко и Дмитра Городенского с вооруженным отрядом Курбского в 400–500 воинов во главе с И. И. Калыметом[316]. В качестве свидетелей на месте столкновения оказались воеводич волынский кн. М. А. Чарторыйский и брат Андрея кн. К. И. Вишневецкий. Они также пожаловались на агрессию со стороны кн. А. М. Курбского. Вместе с их показаниями записан отчет о расследовании Т. Оранского[317]. 27 августа Курбский присылает на Владимирский уряд жалобу на кн. А. И. Вишневецкого, приводит доводы в пользу отложения «справы» и перечисляет ранения своих слуг, полученные во время погра-

factum dicitur" (а не "quod numquam factum dicitur"). Финал отрывка, который в публикации Я. С. Лурье опущен и обозначен отточиями: "Putant [*зачеркнуто:* exa] nonnulli huius acceptae calamitate dolore exacerbatum facile concilari ferocem barbarum posse, ut vindictae studio [*зачеркнуто:* de] q- tra Turcas bellum suscipiat, quicquid per suum illum qui. Constantinopoli esse scribit Taranowskius nuntius de pace cum illis constituenda agere coeperit".

[308] КГЛ-12. Арк. 417 зв. — 418 (3 августа 1570 г.).

[309] См. *9 сентября 1570 г.*

[310] ЛМ-265. Л. 284–286 ([Варшава], 1 августа 1570 г.). См. *26 сентября 1570 г.*

[311] КГВ-5. Арк. 207 зв. — 213 (10 августа 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 139–140.

[312] КГВ-5. Арк. 206 зв. — 207 зв. (9 августа 1570 г.).

[313] КГВ-5. Арк. 225 зв. — 227 (22 августа), 227 зв. — 228 зв. (22 августа 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 248. Anm. 10; S. 339. Anm. 34.

[314] КГВ-5. Арк. 232 зв. — 233 (28 августа 1570 г.).

[315] КГВ-5. Арк. 229–230 (24 августа 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 249. Anm. 10.

[316] КГВ-5. Арк. 230 — 230 зв. (26 августа 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 268–269. Anm. 105.

[317] КГВ-5. Арк. 231–236 (28 августа 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 268–269. Anm. 103, 104, 105.

ничного столкновения 25 августа[318]. По предположению И. Ауэрбах, кн. А. М. Курбский между 25 и 27 августа лично совершил поездку в Порыдубы и вернулся в Ковель[319].

4 сентября — (Ковель). Жалоба кн. А. И. Вишневецкого на разорение пограничных «концов» и «подране бчол» в Острове Жичине. Обвиняет И. И. Калымета[320]. Прямо о местонахождении кн. А. М. Курбского на момент подачи жалобы ничего не сказано.

9 сентября — (Ковель). На этот день была назначена явка Курбского на Владимирский уряд. Ответчиком выступал поверенный подсудка земского Владимирского повета Гаврило Ивановича Яковицкого вилкомирский шляхтич Григорий Коноть. Процесс затянулся до следующего года[321]. Впрочем, Г. И. Яковицкий на суд не явился, а кн. А. М. Курбский в этот день мог проигнорировать вызов, находясь в одном из своих имений на Волыни.

24 сентября — Ковель. Поездки Х. Чувата Туличевского в Ковель оборачиваются встречей со слугами князя и поездками вместе с Максимом (Миско) Клечковским к кн. А. И. Вишневецкому и кн. М. А. Чарторыйскому[322]. Этим днем в Ковеле датирован «лист» кн. А. М. Курбского земянину ковельскому Ивану Тихновичу Дворецкому, который своему зятю миляновскому войту Миколаю Богушевскому продает за 40 кон гр. половину (4 вл.) своего ковельского Добрынского (Дворецкого) имения, которое получил еще во время «номеры волочное» Ковельского имения Казимиром Ледницким. Кн. А. М. Курбский дал согласие на эту сделку[323]. Декреты короля Сигизмунда II Августа передал Х. Чувату Туличевскому для предъявления кн. А. И. Вишневецкому и кн. М. А. Чарторыйскому лично кн. А. М. Курбский в этот день в Ковеле[324].

26 сентября. На этот день была назначена расплата по долгу М. Рудомины кн. А. М. Курбскому или его уполномоченному в Вильно. Как это произошло, неизвестно[325].

29 сентября — (Луцк). Согласно более позднему упоминанию, на день св. Михаила 1570 г. Луцкий гродский уряд присудил кн. А. М. Курбскому 225 кон 30 гр. с кн. Г. Л. Сангушко по смерти его отца, князя Льва. Срок был установлен на 24 июля 1571 г.[326] Вероятно, кн. Андрей Курбский был в тот день в Луцке.

1 октября. Курбский при короле, добивается получения «листа» за подписью Франциска Красицкого с предписанием князьям Вишневецким прекратить «отповеди и похвалки» на здоровье кн. А. М. Курбского под закладом в 2 тыс. кон гр.[327]

4 октября. Курбский при короле. От его лица в Луцком земском уряде выступает королевский дворянин Иван Бурына Очи и показывает «моц» вызвать Михаило Ело Малинского и Григория Гулевича «в кривдах» от князя Андрея Михайловича (по делу порыдубских подданных — долг и «совито» составили уже 40 кон гр. и 80 волов от кн. Л. А. Сангушко)[328].

5 октября. На Луцкий уряд является слуга кн. А. М. Курбского Яцко Жаба с жалобой от своего пана. Представители кн. А. И. Вишневецкого Александр Богданович Семашко и Иван Патрикей Курозвонский вызваны на королевский суд на срок через восемь недель от 4 октября 1570 г. по обвинению в пренебрежении установленными королем сроками раздела имений в Острове Жичине[329].

11 октября. Миссии в Ковель и Ведюту И. Летинского от Владимирского уряда для прекращения конфликта за Остров Жичин не требовали присутствия кн. А. М. Курбского и его участие в этих миссиях никак не отразили. Требовалось лишь передать от него кн. А. И. Вишневецкому решение короля Сигизмунда II Августа отложить королевский суд по разграничению в Острове Жичине с 24 октября еще на три недели. Братьям-князьям Константину и Андрею Вишневецким королевским постановлением запрещено угрожать жизни кн. А. М. Курбского под штрафом в 2 тыс. кон гр.[330] Возможно, кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях.

---

[318] КГВ-5. Арк. 236 — 239 зв. (29 августа 1570 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 268–269. Anm. 105.

[319] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 140.

[320] КГВ-5. Арк. 243 зв. — 244 (4 сентября 1570 г.).

[321] КГВ-5. Арк. 251 зв. — 254 (9 сентября 1570 г.). См. *29 июля, 30 декабря 1570 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 143–144, 269–270. Anm. 107.

[322] КГВ-5. Арк. 268–272 (29 сентября), 273 зв. — 274 (29 сентября 1570 г.).

[323] КЗВ-5. Арк. 17 — 18 зв., сама запись на л. 18 — 18 об. (6 июня 1577 г. Запись внесена во владимирские гродские книги и скопирована 18 ноября 1576 г.); КГВ-6. Арк. 235 зв. — 237 (16 августа 1571 г. Запись под датой: Ковель, 24 сентября 1570 г. — на л. 236 — 236 об.). См. *16 августа 1571 г.* Публикация текста договора: ЖКЛВ. Т. 1. С. 27–28.

[324] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 141.

[325] См. *1 августа 1570 г.*

[326] КГЛ-458. Арк. 284–286 (24 июля 1571 г.).

[327] КГВ-5. Арк. 298 (14 октября 1570 г.).

[328] КЗЛ-2. Арк. 213 — 215 зв. (4 октября 1570 г.). См. *21 декабря 1567 г., 11 апреля 1568 г.*

[329] КГЛ-12. Арк. 502 — 502 зв. (5 октября), 502 зв. — 503 (5 октября 1570 г.).

[330] КГВ-5. Арк. 292 — 296 зв. (13 октября), 296 зв. — 298 (14 октября 1570 г.). Последний акт И. Ауэрбах да-

17–18 октября. Возможно, кн. А.М. Курбского нет в ковельских имениях. В новом обострении на видютско-вижевской границе основное бремя расследования падает на урядников, со стороны Курбского — на М. Кудрявца[331]. Сам князь Андрей Михайлович нигде как присутствующий в своих имениях не упомянут.

Конец октября — (Дубно). Кн. А.М. Курбский в это время гостит у кн. К.К. Острожского[332].

Ноябрь–декабрь — (Вильно, Варшава, Минск Мазовецкий). Курбский при короле. По мнению И. Ауэрбах, очередное сближение кн. А.М. Курбского с королевским двором и поддержка королевскими декретами в его конфликтах на Волыни связаны с распространившимися слухами о смерти Ивана IV. На князя возлагались надежды, что он возьмет на себя переговоры с московской знатью от лица короля[333].

Незадолго до 11 ноября — (Ковель, Дубровица). Венчание с Марией Юрьевной Козинской (княжной Гольшанской)[334].

11–12 ноября — (Дубровица). Видимо, 11 ноября супруги Курбские были всё еще в Дубровице, а 12 ноября произошел конфликт между сестрами, княжнами Гольшанскими, в имении Ганны Мыльской. По версии Курбских, княжна Ганна Гольшанская, супруга О. Кирдея Мыльского, напала на сестру, кн. М.Ю. Курбскую, и отобрала у нее 12 возов ценных вещей на пути из Ковеля в Дубровицу. Коморник короля Бартош Берецкий (Бирецкий) в ответ на эти упреки заявил в «господе» Курбских во Владимире, в начале 1571 г., что подводы 11–12 ноября ехали не в Ковель, а к Ганне Мыльской, и ценных вещей было три воза. Г.Ю. Мыльская заявила, что ценности получены княгиней Марией «в презыску». Коморник предложил тогда отобрать лучшие, наиболее ценные вещи с возов. Можно предположить, что иск в Пинский уряд был подан со стороны Мыльских, однако актовые книги этого региона не сохранились, а поверенные явились в поисках Курбских во Владимир-Волынский уже в начале 1571 г.[335]

16–19 ноября — (Дубровица). Согласно показаниям О. Кирдея Мыльского, 16 ноября по личному приказу кн. А.М. Курбского его слуги во главе с урядником по имени Яцко совершили нападение на его долю Дубровицкого имения, причинили убытки, увели в плен. А 19 ноября вновь по приказу князя было совершено нападение во главе с тем же урядником на церковь Св. Юрия и в разных местах на горожан в Дубровице[336].

25 ноября. Незадолго до этого вызов кн. Д.И. Козеки по правам на имение М.Ю. Курбской и ее родственников на имение Осмиговичи определяет срок явки — на Трех Королей следующего, 1571 г.[337] Где именно с этим вызовом познакомился кн. А.М. Курбский, не сказано.

25–28 ноября — Варшава. Кн. А.М. Курбский вместе с женой, княгиней Марией Курбской, выступает перед королем Сигизмундом II Августом от имени своей жены по иску против ее сестры Ганны Мыльской. В субботу 25 ноября Мыльские не являются на «рок завитый» на суд. В воскресенье и понедельник Курбские просят суд принять постановление по неявке ответчиков. 28 ноября король назначает слушание дела на первый день после Громниц, 3 февраля 1571 г.[338]

30 ноября — Варшава. Кн. А.М. Курбский лично жалуется Сигизмунду II Августу на незаконное вторжение («увязанье») Мыльских в Дубровицкое имение при участии королевского коморника Бартоша Берецкого, несмотря на то что имение входит в границы Великого княжества Литовского[339].

1 декабря — (Минск Мазовецкий). В письме литовскому канцлеру М.Ю. Радзивиллу король Сигизмунд II Август упоминает кн. А.М. Курбского, обсуждая его возможное участие в переговорах с московской знатью[340].

3 декабря. Подданные князей Курбских из Дубровицы в этот день напали на подданных Миколая Криштофа Радзивилла, приехавших из Олиты. Судя по реакции Курбских, они были к этим событиям, по всей видимости, непричастны. М. Радзивилл вызвал князя на суд в Пинск на 5 марта 1571 г., но полюбовное соглашение было достигнуто на королевском суде еще раньше[341].

тирует «13 октября 1570 г.», однако это ошибка. См.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 142. Anm. 181.

[331] КГВ-5. Арк. 332 зв. — 333 (30 октября 1570 г.).

[332] КГЛ-12. Арк. 575 зв. (10 ноября 1570 г.).

[333] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 143.

[334] См. *11–12 ноября 1570 г.*

[335] См. *6 января 1571 г.*

[336] См. *11 декабря 1570 г.*

[337] КГВ-5. Арк. 361 — 361 зв. (30 ноября 1570 г.); КГВ-6. Арк. 11–13 (12 января 1571 г.). См. *6 января 1571 г.*

[338] ЛМ-268. Л. 341–342 (Варшава, 28 ноября 1579 г.). См. *3 февраля 1571 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 143, 221.

[339] ЛМ-268. Л. 342 — 342 об. (Варшава, 30 ноября 1579 г.). См. *11–12 ноября 1570 г.*

[340] LKZAR. S. 587 (Сигизмунд II Август — М.Ю. Радзивиллу. Минск (Мазовецкий), 1 декабря 1570 г.). См. также: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения... С. 45; *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 143.

[341] См. *23 февраля 1571 г.*

11 декабря — (Варшава). Жалоба О. П. Кирдея Мыльского на бесчинства кн. А. М. Курбского и его урядника и слуг в Дубровице. Возможно, князь в это время в досягаемости в Варшаве или поблизости от столицы[342].

26 декабря — И. И. Калымету сообщают, что в имении его пана и пани Дубровице обнаружены вызовы в суд через четыре недели, но в вызовах нет указания, каким числом они датированы[343]. Неясно, принимал ли участие лично кн. А. М. Курбский в продолжившемся споре с Г. И. Яковицким. Он, по словам Яковицкого на уряде, жаловался кн. К. К. Острожскому на неявку своего ответчика, тогда как, по его словам, он не знал о сроке («одно ижем року пробачил»). И. И. Калымет согласился установить новые «роки» на 2 января 1571 г.[344] Курбский в числе действующих лиц не назван. Видимо, его нет в Ковельских имениях.

30 декабря. Г. И. Яковицкий дает показания на Владимирском уряде, что не явился на суд с кн. А. М. Курбским в сентябре по забывчивости и заявляет о готовности прийти лично в Ковель 2 января 1571 г. и возместить убытки[345]. Кн. А. М. Курбского в это время на Волыни нет.

Конец декабря (Варшава). Кн. А. М. Курбский должен был расплатиться со своим слугой Григорием Конотем и его «пахолком» Якубом Оксимонтовичем. Конотя называет слугой Курбского и кн. Д. И. Козека, говоря в начале 1571 г., что так и не дождался Курбского и его новых свойственников в конце 1570 г. на суде[346]. Впрочем, к началу 1571 г. Курбский был в своих волынских имениях и во Владимире[347].

1571 г.

2 января — (Ковель). Возможно, эта дата была принята на Владимирском уряде совместно с представителем кн. А. М. Курбского с учетом графика поездок самого князя, и к этому времени он уже вернулся в Ковель[348].

6 января — Владимир. На день Трех Королей Х. Чуват Туличевский ходил от Владимирского земского уряда в «господу» княжеской четы А. М. и М. Ю. Курбских во Владимире. В доме местного мещанина Олехно Вороновича («на Запятничи») застал обоих супругов и вручил им три «листа» короля по жалобе Олизара Кирдея Мыльского. Из жалобы следует, что Курбские угрожали возному Пинского повета Михно Качановскому, приезжавшему к ним от уряда, держали в неволе двух слуг Мыльских и захватили с. Нивицк (Нивецк) в Дубровицком имении. Курбский выступил перед возным с заявлением, что все упреки Мыльских несправедливы: никому «на здорове» не угрожали, село держим по судебному постановлению, никаких слуг Мыльских в плену не держим. Наоборот, князь возложил вину на Мыльских, которые преследуют его жену и не дают ей спокойно даже своих вещей из Дубровицы в Ковель перевезти[349].

11 января — Владимир. Кн. А. М. Курбский направляет луцкого земского возного Марко Збраного в Любеч на расследование по своему спору с кн. Л. А. Сангушко[350]. В этот же день чета Курбских поручает Григорию Конотю отстаивать их интересы в борьбе за Осмиговичи[351].

12 января — Владимир. Курбские и дочь княгини Марии, Барбара Михайловна (урожд. Козинская), во Владимире. Князь ведет судебное дело против кн. Дмитрия Андреевича Козеки. И. Ауэрбах полагает, что Курбские отправились во Владимир только 12 января, однако это предположение опровергается рядом свидетельств[352].

31 января — (Ковель). Возможно, кн. А. М. Курбский в этой время в своих имениях или у жены. И. И. Калымет на Владимирском уряде оправдывает своего пана, что он не мог явиться к королю, чтобы судиться по убийству слуги Курбских Федора Гинейко, из-за болезни секретаря и представителя Курбских на суде Ждана и детей убитого Любки и Василия[353].

1 февраля — (Ковель). Х. Чуват Туличевский ездил в этот день по заданию кн. А. М. Курбского к Ивану-младшему Петровичу Калусовскому с жалобой на его распоряжения бить и грабить туличевских подданных Курбского. Вероятно, задание Хацко получил в тот же день от самого князя Андрея Михайловича, а вместе с ним — 10 кон гр. чиншевых денег, которые были потеря-

[342] ЛМ-268. Л. 343 об. — 344 (Варшава, 11 декабря 1570 г.). См. *16–19 ноября 1570 г.*

[343] КГВ-5. Арк. 400 — 400 зв. (30 декабря 1570 г.).

[344] КГВ-5. Арк. 400 зв.-401 (30 декабря 1570 г.).

[345] КГВ-5. Арк. 460–461 (30 декабря 1570 г.). См. также *9 сентября 1570 г., 2 января 1571 г.*

[346] КГВ-6. Арк. 11 зв. — 12 зв. (12 января 1571 г.).

[347] См. *6 января 1571 г.*

[348] См. *30 декабря 1570 г.*

[349] КГВ-6. Арк. 42–44 (3 февраля 1571 г.). См. также *11–12 ноября 1570 г.*

[350] КЗЛ-2. Арк. 505-506 (11 января 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 352. Anm. 45.

[351] ВЗК-3. Арк. 88 зв. — 89 зв. (11 января 1571 г.).

[352] КГВ-6. Арк. 11–13 (12 января 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 144. Ср.: *6 января* и *11 января 1571 г.*

[353] КГВ-6. Арк. 32 зв. — 33 зв. (2 февраля 1571 г.). См. *12–15 февраля 1572 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 251. Anm. 26; S. 270. Anm. 108.

ны затем на бурной встрече с И. П. Калусовским в Вербичине, закончившейся потасовкой[354].

После 1 февраля — (Ковель, Варшава). Курбский при короле. Во время поста («в Великое говейно»), в феврале 1571 г. кн. А. М. Курбский и Олизар Кирдей Мыльский вместе с женами отправились на суд в Варшаву. Конють заболел и сопровождать своего пана не смог. Курбский на него за это разгневался, не веря отговоркам, и указал наместнику ковельскому Михаилу Яковлевичу наказать Конютя. Через несколько недель Григорий выздоровел, а Курбский был еще за границами своих волынских имений[355].

3 февраля — (Варшава). На этот день назначено рассмотрение иска княгини М. Ю. Курбской против Г. Ю. Мыльской, на которое кн. А. М. Курбский должен был отправиться в Варшаву[356]. И. Ауэрбах предполагает, что в этот день князь со своей семьей еще во Владимире, где принимает три королевских декрета в «справе» Дубровицы. Однако декреты приняты королем Сигизмундом II Августом в Варшаве, и, по всей видимости, Курбские к этому времени уже находятся при короле[357].

23 февраля — Варшава. В этот день кн. А. М. Курбский вступил в судебную сделку с М. К. Радзивиллом и обязался 8 апреля 1571 г. компенсировать убытки его подданных от столкновения в Дубровице. Причиной переноса суда на более ранний срок вместо назначенного Пинским гродским урядом — 5 марта 1571 г., указано то, что князь Андрей Михайлович занят важными делами при короле и сам готов решить спор раньше назначенного срока. На Пинском уряде Курбский обязуется «сам стати» 29 апреля 1571 г.[358]

28 февраля — (Варшава). В ответ на слух о смерти Ивана IV король Сигизмунд II планирует отправить в Москву кн. А. М. Курбского для переговоров с боярами[359]. Возможно, сам князь в этот день при короле.

3 марта — (Варшава). К этому времени кн. А. М. Курбский, по словам Иоганна Цира, «уже несколько недель», неоднократно встречался с аббатом Иоганном и рассказывал ему о московском правителе (т. е. Иване IV)[360].

8 апреля. На этот день назначена расплата кн. А. М. Курбского с М. К. Радзивиллом по делу о столкновениях в Дубровице[361].

11 апреля — (Варшава). К этому дню кн. А. М. Курбский выслан со двора «в связи с отправлением посланца», т. е. Михаила Гарабурды. Видимо, он выполняет поручение короля по инструктированию посольской миссии в Московское государство[362].

12 апреля — (Варшава, Ковель). Около этого дня, «в Великой четверг» кн. А. М. Курбский, согласно статейному списку московских послов за 26 апреля 1571 г., отправился в Ковель. Великий четверг в 1571 г. (Пасха — 15 апреля) приходился на 12 апреля[363].

19 апреля — (Ковель). Вероятно, в этот день кн. А. М. Курбский уже на Волыни. Жалоба во Владимирский уряд на слуг Курбского приходит от О. П. Кирдея Мыльского из Варшавы. Вину за перехват посыльных Г. Ю. Мыльской на пути в Варшаву О. Кирдей возлагает на урядника туличевского Якуба Поддембковского. Имя Курбского впервые пишется в актовых книгах: «...князь Андрей его милость Михайлович Курнъский и Ярославский»[364].

23 апреля — (Ковель). Вероятно, к этому времени Курбский уже в своих ковельских имениях. Х. Чуват Туличевский ездил с М. Богушевским в Сомино (Сомин) к С. Мацеевскому с требованием расплатиться по долгам, согласно договору от 20 июня 1570 г.[365], или впустить слуг Курбского в свое имение до выплаты 1500 зл.[366] Тем же днем датирована запись вызова на суд от лица княгини М. Ю. Курбской кн. К. К. Острожскому, кн. Р. Ф. Сангушко, кн. Г. Л. Сангушко Коширскому. Вызов был на завтра, т. е. на Троицу Римскую[367].

26 апреля. Московское посольство кн. Григория Федоровича Мещерского узнаёт в Варшаве, что кн. А. М. Курбский недавно был при короле Сигизмунде II Августе, но еще до их приезда отпущен в Ковель[368].

---

[354] КГВ-6. Арк. 53–54 (14 февраля 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 249. Anm. 10.

[355] См. *Начало мая 1571 г.*

[356] См. *25–28 ноября 1570 г.*

[357] КГВ-6. Арк. 42–44 (3 февраля 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 144.

[358] ЛМ-265. Л. 298а об. — 299 об. (Варшава, 23 февраля 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 144–145.

[359] LKZAR. S. 591–592 (Сигизмунд II Август — М. Ю. Радзивиллу. Варшава, 28 февраля 1571 г.). См. также *Ноябрь–декабрь, 1 декабря 1570 г., 3 марта 1571 г.*

[360] HHStA-W. Polen I. K. 16. Fasc. 10a. F. 40 (Post Scriptum к письму от 3 марта 1571 г.).

[361] См. *23 февраля 1571 г.*

[362] LKZAR. S. 595 (Сигизмунд II Август — М. Ю. Радзивиллу. Варшава, 11 апреля 1571 г.).

[363] См. *26 апреля 1571 г.*

[364] КГВ-6. Арк. 126 зв. — 127 (19 апреля 1571 г.).

[365] См. *20 июня 1570 г.*

[366] КГВ-6. Арк. 132 зв. — 134 зв. (24 апреля 1571 г.).

[367] КГВ-6. Арк. 144а (25 апреля 1571 г.).

[368] СИРИО. Т. 71. С. 795–796. См. также *12 апреля 1571 г.*

29 апреля — (Пинск). В этот день кн. А.М. Курбский обязался «сам стати» на Пинском гродском уряде, чтобы отчитаться о своей сделке по иску М.К. Радзивилла. Вероятно, князь исполнил обязательство, которое было им принято на королевском суде[369].

Начало мая — (Ковель). Приказ проучить больного слугу пришел от кн. А.М. Курбского из Варшавы в виде «писаня листовного». Вернувшись, князь успел и сам выместить гнев на пострадавшем слуге — посадил его в ковельскую темницу. Запись жалобы Г. Конотя появилась во владимирской актовой книге 16 мая 1571 г. Бурное возвращение четы Курбских приблизительно в середине — конце апреля на Волынь закончилось для Г. Конотя судом и кратким заключением. На середину мая князь, по всей видимости, находился в Ковеле и должен был явиться сам или прислать своего представителя на Владимирский уряд[370].

19–22 мая — Ковельские имения, Сомин. Согласно жалобе Адама Моцарского, урядника Анны Мацеевской, 19 мая, в ночь на воскресенье около первого часа, кн. А.М. Курбский организовал захват имения Мацеевской Сомин, где оставил отряд своего «люду москъвы»[371]. Участие лично кн. Андрея Курбского в нападении подтверждает истец — А. Моцарский, однако, со слов Х. Чувата Туличевского, исполнителем от князя был его урядник Яким Невзоров Меньшой. Х. Чуват 22 мая занес отчет о своем участии в передаче Сомина от Станислава и Каспара Мацеевских кн. А.М. Курбскому во владимирские гродские книги[372].

Конец мая — начало августа — По предположению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский мог находиться в этот период в своих литовских имениях[373]. Впрочем, есть вероятность, что в конце июля 1571 г. князь был на Волыни или в Полесье[374].

6 июля. Слуга И.И. Калымета Юрко Крышковский совершает нападение на имения Мацеевских. О местонахождении кн. А.М. Курбского ничего не говорится[375].

9 июля — Туличев. В этот день к кн. А.М. Курбскому приезжает с уряда возный Х. Чуват. Князь в это время был с Петром Костюшковичем Хоболтовским, Гневошем Иваном Калусовскими в своем имении[376].

19 июля — (Дубровица). Против дубровицкого урядника, «слуг, бояр, мещан и подданых» четы Курбских заявлена «похвалка» со стороны Ганны Юрьевны Мыльской (княжны Гольшанской). Истцы указывают также на причинение им материальных убытков со стороны подданных Мыльских. Князь в этот день присылает на Владимирский уряд своего слугу М. Богушевского[377]. Возможно, активность вокруг Дубровицы связана с тем, что чета Курбских в эти дни — в Дубровицком имении на Полесье.

20–23 июля — 20 июля или в канун (на св. Илью), согласно показаниям М. Богушевского, кн. А.М. Курбский отправил в Жеславль на ярмарку своих слуг Илью Степановича и Федора Ивановича. На покупку коней и волов выдал им 500 зл. (180 кон гр.)[378]. Слуги И.И. Калымета Миско Шимчень и Стап совершают нападение на имение Качин, принадлежащее Гулевичам. 23 июля Василий Федорович, Иван и Гаврило Михайловичи Гулевичи жалуются на кн. А.М. Курбского, что он приказал своим подданным из Нюйно напасть на пустошь в их имении Качин[379]. Где в эти дни сам князь Андрей Михайлович — неясно.

24 июля. Суд по делу долга кн. Г.Л. Сангушко. На уряде от кн. А.М. Курбского — королевский дворянин Иван Бурый. За неявкой ответчика уряд присуждает всю спорную сумму кн. Андрею Курбскому[380]. Где на тот момент сам князь — неясно. Возможно, в своем Ковельском имении.

26 июля — 1 августа. Х. Чуват представительствовал от Владимирского уряда на съезде сторон кн. А.М. Курбского и подканцлера Великого княжества Литовского Остафия Воловича по разграничению между имениями Речицей и Хотешовом. Основанием для разграничения служил королевский «лист». От лица князя выступал Иван Калымет. Актовая запись в судебной книге датирована 28 августа, однако, как указывает И. Ауэрбах, данная датировка некор-

---

[369] См. *23 февраля 1571 г.*

[370] КГВ-6. Арк. 152–153, публ.: УПРД. Вип. 1. С. 164–165 (16 мая 1571 г.).

[371] КГВ-6. Арк. 164–168, публ.: УПРД. Вип. 1. С. 165–170 (28 мая 1571 г.).

[372] КГВ-6. Арк. 159 — 159 зв. (22 мая 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 145.

[373] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 145.

[374] См. *19* и *20–23 июля 1571 г.*

[375] КГВ-6. Арк. 196 — 196 зв. (12 июля 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 251. Anm. 23; S. 270. Anm. 109.

[376] См. *19 июля 1571 г.*

[377] КГВ-6. Арк. 205–206 (19 июля 1571 г.).

[378] См. *6 августа 1571 г.*

[379] КГВ-6. Арк. 206–207 (23 июля 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 251. Anm. 24; S. 270. Anm. 110.

[380] КГЛ-458. Арк. 284–286 (24 июля 1571 г.). См. также *29 сентября 1570 г.*

ректна[381]. Где в это время князь — в актовой записи не говорится.

4 августа — Миляновичи, Ковель. В этот день, по словам княгини Марии Курбской, она с мужем, кн. А.М. Курбским, выезжала из Миляновичей в Ковель[382]. И. Ауэрбах считает это сообщение о том, что уже 4 августа кн. Андрей Курбский выехал в Ковель, маловероятным[383]. Однако можно допустить, что чета Курбских побывала в Ковеле «одним днем» и вернулась в Миляновичи.

5 августа — Ковель, Миляновичи. Возный Иван Летинский вручает в Миляновичах кн. А.М. Курбскому декрет короля с требованием получить 1790 кон гр. за Бирштанское войтовство и на Рождество Богородицы (8 сентября 1571 г.) сдать его в казну Великого княжества Литовского[384]. Князь принимает предписание, и по всей видимости, сразу собирается в дорогу в свои литовские имения.

6–7 августа — (Ковель, Вильно). Одного из посланных на ярмарку в Жеславь слуг кн. А.М. Курбского, Костюка, будто бы по приказу Демьяна Романовича Гулевича, в Радошинском имении Д. Гулевича избили и ограбили. Кн. А.М. Курбский не является, потому что спешно едет к королю в Вильно. От его имени распоряжается княгиня Мария Курбская. Позднее, по словам Василия Гулевича, на суде прозвучало обвинение, что 7 августа кн. Андрей Курбский направил своих ковельских слуг во главе с И.И. Калыметом на имение жены Романа Гулевича. В бою с ним и был ранен Костюк и его слуги[385].

9 августа. Княгиня М.Ю. Курбская — в Миляновичах. Туда по ее вызову («в имению ее милости... у Миленовичах») приезжал Иван Летинский, чтобы записать (через посланца — М. Богушевского) ее жалобу на сына, Андрея Андреевича Монтолта, оставшегося при урядниках и слугах кн. А.М. Курбского с 4 августа в Миляновичах. 5 августа он, по словам матери, украл ее документы — со списком долгов его покойного отца[386]. Распорядительная активность княгини Марии Курбской в Ковельских имениях означает, что кн. А.М. Курбского поблизости на Волыни нет.

16 августа. Иван Тихнович Дворецкий заявляет на Владимирском уряде, что получил 8 вл. в ковельском имении Добрынск (Дворецкое имение) во время «помѣры волочное» Ковельского имения Казимиром Ледницким. Кн. А.М. Курбский разрешил Ивану продать Миколаю Богушевскому половину этого имения, 4 вл., за 40 кон гр. М. Богушевский подтверждает сделку «листом» от И. Дворецкого[387]. Неясно, где именно кн. А.М. Курбский в этот день. Может быть, в Ковеле и Добрынске?

17–18 августа. Согласно иску кн. А.М. Курбского, кн. А.И. Вишневецкий несет ответственность за нападение «мощно кгвалтом» своих видютских подданных на Остров Жичин 17 августа и за причиненные тамошним жителям убытки. И. Летинский отправляется к месту предступления 18 августа с миляновицким урядником Постником[388]. В этот же день или накануне от кн. А.М. Курбского бежал Григорий Коноть и обратился с письмом к Миколаю Богушевскому[389].

22 августа — Миляновичи. Возвращенное во владение княгини М.Ю. Курбской с. Осмиговичи с двором и «приселками» она записывает своему мужу за долг в 4 тыс. кон гр. На Владимирском уряде от имени кн. А.М. Курбского выступает Матыс Трашковский[390]. Возможно, к этому времени кн. А.М. Курбский вернулся к себе в Ковель. Впрочем, как отмечает И. Ауэрбах, в источниках нет прямых упоминаний присутствия князя Андрея Михайловича на подписании договора[391]. Свидетели церемонии — кн. Андрей Вишневецкий, Гаврило Яковицкий и Федор Солтан[392].

24 августа — (Миляновичи). В этот день княгиня Мария Курбская записывает акт дарения Осмиговичей кн. А.М. Курбскому на Владимирском уряде. Сам князь на процедуре не присутствует — возможно, он еще в Миляновичах или уже на пути в Вильно[393].

---

[381] КГВ-6. Арк. 213–215 (28 июля 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 270–271. Anm. 111.

[382] См. *9 августа 1571 г.*

[383] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 145. Anm. 199.

[384] КГВ-6. Арк. 219 зв. (6 августа 1571 г.).

[385] КГВ-6. Арк. 227 — 227 зв. (8 августа 1571 г.); КГЛ-458. Арк. 473 зв. — 477 зв. (9 октября 1571 г.). См. *14 сентября, 9 октября 1571 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 271. Anm. 112.

[386] КГВ-6. Арк. 229 зв. — 230 зв. (11 августа), 240 — 240 зв. (16 августа 1571 г.).

[387] КГВ-6. Арк. 235 зв. — 237 (16 августа 1571 г.). См. *24 сентября 1570 г.*

[388] КГВ-6. Арк. 256–257 (24 августа 1571 г.).

[389] См. *6 сентября 1571 г.*

[390] КГВ-6. Арк. 248 зв. — 253 (24 августа 1571 г.), то же: КЗВ-5. Арк. 12–17 (5 июня 1577 г.), публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 29–31 (Веновая запись датирована: Миляновичи, 22 августа 1571 г.); АЮЗР. Киев, 1907. Ч. 8. Т. 4. С. 306–320; ЛМ-65. Л. 30 об.; ASK-I. N 31. K. 175, 219, 281.

[391] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 146.

[392] См. *5 июня 1577 г.* См. также главу «История одного развода».

[393] См. *22 августа, 5 сентября 1571 г.*

4 сентября. Миколай Богушевский оставляет на Владимирском уряде вызовы в суд по жалобе Гулевичей по нападению на Радошин и по краже «збожа и волов». Гулевичи ни сами, ни через представителя в назначенный день на суд не являются[394]. Где в этот момент кн. А. М. Курбский — из акта неясно.

5 сентября — Предположительно, в этот день кн. А. М. Курбский должен был явиться на Виленский уряд. Однако вероятнее, что эта дата — ошибочна. Она основана на датировке «выписа» из актовых книг. Но сам акт, внесенный в виленские земские книги, относится к 24 сентября, следовательно, и «вынис» мог быть выдан не 5 сентября, а 25 сентября 1571 г.[395]

6 сентября. Занисано во владимирские гродские книги заявление кн. А. М. Курбского о побеге от него к кн. А. И. Вишневецкому Григория Конотя. Он унес с собой «листы» и «вынисы» по спорам Андрея Курбского с Андреем Вишневецким. Коноть через М. Богушевского предлагает И. И. Калымету сделку по захваченным бумагам[396]. Кн. А. М. Курбского в ковельских имениях, видимо, нет.

14 сентября (Дубровица, Пинск). В Ковеле слуга И. И. Калымета Олешко Понович из Ратно кратковременно бросает в тюрьму друга Стахея Дмитровича Стрывязского, затем выпускает, а жалобу против него направляет во Владимирский уряд. Стычка между слугами Курбского со слугой кн. К. К. Острожского Стахеем Дмитровичем Стривизским в Ковеле происходит также в отсутствие князя Андрея Михайловича[397]. В Луцком уряде продолжается суд Гулевичей против кн. А. М. Курбского, которого представляет Миколай Богушевский. Иск — по нападению И. И. Калымета на владение Гулевичей, с. Радошин. Сам князь Андрей Михайлович в этот день не в Ковеле («в небытности его милости самого князя Курпъского в Ковли»). Ему назначен «рок» для явки в суд — через 4 недели «от положенъя его милости того позву»[398]. Вероятно, князь в этот день в Полесье.

17 сентября — Пинск. Этим днем в Пинске кн. А. М. Курбский датирует свою доверенность М. Богушевскому на ведение дел в суде по тяжбе с Демьяном Гулевичем[399].

24–25 сентября — Вильно. 24 сентября Кн. А. М. Курбский и его жена княгиня Мария получают от старосты унитского Ивана Семеновича Зарецкого Бирштанское войтовство (две части имения Кены) за 1 тыс. кон гр. до Радуницы 1572 г. Имение сохранилось за Курбскими и позднее. 25 сентября Курбским выдан «вынис» из земских книг[400].

1–2 октября. И. И. Калымет во Владимире по тяжбе с владимирскими ландвойтом и мещанами. Выезжает из замка 2 октября. Калымета и его жену догоняют на выезде из города его противники. Он жалуется, что его ограбили и избили[401]. Судя по упоминаниям кн. А. М. Курбского только вскользь (украдены ценные вещи, которые Калымет вез «на потребы» князя), сам он в эти дни не в своем Ковельском имении и не с Калыметом.

9 октября — (Дубровица, Вильно). Кн. А. М. Курбский собирается покинуть Полесье, чтобы отчитаться в Вильно за свое управление в Крево и Свислочи. Дела на волынских урядах от имени князя ведет М. Богушевский[402].

10 октября. «Справа» И. И. Калымета по его тяжбе с владимирскими ландвойтом и мещанами внесена в луцкие гродские книги[403]. Готовясь, вероятно, к тяжбе с гданьским купцом Георгом Фогелем, Иван Калымет столкнулся с ландвойтом и вместо запланированного суда вел тяжбу на Луцком суде против владимирского ландвойта[404]. Кн. А. М. Курбский не упомянут.

12 октября — (Вильно). На этот день назначено рассмотрение «справы» Гулевичей с кн. А. М. Курбским. Гулевичи явились в суд. От имени князя выступил Яцко Осовецкий, тут же представив суду «лист», в котором князь оправдыва-

---

[394] КГВ-6. Арк. 262 зв. — 263 (4 сентября 1571 г.).

[395] См. *25 сентября 1571 г.*

[396] КГВ-6. Арк. 264 265 (6 сентября 1571 г.). См. *17 августа 1571 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 271–272. Anm. 113.

[397] КГВ-6. Арк. 273 зв. — 276 (17 сентября), 276–279 (17 сентября 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 251. Anm. 20; S. 272–273. Anm. 119, 120.

[398] КГВ-6. Арк. 285 зв. — 286 (24 сентября 1571 г.); КГЛ-458. Арк. 475–476 (9 октября 1571 г.). См. *12 октября 1571 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 271. Anm. 112.

[399] КГЛ-458. Арк. 475 — 475 зв. (9 октября 1571 г.).

[400] LMAVB. RS. F 20. TA № 149. И. Ауэрбах ссылается на данный источник по материалам О. П. Бакуса Спенсеровской библиотеки университета Канзас. См.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 146. Anm. 204. См. также *5 сентября 1571 г.*

[401] См. *10 октября 1571 г.*

[402] КГВ-6. Арк. 291–292 (12 октября 1571 г.). См. *17 сентября 1571 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 146, 271. Anm. 112.

[403] КГЛ-458. Арк. 480–481, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 32–34 (10 октября 1571 г.). См. *1–2 октября 1571 г.*

[404] КГЛ-458. Арк. 478 зв. — 479 (10 октября), 479 — 479 зв. (10 октября), 479 зв. — 480 (10 октября), 481–482 (10 октября 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 246. Anm. 5; S. 251. Anm. 21; S. 273–274. Anm. 121, 123, 124.

ет свою неявку тем, что должен быть при короле в Вильно. Рассмотрение перенесено на основании статьи Статута «большей справе» (разд. IV, арт. 17)[405].

31 октября — (Ковель). В этот день И. Летинский направляется к кн. А.И. Вишневецкому, чтобы выдать ему вызов на королевский суд по иску кн. А.М. Курбского из-за имения Дворец. От этого дня через 6 недель следовало явиться на суд к королю (de facto — 20 декабря 1571 г.)[406]. Видимо, к этому времени князь Андрей Михайлович вернулся в свое имение. Впрочем, о его личном участии в этих событиях в актовых записях не говорится.

4 ноября — (Ковель). По жалобе урядника кн. А.М. Курбского Якуба Поддембковского, в этот день несухоежские подданные княжны Ганны Деспотовны Збаражской совершили нападение на Туличев[407]. Вероятно, на момент этих событий князь уже был в ковельских имениях.

7–8 ноября. И.И. Калымет записывает во владимирские гродские книги королевский декрет, запрещающий кн. А.И. Вишневецкому под штрафом в 2 тыс. кон гр. пользоваться имением Остров Жичин[408].

19 ноября (Ковель). Урядник кн. А.М. Курбского Я. Поддембковский жалуется на Ивана Петровича Калусовского, обвиняя его в оскорблении и избиении боярина князя — Серафима Комаровского, а затем нападении на его дом[409]. Неясно, где в этот момент кн. Андрей Курбский.

5 декабря — (Миляновичи, Луцк). В этот день И. Летинский ездил с напоминанием о предстоящем суде к кн. А.И. Вишневецкому. Он отказался приехать и просил перенести дело в связи с опасностью заражения в «поветрие». Кн. А.М. Курбского, видимо, уже нет в Миляновичах. Но незадолго до того он был именно там — там его искал Летинский, но нашел только его тиуна. Урядники и тиуны отказывались принимать иски. Причиной служило также ожидание начала сейма, который, впрочем, несколько раз откладывался и открылся в действительности лишь 12 марта 1572 г.[410] Слушание по делу об Острове Жичине перенесено с 20 декабря 1571 г. на более позднюю дату[411]. По предположению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский направился на Волынский сеймик[412]. В этот же день подданный Василия Федоровича Гулевича из Коросна Жук Коновалович приехал, чтобы забрать долг у коростенского коваля, и столкнулся в имении кн. А.М. Курбского Коросне с его сеневским боярином Яхимом[413].

1572 г.

28 января. В этот день, согласно показаниям кн. А.М. Курбского, от него бежал, не расплатившись по должностным счетам, туличевский урядник Якуб Поддембковский[414]. Неясно, где в этот день находился князь Андрей Михайлович.

30 января. В этот день от кн. А.М. Курбского бежал ковельский священник Павел Левковский, унеся с собой богослужебные книги[415].

5 февраля — Ковель. Кн. А.М. Курбский дает показания в Ковеле возному Ивану Летинскому о побеге подданных накануне[416].

9 февраля — (Ковель, Остров Жичин). Кн. А.М. Курбский отправляется на охоту, где происходит столкновение с пастухами кн. А.И. Вишневецкого из Видют. В столкновении убиты два пастуха, один ранен. Кн. Андрей Курбский обвинен в убийстве и пересечении границы между Вижвой и Видютами[417].

12–15 февраля. На 12 февраля Пинским гродским урядом был назначен королевский суд по апелляции Курбских на Мыльских из-за убийства Ф. Гинейко. Ни князь, ни княгиня в назначенный день не явились. Только 13 февраля княгиню Марию Курбскую заместил ее слуга Ждан Миронович с письмом из Парчова от 10 февраля 1572 г., в котором говорилось, что княгиня «в дорозе з Божего допущенья» заболела. Просила перенести «справу» на третий день после назначенного срока. Однако 15 февраля ни она сама, ни ее представители на суд в Варшаву так и не явились[418].

9–13 марта — (Ковель). В потасовке в доме владимирского мещанина Василия Канли

[405] См. *14 сентября 1571 г.*

[406] КГВ-6. Арк. 322 (7 ноября 1571 г.). См. *5 декабря 1571 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 272. Anm. 114.

[407] КГВ-6. Арк. 322 зв. (7 ноября), 323–324 (8 ноября 1571 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 272. Anm. 114.

[408] См. *31 октября 1571 г.*

[409] КГВ-6. Арк. 336–337 (4 декабря 1571 г.).

[410] *Konopczyński W.* Chronologia... S. 15.

[411] КГВ-6. Арк. 341 зв. — 342 (13 декабря 1571 г.).

[412] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 146–147. См. также *13 декабря 1571 г.*

[413] КГВ-6. Арк. 343 — 343 зв. (15 ноября 1571 г.).

[414] См. *5 февраля 1572 г.*

[415] См. *5 февраля 1572 г.*

[416] КГВ-6. Арк. 375 зв. — 376 (13 февраля 1572 г.). См. *28* и *30 января 1572 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 147.

[417] КГВ-6. Арк. 373 зв. — 374 (9 февраля 1572 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 147–148.

[418] ЛМ-268. Л. 465 об. — 466 об. (Варшава, 15 февраля 1572 г.). См. *31 января 1571 г.*

во Владимире вечером 9 марта убит ковельский наместник Иван Иванович Калымет (Келемет), ранены Миколай Богушевский и слуги Калымета Алексей Бенедиктович, Михаил Иванович (возможно, брат ковельского наместника Михаил Калымет) и Федор Демьянович. Во Владимирский уряд на следующий день была подана жалоба против кн. Дмитрия Васильевича Булыги Курцевича с обвинением его самого, его слуг и друзей в нападении[419]. Кн. А. М. Курбский узнал о смерти и ранении слуг уже после того, как на следующий день была подана жалоба во Владимирский уряд. Жалобу на убийство во Владимирский уряд подал сначала слуга Курбского Яцко Осовецкий. Это случилось 10 марта 1572 г., а занесена в книги эта запись была 13 марта. О местонахождении князя 9–13 марта 1572 г. трудно судить из дошедших источников, но, вероятно, он был в своих имениях на Волыни[420].

30 марта — Миляновичи. В этот день в своем имении кн. А. М. Курбский подписал (подтвердил) своей рукой акт о передаче ковельскому земянину Миколаю Богушевскому (Миско Ключниковичу) 4 вл. в с. Годевичи, должность войта в Миляновичах, а также 2 вл. и 2 участка («пляцы два») в местечке и 2 фольварка[421].

4 апреля — (Ковель). Жалоба об убийстве и ранении слуг подана на уряд от имени кн. А. М. Курбского — ее представил на уряде Я. Осовецкий. Первая жалоба в деле 3 мая 1572 г. обращена к кн. К. К. Острожскому. Тот переносит дело во Владимирский уряд, который назначает суд на 3 мая. Возможно, Курбский узнал о смерти И. И. Калымета и его спутников, находясь у кн. Константина Острожского, и ко времени подачи иска провел свое собственное расследование[422]. На момент искового заявления от имени Курбского сам он, видимо, уже был в своих ковельских имениях.

14–22 апреля — (Ковель). 14-м апреля слуга Остафия Воловича Андрей Романовский, арендатор в Осмиговицком имении княгини М. Ю. Курбской, датирует нападение княгини во главе отряда ее слуг на арендованное имение в отсутствие А. Романовского и его жены. Затем 22 апреля вновь только княгиня Мария приехала распорядиться в своем имении[423]. Возможно, Курбский, как и его супруга, в это время находился в своем Волынском имении.

3 мая — Ковель, Владимир. Кн. А. М. Курбский лично является на Владимирский уряд вместе с пинским шляхтичем («земянином») Федором Достоевским для суда над кн. Д. Булыгой по делу об убийстве И. И. Калымета и ранении слуг Курбского и Калымета. Добивается денежной компенсации в общей сложности на 1655 кон 50 гр. 4 пн. за убийство шляхтича и убытки Курбского, его слуг и слуг убитого. Кн. Д. В. Курцевич должен был обеспечить выплату передачей во временное держание дворов Новоселки, Туричаны, Дулебы и сел Курцевича. Сам преступник был посажен в тюрьму. Судьбу Ивана Калымета Курбский оплакивает в предисловии к «Новому Маргариту»[424].

8 мая — (Ковель). На приказ кн. А. М. Курбского напасть на его аренду в Осмиговичах ссылается А. Романовский в своей жалобе от 19 мая 1572 г.[425] Конечно, эта ссылка лишь формула, и принимать ее за свидетельство о местонахождении Курбского можно только условно.

23 мая — (Ковель). Только условно можно допустить, что кн. А. М. Курбский в это время находился в своих волынских имениях. Формально, по его приказу Х. Чуват Туличевский ездил в имение кн. Д. В. Булыги, чтобы передать ему постановление суда[426].

1 июня. По показаниям осмиговицкого урядника Курбских Яхима Сеневского, в этот день подданные Василия Витонимского избили на «добровольной дороге» из Глуховицы в Осмиговичи местного подданного кн. А. М. Курбского, Кирилла Мошковича[427]. Неясно, где в этот день и четырьмя днями позже, когда началось расследование, находился кн. А. М. Курбский.

10 июня — Миляновичи. Кн. А. М. Курбский и его супруга, княгиня Мария Курбская, передают брату погибшего И. И. Калымета, Михаилу

[419] КГВ-7. Арк. 12 зв., 8 — 8 зв. Конца нет. Отрывок показания Василия Каплн по делу об убийстве Келимета находится на л. 38 об. Начала нет (9 марта 1572 г.).

[420] См. *4 апреля, 3 мая 1572 г.*

[421] КЗВ-5. Арк. 19 зв. — 20, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 35–36 (6 июня 1577 г. Акт кн. А. М. Курбского под датой: Миляновичи, 30 марта 1572 г.).

[422] См. *3 мая 1572 г.*

[423] КГВ-7. Арк. 66 зв. — 69 (19 мая), 75–76 (25 мая), 94 — 95 (20 июня 1572 г.).

[424] КГВ-7. Арк. 37 — 38 зв. (заявление Василия Каплн, 3 мая 1572 г.); КГВ-7. Арк. 42 — 57 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 14 — 48 (3 мая 1572 г.). Заявление кн. Д. В. Булыги в суде от 30 августа 1572 г.: КГВ-7. Арк. 175 — 177 зв., публикация текста признания князя Дмитрия Булыги: ЖКЛВ. Т. 2. С. 49–54 (5 сентября 1572 г.). См. *30 августа 1572 г.* Возмещение Д. В. Булыгой 600 кон гр.: КГВ-7. Арк. 211 — 211 зв. (22 ноября 1572 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 251. Anm. 22, 25; S. 274. Anm. 125, 126, 127.

[425] См. *14–22 апреля 1572 г.*

[426] КГВ-7. Арк. 73 зв. — 74 зв. (23 мая 1572 г.).

[427] КГЛ-13. Арк. 323 зв. — 324 (5 июня 1572 г.).

Калымету имения покойного, Секунь и Шушки, в феодальное владение и отмечают, что Михаил не может предстать перед королем Сигизмундом II Августом в связи с болезнью[428].

20 июня — (Ковель). Можно предположить, что в этот день кн. А. М. Курбский находился в своих ковельских имениях. В этот день от имени князя и его жены на Владимирский уряд ездил М. Богушевский, чтобы отвечать по иску А. Романовского об аренде в Осмиговицком имении. Курбские вручили своему представителю «лист моцованый»[429]. Впрочем, эта формальность могла быть осуществлена и в отсутствие самого князя на его «мамраме» (бланке с подписью и печатью).

5 июля — (Кнышин). Этим днем и местом датировано постановление короля Сигизмунда II Августа о том, что 12 тыс. зл., которые Иван Яцкович Борзобогатый и его «братаничи» должны были покойному Габриэлю Тарло, они, согласно завещанию Тарло, должны выплатить королю Сигизмунду II Августу. Часть ковельских имений, так и не полученных кн. А. М. Курбским от Василия Загоровского, должны были вернуться в состав Ковельского староства. Среди них Туличев[430]. На момент выдачи королевского «листа» кн. Андрей Курбский, видимо, в Кнышине.

7 июля — (Кнышин). В этот день умер король Сигизмунд II Август. Неизвестно, был ли кн. А. М. Курбский при короле, но в завещании короля Сигизмунда II оговорено право «некоторых знатных особ» (среди которых был и Курбский) на владение полученными лично от короля имениями[431].

16 июля — (Ковель, Миляновичи). В этот день Х. Чуват Туличевский не был допущен к кн. А. М. Курбскому в Миляновичах и Ковеле, где он разыскивал князя, чтобы передать ему вызов на суд от слуги епископа владимирского Феодосия, пана Данилея, по делу о нападении на его борти и захвате трех коней[432].

27 июля. На Луцком съезде шляхты, собравшемся после смерти короля, кн. А. М. Курбского, видимо, нет. Его подпись не значится на постановлении[433].

30 июля — (Миляновичи). Этим днем и местом датирован «лист моцованый», выданный М. Богушевскому от имени кн. А. М. Курбского, чтобы поверенный представлял в суде интересы князей Курбских на Владимирском уряде по иску А. Романовского[434].

31 июля. На Владимирском уряде А. Романовский выступает против М. Богушевского и отводит отсрочки для суда с Курбскими[435].

2 августа — (Ковель). Кн. А. М. Курбский подает на Владимирском уряде иск против княгини Ганны Деспотовны Збаражской и ее несухоежского урядника, который захватил 15 его подданных из Хотешова[436]. Неясно, где именно был на момент подачи иска сам кн. Андрей Курбский. Впрочем, незадолго до этого и вскоре после он был в своих волынских владениях.

12 августа — (Ковель). В этот день записан королевский декрет по спорному имению Туличев. Возможно, кн. А. М. Курбский находился в своих волынских владениях[437].

17–18 августа — (Миляновичи, Гридковичи, Круная). Коморник умершего короля Войцех Вольский разыскал кн. А. М. Курбского в Ковеле, чтобы вручить ему постановление о передаче Туличева Борзобогатым Красенским. Новое решение повторяло полученное Ильяшом Борзобогатым на себя и своих братьев из господарской канцелярии под печатью коронного подканцлера, епископа краковского Фр. Красенского. Узнав от людей, что князь в Миляновичах, В. Вольский приехал к нему прямо туда, но слуги Курбского не впустили Войцеха, предположив, что Курбский еще в Гридковичах или в Ковеле. Ни там, ни там князя в тот же день не обнаружили. Вечером приехали вновь в Миляновичи, и тогда уже ковельский войт Матуш Трашковский, ковельский войт К. И. Зубцовский, подскарбий князя Кирилл и другие слуги-московиты сказали, что Курбский отправился к кн. К. К. Острожскому в Круную[438]. Кн. Андрей Курбский не подчинился предписанию, ссылаясь на то, что постанов-

---

[428] КЗВ-6. Арк. 305 — 308 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 37–39 (Миляновичи, 10 июня 1572 г.).

[429] КГВ-7. Арк. 95 зв. — 97 (20 июня 1572 г.).

[430] КГЛ-13. Арк. 440–441 (12 августа 1572 г.).

[431] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 148–149.

[432] КГВ-7. Арк. 123–124 (19 июля 1572 г.).

[433] BJ. Akcesja. №3/52. K. 30v–33. Впрочем, здесь упомянуты только волынские урядники — волынские воеводы кн. К. К. Острожский и кн. Б. Ф. Корецкий и др. Кн. А. М. Курбский как староста ковельский не относился к числу местных урядников, а был только наместником короля. Возможно, его подпись значилась среди подписей других шляхтичей. См. также: *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną. S. 40.

[434] См. *31 июля 1572 г.*

[435] КГВ-7. Арк. 133–135 (1 августа 1572 г.); КГЛ-13. Арк. 629 — 629 зв. (14 декабря 1572 г.). Из-за смерти короля Сигизмунда II дело отложено. См.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 153–154.

[436] КГЛ-13. Арк. 417 зв. — 418 (2 августа 1572 г.).

[437] См. *5 июля 1572 г.*

[438] КГВ-7. Арк. 162–164, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 39–45 (21 августа 1572 г.).

ления короля Сигизмунда II Августа после его смерти недействительны.

19–20 августа (Миляновичи, Туличев, Турейск, Круная, Кнышин). Предположение о поездке кн. А. М. Курбского в Кнышин через имение кн. К. К. Острожского Круную основано на словах ковельских городских сторожей, которые за день до этого сказали В. Вольскому, что Курбский собирался ехать в Кнышин, и московитов-урядников Курбского, которые в Миляновичах тогда же перенаправили Вольского в Круную. Курбский был застигнут им 20 августа в Турейске и, не приняв требований покойного короля, в тот же день отправился из Турейска дальше[439].

30 августа — Владимир. В присутствии свидетелей (кн. К. К. Острожского, В. П. Загоровского и Николая Лысаковского) кн. Д. В. Булыга вручает кн. А. М. Курбскому на Владимирском гродском уряде «лист» с обязательством выплатить в течение 12 недель штраф за убийство И. И. Калымета или компенсировать сумму штрафа на своих имениях (600 кон гр.)[440].

26 октября — (Кнышин, Круная). 26 октября Иван Малинский жалуется на Луцком уряде, что за несколько недель до этого кн. А. М. Курбский велел схватить его слугу Федора, конфисковал у него коня и имущество, пытал в Ковеле и бросил там в тюрьму. По мнению И. Ауэрбах, это случилось около 10 августа — данное предположение основано на том факте, что уже с 20 августа кн. Андрей Курбский гостил у кн. Константина Острожского[441]. Впрочем, остается под вопросом, случился ли конфликт до отъезда князя в Круную и Кнышин, во время или даже после. Федор бежал из тюрьмы незадолго до жалобы в уряд. В какой именно момент Курбский находился в Ковеле осенью — неясно. Накануне Федор ездил в Кнышин, куда должен был отправиться еще в конце августа и Курбский[442]. Оттуда Федор поспешил, когда стало известно, что из Кнышина вернулся кн. К. К. Острожский. А пойман Федор был в Миляновичах, где князь Андрей Михайлович часто бывал. Впрочем, на момент поимки князь находился, согласно записи в луцкой гродской книге, в Ковеле[443]. В этот же день, 26 октября, подданные Дзялынских из их имения Свинарин ездили в имение кн. А. М. Курбского Колодежно, чтобы забрать там обрученную девушку, но припозднились и, проезжая через Туличев, столкнулись у корчмы с подданными кн. А. М. Курбского и были ограблены. Сам кн. А. М. Курбский, по показаниям стороны Дзялынских, велел забрать их имущество и увести коней в Ковель[444].

28 октября — (Круная, Туличев, Ковель). Кн. А. М. Курбский на пути из Круной отправляет свою походную кухню в Туличев, затем приезжает туда сам на пути в свое волынское имение[445].

20 ноября. В этот день, согласно жалобе О. П. Кирдея Мыльского, княгиня М. Ю. Курбская организовала нападение на его и его жены имение Лютинич[446]. Никак не оговаривается роль в этом нападении кн. А. М. Курбского.

22 ноября — (Ковель). Кн. Дмитро Васильевич Курцевич Булыга выплачивает представителям кн. А. М. Курбского М. Трашковскому и М. Богушевскому долг по штрафу за убийство И. И. Калымета. В этот же день луцкий возный Иван Тихнович Путошинский ездил «на потребу» кн. Д. В. Булыги, который должен был отдать кн. А. М. Курбскому за голову И. И. Калымета 600 кон гр. и отправиться отбывать наказание. Князь Дмитрий обязался явиться и прислать своего представителя на уряд 30 ноября[447].

27 ноября. В этот день Г. Ю. Мыльская, княжна Гольшанская, отправила к своей сестре княгине М. Ю. Курбской слугу с возным Пинского повета Михно Каченовским, чтобы расследовать нападение на имение Лютиничи. Посыльные не были пущены к княгине[448]. О местонахождении кн. А. М. Курбского не говорится.

30 ноября — (Ковель). От лица кн. Андрея Курбского выступили войт М. Трашковский и слуга М. Богушевский. Они принесли на Луцкий уряд «лист» от кн. А. М. Курбского «подо властною печатю и с подписом руки князя пана своего по-латыне», которым закрыли долг кн. Д. В. Курцевича Булыги[449].

---

[439] См. *17–18 августа 1572 г.*

[440] КГВ-7. Арк. 175 — 177 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 49–54 (5 сентября 1572 г. Дата присяги — Владимир, 30 августа 1572 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 274–275. Anm. 129, 134.

[441] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 159.

[442] См. *19–20 августа 1572 г.*

[443] КГЛ-13. Арк. 579 зв. — 580, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 46–47 (26 октября 1572 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 158–159.

[444] КГЛ-13. Арк. 639 — 639 зв. (17 декабря), 642 зв. — 643 зв. (18 декабря 1572 г.). См. *17–18 декабря 1572 г.*

[445] КГВ-7. Арк. 204–205 (29 октября 1572 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 159, 354.

[446] См. *27 ноября, 19 декабря 1572 г.*

[447] КГВ-7. Арк. 210 зв. — 211 (22 ноября), 211 — 211 зв. (22 ноября 1572 г.); КГЛ-13. Арк. 612 — 612 зв. (30 ноября 1572 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 275. Anm. 135.

[448] КГЛ-13. Арк. 651 (19 декабря 1572 г.). См. *20 ноября 1572 г.*

[449] См. *22 ноября 1572 г.*

13 декабря — (Ковель). На 13 декабря было назначено рассмотрение дела Михала Дзялынского и его жены Федоры Богушовны с кн. А.М. Курбским по жалобе князя на подданных Дзялынских из имения Свинирин Владимирского повета. Он обвинял их в нападении и ограблении туличевских подданных. М. Богушевский не был принят в суде, и рассмотрение было перенесено на 4 января 1573 г.[450] Где в этот момент кн. А.М. Курбский — неясно. Возможно, в своем Ковельском имении.

17–18 декабря. В эти дни на Луцком уряде рассматривались жалобы Дзялынских на кн. А.М. Курбского по фактам столкновения свинаринских и туличевских подданных 26 октября 1572 г.[451] О местонахождении кн. А.М. Курбского в эти дни неизвестно, он на заседания суда не явился.

19 декабря. В этот день от О.П. Кирдея Мыльского на Луцкий уряд поступила жалоба на княгиню Марию Курбскую, которая, по его словам, велела ловить рыбу в его имении Лютиничи и увести оттуда подданного во владения Курбских[452].

1573 г.

4 января. На этот день назначено рассмотрение дела Дзялынских с кн. А.М. Курбским[453]. Неизвестно, где в этот день находился князь Андрей Михайлович.

Ранее 23 января — ранее 11 февраля (Слуцк, Вильно, Варшава). Кн. А.М. Курбский выступает посредником на переговорах кн. Ю.Ю. Слуцкого и кн. К.К. Острожского с М.Ю. Радзивиллом. Я.И. Ходкевич подозревает Курбского в «измене» — выступлении против сенаторов Великого княжества Литовского и подготовке вооруженного мятежа[454].

31 января — 9 февраля. Кн. А.М. Курбского, видимо, нет в ковельских имениях. 31 января Х. Чуват Туличевский расследовал дело об уходе овец кн. А.М. Курбского в «ловы» кн. А.И. Вишневецкого в Острове Жичине. Вместе с Хацко ездили урядники Курбского миляновический Постник Гаврилов (Гаврилович) и вижовский Михаил Кудрявский (Кудрявец)[455]. 3 февраля польский лист на проезд подвод с товарами из Ковеля, позднее (6 февраля) занесенный в холмские гродские книги, подписывает К.И. Зубцовский[456]. 9 февраля дело об Острове Жичине расследовал Демьян Мокренский и также общался только с урядниками князя Андрея Михайловича[457]. Курбский лично в этом деле не выступает.

20 февраля. До кн. А.М. Курбского с опозданием на много дней «дошла ведомость» от дубровицкого урядника А. Барановского о нападении пана (Василия) Павловича из имения Углы в этот день на дубровицких подданных кн. Андрея Курбского. В Углах на переправе (гребле) взяли с них мыто и еще 10 гр., угрожали им и любым слугам Курбского «на горъло»[458]. Прошло почти 3 недели до записи об этом в луцких гродских книгах. Видимо, князя не было в этот день ни на Волыни, ни в Полесье.

10 марта — (Дубровица). Возможно, кн. А.М. Курбский из Дубровицы распорядился подать жалобу на Луцкий уряд о невзгодах своих дубровицких подданных[459].

16 марта (Берестечко). Кн. А.М. Курбский избран послом на Варшавский элекционный сейм (в г. Камень)[460]. Неясно, был ли сам кн. А.М. Курбский на съезде волынской шляхты, которая высказалась за его «посольство», т.е. назначила его послом на сейм.

19 марта — (Ковель). От имени кн. А.М. Курбского на Владимирский уряд поступила жалоба на кн. А.И. Вишневецкого. К нему в имение Видюта 4 марта бежал вместе с домочадцами панцирный боярин Кузьма Юхнович Порыдубский, обокрав слуг Курбского, уведя с собой коней и скот и унеся имущество. 8 марта стало известно, что Кузьма переехал в Вишневец. Жертвами нападения К. Порыдубского стали слуги князя Кирилл Невзоров (Невзорович)

---

[450] КГЛ-13. Арк. 639–640 (17 декабря 1572 г.). См. *26 октября 1572 г., 4 января 1573 г.*

[451] См. *26 октября, 13 декабря 1572 г., 4 января 1573 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 160–161.

[452] КГЛ-13. Арк. 650 зв. — 651 (19 декабря 1572 г.). См. *20* и *27 ноября 1572 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 161.

[453] См. *13 декабря 1572 г.*

[454] См. здесь раздел «Князь Андрей Курбский и Радзивиллы», а также *Приложение VI-1 и 2.*

[455] КГВ-7а. Арк. 12 зв. - 13 (4 февраля 1573 г.).

[456] КГХд-4. S. 200–201 (6 февраля 1573 г.). См. также S. 202–203. Дата перед первой актовой записью — 4-й день после "Purificatione Mariae". См. также *9 апреля — 17 мая 1573 г.*

[457] КГВ-7а. Арк. 17 — 18 зв. (11 февраля 1573 г.).

[458] КГЛ-14. Арк. 23 (10 марта 1573 г.).

[459] См. *20 февраля 1573 г.*

[460] КГЛ-14. Арк. 37 — 37 зв., здесь арк. 37, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 48–51, здесь с. 49 (17 марта 1573 г.). Благодарю Н.П. Старченко за помощь в сравнении публикации с оригиналом. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 162–163; *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną. S. 43.

и Иван Федоров (Федорович)[461]. В тот же день Х. Чуват расследовал нападение на кирпичные запасы Курбского, в котором соминский урядник обвинял урядника Мацеевских[462]. Неясно, где на момент этих жалоб находился сам кн. Андрей Курбский. Предположительно — в одном из своих волынских имений.

9 апреля — 17 мая — (Варшава, Камень). Кн. А.М. Курбский на элекционном сейме[463]. Впрочем, прямых свидетельств присутствия князя на сейме нет. В день Вознесения ("Die Dominico Quadragesimale"), который приходился в этом году на 30 апреля, в Холме слуги Курбского Иван Грек и Миколай Богушевский от имени своего пана и от имени Кирилла Зубцовского судились с холмским евреем Чадеком Якубовичем из-за поборов и ареста подвод с рыбой и мехами, отправленных князем на продажу в Люблин[464]. О местонахождении самого князя при этом не говорится.

5 июля — (Луцк, Ковель). Кн. А.М. Курбский возвращается со своим поверенным М. Богушевским из Луцка в Ковель. На дороге на него устраивает засаду отряд Д.Р. Гулевича, против которого ковельские наместники Курбского вели борьбу за лес между селениями Волошки и Радошин. Об опасности предупреждают князя подданные подкомория луцкого Михаила Сербина. Князь показывает, что готов дать бой, и его противник отступает[465]. И. Ауэрбах датирует данные события 5 июня 1573 г. Однако это ошибка чтения: в акте прямо указано, что события разворачивались в воскресенье, читается и день «5 июля». Из двух названных дат воскресенье в 1573 г. приходилось именно на 5 июля[466].

15 июля — (Луцк). По предположению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский в этот день на Луцком сеймике, где наряду с другими волынскими шляхтичами отчитывается о прошедшем элекционном сейме[467].

Июль–август — (Ковель). По предположению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский проводит летние месяцы главным образом в своих ковельских имениях[468].

Конец августа (Ковель, Владимир, Туличев). Во Владимире Курбский встречается с кн. К.К. Острожским. Выезд Курбского за пределы своих владений оборачивается нападением Ивана Петровича Калусовского на него и его слуг из засады на пути в Туличев. Одновременно с жалобой на И.П. Калусовского кн. Андрей Курбский подает жалобу на его брата Гневоша, обвиняя его в оскорблении слуги Ивана Летинского Проца[469].

25 августа — Миляновичи. В имение кн. А.М. Курбского являются возный Демьян Мокренский и Федор Васильевич Калусовский, чтобы потребовать вернуть табун, заведенный в имение Курбского. Князь назначает рассмотрение дела на 6 сентября и признаётся, что не питает личной вражды к Ф.В. Калусовскому, несмотря на конфликт с его родичами Гневошем и Иваном Калусовскими[470].

6 сентября — (Ковель). На этот день кн. А.М. Курбский назначил рассмотрение дела Ф.В. Калусовского. По всей видимости, князь выполнил свое обязательство, будучи в Ковеле или в другом своем волынском имении[471].

29 сентября — Слуга кн. А.М. Курбского М. Богушевский на судебной сессии св. Михаила вносит в холмские гродские книги протестацию своего пана против С. и К. Мацеевских по имению Сомин и ссылку на постановление Варшавского гродского суда[472].

Осень. Подданные кн. А.И. Вишневецкого из с. Мезово совершают нападение на владения Курбских в Гридковичах[473].

1574 г.

7 января — (Ковель). Д. Мокренский направлен Владимирским урядом на расследование жалобы кн. А.М. Курбского на конфликты с кн. Сангушко на границе с имением Долгоносы. Жалоба исходила от слуги Курбского Якима Невзоровича Меньшого Долгоносского и была нацелена

[461] КГВ-7а. Арк. 52–53 (19 марта 1573 г.). См. также *20–25 марта 1581 г.*

[462] КГВ-7а. Арк. 53 зв. — 54 (19 марта 1573 г.).

[463] См. *19 марта 1573 г.*

[464] КГХд-4. S. 210 (30 апреля 1573 г.). См. также *31 января — 9 февраля 1573 г.*

[465] КГЛ-14. Арк. 208 — 208 зв. (13 июля 1573 г.). См. также *26 июля 1567 г.*

[466] Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 167.

[467] КГЛ-14. Арк. 214 (16 июля 1573 г.). См.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 168. Кн. А.М. Курбский в записи не упоминается.

[468] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 168.

[469] КГВ-7а. Арк. 228 — 228 зв. (1 сентября), 229 — 229 зв. (1 сентября 1573 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 168.

[470] КГВ-7а. Арк. 221 зв. — 224 зв. (30 августа 1573 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 168.

[471] См. *25 августа 1573 г.*

[472] КГХд-4. S. 372 (29 сентября 1573 г.). См. *20 июня 1570 г.*

[473] КГВ-8. Арк. 83 — 83 зв. (3 мая 1574 г.). См. *7 апреля 1574 г.*

против кошерских мещан и селян, по его отчету, тайно рубивших дрова, проложивших дорогу через пахоту от с. Долгоносы до с. Городельца и разобравших халуну. Роль Курбского дважды отмечена – как инициатора вызова и просителя о создании записи в актовой книге[474]. Конечно, это лишь формальность, и сам кн. Андрей Курбский мог на момент расследования находиться вдали от Ковеля и Долгоносов.

7 февраля – Миляновичи. Письмо от кн. А. М. Курбского старостиной кременецкой княжне Ганне Деснотовне Збаражской о беглых слугах княгини, которых она и ее несухоежский урядник Станислав Хмелевский разыскивали во владениях Курбского[475].

18–21 февраля – (Краков). Кн. А. М. Курбский, согласно поэме М. Стрыйковского, присутствует на церемонии въезда Генриха Валуа в Краков 18 февраля 1574 г.[476] Если это так, то велика вероятность, что князь остался и на коронацию короля Генриха, состоявшуюся тремя днями позже. Впрочем, нельзя исключать, что кн. Андрей Курбский назван в поэтической «процессии» фигурально. Еще один источник, подтверждающий участие кн. А. М. Курбского в коронационных торжествах февраля 1574 г., – его более поздний иск против кн. А. И. Вишневецкого, который, по мнению истца, незаконно и при помощи уловок получил «на коронацеи короля его милости Генрика» в канцелярии подтверждение на Остров Жичин[477]. Из иска напрямую следует только то, что на коронации был кн. Андрей Вишневецкий, однако нельзя исключать, что в Кракове в эти дни шла закулисная тяжба между Курбским и Вишневецким.

12 марта – Ковель. Письмо от кн. А. М. Курбского княжне Г. Деснотовне Збаражской[478]. В этот же день к княжне Ганне Збаражской обратился с письмом из Ковеля ее беглый слуга Федко Голодович, нашедший приют у кн. А. М. Курбского[479].

27 марта – Ковель. Д. Мокренский доставил кн. А. М. Курбскому «лист уноминальный» короля Генриха Валуа по жалобе Г. Деснотовны Збаражской, письма от кн. Б. Ф. Корецкого и от короля по жалобе Станислава Хмелевского (Хмеля). Курбский прочитал все письма лично и «очевисте» в Ковеле при церкви. Требование княгини Ганны полностью освободить Несухоежи от ковельских подданных князь парирует заявлением, что строит там двор на своей территории (в с. Нюйно). Реестр «кривд» по этому делу, подписанный кн. К. К. Острожским, не признаёт и призывает княгиню Ганну подать в суд и там продолжить дело. Тогда же Курбский прочитал письмо от кн. Б. Ф. Корецкого с призывом прекратить обкладывать несухоежских подданных «мытами незвыклыми» в Ковеле и Ковельских имениях и жалобу слуги княжны Г. Збаражской и С. Хмелевского «о непребезпечност здоровя его», от которого сбежал подданный Збаражской Федко Голодович, секретарь княгини и Станислава, и унес с собой ценные вещи и документы. Остановился в Ковеле, откуда написал С. Хмелевскому письмо с угрозами[480].

7 апреля – (Ковель). Этим днем урядник кн. А. М. Курбского в Гридковичах (Грицковичах) Иван Пятый датирует в своем иске против кн. А. И. Вишневецкого нападение на подчиненное ему имение и порчу посевов. Дело расследовал Х. Чуват Туличевский. Кн. Андрей Курбский 14 апреля отказался возмещать убытки по иску кн. Андрея Вишневецкого[481].

29 апреля. По жалобе туличевского урядника Третьяка Лукьяновича Калиновского против Яна Калусовского, обвиняемого в нападении во главе вооруженного отряда на имение Похлемлынка у Старого Дворца на поле, Х. Чуват Туличевский проводил расследование, в котором присутствие кн. А. М. Курбского никак не обозначено[482].

30 апреля. Занесено письменное обращение княжны Г. Деснотовны Збаражской к кн. А. М. Курбскому с требованием вернуть беглого Федора (Федко), бежавшего из несухоежской

---

[474] КГВ-8. Арк. 8 зв. – 9 зв. (9 января 1574 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 169.

[475] КГВ-8. Арк. 75 – 75 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 276–278, то же: РИБ. Т. 31. Стб 507–508 (30 апреля 1574 г.). См. *30 апреля 1574 г.* И. Ауэрбах ошибочно датирует письмо «27 февраля». Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 170.

[476] Stryjkowski. T. 2. S. 451.

[477] КГЛ-459. Арк. 288 зв. – 289 (1 августа 1574 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 172, 355.

[478] КГВ-8. Арк. 75 зв. – 76, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 278–280 (в издании Н. Д. Иванишева на с. 280 ошибочная датировка в переводе письма 12 марта 1574 г. – «месяца марта, двадцатого дня»), то же: РИБ-31. Стб 508–510 (30 апреля 1574 г.). См. *30 апреля 1574 г.*

[479] См. *27 марта 1574 г.*

[480] КГВ-8. Арк. 56 – 56 зв. (29 марта), 57 (29 марта), 57 зв. – 59 зв. (29 марта 1574 г.). См. *30 апреля 1574 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 171. Благодарю за консультацию Н. П. Старченко.

[481] КГВ-8. Арк. 83 – 83 зв. (3 мая 1574 г.). См. *Осень 1573 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 171–172, 285, 355, 390.

[482] КГВ-8. Арк. 72 зв.-73 зв. (29 апреля 1574 г.).

тюрьмы в Ковель[483]. Присутствие Курбского в Ковеле или Владимире на момент записи не очевидно.

3–28 мая. В отчетах возных и актовых записях Владимирского уряда за этот период ничего не сказано о присутствии кн. А.М. Курбского в Ковельском имении. Х. Чуват Туличевский только в этот день заявил о своем расследовании по вызову в Грицковичи 7 апреля 1574 г. Продолжался суд четы Курбских с А. Романовским в Осмиговичах. 23 мая Хацко был на вызове, имея при себе в свидетелях туличевского боярина Грицко. А 28 мая была записана жалоба В. Гулевича о том, что ковельский наместник Кирилл Зубцовский велел избить и посадить в тюрьму его боярина[484].

Конец мая – начало июня (Ковель). Видимо, примерно за 4 недели до 17 июня произошли первые расследования по новому пограничному конфликту между подданными кн. А.М. Курбского и кн. А.И. Вишневецкого из-за границ между Туличевым и Видютой. Курбский инициировал вызов князю Андрею Ивановичу, видимо, находясь в своих ковельских имениях[485].

8–9 июня. Подданные О.П. Кирдея Мыльского из имения Кисели жалуются на то, что в ту ночь на них напали подданные Осмиговицкого имения Курбских[486]. Впрочем, о личном участии кн. А.М. Курбского в этом деле ни тогда же, ни позднее ничего не прозвучало.

9 июня (Владимир). Кн. А.М. Курбский на Владимирском уряде обсуждает спорное дело со слугой Миколая Криштофа Радзивилла[487].

16 июня (Ковель). Х. Чуват Туличевский вместе с миляновическим урядником Петром Румянцевым расследует конфликт за пущу в Миляновичах[488]. О местонахождении Курбского при этом прямо не упоминается.

17 июня – (Ковель, Миляновичи). Х. Чуват Туличевский «на потребе» кн. А.М. Курбского обсуждает с ним и слугой князя А.И. Вишневецкого Федором Микуличем взаимные претензии между обоими князьями по границам между Туличевом и Видютой. У Курбского гостят насыпки Ян и Андрей Монтолты. Князь Андрей Михайлович жалуется, что Вишневецкий угрожает ему расправой[489].

Конец июня – (Ковель). Кн. А.М. Курбский оспаривает в суде королевское постановление, по которому он должен быть оштрафован за потраву полей в Острове Жичине, и доказывает свое право на это имение[490].

27 июня (Ковель). Х. Чуват Туличевский на «потребе» кн. А.И. Вишневецкого передает кн. А.М. Курбскому два королевских «листа» с требованием не вступать в имения Вишневецкого и компенсировать его убытки в размере 271 коны 51 гр. Хацко не пущен в город и оставляет «листы» в воротах[491]. Трудно судить, в замке ли в это время кн. Андрей Курбский. И. Ауэрбах полагает, что он был действительно в Ковеле, но отказался встречаться с возным[492].

7 июля – (Осмиговичи). В этот день, согласно жалобе Василия Гулевича в Луцком земском уряде, князь Андрей Михайлович и княгиня Мария Юрьевна Курбские велели своему осмиговицкому уряднику Матвею и боярину Яхиму напасть на его имение Твердынское, пожать «жито» и свезти больше 100 копн сена к себе в Осмиговичи. Вероятно, супруги Курбские в этот день действительно находились в Осмиговичах[493].

14 июля. Согласно жалобе кн. А.М. Курбского от 27 июля, в этот день произошло нападение залесских подданных Богдана Волынца на с. Порыдубы[494]. Неясно, где был в тот момент Курбский.

17–22 июля – (Ковель). К 17 июня относится нападение отряда слуг кн. А.М. Курбского во главе с К.И. Зубцовским на Видютское имение кн. А.И. Вишневецкого. Расследование при участии Х. Чувата Туличевского продолжается 22 июля[495]. Неясно, доказывает ли обвинение в адрес самого князя Андрея Михайловича со стороны видютского урядника Г. Петровича, что Андрей Курбский 17 июля был в своих ковельских имениях.

27 июля – (Ковель). Возможно, лично кн. А.М. Курбский отправляет на Владимирский уряд жалобу на Богдана Волынца[496].

---

[483] КГВ-8. Арк. 73 зв. – 76 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 273–281, публикация того же акта: РИБ-31. Стб 497–512 (30 апреля 1574 г.). См. также *7 февраля, 12 марта 1574 г.*

[484] КГВ-8. Арк. 96–97 (26 мая), 97–98 (28 мая 1574 г.). См. также *7 апреля 1574 г.*

[485] См. *17 июня 1574 г.*

[486] См. *27 сентября 1574 г.*

[487] КГВ-8. Арк. 127 – 127 зв. (12 июня 1574 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 171.

[488] КГВ-8. Арк. 131 зв. – 132 (23 июня 1574 г.).

[489] КГВ-8. Арк. 130 – 130 зв. (20 июня 1574 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 171.

[490] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 171–172, 355.

[491] КГВ-8. Арк. 138 зв. – 139 (2 июля 1574 г.). См. также *17–22 июля 1574 г.*

[492] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 172.

[493] КЗЛ-2. Арк. 769–770 (30 августа 1574 г.).

[494] КГВ-8. Арк. 168–169 (27 июля 1574 г.).

[495] КГВ-8. Арк. 162 – 162 зв. (20 июля), 167–168 (25 июля 1574 г.).

[496] См. *14 июля 1574 г.*

1 августа — (Ковель). Кн. А.М. Курбский подает иск на Луцкий уряд о незаконном получении кн. А.И. Вишневецким подтверждения на Остров Жичин от короля Генриха Валуа[497].

29 августа — Миляновичи. Кн. А.М. Курбский принимает в своем имении возного Х. Чувата Туличевского и передает ему под запись жалобу о побеге от него слуг — трубача Каспара и монаха-московита Дионисия с ценным имуществом[498]. В этот же день на Луцком земском уряде, с согласия матери и отчима, А.М. Курбского и М.Ю. Курбской, братья Андрей и Ян Монтолты «листами делчыми» делят между собой имения, унаследованные от отца и дяди[499].

30 августа — (Осмиговичи, Ковель). В этот день на Луцком земском уряде кн. А.М. Курбскому и М.Ю. Гольшанской, княгине Курбской, удается отстоять свою непричастность к захвату жита у подданных Гулевичей. Вероятно, в это время супруги Курбские находятся в одном из своих имений[500].

9–10 сентября — Миляновичи. Расследование Х. Чувата Туличевского очередного факта повреждения пограничных «концев» между Годевичами и Видютой приводит его в Миляновичи. Просьба кн. А.М. Курбского записать показания его урядника и результаты расследования передана через М. Богушевского[501].

27 сентября. Д. Мокренский расследовал жалобы О.П. Кирдея Мыльского на «великие кривды» со стороны людей кн. А.М. Курбского, причиненные еще в июне 1574 г. Впрочем, сам князь при этом нигде не выступает[502].

13–19 октября (Ковель). К 13 октября относится расследование покражи у ковельских подданных кн. Андрея Острожецкого Головни коней подданным кн. Юрия Вороницкого, которое вел Х. Чуват Туличевский с ковельским наместником Курбского Михаилом Рагозой, ковельским войтом и радцами. 19 октября тем же Хацко рассматривались жалобы колодежского войта Василия на Яна Федоровича Белинского и его сообщников, по его словам, напавших на урочище Провороте. Присутствие Курбского в обоих делах не отмечено, однако его распоряжения («за посланем его милости») свидетельствуют о том, что он поблизости, в ковельских имениях[503].

Ноябрь до 16 декабря Ковель, Дубровица. Жалоба от К.И. Зубцовского, переданная с М. Богушевским на Владимирский уряд, содержит прямое упоминание, что недавно кн. А.М. Курбский уехал из Ковеля в Дубровицу. И. Ауэрбах датирует отъезд «поздней осенью 1574 г.», а возвращение на Волынь — «к Новому году»[504]. Неясно, насколько задолго до 16 декабря 1574 г. случился отъезд князя в Полесье. Слугам Курбского незадолго до того стало известно, что Каспар Мацеевский продал свои имения в Холмском и Владимирском поветах, и среди них — Сомин, который находится на границе с Островом Жичиным и Бращей и получен Курбским от Мацеевских по суду («в суме пенезей и шкодах»). Сведения о сделках Мацеевских дошли до Ковеля, по меньшей мере за несколько дней до 16 декабря, поскольку в этот день слуга князя Яхим и Х. Чуват Туличевский уже приехали с письмом от кн. А.М. Курбского к К. Мацеевскому и получили ответ, что королевское имение Курбский продолжит держать и после его продажи[505]. Следовательно, отъезд Курбского произошел за какое-то время до указанных событий возможно, в конце ноября или начале декабря 1574 г.

28 декабря — Миляновичи. Х. Чуват Туличевский приезжал к кн. А.М. Курбскому на оформление сделки представителя К. Мацеевского, Якуба Боровского, с наместником Курбского Кириллом Зубцовским в присутствии князя. Им был получен выкуп за Сомин — 1500 кон гр. Имение было окончательно передано К. Мацеевскому[506].

31 декабря — (Миляновичи). Кн. А.М. Курбский жалуется во Владимирский уряд, что К.С. Мацеевский на него «через свой лист свои отповеди и пофалки чинит» и угрожает его здоровью[507]. Вероятно, князь в этот день обращается на уряд из своих ковельских имений.

1575 г.

1 января — (Ковель). Х. Чуват Туличевский отправляется в Остров Жичин «в справе» кн. А.М. Курбского[508]. Как отмечает И. Ауэрбах,

---

[497] КГЛ-459. Арк. 288 зв. — 289 (1 августа 1574 г.). См. *18–21 февраля 1574 г.*

[498] КГВ-8. Арк. 189 — 189 зв. (13 сентября 1574 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 173.

[499] КЗВ-4. Арк. 72 — 73 зв. (9 января 1579).

[500] КЗЛ-2. Арк. 769–770 (30 августа 1574 г.).

[501] КГВ-8. Арк. 189 зв. — 190 (13 сентября 1574 г.).

[502] КГВ-8. Арк. 201 зв. — 203 зв. (29 сентября 1574 г.). См. *8–9 июня 1574 г.*

[503] КГВ-8. Арк. 222 — 222 зв. (25 октября), 222 зв. — 223 зв. (25 октября 1574 г.).

[504] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 174–175.

[505] КГВ-8. Арк. 252 зв. — 253 (19 декабря 1574 г.).

[506] КГВ-8. Арк. 254 зв. — 255 (30 декабря 1574 г.).

[507] КГВ-8. Арк. 255 — 255 зв. (31 декабря 1574 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 175.

[508] КГВ-9. Арк. 11 зв. — 12 зв. (15 января 1575 г.).

в самом начале 1575 г. Курбский неоднократно обращается во Владимирский уряд, «хотя неясно, действительно ли он всё еще на Волыни, или в ход шли только бланки-мамрамы»[509].

5–6 января — (Владения кн. К.К. Острожского). Вероятно, кн. А.М. Курбский на этот момент во владениях кн. К.К. Острожского. Судить об этом можно на основании судебной активности с упоминанием в роли инициатора жалобы Курбского и административного посредника — князя Константина-Василя. Х. Чуват 6 января расследовал вместе с урядником Иваном Глинским предполагаемое нападение Ивана Калусовского и его сообщников на Туличев в ночь с 5 на 6 января 1575 г.[510]

11 февраля — (Владения кн. К.К. Острожского). Жалоба кн. А.М. Курбского о том, что урядник кн. А.И. Вишневецкого Г. Петрович напал вместе с видютскими и соминскими подданными на ковельское имение Браще. Были избиты и ранены спящие строители и другие работники, попорчен лес. В тот же день ковельский войт Матуш Трашковский ездил в Садов к Ганне, вдове Фронца Фалчевского, чтобы вытребовать с нее долг 80 кон гр.[511] О местонахождении кн. А.М. Курбского можно судить условно по его упоминанию в качестве истца и при его иске — во втором в записи случае указано на повеление кн. К.К. Острожского.

23 февраля — 21 марта — (Ковель). При посредничестве М. Богушевского проходит многоэтапное расследование конфликтов с подданными кн. А.М. Курбского со стороны Яна Гулевича, Ивана и Яна Калусовских и урядника кн. А.И. Вишневецкого, Матея Войсколта[512]. Прямо о присутствии кн. А.М. Курбского не говорится[513].

Незадолго до 21 марта — (Корец). В имении кн. Б.Ф. Корецкого, «у его милости князя-воеводы в Корцу» состоялся диспут кн. А.М. Курбского с иноверцами, который он обсуждает в своем послании К. Чанличу[514].

21 марта — Ковель. Точно датировано письмо, посланное кн. А.М. Курбским Кодиану Чанличу Шпановскому[515].

30–31 марта — (Ковель). Всё отличие от предыдущих записей только в том, что вызов в этот день прозвучал по жалобе кн. А.М. Курбского лично на кн. А.И. Вишневецкого и его видютского урядника Г. Петровича. На следующий день Х. Чуват Туличевский ездил вместе с миляновическим урядником Григорием Клечковским в ковельскую пущу Браже в Острове Жичине[516]. Этих свидетельств всё же недостаточно, чтобы сделать вывод, где именно был кн. А.М. Курбский в эти дни, но предположительно — в Ковеле.

7–11 апреля. Вновь неясно, присылал ли лично кн. А.М. Курбский своего обланского боярина Кузьму на Владимирский уряд или Кузьма приехал только от имени своего пана. Сама жалоба — о нападении подданных кн. А.И. Вишневецкого из Видют и Сомина на Порыдубы и пленении подданного князя Андрея Михайловича, Мелеха Дубцовича. Ответный иск кн. А.И. Вишневецкого прозвучит в конце месяца[517].

15 апреля — (Ковель). Уполномоченный кн. А.М. Курбского М. Богушевский ведет его дело против И. Калусовского по жалобе о нападении 5–6 января 1575 г. Иван должен вернуть убыток сроком в 2 недели, «не по роком, але водле кантуру от всих обывателей земли Волынское»[518].

27–28 апреля — (Ковель). Слуга кн. А.М. Курбского Якуб Яхимович жалуется в уряд от имени своего пана на то, что Василий Гулевич во главе своих слуг этой ночью напал на Осмиговицкое имение и занахал один участок границы[519]. В Ковеле Курбский или нет, из записи в актовой книге неясно.

28 апреля — (Ковель). Жалоба на Г. Деснотовну Збаражскую[520]. Только предположительно, Курбский обращается в уряд из Ковеля.

30 апреля — (Ковель, Вильно). Возможно, кн. А.М. Курбского уже нет в Ковеле. Жалоба на ограбление в этот день доставлена значительно позже и от имени одного К.И. Зубцовского[521].

---

[509] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 175.

[510] КГВ-9. Арк. 7 зв. — 8 зв. (11 января 1575 г.); КЗЛ-2. Арк. 813 зв. — 815 зв. (11 апреля 1575 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 357. Anm. 75.

[511] КГВ-9. Арк. 33 зв. — 34 (22 февраля), 34–35 (22 февраля 1575 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 341–342.

[512] КГВ-9. Арк. 42 зв. — 44 (23 февраля), 50 — 51 зв. (26 февраля), 54–55 (27 февраля), 60 — 60 зв. (14 марта), 68 зв. — 69 (16 марта), 70 (16 марта), 72 — 72 зв. (21 марта), 72 зв. — 73 (21 марта 1575 г.).

[513] См. *21 марта 1575 г.*

[514] См. *21 марта 1575 г.*

[515] РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб 437–444, ср.: СК. Л. 169 об. 173 об. (Ковель, 21 марта 1575 г.).

[516] КГВ-9. Арк. 78 зв. — 79 зв. (30 марта), 81 зв. — 82 (11 апреля 1575 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 175.

[517] КГВ-9. Арк. 82 — 82 зв. (11 апреля), 87 зв. (28 апреля 1575 г.).

[518] КЗЛ-2. Арк. 813 зв. — 815 зв. (15 апреля 1575 г.). См. *5–6 января 1575 г.*

[519] КГВ-9. Арк. 89 зв. — 90 (30 апреля 1575 г.).

[520] КГВ-9. Арк. 85 зв. — 87 зв. (28 апреля 1575 г.).

[521] КГВ-9. Арк. 94 — 95 зв. (12 мая 1575 г.).

5 мая. В этот день заканчивает работу Луцкий сеймик. И. Ауэрбах осторожно допускает, что кн. А. М. Курбский мог принять в нем участие, однако никаких свидетельств в пользу этой догадки нет[522].

Начало мая — июнь — (Криничин, Вильно). О том, что кн. А. М. Курбский отправился из своих имений в Великое княжество Литовское или другие коронные земли, прямых упоминаний обнаружить не удалось. Но обстоятельства его возвращения из поездки говорят, что какое-то время, не менее двух-трех недель, он провел вдали от ковельских имений в Вильно и Криничинском имении в Унитском повете. Но нельзя исключать, что выезд кн. А. М. Курбского из Ковеля состоялся между 28 апреля и 12 мая. В первом случае истцом назван сам князь, тогда как в иске 12 мая (по событиям 30 апреля) — уже только его слуга и ковельский наместник К. И. Зубцовский[523].

8 июля — (Криничин, Ковель). Курбский на пути из своих литовских имений в Ковель. От кн. А. М. Курбского бежит Матвей Гинейко. Вскоре после этого или одновременно с М. Гинейко бежит Иван Москвитин. По предположению И. Ауэрбах, побег мог произойти одновременно с побегом от Курбского М. Гинейко, слуги княгини М. Ю. Курбской (а до нее — князей Гольшанских). Исследовательница датирует его побег «5 июля». Это ошибка. В акте дата побега Матвея обозначена числительным «року тепер идучого тисеча пятсот семдесят пятого месяца июля осмого дня»[524].

14 июля — (Ковель). Жалобы по поводу побега слуг 8 июля поданы во Владимирский уряд[525]. К этому времени кн. А. М. Курбский, видимо, принимается за активное ведение дел в Ковельских имениях.

6–11 августа — (Ковель). 6 августа, согласно обвинениям кн. А. М. Курбского, подданный кн. А. И. Вишневецкого напал на ковельскую пасеку. Противостояние кн. А. М. Курбского с кн. А. И. Вишневецким открывается 7 августа нападением отряда во главе с К. И. Зубцовским и другими урядниками ковельских имений на имение двора («дворца») Зачернецкого. На это сразу поступает жалоба во Владимирский уряд. На следующий день не только князь Андрей Иванович подает жалобу на Курбского, но и тот в ответ обвиняет видутских и соминских урядников, что они в тот же день напали на Порыдубы, отобрали скот и ранили людей[526].

1–2 сентября — (Ковель, Торговица). Кн. А. М. Курбский вместе со своим «почтом» выезжает 1 сентября из Ковеля и на следующий день добирается до Торговицы, где останавливается у владельца части имения — кн. Б. Ф. Корецкого[527].

5 сентября — (Торговица). Кн. А. И. Вишневецкий жалуется, что в этот день кн. А. М. Курбский организовал нападение на его видутские земли[528]. Обвинение относится к слугам. Князь Андрей Михайлович был в это время в Торговице.

7 сентября — (Торговица). О. П. Кирдей Мыльский обвиняет кн. А. М. Курбского и его жену, княгиню М. Ю. Курбскую, в организации нападения в этот день на Мыльск и уводе челяди вместе с имуществом[529]. Сам Олизар Кирдей на тот момент уже находился в Шумске, а кн. А. М. Курбский всё еще был в Торговице.

8 сентября — (Торговица, Шумск). Кн. А. М. Курбский направляется из Торговицы в Шумск на Волынский сеймик[530].

9–14 сентября — (Шумск). Кн. А. М. Курбский на Волынском сеймике. Рассказывая о сентябрьских событиях, позднее Курбский отметил, что провел в Шумске «другий тыйдень». Н. Д. Иванишев ошибочно переводит эти слова как «две недели». В Шумске Курбский провел вторую неделю после своего выезда из Ковеля, тогда как первую он провел в Торговице[531].

14 сентября. В деле о краже коня кн. Максима Васильевича Сокольского фигурируют слуги кн. А. М. Курбского М. Богушевский

---

522 *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 175.

523 См. *27–28 апреля, 28* и *30 апреля, 8 июля 1575 г.*

524 КГВ-9. Арк. 156 зв. — 157, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 52–53, а также: УПРД. Вип. 1. С. 195–196 (14 июля 1575 г.); КГВ-9. Арк. 157 — 157 зв., публ.: УПРД. Вип. 1. С. 196, а также: См. здесь *Приложение VII.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 176, 233.

525 См. *8 июля 1575 г.*

526 КГВ-9. Арк. 170 зв. — 171 зв. (8 августа), 171 зв. — 172 (8 августа 1575 г.), вторая из этих записей опубликована: ЖКЛВ. Т. 1. С. 54–57; КГВ-9. Арк. 172 зв. — 173 (8 августа), 173 — 173 зв. (13 августа), 173 зв. — 174 зв. (13 августа), 174 зв. — 176 (13 августа 1575 г.). Публикация двух из четырех актов: ЖКЛВ. Т. 1. С. 57–62 (акт с л. 174 об. — 176), 63–65 (акт с л. 173 — 173 об.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 177, 323.

527 См. *10 ноября 1575 г.*

528 КГВ-9. Арк. 180 — 180 зв. (11 сентября 1575 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 323. Anm. 35.

529 КГЛ-15. Арк. 416 зв. — 417 зв. (17 сентября), 432 зв. (14 октября 1575 г.). См. также *14–15 сентября, 10 ноября 1575 г.*

530 КГЛ-15. Арк. 457 зв. — 458, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 70–71 (10 ноября 1575 г.).

531 См. *10 ноября 1575 г.* Ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 71. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 177.

и Марко Гордевицкий. Сам кн. Андрей Курбский в качестве действующего лица на суде не выступает[532].

14–15 сентября — (Шумск, Торговица, Ковель). Кн. А. М. Курбский был 15 сентября на пути в Ковель. Свой маршрут начала сентября 1575 г. он позднее подробно изложил на Луцком уряде, на суде с Мыльскими. На обратном пути с сеймика он заехал 15 сентября в Торговицу, откуда и направился домой в Ковель[533].

6–7 октября — (Миляновичи, местечко Берестечко, с. Миколаев, с. Свинюхи). Вместе с кн. К. К. Острожским кн. А. М. Курбский отражает нашествие татар на Волынь. 6 октября, взяв из местной казны князя 100 кон гр. и 300 талеров, миляновский урядник Василий Лукьянович Калиновский в сопровождении боярина Степана Туровицкого спешил из Ковеля вслед за отрядом Курбского. На дороге между Берестечком и Миколаевом на них напали подданные Дзялынских во главе с урядником берестецким Лукашем Малаховским. Раненого Василия Лукаш забрал в Берестечко, потом велел бросить его в дубраве на месте схватки. Видимо, Василий спешил за своим паном по той дороге, о которой был предупрежден, — кн. А. М. Курбский двигался в тот день из Миляновичей на Миколаев. Из дубравы раненого забрал к себе миколаевский селянин. Он переслал Василия в Свинюхи, где тот умер. Оттуда его тело Курбский велел доставить на Луцкий замок для расследования. Из слов «а так его милость князь Курнъский, взявши тое тело урядника своего миленовского... прислал» может следовать, что князь лично находился в этот момент в Свинюхах[534].

14 октября. Вызов на Луцкий уряд по жалобе О. П. Кирдея Мыльского в отсутствие четы Курбских оставлен возным в Осмиговичах тамошнему уряднику Матею Повосару. Слуги Курбских обвиняются в ночном конном нападении на Мыльск. Рассмотрение назначено на 10 ноября 1575 г.[535] Князь Андрей Михайлович в это время не разыскивается, видимо, потому что известно о его участии в военной акции против татар.

10 ноября — (Ковель). Судя по началу процесса четы Курбских против Мыльских на Луцком уряде и присланному на уряд от князя Андрея Михайловича подробному «листу», к этому времени он уже вернулся из похода против татар в Ковель[536].

1576 г.

1 января — (Ковель). Этим днем датируется реестр амуниции Аг. В. Сарыхозина, который 10 лет спустя послужил для него основанием потребовать компенсации от вдовы кн. А. М. Курбского. Реестр был написан рукой кн. Андрея Курбского, и его достоверность была признана Унитским земским судом[537].

6 января — (Ковель). Княгиня Ганна Деспотовна Збаражская жалуется на кн. А. М. Курбского и его урядника К. И. Зубцовского[538]. Возможно, князь в это время в своих волынских имениях.

Январь. Кн. А. М. Курбский, видимо, сразу ответил на поздравление волынского шляхтича Василия Древинского с Новым годом 1576 годом учительным письмом, вошедшим позднее в пространную редакцию Сборника Курбского[539]. Впрочем, ответ князя точно не датирован.

1–6 февраля. В эти дни драматично разворачивается конфликт между кн. А. М. Курбским и старостиной кременецкой Ганной Деспотовной Збаражской. Курбский жаловался, по всей видимости, лично явившись в суд или находясь в своем имении через посыльного, что 1 февраля локацкий урядник Збаражской, Богуш Заец возглавил нападение на «добровольной дороге» в имении Александра Семашко на его слугу, шляхтича Федора Онанчича Черкасского, который ехал «при двох возех скаръбных» из Дубровицы в Ковель за княгиней Марией. Захвачены были и уведены в Локачи и 150 подвод с пенлом (поташем). 4 февраля на расследование в Дубно отправился Григорий Вербский, где К. И. Зубцовский показывал ему раны Федора. Еще через день результаты расследований были занесены в луцкие гродские книги[540]. Где именно был Курбский в это время, неясно, но можно предположить, что возы в ценностями и углем направлялись в Ковель за княгиней, чтобы всем ее там обеспечить, в то время как сам князь мог быть и в Ковеле, и в пинских имениях жены[541].

---

532 КГЛ-15. Арк. 415 зв. — 416 (14 сентября 1575 г.).

533 КГЛ-15. Арк. 457 зв. — 458 (10 ноября 1575 г.).

534 КГЛ-15. Арк. 450–451, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 65–69 (4 ноября 1575 г.). См. *28 мая 1576 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 178–179, 318.

535 КГЛ-15. Арк. 432 — 432 зв. (14 октября 1575 г.).

536 КГЛ-15. Арк. 457–458, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 69–72 (10 ноября 1575 г.).

537 КЗУ-3. L. 308 (4 октября 1586 г.).

538 КГВ-9. Арк. 225 зв. — 228 зв. (6 января 1576 г.).

539 СК. С. 390–393 (л. х-180 — х-181 об.).

540 КГЛ-16. Арк. 15 — 16 зв. (6 февраля 1576 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 313–314. Anm. 23.

541 См. *5* и *18 марта 1576 г.*

19 февраля. К. И. Зубцовский болен и лежит в Луцке, в доме священника дмитровского протопопа луцкого. Жалуется Г. Вербскому, что получил от кн. А. М. Курбского «писанье» с инструкцией о ведении дела против княгини Ганны Збаражской, но ничего не может сделать из-за болезни[542]. Откуда именно пришло от Курбского «писанье», из показаний наместника ковельского неясно.

21 февраля. Григорий Остик просит в своем послании Ивану IV пожаловать его Ковелем, где на тот момент «живет твой изменник Курбский»[543]. Это, конечно, фигуральное выражение, но нельзя исключать, что в нем есть и буквальное значение: кн. А. М. Курбский в это время мог находиться в своих ковельских владениях.

Весна 1576 — весна 1577 г. По наблюдению И. Ауэрбах, кн. А. М. Курбский почти целый год не появляется на Волыни, если судить по источникам. Исследователь предполагает, что князь в это время часто и долго бывал в своих литовских имениях и в имениях своей жены, княгини М. Ю. Курбской, под Пинском[544].

5 марта — Ковель. Кн. А. М. Курбский актом за собственной подписью дарует миляновскому войту М. Богушевскому 1 вл. в с. Годевичах[545].

18 марта — (Осмиговичи). Этим днем и местом датировано завещание княгини М. Ю. Курбской, которое будет внесено в актовые книги полтора года спустя. Участие кн. А. М. Курбского в его составлении вероятно, как и его присутствие при больной супруге. Об этом прямо, хотя и формульно говорится: «И на то есми его милости... дала сес мой дестамент...»[546] Впрочем, подлинность завещания и описанных в нем обстоятельств его составления вызывает сомнения[547].

28 мая. В этот день К. И. Зубцовский пожаловался через своего слугу Езофа Словинского на Луцком уряде, что во время похода кн. А. М. Курбского на татар в 1575 г. были нанесены убытки ковельскому подданному Охну Гриневичу[548]. О местонахождении кн. Андрея Курбского ни на момент татарского нашествия 1575 г., ни на момент подачи иска не сказано.

16 июня. В этот день король Стефан Баторий по личной просьбе кн. А. М. Курбского подписал привилей К. И. Зубцовскому на села Дубно и Волошки[549].

3 сентября. В этот день Борис и Иона Охлоновский столкнулись по дороге из Луцка на пароме («пороме») за Глушцем с К. И. Зубцовским и его слугами и «помочниками»[550]. Ничего не сказано о кн. Андрее Курбском, только о его урядике.

19 октября — 29 ноября — (Торунь). Кн. А. М. Курбский присутствовал на Торуньском вальном сейме. Там рассматривался его спор с кн. М. А. Чарторыйским, но решение по этому делу Стефан Баторий отложил до следующего сейма. Дело было улажено полюбовно, князь Михаил заявил, что принял от Курбского полную сумму за имение своего отца Смедынь[551].

18 ноября. Выпись дана М. Богушевскому из владимирских гродских книг, он получает подтверждение на имение, полученное по «листу» Сигизмунда II Августа Петру Фальчевскому в компенсацию утрат по «волочной номере»[552]. Кн. А. М. Курбский прямо не упомянут.

1577 г.

14–15 января — (Миляновичи). От имени кн. А. М. Курбского через П. Оранского подана жалоба во Владимирский уряд о том, что 14 января подданные кн. А. И. Вишневецкого из Видют напали на охотников-подданных Курбского. Нападение произошло недалеко от Миляновичей. Там же Х. Чуват Туличевский проводил свое расследование. Впрочем, неясно, был ли там в тот момент князь Андрей Михайлович[553].

20 января. Пожалование кн. А. М. Курбского своему ливонскому слуге Александру Кенигу[554].

4–5 марта — (Дубно). По предположению И. Ауэрбах, кн. А. М. Курбский вместе с другими шляхтичами отбивал нашествие татар на Волынь[555]. Он мог быть и в числе защитников Дубно. Впрочем, прямых подтверждений этому нет.

---

[542] КГЛ-16. Арк. 43 зв. — 44 (19 февраля 1576 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 314. Anm. 24.

[543] ПК-10. Л. 139 об., публ.: ПИВЕ-7. С. 104 (Вильно, 21 февраля 1576 г.).

[544] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 183.

[545] КЗВ-5. Арк. 20 — 20 зв. (6 июня 1577 г. Акт кн. А. М. Курбского датирован: Ковель, 5 марта 1576 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 183.

[546] См. *10 октября 1577 г.*

[547] См. главу «История одного развода».

[548] КГЛ-16. Арк. 176 зв. — 177 зв., публ.: УКРД-1. С. 218–220 (28 мая 1576 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 249. Anm. 15.

[549] ЛМ-193. Л. 37 об. (16 июня 1576 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 308. Anm. 1.

[550] КГЛ-16. Арк. 390 зв. — 391, публ.: УКРД-1. С. 224–225 (4 сентября 1576 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 314. Anm. 25.

[551] См. *1 июля 1577 г.* Датировка сейма: *Konopczyński W.* Chronologia... S. 16.

[552] КЗВ-5. Арк. 17 — 17 зв. (6 июня 1577 г.).

[553] КГВ-10. Арк. 8 зв. — 9 зв., публ.: УПРД. Вип. 1. С. 232–233 (16 января 1577 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 320.

[554] См. *7 февраля 1582 г.*

[555] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 196.

22 апреля — Владимир. В этот день лично кн. А. М. Курбский является на Владимирский гродский уряд, чтобы внести в актовые книги «листы» кн. К. К. Острожского и В. П. Загоровского[556].

7–8 мая. В. Гулевич жаловался, что 7 мая урядник кн. А. М. Курбского и княгини М. Ю. Курбской напал на его подданного и забрал овец[557]. О местонахождении Курбских на момент жалобы судить невозможно.

26 мая — (Ковель). С Троицына дня кн. А. М. Курбский устанавливает наблюдение за своей женой, княгиней Марией Курбской[558]. Эту дату, опираясь лишь на церковный календарь, княгиня М. Ю. Курбская назвала сама в иске против бывшего мужа год спустя. Троицын день в 1577 г. приходился на 26 мая. Возможно, точность даты — дань условности. Кроме того, точно сказать, где именно в этот день находился кн. Андрей Курбский, на основе этих слов невозможно.

Лето. По мнению И. Ауэрбах, этим летом кн. А. М. Курбский долго болел и много времени провел в Миляновичах[559]. Впрочем, сведения о болезни князя ненадежны для его локализации в этот период[560].

5 июня — (Пинск). Ярофей Гостский и его жена Ганна Тихновна Козинская выступают во Владимирском земском суде против четы Курбских и четы Збаражских за Осмиговичи. Курбских представляет Миколай Богушевский. Курбские отказались ехать во Владимир, ссылаясь на то, что на эти же дни им был назначен суд в Пинске с Мыльскими. В деле Гостского отмечается также татарская угроза, которая задерживала самих истцов («для великого небезпечеиства от неприятеля поганского татар»)[561]. В этот же день представители кн. А. М. Курбского М. Калымет Секунский и М. Богушевский заносят во владимирские земские книги выписи из владимирских гродских книг о долговом закладе Осмиговичей княгиней М. Ю. Курбской своему мужу за 4 тыс. кон гр.[562]

6 июня. М. Богушевский отдает под запись на Владимирском земском уряде акты на свои владения в Ковельском имении[563]. Местонахождение кн. А. М. Курбского в этот день в акте не названо.

7–23 июня (Миляновичи). О присутствии кн. А. М. Курбского в Миляновичах 19–20 июня 1577 г. свидетельствуют только поздние и малодостоверные заявления Т. Зыка Князского и Ж. Чирского, в котором они обвинили княгиню М. Ю. Курбскую в супружеской измене. Впрочем, упомянутые Тимофеем Зыком и владимирским возным обстоятельства болезни князя в эти дни могут основываться на реальных событиях. Сложнее обстоят дела с показаниями возного Ж. Чирского. Он говорил 4 года спустя, что ездил 20 июня 1577 г. расследовать «подране нчол» в Смедыни, и на приеме у Курбского был свидетелем показаний другого владимирского возного, Ярошa Жуковича, о сценах супружеской измены в Осмиговичах[564]. Примирением (в Луцке, 22 июня с записью в актовые книги от 23 июня) заканчивается спор урядника кн. К. К. Острожского, Павла Стунницкого, и ковельского мещанина, поновича (сына попа Введенской церкви) Антона Фурсовича (Хурсовича), с воютинскими подданными кн. А. М. Курбского из-за украденного коня[565]. В деле Антона местонахождение кн. Курбского не упоминается.

30 июня — Миляновичи. Договор о снятии взаимных претензий между кн. А. М. Курбским и кн. М. А. Чарторыйским по спорному имению Смедынь. Кн. Андрей Курбский лично выплачивает 1500 кон гр. князю Михаилу Чарторыйскому, а тот полностью отказывается от своих прав на это имение[566].

20 июня — (Миляновичи). Согласно много более поздним и малодостоверным показаниям слуг кн. А. М. Курбского, в этот день он был болен и лежал в постели в Миляновичах. Якобы в этот день слуги стали свидетелями супружеской измены жены князя, княгини Марии Курбской с Жданом Мироновичем. Сами обвинения в адрес княгини Марии отражают борьбу кн. А. М. Курбского против бывшей жены перед митрополичьим судом июля 1581 г. Однако обстоятельства места и времени в показаниях могут соответствовать событиям лета 1577 г.[567]

---

556 КГВ-10. Арк. 37 зв. — 39 (22 апреля 1577 г.).

557 КГВ-10. Арк. 54 зв. — 55 (27 мая 1577 г.).

558 КГВ-11. Арк. 148 зв. — 149 зв., здесь л. 149, ср.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 127 (2 августа 1578 г.).

559 *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 183.

560 См. здесь в главе «История одного развода».

561 КЗВ-4. Арк. 22 зв.-24 (5 июня 1577 г.).

562 См. *22 августа 1571 г.*

563 КЗВ-5. Арк. 17 — 20 зв. (6 июня 1577 г.).

564 См. *20 июля 1581 г.*

565 КГЛ-17. Арк. 377 — 377 зв. (7 июня), 425 — 425 зв. (23 июня 1577 г.). В записи от 7 июня 1577 г. кн. А. М. Курбский выступает по ошибке под именем «князя Михаила Андреевича Курпского».

566 КГВ-10. Арк. 65–66 (1 июля 1577 г.), то же: КЗВ-5. Арк. 39 — 40 зв. (1 октября 1577 г.). См. также *23 ноября 1567 г.*, *19 октября — 29 ноября 1576 г.*

567 См. *8 сентября 1578 г.*, *20 июля 1581 г.*

27–28 июля — (Ковель). Петр Горецкий жаловался, что 27 июля боярин кн. А.М. Курбского Михаил Кудравец подослал своих подданных из с. У Брода на его имение Подгороденское, они совершили нападение на его подданных, погнались за ними и настигли за Вижвой в имении Курбского. Те, напуганные и избитые, пожаловались Курбскому, который назначил у себя рассмотрение дела, но приехать к сроку П. Горецкий не смог из-за болезни, а потерпевшие не нашли на суде справедливости[568]. Неясно, где именно находился кн. А.М. Курбский на момент обсуждения дела на Владимирском уряде.

31 июля — 1 августа — (Ковель). Я. Оранский по вызову кн. А.И. Вишневецкого расследовал дело о нападении ковельских подданных во главе с урядником кн. А.М. Курбского К.И. Зубцовским на Остров Жичин и незаконном покосе сена[569]. Где именно был кн. А.М. Курбский, из заявления урядника князя Андрея Ивановича, Г. Петровича, неясно, но вероятно — в одном из ковельских имений.

9 августа — Миляновичи. Возные Владимирского и Луцкого поветов направлены к Курбскому для рассмотрения жалобы А. Монтолта о жестокости князя по отношению к своей жене, матери Монтолтов. Супруги встретились с поверенными. Князь, возможно, болен[570]. По предположению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский лично вступает в соглашение с Я. Яковицким по спору о краже скота и зерна у пятерых селян и Туровичей. Впрочем, этот факт не вызывает доверия — запись о нем появилась в актовой книге лишь через полтора года после предполагаемой сделки[571].

14–15 августа — (Осмиговичи). Я. Оранский сообщает, что был там по делу Ярофея Гостского и его жены Ганны Тихновны Козинской, передавал два вызова в суд кн. А.М. Курбскому и княгине М.Ю. Курбской по их имению Осмиговичам на срок — день Михаила Римского, т.е. на 29 сентября 1577 г.[572] Возможно, Курбские находились в эти дни в Осмиговичах.

25 августа — (Ковель, Миляновичи). От имени кн. А.М. Курбского на Луцком уряде жалуется Езоф Словинский, что княгиня М.Ю. Гольшанская (Курбская) украла документы Курбского в Дубровице, а ее сын А.А. Монтолт подстерегает отчима у Ковеля, Миляновичей и на других дорогах, чтобы с ним расправиться[573]. Возможно, князь в этот день в Ковеле или Миляновичах.

5 сентября — (Туличов). В этот день, согласно много более поздним и малодостоверным показаниям Тимофея Зыка Князского, он дал в Туличове показания кн. А.М. Курбскому о супружеской измене его жены, княгини М.Ю. Курбской. Впрочем, обстоятельства местонахождения князя в этот день могут быть достоверны[574].

8 сентября — (Болтеники). В этот день, на праздник Рождества Богородицы, слуга княгини М.Ю. Курбской Федор Миронович покинул ее имение Болтеники в Лидском повете и по указу кн. А.М. Курбского пересел к нему в Ковельское имение[575]. Возможно, около этого времени в начале сентября 1577 г. кн. А.М. Курбский находился в лидском имении своей жены.

18 сентября — (Ковель). Кн. А.М. Курбский обвиняет А.А. Монтолта в нападении 12 сентября на Ковельское имение[576].

4 октября — Ковель. Кн. А.М. Курбский передает имение своей жены Осмиговичи в собственность своей падчерице Б.М. Козинской и ее мужу кн. Ю.А. Збаражскому. Получает от князя 1 тыс. коп гр., а остальные 3 тыс. из 4, которыми была обеспечена передача Осмиговичей ему от княгини Марии Курбской в 1571 г., прощает и снисывает с долга[577].

10 октября — (Ковель). Служебник кн. А.М. Курбского Миколай Богушевский приносит от князя и его супруги на Владимирский земский уряд завещание княгини М.Ю. Курбской, по которому, как особо отмечается в преамбуле к тексту в книге, князь становится наследником Дубровицы и Осмиговичей. Судьи вносят тестамент в актовые книги[578].

18 октября. В луцкие гродские книги вносится отказ налогового «поборцы» Федора Рудецкого принять штраф в размере 420 зл. с Ковельского

---

[568] КГВ-10. Арк. 87 зв. (28 июля 1577 г.).

[569] КГВ-10. Арк. 91 зв. — 92 (1 августа 1577 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 320, 323–324. Anm. 37.

[570] КГЛ-17. Арк. 572 — 573 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 79–82 (25 августа 1577 г.). См. *Лето 1577 г.*

[571] См. *9* и *23 августа 1578 г., 10 января 1579 г.*

[572] КГВ-10. Арк. 100 — 100 об. (15 августа 1577 г.).

[573] КГЛ-17. Арк. 568 — 568 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 83–84 (25 августа 1577 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 249. Anm. 15.

[574] См. *20 июля 1581 г.*

[575] См. *19–21 сентября 1578 г.*

[576] ЖКЛВ. Т. 1. С. 85 88 (18 сентября 1577 г.).

[577] КЗВ-5. Арк. 108 зв. — 112, публ. только текста договора: ЖКЛВ. Т. 1. С. 88–93 (4 ноября 1577 г.). Во владимирских земских книгах запись под 5 июня 1578 г. Акт сделки в КЗВ-5 на л. 110–112. Перенос из владимирских гродских книг от 4 ноября 1577 г. Слушание — от 31 октября 1577 г. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 184, 218–219.

[578] КЗВ-4. Арк. 42–45 (5 июня 1577 г.). Текст завещания опубликован: ЖКЛВ. Т. 1. С. 72–79. См. также *18 марта 1576 г.*

имения за неуплату «носольских» денег[579]. Неясно, где именно в этот день кн. А. М. Курбский.

19 октября. Подданный кн. А. М. Курбского Андрей Олешевич выступает свидетелем при возном Игнате Покощовском на расследовании от Луцкого уряда[580].

31 октября — Владимир. Кн. А. М. Курбский, «постановившися очевисто» на Владимирском уряде, дает показания о своем договоре со Збаражскими по Осмиговичам[581].

4 ноября — (Владимир). Неясно, являлся ли кн. А. М. Курбский на Владимирский уряд, чтобы запись о договоре с четой Збаражских о передаче им имения Осмиговичи была внесена в гродские книги, или это случилось за четыре дня до того[582].

6 декабря. Езоф Филиппович Словинский на суде с дубенским подданным К. И. Забцовского Юхно Гриневичем объявляет о принадлежности ему владений «под князем Адреем Курбским в месте Ковелском»[583].

7 декабря. Епископ владимирский и брестский Феодосий жалуется на Яна и Андрея Монтолтов, а также на их мать, княгиню Марию Курбскую, что они не платили арендную плату за сельцо Десятину, которую обязались платить еще в 1570 г. совместно с матерью и отчимом, кн. А. М. Курбским, а имения Феодосию до сих пор не уступают[584].

28 декабря. Возный земский владимирский Х. Чуват допрашивает княгиню Марию Курбскую о месте хранения ее документов[585]. О местонахождении кн. А. М. Курбского при этом ничего не сказано.

1578 г.

6 января — (Ковель). Кн. А. М. Курбский получает от своей жены, княгини Марии Юрьевны, согласие на ведение им дел от ее имени по урегулированию спора с О. П. Кирдеем Мыльским и его женой за Дубровицкое имение[586].

22 января — Ковель. От кн. А. М. Курбского сбежало три гайдука. В этот день по его вызову в Ковель приехал Х. Чуват Туличевский. Курбский подозревает, что перебежчики у кн. А. И. Вишневецкого[587].

Февраль–апрель — (Варшава). Кн. А. М. Курбский на Варшавском сейме, который начался в конце января и закончился после 8 марта 1578 г.[588]

13 февраля — (Варшава). Кн. А. М. Курбский получает вызов на королевский суд, назначенный на 13 марта[589].

18–25 февраля — (Варшава). Примирение кн. А. М. Курбского и — формально — его жены с О. П. Кирдеем Мыльским и его супругой состоялось 18 февраля, но вероятно, что окончательно дело было закрыто, когда договор был записан в канцелярские книги Великого княжества Литовского, т. е. до 25 февраля[590].

21 февраля. Епископ луцкий и брестский Викторин Вербицкий подает иск против кн. А. М. Курбского и объявляет, что часть ковельских владений арендована королевой Боной у епископа Юрия Фальчевского (Скулин, Белин, Стебли, Колодежно, Красная Воля, Колодеженская Воля, Млынская Воля). Он требует, чтобы кн. Андрей Курбский вернул их, так как он не вносит арендную плату. Процесс затянулся и продолжился после смерти кн. А. М. Курбского с его наследниками[591].

13 марта — (Варшава). На этот день назначено рассмотрение жалобы Я. А. Монтолта на кн. А. М. Курбского на Варшавском сейме. Ян Монтолт обвиняет отчима в издевательствах над матерью, княгиней Марией Курбской[592].

7 апреля — Мельцы. Кн. А. М. Курбского нет в ковельских имениях. Я. Оранский оставляет в Ковельском имении вызов на суд чете Курбских по делу князей Збаражских на Троицу Римскую[593]. Он — на похоронах кн. Г. Деспотовны Збаражской и — как опекун князя Федора Романовича Сангушко — обязуется сообщить кн. К. К. Острожскому о необходимости выплатить

---

[579] КГЛ-17. Арк. 709 — 709 зв. (18 октября 1577 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 184, 249. Anm. 15 (здесь неточная денная датировка акта «25 октября»).

[580] КГЛ-17. Арк. 730 — 731 зв. (24 октября 1577 г.).

[581] См. *4 октября 1577 г.*

[582] См. *4* и *31 октября 1577 г.*

[583] КГЛ-17. Арк. 809 зв. — 810 (6 декабря 1577 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 249. Anm. 12 (здесь неточная ссылка на ф. 28, речь идет о единице хранения из ф. 25).

[584] КГЛ-17. Арк. 810 — 810 зв. (7 декабря 1577 г.).

[585] КГВ-11. Арк. 14, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 93–95 (10 января 1578 г.).

[586] ЛМ-272. Л. 55 об. — 56 об.

[587] КГВ-11. Арк. 23 (29 января 1578 г.).

[588] *Konopczyński W.* Chronologia... S. 16. Судебная борьба кн. А. М. Курбского на сейме рассмотрена в кн.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 186.

[589] См. *13 марта 1578 г.*

[590] ЛМ-272. Л. 45–50, 50–55 (Обе записи за 25 февраля 1578 г.).

[591] ЛМ-194. Л. 225 — 227 об. (Варшава, 21 февраля 1578 г.); КЗВ-6. Арк. 64 зв. (7 июня 1583 г.); ЛМ-199. Л. 139 — 139 об. (5 мая 1590 г.).

[592] ЛМ-194. Л. 223 — 223 об. (Варшава, 13 февраля 1578 г.).

[593] КГВ-11. Арк. 79 зв. (24 мая 1578 г.).

долг в 116 кон гр. Семену Ласко Чернчицкому и выделить ему имение по завещанию кн. Федора Андреевича Сангушко[594].

После 7 апреля — до 20–21 апреля — (Варшава, Ковель). Кн. А.М. Курбский возвращается из Варшавы в свои ковельские имения[595].

20–21 апреля — (Ковель, Миляновичи). 21 апреля М. Голуб съездил к кн. А.М. Курбскому и принял показания его урядника Меркурия Неклюдовича о том, что накануне ночью произошло нападение подданных кн. А.И. Вишневецкого на владения кн. А.М. Курбского. Тогда же Курбский просил отозвать вызов в суд по делу Я. Гостского, сославшись на то, что это не его дело, а забота княжеской четы Збаражских[596].

3–4 мая — (Ковель, Дубровица). Кн. А.М. Курбский отправляется из своих имений в Дубровицу на заключение сделки с Мыльскими. К ночи на 4 мая 1578 г., по словам К. Зубцовского и К. Невзорова, князь Андрей Михайлович уже уехал из Ковеля в Дубровицу. Тогда же, по их словам, в Ковеле произошла кража ценных вещей при участии Раины Куковны и ее брата Матвея[597].

9 мая — (Дубровица). Кн. А.М. Курбский вступает — с формального согласия жены — в мировую сделку с О.П. Кирдеем Мыльским и Г.Ю. Мыльской относительно Дубровицкого имения[598].

17 мая — (Дубровица). От кн. А.М. Курбского бежит слуга его и кн. М.Ю. Курбской Ждан Миронович. Князь Андрей Михайлович жалуется на кражу, в том числе документов на Дубровицу. Курбский всё еще на переговорах с Мыльскими и в имениях жены. Владимирский возный Ждан Чирский ездил по делу Курбского в Дубровицу 17 мая. По всей вероятности, поверенный знал, где искать, и застал князя на месте[599].

29 мая — (Владимир). Слуга кн. А.М. Курбского К. Невзорович жалуется на своего слугу, урядника Матвея, который совершил кражу в имении Долгоносы и бежал. По всей видимости, Курбского в этот момент еще нет на месте[600]. В этот же день на Владимирском земском уряде кн. А.М. Курбский судится за Осмиговичи со Збаражскими и Гостскими[601].

30 мая — (Владимир). Продолжается суд на земском уряде за Осмиговичи. Кн. А.М. Курбский освобождает кн. Юрия Збаражского и его жену, свою надчерицу княгиню Барбару, от долгов за данное имение[602].

5 июня — (Ковель). Владимирский возный Ж. Чирский по иску («на потребе») кн. А.М. Курбского присутствует на допросе Раины, служанки княгини Марии Курбской, в Ковельском замке. Свидетельствует К.И. Зубцовский. О присутствии при этом кн. Андрея Курбского ничего не сказано[603].

9 июня — (Ковель). Ж. Чирский отчитывается по своей поездке в Ковель 5 июня 1578 г.[604] Урядник кн. А.И. Вишневецкого жалуется, что в этот день по велению кн. А.М. Курбского его подданные совершили нападение на Остров Жичин[605]. Неясно, где именно в этот момент находится Курбский. Предположительно — в Ковеле.

15 июня — (Ковель, Миляновичи, Львов). В этот день Д. Мокренский разыскивал кн. А.М. Курбского по поручению Владимирского уряда. В Ковеле ему сказали, что князь в Миляновичах, однако там его подданные не впустили возного и заявили, что он «давно» уехал вместе со своими слугами во Львов[606]. И. Ауэрбах предполагает, что в этот день кн. Андрей Курбский уже был во Львове[607]. Впрочем, такой вывод из приведенных источников прямо не следует.

16 июня — (Львов). В этот день Кирилл Невзорович получает от кн. А.М. Курбского в феодальное держание с. Долгоносы. По предположению И. Ауэрбах, указанная в Литовской Метрике дата не является достоверной[608].

17 июня. В этот день Д. Мокренский представил на уряде материалы расследования

---

594 КГВ-11. Арк. 44 — 44 зв. (14 апреля 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 170.

595 См. *7* и *20–21 апреля 1578 г.*

596 КГВ-11. Арк. 55 зв. — 56 (21 апреля), 56 — 56 зв. (21 апреля 1578 г.). См. *7 апреля 1578 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 320.

597 КГВ-11. Арк. 91 — 91 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 95–98, а также: УПРД. Вип. 1. С. 273–274 (9 июня 1578 г.). См. *5, 9 и 27 июня 1578 г., 7 января 1579 г.*

598 ЛМ-272. Л. 74 об. — 75.

599 КГВ-11. Арк. 90 зв. — 91 (9 июня 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 186, 227, 311. Anm. 13; s. 384.

600 КГВ-11. Арк. 81 зв. (29 мая 1578 г.).

601 КЗВ-5. Арк. 83 зв. — 85 зв. (29 мая 1578 г.).

602 КЗВ-5. Арк. 90 — 90 зв. (30 мая 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 186.

603 См. *3–4 мая 1578 г.*

604 См. *3–4 мая, 5 июня 1578 г.*

605 КГВ-11. Арк. 99 зв. — 100 зв. (25 июня 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 320–321, 323–324. Anm. 37.

606 КГВ-11. Арк. 95 зв. — 96, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 99–101 (17 июня 1578 г.).

607 *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 157, 186–187, 235–236.

608 ЛМ-193. Л. 40–42 (16 июня 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 187.

но конфликту кн. А. М. Курбского с Красенскими[609]. В этот же день наместник стенанский кн. К. К. Острожского Мартин Межинский жалуется в Луцкий уряд на подданных кн. А. М. Курбского и кн. Андрея Головни Острожецкого, обвиняя их в нападении на имение Степанское[610]. Князя Андрея Михайловича, видимо, уже нет на Волыни.

27 июня. Суд над служанкой кн. М. Ю. Курбской, Раиной Куковной в Ковеле. По мнению И. Ауэрбах, кн. А. М. Курбский вернулся в Ковель накануне из Львова и сам организовал слушания. С таким выводом трудно согласиться. В более позднем иске от имени кн. А. М. Курбского на Владимирский уряд следователями на суде 27 июня 1578 г. названы Кирилл Зубцовский и Кирилл Невзоров, а подпись самого князя в конце их показаний могла быть сделана на «мамраме», т. е. на пустом листе-бланке. Такое предположение подтверждается как современной этим событиям борьбой за пропавшие бланки кн. Андрея Курбского, так и тем, что в начале января 1579 г. Раина официально была прощена не кн. А. М. Курбским, а К. И. Зубцовским[611].

29 июня. По вызову миляновического урядника М. Неклюдова М. Голуб Сердятицкий расследует нападение М. Ф. Боговитина Войнича на Смедынь[612]. Неясно, был ли в это время в своих имениях кн. А. М. Курбский.

30 июня — (Львов). Кн. А. М. Курбский на богослужении в Успенской церкви во Львове, в сопровождении жены, княгини Марии[613].

2 июля. Слуга кн. А. М. Курбского С. Ольшевский приводит на Владимирский уряд задержанного на месте преступления М. Ф. Боговитина Войнича[614]. К тому времени кн. А. М. Курбского уже, видимо, нет в его ковельских имениях.

3 июля — (Львов). В поддержку княгини М. Ю. Курбской против кн. А. М. Курбского на Львовском сейме выступает Я. А. Монтолт и добивается сочувствия. Курбским предписано развестись «судом приятельским». Чета Курбских также на сейме. Ян Монтолт говорит в своей речи об отчиме и матери, что «ту ве Львове князь Курпский принроводивши ее, за сторожою ховал»[615].

4 июля. Жена Юрия Тишковского Мария Васильевна Семашко жалуется в Луцкий уряд на Викторина Вербицкого и кн. А. М. Курбского, обвиняя их в захвате ее имений Городин (В. Вербицкий) и Дубно и Волохи (кн. А. М. Курбский). За день до того, 3 июля Мария обязалась поступиться этими имениями Александру Семашко, если он их отсудит[616]. О местонахождении кн. Андрея Курбского не сказано.

10 июля — (Ковель). Судебная активность на Волыни может говорить о присутствии кн. А. М. Курбского в его имениях, однако прямых свидетельств этого не обнаружено. Его наместник К. И. Зубцовский присылает своего слугу Езофа Словинского с жалобой, что в день св. Петра (29 июня 1578 г.) бежал слуга Потан Мискович Годевицкий, урядник в Немоевичах и Ценцевичах, украв имущество, деньги Зубцовского и часть выплат за Ковельское имение[617].

29–31 июля. Жалоба войского освенцимского Станислава Инвальского о нападении на него на «добровольной дороге» в имении Ф. Б. Боговитиновны Дзялынской. С. Инвальский ехал в Ковель[618]. Неясно из актов данного дела, был ли там в это время кн. А. М. Курбский.

1–2 августа — Владимир. Супруги Курбские оформляют развод на Владимирском гродском уряде. В записях за оба дня, 1 и 2 августа, о Курбском говорится, что он присутствует лично на уряде и дает показания, «не будучи ни от кого ничим примушон»[619]. Подписи кн. А. М. Курбского значатся на заявлениях, однако следует ли из этого, что он лично присутствовал при оформлении развода, остается под вопросом[620].

---

[609] См. *15 июня 1578 г.*

[610] КГЛ-18. Арк. 333 (17 июня 1578 г.).

[611] КГВ-12. Арк. 13 зв. — 14 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 102–106 (Запись от 7 января 1579 г. Показания кн. А. М. Курбского на л. 13 об. — 14 об. за подписью «Андрей Курпский Ярославский рейка сва» под датой: Ковель, 27 июня 1578 г.). Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 187. См. *7 января 1579 г.*

[612] КГВ-11. Арк. 101–102 (2 июля 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 321.

[613] *Ульяновський В.* Князь Василь-Костянтин Острозький. С. 616. Источник информации не указан.

[614] КГВ-11. Арк. 102 зв. — 103 (2 июля 1578 г.). См. *12 августа 1578 г.*

[615] AR. Dz. V. N 17959/III. S. 35; *Устрялов Н. Г.* Сказания... С. 409 (Львов, 3 июля 1578 г.).

[616] КГЛ-18. Арк. 373 зв. — 374 (4 июля 1578 г.).

[617] КГВ-11. Арк. 108 зв. (10 июля 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 249–250. Anm. 15.

[618] КГВ-11. Арк. 130 — 130 зв. (29 июля), 131 зв. (31 июля 1578 г.).

[619] КГВ-11. Арк. 133 зв. — 134, 134 зв. — 136 зв., 136 зв. — 137 зв., 137 зв. — 138 зв., 138 зв. — 141, 141 — 142 зв., 143 — 143 зв. Частичная публикация: ЖКЛВ. Т. 1. С. 107–122 (все указанные акты датированы 1 августа 1578 г.). Под 2 августа только акт от лица кн. А. М. Курбского о штрафном обязательстве княгини Марии на 15 тыс. кон гр. по Дубровице: КГВ-11. Арк. 147 зв. — 148, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 123–124 (2 августа 1578 г.). См. также *6 августа, 18 октября 1578 г.*

[620] См. подробнее в главе «История одного развода».

6 августа — (Ковель). Кн. А. М. Курбский жалуется во Владимирский уряд на Миколая Павловича Санегу за его грубое обращение с кучером («возницей») и захват новозки («воза з возниками»), 1 августа отвезшим княгиню Марию от Курбского во Владимир[621].

9 августа — Владимир. Х. Чуват Туличевский заявил на Владимирском уряде, что присутствовал при заключении сделки кн. А. М. Курбского с кн. Василем Ясковичем Яковицким по делу об ограблении подданных туровицких Курбского (украдено 100 кон жатого жита и вола). Срок возмещения убытков был назначен — 2 недели, т.е. 23 августа 1577 г. Впрочем, дата сделки в показаниях Хацко — 9 августа 1577 г. Маловероятно, что это не ошибка, если данный акт достоверен. Сам факт, что результаты своей поездки на сделку возный не вносил в актовые книги уряда на протяжении полутора лет, аномален и вызывает подозрения. И. Ауэрбах принимает данное событие в реконструкции биографии кн. Андрея Курбского, однако, как представляется, тут следует говорить о фабрикации акта или об ошибке в последней цифре его годовой даты[622].

11 августа — (Ковель). Ж. Чирский у кн. А. М. Курбского и кн. А. И. Вишневецкого в Мацееве. Курбский убежден, что Остров Жичин и Бращ принадлежат ему, опирается на постановление короля Стефана Батория[623].

12 августа — (Ковель, Миляновичи). Ж. Чирский на расследовании в Ружине, в имении Ф. Боговитина вместе со слугой кн. А. М. Курбского Дружиной. Сын Федора обвиняется в нападении на корчму в Смедыни. В тот же день к кн. А. М. Курбскому в Миляновичи приезжают на расследование Михайло Голуб Сердятицкий и Ждан Чирский[624]. П. М. Суронятовна (бывшая Гулевич), жена Ивана Патрикия (И. Патрикеевича Курозвонского), жалуется на нападения на Радошин со стороны кн. А. М. Курбского[625].

13 августа — Миляновичи. Кн. А. М. Курбский допрашивает своего слугу Семена (Симона) Марковича Вешнякова, которого обвиняет в предательстве в пользу своей бывшей жены, княгини Марии Курбской и ее сообщников[626]. В показаниях Ж. Чирского прямо говорится о проведении допроса в Миляновичах.

14 августа — (Миляновичи). Расследуется дело по снятию пограничных «концев» в Ружине, подозреваемые — туровицкие и клечковские подданные кн. А. М. Курбского. В тот же день Курбский допрашивает своего слугу С. М. Вешнякова, подозревая его в сговоре с его бывшей женой, княгиней Марией[627]. На королевском суде ведется дело представителя Курбского, Лаврентия (Ваврынца) Дудковича, против Борзобогатых Красенских за Туличев. Решение перенесено на Луцкий земский уряд[628]. Где в этот день князь, неясно, но вероятно — всё так же в Миляновичах.

23 августа — (Ковель). На этот день назначен рассчет кн. А. М. Курбского с Я. Яковицким по делу о грабеже у туровицких подданных Курбского. Х. Чуват позднее показывал, что когда подошел срок, Курбский за ним «посылал»[629]. По всей видимости, князь находился в эти дни в своих ковельских имениях.

28 августа — М. Голуб Сердятицкий расследует жалобу П. М. Суронятовны о нападении на ее земли слуг кн. А. М. Курбского[630]. По предположению И. Ауэрбах, заявления от 12 и 28 августа 1578 г. были нацелены против владельца Дубно К. И. Зубцовского[631]. Неясно, где именно находится кн. А. М. Курбский — всё так же в своей летней резиденции в Миляновичах или во Львове.

31 августа — Львов. Д. Мокренский в этот день вручил здесь в доме мещанина Мартина Золотаря кн. А. М. Курбскому вызов в суд на Владимирский уряд по жалобе Красенских. Князь отказался принимать вызов, сославшись на то, что во Львове у него нет своей недвижимости[632].

---

[621] КГВ-11. Арк. 153 зв. — 154, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 136–139 (6 августа 1578 г.).

[622] КГВ-12. Арк. 16 — 16 зв. (10 января 1579 г.). См. *9 августа 1577 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 184 (И. Ауэрбах почему-то приводит дату как «7 августа», хотя в самом акте названо именно 9 августа 1577 г.). См. также *23 августа 1578 г.*

[623] КГВ-11. Арк. 158 — 158 зв. (14 августа 1578 г.).

[624] КГВ-11. Арк. 157 зв. — 158 (14 августа), 158 зв. — 159 (14 августа), 159 зв. — 160 (14 августа), 162 зв. — 163 (15 августа 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 187–188 (здесь ошибка вкралась в датировку акта Владимирской гродской книги № 11 на л. 159 об. — 160, написано: «2 августа»). См. *14 августа 1580 г.*

[625] КГЛ-18. Арк. 450 зв. (12 августа 1578 г.). См. *28 августа 1578 г.*

[626] КГВ-11. Арк. 159 — 159 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 139–141 (14 августа 1578 г.).

[627] КГВ-11. Арк. 157 зв. — 158 (14 августа 1578 г.). См. также *13 августа 1578 г.*

[628] ЛМ-195. Л. 104 об. — 105 (Львов, 14 августа 1578 г.).

[629] КГВ-12. Арк. 16 зв. (10 января 1579 г.). См. *9 августа 1578 г.*

[630] КГВ-11. Арк. 183 зв. — 184 (28 августа 1578 г.).

[631] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 167, 304. См. также *5 июля 1573 г.*

[632] КГВ-11. Арк. 203 — 203 зв. (29 сентября 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 157–158.

2 сентября. М. Голуб Сердятицкий оставил для кн. А.М. Курбского в Миляновичах копию королевского «листа» по его спору с кн. А.И. Вишневецким[633]. Самого князя нет, но, вероятно, он здесь был незадолго до этого. По всей видимости, Курбский всё еще во Львове[634].

8 сентября — (Турейск). Возможно, кн. А.М. Курбский всё еще не в своих ковельских имениях. Об этом говорит тот факт, что Ж. Чирский лишь в середине ноября обсуждает с ним побег подданных с. Клечково[635]. Согласно показаниям И.С. Ласковича, он в этот день в Турейске дал Курбскому показания о супружеской измене княгини М.Ю. Курбской во время болезни мужа, 20 июля 1577 г. Впрочем, датировка этих показаний вызывает сомнения[636].

12–13 сентября (Ковель). Кн. А.М. Курбский жалуется на Луцком уряде, что у него украдены дрова в с. Скулине. Обвинение падает на пасынка, А.А. Монтолта. Дело переносится вплоть до следующего года[637].

Середина сентября — (Луцк). По мнению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский принимает участие в Луцком сеймике[638]. Впрочем, это лишь догадка.

19–21 сентября Миляновичи. Слуга четы Курбских (ранее — княгини М.Ю. Курбской) Федор Миронович объявляет 21 октября в Миляновичах перед кн. А.М. Курбским возным Ж. Чирским, что отказывается служить Курбскому, который не расплатился с ним за четыре года службы. Кн. Андрей Курбский был в эти дни в своем имении. Согласно показаниям того же Федора, еще 19 сентября он представил князю полный отчет о своей службе, желая покинуть ее и получит расчет. А уже 21 октября у Курбского в имении был возный Владимирского гродского уряда Ж. Чирский[639].

1 октября. В этот день начиналась аренда на Добратинское имение, полученное кн. А.М. Курбским от братьев Яроша, Василия и Петра Семашко, его будущих «шваГеров», на 5 лет, до 1 октября 1583 г.[640] В этот же день П.В. Остафьев Вороновецкий разыскал Ждана Мироновича во Владимире у княгини Марии Курбской, и она обязалась представить его на Владимирском гродском уряде через четыре недели[641]. Неясно, где Курбский.

4 октября. Федор Миронович жалуется на Владимирский уряд о невыполнении кн. А.М. Курбским феодальных обязательств перед ним, своим свободным слугой[642].

18 октября — Миляновичи. В этот день представители кн. А.М. Курбского и кн. А.И. Вишневецкого встретились на границе между Островом Жичином и Брящей, чтобы окончательно решить пограничные споры между двумя собственниками. Дело было перенесено на королевский суд, который завершился постановлением Стефана Батория 20 февраля 1579 г.[643] В этот же день М. Голуб Сердятицкий передает в Миляновичах кн. А.М. Курбскому вызов на суд от его бывшей жены, княгини М.Ю. Курбской, а также два реестра — первый «маетности ее милости» и второй, «на котором слуги и челяд ее милости имены сут понисаны». Князь встретил возного лично, взял у него только иск (реестры брать отказался) и ушел один «до светлицы, до упокою своего»[644].

23 октября. В этот день Х. Чуват Туличевский на расследовании у боярина кн. А.М. Курбского, Саввы Порыдубского[645]. Неясно, где находится сам Курбский.

29 октября. На этот день назначена явка княгини Марии Курбской на Владимирский уряд с Жданом Мироновичем[646]. Неясно, состоялось ли рассмотрение дела и где при этом был кн. А.М. Курбский.

12–13 ноября Дубровица. 12 ноября Ж. Чирский обсуждает в Ковеле побег его подданных из с. Клечково и споры с Василем Гулевичем. Судя по составу судебной комиссии, кн. А.М. Курбского в этот день в Ковеле нет. Уже 13 декабря возный планирует отправить «лист» от В. Гулевича Курбскому в Дубровицу[647].

---

633 КГВ-11. Арк. 186 зв. — 187 (2 сентября 1578 г.).

634 См. *31 августа 1578 г.*

635 См. *12 ноября 1578 г.*

636 См. *20 июля 1577 г., 20 июля 1581 г.*

637 КГЛ-19. Арк. 193 зв. — 195 (13 сентября 1578 г.). См. *17 марта 1579 г.*

638 *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 188.

639 КГВ-11. Арк. 210 зв. — 212, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 141–144 (4 октября 1578 г.).

640 См. *12 июня 1579 г.*

641 КГВ-11. Арк. 223 зв. — 224, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 144–146 (7 октября 1578 г.). См. *29 октября 1578 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 368. Anm. 6.

642 См. *19–21 сентября 1578 г.*

643 См. *20 февраля 1579 г.*

644 КГВ-11. Арк. 230 зв. — 237 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 146–163, а также: УПРД. Вип. 1. С. 288–295 (21 октября 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 190, 237.

645 КГВ-11. Арк. 239 — 240 зв. (23 октября 1578 г.).

646 См. *1 октября 1578 г.*

647 КГВ-11. Арк. 262 зв. (19 ноября), 263 — 263 зв. (19 ноября 1578 г.). См. также *8 сентября, 22 ноября 1578 г., 1–2 января* и *31 января 1579 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 321.

22 ноября — (Миляновичи, Ковель). Я. Котельницкий разыскивал кн. А.М. Курбского в Миляновичах, чтобы вызвать его в суд с Ружинскими по делу о повреждении пограничных концев[648]. Князя уже не было в этом имении, но, вероятно, там он был незадолго до этого.

5 декабря — (Ковель). Я. Осовецкий разыскивает во Владимире королевского секретаря В. Красенского, чтобы расплатиться за Ковельское имение. Найти не может, о чем жалуется на Владимирском уряде[649]. Разыскивал Яцко сборщика и в Луцке, и тоже безуспешно[650]. Видимо, поручение Яков получил лично от кн. А.М. Курбского.

17 декабря — (Ковель). На этот день назначен срок по расчету между супругами Курбскими[651]. К.И. Зубцовский жалуется, что княгиня М.Ю. Курбская и ее сын, пасынок кн. А.М. Курбского Я.А. Монтолт, всё еще должны князю 1200 коп гр. и за это отдали ему во временное держание свою часть Дубровицы. Князь напоминает, что списал бывшей жене долг по вену в общей сложности на 13 800 коп гр. К Курбской на расследование отправляется Г. Котельницкий[652]. Вероятно, кн. А.М. Курбский на момент расследования где-то в своих ковельских имениях.

20 декабря — (Ковель). В этот день направлен вызов на Луцкий уряд от кн. А.М. Курбского Андрею Монтолту. Слушание назначено на 29 января 1579 г.[653]

30 декабря — Миляновичи. Согласно заявлению, внесенному во владимирские гродские книги на следующий день, княгиня М.Ю. Курбская подписывает в Миляновичах соглашение с бывшим мужем кн. А.М. Курбским о том, что ни она, ни ее сын Андрей Монтолт больше не имеют претензий к кн. Андрею Курбскому, который взял у ее сына Яна Монтолта 1200 коп гр., а еще столько же списал. Курбская признаёт полный расчет по сумме 17 тыс. коп гр., которую получила на литовских и других имениях мужа[654]. Нет оснований сомневаться, что сам князь Андрей Михайлович в этот день, 30 декабря, находился в Миляновичах, — чего нельзя с уверенностью сказать о его бывшей жене. Она годы спустя жаловалась, что не участвовала в этой сделке и нигде ее не признавала[655].

1579 г.

1 января — Миляновичи, Владимир. 1 января кн. А.М. Курбский присягает на договоре с бывшей женой, княгиней М.Ю. Курбской и ее сыном Я.А. Монтолтом, о разделе имений. Отказывается от своих прав на пинское имение жены Дубровицу, виленские Шешели и Крошты, снимает с себя и бывшей жены долговые обязательства. В тот же день Курбский и Монтолт, видимо, отправились во Владимир, чтобы уже там закончить юридическую процедуру[656].

2 января — Владимир. Кн. А.М. Курбский приходит «очевисто» на Владимирский гродский уряд, вносит договоренности в актовые книги. Получает от бывшей жены компенсацию за Дубровицу и Крошты, возвращает ей и ее сыну их имения[657].

3 января — Владимир. Кн. А.М. Курбский заключает во Владимире соглашение с братьями своей невесты, Александры Петровны Семашко, на половину Добратино[658].

5 января — (Миляновичи). В этот день миляновичский урядник М. Неклюдов «за власным росказанем» кн. А.М. Курбского заносит в книгу мейскую миляновскую акт о передаче 1 вл. во владение Михну Горошковичу в с. Ольшанском после смерти ее предыдущих держателей, Ивана Садовничего и его сына Марка[659]. Возмож-

---

648 КГВ-11. Арк. 267 (24 ноября 1578 г.).

649 КГВ-11. Арк. 274 зв. (5 декабря 1578 г.).

650 КГЛ-18. Арк. 872 (17 декабря 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 197.

651 См. *1–2 августа 1578 г.*

652 КГВ-11. Арк. 278 зв. — 280 (17 декабря 1578 г.). См. также *5 декабря 1578 г.*

653 КГЛ-18. Арк. 883 — 883 зв. (20 декабря 1578 г.).

654 КГВ-12. Арк. 30–31, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 163–166 (31 января 1579 г. Договор от имени княгини М.Ю. Курбской на л. 30 об. — 31 под датой: Миляновичи, 30 декабря 1578 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 190.

655 См. *16 января, 2–4 февраля 1581 г.*

656 См. *2 января 1579 г.*

657 КГВ-12. Арк. 5–11 (Четыре акта от 2 января 1579 г. Договор по Дубровице на л. 5 об. — 6 об. за подписью «Андрей Ярославский Курпский рейка власно» под датой: Владимир, 1 января 1579 г. Договор по Шешолям и Кроштам на л. 7 — 7 об. за подписью «Андрей Ярославский Курпский рейка власна» под датой: Владимир, 1 января 1579 г. Поручения от имени княгини М.Ю. Курбской на л. 7 об. — 8 и 8 об. — 9 датированы: Миляновичи, 30 декабря 1578 г. Снятие с себя долговых обязательств на половину Дубровицы в компенсацию 2400 коп гр. от имени Я.А. Монтолта на л. 9–11 под датой: Миляновичи, 1 января 1579 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 190, 237. См. также *30 декабря 1578 г.*

658 См. *2 февраля — 23 марта 1579 г.*

659 КММл-1. Арк. 22 — 22 зв., публ.: Соч. Н.Д. Иванишева / под ред. А.В. Романовича-Славатинского, К.А. Царевского. Киев, 1876. С. 223–224. Примеч. 13 (Миляновичи, 5 января 1579 г. Полный текст актовой записи издан Н.Д. Иванишевым на основе книги Миляновского мейского суда, со ссылкой на л. 22). См. также *15 сентября 1579 г.*

но, кн. А. М. Курбский отдает это распоряжение в тот же день или накануне.

7 января. Слуги кн. А. М. Курбского К. И. Зубцовский и К. Невзоров дают показания для актовых книг Владимирского суда о заключении договора со служанкой княгини М. Ю. Курбской, Раиной Куковной. Ее прощает К. Зубцовский, а она отказывается от своих заявлений о причиненных ей в Ковеле пытках и побоях[660].

12 января. Слуга кн. А. М. Курбского С. Горанинов принимает имение братьев Семашко в держание своего пана[661].

18–20 января. Ж. Чирский рассказывает, что в 20 января был «на потребе» кн. А. М. Курбского в его имении с. Клевецке, где вел расследование по жалобе М. Неклюдова на ружинского урядника кн. Остафия Ивановича Ружинского, Семена Поповича, и других подданных князя Остафия, захвативших ночью 18 января сено Курбского[662]. Кн. Андрей Курбский прямо в деле не выступает.

21–23 января. Жалоба на Владимирский уряд поступила только от К. И. Зубцовского на его подданного, крещеного татарина Кузьму из с. Дубно, причинившего убытки и бежавшего 21 января. В тот же день Кирилл Зубцовский и его дубенские подданные жаловались на нападение и избиение от Демьяна Гулевича и его слуг. Впрочем, оба дела связаны – слуги Зубцовского гнались за Кузьмой Татарином и догнали его в имении Александра Семашко Свадниках. Тут и случилось столкновение с отрядом Гулевича[663]. Кн. А. М. Курбский в этих событиях никак не отмечен.

29 января — (Владимир). На этот день назначено урегулирование споров между кн. А. М. Курбским и его пасынком А. А. Монтолтом. Судя по тому, что через день после этого в актовых книгах записан акт соглашения кн. Андрея Курбского с княгиней Марией Курбской, можно предположить, что встреча Курбского с Андреем Монтолтом 29 января на уряде состоялась и привела к согласию сторон[664].

31 января. В этот день в актовые книги Владимирского уряда внесен договор между кн. А. М. Курбским и княгиней М. Ю. Курбской. Личное присутствие князя Андрея Михайловича на уряде в актовой записи не обозначено[665].

2 февраля — 23 марта. В феврале–марте имения кн. А. М. Курбского часто становятся объектом судебных расследований на Волыни[666]. Впрочем, есть основания вслед за И. Ауэрбах считать, что князь Андрей Михайлович неоднократно отлучался оттуда[667]. Активность в Ковеле К. И. Зубцовского при полном молчании судов о присутствии там кн. А. М. Курбского служит аргументом в пользу того, что в этот период (или неоднократно на протяжении этого периода) князя Андрея Михайловича в его имениях не было.

20 февраля — (Гродно). Король принимает декрет по спору кн. А. М. Курбского с кн. А. И. Вишневецким за Остров Жичин[668]. Возможно, Курбский в этот день присутствует в Гродно при вынесении королевского решения.

1 марта — (Ковель). Косвенным свидетельством присутствия кн. А. М. Курбского в своих ковельских имениях служит реестр продаж в коморе ковельского войта Григория Федоровича. Под этим днем значится выдача писчей бумаги сотруднику Курбского Станиславу Войшевскому и шелку «на фалшуру князя его милости»[669].

---

[660] КГВ-12. Арк. 12 зв. — 13, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 166–167 (7 января 1579 г.). См. *27 июня 1578 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 237.

[661] См. *2 февраля — 23 марта 1579 г.*

[662] КГВ-12. Арк. 78 зв. — 79 (22 марта 1579 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 321.

[663] КГВ-12. Арк. 27 зв. — 28 (23 января 1579 г.), 66 зв. — 67 (2 марта 1579 г. Отчет Х. Чувата о поездке в ковельскую Дубну 23 января 1579 г.).

[664] См. *20 декабря 1578 г., 31 января 1579 г.*

[665] См. *30 декабря 1578 г.*

[666] КГЛ-19. Арк. 80 зв. — 82 (2 февраля 1579 г.); КГВ-12. Арк. 77 зв. — 78 зв. (22 марта. Отчет Д. Мокренского о поездке в Ковель 2 февраля по делу Яцка Осовецкого, его права на урочище Троскот в противостоянии с кн. Остафьем Ивановичем Ружинским), 64 — 64 зв. (26 февраля. Отчет Х. Чувата о поездке в Ковель к К. И. Зубцовскому 10 февраля по просьбе Остафья Малинского, дело о коне, будто бы украденном у боярина кн. А. М. Курбского Матысом Повосором); КГЛ-19. Арк. 109–110 (13 февраля 1579 г.); КГВ-12. Арк. 65 — 65 зв. (26 февраля. Отчет Х. Чувата о поездке в Ковель 23 февраля, дело об избиении ковельского еврея Аврама Мошкевича, против слуг Андрея Олизаровского); КГЛ-19. Арк. 159 — 159 зв. (14 марта), 169 зв. — 170 (15 марта — здесь копия договора кн. А. М. Курбского с братьями Семашко, см. *3 января 1579 г.*), 186 — 186 зв. (17 марта 1579 г.); КГВ-12. Арк. 96 зв. — 97 (23 марта 1579 г. Отчет Х. Чувата о расследовании по жалобе тяжелобольного К. И. Зубцовского в Ковеле, который по болезни отказался ехать на суд по вызову подкоморня оршинского Григория Подберезского на Минский гродский суд). См. также: *Устрялов Н. Г.* Сказания... С. 409 (12 февраля 1579 г.).

[667] См. *20 февраля, 17 марта 1579 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 190–191.

[668] ЛМ-216. Л. 118 — 120 об. (20 февраля 1579 г.). См. *18 октября 1578 г.*

[669] КГВ-23. Арк. 379 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 310–314, а также: УПРД. Вип. 1. С. 449 (2 июля 1590 г.).

10 марта — (Ковель). Под этим днем в реестре выдач из ковельской коморы значится два распоряжения «пана его милости», т.е., по всей видимости, кн. А. М. Курбского[670]. Надо полагать, он распоряжается непосредственно из своего Ковельского замка.

17 марта — (Ковель, Луцк). В этот день, по мнению И. Ауэрбах, кн. А. М. Курбский лично выступает на Луцком уряде в тяжбе с А. А. Монтолтом, где последнему разрешено обратиться на королевский суд или Трибунал[671]. В реестре выдач-продаж товаров «на потребу» Курбского из коморы ковельского войта Григория Федоровича под этим годом не датирована запись «якь его милость князь ехаль до Луцка» (слуга Бартоломей взял 1 либру бумаги за 2 гр.)[672]. Начало реестра датировано только годом: «Року семдесять девятого». После части записей без точных денных и месячных дат сначала обозначены покупки за 25 мая, 11 и 20 июня, затем (безо всякого перехода в актовой книге) — за 1 и 10 марта[673]. Можно предположить, что начальный фрагмент в реестре относится к средней, «недостающей» части реестра, т.е. охватывает период между 10 марта и 25 мая. В таком случае вполне возможно, что и упоминание выезда Курбского в Луцк относится к событиям 17 марта 1579 г.

24 марта — Владимир, Миляновичи. В этот день на дороге из Владимира в Миляновичи за селом Блаженик, за пределами его владений, кн. А. М. Курбский встретил возного М. Голуба в сопровождении шляхтичей, которые спешили за князем, чтобы вызвать его на уряд по делу о беглых селянах (возможно, принадлежавших Войтеху Павловичу Трошке, который сопровождал возного). Согласно жалобе М. Голуба от 26 марта, кн. А. М. Курбский отдал К. Невзорову и другим своим слугам приказ напасть на делегацию суда[674].

26 марта. Король Стефан Баторий адресным «листом» вызывает кн. А. М. Курбского со своей ротой на войну против Ивана IV[675].

3 апреля — (Ковель). Согласно показаниям Ивана Переверского и Богдана Волынца, лично кн. А. М. Курбский в этот день пригласил их в свидетели с «возным» Ж. Чирским («упросил у нас на потребу»), чтобы вручить вызов в суд князю Остафию Ружинскому. На вручении «позовов» во дворе Ружине возный и шляхтичи были избиты, а затем их гнали до имения Курбского с. Клечковичи, где еще раз избили, схватили, связали и увели в Ружин. Ж. Чирский дал показания и подтвердил достоверность событий[676].

8–11 апреля — Миляновичи. Кн. А. М. Курбский получает право на аренду (заклад) половины Добратино на 5 лет за 1610 кон гр. Договор с Ярошем, Василием и Петром Петровичами Семашко подписан в Миляновичах 8 апреля (на срок до 8 апреля 1584 г.), а 11 апреля записан во владимирские и луцкие актовые книги. По словам братьев на Владимирском гродском уряде, 8 апреля они подписали договор в Ковеле и «его милости князю Курпскому дали»[677].

16 апреля. Коронный гетман М. Мелецкий особым «листом» вызывает кн. А. М. Курбского на военные сборы[678].

24 апреля. Вслед за королем коронный гетман Миколай Мелецкий в письме к кн. А. М. Курбскому призывает его явиться на военные сборы. Князь Андрей Михайлович откладывает свой суд с князем Марком Сокольским и О. П. Мыльским[679].

26 апреля — Владимир. Веновая запись на Владимирском уряде кн. А. М. Курбского своей «облюбенице» (невесте, еще не жене) Александре Петровне Семашко на 6 тыс. кон гр. (15 тыс. зл.), с «совитостью» — 12 тыс. кон гр. (30 тыс. зл.) с литовских имений князя Криничин и Упитонотоки[680].

27 апреля — (Владимир). Запись во владимирских актовых книгах о венчании и сделке кн. А. М. Курбского и А. П. Семашко, княгини Курбской. Князь Андрей Михайлович занимает у своей жены 4 тыс. зл. В качестве посага княгиня Александра получает от братьев 800 кон гр.[681]

---

[670] КГВ-23. Арк. 379 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 310–314, а также: УПРД. Вип. 1. С. 449 (2 июля 1590 г.).

[671] КГЛ-19. Арк. 189 зв. — 197 (17 марта 1579 г.). См. *12–13 сентября 1578 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 190–191.

[672] КГВ-23. Арк. 378, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 310–314, а также: УПРД. Вип. 1. С. 449 (2 июля 1590 г.).

[673] См. *1* и *10 марта, 25 мая, 11* и *20 июня 1579 г.*

[674] КГВ-12. Арк. 121 — 121 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 168–169 (9 апреля 1579 г.).

[675] См. *16* и *24 апреля 1579 г.*

[676] КГВ-12. Арк. 120 — 120 зв. (8 апреля 1579 г.).

[677] КГВ-12. Арк. 123–126 (11 апреля 1579 г. Текст договора на л. 123 об. – 126 под датой: Миляновичи, 8 апреля 1579 г.); КГЛ-19. Арк. 249 — 249 зв. (11 апреля 1579 г.). См. *1 октября 1578 г., 26 апреля 1579 г.*

[678] См. *24 апреля 1579 г.*

[679] КГЛ-19. Арк. 272 — 274 зв. (24 апреля 1579 г.), оба «листа» упомянуты на л. 273 об. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 191.

[680] Публ. отрывка: ЖКЛВ. Т. 1. С. 170–173 (15 июня 1579 г.). Копия: КЗУ за 1584–1586 гг. L. 45–48 (F. 730–731 старой фолиации). См. также *15 июня 1579 г.*

[681] КГВ-12. Арк. 133 зв. — 136 зв., публ. двух отрывков — только самих договоров от лица кн. А. М. Курбского и А. П. Семашко: ЖКЛВ. Т. 1. С. 173–176, 176–178 (27 апреля 1579 г. Текст договора на л. 134–135 подписан

Вскоре после 27 апреля — (На пути из Ковеля). Кн. А.М. Курбский отъезжает на военные сборы и уже не успевает в Луцк по делу о ковельских подданных, сбежавших к кн. Марку Солтановичу Сокольскому. Процесс переносится из-за болезни представителя Курбского, Федора Зыка Князского[682].

7 мая. В этот день возный Луцкого повета Яцко Гуляльницкий от имени К.И. Зубцовского отвез вызов на суд на 16 июля 1579 г. Демьяну Гулевичу по делу о беглом слуге-татарине Кирилла Зубцовского[683]. Прямо местонахождение кн. А.М. Курбского и К.И. Зубцовского в записях за начало мая 1579 г. не упомянуто, но поручение под запись в актовые книги они могли дать незадолго до отъезда из Ковеля.

8 мая. В этот день Я. Гуляльницкий от имени кн. А.М. Курбского отвез вызов на суд на 16 июля 1579 г. кн. М.С. Сокольскому в его имение Сокол (вызов «о збеги подданые его милости»). Суд был перенесен из-за земской военной службы кн. Андрея Курбского[684].

9 мая. В этот день слуга кн. А.М. Курбского ковельский мещанин Данило Лавринович избит в корчме имения Хорохорин, принадлежавшего войскому волынскому Ивану Чанличу[685]. Где в этот день находился кн. Андрей Курбский, из жалобы неясно.

12 мая. В этот день Демьян Гулевич жаловался, что не смог забрать у Станислава Чирского и кн. А.М. Курбского двух своих кляч, случайно забредших в имение Обланы[686]. Неясно, был ли в тот момент сам князь у себя в Ковеле.

24 мая. Нападение слуг И. Чанлича на Е. Словинского[687].

25 мая. Иван Калусовский заявляет на Владимирском уряде, что обязался в этот день во Владимире заплатить коморнику кн. А.М. Курбского (Гавриле) Кайсарову 10 кон гр., но по ряду причин не может этого сделать и закладывает ему коня[688]. Этим же днем отмечена выдача-продажа серы и орешков для растирания золота из ковельской коморы «на князя его милости потребу» (по заказу его слуги, Янко)[689]. Самого князя, очевидно, в его имениях нет, он в военном походе.

Начало июня. По мнению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский возвращается на короткое время в свои волынские имения. Цель приезда, как считает исследовательница, «жениться на самой юной дочери умершего Петра Семашко, Александре»[690]. По всей видимости, венчание кн. Андрея Курбского с Александрой Семашко должно было состояться еще до отъезда князя в Полоцкий поход[691]. Сам факт приезда князя на Волынь из похода в «отпуск» не подтверждается надежными данными[692].

4 июня. От имени кн. А.М. Курбского Езоф Словинский жалуется на Луцком уряде на незаконный, как считает князь, иск Ильяша Чернецкого против жены и шуринов Курбского по имению Добратин[693].

5 июня. От имени кн. А.М. Курбского и К.И. Зубцовского Я. Гуляльницкий дает запись в актовые книги о вызове в суд кн. М.С. Сокольского и Д. Гулевича[694]. В этот же день слуга кн. А.М. Курбского Езоф Словинский жалуется, что 24 мая на него напали на дороге слуги И. Чанлича Шнановского[695]. О местонахождении кн. Андрея Курбского при этом прямо не говорится.

11 июня — (Ковель). Ряд выдач-продаж из коморы ковельского войта под этим днем отмечены в реестре 1590 г., причем «мыла брус» выдан «за писанъем Олешковым князя его милости»[696]. Курбский, по всей видимости, в Ковеле.

12 июня — (Ковель). В этот день братья Ярош, Василий и Петр Петровичи Семашко в Ковеле подписывают договор на новый долговой заем у кн. А.М. Курбского, 1300 кон гр. (дополнительно к старому долгу в 4070 кон гр.)[697]. О присутствии кн. А.М. Курбского при заключении договора не сказано, но маловероятно, что подобный договор мог быть составлен без него.

рукой Александры Семашко, под датой: Владимир, 27 апреля 1579 г.); КЗЛ-4. Арк. 44 зв. — 46 (10 января 1583 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 191. Как отметила А.А. Скепьян, приданое, судя по веновой записи, должно было составить 6 тыс. коп гр. Девушка требовала 1600 коп гр., получив в результате фактически названную сумму — 800 коп гр.

682 См. *24 апреля 1579 г.*

683 КГЛ-19. Арк. 463 зв. (5 июня 1579 г.).

684 КГЛ-19. Арк. 463 — 463 зв. (5 июня 1579 г.). См. *5 июня 1579 г.*

685 КГЛ-19. Арк. 361 зв. — 362 (11 мая 1579 г.).

686 КГЛ-19. Арк. 372 — 372 зв. (12 мая 1579 г.).

687 См. *5 июня 1579 г.*

688 КГВ-12. Арк. 178 зв.-179 зв. (25 мая 1579 г.).

689 КГВ-23. Арк. 378 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 310–314, а также: УПРД. Вип. 1. С. 449 (2 июля 1590 г.).

690 *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 191–192, 194–195.

691 См. *26* и *27 апреля 1579 г.*

692 См. *5, 12, 15, 16, 20, 24 июня 1579 г.*

693 КГЛ-19. Арк. 446 зв. — 447 зв. (4 июня 1579 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 250. Anm. 15.

694 См. *7* и *8 мая 1579 г.*

695 КГЛ-19. Арк. 464–465 (5 июня 1579 г.).

696 КГВ-23. Арк. 378 зв. — 379, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 310–314, а также: УПРД. Вип. 1. С. 449 (2 июля 1590 г.).

697 См. *1 октября 1578 г., 15 июня 1579 г.*

15 июня. Договоры кн. А.М. Курбского с братьями Семашко по Добратинскому имению от 26 апреля и 12 июня 1579 г. внесены в земские книги Луцка и Владимира[698]. Кн. А.М. Курбский не был инициатором просьбы записать договоры в актовые книги.

16 июня. От имени кн. А.М. Курбского вызваны на суд Иван Чаплич и его жена Ганна Болбасовна по делу об избиении ковельского мещанина Данила Лавриновича хорохоринским боярином Федором[699]. Суд, очевидно, не состоялся и был отложен. В этот же день перенесен в связи с военным походом срок слушаний по тяжбе кн. А.М. Курбского с наследниками Ружинских по иску последних о захвате их полей и сеножатей подданными Курбского. Князя представлял на уряде его слуга Бартош Буйвид[700].

20 июня — (Миляновичи, Вильно). В этот день от имени кн. А.М. Курбского вызвана на суд Марья Васильевна Чаплич, княгиня Корецкая (жена кн. Богуша), по разделу имений на р. Икве (границ между Рудлево с Добратино)[701]. В реестре ковельского войта Григория Федоровича под этим днем значится ряд выдач княгине А.П. Курбской «на потребу князя его милости» и кн. А.М. Курбскому, «якь на войну ехаль кназь его милость». Сотрудник Курбского Брум собирался в Острог и взял с собой «панеру две либры». Вслед за мужем выезжала ближе к месту военных сборов и княгиня Александра Курбская. Княгиня также в этот день «ехала до Литвы противь князя его милости». Сборы в Ковеле касались, надо полагать, одной княгини. Не случайно в коморе именно по ее заказу подбирались «мощеное кариненя на камень новый, на рове ковельском»[702]. Итак, можно предположить, что накануне своего отъезда на войну Курбский находился в своей летней резиденции-мастерской в Миляновичах.

24 июня. В этот день Х. Чуват оставил «лист уноминальный» кн. А.М. Курбского по его суду со старостой житомирским кн. М.А. Чарторыйским (неуплата долга 100 кон гр.) в имении Селецком князя Михаила[703]. В этот день из-за военной службы князя Андрея Михайловича не происходит судебное дело по тяжбе кн. А.М. Курбского с Михаилом Ласко Секунским и кременецким старостой кн. Янушем Миколаевичем Збаражским[704].

26 июня. На Владимирском уряде появились слуги кн. А.М. Курбского И. Калымет и Я. Туровицкий. Они ездили как солдаты и купцы в Гданьск, чтобы продать зерно и «речи домовые» кн. А.М. Курбского. Деньги от продажи (1012 талеров) были у них украдены 7 июня между Нуром и Жужелями отрядом солдат в 30 человек (ротмистром был «неякий Тарновский»). Жалоба на уряде Нурском не была принята, поскольку они солдаты и могут уряду причинить «великую шкоду або што злого»[705]. Инициатор иска - кн. А.М. Курбский («писал и присылал»), однако из записи неясно, откуда он обратился в суд.

28 июня — (Свиро). По предположению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский со своей ротой (86 казаков и 14 гусар) поспел в королевское войско, собранное в Свиро. Впрочем, уже на следующий день после этого князю была выдана в Вильно королевская «деляция»[706].

29 июня (Вильно). Этим днем и местом датирована «деляция» короля Стефана Батория, выданная кн. А.М. Курбскому на время военного похода[707].

3 июля. Московские послы на границе по дороге в Москву. Сообщают в статейном списке, что по прибытии короля в Великое княжество Литовское кн. А.М. Курбский к королю не приезжал и живет у себя в имении, потому что его «не любят, деи, паны радные многие». Какое имение подразумевается, неясно. Возможно — Ковельское на Волыни[708].

10 июля — (Дорогостайское имение). Слуга воеводы полоцкого Миколая Дорогостайского жалуется на подданных кн. А.М. Курбского из имений Добратино и Брухов и обвиняет их в том, что в этот день они во главе с урядником Семеном Михайловичем по приказу Курбского напали на Дорогостайское имение, урочище «у Перехрестя за занустом над дорогою» (у дороги из Дорогостай на Торговицу). Там они

---

[698] КЗЛ-3. Арк. 477–480 (Запись 15 июня 1579 г. Текст договора от 12 июня 1579 г. — на л. 477 об. — 480); КЗВ-5. Арк. 195 — 196 зв. (Запись от 15 июня 1579 г. Текст договора от 26 апреля 1579 г. — на л. 195 об. — 196 об.). См. *26 апреля 1579 г.*

[699] КГЛ-19. Арк. 610–611 (20 июня 1579 г.).

[700] КЗВ-4. Арк. 98 зв. — 99 зв. (16 июня 1579 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 191–192.

[701] КГЛ-19. Арк. 627 — 627 зв. (20 июня 1579 г.).

[702] КГВ-23. Арк. 379 — 379 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 310–314, здесь с. 314, а также: УПРД. Вип. 1. С. 449 (2 июля 1590 г.).

[703] КГВ-12. Арк. 223 зв. (26 июня 1579 г.).

[704] См. *6 ноября 1579 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 192–194.

[705] КГВ-12. Арк. 223 зв. — 224 (26 июня 1579 г.).

[706] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 194–195. См. *29 июня 1579 г.*

[707] КГЛ-20. Арк. 235–236 (29 августа 1579 г.), публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 179–181. См. *22 июля — 29 августа 1579 г.*

[708] ПК-79-11. Л. 103, 118 об.

избили и ограбили подданных воеводы[709]. Где был на момент нападения кн. А. М. Курбский, не говорится, но по всей видимости — неподалеку от Дорогостайского имения или в его пределах.

17 июля — (В королевском войске, Свирь). В связи с выездом кн. А. М. Курбского на войну, на основании «листов» от короля Стефана Батория и коронного гетмана Миколая Мелецкого П. В. Остафьев Вороновецкий требует отсрочить рассмотрение судебных дел с кн. М. С. Сокольским (о бегстве ковельских подданных) и с Иваном Чанличем Шнановским (о нападении на ковельского мещанина Данило Лавриновича)[710]. Тогда же Петр Остафьев объявляет о выезде на войну К. И. Зубцовского и просит перенести его суд с Миколаем Харлинским о перебежчиках из с. Дубно и дело с Демьяном Гулевичем о недонущении в имение Радошин и невозвращении его подданного-перебежчика крещеного татарина Кузьмы[711]. Смотр королевских войск перед походом на Полоцк проходил 12–18 июля в Свире[712].

22 июля — 30 августа — (Поставы, войско Стефана Батория, Полоцк). Днем 22 июля датирована «деляция» короля Стефана Батория К. И. Зубцовскому, выданная «в Постави»[713]. В походе литовского войска принимает участие рота кн. А. М. Курбского (86 казаков и 14 гусаров)[714]. В реестрах королевской казны сохранился счет за отправление Александра Лежнецкого на Волынь к воеводе брацлавскому, а также кн. К. К. Острожскому и кн. А. М. Курбскому. Все трое должны были выступить в поход со своими ротами[715]. По предположению И. Ауэрбах, рота кн. А. М. Курбского следует вместе с королевским войском сначала с ротой М. Ю. Радзивилла Рыжего, затем — с Каспаром Бекешем, участвуя в занятии Козьян (23 июля), Красно (31 июля), Ситно (4 августа) и 11 августа выйдя на подступы к Полоцку. Крепость пала 30 августа вечером[716]. Князь в этот день был в королевском войске. Налоги с ковельских имений за 1579 г. должна была заплатить княгиня Александра Курбская[717]. Записи волынских судов за конец июля — август 1579 г. доказывают одно: кн. А. М. Курбского нет в Ковеле. В это же время П. В. Остафьев Вороновецкий от имени кн. А. М. Курбского на Волыни ведет дело против старосты холмского, каштеляна чирского А. Лаща. Ж. Чирские отправляется на расследование в имение Курбского Городище в дом боярина Василия Пугача, где 24 августа Иван Иванович Подгороденский со своими слугами убил слугу Лаща, Ивана Чарковского[718]. Ковельский наместник Петр Вороновецкий 31 июля и 6 августа жалуется на кн. Юрия Збаражского и его жену княгиню Барбару Михайловну, урожденную Козинскую, что к ним 27 июля бежали жена ковельского золотаря Раина и ковельский мещанин Левко, украв золото и серебро Курбского. Преследование привело П. В. Остафьева Вороновецкого в с. Осмиговичи князей Збаражских[719]. Заносится в актовые книги жалоба кафинского армянина Шимона на добратинского урядника князя А. М. Курбского о грабеже и ранении, причиненных 8 августа[720]. В луцкие актовые книги 29 августа записаны «деляции» на суды против К. И. Зубцовского и кн. А. М. Курбского в связи с их участием в Московском походе (от 22 июля и 29 июня 1579 г. соответственно)[721]. В то же время 4 августа Стефан Баторий обращался с предписанием к Ивану Зарецкому, ограничивая его на время военного похода в претензиях к унитским владениям Курбского («абы у тые волоки в тот застенок

[709] КГЛ-20. Арк. 53–54 (13 июля 1579 г.).

[710] КГЛ-20. Арк. 88 зв. — 90 (17 июля 1579 г.). См. *9 мая 1579 г.*

[711] КГЛ-20. Арк. 92 92 зв. (17 июля), 114 114 зв. (18 июля 1579 г.).

[712] *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego. S. 98.

[713] КГЛ-20. Арк. 234–235 (29 августа 1579 г.).

[714] См. *10 февраля 1580 г.*

[715] ASK-II. № 28. K. 141–141v: "Alexandro Liezniecki. Wolhinia ad Mgnos D Palatinum Braczlausen- et ad Ducem de Ostrow et Krupsky misso in expen- itiner- et poeno darum dat. zl. 35". Реестр "Cubiculariorum ac aliorum servitorum S M R-ae in negotiis bellicis expeditorum" содержит данные о выплатах на различные миссии, связанные с подготовкой Полоцкого похода, следовательно, та немалая сумма, которая была выделена на затраты и убытки посыльного к волынским магнатам (35 зл.), была потрачена еще до похода.

[716] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 195. Ср.: *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego. S. 99–100.

[717] ASK-I. N 31. K. 86.

[718] КГВ-12. Арк. 337 зв. — 338 (7 сентября 1579 г. Расследование — от 31 августа 1579 г.).

[719] КГЛ-20. Арк. 182 — 182 зв. (31 июля 1579 г.); КГВ-12. Арк. 279 279 зв. (6 августа). Поездка Ж. Чирского в Миляновичи по просьбе М. Неклюдова 12 августа изложена в более поздней записи: КГВ-12. Арк. 358–359 (26 сентября 1579 г.). См. также дело о нападении слуг Полонии Матиасовны, подкоморины кременецкой, на Дубно К. И. Зубцовского и его жены Маруши (княжны Полубенской). Кирилла Зубцовского в своих имениях нет. См.: КГВ-12. Арк. 280–281 (6 августа 1579 г. Показания Х. Чувата от 4 августа 1579 г.).

[720] КГЛ-20. Арк. 202 зв. — 203 (11 августа 1579 г.).

[721] См. в данной статье выше и см. *29 июня 1579 г.*

номененый в жалобе нозвовой не устуновал и в инъшые застенки»)[722].

1 сентября. Станислав Рошковский заявляет на Луцком уряде, что вручил Василию Борзобогатому Красенскому «лист» Стефана Батория о налогах с имений кн. А. М. Курбского. Кония была нередана ковельскому наместнику Петру Остафьеву Вороновецкому[723].

3 сентября — Полоцк. Кн. А. М. Курбский заканчивает часть ответа на Второе ноcлание Ивана IV, которая нозднее войдет в состав Третьего ноcлания Курбского[724].

15 сентября — Полоцк. Кн. Андрей Курбский в Полоцке, нри короле, заканчивает свое Третье ноcлание Ивану IV[725]. И. Ауэрбах считает, что Курбский нринимал участие во взятии крености Сокол 11 сентября (у Ауэрбах ошибочно: «21 сентября»), однако для такого вывода недостаточно сведений: в Третьем ноcлании указано место отнравления «в Полоцку», а нриниска «но сущему нреодолению нод Соколом во 4 день» не означает, что во взятии крености Курбский участвовал лично[726]. В этот же день в Миляновичах местные мещане Панко Богданович и Занко Волосович заключают сделку, в которой нервый второму нродает третну волоки[727]. «Его милость князь» уномянут, но сделка осуществлялась в его отсутствие.

16–25 сентября. 16 сентября М. Неклюдов отнимает у нодданных Беляшева 40 волов, на которых они в Ружине работают на енискона Феодосия Лазовского. Кн. А. М. Курбского в это время нет на Волыни, распоряжение о конфискации волов будто бы нрозвучало еще до отъезда на войну. В отместку 23 сентября Остафий и Кирик Ружинские совершили диверсии нротив туличевских нодданных Курбского. Иск на Владимирский уряд нодал Неклюдов[728].

Начало октября (Полоцк, Криничин). По нредноложению И. Ауэрбах, кн. А. М. Курбский нокинул королевское войско и отнравился в свои литовские имения[729].

4 октября. Мостовничий луцкий Иван Красенский выступает на Владимирском земском уряде нротив кн. А. М. Курбского но имению Туличев. Представитель Курбского Лаврентий Дудкович требует неренести рассмотрение дела из Владимирского земского уряда в Луцкий, носкольку имение относится к Луцкому новету. И. Ауэрбах донускает, что в том же году князь мог получить вызов на суд к королю, однако сведения об этом ноявляются лишь в иске Красенских нротив наследников кн. Андрея Курбского Ярославского много лет снустя и не нодтверждаются более ранними источниками[730].

6 ноября — Кены. Кн. А. М. Курбский в своем литовском имении уполномочивает П. В. Остафьева Вороновецкого выступать от его имени на Варшавском сейме но нроцессу с М. Л. Ласко Секунским и кн. Я. М. Збаражским за села Секунь и Шушки[731].

7 ноября. Слуга кн. А. М. Курбского Юзеф Словинский заявляет, что волынский сборщик налогов Василий Борзобогатый Красенский отказался нринять выплаты с имений Ковель, Вижва и Миляновичи[732]. Неясно, где на данный момент находился кн. Андрей Курбский.

16–28 ноября — (Кены). На Варшавском сейме дело между кн. А. М. Курбским и Михаилом Львовичем Ласко Секунским но Секуни и Шушкам неренесено на 2 февраля 1580 г. Князь не может лично явиться на суд, «забавен... иншими нильными нотребами своими». На судебных слушаниях его нредставляет П. В. Остафьев, который и нодписывает в Варшаве договор о безотлагательном нереносе слушаний[733]. Стороны нриходят к соглашению уже 25 ноября и обмениваются нодписанными «угодами» 28 ноября. Возможно, кн. А. М. Курбский в эти дни на «нотребах» в одном из своих литовских имений.

---

722 КЗУ-15. Р. 63v (22 января 1605 г.).

723 КГЛ-20. Арк. 283 — 283 зв. (1 сентября 1579 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 197, 368–369.

724 ПИГАК. С. 116, 412. Примеч. 47 (автор — В. Б. Кобрин).

725 ПИГАК. С. 118, 413. Примеч. 59 (автор — В. Б. Кобрин); *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego. S. 100.

726 Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 195.

727 КММл-1. Арк. 24 — 24 зв. (16 октября 1586 г.).

728 КГВ-12. Арк. 385 (17 сентября), 385 зв. (25 сентября 1579 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 322.

729 См. *6 ноября 1579 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 195–196.

730 КЗВ-4. Арк. 66–66 зв. (4 октября 1579 г.); ЛМ-199. Л. 75 об. — 78 об. (10 января 1590 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 158. См. также здесь в главе «Потомки и Лже-Курбские».

731 См. *16–28 ноября 1579 г.*

732 КГЛ-20. Арк. 441 — 441 зв. (7 ноября 1579 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 197 (уточняем датировку акта, приведенную в книге И. Ауэрбах: «7 или 9? ноября 1579 г.», — впрочем, в следующем упоминании дата указана в книге точно); S. 250. Anm. 15.

733 ЛМ-195. Л. 189–192 (Варшава, 28 ноября 1579 г.), 192 об. — 194 (Варшава, 28 ноября 1579 г.). См. *24 июня, 6 ноября 1579 г., 2 февраля 1580 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 193, 196.

24–27 ноября. 26 и 27 ноября Д. Гулевич жалуется в Луцкий уряд, что К.И. Зубцовский организовал нападения на его имение Радошин — 24-го на урочище Подхоботе, а 25-го — на урочище Верхораще[734]. Где находится в эти дни кн. А.М. Курбский, неясно.

30 декабря — (Варшава). Этим днем датируется вызов на королевский суд для «розойма» с Красенскими по имению Туличев[735]. Нахождение кн. А.М. Курбского в этот день в Варшаве весьма гипотетично.

1580 г.

Начало года. По мнению И. Ауэрбах, кн. А.М. Курбский принял участие в преследовании татар, которые совершили набег на владения кн. К.К. Острожского и сожгли Острог. Основание для такого вывода, впрочем, шаткое — упоминание службы против татар несколько раз («по колку крот») в пожаловании Ивану Мошнинскому владений убитого слуги Курбского, Петра Вороновецкого три года спустя[736]. В акте И. Мошнинскому не сказано, в каких именно походах принимал участие награждаемый шляхтич и во всех ли этих походах с ним был кн. А.М. Курбский.

Январь — Миляновичи. Январем из Миляновичей датировано письмо кн. А.М. Курбского Семену-Сенько Калиниковичу Седлярю[737].

8 января — (Ковель, Миляновичи). В. Павлович просит занести в актовые книги Владимирского уряда жалобу кн. А.М. Курбского на кражу его «скарбу» и предательское бегство от своего пана миляновического урядника М. Неклюдова (Невклюдова)[738]. Где в этот момент находится кн. Андрей Курбский, неясно, но вероятно — в ковельских имениях.

9 января. Кн. А.М. Курбский «писал и присылал» на Луцкий уряд, жалуясь на побег от него его урядника Меркурия Неклюдова[739]. Откуда князь присылает заявление — неясно.

2 февраля. На этот день приходился срок для возврата кн. А.М. Курбскому 1 тыс. талеров архимандритом минским Михаилом Васильевичем Рагозой. Ни в этот день, ни позднее должник в суд не явился. От лица князя выступал возный Павел Сенницкий, затем его поверенный Миколай Суликовский[740]. В это же день должен был на королевском суде решиться вопрос Секуни и Сушек, причем П.В. Остафьев брал за Курбского обязательство, что он сам, князь Андрей Михайлович, явится «сам через себе», однако рассмотрение дела вновь перенесено и затянулось вплоть до 17 ноября 1582 г.[741]

10 февраля — (Краков). Из королевской казны выдано 1070 зл. за службу сотни кн. А.М. Курбского под Полоцком. В этот же день каштелян перемышльский Станислав Дрогоевский, управляющий по сборам податей («шафар поборовый») в русских землях, по просьбе Курбского обратился на Луцкий уряд, чтобы санкционировать выдачу квитанции Курбскому о полной уплате им налогов и получении жалования за службу его сотни в Полоцком походе[742].

25 марта — (Ковель). Кн. А.М. Курбский жалуется на Василия Борзобогатого Красенского, который является должником по выплатам за Полоцкий поход и одновременно его противником в борьбе за Туличев. Этим же днем записана на Луцком уряде жалоба князя Станиславу Дрогоевскому на расчет с В. Красенским. Х. Чуват ездил по поручению Курбского в имение Красенского Красное и беседовал с самим Курбским, но где именно, из свидетельства возного неясно[743].

10 апреля — (Ковель). Кн. А.М. Курбский пытается при помощи сборщиков налогов с русских земель С. Дрогоевского и А. Голуховского надавить на В. Борзобогатого Красенского, однако тот отказывается рассчитать Курбского по сборам и выплатам. Х. Чуват дает показания на Владимирском уряде, передает также возмущенные слова кн. Андрея Курбского о том, что он уже трижды посылал к Василью Красенскому с «листом» короля и «квитами» панов шафаров. Где именно вел беседу Хацко с князем, неясно[744].

16 апреля — (Миляновичи). Д. Мокренский отправляется по жалобе епископа Феодосия (о покраже волов у его белашовских подданных)

---

[734] КГЛ-20. Арк. 472 зв. (26 ноября), 474 — 474 зв. (27 ноября 1579 г.).

[735] ЛМ-199. Л. 76 об. (Варшава, 10 января 1590 г.). См. также *6* и *16–17 марта, 1–7 апреля 1581 г., 17 октября, 11 ноября 1582 г.*

[736] См. *6 мая 1583 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 196.

[737] СК. С. 406–409 (л. 182 — 184а об.).

[738] КГВ-13. Арк. 1 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 181–182 (8 января 1580 г.).

[739] КГЛ-21. Арк. 24 — 24 зв. (9 января 1580 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 322.

[740] *Устрялов Н.Г.* Сказания... С. 413–414 (Неполоницы, 5 февраля 1583 г.).

[741] См. *16–28 ноября 1579 г., 17 ноября 1582 г.*

[742] ASK-III. N 3. K. 225v; ASK-II. N 29. K. 63v, 67v; КГЛ-21. Арк. 223 зв. — 225, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 54–57 (25 марта 1580 г. В публикации дата: 15 марта 1580 г.). См. *25 марта 1580 г.*

[743] См. *10 апреля 1580 г.* См. также *5 декабря 1578 г., 10 февраля 1580 г.* Подробнее см.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 196–197.

[744] КГВ-13. Арк. 138 — 138 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 58–59 (10 апреля 1580 г.).

во владения кн. А. М. Курбского, едет к нему в Миляновичи. Князь у себя, но не велит пускать. Вызов в суд воткнут в ворота его имения. Позднее Мокренский заявил, что слуги Курбского, безымянные сторожа, знали о его миссии и должны были передать «позов» своему пану[745].

18–22 апреля — (Ковель). К. И. Зубцовский жалуется 22 апреля, что урядник блудовский Александра Жоравницкого напал 18 апреля на ковельских купцов и мещан, ехавших «до земле Волоское». Пострадавшие были избиты и посажены в Луцкий замок[746]. На следующий день Иван Чанлич Шнановский жалуется на Луцкий уряд, что Курбский, в обход королевского постановления, не распустил пехоту у себя в Ковеле и Смедыни[747]. Кн. А. М. Курбский находится в эти дни, видимо, в своих ковельских имениях.

14–15 мая — (Миляновичи). Кн. А. М. Курбский через Д. Мокренского 14 мая вызывает епископа владимирского и брестского Феодосия на суд по жалобе «о збеги подданые его милости». Феодосий встречным иском жалуется на Курбского, что миляновицкие подданные князя украли 40 волов у его белашовских подданных. На следующий день Демьян записывает в актовые книги, что выполнил поручение[748]. Неясно, где именно находится кн. Андрей Курбский.

16 мая — (Миляновичи). Кн. А. М. Курбский не является на суд с епископом Феодосием. Д. Мокренский ездил в Миляновичи, чтобы оставить вызов от Феодосия. Сторожа сказали судейской депутации, что князь «тут в том дворе Миляновицком», но велел никого к себе не пускать. Вызов был воткнут «у ворота». Дело перенесено на 24 июня 1580 г.[749]

21 мая — (Миляновичи). Нет точных сведений, где именно кн. А. М. Курбский. Возможно, он всё так же в своих имениях. На первое слушание его дела он не является[750].

20 июня. Кн. А. М. Курбскому грозит потеря имений за неявку со своей ротой на войну против Москвы. Декрет короля Стефана Батория свидетельствует о том, что к этому дню Курбского и его роты нет в Вильно, где король готовится к походу против Ивана IV[751].

24 июня — (Миляновичи). Слушание дела епископа Феодосия с кн. А. М. Курбским на Владимирском уряде. Представитель Курбского П. В. Вороновецкий предъявляет суду королевский «лист», освобождающий всех участников военного похода. Принято решение выяснить, идет ли в поход князь или только отправляет свою роту[752]. Возможно, эти сомнения свидетельствуют о том, что было известно о болезни князя Андрея Михайловича. Судя по сведениям, полученным на следующий день, Курбский в это время всё еще был в своих ковельских имениях[753].

25 июня — (Миляновичи). Д. Мокренский в тот же день отвозил епископу Феодосию вызов в суд от лица кн. А. М. Курбского по делу об избиении ковельских подданных. Епископа не было у себя, вызов для него оставлен в его имении[754]. По всей видимости, Курбский на момент миссии возного находился у себя в резиденции.

25–26 июня — (Ковельские имения). В эту ночь евреи — подданные воеводича браславского кн. Романа Романовича Сангушко явились во Владимирский уряд, чтобы пожаловаться на туличевского мытника кн. А. М. Курбского, Данило Лавриновича, задержавшего их на пути с Торчинской ярмарки. Х. Чуват Туличевский ездил в Туличев, чтобы забрать конфискованные у евреев ценности, но аксамиты и деньги возвращены не были[755]. Трудно сказать, был ли в Ковеле в это время Курбский. Но вероятно, что он был где-то в ковельских имениях.

1 июля — (Миляновичи). Д. Мокренский вновь везет вызов в суд кн. А. М. Курбскому от епископа Феодосия. В Миляновичи пущен не был, но передал бумагу через М. Неклюдова[756].

8 июля. Ф. Зык Князский осведомляется у Х. Чувата о том, как от имени кн. А. М. Курбского, но без его воли, в актовых книгах появилась запись о покраже 40 волов епископа Феодосия подданными Курбского в управление М. Неклюдова. Где в этот момент сам князь, неясно. В акте говорится, что Х. Чуват ездил к Курбскому «до Ковля або до Миляновичь», но речь идет о событиях «в небытности его милости князя», когда он

[745] КГВ-13. Арк. 158 зв. — 159 зв. (22 апреля 1580 г.), 183 зв. — 184 (21 мая 1580 г.); КГЛ-21. Арк. 417 (23 апреля 1580 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 200, 322.

[746] КГВ-13. Арк. 154 — 154 зв. (22 апреля 1580 г.).

[747] КГЛ-21. Арк. 404 зв. — 405 (Два акта от 19 апреля 1580 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 200.

[748] КГВ-13. Арк. 181 зв. — 182 (15 мая 1580 г.).

[749] КГВ-13. Арк. 183 зв. — 184 (21 мая 1580 г.). См. *24 июня 1580 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 200, 322.

[750] См. *16 апреля 1580 г.*

[751] См. *25 июля 1580 г.*

[752] КГВ-13. Арк. 235 зв. — 236 зв. (24 июня 1580 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 200.

[753] См. *25 июня 1580 г.*

[754] КГВ-13. Арк. 238 (25 июня 1580 г.).

[755] КГВ-13. Арк. 456 зв. — 457 (27 сентября 1580 г.).

[756] КГВ-13. Арк. 272 — 272 зв. (5 июля 1580 г.).

ходил в поход на Полоцк, т.е. о событиях почти годичной давности[757].

12 июля. К.И. Зубцовский вызывает на Луцкий уряд Марину Миколаевну Загоровскую, княжну Збаражскую, «о збеги подданые его з села Дубна». Рассмотрение дела назначено на 8 сентября 1580 г.[758]

25 июля — (Ковель, Владимир). Кн. А.М. Курбский готовится выступить со своей ротой в поход короля Стефана Батория против Ивана IV. По предположению И. Ауэрбах, в этот день князь лично является на Владимирский уряд. Предупреждает, что не может быть по вызову уряда на суде с епископом Феодосием 4 августа. Прилагает мандат короля от 20 июня 1580 г. с предписанием ему явиться на военную службу. В тот же день просит записать в актовые книги привилей Сигизмунда II Августа на Смедынь и Волю Смедынскую[759].

26 июля — (Ковель). Кн. А.М. Курбский всё еще в своих Ковельских имениях. В связи с угрозами со стороны короля Стефана Батория лишить его Ковельского имения, просит записать в актовые книги привилей на Ковель[760].

29 июля (Миляновичи). Кн. Михаил Александрович Чарторыйский получает в Миляновичах от кн. А.М. Курбского или его представителя ссуду в 280 зл. По предположению И. Ауэрбах, участие кн. Андрея Курбского в этой процедуре могло быть символическим, его могли заменять жена или представитель[761].

4–5 августа — (Ковель). Суд на Владимирском уряде проходит при участии поверенного кн. А.М. Курбского, П.В. Вороновецкого, который доказывает, что князь освобожден на время войны от ответственности перед судами. У епископа Феодосия вызывает сомнение, что кн. Андрей Курбский отправился на войну[762].

9 августа — (Ковель). Когда староста житомирский кн. М.А. Чарторыйский явился на Владимирский уряд и от имени своей жены Зофьи Ходкевич попросил записать «лист» о долге кн. А.М. Курбскому в размере 280 зл. (до 2 марта 1581 г.), возможно, сам князь Андрей Михайлович уже выехал на войну против Ивана IV[763].

14 августа (Миляновичи). Продолжается процесс по пограничным спорам между Ружином и Ковелем — Ружинские требуют компенсировать убытки в связи с запретом пользоваться пасекой и снесением пограничных мет. Д. Мокренский оставляет два вызова кн. А.М. Курбского «в дворе его милости Миляновицком» втыкает «у ворота»[764].

20 августа. За этот день Владимирский уряд отмечает имя кн. А.М. Курбского дважды. Сначала — жалобу князя на своего слугу Матыса Руднина (рудокона), который обокрал его и бежал. Затем — жалобу Станислава Берестовского о том, что Курбский направил на его имение Речицу своего слугу Яцка Михновича Стрельниковича и других своих подданных с целью нарушить граничные концы и причинить ему убытки[765]. Обе записи внесены уже в начале сентября, и неясно, насколько они отражают участие кн. А.М. Курбского в этих событиях.

1–4 сентября — (под Великими Луками). Туличевский войт Михно Довладович заявил, что ковельский урядник П.В. Вороновецкий прислал «лист» об ограблении подданного кн. А.М. Курбского. Обвиняемая — жена Гаврило Яковицкого[766]. Заявление о побеге рудокона Матыса подано от имени кн. Андрея Курбского, но могло быть составлено без личного участия князя на его бланке (И. Ауэрбах по ошибке относит сам побег ко 2 сентября)[767]. Так и не ясно, присутствует ли кн. Андрей Курбский в ковельских имениях в эти дни. Как неясно и то, участвовал ли он в Великолуцкой кампании короля Стефана Батория. По мнению И. Ауэрбах — участвовал, и это «документально подтверждено»[768]. Прямых данных всё же нет. Позднейшие ссылки кн. А.М. Курбского на службу под Великими Луками касаются со всей достоверностью лишь его слуг, а не его самого, причем упоминание службы под Великими Луками может относиться не к событиям 1580, а 1565 г.[769]

---

[757] КГВ-13. Арк. 291 зв. — 291а (25 июля 1580 г.).

[758] КГЛ-22. Арк. 56 зв. — 57 (14 июля), 57 зв. — 58 (14 июля 1580 г.).

[759] КГВ-13. Арк. 291а–292, публ. текста королевского «листа» от 20 июня 1580 г.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 189–191 (25 июля 1580 г.). См. *23 ноября 1567 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 200.

[760] КГВ-13. Арк. 292 — 294 зв. (26 июля 1580 г.). См. *25 февраля 1567 г.*

[761] КГВ-13. Арк. 333 — 336 зв. (9 августа 1580 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 201.

[762] КГВ-13. Арк. 304 — 305 зв. (5 августа 1580 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 200–201.

[763] КГВ-13. Арк. 333 — 336 зв. (9 августа 1580 г.).

[764] КГВ-13. Арк. 371–372 (14 августа 1580 г.). См. *12 августа 1578 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 188.

[765] КГВ-13. Арк. 385 (2 сентября), 390 — 391 зв. (8 сентября), 412–415 (18 сентября 1580 г.).

[766] КГВ-13. Арк. 383 зв. — 384 (1 сентября 1580 г.).

[767] См. *20 августа 1580 г.*

[768] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 201–202.

[769] См. *Март 1565 г.* См. о движении королевского войска в Московском походе: *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego. S. 105–107.

23 сентября. А. П. Семашко, княгиня Курбская, вносит ряд записей в актовые книги Владимирского гродского суда[770]. В этот день кн. А. М. Курбского, видимо, еще нет в ковельских имениях.

20 октября — Миляновичи. М. Голуб встречает кн. А. М. Курбского больным в его имении по жалобе евреев из Турейска, соседей браславского воеводы кн. Ф. Р. Сангушко. Рассмотрение дела перенесено на будущее в связи с болезнью кн. Андрея Курбского. Дело перенесено в Ковель через 4 недели, на 17 ноября[771].

17 ноября. Ничего не известно о продолжении дела, перенесенного 20 октября на эту дату[772].

1581 г.

16 января. Григорий Вербский дает показания Владимирскому уряду о том, что вызов кн. А. М. Курбского своей бывшей жены, княгини М. Ю. Курбской (Гольшанской) в Варшаву на суд незаконен. Курбский опирается на договоренности от 30 декабря 1578 г., которые сфабрикованы им же самим. Княгиня Мария в тот день никаких договоров с бывшим мужем не подписывала и не ездила в Миляновичи, а находилась вместе со своими слугами в Бискуничах, где ее и видел Г. Вербский[773].

19 января. Суд по «лимитации» разведенной четы Курбских был назначен в Варшаве уже на 19 января, однако на нем со стороны князя Андрея Михайловича выступал его поверенный. В связи с отъездом короля Стефана в границы Великого княжества Литовского суд был отложен на 4 недели[774]. Вероятно, к этому времени князя еще не было в Варшаве.

22 января — 8 марта — (Ковель, Варшава). Кн. А. М. Курбский, по всей видимости, уже в январе отправляется на Варшавский сейм[775]. Впрочем, датами сейма проживание князя в Варшаве в этом году не ограничивается. Король пребывал в Варшаве с 18 января по 27 марта[776]. В этих хронологических рамках и даже дольше кн. А. М. Курбский мог находиться в Варшаве.

2–4 февраля. Слуга княгини М. Ю. Курбской Григорий Вербский, назвавшись возным луцким, 2 февраля представляет ее на Владимирском уряде, требуя на основании королевского «листа» выдать ей «видымусы» (выписи из гродских книг) Владимирского суда. Обвиняет подстаростия Василия Павловича, что он «руку держал князя Курпъского» и запрещал выдавать княгине Марии выписи из книг. Подсудок владимирский Мартин Приборский называет обвинения в адрес Павловича лживыми («змышлене а неправдиве»). Мартин запечатывает и выдает другому слуге княгини, Ждану Мироновичу, выписи. Тогда княгиня выступает с заявлением, что не была в Миляновичах 30 декабря 1578 г. В ответ на протесты владимирского подсудка Г. Вербский подает 4 февраля жалобу на Луцкий уряд, которую 13–15 апреля 1581 г. владимирские судьи рассмотрели и занесли в свои книги[777]. Прямо о местонахождении кн. А. М. Курбского в деле нигде не говорится.

6 февраля — (Варшава). Король Стефан Баторий утверждает пожалование кн. А. М. Курбским своих слуг Г. А. Кайсарова и Василия Кушникова в с. Колодежно и К. И. Зубцовского в с. Белине[778].

21–28 февраля — Варшава. На Варшавском сейме король Стефан Баторий выдает декрет кн. А. М. Курбскому (он явился лично, «сам через себе») о его праве получить со сборщика налогов в Волынском воеводстве В. Борзобогатого Красенского 420 зл. за военную кампанию 1579 г. Постановление о сроке расчета с Курбским король подписывает Василю Борзобогатому 28 февраля 1581 г. И. Ауэрбах на основе акта от 21 февраля 1581 г. датирует рассмотрение дела в Варшаве 19–21 марта 1581 г. — это ошибка[779]. По всей видимости, князь Андрей Михайлович в этот момент находится в Варшаве.

27 февраля — 4 марта. Х. Чуват Туличевский 27 февраля ездил на «потребу» кн. А. М. Курбского в Хотешов. Урядник князя Андрей Барановский просил в присутствии Хацко писаря земского брестского Федора Потея покинуть брестское село Речицу (Речицы). Таким было решение короля и предписание литовского

[770] КЗЛ-4. Арк. 44 зв. — 46 (10 января 1583 г.).

[771] КГВ-13. Арк. 545 — 545 зв. (24 ноября 1580 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 202.

[772] См. *20 октября 1580 г.*

[773] КГЛ-23. Арк. 9 — 10 зв. (16 января 1581 г.).

[774] *Устрялов Н. Г.* Сказания... С. 410 (Варшава, 26 января 1581 г.).

[775] *Konopczyński W.* Chronologia... S. 16.

[776] *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego. S. 109.

[777] См. *30 декабря 1578 г., 13–15 апреля 1581 г.*

[778] ЛМ-216. Л. 266 — 267 об. (6 февраля 1581 г.), 272–272 (3 марта 1588 г. Здесь ошибка в годовой дате — верно: «1581 г.»). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 202.

[779] ЛМ-195. Л. 364 об. — 365 об. (Варшава, 21 февраля 1581 г.); ЛМ-195. Л. 447–448 (Варшава, 28 февраля 1581 г., запись приведена в акте от 12 мая 1581 г.); КГЛ-28. Арк. 5 — 5 зв. (29 января 1582 г.). Ср.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 197, ср. S. 202. См. также *12 мая 1581 г., 29 января 1582 г.*

канцлера О.Б. Воловича. На следующий день Ф. Потей вместе с подданными кн. А.М. Курбского осматривал на урочище Брод непризнанные в Хотешове «знаки граничные». 1 марта Барановский выезжал, чтобы окончательно разделить земли, но никого не застал. Не приехел Патей и позднее («от середы аж до суботы», т.е. до 4 марта). А 4 марта занял земли Курбского и начал на спорной территории «концы сыпати и границу прорубовати», о чем Барановский и хотешовские подданные протестовали на Владимирском уряде[780]. Лично кн. А.М. Курбский в деле не выступает, его местонахождение прямо не упомянуто.

3 марта — (Варшава). И. Мошнинский получает «привилей» от короля Стефана на пожалованное ему кн. А.М. Курбским село Дворец[781].

6 марта. Этим днем датировался представленный Красенскими в январе 1590 г. на суде в Варшаве «лист умоцованый» (доверенность) кн. А.М. Курбского на ведение его суда против Борзобогатых-Красенских Петром Вороновецким (место выдачи в датировке не указано)[782].

16–17 марта — (Варшава). Этими днями Красенские в 1590 г. датировали королевский мандат асессорского суда о вызове кн. А.М. Курбского и сам второй вызов князя на королевский суд для «розойма» по имению Туличев (датированы в Варшаве)[783]. Неясно, был ли кн. А.М. Курбский в это время в Варшаве, но, судя по известным другим событиям за март 1581 г., это вполне возможно.

20–25 марта — (Варшава). Суд кн. А.М. Курбского перед королем Стефаном Баторием с Кузьмой Порыдубским[784].

26 марта — (Варшава). На сейме Лев Иванович Сапега принял для занесения в канцелярские книги Великого княжества Литовского «привилей на Ковель и другие имения князя Ковельского»[785].

1–7 апреля — (Ковель). Возможно, к 1 апреля кн. А.М. Курбский возвращается в ковельские имения. Именно под этими числами записаны в актовые книги Владимирского уряда решения короля по суду князя с К. Порыдубским[786]. Впрочем, нельзя исключать, что с Варшавского сейма кн. А.М. Курбский направился в Вильно, а в Ковель послал кого-то из своих слуг. К 3 апреля, по словам Красенских на суде в январе 1590 г., относится «лист отвористый властный князя Курпского в печатю и с подписом руки его» и под печатями свидетелей в тяжбе за имение Туличев (место выдачи не указано)[787].

13–15 апреля. Где находился кн. А.М. Курбский, когда его бывшая жена, княгиня М.Ю. Курбская, просила на Владимирском уряде выдать ей «видимусы» актовых записей по разводу с бывшим мужем, а затем пожаловалась на Луцком уряде, неясно. Не видно прямого участия Курбского и в новом рассмотрении жалоб княгини Марии на Владимирском уряде два месяца спустя, в апреле[788].

3 мая. Нападение слуг Яна Калусовского на ковельского мещанина Юско Швеца[789]. Неясно, где в этот день кн. А.М. Курбский.

12 мая — Вильно. В столице Великого княжества Литовского кн. А.М. Курбский находился к началу мая 1581 г. На суд с В. Борзобогатым Красенским князь явился вместе с королевским инстигатором Станиславом Горковским (Кгорковским) «обличне сам через себе». 12 мая датирован декрет короля Стефана по делу о выплате В. Борзобогатым 420 зл. князю за Полоцкий поход[790]. Тем же днем и местом датирован «лист» короля к В. Красенскому с требованием испол-

---

[780] КГВ-14. Арк. 43 зв. — 44 зв. (17 марта 1581 г.).

[781] ЛМ-216. Л. 270–272 (3 марта 1588 г. Здесь ошибка в годовой дате — верно: «1581 г.»), 314 об. — 316 об. (16 мая 1586 г. Здесь ошибка в годовой дате — верно: «1583 г.»). См. *16 мая 1583 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 202.

[782] ЛМ-199. Л. 77 (Варшава, 10 января 1590 г.). См. также *16–17 марта 1581 г.*

[783] ЛМ-199. Л. 76 об. — 77 (Варшава, 10 января 1590 г.). См. также *1–7 апреля 1581 г., 17 октября 1582 г., 11 ноября 1582 г.*

[784] КГВ-14. Арк. 53–54 (1 апреля), 68 зв. — 70 (7 апреля), 70–71 (7 апреля 1581 г.). Королевский «декрет» на л. 53 — 53 об. об освобождении и защите Кузьмы Порыдубского и его семьи датирован: Варшава, 25 марта 1581 г. «Лист» к кн. А.М. Курбскому с призывом восстановить Кузьму в правах на л. 69–70 датирован: Варшава, 20 марта 1581 г. «Декрет» Стефана Батория, записанный по просьбе Кузьмы в актовую книгу на л. 70 об. — 71, датирован: Варшава, 20 марта 1581 г. См. публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 80–90. См. также *19 марта 1573 г., 14 июля 1574 г.*

[785] BCz. TN. N 88. S. 133–134 (запись в сборнике под N 22, привилей в «Инвентаре привилегий» значится последним — под N 16: "Przywiley na Kowel i na insze imiona kniazia Kowelskiego"). Неясно, какое отношение Курбский имел к этой записи. Однако она, несомненно, касалась владельческих прав на его ковельские имения, и вероятно его личное присутствие на сейме во время принятия решения.

[786] См. *20–25 марта 1581 г.*

[787] ЛМ-199. Л. 76 об. — 77 (Варшава, 10 января 1590 г.). См. также *17 октября 1582 г.*

[788] КГВ-14. Арк. 84 зв. — 86 (15 апреля 1581 г.). См. также *30 декабря 1578 г., 16 января, 2–4 февраля 1581 г.*

[789] См. *12 мая 1581 г.*

[790] ЛМ-195. Л. 447–449 (Вильно, 12 мая 1581 г.); КГЛ-28. Арк. 5 — 5 зв. (29 января 1582 г.). См. также:

пить декрет[791]. Хацко Чуват в Ковеле расследует жалобу мещанина Юско (Иоско) Швеца на избивших его слуг Яна Калусовского[792].

15 мая. Х. Чуват ведет дело о повреждении пограничных знаков между с. Вижвой кн. А.М. Курбского и с. Кремна староства Любомского. От лица Курбского выступают урядник Иван Постник и войт Иван Михайлович[793]. Где в это время кн. А.М. Курбский — неясно.

26 мая — Вильно. На приеме посольства О.М. Пушкина у Стефана Батория кн. А.М. Курбский, согласно статейному списку, стоял «назад всех панов»[794].

5 июня — Миляновичи. Кн. А.М. Курбский пишет завещание[795]. Король Стефан Баторий в этот же день возвращает дело о разводе князя с княгиней Марией Курбской на митрополичий суд[796].

10 июня — (Вильно). В этот день в Вильно король Стефан Баторий подписал «лимитацию» на привлечение кн. А.М. Курбского к суду на срок до окончания военных действий[797]. По всей видимости, Курбский был уже в это день в Вильно. Много позже Х. Чуват заявил Владимирскому уряду, что в этот день ездил вместе с урядником Яском Меркуром Неклюдовым в Миляновичи к Ф. Бокею Печихвостскому. Слуга Федора Бокея Иван Глинский перед тем «здрадил» кн. А.М. Курбского и бежал из Туличева, будучи там урядником. От имени кн. Андрея Курбского Хацко записал 4 августа иск к И. Глинскому на 2 тыс. коп гр.[798] Из актовой записи ясно, что самого князя Андрея Михайловича в тот день, когда Х. Чуват расследовал дело королевского ротмистра Ф. Бокея, в Миляновичах не было.

11 июня. На Луцкий уряд декрет короля Стефана о выплате кн. А.М. Курбскому за Полоцкий поход доставил королевский дворянин Петр Черниковский. Тогда же постановление было доставлено уряднику В. Борзобогатого в с. Красное. Тот отказался «поступать» имение своего пана[799].

7–8 июля. Слуга митрополита Онисифора 7 июля разыскивал епископа владимирского и брестского Феодосия, чтобы вызвать его на митрополичий суд по делу о разводе князей Андрея и Марии Курбских. Суд должен был состояться 23 июля[800]. О том, где в этот момент был кн. А.М. Курбский, в акте ничего не сказано.

10 июля — Владимир. В этот день кн. А.М. Курбский является «очевисто» на Владимирском уряде и просит занести в актовые книги свое завещание от 5 июня 1581 г.[801]

17 июля. На этот день назначен кн. А.М. Курбскому митрополичий суд по делу о разводе с княгиней М.Ю. Курбской. Князь на суд не явился. Суд, по словам слуги митрополита Онисифора, планировался на 23 июля[802].

20 июля — (Вильно). От лица кн. А.М. Курбского подан акт об освобождении шляхты от судов на время похода против неприятеля — Ивана IV[803]. В этот же день слуги князя Иван Семенович Ласкович-Черничицкий и Тимофей Зык Князский, а также возный Владимирского повета Ж. Чирский дали показания о прелюбодеянии его бывшей жены, княгини М.Ю. Курбской летом 1577 г. Эти доносы не вызывают доверия, однако какие-то факты в них могут отражать обстоятельства жизни князя в 1577–1578 гг.[804]

23 июля — (Вильно). По словам княгини Марии Курбской на митрополичьем суде, в этот день кн. А.М. Курбского видели в храме Пречистой Богородицы в Вильно[805]. В этот же день в Новогрудке заседание митрополичьего суда по делу о разводе Курбских переносится из-за отсутствия ответчика — кн. Андрея Курбского[806].

Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 202. См. *21 февраля 1581 г., 29 января 1582 г.*

[791] КГЛ-28. Арк. 5 зв. — 7 (29 января 1582 г.).

[792] КГВ-14. Арк. 127 — 127 зв. (15 мая 1581 г.).

[793] КГВ-14. Арк. 126 зв. — 127 (15 мая 1581 г.).

[794] ПК-79-13. Л. 160 об. См.: *Филюшкин А.И.* Андрей Михайлович Курбский... С. 84–85.

[795] КГВ-14. Арк. 236 зв. — 240 зв. (текст завещания на л. 237 — 240 об.), публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 191–200, то же: РИБ-31. Стб 523–540 (10 июля 1581 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 202–203.

[796] ЛМ-68. Л. 67–70 (5 июня 1581 г.). См. *10 июля 1581 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 202, 240.

[797] КГВ-14. Арк. 247 зв. — 248 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 201–202 (20 июля 1581 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 203.

[798] КГВ-14. Арк. 276 зв. (4 августа 1581 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 322.

[799] КГЛ-28. Арк. 6 зв. — 7 зв. (29 января 1582 г.).

[800] КГВ-14. Арк. 223 зв. — 224, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 203–204 (8 июля 1581 г.). См. *17* и *23 июля 1581 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 240.

[801] См. *5 июня 1581 г.*

[802] КГЛ-28. Арк. 44 — 44 зв. (30 января 1582 г.). См. *7–8 июля 1581 г., 30 января 1582 г.*

[803] См. *10 июня 1581 г.*

[804] КГВ-14. Арк. 249 — 250 зв. (Три акта за 20 июля 1581 г.), публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 204–207 (20 июля), 208–210 (20 июля), 211–213 (20 июля 1581 г.). См. *7–23 июня, 20 июля, 5 сентября 1577 г., 8 сентября 1578 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 240–241 и здесь главу «История одного развода».

[805] *Устрялов Н.Г.* Сказания... С. 412 (Вильно, 15 февраля 1582 г.). См. *7–8* и *17 июля, 24 июля — 17 августа 1581 г.*

[806] КГЛ-28. Арк. 44 зв. (30 января 1582 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 203, 370.

24–27 июля. П. В. Остафьев со своими боевыми товарищами в Новогрудке отбивает нападение А. Я. Монтолта и его соратников. Конфликт вызван был «деляцией» митрополита Онисифора по делу о разводе Андрея и Марии Курбских. Ранены слуги Курбского Григорий Войтович и Олешко, смертельно ранен Иван Пугач. На следующий день, 25 июля Остафьев дает показания в Новогрудском гродском суде (в луцкой актовой книге сразу две ошибки в дате, явно в спешке: «року тисяча пятсот осмъдесят второго месеца июня двадцять пятого дня»), а 27 июля — пожаловался митрополиту Онисифору на Андрея Монтолта[807]. Во всех этих «справах» о личном присутствии Курбского не говорится.

24 июля — 17 августа (Вильно, граница Великого княжества Литовского). В начале августа кн. А. М. Курбский разболелся, «и вжо при границе будучи захворал, для которое хоробы своее сам особою своею зостать мусил», прислав вместо себя свою роту («почот свой»)[808]. На пути из королевского войска его везли слуги на княжеском плаще[809]. Впрочем, из заявления самого кн. А. М. Курбского от начала 1582 г. следует, что разболелся он еще в Кричичине, и его уже оттуда еле довезли в Ковельское имение («мене отътул ледве на носилех сюды межи копми донесли»)[810]. Княгиня Мария Гольшанская (Курбская) на митрополичьем суде в феврале 1582 г. отстаивала версию, согласно которой ее бывший муж, кн. А. М. Курбский, в поход вовсе не отправлялся («кгдыж, деи, яко на войне сам не был, так и хоробою обложною на тых роках зложен не был»), а из Вильно поехал сразу во второй половине августа в Кричичин[811]. В задачи княгини входило отведение уважительных причин князя для неявки в суд, однако в искренности ее слов о пребывании князя в Вильно письменно поручились протопоп и «собор» Пречистенской церкви. И. Ауэрбах принимает версию кн. А. М. Курбского и считает, что в сентябре он сам и Кирилл Зубцовский направились в поход, но у границ Литвы князь заболел и был отправлен домой[812]. Эта версия всё же не противоречит показаниям княгини Марии Юрьевны. В походе королевского войска против Ивана IV от Вильно, начавшемся 20 июня 1581 г., князь не участвовал[813]. Пытаясь соединить версии кн. А. М. Курбского и его бывшей жены, можно предположить, что из Вильно он отправился в поход вместе с королевским войском на Псков, с границы его завезли сначала в Кричичин, а лишь затем — в Ковель. Лишь косвенным, но ценным источником о событиях этих дней являются показания П. В. Остафьева на Луцком гродском уряде 30 января 1582 г. Поверенный Курбского в отсутствие своего пана вел его дела на митрополичьем суде в Новогрудке, после чего 27 июля — 1 августа 1581 г. направился в Вильно, где 1 августа подал жалобу на Виленском гродском уряде о ранении слуг Курбского во время нападения Андрея Монтолта на «господу», в которой остановились Остафьев с его товарищами в Новогрудке. Расследование при участии виленского гродского возного Яна Домиников отразилось в записях от 12 и 17 августа (в этот же день похоронен раненый в Новогрудке слуга Курбского Иван Пугач). Курбского представлял его слуга Иван Городицкий[814]. Где был сам князь в эти дни, из этих показаний неясно.

4 августа. Жалоба, поданная в этот день от имени кн. А. М. Курбского, по поводу давнишнего события, может свидетельствовать о приезде посыльного от князя в Ковельское имение[815]. О местонахождении самого кн. А. М. Курбского в это время в акте ничего не сказано.

15 августа — (Вильно). В этот день кн. А. М. Курбского будто бы видели в храме Пречистой Богородицы в Вильно[816]. Тогда же случилось убийство в Перевалах, которое будет расследоваться в начале сентября. Д. Мокренский при свидетелях и урядник торговицком допрашивают миляновицкого урядника Меркурия Неклюдова о подданном кн. А. М. Курбского, Ивашко Климковиче из Порыдуб, который подозревается в убийстве (смертельном ранении сына урядника на рынке в Перевалах). Андрея Курбского на момент этих событий «в Меляновичах не было». Подозреваемого тоже — он уехал к Курбскому. Но где именно тот находится — не сказано[817].

---

[807] КГЛ-28. Арк. 44 зв. — 45 зв., 48 — 48 зв. (30 января 1582 г.). См. *30 января 1582 г.*

[808] См. *12 октября, 4 декабря 1581 г.*

[809] ЛМ-68. Л. 138 об.

[810] См. *5–6 января 1582 г.*

[811] *Устрялов Н. Г.* Сказания... С. 412 (Вильно, 15 февраля 1582 г.).

[812] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 203–204.

[813] *Wrede M.* Itinerarium króla Stefana Batorego. S. 110–115.

[814] КГЛ-28. Арк. 48 зв. — 49 (30 января 1582 г.). См. *30 января 1582 г.*

[815] См. *10 июня 1581 г.*

[816] *Устрялов Н. Г.* Сказания... С. 412 (Вильно, 15 февраля 1582 г.). См. *24 июля — 17 августа 1581 г.*

[817] КГВ-14. Арк. 392 зв. — 393 зв. (6 октября 1581 г.). См. *6 сентября 1581 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 322–323.

После 15 августа — (Вильно, Крипичип). Согласно информации, которой располагала в феврале 1582 г. княгиня Мария Курбская, после 15 августа кн. А. М. Курбский долгое время провел в своем литовском имении Крипичип. Там его настигли второй и третий вызовы на митрополичий суд[818]. По всей видимости, князь Андрей Михайлович переболел в своих упитских имениях и вернулся в Ковель уже в конце 1581 или в начале 1582 г.[819]

29 августа. Х. Чуват едет в сопровождении Г. Кайсара в Осовец, где пытается заставить боярина Яцко Осовецкого нести военную службу. Кайсар назначает боярину 8 недель на освобождение его имения. Основанием для комиссаров служит письмо Курбского, в котором он потребовал от Яцко направиться на войну. Откуда и когда было отправлено письмо — неясно, но написано оно было уже вдали от ковельских имений[820].

6 сентября. Урядник кошерский Григорий Головенский жалуется во Владимирский уряд, что шаенские подданные (из с. Шайно) кн. А. М. Курбского «еще за держаня пана Халецкого» напали на имение кн. Григория Сапгушко Кошерского[821]. В этот же день в актовые книги внесена запись о расследовании убийства в Перевалах[822]. О местонахождении кн. А. М. Курбского в обоих делах известий нет.

9 сентября. Перенос на 21 сентября 1581 г. дела туличевского боярина кн. А. М. Курбского Ивана Олиспевича с луцким поддаанным Матвеем Голешовским о спорном копе. Этот конь принадлежал Ивану, затем оказался у Голешовского и был узнан хозяином[823]. О местонахождении князя в деле не говорится.

11 сентября — Крипичип. Н. В. Остафьев присягает, что «мамрамов» кн. А. М. Курбского себе не присваивал, «не заховал и не мам, ани кому на сторону не давал». В датировке акта, направленного Курбским на запись во владимирские гродские книги год спустя с Федором Князским, местность указана: «Крипицы»[824].

15–16 сентября. Ян Белинский приезжает 15 сентября в Ковель, где на полученные в долг от супруги К. И. Зубцовского деньги собирается купить «потребы свое ку выправе военъной». Той же ночью на него в «господе» ковельского мещанина Федора (Федка) Шимчича напали пуенский урядник кн. А. М. Курбского Дмитр Борисович и ковельские мещане. На следующий день Ян отправился жаловаться к Г. Кайсарову, так как кн. А. М. Курбского и К. И. Зубцовского не было «на месцу в Ковле»[825]. Вероятно, Курбский в это время находился за пределами самого Ковельского замка и ковельских имений.

21 сентября. На этот день перенесены слушания «справы» Ивана Олиспевича с Матвеем Голешовским на суде подстаростия луцкого Станислава Петровского[826].

10 октября. Этим днем лагерем под Псковом датировано предписание короля Стефана Батория Василию Борзобогатому, чтобы он с налоговых выплат за 1579 г. кн. А. М. Курбскому «квитовал» и доплатил ему все причитающееся или обеспечил разницу в пользу князя Андрея Михайловича на своих имениях (на имении Красное). «Лист» был представлен на уряде Г. Кайсаром (Кайсаровым) и Н. Остафьевым. Дата рассмотрения дела на уряде — 15 декабря 1581 г.[827] В этот же день король пожаловал К. И. Зубцовского должностью ключника и городничего луцкого[828].

12 октября. Под Псковом Стефан Баторий освобождает кн. А. М. Курбского от судебных преследований на время военной кампании[829].

31 октября — 14 ноября. Яцко Кузьмич Жаба Осовецкий 1 ноября пожаловался на Владимирском уряде от имени своей жены Прасковьи (Параски) Андреевны (Мокренской) о нападении 31 октября урядника кн. А. М. Курбского, Г. Кайсарова, а также слуг, бояр и помощников князя на Осовцы (Осовец). Жена Яцко была избита, ограблена и выгнана из имения. На следующий

[818] См. *5–6 января, 15 февраля 1582 г.*

[819] См. *5–6 января 1582 г.*

[820] КГВ-14. Арк. 399 — 399 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 90–91 (7 октября 1581 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 365.

[821] КГВ-14. Арк. 326 зв. — 327 (6 сентября 1581 г.).

[822] См. *15 августа 1581 г.*

[823] КГЛ-25. Арк. 105 зв. — 106 (9 сентября 1581 г.).

[824] КГВ-15. Арк. 430 — 430 зв. (14 сентября 1582 г.).

[825] КГВ-14. Арк. 386 зв. — 388 (3 октября 1581 г.). Я. Белинский не добился от Г. Кайсарова справедливости и уехал к своему другу М. М. Дрозденскому с с. Дроздин, куда и ездил 23 сентября 1581 г. на расследование кражи и избиения возный М. Голуб.

[826] См. *9 сентября 1581 г.*

[827] КГЛ-25. Арк. 385 зв. — 386 (14 декабря 1581 г.); КГЛ-24. Арк. 169 зв. — 172 (15 декабря 1581 г.). Публикация королевского «декрета»: ЖКЛВ. Т. 2. С. 60–62. См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 197 (в монографии И. Ауэрбах здесь в примеч. №478 опечатка в номере актовой книги Луцкого уряда: «4» вместо «24»). См. также *14–15 декабря 1581 г.*

[828] КГЛ-27. Арк. 38–40, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 213–215 (9 марта 1582 г. Здесь список акта от 10 октября 1581 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 292.

[829] См. *4 декабря 1581 г.*

день о расследовании отчитался Ж. Чирский. Позднее в том же месяце следствие пополнилось заявлениями П. А. Мокренской и Демьяна Мокренского[830]. Инициатива Курбского в нападении на Осовцы заявлена истцом («наславши моцно кгвалтом врядника своего ковелского...», «за власным росказанем князя пана своего...»)[831] и возным («будучи мне... на потребе его милости князя...»)[832] в сугубо формальном смысле и не означает, что им известно о пребывании князя Андрея Михайловича в Ковеле. Сторожа Курбского отказываются пустить представителей Я. К. Осовецкого в Осовец, ссылаясь на приказ, полученный не от Курбского, а от Г. Кайсарова[833]. Судя по показаниям Ж. Чирского, он также вел дело исключительно с Г. Кайсаровым. Курбский в известных ныне судебных материалах расследования, не считая неинформативных формальных упоминаний, никак себя не проявил.

9 ноября — Крипичин. Кн. А. М. Курбский в этот день находится в своем литовском имении, где «под печатъю и с подписом руки Анъдрея Куръпъского» выдает «лист», которым наделяет владением Сигизмунда Гапусовича «у волости Крыпичепъской»[834].

4 декабря. В этот день от имени кн. А. М. Курбского сделана запись в актовые книги Владимирского уряда «листа» Стефана Батория от 12 октября 1581 г. об освобождении от судебного преследования на время похода роты князя под Псков[835]. Где именно находится в этот день Курбский, из актовой записи неясно (он «присылал на вряд... оповедаючи лист его королевской милости»)[836].

4–10 декабря. Жалоба ковельского еврея Аврушко Агроновича на то, что во время его поездки по делам Курбского («скупуючи скуры, лои, воск») в Хотешов, Нюйно, Мостичи, Борков «и по иных селех», на обратном пути 4 декабря на пути из Несухоежей в Дорогостиши в лесу на него напали подданные кн. Федора Романовича Сапгушко. 7 декабря Ж. Чирский был «на потребе» кн. А. М. Курбского и ездил на расследование в Миляновичи[837]. Неясно, как именно в этом деле участвовал кн. А. М. Курбский. В расследовании он лично не выступает.

10 декабря. Вызов в суд на Луцкий уряд на 25 января 1582 г. от Петра Остафьева Вороновецкого княгине М. Ю. Курбской, бывшей жене кн. А. М. Курбского, и Андрею Монтолту в его имении Бискупичах по делу о нападении А. Монтолта на П. Остафьева и его товарищей в Новогрудке[838]. Неясно, где на этот момент находится кн. А. М. Курбский.

12 декабря. Ковельские мещане Шимон Меженский и другие приходят на Луцкий уряд, чтобы компенсировать подкоморию кременецкому Адаму Боговитину Козирадскому «чопы» в Ковеле, однако Адам в суд не явился[839]. О кн. А. М. Курбском прямо не говорится.

14–15 декабря. Слуги кн. А. М. Курбского отправляют для записи в луцкие гродские книги постановление Стефана Батория о споре князя с В. Борзобогатым[840].

24–27 декабря. Слуга митрополита Онисифора Петровича Федор Бережецкий относил 24 декабря «лист» митрополита епископу Феодосию по иску княгини М. Ю. Курбской, бывшей жены кн. Андрея Курбского, и натолкнулся на отказ Ж. Чирского помогать ему, поскольку в письме была заключена «не светъская реч, але духовная». Кроме того, Ждан уже носил епископу «лист» от митрополита, за что, по его словам, «их милость на мене зазле мели». Митрополичий слуга подал жалобу на Ждана на Владимирский уряд. Три дня спустя епископа разыскал Х. Чуват. Срок для митрополичьего суда был назначен на 17 января 1582 г.[841] Местонахождение кн. А. М. Курбского в актовых записях никак не объявлено.

30 декабря. Вызов в суд от кн. А. М. Курбского В. Борзобогатому «о невчинеръе досыть декрету его королевское милости». Установлена дата явки на Луцкий уряд — 25 января 1582 г.[842]

---

[830] КГВ-14. Арк. 431 — 431 зв. (1 ноября), 431 зв. — 432 (2 ноября), 447 — 448 зв. (11 ноября), 452–455 (14 ноября 1581 г.). Публикация соответственно: ЖКЛВ. Т. 2. С. 92–93, 94–96, 96–100, 100–106.

[831] Так в исходном иске, в заявлениях от лица П. А. Мокренской и Д. Мокренского: КГВ-14. Арк. 431 (1 ноября), 447 (11 ноября), 452 зв. (14 ноября 1581 г.).

[832] КГВ-14. Арк. 431 зв. (2 ноября 1581 г.).

[833] КГВ-14. Арк. 454 зв. — 455 (14 ноября 1581 г.).

[834] КЗУ-15. Р. 63v (22 января 1605 г.).

[835] КГВ-14. Арк. 474 — 475 зв., публ. текста королевского «листа»: ЖКЛВ. Т. 1. С. 216–217 (4 декабря 1581 г.). «Лист» короля Стефана Батория на л. 474 об. — 475 об. См. *12 октября 1581 г.*

[836] КГВ-14. Арк. 474.

[837] КГВ-14. Арк. 478–479 (5 декабря), 479 зв. — 480 зв. (10 декабря 1581 г.).

[838] КГЛ-25. Арк. 376 зв. — 377 (13 декабря), 377 — 377 зв. (13 декабря 1581 г.). См. *24–27 июля 1581 г.*, *25 января* и *30 января 1582 г.*

[839] КГЛ-25. Арк. 376 — 376 зв. (12 декабря 1581 г.).

[840] См. *10 октября 1581 г.*

[841] КГВ-14. Арк. 493 зв. — 495 зв. (27 декабря), 495 зв. — 496 зв. (27 декабря 1581 г.). См. один из этих актов: ЖКЛВ. Т. 1. С. 218–220.

[842] КГЛ-25. Арк. 459 — 459 зв. (30 декабря 1581 г.). См. *25 января 1582 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 198.

1582 г.

5–6 января — Миляповичи. 5 января кн. А. М. Курбского навещает в Миляповичах Ж. Чирский, находит его «у светлицы» больным «обложеною хоробою», лежащим в постели («велъми хорого»). Князь присылает на Владимирский уряд заявление, что по причине своей болезни отказывается ехать на суд к митрополиту, назначенный на 17 января 1582 г. Заявление внесено в актовую книгу под 6 января. По всей видимости, князь отсчитывает начало своей болезни от возвращения в Кричичин из похода на Псков. Впрочем, княгиня Мария Курбская позднее заявляла, что второй и третий вызовы на митрополичий суд князь получил в своем литовском имении Кричичин[843].

8 января — (Миляповичи). Около этого дня («по Рожестве Христовом у две недели») подданные смедынские направили королю Стефану Баторию жалобу на кн. А. М. Курбского, обвиняя его в притеснениях. По словам смедынцев более позднего времени, Курбский отрядил погоню за посыльными. Иван Черничицкий и Меркурий нагнали их на дороге за Берестьем (Брестом Литовским) в с. Бакунах, отобрали деньги и послание королю, привели в Ковель и более чем на 14 недель бросили в тюрьму. Факт погони, нападения и тюремного заключения смединские подданные позднее отрицали[844].

17 января. На этот день митрополит Онисифор назначил кн. А. М. Курбскому последний срок для явки на суд по делу о разводе с княгиней М. Ю. Курбской[845].

25 января — (Ковель). П. В. Остафьев Вороновецкий на основании королевских декретов является от лица кн. А. М. Курбского на суд с Василием Борзобогатым Красенским по делу о его невыплате Курбскому 420 зл. Суд предписывает расплатиться и компенсировать еще 600 (точнее — 500) зл. за издержки. Возный Луцкого повета Войтех Яблонский в этот день по поручению уряда был у поверенного Василия Борзобогатого Красенского, Павла Хурихи, засвидетельствовал, что он болен и не может представить своего пана на уряде[846]. На этот же день назначен суд П. В. Остафьева с княгиней М. Ю. Курбской и А. Монтолтом[847]. Кн. А. М. Курбский в этот день, видимо, в своем Ковельском имении.

29 января — (Ковель). П. В. Остафьев представляет кн. А. М. Курбского на суде с Иваном Борзобогатым Красенским на Луцком уряде. Тот заявляет, что его брат Василий на сейме в Варшаве уже готов расплатиться с Курбским. При этом принудительная аренда с. Красное незаконна и незаконен штраф за несвоевременный расчет с князем. Декрет суда был в пользу Курбского — следовало взыскать 920 кон гр. с В. Борзобогатого[848].

30 января. Постановление Луцкого уряда по делу о нападении Андрея Монтолта на Петра Остафьева Вороновецкого и других слуг кн. А. М. Курбского в Новогрудке. Курбского на суде представляет П. В. Остафьев[849].

7 февраля. В этот день король Стефан Баторий подписывает подтверждение на пожалование кн. А. М. Курбского своему ливонскому слуге Александру Кенигу на с. Поедупе в Упитском повете[850].

11 февраля. В этот день, согласно иску Тимофея Черневского, туличевский урядник кн. А. М. Курбского Михно Довладович с другими туличевскими людьми «за власным росказанъем» Курбского перехватили и ограбили черневских подданных недалеко от Туличева. Слова о личном приказе кн. А. М. Курбского являются исковой формальностью[851].

15 февраля. На суде у митрополита Онисифора Петровича кн. А. М. Курбского не было. Решение о его разводе с княгиней М. Ю. Курбской было признано недействительным, о чем «декрет» утвержден королем Стефаном и подписан «лист отворный» Курбскому[852].

18–19 февраля — Красное. По жалобе жены Василия Красенского, Ганны из Сокола (Соколинской), кн. А. М. Курбский накануне 19 февраля или в этот день приехал к ее с. Красному в окружении вооруженного «повета» и требовал сдать ему село в компенсацию убытков, нанесенных ему ее мужем[853].

---

[843] КГВ-15. Арк. 3 — 3 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 221–223 (6 января 1582 г.). См. также *24 июля — 17 августа, После 15 августа 1581 г., 15 февраля 1582 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 205.

[844] См. *19 июля, 23 октября 1582 г.*

[845] См. *24–27 декабря 1581 г.*

[846] КГЛ-26. Арк. 85 зв. — 86 (27 января 1582 г.). См. также *21 февраля, 12 мая, 11 июня 1581 г., 29 января 1582 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 198–199.

[847] См. *10 декабря 1581 г., 30 января 1582 г.*

[848] КГЛ-28. Арк. 1–8 (29 января 1582 г.), 52 — 52 зв. (Б. д. Декрет Луцкого суда). См. также *25 января 1582 г.*

[849] КГЛ-28. Арк. 44 — 49 зв. (30 января 1582 г.). См. также *24–27 июля, 10 декабря 1581 г., 25 января 1582 г.*

[850] ЛМ-67. Л. 111–113 (Вильно, 7 февраля 1582 г.). См. *20 января 1577 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 205.

[851] КГВ-15. Арк. 81 — 81 зв. (17 февраля 1582 г.).

[852] ЛМ-68. Л. 138; ЛМ-274. Л. 336 об.; *Устрялов Н. Г.* Сказания... С. 410–413; АЗР. Т. 3. С. 228–229. См. также *23 июля, 24 июля — 17 августа, 15 августа 1581 г., 16 марта 1582 г.*

[853] См. *19 февраля 1582 г.*

19 февраля — (Ковель). В Красное направлен возный Луцкого повета Андрей Жарицкий и возный Владимирского уряда Ждан Чирский, однако В. Борзобогатый их не пустил и отказался уступать имение, объявив о своей готовности заплатить не 920, а 420 зл. Курбского представлял Н. В. Остафьев Вороновецкий. Во время споров с Борзобогатым его слуги ударили слуг Курбского, Василя Кушникова и Григория Ивановича[854]. По всей видимости, кн. А. М. Курбский был в это время у себя в Ковеле.

23 февраля — (Ковель). Кн. А. М. Курбский присылает на Владимирский уряд Федора Зыка Князского с просьбой занести в актовые книги привилей Сигизмунда II Августа на Крипичинское имение от 27 июля 1568 г.[855]

15 марта — (Миляновичи). Яцко Осовецкий и его жена Парасковья Андреевна Мокренская судятся за свое имение с кн. А. М. Курбским на Владимирском гроде. От лица Курбского выступает владимирский войт Михайло Дубницкий. Иск содержит протест против нападения Гаврилы Кайсарова и других слуг Курбского на их имение Осовцы, захвата владений, избиения жены и «побрання всее маетности их»[856]. Уряд перенес рассмотрение дела на господарский суд на срок через 4 недели после выезда короля из Великого княжества Литовского в Корону Польскую. Возможно, князь, как и в других случаях в делах от весны 1582 г., находится поблизости, вероятнее всего — в одном из ковельских имений. Учитывая его нахождение днем позже в Миляновичах, можно допустить, что и в этот день он там же.

16 марта — Миляновичи. Возный Луцкого повета вместе с представителем митрополита Онисифора и свидетелем едет в Миляновичи, чтобы засвидетельствовать вручение кн. А. М. Курбскому королевских «листов» и «позву» митрополита на суд с княгиней Марией Курбской. Князь сам прочитал «лист» и велел сделать с него копию, а также выслушал «декрет» короля и также велел сделать с него копию. Представитель митрополита Иван Павлович Никольский тут же отдал Курбскому вызов на митрополичий суд[857].

20 марта. Король Стефан Баторий в Риге подписывает «декрет», временно откладывающий «баницию» для В. Красенского по его тяжбе с кн. А. М. Курбским, и «лист» князя Андрея Михайловича, подтверждающий законность его требований[858].

9 апреля — (Ковель). Матуш Трашковский на Владимирском уряде дает показания, что налоговый «поборца» Михаил Липевский не явился, и кн. А. М. Курбский объявляет суду, что готов сам оплатить налоги[859]. Возможно, князь в это время в своем Ковельском имении.

27 апреля. Крайний срок явки кн. А. М. Курбского на митрополичий суд. О том, был ли князь на суде, ничего не известно[860].

9–13 мая — (Ковель). Жалоба Ульяна Пятого, урядника кн. А. М. Курбского, на ущерб в Гридковичах из-за Зинко Чолгара Тупальского (из-за нападения его собак будто бы ушли два коня и осел), инициатива самого князя, возможно, лишь формальна[861].

23–27 мая — (Ковель). 27 мая кн. А. М. Курбский присылает на Владимирский уряд жалобу на побег от него игумена Вербского монастыря, Исайи, состоявшийся, по словам князя, 23 мая 1582 г.[862] Вероятно, в эти дни кн. А. М. Курбский в своем Ковельском имении.

28 мая — (Ковель). В этот день на расследовании по жалобе Яна Федоровича Белинского К. И. Зубцовский встретил на уряде в Ковеле возного М. Голуба. Суд Белинского с пуенским урядником Дмитром Борисовичем и ковельскими мещанами был перенесен на 25 июня 1582 г. Где был кн. А. М. Курбский — неясно, назван только его «лист упоминальный»[863].

31 мая — (Ковель). На Луцком уряде рассматривается дело кн. А. М. Курбского с В. Борзобо-

---

[854] КГЛ-26. Арк. 143 — 144 зв. (20 февраля 1582 г.), 146 зв. — 149, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 63–67 (22 февраля 1582 г.); КГВ-15. Арк. 85 зв. — 87, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 67–70 (23 февраля 1582 г.).

[855] КГВ-15. Арк. 84 — 85 зв. (23 февраля 1582 г.). См. *27 июля 1568 г.*

[856] КГВ-15. Арк. 116 зв. — 118 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 107–112 (17 марта 1582 г.). См. *24 сентября 1582 г.*

[857] КГЛ-26. Арк. 240 зв. — 243, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 223–226 (22 марта 1582 г.). См. *15 февраля, 27 апреля 1582 г.*

[858] КГЛ-27. Арк. 89 зв. — 92 (31 мая 1582 г. Текст декрета — на л. 90 об. — 92), 92 — 94 зв. (31 мая 1582 г. Текст королевского «листа» кн. А. М. Курбскому на л. 92 об. — 94 об.); КГВ-15. Арк. 342 зв. — 344 зв. (23 июля 1582 г.). Публикация королевского декрета: ЖКЛВ. Т. 2. С. 71–74. См. также: КГЛ-27. Арк. 92 — 94 зв. (31 мая 1582 г.); КГВ-15. Арк. 341 — 342 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 74–76 (23 июля 1582 г.). Сравнение публикации с первоисточником см.: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 199. Anm. 484.

[859] КГВ-15. Арк. 155 (9 апреля 1582 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 342.

[860] См. *16 марта 1582 г.*

[861] КГВ-15. Арк. 235–236 (3 июня 1582 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 323–324. Anm. 36.

[862] КГВ-15. Арк. 230 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 227–228 (27 мая 1582 г.).

[863] КГВ-15. Арк. 250 зв. — 251 зв. (9 июня 1582 г.).

гатым, который обвинялся в том, что не подчинился королевскому предписанию и поднял оружие против уряда. В этот же день П. В. Остафьев Вороновецкий вносит в луцкие актовые книги «декрет» и «лист» Стефана Батория по этому делу[864]. Вероятно, кн. Андрей Курбский в это время в Ковеле.

20 июня — (Ковель). Кн. А. М. Курбский, видимо, всё так же у себя в волынских имениях, когда его подданные смедынские попытались доставить королевские «листы» на Владимирский уряд для записи. Их догнал слуга Курбского Федор Зык Князский и отнял эти «листы». Ф. Зык позднее эту версию отвел, датируя события «20 июля» и не признав ни факт нападения со своей стороны, ни приказ кн. Андрея Курбского[865].

25 июня. Срок для рассмотрения жалобы Я. Ф. Белинского. Ничего не известно о завершении дела[866].

18 июля. По словам смедынского попа Карпа, в этот день в корчме был разорван королевский «лист», выданный подданным Смедыни[867].

19 июля. Подданные Смедыни подают иск против кн. А. М. Курбского на Владимирский уряд[868].

27 июля — (Миляновичи). Ф. Зык Князский заявляет на Владимирском уряде, что смедынские подданные на него наговаривают[869]. Позднее его версию поддержал смедынский поп Карп[870]. Возможно, кн. А. М. Курбский в этот день в своих имениях, и судебное заявление Федора Зыка с ним согласовано.

7 августа — Миляновичи. Ж. Чирский в этот день едет к кн. А. М. Курбскому в Миляновичи, где смедынский поп Карп сообщает о том, что королевский «лист» смедынцам был порван в корчме во время ссоры 18 июля 1582 г.[871]

9 августа — Миляновичи. По словам Настасьи Котовны на Кременецком замковом уряде, жены или сожительницы П. В. Остафьева, в этот день кн. А. М. Курбский прислал ее мужу письменный указ приехать к нему в Миляновичи. Петр отправился к князю, а на обратной дороге был убит там же «на доброволной дорозе... в Миляновичах»[872].

11 августа — (Миляновичи). Кн. А. М. Курбский предпринимает — неясно, лично ли — очередную попытку занять с. Красное, полученное по декрету Стефана Батория в компенсацию штрафа с В. Красенского. Именно в этот день по постановлению Стефана Батория Красенский должен был осуществить по своему долгу Курбскому «отправу остаточную екзекуцыю». Представители Луцкого, Владимирского и Кременецкого урядов сопровождают кн. Андрея Курбского и его людей. Чета Красенских во главе примерно трех рот в полном вооружении не впускает исполнителей воли короля в свое имение[873]. Неясно, откуда именно князь развивает свою деятельность. Вероятно, из Миляновичей, где он был за два дня до этого или несколькими днями позже. О его участии в поездке к Красенским в актовых книгах прямо не говорится[874].

12 августа — (Миляновичи). На Луцком уряде рассматривается дело кн. А. М. Курбского с поручником роты Василя Жоравницкого ротмистром Петром Здровским. Петр отрицает участие своей роты в споре между Курбским и Борзобогатым на стороне последнего. Отговаривается тем, что его рота стоит в другом месте и не может влиять на ход дела[875]. В тот же день в актовые книги Луцкого уряда занесен отчет возного Фронца Бромирского по делу кн. Андрея Курбского с В. Борзобогатым — о поездке днем ранее в Красное[876]. Князь, видимо, у себя в Миляновичах.

14 августа — (Миляновичи). Возможно, по договоренности с кн. А. М. Курбским во владимирские гродские книги занесено заявление смедынского попа Карпа о событиях 18 июля 1582 г.[877] И. Ауэрбах высказывает недоверие за-

---

[864] См. *20 марта 1582 г.*

[865] См. *19 июля* и *27 июля 1582 г.*

[866] См. *28 мая 1582 г.*

[867] См. *14 августа 1582 г.*

[868] КГВ-15. Арк. 316–318, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 141–145 (21 июля 1582 г.). См. *8 января 1582 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 205–206, 323.

[869] КГВ-15. Арк. 369 зв. — 370, публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 145–146 (27 июля 1582 г.). См. *14 августа 1582 г.*

[870] См. *14 августа 1582 г.*

[871] См. *14 августа 1582 г.*

[872] ЖКЛВ. Т. 2. С. 126–127 (21 октября 1582 г.). Та же дата смерти П. В. Остафьева названа при записании его завещания от 4 марта 1579 г. в книги гродские кременецкие. Впрочем, в объявлении Настасьи о своем новом браке и мировой сделке с кн. А. М. Курбским она называет другую дату смерти Петра Остафьева — 15 августа 1582 г. См.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 133–138 (21 октября 1582 г.), 139–141 (4–6 марта 1583 г.). См. *15 августа, 21 октября 1582 г., 3 марта 1583 г.* См также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 372.

[873] См. *12 августа 1582 г.*

[874] КГВ-15. Арк. 385–386 (14 августа 1582 г.). См. также *9* и *15 августа 1582 г.*

[875] КГЛ-26. Арк. 813 зв. — 814 (12 августа 1582 г.).

[876] КГЛ-26. Арк. 816 зв. — 817 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 77–79 (12 августа 1582 г.).

[877] КГВ-15. Арк. 386 — 386 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 147–148 (14 августа 1582 г.). См. *18 июля, 7 августа 1582 г.*

явлениям Федора Зыка и Карпа. Это касается и приводимых ими фактов[878].

15 августа (Миляповичи). Возможная дата смерти П. В. Остафьева, предположительно, от руки Ивана Гавриловича Постника Туровицкого. Впрочем, позднее вдова убитого отказалась от своих обвинений[879].

27 августа — (Миляповичи). Кн. А. М. Курбский заключает на Луцком уряде сделку со своей бывшей женой, княгиней М. Ю. Курбской. Она подтверждает, что приняла от кн. А. М. Курбского 1 тыс. коп гр.[880]

10 сентября — (Миляповичи). Ж. Чирский извещает кн. А. М. Курбского, который «жалостю великою обрушон» из-за смерти его слуги П. В. Остафьева. В дальнейшем расследовании при участии Федора Зыковича Князского возный получает также согласие Настасьи Котовны, сожительницы или жены Остафьева, не бороться за его имущество, однако она отказывается вернуть князю его бланки с подписью и печатью[881]. Где именно в этот момент кн. А. М. Курбский, неясно. Вероятно, в одном из своих ковельских имений. В этот же день княгиня Александра Курбская (Семашко) сообщает на Владимирский уряд, что ее вено («за оправу и внесенье мое») в размере 1600 коп гр., полученное от кн. А. М. Курбского, оставлено на хранении у Василия Павловича. Однако из-за своей «хоробы» княгиня вынуждена была требовать всю эту сумму. В. Павлович ее не отдал, и княгиня записывает ее на случай своей смерти своим потомкам, дочери Марушe «и к тому што ми еще Бог дати обецал»[882]. Княгиня ведет дела через Ф. Зыка Князского независимо от князя-супруга.

14 сентября — Ковель. Этим днем датирован «лист» кн. А. М. Курбского К. И. Зубцовскому на 1 тыс. коп гр. со своих литовских имений Кены и Барклабы. На акте личная подпись и печать князя. Заклад выдан на сумму, взятую Курбским в долг у Зубцовского, до Крестовоздвижения 1583 г.[883]

19 сентября — (Миляповичи). Возможно, к этому времени кн. А. М. Курбский вновь в Миляповичах, где он наверняка будет через несколько дней. В этот день запись на два литовских двора князя Кириллу Зубцовскому занесена во владимирские актовые книги[884].

24 сентября Миляповичи. В этот день коморник короля Стефана Батория Ян Гродзинский приехал в Миляповичи, чтобы вручить кн. А. М. Курбскому королевский «декрет» с предписанием вернуть Яцко Осовецкому его имение Осовец. Князь встречает представителя короля вспышкой гнева, но когда Гродзинский направляется в Осовец, слуги князя догоняют его и сообщают о его подчинении воле короля[885].

8 октября — (Миляповичи). Владимирский возный М. Голуб отправляется по поручению кн. А. М. Курбского в Осовец вместе с миляповским урядником Меркурием Невклюдовым, чтобы запретить Я. Осовецкому собирать хлеб князя[886]. Неясно, где в это время князь Андрей Михайлович, но, судя по прямому участию в деле урядника Миляповичей, возможно, именно там.

11 октября — Миляповичи. К. И. Зубцовский не впускает судебную делегацию к кн. А. М. Курбскому, пришедшую, чтобы передать ему вызов на суд с Михаилом Ласко Секунским по делу о половине его имения Задыбы (на 3 тыс. коп гр.). Князь болен. Из его покоев вышел Зубцовский и сообщил депутации, что князь «лекарство брал». М. Голуб оставляет мандат при слугах Курбского «у светлицы на столе». Срок господарского суда назначен на 4 недели с 11 октября — т. е. на 8 ноября 1582 г.[887]

16 октября (Миляповичи). М. Голуб ездил в Смедынь к тамошним подданным и с «листом запитым» короля к кн. А. М. Курбскому. По всей видимости, князь в этот день у себя в одном из ковельских имений. Он лично говорит с возным, принимает от него реестр убытков и обещает компенсировать утраты, но только те, которые были действительно причинены. Смедынцы недовольны таким ответом и считают, что Курбский стремится ускользнуть от королевских предписаний[888].

17 октября — (Миляповичи). Королевский суд, который должен был разбирать тяжбу между Борзобогатыми-Красенскими и кн. А. М. Курбским из-за имения Туличев, пришлось

---

[878] См. *20 июня, 18 июля 1582 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 206.

[879] См. *9 августа, 21 октября 1582 г.*

[880] КГЛ-26. Арк. 904 — 904 зв. (27 августа 1582 г.).

[881] КГВ-15. Арк. 438 зв. — 439, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 124–126 (27 сентября 1582 г.).

[882] КГВ-15. Арк. 438 — 438 зв. (27 сентбря 1582 г.).

[883] LMAVB. F. 20-103. K. 1–1v (Подпись кн. А. М. Курбского: "Andrei Jarosławski Kurpski ręką własną"). См. *19 сентября 1582 г.*

[884] КГВ-15. Арк. 432–434 (19 сентября 1582 г.).

[885] КГВ-15. Арк. 483 зв. — 484, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 115–116 (27 октября 1582 г.).

[886] КГВ-15. Арк. 465 зв. — 466, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 113–114 (8 октября 1582 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 323.

[887] КГВ-15. Арк. 469 зв. — 470 (13 октября 1582 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 207.

[888] КГВ-15. Арк. 477 зв. — 478, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 149–150 (19 октября 1582 г.).

отложить в связи с болезнью кн. А. М. Курбского. Его «лист отворопый с печатю и с подписом руки Курпского» был представлеп па суде в январе 1590 г.[889]

21 октября — (Миляповичи). В этот день Настасья Котовпа, вдова П. В. Остафьева Вороповецкого, пе смогла впести заявление с обвипепием кп. А. М. Курбского в убийстве ее мужа во владимирские гродские кпиги. Ей помешали, по ее словам, подослаппые во Владимир Курбским шпиопы[890]. По всей видимости, кпязь в это время — у себя в ковельских имениях.

23 октября — (Миляповичи). Кп. А. М. Курбский передает Ж. Чирскому результаты расследовапия М. Голуба от 16 октября по жалобам смедыпцев[891]. По всей видимости, это происходит в Ковеле или Миляповичах.

6 ноября. Кп. А. М. Курбскому па этот депь пазпачепы «роки» в Варшаве па королевском суде от Борзобогатых. Вместо кпязя является его представитель Миколай Суликовский[892].

8 ноября. Срок для явки па господарский суд представителей кп. А. М. Курбского по делу М. Ласко Секупского. Ничего пе известпо о завершепии дела[893].

11 ноября. В господарских капцелярских кпигах впесепа запись о пеявке кп. А. М. Курбского по болезпи («о хоробе кпязя Курпского») па размежеванье с Борзобогатыми-Красепскими по имепию Туличев[894].

17 ноября. Суд кп. А. М. Курбского с М. Л. Ласко Секупским по Секупи и Шушкам вповь отложеп из-за болезпи Курбского, вместо которого к королю явился его слуга Стаиислав Войшевский («озпаймуючи о хоробе его»). Дело продлится уже после смерти кп. Андрея Курбского[895].

4 декабря — (Миляповичи). Езоф Никитич Пятый Тараканов обвипяет кп. А. М. Курбского, что в этот депь оп «паслал моцпо кгвалтом» Меркурия Неклюдова па имепие Таракаповых Калиповец. Позднее Таракаповы па уряде отрекаются от своего обвипепия, по, возможпо, в вымысле были приведепы и достоверпые факты, из которых следует, что 4 декабря или около того времепи кп. А. М. Курбский был в Миляповичах[896].

1583 г.

Зима — ранняя весна. Из казпы было выделепо 100 зл. из сборов с Волыпи и Подолии па защиту земель от татарских пашествий. Среди получателей кому-то из секретарей Замойского было указапо заплатить кпязьям М. Я. Заславскому, А. М. Курбскому, К. К. Острожскому, А. Ф. Пропскому[897].

10 января — (Ковель). В этот день братья супруги кп. А. М. Курбского перепесли ряд заявлепий кпягипи А. П. Курбской из записей владимирских гродских кпиг в актовые кпиги Луцкого земского суда[898].

24–26 февраля — (Миляповичи). Исакий Долматский па «потребе» Есифа Пятого Калиповского (Тараканова) ездит к его папу, кп. А. М. Курбскому 24 февраля, привозит ему «лист» короля. Тот зачитывает письмо «вдячпе, учтиве» и оставляет у себя копию. Высказывает свою версию побега слуги[899]. Где имеппо паходится Курбский — прямо в записи пе сказапо, по уже в копце февраля 1583 г. оп в Миляповичах[900].

27 февраля — Миляповичи. Ж. Чирский в этот день застал кп. А. М. Курбского в его имепии Миляповичи. Там продолжалось расследовапие по делу о побеге Е. Таракапова[901].

28 февраля — Миляповичи. Договор кп. А. М. Курбского с Я. К. Осовецким и его жепой Прасковьей. Сторопы соглашаются спять судебные обвипения и приходят к полюбовной сделке[902].

1 марта — Миляповичи. Ж. Чирский ведет расследовапие о побеге Езифа Пятого Таракапова. Выслушивает показапия кп. А. М. Курбского[903].

---

[889] ЛМ-199. Л. 77 (Варшава, 10 января 1590 г.). См. также *11 ноября 1582 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 207.

[890] См. *9 августа 1582 г.*

[891] КГВ-15. Арк. 480 зв. — 482 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 151–155 (25 октября 1582 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 206–207.

[892] См. *11 ноября 1582 г.*

[893] См. *11 октября 1582 г.*

[894] ЛМ-196. Л. 57 — 57 об. (Варшава, 11 ноября 1582 г.). См. *30 декабря 1579 г., 6* и *17 марта, 1–7 апреля 1581 г., 17 октября, 6 ноября 1582 г.*

[895] ЛМ-196. Л. 82 — 82 об. (Варшава, 20 ноября 1582 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 193–194.

[896] См. *27 марта 1583 г.*

[897] ASK-1. N 269. K. 198v–199, то же: ASK-1. N 369. K. 191v–192.

[898] КЗЛ-4. Арк. 42 — 44 зв. (10 января), 44 зв. — 46 (10 января 1583 г.).

[899] КГВ-16. Арк. 15 зв. — 16 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 156–158 (26 февраля 1583 г.).

[900] См. *27* и *28 февраля 1583 г.*

[901] КГВ-16. Арк. 26 — 27 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 161–163 (4 марта 1583 г.). Листы в актовой книге здесь перепутаны.

[902] КГВ-16. Арк. 22 зв. — 23 (3 марта 1583 г. Договор от 28 февраля 1583 г.), публикация текста договора: ЖКЛВ. Т. 2. С. 117–118 (от имени Яцко и его жены), 119–120 (от имени кн. А. М. Курбского) (4 марта 1583 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 208.

[903] КГВ-16. Арк. 25 зв. — 26 (4 марта 1583 г.).

3 марта — Миляповичи. В этот день кн. А. М. Курбский присылает на Владимирский уряд под запись «лист» короля (датированный: Краков, 18 февраля 1583 г.) по тяжбе с Е. Таракановым[904]. Из-за болезни князь не может приехать на уряд, чтобы в этот же день занести в актовые книги договор с Осовецкими, но он всё равно вписан в актовые книги[905]. Возможно, именно этим днем следует датировать акт мировой сделки, записанный в актовые книги от имени Настасьи Котовны, о ее и ее нового мужа сделке с кн. А. М. Курбским и снятии с него и его слуги И. Г. Постника обвинений в убийстве Н. В. Остафьева[906].

4 марта — Миляповичи. Ж. Чирский в имении кн. А. М. Курбского принимает под запись его жалобу на побег И. М. Таракапова[907].

14 марта (Миляповичи). Кн. А. М. Курбский болен. От его лица Михаил Дубницкий на Владимирском уряде ведет дело Е. Таракапова. Езифа решено выдать кн. А. М. Курбскому как беглого слугу. Поскольку присяга назначена на 18 марта в Миляповчах, можно полагать, что все эти дни князь Андрей Михайлович находился там же[908].

18 марта — (Миляповичи). На этот день назначено возвращение кн. А. М. Курбскому его слуги Е. Таракапова и присяга Курбского перед делегацией Владимирского уряда[909].

27 марта — Миляповичи. Езиф Таракапов и его жена Федора Богушевна в Миляповичах отрекаются от своих обвинений в адрес кн. А. М. Курбского о том, что он санкционировал нападение миляповского урядника на их имение[910]. Признаются, что Таракапов сфабриковал записку Курбского И. Постнику Гаврилову с приказом убить его. Аннулирует все свои заявления на Владимирском уряде по этому делу. Обязуется отдать все украденные им вещи Н. В. Остафьева Вороновецкого[911].

24 апреля — Миляповичи. Кн. А. М. Курбский составил второе завещание[912]. По предположению И. Ауэрбах, после составления завещания князь отправляется в Ковельский замок[913].

29 апреля (Ковель). И. Долматский в это день привез в Ковель вызов на суд кн. А. М. Курбского от княгини Катерины Чарторыйской. Дело — о краже ее овец и баранов. Возный Исакий был встречен в воротах замка привратником Тишкой. Был ли князь в Ковеле, неизвестно, но поверенный, несомненно, рассчитывал его там найти.

6 мая — Ковель. Кн. А. М. Курбский болен («про хоробу свою»). Он не может лично свидетельствовать перед королем Стефаном Баторием о заслугах Ивана Мошнинского и жалует ему «вечне» у себя в имении владения в Порыдубах и Селищах, ранее принадлежавшие покойному Н. В. Остафьеву Вороновецкому[914].

9–11 мая Ковель. И. Долматский приезжал в Ковель и встречался там с кн. А. М. Курбским, обсуждая его пограничные споры с Андреем Романовским. Князь направил своих подданных осмотреть границы Нюйна и Мостищ, которые граничили с Раковым лесом и Ольблей. В ходе расследования Исакий заезжал 11 мая к подданным кн. Андрея Курбского, но его самого больше не тревожил[915].

16 мая. В Кракове подтверждено право на владение феодом И. Мошнинскому[916].

23–24 мая — (Ковель). К 23 мая относится последнее заявление князя во Владимирском уряде[917]. В тот же день или в начале следующего дня кн. А. М. Курбский умер. По осторожному предположению И. Ауэрбах, болезнь, ставшая причиной смерти, — рак. 24 мая завещание кн. А. М. Курбского записано в актовые книги Владимирского уряда. 24 мая Ж. Чирский помог вдове князя внести реестр Ковельского имения во владимирские гродские книги[918].

---

[904] КГВ-16. Арк. 20 зв. — 21 зв. (3 марта), 21 зв. — 22 (3 марта 1583 г.). Публикация записи с королевским посланием (л. 20 об. 21): ЖКЛВ. Т. 2. С. 158–160.

[905] См. *28 февраля 1583 г.*

[906] См. *9* и *15 августа 1582 г.*

[907] КГВ-16. Арк. 25 зв. — 26, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 163–164 (4 марта 1583 г.).

[908] КГВ-16. Арк. 43 зв. — 47, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 165–173 (14 марта 1583 г.).

[909] См. *14 марта 1583 г.*

[910] См. *4 декабря 1582 г.*

[911] КГВ-16. Арк. 72–74, публ.: ЖКЛВ. Т. 2. С. 174–180 (27 марта 1583 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 323.

[912] КГВ-16. Арк. 138 зв. — 143 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 228–242, то же: РИБ. Т. 31. Стб 541–564 (24 мая 1583 г.).

[913] *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 208.

[914] КГВ-17. Арк. 581 582 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 242–245, а также: УПРД. Вып. 1. С. 391–392 (здесь имя прочитано «Иван Люшницкий», «Иван Люшцинский») (26 октября 1584 г. Копия записи от 6 мая 1583 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 208 (И. Ауэрбах по ошибке, вслед за переводом в публикации Н. Д. Иваниева, датирует скопированную в 1584 г. запись «3 мая 1583 г.»).

[915] КГВ-16. Арк. 128 зв. — 130 зв. (21 мая 1583 г.). См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 208 (И. Ауэрбах датирует первый приезд И. Долматского «10 мая 1583 г.» — в акте всё же названо 9 мая).

[916] См. *3 марта 1581 г.*

[917] КГВ-16. Арк. 136 зв. — 137 (23 мая 1583 г.). См. *24 апреля 1583 г.* См. также: *Auerbach I.* Andrej Michajlovič Kurbskij. S. 207, 209.

[918] КГВ-16. Арк. 138 зв. — 143 зв., публ.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 228–242 (24 мая 1583 г.). Реестр ковельских имений внесен тогда же в книги земские владимирские. См.: ЖКЛВ. Т. 1. С. 245–247 (24 мая 1583 г.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ. Т. 2 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 2.

АВАК. Т. 8, 12 и т. д. — Акты, издаваемые Виленскою Археографическою коммиссиею. Вильна, 1875. Т. 8; Вильна, 1883. Т. 12; и т. д.

АГБ — Архив Гаштольдов и Бельского (см. Приложение 1).

АЕ — Археографический ежегодник.

АЗР. Т. 2, 3, 4 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. СПб., 1848. Т. 2; СПб., 1848. Т. 3; СПб., 1851. Т. 4.

АИР. Т. 1 — Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А. И. Тургеневым (Historica Russiae Monumenta). СПб., 1841. Т. 1.

АМГ. Т. 2 — Акты Московского государства / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1894. Т. 2.

АН СССР — Академия наук СССР.

Антонов, Кром — *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // АРИ. М., 2002. Вып. 7.

АРГ — Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов: XV — начало XVII в. / отв. ред. В. Д. Назаров; изд. подг. Т. Н. Алексинская и др. М., 1998.

АРИ — Архив русской истории.

АСД. Т. 4, 7 — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 4; Вильна, 1870. Т. 7.

АСЗ. Т. 1, 4 — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / сост.: А. В. Антонов, К. В. Баранов. М., 1997. Т. 1; АСЗ / сост. А. В. Антонов. М., 2008. Т. 4.

АСН — ЛНПБУ. Ф. 77 (А. С. Петрушевич).

АСЭИ. Т. 2 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / сост. И. А. Голубцов; под ред. Л. В. Черепнина. М., 1958. Т. 2.

АЮЗР. Ч. 1. Т. 1; Ч. 3. Т. 1 и т. д. — Архив Юго-Западной России. Киев, 1859. Ч. 1. Т. 1; Киев, 1863. Ч. 3. Т. 1 и т. д.

БАН — Библиотека Академии наук.

БЛДР. Т. 9, 11 — Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 2000. Т. 9; СПб., 2001. Т. 11.

БРЭ — Большая российская энциклопедия.

ВВ — Византийский временник.

ВГ — Волинські грамоти XVI ст. / упорядники В. Б. Задорожний, А. М. Матвієнко. Київ, 1995.

ВЕ — Вестник Европы.

ВИ — Вопросы истории.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.

ВР — Відділ рукописів.

ГАР. Ч. 1, 2, 3 — Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / подг. текста, коммент. А. А. Зимина; под ред., предисл. Л. В. Черепнина. М., 1978. Ч. 1, 2, 3.

Гваньини — *Гваньини А.* Описание Московии / пер. Г. Г. Козловой. М., 1997.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ДБВ — Документи Брацлавського воєводства 1566–1606 років / упор. М. Крикун, О. Піддубняк; відп. ред. О. Купчинський. Львів, 2008.

ДВ — Диалог со временем.

ДГВЕ — Древнейшие государства восточной Европы.

ДЛС — Дневник Люблинского сейма 1569 г.: Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским / изд. М. О. Коялович. СПб., 1869.

ДиНН — Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира. (1581–1582 г.) / изд. М. О. Коялович. СПб., 1867.

ДНР — Древняя и новая Россия.

ДР — Древняя Русь. Вопросы медиевистики.
ДРВ. Ч. 6, 13 — Древняя Россійская Вивліоѳика. 2-е изд. / изд. Н. И. Новиковым. М., 1788. Ч. 6; М., 1790. Ч. 13.
ДРК — *Милюков П. Н.* Древнейшая Разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.
Евлашевский — *Свяжынскі У. М.* Гістарычныя запіскі Ф. Еўлашоўскага. Мінск, 1990.
ЖКЛВ. Т. 1, 2 — Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные временною комиссиею, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе / подг. Н. Д. Иванишев. Киев, 1849. Т. 1, 2.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
ЗОР ГБЛ — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
ЗС — Знание — сила.
ИА — Исторический архив.
ИВ — Исторический вестник.
ИГ — Историческая генеалогия.
ИЗ — Исторические записки.
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности АН СССР.
ИРМ — Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Предварительное издание. М., 1989.
ИСССР — История СССР.
Ист — *Курбский А. М.* История о великом князе московском: (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»). СПб., 1913.
КГБр — 2, 3 и т. д. — Книга гродская брестская (НИАБ. Ф. 1705 (Брестский гродский суд). Оп. 1. № 2, 3).
КГВ — 1, 2 и т. д. — Книга гродская владимирская (ЦДІАУ-К. Ф. 27 (Володимирський гродський суд). Оп. 1. № 1, 2 и т. д.).
КГВл-13 — Книга гродская виленская (РГАДА. Ф. 356 (Земские и гродские суды). Оп. 2. № 13).
КГВн-1 — Книга гродская винницкая — номер (ЦДІАУ-К. Ф. 44 (Вінницький гродський суд). Оп. 1. № 1).
КГЖ-2 — Книга гродская житомирская — номер (ЦДІАУ-К. Ф. 11 (Житомирський гродський суд). Оп. 1. № 2).
КГЖм-35 — Книги (и акты) гродские жмудские — номер (VUB. F. 7. ŽŽTAK N 35 etc.).
КГК — 11, 13 и т. д. — Книга гродская кременецкая — номер (ЦДІАУ-К. Ф. 21 (Кременецький гродський суд). Оп. 1. № 11, 13 и т. д.).
КГЛ-4, 5 и т. д. — Книга гродская луцкая — номер (ЦДІАУ-К. Ф. 25 (Луцький гродський суд). Оп. 1. № 4, 5 и т. д.).
КГСл-1, 4 — Книга гродская слонимская — номер (НИАБ. Ф. 1737 (Слонимский гродский суд). Оп. 1. № 1, 4).
КГУ за... — Книга гродская упитская за... — год (VUB. F. 7. UPT).
КГХд-4 — Книга гродская холмская (декреты) — номер APL. Zesp. 35/9/0 (Księgi grodzkie chełmskie). Seria 2. Wyroki (Decreta)).
КЗБр — 1, 4 — Книга земская брестская — номер (НИАБ. Ф. 1741 (Брестский земский суд). Оп. 1. № 1, 4).
КЗГр — 4, 5, 6 и т. д. — Книга земская гродненская (НИАБ. Ф. 1755 (Гродненский земский суд). Оп. 1. № 4, 5, 6 и т. д.).
КЗЖм — 5, 7 и т. д. — Книга земская жмудская — номер (VUB. F. 7. ŽŽT. N 5, 7 etc.; ŽŽTA — 5(b), 12(b); ŽŽTAK — 34, 35 etc.).
КЗК — 1, 2 и т. д. — Книга земская кременецкая (ЦДІАУ-К. Ф. 22. Оп. 1. № 1, 2 и т. д.).
КЗКв — 2, 4 и т. д. — Книга земская ковенская (VUB. F. 7. KŽT. N 2, 4 и т. д.; KŽTA за... — год).
КЗЛ — 2, 3 и т. д. — Книга земская луцкая (ЦДІАУ-К. Ф. 26 (Луцький земський суд). Оп. 1. № 2, 3 и т. д.).
КЗСл-6 — Книга земская слонимская (НИАБ. Ф. 1785 (Слонимский земский суд). Оп. 1. № 6).
КЗУ — 3, 6, 10 и т. д. — Книга земская упитская (VUB. F. 7. UŽT. N 3, 6, 10 etc.).
КМЛ — Книги магистрата Львова (ЦДІАУ-Л. Ф. 52 (Львівська лава). Оп. 2).
КММг — 1, 2, 3 и т. д. — Книга магистратская могилевская (НИАБ. Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. № 1, 2, 3 и т. д.).
КНН — Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исследование и текст) / подг. текста К. В. Петрова. СПб., 2004.
КС — 26, 28 и т. д. — Коллекция С. В. Соловьева — номер единицы хранения (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 124 (Колл. С. В. Соловьева). Оп. 1. № 26, 28 и т. д.).
Лауцявичюс — *Lauceviсius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967; *idem.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius, 1967.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
ЛМ — 15, 19, 20 и т. д. — РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. № 15, 19, 20 и т. д.
ЛМ. Кн. 28, 227 и т. д. — Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кн. 28: (1522–1552). Кніга запісаў 28: (Копія канца XVI ст.) / тэксты, навуковы аппарат В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. Менск, 2000; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 227 (1533–1535). 8-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija) / spaudai parengė I. Valikonytė ir kt. Vilnius, 1999 и т. д.

ЛННБУ — Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника.

МГПИ — Московский государственный педагогический университет.

НБУВ — Національна бібліотека України ім. В. И. Вернадського (Київ).

НИАБ — Национальный исторический архив Беларуси (Минск).

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.

НЛ — Новгородские летописи (так названные Новгородская Вторая и Новгородская Третья летописи). СПб., 1879.

НЛО — Новое литературное обозрение.

НР — Наш Радавод.

ОИ — Отечественная история.

ОИДР — Общество истории и древностей Российских.

ОР — Отдел рукописей.

ОРЯС АН — Общество русского языка и словесности Академии наук.

ОСРК — Основное собрание рукописных книг (ОР РНБ. Ф. 550).

ОФР — Очерки феодальной России.

ОЦА — Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

НДНИ — Памятники древней письменности и искусства.

НДС. Т. 1, 10 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1; СПБ., 1871. Т. 10.

НИВЕ. Т. 2, 6, 7 — Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. М., 1997. Т. 2; М.; Варшава, 2002. Т. 6; М., 2004. Т. 7.

НИГ — Послания Ивана Грозного / подг. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье; под ред. В. Н. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

НИГАК — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / отв. ред. Д. С. Лихачев; подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993.

НИРСС — Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М., 2011.

НК(*) — Первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному, исходный текст, архетип (протограф).

НК1, 2, 3 — Первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному 1-й, 2-й, 3-й редакции (по нашей классификации).

НК-52 — 1, 2 — Посольская книга — номер фонда — номер книги: РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Кн. 1, 2.

НК-78-1 — РГАДА. Ф. 78 (Сношения России с Ватиканским престолом). Оп. 1. Кн. 1.

НК-79 — 8, 10, 11 и т. д. — РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Кн. 8, 10, 11 и т. д.

НК-123-8 — РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 8.

Поссевино — *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.) / пер., вступ. ст. и коммент. Л. И. Годовиковой; отв. ред. В. Л. Янин. М., 1983.

ННСБ — Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков / подг. текста В. И. Малышева. М.; Л., 1952.

НСЗ. Т. 1 — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1.

НСРЛ. Т. 1, 2 и т. д. — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1; М., 1997. Т. 2 и т. д.

ПЭ — Православная энциклопедия.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека.

РГМ — Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т / подг. к публ. С. М. Каштанов, Л. В. Столярова, Б. Л. Фонкич; отв. ред. С. М. Каштанов. М., 2004. Т. 1.

РД — Русский дипломатарий.

РИ — Российская история.

РИБ. Т. 31, 33 и т. д. — Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31; Пг., 1915. Т. 33 и т. д.

РИИР. Вып. 2 — Редкие источники по истории России / сост. З. Н. Бочкарева, М. Е. Бычкова; под ред. А. А. Новосельского, Л. Н. Пушкарева. М., 1977. Вып. 2.

РК 1598 — Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вводн. ст. и ред. В. И. Буганова; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1966.

РК 1605. Т. 1, 2, 3 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н. Г. Савич, Л. Ф. Кузьмина; под ред. и с предисл. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 189–406; М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 407–610; М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 1–143; М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 144–301; М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 302; М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 1–232.

РК 1636 — Разрядная книга 1550–1636 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина. М., 1975. Т. 1.

РНБ — Российская национальная библиотека.

РР — Русский Родословец.

СА — Северный архив.

СГГД. Т. 2 — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. 2.

СДЯ. Т. 1 — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / сост. И. В. Андрианова и др.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988. Т. 1.

СИРИО. Т. 59, 71 и т. д. — Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59; СПб., 1892. Т. 71 и т. д.
СК — Сборник Курбского (*Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 2).
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси.
СН — Сочинения И. Пересветова / подг. текста А. А. Зимина. М.; Л., 1956.
СПб ИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.
СС — Советское славяноведение.
СЩ — Сфрагістичний щорічник.
ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подг. к печати А. А. Зимина. М.; Л., 1950.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.
УПРД. Вип. 1 — Українське повсякдення раннь-модерної доби: Збірник документів. Вип. 1: Волинь XVI ст. / підг. В. В. Безпалько та ін. Київ, 2014.
ЦДІАУ-К — Центральний державний історичний архів України у м. Києві.
ЦДІАУ-Л — Центральний державний історичний архів України у м. Львові.
ЧИОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских.
Шлихтинг — Новое известие о России времен Ивана Грозного. «Сказание Альберта Шлихтинга» / пер. А. И. Малеина. Л., 1934.

ABS — Acta Baltico-Slavica.
ADS. T. 1 — Archiwum domus Sapiehanae. T. 1 continet codicem epistolarem 1575–1606. Lwów, 1892.
AGAD — Archiwum Glowne akt dawnych w Warszawie.
AHR — American Historical Review.
AJZ. T. 2 — Archiwum Jana Zamoyskiego kanclerza i hetmana wielkiego koronnego / wyd. J. Siemieński. Warszawa, 1909. T. 2.
AMCh — 913, 914 etc. — APK-OW. Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów. N 913, 914 и т. д.
APH — Acta Poloniae Historica.
APK-OW — Archiwum Państwowe w Krakowie. Oddział na Wawelu.
APL — Archiwum Państwowe w Lublinie.
APR-143a — AGAD. Archiwum Potockich z Radzynia. N 143a.
AR — AGAD. Archiwum Radziwiłłów.
ARSI — Archivum Romanum Societatis Iesu (Roma).
AS. T. 6, 7 — Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie / wyd. B. Gorczak, Z. Luba-Radziminski; nakładem X. R. Sanguszka. Lwów, 1910. T. 6; Lwów, 1910. T. 7.
ASK — 1, I, II, III etc. — AGAD. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 1 (Rachunki Królewskie), I (Księgi Poborowe), II (Rachunki Sejmowe), III (Rachunki Nadworne) etc.
ASV — Archivio Segreto Vaticano.
ASW — AGAD. ASK. Archiwum Skarbu Wojskowego.
AT — Acta Tomiciana.
AW — Ateneum Wileńskie.
AZ — AGAD. Archiwum Zamoyskich.
AZS. T. 1 — Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. I: Okresy bezkrólewi (1572–1576, 1586–1587, 1632, 1648, 1696–1697, 1706–1709, 1733–1735, 1763–1764) / oprac. H. Lulewicz. Warszawa, 2006.
BCz — Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie.
Bielski — *Bielski M.* Kronika Polska / wyd. K. J. Turowskiego. Sanok, 1856.
BJ — Biblioteka Jagiellońska w Krakowie.
BK — Biblioteka Kórnicka PAN.
BN — Biblioteka Narodowa w Warszawie.
BOss — Biblioteka Ossolineum we Wrocławiu.
BOZ — BN. Biblioteka Ordynacji Zamoyskich.
B-PAU/PAN — Biblioteka Polskiej Akademii umiejętności / Polskiej Akademii nauk w Krakowie.
CASS — Canadian and American Slavic Studies.
CMR — Cahiers du monde russe.
CSP — Canadian Slavonic Papers.
DJD — Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / hrsg. J. Besters-Dilger unter Mitarbeit von E. Weiher, F. Keller und H. Miklas. Freiburg, 1995.
DS — Dyariusze sejmowe r. 1585 / wyd. A. Czuczyński. Kraków, 1901.
EFE. T. 11, 35 etc. — Elementa ad fontium editiones / ed. C. Lanckorońska. Romae, 1964. T. 11; Romae, 1975. T. 35 etc.
FOG — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.
GStA PKB — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin-Dahlem).
JGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.
JHI — Journal of the History of Ideas.
HBA — GStA PKB. Hauptabteilung. XX. Herzogliches Briefarchiv.
HHStA-W — Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien.
History — Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV / ed. with a transl. and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1965.
KH — Kwartalnik historyczny.
Kromer — *Kromer M.* Kronika Polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego ksiąg XXX... na język polski z łacińskiego przełożona przez Marcina z Błażowa Błażowskiego i wydana w Krakowie w drukarni

M. Loba r. 1611. Obecne wydanie w języku polskim drugie. Sanok, 1857.
LSP — Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica.
MH — Miesięcznik heraldyczny.
ORP — Odrodzenie i Reformacja w Polsce.
Paprocki — Herby Rycerstwa Polskiego przez Bartosza Paprockiego zebrane i wydane r. p. 1584 / wyd. K. J. Turowskiego. Kraków, 1858.
HUS — Harvard Ukrainian Studies.
KH — Kwartalnik historyczny.
KLSAIK — Kazimiero Leono Sapiegos archyvo inventorinė knyga (1647/1648 m.) / parengė D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 2014.
KŽT — Kauno žemės teismo (см. КЗКв).
KŽTA — Kauno žemės teismo aktai (см. КЗКв).
LDK-ŽADS (1543–1544), (1543–1548) — Lietuvos Didžiojo Kunigaikščio Žygimanto Augusto dvaro sąskaitos (1543–1548): 1543 VI 21 — 1544 XI 15 / parengė D. Antanavičius; vertė S. Narbutas. Vilnius, 2012; Lietuvos Didžiojo Kunigaikščio Žygimanto Augusto dvaro sąskaitos (1543–1548): 1544 XI 15 — 1546 XI 15. 1 knyga / parengė D. Antanavičius; vertė S. Narbutas. Vilnius, 2009.
LKZAR — Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów / oprac., wstęp, komentarze I. Kaniewska. Kraków, 1999.
LMAVB — Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka (Vilnius).
LVIA — Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Vilnius).
LVVA — Latvijas Valsts vestures arhivs (Rīga).
MK — AGAD. Metryka Koronna.
MPV. T. 4, 5 — Monumenta Poloniae Vaticana. T. IV. I. A. Caligarii nuntii apostolici in Polonia epistolae et acta 1578–1581 / a Ludovico Boratyński p. m. collecta. Cracoviae, 1915; T. V. Alberti Bolognetti nuntii apostolici in Polonia epistolae et acta 1581–1585. Pars I: 1581–1582 / a Ludovico Boratyński p. m. collecta. Cracoviae, 1923–1933.
Niesiecki. T. 5, 6, 9 — Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego S. J. powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza. Lipsk, 1840. T. 5; Lipsk, 1841. T. 6; Lipsk, 1842. T. 9.
NM — *Kurbskij A. M.* Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / hrsg. von I. Auerbach. Giessen, 1976–2002. Bd. 1–4. Lfg. 1–20.
Okolski. T. 1 — *Okolski S.* Orbis Polonus, Splendoribus caeli... Cracoviae, 1641. T. 1.
PAN — Polska Akademia Nauk.
PH — Przegląd historyczny.
PHW — Przegląd historyczno-wojskowy.
PP — Przegląd powszechny.
PR — Polish Review.
PSB — Polski Słownik Biograficzny.
PSQ — Political Science Quarterly.
RCSBRP — Rationes curiae Stephani Báthory regis Poloniae. Historiam Hungariae et Transylvaniae illustrantes (1576–1586) / descripsit et edidit A. Veress. Budapest, 1918.
RÉS — Revue des études slaves.
RH — Russian History.
RM — Russia Mediaevalis.
RR — Russian Review.
Sapiehowie — Sapiehowie. Materjały historyczno-genealogiczne i majątkowe / wyd. nakładem rodziny. Petersburg, 1890. T. 1.
SEEJ — Slavic and East European Journal.
SEER — Slavonic and East European Review.
SR — Slavic Review.
SRP. T. 8 — Scriptores rerum Polonicarum. T. 8. Archiwum domu Radziwiłłów: (Listy ks. M. K. Radziwiłła Sierotki — Jana Zamoyskiego — Lwa Sapiehy). Kraków, 1885.
SS — ASV. Segreteria di Stato.
SSBP — Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.
SSF — Studia Slavica Finlandensia.
SSH — Studia Slavica Hungarica.
StAbt — HHStA-W Staatsabteilungen.
Stryjkowski. T. 1, 2 — *Stryjkowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi / wyd. przez M. Malinowskiego. Warszawa, 1846. T. 1, 2.
SWSB — Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Dyjaryjusze, relacyje, listy i akta z lat 1576–1586 / zebrał i wydał X. Ignacy Polkowski. Kraków, 1887.
SŹ — Studia Źródłoznawcze.
TN — BCz. Teki Naruszewicza.
UPT — Upitės piliės teismo (см. КГУ).
UŽT — Upitės žemės teismo (см. КЗУ).
VUB — Vilniaus universiteto biblioteka.
ZS — Zeitschrift für Slawistik.
ZG — Zeitschrift für Germanistik. Neue Folge.
ZH — Zapiski Historyczne.
ZMN — AGAD. Zbiór z Muzeum Narodowego.
ŽŽT — Žemaitijos žemės teismo (см. КЗЖм).
ŽŽTAK — Žemaičių žemės teismo aktų knyga (см. КЗЖм).
ŽŽTA(b) — Žemaičių žemės teismo aktai (bylos) (см. КЗЖм).

Konstantin Jerusalimski

AT THE SERVICE OF THE KING AND THE REPUBLIC

The book, projected to be part of a trilogy on the Russian emigration in the 16th – beginning of the 17th century, strives to reshape existing knowledge on the political and intellectual elite of the European Muscovites during the reign of Ivan the Terrible (1533–1584). The opening chapter presents new insights into the reasons and rationales behind the process whereby political "Others", including the émigrés, fell into oblivion in historical writing of the time, and how this narrative was revived in later historiography. The concepts of loyalty and subordination and protest in the Early-Modern Russia underwent semantic relocation, but its directions depend on the language and the narrative of historians.

The main perspectives discussed derive from this shift and from new critical examination of the sources. Does the subordination vs. conflict alternative exist in the primary source evidence, hardly destroyed and consciously done away with? What strategy do we need not to slip into the apology of suppression? To what extent does our knowledge of protest and disagreement in Early-Modern Russia depend on the understanding of subordination and suppression? Are we able to disconnect our interpretative solutions from the concept of cultural inevitability and coming to grips with the growth of the Muscovite state? Could we really be sure that in the case of Tsar Ivan IV and Prince Andrey Kurbsky we are dealing with clear delimitations of the personal and the general, the cultural and the psychosomatic, or that rivalry between them and other representatives of the State and the Treason of the time has symbolic collective meanings? What should we do when the habitual disposition of cultural "Selves" and "Others" is changed, and Selves and Others no longer exist, or they are inseparable from each other, or are they – as identities – totally invented? Moreover, when the conflict is reshaped and reinterpreted, does it influence the reshaping of the concepts of control, subordination, and consent?

These matters require a detailed preliminary study of expansive archival source evidence with methods essential for scrutiny of emigrants' itineraries, social mobility and cultural representations. The research is focused on the personalities of Prince Semyon Belsky, Ivan Lyatsky, Prince Ivan Gubka Shuisky, Ivan Fedorov and (as) Ivan Peresvetov, Vladimir Zabolotsky, Timofey Teterin, brothers Saryhozins, David Belsky, Michail Golovin, Prince Andrey Kurbsky, members of their families and descendants, their archives and memoria in the Polish-Lithuanian Commonwealth, European states, and Russia. The "Muscovite" identity, given to the immigrants in Europe, suggests their temporary relation to their abandoned homeland. Still, all available sources confirm that there was no agreement among the immigrants from Muscovy in their attitude to their Muscovite status. Acquisition of the Muscovite identity varied from latent disapproval or compulsory acceptance to political participation of high-rank Muscovites in this cultural guise in international relations and in their declared or alleged aspirations to power in Moscow and in the Russian lands.

The émigrés in the scope of this research were involved in numerous social and cultural processes in Europe. They helped redefine and clarify cartographical descriptions of Muscovy, engaged in war-and-peace decisions of the rulers, appeared as representatives of Muscovy at royal elections in the *Rzeczpospolita*, wrote and compiled literary works, printed books, interfered in court scandals and affairs of kings and magnates.

The social parameters of Muscovite elite emigration in Europe requires new scales for qualification and better understanding of cultural differences and options for integration. Such factors as informal prestige, integration in local communities, clientele and patron personal strategies, involvement in debates with European intellectuals and former compatriots, participation in court rituals, and allevia-

tion of the imagined Muscovite identity's impact are elaborated and implemented in this study. It strives to solve several problems: Why did the Muscovites flee and why they couldn't come back to the tsar's service? What was their social status in the Muscovite state and abroad? How did they and their contemporaries treat their immigrant status? What ways of repatriation existed for them, and why, for whom, and when they became impossible? How did the identity of the "Muscovite" restructure the images of the émigrés in politics, court trials, everyday practices, communications with the locals in their estates, and wherever they appeared and participated? How did the archives of the emigrants change and disintegrate over time? What was the general significance of the "zero" wave of Russian emigration in the general history of European migrations?

The book reinterprets known sources, occasionally augmented with new contexts of analysis. Some of the sources are published in the annexes (I-IX). The book contains a reconstruction of Prince Semyon Belsky's archive in the Grand Duchy of Lithuania, retraces social activities and itineraries of those Russian courtiers who fled to the Grand Duchy of Lithuania in 1534–1536 (Ch. 1). It revises the origins of Ivan Fedorov, and argues that he and the enigmatic Ivan Peresvetov are one and the same person. The role of Ivan Fedorov-Peresvetov in invention of the new political language in Russia allows him to be seen as the key ideologist of the "monarchic revolution" (Ch. 2). Vladimir Zabolotsky, who emigrated from Russia before the war led by Ivan IV against the Polish king, became the first *de facto* political traitor who ignited non-trivial interest in his Muscovite and European contemporaries, especially in the last two days of his life, when he engaged in conflict with Christof Radziwill "Piorun" and died in massacre (Ch. 3). Warriors and heroes of the War for Livonia, Timofey Teterin and brothers Saryhozin, represented the new Muscovite military elite abroad. They challenged Muscovite autocracy at the same time as Prince Andrey Kurbsky and played an active part in political and intellectual life of the Polish Crown and the Grand Duchy of Lithuania (Ch. 4). The chapter on David Belsky and Michail Golovin presents a historiographical ethos of a "traitor". In addition, it reconstructs clan politics of memory of the Muscovite émigrés (Ch. 5).

Several microanalyses are devoted to Prince Andrey Kurbsky's intellectual and social life abroad, with systematic reinterpretation of his social status and career, cultural imagination, Renaissance allusions, emotional world and rationalizations, his true and false descendants in emigration, and his literary works against the background of new or, in the context of Kurbskiana, not previously studied source evidence (Ch. 6). The detailed Prince Kurbsky's itinerary is based on feasibly all known and available sources concerning his life in Russia (ca. 1529–1564) and in emigration (1564–1583) (Annex X).

Константин Юрьевич Ерусалимский

НА СЛУЖБЕ КОРОЛЯ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Корректор *Л. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 24.10.2018. Формат 60×90 $^{1}/_{8}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 117. Тираж 300 экз. Заказ № 1214

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86